

ЗОЛОТАЯ
ОРДА
В МИРОВОЙ
ИСТОРИИ

THE GOLDEN HORDE
IN WORLD HISTORY

Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан
Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова
Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates

Оксфордский университет
University of Oxford

Золотая Орда в мировой истории

**THE GOLDEN HORDE
IN WORLD HISTORY**

Казань – 2016

УДК 93/94
ББК 63.3
3-80

Серия «*Tartaria Magna*»

Подготовка и издание книги осуществлены в соответствии с Распоряжением
Кабинета Министров Республики Татарстан № 3005-р от 22.12.2015 г.

Шеф-редакторы: *Рафаэль Хакимов, Мари Фаверо*

Научный руководитель проекта: *Вадим Трепавлов*

Ответственные редакторы: *Ильнур Миргалеев, Роман Хаутала*

Координатор проекта: *Ильнур Миргалеев*

Редакционная коллегия:

Рафаэль Хакимов, доктор исторических наук, вице-президент Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ильнур Миргалеев, кандидат исторических наук (Казань, Российская Федерация)

Мари Фаверо, Ph.D. (история) (Оксфорд, Великобритания)

Вадим Трепавлов, доктор исторических наук (Москва, Российская Федерация)

Роман Хаутала, Ph.D. (история) (Оулу, Финляндия)

Юлай Шамильоглу, Ph.D. (история) (Мадисон, США)

Иштван Вашари, Dr.Sci. (история), член-корреспондент Венгерской Академии наук (Будапешт, Венгрия)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история) (Блумингтон, США)

Илья Зайцев, доктор исторических наук (Москва, Российская Федерация)

Марк Крамаровский, доктор исторических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история) (Принстон, США)

Николай Крадин, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской Академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Дариуш Колодзейчик, Dr.Sci. (история) (Варшава, Польша)

Антон Горский, доктор исторических наук (Москва, Российская Федерация)

Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. – 968 с. + 28 с. цв. вкл.

ISBN 978-5-94981-229-7

В монографии представлены материалы, связанные с историей Золотой Орды, показывающие ее место в мировой истории. В ней аккумулированы основные новейшие исследования ведущих ученых из научных центров России и зарубежья.

Книга может быть полезна исследователям, преподавателям вузов, представителям органов власти и управления и всем тем, кто интересуется историей Золотой Орды.

В оформлении обложки использовано изображение «Батыр на коне» из бренда «Историко-культурное наследие Республики Татарстан».

ISBN 978-5-94981-229-7

УДК 93/94
ББК 63.3

© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016

Предисловие

Рафаэль Хакимов

Полномасштабное изучение Улуса Джучи (Золотой Орды) началось относительно недавно, в 90-е годы XX века, когда были сняты идеологические установки государства. Речь идет, прежде всего, о Постановлении ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» 1944 г., запретившем изучение истории Золотой Орды, татарских ханств, популяризацию эпоса «Идегей». Поразительно, насколько важной представлялась фальсификация истории татар для советской политики! В самый разгар войны, задолго до взятия Берлина, в условиях напряжения всех сил и ресурсов в стране, руководство страны посчитало необходимым запретить изучение Золотой Орды. В глазах Сталина татарская история была столь же значима, как и победы на фронтах. Цель этой идеологии состояла в ограничении истории татар локальными событиями Поволжья и в объяснении происхождения татар от волжских булгар, оказавших героическое сопротивление татаро-монгольскому нашествию. Одновременно формировался негативный образ татар как азиатов, прервавших естественный ход русской истории. Под влиянием такой доктрины сформировалось даже политическое движение так называемых «булгаристов», выступавших за переименование татар в булгар, а Татарстана – в Волжскую Булгарию. Наиболее рьяные активисты добивались замены паспортов с национальностью «татарин» на «булгарин», а во время переписей записывались как булгары отдельно от татар. Вместе с «перестройкой» движение булгаристов пошло на спад и сегодня выглядит как экзотический рудимент советской эпохи, рождавшей исторические мифы.

Политические события 90-х годов XX века всколыхнули общественность и резко подняли уровень татарского самосознания. «Перестройка» сняла прежние ограничения на изучение Золотой Орды и татарских ханств. Исчез идеологический контроль со стороны каких-либо органов. В Татарстане возникли самостоятельные научные учреждения, не подконтрольные Российской Академии наук. Российское научное сообщество переживало период брожений, ему было не до татарской истории. Более того, в среде российских историков появились сторонники объективного изучения Золотой Орды.

В Татарстане после провозглашения государственного суверенитета в 1990 году и подписания двустороннего договора между Казанью и Москвой о разграничении полномочий в 1994 году начался экономический и культурный подъем. Открылись границы, окрепли связи с научными центрами мира, у республики появились обширные внешние связи, самосознание татар и татарстанцев росло с каждым днем. Татары требовали объективной истории, поскольку в учебниках и публицистике продолжалась старая традиция представления татар варварами, а Золотой Орды источником дикости, унижения русских и угрозы всей Европе. В российских политических кругах предпринимались попытки возвести Куликовскую битву в ранг общенационального праздника России, но противодействие со стороны руководства Татарстана остановило этот процесс.

На таком политическом фоне началось масштабное исследование проблем Золотой Орды. Первым значимым событием на этом пути стало проведение Международного научного семинара «Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556», состоявшегося 23–26 июня 1998 г. [3]. Вслед за этим семинаром последовали конференции, превратившиеся впоследствии в регулярный «Золотоордынский форум». Разностороннее исследование проблем Золотой Орды позволило подготовить и издать самостоятельный том «Улус Джучи (Золотая Орда). XIII

– середина XV в.» (главный редактор профессор Миркасым Усманов), вышедший в рамках семитомного издания «История татар с древнейших времен» [1]. Вместе с четвертым томом «Татарские государства. XV–XVIII вв.» [2] они дали достаточно обстоятельную картину становления, расцвета и распада Золотой Орды и истории постзолотоордынского пространства. Создание в рамках Института истории им. Ш. Марджани Центра исследования Золотой Орды и татарских ханств, издание журнала «Золотоордынское обозрение», ежегодников «Золотоордынская цивилизация», «Нумизматика Золотой Орды», «Средневековые тюрко-татарские государства» позволили поддерживать научные связи с ведущими научными центрами России и зарубежья для решения различных аспектов истории Золотой Орды. Предлагаемая на суд читателей коллективная монография является результатом многолетних исследований международного коллектива ученых.

1. История татар с древнейших времен в семи томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. 1055 с.

2. История татар с древнейших времен в семи томах. Том IV. Татарские государства. XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. 1080 с.

3. Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 2002. 432 с.

* * *

Мари Фаверо

В период господства Золотой Орды регионы и разнородное население Центральной Азии были впервые интегрированы в единую политическую целостность. Как и большинство империй, Золотая Орда охватывала разнородные культуры. Она стала пристанищем различных религиозных общин, которые не только сосуществовали, но и работали и торговали друг с другом, что привело к беспрецедентной интенсификации взаимных обменов, особенно в Поволжье – ее центральном районе. Золотая Орда оказала большое влияние на торговую экспансию середины XIII – середины XIV века, и ее экономическое и политическое правление в высшей степени способствовало глобализации Старого Света.

Историки показали, как после завершения чингизидских завоеваний феноменальный торговый бум преобразовал человеческое общество и культурный ландшафт Евразии. Так называемый «Пушной путь» соединялся с «Шелковым путем» в Нижнем Поволжье. Здесь открывались два основных пути: восточный вел через Среднюю Азию к Китаю и Индии, а западный проходил через Крымский полуостров по направлению к миру Средиземноморья и Среднему Востоку. Золотая Орда выступала сценой для этого драматического обмена. Джучидские ханы и беки играли ведущую роль в новом международном распорядке. Не случайно в этот период города и поселки расцвели в Поволжье, Крыму, как и на протяжении степной магистрали между Сибирью и Венгрией. С обращением кочевнической элиты в ислам дворы ханов превратились в важнейший центр исламского мира. Странствующие ученые и ремесленники из Анатолии, Средней Азии, Египта и Сирии радушно принимались в Улусе Джучи.

Политический строй Золотой Орды оказал глубокое влияние на политическую, экономическую и культурную карту современной Евразии. Исследователи показали тот уникальный способ, которым ислам объединил и социально интегрировал народы, сформировав общественную жизнь и коллективную память и соединив шаманистские

практики с местным суфизмом. История происхождения татар и других общин Центральной Азии простирается назад к периоду, когда ханы Берке и Узбек обратились в ислам. Многие мусульманские народы, проживающие теперь в Российской Федерации, рассматривают это время как период становления их истории. И действительно, исламизация является одним из важнейших элементов золотоордынского наследия.

Золотая Орда является частью общего наследия человечества. Она создала условия для роста новой утонченной культуры XIII–XIV веков в результате взаимодействия кочевнического и оседлого миров. В то время как западные академические круги только недавно стали признавать значимость этого феномена, русскоязычное научное сообщество уже давно осознало уникальность наследия Золотой Орды. Она привлекла интерес не только историков, но и археологов, искусствоведов и нумизматов Российской Федерации, особенно в Татарстане. Благодаря их работам, поднятым ими вопросам и результатам их исследований, изучение Золотой Орды стало полноценным полем научной деятельности. Западные научные круги нуждаются в более подробном знакомстве с этими научными изысканиями. С одной стороны, исторический период Золотой Орды должен быть включен в содержание учебников по истории в США, Великобритании, Франции и в Европе в целом. Мировая история должна преподаваться сквозь неевропейскую призму для достижения более глубокого подхода к нашему общему прошлому, без чего мы окажемся неспособными понять исторические корни современного глобализованного мира. С другой стороны, не менее важно, чтобы современное изучение Золотой Орды приняло во внимание историографические дебаты и концепции, разработанные историками во всем мире.

«Мир» является категорией глобальной истории, в последнее время отождествляемой историками с многозначным понятием, выходящим за пределы более узкого понятия империи. И действительно, империи и королевства не существовали в изоляции, но зависели от более обширного мира. Задачей современной глобальной истории является определение этих миров и разъяснение их механизмов. Золотая Орда уцелела после распада Монгольской империи; она усилилась и оказала влияние на окружающий мир. Этот мир включал в себя государства-наследники Монгольской империи в Китае, Афганистане, Индии, Персии и Анатолии, как и Византию, Русь, Европу и Средний Восток. Интенсивность контактов от Средиземноморья к Каспию и далее вплоть до Китая иллюстрирует, насколько тесно был связан Улус Джучи с более обширным миром. Поэтому история Золотой Орды не должна рассматриваться отдельно от этого глобального формообразующего феномена.

Националистские историографии склонны искажать историю в стремлении создать и распространить клише, служащие только собственным интересам. Первейшей задачей историков является дискредитировать такой неточный термин, как «монголо-татарское иго», стремясь стимулировать изучение более важных вопросов: что делать с понятием общей истории, когда она выходит за границы современных наций? И каковы в этом ракурсе роль и наследие Золотой Орды в мировой истории?

Коллективная монография «Золотая Орда в мировой истории» дает несколько ответов на эти важные вопросы. Она служит достижению двух целей: представить широкой академической аудитории результаты новаторских исследований, остающихся малоизвестными за пределами узкого круга специалистов, и интегрировать эти результаты в более широкую панораму мировой истории. Она комбинирует в себе различные подходы и проблемы не только для того, чтобы представить исчерпывающее отображение современного состояния исследований, но и чтобы определить наиболее перспективные направления изысканий и сделать известными наиболее результативные достижения. Это новое и всестороннее обобщение является результатом сотрудничества между ведущими исследователями из важнейших научных учреждений: Института

истории им. Ш. Марджани АН РТ, Оксфордского университета и Института российской истории РАН.

Я хочу выразить мою глубочайшую благодарность тем, кто смог воплотить этот смелый издательский проект во впечатляющую и основательную коллективную монографию: Рафаэлю Хакимову, Ильнуру Миргалееву, Роману Хаутала и Вадиму Трепавлову. Благодаря невообразимой энергии наших коллег из Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан и его Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств, Казань показала себя (и продолжает это делать) превосходным местом для работы историков, археологов и нумизматов Золотой Орды, готовым к сопоставлению их точек зрения. Понимание мира Золотой Орды на перекрестке между Азией, Европой и Средним Востоком требует подобного диалога между исследователями с различными специализациями. Коллективные международные публикации необходимы для расширения и развития комплексных областей исследований, и написание истории является коллективным начинанием, которое может извлечь неизмеримую пользу из сотрудничества между научными учреждениями, в особенности, когда это сотрудничество выходит за границы одного государства. Эта международная монография предлагает читателям результаты исследований лучших специалистов по истории Золотой Орды и знакомит с новейшими концепциями глобальной истории.

* * *

Именной и географический указатели подготовили сотрудники Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан Р.Р. Абызова, А.В. Аксанов, Л.С. Гиниятуллина, Ш.Ф. Садыков, Э.Г. Сайфетдинова и др.

Карты на цветной вклейке (стр. 8–15) предоставлены А.А. Астайкиным (Москва), рисунки – авторами соответствующих разделов.

Введение

Вадим Трепавлов

Эта книга посвящена одному из самых крупных и могущественных государств эпохи средневековья. Для большинства современных читателей название «Золотая Орда» вызывает однозначно негативные образы и ассоциируется с мрачной эпохой «монголо-татарского ига»¹. В российских школах и университетах учащимся до сих пор внушается представление о периоде 1230-х – 1470-х гг. как о времени жестокого порабощения Русской земли завоевателями, высасывании ими соков из многострадальной Руси. Ханские баскаки выколачивали дань – «царев выход», князья садились на отчие столы не иначе как по ярлыку ордынского хана-«царя», кровожадные татарские всадники совершали набеги на мирные города и селения... В общем получается жуткая картина бесправия и унижения, длившихся без малого два с половиной столетия.

Этот исторический штамп, впитанный поколениями школьников и студентов, уходит корнями не просто в официальную имперскую историографию во главе с Карамзиным и Соловьевым. Такое отношение к Золотой Орде, ее правителям и жителям формировалось русскими интеллектуалами уже в XIII веке и объяснялось мировоззрением, кругозором, политическими и культурными стереотипами средневековых авторов. Дело в том, что летописи (главный источник, из которого мы узнаем о тех далеких временах) составлялись по большей части в духовной среде. Священники и монахи отображали современную действительность сквозь призму привычных для них библейских образов и аналогий.

Такое отображение было вызвано не только особенностями мировосприятия тогдашних авторов, но и историческими обстоятельствами XIII столетия. Едва восточно-христианский мир успел оправиться от крестоносного разгрома Константинополя в 1204 г., как разразилось новое нашествие иноплемеников, и православие потерпело новое поражение. Монгольское завоевание Руси воспринималось как неоспоримое свидетельство того, что Господь отвратил свой лик от Святой Руси, отказал ей в своей милости и благодати. Кровавые княжеские распри, беспринципные интриги и свары на протяжении предыдущих десятилетий, наведение на враждебные княжества «диких половцев» лишило русских людей божественного заступничества. Кара пришла в виде чужеземного порабощения. Сравнения с библейскими прецедентами напрашивались сами собой: не так ли пребывал в услужении фараону «избранный народ» Израилев? не так ли оказался он в вавилонском пленении? Теперь следовало молиться и уповать на благосклонность Всевышнего. А пока она не воссияла, нужно было терпеть и переносить.

---

¹ «Монголо-татары» – искусственный термин, изобретенный историками в XIX в. Слово «татары» (имя одного из народов Восточной Монголии) еще за несколько столетий до монгольских завоеваний служило на Востоке общим обозначением народов и племен Центральной Азии – в том числе и собственно монголов. Русские и европейцы в XIII в., узнав о приближении к их странам монгольских войск – очевидно, от кипчаков – переняли у последних обычное восточное обозначение монголов: «татары». Поэтому в русских средневековых текстах, как и в большинстве западноевропейских, этноним «монголы» не употреблялся, а многоплеменные монгольские войска повсеместно именовались татарами. Тюркские же народы Золотой Орды, по давней традиции приняв на себя имя народа-завоевателя и одновременно употребляя собственные племенные наименования, стали называть себя еще и татарами, что в их глазах служило синонимом монголов.

силь лишения, связанные с «игом» (ярмом) – именно это понятие ввели в обиход церковные писатели для обозначения режима, установленного монголами на Руси.

Соответственно, и падение «ига» в XV веке воспринималось духовными писателями (и внимавшей им аудиторией) как результат божественного благоволения. Ну, а Орда заслуженно покатила в исторические тартарары, якобы расплатившись за долгое поругание православного христианства².

Сходное отношение к всеобъемлющему катаклизму испытывали и мусульмане. Из множества примеров укажем на слова умудренного богослова, очевидца бесчинств монголов в Бухаре в 1220 г., который на жалобные стенания единоверцев ответил: «[Это] несет ветер божественного гнева, и [рассеиваемому им] саману (т.е. рубленной соломе – *Авт.*) нечего говорить!» [15, с. 81].

В современных научных работах начинает утверждаться более спокойный, объективный взгляд на Орду, отказ от интерпретации ее как силы, безусловно враждебной Руси. Кроме того, Золотая Орда, охватывавшая территории Казахстана, а также отчасти нынешних Российской Федерации, Узбекистана, Украины и Молдавии, послужила для многих тюркских народов этнической колыбелью, а ее население и культура являются частью истории этих народов – и, следовательно, частью истории всей России в целом.

Однако в массовом сознании, в учебных курсах пока господствует традиционная интерпретация ордынской державы как угнетательницы и поработительницы. Если просмотреть школьные учебники (см.: [11]), то оказывается, что она интересует их авторов только по поводу организации системы «ига» (ярлыки, дань, ямы и т.д.) и в качестве объекта интриг вокруг великого владимирского стола и нараставшей борьбы русских за независимость. Та же сверхлаконичность присуща и освещению вопроса о наследниках и «осколках» Золотой Орды – татарских ханствах, которые изображаются исключительно как очаг напряженности на российских рубежах, обреченный на «справедливое» возмездие (уничтожение). Отсюда выводится и стандартный набор причин их завоевания в 1550-х гг.: прекращение татарских набегов; освобождение из плена множества русских невольников; пополнение земельного фонда за счет казанской «подрайской землицы» для раздачи дворянам плодородных угодий; овладение волжской торговой магистралью. Заметим, что все эти позиции, за исключением последней, могут быть отнесены к завоеванию Казанского ханства (хотя при этом каждая из них остается дискуссионной в науке), но не применимы к Астрахани – для тогдашней России сравнительно безопасной, отдаленной, окруженной не благодатными пашнями, а полупустынями.

Коллективу авторов этой монографии представляется, что утвердившийся в российской историографии традиционный взгляд на Золотую Орду как эпизод **русской** истории устарел и нуждается в переосмыслении. (Хотя подобный подход объясним состоянием источниковой базы, поскольку огромный массив информации о «монголо-татарах» содержится в русских средневековых текстах.) Это мощное государство обладало собственной исторической ценностью и являлось самостоятельным субъектом истории. Поэтому вовсе не обязательно рассматривать его исключительно в связи с ситуацией на Руси.

Золотая Орда возникла на карте как часть еще более обширного государственного образования, которое по своим размерам не имело прецедентов в истории, – Монгольской империи (Еке Монгол Улуса). Эта империя, завершив тысячелетнюю череду великих кочевых держав, довела до совершенства механизм объединения кочевых племен, который периодически запускался в действие на протяжении предшествующих полутора тысячелетий.

---

² Об отношении русских к «монголо-татарам» именно сквозь призму христианского провиденциализма [см.: 1, гл. 1; 10].

Монгольские завоевания послужили важнейшим условием для интеграции присоединенных к империи владений в сплоченный организм, для формирования единого государственного пространства с относительно унифицированной (на верхних уровнях) административной структурой. Многие арабские и персидские современники отмечали стройность и четкую работу государственного механизма Еке Монгол Улуса и, в частности, его обособившейся со временем западной части – Золотой Орды. Европейская же историография, начиная с эпохи Средневековья, в целом отличалась монголофобией, несмотря на нейтрально-позитивные оценки, данные империи Чингизидов путешественниками и миссионерами XIII в. Широко известная на Западе «Книга Марко Поло» доносила сведения о далеком, почти сказочном «Государстве Великого Хана», не акцентируя роль в его создании именно монголов. Соответственно представления об этом государстве, подвигнувшие в плавание, в частности, Христофора Колумба, никак не ассоциировались конкретно с монголами как кочевым народом Центральной Азии.

Что могло объединять множество стран и народов в рамках Еке Улуса? Очевидно, недостаточно видеть причину сравнительно долгого существования империи и улусных ханств только в жестоком подавлении властями любого недовольства, в обессиливании жертв завоеваний после монгольского нашествия, в страхе перед карательными экзекуциями. Как отмечалось выше, успешные военные кампании монголов доказывали человеку средневековья благорасположенность божественных сил к завоевателям и их правителям. Соответственно династия Чингизидов воспринималась (и воспринимала себя) как отмеченный Небом клан, как избранники, призванные царствовать над миром. Прочие земные властители, соответственно, были обречены на подчинение или истребление в случае неповиновения. Лояльным предводителям дозволялось сохранять свое высокое положение и административную структуру, но уже как подданным и вассалам монгольского/ордынского хана, что знаменовалось выдачей им своего рода лицензии на управление – документа, традиционно именуемого *ярлыком*.

Отметим еще одно интересное явление, которое может объяснить как быстрое формирование и разрастание Монгольской империи, так и долгое отсутствие в ней «национально-освободительных движений». При ее создании действовало явление «...филии», которое неоднократно сопровождало формирование молодых империй и нечасто анализируется историками. Явление «империофилии» отражает сложную диалектику политического и культурного развития различных обществ. Хотя в истории и известны империи, созданные исключительно путем завоеваний, все же значительная часть подобных государственных структур формировалась на основе разного рода договорных соглашений и взаимовыгодных обязательств. Притягательная сила империй заключалась, во-первых, в твердом государственном порядке, контрастирующем с раздробленностью и нестабильностью в окрестных владениях; во-вторых, в возможности обрести военную защиту от старых противников и противостоять им уже в составе могущественной державы; в-третьих, в доступе к накоплению и распределению огромных ресурсов, не сравнимых с возможностями присоединенных владений.

Известны туркофилия в XVI в. на Ближнем Востоке и во Франции, руссофилия в XVIII в. на Кавказе и т.д. Проявление своего рода монголофилии, вероятно, можно усматривать во время первых «заграничных» походов новорожденной монгольской армии, когда под властью Чингиз-хана оказались тюркские народы Центральной Азии, Южной Сибири и Восточного Туркестана. Процесс их «собирания» в империи был гораздо сложнее, чем просто завоевание, т.е. насильственное принуждение к покорности.

До эпохи складывания национальных государств XVII–XVIII вв. процессы этнической консолидации нередко развивались именно в пределах имперских политических образований. Золотая Орда не была исключением, поскольку послужила «этнической колыбелью» для многих современных тюркских народов. При этом нужно учитывать

«многослойную» идентичность имперских подданных. Принадлежность к конкретной этнической общности как критерий для государственного строительства стала выдвигаться на первый план лишь в процессе формирования наций Нового времени. До тех пор гораздо большее значение имела идентичность сословная, конфессиональная, региональная или клановая. Многообразие этнических сообществ не служило препятствием для создания и функционирования имперского организма. Лояльность к государственному порядку и верность престолу служили общим знаменателем для сонма разноразличных подданных.

Для жителей Дешт-и Кипчака (степной зоны Золотой Орды) наиболее прочным и долговечным объединением, с которым они себя идентифицировали, оказывалась группа родов, происходящих от общего реального или вымышленного предка. Обычно такую группу историки называют племенем; в разные времена и у разных тюркских народов для нее использовались термины *бой* (*буй*), *ру*, *ырыу* и др.; в позднесредневековом Деште ее именовали *эль*.

В XI в. великий тюркский филолог Махмуд Кашгари записал в своем «Словаре тюркских наречий»: «Когда встречаются два человека, не знакомых друг с другом, один из них приветствует другого и спрашивает: буй ким «какого ты роду племени?»... После этого они начинают беседу либо спешат разойтись, так как каждый из них знает, какую сторону представляет другой» [9, с. 844]. Подобное любопытство проявляется и в наши дни, в частности, у башкир и казахов в вопросе при знакомстве: *рувиң ким?* или *қай элденсиң?*

Для эля оказывались значимыми не только память о первопредках, но и общие места погребений, пункты периодических встреч соплеменников из разных родов. Родовая и племенная идентичность составляли основной и самый прочный слой индивидуального и группового самосознания.

Следующим уровнем можно считать этнокультурную причастность к кочевому миру, понимание своеобразия и отличия скотоводческого уклада от жизни оседлых земледельцев и лесных охотников. Насколько можно судить по очень скудным свидетельствам источников, на протяжении XIV–XVIII вв. обозначением своей принадлежности к кочевникам служило слово *узбек*, без какой-либо привязки к конкретным этническим общностям или к эпониму (золотоордынскому хану Узбеку). Последний хан Золотой Орды Шейх-Ахмед, отмечая сходство племенного состава кочевников Дешт-и Кипчака и мигрантов из Улуса Джучи в Великом княжестве Литовском в начале XVI в., говорил о «нашем узбекском народе» (*бізниц өзбэг та'іфісі*) [13, с. 96, 124, рис. XII]. В тюркских и персидских сочинениях XVI в. Ногайская Орда именуется Узбекистаном, а ее жители – мангытскими узбеками (*узбакан-и мангыти*) [14, с. 201, 347]. Кроме того, подданные Казахского ханства предстают в некоторых источниках как узбеки и узбек-казаки. По сообщению этнографа А.Хорошихина XIX в., в разговоре с казахом о его исторических корнях тот обычно говорил: «Предки мои, начало мое – узбеки» [8, с. 251, 252].

Однако не стоит буквально трактовать слова Шейх-Ахмеда об узбекском народе как свидетельство сложившегося этноса. Слово «узбек» здесь могло иметь иное значение. В XVIII в. джунгарский хунтайджи заявил казахскому хану Абу-л-Хайру: «...перед оной вороной (российской императрицей – *Авт.*) мы не станем на колени, ибо де они (русские – *Авт.*) тележные, а мы узбеки (т.е. кочевники – *Авт.*)» [7, с. 306].

Вероятно, этноинтегрирующий потенциал содержался и в обозначении *татары* – будем ли мы трактовать его для эпохи Золотой Орды как этноним, политоним или соционим³. Этническая консолидация, формирование золотоордынской татарской народности явно наблюдались в правом крыле Улуса, где существовали развитая городская

³ О формировании и трансформации этнокультурной идентичности жителей Золотой Орды и наследных ханств см. [3; 4; 5, с. 349–365; 6, с. 185–198].

цивилизация и мощные очаги старой оседлой культуры (Волжская Булгария, Крым, Молдавия), действовали оживленные межрегиональные связи, функционировал разветвленный профессиональный государственный аппарат – и все это под жесткой и эффективной (до конца XIV в.) ханской властью. Данная общность, несомненно, сохранялась некоторое время и в XV в. Однако сначала эпидемия чумы середины XIV в., а затем войны и миграции кочевников с востока, из-за Яика, остановили этот процесс. Носители архаичных социальных и культурных норм, «узбеки» левого крыла, свято соблюдали племенной строй в своей среде и стимулировали ретрибализацию на западе Джучиева улуса. В наследовавших ему государствах (Казанском, Крымском и, возможно, Астраханском ханствах) стали формироваться локальные этнические общности на основе золотоордынского, ранее относительно единого татарского этноса.

Далее располагался уровень политического сознания, т.е. причисление себя к подданным конкретного государя и соответственно к жителям определенного политического объединения (ханства, юрта). Здесь сказывалось формирование политической культуры, которая выражалась, в том числе, в местах поклонения, равно почитаемых всеми подданными, вне зависимости от их племенной принадлежности, рода занятий и образа жизни. Пиетет перед стольными городами и династическими некрополями представлял собой форму политической идентичности, т.е. принадлежности к сообществу подданных Джучиева улуса. Столицы и ханские усыпальницы были связаны с жизнью и смертью представителей правящей династии, т.е. являлись ее родовым достоянием [см.: 12]. При этом клан Джучидов вознесся над всеми подданными элями-племенами (образовав впоследствии у казахов особое аристократическое сословие *топе*). Поэтому почтение к этому роду, наделенному божественной харизмой и монополией на царствование, испытывали все тюркские племена Дешт-и Кипчака, признавая для себя священными его святыни.

При изучении Золотой Орды историки сталкиваются с большими трудностями. Практически не сохранилось хроник, актов, документов делопроизводства, созданных непосредственно в Золотой Орде. Почти все известные источники о ней написаны за ее пределами и, как правило, людьми, никогда не бывавшими в ней. Эти сочинения описывают в основном деяния царственных особ, привязаны к городам и ханским ставкам. Вне поля зрения остается абсолютное большинство населения государства – кочевые общины кипчаков, других тюркских народов и тюркизированных монголов. Тем не менее, основные вехи политического развития, принципиальные особенности экономической, социальной и культурной жизни Улуса Джучи поддаются реконструкции, и в общих чертах история государства известна. Образ жизни рядовых ордынских подданных в некоторой мере восстанавливается средствами археологии. Раскопки памятников XIII–XIV вв. – как городов, так и могильников – позволяют в некоторой степени восполнить этот пробел. Значительный материал для исследования предоставляет нумизматический материал. В целом за два столетия научного изучения Золотой Орды сложился значительный массив историографии⁴, анализ которого требует особого рассмотрения и специального монографического труда. Перед современными историками стоит задача не только расширять познания о прошлом Золотой Орды, но и способствовать преодолению традиционных негативных стереотипов, сложившихся по отношению к ней. Надеемся, что эта книга внесет вклад в формирование объективного, непредвзятого взгляда на это государство.

---

⁴ Перечень основных работ XVIII – начала XXI в., посвященных различным аспектам золотоордынской тематики [см.: 2].

1. Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Куликовская битва в сознании современников и потомков. Воронеж: Квадрига, 2005. 414 с.
2. Золотая Орда: библиографический указатель. Автор-сост. И.М.Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. 412 с.
3. Измайлов И.Л. Некоторые аспекты становления и развития этнополитического сознания населения Золотой Орды в XIII–XV вв. // Из истории Золотой Орды. Отв. ред. Г.Ф.Валеева-Сулейманова. Казань: Фонд им. М.Султан-Галиева, 1993. С. 17–32.
4. Измайлов И.Л. Формирование этнополитического самосознания населения Улуса Джучи: некоторые элементы и тенденции развития тюрко-татарской исторической традиции // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Отв. ред. М.А.Усманов. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 244–262.
5. История татар с древнейших времен. В 7 т. Т. III. Улус. Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Гл. ред. М.А.Усманов, Р.С.Хакимов. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. 1056 с.
6. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. Очерки. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2005. С. 48–53.
7. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. (Сборник документов и материалов). Под ред. В.Ф.Шахматова и др. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1961. 741 с.
8. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 368 с.
9. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Пер., пред. и коммент. З.-А.М.Ауэзовой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
10. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV вв. М.: Квадрига, 2009. 248 с.
11. Трепавлов В.В. Народы России в школьных учебниках по отечественной истории (до XX в.) // Отечественная история. 2003. № 1. С. 114–120.
12. Трепавлов В.В. Сакральная топография Улуса Джучи // Этнографическое обозрение. 2011. № 2. С. 107–115.
13. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, пер., транскрипция, текстол. примеч., иссл. В.П.Юдина; комм., указ. М.Х.Абусейтовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.
14. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, Pennsylvania: The Pennsylvania State Univ. press, 1994. 656 p.
15. The Ta'rikh-i-jahangusha of Alau'd-din 'Ata Malik-i-Juwaini. Pt. I. Ed. with introduction, notes and indices by M.Qazwini. Leyden: E.J.Brill; London: Luzac & C°, 1912. 380 p.

Глава I.

Срединная Азия и Восточная Европа в XII – начале XIII в.

§ 1. Кочевые империи Срединной Азии

Николай Крадин

Кочевники (или иначе *номады*) обитали в засушливых степях и полупустынях, где почти невозможно было заниматься земледелием. Однако они разводили животных, которые питались травой, и это было эффективным способом существования в данных природных зонах. Главной пищей номадов были различные виды молочных продуктов, реже – мясо забитых или умерших животных, охотничья добыча. Не удивительно, что при таком способе существования сосредоточением всех интересов кочевников являлся скот – источник их жизни и показатель благосостояния. Поскольку животным постоянно были необходимы новые пастбища, скотоводы были вынуждены несколько раз в год перемещаться с одного места на другое. В силу подвижного образа жизни наиболее распространенным типом жилищ у кочевников были различные варианты разборных, легкопереносимых конструкций, покрываемых, как правило, шерстью или кожей (юрта, палатка или шатер). По этой же причине домашняя утварь у номадов была немногочисленна, а посуда чаще всего делалась из небующихся материалов (дерево, кожа). Одежда и обувь шились, как правило, из кожи, шерсти и меха. Несомненно, подобная экономическая система была хрупкой и зависела от природной среды. Засуха, снежный буран (джут), эпидемии животных (эпизоотии) могли за одну ночь лишить номада всех средств существования. Для противодействия природным напастям скотоводы разработали эффективную систему взаимопомощи. В случае гибели животных каждый из соплеменников снабжал своего пострадавшего сородича одной-двумя головами скота и, таким образом, тот вновь получал средства к существованию. Но и он был обязан в случае необходимости оказать такую же услугу своим пострадавшим родственникам [4; 18; 19; 30; 33; 36; 38; 39].

Самобытная природа обществ номадов, многочисленные отличия от раннегосударственных образований, созданных оседлыми земледельцами, привели к долгой дискуссии среди историков по поводу общественного строя кочевников. Одни авторы отрицали, что номады могли преодолеть барьер государственности, другие полагали, что они достигали уровня раннего государства, третьи писали об особом «кочевом феодализме». Этот спор продолжается до сих пор. К трем вышеназванным точкам зрения добавилось мнение об особом пути социальной эволюции номадов [6; 13; 15].

Какова причина, толкавшая кочевников на массовые переселения и на разрушительные походы против земледельческих цивилизаций? Вне всякого сомнения, это наиболее интригующий вопрос истории кочевников [14; 24]. По этому поводу было высказано множество самых разнообразных суждений. Вкратце их можно свести к следующим мнениям: 1) разнообразные глобальные климатические изменения (усыхание – по А. Тойнби и Г.Г. Грумм-Гржимайло, увлажнение – по Л.Н. Гумилеву); 2) воинственность и алчность кочевников; 3) перенаселенность степи; 4) рост производительных сил и классовая борьба, ослабленность земледельческих обществ вследствие феодальной раздробленности (марксистские концепции); 5) необходимость пополнять экстенсивную скотоводческую экономику посредством набегов на более стабильные

земледельческие общества; б) нежелание со стороны оседлых торговать с номадами (излишки скотоводства некуда было продать); 7) личные качества предводителей степных обществ; 8) этноинтегрирующие импульсы (*асабийя* – по Ибн Халдуну, пассионарность – по Л.Н. Гумилеву).

В большинстве из перечисленных факторов есть свои рациональные моменты. Однако значение некоторых из них оказалось преувеличенным. Так, современные палеогеографические данные не подтверждают жесткой корреляции глобальных периодов усыхания/увлажнения степи с временами упадка/расцвета кочевых империй [8; 9]. Оказался ошибочным тезис о «классовой борьбе» у кочевников [18; 33]. Не совсем ясна роль демографии, поскольку рост поголовья скота происходил быстрее увеличения народонаселения и, как правило, раньше приводил к стравливанию травостоя и к кризису экосистемы. Скорее, в данном случае численность поголовья домашних животных и количества скотоводов подчинялась закономерности модели «хищник-жертва» Лотки-Вольтерра, согласно которой соотношение между «хищниками» и «жертвами» графически выглядит как две циклические кривые, одна из которых идет с некоторым запозданием за другой. Кочевой образ жизни, вне всякого сомнения, может способствовать развитию некоторых военных качеств. Но земледельцев было во много раз больше, они обладали экологически более комплексным хозяйством, надежными крепостями, более мощной ремесленно-металлургической базой.

Что же тогда толкало кочевников на набеги и являлось причиной создания «степных империй»? Выдающийся американский географ и антрополог О. Латтимор, сам долго проживший среди скотоводов Монголии, писал, что кочевник вполне может обойтись только продуктами его стада животных, но чистый кочевник всегда останется бедным [35, с. 522]. Номадам нужна пища земледельцев, они нуждались в изделиях ремесленников, шелке, в оружии, в изысканных украшениях для своих вождей, их жен и наложниц.

Все это можно было получать двумя способами: войной и мирной торговлей. Кочевники использовали оба способа. Когда они чувствовали свое превосходство или неуязвимость, то без раздумий садились на коней и отправлялись в набег. Но когда соседом было могущественное государство, то скотоводы предпочитали вести с ним мирную торговлю. Однако нередко правительства оседлых государств препятствовали такой торговле, так как она выходила из-под государственного контроля. И тогда кочевникам приходилось отстаивать право на торговлю вооруженным путем.

Существует несколько важных концепций периодизации отношений между китайскими династиями и имперскими конфедерациями степей Внутренней Азии. Так, японский историк Дз.Тамура выделил два больших цикла в истории Северной Евразии: (1) цикл древних империй кочевников засушливой зоны Внутренней Азии (II в. до н.э. – IX в. н.э.): хунну, сяньби, жужани, тюрки, уйгуры; (2) цикл средневековых завоевательных династий, происходивших из таежной (чжурчжэни, маньчжуры) или степной (кидани, монголы) зон (X – начало XX в.): Ляо, Цзинь, Юань, Цин. Общества первого цикла взаимодействовали с Китаем на расстоянии, государства второго – завоевывали земледельческий Юг и создавали симбиотические государственные структуры с дуальной системой управления, оригинальными формами культуры и идеологии [41].

Отчасти похожая точка зрения была сформулирована Н. Ди Козмо. На основании способа получения доходов от внешнего мира он выделил четыре этапа в истории региона: 1) период даннических империй – от хунну до жужаней (209 г. до н.э. – 551 г. н.э.); 2) период торгово-даннических империй тюрков, хазар и уйгуров (551–907 гг.), когда номады научились получать доходы от внешнего обмена; 3) период дуально-административных империй (907–1259 гг.), когда номады научились завоевывать земледельческие цивилизации (кидани, чжурчжэни, монголы до Хубилая); 4) период зре-

лых империй (1260–1796), которые наряду с прочими способами эксплуатации использовали методы прямого налогообложения (монголы и их западно-азиатские наследники, маньчжуры) [7].

Красивая спираль степной истории была нарисована Н. Ширази. Он рассматривает эволюцию кочевых империй в рамках спиральной эволюции от состояния раздробленности к фазе централизации и постепенной децентрализации. При этом каждый виток от хунну до монголов характеризуется все большим расширением дуги власти, максимально расширяясь в XIII в. [26].

Возможно, одна из самых очаровательных концепций периодизации степей Внутренней Азии принадлежит перу Т. Барфилда [1]. По его мнению, можно установить синхронность процессов роста и упадка кочевых империй и аналогичных процессов в Китае. Империи кочевников являлись зеркальными двойниками китайских династий. Т. Барфилд [2] полагает, что такие империи можно называть **теневыми**, поскольку они возникали как бы в тени уже существующих цивилизаций и империй (с современной точки зрения этот термин удачен и в том отношении, что подчеркивает именно «теневой» характер экономики подобных паразитических структур). Кочевники не стремились к непосредственному завоеванию южного соседа, они предпочитали дистанционную эксплуатацию. Развал централизованной власти в Китае приводил к кризису степи и освобождал последних от давления как со стороны кочевников, так и со стороны китайцев. Освобожденные от внешнего прессинга народы Маньчжурии создавали свои государственные образования и захватывали земледельческие области на юге. Такая циклическая структура политических связей между народами Китая, Центральной Азии и Дальнего Востока, по мнению Т. Барфилда, повторялась трижды в течении двух тысяч лет: от хунну до жужаней, от тюрок до гибели Юань и от Мин до Синьхайской революции, которая прервала эту круговую эволюцию [29].

Данная точка зрения критиковалась рядом исследователей за серию фактических неточностей [4; 22; 43]. Действительно, только хуннско-ханьский цикл примерно совпал, тогда как в дальнейшем же динамика взлетов – упадков китайских династий и степных империй шла в асинхронном ритме. В немалой степени это связано с тем, что Т. Барфилд, к сожалению, не учел такой важный внутренний фактор, как динамику численности элиты степной конфедерации. Впервые Ибн Халдун еще в XIV в. подметил, что династии, созданные кочевниками, живут не более трех-четырёх поколений и от поколения к поколению они теряют способность к групповой консолидации (*асабийя*).

С этими аргументами трудно спорить. При этом историки давно обратили внимание на циклический характер истории китайских династий (впрочем, это применимо ко всем доиндустриальным государствам). На ранней фазе в государстве развивается экономика, растёт население, процветает культура. Постепенно хозяйство приходит в упадок, расцветает коррупция чиновников, множатся беспорядки и династия погибает. Природа такого цикла объясняется так называемой структурно-демографической теорией, согласно которой параллельно с экономическим ростом осуществляется увеличение численности элиты и государственного аппарата (согласно первому закону Паркинсона – для конфуцианского Китая это особенно актуально). Это приводит к тому, что производители не способны платить чрезмерные налоги. В результате династия приходит к кризису и к краху [21; 23].

Необходимо также отметить, что А.-Г. Франк попытался связать подобные ритмы с макроэкономическими трендами Кондратьева. Для доиндустриальной эпохи, по его мнению, тренд был более длинным – от 200 до 500 лет. Франк и Гиллс выделили четыре больших цикла: доклассический (1700 – 100/50 гг. до н.э.), классический (100/50 гг. до н.э. – 200–500 гг. н.э.), средневековый (200–500 – 1450/1500) и современный (с XVI в.). Внутри каждого из циклов выделены кондратьевские фазы подъема (А) и спада

(В). Так, например, в рамках средневекового цикла выделены два самостоятельных субцикла: А-фаза (500–750/800) – расцвет Византии, Арабского мира, Китая (Суй и Тан), Тюркского каганата; В-фаза (750/800 – 1000/1050) – упадок Каролингов, Аббасидов, Тан, гибель уйгурского каганата; А-фаза (1000/1050 – 1250/1300) – завоевания монголов и создание досовременной мир-системы по Абу-Луход; В-фаза (1250/1300 – 1450/1500) – упадок Афро-Евразии, связанный с эпидемиями [32].

Иными словами, начиная с глубокой древности разные части мира взаимодействовали при посредстве самых разнообразных связей. В современной науке принято говорить о четырех типах важнейших сетей коммуникаций: сетей массовых товаров (BNG), сетей престижных товаров (PGN), политических и военных сетей (PMN), информационных сетей (IN). Самыми широкими являются сети информации и престижных товаров [25; 31]. Однако наиболее значимую роль в этих процессах играли сети обмена информацией. В истории человечества выявлены ряд непонятных совпадений, которые трудно объяснить только синхронностью исторических процессов: появление в военном деле колесниц, в результате чего кочевничество стало важным фактором исторических процессов; «железная революция», следствием которой черная металлургия распространилась от Пацифики до Атлантики; «осевое время», ставшее интеллектуальным переворотом последних веков до Рождества Христова и др. [17].

С этой точки зрения роль кочевников в мировой истории выглядит принципиально по-иному. Если в классических работах по философии истории им отводилась роль уничтожителей цивилизаций (в лучшем случае «санитаров истории»), то в контексте мир-системных процессов, в течение длительного периода времени именно они являлись трансляторами информации между оседлыми цивилизациями. Одомашнивание лошади, распространение колесного транспорта способствовали убыстрению темпов распространения информации и товаров престижного потребления. Несмотря на то, что сами кочевники изменились не очень сильно с течением времени, они способствовали развитию торговых контактов, распространению религий и географических знаний, развитию информационных сетей и технологических обменов между различными цивилизациями [17]. И хотя далеко не всегда, кочевники были главными действующими лицами истории, они были катализаторами этих процессов.

Т. Оллсен совершенно справедливо подметил, что в этом обмене роль кочевников обычно сводится до положения простых посредников. Между тем нередко кочевники сами выступали инициаторами тех или иных заимствований. Культурный обмен между мусульманской Средней Азией и конфуцианским Дальним Востоком стал возможен не потому, что после создания монгольской державы возникли устойчивые и безопасные маршруты, а по той причине, что этого пожелала правящая элита степной империи. На протяжении более чем столетия кочевники выступали главными инициаторами, покровителями и трансляторами культурного обмена между цивилизациями Старого Света [28, с. 210–211].

Иными словами, кочевники выполняли важные посреднические функции между региональными «мир-империями». Подобно мореплавателям, они обеспечивали связь потоков товаров, финансов, технологической и культурной информации между островами оседлой экономики и урбанистической цивилизации [15]. При этом степень централизации кочевников была прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации. А в каждой локальной региональной зоне политическая структурированность кочевнической полупериферии – прямо пропорциональна размерам оседло-земледельческого ядра. Кочевники Северной Африки и Передней Азии для того, чтобы торговать с оазисами или нападать на них, объединялись в племенные конфедерации или вожества. Кочевники восточноевропейских степей, существовавшие на окраинах античных государств, Византии и Руси, создавали «квазиимперские» государствопо-

добные структуры. Номады Внутренней Азии являлись частью китайской (дальневосточной) мир-системы, поэтому здесь средством адаптации кочевничества к внешнему миру стала кочевая империя.

Динамичная «биполярная» структура политических связей между земледельческими цивилизациями и окружавшими их кочевниками (варвары и Рим, скифы и государства Причерноморья, номады Центральной Азии и Китай и т.д.) циклически повторялась в истории доиндустриального мира много раз. Она началась с эпохи «осевого времени» [27], когда стали возникать могущественные земледельческие империи (Цинь в Китае, Маурьев в Индии, эллинистические государства в Малой Азии, Римская империя на Западе) и в тех регионах, где, во-первых, существовали достаточно большие пространства, благоприятные для занятия кочевым скотоводством (Причерноморье, Поволжские степи, Халха-Монголия и т.д.), и, во-вторых, номады были вынуждены иметь длительные и активные контакты с более высокоорганизованными земледельческо-городскими обществами (скифы и древневосточные и античные государства, кочевники Центральной Азии и Китай, гунны и Римская империя, арабы, хазары, турки и Византия и пр.). Реакцией на появление земледельческих мир-империй стало возникновение империй и квазиимперских политий номадов.

Во Внутренней Азии первыми биполярными элементами региональной системы были Хуннская держава (209 г. до н.э. – 48 г. н.э.) и династия Хань. Знаменитый трактат китайского историка Сыма Цяня «Ши цзи» («Исторические записки») описывает экономику хуннского общества: «В поисках воды и травы [они] переходят с места на место, и хотя них нет городов, обнесенных внутренними и наружными стенами, нет постоянного местожительства и они не занимаются обработкой полей, тем не менее каждый тоже имеет выделенный участок земли... Мальчики умеют ездить верхом на овцах, из луков стрелять птиц и мышей; постарше стреляют лисиц и зайцев, которых затем употребляют в пищу; все возмужавшие, которые в состоянии натянуть лук, становятся конными латниками. По существующим среди них обычаям, в мирное время все следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом свое существование, а в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений» [20, с. 34]. Китайский евнух Чжунхан Юэ, иммигрант, сделавший карьеру при втором правителе Хуннской державы, дополняет описание Сыма Цяня новыми сведениями: «По обычаям сюнну народ ест мясо домашнего скота, пьет его молоко, одевается в его кожи; скот же питается травой и пьет воду, переходя в зависимости от сезона с места на место» [20, с. 46].

Если сравнить численность населения Хуннской державы и Китая, то грозные и воинственные в обычном представлении степняки предстают лишь небольшой этнической группой. Номады имели максимально до 1,5 млн. чел. (это приблизительно соответствует численности населения одного ханьского округа), тогда как численность Ханьской империи доходила почти до 60 млн. чел. Каким же образом хуннский «Давид» смог на протяжении почти трех столетий противостоять китайскому имперскому «Голиафу»? Таких причин две: оригинальный способ организации власти в форме «кочевой империи» и не менее самобытная пограничная политика кочевников в отношении Китая.

Сыма Цянь оставил подробное описание административной системы Хуннской державы на рубеже III–II вв. до н.э. По его свидетельству, правитель Модэ разделил империю на три части: центр, левое и правое крылья. Крылья, в свою очередь, делились на подкрылья. Вся высшая власть была сосредоточена у шаньюя. Параллельно он управлял центром – племенами «метрополии» степной державы. Ему подчинялись 24 высших должностных лица, которые руководили крупными племенными объединениями и одновременно имели воинское звание *темников* (т.е. «десятитысячников»).

Левым крылом командовал, как правило, старший сын шаньюя – наследник престола. Его соправителем, руководителем и главой правого крыла являлись три наиболее близких родственника правителя степной империи. Только они имели высшие титулы «князей» (*ванов*). «Князья» и еще шесть наиболее знатных темников считались «сильными» и имели в своем подчинении не менее 10 000 всадников. Остальные темники реально имели менее 10 000 конников [20, с. 40].

Использование китайским историком для описания административно-политической структуры хуннского общества как военных (темники, тысячники, сотники), так и традиционных (князья разных рангов, дувэи, данху и пр.) терминов дает основание предположить, что системы военной и гражданской иерархии существовали параллельно. Каждая из них имела отличные функции. Система десятичных рангов использовалась для гражданского управления племенами. Система десятичных рангов применялась во время войны, когда большое количество воинов из разных частей степи объединялись в одну или несколько армий [30, с. 38].

Стройная система рангов, разработанная при Модэ, не сохранилась в дальнейшем. С течением времени личностные связи ослабли и постепенно были заменены федеративными, о чем, в частности, свидетельствует переход от троичного административно-территориального деления к дуальному. Оттеснились на задний план военно-иерархические отношения, вперед выдвигалась генеалогическая иерархия между «старшими» и «младшими» по рангу племенами. Возобладало наследование власти не от отца к сыну, а так называемое «удельно-лествичное»: от брата к брату и от дяди к племяннику [14, с. 216–231].

Хунну разработали оригинальную внешнеполитическую доктрину [30, с. 45–67], которая была основана на осознании преимуществ номадами своего подвижного образа жизни, способного наносить неожиданные удары по китайской территории и столь же стремительно отступать вглубь степи. Номадам в силу их меньшей численности гораздо выгоднее было держаться от своего грозного соседа на расстоянии. Для вымогания все больших прибылей хунну пытались чередовать войну и набеги с периодами мирного сожительства с Китаем. Первые набеги совершались с целью получения добычи для всех членов имперской конфедерации номадов независимо от их статуса. Шаньюю требовалось заручиться поддержкой большинства племен, входивших в конфедерацию. Следовательно, каждый воин имел право на добычу в бою. После опустошительного набега, как правило, шаньюй направлял послов в Китай с предложением заключения нового договора «о мире и родстве», или же номады продолжали набеги до тех пор, пока китайцы сами не выходили с предложением заключения нового соглашения.

В эпоху классической древности окончательно сложилась система Великого Шелкового пути. Она имела значение для всех участников этого товарооборота. Римские модницы шеголяли в китайских шелках. Китайцы получили для своей армии знаменитых лошадей «с кровавым потом». Кочевники заработали на своих посреднических услугах и получили доступ к новым технологиям и оружию. Помимо этого, торговые пути способствовали распространению религиозных воззрений, в особенности, буддизма и манихейства [3, с. 187–188]. Но помимо положительных результатов, установление контактов между цивилизациями Старого Света имело и отрицательные последствия. Распространение во II–III вв. патогенов привело к эпидемическим заболеваниям, которые стали причиной резкого сокращения численности населения и упадка цивилизаций древности [37, с. 106–147].

Хуннская держава просуществовала почти два с половиной столетия. В 48 г. н.э. она разделилась на Северную и Южную конфедерации. После хунну место лидера в монгольских степях заняли сяньби (примерно 155–180 гг.), которые совершали грабительские набеги на Северный Китай несколько столетий. Но сяньбийцы не додумались

до изощренного вымогательства и просто опустошали приграничные округа Китая. Поэтому конфедерация сяньби ненадолго пережила своего основателя Таньшихуая. Примерно в то же время в Хань произошло крупное восстание, которое явилось началом конца династии.

В следующие полтора столетия после гибели Ханьской империи, пока снова не сформировалась новая биполярная система международных отношений в регионе, народы Маньчжурии создали на границе с Китаем свои государства. Наиболее удачливым из них (мужунам, тоба) удалось подчинить земледельческие территории в Северном Китае. И только после этого кочевники в монгольских степях смогли воссоздать централизованное объединение – Жужаньский каганат (начало V в. – 555 г.). Длительное время они не были консолидированы. Их объединение связано с личностью Шэлуня, который в 402 г. сплотил раздробленные жужаньские вождества и племена в единую имперскую конфедерацию. Он принял титул кагана и произвел коренную реорганизацию военно-административной структуры жужаньского общества, разбив население-войско на сотни и тысячи, ввел обязательный учет количества имеющихся воинов, установил строгие правила поведения в бою и наказания за их нарушения. Каганат делился на левое и правое крылья. Правитель левого (восточного) крыла имел несколько более высокий статус. Жужаньское ханство в периоды расцвета занимало огромную территорию. Западные границы каганата доходили до реки Или и Таримской впадины, восточные – до границ киданей и Когуре, северные – до Байкала и верховьев Амура, южные – до пустыни Гоби [34].

Жужани практиковали в отношении своих южных соседей традиционную для кочевников стратегию чередования набегов и вымогания подарков в периоды мира. Однако тобасцы сами были кочевниками, они знали как бороться со степняками. Тобаская кавалерия доходила до Гоби. Оставив обозы, всадники с запасом провианта быстро пересекали пустыню и совершали стремительный рейд по незащищенным жужаньским кочевьям, приводя последних в ужас. В период между 429–470 гг. тобаские войска достаточно регулярно громили жужаньские кочевья.

В 464 г. жужаньские каганы заимствовали из Китая практику девизов правления. Они также обзавелись китайскими грамотеями для ведения дипломатической переписки с различными северокитайскими династиями. В начале VI в. жужани построили столичный город Мумочэн, обнесенный двумя рядами стен. Историки до сих пор спорят о его местонахождении. В период правления кагана Анагуя (519, 521–552 гг.) влияние китайской культуры увеличилось еще больше. Он пришел к власти в период смут и конфликтов среди правящего клана. Однако его сильная воля затормозила этот процесс на три десятилетия. В 552 г. жужаньское войско потерпело сокрушительное поражение от тюрков, а Анагуй покончил жизнь самоубийством. Это стало концом ханства. За три следующих года сменилось несколько ханов, и ни один из них не умер своей смертью. В 555 г. правитель западноэйского царства предательски выдал оставшихся несколько тысяч жужаней тюркам, и они все (кроме детей до 16 лет) были жестоко казнены. Часть жужаней бежала в Северный Китай, другая группа ушла на запад. Многие историки связывают последнюю группу с народом аваров. Авары принесли в Европу тактику конного боя и новые виды вооружения – лук, вероятно, монгольского типа, длинные сабли и стрелы. Это дало им решающее преимущество перед местными жителями.

После разгрома жужаней тюрками и с образованием на юге династии Суй, а затем Тан восстановилась биполярная структура во Внутренней Азии. Это было обусловлено новым макроэкономическим ростом ведущих мир-империй того времени: в Китае – династии Тан, на Ближнем Востоке – халифата Аббасидов, и в Малой Азии – Византии. Политическая стабильность обусловила быстрое возобновление торговых маршрутов. Объем торговых операций не поддается исчислению, однако очевидно, что он намного

превышал товарооборот древнего мира. Тюркские каганы (552–630 и 683–734 гг.) продолжили хуннскую политику вымогательства на расстоянии. Они вынуждали Китай посылать богатые подарки, открывать на границах рынки и т.д. Важное место в экономике кочевников играл контроль над трансконтинентальной торговлей шелком. Первый каганат тюрков стал первой настоящей евразийской империей. Он связал торговыми путями Китай, Византию и Исламский мир.

В конце 560-х годов тюрки включаются в борьбу за контроль над западным участком Шелкового пути. Тюрки имели многочисленное, сильное, хорошо обученное конное войско. Одним из главных тактических новшеств тюрков была тяжелая кавалерия, вооруженная длинными копьями. Им удалось разбить эфталитов (белых гуннов) и завязать дипломатические отношения с Византией. В качестве посланника выступил согдийский купец Маниах. Император отправил ответное посольство во главе со стратигом Зимархом в ставку к тюркскому кагану. Византийцев больше интересовал союз против персов. Постепенно продвигаясь на запад, тюрки дошли до Кавказа и Причерноморья. Это был период расцвета каганата.

Для удобства управления каганат был разделен на левое восточное (*телис*) и правое западное (*тардуш*) крыло. Правитель западного крыла имел более низкий статус. В древнетюркских рунических надписях упоминаются две параллельные системы иерархии – родоплеменная (*бодун*) и военно-административная (*эль*), основанная на десятичной системе. Первая из них использовалась в системе управления и интеграции племен, возглавлявшихся вождями племен (*иркин*) и вождеств (*ильтебер*). Вторая применялась в военное время и объединяла воинов различных клановых групп в военные отряды согласно десятичной системе. У тюрков, подобно древним хуннам, имелась развитая титулатура для обозначения предводителей и военачальников разных уровней: *шад*, *ябгу*, *бююруки*, *тарканы*, *тудуны* и др. Существовали названия для основных социальных групп: *каган* и *беги* (кочевая элита), *эры* (воины), *кулы* (невольники) и пр. [10, 11].

В Тюркском каганате существовала система передачи власти от брата к брату и потом старейшему из племянников (так называемая «лествица»). Следствием этого стало разделение имперской конфедерации на Восточный и Западный каганаты к началу VII в. Центр Восточного каганата находился в долине Орхона, Западного – в Семиречье. После раздела Восточный каганат просуществовал чуть менее трех десятков лет. В это время Китай снова объединился сначала под крылом династии Суй (581–618), а потом – династии Тан (618–907). В 629 г. на территории современной провинции Шаньси тюркское войско было разбито. После этого восстали токуз-огузы, а в следующем году танская армия совершила ответный поход в степь. Степняки потерпели сокрушительное поражение, каган попал в плен. Каганат распался.

Чтобы воспрепятствовать возрождению каганата, китайцы начали проводить насильственную депортацию номадов. Много тюрков было переселено к северным границам империи Тан – в Ордос и Шаньси. Там они находились под контролем пограничных чиновников. Многие из степняков были вынуждены стать под знамена танских военачальников и участвовать в походах против других стран. На полвека тюрки попали под полный контроль Танской империи. Их жизнь на новых землях была полна унижения и страданий.

Только в 679 г. было поднято восстание и в результате десятилетней ожесточенной борьбы против китайцев тюрки вновь обрели независимость. Каганом был провозглашен Кутлуг (Ильтериш-каган). Его ближайшим соратником был знаменитый Тоньюкук, благодаря которому история тюрков была запечатлена древнетюркским руническим письмом на знаменитых стелах. Центр каганата располагался в предгорьях Хангая (Отюкенская чернь). После смерти Кутлуга в 691 г. правителем державы стал Капаган-каган. На годы его царствования пришлось время наивысшего расцвета каганата. Он

совершил несколько успешных походов против китайцев, восстановил господство тюрок над киданями в степях Барги и кыргызами на Енисее. Тюркские дружины дошли даже до Семиречья, но были там остановлены арабами.

В 716 г. при подавлении восстания токуз-огузов Капаган-каган попал в засаду и погиб. Каганом стал его племянник Бильге. Во главе войска был поставлен храбрый Кюльтегин, а советы кагану давал мудрый Тоньюкук. Это дало возможность выправить ситуацию. В 718 г. тюрки разбили китайскую армию, посланную покончить с «северной угрозой». Еще два десятилетия тюрки оставались политическим центром степей восточной Евразии. Когда в 731 г. умер Кюльтегин, на его похороны собрались множество послов из разных стран от Бохая до Византии.

Беда подкралась незаметно. Степная элита практиковала полигинический брак. У каждого из ханов имелось много жен и детей. Численность потомков растет в геометрической прогрессии. В третьем-четвертом поколении наступает критическая ситуация («закон Ибн Халдуна»). Нечто подобное произошло и со Вторым Тюркским каганатом. Примерно через 60 лет после образования каганата возникло внутреннее напряжение. В 734 г. был отравлен Бильге-каган. Новый каган вскоре также умер. Фактическую власть захватила дочь Тоньюкука, выполнявшая функции регентши при малолетнем кагане. По ее наущению были убиты некоторые влиятельные претенденты на престол. Это привело к эскалации междоусобных конфликтов. В 744 г. уйгуры разгромили ослабевший каганат тюрок и стали новым гегемоном в монгольских степях.

В отличие от тюркских каганатов уйгуры почти не совершали набегов на Китай. Им достаточно было лишь продемонстрировать силу своего оружия. Номады не только вымогали ежегодные богатые «подарки», но и выпрашивали дополнительные дары по каждому удобному поводу (поминки, коронация и т.д.). Китайцы были вынуждены открывать приграничные рынки, где номады имели возможность обменивать свой скот на китайские сельскохозяйственные и ремесленные товары. Уйгуры хитрили и поставляли старых и слабых лошадей, но цену запрашивали за них очень высокую. От такой торговли китайцы терпели сплошные убытки. Фактически эта торговля, как и подарки, являлась скрытой формой платы степнякам за мир на границе. Только в 778 г. китайский император возмутился, так как лошади были особенно никудышными. Он купил всего шесть тысяч из десяти. Уйгуры сразу совершили разрушительный набег на приграничные провинции Китая, а потом стали ожидать императорского посольства. Делегация приехала очень скоро, и снова заработала привычная машина выкачивания ресурсов из китайского общества [30, с. 50–159].

Кроме того, китайцы были вынуждены нести обременительные расходы по приему многочисленных уйгурских посольств. Больше всего китайцев раздражали не финансовые затраты, а то, что номады вели себя как завоеватели. Уйгуры устраивали пьяные драки и погромы в городах, хулиганили по дороге домой и воровали китайских женщин и девушек. Во время восстания Ань-Лушаня в Китае они вызвались помочь Танской династии в борьбе с сепаратистами. Династия была в кризисе и вынуждена была согласиться. Однако эта помощь оказалась очень специфической. Участвуя в военных компаниях на территории Китая в 750–770-х гг., уйгуры нередко забывали о своих союзнических обязательствах и просто грабили мирное население, угоняли его в плен [30, с. 50–159].

Уйгуры создали на основе согдийского письма собственную руническую алфавитную письменность. Они воздвигли в монгольских степях в долине Орхона столицу каганата – громадный по меркам того времени город Карабалгасун. Город раскинулся более чем на 20 км. Существовали в каганате и другие города, укрепленные крепости. Уйгуры приняли манихейство, заимствовали другие элементы культуры среднеазиатских народов [12].

На рубеже 770–780 гг. в каганате начался династический кризис, обусловленный перепроизводством элиты. В это время резко ухудшились отношения между частью уйгурской элиты и согдийскими купцами. В результате чисток было убито много согдийцев. Как следствие резко сократился поток товаров через Карабалгасун. Это привело к потере важного экономического ресурса власти. Потрясения закончились только в 795 г., когда к власти пришел другой клан, поддерживавший манихейство.

С 20-х гг. IX в. усиливается противостояние уйгуров и енисейских кыргызов. Для защиты от своего соседа уйгуры построили целую линию защитных крепостей на территории Тувы. В военном противостоянии кыргызы одержали несколько побед. Поражения сопровождалось ослаблением центральной власти, сменой принципа наследования (от брата к брату). В конфедерации снова стало слишком много потенциальных претендентов на престол. Начались новые конфликты. Все закончилось внезапным набегом кыргызского войска на столицу каганата. Город был сожжен после штурма. После этого остатки уйгурских племен осели около Великой стены и, как бандиты, без перерыва грабили приграничные китайские территории. Когда терпение китайцев истощилось, были посланы войска для их уничтожения. Другая часть уйгуров мигрировала в Турфанский оазис, где постепенно перешла к оседлому образу жизни.

Когда Уйгурский каганат был уничтожен кыргызами и чуть позже погибла империя Тан, народы Маньчжурии вновь получили шанс стать политическими лидерами в регионе. Это удалось киданям, которые создали империю Ляо (907–1125 гг.). В этот период «ядро» китайской мир-экономики с X в. сместилось к югу. Поскольку это привело и к смещению товарных потоков, центральноазиатские кочевники и их маньчжурские соседи были вынуждены создать буферные государства на территории Северного Китая (40). Кидани подчинили несколько небольших государств, образовавшихся на обломках Танской империи. В начале X в. кидани под предводительством Абаоцзи создали империю Ляо (907–1125), которая включала значительную часть Северо-Восточного Китая. Были покорены мелкие китайские царства, государство Бохай. После этого кидани начали войны против китайской династии Сун. С 1005 г. они заставили сунцев выплачивать ежегодно 200 тыс. кусков шелка и 100 тыс. лян серебра. После войны 1042 г. выплаты были увеличены до 200 тыс. монет и до 300 тыс. кусков шелка. Одновременно кидани вели активную экспансию на северо-восточных соседей чжурчженей, неоднократно вторгались в границы Коре, нейтрализовали монгольских кочевников (шивэйцев). В периоды расцвета население Ляо насчитывало 3,8 млн. чел., из которых киданей было 0,75 млн., китайцев – 2,4 млн., бохайцев – 0,45 млн., остальных – 0,2 млн. [42, с. 58].

По мере расширения владений у киданей появилась потребность создания более сложного управленческого механизма. В 947 г. была создана оригинальная двойная система: «Северная администрация» – для управления киданями и другими северными народами; «Южная администрация» – для управления китайцами. Кроме центральных, региональных и местных органов власти имелись административные органы пяти столиц империи. Всего в Ляо было пять столиц, шесть областей (*фу*), 156 округов (*чжоу*), воеводств (*цзюнь*) и городков (*чэн*), 209 уездов (*сянь*), 52 племени (*буцзу*) и 60 вассальных владений (*шуго*). В каждой из пяти столиц был учрежден свой аппарат управления с гражданскими и военными учреждениями. В столицах имелись наместники, бывшие военачальниками соответствующих областей. Система управления столицами не была единой. В Западной столице преобладали военные чиновники, ведавшие вопросами обороны границы, а в Южной и Средней столицах в основном были чиновники по финансам и налогообложению. Восточная, Средняя и Южная столицы подчинялись непосредственно управлениям правого и левого премьер-министров [16, с. 224–248].

В эпоху Ляо высокого уровня достигло киданьское ремесло. Ляоские ремесленники плавилы металлы, возводили городские стены, дворцы, храмы и роскошные императорские мавзолеи, добывали соль и уголь, ткали шелковую парчу и делали фарфоровую посуду, спускали на воду военные корабли и прокладывали дороги. Быстрому расцвету ремесел в киданьской империи способствовало использование киданями ремесленников из завоеванных ими стран – китайцев, бохайцев др. При захвате новых территорий из пленных отбирались ремесленники и направлялись в киданьские земли. Киданьская империя вела внешнюю торговлю с Китаем (Южная Тан, Сун и другие китайские государства), Си Ся и Коре. Кидани экспортировали в Китай овец и лошадей, войлок, медь, железо, драгоценные металлы. Из Китая в Ляо поступали предметы престижного потребления – шелк, фарфоровая посуда, чай, лекарства [16, с. 119–223].

К числу важнейших достижений киданей следует отнести создание ими своей письменности. В 920 г. Тулюйбу и Елюем Лубугу за девять месяцев было создано большое письмо на основе китайской графики. В 925–926 гг. младший брат Абаоцзи Дела после знакомства с уйгурским языком и письмом создал более совершенное малое киданьское письмо, знаки которого, «будучи немногочисленными, охватывали все».

О мастерстве киданьских художников можно судить по дошедшим до нас отдельным картинам и фрескам в могилах киданьской знати. Во многих из перечисленных выше аспектов культуры Ляо прослеживается влияние китайской культуры. Чем интенсивнее шли процессы аккультурации и седентеризации в киданьском обществе, тем сложнее было противостоять набегам монгольских кочевников с севера и запада. Кидани постепенно переняли от китайцев пассивную стратегию обороны. Именно тогда был сооружен так называемый северный «Вал Чингиз-хана» протяженностью около 700 км по территории северо-восточной Монголии, КНР и Забайкалья.

Во второй половине XI в. киданьская империя переживала упадок, обусловленный ростом частного землевладения и уменьшением налоговых поступлений в казну. Подобные кризисы характерны для всех китайских династий. Это время пришлось на период консолидации чжурчжэней, которые давно желали освободиться от киданьского владычества. В 1114 г. чжурчжэни начали войну против киданей, а в 1125 г. династия окончательно пала. Часть киданей во главе с Елюем Даши ушла на запад в Восточный Туркестан, где они создали империю кара-киданей. Кидани вошли в состав чжурчжэньской империи, а позднее в состав монгольской империи Юань. Особую известность из них получил знаменитый Елюй Чуцай, ставший ближайшим сподвижником правителей монгольской империи – Чингиз-хана и Угэдэя.

1. Барфилд Т. Мир кочевников скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М.: Центр цивилизационных исследований РАН, 2002. С. 59–85.
2. Барфилд Т. Теневые империи // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 14–57.
3. Бентли Дж. Межкультурные взаимодействия и периодизация Всемирной истории // Время мира, Вып. 2. Новосибирск, 2001. С. 171–203.
4. Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
5. Васютин С.А. К вопросу о взаимодействии Первого Тюркского каганата и Китая в свете концепции «биполярного мира» Т. Барфилда // Вестник Новосибирского государственного университета, Серия: История, филология, Т. 10, 2011, Вып. 1. С. 34–39.
6. Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 400 с.
7. Ди Космо Н. Образование государства и периодизация истории Внутренней Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 181–226.

8. Динесман Л.Г. и др. История степных экосистем Монгольской Народной Республики. М.: Наука, 1989. 215 с.
9. Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.: Интеллект., 1995. 259 с.
10. Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Фил. фак-т СПбГУ, 2003. 560 с.
11. Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. 591 с.
12. Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 328 с.
13. Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.
14. Крадин Н.Н. Империя Хунну. 2-е изд. М.: Логос, 2002. 312 с.
15. Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с.
16. Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. История киданьской империи Ляо (907–1125). М., 2014. 351 с.
17. Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества. Киев: Ника-центр; М.: Старклайт, 2004. 196 с.
18. Марков Г.Е. Кочевники Азии. М.: Изд-во МГУ, 1976. 316 с.
19. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества). Алматы: Социнвест; М.: Горизонт, 1995. 320 с.
20. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. Перевод и коммент. В.С.Таскина. М., 1968. 176 с.
21. Нефедов С.А. 2008. Война и общество. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М.: Изд. дом «Территория будущего». 752 с.
22. Тишин В.В. Историография социальной истории Тюркского каганата VI-VIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 554 л.
23. Турчин П.В. Историческая динамика. М.: УРСС, 2007. 368 с.
24. Флетчер Дж. Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 1. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 212–253.
25. Чейз-Данн К., Холл Т. Две, три, много миросистем // Время мира, Вып. 2. Новосибирск, 2001. С. 424–448.
26. Ширази Н. Этапы кочевых государств монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 239–251.
27. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
28. Allsen T. Culture and Conquest in Mongol Eurasia. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 264 p.
29. Barfield T.J. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China. 2nd ed. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1992. 325 p.
30. Barfield T.J. The Nomadic Alternative. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1993. 240 p.
31. Chase-Dunn Ch., Hall T. Rise and Demise: Comparing World-Systems Boulder, CO.: Westview Press, 1997. 322 p.
32. Frank A.G., Gills B. The World System: 500 or 5000 Years? London: Routledge, 1994. 343 p.
33. Khazanov, Anatoly M. Nomads and the Outside World. 2nd ed. Madison, WI: University of Wisconsin press. 1994. 442 p.
34. Kradin N.N. From Tribal Confederation to Empire: the Evolution of the Rouran Society // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. 58. 2005. № 2, p. 149–169.
35. Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. New York & London: Oxford Univ. Press, 1940. 588 p.
36. Legrand, J. Mongols et Nomades: Société, Histoire, Culture. Textes, Communications, articles 1973–2011. Ulaanbaatar. 2011. 527 p.

37. McNeil W. *Plagues and Peoples*. N.Y.: Garden City, 1976. 365 p.
38. Salzman, Philip C. *Pastoralists: Equality, hierarchy, and the state*. Boulder, CO: Westview. 2004. 193 p.
39. Scholz, Fred. *Nomadism: A Socioecological Mode of Culture*. Ulaanbaatar: International Institute of the Study of Nomadic Civilizations, 2008. 234 p.
40. Tabak F. *Ars Longa, Vita Brevis? A Geohistorical Perspective of Pax Mongolia* // *Review*. 1996. Vol. 19, No 1, p. 23–48.
41. Tamura J. *Types of Nations in the World of North Asia* // *Essays of Faculty of Letters of Kyoto University*, Vol. 4, p. 475–492 (in Japanese).
42. Wittfogel K.A., Feng Chia-Sheng. *History of Chinese Society. Liao (907–1125)*. Philadelphia, 1949 (*Transactions of the American Philosophical Society, new series*, 36). 752 p.
43. Wright D. 1995. *Wealth and War in Sino-nomadic Relations* // *The Tsing Hua Journal of Chinese Studies*, n.s. Vol. 25, No 3, p. 295–308.

§ 2. Хорезм, восточные кипчаки и Волжская Булгария в конце XII – начале XIII в.

Дмитрий Тимохин, Владимир Тишин

Политическая история Хорезма на рубеже XII–XIII веков связана с правлением двух выдающихся представителей династии Ануштегинидов, хорезмшахов Ала ад-Дина Текиша и Ала ад-Дина ада, чьими стараниями это государство превратилось в одну из самых обширных и могущественных держав исламского Востока. Процесс расширения и усиления данного государственного образования начинается уже в 1157 году, после смерти сельджукского султана Санджара (1118–1157 гг.) [11, с. 153; 10, с. 32–33], когда правители Хорезма обрели фактическую независимость. А в период правления хорезмшаха Абу-л-Фатха Ил-Арслана (1156–1172 гг.) они активно вмешиваются в борьбу за «наследство» Сельджукидов. Безусловно, в этой ситуации у Хорезма возникает большое количество соперников, которые прикладывают все усилия, для того, чтобы воспользоваться сложившимся вакуумом власти, максимально расширить собственные территории и занять тем самым место сельджукских правителей. В данной ситуации наиболее значимым противником, несмотря на успехи хорезмийского оружия в Хорасане, Джурджане, Дихистане и землях Ирака Персидского, для Ил-Арслана станут кара-китаи и зависимые от них региональные правители Мавераннахра [10, с. 35; 9, с. 398]. Здесь следует отметить, что в борьбе с этим противником и ради укрепления собственной военной мощи хорезмшах Ил-Арслан вступает в союз с племенами карлуков [34, с. 131] или, как указано в более поздних источниках, – кипчаками [83, vol. 1, с. 239]. По всей видимости, первый вариант выглядит более правдоподобным, однако гораздо важнее то, что тюркские кочевники уже при Ил-Арслане становятся важной частью хорезмийской военной машины. Хотелось бы сразу же отметить, что подобный военный союз Хорезма с кочевыми тюркскими племенами станет привычным явлением и при наследниках Ил-Арслана, о чем подробнее будет сказано ниже.

Переход на хорезмийскую службу части карлукских племен еще более обострил отношения между Хорезмом и кара-китаями, чей правитель рассматривал эти тюркские племена как своих собственных подданных, которые ушли на службу к Ил-Арслану из-за угрозы выселения с территорий Мавераннахра в Кашгар, где они, согласно Ибн Асиру, должны были по замыслу кара-китаев начать вести оседлый образ жизни [3, с. 267–268]. Хорезмшах Ил-Арслан умирает в 1172 году – в самый разгар противостояния между Хорезмийской державой и государством кара-китаев [3, с. 270]; а по причине того, что престол был передан младшему сыну, Султан-шаху Махмуду, между ним и

Ала ад-Дином Текишем начинается междоусобная война [75, с. 90; 66, J. 3, с. 158]. В ходе этого противостояния обе стороны прибегают к помощи кара-китаев, а Султаншах Махмуд неоднократно получает поддержку от Гуридских правителей, также заинтересованных в максимальном ослаблении Хорезма и усилении собственных позиций [3, с. 276–277]. В отличие от своего брата Ала ад-Дин Текиш отдавал все свои силы не только междоусобной борьбе, но и был занят укреплением позиций Хорезмийского государства и присоединением к нему новых территорий. Одним из важнейших военных достижений данного хорезмшаха в этот период следует признать подчинение Нишапура в 1187 году [67, с. 90] и расширение хорезмийских владений в Хорасане до линии Талакан – Мерверуд – Герат [10, с. 41].

Таким образом, смута в Хорезмийском государстве после смерти Ил-Арслана имела не только отрицательные, но и положительные последствия, а после смерти в 1193 году Султан-шаха Махмуда, Ала ад-Дин Текиш мог целиком и полностью сосредоточиться на борьбе со своими соседями, уже не опасаясь претендента на хорезмийский престол.

Еще при жизни Султан-шаха Махмуда Ала ад-Дину Текишу удалось наладить определенное взаимопонимание с султанами Гура, хотя те и опасались хорезмийского присутствия в Хорасане и в целом усиления этого государства. Ала ад-Дин Текиш, тем не менее, смог не только укрепить свои позиции в Хорасане, но и заставить признать сам факт Гийас ад-Дином ал-Гури [66, J. 3, с. 170]. Не менее важно отметить и такие политические успехи, как включение в состав Хорезмийского государства Табаристана [70, с. 115–118] большей части земель Хорасана и Мавераннахра [66, J. 1, с. 275, J. 2, с. 109], а также признание зависимости от Ала ад-Дина Текиша владетелем Гиляна и Мазандарана, Хусам ад-Доулой Ардаширом, что также означало фактическое присоединение и этих земель к Хорезмийской державе [66, J. 1, с. 275; 78, с. 375–403; 64, с. 47, 71], а также активное хорезмийское вмешательство в дела Кермана [71, с. 134].

Другим важным направлением внешней политики Ала ад-Дина Текиша будет борьба за Ирак Персидский с последним сельджукским султаном Тогрулом III и халифом ан-Насиром. Если с последним после серии военных действий удалось наладить мирные взаимоотношения, и халиф ан-Насир вынужден был признать хорезмийское господство в Ираке Персидском [3, с. 282; 12, с. 211], то противостояние с Тогрулом III было гораздо более ожесточенным и закончилось сражением у города Рей 4 марта 1194 года [59, с. 176], в котором и погиб последний сельджукский султан, и, как писал об этом Садр ад-Дин ал-Хусайни, «от раскаленных угольев рода Сельджука осталась одна, которую развеял ветер!» [34, с. 164].

Последнее, что хотелось бы отметить относительно военной и политической деятельности Ала ад-Дина Текиша, касается кратковременного присоединения к его державе Кермана и войну с исмаилитами Аламута, с которыми после нескольких военных успехов хорезмийской армии было подписано перемирие, а также был получен огромный денежный выкуп [12, с. 219].

В период правления Ала ад-Дина Текиша еще более усилилось тюркское присутствие в армии Хорезма, что касалось и рядового состава, и командных должностей, а также заметно увеличилось их число и в аппарате управления страной. Эта тенденция связана не только с продолжением политики, которую вел еще хорезмшах Ил-Арслан, но и, прежде всего, с тем, что Ала ад-Дин Текиш женился, согласно З.М. Буниятову [10, с. 62], на дочери кипчакского хана Джанкиши, Теркен-хатун, вместе с которой на хорезмийскую службу переходит как большое количество ее родственников, так и, согласно точке зрения некоторых исследователей, целые тюркские племена [67, с. 130–131]. В определенном смысле подобная ситуация может объясняться тем фактом, что хорезмшах продолжал видеть в кара-китаях своих основных противников и угрозу сво-

им северным границам, что заставляло его делать ставку на тюркские племена в противовес этой угрозе.

В этой связи становятся понятными действия Ала ад-Дина Текиша, который всеми силами старался усилить тюркское присутствие на северных рубежах своей державы, в частности в Дженде с прилегающими к нему районами. Так, несмотря на то что этот регион и без того был одним из традиционных центров расселения тюркских племен, туда по приказу хорезмшаха были переселены дополнительно те, кто, по всей видимости, совсем недавно перешел на хорезмийскую службу и еще не был прикреплен к конкретному месту службы [49, с. 158]. Здесь речь идет о событиях произошедших около 1181 года, когда на службу к Ала ад-Дину Текишу переходят большое количество кипчаков и других кочевых тюркских племен под командованием Алп-кара и его сына Кырана, которых хорезмшах предполагал использовать против кара-китаев [10, с. 46; 49, с. 156–161]. Роль кочевого тюркского элемента в армии хорезмшаха была так велика, что, согласно Джувейни, когда Ала ад-Дин Текиш в 1194/1195 г. выступил в поход против тюркских племен Сыгнака и прилегающих к нему регионов, тюрки племени уран, служившие в хорезмийской войске, перешли на сторону противника, не желая сражаться с соплеменниками. В результате этого хорезмшах лишился значительной части своей армии (точнее его покинул весь центр его войска), был наголову разбит и вынужден бежать [12, с. 212].

В отношении же Теркен-хатун следует отметить, прежде всего, что в исторических источниках нет единого мнения относительно ее происхождения, а следовательно, и того, на какое же тюркское кочевое племя она опиралась. Ан-Насави указывает, что она «была из племени Баят, а это одна из ветвей [племени] Емек» [24, с. 87] (*زنى بود از قبيلهء بياووت فرعى از فروغ بيمك*) [73, с. 58], а далее пишет, что «она была дочерью хана Джанкиши, одного из тюркских государей» [24, с. 87]. При этом принадлежность Теркен-хатун к племени (*'ашйрат*) *байавут* (*byāwūt*), бывшей ветвью племени *йемек*, оспаривается в других арабо-персидских памятниках. Так, согласно Джувейни, а вслед за ним эта точка зрения встречается и у Мирхонда [60, с. 23, note 78], в одном месте указано, что она происходила из племени *канглы* [56, vol. 2, с. 465], а в другом – из племени *уран* (*Uraniyan*) [12, с. 266]; а в труде Джузджани отмечается, что она была дочерью хана кипчаков Акрана (*Yqrān*) [83, с. 254]. З.М. Бунятов указывает в своих комментариях к переводу ан-Насави, что «тут произошло смешение имени монгольского племени с именем тюркского племени Баят» [10, с. 326]. Однако в историографии до сих пор вопрос относительно происхождения Теркен-хатун остается дискуссионным, и однозначного ответа на него сложно ожидать ввиду существенного расхождения в информации из источников [67, с. 130–131; 77, с. 171 Anm. 1; 2, с. 252; 25, с. 65, 82; 10, с. 61, 202 прим. 157; 4, с. 206, 235–236]. Например, П.Б. Голден, столкнувшись с проблемой соотношения между собой всех этих племенных названий, считал возможным видеть в *байавут* и *уран/оран* родственные кланы или племена, являющиеся частью племени *ольберли* (см. ниже), бывшего, по его мнению, подразделением *йемек*ов [60, с. 23, note 78]. Но, по-видимому, вопрос гораздо сложнее и едва ли может быть решен в рамках такого подхода. К таким же дискуссионным проблемам относится вопрос о соотношении племенных названий *байавут* у кипчаков-*канглы*, *байат* – у огузов и *байа'ут* – у монголов [см.: 8, с. 271 прим. 1], тем более что и Махмуд ал-Кашгари, и Фахр-и Мудаббир упоминают только *байат* [43, с. 115].

Внешняя политика хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда (1200–1220 гг.) была направлена, прежде всего, против наиболее могущественных и опасных из соседей Хорезмийского государства – Кара-китайской державы и султанов Гура. Первоначально хорезмшаху удалось использовать одних своих врагов против других: так, при осаде войсками Шихаб ад-Дина ал-Гури Гурганджа в 1204 году именно помощь кара-китайского

войска вместе с войсками караханидских владетелей Отрара и Самарканда стала решающей в разгроме гуридской армии и ее бегстве с поля боя [3, с. 304–305; 12, с. 225–227; 32, т. 1, кн. 2, с. 140]. После гибели Шихаб ад-Дина ал-Гури в 1206 году его государство фактически распалось, а Герат, Балх и другие крупные города Гуридского государства вошли в состав Хорезмийской державы [32, т. 1, кн. 2, с. 155; 44, л. 1236–1246]. По всей видимости, в то же самое время Ала ад-Дину Мухаммеду подчинился и Систан, доказательством чего является отправка систанского войска для осады Герата в 1207 году в помощь хорезмшаху [37, с. 366].

Что же касается противостояния с кара-китаями, то здесь первоначально ситуация складывалась не в пользу Хорезма: после присоединения к владениям Ала ад-Дина Мухаммеда в 1207 году Бухары в сражении с кара-китайской армией хорезмийское войско было разбито, а сам хорезмшах попал в плен, из которого, впрочем, сумел сбежать [3, с. 329–330; 12, с. 233, 246–247]. Однако уже в 1210 году Ала ад-Дину Мухаммеду удалось разгромить наголову огромное кара-китайское войско под командованием Тайангу, которое фактически подорвало могущество этой державы [9, с. 420; 12, с. 240–242, 252–253, 339; 74, с. 23]. Сам хорезмшах после этого сражения присвоил себе «лакаб Искандар-и Сани («Второй Александр Македонский»)), он ввел для себя наубу Зу-л-Карнайна («Двурогого», т.е. Александра Македонского), для исполнения которой назначил пленных правителей и владетелей» [12, с. 242; 10, с. 76], а также принял тронное имя «Санджар» [34, с. 167; 17, с. 117; 12, с. 242]. Окончательное решение для Хорезма «кара-китайского вопроса» связано с приходом к власти в кара-китайском государстве найманского правителя Кушлу-хана, что привело к заметному ослаблению этой державы и захвата целого ряда ее территорий хорезмшахом [24, с. 49–52; 73, с. 11–13; 72, с. 12–14].

Помимо описанных выше военных и политических действий Ала ад-Дин Мухаммед заметно усилил свое государство и за счет иных территорий и городов: в 1212 году к его державе был окончательно присоединен Самарканд, а последний правивший там караханидский султан Усман был убит [3, с. 333–335; 12, с. 278–279]. Кроме того, в 606 г.х. (1209–1210) без существенного применения военной силы в состав хорезмийской державы вошел Мазандаран [68, р. 391], где Ала ад-Дин Мухаммед просто воспользовался царящим безвластием и присоединил этот регион к своему государству. В 612/1215 году армия хорезмшаха вторглась в пределы Кермана, после захвата которого овладела Белуджистаном, Мекраном, и власть Ала ад-Дина Мухаммеда была признана также и в Ормузе [24, с. 45, 61; 10, с. 80].

В западном и северо-западном направлении крупнейшими политическими успехами хорезмшаха следует признать подчинение своей власти области Фарса, признание зависимости от Хорезма атабеком Азербайджана Узбеком и окончательный захват Ирака Персидского [10, с. 81]. Именно последний регион станет ключевым в отношениях между хорезмшахом и халифом ан-Насиром, поддержка со стороны которого врагов Ала ад-Дина Мухаммеда, Гуридских султанов и исмаилитов Аламута, не могла остаться безнаказанной со стороны хорезмшаха [52, с. 184; 72, с. 16; 68, с. 509]. После попыток решить данный вопрос дипломатическим путем и требований Ала ад-Дина Мухаммеда «господства и власти в Багдаде, таких же, какие были у рода Сельджука» [24, с. 57], последний занимает очевидно «прошиитскую позицию» и начинает готовить армию к походу на Багдад [52, с. 184; 72, с. 16]. Несмотря на значительное численное превосходство хорезмийской армии и решимость самого хорезмшаха, поход на Багдад 1217 года был свернут из-за погодных катаклизмов, и более попыток военного решения этой проблемы Ала ад-Дином Мухаммедом не предпринималось [24, с. 64; 10, с. 64; 68, с. 397; 44, л. 132а–132б].

Тем не менее эта неудача не умаляет тех замечательных военных успехов, которых удалось добиться хорезмийской державе в годы правления этого хорезмшаха.

В определенном смысле можно признать правоту характеристики деятельности Ала ад-Дина Мухаммеда в этот период, которую дает в своем сочинении ан-Насаби: «Овладел этими странами без усилия, борьбы, насилия и разрушений – только тем, что внушил страх. Он овладел землями хитая и других тюркских владетелей и вельмож Мавераннахра – одних уничтожил, а других, кто скрывался, заставил искать убежище в отдаленных областях Китая. А то, что он присоединил, составляло около 400 городов. Другому было бы не под силу такое достижение, а его законное приобретение без зова явилось украсить его» [24, с. 45].

Во внутренней политике Ала ад-Дин Мухаммед оказался менее самостоятельной фигурой, поскольку, как отмечают арабо-персидские источники, во всем подчинялся своей матери, Теркен-хатун [10, с. 128]. Последняя не только имела собственные земли, неограниченные финансовые возможности, но и полную власть над столицей, Гурганджем, поскольку сам хорезмшах осуществлял свою власть преимущественно из Самарканда. Именно с именем матери хорезмшаха связано еще большее усиление тюркского присутствия на ключевых военных и политических постах Хорезмийской державы, поскольку во многих случаях это были родственники Теркен-хатун [24, с. 73; 77, с. 171, ann. 1; 2, с. 252]. В связи с этим политическая беспомощность Ала ад-Дина Мухаммеда и его нежелание противоречить матери объяснимо тем, что большинство военачальников его армии были из числа ее родственников. В качестве яркого примера этой тенденции следует привести наместника Отрара Инал-хана или Иналчика, носившего титул Гаир-хан, который, в свою очередь, «был одним из родственников матери султана Теркен-хатун» [55, vol. 1, с. 60]. Этот наместник, который своими действиями фактически развязал войну с монголами, не только не был выдан Чингиз-хану, но и продолжал управлять Отраром и его окрестностями, т.е. в силу своих родственных связей был по большому счету «неприкасаемым» для власти хорезмшаха [24, с. 80].

Следует признать, что если деятельность хорезмшаха Ала ад-Дина Текиша по привлечению на хорезмийскую службу кочевых тюркских племен усилила Хорезм в военном отношении, то деятельность Теркен-хатун и ее ставленников в значительной степени ослабляла эту державу и личную власть хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда. Сепаратизм тюркских эмиров, родственников и ставленников Теркен-хатун заметно ослабил военный потенциал Хорезмийской державы и в годы войны с монголами, особенно после смерти в 1220-м году самого Ала ад-Дина Мухаммеда.

Важным моментом, на который следует обратить внимание, говоря о Теркен-хатун и тюркской военной и политической элите Хорезма, будет противостояние между матерью хорезмшаха и его старшим сыном Джалал ад-Дином Манкбурны. Современные исследователи, справедливо указывая на то, что Теркен-хатун ненавидела Ай-Чичек, мать Джалал ад-Дина, делают вывод о том, что они принадлежали к разным тюркским племенам, что никак не подтверждено в арабо-персидских источниках [10, с. 129]. Сам же Джалал ад-Дин Манкбурны в ходе своей военной и политической карьеры постоянно прибегал к помощи кочевых тюркских племен, но нет никаких указаний на то, что это было лишь какое-то одно племя. Так, в ходе противостояния монгольским завоевателям в 1220–1221 годах его главной опорой станут тюрки-канглы, с чьим предводителем Амин-маликом Джалал ад-Дин Манкбурны даже успел породниться, женившись на его дочери [24, с. 125–126; 56, vol. 2, с. 405, 407–408]. В другом случае, в ходе военных действий в землях Южного Кавказа хорезмшах вынуждает кипчакское войско не оказывать поддержку грузинской армии следующим образом: «Вызвав Кошкара, он дал ему хлеб с солью и послал его к кифчакам напомнить им об их обязательстве перед ним. В правление его отца их заковали в цепи и подвергли унижениям, и он своим посредничеством спас их и ходатайствовал за них перед своим отцом. Разве, обнажив теперь мечи против него, они не нарушили свои обязательства? По этой при-

чине кифчакское войско воздержалось от битвы и, тут же покинув поле боя, расположилось в стороне от остальных» [12, с. 311].

Таким образом, конфликт между Теркен-хатун и Джалал ад-Дином Манкбурны не имел, по всей видимости, характера борьбы между различными тюркскими племенами, находящимися на службе у Ала ад-Дина Мухаммеда, а, скорее всего, был всего лишь соперничеством различных группировок тюркской военной элиты, одна из частей которой активно поддерживала мать хорезмшаха, а другая – его старшего сына. При этом сам Ала ад-Дин Мухаммед, скорее всего, просто не мог прекратить этот конфликт, в результате чего был вынужден даже накануне монголо-хорезмийской войны передать престол младшему сыну, Кутб ад-Дину Узлаг-шаху, ставленнику Теркен-хатун, вместо старшего сына, Джалал ад-Дина Манкбурны [9, с. 500; 10, с. 129].

Все эти противоречия и борьба между тюркскими группировками у престола хорезмшаха заметно ослабляли Хорезм в военном и политическом смысле, а также не позволили им объединиться перед лицом общего врага. Монголы сполна воспользовались этим внутренним расколом Хорезмийского государства, которое, несмотря на свои размеры и военную мощь, оказалось «колоссом на глиняных ногах» на фоне мощной и централизованной монгольской державы Чингиз-хана.

Первое упоминание среди прочих тюркской группировки с названием «кипчак» (р.кп. *кифчак*) у границ Хорезма встречается у Бейхаки и относится к 1030 г. [23, т. 1, с. 234; 1, с. 104; 5, с. 98; 4, с. 181]. В дальнейшем это слово употребляется различными авторами в качестве обобщающего обозначения различных кочевых групп, располагавшихся на территориях за р. Сыр-Дарья. Прежде всего, это ряд племенных группировок, образовавшихся в первой половине XI в. после падения Кимаковского каганата вследствие миграций кочевнических племен с востока. Наряду с ним продолжает фигурировать и слово *йемек* как фонетическая форма названия господствующей прежде племенной группировки кимек. Махмуд ал-Кашгари упоминает их как одно из подразделений (*джыл*) тюрков [см.: 21, с. 40–41], но они помещены на его карте лишь на левом берегу р. Иртыш [21, с. 39, 87; 54, С. I, s. 97]. Этот автор относит их к *кипчакам*, но при этом указывает, что сами *кипчаки* относят себя к другому подразделению [54, С. III, с. 29]. Название «йемек» в составе кипчакских племен упоминают Мухаммед ал-Варрак (вторая половина XII в.), ад-Димашки (начало XIV в.) и Абу Хаййан ал-Андалуси (XIV в.) [77, с. 157; 21, с. 39–40; 61, с. 121]. Таким образом, потеряв господствующее положение, *кимаки* ~ *йемеки* становятся одним из рядовых подразделений в составе новых складывающихся племенных группировок. Тем не менее их имя по-прежнему, вплоть до середины XIII в., продолжает использоваться некоторыми мусульманскими авторами для обозначения всей общности кипчакских племен казахстанских степей, наряду с названием «кипчак», но уже с конца XI в. у отдельных авторов в этом же значении начинает также употребляться наименование «канглы».

Махмуд ал-Кашгари, приводя толкование слова *канглы* как ‘повозка для перевозки тяжелых грузов’, дает также значение ‘имя великого человека среди кипчаков’ [54, С. III, с. 379; 53, с. 638]. Такого племенного названия у тюрков не знает Фахр-и Мудаббир (1206 г.), хотя ему известно имя *йемек* [43, с. 115]. У Рукн ад-Дина Бейбарса (ум. в 1325 г.), по чьим сведениям ан-Нувейри приводит список кипчакских племен, не встречается названия *йемек*, но среди них фигурирует *кангу* (или *кангар?*) *оглы*, а в том же списке, приведенном Ибн Халдуном, стоит форма *кангароглы* [38, Т. I, с. 539, 541; 61, с. 115]. Китайский источник «Бэй ши-цзи», сохранивший сведения цзиньского посольства, снаряженного в 1220 г. к Чингиз-хану и вернувшегося в 1222 г., упоминает среди прочих племен Центральной и Средней Азии название *хан-ли* 航里, передающее звучание *канглы*, ничего не говоря о *кипчаках* [51, vol. I, с. 27–28 note 48]. В биографии полководца Субэтэя, помещенной «Юань ши» (цз. 121), *хан-цзинь* 杭斤, *канглы*, видимо в

форме *кангыт (монг. мн. ч.), названы наряду с *кипчаками* [63, Т. I, с. 115; 45, с. 500, комм. XII; 46, с. 75 прим. 134]¹. Соответствующее название группировки кипчакских племен, располагавшейся на территории к востоку от р. Урал, к северу от Каспийского моря, встречается у западноевропейских авторов середины XIII в. (*кангит* – у Иоанна де Плано Карпини и Бенедикта Поляка, *кангле* – у Гийома де Рубрук). В этой связи очень удачной выглядит гипотеза о принятии частью кипчакских племен, поселившихся в XI в. на древних землях Кангхи, центром которой был Отрарский оазис, названия по имени занятой местности – Канг (кит. *кан-цзюй* 康居) [18, с. 164–179; 4, с. 238]: *канг-лы*, букв. ‘жители Канга’, лишь позже переосмысленного в народной среде по аналогии с тюркским омонимом со значением ‘телега’.

Несмотря на отдельные упоминания кипчак и канглы как равнозначных племенных названий в сочинении Джузджани уже в связи с правлением первых султанов из династии Ануштегинидов [83, с. 233, 235], достоверные и подробные сведения о взаимоотношениях Хорезма с северными степными соседями относятся к последней четверти XII в.

Кыран, прибывший в начале 1181 г. с многочисленной свитой «сыновей беков племени *йугур*» к хорезмшаху Текишу с выражением покорности (со стороны его отца, кипчакского хана Алп Кара Урана, подошедшего к Дженду) и почтенный родством [65, с. 180; 69, с. 233–234, nota 22; 10, с. 46; 4, с. 214–215], с некоторой долей вероятности может быть отождествлен с ханом Акраном (или Икраном), упомянутым у Джузджани в качестве отца супруги хорезмшаха Текиша (Теркен-хатун?) [83, с. 240], что допустимо при коррекции прочтений имен *Кыран* и *Икран* (вар.: *Акран*) [69, с. 234–235; 4, с. 216]. В 1182 г. он участвовал в походе Текиша на кара-китаев.

В другом месте Джузджани называет отца Теркен-хатун Кадр (< *Кадыр) ханом [83, с. 254], ввиду чего, согласно С.М. Ахинжанову [4, с. 216], его также возможно сопоставить с Кадыр Буку ханом, правителем Сыгнака и Дженда, против которого в 1195 г., согласно Джувейни, ходил походом Текиш. Ан-Насави называет отца Теркен-хатун ханом Джанкши [25, с. 82]), и этот титул, по мнению Й. Маркварта, поддержанному П. Пельо, может являться передачей китайского титула *чжан-ши* 長史, обозначающего дворцовых чиновников, но часто даруемого вассальным предводителям кочевых племен Центральной Азии [77, с. 167 Anm. 6; 63, с. 89–92]. По крайней мере, Махмуд ал-Кашгари фиксирует слово *чангши*, толкуя его как ‘титул *амйр*-а Хотана’, добавляя: «Эта страна была завоевана благодаря ему. Говорят, он был свергнут Джамшидом» [54, С. III, с. 378; 53, с. 426].

У Абу-л-Гази есть сведения о прибытии к хорезмшаху Ала ад-Дину Мухаммеду множества представителей племени *канглы*, родственников его матери Теркен-хатун, и принятии ими ислама. Согласно хивинскому хану-историку, во владения хорезмшаха переселились 50–60 тыс. канглы, а около 10 тыс. осталось на берегах рек Чу и Талас [6, с. 294, 296]. Они получили важные должности и ряд привилегий. В этой связи примечательно, что в обеих редакциях отчета францисканской миссии ко двору монгольского ха’ана 1245–1246 гг. (Иоанн де Плано Карпини, Бенедикт Поляк) сообщается, что *биссермены*, т.е. хорезмийцы «были сарраценами, говорящими по-комански» [30, с. 46; 47, с. 111].

О восточных пределах территории обитания этой племенной группировки можно судить хотя бы по сообщению Рашид ад-Дина о том, что канглы соседствовали с най-

---

¹ Р.П. Храпачевский предлагает восстанавливать здесь *кангар, исходя из возможного прочтения второго иероглифа 斤 (юаньск. *kin [82, с. 156]) как *гэнь*, но реконструкция П. Пельо подтверждается формой, приводимой упоминаемыми ниже средневековыми европейскими авторами.

манами в области Кок-Ирдыш [32, т. 1. кн. 1, с. 136–137. Ср.: 6, с. 295], т.е. букв. ‘голубой Иртыш’, что, вероятно, нужно связывать с Белым Иртышом [ср.: 32, т. 1. кн. 1, с. 73, прим. 4]. Согласно Джувейни, канглы прежде подчинились кара-китаям Елюй Даши (1124–1143), и этот факт подтверждается китайскими источниками [51, с. 223, 229, note 586]. «Цзинь ши» (цз. 121) под 1175 г. упоминает главу (*чжан* 长) племени (*бу* 部) *канглы* (*кан-ли* 康里) по имени Бо-гу 李古, приславшим вместе с найманами (*нань-ба-энь* 粘拔恩) посольство к цзиньскому двору с просьбой о подданстве, отказавшись от подданства кара-китаям, навязанного им во времена Елюй Даши [51, с. 223]. Вероятно, имя этого вождя может быть сопоставлено с Кадыр Буку ханом, упомянутым Джувейни², хотя здесь возникают значительные проблемы в датировке. С другой стороны, если учесть, что предводитель найманов, некий Са-ли-я 撒里雅 (совр. *sā-lǐ-yǎ*, позд. ср.-кит. **sat-li-nja:*’ [82, с. 271, 188, 254] < *?), упомянут первым и с титулом *цзунь-чжан* 君长, – букв. ‘главный вождь’ или обычно ‘государь’, ‘монарх’, – то, вероятно, речь может идти о какой-то подчиненной им группировке *канглы*, возможно, связанной как раз с зафиксированными здесь прежде левобережным *йемеками*.

Джувейни, говоря о хорезмийском походе 1195 г. против Кадыр Буку хана, называет в войске Текиша тюрок из племени *уwrān*, перешедших на сторону его противника [9, с. 406–407, прим. 1; 23, с. 448]. Как отметил В.В. Бартольд, форма написания названия этого племени, названного родным племенем жены Текиша и матери Ала ад-Дина Мухаммеда в сочинении Джувейни в редакции Казвини, и, видимо, вслед за ним, у Рашид ад-Дина [32, т. 1, кн. 2. с. 209; 61, с. 110 note 48, с. 117–118], четко соотносится с написанием части имени Кара Алп Урана, и в таком же написании название одного из тюркских племен известно у Фахр-и Мудаббира (1206 г.) [9, с. 407, прим. 1; 69, с. 228; 4, с. 217–218]. По мнению П.Б. Голдена, оно могло передавать тюркское звучание **Uran* / **Örān* [61, р. 117–118]. С.М. Ахинжанов обратил внимание на то, что это написание (*уран* в его транскрипции) совпадает с зафиксированным в мамлюкском тюрко-арабском словаре XIV в. словом *’wrān* в значении ‘змея’ [4, с. 122–125 сл., 225]. Действительно, в тексте упомянутого источника встречается слово *’wrān* [58, с. 11, Linie 17 (ар. текст)], читаемое Дж. Клосоном в форме **ewre:n*, со значением ‘гадюка’ (*ac-cu*’ *bān*), что коррелируется с осм. *evren* ‘большая змея, дракон’ [53, с. 15]³.

У Рашид ад-Дина, приводящего более краткую версию неудачного похода Текиша 1195 г., его противник, имя которого приводится в форме Кайр (< *Кайыр) Таку (вар.: Туку) хан, назван уйгурским [32, т. 1, кн. 2, с. 137]. С.М. Ахинжанов связывал это с упоминанием у Джузджани «сыновей беков племени *йугур*» (*ywǧwr zādagān*), которое он прямо отождествлял с уйгурами, написав вслед за В.В. Бартольдом о некоей, упоминаемой тем же персидским автором, «стране Югур», понимая под ней область кипчаков [4, с. 217, 235; 9, с. 434]. В. Минорский считал, что у Джузджани речь идет об упоминании «страны йигуров Туркестана» [65, с. 309].

В сочинении Джузджани упомянут некий Кадыр-хан Туркестанский, в одном месте обозначенный как сын Йусуфа из *татар*, в другом месте названный сыном Такафтана

² Бо-гу 李古, совр. *bó-gǔ*, позд. ср.-кит. **phut-kuǎ*’ [82, с. 40, 111] < **buǧa*, ср.: карах. *buqa*, кипч. *boǧa*, *buǧa* [53, с. 312]; вопреки П. Пельо, видевшему в Буку Джувейни передачу тюрк. **böǧü* [80, с. 22].

³ Долгота во втором слоге, обозначенная Дж. Клосоном, по-видимому, отсутствует, поскольку *’алиф* здесь должен обозначать широкий гласный. Ср. тюркскую основу *evir-* ‘поворачивать’, ‘вращать’, ‘поворачиваться’, образованную от гипотетического корня **eb-* ~ **ev-* и зафиксированную также в орх. *ebir-*, др.-уйг. *evir-*, карах. *evür-*, чаг. *ewür-*, осм. *evir-* [53, с. 14; 35, с. 227, 228–229, 499]. Этимологизация для кипчакского *ewrān* (без долготы, вопреки Дж. Клосоноу), ‘змея’ (< *evrān*), выявляется следующим образом: *evir-* + афф. результата действия *-Xn* (что объясняет широкий гласный во втором слоге) > *ev(i)r-ān*.

(или Сакафтана) из *йемеков* [9, с. 434, прим. 5; 77, с. 129; 4, с. 224]. Согласно персидскому автору, именно его отправился в степь грабить хорезмшах Мухаммед в 1218 г. Однако здесь, по-видимому, следует обратиться к гипотезе Й. Маркварта, что персидский автор не только перепутал его с меркитетским ханом Токта-бики, не поняв, что, в то время как хорезмшах направился в поход против меркитов, он столкнулся с монголами, – которых и именует Джузджани *татарами*, следовавшими в погоню за меркитами, – но, кроме того, персидский автор смешал данного Кадыр-хана с каким-то одноименным караханидским правителем [77, с. 129–131; 39, т. II, с. 15, прим. 1, 3]. Как показал П. Пельо, титул *Кадыр-хан* в этот период мог носить не кто иной, как наместник Отрара, двоюродный брат Теркен-хатун, Иналчук Кайыр хан, известный по «Юань ши» как Ха-чжи-эр Чжилань-ту 哈只兒只蘭秃 [80, с. 53–54; 69, с. 232–233, nota 18]. При этом китайская транскрипция позволяет до точности реконструировать его титул, как *Йыналчук – с аффрикативным согласным и губным гласным в последнем слоге и с типичным для некоторых диалектов языков карлукской группы инициальным йотирующим звуком, в то время как для некоторых огузских и кипчакских диалектов характерна его редукция: в таком виде титул *йынал зафиксирован лишь в огузской среде, ср. у Махмуда ал-Кашгари *Īnāl Ūz*, личное имя правителя кипчаков [50, с. 6, 10–11; 54, С. I. с. 361]. Здесь же *кайыр* – это кипчакское произношение общетюркской основы с *-d-*: ср. тюрк. *qajir < qadīr < qadīr > qazīr* [57, Bd. III, с. 378–380; 53, с. 603–604, 678]⁴.

Как отметил В. Минорский, ан-Насави, говоря об этом же походе Мухаммеда, называет реку Ирғиз, а Джувейни упоминает местность Кара-кум, принадлежащую *канглы*, и, по мнению В. Минорского, эти локации тождественны *irghīs savuq* и *qara qum*, известным у Абу-л-Гази среди территорий улуса Шибана [65, с. 309–310]. Согласно данным Рашид ад-Дина, в местечке под названием Каракум (в другой рукописи Рашид ад-Дина: Каракорум) была после ставка Джучи [9, с. 482 прим. 9; 48, с. 12 note 24]. В другом месте его сочинения говорится, что ставка Джучи находилась на берегу Иртыша, Абу-л-Гази именует ее *Кок Орда*, т.е. букв. ‘голубая орда’, означающая ‘восточную ставку’ [32, т. 2, с. 78; 36, с. 199]. Согласно Абу-л-Гази, Бату отдал своему брату Орду «земли в том месте, где жил отец твой», в районе Черного Иртыша и оз. Алакуль. Между Черным Иртышом и оз. Алакуль Иоанн де Плано Карпини застал ставку Урду во время своего путешествия. Однако Каракум известен как одна из зимних ставок Шибана (при этом р. Ирғиз к востоку от р. Яик упомянута как одна из летних ставок), но восточными границами его улуса был район устьев рек Чу и Сары-су [36, с. 217]. Пустыня Каракум, располагающаяся на севере современной Алматинской области, в Балхаш-Алакольской котловине, представляла собой местность на северо-востоке каракитайских владений. Таким образом, можно предполагать локализацию Каракум, упомянутого у Рашид ад-Дина в низовьях Черного Иртыша (ср. село Каракум в современном Аягузском районе Восточно-Казахстанской области, Респ. Казахстан), и также считать его тождественным с одноименным топонимом у Джувейни. Следовательно, очертания театра боевых действий 1218 г. должны быть сведены к землям к северо-востоку от Отрара и Дженда, т.е. среднего течения р. Сыр-Дарья, вдоль оз. Балхаш по южной границе и до р. Иртыш (Белый Иртыш), за которой уже находились древние земли кимаков, что соотносимо с территорией кочевания группировки *канглы*, восточные границы которой могут быть ограничены долиной оз. Зайсан до Черного Иртыша, а южные и

⁴ Это обстоятельство ослабляет гипотезу, выдвинутую самим П. Пельо несколько позже. На основе транскрибирования имени упомянутого в «Юань ши» (цз. 151) И-на-сы 亦納思 как *inas, что передает, по его мнению, титул (или личное имя) *inal*, уменьшительной формой которого является *inalčiq*. П. Пельо считал возможным видеть упомянутого наместника Отрара, хотя признавал фонетические трудности этой гипотезы [63, с. 102]. Ср. другие точки зрения: [15, с. 134–135; 48, с. 9, 16–17; 46, с. 23–25].

юго-восточные – склонами Тяньшаньского хребта, за которым уже начинались уйгурские владения. Так, у Джувейни в этих районах известен некий разбойник Озар из *канглы*, который в 1218 г. даже сумел овладеть Алмалыком [6, с. 296], а отождествление Кадыр хана с Туркестаном у Джузджани, и с уйгурами – у Рашид ад-Дина, в соотношении с упоминанием опять же у Джузджани «сыновей беков племени *йугур*» и «страны Йугур (вар.: Йигур)» [83, Vol. I, с. 267 note 1; 9, с. 434, прим. 6], соответствующей топониму Юй-юй 玉峪 «Юань ши» (цз. 122) [80, с. 24; 45, с. 499; 46, с. 73, прим. 125, 126] (ср. также вар. Юй-гу 玉谷) [79, с. 154, not. 2], позволяют говорить о наличии в составе этой племенной группировки уйгурских элементов, что, так или иначе, уже отмечалось исследователями [ср. также: 63, с. 104–105; 15, с. 135; 4, с. 188–189, 202, 235; 61, с. 121], при том, что титул отца Теркен-хатун, **джанкши*, прямо свидетельствует о связях этой группировки с культурными и, возможно, политическими традициями восточно-туркестанских уйгуров [см. также: 51, с. 244–245, 251–252]. Характерно, что «Хэй-да ши-люэ» вовсе отождествляет кипчаков (*кэ-би-шао* 克鼻梢) с мусульманским государством (*хуэй-хуэй го* 回回國) и именует их «родом» (*чжун* 种) уйгуров (*хуэй-хэ* 回紇) [см.: 46, с. 71].

В 1198 г. к Текишу обратился за помощью прибывший в Дженд Алп Дерек, племянник Кадыр Буку-хана (сын его младшего брата). С ним хорезмшах послал своего сына Кутб ад-Дина Мухаммеда (впоследствии – хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммед) совершить поход в степь, в результате которого удалось пленить Кадыр Буку-хана. Однако вскоре Алп Дерек начал сам беспокоить Хорезм набегами, в результате чего Текиш выпустил пленника и отправил его с войсками против племянника. Однако он был разбит. Сообщение, что эта новость была радостно воспринята в Хорезме, позволило В.В. Бартольдусу усомниться в достоверности этих сведений в целом [9, с. 407; 69, с. 236–237; 4, с. 218–219]. От Джувейни известно о нападении «остатков людей, которые некогда были подданными Кадыр-Буку», на окрестности Дженда в 1210 г., пока хорезмшах Мухаммед был в походе на кара-китаев [4, с. 222, 224]. Реконструкция событий, проделанная С.М. Ахинжановым, хотя и имеет ряд натяжек, тем не менее, позволила ему выдвинуть гипотезу об отождествлении Алп Дерекка с Иналчуком [4, с. 219–222]. Вплоть до появления монголов это – вся информация, которую дают источники о взаимодействии хорезмийцев с кипчаками в данный период.

Персидский историк Джузджани перечисляет названия *кыбчак*, *канглы*, *йемек* и *ал-б.ри* среди народов, покоренных Бату. При этом выходец из последних, кипчакский правитель Делийского султаната Улуг хан-и Аджам (Гийас ад-Дин Балбан, правил в 1266–1287 гг.) назван у этого автора «ханом *ал-б.ри* и шахом *йемеков*» [77, с. 171–172; 63, с. 107]. Как убедительно показал П.Б. Голден, в данном случае речь идет о наименовании **ölberli(g) / *ölperli(g)*, фиксирующегося в древнерусских летописях в форме *Отперлюеве / Оперълюеве*, они же *ольберы* в «Слове о полку Игореве», *б.рлик*, *ал-б.ри*, *ал-б.рли*, *улб.рлик* – у мусульманских авторов, ему же тождественно *вэнь-эр-бе-ли цинь-ча* 穩兒別里欽察 (где второе слово – *кипчак*) «Юань ши», и об этой группировке идет речь в письме ильхана Хулагу французскому королю Людовику IX в выражении *regi uilperitorum*. Наиболее обоснованной, согласно П.Б. Голдену, выглядит этимологизация этого названия от предложенного еще П.М. Мелиоранским монг. **ölübür / *ölöbür* ‘слабый, имеющий плохое здоровье’ [60, с. 12–14, 24 note 79; 61, с. 116–117]. Оставляя в стороне различные гипотезы о выяснении происхождения этого племени и дискуссии о его отношении к другим племенным группировкам [79, с. 161; 63, с. 104–105, 107; 60, с. 13, note 29, с. 22 note 74, с. 24; 46, с. 27 прим. 16, с. 80, прим. 150], следует отметить, что основные сведения об *ольберли* относятся к территории Волго-Уральского междуречья. Именно в низовьях Волги воевал с монголами ее представитель Бачман, известный как по персидским (Джувейни, Рашид ад-Дин), так и по китайским («Юань ши»)

источникам [ср.: 51, vol. I, с. 310–312; 31, с. 185–186; 48, с. 17–20; 60, с. 28–29]. Имя Бачмана сохранилось в народных преданиях татарского народа. Согласно дастану «Түләк һәм Сусьлу», народ, которым правил Бачман, жил у р. Урал, «Дәфтәре Чынгызнамә» связывает его владения с местностью Ак Тубэ, строительство города Актюба приписывается Бачману в легенде, приводимой в труде оренбургского чиновника П.И. Рычкова. Эти данные коррелируются с сообщением персидских источников, что позволяет связать с владениями Бачмана р. Ахтуба, являющуюся левым рукавом Волги [41, с. 116; 14, с. 14, 16].

Волга выступает в этот период рубежом не столько географическим, сколько стратегическим. По крайней мере, нахождение городища золотоордынского времени (Ахтубинское) у самого начала устья р. Ахтуба и наличие прямо напротив него, на другом берегу Волги, другого городища (Мечетное, на территории современного Волгограда), позволяет предполагать здесь существование оживленной переправы в золотоордынское время, тем более выходящей на Дубовскую переволку – место самого близкого расположения русел Волги и Дона [13, с. 110–111], во все времена имевшей важное стратегическое значение [см.: 20, с. 28–29]. Кроме того, наличие ряда городищ золотоордынского времени ниже по течению р. Ахтуба также говорит об оживленном земледельческом хозяйстве в этих районах [13, с. 118]. Вероятно, ситуация была похожей и в домонгольское время. Вся окружающая степь описывается, например, Гийомом де Рубрук как пустыня, «где нет никакого города, кроме неких поселков вблизи того места, где Этилия [т.е. Волга – *Авт.*] впадает в море» [30, с. 119].

По Волге прежде, в X – первой половине XI в., разделялись территории *огузов* и *кипчаков*, а теперь кипчацкие племена условно разделялись на *куман* (или *половцев*) и *канглы* [5, с. 98–99]. Уже Махмуд ал-Кашгари называл Этиль рекой, текущей в стране кипчаков [54, С. I, с. 73]. На основе косвенных сведений К.В. Кудряшов определял прохождение восточной границы земель половцев, т.е. западных кипчаков, вдоль русла р. Урал от Каспийского моря до современного г. Уральска, и далее на запад примерно по рекам Камелик и Большой Иргиз [20, с. 130–131].

Существование кипчацких кочевий на нижней Волге едва ли вызывает сомнение, но есть ряд вопросов, связанных с городом Саксин, информация о котором в источниках крайне фрагментарна и не позволяет представить целостной картины его культурного облика [26, с. 108–113]. Махмуд ал-Кашгари упоминает Саксин как «город близ Булгар», отождествляя его с Суваром, но не давая больше никаких сведений [54, С. I, с. 437]. Но это отождествление едва ли может быть принято. Абу-Хамид ал-Гарнати, арабский путешественник, побывавший в Саксине в 1150 г., упоминает среди его населения живших в войлочных шатрах «сорок племен (*кабйла*) гуззов», у каждого из которых был отдельный эмир, а также представителя ряда других народов мусульманского вероисповедания, каждый из которых имел свою мечеть: в частности, несколько племен неких «хазар», «булгарцев» (*ѓмм мин ал-булгәриййан*) с собственным эмиром во главе (*амйр мин ахл ал-булгәр*, букв. ‘эмир жителей Булгара’) и «жителей Суvara» (*ахл сувар*), а также ряд выходцев из арабских стран [29, с. 27]⁵. Упоминание *гуззов*, т.е. *огузов*, в составе поликультурного населения Саксина имеет важное значение, поскольку

⁵ Работа с разрозненными рукописями сочинений ал-Гарнати долгое время заставляла востоковедов думать, что, повествуя о Саксине, арабский автор писал, что некий хорезмшах Ала ад-Даула пытался завоевать город в течение сорока лет [76, с. 87–88], что соответственно порождало различные попытки интерпретации этого сообщения [7, с. 588–589; 40, с. 275]. Однако впоследствии реконструкция текста показала, что в соответствующем отрывке речь идет не о попытках захвата города хорезмийцами, а содержит один из исторических анекдотов, прославляющих богатые земли Саксина [29, с. 47–48, 52–54, 80, прим. 173], хотя, вероятно, это сообщение отражало и существование связей Саксина со Средней Азией.

ку в других случаях арабский автор упоминает просто «тюрок», ничего не говоря об их племенной принадлежности. Современник ал-Гарнати, персидский географ Наджиб Хамадани, – чье сообщение прежде по недоразумению приписывали Ахмеду ат-Туси [см.: 29, с. 111], – также упоминая о том, что жители города живут в шатрах, и при этом все они являются мусульманами, сообщал, что их беспокоят «племена *йимеков* (*уутк*) и *кипчаков* (*qfĕāq*)» [84, с. 205; 2, с. 162, прим. 1]. Джузджани, повествуя о правлении хорезмшаха Кутб ад-Дина Мухаммеда (1097–1127), т.е. несколько более раннем периоде, – хотя сведения этого автора в целом очень противоречивы, – говорит об успешной обороне хорезмшахом границ от «неверных саксинов, болгар и кипчаков» [83, vol. I, с. 234]. Характерно, что впоследствии и персидские источники, описывающие монгольское завоевание (Джувеини, Рашид ад-Дин), и русские летописи также разделяют *кипчаков* (или, соответственно, *половцев*) и *саксинов* [см.: 48, с. 12–13, 15]. Все это позволяет опровергнуть гипотезу о том, что *саксинами* в русских летописях именовалась нижеволжская группировка половцев [42, с. 149–150; 27, с. 116–117].

Контакты кипчакских племен с булгарами начались, по-видимому, уже в конце XI в., когда летние их кочевки стали приближаться к болгарским рубежам. При этом каких-либо четких политических границ между булгарами и кочевавшими к югу и юго-востоку соседями не существовало. С этого периода на территории Среднего Поволжья, в частности в низовьях р. Камы, наблюдается появление новых элементов материальной культуры, встречающих аналогии в материале с территории Южного Урала, Южной Сибири и даже Дальнего Востока. Тенденция к увеличению здесь доли кочевнического тюркоязычного, – вероятно, преимущественно кипчакского, – населения продолжается с различной степенью интенсивности вплоть до середины XIV в. [16, с. 69, 70; 33, с. 25–29].

В одном из списков сочинения ал-Гарнати, побывавшего в 1135–1136 г. в Булгаре, сообщается о пребывании вокруг города множества «племен тюрок» (*умм ал-тўрк*) [76, с. 236–237]. Д.А. Расовский не сомневался, что речь идет о половецких, т.е. кипчакских племенах [31, с. 160]. Возможно, существование таких культурных контактов на территории Средней Волги нашло также отражение в географическом сочинении ал-Идриси (1154 г.), который, хотя сам в Булгарии не был и заимствовал сведения из старой традиции, упоминал о том, что жители Суvara проводят зиму в деревянных постройках, а летом живут в шатрах [19, с. 120].

Достоверные данные о восточных кипчаках в письменных источниках появляются гораздо позднее. По крайней мере, в древнерусских летописях упоминаются *половци емякове* – единственный раз, в связи с событиями похода 1184 г. против Булгарии, организованного владими́ро-суздальским князем Всеволодом Юрьевичем, к которому они и пришли вместе с одним из болгарских князей, чтобы предложить свою помощь. Тождество упомянутого наименования с названием *йемек* не вызывает сомнений у исследователей [31, с. 160–161, прим. 38; 81, с. 343–344; 61, с. 121; 62, с. 307]. Это были, по мнению Д.А. Расовского, те самые половцы, которые перекочевывали в летний сезон из-за р. Урал к верховьям р. Камы. Эту интерпретацию принял О. Прицак, считавший их восточной группировкой конгломерата *канглы*. Д.А. Расовский приводил в доказательство карту Махмуда ал-Кашгари, где между степями племени *йемек* (в долине Иртыша) и Булгаром располагались только степи *башкурт*’ов. Учитывая данные о нахождении кочевий канглы-йемеков в конце XII в. на территории между нижней Сыр-Дарьей и низовьями Черного Иртыша, косвенным подтверждением предположения о существовании маршрутов в северо-западном направлении может послужить сообщение Ибн ал-Асира, относящееся к 1043 г., где говорится о принятии ислама группой тюрок, которые «проводили лето в краях Булгара, а зимовали в краях Баласагуна», но с принятием ислама «рассеялись по стране [имеются в виду владения ханов Баласагуна и

Кашгара. – *Авт.*]; в каждом крае по тысяче кибиток, меньше или больше [в зависимости] от их безопасности, ведь они объединялись только для того, чтобы защищать друг друга от мусульман» [22, с. 60].

Несмотря на то, что вопрос о том, каким образом соотносились между собой кипчакские группировки волго-уральских *ольберли* и казахстанских *канглы / йемеков*, остается открытым, их отношения с Волжской Булгарией следует рассматривать как контакты географически соседствующих политических объединений. По крайней мере, «Юань ши» (цз. 120), упоминая о продвижении монголов в 1223 г. в страну *канли* 康裡, т.е. *канглы*, называет одним из конечных пунктов их пути город (*чэн* 城) Боцзы бо-ли 孛子八里, в названии которого Р.П. Храпачевский, следуя отождествлению П. Пельо сочетания *бо-ли* 八里 с транскрипцией тюркского слова *balıq*, считает возможным видеть передачу сочетания Болгар-балык [79, с. 162; 63, с. 105; 45, с. 522, комм. VII; 46, с. 77, прим. 142, 143].

Таким образом, история Хорезмийского государства уже с самого начала правления династии Ануштегинидов была тесно связана с историей кипчакских племен, в частности с группировкой *канглы*, чьи владения располагались в непосредственной близости от Хорезма, к востоку от нижнего и среднего течения р. Сыр-Дарья. Судя по всему, по крайней мере, в последней четверти XII – начале XIII в. пределы владений этой группировки простирались в западном направлении вплоть до р. Урал и, видимо, далее, доходя до нижнего и среднего течения Волги, где отдельные подразделения *канглы* вступали в контакты с Саксином и Волжской Булгарией. Особо тесными связи между правящими родами Хорезма и *канглы* стали в период наибольшего усиления Хорезмийского государства на политической арене при хорезмшахах Ала ад-Дине Текише и Ала ад-Дине Мухаммеде, что отразилось, в частности, в значительном увеличении доли выходцев из кипчакских племен в военно-административной структуре Хорезмийского государства, где в итоге вплоть до монгольского завоевания они заняли фактически все ключевые посты.

1. Абу-л-Фазл Бейхаки. История Мас'уда / Пер. А.К. Арндса. Ташкент, 1962. 748 с.
2. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969. 296 с.
3. ал-Асир ибн. «Ал-Камил фи-т-тарих» «Полный свод по истории». Избранные отрывки / Пер. П.Г. Булгаков, Ш.С. Камолиддин. Ташкент, 2006. 560 с.
4. Ахинжанов С.М. Кипчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы, 1995. 296 с.
5. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории тюркских народов // Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968. С. 19–192.
6. Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М., 1964. С. 265–302.
7. Бартольд В.В. Очерк истории туркменского народа // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М., 1963. С. 547–623.
8. Бартольд В.В. [Рец. на] Н.А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968. С. 266–279.
9. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения. Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М., 1963. С. 45–597.

10. Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231. М., 1986. 248 с.
11. Дафтари Ф. Краткая история исмаилизма. Традиции мусульманской общины / Пер.: Л.Р. Додыхудоева, Л.Н. Додхудоева. М., 2004. 273 с.
12. Джувейни. Чингиз-хан. История завоевателя мира / Пер. Е.Е. Харитонов. М., 2004. 690 с.
13. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. 224 с.
14. Закирова И.Г. Народное творчество периода Золотой орды: мифологические и исторические основы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2011. 61 с.
15. Кадырбаев А.Ш. Китайские источники монгольской эпохи о внешнеполитических связях тюркских кочевников Казахстана – Кипчаков и канглы с народами Центральной Азии и Дальнего Востока (XII – начало XIII в.) // Тринадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае»: тез. докл. Ч. 2. М., 1982. С. 132–136.
16. Казаков Е.П. Об этнокультурных компонентах народов Восточной Европы в Волжской Булгарии (по археологическим материалам) // Татарская археология. 1997. № 1. С. 61–77.
17. Джамал ал-Карши. ал-Мухлакат би-с-сурах // История Казахстана в персидских источниках. Алматы, 2005. Т. 1. 416 с.
18. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. 214 с.
19. Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. М., 2006. 328 с.
20. Кудряшов К.В. Половецкая степь: Очерки исторической географии. М., 1948. 170 с.
21. Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. 156 с.
22. Материалы по истории киргизов и Киргизии / Отв. ред. и авт. введ. В.А. Ромодин. Вып. 1. Из арабских, персидских и тюркских исторических и географических сочинений X–XIX вв. М., 1973. 280 с.
23. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. Арабские и персидские источники. (VI–XV вв.) / Под ред. С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М.; Л., 1939. 612 с.
24. Ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммед. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер. З.М. Буниятова. Баку, 1973. 450 с.
25. ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммед. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны / Критич. текст, пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указ. З.М. Буниятова. М., 1996. 804 с.
26. Пилипчук Я.В. Саксин: этническая и политическая история // Восток (Oriens). 2013. № 4. С. 108–113.
27. Плетнева С.А. Половцы. М.: Наука, 1990. 210 с.
28. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908. XVI с., 938 стб., 87, iv с.
29. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публ. О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта [пер. с араб., вступ. ст. и примеч. О.Г. Большакова; ист. коммент. А.Л. Монгайта]. М., 1971. 134 с.
30. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Пер. А.И. Малеина; ред., вступит. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М., 1957. 270 с.
31. Расовский Д.А. Половцы. Черные клобуки: печенеги, торки и берендеи на Руси и в Венгрии (работы разных лет). М., 2012. 240 с.
32. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1 / Пер. с перс. Л.А. Хетагурова. М.; Л., 1952. 221 с.; Т. 1. Кн. 2 / Пер. с перс. О.И. Смирновой. М.; Л., 1952. 315 с.; Т. 2 / Пер.

с перс. Ю.П. Верховского; примеч. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова; ред. И.П. Петрушевского. М.; Л., 1960. 260 с.

33. Руденко К.А. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X–XIV вв. по археологическим данным: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2004. 47 с.

34. Садр ад-Дин 'Али ал-Хусайни. Ахбар ад-Даулат ас-Селджукийя (Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-селджукийя) («Сообщения о Сельджукском государстве»). «Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях» / Пер. З.М. Буниятов. М., 1980. 519 с.

35. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974. 768 с.

36. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2007. 448 с.

37. Тарих-и Систан. (История Систана) / Пер. Л.П. Смирнова. М., 1974. 574 с.

38. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. XII, 563 с.

39. [Тизенгаузен В.Г.] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л., 1941. 308 с.

40. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. 328 с.

41. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972. 224 с.

42. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: МГУ, 1966. 274 с.

43. Умняков Н.И. «История» Фахрэддина Мубаракшаха. [Рец. на] *Ta'rikh-i-Fakhru'd-Dīn Mubārāk-shāh being the historical introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Dīn Mubārāk-shāh Marvar-rūdi completed in a.d. 1206. Edited from a unique Manuscript by E. Denison Ross, Director of the School of the Oriental Studies. London, 1927. XX+84 pp. 8° («James G. Forlong Fund» Series, № 4) // Вестник древней истории. 1938. № 1(2). С. 108–115.*

44. Мухаммед ал-Хамави. Ат-Тарих ал-Мансури («Мансурова хроника») / Изд. П.А. Грязневич. М., 1960. 521 с.

45. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингиз-хана. М., 2005. 557 с.

46. Храпачевский Р.П. Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье (по данным китайских источников) *元史 黑韃事略*. М., 2013. 126 с.

47. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года / Критический текст, пер. с латыни «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа С.В. Аксенова и А.Г. Юрченко; экспозиция, исследование и указатели А.Г. Юрченко. М., 2002. 478 с.

48. Allsen T. Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237 // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1983. Т. III. P. 5–24.

49. Baha ad-Din Mohammad ibn al-Bagdadi. *at-Tavassul ila at-Tarassul* («Книга искания доступа к деловой переписке»). Tehran, 1937. 389 s.

50. Bosworth C.E., Clauson G. *Al-Xwārazmī on the Peoples of Central Asia* // *Journal of the Royal Asiatic Society (New Series)*. 1965. Vol. 97. Iss. 2. P. 2–12.

51. Bretschneider E. *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century*. London, 1910. Vol. I. With a Map of Middle Asia. XII, 334 p.; Vol. II. With a Reproduction of a Chinese Medieval Map of Central and Western Asia. X, 352 p.

52. *Cambridge History of Iran* / Ed.: J.A. Boyle. Cambridge, 1968. Vol. 5. 763 p.

53. Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford, 1972. xlviii, 989 p.

54. *Divanü Lûgat-it-Türk ve Tercümesi* / Çev. B. Atalay. Ankara, 1985. Cilt I. 530 s.; Cilt III. 329 s.

55. Djuveini. *Tarih-e jahan goshay*. Vol. 1–2. Leiden, 1912.

56. Djuvaini. *The History of the World-conqueror*. Vol. 1–2 / Trad. J.A. Boyle. Manchester, 1959.
57. Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit*. Bd. III. *Türkische Elemente im Neupersischen*. Wiesbaden, 1967. 670 S.
58. Ein türkisch-arabisches Glossar, nach der Leidener Handschrift / Hrsg. und erläutert: M.Th. Houtsma. Leiden, 1894. 114, 57 (Lithographie) S.
59. Das Geschenk aus des Säldschukengeschichte von dem wesir Muhammad b. Muhammad b. Abdallah b. al-Ni'tam al-Husaini al-Jazdi / Ed. Karl Sussheim. Leiden, 1909. 244 s.
60. Golden P.B. *Cumanica II: The Ölberli (Ölperli): The Fortunes and Misfortunes of an Inner Asian Nomadic Clan* // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1986 [1988]. T. VI. P. 5–29.
61. Golden P.B. *Cumanica IV: The Cumano-Qıpçaq Clans and Tribes* // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1995–1997. Vol. IX. P. 99–122.
62. Golden P.B. *The Polovci Dikii* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1979–1980. № 3–4. P. 296–309.
63. *Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou* / Traduit et annoté: P. Pelliot et L. Hambis. Leiden, 1951. T. I. XXVII, 485 p.
64. *Histoire des seldjoucides de l'Iraq par al-Bondari d'après Imad ad-din al-Katib al-Isfahani* // *Recueil de textes relatifs à l'histoire des seldjoucides*. / Ed. M.Th. Houtsma. Vol. II. Leiden, 1889. 324 s.
65. *Ḥudūd al-Ālam: «The Regions of the World», A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D.* / Transl. and expl. by V. Minorsky; with the preface by V.V. Barthold. London, 1937. xx, 524 p.
66. Ibn Isfandiyyar. *Tarih-i Tabaristan*. Tehran, 1941. J.1–4.
67. Kafesoğlu I. *Harezmsahlar devleti tarihi (485–617/1092–1229)*. Ankara, 1956. 420 s.
68. Hamdallah Kazvini. *Tarihi gouzide* / Trad. Y. Le Strange. Paris, 1903. Vol. I. 732 p.
69. Köprülü M.F. *Türk Etnolojisine Ait Tarihi Notlar: Uran Kabilesi* // *Belleten*. 1943. Cilt VII. Sayı 26. S. 227–243.
70. Marashi Zahir ad-Din. *Tarikh-e Tabaristan va Ruyan va Mazandaran*. Tehran, 1966. 393 s.
71. Mohammad ibn Ibrahim. *Tavvarih-e al-e saljouk* // *Recueil de textes relatifs à l'histoire des seldjoucides*. / Ed. M. Th. Houtsma. Vol.I. Berlin, 1886. 211 s.
72. ün-Nesevî Ahmed Şehabeddin. *Celâlüttin Harezemşah* / Mütercimi: Necip Âsım [Yazıksız]. İstanbul, 1934. 158 s.
73. An-Nasavi Nur ad-Din Muhammad Zeydary. *Sirat-e Jelal-e ad-Din ya Tarih-e Jelali* / Trans. Mohammad Ali Naseh. Tehran, 1945. 354 s.
74. Natanzi Moin ad-Din. *Montahab at-tavarih-e Moini*. Tehran, 1957. 492 p.
75. Nishaburi Zahir ad-Din. *Salguk-name*. Tehran, 1953. 100 s.
76. *Le Tuḥfat al-albāb de Abū Hāmid Al-Andalusī Al-Ġarnāfī*, par G. Ferrand // *Journal Asiatique*. 1925. T. CCVII. P. 1–148, 193–304.
77. Marquart J. *Über das Volkstum der Komanen* // *Bang W.*, Marquart J. *Osttürkische Dialektstudien*. Berlin, 1914. S. 25–238.
78. Ravandi Mohammad. *Rahat as-sudur va ayat as-sorur*. Tehran, 1955. 575 s.
79. Pelliot P. *A propos des Comans* // *Journal Asiatique*. 1920. XI série. T. XV. № 1. P. 125–185.
80. Pelliot P. *Notes sur le «Turkestan» de M.W. Barthold* // *T'oung Pao*. Second Series. 1930. Vol. XXVII. № 1. P. 12–56.
81. Pritsak O. *The Polovcians and Rus* // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1982. T. II. P. 321–380.
82. Pulleyblank E.G. *A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin*. Vancouver, 1991. 488 p.

83. Ṭabakāt-i-Nāširī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam / by Minhāj-ud-dīn, Abū-'Umar-i-'Usmān; transl. from original Persian manuscripts by H.G. Raverty. London, 1881. Vol. I. xlix, 518 p.

84. Zeki Validi Togan A. Ibn Faḍlān's Reisebericht. Leipzig, 1939. XXXIV, 337, 45 S.

§ 3. Кочевники Восточной Европы в начале XIII в.

Владимир Иванов

Распад Кимакского каганата, ослабленного внутренними противоречиями, в начале XI в. был ускорен натиском центральноазиатских племен – кунов (команов) и каи – с востока. Следствием этого явилось изменение этнополитической ситуации в областях, прилегающих к каганату с запада – в степном Приуралье и Заволжье. Опираясь на сведения средневековых авторов – ал-Марвази, ал-Бируни, Ибн ал-Асира и др. – исследователи освещают этот процесс в следующей последовательности: обитавшие в северном Китае племена кунов в 30-е годы XI в. подверглись нападению со стороны киданей и, уступая их натиску, двинулись на запад. По дороге они подверглись нападению со стороны племени каи и, будучи вынужденными отступать дальше, обрушились на племя шары (сары) или половцев. Двигаясь далее на запад, группировка кунов и шары вышли к землям кипчаков, лежавшим на пути их миграции, и смешались с ними. Результатом этого взаимодействия явилось утверждение политического господства кипчаков в этом кочевническом объединении, хотя реальной военной силой там оставались куны (команы) и шары [14, с. 346]. Группировка кунов-шары-кипчаков ударила по гузам, кочевавшим в Приаралье и Заволжье, и вынудила их уйти за Волгу [17, с. 124–126; 15, с. 136–138]. Так шары (сары)-кипчаки становятся хозяевами приуральских и заволжских степей.

По-видимому, это не решило основной для них проблемы – поиска нового жизненного пространства – поскольку приуральская степь в то время находилась в завершающей стадии очередной аридизации (усыхания), и ее климатические условия максимально приближались к современным [9]. А это означает резко континентальный климат с частыми засухами и маловодьем рек летом, зимами, хотя и морозными, но с периодическими оттепелями и следующими за ними гололедицами и, как результат, джухом. Поэтому территорию между Уралом и Волгой сары-кипчаки проходят, можно полагать, без остановки. Об этом наглядно свидетельствуют немногочисленные (41 погребение) кочевнические захоронения предмонгольского периода (конец XI–XII вв.), разбросанные на огромной территории Степного Заволжья и Южного Приуралья. Половецко-кипчакская этническая принадлежность населения, оставившего эти курганы, подтверждается археологически фиксируемыми признаками погребального обряда, находящего параллели и аналогии среди памятников половцев (сары-кипчаков) степей Восточной Европы [13, с. 138–141].

Еще в 1960-е годы Г.А. Федоров-Давыдов, опираясь на сведения средневековых авторов (в частности Рашид ад-Дина), связывал курганы XII–XIII вв. в Нижнем Поволжье (саксин) с половцами-команами [26, с. 150]. Вслед за ним Р.Г. Кузеев на основании данных исторической этнографии писал о начале массового переселения кипчаков на территорию современного Башкортостана в XIII веке [16, с. 171–172, 184].

Однако сведения письменных источников (в частности, Ибн-ал-Асира) позволили С.М. Ахинжанову выдвинуть несколько иную гипотезу о времени освоения кипчаками степей Южного Урала. В частности, этот автор считает, что еще в XI в. кипчаки, кото-

рым «принадлежали земли почти всего Центрального и Западного Казахстана», имели летние пастбища-*джайляу* в низовьях р. Камы, откуда они, по его мнению, уходили зимовать в окрестности Баласагуна [2, с. 51].

В целом же сведения средневековых письменных источников о племенах, обитавших к востоку от Волги вообще, и о сары-кипчаках в частности, настолько скудны и отрывочны, что исследователям приходилось извлекать соответствующую информацию чаще всего методом перекрестного анализа различных документов.

Как самостоятельное этнокультурное образование, отличное от синхронных и соседних племен, кипчаки (тюрки-кипчаки) впервые упоминаются в середине VIII в. на стеле в память Моюн-чура как политические противники древнетюркских племен. А в конце IX–X вв. арабо-персидские авторы (Ибн Хордадбех, «Худуд ал-Алам») перечисляют кипчаков наряду с основными этнополитическими образованиями: кимаками, огузами и печенегами, расселявшимися в восточной части евразийских степей.

В начале XI в. кипчаки, пережившие период ускоренного социально-политического развития, становятся соседями Хорезма (Бейхаки) и ведут успешные войны за приаральские пастбища с хорезмшахами, вынуждая тех идти на компромиссы и даже на династические браки с кочевниками [1, с. 61]. В то время кипчакские племена составляли конфедерацию с единой материальной культурой и одним уровнем общественного развития. Во главе конфедерации стояли ханы рода Ольбурлик (Эльбари, Ильбари), занимавшего местность Юйли-боли, которую исследователи локализуют в степях северо-западного Казахстана и Южного Урала [1, с. 61] и которая совпадает с территорией распространения курганов XII–XIII вв. Южного Приуралья.

Кроме кипчаков в конфедерации кочевников заметную роль играли племена йемеков (кимаков), обитавшие в западной части Южноуральской степи, включая и степную Башкирию [3, с. 89]. Несмотря на различие этнонимов, средневековые авторы (Махмуд ал-Кашгари) подчеркивали генетическое родство и языковую близость кипчаков и йемеков [16, с. 43]. Территориально кочевья йемеков также совпадают с районами распространения рассматриваемых памятников Заволжья и Приуралья.

После усиления кипчаков средневековые авторы отмечают два направления миграций кочевников: кипчаков – на запад и северо-запад, а йемеков (кимаков) – на юг и юго-запад [16, с. 43–47].

Ряд исследователей (Б.Е. Кумек, С.М. Ахинжанов) предполагают присутствие среди кочевников кипчакской конфедерации монголо-язычных племен (байандур, татар, эймюр), появившихся в кимакском и огузском объединении сразу же после падения Уйгурского каганата в 840 г. [17, с. 47; 3]. Я.В. Пилипчук, подробно рассмотревший половецко-кипчакскую этнонимиию, также считает, что байандуры (байауты) – монголоязычное племя [19, с. 17–19]. Кроме того, исследователь считает, что в XII в. в состав восточных кипчаков вошло еще одно монголоязычное племя – ольберлик (ильбари, эль-борилу) [13, с. 261–262].

На присутствие в составе кипчакско-половецкого этнополитического объединения каких-то центральноазиатских (монгольских) групп указывают погребения XII – начала XIII в., совершенные под курганами с каменными конструкциями в насыпи: каменная или каменно-земляная насыпь, каменная наброска над могилой, каменное кольцо или оградка вокруг могилы, каменный «панцирь» на земляной насыпи. Подобные курганы спорадически разбросаны по всему пространству восточноевропейских степей, от верховьев Тобола – на востоке до устья Дуная – на западе, и составляют 9,1% от 428 учтенных нами погребений. Эти курганы, а также погребения с захоронением целой туши коня (10,5% от всех кипчакско-половецких погребений) могут быть связаны с приходом в Восточную Европу какой-то части кочевников, своим происхождением связанных с тюрко-монгольскими племенами Центральной Азии. Известно, что в доевропейский

период своей истории кипчаки-половцы, как этнокультурный массив, формировались сначала под влиянием культуры западных тюрок, а затем кимаков, в составе государства которых – Кимакского каганата – они пребывали в VIII–X вв. Хорошо известно также, что характерным элементом погребальной обрядности как древнетюркских, так и кимакских племен являются каменные сооружения над могилами и захоронения вместе с человеком целой туши коня (остов в могиле) [25, с. 29–45].

В XI в. перечисленные и другие племена (кай, дурут, бурдж-оглы, токсоба и др.) составляли неразрывную органичную часть кипчакского этнополитического союза [19, с. 20–26]. Это явление Р.Г. Кузеев и определял как процесс кипчакизации, ставший «этнической традицией» в эпоху Золотой Орды [16, с. 176].

Таким образом, по данным средневековых письменных источников, степи Южного Приуралья и Заволжья издавна выступают как территория сосредоточения и расселения кипчакских племен. И не случайно после распада Золотой Орды именно Западный Казахстан становится центром формирования государства «кочевых узбеков» [4], а позже – составной частью Среднего жуза, где концентрировалась основная часть семей (13,5 тыс.) казахов племени Кипчак [18, с. 70–75]. Здесь же, в предгорьях Южного Урала, по бассейну р. Сакмары в конце XIV – XV в. селились такие роды башкирских кипчаков, как кара-, ак-, санкем-, суун- и бушман-кипчак [16, с. 185].

Сравнивая по имеющимся историко-этнографическим данным племенной состав кочевников как восточной, так и западной частей евразийских степей со второй половины VII по XIV–XVI вв., мы видим постоянное присутствие в нем основных наиболее крупных племен (кипчаки среди них представляются наиболее устойчивым этнокультурным образованием) и постоянно меняющиеся мелкие этнические объединения. Удельный вес кипчаков в том или ином этнополитическом объединении мог изменяться, но они никогда не растворялись среди других этнических групп.

Доминирующая роль кипчакских племен в степи подтверждается также присутствием кипчакских родо-племенных объединений в составе других этнических массивов Великого пояса степей и его окраин (узбеков, каракалпаков, татар).

Итак, письменные и историко-этнографические источники вполне определенно изображают кипчаков как ведущий субстрат, определявший этнокультурную ситуацию на Южном Урале и в Приуралье в XII–XVI вв.

Разработанная на археологическом материале хронология кочевнических памятников Евразии не позволяет пока детально проследить последовательность и скорость кипчакской миграции в Восточную Европу. Однако помощь в решении этого вопроса оказывают письменные источники, сведения которых дают возможность наметить некоторые этапы этого процесса.

То, что сары-кипчаки/половцы по собственной воле, а не вследствие давления извне в массе своей покинули засушливые степи Заволжья и Южного Приуралья, очевидно. Во-первых, для домонгольского времени в этом регионе других, кроме упомянутых выше, археологических памятников, свидетельствующих о приходе сюда какого-то иного кочевого населения, просто неизвестно. Во-вторых, ближайшими северными соседями сары-кипчаков Волго-Уралья были племена, оставившие в регионе памятники т.н. мрясимовского типа, датирующиеся временем с конца X по начало XIII в. Расположены они в северных районах современного Башкортостана (Каранаевские, Бакалинский, Мрясимовские, Бурлинский курганы) и в Зауралье (курганы на оз. Смолино), то есть в лесной зоне. Они представляют собой сравнительно небольшие – 5–8 м в диаметре – земляные насыпи, содержащие от 2 до 32 погребений. Важной этнографической чертой курганов мрясимовского типа являются захоронения черепов и костей ног лошади в полах курганов. В некоторых погребениях зафиксированы остатки берестяной обертки на костях человека. Часто в могилах встречаются плечевые кости лошади,

что, по мнению исследователей, является племенным признаком населения, оставившего рассматриваемые памятники [7, с. 16].

Этническая принадлежность «мрясимовцев» по всем археологически фиксируемым признакам – керамика с гребенчато-шнуровым орнаментом, элементы погребального обряда – определяется как угорская [8, с. 25]. К концу XII века памятники мрясимовского типа в регионе исчезают вследствие взаимоассимиляции угров-мрясимовцев, родственных им племен – носителей чияликской культуры – пришедших в Приуралье с севера, из Прикамья, и пришедших сюда же древних башкир, вытесненных из приуральских степей сары-кипчаками. Результатом этого процесса явилось появление в лесостепном Приуралье курганных могильников XIV в., которые по признакам обряда «ничем не выделяются из массы грунтовых раннемусульманских погребальных объектов приуральских племен» [7, с. 20]. Вследствие своей малочисленности и традиционного хозяйственно-культурного типа, неприспособленного к условиям степи, они не могли конкурировать в регионе с кипчаками/половцами.

Все исследователи, изучающие средневековые памятники кочевников Восточной Европы, традиционно вспоминают армянского историка Матфея Эдесского, который под 1050-м годом писал о противостоянии «рыжеволосого народа хардеш» (шары-сары) с племенами кунов и каи (змеи) за пастбища в степях Северного Кавказа. А через пять лет русский летописец под 1055 г. сообщает о первом, пока еще мирном, приходе половцев хана Блуша к границам Киевской Руси.

Вслед за русскими этноним «половцы» применительно к новым кочевым племенам восточноевропейских степей стали использовать поляки и чехи («плавцы»), немцы («флавен»), венгры («палоч»). Венгры, впрочем, довольно часто называли половцев кунами-куманами. С.А. Плетнева предполагает, что объясняется это может географией расселения двух близкородственных этносов – кунов-куманов и шары/сары-кипчаков (половцев). Первые кочевали западнее Днепра и были лучше известны византийцам, венграм и другим европейским народам, а вторые кочевали восточнее и, соответственно, лучше были известны русским именно как «половцы» [22, с. 40]. Правда, по мнению некоторых исследователей, этникон «куманы» или «половцы» есть не более чем конструкт хронистов и историков [19, с. 7–14].

Территорию кипчакско-половецких кочевий С.А. Плетнева устанавливала по ареалу распространения каменных статуй («половецких баб»). Среди них исследователь выделила самые ранние – стеловидные плоские изваяния с лицами и некоторыми деталями фигур (руки, женская грудь, сосуд в руках), выполненными в технике низкого рельефа, – аналогичные кимако-кипчакским изваяниям Семиречья. Подавляющее большинство их сосредоточено в степном треугольнике, образованном правобережьем Северского Донца, низовьями Дона и Азовским морем [24, с. 153], где сейчас известно 181 половецкое погребение (77,6% всех известных погребений этого типа).

Совпадение ареала погребений с восточной ориентировкой (одним из характерных признаков именно половецко-кипчакских захоронений), обнаруженных на берегах Северского Донца, Дона, Самары, Орели и Маньча, с ареалом ранних половецких изваяний совершенно определенно указывает на эту территорию, как на «район наиболее раннего заселения половцами южнорусской степи». Отсюда они начинают активно осваивать южнорусские степи.

При определении границ «Половецкого Поля» исследователи не случайно уделяют основное внимание географии каменных изваяний, поскольку они, «являвшиеся частью святилищ в память умерших предков, естественно ставились в местах, где возникали более или менее постоянные половецкие стойбища (зимники и летники) и прокладывались по степи постоянные дороги». То есть концентрация изваяний в данном случае указывает также и на переход половцев ко второй стадии кочевания [21, с. 249,

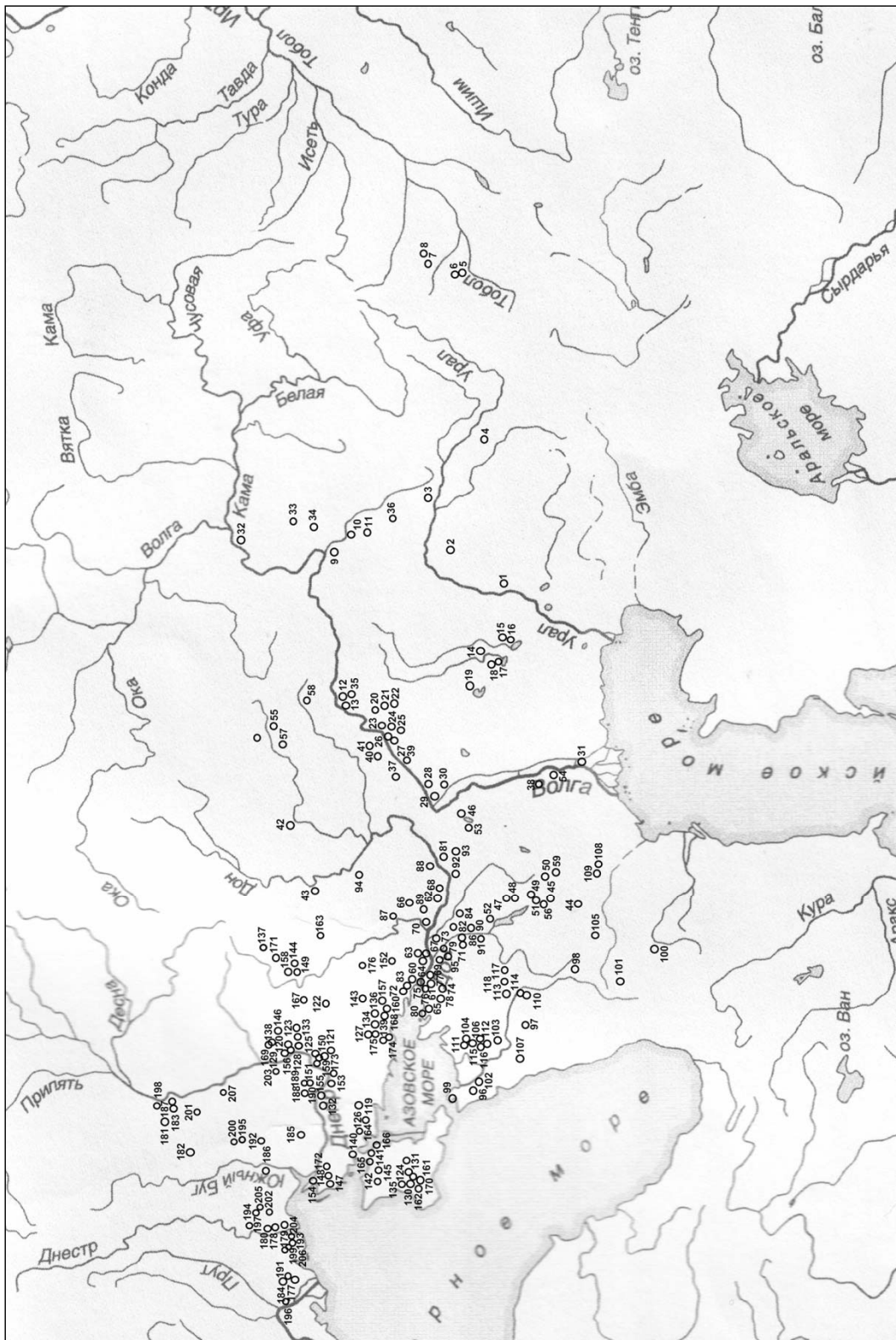
255]. Сопоставление географии кипчакско-половецких памятников со сведениями письменных источников – русских и византийских – показывает, что в 1091 г. кипчаки завоевывают Придунайские земли [19, с. 57–58] (где наблюдается один из районов локализации типично половецких курганов, между устьем Дуная и Днестра); в самом начале XII в. орда хана Отрака на некоторое время переселяется в Грузию, а после ее возвращения в Степь, по-видимому, и формируется северокавказская локальная группа кипчакско-половецких памятников в бассейне р. Кубань. Примерно в это же время половецкие кочевья-«вежи» появляются и в степях Крыма [21, с. 253].

В целом же границы кипчакско-половецких «веж» (границы «Половецкого Поля») в степях Восточной Европы, благодаря археологическим памятникам, устанавливаются вполне точно: от устья Дуная и низовьев Днестра до среднего течения Днепра, затем по верховьям Северского Донца, Хопра и Медведицы до южной излучины Самарской Луки. Степное Заволжье и Приуралье являлись восточной периферией «Половецкого Поля», или Дешт-и Кипчака (рис. 1). В этнокультурном плане это было действительно «Половецкое Поле», и все попытки «поселить» в него якобы оставшихся на этой территории огузов и печенегов [5] не подтверждаются результатами сравнительно-типологического анализа памятников печенежского и половецкого времени в степях Восточной Европы [13, табл. 4, 5, 9]. Из чего следует вполне определенный вывод: никакой печенежско-огузско-половецкой этнокультурной общности в степях Восточной Европы в домонгольское время не существовало. Имели место последовательные миграции (вторжения) печенежских, огузских и кипчакско-половецких кочевых орд, каждая из которых несла свой набор этнокультурных признаков (и, надо полагать, свой язык), отличающих ее от предшествующих, что и нашло свое отражение в морфологии соответствующих археологических памятников.

Свое господство в южнорусских степях кипчаки-половцы утверждали довольно активно. Уже через шесть лет после хана Блуша другой половецкий хан, Сокал, приводит свою орду «первое на Руськую землю воевать» (Ипатьевская летопись). Начиная с этого времени и до 1235 г. (год крупного сражения между половцами и войском князя Даниила Галицкого у Торческа), политическая история южнорусских степей определялась русско-половецким противостоянием. Регулярные половецкие набеги на русские «украины» чередовались с годами затишья и даже установления союзнических отношений. Последнее особенно характерно для начала периода феодальной раздробленности на Руси.

Детальный дискурс, посвященный истории взаимоотношений кипчаков-половцев с Русью и другими соседями, насыщенный фактологией и хронологией, опубликован в двух больших исследованиях Я.В. Пилипчука [19, 20], что освобождает нас от повторения в общем-то хорошо известных фактов. Поэтому ограничимся только изложением общей этнополитической схемы.

Набеги половцев на Русь, особенно участвовавшие в XII в., преследовали одну, вполне конкретную цель – установление постоянных даннических отношений [10, с. 192]. Эти устремления базировались на вполне определенной военно-политической ситуации, которая сложилась в «Половецком Поле» в то время. К концу XI в. территория «Половецкого Поля» была поделена между крупными половецкими ордами («вождествами» – по Я.В. Пилипчуку), каждая из которых имела своего хана. Среди них киевским князьям особенно досаждали Приднепровские, Лукоморские и Донецкие половцы, поскольку первые «оседлали» важный для Руси торговый путь «из варяг в греки», а вторые, по сути, отсеки от Киева Тмутараканское княжество в низовьях Кубани. Поэтому вполне естественно, что когда Владимир Мономах, понявший суть и тактику ведения степной войны, решил нанести превентивный удар по половцам; дружины его весной 1103 г. обрушились на Приднепровских половцев и нанесли им страшное поражение. Отражая

← Рис. 1. Карта курганов сары-кипчаков / половцев второй половины XI – начала XIII вв. в Восточной Европе.

1 – Базар-Тобе; 2 – Лебедевка VII; 3 – Белый Ключ; 4 – Буранчи I; 5 – Змеиный Дол; 6 – Каинсай; 7 – Третий Плес; 8 – Солнце; 9 – Белозерское; 10 – Покровский; 11 – Ново-Троевка; 12 – Покровск (Энгельс); 13 – Квасниковка; 14 – Курпе-Бай; 15 – Джангала; 16 – Джангала I; 17 – Джангала. Новая Казанка; 18 – Джангала. Кара-Оба; 19 – Озеро Раим; 20 – Мирный (Фриденберг); 21 – Визенмиллер I; 22 – Харьковка I; 23 – Ровное; 24 – Бережновка. Южная Гр.; 25 – Бережновка I; 26 – Политотдельское; 27 – Бережновка; 28 – Калиновский; 29 – Красный Октябрь; 30 – Бахтияровка II; 31 – Сероглазово; 32 – Бабий бугор; 33 – Надеждинское; 34 – Белозерское; 35 – Скатовка; 36 – Покровский; 37 – Барановка; 38 – Косика; 39 – Быково I; 40 – Солянка I; 41 – Иловатка; 42 – Шемякинский; 43 – Ольховатка; 44 – Восточный Маныч; 45 – Чограйский; 46 – Купцын-Толга; 47 – Архаринский; 48 – Лола V; 49 – Элистинский; 50 – Волга-Чограй; 51 – Гаиунский; 52 – Долина Восточного Маныча; 53 – Лиман Цаган-Нур; 54 – Никольское V; 55 – Таптулино; 56 – Три Брата; 57 – Лесное (Свинуха); 58 – Еришовка; 59 – Цаган-Усн; 60 – Бубнов Ерик V; 61 – Азов I; 62 – Богоявленский; 63 – Верхне-Яченков; 64 – Грушевский; 65 – Елизаветинский; 66 – Журавский; 67 – Камышеваха; 68 – Кастырский VI; 69 – Крепинский; 70 – Матюхин бугор; 71 – Маяк II; 72 – Морской Чулек; 73 – Надежновка I; 74 – Нижняя Козинка; 75 – Новоалександровка; 76 – Сонино; 77 – Агрос; 78 – Ново-Батайск; 79 – Верхний Яченков; 80 – Пелипенковская; 81 – Первомайский VII; 82 – Романово II; 83 – Русский Колодец; 84 – Сальские; 85 – Третьяки; 86 – у хут.Веселый; 87 – Усть-Белокалитвинск; 88 – Холодный I; 89 – Редкодуб I; 90 – Шахаево II; 91 – Южный; 92 – Ясырев I; 93 – Харинка; 94 – Верековка; 95 – Туздуки; 96 – Абинская; 97 – Ахметовская; 98 – Беишагир; 99 – Бугадский; 100 – Буденетово II; 101 – Куржорская; 102 – Курчанская станица; 103 – Ладожская; 104 – Лебеди I; 105 – Новоселицкое; 106 – Овальный; 107 – Псебайская; 108 – Туркменский отряд; 109 – Чограй-8; 110 – Радуга; 111 – Малаи; 112 – Новотитаровская; 113 – Дмитриевская; 114 – Темижбекская; 115 – Северный; 116 – Бураковская; 117 – Южное; 118 – Кривенький; 119 – Аккермень; 120 – Афанасьевка; 121 – Большемихайловка I,II; 122 – Великая могила; 123 – Вербки II, IV; 124 – Вилино; 125 – Вильно-Грушевка; 126 – Владимировский; 127 – Волновахи; 128 – Георгиевское; 129 – Дмухайловка; 130 – Земля Плешковой; 131 – Казанка; 132 – Каиры; 133 – Каменка; 134 – Каменский; 135 – Кара-Кият; 136 – Каран; 137 – Ковалевка; 138 – Колтаковка XXVII; 139 – Колхоз «Прогресс»; 140 – Краснопереконский; 141 – Куреевка; 142 – Луговское; 143 – Макеевка; 144 – Малая Камышеваха; 145 – Мартыновка; 146 – Марьевка III; 147 – Морская Кошара; 148 – Николаевка; 149 – Николаевский; 150 – Новоалександровка; 151 – Новогригорьевка; 152 – Ново-Ивановка; 153 – Носаки; 154 – Облои; 155 – Первомаевка; 156 – Пески; 157 – Полковое; 158 – пос.Студенок; 159 – Рясные могилы; 160 – Самойловка; 161 – Симферополь; 162 – Совхоз «Красный»; 163 – Сосновка; 164 – Терновка; 165 – Филатовка; 166 – Целинное; 167 – Черевков; 168 – Чермалык; 169 – Чернечина; 170 – Чокурча; 171 – Щуркино Поле; 172 – Юбилейное; 173 – Ясиноватая; 174 – Огородное; 175 – Новоандреевка; 176 – Новониколаевка; 177 – Баштановка; 178 – Беляевка; 179 – Великодолинское; 180 – Дзинилор; 181 – Зеленки; 182 – Земля Москопуло; 183 – Кагарльцкая слобода; 184 – Каменка; 185 – Кирова; 186 – Ковалевка II; 187 – Краснополка; 188 – Круглая могила; 189 – Николаевский; 190 – Новогригорьевка; 191 – Новокаменка; 192 – Новорозановка; 193 – Павловка; 194 – Парканы; 195 – Пелагеевка; 196 – Плавни; 197 – Плоское; 198 – Россава; 199 – Сарата; 200 – Старогороженое; 201 – Степанцы; 202 – Суклея; 203 – Сухая Калина; 204 – Траповка; 205 – Флоринское; 206 – Фриденсфельд; 207 – Яблоновка.

натиск русских дружин, ханы Тугоркан и Урусоба погибли. В сложившейся ситуации хан Боняк поспешил объединиться с главой донецких половцев – ханом Шаруканом для дальнейших совместных действий против Руси [21, с. 259]. В течение последующих семи лет обе стороны обменивались ударами до тех пор, пока в 1111 г. по инициативе Владимира Мономаха не состоялся большой поход объединенных русских дружин вглубь степи, закончившийся разгромом половецких городков на Донце и рассеянием большинства половецких орд по степи (орда хана Атрака-Отрока ушла даже в Грузию, а «многие орды были полностью разгромлены, и остатки их сформировались в особые группы, названные летописцем «дикими половцами» [21, с. 261]).

Следствием этого погрома явилось разрушение кровнородственных (куренных) связей и распад половецких орд на более мелкие, уже не кровнородственные орды. Так, после похода Владимира Мономаха в степь среди донских половцев появляются орды Токсобичей и Отперлюевичей по левобережью Северского Донца, Нижнедонские – в окрестностях бывшего хазарского города Саркела – Белой Вежи, Ельтукове – в междуречье Дона, Хопра и Медведицы. Последние интересны нам тем, что, по-видимому, именно их северные границы обозначены каменными изваяниями и могильниками, известными по рекам Битюгу и Хопру [27]. Территориально эти памятники смыкаются с аналогичными и синхронными памятниками, расположенными по правобережью Волги в пределах современной Саратовской области, и с памятниками на территории современной Самарской области южнее Самарской Луки [8, с. 217–228], т.е. совсем рядом с южными границами Волжской Болгарии. Половцы-«ельтуковичи» – это ближайшие степные соседи Волжской Болгарии, отчетливо проявившие себя своими набегами на Рязанское княжество во второй половине XII в. [27].

Как складывались болгарско-половецкие политические отношения, мы, к сожалению, не знаем и вряд ли когда-нибудь узнаем из-за отсутствия соответствующих источников.

Вполне естественно, что в условиях практически перманентной войны половцы не имели торговых связей с Русью. Это наглядно отражено в соответствующем археологическом материале [23, с. 90]. Но тот же археологический материал указывает также и на отсутствие активного торгового обмена половцев-«ельтуковичей» с волжскими болгарями. Данное обстоятельство автором этих строк первоначально объяснялось вероятностью враждебного отношения к кипчакам-половцам населения болгарских городов второй половины XI – XIII в., среди которого заметное место занимали потомки кочевников огузо-печенежского круга, вытесненных кипчаками из Волго-Уральских степей [11]. Однако сейчас не менее вероятным представляется и такой фактор, как ментальность кочевников-степняков, индифферентных чуждым для них эстетическим традициям оседлого населения (это подтверждается и практически полным отсутствием в половецких погребениях предметов русского декоративно-прикладного искусства) [12, с. 140–145].

Иначе в рассматриваемое время складывались половецко-византийские отношения. На основании, хотя и отрывочных, археологических данных С.А. Плетнева заключает, что из Византии половцы получали дары или добычу прежде всего в виде дорогих тканей, остатки которых встречаются в некоторых половецких погребениях. Более того, со временем византийское влияние, вследствие постоянных контактов половцев с византийскими купцами и дипломатами в причерноморских городах, начинает сказываться и на изменениях в общественных отношениях половцев [23, с. 103].

В конце XII века в Половецких степях отдельные орды, образовавшиеся после похода Владимира Мономаха, стали сливаться в более крупные объединения. Среди них наиболее крупными были Лукоморская орда хана Тоглыя, кочевавшая по излучинам Азовского и Черного морей и низовьям Днепра, Приднепровская орда (Бурчевичи) ханов Осолука и Изая, кочевавшая по днепровским берегам южнее р. Самары (левый приток Днепра), и донское объединение хана Кончака. Последнее было самым крупным в степях.

Максимальное объединение восточных половцев происходит в самом начале XIII в., когда у южных границ Руси окончательно складываются два крупных союза половецких орд – Днепровской и Донской – «два крупных государственных объединения, которые, несомненно, в будущем должны были слиться в единое государство» [21, с. 60]. Однако появившиеся вскоре на западе Великого пояса евразийских степей монголы внесли свои жесткие коррективы в дальнейший ход половецко-кипчакской истории.

Немногочисленные и разбросанные по степям Заволжья и Приуралья кипчакские кочевые роды в XII – начале XIII в. едва ли могли оказывать сколько-нибудь заметное влияние на ход этнокультурных процессов в регионе. Да если судить по археологическому материалу с прилегающих территорий Южного Урала, и не оказывали.

Таким образом, монголам в ходе их завоевания Восточной Европы в степях Заволжья и Южного Приуралья завоевывать было некого.

1. Ахинжанов С.М. Из истории взаимоотношений кипчаков и Хорезма в XII – начале XIII в. // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.
2. Ахинжанов С.М. Из истории движения кочевых племен евразийских степей // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980.
3. Ахинжанов С.М. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1976.
4. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965.
5. Вегерчук С.М. Печеніги та половці в Карпато-Причорноморських землях у II ст. // Наукові праці. Історія. Випуск 116. Том 129. 2010. С.6–11.
6. Гарустович Г.Н. Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников Западной и Центральной Башкирии // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа: БНЦ УрО АН ССР, 1988. С.130–139.
7. Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1998. 27 с.
8. Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – XV века). Уфа, 1998.
9. Демкин В.А., Демкина Т.С. Археологическое почвоведение: новое направление в изучении древней и средневековой истории природы и общества // Археология восточноевропейской степи. Электронный ресурс: www.sgu.ru/files/nodes/41059/05.pdf
10. Егоров В.Л. Русь и ее южные соседи в X–XIII веках // Отечественная история. 1994. №6.
11. Иванов В.А. Культурные связи средневековых кочевников Евразии (по материалам декоративно-прикладного искусства) // Древнетюркский мир: история и традиции. Казань, 2002.
12. Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь, 2006. 162 с.
13. Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 396 с.
14. Кляшторный С.Г. Кимаки, кипчаки и половцы // История татар с древнейших времен. Т.1. Казань, 2002. С.328–346.
15. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.
16. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974.
17. Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.
18. Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего Жужа. Алма-Ата, 1974.
19. Пилипчук Я.В. Дешт-и-Кипчак на стыке цивилизаций. Уфа: Уфимск. фил. МГТУ им. М.А.Шолохова, 2015. 247 с.
20. Пилипчук Я.В. Етнополітичний розвиток Дашт-і Кипчак у IX–XIII ст. Київ, 2012. 288 с.
21. Плетнева С.А. Донские половцы // «Слово о полку Игореве» и его время. М.: Наука, 1985. С. 242–281.
22. Плетнева С.А. Половцы. М.: Наука, 1990.

23. Плетнева С.А. Отношения восточноевропейских кочевников с Византией и археологические источники // СА. 1991. №3.
24. Плетнева С.А. Кочевники Южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж, 2003.
25. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
26. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966.
27. Цыбин М.В. Половцы и Рязанская земля // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып.13. Воронеж, 1999.

§ 4. Королевство Венгрии и куманы в преддверии западного похода монголов

Роман Хаутала

Французский исследователь Жан Ришар отмечал в одной из своих многочисленных публикаций [29, с. 212], посвященных взаимоотношениям Латинского мира с империей Чингизидов, что появление монголов на границах западного христианства в 40-х годах XIII столетия представило уникальную возможность для тесного контакта католиков с неведомым ранее миром кочевников Восточной Европы. К схожему заключению приходил и Иштван Вашари [35, с. 8], утверждая, что этнографические отчеты первых западных послов в ставках монгольских ханов способствовали формированию целостного представления западноевропейских хронистов об образе жизни и областях расселения куманов.

В данном контексте, однако, следует упомянуть следующее свидетельство из отчета фламандского францисканца Гийома де Рубрук, указывающее на установление тесного взаимодействия королевства Венгрии с куманами в период, предшествовавший первым дипломатическим контактам с монголами. В течение пятидневного следования западных послов за ставкой Бату вдоль Волги, между 14 августа и 14 сентября 1253 года, один безымянный куман посетил францисканское посольство и, к пущему удивлению брата Гийома, приветствовал католических дипломатов на латинском языке, объясняя свои лингвистические познания и основательное знакомство с характером деятельности их Ордена своим предшествующим крещением, принятым от венгерских францисканцев перед вторжением монголов 1241 года [21, с. 100–101].

Венгерская кампания монголов и дальнейшее образование Золотой Орды имели несомненное влияние на установление тесных европейских контактов с кочевниками Восточной Европы. С другой стороны, оформлению взаимоотношений Западной Европы с кочевнической империей в немалой степени способствовало и расширение влияния латинского мира на востоке, предшествовавшее западной экспансии монголов [28, с. 83]. Тесные контакты королевства Венгрии с куманами и стандартные модели его взаимоотношений с кочевниками оформились за несколько десятилетий до монгольского завоевания Восточной Европы и имели непосредственное влияние на развитие последующих связей между латинским миром и империей монголов.

Период пребывания тевтонских рыцарей в Трансильвании (1211–1225)

Тевтонские братья были приглашены в Венгрию королем Андреем II с очевидной целью организовать эффективную защиту Трансильвании от участвовавших набегов куманов. Изначальная грамота Андрея II 1211 года [36, с. 162–163], жалующая рыцарям землю Бырса на юго-восточной оконечности Трансильвании, предоставляет по этому поводу довольно лаконичные сведения, указывая на необходимость защиты региона от

куманов. Более содержательными, однако, являются последующие послания папы Григория IX [36, с. 198–199, 201–204, 206–207], сообщающие, что до появления рыцарей куманы регулярно вторгались в Трансильванию именно через землю Бырса, приводя, по словам понтифика, венгерское королевство «в большое смятение»⁶. Следовательно, содержание папских посланий позволяет предположить, что решение Андрея II было вызвано участвовавшими набегами куманов и что главным стремлением венгерского монарха было воспрепятствовать нападениям кочевников путем установления прочного контроля над землей Бырса [22, с. 157; 10, с. 22].

Таким образом, папские послания свидетельствуют заметное усиление военной активности куманов в Трансильвании в начале XIII века. Регулярные вторжения куманов в землю Бырса показали неэффективность прежней оборонительной системы региона, предусмотренной для отражения спорадических набегов малочисленных отрядов кочевников. Оборона Бырсы основывалась на охране территорий вблизи горных проходов, через которые кочевники могли проникнуть в регион, и ранее она была доверена сторожевым отрядам печенегов, силы которых оказались недостаточными для сдерживания усилившегося давления куманов [22, с. 157; 10, с. 33; 25, с. 182]. Поэтому венгерский король принял решение перепоручить оборону Бырсы Ордену тевтонцев, обладавшему значительно большим военным потенциалом.

Однако от тевтонских братьев ожидалась не только организация обороны, но и последующее расширение королевского домена. Венгерский монарх ясно определял направление возможной территориальной экспансии рыцарей, указывая в своей грамоте, что он направил их «в землю под названием Бырса, располагающуюся за лесами, в сторону куманов»⁷, и подразумевая тем самым, что потенциальное расширение королевства должно было осуществляться путем завоевания закарпатских территорий, именуемых в венгерских источниках «Куманией». Термин «Кумания» в данном контексте отличался от обобщающего наименования Дешт-и Кипчака⁸ и обозначал области кочевания западных куманов, располагавшиеся в южной Молдавии и северо-восточной Валахии [9, с. 164, nota 2; 33, с. 145; 32, с. 422, 426, 437; 1, с. 28–29; 31, с. 28]. Следует отметить, что в современных исследованиях до сих пор остается невыясненным вопрос, кем были те куманы, чьи инвазии в Трансильванию побудили венгерского короля поселить тевтонских рыцарей в земле Бырса. Вполне возможно, что предположение некоторых исследователей о том, что Кумания находилась под контролем дунайских куманов, перекочевывавших в прикарпатские области в летние месяцы и возвращавшихся осенью в нижнее Подунавье [3, с. 124; 5, с. 44], следует пересмотреть, основываясь на содержании следующей королевской грамоты 1212 года [36, с. 164–165].

В своей второй грамоте Андрей II сообщает, что тевтонские рыцари «претерпевали постоянные нападения куманов, не боясь подвергать себя изо дня в день смертельной опасности»⁹. Указание на непрерывные нападения кочевников показывает, что куманы вторгались в Бырсу не только в летние месяцы, как это должны были делать подунайские куманы, согласно предположению упомянутых выше исследователей. Скорее, здесь шла речь о круглогодичных набегах кочевников, обитавших в регионах,

⁶ «... A(ndreas), illustris rex Vngarie ... eorum domui terram Borze pia liberalitate donasset ... per quam Comanis regnum Vngarie multipliciter perturbantibus frequens introitus et exitus habebatur» [36, с. 198–199].

⁷ «... cruciferis de hospitali sancte Marie ... terram Borza nomine, ultra silvas versus Cumanos ... contulimus ...» [36, с. 162].

⁸ Ср. с фрагментом из «Хроники» Альберика де Труа-Фонтен, содержащем сведения о битве на Калке [11, с. 911].

⁹ «... assiduos Cumanorum patientes insultus ... de die in diem morti opponere non formidant» [36, с. 164–165].

граничивших с юго-восточной Трансильванией. Очевидно, куманы участвовали в набегах, пытаясь воспрепятствовать тевтонским рыцарям закрепиться в земле Бырса.

Следующая далее королевская грамота, составленная примерно в 1215 году [36, с. 166] и утверждавшая за тевтонскими рыцарями владение «недавно построенной крепостью Крейцбург»¹⁰, показывает, что братья установили прочный контроль над землей Бырса и приступили к расширению своих владений. Несмотря на то, что локализация данной крепости до сих пор остается невыясненной, можно предположить с определенной долей уверенности, что Крейцбург располагался за пределами территории, предоставленной Андреем II тевтонским рыцарям в 1211 году [36, с. 39; 22, с. 157–158; 31, с. 51; 23, с. 352].

Последняя грамота Андрея II, предоставленная рыцарям в 1222 году и скрепленная золотой королевской буллой [36, с. 169–172], является самым содержательным документом среди всех источников, касающихся периода пребывания тевтонских братьев в Трансильвании. В первую очередь, данный документ предоставляет ценнейшие сведения о территориальной экспансии братьев. Венгерский монарх предоставляет в своей грамоте правителям Бырсы новые территории, простиравшиеся «вплоть до пределов бродников»¹¹, то есть до южной Молдавии [33, с. 141; 32, с. 417, nota 19, с. 426; 31, с. 28–29, 106–109], как и до Дуная в северо-восточной Валахии.

Последующие сведения о деятельности тевтонских братьев в последние годы их пребывания в Трансильвании содержатся в письмах папы Григория IX, связанных с изгнанием рыцарей из Венгерского королевства в 1225 году (рассмотрение обстоятельств этого изгнания не входит в задачи данной статьи). В своем послании венгерскому принцу от 26 апреля 1231 года [36, с. 198–199], как и в последующих трех посланиях, адресованных, соответственно, Андрею II, своему легату в Венгрии Якобу и патриарху Аквилеи Бертольду фон Андекс-Мерания [36, с. 201–204, 206–207], понтифик сообщает, что братья построили в Трансильвании «тяжелым трудом и пролитием собственной крови пять прочных крепостей»¹². Помимо уже упомянутой крепости Крейцбург, Григорий IX несомненно имеет здесь в виду крепости Мариенбург (место резиденции трансильванского комтура), Шварцбург и Розенау. По поводу же пятой крепости исследователи приводят различные интерпретации, отождествляя ее либо с Хелденбургом, либо с Кронштадтом, или же с Терцбургом [36, с. 40–41; 24, с. 190–191; 19, с. 35]. Но еще более интересным представляется сообщение папы о том, что тевтонские рыцари построили некую «безупречно укрепленную крепость»¹³, располагавшуюся в Кумании и, по всей видимости, возведенную незадолго до изгнания братьев из Трансильвании [36, с. 40, 75; 32, с. 418; 31, с. 52; 23, с. 352]. По словам Григория IX, куманы были немало обеспокоены появлением в подконтрольных им землях мощного тевтонского форпоста, препятствовавшего их проникновению в Трансильванию; и, собрав «несметное множество воинов»¹⁴, они попытались захватить крепость, но потерпели поражение. Папские послания также сообщают, что некоторые куманы «достигли благодати крещения» после понесенного поражения. Хотя понтифик ясно дает понять, что крещение кочевников имело место после их пленения «вместе с их женами и детьми»¹⁵,

¹⁰ «... castrum quod Crucburg nominatur, quod cruciferi de Borza de novo construxerant» [36, s. 166].

¹¹ «... a fine terre Cruceburg terram, quae vadit usque ad terminos prodnicorum ...» [36, s. 170].

¹² «... ibi cum multo labore ac proprii effusione cruoris [quinque] castra fortia construendo» [36, s. 199].

¹³ «... dicti magister et fratres castrum munitissimum construxissent ...» [36, s. 199].

¹⁴ «... congregata ingenti multitudine bellatorum ...» [36, s. 199].

¹⁵ «... quidam ex illis dictis fratribus se reddentes, cu[m] uxori[bu]s et] parvulis ad baptismi gratiam convola[runt ...]» [36, s. 199].

данное упоминание можно рассматривать как первое документальное свидетельство успехов католического прозелитизма на территории Кумании.

Сведения, касающиеся основания и дальнейшей деятельности Куманской епархии

В одном из своих посланий, адресованном принцу Беле 26 апреля 1231 года [36, с. 198–199] и содержащем требование позволить тевтонским рыцарям вернуться в Трансильванию, папа Григорий IX указывал на тот факт, что территории, находившиеся ранее под контролем рыцарей, стали частью владений Белы. Это утверждение понтифика предполагало, что Бела, наделенный Андреем II титулом трансильванского герцога в 1224 или 1225 году, стал обладателем не только земли Бырса в юго-восточной Трансильвании, но и более поздних территориальных приобретений рыцарей за Карпатами. Таким образом, Бела должен был возглавить дальнейшую венгерскую экспансию в Кумании после изгнания тевтонских рыцарей из Трансильвании в 1225 году, и, возможно, преуспел в расширении владений монархии Арпадов [4]. Однако папские документы, чрезвычайно полезные для изучения предыдущей активности тевтонских рыцарей, предоставляют крайне скудные сведения о предполагаемых военных успехах Белы. С другой стороны, несмотря на отсутствие в источниках подробных сведений об экспансии венгерской короны в Кумании, папские послания и синхронные западноевропейские хроники изобилуют альтернативной информацией о развертывании миссионерской деятельности среди кочевников, свидетельствуя тем самым, дальнейшее развитие взаимоотношений между королевством Венгрии и куманами.

Все имеющиеся в распоряжении источники подчеркивают заслугу братьев Ордена проповедников в приобщении кочевников к католическому вероисповеданию. Очевидно, что развертывание куманского апостолата стало возможно только после учреждения доминиканской провинции Венгрии в 1221 году и основания в королевстве первых конвентов нового религиозного ордена [32, с. 420; 18, XII, с. 970; 27, с. 25–26], концентрировавшегося на проповедовании христианской доктрины среди представителей альтернативных религий.

Первые миссии к куманам описываются только в поздних доминиканских сочинениях и не находят отображения в синхронных источниках, возможно, вследствие того, что изначальные попытки проповедования Евангелия среди куманов не принесли никакого успеха. Венгерские доминиканцы организовали первые миссии к куманам в поздний период пребывания тевтонских рыцарей в Трансильвании [32, с. 422; 13, с. 227, nota 6]. Однако, согласно венгерскому сочинению, составленному в 1259 году неким Петром или Свипертом из Порроха, первые доминиканцы, появившиеся в Кумании в 1223 или 1224 году, были «отвержены язычниками»¹⁶, тогда как два члена следующей миссии, достигнувшей Днестра, были убиты местными «неверными» [26, с. 306].

Первое фактическое свидетельство успехов в прозелитической деятельности среди куманов предоставляет содержательное послание папы Григория IX, адресованное архиепископу Эстергома 31 июля 1227 года [7, с. 206–207]. В своем письме понтифик воспроизводит текст предыдущего отчета, отправленного в Римскую курию эстергомским архиепископом Робертом и содержавшего отрадное известие о желании некоего куманского предводителя по имени Бортц принять крещение из рук венгерского прелата.

Из письма понтифика следует, что намерение Бортца было следствием предварительной прозелитической деятельности братьев-проповедников в Кумании. Однако куманский предводитель (будучи «четвертым по могуществу» среди правителей куманов, согласно более позднему замечанию Эмо из Виттевиерума¹⁷) настаивал на участии в ритуале крещения авторитетного венгерского прелата, чье присутствие должно было

¹⁶ «... fratres ... repulsi sunt a paganis» [26, p. 306].

¹⁷ «... Boricius quartus de maioribus principibus Chunorum ...» [16, p. 511].

подчеркнуть значительность его решения. Архиепископ Эстергома сообщал в своем отчете Григорию IX, что он уже крестил нескольких куманских «вельмож»¹⁸, как и сына Бортца, обращенного в христианство, согласно более позднему указанию Альберика де Труа-Фонтен [11, с. 920], после того, как он лично поведал венгерскому прелату о намерении своего отца. Таким образом, куманские «вельможи» предпочитали принимать крещение от примата венгерской церкви, по всей видимости, ставя под сомнение статус братьев-проповедников, что, в свою очередь, объясняет неудачу первых миссий доминиканцев, обратившихся вследствие этого за поддержкой к архиепископу Эстергома. Очевидно поэтому Григорий IX констатировал в своем письме, что «высокое звание всегда имело обыкновение восприниматься с большим благоговением в Кумании»¹⁹, наделяя эстергомского архиепископа дополнительными полномочиями апостольского легата в его грядущей миссии за Карпатами.

Послание Григория IX 1227 года содержит ясно выраженное расположение понтифика к куманам, выражающим, по его словам, «благочестивые пожелания»²⁰ приобщиться к католической вере, и одновременно указывает на очевидные изменения в отношениях между кочевниками и королевством Венгрии, произошедшие в короткий срок после изгнания тевтонских рыцарей из Трансильвании. Согласно указанию папы, куманские «вельможи» стали пересекать Карпаты, чтобы посетить эстергомского архиепископа, и венгерский прелат не заставил себя долго ждать с ответным визитом. Так, в своем письме, адресованном Беле 21 марта 1228 года [15, с. 108], Григорий IX выражает благодарность трансильванскому герцогу за поддержку, которую тот оказал эстергомскому архиепископу, посетив вместе с ним «землю куманов»²¹ в сопровождении своей военной свиты.

По словам понтифика, следствием этого визита было обращение «немалого множества куманов»²², подтверждаемое и параллельным посланием Григория IX, отправленным самому архиепископу Эстергома [7, с. 208]. Однако точное количество крещеных кочевников остается неясным, а «немалое множество» обращенных куманов могло включать в свое число и тех кочевников, которые приобщились к христианской вере до визита эстергомского архиепископа в Куманию и после его возвращения в Венгрию. В любом случае, цифры, приводимые в более поздних сообщениях западных хронистов [11, с. 920; 12, с. 636; 20, I, с. 269, 505], кажутся чрезмерно преувеличенными и явно противоречащими указанию Свиперта из Порроха на то, что примеру Бортца последовало только несколько членов его рода [26, с. 306; 32, с. 424].

Более важным представляется первое упоминание основания Куманской епархии, содержащееся в письме Григория IX эстергомскому архиепископу от 21 марта 1228 года [7, с. 208]. В своем послании понтифик выражал полное одобрение решению венгерского прелата воспользоваться своими полномочиями легата Апостольского престола, чтобы назначить главой новой епархии доминиканца по имени Теодорик, способствовавшего, по словам папы, эффективному распространению христианства среди кочевников. Фактические границы юрисдикции Куманского епископа остаются предметом оживленной дискуссии среди исследователей, поскольку синхронные источники не предоставляют по этому поводу определенных сведений [14, с. 25; 2, с. 72–73, прим. 35; 30, с. 25, nota 22; 31, с. 52; 4]. Однако вполне обоснованным кажется предположение, что изначально Куманская епархия была основана на той же территории, которая нахо-

¹⁸ «Aliqui enim nobiles gentis illius per te ad baptismi gratiam pervenerunt ...» [7, p. 206].

¹⁹ «... cum auctoritas semper consuevit multum favoris habere in Cumania ...» [7, p. 207].

²⁰ «... si piis eorum desideriis condescendas ...» [7, p. 207].

²¹ «...ut pro Cumanis convertendis ad ipsum cum venerabili fratre nostro [...] Strigoniensi Archiepiscopo, apostolice sedis legato, terram illorum intraveris ...» [15, p. 108].

²² «... conversionem videlicet non parve multitudinis Cumanorum» [15, p. 108].

дилась ранее под контролем тевтонских рыцарей. По всей видимости, последующее расширение юрисдикции Куманского епископа осуществлялось, как в южной Молдавии, так и в Трансильвании. Поэтому утверждение Ричарда де Моринс о том, что кочевники в Куманской епархии были распределены по приходам, «возглавляемым епископами и пресвитерами»²³, очевидно, несоответствовало действительности. Наименование Куманской епархии отражало направление дальнейшей прозелитической деятельности, но не обязательно означало, что куманы составляли большинство субъектов юрисдикции Куманского епископа [33, с. 156; 30, с. 25].

Организация апостолата среди куманов требовала преодоления определенных сложностей, неизменно связанных с миссионерством среди кочевников и упомянутых в письме Григория IX, которое он адресовал эстергомскому архиепископу 21 марта 1228 года [7, с. 208]. В своем послании понтифик воспроизводил утверждение венгерского прелата о том, что куманы проявляли ясно выраженное стремление перейти к оседлому образу жизни. Очевидно, что данное утверждение эстергомского архиепископа было проникнуто преувеличенным оптимизмом [32, с. 429], однако одновременно оно проясняло центральную проблему организации миссионерства среди куманов. Кочевнический образ жизни потенциальных объектов доминиканского апостолата явно не способствовал укоренению христианства в степи. Помимо христианских предубеждений, приписывающих кочевникам непостоянство в вере (косвенно выраженных в послании понтифика), склонность куманов к сезонным перемещениям по степи существенно затрудняла круглогодичное проведение церковных служб. Видимо поэтому, констатируя наличие столь значительной проблемы, Григорий IX уступал просьбе эстергомского архиепископа и предоставлял ему полномочия на распределения индульгенций, которые должны были способствовать возведению церквей на всех пунктах сезонного кочевания куманов. Однако последствия данного постановления папы остаются не выясненными, и только сочинение Свиперта из Порроха является единственным источником, ясно указывающим на сооружение «капеллы Святой Девы»²⁴ на территории обитания куманов, к сожалению, без уточнения ее месторасположения.

Несомненно, крещение куманского правителя способствовало усилению светского влияния венгерской короны в Кумании. В своем послании, адресованном Беле 21 марта 1228 года [15, с. 108], Григорий IX ясно указывал на участие венгерского принца в ритуале крещения куманского правителя, и последующий призыв понтифика способствовать дальнейшему распространению христианства среди кочевников «всеми своими силами»²⁵ предполагал присутствие в Кумании военных сил Белы для защиты миссионеров от потенциальных нападений кочевников. Однако единственное конкретное свидетельство подчинения части куманов венгерской короне содержится в более позднем послании Григория IX, адресованном «предводителям куманов и их народу»²⁶ 1 октября 1229 года, где понтифик упоминает не сохранившуюся королевскую грамоту, скрепленную золотой буллой и предоставленную Андреем II куманам с гарантией соблюдения ряда их привилегий и права неотчуждаемости собственности в обмен на предполагаемое признание их феодальной зависимости от Арпадов [17, III/2, с. 217].

Также и отношения светской власти Арпадов с Куманским епископом имели чрезвычайно сложный характер. С одной стороны, папские послания недвусмысленно подчеркивают важность военной поддержки Белы для беспрепятственного развертывания миссионерской деятельности в Кумании [15, с. 108; 32, с. 426–427] или принуждения

²³ «... episcopis et presbyteris ibidem per parochias ordinatis» [8, III, p. 112].

²⁴ «... capella beate virginis, quam fratres ... edificaverant ...» [26, p. 306].

²⁵ «... intendens totis viribus, sicut princeps catholicus et sincere devotionis alumpnus, gentem illam ad catholicam fidem adducere ...» [15, p. 108].

²⁶ «... Ducibus et populis Cumanorum ...» [17, III/2, p. 216].

местных жителей признать юрисдикцию Куманского епископа [37, с. 61]. К тому же, послание Григория IX, адресованное Беле 25 октября 1234 года, проясняет ценность потенциальной материальной поддержки герцога Трансильвании для обеспечения дееспособного функционирования Куманской епархии [7, с. 283–284]. С другой стороны, Куманский епископ вскоре стал отдавать себе отчет в том, что монархия Арпадов преследовала в Кумании цели, которые не всегда совпадали с интересами доминиканского прелата. Так, послание Григория IX, адресованное 1 октября 1229 года «предводителям куманов и их народу» и составленное в ответ на вероятную жалобу Куманского епископа, упоминало попытки венгерской светской власти посягнуть на владения куманов после их обращения в христианскую веру вразрез с гарантиями, предоставленными им предшествующей королевской буллой [17, III/2, с. 216–217].

По всей видимости, ухудшение в отношениях между куманами и венгерской короной привело к ощутимому ослаблению эффективности куманского апостолата. Так, послание папы Григория IX, адресованное доминиканцам в Кумании 24 января 1237 года [34, с. 150], оставляет впечатление, что братья-проповедники были вынуждены предпринять попытку повторной христианизации куманов почти через десять лет после обращения Бортца. В своем письме понтифик изображает куманов яркими поклонниками язычества и врагами католической религии, но одновременно папа выражает неподдельную радость в связи со свежим известием о стремлении кочевников приобщиться к христианской религии.

Вероятно, начало Западного похода во главе с Бату имело определенное влияние на новые прозелитические успехи доминиканцев среди куманов. Вполне возможно, что, начиная со второй половины 1236 года, кочевники Кумании стали проявлять беспокойство в связи с назревающим наступлением монголов и попытались заручиться поддержкой венгерского королевства на случай их потенциальной агрессии. Приобщение к христианской вере представлялось наиболее эффективным средством для сближения куманов с королевством Венгрии, что объясняет, в свою очередь, активизацию куманского апостолата, наблюдавшуюся с конца 1236 года. Более позднее послание доминиканца Бенедикта, адресованное магистру Ордена проповедников около 1238 года [26, с. 309], свидетельствует об ощутимых успехах, достигнутых братьями-проповедниками в их миссионерской деятельности среди кочевников. Согласно Бенедикту, крещеные куманы проявляли похвальное религиозное рвение, «как в воздержании в пище во время Великих постов, так и в других христианских ритуалах», и в целом, послание доминиканского брата отражало стремление кочевников «всеми силами следовать католической вере»²⁷. Вполне возможно, что обращение куманов зиждилось на искреннем стремлении приобщиться к христианской вере. Однако не следует оставлять без внимания и следующее далее указание Бенедикта на очевидное беспокойство куманов в связи с приближением монголов и на их опасения по поводу того, что монголы намереваются напасть на них в ближайшем будущем.

1. *Князький И.О.* Половцы в Днестровско-Карпатских землях и Нижнем Подунавье // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев, 1988. С. 22–32.

2. *Ковач С.* Экспансия западного христианства: миссия доминиканцев среди половцев (куманов) // Бюллетень (Newsletter). № 12: Hungaro – Russica II. История и культура Евразийской степи. М., 2005. С. 52–73.

²⁷ «... tam in ieiuniis quadragesimalibus, quam alii christiani ritus observanciis fidem catholicam pro viribus imitantur» [26, p. 309].

3. *Осипян А.Л.* Миграция, адаптация и интеграция кочевников в оседлом обществе // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы...). Казань, 2013. С. 102–122.
4. *Параска П.Ф.* Политика Венгерского королевства в Восточном Прикарпатье и образовании Молдавского феодального государства // Historylib.org, 1975. Режим доступа: http://historylib.org/historybooks/pod-red--G-S--Grosula_Karpato-Dunayskie-zemli-v-Srezhnieveka/4
6. *Шушарин В.П.* Свидетельства письменных памятников королевства Венгрии об этническом составе населения Восточного Прикарпатья первой половины XIII века // История СССР. № 2. М., 1978. С. 38–53.
7. *Acta Honorii III (1216–1227) et Gregorii IX (1227–1241)* / Täutu A.L. (ed.). Romae, 1950. 400 p.
8. *Annales monastici. Vol. III. Annales de Prioratus Dunstaplia (1–1297); Annales monasterii de Bermundseia (1042–1432)* / Luard H.R. (ed.). London, 1866. 492 p.
9. *Anonymus and Master Roger: The Deeds of the Hungarians & Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars* / Bak Já.M., Rady M.C., Veszprémy L. (eds.). Budapest; New York, 2010. 326 p.
10. *Berend N.* At the Gate of Christendom: Jews, Muslims, and «Pagans» in Medieval Hungary, c. 1000 – c. 1300. Cambridge, New York, 2001. 340 p.
11. *Chronica Albrici monachi Trium Fontium* / Scheffer-Boichorst P. (ed.) // Monumenta Germaniae Historica, Scriptores. Vol. XXIII. Hannover, 1874. P. 631–950.
12. *Continuatio Claustroneoburgensis tertia* / Wattenbach W. (ed.) // Monumenta Germaniae Historica, Scriptores. Vol. IX. Hannover, 1851. P. 628–624.
13. *Dobre C.F.* Mendicants' Mission in an Orthodox Land // Annual of Medieval Studies at the Central European University. Vol. 9. Budapest, 2003. P. 225–248.
14. *Dobre C.F.* Mendicants in Moldavia: Mission in an Orthodox Land. Daun, 2009. 112 p.
15. *Documente privitoare la istoria Românilor. Vol. I. 1199–1345* / Hurmuzaki E., Densuşianu N. (eds.). Bucureşti, 1887. 701 p.
16. *Emonis Chronicon* / Weiland L. (ed.) // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Vol. XXIII. Hannover, 1874. P. 454–523.
17. *Fejér Gy.* Dissertationes in res Hungariae veteris historico-criticae. 11 Vols. Budae, 1829–1844.
18. *Fügedi E.* Kings, Bishops, Nobles, and Burghers in Medieval Hungary. London, 1986. 346 p.
19. *Glassl H.* Der deutsche Orden im Burzenland und in Kumanien (1211–1225) // Ungarn: Jahrbuch der Presseagentur Budapress. Bd. 3. Wiesbaden, 1971. S. 22–49.
20. *Gombos F.A.* Catalogus fontium historiae Hungaricae. 4 Vols. Budapestini, 1937–1943.
21. *Guglielmo di Rubruk.* Viaggio in Mongolia (Itinerarium) / Chiesa P. (ed.). Torino, 2011. 530 p.
22. *Hunyadi Z.* The Teutonic Order in Burzenland (1211–1225): New Re-considerations // L'Ordine Teutonico tra Mediterraneo e Baltico. Incontri e scontri tra religioni, popoli e culture / Houben H., Toomaspoeg K. (eds.). Galatina, 2008. P. 151–162.
23. *Lăzărescu E.C.* Notă despre documentele Țării Bârsei și Cavaleriei Teutoni // Țara Bârsei. Vol. VI/4. Braşov, 1934. P. 336–356.
24. *Lotan Sh.* Between the Latin Kingdom of Jerusalem and Burzenland in Medieval Hungary // Mirabilia. Vol. 10. Barcelona, 2010. P. 184–195.
25. *Makkai L.* The Emergence of the Estates (1172–1526) // History of Transylvania / Barta G., Köpeczi B. et al. (eds.). Budapest, 1994. P. 178–244.
26. *Monumenta ordinis fratrum praedicatorum historica. Vol. I. Fratris Gerardi de Fracheto O.P. Vitae Fratrum Ordinis Praedicatorum / Reichert B.M.* (ed.). Lovanii, 1896. 362 p.
27. *Pfeiffer N.* Die ungarische Dominikanerordensprovinz von ihrer Gründung 1221 bis zur Tatarenwüstung 1241–1242. Zürich, 1913. 240 s.
28. *Phillips J.R.S.* The Medieval Expansion of Europe. Oxford, New York, 1988. 303 p.

29. *Richard J.* Ultimatums mongols et lettres apocryphes // *Central Asiatic Journal*. Vol. 17. Wiesbaden, 1973. P. 212–222.
30. *Richard J.* La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age. Rome, 1998. 331 p.
31. *Spinei V.* Moldavia in the 11th–14th centuries. Bucharest, 1986. 276 p.
32. *Spinei V.* The Cuman Bishopric: Genesis and Evolution // *The Other Europe in the Middle Ages* / Curta F., Kovalev R. (eds.). Leiden, Boston, 2008. P. 413–456.
33. *Spinei V.* The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta. Leiden, Boston, 2009. 545 p.
34. *Theiner A.* Vetera monumenta historica Hungariam sacram. Vol I. Ab Honorio PP. III. usque ad Clementem PP. VI, 1216–1352. Romae, 1859. 837 p.
35. *Vásáry I.* Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge, New York, 2005. 230 p.
36. *Zimmermann H.* Der Deutsche Orden in Siebenbürgen: eine diplomatische Untersuchung. Köln, 2011. 246 s.
37. *Zimmermann F., Werner C.* Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen. Vol. I. 1191 bis 1342. Hildesheim, Zürich, New York, 2007. 620 s.

§ 5. Монгольская империя и ее роль в мировой истории

Николай Крадин

На протяжении длительного времени история монголов и их деяния приковывают к себе внимание исследователей многих стран. Монголы создали одну из самых крупных империй в мировой истории. Их походы и завоевания, а также последствия оказали огромное влияние на историю человечества. Наконец, ключевой интригующий вопрос этой темы, которым озадачивались многие исследователи: как и почему из небольшого, мало кому известного народа возникла огромная мировая империя, а потом почти также стремительно исчезла с авансены мировой истории?

Далекими предками монголов были отуз-татары (кит. шивэйцы). Они обитали на территории восточной Монголии и Забайкалья [6]. Среди названий шивэйских племен упоминаются такие этнонимы, как татань (дадань) и мэнью (мэнгу). После крушения Уйгурского каганата в середине IX в. постепенно монгольские номады заселили большую часть монгольских степей. На рубеже I–II тыс. в китайских летописях они выступают под обобщенным этнонимом цзубу. Существует легенда о прародине, согласно которой когда-то давно предки монголов бежали в недоступную местность Эргуне-кун («Крутой хребет», возм. производно от Аргунь). Постепенно они там размножились, стали мастерами кузнечного дела. Собрав много дров и принеся жертвы, они расплавили гору и смогли выйти в степи [19, кн. 1, с. 154].

На рубеже XII–XIII вв. в монгольских степях обитали самые различные народы. В восточной части территории современной Монголии, в долинах Онона и Керулена кочевали племена, которые условно можно назвать монголами. В их числе были дарлекины, нируны, тайджиуты, хонкираты и др. К востоку от них, в Забайкалье и Внутренней Монголии, обитали татары. В центральной Монголии в предгорьях Хангая и в долинах Орхона и Толы проживали керейты. Их вождество во главе с ханом Тоорилом (Ванханом) было одним из наиболее могущественных объединений кочевников в указанный период. В северной Монголии по берегам Селенги жили меркиты. Западную часть Монголии занимали найманы. Многие исследователи относят их не к монголоязычным, а к тюркоязычным кочевникам [6; 11; 17; 40].

Быт и культура средневековых кочевников монгольских степей мало чем отличались от образа жизни номадов более раннего времени [4; 11; 13; 38]. Они разводили так

называемые «пять видов скота» (*таван хошуу мал*) – лошадей, верблюдов, овец, коз, крупный рогатый скот. Наиболее ценным животным, мерилем богатстваномада считался конь. Овцы, в целом, занимали 50–60% общего поголовья. Примерно 15–20% стада составляли лошади и крупный рогатый скот. Оставшаяся часть приходилась на коз и верблюдов, которых в структуре стада было меньше всего [9]. Кочевники также занимались охотой, имели зачатки земледелия. Особенно важное значение имела охота, которая являлась хорошим способом выработки военных навыков. Номады разделялись на две группы и охватывали в кольцо многокилометровую территорию. Постепенно сжимая кольцо, кочевники загоняли в круг множество диких животных.

В монгольском обществе существовало половозрастное разделение труда и гендерное доминирование. В обязанности мужчин входило наблюдение за домашними животными, изготовление стрел, луков, прочей утвари. Остальное время они занимались охотой, стрельбой из лука, ходили в военные походы. На женские плечи выпадала вся остальная ноша – работа по дому, доение и обработка продуктов скотоводства, воспитание детей. Когда мужчины отсутствовали, они выполняли и их работу. Однако роль женщины в монгольском обществе не была сводима к положению домашней рабыни. Женщины могли иметь большее влияние в публичной жизни. Особенно высока была роль вдовы после смерти мужа. Достаточно напомнить, какое влияние на сыновей имела Оэлун – жена Есугай-баатура и мать Чингиз-хана, а также впоследствии другие ханши.

У монголов существовали различные формы семьи. Для небогатых скотоводов, по всей видимости, это была так называемая малая нуклеарная семья, состоящая из родителей и малолетних детей. Старшие сыновья при женитьбе получали свою долю скота и имущества. Младший сын (*отчигин*) оставался с родителями, чтобы заботиться о них в старости. Ему же впоследствии доставался родительский *гэр* (юрта), имущество и домашний скот. Для более богатых монголов была характерна так называемая расширенная полигиническая семья. Богатые, кто мог заплатить калым, имели по нескольку жен. Во время набегов и военных походов можно было также занять наложниц, которые параллельно выполняли работу по домашнему хозяйству. Кочевники монгольских степей были шаманистами, верили в культ Неба (Тэнгри). Кроме «Вечного синего Неба» они почитали богиню Земли (Этуген), духов огня, гадали по бараньим лопаткам. Керейты и найманы были знакомы с христианством.

Обычно кочевники кочевали *айлом* – группой из 5–10 семей. При необходимости номады могли объединяться в более крупные объединения (*курень*), но с экологической точки зрения это было нецелесообразно, т.к. резко возрастала нагрузка животных на пастбища. Многие этнографы фиксируют, что для этих уровней характерны минимальные конфликты между членами группы. Как только возникает напряжение внутри коллектива, недовольные сразу откочевывают. Айлы группировались в таксоны более высокого уровня – линидж (*урук*), экзогамный род (*обок*) – племя, вождество (*иргэн, улус*). Для народов того времени характерно совпадение этнической и потестарной терминологии. Одни и те же термины могли обозначать как какую-то этнополитическую группу, так и составляющие ее сегменты [22].

Монгольское общество было знакомо с неравенством и иерархией. Во главе племен и вождеств стояли *ханы*, которые имели дружины *нукеров*. Социальное господство в монгольском обществе конструировалось в соответствии с терминологией родового общества как противопоставление между старшим и младшим родственниками («отец – сын», «старший брат – младший брат»), генеалогического, в том числе и фиктивного, неравенства между отдельными линиджами и сегментами («белая» и «черная» кость), маркированием более низких по статусу родственников терминами рабства (*богал*) [11; 22; 38].

Племена кочевников постоянно нападали друг на друга с целью угона скота, захвата в плен женщин и детей. Анонимный монгольский летописец красочно охарактеризовал

«темные времена» монгольского средневековья: «Звездное небо поворачивалось – была всенародная распря. В постель свою не ложились – все друг друга грабили (забирали добычу). Вся поверхность земли содрогалась – всецветная брань шла» [7, §254].

Именно в таких условиях родился будущий основатель монгольской империи Чингиз-хан. Его отцом был один из потомков могущественного предводителя монголов первой половины XII в. Хабул-хана по младшей линии – Есугай-баатур. Матерью являлась Оэлун из племени олхонутов. Она была отдана в жены одному из меркитов, однако Есугай силой умыкнул ее и сделал своей супругой. При рождении ребенка нарекли именем Темучжин в честь одного из поверженных его отцом врагов.

В девятилетнем возрасте отец повез Темучжина свататься к хонкиратам, где ему в качестве невесты была выбрана Борте – дочь местного вождя Дай-сечена. На обратном пути Есугай встретил татар, которые напоили его отравленным питием. После его смерти Темучжин был вынужден вернуться домой к матери. К этому времени большинство сподвижников Есугая решили бросить его семью и откочевать, поделив его стада. Это был типичный вариант распада вождества у кочевников скотоводов. Измена соплеменников нанесла юному Темучжину глубокую психологическую травму. Впоследствии он всегда с подозрением относился к родственникам, даже к самым близким, и стремился опираться на верных друзей и преданных воинов-нукеров [31, с. 193–194]. На долю матери Темучжина и семьи выпала нелегкая судьба – выжить без скота в суровых условиях монгольского климата. Оэлун пришлось заниматься собирательством, а самим ребятишкам – ловить рыбу. Неслыханное дело для кочевников, потомки которых и до сих пор с подозрением относятся даже к рыбным деликатесам.

Именно в этот период развился конфликт между Темучжином и Бектером – его сводным братом от другой жены Есугая. Возможно, оба подростка чувствовали, что кто-то из них должен был со временем возглавить семью. Конфликт закончился драмой. Бектер был застрелен из лука. Это преступление не было оставлено без внимания со стороны дальних сородичей. Темучжин был захвачен тайджиутами и в качестве наказания закован в колодки. Проявив чудеса смекалки и храбрости юноша смог убедить их плена и вернуться в семью.

Через некоторое время он совершил еще один храбрый поступок – погнался за конокрадами и отбил табун своих лошадей. В этом ему помог юноша из соседнего кочевья – Боорчу. Фактически он стал первым нукером Темучжина и в будущем одним из его ближайших сподвижников. Вдохновленный этой победой Темучжин отправился к Дай-сечену за невестой. В качестве приданого Борте получила роскошную соболиную доху. Эта доха была отвезена Темучжином в ставку керейтов и поднесена в качестве дара вождю конфедерации керейтов Тоорилу (Ван-хану). Взамен сметливый юноша попросил покровительства. Растроганный Ван-хан вспомнил о бывшей дружбе с Есугаем и пообещал молодому человеку поддержку.

Однако Темучжину недолго пришлось наслаждаться объятиями юной супруги. На его лагерь внезапно напали меркиты, которые долгие годы вынашивали план мести Есугаю или его родственникам. Темучжин был вынужден бросить молодую жену и скрываться в чащобе священной горы Бурхан-халдун. Вот тут-то и понадобилась дружба с сильным покровителем. Темучжин обратился за помощью к Ван-хану и другому влиятельному монгольскому вождю Джамухе. Джамуха был его ровестником и побратимом (монг. *анда*). Еще в детстве мальчики обменялись подарками и пообещали друг другу хранить верность всю жизнь.

Меркиты не ожидали набега и были разгромлены. Коалиции досталась богатая добыча. Но Темучжину была нужна только его возлюбленная. Это один из самых трогательных эпизодов его биографии. Однако так случилось, что к моменту освобождения

из плена Борте ожидала первенца. Несмотря на щекотливость ситуации Темучжин признал Джучи (букв. «гость») своим сыном.

Некоторое время после победы над меркитами Темучжин кочевал вместе с другом детства Джамухой. Как в детстве они спали, укрываясь одним одеялом. Однако постепенно между ними началась конкуренция за первенство, и Темучжин откочевал от анды. Впоследствии они стали врагами. Еще через некоторое время сподвижники Темучжина решили короновать его на ханство. Именно тогда он получил новое имя-титул Чингиз-хан. Вокруг него стали собираться верные нукеры. Первый эмбриональный «аппарат» состоял всего из 26 дружинников, а его возглавляла тройка ближайших сподвижников Чингиз-хана – Боорчу, Чжельме и Субутай-баатур.

К сожалению, история ранних монголов от середины 1180-х гг. до 1204 г. не имеет точной хронологии. Разные источники по-разному описывают ход событий. Можно реконструировать только наиболее важные из них, однако их даты и даже последовательность до сих пор являются предметом дискуссий. Известно, что вскоре после разрыва, во время набега за скотом был убит младший брат Джамухи. Это стало причиной вооруженного конфликта между побратимами. Чингиз-хан был разбит, но он сумел даже из поражения извлечь пользу. Джамуха в качестве устрашения приказал сварить живьем в котлах 70 вождей племени чоносов. Это оттолкнуло многие племена, которые откочевали от него к анде. К этому времени Чингиз-хан прослыл справедливым и весьма щедрым вождем, который раздавал своим сподвижникам большую часть добычи. Кроме того, его опора на верных нукеров, а не на родственников, давала возможность выходцам из других племен достичь высокого положения.

Дальнейшая история – это калейдоскоп набегов и войн между различными вождествами и племенами кочевников. Несколько раз Чингиз-хан был на грани полного разгрома. Однако он смог выстоять. Пали его враги. Сначала погиб Ван-хан. Потом была разгромлена коалиция найманов и Джамухи. Джамуха бежал, но вскоре был предан своими нукерами. Чингиз-хан жестоко расправился с изменниками и предал анду почетной казни – ему сломали позвоночник без пролития крови.

В 1206 г. на берегу Онона Чингиз-хан был провозглашен правителем Монгольской державы (*Еке Монгол Улс*). Он попытался разрушить традиционную племенную систему и создать принципиально новую структуру, основанную на фундаменте личной преданности. В результате была введена десятичная система (деление воинских подразделений на десятки, сотни и тысячи). Всего первоначально было создано 95 «тысяч». Они являлись как военными, так и административными подразделениями имперской конфедерации. Старую родовую структуру сохранили племена давних сподвижников Чингиз-хана, а также те вождества, которые добровольно вошли в состав имперской конфедерации. Остальные были перетасованы и включены в новые «тысячи». Правым крылом командовал Боорчу, под командованием которого находилось 38000 воинов. Левое крыло находилось под руководством Мухали. Вместе с центром оно составляло 62000 чел. [19, кн. 2, с. 266–278].

Чингиз-ханом также была создана дружина (*кешик*) в 10000 воинов. Дружинникам была поручена охрана ханских покоев, имущества и ставки, руководство дворовой челядью, обеспечение ханского стола продовольствием, участие в ханских облавных охотах и т.д. Дружина являлась своеобразной кузницей кадров для будущей имперской администрации. В известной степени дружинников можно рассматривать как эмбрион офицерского корпуса армии и аппарата управления.

Родственники оказались обделенными. Матери на пару с младшим родным братом Чингиз выделил 10000 юрт, брату Хасару – 4000; сыновьям: Джучи – 9000, Чагатаю – 8000, Угэдэю и Толую – по 5000. При этом к ним были приставлены специальные наместники, которые должны были докладывать о каждом шаге Чингиз-хану. Причина

этого коренилась в упомянутых выше событиях далекого детства, когда он столкнулся с изменой родственников, бросивших его семью после смерти отца. Помня об этом, Чингиз-хан неизменно старался опираться не на родственников, а на своих верных нукеров [7, § 242, 243].

Судебные дела были поручены Шиги-Хутуху. Чингиз-хан также провозгласил новые правила поведения, которые обычно называют Ясой. Однако среди современных исследователей нет единства относительно того, что представляла собой Яса [30; 35]. Ее подлинник неизвестен. Имеются только различные пересказы и упоминания восточных авторов Джувейни, Рашид ад-Дина, Макризи, Ибн Баттуты. По всей видимости, Яса не была писаным сводом законов подобно раннесредневековым «варварским» Правдам (Вестготской, Салической, Русской и др.). Она представляла собой свод различных установлений, правил и табу, установленных Чингиз-ханом с некоторыми дополнениями в правление Угэдэя. Данный текст был недоступен для общего пользования. Согласно Джувейни: «Эти свитки называются Великой Книгой Ясы и лежат в казне старших принцев. Когда хан садится на трон, или будет собирать великой войско, или соберутся принцы и [станут советоваться] о делах государства и управления, то приносят те свитки и в соответствии с ними осуществляют все решения; и к построению войска или разрушению стран и городов как там предписано» [36, с. 25].

В 1210 г. чжурчжэньские посланники потребовали от Чингиз-хана уплаты дани (Формально монголы являлись вассалами империи Цзинь.) Однако реальное соотношение сил между Севером и Югом сильно изменилось, и этот эпизод был использован как повод к войне. В следующем году монголы вторглись в границы Цзинь сразу двумя армиями. С этого времени началась эпоха великих монгольских завоеваний. У чжурчжэней было 1,2 млн. солдат. Чингиз-хан имел 139 «тысяч». Следовательно, соотношение сил было примерно 1:10. Однако чжурчжэньская армия была рассредоточена по отдельным гарнизонам, а монголы могли использовать эффект концентрации сил на главном направлении удара. Они перешли за Стену и взяли Западную столицу. Первые же победы привели к увеличению численности монгольского войска за счет перебежчиков.

Обычная тактика монголов сводилась к следующему. Монгольское войско выстраивалось в несколько линий. Первые линии составляли тяжеловооруженные всадники. Сзади находились конные лучники. В начале битвы легкая кавалерия с флангов или через интервалы между передовыми подразделениями выезжала вперед и начинала засыпать противника стрелами. Стена сплошного потока из сыпящихся с неба стрел была хорошим психологическим оружием (особенно если часть стрел была снабжена специальными свистунками) и могла принести вред плоховооруженной пехоте. Однако эффективность такой стрельбы была достаточно невысока для вооруженного броней противника [5, с. 213].

Коронной тактической уловкой монголов было знаменитое ложное отступление, когда они высылали вперед несколько подразделений, которые должны были имитировать столкновение с врагом, а потом сделать вид, что отступают. После того, как враг бросался в преследование, в надежде поживиться легкой добычей, монголы растягивали его коммуникации. Затем в дело вступали лучники, которые засыпали противника тучей стрел. Монголы предпочитали тактику дистанционного боя до получения решающего преимущества над противником. Возможно, это было обусловлено тем, что основную часть войска составляли легковооруженные лучники. Завершала сражение снова тяжелая кавалерия, которая сначала выдвигалась на легких рысях, а потом сминала уставшего и потерявшего строй противника [18, с. 52].

Каждый монгольский воин должен был иметь с собой полный комплекс снаряжения, включая защитное и наступательное вооружение, веревки, транспортных животных и проч. Если при осмотре войска обнаруживалась недостача, виновный сурово

наказывался вплоть до смертной казни. Чингиз-хан ввел жесткую дисциплину и круговую поруку. Если с поля боя убежал один человек, наказывали весь десяток. Эта система была жестокой, но оказалась очень эффективной [18, с. 50–51; 36, с. 31].

Монголы исповедовали тактику тотальной войны, масштабное запугивание противника с целью подавления его боевого духа и деморализации. Если города не сдавались им без единого выстрела, они не брали никого в плен, кроме искусных ремесленников [16, с. 67]. Для осадных работ использовалось местное население (*хашар* – букв. «толпа»), которое заставляли приводить в действие гигантские механизмы, собирать камни, заготавливать деревья, строить осадные сооружения [19, кн. 2, с. 207; 16, с. 67].

В начале военных действий против чжурчжэней монголы испытывали недостаток опыта и специальных средств в осаде городов. В ходе первой кампании против тангутов они так неудачно пытались затопить водой столицу тангутского государства, что в результате вода прорвала построенную плотину и затопила монгольский лагерь. Однако монголы были хорошими учениками в военном деле. Они стали использовать на военной службе чжурчжэньских, китайских и мусульманских инженеров и ремесленников, что быстро привело к ощутимым последствиям. Очень скоро они освоили самые передовые военные технологии – строительство осадных башен, в том числе с катапультами, а также различных метательных орудий, стреляющих стрелами, камнями и пороховыми зарядами, стали проводить крупномасштабную артподготовку перед штурмом, осуществлять возведение плотин для затопления вражеских городов и рытье подкопов под крепостные стены и т.д. [18, с. 53–54].

Относительно превосходства монгольского войска над армиями других средневековых государств существуют разные мнения. Широко распространена точка зрения, что кочевники являются «природными воинами». Кочевники отличались выносливостью и неприхотливостью, зоркостью, прекрасно ориентировались на местности, с детства овладевали искусством управления лошадью и стрельбы из лука. Монгольский лук был самым мощным луком эпохи средневековья. Долгие тренировки в период облавных охот обусловили высокую маневренность и координированность монгольских воинских подразделений, способность быстро перестраиваться и легко перемещаться по территории военных действий. В этом они наголову превосходили своих противников [5, с. 91].

В то же время необходимо учитывать два важных обстоятельства. Что касается умения владения оружием ближнего боя, то обычные кочевники, как правило, уступали в этом профессиональным воинам оседло-земледельческих государств (военное сословие, дружинники, специально обученные воинские подразделения – мамлюки, янычары и др.). Кроме того, фактор умения ориентироваться на местности и передвигаться с большим количеством заводных лошадей был преимуществом для кочевников только в степных зонах или в непосредственной близости от них (как на Руси). Иное дело, если боевые действия велись в непривычных условиях. Здесь номады теряли фактор «своего поля» и им приходилось играть по правилам своего противника. Так было на море во время двух походов юаньской армады против Японии. Так было и на Ближнем Востоке, где они потерпели поражение от мамлюков.

Монгольская армия была основана на так называемой десятичной системе – делении войска на подразделения численностью в десять (*арбан*), сто (*зуут*), тысяча (*мянган*) и десять тысяч (*тумен*) воинов. «Чингиз-кан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (и он по-нашему называется десятником), а во главе десяти десятников был поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников был поставлен один, который называется тысячником, а во главе десяти тысячников был поставлен один, и это число называется у них тьма» [18, с. 49]. «Каждый из эмиров тумана, тысячи и сотни должен содержать в полном порядке и держать нагото-

ве свое войско с тем, чтобы выступить в поход в любое время, когда прибудет фирман и приказ, безразлично ночью или днем!» [19, кн. 2, с. 264].

Открытие принципа иерархии (в том числе и «десятичной» системы) сыграло в свое время в истории военного дела не менее важную роль, чем, например, изобретение колеса для развития техники. Войско, имевшее более организованную структуру (при прочих факторах) обладало значительным тактическим преимуществом в сравнении с войском, не имевшим никакой или худшую военную организацию. Военная история дает бесчисленное множество примеров, когда малочисленные армии побеждали превосходящих противников только из-за того, что имели лучшую организацию. Возможно, сейчас вышесказанное может показаться банальностью, но не стоит забывать, что речь идет о племенном обществе, для которого базисные принципы социальной организации были совсем другими, отличными от основ государственного общества.

Жесткая военная иерархия предполагает строгую дисциплину. Этот принцип внутренне был чужд племенным вождям с их сепаратизмом. Иоанн де Плано Карпини писал, что если во время сражения «из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообща, то все бегущие умерщвляются; точно так же, если один или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадают в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются» [18, с. 49–50].

Десятичная система и круговая порука не предполагает необходимости содержания специальных контролеров. «Смотр и учет войск ведется так, что отсутствует нужда в записывании результатов проверки (*дафтар-и арз*) и содержания специальных лиц и их помощников, – свидетельствует Джувейни, – Так как все поделены на десятки, и один человек назначен командиром над другими девятью; из десяти начальников десятков один получает звание «командира сотни», а вся сотня ему подчинена. И так с каждой тысячей, и точно так же с десятью тысячами человек, над которыми назначен начальник, называемый «командующим тумена». В соответствии с этим правилом, если возникнет необходимость и понадобится человек или вещь, то дело передают темнику, а тот, соответственно, – тысячнику, и так далее до десятников. В этом есть истинная справедливость; каждый человек трудится как другой, и между ними не делают разницы, не принимая во внимание ни богатство, ни власть» [36, с. 31; ср.: 5, с. 90–91].

Судя по «Тайной истории монголов», численность войска Чингиз-хана в 1206 г. составляла не менее ста тысяч всадников. В §202 перечисляются 95 тысячников, которым он доверил свои воинские подразделения. Кроме того, в источнике сказано, что здесь не учтены так называемые лесные народы. На момент смерти основателя державы левое крыло состояло из 38 тысяч, правое – из 62 тысяч. С учетом тысячи личных телохранителей, называемой *гол*, а также 40 тысяч, которые были розданы ближайшим родственникам, общая численность воинских подразделений составляла уже 141 тыс. всадников [19, кн. 2, с. 266–278]. При всей условности подобных расчетов видно, что количество номадов, привлеченных к активным военным действиям, несмотря на потери в предыдущих кампаниях, возросло примерно в полтора раза. Данное обстоятельство может быть объяснимо только тем, что по мере расширения степной державы, увеличивались и ее людские ресурсы. Погибшие в сражениях воины заменялись рекрутами из новых присоединенных к Улусу владений.

Если исходить из того, что взрослые мужчины составляют примерно пятую часть населения, то общее количество кочевого населения монгольских степей в 1220-е годы должно было быть не менее 700 тыс. чел. В период расцвета империи численность номадов возросла, при этом часть их ушла в Европу, Среднюю Азию и Иран. По данным на 1290 г. собственно монголов в государстве Юань было около 1 млн. чел., при-

мерно столько же выходцев из Западной и Средней Азии (*сэму*, *сэмужэнь*), 10 млн. чел., проживавших на территории Северного Китая (*ханьжэнь*) и 60 млн. жителей Южного Китая (*нанжэнь*).

Разделение на десятичные воинские подразделения не было единовременным актом. Да это было и невозможно. Любое воинское подразделение по мере участия в боевых действиях требует докомплектации или реформирования. По всей видимости, провозглашение десятичной системы в качестве основы структуры Еке Монгол Улс'а в 1206 г. явилось политической декларацией о намерениях. В реальности же так называемые *мянган* часто по своей численности были больше одной тысячи воинов. Достаточно обратиться к «Сборнику летописей» Рашид ад-Дина. Тысяча джалаириров, которой управлял Мухали, состояла из 3 тыс. чел. Тысяча Бааритая-курчи-нойона составляла 10 тыс. бааринов, а тысяча Ная-нойона – 3 тыс. бааринов. Тысячные подразделения хонкиратов состояли из 5 тыс. чел., онгутов – из 4 тыс. чел., джалаириров – из 2 тыс. чел. Тысяча братьев Кэхтая и Бучина также состояла из 3 тыс. чел., а тысячи кара-киданей и чжурчжэней – соответственно из 10 тыс. воинов каждая, и др. [19, кн. 2, с. 269–274].

Более того, известны случаи реформирования «подразделений-племен», когда менялся их иерархический статус. «Тысяча, состоящая из племен ойрат. Их было [собственно] четыре тысячи, однако в подробностях [они] не известны. Эмиром и повелителем [падишах] их был Кутука-беки. Когда он подчинился Чингиз-хану, все ойратское войско по [установившемуся] обычаю утвердили за ним, а эмирами-тысяцкими были те люди, которых он хотел. После него [этими тысячами] ведали его сыновья» [19, кн. 2, с. 269]. Этот текст определенно свидетельствует о том, что ойратский *мянган* состоял из большего числа воинов, а потом на его основе было сформировано объединение более высокого иерархического уровня. Схожая информация содержится в том же источнике касательно войска Бааритая-курчи-нойона [19, кн. 2, с. 269].

Существовали два варианта мобилизации монгольского войска. В первом случае все мужчины тех или иных племенных и клановых подразделений приравнивались к воинам и должны были участвовать в военных походах. По всей видимости, этот способ комплектации использовался на ранних этапах существования Монгольской империи. Другой вариант предполагал, что в зависимости от необходимости проводился набор рекрутов в монгольское войско от каждого из племен и вожеств. Так в 1235 г. из каждого монгольского «десятка» один воин был призван для похода на западные страны и один – на Сун. Из населения бывшей чжурчжэньской империи рекрутировался один человек от десяти дворов для похода на Сун и Коре [2, с. 354]. Для похода против Бату в 1247 г. Гуюк призвал по одному человеку от ста душ [2, с. 300; 28, с. 21]. Согласно «Юань ши», в период господства монголов в Китае все мужское население от 15 до 70 лет было привлечено к воинской службе. Однако в реальности возраст призыва, в зависимости от потребностей, мог варьировать от 15 до 20 лет [37, с. 17]. Мобилизация проводилась секретно, так чтобы никто из посторонних не смог узнать об этом. Марко Поло свидетельствует, что когда Хубилаю понадобилось собрать большую армию, это было сделано настолько быстро и тайно, что никто о происходящем даже не заподозрил [5, с. 100].

По мере завоеваний монголы включали в состав своих армий завоеванные народы. В результате, чем больше они завоевывали, тем более сильной становилась мощь их вооруженных сил. Первые кампании принесли огромную добычу. Чжурчжэньский император заплатил большую контрибуцию в 10 тыс. *лян* серебра и 10 тыс. слитков золота. После этого Чингиз-хан обратил свой взор на запад, на владения хорезмшаха. В сентябре 1219 г. 150 тыс. монгольских всадников подошли к Отрару. Крепость была взята через пять месяцев. С течением времени пали и другие города Средней Азии – Бухара и Самарканд (1220), Гургандж (1221). В 1226–1227 гг. было повержено тангутское государство Си Ся.

В 1227 г. во время осады столицы тангутского государства Чингиз-хан умер. По одной версии незадолго перед этим он расшибся, упав с лошади. По другой, он скон-

чался от скоротечной болезни. По третьей, на него наслал порчу правитель тангутов. Существует также экзотическая легенда, что он, подобно вождю гуннов Аттиле, пал от руки юной пленной тангутской царевны. Место погребения Чингиз-хана также неизвестно. Согласно одним данным, он был погребен на Алтае. По другой версии, его похоронили на родине около священной горы Бурхан-Халдун. Буддистские монахи считают местом его погребения Ордос.

Похороны были произведены втайне. Согласно преданию, после траурной церемонии все участвовавшие в ней были убиты, а над могилой прогнали табун лошадей, чтобы никто и никогда не нашел место захоронения Завоевателя Вселенной. Несмотря на легендарный и противоречивый характер приведенных сведений, факт остается фактом – погребение ни одного из великих ханов и ближайших родственников не найдено археологами до наших дней.

Несмотря на стремление Чингиз-хана разрушить племенную систему, это оказалось не под силу даже ему. На первом же курултае после смерти Чингиз-хана в 1228 г. наиболее важные решения принимали его братья и сыновья. Хаганом монгольской империи был провозглашен третий сын Чингиз-хана Угэдэй (1229–1241).

Выбор преемника был сделан Чингиз-ханом еще при жизни. Он обсуждал со своими ближайшими соратниками и родственниками возможную кандидатуру будущего правителя. Фигура его первенца Джучи была не совсем легитимна в силу сомнительного происхождения. Второй сын Чагатай оказался слишком импульсивен и вызывал опасения. Четвертый сын Толуй являлся *отчигином* и должен был наследовать дом родителей. Наиболее приемлемой для всех оказалась кандидатура третьего сына Угэдэя. Угэдэй был спокойным и уравновешенным, отличался щедрым нравом и любил развлечения.

Однако самое главное достоинство Угэдэя оказалось в его способности не мешать ходу развития естественных процессов. Он пил вино, охотился и развлекался со своими многочисленными женами, а в это время монгольские воины брали новые города, присоединяли новые страны. При нем империя раскинулась от Волги до Амура. Общая хронология наиболее важных военных походов монголов выглядит следующим образом. С отдельными перерывами продолжалось завоевание Северного Китая. В 1233 г. монгольские тумены дошли до Приморья и завоевали чжурчжэньское государство Восточное Ся, а в следующем году окончательно пала династия Цзинь. Последний оплот империи, город Цайчжоу, был взят. Чжурчжэньский император повесился, приказав сжечь свое тело, чтобы оно не досталось врагам.

В 1231–1232 гг. был совершен поход на Корейский полуостров, и была повержена династия Силла. В 1230–1240-х гг. было совершено несколько успешных походов на территорию Ирана. С 1234 г. возобновилась война в Китае, на этот раз против династии Сун. Уже через три года сунцы согласились платить ежегодно 200 тыс. слитков серебра и 200 тыс. кусков шелка. Хаган Мунке возобновил в 1251 г. военные действия, однако только при Хубилае в 1279 г. весь Китай был завоеван [подробнее о походах см.: 23; 39].

В 1235 г. состоялся курилтай, определивший судьбы многих народов Старого Света. Было принято решение продолжить завоевания в Европе и в Азии. В 1236 г. была завоевана Волжская Булгария. Зимой следующего года монгольское войско вторглось на территорию Руси. Рязань, Владимир, Суздаль, Ростов Великий, один за другим пали в ходе нашествия Батыевой рати. Потери были немалыми, и монголы несколько лет собирали силы для нового похода. В 1239 г. был захвачен Чернигов, а осенью 1240 г. осажден и взят штурмом Киев. В январе 1241 г. монголы вторглись в Польшу и Венгрию. Этот поход привел в ужас население европейских стран, и их спасла только смерть монгольского хагана Угэдэя [о походах на Русь см.: 25].

Активная экспансионистская политика была обусловлена тем, что стабильность Монгольской империи напрямую зависела от умения ханов организовывать внешние источники поступления прибавочного продукта. Чингиз-хан еще в молодости проявил себя щедрым вождем. Дети и внуки превзошли своего великого родителя в щедрости.

Джувейни пишет, что Угэдэй затмил всех предшествующих степных ханов. Все захваченное в военных походах он по-царски раздавал своим сподвижникам, даже не требуя, чтобы это было предварительно внесено в специальную опись [20, с. 19, 35, 41, 53, 55, 58, 59, 62, 63; 36, с. 188–189, 198, 202].

Ему приписываются слова, сказанные о стяжательстве: «Те, кто в этом усердствует, лишены доли разума, так как между землей и зарытым кладом нет разницы, – оба они одинаковы в [своей] бесполезности. Поскольку при наступлении смертного часа [сокровища] не приносят никакой пользы, и с того света возвратиться невозможно, то мы свои сокровища будем хранить в сердцах и все то, что в наличности и что приготовлено, или [то, что еще] поступит, отдадим подданным и нуждающимся, чтобы прославить свое доброе имя» [20, с. 49; 36, с. 204].

В период правления Угэдэя начинает складываться бюрократический аппарат огромной империи. Надо сказать, что для кочевников институт казны и государственной финансовой системы воспринимался как непонятный и чужеродный для правителей кочевой империи. Они не стремились накапливать богатства в своих кладовых, чтобы использовать их как дополнительный властный ресурс. Напротив, щедрость – это то качество, которое кочевники ожидали от своих степных вождей. Не случайно ханы стремились раздавать все свои богатства, чтобы привлечь на свою сторону племена номадов. По этой причине Чингизиды периодически сталкивались с тем, что ханская казна оказывалась пустой. Именно поэтому, когда после возвращения из похода в Среднюю Азию выяснилось, что на складах нет ни зерна, ни шелка, сторонники провоенной партии предложили Угэдэю уничтожить все население Северного Китая, а земельные поля превратить в пастбища. Только благодаря заступничеству Елюя Чуцай удалось предотвратить этот широкомасштабный геноцид. Однако разногласия между двумя придворными партиями остались. Сторонники другой группировки, которую возглавлял Елюй Чуцай, придерживались мнения, что налоги являются наиболее действенным средством получения доходов от завоеванных территорий.

Елюю Чуцаю удалось аргументировать монгольскому хагану, что гораздо выгоднее обложить завоеванное население налогами. Именно тогда Елюй Чуцай произнес свои знаменитые слова: «Хотя [Вы] получили Поднебесную, сидя на коне, но нельзя управлять [ею], сидя на коне» [цит. по: 14, с. 44–45, 73, 106, 190]. Увидев, какие это может дать результаты, Угэдэй назначил Елюя Чуцай председателем государственного секретариата (кит. *чжун-шу шэн*). Фактически этот киданин стал верховным канцлером имперского правительства. Здесь вырабатывались наиболее важные решения и готовились указы для распространения их на места, выдавались пайцзы, печати и другие атрибуты имперской власти. Однако вплоть до воцарения Хубилая этот орган не имел четкой организационной структуры.

На первых порах Елюю Чуцаю удалось наладить устойчивую налоговую систему. Помимо стандартных поземельных налогов были введены различные повинности и дополнительные поборы. Большим бременем стала обязанность снабжать провиантом монгольских гонцов и должностных лиц, передвигающихся по территории империи. В немалой степени успехи были обусловлены тем, что Чуцай стал активно формировать государственный аппарат из числа бывших конфуцианских бюрократов. Он аргументировал Угэдэю это тем, что они обладали большими знаниями и административным опытом. Для оптимизации налогообложения в 1233 и 1234 г. на территории Северного Китая были проведены переписи.

Когда Елюй Чуцай предлагал ввести налоги, он думал не только о наполнении ханской казны, но и о восстановлении экономики страны. К концу жизни Угэдэя влияние набожного конфуцианца упало. Зимой 1239/40 г. мусульманский купец Абд-ар-Рахман предложил отдать ему налоги на откуп, пообещав удвоить поступления в казну. Несмотря на яростное противодействие Чуцай, Угэдэй и его окружение согласились. В 1236 г. под давлением кочевой аристократии Угэдэй роздал значительную часть завое-

ванной территории Северного Китая в уделы (*фэнь ди*). Елюй Чуцай также не смог воспрепятствовать этому. Ему удалось добиться лишь того, чтобы приставить для надзора к каждому из монгольских вождей специальных контролеров.

По приказу Угэдэя в завоеванные страны были направлены должностные лица (*баскаки*) и сопровождавшие их писцы (*битикчи*). Слово *баскак* тюркского происхождения (тюрк. *бас-* – давить). Это калька монгольского термина *даругачи* (монг. *дару-* – давить). Дословно оба слова обозначают человека, который ставит печать от имени хагана. Судя по всему, в функции даругачи входил достаточно широкий круг административных, военных и судебных полномочий.

Для укрепления инфраструктуры империи в 1235 г. была создана ямская служба. Примерно через каждые 40 км располагались почтовые станции (в разных регионах это расстояние могло варьировать). От каждой тысячи должны были выделяться смотрители почтовых станций (*ям*). Они обеспечивали гонцов и других должностных лиц свежими лошадьми, пищей и кровом. Это давало возможность гонцам, быстро меняя лошадей, преодолевать в день по 350–400 км [5, с. 121–122; 36, с. 33].

Пришло время перенести ставку из Восточной Монголии в новое место. Было принято решение о строительстве в долине Орхона столицы, которая получила название Каракорум (монг. Хархорин). Местоположение новой столицы было обусловлено в первую очередь геополитическими преимуществами. Отсюда было гораздо удобнее контролировать и Китай, и торговые пути через Ганьсу, и совершать походы на Джунгарию и Восточный Туркестан. Важное место в создании столицы сыграла необходимость концентрации в одном месте ремесленников из завоеванных стран. В течение первых десятилетий существования империи монголы провели масштабную мобилизацию человеческих ресурсов. После захвата Хорезма в Монголию было угнано 100 тыс. ремесленников. Следующая волна насильственной депортации мастеров была связана с походами на государство Цзинь, в результате чего в Каракорум было привезено много искусных ремесленников и мастерового люда, которые занимались украшением внутренних покоев дворца и производством для него утвари и различных украшений.

Все представители элиты получили приказание построить в городе дворцы и дома. В 1235 г. был построен дворец Угэдэя, называвшийся Ваньангун – «дворец мира на десять тысяч лет». Перед этим дворцом находилось знаменитое винное дерево, сделанное мастером Гийомом из Парижа. Перед деревом стояли четыре серебряных льва, из пастьев которых изливался кумыс. От ствола дерева отходили четыре трубы в форме позолоченных змей. Из этих труб лились различные алкогольные напитки. Ветки и листья были сделаны из серебра. На самом верху находился ангел с трубой [18, с. 158–159].

Дворцовый комплекс был пристроен с юга к городским стенам. Сам город имел форму близкую к прямоугольнику (в южной части – к равнобедренной трапеции). Длинные стороны (около 2,5 км) были ориентированы по линии северо-восток – юго-запад. С северной стороны длина вала равнялась 1,6 км. С южной стороны – около 1,3 км. Город был разделен на несколько участков. В одной зоне располагались усадьбы аристократии и хаганский дворец, в другой были расселены чжурчжэньские и китайские ремесленники, третья была занята мусульманскими купцами. В городе существовало не менее четырех рынков, церкви и кумирни различных конфессий.

Монголы проповедовали религиозную терпимость. Сам Чингиз-хан и его ближайшие потомки не отдавали предпочтения ни одной из мировых религий, с уважением относясь ко всем существующим. Во многих государствах религиозные служители (даосы, буддисты, православные) были освобождены от налогов. Возможно, отчасти это было продиктовано прагматическими задачами, чтобы обеспечить свое правление в завоеванных странах. Нельзя исключать и другое обстоятельство – таким способом Чингизиды стремились максимально застраховать себя от вреда со стороны любых потусторонних сил [8; 15].

Монгольские завоевания способствовали началу масштабных миграционных процессов, новых культурных контактов, зарождению новых вкусов и моды, формированию космополитизма. Монгольские императоры были покровителями китайских искусств. Юаньский двор был центром сосредоточения культуры различных цивилизаций. Элементы китайской живописи и декоративного искусства вошли в среднеазиатское искусство – так же, как среднеазиатская парча попала на Дальний Восток. Национальные кухни многих стран обогатились блюдами и кулинарными рецептами других народов. В Китае при династии Юань элита стала активным потребителем блюд из баранины, а рис был отнесен на второй план. Из Ближнего Востока лапша попала в Китай и Италию, где стала одним из основных национальных блюд [33].

Европейцы познакомились с технологией перегонки спирта (вероятно, при посредничестве арабов), не говоря уже о таких принципиальных для Запада открытиях, как компас, порох и книгопечатание. Влияние монгольского мира прослеживается в военном деле и даже в одежде. В Европе вошло в моду так называемое «татарское платье». Монголы стимулировали распространение медицинских идей по территории Евразии. Они также оказали влияние на распространение различных религий, способствовали развитию картографии, изучению языков и составлению словарей [10; 27; 28; 32].

После монгольских завоеваний принципиальным образом изменилась геополитическая расстановка сил в Старом Свете. В восточной части исламского мира региональные центры сместились от Багдада к Тебризу, в Средней Азии – от Баласагуна к Алмалыку, в Восточной Европе – от Киева к Сараю и затем к Москве, в Китае – от Кайфына к Пекину. Монголы снова объединили весь Китай в одно государство, и введенное при них административное деление сохраняется до сих пор. Более того, они заложили фундамент для создания китайской государственности в современных границах – включая Тибет, Синьцзян, Внутреннюю Монголию и Маньчжурию. Сегодня китайская историография настойчиво подчеркивает многоэтничный состав юаньского общества как важнейший вклад в национальное строительство КНР [32, с. 354–355].

Значительное влияние монголы сыграли в российской истории. Благодаря их посредничеству из Китая на Русь пришла практика падения ниц при обращении к правителю – челобития и наказания неплательщиков налогов ударами палок по пяткам. Монголы заложили основу для последующего возвышения Московского царства, которое выступало впоследствии как преемник Золотой Орды, и создания последующей России, о чем много писали в своих работах сторонники евразийства. Созданная монголами почтовая служба сохранилась впоследствии в Китае, Иране и России. Монгольские военные учреждения нашли свое продолжение в Китае минского и цинского времени. Русские князья использовали принципы военного строительства, стратегию и тактику монголов вплоть до появления огнестрельного оружия [3; 12].

Подобные заимствования были многочисленны в Монгольской империи. Это создавало возможности для расширения все новых и новых связей, формированию новых мод и вкусов. Однако не нужно забывать, что монголы не ставили своей целью создать сеть глобальных информационных коммуникаций. Они были одержимы идеей покорения мира и, следовательно, многие результаты их контактов с другими культурами и цивилизациями оказались непреднамеренными. Транзиты высоких технологий в большей степени были следствием политической воли правителей Монгольской империи, нежели следствием внутреннего развития экономики и торговли. В результате сформировались обширные и постоянные сети культурных и технологических контактов между ремесленниками, инженерами, художниками и другими представителями интеллектуального труда разных народов и государств. Все это стало основой для плодотворного технологического и культурного обмена, способствовало претворению в жизнь новых возможностей и уникальных открытий, которым через несколько столетий было суждено перевернуть весь мир [10; 11; 24].

Монголы также способствовали распространению и проникновению различных религий. Правда, при этом, в конечном счете, в выигрышном положении оказался ислам: Ильханы – в Иране, Чагатаиды – в Средней Азии, Джучиды – в Дешт-и Кипчаке рано или поздно приняли веру в Аллаха. Возможно, это было обусловлено определенной предрасположенностью кочевников именно к исламу – религии воинов и торговцев.

Еще одним следствием масштабного культурного обмена стало визуальное расширение горизонтов Евразии и развитие картографии. В определенной степени это подтолкнуло европейцев к поискам новых морских путей в Индию и привело впоследствии к Великим географическим открытиям. Важный вклад внесли монголы в развитие языкознания. Империя была многонациональной державой, и монголы использовали различные языки для управления завоеванными территориями. Они создавали специальные школы для подготовки переводчиков, стимулировали процесс создания многоязычных словарей, которые начинают появляться в XIII–XIV вв. в разных странах, связанных с торговлей по Великому Шелковому пути от Китая до Европы [32, с. 352, note 44]. Мы уже не говорим о многочисленных языковых заимствованиях монгольских слов в различных языках и стимулированных монголами языковых взаимодействиях. Только в русский язык посредством контакта с кочевниками вошли такие слова, как аргамак, базар, деньги, казна, таможня, табун, тьма, ямщик.

Подытоживая сказанное, представляется несомненным, что главное значение Монгольской империи для мировой истории заключалось в том, что монголы замкнули цепь международной торговли в единый комплекс сухопутных и морских путей [1; 26]. Это создало условия для массовой мобилизации и перемещений человеческих масс и целых народов, сформировало беспрецедентные условия для крупномасштабных обменов товарами, идеями и технологиями. Впервые все крупные региональные составляющие средневековой мир-системы (Европа, мир ислама, Индия, Китай и Золотая Орда) оказались интегрированными в единое информационное, макроэкономическое и культурное пространство. Данный феномен смело можно назвать средневековой или монгольской глобализацией XIII–XIV вв.

1. *Абу-Луход Ж.* Переструктурируя миросистему, предшествующую новому времени // *Время мира.* Вып. 2. Новосибирск, 2001. С. 449–461.
2. *Бичурин Н.Я.* История первых четырех ханов из Дома Чингизова. СПб.: Типография Карла Крайя, 1829. 457 с.
3. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ, 1997. 480 с.
4. *Жуковская Н.Л.* Кочевники Монголии. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.
5. Книга Марко Поло. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1956. 376 с.
6. *Ковычев Е.В.* К истории ранних монголов в Забайкалье // *Известия лаборатории древних технологий.* Вып. 9. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. С. 129–146.
7. *Козин С.А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 611 с.
8. *Коллмар-Пауленц К.* Новый взгляд на религиозную идентичность монголов // *Монгольская империя и кочевой мир.* Вып. 1. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 444–464.
9. *Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с.
10. *Крадин Н.Н.* Актуальные проблемы истории Монгольской империи // *Исторический вестник.* 2014. Т. 10 (157). С. 10–43.
11. *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингиз-хана. М.: Восточная литература РАН, 2006. 557 с.
12. *Кривошеев Ю.М.* Русь и монголы. 2-е изд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 468 с.
13. *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. М.: Изд-во МГУ, 1976. 316 с.
14. *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М.: Наука, 1965. 224 с.

15. *Мэй Т.* Монголы и мировые религии в XIII веке // Монгольская империя и кочевой мир. Вып.1. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 424–443.
16. Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Пер., комм. Н.Ц. Мункуева. М.: Наука, 1975. 286 с.
17. *Нанзатов Б.З.* Расселение и племенной состав номадов Центральной Азии в предчингизовское и чингизовское время // Монгольская империя и кочевой мир. Вып.3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 377–462.
18. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. 270 с.
19. *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 1–2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 219 с., 315 с.
20. *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 253 с.
21. *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. III. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 340 с.
22. *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингиз-хана. 2-е изд. СПб.: Евразия, 2013. 384 с.
23. Татаро-Монголы в Азии и Европе. 2-е изд. М.: Наука, 1977. 504 с.
24. *Холл Т.* Монголы в мир-системной истории // Монгольская империя и кочевой мир. Вып.1. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 136–166.
25. *Хрусталева Д.Г.* Русь и монгольское нашествие (20–50 гг. XIII в.). 2-е изд. СПб.: Евразия, 2015. 416 с.
26. *Abu-Lughod J.* Before European hegemony: The World-System A. D. 1250–1350. New York: Oxford University Press, 1989. 464 p.
27. *Allsen T.* Commodity and Exchange in the Mongol Empire: a Cultural History of Islamic Textiles. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 156 p.
28. *Allsen T.* Culture and Conquest in Mongol Eurasia. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 264 p.
29. *Allsen T.* The Circulation of Military Technology in the Mongolian Empire // Warfare in Inner Asian History (500–1800). Leiden: Brill, 2002. P. 265–293.
30. *Ayalon D.* The Great Yasa of Chinggis Khan. A Reexamination (Part's A, B, Ca, C2) // Studia Islamica. Vol. 33. 1971. P. 97–140; 1971. Vol. 34. P. 151–180; 1972. Vol. 36. P. 113–158; 1973. Vol. 38. P. 107–156.
31. *Barfield T.J.* The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China. 2nd ed. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1992. 325 p.
32. *Biran M.* The Mongol Transformation: From the Steppe to Eurasian Empire // Eurasian Transformations, Tenth to Thirteenth Centuries. Leiden, 2004. P. 339–361.
33. *Buell P., Anderson E., Perry Ch.* A Soup for the Qan: Chinese Dietary Medicine of the Mongol Era as Seen in Hu Szu-hui's Yin-shan Cheng-yao. London: Brill, 2000. 662 p.
34. *Chambers J.* The devil's horsemen: The Mongol invasion of Europe. 2nd ed. London, 1988. 208 p.
35. *de Rachewiltz I.* Some reflection on Činggis Qan's *Yasay* // East Asian History. Vol. 6. 1993. P. 91–104.
36. Genghis Khan. The history of the World-Conqueror by 'Ala ad-Din 'Ata-Malik Juvaini. Translated by J.A. Boyle. Manchester: Manchester University Press, 1997. 763 p.
37. *Hsiao Ch'i-ch'ing.* The Military Establishment of the Yüan Dynasty. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1978. 314 p.
38. *Krader L.* Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague, 1963.
39. *May T.* The Mongol Art of War. Barnsley: Pen & Books Ltd, 2007. 214 p.
40. *Togan I.* Flexibility and limitation in Steppe Formations: The Kerait Khanate and Chinggis Khan. Leiden: Brill, 1998. 204 p.

Глава II. Становление Улуса Джучи

§ 1. Джучи – первый правитель улуса

Ильнур Миргалеев

Еще при жизни Чингиз-хана его старшему сыну Джучи был выделен отдельный улус и земли, которые завоевал сам Джучи. После конфликта с Чингиз-ханом Джучи практически отстраняется от участия в хорезмийской кампании. Причина такого отношения к нему кроется в том, что во время семейного совета, описанного важнейшим источником – «Тайной историей монголов» («Сокровенным сказанием»), – Джучи застал обиду на своего отца и, имея уже выделенный улус, решил – после того как он был смещен с должности главнокомандующего войском и должен был подчиниться Угэдэю – удалиться в свой улус. Ему якобы поручили организовать охоту для Чингиз-хана; естественно, такое решение было продиктовано именно конфликтом между Чингизидами и, самое важное, – между Чингиз-ханом и самим Джучи. Чингиз-хан, несомненно, почувствовал недовольство Джучи и, возможно, хотел дать ему поостыть. Однако дело зашло далеко, Джучи начал отстраняться от поручений Чингиз-хана и критиковать методы своего отца и братьев. Подобные упоминания просто так не попадают на страницы источников, наоборот, учитывая критический подход к их сведениям, необходимо иметь в виду данную психологическую ситуацию. Проблема разрешилась как нельзя кстати внезапной гибелью Джучи. Такое «благоприятное» завершение возникшей проблемы как для династии, так и для будущего империи, а также сохранение «лица» Чингиз-хана дают исследователю пищу для размышлений. Почему все так «удачно» и своевременно разрешилось?

Так кем же был первый правитель улуса, который вошел в историю под его именем?

До сих пор остаются дискуссионными дата (наиболее вероятны 1182–1183 годы) и обстоятельства рождения Джучи. Этот вопрос был не решен, кажется, и для семьи Чингиз-хана, раз на семейном совете во всеуслышание Джучи был назван «наследником меркитского плена». Поэтому, исходя из разных соображений в источниках, по-разному описывались время и обстоятельства пленения и освобождения из меркитского плена его матери Борте. Неясно, какой точно срок она находилась в меркитском плену? Но это, очевидно, был такой срок, что Джучи можно было считать как сыном Чингиз-хана, так и сыном меркита Чильгира. «Сокровенное сказание» очень подробно описывает пленение, а также освобождение Борте из меркитского плена. Но не говорит о рождении Джучи по пути домой, как это сообщают нам более поздние источники. Согласно Рашид ад-Дину, Джучи родился после освобождения его матери из меркитского плена: «В то время когда Чингиз-хан воевал с племенем меркит и оно одержало [над ним] верх, Бортэ-фуджин была беременна Джочи. Племя меркит увело ее в полон. Так как в ту пору между [племенами] меркит и Он-ханом были мирные отношения, они отослали ее к Он-хану. Он-хан держал ее в почете и уважении ... Когда Чингиз-хан узнал об этом обстоятельстве, он послал к Он-хану Саба ... Он-хан ... вручил ее ему ... в пути появился на свет Джочи» [7, с. 68–69].

Несмотря на все эти обстоятельства, Чингиз-хан вырастил Джучи, как своего сына. Как он рос в семье, конечно, сказать трудно, но по косвенным данным видим, что «меркитская история» все же давала о себе знать. Согласно некоторым источникам, у Джучи были натянутые отношения по меньшей мере с его братьями, что часто приводило к конфликтным ситуациям. Рашид ад-Дин в нескольких местах указывает на непростые отношения между Джучи и его младшими братьями: «Когда [Джучи-хан] вырос, то постоянно сопровождал отца и неотлучно состоял при нем и в счастье и в несчастье. Но между ним и его братьями Чагатаем и Угэдэем всегда были препирательства, ссоры и несогласие» [8, с. 65]. Об этом же сообщается и в анонимном сочинении «Родословие тюрков»: «Чагатай и Угетай постоянно клеветали Чингиз-хану в отношении происхождения Джучи» [10, с. 203].

Слава Джучи как самого гуманного сына Чингиз-хана дошла и до его врагов. Ан-Насави упоминает о Джучи как о добром завоевателе, говоря о его мягком отношении к завоеванному населению: «Он послал к ним (жителям Хорезма) людей, предупреждая их и предостерегая, и обещал им пощаду, если они сдадут его (Хорезм) без боя, и сказал, что Чингиз-хан подарил [город] ему и что он воздержится от его разрушения и намерен сохранить [город] для себя. Об этом будто бы свидетельствует то, что за время своего пребывания вблизи от (Хорезма) это войско не предпринимало набегов на его сельские местности, отличая Хорезм от других областей большей заботой и большей милостью, опасаясь за него, что бы он не стал жертвой судьбы ущерба и чтобы его не достигла рука уничтожения» [12, с. 132]. Однако Джузджани, наоборот, обвиняет Джучи в свирепости по отношению к мирному населению города Ургенча [10, с. 14]. Несомненно, он был искусным полководцем и хорошим дипломатом и действовал сообразно сложившейся ситуации.

Военная карьера Джучи началась еще при походах Чингиз-хана на тайджиутов, татар и керейтов, против Джамухи и Ван-хана. В 1207 году Чингиз-хан отправляет Джучи в его первый самостоятельный поход против «лесных народов» на западе. «Сокровенное сказание» сообщает, что: «В год Зайца (1207 г.) Джучи был послан с войском Правой руки к Лесным народам» [9, с. 123]. Джучи, кажется, смог покорить их без единого боя, тем самым доказывая, что он не только хороший полководец, но и отличный дипломат: «Прежде всех явился с выражением покорности Ойратский Худуха-беки, со своими Тумен-Ойратами. Явившись, он стал провожатым у Джучия... Подчинив Ойратов, Бурятов, Бархунов, Урсутов, Хабханасов, Ханхасов и Тубасов, Джучи подступил к Тумен-Киргизам. Тогда к Джучи явились Киргизские нойоны Еди, Инал, Алдиер и Олебекдигин. Они выразили покорность и били государю челом... Джучи принял под власть Монгольскую все Лесные народы... Шибир, Кесдиин, Баит, Тухас, Тенлек, Тоелес, Тас и Бачжиги. Взял он с собою Киргизских нойонов-темников и тысячников¹, а также нойонов Лесных народов и, представив Чингиз-хану, велел бить государю челом... Милостиво обратясь к Джучи, Чингиз-хан соизволил сказать: «Ты старший из моих сыновей. Не успел и выйти из дому, как в добром здравии благополучно воротился, покорив без потерь людьми и лошадьми Лесные народы. Жалую их тебе в подданство» [9, с. 123].

---

¹ По Юань-ши киргизы «решили не рисковать и сами послали послов к Чингиз-хану» [5, с. 125]. Схожую версию излагает и Рашид ад-Дин, что в 603 г.х. (8 августа 1206 – 27 июня 1207 г.) «Чингиз-хан послал гонцами к этим двум государям Алтана и Букура и призвал [их] к подчинению. Те послали назад вместе с ними трех своих эмиров... и подчинились [ему]» [6, с. 150]. Однако это не означает, что Джучи не участвовал в их подчинении. Тот же Рашид ад-Дин подтверждает, что в первый раз все-таки их покорил именно Джучи, так как в 1218 году Джучи «снова захватил область киргизов, которая [вторично] восстала» [7, с. 256]. Также в источниках есть противоречие о подчинении ойратов, однако, на наш взгляд, сообщения «Сокровенного сказания» заслуживают больше доверия, чем поздние источники.

Джучи получил от Чингиз-хана только что завоеванные земли. Именно с этого времени начинается свое существование Улус Джучи. Также ему было поручено завоевывать новые земли для своего улуса на западе: «Все области и улус, находившиеся в пределах реки Ирдыш и Алтайских гор, летние и зимние кочевья тех окрестностей Чингиз-хан пожаловал в управление Джучи-хану и издал беспрекословный указ, чтобы [Джучи-хан] завоевал и включал в свои владения области Дашт-и Кипчак и находящиеся в тех краях государства» [8, с. 78].

Столицей Улуса при Джучи была ставка на Иртыше [8, с. 78], возможно, в одном из бывших кимакских городов, хотя существует спор о том, дожили ли кимакские города до времен Джучи, но тут не важно, кому они принадлежали до их взятия монголами – каракитаям, найманам или кипчакам. Кимаки основали на Иртыше несколько городов и использовали их сообразно кочевническому складу государства. В этом отношении их местоположение и форма использования прекрасно подходили кочевому улусу Джучи. Поэтому вполне логично предположить, что Джучи мог использовать в качестве столицы одну из столиц бывшего кимакского государства на Иртыше².

После объединения тюрко-монгольских кочевников Центральной Азии Чингиз-хан завоевывает государство тангутов Си Ся. Об участии Джучи в военном походе против тангутов сведений в источниках нет. В 1211 году Чингиз-хан пересекает границы империи Цзинь. Войсками лично руководил сам Чингиз-хан. Также в этой военной кампании вместе с Чагатаем и Угэдэем участвовал и Джучи.

Джучи мы видим и в кампании 1213 года против киданей. Войска Чингиз-хан разделил на три группы. Главную группу возглавил он сам и его младший сын Тулуй. Западную группу войск возглавили Джучи и его братья Чагатай и Угэдэй. Третью, восточную, возглавил брат Чингиз-хана Хасар. Известно, что Джучи и его братья действовали к югу от хребта Тайхан и вышли на северный берег Хуанхэ.

После китайской кампании Джучи со своим войском по приказу Чингиз-хана был отправлен на войну против Куду, который скрывался у кипчаков [2, с. 226–227].

Скорее всего, до хорезмийского похода Джучи находился в своем улусе и был занят обустройством и расширением его в западном направлении. Источники об этом отрезке времени ничего не сообщают. Возможно, Чингиз-хан специально разъединил Джучи с Чагатаем и Угэдэем, чтобы их препирательства не вредили общему делу, как это случится в дальнейшем при осаде Гурганджа. Да и до войны с сильным противником, с государством Хорезмшахов, желательнее было захватить его союзников – тюркские племена восточных кипчаков, канглы, остатки татар, меркитов, найман и др.

Больше информации о Джучи в источниках зафиксировано в связи с его участием в походе против Хорезма. Джучи получил от Чингиз-хана поручение обеспечить безопасность на севере. Его действия в 1218–1219 гг. во многих отношениях дали возможность для маневра в больших масштабах для монгольских войск в походе на Хорезм. Ему также в это время пришлось вторично покорить восставшие киргизские племена, разгромить меркитов и столкнуться с Мухаммедом II Ала ад-Дином [1, с. 44; 12, с. 49].

В войне против хорезмшаха Джучи возглавил взятие нескольких хорезмийских городов [7, с. 198–201] и вместе с войсками Чагатая и Угэдэя должен был взять город Гургандж [7, с. 215], который должен был принадлежать ему, но Чингиз-хан приказал возглавить армию Угэдэю [9, с. 139]. После взятия Гурганджа они поделили между

---

² Несмотря на кочевой уклад улуса, Чингизиды в качестве столицы использовали города. Как известно, Бату в дальнейшем, до западного похода, столицу своего улуса учредил в Гургандже [11, с. 386–387], но когда это произошло, неизвестно, скорее всего, как только представилась такая возможность, и скорее всего после смерти Чингиз-хана, когда были некоторые изменения территории Улуса Джучи. И далее, до специальной постройки столицы на Нижней Волге Сарая, Бату использовал в качестве столицы город Булгар.

собой добычу, «причем не выделили доли для Чингиз-хана» [9, с. 140], чем обидели своего отца.

В это время случилось так, что пути сыновей Чингиз-хана разошлись. Джучи ушел «к своим обозам» [7, с. 219] в свой улус на Иртыш [8, с. 78] и занялся расширением исключительно своего улуса за счет Кипчакских земель [4, с. 44; 13, с. 258]. Возможно, что это было решение Чингиз-хана. Но возможно и другое: Джучи свои завоевания на западе мог вести самостоятельно, не делаясь добычей и не согласуясь с приказами отца. «Чингиз-хан приказал, чтобы Джучи выступил в поход и покорил северные страны, как то: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кипчак и другие области тех краев. Когда же он уклонился от участия в этом деле и отправился к своим жилищам, то Чингиз-хан, крайне рассердившись, сказал: «Я его казню, не видать ему милости»» [8, с. 78–79].

Преднамеренно ли Чингиз-хан отдалял его от метрополии, и был ли в состоянии Джучи завоевать столько народов на далеком западе? Так ли было важно в это время разделить силы и заниматься завоеванием далеких народов, когда шла война с хорезмийцами? Когда остальные Чингизиды завоевывали богатые среднеазиатские города, Джучи должен отправиться в степь, чтобы поохотиться «на диких ослов» [10, с. 20]? Ведь с военной точки зрения было бы важно сперва покончить с остатками сил хорезмийцев, сам Чингиз-хан всегда делал так: последовательно завоевывая племена и государства. Видимо, ситуация с Джучи к военной стратегии не имела отношения. За недосказанностью средневековых авторов лежит семейная психологическая драма.

Его имя больше не упоминается в дальнейших военных операциях монгольских войск. В то время, когда его братья с отцом воевали на территории современных Афганистана и Пакистана, Джучи находился в своем улусе. Безусловно, он усиленно занимался его устройством и окончательным подчинением своей власти населения Восточного Дешт-и Кипчака. Все это показывает, что Джучи был отстранен Чингиз-ханом от дальнейших военных операций из-за каких-то конфликтов между ним и его братьями, и что Чингиз-хан взял сторону его братьев.

Была ли на самом деле после этого встреча Джучи со своим отцом и братьями, сказать сложно. Хотя Джувейни и сообщает, что зимой 1222/1223 гг. Чингиз-хан «послал к старшему сыну своему Туши гонца с приглашением также приехать туда из Дешт-и Кипчака и позаботиться охотой ... У реки Фенакетской (Сыр-Дарья) все сыновья собрались к отцу, устроили курилтай, оттуда выступили и дошли до Кулан-баши. С другой стороны прибыл Туши и (также) явился на поклон к отцу» [10, с. 20–21]. Однако, как свидетельствует Рашид ад-Дин, его старшего сына на этом собрании не было [7, с. 226]. Данные Рашид ад-Дина подтверждает Джузджани: «Когда Туши, старший сын Чингиз-хана, увидел воздух и воду Кипчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих. В ум его стало проникать желание восстать против своего отца; он сказал своим приближенным: «Чингиз-хан сошел с ума, что губит столько народа и разрушает столько царств. Мне кажется наиболее целесообразным умертвить отца на охоте, сблизиться с султаном Мухаммедом, привести это государство в цветущее состояние и оказать помощь мусульманам». Проведал о таком замысле брат его Чагатай и известил отца об этом изменническом плане и намерении брата. Узнав (это), Чингиз-хан послал доверенных лиц своих отравить и убить Туши» [10, с. 14–15]. Безусловно, в отчете Джузджани имеется определенная противоречивость и к тому же султан Мухаммед был уже несколько лет мертв к этому времени. Однако его сообщение показывает, что о недовольстве Джучи политикой Чингиз-хана знали не только в кругу семьи.

Поэтому мы считаем, что после взятия Гурганджа Джучи начал уклоняться от контактов как с отцом, так и со своими братьями.

Точная дата и обстоятельства смерти Джучи также неизвестны. В «Родословии тюрок» говорится, что Джучи умер за 6 месяцев до смерти Чингиз-хана [10, с. 204], т.е. в 1227 году. Другую дату называет Джамал ал-Карши: «Туши умер раньше своего отца – в 622/1225 году» [3, с. 119]. Также источники называют разные причины его смерти: болезнь [8, с. 79] (скорее всего Рашид ад-Дин приводит официальную версию) и отравление по приказу Чингиз-хана [10, с. 15].

Вполне возможно, что Джучи уклонился от участия в курултае 1224 года и за это был убит по приказу Чингиз-хана, и поэтому 1225 год выглядит более предпочтительным.

После смерти Джучи его сыновья жили в своем улусе и продолжили завоевания на западе, чтобы расширить его территорию. Семью возглавил Бату. Джузджани, сообщает, что «когда он, вследствие замысла против отца, переселился из мира сего, то после него осталось много сыновей; старше всех их был Бату; его Чингиз-хан посадил (на престол) на место его отца» [10, с. 15].

Все это сохранило на определенное время единство династии. Многочисленные сыновья Джучи еще были малы и остались в большой семье Чингизидов, хотя часть их улуса и была отобрана, а сами молодые Джучиды получили «поручение» расширять свой улус, правда, пока только собственными силами, т.е. они также были заняты тем же, чем и их двоюродные братья. Однако те совместно завоевывали богатые территории, а Джучиды сами должны были воевать с немногочисленными кочевниками Западной Сибири.

Было ли это сделано преднамеренно, сказать трудно, но факт остается фактом: семья Джучи и остальные Чингизиды были разъединены между собой еще при Чингиз-хане. В дальнейшем они совместно будут участвовать в западном походе, однако и там сыновья Чагатая и Угэдэя будут свысока смотреть на Джучидов, что станет предметом обращения Бату с жалобой к хагану Угэдэю. В последующем сыновья Джучи сполна отомстят своим двоюродным братьям.

1. Ала-ад-Дин Ата-Мелик Джувейни. Чингиз-хан. История завоевателя мира. М.: Издательский дом Магистр-пресс, 2004. 690 с.

2. Ахинжанов С.М. Кипчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1998. 293 с.

3. Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с-сурах / Отв. ред. А.К.Муминов. Введение, перевод с арабско-персидского, комментарии, текст, факсимиле Ш.Х.Вохидова, Б.Б.Аминова. Серия «История Казахстана в персидских источниках». Том I. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 416 с.

4. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абул-Гази, хана Хивинского. [Исследования, тексты, перев.]. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1958. 192 с.

5. Кычанов Е. Завоевание Восточного Туркестана и Западного Сибири // История Татар с древнейших времен. В семи томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С. 124–128.

6. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Том 1. Кн. 1. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1952. 222 с.

7. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Том 1. Кн. 2. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1952. 316 с.

8. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Том 2. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1960. 254 с.

9. Сокровенное сказание монголов. Перевод С.А. Козина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2002. 156 с.

10. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том II. Извлечения из персидских сочинений собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.

11. Хаутала Роман. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Серия «Язма Мирас. Письменное

Наследие. Textual Heritage». Вып. 2. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 496 с.

12. Шихаб ад-Дин Мухаммед ибн Ахмед ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны: (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). Критич. текст, пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указатели З.М. Бунятова. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 798 с.

13. Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli / Daffinà P., Leopardi C., Lungarotti M.C., Menestò E., Petech L. (eds.). Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 1989. viii + 522 p.

§ 2. Завоевание Хорезма монгольскими войсками (1219–1221 гг.)³

Дмитрий Тимохин

К началу монголо-хорезмийской войны (1219–1221 гг.) в состав государства хорезмшахов-Ануштегинидов, помимо области Хорезм, входили: Мавераннахр, Хорасан, территории современных Ирана, Афганистана и Пакистана. Если же попытаться очертить рубежи государства в это время, то на севере граница проходила по правому берегу Сыр-Дарьи, где главным пограничным городом считался Отрар, вплоть до Аральского моря. На юге естественной границей становятся северные побережья Персидского и Оманского заливов, на юго-востоке граница хорезмийского влияния проходила по реке Инд. Что касается восточных и западных границ государства хорезмшахов при Ала ад-Дине Мухаммеде, то на востоке его держава достигала Памира и Сулеймановых гор, а на западе – гор Загрос с учетом того, что территория Ирака Персидского также находилась в подчинении хорезмийского владыки. Могущество этого правителя было так велико, что зависимость от него, по сведениям отдельных средневековых историков, признали в государствах Ширваншахов и атабеков Азербайджана [14, с. 342].

Вполне понятно, что гибель столь могущественного и обширного государства, а также последовавшие за этим события казались средневековым историкам чем-то неслыханным и невозможным, что многократно подчеркивалось ими в своих сочинениях. «[Люди] стали свидетелями таких бедствий, о каких не слыхали в древние века, во времена исчезнувших государств. Слыхано ли, чтобы [какая-то] орда выступила из мест восхода солнца, прошла по земле вплоть до Баб ал-Абваба, а оттуда перебралась в Страну Кипчаков, совершила на ее племена яростный набег и орудовала мечами наудачу? Не успевала она ступить на какую-нибудь землю, как разоряла ее, а захватив какой-нибудь город, разрушала его. Затем, после такого кругового похода, она возвратилась к своему повелителю через Хорезм невредимой и с добычей, погубив при этом пашни страны и приплод скота и поставив ее население под острия мечей. И все это менее чем за два года!» [3, с. 89].

Прежде чем переходить непосредственно к описанию самой монголо-хорезмийской войны 1219–1221 гг. и ее последствий, необходимо дать описание того, как складывались отношения между двумя этими державами до начала конфликта и выделить основные его причины. По данным арабо-персидских источников, начало дипломатическим отношениям между Хорезмом и государством Чингиз-хана положила миссия, отправленная Ала ад-Дином Мухаммедом и достигшая двора монгольского хана в 1215 году. Она была принята с почестями и вернулась с богатыми дарами. Чингиз-хан передал хорезмшаху через посла: «Я – владыка Востока, а ты владыка – Запада! Пусть между нами будет твердый договор о дружбе и мире, и пусть купцы и караваны обеих

³ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 15-01-00020.

сторон отправляются и возвращаются, и пусть дорогие изделия и обычные товары, которые есть в моей земле, перевозятся ими к тебе, а твои в таком же порядке пусть перевозятся ко мне» [37, vol. 2, с. 966]. После этого посольства, которое возглавлял сейид Баха ад-Дин ар-Рази, между двумя государствами завязываются активные торговые и дипломатические контакты, прерванные событием, которое стало одновременно и главной причиной будущей монголо-хорезмийской войны – речь идет об «Отрарском инциденте» 1218 года.

То, что произошло в пограничном хорезмийском городе Отраре, которым управлял Инал-хан или Иналчик, носивший титул Гаир-хан, один из военачальников хорезмшаха и родственник его матери Теркен-хатун, до сих пор остается одним из дискуссионных моментов в истории столкновения Хорезма и монголов. В этот город прибывает караван, где помимо 450 купцов мусульман было еще и около сотни монголов, отправленных Чингиз-ханом также с торговыми целями во владения хорезмшаха [18, т. 1, кн. 2, с. 188; 43, с. 235]. Этот караван был практически полностью уничтожен, а имущество купцов было разграблено – в одних источниках по приказу самого Ала ад-Дина Мухаммеда [14, с. 348; 31, j. 1, с. 415; 11, с. 258], в других – по личной инициативе Инал-хана. В последнем варианте хорезмшах лишь приказал задержать караван, поверив в сообщение от своего наместника, что купцы каравана занимаются шпионажем и пропагандой среди местного населения [3, с. 79]. Отметим, что в более поздних арабо-персидских памятниках оказалась востребована в большей степени точка зрения Ибн ал-Асира и Джувейни [44, j. 2, с. 648]. При этом остается открытым вопрос, что же двигало в этой ситуации Инал-ханом, который, безусловно, не мог не понимать, что своими действиями он фактически развязывает войну между двумя государствами?

Одной из причин, которая могла подтолкнуть правителя Отрара к подобным действиям, возможно, было не только имущество каравана или действия купцов, которые могли бы быть классифицированы как шпионаж, но и то, что можно назвать личным фактором. О подобном пишет в своем труде Джувейни, указывая на то, что караван был арестован не из-за имущества купцов, а из-за личной обиды, нанесенной правителю Отрара одним из караванщиков, знавшим его в прежние годы и назвавшим его Инал-ханом, а не Гаир-ханом [11, с. 52]. Вполне вероятно, что вся деятельность участников каравана в Отраре была изначально спланирована как провокация с целью спровоцировать хорезмийскую сторону на какие-либо безрассудные действия и тем самым развязать войну, выставив ее виновником Ала ад-Дина Мухаммеда и его наместника в Отраре. В таком случае становятся более понятными действия купцов в Отраре, о которых пишет ан-Насави: «Когда они уединяются с кем-то из простонародья, они угрожают ему и говорят: «Вы в полном неведении относительно того, что творится вокруг вас; скоро вы увидите такое, что никто из вас раньше не видел». И далее в таком духе» [3, с. 79]. Вероятно, непосредственно на убийство купцов монгольский правитель и не рассчитывал; однако даже если он вовсе и не собирался спровоцировать хорезмшаха, а лишь приказал произвести некие разведывательные действия или же начать агитацию среди местного населения – результат превзошел ожидания [22, с. 13–22]. В том факте, что монголы прибегали к услугам купцов для шпионажа или в иных целях, нет ничего нового, поскольку, как свидетельствует «Сокровенное сказание», Чингиз-хан уже в первые годы своего правления активно брал купцов-мусульман на свою службу [19, с. 78].

В историографии выдвигались различные гипотезы в отношении событий в Отраре: в большинстве случаев авторы приводили все версии событий, излагаемые арабо-персидскими историками, отдавая предпочтения одному из них [см.: 7, с. 428–429; 8, с. 135; 5, с. 223, 228; 16, с. 106–107; 20, с. 139; 43, с. 237–238]. В ряде случаев можно увидеть и трактовку этих событий исходя из сведений китайских и монгольских источ-

ников, где одной из причин Отрарского инцидента будет нежелание Инал-хана выдавать укрывшихся у него меркитов [17, с. 151].

Со своей стороны хотелось бы выдвинуть следующую гипотезу: как уже говорилось выше, Инал-хан был родственником Теркен-хатун, матери хорезмшаха [36, vol. 1, с. 60]. Ряд исследователей указывает на то, что правитель Отрара мог вести самостоятельную внешнюю политику, пользуясь своим положением, что, впрочем, мало подтверждено арабо-персидскими источниками [17, с. 151; 40, t. I, с. 102–103]. Эти источники при этом указывают на то, что власть Теркен-хатун была огромна, и сам Ала ад-Дин Мухаммед не противоречил матери «ни в малых делах, ни в больших, ни в серьезных, ни в маловажных – по двум причинам: во-первых, из-за родительской любви, которую она уделяла ему, и, во-вторых, из-за того, что большинство эмиров государства были из ее рода» [3, с. 73; 45, с. 171, anm. 1; 4, с. 252].

Исследователи многократно указывали на тот же факт: «Абсолютным владыкой считался хорезмшах и султан Ала ад-Дин Мухаммед, но в действительности Ала ад-Дин оказался в полном подчинении у своей матери Теркен-хатун, которая во внутренних и во внешнеполитических делах государства была, можно сказать, вторым государем, а в некоторых вопросах противостояла своему сыну» [8, с. 128]. В.В. Бартольд отмечал, «что в областях, находившихся под управлением Теркен-хатун, власть Мухаммеда фактически не признавалась» [7, с. 444]. Однако до сих пор не рассматривалась вероятность того, что приказ об убийстве участников каравана мог исходить из другого центра силы в Хорезме. Инал-хан, безусловно, мог пойти на подобный шаг и по своей инициативе, рассчитывая выйти сухим из воды, однако с учетом того, что в Хорезме фактически сложилось двоевластие, а тюркская военная элита разделилась на два враждующих лагеря, о чем будет сказано ниже. Приказ о ликвидации каравана мог исходить и от Теркен-хатун. Так, ан-Насави подчеркивает власть Теркен-хатун тем фактом, что при наличии приказов от нее и от хорезмшаха по одному и тому же поводу исполнялся тот, который был подписан позднее [48, с. 58–59]. В связи с этим ряд исследователей небезосновательно, на наш взгляд, предполагали наличие внутри хорезмийской военной элиты своего рода «партии войны», желавшей развязать войну с новым противником [30, с. 113].

Косвенным подтверждением этому становятся действия хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда после Отрарского инцидента: прибывшее к нему новое посольство от Чингиз-хана во главе с Ибн Кафраджем Богра требовало выдачи монгольскому хану правителя Отрара, угрожая в противном случае начать военные действия. «Чингиз-хан направил послов к султану, передал ему послание, в котором (говорилось, что) наместник Отрара из-за опасной недалёковидности совершил вероломный поступок по отношению к купцам, и обязанность султана его (Инал-хана) ему (Чингиз-хану) передать. Султан, из-за этих речей послов, приказал их убить» [46, с. 73]. Подробный текст послания приводит в своем сочинении ан-Насави [3, с. 79–80], указывая и причину, по которой Ала ад-Дин Мухаммед не смог выполнить требований Чингиз-хана и самим фактом убийства посла решил ускорить начало неизбежной войны. Причина этому в том, пишет ан-Насави, что Инал-хан был родственником Теркен-хатун, а также «большая часть войск и эмиры высоких рангов были из его родни» [3, с. 80]. Виновный, как мы видим, не был наказан, и война была развязана руками самого хорезмшаха, попавшего в безвыходное положение: именно к такому финалу стремилась как часть тюркской военной элиты Хорезма, так и сам Чингиз-хан, который назначил главой посольства человека, по некоторым данным, сбежавшего с хорезмийской службы, чем лишний раз спровоцировал Ала ад-Дина Мухаммеда на необдуманный поступок [30, с. 113].

Еще одним поводом к войне следует признать сражение между войсками хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда и монгольским корпусом под командованием Джучи,

которое, впрочем, также является одним из дискуссионных моментов истории Хорезма накануне монгольского нашествия. Прежде всего, необходимо сказать о датировке сражения: в арабо-персидских источниках приводятся сразу несколько вариантов по этому поводу. Ан-Насави указывает на 612 г.х.⁴ [3, с. 52; 50, с. 14], однако в предшествующей главе называет 616 г.х.⁵ [3, с. 52; 50, с. 13], как и Ибн ал-Асир [14, с. 350], а Джузджани приводит 615 г.х. [12, с. 13–14]. В более поздних арабо-персидских источниках это столкновение датируется также 615 г.х.⁶ [11, с. 259; 18, с. 189–190]. В свою очередь, ряд специалистов на основании монгольских и китайских источников датируют это сражение 1218 годом [27, с. 312–314; 32, с. 233–234].

Различная локализация сражения между войсками Джучи и Ала ад-Дина Мухаммеда, как и его датировка, в исторических источниках была подробно проанализирована С.М. Ахинжановым [5, с. 226–227; 6, с. 326–335], у которого местом битвы в итоге указана Тургайская равнина «севернее Иргиза, в междуречье Кайлы и Кимач, в области, называемой Югур» [5, с. 227]. В отечественной и зарубежной историографии в большинстве случаев это столкновение именуется просто как битва на Тургайской равнине [7, с. 436; 8, с. 134; 20, с. 136]. Тем не менее окончательная локализация данного сражения до сих пор остается предметом дискуссии ввиду современного русла реки Иргиз [45, с. 130; 37, vol. 1, с. 268], на которую указывает ан-Насави [48, с. 13]. С.Г. Агаджанов указал на то, что данная река была значительно полноводнее и составляла единый бассейн с Сыр-Дарьей и Аральским морем [4, с. 53–57]. Однако чтобы окончательно поставить точку в вопросе о локализации битвы на Тургайской равнине, необходимы, по всей видимости, дополнительные исследования.

Арабо-персидские источники практически единодушно указывают на то, что предводителем армии монголов в этом сражении был Джучи [3, с. 53; 11, с. 260; 46, с. 75; 44, с. 649; 37, с. 269–270], однако в китайских источниках указывается на тот факт, что уничтожением Кушлу-хана [Кучлук], после чего и произошло сражение на Тургайской равнине, если следовать логике того же ан-Насави, командовал не Джучи, а монгольский полководец Джэбэ [32, с. 233–234; 15, с. 46]. Такого рода путаница возникла, по всей видимости, по той причине, что большинство арабо-персидских историков, начиная с ан-Насави, свели воедино две разные военные операции монгольских войск – против Кушлу-хана и против меркитов под командованием Тугта-хана [монг. Токта / Тохта (Тоqтоа)]. В первом случае монгольское войско действовало под командованием Джэбэ, а во втором – Джучи, о чем было прекрасно известно арабо-персидским авторам вследствие того, что именно с ним пришлось иметь дело хорезмийцам.

Указав все основные противоречия, приведем краткое описание самого сражения и его последствий. Поход хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда был вызван или желанием присоединить к своей державе часть земель уже разгромленного монголами государства Кушлу-хана [3, с. 52] или желанием обезопасить город Джэнд и прилегающие территории кипчаков от надвигающихся отрядов Тугта-хана, который, в свою очередь, бежал от монгольского войска [44, с. 649]. Выдвинувшись на север, войско хорезмшаха обнаружило разбитых меркитов, и Ала ад-Дин Мухаммед получил информацию о победе монголов, однако он принял решение преследовать войско Джучи, хотя война между двумя державами формально еще не началась [44, с. 649]. Джучи, как только его настигла хорезмийская армия, вступил в переговоры, настаивая на том, что воевать с Ала ад-Дином Мухаммедом монголы не собираются, и у него нет на это распоряжений от Чингиз-хана [46, с. 76]; и он даже предложил хорезмшаху дары в знак мира [11, с. 261] или часть добычи, взятой у разбитых меркитов [3, с. 52]. Вместо того, чтобы

⁴ 612 г. х. – 1215–1216 гг.

⁵ 616 г. х. – 1219–1220 гг.

⁶ 615 г. х. – 1217–1218 гг.

воспользоваться предложением Джучи, хорезмшах развязывает сражение, которое, в свою очередь, едва не обернулось поражением его армии, а сам Ала ад-Дин Мухаммед был спасен только благодаря успешным действиям правого фланга его армии под командованием Джалал ад-Дина Манкбурны [3, с. 54; 46, с. 76; 11, с. 262; 37, с. 269–270; 25, с. 326–334]. Обе стороны покинули поле сражения, так и не выявив окончательно победителя между собой.

Само по себе указанное сражение следует признать если и не причиной последующей войны, то, как минимум, фактором, подтолкнувшим обе державы к военному столкновению. В отношении хорезмийской стороны это привело к тому, что Ала ад-Дин Мухаммед, увидев, на что способно монгольское войско, испугался противостояния с этим новым для себя противником, что впоследствии скажется на его действиях в ходе монголо-хорезмийской войны [3, с. 54; 46, с. 77; 44, с. 649–650]. Однако Чингизхан в результате этого военного столкновения получил ценные сведения и о хорезмийской армии, и об отдельных ее военачальниках, а также, по всей видимости, убедился в слабости своего будущего противника, что не могло не сказаться на решительности его действий в подготовке к войне с Хорезмом [37, с. 269–270].

Наконец, необходимо сказать о дополнительных факторах, которые могли оказать влияние на начало войны между Хорезмийской державой и Монгольским государством Чингиз-хана. Здесь необходимо отметить возможную заинтересованность в начале войны третьей стороны, стремившейся к взаимному истощению двух сильных соперников или же окончательному уничтожению одного из них. Арабо-персидские источники отмечают конфликт между хорезмшахом Ала ад-Дином Мухаммедом с одной стороны, и халифом ан-Насиром и исмаилитами Аламута с другой; последние начинают процесс сближения именно с целью противостояния хорезмийскому правителю [10, с. 154–155]. Уже в 1211–1212 гг. глава исмаилитов Аламута, Джалал ад-Дин Хасан, начинает энергично проводить процесс сближения с Багдадом, что вызвало негативную реакцию со стороны правителя Хорезма, так и не сумевшего подчинить своей власти земли, контролируемые исмаилитами на севере Ирана [38, с. 509].

В свою очередь, Ала ад-Дин Мухаммед требовал от халифа ан-Насира уступок – как политических, так и территориальных, – что не могло не тревожить правителя Багдада, равно как и успехи хорезмшаха в Ираке Персидском [3, с. 57]. Усиление Хорезмийского государства и рост амбиций его правителя приводят к тому, что халиф начинает активно искать союзников в борьбе с Хорезмом, склоняя соседние государства к войне с Ала ад-Дином Мухаммедом. После взятия хорезмийскими войсками Газны в 1215 году, в архиве Гуридских султанов была обнаружена переписка с ан-Насиром, где последний подстрекал их к войне с Хорезмом [34, с. 184]. Этот факт, наряду с использованием исмаилитов халифом ан-Насиром для устранения чиновников и военачальников хорезмшаха, как это было с заместителем Ирака Оглымышем ал-Атабеки, привел к тому, что, с одной стороны, Ала ад-Дин Мухаммед начинает поддерживать в своих владениях шиитов, а с другой – готовить военную экспедицию против Багдада [50, с. 16]. Поход состоялся в 1217 году, и современники отмечают, что Ала ад-Дину Мухаммеду удалось собрать невиданное войско, которое, по всей видимости, сокрушило бы армию халифа; однако успешному проведению операции помешали неблагоприятные погодные условия, и кампания была свернута [3, с. 64; 38, с. 397].

Вполне вероятно, что поход 1217 года лишь подстегнул ан-Насира к поиску новых, могущественных союзников против хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда. В.В. Бартольд, а вслед за ним многие отечественные и зарубежные специалисты скептически отнеслись к самой возможности посольства халифа к монголам, считая этот факт не находящим полного подтверждения в источниках [7, с. 467]. Действительно, ряд арабо-персидских историков вовсе не упоминает о таком посольстве даже косвенно

[39, с. 366], другие упоминают о возможности подобной дипломатической миссии, однако не указывают при этом никаких подробностей [14, с. 348; 8, с. 125–126]. Однако в сочинении Мирхонда и Абу-л-Гази мы находим подробнейший рассказ об этом посольстве, где указывается, что Чингиз-хан получил от посланцев халифа необходимую ему информацию, однако не стал немедленно начинать военные действия, поскольку между ним и хорезмшахом тогда царил мир [46, с. 105; 41, с. 521]. Таким образом, версия об участии халифа ан-Насира в развязывании монголо-хорезмийской войны, а также заинтересованности в этом исмаилитов Аламута, имеет под собой определенное основание в арабо-персидских источниках, не позволяющее, впрочем, говорить как об однозначно доказанном факте.

Переходя к событиям монголо-хорезмийской войны, прежде всего, скажем несколько слов о соотношении военных сил и о том, какими ресурсами располагали Хорезмийское государство и Монгольская держава. На момент вторжения в пределы Хорезмийского государства Чингиз-хан располагал войском численностью не многим больше 150–160 тысяч человек [7, с. 434–435; 16, с. 123; 27, с. 176]. Однако при этом следует помнить, что помимо собственных военных сил в ходе этой войны монголы активно использовали *хашар*, что, с одной стороны, увеличивало численность их отрядов, а с другой, уменьшало потери собственно монгольских воинов [23, с. 33–39; 24, с. 393–395]. Упоминая хашар, арабо-персидские историки имели в виду насильно набранные из числа местного населения или формируемые из пленных отряды, используемые при осадных работах, а также в качестве живого щита при взятии городов и крепостей. Такая практика, кроме всего прочего, позволяла уничтожать молодое население противника, как наиболее склонное к бунту и неповиновению завоевателям. Арабо-персидские источники в основном упоминают использование хашара при описании завоевания Мавераннахра и Хорасана [18, т. 1, кн. 2, с. 201], в дальнейшем же монгольские завоеватели формировали из числа местного населения и регулярные военные отряды, как это было при осаде Герата [34, с. 316].

Хорезмийские военные силы на момент начала войны, по всей видимости, превосходили монгольские более чем в два раза: только на территории Мавераннахра и Хорасана, по сведениям источников, у Ала ад-Дина Мухаммеда было около 400 тысяч воинов [46, с. 123; 44, с. 650]. Однако, согласно ан-Насави, это были далеко не все военные силы, которыми располагал хорезмшах, поскольку накануне начала войны он объявил о дополнительном наборе воинов в свою армию, но воспользоваться этими войсками не успел [3, с. 81]. Упоминания об этих дополнительных военных силах Хорезмийского государства и их дальнейшей печальной судьбе есть также и в региональных, местных хрониках [21, с. 366; 51, с. 76].

Главная причина того, почему численное превосходство хорезмийской армии не было использовано и не помогло Хорезму в борьбе с монголами, кроется в том военном плане, который избрал хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммед накануне войны. Арабо-персидские источники подчеркивают тот факт, что сражение на Тургайской равнине произвело ошеломляющий эффект на правителя Хорезмийской державы, однако вряд ли это можно признать единственным фактором, повлиявшим на выбор тактики будущей войны [11, с. 264]. Несмотря на некоторую путаницу с датировкой [14, с. 349; 11, с. 265; 18, т. 1, кн. 2, с. 192; 44, с. 650], арабо-персидские историки приводят очень подробное описание как самого военного совета, так и тех приготовлений к войне, которые предпринял Ала ад-Дин Мухаммед [3, с. 80–81]. На военном совете хорезмшаху предлагалось несколько планов ведения войны с монголами: было предложено собрать войска вместе и ударить по уставшему от длительного перехода противнику на Сыр-Дарье [14, с. 349]; дать противнику вступить в Мавераннахр и, пользуясь знанием местности, разбить его в этом регионе [14, с. 349; 8, с. 138]; отступить в сторону Газны и дать бой

там или отойти на территорию Северной Индии [18, т. 1, кн. 2, с. 192]; отойти в Ирак Персидский и там собрать еще одну армию и разбить противника, изнуренного боями за Мавераннахр и Хорасан [11, с. 265]; наконец, предлагалось отдать уже имеющиеся военные силы под командование Джалал ад-Дину Манкбурны, а самому Ала ад-Дину Мухаммеду отступить в Ирак и собирать новые войска [44, с. 650–651].

Ала ад-Дин Мухаммед принял решение не давать противнику генерального сражения на территории Мавераннахра, усилить гарнизоны городов и крепостей этого региона, которые должны были задержать продвижение монгольских войск, а самому заняться сбором новых сил в Хорасане и Ираке. Уже средневековые арабо-персидские историки считали такое решение хорезмшаха проявлением трусости и нерешительности [11, с. 264], но на деле оно было продиктовано следующими обстоятельствами: прежде всего, этот правитель не мог рассчитывать на полное подчинение своих военачальников и приближенных с учетом конфликта внутри тюркской военной знати [7, с. 473; 16, с. 115–116]. Ситуацию усугубило неудачное покушение на жизнь хорезмшаха накануне войны с монголами, что еще больше усугубило недоверие к собственным военачальникам [38, с. 414]. Кроме того, Ала ад-Дин Мухаммед и его приближенные абсолютно не понимали с каким противником им предстоит иметь дело, считая, что монголы не могут успешно осаждать и брать крепости, а, следовательно, в Мавераннахре их можно задержать надолго. Хорезмшах также был введен в заблуждение относительно численности монгольской армии [3, с. 78–79], а хорезмийская разведка действовала далеко не блестяще [14, с. 349; 31, с. 415]. План ведения войны со стороны Ала ад-Дина Мухаммеда был вполне логичным, но базировался на ошибочных положениях, а потому привел к разгрому Хорезмийского государства.

Чингиз-хан блестяще воспользовался всеми недостатками хорезмийского военного плана, словно знал его заранее, что говорит, скорее всего, о прекрасной работе разведки и шпионов. Вместо того, чтобы бросить все свои силы на осаду одного-двух крупных приграничных городов, монгольский хан разделил свою армию, блокировал крупные города в районе Сыр-Дарьи, а основные силы бросил вглубь страны: «Чингиз-хан приказал Чагатаю и Угэдэю с несколькими туменами войска осадить город (Отрар. – *Авт.*), Джочи он соизволил определить идти с несколькими войсковыми отрядами на Дженд и Яникент, а группе эмиров – в сторону Ходженда и Бенакета. Таким образом, он назначил во все стороны по войску, сам же лично с Толуй-ханом отправился на Бухару» [18, т. 1, кн. 2, с. 198]. Если бы Ала ад-Дин Мухаммед вовремя сориентировался и отказался от первоначального плана, то смог бы разбить монгольские отряды поодиночке, однако хорезмшах уже после первых поражений и потери городов начал поспешное бегство вглубь страны.

Таким образом, монгольские войска вторглись на территорию Хорезмийской державы, однако организованного противодействия вплоть до смерти в 1220-м году хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда они не встретили: фактически каждый город и находившийся в нем гарнизон были оставлены на произвол судьбы и не могли рассчитывать на помощь со стороны правителя страны. Как уже говорилось выше, предпочтя план пассивной обороны, Ала ад-Дин Мухаммед так и не отступил от задуманного даже тогда, когда стало понятно, что монгольские войска либо осаждают и берут штурмом хорезмийские крепости, либо блокируют их гарнизоны и продолжают движение вглубь страны. В связи с этим судьба того или иного города целиком и полностью зависела от действий его гарнизона и наместника, о чем мы подробнее скажем ниже. Многие населенные пункты сдавались без боя, другие же предпочитали сражаться до последнего. В результате за период с сентября 1219 по декабрь 1220 г. монголы овладели следующими городами: Отрар, Сыгнак, Дженд, Бенакет, Ходженд, Зарнук, Нур, Бухара, Самарканд, Насу и рядом других, то есть в их руках оказались и Мавераннахр, и Хорасан.

Первый удар монгольские войска нанесли по Отрару, однако с ходу взять этот город они не смогли, и осада обещала быть долгой, поскольку Инал-хан на милость победителя, с учетом Отрарского инцидента, сдаваться не собирался. После этого, как уже говорилось выше, Чингиз-хан разделил свою армию для удара по городам южнее и севернее Отрара, а сам отправился осаждать один из крупнейших городов Хорезмийского государства – Бухару. Отрар же сопротивлялся около пяти месяцев, а его наместник и гарнизон, за исключением хаджиба Караджи и его воинов, перешедших на сторону монголов, продемонстрировали чудеса храбрости в боях с противником [11, с. 56–57]. Инал-хан все-таки был схвачен монголами и предан мучительной смерти на глазах Чингиз-хана: «Он (Чингиз-хан. – *Прим. авт.*) велел привести к себе Инал-хана, затем приказал растопить серебро и влить ему в уши и в глаза. Так он убил его, мучая и наказывая за позорный поступок, за гнусное дело и за происки, осужденные всеми» [3, с. 81; 50, с. 30]. Здесь, по всей видимости, ан-Насави ошибается, поскольку в его сочинении осадой Отрара командует непосредственно Чингиз-хан, и он же предает Инал-хана смерти, однако в других арабо-персидских памятниках это было сделано Чагатаем и Угэдэем [11, с. 56–57]. Еще одним примером доблестного противостояния монголам стала осада Ходжента, где хорезмийским войском командовал Тимур-малик, чья судьба сложилась удачнее, чем у Инал-хана: после ожесточенных боев, понимая, что город не удержать, Тимур-малик с боем вырвался из монгольского окружения и сумел бежать в Гургандж, где присоединился к Джалал ад-Дину Манкбурны [11, с. 60–63].

Сразу же после начала вторжения на территорию Хорезмийского государства на сторону монголов переходит целый ряд военных и государственных деятелей, недовольных правлением Ала ад-Дина Мухаммеда. Один из таких перебежчиков, Бадр ад-Дин ал-Амид, осуществил с согласия Чингиз-хана следующее: он составил подложные письма, якобы написанные военачальниками, родственниками и приближенными Теркен-хатун, в которых те выказывали свое желание служить Чингиз-хану с согласия матери хорезмшаха. Эти письма дошли до Ала ад-Дина Мухаммеда, после чего тот окончательно разуверился в верности своих подчиненных и, согласно ан-Насави, устранился от управления армией и государством. Надо отметить, что послание от Чингиз-хана, согласно тому же источнику, получила и Теркен-хатун, где ей предлагалось не вмешиваться в происходящее вместе с верными ей эмирами, в обмен на это она получила в собственное владение целый ряд областей. Так же, как и ее сын, Теркен-хатун в панике покинула своих приближенных в Гургандже и бросила их на произвол судьбы [3, с. 83; 50, с. 31].

Несколько подробнее необходимо остановится на взятии Чингиз-ханом следующих городов ввиду их значимости для Хорезмийской державы: это, прежде всего, Бухара, Самарканд и, конечно, Гургандж, как столица этого государства. Осада Бухары началась в марте 1220 года. Часть хорезмийского гарнизона осуществила вылазку, но была разбита, в результате чего горожане, напуганные этим, открыли монголам ворота города. Однако часть гарнизона продолжала сопротивление во внутренней крепости, и Чингиз-хан не только приказал использовать жителей Бухары в качестве хашара, но и полностью уничтожил сам город, когда сломил сопротивление последних его защитников [11, с. 70–71; 52, с. 113–118].

После взятия Бухары монгольские войска под командованием Чингиз-хана двинулись в сторону Самарканда, а хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммед не только прекратил всякие попытки управления собственной державой и ее армией, но и бежал перед лицом монгольской угрозы, пытаясь спасти свою жизнь. Самарканд был взят после нескольких неудачных попыток его огромного гарнизона (по некоторым данным достигавшего численности в 110 тысяч человек [8, с. 145]) разбить монголов в полевом сражении [14, с. 353–355; 11, с. 78–83]. Так же как и в случае с Бухарой, город был сдан

противнику местным населением, которое надеялось на милость победителей, однако монголы после взятия города полностью вырезали весь тюркский гарнизон [11, с. 71], часть горожан отправили в хашар, а ремесленников угнали в плен [8, с. 146]. Таким образом, лишь немногим из жителей Самарканда удалось спасти свою жизнь и остаться в городе после взятия его войсками Чингиз-хана.

Правитель Хорезмийского государства Ала ад-Дин Мухаммед, в то время как его подданные гибли в сражениях с противником, бежал в Нишапур и Бистам, затем, узнав, что Чингиз-хан отправил на его поиски отряды Джэбэ и Субедея [11, с. 96–99], двинулся в провинцию Гилян и там скрывался на острове Абескун в Каспийском море [50, с. 35–37]. Именно там и закончил свои дни в шаввале 617 года (декабрь 1220 г.) правитель одного из крупнейших государств исламского Востока, для похорон которого не нашлось даже савана, и приближенные заменили его своей одеждой [3, с. 91–92; 9, с. 186; 38, vol. 1, с. 418; 48, с. 62–67; 50, с. 37]. Перед смертью хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммед передал власть старшему сыну, Джалал ад-Дину Манкбурны, который сопровождал его во всех скитаниях по стране [3, с. 100; 48, с. 77–78; 50, с. 40–41].

В отличие от отца, новый хорезмшах с первых дней своего правления выступает за активное противодействие монгольским завоевателям и для того, чтобы организовать и возглавить борьбу с ними, отправляется в Гургандж, рассчитывая сделать его центром сопротивления. Однако там эмиры, верные Теркен-хатун, не только не признают его власти, но составляют заговор с целью убить его, узнав о котором Джалал ад-Дин Манкбурны навсегда покидает Гургандж, а вскоре к городу подходят монгольские войска [48, с. 79–80]. На осаду столицы Хорезмийского государства Чингиз-хан бросил огромные силы под командованием своих сыновей Угэдэя, Чагатая и Джучи, которые были усилены также хашаром, однако решимость и отвага защитников города вместе с их многочисленностью затрудняла монголам взятие столицы [11, с. 84; 18, т. 1, кн. 2, с. 215; 47, с. 134–135].

Арабо-персидские источники подчеркивают два важных момента, связанных с этой осадой, и прежде всего попытку Джучи путем переговоров склонить жителей и гарнизон Гурганджа сдать и тем самым сохранить для себя этот город, поскольку и он, и область Хорезм были обещаны ему Чингиз-ханом, однако эти действия Джучи не принесли никаких результатов [3, с. 137; 48, с. 129–130; 18, с. 215]. Осада Гурганджа растянулась на срок более семи месяцев [8, с. 152], еще и по причине разногласий между сыновьями Чингиз-хана, Джучи и Чагатаем, в результате чего монгольский правитель был вынужден поставить во главе осаждающих Угэдэя, который и примирил враждующих братьев [18, т. 1, кн. 2, с. 216; 47, с. 138]. Лишь после этого монгольским войскам удалось захватить столицу Хорезмийского государства, где ими было уничтожено огромное количество воинов и мирного населения [18, т. 1, кн. 2, с. 205], а сам город был разрушен до основания [3, с. 138; 48, с. 130–131; 13, с. 95–97; 36, vol. 1, с. 60–61]. Участь Гурганджа разделили многие богатые и цветущие города Хорезмийского государства и их жители, как уже отмечалось выше. Помимо уже упомянутых, хотелось бы сказать о судьбе таких важных городов, как Мерв, Нишапур и Герат, разрушение которых и огромные людские потери были особенно отмечены арабо-персидскими историками, пораженными масштабами произошедшей катастрофы [1, с. 99; 11, с. 101–112; 29, с. 529–530, 579; 34, с. 316].

Хорезмшах Джалал ад-Дин Манкбурны, после того как покинул Гургандж, начал скапливать войска для противостояния монголам первоначально в Нишапуре, а затем в Газне [3, с. 110], где ему удалось собрать вокруг себя значительные военные силы [3, с. 124–125; 14, с. 365], а затем одержать несколько побед над небольшими монгольскими отрядами [7, с. 509; 3, с. 109]. Однако наиболее значимым событием этого этапа монголо-хорезмийской войны следует признать первое серьезное поражение монголь-

ского войска при Перване в 1221 году. Здесь хорезмийской армии под командованием Джалал ад-Дина Манкбурны удалось наголову разгромить 45-тысячный корпус под командованием Шиги-Хутуху-нойона, что, в свою очередь, заставило Чингиз-хана бросить все свои силы, кроме войск под командованием Джучи, против последнего хорезмшаха [7, с. 509; 26, с. 154; 14, с. 365; 11, с. 287; 3, с. 125; 2, с. 28–29]. Сама по себе победа при Перване имела для Джалал ад-Дина как положительные, так и отрицательные последствия: к первым можно отнести многочисленные антимонгольские восстания, самым крупным из которых было восстание в Герате, которые, впрочем, были жестоко подавлены монголами [34, с. 316]. К отрицательным последствиям этой победы следует отнести раскол в хорезмийской армии, составлявшей накануне этого сражения порядка 60 тысяч человек, в результате которого почти половина оставшихся войск покинула Джалал ад-Дина Манкбурны. Ан-Насави подчеркивает, что данный конфликт внутри хорезмийской армии произошел между предводителями халаджей и карлуков и Амин-маликом, предводителем тюрок-канглы в армии хорезмшаха и родственником Джалал ад-Дина [3, с. 125–126; 35, vol. 2, с. 405, 407–408].

В подобной ситуации, потеряв половину армии, Джалал ад-Дин Манкбурны принимает решение отступить в сторону реки Инд для того, чтобы уйти в Северную Индию и там скопить силы для новой войны [3, с. 126–127; 33, с. 31]. Однако этому не суждено было сбыться, и в 1221 году хорезмшах был вынужден принять бой на берегу Инда против объединенной монгольской армии под командованием самого Чингиз-хана, который накануне сражения потребовал от своих воинов ни в коем случае не убивать Джалал ад-Дина, а любой ценой доставить его живым [18, т. 1, кн. 2, с. 223]. Битва на Инде началась 23 ноября 1221 года и длилась около трех суток [8, с. 157–158]. Согласно информации из арабо-персидских источников, самое значительное сражение всей монголо-хорезмийской войны протекало следующим образом: монгольское войско, расположенное полумесяцем, прижимало к реке хорезмийское войско, которое не имело возможности для переправы через реку или для любого иного маневра. Монгольская армия разгромила фланги хорезмийцев, однако их центр, которым командовал лично хорезмшах, держался длительное время [11, с. 290], и лишь когда стало понятно, что сил для сопротивления больше нет, Джалал ад-Дин Манкбурны верхом на коне и в полном вооружении переправился через Инд на другую сторону [3, с. 127–129; 52, с. 133–134; 11, с. 291; 18, т. 1, кн. 2, с. 223–224; 38, vol. 1, с. 420; 42, с. 154]. Остатки его армии попытались сделать то же самое, однако это удалось немногим, а родственники и семья султана либо погибли в реке Инд, либо попали в плен к монголам [7, с. 513]. По сведениям более поздних арабо-персидских источников, начиная с труда Джувейни, Чингиз-хан запретил своим воинам стрелять по плывущему через реку хорезмшаху, а вместо этого указал на него своим сыновьям и сказал: «Вот о каких сыновьях мечтает каждый отец! Избегав двух водоворотов – воды и огня – и достигнув берега безопасности, он совершит множество славных дел и станет причиной неисчислимых бедствий. Как может разумный человек не принимать его в расчет?» [11, с. 291].

Именно сражение на реке Инд 1221 года фактически является завершением монголо-хорезмийской войны: самого государства хорезмшахов более не существовало, его последний правитель скрывался на территории Северной Индии, и не осталось никого из военачальников, кто мог бы возглавить армию в борьбе с монгольскими завоевателями. При этом следует отметить, что далеко не все земли, входившие в состав Хорезмийского государства, теперь контролировались монголами: лишь в Мавераннахре, Хорасане и области Гур монголами была сформирована собственная система управления, поставлены свои наместники и в их пользу собирались налоги. В остальных же регионах в этот период либо наступило временное безвластие, либо постепенно формировались местные независимые политические структуры. В дальнейшем монгольские

войска будут постепенно включать в состав своей державы земли, которые не были ими захвачены непосредственно в ходе монголо-хорезмийской войны: так, Систан был захвачен монголами лишь к 1230-му году [21, с. 368; 51, с. 76], а в Кермане в этот период начала свое существование династия атабеков Кермана, чей родоначальник, хаджиб Барак, подчинился монголам [49, с. 23–24].

Таким образом, несмотря на разгром Хорезмийского государства к 1221 году и уничтожение последних очагов сопротивления на территории Мавераннахра, Хорасана и в области Гур в 1222–1223 годах, большое количество земель, входивших в состав державы хорезмшахов, не контролировались монголами и не являлись частью империи Чингиз-хана. В связи с этим в конце 1220-х и в 1230-е годы начинается вторая волна завоевательных походов монгольских войск для покорения земель Ирана, Ирака и Южного Кавказа, и здесь им вновь будет противостоять хорезмшах Джалал ад-Дин Манкбурны, покинувший пределы Северной Индии в 1225 году. Однако с гибелью этого правителя в 1231 году последние остатки некогда огромной Хорезмийской державы будут захвачены и окончательно войдут в состав Монгольской империи наследников Чингиз-хана.

1. Ибн Абу Усабийя. Уйун ал-анба фи-табакат ал-атиба (Источники сведений о разрядах врачей) // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. / Отв. ред. Б.А. Ахмедов. Ташкент, 1988. С. 95–102.

2. Арунова М.Р., Лалетин Ю.П. Очерки средневековой и новой истории Афганистана. М., 2010. 264 с.

3. Ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер.: З.М. Бунятов. Баку, 1973. 450 с.

4. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969. 298 с.

5. Ахинжанов С.М. Кипчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы, 1995. 294 с.

6. Ахинжанов С.М. Хорезм и Дешт-и Кипчак в начале XIII в. (о месте первого сражения армии хорезмшаха с монголами) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Отв. ред. В.М. Массон. Алма-Ата, 1989. С. 326–335.

7. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. 1. 760 с.

8. Бунятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231. М., 1986. 247 с.

9. Вассаф. Тарих-и Вассаф // Персидские исторические тексты. Хрестоматия / Сост. Дж.Ш. Гиунашвили, Д.В. Кацитадзе. Тб., 1972. С. 186–187.

10. Дафтари Ф. Краткая история исмаилизма. Традиции мусульманской общины / Пер.: Л.Р. Додыхудоева, Л.Н. Додхудоева. М., 2004. 273 с.

11. Джувейни. Чингиз-хан. История завоевателя мира / Пер.: Е.Е. Харитонова. М., 2004. 690 с.

12. Джузджани. Насиры разряды // Собрание материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Сост. В.Г. Тизенгаузен. М.; Л., 1941. Т. II. С. 13–19.

13. Джузджани. Насиры разряды / Пер. А.А. Ромаскевич, В.Г. Тизенгаузен. М., 2010. 142 с.

14. Ибн ал-Асир. «Ал-Камил фи-т-тарих». «Полный свод по истории». Избранные отрывки / Пер. П.Г. Булгаков, Ш.С. Камолиддин. Т., 2006. 560 с.

15. История Небесной империи. Т. I. История первых пяти ханов из дома Чингизова / Под ред. В.Е. Ларичева; пер. с маньчж. Л.В. Тюрюминой и П.И. Каменского; коммент. Л.В. Тюрюминой. Новосибирск, 2011. 220 с.

16. Петрушевский И.П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1977. С. 107–140.
17. Пилипчук Я.В. Етнополітичний розвиток Дашт-і Кипчак у IX–XIII ст. Київ, 2012. 288 с.
18. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1–2 / Пер.: А.К. Арендс, Ю.П. Верховский, О.И. Смирнова, Л.А. Хетагуров. М., 2002.
19. Сокровенное сказание монголов / Пер.: С.А. Козин. М., 2002. 156 с.
20. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006. 448 с.
21. Тарих-и Систан. (История Систана) / Пер.: Л.П. Смирнова. М., 1974. 574 с.
22. Тимохин Д.М. Жизнь и смерть Инал-хана в описаниях арабо-персидских источников эпохи монгольского завоевания // Восточный архив. 2012. № 2. С. 13–22.
23. Тимохин Д.М. Использование монгольскими войсками тактики хашара в период завоевания государства Хорезмшахов (1219–1221 гг.) // Батыр. 2011. № 1(2). С. 33–39.
24. Тимохин Д.М. Особенности исчисления хашара по мусульманским источникам периода монгольского нашествия на Среднюю Азию // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: материалы XVIII науч. конф. Москва, 26–28 янв. 2006 г. / Редкол.: В.А. Муравьев и др. М., 2006. С. 393–395.
25. Тимохин Д.М. Первое сражение хорезмийцев и монголов на Тургайской равнине в 1218 г. и его последствия // Золотоордынская цивилизация. Сб. ст. Вып. 5. Казань, 2012. С. 326–334.
26. Хартог Л. Чингиз-хан. Завоеватель мира. М., 2007. 285 с.
27. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингиз-хана. М., 2004. 557 с.
28. Al-Asir ibn. Al-Kamil fi-t-tarih // Journal Asiatique. Т. XIII–XV. Paris, 1849–1850.
29. Barbier de Meynard, Casimir. Dictionnaire géographique, historique et littéraire de la Perse et des contrées adjacentes. Extrait en traduction française avec quelques textes originaux, du Mo'djem el-Bouldan, dictionnaire des pays, de Ibn Abdallah el-Roumi el-Hamawi Yaqout, 1179–1229 a.d. et complète à l'aide de documents arabes et persan pour la plupart inédits avec préface analytique et des notes critiques. Amsterdam, 1970. 640 p.
30. Barckhausen J. L'empire jaune de Genhis-Khan. Paris, 1935. 279 p.
31. Ibn Battuta. Safar nama-i Ibn Battuta / Tard. Muhammad Ali Muvvahid. Tehran, 1969–1970. J. 1–2.
32. Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century. Vol. I. With a Map of Middle Asia. London, 1910. 334 p.
33. The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age / Ed.: N. di Cosmo, A.J. Frank, P.B. Golden. Cambridge, 2009. 488 p.
34. Cambridge History of Iran. Vol. 5 / Ed.: J.A. Boyle. Cambridge, 1968. 763 p.
35. Djuveini. The History of the World-conqueror Vol. 1–2 / Trad.: J.A. Boyle. Manchester, 1959.
36. Djuveini. Tarih-e jahan goshay. Vol. 1–2. Leiden, 1912.
37. Djuzdjani. Tabakat-i Nasiri Vol. 1–2 / Trad.: H.G. Raverty. Calcutta, 1960.
38. Hamdallah Kazvini. Tarihi gouzide. Vol. I / Trad.: Y. Le Strange. Paris, 1903. 732 p.
39. Hamdallah Kazvini. Tarih-i Guzide / Ed.: Abdal-Hosein Navsi. Tehran, 1960. 816 p.
40. Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou. T. I / Traduit et annoté par P. Pelliot et L. Hambis. Leiden, 1951. 320 p.
41. Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Gazi Behadour Khan. Vol. II / Trad. B. Desmaisons. St.-Petersburg, 1874. 394 p.
42. Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après l'abrege du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi. Texte Persan // Recueil de textes relatifs à l'histoire des seldjoucides / Ed.: M.Th. Houtsma. Leiden, 1902. Vol. IV. 384 s.
43. Kafesoğlu İ. Harezmsahlar devleti tarihi (485–617/1092–1229). Ankara, 1956. 420 s.
44. Khondamir. Tarih-e habib. Tehran, 1954. J. 1–3.

45. Marquart J. Über das Volkstum der Komanen // Bang W., Marquart J. Ostturkische Dialektstudien. Berlin, 1914. S. 25–238.
46. Mirhond. Histoire de sultan du Kharezm. Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis. Paris, 1841. 113 s.
47. Mirhond. La vie de Genghis-khan. Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis. Paris, 1840. 174 s.
48. An-Nasavi Nur ad-Din Muhammad Zeydary. Sirat-e Jelal-e ad-Din ya Tarih-e Jelali / Tard. Mohammad Ali Naseh. Tehran, 1945. 360 s.
49. Natanzi Moin ad-Din. Montahab at-tavarih-e Moini. Tehran, 1957. 492 s.
50. ün-Nesevî Ahmed Şehabeddin. Celâlüttin Harezemşah / Mütercimi: Necip Âsım [Yazıksız]. İstanbul, 1934. 158 s.
51. Sistani, Malek-Shah-Hosein b. Malek Giyas ad-Din Mohammad b. Shah-Mahmud. Tarih-i ihiya al-muluk. / Sard. Menuchar Sotude. Tehran, 1966. 620 s.
52. Tarih-i Benaketi // Hakemi I. Nasrhai-e tarihi. Tehran, 1971. S.131–134.

§ 3. Завоевание русских земель в 1237–1240 годах

Александр Майоров

Несмотря на большое число работ, посвященных нашествию Батыя на русские земли, некоторые важные аспекты монгольского завоевания остаются как бы в стороне от основных путей исторических изысканий. Между тем, они важны не только для реконструкции общей картины случившегося, но и сами по себе представляют значительный интерес. Рассмотрению этих во многом спорных и не вполне еще выясненных обстоятельств Западного похода монголов посвящен по преимуществу настоящий очерк.

Монголы и князя Северо-Восточной Руси.

Мирные переговоры с татарами великого князя Юрия Всеволодовича.

В посмертном панегирике владими́ро-суздальскому великому князю Юрию Всеволодовичу в Лаврентьевской летописи говорится о мирных предложениях татар: «Бяхуть бо преже прислали послы свое: злии ти кровопиици, рекуще: «Мирися с нами». Он же того не хотяше, яко же пророкъ глаголет: «Брань славна луче есть мира студна». Си бо безбожнии со лживым миром живуще велику пакость землям творять, еже и zde многа зла створиша» [41, стб. 468].

Позднейший редактор Повести о нашествии Батыя в Лаврентьевской летописи старался смягчить нелицеприятное для владими́ро-суздальского князя впечатление от его контактов с татарами и, по-видимому, существенно переработал первоначальный текст [34, с. 91; 35, с. 41]. В результате позднейшей переработки текст известия о татарских послых приобрел совершенно иной смысл: князь отверг мирные предложения татар, поскольку разгадал их лживую сущность. Однако перед приведенными выше словами в летописи читается еще одна фраза, также имеющая непосредственное отношение к контактам Юрия Всеволодовича с татарами: «Всякъ злосмысль его преже мененя безбожнныя Татары отпушаше одарены» [41, стб. 468].

Фраза о *злосмыслах* не имеет отношения к *безбожным татарам*. Она является началом не доведенного до конца, прерванного на полуслове высказывания «Всякъ злосмысль его...». На эту особенность текста похвалы князю Юрию обратил внимание В.Л. Комарович: дойдя до слова *зломьсл*, Лаврентий прерывает выписку из похвалы другому русскому князю, Владимиру Мономаху, помещенную в Лаврентьевской лето-

писи под 1125 г. («вся бо зломыслы его вда Богъ подъ руце его»). Вообще же текст похвалы Мономаху был взят Лаврентием за основу при составлении похвалы Юрию: последняя «вся как бы соткана из выборок в предшествующем тексте» [35, с. 42].

За незаконченной фразой о зломыслах следует окончание другой фразы об одарении безбожных татар «...преже мененя безбожныя Татары отпушаше одарены», начало которой опущено. В результате подобной, весьма неуклюжей комбинации из различных заимствований возникло в целом бессмысленное, как его характеризует Д.М. Буланин, сообщение: «Всякъ зломысль его прежемененя безбожныя татары отпушаше одарены» [7, с. 471].

Существительное *злосмысль* (*зълoмысль*) не имеет прямого соответствия в современном русском языке и переводится описательно: «тот, кто замышляет дурное, пагубное» [88, с. 418]. В результате дословный перевод скомбинированной из различных сообщений летописной фразы о злосмыслах и одарении татар приобретает следующий вид: «Всякий, кто замышлял дурное против него, прежденазванных безбожных татар отпускал, одарив».

По мнению Г.М. Прохорова, вторая половина фразы имеет отношение к приему татарских послов Юрием Всеволодовичем: ««похвала» князю Юрию обнаруживает осведомленность ее автора об одном из посольств – татарском: Юрий Всеволодович «безбожныя Татары отпушаше одарены»» [76, с. 87]. К такому же выводу приходят и новейшие исследователи [84, с. 73; 102, с. 209–210; 30, с. 56–57].

Далее автор похвалы Юрию говорит, что татары присылали своих послов к владими́ро-суздальскому князю и ранее («бяхуть бо преже прислали послы свое»). Значит, татарских посольств было несколько. По наблюдениям Прохорова, сообщение о татарском посольстве – «это одна из двух оригинальных, ни откуда не заимствованных фраз «похвалы». Не исключено, что сообщения о посольствах к князю Юрию были в начале повести, но убраны ее редактором» [76, с. 87].

Монголы, как известно, вообще придавали большое значение дипломатической подготовке своих завоеваний и почти всегда вступали в переговоры с вероятными противниками, прежде чем на них напасть. Целью таких переговоров было запугать или, наоборот, усыпить бдительность и сбить с толку будущего противника, и, вместе с тем, разведать его силы и планы, собрать другую важную информацию.

Очевидно, условия мира, предложенные татарскими послами князю Юрию Всеволодовичу, были такими же, как те, что они предлагали рязанцам и вообще всем, кого хотели подчинить: дань и покорность [76, с. 87; см. также: 38, с. 148; 103, с. 133; 30, с. 56–57]. «Дары» князя Юрия татарам («Татары отпушаше одарены»), по мнению Прохорова, и были требуемой данью. «Но редактор-компилятор сумел этот факт использовать как свидетельство не малодушия и близорукости великого князя владимирского, а исполнения им заповеди любить не только друзей, но и врагов» [76, с. 87; см. также: 84, с. 73].

Летописец как бы дает понять, что князь Юрий не поверил обещаниям татар, так как заранее знал им цену («си бо безбожныи со лживым миром живуще»), но тем не менее, исполненный христианского смирения, безропотно покорился своей судьбе. Впрочем, подобную прозорливость в отношении «лживого мира» с татарами проявил, скорее всего, не сам князь, а его панегирист, и сделал это уже после того, как Владимиро-Суздальская земля сполна испытала вероломство «безбожных» захватчиков.

Трудно избежать впечатления, что христианское смирение Юрия, этого «нового Иова», каким его рисует автор посмертного панегирика [см.: 74, с. 142–143], и прежде всего пассивность и бездействие князя перед лицом смертельной опасности, отрицать которые не берется даже прославляющий его летописец, – все это было вызвано вполне мирскими причинами: Юрий поверил обещаниям татарских послов и до последней минуты уповал на то, что, не вмешиваясь в войну татар на юге, будь то с половцами

или рязанцами, он сам сумеет избежать нашествия, благополучно отсидеться за приокскими лесами [см.: 103, с. 77: 102, с. 209–210; 30, с. 56–57].

Так или иначе, владими́ро-суздальский князь, похоже, сделал все возможное, чтобы избежать прямого боевого столкновения с татарами. Отъезд князя из стольного Владимира накануне татарского штурма воспринимался современниками как бегство. Такая оценка поступку Юрия дана составителем Новгородской Первой летописи старшего извода: князь «выступи зъ Володими́ря и бежа на Ярославль» [65, с. 75]. В дальнейшие планы Юрия вовсе не входило давать врагу генеральное сражение, во всяком случае, таким сражением нельзя считать стычку с одним из татарских отрядов на р. Сити, в которой Юрий бесславно погиб [см.: 85, с. 53–55].

Цели Западного похода монголов.

В самый канун нашествия Батые́ на Северо-Восточную Русь на границах Руси и Волжской Болгарии во второй раз появился венгерский монах-миссионер Юлиан, совершавший очередное путешествие в страну уральских венгров. Достигнув восточных пределов Руси, Юлиан узнал, что Волжская Болгария и «Великая Венгрия» уже разорены монголами, чьи войска сосредоточены вблизи русских границ и готовятся к вторжению, ожидая лишь наступления зимы, когда замерзнут реки и болота. На обратном пути на родину Юлиан побывал в еще не затронутом войной Суздале, где был принят князем Юрием Всеволодовичем [см.: 2, с. 71–76].

Из донесения Юлиана архиепископу Перуджи и папскому легату в Венгрии Сальвио де Сальви, известного как «Письмо бр. Юлиана о Монгольской войне» (*Epistola fr. Iuliani de bello Mongolorum*), а также из доклада, составленного со слов Юлиана монахом Рихардом (*Relatio fratris Ricardi*), явствует, что на своем пути миссионер неоднократно встречал монгольских послов, направлявшихся на Русь, в Волжскую Болгарию и к уральским венграм [2, с. 81, 88]. Об одном из этих посольств доминиканский монах говорит более подробно: он сам видел послов, отправленных монгольским ханом к венгерскому королю через Суздаль; этих послов, по каким-то причинам, суздальский князь задержал у себя, а бывшее при них письмо хана к королю Венгрии передал Юлиану [2, с. 88].

Со слов суздальского князя и других своих информаторов Юлиан узнал, что важнейшей целью монгольских завоеваний на западе было Венгерское королевство, откуда лежал путь в Рим: «Многие передают за верное, и князь суздальский передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего» [2, с. 88].

Из сказанного следует, что о планах монголов идти войной на Венгрию, о которых они в открытую заявляли осенью 1237 г., было известно владими́ро-суздальскому великому князю. Источник этих сведений – письмо монгольского хана – не оставлял сомнений в их надежности. Возможно, монголы специально позаботились о том, чтобы это письмо попало в руки Юрия Всеволодовича.

Об истинности намерений монголов в отношении Венгрии и роли Руси не более как промежуточного звена в их осуществлении может свидетельствовать следующий факт. Владимирского великого князя Юрия Всеволодовича монголы именовали хорвато-венгерским титулом бан (правитель земли, области). Так, в китайских жизнеописаниях Субедея, дошедших в составе официальной истории правления в Китае монгольской династии Юань (Юань ши), говорится, что этот великий монгольский полководец воевал против «владельца народа русских Юрия-бана (Е-ле-бань)» [32, с. 230–231, 242].

Историограф монгольских завоеваний Рашид ад-Дин называет Юрия Всеволодовича «эмир Ванке Юрку (вар. Вике Юрку, Йике Юрку, Рике Юрку)» [81, с. 39, прим. 25]. В передаче Рашид ад-Дина титул *бан*, по-видимому, стал частью собственно-

го имени князя Юрия, а его положение в иерархии русских князей передано традиционным мусульманским титулом *эмир* ('правитель, князь, предводитель'). Примечательно, что титул *бан* означает не суверенного властителя, а лишь назначенного им наместника. Может быть, тем самым монголы демонстрировали свое отношение к владимиросуздалскому князю как к менее важному для них правителю, чем венгерский король.

Получив надежные, как казалось, сведения о том, что главные цели монгольского завоевания лежат на юге, сильнейший из князей Северо-Восточной Руси мог рассчитывать, что развитие событий пойдет по какому-то другому, не столь трагическому для него плану.

Конечно, рассуждения подобного рода не более, чем предположения, для доказательства которых нет твердых фактов. Однако, на наш взгляд, верно и то, что подобные предположения «лучше других объясняют видимое бездействие князя Юрия Всеволодовича, его очевидное нежелание хоть чем-то провоцировать монголов на военные действия» [81, с. 53].

Вместе с тем, не вызывает сомнений и тот факт, что, ведя мирные переговоры с русскими князьями, монголы одновременно готовились к войне. Их военные приготовления накануне нашествия на земли Северо-Восточной Руси не укрылись от глаз венгерского миссионера-разведчика Юлиана: «Ныне же, находясь на границах Руси, – писал он о дислокации и планах монголов, – мы близко узнали действительную правду о том, что все войско, идущее в страны запада, разделено на четыре части. Одна часть у реки Этиль на границах Руси с восточного края подступила к Суздалью. Другая же часть в южном направлении уже напала на границы Рязани...» [2, с. 86].

Подготовившись к грабительскому походу на Русь, татары лишь ждали удобного часа, чтобы начать вторжение: «Они, как передавали нам словесно сами русские, венгры и болгары, бежавшие перед ними, – продолжает Юлиан, – ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских» [2, с. 86].

О планах идти на Русь говорит и официальный историограф Монгольской империи начала XIV в. Рашид ад-Дин. После завоевания волжских булгар, буртасов и мокшей судьбу русских земель решал монгольский курултай: «Осенью упомянутого года (года курицы, соответствующего 634 году хиджры, т. е. 4 сентября 1236 – 23 августа 1237 гг.) все находившиеся там царевичи сообща устроили курултай и, по общему соглашению, пошли войною на русских. Бату, Орда, Гуюк-хан, Менгу-каан, Кулкан, Кадан и Бури вместе осадили город Арпан (Рязань) и в три дня взяли [его]» [81, с. 38, прим. 18].

Мы не беремся судить, входило ли в первоначальные планы монголо-татар завоевание всей Северо-Восточной Руси или только соседней со степью Рязанской земли. Ясно одно, что для продолжения похода на запад Батыю нужно было добиться не только мира, но и подчинения русских князей, а также воспользоваться материальными и людскими ресурсами русских земель.

Сражение под Коломной и его последствия.

Но если владимиросуздалский князь Юрий Всеволодович действительно вел какие-то переговоры и достиг соглашения с татарами, приняв их условия, то что могло стать причиной нападения захватчиков на Северо-Восточную Русь и жестокой расправы, как с самим великим князем, так и с его сыновьями?

Как нам кажется, источники дают возможность ответить на этот вопрос.

Весьма вероятно, что гнев Батыя могло спровоцировать неожиданное для татар столкновение с владимирцами под Коломной. Сюда, к границе Рязанской и Владимиро-Суздальской земли отступил со своей дружиной преследуемый татарами Роман Игоревич (Ингваревич), брат рязанского князя Юрия. По сведениям новгородского летописца, он, хотя и не был в числе защитников Рязани, принимал участие в битве с татарами:

«князь же Рязаньский Юрь затворися въ граде с людьми; князь же Романъ Иньгоровичъ ста битися противу ихъ съ своими людьми» [65, с. 75].

В Коломне Роман встретился с отрядом, посланным владими́ро-суздальским князем Юрием Всеволодовичем, но вовсе не на помощь Рязани, а лишь для охраны границ Владимирского княжества. Здесь, на границе, этот сторожевой отряд и дожидался исхода борьбы рязанцев с татарами. Так, на наш взгляд, можно понимать слова новгородского летописца о том, что владимирский князь отправил к Коломне «Еремея въ сторожихъ воеводою» [65, с. 75]. Где-то у самого города произошло сражение, в котором погибли Роман Игоревич и владимирский воевода Еремей Глебович. Возглавлявший владимирскую рать сын великого князя Всеволод Юрьевич в битве не пострадал и благополучно вернулся к отцу [41, стб. 460, 515–516; 28, стб. 779].

У битвы под Коломной было еще одно следствие, как представляется, сыгравшее роковую роль в дальнейшей судьбе всей Северо-Восточной Руси. Если верно, как думает большинство исследователей, что в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина под названием *Ике* (т. е. «город на Оке») упоминается Коломна, то здесь погиб один из главных монгольских военачальников Кулкан, младший сын самого Чингиз-хана. Сразу после взятия Рязани монголы «овладели также городом Ике. Кулкану была нанесена там рана, и он умер. Один из русских эмиров, по имени Урман (очевидно, Роман Игоревич – *Авт.*), выступил с ратью против монголов, но его разбили и убили» [81, с. 38–39, прим. 19].

Неоправданным представляется предположение о том, что в коломенском бою, помимо сторожевой рати Еремея Глебовича, участвовало также владимирское войско, приведенное князем Всеволодом Юрьевичем. Сообщения поздних летописей, будто воевода Еремей был послан «напередъ» Всеволода [11, с. 139; 87, с. 55], или, наоборот, пришел под Коломну уже после него [92, стб. 290], несомненно, являются переосмыслением не вполне ясных известий древнейших летописей. Наиболее близкий к описываемым событиям рассказ Новгородской Первой летописи старшего извода вообще не упоминает князя Всеволода среди участников битвы под Коломной [65, с. 75].

Зато новгородская летопись сообщает об участии в битве московской рати. По словам летописца, москвичи, не выдержав удара татар, дрогнули и опроретью, не разбирая дороги, бросились бежать с поля боя: «москвичи же побегоша, ничегоже не видевше» [65, с. 287]. Эти слова читаются в списках младшего извода; в древнейшем Синодальном списке слово «побегоша» выскоблено, оставлено только: «Москвичи же ничегоже не видевше» [65, с. 75]. Владимиро-суздальские и позднейшие московские летописи обходят этот эпизод молчанием.

На наш взгляд, столкновение русских ратей с татарами под Коломной по своим масштабам носило локальный характер. Преследуя дружину рязанского князя Романа Игоревича, отступавшего, по-видимому, из-под самой Рязани к границам Владимирской земли, монголы неожиданно столкнулись у Коломны с еще одним сильным отрядом русских – владимирской сторожевой ратью. Внезапная атака владимирцев, очевидно, застигла монголов врасплох, что в итоге стоило жизни царевичу Кулкану.

Гибель в столкновении под Коломной сына Чингиз-хана не могла быть оставлена монголами без последствий. И эти последствия приобрели катастрофический для всей Северо-Восточной Руси характер.

Источники свидетельствуют, что гибель члена семьи Чингиз-хана наказывалась монголами с особой жестокостью. Возмездие, носившее в таких случаях очевидно ритуальный характер, падало не только на правителей воевавших с монголами государств, но и на всех жителей тех земель и городов, у стен которых погибал Чингизид, – такие города вместе со всем населением подвергались тотальному уничтожению.

Так, в 1222 г. при осаде иранского города Нишапура был убит Тогачар, муж четвертой дочери Чингиз-хана Тумелун. По сообщению Джувейни (ум. в 1283 г.), «чтобы отомстить за смерть Тогачара было приказано разрушить город до самого основания, чтобы это место можно было перепахать; и чтобы во исполнение мести в живых не осталось даже кошек и собак» [114, с. 137–140].

Подобный обычай, вероятно, был установлен самим Чингиз-ханом после того, как в битве близ афганского Бамиана погиб его внук Мутугэн (Мао-Тукан). По свидетельству Рашид ад-Дина, когда монголы овладели городом, Чингиз-хан приказал (издал ясу), «чтобы убивали всякое живое существо из любого рода людей и любой породы скотины, диких животных и птиц, не брали ни одного пленного и никакой добычи» [80, с. 219].

По-видимому, не случайно после битвы под Коломной в известиях о разорении татарами русских городов летописцы начинают отмечать случаи поголовного истребления населения. Первый из них имел место при взятии Москвы – ближайшего к Коломне города Владимиро-Суздальской земли, жители которого успели поучаствовать в злосчастном коломенском сражении. Взяв Москву, татары убили воеводу и пленили князя, «а люди избиша, от старьца и до суцаго младенца» [41, стб. 461].

Нельзя пройти мимо еще одного красноречивого факта. В рассказе Рашид ад-Дина о завоевании Северо-Восточной Руси монголо-татарами приводятся имена только трех русских князей. Это – «выступивший с ратью» «эмир по имени Урман», т.е. рязанский князь Роман Игоревич, погибший под Коломной; «князь города Макар» «по имени Улайтимур», т.е. московский князь Владимир Юрьевич, также погибший от рук татар; и, наконец, «эмир Ванке Юрку», т.е. владими́ро-суздальский великий князь Юрий Всеволодович, который «бежал и ушел в лес», но все равно, «его также поймали и убили» [81, с. 39]. Все эти князья упоминаются в связи с гибелью царевича Кулкана: двое из них – Урман и Улайтимур – были убиты татарами сразу после битвы у «города Ике» (Коломны), унесшей жизнь царевича-чинги́зда; а третьего – Ванке Юрку, – бежавшего из своей столицы («город Юргия Великого»), монголы убили, поймав в лесу.

Складывается впечатление, что с точки зрения официального монгольского историографа, разорение Владимиро-Суздальской земли явилось следствием гибели сына Чингиз-хана, чья смерть по монгольским законам требовала неотвратимого возмездия. Примечательно, что в китайских жизнеописаниях Субедея, дошедших в составе Юань ши, разорение монголами земель Северо-Восточной Руси представлено как «карательный поход» против князя (бана) Юрия [32, с. 230–231, 242].

Монголы и князя Южной Руси.

Камнеметная артиллерия монголов.

В новгородских летописях первой половины XV в. содержится обстоятельный рассказ о поражении русских ратей под Черниговом, взятии города после жестокого приступа, а также последовавшем затем примирении русских князей с татарами [92, стб. 300–301; см. также: 67, с. 115; 66, с. 222–223]. Этот рассказ, несомненно, происходит из южнорусской версии Повести о нашествии Батыея, отразившейся также в Ипатьевской летописи. Однако в последней текст описания штурма и взятия Чернигова, вероятно, в силу путаницы листов и по недосмотру позднейшего переписчика оказался разделенным на части и отнесен к разным событиям [см.: 50, с. 311–326]. Ряд эпизодов здесь приурочен к черниговскому походу галицкого князя Даниила Романовича и киевского князя Владимира Рюриковича, датированному в Ипатьевском списке 6742 г. (1234) [28, стб. 772].

Описывая штурм татарами Чернигова, летописец говорит о задействованных при этом камнеметных машинах, разрушивших городские стены и тем самым предрешивших исход сражения. Их применение производило, по-видимому, ошеломляющее впечатление на современников. Древний книжник характеризует случившееся как нечто небыва-

лое и почти невероятное: камни, выпущенные ужасными машинами, не могли поднять даже четверо дюжих мужчин, и эти огромные камни летели на расстояние, которое в полтора раза превышало дальность полета стрелы, пущенной из обычного лука.

Неординарность происходящего подчеркивается употреблением нехарактерного для подобных случаев термина *тараны*, вместо привычного и более уместного в данном контексте *пороки* (*пракы*), постоянно использовавшегося в летописях и других памятниках для передачи сведений о камнеметных машинах [92, с. 134].

Использование при осаде Чернигова мощных камнеметных орудий – важнейший аргумент в решении вопроса: к действиям каких войск, русских или татарских, следует его относить? Подобная тактика, мало известная на Руси, широко и с большими успехами применялась монголами: камнеметные машины были их главным оружием при взятии русских городов, противостоять которому просто не было средств. Во всяком случае, такое впечатление возникает при знакомстве с многочисленными описаниями применения татарских «пороков», содержащимися как в русских, так и в иностранных источниках [см.: 73, с. 144; 41, стб. 462; 28, стб. 780–781, 785, 786; 65, с. 76, 288; 96, с. 21, 23].

Вывезенная из Китая и обслуживаемая китайскими инженерами передовая военная техника, особенно осадная артиллерия, успешно развивавшаяся на протяжении нескольких веков, по своим конструктивным параметрам и боевым характеристикам значительно превосходила известные тогда мировые аналоги. К примеру, предельная дальность стрельбы камнеметных машин, распространенных на Ближнем Востоке и известных в Западной Европе со времен крестовых походов, составляла 80–120 м, а китайских камнеметов – 75–150 м [110, с. 122]. По данным китайского военного трактата «Шоу чэн лу» Чэнь Гуя, наиболее дальнобойные орудия (*юань пао*) могли поражать противника на расстоянии свыше 350 *бу* (более 535 м) [111, с. 133].

Принятие на вооружение и систематическое использование этой техники монголами, по мнению исследователей, имело огромное значение для Монгольского государства [113, с. 801; 71, с. 122]. Как считал Н.Н. Воронин, «татарские пороки были тем решающим техническим средством, которое помогло татарам сломить героическую оборону почти всех русских городов» [10, с. 468].

По данным А.Н. Кирпичникова, тяжелые рычаговые машины, подобные тем, какие были использованы при штурме Чернигова, достигали 8 м высоты, весили 5 т и метали камни массой до 60 кг, а иногда и более; для приведения их в действие требовалось от 50 до 250 солдат [31, с. 75].

Отсюда вполне понятно то ошеломляющее впечатление, которое сверхмощные татарские камнеметы произвели на защитников Чернигова. Совершенно очевидно также, что подобным оружием не могли располагать русские князья, осаждавшие Чернигов в 1235 г.

Примирение русских князей с монголами.

Некоторые исследователи отказываются принимать факт мирного договора русских князей с монголами в 1239 г., полагая, что сообщение о нем попало в новгородские летописи по недоразумению и на самом деле должно относиться к княжеской усобице 1235 г., также закончившейся миром, о котором говорит Ипатьевская летопись [108, с. 281]. В таком ключе рассуждал и Дж. Феннел: «Этот финал (сообщение о мирном договоре. – *Авт.*), который также замыкает описание осады Чернигова в 1235 г., представляется помещенным здесь ошибочно: трудно понять, что князья Чернигова, Смоленска и Галича делали в Киеве в конце 1239 г.» [99, с. 135, прим. 101; см. также: 103, с. 171; 30, с. 305, прим. 14].

На самом деле, «непонятным и неправдоподобным» известие о примирении выглядит именно в контексте рассказа «о войне Даниила и Владимира с Мстиславом Черниговским», поскольку войны с таким соотношением сил вообще не было. Согласно

Ипатьевской летописи, Мстислав, Владимир и Даниил с самого начала и до конца являлись союзниками и в примирении между собой не нуждались. А по сведениям Новгородской 1-й летописи, Мстислав Глебович вообще не участвовал в походе 1235 г. Владимиру и Даниилу противостоял тогда Михаил Всеволодович, успешно оборонявшийся в Чернигове.

Пожалуй, наиболее искусственно выглядит читающееся в Ипатьевской летописи под 6742 г. сообщение об участии в походе на Чернигов одного из черниговских князей, Мстислава Глебовича. Ни в одном другом источнике, сохранившем сведения о междоусобной войне 1234–1235 гг., вообще нет упоминания об этом князе, будто бы участвующем в разорении родной земли: в поход на Чернигов идут только Владимир и Даниил, а противостоит им Михаил Всеволодович, занимавший тогда черниговский стол [65, с. 73–74, 284; 83, стб. 363; 22, с. 117–118].

Но если даже предположить, что участие в походе Мстислава Глебовича все же имело место, и именно в качестве союзника киевского и галицкого князей, то зачем последним понадобилось заключать с ним мир под конец похода, когда с самого его начала все они воевали на одной стороне? К тому же, невозможно понять, каким образом упомянутый мир с Владимиром и Даниилом составляют «Мстиславъ и Черниговъчы», если черниговским князем, возглавлявшим оборону города, был тогда Михаил, а Мстислав обретался среди нападавших.

Весьма неубедительна попытка М.С. Грушевского истолковать известия Ипатьевской летописи в том смысле, что Мстислав Глебович мог быть посаженным на черниговском столе своими союзниками после того, как город пал, а Михаил Всеволодович бежал [20, с. 247]. Подобная «комбинация» известий различных источников, содержащих, по сути дела, альтернативные версии события, недавно была вновь предпринята А.А. Горским [15, с. 86, прим. 33]. Но как при этом быть с показаниями Новгородской 1-й летописи, из которых явствует, что защитники Чернигова и не помышляли о капитуляции, а город так и не был взят [65, с. 74, 284]? Утверждение же о передаче черниговского стола Мстиславу и вовсе противоречит дальнейшим показаниям источника, сообщающего, что едва только успел Владимир Рюрикович вернуться из-под Чернигова в свой Киев, как «приде» вместе с Изяславом и половцами «Михаило с черниговцы подь Киевь и взяша Киевь» [65, с. 74, 284]. Выходит, что все это время Михаил был и оставался черниговским князем, и говорить о замене его кем-то другим совершенно не приходится [см.: 49, с. 564–566].

М. Димник, автор специального исследования, посвященного анализу летописных известий об осаде Чернигова в 1235 г., убедительно показывает, что в передаче Ипатьевской летописи нарушена логическая последовательность изложения, которая, наоборот, четко видна в альтернативном варианте новгородских летописей [119, с. 395–396]. Действительно, если придерживаться рассказа Ипатьевской летописи, то получается, что заключение мира между воюющими сторонами предшествовало «лютому бою» у стен Чернигова с использованием таранов. Но зачем в таком случае понадобилось воевать дальше, и чем закончился «лютый бой» под Черниговом – остается неясным.

По нашему мнению, сообщение о мире в рассказе Ипатьевской летописи под 6742 г. является неудачной вставкой, ломающей правильный порядок изложения [см.: 50, с. 323–324]. Вопреки утверждению Дж. Феннела, это сообщение не замыкает описание черниговского похода, а нелепо разрывает его: ведь получается, что решающий штурм Чернигова произошел как раз после того, как враждующие стороны примирились.

М. Димник имел все основания утверждать, что никакого мира в 1235 г. вообще заключено не было [119, с. 401]. Война продолжалась, и после провала черниговского похода военные действия переместились в пределы Киевской земли. По пятам отступающих войск галицкого и киевского князей шли войска черниговского князя Михаила

Всеволодовича, а с юга к Киеву «в силе тяжце» подоспел его союзник Изяслав Мстиславич, собравший половцев [65, с. 74; 28, стб. 773]. В итоге, Владимир Рюрикович и Даниил Романович потерпели сокрушительное поражение, стоившее обоим их княжеских столов: Владимиру – киевского, а Даниилу – галицкого [см.: 49, с. 566–570].

Напротив, известие о заключении мира гармонично вписывается в контекст повествования о монгольском нашествии 1239 г., не нарушая, а, скорее, логически завершая его композицию. Несмотря на множество деталей и отдельных эпизодов, рассказ о татарском «пленении» Черниговской земли не содержит внутренних противоречий и не опровергается показаниями других источников (в отличие от путаного и сбивчивого рассказа Ипатьевской летописи о походе 1235 г.). Перед нами подробное и цельное повествование, скорее всего, исходящее от непосредственного очевидца, все составные части которого четко согласуются друг с другом и объединены общей сюжетной линией.

Приход Менгу к Киеву и бегство Михаила Черниговского.

Как и в летописях новгородско-софийской группы, в Ипатьевской летописи сохранились сведения о попытке татар заключить мир с русскими князьями после падения Чернигова, и переговоры о мире здесь также происходят под Киевом. Правда, вместо трех названных выше князей татарские послы ведут переговоры с Михаилом Всеволодовичем и киевлянами: «Меньгоуканови [...] присла послы свои к Михайлоу и ко гражаномъ, хотя е прельстити, и не послушаша его» [28, стб. 782].

Бегству Михаила предшествовали появление вблизи Киева войска царевича Чингизида Менгу, а также переговоры с его послами: «Меньгоуканови же пришедшоу сглядать града Києва, ставшоу же емоу на онои стране Днестра (Днепра, по Хлебниковскому списку. – *Авт.*) во градъка Песочного; видивъ град, оудивися красоте его и величествуо его; присла послы свои к Михайлоу и ко гражаномъ, хотя е прельстити, и не послушаша его» [28, стб. 782]. Из слов Ипатьевской летописи о переговорах татарских послов с Михаилом и киевлянами неясно, чем хотели их «прельстить» татары. Ясно только, что переговоры не привели к миру, и в результате Михаил должен был бежать из Киева.

Недосказанность сообщения древнего источника, вероятно, вызвала попытки дополнить его известие со стороны позднейших летописцев. Так, в летописях второй половины XV–XVI вв. появляется сообщение об убийстве Михаилом послов Менгу («посланных к ним избиша») [61, с. 131; см. также: 25, с. 77; 83, стб. 374; 11, с. 144]. Постепенно оно обрастает подробностями и у составителя Никоновской летописи превращается в целую новеллу: Менгу предлагает Михаилу свою дружбу и советует «повиниться» и «поклониться царю нашему Батыю», на что благочестивый князь отвечает отказом, так как не может признать власть царя-иноверца; разгневанный Менгу попытался выманить Михаила из города якобы для новых переговоров, но князь, распознав обман, приказал перебить ханских послов, а затем, испугавшись содеянного, бежал из Киева; татары гнались за ним, но не смогли настичь [64, с. 115–116].

Исследователи, хотя и выражают иногда сомнения в достоверности приведенного рассказа Никоновской летописи, в целом, с доверием воспринимают известие об убийстве Михаилом татарских послов [из новейших работ см.: 97, с. 11; 26, с. 578; 120, с. 353; 103, с. 181; 75, с. 132; 30, с. 87–88]. Высказывается предположение, что это убийство стало одной из причин расправы с самим Михаилом в 1246 г. по приказу Батыя [12, с. 45; 112, с. 123–125].

Нам представляется, что сообщение об убийстве татарских послов Михаилом требует более тщательного источниковедческого анализа. Упоминание об избиении послов появляется только в московских летописях, составленных в конце 1470 – начале 1480-х гг. – в Ермолинской летописи, «Летописце от 72-х языкъ» и Московском своде 1479 г., где оно

носит характер добавления к первоначальному тексту: «Он же тех изби...» [25, с. 77; 42, с. 54, 212]; «...и не послушаша его, а посланных к ним избиша» [61, с. 131].

В московские летописи эпизод с избием послов попал, очевидно, из Жития Михаила Черниговского, в одной из редакций которого (так называемой распространенной редакции отца Андрея, в составе краткой редакции Русского Пролога под 23 августа) читаем: «Михаилу же тгда держащу Киев; придоша послы от Батыя, он же, видев словеса лъсти их, повеле я избити» [44, с. 299; см. также: 86, с. 64]. Эта редакция была составлена не позднее начала XIV в. (ее древнейший список датируется 1313 г.) [44, с. 244, 298]. Первоначальной редакцией Жития большинством исследователей признается Ростовская редакция, составленная в третьей четверти XIII в. при дочери и внуках Михаила Всеволодовича, ростовских князьях Борисе (ум. в 1277 г.) и Глебе (ум. в 1278 г.) [86, с. 110–111; 33, с. 208–210; 60, с. 183–185]. В Ростовской редакции известия об убийстве татарских послов нет [86, с. 55]. Нет этого известия и в краткой редакции отца Андрея [86, с. 55].

Проделанный А.А. Горским сравнительно-текстологический анализ распространенной и краткой редакций отца Андрея показывает, что текст о монгольском нашествии распространенной редакции вторичен по отношению к краткой, и «указание на убийство Михаилом монгольских послов появилось в редакции Жития, не являющейся первоначальной, к архетипному тексту оно не относится» [19, с. 146–147]. К такому же выводу приходит и Н.И. Милютенко [60, с. 184–185].

Вероятно, появление в тексте Жития Михаила Черниговского, на одном из этапов его эволюции, эпизода убийства монгольских послов было связано с началом прославления князя, как мученика за веру. При составлении великокняжеского летописного свода 1477 г. (вероятного протографа Ермолинской летописи и Московского свода 1479 г., чьим главным источником была Софийская 1-я летопись) на основании текста, читающегося в Софийской 1-й летописи, Пахомием Логофетом была написана новая редакция Жития Михаила Черниговского, куда вошел эпизод об избии послов [см.: 16, с. 200–212]. Пахомий, по-видимому, принимал участие в работе над сводом 1477 г. в целом и последовательно вносил в него элементы, имеющие антиордынскую направленность [см.: 17, с. 87–93].

Но, если Михаил Всеволодович не совершал убийства татарских послов, то что в таком случае стало причиной его бегства из Киева «передь Татараы»? Ясно, что это бегство было непосредственно связано с появлением татар или, точнее, с содержанием тех требований, которые были предъявлены Михаилу послами Менгу.

Едва ли в планы Менгу осенью 1239 г. входило взятие Киева штурмом. Большинство исследователей сходятся на том, что поход Менгу носил лишь разведывательный характер, сил для осады русской столицы у него не было [29, с. 116; 103, с. 174; 75, с. 132]. Мирный характер миссии Менгу подтверждают слова летописи о том, что свое войско хан оставил на противоположной стороне Днепра у Песочного городка («ставшоу же емоу... во градъка Песочного»).

Итак, непосредственной угрозы захвата Киева монголами осенью 1239 г., судя по всему, не существовало. Значит, бегство Михаила обусловлено не военными, а, скорее, политическими причинами. Такой причиной мог стать альянс с монголами Владимира Рюриковича и Даниила Романовича – главных соперников Михаила Всеволодовича в борьбе за Киев, о чем последний узнал во время переговоров с Менгу. После взятия Чернигова татары, по-видимому, приняли решение о передаче Киева одному из своих новых союзников – Владимиру Рюриковичу, а после его внезапной смерти – Даниилу Романовичу.

Завоевание Киева и Южной Руси.

Осада и взятие Киева.

Описание осады и взятия Киева войсками Батыея составлено очевидцем событий или со слов их непосредственных свидетелей. На это указывает, в частности, приведенный в Ипатьевской летописи перечень имен татарских воевод, составленный по показаниям пленного татарина Товрула. В центре рассказа – действия тысяцкого Дмитра, раненного во время штурма, попавшего в плен и помилованного татарами «мужества ради его», а после советовавшего Батыю вести войска в Венгрию. Весьма вероятно, что эта часть рассказа написана лицом, близким к тысяцкому Дмитру [70, с. 85; см. также: 30, с. 98–104].

После слов «Дмитрея же изведоша язвена и не оубиша его моужства ради его» в тексте Ипатьевской летописи сделана небольшая вставка: «В то же время ехаль бяше Даниль Оугры королеви и еще бо бяшетъ не слышалъ прихода поганыхъ Татаръ на Кыевъ» [28, стб. 785–786]. Вставной характер приведенного сообщения отмечал еще А.А. Шахматов [109, с. 161]. Эта вставка в Ипатьевском списке отделена от предшествующего текста характерным знаком препинания – четырьмя жирными точками, составленными в виде креста, – а следующая затем запись начинается с киноварного инициала. Подобным образом летописец обычно разделял между собой значительные части текста, различающиеся по содержанию или происхождению.

В первоначальном тексте Повести о нашествии Батыея слов о том, что Даниил ничего не знал о приходе татар к Киеву, не было. Такой вывод можно сделать при сопоставлении текстов Ипатьевской летописи и летописей новгородско-софийской группы. Указанная выше вставка сделана составителем Летописца Даниила Галицкого в интересах последнего, чтобы объяснить странное уклонение князя от защиты главного города Руси, а затем и городов Волынской и Галицкой земель.

В рассказе об осаде Киева автор повести приводит перечень татарских воевод, собравшихся под стенами русской столицы, составленный со слов пленного татарина Товрула: «Се бяхоу братья его (Батыея – *Авт.*) силныи воеводы: Оурдю и Баидарь, Бирюи, Каидань, Бечакъ и Меньгоу, Кююкъ, иже вратися, оуведавъ смерть кановоу и бысть каномъ, не от роду же его, но бе воевода его перьвыи, Себедяи богатоуръ и Боруоундаии багатырь, иже взя Болгарьскоую землю и Соуждальскоую, инехъ бещисла воеводъ, ихже не исписахомъ zde» [28, стб. 784–785].

Вместе с тем, по сведениям монгольских, китайских и персидских источников, упомянутые в перечне Гуюк и Менгу весной 1240 г. находились в Монголии, куда были отозваны великим ханом Угэдэем [см.: 6, с. 282–284; 91, с. 195, 199; 96, с. 37, 48]. По этой причине, как полагают некоторые новейшие исследователи, они не могли принимать участие в осаде Киева, начавшейся осенью того же года [29, с. 117; 24, с. 26–27; 26, с. 580; 63, с. 33–34]. Такой вывод как будто подтверждается сведениями венгерского монаха Рогерия: в составленном им ок. 1244 г. перечне монгольских ханов, участвовавших в походе на Венгрию, отсутствуют имена Гуюка и Менгу [129, с. 563]. В перечне участников похода на Венгрию, составленном в 1247 г. папским легатом Иоанном де Плано Карпини, названы только Орду, Бату, Шейбан, Кадан, Бури и Буджек; Менгу назван среди тех, кто «остался в своей земле», а Гуюк вообще не упоминается [23, с. 44].

На основании приведенных данных В.И. Ставиский делает вывод о недостоверности содержащихся в Ипатьевской летописи сведений. Гуюк и Менгу «не могли принимать участие в осаде и штурме Киева», и, значит, перечень Батыевых «братьев» и «воевод», осаждавших столицу Руси, был составлен вовсе не со слов пленного татарина, а на основании иного письменного источника, которым оперировал составитель Киевской летописи, и «был помещен сюда летописцем по собственному разумению» [94, с. 193].

Этот вывод нам представляется чересчур поспешным. В «Сокровенном сказании» сохранился текст донесения Гуюка о его славных победах на Западе, из которого следует, что он вместе с другими царевичами принимал участие во взятии Киева и других

русских городов: «...царевичи Бату, Бури, Гуюк, Мунке и все другие царевичи ... совершенно разгромили и полонили Орусутов (русских – *Авт.*) ... а также население городов Белерман, Керман – Кива (Киев – *Авт.*) и прочих городов ... и возвратились на родину» [91, с. 189, 194].

Возможность участия Гуюка и Менгу во взятии Киева подтверждает и другой источник – китайская официальная история династии Юань. Здесь находим точную дату «высочайшего указа Гуюку отозвать войска для отдыха и пополнения» – декабрь – январь 1240/41 гг. [32, с. 176].

Таким образом, Гуюк и Менгу были отозваны из армии Батыя уже после взятия Киева и, следовательно, оба царевича должны были принимать участие в его осаде и штурме. Данные «Юань ши» подтверждают достоверность сведений Повести о нашествии Батыя об участниках штурма Киева и опровергают сомнения насчет надежности их источника – показаний пленного татарина Товрула.

Две даты падения Киева.

Во всех известных ныне списках Ипатьевской летописи, содержащей самый подробный и наиболее ранний по времени создания рассказ о взятии Киева войсками Батыя, отсутствуют какие-либо указания, позволяющие определить полную дату этого события. Нет даты падения Киева и в известиях Новгородской 1-й летописи (как старшего, так и младшего изводов).

Среди памятников, сохранивших ранние летописные рассказы о монгольском нашествии, указание на дату падения Киева встречается только в Лаврентьевской летописи: «Си же злоба приключися до Рождества Господня на Николинъ день» [41, стб. 470]. Николин день – 6 декабря, день памяти чтимого на Руси св. Николая Мирликийского – как дата падения Киева значится в летописях, так или иначе использовавших Лаврентьевскую или, точнее говоря, отразившееся в ней ростовское летописание третьей четверти XIII в.: в Суздальской летописи по Московско-Академическому списку [41, стб. 523], во Владимирском летописце [8, с. 90], в летописях новгородско-софийской группы [92, стб. 302; 67, с. 116–117; 66, с. 227]. Эти же даты фигурируют в большинстве русских летописей второй половины XV–XVI вв. [11, с. 145; 64, с. 117; 83, стб. 375; 87, с. 93; 61, с. 131; 9, с. 76].

Иная датировка падения Киева содержится в летописях, восходящих к псковскому своду рубежа 60–70-х гг. XV в. – западнорусской Летописи Авраамки, псковских летописях, а также близкой к Летописи Авраамки Новгородской Большаковской летописи. Эти источники называют день начала осады, ее общую продолжительность и день падения Киева. В наиболее исправном виде текст читается в Летописи Авраамки и Псковской 3-й летописи: «...придоша Татарове къ Киеву, сентября 5, и стояша 10 недель и 4 дни, и едва взяша его ноября 19, в понеделникъ» [43, стб. 51; 78, с. 81; см. также: 77, с. 12; 36, с. 354].

Полная дата осады и взятия Киева, представленная в псковских летописях, многими историками принимается как более вероятная. Этой дате отдавал предпочтение В.Т. Пашуто [71, с. 157; 72, с. 285]. К такому же мнению склонялся Н.Г. Бережков [5, с. 111]. Поскольку 19 ноября 1240 г. действительно приходится на понедельник, – рассуждал О.М. Рапов, – зафиксировавшая эту дату запись «была сделана непосредственно после событий, и ей можно доверять» [79, с. 87].

Установлению точной даты падения Киева специальное источниковедческое исследование посвятил В.И. Ставиский. Автор делает вывод, что датировка, восходящая к псковскому летописанию, «является истинной и наиболее древней» [93, с. 290]. 19 ноября 1240 г. как наиболее вероятная дата падения Киева принимается в ряде новейших исследований [см.: 1, с. 30; 103, с. 190; 27, с. 160]. Нередко обе летописные датировки осады и падения Киева принимаются как в равной степени достоверные, и делается

вывод о многомесячной обороне столицы Южной Руси, продолжавшейся с 5 сентября по 6 декабря [см.: 79, с. 87; 101, с. 386; 102, с. 234–235; 75, с. 133; 30, с. 99–100].

На наш взгляд, более или менее отчетливое указание о времени взятия монголами Киева можно найти в современном событиям венгерском источнике, пока еще мало изученном историками-русистами.

В «Великой хронике» Матфея Парижского (середина XIII в.) приведено письмо некоего венгерского епископа к не названному по имени парижскому епископу (возможно, Гийому III Овернскому). Прежде чем пересказать легендарную историю происхождения татар, услышанную от захваченных венграми татарских лазутчиков, автор послания сообщает несколько интересных подробностей относительно времени и обстоятельств пребывания татар на Руси перед нападением на Венгрию: «Я отвечаю Вам о тартарях, что они пришли к самой границе Венгрии за пять дневных переходов и подошли к реке, которая называется Дейнфир (Deinphir), через которую летом переправиться не смогли. И желая дожждаться зимы, выслали они вперед нескольких лазутчиков в Руссию...» [126, с. 75].

Еще один вариант этого документа читается в *Анналах Уэйверлейского аббатства*, где он датирован 1239 г. Этот вариант более полный и, по мнению новейших исследователей, «более надежный» в сравнении с вариантом Матфея Парижского [116, с. 53, Anm. 196; 125, с. 162, Anm. 61]. В уэйверлейской рукописи мы читаем: «Я пишу вам о тартарях, что они пришли к самой границе королевства Венгрии за пять дневных переходов. Когда они дошли до реки Дамай (Damaïi), через которую летом переправиться не смогли, желая дожждаться зимы, чтобы суметь переправиться через вышеупомянутую реку по льду, они отошли назад на добрых 20 дневных переходов и там дожидаются зимы...» [115, с. 325].

Большинство исследователей без колебаний идентифицирует реку Deinphir (по варианту Матфея Парижского) как Днепр [см.: 128, с. 379; 121, с. 723; 123, о. 22; 116, с. 54; 125, с. 163; 130, о. 112–113]. Такая идентификация поддерживается сведениями из обоих вариантов послания: не имея возможности сходу форсировать многоводную реку, татары отложили ее переход до наступления зимних морозов и установления на реке прочного ледяного покрова, а сами тем временем ушли на восток, удалившись на двадцать дневных переходов. Точно так же в следующем году, уже находясь в Венгрии, татары должны были дожждаться зимних морозов, чтобы по льду переправиться через многоводный Дунай.

Если в письме венгерского епископа действительно речь идет о предстоящей монголам переправе через Днепр, то этот документ должен был возникнуть до начала осады и штурма Киева. Новейшие исследователи датируют документ 1239 или 1240 г., отдавая предпочтение последней датировке [см.: 116, с. 54; 125, с. 163; 122, с. 153; 130, о. 112]. В любом случае ясно, что обрисованная в письме картина, а следовательно, и само письмо, возникли в то время, когда Запад еще не был охвачен ужасом монгольского нашествия, но с повышенным вниманием следил за приближением захватчиков.

В письме венгерского епископа сообщается, что татары однажды уже подходили к реке Дейнфир/Дамай, через которую не смогли переправиться вплавь, и теперь ожидается их новый приход и переправа через реку, когда зимние морозы скуют ее прочным льдом. Эта подробность, как кажется, находит соответствие с сообщением Ипатьевской летописи о приходе к Киеву войск Менгу («Меньгукана») до взятия города Батыем.

В рассказе Ипатьевской летописи об осаде Киева монголами есть примечательная деталь. Когда Батый со своими войсками обступил город, поднялся ужасный шум, и осажденные жители не могли слышать друг друга из-за постоянного скрежета тележных колес, рева множества верблюдов и ржания лошадей: «не бе слышати от гласа

скрипания телегь его, множества ревеня вельблудь его и рьжания от гласа стадь конь его» [28, стб. 784].

Следовательно, в конце 1240 г. монголы прибыли под Киев со множеством скота и своими передвижными жилищами, устраиваемыми на телегах, домашним имуществом и семьями. Кроме того, армия Батыея располагала тяжелыми стенобитными орудиями и камнеметами, при помощи которых в несколько дней были разрушены стены Киева.

Едва ли приходится сомневаться, что переправить такую армию через Днепр можно было только после наступления зимних морозов и установления на реке прочного ледяного покрова. С учетом климатических особенностей района Среднего Поднепровья, допустимо предположить, что ледяная переправа через Днепр в районе Киева могла быть налажена монголами не ранее середины ноября. До этого времени монголы, судя по сообщению венгерского епископа, ждали своего часа на противоположном берегу Днепра.

Таким образом, приведенные нами данные подтверждают восходящую к ростовскому летописанию третьей четверти XIII в. дату падения Киева – 6 декабря, на Николин день. Если учитывать, что по монгольской версии, приведенной Рашид ад-Дином, Киев был взят за девять дней, штурм города начался 28 ноября. Этому должны были предшествовать переправа монгольских войск по льду через Днепр, осада города и подготовка к штурму. Вся военная операция в районе Киева у монголов заняла, по видимому, меньше месяца.

Известия Рашид ад-Дина о городах Уладмура.

Официальный историограф Хулагуидского ильханата Рашид ад-Дин Хамадани (ок. 1247–1318), писавший свой труд в 1301–1311 гг. и широко пользовавшийся не дошедшими до нас монгольскими оригинальными сочинениями и историческими документами, говорит, что после взятия Киева монгольские войска разделились на тумены и, применяя тактику облавы, завоевали *все города Уладмура*, из которых только город *Учогул Уладмур* оказал сопротивление, выдержав трехдневную осаду [см.: 59, с. 169–181].

Фонетически *Уладмур* соответствует русскому княжескому имени *Владимир*. Однако не найдя среди русских князей времен монгольского нашествия подходящего кандидата, переводчики Рашид ад-Дина решили, что имя собственное «Уладмур» должно быть связано с названием города Владимира-Волынского и распространяться на другие города Волынской земли [81, с. 45].

Но при таком толковании среди волыньских городов приходится искать город с названием *Учогул*, которое не имеет даже отдаленного фонетического соответствия с известными ныне древнерусскими топонимами. Кроме того, как уже давно замечено, на тюркских языках «уч огул» буквально значит «три сына», и для такого значения также не удается найти исторической опоры в русской топонимике.

Возможно, *Учогул Уладмур* Рашид ад-Дина вовсе не имеет отношения к названию города, а является результатом неверного толкования другого аутентичного тюркского свидетельства. В этой связи, на наш взгляд, следует обратить внимание на перевод В.Ф. Минорского, раскрывающий значение выражения *Учогул Уладмур*, оставленного Рашид ад-Дином без перевода на персидский язык: «Совместно они (монголы – *Авт.*) осадили город «трех сыновей Владимира» (*Uch-oghul Uladmur*) и взяли его в три дня» [127, с. 885].

Для Рашид ад-Дина и используемого им тюркоязычного источника характерно внимание не только к названиям захваченных монголами земель и городов, но и к именам побежденных правителей. В частности, этот интерес можно видеть в описании завоевания Владимиро-Суздальской Руси: «монголы в пять дней взяли «город Макар (вероятно, Москва. – *Авт.*) и убили князя [этого] города, по имени Улайтимур (вероят-

но, Владимир. – *Авт.*); или «город Переяславль, коренную область Везислава (вероятно, Всеволода. – *Авт.*), они взяли сообща в пять дней» [81, с. 39].

В целом монгольская версия завоевания русских земель отличается большой точностью и во многих деталях совпадает с фактами, известными из русских летописей. Это – сообщение о взятии Рязани, Коломны («город на Оке») и Москвы, бегстве и гибели великого князя Юрия Всеволодовича «в лесу» на окраине своей земли, где «его поймали и убили», а также сведения о двухмесячной осаде Батыем города Козельска [81, с. 38–39].

Примечательно, что в сообщении о взятии монголами столицы Северо-Восточной Руси Владимира-на-Клязьме Рашид ад-Дин обходится без упоминания названия города, ограничиваясь указанием имени князя: «Осадив город Юргия Великого, взяли [его] в восемь дней» [81, с. 39].

Нет ничего удивительного в том, что и при описании завоевания Южной Руси Рашид ад-Дин и его монгольский источник приводят имя русского князя, с которым связывают захваченные монголами *города Уладмура и город трех сыновей Уладмура*.

Такое решение, на наш взгляд, более предпочтительно. Перенос личных имен правителей на подвластные им города и области – обычное дело для географической ономастики Рашид ад-Дина. В то же время, образование названия целой страны (области) от названия одного из ее городов – явление в своем роде исключительное. Во всяком случае, ничего подобного при описании завоевания других частей Руси мы не встречаем.

Как нам представляется, для идентификации князя Владимира, чьи сыновья оказали сопротивление Батыю на Юге Руси, в источниках есть достаточно надежные возможности.

К началу монгольского нашествия на Южную Русь законным киевским князем оставался Владимир Рюрикович. Он княжил в Киеве с перерывами более десяти лет (после гибели в битве на Калке Мстислава Романовича), а его добровольная уступка Киева Ярославу Всеволодовичу в 1236 г., скорее всего, имела целью установить совместное правление на Юге Руси, обеспечивающее Мономаховичам перевес над Ольговичами (Ярослав княжил в Киеве, а Владимир – в Киевской земле). Уходя из Киева весной 1238 г., Ярослав, по всей видимости, вернул киевский стол Владимиру. Однако вскоре последнего уйти из Киева вынудил Михаил Всеволодович [см.: 14, с. 29–30; 18, с. 185–186].

Захват Киева Михаилом в 1238 г. на Руси воспринимался как незаконный. В помещенном в начале Ипатьевской летописи именном перечне киевских князей, «княживших в Киеве до избитья Батыева», нет упоминания о Михаиле Всеволодовиче, хотя перечислены все другие князья, занимавшие киевский стол перед приходом Батыя – Ярослав Всеволодович, Владимир Рюрикович и Даниил Романович [28, стб. 2]. Псковские летописи в сообщении о смерти Владимира Рюриковича (под 1239 г.) говорят о нем как о киевском князе («князь Володимеръ оумре Киевский Рюриковичъ») [77, с. 12; см. также: 78, с. 79].

В качестве законного киевского князя Владимира Рюриковича воспринимали и монголы, когда осенью 1239 г. заключили с ним, а также Даниилом Романовичем и Мстиславом Глебовичем, мирный договор, направленный против Михаила Всеволодовича, сразу после этого бежавшего из Киева [см.: 51, с. 46–86]. По-видимому, не случайно в летописных известиях о примирении князей с татарами Владимир Рюрикович поставлен прежде Даниила Романовича: «Створиша же миръ со Володимеромъ и Даниломъ...» [28, стб. 772]; «...смирившася съ Мъстиславомъ и Володимеромъ и съ Даниломъ» [92, стб. 301].

Дальнейшая судьба Владимира Рюриковича не вполне ясна. По каким-то причинам в конце 1239 г. он должен был оставить Киев и вскоре умер при невыясненных

обстоятельствах. Возможно, князь погиб в Смоленске, защищая свой родной город от нападения литовцев [см.: 51, с. 87–94].

Итак, сообщая о взятии вслед за Киевом *всех городов Уладмура*, монгольский источник, как нам представляется, говорит о городах, находившихся под властью Владимира Рюриковича или, точнее, его сыновей. Это тем более вероятно, что во взятии Киева в 1240 г. участвовал царевич Менгу, который годом ранее, по данным русских летописей, прибыл под Киев для переговоров с Михаилом Всеволодовичем и вынудил последнего бежать из города [28, стб. 782; 92, стб. 301]. Благодаря этим действиям киевский стол был возвращен Владимиру, что, разумеется, не могло произойти без ведома Менгу. Год спустя сам Менгу и все монгольские предводители по-прежнему считали Киев городом Владимира, поскольку никакого другого князя в нем тогда не было.

Одного из сыновей Владимира Рюриковича мы видим и на страницах Галицко-Волынской летописи. Вслед за известием о возвращении Даниила Романовича на Волынь после ухода татар читаем: «Ростислав же Володимеричъ приде к Данилоу во Холмъ, одержаль бо беяше Богъ от безбожных Татаръ» [28, стб. 788–789].

Д. Домбровский не без основания полагает, что упомянутый здесь Ростислав Владимирович может быть только сыном бывшего киевского князя Владимира Рюриковича, а летописная фраза «одержаль бо беяше Богъ от безбожных Татаръ» может относиться не только к городу Холму, как обычно считается, но и к Ростиславу, уцелевшему во время татарского нашествия [117, с. 225–226; см. также: 118, с. 548–551].

Упомянутые Рашид ад-Дином и его монгольским источником «три сына Владимира» – единственные из князей Южной Руси, кто оказал захватчикам какое-то сопротивление. В течение трех дней они обороняли свой город, собственное название которого монголов, по-видимому, вообще не интересовало.

Может быть, этим городом был упомянутый в Галицко-Волынской летописи Колодяжин, для взятия которого Батыю пришлось применять стенобитные машины (как при штурме Киева) [28, стб. 786]. Не исключено также, что город «трех сыновей Владимира» нужно искать где-то среди оставшихся безымянными укрепленных городищ на границе Киевской и Волынской земель, прекративших свое существование в середине XIII в.

Завоевание Волыни и Галичины.

Галицко-волынский князь Даниил Романович, не дожидаясь начала вражеского нашествия, покинул территорию родной земли и вернулся на Волынь только после того, как получил известие об уходе монголов за пределы Руси [см.: 54, с. 53–77]. Этим обстоятельством объясняется весьма своеобразный характер сведений о завоевании татарами Галицко-Волынской Руси, представленных придворным летописцем Даниила [см.: 56, с. 87–99; 53, с. 56–72; 55, с. 6–12].

Летописец Даниила Галицкого говорит о небывалом доселе нашествии степняков очень кратко и как бы мимоходом, все свое внимание сосредоточив на том, как счастливо избежал опасностей князь и его семья [см.: 58, с. 11–24]. Следы постигшего страну бедствия летописец отмечает лишь постольку, поскольку они попадались на глаза Даниилу. Самому же нашествию татар он посвятил лишь пару строк: «И приде к Володимироу, и взя и копьемъ, и изби и не щадя; тако же и град Галичь, инии грады многы, имже несть числа» [28, стб. 786].

Пожалуй, ни в одном дошедшем до нас письменном памятнике, происходящем из любой другой русской земли, где велось собственное летописание и были созданы литературные произведения, посвященные Батыеву нашествию, мы не найдем столь беглого и невразумительного описания постигшей страну катастрофы.

Расправа с жителями Берестья.

Когда после неудачной попытки отбить у тамплиеров пограничный с Мазовией город Дрогичин [см.: 57, с. 36–51], Даниил и Василько Романовичи вернулись на разоренную татарами Волынь, и первым на их пути оказался город Берестье. По словам летописца, очевидно, лично сопровождавшего князей и наблюдавшего все происходящее, по прибытии в Берестье Даниил и Василько не могли выйти из города в поле из-за сильного смрада от множества неубранных тел погибших: «Данилови же со братомъ пришедшоу ко Берестью, и не возмогоста ити в поле смрада ради и множества избьенных» [28, стб. 788].

Примечательно, что тела «множества избьенных» находились не в самом Берестье, как можно было ожидать, а где-то в его окрестностях – «в поле». Сам же город не только не был уничтожен, но и, насколько можно судить, не понес значительных разрушений. К такому выводу приходят новейшие исследователи в результате изучения археологических памятников средневекового Берестья. «Во время раскопок, – пишет П.Ф. Лысенко, – не выявлено следов массового пожара и гибели города в слоях середины XIII в.». Отсюда, заключает историк, «наиболее вероятно предположение о том, что город не был взят и разрушен, а в его окрестностях произошла битва» [45, с. 21; 46, с. 28].

Нельзя, разумеется, исключать, что под стенами Берестья могла произойти какая-то кровопролитная битва, о которой почему-то умалчивает летописец. Но кто мог участвовать в этой битве? Если иметь в виду защитников города, то что заставило их покинуть родные стены и выйти на бой с татарами в чистом поле, обрекая себя на смерть? Даже если представить, что массовая гибель берестян «в поле» произошла вследствие неудачной вылазки, в которой участвовала большая часть населения, маловероятно, чтобы вооруженное сопротивление жителей монголы оставили без последствий для их города.

Насколько нам известно, описанная Летописцем Даниила Галицкого массовая гибель берестян за городскими стенами – это единственный в своем роде случай, получивший отражение в летописных известиях о монгольском нашествии на Русь. Возможно, поэтому причины случившегося остаются невыясненными.

Чтобы яснее представить картину трагических событий, произошедших под стенами Берестья, на наш взгляд, следует присмотреться к некоторым известным фактам из истории монгольских завоеваний в Средней Азии и на Ближнем Востоке, иллюстрирующим регулярно применяемые способы подчинения городов и обращения с покоренным населением.

В феврале 1221 г. Чингиз-хану покорились жители Балха. «Затем, – сообщает Рашид ад-Дин, – под предлогом того, что нужно сосчитать [людей], монголы вывели все население Балха в степь и по своему обыкновению разделили между ратниками и всех перебили» [80, с. 218]. Такая же судьба постигла жителей Бенакета, одного из хорезмийских городов: «на четвертый день население города запросило пощады и вышло вон [из города] ... Воинов, ремесленников и [простой] народ [монголы] разместили по отдельности. Воинов кого прикончили мечом, кого расстреляли, а прочих разделили на тысячи, сотни и десятки» [80, с. 201]. После двухнедельной осады в Хорасане монголы взяли город Насу. Жителей выгнали из города и приказали им крепко связать друг друга. После этого началась бойня: монголы перебили семьдесят тысяч обитателей Насы, «накормив ими диких зверей и птиц небесных» [62, с. 96–97].

Во время штурма Багдада в феврале 1258 г. хан Хулагу потребовал от халифа Абдуллаха ал-Мустасима: «Скажи, чтобы жители города сложили оружие и вышли, дабы мы произвели им счет». Когда это требование было исполнено, монголы устроили массовую бойню под стенами города: «горожане толпами, сложив оружие, выходили, и монголы их убивали» [82, с. 44].

В конце 1259 г. войска Хулагу подошли к сирийской крепости Харим. После недолгой осады «тамашние жители запросили пощады», намереваясь уйти из города. «По

клятвенному договору они спустились вниз. Хулагу-хан очень гневался на них и приказал, чтобы их сразу с женами и детьми перебили...» [82, с. 50].

Даже если город сдавался монголам без всякого сопротивления, его жители должны были выйти в поле без оружия и покорно принять свою судьбу. Однако в таких случаях, как правило, обходилось без массовых убийств. В апреле 1219 г. монголам без боя сдался хорезмийский город Дженд, выгнанных из него жителей девять дней держали в поле, пока шел грабеж города [114, с. 88–90; 80, с. 200]. Когда Чингиз-хану сдались жители города Зарнука, всех их вывели за городские стены, молодых людей забрали в хашар (вспомогательные войска, используемые при штурме городов), а остальным разрешили вернуться домой, предварительно разрушив городскую цитадель [114, с. 98–100; 80, с. 204]. Сдавшихся без боя жителей Нура вывели в поле, шестьсот юношей отобрали в хашар, а остальных заставили уплатить выкуп [114, с. 98–100; 80, с. 204–205].

Как видим, перед штурмом укрепленных городов монголы предлагали жителям сдаться и в знак покорности безоружными выйти из города. Никакие клятвенные обещания и гарантии безопасности в таких случаях не соблюдались: покоровшихся нередко ожидали смерть или плен. Только если город сдавался без всякого сопротивления, его жители могли сохранить жизнь и свободу. Взятые без боя города подвергались нещадному грабежу, но, как правило, избегали более масштабных разрушений.

В свете приведенных фактов убийство монголами жителей Берестья за пределами города позволяет думать, что в начале осады берестяне оказали какое-то сопротивление захватчикам, но затем были вынуждены покориться, безоружными вышли в поле, где и были убиты. Тот факт, что тела погибших несколько месяцев оставались неубранными, – вероятно, до апреля 1241 г., когда после ухода татар Романовичи смогли вернуться из Польши, – наводит на мысль, что все это время некому было их хоронить: берестяне были либо убиты, либо забраны в хашар.

Взятие Владимира-Волынского и «волынские черепа».

Можно думать, что при схожих обстоятельствах монголами были захвачены и другие города Волынской земли, в том числе Владимир. Как и Берестье, стольный город Волыни почти полностью обезлюдел. Когда князь Даниил прибыл туда после ухода татар, «не бе бо на Володимере не осталъ живыи». Правда, на этот раз непогребенные тела погибших горожан князь нашел не в поле под городом, а в городских храмах: «церкви святой Богородици исполнена троупья, иныа церкви наполнены быша троубья и телесь мертвых» [28, стб. 788].

Эта трагическая картина, а также указание летописца, что Владимир был «взят копьем», по-видимому, свидетельствуют о штурме города монголами. Археологические данные как будто подтверждают этот вывод.

Насколько можно судить, более или менее явные следы сопротивления захватчикам обнаружены именно во Владимире-Волынском. Еще в 1930-х годах на рыночной площади вблизи Киевских ворот при производстве земляных работ случайно была найдена братская могила со множеством лежавших в беспорядке скелетов с разбитыми черепами, отсеченными конечностями и остриями стрел в позвоночниках; здесь же находилось и поврежденное в бою оружие [106, с. 165; 95, с. 46, 96]. Весьма вероятно, что эти находки являются материальными свидетельствами штурма Владимира монголами в декабре 1240 г. Однако обстоятельства, при которых они были сделаны, исключают возможность точной датировки.

То же самое следует сказать и о найденных на территории средневекового Владимира-Волынского следах многочисленных пожаров: нет надежных оснований трактовать их как следствие штурма города татарами.

Совершенно не приходится говорить о тотальном разрушении города в середине XIII в. Большинство известных ныне древних владимирских храмов пережили татар-

ское нашествие. Проезжавший через Владимир-Волынский Иоанн де Пано Карпини не отметил никаких следов разрушений, какие он наблюдал затем в Киеве [23, с. 47].

Наконец, ошибочным, на наш взгляд, является разделяемое многими новейшими исследователями представление о массовых казнях, которым монголы подвергли непокорных защитников Владимира в отместку за их упорное сопротивление.

В разное время на территории города были найдены человеческие черепа со вбитыми в области темени и височных костей большими железными гвоздями. Такие черепа происходят из одиночных погребений и кладбищенских захоронений, располагавшихся близ древних церквей Владимира (урочища Апостольщина, Михайловец, Спащина) или под их сводами (урочища Федоровщина, Старая Кафедра); несколько черепов найдены в окрестностях города и в различных поселениях Владимирского уезда [107, с. 99, 368; см. также: 104, с. 33; 105, с. 223].

В.В. Каргалов, ознакомившись с упомянутыми краниологическими материалами по одной из публикаций А.Н. Цинкаловского, пришел к мысли, что пробитые гвоздями черепа возникли вследствие массовых казней татарами защитников Владимира-Волынского: «...битва за город была долгой и ожесточенной, и татары с большим трудом сумели его взять, подвергнув за это жителей страшным казням» [29, с. 127].

Эта интерпретация прочно вошла в литературу. Вслед за Каргаловым, большинство современных авторов видят в пробитых гвоздями человеческих черепах из Владимира следы массовых казней, совершаемых монголами [40, с. 405; 103, с. 189; 30, с. 105; 37, с. 256].

Между тем, уже давно высказано более основательное, на наш взгляд, объяснение происхождения «волынских черепов», которого в свое время придерживались сам А.Н. Цинкаловский, а также Я.И. Пастернак [69, с. 629]. Пробивание черепа покойного гвоздем или железным зубом бороны – известный обычай борьбы с заложными покойниками и упырями, особенно широко распространенный среди украинского населения, в частности, на Волини и в Прикарпатье, существовавший еще в XIX в. [21, с. 108; см. также: 39, с. 109–124].

Современные исследователи древнерусского погребального обряда относят сделанные в Киеве и Владимире-Волынском находки человеческих костяков с пробитыми гвоздями черепами к числу известных ныне городских захоронений, при совершении которых были приняты меры для обезвреживания покойников в соответствии с распространенными поверьями о вурдалаках и упырях [68, с. 152].

Недавно представлены новые доказательства происхождения «волынских черепов» вследствие древнего обычая борьбы с упырями местного населения [48, с. 302–317]. В частности, специальному краниометрическому исследованию был подвергнут один из найденных Цинкаловским черепов с вбитым в него гвоздем, хранящийся ныне в собрании Львовского исторического музея (КР 23497). По своим основным параметрам череп относится к волынскому антропологическому типу, т. е. принадлежал коренному жителю средневековой Волини. Характер имеющихся на черепе повреждений однозначно свидетельствует, что они были причинены уже после смерти его обладателя [48, с. 311].

В виду приведенных фактов «волынские черепа» едва ли можно признать свидетельством длительного и упорного сопротивления жителей Владимира войскам Батыя. Тем более, что применение монголами столь своеобразного способа умерщвления пленных врагов, насколько нам известно, не подтверждается никакими другими данными.

Судьба Галича.

О взятии монголами Галича – столицы державы Романа Мстиславича, за который его сыновья вели долгую и упорную борьбу – Летописец Даниила Галицкого говорит, как бы между прочим, не сообщая ничего, кроме названия города: Галич достался врагу в числе «иных градов многих».

Такое странное невнимание к судьбе стольного Галича, похоже, приводило в недоумение уже поздних летописцев, вызывая стремление дополнить повествование какими-нибудь подробностями, чтобы изобразить хотя бы самую общую картину падения города: «И потом приидоша до Галича, – читаем в Густынской летописи, – его же възьяша и огнемъ сожгоша, а люди изсекоша, а иныхъ въ пленъ поведоша» [22, с. 119].

При нынешнем состоянии письменных источников едва ли возможно восстановить более полную картину. Подозрительное молчание о падении Галича древних русских летописей и отсутствие каких-либо упоминаний об этом в монгольских источниках заставляет думать, что захват города был заурядным событием, не оставившим повода отметить героизм его защитников или доблесть монгольских полководцев.

В момент татарского нападения в Галиче не было не только князя, но и какой-то части местных бояр, сопровождавших Даниила и его сына Льва в Венгрию и оставшихся там до ухода татар. Это обстоятельство, разумеется, не могло способствовать успеху обороны города.

Археологические исследования памятников средневекового Галича не выявили, как и во Владимире-Волынском, следов тотальных разрушений середины XIII в. Главный храм города – Успенский собор – и многие другие постройки пережили нашествие Батые и были разрушены позднее, вследствие иных причин.

Новейший исследователь древнего Галича, Б.П. Томенчук, локализует его детинец на Крылосском городище (ныне село Крилос Галицкого района Ивано-Франковской области) [О дискуссиях по поводу локализации и территориальной структуры древнего Галича см.: 47, с. 467–476]. В центре городища располагался хорошо укрепленный княжеский замок площадью 7 га. «Нашими раскопками вокруг замка, – пишет историк – исследованы мощные деревянно-земляные укрепления (III фаза), которые сгорели в середине XIII в.» [98, с. 501]. Сгорела также внешняя стена детинца, имевшая более сложную срубную конструкцию: «Данная оборонительная стена с жилищно-хозяйственными пристройками сгорела где-то в середине XIII в. и ныне фиксируется достаточно мощным слоем золы (0,3–0,7 м)» [98, с. 515].

Сожжение детинца и княжеского замка как будто говорит о штурме. Однако, как известно, к таким мерам монголы прибегали и в случаях добровольной сдачи городов.

Следов массовой гибели населения города вследствие нашествия Батые не выявлено. Тем не менее, ясно, что середина XIII в. стала трагическим рубежом в истории города. Время его расцвета закончилось, и Галич постепенно вступил в период своего упадка. Можно констатировать значительное сокращение общего количества сделанных в Галиче археологических находок, относящихся ко времени после середины XIII в. [см.: 13, с. 61–67; 3, с. 146–151; 4, с. 70–74].

По всей видимости, вследствие захвата монголами Галич, как и другие города Юго-Западной Руси, лишился значительной части своего населения, убитого или забранного в хашар. Этим захваченных на Волыни и в Галичине русских пленников мы затем видим в авангарде монгольских войск, начавших военные действия в Польше и Венгрии.

Так, по словам Яна Длугоша, впереди монгольских войск по польским землям шли русские отряды, указывая захватчикам дорогу: «Управляли их движением и показывали им путь некоторые русины, очень неприязненно относящиеся к полякам» [124, с. 267]. Фома Сплитский сообщает о русском перебежчике, предупредившем венгров перед решающей битвой с татарами на реке Шайо (11 апреля 1241 г.) о готовящемся обходном маневре врага [100, с. 107].

1. *Алексеев Л.В.* Западные земли домонгольской Руси: Очерки истории, археологии, культуры. Кн. 2. М., 2006. 167 с.

2. *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М., Л., 1940. С. 71–112.
3. *Ауліх В.* Княжий Галич // Галичина та Волинь у добу середньовіччя. До 800-річчя з дня народження Данила Галицького / Відп. ред. Я.Д. Ісаєвич. Львів, 2001. С. 146–151.
4. *Баран В.Д.* Княжий Галич в історії України // Український історичний журнал. № 4. 2001. С. 70–74.
5. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. 376 с.
6. *Бичурин И.Я.* История первых четырех ханов из дома Чингизова. СПб., 1829. 457 с.
7. *Буладин Д.М.* Летописные повести о монголо-татарском нашествии (из Лаврентьевской и Тверской летописей) [Комментарий] // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1997. С. 470–471.
8. Владимирский летописец. Новгородская 2-я (Архивская) летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 30. М., 2009. 242 с.
9. Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 26. М., 2006. 412 с.
10. *Воронин Н.Н.* Крепостные сооружения // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Т. I: Материальная культура / Под ред. Н.Н. Воронина, М.К. Каргера и М.М. Тихановой. М., Л., 1948. С. 439–470.
11. Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 7. М., 2000. 346 с.
12. *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. II. 1-я половина тома. М., 1900. viii + 903 с.
13. *Гончаров В.К.* Древній Галич // Вісник Академії Наук Української РСР. № 1. Київ, 1956. С. 61–67.
14. *Горский А.А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Русской земли» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 43. Л., 1990. С. 18–38.
15. *Горский А.А.* Русские земли XIII–XIV вв.: Пути политического развития. М., 1996. 128 с.
16. *Горский А.А.* «Повесть об убиении Батыя» и русская литература 70-х гг. XV века // Средневековая Русь. Вып. 3. М., 2001. С. 191–221.
17. *Горский А.А.* Пахомий Серб и великокняжеское летописание второй половины 70-х гг. XV в. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. № 4. М., 2003. С. 87–93.
18. *Горский А.А.* Русь: от славянского расселения до Московского царства. М., 2004. 368 с.
19. *Горский А.А.* Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006. С. 138–154.
20. *Грушевський М.С.* Історія України–Руси. Т. 2. Львів, 1905. 633 с.
21. *Гузій Р.* З народної танатології: карпатознавчі розсліди. Львів, 2007. 353 с.
22. Густынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 40. СПб., 2003. 202 с.
23. *Джиованни дель Плано Карпини.* История монгалов / Пер. А.И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступ. статья и примеч. Н.П. Шастиной. М., 1957. С. 21–83.
24. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. 243 с.
25. Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 23. М., 2004. vi + 252 с.
26. *Івакін Г.Ю.* Монгольська навала на Русь // Давня історія України: У 3-х томах. Т. 3 / Гол. ред. П.П. Толочко. Київ, 2000. С. 573–588.
27. *Измайлов И.* Походы в Восточную Европу 1223–1240 гг. // История татар с древнейших времен. Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда). Казань, 2009. С. 133–160.
28. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1990. 10 с. + 938 стб. + 108 с. + L с.

29. *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. 263 с.
30. *Карпов А.Ю.* Батый. М., 2011. 345 с.
31. *Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. 103 с.
32. Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань)» // Золотая Орда в источниках (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи). Т. 3: Китайские и монгольские источники / Сост., пер. и коммент. Р.П. Храпачевского. М., 2009. С. 121–291.
33. *Клосс Б.М.* Житие князя Михаила Черниговского // Письменные памятники истории Древней Руси. Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я.Н. Щапова. СПб., 2003. С. 208–210.
34. *Комарович В.Л.* Литература Суздальско-Нижегородской земли XIV в. // История русской литературы. Т. II. Ч. 1. М., Л., 1946. С. 88–96.
35. *Комарович В.Л.* Из наблюдений над Лаврентьевской летописью // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. 30. Л., 1976. С. 27–59.
36. *Конявская Е.Л.* Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 322–383.
37. *Котляр Н.Ф.* Комментарий // Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н.Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 177–368.
38. *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2003. 464 с.
39. *Кузеля З.* Причинки до народніх вірувань з початком XIX ст. Упирі і розношене зарази // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. 80. Львів, 1907. С. 109–124.
40. *Кучинко М.* Історія населення Західної Волині, Холмщини та Підляшшя в X–XIV століттях. Луцьк, 2009. 500 с.
41. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. М., 1997. 14 с. + VIII с. + 579 стб.
42. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 28. М., Л., 1962. 412 с.
43. Летопись Авраамки // Полное собрание русских летописей. Т. 16. М., 2000. xii + 240 с.
44. *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV вв. М., 2009. 472 с.
45. *Лысенко П.Ф.* Берестье. Минск, 1985. 399 с.
46. *Лысенко П.Ф.* Открытие Берестья. 2-е изд. Минск, 2007. 399 с.
47. *Ляска В.* Планувальна структура Галича XI–XIII ст.: історія досліджень // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 12. Львів, 2008. С. 467–476.
48. *Мазур О., Терський С., Подоляка Т.* Археологічні, краніологічні та етнографічні відомості про боротьбу з упирями за княжої доби // Княжа доба: історія і культура. Вип. 3. Львів, 2010. С. 302–317.
49. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. 640 с.
50. *Майоров А.В.* Летописные известия об обороне Чернигова от монголо-татар в 1239 г. (Из комментария к Галицко-Волынской летописи) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Т. 60. СПб., 2009. С. 311–326.
51. *Майоров А.В.* Повесть о нашествии Батые в Ипатьевской летописи. Часть первая // *Rossica antiqua*. № 1 (5). СПб., 2012. С. 33–94.
52. *Майоров А.В.* Повесть о нашествии Батые в Ипатьевской летописи. Часть вторая // *Rossica antiqua*. № 2 (6). СПб., 2012. С. 43–113.
53. *Майоров А.В.* Монголо-татары в Галицко-Волынской Руси // Русин. № 4. Кишинев, 2012. С. 56–72.

54. *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и «принц Тартар» накануне нашествия Батыя на Южную Русь // Русин. № 1. Кишинев, 2013. С. 53–77.
55. *Майоров А.В.* Последний рубеж Западного похода Батыя и Карпато-Дунайские земли // Русин. № 2. Кишинев, 2013. С. 6–12.
56. *Майоров А.В.* «Двойные» известия Галицко-Волынской летописи // Русская литература. № 3. М., 2013. С. 87–99.
57. *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и тамплиеры // Русин. № 1. Кишинев, 2014. С. 36–51.
58. *Майоров А.В.* Монгольское завоевание Волыни и Галичины: спорные и нерешенные вопросы // Русин. № 1. Кишинев, 2015. С. 11–24.
59. *Майоров А.В.* Завоевание Батыем Южной Руси: К интерпретации одного известия Рашид ад-Дина // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 1. СПб., 2015. С. 169–181.
60. *Милютенко Н.И.* Новгородская I летопись младшего извода и общерусский летописный свод начала XV в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2009–2010. СПб., 2010. С. 162–222.
61. Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. Т. 25. М., 2004. 464 с.
62. *Мухаммед ан-Насави.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер. с араб. З.М. Буниятова. Баку, 1973. 450 с.
63. *Мыськов Е.П.* Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград, 2003. 174 с.
64. Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 10. М., 2000. iv + 244 с.
65. Новгородская 1-я летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000. xi + 589 с.
66. Новгородская 4-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. xx + 688 с.
67. Новгородская Карамзинская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 42. СПб., 2002. 224 с.
68. *Панова Т.Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М., 2004. 180 с.
69. *Пастернак Я.* Археологія України: Первісна, давня та середня історія України за археологічними джерелами. Торонто, 1961. 781 с.
70. *Пащито В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. 327 с.
71. *Пащито В.Т.* Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1955. 278 с.
72. *Пащито В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. 472 с.
73. Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1997.
74. *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996. 572 с.
75. *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М., СПб., 2007. 350 с.
76. *Прохоров Г.М.* Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 28. Л., 1974. С. 77–98.
77. Псковские летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 1. М., 2003. 7 + lxiv + 148 с.
78. Псковские летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 2. М., 2000. 364 с.
79. *Рапов О.М.* Русские города и монгольское нашествие // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1983. С. 77–89.
80. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2 / Пер. с персидского О.И. Смирновой; под ред. А.А. Семенова. М., Л., 1952.

81. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II / Пер. с персидского Ю.П. Верховского; под ред. И.П. Петрушевского. М., Л., 1960.
82. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III / Пер. А.К. Арендса. М., Л., 1946.
83. Рогожский летописец. Тверской сборник // Полное собрание русских летописей. Т. 15. М., 2000. 432 с. (разл. Паг.).
84. *Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2009. 244 с.
85. *Рудаков В.Н.* Древнерусские книжники о бегстве князей от татар // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1. М., 2012. С. 52–61.
86. *Серебрянский Н.И.* Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915. 295 + 186 + vi с.
87. Симеоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 18. М., 2007. 328 с.
88. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 3. М., 1990. 510 с.
89. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 17. М., 1991. 296 с.
90. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18. М., 1992. 288 с.
91. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. / Пер. и коммент. С.А. Козина. М., Л., 1941. 619 с.
92. Софийская 1-я летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. М., viii + 583 с.
93. *Ставиский В.И.* О двух датах штурма Киева в 1240 г. по русским летописям // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 43. Л., 1990. С. 282–290.
94. *Ставиский В.И.* «История монгалов» Плано Карпини и русские летописи // Древнейшие государства на территории СССР. 1990. М., 1991.
95. *Терський С.* Княже місто Володимир. Львів, 2010. 316 с.
96. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М., Л., 1941. 305 с.
97. *Толочко П.П.* Князівська і життєва драма Михайла Чернігівського // Святий князь Михайло Чернігівський та його доба. Матеріали церковно-історичної конференції / Відп. ред. В.П. Коваленко. Чернігів, 1996. 115 с.
98. *Томенчук Б.* Археологія городищ Галицької землі. Галицько-Буковинське Прикарпаття. Матеріали досліджень 1976–2006 рр. Івано-Франківськ, 2008. 696 с.
99. *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. 291 с.
100. *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита / Вступ. ст., пер. и комм. О.А. Акимовой. М., 1997. 319 с.
101. *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингиз-хана. М., 2004. 557 с.
102. *Храпачевский Р.П.* Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М., 2011. 260 с.
103. *Хрусталева Д.Г.* Русь: от нашествия до «ига». СПб., 2008. 380 с.
104. *Цинкаловський О.* Княжий город Володимир. Львів, 1935. 112 с.
105. *Цинкаловський О.* Матеріали до археології Володимирського повіту // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Т. 154. Львів, 1937. С. 183–240.
106. *Synkalowski A.* Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wołyńskiego. Warszawa, 1961. 269 s.
107. *Цинкаловський О.* Стара Волинь і Волинське Полісся. Т. I. Вінніпег, 1984. 601 с.
108. *Черепанов С.К.* К вопросу о южном источнике Софийской I и Новгородской IV летописей // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1976. С. 279–283.
109. *Шахматов А.А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков.
110. *Школяр С.А.* Военный трактат «У цзин цзуньяо» как источник по истории китайской доогнестрельной артиллерии // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии: проблемы истории и экономики / Отв. ред. И.С. Казакевич. М., 1969. С. 115–127.
111. *Школяр С.А.* Китайская доогнестрельная артиллерия: Материалы и исследования. М., 1980. 404 с.

112. *Юрченко А.Г.* Князь Михаил Черниговский и Бату-хан (К вопросу о времени создания агиографической легенды) // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность.* СПб., 1997. С. 123–127.
113. *Якубовский А.Ю.* Образование Монгольского государства // *Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв.: В 2-х ч. Ч. I* / Отв. ред. Б.Д. Греков. М., 1953. С. 797–803.
114. *Ala' al-Din 'Ata-Malik Juvaini.* Tarikh-i-Jahan Gusha. Vol. I / Ed. M.M. Qazwini; Eng. transl. J.A. Boyle. Manchester, 1958. 386 p.
115. *Annales monasterii de Waverleia* / Ed. H.R. Luard // *Annales monastici.* Vol. II. London, 1865 (Rerum Britannicarum medii aevi scriptores. T. XXXVI. Vol. 2). 414 + 18 p.
116. *Bezzola G.A.* Die Mongolen in abendländischer Sicht, 1220–1270: ein Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen. Bern, München, 1975. 271 s.
117. *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna. Kraków, 2012. 544 s.
118. *Dąbrowski D.* Genealogia Mściśławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początków XIV wieku). Kraków, 2008. 816 s.
119. *Dimnik M.* The Siege of Chernigov in 1235 // *Mediaeval Studies.* Vol. 41. Toronto, 1979. P. 387–403.
120. *Dimnik M.* The Dynasty of Chernigov, 1146–1246. Cambridge, 2003. 424 p.
121. *Erben C.Ja.* Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. Pars I: 600–1253. Praegae, 1855. 812 p.
122. *Giessauf J.* Barbaren – Monster – Gottesgeißeln: Steppennomaden im europäischen Spiegel der Spätantike und des Mittelalters. Graz, 2006. 226 s.
123. *Gombocz Z.* A magyar őshaza és a nemzeti hagyomány (II.) [The Hungarian Urheimat and the national traditions] // *Nyelvtudományi Közlemények.* K. XLVI. F. 1. Budapest, 1923. O. 168–193.
124. *Joannis Długossii ... Historiae Polonicae.* T. II / Ed. A. Przewdziecki. Cracoviae, 1873 (Joannis Długosz Senioris. Opera omnia. T. XI). 546 p.
125. *Klopprogge A.* Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert: ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters. Wiesbaden, 1993. 277 s.
126. *Matthaei Parisiensis Chronica Majora.* T. VI / Ed. H.R. Luard. London, 1882 (Rerum Britannicarum medii aevi scriptores. T. LVII. Vol. 6). 688 p.
127. *Minorsky V.* The Turks, Iran and the Caucasus in the Middle Ages. London, 1978. 368 p.
128. *Palacký Fr.* Der Mongolen-Einfall im J. 1241: Eine kritische Zusammenstellung und Sichtung aller darüber vorhandenen Quellennachrichten... Prag, 1842. 40 s.
129. *Rogerijs.* Carmen Miserabile super distructione regni Hungariae // *Scriptores Regum Hungaricarum.* Vol. II / Ed. E. Szentpetery. Budapestini, 1938. P. 543–588.
130. *Szabó J.* A tatárjárás. A mongol hódítás és Magyarország. Budapest, 2007. 191 o.

§ 4. Завоевательный поход в Центральную Европу: военная сила и тайная дипломатия

Александр Майоров

Изучение истории завоевательного похода монголов в Центральную Европу обычно сводится к реконструкции боевых действий – выяснению стратегических планов и военной тактики, численности и маршрутов передвижения войск, хода и результатов важнейших сражений. Между тем у любой войны есть, так сказать, обратная сторона, остающаяся как бы в тени ярких событий, разворачивающихся непосредственно на театре боевых действий, однако во многом определяющая их ход. Речь

идет о дипломатической подготовке войны, которой монголы, как известно, всегда уделяли особое внимание. Заключаемые ими политические союзы и договоренности определяли соотношение сил и в значительной мере влияли на исход военных кампаний. Подобная деятельность чаще всего оставалась тайной для большинства современников, и поэтому результаты ее видны, главным образом, по косвенным признакам, требующим специального анализа.

Монгольское нашествие и соперничество императора с папой.

Захватнические планы монголов.

Первым неоспоримым свидетельством завоевательных планов монголов в отношении Западной Европы, по-видимому, стало послание монгольского хана к венгерскому королю, доставленное в начале 1238 г. венгерским миссионером, доминиканцем Юлианом, дважды побывавшим на Волге в поисках прародины венгров. Во время второго путешествия, совершенного летом – осенью 1237 г., Юлиан видел в Суздале послов, отправленных монгольским ханом непосредственно к венгерскому королю Беле IV. Этим послов владими́ро-суздальский князь Юрий Всеволодович по каким-то причинам задержал у себя, а бывшее при них письмо хана к королю Венгрии передал Юлиану [см.: 20; 81, с. 589–602; 52]. Угрожая неминуемым нападением, монгольский хан грубо требовал добровольного признания своей верховной власти от венгерского короля [1, с. 88–89].

Кроме того, со слов владими́ро-суздальского князя и других информаторов Юлиан узнал, что конечной целью монгольских завоеваний на западе был Рим, путь к которому лежал через Венгрию: «Многие передают за верное, и князь суздальский передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего» [1, с. 88].

О надвигающейся угрозе римскую курию незамедлительно известил и сам Бела IV. Отчет о путешествии монаха Юлиана, включавший текст монгольского ультиматума, был отослан дяде венгерского короля Бертольдусу Андексскому, патриарху Аквилеи, для дальнейшей переправки папе [81, с. 600–601].

В первоначальные планы монголов, очевидно, входило также завоевание германских земель, через которые должен был пролегать их путь в Рим. Одновременно с папой некое послание от монгольского хана получил германский император Фридрих II. Текст документа не сохранился. Единственным свидетельством о нем служит сообщение Хроники цистерцианского монаха Альбрика из аббатства Трех Источников в Шампани (ум. ок. 1252).

Под 1238 г. в Хронике читаем: «Король Татарский написал императору Фридриху, повелевая ему, что, если он подчинится татарскому королю, то сможет выбрать для себя любое занятие при его дворе и получит от него земли. На это император ответил, что неплохо разбирается в птицах и мог бы стать ему (хану. – *Авт.*) хорошим сокольничим» [10, с. 943]. Достоверность этого сообщения иногда ставится под сомнение [49, с. 61]. Однако сомнения вызывает не сам факт ханского ультиматума или его содержание, а чересчур экстравагантный ответ на него императора.

Так или иначе, к ханскому ультиматуму с угрозами в адрес императора французский хронист относился столь же серьезно, как и к сведениям о готовящемся нападении татар на Венгрию. Годом ранее в своей хронике Альбрик поместил сообщение о появлении слухов, будто татары намерены в ближайшем будущем захватить Венгерское королевство [10, с. 942].

После разгрома монголами войск венгерского короля в битве на реке Шайо (11 апреля 1241 г.) вновь зазвучали тревожные голоса о том, что в дальнейшие планы захватчиков входит подчинение Германии и всего христианского мира.

Из письма папы Григория IX аббату монастыря Хайлигенкройц под Веной от 19 июня 1241 г. следует, что понтифик получил множество сигналов на этот счет: «мы узнаем из писем знатных мужей герцогов [...] Австрии и [...] Каринтии, что татары, после уже подвергшегося нападению и в значительной степени завоеванного ими Венгерского королевства, не разбирая пола и возраста, опьяняя свои мечи кровью всех, кого могут схватить, желают напасть на Чешское и Германское королевства, обратить в пустыню всю христианскую землю и погубить нашу веру» [33, с. 722–723].

Эти намерения завоевателей подтверждает император Фридрих II в своей энциклике против татар, датированной 20 июня 1241 г., сохранившейся во множестве списков: «Как мы твердо уверены, мать нашей религии и веры, святую Римскую церковь, татары желают осквернить, а столицу и главный город нашей империи по праву господства или, лучше [сказать], насилия – захватить» [67, с. 322–325].

В июле 1241 г., когда венгерские земли к северу от Дуная уже были под властью захватчиков, о их дальнейших планах венгерский король Бела IV информировал германского короля Конрада IV: «...как мы точно знаем, они (татары – *Авт.*) планируют с приходом зимы врасплох захватить Германию и, как только там будет подавлено всякое сопротивление, завоевать все прочие королевства и провинции» [30, с. 348]. Этот документ также сохранился в нескольких копиях [30, с. 347], что позволяет говорить о важном значении, придаваемом содержащимся в нем сведениям.

Бездействие императора.

Несмотря на многочисленные известия об ужасах монгольских завоеваний на востоке, их победах над половцами, захвате Киева и других русских городов; в Европе, по видимому, недооценили истинную силу монголов, а также решимость захватчиков идти дальше на Запад. Вплоть до разгрома монголами войск Бела IV в битве на Шайо и выхода врагов к берегам Дуная император и папа, надо думать, полагали, что с агрессорами венгры смогут справиться самостоятельно, или монголам понадобится затратить слишком много времени и сил для завоевания Венгерского королевства – крупнейшего и сильнейшего из государств Центральной Европы.

Отзвук подобных настроений отчетливо слышен в словах императора Фридриха II, объяснявшего свое долгое бездействие в отношении агрессоров упованиями на «большое число отважных государей и их людей, которые тогда противились оружию и ярости пришедших татар». В этом же документе – энциклике против татар – император признается, что «из-за большого расстояния у нас была уверенность, и мы были убеждены, что татары не смогут застичь нас врасплох» [67, с. 323].

Судя по всему, только спустя месяц после поражения в битве на Шайо венгерский король непосредственно обратился к императору с призывом о военной помощи. 18 мая 1241 г. из Загреба Бела IV направил в Италию своего посла, вацкого епископа Стефана, с письмами к императору и папе. Вероятно, тогда же Бела обратился за помощью и к французскому королю Людовику IX, о чем можно заключить из позднейшей дипломатической переписки [26, с. 220 sq.]. В письме к папе венгерский король писал: «Просим мы и умоляем, пусть прозорливость Вашего Святейшества ради помощи христианскому народу даст нам и Венгерскому королевству совет и явит спасительную помощь» [90, с. 182, nr. 335].

Оригинал послания Бела IV к Фридриху II не сохранился, но его содержание коротко изложено в Хронике Риккардо из Сан-Джермано (ум. ок. 1243), придворного нотариуса Фридриха II: «В этом же месяце (июнь 1241 г. – *Авт.*) до императора дошел слух о татарах, что они, разбив венгерского короля, стоят уже у ворот Германии, о чем императору рассказал сам венгерский король через своего посланника, вацкого епископа, и в своих письмах, в которых он обещал подчиниться власти императора сам и подчинить Венгерское королевство, если только император оградит его от тех татар щитом

своего покровительства» [76, с. 380]. Эти сведения подтверждаются сообщением Анналов кельнского монастыря Св. Пантелеймона (известны также как Большие Кельнские анналы или Кельнская королевская хроника): венгерский король «через вацкого епископа испросил у императора помощи, обещая вечное подданство, если тот сможет вернуть ему королевство» [13, с. 535].

Призыв венгерского короля совпал с подготовкой крестового похода против татар в немецких землях, которую возглавил сын Фридриха II, германский король Конрад IV. В мае 1241 г. он призвал своих подданных «принять крест» против татар и к 1 июля собраться в Нюрнберге [67, с. 445–446]. Тогда же в королевской курии были составлены так называемые «Военные наставления» (*Praecepta bellica*) против татар, известные по рукописи XIII в. [67, с. 445]. 16 июня последовала серия папских булл с призывами о помощи венгерскому королю, в том числе обращение в адрес всех церковных прелатов и клириков [90, с. 184, nr. 339].

Свою энциклику против татар император Фридрих II издал только 20 июня 1241 г. [67, с. 322–325]. Примерно второй половиной июня датируется ответное послание Фридриха королю Беле IV, сохранившееся в поздней копии, не имеющей даты. Ссылаясь на свою занятость неотложными делами в Италии, император призывал венгерского короля подождать, пока он вместе со своим сыном Конрадом не придет на помощь венграм с большим имперским войском [42, с. 1143–1146].

Не вызывает сомнения то, что по первоначальному замыслу императора Венгрия должна была остановить татар исключительно собственными силами без какой-либо военной помощи Запада. В приведенном в «Великой хронике» английского монаха-бенедиктинца Матфея Парижского († после 1259) письме к английскому королю Генриху III и другим христианским государям от 3 июля 1241 г. Фридрих всю вину за поражение венгров возлагал на короля Бела: «Их король, ленивый и чрезвычайно беспечный [...] не подал примера ни своим, ни чужим в том, чтобы со своими подданными начать тщательнейшим образом готовиться к обороне и защите от набегов [татар]» [65, с. 113].

Из этого же письма следует, что императору заранее было известно о многочисленных угрозах монголов в адрес Бела: «...тартары требовали через вестников и послов, чтобы он (венгерский король – *Авт.*), если жаждет жизни для себя и своих [подданных], поспешил снискать их расположение передачей [в их руки] себя и своего королевства» [65, с. 113]. Следовательно, венгерский король неоднократно обращался к верховному сюзерену Европы с известиями о монгольских военных планах и, несомненно, с просьбами о помощи.

О реакции на подобные обращения Фридриха можно судить по свидетельству Альбрика из «Трех Источников». Император долгое время не воспринимал монгольскую угрозу всерьез и уже в разгар вражеского нашествия на Европу признавался, что, несмотря на многочисленные и частые предупреждения, он до последнего не верил в реальность монгольского вторжения [10, с. 943; см. также: 42, с. 1139–1140]. В энциклике против татар Фридрих прямо писал: «Хотя уже давно мы слышали о них (татарах. – *Авт.*), но, несмотря ни на что, боялись верить услышанному и предпочитали не верить» [67, с. 322–325].

Противостояние императора и папы.

Помимо общей недооценки масштабов монгольской опасности существовала и другая причина, по которой венгерский король не мог рассчитывать на получение реальной военной помощи против татар ни от императора, ни от папы.

В конце 1230 – начале 1240-х годов Григорий IX и Фридрих II были заняты борьбой друг с другом за политическую гегемонию в Северной Италии и в этой борьбе стремились использовать монгольский фактор. Условием объявления крестового похода

да в защиту Венгрии от татар папа ставил безусловный переход короля в лагерь своих сторонников и разрыв отношений с императором [57, с. 127; см. также: 39, с. 304].

20 марта 1239 г. Григорий IX в очередной раз отлучил Фридриха II от церкви, и это отлучение сохранялось уже до самой смерти последнего. 1 июля 1239 г. была издана папская энциклика, написанная, вероятно, кардиналом Райнером де Витербо, заклятым врагом Фридриха, в которой император назывался еретиком и «последним предтечей Антихриста». В ответ император и его сторонники начали контрпропаганду в Северной Италии, возвеличивая Фридриха как нового мессию [см.: 70, с. 49–57].

9 августа 1240 г. Григорий IX объявил о созыве на Пасху 1241 г. нового Вселенского собора Римской церкви, который должен был осудить императора. Оставляя без ответа тревожные известия о приближении татар, папа настойчиво призывал венгерского короля явиться на собор и обеспечить прибытие венгерских прелатов [90, нр. 329, 330]. В послании от 15 октября 1240 г. понтифик требовал от Белы игнорировать угрозы императора и лично присутствовать на соборе [90, нр. 331, 332]. Чтобы проинструктировать Белу и венгерских епископов о том, как им обойти преграды, устроенные императором на пути в Рим, в Венгрию прибыл папский капеллан Иоанн Чивилло [90, нр. 327]. За месяц до нападения татар Апостольский престол по-прежнему призывал Белу выступить против императора. В посланиях к венгерскому королю и эстергомскому архиепископу, отправленных 26 февраля 1241 г., Григорий IX вновь потребовал явиться в Рим на церковный собор, не допуская возражений или отсрочек [90, нр. 333; 33, с. 709].

Прибывающие со всей Европы участники церковного собора собирались у северных границ Италии, не имея возможности идти далее из-за противодействия императора. Доставить их из Ниццы в Рим морским путем в обход территорий, подконтрольных Фридриху, согласилась Генуя. Однако с помощью Пизы, соперника Генуи, императору удалось организовать морскую блокаду. В пятницу 3 мая 1241 г. между островами Монте-Кристо и Джильо Тосканского архипелага генуэзский флот потерпел сокрушительное поражение от флота союзников императора, возглавляемого его сыном Энцо, королем Сардинии и адмиралом Ансальдо де Мари. Из двадцати семи генуэзских кораблей только два смогли спастись бегством. В плен к Фридриху попали более ста римских прелатов (об этих событиях известно из многочисленных документов имперской канцелярии [см.: 42, с. 1108, 1120, 1124 sq., 1127, 1146]. О них сообщают также европейские хронисты середины XIII в. [см.: 64, с. 325; 76, с. 380; 11, с. 194–196; 15, с. 229 sq.]). Проведение церковного собора таким образом было сорвано.

Во второй половине июня 1241 г., получив известия о разгроме татарами венгерского короля, император Фридрих выступил с войсками к Риму под предлогом переговоров с папой об организации крестового похода против напавших на Европу варваров. Рим фактически был взят в осаду. В этой обстановке 22 августа 1241 г. папа умер (о противостоянии императора Фридриха II и папы Григория IX существует обширная литература, – из новейших работ см.: [88, с. 36–43; 47, с. 73–75, 178, 186–190]).

Тайная дипломатия императора Фридриха II.

Антиштауфеновская коалиция.

Обещанная императором Фридрихом и его сыном, германским королем Конрадом, военная помощь Венгрии, по-видимому, так и не поступила. Из дипломатической переписки и других имперских документов можно заключить, что к активным действиям против татар Фридрих II планировал приступить после урегулирования отношений с папой. Но и со смертью Григория IX дальше деклараций дело не пошло [см.: 42, с. 1141–1142, 1144–1146, 1152, 1166; 43, с. 5; 65, с. 116–117; см. также: 21, с. 78–81].

Правда, симпатизировавший императору Матфей Парижский под 1241 г. сообщает, что сыновья Фридриха, Конрад и Энцо, «с собраным со всех концов империи бесчисленным войском» разбили татар и куманов в жесточайшей битве где-то недалеко от

Дуная [65, с. 131]. Под 1244 г. Матфей и вовсе утверждает, что Венгерское королевство было освобождено от татар войсками Фридриха: «Отправив бесчисленное войско, император не без великих расходов и опасностей освободил это королевство от бесчеловечных татар, а их самих решительно и благоразумно прогнал далеко от границ Венгрии» [65, с. 298].

Исследователи, однако, оценивают эти известия как недостоверные или слишком преувеличенные. Такая же тенденция характерна и для свидетельств некоторых источников о победах над монголами баварского и австрийского герцогов [см.: 75, с. 100–105; 40, с. 153–164]. Из письма к венгерскому королю нового папы Иннокентия IV, датированного 21 августа 1245 г., следует, что никакой военной помощи против татар со стороны императора Бела не получил, и на этом основании папа освобождал его от принесенной ранее клятвы верности Фридриху [90, с. 199–200, nr. 369].

Против версии об имперской военной помощи в освобождении Венгрии от татар свидетельствуют известные нам факты личных отношений Бела IV с Фридрихом II. Сразу после вступления на престол (осень 1235 г.) Бела отказался выплачивать императору ежегодный налог (*трибут*) в пять тысяч марок серебром, на который согласился прежний венгерский король Андрей II. Прибывшие за деньгами послы императора стали свидетелями грандиозного скандала в королевском семействе: мачеха Бела, вдовствующая королева Беатрис, переодевшись мальчиком-конюхом, бежала из дворца со своим любовником, но была опознана встретившими ее послами императора, после чего о случившемся стало известно всей Европе [10, с. 939; см. также: 57, с. 122].

По свидетельству Рогерия Апулийского, примерно в это же время сторонники Бела перехватили письма венгерских баронов к австрийскому герцогу Фридриху Воинственному и императору Фридриху II с предложением принять под свою власть Венгерское королевство [74, с. 547].

В противостоянии с императором Бела IV опирался на поддержку Рима. В конце 1230-х годов усилиями Апостольского престола была образована антиштауфеновская коалиция европейских государей, чему активно способствовал специальный посланник папы Григория IX, архидиакон Альберт фон Бехайм (ум. ок. 1260).

Уроженец Богемии (по одной из версий), Бехайм был каноником в Пассау и архидиаконом в Лорше, затем несколько десятилетий провел при папском дворе, а в 1246–1260 гг. занимал должность декана соборного капитула в Пассау (Бавария). Авторству Бехайма приписывается большое число исторических, богословских и публицистических произведений. Согласно Иоганну Энгльбергеру, дошедшие до нас многочисленные разрозненные фрагменты ранее составляли единый законченный труд – «Описание народов и различных стран Европы» (*Descriptio gentium et diversarum nationum Europe*) [см.: 31, с. 26–49; 32].

Благодаря решительным действиям Бехайма, на сторону папы перешли баварский герцог Оттон II и чешский король Вацлав I. Вскоре к ним присоединились также Бела IV и польский князь Генрих II Благочестивый [см.: 71, nr. 11322–11323; см. также: 51, с. 57–58].

Чтобы ослабить позиции Штауфенов в Германии, Рим отказался признать законным правителем германского короля Конрада IV (13-летнего сына Фридриха II) и потребовал проведения новых выборов. Несогласные с этим подверглись суровым гонениям: по инициативе Бехайма в 1240 г. были отлучены от церкви зальцбургский архиепископ Эберхард II, епископ Пассау Рюдигер фон Бергхейм и ряд других сторонников императора из числа немецкого духовенства. От Фридриха II фон Парсберга, князя-епископа Айхштета, ревностный папский эмиссар потребовал наложить интердикт (запрет на отправление всех церковных служб) на жителей Нюрнберга, Вайсенбурга и

Грединга за то, что они предоставили вспомогательные войска императору для ведения военных действий в Северной Италии [см.: 19, с. 108 sq.].

К исходу 1240 г. на сторону папы стали склоняться наиболее могущественные князья церкви в Германии, обладавшие правами курфюрстов, – кельнский архиепископ Конрад I фон Гохштаден (которого в 1238 г. Фридрих II, рассчитывая на его лояльность, сделал имперским князем со светскими правами) и майнцский архиепископ Зигфрид III фон Эппштейн (назначенный императором регентом малолетнего короля Конрада). Только надвигающаяся опасность татарского нашествия сдерживала этих прелатов [см.: 35, с. 1867].

Добиваясь расположения Белы IV, Бехайм предлагал учитывать его голос при новых выборах короля в Германии, хотя венгерский король не обладал правами курфюрста [см.: 9, с. 28]. Когда подготовительная работа была закончена, Бехайм в марте 1241 г. просил папу прислать нового легата морским путем в Венгрию, где его должны были встретить Оттон Баварский и Генрих Благочестивый, чтобы проводить затем в Германию для проведения выборов [9, с. 27; см. также: 68, с. 713].

Контакты Фридриха II с монголами.

В этой сложной для себя обстановке борьбы с папой римским император Фридрих II, по-видимому, установил какие-то контакты с монголами и сделал попытку прибегнуть к их помощи в борьбе против папы и его сторонниками.

Во всяком случае, подобные подозрения в адрес императора были высказаны многими современниками монгольского нашествия на Европу. Главным разоблачителем выступал архидиакон Альберт фон Бехайм, прямо обвинивший Фридриха в сговоре с монголами и в подстрекательстве напасть на Европу на том основании, что императорских послов видели во вражеском лагере накануне вторжения.

Часть бумаг Бехайма известна ныне по выпискам баварского придворного историографа Иоганна Георга Турмайра, известного также как Иоанн Авентинский (Aventinus) (1477–1534), хранящимся в Баварской государственной библиотеке. Среди них – копия послания к феррарскому епископу и другим прелатам, оригинал которого был датирован 27 марта 1241 г. В этом документе мы, в частности, читаем: «Из некоторых частей Германии сообщили, что послы Фридриха были замечены в армии тех варваров (татар – *Авт.*), которые уже готовы к вторжению» [9, с. 28].

Впрочем, сведения приведенного источника могут быть поставлены под сомнение в виду его крайней политической ангажированности. Однако упорные слухи о сговоре Фридриха с монголами неоднократно отмечают и более лояльные императору свидетели.

Это, прежде всего, касается известий Матфея Парижского, монаха Сент-Олбанского аббатства в Хартфордшире (Англия), чьи политические симпатии были целиком на стороне императора. Как отмечают практически все исследователи творчества этого хрониста, в своем стремлении прославить Фридриха и принизить его врагов, главными из которых были папы, Матфей не останавливался даже перед искажением фактов и часто пользовался недостоверными сведениями, в том числе, когда описывал события, связанные с нашествием монголов [см.: 77, с. 116–132; 75, с. 92–96; 40].

Тем не менее хронист не смог обойти дошедшие до него сведения о тайном сговоре императора с монголами, и представленные им свидетельства доныне остаются главным источником по данному вопросу.

Под 1241 г. в своей «Великой хронике» Матфей помещает специальную главу о «недобрых подозрениях» насчет Фридриха, которая является своеобразным откликом хрониста на приведенное им выше «Послание императора о нашествии татар» к английскому королю и другим христианским государям Европы, датированное 3 июля 1241 г. [см.: 65, с. 112–119].

Из слов хрониста следует, что наводнившие всю Европу слухи о сговоре императора с татарами подогревались явными несуразностями, содержащимися в упомянутом послании: «По всей Европе и даже в сарацинских землях распространились странные слухи, по поводу которых не было единого мнения. Появились люди, которые утверждали, что сам император намеренно использовал татар, этот бич народов, и что его многословное лукавое письмо служило не более, чем прикрытием самых зловещих и дерзких замыслов, в которых Фридрих мечтал о власти над всем миром и об уничтожении христианской веры, словно Люцифер или Антихрист» [65, с. 119].

Наибольшее негодование Матфея вызывали неверные сведения о происхождении татар, содержащиеся в письме Фридриха: «Ему ставили в вину, – продолжает Матфей, – одно место из письма, в котором была заключена ложь. Там было сказано, что татары, неизвестные до того никому, вышли из южных стран, находящихся в жарком поясе; но это, очевидно, вымысел, ибо мы никогда не слышали, чтобы татары проходили по южным или восточным странам» [65, с. 119–120].

Эта «ложь» Фридриха и невозможность получения достоверных сведений порождали новые подозрения: «Некоторые подозревали даже более страшные вещи, будто тайные действия татар не обходились без их договора с императором. Никто не мог понять их замыслов, так как они умеют держать в тайне свой язык и научились переменять вооружение. Если кто-нибудь из них (татар – *Авт.*) попадет в плен, то даже жесточайшими пытками нельзя добиться у него сведений об их планах и намерениях» [65, с. 120].

Анализируя последствия нашествия татар на Венгрию и другие страны Европы, Матфей находит новые доказательства сговора Фридриха со степняками: «...именно эти татары в союзе с куманами, приглашенные императором, напали на короля венгров и других правителей в империи с целью истощить их силы и заставить искать спасения у императора и присягнуть ему на верность, за что он окажет им помощь. И вправду, когда сказанное случилось, татары ушли» [65, с. 120].

И все же хронист, по-доброму расположенный к Фридриху, завершает свое расследование подозрений о его преступном сговоре с татарами сомнением: «Но я далек от мысли, чтобы это злодейство могло зародиться лишь в сердце одного человека» [65, с. 120].

Под 1247 г. Матфей Парижский еще раз обращается к теме отношений Фридриха II с татарами и сообщает о новых причинах заподозрить императора в сговоре с варварами. По словам хрониста, после низложения Фридриха Лионским собором (летом 1245 г.) «многие благоразумные мужи» всерьез опасались, как бы «огорченный и чрезмерно разгневанный император не отрекся от истинной веры, либо не призвал часом на помощь татар из Руси, или султана Вавилонии, с которым жил в дружбе» [65, с. 635].

Многократно описанные Матфеем слухи о сговоре с татарами императора, пытавшегося с их помощью подчинить своей власти строптивного венгерского короля, находят подтверждения в других источниках середины XIII в.

В частности, об этом свидетельствует Рихер из Сенона (ум. ок. 1266) – монах бенедиктинского аббатства Св. Петра в Сеноне (фр. *Senones*, нем. *Sens* (Вогезы, Лотарингия)). Много путешествовавший по Франции и Южной Германии, он посещал двор императора Фридриха II и был хорошо осведомлен о событиях политической жизни своего времени.

В своих «Деяниях Сенонской церкви» (*Gesta Senoniensis Ecclesiae*), в главе, посвященной нашествию татар на Венгрию, Рихер отмечает: «Некоторые говорили, что император Фридрих побуждал их (татар. – *Авт.*) напасть на Венгрию, потому что король Венгерского королевства, которое он получил от императора, не желал ему повиноваться; это впоследствии подтвердилось. Король Венгрии должен был подчиниться власти господина императора и получил [от него] Венгерское королевство» [73, с. 310].

Разумеется, известия о сговоре императора Фридриха с татарами требуют осторожного отношения в виду их возможной связи с массивной антиштауфеновской пропагандой Рима. Но вместе с тем, как справедливо отмечает П. Джексон, эти обвинения и в особенности сведения о том, что император направлял к монголам своих послов, не столь уж нелепы, как может показаться на первый взгляд. Достаточно вспомнить, что в предшествующее время христианские правители Европы неоднократно прибегали к услугам кочевников в достижении своих политических целей [49, с. 68].

Поражение противников императора.

Недостаток прямых свидетельств о тайных сношениях императора Фридриха II с монголами в известной мере может быть компенсирован косвенными данными, на наш взгляд, весьма красноречивыми.

Анализируя ход событий монгольского нашествия на страны Центральной Европы, Т. Ясиньский отметил важную для нас закономерность: «Не может быть случайностью, что весной 1241 г. главный удар монголов пришелся на сторонников папы, за исключением Баварии, которая только в виду своего географического расположения избежала судьбы Венгрии, Чехии (Моравии) и Польши» [51, с. 58].

Даже если исключить мысль о тайном сговоре монголов с Фридрихом, не может быть сомнений в том, что захватчики отлично ориентировались в расстановке политических сил в Европе и, так или иначе, приняли одну из сторон конфликта, атаковав только приверженцев папы Григория IX. В виду грандиозных масштабов военной операции в Центральной Европе трудно допустить, чтобы монголы полагались только на удачу и не установили контактов со своим потенциальным союзником Фридрихом. Последнее тем более вероятно, что военным предводителем похода был Субедей, постоянно прибегавший к помощи дипломатии [51, с. 58–59].

Действительно, если вспомнить о созданном усилиями Альберта фон Бехайма на рубеже 1230–1240-х годов антиштауфенском альянсе, состоявшем из правителей Баварии, Чехии, Венгрии и Польши, и сопоставить с этим фактом результаты монгольского нападения на Европу в 1241 г.; то можно констатировать, что удар захватчиков был нанесен исключительно по владениям противников императора Фридриха.

В Польше монгольский удар пришелся на владения силезского, великопольского и краковского князя Генриха II Благочестивого, а также бывшего под его опекой сандомирского князя Болеслава V Стыдливого. В январе 1241 г. монголы захватили Люблин и Завихост; 13 февраля пал Сандомир; 18 марта в битве у Хмельника (под Краковом) были разбиты войска краковского и сандомирского воевод; 28 марта пал Краков. Князь Болеслав Стыдливый бежал в Венгрию, а затем в Моравию [реконструкцию и хронологию событий см.: 59, с. 189–224; 56; 50; 25].

9 апреля 1241 г. близ города Легницы (Нижняя Силезия) войско Генриха Благочестивого, состоявшее из силезских, а также мало- и великопольских отрядов, к которым присоединились немецкие и моравские рыцари, было наголову разбито и почти полностью уничтожено примерно равным по численности монгольским корпусом под командованием царевича Орды; при этом сам князь Генрих попал в плен и был предан унижительной казни [см.: 91; 22; 62].

Войска чешского короля Вацлава I, шедшие на помощь Генриху Благочестивому, лишь на один день опоздали к началу битвы под Легницей. Во второй половине апреля 1241 г. монгольские войска обрушились на земли Моравии и в течение нескольких дней подвергли их жестокому опустошению. Уцелели только заранее укрепленные по королевскому приказу города и замки. Поспешность в действиях монголов на территории Моравии вероятнее всего объясняется приказом Батые срочно перебросить корпус Орды на соединение с основными силами монголов в Венгрии [см.: 58; 8].

Главный удар монгольских армий весной 1241 г. был нанесен по территории Венгерского королевства. Основное наступление началось, вероятно, накануне Пасхи (31 марта), хотя первые столкновения на восточных границах королевства произошли еще в конце 1240 г. В решающей битве на реке Шайо (11 апреля) монголы разбили и уничтожили войска Бела IV и его брата Коломана, после чего оккупировали всю территорию страны к северу от Дуная [см.: 86; 85].

Дальнейшие действия монголов на территории Венгерского королевства напоминают специальную операцию по поимке Бела: переправившись через Дунай зимой 1241/42 гг., они в начале марта уже достигли Адриатики, где методично разыскивали беглого короля по всему побережью, подступая то к одному городу, то к другому. Получив сведения, что Бела укрылся в крепости Клис (недалеко от Сплита), монголы предприняли несколько попыток штурма, но, убедившись, что короля там нет, сняли осаду и направились к островной крепости Трогир. Только непреодолимая для монгольской конницы водная преграда спасла Бела от плена [см.: 87, с. 142–143].

По некоторым, впрочем, весьма ненадежным сведениям, не удалось избежать столкновения с монголами и баварскому герцогу Оттону II. В *Анналах Тьюксберийского монастыря* (Глостершир, Англия) (рукопись XIII в.) под 1240 г. помещено сообщение: «Явился некий народ, называемый тартарами, сыны Измаиловы, вышедшие из пещер [числом] до 30 миллионов и более. Они опустошили все провинции, через которые пролегал их путь. Но герцог баварский многих убил и сбросил в реку» [12, с. 118].

Исследователи оценивают это сообщение как недостоверное [83, с. 135, 147; 82, с. 45; 49, с. 67]. Вместе с тем, о какой-то победе над монголами баварского герцога как будто намекает еще одно известие, читающееся в *Рифмованной хронике Филиппа Муске* (середина XIII в.): «С другой стороны герцог Баварский, // Он, его путь и его штандарт // Легко смутили их [татар]» [24, с. 681, vv. 30963–30965].

Узнав о связях Фридриха с монголами, бывшие сторонники папы поспешили нормализовать отношения с императором любой ценой. Уже в мае 1241 г. Бела IV, как мы видели, согласился признать суверенитет императора, а чешский король Вацлав I установил контакты с сыном Фридриха, Конрадом IV, сообщив о своей решимости бороться с татарами [27, с. 134–135, nr. 79]. Следом и старший сын погибшего под Легницей польского князя Генриха Благочестивого, Болеслав Лысый Рогатка выслал посольство к императору [51, с. 60].

Крестовый поход против монголов.

Мобилизация в германских землях.

В германских землях крестовый поход против монголов был начат еще до официального призыва папы Григория IX и санкции императора Фридриха II.

В апреле 1241 г. немецкие прелаты на местных церковных соборах приняли несколько декретов о подготовке похода, объявили внеурочные церковные посты и организовали публичные покаяния. Бежавшие от монголов из Венгрии и Польши монахи нищенствующих орденов активно включились в пропаганду похода и развернули массовый сбор пожертвований на его нужды [см.: 48, с. 6–10; 61, с. 59–60; 36, с. 262].

В *Анналах кельнского монастыря Св. Пантелеймона* читаем: «После этой битвы (битвы на реке Шайо – *Авт.*), а также после поражений в Польше и в Венгрии, бежали многие братья-проповедники и минориты, которые подняли со знаком креста против этих варваров почти всех германских священников и мирян [...] Животворящим крестом облачили себя также король, сын императора, архиепископ Кельнский и очень многие дворяне Германии. Немалый страх перед этим варварским народом охватил также отдаленные земли, не только Галлию, но и Бургундию с Испанией, где до этих событий даже имя татар никому не было известно» [13, с. 535].

Помимо кельнского архиепископа Конрада I фон Гохштадена важную роль в подготовке похода играл майнцкий архиепископ Зигфрид III фон Эппштейн, архиканцлер Священной империи и регент германского короля Конрада IV.

О массовой мобилизации добровольцев и сборе средств, развернувшихся по всей Германии и в особенности в Майнцском архиепископстве, сообщает Хроника епископов Вормских XIII в. (Вормские анналы): «Услышав это (известия о нападении татар – *Авт.*), господин Зигфрид, архиепископ Майнцкий, повелел христианам повсеместно соблюдать церковные посты, устраивать во всей Майнцской провинции публичные покаяния и процессии с выносом реликвий и молитвами против татар [...]. Он также приказал и определил проповедовать по всей провинции вышеупомянутый Крестовый поход. И с наибольшим усердием повсеместно было объявлено, что выступившие против татар получают отпущение всех своих грехов; а если кто-то пойти не сможет или не захочет, то пусть из своего имущества отдаст то, на что его вдохновит Господь, и это будет поделено между неимущими участниками похода. Почти все вызвались идти на татар, и отовсюду было собрано бесчисленное множество денег» [16, с. 46–47].

26 апреля 1241 г. о подготовке крестового похода против татар и сборе пожертвований на его нужды объявил констанцкий епископ Генрих, подчинявшийся власти майнцкого архиепископа [см.: 42, с. 1209–1213].

Тогда же король Конрад IV провозгласил в Германии «земский мир» (*Landfrieden*) – законодательный запрет использовать военную силу для решения частных конфликтов [см.: 42, с. 1207–1208]. Важную роль в мобилизации сил для похода против татар играли ландграф Тюрингии Генрих IV Распе [см.: 65, с. 110; 67, с. 78] и чешский король Вацлав I [см.: 23, с. 105–117].

В так называемом Указе короля Конрада IV (известном ныне только по первой публикации 1723 г.), адресованном имперским подданным, «находящимся в низовских землях» (вероятно, в нижнем течении Рейна), сообщается, что на совете в Эслингене, состоявшемся «в прошедший праздник Пятидесятницы» (19 мая 1241 г.), «мы приняли всепобеждающий знак креста» против татар, вне зависимости от воли римского папы, и «будем нести этот крест вплоть до праздника Блаженного Мартина» (11 ноября), а, если понадобится, – и далее. Участники совета выразили решимость «в октаву близящегося праздника Иоанна Крестителя (1 июля) благополучно собрать наши войска возле Нюрнберга, чтобы затем с ними и всеми верными Христу доблестно выступить против татарских псов» [67, с. 445–446].

Император Фридрих II, узнав о готовящемся походе, выразил свою полную поддержку этому начинанию. Как сообщают Анналы кельнского монастыря св. Пантелеймона: «Император написал магнатам Германии, что они должны оказать поддержку (крестовому походу. – *Авт.*), так как и он сам собирается оказать помощь христианскому народу против кровожадных варваров» [13, с. 535].

В ответ на просьбу о помощи венгерского короля Бела IV император велел ему присоединиться к войскам короля Конрада, обещая лично возглавить объединенные силы и одержать скорую победу над врагом: «...с небес нам будет дарована победа, которую мы привыкли одерживать над всеми своими врагами, и мы победим татарские полчища» [42, с. 1143–1146].

Ко времени написания этих строк (вторая половина июня 1241 г.) венгерский король, вероятно, уже вел какие-то переговоры с немецкими государями и успел поделиться с ними горьким опытом своих неудач. Обращаясь к Беле IV, Фридрих II писал: «мы поощряем твое и твоих людей стремление, ради противодействия нападению и вторжению наших общих врагов, обратиться к избранному королем Римским, возлюбленному сыну нашему Конраду, чтобы не позволить ему учинить с ними сражение на

открытой местности до тех пор, пока мы не явимся с большим войском для полной победы над ними» [42, с. 1145–1146].

Предупреждение венгерского короля насчет опасности сражения с татарами на открытой местности было учтено в так называемых «Военных предписаниях» (*Præcepta bellica*), составленных в курии германского короля, вероятно, вскоре после военного совета в Эслингене (известны по рукописи XIII в.). В первом пункте предписаний значится: «Пусть государи сами не ищут татар в поле, но защищают свои границы; ведь если им Божьим попущением случится потерпеть поражение, они уже не смогут своих воинов собрать воедино» [67, с. 445].

Возможно, предостережения Белы IV также стали причиной отсрочки начала похода и переноса намеченного в Эслингене дня выступления на более позднее время – с 1 на 25 июля. Об этом можно заключить из письма доминиканского и францисканского монахов (чьи имена обозначены инициалами R. и J.), которое приводит в своей Великой хронике Матфей Парижский. Здесь говорится, что император Фридрих и его сын король Конрад наметили общее выступление против татар «в приближающийся праздник святого Якова» (25 июля 1241 г.), собрав войска в Мерзебурге (Марбурге?). В это время Бела IV с большим войском уже готов был выступить им навстречу, о чем он уведомил также чешского короля Вацлава I, своего недавнего союзника по антиштауфеновской коалиции: «...король Венгрии написал королю Богемии, что он желает выступить навстречу, собрав людей и снарядив огромное войско» [66, с. 81–83].

Оборона границ империи на Дунае.

Одновременно шла подготовка к отражению возможной атаки монголов в других частях Священной империи, прежде всего на венгерско-австрийской границе.

Сохранявший лояльность императору Фридриху II и его сыну королю Конраду IV, австрийский герцог Фридрих II Бабенберг занимал весьма противоречивую позицию в отношении венгерского короля Белы IV и его борьбы с монголами.

Как следует из письма королю Конраду, датированного 13 июня 1241 г., первоначально австрийский герцог принял решение оказать помощь венграм в борьбе с татарами: силу татар «мы извели на личном опыте, когда сошлись с ними в Венгрии и вступили в сражение, а когда, потерпев поражение, мы оттуда ушли, это же извел король и все Венгерское королевство» [42, с. 1216–1218].

Очевидно, упомянутое в документе поражение войска австрийского герцога от татар произошло в самом начале завоевания ими Венгрии. Во всяком случае, это должно было произойти до решившей судьбу королевства битвы на Шайо, поскольку в известных ныне источниках нет свидетельств участия в ней австрийских войск.

Боевое столкновение австрийского герцога с татарами в Венгрии описывает Рогерий Апулийский. Однако из представленного им описания следует, что в планы Фридриха Бабенберга как будто вовсе и не входило воевать с татарами: «Точно неизвестно, но рассказывают, что австрийский герцог по просьбе короля пришел в Венгрию, но с небольшим количеством людей и, словно не зная о происходящем, невооруженный» [74, с. 566]. Где-то в окрестностях Пешта, согласно Рогерию, Фридрих даже обратил в бегство небольшой татарский отряд и в личном поединке одержал верх над двумя татарами. После этого австрийские войска, судя по всему, в боевых действиях не участвовали [74, с. 566].

Трудно сказать, какие цели преследовал австрийский герцог, согласившись оказать помощь королю Беле, и сколь велико было поражение австрийцев от татар, о котором герцог Фридрих впоследствии сообщал германскому королю. Но как бы то ни было, ясно, что в результате похода в Венгрию и имевших место там контактов с татарами изменилась позиция австрийского герцога в отношении венгерского короля: недавние союзники стали врагами. И когда потерпевший поражение в битве на Шайо Бела IV

согласился воспользоваться предложенным Фридрихом Бабенбергом убежищем в Австрии, последний вероломно захватил его в плен и освободил лишь после получения значительного выкупа, частью которого стала уступка трех приграничных венгерских комитатов [74, с. 574–575].

Участие австрийского герцога в боевых действиях против татар и гибель от его руки некоего татарского правителя – *канезия* (*canezii* – вероятно, от *князь*), – о которой рассказывает Рогерий, остались без серьезных последствий. Меры возмездия, если и были приняты со стороны татар, то вопреки обыкновению носили какой-то паллиативный характер. Во всяком случае, ничто не говорит о намерении татар подвергнуть разорению австрийские земли, сопоставимому с опустошением Венгрии, или преследовать герцога Фридриха, как они преследовали короля Белу.

Такой вывод можно сделать, прежде всего, исходя из известий австрийских и штирийских анналов, почти ничего не сообщающих о нападении татар на австрийские земли, ограничиваясь сведениями о жестоком разорении Венгрии. Лишь иногда в источниках отмечаются случаи появления татар на австрийском берегу Дуная.

Наиболее подробную информацию находим в Анналах Гарстенского монастыря (Верхняя Австрия, епископство Пассау): «Неведомый народ татарский учинил побоище в Венгерском королевстве, а также в прочих христианских странах, в Польше и в Нижней Славонии; другая его часть, неожиданно напав на Австрию, предала мечу многих христиан на берегу Дуная возле Нойбурга, без потерь и урона вернувшись к своим» [28, с. 597]. Еще более краток автор так называемого Второго продолжения анналов монастыря Хайлигенкройц: «часть их (татар – *Авт.*) войска, войдя в пределы Чехии и Австрии и многих там истребив, вернулась восвояси» [29, с. 640].

Австрийский герцог Фридрих II также упоминает о каком-то столкновении с татарами, произошедшем на австро-венгерской границе. В цитированном нами выше письме к королю Конраду он информирует о своих блестящих успехах в отражении захватчиков: «мы пишем обо всем, что свирепость вышеупомянутых татар внезапно и коварно учинила у границ нашей земли, у которых они медлили некоторое время, опасаясь нашего соседства; ибо при этом погибло несколько сотен человек, из которых триста или более были перебиты нашими людьми» [42, с. 1217].

В приведенном Матфеем Парижским послании некоего Ивона из Нарбонны архиепископу Бордо Гиральду описан один из эпизодов противостояния монголам, очевидцем которого был автор письма. Впрочем, до боевых действий дело тогда не дошло, так как захватчики не решились вступать в бой с объединенными силами европейских государей, собравшимися на австрийском берегу Дуная недалеко от Вены: «И когда лазутчики (татар – *Авт.*) увидели с вершины одного горного отрога герцога австрийского с королем Богемии, патриархом Аквилейским, герцогом Каринтии и, как говорят, маркграфом Баденским и с огромными силами соседних держав и уже построеными в боевой порядок, все это нечестивое войско тут же исчезло, и все эти всадники вернулись в несчастную Венгрию» [65, с. 272–273].

Одни исследователи принимают сведения о совместном выступлении против монголов австрийского герцога Фридриха II, чешского короля Вацлава I, патриарха Бертольда Аквилейского, каринтийского герцога Бернгарда II и баденского маркграфа Германа V как достоверные [83, с. 146, 190–191], другие ставят их под сомнение [49, с. 67]. Но как бы то ни было, можно констатировать, что до крупных боевых столкновений с монголами в Австрии дело не дошло: по каким-то причинам захватчики отказались от переправы через Дунай своих основных сил летом 1241 г.

Провал антитатарской компании.

Несмотря на масштабные военные приготовления и общий религиозный подъем участников крестового похода против татар, армия крестоносцев так и не вступила в

бой с захватчиками. Неожиданно она была распущена, по-видимому, даже не переступив пределов Священной империи.

В попытках объяснить причины столь странного поворота событий уже их современники, высказывая свое недоумение, строили самые разные предположения.

Для составителя анналов Гарстенского монастыря провал похода стал большим разочарованием. Такие же чувства должно было испытывать и большинство его рядовых участников, для которых, по мнению хрониста, не нашлось достойных вождей: «Также многие христианские князья и другие, исповедующие имя Иисуса Христа, были призваны проповедниками креста выступить против татар, причем дети и женщины не составляли исключения. Все единодушно обозначили себя крестом, однако у армии не нашлось вождей, поэтому она осталась дома; а татары, движимые собственной волей или влечением Господа, повернули назад» [28, с. 597].

Впрочем, у немецких хронистов находим другое объяснение. В монастырских хрониках, происходящих из Констанцского епископства – одного из важных центров подготовки похода, выражено мнение, что татары, узнав о готовящемся выступлении крестоносцев, обратились в бегство, и необходимость похода против них отпала сама собой. Так, в *Анналах бенедиктинского монастыря св. Трудперта в Шварцвальде* (вторая половина XIII в.) читаем: «Называемые татарами различные народы опустошили земли Паннонии, Семиградья и Моравии. По этой причине люди по всей Германии приняли крест. Узнав об этом, татары обратились в бегство» [14, с. 294]. Это известие почти дословно повторяется в *Больших анналах Цвизельского монастыря* (начало XVI в.) [17, с. 59].

Ходили также слухи о том, будто войска Фридриха II все же выступили против татар и даже нанесли им тяжелое поражение, тем самым отбросив их от пределов империи.

Наиболее подробно эту версию представляет *Матфей Парижский*. Английский хронист приводит историю победы над татарами объединенного войска королей Конрада и Энцо, сыновей Фридриха, одержанной на какой-то реке Дельфеос (Delpheos): «Господин император, исполняя свою волю и желание Господа, отправил своего сына Генриха (Энцо, король Сардинии – *Авт.*), который, как уже было сказано, победил прелатов и их князей, к его брату Конраду с бесчисленным войском, собранным со всех концов империи, готовому доблестно отразить нападение татар и команов, чтобы братья взаимно укрепили и утешили друг друга, обильнее напившись рыцарством. По повелению отца он (Энцо – *Авт.*) привел с собой четыре тысячи всадников и не меньший отряд пеших, которые, соединившись с теми, к кому они пришли на помощь, составили неисчислимое войско. И тогда смолкло бахвальство врагов и укротилось их высокомерие. Ибо после жесточайшей битвы на берегу реки Дельфеос, находящейся поблизости от Дуная, в которой многие пали с обеих сторон, вражеское войско, едва ли поддающееся какому-либо исчислению, в конце концов, самим Богом было отброшено» [65, с. 131].

В другом английском источнике – *Анналах Тьюксберийского монастыря* – под 1241 г. приведены сведения о некоей битве с татарами, имевшей более трагические последствия: «Генрих, сын императора Фридриха, был убит татарами, и великое избиение людей было в канун [дня] святых Космы и Дамиана (25 сентября)» [12, с. 118–119]. Очевидно, в этом известии сардинский король Генрих (Энцо) спутан с польским князем Генрихом Благочестивым, погибшим в битве с татарами 9 апреля 1241 г.

Примечательно, что слухи о победе над татарами войск императора получили распространение лишь на окраинах христианского мира, вдали от тех мест, где могли происходить реальные контакты с ними Фридриха или его сыновей. Отсюда – обилие неправдоподобных деталей и искажений действительности.

Смутные слухи о военных неудачах, которые татары потерпели в германских землях, достигли также Ближнего Востока и Армении. Сведения такого рода находим в одном из продолжений коптской *Истории патриархов Александрийских* – *Истории*

патриархов Египетской церкви (XIII в.), известном по рукописи Парижской Национальной библиотеки [см.: 44]. В «Истории Армении» Мхитара Айриванеци (вторая половина XIII в.) читаем: «Северный отряд (татар. – *Авт.*) отправляется верхними частями Каспийского моря, попирая многие страны, и переходит за реку Дунай. Против него выступает император алеманский и заставляет его отступить» [7, с. 414]. Такие же сведения встречаются и у других армянских авторов [см.: 2, с. 90].

Со временем из сведений подобного рода выросла история о гибели верховного предводителя монголов, хана Батыея, во время переправы через Дунай на венгерско-австрийской границе, получившая известность не только в Западной Европе, но и на Руси [см.: 5, с. 107–149].

Весьма вероятно, что слухи о мнимой победе над монголами войск императора, его сыновей или союзников распространял сам Фридрих II, чтобы тем самым прикрыть истинные причины своего уклонения от сопротивления агрессорам и отказа последних атаковать пределы Священной империи. Неправдоподобные истории военных побед над татарами со ссылками на несуществующие географические объекты (река Дельфес), могли получить распространение только на далеких от места событий землях, где подобные сведения трудно было проверить. Этим, по-видимому, объясняется отсутствие известий такого рода в немецких, австрийских и венгерских источниках.

В одной из австрийских хроник середины XIII в. – Анналах цистерцианского монастыря Хайлигенкройц (Нижняя Австрия, епископство Пассау) – находим еще одну версию отмены крестового похода против татар. Поход был прекращен по приказу императора Фридриха II по причине отказа от участия в нем венгерского короля Бела IV: «Но господин император запретил это сделать (начать поход – *Авт.*), так как король Венгрии не поддержал его и не прислал послов для переговоров» [29, с. 640–641].

На наш взгляд, известие о прекращении похода по приказу императора можно признать вполне вероятным. Однако приведенное хронистом объяснение причин принятого Фридрихом решения вызывает сомнения. Ему противоречат данные других источников о переговорах венгерского короля с императором и другими участниками похода о совместном выступлении против монголов. Верный своим обязательствам, Бела IV собрал уцелевшие венгерские войска и оставался в боевой готовности еще несколько месяцев после того, как подготовка к походу в Германию была прекращена. Убедившись в ненадежности обещаний императора, венгерский король вновь обратился за помощью к римскому папе.

По свидетельству Рогерия Апулийского, Бела IV, «не имея ниоткуда помощи, мешкал, оставаясь в Славонии (Хорватии)», и только когда татары перешли скованный льдом Дунай, «король обратился в бегство и затем, не желая оставаться в приморских замках, перебрался на острова» [74, с. 583–584]. Фома Сплитский уточняет, что венгерский король собирал силы против татар, находясь в Загребе: «В это время прибыл со всей своей семьей и задержался у Загреба вернувшийся из Австрии король Бела. И вокруг него собрались все те, кто смог избежать татарского меча, и они оставались там все лето в ожидании исхода событий» [87, с. 168].

Фома Сплитский датирует переход монголов через Дунай временем «по прошествии января», т.е. началом февраля 1242 г. [87, с. 172]. Эта дата подтверждается данными другого источника, согласно которому вплоть до конца января 1242 г. Бела IV все еще находился в Хорватии и по-прежнему готов был оказывать сопротивление захватчикам, рассчитывая на обещанную помощь христианских государей. В письме к римскому папе, отправленному из Чазмы (в 60 км к юго-востоку от Загреба) 19 января 1242 г., венгерский король в очередной раз просил не названного по имени понтифика (к тому времени еще не избранного) способствовать тому, чтобы «уже принявшие

крест государи католических королевств» встали на защиту переправ через Дунай в виду готовящегося вражеского наступления [42, с. 902–904].

Подобно средневековым хронистам, новейшие исследователи также остаются в недоумении относительно отмены крестового похода против татар в Германии. «Почему поход не получил продолжения, не ясно – пишет П. Джексон. – Но самое вероятное объяснение – пришли новости, что монголы отступили из Богемии и от немецких границ и теперь концентрируются в Венгрии» [49, с. 66]. Монголы не пошли через Дунай, и поэтому крестовый поход германского короля Конрада не состоялся, – считает К. Майер [61, с. 59–60]. Подобного взгляда придерживался в свое время и Б. Хоман, полагая, что германский король Конрад IV распустил свои отряды после того, как в июле 1241 г. ему доложили, что монголы остановили наступление на Дунае [45, с. 149].

Но разве приостановка дальнейшего наступления на Дунае и отход монгольских войск от немецких границ летом 1241 г. могли быть свидетельством отказа завоевателей от продолжения похода на Запад? Монгольские войска не были выведены из Подунавья, и их новые завоевания в Европе вскоре были продолжены. Пауза в военных действиях, вероятнее всего, объясняется тем, что монгольской армии нужна была летняя передышка для пополнения сил и подготовки переправы через многоводный Дунай, осуществить которую удобнее было по льду, дождавшись заморозков.

Между тем участники несостоявшегося крестового похода против татар в Германии вели себя так, как будто ими были получены твердые гарантии полного прекращения монгольского наступления. Такой вывод можно сделать из сообщений немецких источников о том, что предводители похода не только распустили свои войска, но и разделили между собой собранные на войну деньги: «Тем временем, – читаем в Вормских анналах, – пришли известия, что татары удалились в другие края. Тогда епископы и господа поделили между собой собранные деньги» [16, с. 47].

Этот поступок, как будто, вызывает неодобрение хрониста, но не по причине беспечности предводителей похода, недооценивающих возможность возобновления монгольской угрозы, а в виду их алчности, – только один из епископов поступил по справедливости, распорядившись вернуть деньги жертвователям: «Но вормский епископ, господин Ландольф, собранные в Вормсе и в этом епископстве деньги повелел вернуть» [16, с. 47].

Демарш Фридриха II.

Главная причина неудачи подготовленного в Германии Крестового похода против татар, как нам представляется, кроется в отношении к нему императора Фридриха II [см.: 6, с. 16–45].

К середине июня 1241 г. у императора, судя по всему, уже полностью сформировался свой план действий в отношении татарской угрозы, который не предусматривал военного выступления против агрессора.

Такой вывод можно сделать, прежде всего, исходя из содержания самого известного документа Фридриха – энциклики против татар от 20 июня 1241 г., сохранившейся во множестве различающихся между собой редакций и списков. Подлинность документа подтверждается наличием его в собрании писем Петра из Винеа (Пьетро делла Винья, Petrus de Vineis) (ок. 1190–1249), канцлера и секретаря (логофета) императора Фридриха, умершего в заточении по ложному обвинению. Начиная с 1270-х годов, во многих списках распространилось собрание его писем на латинском языке, в основном написанных от имени императора, впервые опубликованных Й.Р. Иселином в 1740 г. [см.: 69, с. 193–197].

Заботы о «спокойствии империи», – писал Фридрих II в энциклике против татар, – побуждают «с большим опасением относиться не столько к явным, сколько к возможным угрозам». Поэтому, несмотря на очевидную опасность татарского нашествия, «ра-

ди всеобщего блага» римский август вынужден предпочесть «будущим и предполагаемым убыткам» от неведомых варваров «уже существующие и известные угрозы». К такому Фридрих относит свой конфликт с папой Григорием IX и поддерживаемый понтификом «мятеж миланцев» [67, с. 322–323].

В послании к английскому королю Генриху III и другим христианским государям от 3 июля 1241 г., приведенном Матфеем Парижским, император Фридрих в еще более резком тоне всю вину за свое вынужденное бездействие в отношении татар возлагает на римского папу: «...поскольку собственная его воля была для него законом, и он не сдерживал безудержный поток [своей] речи и не считал нужным воздержаться от бесчисленных попыток к раздорам, то он к радости мятежников, тяжко злоумышляющих против чести и славы нашей, через своих легатов и нунциев приказал возгласить против меня, правой руки и защитника церкви, крестовый поход, который следовало бы начать против тирании татар [...] А так как наше самое неотложное дело – освободиться от внутренних врагов, то как отразить нам и варваров?» [65, с. 117–118].

Сообщив всем своим адресатам о призыве венгерского короля прийти на защиту Венгрии, Фридрих в ответ принимает решение повернуть войска в противоположную сторону и идти на Рим: «Делая частые переходы и постоянно думая о средствах достижения нашей победы, мы направились напрямик к Городу, где, если [в лице] верховного понтифика сын обретет отца, и у апостольского престола ради своей веры он получит совет, то он, как римский август, католический император и прославленный победитель мятежников не усомнится и нисколько не замедлит ради защиты христианской веры лично прийти и явить всю мощь своих войск» [67, с. 323–324].

Свое выступление против татар в защиту христиан Европы император обуславливает подчинением ему не только всех «мятежников», но и самого римского папы. «По этой причине, – сообщает Риккардо из Сан Джермано, – император, и сам боясь гибели христианства, поспешно направляется к Городу, чтобы договориться с Папой Григорием, и тогда же по этому поводу посылает ко всем государям Запада соответствующие письма [...], и в этих письмах воодушевляет и побуждает этих государей к защите христианской веры и помощи святой церкви» [76, с. 380–381].

Как видим, именно урегулирование отношений с понтификом на условиях императора, по замыслу последнего, должно было стать обязательной предпосылкой для его выступления в защиту веры и церкви во главе воинства, состоящего не только из подданных империи, но и всех христианских государей Европы, признавших в императоре главного своего защитника.

Подлинная суть намерений Фридриха была ясна уже его современникам. Даже симпатизировавший императору Матфей Парижский, как мы видели, должен был признать, что его письмо служило не более, чем прикрытием подлинных замыслов, в которых Фридрих мечтал не только о власти над всем миром, но и «об уничтожении христианской веры, словно Люцифер или Антихрист» [65, с. 119].

Призыв ко всем суверенным христианским правителям выступить против татар под предводительством императора Фридрих мотивирует тем, что по его повелению в империи уже начат крестовый поход против завоевателей: «Мы решительно повелели возлюбленному сыну нашему Конраду и другим знатным людям нашей империи всеми силами препятствовать мощному вторжению врагов-варваров. Также и Вашу светлость, во имя общего дела, творцом веры нашей христианской, господом нашим Иисусом Христом от всей души умоляем как можно скорее подготовить действенную помощь» [65, с. 118].

В то же самое время, обращаясь к своим подданным в Германии – «верным комитам, вольным, министериялам и всем прочим находящимся в Швабии людям», – Фридрих дает указание отложить выступление против татар до тех пор, пока он не преодолеет

сопротивление папы и не добьется перехода на свою сторону всех прочих государей: «И когда римский понтифик перестанет противиться всеобщему благополучию и не будет равнодушен к христианской вере, но вместе с нами и прочими государями, которых к этому мы побуждаем посредством своих писем и послов, ревностно присоединится к Божьему делу, тогда и вы, обдумав все средства и способы, которыми вместе с нами, если позволит Господь, сколь быстро, столь и успешно вы сможете противостоят этим опасностям, доблестно придете на помощь всем христианам и нам» [67, с. 325].

Подлинность этого документа также не вызывает сомнений. Текст императорской энциклики, адресованный жителям Швабии, в виде приписки обнаружен в составе пергаменного кодекса имперского аббатства Оттобойрен (Бавария), содержащего «*Distinctiones dictorum theologiarum sive summa Quot modis*» французского богослова и поэта Алана Лилльского (Alain de Lille, Alanus ab Insulis) (ок. 1116/17 – ок. 1202/1203); кодекс датируется 1241 г. [см.: 67, с. 322–323].

Таким образом, санкционировав подготовку крестового похода против татар и всячески призывая суверенных христианских правителей Европы встать под его знамена, император в итоге дал указание своим верным подданным в Германии уже готовым к выступлению отложить его до тех пор, пока он сам, добившись подчинения папы и других государей, не будет в состоянии возглавить объединенные силы. В действительности такой демарш императора мог означать только одно – срыв всей антитатарской компании и дискредитацию немецких прелатов как ее главных организаторов.

Монголы и Римская церковь.

Заговор архиепископов.

Историками уже было замечено, что неудача Крестового похода против татар странным образом совпадает с началом выступления против императора наиболее влиятельных немецких князей церкви – кельнского и майнцкого архиепископов, – прежде бывших союзниками Фридриха II и руководивших подготовкой антитатарской кампании. По мнению П. Джексона, именно начавшееся в сентябре 1241 г. восстание против императора и его сына короля Конрада IV, повергшее Германию в многолетнюю гражданскую войну, сделало невозможным объединение сил против татар, а собранные на борьбу с ними огромные денежные средства фактически были истрачены на финансирование оппозиции Штауфенам [49, с. 66]. Принимая эту точку зрения, другой новейший исследователь констатирует, что крах крестового похода 1241 г. был вызван выступлением против императора кельнского и майнцкого архиепископов, что не позволило Конраду IV двинуть собранные против татар войска за пределы Германии [36, с. 262].

Инициатором нового антиштауфеновского выступления, по-видимому, стал майнцкий архиепископ Зигфрид III фон Эппштейн (1230–1249). Ставший преемником своего дяди, архиепископа Зигфрида II, и будучи племянником (по матери) трирского архиепископа Теодориха II фон Вида (1212–1242), Зигфрид III много лет пользовался особым расположением императора и был важнейшей опорой его политики в Германии. Он выступил на стороне Фридриха II в конфликте с его сыном, германским королем Генрихом VII, и участвовал в свержении последнего на Майнцском рейхстаге 1235 г. После коронации в Вене в 1237 г. малолетнего Конрада IV майнцкий архиепископ был назначен имперским регентом (*Reichsverweser*) при нем [79, с. 260–262].

Таким образом, Зигфрид III стал главным представителем императора к северу от Альп и располагал его безграничным доверием. И даже после отлучения Фридриха II от церкви папой Григорием IX (1239 г.) Зигфрид III оставался верен императору, так и не поддержав созданную Римом антиштауфеновскую коалицию, несмотря на все усилия папского эмиссара Альберта фон Бехайма. Вместо этого, как мы видели, майнцкий архиепископ принял самое активное участие в подготовке крестового похода против татар, объявленного Конрадом IV и поддержанного императором.

После нашествия монголов, когда перевес сил полностью оказался на стороне Штауфенов, и все их недавние противники во главе с чешским королем Вацлавом I и баварским герцогом Оттоном II перешли на сторону императора, а осажденный им в Риме папа Григорий IX скончался, внезапно возникла новая оппозиция, во главе которой встали, казалось бы, самые надежные сторонники Фридриха II в Германии.

В архиве кельнских архиепископов сохранилась грамота майнцкого архиепископа, датированная 10 сентября 1241 г. Из документа следует, что между кельнским и майнцким архиепископами был заключен договор, скрепленный присягой, согласно которому стороны взаимно обязались выступить против императора в защиту папы и апостольского престола [71, с. 1681, nr. 11367]. Очевидно, существовала и аналогичная по содержанию присяжная грамота кельнского архиепископа, не сохранившаяся до нашего времени.

В документе сказано: «Мы, Зигфрид, божией милостью архиепископ Майнцкий, архи-канцлер Священной Германской империи, настоящим письменно подтверждаем, что с достопочтенным господином Конрадом, министром Кельнской церкви, нашим возлюбленным кузеном, в деле, которое в настоящее время происходит между святейшим отцом и господином верховным понтификом Григорием, и апостольским престолом, с одной стороны, и господином императором Фридрихом, с другой стороны, будем твердо поддерживать друг друга советом, словом и делом, никогда не оставим друг друга в случае любой опасности, наше дело мы начнем вместе и так же будем его продолжать, и прекратить это дело можно будет только вместе, по решению общего совета» [89, с. 131–132, nr. 257].

Выступление майнцкого и кельнского архиепископов против императора современные исследователи оценивают как важнейший и даже поворотный пункт в истории Германии середины XIII в., существенно изменивший расстановку политических сил и ослабивший позиции Штауфенов [см.: 46, с. 118; 60, с. 113].

Из текста присяжной грамоты 10 сентября 1241 г. невозможно узнать о причинах, побудивших немецких прелатов выступить против императора. Некоторые дополнительные сведения сообщают Анналы кельнского монастыря Св. Пантелеймона: «В этом же году (1241 – *Авт.*) кельнский и майнцкий архиепископы, утвердившись в своих убеждениях, встали на путь открытого сопротивления императору и его сторонникам и ввели войско в одну из прирейнских областей, называемую Ведераве (в районе реки Веттер, севернее Франкфурта-на-Майне – *Авт.*) на реке Могус (Майн – *Авт.*), где разорили и предали огню очень много зажиточных поселений. Они также обвинили императора в тяжком, умышленно совершенном преступлении и объявили, что за него он должен быть предан анафеме. Они даже привели для этого основания. Некоторые же не придавали им такого большого значения, какое они имели на самом деле, поскольку в то время, когда римский престол остался вакантным, а император чинил препятствия для избрания Папы, они, как верные и сильные сыны были полны сострадания к своей матери – несчастной римской церкви. Поэтому они по праву обязаны были выступить и, несмотря на опасность схватки с императором, отомстить за нанесенный церкви ущерб» [13, с. 536].

Новейшие исследователи полагают, что официально названная причина выступления против Фридриха II – защита церкви от его преступных посягательств – не может считаться достаточно основательной. За ней должны были скрываться другие причины. Это, прежде всего, – стремление майнцкого и кельнского архиепископов увеличить подвластную территорию за счет имперских владений, а также осуществить территориальные претензии к баварскому герцогу Оттону II и ландграфу Тюрингии Генриху IV Распе, принявшим сторону императора и получившим его поддержку, – в 1242 г. Генрих Распе был назначен новым имперским регентом германского короля вместо мя-

тежного майнцкого архиепископа. Для последнего смерть папы стала удобным поводом перейти в другой политический лагерь, так как она освобождала его от всех прежних обязательств [см.: 84, с. 513–514; 92, с. 194–195; см. также: 34, с. 9–10].

Мы, разумеется, не исключаем того, что в действиях немецких прелатов мог быть собственный политический расчет и стремление к материальным выгодам. Однако из текста присяжной грамоты от 10 сентября 1241 г. явствует, что свой договор против императора майнцкий и кельнский архиепископы заключили еще при жизни папы Григория IX, осознавая возможные опасности, которым они себя подвергают, бросая вызов императору.

Смерть папы, напротив, существенно ослабила положение заговорщиков. В 1242 г. сторонники Фридриха II перешли в наступление: кельнский архиепископ Конрад I был взят в плен графом Вильгельмом фон Юлихом, боевые действия развернулись на территории Майнцкого архиепископства; на сторону императора и германского короля перешли прирейнские города, прежде всего Вормс, предоставивший императору значительные военные силы в обмен на новые привилегии [см.: 54, с. 97–104].

Как нам представляется, причину антиштауфеновского выступления кельнского и майнцкого архиепископов следует искать прежде всего там, где ее указывают средневековые источники. Возможно сам папа, осажденный в Риме войсками императора, незадолго перед смертью успел обратиться к немецким прелатам с просьбой о военной помощи, обвинив Фридриха II в каком-то «тяжком, умышлено совершенном преступлении».

Об этих обвинениях, надо думать, было известно не только в Германии. Обвинения в тяжком преступлении против церкви и всего христианского мира, совершенного императором в период нашествия татар, звучат в словах еще одного современника событий – французского историка и поэта из города Турнэ, Филиппа Мускэ. В своей Рифмованной хронике, доведенной до 1242 г., рассказывая о приходе татар, он пишет: «И весь мир обратился вспять после того, как сам император Фредерик с помощью их (татар – *Авт.*) совершил то, что обесчестило христианский мир» [24, с. 681, vv. 30967–30970].

Важно заметить, что вооруженное выступление против Фридриха II для немецких прелатов стало более актуальным делом, чем предотвращение нападения татар и осуществление крестового похода, в подготовке которого они играли самую активную роль. Это обстоятельство наводит на мысль, что возникновение новой антиштауфеновской коалиции должно быть обусловлено изменением политической ситуации, связанной с угрозой монгольского нападения на Германию.

Действительно, вопреки первоначальному намерению монголы прекратили попытки атаковать границы Священной империи, сосредоточившись на завоевании Хорватии и других частей Венгерского королевства.

В новейшей литературе по-прежнему остается открытым вопрос: почему захватчики не воспользовались столь выгодной для себя ситуацией, сложившейся в немецких землях осенью 1241 г., когда вспыхнул антиштауфеновский мятеж немецких прелатов и были распущены собранные для Крестового похода войска, в то время как войска самого императора были выведены в Италию?

Монгольская дипломатия папы.

Итак, нам представляется, что сведения о прямых контактах императора с монголами накануне нападения последних на Европу; упорные слухи о его тайном сговоре с захватчиками, удар которых пришелся главным образом по врагам Фридриха, участникам созданной Римом антиштауфеновской коалиции; уклонение самого императора от вооруженного столкновения с татарами; отказ от участия в подготовленном немецкими прелатами крестовом походе против татар, а вместо этого – вывод имперских войск в Италию и осада Рима с целью принудить папу признать верховенство императора; не-

ожиданное отступление самих татар от немецких границ и отказ от первоначальных планов завоевания Германии; наконец, неожиданное выступление против Фридриха лояльных ему немецких прелатов, обвинивших императора в тяжком преступлении против церкви и всего христианства, – все это, несомненно, связанные между собой события. Объяснить их стечение, как нам кажется, можно только допустив, что император Фридрих и предводители Западного похода монголов были связаны какими-то взаимными обязательствами.

Еще одним доказательством такой связи может служить тот факт, что монголы обошли стороной границы Священной империи, выводя свои войска из Далмации и Хорватии, хотя в этот период их завоевания продолжались.

По сообщению австрийских хроник XIII–XIV вв., возвращавшиеся из Венгрии монгольские войска нанесли удар по территории Латинской империи [см.: 37, с. 271, 507, 778]. И хотя в византийских источниках мы не находим никаких подтверждений этим известиям, у нас нет оснований не доверять им.

Под 1243 г. в так называемой Австрийской хронике (вторая половина XIII в.) читаем: «Татары и куманы, не встречая никого, кто бы мог противостоять им, вышли из Венгрии с большой добычей, состоявшей из золота и серебра, одежд, животных, множества пленных обоюбого пола, в укор христианам. Придя в Грецию, они (татары. – *Авт.*) ту землю, за исключением сильно укрепленных замков и городов, полностью разорили. Константинопольский король по имени Балдуин сразился с ними; в первый раз они были побеждены им, во втором же сражении он сам был разбит ими» [72, с. 245]. Это же известие находим в Леобенской хронике [18, с. 8] и во Втором продолжении Анналов монастыря Хайлигенкройц [29, с. 641].

И вновь атаке монголов подверглись противники Фридриха II. Как единственный законный император на Западе он не признавал созданную крестоносцами после захвата Константинополя в 1204 г. еще одну империю – Латинскую, всячески поддерживаемую римскими папами. Германский император стремился ликвидировать это государство как незаконное орудие папского влияния на Востоке [см.: 53, с. 169–193; 78, с. 109 ff.].

После нашествия Батые на Европу папская курия приложила немалые усилия, чтобы установить прямые контакты с монголами, как бы стремясь тем самым перехватить инициативу у императора. Новый папа Иннокентий IV, продолжая борьбу с Фридрихом II, в марте 1245 г. из своей новой резиденции в Лионе отправил к монгольским правителям сразу четырех эмиссаров – доминиканцев Андре из Лонжюмо и Ансельма (Асцелина) из Кремоны, а также францисканцев Лоренцо Португальского и Иоанна де Плано Карпини. Путешествия этих посланцев заняли несколько лет, и только двое из них – Ансельм Кремонский и Иоанн де Плано Карпини – достигли цели [см.: 55, с. 195–198; 49, с. 87–89].

В ответ на миссию Ансельма летом 1248 г. в Лион прибыло монгольское посольство, доставившее папе две грамоты – от великого хана Гуюка и нойона Байджу (Бачухурчи), его наместника в Иране, Закавказье и Малой Азии [80, с. 113–117; см. также: 38, с. 235].

Дополнительные сведения об этом посольстве сообщает Матфей Парижский, указывая, что послы «короля татар» привезли предложение начать совместные военные действия против никейского императора Иоанна III Ватаца. Однако такая перспектива не отвечала главной цели папы – использовать военную силу монголов против Фридриха II.

В ответ Иннокентий IV просил передать «королю татар», чтобы тот, после принятия христианства прислал свои войска, чтобы вместе с войсками папы выступил не только против «схизматика» Ватаца, но и германского императора. С помощью татар сперва планировалось «подчинить Ватаца Греческого, зятя Фридриха, раскольника христианской веры, взбунтовавшегося против господина папы и императора Балдуина,

а после того и Фридриха, отбившегося от Римской курии» [63, с. 39]. Однако условия папы смутили татарских послов, предупредивших, что их король будет разгневан, услышав о них [63, с. 39; ср.: 66, с. 37–38].

Тем не менее, Апостольский престол не отказался от намерения наладить военный союз с монгольскими правителями, настойчивые попытки заручиться расположением правителей Золотой Орды продолжались по меньшей мере до конца 1250-х годов [см.: 3, с. 74–82; 4, с. 34–50].

1. *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М., Л., 1940. С. 71–112.

2. Армянские источники о монголах / Отв. ред. А.Г. Галстян. М., 1962. 153 с.

3. *Майоров А.В.* Письмо римского папы Иннокентия IV золотоордынскому хану Сартаку (текст, перевод, комментарий) // Mongolica. Т. 10. СПб., 2013. С. 74–82.

4. *Майоров А.В.* Монгольская угроза и христианский мир в середине XIII века // Вопросы истории. № 4. М., 2013. С. 34–50.

5. *Майоров А.В.* К вопросу об исторической основе и источниках «Повести о убиении Батая» // Средневековая Русь. Т. 11. М., 2014. С. 107–149.

6. *Майоров А.В.* Монголы на Западе: тайная дипломатия императора Фридриха II // Вопросы истории. № 1. М., 2015. С. 16–45.

7. Хронографическая история, составленная отцом Мехитаром, вардапетом Айриванкским / Пер. К. Патканова // Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. Ч. 14. СПб., 1869. С. 224–418.

8. *Adámek Fr.* Tataři na Moravě. Praha, 1999. 134 s.

9. Albert von Beham und Regesten Pabst Innocenz IV / Hrsg. C. Höfler, Stuttgart, 1847 (Bibliothek des Litterarischen Vereins Stuttgart. Bd. 16. T. 2). xxiv + 224 s.

10. *Albrici Monachi* Trium Fontium Chronica / Ed. P. Scheffer-Boichorst // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. XXIII. Hannoverae, 1874. P. 631–950.

11. Annales Ianuae [VI: Bartholomaei scribae annales a. 1225–1248] / Ed. G.G. Pertz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. XVIII. Hannoverae, 1863. P. 156–225.

12. Annales monasterii de Theokesberia / Ed. H.R. Luard // Rerum britannicarum medii aevi scriptores. T. 36. Vol. 1. London, 1864.

13. Annales Sancta Pantaleonis Coloniensis / Ed. H. Cardauns // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. XXII. Hannoverae, 1872. P. 529–547.

14. Annales Sancti Trudperti a. 1246 / Ed. G.H. Pertz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. XVII. Hannoverae, 1861. P. 285–294.

15. Annales Senenses a. 1107–1407 / Ed. G.H. Pertz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. XIX. Hannoverae, 1866. P. 225–235.

16. Annales Wormatienses a. 873–1366 / Ed. G.H. Pertz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. XVII. Hannoverae, 1861. P. 34–73.

17. Annales Zwifaltenses. Annales maiores a. 1–1503 / Ed. O. Abel // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. X. Hannoverae, 1852. P. 51–64.

18. Anonymi Leobensis Chronicon / Hrsg. J. Zahn. Graz, 1865. xi + 50 p.

19. *Bauerreiss R.* Kirchengeschichte Bayerns. Bd. IV: Das XIII. und XIV. Jahrhundert. St. Ottilien, 1974. 227 s.

20. *Bendefy L.* Az ismeretlen Juliánusz. A legelső magyar ázsiakutató életrajza és kritikai méltatása. Budapest 1936. 184 o.

21. *Bezzola G.A.* Die Mongolen in abendländischer Sicht [1220–1270]. Ein Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen. Bern, München, 1974. 251 s.

22. Bitwa Legnicka – historia i tradycja / Pod red. W. Korty. Wrocław, 1994. 454 s.

23. *Böhmer J.Fr.* Briefe über den Anmarsch der Mongolen gegen Deutschland im Jahre 1241 // Neue Mitteilungen aus dem Gebiet historisch-antiquarischer Forschungen. Bd. IV. T. 2 / Ed. K. Ed. Forstemann. Halle, 1840. S. 105–117.

24. *Chronique rimée de Philippe Mouskes*. T. II / Publiée par le baron de Reiffenberg. Bruxelles, 1838. cccxxiv + 878 p.
25. *Chrzanowski W.* Wojna tatarska. Najazd mongolski na Polskę 1241 r. Kraków, 2006. 214 s.
26. *Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*, T. IV. Vol. 2 / Ed. G. Fejér. Bedae, 1829. 528 p.
27. *Codex diplomaticus Arpadianus continuatus*. T. II / Ed. G. Wenzel. Pest, 1861 (*Monumenta Hungariae Historica. Diplomataria*. Vol. VII). xix + 402 p.
28. *Continuatio Garstensis a. 1182–1257* / Ed. W. Wattenbach // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. T. IX. Hannoverae, 1851. P. 593–600.
29. *Continuatio Sancrusensis. II. a. 1234–1266* / Ed. W. Wattenbach // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*. T. IX. Hannoverae, 1851. P. 637–646.
30. *Das Baumgartenberger Formelbuch: Eine Quelle zur Geschichte des XIII. Jahrhunderts, vornehmlich der Zeiten Rudolfs von Habsburg* / Hrsg. H. Baerwald. Wien, 1866 (*Fontes rerum Austriacarum. Abt. II: Diplomataria et Acta*. Bd. XXV). xiii + 494 S.
31. *Englberger J.* Albert Behaim – Passauer Domdekan, Kämpfer gegen Friedrich II., Vater der Passauer Bistumsgeschichtsschreibung // *Ostbairische Lebensbilder*. Bd. II. Passau, 2005. S. 26–49.
32. *Englberger J.* Albert Behaim und die Lorcher Tradition in der Passauer Geschichtsschreibung. *Die Descriptio diversarum nationum Europe*. Hannover, 2007 (*Monumenta Germaniae Historica. Schriften*. Bd. 57). 563 s.
33. *Epistolae saeculi XIII e regestis Pontificum Romanorum selectae per G.H. Pertz* / Ed. K. Rodenberg. Berlin, 1883 (*Monumenta Germaniae Historica. Epistolae saeculi XIII*. T. I). xviii + 786 p.
34. *Freche J.* Zur Fraktionsbildung im Reich während der letzten Jahre Kaiser Friedrichs II. (1241–1250): Thesis/dissertation. Hamburg, 2013. 52 s.
35. *Gerlich A.* Siegfried III., Erzbischof von Mainz // *Lexikon des Mittelalters*. Bd. 7. München, 1995. S. 1867–1870.
36. *Gładysz M.* The forgotten crusaders: Poland and the crusader movement in the twelfth and thirteenth centuries. Leiden, Boston, 2012. xxv + 433 p.
37. *Gombos A.F.* *Catalogus fontium historiae Hungaricae aevo ducum et regum ex stirpe Arpad descendendum ab anno Christi DCCC usque ad annum MCCC*. T. I. Budapest, 1937. 811 p.
38. *Guzman G.G.* Simon of Saint-Quentin and the Dominican mission to the Mongol Bajju: A reappraisal // *Speculum*. Vol. 46. Nr. 2. Cambridge, 1971. P. 232–249.
39. *Hampe K.* *Deutsche Kaisergeschichte im Zeitalter der Salier und Staufer*. Paderborn, 2011. xxxviii + 284 s.
40. *Hilpert H.-E.* *Kaiser- und Papstbriefe in den Chronica Majora des Matthaeus Paris*. Stuttgart, 1981 (*Veröffentlichungen des Deutschen Historischen Instituts London*. Bd. 9). 241 s.
41. *Historia diplomatica Frederici secundi*. T. V. Pars 1 / Ed. J.L.A. Huillard-Bréholles. Paris, 1857. 644 p.
42. *Historia diplomatica Frederici secundi*. T. V. Pars 2 / Ed. J.L.A. Huillard-Bréholles. Paris, 1859. P. 646–1340.
43. *Historia diplomatica Frederici secundi*. T. VI. Part 1 / Ed. J.L.A. Huillard-Bréholles. Paris, 1860. viii + 548 p.
44. *History of the Patriarchs of the Egyptian Church, Known as the History of the Holy Church According to MS. Arabe 30Z* Bibliothèque Nationale, Paris. *Textes et Documents*. T. IV (1216–1243). Pars 2 / Ed. and transl. O.H.E. Ths-Burmester and A. Khater. Cairo, 1974.
45. *Hóman B.* *Geschichte des Ungarischen Mittelalters*. Bd. II: Vom Ende des zwölften Jahrhunderts bis zu den Anfängen des Hauses Anjou. Berlin, 1943. 400 s.
46. *Höroldt U.* *Studien zur politischen Stellung des Kölner Domkapitels zwischen Erzbischof, Stadt Köln und Territorialgewalten 1198–1332: Untersuchungen und Personallisten*. Siegburg, 1994. 723 s.

47. *Houben H.* Kaiser Friedrich II. (1194–1250). Herrscher, Mensch, Mythos. Stuttgart, 2008. 262 s.
48. *Jackson P.* The Crusade against the Mongols (1241) // *Journal of Ecclesiastical History*. Vol. 42. Cambridge, 1991. P. 6–10.
49. *Jackson P.* The Mongols and the West, 1221–1410. Harlow, 2005. xxxiv + 412 p.
50. *Jasiński T.* Przerwany Hejnał. Kraków, 1988. 79 s.
51. *Jasiński T.* Henryk II Pobożny wobec podziałów politycznych w Europie Środkowoschodniej (Przyczynek do poznania genezy najazdu mongolskiego na Polskę) // *Europa Środkowa i Wschodnia w polityce Piastów. Materiały z sympozjum / Pod red. K. Zielińskiej-Melkowskiej*. Toruń, 1997. S. 53–61.
52. *Julianus barát és napkelet felfedezése / Bev., jegyz. Gy. Györffy, ford. Gy. Györffy, I. Ruitz*. Budapest, 1986. 493 o.
53. *Kantorowicz E.H.* Keiser Friedrich II und das Königsbild des Hellenismus // *Varia variorum*. Festgabe für Karl Reinhardt. Münster, Köln, 1952. S. 169–193.
54. *Keilmann B.* Der Kampf um die Stadtherrschaft in Worms während des 13. Jahrhunderts. Darmstadt, 1985 (Quellen und Forschungen zur hessischen Geschichte. Bd. 50). 336 s.
55. *Klopprogge A.* Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert. Ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters. Wiesbaden, 1993. xvi + 277 s.
56. *Korta W.* Najazd Mongołów na Polskę i jego legnicki epilog. Katowice, 1983. 154 s.
57. *Kosztolnyik Z.* Hungary in the thirteenth century. New York, 1996. 510 p.
58. *Králík O.* Historická skutečnost a postupná mytizace mongolského vpádu na Moravu roku 1241. Olomouc, 1969. 47 s.
59. *Labuda G.* Wojna z Tatarami w roku 1241 // *Przegląd historyczny*. T. 50. Nr. 2. Warszawa, 1959. S. 189–224.
60. *Loserth J.* Geschichte des späteren Mittelalters von 1197 bis 1492. München, Berlin, 1903. xv + 744 s.
61. *Maier Ch.T.* Preaching the crusades: mendicant friars and the cross in the thirteenth century. Cambridge, 1994. xviii + 202 p.
62. *Maron J.* Legnica, 1241. Warszawa, 1996. 158 s.
63. *Matthaei Parisiensis Historia Anglorum, sive, ut vulgo dicitur, Historia Minor*. T. III: 1246–1253 / Ed. Fr. Madden. London, 1869 (Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores. T. 44/3). liv + 564 + 32 p.
64. *Matthaei Parisiensis Chronica Majora*. T. III / Ed. H.R. Luard, London, 1876 (Rerum Britannicarum medii aevi scriptores. T. 57/3). xxx + 640 p.
65. *Matthaei Parisiensis Chronica Majora*. T. IV / Ed. H.R. Luard. London, 1877 (Rerum Britannicarum medii aevi scriptores. T. 57/4). xviii + 656 p.
66. *Matthaei Parisiensis Chronica Majora*. T. VI 7 / Ed. H.R. Luard. London, 1882 (Rerum Britannicarum medii aevi scriptores. T. 57/6). xvi + 656 p.
67. *Monumenta Germaniae Historica. Legum. Sectio IV: Constitutiones et Acta publica Imperatorum et Regum*. T. II: 1198–1272 / Ed. L. Weiland. Hannoverae, 1896. xxii + 692 p.
68. *Novotný V.* České dějiny. Díl I. Část 3: Čechy královské za Přemysla I. a Václava I. (1197–1253). Praha, 1928. 1085 s.
69. *Petri de Vineis iudicis aulici et cancellarii Friderici II, imperatoris, epistolarum quibus res gestae ejusdem imperatoris aliaque multa ad historiam ac jurisprudentiam spectantia continentur libri VI*. T. I / Ed. J.R. Iselin. Basileae, 1740. xxxii + 528 p.
70. *Piazza A.* Anticristo/Messia // *Frederico II: Enciclopedia Fridericiana*. T. 1. Roma, 2005. P. 49–57.
71. *Regesta Imperii. Die Regesten des Kaiserreichs*. Bd. V: Unter Philipp, Otto IV, Friedrich II, Heinrich (VII), Conrad IV: Heinrich Raspe, Wilhelm und Richard, 1198–1272. Abt. 2.4: Staufer, Päpste und Reichssachen / Hrsg. von J.Fr. Böhmer, J. Ficker, E. Winkelmann. Hildesheim, 1881. lxxxviii + 392 p.
72. *Rerum Austriacarum scriptores*. T. II / Ed. A. Rauch. Vienna, 1793. iii + 564 p.

73. *Richeri Gesta Senoniensis Ecclesiae* / Ed. G. Waitz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. XXV. Hannoverae, 1880. P. 249–345.
74. *Rogerii Carmen Miserabile* / Ed. L. Juhász // Scriptores Rerum Hungaricarum. T. II. Budapest, 1938. P. 543–588.
75. *Rudolf K. Die Tartaren 1241/1242. Nachrichten und Wiedergabe: Korrespondenz und Historiographie* // Römische Historische Mitteilungen. Bd. 19. Wien, 1977. S. 79–107.
76. *Ryccardi de Sancto Germano notarii chronica a. 1189–1243* / Ed. G.H. Pertz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. XIX. Hannoverae, 1866. P. 321–384.
77. *Saunders J.J. Matthew of Paris and the Mongols* // Essays in Medieval History Presented to B. Wilkinson / Eds. T. A. Sanquist and M. R. Powicke. Toronto, 1969. P. 116–132.
78. *Schaller H. M. Die Kaiseridee Friedrich II* // Probleme um Friedrich II. / Hrsg. J. Fleckenstein. Sigmaringen, 1974. S. 109–134.
79. *Schirmacher Fr.W. Siegfried III. von Eppstein* // Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 34. Leipzig, 1892. S. 260–262.
80. *Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares* / Ed. J. Richard. Paris, 1965. 129 p.
81. *Sinor D. Un Voyageur du treizième siècle: le Dominicain Julien de Hongrie* // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. XIV. London, 1952. P. 589–602.
82. *Sinor D. Les relations entre les Mongols et l'Europe jusqu'à la mort d'Arghoun et de Béla IV* // Journal of World History. Vol. 3. Nr. 1. Neuchâtel, 1956. P. 39–68.
83. *Strakosch-Grassmann G. Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241–1242*, Innsbruck, 1893. 227 s.
84. *Stürner W. Friedrich II. T. II: Der Kaiser, 1220–1250*. Darmstadt, 2000. 659 s.
85. *Szabó J.B. A tatárjárás: a mongol hódítás és Magyarország*. Budapest, 2007. 191 o.
86. *Tatárjárás / Szer. B. Nagy*. Budapest, 2003 (Nemzet és emlékezet). 638 o.
87. *Thomae archidiaconi Spalatensis Historia Salonitanorum pontificum atque Spalatensium* / Ed. Fr. Rački. Zagreb, 1894. 225 p.
88. *Thomsen M. «Ein feuriger Herr des Anfangs...»*. Kaiser Friedrich II. in der Auffassung der Nachwelt. Stuttgart, 2005. 367 s.
89. *Urkundenbuch für die Geschichte des Niederrheins. Bd. II (1201–1300)* / Hrsg. von T.J. Lacomblet. Düsseldorf, 1846. xxxvi + 662 p.
90. *Vetera Monumenta Historica Hungariam sacram illustrantia. T. I (1216–1352)* / Ed. A. Theiner. Romae, 1859. xlii + 838 p.
91. *Wahlstatt 1241. Beiträge zur Mongolenschlacht bei Liegnitz und zu ihren Nachwirkungen* / Hrsg. U. Schmielewski. Würzburg, 1991. 263 s.
92. *Wertner M. Reichsfürst zwischen Mainz und Meissen. Heinrich Raspe als Landgraf von Thüringen und Herr von Hessen (1227–1247)* // Heinrich Raspe – Landgraf von Thüringen und römischer König (1227–1247). Fürsten, König und Reich in spätstaufischer Zeit / Hrsg. von M. Wertner. Frankfurt am Main, 2003. S. 125–271.

§ 5. Образование Улуса Джучи

Вадим Трепавлов

В 1206 г. Чингиз-хан был провозглашен всемонгольским правителем и начал радикальные административные преобразования. Разрозненная масса кочевых племен восточной части Центральной Азии быстро стала обретать форму государственного организма. Задачами внешней политики нового государства (как это часто бывало в истории) стали расширение его границ, обретение новых подданных, противостояние сильным соседям-соперникам и одоление слабых. Уже через год после воцарения Чингиз-хана начались монгольские завоевания, которые продолжались в разных регионах

Евразийского континента почти до конца XIII столетия. Завоеванные земли распределялись между ближайшими родственниками Чингиз-хана.

Джучи, старший сын Чингиз-хана, дважды удостаивался удела (улуса). Впервые это произошло вскоре после Чингизовой коронации, в самом начале завоеваний. Начальствуя над правым крылом новорожденной монгольской армии, Джучи по приказу отца в 1207 г. выступил в поход на племена Тувы, Хакасии и Алтая и подчинил их. Довольный успешным началом завоевательной кампании, Чингиз-хан объявил: «Ты, Джучи, старший из моих сыновей, недавно лишь вышел из дому, а в землях, куда ты ушел по хорошей дороге, уже успешно покорил лесные народы. Ни люди, ни кони не получили ран. Отдаю тебе эти народы!» [14, с. 184].

Об организации правления монголов в Южной Сибири того времени практически ничего не известно. Очевидно, установленный ими режим оказался сперва довольно мягким, поскольку ужесточение требований правительства к сибирским подданным в 1218 г. сразу вызвало массовое возмущение енисейских кыргызов – самого многочисленного народа в том регионе. Их выступления пришлось подавлять именно Джучи – как удельному правителю края.

Однако впоследствии Тува, Хакасия и Горный Алтай отошли в домениальную часть Монгольской империи и были причислены к «Коренному юрту», управлявшемуся младшим сыном Чингиз-хана Тулумем и его семьей. Таким образом, Южная Сибирь была исключена из-под юрисдикции Джучи, поскольку Чингиз приготовил для своего первенца иные владения.

Второе наделение его уделом состоялось в 1225 г., когда основная масса монгольских войск вернулась в родные степи из многолетнего среднеазиатского похода. Под властью Чингиз-хана к тому времени оказались, помимо собственно Монголии и Южной Сибири, Маньчжурия, тюркские княжества уйгуров и карлуков в Восточном Туркестане, бывшая держава хорезмшахов (Средняя Азия и Хорасан), восточный Дешт-и Кипчак. Большинство этих владений было завоевано лично Чингиз-ханом или направляемыми им сыновьями. В частности, отряды Джучи преследовали отступавшее на запад враждебное монгольское племя меркитов и впервые сразились с армией хорезмшаха в степях Дешт-и Кипчака. Восточные хронисты рассказывают о восторженном впечатлении старшего Чингизида к степной стране на западе от тогдашней монгольской державы. По сообщению персидского историка XIII в. Джузджани, «он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих» [19, т. I, с. 14]. Именно эти земли, вызвавшие у царевича такой восторг, и достались ему при распределении отцом завоеванных стран.

При данном распределении проявились некоторые особенности трактовки прав собственности и владения, присущие средневековым кочевникам. В кочевых империях высшие посты, как правило, предоставлялись людям, принадлежавшим к одному правящему клану. В Монгольской империи таким кланом формально считался род Чингиз-хана – борджигины из племени тайджиутов. Однако политическая реальность заставила верхушку империи пересмотреть незыблемый канон родового достоинства. Нет данных о том, что основатель монгольской державы воспринимал всех борджигинов как сородичей, перед которыми у него были какие-то обязанности. Обращение «вы – мой род-племя» из его уст прозвучало лишь в адрес собственных сыновей и младших братьев [14, с. 189]. Сразу после воцарения в 1206 г. Чингиз-хан приказал одному из приближенных: «Произведи ты мне такое распределение разноплеменного государства: родительнице нашей, младшим братьям и сыновьям выдели их долю...» [10, с. 159]. Следовательно, понятие рода сузилось: в него не включались ни дядья, ни племянники, не говоря уже о более дальних сородичах. Так был очерчен круг лиц, теоретически имевших доступ к власти.

Однако непосредственно при распределении уделов монгольский государь еще более ограничил этот круг: «Хасаровым наследием да ведает один из его наследников.

Один же да ведает наследием Алчидая, один – и наследием Отчигина, один же – и наследием Бельгутаея (здесь перечислены братья Чингиз-хана – *Авт.*). В таком-то разумеении я и свое наследство поручаю одному» [12, с. 186]. Этим «одним» был его третий сын Угэдэй, назначенный преемником на всемонгольском престоле. В подчинении Угэдэя оказались его братья, Чингизовы сыновья от старшей жены Бортэ: Джучи, Чагатай и Тулуй. То есть держава, созданная в ходе войн, рассматривалась как сфера управления одной-единственной ветви борджигинов – семьи Чингиз-хана.

На каком основании последний выделил свое потомство из прочих клановых ответвлений? В 1225 г. Чингиз-хан заявил Джучи и Чагатаю перед отпращиванием их в только что образованные улусы: «Родичи мои прославились среди своих родственников. Даже сквозь скалы учиняют нападение» [14, с. 230]. Участие в сибирском, цзиньском (северокитайском) и хорезмийском походах, умелое командование, личная храбрость и инициативность показали ему достаточными для утверждения приоритета собственных сыновей перед их дядьями и двоюродными братьями.

В 1225 г. Джучи получил от отца в улусное владение и управление северную часть Хорезма (низовья Амударьи) и Восточный Дешт-и Кипчак. По сообщению арабского хрониста ан-Нувейри, территория его удела охватывала «летовья и зимовья от границ Каялыка и земель Хорезмских до окраин Саксинских и Булгарских крайних пределов, куда доходили кони их полчищ при их набегах» [19, т. I, с. 150] (на момент смерти Джучи кони монгольских войск «доходили» на западе как раз до Волжской Булгарии и до причерноморских половецких кочевий). Ставка царевича разместилась «в пределах Ирдыша» [18, с. 78].

Персидский автор Рашид ад-Дин очерчивает приблизительно то же пространство, доставшееся царевичу в удел: «Все области и улус, находившиеся в пределах реки Ирдыш и Алтайских гор, летние и зимние кочевья тех окрестностей Чингиз-хан пожаловал в управление Джучи-хану и издал беспрекословный указ, чтобы [Джучи-хан] завоевал и включал в свои владения области Дашт-и Кипчак и находящиеся в тех краях государства. Его юрт был в пределах Ирдыша, и там была столица его государства» [18, с. 78].

Более поздний монгольский источник приписывает наделение Джучи званием «главного правителя кипчаков», «главного даругачи над кипчаками» [14, с. 229, 230].

Кроме того, под начало Джучи, по распоряжению Чингиз-хана, поступало несколько тысяч воинов из племен кингит, сиджиут и хушин. При ближайших Джучиевых преемниках в его улусе фиксируются также аргуны, огузы, найманы, буйраки, ойраты, карлуки, кушчи, уйсуну, минги, кунграты, керейты, барласы, тарханы, кияты [9, с. 222; 22, с. 55–59]. В данном перечне присутствуют не только монгольские племена, но и несомненно тюркские: огузы и карлуки. Обычно считается, что самым массовым населением владений Джучи стали кипчаки. Впрочем, эту точку зрения порой подвергают сомнению, учитывая масштабы завоевания (сопровождаясь «демографической катастрофой» для половцев) и мозаичность этнического состава Золотой Орды (см.: [12]).

Правитель нового улуса переселился в свои владения. По сообщению хивинского историка Абу-л-Гази, он «поселился в Кипчакском юрте. Из могольской [страны] он переселил сюда свою семью и все или (племена – *Авт.*), которые дал [ему] отец» [11, с. 44]. Хотя в известных источниках не содержится данных о каких-либо административных мероприятиях царевича в Деште, они, несомненно, проводились [21, с. 58, 59]. Однако в исторической памяти золотоордынцев в качестве истинного основателя государства закрепился образ его сына Бату («Саин-хана»). В абсолютном большинстве средневековых текстов, касающихся истории Джучиева улуса, его первый правитель упоминается крайне редко и, как правило, лишь как одно из звеньев в генеалогических перечнях.

В феврале 1227 г. Джучи умер при не вполне ясных обстоятельствах (возможно, он был убит по приказу отца из подозрения в неповиновении и сепаратизме). Потомство его в разных средневековых текстах исчисляется по-разному. Обычно историки опе-

рируют сведениями Рашид ад-Дина, излагавшего историю четырнадцати сыновей Джучи. Старшими были Орду по прозвищу «Эджен» (господин) и Бату, позднее прозванный «Саин-хан» (добрый государь). Судя по некоторым свидетельствам, оба они успели заручиться инвеститурой от деда (умершего в конце 1227 г.), который распорядился передать им власть над Улусом Джучи. Так как в дальнейшем отпрыски именно этих двух царевичей, Орду и Бату, царствовали у Джучидов на протяжении XIII–XIV вв., то данная версия может считаться достоверной. Причисление же других сыновей Джучи – Тука(й)-Тимура и Шибана – к числу «помазанных» Чингиз-ханом на самостоятельное царствование следует отнести к позднейшим фальсификациям, призванным оправдать властные полномочия ханов – выходцев из боковых джучидских линий.

Именно Орду и Бату, как легитимные представители отцовского улуса, принимали участие в съездах знати 1229 и 1235 гг., на которых правящая элита Монгольской империи обсуждала планы завоевания Восточной Европы. Во главе войска был поставлен Бату. Вероятно, это объяснялось тем, что покоренные в намеченных походах земли должны были поступить непосредственно под его управление. Удельное же владение Орду-эджена и подчиненных ему четырех младших братьев к тому времени было уже полностью сформировано на территории Прииртышья. Некоторые Чингизиды из прочих улусов империи присоединялись с войсками к этой армии «в помощь и подкрепление Бату» [19, т. II, с. 22].

Вскоре после смерти Джучи началось завоевание Восточной Европы. В 1228–1229 гг. тридцатитысячная конница под командованием Субедея вторглась в западные половецкие кочевья. Многие половцы стали уходить на Русь, в Венгрию, Дунайскую Болгарию, Закавказье, но массовый исход начался в 1236 г., когда с востока двинулось объединенное войско Бату.

Собравшаяся под его началом армия насчитывала 120–150 тысяч всадников. В течение года, с осени 1236 до осени 1237 г., монголы завершили завоевание Поволжья и Дешт-и Кипчака, была покорена Волжская Булгария. Царевичи-Чингизиды Гуюк и Мункэ, построив свои отряды широким фронтом, «облавой» прошли по «Дикому полю» от Урала до Азовского моря и Дона. К началу зимы 1237 г. основные силы завоевателей соединились у границ Рязанского княжества.

Рязань пала 21 декабря 1237 г. после шестидневной осады и непрерывных штурмов. В течение января Рязанская земля была опустошена. У стен Коломны, на границе Владимиро-Суздальской земли, произошло жестокое сражение, в нем даже погиб сын Чингиз-хана, царевич Кулькан, но русские все-таки были разбиты. 7 февраля 1238 г. был взят Владимир-на-Клязьме, и всего за февраль оказалось уничтожено четырнадцать крупных городов, включая Суздаль. После разгрома в марте объединенной великокняжеской рати на реке Сить Бату разорил еще несколько городов и двинулся было к Новгороду, но из-за весенней распутицы отвел войска в степь.

Через год Бату и Субедей, собрав все силы, выступили в новый большой поход. Без труда они разметали заслоны «черных клобуков» – вассальных кочевников на службе у киевских князей. Витичев, Васильев, Белгород и прочие крепости, прикрывавшие Киев, оказались стерты с лица земли. 6 января 1241 г. и сама столица Древней Руси не устояла после многодневной осады.

Далее на запад завоеватели двинулись своей обычной «облавой». Были разрушены столицы Юго-Западной Руси Галич и Владимир-Волынский. С наступлением весны 1241 г. сражения переместились на территорию Польши и Венгрии – монгольская армия ворвалась в Европу. 9 апреля под городом Легницей потерпел поражение польский князь Генрих Бородатый, которому помогали французские рыцари-тамплиеры. Через два дня на берегах реки Шайо был разгромлен венгерский король Бела IV. Его столица Эстергом не смогла выдержать осаду батыевых полководцев. Организованного мощного сопротивления Бату не встретил. В то время, когда он опустошал Хорватию, гонцы привезли ему приглашение на съезд знати в Каракорум, столицу Монгольской импе-

рии. Причиной была смерть каана Угэдэя и необходимость выбора его преемника. Лучшего повода для отступления нельзя было придумать. Бату понимал, что удерживать под своей властью Польшу, Венгрию и земли южных славян ему не под силу. Так и оставшись непобежденным, он объявил о возвращении на восток. К 1243 г. все монгольские армии были отведены за Карпаты.

В результате военных кампаний 1236–1242 гг. в состав Улуса Джучи вошли Волжская Булгария, территория современной Башкирии, Западный Дешт-и Кипчак, Крым и частично Северный Кавказ. Сложнее определить статус русских княжеств. Великие князья владимирские первоначально (в период реального единства империи) получали инвеституру в имперской столице Каракоруме, при дворе верховного хана (каана); прочие же нижестоящие князья довольствовались пожалованием от Бату. Компетенция по сбору дани с Руси, очевидно, также была распределена между джучидскими и имперскими властями: последние провели и переписи населения в княжествах в 1250-х гг. Таким образом, в первый период существования Золотой Орды управление Русью не являлось монополией ордынских правителей, отчего едва ли правомерно считать славянские земли частью Джучиева улуса. Это косвенно подтверждается также участием в войнах на Руси и в Европе царевичей-неджучидов, о чем упоминалось выше.

Вернувшись из европейского похода, Бату поселился не в прииртышской отцовской ставке (она была занята его старшим братом), а в Поволжье. Стационарным центром батыевой части Улуса Джучи стал город Булгар, но сам Бату, как истинный монгол, очевидно, предпочитал кочевой образ жизни. Следовательно, область старой болгарской городской культуры фактически превратилась в его домен. Впоследствии в низовьях Волги Бату основал стольный город Сарай, и Нижнее Поволжье тоже стало домениальной областью. Сезонные передвижения между этими двумя районами (позднее с кочевками еще и на Северном Кавказе) составляли своеобразный алгоритм ежегодного распорядка Бату и наследовавших ему золотоордынских ханов.

Ставка же Орду-эджена располагалась где-то в Восточном Казахстане, между горами Тарбагатай и верховьями Иртыша [15, с. 213; 22, с. 56, 57]; точное ее расположение трудно определить из-за разногласий и лаконичности сведений в источниках.

Распространенное в литературе мнение, будто Улус Джучи (Золотая Орда) был основан только по возвращении монгольской армии из Центральной Европы в 1242 или 1243 г., базируется на недоразумении. Очевидно, не следует принимать начало правления Бату над новоприобретенными западными землями за начало золотоордынской государственности. В действительности Улус был образован (выделен Чингиз-ханом) в 1225 г., а Бату с братьями в ходе войн 1230–1240-х гг. только расширили его пределы. После этих походов территория Улуса Джучи уже кардинально не менялась. Насколько можно судить по источникам, небольшие модификации границ (или скорее зон влияния) происходили только на Кавказе – в связи с переменными успехами Джучидов в конфликтах с монгольской династией Хулагуидов (в Иране). Лишь во второй половине XIV в., когда государство оказалось охваченным смутами и стало погружаться в хаос, окраинные владения начали одно за другим выходить из-под власти Сарая.

Судя по сообщениям источников (Абу-л-Гази, Утемиш-хаджи), Бату после возвращения из западного похода стал инициатором раздельного правления вместе с Орду-эдженем в западной и восточной частях Улуса Джучи. Границей между двумя фактически автономными ханствами стал Яик [21, с. 119].

В первые десятилетия своего существования Улус Джучи был включен в общую систему организации власти и управления Монгольской империи. Судя по монгольским источникам, первые правители западных Улусов, сыновья Чингиз-хана Джучи и Чагатай, еще в 1219 г. дали отцу обещание беспрекословно повиноваться в будущем их младшему брату Угэдэю, наследовавшему верховный (каанский) престол, и, следовательно, выполнять все распоряжения, которые будут поступать из каанской резиденции.

Формально каан (каган, или великий хан) как глава империи являлся верховным ее правителем, вершителем судеб составлявших ее народов и улусов. Известное высказывание итальянского путешественника XIII в. Иоанна де Плано Карпини, на первый взгляд подтверждает монополию монгольского великого хана на власть: «Все настолько находится в руке императора, что никто не смеет сказать: «это мое или его», но все принадлежит императору, то есть все имущество, вьючный скот и люди» [17, с. 45–46]. На самом же деле данная констатация отражает положение вещей утрированно. Между имперской и улусными властями существовали, с одной стороны, разделение полномочий (прежде всего налогово-финансовых), с другой – разграничение правителей по компетенции, в соответствии с традиционными, вековыми нормами кочевнической государственности.

К числу таких норм относилось разделение территории и населения державы на два крыла (правое и левое, т.е. западное и восточное) с самостоятельным правителем в каждом из них; при этом правое крыло считалось «младшим». Подобный принцип действовал в большинстве кочевых империй средневековья и был воплощен в Монгольской империи. Улусы Джучи и Чагатай относились к ее правому крылу (монг. *барунгар*); восточная же часть империи (получившая в конце XIII в. китайское название Юань) составляла левое крыло (*джунгар*) под верховенством каана. У Чингизидов оформилось своеобразное соправительство, когда хан Джучиева Улуса возглавлял правое крыло и фактически (но не номинально) оказывался равным по положению государю, сидящему в Каракоруме.

Еще Чингиз-хан наметил отделение Джучидов и Чагатаидов от левого крыла. После смерти фактическим соправителем каана стал Чагатай, а после его смерти в 1242 г. иерархическое старшинство на западе перешло к представителям дома Джучи [16, с. 115–122].

В Каракоруме с 1246 г. стал царствовать Гуюк, сын Угэдэя. Отношения между ним и Бату сложились враждебные. Тем не менее по некоторым данным можно судить, что соправительство осуществлялось именно ими. Иоанн де Плано Карпини передавал, будто «Бату наиболее могущественен по сравнению со всеми князьями татар, за исключением императора, которому обязан повиноваться». Европейские путешественники были убеждены, что, несмотря на наличие в Монгольской империи полновластного каана, глава Золотой Орды является «правителем татар главнейшим». Имя его почиталось даже в далеком Хорасане, где из всего множества Чингизидов западным послам называли верховных, с точки зрения монголов-информаторов, владетелей – Гуюка и Бату [17, с. 69; 20, с. 223; 24, с. 93, 95]. О времени царствования Гуюка (1246–1248) пишет Джуджани: «Все вельможи и вожди мугальских войск повиновались Бату и обычно смотрели на него так же, как на отца его Туши (Джучи – *Авт.*)» [25, с. 176]. Более определенно статус Бату выражен Киракосом Гандзакеци. Этот армянский хронист рассказывает о посольстве грузинской царицы Русудан с предложением своего подданства «татарскому военачальнику, которого звали Бату, командовавшему войсками, находившимися на Руси, в Осетии и Дербенде, поскольку тот был вторым после хана лицом. И он велел ей воссесть в Тифлисе, и (татары) не стали противодействовать этому, так как в эти дни умер хан (Гуюк-каан – *Авт.*)» [8, с. 181].

Даже из этих отрывочных данных можно сделать вывод об особом статусе правителя Улуса Джучи, его подчиненности только великому хану, о распространении его власти и влияния на определенную часть западных территорий Монгольской империи. Правда, источники умалчивают о том, признавался ли Бату старшим государем в Чагатаевом улусе. Известно, что в царствование Угэдэя хорезмийцы Махмуд Ялавач с сыном и Куркуз управляли Китаем, Мавераннахром и покоренными к тому времени областями Ирана «от Хорасана до границ Руса и Диярбекра» [18, с. 64]. Но их полномочия не распространялись на территории Джучидов за реку Джейхун (Амударью).

Более определенные отношения между соправителями вырисовываются в период царствования каана Мункэ (1251–1259). После смерти Гуюка монгольская знать предложила имперский трон Бату – как старшему на тот момент Чингизиду. Тот отказался, сославшись на то, что у него и без того достаточно земель, и «управлять ими, да еще владеть и править государствами Чина (Китая – *Авт.*), Туркестана и Аждама (иранскими землями, которые управлялись тогда наместниками, присланными из Каракорума – *Авт.*) было бы невозможно». Поэтому он предложил возвести на царство своего друга и младшего кузена Мункэ (Менгу). «Мангу-хан... взошел на престол Чина и верхнего Туркестана» [25, с. 179–180], т.е., во-первых, стал управлять странами, от которых «отказался» Бату; во-вторых, «престол» Мункэ не считался престолом Дешт-и Кипчака и других западных регионов.

Конечно, полностью суверенным государем Бату не был: великий хан назначал в русские княжества своих фискальных чиновников, регламентировал финансовые расходы сарайского двора [2, с. 319, 320, 331]. Насколько можно судить по сообщениям французского дипломата Гийома де Рубрук, Золотая Орда в то время не имела права устанавливать дипломатические отношения без ведома центрального правительства, поскольку все-таки, по словам Гийома де Рубрук, «Мангу-хан есть главный в мире Моалов». Но тот же Гийом де Рубрук цитирует каана Мункэ: «Как солнце распространяет всюду лучи свои, так повсюду распространяется владычество мое и Бату» [17, с. 141]. Путешественник заметил, что в странах, подчиненных непосредственно Мункэ, посланцам Бату оказывалось даже больше почета, чем эмиссарам каана в землях Джучидов.

Для вступления в силу каанского приказа на западе империи требовалось его подтверждение от Бату. По данным Киракоса, Мункэ даровал армянскому царю Гетуму I «указ с печатью, дабы никто не смел притеснять его и страну его», а Гетум послал гонца с этим указом к Бату, «дабы и тот написал указ в соответствии с грамотами (хана)» [8, с. 224–225]. Сельджукские султаны в 1240–50-х использовали правителя Сарая в качестве арбитра в своих междоусобных спорах, хотя за ярлыками ездили, как и армяне, в Каракорум. Подобные сведения об активных связях Бату с иноземными владельцами в общем противоречат информации Гийома де Рубрук о внешнеполитической несамостоятельности ордынского правителя.

Границей сфер влияния по-прежнему считалась Амударья. Известен характерный случай, демонстрирующий суверенитет Бату. По наущению брата, мусульманина Берке, он остановил на правом берегу Амударьи армию Хулагу, посланную кааном на завоевание халифата. Два года войска не двигались с места: возвратиться не позволял приказ Мункэ, а переправу запретил посол из Сарая. Только после смерти Бату в 1255 г., вняв настоятельным просьбам Хулагу, каан распорядился продолжать поход [23, с. 101, 102].

Кроме того, начало каанствования Мункэ было отмечено расправой над царевичами-потомками Чагатая и Угэдэя. Их земли оказались поделенными между верховным ханом и Золотой Ордой: последней достался в управление Мавераннахр.

После смерти Бату главенство над Золотой Ордой перешло к его сыну Сартаку. Мункэ «возвеличил его и воздал великие почести: передал ему власть отца его – командование всеми войсками, а также (владение) всеми покоренными (им) княжествами; затем, назначив его вторым (человеком государства), отпустил его восвояси» [8, с. 226]. В армянских хрониках рассказывается, что великий хан «почтил его (Сартака – *Авт.*) и отдал ему власть отца, признав вторым правителем после себя»; «по повелению Мангу Хана к нему (Сартаку – *Авт.*) перешли все владения отца его, даже с прибавлениями» [1, с. 27; 7, с. 11]. Таким образом, преемник Бату, как и отец, занял положение второго по рангу правителя империи и получил право автономного законодательства. Вероятно, хан-Джучид мог издавать указы по любому вопросу внутренней жизни подвластных ему регионов, лишь бы они не противоречили Ясе (своду законов) Чингиз-хана и распоряжениям столичной администрации.

Сартак умер, едва успев воспользоваться этими прерогативами. Во главе Орды в 1256 г. встал его дядя Берке. Он продолжал сохранять огромную власть и влияние в западной половине (правом крыле) Монгольской империи и, сверх того, пытался распространить их на новообразованный Улус Хулагу в Иране и Месопотамии.

В целом, как пишет Рашид ад-Дин, до конца жизни Бату, «а после его смерти во времена Сартака... и большую часть времени Берке между домами Тулуй-хана (т.е. каанским правительством – *Авт.*) и Бату был проложен путь единения и дружбы» [18, с. 81].

В 1260 г. новый каан Хубилай, только что одержавший победу над братом-соперником Ариг-Бугой, поддержанным Берке, обратился с посланием к улусным правителям: «В областях смута. От берегов Джейхуна до ворот Мисра (Египта – *Авт.*) войском монголов и областями тазиков должно тебе, Хулагу, ведасть и хорошо охранять... С той стороны Алтая и до Джейхуна пусть охраняет и ведает улусом Алгу (внук Чагатай – *Авт.*), а с этой стороны Алтая и до берегов моря-океана я буду охранять» [18, с. 162]. Хубилай не упомянул здесь золотоордынского правителя, господство которого в северо-западной части державы было прочным и неоспоримым. Но налицо попытка изъять из-под юрисдикции Берке земли Хулагу, а также чагатайский Мавераннахр, утвердив Алгу в правах главы Чагатаева улуса.

С тех пор связи Золотой Орды и с имперским правительством, и с соседними улусами – обычно враждебными ей – были сведены к минимуму. Конечно, основной помехой являлось политическое соперничество. Однако, кроме него, контактам объективно препятствовал и разноречивый в культурно-политических ориентациях элит огромного монгольского царства. Правители его восточной части превратились в юаньских императоров, китаизировали свой двор, организовали управление по китайским и отчасти чжурчжэньским канонам.

Дополнительным препятствием для поддержания регулярных отношений служила приверженность правителей различным религиям. В Китае при Хубилае стал широко распространяться буддизм, а Джучиды и Хулагуиды приняли ислам – и вместе с ним ориентацию на мусульманскую бюрократию и купечество. Но едва ли правомерно приписывать этим конфессиональным различиям принципиальное значение. Об этом следует упомянуть, поскольку в литературе нередки утверждения, будто после указанных идеологических трансформаций правители разных улусов превратились друг для друга в иноверцев, «неверных». Ведь религиозная нетерпимость никогда не была присуща монгольскому государству. Сформировавшись как полиэтничная мировая держава с языческим правящим «ядром»-этносом, оно вбирало в себя и привлекало на службу приверженцев самых разнообразных верований. Такая политика диктовалась не только соображениями целесообразности, но и заветами основателя империи. О толерантном отношении Чингиз-хана к представителям разнообразных религий ясно и в общем комплиментарно свидетельствует персидский историк XIII в. Джувейни, сам состоявший на государственной службе у ильханов-Хулагуидов (см.: [26, с. 18]).

Решающим фактором, некоторое время удерживавшим империю от окончательного распада, был огромный клан Чингизидов. Несмотря на жестокие конфликты между отдельными его ответвлениями, авторитет Чингизовых потомков был непререкаем. Юаньские императоры сохраняли статус старших государей во владениях этого клана. После смерти каана Мункэ в 1259 г. Джучиды не принимали участия в общеимперских съездах знати. Тем не менее о сохранявшемся номинальном единстве империи свидетельствовало, во-первых, присутствие на этих съездах Чагатаидов и Хулагуидов; во-вторых, традиционные торговые и военные связи. По требованию каана Хубилая в конце 1260-х гг. Улус Джучи выделил войска для завоевания империи Сун (в Южном Китае) [3, с. 82]. Известно о признании золотоордынским ханом Узбеком (1312–1342) иерархического старшинства юаньского императора-каана Буянту [3, с. 92]. Вполне вероятно, что подобное формальное верховенство каана подкреплялось выдачей им

столь же символических ярлыков на царствование в западных улусах. Однако реальный контроль над политикой Золотой Орды центральное правительство утратило, по всей видимости, еще с 1260-х гг.

В историографии принято считать, что Улус Джучи отделился от Монгольской империи при хане Менгу-Тимуре (1266–1282). Уже в самом начале своего правления он повелел чеканить на монетах свои имя и семейную тамгу вместо имени и тамги каана. Этим он продемонстрировал фактическое отделение от Монгольской империи, и только с этого времени можно отсчитывать самостоятельное государственное существование Золотой Орды. Поскольку денежная эмиссия служила в средневековую эпоху одним из главных показателей государственной независимости, то подобная трактовка событий представляется допустимой. Первый ярлык русскому митрополиту был выдан от имени того же Менгу-Тимура. Однако реальное переподчинение Джучидам имперских вассальных владений (в том числе Руси) заметно еще раньше. Со времени правления Сартака русские князья уже не ездили за инвеститурой в Монголию (последний такой визит – Глеба Васильковича Белозерского – состоялся в середине 1250-х гг. [16, стб. 474, 524]), а получали ярлыки из рук сарайского хана.

На громадном пространстве Золотой Орды проживало множество народов, говоривших в основном на тюркских языках. Что же касается самих монголов, то их в Улус Джучи мигрировало довольно мало. Те монголы, что переселялись в завоеванные страны (Иран, Среднюю Азию, Китай, степи Восточной Европы), оказывались немногочисленными по сравнению с местным населением. Пришельцы-завоеватели в первые десятилетия осознавали свою принадлежность к монгольскому народу. Но очутившись в окружении тюрок – таких же кочевников, они быстро, уже через столетие, полностью смешались с ними. В Золотой Орде они постепенно утрачивали исконный язык, культуру и смешивались с коренными жителями.

Формально монгольский народ считался правящим в империи. Но в действительности он почти не смог воспользоваться плодами завоеваний. Основная масса монголов продолжала жить в степях Центральной Азии и вести привычную жизнь кочевых скотоводов. Сокровища и подати оседали в ставках ханов и нойонов, купцы не были заинтересованы в торговле с пастухами, ведущими примитивное натуральное хозяйство. В 1264 г. внук Чингиз-хана Хубилай перенес столицу империи из Каракорума в Пекин (Ханбалык), и Монголия фактически превратилась в захолустную периферийную провинцию.

В первой половине XIII в. кипчакские кланы оказались под властью монгольских завоевателей, став основным человеческим материалом для строительства джучидской и чагатайской улусной системы (прочие тюрки-кочевники – огузы, карлуки, уйгуры, народы Алтая – были немногочисленны по сравнению с ними). Дешт-и Кипчак был поделен на монгольские *нутаги*, или тюркские *юрты* – обширные зоны пастбищных угодий, предоставленные монгольским племенам. Считалось, что некоторая (едва ли значительная) часть степи, не охваченная этой разверсткой, оставалась принадлежащей кипчакам, предкам будущих родов кипчаков в составе современных тюркских народов.

Неизвестно, сколько именно монгольских семей переселилось на казахстанские и поволжские просторы. Во всяком случае, средневековые источники оперируют даже не десятками, а единицами тысяч – совершенно мизерным числом по сравнению с туземными тюрками. Естественно, номады-пришельцы в течение первых полутора столетий существования Золотой Орды и Чагатайского улуса ассимилировались в огромной массе местных жителей. Однако кипчаки практически утратили домонгольское племенное деление и стали обозначаться посредством этнонимов тех монгольских племен, в юртах которых им довелось очутиться. Кочевавшие в нутаге мангутов стали мангытами, оказавшиеся в зоне хонкиратов – кунгратами, найманов – найманами, керейтов – керейтами, или керейами и т.п.

Золотоордынский период отмечен значительными изменениями в этническом облике населения Дешт-и Кипчака и прилегающий регионов. Монгольское вторжение

вызвало массовые перемещения населения на обширных территориях. Примером могут служить миграции кипчаков на Южный Урал, в Башкирию. Об этом перемещении сохранилось уникальное упоминание у Абу-л-Гази: «Джучи-хан победил и перебил [всех] попавших [ему] в руки Кипчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам... Кипчаки, обитавшие между Итилем и Тином (т.е. Волгой и Доном – *Авт.*), рассеялись на [все] четыре стороны» [11, с. 44]. Приток выходцев из южных степей в середине – второй половине XIII в. был вызван административной политикой в Орде, когда кипчакская знать была лишена власти, Дешт был поделен на улусы джучидских царевичей, и по велению правительства массы разноплеменных подданных перемещались из одного региона в другой. Не исключено, что и часть кипчакских новоселов появилась на Южном Урале по распоряжению сверху. Кроме того, после монгольского завоевания некоторые племена выбирали места для более спокойного и безопасного проживания на окраине степного пояса.

Материальными следами указанных процессов в Башкирии служат могильники с двумя видами погребений: под земляными курганами в западных, равнинных районах и под каменными курганами в восточных, предгорных. Первые сходны с погребальными сооружениями волжских половцев и оставлены, вероятно, выходцами из Нижнего Поволжья – этнокультурными наследниками домонгольского печенежско-половецкого населения, а также северных огузов («черных клобуков»). Вторые не имеют аналогий в Поволжье и Приуралье и связываются с выходцами с востока и юго-востока, из казахстанских степей (Восточного Дешта) – потомками племен кимако-кипчакского объединения [4, с. 70; 5, с. 359, 360; 6, с. 96–98]. Кипчакскую этнокультурную основу имели племена, сформировавшиеся на Южном Урале в XIII–XIV вв.: катый, мин, кипчак и др. Это были так называемые «территориальные племена» [13, с. 473, 474] – общности, сформировавшиеся на новой родине из фрагментов различных домонгольских объединений, перемешавшихся в ходе войн и миграций.

1. Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. А.Г.Галстяна. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 156 с.
2. Бичурин Н.Я. (Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингизова. СПб.: Тип. К.Крайя, 1829. 457 с.
3. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. М.: Аграф; Тверь: Леан, 1997. 480 с.
4. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы Кипчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 96 с.
5. Иванова Е.В. Золотоордынская тематика в археологии Южного Урала // Золотоордынское наследие. Вып. 1. Казань, 2009. С. 358–361.
6. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Отв. ред. Х.Ф.Усманов. Уфа: Китап, 1996. 520 с.
7. История монголов по армянским источникам / Пер. и объясн. К.П.Патканова. Вып. I. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1873. 106 с.
8. Киракос Гандзакечи. История Армении / Пер. с древнеармян., пред. и коммент. Л.А.Ханларян. М.: Наука, 1976. 357 с.
9. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 368 с.
10. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. I / Пер., тексты, глоссарии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 620 с.
11. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1958. 296 с.

12. Костюков В.П. Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством» // Тюркологический сборник 2005. Тюркские народы России и Великой Степи. Отв. ред. С.Г.Кляшторный. М.: Восточная литература, 2006. С. 199–237.
13. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 572 с.
14. Лубсан Данзан. Алтан тобчи (Золотое сказание) / Пер. с монг., коммент. и прил. Н.П.Шастиной. М.: Наука, 1973. 440 с.
15. Олсен Т. Царевичи левой руки: введение в историю улуса Орды XIII – начала XIV в. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. Ред. И.М.Миргалеев. Казань: Фолиант: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 209–228.
16. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.
17. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. Ред., вступ. ст., прим. Н.П.Шастиной. М.: Географгиз, 1957. 270 с.
18. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю.П.Верховского; ред. И.П.Петрушевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.
19. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Пер. В.Г.Тизенгаузена. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип. имп Академии наук, 1884. 579 с.; т. II. Извлечения из персидских сочинений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
20. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях / Пер. Д.И.Языкова. СПб.: Тип. Департамента нар. просвещения, 1825. 330 с.
21. Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кипчак в XIII – начале XIV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань: Фэн, 2013. 288 с.
22. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.
23. Das Mongolische Weltreich. Al-'Umarī's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al absār fī mamālik al-amsār. Mit Paraphrase und Kommentar hrsg. von K.Lech. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1968. 518 S.
24. Saint-Quentin S. Histoire des tartares / Publ. par J. Richard. Paris: P. Geuthner., 1965. 130 p.
25. Tabakat-i-Nasiri: a General History of the Muhammadan Dynasties of Asia Including Hindustan, from A.H. 194 (810 A.D.), to A.H. 658 (1260 A.D.), and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam. Vol. 1 / Transl. by H.G. Raverty. Calcutta: Gilbert & Rivington, 1881. 786 p.
26. The Ta'rikh-i-jahangusha of Alau'd-din 'Ata Malik-i-Juwaini. Pt. I. Ed. with introduction, notes and indices by M.Qazwini. Leyden: E.J.Brill; London: Luzac & Co, 1912. 380 p.

Глава III. Государственный строй Улуса Джучи

§ 1. Административное устройство. Организация управления

Вадим Трепавлов

Золотая Орда имела сложную и разветвленную систему управления. Она формировалась и изменялась на протяжении почти всех трех столетий существования государства. Начав с введения в завоеванном Дешт-и Кипчаке традиционных, принятых для всей Монгольской империи институтов, Джучиды впоследствии сумели также рационально использовать административные традиции покоренных народов и соседних стран. Образовался комплекс управленческих органов и должностей центральных и местных ведомств, иерархически организованных столичных и провинциальных властей.

В истории Улуса Джучи было несколько событий, которые можно интерпретировать как решающие вехи в трансформации ее административного устройства. Обретение государством фактической независимости от имперского правительства во второй половине 1260-х гг. побудило сарайских ханов обустроить государство в соответствии с новым, самостоятельным статусом. Одним из первых признаков этого была выдача ханом Менгу-Тимуром от своего имени ярлыков русским православным иерархам. Однако разгоревшиеся после его смерти распри отвлекли джучидскую элиту от налаживания управления, и окончательно административная структура независимой Золотой Орды сложилась, очевидно, после окончания смуты при хане Тохте (1290–1312). Вскоре принятие ислама Узбеком в качестве государственной религии повлекло новые преобразования, в результате которых Орда превратилась в одно из мусульманских государств с присущими им приемами и канонами управления, отработанными на протяжении столетий.

В дальнейшем, насколько можно судить по источникам, принципиальных преобразований в данной области не происходило. Междоусобицы 1360-х – 1370-х гг. и нашествия Тимура в 1390-х гг. не давали правителям Орды возможности совершенствовать ее устройство. Ведя жестокую борьбу за власть, они ограничивались лишь поддержанием тех административных институтов, которые сохранялись после политических катаклизмов.

К характерным чертам государственного строя Золотой Орды можно отнести: а) монархическую власть хана; б) участие в управлении *карачи-беков* – представителей нескольких (обычно четырех) аристократических татарских родов; в) разделение кочевого населения и территории на правое и левое крылья; г) улусную систему – совокупность контингентов подданных и территориальных уделов, пожалованных ханом в управление военачальникам и «штатским» сановникам; д) институт наместников (монг. *даругачи, даруга*; тюрк. *баскак*) в управлении городским и сельским оседлым населением; е) ясачное налогообложение; ж) сочетание государственной администрации с традиционными органами управления местных жителей.

Во главе государства и всей системы управления Улуса Джучи стоял хан. Обоснование монархического правления и организации правящей элиты имели в Золотой Орде несколько источников. Первый и главный из них – это авторитет основателя Монгольской империи. Кроме того, при наследовании власти действовали внутриклановые принципы перехода ханского ранга. Из кочевой старины тянулась традиция всенарод-

ного избрания (фактически – одобрения избрания) государя. Поскольку Джучиев улус представлял собой вторичное образование в рамках империи, то в течение XIII в. имела значение также инвеститура от вышестоящего сюзерена – каракорумского каана. Когда золотоордынские ханы перешли в ислам, встал вопрос о легитимизации их власти уже в соответствии с канонами этой религии. Наконец, в ходе распрей и смут случалось, что на авансцену выходили различные тюрко-монгольские царевичи и князья. Одолев соперников, они принимались управлять государством или его отколовшимися провинциями, будучи убежденными, что высшие силы находятся на их стороне, поскольку даровали успех в борьбе с соперниками.

Род Джучидов постоянно рос и ветвился, и система старшинства различных его линий с течением времени все усложнялась. Вероятно, к концу XIII в. определилась их иерархическая очередность. По имеющимся ныне сведениям можно предполагать, что высшие места в этой иерархии занимали на западе Улуса потомки Бату и – следом за ними – Бувала; на востоке – потомки Орду, а следующими по старшинству шли Тукай-Тимуриды (в следующем столетии их оттеснили Шибаниды).

Пока монголы в большинстве своем оставались язычниками, их трактовка источников и пределов ханской власти базировалась на установках, традиционных для кочевого мира. Очевидно, основные позиции концепции верховной власти были унаследованы Монгольской империей от ее исторических предшественников – каганатов раннего средневековья. Данная концепция объясняла воцарение основателя державы и благополучное правление его потомков благоволением и помощью божественных сил. Последние олицетворялись прежде всего ведущей парой центральноазиатского языческого пантеона – Небом (Тэнгри) и Землей (Этуген).

Царственный ранг чингизовой семьи был подкреплен легендой о небесном происхождении ее родоначальника Бодончара. По этой легенде, праматерь Алан-Гоа родила его и двух его братьев от луча света, проникшего в ее лоно через дымник (верхнее отверстие) юрты [4, с. 80, 81; 12, кн. 1, с. 10–14]. Кроме того, у истоков рода стоял тотемный предок – Бортэ Чино (Бурый Волк), также родившийся «по изволению Вышнего Неба» [4, с. 79]. Таким образом, обоснование легитимности правления Чингизидов, и в том числе Джучидов, базировалось на комплексе языческих представлений об участии сверхъестественных сил в выделении данного рода из всех прочих.

Дарованная Небом и охраняемая Землей власть осуществлялась в четырех главных сферах: охрана целостности и укрепление державы; расширение ее пределов путем завоеваний; забота о благоденствии подданных; поддержка боеспособности войска. Еще в начале карьеры Чингиз-хана его первые сторонники увидели в нем «человека, который мог бы заботиться о войске и хорошо содержать улус»; сам Чингиз отзывался об этом сходным образом: «Став опорой [государства], я принял на себя трудное дело охраны народа»; к подобным же пунктам сводятся и его поучения сыновьям [5, с. 95–96; 6, с. 189; 12, кн. 2, с. 90].

В целом можно отметить, что власть правящего рода в империи и ее улусах основывалась, во-первых, на харизме Чингиз-хана; во-вторых, на харизме рода Чингизидов. Впоследствии, при исламизации монгольских и тюркских кочевников в западных улусах, встала проблема легитимизации правления Чингизидов с точки зрения ислама. Не могло быть и речи, чтобы они хотя бы формально получали инвеституру от безвластного аббасидского халифа, прозябавшего при египетском дворе. Вместо этого была разработана абсолютно фантастическая версия о том, будто Чингиз был обращен сподвижником Пророка в ислам – «принял все установления Бога, кроме хаджа и обрезания, перешел в исламскую веру» и произнес шахаду (символ веры). Об обращении монгольского правителя будто бы узнал и одобрил это праведный халиф Абу Бакр, живший на

самом деле в VII в. [3, с. 64–66]. Теперь Чингиз-хан в принципе мог быть причислен к сонму мусульманских династов, перестав быть «неверным».

Функционирование государственной машины осуществлялось от имени хана и в виде выполнения его приказов – независимо от того, сидел на престоле самодержавный государь или марионетка придворных клик. Хан производил назначения на главные административные должности, осуществлял выпуск денег, вел переговоры с иноземными правителями, возглавлял армию во время больших военных кампаний и т.д.

Однако в действительности он делил свои полномочия с карачи-беками, один из которых считался старшим (*беклербек*, *улуз бек*). Некоторые историки не без основания полагают, что эти четыре высших вельможи представляли наиболее влиятельные тюрко-монгольские кланы и образовывали совет при правителе. Насколько можно судить по информации о татарских ханствах позднего средневековья, именно на них было возложено выполнение церемонии воцарения очередного хана. Структура четырех главных родов (помимо царствующей династии) была традиционной для тюрко-монгольской государственности. Можно предполагать, что в начале XIV в., при Узбеке, в добавление к своим придворным обязанностям они получили в управление и четыре части государства, превратившись еще и в *улусбеков*.

В структуре управления Золотой Орды не фиксируется такое традиционное для тюрков и монголов учреждение, как *курултай* – съезд знати. Вероятно, номинально он все-таки существовал, но собирался лишь в исключительных случаях или по торжественным поводам (провозглашение нового государя). Скорее всего, в реальности четыре карачи-бека подменили собой это аристократическое совещание. Впоследствии, когда ордынская государственность продолжала существовать в условиях татарских ханств, *курултай* возродился, если принять во внимание неоднократные упоминания о собраниях «всей земли» в Казани, Крыму, Сибири и Астрахани.

Как и в любой державе, созданной кочевниками, военная сфера занимала важнейшее место в жизни государства. Кроме того, кочевники составляли большинство его населения и войска. Поэтому в первую очередь для управления именно кочевыми подданными создавались административные институты в Золотой Орде. Однако оседлое население – земледельцы, ремесленники и торговцы – тоже являлось важнейшей категорией подданных, прежде всего в качестве налогоплательщиков. Со временем, с принятием ислама и расцветом городов в первой половине XIV в., роль этой категории подданных в экономике и, следовательно, их социальная значимость, кардинально возросли. Поэтому центральное управление было ориентировано на две эти главные части населения.

Условно можно считать, что военные дела и связанная с ними улусно-удельная система находились в ведении беклербека и иерархически подчиненных ему трех карачи-беков; невоенными делами (прежде всего финансовыми) ведали *везир* и руководимая им канцелярия-*диван*. Другими словами, кочевые жители Золотой Орды находились в основном под надзором беклербека, а оседлые – везира.

Роль хана при подобном распределении компетенции сводилась к верховному контролю над своими сановниками, арбитражу при разногласиях между ними, принятию окончательных решений в принципиальных вопросах. Не случайно средневековые наблюдатели замечали, что джучидский монарх «обращает внимание только на сущность дел, не входя в подробности обстоятельств, и довольствуется тем, что ему доносят, но не доискивается частных относительно взимания и расходования» [15, с. 230]. Правда, такая отстраненность хана от повседневных дел была характерна для XIV столетия и, может быть, 1270–90-х годов. Первые же правители Улуса, Бату и Берке, досконально вникали во все детали управления, поскольку еще только налаживали действие государственного механизма.

Беклербек являлся номинальным главой сословия беков (нойонов, эмиров) и в этом качестве выступал как верховный военачальник. Когда Орда обратилась в ислам, с ним связывалась и идеологическая основа внешней политики, обычная для средневековых мусульманских государств, – борьба (война) за веру. В этом качестве его титуловали «помощь ислама и мусульман», «поборник воителей и борцов за веру». При этом прерогативы беклербека, конечно, уступали ханским, поскольку хан возглавлял весь народ – как в мирное время, так и во время выступления на войну всеобщего ополчения. Кроме того, на беклербека как на второе лицо в государстве возлагались обязанности налаживать отношения с другими странами и, возможно, вершить правосудие в качестве высшей судебной инстанции (в тех сферах жизни и среди тех слоев населения, где пока не распространился шариат). Под непосредственным управлением главных беков находилась западная часть государства – от Дона до Дуная, включая Крым.

Институт беклербекства сформировался не ранее XI в. в среде тюрок-огузов, но имел длительную предысторию в потестарных обществах на стадии протогосударственности. Он превратился в одну из матричных форм функционирования тюркских кочевнических политий и был реанимирован в Улусе Джучи в результате социального усиления кочевой аристократии. Оно было порождено, во-первых, благоприятными экономическими и демографическими условиями XIII в.; во-вторых, кризисами и репрессиями в правящем доме Бату во время правления хана Тохты и в начале правления Узбека, когда Джучиды в борьбе за власть теряли опору среди сородичей, членов династии, и находили ее у кочевых беков. Возрождению тюркского института беклербекства способствовали также тюркизация двора, бюрократии и делопроизводства в Золотой Орде, а кроме того, проникновение иранских и огузо-сельджукских элементов государственного устройства. Факторами, которые стимулировали последнее явление, были временное замирение между традиционно враждовавшими Улусами Джучи и Хулагу в начале XIV в. и принятие в Золотой Орде ислама как государственной религии. С конца XIV в., по мере ослабления джучидской государственности, значение беклербеков в жизни постордынских государств значительно возросло. В некоторых из них данная должность была монополизирована беками из тюркского племени мангытов.

Появление должности беклербека было одним из показателей развития Золотой Орды. Во-первых, развития административно-политического: в лице главного бека и его двора оформлялось специализированное военное ведомство государства. Однако давление архаичных устоев и кризис Улуса не позволил завершиться этому процессу. Во-вторых, развития социального. Беклербек появился не ранее того времени, когда в Золотой Орде полностью сформировалось аристократическое сословие беков, которое требовало ранжирования и структурирования. Хотя наука ныне отвергла известную концепцию «кочевого феодализма», в данной тенденции просматривается так и не реализовавшийся потенциал будущих сеньориально-вассальных отношений, местнических порядков, феодальной лестницы и прочих институтов классического феодализма.

Неудивительно, что в руках названных высших сановников сосредотачивались настолько обширные прерогативы и ресурсы, что они порой могли претендовать на самостоятельность и распоряжаться троном. Самые известные и могущественные беклербеки Мамай и Едигей (зачастую неверно называемые в историографии узурпаторами и временщиками) назначали ханов по своему усмотрению и полностью контролировали все дела в государстве.

Наличие двух высших сановников, беклербека и везира, отражало деление правящей элиты Золотой Орды на две категории – военную знать (нойоны, беки, эмиры) и чиновную администрацию. Средневековые арабские авторы именуют их соответственно правителями эмиров и правителями городов [15, с. 347 и сл., 412 и сл.]. Обе структуры, военная и гражданская, действовали параллельно, исполняя разные функции.

Если институт беклербекства был порождением тюрко-монгольской государственной традиции, то везир и диван – это результаты заимствования мусульманских государственных институтов. Главными обязанностями этих органов были обеспечение функционирования финансовой системы, осуществление фискальной политики, контроль над все более ветвившимся административным аппаратом, регулирование торговли, городского строительства и проч. Если ханы и главные беки проводили большую часть времени в привычных (и престижных) перекочевках, то чиновничество по большей части размещалось в городах. В ведомстве дивана хранились податные списки (*дафтар, девтерь*), разнообразные ведомости и кадастры.

К сожалению, вся эта огромная документация на сегодняшний день утрачена. Однако даже то немногое, что известно о деятельности центральных правительственных учреждений Золотой Орды, позволяет утверждать, что в ней сочетались элементы делопроизводственной культуры разных стран и народов в составе Монгольской империи – уйгуров, киданей, чжурчженей, китайцев и др. В самом Улусе Джучи явно просматривается также влияние мусульманских регионов Хорезма и Мавераннахра, Хулагуидского Ирана; возможно, какой-то след оставила культура Волжской Булгарии.

Иерархия беков известна из оригиналов ханских ярлыков и их русских переводов, в которых упоминаются темники, тысячники, сотники, десятники, князья улусные, ратные, полчные, людские (возможно, синоним улусных – улусбеков). Все эти военачальники и наместники составляли пирамиду, сходящуюся на вершине к карачи-бекам и беклербеку. В течение XIII в. они составили своеобразную корпорацию, державшую в руках военно-административную структуру державы и практически не вмешивавшуюся в дела невоенной сферы. В XIV в. стало заметно сближение и даже определенное слияние военно-кочевой знати, хранительницы завоевательных традиций Монгольской империи, с чиновничеством.

Чиновники Золотой Орды тоже имели многоступенчатую градацию. После везира высшее должностное место занимал *даруга* – лицо, ответственное за сбор налогов с определенной местности. Даруги назначались как в отдельные населенные пункты, города и селения, так и в целые *тумены* – улусные уделы. В последнем случае они делили управленческие полномочия с местными беками, держателями улусов, и вместе с ними организовывали сбор податей. Даруги олицетворяли собой присутствие и надзор центральной власти на местах, служили ее представителями. В этом смысле они заменили собой баскаков, которые в период единства империи представляли правительство каана – в том числе в землях, подвластных Джучидам. Для XV в. известны даруги, ответственные за положение в русских великих княжествах. В 1470 г. хана Ахмеда во время переговоров с поляками настраивали против Ивана III «князь Темир, дорога Рязанской, и прочии» [10, т. 18, с. 224.]. Видимо, этот чиновник отвечал за дела, связанные с Великим княжеством Рязанским – так же, как некогда при дворе Улуг-Мухаммеда состоял московский даруга [10, т. 12, с. 15].

Используя вековые социальные институты, присущие кочевникам, имперские и золотоордынские власти в XIII в. разделили подвластное население на тумены (округа, способные выставить в ополчение по десять тысяч боеспособных мужчин), тысячи, сотни и десятки. Тумены, как правило, составляли крупные улусы. Между начальниками этих подразделений была установлена строгая военно-административная иерархия. Пастбища закреплялись за держателями улусов, которые регулировали все передвижения и податные платежи подвластного населения.

Десятичная система вводилась и на оседлых территориях, но там она служила, очевидно, главным образом основой для налогообложения, а не военной мобилизации. Есть сведения об учреждении туменов («тем») в завоеванных русских землях в результате общеимперской переписи населения, проведенной монголами во второй половине

1250-х гг. Тем не менее известно, что подданные из земледельческих регионов (в том числе русские) привлекались к военным кампаниям, которые вели ордынские ханы.

Золотая Орда делилась на два крыла, разграниченных рекой Яик, – правое (западное, Белая Орда – Ак-Орда) и левое (восточное, Синяя Орда – Кок-Орда). Каждое из них, в свою очередь, также делилось на крылья. Ак-Орда состояла из двух половин, разграниченных Доном, Кок-Орда – из уделов Джучиевых сыновей Орду-эджена и Шибана, рубеж между которыми сложно определить из-за скудости сведений. В распоряжении историков имеются относительно подробные данные о территориально-административном устройстве только Ак-Орды.

Белая и Синяя Орды на протяжении первого столетия своего существования вели практически автономное существование, числясь в составе единого Джучиева улуса номинально, без явных признаков взаимодействия. Вмешательство ак-ордынских ханов в восточные дела происходило редко и эпизодически, об участии же как-ордынских сюзеренов в событиях к западу от Яика до середины XIV в. ничего не известно. Нет данных о том, что аристократия двух Орд собиралась на съезды для обсуждения общих дел (видимо, таковых и не находилось); что в обоих крыльях действовала единая система налогообложения или мобилизации войска. Наверное, лишь фамильное родство правителей, сеть караванных путей и ямских станций да еще – в первые десятилетия – подчиненность имперскому Центру демонстрировали принадлежность Ак-Орды и Кок-Орды к общему государственному организму.

Объединение обеих крыльевых половин произошло, очевидно, в 1380-х гг. при хане Токтамыше. Оно оказалось кратковременным и неэффективным, поскольку произошло в обстановке уже начинавшегося государственного кризиса и распада Золотой Орды, да к тому же накануне роковых для нее нашествий Тимура. После них территория правого крыла погрузилась в хаос, там началось образование независимых ханств. В левом крыле в течение XV столетия образовались Узбекское и Казахское ханства и Ногайская Орда. Ни одно из этих новых государств уже не причисляло себя к общеджучидским крыльям.

Одной из главных отличительных черт государственного строя Золотой Орды была улусная система. Понятие *улус* первоначально обозначало народ, данный в управление. Позднее термин распространился также на территорию, занимаемую этим народом, и в данном качестве стал служить названием удела и в целом государства (фактически обособившегося удела – как Улус Джучи, Улус Чагатай, Улус Хулагу).

В Золотой Орде улусы не были наследственными владениями – по крайней мере, до второй половины XIV в. Фактически они представляли собой условные держания. Условиями же пользования уделом для его правителя являлись исправная выплата податей населением, поддержание порядка и стабильности на подконтрольных землях, мобилизация надлежащего количества воинов в ополчение. Принято считать, что улус соответствовал войсковому тумену, т.е. десятитысячному корпусу; другими словами, с каждого улуса в ополчение выставлялось десять тысяч воинов. Правитель улуса, таким образом, имел ранг темника.

Хан мог менять держателей улусов, отбирая и передавая уделы по своему усмотрению. При этом границы улусов, очевидно, оставались неизменными. Каждый из них имел как бы две ипостаси, две формы бытия – территорию и народ. Пространство кочевания обозначалось *нутаг* (монг.) или *юрт* (тюрк.), население – *ирген* (монг.) или *эль*, *иль* (тюрк.). Вместе нутаг/юрт и ирген/эль и образовывали улус. С течением времени приоритетной стала именно территориальная составляющая понятия «улус», тогда как у монголов XII в. на первом плане стояло кочующее население (которое, собственно, и составляло удел).

Состояние улусной структуры общеджучидского правого крыла в середине XIII в., т.е. в период обретения Золотой Ордой политической самостоятельности, проанализировал по разнообразным источникам В.Л. Егоров. По его заключению, с запада на восток улусы располагались приблизительно следующим образом (см.: [2, с. 163, 164]).

1. Крайние западные, заднепровские области на границе с Дунайской Болгарией находились под управлением Ногая, потомка Джучи по линии седьмого сына последнего, Бувала. В конце столетия в сферу контроля Ногая попал также весь регион к западу от Дона, включая Крым. Резиденцией Ногаю служил город Исакчи на правом берегу нижнего Дуная.

2. Между Днепром и Днестром располагался улус военачальника Куремсы – возможно, не Джучида.

3. По левому берегу Днепра кочевал темник Маучи (Мауцы), также не принадлежавший к царствующему клану.

4. Далее к востоку и до Дона простирались земли, отданные Картану, женатому на сестре Бату.

5. В особый улус первоначально был выделен Крым, но имена его первых улусных правителей неизвестны.

6. Волго-Донское междуречье было занято кочевьями Сартака, старшего сына Бату.

7. Южнее, в северокавказских степях, сначала правил будущий хан Берке, младший брат Бату, но в конце 1240-х гг. Бату выделил ему другой район – восточнее Волги (наверное, в южной части Волго-Яицкого междуречья).

8. Вдоль левого берега Итиля (Волги) протянулся ханский домен – личный, собственный улус властителя Золотой Орды. Демонстрируя приверженность жизненному укладу предков, ордынские государи старались сохранить кочевой образ жизни своей семьи и двора. Главная ставка (собственно «Золотая Орда») периодически в течение года перемещалась вдоль Волги на северные летовья и южные зимовья. Исходя из климатических условий этой части Евразии, больше времени хан и двор вынуждены были проводить на зимних пастбищах. Именно в местах зимних стоянок возникли крупнейшие города – оба стольных Сарая и Хаджи-Тархан (Астрахань). В XIV в. джучидские государи зимовали также на пастбищах степного Предкавказья (там был основан город Маджары). В зоне ханских летовок располагались города Булгар и Укек (правда, последний стоял на правом берегу Волги).

9. Правый берег Яика. В этих местах на древнем караванном пути, на переправе через Яик стоял один из золотоордынских «мегаполисов» Сарайчик. Держатель данного улуса в середине XIII в. неизвестен. В период распада державы в конце XIV–XV вв. на Сарайчик претендовали потомки Джучиевых сыновей Орду-эджена, Шибана и Тукай-Тимура.

10. Левый берег Яика. Держатель этого улуса также неизвестен.

Самостоятельной административной областью являлся Хорезм; северная часть этой страны с городами Ургенчем и Хивой принадлежала Золотой Орде. Может быть, данная область древней культуры на нижней Амударье являлась анклавом правого крыла, окруженным чагатайскими и кок-ордынскими владениями.

Что касается внутреннего деления левого крыла, то известно лишь о расположении владений Орду-эджена и Шибана. Старший Джучид унаследовал отцовскую ставку в верховьях Иртыша. Источники, описывая ханский домен Кок-Орды, называют различные топонимы в юго-восточном Казахстане. Из крупных городов там фиксируются Отрар, Сауран, Дженд, Барчкент и Сыгнак, который во второй половине XIV в. превратился в резиденцию местных монархов. Все это по большей части поселения на Сыр-Дарье, в местности, урбанизированной еще в домонгольские времена.

Улус Шибана занимал обширные степи западного и центрального Казахстана. По рассказу хрониста Абу-л-Гази (XVII в.), Бату выделил удел младшему брату с напутствием: «Юрт, в котором ты будешь жить... будет между моим юртом и юртом старшего брата моего Орда-Ичена, летом ты живи на восточной стороне Яика по рекам Ирғиз, Санук, Орь до горы Урал, а во время зимы в Аракуме, Каракуме и побережьях реки Сыр в устьях Чу и Сарису» [14, с. 160].

Где находились кочевья других сыновей Джучи, назначенных в подчинение Орду-эджену, – Удура, Шингкура, Сингкума и Тукай-Тимура – никаких данных нет.

В XIV в., по мере усиления роли городской экономики и развития административного аппарата в формах, присущих стабильным оседлым государствам, в Золотой Орде произошла трансформация административно-территориального деления. Сохранив структуру кочевых уделов, правительство учредило еще и четыре улусбекства, именуемые в арабских документах Сараем, Хорезмом, Крымом и Дешт-и Кипчаком. Нетрудно заметить, что первые три из них – это довольно локальные регионы с развитой городской жизнью, и для них действительно было достаточно одного наместника. Что касается громадного Дешт-и Кипчака, то для управления им необходимо было использовать дополнительное внутреннее разделение. Эту функцию, видимо, и выполняла старая улусная система.

По немногочисленным и порой сомнительным свидетельствам источников, общее число улусов в обоих крыльях Золотой Орды в XIV вв. равнялось семидесяти [2, с. 167]. Тридцать из них приходилось на долю левого крыла – явно менее многолюдного.

Принцип разграничения их очерчивания улусных границ пока невозможно установить по средневековым текстам. Географические критерии (речные рубежи) действуют не во всех случаях. Если с одной стороны улус мог ограничиваться Волгой, Камой, Доном или Яиком, то что служило его границами в голой степи – более мелкие реки? другие ландшафтные ориентиры, наподобие горных хребтов? В историографии высказано предположение, что в основе улусно-крыльевого деления могло лежать расселение различных этнических общностей. Так, Кок-Орда и Ак-Орда приблизительно соответствовали ареалам расселения огузов и кипчаков (по археологическим материалам) [17, с. 57, 58]. Возможно, при формировании удельной системы у Джучидов учитывался состав местных кипчакских и пришлых монгольских племен, когда один улус соответствовал определенной племенной общине или группе общин. Об этом косвенно свидетельствуют позднесредневековые упоминания о населении Дешт-и Кипчака прежде всего как о совокупности элей, т.е. людских контингентов улусных владений; при этом каждый эль обозначался в источниках племенным этнонимом: эль найманов, эль кунгратов, эль мангытов и т. п. Если верна гипотеза о четырех ведущих аристократических кланах, стоявших у руля государства, то резонно предположить, что эти кланы обладали собственными районами кочевания.

В сознании жителей тюркских ханств сохранялось представление о былом центре Улуса Джучи, освященном фигурой второго Джучиева сына – Бату (Саин-хана). Захват ставки ордынского хана в XV – начале XVI в. расценивался его соперниками-победителями как обретение священного Саинова трона. Именно таким образом Джучиды, враждебные Большой Орде, трактовали свои успехи в борьбе с ней: «Ино мне счастье дал Бог, Тимер Кутлуева сына убивши, Саинской есми стул взял» (тюменский хан Ибрахим – Ивану III, 1494 г., по поводу разгрома хана Ахмеда тринадцатилетней давности); «Отца (предка – *Авт.*) нашего Саина царя золотой столец в руках в нас» [11, с. 46; 13, л. 539]. Сам Менгли-Гирей в послании киевскому воеводе сообщал о разгромах Большой Орды как об успешной кампании, в которой он «Шы Ахмата цара прогнал, цара отца столец взял» [18, с. 181]. Под «царем отцом» (ханом-предком) здесь, скорее всего, тоже подразумевался Бату.

Главной заслугой мангытского бека Ваккаса (вторая четверть XV в.) восточные хронисты считали то, что для своего патрона, хана Абу-л-Хайра он «дважды завоевал трон Саин-хана», после чего с именем Абу-л-Хайра начала читаться *хутба* – молитвенное славословие в честь правителя, стала чеканиться монета, и его персоной «украсился трон Саин-хана» [8, с. 67, 155].

Все названные выше троны~столы~стольцы (ханские резиденции) находились в разных местах, что указывает на условность данного понятия в идеологических конструктах позднесредневекового Дешт-и Кипчака. Кроме того, «юртом Саиновым» русский «Казанский летописец» 1560-х гг. называет Казань [10, т. 19, с. 13, 210].

В глазах бывших славянских данников канувший в прошлое Улус Джучи олицетворялся именно местопребыванием хана. Визиты к хану для добывания ярлыков, выплаты дани-«выхода», разрешения межкняжеских споров и проч. предстают в русских источниках как поездки «в Орду», т.е. Орду=ставку и Орду=государство.

Символичность нескольких вышеупомянутых «тронов Саин-хана» выглядит очевидной на фоне действительного нахождения одной из резиденций Бату в стольном Сарае. Во второй половине XIV в. Мангутай становился ханом «на троне Саин-хана в вилайете Сарая» (Сайын-хан тэхтіндэ Сэрай вілайэтіндэ); Токтамыш – «в городе Сарая на троне Саин-хана» (Сэрай шэһріндэ Сайын-хан тэхтіндэ) [16, с. 109, 118, 136, 144; см. также: 9, с. 147].

Таким образом, места расположения столиц и кочевых ханских ставок превращались в общезначимые места, осененные присутствием магической харизмы (*фарн, кут*), которая давала божественным избранникам власть над народом. При этом нужно учитывать и обратную связь явлений: столицы, ставки и могильники могли устраиваться в районах, которые до того уже имели репутацию священных мест, а кочевая ставка, возле которой совершалось погребение хана, превращалась в своеобразный мемориал – *курук* [1, с. 149; 7, с. 158;]. Вероятно, общеджучидскую символическую ценность сохраняли такие династические некрополи-куруки в районе города Сарайчика на Яике и в горах Улутау (Центральный Казахстан).

1. Дмитриев С.В. Среднеазиатские куруки в эпоху Шибанидов (по материалам XVI в.) // Тюркологический сборник 2005. Тюркские народы России и Великой Степи. Отв. ред. С.Г.Кляшторный. М.: Восточная литература, 2006. С. 143–158.

2. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.

3. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.). Пер. и комм. Е.В.Бахревского. Симферополь: ДАР, 1999. 144 с.

4. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. I. Пер., тексты, глоссарии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 620 с.

5. Котвич В.Л. Из поучений Чингиз-хана // Восток. 1923. № 3. с. 94–96.

6. Лубсан Данзан. Алтан тобчи (Золотое сказание) / Пер. с монг., коммент. и прил. Н.П.Шастиной. М.: Наука, 1973. 440 с.

7. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы: Социнвест; Москва: Горизонт, 1995. 320 с.

8. Материалы по истории казахских ханств XV–XVII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Сост. С.К.Ибрагимов и др. Алма-Ата: Наука, 1969. 654 с.

9. Мустакимов И.А. Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабграфических источников // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2008. № 1. С.142–157.

10. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 264 с.; т. 18. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.; т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). М.: Языки русской культуры, 2000. 328 с.

11. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Сост. Б.А.Кельдасов и др. Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1995. 356 с.
12. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л. Изд-во АН СССР, 1952. Т. I. Кн. 1. Пер. Л.А.Хетагурова. 219 с.; кн. 2. Пер. с перс. О.И.Смирновой. 315 с.
13. Российский государственный архив древних актов. Ф. 389 «Литовская метрика», оп. 1, д. 7.
14. Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана. Пер. и предисл. Г.С.Саблукова. Казань: Типолит. имп. Казан. ун-та, 1906. 224 с.
15. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Пер. В.Г.Тизенгаузена. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1884. 579 с.
16. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсим., пер., транскрипция, текстол. примеч., иссл. В.П.Юдина. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.
17. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.
18. Lietuvos Metrika. Knyga Nr 8 (1499–1514). Parengė E.Baliulis, A.Firkovičius, D.Antanavičius. Vilnius: Mokslo ir enciklopediju leidykla, 1995. 710 s.

§ 2. Территориальное устройство Улуса Джучи (территория западнее Дона)

Борис Черкас

Реконструкция территориального устройства Золотой Орды (Улуса Джучи) является важной проблемой для современной исторической науки. Поскольку понимание областного деления данного государства сможет существенно расширить рамки нашего представления о его существовании. Дефицит источников, в первую очередь внутреннего происхождения, из государства Джучидов делает исследование этой проблемы довольно сложным. Но в то же время, современный уровень изученности истории Улуса Джучи все-таки позволяет попытаться воссоздать картину сети улусов в некоторых его регионах. Одной из таких частей Золотой Орды являются земли, расположенные к западу от Дона, на территориях современной Украины и Молдавии.

В 1224 году Чингиз-хан провел административную реформу, согласно которой государство делилось на улусы. Их правителями были назначены сыновья хагана – Джучи, Чагатай, Угэдэй и Толуй. Старший – Джучи – получил западную область, которая на тот момент состояла из только что завоеванного Хорезма и восточного Дешт-и Кипчака. Но уже тогда земли, которые простирались на запад, рассматривались как принадлежащие Джучи. Это видно хотя бы из того, что после битвы на Калке 1223 г. судьбу взятого в плен киевского князя Мстислава решал старший сын Чингиз-хана. Пленный князь специальным курьером был вывезен на восток в ставку Джучи, где и был казнен [20, с. 223]. Этот эпизод подтверждает мнение о том, что именно Джучи курировал действия Субедея и Джебе. В этом же контексте следует воспринимать и сообщение Джужджани об отношении Джучи к Дешт-и Кипчаку: «Когда Туши (Джучи), старший сын Чингиз-хана, увидел воздух и воду Кипчацкой земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих» [52, с. 14]. Западный поход также возглавлял Джучид, и даже когда Бату встретил внутреннюю оппозицию в лице Гуюка и других, каан поддерживал именно Бату [20, с. 310–311].

Вследствие Западного похода 1236–1242 гг. и похода Курумьши на правобережье Днепра 1245–1246 гг. Улус Джучи превратился в крупнейшую область Монгольской империи. Однако его географическое расположение – удаленность от метрополии, к тому

же отдаленной от улуса Джучи улусом Чагатая, – делало улусного правителя довольно самостоятельной фигурой. И если современники воспринимали Бату как одного из самых могущественных представителей империи, то уже его приемник Берке, как видно из египетских источников, выступает как независимый правитель. Гражданская война в Монгольской империи, вспыхнувшая в 1260 г. между сыновьями Толюя – братьями Хубилаем и Ариг-Бугой, – окончательно расколола империю Чингиз-хана [61, с. 34–49].

В результате, уже во время правления Берке (1257–1266 гг.) Улус Джучи де-факто превращается в отдельное государство. Хан Менгу-Тимур (1266–1280 гг.) начинает чеканить собственную монету, отправляет в оседлые области своих чиновников, проводит новую перепись населения, прекращает посылать «дань» в Каракорум и раздает земли оседлых регионов по примеру каана. Что же касается улусов на территории современной Украины, то они автоматически перешли к новому государству. И в дальнейшем, к XV в., большинство земель современной Украины и Молдавии находились именно в составе Золотой Орды.

Определение границ Золотой Орды на территории современной Украины является делом сложным. Главная причина – это нехватка источников. Однако определить, по крайней мере, в общих чертах контуры государства в этом регионе возможно. Следует отметить, что Монгольская империя, а затем Золотая Орда не были исключительно кочевыми образованиями. Это были государства, в основе которых лежали два мира: кочевой и оседлый. Степь составляла сердцевину страны – ее внутренние регионы. Оседлые же области формировали внешний контур государства. Кочевники были той силой, которая создала государство Чингиз-хана, а впоследствии именно они стали одним из главных факторов, благодаря которым оседлые народы удерживались под властью ханов. Если кочевники составляли военную мощь, то оседлое население составляло экономическую основу страны. Соответственно, определяя границы государства, по нашему мнению, не следует проводить их исключительно по границам расселения кочевников. Территорию следует реконструировать по сетке государственно-бюрократического аппарата, который был представлен, в первую очередь, заместителями хана, баскаками-даругами и исключительно «экономическими» чиновниками: таможенниками, сторожами, руководителями ямов, атаманами и т.д. При этом большинство регионов сохранило старую аристократию, династии и управленческие механизмы: как князья из числа степных народов правили своими подданными, так и оседлые правили своими. Что же касается стран, которые соседствовали с государствами Чингизидов и платили им дань, но при этом не входили в ордынскую административную структуру, то, по нашему мнению, их как раз и можно считать «зависимыми» или «вассальными».

Исходя из таких критериев, границу Золотой Орды в период расцвета можно определить следующим образом: на западе она охватывала Северную Добруджу, а затем, по левому берегу Дуная, тянулась к Железным воротам – месту, где Карпаты и Балканские горы выходят вплотную к Дунаю; оттуда, вдоль Карпатских гор, она шла к верховьям Серета, Прута и Днестра; по правому берегу Днестра граница спускалась к Бакоте и дальше переходила на левобережье этой реки. Описывая войны Даниила Галицкого против болоховцев и ордынцев, Галицко-Волынская летопись оперирует следующими географическими названиями: при походе Курумьши и Бурундая на Русь¹ первыми под удар попадают Шумск и Кременец [6, с. 117, 124]; в ответ войска русинов атакуют Бакоту, причем захватывают баскака, Меджибож и регион Побужья с «людьми

---

¹ После объединения князьями Данилом и Васильком (старшая ветвь Мономаховичей) территорий Галицкого, Волынского и частично Турово-Пинского и Киевского княжеств под своей властью, данное государство получило наименование королевства Руси. Соответственно обобщенным обозначением власти, войск или населения данного государства, исходя из традиции источников, следует считать термины «русь», «русины», «русичи».

татарскими», Городок, Семоч «и все города, которые сидят за татарами, Городеск и по Тетереву до Жидичева» [6, с. 117, 120; 31, с. 251–253]. Итак, мы видим, что пределом Монгольской империи на территории современной Украины и Молдавии были верховья Серета, Южного Буга, Горыни и Смотрич (не исключено, что это объяснялось наличием здесь степной зоны). Далее граница должна проходить по р. Случ на север. Во-первых, это видно из факта вхождения Киевской земли в состав Монгольской империи, а Случ как раз и был границей княжества со стороны Волыни. Во-вторых, подтверждением этому является история с походом Даниила Галицкого на Звягель в 1257 году. Тогда он и Миндовг заключили договор о совместном наступлении на Киев. И первым городом, который подвергся нападению Даниила Галицкого, был именно Звягель, расположенный на Случи [6, с. 120]. Киевщину монголы включили в состав государства, и даже первых баскаков мы встречаем именно здесь – как раз во время падения стольного города [20, с. 310].

Для реконструкции северной части границы обратимся к труду Е. Русиной. Исследовательница проанализировала функции, которые исполняли упоминаемые в источниках старцы и атаманы в Великом княжестве Литовском (далее – ВКЛ) в XVI в., и пришла к выводу, что они отображают разграничения Золотой Орды и Литвы. Соответственно, граница должна проходить по Чернобыльскому и части Овручского поветов. Мозырский и Любецкий поветы не входили в состав государства Джучидов [43, с. 82] (см. карты поветов и их населенных пунктов в работе П. Клепатского: [26]).

В сообщении летописи о поездке Даниила Галицкого к Бату сказано, что поводом для этого стало требование Мауци (в летописи – Могучий) отдать Галичину [6, с. 109]. Но соседними ордынскими землями управлял Курумьши. Из этого следует, что Мауци вызвал Даниила как должностное лицо, которое во властной иерархии находилось ниже Бату (так же, как и Бату был последним властным звеном перед хаганом). Характерно, что Иоанн де Плано Карпини, называя улусных правителей, также говорит, что Мауци стоит «выше Коренци» (Курумьши), но при этом папский посол не объясняет, в чем состояла суть этого превосходства [42, с. 48]. Однако после отъезда посланника папы из ставки Курумьши к Бату, окружение Иоанна де Плано Карпини было отправлено к Мауци. Там же находились и другие: «князь Ярослав и его товарищи, а также... из Руси Святополк и его товарищи» [42, с. 60]. Важно также отметить, что маршрут возвращения Иоанна де Плано Карпини домой имел такой вид: Бату – Мауци – Курумьши – Киев [42, с. 60–61].

Возникает вопрос: кто скрывается за именем Мауци/Могучий? М.Г. Сафаргалиев допускает, что Мауци и Мувал – одно лицо [46, с. 42]. Причем этот авторитетный автор использовал разночтение Мовал, очевидно, исходя из того, что Рукн ад-Дин Бейбарс [51, с. 109, 121] и ан-Нувеири [51, с. 150 примечание, с. 152, 156] называют его Мувалом, а ал-Айни – Моголом [51, с. 503]. В.В. Трепавлов допускает, что Мауци не был Чингизидом [53, с. 31]. Иного мнения придерживается Р.Ю. Почекаев. В своем исследовании он утверждает, опираясь на сообщение Рашид ад-Дина, что Мауци был сыном Чагатая [41, с. 76, 156]. По созвучию имен из детей Чагатая на эту роль подходят только Мутуген и Муджи Яя, но первый из них погиб еще при жизни деда. Важно и то, что Рашид ад-Дин не упоминает о правлении представителей рода Чагатаидов в Улусе Джучи. Поэтому, по нашему мнению, учитывая конфронтацию этого рода с Джучидами, такая ситуация маловероятна. Что касается области, которую возглавлял Мувал (для удобства подачи материала мы решили остановиться на данном варианте имени), то тут следует обратить внимание на крыльевое деление Золотой Орды.

Согласно традиции кочевников, потомки Джучи разделили Улус Джучи на две части-крыла. Западное (правое) крыло досталось руководителю всего улуса Бату, а восточное (левое) отошло к старшему в роду Орда-ичену. К началу XIV в. крылья западнее р.

Яик (совр. Урал) жили самостоятельной жизнью. Однако правители левого крыла формально считались зависимыми от владельцев правого. В территориальном аспекте правое крыло также доминировало – ему принадлежал не только огромный степной массив, но и все оседлые регионы, причем не только на западе, но и на востоке (Хорезм). Согласно исследованиям К. Ускенбая, левое крыло делилось на два меньших крыла – Орда-ичена и Шибана [54, с. 373]. Соответственно, такая же ситуация должна была иметь место в западном правом крыле. Исходя из выше описанного статуса Мувала, мы считаем, что он как раз и был главой одного из двух крыльев в Ак Орде, и соответственно в дальнейшем считаем возможным оперировать термином «крыло Мувала».

Также следует отметить, что если в Кок Орде разделение владений между Орда-иченом и Шибаном выступает достаточно четко, то в Ак Орде часть, принадлежавшая Мувалу, не была столь явно выделена. Это было обусловлено несколькими причинами. Бату достались недавно завоеванные земли. Кроме того, с каждым годом возрастала опасность со стороны соседей, в первую очередь венгров, русов и литовцев, что потребовало от него соответствующей концентрации сил, которых не хватало для подавления восстаний и борьбы с внешними угрозами. И если большое правое крыло (Ак Орда), хотя и с трудом, но удерживало контроль над ситуацией, то у потомков Мувала, чьи владения фактически врезались в Центрально-Восточную Европу (владения болгар, венгров, русов и литовцев шли дугой по всей сухопутной границе Улуса Джучи и соответственно крыла Мувала от Дуная до Днепра)², сил и возможностей для этого было мало. Ярким примером могут служить безрезультатные попытки Курумыши, которого, очевидно, поддерживали соседние улусы, справиться с королевством Руси [31, с. 251–252; 41, с. 264–266].

Слабость крыла Мувала привела и к другим проблемам. В частности, некоторые его области раздавалась не только Муваловичам, но и детям его старших братьев. Так, часть Правобережной Украины была отдана сыну Орда-ичена – Курумыши (по крайней мере, в родословной Джучи, представленной Рашид ад-Дином, под этим именем фигурирует только потомок Орда-ичена [52, с. 46]). Крым в первые годы после завоевания принадлежал Шибану, а придонские земли – вообще не Чингизиду, князю Картану, который, правда, был зятем Бату (мужем его сестры) [42, с. 48]. Таким образом, старшие братья – Бату, Орда-ичен, Шибан – не только формально возглавили крылья, но и забрали большинство земель крыла Мувала. При этом войско, которое Джучиды, согласно Иоанну де Плано Карпини, держали на западной границе, возглавлял Курумыши [42, с. 47]. Даже во время проезда представителей западных государств, как видно на примере Данила Романовича и Иоанна де Плано Карпини, посещение Мауци не являлось обязательным. Не следует забывать, что такие встречи предусматривали вручение подарков [42, с. 47, 60], ценность которых определялась прежде всего статусом правителя конкретной области.

В дальнейшем Бату, по нашему мнению, вообще предпринял попытку централизовать власть в Ак Орде. Уже Гийом де Рубрук обратил внимание на то, как Бату заставил Берке подвинуть свой улус с выгодного «кавказского» пути, чтобы доходы от него поступали только в казну Бату [42, с. 95]. Этому не помешало даже то, что хаган Менгу передал Грузию в удел Берке [20, с. 187–188]. Крыло Мувала, очевидно, Бату отдал своему сыну Сартаку – для Гийома де Рубрук, проезжавшего здесь в 1253 г., олицетворением монгольской власти над западными владениями был именно Сартак [42, с. 67]. Наследники же Мувала, скорее всего, получили земли непосредственно во владениях Бату, ближе к столице. Не зря позднее Ногай имел владения восточнее Волги, возле Яика [51, с. 117]. Упомянутые в источниках послания и поручения, которые Ногай (во всяком случае, с его слов) имел от Бату [46, с. 45], указывают на то, что последний был

² Термин «Центрально-Восточная Европа», как обозначение территорий современной Украины и Молдавии, в настоящее время широко используется в украинской историографии.

склонен наделять своих родственников владениями рядом со своими перед тем, как отправить их в далекие походы. Например, Муваловичей Бату отправил в 1256 г. к Хулагу для оказания ему помощи в завоевании Персии.

Но после прихода к власти Берке «украинско-молдавское» крыло снова достается потомкам Мувала – его внуку Ногаю. Мы предполагаем, что одной из причин относительно легкой расправы Берке с Батуидами – Сартаком и Улагчи, – была поддержка со стороны других Джучидов, недовольных политикой Бату.

Именно во время правления Ногая крыло Мувала приобретает свое значение. Недаром летописцы, которые были достаточно внимательными к титулатуре ордынцев, называли Ногая царем [40, с. 79]. В данном случае это не преувеличение, а констатация факта. Во властной вертикали Джучидов Ногай занял место равное месту Шибана в большом левом крыле. Соответственно, как для подданных Джучидов, так и для соседних стран, которые платили дань Золотой Орде, появился новый центр власти. Георгий Пахимер так объяснял самостоятельность Ногая: «И, видя цветущие земли и народы, которые способны создать свое самостоятельное государство, он обратился против тех, кто его послал, и принял власть над теми народами» [1, с. 287]. И так, как показывает эта цитата, греки, с одной стороны, не понимали причин самостоятельности Ногая, но, с другой стороны, четко уловили государственный потенциал народов, населявших земли, на которые простиралась власть Ногая.

Поражение Ногая привело к потере крылом Мувала своего значения. Сначала хан Токта отдал его своему брату Бурлюку, которому, очевидно, досталась должность бек-лербека: не случайно именно он возглавлял войска, отправленные против Ногаева сына Джеки, а позже – Каракисека [51, с. 119]. Но ставка Бурлюка располагалась не на Дунае, а в районе Дона. Это видно из сообщения о мятеже Сарай-Буги и Турая. Вскоре после победы Токты Турай обратился к Сарай-Буге с предложением организовать мятеж против хана. Сарай-Буга согласился и уже вместе с Ногаевичем отправился к своему брату Бурлюку. Однако обращение Турая было продиктовано не только родственными связями, но и той силой, которой Сарай-Буга располагал как правитель крыла Мувала. Согласно сообщениям источников, для того, чтобы добраться до ставки брата, Сарай-Буга перешел по льду Волгу, а затем, оставив войско, приехал к Бурлюку [51, с. 118–119]. То есть для того, чтобы добраться до его ставки, мятежникам даже не понадобилось переходить Дон. Кто возглавлял крыло Мувала после Бурлюка, нам не известно.

Во времена Узбека власть в крыле Мувала должна была быть отдана не Чингизидам, а кому-то из эмиров, что соответствовало внутренним изменениям, которые претерпела структура власти государства при этом хане. Узбек, пытаясь не допустить появления конкурентов, отдавал ключевые должности в государстве эмирам. Традиция отдавать крыло не Чингизидам, основанная Узбеком (можем предположить, что ее мог ввести еще Токта после Бурлюка), продолжилась и у его потомков. Так, при Бердибеке во главе крыла Мувала стал Мамай. Интересно, что и центр власти области сосредоточился вблизи Днепра [7, с. 117–121]. Именно при Мамае крыло Мувала снова приобретает свое значение. На период «Великой замятни» оно выступило одним из центров власти – ханы находящиеся здесь (при фактической власти Мамае), позиционировали себя как правители всего Улуса Джучи. Токтамыш, придя к власти, вынужден был вернуться к традициям XIII в. При нем крыло Мувала возглавляют снова Чингизиды. Так, в 80-х – начале 90-х гг. XIV в. здесь правит Бек Булат, центр перемещается в Солхатскую тьму. В 1391 году Бек Булат выступает против Токтамыша; следовательно, как и во времена Ногая и Мамае крыло Мувала выступало субъектом политических отношений. После поражения Бек Булата, вероятно, крыло возглавил Таш-Тимур. В боях против Тамерлана в 1395 г. на Кавказе он находится среди правителей крыла Мувала, и уже в источниках XV–XVI вв. он упоминался как один из «давних» ханов (подробнее см.: [60]).

Во время разгрома Золотой Орды в 1395–1396 гг. Тамерлан возглавил отдельный поход для уничтожения областей крыла Мувала [52, с. 121, 179]. Следующие междоусобные войны, которые растянулись на десятилетия, привели к тому, что оно фактически прекратило существование как административно-территориальная единица. Каждый хан со своей ордой кочевал по землям некогда единой страны, выискивая возможности закрепиться на захваченных территориях. За земли, которые ранее охватывало крыло, шла борьба между заволжскими ханами и ставленниками Великого княжества Литовского.

Кроме того, крыло Мувала имело еще одну особенность. Нередко его правители или улусбеки с его территории были одновременно беклербеками – командующими всей армией Золотой Орды. Курумьши возглавляло войско из шести туменов. Предполагаем, что на тот момент это была вся полевая армия Бату. В разные годы этот пост занимали Ногай, Бурлюк и Мамай. Не исключено, что Бек Булат, а за ним Таш-Тимур тоже были беклербеками. К сожалению, отсутствие цельного комплекса источников не позволяет сделать вывод, была ли это постоянная практика. Именно геополитическое расположение крыла требовало от ханов удерживать здесь значительные силы, в отличие от левого крыла, которое фактически было внутренним, следовательно, непосредственной угрозы для него не существовало. Войны же на Кавказе были для Золотой Орды больше наступательными. Следовательно, войска на Кавказ высылались периодически, а не содержались там постоянно. Другая ситуация была во владениях Джучидов к западу от Дона. Во-первых, оседлые регионы с севера и юга «сдавливали» степные улусы. Во-вторых, за ними лежали владения независимых или полунезависимых стран – Болгарии, Византии, Венгрии, Польши, Литвы и Руси. Все они потенциально были опасными для ордынцев. Периодически Золотая Орда вступала в борьбу то с одной, то другой из этих стран, и в конце концов наступление данных соседей в сочетании с попытками обрести независимость покоренными народами стали роковыми для крыла Мувала.

Границы этого крыла частично совпадали с государственной границей, поскольку оседлые области принадлежали сначала Каракоруму, а затем Сараю. Таким образом, как и в Придунавье, где границы были идентичны государственным, в Правобережной Украине государственная граница проходила южнее болоховцев, по границе улуса Курумьши. То же касается и Левобережной Украины. На Крымском полуострове рубежом крыла была южная граница Солхатской тьмы (более детально по границам улусов см. дальше).

Попробуем реконструировать восточную границу крыла Мувала. Первым, кто дал описание расположения владений Улуса Джучи, был Иоанн де Плано Карпини. В.Л. Егоров, на основе сообщения Иоанна де Плано Карпини, предположил, что граница между владениями Мауци и Катрана должна была проходить по правобережью Дона; а в верхней части – по Северскому Донцу [15, с. 164]. Этот же регион выступает границей во время выступлений Ногая. Конфликт 1283–1285 гг. между рыльским (Олег) и липовецким (Святослав) князьями и курским баскаком Ахматом (Ахмедом) фактически вылился в противостояние Ногая и Туда-Менгу. А.К. Зайцев локализует спорный регион на верховьях Северского Донца, Сейма и Псела [17, с. 215 карта № 5]. Следовательно, речь идет о верхнем течении Северского Донца. Из описания событий 1292 г. известно, что Ногай, двинувшись навстречу Тула-Буге, сначала перешел Днепр, а затем, присоединяя других эмиров (соответственно, пройдя восточнее), приблизился к ставке хана. Во время переговоров на Тула-Бугу неожиданно напал Токта. После уничтожения соперника Токта быстро отступил за Волгу; при этом Дон в источниках не фигурировал [52, с. 69–70]. Итак, Тула-Буга ждал Ногай на левобережье Дона. В конце 1290-х гг., на очередное послание Токты Ногай ответил: «Наши (воинов Ногая. – *Авт.*) лошади хотят пить, и мы хотим напоить их водой с Дона» [51, с. 110; 4, с. 45].

Таким образом, из нескольких крупных рек, которые отделяли владения Ногая и Токты, именно Дон определяется как пограничная точка.

Зимой 1298 г. Токта с войском подошел к Днепру; однако, когда встал вопрос о длительной дислокации, весной он опять-таки отступил к Дону [52, с. 71]. В том же году между противниками состоялась битва на речке Яса (на это указывает Рукн ад-Дин Бейбарс) [51, с. 111] или в местности Бахтияр (по сообщению Рашид ад-Дина) [52, с. 71]. Оба сообщения отмечают, что это случилось около Дона. Рашид ад-Дин сообщает, что это случилось на берегу реки («местность Бахтияр на берегу речки Тан») [52, с. 71]. Египетский летописец отмечает, что Дон был в тылу у Токты [51, с. 111]. В.Г. Тизенгаузен допускает, что Яса является Акаем, притоком Северского Донца. Важной тут является характеристика местности, данная Бейбарсом. Это указывает на то, что Яса находилась между владениями (то есть крыльями) Ногая и Токты [51, с. 111].

Как видим, именно Дон и Северский Донец вырисовываются в виде восточной границы крыла Мувала. Более точно определить, где проходила граница, по нашему мнению, может помочь описание поездки митрополита Пимена (1389 г.) в Константинополь (сюжет о движении по Дону) [28, с. 289] и его анализ, описанный К.В. Кудряшовым [32, с. 26]. В мае посольство Пимена обошло «Великую Луку» и прошло «царев улус Сарихозин». На следующий день митрополит проплывал уже мимо «Бек-Булатового улуса», через день обошел улус Ак-Буги, и через три дня был уже в Азове [28, с. 289]. К.В. Кудряшов определил, что «Великая Лука» – это место, где Дон «круто меняет широтное направление на меридиальное» [32, с. 24]. Таким образом, Пимен мог увидеть владения Бек-Булата в районе р. Чир. Итак, на 1389 г. восточная граница крыла Мувала проходила по междуречью Северского Донца и Дона.

Сейчас сложно сказать, была ли это обычная восточная граница крыла, или Бек-Булат, который в том же году поднял свое первое восстание против Токтамышша [35, с. 110, 111], расширил свои владения на восток. Здесь следует обратить внимание на тот факт, что Пимен видел «татар же много с обеих сторон реки Дон. В четверг же плыли мимо Бек-Булатова улуса и видели такое большое количество татарского скота, что трудно себе и представить: овцы, козы, волы, верблюды, лошади» [28, с. 289]. Путешествие Пимена происходило весной. В это время года кочевники из степей Левобережья Украины, как правило, перемещались к Азовскому морю и к Дону (см., например, сюжет о кочевании половцев до Азовского моря и Молочных Вод весной 1103 г. [39, с. 55]). Но на лето, как известно, кочевники поднимались на северные пастбища. В междуречье Северского Донца и Дона летние кочевки должны были находиться в районе Оскола, возможно, достигая Тихой Сосны. Недаром именно там состоялся упомянутый выше конфликт русских князей и баскака Ахмеда.

Таким образом, имеющиеся источники дают основания утверждать, что восточная граница крыла Мувала проходила по нижнему течению Дона и левобережью Северского Донца.

Монгольское завоевание обуславливало создание новой властью административно-территориального устройства, которое отвечало бы ее интересам и традициям. Прежде всего, это диктовалось военно-мобилизационными целями. Соответственно, основной единицей становится тьма (тумен) – область, способная выставить десять тысяч воинов. Правда, в процессе завоевания Чингизиды не предпринимали кардинальных изменений в административном устройстве своих новых подданных. Ведь им нужны были, в первую очередь, провизия, припасы и новобранцы. Причем, в условиях военных походов все это было необходимо получать очень быстро. Но уже по окончании Западного похода произошла «областная реформа». Прежде всего она касалась территорий, где проживали кочевники: половецкие орды и черные клобуки. Это было закономерным явлением, поскольку расселение кочевников четко привязано к экономиче-

ским возможностям земель и плотности их заселения. Соответственно, нарезая земли для своих огланов, нойонов, эмиров, ханов, власть исходила из уже существующего положения вещей. В то же время княжества, где преобладало оседлое население, хотя и имели перспективу потерять земли удобные для кочевания, однако их существованию в виде отдельных областей со стороны монголов ничто не угрожало.

В конце 1245 г. на территории Украины, к западу от Днепра, на землях, принадлежавших орде Котьяна и черным клобукам, оформляется улус Курумыши. Он появился в результате подхода сюда монгольского войска, направленного для защиты от европейских соседей [42, с. 47]. В источниках улус известен под разными названиями: «места Куремсовы» [6, с. 122–123], «Северные области» [51, с. 112], «Прославия» [12, с. 32–65] и, наконец, «Подолье» [45, с. 396].

Личность Курумыши является достаточно загадочной. В биографиях, представленных Рашид ад-Дином, есть только один персонаж с таким именем – третий сын старшего Джучида, Орда-ичена [52, с. 42]. О нем указано: «Этот Курумыши не имеет сыновей, и жены его неизвестны» [52, с. 46]. В 1259–1260 гг., когда в Монгольской империи началась усобица между Хубилаем и Ариг-Бугой, последнего от имени Джучидов поддерживал Курумыши [52, с. 73]. В.В. Трепавлов указывает, что Курумыши – «возможно, не Джучид» [53, с. 31]. Иоанн де Плано Карпини ставит Курумыши в ряд высших областных правителей Улуса Джучи. Причем из характеристики папского посла видно, что Курумыши был Чингизидом, иначе Иоанн де Плано Карпини охарактеризовал бы его, как Картана: «какой-то князь» [42, с. 48]. Сообщение Рашида ад-Дина может содержать неточность. Например, после описания наследников родного брата Курумыши, Хулагу, он добавляет: «А Бог знает лучше» [52, с. 47]. А в конце родового дерева Джучидов он пишет, что информацию ему предоставили «люди, которые заслуживают доверия» [52, с. 60]. Следует отметить, что Рашид ад-Дин не был свидетелем событий, которые описывал. К тому же улус Курумыши лежал далеко от зоны заинтересованности иранского двора, что, конечно, обуславливало слабую осведомленность персидского историка о ситуации в западной части Улуса Джучи. В частности, это прослеживается в описании Ногаевой войны: показав причины недовольства эмиров после Крымского похода, Рашид ад-Дин не называет ни земель этих эмиров, ни их имен [52, с. 71]. Соответственно, он совсем не упоминает сыновей Курумыши, о которых исследователи узнают от египетского летописца Рукн ад-Дина Бейбарса. Бейбарс отметил, что в Северных областях правили три сына Курумыши (в тексте Курмыши): Абаджи, Караджа и Янджи, которые были старшими военачальниками и руководили туменами [51, с. 112].

Улус понес большие потери во время междоусобной войны 1299–1301 гг. Погибли два старших сына Курумыши, поэтому после окончания конфликта хан Токта отдал область его младшему отпрыску [51, с. 113, 117]. В первых десятилетиях XIV в. на территорию улуса свое влияние распространило королевство Руси. В 1352 г. местный правитель выступил против хана Джанибека, за что был наказан. Есть основания полагать, что после этого улус утратил правящую династию, и уже к началу 60-х гг. XIV в. область управлялась эмирами соседнего «улуса Ногая». В 1362 г. Великое княжество Литовское наносит успешный удар по местным ордынцам. Литовцы распространили свою власть на юг, захватив весь улус. Такая ситуация продолжалась до начала 90-х гг. XIV в. В результате падения власти князей Кориатовичей (представители династии Гедиминовичей, правители Подольского княжества с 1362 по 1394 гг.) эмирам из «улуса Ногая» удается восстановить власть южнее Синих Вод. Тут в 1395 г. уже существует улус некоего Хурмадая. Однако при Витовте граница Великого княжества Литовского опять опускается к Черному морю. Ярлыком Токтамышя земли бывшего улуса Курумыши окончательно передаются под власть Великого княжества Литовского. Де-факто же южная часть области периодически подвергалась нападениям как со стороны степ-

няков, так и со стороны оседлого населения, в результате чего на этой территории исчезают местные жители, приходят в упадок города. Основным видом экономической деятельности здесь становится уходничество³.

После создания улуса его западная граница проходит по Днестру. Однако Понизовье и Болоховская земля (территория лесостепи в бассейнах Днестра и Южного Буга) вряд ли входили в его состав. Это не соответствовало устройству Монгольской империи, в которой структура власти предполагала прямое подчинение оседлых регионов Каракоруму. Из сообщений Галицко-Волынской летописи о войнах Курумыши с Даниилом Романовичем создается впечатление, что ордынцы приходили с относительно отдаленных земель. С другой стороны, и во время похода Даниила на болоховцев кочевники отсутствовали. Войскам Руси противостояли такие же русины, только под монгольским руководством. Согласно сообщениям Иоанна де Плано Карпини и Гийома де Рубрук, такое положение вещей имело место и в Киевской области, и в южном Крыму (где среди народов составляющих войско монгольского темника Скатая, упоминаются русины [42, с. 83]). Однако в 1352 г. «король Прославии» уже выступает руководителем как оседлого, так и кочевого региона, позже известного как Подолье [12, с. 32–65; 59 с. 13–25].

Ханы Золотой Орды, отделившись от метрополии, переняли всю полноту власти, что обусловило подчинение им оседлых регионов. Одним из элементов нового порядка была раздача этих территорий в «кормление» представителям «Золотого рода», эмирам или даже почетным пленникам. Яркими примерами служат предоставление Киева и Каффы Тукай-Тимуру ханом Менгу-Тимуром [62, с. 212] или предоставление ханом Берке Судака султану Изз ад-Дину [19, с. 55, 75, 92, 98]. Возможно, что и часть болоховцев вместе с землями Черкасщины была непосредственно включена в улус Курумыши, который был расширен на север, что увеличило базу для создания улуса Ногай. Неслучайно у Рукн ад-Дина Бейбарса эта область указана как северная [51, с. 112].

Восточная граница улуса проходила по Днепру. Относительно границы с Ногаем ситуация выглядит менее однозначной. На первый взгляд, логично было бы проводить границу по Днестру. В источниках сказано, что место, где произошла битва Токты с Ногаем, была старым юртом (областью кочевания) последнего [52, с. 71]. Некоторые исследователи локализуют это место на р. Куяльник [64, с. 179; 45, с. 386; 46, с. 61]. Характерно, что местный эмир Хаджи-бей также относился именно к улусу Ногай [45, с. 388]. Таким образом, оказывается, что линией разграничения между областями должен был быть Южный Буг. Однако А.И. Галенко считает, что эта река не могла служить границей, учитывая ее небольшой размер по отношению к тому же Днестру [5, с. 141]. Мы считаем, что этот факт не может служить аргументом в пользу той или иной версии при определении границы. Ярким примером является Волга. Мощная водная артерия проходила посередине домена Золотой Орды, но не играла ключевой роли при определении границы.

В 1502 г. на правобережье Днепра, Белая и Синяя Воды упоминаются как место возможного кочевания Заволжской (правда, она туда так и не пришла) и Перекопской орд [47, с. 418, 432]. Синие Воды – это современная Синюха. А вот с Белой Водой вопрос сложнее. Реки с таким названием на Подолье не существует. Из контекста видно, что она отделяла кочевья от запада. Это не может быть Днестр, поскольку он под своим названием фигурирует в тех же документах [47, с. 469]. К тому же, если бы речь шла о нем, должна была быть упомянута, по крайней мере, р. Кодыма. Не может быть Белой

³ Вид экономической деятельности распространенный среди украинского населения. Уходники представляли собой отряды («ватаги»), которые отправлялись на сезон в степи для охоты, рыбалки (в нижних течениях, в первую очередь, Дуная, Днестра, Южного Буга, Ингула, Днепра, Северского Донца и Дона с их притоками), бортничества, добычи соли и т.д.

Водой и Ингул, Ингулец и Чичакля. Во-первых, это не логично с точки зрения географии названий, а во-вторых, эти названия имеют тюркское происхождение [24]. Так, Ингул и Ингулец в источнике крымского происхождения названы «Энгел ве Онгул» [34, с. 193], а в «Книге Великого Чертежа» – Ангулец [27, с. 112]. По нашему мнению, Белой Водой мог называться Южный Буг. Известно, что в цветном определении сторон света у тюркских народов «белый» означает «западный». Очевидно, эта традиция существовала еще во времена пребывания здесь улуса Курумыши, когда река была границей с землями Ногай. Еще одним из фактов, указывающих на южнобугскую привязку границы, является то, что и Курумыши, и Бурундай вторгались во владения Даниила Романовича именно с территорий, которые находятся на левом берегу этой реки [6, с. 117, 121–124; 31, с. 251–252; 41, с. 264–266]. Поскольку оседлое население принадлежало именно к улусу Курумыши, граница от Южного Буга, очевидно, шла по Кодыме или неподалеку от нее, до Днестра.

Рукн ад-Дин Бейбарс писал, что дети Курумыши «командовали туменами в северных областях. Они были равны Ногаю по мощи, значению и численности войска» [51, с. 112]. По нашему мнению, сам характер сообщения, где выделяются именно три брата, говорит о том, что улус состоял из трех туменов. Их расположение, учитывая направление рек, было вытянутым с юга на север, что связано с направлением сезонного кочевания. Иоанн де Плано Карпини застал ставку Курумыши неподалеку от Днепра, но вряд ли ниже современного Запорожья (иначе он проехал бы к Бату через стойбище Мауци). Собственно, недельное путешествие из Канева по замерзшей реке на телегах вряд ли привело бы его к порогам, о которых, кстати, он не вспоминает. К тому же, учитывая время года, это была южная ставка правителя улуса. Летом он должен был подниматься на север и, очевидно, достигал Поросья с его богатыми пастбищами [25, с. 23]. Таким образом, по крайней мере одну тьму следует локализовать на территории от современного Днепропетровска или Запорожья вдоль Днепра к Роси. Это в определенной степени подтверждается сообщениями Бенедикта Поляка, согласно которым папское посольство перед ставкой Курумыши встретило главу восьми тысяч воинов. Этот руководитель требовал даров, а затем предоставил раба, который и сопровождал послов к Курумыши [69, с. 224] (очевидно, Бенедикт Поляк имел в виду темника).

Для определения расположения второго тумена можно использовать рассказ Абдулгаффара Кырыми о бегстве сына Мамайя с ордой на правобережье Днепра, где указано, что их пристанищем стали «Энгел ве Онгул» (то есть Ингул и Ингулец) [34, с. 193]. То есть, по оценке ордынцев XIV в., это был отдельный регион, пригодный для кочевания. Очевидно, вторая тьма тянулась вдоль этих рек и Южного Буга на север до Синих Вод.

К третьей тьме могли принадлежать смежные земли оседлого населения и кочевников севернее Кодымы и Синих Вод, поскольку население оседлых территорий также служило в армии Золотой Орды. В конце концов Ногай был убит воином именно из числа русов [51, с. 114].

Как видим, три тумена улуса Курумыши занимали меньшую по площади территорию, чем тьмы на Левобережье (о данных тьмах см. ниже). Это объяснялось как наличием богатых пастбищ, которые давали возможность прокормить соответствующее количество кочевников, так и соседством мощного оседлого региона, населенного болоховцами, которые, согласно летописи, предоставляли кочевникам «пшеницу и просо» [6, с. 104]. Таким образом, именно большая численность оседлого населения стала причиной того, что к середине XIV в. Улус уже фигурирует в европейских источниках под славянским именем – Прославия [59, с. 13–25]. Причем, эта доля выросла настолько, что после вокняжения на оседлых территориях Подолья Кориатовичей в 1362 г. им противостояли уже не местные татары, а чамбулы из соседних областей.

Под 1300 г. Рашид ад-Дин сообщает: «Токтай с 60 туменами войска переправился через речку Узи и расположился на берегу речки Тарку, где находился старый юрт Ногай» [52, с. 71]. Беря во внимание, что Поднестровье окончательно вошло в состав Улуса Джучи после прихода Курумьши зимой 1245–1246 гг., формирование этого улуса следует отнести к этим же годам. Это подтверждает также и тот факт, что на нижнем Днестре находятся захоронения черных клобуков [45, с. 384; 13, с. 69–72]. Последние, как мощная военная сила Руси, очевидно, были разделены в рамках правого крыла между Бату и Мувалом, сохранив таким образом свой «столичный» статус.

Некоторое время этот приднестровский улус был провинцией на дальней западной границе. Потомки Мувала, в том числе Ногай, жили, главным образом, при дворе Бату и Берке – они участвовали в иранском походе на Хулагу во главе джучидских войск. Впоследствии, уже во время первой войны на Кавказе (середина 60-х гг. XIII в.), Ногай переводит в район Днестра целый ряд народов – аланов, русов, готов, зикхов [4, с. 28], черкесов и «других» [1, с. 287]. Например, при характеристике аланов сказано, что при их помощи Ногай добился великого успеха [1, с. 288]. С ними он вторгается в Буджак и Северную Добруджу. Именно здесь создается его новый улус со столицей в г. Исакчи. Как пишет Н.Д. Руссев: «Можно утверждать, что центр улуса Ногай – район дельты Дуная, с прилегающими к ней территориями на обоих берегах реки» [45, с. 385].

Именно с момента поселения Ногай на Дунае начинается массовое строительство поселений и городов в Дунайско-Днестровском регионе [45, с. 400], который, в свою очередь, превращается во второй центр власти после Поволжья. Во времена своего могущества Ногай проводит самостоятельную внешнюю политику, вступает в родственные связи с болгарской и византийской монархиями, чеканит собственную монету, наличие на которой двойной тамги Ногай и его старшего сына Джеки позволяет предположить, что эти владения тоже были поделены на крылья. Если это так, то Ногай владел правым, а Джеки – левым крылом. Это видно и из того, что именно Джеки фигурирует в междоусобицах против Курумьшевичей на территории между Днестром и Днепром. Вследствие поражения Ногай от Токты улус переходит под власть Джеки. Однако последний не смог удержать власть и вынужден был бежать в Болгарию, где и погиб. Токта не стал разрушать улус, сохранив его целостность. Вся эта область была отдана сыну хана, Тукул-Буге [51, с. 117; 4, с. 23].

В правление Узбека и Джанибека улус Ногай уже управляется несколькими эмирами, но при этом сохраняет свою территориальную целостность [52, с. 211]. Более того, к середине XIV в. он распространяет свою фискальную власть на соседний улус Курумьши. С началом «Великой замятни» эмиры Ногай фактически отделяются от Золотой Орды. Но поражения в 60–70-х гг. XIV в. постепенно привели к упадку улуса. К XV в. татарское население улуса уже отображается современниками как Белгородская или Буджакская орда. Однако в отдельных топонимах и названиях некоторых источников местные земли и население продолжали связываться с Ногаем [45, с. 386].

Территория первого улуса Ногай охватывала р. Днестр, Черное море, р. Южный Буг и, возможно, р. Кодыму. При максимальном расширении власти Ногай территория улуса в западном направлении занимала равнину между левым берегом Дуная и Карпатами, упираясь в горы у Железных Ворот [51, с. 117]. К югу владения ордынцев закреплялись на правобережье Дуная, а в Добрудже кочевки занимали ее северную часть. Северная граница, поднимаясь между Карпатами и Днестром, достигала современной Черновицкой области, что видно из нескольких моментов. В верховьях Прута археологами найдено ордынское городище Костешты [15, с. 80; 14, с. 155; 22, с. 312]. На верхнем Днестре раскопки обнаружили пограничный замок королевства Руси [56, с. 85]. Во время похода на Польшу Тула-Буга, дойдя до земель Руси, узнал, что Ногай с войском дошел параллельным путем до Перемышля. При этом их подразделения не пересека-

лись. То есть Ногай прошел примерно в междуречье Серет-Прут-Днестр. Также в верховьях Серета и Прута и в предгорье Восточных Карпат сохранились топонимы, связанные с баскаками [45, с. 380–381].

В сообщении Рукн ад-Дина Бейбарса о сыновьях Ногая и Курумыши сказано, что их силы были равны. Следовательно, Ногаевичи имели три тьмы. Однако самого Ногая там не было; очевидно, под его властью был еще как минимум один тумен. Таким образом, мы приходим к выводу, что в улусе было четыре тьмы. Это подтверждается и тем фактом, что в середине XIV в. после эмиграции аланов в улусе было три тумена. Однако еще в начале века Джеки укрылся, как писал Бейбарс, «в стране асов, где находился начальник и 10000 его войска» [51, с. 116]. О.Б. Бубенок аргументировано доказал, что речь шла именно о придунайских территориях [3, с. 231]. Определение территории аланов как отдельной страны и численность ее жителей указывает на то, что они представляли собой отдельный тумен [51, с. 116]. Наличие же среди них своего руководителя, признание Джеки и выход на Балканы после гибели Ногаевичей свидетельствуют о том, что они принадлежали непосредственно к домену Ногая.

Расположение туменов, по нашему мнению, было таким. «Старый юрт» составлял одну тьму со столицей в Хаджибее. «Страна асов» находилась в другом конце улуса, у Железных Ворот. На территории от Днестра по р. Реут к Серету и к северу от них Н.Д. Руссев указывает на татарское княжество Демитрия (60-е гг. XIV в.). Учитывая территориальные границы и статус княжества в политике соседних стран, речь идет именно о тумене. Столичным городом, очевидно, было городище Старый Орхей. Буджак составлял отдельную тьму. На его экономические возможности указывает тот факт, что в более поздние времена Белгородско-Буджакская орда выставляла до 4–5 тысяч воинов [2, с. 49]. В XVIII в. кочевое население Буджака насчитывало сорок тысяч человек. В генуэзских документах Антонио Понци из Килии, приведенных Н.Д. Руссевым, упомянуты татары, с которыми итальянцы вели дела – «тысячи» Конакобея, Менглибуги, Кою; «сотни» Рабека, Келоги, Когикариоси и «десятки» Бору, Когимая, Токояра [45, с. 388]. По нашему мнению, это не могут быть эмиры, которые контролировали весь улус Ногая (их три тысячи не сопоставимы с территорией улуса). Здесь явно речь шла о князьях-тысячниках тумена, в котором и находилась Килия. Этот вывод мы делаем из того, что в Килийском перечне отсутствует тьма. Если бы ордынцы были из разных туменов, это было бы указано в приведенном списке.

Ногаева война нанесла значительные демографические потери области. Аланы, численность которых определялась от десяти [3, с. 231] до шестнадцати тысяч, отправились к Византии; причем больше половины из них были воинами [11, с. 34; 1, с. 288] (интересно, что позднее Токта требовал их возвращения [1, с. 291]). Несколько позднее имело место также бегство трех тысяч воинов с внуком Ногая Каракисеком в Польшу [51, с. 119]. Большие потери понесли войско и население от боевых действий. Как следствие, в прибрежных регионах власть ордынцев была несколько ограничена. Килия и соседняя Ликостома окончательно закрепляются за генуэзцами. Белгород (совр. Белгород-Днестровский, в различных источниках упоминался как Маврокастро, Аккерман и др.) до начала 20-х гг. XIV в. попал под власть Болгарии [45, с. 386], а местная православная церковь – королевства Руси [49, с. 120–137]. При Узбеке, в 1322–1323 гг., Белгород был возвращен Золотой Орде [11, с. 31]. С поражением на Синих Водах и восстанием в Белгороде в 1362 г. начинается полоса неудач и территориальных потерь. Сначала литовцы забирают улус Курумыши, через три года молдаване начинают наступление на юг и вытесняют татар с Кодр – центральной части Молдавии. В 70-х гг. XIV в. Подольское княжество захватывает Белгород [10, с. 133–134].

Принимая во внимание, что сначала государственная граница Монгольской империи проходила по Днепру, первым улусом на территории Украины был «Левобереж-

ный». Следует отметить, что место Мауци как правителя крыла не отрицает и наличия в его власти отдельного улуса. То, что такая территориально-административная единица была, видно из сообщения Иоанна де Плано Карпини. Последний, вспоминая Мауци, отмечает не только его высокий статус в отношении других Чингизидов, но и указывает на конкретные границы владения: «а с другой стороны (Днепра – *Авт.*) по тем степям кочевал Мауци» [42, с. 48]. Существование такой большой области вполне вписывалось в контекст тогдашней политики монголов. Следовало как можно быстрее взять под контроль новые земли, население которых еще не было в полной мере подчинено, а соседи представляли опасность. Пример улусов Курумьши и Ногая продемонстрировал, что именно большая административная единица была в состоянии противостоять таким угрозам.

По мере укрепления позиций Курумьши, инкорпорации в политическую структуру империи Киевщины и Чернигово-Северских княжеств (чему способствовало и уничтожение местной властной верхушки) и постепенного восстановления их военного потенциала, достаточного для отражения нападений литовцев, улус Мауци превратился из пограничного во внутренний. Уже в 50-х гг. XIII в. во время войны с Даниилом Галицким упоминается только Курумьши [31, с. 251–252]. Причем, это не свидетельствует о неосведомленности летописца. Так, Гийом де Рубрук, путешествуя в 1253 г. из Крыма в Каракорум, также не отметил большого улуса от Днепра до Дона. Для него воплощением монгольской власти был крымским темник Скатай [42, с. 81]. Таким образом, можно констатировать, что уже в 50-х гг. Улус Мауци перестал существовать как отдельная административно-территориальная единица.

На рубеже XIII–XIV вв. насчитывалось несколько областей, которые возникли на его месте. По крайней мере, именно такой вывод напрашивается из описания войны Ногая и Токты, содержащегося у Рукн ад-Дина Бейбарса [51, с. 113]. Согласно этому источнику, Маджи, Судун, Утрадж, Акбуга, Тайта, «руководители, подчинившиеся» Ногаю, перешли на сторону Токты, что позволило ему подойти к Днепру. При этом, когда они были на стороне Ногая, тот атаковал Токту на Северском Донце [51, с. 111, 113]. Как видим, речь идет об эмирах, чьи владения располагались между двумя реками, т.е. в прошлом они принадлежали Мауци. По количеству туменов, которые они представляли, трудно сказать, были ли они все эмирами-темниками. Ведь восточный автор мог называть имена, учитывая статус и влияние этих лиц. Например, войско, которое они выставляли, насчитывало тридцать тысяч воинов. Понятно, что на самом деле тумены не всегда имели постоянный «уставный» состав. Однако следует заметить, что арабские авторы также вряд ли определяли численность войска, исходя из реестра. Скорее всего, за основу они брали количество туменов. Например, численность войск потомков Ногая и Курумьши рассматривалась именно по такому признаку.

В 1334 г. Ибн Баттута сопровождал жену (*хатунь*) Узбека, Байалун, к ее отцу в Константинополь. Маршрут путешествия пролегал из Сарая в Крым, а оттуда – вдоль побережья Черного моря до Царьграда [51, с. 302–305]. Хотя Ибн Баттута и не дал описания земель, которые он тогда проехал, он, однако, отметил, что «каждый эмир в этом крае сопровождал хатунь с войском своим к последней черте своего участка» [51, с. 303]. Из этого напрашивается вывод о достаточно большом количестве областей, которые проехала хатунь. Более точные сведения мы находим уже во время правления Мамаю. Он пришел на Куликовскую битву в 1380 г. «со всеми князьями ордынскими». Здесь надо отметить, что земли, на которых распорядился Мамаю, лежали между Днепром и Доном. В то же время, приволжские территории уже с 1379 г. находились под властью Токтамышя [35, с. 59]. Во время самой битвы с Мамаем было «три темных (темника – *Авт.*) князя». Следовательно, эти данные свидетельствуют о существовании, по крайней мере, трех улусов между Днепром и Доном. Уже при Токтамыше на тех же

землях мы видим огланов Бек-Булата, Бек-Ярыка, Таш-Тимура, князей Актау и сына Мамая. В источниках они выступают отдельными командирами, и их имена связываются с определенными территориями. Но уже из описания разорения крыла Мувала Тимуром видно, что здесь было три тьмы: Бек-Ярыка, Таш-Тимура и князя Актау [52, с. 121, 179]. Причем в османском источнике отмечено, что Актау стоял во главе тумена [37, с. 202–209]. Улусы, которые унаследовали область Мауци, не возникли после его расформирования. Вероятно, это были тумены, на которые делилась «левобережная» область с самого начала. Это видно на примере Солхатской тьмы. Выяснив общую картину с левобережными улусами, следует более подробно, насколько это позволяет источниковая база, остановиться на каждом из них.

Формирование Крымского улуса состоялось еще во время Западного похода. Источники XVI в. сообщают, что Бату, по совету беков, дал Шибану сорокатысячное войско, составленное из нескольких родов и «назначил в вилайеты Крыма и Кафы» [55, с. 96]. Очевидно, что здесь имеет место гиперболизация, вызванная длительным временным промежутком и ангажированностью источника – ни Бату (в источнике Саинхан) не был ханом, ни Каффа тогда еще не существовала [41]. Но в основе данного сообщения лежат реальные факты. Правда, как свидетельствует Рашид ад-Дин, войско возглавлял не только Шибан, но и Бучек и Бури [52, с. 37]. Д.М. Исхаков приводит сведения из источника XVIII в. о том, что Шибана к полуострову сопровождал местный аталык Боралтай Тараклы Кият. Причем ученый доказывает, что один из родов, которые Бату предоставил Шибану, «йуралдаи», является ничем иным как искаженным «бурулдаем» [23, с. 25]. В таком случае информация об аталыке является достоверной. Из этого следует, что монголы, завоевывая Крым, имели в своем войске выходцев с полуострова. Вероятно, это были люди, которые присоединились к Джебе и Субедею в 1222–1223 гг. Неслучайно последний по возвращении из похода 1224 г. подал Чингизхану просьбу сформировать из новых подданных, пришедших с ним, отдельное войско [20, с. 228]. Таким образом, мы можем предположить, что идея создать в Крыму отдельный улус зародилась еще в 20-х гг. XIII в.

Иоанн де Плано Карпини в 1245–1246 гг. не упоминает Крымский улус и, соответственно, его руководителя. Однако папский посол описывал не все, что видел, а прежде всего то, что было для него важным. В то же время Иоанн де Плано Карпини назвал темников, стоявших ниже Мауци, «вождями, (которых) очень много, но имен их мы не знаем» [42, с. 22]. Другой европейский посол, Гийом де Рубрук, который в 1253 г. ехал в Каракорум через Крым, оставил свидетельство о существовании улуса. По его словам, область возглавлял некий Скатай – родственник Бату [42, с. 81]. Имя Шибан здесь не фигурирует, но это могло быть связано с тем, что именно Бату в те времена олицетворял высшую власть. В конце концов, нам неизвестно, насколько тесными были родственные связи Скатай и Бату.

Через десятилетие египетский источник, описывая путешествие мамлюкских послов к Берке, характеризует Крымский улус как тумен или тьму [51, с. 63]. Таким образом, мы видим, что эта область была создана по военно-территориальной схеме. В таком состоянии она существовала и в будущем. Так, Ибн Баттута под 1334 г. тоже называет ее правителя руководителем десяти тысяч [51, с. 280–281]. «Солхатская тьма», согласно итальянским документам, являлось официальным названием этой области в XIV в. [9, с. 173]. Данной тьме удалось пережить невзгоды, в которые попадала Золотая Орда, и уже в XV в. она фигурирует в ярлыках Хаджи-Гирея и «судебным чинам и бекам, во главе с Еминеком, который является правителем Крымского тумэна» [65].

В ходе «Великой замятни» Крымский улус (вместе с Поднепровьем) приобрел значение одной из центральных частей империи. Свое значение он не потерял и в правление Токтамышша. Бек Булат, выступив против хана, сделал своей базой именно Крым.

С начала XV в. именно Крымский улус оставался тем плацдармом, с которого «пролитовские» ханы пытались захватить сарайский престол. Постепенно Солхатская тьма превратилась в государство – Крымское ханство (более детально см. [50]).

Хотя Крымский улус и ассоциируется прежде всего с полуостровом, но он составлял лишь часть его территории. Уже из описания путешествия Гийома де Рубрук видно, что прибрежные оседлые местности находились непосредственно в зависимости от Бату (формально эти территории должны были быть подчинены хагану, но, по видимому, путешественник отметил фактическую ситуацию). Татар он встретил только на третий день пути от Судака. Как уже отмечалось, это было обычным делом для оседлых регионов. Ибн Баттута, который проехал по побережью полуострова от Керчи до Каффы, только прибыв в Солхат, отметил, что он находится во владениях Узбека [51, с. 280]. Рукн ад-Дин Бейбарс размещал Каффу между Стамбулом и Крымом [51, с. 111]. В грамоте Улуг-Мухаммеда было отмечено: «в Крыму, или в Кафе или Кипчаке» [8, с. 123]. Как видим, улус на юге граничил с итальянскими колониями, а на севере – с другими татарскими владениями. То, что здесь граница проходила через несколько улусов, видно по обобщению «Кипчак».

Насколько северная граница выходила за пределы полуострова, можно судить по запискам Гийома де Рубрук и Ибн Баттуты. Оба они добрались до Дона исключительно по территории владений одного темника. Иначе они записали бы встречу с другим огланом или эмиром в своих записках. Особенно это касается Гийома де Рубрук, поскольку прием у темника предусматривал целую процедуру, включая расходы (о которых следовало отчитываться по возврату). Оба путешественника добрались до Дона значительно выше устья реки. Гийом де Рубрук, переправившись вблизи русского поселения, сообщил, что южнее существует другое поселение, где кочевники переходят реку зимой, когда спускаются к морю [42, с. 87]. Ибн Баттута же после переправы три дня ехал до Азова [51, с. 284]. Французский посол записал, что улусная аристократия «имеет на юге поместья» [42, с. 75]. Итак, земли тумена тянулись от побережья Черного и Азовского морей довольно далеко на север. То, что улус тянулся к Дону, видно и из пожалования Токтамыша крымскому эмиру Бек-хаджи Сюткельского эля [8, с. 90] – феодального владения вблизи Молочного лимана Азовского моря.

Косвенно об обширной территории улуса свидетельствуют более поздние сообщения. Так, учитывая наличие мощных противников, в XV в. Крымское ханство вряд ли могло выступать с полуострова или «Степи на острове Кафы», как называл эти владения Иосафат Барбаро [21]. При этом количество татарских войск в 1430–1450-х гг. колебалось в пределах нескольких тысяч человек. Так, в 1434 г. в битве под Солхатом хан выставил пять тысяч, на встречу с турецким войском под Каффой в 1454 г. Хаджи-Гирей I рекрутировал шесть тысяч солдат [18, с. 82]; согласно же сообщениям Иосафата Барбаро, хан имел от трех до четырех тысяч конницы [21]. Таким образом, мы видим, что территории самого полуострова были достаточными для нормальной жизнедеятельности постоянного кочевого населения, особенно, если учесть зависимость кочевого хозяйства от природных катаклизмов. Однако и степи за Перекопом тоже не отличались таким плодородием как те, что находились севернее Самары или на Правобережье. Тунманн в XVIII в. отмечал, что эти территории имеют очень мало воды (к тому же плохой по своим качествам). Гийом де Рубрук жаловался (правда, не называя местность), что лошади быстро загрязняли воду и ее нельзя было пить [1, с. 216]. То есть водоемы, где останавливался францисканец, были небольшими и обмелевшими. При таких условиях улус, естественно, представлял собой довольно большой территориальный анклав. При отсутствии источников мы можем только предполагать, где проходила северная граница области. Ф.М. Шабульдо, исследовав историю составления ярлыков крымских ханов на землях, переданных Великому княжеству Литовскому, пришел к выводу, что северная граница

Перекопской Орды проходила по р. Овечья Вода [63, с. 72]. Таким образом, граница могла тянуться от этой речки до устья Северского Донца.

Низам ад-Дин Шами и Шереф ад-Дин Йезди упоминают область Манкерман (так на востоке называли Киев) в своих описаниях похода Тамерлана по территории Золотой Орды [52, с. 121, 179]. Название территории и ее расположение указывают именно на Киевщину. То, что речь идет об улусе вблизи соответствующего города, видно и из того, что в таком же контексте упоминается и Увек (после погрома которого Тамерлан и двинулся на Манкерман). Следовательно, именно на территории Киевской земли существовал самый северный улус на Левобережной Украине. Это было закономерным, учитывая характер расположения улусов – им предоставлялись территории с достаточными пастбищами [39, с. 73–75]. Соответственно, на их землях и располагались новые хозяева.

К сожалению, информации об истории данной тьмы очень мало. Первое упоминание ордынцев как постоянных жителей содержится в летописном рассказе о поздке Даниила к Бату: «Пришел в Переяслав и встретил татар» [6, с. 109]. Из контекста неясно, находились ли монголы в самом городе, или дислоцировались рядом. Это можно объяснить тем, что земли бывших торков получили новых постоянных жителей. Во время войны Ногая и Токты этот тумен был сначала на стороне Ногая, но затем, вместе с другими левобережными территориями, он переходит на сторону Токты. Во время «Великой замятни» этот улус попал под влияние Великого княжества Литовского на правах совместного владения (кондоминиума). Погром Тамерлана также обусловил значительные разрушения области «Манкерман». При Витовте земли улуса были окончательно инкорпорированы в состав Киевского княжества и постепенно преобразованы в обычные феодальные владения как русской, так и татарской знати. Последние упоминания о наличии здесь какой-то административной единицы, согласно наблюдениям Е. Русиной, встречаются в 30–40 х гг. XV в. Ярким примером может служить Еголтаева тьма [44, с. 100–113].

Пастбища торков, как уже отмечалось, должны были составлять основу улуса. По мнению С.А. Плетневой, они находились на правом берегу Сулы и в ее среднем течении. Подобные пастбища были и в районе городов Всеволож, Уненеж (Унежи), Бахмач, Беловеж [39, с. 73–74]. Они были настолько богатыми, что в 1500 г. на них в течение лета и осени продержалась вся орда хана Большой Орды Шейх-Ахмеда. То, что именно здесь следует искать основу улуса, видно и из нумизматических находок. К.К. Хромов, исследовав находки киевских монет, которые «наследовали» золотоордынским дирхемам, очертил территорию их нахождения: Днепр, Псел, Верхняя Ворскла, Остер, Левобережье Сейма неподалеку Путивля [58, с. 122–130]. Археологические раскопки Нежина, поселений неподалеку Батурина [48, с. 34–38], Ожерецкого поселения показывают, что вдоль рек Осетра, Десны, Сейма оставались оседлые поселения. В то же время южнее имело место снижение оседлой активности. В этом контексте достаточно интересна идея Э.С. Кульпина об исчезновении лесов на Левобережье. Ученый предположил, что это могло произойти в результате активного отгонного скотоводства-овцеводства [33, с. 81]. Таким образом, здесь имел место кочевой анклав, очерченный на севере пределами рек Остер-Десна-Сейм.

По видимому, тьма получила название Манкерман исходя из близости к Киеву. Сам статус тьмы предполагал довольно большое количество населения. Соответственно, учитывая, что для кочевого хозяйства нужны большие площади, улус должен был быть довольно большим. Учитывая упоминавшиеся уже пределы области, она должна была располагаться на востоке. Поскольку этот улус принадлежал к крылу Мувала, то и его восточные границы должны были совпадать с границами крыла. Соответственно, именно в верхнем течении Северского Донца и следует искать границу области Манкерман.

По нашему мнению, пунктом, который формировал эту часть области, является тьма Еголтая (также в источниках «Яголтая»). В ярлыках упомянута «Егалтаева тьма», а остатки городища под этим именем существовали еще в XVII в. в районе «от Ливен же до Оскола, до Еголдаева городища через Муравскую дорогу и через речку Опоньки ездю 2 дни. А от Еголдаева городища до Муравской дороги до верх Осколу ездю верст с 40, а верховье осокольское у Муравской дороги». Ф. Петрунь относил эту часть текста ярлыка к протографу – первому варианту [38, с. 170–185]. Следовательно, она должна существовать по крайней мере с 90-х гг. XVI в. А если принять во внимание теорию Ф.М. Шабульдо о ярлыке Мамаю, то эту датировку можно перенести на начало 60-х гг. того же века. Е. Русина доказала, что этот «феод», кроме «Яголтаева (Еголтаева) городища», включал Оскол, Миролуб и Мужеч. Исследовательница сделала вывод о его существовании еще в долитовскую эпоху [44, с. 100–113].

Таким образом, этот улус в целом повторял границы Переяславского княжества [29, с. 100–105; 30, с. 72–82]. По нашему мнению, перспективным является мнение о том, что фактически Чингизиды превратили русское княжество в улус с прямым ордынским управлением. И здесь мы должны обратиться к событиям 1239 г. В то время город был завоеван войсками Джучидов, тогда как в том же году на Чернигов уже ходил царевич Менгу. Итак, Джучиды завоевывали те земли, на которых должны были разместиться их кочевья. Неслучайно и Переяславская епископия была перенесена в столицу Улуса Джучи. В конце концов, ничего необычного в факте преобразования княжества в улус не было. Подобное имело место и в других частях государства Чингиз-хана. Ведь монголы завоевывали не пустынные территории, а заселенные земли, которые уже имели свои границы. Тем более, что и соседний Киев, как уже упоминалось, был предоставлен непосредственно сыну Джучи – Тукай-Тимуру.

Описание похода Тамерлана на крыло Мувала позволяет уточнить границы приднепровских улусов. После разрушения Укека Тимур спустился на юг. В области «Юлуклук-Вазуклук» он соединился с частями, которые двигались с Северного Кавказа [52, с. 121]. Очень вероятно, что речь здесь идет о реке Бузулук (приток Хопра), которая как раз находится юго-западнее Укека. Если наше предположение верно, то дальнейший путь должен был пройти южнее Тихой Сосны, через Оскол. Правитель Мавераннахра мог перейти Северский Донец вблизи ордынского города у современного Изюма. Отсюда он и попал в улус Манкерман, где правил Бек-Ярык (бежал на восток). События происходили летом, когда кочевники поднимались на северные пастбища. Это означает, что Бек-Ярык должен был находиться у истоков Ворсклы, Псела или Сейма. Следующими жертвами Тамерлана стали земли Таш-Тимура и Актау. Их население также спасалось бегством. Причем его путь пролегал на запад, на правый берег Днепра к владениям Хурмадая [52, с. 121, 179]. В обоих случаях золотоордынская аристократия не укрылась под защиту киевских стен. Очевидно, Тамерлану удалось ее отрезать от города. То, что Таш-Тимур и Актау скрылись на Правобережье, где правил их враг Хурмадай, объясняется географическими особенностями региона. Днепр ниже Ворсклы делает дугу. Очевидно, они находились южнее этой речной дуги, поэтому были прижаты Тимуром к днепровскому берегу. Не случайно в описании событий все время фигурирует Днепр. В то же время Таш-Тимур и Актау не могли находиться выше Самары (в этом случае они перешли бы реку в районе владений Кориатовичей). Таким образом, границу улуса Манкерман следует искать от Днепра по Ворскле; дальше – между ее верхним течением и Сеймом, возможно, до Быстрой Сосны.

Учитывая уже упомянутые области в степной и лесостепной частях Левобережной Украины, а именно Солхатскую и Манкерман, третий улус следует искать именно между Ворсклой и Овечьей Водой. В 1478 г. крымский хан Менгли-Гирей писал киевскому воеводе Ходкевичу, что зимой «столичные улусы до Орели и Самары прийти должны»

[66, с. 427]. Пастбища в этом регионе были достаточно богатыми, чтобы прокормить кочевой домен Золотой Орды. Ф.М. Шабульдо, исследовав так называемых «Семеновых людей», пришел к выводу, что именно регион Орели-Самары составлял отдельную область (поскольку нам неизвестно, какое название имела данная область, то для удобства мы будем оперировать термином «Самаро-Орельская»), которую периодически держали в XV в. Саид-Ахмед, Хаджи-Гирей I, Семен Олелькович (Киевский), и возвращение которой категорически требовал Менгли-Гирей I [63, с. 57–73]. Сопоставляя сообщения источников о путешествии Даниила Романовича и Иоанна де Плано Карпини, можно сделать вывод, что Мауци кочевал южнее их маршрута. В то же время Иоанн де Плано Карпини ничего не пишет о Крыме во время посещения его ставки на обратном пути. Следовательно, напрашивается вывод, что Мауци жил на территории «Самаро-Орельского» улуса.

В испанском источнике первой половины XIV в. указано, что на побережье Черного моря между Днепром и Крымом находится город Пидеа. Причем он был «столицей королевства», которое, в свою очередь, пребывало в вассальной зависимости от хана Узбека [67, с. 96]. На картах-портоланах действительно есть топоним Пидеа. И.К. Фоменко, анализируя упоминания Пидеа на портоланах, пришел к выводу, что речь идет о «хорошей гавани», а также показал наличие здесь строительного леса [57, с. 114]. Археологи локализуют в окружающих территориях много курганов и могильников. Однако нам не известны факты, подтверждающие существование здесь остатков города. Очевидно, автор принял за город кочевую ставку татарского эмира или оглана. Вспомним, как Гийом де Рубрук описывает ставку Скатая: «показалось, что навстречу мне движется большой город» [42, с. 82]. Приняв во внимание, что испанский источник называет Пидеа королевством и ставит его на ступеньку ниже Узбека, мы считаем, что речь идет именно о тьме. Следует иметь в виду и то обстоятельство, что для того, чтобы европеец воспринял Пидеа как город, там должен был находиться двор местного правителя и немалое количество населения. При этом речь не могла идти о Солхатской тьме, поскольку в источнике дальше описывается Крым уже без привязки к Пидеа. Таким образом, мы видим, что ставка правителя «Самаро-Орельской» тьмы или одно из мест ее пребывания, находилась на побережье моря.

К середине XIV в. этот улус был под контролем рода киятов, из которого происходил Мамай. Этот же князь, очевидно, возглавлял улус. Именно здесь, в плавнях, находилась его столица, известная в XVII в. как «городок Мамаев Сарай» [27, с. 111], а современным археологам – как городище Большие Кучугуры или Конские Воды [16, с. 163], которое, по мнению А.П. Григорьева, называлось «Орда» [7, с. 117–121]. С этого времени улус из провинциального начинает приобретать статус столичного. Так, в течение двадцати лет существования «Мамаевой Орды» именно здесь находился ее политический центр. Характерно, что Токтамыш, взяв под контроль всю страну, периодически откочевывал в этот регион. Накануне битвы на Ворскле 1399 г. в «Самаро-Орельском» улусе находилась орда Тимур-Кутлука. Во времена противостояния Великого княжества Литовского и Золотой Орды (Идегея) на этих территориях надолго не мог закрепиться никто. В 20-х гг. XV века улус контролировался Улуг-Мухаммедом, и он ежегодно прикочевывал сюда [18, с. 58]. Позже эту область на двадцать лет присвоил Сеид-Ахмед. После его поражения в 1455 г. она отошла к Киевскому княжеству, но вряд ли могла избежать вторжений той или иной орды. Поэтому и в предупреждении Менгли-Гирея I упоминание о перемещении улусов не является чем-то необычным.

Расположение на торговых путях и внутреннее размещение Самаро-Орельского улуса изрядно способствовали росту населения и обогащению его элиты. Археологические находки дают богатый материал [16, с. 162–166]. Благоприятно на уровне жизни сказались богатые пастбища, особенно в зимнее время года. Это видно из писем Улуг-

Мухаммеда [18, с. 58] и Менгли-Гирея [66, с. 427]. В документах конца XVII в. периодически отмечается, что пастбища вдоль Орели, а также между этой рекой и Ворсклой, были питательными и пригодными для выпаса скота круглый год. Пастбища на Самаре, особенно по ее правому берегу, большую часть года могли прокормить большое количество лошадей и овец. Что касается питьевой воды, то эти территории были обеспечены ею достаточно в течение года. Вопрос влияния Ногаевой войны 1299–1301 гг. и чумы 1352 г. остается открытым. Сомнительным также кажется вторжение на территорию улуса литовских войск, учитывая в целом союзнические или нейтральные отношения Мамая как с Ольгердом, так и с Ягайлом. Первые демографические потрясения, зафиксированные в источниках, датированы 1380–1381 гг. Тогда, согласно хронике Абдулгаффара Кырыми, часть местного населения с сыном Мамая откочевала на правый берег Днепра [34, с. 193]. В 1395 г. улус был уничтожен войском Аксак Тимура. Часть населения снова отошла на Правобережье, и на этот раз навсегда [52, с. 121, 179; 37, с. 202–209; 18, с. 52].

Однако о полном запустении региона речь не шла. Например, в начале XV в. генуэзская семья Сенарга выкупила у татар городок Лерики-Локум Илицис (древнее Олешша) [68, с. 111]. Из этого факта видно, что здесь продолжают жить люди, функционирует хозяйственная жизнь, развиваются собственнические отношения, без которых не состоялся бы сам факт купли-продажи. В ходе противостояния Витовта и Идегея край мог потерять большинство населения, но во времена Сеид-Ахмеда, очевидно, происходит прирост населения. Неслучайно Менгли-Гирей так упорно требовал возвращения «Семеновых людей».

На западе граница улуса проходила по Днепру. В сообщениях об уходе местного кочевого населения на правый берег это подается как экстраординарное событие. Северной границей служила Ворскла: неслучайно именно на ней состоялась встреча войск Витовта-Токтамыша и Тимур-Кутлука-Идегея. Южная же граница, учитывая вышеупомянутую Пидею, возможно, шла по побережью Черного моря. Далее она могла подниматься до Овечьей Воды или даже до Конских Вод. Восточная граница должна была совпадать с границей крыла Мувала, которая проходила по Северскому Донцу.

Золотая Орда имела четкую административно-территориальную структуру. Первоначальная основа была заложена еще в начале образования Улуса Джучи, и его расширение за счет европейских территорий оказалось настолько эффективным, что эта основа просуществовала без существенных изменений почти до XV в. Разграничение областей на территории современных Украины и Молдовы настолько соответствовало природно-географическим особенностям земель, что во время активного наступления Великого княжества Литовского в XIV–XV вв. это государство «поглощало» улусы целиком и в течение длительного времени сохраняло их первичные границы. Одной из причин такого функционального распределения областей было то, что Чингизиды при их создании руководствовались имеющейся ситуацией. Фактически ордынцы превращали в тьмы государственные образования завоеванных народов. Особенностью же территориальной структуры Золотой Орды на территории, в первую очередь, современной Украины было то, что эти земли были разделены на две части: степные районы относились к крылу Мувала, а оседлые – к ханскому домену.

1. Агусти Алемань. Аланы в древних и средневековых письменных источниках/ Алемань Агусти. М.: Менеджер, 2003. 614 с.

2. Боплан де Г.Л. Опис України / Гійом Левасер де Боплан; пер. з фр. Я. І. Кравця. Львів, 1990. 575 с.

3. Бубенок О.Б. Аланы-Асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.) / О.Б. Бубенок. К.: Наук. думка, 2004. 324 с.

4. Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время / Н.И. Веселовский. Петроград: Российская государственная типография, 1922. 64 с.
5. Галенко О.І. Золота Орда у битві біля Синіх Вод 1362 р. / О.І. Галенко // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. К., 2005. С. 129–159.
6. Галицько-волинський літопис. Дослідження. Текст. Коментар. [За ред. чл.-кор. НАН України Котляра М.Ф.]. К.: Наук. думка, 2002. 400 с.
7. Григорьев А.П. Историческая география Золотой Орды: местоположение городов, их наименования // Тюркологический сборник 2006. М.: «Восточная литература» РАН, 2007. С. 117–168.
8. Григорьев А.П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация / А.П. Григорьев // Тюркологический сборник 2005. М.: Восточная литература, 2006. – С. 74–142.
9. Григорьев А.П. Коллекция золотоордынских документов XIV в. из Венеции / А.П. Григорьев, В.П. Григорьев. СПб., 2002. 232 с.
10. Груша А. Невядома грамата Фёдора Карыятовіча за 1391 г. / А. Груша // Беларускі гістарычны агляд. 2001. Т. 8. Сшытак 1/2. С. 133–134.
11. Гюзелев В. Очерци върху историята на българския Североизток и черноморието: края на XII – началото на XV век / В. Гюзелев. София, 1995. 102 р.
12. Дашкевич Я.Р. Угорська експансія на золотоординське Поділля 40-х – 50-х рр. XIV ст. / Я.Р. Дашкевич // Україна в минулому / НАН України. Інститут української археографії, Львівське відділення; редкол.: Я.Р. Дашкевич, М. Капраль, І. Сковилас, Я. Федорук. К.-Львів, 1994. Вип. 5. С. 33–66.
13. Добролюбський А.О. Кочовики південно-західної України в X–XVII ст.: монографія / А.О. Добролюбський, І.О. Смирнов; НАН України. Ін-т археології. К.-Миколаїв: Іліон, 2011. 171 с. Бібліогр.: с. 134–143.
14. Древняя культура Молдавии / АН Молдавской ССР; Отд. этнографии и искусствоведения; отв. ред. В.С. Зеленчук. Кишинев: Штиинца, 1974. 231 с.: рис.
15. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. / В.Л. Егоров. М.: Либроком, 2009. 248 с.
16. Сльников М.В. Золотоординські міста на території Запорізького краю / М.В. Сльников. Б. м., б. д. С. 162–166.
17. Зайцев А.К. Черниговское княжество X–XIII вв. / А.К. Зайцев. М.: Квадрига, 2009. 237 с.
18. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.) / И.В. Зайцев. М.: Рудомино, 2004. 217 с.
19. Золотая Орда в источниках: В 5 т. Т. 1: Арабские и персидские сочинения / Пер. В.Г. Тизенгаузена. М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2003. 448 с.
20. Золотая Орда в источниках: В 5 т. Т. 3: Китайские и монгольские источники / Пер. Р.П. Храпачевского. М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2009. 334 с.
21. Иосафат Барбаро. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. М., 1971: [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Barbaro/frametext.htm>
22. История Молдавской ССР: В 6 т.: / В.И. Царанов, В.Л. Янин, Академия де Штиинце а РССМ. Секция де Етнографии ши Студиере а Артелор, Институтул де Истории «Я.С. Гросул». Кишинев, 1987. Т. 1: Первобытнообщинный строй. Переход к классовому обществу. Формирование феодальных отношений. Образование Молдавского государства. 414 с.
23. Исхаков Д.М. О клановом составе первоначального удела Шибана / Д.М. Исхаков // Золотоордынское наследие. Вып. 1. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)», 17 марта 2009 г.: Сб. статей. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 526 с.
24. Ільченко І. Гідроніми іншомовного походження надвеликолузького регіону / І. Ільченко. Філологія: Збірник праць. К., 2009. 300 с.

25. Квітницький М. Пороська захісна лінія: етапи формування та розвитку (у світлі писемних та археологічних джерел) / М. Квітницький // Місце і значення Поросья в історії України (IX–XVII ст.): Матеріали науково-практичної конференції. Корсунь-Шевченківський, 2007. С. 124–143.
26. Клепатский П.Г. Очерки по истории Киевской земли / П.Г. Клепатский. Біла Церква, 2007. 480 с.
27. Книга Большому Чертежу / Подгот. к печати и ред. К.Н. Сербиной. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 229 с.
28. Книга хоженій: Записки русских путешественников XI–XV вв. М.: Советская Россия (пер. А.И.Прокофьева), 1984: [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus2/Nozenija/pred.phtml?id=1693>
29. Корінний М.М. Природні умови Переяславської землі в X–XIII ст. / М.М. Корінний // Історико-географічне вивчення природних та соціально-економічних процесів на Україні. К.: Наук. думка, 1988. С. 100–105.
30. Корінний М.М. Переяславська земля в X – першій третині XIII ст. // Український історичний журнал. 1981. №7. С. 72–82.
31. Котляр М.Ф. Нариси воєнного мистецтва Давньої Русі / М.Ф. Котляр. К.: Наш час, 2010. 280 с.
32. Кудряшов К.В. Половецкая степь / К.В. Кудряшов. М., 1948. 170 с.
33. Кульпин-Губайдуллин Э. Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства / Э. Кульпин-Губайдуллин. М., 2014. 176 с.
34. Миргалеев И.М. «Черный человек» Мамай / И.М. Миргалеев // Мамай. Опыт историографической антологии: Сборник научных трудов / Под ред. В.В. Трепавлова, И.М. Миргалеева. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 183–197.
35. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана / И.М. Миргалеев; 1-е изд. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
36. Морозов О. Нариси з історії стародавнього Ніжина / О. Морозов // Ніжинська старовина: Науковий історико-культурологічний збірник. 2005. Вип. 1(4). С. 26–43.
37. Орель Десеї. Обоснование Актава из Золотой Орды в Оттоманской империи / Десеї Орель // Золотоордынская цивилизация: Сб. научн. тр. Вып. 3. Казань, 2010. С. 202–209.
38. Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі / Ф. Петрунь // Східний світ. 1929. № 2. С. 170–185.
39. Плетнева С.А. Половцы / С.А. Плетнева. М.: Наука, 1990. 208 с., ил.
40. Полное собрание русских летописей: В 43 т. Т. XVIII: Летопись Симеоновская / Под ред. А.Е. Преснякова. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. 316 с.
41. Почекаев Р. Батый. Хан, который не был ханом / Р. Почекаев. М.: АСТ; СПб.: Евразия, 2006. 138 с.
42. Путешествие в Восточные страны / Плано Карпини Иоанн де, Вильгельм де Рубрук. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1911. 232 с.
43. Русина О. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського / О.В. Русина. К.: Інститут історії України НАН України, 2005. 246 с.
44. Русина О. Студії з історії Києва та Київської землі / О.В. Русина. К.: Інститут історії України НАН України, 2005. 347 с.
45. Руссев Н.Д. Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов / Н. Д. Руссев // Stratum plus. 09/1999. № 5. С. 379–408.
46. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды / М.Г. Сафаргалиев. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960. 279 с.
47. Сборник Императорского Русского Исторического Общества: В 148 т. Т. 41. Ч. 1: Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией. Часть 1-ая (годы с 1474 по 1505) / Изданы под редакцией Г.Ф. Карпова. СПб., 1884. 558+82 с.

48. Ситий Ю. Зміни в характері занять населення нижнього Посейм'я після монголо-татарської навали / Ю. Ситий // Батуринська старовина: Збірник наукових праць, присвячений 300-літтю Батуринської трагедії. К., 2008. С. 34–38.
49. Скочиляс І. Аспрокастрон-Білгород – кафедра Галицької митрополії у XIV ст. / І. Скочиляс // *Ruthenica*: Збірник наук. праць. К.: Інститут історії України НАН України, 2009. Т. VIII. С. 120–137.
50. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. / В.Д. Смирнов. СПб.: Университетская типография, 1887. 824 с.
51. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды Т. I / В.Г. Тизенгаузен. СПб., 1884. 588 с.
52. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II / В.Г. Тизенгаузен. Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
53. Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV ст. / В.В. Трепавлов. М.: Квадрига, 2010. 72 с.
54. Ускенбай К. Улусы первых Джучидов: Проблема терминов Ак-Орда и Кок-Орда / К. Ускенбай // *Тюркологический сборник 2005*. М., 2006. С. 373–381.
55. Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммед Дости. Чингиз-наме / Перевод В. П. Юдина. – Алма-Ата, 1992: [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Chengiz-name/frametext.htm>.
56. Федорук А. Археологічні дані про арбалетне озброєння на Буковині (за матеріалами розкопок городища в с. Зелена Липа). – С. 85–93 // *Музейний щорічник. 2003* (Матеріали науково-практичної конференції «Музей та музейна справа на початку III тисячоліття», м.Чернівці, 14 травня 2003 р.). Випуск 2. (24). Чернівці: Золоті литаври, 2003. 124 с.
57. Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. 2-е изд. / И. К. Фоменко. М., 2007. 424 с.
58. Хромов К.К. О монетной чеканке на территории Киевского княжества в 50-е годы XIV в. («киевские» подражания монетам Джанибека) / К.К. Хромов // *Международная научно-практическая конференция «Проблемы охраны и восстановления фортификационных сооружений Киевской земли»*, Киев, 26–27 мая 2005 г. С. 122–130.
59. Черкас Б. Похід хана Джанибека на Правобережну Україну 1352 р. // *Україна в Центрально-Східній Європі*. Вип. 9–10. Київ, 2010. С. 13–25.
60. Черкас Б. Україна в політичних відносинах Великого князівства Литовського і Кримського ханату (1515–1540). К.: Інститут історії України НАН України, 2006. 250 с.
61. Чулууны Далай. Монголия в XIII–XIV вв. / Далай Чулууны. М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. 233 с.
62. Чхао Чху-Ченг. Китайские источники по истории Золотой Орды (на материале перевода книги «Синь Юань ши») / Чху-Ченг Чхао // *Золотоордынская цивилизация: Сборник статей*. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. Вып. 2. С. 209–214.
63. Шабульдо Ф.М. «Семеновы люди»: их территория и роль в политических отношениях между Крымом и Литвой на исходе XV в. / Ф.М. Шабульдо // *Ruthenica*: Зб. наук. пр. К.: Ін-т історії України НАН України, 2010. Т. IX. С. 57–73.
64. Эренжен Хара-Даван. Чингиз-хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV вв. // Хара-Даван Эренжен. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. 224 с.
65. Ярлык крымского хана Хаджи-Гирея I (1453) // *Изучение ярлыков и восточных грамот: Сборник статей*. (пер. С.Е. Малова). Текст воспроизведен по изданию: *Изучение ярлыков и восточных грамот // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятилетию*. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Cahdji_girejI/Jarlyk1453/text.phtml?id=543.
66. Biblioteka Narodowa. – Biblioteka Czartoryskich. – Teki Naruszewicza – zbiór 38 270 kopii dokumentów, zebranych w 230 tomach, powstały w II połowie XVIII wieku. (6475). № 102. S. 427.

67. El libro del conocimiento de todos los reinos = The book of knowledge of all kingdoms. By Marino Nancy F. Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies Marino, 1999. 228 p.

68. Quirini-Popławska D. Włoski handel Czarnomorskimi niewolnikami w późnym średniowieczu / D. Quirini-Popławska . Kraków, 2002. 321 s.

69. Stolica Apostolska a świat mongolski w poiwie XIII wieku / Pod red. J.Strzclczyka. Poznac, 1993.

§ 3. Право Золотой Орды. Налогообложение. Придворный этикет и протокол

Роман Почекаев

Особенностью золотоордынского права было сосуществование в его рамках сразу нескольких правовых систем, элементы которых не взаимно исключали, а органически дополняли друг друга. Правда, в связи с политической ситуацией одна из систем могла доминировать над остальными, что нашло отражение в преобладании действия тех или иных источников права для регулирования особо значимых социальных отношений.

Основу правовой системы Золотой Орды составляло монгольское имперское право, начало формированию которого положил Чингиз-хан, а затем правотворческая деятельность была продолжена и его преемниками. Соответственно, первыми источниками имперского права стали указы-ярлыки основателя Монгольской империи, которые затем были возведены в ранг правовых принципов, обязательных при выработке дальнейших нормативных актов и принятии правозначимых решений. Совокупность этих принципов традиционно определялась как Великая Яса. В науке распространено мнение о Ясе как о своде законов или записанных обычаев, составленном Чингиз-ханом, однако более подробный анализ сведений позволяет охарактеризовать ее, скорее, как некий правопорядок, основанный на соблюдении правовых предписания самого Чингиз-хана и его преемников [см., например: 52]. На Великую Ясу неоднократно ссылаются и золотоордынские правители и представители элиты как на некое незыблемое правовое наследие, перешедшее в Улус Джучи из Монгольской империи и символизировавшее правопреемство ордынских ханов от Чингиз-хана.

Тем не менее незыблемость не означала, что эти принципы нельзя было дополнять: ведь Чингиз-хан в первой четверти XIII в. не мог предусмотреть в своем законодательстве те правовые институты и направления правоотношений, которые стали формироваться уже и полвека спустя – не говоря уже о более поздних периодах. В связи с этим основным источником имперского права в Золотой Орде стали ханские ярлыки как акты высшей юридической силы, которые издавались по самым разным вопросам: были ярлыки-законы, ярлыки-послания, тарханские ярлыки (жалованные грамоты о налоговом иммунитете), ярлыки о назначении на должность (в т.ч. ярлыки вассальным правителям Золотой Орды о подтверждении ханом их статуса), ярлыки-предписания по отдельным вопросам. Положения ярлыка действовали в течение жизни (или правления) издавшего его хана, либо же, если речь шла о жалованных грамотах или ярлыках о назначении на должность – в течение жизни (или пребывания на соответствующей должности) держателя ярлыка. Соответственно, каждый новый хан при вступлении на престол собственными ярлыками подтверждал или отменял (первое происходило намного чаще) волю своего предшественника, либо же, в случае смерти держателя, выдавал ярлык аналогичного содержания его наследнику. Соответственно, ярлыки являлись, во-первых, самыми многочисленными, во-вторых, наиболее опера-

тивно обновляемыми источниками права, объективно отражающими изменение правовой ситуации в Золотой Орде.

Нередко во исполнение ярлыков золотоордынские чиновники и региональные правители издавали собственные подзаконные акты, в которых положения ханских указов могли уточняться или толковаться «расширительно». Естественно, в отличие от ярлыков, адресатом которых нередко были «все», т.е. все население Золотой Орды, представители органов власти и даже иностранцы, пребывающие в джучидских владениях, эти подзаконные акты действовали лишь на территории, подведомственной выдавшему их правителю [см. подробнее: 29, с. 61–90].

Еще одним источником права, базировавшимся на Великой Ясе и ханских ярлыках, являлась судебная практика, т.е. результаты деятельности судов-*даргу*. Сами судьи назначались на должность ханскими ярлыками, в которых фиксировались их полномочия и определялись те нормы, на основе которых им следовало выносить решения. Однако это не означало, что ханы указывали, как именно следует решать тот или иной спор или определять наказание за преступление: судьи следовали базовым принципам имперского права, при этом имея широкую свободу собственного усмотрения в зависимости от конкретных обстоятельств каждого разбираемого дела [6, с. 135–136].

Нельзя не сказать несколько слов о еще одном специфическом праве – *торе*. Исторически оно возникло задолго до создания Монгольской империи и действовало еще в эпоху тюркских каганатов, изначально являясь результатом правотворческой деятельности этих монархов. Однако у монголов (еще в доимперскую эпоху) конкретные правовые нормы *торе* трансформировались в некие принципы сакрального права, установленного Небом, соблюдение которых гарантировало сохранение вселенского порядка. Чингиз-хан и Чингизиды инкорпорировали старинное тюркское право в имперскую правовую систему, сделав *торе* набором неких фактически абстрактных принципов, символизировавших правление ханского рода как исполнение воли Неба, т.е. подтверждавших родовую харизму потомков Чингиз-хана. В Золотой Орде *торе* нередко упоминалось как в правовых актах, так и при принятии важных государственных решений в контексте необходимости сохранения имперских ценностей и незыблемости традиций ханского рода. К вопросам, регулируемым *торе*, относились, в частности, статус ханов и их взаимоотношения со знатью, проведение военных кампаний и распределение добычи, основы административно-территориального деления (ханская ставка, крылья и т.д.) [см. подробнее: 31; 45].

Однако имперское право регулировало далеко не все сферы правоотношений. Ордынские ханы (как и правители Монгольской империи) старались охватить преимущественно публично-правовые отношения, т.е. взаимодействие различных правителей-Чингизидов и органов власти между собой и взаимоотношение подданных с официальными властями. В вопросы частноправовых отношений они благоразумно старались не вмешиваться. Такие вопросы решались в рамках других правовых систем, действовавших в Золотой Орде.

В кочевых областях империи Джучидов наибольшее распространение имело обычное право кочевых племен. В монгольской традиции оно обозначалось термином *йосун* и регламентировало многие вопросы частной жизни, включая семейные и наследственные отношения, разрешение споров имущественного характера и т.д.

В оседлых же областях в большей степени было распространено мусульманское право – предписания шариата и не противоречащие им обычно-правовые нормы адата, которые действовали задолго до создания Золотой Орды. Джучидские правители признавали право мусульманских общин решать частноправовые вопросы на основе собственного религиозного права, что являлось одним из проявлений принципа религиозной толерантности потомков Чингиз-хана. Соответственно, на его основе строились част-

ноправовые отношения, решались имущественные споры, а также регламентировалось взимание налогов, предусмотренных шариатом в пользу мусульманской общины.

После того как хан Узбек около 1320 г. сделал ислам государственной религией Золотой Орды, сфера применения шариатских нормы существенно расширилась: в систему органов государственной власти были интегрированы представители мусульманской администрации, действовавшие в соответствии с принципами исламского права, наряду с судами-дзаргу при областных правителях появились мусульманские суды кади, выносившие решения также на основе шариата. Тем не менее, нельзя сказать, что обязательное следование мусульманскому праву навязывалось всему населению Золотой Орды: так, еще в начале XV в. кочевое население Дешт-и Кипчака жило на основе обычного права, и Идегею пришлось предпринимать активные действия по приобщению его к мусульманским (в т.ч. и правовым) ценностям [см. подробнее: 50].

Имперское право (Яса, ханские ярлыки) было наиболее актуально в Золотой Орде в XIII – середине XIV в., поскольку именно в этот период ханская власть была наиболее прочной, и любые акты волеизъявления монарха воспринимались как нормы высшей юридической силы. В результате междоусобиц 1360–1370-х гг., нашествий Тамерлана и последовавшего распада Золотой Орды престиж ханской власти существенно снизился, и стройная система «чингизидского» права утратила актуальность. В результате оседлые области (а позднее – и созданные на их территории постордынские государства: Казанское, Астраханское, Крымское ханства) в большей мере стали опираться на мусульманское право и суд кади, тогда как кочевые области (в которых впоследствии образовались Сибирское и Казахское ханства, Ногайская Орда) в большей степени вернулись к древнему обычному праву тюрко-монгольских степей, на основе которых сформировалась и система выборных судей-биев, выносивших решения именно на основе этих правовых обычаев.

Таким образом, можно утверждать, что статус Золотой Орды как имперского государства подчеркивался и широким распространением в нем норм имперского права, отражавших принадлежность империи Джучидов к общеимперскому политико-правовому пространству. После распада Монгольской империи и кризиса в самой Золотой Орде имперское право практически перестало в ней применяться, что свидетельствует об утрате этим государством имперского статуса.

Кратко рассмотрим наиболее значимые институты права Золотой Орды – систему налогов и сборов, отношения в сфере преступлений и наказаний, суд и правосудие.

Одним из главных признаков Золотой Орды как государства является развитая система налогов и сборов, изначально унаследованная из Монгольской империи. Одним из первых действий монголов в покоренных областях стало введение налогов и создание фискального аппарата. Сведения о налогах, сборах и повинностях, применявшихся в Золотой Орде, восстанавливаются по сохранившимся ханским ярлыкам, большинство которых является льготными, т.е. предоставляющими их держателям налоговый иммунитет.

До недавнего времени налоговая система Золотой Орды воспринималась как довольно беспорядочная совокупность сборов и повинностей, бесконтрольно взимаемых ордынскими властями и знатью с простого населения и вассальных государств. Однако более подробное ознакомление с ханскими ярлыками и другими источниками убеждает в обратном: налоговая система в Орде была четко и жестко регламентированной.

Налоги могли иметь как денежное, так и натуральное выражение и вводились специальными ярлыками. При этом ордынские власти в полной мере учитывали специфику регионов или категорий населения, в отношении которых вводились те или иные налоги и сборы. Так, например, в жалованном ярлыке городским жителям отсутствуют налоги, установленные для сельского населения, и, наоборот – в ярлыке жителям сельской мест-

ности не указываются налоги и сборы, которые взимались с торговцев и городских ремесленников [46, с. 240]. Кроме того, налоги, сборы и повинности, как правило, перечисляются определенными группами, что облегчает их систематизацию. Например, ярлык Тимур-Кутлука Мухаммеду и Махмуду гласит: «[с их] виноградников тамгу, с Инкинчи и Ускюбола курут, амбарный налог, гуменный сбор, [а с] зависимых от них людей – кысмет и кубчир, ясак и калан, [то есть подать] «сальк» называемую, бадж и хардж, пусть не берут; в пути [их следования] или на месте, при вхождении [их] или при выходе, в Крыму или в Кафе, всякого рода вещей при покупке ими или при продаже, ни тамгу, ни тартнак [с них] пусть не берут; у тарханов и людей [от них] зависимых путевого сбора или дозорного пусть не домогаются; скотину их под подводы пусть не захватывают; на ночлег и на постой [к ним] пусть не ставят; кормов и фуража от них пусть не домогаются; от какого бы то ни было рода забот, поборов и чрезвычайных налогов [они] защищены и сохранены пусть будут» [7, с. 98–99]. Анализ ярлыков и результаты исследований позволяют выделить несколько групп налогов, сборов и повинностей.

Основные налоги взимались со всех подданных золотоордынского хана, хотя определенные их разновидности возлагались на представителей кочевого, либо оседлого населения. Совокупность этих налогов и податей обозначалась терминами *ясак* и *калан* [46, с. 236]. Главным налогом был подушный (с кочевого населения) или поземельный (с оседлого) налог *борч харадж / тутун хараджи* [46, с. 235]. Ставка его в Золотой Орде неизвестна, но можно предположить, что она примерно соответствовала существовавшей в Иране, где она в денежном эквиваленте составляла 7 динаров с богатых и 1 – с бедных [2, с. 80]. Со скотоводов взимался *копчур* – общий налог со скота, который составлял изначально 10% от поголовья лошадей, коров, овец, но потом был снижен до 1%. Естественно, им облагалось все кочевое население кроме упомянутых тарханов, поэтому его и следует отнести к числу основных налогов. Впервые он был установлен великим ханом Угэдэем в Монголии в 1230-е гг. и в дальнейшем постоянно взимался в государствах Чингизидов, в том числе и в Золотой Орде [34, с. 36; ср.: 8].

С оседлого населения взималось несколько налогов, которыми не облагались кочевые подданные хана. Одновременно с копчуром для кочевого населения был введен *тагар* – налог с урожая для оседлого населения, составлявший 1/10 часть от урожая. Считалось, что это налог вводился с целью дальнейшего перераспределения среди малоимущего населения [34, с. 36]. Другим видом «земледельческого» налога было так называемое *поплужное*, т.е. сбор с каждого плуга (каждого хозяйства, обрабатывающего свой участок земли). Ставка его составляла 3 аспра [см.: 2, с. 80–81; 47, с. 34–35].

Торговые, дорожные и пограничные налоги в большинстве случаев взимались с ордынских и иностранных купцов, но также – и с других категорий населения (не являвшихся торговцами), которым приходилось пересекать границу и провозить через нее какое-либо имущество. Непосредственно при пересечении границы лицо уплачивало пошлину с ввозимых товаров или иного имущества. Если же товары ввозились на кораблях, то величина этого сбора зависела от количества мачт судна, он взимался при входе в порт и отплытии из него и заменял собой ввозную и вывозную пошлины [10, с. 24]. Также на границе уплачивались дорожный сбор, направлявшийся на содержание дорог, и сбор за предоставление торговцам вооруженной охраны (*карауллук*) [см., например: 7, с. 99, 107; 9, с. 97; 33, с. 21, 36]. В процессе перемещения по территории Золотой Орды торговцы и путешественники также уплачивали ряд «транспортных сборов» – при переправе (на лодке или на плоту) или проезде через мосты [10, с. 135–136; 12, с. 5]. Сведения источников, однако, не позволяют установить, на всех ли мостах в Золотой Орде взималась пошлина.

Торговые сборы состояли из собственно торгового и весового. В обычаях делового оборота Причерноморья, по большей части принявших за основу византийскую терми-

нологию и методику налогообложения, совокупность этих двух налогов и ввозной пошлины фигурировала под общим термином *коммеркий*. Торговый сбор в ордынской традиции назывался *тамгой*, и взимавший его чиновник («таможенник») в знак того, что налог взят, ставил на товар отметку, также носившую название тамги. Ставка торгового сбора составляла в Золотой Орде 3% от стоимости товара (в исключительных случаях увеличивалась до 5%) [10, с. 15, 98, 149–150]. Впрочем, в отношении определенных товаров делались исключения. Так, в ярлыке Узбека венецианским купцам Азова (1332) встречается такое положение: «Также у нас исстари не брали торговый налог с торговли драгоценными камнями, жемчугом, золотом, серебром, золотой канителью; и ныне пусть не берут» [10, с. 27]. Весовой сбор *тартанак*, или *кантар*, был тесно связан с тамгой. Его ставка устанавливалась в половину торгового налога (в случае увеличения торгового налога менялась и абсолютная величина ставки весового сбора). Интересно отметить, что единицей налогообложения тартанаком являлись не сами товары, а повозки, на которых они ввозились. Кроме того, налог этот взимался, даже если обе стороны в сделке представляли иностранцы [10, с. 15, 98, 103–105]. Особый сбор уплачивался посреднику при торговой сделке; в Трапезундской империи он составлял 1% от суммы сделки, полагаем, что и в Золотой Орде ставка была приблизительно такой же. Специальный сбор взимался также за изготовление контракта [см.: 10, с. 151].

Любопытно отметить, что многие налоги и сборы этой категории были распространены в Западной Европе еще со времен Римской империи – речь идет, прежде всего, о системе пошлин и таможен [см., напр.: 35, с. 222]. Таким образом, вполне возможно, что в налоговую систему Золотой Орды они попали не из Монголии и Китая, а от западных соседей, с которыми Золотая Орда имела тесные контакты с самого начала своего существования. На такую мысль наводит тот факт, что эти налоги не упоминаются ни в Великой Ясе, ни в ярлыках великих ханов Монгольской империи – они фиксируются именно в ордынских ярлыках и вполне могут объясняться влиянием Запада, а не Востока.

Специальные сборы распространялись на тех, кто занимался определенной деятельностью. В ярлыках перечисляются налог на использование недр и вод [33, с. 21, 34–35], куртовый сбор (с изготовителей *курта* – творога и молочных изделий) [46, с. 237], сбор с мельниц и гумна [24, с. 477], с садов и виноградников, а также изготовления вина [9, с. 102], с изготовителей стрел [7, с. 130], с мелкого скота [2, с. 80–81; 7, с. 130]. Последний, по сведениям Симона де Сент-Квентин, составлял 3 аспра с 6 овец [см.: 4, с. 34].

Чрезвычайные или экстраординарные сборы и повинности взимались с населения Золотой Орды в определенных случаях: в связи с прибытием в регион высоких сановников, послов или ханских родственников, которым традиционно надлежало подносить дары и подарки; по случаю прибытия в ханскую ставку золотоордынских подданных или иностранцев, которым полагалось одаривать хана, членов его семейства и высших сановников. Наиболее характерные примеры подобных сборов встречаются в ханских ярлыках русским митрополитам – *дары (поминки), запросы, почестья, доходы* и т. д. [2, с. 92–95; 9, с. 34–35; 24, с. 474–475]. К этому же виду сборов, вероятно, следует отнести и сбор, который уплачивался в пользу суда при разрешении спора [см.: 6, с. 104].

Из повинностей в ярлыках довольно часто упоминаются подводы (*улаг*), верховые лошади (*мал*), провиант (*улафа*), фураж для скота (*сусун*). В эту группу входила обязанность принимать проезжающих должностных лиц и дипломатов на постой (*илчи-конак*). Нередко эти повинности возлагались на население совокупно, о чем свидетельствует употребление в ярлыках «парных терминов» – *улуфа-сусун, улаг-илмак* и др. [46, с. 236]. Другая группа повинностей была связана с организацией военных походов или облавных охот. В нее входило принятие солдат на постой, подготовка для них провианта, а также предоставление людей для участия в походах (в русских переводах ярлыков – *война* [см., напр.: 2, с. 93; 9, с. 34]) и охотничьих облавах (в ярлыках – *чирик авы* [46, с. 237]).

Воинская повинность *черик* в каждом регионе зависела от численности его населения; так, например, название административно-территориальной единицы *тумен* означало, что в случае войны эта область должна выставлять до 10 000 воинов, «тысяча» – соответственно тысячу и т.д. Согласно сведениям «Книги о великом хане», золотоордынский хан Узбек имел под своим началом 700 000 воинов [51, с. 59], т.е. 70 туменов, однако это вовсе не означало, что хан постоянно держал в боевой готовности такое количество воинов. Просто в случае необходимости он мог бы мобилизовать именно столько воинов – чего, впрочем, ни Узбек, ни другие ханы Золотой Орды ни разу не делали за всю ее историю!

К числу повинностей также можно отнести обеспечение безопасности в регионе – борьбу с разбойниками и грабителями. В ярлыках эта повинность фигурирует под названием «караулук» или «ночной сбор» [7, с. 99, 107; 46, с. 237]. В ее несении были заинтересованы сами местные жители, поскольку в случае ограбления проезжающих торговцев или чиновников местные жители должны были либо разыскать грабителей, либо за свой счет возместить убытки потерпевшим. Повинность эта могла выражаться как в содержании присланных отрядов, так и в выделении людей из числа местных жителей для формирования собственных таких отрядов.

Сбор большинства налогов находился в ведении гражданской администрации, которую возглавлял *визирь*, в подчинении которого находились «отраслевые министерства» – *диваны*. Одним из таких диванов был, в частности, диван государственной казны [см.: 6, с. 99].

В ханских ярлыках представлен не только подробный перечень налогов, но и не менее полный список чиновников, отвечавших за их сбор. Так, ярлык Тимур-Кутлука содержит стандартный перечень лиц, отвечавших за сбор налогов или имевших право распоряжаться ими: «правого (и) левого крыла уланам, тысяцким, сотским, десятским бегам во главе с темником Идегеем, внутренних селений даругам..., писцам палат, таможенникам (и) сборщикам подати, мимохожим и мимоезжим послам (и) посланцам, дозорам (и) заставам, ямщикам и кормовщикам, сокольникам (и) барсникам, лодочникам и мостовщикам, базарному люду» [40, с. 158–159]. Ярлык Тюляка митрополиту Михаилу содержит сходный перечень: «татарьским улусным и ратным князем, и волостным самим дорогам, и князем, писцем, таможником побережником и мимохожим послом и соколником и пардусником и бураложником и заставщиком и лодейщиком или кто на каково дело, ни поидет многим людем...» [24, с. 465]. Русский вариант наименований большинства этих чиновников уже указывает, сбором каких налогов, пошлин и повинностей они занимались.

В подчинении руководителей гражданской администрации областей находились таможенники (*тамгачи*) и «весовщики» (*тартанакчи*), отвечавшие за сбор налога с оборота и налога за взвешивание на казенных весах [см.: 10, с. 15, 50, 94, 135]. К ним примыкают и базарные надзиратели (*базарга турканлар* – базарный люд), в функции которых входило обеспечение порядка на рынках [33, с. 21, 25], а также, вероятно, и взимание специальных сборов при купле-продаже шкур, процента за посредничество, сбора за составление контракта.

Часть налогов и повинностей находилась в ведении военной администрации. Так, десятники и сотники непосредственно отвечали за подготовку провианта для солдат, идущих в поход, а также за рекрутские сборы во вверенных им местностях, а тысячники и темники осуществляли контроль подчиненных им сотников и десятников. Кроме того, в ведении темников, отвечавших за охрану государственных границ Золотой Орды, находились заставы и отряды, обеспечивавшие безопасность и порядок в пограничном регионе. На начальниках этих застав (в ярлыках – *заставицики*, *туткаулы*, *бураложники*) лежала обязанность взимать дорожный сбор и сбор за ввоз и вывоз това-

ров. Начальники мобильных отрядов, *букаулы*, в свою очередь, взимали плату за охрану торговцев и других лиц в дороге. Согласно сведениям восточных хронистов, *букаул* являлся высоким армейским чиновником, отвечавшим за снабжение: вероятно, именно из сборов за охрану на дорогах он и черпал средства для обеспечения вверенных ему военных соединений [см.: 9, с. 97].

Сбор налогов был прерогативой центральной власти: родственники хана и племенные вожди в этой сфере пользовались весьма ограниченными правами. Так, они имели право взимать какие-либо сборы и повинности только с подчиненного им кочевого населения, тогда как в оседлых областях, формально находившихся в их владении, всей полнотой власти распоряжались ханские даруги, которые и осуществляли и сбор налогов в этих областях. При этом средства поступали сначала в ханскую казну, и лишь затем по усмотрению хана распределялись среди представителей его семейства и высшей знати. Это соответствовало государственной доктрине Золотой Орды, согласно которой хан считался главным и фактически единственным собственником всех земельных владений. Однако некоторые из ханских родичей или высших сановников имели право рассчитывать на ханскую щедрость, которую он мог позволить себе проявлять за счет своих подданных и иностранцев, пребывающих на территории Золотой Орды. Например, ханша Тайдула имела в Азове собственный штат налоговых чиновников, взимавших ряд налогов не в ханскую казну, а непосредственно в ее пользу. Однако ханы нередко подвергали пересмотру подобные привилегии своих родственников: так, Бердибек, внук Тайдулы, в 1358 г. пожаловал своему приближенному Тоглу-баю право взимать «на оружие» по 3 сома серебра с каждого корабля, приходящего в Азов – причем не за счет ханской казны, а из тех сборов, которые прежде получала Тайдула! Последней пришлось смириться с этим и своим дополнительным распоряжением поддержать повеление хана [10, с. 152–153]. Подобные пожалования налогов и сборов в пользу ханских родственников и сановников были распространенной практикой, о чем свидетельствует Симон де Сент-Квентин: «Во-первых, хан получает свою долю...; во-вторых, особенный владелец; в-третьих, областной владелец...» [цит. по: 47, с. 34].

В большинстве случаев освобождение от уплаты налогов жаловалось или подтверждалось ханом лично, по собственному усмотрению, а не на основании какого-либо единой сословной привилегии. Соответственно, тарханы могли относиться к разным группам податного населения, и налоговый иммунитет не являлся их сословным признаком. Как правило, статус тархана включал освобождение от уплаты налогов и несения повинностей, право сохранять за собой всю убитую во время облавных охот добычу, привилегию входить к хану в любое время и ехать рядом с ним во время выездов походов, выездов. Также в число привилегий включалось освобождение от наказания за девять проступков; сохранялись эти привилегии в течение девяти поколений [см.: 2, с. 53–54; 49, с. 308–311]. Тарханство могло быть пожаловано отдельным лицам и целым категориям или даже целым населенным пунктам. Ярлыки Токтамыша, Тимур-Кутлука и Улуг-Мухаммеда являются индивидуальными пожалованиями конкретным лицам, а ярлыки русскому духовенству – это уже привилегии целой категории лиц. В ярлыке Токтамыша Бек-Хаджи, в свою очередь, имеется ссылка на ярлык хана Пулада, выдавшего тарханский ярлык целому селению (или роду) Шуракуль [12, с. 3]. Анализ их содержания позволяет проследить эволюцию института налогового иммунитета в Золотой Орде.

На раннем этапе истории Золотой Орды тарханство не было широко распространенной практикой. Наибольшее развитие оно получило при Токтамыше и его ближайших преемниках: ханы для укрепления своей власти старались привлекать к себе представителей разных племен и слоев населения, освобождая их от налогов. К этому периоду относятся ярлыки, которыми их держатели освобождаются от наибольшего числа налогов и повинностей [47, с. 124–125]. В дальнейшем можно наблюдать постепен-

ное урезание прав тарханов: уже в ярлыке Улуг-Мухаммеда, вступившего на трон четверть века спустя после Токтамыша, пожалование содержит следующую оговорку: «И еще, с прежних времен даругам вашим ежегодно [все], что вы платили, теперь также [нашего] ярлыка с правилами в соответствии, платите» [7, с. 122].

Помимо тарханных ярлыков и грамот исследователи выделяют также суюргальные [см., напр.: 46, с. 281]. Исследователи определяют *суюргал* как пожалование ханом земельного владения, изначально обладающего определенным налоговым и судебным иммунитетом. Поэтому в суюргальных грамотах обычно не содержалось положений об освобождении их обладателей от уплаты налогов: сам факт пожалования суюргала означал это освобождение, равно как и запрет ханским чиновникам вмешиваться в дела управления суюргалом. Суюргалы появились в Золотой Орде не ранее конца XIV в., скорее всего, уже после нашествия Тимура, как результат влияния правовых традиций Востока [46, с. 214; 47, с. 114–115]. Единственным сохранившимся документом такого рода является ярлык Улуг-Мухаммеда 1420 г., в котором, помимо освобождения от ряда налогов, подтверждается право Туглу-бая и Хызра наследовать должность и владения их отца, бывшего даругой в Керчи [7, с. 112–135].

В системе уголовно-правовых отношений Золотой Орды представления о преступлениях и наказаниях были достаточно четкими. Наиболее серьезными преступлениями считались преступления против государства и правящего рода.

Одним из самых тяжелых преступлений считалась узурпация трона: «Одно постановление такое, что всякого, кто, превозносясь в гордости, пожелает быть императором собственною властью без избрания князей, должно убивать без малейшего сожаления» [15, с. 48]. Именно поэтому в истории Золотой Орды не известно практически ни одного случая узурпации трона: даже в периоды смут («Великой замятни» 1358–1381 гг. и последующего распада Орды в первой пол. XV в.), когда на трон одновременно претендовало по три-пять кандидатов, каждый из них созывал некое подобие курултая и провозглашал себя ханом в соответствии с действующим законодательством. Впрочем, в 1291 г. хан Тула-Буга был умерщвлен именно как узурпатор трона: всесильный беклярибек Ногай обвинил его в завладении троном, который должен был унаследовать другой царевич. Однако Ногай пытался таким образом лишь замаскировать совершенный им военный переворот, завершившийся убийством хана: Тула-Буга вступил на трон в соответствии с законом, поскольку с его воцарением «согласились... жены, братья, дяди, родственники и приближенные» [44, с. 106, 108]. Хан Джанибек, пришедший к власти после убийства двух своих братьев, не считался узурпатором, поскольку был признан эмирами [44, с. 263–264] – надо полагать, он был возведен на трон по решению курултая в соответствии с традицией и законом.

Другим серьезным преступлением считалось оскорбление хана и представителей ханского рода. За подобные преступления неоднократно расставались с жизнью даже иностранные правители, находившиеся в вассальной зависимости от хана Золотой Орды. Русские летописи донесли до нас сообщения о мучительной казни рязанского князя Романа Ольговича (1270 г.), который «хулит... великого царя»: за это преступление «отрезаша языкъ, и заткоша уста его убрусомъ, и начаша резати его по суставом и метати раздно, персты вся обрезаша и у ногъ и у рукъ, и устне, и уши и прочая суставы розрезаша, и яко остася трупъ единъ, они же одраша кожу отъ главы его и на копие взоткнуша» [27, с. 149]. В 1326 г. в Золотой Орде был убит тверской великий князь Дмитрий Грозные Очи, за то что «безъ царева слова» убил московского князя Юрия Даниловича [27, с. 189–190]: подобное самоуправство в ханской ставке рассматривалось как оскорбление величества.

Убийство представителя ханского рода считалось одним из тягчайших преступлений и каралось исключительно смертью. Так, например, арабский историк конца XIII –

начала XIV в. Рукн ад-Дин Бейбарс сообщает, что во время войны хана Токты со своим мятежным беклярибеком Ногаем последний был убит русским воином из ханского войска. Несмотря на то, что убийство было совершено во время сражения, воин был казнен по ханскому приказу «за то, что умертвил столь великого по сану человека, а не представил его султану» [44, с. 114]. Тот же историк сообщает, что годом раньше сам Ногай совершил опустошительный рейд в Крым и сжег генуэзскую колонию Каффу, правители которой вероломно убили его внука Ак-тайджи [44, с. 111–112].

Другую группу преступлений составляли нарушения порядка управления. В большинстве ханских ярлыков прямо не прописано, какое наказание следует за нарушение предписаний властей, обычно составители ограничивались довольно туманной санкцией о том, что «кто не повинуется – непременно будет утрашен» [см., напр.: 10, с. 121]. Надо полагать, что подобная санкция предоставляла представителям власти, в компетенции которых было наказание виновных, достаточно широкую свободу собственного усмотрения: в зависимости от тяжести преступления нарушитель мог отделать штрафом, а мог и лишиться головы.

Весьма распространенным во все времена должностным преступлением было взяточничество. Хотя на Востоке, как мы отметили в предыдущей главе, понятие взятки отсутствовало, тем не менее, определенные действия чиновников могли рассматриваться как получение таковой. Так, например, ханские ярлыки содержали исчерпывающий перечень налогов и сборов с определенных местностей или категорий лиц, и любая попытка взимания дополнительного сбора или увеличения суммы применяющегося могла быть расценена именно как мздоимство. К примеру, ярлык Менгу-Тимура русской церкви содержит следующее положение: «Сию грамоту видяще и слышаще от попов и от чернцов ни дани ни иного чего ни хотять ни възмутъ баскаци, княжи писци, поплужники, таможници, а възмутъ ине по велицей язе извиняться и умруть» [24, с. 468]. Это – один из немногих ярлыков, в котором прямо предусматривается смертная казнь за нарушение его предписаний.

Одним из административных нарушений, распространенных среди кочевников, было самовольное оставление места службы. Так, Джувейни сообщает: «А еще яса такая: чтобы никто из тысяч, сотен или десятков, к которым он приписан, не смел уходить в другое место, или укрываться у других, и никто того человека не должен к себе допускать, а если кто-либо поступит вопреки этому приказу, то того, кто перебежит, убьют всенародно, а того, кто его укрыл, ввергнут в оковы и накажут. Посему никто чужого к себе допускать не может. К примеру, если будет царевич, то и наималейшого звания человека к себе не пустит и от нарушения ясы воздержится» [цит. по: 4, с. 145]. Так, когда несколько эмиров-военачальников хана Токты решили перебежать к беклярибеку Ногаю, хан потребовал от последнего вернуть бежавших, чтобы предать их казни [44, с. 158].

Указанное преступление в известной степени может быть отнесено к подгруппе военных преступлений. Преступлений этого вида монголы знали немало, поскольку в Золотой Орде (как и в любом другом государстве Чингизидов) практически каждый подданный в возрасте от 14 до 70 лет считался воином и мог быть в любой момент призван в армию. Не удивительно, что государство постоянно жило в режиме военного положения, и подданным золотоордынского хана приходилось соотносить свои действия с военной дисциплиной и безопасностью страны.

Наиболее серьезными преступлениями в частноправовой сфере, несомненно, являлись преступления против личности. Так, убийство в Золотой Орде каралось смертью. Любопытно, впрочем, отметить, что такая суровая мера наказания предусматривалась исключительно за убийство монгола – за убийство представителя другой народности можно было откупиться. Так, среднеазиатский историк XV в. Мирхонд сообщает, что «от

убийства (казни за преступление) можно отпущиться пенею, заплатив за мусульманина сорок золотых монет (балыш), а за китайца рассчитывались ослом» [цит. по: 48, с. 143]. Такое законодательно закрепленное разделение по национальному признаку являлось характерной особенностью монгольского правления в государствах Евразии.

Еще одну группу составляли имущественные преступления. Среди таковых наиболее известными являлись грабеж и воровство, которые в Золотой Орде наказывались весьма строго. «Если кто-нибудь будет застигнут на земле их владения в грабеже или явном воровстве, то его убивают безо всякого сожаления», – сообщает Иоанн де Плано Карпини [15, с.42]. Ему вторит и Гийом де Рубрук: «Точно так же они карают смертью за огромную кражу. За легкую кражу, например, за одного барана, лишь бы только человек нечасто попадался в этом, они жестоко бьют, и если они назначают сто ударов, то это значит, что те получают сто палок» [37, с. 100–101].

Особую строгость кочевники-монголы проявляли по отношению к конокрадам. Так, например, согласно Иоанну де Плано Карпини, даже черниговский князь Андрей Мстиславич был казнен в Золотой Орде по обвинению в том, что он «уводил лошадей татар из земли и продавал в другое место» [15, с. 36]. По сообщению арабского автора сер. XIV в. Ибн Баттуты некоторые особо жестокие наказания за подобные преступления после принятия ислама были заменены менее суровыми: «Постановление же их по этой части такое, что тот, у кого найдут украденного коня, обязан возвратить его хозяину и вместе с тем дать ему девять таких же (коней), а если он не в состоянии сделать это, то отбирают у него за это детей его, если же у него нет детей, то его зарезывают, как зарезывается овца» [44, с. 282–283]. Впрочем, как можно сделать вывод, следование исламу в отношении замены казни выкупом было довольно условным: вряд ли человек, пошедший на кражу лошади, мог позволить себе отдать девять собственных коней в качестве штрафа! Таким образом, при формальном соблюдении норм шариата ордынские власти de-facto продолжали применять прежние жестокие наказания.

Что же касается наказаний, то и они в золотоордынском праве регламентировались достаточно четко.

Смертная казнь, предусмотренная за самые опасные преступления (государственная измена, оскорбление величества, убийство и пр.) осуществлялась по решению самого хана или высших должностных лиц. Исключение могли составлять лишь те случаи, когда преступник бывал застигнут на месте преступления и тут же умерщвлялся, или же вступал в действие принцип талиона – умерщвление убийцы родичами убитого по решению племенных старейшин.

В ярлыке Менгу-Тимура русской церкви (1267 г.) присутствует следующее положение: «Сию грамоту видяще и слышаще от попов и от чернцов ни дани ни иного чего ни хотять ни възмутъ баскаци, княжи писци, поплужники, таможници, а възмутъ ине по велицей язе извиняться и умруть» [24, с. 468]. На основании этого положения можно сделать вывод, что смертная казнь предусматривалась и за религиозные преступления, однако, на наш взгляд, угроза смертной казни предусматривается в данном случае не за посягательства на права церкви, а за неисполнение предписаний закона – Великой Ясы и ханского ярлыка. Как известно, золотоордынские ханы проводили политику религиозной толерантности, и нам неизвестны случаи смертной казни за религиозные преступления [ср.: 39]. Смертная казнь по решению хана могла быть заменена продажей в рабство или лишением всего имущества [см.: 44, с. 234].

Телесные наказания могли варьироваться, как вытекает из приведенных выше сведений источников, от бичевания (количество ударов зависело от тяжести преступления) до отсечения руки. Как и смертная казнь, телесные наказания могли назначаться как официальными властями, так и при вынесении судебного решения по обычному праву. Например, Гийом де Рубрук пишет: «Если они назначают сто ударов, то это

значит, что те получают сто палок. Я говорю о тех, кто подвергается побоям по приговору двора» [37, с. 100–101].

Штрафы, как можно понять из законодательства позднесредневековых монголов и казахов, со временем заменили большинство других, более суровых видов наказаний. Несомненно, это было связано с принятием ислама в Золотой Орде: мусульманское право, хотя и не запрещает смертной казни, все же предписывает по возможности заменять ее штрафом. В случае убийства такой штраф в шариате носит наименование *диа* – плата за кровь [21, с. 190–191]. Большое распространение эта форма наказания получила в постордынских государствах (в частности в Казахском ханстве), однако есть все основания полагать, что эта практика берет начало именно в Золотой Орде.

Завершая разговор о принципах наказаний в Золотой Орде, нельзя не сказать и об ответственности самих правителей, во власти которых формально находилась судьба всех их подданных. Так, например, когда хан Узбек принял ислам и потребовал от своих приближенных поступить так же, они усмотрели в его действиях нарушения монгольского права торе и ясы Чингиз-хана и отказались ему повиноваться, даже попытавшись устранить его. Только решительные действия хана, который в течение короткого времени казнил множество противников ислама, позволили ему сохранить власть. Хан Азиз, который «установил скверные обычаи», был убит собственными приближенными [42, с. 130–131, 141]. Таким образом, ханы Золотой Орды, требуя от своих подданных неукоснительного исполнения закона и сурово каравшие их за преступления, также подчинялись нормам права и несли ответственность за их нарушения. Это, на наш взгляд, свидетельствует о последовательной политике золотоордынских монархов в правовой сфере, их приверженности к законности и в очередной раз опровергает стереотип о них как о деспотах, обладавших абсолютной властью и стоявших над законом. Совершенно справедливо И.Л. Измайлов считает контроль ордынской аристократии над ханами своеобразной системой сдержек и противовесов, существование которой полностью устраняет стереотип самодержавной власти в Золотой Орде [см.: 23, с. 170–171].

Система наказаний в Золотой Орде, как видим, была достаточно суровой, но при этом весьма эффективной. Поэтому многие иностранцы, побывавшие в Золотой Орде, с удивлением отмечали, что среди местного населения практически отсутствуют воровство, половые преступления, а грабежи совершают только жители покоренных государств [см., напр.: 15, с. 40; 19, с. 123].

Высшей судебной инстанцией в Золотой Орде являлись ее правители. Правосудие в качестве одной из функций ханской власти признавалось уже в древнетюркском обществе, так что неудивительно, что ханы Золотой Орды активно осуществляли судебные функции. Так, хронист характеризует одного из них: «Мунке-Тимур-хан... был царем справедливым, умным, великодушным; в период своего султанства он укрепил справедливостью и правосудием основу ханства и правила правления, так что в его правление все обиженные благодарили его природу, а обидчики жаловались» [42, с. 205–206]. Именно при Менгу-Тимуре Золотая Орда официально стала самостоятельным государством, а ее правители – суверенными государями, одним из неотъемлемых признаков власти которых было осуществление функции верховного судьи.

Своеобразным подтверждением значительности судебной составляющей ханской власти служат монеты. На многих из них среди эпитетов монарха присутствует титул *ал-адил*, который переводится обычно как «справедливый» или «правосудный». Этот эпитет мы встречаем на монетах ханов, правление которых совпало с эпохой расцвета Золотой Орды (конец XIII – первая половина XIV в.): «Султан верховный Тохтогу справедливый» [13, с. 65–67, 69, 70], «Султан справедливый Джанибек» [22, с. 110], и более поздних правителей (конец XIV в. – «Султан справедливый Тохтамыш-хан», «Султан справедливый Тимур-Кутлук-хан» [18, с. 455, 464]. Вероятно, обозначение

судебной функции на монетах было чем-то подобным рекламе, т.е. таким образом Джучиды стремились сообщить о данной функции не только населению Золотой Орды, но и иностранным государям, купцам – всем тем, кто пользовался деньгами и мог прибегнуть к ханскому правосудию.

Ханы нередко выступали в качестве международных арбитров, разрешая споры вассальных правителей Кавказа, Ближнего Востока, Руси. Один из известных примеров – вынесение в 1432 г. на рассмотрение хана Улуг-Мухаммеда спора о московском великом столе. Несмотря на принятое московским княжеским домом решение не вовлекать ордынские власти во внутренние противоречия, боярин великого князя Василия II Иван Всеволожский, фактический правитель Московского великого княжества, прибег к суду хана и сумел добиться решения в пользу своего патрона. Примечательно, что Василий II в споре апеллировал не к «мертвой грамоте отца своего» (т.е. к завещанию, как его дядя и соперник Юрий Звенигородский), а к «жалованию, девтерем и ярлыком» самого хана [28, с. 249–250; см. также: 16, с. 45–46]. При этом ханы не только творили суд, но и могли даровать отдельным лицам и категориям лиц судебный иммунитет, освобождавший от суда наместников областей и других представителей власти, за исключением суда самого монарха. Например, в ярлыках русскому духовенству ханы Бердибек, Тюляк (и ханша Тайдула в своих грамотах) делегируют судебные полномочия русским митрополитам, предписывая русским князьям и ордынским чиновникам не вторгаться в церковную сферу [см., напр.: 11, с. 246; 32, с. 81]. Тарханы, освобождаемые от уплаты налогов, обычно тоже приобретали судебный иммунитет: они не подлежали суду «за девять проступков» [49, с. 309–312].

Помимо суда хана существовали и другие суды, которым по мере надобности он передавал судебные полномочия. Есть сведения о том, что курултаи осуществляли правосудие и в Золотой Орде, также как и в Монголии. Например, в начале XIV в. созыва курултая, «чтобы уладить дело», потребовал Баян – правитель восточных областей Золотой Орды («левого крыла», или Улуса Орду-Ичена), боровшийся за власть со своим родственником Куйлюком [41, с. 44; 42, с. 44]. Впрочем, упоминания о суде курултая применительно к Золотой Орде в источниках встречаются довольно редко. Можно предположить, что его судебная функция была лишь данью древнемонгольской традиции и вскоре была сведена на нет. Это связано с тем, что указанные функции перешли в XIV в. к карачи-беям – родовым князьям, которые стали при хане Золотой Орды чем-то вроде «государственного совета».

Роль родовых князей в Золотой Орде была даже значительнее, чем в Монгольской империи, правители которой опирались на чиновничество, выдвинувшееся на первый план при Чингиз-хане и его ближайших преемниках. Джучидам приходилось больше считаться с предводителями племен, предки которых пришли вместе с основателем государства в Поволжье из Монголии, и с представителями местной знати [53, с. 283]. Конечно, положение и роль крупных феодалов в Золотой Орде во многом зависели от личности хана, но тенденция к усилению их роли в управлении, наметившаяся в правление хана Узбека, усиливалась в период всего дальнейшего существования Золотой Орды, что проявлялось и в осуществлении ими судебных функций. Так, в 1319 г., когда на суд Узбека предстали князь Михаил Тверской и Юрий Московский, хан перепоручил рассмотрение дела родовым князьям, оставив за собой лишь наказание того, чья вина будет установлена: «...и по томъ рече царь княземъ своимъ: «что ми есте молвили на князя Михаила, сотворите има суд с великимъ княземъ Юрьемъ Даниловичемъ Московскимъ. Да которого правду скажите ми, того хошу жаловати, виноватого казни предати»» [28, с. 168].

Помимо князей, судебные функции выполняли также и *даруги* – наместники областей Золотой Орды. Их полномочия также отражены на монетах: известны, например,

монеты наместника Хаджи-Тархана (Астрахани) с надписью «Эмир справедливый Черкес-бек» (вторая пол. XIV в.) [5, с. 178]. Отметим, впрочем, что суд правителей областей не был особенностью Золотой Орды – в Государстве ильханов в Иране, империи Юань в Китае и других выделившихся впоследствии государствах Чингизидов в тот же период наместники областей являлись и верховными судьями в своих владениях. О татарских судьях в «Баскардии» (т.е. у башкир Поволжья) и в «стране Сибирь» упоминает в своем письме венгерский миссионер брат Иоганка, побывавший в Золотой Орде в 1320 г. [1, с. 93–94]. Несомненно, речь идет именно о суде наместников указанных областей.

Некоторые сведения о суде ордынских даруг можно почерпнуть из сохранившихся ордынских документов. Весьма ценны сведения о некоторых действиях, к которым они прибегали, чтобы добиться справедливости в отношении ордынских подданных, пострадавших по вине иностранцев. Так, когда корабль с находившимися на нем несколькими ордынскими купцами подвергся нападению венецианских пиратов, крымский даруга Рамадан уведомил венецианского дожа, что он задержал двух венецианских торговцев и конфисковал их имущество, пообещав отпустить пленников только после того, как венецианские власти освободят ордынских торговцев и вернут им отнятое имущество [10, с. 172].

Следующей судебной инстанцией был собственно суд – *дзаргу* (*яргу*). Вот как описывает его арабский торговец и путешественник первой половины XIV в. Ибн Баттута: «... каждый день кади приходит в его [эмира Тимур-Кутлуга, наместника Хорезма – *Авт.*] приемную и садится на отведенное ему сиденье; вместе с ним [являются] правоведы и писцы. Насупротив его садится один из старших эмиров, при котором восемь [других] старших эмиров и шейхов тюркских, называемых аргуджи [яргучи]; к ним люди приходят судиться. Что относится к делам религиозным, то решает кади, другие же [дела] решают эти эмиры» [17, с. 76].

Наконец, следует рассмотреть еще один судебный институт, возникновение которого можно объяснить лишь международными связями Золотой Орды: совместный суд представителей власти Золотой Орды и других государств, который действовал в областях, где существовали оживленные отношения между купцами Золотой Орды и иных государств, дипломатами и пр. Например, в Крыму и других черноморских регионах постоянно присутствовали дипломатические представители Генуэзской и Венецианской республик. Хан признавал консула в Азове главой венецианской общины, а консула в Каффе – главой генуэзской. Согласно действующей в Причерноморье «табели о рангах» (отраженной, например, в словаре «Codex Cumanicus») консул по своему статусу приравнивался к мусульманскому кади [10, с. 22], т.е. помимо административных функций, обладал и судебными. Так, ярлык хана Джанибека, выданный венецианским купцам Азова в 1342 г., гласит: «Также, если случится, что кто-либо из наших подданных затеет ссору с венецианцем, нанесет ему обиду или же, напротив, поступят какие-либо жалобы на венецианцев от наших людей, пусть тогда правитель Азова и венецианский консул на совместном заседании установят, внимательно взвесят и разрешат все вышеизложенные жалобы, обиды и оскорбления с тем, чтобы не был нанесен ущерб ни отцу за сына, ни сыну за отца» [10, с. 73]. Порядок «возбуждения дела» предусматривает другой документ – уведомление правителя Крыма Рамадана также венецианским купцам: «Также если венецианец затеет какой-нибудь спор с тем, который из тюмена, или же тяжбу с ним, тогда тому, кто спрашивает, надлежит идти к консулу и обратиться к нему; если же венецианец спрашивает с того, который из тюмена, ему надлежит идти к правителю края» [10, с. 181–182]. В данном случае мы сталкиваемся с характерным и для современного международного права принципом подведомственности по принципу гражданства (подданства) ответчика.

Шариатские суды Золотой Орды, хотя и были организованы по аналогии с судами стран Исламского Востока, но и по сравнению с ними имели ряд особенностей. Ислам стал государственной религией в Золотой Орде к 1320 г., но, в отличие от других исламских государств, это не привело к тотальной исламизации ее общества, государственных и правовых институтов. Особенностью судебной системы Золотой Орды, во-первых, стало упомянутое выше сосуществование институтов традиционной монгольской юстиции – судов-дзаргу и мусульманского суда кади; при этом никакого конфликта, казалось бы, несовместимых правовых систем не наблюдалось: представители каждой из них рассматривали дела, отнесенные к их исключительному ведению [6, с. 103–104]. Венгерский миссионер Иоганка, побывавший в Золотой Орде в 1320 г., т.е. уже в период исламизации этого государства, сообщает о «заражении сарацинским заблуждением» (исламом), отмечая при этом существование татарских судей, которые придерживались несторианского варианта христианства и обладали значительным влиянием [1, с. 92]. Мы не встречаем в источниках сведений о неравенстве перед ордынским судом мусульман и «неверных». А, например, в мусульманских районах христианской Испании в тот же период времени, показания христианина-свидетеля принимались во внимание мусульманским судом только в том случае, если они подтверждались свидетелем-мусульманином, а если их мог подтвердить лишь другой христианин, они игнорировались [3, с. 146]. Не было в Золотой Орде и особых судов для немусульман, каковы, например, появились в Османской империи после завоевания турецкими султанами христианских земель Юго-Восточной Европы [43, с. 220]. Принцип равенства перед судом можно считать весьма передовым для той эпохи, когда в Европе даже житель соседней деревни считался чужаком, не говоря уж о представителях других государств и, тем более, конфессий!

Итак, на формирование, развитие и функционирование судебной системы Золотой Орды значительное влияние оказали многовековые государственные и правовые традиции тех регионов, которые входили в состав этого государства. Следует учитывать также и особенности правосознания в тот период времени, когда существовала Орда. Именно эти условия определяют своеобразные черты суда Золотой Орды и его сходства с судом и процессом других стран рассматриваемого периода времени.

Считаем необходимым также сказать несколько слов о придворном этикете и протоколе, использовавшемся в Золотой Орде, поскольку его правила в значительной степени соотносились с правовыми нормами и особенно с правосознанием правящей элиты государства Джучидов, а нарушение этих правил нередко влекло тяжкие правовые последствия для нарушителя.

Сразу по пересечении границ любого тюрко-монгольского государства, при первых же контактах с представителями местных властей иностранцы сталкивались с особенностями протокольного характера. И сразу же возникали межкультурные разногласия: представители властей требовали у проезжающих подношений, которые «цивилизованные» европейцы в лучшем случае рассматривали как взятку, а в худшем – как попытку ограбления. Так, например, посланец папы римского Иоанн де Плано Карпини, посетивший Монгольскую империю в 1245–1246 гг., писал: «Начальник же селения дал нам лошадей и провожатых до другого селения, начальником коего был алан по имени Михей... Именно он сам послал против нас в Киев некоторых своих телохранителей, дабы ложно сообщить нам от имени Коренцы, чтобы мы считались послами и чтобы явились к нему. И хотя это неправда, он делал это для того, чтобы иметь возможность извлечь от нас дары...» [15, с. 70–71]. Сообщают о «дарах» и русские летописи, повествуя о поездке русский князей в Золотую Орду во второй пол. XIV в.: «посол Сарыхожа... на Москве поймав многи дары поиде в Орду... И тамо приида в Орду, князь великий Дмитрие Московский многи дары и великы посулы подавал Мамаю и царцам и князем, чтобы княжения не отняли...» [36, с. 87]. Между тем, в тюрко-

монгольских государствах (и вообще на Востоке) понятие взятки практически отсутствовало, и подобные подношения считались элементом церемониала при взаимодействии с представителями властей всех уровней. Согласно восточным воззрениям любые действия должностных лиц полагалось вознаграждать [30, с. 259–260].

Любопытно отметить, что европейские дипломаты и позднейшие европейские же историки в меньшей степени акцентировали внимание на том, что именно в монгольской имперской практике впервые активно стал использоваться принцип уважения послов и иных дипломатических представителей, что уровень приема иностранных дипломатов должен был отражать степень могущества самого принимающего государя. Подобные моменты отмечаются лишь современными исследователями [см., напр.: 54, т. 205].

Перед встречей же с обладателями высшей власти иностранцы проходили своеобразный протокольный «ликбез»: специальные чиновники разъясняли им, что можно делать в присутствии августейших особ, а что запрещается, поскольку может быть воспринято как оскорбление величества и повлечет неминуемую смерть. Некоторые правила придворного этикета также казались дикими и оскорбительными европейцам. Гийом де Рубрук, посланец французского короля Людовика IX к золотоордынскому правителю Батыю описал, как его ордынский проводник наставлял его не касаться порога шатра, не говорить, пока не спросят, и преклонять колени перед ордынским властителем. Когда же Гийом де Рубрук предстал перед Батыем и получил дозволение говорить, он «преклонил одно колено, как перед человеком. Тогда Бату сделал мне знак преклонить оба, что я и сделал, не желая спорить из-за этого. Тогда он приказал мне говорить, и я, вообразя, что молюсь Богу, так как преклонил оба колена, начал речь с молитвы» [27, с. 117].

Если же все необходимые церемонии и ритуалы были соблюдены, даже иностранные послы, правители или иные лица проходили церемонию приобщения к монгольскому обществу. Так, например, когда князь Даниил Галицкий прибыл к Батыю, тот предложил ему кумыс, и когда князь выпил, золотоордынский правитель произнес ритуальную фразу: «Ты уже наш, татарин». После этого Даниил был облачен в монгольскую одежду и получил определенное место в системе золотоордынской иерархии. Примечательно, что русский летописец, описавший поездку Даниила в Золотую Орду, представил все эти церемонии как бесконечную череду унижений русского князя: «О злая честь татарская!.. Данилови Романовичю... ныне седить на колену и холопомъ называется...» [25, с. 185]. А между тем, после возвращения Даниила от Батыя венгерский король сразу же согласился женить сына Даниила на своей дочери, в чем раньше упорно отказывал: несомненно, в его глазах выполнение князем вышеописанного ритуала отнюдь не означало, что Даниил стал «холопом» [см.: 14, с. 355–356]. Включение иностранных правителей и дипломатов в тюрко-монгольскую иерархию обеспечивало почитание ими того, кто стоял во главе этой иерархии – монарха.

Если же тюрко-монгольские правители желали расправиться с неугодными им иностранными правителями, основанием для расправы нередко служило нарушением последними ритуалов. Так, согласно сообщениям русских летописей, князь Михаил Черниговский в 1246 г. был казнен в Золотой Орде за отказ совершить ритуальный проход между кострами: в ходе такой церемонии предстающий перед монархом человек как бы очищался от дурных замыслов по отношению к нему. К слову, этот ритуал не был столь уж обязателен, и тот же Даниил Галицкий был от него избавлен. Однако Михаил являлся давним врагом Золотой Орды и незадолго до приезда к Батыю пытался сформировать коалицию европейских государей для борьбы с монголами. Поэтому с ним было необходимо расправиться, но чтобы эта расправа не выглядела как произвол, Михаил Черниговский был обвинен в отказе от совершения протокольных действий и, следовательно, в намерении оскорбить Батыя, навлечь на него гнев Неба [38].

Впрочем, золотоордынские ханы стремились создать себе образ не только властных и могущественных, но и справедливых государей, великодушных и приверженных к закону. Так, например, в 1319 г. на суд золотоордынского хана Узбека предстал князь Михаил Тверской, который обвинялся, помимо всего прочего, в отравлении сестры хана. Не желая предстать пристрастным судьей в этом деле, Узбек поручил рассмотрение дела своим приближенным, сказав им: «что ми есте молвили на князя Михаила, сотворите има суд с великимъ княземъ Юрьемъ Даниловичемъ Московскимъ. Да которого правду скажите ми, того хошу жаловати, виноватого казни предати» [28, с. 163].

Еще один золотоордынский хан, Улуг-Мухаммед, аналогичным образом продемонстрировал свое великодушие: его военачальник Хайдар вероломно захватил в плен литовского воеводу Григория Протасьева, но хан «поругаася Аидару и не похвали его о томъ, и, почтивъ Григоріа, отпусти его» [26, с. 95]. Подобный поступок хана произвел весьма положительное впечатление не только на современников, но и на более поздних историков: в частности Н.М. Карамзин, весьма негативно отзывавшийся об ордынских правителях, охарактеризовал его как «пример чести, весьма редкий между варварами» [20, с. 140].

Таким образом, придворный этикет и протокол на протяжении всего времени существования Золотой Орды оставался эффективным средством формирования и поддержания образа ее государей.

1. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. 1940. № 3. С. 71–112.
2. Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. СПб., 1864. 112 с.
3. Варьяш И.И. Правовое пространство ислама в христианской Испании XIII–XV вв. М.: УРСС, 2001. 188 с.
4. Вернадский Г.В. О составе Великой Ясы Чингиз-хана // Вернадский Г.В. История права. СПб.: Лань, 1999. С. 112–148.
5. Гончаров Е.Ю. Медные монеты XIV в. города Хаджи-Тархан // Восточное историческое источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 5. М.: Восточная литература, 1997. С. 177–188.
6. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.: Богородский печатник, 1998. 368 с.
7. Григорьев А.П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2006. С. 74–142.
8. Григорьев А.П. Налоговый термин «кубчир» // Turcologica. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова. М.: Наука, 1976. С. 235–240.
9. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004. 276 с.
10. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. 276 с.
11. Григорьев В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // Григорьев В. В. Россия и Азия. СПб., 1876. С. 170–258.
12. Григорьев В.В., Ярцов Я.О. Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея // Записки Одесского общества истории и древностей. 1844. № 1. С. 1–16.
13. Гумаюнов С.В. Нумизматический материал XIII–XIV вв. Саратовская область // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. М.; Нижний Новгород: Информэлектро, 2002. С. 56–72.
14. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Клышников, Комаров и Ко, 1992. 512 с.

15. Джованни дель Плано Карпини. История монгалов / Пер. А.И. Малеина, вступит. ст., коммент. М.Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 28–85.
16. Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 286 с.
17. Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М.: Наука, 1988. 128 с.
18. Иванов Н.Н. Клад джучидских монет, найденный в Крыму в 1964 году // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VIII. Симферополь: Таврия, 2001. С. 454–484.
19. «История Татар» Ц. де Бридиа / Пер. с лат. С.В. Аксенова, А.Г. Юрченко // Христианский мир и «Великая Монгольская империя». СПб.: Евразия, 2002. С. 75–126.
20. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. V. М.: Наука, 1992. 560 с.
21. Керимов Г.М. Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. М.; СПб.: ДИЛЯ, 2007. 512 с.
22. Клоков В.Б. Лебедев В.П. Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда, г. Сарай) // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. М.; Нижний Новгород: Информэлектро, 2002. С. 73–166.
23. [Миргалеев И.М., ред.] Стенографический отчет круглого стола, посвященного проблеме цивилизационного подхода к изучению истории Золотой Орды. 27.02.2008 г. Казань // Золотоордынская цивилизация: Сб. статей. Вып. 1 / Гл. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008. С. 154–173.
24. Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV–XV вв. / Под ред. Л.В. Черепнина. М.: Государственное изд-во юридической лит-ры, 1955. 528 с.
25. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1843. 381 с.
26. Полное собрание русских летописей. Т. VIII: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. 312 с.
27. Полное собрание русских летописей. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 244 с.
28. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 462 с.
29. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009. 260 с.
30. Почекаев Р.Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М.: Юрлитинформ, 2015. 312 с.
31. Почекаев Р.Ю. Эволюция торе в системе монгольского средневекового права // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004. С. 530–543.
32. Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916. 116 с.
33. Радлов В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отдела Русского археологического общества. Т. III. 1889 (отд. оттиск). 40 с.
34. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю.П. Верховского; примеч. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова; ред. И.П. Петрушевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 253 с.
35. Рогачевский А.Л. Кульмская грамота – памятник права Пруссии XIII в. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. 368 с.
36. Рогожский летописец // Тверская летопись (Русские летописи, т. 6). Рязань: Наше время, 2000. С. 23–147.
37. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 86–189.
38. Рыкин П.О. Гибель князя Михаила Черниговского в свете традиционных монгольских верований // Россия и Восток: Традиционная культура, этнокультурные и этносоциальные процессы. Материалы IV международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск, 1997. С. 85–89.

39. Рыкин П. О. Монгольский средневековый ритуал в летописном рассказе об убийстве князя Романа Рязанского (1270 г.): опыт интерпретации // *Nomadic Studies*. 2005. № 11. С. 62–73.
40. Самойлович А.Н. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга // Самойлович А.Н. Избранные труды о Крыме. Симферополь, 2000. С. 144–162.
41. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1960. 278 с.
42. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
43. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. М.: Наука, 1986. 256 с.
44. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 564 с.
45. Трепавлов В.В. Тору у древних тюрков и монголов // Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. 1991. Вып. 18. С. 19–30.
46. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. 317 с.
47. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. 180 с.
48. Хара-Даван Э. Чингиз-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XV вв. 2-е изд. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1991. 224 с.
49. Шапшал С.М. К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятилетию. Сборник статей. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 304–316.
50. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and conversion to islam in historical and epic tradition. Pennsylvania: University Park, 1994. 638 p.
51. La Livre du Grant Caan, extraite du manuscrit de la Biblioteque du Roi, par M. Jacquet // *Journal Asiatique*. T. VI. 1830. P. 57–72.
52. Morgan D.O. The «Great Yasa of Chingis Khan» and Mongol Law in the Ilkhanate // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. XLIX. № 1. 1986. P. 163–176.
53. Schamiloglu U. The Qaraçı Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1984. Vol. 4. P. 283–297.
54. Tsolmon D. Tradition and innovative issue of Mongolian diplomatic ceremony and protocol, some recommendations // Олон улсын монголч эрдэмтний X их хурал. The 10th International Congress of mongolists. ИлтгэлҮҮдийн товчлол. Summaries of Congress Papers. Улаанбаатар, 2011. Т. 205–206.

§ 4. Взаимоотношения Руси с Джучидским улусом⁴

Чарльз Гальперин

Поскольку ни Русь, ни Джучидский улус не оставались неизменными с XIII по XV век, то и отношения между Русью и татарами были подвержены изменениям. Татарское влияние на Русь никогда не было однородным, но оно варьировалось хронологически, географически и социально [36; 6, с. 432–436; 31, с. 377–387]. И хотя взаимодействия между Русью и татарами менялись, они никогда не были второстепенными или незначительными.

⁴ Перевод с английского Романа Хаутала.

К сожалению, специалисты по средневековой истории и раннему Новому времени восточных славян часто упускали из виду роль татар [47, с. 306–322 (37, с. 62–76); 46, с. 298–310 (37, с. 156–167); 25, с. 385–408 (37, с. 239–263)]. Традиционная историография рассматривала татар как варваров, захватчиков, склонных к грабежу; чье влияние на историю Руси было либо целиком отрицательным, либо незначительным. Делая это, такого рода историки или пренебрегали, или использовали крайне выборочно исследования специалистов по Джучидскому улусу; показавших, со своей стороны, что улус Джучидов был чем-то гораздо большим, чем бандой кочевых разбойников. Джучидский улус был государством с функционирующим административным и фискальным аппаратом и мусульманской городской цивилизацией [32, с. 131–144 (37, с. 306–317)]. Несмотря на то, что некоторые историки в России и на Западе пытались рассмотреть татарский фактор в истории Руси более беспристрастно, эта тема остается чрезвычайно дискутируемой [7; 9; 10; 22, с. 74–94]. Современная русская историография продолжает выказывать полное нежелание признать то, что роль татар в истории Руси была подчас положительной или, по крайней мере, неоднозначной.

За пределами правомочных академических исследований наблюдается еще более худшая ситуация. Дилетанты или неспециалисты представили альтернативные и часто фантастические восприятия отношений между Русью и татарами. Первоначальные евразийцы межвоенного периода превратили Россию в перевоплощение Монгольской империи [19, с. 477–493 (37, с. 25–42); 38, с. 55–194]. Лев Гумилев свел татарское завоевание Руси к заключению дружественного альянса [17, с. 109, п. 59 (37, с. 211, п. 59)]. Новая хронология идет еще дальше и превращает саму Монгольскую империю в Российскую [18, с. 1–50]. Такие теории приводятся в движение русским национализмом – нежеланием признать то, что европейская цивилизованная христианская Русь была завоевана шаманистскими и позднее мусульманскими кочевниками-скотоводами. Возможности создания подобных метафизических интерпретаций благоприятствует характер средневековых источников и источников раннего Нового времени по Руси и татарам.

Русские источники по татарам представляют наибольшие трудности для анализа отношений между Русью и татарами [43, с. 27–34]. Меньше всего сведений имеется по раннему периоду татарского правления XIII века, но и источники Руси по поздним периодам отношений между Русью и татарами остаются незначительными по сравнению с источниками по монголам в Китае или Персии. Нарративные источники представляли татар как врагов православных христиан Руси в стереотипных терминах и образах, заимствованных из Священного писания [8]; несмотря на то, что татары относились терпимо к религиозным верованиям всех своих мультikonфессиональных подданных. Русские источники избегали или сводили к минимуму отображение примеров сотрудничества между Русью и татарами, поскольку подобная деятельность ставила под сомнение их парадигму русско-татарского конфликта. Источники Руси создают одностороннее впечатление, что отношения между Русью и татарами не сводились ни к чему другому, как к враждебным военным столкновениям. Прослеживанию татарского институционального влияния препятствует хронологическая аномалия. От Великого княжества Московского сохранились только беспорядочные сведения, даже начиная со второй половины XIV века. Наиболее подробные сведения о татарском институциональном влиянии датируются концом XV – XVI в. после свержения татарского правления. Источники из других русских княжеств, аннексированных Московией, таких как Тверь или Рязань, несоразмерно пострадали в процессе московского завоевания. С начала XIV века Поднепровье и Галицко-Волынское княжество стали все в большей степени подпадать под нерусское правление. Местная летописная традиция на будущих украинских землях исчезла. Пробелы и предубеждения, содержащиеся в источниках Руси, мешают академическому пониманию отношений между Русью и татарами.

Ситуация с источниками Джучидского улуса еще хуже. Когда Тимур разграбил Сарай, он сжег архивы Джучидского улуса. У татар улуса Джучидов не было летописной традиции [27, с. 1–15 (37, с. 264–276)]. Сохранились только отдельные государственные грамоты. Археологические данные демонстрируют присутствие в Орде русских князей, знати, духовенства, купцов, ремесленников и рабов. В результате развития торговли между Русью и татарами на Русь из Орды ввозились шелк, стекло, бисер, раковины каури и самшитные гребни. К сожалению, арабские, персидские и более поздние тюркские летописи проливают слишком мало света на отношения между Русью и татарами, а литературные и материальные свидетельства мусульманской высокой культуры, в целом, не имеют особенного отношения к русско-татарским контактам.

Отсутствие достаточных сведений с русской и татарской стороны позволяет исследователям и дилетантам формулировать весьма причудливые теории.

Именно потому, что Русь и татары эволюционировали, тема русско-татарских отношений лучше всего поддается хронологическому упорядочиванию. Эпоху с XIII по XVI века можно разделить в эвристических целях на четыре периода: до Джучидского улуса, расцвета улуса Джучидов, его упадка и после Джучидского улуса. Эта периодизация является лишь приблизительной. Отношения между Русью и татарами нужно рассматривать в контексте истории Великой Монгольской империи, от которой произошло каждое из ее государств-преемников (Юаньский Китай, Чагатайский улус, улус Джучидов и Ильханат); и, когда это уместно, в контексте государств, которые, в свою очередь, были преемниками государств-преемников (государства-преемники Джучидского улуса будут рассмотрены ниже) [40, с. 239–261 (37, с. 114–131); 42, с. 321–339 (37, с. 182–200); 3, с. 385–400 (исправленные ошибки в: 24, с. 229–245)].

В течение первого периода до Джучидского улуса Русь имела дело с мировой Монгольской империей. Их первое столкновение имело место в битве на реке Калке в 1223 году, которая пробудила среди некоторых русских апокалиптическое предположение, что народы Гог и Магог, наконец, прорвались сквозь стену Александра Великого. Эта реакция никогда не была доминирующей и вскоре исчезла, поскольку мир после этого не пришел к своему концу. Это было также единственным случаем, когда отношения между Русью и татарами отражали незнание русских о татарах; и даже тогда русские знали, что татары были степными кочевниками [51, с. 23–30; 5, с. 32–40]. Татары завоевали Русь во время походов 1237–1238 и 1240 годов, но источники Руси старались избегать признания изменений в суверенитете Руси, несмотря на повторяющиеся неопровержимые доказательства навязанного татарского правления. Татарское «покорение» изображалось как очередной кочевнический рейд, на манер половецкого [36, с. 61–74; 51; 17, с. 98–117 (37, с. 201–218); 5]⁵. Такая интеллектуальная двойственность в отношении к татарскому «пленению» позднее затруднила идеологическое формулирование попыток свергнуть татарское правление после Куликовской битвы в 1380 году [41, с. 7–103; 51, с. 103–156; 5, с. 169–181; 52, с. 248–263; 49] или после Стояния на реке Угре в 1480 году [51, с. 171–190; 5, с. 182–200].

«Идеология умолчания» Руси [20, с. 442–466; 2, с. 65–98] не могла воспрепятствовать интеграции Руси в мировую Монгольскую империю. Избегая противостояния интеллектуальным последствиям монгольского завоевания, русские превозносили статус монгольских правителей, которые их завоевали. Даже провинциальные источники Руси признавали законное право наследников Чингиз-хана называться «царем», титулом византийского василевса в славянском переводе [15, с. 323–335 (37, с. 11–23)]. Сыновья ханов (*султаны* на тюркском) назывались царевичами, жены (ханши) ханов стали *царицами*. Когда это было политически целесообразно, русские использовали чингизид-

⁵ См. более позднее отображение сопоставления татар с половцами в: [21].

скую легитимность для критики не-чингизидских правителей (таких как Мамай, Идегея и даже великого среднеазиатского завоевателя Тимура), назначавших марионеточных ханов. Эти лидеры обвинялись в узурпации титула «хан», в совершении оскорбления величества; пожалуй, единственного политического преступления, в котором они были невиновны. Политически монголы оставили княжеский управленческий аппарат без изменений. Почему монголы порой ликвидировали одни местные династии, а другим позволяли остаться, никогда не было исчерпывающе объяснено [11, с. 117–140]. Монголы признавали легитимность династии Рюриковичей и никогда не возводили на княжеский престол не-Рюриковича; но они оставляли за собой окончательное утверждение всех кандидатов на все княжеские престолы Руси [36, с. 44–60]. Князья Руси ездили в Каракорум в Монголию, чтобы принести присягу на верность; получая несравнимую возможность оценить силу и богатство Монгольской империи. Русь как на восток, так и на запад от Днепра была подвергнута цензу мировой Монгольской империи и подчинена сформированному на месте административному аппарату сборщиков налогов или их откупщиков и губернатору, называемым баскаками. Возможно, твердое применение татарской власти на юго-западе осуществилось чуть позже, чем на северо-востоке; но правители Галиции-Волыни не смогли сопротивляться, когда татары решили навязать всю полноту своей власти. В дополнение к выплате дани, Русь должна была исполнять воинскую повинность своим новым правителям. Галицко-Волынская Русь участвовала в набегах и походах на Польшу, Венгрию и Литву. Русские с северо-востока помогали улусу Джучидов в борьбе против монгольского Ильханата в Персии за владение богатыми пастбищами Азербайджана. Хотя соответствующая документация относится только к XIV веку, у Руси должна была быть повинность поставлять рекрутов, которые набирались для составления русских полков в Юаньском Китае. Никто из подчиненных монголам не мог по собственной воле уклониться от обязанностей платить налоги и исполнять воинскую повинность; монголы освобождали от них только духовенство.

Непосредственное экономическое влияние татарского завоевания было разрушительным. Некоторые регионы, такие как Киев, так и никогда не оправились. Русь несла тяжелое бремя налогообложения. В дополнение к дани и другим налогам, русские должны были содержать татарских чиновников в лесной зоне Руси и покрывать расходы на поездки князей, отправлявшихся на поклон к ханам. Карательные экспедиции в ответ на непослушание монгольским властям также обходились экономически дорого Руси. Экономике Руси понадобился один век для восстановления.

Многие князья и аристократы Руси потеряли жизнь в борьбе с татарами; но к тем, кто служил им лояльно, татары благоволили. Цена, заплаченная низшими сословиями, была значительно выше; и, прежде всего, она стоила потери многочисленных жизней как в городах, так и в сельской местности, а также – налогов, призыва на военную службу и рабства.

Мировая Монгольская империя, растянувшаяся от Тихого океана до Балтийского, Черного и Средиземного морей, была слишком большой, чтобы сохранить единство. В результате монгольских гражданских войн Джучидский улус, называемый в источниках Руси «Ордой» или, точнее, «Волжской Ордой», добился более широкой автономии или даже суверенитета во второй половине XIII века. Однако формально даже в начале XIV века он по-прежнему признавал титульное верховенство юаньского хана, правившего в Китае и Монголии. Джучидские чингизиды поддерживали связь с Китаем и даже владели там уделами вплоть до свержения Юаньской династии. Со второй половины XIII века до 60-х годов XIV столетия Джучидский улус переживал свой расцвет, представляющий второй период отношений между Русью и татарами.

В то же самое время, когда татары потеряли контроль над украинской Русью, они утвердили буферную зону на юго-западе, чтобы обеспечить безопасность татарским

внутренним степям Причерноморья и Каспия. Волжская Орда сохраняла свои претензии на украинские территории еще долгое время после того, как она потеряла способность навязать им свое прямое правление. Поднепровье, хоть и не обезлюдившее, оставалось заброшенной землей, не представлявшей особенной ценности или интереса для татар. Несмотря на то, что Орда развивалась как восточноевропейская региональная держава, Сарай интересовался Азербайджаном и Хорезмом гораздо больше, чем лесной зоной Руси; поскольку они приносили намного большие доходы, чем Русь. Русь не только располагалась на географической периферии территории Джучидского улуса, она также находилась на периферии главных экономических интересов Орды. Тем не менее, Орда продолжила прежнюю линию участия мировой Монгольской империи в делах Северо-Восточной Руси. К сожалению, место Руси в Джучидском улусе остается трудноуловимым. Русские авторы были склонны, когда это им было удобно, описывать Русь как Царев улус (улус хана). Однако подобные корыстные утверждения не обязательно отражали административную структуру Джучидского улуса [53, с. 257–263 (37, с. 77–83); 34, с. 21–30 (37, с. 318–328)].

Если в течение большей части XIII века татарское «вмешательство» в династическое наследование власти в Северо-Восточной Руси было ограниченным, дальнейшее развитие соперничавших между собой княжеств Руси потребовало выступления в другой роли. Когда Орда была разделена между Ногаем и Токтой, русские князья, естественно, поддерживали одного или другого; но единый улус Джучидов был единственным в принятии решения, кто получит ярлык на то, чтобы стать Великим князем Владимирским, титульным правителем Северо-Восточной Руси. В это время Орда удалила баскаков и перешла к опосредованному управлению своими князьями-вассалами на Руси с помощью послов и даруг. Орда позволила русским князьям собирать татарскую дань для Сарая. Вероятно, это изменение в татарской административной практике не было вызвано русским сопротивлением прямому татарскому управлению, как, например, Тверское восстание 1327 года. Князья Руси получали основную выгоду от сбора дани не путем хищения, а посредством распределения налогов. Ни русские князья, ни Джучидский улус не соблюдали более столь скрупулезно, как в прошлом, традиционных для Руси практик наследования княжеской власти.

Одно время татарская политика предпочитала Москву Твери, в других случаях – Тверь или Нижний Новгород Москве; но все русские князья преследовали одну и ту же татарскую политику: воспользоваться татарской властью для победы над своими соперниками на Руси. Князья Москвы были успешны в этой деятельности не потому, что они были более подобоострастными, беспринципными или аморальными, но потому, что они оказались в ней более искусными [44, с. 23–29]. Москва выбирала время для поддержки Орды, когда она была сильной, и оказывалась в оппозиции Орде в периоды ее слабости. Джучидский улус был не в состоянии повернуть вспять рост Москвы.

Социальная близость между Русью и татарами, возможно, достигла своего апогея, когда Орда была на вершине своего могущества. Русь была хорошо знакома с кадровым составом Орды, ее обычаями, обществом, географией, администрацией, кочевыми маршрутами и жизнью [26, с. 161–175 (37, с. 43–61); 36, с. 104–119]. В XIII – начале XIV века имели место несколько смешанных браков между чингизидской и русской знатью. Среди русских князей в данном контексте следует упомянуть Глеба Васильковича, князя Ростова, Федора Черного, князя Смоленска и Ярославля, и Юрия Даниловича Московского. Однако подобные смешанные браки были редкостью. Знакомство Руси с Ордой было приобретено вынужденно. Выживание князей Руси могло зависеть от точности разведывательной информации об Орде. Присутствие на Руси татарских администраторов, посланников и сборщиков податей с их дружинами было неизбежным. Вероятно, татары не насаждали крупных татарских гарнизонов в лесной зоне.

Карательные экспедиции были гораздо более разрушительными, чем регулярная татарская администрация. Хотя Русь располагала «внутренней» информацией о татарах, тем не менее, татары для Руси оставались «чужаками», «теми». Из соображений безопасности и поскольку знать слишком много о «неверных» не считалось добродетелью, основная часть информации Руси о татарах никогда не записывалась для потомков. Ни один русский не написал отчета о путешествии с описанием сарайских дворцов, мечетей, караван-сараев, медресе или акведуков. Князья и бояре Руси разделяли боевые идеалы татарского военного сословия, как это свидетельствует рыцарское поведение, приписываемое Батю, по отношению к русскому богатырю Евпатию во время осады Рязани 1237 года и представление в эпической поэме «Задонщина» бегущих татар после их поражения в Куликовской битве 1380 года. Элита Руси также разделяла увлечение татарской элиты охотой как одной из разновидностей развлечения. Подобная социальная совместимость отсутствовала среди русских крестьян и ремесленников, плененных в набегах, чтобы служить в качестве прислуги в Сарае или быть проданными в рабство в Среднюю Азию и страны Ближнего Востока.

Восстановление экономики было неравномерным. Некоторые навыки ремесленников Киевской Руси, такие как чернение эмали, исчезли навсегда; но городской сектор процветал, особенно такие города, как Москва и Нижний Новгород, связанные через Волгу с Шелковым путем. Такие города на северо-западе, как Новгород, Псков, Смоленск и Полоцк, также благоденствовали. Хан издал указ, освобождающий балтийских купцов в Новгороде от уплаты таможенных пошлин. Экономика Руси, должно быть, восстановилась, производя экономические излишки, поскольку строительство каменных церквей возобновилось, а северо-восточные княжества возобновили чеканку серебряных монет. Ханы Волжской Орды освободили Русскую православную церковь от налогообложения в обмен на молитвы за здоровье хана и Золотого рода. Церковь потратила этот неожиданный доход на церкви, иконы, фрески, облачения и другие церковные принадлежности, как и на литературную деятельность, включая летописи и жития святых. Жители городов, не связанные с приносящими наибольшую прибыль международными торговыми путями, вероятно, не могли в равной степени воспользоваться этим процветанием [36, с. 75–86; 62, с. 360–390; 61, с. 321–355; 63, с. 108–132]⁶.

Политические и прочие факторы привели этот «золотой век» в Джучидском улусе к завершению в ходе ожесточенных конфликтов, связанных с правопреемством в Орде во время «Великой замятни» 60–70-х годов XIV века, с которыми начинается третий период отношений между Русью и татарами. Тимур уничтожил временно восстановленное единство Джучидского улуса при Токтамыше. Даже приход к власти Идегея не смог остановить поток повышенной политической дезинтеграции в Орде. В конечном счете, Джучидский улус распался на кочевническое ядро, Большую Орду, претендовавшую на прежнее верховенство улуса Джучидов; и ханства Казани, Астрахани, Крыма, Сибири и Касимова, а также на кочевническую Орду ногаев. Эта децентрализация власти завершилась ликвидацией Джучидского улуса как такового, путем уничтожения Большой Орды крымскими татарами в 1502 году.

К концу XIV века Джучидский улус все больше и больше имел дело исключительно с Москвой, которая, вероятно, начала заимствовать татарские институты. Безусловно Московия, как и потенциально другие северо-восточные княжества Руси, о которых мы имеем гораздо меньше сведений, уже заимствовали у татар такие финансовые и административные институты и терминологию, как *казна*, *тамга* и *ям*. Монеты Московии подражали татарским, вплоть до воспроизведения поддельных арабских надписей. Московиты не смогли бы победить в Куликовской битве 1380 года, если бы они не

⁶ См. иную интерпретацию в: [56, с. 187–201; 55, с. 85–101].

стали экспертами в татарском военном деле. К сожалению, невозможно установить, заимствовали ли они навыки и снаряжение татарских конных лучников или организовали свои полевые армии, имитируя разделение действующей татарской армии на пять полков. Бесспорно, они в конечном итоге так и делали, но доказательства этого появляются только в период после Джучидского улуса. Русь, возможно, даже заимствовала татарский обычай измерения земли, хотя, как правило, татары в отличие от монголов в других областях, как например в Китае, не пытались навязать Руси свои социальные обычаи, и в целом Русь не заимствовала социальные институты из Джучидского улуса [14, с. 647–673]. Изоляция женщин русской элитой в *тереме* не была монгольского происхождения [36, с. 116; 63, с. 64–84]. Административные заимствования были преувеличены. Количество московских бояр не было зафиксировано на числе четыре, поэтому Совет (дума) Московского князя не подражал Дивану четырех ордынских карачи-беков. Наместники и волостели Московии не были распределены между военными и гражданскими административными отделениями в подражание Орде, потому что ордынские администраторы не делились по исполнению гражданских и военных функций [29, с. 237–257 (37, с. 219–238)]. То, что русские заимствовали некоторые татарские институты, не означало, что они заимствовали *все* татарские институты.

Сфера высокой культуры Руси осталась почти полностью невосприимчивой к татарскому влиянию. Хотя некоторые декоративные искусства Орды, возможно, проложили свой путь в лесную зону Руси; высокая культура Руси была христианской. Высокая культура Орды была мусульманской и, следовательно, запретной [36, с. 120–125]. Переводы восточных сказаний достигли Руси из Орды в виде житий, полностью вычищенных от любого исламского налета. Русские не хотели учиться тому, как лучше строить мечети.

Даже в середине XV века хан Волжской Орды и враждующая с ним элита по-прежнему оказывали значительное влияние на династические войны Московии. Москва оставалась весьма созвучной с политикой Орды. Изменились времена, но не отношение к татарам придворных и церковных авторов. Так, в отображении действий татар не наблюдалось радикального изменения от нейтральности к враждебности после 1448 или 1453 годов. Источники Руси не были нейтральными по отношению к татарскому гнету до 1448 года, и русские источники продолжали относиться с уважением к легитимности чингизидов после 1453 года [33, с. 53–62]. Однако со второй половины XV века татарский контроль ослаб в достаточной степени, чтобы позволить русским авторам немислимые ранее литературные бесцеремонности в описании биографии Батюга, вымыслы поражений, которые он никогда не нес, и пренебрежительное представление его наследия [16, с. 50–65 (37, с. 99–113)]. Однако резкое отрицание чингизидской легитимности, представленное в 1480 году епископом Ростова Вассианом Рыло, оставалось нетипичным. Даже после ликвидации Большой Орды москвиты должны были продолжать считаться с Чингизидами и в первую очередь с крымскими и казанскими ханами. Москвиты относились с уважением к чингизидской крови в течение всего XVI века. Кроме того, отсутствие четко сформулированной концепции покорения Руси татарами препятствовало формулированию четкой идеологии «освобождения» от татар в 1480 году. Русские авторы прибегали к использованию аналогий с исходом иудейских рабов из Египта в качестве замены, хотя эта метафорическая модель едва ли изображала с достоверностью отношения между Русью и татарами.

Четвертый и последний период отношений Руси с улусом Джучидов охватывает временной отрезок с 1502 года до конца XVI века. Отношения между Московией и татарами оставались весьма значительными. Вместо единой Орды, имевшей дело с соперничавшими между собой княжествами Руси, когда Русь была частью Великой Монгольской империи, или в период господства Джучидского улуса, теперь объеди-

ненная Северо-Восточная Русь, Московия, имела дело с соперничающими татарскими государствами и ордами. Московия была в союзе с городскими перифериями Джучидского улуса, Казанью и Крымом, против его кочевнического ядра, Большой Орды. Успешное уничтожение Большой Орды привело к распаду этого союза, поскольку бывшие союзники повздорили между собой из-за дележа добычи. Теперь вражда стала расти между Москвой, с одной стороны, и Казанью и Крымом, с другой. Москва по-прежнему должна была не отставать от политических событий на территориях бывшего Джучидского улуса. Посланники и курьеры посещали не только Казань и Крым, но и каждого татарского деятеля ногаев, от «князя» до самого незначительного мирзы. Поддержание отношений с обширными и разобщенными Ногайскими ордами было изнурительным бременем для дипломатов Московии. Дань все еще платилась Крыму, который претендовал на Джучидское наследие, но москвиты называли ее «поминками». Москва и Польско-Литовское государство пытались превзойти друг друга в том, чтобы направить крымские рейды за рабами друг против друга, что дорого обходилось даже той стороне, которая в этом преуспевала, и было чревато разрушительными последствиями для того, кто терпел в этом неудачу. Крым был практически недосыгаем для московских вооруженных сил, но Казань, напротив, была. В 1552 году Москва завоевала Казань. Астрахань в устье реки Волги пала вскоре после этого. Московия теперь контролировала речной путь в Каспийское море.

Москва продолжала торговать со степью. Кавалерия Московии использовала степных лошадей, импортируемых тысячами от ногаев. Защита южных и юго-восточных границ от набегов продолжала истощать государственные доходы. Крымские рейды за рабами продолжали истощать население. Однако к концу XVI века Московия, очевидно, продвинулась в степь, создавая все более углубленные оборонительные линии.

Именно в эпоху после Джучидского улуса появляются наиболее убедительные доказательства институциональных заимствований Московии [36, с. 33–60, 87–103]. Конные стрелки Московии могли бы сойти за степных воинов в своем вооружении, доспехах, конном оснащении и, может быть, даже в тактике. Полевая армия Московии строилась на марше в пять монгольских полков, включая правую и левую руки. Почтовая система Московии дублировала скорость и надежность монгольского *яма*. Московия строила свою дипломатию со степными и восточными политиями (но не европейскими странами) в соответствии с основными принципами татарской дипломатической практики [13]. Тем не менее, москвитам недоставало либо способности, либо желания копировать все татарские институты. Великая Монгольская империя ввела имперский ценз, в том числе и для домашних хозяйств Руси; но московские писцовые книги конца XV – XVI века не воспроизводят формата татарского *дефтера*. Различные формы условного землевладения были заимствованы на Ближнем Востоке, но наши сведения о Джучидском улусе скудны, а москвиты не нуждались в заимствовании своего *поместья* от кого бы то ни было, будь то татары, персы, османы или византийцы. Сложная система *местничества* в Московии, распределявшая ранги и должности, основывалась как на генеалогии, так и на родовом послужном списке и не была татарским начинанием. *Земский собор* Московии не имел ничего специфично общего с татарским *курултаем*, даже если москвиты могли познакомиться с этим институтом в Казанском ханстве. Первый *Земский собор* был созван Иваном IV, который никогда бы не создавал института с полномочиями избирать или смещать правителя, как это делал *курултай*. В XVI веке существовали такие же пределы московскому заимствованию у татар, как и в XIV в.

С упадком Волжской Орды часть татарской знати перешла на службу в Московию, вероятно, приведя с собой небольшие свиты. Однако только в период после Джучидского улуса значительное число татар перебралось в русскую лесную зону, часто

сохраняя, даже после обращения, некоторые элементы их прежнего степного образа жизни [58, с. 13–38; 5; 57, с. 1–23; 60, 365–387; 59, 114–120]. Спорным остается вопрос, как много из предполагаемых татарских основоположников боярских и дворянских родов Московии были историческими, а не легендарными личностями; но, без сомнения, многие татарские аристократы обратились, породнились и ассимилировались с русской знатью. Некоторые служилые чингизиды, даже те из них, кто были мусульманами, получили уделы, населенные русскими православными христианами. Как русское подчиненное население взаимодействовало со своими новыми повелителями, невозможно определить.

Знакомство Московии со степью не уменьшилось и с ростом антитатарской и антимусульманской религиозной риторики в середине XVI века. Даже монахи на службе у митрополита Московского и всея Руси, главного сторонника антимусульманской пропаганды, обладали точным знанием о структуре и составе двора и мусульманских духовных учреждений в Казани [28, с. 188–201]. Тем не менее клирики Руси никогда не проявляли большого интереса к интеллектуальному содержанию ислама [12, с. 117–143]. Митрополит не чурался процитировать поддельный ярлык хана Узбека, чтобы защитить церковную землю от притязаний московского двора, якобы стремившегося к секуляризации.

Только в середине XVI века ретроспективный взгляд придал стоянию на реке Угре 1480 года современное значение русского «освобождения» от «татарского ига Золотой Орды». Ключевые термины этой формулировки были созданы в середине XVI века. Термин «монгольское иго» впервые появился на латинском языке в XVI веке и не использовался на славянском языке до второй половины XVII века [50, с. 20–39 (37, с. 168–181); 63, с. 244–245; 54, с. 241 (ошибочна ссылка в: 31, с. 378, п. 9); 48, с. 59.]. Термин «Золотая Орда» возник на русском языке в Московии середины XVI века⁷. Никто на Руси не слышал о «Золотой Орде» или «татарском иге» в течение периода с XIII до XV века. Проецирование подобной анахронической лексики на средневековую Русь только искажает историю отношений между Русью и татарами.

Летописи середины XVI века продолжали отрицать, что татары «покорили» Русь и, следовательно, что Русь вообще нужно было «освободить» от татарского правления. Летописи подчеркивали непрерывную преемственность от Киева к Владимиру и Москве. Там не было «татарского периода» в истории Руси [51, с. 191–200; 5, с. 201–209; 35, с. 11–26; 4, с. 149–170] (в современной российской историографии «удельный период» часто заменял «татарский»). Уважение к чингизидской крови продолжало существовать. С плененными в Казани Чингизидами обращались с почтением. Что бы Иван IV ни планировал, когда он утвердил за обращенным Чингизидом Симеоном Бекбулатовичем престол Москвы и всея Руси в 1575 году, понизив его до статуса великого князя Тверского в 1576 году, чингизидский статус Симеона был главным соображением в выборе Ивана этого марионеточного правителя (следует обратить внимание на то, что Симеон никогда не смог бы играть этой роли, если бы он оставался мусульманином) [45, с. 306–330].

Даже после завоевания Московией бывших территорий Джучидского улуса, таких как Казань, Астрахань и, в конце царствования Ивана IV, Сибирь, Московия не стала и не ощущала себя государством-преемником улуса Джучидов [23, с. 481–497 (37, с. 277–297); 30, с. 5–20 (русскоязычная версия этой статьи, 1, с. 68–71 (37, с. 298–305) содержит искажения, не входившие в намерения самого автора)]. Московия не попыталась воспроизвести меняющиеся границы Джучидского улуса. Она не претендовала на

⁷ Долгое время считалось, что только рукописи *Казанской истории* XVII века содержат этот термин [51, с. 184–187; 5, с. 194–198]; но он содержится в рукописи *патерика* Иосифа из Волоколамского монастыря XVI века [48, с. 58–59].

Азербайджан, Хорезм или Болгарию (которая находилась под контролем Ногай на рубеже XIV века). Двор Московии позволял ногаям превозносить Ивана IV как «Белого царя» и даже как потомка Чингиз-хана; но политическая и дипломатическая идеология Московии прослеживала генеалогию Ивана от Римской империи. Иван IV не стал ханом, чтобы победить Казань; его не поднимали на ковре во время его коронации. Дипломатические отчеты о посольствах Московии в Стокгольм, Лондон и Вильнюс использовали политическую и социальную лексику Московии для объяснения «европейских» правительств и обществ гораздо в большей степени, чем это делало посольство в Стамбул, описывавшее Османское правительство и общество; выказывая тем самым трудно уловимую и, возможно, бессознательную уверенность учреждения внешней политики Московии в том, что Московия была «европейской», а не «степной» державой [39, с. 81–103]. Чтобы быть государством-преемником Джучидского улуса или любой части Великой Монгольской империи, требовалось больше, чем некая территориальная преемственность, задействование монгольских служилых людей или заимствование монгольских институтов; это должно было повлечь за собой усвоение политической и культурной идентичности. У Московии не было именно этой идентичности. В отличие от Тимура, стремившегося подражать Чингиз-хану в своих завоеваниях, Иван IV не стремился подражать Бату.

В заключение можно добавить, что отношения между Русью и татарами были изменчивыми, сложными и многогранными. Каждый период этих отношений имеет общие с другими элементы, но и уникальные характеристики. В основе общности всех этих четырех периодов лежит то, что эти отношения были интенсивными, сложными, значимыми, гибкими и предполагающими знакомство обеих сторон друг с другом. Только первое столкновение Руси с татарами в 1223 году произошло в условиях отсутствия у Руси информации о татарах. Это знакомство превратило их в неотъемлемый элемент истории Руси на протяжении более трех веков. Только после Смутного времени знание Руси о татарах начало сводиться на нет в процессе, который завершил Петр Великий. Но важность отношений между Русью и татарами до Петра никогда не должна отрицаться.

1. Гальперин Ч.Дж. Вымышленное родство. Московия не была наследницей Золотой Орды / Филюшкин А. (пер.) // Родина: Российский исторический журнал. 2003. № 12. С. 68–71.

2. Гальперин Ч.Дж. Идеология молчания: предвзятость и прагматизм на средневековой религиозной границе / Цыганенко-Исидорова З.Н. (пер.) // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Антология / Маджеска Дж. (ред.). Самара, 2001. С. 65–98.

3. Гальперин Ч.Дж. Кипчакский фактор: ильханы, мамлюки и Айн-Джалут / Костюков В. (пер.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. Т. 6. Золотоордынское время. Сборник научных работ. Донецк, 2008. С. 385–400.

4. Гальперин Ч.Дж. Переписывая историю: Никоновская летопись о взаимоотношениях Руси с Ордой / Ананьев В. (пер.) // *Rossica Antiqua*. № 2. СПб., 2010. С. 149–170.

5. Гальперин Ч.Дж. Татарское иго. Образ монголов в средневековой России / Копылова М.Е. (пер.), Селезнев Ю.В. (ред.). Воронеж, 2012. 230 с.

6. Гальперин Ч.Дж. Центральная власть и Русские княжества / Арсланова А.А. (пер.) // История Татар с древнейших времен в семи томах. Том. III / Усманов М. (ред.). Казань, 2009. С. 432–436.

7. Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. 214 с.

8. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV вв. М., 2009. 248 с.

9. Селезнев Ю.В. А переменит «Бог орду...» (Русско-ордынские отношения в конце XIV – первой трети XV вв.). Воронеж, 2006. 160 с.

10. *Селезнев Ю.В.* Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII–XV веках. Воронеж, 2013. 472 с.
11. *Allsen Th.T.* Technologies of Governance in the Mongolian Empire: A Geographic Review // *Imperial Statecraft: Political Forms and Techniques of Governance in Inner Asia, Sixth to Twentieth Centuries* / Sneath D., Peachey L. (eds.). Bellingham, 2006. P. 117–140.
12. *Bushkovitch P.* Orthodoxy and Islam in Russia 988–1725 // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Vol. 76. Wiesbaden, 2010. P. 117–143.
13. *Croskey R.* Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III. New York, 1987. 332 p.
14. *Grinberg L.* From Mongol Prince to Russian Saint: A Neglected Fifteenth-Century Source on Mongol Land Consecration Ritual // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 12. Bloomington, 2011. P. 647–673.
15. *Halperin C.J.* A Chingissid Saint of the Russian Orthodox Church: «The Life of Peter, tsarevich of the Horde» // *Canadian-American Slavic Studies*. Vol. 9. Pittsburgh, 1975. P. 323–335.
16. *Halperin C.J.* The Defeat and Death of Batu // *Russian History*. Vol. 10. Pittsburgh, 1983. P. 50–65.
17. *Halperin C.J.* The East Slavic Response to the Mongol Conquest // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 10. Wiesbaden, 1998–1999. P. 98–117.
18. *Halperin C.J.* False Identity and Multiple Identities in Russian History: The Mongol Empire and Ivan the Terrible. 1. Anatolii Fomenko, the ‘New Chronology’, and Russian History; 2. Who Was Not Ivan the Terrible, Who Ivan the Terrible Was Not. Pittsburgh, 2011. 71 p.
19. *Halperin C.J.* George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia // *Slavic Review*. Vol. 41. Seattle, 1982. P. 477–493.
20. *Halperin C.J.* The Ideology of Silence: Prejudice and Pragmatism on the Medieval Religious Frontier // *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 26. Cambridge, 1984. P. 442–466.
21. *Halperin C.J.* The Image of the Mongols (Tatars) as Kipchaks (Polovtsy) in Russian Sources, Thirteenth–Sixteenth Centuries. forthcoming.
22. *Halperin C.J.* Iu. V. Seleznev’s Contribution to the Study of the Juchid ulus // *Золотоордынское обозрение*. № 2(4). Казань, 2014. P. 74–94.
23. *Halperin C.J.* Ivan IV and Chinggis Khan // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 51. Wiesbaden, 2003. P. 481–497.
24. *Halperin C.J.* The Kipchak Connection: the Ilkhans, the Mamluks, and Ayn Jalut // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 63. London, 2000. P. 229–245.
25. *Halperin C.J.* Kliuchevskii and the Tatar Yoke // *Canadian-American Slavic Studies*. Vol. 34. Pittsburgh, 2000. P. 385–408.
26. *Halperin C.J.* Know Thy Enemy: Medieval Russian Familiarity with the Mongols of the Golden Horde // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 30. Wiesbaden, 1982. P. 161–175.
27. *Halperin C.J.* The Missing Golden Horde Chronicles and Historiography in the Mongol Empire // *Mongolian Studies*. Vol. 23. Bloomington, 2000. P. 1–15.
28. *Halperin C.J.* The Muscovite Attitude Toward the Outside World During the Reign of Ivan IV: *Stepennaia kniga* // *Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа. Материалы к учебным курсам: в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова / Гатин М. (ред.)*. Казань, 2010. С. 188–201.
29. *Halperin C.J.* Muscovite Political Institutions in the Fourteenth Century // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 1. Bloomington, 2000. P. 237–257.
30. *Halperin C.J.* Muscovy as a Successor State of the Juchid ulus // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 18. Wiesbaden, 2011. P. 5–20.
31. *Halperin C.J.* «No One Knew Who They Were»: Rus’ Interaction with the Mongols // *The Steppe Lands and the World Beyond Them. A Collection in Honor of Victor Spinei On His 70th Birthday* / Curta F., Maleon B.-P. (eds.). Iasi, 2013. P. 377–387.

32. *Halperin C.J.* Omissions of National Memory: Russian Historiography on the Golden Horde as Politics of Inclusion and Exclusion // *Ab Imperio*. № 3. Казань, 2004. P. 131–144.
33. *Halperin C.J.* Paradigms of the Image of the Mongols in Medieval Russia // *The Early Mongols: Language, Culture and History*. Tümen tümen nasulatugai. Studies in Honor of Igor de Rachewiltz on the Occasion of His 80th Birthday / Rabatzii B. et al. (eds.). Bloomington, 2009. P. 53–62.
34. *Halperin C.J.* The Place of Rus' in the Golden Horde // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 14. Wiesbaden, 2005. P. 21–30.
35. *Halperin C.J.* Rewriting History: The Nikon Chronicle on Rus' and the Horde // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 17. Wiesbaden, 2010. P. 11–26.
36. *Halperin C.J.* Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington, 1985. 180 p.
37. *Halperin C.J.* Russia and the Mongols. Slavs and the Steppe in Medieval and Early Modern Russia / Spinei V., Bilavski G. (eds.). Bucharest, 2007. 329 p.
38. *Halperin C.J.* Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Vol. 36. Wiesbaden, 1985. P. 55–194.
39. *Halperin C.J.* Russia Between East and West: Diplomatic Reports During the Reign of Ivan IV // *Saluting Aaron Gurevich: Essays in History, Literature and Other Subjects* / Mazour-Matusevich Y., Korros A.S. (eds.). Leiden, 2010. P. 81–103.
40. *Halperin C.J.* Russia in the Mongol Empire in Comparative Perspective // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 43. Cambridge, Mass., 1983. P. 239–261.
41. *Halperin C.J.* The Russian Land and the Russian Tsar: The Emergence of Muscovite Ideology, 1380–1408 // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Vol. 23. Wiesbaden, 1976. P. 7–103.
42. *Halperin C.J.* Russo-Tatar Relations in Mongol Context: Two Notes // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 51. Budapest, 1998. P. 321–339.
43. *Halperin C.J.* Rus' Sources on the History of the Juchid ulus and its Successor States // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 17. Wiesbaden, 2010. P. 27–34.
44. *Halperin C.J.* The Scourge of God: The Mongols and Violence in Russian History // *Violence in Russian Literature and Culture* / Novikov T., Levitt M. (eds.). Madison, 2007. P. 23–29.
45. *Halperin C.J.* Simeon Bekbulatovich and the Mongol Influence on Ivan IV's Muscovy // *Russian History*. Vol. 39. Pittsburgh, 2012. P. 306–330.
46. *Halperin C.J.* The Six-Hundredth Anniversary of the Battle of Kulikovo Field, 1380–1980 in Soviet Historiography // *Canadian-American Slavic Studies*. Vol. 18. Pittsburgh, 1984. P. 298–310.
47. *Halperin C.J.* Soviet Historiography on Russia and the Mongols // *Russian Review*. Vol. 41. New York, 1982. P. 306–322.
48. *Halperin C.J.* Stepennaia kniga on the Reign of Ivan IV: Omissions from Degree 17 // *Slavonic and East European Review*. Vol. 89. New York, 2011. P. 56–75.
49. *Halperin C.J.* A Tatar Interpretation of the Battle of Kulikovo Field, 1380: Rustam Nabiev // *Nationalities Papers*. forthcoming.
50. *Halperin C.J.* The Tatar Yoke and Tatar Oppression // *Russia Mediaevalis*. Vol. 5. München, 1984. P. 20–39.
51. *Halperin C.J.* The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia. Bloomington, 2009. 239 p.
52. *Halperin C.J.* Text and Textology: Salmina's Dating of the «Chronicle Tales» about Dmitry Donskoy // *Slavonic and East European Review*. Vol. 79. Pittsburgh, 2001. P. 248–263.
53. *Halperin C.J.* Tsarev ulus: Russia in the Golden Horde // *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. 23. Paris, 1982. P. 257–263.
54. *Keenan E.L.* Ivan III, Nikolai Karamzin, and the Legend of the «Casting Off of the Tatar Yoke» (1480) // *Rude and Barbarous Kingdom Revisited: Essays in Russian History in Honor of Robert O. Crummey* / Dunning C. et al. (eds.). Bloomington, 2008. P. 237–251.

55. *Langer L.* For Want of Coin: Some Remarks on the Mongol Tribute and the Problem of the Circulation of Silver // *Dubitando: Essays in Culture and History in Honor of Donald Ostrowski / Boeck B. et al. (eds).* Bloomington, 2012. P. 85–101.

56. *Langer L.* War and Peace: Rus' and the Mongols in the Thirteenth and Fourteenth Century // *Everyday Life in Russian History: Quotidian Studies in Honor of Daniel Kaiser / Marker G.M. et al. (eds).* Bloomington, 2010. P. 187–201.

57. *Martin J.* Multi-ethnicity in Muscovy: A Consideration of Christian and Muslim Tatars in the 1530s–1580s // *Journal of Early Modern History.* Vol. 5. 2001. P. 1–23.

58. *Martin J.* Novokshcheny of Novgorod: Assimilation in the Sixteenth Century // *Central Asian Survey.* Vol. 9. Oxford, 1990. P. 13–38.

59. *Martin J.* Tatar Pomeshchiki in Muscovy (1560s–70s) // *Место России в Евразии. The Place of Russia in Eurasia / Szvák G. (ed.).* Budapest, 2001. P. 114–120.

60. *Martin J.* Tatars in the Muscovite Army During the Livonian War // *The Military and Society in Russia 1450–1917 / Lohr E., Poe M. (eds.).* Leiden, 2002. P. 365–387.

61. *Miller D.B.* Monumental Building and its Patrons as Indicators of Economic and Political Trends in Rus', 900–1262 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Vol. 38. Wiesbaden, 1990. P. 321–355.

62. *Miller D.B.* Monumental Building as an Indicator of Economic Trends in Northern Rus in the Late Kievan and Mongol Periods, 1138–1462 // *American Historical Review.* Vol. 94. Washington, 1989. P. 360–390.

63. *Ostrowskii D.* Muscovy and the Mongols. Cross-cultural influences on the steppe frontier. Cambridge, 1998. 329 p.

§ 5. Левое крыло Улуса Джучи в XIII – начале XV века

Канат Ускенбай

Владения первых Ордаидов

После смерти Джучи его место занял второй сын Бату. Современные исследователи полагают, что это было решение Чингиз-хана, великого каана Монгольской империи [2, с. 15]. Первенец Джучи и старший брат Бату – Орда, по словам Рашид ад-Дина «был согласен на воцарение Бату, и на престол на место отца [именно] он его возвел» [16, с. 66]. Претендовал ли Орда на верховную власть в Улусе Джучи или был вынужден согласиться с решением деда? Согласно легендам XVI в. братья уступали ханствование друг другу: «Ты мой старший брат, заменивший мне отца, а потому как отец мне. Мы уйдем в чужой йурт. Ты будь ханом», – говорил Бату. «Ты прав, я старше тебя годами. Но ведь, наш отец, вырастил тебя в заботе и ласке и очень любил тебя... Будь-ка ты ханом! Твое ханствование я стерплю, а мое ханствование ты не стерпишь», – возражал Орда. Спор братьев решил «великий дед» (*улуз баба*) Чингиз-хан отдав предпочтение второму внуку [23, с. 92, 121, л. 376–38а].

Вместе с тем, фактически в Улусе Джучи произошло разделение улусов (людей) между старшими братьями. По словам Рашид ад-Дина, «из войск Джучи-хана одной половиной ведал он (Орда), а другой половиной – Бату» [16, с. 66]. По свидетельству Вассафа, четыре личные тысячи Джучи, ко времени после его смерти «составлявшие более одного тумена живого войска, находились под ведением старшего брата Хорду (Орда – *Авт.*)» [18, с. 84–85]. Орда вместе со своими младшими братьями Удуром, Тукай-Тимуром, Шингкуром и Сингкумом «составил левое крыло [монгольского] войска; и их до сих пор называют царевичами левого крыла» – «*шах-задаган-и даст-и чап*» [16, с. 66].

Авторы средневековых сочинений всегда отмечали важную роль, которую играл Орда в политической жизни не только Улуса Джучи, но и всей Монгольской империи.

Это их мнение, надо полагать, было отражением реального положения, занимаемого данным Чингизидом. По существу Орда вместе со своим младшим братом Бату возглавил третье поколение управленцев Еке Монгол Улуса – эпоху внуков Чингиз-хана. В центре империи внуков поочередно представляли Гуюк, Мунке, Ариг-Бука и Хубилай. Вдали от них, на юго-западе от Монголии, в Иране был еще один внук – Хулагу. Именно при них основанная дедом империя достигла пика своего могущества, и при них же начался ее неизбежный распад. Важнейшие события военно-политической истории Монгольской империи на протяжении второй трети XIII в. происходили с неизменным участием Орды. По мнению Томаса Оллсена, с 1241 г., когда умерли Угэдэй и Чагатай, последние из оставшихся в живых сыновей Чингиз-хана, Орда приобрел статус старшего из всех Чингизидов: он не был всемогущим, но с ним должны были советоваться [2, с. 15].

Рашид ад-Дин сообщает, что Орда был в большом почете и уважении как при жизни своего отца, так и после него. Верховный правитель империи Менгу-каан в государственных документах, направлявшихся в Улус Джучи «по части указов и ясы, имя Орды он (Менгу-каан – *Авт.*) ставил впереди» имени Бату [18, с. 41]. Слух об этом «почете и уважении» к Орде дошел и до арабских авторов. Например, ан-Нувеири сообщал, что Орду, одного из сыновей Джучи, некоторые называют сыном самого Чингиз-хана [19, с. 150]. Иоанн де Плано Карпини, проезжавший через владения Орды в 1246 г., писал следующее: «Сыновья же Тоссук-кана (Джучи – *Авт.*) суть: Бату, он наиболее богат и могуществен после императора; Орду, он старший из всех вождей; Сыбан, Бора, Берке ...» [14, с. 39]. Далее описывая земли Орды, через которые проезжал Иоанн де Плано Карпини со своими спутниками, он отмечал: «В этой земле живет Орду, старший над Бату; мало того, он древнее всех князей татарских» [14, с. 64]. По словам автора «Истории Тартар», брата Ц. де Бридиа, Орду – «старший среди вождей и наиболее уважаем» [24, с. 110].

После смерти Орды, аксакала третьего поколения Чингизидов, его имя стало запретным, а сам он получил самый почетный посмертный титул Эджен-хан (Иджан-хан, Ежен-хан) – «Владыка-хан», совершенно вытеснивший его настоящее имя. Современные исследователи, соединив имя и посмертный титул, превратили его в Орда-Ичена. Его младший брат Бату также известен как Саин-хан [13, с. 23–27]: это имя или почетное прозвище, как установил Дж.Э. Бойл, являлось его посмертным титулом [7, с. 28–31]. Такие титулы монголы использовали для обозначения покойных членов ханской семьи. Современники первых Джучидов не называют Орду Еженом (Иченом, Эдженом). Для Иоанна де Плано Карпини, Рашид ад-Дина, Вассафа и других он – просто Орда. Впервые, насколько известно, этот термин в качестве имени Орды употреблен у персоязычного автора первой трети XV в. в сочинении «Му'изз ал-ансаб» [11, с. 39].

Преемник Орды, его старший сын Конкыран, вопреки своему имени не стал сильным (*кон*) и ловким (*кыран*) правителем. Он правил приблизительно до конца 1270-х гг. Его имя лишь однажды, насколько известно, упоминается в связи с событиями первой половины 1250-х гг. Речь идет о военных действиях Мунке, только что провозглашенного ханом империи, против Чагатаидов и Угэдэидов. Мунке послал одного из своих нойонов с десятью туманами войска, состоявшего из храбрых тюрок, на запад, к границам Улуг-Тага, к местностям (названия не прочитываются), что между Бишбальком и Каракорумом, чтобы они из той местности ушли и приблизились к стойбищу Кункыран-огула, который находился в пределах Каялыка, и растянул стан до берега Отрара [16, с. 137–138].

По мнению В.В. Бартольда, «чтобы окончательно уничтожить своих врагов, Мунке отправил на запад многочисленное войско, которое должно было занять пространство между Каракорумом и Бишбальком и соединиться с отрядами Джучидов, расположившимися в местности между Каялыком и Оттаром, под начальством Хункирана (или

Хункурана), сына и преемника Орды. Все военачальники в чагатайском улусе, заподозренные в сочувствии заговорщикам, были казнены» [5, с. 65; 6, с. 560]. Томас Оллсен, вероятно, на основании этого же фрагмента полагал, что Кункыран «содействовал Монгкэ в выслеживании бежавших заговорщиков, прочесав территорию от Кайялыка до Отрара из подозрения в намерении тех устроить жестокую бойню» [2, с. 16].

Улус Орды в эпоху распада Еке Монгол Улуса

Со второй половины 1270-х гг. в улусе Орды на троне утвердился внук Орды и сын Сартактая, Кончи (Койши, Куинджи, Турук-каан), который «долгое время был правителем улуса Орды» [16, с. 67]. В годы его правления происходил неумолимый распад могущественной Монгольской империи, сопровождавшийся перманентными войнами между многочисленными потомками Чингиз-хана. Кончи проводил активную внешнюю политику. Сначала он «завел дружбу» с Хайду и успешно воевал вместе с ним против Хубилая [16, с. 13]. После 1280 г. Кончи, а также золотоордынский хан Туда-Менгу и темник Ногай заключили мир с Хубилаем и вернули из плена Нумугана, сына и наследника юаньского хана. Хубилай ответил дарами и финансовой помощью: согласно «Юань ши», в феврале 1288 г. император предоставил имперскому царевичу Хуо-ни-чи (Кончи) 500 унций серебра, жемчужное ожерелье и вышитые ткани. В следующем году жалование (в какой форме, не указано) было отправлено войскам Коничи [2, с. 21].

Кончи был «другом и приверженцем» ильханов Ирана и постоянно отправлял послов к Аргун-хану, Гейхату-хану и к Газан-хану «с изъявлением любви и искренней дружбы», «единодушия и просьбой о союзе» [16, с. 67; 17, с. 134]. Конкретных сведений о контактах Кончи в этот период с сарайскими ханами не сохранилось.

После заключения мира с потомками Тулуя в Иране и Китае у Кончи испортились отношения с соседями на юге, где правили потомки Угэдэя и Чагатая. Соперничество происходило в том числе из-за городов на юге и юго-востоке современного Казахстана (в источнике упоминается Кары-Сайрам). Потомки Орды уже в это время расширяют свои владения с востока на юг в сторону Чу-Таласских кочевий. Это, конечно же, вызвало войну с Хайду, хозяином Жетысу. По словам Рашид ад-Дина, Кары-Сайрам «находится в зависимости от Хайду, [причисляясь] к улусам Кунджи» [15, с. 81].

Тем не менее в целом правление Кончи было мирным и спокойным. Это не ускользнуло от внимания достаточно осведомленного путешественника Марко Поло: «У царя («Севера», Кончи. – *Авт.*) много народу, но он ни с кем не воюет и мирно правит своим народом» [8, с. 206].

В эти годы улус Орды стал независим от улуса Бату: Ордаиды отказались от прежних формально-вассальных отношений с Каракорумом и Сараем, выражавшемся, по сообщению Рашид ад-Дина, в «обыкновении, чтобы своим государем и правителем считать того, кто является заместителем Бату, и имена их они пишут вверху своих ярлыков», однако «с самого начала не бывало случая, чтобы кто-либо из рода Орды, занимавший его место, поехал к ханам рода Бату, так как они отдалены друг от друга, а также являются независимыми государями своего улуса» [16, с. 66].

Однако после смерти Кончи ок. 1299 г. политическая стабильность была нарушена: его преемники начали острую борьбу за власть.

Темный век

История *царевичей левого крыла* с самого начала XIV в. и до 1360-х гг., т.е. с момента смерти Кончи (ок. 698–701 г.х.) и до времени воцарения Урус-хана (ок. 770 г.х.), получила скудное освещение в источниках. «Сборник летописей» Рашид ад-Дина завершается описанием событий начала XIV в.; арабские авторы дают разрозненные и отрывочные факты; оригинальные сведения сообщают «продолжатели» Рашид ад-Дина, в частности Натанзи, «чьи данные, кроме вопроса о родстве, есть резон учитывать» [2, с. 26]; практически молчит нумизматика. Во всех этих источниках смутно

отражена последовательность правлений ханов, их родственные связи. Этот период ознаменовался запутанной междоусобной борьбой Ордаидов; вмешательством других линий Джучидов и Чингизидов; подчинением улусу Бату – *царевичам правого крыла*; возвышением Тукай-Тимуридов и появлением целого ряда «новых» ханов из этой ветви; наконец, восстанием Мубарак-ходжа-хана, только тогда получившим какие-то понятные хронологические контуры в нумизматических источниках (768–769 гг.х.), но при этом, при сохраняющих молчание письменных источниках. Весь этот период (700–770 гг.х.) будет справедливо назвать «темным веком» в истории Ордаидов, которые, как полагает автор этих строк, не «исчезли» или «угасли», а вновь возвысились с приходом к власти Урус-хана.

Разгоревшаяся после смерти Кончи междоусобная война не только ослабила улус Орды, но и фактически расколола улус на части, не подчинявшиеся друг другу. Среди основных конкурентов в борьбе за верховенство над *принцами левого крыла* источники называют *Баяна* (иногда *Наян*) – наследника Кончи и его старшего сына; *Макудая* (варианты: *Мангытай*, *Мангитай*, *Мумгкия*) – четвертого и младшего сына Кончи; *Кублука* (*Куйлук*, *Купалак*) – сына Тимур-Буки из другой ветви Ордаидов; а также *Куштая* (*Кушай*, *Куш-Темир*, *Кушной*) – сына Кублука. Каждый из них, согласно сведениям источников, занимал какое-то время ханский трон *улуса Орды*.

В представлении Рашид ад-Дина, легитимным правителем *улуса Орды* выступает Баян: «Баян, сын Куинджи, сейчас – государь улуса Орды»; «в настоящее время Баян сидит на месте своего отца Куинджи и по-прежнему ведает улусом отца»; «Баян же по-прежнему ведает большей частью улуса Орды»; «в настоящее время он (Баян – *Авт.*) государь улуса» [16, с. 14, 66, 67, 68, 212]. С ним, как с главой *улуса Орды*, «враждует» Янгичар, сын Хайду; «дружит» государь ислама Газан-хан; ему «помогает» Токта, «который владеет престолом Джучи»; а могущественный Хайду «опасается» его возможных действий [16, с. 14, 68]. Тогда как Кублук, «враждующий» с «государем улуса Орды», довольствуется войском, «которое отпало от Баяна, и с тем, которое пришло к нему на помощь от Хайду и Дувы» [16, с. 14, 68]. На то, что Кублук только претендовал на верховную власть в *улусе Орды*, указывает и тот факт, что Хайду и Дува *замыслили* помочь ему *стать* государем того улуса [16, с. 68]. Как полагает Рашид ад-Дин, замысел этот не удался, и он государем не стал.

Иная картина предстает со страниц арабоязычных сочинений. Историки мамлюкского Египта всех претендентов на ханство *улуса Орды* этого времени «уравнили» в правах на трон, объявив их сыновьями самого Кончи и его дяди (?). На то, что преемником Кончи стал его племянник Кублук, а не сын Баян, также указывает Ибн Халдун: «После Кунджи вступил на престол сын его, Куйлюк... Против него восстал брат его Баян» [19, с. 394]. Байбарс и Ибн Халдун говорят о разделении *улуса Орды* между конкурирующими кланами. Вполне вероятно, что имел место временный распад улуса и параллельное правление как минимум двух ханов – Кублука и Баяна. Стоит вспомнить слова Рашид ад-Дина о том, что Баян «ведает большей частью улуса Орды» [16, с. 68]; очевидно, что меньшей владел Кублук. Тоже можно сказать и о военных ресурсах: Кублук опирался на войско, «которое отпало от Баяна», кроме того, ему помогли Хайду и Дува (Тува). «Замысел их (Хайду и Тувы – *Авт.*) был такой: мы поможем Кублуку стать государем того улуса, и он будет нашим союзником в споре с Газан-ханом» [16, с. 68]. «Баян восемнадцать раз сражался с Кублуком и войском Хайду и Дувы, из них шесть раз сам лично участвовал в сражениях» [16, с. 68]. В конце концов, он потерпел поражение и бежал «к границам той области, в которой сидел Токтай, приемник Бату» [16, с. 68].

В поисках союзников, Баян пытался заручиться поддержкой правителей Сарая, Тебриза и юаньского Ханбалыка, задумав создать некий «Большой альянс» [2, с. 23].

«Из-за этих непрерывных сражений войско его (Баяна – *Авт.*) обнищало, войны были частью конные, частью пешие, однако он [Баян] все так же стойко борется с врагом и просит от этой стороны [т.е. от Газан-хана] помощи средствами [*бе мал*]» [16, с. 68].

Победить в междоусобице Баяну помогло войско Токты. На это указывают сведения Абу'л Касима ал-Кашани, автора «Тарих-и Улджайту»: «в конце царствования Тукты, Тубиджи (Кончи – *Авт.*), сын Харду (т.е. Орда, но на самом деле не сын, а его внук – *Авт.*), умер. От него остались два известных сына – старший Баян и младший Мумкия. Баян унаследовал у отца улус и войско, а Мумкия выступил против него и заставил его бежать из страны и улуса и скитаться. Тукта выступил к нему на помощь с несметным кровожадным войском, и одержал победу. Мумкия бежал, и отцовское место утвердилось за Баяном» [1, с. 144].

Во втором десятилетии XIII в. Баяну удалось, не без помощи золотоордынских войск, вернуть себе власть в улусе Орды. С этого времени улус Орды признает зависимость от улуса Бату. Томас Оллсен справедливо пишет: «наиболее вероятное объяснение потери их (*принцев левой руки* – *Авт.*) автономии заключается в том, что потомки Баяна, столкнувшись с непрекращающимися внутренними и внешними угрозами их власти, были вынуждены обратиться к Узбеку за помощью и защитой, и платой, которую потребовал их покровитель за свою поддержку, было беспрецедентное подчинение принцев левой руки принцам правой руки» [2, с. 26].

Преемник Баяна, его сын Сасы-Буга, правил, по всей видимости, незначительный период времени (1318–1321 гг.). Согласно сведениям Натанзи, Сасы-Буга «следовал по пути покорности и подчинения... и за все это время ни разу ни на шаг не отступил с пути служения Тугрул-хану и Узбек-хану и ни разу не противоречил и не отказывался от курултая. Сохраняя верность [хану], он умер естественной смертью в 720 году (12.02.1320–30.01.1321). Усыпальница его находится в крепости Сауран» [12, с. 73]. У ханов левого крыла был свой богохранимый город «*махрусэ Сауран*» [12, с. 73].

После смерти Сасы-Буги-хана, по указу Узбек-хана ханом стал Ерзен (Ирзан). Он обладал большим умом, проникательностью и знаниями; имел большую власть в стране «и в короткий срок достиг положения, близкого величию самого Узбек-хана. Мудрый, справедливый, благочестивый и богобоязненный падишах построил большую часть медресе, ханака, мечетей и других богоугодных заведений в Отраре, Саурани, Дженде и Барчкенде. Знаменем справедливости и милосердия он превратил весь Туркестан в образец высшего рая, и почти семистам своим сородичам он дал возможность пользоваться общей милостью и дал каждому из них в управление округ или область, так что всякий мог обрести свой юрт, высокую должность, службу и свой круг людей. Никто из знатных людей не притеснял простолюдинов, и никто из простолюдинов не вел себя неучтиво по отношению к знатым. Той безопасности и благоденствия, которые знал улус во дни его правления, потом люди и во сне не видывали» [12, с. 73]. Похоронен Ерзен в городе Сыгнаке (*мадине-и Сыгнак*) [12, с. 73].

Несмотря на то, что Натанзи отмечает такую же «покорность и подчинение» Ерзен-хана Узбек-хану можно предположить, что все эти меры нового улусного правителя по усилению собственной власти в стране, стремление найти поддержку со стороны мусульманского духовенства, кочевой, и что еще важнее, городской аристократии туркестанских центров не могли не беспокоить сарайского хана. Нет конкретной информации о разногласиях с золотоордынским ханом, но известно о походе сына Узбека, Тиинибек, очевидно, в туркестанский регион; туда, где усилился Ерзен.

Около 740–741 г.х. Тинибек выступил с войском в Сыгнак. Если к этому времени Ерзен еще был жив, то вполне вероятно, что он мирно передал власть сыну своего сюзерена, сохранив этим позиции Ордаидов в Восточном Дешт-и Кипчаке, поскольку нет

сведений о каких-либо репрессиях, последовавших после утверждения власти Тинибекка. Тинибек пробыл в Сыгнаке не долго. Уже в начале 742 г.х., получив известие о смерти отца, он отправился назад. Эмиры его младшего брата Джанибека встретили возвращавшегося Тинибекка в Сарайчике, и вероломно убили. Джанибек, заняв отцовский трон, не забыл о мятежной Восточной Орде. Возможно, стремясь заручиться поддержкой местной знати, он утвердил ханом Чимтая (Джимбай), сына Ерзена и не стал назначать сюда своих ставленников. Новый хан Сыгнакского улуса всю свою деятельность направил на восстановление внутривосточной стабильности и, по свидетельству Натанзи, «сломанное исправил так, как это требовалось потребностями времени» [12, с. 74]. Вступив на престол одновременно с Джанибеком около 742–743 г.х. (1341/2–1342/3 г.), Чимтай пережил его на четыре года и умер, предположительно, в 762 г.х. (1360/1 г.).

Конец правления Чимтая был омрачен политическим кризисом: «смута Бердибека, Джанибека и Кельдибека была в его время» [12, с. 74]. Речь идет о затяжной гражданской войне в Золотой Орде, спровоцированной приходом к власти Бердибека б. Джанибека в 1357 г. Ослабление власти сарайского хана привело к усилению децентралистских тенденций во всем Улусе Джучи. В 1360-е гг. в Присырдарье, где еще ранее усилилась киятская знать, возвышаются потомки Тукай-Тимура. По свидетельству Утемиша-хаджи, здесь поочередно правили Кара-Ногай (ок. 761 – ок. 763 г.х.) и Туглы-Тимур (ок. 763 – ок. 767 г.х.) [23, с. 113]. После их правлений к власти пришел Мубарак-ходжа (768–769 гг.), по одним данным – Тукай-Тимурид, по другим – Ордаид [3, с. 371–385].

По словам Натанзи, «Мубарак-ходжа, из-за непомерного тщеславия и алчности, устроил бунт (*фетне*), и память об этой смуте (*булгак*) до сих пор хранится в Дешт-и Кипчаке. Поскольку люди привыкли к безопасности, благоденствию и спокойствию, смута эта ни к чему не привела. Шесть месяцев спустя он предпочел [свое] исчезновение исчезновению райской обители Туркестана и еще два с половиной года, не зная пристанища, скитался в местах обитания кыргызов и на Алтае, пока там не умер» [12, с. 74]. Согласно дошедшим до нас монетам, он правил всего два года: в 768–769 г.х. (1366/1367–1367/1368 гг.). С 770 г.х. (1368/1369 г.) в Сыгнаке начинает чеканить свою монету следующий хан – Урус. Обстоятельства правления Мубарак-ходжа-хана неизвестны. Вполне возможно, что его сверж с трона Урус-хан, и он был вынужден еще какое-то время скитаться недалеко от восточных кочевий Сыгнакской Орды, среди кыргызов и на Алтае.

Возвышение Уруса

В деятельности Урус-хана можно вычленил два этапа: конец 1350-х – 1360-е гг. – это борьба против восточных киятских беков (Джир-Кутлук и Тенгиз-Бука) и Тукай-Тимуридов; а 1370-е гг. – борьба против западных киятов (Мамай) и Шибанидов. Надо полагать, усиление киятских беков в Восточном Дешт-и Кипчаке в ущерб бекам других родов и племен вряд ли всех устраивало. Потому-то «столпы державы и вельможи двора» (Натанзи [12, с. 74]), «амиры войска и управители государства» (Ибн Вали [21, с. 187]) сделали ставку на Уруса. Источники того времени сообщают о политической активности в Сыгнакской Орде мангытов, жалаиринов, кангыратов, кипчаков, бахринов, найманов и др. «По согласию всех амиров войска (*умара-йи лашкар*) и гражданских чиновников (*умана-йи даулат*) на престол взошел Урус-хан, благодаря его прозорливости дела государства были устроены. Он так застрашал узбекские племена, что все смутьяны притихли» [21, с. 187]. По словам Утемиш-хаджи, «Урус-хан этот стал великим государем, правил вилайетами всего Туркестана» [23, с. 113].

Вполне очевидно, что туркестанских вилайетов Урусу было недостаточно. Его взоры были устремлены на запад. «Когда Урус-хан сел на престол, он на курултае открыл свои сокровенные цели столпам государства и знатным вельможам. Все едино-

душно стали его воодушевлять и поощрять. После нескольких дней обильных пиров и раздачи каждому щедрых милостей он отправился с походом в ту страну» [12, с. 76–77]. В течение 1374–1375 гг. он завоевал Сарайчик, Хаджи-Тархан, Сарай и начал здесь чеканку своих монет. В это же время против него на юге выступил сын казенного им Туй-Ходжа-оглана, Токтамыш, получивший поддержку правителя Мавераннахра, барласского эмира Тимура. Урус-хан оставил своих наместников в Поволжье и вернулся в Улутуа и присырдаринский регион.

До его прихода сыновья Урус-хана, Кутлук-Бука и Токтакия, дважды разбили войска Токтамыша, выделенные ему Тимуром. В одном из сражений Кутлук-Бука был ранен и убит, но это только усилило напор узбеков (так именуют в источниках тимуридского круга подданных Сыгнакских ханов, например в «Магла ас-садаин ва маджма-и бахраин» Самарканди [18, с. 198; 21, с. 245]), и они снова разбили отряды Токтамыша. Урус-хан направил послов к Тимуром с требованием выдать раненого Токтамыша, грозя, в противном случае, войной. Тимур дал уклончивый ответ и приготовил войска к выступлению.

Осенью 1376 г. войска Урус-хана сосредоточились у г. Саурана, Тимур со своими войсками подступил к окрестностям Отрара. Неблагоприятные погодные условия отсрочили генеральное сражение противников. В мелких сражениях отряды Урус-хана нанесли несколько поражений полководцам Тимура. Потеряв много людей, лошадей и провизии, Тимур зимой 1376–1377 гг. отступил в Самарканд и Кеш. В 1377 г. Урус-хан скончался.

По характеристике Натанзи, падишах этот был «непомерно упрямым, гневливым и могущественным» [12, с. 76].

Территория

Границы территории, на которую распространялась власть Орды и его потомков, установить сложно. В разные периоды времени она сильно изменялась в зависимости от той или иной политической ситуации как в самом Улусе Орды, так и за его пределами. Если в начальный период своей истории Ордаиды прочно владели степями Восточного и Северо-Восточного Казахстана, то постепенно они, перемещаясь на юг, взяли под свой контроль часть Южного Казахстана с его городами Сауран, Сыгнак, Джэнд, Барчкенд и др. Условно территория улуса Орды расширялась с востока на запад. Охватывая вначале пространство между Барабинской низменностью и Кулындынской степью на севере, Тарбагатаем и Балхашом – на юге, их владения к концу XIII в. охватывали степи Сарыарки (Казахский мелкосопочник) и горы Улутуа на западе, предгорья Каратау на юге. Уже в начале XIV в. ханы улуса Орды распространили свою власть на часть современной территории Западного Казахстана, достигнув восточного побережья Яика. Эти земли прочно вошли в состав владений Ордаидов при Урус-хане, когда он завоевал степи Нижней Сырдарии, Северного Приаралья и Мангыстау.

Хозяйство

Основное население улуса Орды составляли кочевники, ведущие кочевое и полукочевое скотоводство. Принципы и характер кочевания, состав стада не претерпели существенных изменений за многие столетия. Номады по-прежнему вели меридиональное полукочевое скотоводство. Они сохранили прежние кочевые маршруты и стационарные зимние поселения. Источники говорят о том, что часто кочевники Восточного Дешт-и Кипчака на зиму из Сарыарки перекочевывали в Жетысу к берегам Каратала, Аксу и Лепси. Они переходили туда по замершему Балхашу. На зимовке в Каратале застал хана Тимур-Малика, сына Урус-хана, Токтамыш. Сюда же откочевал Коирчак, другой сын Урус-хана, после победы Токтамыша.

Современные археологические исследования говорят о достаточной распространенности традиций земледелия в среде кочевой степи. По руслу крупного рек Иртыш,

Чу, Сыр-Дарья, Сарысу, Нура, Есиль, Торгай, Тобол, Иргиз, Эмба и Яик население имело постоянные оседлые поселения, которые круглый год не покидались жителями.

Важным подспорьем в хозяйстве кочевников Левого крыла XIII–XV вв. оставалась охота на птиц и диких зверей. Шкурки и мех служили предметом торговли. Марко Поло, описывая владения Кончи, так говорит о его жителях: «те, кто живут здесь в горах и в долинах, большие охотники; ловят они много дорогих животных, высокой цены, и большая им от этого прибыль и выгода; ловят они горностаев, соболей, белок и черных лисиц и много других дорогих животных; из них они выделывают дорогие шубы высокой цены. У них такой снаряд, который промаха не дает» [8, с. 206].

Развитию экономики и торговли способствовало стабильное политическое развитие, характерное для основного периода истории этого государства, гомогенный характер страны, в отличие от Золотой Орды, для которой было характерно гетерогенное состояние, требовавшее постоянной и сильной центральной власти. Расширение территории государства в XIV в., включение в его состав городов присырдаринского бассейна способствовало длительному сохранению военно-политической мощи государства.

Отрицательно сказывались на экономическом и политическом развитии междоусобицы и внешние войны. В последней четверти XIV в. экономика страны испытывала период упадка, вызванный, с одной стороны, разрушительными походами правителя Мавераннахра эмира Тимура и, с другой стороны, вовлечением в борьбу за золотоордынские города Поволжья.

Религия

Несмотря на многолетнее господство ислама в Восточном Дешт-и Кипчаке еще до прихода монголов, большая часть кочевников по-прежнему придерживалась «нативной религии кочевников» (по терминологии Девина ДеВиза). С приходом монголов позиции ислама на непродолжительное время ослабли, уступив место традиционным религиозным представлениям номадов.

По свидетельству Марко Поло, подданные хана Кончи (Канчи) строго «держатся татарского (монгольского – *Авт.*) закона... соблюдают они его так же точно, как соблюдал Чингиз-хан и другие истые татары; делают они своего бога из войлока и называют его Начигай (очевидно, одно из низших монгольских божеств – *Авт.*); делают ему и жену, называют двух богов Начигаем и его женой; говорят, что они боги земные и охраняют их скот, хлеба и все их земное добро. Они им молятся; когда едят что-нибудь вкусное, так мажут своим богам рты» [8, с. 206].

Вместе с тем, уже сыновья Джучи начинают принимать ислам. Берке был открытым приверженцем ислама. Некоторые потомки Орды уже при рождении получали мусульманские имена, например, по линии Кули, второго сына Орды, были Мусульман, сын Кули, и Мубарак, внук Кули [16, с. 69–70]. Однако официальное принятие ислама проходило почти одновременно с аналогичным явлением в Золотой Орде и владениях Чагатаидов лишь в 1320–1330-е гг. Начиная с этого времени, официальной религией правящей элиты становится ислам. Это выразилось в двух заметных явлениях: в строительстве различных религиозных учреждений – мечетей и медресе, которые возводили ханы в своих городах; и в том, что ханы стали добавлять к своим именам новые мусульманские имена. Урус-хан стал Мухаммед-Урусом; Токтамыш, еще один потомок Джучи, – Махмуд-Токтамышем. Другим чингизидам уже при рождении стали давать мусульманские имена: Мубарак-ходжа, Джалал ад-дин, Мухаммед и т.д.

Узбекский Улус в конце XIV – начале XV века

Борьба потомков Урус-хана с Токтамышем, разрушительные походы Аксак Тимура, война за города Поволжья вызвали упадок экономики, торговли и городской культуры. Приход Токтамыша к власти ознаменовался перемещением политического цент-

ра из Присырдарьи в Поволжье; многие исследователи связывает это событие с временным восстановлением прежнего единства Улуса Джучи.

Сарыарка и степи Восточного Казахстана, номинально признавая власть Токтамышша, управлялись местной племенной знатью. Некоторые из них, как, например, мангыты, кунграты, занимали высокие военные посты в государстве Токтамышша. Другие начали поддерживать потомков Урус-хана, стремившихся к восстановлению своей власти. Если Коирчаку это не удалось, то уже его сын Барак смог успешно объединить под своей властью прежнюю ордынскую территорию [9, с. 59–64].

Абдулгаффар Кырмы говорит о Бараке, как о «муже отчаянной смелости и весьма энергичном человеке» [4, с. 108]. По мнению Кадыр Али, Барак был влиятельным, большим и сильным бахадуром [20, с. 229; 10, с. 114; 23, с. 75].

Однако предшествовавшее этому усиление племенной знати и децентрализация власти привели к новым конфликтам, закончившимся смертью Барака и распадом государства. Степная аристократия поддержала молодого Абулхайра, представителя другой ветви Джучидов – Шибанидов. Потомки Урус-хана тем не менее еще продолжали править на части территории, и лишь усиление Абулхайра вынудило Гирея и Джанибека, старших в потомстве Урус-хана, откочевать на восток в пределы Могулистана. С этим событием связано образование Казахского государства.

1. Abu'l Qasem ibn 'Ali ibn Mohammad al-Qashani. The History of Uljaytu. Edited by M.Hambly. Tehran: Rrinted in Ziba Press, 1969. 255 p.

2. Allsen Th. T. The princes of the Left Hand: an introduction to the history of the Ulus of Orda in the thirteenth and the early fourteenth centuries // Archivum Eurasiae medii aevi. T. V: 1985. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1987. P. 5–40.

3. Vasary I. The Beginnings of Coinage in the Blue Horde // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. Vol. 62 (4). P. 371–385.

4. Абдулгаффар Кырмы. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Транскрипция Дерья Дерин Пашаоглу; отв. редактор И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. 420 с.

5. Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья // Соч. Т. II. Ч. 1. М.: ИВЛ, 1963. С. 23–106.

6. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. I. М.: ИВЛ, 1963. 760 с.

7. Бойл Дж.Э. Посмертный титул Бату-хана // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие / редкол. т.: С.Г. Кляшторный (пред.), В.В. Трепавлов, Д.М. Исхаков. М.: Вост. лит., 2002. С. 28–31.

8. Книга Марко Поло. Алматы: Наука, 1995. 352 с.

9. Курат А.Н. Собрание сочинений. Книга 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы. Казань: Ин-и истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. 256 с.

10. Қадырғали Жалаир. Шежірелер жинағы. [Шағатай-қазақ тілінен аударып, алғы сөзің жазғандар Н.Мингулов, Б.Көмеков, С.Өтениязов. Жалпы редакциясын қараған М.Мағауин]. Алматы: Қазақстан, 1997. 128 б.

11. Муизз ал-ансаб (Прославляющее генеалогии) / Отв. ред. А.К. Муминов. Пер. с перс., предисл., примеч., подгот. факс. к изд. Ш.Х. Вахидова; сост. указ. У.А. Утепбергенова. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 672 с. (История Казахстана в персидских источниках. III т.).

12. Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини / та'лиф-и Му'ин ад-дин Натанзи; бе-эһтемам-и Парвин Истархи. Тегран: Асатир, 1383 (2004). 454 с.

13. Почекаев Р.Ю. Батый: Хан который не был ханом. М.: АСТ: АСТ Москва; СПб.: Евразия, 2006. 350 с.

14. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы: Гылым, 1993. 248 с.
15. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. Пер. с перс. Л.А. Хетагурова. Ред. и примеч. проф. А.А. Семенова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 221 с.
16. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 2. Пер. с перс. Ю.П. Верховского. Примеч. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова. Ред. проф. И.П. Петрушевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 250 с.
17. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 3. Пер. с перс. А.К. Арендса. Под ред. А.А. Ромаскевича, Е.Э. Бертельса и А.Ю. Якубовского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 340 с.
18. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлеч. из перс. соч. собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с. Т. 2. С. 27–89.
19. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлеч. из соч. араб. собранные В.Г. Тизенгаузенем. СПб.: Имп. АН, 1884. 563 с.
20. Сыздыкова Р.Г. Язык «Жами ат-таварих» Жалаири. Алма-Ата: Наука, 1989. 243 с.
21. Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кипчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. 289 с.
22. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1972. 224 с.
23. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факс., пер., транскр., текстолог. примеч., исслед. В.П. Юдина. Алматы: Гылым, 1992. 296 с.
24. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. Подг. лат. текста и пер. С.В. Аксенова и А.Г. Юрченко. Экпозиция и исслед. А.Г. Юрченко. СПб.: Евразия, 2002. 478 с.

§ 6. Языки официального делопроизводства и канцелярская культура Золотой Орды

Ленар Абзалов

Становление Монгольского государства как крупного и полиэтничного образования, в рамках которого формировался Улус Джучи, естественным образом определило многоязычие ее делопроизводства. Монгольский язык, будучи языком правящей династии, являлся основным официальным языком империи. Наряду с монгольским языком широкое распространение находит уйгурский или тюркский язык⁸, который изначально приобретает статус официального языка. Широкое применение уйгурского языка определялось: этнокультурной близостью тюрко-монгольских племен, совместно проживавших на протяжении многих столетий в степях Центральной Азии; этническим составом улуса Чингиз-хана, где значительную часть населения составляли тюркоязычные племена; влиянием тюркоязычных уйгуров, отличающихся высоким уровнем куль-

---

⁸ В рамках данной статьи под «тюркским языком» мы понимаем все лингвистическое многообразие тюркских языков эпохи существования Монгольской империи и Улуса Джучи. Как известно, арабские и персидские авторы применяли указанный термин для определения всех тюркских языков и народов, наряду с применением локальных лингвонимов или этнонимов (уйгуры, кипчаки, булгары, и др.) [21, с. 36]. Также не менее важным является осознание средневековыми тюркскими авторами своего этнолингвистического единства, которое имело, несомненно, больше общего, нежели на современном этапе. Кроме того, начиная с VIII в., сами уйгуры обозначали свой язык тюркским [28, с. 5].

турного развития по сравнению с остальными народами, первоначально вошедшими в состав владений Чингиз-хана и, занявших ключевые позиции на гражданской службе, и неслучайно наблюдательный Гийом де Рубрук писал: «югуры являются главными писцами среди них».

В Монгольской империи функциональная сфера того или иного языка определялась этнолингвистическими условиями развития чингизидских канцелярий. Уже изначально улус Чингиз-хана включал в себя значительное количество тюркоязычных племен, увеличивающихся по мере продвижения монголов на запад. Помимо преобладающего тюрко-монгольского кочевого этнического элемента было значительное количество тюркоязычных представителей оседло-земледельческих культур.

В Улусе Джучи преобладающая тюркоязычная среда закономерно определяла сферу применения и статус тюркского языка. Позиции монгольского языка в Улусе Джучи уже изначально ограничивались малочисленностью монголоязычного населения на западных окраинах империи. Не менее значимым могло быть распространение билингвизма среди центральноазиатских племен. Сами монголы зачастую владели обоими языками. В свою очередь традиционный статус тюрко-уйгурского языка в канцеляриях Чингизидов, языка понятного или доступного тюркоязычному населению Улуса Джучи, в том числе жителям оседло-земледельческих центров тюрко-мусульманской культуры, предопределил сферу применения именно тюркского языка. Помимо всего прочего, тюркский язык был в большей мере известен в странах мусульманского Востока и других государствах, находившихся в тесных контактах с тюркским кочевым миром (страны Закавказья, Русь, Византия, Венгрия), предопределяя его статус в дипломатической переписке [35, с. 307].

Некоторые исследователи склонны преувеличивать сферу распространения монгольского языка в делопроизводственной коммуникации Улуса Джучи [9; 13; 14; 15]. Между тем, большинство известных науке фактов свидетельствуют об обратном.

В условиях господства тюркского языка на всей территории Улуса Джучи трудно допустить применение монгольского языка во внутреннем делопроизводстве. Это обстоятельство, надо полагать, отчасти подтверждается отсутствием сохранившихся монголоязычных документов золотоордынских канцелярий. М.А. Усманов отмечает, что «при наличии около десятка тюркоязычных нарративных и актовых памятников письменности, наука еще не располагает ни одним золотоордынским официальным актом на монгольском языке, адресованным не монголам. Правда, на территории Джучиева Улуса найдены четыре памятника монгольской письменности – три пайцзы, выданные ханами XIII–XIV вв. и фрагменты берестяной книги, содержащие как уйгуро-письменные монгольские, так и собственно тюрко-уйгурские тексты. В то же время в отличие от традиционной сугубо символической пайцзы, не имеющей прямой связи с языковой средой, второй двуязычный памятник интересен тем, что он является бытовым и указывает на двуязычность своего владельца» [29, с. 96].

Монгольский письменный язык использовался большей частью для установления связей с чингизидскими улусами и коренным юртом империи. Очевидно, он продолжал сохраняться в Улусе Джучи прежде всего в политико-престижном плане. Вероятно, что даже в эпоху правления хана Узбека (1313–1341) монгольский язык использовался некоторыми представителями правящей династии [28, с. 89] и монгольской аристократии, обслуживающим их персоналом (в том числе писцами и переводчиками). Но в связи с все более ограничивающимися функциональными рамками применения монгольского языка, приоритет принадлежал тюркскому языку.

Факт применения тюркского языка в канцелярии Джучидов зафиксирован у авторов XIII в., например в сочинении секретаря египетского султана Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Бундукдари (1260–1277) Мухий ад-Дина Абу-л-Фазла Абдаллаха ибн Абд аз-

Захыра (ум. в 1293 г.) «Жизнеописание ал-Малика аз-Захыра» [26, с. 64]. Зачастую можно столкнуться с неоднозначностью данных арабских нарративных источников и неточностями их перевода относительно языка дипломатической переписки между Улусом Джучи и Мамлюкским Египтом, где мы имеем дело с путаницей между монгольским и уйгурским языком и уйгурской графикой. Основываясь на данных этих источников, некоторые исследователи делают однозначный вывод о том, что языком переписки этих стран был монгольский [9; 13; 14; 15]. Между тем тщательный анализ арабских текстов позволяет сделать вывод о том, что никто из этих средневековых авторов не говорит конкретно о языке. Только ал-‘Айни, который сам хорошо знал тюркский язык, дает точное сведение: «И два письма, одно из них написано по-арабски и другое – на уйгурском языке» [29, с. 95]. При этом следует учесть то обстоятельство, что термин «монголы», также как и термин «татары» употреблялся средневековыми авторами в большинстве своем в качестве политонима [25, с. 103].

В Мамлюкском Египте, находившемся в тесных дипломатических контактах с Золотой Ордой, уделялось большое внимание изучению тюркского языка. Египет в этот период становится одним из центров изучения и развития тюркской литературы [20; 2, с. 30–31]. Весьма показательным в этом отношении будет ссылка на лексикографические материалы, которые также свидетельствуют о более широком распространении тюркского языка [см. подробнее: 19; 24; 12; 22; 15; 34] по сравнению с монгольским, в том числе и в дипломатической переписке. В том случае, если монгольский язык на протяжении ряда десятилетий использовался в официальной переписке, то он должен был соответствующим образом отразиться в словарных материалах.

Весьма уместным будет обращение к известному «Codex Cumanicus». Данный словарь является ярким свидетельством, определяющим значение тюркского языка в Улусе Джучи [о тюркизмах в персидской части словаря см.: 31, с. 101–104]. Следует помнить о том, что еще до монгольских завоеваний кипчакский язык в Крыму становится своего рода *lingua franca*, а после установления власти Джучидов на широких просторах восточно-европейских степей значение кипчакского – шире, тюркского, – языка еще более возрастает. Не случайно, что тюркский язык в кипчакском наречии находит свое широкое распространение и среди других народностей [см. подробнее: 7; 8]. По мнению Л. Лигети, тюркская колонка «Codex Cumanicus» использовалась для контактов на высоком уровне с монголо-татарской верхушкой [33, с. 11]. Я.Р. Дашкевич, говоря о языковой ситуации в Крыму золотоордынской эпохи, отмечает, что «нотариальные акты Кафы 1289–1290 гг. еще задолго до расцвета города в 20–30-е гг. XIV в. много раз упоминают переводчика генуэзской общины Пьетро де Милано, владевшего, по-видимому, греческим, сирийским (арабским?) и татарским – по крайней мере, он присутствовал в нотариате, когда записывались акты с участием лиц этих народностей. Кроме него в роли переводчика упоминаются еще 24 лица, владевшие греческим, сирийским, арабским, армянским, аланским и немецким языками» [11, с. 80]. Следует обратить внимание на тот факт, что в этих актах не упоминаются переводчики с монгольского языка, а под татарским языком здесь понимается тюркский язык местного населения, так как в «Codex Cumanicus» говорится о кипчакском языке как о татарском: «*tatar tilgä koneldi*» [33, с. 229], что переводится как «переведен на татарский язык». Как можно видеть, эти материалы подтверждают наши выводы относительно ограниченности сферы применения монгольского языка. Этноязыковое преобладание тюркоязычных народов в Улусе Джучи определило функциональное развитие лишь одного из официальных языков государства.

Известные нарративные источники характеризуют Улус Джучи как тюркоязычное государство. Практически все сохранившиеся данные современников Улуса Джучи отмечают господство тюркского языка. Наиболее ярко это отразилось в описании пу-

тешествий Ибн Баттуты (1304–1377). Арабский путешественник, длительное время находившийся при хане Узбеке, описывая быт и нравы в ханской ставке, приводит значительное количество тюркских слов, а Ибн Арабшах (1388–1450) подчеркивает, что: «Эта область [Дашт-и Кипчак] исключительно Татарская, переполненная [...] Тюркскими племенами ... По языку это самые красноречивые Тюрки» [26, с. 459].

Флорентийский финансист XIV в. Франческо Пеголотти (ум. ок. 1350 г.) в своем руководстве для купцов, известном как «Практика торговли» («*La practica della mercatura*»), составлена между 1310 и 1340 гг.), советовал нанимать слуг, хорошо знавших куманский язык [35, с. 320]. Францисканский монах Пасхалий из Виттории (ум. в 1339 г.) в своем письме от 10 августа 1338 г. пишет: «С Божьей помощью я изучил чаманский [т.е. куманский] язык и уйгурское письмо, ибо этот язык и письмо наиболее употребительны во всех царствах и империях татар» [30, с. 212]. Еще задолго до этого Джованни да Монте Корвино (1247 – между 1328–1331 гг.) в своем письме пишет: «Я должен был изготовить шесть картин, дабы помочь несведущим понять Ветхий и Новый завет, и написал к ним пояснения на латинском, тарситском (татарском – *Авт.*) и персидском языках, с тем чтобы любой мог бы прочесть их на том или ином языке» [30, с. 142]. Тюркский язык становится языком межэтнического общения, посредством которого понимали друг друга разноязычные племена империи. Об этом, например, нам сообщает архиепископ г. Султании Иоанн де Галонифонтибус [10, с. 15].

Именно в золотоордынский период формируются и достигают своего расцвета тюрко-татарский язык и литература. Подтверждением тюркоязычности джучидских правителей является тот факт, что местные поэты, посвящая свои произведения могущественным покровителям, писали на тюркском языке. До сегодняшних дней сохранилась поэма золотоордынского поэта Кутба (конец XIII – середина XIV в.) «Хосров и Ширин» (1342 г.), посвященная старшему сыну хана Узбека, Тинибеку, и его жене [18].

Очевидно, что сохранившиеся в русских переводах ханские ярлыки русскому духовенству были изначально написаны на тюркском языке [6, с. 198]. Продолжительные контакты с тюркскими народами способствовали тому, что в русских землях тюркский язык, в отличие от монгольского, был хорошо известен [17, с. 16]. Необходимо отметить, что даже после включения в состав России татарских ханств в канцелярии одним из ведущих служебных языков был татарский. На татарском языке давались грамоты, писались письма.

История джучидско-московской переписки позволяет с уверенностью говорить только о тюркском языке. В русском языке отмечается большое количество тюркских заимствований, относящихся к эпохе ордынской зависимости, в то время как число монголизмов крайне незначительно. По мнению В.Д. Аракина, большинство тюркизмов русского языка было заимствовано из кипчакского наречия Золотой Орды начиная со второй половины XIII в. [3, с. 146]. Также следует заметить, что слова, употребляющиеся как в монгольском, так и тюркском языке, проникли в русский лексикон именно через посредство тюркского языка, поскольку звуковая форма слова на русском совпадает с формой его на тюркском языке, и отличается от звучания слова на монгольском. Как отмечает М.А. Усманов: «Если бы в образовавшемся в кипчакских степях Джучиевом Улусе монгольский этнический компонент и монгольский язык играли безраздельно господствующую роль, то удельный вес монголизмов в русском языке был бы выше, чем тюркизмов» [29, с. 99]. Свидетельством активного применения тюркского языка в русско-ордынских отношениях являются также татарские и половецкие словарики [16; 1]. О. Прицак пришел к выводу, что эти словари были составлены в XIII в. [17, с. 17]. Исходя из этого, можно утверждать, что традиционным языком русско-ордынских контактов был тюрко-татарский язык. И вполне допустимо, что таковым он являлся уже на начальных этапах становления отношений между Ордой и русскими княжествами.

Итак, на ранних этапах становления и развития Улуса Джучи монгольский язык был первенствующим официальным языком, языком правящей династии, но объективные факторы развития государства предопределили распространение уйгурского – шире, тюркского языка, – в функциональном отношении приоритетного на всех этапах развития государства. Несмотря на ограничение сферы применения монгольского языка, он, тем не менее, сохранялся в Орде на протяжении некоторого времени и в большинстве своем использовался для установления контактов с улусами остальных Чингизидов. В дальнейшем и в этих частях бывшей Монгольской империи происходит вытеснение монгольского языка. Эти же процессы мы можем наблюдать и в Улусе Джучи, где монгольский язык окончательно вытесняется в первой половине XIV в. Но очевидно, что к началу этого же столетия, а вероятнее всего, и ранее, функциональная сфера его применения была крайне ограничена и в связи с этим представлялась чистой условностью или церемониальной формальностью, некоторым атрибутом принадлежности к «золотому роду».

В тоже время расширение сферы применения тюркского языка не противоречило канцелярским традициям Чингизидов, отражая при этом этнолингвистические процессы, происходившие в Золотой Орде. По этим причинам произошло столь плавное и беспрепятственное вытеснение монгольского языка из джучидского делопроизводства. Основываясь на тех же традициях, монгольский язык продолжал сохраняться.

Характеризуя тенденцию их развития можно выделить линию закономерного вытеснения монгольского языка из сферы джучидского делопроизводства. В дальнейшем тюркский язык окончательно вытесняет монгольский язык из системы официального делопроизводства. Этот процесс, начавшийся еще на ранних этапах становления государства, завершается в эпоху его наивысшего расцвета. Этот вывод в целом не противоречит как данным исторических источников, так и монгольской делопроизводственной традиции.

Отмечая факт ограниченного применения монгольского языка и быстрого его вытеснения из джучидского делопроизводства нельзя принижать роль и значение монголов в Улусе Джучи: так или иначе у власти находилась монгольская династия Чингизидов. Надо полагать, что и сами монголы осознавали свою этнокультурную близость со значительной частью населения Улуса Джучи, что в свою очередь стало одной из причин столь стремительного и в то же время незаметного для большинства вытеснения монгольского языка. Адекватное отношение самих монголов к этому процессу служит дополнительным доказательством изначального билингвизма монгольской аристократии и представителей ханского рода, а также изначальной двуязычности официального делопроизводства в Улусе Джучи.

Официальный письменный язык Улуса Джучи сформировался на основе старых уйгурских и в меньшей степени местных кипчакско-огузских языковых элементов. В этом языке количество арабо-персидских заимствований было очень незначительным. Это был язык понятный основной массе населения империи. Деловой стиль тюрко-татарского языка был строго нормирован. При этом в источниках отмечаются факты его вариации, которые зависели от культурно-исторических условий и уровня образованности писца-исполнителя. Усиление местных языковых элементов отмечается в эпоху упадка и распада государства.

После распада Золотой Орды, несмотря на сохранение общей основы официального языка, в новых государственных образованиях в золотоордынский официальный язык все более начинают проникать иноязычные и просторечные элементы. Этот факт также является закономерным следствием его развития. Но все же старая золотоордынская языковая традиция оказалась очень устойчивой и сохранялась даже после падения ряда тюрко-татарских государств.

Становление и развитие государства Джучидов способствовало активному развитию государственного аппарата, предполагавшего применение делопроизводства в организационно-управленческой деятельности. Необходимость документационного обеспечения привела к установлению норм и правил делопроизводственной деятельности и возникновению различных форм документации.

Основой канцелярской культуры Улуса Джучи стали уйгурские делопроизводственные традиции, стоявшей у истоков чингизидской канцелярской культуры.

Свое развитие канцелярское дело находит, прежде всего, в сфере гражданского управления, где документационное обслуживание является одним из главных компонентов. Делопроизводственные традиции формировались в центральных государственных органах, местом концентрации которых являлась ханская ставка – орда. Правитель Улуса Джучи, так же как и остальные чингизидские правители, имел штат чиновников, занимающихся гражданскими делами, а также ведавшими вопросами обслуживания ханской ставки. Среди многочисленных служителей, занимавшихся организацией жизнедеятельности орды, были лица, ответственные за документационное обеспечение, под которым в данном случае могут пониматься финансово-фискальные реестры, переписка, фиксация постановлений и некоторых указаний улусного правителя и т.д.

Главным финансово-фискальным органом Улуса Джучи являлся диван, занимавшийся техническим исполнением принятых на государственном уровне решений, в большинстве своем в сфере финансово-фискальной политики. Во главе дивана находился везир, который выполнял функции главы гражданского ведомства, ведал финансами, налогами, ханской собственностью, организовывал и контролировал работу чиновничьего аппарата, в том числе канцелярской службы.

В Улусе Джучи с самого начала существовала определенная номенклатура канцелярских работников, все они имели определенные функции и соответствующие названия. Делопроизводственной деятельностью в ханской канцелярии первоначально занимались *битикчи* [33, с. 91.]. Параллельно с этим наименованием использовалось другое обозначение писцов – *бакши* [33, с. 91; 5, с. 72; 4, с. 501]. Эта категория служащих, очевидно, занималась составлением документов уйгурским шрифтом, предназначенные для тюркского и монгольского населения. Очевидно, что уже на ранних этапах развития Улуса Джучи в канцелярии были писцы, профилирующиеся на подготовке документов арабским письмом (по-тюркски, по-персидски или по-арабски), которых называли катибами.

В актовом материале мы встречаем сообщения о писцах-делопроизводителях ханской канцелярии – *divan bitkâçeläre*. Это свидетельствует о той роли, которую играли делопроизводители в системе государственного управления. Третья часть адресата (инскрипции) джучидских жалованных актов включает в себя обороты, перечисляющие высших и местных исполнителей предписаний указа, и термин «*divan bitkâçeläre*» является наиболее обязательным компонентом адресата [29, с. 213, 220]. В целом этот термин характерен для всех разновидностей чингизидских жалованных ярлыков. Но следует особо подчеркнуть, что в приведенной части инскрипции джучидских жалованных грамот говорится о главных инспекторах-делопроизводителях правительственной канцелярии, поэтому их следует отличать от писцов-исполнителей, называемых в ярлыках бакши, катиб [29, с. 221].

Функции, исполняемые битикчи, были достаточно обширны, что было свойственно для рассматриваемой эпохи. Главной обязанностью писцов было оформление указов правителя и тех или иных решений аппарата управления, а также организация хранения документации. Помимо этой основной делопроизводственной функции, канцелярия хана занималась финансово-фискальными вопросами, в том числе и учетом населения. Помимо этого служащие канцелярии одновременно могли выполнять функции переводчиков.

К битикчи и бакши ханской канцелярии предъявлялись особые требования, так как оформление официальных документов требовало особых знаний и определенного опыта в особенности в сфере дипломатической переписки. Битикчи ханской канцелярии в совершенстве должны были знать официальные языки империи, а служащие, занимавшиеся дипломатической перепиской, обязаны были владеть иностранными языками.

Битикчи и бакши ханской канцелярии при создании официальных документов применяли традиционные для своего времени способы оформления делопроизводственной документации. Наряду с общими, характерными для большинства стран нормами подготовки документов в Золотой Орде существовали и особые черты, отличавшие его от мусульманского Востока и христианского Запада: строгость, лаконичность, отсутствие декоративных излишеств, применение уйгурской и арабской графики, что в целом было характерно для чингизидских официальных документов. Правители Улуса Джучи были верны старым делопроизводственным традициям и, несмотря на возрастание роли ислама в жизни золотоордынского общества, канцелярские каноны не претерпели значительных изменений и продолжали существовать и после распада Улуса Джучи. Таким образом, канцелярская культура Улуса Джучи находилась на высоком уровне развития и была в состоянии обеспечить эффективную работу аппарата управления столь крупного и могущественного государства.

1. Алексеев М.П. Словари иностранного языка в русском азбуковнике. Л., 1968.
2. Амин Аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1962. С. 30–31.
3. Аракин В.Д. Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода // Тюркизмы в восточно-славянских языках. М.: Наука, 1974. С. 112–147.
4. Бартольд В.В. Бахши // Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 501.
5. Басаков Н.А. К проблеме китайских заимствований в тюркском языке // Советская тюркология. 1987. №5. С. 69–75.
6. Вашари И. Жалованные грамоты Джучиева Улуса данные итальянским городам Кафа и Тана // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223–1556. Казань: Мастер-Лайн, 2002. С. 193–206.
7. Гаркавец А.Н. Кипчакское письменное наследие. Т. I. Каталог и тексты памятников армянским письмом. Алматы, 2002.
8. Гаркавец А.Н. Кипчакское письменное наследие. Т. II. Памятники духовной культуры караимов, куманов-половцев и армяно-кипчаков. Алматы, 2007.
9. Григорьев А.П. Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. // Тюркологический сборник 1977. М., 1981. С. 81–89.
10. Галонифонтибус Иоанн де. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Баку, 1980.
11. Дашкевич Я.Р. Codex Cumanicus – вопросы возникновения // Вопросы языкознания. 1985. №4. С. 72–83.
12. Зайончковский А. Арабо-кипчакский словарь из эпохи государства мамлюков // Сообщения польских ориенталистов. М., 1961.
13. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966.
14. Егоров В.Л. Золотая Орда: мифы и реальность. М., 1990.
15. Исламов Р.Ф. Алтын Урда һәм мәмлүкләр Мисыры: язма мирас, мәдәни баглаһышлар. Казан, 1998.
16. Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л., 1963;
17. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков (дооктябрьский период). Л., 1972.
18. Котб. Хөсрәү вә Ширин (шигъри роман). Казан, 2003.
19. Мелиоранский П.М. Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900.
20. Миңнегулов Х.Ю. Дөнъяда сүземез бар... Казан, 1999.

21. Наджип Э.Н. Тюркоязычный памятник XIV в. «Гулистан» Сейфа Сарай и его язык. Ч. 1. Алма-Ата, 1975.
22. Наджип Э.Н. Заслуги арабских филологов в области изучения тюркских языков // Семитские языки. М., 1965.
23. Наджип Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV в. На материале «Хусрау и Ширин» Кутба. Кн. 1. М., 1979.
24. Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. Ч. 1–2. М.; Л., 1938.
25. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер. с перс. Л. А. Хетагурова; ред. и примеч. А.А. Семенова. Т. I. Кн.1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
26. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских собранные В.Г. Тизенгаузенем. СПб.: Тип. Имп. АН, 1884.
27. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
28. Тугушева Л.Ю. Раннесредневековый тюркский литературный язык. Словесно-стилистические структуры. СПб., 2001.
29. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1979.
30. Хенниг Р. Неведомые земли / пер. с нем. А.В. Лисовой; предисл. и ред. И.П. Магидовича. Т. III. М., 1962.
31. Bodrogligeti A. The Persian vocabulary of the Codex Cumanicus. Budapest, 1971.
32. Cleaves F.W. A chancellery practice of the Mongols in the thirteenth and fourteenth centuries // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1951. Vol. XIV. P. 496–504.
33. Codex Cumanicus. Edited by G. Kuun with the prolegomena to the Codex Cumanicus by L. Ligetti. Budapest, 1981
34. Favereau M. Comment le sultan mamlok s'adressait au khan de la Horde d'Or // Annales Islamologiques. 2007. № 41. P. 59–95.
35. Sinor D. Interpreters in Medieval Inner Asia // Asian and African Studies. Journal of the Israel Oriental Society. 1982. № 16. P. 321–336.
36. Vásáry I. Mongolian impact on the terminology of the documents of the Golden Horde // Turks, Tatars and Russians in the 13th–16th Centuries. (Variorum Collected Studies Series, 884.) Aldershot, Eng., and Burlington, Vt.: Ashgate, 2007. P. 479–485.

Глава IV.

Улус Джучи в период могущества

§ 1. Первые правители Улуса Джучи

Роман Почекаев

Бату: его политика и роль в истории Золотой Орды и Монгольской империи.

Формально основателем Улуса Джучи являлся старший сын Чингиз-хана, по имени которого это государство и получило свое официальное название. Тем не менее, фактическим создателем Золотой Орды, безусловно, являлся Бату – сын и наследник Джучи. Именно в его правление джучидское государство приобрело более-менее оформленные границы, широкую автономию, были закреплены отношения Джучидов с правителями Монгольской империи и других улусов Чингизидов.

Бату не был старшим сыном Джучи, и формально право на трон после смерти отца имел его старший брат Орду. Согласно распространенной историографической традиции, Орду, любивший младшего брата, добровольно отказался от своего права на трон Улуса Джучи в пользу Бату. Однако есть основания полагать, что его могли вынудить к этому родственники из Каракорума, в частности – Борте, старшая супруга Чингиз-хана: хотя и Орду, и Бату являлись ее внуками по линии Джучи (ее старшего сына), Бату был еще и сыном ее племянницы Уки-хатун, т.е. по крови был ей ближе, чем Орду, и мог в большей степени находиться под ее влиянием [см. подробнее: 31, с. 51–52].

Возглавив Улус Джучи, Бату волей-неволей оказался вовлечен в придворные интриги, в результате которых произошел передел владений Чингизидов по сравнению с теми границами, которые были установлены Чингиз-ханом в первой половине 1220-х гг. У молодого правителя Улуса Джучи (при вступлении на трон ему было всего 18 лет) хватило ума не противодействовать намерениям его дядей отторгнуть часть изначальных владений Джучи в свою пользу. В результате ему удалось наладить отношения с Угэдзем, ставшим новым монгольским ханом. Вместе с ним Бату в начале 1230-х гг. принял участие в военных действиях против империи Цзинь. Утверждения некоторых исследователей о том, что Бату в начале 1230-х гг. воевал в Волжской Булгарии и Западном Дешт-и Кипчаке, не находят подтверждения в источниках [1, с. 98]. Своим участием в борьбе с чжурчженями Бату, по-видимому, еще больше расположил к себе венценосного дядю, с которым и в дальнейшем сохранял хорошие, можно даже сказать, неформальные отношения: так, например, в одном из своих посланий, направленных Угэдэю во время Великого западного похода, он позволяет себе весьма непосредственное обращение к Угэдэю «дядя-хаган» [17, с. 194]. Покровительство хана имело для Бату важные последствия.

Во-первых, сразу после покорения Цзинь он получил несколько областей на вновь завоеванных китайских территориях – денежные поступления с этих областей шли в пользу Бату и его потомков вплоть до середины XIV в. [13, с. 172]. Во-вторых, именно хорошие отношения с Угэдзем позволили Бату добиться его согласия на то, что все завоеванные владения на западе отойдут именно к Улусу Джучи и, соответственно, стать во главе похода, направленного на захват этих земель. Впрочем, некоторые сведения источников дают основания утверждать, что верховное командование в Великом западном походе Бату делил с выдающимся полководцем Субедей-багатуром, причем в

ряде случаев именно решение последнего являлось окончательным, даже если шло вразрез с мнением Бату и других Чингизидов [см., напр.: 13, с. 233]. Однако среди царевичей-военачальников старшим был именно наследник Джучи, что порой приводило к конфликтам его с другими Чингизидами, в частности с Гуюком, старшим сыном Угэдэя, который искренне не мог понять, почему он, сын монгольского хана, должен подчиниться правителю отдаленного улуса, да еще и более молодому по возрасту (Бату был моложе Гуюка на 3–4 года). В самом деле, в имперской (да и семейной) иерархии ранг Бату в 1230-е – начале 1240-х гг. был не так уж велик: выше его стояли два дяди, Чагатай и Угэдэй, кроме того, был еще и старший брат Орду, противоречивый статус которого по отношению к Бату мы уже охарактеризовали выше.

Тем не менее, благодаря поддержке Угэдэя, Бату сумел, в конечном счете, утвердить свое главенство на завершающем этапе Великого западного похода. В связи с этим включение практически всех завоеванных на западе территорий в состав Улуса Джучи являлось вполне оправданным. И если в качестве полководца Бату не сумел проявить себя достаточно ярко (по сравнению не только с Субедеем, но даже и с другими Чингизидами – Мунке, Байдаром, собственным братом Шибаном и т.д.), то политиком и администратором он оказался весьма успешным.

В течение 1242–1256 гг. он стоял во главе Улуса Джучи и, не ведя никаких серьезных войн, сумел создать систему управления покоренными землями, наладить взаимоотношения с вассальными правителями Руси, Кавказа, Малой Азии, активно занимался развитием торговых связей внутри Улуса Джучи и с другими государствами, восстанавливал разрушенные и строил новые города [11, с. 95–96, 129–130]. Тем самым он заложил основы будущего могущества Золотой Орды и в значительной степени обеспечил возможности борьбы за самостоятельность ее последующих правителей.

Однако, как бы Бату не был заинтересован в развитии собственного улуса и повышении его благосостояния, он не мог уклониться от общеимперской политики – даже если бы и желал этого. Как уже упоминалось выше, после смерти Чагатая и Угэдэя именно он стал ака – старейшиной рода Чингизидов и, в качестве такового, весьма влиятельной политической фигурой, мнение которого по важнейшим политическим вопросам дальнейшего развития Монгольской империи имело решающее значение.

Неопределенность правил престолонаследия в Монгольской империи (а также и в отдельных улусах Монгольской империи, в т.ч. и в Золотой Орде, как мы убедимся ниже) привела к тому, что после смерти Угэдэя началось четырехлетнее междуцарствие (1242–1246), во время которого различные политические кланы боролись за то, чтобы возвести на трон своего ставленника. В историографии распространено мнение, что переходный период затянулся по вине Туракины – вдовы Угэдэя, которая стремилась возвести на трон своего старшего сына Гуюка. Однако это мнение ошибочно, причем по двум причинам. Во-первых, она не так уж стремилась передать трон Гуюку, поскольку положение регентши ее вполне устраивало. Во-вторых, не имевшая ни талантов правительницы, ни серьезной политической поддержки, Туракина вряд ли сумела бы целых четыре года править империей, если бы не молчаливая поддержка со стороны Бату. Нам неизвестно, велись ли между регентшей и правителем Улуса Джучи какие-то формальные переговоры, но фактически они совершили своеобразный «раздел сфер влияния». Бату старался не вмешиваться в дела в Каракоруме, неоднократно под разными предлогами откладывая свой приезд и тем самым заставляя постоянно переносить проведение курултая, на котором должен был быть избран новый монгольский хан. Туракина же, со своей стороны, совершенно не интересовалась делами западного улуса, предоставляя полную свободу действий Бату как в самой Золотой Орде, так и по отношению к вассальным государствам [см. подробнее: 31, с. 221].

Идиллия была нарушена в 1246 г., когда все же состоялся курултай, избравший новым монгольским ханом Гуюка. Бату и на этот раз попытался затянуть его созыв, но, видя неизбежность проведения, отправил на него несколько своих братьев, дав указание проголосовать за того, за кого выскажется большинство [33, с. 118]. Поддержка им избрания Гуюка, по-видимому, на какое-то время заставила последнего забыть о вражде, начавшейся во время Великого западного похода. Весьма показательны, что когда Гуюк велел провести суд над Тэмугэ-отчигином – младшим братом Чингиз-хана, попытавшимся захватить престол во время междуцарствия, – во главе суда были поставлены Орду – старший брат Бату и Мунке – сын Тулуя, считавшийся близким другом золотоордынского правителя [47, с. 255]. Однако вместе с тем, новый хан тут же попытался восстановить контроль над Улусом Джучи, столь легкомысленно упущенный его матерью-регентшей. Начал он с того, что в каждом из государств, вассальных Золотой Орде, назначил двух правителей, один из которых был сторонником Бату, другой же не пользовался его поддержкой. Это решение серьезно подорвало позиции правителя Улуса Джучи на Кавказе и в Малой Азии, ослабило его контроль и над русскими землями. Вскоре наместники Бату были вытеснены и из тех владений в Иране, которые были переданы ему еще Угэдэем [см. подробнее: 31, с. 226–227].

Какие-либо другие действия против Бату Гуюк предпринять не успел. Во-первых, Бату, будучи расчетливым политиком, не давал хану никаких формальных поводов для недовольства и тем более карательных санкций. Во-вторых, у Гуюка было немало проблем и внутри империи, так что тратить все время и силы на конфликты с Бату у него не было возможности. Тем не менее, в 1248 г. хан, разгневанный постоянными отговорками Бату прибыть к нему лично, выступил во главе крупных вооруженных сил ему навстречу. Хотя формально он объяснял свои действия желанием встретиться с правителем Улуса Джучи на нейтральной территории, ни у кого не было сомнений в том, что Гуюк намеревался начать боевые действия против своего двоюродного брата. Недалеко от Самарканда хан неожиданно скончался при невыясненных обстоятельствах [33, с. 121]. И хотя даже современники обвиняли Бату в его отравлении, можно обоснованно утверждать, что Гуюк своими действиями восстановил против себя практически все политические силы в империи, так что его гибель была выгодна не только правителю Золотой Орды, но и многим другим.

Тем не менее, именно Бату получил наибольшую выгоду от смерти монгольского хана. И, как и в период предыдущего междуцарствия, старался всячески затянуть проведение курултая по избранию его преемника, одобрив в качестве регентши совершенно неспособную к управлению Огул-Гаймиш – вдову Гуюка, которая по своим способностям уступала даже Туракине, также не блиставшей дарованиями [33, с. 122; 47, с. 263]. Полагаем, выбор столь странной кандидатуры должен был подчеркнуть незаинтересованность Бату в имперских делах, тем более, что вскоре он отказался от предложения самому стать монгольским ханом, заявив, что ему вполне достаточно власти в собственных обширных владениях.

Однако подобная позиция Бату, несомненно, была неискренней. Он прекрасно понимал, что от того, кто станет следующим ханом Монгольской империи, будет зависеть и статус Золотой Орды, а потому не собирался пускать на самотек процесс избрания нового монарха. После трех лет переговоров и негласных обсуждений (1248–1251) Бату определился с кандидатурой и предложил в качестве нового хана Мунке – старшего сына Тулуя. Мунке считался другом Бату, кроме того, его мать, Сорхактани-бэки, и во время регентства Туракины, и в правление Гуюка являлась главным союзником Бату. Поэтому в 1251 г. состоялся курултай, ведущую роль в котором сыграли два брата Бату – Берке и Тукай-Тимур (по другим сведениям – Берке и Сартак, сын Бату), которые

явились на мероприятие во главе 20 000 воинов и буквально навязали участникам волю золотоордынского правителя.

После избрания Мунке влияние Бату в Монгольской империи достигло апогея. Он не только сохранил статус главы рода Чингизидов и соправителя хана в качестве правителя западного крыла Монгольской империи, но и, по некоторым сведениям, даже сам приобрел ханский титул. В «Истории завоевателя мира» Джувейни он фигурирует под таинственным титулом «каан-ака», т.е. буквально «старший хан». В исторических сочинениях кавказских современников он также упоминается с титулом «ханский отец» (используется византийский эквивалент «василеопатор») [16, с. 181; 47, с. 561; 52, с. 274, п. 1]. Это позволяет говорить, что Мунке фактически признал старшинство Бату не только в семейной, но и имперской иерархии. В источниках упоминается, что, начиная со времени избрания Мунке, вассальные правители стали приезжать на утверждение именно к Бату, а не в Каракорум, что он выдавал вассалам и купцам свои ярлыки – это также заставляет предположить у него наличие ханского титула, поскольку правом издания ярлыков обладали только ханы как верховные правители [16, с. 218; 47, с. 267]. Мунке, вскоре после своего избрания столкнувшийся с заговором сторонников рода Угэдэя, начал репрессии против своих политических противников, позволив и Бату самостоятельно расправиться с рядом представителей рода Чагатай и Эльджигитай (племянника Чингиз-хана). Вероятно, среди этих мероприятий следует рассматривать и так называемую «Неврюеву рать» – поход ордынского полководца Неврюя на Русь, результатом которого стало свержение великого князя Андрея Ярославича, ставленника Гююка и Огул-Гаймиш, и возведение вместо него его брата Александра Невского – верного союзника Золотой Орды [см. подробнее: 31, с. 245–249].

Впрочем, важно иметь в виду, что ханский титул Бату не означал, что он стал независимым правителем: его статус был актуален именно в масштабе Монгольской империи, так что считать наследника Джучи первым золотоордынским ханом было бы ошибкой. Тем не менее, вероятно, именно в эпоху Бату начала формироваться традиция, в соответствии с которой основным источником права в Золотой Орде стало не право Чингиз-хана (ясы), а именно ярлыки-указы золотоордынских монархов.

Казалось, между Каракорумом и Сараем, столицей Золотой Орды, основанной Бату, сложились самые идеальные отношения, но вскоре они стали ухудшаться. По-видимому, по мере укрепления своей власти Мунке решил, что статус Бату слишком высок и подрывает его собственный авторитет. Поэтому, не выказывая открытой неприязни к соправителю (как это делал в свое время Гююк), Мунке постепенно стал уравнивать Бату в правах с остальными правителями чингизидских улусов. Так, сначала он отказал золотоордынскому правителю в праве получать со своих владений в Монголии и Китае больше доходов, чем это было определено официально – под предлогом, что подобные дополнительные выплаты разорят имперскую казну. Затем он направил в Улус Джучи и вассальные ему государства своих чиновников для переписи населения. Наконец, в 1253 г. Бату получил ханский приказ выделить 20% своих воинов для похода на Иран под командованием Хулагу – младшего брата Мунке. Интересно отметить, что все действия Мунке осуществлялись в полном соответствии с правовыми нормами, и Бату не мог им противиться – ведь это означало бы, что он не подчиняется хану, для избрания которого сам же приложил столько усилий!

Поэтому он, как и Мунке, решил не проявлять открытого противодействия. Так, он постарался затянуть процесс переписи населения: в результате в Улусе Джучи и вассальных государствах она была проведена лишь в конце 1250-х гг., т.е. уже после смерти Бату. Точно так же, формально подчинившись приказу предоставить войска Хулагу, он дал понять ханскому брату, что не одобряет его дальнейшее движение, и будущему иль-

хану до самой смерти Бату пришлось стоять на Амударье, поскольку он не осмеливался вызвать гнев соправителя своего брата дальнейшим продвижением в Иран [47, с. 268].

Несмотря на охлаждение отношений, формально Бату и Мунке оставались союзниками и соправителями. Мунке даже согласился утвердить в качестве наследника Бату в Улусе Джучи (и, соответственно, своего будущего соправителя) его старшего сына Сартака, который прибыл к хану, был им обласкан и получил необходимые подтверждения своих полномочий [47, с. 268]. Это, по нашему мнению, также указывает на то, что Бату отнюдь не стремился к независимости Золотой Орды и видел залог могущества своего улуса именно в составе Монгольской империи, при полном соблюдении принципов организации власти и правового регулирования по имперскому образцу.

Бату скончался в начале 1256 г., оставив своим преемникам обширный и богатый улус, высокий статус в Монгольской империи, а также целый ряд нерешенных проблем как внутри Золотой Орды, так и в ее отношениях с Монгольской империей, другими улусами Чингизидов и соседними государствами.

Приход к власти Берке как поворотный этап в истории Золотой Орды.

На основании сообщений средневековых источников можно утверждать, что Берке, седьмой по своему статусу сын Джучи, стал активно участвовать в политической жизни Золотой Орды уже на рубеже 1240–1250-х гг. Джузджани даже дает понять, что он являлся фактическим соправителем своего брата Бату [37, с. 15–16, прим. 4]; впрочем, есть все основания усомниться в истинности сообщения этого автора, который всячески стремится идеализировать образ Берке как первого мусульманского правителя Золотой Орды и, соответственно, представить его более значительной политической фигурой, чем он являлся на самом деле. Тем не менее, в 1251 г. Берке был отправлен в Монголию для организации курултая с целью возведения Мунке на ханский трон, тем самым став политиком общеимперского масштаба.

Впрочем, вся его деятельность до смерти Бату все же не была самостоятельной, тогда как после смерти старшего брата он остался главой семейства Джучидов и в качестве такового имел основания претендовать на трон Золотой Орды. Однако реализовать свои властные амбиции в улусе, являвшемся частью Монгольской империи, он не имел возможности. Выбор правителя Улуса Джучи оставался за монгольским ханом Мунке, который еще при жизни Бату утвердил в качестве его наследника Сартака. Согласно историографической традиции, Сартак исповедовал христианство в его несторианском варианте, тогда как Берке придерживался ислама, и, якобы, именно это стало причиной их взаимной неприязни. Однако, учитывая высокую степень толерантности Чингизидов (особенно на раннем этапе истории Монгольской империи и Чингизидских государств), есть основания усомниться в этом. Несомненно, Берке видел в Сартаке соперника в борьбе за власть, незаконно получившего трон правителя в обход старейшего в роду Джучидов. Поэтому, когда Сартак неожиданно скончался после пира у Беркечара (родного брата Берке по отцу и матери), ни у кого не возникло сомнений в том, что именно Берке организовал его убийство. Однако устранение Сартака не принесло Берке желанного трона. Мунке, по какой-то причине не любивший Берке, предпочел ему малолетнего сына Сартака – Улагчи, при котором регентшей должна была стать его бабушка Боракчин-хатун, вдова Бату [47, с. 268]. Тот же Джузджани объясняет эту неприязнь тем, что после того, как Мунке был избран на курултае и должен был произнести ритуальную клятву хана, Берке якобы заставил его еще и поклясться на Коране [23, с. 53; 37, с. 16]. Это сообщение, как и вышеупомянутое о соправительстве Берке с Бату, представляется сомнительным. По всей видимости, Мунке видел в Берке такого же амбициозного и решительного деятеля, как Бату, и не желал, чтобы именно он возглавил Улус Джучи и стал его соправителем в масштабе всей империи.

В течение какого-то времени Берке не пытался возобновить борьбу за власть, однако в 1257 Мунке лично решил возглавить боевые действия монголов против китайской империи Южная Сун, и брат Бату решил воспользоваться тем, что внимание хана оказалось отвлечено от событий на Западе. В том же 1257 (или 1258) г. Берке устранил Улагчи, а когда регентша Боракчин в попытке сохранить власть решила апеллировать к ильхану Хулагу, брату Мунке, он обвинил ее в измене и приказал казнить [38, с. 150–151]. После этого он при полном согласии потомков Джучи и золотоордынской знати провозгласил себя правителем.

Вполне возможно, впрочем, что официально вступление Берке на трон Золотой Орды произошло в 1259 г.: он мог получить известия о смерти Мунке во время осады одного из сунских городов и воспользоваться последовавшим междуцарствием. Он не прогадал: как известно, за смертью хана последовала междоусобная борьба его братьев Хубилая и Ариг-Буги. Номинальным победителем в четырехлетней борьбе стал Хубилай, сумевший пленить Ариг-Бугу и добиться своего признания в качестве преемника Мунке. Но реальными победителями стали правители трех остальных чингизидских улусов – Золотой Орды, Чагатайского улуса и Ильханата. Не вмешиваясь в борьбу братьев, они тем не менее не допустили ни казни Ариг-Буги, ни восстановления контроля имперских чиновников над делами в их улусах.

Таким образом, Берке стал первым золотоордынским правителем, который пришел к власти без утверждения из Каракорума. И Хубилаю, имевшему множество проблем в Монголии и Китае, пришлось *de-facto* признать его, поскольку ни возможности, ни сил для смещения Берке и возведения на трон Золотой Орды более лояльного правителя у него не было. Ему пришлось довольствоваться тем, что он лишил Берке владений, ранее выделенных золотоордынским правителям в Китае и Средней Азии: источники сообщают, в частности, что в Бухаре был вырезан золотоордынский гарнизон, осуществлявший контроль над той частью города, которая находилась во владении Джучидов [37, с. 82]. Впрочем, вряд ли Берке нуждался в сохранении этих земель, которые, как уже отмечалось, лишь давали некоторый доход в золотоордынскую казну в денежной форме, и этот доход отнюдь не компенсировал выплат из Улуса Джучи в имперский бюджет, которые теперь мог не платить сам Берке – после того, как в 1262 г. в его владениях (в т.ч. на Руси) были перебиты баскаки монгольского хана.

Убедившись, что угрозы его власти в Улусе Джучи со стороны Монгольской империи нет, Берке предпринял попытку вернуть Золотой Орде те владения, которых она лишилась в результате политики Гуюка и Мунке – в первую очередь Азербайджан, в это время находившийся под контролем ильхана Хулагу. В результате именно Берке начал первую в Монгольской империи войну между улусами – не гражданскую войну в борьбе за трон, а войну за передел владений, которая, как оказалось, длилась с переменным успехом около ста лет.

Несомненно, причиной войны являлись именно спорные территории между Золотой Ордой и Ильханатом – причем не только Азербайджан, но и другие кавказские регионы, а также ряд областей в Иране и Сельджукский султанат. Все эти территории при Бату находились под контролем Золотой Орды, однако сначала Гуюк вытеснил его наместников из Ирана, затем Мунке поддержал своего брата Хулагу в борьбе за Иран, Азербайджан и установление сюзеренитета над Грузией и Сельджуками. Убедившись, что Хубилай не сможет помочь Хулагу, как это делал его старший брат, Берке решил вернуть свои законные владения военными средствами.

Поводов для развязывания боевых действий против Хулагу у него накопилось предостаточно, и все они, как ни странно, были вполне в рамках монгольского имперского законодательства. Прежде всего Хулагу задержал выплату Берке добычи, полученной во время похода на Багдадский халифат: Берке по закону имел право на ее долю

как правитель, отправивший свои войска на помощь Хулагу (хотя на самом деле это сделал еще Сартак) [37, с. 19, прим. 3]. Кроме того, Хулагу, по-видимому, не доверявший золотоордынским военачальникам из числа Джучидов (т.е. родных и внучатых племянников Берке), обвинил их в заговоре против себя и потребовал от Берке наказать их. Золотоордынский правитель в ответ заявил, что Хулагу сам волен решить их судьбу, вероятно, надеясь на то, что тот также великодушно простит их и вышлет в Улус Джучи; однако Хулагу поймал его на слове и приказал казнить обвиняемых [16, с. 236; 34, с. 59]. Таким образом, поводом для войны против Хулагу стала месть за незаконно казненных родичей – ведь судьбу Чингизидов полагалось решать на семейном совете представителей всех улусов потомков Чингиз-хана.

В 1262–1263 гг. Берке и Хулагу совершили несколько набегов на владения друг друга. Несмотря на то, что войска обоих противников достаточно далеко продвигались во вражеские владения и нанесли ряд серьезных поражений друг другу, было очевидным, что конфликт зашел в тупик, и без привлечения дополнительных сил его решение невозможно. В результате Хулагу (а после его смерти в 1256 г. его сын и наследник Абага) заручился поддержкой Византийской империи и попытался привлечь на свою сторону крестоносцев, тогда как Берке заключил союз с могущественной ближневосточной державой – Мамлюкским султанатом. При этом интересно отметить, что оба правителя, которые обосновывали свои действия перед другими Чингизидами ссылками на имперские законы и чингизидские традиции, привлекали союзников, упирая на единство вероисповедания. В результате в средневековой историографии сложился стереотип, что мусульманин Берке вместе с единоверцами-мамлюками вел «священную войну» против ильханов, склонявшихся к христианству и стремившихся объединить христиан Средиземноморья и Ближнего Востока на совместную борьбу против мусульман.

В связи с этим следует сказать несколько слов о мусульманском вероисповедании Берке. О нем известно из средневековых восточных источников, которые с полным доверием принимаются рядом исследователей. Однако другие специалисты вполне обоснованно предлагают относиться к ним критически, поскольку авторы этих исторических сочинений сами являлись мусульманами и, соответственно, могли выдавать желаемую ситуацию в Золотой Орде за действительную. Согласно тюркской средневековой историографической традиции, Берке не только сам принял ислам, но и обратил в «истинную веру» всю золотоордынскую знать и войско в количестве нескольких десятков тысяч человек. Соответственно, в Золотой Орде началось строительство мечетей, развитие богословия и пр. [см., напр.: 37, с. 17].

С подобной трактовкой согласиться нельзя – ведь в таком случае хану Узбеку в первой четверти XIV в. не нужно было бы совершать в Золотой Орде религиозный переворот и вести многолетнюю войну за окончательное признание ислама в качестве государственной религии. Безусловно, широкого распространения ислама в Улусе Джучи в правление Берке не произошло. Однако и полностью отрицать его мусульманское вероисповедание не следует – ведь о нем упоминает также и Гийом де Рубрук, совершенно не заинтересованный в идеализации образа Берке как мусульманского правителя [35, с. 115]. Думается, что именно его фраза о том, что «Берка выдает себя за сарацина» является ключевой для понимания религиозной позиции Берке. Т.е. он наружно демонстрировал приверженность к исламу, на самом деле оставаясь истинным Чингизидом, поступавшим в соответствии с принципами и нормами монгольского имперского права – естественно, в той степени, в какой ему это было выгодно с политической позиции. Демонстрация же мусульманства должна была, во-первых, облегчить признание со стороны довольно значительной части подданных (булгар, хорезмийцев и др.), во-вторых, получить международное признание в качестве независимого правителя со стороны могущественных соседних государств, т.е. являлось условием для вхож-

дения в Pax Islamica. Именно поэтому Берке вступил в сложную религиозно-дипломатическую игру, связанную с восстановлением халифата после его уничтожения Хулагу в 1258 г.: в 1262 г. поддержанный им претендент ал-Хаким прибыл в Египет, где также был признан в халифском достоинстве [см.: 12, с. 11–12; 51, с. 170–171]. Именно к нему, как единоверцу, бежал свергнутый сельджукский султан Изз ад-Дин Кей-Кавус II [38, с. 191]. Ну, и ключевым моментом стало заключение стратегического союза с Мамлюкским султанатом в 1263 г. [12, с. 52; 38, с. 61–62] – союза, сохранявшегося даже при преемниках Берке, не проявлявших приверженности к исламу.

Как бы то ни было, правление Берке в Золотой Орде стало поворотным не только в связи с тем, что он стал первым фактически независимым правителем Улуса Джучи, но и с тем, что он первым из Джучидов стал активно использовать религиозный фактор для укрепления своей власти и международного признания. Впрочем, демонстрация мусульманского вероисповедания отнюдь не заставила Берке отказаться от политики религиозной толерантности, присущей всем Чингизидам: в частности, именно в его правление в Сарае была создана русская православная епархия; именно он стимулировал восстание православных грузин против Ильханата и т.д.

Несомненно, ориентация на ислам и союз с мусульманскими государствами стала одним из важнейших последствий правления Берке в Золотой Орде. Однако самому ему не удалось в полной мере воспользоваться плодами своей политики. В 1266 г. он умер «от почечных колик», и его смерть привела к очередному повороту в политике Золотой Орды, заставив преемников Берке вновь более активно включиться в имперскую политику.

Менгу-Тимур – первый хан Золотой Орды.

Берке удалось придти к власти, используя отсутствие четкого механизма престолонаследия в Монгольской империи в целом и в Золотой Орде в частности. Но если он использовал это себе на пользу, то в большинстве случаев следствием этого пробела в имперском праве являлись длительные междоусобицы и кровавые смуты.

Согласно арабским источникам, формальным наследником Берке еще при его жизни являлся Менгу-Тимур, внук Бату (сын его второго сына Тутукана) [38, с. 193]. Однако полагаем, что брат Бату провозгласил его таковым исключительно с целью заставить членов и сторонников рода Бату смириться с его приходом к власти. Кроме того, назначение предшественником далеко не всегда являлось исключительным основанием для претензий на трон. Поэтому неудивительно, что после смерти Берке русские летописи сообщают о междоусобице в Золотой Орде. Можно предположить, что в смуте участвовали сторонники Менгу-Тимура и приверженцы Берке, стремившиеся передать трон его сыну, также мусульманину; вполне возможно, что в качестве претендента рассматривался также Туда-Менгу – младший сводный брат Менгу-Тимура. По мнению Г.В. Вернадского, права на престол после смерти Берке мог предъявить также и Ногай, внучатый племянник Бату и Берке, потомок их самого старшего (по возрасту) брата Бувала, в правление Берке ставший едва ли не самым главным военачальником Золотой Орды [3, с. 170]. Однако думается, что Ногай, будучи потомком сына Джучи от наложницы, вряд ли в тот момент осмелился бы соперничать с многочисленными потомками его сыновей от законных жен (Бату, Берке, Шибана и др.) и поэтому, скорее всего, поддержал одного из претендентов.

В итоге у власти все же оказался Менгу-Тимур, в лице которого на трон вернулась прямая династия потомков Бату. Однако, являясь продолжателем рода Бату, новый правитель в большей степени оказался последователем политики своего двоюродного деда Берке.

Прежде всего, он продолжил курс на независимую политику Улуса Джучи в отношении Монгольской империи. Он постоянно игнорировал попытки Хубилая добить-

ся от него признания верховенства империи Юань. Пришлось монгольскому хану довольствоваться тем, что на отправленный им ярлык Менгу-Тимуру об утверждении его в качестве правителя Улуса Джучи не последовало никакой реакции [33, с. 168]. Однако новый правитель не стал, подобно Берке, довольствоваться самоизоляцией Золотой Орды от общеимперских дел – напротив, в течение всего своего правления он принимал деятельное участие в политике Чингизидов.

Так, уже вскоре после своего прихода к власти, в 1268 г. он вмешался в борьбу между Хайду, правителем Улуса Угэдэя, и Бораком, правителем Чагатайского улуса. Поскольку Борак был ставленником Хубилая, Менгу-Тимур принял сторону Хайду и направил ему на помощь 30 000 воинов под командованием Беркечара, брата Берке. Годом позже разгромленный Борак, так и не получивший поддержки от императора Юань, был вынужден пойти на переговоры со своими победителями [см. подробнее: 48, с. 25, 63]. В 1269 г. в долине р. Талас состоялся курултай с участием правителей и царевичей из улусов Джучи, Чагатая и Угэдэя. На этом курултае было принято два важнейших решения: во-первых, как уже упоминалось выше, правители трех улусов объявили себя ханами, равными по статусу и друг другу, и Хубилаю. Во-вторых, Хайду и Менгу-Тимур отторгли от Чагатайского улуса около трети территории в свою пользу – позволив, впрочем, Бораку компенсировать потери за счет похода против ильхана Абаги – последнего улусного владетеля-Чингизида, продолжавшего признавать сюзеренитет монгольского хана [34, с. 71].

Однако Менгу-Тимур был слишком дальновидным политиком для того, чтобы надолго связать себя союзническими обязательствами с тем или иным ханом-Чингизидом. Увидев, что Хайду после победы над Бораком не стал довольствоваться статусом самостоятельного правителя, а в 1271 г. сам объявил себя монгольским ханом в противовес Хубилаю, золотоордынский хан немедленно выразил поддержку Номогану – сыну Хубилая, который был отправлен отцом на войну с Хайду. Более того, согласно источникам, Менгу-Тимур и Хубилай заключили соглашение о взаимопомощи в подавлении внутренних мятежей во владениях друг друга. Однако когда Номоган добился в борьбе с Хайду определенных успехов, Менгу-Тимур вновь склонился к союзу с Хайду, и когда в 1278 г. сын Хубилая был предан своими нойонами и захвачен в плен сторонниками Хайду, последний отправил пленника к Менгу-Тимуру, который держал его у себя до самой своей смерти, тем самым гарантируя миролюбивую политику Хубилая в отношении Золотой Орды [10, с. 48–49].

Обеспечив, подобно Берке, невмешательство монгольского хана в дела Золотой Орды и даже, более того, добившись признания себя в ханском достоинстве со стороны других Чингизидов, Менгу-Тимур активизировал свою внешнеполитическую деятельность.

Менгу-Тимур укрепил свое влияние на Руси – причем не с помощью военной силы, как некогда его дед Бату, а благодаря тому, что он первым из правителей Золотой Орды выдал ярлык русской православной церкви, освобождающий ее от любых налогов и сборов [27, с. 467–468]. Тем самым он приобрел себе влиятельного союзника в лице православного духовенства, которое с этого времени старалось поддерживать среди населения русских княжеств лояльность по отношению к ханам Золотой Орды, которые на Руси стали именоваться «царями», как ранее титуловали византийских императоров.

Менгу-Тимур продолжил политику своего предшественника по укреплению союза с Мамлюкским султанатом – несмотря на то, что он не был мусульманином, а придерживался тенгрианства, традиционной религии Чингизидов. Этот союз представляется тем более странным, что, понеся в самом начале своего правления в 1268 г. поражение от ильхана Абаги, в течение последующих лет своего правления Менгу-Тимур не воевал с Ильханатом, и, следовательно, не нуждался в военной помощи мамлюков. Тем не менее, дружеские отношения и периодический обмен посольствами между Золотой

Ордой и Мамлюкским султанатом продолжался в течение всего правления Менгу-Тимура [12, с. 59–63].

Царствование Менгу-Тимура не было столь ярким как правление Бату или Берке: он не вел постоянных войн, не пытался возводить своих ставленников на монгольский трон и не имел амбициозных планов по поводу своей ключевой роли в политике Монгольской империи. Тем не менее, именно он стал первым ханом Золотой Орды, сумел присоединить к своему улусу часть территорий в Центральной Азии и на Кавказе (по итогам войны с аланами-ясами), поддерживал мир с Ильханатом и союз с мамлюкскими султанами, развивал торговые и дипломатические связи с итальянскими торговыми республиками, официально позволив им создать колонии в Крыму и Северном Причерноморье, а также с ганзейскими городами, торговцам которых он предоставил право беспешинного проезда через русские земли в Золотую Орду [8, с. 57; 21, с. 141]. Также именно при Менгу-Тимуре окончательно сложился порядок подтверждения полномочий русских великих князей золотоордынскими ханами (с учетом русских традиций престолонаследия), традиция покровительства ханов русской церкви. Таким образом, в правление Менгу-Тимура Улус Джучи стал по-настоящему самостоятельным государством, Золотой Ордой.

Ногай и Токта: первая гражданская война в Золотой Орде и «вторая империя» Чингизидов.

Менгу-Тимур умер в 1280 г., и созданная им система управления оказалась настолько эффективной, что за его кончиной не последовала обычная в таких случаях смута: на трон мирно взошел его следующий по старшинству брат Туда-Менгу. Этот правитель не обладал властью и энергией своего предшественника и нуждался в деятельных помощниках. Главным из них вскоре стал Ногай – правнук Бату, выдвинувшийся при Берке на ведущие роли в ордынских войсках, но затем впавший в немилость при Менгу-Тимуре, поскольку поддерживал другого претендента на престол.

В течение всего правления первого хана Золотой Орды Ногай пребывал в своих родовых владениях – в Приднестровье. Менгу-Тимур не допускал его к участию в золотоордынских делах, но и сам не вмешивался в его политику на территории собственного улуса и соседних государств.

Пользуясь этим, Ногай развернул широкую дипломатическую деятельность, бесцеремонно присвоив себе право самостоятельных внешних сношений, являвшееся прерогативой только независимых государств. Без какого-либо согласования с ханским двором он обменивался посольствами и заключал союзы с государствами Востока и Запада.

Так, в 669 г.х. (1270 г.) он направил собственное посольство к египетскому султану Рукн ад-Дину Бейбарсу, предложив ему союз. Чтобы в большей степени расположить к себе султана, Ногай поведал ему в своем послании, что принял ислам (возможно, темник это действительно сделал, поскольку в арабских источниках он фигурирует под мусульманским именем Иса). Бейбарс немедленно отреагировал на инициативу темника, и с этого времени между ними завязалась дружественная переписка. Преемники Бейбарса унаследовали хорошие отношения с Ногаем, к которому и впоследствии они постоянно направляли послания и богатые дары. В конце концов Ногаю удалось выполнить обещание, данное Бейбарсу, и развязать войну с хулагуидским Ираном – правда, это случилось, когда трон Золотой Орды занял Тула-Буга, второй по счету преемник Менгу-Тимура, а во главе Египта стоял султан Калаун, третий преемник Бейбарса. Впрочем, как ни странно, Ногай даже вынужденный мир с Ираном сумел использовать в своих интересах: он направил к ильхану Абаге в качестве посланца своего сына Тури, который женился на дочери ильхана [33, с. 86].

Дружеские связи Ногай с египетским султаном не могли не отразиться на положении темника в глазах других государств, которые были вынуждены соотносить свою

внешнюю политику с позицией Египта. Одним из таких государей был Михаил VIII Палеолог – император Византии, некоторое время тому назад едва не угодивший в плен к Ногаю и его союзнику, болгарскому царю Константину. Стремясь оградить себя от новых нападений со стороны могущественного темника, император пошел на беспрецедентный шаг: он выдал замуж за Ногая свою внебрачную дочь Евфросинию. Так дикий неграмотный кочевник стал зятем византийского базилевса и даже получил в византийской имперской иерархии титул *архонта* – правителя провинции [6, с. 164, 210]!

Породнившись с императором, Ногай и в самом деле стал проводить гораздо более дружественную политику по отношению к Византии, правителя которой он не без иронии именовал своим «отцом». Естественно, базилевс мог считаться «отцом» Ногая только в «семейном» отношении, а не в политическом: темник не мог признавать его верховенства, являясь (пусть и фактически номинально) подданным золотоордынского хана.

То, что Ногай не испытывал никакого пиетета к своему «отцу», он откровенно демонстрировал, принимая его посольства, которые Михаил VIII направлял к новоявленному зятю с богатыми дарами – целыми бочками знаменитых ромейских вин, золотой и серебряной посудой, роскошными драгоценными одеждами и головными уборами, приличествующими византийской знати. Принимая вина и щедро воздавая им должное, Ногай с изрядной долей презрения относился к византийским одежаниям. Беря в руки расшитые жемчугом головные уборы, он спрашивал: «Полезна ли эта калиптра для головы, чтобы она не болела, или эти рассеянные по ней жемчужины и другие камни имеют ли силу защищать голову от молнии и ударов грома, так чтобы человек под такую калиптрою был непоразим?» Примеряя драгоценные златотканые одежды, темник задавал аналогичные вопросы: «А эти драгоценные платья избавят ли члены моего тела от утомления?» И когда византийские дипломаты со смущением были вынуждены отвечать отрицательно, Ногай с отвращением сбрасывал чуждые ему одеяния (а иногда даже и рвал их на глазах у императорских посланцев) и демонстративно облачался в привычный ему армяк [6, с. 318–319; 42, с. 508]. Несмотря на подобные выпады против «отца», на деле темник нередко доказывал союз с Византией. В первую очередь это отразилось на византийско-болгарских отношениях: став зятем императора, Ногай не только сам прекратил набеги на византийские области, но и запретил совершать их своему прежнему союзнику и вассалу – болгарскому царю Константину Тиху. В 1277 и 1278 г. войска Ногая совместно с армией императора действовали против болгар, а в 1282 г. – против фессалийского правителя Иоанна, и в это время монголы находились на территории Византии в качестве союзников [6, с. 314–315; см. также: 44, с. 176; 50, с. 369–370; 55, с. 7].

В 1277 г. царь Константин Асен был свергнут и убит в результате народного восстания, и трон Болгарии занял «крестьянский царь» Ивайло, женившийся на вдове Константина. Новый царь сразу начал боевые действия против монголов, которых однажды сумел даже разгромить в сражении. Но всего год спустя против него выступил ставленник византийского императора Иван Асен III (также зять Михаила VIII), и Ивайло не нашел ничего лучшего, как обратиться за помощью к Ногаю. Он прибыл в лагерь темника, который поначалу принял его с честью: свергнутый царь был для него орудием влияния на политику Болгарии и Византии. Еще год спустя был свергнут и Иван Асен III, который также прибыл к Ногаю. Темнику, безусловно, льстило, что от его решения зависят судьбы двух царей Болгарии. Однако он прекрасно понимал, что долго такая неопределенность длиться не может, а потому принял решение, обосновав его интересами своего тестя. В 1280 г. на пиру, на котором присутствовали оба свергнутых болгарских монарха, он заявил, указав на Ивайло: «Этот человек – враг моего отца, императора, и достоин никак не жизни, а смерти». Свергнутый царь был тут же на месте умерщвлен. Иван Асен III, со дня на день ожидавший такой же участи, в конце концов, по настоянию Евфросинии, супруги Ногая, был отослан в свои прежние владения в сербской Мачве [6,

с. 429–430; см. также: 2, с. 351–352]. Новый царь, Георгий Тертер, поначалу плативший ордынцам дань (подобно русским вассалам Золотой Орды), с 1285 г. был вынужден признать себя фактическим подданным – причем даже не хана, а самого Ногая, и чеканил монеты с соответствующей символикой [см. подробнее: 5, с. 71–72].

Отказавшись от набегов на Византию, Ногай обратил свой взор на другие страны Центральной Европы. В 1275–1279 гг. он совершил ряд набегов на территории Польши и Литвы. Эти походы оказались полезны для Ногая не только с точки зрения поживы, хотя ему и удавалось награть достаточно добычи и увести в рабство множество местных жителей. Гораздо важнее было то, что во время этих походов темник сблизился с южнорусскими князьями – Львом Галицким и Романом Брянским, которые в большей мере стали подчиняться ему, а не сарайскому хану. По сведениям венгерских и немецких хроник, поход 1285 г. на Венгрию был инициирован половцами, которые сначала нашли там прибежище, но позднее восстали против короля Ласло IV и были им разгромлены [7, с. 135]. Соратником Ногая по набегам стал царевич Тула-Буга, являвшийся баскаком в Южной Руси и вместе с тем одним из наиболее вероятных претендентов на ханский трон: он был сыном Тарбу, старшего брата Менгу-Тимура. Несколько позднее, в 1283 и 1285 гг., Ногай и Тула-Буга вместе с галицко-волынскими князьями совершили успешные набеги на Венгрию и Польшу, и эти удачные кампании еще больше сблизили двух Джучидов [29, с. 211, 345–347]. Союз со столь влиятельным родичем открывал перед Ногаем весьма заманчивые перспективы в будущем.

Таким образом, ко времени смерти Менгу-Тимура Ногай стал одной из влиятельных политических фигур в Восточной Европе и на Балканах, и масштабы удельного правителя становились ему все более и более тесными. Смерть Менгу-Тимура позволила ему вернуться в большую ордынскую политику и занять пост беклярибека при новом хане Туда-Менгу.

Новый хан, согласно ряду источников, тяготевший к исламу, причем в его суфийском варианте, оказался даже еще более миролюбивым правителем, чем Менгу-Тимур. Сразу после смерти брата он освободил ценного заложника – Номогана, сына Хубилая, и отправил его к отцу в знак своих миролюбивых намерений [33, с. 171]. В дальнейшем все военные действия, в которых участвовала Золотая Орда в правление этого хана, осуществлялись по инициативе и под командованием Ногая и еще одного Джучида – Тула-Буги, племянника Менгу-Тимура и Туда-Менгу. Не вступая в открытую конфронтацию с ханом, беклярибек проводил собственную политику, нередко идущую вразрез с политикой хана. Одним из ярких примеров является позиция Туда-Менгу и Ногая по поводу Владимирской Руси: в 1281 г. хан лишил великокняжеского стола князя Дмитрия Александровича (старшего сына Александра Невского) и заменил его младшим братом Андреем; однако Ногай поддержал свергнутого Дмитрия, которой в 1282 г. вновь предъявил претензии на великое княжение и добился возвращения себе верховной власти над Русью [30, с. 153–154].

Тогда же, в начале 1280-х гг., Ногай назначил в Курское княжество баскаком купца-мусульманина Ахмата, который около 1283 г. создал там две «слободы», в которых охотно селил крестьян и горожан, бежавших от своих князей. Беглецов привлекало то, что в этих слободах взималось куда меньше налогов и повинностей, чем у русских же князей. Естественно, князьям такое положение не очень-то нравилось, и двое из них, Олег Рьльский и Святослав Липецкий, обратились с жалобой к хану. Туда-Менгу приказал им: «Что будет ваших людей в слободах тех, тех людей выведете в свою волость, а слободы те разгоните». Ободренные ханской поддержкой, курские князья вместе с ханскими «приставами» разграбили слободы, а их обитателей захватили в плен. Ахмат немедленно обратился с жалобой к Ногаю, причем представил дело так, будто Олег и Святослав готовятся к войне против него, беклярибека. Ногай вызвал к себе «прови-

нившихся» князей, однако те, естественно, не рискнули явиться, и тогда он двинул в Курскую волость свои войска. Олег и Святослав бежали к Туда-Менгу-хану, но Ахмату удалось захватить нескольких их бояр, которых он предал казни. Свои слободы баскак вскоре восстановил, и когда Олег Рыльский снова отправился в Орду, Святослав Липецкий, не дожидаясь ханского решения, опять разгромил их. Вернувшись из Сарая с ханскими чиновниками, Олег узнал о содеянном и, рассвирепев, убил Святослава, желая тем самым избежать нового нашествия Ногая. Это князю и в самом деле удалось: вскоре он вместе с двумя сыновьями был убит Александром Липецким, братом Святослава. Впрочем, узнав о гибели обоих князей, Ногай пришел к выводу, что виновные понесли заслуженное наказание, и больше не совершал набегов на и без того разоренную Курскую волость [см.: 24, с. 0; 30, с. 154–156; 46, с. 204].

Недовольный даже столь робкими попытками хана Туда-Менгу уменьшить его власть и влияние, Ногай вскоре сблизился с воинственным царевичем и вскоре подговорил его и нескольких его родных и двоюродных братьев совершить государственный переворот. В 1287 г. царевичи объявили Туда-Менгу сумасшедшим и отстранили от трона, согласно официальной историографии – добившись его официального согласия на смещение. Следующим ханом был объявлен Тула-Буга, соратник Ногая по вышеупомянутым набегам на Польшу и Литву, однако он был слишком горяч и воинственен, по мнению Ногая, поэтому по воле беклярибека, ставшего фактически временщиком Золотой Орды, ему пришлось фактически разделить верховную власть со своим родным братом Кунчеком и двоюродными – Алгуем и Тогрулом, сыновьями Менгу-Тимура [33, с. 83].

Тула-Буга и его соправители находились у власти с 1287 по 1291 гг., и именно в этот период Ногай совершил наиболее крупные свои военные кампании – против Ильханата и против Венгрии. Однако его кампании в Иране в 1288 и 1290 гг. оказались неудачными: золотоордынские войска оба раза потерпели поражение от ильхана Аргуна [15, с. 64–65]. А поход на Венгрию в 1288 г. был удачным для Ногая, но неудачным для самого Тула-Буги, двигавшегося параллельно с ним другим путем. В результате хан обвинил Ногая в своем поражении, что привело к ухудшению отношений между ними [38, с. 106].

Ногай принял решение в очередной раз сменить хана на более устраивающую его кандидатуру – благо у покойного Менгу-Тимура осталось целых десять сыновей. Его выбор пал на юного Токту, которого исследователи характеризуют как самого талантливого и честолюбивого из сыновей Менгу-Тимура. Неудивительно, что Тула-Буга и его соправители подозревали царевича в стремлении занять трон, в результате чего ему пришлось бежать из столицы на восточные окраины Золотой Орды и искать убежища у Билыкчи, сына Беркечара. Ногай вступил с ним в переписку, убедил в своей поддержке и в 1291 г. организовал государственный переворот: он заманил Тула-Бугу вместе с соправителями в свою ставку, где они были схвачены сторонниками Токты и тут же казнены [33, с. 84].

Новый хан в течение нескольких лет беспрекословно выполнял все указания Ногая, которые в большинстве случаев сводились к расправе с теми золотоордынскими сановниками и родоплеменными вождями, которых беклярибек считал своими противниками [38, с. 108–109]. Однако в середине 1290-х гг. вокруг Токты стала формироваться довольно сильная оппозиция Ногаю, состоявшая из братьев хана, высших сановников и военачальников. Сам же беклярибек в это время столкнулся с проблемами внутри собственного улуса и не сумел предупредить сплочение своих противников. Поэтому когда около 1297 г. Ногай, обеспокоенный тем, что хан может выйти из-под его контроля, потребовал от него избавиться от нескольких советников, среди которых фигурировал некий Салджитай-гурген, являвшийся отцом зятя Ногая и в то же время – дедом Токты по материнской линии. Естественно, хан отказался расправиться с собственным дедом, что привело к открытому противостоянию его с беклярибеком [33, с. 84–85].

К этому времени Ногай контролировал не только Приднестровье и области Золотой Орды на Дунае, но также и южнорусские степи, и Крым. Поэтому, открыто бросив вызов своему прежнему протезе, он уже не стал искать другого претендента на трон, а решил провозгласить ханом себя самого, причем объявил своим соправителем (и, соответственно, официальным наследником) старшего сына Джуки – известны монеты с именами их обоих [45]. Военачальники и родоплеменная аристократия разделились на сторонников хана и беклярибека, и возникла опасность раскола Золотой Орды на два самостоятельных государства.

В 1298 г. состоялось первое сражение между Токтой и Ногаем, в котором ханские войска были практически полностью разгромлены и рассеяны. Хана спасло от окончательного поражения и возможной гибели только то, что Ногай решил не идти сразу на Сарай, а предпочел наказать население генуэзских колоний в Крыму, которые опротивительно поддержали Токту и изменнически убили внука Ногая, приехавшего к ним собирать дань [38, с. 111–112, 382]. Воспользовавшись этим, Токта стал стягивать верные ему войска, вскоре число его сторонников оказалось столь велико, что даже верные военачальники Ногая начали переходить на сторону хана. В конце 1299 г. на р. Южный Буг состоялось сражение, в котором Ногай был разгромлен и убит во время бегства русским воином, находившимся на службе у Токты [33, с. 86; 38, с. 114]. Так погиб золотоордынский Kingmaker, решивший, что влияние и обширные владения позволяют ему претендовать на трон в нарушение всех принципов и норм монгольского имперского права.

Интересно отметить, впрочем, что и Ногай порой вспоминал о том, что Золотая Орда является частью монгольской империи и пытался использовать бывшее единство Чингизидов в своих интересах. Так, в начале правления Туда-Менгу он вместе с ханом Золотой Орды и Кончи, правителем Синей Орды, вел переговоры с Хубилаем, завершившиеся освобождением Номогана [33, с. 81]. А в 1299 г., незадолго до гибели, понимая, что его дело проиграно, он обратился к персидскому ильхану Газану, прося принять его и его людей в подданство (однако потомок Хулагу оказался очень рассудительным политиком и не захотел вмешиваться в золотоордынскую междоусобицу) [33, с. 86–87]. Таким образом, даже в своей сепаратистской деятельности, нарушая чингизидские принципы перехода власти, Ногай видел себя носителем монгольских имперских традиций – в той степени, впрочем, в какой это отвечало его политическим интересам и амбициям.

Впрочем, его потомки уже не пытались апеллировать к единству Чингизидов и связали свою судьбу с родовым улусом Ногая на Балканах, по-видимому, намереваясь создать собственное самостоятельное государство. Наибольшую опасность для Токты представлял Джуки – старший сын Ногая, еще при жизни отца ставший его соправителем. Спасшись с поля битвы, на котором осталось обезглавленное тело его отца, Джуки принялся наводить порядок в своих владениях на Дунае. Первым делом он решил разобраться с мятежными тысячниками, которые откололись от Ногая и захватили в плен его второго сына Теке, родного брата Джуки. Старший сын Ногая вступил в бой с мятежниками, разбил их, а одного из тысячников, попавшего в плен, обезглавил и отправил его голову к остальным мятежникам. Теке, воспользовавшись их замешательством, сумел бежать из плена и даже увел с собой несколько сотен их воинов [33, с. 85–86].

Освобождение не принесло Теке ничего хорошего: вместе с Яйлак-хатун (матерью Тури, третьего сына Ногая) он начал уговаривать Джуки примириться с Токтой и признать его власть. В приступе ярости Джуки прикончил обоих [33, с. 86; ср.: 38, с. 115–116]. Однако убийство брата восстановило против него многих военачальников, двое из которых – Таз, зять Ногая, и Тунгуз – взбунтовали войска и открыто выступили против него. Джуки со 150 воинами бежал на Северный Кавказ, где находились верные ему войска. Присоединив к ним наемников-ясов (осетин), он выступил против мятежников и разгромил их. Восставшие нойоны с уцелевшими воинами бежали к Токте.

Сам Джучи со своими увеличившимися силами вторгся в Болгарию, где в это время продолжались междоусобицы различных претендентов на трон. В отличие от отца, Джучи не стал сажать на трон какого-либо болгарского царевича или боярина, а захватил Тырново и провозгласил царем себя самого! Свое право на болгарский трон он обосновал тем, что был женат на Елене, дочери Георгия Тертера I – одного из прежних царей; ее брат Федор-Святослав находился при Джучи в качестве не то соправителя, не то заложника. Так в 1300 г. (а по некоторым сведениям и в 1298–1300 гг. [5, с. 73]) Джучи, сын Ногая, стал единственным Чингизидом, занимавшим трон в государствах Центральной Европы [см. подробнее: 3, с. 195; 26, с. 37–39; 44, с. 179]. Впрочем, некоторые средневековые арабские историки сообщают, что Джучи всего лишь нашел убежище у болгарского правителя, который впоследствии его умиротворил, чтобы не портить отношения с ханом Токтой [38, с. 117, 160–161].

Как бы то ни было, местное боярство очень скоро осознало расстановку сил и стало опасаться, как бы на Болгарию не обрушился гнев хана Токты за то, что здесь обосновался сын его злейшего врага. В начале 1301 г. Федор-Святослав и боярская верхушка составили заговор против Джучи, схватили его и бросили в темницу, где несколько дней спустя он был задушен палачами-евреями. Его голову Федор-Святослав, провозглашенный новым царем Болгарии, отправил к Токте вместе с изъявлением своей покорности. В благодарность Токта отказался от сюзеренитета над этим балканским государством, которое, впрочем, после 20-летнего правления Федора-Святослава вновь погрязло в междоусобицах [см.: 44, с. 179; ср.: 20, с. 31]. Тем не менее, этот шаг Токты вскоре привел к существенному ослаблению позиций Золотой Орды на Балканах [см.: 39, с. 188–191].

Как только было покончено с Джучи, новые проблемы для Токты стал создавать Тури, брат Джучи. После гибели Ногая его третий сын скрылся во владениях ильхана, поскольку был женат на дочери Абаги б. Хулагу. Однако, не встретив там ожидаемых почестей, он на рубеже 1300/1301 гг. вернулся в бывшие владения отца на Дунае. К этому времени Токта назначил в улусы Ногая своих наместников: на Урале – своего сына Ильбасара, а в Придунавье – другого сына Тукель-Бугу и брата Сарай-Бугу [см.: 18, с. 187; 36, с. 387; 54, с. 148–149]. Именно Сарай-Буга оказался настолько неосторожен, что принял сына Ногая при своем дворе.

День за днем Тури, унаследовавший от отца его коварство и склонность к интригам, внушал Сарай-Буге, что тот достоин трона не менее, чем сам Токта. В конце концов, Сарай-Буга вместе с Тури двинули свои войска в направлении Сарая, однако на их пути лежали владения Бурлюка – другого брата Токты. Недолго думая, мятежники предложили Бурлюку присоединиться к нему, и тот притворно согласился, а сам в это время направил к хану в Сарай гонца с предупреждением о мятеже. Затем, пригласив Сарай-Бугу и Тури к себе на переговоры, он схватил их и по приказу хана умиротворил обоих. С этого времени в придунайских владениях Золотой Орды правили несколько ханских наместников, а автономный улус прекратил свое существование [38, с. 118–119, 384; см. также: 40, с. 91].

Из всего многочисленного потомства Ногая уцелел только царевич Каракисек, сын Джучи. После гибели Тури он вместе с двумя родичами и тремя тысячами воинов бежал на территорию Болгарии, где его отец нашел свою погибель. Не пускаясь в столь опасные авантюры, как его отец и дядя, Каракисек поступил на службу к видинскому деспоту Шишману, став таким образом первым Чингизидом «на иностранной службе» [38, с. 119, 182; см. также: 4, с. 58; 9, с. 111].

Так к 1302 г. Токте удалось ликвидировать мятеж Ногая и его потомков и, наконец, преодолеть раскол, фактически существовавший в Золотой Орде в течение двух десятилетий. Теперь хан мог больше внимания уделять другим вопросам своей внутренней и внешней политики.

Что же касается Токты, то он, еще находясь под контролем Ногая, пытался проводить политику нормализации отношений с другими чингизидскими улусами. Так, в 1294 г. он заключил мир с ильханом Гейхату. На рубеже XIII–XIV вв. при активном участии Токты начались переговоры правителей Чингизидских улусов, результатом которых стало восстановление Монгольской империи – правда, уже на уровне конфедерации независимых государств, среди которых номинальным верховенством обладала империя Юань: ее правитель считался верховным арбитром в случае возникновения спора между владетелями улусов [53, с. 340].

Несомненно, активно выступая вместе с императором Юань Тэмуром, чагатайским ханом Дувой, Угедэидом Чапаром и ильханом Газаном (а затем – и его преемником Олджайту) за создание «второй империи» Чингизидов, Токта отнюдь не руководствовался ностальгией по былому величию. Его заинтересованность в единстве империи объяснялась вполне конкретными политическими причинами. Прежде всего, восстановление отношений с империей Юань позволило Токте вернуть контроль над китайским округом Пиньянфу, которым некогда владел еще Бату, но потом их конфисковал Хубилай после конфликта с Берке. Токта мирно вернул этот округ (вернее, право получения с него дохода) и получил в дополнение к нему еще два округа, Цзиньчжоу и Юньчжоу с ежегодным доходом 2 400 лян серебра – вероятно, в благодарность за содействие императору Тэмурю в восстановлении империи [19, с. 32]. Второй причиной было то, что, поскольку все чингизиды имели равные права на престол, у Токты появилась возможность самому предъявить претензии на трон общемонгольского хана – что он и попытался сделать, согласно сообщению арабских источников под конец своего правления, однако не успел осуществить свое намерение, потому что умер [38, с. 162, прим. 1].

Одновременно с этим, около 1310–1311 гг., Токта решил провести в Улусе Джучи денежную реформу, наконец завершив то, что неудачно пытались осуществить его предшественники – Берке и Менгу-Тимур. На всей территории Золотой Орды была введена единая монета, хотя и чеканившаяся на разных монетных дворах [43, с. 120–123]. Логично предположить, что это могло быть сделано на основе заимствования опыта империи Юань в области денежной политики: укрепление связей с китайскими монголами позволяло Токте заручиться поддержкой юаньских специалистов в этом вопросе. Можно предположить, что Токта намеревался со временем отменить чеканку монеты во всех городах, кроме Сарая, но не успел это сделать по причине смерти.

И хотя из единства чингизидских улусов ничего не вышло (Дува вскоре начал войну с Чапаром, закончившуюся тем, что он присоединил Улус Угэдэя к своим владениям), Токта сумел на какое-то время обезопасить Золотую Орду от угрозы вторжения со стороны родственников из других улусов. Это оказалось очень своевременным, поскольку как раз в это время начались проблемы в Синей Орде, которая, как мы помним, являлась фактически самостоятельным государством с собственной династией правителей, но теперь нуждалась во вмешательстве извне для решения династических проблем: около 1300 г. скончался Кончи, правитель Синей Орды, и на трон предъявили претензии сразу два правителя из разных ветвей потомков Орду-Ичена – Баян, сын Кончи, и его троюродный брат Куйлюк. Претензии последнего немедленно поддержали Хайду и Дува, которым была выгодна любая смута в Улусе Джучи, поэтому Токта выступил на стороне Баяна и направил на помощь ему 20 000 своих воинов. Борьба за власть в Синей Орде растянулась почти на десять лет: Баян оказался неэффективным правителем, и даже смерть Хайду в 1301 г. (его преемник Чапар решил не вмешиваться в междоусобицу Джучидов) и гибель Куйлюка около 1305 г. не привели к ее окончанию. Претензии Куйлюка на трон унаследовал его сын Кушай, кроме того, некоторые противники Баяна провозгласили новым правителем Синей Орды его родного брата Мангутая – таким образом, между 1308 и 1310 г. в Синей Орде претендовали на трон

сразу три правителя. Завершилась эта война в 1310 г.: Токта, выполняя союзнические обязанности по отношению к империи Юань, выступил против чагатайского Эсен-Буги, и его войска, оказавшись на территории Синей Орды, сумели покончить с междоусобицей и утвердить Баяна на троне [38, с. 118; см. также: 41, с. 135–146].

Между тем объединение в рамках «второй империи» не помешало властителю Ирана Олджайту вступить в новую войну с Золотой Ордой в 1308 г. По-видимому, ильхан решил, что золотоордынский хан слишком вовлечен в смуту в Синей Орде, и счел это удобным моментом для нападения. Однако Токта успел перекинуть часть войск в Азербайджан и не допустил глубокого вторжения иранских монголов в свои владения. До самой смерти Токты в 1312 г. отношения с Ираном оставались напряженными, но открытых боевых действий не велось: подобно своим предшественникам, Токта поддерживал союз с египетскими мамлюками, которые в начале 1310-х гг. активизировали военные действия в Сирии, что не позволило Олджайту продолжать войну с Улусом Джучи [15, с. 70–71].

Как и его соперник Ногай, Токта вступил в конфликт с генуэзскими колониями на юге Крыма. Правда, если мятежный беклярибек разорил их в качестве отместки за убитого внука, хан решил наказать итальянцев за то, что они скупали детей ордынских подданных во время голода в Улусе Джучи и продавали их на Запад (а по предположению некоторых авторов – за шпионаж в пользу Ильханата). В 1308 г. Токта отправил войско на Каффу, итальянское население которой практически полностью погрузилось на корабли и поспешно покинуло ордынские владения. Восстановление колонии произошло только в 1313 г., в начале правления следующего хана – Узбека [49, с. 412–413].

Токта, как и его предшественники, старался поддерживать порядок в вассальных государствах (в особенности в русских княжествах) мирными методами, однако это не всегда получалось. В 1293 г. он поддержал претензии на великокняжеский стол во Владимире князя Андрея, сына Александра Невского – в ущерб его брату Дмитрию (которого, как уже упоминалось, поддерживал Ногай, бывший в это время на пике своего могущества), – и направил ему на помощь своего брата Тудана во главе крупных сил. Это вторжение, известное в русских летописях как «Дюденева рать», оказалось очень разорительным для Северо-Восточной Руси, но цель была достигнута: Дмитрий Александрович окончательно отказался от прав на великое княжение, и смута в семействе Александра Невского завершилась [28, стб. 527]. В 1297 г. Токта попытался закрепить мирные отношения среди своих русских вассалов: по его инициативе в Переяславле был созван съезд князей, на котором ханский посол Алекса Неврюй огласил ярлык Токты, предписывавший русским князьям отныне решать свои разногласия путем переговоров [32, с. 347–348, 351].

Во многом сравнительно мирные отношения Токты с Русью объяснялись и тем, что хан не вмешивался во внутреннюю политику русских княжеств (если их действия не угрожали его сюзеренитету над Русью) и соблюдал лествичное право – принцип престолонаследия, установившийся на Руси. Так, когда в 1304 г. умер его ставленник великий князь Андрей Александрович, претензии на великое княжение предъявил его племянник Юрий, сын Даниила Александровича Московского, но по воле Токты великим князем стал Михаил Ярославич Тверской – как старший в роду князей Северо-Восточной Руси, в соответствии с русскими правовыми традициями [25, с. 92].

Косвенные сведения источников позволяют исследователям высказать предположение, что Токта (первым из ханов Золотой Орды!) сам намеревался посетить Русь. Однако в 1312 г. он погиб при невыясненных обстоятельствах – по сведениям «Муизз ал-ансаб», при крушении корабля, на котором путешествовал по Волге [14, с. 41]. Столь нетипичная для монгола-кочевника смерть являлась официальной версией, тогда как неофициально стали ходить слухи о том, что он мог быть отравлен по приказу своего племянника Узбека.

1. Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г.С. Саблукова // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакинф. История первых четырех ханов дома Чингизова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Т.; Б., 1996. С. 3–186.
2. Брун Ф.Я. Материалы для истории Сугдеи // Брун Ф.Я. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. (1852–1877 г.). Ч. 2. Одесса, 1880. С. 121–158.
3. Вернадский Г.В. История России: Монголы и Русь. Тверь: Леан; М.: Аграф, 2000. 480 с.
4. Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. Пг., 1922. 58 с.
5. Владимиров Г.В. Образ татар и Золотой Орды в современной болгарской историографии // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008. С. 71–77.
6. Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах / Пер. под ред. В.Н. Карпова. СПб., 1862. XXII + 526 с.
7. Горский А.А. Ногай и Русь // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М.: Восточная литература, 2002. С. 130–155.
8. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.
9. Грумм-Гржимайло Г.Е. Джучиды. Золотая Орда // Мир Льва Гумилева. «Арабески» истории. Кн. I: Русский взгляд. М.: ДИ-ДИК, 1994. С. 100–148.
10. Далай Ч. Монголия в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1983. 232 с.
11. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.
12. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М.: Наука, 1966. 160 с.
13. Золотая Орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники / Пер. с кит., сост., введ. ст. и коммент. Р.П. Храпачевского. М.: Б.и., 2009. 336 с.
14. История Казахстана в персидских источниках. Т. III: Му'изз ал-ансаб («Прославляющее генеалогии») / Пер. с перс., пред., прим. Ш.Х. Вохидова. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 672 с.
15. Камалов И.Х. Отношения Золотой Орды с Хулагуидами. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. 108 с.
16. Киракос Гандзакечи. История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л.А. Ханларян. М.: Наука, 1976. 359 с.
17. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 620 с.
18. Костюков В.П. Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. С. 169–207.
19. Кычанов Е.И. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2001. С. 30–42.
20. [Лонгинов А.В.] История славено-болгарская о народах и о царях и святых болгарских и о всех деяниях и бытия болгарская // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XVI. 1893. Отд. II. С. 1–54.
21. Малышев А.Б. Начало католического миссионерства в Золотой Орде // Восток – Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур. Саратов, 2001. С. 140–145.
22. Мухамадиев А.Г. Древние монеты Казани. Казань: Татарское книжное изд-во, 2005. 200 с.
23. Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного ун-та, 2003. 178 с.

24. Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 178 с.
25. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 568 с.
26. Палаузов С.И. Юго-восток Европы в XIV столетии. Ст. вторая // Журнал Министерства народного просвещения. Октябрь 1857. Отд. II. С. 26–56.
27. Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV–XV вв. / Под ред. Л.В. Черепнина. М.: Государственное изд-во юридической лит-ры, 1955. 528 с.
28. Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 3: Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. Стб. 489–577.
29. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1843. 381 с.
30. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 462 с.
31. Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.: АСТ; Евразия, 2006. 350 с.
32. Приселков М.Д. Троицкая летопись. СПб.: Наука, 2002. 515 с.
33. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю.П. Верховского; примеч. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова; ред. И.П. Петрушевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 253 с.
34. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А. К. Арендса; ред. А.А. Ромаскевич, Е.Э. Бертельс, А.Ю. Якубовский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 340 с.
35. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 86–189.
36. Руссев Н.Д. Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов // *Stratum*. 1999. № 5: Неславянское в славянском мире. С. 379–407.
37. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
38. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 564 с.
39. Травкин С.Н. Некоторые вопросы нумизматики и истории Старого Орхез (золотоордынский период) // *STRATUM PLUS*. 2000. № 6: Печать презренного металла. С. 188–199.
40. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М.: Восточная литература, 1993. 168 с.
41. Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кипчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань: ФЭН, 2013.
42. Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. III. М.: Мысль, 1997. 829 с.
43. Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // *Нумизматика и эпиграфика*. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 94–192.
44. Хара-Даван Э. Чингиз-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XV вв. 2-е изд. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1991. 224 с.
45. Хейвуд К. Некоторые проблемы нумизматического доказательства правлений хана Ногая и Джеки // *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556*. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2001. С. 129–145.
46. Черепнин Л.В. Татаро-монголы на Руси (XIII в.) // *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М.: Наука, 1977. С. 186–209.
47. Ala-ad-Din Ata-Malik Juvaini. Genghis Khan: The History of the World-Conqueror / Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A. Boyle with intr. and bibl. By D.O. Morgan. Manchester: Manchester University Press, 1997. LXVII + 763 p.

48. Biran M. *Qaidu and the rise of the independent Mongol state in Central Asia*. Richmond: Curzon, 1997. 198 p.
49. Di Cosmo N. *Mongols and Merchants on the Black Sea Frontier in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: Convergences and Conflicts // Mongols, Turks and others. Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Leyden; Boston, 2005. P. 391–424.
50. Geanakoplos D.J. *Emperor Michael Palaeologus and the West. 1258–1282. A study in Byzantine-Latin relations*. Cambridge: Harvard University Press, 1959. 434 p.
51. Hammer-Purgstall J. *Geschichte der Goldenen Horde, das ist: der Mongolen in Russland*. Pescht, 1840. L + 683 s.
52. Klaproth M. *Des entreprises des Mongols en Georgie et en Armenie dans le XIIIe siecle // Nouveau Journal Asiatique*. Septembre 1833. P. 273–305.
53. Liu Y. *War and Peace between the Yuan Dynasty and the Chaghadaid Khanate (1312–1323) // Mongols, Turks and others. Eurasian Nomads and the Sedentary World / Ed. by R. Amitai, M. Biran*. Leyden; Boston: Brill, 2005. P. 339–358.
54. Schamiloglu U. *Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde*. Ph.D. Dissertation. Columbia University, 1986. 286 p.
55. Vagnon E. *Cartographie d'une ville disparue Vicina sur le Danube // Revue de la Bibliotheque nationale de France*. № 24. 2006. P. 6–11.

§ 2. Расцвет Улуса Джучи: правление Узбека и Джанибека

Роман Почекаев

«Золотой век» Золотой Орды: правление Узбека.

С именем хана Узбека (1313–1341) принято связывать период наивысшего расцвета Золотой Орды, пик ее могущества. Действительно, его правление являлось одним из самых ярких в истории, и ему и в самом деле удалось осуществить радикальные реформы в системе управления Улуса Джучи. Тем не менее, подробное изучение истории его правления позволяет утверждать, что он вовсе не был таким идеальным правителем, каким его изображают средневековые мусульманские авторы, и «золотой век» был всего лишь роскошным фасадом, за которым скрывались глубокие политические проблемы.

Причиной того, что Узбек так широко прославлялся в трудах средневековых арабских, персидских и среднеазиатских авторов, несомненно, является его религиозная реформа: на рубеже 1310–1320-х гг. этот хан официально сделал ислам государственной религией Золотой Орды, и восточные хронисты подробно описывали набожность Узбека и его ревностную борьбу за торжество «истинной веры». Однако вряд ли следует объяснять религиозную реформу чрезмерной приверженностью Узбека к исламу: она имела чисто политические причины.

После смерти Токты претензии на власть предъявили его сын Тукель-Буга, и племянник Узбек, также занимавший высокое положение при дворе и в войсках. Сторонники Узбека вероломно прикончили Ильбасара, однако у Токты оставались и другие потомки, на стороне которых выступило немало ордынских родоплеменных предводителей, сановников и военачальников. Чтобы сплотить своих сторонников, Узбеку нужны были средства, а эти средства были у мусульманского духовенства и купечества. Соответственно, претендент объявил, что сделает ислам государственной религией Улуса Джучи, чем сразу же привлек к себе не только священнослужителей и торговцев, но и обеспечил поддержку мусульманских регионов Золотой Орды. Тем не менее, борьба затянулась на много лет, и только в 1320 г. Узбек мог в своем послании египетскому султану ан-Насиру объявить, что ислам восторжествовал на всей территории империи Джучидов, и все его враги разбиты. Вероятно, именно к этому времени погиб

последний из трех сыновей Токты, а также и другие претенденты на трон: по сведениям источников во время этой борьбы Узбеком было уничтожено около 120 только потомков Чингиз-хана [52, с. 141; ср.: 61, с. 102–104]!

Кроме того, Узбек уничтожил «бахшей и лам», т.е. буддистов и священнослужителей других конфессий, которым покровительствовали Токта и его приверженцы. Совершенно очевидно, что торжество ислама было только поводом (возможно, даже преувеличенным мусульманскими историками Египта и Сирии, из сочинений которых мы знаем об этих событиях): после уничтожения основных политических противников, Узбек лишился повода преследовать «иноверцев» и вновь позволил им исповедовать свою религию и даже занимать видные посты. Писцы-«бахши», т.е. уйгуры-буддисты, продолжали состоять при дворе Узбека и его преемников [см., напр.: 18, с. 71, 74], а буддийские праздники и обряды имели место в Золотой Орде даже в первой половине XV в., как сообщает, в частности, Иоганн Шильтбергер – баварский наемник, находившийся на службе у золотоордынских ханов [см. подробнее: 29, с. 190, 202–203].

Сделав ислам официальной религией, Узбек принял тронное имя «султан Гийас ад-Дин Мухаммед Узбек» и продолжил реформы, чтобы привести административную и судебную систему Золотой Орды в соответствие с канонами новой государственной религии.

Наряду с монгольскими имперскими судами-дзаргу в Улусе Джучи были введены мусульманские суды-кади. Впрочем, тяжущиеся сами имели право выбирать, в какой суд им обращаться: согласно Ибн Батуте, и дзаргучи, и кади заседали в смежных залах при дворце правителя той или иной области [22, с. 76].

Административная реформа Узбека обеспечила существенную централизацию власти хана: все многочисленные уделы потомков Джучи и клановых предводителей были преобразованы в 70 туменов и объединены в десять крупных областей-улусов, во главе которых были поставлены ханские наместники – улус-беки [19; 66, с. 89–103]. Осуществив реформу на территории Белой Орды, т.е. во владениях, находившихся под полным контролем, Узбек попытался интегрировать в новую систему и Синюю Орду, тем самым существенно урезав ее автономию. Недовольный этим, Мубарак-ходжа, правитель Синей Орды, около 1328 г. поднял восстание против Узбека (провозгласив себя ханом и начав чеканку собственной монеты), но был разгромлен и бежал, а в Синей Орде также появился ряд ханских наместников, подчинявшихся, по-видимому, Тимуру – старшему сыну Узбека, а после его смерти – следующему сыну Тинибеку [52, с. 130, 211, 214].

Есть все основания полагать, что административно-территориальная реформа Узбека стала не плодом его личных идей, а результатом заимствования из административного опыта империи Юань. Подобно Токте, Узбек поддерживал связи с монгольскими ханами, получил в имперской иерархии сан «князя третьей степени» и считался владельцем трех областей, ранее полученных Токтой от хана Тэмур – императора Ченцзуна. Уже в последние годы правления Токты поднимался вопрос о создании на территории этих областей отдельного генерал-губернаторства, однако реально оно было создано в 1337 г., т.е. уже ближе к концу правления Узбека [6, с. 202]. Тем не менее, в ходе переговоров по этому поводу Узбек, скорее всего, получил достаточно полное представление об административно-территориальном устройстве империи Юань и взял ее за основу в собственной преобразовательной деятельности – естественно, с учетом золотоордынской специфики. Таким образом, совершенно неслучайно система административных единиц Улуса Джучи (улусы под управлением улус-беков и подчинявшиеся им тумены под управлением даруг или темников) сходна с такой же двухуровневой системой империи Юань: округа (тао) во главе с генерал-губернаторами и «дороги» (лу) во главе с губернаторами [78, с. 594–595; см. также: 47, с. 38].

Централизация ханской власти также нашла отражение в урезании прав владельцев Чингизидов: в правление Узбека они не могли напрямую управлять своими уделами, собирать с них налоги в свою пользу, формировать собственные войска – всеми этими вопросами занимались ханские чиновники. В зависимости от места потомка Джучи в семейной иерархии он получал соответствующие выплаты из ханской казны, куда поступали налоги из соответствующих уделов. Естественно, новая система управления не слишком нравилась ни царевичам из ханского рода, ни влиятельным родоплеменным вождям, поэтому, вероятно, распад Золотой Орды в 1360–1370-е гг. одной из своих причин имел противодействие централизаторской политике Узбека и его преемников, зрвшее с 1320-х гг.

В отличие от относительно миролюбивого Токты, Узбек оказался весьма воинственным ханом. В самом начале правления, в 1313 или 1314 г. он, вероятно, чувствуя себя не вполне уверенно на троне, отказался вмешаться в междоусобицу Чагатайского Улуса и империи Юань. Тогда, стремясь вовлечь Узбека в войну на своей стороне, чагатайский правитель Эсен-Буга передал Узбеку сведения о том, что император Юань, якобы, не признает законности воцарения Узбека и намерен передать трон другому царевичу. Однако Кутлуг-Тимур, двоюродный брат и беклярибек Узбека, сумел проверить эту информацию и опровергнуть ее [52, с. 141–142; 80, с. 346–350]. Впрочем, уже несколько лет спустя Узбек начал серию войн, которые вел уже до самого конца своего правления – как с другими Чингизидами, так и с вассалами, и с соседними государствами.

В отношении Ирана Узбек поначалу намеревался сохранять мир, хотя и отправил сразу после своего воцарения к ильхану Олджейту послов с требованием вернуть «все, что является нашим по ярлыку Мункэ-каана»: по-видимому, речь шла о тех иранских землях, которые по указу Мункэ должны были отойти Золотой Орде за то, что ее воины приняли участие в походе Хулагу. Его требование было проигнорировано, но в 1314 г. новое посольство Узбека уже официально заключило мир с ильханом [см.: 24, с. 73; 30, с. 86]. Этот мир едва не был нарушен из-за некоего Баба-огула – джучидского царевича (предположительно, потомка Шибана, брата Бату [23, с. 42]), бежавшего из Золотой Орды и поступившего на службу к ильхану. Получив от него отряд в 1 500 всадников, он совершил грабительский рейд на Хорезм, а когда наместник Кутлуг-Тимур выступил против него, часть хорезмских войск перешла на сторону царевича и вместе с его отрядом обрушилась на города и селения Хорезма. Наверное, именно его происхождение объясняет переход на его сторону воинов Кутлуг-Тимура, наместника Хорезма: они посчитали действия Баба-огула, потомка Чингиз-хана, более законными, чем действия наместника, который, хотя и состоял в родстве с ханским домом, сам не принадлежал к «Золотому роду». Захватив множество пленных, Баба-огул вернулся в Иран. Узбек тут же направил гневное письмо ильхану, в котором требовал выдать ему Баба-огула. По приказу Олджейту его наместник в Ходженте, чагатайский царевич Йасавур, напал на Баба-огула, разгромил его и заставил освободить пленников. Баба-огул явился с повинной к ильхану, и тот приказал его казнить на глазах у посланцев Узбека. Мир был восстановлен [52, с. 139–140]. Поддерживая мир с ильханом Олджейту, Узбек даже отказался (по совету своего беклярибека Кутлуг-Тимура) от возможности занять трон Хулагуидов после смерти ильхана в 1316 г. – такое предложение поступило ему от иранского эмира Чобана. По сведениям арабских хронистов, вышеупомянутый Кутлуг-Тимур – родич и приближенный Узбека, – выслушав предложение Чобана, сказал Узбеку, «что когда он пойдет в Хорасан, то Северное государство уйдет из рук его, и им овладеет другой. Часто трудно будет управиться с другим государством, и пропадут оба» [57, с. 324–325]. Таким образом, причины отказа крылись не в благородстве Узбека и его намерениях следовать мирному договору с ильханом, а в неустойчивости его собственной власти в тот момент.

Но вскоре, видя, что от желанного единства не осталось и следа, и даже сам «верховный арбитр» всех споров, император Юань, беспрестанно ведет междоусобицы с родичами, Узбек счел себя свободным от обязательств союзного договора. Для начала он решил заручиться поддержкой других противников ильхана и вступил в переписку с вышеупомянутым Йасавуром, который после смерти ильхана Олджейту восстал против его наследника Абу Саида и захватил контроль над Хорасаном. Узбек и Йасавур решили предпринять совместные действия против ильхана, однако этому помешали проливные дожди, из-за которых войска союзников не смогли соединиться [52, с. 140; 57, с. 517–518]. А вскоре Йасавур погиб в борьбе с Кебеком, ханом Чагатаева Улуса, у которого пытался отнять трон. Узбек не мог помочь ему в этой борьбе, поскольку находился в союзе и с Кебеком [57, с. 524; 71, с. 59].

В 1320 г. Узбек-хан возобновил боевые действия против хулагуидского Ирана, в очередной раз вознамерившись присоединить к Золотой Орде Азербайджан. Но полководца из Узбека не вышло, и он понес тяжелое поражение. Тем более тяжелое, что ему, уже зрелому и опытному монарху, противостоял 16-летний ильхан Абу Саид с гораздо меньшим числом воинов! А в 1325 г. владения Узбека, в свою очередь, подверглись нападению иранских войск: эмир Чобан (который некогда сам предлагал иранский трон Узбеку) вторгся через Грузию в северокавказские области Золотой Орды и опустошил их, после чего поспешно отступил в Арран, не вступая в битву с ордынскими войсками [1, с. 104; 52, с. 92]. Вероятно, этот конфликт имел серьезные последствия для всего региона, поскольку упоминается даже в «Книге о Великом Хане», составленной около 1330 г. для папы римского Иоанна XXII: «Так, когда император Узбек (*l'empereur usborch*) имел войну с императором Буссая и намеревался сражаться с ним, он вывел на поле боя семьсот семь тысяч всадников без каких-либо тяжелых последствий для своей империи» [79, с. 60; см. также: 47, с. 15–16].

Потерпев поражение на поле битвы, Узбек решил попытаться счастья на дипломатическом поприще. От своих осведомителей в Иране он получил известия, что между юным ильханом и Чобаном, его амир ал-умара (аналог ордынского беклярибека), начались трения. Обострение отношений с ильханом Абу Саидом заставило Чобана искать поддержки других государей. Так, он намеревался поступить на службу к императору Юань, а сыновей своих отправил под защиту хана Узбека и египетского султана ан-Насира. Как раз в это время золотоордынский хан вступил в переписку с Чобаном, и тот вскоре предложил ему вновь вторгнуться в Иран, обещая поддержку своих войск. Однако вскоре и султан, и ордынский хан предпочли казнить сыновей мятежного савновника, а вскоре и сам Чобан был убит Маликом Гияс ад-Дином Куртом, заместником ильхана в Хорасане, у которого тот пытался найти убежище [1, с. 105–107; 51, с. 11–12; 71, с. 62–63]. Таким образом, и на этот раз Узбеку снова не удалось добиться успеха в противостоянии с Ильханатом.

Очередная надежда забрезжила перед золотоордынским ханом уже в 1335 г., когда Абу Саид умер, отравленный собственной супругой Багдад-хатун – дочерью эмира Чобана. Он не оставил наследников, и в Иране сразу же началась борьба за власть. Узбек тотчас же решил воспользоваться ситуацией, и в очередной раз золотоордынские войска вторглись в Азербайджан. По сообщениям некоторых средневековых персидских историков, Узбек начал вторжение в Иран еще в последние дни правления Абу Саида, и тот даже стал готовить отпор ему [52, с. 93; 71, с. 66]. Однако Абу Бакр ал-Ахари, являвшийся современником и свидетелем описываемых событий, прямо сообщает, что «когда весть о смерти султана Абу Саида дошла до Дашт-и Кипчак, Узбек-хан загорелся желанием и опять направился в Иран» [1, с. 111]. Единственное предположение, позволяющее примирить эти версии, – что хану Узбеку от своих осведомителей при дворе ильхана стало точно известно, что Абу Саид вскоре умрет, и он решил

начать действовать, не дожидаясь его смерти. Косвенно на это указывает сообщение ал-Ахари: «В месяце раби I упомянутого года (19.X – 17.XI.1335 г.) была казнена Багдадхатун из-за того, что она переписывалась с Узбек-ханом и побуждала его выступить в Иран» [1, с. 110]. Весьма вероятно, что она заранее предупреждала золотоордынского хана, что намеревается отравить своего супруга!

Как бы то ни было, на этот раз хан Золотой Орды был разбит только что вступившим на трон Арпа-ханом [1, с. 110]. Самое обидное заключалось в том, что сам новый ильхан совсем недолго пробыл на троне: в том же году он был свергнут и убит еще одним Хулагуидом – Муса-ханом! Некоторые персидские историки, как бы «оправдывая» поражение Узбека, сообщают, что во время своего вторжения в Иран он получил весть о смерти эмира Кутлуг-Тимура (он умер в Хорезме, 9 раби II 736 г.х., т.е. 26 ноября 1335 г.), что подорвало боевой дух и хана, и его войска [52, с. 93; 62, с. 59]. В любом случае, это была последняя попытка Узбека овладеть Азербайджаном. В дальнейшем борьбу за эти земли вели его преемники.

Узбек также предпринял попытку вернуть под контроль Золотой Орды балканские страны, от сюзеренитета над которыми фактически отказался его предшественник Токта. В 1323 г. ханские войска были отправлены в Болгарию на помощь царю Георгию Тертеру II, который все равно потерпел поражение от византийцев в битве при Адрианополе. Узбек не стал воевать против императора Андроника II, а затем его внука и преемника Андроника III, поскольку являлся их родичем: он был женат на дочери Андроника II (и, соответственно, тетке второго), известной в источниках как Байалун-хатун [см.: 11, с. 202]. В 1330 г. воины Узбека снова приняли участие в борьбе за передел власти на Балканах: 3 тысячи ордынцев выступили на стороне объединенных сил валашского воеводы Басараба I и византийцев против Стефана III, краля Сербии. Однако сербский правитель нанял испанских и немецких кондотьеров, с помощью которых разгромил союзников при Вельбудже, тем самым окончательно похоронив надежды Узбека восстановить былое могущество Орды на Балканах [см.: 11, с. 202–203; 40, с. 45–46].

Как раз в правление Узбека начинается возвышение Великого княжества Литовского, правитель которого, великий князь Гедимин, уже в 1320 г. сумел захватить Волынь и Киев, разгромив местных князей и пришедших им на помощь золотоордынских наместников. В 1324, а затем и в 1337 г. Узбек направлял свои войска на Литву, но восстановить контроль над Юго-Западной Русью так и не сумел. Правда, в начале 1330-х гг. войскам Узбека в пограничной стычке удалось взять в плен Наримонта, сына Гедимины, что могло бы заставить литовского правителя пойти на уступки Золотой Орде. Однако уже в 1333 г. Наримонт был выкуплен у хана московским князем Иваном Калитой и отправлен домой, в результате чего противостояние Орды и Литвы возобновилось. В 1339 г. Узбек направил войска под Смоленск, на который предъявил претензии Гедимин; на некоторое время ему удалось сохранить контроль над этим городом, но в конце того же 1339 г. Смоленск был захвачен литовцами, и его князь признал себя вассалом Гедимины. Годом позже литовцы захватили и последнее княжество Юго-Западной Руси – Галицкое, тем самым окончательно положив конец ордынскому сюзеренитету в этом регионе [5, с. 30; 39, с. 112].

В борьбе с Ираном Узбек старался поддерживать союз с Мамлюкским Египтом, – как и предыдущие правители Золотой Орды, – однако и здесь не добился больших дипломатических успехов. В 1320 г. султан ан-Насир выразил намерение взять в жены джучидскую царевну, и ему была предложена двоюродная племянница Узбека Тулунбай. Когда же послы султана прибыли к хану, он созвал совет из всех своих 70 эмиров-темников, которые затребовали за невесту калым в размере 1 млн. динаров, что заставило султана отказаться от сватовства. Однако некоторое время спустя переговоры о браке возобновились, но и на этот раз египетским послам не хватило денег, и им при-

шлость занять у ордынских купцов 27 тыс. динаров, после чего все формальности были, наконец, улажены; однако хан потребовал за нее такой огромный калым, что египтянам, прибывшим со свадебным посольством пришлось одалживать крупную сумму у ордынских купцов [21, с. 78–80; 57, с. 167–168, 438–439, 518–519]. Не исключено, что Узбек решил дать возможность «заработать на брачном контракте» своим мусульманским друзьям-торговцам, которые помогли ему вступить на престол! Как бы то ни было, царевна из рода Чингиз-хана в 1320 г. стала султаншей Египта.

Согласно арабским источникам, эта царевна была «дочь Тукаджи, сына Хинду, сына Теку, сына Душихана, сына Чингиз-хана» [57, с. 518]. В дальнейшем ее судьба сложилась довольно драматично: в браке с султаном она пробыла около восьми лет, после чего в апреле 1327 г. была выдана замуж за его эмира Сайф ад-Дина Каусуна (по другой версии – Менгли-Бугу), а после его смерти – за его брата Сусуна, и, наконец – за эмира Умара. Умерла она в Египте, по одним сведениям, 8 сентября 1340 г., по другим – 18 августа 1342 г. или даже 20 января 1364 г. [57, с. 198–199, 264, 440, прим. 2]. Весьма любопытную историю рассказывает ал-Айни: когда до Узбека дошли слухи о разводе султана, он направил ему раздраженное письмо, в котором вспоминал, с какой настойчивостью ан-Насир добивался этого брака, и интересовался причинами развода. Султан, чтобы не портить отношения с ханом, решился на нечестный поступок: он заявил послам Узбека, что царевна умерла, причем составил соответствующий документ, который был засвидетельствован его эмирами и передан ордынским послам для представления хану [57, с. 527–529].

В другой раз во время переговоров с Египтом Узбек поступил еще более резко: разгневанный отказом мамлюкского султана в военной помощи, он приказал казнить египетского посла – венецианца Шакрана, пользовавшегося к тому же особой милостью султана ан-Насира [3, с. 18].

Одним из положительных последствий внешней политики Узбека стало его покровительство итальянским колониям в Северном Причерноморье. В 1313 г. он позволил генуэзцам, изгнанным из Крыма Токтой, вновь обосноваться в Каффе. В 1320 г. венецианские купцы Причерноморья обратились к хану с прошением выделить им участок в этом регионе для строительства постоянной фактории и пожаловать торговые льготы. Однако для принятия положительного решения хану понадобилось долгое время. Сановники и законоведы Узбека 12 лет тщательно изучали существующую ситуацию и анализировали имевшиеся в причерноморском регионе прецеденты таких пожалований со стороны ильханов Ирана, императоров Трапезунда и других государей. Только в 1332 г. соответствующий ханский ярлык был выдан венецианским купцам, получившим право строительства своей фактории в Азаке (Азове) [18, с. 10; 53, с. 32; 77, с. 411]. Тем самым хан способствовал развитию черноморской торговли и, соответственно, существенному увеличению доходов в казну от торговых налогов и сборов [18, с. 5–33, 67, с. 117–118; 77, с. 411]. Впрочем, нельзя исключать и такое предположение, что Узбек решил предоставить венецианцам владения для фактории и привилегии, чтобы не проиграть экономическую борьбу своему врагу – ильхану Ирана: в 1306 г. иранские Хулагуиды предоставили венецианцам торговые привилегии, а в 1320 г. разрешили основать факторию в одном из крупнейших городов ильхана – Тебризе [см.: 26, с. 96].

Однако не все обитатели Причерноморья пользовались милостью Узбека. Так, например, по сведениям арабского путешественника Ибн Баттуты, в 1322 г. в Судаке произошел конфликт между мусульманским и христианским населением города. Для восстановления порядка туда были отправлены ордынские войска под командованием Тулак-Тимура и Кара-Пулада, которые оккупировали город и предприняли ряд санкций против христиан – сняли церковные колокола и конфисковали иконы [4, с. 600, 621; 57, с. 303; см. также: 10, с. 143; 11, с. 203]. Кроме того, в правление Узбека вновь, как и при

его дяде Токте, имели место случаи торговли ордынцами с последующей продажей их за границу – правда, на этот раз столь недозволенной деятельностью занимались уже не крымские генозцы, наученные горьким опытом, а племена Северного Кавказа, номинально признававшие сюзеренитет хана Золотой Орды. Узбек-хану пришлось совершить ряд карательных походов против черкесов и ясов, чтобы отбить у них охоту захватывать и продавать его подданных [57, с. 231].

В отличие от своих предшественников, Узбек очень активно вмешивался в дела своих вассалов – русских князей. Термин «ордынское иго на Руси» является наиболее оправданным именно применительно к его правлению. Узбек полностью отверг древнерусский лестничный принцип престолонаследия старшим в княжеском роду и передавал великокняжеский престол тому, кому считал нужным. Так, в 1317 г. он сместил великого князя Михаила Тверского (утвержденного Токтой) и передал владимирский престол младшему по возрасту и месту в княжеской семейной иерархии Юрию Московскому, женив его на своей сестре. Предвидя, что законный великий князь не уступит ему великого княжения без сопротивления, Юрий выпросил у Узбека два тумена ордынской конницы. Михаил не стал противиться ханской воле и отказался от великого княжения в пользу Юрия. Однако торжествующему московскому князю этого оказалось мало, и он вместе с ордынскими послами Кавгадыем и Алчедаем и преданными им войсками решил вторгнуться в Тверское княжество – личные владения своего противника. Эти войска были разгромлены Михаилом Тверским, Юрий бежал, а посол Кавгадый решил сдаться победителю. А хуже всего было то, что в плен к тверскому князю попала и молодая великая княгиня Кончака (получившая в крещении имя Агафья), которая как-то очень быстро и таинственно скончалась в Твери. Причины ее смерти так и остались неизвестными (хотя даже некоторые русские летописцы, сообщают, что «княгиню его [Юрия – *Авт.*] яша и приведоша во Тферь, тамо умориша» [40, с. 338]), однако Юрий Московский не без помощи Кавгадыя обвинил Михаила в том, что тот ее отравил, и Узбек, огорченный смертью сестры, поверил этому обвинению [см.: 15, с. 50; 55, с. 214; см. также: 8, с. 95]. В 1318 г. Михаил Тверской был вызван на суд в Золотую Орду, причем Узбек, как лицо заинтересованное, постарался продемонстрировать свою объективность – он отказался лично судить князя, передав его дело на рассмотрение эмирам, которым сказал, согласно русским летописям: «Что ми есте молвили на князя Михаила, сотворите има суд с великимъ княземъ Юрьемъ Даниловичемъ Московскимъ. Да которого правду скажите ми, того хошу жаловати, виноватого казни предати» [45, с. 163]. Конечно, эмиры прекрасно понимали, какого именно решения ждет от них хан! Впрочем, вопрос о виновности тверского князя в гибели ханской сестры практически не рассматривался – и без него обвинений хватало. Юрий Московский обвинил своего соперника в весьма серьезных прегрешениях: утаивании ордынского «выхода», сопротивлении ханскому послу и переговорах с «немцами» (вероятно, Тевтонским орденом) о союзе против Золотой Орды. Не удивительно, что суд затянулся и завершился только в 1319 г. Михаил Ярославич был признан виновным и казнен, а впоследствии на Руси причислен к лику святых [44, стб. 410–413; см. также: 15, с. 50–51; 28; 55, с. 215–217; 81, с. 73–74].

Впрочем, в 1322 г. Узбек сам же сместил Юрия и передал трон Дмитрию, сыну Михаила Тверского, а затем – его брату Александру. Год спустя, в 1327 г., Узбек, начавший с недоверием относиться и к этому своему ставленнику, направил в Тверь с чрезвычайной миссией своего посла, который имел полномочия на время своего пребывания пользоваться властью даже большей, чем князь. Чтобы воля хана выглядела еще весомее, был выбран и соответствующий посол – двоюродный брат Узбека, царевич Шевкал, сын Тудана – того самого, который в 1293 г. осуществил страшную «Дюденеву рать»: назначая своего родственника послом, Узбек как бы намекал русским, что ожидает их в случае непокорности. Шевкал, наделенный столь значительными

полномочиями, вел себя, по понятиям тверичей, слишком вызывающе. Он даже выселил князя Александра из его собственного терема, где разместился сам со своей свитой. В народе начали распространяться совершенно фантастические слухи о том, что ханский родич намерен уничтожить семейство тверских князей и лично вокняжиться в Твери [43, с. 194; см. также: 66, с. 137]! Любопытно отметить, что впоследствии эти слухи нашли отражение в народной песне «Щелкан Дудентьевич», в целом близко к летописи отразившей события в Твери 1327 г. Согласно песне, «Щелкан» стал самовластным правителем и «судьей» в Твери, поправ права князя и горожан, за что и был ими убит [20, с. 24–27]. В науке высказывалось мнение, что Шевкал был отправлен в Тверь не с какой-то проверочной миссией, а в качестве командующего монгольского отряда в составе русско-ордынских сил, поскольку хан Узбек намеревался создать в Твери форпост против продвижения литовцев на Русь [8, с. 140–141]. Однако эта версия никак не подтверждается источниками. Напротив, родственные и политические связи тверских князей с литовскими государями позволяют предположить обратное – возможность военного союза Твери с Литвой против Орды.

Как бы то ни было, агрессивное поведение людей из свиты Шевкала, в конце концов, привело к восстанию. Согласно летописной традиции, восстание тверичей началось с того, что члены свиты Шевкала напали на местного дьякона Дюдько и отняли у него кобылу. Вступившись за дьякона, тверичи ударили в вечевой колокол, после чего и начали избиение ордынцев в городе [см., напр.: 44, стб. 416]. Некоторые татарские авторы полагают, что восстание было спровоцировано самим тверским князем Александром [см., напр.: 63, с. 93]. В результате тверичи набросились на ордынцев, а когда те затворились в княжеском тереме и стали отстреливаться из луков, горожане (не без одобрения со стороны самого князя Александра) сожгли здание вместе с ордынцами, включая и самого Шевкала. Жестоко подавив восстание руками московского князя Ивана Даниловича, Узбек назначил одновременно двух великих князей – упомянутого Ивана Московского и Александра Суздальского. В 1337 г. он позволил Александру Тверскому (которого сам же сместил в 1337 г.) провозгласить себя великим князем в собственных тверских владениях. За время правления Узбека в его ставке было казнено не менее десяти русских князей – больше, чем всеми его предшественниками вместе взятыми [45, с. 161–172].

Однако, как и другие внешнеполитические действия Узбека, его политика на Руси имела не слишком благоприятные последствия для Золотой Орды. Своим вмешательством в русские дела он способствовал усилению одного из княжеских домов – московского. А московские князья (Иван Калита и его потомки) оказались весьма энергичными и амбициозными правителями, которые за короткое время сумели установить контроль практически над всей Северо-Восточной Русью (за исключением Твери, Рязани, Нижнего Новгорода и Великого Новгорода) и во время смуты в Золотой Орде 1360–1370-х гг. возглавили сопротивление ханской власти. Впрочем, до этого было еще далеко. В правление же Узбека русские князья, напуганные его активным вмешательством в свои дела и многочисленными расправами с представителями княжеского рода, старались не давать поводов для новых опустошительных походов.

Непредсказуемость и непоследовательность Узбека проявлялись даже в его семейной жизни. Так, например, поначалу он оказывал предпочтение своей супруге Байалун – внебрачной дочери византийского императора Андроника II Палеолога [57, с. 294–295; 82, с. 84–85; ср.: 61, с. 102] (по мнению Г.В. Вернадского – императора Андроника III, внука Андроника II [11, с. 202]). Однако когда ханша отказалась изменить христианству и перейти в ислам, Узбек резко охладел к ней и даже лишил ее брата Байдемира наместничества в Хорезме. Недовольная отношением мужа, она решила оставить его. В 1334 г. Байалун попросила у хана разрешения отправиться в Константинополь, чтобы повидать отца. Это ее путешествие описал арабский путешественник Ибн

Баттута, который в это время находился при дворе Узбек-хана и, узнав о планах ханши, добился разрешения сопровождать ее. Согласно сообщению Ибн Баттуты, оказавшись в Византии, Байалун решила остаться там и уже не вернулась в Орду. Однако сомнения в достоверности сведений арабского путешественника об этих событиях уже высказывались исследователями. Кроме того, как заявляет сам Ибн Баттута, ханша отправилась в Византию, будучи беременной, и вряд ли хан Узбек позволил бы своему ребенку остаться в чужой стране, да еще и христианской.

Новой любимицей Узбека стала Тайдула (Тай-Тоглу-бегим), подарившая ему двух сыновей-наследников – Тинибека и Джанибека. По сведениям арабских путешественников, длительное расположение к ней столь непостоянного в своих предпочтениях Узбека было связано с физиологическими особенностями ее тела. Пикантные подробности привел арабский путешественник Ибн Баттута: «Султан любит ее за одну свойственную ей особенность, которая (состоит) в том, что каждую ночь он находит ее как бы девственницей» [57, с. 293]. Остается только гадать, кто был «один из заслуживающих доверия людей» в Золотой Орде, который осмелился поделиться с путешественником столь интимными подробностями о ханше, которую «почитает и народ по причине великого уважения его (султана) к ней и несмотря на то, что она самая скупая из хатун!» Забегая вперед, следует отметить, впрочем, что Тайдула пользовалась большим влиянием не только при супруге, но затем и при сыне Джанибеке, и при внуке Бердибеке. Следовательно, своим влиянием она была обязана не только своим физическим достоинствам!

Любимым сыном Узбек-хана был его первенец Тимур, но он умер раньше отца, в 1330 г. Остальные же сыновья постоянно то пользовались расположением своего капризного отца, то попадали в опалу. Так, поначалу Узбек намеревался сделать своим наследником следующего по старшинству сына, Тинибека, и стал его готовить к этому. Тинибек командовал войсками, а в 1337–1341 гг., по некоторым сведениям, был наместником отца в Хорезме и даже отправлял собственных послов к европейским государям. Так, папа римский Бенедикт XII в послании хану Узбеку, датированному 1338 г., упоминает о прибытии к нему ханских послов «вместе с Хелимом Венгерским, францисканцем, послом великого князя Тинибека, твоего сына» [цит. по: 25, с. 307]. Ибн Баттута, побывавший при дворе Узбека в 1330-е гг., также называет Тинибека («Тинабека») «преемником царства» Узбека [57, с. 296]. Видимо, в то время старший сын Узбека был в милости у отца. О его военной кампании на востоке Улуса Джучи сообщается в «Биографии Султана ал-Малик ан-Насира»: «Перед смертью своей он [Узбек – *Авт.*] отправил старшего сына своего Тинибека с войском в земли джагатайские, первые (ближайшие) из хатайских областей, для завоевания этих стран» [57, с. 263]. Из источников известно, что Узбек в течение своего правления находился в союзе с Чагатаями и китайским императором, так что ни о каком завоевании этих областей говорить не приходится. Следовательно, есть все основания полагать, что Тинибек был направлен в Хорезм или Синюю Орду, царевичи и эмиры которой постоянно проявляли сепаратистские намерения [см.: 36, с. 139]. Ряд авторов полагает, что Тинибек на рубеже 1330–1340-х гг. возглавил ордынские войска, действовавшие против восставшего Мубарак-Ходжи и сменил его в качестве правителя Синеи Орды, которой и управлял до самой смерти своего отца Узбека [36, с. 139; 60, с. 283] (однако это мнение представляется спорным, поскольку, согласно данным нумизматики, правление и изгнание Мубарак-Ходжи относится к 1328–1329 гг., и против него действовал еще старший сын Узбека – Тимур).

За время своего пребывания на востоке Тинибек умудрился чем-то разгневаться отцу, и тот стал оказывать предпочтение его младшему брату Джанибеку. Уже с 1339/1340 г. монеты Золотой Орды чеканились с именами Узбека и Джанибека [12, с. 123; 58, с. 59; 65, с. 186; 76, с. 437], а иностранные государи в посланиях золотоордынскому хану указывали не только имя хана и его супруги Тайдулы, но и Джанибека –

например, именно так поступил вышеупомянутый папа Бенедикт XIII, направив в 1340 г. послания не только хану Узбеку, но и ханше Тайдуле и «князю Джанибеку, первородному сыну его величества государя Узбека, императора татар» [74, с. 1002]. Исследователи высказывали предположение, что Тинибек около 1339 г. был фактически сослан на восток, подальше от ханского двора, за какие-то «постыдные дела», упоминаемые персидскими авторами [18, с. 41–42].

Такое же непостоянство проявлял Узбек и в выборе сановников. Поначалу он всецело находился под влиянием эмира Кутлуг-Тимура, который помог ему взойти на трон. Узбек выдал за него замуж свою сестру, назначил его на пост беклярибека и осыпал всяческими милостями, прислушиваясь к каждому его слову. Однако несколько лет спустя Кутлуг-Тимур был лишен своего поста и отправлен в качестве наместника (улус-бека) в Хорезм. Для бывшего всеильного первого министра эта высокая должность означала всего лишь почетную ссылку! Новым фаворитом и беклярибеком Узбека стал его очередной зять Иса-гурген из рода уйшин, женатый на ханской дочери. Но какое-то время спустя и он утратил ханское расположение, и беклярибеком вновь стал Кутлуг-Тимур – только для того, чтобы позднее снова уступить пост тому же Исе-гургену [18, с. 13–14; 57, с. 388]!

Даже в вопросах веры Узбек не был так последователен, как возможно, желал быть, надеясь войти в историю в качестве поборника ислама, обратившего Золотую Орду в «истинную веру». Установив ислам в качестве государственной религии, он по-прежнему оказывал покровительство православной церкви и даже католическим миссионерам.

В так называемой «пространной коллекции» ханских ярлыков русской церкви присутствует ярлык Узбека митрополиту Петру. Этот документ по содержанию сильно отличается от остальных документов «коллекции», что привлекало к нему повышенное внимание исследователей. Уже в 1918 г. было установлено, что ярлык является поддельным [54]. Но сам факт его включения в «коллекцию» дает основания полагать, что такой ярлык был выдан – пусть и с другим содержанием, менее выгодным для церкви [см. подробнее: 47, с. 173–176, 191–192]. Как известно, каждый хан любого государства Чингизидов, вступающий на трон, подтверждал указы своих предшественников о льготах церкви. Весьма красноречивый пример – ярлык Тогон-Тимура, последнего великого хана и императора династии Юань, который в своем ярлыке о пожаловании привилегий даосам ссылается даже на ярлык своего предшественника Ринчинбала: последний правил, по различным сведениям, от нескольких дней до двух месяцев и, тем не менее, успел издать соответствующий ярлык! [83, с. 3–4]. Весьма маловероятно, что за свое 30-летнее правление Узбек не выдал ярлыка на имя главы русской православной церкви – тем более, что известно о его тарханном ярлыке, выданном сарайскому епископу Варсонофию [34, с. 24].

Еще 20 марта 1314 г., т.е. вскоре после вступления на престол, Узбек выдал ярлык францисканцам, пожаловав им многочисленные льготы и позволив уже в следующем году основать в Сарае свою миссию. А к 1336 г. францисканцы имели в Орде уже десять представительств. Католики пользовались поддержкой хана, поскольку с их помощью Узбеку удавалось проще находить общий язык с западными торговцами – ибо торговлю, а не религию хан ставил на первое место [см.: 82, с. 58]. Кроме того, Узбек состоял в переписке с папами Иоанном XXII и Бенедиктом XII [18, с. 40–41; 38, с. 113–114; 46, с. 118–119, 198–199].

По некоторым сведениям, и сам Узбек принимал участие в праздниках, не имевших отношения к исламу [см. подробнее: 75].

Принято считать, что при Узбеке Золотая Орда достигла апогея своего могущества и расцвета. Несомненно, в 1320–1330-е гг. государство Джучидов пользовалось колоссальным международным авторитетом, его вассалы находились в наиболее тесной за-

висимости от хана, а враги не осмеливались тревожить его границы. Однако на самом деле все было не так гладко, как казалось извне.

Большинству иностранных государей, в частности, не было известно, что в 1339 г. против хана Узбека был составлен заговор. Мятежники осадили хана в собственном дворце и пытались ворваться внутрь, отвлекая охрану специально устроенным пожаром. Заговор не удался, а большинство его участников было схвачено и предано казни [18, с. 40–41]. Однако сам факт покушения на жизнь хана в его собственной резиденции свидетельствует, что «великолепный и могущественный» Узбек не мог доверять даже своему ближайшему окружению! Примечательно, что в заговоре приняли участие не только ордынцы, но и иностранцы-христиане, о чем свидетельствует послание папы Бенедикта XIII: он благодарит хана за то, что тот милостиво обошелся с заговорщиками из числа христиан, предав казни только троих из них [74, с. 1003].

Почти тридцатилетнее правление Узбека стало эпохой величайшего напряжения сил и невероятных затрат ресурсов – денежных, материальных, человеческих. Ордынцев постоянно отрывали от хозяйства и отправляли в походы то в Иран, то на Русь, то подавлять мятежи в различных регионах самой Золотой Орды. Помимо постоянного участия населения Золотой Орды в военных предприятиях хана тратились и огромные денежные средства. В связи с этим из Золотой Орды в правление Узбека наблюдается массовый отток серебра, которое было дешевле, чем в Средней Азии и Иране. Хан пытался пресечь его с помощью проставления на медных монетах стоимости серебра, установленной законом, но эти меры не имели успеха. Решить эту проблему удалось лишь его преемнику Джанибеку [37, с. 56–58]. А результаты этой колоссальной деятельности и затрат на нее, по сути, были ничтожными. Все внешние военные предприятия Узбека заканчивались поражениями. Разорив своих вассалов в Северо-Восточной Руси многочисленными карательными рейдами, он практически без сопротивления уступил Юго-Западную Русь Польше и Литве, не добился успехов и в Иране.

В 1341 г. Узбек умер, оставив славу могущественного и набожного правителя, но на самом деле существенно ослабившего Золотую Орду постоянными войнами, непрекращающейся сменой высших сановников, а в дополнение создав и династические проблемы. Тем не менее, его преемник Джанибек «по инерции» продолжал активную политику Узбека, время которого также считается пиком могущества Улуса Джучи.

Ханы Джанибек и Бердибек.

Как и Узбек, Джанибек поддерживал отношения с империей Юань, унаследовав в имперской иерархии титул «князя третьей степени» и право получения доходов с трех китайских областей [33, с. 32, 34]. Впрочем, в начале 1350-х гг. в Китае начинается анти-монгольское «восстание красных повязок», в конце концов, приведшее к свержению династии Юань, в связи с чем отношения Джанибека с монгольскими ханами практически прекратились. Думается, что прекращение этих контактов сыграло определенную роль и в судьбе самой Золотой Орды. Сразу стоит отметить, что после бурной внешнеполитической деятельности его отца политика Джанибека выглядит более миролюбивой, хотя на самом деле таковой она не была.

В русских летописях хан Джанибек нередко называется «добрым». Например, в Никоновской летописи Джанибеку дается такая характеристика: «Бе же сей царь Чанибекъ Азбяковичъ добръ зело къ христианству, и много лготу сотвори земле Русстей; но судь ему сотворися, якоже онъ избѣ братью свою, такоже и самъ тую же чашу испи» [43, с. 229]. Однако вполне возможно, что русские летописцы изначально перевели буквально выражение *сайн хан Джанибек*, которое после его смерти могли употреблять его приверженцы. Слово *сайн* (аналог арабского *азиз*) имеет значение «добрый», но вместе с тем может и просто означать «покойный» [см.: 7]. А уже более поздние летописцы попытались как-то обосновывать «доброту» хана, упомянутую в прежних летописях.

В самом деле, вряд ли он был и в самом деле добрее других золотоордынских монархов, однако нельзя не отметить, что в его правление не было ни одного ордынского нашествия на Русь [см.: 55, с. 244]. Весьма показательно в этом отношении сообщение Никоновской летописи под 6856 (1348) г., согласно которому некий «князь Темир Ординский» подошел к Алексину, пожег его округу и взял много пленных, однако по возвращении в Орду его убили «Татарове» вместе с детьми [43, с. 220]. Несомненно, речь идет об ослушнике ханской воли и его наказании.

В отношениях с Русью Джанибек последовательно поддерживал в качестве великих князей представителей московского дома – Семена и Ивана II, сыновей Ивана Калиты. Однако благоразумно не давал им чрезмерно усиливаться за счет подчинения других князей. Так, конфликты тверских и нижегородских правителей хан разбирал сам, подчеркивая их самостоятельность по отношению к Москве. Тем не менее, когда литовский великий князь Ольгерд около 1350 г. направил к Джанибеку посольство во главе со своим братом Кориатом для заключения военного союза против Руси, хан выдал этих послов своему вассалу и союзнику – великому князю Семену Ивановичу [15, с. 73; 43, с. 219; 55, с. 244].

Правда, по некоторым данным, Ольгерд намеревался просить помощи Орды против Польши, а не Руси. Подтверждением тому служат события 1352 г., когда ордынские войска помогли самому Ольгерду в борьбе с Польшей [см.: 15, с. 75–76; 70, с. 47–48, 50]. Тем не менее, у летописцев были определенные основания для похвалы сыну Узбека – особенно после правления его отца, столь сурового по отношению к Руси.

Вместе с тем, для русской церкви Джанибек оказался даже более суровым господином, нежели его отец. Несмотря на всю свою неуравновешенность, капризность и властность, Узбек все же продолжал соблюдать обычай, завещанный Чингиз-ханом – не облагать налогами служителей церкви. Джанибеку же нужны были средства для его многочисленных военных кампаний и для раздачи эмирам, чтобы обеспечить себе их поддержку. Поэтому хан решил ввести ряд налогов и сборов с церкви, что нашло отражение в его ярлыке, выданном в 1342 г. русскому митрополиту Феогносту. Сам текст ярлыка не сохранился, о нем известно из сообщений летописцев, которые под 6850 (1342) г. пишут о поездке митрополита Феогноста в Орду «к поганому (sic!) царю Чанибеку», который «емше мучиша его, а ркуще «давай дань полетную»» [45, с. 174]. Это дает основание исследователям высказать предположение, что Джанибек, «забыв» установление Чингиз-хана, лишил церковь ряда прежних льгот – в частности свободы от пошлин, от постоя в церковных домах и независимости от ханского суда [49, с. 72–78; см. также: 9, с. 68; 63, с. 96–97]. Причиной обложения церкви налогами могло стать то, что Джанибек для поддержания власти на Руси в большей мере опирался на светских князей, а не на церковь [см.: 68, с. 290, 292].

Однако, чтобы не потерять поддержки церковью авторитета ханской власти на Руси, Тайдула, мать Джанибека, в 1347 г. в своей грамоте сарайскому епископу Иоанну запрещала светским князьям вмешиваться в церковные судебные дела. Таким образом, хан проявил свою власть, а ханша – свою доброту, войдя в русскую летописную традицию как «заступница русской церкви» [см.: 17, с. 50–51; 42, с. 467; 49, с. 79]. Таким образом, в целом отношения хана с русской церковью складывались положительно, и в летописной традиции он назван «добрым царем». Соответственно, в отношении Руси Джанибек проводил мирную политику, но в отношении других вассалов и соседних государств действовал более агрессивно.

Вскоре после вступления на трон, в том же 1342 г., Джанибек выдал ярлык венецианским купцам, подтверждавший ярлык Узбека 1332 г. (о владении колонией в Азове и освобождении от некоторых налогов и сборов), но уже годом позже между Золотой Ордой и итальянскими колониями начался длительный конфликт. Во многом он был

спровоцирован самими же итальянцами, которые уже столь давно обосновались в Причерноморье и Приазовье и получили столько привилегий, что порой чувствовали себя настоящими хозяевами в эти землях, забывая, что находятся во владениях хана Золотой Орды. Формально центр генуэзских владений, Каффа, имел двойное подданство – генуэзской синьории и ордынского хана. Этот статус итальянских колоний подтверждается нумизматическими данными: еще в XV в. в Каффе чеканились монеты, на которых с одной стороны помещался герб Генуи, а с другой – тамга правителей Золотой Орды [см., напр.: 69, с. 8]. Фактически же консул Каффы и представители наиболее крупных семейств нобилитета и купечества не подчинялись никому, да еще и вели себя как феодалы по отношению к населению близлежащих городов и селений. Аналогичным образом поступали и венецианцы в недавно предоставленной им колонии в Азове (Тана), также находившемся в подданстве золотоордынского хана.

Подданных хана Золотой Орды итальянцы совершенно не уважали, что нередко становилось причиной конфликтов. Так, в 1343 г. в Азове в результате уличной драки знатный венецианец Андреоло Чиврано убил ордынского купца Ходжу Омара, который залепил ему пощечину. Из-за этого многие жители и посетители Азова европейского происхождения были ограблены и даже убиты, а остальным пришлось бежать – кому в Каффу, а кому и на родину – в Италию. Результатом стычки стали огромные финансовые потери венецианских, генуэзских, флорентийских, пизанских торговцев (более полумиллиона золотых флоринов), а также резкий рост цен в Европе на восточные товары, зерно и рыбу. Джанибек, разгневанный на европейцев, которые вели себя столь вызывающе в его владениях, ввел против них настоящие экономические санкции, повелев изгнать всех итальянских торговцев из Таны сроком на пять лет [18, с. 79; 53, с. 34]. Хан предпринял и другие карательные меры, в результате которых, в частности, в устье Дона было разрушено поселение Порто-Пизано, принадлежавшее (как следует из его названия) пизанским купцам, которые с этого времени практически лишились возможности вести торговлю с Золотой Ордой [67, с. 118–119].

Венецианский сенат провел расследование случившегося в Азове, признал Чиврано виновным и арестовал его, о чем немедленно направил уведомление хану Золотой Орды вместе с просьбой вернуть венецианцам право торговли в Азове. Джанибек сменил гнев на милость и выразил готовность закончить дело миром. Чтобы добиться максимального успеха, венецианцы вступили в союз со своими давними врагами, генуэзцами Каффы, решив совместно потребовать возмещения потерь, понесенных в Азове в результате конфликта с местным населением (генуэзцы также вели дела в Азове). Узнав об этих переговорах, хан Джанибек решил, что итальянцы намереваются заключить против него союз, и в 1344 г. отправил на Каффу войско. Поводом для похода послужил формальный отказ генуэзцев Каффы выдать хану убийцу Ходжи Омара для суда по ордынским законам [см.: 72, с. 81–82].

Однако Джанибеку не повезло: Каффа оказалась хорошо укрепленной, и ее население имело опыт обороны: помимо описанных выше нападений ордынских войск Ногай, Токты и Узбека, генуэзцы Каффы пережили еще ряд осад: в 1296 г. – нападение венецианской эскадры Джованни Сорандо, в 1313 и 1314 гг. – вторжение войск императора Трапезунда и правителя Синопа [см.: 35, с. 221–222]. Неудивительно, что они стойко отбивали все штурмы и даже неоднократно совершали дерзкие вылазки против осаждающих. Ордынские войска потеряли при осаде, по некоторым сведениям, до 15 тыс. человек и все свои осадные машины и были вынуждены отступить [13, с. 156, 158; 18, с. 82–83; 72, с. 82]. Отступая, хан выместил свой гнев на другом генуэзском поселении – Чембало (Балаклава), которое было обнесено только земляным валом и оказалось беззащитным перед ордынскими войсками: город был взят и сожжен, а жители его разбежались [см.: 73, с. 320]. Тем не менее, хану пришлось начать мирные переговоры с Генуей.

Однако Джанибек жаждал реванша, и год спустя возобновил осаду. Поскольку его войска вновь не добились успеха, ханский беклярибек Могул-Буга, командовавший войсками, решился на крайнюю меру, одним из первых в средневековой военной истории применив «биологическое оружие»: через крепостную стену с помощью катапульты было переброшено тело человека, умершего от чумы. Естественно, в жаркое время года в тесном и не очень-то чистом городе сразу вспыхнула эпидемия. Многие из осажденных, стойко выносившие осаду и штурмы, в страхе перед болезнью бежали в метрополию – в Венецию и Геную. Однако среди беглецов оказались уже зараженные, которые принесли страшную болезнь в Европу. Так началась эпидемия чумы 1348–1349 гг., выкосившая, по некоторым сведениям, до 60% европейского населения. Чуть позднее, в начале 1350-х гг., она вернулась и прошла по Руси: именно тогда умер великий князь Семен Иванович Гордый – как и многие другие князья вместе с большим количеством своих подданных. Примечательно, что самой Золотой Орде чума принесла куда меньше бед: ее города были более чистыми и менее густонаселенными, в степях же население было еще реже. Исследователи высказывали предположение, что кафинцам удалось откупиться от ордынцев, и последние сняли осаду [18, с. 84]. Правда, в таком случае непонятно, откуда в городе взялась чума? О чуме в самой Золотой Орде в Троицкой летописи под 6854 (1346) г. имеется следующее сообщение: «Того же лета бысть казнь отъ бога на люди подъ восточную страну въ Орде и въ Орначи, и въ Сарае, и въ Бездеже, и въ прочихъ градех и странах и бысть морь великъ на люди, на Бесермены и на Татары, и на Ормены, и на Обезы, и на Жиды, и на Фрязы, и на Черкасы, и на прочая человеки, тамо живущая в них» [48, с. 368]. К 1349 г. чума добралась даже до Сирии и Египта, причем в Каире, согласно ал-Айни, умирало до 20 тыс. человек в день, а всего погибло 2/3 населения [57, с. 529].

Однако несмотря на столь трагические последствия осады Каффы для всей Европы, Джанибеку так и не удалось взять город и пришлось снова отступить. Поражение было тем более тяжелым, что хан могущественной степной империи понес его от одного единственного города на окраине своих владений! Тем не менее хану удалось взять реванш, все же запретив итальянцам торговать в Золотой Орде. Но у итальянских торговых республик было сильное лобби среди ханских сановников, и поэтому год спустя запрет был снят и они снова могли вести свою коммерцию во владениях Джанибека. В 1347 г. венецианцы Азова получили новый ханский ярлык, в котором только налог с оборота был увеличен с 3 до 5% [18, с. 104–105].

Похоже, ханская суровость ничему не научила итальянцев: в 1349 г. Джанибек снова отправил войска – на этот раз непосредственно на Азов, в очередной раз разграбив имущество венецианцев, генуэзцев и пизанцев. Но и на этот раз судьба оказалась неблагоприятной к сыну Узбека: генуэзский флот из Каффы вошел в Азовское море и начал настоящую бомбардировку ханских войск, что заставило хана снять осаду и заключить мирный договор с итальянцами [13, с. 161].

В 1353 г. произошел еще один венециано-ордынский конфликт – на этот раз уже не во владениях Джанибек-хана. В Средиземном море, где шла очередная венециано-генуэзская война, венецианцы взяли на abordаж генуэзскую галеру и захватили в плен ее пассажиров и их имущество. На свою беду, среди пленников оказалось несколько купцов – подданных золотоордынского хана, причем один из них был убит, а остальные раздеты едва ли не догола и брошены в темницу. На счастье венецианцев, Джанибек в это время улаживал внутренние проблемы: по сообщениям русских летописцев, именно в этот период он подавлял выступление некоего «царя Оурдака», о котором речь пойдет ниже. Поэтому начался длительный судебный спор, который перешел «по наследству» к наследнику хана Бердибеку, который имел ряд более важных проблем и поэтому предпочел не вмешиваться в эту тяжбу, поручив ее разбор своей бабке Тайду-

ле и крымскому даруге Кутлуг-Тимуру. Ханша и сановник удовлетворились денежной компенсацией пострадавшим и их семьям (не забыв выговорить и себе вознаграждение «за труды»), так что обидчики отделались «малой кровью» [18, с. 172, 176, 185–191, 199–206, 215–217; 27, с. 177–178].

Ближе к концу правления Джанибека, в 1356 г., венецианцы все же сумели поладить с ханом: крымский даруга Рамадан выделил им в качестве дополнительной фактории крымский городок Янгишехр (венецианцы называли его Провато), в котором действовал прежний 3%-ный налог [18, с. 169–175, 181]! Несомненно, такая «щедрость» хана к бывшим противникам объяснялась исключительно тем, что в это время он отправлялся на завоевание Азербайджана, а потому нуждался в деньгах и совершенно не желал каких бы то ни было конфликтов в собственных владениях.

Восточные улусы Золотой Орды (бывшая Синяя Орда), насильно включенные в золотоордынскую административную системы, никогда не были окончательно покорены. А после гибели Тинибека, сумевшего в 1330-е гг. установить там порядок, Джанибек, вероятно, не имел возможности контролировать их в полной степени. Так, русские летописцы под 1352 г. сообщают: «Тое же осени прииде царь Чанибекъ съ воины, прогнавъ царя Оурдака въ пустыню» [50, с. 63–64]. Можно только гадать, кто был этот таинственный «царь Оурдак». Некоторые авторы отождествляют его с Уругдаком, потомком Тукай-Тимура (тринадцатого сына Джучи) и двоюродным дедом будущего хана Токтамыша, управлявшим областями где-то в районе Мангышлака [17, с. 57, 211–212; см. также: 52, с. 61]. Впрочем, в «Муизз» упоминается еще один Уругдак – потомок Джучи-Хасара (брата Чингиз-хана) и близкий родственник последнего ильхана Туга-Тимура [23, с. 28]; владения этого семейства располагались в Мазандеране, и вполне можно предположить, что он мог воевать в Джанибеком за какие-то владения в районе Хорезма. Джанибек был достаточно могущественным правителем, чтобы справиться с этой проблемой, но сам факт вооруженного выступления свидетельствует о том, что административная система, созданная Узбеком, оказалась не слишком эффективной.

Именно Джанибеку удалось поставить точку в почти столетнем противостоянии Золотой Орды с Ираном. К середине 1350-х гг. Ильханат распался на ряд владений. В Хорасане правили Музаффариды – династия персидских эмиров арабского происхождения, успевшая к тому же породниться с Хулагуидами. Средний Иран попал под власть членов тюркизированного монгольского рода Джелаиров, также имевших родственные связи с домом Хулагу и поэтому даже претендовавших на ханский титул. Азербайджан же находился под властью Сулдузов – Шайх Хасана Кучака и его брата Малика Ашрафа, внуков эмира Чобана, которые, несмотря на то что были потомками ильханов по женской линии, в течение всего своего правления возводили на трон подставных монархов из дома Чингиз-хана. Излишне говорить, что все три династии постоянно враждовали между собой. Кроме того, в отдельных регионах правили и другие иранские династии того времени – Курты в Герате, Инджуиды в Фарсе, Саффариды в Систане и др., однако их владения не находились в орбите ордынских интересов.

В 1356 г. умер очередной марионеточный хан, возведенный на трон Маликом Ашрафом, атабеком Азербайджана, находившимся у власти с 1344 г. Пока Ашраф не успел короновать нового монарха, Джанибек решил воспользоваться отсутствием у эмира «собственного» хана и во главе огромного золотоордынского войска лично выступил на завоевание спорной области. Его армия насчитывала, по разным сведениям, от 100 до 300 тысяч воинов, тогда как азербайджанскому владельцу удалось собрать всего 17–18 тысяч. По некоторым сведениям, Джанибека призвала азербайджанская знать, недовольная своим правителем Маликом Ашрафом. По сведениям Зайн ад-Дина, азербайджанские эмиры пожаловались хану Золотой Орды, что Ашраф притесняет людей [52, с. 94]. Согласно «Чингиз-наме», Ашраф вообще, якобы, собирался жениться на собст-

венной дочери [61, с. 107–108; см. также: 24, с. 82–83]. Согласно собственной победной реляции Джанибека, которую он после завоевания Азербайджана отправил в Египет, численность его войск составляла 700 тысяч [57, с. 448].

Малик Ашраф, в отличие от своего покойного брата Хасана Кучака, оказался негодным полководцем. Он без боя уступил ордынцам горные перевалы, в которых горстка воинов могла бы сдерживать наступление целой армии. А когда войска Джанибек-хана оказались на территории Азербайджана, армия Ашрафа разбежалась, даже не вступив в бой с ордынцами [52, с. 95; см. также: 24, с. 83]. Сам эмир попытался спасти свои сокровища, но, преследуемый ордынскими воинами, был вынужден бросить казну и спасти собственную жизнь. Ашраф укрылся в доме одного из своих приверженцев, Шайха Мухаммеда Балигджи. «Верный» сподвижник предоставил Ашрафу убежище, а сам направил гонца к ордынскому хану с сообщением, что беглец находится у него. Эмиры Джанибека схватили Ашрафа и доставили к своему повелителю. Между Джанибеком и Ашрафом состоялся разговор, во время которого хан спросил: «Что побудило тебя к насилию, разрушению страны, грабежу народного имущества, причинению боли рабам Аллаха?» Ашраф ответил: «Так поступали все правители, предводители и султаны». Джанибек-хан приказал отрубить Ашрафу голову и выставить ее на городских воротах Тебриза. По другой версии, Ашраф просто обвинил своих нукеров, что это они творили бесчинства, а его не слушали. Некоторые авторы сообщают, будто Джанибек не хотел казнить Ашрафа, однако на этом, якобы, настояли азербайджанские же эмиры, заявив, что пока жив Ашраф, в Азербайджане не будет спокойствия [см.: 24, с. 84; 57, с. 95–96]. Так, после почти столетней войны за Азербайджан, золотоордынским ханам удалось взять верх над своими иранскими родичами. Весьма примечательно, что случилось это не при воинственных Берке или Узбеке, а при «добром» Джанибеке! Монеты с его именем в течение всего 1356 г. чеканились в Тебризе, Хое, Нахичевани и Мераге [16, с. 201; 24, с. 84–85]. Наместником в Азербайджане остался старший сын хана, царевич Бердибек, при котором в качестве военачальника находился эмир Ахиджук [1, с. 129]. По сведениям некоторых персидских авторов, Ахиджук был воином на службе у Малика Ашрафа и впоследствии захватил власть над Азербайджаном, воспользовавшись уходом оттуда ордынских войск [52, с. 95, 97]. Другие же называют его наместником Джанибека [71, с. 78].

Однако торжество хана было недолгим: во время похода он опасно заболел. Скрыв болезнь хана от воинов, эмиры в строжайшей тайне отправили монарха в Сарай. Ордынские лекари не сумели вылечить Джанибека, и его встревоженная мать Тайдула послала на Русь за митрополитом Алексием, за которым даже в Орде закрепилась репутация целителя. Естественно, ханша не могла сообщить, что хан находится при смерти, и поэтому написала в своем послании, что больна она сама: якобы, что-то случилось с ее глазами. Такая версия впоследствии и вошла в русские летописи [см.: 17, с. 86–87; 18, с. 126–127; 31; 32, с. 184].

Узнав, что Джанибек находится при смерти, один из его влиятельных эмиров, Тоглу-бай, немедленно отправил послание Бердибеку, в котором извещал царевича о состоянии отца и советовал как можно скорее прибыть в Сарай, если он желает стать ханом сам, а не уступить трон одному из своих многочисленных родичей. Бердибек внял совету и, оставив Азербайджан на попечение Ахиджука, помчался в столицу. Дальнейшие события различные источники излагают по-разному. Согласно одним, Джанибек скончался еще до прибытия сына в Сарай [2, с. 101; 52, с. 96, 98]. Иную версию предлагают авторы, которые, несомненно, с сильной антипатией относились к Золотой Орде и ее правителям. Согласно их сообщениям, Джанибеком «овладела тяжелая болезнь, и эмиры вызвали Бердибека. Когда Бердибек пришел к отцу, отец стал ругать его за возвращение. Он рассердился на это, отдал приказ, и 4 шабана 758 г. х. /

22 июля 1357 г. отца убили» [52, с. 214]. Некоторые средневековые историки добавляют, что в заговоре против Джанибека участвовала и Тайдула [52, с. 128]. Русские летописцы также сообщают, что «царевич Бердибек окаанный съ лестію приде къ отцу своему з думци своими, со князи Ординьскими, и удави отца своего Чянибека, Азбякова сына» [43, с. 229]. Хан Джанибек умер 3 шабана 758 г.х. (22 июля 1357 г.) и был похоронен в Сарайчике [52, с. 214; 59, с. 81].

Со смертью Джанибека в 1357 г. «золотой век» Золотой Орды сразу перешел в самый драматический период его истории – двадцатилетнюю смуту, едва не поставившую страну на грань исчезновения.

Сразу после смерти отца Бердибек принялся устранять других конкурентов в борьбе за трон. В течение нескольких дней были умерщвлены сыновья Джанибека и другие родственники, потомки Узбека (включая даже новорожденного брата Бердибека) – общим числом 12 человек. В русской летописной традиции они все названы братьями убийцы. Так, согласно Никоновской летописи, «Бердибекъ... сяде на царстве и уби братьовъ своихъ 12» [43, с. 229]. Троицкая летопись содержит следующее сообщение: «Того же лета Бердибекъ царь въ Орде седе на царстве, а отца своего убиль и братью свою побил» [48, с. 376]. Несомненно, слово «братия» в данном случае может означать не только братьев, но других родственников, и даже приближенных [см.: 56, стб. 169]. Восточные авторы также говорят о том, что Бердибек уничтожил не только родных братьев, но и других родичей [2, с. 101; 52, с. 129; 61, с. 108]. Некоторым членам ханского рода удалось спастись, но, напуганные участью родичей, они даже не пытались противостоять Бердибеку, который без сопротивления занял ханский трон.

В отношении же митрополита Алексия хан-убийца повел себя вполне благожелательно: уже в течение нескольких первых дней после воцарения он выдал ему ярлык, в котором в полной мере восстанавливал все льготы и привилегии русского духовенства. Надо думать, Бердибек (сознательно или подсознательно) выразил митрополиту благодарность, за то, что тому не удалось вылечить его отца [см.: 17, с. 88]!

Эмир Ахиджук, оставленный наместником в Тебризе, вскоре объявил себя независимым правителем, сплотив вокруг себя уцелевших приверженцев Малика Ашрафа. Однако, оставшись без поддержки ордынских войск, он не сумел удержать власть и вскоре был разгромлен и убит Мубариз ад-Дином Мухаммедом, правителем Фарса из рода Музаффаридов [71, с. 78–79]. Азербайджан снова оказался под властью иранских правителей, пробыв в составе Золотой Орды менее года!

Сам хан Бердибек скончался (по другим сведениям, был убит) в 1359 г., процарствовав менее двух лет. В восточной историографической традиции считается, что с ним оборвался род Бату, находившийся у власти в Золотой Орде около столетия. Хивинский хан-историк Абу-л-Гази в своем «Родословном древе тюрок» символично описал этот династический кризис следующими словами: «Бирдибеком кончилась прямая линия детей Саин-хановых. Ныне между узбеками есть поговорка «В Бирдибеке ссечен ствол гранатового дерева». После него в Дешт-Кипчаке царствовали потомки других сынов Джучи-хановых» [2, с. 101–102]. В результате, с одной стороны, оборвался непрерывный ряд правителей, в котором власть переходила от брата к брату или от отца к сыну. С другой же стороны, оставались младшие представители рода Узбека, которые, в принципе, имели не меньшие права на трон. Однако поведение последних ханов из дома Бату, нарушивших многие заветы Чингиз-хана, вызывало сильное недовольство других Джучидов и эмиров, которые пришли к выводу, что эта ветвь потомков Бату выродилась и должна быть заменена другой.

В результате в Золотой Орде началась борьба за власть, в которой приняли участие представители нескольких ветвей потомков Джучи.

1. Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари. Тарих-и шейх Увейс / Пер. М.Д. Кязимова и В.З. Пириева. Баку: Элм, 1984.
2. Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г.С. Саблукова // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингизова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Т.; Б., 1996. С. 3–186.
3. Амин ал-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1962. 40 с.
4. Антонин, архимандрит. Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом синаксаре // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. 1863. С. 595–628.
5. Бархатная книга. М., 1787. 278 с.
6. Беляев В.А., Сидорович С.В. Ставка Великого хана и улусы по нумизматическим данным // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Труды Международных нумизматических конференций. IV МНК – Болгар 2005, V МНК – Волгоград 2006. М.: Нумизматическая литература, 2008. С. 201–204.
7. Бойл Дж. Э. Посмертный титул Бату-хана / Пер. П.О. Рыкина // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М.: Восточная литература, 2002.
8. Борисов Н.С. Иван Калита. М.: Молодая гвардия, 2005. 302 с.
9. Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. 208 с.
10. Брун Ф.Я. Материалы для истории Сугдеи // Брун Ф. Я. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. (1852–1877 г.). Ч. 2. Одесса, 1880. С. 121–158.
11. Вернадский Г.В. История России: Монголы и Русь. Тверь: Леан; М.: Аграф, 2000. 480 с.
12. Винничек В.А., Лебедев В.П. Период экономической активности на Никольском селище по нумизматическим данным // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М; Нижний Новгород: Информэлектро, 2004. С. 119–148.
13. Волков М. О соперничестве Венеции с Генуей // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 4. Одесса. 1858. С. 151–236.
14. Гончаров Е.Ю. Новосарайские денги 741 г.х. и начало правления хана Джанибека // Нумизматика. 2005. № 3 (7). С. 23–26.
15. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.
16. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.: Богородский печатник, 1998. 368 с.
17. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004. 276 с.
18. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. 276 с.
19. Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в Энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М.: Восточная литература, 2002. С. 261–302.
20. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.: Наука, 1977. 488 с.
21. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М.: Наука, 1966. 160 с.
22. Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М.: Наука, 1988. 128 с.
23. История Казахстана в персидских источниках. Т. III: Му'изз ал-ансаб («Прославляющее генеалогии») / Пер. с перс., пред., прим. Ш.Х. Вохидова. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 672 с.

24. Камалов И.Х. Отношения Золотой Орды с Хулагуидами. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. 108 с.
25. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IV. М.: Наука, 1992. 480 с.
26. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М.: Изд-во МГУ, 1990. 336 с.
27. Карпов С.П. Латинская Романия. СПб.: Алетейя, 2000. 256 с.
28. Конявская Е.Л. Ранняя повесть о преставлении Михаила Александровича Тверского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 3 (17). С. 70–86.
29. Костюков В.П. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 189–236.
30. Костюков В.П. Иранский поход Хулагу: предыстория // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 2 / Под ред. И. М. Миргалеева. Казань: Фэн, 2009. С. 69–89.
31. Кривцов Д.Ю. Рассказ о поездке митрополита Алексея в Золотую Орду в литературных источниках и историографии // Электронный журнал «Мир истории». 2002. № 5–6: <http://www.historia.ru/2002/05/krivtsov.htm>; <http://www.historia.ru/2002/06/krivtsov2.htm>.
32. Кучкин В.А. Зачем митрополит Алексей в 1357 году ездил в Орду? // А се его серебро. Киев, 2002. С. 177–184.
33. Кычанов Е.И. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2001. С. 30–42.
34. Леопольдов А. Исторический очерк Саратовского края. М., 1848. 196 с.
35. Молчанов А.А. Новое об экономических и политических связях средневекового Причерноморья // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1981. М.: Наука, 1983. С. 219–222.
36. Мухамадиев А.Г. Древние монеты Казани. Казань: Татарское книжное изд-во, 2005. 200 с.
37. Мухамадиев А.Г. Об обрезанных монетах в Волжской Болгарии в конце XIV в. (Мало-Атрасинский клад) // Нумизматика и эпиграфика. Т. VIII. 1970. С. 53–66.
38. Нарожный Е.И. О роли христианства в хулагуидо-джучидских взаимоотношениях в предкавказской зоне // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях востока и запада в XII–XVI вв. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. С. 108–116.
39. Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 178 с.
40. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 568 с.
41. Палаузов С.И. Юго-восток Европы в XIV столетии. Ст. вторая // Журнал Министерства народного просвещения. Октябрь 1857. Отд. II. С. 26–56.
42. Памятники русского права. Выпуск третий: Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV–XV вв. / Под ред. Л.В. Черепнина. М.: Госюрлитиздат, 1955. 528 с.
43. Полное собрание русских летописей. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. IV + 244 с.
44. Полное собрание русских летописей. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863. VII с. + 504 стб.
45. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 462 с.
46. После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий / Пер., введение и комментарий Я.М. Света. М.: Наука, 1968. 237 с.
47. Почкаев Р.Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М.: Юрлитинформ, 2015. 312 с.
48. Приселков М.Д. Троицкая летопись. СПб.: Наука, 2002. 515 с.
49. Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916. 116 с.

50. Рогожский летописец // Тверская летопись (Русские летописи, т. 6). Рязань: Наше время, 2000. С. 23–147.
51. Сейфеддини М. А. Монетное дело и денежное обращение в Азербайджане XII–XV вв. Кн. 2. XIV–XV вв. Баку: Элм, 1981. 244 с.
52. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
53. Скржинская Е.Ч. История Таны (XIV–XV вв.) // Барбаро и Контарини о России. М.: Наука, 1971. С. 29–63.
54. Соколов П.П. Подложный ярлык хана Узбека митрополиту Петру // Российский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 70–85.
55. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. Тт. 3–4. М.: Мысль, 1988. 765 с.
56. Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I. М.: Знак, 2003. 776 с.
57. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 564 с.
58. Травкин С.Н., Зорин А.В. Об одной группе монет из Курской области и некоторых особенностях денежного обращения на западе Золотой Орды // Тринадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Москва. 11–15 апреля 2005 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2005. С. 59–60.
59. Трутовский В.К. Гулистан Золотой Орды // Древности. Труды Восточной комиссии Московского археологического общества. Т. 1. Вып. 1. М., 1889. С. 73–83.
60. Ускенбай К.З. Ак-Орда // Большой атлас истории и культуры Казахстана / Гл. ред. колл.: К. М. Байпаков (пред.) и др.; науч. редактор К.З. Ускенбай. Алматы: АБДИ Компани, 2008. С. 282–286.
61. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, пер., транскрипция, текстол. примеч., исследование В.П. Юдина. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.
62. Фасих Ахмед ибн Джалал ад-Дин Мухаммед ал-Хавафи / Пер. Д.Ю. Юсуповой. Фасихов свод. Ташкент: Фан, 1980.
63. Фахретдин Р. Ханы Золотой Орды / Пер. с тат. С. Шамси. Казань, 1996. 127 с.
64. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.
65. Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. М.: Наука, 1963. С. 165–221.
66. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. 180 с.
67. Хеллер К. Золотая Орда и торговля с Западом // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2001. С. 111–128.
68. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: УРСС, 2001. 336 с.
69. Хромов К.К. Новое в изучении медных генуэзско-татарских монет города Каффы XV в. // Труды международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». III МНК – Старый Крым. 3–9 октября 2004. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 6–8.
70. Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев: Наукова думка, 1987. 184 с.
71. Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме. Т. II / Пер., пред., прим. и прил. Е.И. Васильевой. М., 1976. 351 с.
72. Шостак В. История черноморской торговли в средних веках. Ч. I. Одесса, 1850. 157 с.
73. Юргевич В. Две генуэзские надписи из Балаклавы // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XI. 1879. С. 319–320.

74. [Юргевич В.] Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 годом, и письма папы Венедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку в 1340 году // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. 1863. С. 998–1006.
75. Юрченко А.Г. Какой праздник отметил хан Узбек в июне 1334 г. // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Фэн, 2009. С. 110–126.
76. Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 42. 1954. С. 424–457.
77. Di Cosmo N. Mongols and Merchants on the Black Sea Frontier in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: Convergences and Conflicts // Mongols, Turks and others. Eurasian Nomads and the Sedentary World. Leyden; Boston, 2005. P. 391–424.
78. Endicott-West E. The Yuan Government and Society // The Cambridge History of China. Vol. VI. Alien regimes and border states, 907–1368 / Ed. by H. Franke and D. Twitchett. Cambridge University Press, 2006. P. 587–615.
79. La Livre du Grant Caan, extraite du manuscrit de la Biblioteque du Roi, par M. Jacquet // Journal Asiatique. T. VI. 1830. P. 57–72.
80. Liu Y. War and Peace between the Yuan Dynasty and the Chaghadaid Khanate (1312–1323) // Mongols, Turks and others. Eurasian Nomads and the Sedentary World / Ed. by R. Amitai, M. Biran. Leyden; Boston: Brill, 2005. P. 339–358.
81. Nitsche P. Mongolensturm und Mongolenherrschaft in Rußland // Die Mongolen in Asien und Europa / Hrsg. S. Conermann, J. Kusber. Frankfurt: Peter Lang, 1997. S. 65–80.
82. Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1949. 174 p.
83. Sugiyama M. The Phags-pa Mongolian inscription of Toyon-temür qaγan edict // Memoires of the Research Department of the Toyo Bunko. 1988. № 46. P. 1–6.

§ 3. Военное дело Золотой Орды

Эмиль Сейдалиев

В последнее время наблюдается активизация интереса исследователей к такой теме, как военные успехи, вооружение и организация войска Улуса Джучи. Подтверждением этому является проведение конференций, круглых столов и форумов, посвященных военному делу Золотой Орды, и активная публикация тематических сборников и монографий. В то же время ряд позиций этой темы остается малоисследованным. К таковым относятся, например: военная организация Улуса Джучи, численность войск, производство оружия и некоторые другие. В какой-то мере некоторые из этих вопросов могут быть разрешены с привлечением и комплексным анализом различных источников: письменных, археологических, данных этнографии и т.д.

Военная организация Золотой Орды носила характер достаточно сложной структуры. Во главе войска стоял беклярибек. Источники донесли до нас имена ярчайших из них: Ногай, Кутлуг-Тимур, Мамай, Идегей. Несмотря на то, что главой государства был хан, вся реальная военная власть была сосредоточена именно в руках беклярибеков, которые были также представителями высшей административной власти и подчинялись лишь ханам. На деле же беклярибеки часто могли даже смещать и ставить на престол выгодных им ханов. Часто их называли также темниками (*туменбаши*), т.е. командующими десятью тысячами воинов (туменом), что не совсем верно, как мы увидим позже: численность войск, которые подчинялись беклярибеку, была гораздо больше.

Часто главнокомандующие ордынского войска оставались в стороне во время боя, но бывало и так, что они принимали непосредственное участие в битве. Рашид-ад-Дин сообщает, что в 1265 г. в битве при Аксу, Ногаю в глаз попала стрела, и его войско отступило к Ширвану [69, с. 99].

Для войска Джучиева Улуса было характерно выделение военно-служивого сословия, которое в основном состояло из социальной верхушки ордынского общества. Верхушка эта была представлена джучидами, чуть ниже рангом стояли *улусбеки* и *даруг-беки*, ниже эмиры, командовавшие тысячами, сотнями и десятками, по отношению к которым так же употреблялся титул *бек* [67, с. 210]. Командующие из рода Джучи назывались огланами правого и левого крыла войска [29, с. 410]. Таким образом, большинство исследователей сходится во мнении, что структура военной организации представляла собой выстроенную строго иерархию, в основе которой стояла десятичная система, где самыми мелкими подразделениями были десятки, а самыми крупными – десяти тысячное формирование – тумен (тьма). Марко Поло приводит воинскую структуру и названия подразделений с их численным составом: «Когда татарский царь идет войну, берет он с собой сто тысяч верховых и устраивает над ними такой порядок: ставит он старшину над десятью человеками, другого над сотнею, иного над тысячею, а иного над десятью тысячами...», тут же он поясняет как происходит взаимодействие между ханом (командующим ста тысячами) и туменбаши (темником) и далее вниз по иерархии. Численность подразделений Марко Поло приводит далее: «Сто тысяч, знайте, называют тут, десять тысяч томан, тысяча мин, сто юз, десяток он» [35, с. 256]. Подтверждает его данные Ибн Баттута: «Начальником томана у них тот, у которого 10000 всадников» [63, с. 299]. Как показывают источники, не всегда количество воинов в подразделении соответствовало данным приведенным Марко Поло, их могло быть как больше, так и меньше.

Десятичный принцип организации войска был, скорее всего, характерен для кочевников на этапе обретения ими государства, когда необходимо было провести мобилизацию среди подчиненных хана. Исследователи считают, что командующие туменами были так же и улусбеками и контролировали территорию, которая могла поставить около десяти тысяч воинов, в том числе и смешанного контингента. Постепенно владение, которое доставалось наместнику в кормление за службу – *икта*, – превращаются в наследственные надель. Эти уделы приносят бекам доход, на который в том числе они могли содержать войско. И.Л. Измайлов справедливо отмечает, что «клановая аристократия не только получала огромные доходы, но и узурпировала подчиненную ей по должности военную систему, превратив мелкую знать в своих вассалов, обязанных службой не хану и империи, а конкретному улусбеку или главе клана» [29, с. 411]. Такой жесткой структуры мы не наблюдаем, например, у кипчаков Восточной Европы в домонгольское время, где хоть подчиненные хану главы родов выставляли войска, но количество их не было столь четко регламентировано. В период же, когда половцы стали частью Орды, им пришлось подстроиться под эту жесткую систему.

И среди них, как и среди других представителей военной аристократии Золотой Орды, выделяются носители воинских поясных наборов и другой атрибутики. Таковые престижные предметы вооружения и снаряжения, по мнению М.Г. Крамаровского, выделяются у ветеранов европейского похода Бату и, видимо, у части половецких ханов признавших власть монголов [38, с. 508; 39, с. 42–43]. Что же касается половецких, то считается, что традиция воинских поясов у них пропадает уже XII в. и вновь появляется при монголах, но поясами могли быть удостоены лишь те, кто смог выстроить воинскую карьеру при монгольских ханах. В доказательство можно привести богатые половецкие погребения Ротмистровка, Липовец, Таганчи и другие, где нет поясных наборов при наличии прочей воинской экипировки. В то же время такой пояс есть в погребении

знатного половца близ села Ново-Подкряж в Среднем Приорелье [41, с. 93–94]. Археологические материалы также достаточно четко указывают нам на социальную стратификацию ордынского войска. Вероятно, именно командующему составу принадлежат погребения, в которых умершего воина сопровождают не только поясные наборы, но и богато украшенные предметы вооружения и защитного снаряжения (часто наборы эти были полными и представляли собой не только оружие дальнего боя, но и сабли, воинские и конские доспехи и т.д.).

Представители рядовой части войска погребались с минимальным набором предметов вооружения (луки, несколько стрел, оружие ближнего боя). В военном контингенте было обязательно присутствие обслуживающего персонала, который в том числе играл роль не только слуг, но и нес какие-то ремесленные или ремонтные функции. По мнению И.Л. Измайлова, на одного воина-всадника приходилось минимум два слуги [29, с. 411]. Таким образом, мы видим, что как и в более ранних кочевых сообществах, в золотоордынском войске наличествовала традиция воинской повинности. Соблюдались принципы формирования воинского контингента. Как правило, воин сам обеспечивал себя всем необходимым для военного похода. В то же время армия Улуса Джучи была в постоянной боевой готовности, что регламентировалось постоянными военными смотрами и сборами. Такие смотры могли проводиться в момент вступления хана на престол, во время важных праздников, сборов аристократии (курултай), о чем повествует уже упоминавшийся Ибн Баттута [63, с. 299].

Отдельно следует рассмотреть военные упражнения и подготовку воинов. Учитывая, что каждый мужчина кочевник был воином, следует специально остановиться на обучении военному делу. В первую очередь кочевники учились стрельбе из лука. С детства каждый из них принимал участие в охоте с использованием лука и стрел, а также аркана. Иоанн де Плано Карпини отмечал, что мужчины-кочевники имеют «отчасти попечение о стадах, охотятся и упражняются в стрельбе. Но зато они великолепные стрелки, а дети их ездят на лошадях уже с двух или трех лет. Когда они чуть подрастут, им уже дают лук» [57, с. 37]. Он же пишет о женщинах, которые «ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. Мы также видели, что они носили колчаны и луки» [57, с. 37]. Гийом де Боплан отмечал, что татары начинают обучать своих детей стрельбе из лука с семи лет, а уже с 12 лет посылают воевать; уделяет он внимание и вопросам закалки и выносливости, которые прививались татарским воинам так же с детства [13, с. 215].

Представления об обучении военному делу у кочевников-тюрок дают материалы современной этнографии. Л.Н. Ермоленко, характеризуя представления древних тюрок о войне, приводит сведения о конных состязаниях у народов Центральной Азии: казахов, киргизов, узбеков, туркмен и других. Во время праздников, свадеб, похорон проводилось так называемое «козлодрание» – кукбури. Тушу барана или козла бросали в толпу всадников. Побеждал тот из них, кто овладевал животным и довозил эту тушу до назначенного места, оторвавшись от соперников. Нередко такие состязания приводили к увечьям и убийствам. Подобная игра бытовала и среди мальчиков, и среди юношей. Называлась она «ок сунак» (белая кость) или «сунак отди» (бросание кости). В лунную ночь среди игроков бросали кость. Тот, кто первым находил ее, оповещал об этом криком. Все остальные должны были наброситься на нашедшего, отобрать кость и отнести «старшему» в определенное место. В этих играх отображена невооруженная борьба за животное. Исследователи считают, что в этих состязаниях игроки отождествляются с волками, а туша животного или кость с их жертвой [23, с. 26–27].

И в детском, и во взрослом состязаниях имитировалось поведение волка – охотника-бойца, на которого хотели быть похожи все воины племени. Одной из особенностей тюркских «волчьих мужских союзов», направленных на тренировки воинов, мог быть

обычай «барымты»: нападение с целью угона скота. Это не было воровством или грабежом. Часто о нападении предупреждали за три дня. Такой набег мог быть осуществлен при дневном свете или ночью [23, с. 28–29]. Эти традиции и особенности относятся к современным тюркским народам, предками которых были средневековые кочевники Евразии, по ним мы можем судить и о традициях обучения молодежи воинскому делу у печенегов и половцев. Институту «волчьих мужских союзов» можно найти параллели в половецком обществе, где хан Боняк, завывая по-волчьи, призывал себе победу накануне битвы [30, с. 170]. Такие состязания одновременно были тренировками боевых качеств подрастающего поколения, воинов и охотников.

Охота также могла рассматриваться не только как средство получения пищи или других продуктов, но и как набег. С.А. Плетнева справедливо отмечала, что «второй важной функцией охоты было обучение военному делу всех – от хана до простого воина...». На охоте определялись самые удалые воины, меткие стрелки, ловкие наездники и умелые предводители [55, с. 137]. Военные действия и охота определяли самых сильных, способных членов общества, а следовательно, и определяли иерархические отношения в кочевой среде.

Соревнования среди воинов проводились и во время смотров; так, Ибн Баттута отмечал, что во время одного из сборов были «поставлены щиты для стрельбы каждому начальнику томана... Для каждого эмира поставлено было нечто вроде амвона, на котором он сидел, пока люди его забавлялись перед ним» [63, с. 298–299]. Подробное описание таких соревнований приводит и Иософат Барбаро [5, с. 155–156]. Благодаря записям венецианского путешественника мы имеем сведения не только об умениях татарских воинов, но и об их храбрости: «военные люди в высшей степени храбры и отважны, причем настолько, что некоторые из них... именуется «талубагатер», что значит безумный храбрец». Он же приводит сведения о том, как пятеро ордынских воинов разогнали сотню черкесов [5, с. 146–147]. Подобные сведения о храбрости татар приводит и Марко Поло [35, с. 81]. Кипчаков, которые, несомненно, входили в состав армии Золотой Орды, так же характеризуют слова секретаря египетского султана XIV в. Ал-Омари: «...один из лучших родов Тюркских по своей добросовестности, храбрости, избеганию обмана, совершенству своих станов, красоте своих фигур и благородству своих характеров. Из них (состоит) большая часть войска Египетского, ибо от них (происходят) султаны и эмиры его (Египта)» [63, с. 232].

У нас нет точных и достоверных данных о численности войск Золотой Орды. Источники сообщают нам различные сведения на этот счет. Ал-Калкашанди и другие арабские источники приводят численность татарских войск условно: «войска настолько многочисленны, что не поддаются учету». При этом далее автор отмечает, что «... (хан) отрядил против него от каждого десятка (воинов) одного. И число воинов достигло 250 тысяч из тех, кто вошел счет» [19, с. 299]. Марокканец Ибн Баттута сообщает, что на сбор к хану Узбеку явились 17 эмиров: «присутствовало таких темников 17, предводительствовавших 170 тысячами; (впрочем) войско его (хана) больше этого» [63, с. 299]. Как видим, тут путешественник подтверждает, что каждый из эмиров командовал 10000 всадников – то есть туменом. Рашид-ад-Дин сообщает, что Берке-хан в 1262 г. отправил в поход на Хулагу-хана Ногая во главе тридцатитысячного отряда. В 1264–65 гг. Ногай вновь выходит в поход на хулагидские владения во главе авангардного отряда, подкрепленного 50 тыс. воинов под руководством Сунтая [63, с. 152]. Рашид-ад-Дин называет этот отряд Ногая «полным войском» и тут же пишет, что на помощь Ногаю подошел сам Берке во главе 300 тыс. воинов [69, с. 99].

На данном этапе исследований представить реальную численность войск невозможно. И.Л. Измайлов так же справедливо отмечает, что фактически подразделения (тумены, тысячи, сотни, десятки) обозначали не реальную численность, а «принципи-

альную мобилизационную возможность». Так или иначе, а самым крупным подразделением считался тумен – около 10 тыс. воинов-всадников, но могли формироваться и корпуса из 3–4 туменов, в зависимости от предполагаемой для них задачи [29, с. 416]. Население зависимых государств так же могло участвовать в комплектовании войск Золотой Орды; например, источники сообщают, что Ногая убил «Русский из войска Токты» [63, с. 114], а М.Г. Крамаровский на примере погребальных комплексов показал тесную связь мордовских князей с домом Бату, что может свидетельствовать и о мордовском контингенте в ордынских войсках [41, с. 106–119].

Напрямую со структурой войска связаны его деления на рода. Ядро монгольского войска, да и всех кочевнических армий, конечно, составляла конница. Именно из военно-служилой знати и состояла конница – самая привилегированная часть армии. И.Л. Измайлов подчеркивает, что знать использовала более высоких и породистых коней, а простые воины – обычных степных лошадей [29, с. 418]. Как правило, у всадника был несколько сменных коней, сопровождение из слуг и особый комплекс вооружения. Знать представляла собой латную кавалерию, на вооружении у которой было специальное бронебойное оружие ближнего боя (пики, шестоперы, клевцы) и мощное защитное снаряжение (чешуйчатые панцири, байданы, кюяки и т.д.). Пример таких латников приводит М.В. Горелик, основываясь на археологических материалах опубликованных В.Н Чхаидзе и И.А. Дружининой [17, с. 110–125; 71, с. 137–145]. Использование таких тяжелых всадников позволило ордынцам использовать в бою таранный удар копьем.

Количественно основную часть войска составляли легковооруженные всадники, набор оружия и снаряжение которых выделить труднее. Несомненно, основным видом их оружия было метательное (лук и стрелы), топоры и боевые ножи, реже применялось клинковое и длиннодревковое оружие (копья). Защитой такому воину служил легкий щит и кожаный панцирь и шлем. Из таких воинов складывались основные отряды – легкие лучники. Применение их на поле боя было практически универсальным: они завязывали бой, при случае преследовали противника, и они же прикрывали фланги и окружали противника. Отряды легковооруженных лучников также исполняли роль дозоров и авангарда, несли охранную функцию.

Нам практически неизвестны моменты, когда войсками Золотой Орды использовалась пехота, которая если и была, то носила исключительно вспомогательный характер. Пехота могла проводить инженерные работы, охрану полевых лагерей и т.д. Когда же была необходимость штурмовать или осаждать город, то для этого использовались спешенные всадники. Марко Поло описывает ситуацию, когда спешенные всадники обстреляли из луков слонов: «Увидели это татары, взбесились и не знают, что им делать; было им ясно, что коли не смогут повести своих коней вперед, так все погибнут. Умно, однако же, распорядились, сделали вот что: видят они, что лошади испугались, спешились, попрятали коней в лесу, привязали их к деревьям, потом взяли за луки, насадили стрелы, да и стали стрелять в слонов. Стрелять они умеют ловко и слонов изранили жестоко. Царские ратники не переставали также стрелять и сильно на них нападали, да татары лучше врага умели биться и храбро защищались... А татары увидели, что слоны бегут, тотчас на коней, да и помчались на царскую рать; началась тут жестокая перестрелка...» [36, с. 142–143]. Все же следует отметить, что пехота в войсках Золотой Орды – явление нехарактерное и скорее могла быть представлена наемниками.

Для армии Улуса Джучи так же нехарактерным был флот. Лишь со второй половины XIV в. в Булгарском улусе начинает формироваться речной флот, который нашел свое продолжение во времена Казанского ханства [29, с. 420]. На всех же остальных территориях, даже в позднее время и даже в Крымском ханстве, которое имело выходы к морю, флот так и не появился.

При осаде города, которую кочевники старались держать недолго, они использовали различные штурмовые приспособления. С помощью тарана и метательной артиллерии они могли проломить ворота и стены городов. Применялась и тактика их поджога. Для этого использовались не только зажигательные стрелы, но и специальные приспособления. Приведем цитату из летописи: «Пришел бяша окаянный и безбожный и триклятый Кончак з безличю Половецъ, на Русь похупся яко пленити хоча гради руськи и пожещи огнем; бяше бо знайшли человека такого бесурманина, иже стреляше живим огньем; бяху ж у них лучий тузи самострелнии, едва 50 мужь можашеть напярще» [30, с. 435]. Событие это датируется в летописи 1184 г. То есть у кочевников были метательные машины, стрелявшие снарядами, заполненными жидкостью на основе нефти, причем управлял ими некий мусульманин.

«Слово о полку Игореве» так же доносит до нас сведения об использовании такой техники. П.М. Мелиоранский обратил внимание на места в «Слове», где перечисляются некие приспособления и вещества для применения «живого» огня. [8, с. 402, 404] Он считал, что «шерешир» (*širišār*) это персидское *tir-i-čarh* (*tir-i-čarh*), что значит стрела или снаряд – *чарха* (*čarh*), при этом в персидском под этим словом понимаются именно самострельные луки. *Смага* же, по мнению этого автора, – это нефть. Такие машины упоминаются во многих персидских и арабских источниках. На древнерусских миниатюрах мы видим их изображения в сценах взятия монголами городов [73, с. 70–71]. Половцы вполне могли позаимствовать этот тип осадного вооружения у своих восточных соседей, жителей среднеазиатских или кавказских городов. Оттуда мог происходить и мусульманин, обслуживающий эту технику. Об использовании «мусульманских» мастеров метательной артиллерии в Китае приводит сведения С.А. Школяр [72, с. 222–228]. Дискуссии о конструкции и происхождении данного вида оружия не прекращаются и в данный момент далеки от разрешения [49, с. 250]. С 30-х гг. XIII в. в древнерусских летописях появляются упоминания о «пороках», неких орудиях для штурма городов. П.П. Толочко считает, что эти орудия появляются с приходом в Восточную Европу монголов [65, с. 445], что соответствует и времени появления упоминаний о «пороках» в летописании. При этом М.Г. Ивануц приводит сведения об использовании метательной артиллерии на Руси с 1206 г. и отмечает, что она могла применяться и раньше [31, с. 44].

Постепенно метательная артиллерия вытесняется огнестрельной, хотя есть примеры сосуществования этих двух видов вооружения [29, с. 421]. Расцвет огнестрельной артиллерии, появившейся у татар в XIV в., приходится на XV в. Так, при осаде и обороне крепостей использовали легкие пушки – *тюфяки*, которые обладали небольшим калибром и весом. Встречались так же ручные *тюфяки*. С XV в. пушки видоизменяются, появляются бомбарды, мортиры и другие виды орудий, стреляющие тяжелыми и крупными ядрами. Вначале ядра были каменными, впоследствии их стали отливать из бронзы или чугуна. Такими снарядами осаждающие могли разбивать каменные стены. На раннем этапе пушки изготавливались из полос склепанного железа, а впоследствии их стали отливать из чугуна, что в свою очередь повысило их эффективность. Огнестрельное оружие в XV в. разнообразилось также ручными бомбардами, стреляющими свинцовыми шариками [29, с. 421].

Стратегия ведения военных кампаний и тактические приемы золотоордынских войск отражены в различных письменных источниках, хоть и недостаточно полно. Это – древнерусские летописи, восточные авторы и западноевропейские путешественники. Комплексный анализ этих источников позволяет выяснить, какими же стратегическими особенностями располагали татары, как выстраивались тактика, которой пользовались их полководцы. Как отмечают исследователи, и как видно из источников, стратегия и тактика военных действий зависели от того, куда были направлены взоры ханов и их политика.

Золотая Орда, как государство, с определенного периода перестала прирастать новыми землями и ограничивалась лишь сбором дани с подконтрольных территорий.

Как справедливо отмечает А.К. Кушкumbaев, все крупномасштабные военные операции разрабатывались у монголов детально и заранее. Как правило, планирование войны начиналось весной [43, с. 41–42]. Военные действия, как правило, велись летом или осенью, после того как был собран урожай и было что грабить. Кроме того, после летнего периода лошади кочевников были в форме и лучше переносили походы. При этом следует упомянуть сообщения Робера де Клари, который в своем произведении «Завоевание Константинополя» пишет: «...Зимой, когда собираются отправиться в набег, то выходят из палаток и удаляются из своей страны» [61, с. 47]. Правда это сообщение относится к половцам, но с оговорками мы можем его отнести и к ордынцам. Детально распланировав и обсудив на уровне высшего военного командования важнейшие стратегические операции, ханы утверждали их на курултае: «После большого курултая он послал Кубилайкаана в пределы Китая и в упомянутые края и назначил для него войска, а Хулагу-хана, с согласия всех родичей, нарядил в Иранскую землю...» [69, с. 26].

Большое значение придавалось и военной и политической разведке. Примером военной разведки в какой-то мере может служить западный поход. В дальнейшем войска Улуса Джучи предпринимали активные военные действия в отношении земель Западной Руси и стран Центральной Европы. Так, в 1243 г. был предпринят поход на Галицко-Волынскую Русь, а позже удары батыевских войск ощутили на себе и Польша с Литвой. В направлении Хулагидов также предпринимались различные стратегические действия. Например, чтобы вывести из игры союзников Хулагидского Ирана, предпринимались походы Ногай на Византию, благодаря чему Восточная Римская империя осталась фактически в стороне в конфликте Джучидов с Ираном. Несмотря на некоторые различия в способах ведения войны на разных направлениях, в целом военная организация Золотой Орды диктовала одну общую стратегию. Это была стратегия прямого удара и молниеносной войны. Войска, состоявшие из ополчения знатных всадников требовали значительных финансовых вложений, эти войска необходимо было содержать, и добыча, которую получали в результате успешных военных кампаний, была необходимым элементом военных действий. Как правило, набег происходил без всякого объявления войны, при этом старались напасть на стан или кочевье противника, когда там не было мужчин, в темное время суток или на рассвете [51, с. 94].

Кочевники старались разрушить города и поселения, сжечь их, захватить как можно больше добычи. Если инициатива в военных действиях принадлежала кочевникам, они старались проникнуть глубоко на территорию врага, подорвать его обороноспособность. Все это обычно эффективно реализовывалось, особенно если нападения совершались внезапно, противник был не столько подвижен как кочевники и не обладал перевесом в коннице. Если же кочевники не чувствовали превосходства над противником, то старались решить дело миром и ограничиться лишь получением дани с противника [59, с. 205]. В случае, когда кочевники не решались сойтись в открытой битве с противником, они могли совершать нападения так называемым «изгоном». В этом случае они проникали глубоко на территорию земель соседних народов и производили короткие и опустошительные набеги. Часто такие нападения могли производиться и крупными отрядами [59, с. 206; 51, с. 92–93]. Во время набегов кочевники всегда высылали вперед разведчиков, которые сообщали о силах врага, о его готовности отбить нападение, о возможности нападения врага с неожиданной стороны [60, с. 87; 77, с. 69–85]. Мартин Броневский неоднократно упоминает, что в военном походе крымский хан посылает вперед лучших своих воинов, чтобы они разведали силы неприятеля и его расположение, и лишь после этого атакуют [46].

Учитывая, что за все время своего существования Золотая Орда была обеспечена наиболее сильной, прекрасно обученной и блестяще вооруженной армией, она практически не вела оборонительных военных действий [29, с. 424]. Тем не менее, если же опасность вторжения противника возникала, либо это вторжение происходило, то тут могла использоваться такая стратегия, когда кочевники либо растворялись в степи, либо принимали бой, заманив противника ложными отступлениями вглубь степей [51, с. 98; 53, с. 291–292]. Но, как отмечает А.К. Кушкумбаев, Токтамыш при вторжении армии Тимура в 1391 г. не пытался применить стратегию долговременного отхода и изматывания сил противника, так как не мог опереться на укрепления золотоордынских городов [43, с. 62].

Тактические приемы боевых действий, как и стратегия, в первую очередь диктовались специфической структурой золотоордынского войска, и достаточно хорошо реконструируются на основе письменных источников. В последнее время, в связи с активизацией интереса к военному искусству Улуса Джучи, наблюдается и некоторое увеличение количества работ по этой теме. Тут следует выделить статьи М.В. Горелика, И.Л. Измайлова, Ю.С. Худякова, Л.А. Боброва, А.К. Кушкумбаева [15; 29; 42; 43; 77]. Под тактикой следует понимать боевые построения, приемы ведения полевого боя, осадного и оборонительного дела, разведка, наступательные военные приемы и хитрости, перемещение армии к месту боя и подготовка к нему, преодоление различных препятствий (например форсирование рек), разворачивание военного лагеря.

В бою золотоордынские войска строились по следующему принципу: передовые отряды, два крыла, центр и резерв. Подробно данные о построении татарских войск в бою приводит И.Л. Измайлов, он так же называет все части в этом построении, выделяя систему из пяти или семи отрядов. Эти корпуса – *кулы* – по позициям в построении назывались передовым – *ертоул*, крыльями – *бараункар* и *джаункар*; для центра и резерва названия не приводятся. Для семичленной структуры построения были также передовой отряд – *караул*, фланговые охранения – *кангул*, мог быть еще и арьергад – *сургавыл* [29, с. 424].

Подтверждение этому мы имеем в источниках, например, Шереф ад-Дин Йезди в «Книгах Побед» пишет о противостоянии Тимура и Токтамышя: «Он (Тимур – *Авт.*) устроил 7 корпусов (кул) на такой лад, что ничего подобного этому никто не видел и не слышал. Такого рода мысли могут быть (только) следствием божиих внушений и небесной поддержки, потому что в особенном свойстве числа 7 заключается много тайн, в которые могут проникнуть знакомые с 7 стихами (Корана). Один корпус он украсил именем Султан-Махмуд-хана; он весь состоял из людей боевых и храбрецов, владеющих мечом. Начальствование над ним он предоставил эмиру Сулейманшаху. Устроив главный корпус, он поручил его царевичу Мухаммед-Султану, а стороны и края его подкрепил храбрецами, разящими львов, и опытными бойцами, разбивающими ряды (неприятелей). 20 кошунов людей отважных, выбрав из войска храбрецов и бойцов, прорывающих ряды, он оставил при себе и стал отдельно позади главного корпуса с тем, чтобы во время самого разгара сражения, когда храбрецы с обеих сторон схватятся друг с другом, если у одной из частей его победоносного войска будет нужда в подкреплении, он будет готов к помощи и снаряжен к делу. На правом крыле он выстроил другой корпус, увенчав его победным знаменем мирзы Мираншаха; впереди находился царевич Мухаммед-Султаншах, готовый к бою с окопными щитами и турами. На крайнем фланге (канбул) правого крыла стал эмир Хаджи-Сейф-ад-дин с хорошо устроенным войском и ополчением, в момент (проявления) отваги готовыми пожертвовать собой. На левом крыле Тимур выстроил другой корпус, придав его мирзе Омар-шейху, а на крайнем фланге левого крыла Бердибек-и-Сарбука и Худадад Хусейни с отрядом храбрецов смело устремились в бой с врагом. Эмиры правого и левого крыла – темники, тысячники и (эмиры) кошунов,

утвердившись каждый на своем месте, выстроили ряды в боевой порядок и пешие, и конные, держа перед собой щиты, приготовились к бою. С той стороны показались сторожевые посты. Токтамыш-хан украсил центр и фланги своего войска царевичами Джучиева рода, как то: Таш-Тимур-огланом, Бек-Ярык-огланом, Илыгмыш-огланом, Бек-Пулад-огланом, Али-огланом, Ченте-огланом и другими, да эмирами и нойонами, как то: Алием, Сулейманом-Суфи-конгуратом, Наурузом конгуратом, Актау, Ак-Бугой, Урусчукомкыятом, Иса-беком, старшем братом Идигу, Хасан-беком-сараем, Куке-Бугой, Яглыбиембахином, Кунгур-бием и другими эмирами и военачальниками улуса Джучиева; он их привел, выстроив в колонну (ясал)» [64, с. 167–168].

Управление в бою велось с помощью знамен отрядов и барабанов – «накаров». Описание начала боя монголами мы встречаем у Марко Поло. Он пишет: «Татары не смеют начинать битвы, пока не забьет накар их предводителя; как только он забьет, тут они и начинают битву. Есть у татар и такой обычай: когда они изготовляются и ждут битвы, прежде нежели накар забьет, поют они и тихо играют на двухструнных инструментах; поют, играют и веселятся, поджидая схватку. И вот изготовились обе стороны и ждут, по обычаю, ударов накара и битвы... Забил накар, и люди, немедля, бросились...» [35, с. 92]. В литературе также бытует мнение о том, что управлять боем татарские военачальники могли с помощью специальных свистящих стрел. На древко стрелы под наконечником насаживали костяную полую насадку со специальными отверстиями, благодаря которым в полете стрела издавала резкий свист. Использовали для передачи приказов и распоряжений также гонцов [42, с. 27].

В бою каждый кул или *кошун* (более мелкий отряд, часть кула) выполнял свои функции. Центр должен был держать все войска, как видим из сообщения Йезди, приведенного выше, главный корпус укреплялся «окопными щитами и турами» [64, с. 168]. Кроме всего прочего центр сковывал войска противника, пока фланговые отряды атаковали фланги противника и могли зайти к нему в тыл.

Подробное описание начала боя дает Марко Поло. Он пишет: «Забил накар, и люди, немедля, бросились... Схватились за луки и стали пускать стрелы... Метали стрелы, пока их хватило; и много было мертвых и насмерть раненных... Вышли все стрелы, попрятали они свои луки в налучья, схватились за мечи и палицы и бросились» [36, с. 102]. Как видим, военное столкновение у татар происходило в два этапа: дистанционный с помощью лука и стрел и ближний бой с использованием древкового и клинкового оружия.

Есть еще одна особенность, которую приводят источники для начала боя армии Золотой Орды и войск ее наследников – татарских ханств. Марко Поло описывает этот прием так: «Татары, когда сражаются с врагом, так не спешиваются, а все скачут кругом да стреляют» [36, с. 276]. Более подробное описание оставил Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках о Московии»: «Их оружие – лук и стрелы; сабля у них редка. Сражение с врагом они начинают издали и очень храбро, хотя долго его не выдерживают, а обращаются в притворное бегство. Когда враг начинает их преследовать, то [при первой возможности] татары пускают назад в них стрелы; затем внезапно повернув лошадей, бросаются на расстроенные ряды врагов. Когда им приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полета стрелы, то они вступают в бой не в строю, а изгибают войско и носятся по кругу, чтобы тем вернее и удобнее стрелять во врага. Среди таким образом (по кругу) наступающих и отступающих соблюдается удивительный порядок.... Такой способ боя из-за сходства называют «пляской»...» [9, с. 168].

Современник Герберштейна Михалон Литвин свидетельствует, что татары «всегда первыми вступая в битву, стремятся захватить левый фланг войска противника с тем, чтобы сподручнее было обстреливать» [48]. Их последователь Гийом де Боплан также

приводит сведения об использовании татарами лука и стрел в начале сражения. Он говорит, что крымское войско таким образом атакует поляков, пока не изнурит их и лишь тогда, чувствуя себя достаточно сильными, что бы «сражаться саблею», заставляют поляков отступить [13, с. 243–245, 251]. М.В. Горелик предложил название для этого приема – «карусель». Он также называет наиболее эффективную позицию для стрельбы – вбок вперед и вбок назад, и приводит ссылку на использование таких приемов стрельбы с коня и у современных киргизов [15, с. 157]. А.К. Кушкумбаев и Л.А. Бобров справедливо отмечают, что прием «карусель» при всей его эффективности был также уязвим перед быстрой и неожиданной контратакой противника, либо в случае ошибки или гибели вожатого, что подтверждается и сообщением С. Герберштейна [42, с. 9]. Кроме этого приема также применялись атаки небольшими группами конных лучников, которые могли быстро перестраиваться для атаки и соединяться в более крупные формирования в зависимости от ситуации в бою.

Выше мы также видели, что применялся татарами такой прием, как атака спешенных лучников, описанная Марко Поло. Его слова подтверждают и китайские авторы: «Вообще же, если [черные татары применяют] пеший порядок, то в регулярном [строю], а если конницу – то в рассыпном [строе]» [27, с. 68]. Об одном из тактических приемов сообщает также Захир ад-дин Мухаммед Бабур: «Когда ряды сблизились, враги стали заходить краем правого фланга нам в тыл; тут я повернулся к ним фронтом и наш авангард, куда были записаны все наличные йигиты, выдавшие битвы и рубившиеся мечом, оказался на правой руке; перед ним не осталось ни одного человека. Все же мы отбили и отгеснили врагов, вышедших вперед, и прижали их к центру [их войска]; дело дошло до того, что некоторые старые вельможи Шейбани хана говорили, Шейбани хану: «Надо уходить, время стоять прошло», но он стоял твердо. Правый фланг врага, потеснив наш левый фланг, зашел нам в тыл. Так как наш авангард тоже остался на правой руке, то наш фронт оказался оголенным. Люди неприятеля напали на нас спереди и сзади и начали пускать стрелы... Люди, которые зашли нам в тыл, также приблизились и начали пускать стрелы прямо в наше знамя; они напали спереди и сзади и наши люди дрогнули. Великое искусство в бою узбеков эта самая «тулгама». Ни одного боя не бывает без тулгама» [4, с. 107].

Очень распространенным тактическим приемом была притворное отступление и засада. Основные силы сидели в засаде, а авангард их, осыпав противника стрелами, быстро отступал; противник в горячке битвы, увидев бегущего врага, следовал за ним и попадал под удар основных сил. Марко Поло: «В битвах с врагом берут верх вот как: убегать от врага не стыдятся, убегая поворачиваются и стреляют. Коней своих приучили, как собак, ворочать во все стороны. Когда их гонят, на бегу дерутся славно, да сильно так же точно, как бы стояли лицом к лицу с врагом; бежит и назад поворачивается, стреляет метко, бьет и вражских коней, и людей; а враг думает, что они расстроены и побеждены, и сам проигрывает, оттого что кони у него перестреляны, да и людей изрядно перебито. Татары, как увидят, что перебили и вражских коней, и людей много, поворачивают назад и бьются славно, храбро разоряют и побеждают врага. Вот так-то побеждали они во многих битвах и покоряли многие народы» [36, с. 91]. Отступление такое могло длиться и несколько дней кряду, а когда противник, растянув войска, терял бдительность, татары наносили неожиданный удар.

Ряд авторов указывает также на прием, описанный немецким историком конца XV в. А. Кранцем, которым пользуются русские воины «набегая большими веерницами, бросают копьа и ударяют мечами и саблями». Скорее всего, этот прием они переняли у татар [32, с. 14; 15, с. 158; 29, с. 427]. Во второй фазе также ордынские тяжеловооруженные воины могли применять таранный удар копьем. По мнению Ю.С. Худякова, тяжеловооруженная панцирная конница вступала в бой, когда исход сражения

был уже предрешен и нужно было сломить очаги сопротивления неприятеля [42, с. 18]. Таковы основные тактические приемы ведения степного боя армиями Улуса Джучи. В различных условиях ордынцы могли применять и другие приемы [42, с. 7–20].

Осада и оборона городов.

Как правило, войска Золотой Орды предпочитали бой на открытой местности. Но иногда им приходилось осаждать и брать штурмом укрепленные города. В этих случаях применялись различные осадные приспособления, метательную и огнестрельную артиллерию. В случае, когда штурм можно было избежать, татары старались взять город, лишь угрожая штурмом и принуждая защитников сдать укрепления без боя. Тут следует привести справедливое замечание И.Л. Измайлова о том, что тактика осады и обороны городов не играла решающей роли в развитии военного искусства Улуса Джучи [29, с. 431].

Армия кочевников на марше. Военный лагерь. Речные переправы.

Несмотря на легкость и постоянную мобильность, готовность в любое время выступить в военный поход, ордынцы всегда уделяли особое внимание подготовке к нему. В «Тактике Льва» дается следующая характеристика кочевникам: «Они привычны к зною, стуже и ко всем остальным нехваткам жизненных благ, которые выпадают на долю кочевников», а чуть дальше автор отмечает, что их «сопровождает большое количество скота – жеребцов и кобылиц, используемых как для питания мясом и молоком, так и для демонстрации своей многочисленности» [44, с. 275, 276]. И.Л. Измайлов описывая армию Улуса Джучи, в которую входили и кипчаки, приводит цитату из арабских источников о подготовке воинов к походу: «каждый всадник из них обязательно имел при себе двух слуг, тридцать голов овец, пять голов коней, два медных котла и телегу». Тут же он приводит цитаты о выносливости воинов-кочевников в дальних переходах, их стремительности и быстроте [28, с. 8]. Говоря об организации военного похода у половцев, Робер де Кларк сообщает, что «у каждого из них есть десяток или дюжина лошадей; и они так хорошо их приручили, что те следуют за ними повсюду, куда бы их ни повели, и время от времени они пересаживаются то на одну, то на другую лошадь... и они не перестают двигаться ни днем, ни ночью. И передвигаются они столь быстро, что за одну ночь и за один день покрывают путь в шесть или семь, или восемь дней перехода. И пока они так передвигаются, то никогда никого не преследуют и ничего не захватывают, пока не повернут в обратный путь; когда же они возвращаются обратно, вот тогда-то и захватывают добычу, угоняют людей в плен и вообще берут все, что могут добыть» [61, с. 47]. Подобные же сведения о татарах приводят Михалон Литвин и Гийом де Боплан, они также описывают, что кочевники XVI–XVII вв. ведут с собой около пяти сменных коней и быстро передвигаются [48; 13, с. 229–231].

Описание обустройства военного лагеря кочевниками приводится в трактате Льва VI Мудрого. Он пишет: «Они не размещаются лагерем, подобно ромеям, но вплоть до дня сражения остаются разделенными по родам и племенам; лошадей оставляют свободно пастись и летом, и зимой. Когда наступит день сражения, они отлавливают нужных лошадей и держат их стеноженными вблизи палаток турок до момента построения боевого порядка, а к такому построению они приступают ночью. Свои виглы они устанавливают на большом удалении друг от друга, чтобы было нелегко внезапно на них напасть» [44, с. 276]. Из данного сообщения видно, что вокруг лагеря кочевники выставляли и стражу. Во время военного похода и половцы располагали свой лагерь из веж или кибиток – небольших строений установленных на телегу или повозку. Иоанн де Плано Карпини приводит их описание: «Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделаны из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда падает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены и крыши покрыты войлоком, двери

так же сделаны из войлока». Говорит Иоанн де Плано Карпини и о повозках: «некоторые (жилища) быстро разбираются и чинятся и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках». Подобное же описание жилищ встречаем у Гийома де Рубрук: «Бревнами его дома служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка, наподобие печной трубы; ее они покрывают белым войлоком» [57, с. 27–28, 90].

Возможно, уже находясь в составе Улуса Джучи и поставляя воинов для армии, кипчаки сохраняли свои обычаи при установке лагеря. Марко Поло приводит несколько упоминаний татарского военного стана: «Изготовился Берка, собрал своих людей, и узнал он тут, что Алау со всем своим войском пошел в поход; решил он, что и ему нельзя отставать, и немедля пустился в путь. Скакал он до тех пор, пока не прибыл на большую равнину, где уже враг был; стал и он в порядке станом подле Алау, в десяти милях. Стан его был так же хорош, как и стан Алау, и так же богат, были тут шатры из золотых тканей, богатые палатки; по правде, красивее и богаче стана не видано было прежде... Не прошло и двух дней с тех пор, как Токтай пришел в эту равнину, а уже Ногай со всеми своими был тут и в отличном порядке расставил свой стан в десяти милях от врага. И когда стан устроился, видно было много красивых ставок из золотого сукна, много славных шатров; видно было, что стан богатого царя; а Токтаев стан был не хуже и не беднее, а даже лучше и богаче; были тут удивительно богатые ставки и богатые шатры» [36, с. 228, 234]. Палатка хана, вероятно, была отделена от остального лагеря и охранялась специальными отрядами [77, с. 32–33].

В дальних переходах кочевники легко могли преодолевать водные препятствия. Византийский историк Никита Хониат свидетельствует: «Для переправы через реку скифы употребляют кожаные мешки, наполненные соломою и так хорошо сшитые, что в них не проникает ни малейшая капля воды. Скиф садится верхом на такой мешок, привязав его к конскому хвосту, кладет на него седло и все военные принадлежности и таким образом, пользуясь при переправе конем, как судно парусом, легко переплывает чрез всю ширину Дуная» [52]. Его слова подтверждает еврейский путешественник Рабби Петахия Регенбургский: «У обитателей этой земли нет судов, но они сшивают вместе по десяти лошадиных растянутых шкур, обшивают их кругом по краям одним ремнем, садятся на эти шкуры с телегами и кладью; затем привязывают концы шкур ремнями к хвостам лошадей, которых пускают вплавать, и таким способом переправляются через реку». Он же говорит, как питались кочевники в военных походах: «Хлеба не едят в этой земле, а только рис и просо, сваренные в молоке, а также молоко и сыр. Что касается мяса, то куски его кедары кладут под седло лошади, гоняют ее до пота, и когда мясо согрется, они его так и едят» [66, с. 264].

И.Л. Измайлов отмечает, что все степные скотоводы были очень неприхотливы во время походов, и приводит свидетельства Марко Поло и Иософата Барбаро, относящиеся к татарам [28, с. 8]. В.В. Ушницкий приводит сведения, что конина и кумыс занимали ведущее место в рационе кипчаков, приводя параллели и среди этнографических данных [68, с. 60]. О способах преодоления водных препятствий крымскими татарами и ногаями приводят сведения авторы XVI и XVII вв. Михалон Литвин пишет: «Быстрые полноводные реки, которые в суровое зимнее время на севере к тому же страшно трещат от лопающегося льда и трудны для переправы, они, однако, преодолевают без судов, но только на конях; сами они держатся за гривы, а к хвостам привязывают мешки, [положив их] на деревянные брусья или на связки камыша, чтобы переплыть без промедления, легко и быстро» [48]; ему вторит Гийом де Боплан, описывая переправу татар через Борисфен [13, с. 251–255].

Военное зодчество городов Золотой Орды – вопрос, который заслуживает самостоятельного рассмотрения. Исследователи выделяют различные градостроительные

структуры для различных регионов Улуса Джучи. Ряд золотоордынских городов появляются в домонгольское время и продолжают развиваться. Это в основном города Крыма, Булгарии, Хорезма. В центральных районах государства появляются и новые города: Сарай, Укек, Маджар, Сарай ал-Джедид и т.д. Часть внутренних городов не имели оборонительных сооружений, у других они существовали и развивались с домонгольских времен. Естественно, что для новых городов, возникающих во внутренних областях империи, опасности как таковой не было, поэтому они и не обносились оборонительными сооружениями. Те же городские центры, которые располагались в приграничных областях, могли подвергаться опасности со стороны соседних государств и народов и обносились оборонительными валами и рвами, крепостными стенами и башнями. Для городищ Поволжья в разное время характерно наличие валов и рвов, которые так же появлялись в домонгольское время. Исследователи отмечают, что для периода «великой замятни», оборонительными поясами стали обноситься и города, которые таковых ранее не имели. Например, во второй половине XIV в. на Царевском городище и на Старом Орхее появляются валы. В это же время на Болгарском городище появляются вал, ров, деревянные стены и башни [20, с. 408].

Иначе складывается ситуация в другом регионе Джучиева Улуса – в Крыму. В условиях существования в Крыму крупных торговых портов и городов домонгольского времени и сложившейся тут традиции военного зодчества, единственным укрепленным городом, возникшим в золотоордынский период была столица Крымского юрта – город Крым (Солхат, Эски Крым, совр. Старый Крым). Что же касается домонгольских укрепленных центров Крымского полуострова, то тут стоит отметить, что после похода Ногая конца XIII в. затухает жизнь на Тепе-Кермене, Эски-Кермене, Сюйрени, вероятно, лишаются своих укреплений Судак и Алустан, был ограблен (захвачен?) Кырк-Ер [40, с. 439, 11, с. 55–56]. По мнению А.Г. Герцена, во второй половине XIV в. в юго-западном Крыму возникает княжество Феодоро, центр которого на горе Мангуп был обнесен тройной линией оборонительных стен [10, с. 138]. Эмиры Солхата, Мангупа и Кырк-Ера участвовали в битве на Синих Водах с литовским князем Витовтом в 1362/1363 г., что определяется М.Г. Крамаровским как сегментация власти в «Крымском улусе» и несомненная принадлежность и подчинение указанных городов и крепостей Золотой Орде [40, с. 439, 442].

О начале сооружения первых фортификационных сооружений Солхата–Крыма в виде рвов и валов сообщает армянский источник под 1363 г. Эта запись сделана очевидцем, проживавшем в армянском квартале Солхата «*Чхбнис*» (*Верхний*). Им оказался один из сыновей известного в Крыму миниатюриста и каллиграфа Натера из Баберда¹ – писец Степанос из скриптория храма св. Саргиса. Здесь приведем перевод извлечения текста 1363 г. по «Каталогу армянских рукописей Британского музея»: «... *И в сие же время великое смятение царит от правителей земных, ибо нет царя во главе, чтобы сотворил мир, по словам Господа: «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет», и вот роет глава города ров вокруг города. И многие дома разрушает до основания, и разрушения бесчисленны, и все в страхе»* [74, с. 248]. В строках Степаноса не названо имя главы города, отдавшего приказ начать строительство рва, не обозначен противник или причина события, серьезно напугавшего жителей Солхата. В 2011 г. в результате охранных археологических исследований рядом с г. Старый Крым, были зафиксированы остатки средневекового вала и рва. Вал был сильно поврежден распашкой под виноградники и сохранился на высоту около 0,7 м от материковой поверхности. В 7 метрах к востоку от точки максимально сохранившейся высоты вала были зафиксированы остатки рва, шириной около 9 м, и максимальной глубиной от современ-

¹ Историческая Армения, область Хахтик (Хахтеац гавар).

ной поверхности 3,1 м, в основании рва прослежен завал из камней. Материал, обнаруженный в ходе работ на этом участке, исследователи датируют в рамках второй половины XIV в., в связи с чем и относят эти земляные сооружения к первоначальной фортификационной линии Солхата [45, с. 85–87]².

В исторических свидетельствах стены Солхата-Крыма впервые упомянуты лишь в середине XV в. венецианцем Иосафато Барбаро, справедливо называющим Солхат не крепостью, а поселением, обнесенным стеной [5, с. 15]. Косвенное упоминание стен за десятилетие до Барбаро принадлежит Перо Тафуру, посетившему Каффу в 1438 г. [78, с. 163]. В середине XVII в. турецкий путешественник Эвлия Челеби в легенде о крепости «Карым-кермен», построенной якобы под покровительством «короля Судака» на средства некогда ограбленных купцов³, видел остатки стен Солхата. Он даже обмерил их шагами по периметру. «Обмер» составил 17 000 шагов; стены, по свидетельству путешественника, были сложены из гладко отесанных каменных блоков [75, с. 659]. Вероятно, под этим следует понимать, что обработке подверглись камни лицевого панциря, как это можно видеть и сейчас на примере кладок фасада медресе Солхата (начало второй трети XIV в.), выполненных, впрочем, из податливого известняка. Работы сезонов 2009–2012 гг. показали правоту наблюдения турецкого путешественника. Сейчас от городских стен не осталось первоначальных кладок, но их следы все же сохранились⁴.

Некоторые объективные данные о каменном оборонительном поясе города дошли до нас в виде топосъемки XVIII в. и аэрофотосъемки 70-х гг. XX в.

На плане города, составленном около 1783 г. квартирмейстером И. Лютовым (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 22608), периметр стен достигает 6 734 м. Эта величина сопоставима с данными Эвлии Челеби, при условии, что шаг информатора составлял около 0,4 м. Стены усилены 28 башнями (видимо, картограф учитывал лишь хорошо сохранившиеся следы башенных руин, расчетное же число башен – 65). Величина куртин зависит от рельефа местности, но расстояние между башнями на гребне юго-восточного отрога Малого Агармыша, отделяющего долину от степи, достигает 90 м. На аэрофотосъемке 1973 г. (Архив ИА РАН, Ар. №2201 – 51033) по гребню отрога Малого Агармыша прослеживается четкая линия стены и основания пяти прямоугольных башен со стороны около 10 м. Расстояние между башнями составляет от 75 до 100 м, что принципиально не расходится с данными плана военного топографа последней четверти XVIII в.

В.Д. Смирнов (1886) в своих отчетах о поездках в Крым упоминает о крепостных стенах Солхата [62, с. 504], а в результате разведок в 1926 г была открыта часть стены комиссией под руководством Б.Н. Засыпкина. При этом следует отметить, что наиболее масштабные и систематические исследования оборонительного пояса Старого Крыма были предприняты в настоящее время [1; 2; 3].

Работы велись на юго-восточном отроге горы Малый Агармыш. В результате исследований на пяти участках были обнаружены остатки крепостной стены шириной около 2–2,5 метров. От стены на некоторых участках сохранилась траншея шириной 1–

---

² Выражаю искреннюю благодарность В.В. Майко за возможность использовать материалы исследований.

³ В ответ на обращение купцов генуэзский «король Судака» якобы сказал: «...Стройте в избранном вами месте крепость и город и поселяйтесь там!». Получив разрешение, они приступили к сооружению крепости на месте своего ограбления, дав ей название *Карым-кермен*. Это название – «Зловредная крепость» – они дали ей в отместку своим злым врагам, похитивших здесь у них товары. Позднее, вследствие распространенной ошибки в произношении, слово «*карым*» превратилось в «*кырым*» <...> его [города] строительство было завершено за сорок лет» [75, с. 658].

⁴ Выражаю искреннюю благодарность М.Г. Крамаровскому за возможность использовать материалы исследований.

1,5 м, вырытая на материке. Панцири стены были сложены из местного крупного камня с забутовкой между ними на растворе. Кроме того, стены облицовывались хорошо отесанными плитами, что прослеживается в строительных традициях Старого Крыма. На трех участках раскопов были локализованы следы трех оборонительных башен, примыкающих с севера к крепостной стене. Под защитой одной из башен на участке стены было обнаружено размыкание – вероятно, калитка [1; 2; 3]. Оборонительный комплекс Солхата возникает в короткое время между 1362 и 1380 г. Он состоял из двух разно-масштабных этапов, первый из которых – ров и земляной вал – был задуман Кутлугбугой и его строительство относится к 1362–1365 гг.; второй – каменные стены – к периоду 1375–1380 гг. и был спланирован и осуществлен Мамаем; судя по планиметрии, инженерной связи между комплексами нет. Каждый из них был вызван к жизни своими причинами, целеполаганием и техническими параметрами. Первый предназначен для обороны города от литовской угрозы; второй – генуэзской.

В целом следует отметить, что строительство оборонительных сооружений в золотоордынских городах не было систематическим явлением и военное зодчество тут практически не развивалось, затронув лишь ряд приграничных областей или городов, где оборонительные сооружения строились ранее.

Комплекс вооружения, как и другие аспекты военного искусства Улуса Джучи, сложился на основе тюрко-монгольских традиций, принесенных в основном из Центральной Азии и под влиянием восточноевропейских традиций. Новый комплекс золотоордынского вооружения формируется под влиянием контактов с местными военными традициями [18, с. 396]. Однозначным является факт, подтвержденный письменными источниками, о преобладании в войсках Улуса Джучи воинских контингентов из местных покоренных тюрко-татарских (прежде всего кипчакских) народов. Основными источниками для реконструкции комплекса вооружения воинов Улуг Улуса являются археологические – многочисленные введенные в научный оборот и неопубликованные материалы раскопок дают возможность оценить степень развития вооружения ордынцев и зависимых от них народов. Дополнительно для исследования данной темы могут быть привлечены данные изобразительных источников.

Исходя из особенностей формирования структуры золотоордынского войска, попытаемся рассмотреть основные виды вооружения и снаряжения воинов Улуса Джучи.

Одним из важнейших видов оружия для ордынцев был лук и стрелы. Марко Поло пишет: «всею больше они пускают в дело лук, потому что ловкие стрелки...» [36, с. 90]. Применялся лук т.н. «монгольского» типа. По мнению исследователей, этот лук появляется в Европе в начале XIII в. и был принесен сюда из степей Центральной Азии. В его конструкции применялись различные породы дерева и гибкий рог. В центре был создан узел жесткости за счет фронтальных и боковых срединных накладок из костяных пластин. На одной стороне накладок делались специальные насечки для лучшего соединения кости и дерева. И.А. Дружинина, В.Н. Чхаидзе и Е.И. Нарожный, проанализировав материал кочевнических захоронений золотоордынского времени из Восточного Приазовья, выделили на основе погребального инвентаря два типа луков. К первому типу они отнесли луки с длинными срединными фронтальными накладками: они широкие, массивные, с расширениями на концах. С внутренней стороны таких накладок нанесены нарезные полосы для приклеивания накладки к деревянной основе. Часть накладок с внешней стороны орнаментированы. В комплексах не сохранились концевые накладки [21, с. 101]. Вторым типом луков представлен экземпляр с концевыми плечевыми накладками [21, с. 102]. В.А. Коренько и А.Г. Атавин отнесли подобные накладки к домонгольскому времени [37, с. 98–100]. Тем не менее, считается, что оба типа луков из Восточного Приазовья относятся к т.н. «монгольским» сложно-составным лукам [21, с. 102]. М.В. Горелик и И.Л. Измайлов выделяют еще один тип

луков, так же сложносоставной, т.н. средне-ближневосточного типа, который постепенно сменяет монгольский тип. Он был проще в изготовлении и делался из нескольких пород дерева и мягкого рога [18, с. 397].

Воины Улуса Джучи пользовались железными и костяными наконечниками стрел. Почти все найденные железные наконечники черешковые, лишь в одном случае Г.А. Федоров-Давыдов приводит в своей работе втульчатый [70, с. 25–26].

По функциональному назначению стрел можно выделить наконечники охотничьи и боевые. Применялись наконечники преимущественно с плоским в сечении пером: это так называемые наконечники общего назначения. Исключительно боевое назначение имели бронебойные наконечники с четырехгранным в сечении пером. Могли также применяться наконечники с трехгранным в сечении пером и круглым, но они практически не встречаются в кочевнических древностях рассматриваемого периода. Известно также несколько экземпляров трехлопастных наконечников [70, с. 27], скорее боевых, нежели охотничьих, хотя нельзя исключать их двойное назначение.

В некоторых колчанах, изображенных на половецких каменных статуях, хорошо просматриваются торчащие наконечники стрел довольно крупного размера двух типов: ромбовидные и двурогие [54, с. 31]. Эти артефакты зафиксированы и в археологическом контексте. По А.Ф. Медведеву они датируются XII–XIV вв. [47, табл. 21]. Отметим, что широкое распространение получили так называемые срезни различных типов – плоские или двурогие наконечники с широкой боевой частью. Применялись они в основном для нанесения больших ран и повреждения тетивы луков противника. Описание использования таких наконечников встречаем у Марко Поло: «У них заведено, чтобы каждый воин в сражении имел шестьдесят стрел; тридцать маленьких – метать, и тридцать больших с железными широкими наконечниками; их они бросают вблизи, в лицо, в руки, перерезывают ими тетивы и много вреда наносят ими друг другу» [36, с. 212]. Иоанн де Плано Карпини упоминает также, что стрелы монголов были очень остры и что «они всегда носят при колчане напильники для изошрения стрел» [57, с. 51]. У того же автора мы встречаем описание наконечников стрел, предназначенных для разных целей: «Есть у них также и другие стрелы для стрельяния птиц, зверей и безоружных людей, в три пальца ширины. Есть у них далее и другие разнообразные стрелы для стрельяния птиц и зверей» [57, с. 52–53]. Известно, что позже монголы использовали плоские и трехлопастные наконечники, снабженные костяными свистульками, костяными изделиями бочонковидной или биконической формы с отверстиями. Размеры их колебались в зависимости от величины наконечника. Основное назначение их – создание устрашающего шумового эффекта, но не исключено, что они могли применяться и для закрепления наконечника на древке стрелы, и для управления стрелой в полете, и для закрепления горящей пакли, и как емкости для некоего горючего материала. В последнем случае отверстия затыкались паклей или чем-то подобным [50, с. 219]. Однако существует и мнение, что эти костяные предметы могли играть роль расширителей раны, усиливавших кровопотерю при ранении такой стрелой [34, с. 138]. Более вероятным нам кажется мнение А.К. Кушкumbaева и Л.А. Боброва о применении этих насадок для подачи сигнала в бою [42, с. 27].

К сожалению, в археологической практике не всегда можно определить материал, из которого изготавливалось древко стрелы, т.к. он сохраняется очень плохо. Письменные источники сообщают, что древки монгольских стрел делались из ивы, можжевельника или березы [50, с. 219]. Для этого использовалась комлевая часть дерева, расположенная ближе к корневой системе, более плотная и упругая [34, с. 133]. Древки стрел могли окрашиваться разным цветом с целью их быстрой идентификации, если в колчане они находились вниз наконечниками, имевшими разную форму и назначение [34, с. 133]. В других случаях раскраска несла тотемный, декоративный или социальный

характер. Длина стрел, опять же из-за плохой сохранности дерева, редко поддается определению, но Иоанн де Плано Карпини указывал, что длина стрел «составляет два фута, одну ладонь и два пальца» [57, с. 51], что составляет приблизительно 80 см.

Оперением для стрел обычно служили перья различных птиц. Использовались прямые, упругие, но не слишком жесткие перья, как правило, птиц, обитавших в данной местности. Особо ценились перья орла, сокола, морских птиц [50, с. 51]. Известно, что монголы чаще всего применяли перья орла, коршуна и гуся [50, с. 219]. Древяк обладал еще одним важным конструктивным элементом – ушком. Оно представляло собой расширение на противоположном от наконечника конце древяка, в нем делалась зарубка, необходимая для фиксации стрелы на тетиве лука. При изготовлении стрел из камыша, тростника или бамбука ушко могло быть в виде черешкового или втульчатого втока, который крепился в древяке. Он мог быть деревянным, роговым или костяным [34, с. 139]. Есть сведения об использовании монголами ядовитых наконечников стрел [50, с. 219]. Костяных наконечников, по сравнению с железными, известно мало. Видимо, они не были очень распространены и применялись в основном для охоты, хотя их боевое использование нельзя отрицать. Г.А. Федоров-Давыдов выделяет четыре их типа: пулевидные – конической формы, четырехгранные с внутренней втулкой, трехгранные с плоским черешком и листовидные также с плоским черешком [70, с. 29].

Стрелы носили в колчанах, которые изготавливались из кожи или бересты, на проволочном или деревянном каркасе. Для XIII–XIV в. выделяются колчаны в виде длинного узкого футляра, в котором стрелы помещались наконечниками вверх. Иногда устье колчана могло быть закрытым. Подвешивался колчан с помощью системы пряжек и ремней. Поверхность колчанов украшалась декорированными в различной технике костяными или серебряными с позолотой пластинами, иногда в комбинации. Такими же пластинами покрывались и налучья, в которых хранили луки. Для ордынских воинов известны также саачные наборы (налучье и колчан), которые с помощью специальных петель и системы тройников подвешивался к поясу. Из комплекса снаряжения лучников следует отметить находки колец с треугольным выступом для так называемого «монгольского» способа стрельбы. При нем тетива не захватывалась пальцами, а оттягивалась с помощью выступа на кольце, которое надевалось на большой палец руки. Большая часть этих колец сделана из кости и рога, хотя известны и другие материалы для их изготовления: металл, дерево, камень. Эти артефакты очень широко датируются [22, с. 30], и ареал их так же обширен [70, с. 25].

Как уже отмечалось, вторая фаза сражения у татар велась оружием ближнего боя. И тут первенство, конечно, принадлежало клинковому оружию. Ордынские воины пользовались мечами – прямой двулезвийный клинок с рукояткой, расположенной в одной оси с клинком; палашами – прямой, как правило, однолезвийный клинок с рукояткой, отогнутой под углом к лезвию; и саблями – изогнутый клинок, однолезвийный, с отогнутой к лезвию рукояткой. Наиболее распространенным из этих видов оружия была сабля, и она постепенно вытеснила меч и палаш [18, с. 398]. Золотоордынские сабли иногда затачивались со стороны спинки клинка на длину до 30 см. Как отмечают М.В. Горелик и И.Л. Измайлов, к XIV в. от Прикубанья по территории Улуса Джучи распространяются сабли со штыковидным острием [18, с. 398; 56, с. 284]. Исследователи подчеркивают, что характерным признаком ордынских сабель являются доли, иногда парные, с обеих сторон клинка, причем часто смещенные относительно долов другой стороны. Постепенно сабля приобретает все большую кривизну, а на конце, у острия, появляется елмань. Перекрестья у ордынских сабель крестообразные, узкоромбические. У ранних клинков перекрестье ассиметричное – нижняя часть длиннее верхней. Позже на окончаниях перекрестья появляются утолщения. На конце рукоятки часто крепился темляк. Археологические находки позволяют определить способы крепления

сабельных ножен. Ножны снабжались пластинчатыми скобами или обоймами, которые фиксировали составляющие половинки ножен, одна чуть ниже устья ножен, другая – в центре. Посредством колец, прикрепленных к обоймам, ножны вешались на пояс. В одном из погребений могильника Каирка 3/1 обнаружен клинок, относящийся к золотоордынскому времени, и определяется он М.В. Гореликом как «фальшьон» [16, с. 240–242]. Из короткого клинкового оружия применялись боевые ножи и кинжалы.

Длинное древковое оружие было представлено копьями с наконечниками различных форм. Бытовали копья с длинным узким пером, четырехгранные в сечении, с широкими наконечниками лавролистной или иволистной формы, плоские или ромбические в сечении. Эти формы достаточно долго сосуществовали, так как назначение их было разным. Копья или пики с граненым узким пером применялись латниками для таранного удара и пробивания доспеха, копьё же с широким пером оставляли широкую рану, но применялись для противника, защищенного легким доспехом. Оружие ударно-дробящего действия было представлено булавами и кистенями с навершиями или гирьками из железа, бронзы и кости различных форм – шаровидные, биконические, покрытые пирамидальными шипами и т.д. Близки к клевцам булавы, имеющие на навершии клювовидный выступ [18, с. 401]. Назначение такого оружия – проламывать и пробивать панцири, что достигалось за счет веса и формы ударной части. Топоры, хоть и применялись в это время реже остальных видов оружия, но также встречаются в комплексах вооружения ордынских воинов. М.Г. Крамаровский отмечает наличие парадных топориков, инкрустированных латуной и серебром, среди ветеранов западного похода [39, с. 42–43], а М.В. Горелик и И.Л. Измайлов четко фиксируют топоры как часть снаряжения татарских воинов [18, с. 402].

Шлемы, которыми пользовались татарские воины, представлены в основном археологическими находками. Это боевые наголовья с козырьками и шпильями с кольцами для привязывания лент. Тульи таких шлемов были одно-, двух- и трехсоставные, приваривались к околышу. Формы шлемов – сфероконические, полусферические и полуцевидные. Снабжались такие наголовья и защитой лица в виде полумаски и боевой личины. Таковы находки у с. Ковали, с. Липовец, в Ротмистровке и в Херсонесе. Маски, несомненно, имеют портретное сходство с умершим. На месте глаз, ноздрей и рта – прорези, что позволяет сделать вывод – при жизни эта маска использовалась в качестве забрала (личины). В пользу этого говорит и тот факт, что маска очень массивная и хорошо закреплена на шлеме. То, что маска вряд ли имела только ритуальные функции, свидетельствуют и прорези в тех местах, которые на ритуальных масках должны быть закрыты у умершего. О боевом назначении таких масок на древнерусских шлемах пишет и А.Н. Кирпичников, он же обосновывает портретность масок, связывая этот факт с необходимостью узнавать князя в битве [33, с. 28]. В погребении у с. Ковали «ухо» к маске было припаяно. Л.А. Бобров предположил, что боковые крепления могли служить для фиксации дублирующих ремней, удерживающих маску на голове [7, с. 13]. Выскажем также предположение о том, что с помощью этих заклепок могла крепиться кольчужная бармица, защищавшая шею воина. А.Н. Кирпичников отводит подобное же назначение кольцам в бронзовых ушах масок [33, с. 28].

Корпус тяжеловооруженного золотоордынского воина был защищен металлическим панцирем, который собирался из прямоугольных пластин с отверстиями по краю. Доспех мог быть ламеллярным – из мелких пластин, и ламинарным – из крупных пластин. По способу крепления также выделяют: пластинчатые доспехи, в котором пластины скреплялись друг с другом с помощью ремешков. Известны также чешуйчатые панцири – пластины крепились к матерчатой или кожаной основе заклепками или ремешками, и бригандины (*хуяк*, *хуяг*) – большие по размеру пластины крепились к суконной или кожаной основе [18, с. 402]. Панцирь также снабжался защитой плеч пря-

моугольной или листовидной формы до локтя и ниже и набедренниками [50, с. 212–213]. Повсеместно на востоке, в отличие от западного доспеха, развитие защиты корпуса шло в сторону увеличения подвижности.

Использовался татарами и кожаный доспех, что подтверждает Марко Поло: «а на спине у них панцирь из буйволово́й или другой какой кожи, вареной и очень крепкой... Кольчуги у них из буйволово́й кожи» [36, с. 90, 139]. Со второй половины XIII в. активно применяется кольчуга, а с XIV в. встречается применение обоих типов защиты корпуса – под верхний панцирь из металлических пластин надевалась дополнительно кольчуга. Постепенно ламеллярный и ламинарный доспех вытесняется так называемым кольчатопластинчатым доспехом – *бехтэром* (*бахтерец*, *бехтерец*). В таком доспехе пластины соединялись не ремнями, а металлическими кольцами. Производство его было очень трудоемким, поэтому он был доступен только богатым воинам [18, с. 403; 25, с. 126–127].

Кроме защитного вооружения для защиты корпуса, было специальное снаряжение для защиты рук и ног. На одной из половецких каменных статуй явно различаются наплечники. Они изображены в виде двух полос, спускающихся по плечам на ключицы [70, рис. 28, 1]. Г.А. Федоров-Давыдов писал по этому поводу: «Эти полосы на плечах показывают, возможно, металлические пластины, защищавшие плечи воина» [70, с. 175].

Известны среди археологических материалов золотоордынского времени и находки наручей. Они были обнаружены в одном из половецких захоронений в Краснодарском крае. В литературе это захоронение известно как погребение 2 в кургане 4 у станицы Дмитриевская [14, с. 140–141]. Тут среди погребального инвентаря были обнаружены створчатые наручи, датируемые первой половиной XIII – XIV в. М.В. Горелик считает их принесенными монголами [14, с. 143]. Г.А. Федоров-Давыдов также писал, что кочевники «для защиты колен применяли пластины полушаровидной формы...» [70, с. 35]. К сожалению, находки поножей в погребениях единичны, нам известен лишь один такой случай в половецком захоронении золотоордынского времени у станицы Дмитриевская. Они были изготовлены из железа и находились на ногах погребенного. С помощью кольчужной полоски наголенники соединялись с наколенниками, образуя полноценные поножи длиной 68 см и шириной в центральной части 18 см. Ю.В. Зеленский датирует эту находку по сопутствующему инвентарю XIII–XIV вв. и считает, что погребение принадлежало богатому половецу, служившему в золотоордынской войске [26, с. 116–117]. В ордынское время в Восточной Европе утвердился плетеный щит из прутьев, который впоследствии стали оковывать железом [18, с. 404]. Применялись и деревянные щиты, укрепленные умбонами, подобными обнаруженному в погребении 2 кургана 4 у станицы Дмитриевская. Этот умбон представлял собой железный диск диаметром 9,7 см с крестообразно наложенными сверху железными пластинами, соединенными с диском заклепкой в центре. Такие умбоны, по мнению М.В. Горелика, типичны именно для Прикубанья золотоордынского времени. Исследователь считает, что их могли позаимствовать у итальянских колонистов ордынцы Северо-Восточного Причерноморья во второй половине XIII в. и впоследствии распространить их в западных монгольских государствах [14, с. 142].

Большинство материалов о конских доспехах дают нам материалы археологических исследований кочевнических памятников. В первую очередь выделим нагрудники. Имеется один экземпляр этого элемента, который представляет собой серповидную пластинку с отогнутыми краями, крепившуюся к вертикальному ремню сбруи на груди лошади [70, с. 61]. К элементам защиты можно отнести также налобные и наносные бляхи. Они скомбинированы из разных металлов: железа, серебра и бронзы. Применялся также и облегченный вариант защиты коня из кожаных пластин и полос и из мягких материалов, простеганных и обшитых металлическими бляшками. Чему подтверждение мы находим в письменных источниках [50, с. 221–222]. Кроме этого, конь также снаб-

жался стандартной сбруей с различными металлическими подвесками, кистями и тому подобными деталями.

Еще одной деталью снаряжения воинов Золотой Орды была военная атрибутика. Сюда мы можем отнести стяги или флаги. В археологических материалах нам неизвестны вещи, которые можно было бы интерпретировать как флаг или стяг, но в текстах древнерусских летописей встречаются упоминания о кочевнических стягах, а на миниатюрах Радзивилловской летописи представлены изображения кочевников под стягами – сюжет, несомненно, передающий реальное историческое событие. Победа одной из сторон в миниатюрах передавалась через вертикально стоящие флаги, а поражение – через стяги склоненные или поверженные [58]. Изображение некоего флага видим также на одной из половецких статуй. На оборотной стороне статуи изображен недвижимый всадник на коне, над которым развивается большой косой флаг на высоком флагштоке. Среди археологических материалов лишь одна находка может претендовать на отношение к стягу – это приведенное Г.А. Федоровым-Давыдовым железное навершие с кольцом в верхней части [70, с. 35]. Основное назначение этих атрибутов – обозначение места сосредоточения войск и поддержание боевого духа армии или отдельного отряда [6, с. 365].

Еще одним военным атрибутом, использовавшимся кочевниками, являлись специальные приспособления для подачи сигнала во время боевых действий.

Марко Поло, описывая начало боя у монголов, сообщает: «Забил накар, и люди, не медля, бросились...» [36, с. 101, 102, 212, 213, 216, 220, 231, 236]. Накар в данном случае – вид литавров или барабанов, бой которых, вероятно, должен был знаменовать начало боя и наводить страх на противника. Говоря о музыкальных инструментах в среде кочевнического воинского сословия, нельзя обойти находку кобиза в погребении у с. Кировское Бериславского района Херсонской области. Обнаруженная находка – это деревянный смычковый музыкальный инструмент, изготовленный из ясеня [12, с. 43; 24, с. 281; 76, с. 81]. Инструмент состоял из резонаторного корытца и грифа с фигурной головкой. Инструмент был укомплектован деревянным смычком, немного выгнутым, круглым в сечении. Общая длина кобиза – 87 см, смычка – 48 см. [324, с. 85]. По мнению Г.Л. Евдокимова, инструмент был трехструнный. При игре его держали вертикально в правой руке [24, с. 282]. Вероятно, погребение принадлежало человеку с особым социальным статусом, хоть и небогатому. Учитывая, что в погребении есть предметы вооружения, он, несомненно, был воином. И хотя исследователи относят этот погребальный комплекс к половцам, но упоминания у Марко Поло, что «Есть у татар и такой обычай: когда они изготовляются и ждут битвы, прежде нежели накар забьет, поют они и тихо играют на двухструнных инструментах; поют, играют и веселятся, поджидая схватку», может свидетельствовать, что как атрибут воина музыкальный инструмент бытовал и в золотоордынское время [36, с. 213].

Таким образом, мы видим, что военное искусство и вооружение Золотой Орды от первых завоевательных походов Чингиз-хана и до периода распада государства прошло значительный путь развития. С выделением в отдельное сословие богатых воинов-всадников происходит не только социальная дифференциация, но и выделяются различные рода войск: появляются тяжеловооруженные латники и легкие конные лучники. Фортификационные сооружения имеются лишь в периферийных центрах (Крым) или в Поволжских городах, где эти традиции сохранились с домонгольского времени. Учитывая, что артиллерия также развивалась не очень активно и применялась в основном для обороны городов Булгарского улуса, осадная и штурмовая тактика при взятии городов уступила место блокадам городов и взятию их с помощью военных хитростей. Тактика войск Улуса Джучи в основном сохраняла традиции кочевнического полевого боя, и, как считает И.Л. Измайлов, такой традиционный подход и привел к поражениям

в войнах с Польшей, Литвой, Русью и Тимуром [29, с. 431]. Вместе с тем, следует отметить, что частые поражения на закате существования государства можно связать и с сильными центробежными тенденциями и «великой замятней». Эти факторы в итоге и привели к появлению постордынских ханств и других политических образований, которые стали наследниками Улус Джучи не только в области государственности, политики и культуры, но и в военном искусстве.

1. Айбабин А.И., Крамаровский М.Г. Отчет об археологических исследованиях на городище средневекового Солхата в 2009 г. // Научный архив ИА НАНУ. 2010.
2. Айбабин А.И., Крамаровский М.Г. Отчет об археологических исследованиях на городище средневекового Солхата в 2010 г. // Научный архив ИА НАНУ. 2011.
3. Айбабин А.И., Крамаровский М.Г. Отчет об археологических исследованиях на городище средневекового Солхата в 2011 г. // Научный архив ИА НАНУ. 2012.
4. Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, 1992. 312 с.
5. Барбаро и Контарини о России [Пер. Е.Ч. Скржинской]. М.: Наука, 1971.
6. Бехайм В. Энциклопедия оружия. [пер. с нем.; предисл. А.Н. Кирпичникова; Комментар. и прилож. С.Е. Еременко, В.М. Милованов, М.Ю. Некрасов]. СПб.: АО «Санкт-Петербург оркестр», 1995. 576 с.
7. Бобров Л.А. Маски-личины азиатских воинов эпохи Средневековья и раннего Нового времени из музея Метрополитен // Батыр. Традиционная военная культура Евразии. №2. М., 2011. С. 12–19.
8. Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести / Былины; [Вступ. статьи, сост. и ком. В.П. Аникин, Д.С. Лихачева и Т.Н. Михельсон]. М., 1986. 640 с.
9. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: изд-во МГУ, 1988. 430 с.
10. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. I. Симферополь, 1990. С. 88–166.
11. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей Кырк-ор – Чуфут-Кале. Симферополь, 1993. 128 с.
12. Гершкович Я.П. Спадщина Коркута в половецькому середовищі Північного Причорномор'я // Археологія. Київ, 2011. №1. С. 40–50.
13. Гийом Левассер де Боплан. Описание Украины. [пер.с фр. З.П. Борисюк]. М.: «Древлехранилище», 2004. 576 с.
14. Горелик М.В. Золотоордынские латники Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 9. Армавир, 2008. С. 139–159.
15. Горелик М.В. Степной бой (из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения северной и центральной Азии. Новосибирск, 1990. С.155–160.
16. Горелик М.В. Шлемы и фальшьоны: два аспекта взаимовлияния монгольского и европейского оружейного дела // Степи Восточной Европы в эпоху Средневековья. Половецко-золотоордынское время. Донецк: ДонНУ, 2003. Т.3 С. 231–244.
17. Горелик М.В. Золотоордынские латники Восточного Приазовья (по материалам В.Н. Чаидзе и И.А. Дружининой) // Батыр. Традиционная военная культура Евразии. №1. 2010. С. 137–145.
18. Горелик М.В., Измайлов И.Л. Вооружение // Военное дело Улус Джучи // Улус Джучи во время могущества // История татар с древнейших времен. Т.3. Улус Джучи (Золотая орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 396–404.
19. Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал Калкашанди // Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
20. Губайдуллин А.М., Измайлов И.Л. Военное зодчество // Военное дело Улус Джучи // Улус Джучи во время могущества // История татар с древнейших времен. Т.3. Улус Джучи (Золотая орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 405–408.

21. Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье [под ред. М.В. Горелика]. Армавир-М., 2011. 266 с.
22. Душенко А.А. Роговые кольца для натяжки тетивы лука «монгольским» способом из раскопок Мангуп-Кале (по материалам исследований 1990–2010 гг.) // V науковий читання пам'яті У. Боданінського: тези доповідей та повідомлень міжнародної наукової конференції (Бахчисарай, 23–27 жовтня, 2013 р.). Симферополь: Антіква, 2013. С. 29–30.
23. Ермоленко Л.Н. Представления древних тюрков о войне // Батыр. Традиционная военная культура Евразии. №2. М., 2011. С. 20–32.
24. Евдокимов Г.Л. «...Співай же йому пісні половецькі» (Літопис Нестора) // Золото степу. Археологія України. К., 1991. С. 281–284.
25. Зайцев И.В. «Бектерь сыдавной» // Батыр. Традиционная военная культура Евразии. №1. М., 2010. С. 126–127.
26. Зеленский Ю. В. Поножи из половецкого погребения в степном Прикубанье // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее. М.: Квадрига, 2008. С. 116–117.
27. Золотая Орда в источниках. Китайские и монгольские источники. Т.3. М.: Наука, 2009.
28. Измайлов И.Л. Военная организация Улуса Джучи // Батыр. Традиционная военная культура Евразии. №1. М., 2010. С.5–15.
29. Измайлов И.Л. Организация войска. Военное искусство // Военное дело Улуса Джучи // Улус Джучи во время могущества // История татар с древнейших времен. Т.3. Улус Джучи (Золотая орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 409–431.
30. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. [Под ред. А.А. Шахматова]. СПб., 1908. Т. 2. 638 с.
31. Ивануц М.Г. Класифікація металних машин Давньої Русі // Сіверщина в історії України: Зб. наук. пр. К.: Глухів, 2009. Вип. 2. С. 41–48.
32. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. 135 с.
33. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. // Свод археологических источников (САИ). Вып. 3. Л.: Наука, 1971. 126 с.
34. Кищенко В.Г. Стрелы древних и средневековых культур Евразии: Реконструкция // Степи Восточной Европы в эпоху Средневековья. Половецко-золотоордынское время. Донецк: ДонНУ, 2003. Т.3. С. 131–191.
35. Книга Марко Поло. 2-е изд. Алма-Ата, 1990.
36. Книга Марко Поло. М.: Географиздат, 1956. 376 с.
37. Кореняко В.А., Атавин А.Г. Позднекочевнические погребения в курганах у с. Новоселицкое (Ставропольский край) // Краткие сообщения Института археологии. № 183. М.: Наука, 1986. С. 95–101.
38. Крамаровский М.Г. Джучиды и Крым: XIII–XV вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. Симферополь, 2003. С. 506–532.
39. Крамаровский М.Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая орда. История и культура. СПб., 2005. С. 13–172.
40. Крамаровский М.Г. Крым в системе административного устройства Золотой Орды // Внутренняя политика Улуса Джучи // История татар с древнейших времен. Т.3. Улус Джучи (Золотая орда). XIII – середина XV в., Казань, 2009. С.436–447.
41. Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия Италия. СПб.: Евразия, 2012. 496 с.
42. Кушкумбаев А.К., Бобров Л.А. Монгольская тактика ведения степного боя // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи средневековья и нового времени. Астана, 2013. С. 5–47.
43. Кушкумбаев А.К. Ключевые принципы монгольской военной стратегии XIII–XIV вв. // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. Астана: Фолиант., 2012. С. 38–71.
44. Лев VI Мудрый. Тактика Льва. [Изд. подготовил В.В. Кучма]. СПб., 2012. 368 с.

45. Майко В.В., Куликов А.В., Бейлин Д.В. Охранные археологические исследования фортификационных сооружений средневекового Солхата в 2011 г. Археологічні дослідження в Україні 2011. К.: «Волинські старожитності», 2012. С. 85–87.
46. Мартин Броневский. Описание Татарии [Электронный ресурс] / [пер. И.Г. Шершеневича] / Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского // Записки Одесского общества истории и древностей. 1867. Том VI. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVI/Bronevskij/frametext.htm>
47. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел // САИ. Вып. Е1–36. М.: «Наука», 1966. С. 200.
48. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян [Электронный ресурс] / [Пер. В.И. Матузовой]. М.: МГУ. 1994. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin/frametext1.htm>
49. Набиев Р.Ф., Габбасов Д. Артиллерия империи джучидов // Золотоордынское наследие. Материалы международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)» (Казань, 17 марта 2009 г.). Вып.1. Казань: Изд. «Фэн» АН РТ, 2009. С. 249–257.
50. Немеров В.Ф. Военное снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. // Советская археология. №2. М., 1987. С. 212–227.
51. Нефедкин А.К. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 304 с.
52. Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина. Рязань, 2003. Т. 1. 446 с.
53. Плетнева С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.: Наука, 1975. С. 260–300.
54. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ Е4–2. М.: «Наука», 1974. С. 200.
55. Плетнева С.А. Половцы. М.: Наука, 1990. 208 с.
56. Прокопенко В.М. Краткий очерк истории северокавказской сабли со штыковым острием // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. Астана: Фолиант., 2012. С. 284–295.
57. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. [Ред., вст. статья и прим. Н.П. Шастиной]. М., 1957 г. 272 с.
58. Радзивилловская летопись // ПСРЛ. [Изд. подг. М.Д. Приселковым]. Л.: Наука. 1989. Т. 38. 177 с.
59. Расовский Д.А. Военная история половцев // Серия «Материалы и исследования». Исследования по истории кочевников Восточноевропейских степей. Т. I. М., 2012. С. 198–230.
60. Расовский Д.А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // Серия «Материалы и исследования». Исследования по истории кочевников Восточноевропейских степей. Т. I. М., 2012. С. 39–112.
61. Робер де Клари. Завоевание Константинополя. М., 1986. 176 с.
62. Смирнов В.Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // Непомнящий А.А. Подвижники крымоведения. Т.2: TAURICA ORIENTALIA. Симферополь, 2008.
63. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 563 с.
64. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т.II. М., Л., 1941.
65. Толочко П.П. Пороки – осадные орудия XIII в. // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т.2 / Под ред. Е. Н. Носова, С.В. Белецкого. М.: «Ломоносовъ», 2010. 552 с.: илл.
66. Три еврейских путешественника. Иерусалим-М., 2004. 318 с.
67. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского университета, 1979. 318 с.

68. Ушницкий В.В. Восточные корни кипчаков: этнокультурные параллели с народами Сибири // *Степи Восточной Европы в эпоху Средневековья. Половецкое время*. Т. 10. Донецк: ДонНУ. 2012. С. 53–64.
69. Фазлуллах Рашид-ад-дин. *Джами-ат-таварих*. Баку, 2011. 540 с.
70. Федоров-Давыдов Г.А. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*. М., 1966. 276 с.
71. Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Тяжеловооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья // *Батыр. Традиционная военная культура Евразии*. №1. 2010. С. 110–125.
72. Школяр С.А. *Китайская доогнестрельная артиллерия: (Материалы и исследования)*. М.: Наука, 1980. 404 с.
73. Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // *Византийский временник*. Т. 25. М., 1927. С. 54–77.
74. *A Catalogue of the Armenian Manuscripts in the British Museum*, by Frederick C. Conybeare. London, 1913.
75. Evliya Çelebi. *Seyahatnamesi*. Istanbul, 1928.
76. Gershkovich Ya. P. *Korkut's Heritage in the Cuman Milieu of the North Pontic Region // Ukrainian Archaeology*. Kiev, 2011. P. 81–90.
77. May T. *The Mongol Art of War: Chinggis Khan and the Mongol Military System*. Yardley, Westholme, 2007.
78. Tafur Pero. *Andancas e viajes de Pero Tafur por diversas partes del mundo avidos (1435–1439)*. Madrid, 1874.

Глава V.

Население Улуса Джучи и становление средневекового татарского этноса

§ 1. Этноним «татар» на ранних этапах истории Евразии

Рафаэль Хакимов

Вокруг этнонима «татар» возникло много путаницы и спекуляций, что осложняет изучение истории Евразии. Основные проблемы связаны со смешением двух имен «татар» и «монгол», а также неопределенностью их этнической и лингвистической привязки. Сложившиеся традиции историографии мешают непредвзятому прочтению первоисточников и оценке реального вклада татар в мировую историю. В калейдоскопе этнонимом и политонимом раннего Средневековья путеводной звездой может служить только политическая история. Военное и политическое доминирование того или иного племени определяло возможность сохранения его имени в анналах истории, преемственности культуры и способности народа сохраниться до наших дней.

Первое упоминание о татарах встречается в надписи в честь Кюль-Тегина (732 г.), где речь идет о племенных союзах «огуз-татар» и «токуз-татар» в качестве врагов Кюль-тегина. Тогда татары вместе с киргизами поддержали токуз-огузов, воевавших с тюрками (тюркютами). В 723–724 гг. токуз-татары вместе с токуз-огузами восстают против Элетмиш Бильге-кагана, но, видимо, безуспешно, поскольку есть свидетельство, что Бильге-каган (около 742 г.) «опять подчинил и восьмиплеменных татар», а чуть ниже утверждается, что «в год Свиньи (747 г.), трехплеменные карлуки и девятиплеменные татары... почтительно просили стать ханом» [22, с. 43–44]. В Терхинской надписи сообщается, что «когда писались эти письма – о мой хан! – то присутствовали именитые моего Небесного хана, восьмиплеменные татары, семнадцать аз'ских буюрков, сенгуны и тысячный отряд из (народа) тонгра, уйгурский народ вместе с моими тегинами» (753 г.) [22, с. 42]. В период создания Тюркского каганата татары уже играли существенную роль во взаимоотношениях тюрков с китайской империей и, видимо, проявляли относительную независимость. В конце 40-х годов VIII в. они вместе с огузами восстают против Уйгурского каганата и терпят поражение. В рунических надписях упоминается и об одной войне с киргизами. В данном случае для нас важно отметить не ход исторических событий, а этническую самостоятельность татар, они в VII–VIII вв. упоминаются наряду с тюркютами, уйгурам и киргизами, при этом кипчаки и монголы еще не фигурируют в качестве политической силы.

Китайцы татар называли *та-та (да-да)*, у китайцев нет звука (иероглифа) «р». «И в настоящее время, – пишет Мунир Ерзин, – китайцы татар Татарстана в письменном виде обозначают этими двумя иероглифами – тата[эр]жень (татар, татарин) и Республика Татарстан – Тата[эр] гунхэго» [13, с. 15]. По его версии, «та-та – иероглиф, обозначающий татар, сам по существу состоит из двух знаков. Его левый знак передает значение слова, а правый – звучание слова (тональность произнесения слова). То есть левый иероглиф передает понятие выделанная кожа (булгар), а правый – фонетическое качество. У этого иероглифа, состоящего из двух знаков, нет другого смысла, он специально создан только для наименования народа – татар» [13, с. 46–47]. Связь этнонима «татар» с выделкой кожи «булгар» всего лишь одно из множества мнений, имеющих право на существова-

ние. Важно отметить, что не китайцы назвали народ именем «татар»: они всего лишь воспроизвели этноним, специально создав иероглиф для его обозначения.

Этимологию «татар» пытались выяснить ряд исследователей (Н.Ф. Баскаков, П. Пелльо, Г.-Дж. Рамстедт, Н. Кычанов и др.), они опирались на различные основания, но, скорее всего, этноним связан с каким-то древним предком по имени «Татар». Происхождение самоназвания хотя и любопытно, но не столь существенно, ведь судьба этнонима больше связана не с собственно этнической, а политической историей. И здесь мы сталкиваемся с трудностями, связанными с существованием до образования империи Чингиз-хана шести татарских и двух монгольских государственных образований. Хороший обзор летописных свидетельств о ранних монгольских «государствах» содержится в работе Н.Н. Крадина, Т.Д. Скрынниковой «Империя Чингиз-хана», что делает излишним обсуждение этого вопроса в данной главе [см.: 25]. Местонахождение шести татарских государств (юртов), о которых упоминает Рашид ад-Дин, подробно анализирует С.Г. Кляшторный [см.: 24]. К этому вопросу мы вернемся чуть позже.

Изначально имя «татар» носили племена, жившие на севере от Великой китайской стены, а также в степной зоне Центральной Азии. В работе «Полное описание монголо-татар» («Мэн-да бэй-лу», 1221 г.) сказано: «Земли, на которых впервые возвысились татары, расположены к северо-западу от [земель] киданей. Племена [татар] происходят от особого рода шато» [36, с. 45]. Под именем «шато» имеется в виду союз племен западных тюрок, обитавших в VII в. в районе Ферганы. В VIII–X вв. отколовшиеся группы шато проживали на территории современных провинций Шэньси, Ганьсу и Шаньси. Китайский историк Ван Го-вэй поясняет, что в этом случае речь идет о «белых татарах». Он приводит следующее свидетельство: «У татар все люди отважны и воинственны. Те, которые ближе к китайским землям, называются культурными татарами. [Они] умеют сеять просо, варят его в глиняных котлах с плоским дном и едят» [36, с. 45]. Рашид ад-Дин «белых татар» относит к тюркам и пишет, что они из тех народов, «которые не столь давно получили имя монголов» [37, с. 77]. Кроме, земледельцев-татар были кочевые «черные» татары и так называемые «дикие/незрелые» татары.

В летописи «Краткие сведения о черных татарах» записано: «Государство черных татар (т.е. северного шаньюя) называется Великой Монголией» [26, с. 137]. Северным шаньюем китайцы называли племенных вождей северных хунну (*сюн-ну*) после разделения хунну на северных и южных. Северные хунну занимали территорию расселения современных монголов. «Черные татары», продолжает летопись, «живут в куполообразных хижинах (т.е. в войлочных шатрах). У них не строятся города со стенами и [каменные] здания. [Они] кочуют с места на место в зависимости от [наличия] воды и травы [для скота] без постоянных [маршрутов]... Вообще место расположения охотничьего шатра татарского правителя всегда называется «волито»» [26, с. 139]. Под «волито» автор летописи имеет в виду древнетюркское слово *ordu* или *ordo* в значении «лагерь» или «дворец»¹. «Что касается его золотого шатра (стойки [внутри] сделаны из золота. Поэтому [шатер] называется золотым), то когда [вместе с ним] ставятся шатры всех незаконных императриц² вместе со стойбищем [других подданных], только [это] называется «большой ордой» (*yeke ordu*)» [26, с. 139]. Китайцы в начале XIII в. часто монголов Чингиз-хана называли *хэй-да* «черные татары». В «Мэн-да Бэй-лу» читаем: «Нынешний император Чингиз, а также все (его) полководцы, министры и сановники являются черными татарами» [36, с. 49].

¹ Гийом де Рубрук ошибочно перевел слово *orda* как «середина»: «Они называют на своем языке двор [словом] *орда*, что означает середину». Видимо, он перепутал слово *orda* с татарским словом *urta*, что говорит о тюркском языковом окружении правителя Монгольской империи.

² Для китайских летописцев все татарские ханы и их жены были самозванными императорами и императрицами, поскольку не были назначены китайским императором.

Китайские источники выделяли также «диких татар» Южной Сибири, промышленявших охотой и рыбной ловлей, они управлялись старейшинами, у них не было ханов, за что их и называли «незрелыми». «Так называемые дикие татары весьма бедны да еще примитивны и не обладают никакими способностями. [Они] только и знают что скакать на лошадях вслед за всеми [другими]», – свидетельствует «Мэн-да Бэй-лу» [36, с. 49]. Как видим, деление татар на «белых», «черных» и «диких» дано по типу ведения хозяйства.

Важно иметь в виду, что различные татарские племена носили различное самоназвание. Отсутствие в источниках этнонима «татар» еще не означает, что там не присутствуют татары – они просто могут иметь другое имя. В «Сокровенном сказании» упоминаются айриуд-буйрууд, обое, дербен – подразумевается, что они все относятся к татарским племенам. В тексте читаем: «Однажды Амбагай-хаган лично отправился провожать свою дочь, которую он выдавал в замужество к Татарам из племени Айриуд-Буйрууд, что на реке Уршиун между озерами Буюр-наур и Колен-наур. В это-то время Амбагай-хагана и схватили Татары Чжуинского племени и повезли к Алтан-хагану Китадскому» [42, §53]. В свою очередь дербен-татары не были однородным племенем и делились на чаан-татар, алчи-татар, дудаут-татар и алухай-татар [42, §141, 153]. Рашид ад-Дин называет шесть главнейших татарских племен: татары-тутукулйут, татары-алчи, татары-чаган, татары-куин, татары-терат, татары-баркуй. Были и другие татарские племя, как-то хойин, нераит и т.д. «Племя тутукулйут – самое уважаемое из [всех] татарских племен», – добавляет он [37, с. 101–103]. Порой, приставка «татар» отсутствует в самоназваниях племен, поскольку в те времена и так знали, что они из татар. Рашид ад-Дин приводит следующий пример: «Есть такой обычай, что всякий человек, который происходит из этого племени, если он будет мужчина, его называют – тутукулитай, если же он будет женского пола, то называется – тутукуличин. Происходящие из племени куин-татар – куйтай и куйчин, из племени терат – терати и тераучин».

Множество самоназваний возникало естественным образом ввиду размножения населения. Любое отделившееся племя отличалось от родительского своим именем³, при этом исчезало указание на его татарское происхождение. «Материнский» этноним сохранялся только в имени старшего сына – легитимного наследника власти отца. Н.Н. Крадин, исследуя генеалогию Чингиз-хана, пишет о традиционном механизме легитимации: «Вождь, добившийся некоторого успеха в объединении племен под своей властью, дает имя общности, иногда со ссылкой на авторитет прошлого. Так, Хабул-хан дает наименование своему союзу кият. Хотя можно предположить, согласно легендарным сведениям, что этот этноним отмечался еще на первой территории проживания монгольских племен. Этническое имя закрепляется за старшими потомками клана Хабул-хана. Изложение событий из жизни Есугэй-бахадур, отца Чингиз-хана, предваряется констатацией его места в генеалогии: «§ 50. У Бартан-Баатура было четверо сыновей: Менгету-Киян, Некун-тайчжи, Есугай-Баатур, Даритай-отчигин», где, как видим, этноним присутствует в имени старшего сына – легитимного наследника власти отца» [25, с. 172–173]. Ссылаясь на разные самоназвания племен, мы можем воспринять их в качестве различных народов, хотя на самом деле они могли быть ближайшими родственниками и помнить о своем происхождении – при объединении в союзы они возвращались к «материнскому» имени, как в случае «Алты татар», «Токуз татар», «Отуз татар» и т.д.

Нельзя исключать и другого процесса, о котором пишет Рашид ад-Дин: «Из-за (их) чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при всем различии их разрядов и названий, стали известны под их именем и все назывались татарами»

³ Абу Са'ид Гардизи называет численность в 700 человек, необходимую для выделения самостоятельного племени. Китайский летописец Е Лун-ли в «Истории государства киданей» пишет о татарах следующее: «Каждое крупное племя состоит из двухсот-трехсот семей, а мелкое – из пятидесяти-семидесяти» [12, с. 306].

[37, с. 101]. Уже в глубокой древности татары подчинили себе другие тюркские племена, вплоть «до границ Хитая», которые стали называться по имени господствующего племени. В этом случае этноним «татар» становился политонимом. Нечто аналогичное происходило и с именем «монгол», который с возвышением Чингиз-хана становится политонимом, а потому многие племена стали называться монголами, как раньше назывались татарами, свидетельствует Рашид ад-Дин. Однако при этом он делает весьма существенное примечание, что, мол, и поныне от Китая до Дешт-и Кипчака и Магриба все тюркские племена называются татарами [37, с. 103]. Даже впоследствии, когда Чингиз-хан прославился на весь мир как великий завоеватель, летописцы Монгольской империи неизменно называли Татарией, но не Монголией. Со временем вся Евразия стала отождествляться с «Татарией», что и зафиксировано на средневековых картах.

Немало существует объяснений имени «татар», как экзоэтнонима, так, мол, китайцы называли всех не китайцев – что-то вроде аналога слова «варвар». Н.Ц. Мункуев считает, что китайцы, которые столкнулись с некоторыми из татарских племен, «распространили их название на все монгольские и даже немонгольские племена, обитавшие на территории современной Внешней и Внутренней Монголии и Западной и Южной Маньчжурии». Он исходит из того, что «племена татар, название которых китайцы распространили на все монгольские племена, как известно, были врагами рода Чингиз-хана и были истреблены последними задолго до 1221 г.» [34, с. 135]. Нет смысла китайцам монгол называть татарами, тем более, если татары были истреблены.

Существуют также мнение, что китайской канцелярии было предписано в донесениях исправлять самоназвание «монгол» на «татар» или, в крайнем случае, «монголо-татар» (*«мэн-да»*). Получалось, что китайцы, столетиями жившие с татарами бок-о-бок, воевали и торговали с ними, в то же время не понимали, с кем имеют дело. В этой связи сошлемся на авторитет Н.Я. Бичурина, который пишет: «Здесь важно заметить, что Китай, со времени открытия монголов, тунгусов и тюрок, донныне всегда находился в политических связях с помянутыми народами, и всегда отличал один народ от другого» [5, с. 10]. На самом деле китайские чиновники и историографы очень хорошо различали народы, при этом они писали не только о племенах, но и династиях, расписывали их титулатуру, они пользовались выражением «монголо-татары» не в этническом, а политическом смысле, понимая под монголами династию, а под татарами – его народ (будун). Европейские летописцы тоже не были наивными наблюдателями, многие из них ездили для разведки, напуганные нашествием татар в Европу – им надо было знать, с кем имеют дело. Король Венгрии Бела IV к германскому королю Конраду IV прямо пишет: «свирепые народы, именующие себя татарами, пришли с востока, как саранча из пустыни, и опустошили Великую Венгрию, Булгарию, Куманию и Россию, а также Польшу и Моравию» [16, с. 805]. В письме ясно сказано, что «свирепые народы» сами себя именовали «татарами».

Следует осторожно отнестись к мнению о навязывании этнонима «татар» покоренным народам Монгольской империи. В чем здесь политический замысел? Монголам это точно не нужно, как и китайцам, а больше навязывать некому. Некоторые авторы предположили, что этноним «татар» был изобретен в XIX в. идеологами нациостроительства, вроде Шигабутдина Марджани, якобы подменившего исконное имя «булгар» на искусственное «татар». Так, Михаэль Кемпер пишет: «Определением «татарский народ» Ш. Марджани конструирует этнос, который он ставит на место религиозно дефинированного и мультиэтничного «булгарского» культурного сообщества» [18, с. 613]. Действительно, в памяти татарского народа сохранились воспоминания о Булгарском государстве, как впрочем, и о Золотой Орде и Казанском ханстве, но это не говорит о каком-то раздвоении самосознания или навязывании этнонима «татар» просветителями XIX века. Столь же несостоятельно предположение об отказе татарами от

исконного самоназвания в пользу этнонима «мусульманин». Татары действительно себя называли «мусульманами» в соответствии с существовавшим в Российской империи сословно-конфессиональным делением, что вполне сочеталось с этнической идентичностью. Встречаются и вовсе экзотические случаи изложения истории Евразии, где этноним «татар» полностью отсутствует [см.: 40], что трудно обсуждать из-за абсурдности такого желания избавиться от «татарской проблемы».

Топонимы и гидронимы, связанные с татарами, опровергают утверждение об имени «татар» как экзоэтнониме. В названиях местности, гор, озер, рек, ручьев, горных вершин, населенных пунктов имя «татар» встречается в самых разных странах: Китай, Иран, Пакистан, Афганистан, Турция, Средняя Азия, Азербайджан, страны Восточной Европы, включая Боснию, Сербию, Македонию, где есть целые административные единицы, горные хребты, долины. Они не единичны и не случайны. Возьмем, к примеру, Японию, очень далекую от основных театров нашествий татар – там можно ожидать минимальное присутствие татар в отличие от Азии или Восточной Европы. По устному сообщению Владимира Курбатова на о.Хонсю между городами Аоморе и Хатинохе расположены гора *Tatara yama* (гора) и *Tatara san*. К северу от Токио есть болотистый островок *Tatara numa* (болото), севернее г.Убе примостились озеро *Tatara saki*, в западной части о.Рюкю – *Tatara shima* (остров) и река *Tatara gawa* (река). Кроме того, на полуострове Ното есть селение *Kazan shi*, у мыса Сата – холмистая местность *Kazan* и в составе архипелага Нампо в Восточно-Китайском море имеется группа островов *Kazan retto*. Очевидна не случайность появления таких названий и в таком количестве, иначе говоря, татары в Японии оставили заметный след, причем задолго до попыток Хубилая силой покорить Японские острова. В частности технология выплавки металла «*tatara*» для изготовления самурайских мечей по сведениям японских ученых появилась примерно в VII в. [см.: 49]. Топонимы не только указывают на длительность пребывания татар в Японии, но их невозможно было навязать силой, они отражают самоназвание народа.

Некоторые специалисты (Й. Маркварт, С.М. Ахинджанов и др.) считают ранних татар монголоязычными, что вызывает большие сомнения, поскольку все доказательства строятся на косвенных свидетельствах или на вольной интерпретации источников. У Н.Я. Бичурина читаем: «Хягас по первоначальному своему составу должно быть государство Монголо-тюркское и состоит из двух народов: тюрков и монголов. Тюрки, иначе татары, суть коренные жители, а монголы суть их повелители, известные прежде под названием хуннов, а в сию эпоху назывались они хойхусцами⁴. В переговорах с китайским посольством при Дворе хягасов, вероятно, употребляли хойхуский язык, как [язык] господствующего народа, известный китайцам; и потому посланник написал, что хягасы говорят хойхуским языком; в самой же вещи [в самом же деле] хягасы говорили татарским языком, что доказывают слова: *Ай* месяц, *Вэй* титул министра» [5, с. 351]. В данном случае смена имени «хунн» на «монгол», а затем на «хойху» (уйгур) не должна удивлять, ибо речь идет не о смене этничности, а о названии правящих «Домов». Нам важно отметить, что не только татары, но и хягасы (киргизы) говорили на татарском языке. Близость тюркских племен и их языков общеизвестный факт. Абу ал-Истахри пишет: «А что касается Туркестана, то у токуз-огузов, хырхызов, кимаков, гузов и хазладжей – один и тот же язык, и все они [происходят] один от другого...» [32, с. 25]. Рашид ад-Дин, наиболее осведомленный из средневековых историков, язык татар считал тюркским.

Выдающийся знаток тюркских языков Махмуд ал-Кашгари главу, где перечисляются народы, назвал «О составе тюрков», куда включил и татар. Он дал классификацию тюркских языков, заметив, что наряду с чомулами, «кай, ябаку, татар и басмыл, каждое объединение из них имеет особое наречие (*luua*) и вместе с тем хорошо владеют тюрк-

⁴ Китайские хроники хягасами называли киргизов, хойхусцами – уйгуров. Как видим, у Бичурина и монголы, и татары – тюркоязычные народы.

ским языком» [33, с. 76]. Это свидетельство посчитали достаточным для утверждения о монголоязычности татар. Однако у ал-Кашгари речь не идет о монгольском языке, просто для него татарская речь отличалась от тюркского (в смысле тюркютского) и его родного караханидского наречия. В то время не было обобщающего понятия «тюрки», поэтому под ним понимали конкретно тюркютов в отличие от татар, уйгур, киргизов и некоторых других⁵. Точно также рассуждая о заменах огузами *гайн* на *алиф*, он противопоставляет огузское наречие тюркскому, хотя на самом деле речь идет о тонкостях произношения, а не о разных языках [33, с. 79]⁶. Махмуд ал-Кашгари, отмечая особенности языка различных тюркских народов, добавляет, что они проявляются в чередовании или усечении отдельных букв, что никак нельзя трактовать в качестве подтверждения монголоязычности татар. Исходя из его свидетельств, невозможно говорить и о наличии смешанного татаро-монгольского языка, как утверждает С.Ш. Казиев: «На наш взгляд, язык кай и татар мог быть языком этнических групп смешанного тюрко-монгольского происхождения, своего рода *lingua franca*, понимаемый и монголоязычными, и тюркоязычными группами» [17, с. 373]. Возможно, какие-то татары знали два языка, но о существовании в прошлом татаро-монгольского языка нет никаких свидетельств. Само использование термина «монголо-татары» («*мэн-да*») появилось в китайских источниках в связи с восшествием на престол Чингиз-хана, объявившего о монгольской династии, после чего к традиционному «*та-та*»/«*да-да*» добавился иероглиф «*мэн*», указывающий на присутствие правящей династии. Из этого никак не выводится наличие тюрко-монгольского пиджина, как утверждает С.Ш. Казиев: «Татары относились к кругу шивэйских племен, имевших наиболее интенсивные контакты с тюркоязычными племенами, и потому владели древнетюркским языком, либо же общались на тюрко-монгольском пиджине, что и было отмечено ал-Кашгари» [17, с. 377]. Махмуд ал-Кашгари ни о каком пиджине даже не заикается, его свод тюркских слов посвящен нюансам тюркских наречий.

Предположение о монголоязычных татарах построено на мнении, что монголы, безусловно, говорили только на монгольском, а вот с татарами надо, мол, разбираться. Почему не предположить обратное? Нельзя исключать знание средневековыми монголами татарского языка. Так, по тексту «Сокровенного сказания» видно, что Чингиз-хан свободно общается с представителями явно тюркоязычных онгутов («белых татар»), карлуков, уйгур. Это не значит, что все вокруг говорили на монгольском, логично предположить, что Чингиз-хан знал татарский язык. Субэтей-багатур обращается к кипчакским вождям с предложением о мире: «Мы и вы – одного племени и происходим из одного рода, а аланы нам чужие. Мы с вами заключим договор, что не причиним друг другу вреда, мы дадим вам из золота и одежд то, что вы пожелаете, вы же оставьте нам [аланов]» [37, с. 230]. Это не говорит о монголоязычности кипчаков или знании ими двух языков. В равной мере можно предположить знание Субэтеем татарского языка. Более того, здесь прямо говорится, что монголы и кипчаки одного рода, иначе говоря, тюрки.

⁵ В китайских источниках, перечисляя чины государств северной стороны, наряду с множеством тюркских племен (киргизов, татар, шато и др.) отмечают также ведомства *вана* «государства тюрков» и «государства западных тюрков» [50, с. 146].

⁶ Смешение понятия тюркских языков и языка этноса «тюрк/тюркютов» могло возникнуть в силу того, что в конце V в. возник самостоятельный этноним «тюрк» И.Л. Кызласов пишет: «Тюрками назывался только один из уже многочисленных тогда тюркоязычных народов – а именно создателя Первого и Второго Тюркских каганатов. Другие близкие по языку народы носили иные имена (уйгуры, басмылы, азы, чики, карлуки и т.д.). Народ *тюрк*, объединивший многие (но далеко не все) тюркоязычные и иные по речи народы в огромную евразийскую империю, этим расширил политическое значение своего имени» [19, с. 36].

Нет никаких свидетельств о доминировании монгольского языка в тюркской среде, зато можно утверждать, что кипчакское наречие точно выступало в качестве *lingua franca* и тюркские наречия сильно повлияли на монгольский язык. А.М. Щербак прямо пишет: «До XIII в. процесс заимствования был односторонним: из тюркских языков в монгольские» [52, с. 48]. Кодекс Куманикус был составлен в качестве пособия европейским купцам для использования наиболее понятного в Монгольской империи языка, при этом в тексте куманский (кипчакский) язык называется «*tatar tili*». Татарский или тюрко-татарский язык и был по факту *lingua franca*. Этим объясняется наличие в татарском и монгольском языках одинаковой терминологии, они в монгольский язык попали из татарского, но никак не наоборот.

Создается впечатление, что исследователи явно затрудняются с разведением этнонимов «татар» и «монгол», поэтому нередки утверждения, что татары – это на самом деле этнические монголы, или делят татар по произвольным признакам на этнических монгол и татар, или же выбирают компромиссный термин «татаро-монгол». Для уточнения этого вопроса сошлемся на Рашид ад-Дин, который считал, что «в древности монголы были [лишь] одним племенем из всей совокупности тюркских степных племен» [37, с. 103]. Яснее не скажешь. Можно было бы усомниться в свидетельстве великого летописца, но проблема в том, что ничего лучшего о тех временах в анналах истории не сохранилось. Кстати, остальные летописцы солидарны с Рашид ад-Дином. Так, в «Мэн-да бэй-лу» сказано, что прежнее монгольское государство уже было уничтожено и нынешние монголы и есть татары [36, с. 52]. Монголы на землях татар появляются только в X веке. Известный монголовед Е. Кычанов указывает на «приход монголов в Монголию где-то во второй половине X – первой половине XII в.» [20, с. 141]. Это территория нынешней Монголии, Внутренней Монголии, китайских провинций Ганьсу и Шэньси. В силу многочисленности татар, о чем утверждают все летописцы, они жили на обширной территории как на протяжении Великого Шелкового пути, так и по всей территории нынешней Монголии. Вопрос взаимосвязи монгол XII в. и современных монгол – отдельная тема и не входит в задачу данной статьи.

Значительную путаницу в соотношении этнонимов «монгол» и «татар», а также в языковую проблематику вносит сообщение в «Сокровенном сказании» об истреблении всех татар, после чего якобы остались лишь часть укрывшихся и никем незамеченных или кем-то спасенных татар. Так, Е.И. Кычанов пишет о войнах татар и монгол: «Для татар эти войны закончились в 1202 г. почти полным их истреблением» [21, с. 210]. Во-первых, «истребление» нужно понимать не в физическом, а политическом смысле, т.е. было ликвидировано доминирование татар в степи, к тому же не всех татар, а именно союза племен «дербен-татар»: «Мы истребили тут Татарских главарей поколений Чаган-Татар, Алчи-Татар, Дутаут-Татар и Алухай-Татар» [42, §153]. Как видим, речь идет только о главарах, ставших обычными вассалами (кол)⁷. Во-вторых, хотя «Сокровенное сказание» красочно описывает процедуру истребления татар, но затем в § 196 в окру-

⁷ По тюркской традиции убивали верхушку, а сам народ становился вассалом или же какие-то роды рассеивались по другим племенам. Например, в 710–711 гг. тюрки перешли Саяны и сокрушили Кыргызский эль, убив кагана кыргызов Бар-бега. «Каган был убит, а народ его стал рабынями и рабами... – сообщает Йоллыг-тегин. – Мы дали устройство племенным союзам азов и кыргызов». Иначе говоря, было уничтожено государство и его каган, но сохранен племенной союз (бодун) кыргызов на его коренных землях. Слово раб у тюрков означало то же, что и вассал в китайской или европейской традиции. По свидетельству «Суй шу», на вопрос Ышбара-кагана (Шабалио), что означает вассал, ему ответили: «Вассал в царстве Суй значит то же, что у нас (тюрков) слово раб» [5, с. 237]. Народы, попадавшие в зависимость, принуждались к уплате дани и военной службе своим новым сюзеренам. Элетмиш Бильге-каган, после казни зачинщиков бунта, сообщает: «Кара игиль будуны йок кильмадим ебин баркын йелкысын юлмадим» – «их простой народ я не уничтожил, их юрты и постройки, их скот я не отнял».

женин Чингиз-хана вдруг появляются опять же дербен-татары и татары-тайчийуты: «Бывшие с Джамукой джадараны, катагины, салджи'уты, дербэны, тайчи'уты, онгираты и прочие там же подчинились» [42, §196]. В-третьих, среди пяти главных жен Чингиз-хана фигурируют две татарки: Есулун и Есукат. Более того, в источниках часто татар называют народом, из которого монголы брали жен. Получается, вначале якобы вырезали всех татар, а затем переженились на татарах. Если, как сказано в «Сокровенном сказании» устами самого Чингиз-хана, «поголовно истребили татарский народ, примеряя детей их к тележной оси», откуда тогда они вновь появились на исторической арене? Как пишет Рашид ад-Дин, «благодаря приросту населения они [найманы, урянкаты и татары] стали многочисленны» [38, с. 55]. К тому же, по его же словам, татары занимали высокие посты, которые он перечисляет: «Из племени хойин-татар происходили: Самкар-нойон, конюший Хулагу-хана, а во время Абага-хана ставший почтенным и великим эмиром; Туган, Мулай и Куйтай, отец Бука-курчи... В улусе Джочихана старшая жена сына Джочи, Бату, по имени Буракчин, была из племени алчи-татар; также из этого племени была супруга Тудай-Менгу, государя того же улуса, по имени Турэ-кутлуг; из эмиров Бату из этого племени был старший эмир по имени Ит-Кара; из эмиров Менгу-Тимура, а также государя того улуса, из этого племени был старший эмир по имени Бек-Тимур...». Китайские источники подтверждают высокий статус татар в окружении Чингиз-хана. В хронике «Юань ши» записано: «Тахай-Темур, человек из татар. Его предки во времена Тай-цзу служили *говану* Мухали, командовали левым крылом Великого тумена в Монгольской армии, держали в повиновении 8 западных округов в [провинции] Тайюань» [50, с. 93]. Здесь речь идет о кешиктенах – гвардии, сформированной Чингиз-ханом в 1206 году в качестве «личной тысячи», которая затем увеличилась до тумена. В составе этой личной тысячи, по сообщению Рашид ад-Дина, было подразделение и кешиктенов из татар под командованием Есунгтээ [38, с. 267]. Получается, что Чингиз-хан «истребленных» татар держал в качестве личной гвардии?! Абсурд. Список знаменитых татар в окружении Чингиз-хана легко продолжить, что никак не вяжется с их «истреблением». Противоречия легко снимаются, если понимать под «истреблением» ликвидацию политического доминирования враждебных татарских племен, лишения их собственного имени и их «рассеяния», т.е. распределения семей по другим племенам.

Нет явных подтверждений функционирования монгольского языка в Золотой Орде. Хотя принято считать, что там существовало два государственных языка, но среди известных официальных документов нет ни одного на монгольском. В 1930 г. на левом берегу Волги близ села Терновка была найдена рукопись на бересте, датируемая началом XIV в. Она написана уйгурским алфавитом большей частью по-монгольски, меньшей – по-уйгурски. Берестяной свиток содержит лирические стихи. Этот единственный случай не может служить аргументом в пользу распространенности монгольского языка среди татар. Остальные доказательства тоже косвенные. Так, в 1845 г. на территории Екатеринославской губернии была найдена серебряная пайцца (хранится в Государственном Эрмитаже). Надпись на монгольском языке уйгурской письменностью гласит: «Монкэ тэгри-ин кучун-дур, экэ су джали-ин игэгэн-дур: Абдулла-ин джарлик кэн улу буширэку кумун алдаху, укуку», т.е. «Вечного неба силою, великим соизволением и могуществом (его), Абдуллы повелению, который человек не повинуется, (тот) проступится, умрет» [2, с. 146]. Эта надпись относится к 1362–1369 гг., когда Абдулла находился на престоле Золотой Орды. Сохранилась также пайцца Узбек-хана и др.

Пайцца – символ власти, и в каком-то смысле можно о нем говорить как о документе, он продолжает традиции Китайской и Монгольской империй, в нем важнее общий рисунок, нежели текст, он не дает возможности судить о распространенности того или иного языка именно в Золотой Орде. Тем не менее ученые, опираясь на косвенные

аргументы, настаивают на использовании монгольского языка в качестве государственного. Аргументируя это, А.П. Григорьев цитирует Иоанна де Плано Карпини: «...мы поднесли грамоту и просили дать нам толмачей, могущих перевести ее. Их дали нам... и мы вместе с ними тщательно переложили грамоту на письма русские и сарацинские и на письма татар; этот перевод был представлен Бату, и он читал и внимательно отметил его». После этой цитаты следует утверждение: «Итак, во времена первого золотоордынского хана Бату (1227–1255) золотоордынская канцелярия вела делопроизводство на монгольском языке» [9, с. 83]. Такой вывод сделан из произвольного отождествления татар с монголами, хотя ничего не мешает предположить, что Бату читал на-татарском. Остальные документы А.П. Григорьевым анализируются примерно в том же стиле, на основе чего делается окончательный вердикт: «Наш общий вывод сводится к следующему: официальным языком Золотой Орды XIII–XIV вв. (до 1380 г.) был монгольский, употреблявшийся в уйгурской письменной форме» [9, с. 89]. Как доказал М. Усманов, нет оснований считать ранние жалованные акты Джучидов монголоязычными [46, с. 94–97], тем более об их языке нельзя судить по русским переводам, как это делает А.П. Григорьев. Более аргументированно пишет о ярлыках и битиках ханов Золотой Орды Нигмат Курат, опирающийся на подлинники: «Язык письма – литературный язык, бывший в употреблении в Золотой Орде, его принято именовать чагатайским, что не совсем верно» [27, с. 30]. Язык Золотой Орды совершенно естественно называть татарским, а не надуманным «чагатайским» или еще каким-то языком. Курат отмечает появление арабизмов в текстах некоторых документов, но отнюдь не других языков и тем более монгольского. Причем он отмечает, что у крымских ханов язык был тот же самый, употреблявшийся в Золотой Орде: «В этом отношении между всеми ярлыками существует большое сходство. Стиль оформления свидетельствует о продолжении золотоордынского делопроизводства» [27, с. 101].

Вокруг языка Золотой Орды возникла обширная литература, пытающаяся найти влияние на татар не только монгольского, но также уйгурского, кипчакского, карахандского, карлукского, чагатайского языков, называют официальный язык государства поволжско-золотоордынским, хорезмско-поволжским, наконец, тюрки или тюркским (огузо-кипчакским). Например, к письмам золотоордынских ханов дается следующий комментарий: «Несомненный интерес представляют тексты с точки зрения языка. Здесь отметим только, что довольно простой, избилующий архаизмами тюркский язык первых двух писем противостоит вычурной арабо-персидской последних, также составленных на тюркском языке» [35, с. 235]. Термин «тюркский язык» или «тюрки» применительно к Золотой Орде вносит изрядную путаницу. Надо ли его относить к языку тюрков (тюркютов) времен Тюркского каганата или понимать как самостоятельный язык какого-то неведомого народа «тюрки», живущего в татарском государстве? Общепринятое употребление понятие «тюркский» в качестве обобщающего названия группы близких языков вполне объяснимо. А выделять самостоятельный язык «тюрки» нет оснований, его появление можно объяснить только одной причиной – желанием не называть его татарским. Использование термина «тюрко-татарские наречия», который был в ходу до революции, имеет под собой вполне разумное основание: оно указывает на наличие у ряда родственных языков общего татарского корня. Существуют предложения называть официальный язык Золотой Орды старотатарским или, как компромиссный вариант, – «тюрко-татарским». В этом нет никакой необходимости, ибо его безошибочно можно называть просто татарским языком делопроизводства!

Разговорный татарский язык Средневековья отличался от канцелярского и литературного, причем разговорный в своих деталях мог также отличаться от территории к территории. Государственный (канцелярский), литературный, религиозный, разговорный языки, как правило, различались во всех средневековых государствах. Их слияние начи-

нается только в Новое время вместе с развитием капитализма. На основе существующих данных можно утверждать, что в Золотой Орде в разговорной речи, литературе и в канцелярии пользовались татарским языком, вначале на уйгурской рунике, а затем на арабской графике. Те нюансы, которые существовали в его употреблении в государстве, литературе, повседневной жизни, различия от территории к территории не дают основания рассматривать его в качестве не татарского, а какого-то «тюркского», чагатайского, поволжско-хорезмского и т.д.: он просто средневековый татарский, во многом понятный даже сегодня. При этом близость уйгурского и татарского наречий позволяла ханам Золотой Орды воспользоваться уйгурским письмом в качестве официального.

Вернемся к вопросу о ранних татарских государствах. До возвышения Чингизхана татары были не просто многочисленным народом, но и успели построить ряд государственных образований (юртов). По свидетельству Рашид ад-Дина, «тех татарских племен, что известны и славны и каждое в отдельности имеет войско и [своего] государя, – шесть» [37, с. 103]. Однако Рашид ад-Дин не называет их местонахождение.

Один из татарских юртов локализуется вокруг озера Буир-нор на востоке нынешней Монголии. Другой юрт находился в Ганьсу на границе с Восточным Туркестаном со столицей Сучжоу. Ал-Кашгари называет эту территорию «Дешт-и-Татар». В «Худуд ал-алам» (X в.) татары упомянуты как соседи и союзники токузгузов, т.е. уйгуров, а Восточный Туркестан назван «страной токузгузов и татар» [51, с. 47]. К третьему татарскому юрту, видимо, можно отнести Кимацкий каганат. Абу Са'ид Гардизи пишет о происхождении кимаков следующее: «Начальник татар умер и оставил двоих сыновей; старший сын овладел царством, младший стал завидовать брату; имя младшего было Шад. Он сделал покушение на жизнь старшего брата, но неудачно; боясь за себя, он, взяв с собой рабыню-любовницу, убежал от брата и прибыл в такое место, где была большая река, много деревьев и обилие дичи; там он поставил шатер и расположился... После этого к ним пришли семь человек из родственников-татар: Ими, Имек, Татар, Баяндер, Кипчак, Ланиказ (?) и Аджлад (?)... Другие люди, услышав эту весть, тоже стали приходить [сюда]; собралось 700 человек. Долгое время они оставались на службе у Шада; потом, когда они размножились, они рассеялись по горам и образовали семь племен, по имени названных семи человек» [3, с. 43–44]. Из этого сообщения Гардизи может сложиться впечатление, что татары, как и кипчаки относятся к кимацким племенам, но здесь нужно вспомнить принцип сохранения «материнского» этнонима у старшей ветви рода, в то время как остальные ветви получают свое собственное имя. Опираясь на свидетельство Гардизи, мы можем лишь утверждать о политическом доминировании племени кимаков среди близкородственных татарских племен в этот период и на данной конкретной территории, но не более того⁸. Кимацкий каганат по существу – отдельный татарский юрт.

Свою версию локализации шести татарских государств, упоминаемых Рашид ад-Дином, предложил Р.П. Храпачевский. Он пишет следующее: «По данным тангутских источников, в XI–XII вв. Си Ся граничило с тремя татарскими объединениями. Два из них следует относить к «западным татарам»... Третье, что занимало территорию от гор Алашань до гор Иньшань – это уже то татарское объединение, которое связано с белыми татарами (онгутами) и союзными им племенами тюркского, монгольского и смешанного происхождения (найманы, чжубугу, черноповозочные шивэй, си и другие).

⁸ Вопрос о тюркских «материнских» этносах требует отдельного рассмотрения и он довольно сложен из-за недостатка исторического и археологического материала. Например, С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов выделяют в качестве самостоятельных этносов ранних кыргызов, кипчаков и теле. Татар, которые всегда выступали самостоятельной политической силой, невозможно свести ни к одному из этих «материнских» этносов и тем более к кипчакам или монголам, которые позже всех из названных этносов появляются на исторической арене. К ранним самостоятельным этносам нужно отнести также уйгур.

Войска *дю* на северных и северо-восточных границах Китая (точнее империй Ляо и Цзинь) можно считать еще одной восточной татарской конфедерацией. При этом она также содержала различные по происхождению племена (например татар-тераитов, угуров, меркитов, «тангутов» и многих других)... И временами внешние наблюдатели (вроде сунских авторов) ее могли принимать за два различных объединения... И, наконец, последней крупной «татарской конфедерацией» следует назвать те объединения собственно монгольских племен, что периодически и в разных конфигурациях создавали свои племенные союзы» [50, с. 37–38]. «Западные татары» граничили с уйгурами и занимали территорию нынешних провинций Ганьсу и Шэньси, они располагались на Великом Шелковом пути и, скорее всего, составляли единое государство с исключительной функцией связки между китайцами и уйгурами на торговом пути. «Белые татары» располагались на территории нынешней Внутренней Монголии и их можно отнести к отдельному государству. Еще два татарских государства Р.П. Храпачевский связывает с так называемыми войсками *дю* во главе с татарским племенем тутукулйут («самым уважаемым», по словам Рашид ад-Дина). Он их локализует севернее киданей (Ляо) и западнее от чжурчжэней (Цзинь). Самостоятельный юрт, видимо, составляли «черные татары», жившие на северо-востоке нынешней Монголии. Китайской летописец Ли Синь-чуань о делах государства Цзинь пишет следующее: «Цзинь еще был на престоле, когда им был дан приказ Юньци направиться в Цзинчжоу и получить подношения даров от черных татар» [50, с. 70–71]. Из этого ясно, что в 1211 году «черные татары» жили вдоль границ с Цзинь и были вассалами чжурчжэней. Появление различных названий одних и тех же татар в разных летописях объясняется делением их по разным признакам. В одном случае указывали на их хозяйственную деятельность («черные татары» были скотоводами), в другом – их название происходило от местности проживания; в случае с образованием войск *дю*, отмечалась их государственная функция – в «Цзинь ши» они названы «пограничные войска севера».

К этим государствам, на наш взгляд, следует добавить вышеупомянутый Кимакский каганат. Таким образом, все шесть татарских юртов по списку Рашид ад-Дина локализируются, хотя нет ясности, сколько они просуществовали до завоеваний Чингизхана. Рашид ад-Дин «диких татар», видимо, не выделяет в самостоятельное государство, поскольку те не имели ханов и государственных структур, занимаясь лишь охотой на юге Сибири. Кроме сказанного, в китайских источниках упоминаются также государства западных, северных и северо-западных татар [50, с. 145]. По сути дела, это уже названные государства: западные татары жили в Ганьсу и Шэньси, северные – на границе с Си Ся в пустыне Гоби, их можно отнести к «черным татарам». Государство северо-западных татар совпадает с территорией «белых татар».

Любой этноним переживает метаморфозы, порой настолько сложные, что трудно бывает отыскать его первоначальные корни. В свое время кимаки и кипчаки доминировали в Великой Степи, затем они, как пишут большинство исследователей, растворились в других близкородственных народах. Ал-Омари пишет о «Дешт-и Кипчак»: «В древности это государство было страной Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их [Татар], и все они стали точно Кипчаки, как будто одного рода» [44, с. 105]. Действительно, был период взлета кипчаков, а затем они исчезли с исторической арены. Вместе с тем кипчакские корни можно найти среди татар, казахов, узбеков, ногайцев, башкир и даже русских (прежде всего казаков) [11, с. 112]. Можно ли на этом основании считать, что какой-то народ легко мог раствориться в других народах или вдруг поменять язык? Развитому народу не угрожает подобная ассимиляция. Кимаки и кипчаки создали Кимакский каганат. Великую степь называли «Дешт-и Кипчак» вплоть до падения последнего татар-

ского ханства – Крымского⁹, и вдруг они исчезли, растворились? Для такого объяснения нет аргументом. К примеру, маришцы за несколько тысяч лет никуда не исчезли, так и живут на тех же землях, по соседству с татарами и русскими! Почему же кипчаки должны исчезнуть? На самом деле кимаки и кипчаки после ослабления их политического влияния просто вернулись к своему «материнскому» этнониму «татар».

Для понимания этнических процессов в Евразии важно отметить, что продвижение гуннов, тюрок, татар с востока на запад шел не на пустые земли: они уже были освоены близкородственными народами. Н.Я. Бичурин в предисловии к «Собранию сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» пишет: «Из сих известий, несмотря на краткость их, открывается, что на всей полосе Средней Азии от Восточного океана на запад до Каспийского моря искони обитали те же самые народы, которые и ныне населяют сию страну; вели тот же самый образ жизни, какой ведут потомки их по прошествии двух тысяч лет, находились в тех же пределах, в которых последние и ныне живут, с небольшим изменением в пространстве» [5, с. 10]. Отметим важный момент: народы, жившие до н.э. на территории Средней Азии от Тихого океана до Каспийского моря и поныне живут там же.

Процесс формирования предков татар до нашей эры в Сибири, на Урале, в Поволжье и Причерноморье трудно обсуждать из-за недостатка сведений и археологического материала. Некоторые авторы утверждают о наличии среди скифов тюркоязычных племен [см.: 8], но это лишь версия, требующая дальнейшего исследования. Что касается хуннов/гуннов, то наличие среди них тюркских племен не подлежит сомнению. В.В. Радлов считал, что «ядро хуннского государства составляли, по-видимому, Он-Уйгуры, и нет ничего невероятного в том, что китайское наименование Хунну есть не более как искаженное слово Он-уйгуры...» [39, с. 126–127]. Об этом же писал Н.Я. Бичурин: «Китайская история говорит, что Дом Ойхоров [Хойху] происходит от хуннов с женской стороны: следовательно, нет сомнения и в том, что основатель Дома Ойхоров [Хойху] был сын дочери или племянницы хуннуского хана, выданной за владетельного князя, принадлежавшего к союзу дилиских поколений, а это обстоятельство должно отнести к началу II века пред Рождеством Христовым, когда хунны совершенно покорили Монголию. В период, названный в китайской истории *Чжань-го* [480–221 гг. до н.э.], северные пределы нынешних китайских губерний Шань-си и Гань-су еще не принадлежали Китаю, а заняты были разными кочевыми народами» [5, с. 213]. Хойху (уйгуры) и дилишцы (телесские племена) без сомнения были тюрками.

Для правильной оценки исторических процессов важно взглянуть на Великую Степь как единое пространство проживания кочевых племен. По аналогии со Средиземноморьем можно говорить об особой степной цивилизации. Здесь применима методология Фернана Броделя относительно Средиземноморья. Он Средиземное море вместе с побережьем рассматривает как единую цивилизацию, независимо от этнических и государственных границ. Бродель пишет: «Средиземному морю можно дать такое определение: полоса воды, стиснутая сушей. Но отрезки материка, обволакивающие и теснящие море, следует отличать друг от друга. Не справедливо ли будет сказать, что Средиземное море – водное пространство, окруженное горами? Стоит особенно подчеркнуть значимость этого факта и его многочисленных последствий в историческом плане, тем более что обычно им пренебрегают» [7, с. 34]. Средиземноморье объединяет единый климат, основные культуры, как-то оливковые деревья и виноград, морские торговые пути.

Степь имеет вполне определенную привязку к географии и историческому образу жизни. Великая Степь окружена горами и лесами, которые жизненно важны, ибо первые дают металл, а вторые – дерево. Великие завоевания тюрок, а затем татар невоз-

⁹ После падения Казанского и Астраханского ханств крымские ханы претендовали на золотоордынское наследие и называли государство «Улуг Урда въ Дешт-и Кипчак».

можно были бы без собственной металлургической базы, в частности на Алтае. Столь же важны были торговые пути. Если Средиземноморье нельзя представить себе без каботажного флота, точно так же государства Евразии не могли существовать без хороших и безопасных дорог, а также транспортных средств.

Великий Шелковый путь по значимости был много выше всех остальных торговых связей. «Территория Таримского бассейна, где сейчас находится китайский Туркестан, – пишет Рене Груссе, – была центром торговли и караванных путей, и из цепей оазисов здесь образовалась линия сообщения между великими цивилизациями Запада, которые находились в Средиземноморье, Иране и Индии, и цивилизациями на Дальнем Востоке, а именно в Китае. Двойная тропа была проложена в двойном изгибе к северу и югу от реки Тарим: северный путь шел через Тунхуан, Хами, Турфан, Кара Шахар, Кучу, Кашгар, Ферганский бассейн и Трансоксианию; южный путь пролегал через Тунван, Хотан, Ярканд, памирские долины и Бактрию. Эта тонкая двойная нить, которая пересекает пустыни и горы поворотами, была тем не менее достаточно прочна, чтобы связывать между собой народы» [10, с. 13]. Шелковый путь пронизывал всю Центральную Азию – колыбель многих тюркских народов, и имел ответвления в сторону Волжско-Камской Болгарии, а также Крыма. Благодаря этому связь между тюрками Ганьсу, Турфанского оазиса, Бухары, Хорезма, Крыма, Причерноморья и Поволжья в средние века не прерывалась. Вместе с купцами из Хорезма в Поволжье проникли мусульманские миссионеры. Насколько культура народов, живущих на Великом Шелковом пути, была и остается близкой, показывает тот факт, что даже сегодня татары могут объясняться с уйгурами Синьцзяна и узбеками Хорезма без переводчика. Наши лингвисты слишком много внимания уделяют различиям в тюркских наречиях, не обращая внимания на их исключительную близость, которая не могла появиться сама собой, только из-за общетюркских корней. Достаточно сравнить язык якутов и татар или даже живущих чересполосно чуваш и татар – они все тюрки, но различия столь существенны, что нужен переводчик. И совсем другая картина открывается в случае с уйгурами, казахами, киргизами, узбеками и татарами – несмотря на большие расстояния, отделяющие их, они близки по культуре и языку. Олжас Сулейменов определяет это явление как «феноменальный консерватизм тюркского слова и языка» [43, с. 109]. Но причина кроется не только в природе тюркских наречий, но и в той цивилизационной основе, которую несла Великая Степь.

Важно подчеркнуть, что Великая Степь хотя и ассоциируется с кочевым образом жизни, но объединяет различные хозяйственно-культурные типы, включает в себя примыкающие к степной зоне горы, леса и равнины. «Территория Восточного Туркестана никогда не была однородной в хозяйственно-культурном отношении, – пишет С.Г. Кляшторный. – Здесь соседствовали оседлоземледельческое хозяйство оазисного типа и экстенсивное кочевое скотоводческое хозяйство. Оба типа экономики не только не были изолированы друг от друга, но достигли известных форм симбиоза, получившего также отражение в культуре и политической жизни. Наиболее ярко сращение двух хозяйственно-культурных типов проявилось на севере страны, где богатые оазисные города Таримского бассейна на протяжении всей их истории поддерживали самые тесные связи с кочевниками Семиречья, Восточного Тянь-Шаня, Джунгарии и Западной Монголии» [23, с. 383–384]. Уже в начале I тыс. до н.э. племена Центральной Азии, Восточного Туркестана, нынешней провинции Ганьсу «освоили металлургию бронзы и железа, металлообработку, колесные повозки и всадничество. Жилищем им служила полусферическая войлочная кибитка с коническим верхом, которую при перекочевке укрепляли на большой повозке, влекаемой быками» [23, с. 384]. В эпоху раннего средневековья Степь не была самодостаточной, а потому часто вела войны с Китаем не столько ради дани, сколько свободной торговли. Суть китайской политики сформулировал один из историографов: «Нет дани [подчинения] – нет торговли, есть дань – есть

и вознаграждение». Появившиеся впоследствии кочевые империи старались соединить различные типы хозяйств. Особенно это ярко проявилось в Золотой Орде, которую трудно назвать кочевой: она в равной мере соединяла и земледелие, и металлургию, и морскую торговлю, а главной статьёй экспорта была пшеница.

Томас Барфилд рассматривает весь кочевой мир как культуру, живущую исключительно за счет грабежа земледельческих, оседлых народов, в частности Китая [см.: 4]. Народы, жившие за счет грабежа, действительно существовали, например жужане, но они были скорее исключением, чем правилом. Совершенно неверно принимать грабеж как смысл и предназначение кочевой культуры. Нельзя было Древний Китай с его мощной экономикой, государственной структурой и хорошо вооруженной армией принудить платить дань простыми набегами. Для войны с Поднебесной нужна была мощная армия, а значит, организованное население, способное прокормить сотни тысяч воинов, нужна была собственная металлургия, готовая снабжать многочисленную армию лучшим в мире оружием.

Кочевые империи не могли строиться за счет эксплуатации оседлых народов. Основой их экономики было скотоводство. Охрана угодий нуждалась в стройной системе властных отношений. Все войны и великие переселения народов объясняются переделом и поиском пастбищ, а не погоней за данью. Для кочевников важна была компоновка людей в пространстве степей с тем, чтобы не опустошать ландшафт и поддерживать скотоводство. Война являлась сопутствующим элементом жизни кочевников: поскольку шла борьба за пастбища, необходимо было защищаться от внешних врагов или на пути экспансии кочевников встречались другие народы.

Кочевой мир позволял передвигаться целым народам на большие расстояния с большой скоростью даже по сегодняшним меркам. Степь, породив своеобразную кочевую цивилизацию, сделала возможным соединение Востока и Запада, благодаря чему появилась Евразия как единое целое, появилась сама возможность возникновения великих империй. Многие государства, включая русские княжества, строились вдоль речных коммуникаций, но такой образ жизни не содействовал созданию империй. Разбросанные мелкие княжества могли быть объединены только благодаря степи, где жили тюрки. «Всякий народ, – пишет Н.С. Трубецкой, – овладевший той или иной речной системой, оказывался господином только одной определенной Евразии; народ же, овладевший системой степи оказывался господином всей Евразии, т.к., господствуя над протекающими через степь отрезками всех речных систем, он тем самым подчинял себе и каждую из этих речных систем в ее целом. Итак, объединить всю Евразию могло только государство, овладевшее всей системой степи» [45, с. 7]. Следует также заметить, что в те времена тот, кто контролировал степь, контролировал и города. Это и предопределило характер Евразии и возможность возникновения великих империй. Так под влиянием гуннов, тюрков, затем татар оказалась громадная территория, в которой формировались средневековые этносы.

Степной природный ландшафт появился много тысячелетий назад, задолго до новой эры, а значит, и народы в этом пространстве от Татарского пролива до Причерноморья и Дуная имели сходные черты задолго до появления письменных свидетельств о кочевниках. Тюркские племена, переселяясь с востока на запад Евразии, неизменно обнаруживали там своих родственников. В легендах казанских татар сохранились смутные воспоминания о тех временах. Одним из известных преданий является легенда об Алып-батыре [6, с. 23–25]. Там речь идет о событиях довольно поздних, скорее всего, относящихся ко времени распада Второго Тюркского каганата. По преданию, у пророка Ноя было три сына и среди них Яфес (Иафет), – так начинается рассказ. В свою очередь у Яфеса также было три сына: Гази, Тюрк и Алп. Они были красивыми и сильными, но со временем повздорили, дело дошло до войны между Гази и Тюрком.

Эта борьба закончилась победой Тюрка. Его родной брат Алп был богатырем, мог сдвигать горы. Однажды он выехал в дальние страны, заблудился и не смог найти дорогу назад. Так он вышел к реке и встретил племя, говорившее на похожем языке. Он подобрал себе жену и остался с этим народом. У Алпа родилось два сына, он не знал как их назвать. Неожиданно надвинулись тучи, похолодало и дети расплакались. Алп пытался их успокоить, а дети продолжали плакать. Тогда Алп догадался, что они плачут неспроста. Видимо, им надо дать имена, решил он¹⁰. Алп посоветовался с женой и одного назвали «Болгар», а другого «Буртас». Дети Алпа выросли такими же богатырями и впоследствии основали два города. Из двух сыновей возникли два народа, которые вначале говорили на одном языке, а затем их говоры начали отдаляться. Таково содержание легенды. Трудно идентифицировать легендарного Алпа с исторической личностью, поскольку в письменных источниках Алп мог означать просто богатыря или же титул. Имя князя северокавказских гуннов 60-х гг. VII в. Мовзес Каганкатвази называет Алп Илетвер (т.е. «герой-эльтебер»). По своему званию правитель страны гуннов Алп Илетвер занимал третью ступень в иерархии каганата после кагана и его наследника [15, с. 265]. То, что Алп занимал довольно высокое положение в тюркской иерархии говорит сохранившаяся в Северо-Западной Монголии надпись, которая гласит: «[Я], Алп Сол [из рода с этими тамгами]. Я, Тюпеш Алп Сол, [это] написал. Я пребывал [тогда] здоровым [невредимым] (вариант: я сидел тогда эсэнном)» [23, с. 122]. С.Г. Кляшторный датирует эту надпись второй половиной VIII–IX вв. «Однако одна из тамг, – пишет он, – входящих в состав надписи, типологически аналогична одной из трех Каганских тамг уйгурской династии, зарегистрированной на памятнике Баян-чору (Элетмиш-кагану, 747–759 гг.) в Могон Шине-усу» [23, с. 123]. Очевидно, во времена, к которым относится легенда об Алпе, шло активное формирование из тюркских племен новых государств, в частности Волжской Болгарии.

На болгарской теме происходит немало спекуляций. В советский период историческую мысль татар переориентировали на болгарское происхождение. Эти идеологические установки сохранились как неизжитое советское наследие в так называемом движении «булгаристов», чьи активисты регулярно обращаются к органам власти с предложением переименовать татар в болгар. Их настойчивость носит политический характер. Начинать историю татар с болгар – заведомо ее ограничивать одним, притом не самым ранним периодом. Например, в Татарстане есть г. Тетюши, расположенный как раз напротив г. Болгар. Он был основан в качестве форпоста в период Первого Тюркского каганата, возможно, в год завоевания Истеми-каганом Поволжья (558/559 гг.). Иначе говоря, до основания Булгарского государства предки татар прошли историю в несколько сот лет. Конечно, до времени образования Тюркского каганата на территории нынешнего Татарстана побывали гунны, а до них еще кто-то, о чем мы не имеем достоверных сведений, но нет сомнений, что предки татар жили на берегах Волги еще до новой эры. Известный российский лингвист С.Е. Малов пишет: «Можно только сказать, что и за пять веков до н.э. тюрки жили там же, где они живут главным образом (с малыми исключениями) и теперь» [30, с. 136]. Малов на основе анализа 30–40 тюркских наречий приходит к выводу: «Миграции не имели того влияния и значения в истории тюркских языков, каковые им обычно приписывают» [30, с. 136]. Вывод исключительно важный для понимания истории татар, чьи предки в начале новой эры уже жили и в Поволжье, и Причерноморье, и на Дунае. Последующее Великое переселение народов внесло свои коррективы, но лишь в плане возвышения одних тюркских племен над другими. Появление гуннов, а затем татар во главе с Бату нельзя

¹⁰ Клод Леви-Строс приводит миф североамериканских племен, где есть такие строки: «Поскольку малыш безостановочно плакал, новоявленный «отец», дабы успокоить его, решил дать «сыну» имя» [28, с. 28].

трактовать как обретение тюрками новой родины, это всего лишь перетасовка колоды, в которой культурные различия были относительно невелики.

Мы плохо знаем даже гуннский период, не говоря уже о скифах, а ведь похоже, именно тогда тюрки расселились по тем территориям, где живут и поныне. Особого внимания требует утверждение С.Е. Малова о древности современного татарского языка: «Я считаю, что на западе тюркской территории издавна, т.е. задолго до V в. до н.э., из многих племенных языков образовались две языковые группы: одна по характеру языков хазаро-булгарско-чувашская, а другая – башкиро-татарско-кипчакско-мишарская. Эту последнюю для избежания недоразумения с хронологией (татары XIII в.!) лучше называть только «мишарской», так как с термином «мишарь» никакой историко-хронологической путаницы, надо думать, не произойдет. Наличие на западе этой мишарской (татарской) языковой группы с древнейших времен для меня, с языковой точки зрения, не подлежит никакому сомнению. Западно-тюркские языки показывают, что они прошли слишком большую и долгую жизнь, они испытали на себе много разных влияний и пр. Это не могло произойти в очень короткий срок. Все переселения тюрков из Центральной Азии, какие мы знаем (например гунны, монголо-татары, киргизы), не произвели на западе того языкового влияния и переворота в пользу восточно-тюркских языковых элементов, какие можно было ожидать, если бы здесь на западе не было бы уже своих установившихся и отстоявшихся издавна западнотюркских языков» [30, с. 137]. Это утверждение наводит на серьезные размышления. Ясно, что первичным языком предков татар в Поволжье было мишарское (татарское) наречие, на которое в VII–X вв. наслоилось булгарское, а затем в XIII в. поволжско-хорезмское наречие, после чего окончательно сформировался современный татарский язык.

С учетом этих обстоятельств не имеет смысла рассматривать татар и болгар как разные народы, первых в качестве пришлого, а вторых – автохтонного народа: они имели общие этнические корни, близкий язык и культуру. В покорении болгар татарами во главе с Бату нет ничего экстраординарного. Страницы истории заполнены братоубийственными войнами. Как утверждает Ахмед ал-Якуби: «У каждого племени тюрков отдельно государство, и одни из них воюют с другими» [1, с. 149]. С точки зрения формирования татарского народа на территории между Волгой и Уралом участие как восточных корней (собственно татар), так и западных гуннов (болгар) не подлежит сомнению. И те и другие происходят от древних хунну.

Наиболее широкое распространение имя «татары» получило во времена Чингизхана и затем Бату. Несмотря на авторитет Монгольской империи, политоним «монгол» не смог заменить этноним «татар», который стали применять ко всему тюркоязычному населению Золотой Орды. Китайские, азиатские и европейские летописцы Монгольскую империю называли государством всех татар, причем в один голос, что добавило в историографию проблемы с соотношением понятий «татар» и «монгол». Так, Марко Поло сообщает о возвышении Чингизхана следующее: «Случилось, что в 1187 г. татары выбрали себе царя, и звался он по-ихнему Чингизхан, был человек храбрый, умный и удалой; когда, скажу вам, выбрали его в цари, татары со всего света, что были рассеяны по чужим странам, пришли к нему и признали его своим государем» [31, с. 85]. Можно допустить, что европейские путешественники ошибались в определении восточных народов, но китайские и азиатские летописцы хорошо их различали. Рашид ад-Дин вторую главу своих летописей называет «О тюркских племенах, которых в настоящее время называют монголами». В «Мэн-да бэй-лу» записано: «Еще [татары] восхищаются монголами, как воинственным народом и поэтому обозначают название династии как «великое монгольское государство». [Этому] также научили их бежавшие чжурчжэньские чиновники. [Я], Хун, лично замечал, как их временно замещающий императора го-ван Мо-хоу каждый раз сам называл себя «мы, татары»... Они даже не

знают, являются ли они монголами и что это за название, что такое название династии и что такое название годов правления. Что касается ныне отправляемых документов, то перебежавшие чиновники, которые знают грамоту, во всех случаях усиленно объясняют [татарам] дела, чтобы научить их» [36, с. 55]. Следует заметить, что Мо-хоу (Мухали) был самым приближенным человеком к Чингиз-хану. Комментируя эту фразу, Н.Ц. Мункуев замечает, что Мухали, происходивший из племени джалаир, никак не мог называть себя татаринном [36, с. 135]. Здесь приоритет все же следует отдать автору «Мэн-да бэй-лу», встречавшемуся с Мухали, нежели переводчику этой летописи на русский язык. Самое любопытное в этой цитате другое – чжурчжэньские перебежчики научили татар называться «Великим монгольским государством»: они шли по пути китайских традиций определения титулатуры правящих династий.

Государственные дела опирались не на этнонимы, а претензии тех или иных политических сил на управление страной. В.В. Бартольд отмечает: «Имя *монгол*... только при Чингиз-хане стало употребляться в качестве названия государства и династии, позднее – и как название народа» [3, с. 616]. Южносунский посол Сюй Тин, посетивший Монголию в 1235–1236 гг., сообщает: «[Татарский владетель] каждый раз называет татар «своей костью»» [26, с. 142]. Слово «кость» издревле служило у тюрков для обозначения патрилинейного родства. «Большие дела», как походы и войны, решались лично ка'аном, «однако он еще обдумывает их вместе со своей родней. Китайцы и другие люди не участвуют [в этих обсуждениях]» [26, с. 142]. Имя «Монгол» в то время означало не этноним и не политоним, а династию, «кость», клан. Совершенно прав В.В. Радлов считавший, что главную роль в развитии кочевых обществ играют родоплеменные образования (колена), периодически объединяющиеся в военно-политические союзы и под властью выдающихся вождей покоряющие соседние народы. После крушения державы они вновь рассыпаются и собираются уже в новых образованиях [39, с. 72–73]. Путаница в соотношении этнонимов «татар» и «монгол» возникает из-за отождествления племени, этноса с правящим «Домом Монгол».

В свое время еще Н.Я. Бичурин подметил: «Происхождение монгольского народа и дома монгол, от которого сей народ получил народное название, суть две вещи совершенно различные между собою» [5, с. XXXIX]. Название «Дом Монгол» переходит к названию государства, а затем становится политонимом только с возвышением Чингиз-хана и его «золотого рода».

С древнейших времен в китайских хрониках упоминаются правящие «Дома», которые возникали в соответствии с удельной системой правления. Как пишет Н.Я. Бичурин, «государство делилось на мелкие владения, которые, в свою очередь, то сливались, то снова дробились, и переобразовались в новые государства. Монгольский народ сверх сего получал народное название от господствующего Дома. Сим образом один и тот же народ под Домом Хунну назывался хуннами, под Домом Дулга [Тукюе] – дулгасцами; под Домом Монгол назвался монголами, и будет дотоле носить сие название, пока вновь усилившийся какой-либо Дом покорит его и сообщит ему свое, другое народное, название» [5, с. 8]. По названию «Дома» не всегда возможно определить этничность народа, управляемого конкретной династией. Так у Н.Я. Бичурина читаем: «Хунну, по азиатским историкам Дом Могулл-хана, царствовал в западной половине Монголии; орда его стояла под Хангаем (близ Орхона); /II/ владения его простирались от Калгана к северу за Байкал, к западу до Тарбагатайских гор. Дун-ху, по азиатским историкам Дом Татар-хана, господствовал в восточной Монголии; орда его находилась в средоточии сей страны (в Карцинь); владения его простирались на запад до Калгана, на север до Хинганского хребта... Потомки обоих сих Домов взаимно возвышались и упали, и сим образом в двух линиях попеременно господствовали в Монголии тринадцать столетий. В продолжение столь длинного периода из Дома Хуннов произошли

Жужань, Дулга [Тукюэ], Ойхор [Хойху]; из Дома Дун-ху произошли Ухуань, Сяньби, Кидань; Муюн и Тоба считались отраслями Дома Дун-ху. С падением Дома Кидань пресеклась первая монгольская династия Хунну, продолжавшаяся в родовых поколениях с 1864 года до Рождества Христова до 1115 года по Рождество Христово. Место его, после краткого промежутка (31 года), заступил Дом Монгол, донныне продолжающийся в поколениях монгольских князей» [5, с. 32]. Из этой цитаты видно, что название «Домов» и деление «Домов» на новые «Дома» происходят не по этническому признаку. Хотя происходящие из «Дома Хуннов/Могоул-хана» Дулга и Ойхор можно увязать в определенной степени с тюркскими племенами туюкуэ (тюркюты) и хойху (уйгуры), но Жужань к тюркам трудно отнести, т.е. «Дом Хуннов» правил многоэтническим сообществом. Что же касается «Дома Дун-ху/Татар-хана», который включал Ухуань, Сяньби и Кидань, то их историки связывают с монгольскими племенами, однако при этом нельзя однозначно утверждать моноэтничность сяньбийского государства и государства киданей Ляо, существовавшего с 907 по 1125 годы, ведь язык киданей до сих пор не расшифрован. «Остается недоумение в определении, кто был Татар-хан: Хан ли восточных монголов, или Хан юечжыский? – продолжает Н.Я. Бичурин. – Оба кочевали в смежности с Китаем; первый владел землями, лежащими за границей губернии Чжили; второй кочевал на землях, составляющих ныне северо-западный угол Китайской империи. Но сие недоумение поясняется разделом Монголии на восточную и западную половины, из коих первая отдана Татару, а вторая – Монголу, от которых народы получили названия» [5, с. 220]. В этой цитате Дома «Татар» и «Монгол» нельзя привязывать ни к этничности, ни даже к государству, они обозначают только правящую династию, «кость», клан, хотя со временем Дом «Татар» вполне мог стать эпонимом народа, собранного из близкородственных племен правящей династией.

Сложность этнической идентификации «Домов» состоит в том, что татары жили по всей Монголии, Сибири и вдоль Великой китайской стены, юечжы были протоиранцами, что же касается предков современных монголов, то они появились в Монголии не раньше X века. Н.Я. Бичурин так описывает их возвышение: «Монгольское племя быстро усилилось около времен Рождества Христова и долго беспокоило Срединный цвет [Чжунхуа в буквальном переводе или Китай]. Наконец в половине девятого столетия хягасы ниспровергли могущество царствовавшего в то время Дома Ойхоров [Хойху], мстительный Китай истребил остатки их, укрывшихся под защиту Великой стены; оставшиеся поколения удалились от Хангая к западу в Или и Тарбагатай. Тогда место ойхоров [хойху] заступил Дом Кидань, последняя отрасль Дома Дун-ху. С возвышением киданей показались с Амура *Черноречные Мохэ* под народным названием Татань. Пользуясь тогдашним совершенным изнеможением монголов, они спокойно перешли через границу их на запад и, спускаясь по юго-западному склону гор к Чахару, наконец осели на опустевших северных отлогостях хребта Инь-шань. От сих-то Черноречных Мохэ монголы получили нынешнее народное название *монгол*, а европейские историки заменили им названия древние, которые монголы получали от господствовавших у них Домов. И так основатели Монгольской Империи были не коренные монголы, а тунгусы, которые пришли в южную Монголию с Амура» [5, с. 375]. Однако даже после такого обстоятельного разъяснения остаются сомнения из-за более поздних сообщений о принадлежности Чингиз-хана к «черным татарам». Эта проблема снимается, если принять во внимание следующее сообщение Сыма Гуана (1019–1086): «Татары – это отдельное племя, происходящее от мо[хэ] и цзе. Обитает в горах Иншань» [50, с. 173]. Большинство исследователей монгольское происхождение Чингиз-хана принимают за аксиому, а потому исправляют в летописях имя «татар» на «монгол». На самом деле суть вопроса заключается в различении монгол, происходящих из «черных татар» от современных халха-монгол. Без этого различения мы не поймем все перипетии истории татар.

Крайне важно понимание смысла использования Чингиз-ханом имени «монгол» в качестве названия своей династии, а не этноса. Н.Ц. Мункуев пишет: «Некоторые авторы приходят к выводу о том, что рассматриваемое объединение монгольских племен или родов в XII в. представляло собой государство с собственным названием «Хамаг монгол улус» (халх. «Хамаг-монгольское государство») и что в ту эпоху сочетание «хамаг – монгол» (халх.) было этнонимом, обозначавшим данные племена. Но ни в «Тайной истории монголов», ни в других источниках мы не находим ни названия *Qamuu mongqol ulus*, ни этнонима *qamuu mongyol*. В источниках встречаются только названия *Mongqol ulus* («Монгольское государство») в «Тайной истории монголов» и *Yeke mongyol ulus* («Великое монгольское государство») в легенде на печати Гуюк-хагана (1246–1248) 1246 г.» [34, с. 379]. Из китайских источников известно, что начиная с 1211 г. государство Чингиз-хана впервые получило официальное наименование «Да мэн-гу го», т.е. «Великое монгольское государство»/«Владение великих монголов», что является калькой с монгольского «Йеке монгол улус».

Во второй половине XII в. имя «монгол» относилось «ко всем племенам, родоначальниками которых были потомки легендарной Алан-Гоа, – продолжает Н.Ц. Мункуев. – Поэтому в указанное время монголами были барулас, адаркины, уруты и мангуты, а также ответвившиеся позднее племена – тайчиуты, бесуцы, хонхотан, арулад, генигес и др. ... Как общее название слово «монгол», очевидно, можно было прилагать ко всем родам и племенам, ведущим свое происхождение от легендарных предков Чингиз-хана» [34, с. 380]. На основе анализа употребления терминов «*mongol*» и «*mongoljin*» в «Сокровенном сказании» П.О. Рыкин приходит к заключению, что «ни в одном из контекстов данные термины не выступают в качестве самоназвания какой бы то ни было группы, да и вообще в качестве обозначения (даже «со стороны других») какой-либо этнической идентичности» [41, с. 57], «ни о каких «этнических» или «собственно» монголах в нем речь не идет. Термин *mongol* во всех релевантных контекстах играет там роль не «этнонима», а своего рода классификационной категории, куда включаются группы, провозгласившие Чингиза или добровольно перешедшие на его сторону» [41, с. 61]. Значит, название государства Чингиз-хана «*Yeke mongyol ulus*» не несет никакого этнического смысла, но указывает на ту династию, которая стала правящей. Зато, когда речь идет о татарах этого государства, то указывается на этноним или лучше сказать политоним. В хронике «Да Цзинь гочжи» (1234 г.) поясняется: «Великая династия – это как раз и есть татары (дада) Монгольского государства» [50, с. 249]. Записки о монголах Сюй Тина начинаются такими словами: «Государство черных татар <...> называется Великой Монголией» [26, с. 137]. Как отмечалось выше, называться Великой Монголией татар научили чжурчжэньские чиновники, что вовсе не означает, что можно было посредством поучений подданным империи внушить, что все они теперь монголы, как утверждает П.О. Рыкин. «Стратегией конструирования монгольской идентичности, применявшейся имперской правящей элитой, – пишет он, – была манипуляция идеей ее «общего происхождения» с подвластным ей населением» [41, с. 64]. Автор явно преувеличивает конструтивизм канцелярии. Авторитет великого повелителя не заслуга канцелярии, он строился на вере, что власть хана исходит от Кук Тэнгри – Вечного Неба, что его власть по происхождению божественна. Надпись на печати Гуюк-хана начинается словами: «*Müngke tengri-yin kücün-dür yeke Mongqol ulus un dalai-yin qan jarliq*» («Силой Вечного Неба. Ярлык Далай-хана Великой монгольской империи»). Как пишет Рашид ад-Дин, «жители мира воочию убедились, что он был отмечен всяческой небесной поддержкой» [38, с. 64]. Основой власти чингизидов было представление о божественной воле как источнике власти государя и наследовании трона «золотым родом».

Монголизация, считает Н.Н. Крадин, выражалась «через выделение властвующей элиты – нирун (потомков сыновей Алан-Гоа) и других составляющих политики – дарле-

кин (патрилинейной общности потомков Бортэ-Чино) [25, с. 162]. Клан чингизидов строился прежде всего на родственных отношениях, включая самые разные ветви. Рашид ад-Дин пишет: «Во времена Кабул-хана, бывшего монгольским ханом, из рода которого происходит большинство племени кият, а монгольские племена нирун суть его двоюродные братья, а другие ветви монголов, из которых каждая [еще] до него была известна под своим особым именем и прозвищем, – все были его дядьями и дедами, и все по родству и дружбе с ним [считались его] друзьями и союзниками, а в напастях и [бедственных] случаях они становились ему помощниками и защитниками» [37, с. 103–104]. Речь идет о клане, в котором потомки «непорочной» Алан-Гоа имели доступ к власти. Причем легенда об Алан-Гоа очень похожа на рассказ о непорочном зачатии девы Марии. С учетом наличия несторианцев в окружении Чингиз-хана, можно предположить, что, видимо, не без их помощи библейский сюжет был перенес на Алан-Гоа.

«Дом Чингиз-хана», как впоследствии «Дом Бату», предполагал родовую наследственность, и в то же время его можно было в политическом плане понимать расширительно. «Дом» – это некий клан, состоящий из близких родственников и влиятельных политических сил, как правило, становящихся через браки дальними родственниками. «Дом», независимо от того, совпадает он этнически с народом или нет, противостоит демосу (будун). Поэтому, когда мы говорим «Монголы правили империей татар», то имеем в виду не этносы «монгол» и «татар», а правящий клан «Великих Монгол» (по-татарски «как сояк» – «белая кость») и народ «татар» (будун, «кара халык» – «простой народ»). Значит, название государства Монгол отражает не этнические, а гражданские признаки.

Иоанн де Плано Карпини, назвавший свое донесение *Liber Tartarorum* («Книга о Тартарах»), не ошибался: он речь вел о политониме. Когда один из ученых переписчиков XIV в. уточнил это название в виде «История Монгалов, именуемых нами Тартарами» (*Historia Mongalorum quos nos Tartaros appellamus*), он тоже не ошибался, ибо в заголовке указал и правящую династию, и подвластный народ.

С возвышением Чингиз-хана многие стали называть себя монголами, но самоназвание «татары» сохранило свое значение. Здесь могли сыграть два фактора: во-первых, династия Монголов себя отличала от остальной массы людей, включая неродовитых монгол. В связи с описанием похода против Цзинь в 1211 г. Рашид ад-Дин пишет, что хан оставил у себя в тылу своего полководца Токучара во главе двух тысяч всадников «в целях безопасности от племен монгол, кераит, найман и других» [37, с. 163]; во-вторых, численность монгол по сравнению с татарами, найманами и т.д. не была доминирующей. «В государстве Чингиз-хана, – пишет Н.Ц. Мункуев, – одни лишь охваченные «тысячной» административной системой, т.е. подчиненные единому хану, монголы составляли 695 тыс. человек, не считая различных, в том числе монгольских, племен северных, лесных районов и тюркских народов» [34, с. 393]. По сравнению с завоеванными народами, которые исчислялись десятками миллионов, собственно монголы были каплей в море. К тому же какая-то часть монгол просто растворилась среди многочисленных тюрок, персов, китайцев. Последние предупреждали: «Наше государство, как море, а ваше государство, как горсть песка». Так оно и было.

В судьбе этнонима наступают переломные моменты, связанные прежде всего с политической ситуацией. Для этнонима «татар» такой точкой перелома стала Золотая Орда, которая, обладая мощной государственной структурой, развитой культурой и языком, затягивала в свою орбиту различные племена [см.: 48]. В Золотой Орде не существовало политики ассимиляции народов, ибо признавалось равенство религий, сохранялись местные обычаи, традиции и даже законодательство. Однако пласт новой культуры и мощная экономика стали центробежной силой, сформировавшей основу средневекового татарского народа, имеющего много общего с современными татарами.

С распадом Золотой Орды и появлением многочисленных тюрко-татарских государств территориальные различия становятся более выраженными. В 1428 г. Тюмень отошла от Орды, где хан Абу-л-Хайр и его улус стали называться «народ и улус узбекский». В самой Средней Азии в те времена под узбеками подразумевали кочевое население восточного «Дешт-и Кипчака». Исфакхани об этом в начале XVI в. писал следующее: «Три племени относят к узбекам, кои суть славнейшие во владениях Чингизхана. Ныне одно (из них) – шибаниты... Второе племя – казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, и третье племя – мангыты...» [47, с. 47]. В узбекском союзе еще при жизни Абу-л-Хайра стало складываться ядро будущих казахов. Абдулразак Самарканди в 844 г. писал: «Временами некоторые из войска узбекского, сделавшись казаками, приходили в Мазандеран и, устроив везде грабежи, опять уходили [назад]» [14, с. 381]. Порой в исторических летописях их называют узбеки-казахи. То есть под узбеками подразумевались кочевые племена улуса Шейбана, а под казахами кочевники улуса Орда-ичена, которые в этническом отношении мало отличались друг от друга. Лишь в XVI в. внук Абу-л-Хайра Шейбани-хан покорил государство тимуридов, захватив Самарканд, Бухару, и распространил имя «узбек» на среднеазиатских тюрков. Тогда и начинают складываться различия между татарами, узбеками и казахами. На базе кочевников Моголистана и Левого крыла Улуса Джучи формируются казахи, в Центральной Азии тюркский язык испытывает влияние фарси, и на базе чагатайского наречия появляется современный узбекский язык, крымские татары долгое время находятся под протекторатом Османской империи и усваивают многие элементы турецкой (огузской) культуры, а другие этнические группы оказались в ситуации относительной изоляции, развивая свои локальные особенности. Сегодня их называют азербайджанцами, кумыками, балкарами, карачаевцами, ногайцами и т.д.

В природе чистых этносов не бывает. Каждый народ несет в себе составные элементы многих племен и этносов. Как писал Садри Максуди, «все усилия, направленные на нахождение прямой этнической, родовой или племенной преемственности, этнической адекватности как между древними и средневековыми тюркскими племенами, так и между средневековыми и нынешними этническими тюркскими сообществами (народностями), бесплодны и никогда не дадут положительного результата» [29, с. 291]. Все существующие сегодня тюркские народы – своеобразный сплав древних племен.

Подводя итоги, следует сказать, что содержание этнонима «татар» претерпело эволюцию со времен Тюркского каганата и до эпохи Золотой Орды. В раннее средневековье для татар было характерно деление на новые племена в связи с бурным размножением и строительством различных юртов. В связи с этим они получали новые самоназвания, порой объединялись в союзы с родственными или же другими этническими группами. Татары изначально были тюркоязычными, для обратного мнения нет убедительных аргументов. В Золотой Орде произошла консолидация различных тюрко-татарских племен в единый средневековый народ с литературным языком, развитой культурой, чье наследие сохраняет свое значение до сегодняшнего дня.

Следует отметить, что в татарском народе нет никаких следов монгольского влияния – ни в культуре, ни в языке, ни в антропологии. Более того, ДНК-анализ по Y хромосоме показывает практически полное отсутствие среди татар гаплогруппы «С», характерной для нынешних монголов, а ведь Бату по летописям получил в свое распоряжение четыре тысячи монгольских всадников, что вместе с семьями составляло около двадцати тысяч человек, а по подсчетам Н.Ц. Мункуева в его армии было 139 тыс. воинов [34, с. 396]. Эти воины осели в Золотой Орде. Джучиды похоронены в Казанском кремле, а также в Бахчисарае в Крыму, их многочисленное потомство не одно столетие жило и продолжает жить в Поволжье и Причерноморье. Однако генетических следов

халха-монгол нет, что подтверждает тезис о кардинальном отличии не только татар, но и монгол Чингиз-хана от современных монгол.

Обращаясь к средневековой истории татар, следует принимать во внимание многозначность имени «монгол». Разные летописцы и современные исследователи под монголами понимают: (1) этноним древнего народа; (2) «Дом Монгол», существовавший до создания Монгольской империи; (3) политоним, появившийся при возвышении Чингиз-хана; (4) династию, правившую в «Иеке монгол улус»; (5) современных монголов. Если не уточнять каждый раз, что именно имеется в виду в конкретном случае и в определенную эпоху, то в исследованиях могут появиться ошибки. При этом термин «монголо-татары» имел свой смысл для китайской канцелярии в форме «*мэн-да*» для обозначения как правящей династии Монголов, так и управляемого народа «татар». В этом случае термин «татар» выступал как политоним, как сообщество народа (будун), противостоящий «белой кости» – династии Монголов. Другого какого-то смысла этот термин не несет, а потому имеет смысл развести понятия «татар» и «монгол» как в этническом, так и политическом плане.

1. Ахмед ал-Якуби. Книга стран (Китаб ал-Булдан) // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII – XV вв. Арабские и персидские источники. М.-Л.: 1939. 612 с.
2. Банзаров Д. Собрание сочинений. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 240 с.
3. Бартольд В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893–1894 гг., СПб., 1897 (ЗИАН по ист.-филол. отд., сер. VIII, т. I, № 4). С.78–126.
4. Барфильд Т. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.). СПб.: Нестор-История, 2009. 488 с.
5. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.-Л., 1950. 471 с.
6. Борыңгы татар әдәбияте. Казан, 1963. 395 б.
7. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть I. Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
8. Гасанов З. Царские Скифы. Этноязыковая идентификация «царских скифов» и древних огузов. N.Y.: Liberty Publishing House, 2002. 486 с.
9. Григорьев А.П. Официальный язык Золотой Орды. XIII–XIV вв. // Тюркологический сборник 1977. М.: Наука, 1981. С.81–89.
10. Груссе Р. Империя степей. История Центральной Азии. Казань: «Слово», 2012. 528 с.
11. Гумилев Л. «Черная легенда» (историко-психологический этюд). М.: Алгоритм, 2003. 352 с.
12. Е Лун-ли. История государства киданей. М.: Наука, 1979. – 613 с.
13. Ерзин М. Из глубин Евразии. Алматы: Экономика, 2015. 519 с.
14. Золотая Орда в источниках. Том 1. М.: Наука, 2003. 448 с.
15. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. 551 с.
16. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. 1055 с.
17. Казиев С.Ш. Кипчаки: концепции этнической истории // Тюркские народы. Фрагменты этнических историй. М.: ИЭА РАН, 2014. 442 с.
18. Кемпер М. Суфии и Ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством. Казань: Российский исламский ун-т, 2008. 675 с.
19. Кызласов И.Л. Алтаистика и археология. М.: Ин-т тюркологии, 2011. 256 с.
20. Кычанов Е.И. Монголы в VI – первой половине XII вв.// Дальний Восток и соседние территории в средние века. История и культура востока Азии. Новосибирск, 1980. С.136–148.

21. Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 364 с.
22. Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 328 с.
23. Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. 591 с.
24. Кляшторный С.Г. Татары в Центральной Азии // История татар с древнейших времен в семи томах. Т.1. Народы степной Евразии в древности. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. С. 347–353.
25. Крадин Н., Скрынникова Т. Империя Чингиз-хана. М.: Восточная литература, 2006. 557 с.
26. «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина // Проблемы востоковедения. № 5. 1960. С.133–158.
27. Курат А.Н. Собрание сочинений. Книга 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. 256 с.
28. Леви-Строс К. Мифологики: человек голый. М.: Флюид, 2007. 784 с.
29. Максуди Садри Арсал. Тюркская история и право. Казань: ФЭН, 2002. 412 с.
30. Малов С.Е. Древние и новые тюркские языки // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. XI. Вып. 2. М., 1952. С.135–143.
31. Марко Поло. Книга о разнообразии мира // Джованни дель Плано Карпини. История монголов; Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны; Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997. 464 с.
32. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып.1. М.: Наука, 1973. 280 с.
33. Махмуд аль-Кашгари. Диван Лугат ат-турк (свод тюркских слов). Т. 1. М.: Вост. лит., 2010. 461 с.
34. Мункуев Н.Ц. Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1970. 507 с.
35. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник 1975. М.: Наука, 1978. С.235–252.
36. Полное описание монголо-татар. Мэн-да Бэй-лу. М.: Наука, 1975. 285 с.
37. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 315 с.
38. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.2. М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 281 с.
39. Радлов В.В. К вопросу об уйгурах // Из предисловия к изданию Кудатку Билика / Приложение к Т.72 записок Имп. Академии Наук. СПб., 1893. №2. 130 с.
40. Рахманалиев Р. Империя тюрков. Великая цивилизация. Тюркские народы в мировой истории с X в. до н.э. по XX в. н.э. М.: РИПОЛ классик, 2009. 704 с.
41. Рыкин П.О. Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингиз-хана // Вестник Евразии. 2002. Вып. №1. С.48–85.
42. Сокровенное сказание. М.: Сталкер, 2001. 265 с.
43. Сулейменов О. Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменностей. Алматы: «АТАМУРА», 2002. 320 с.
44. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
45. [Н.С.Трубецкой]. И.Р. Наследие Чингиз-хана Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925. – 60 с.
46. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.
47. Фазлаллаха ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-наме-ий Бухара (Записки бухарского гостя). М.: Восточная литература, 1976. 106 с.

48. Хакимов Р.С. Нулевая точка исторического времени // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С.4–18.
49. Хакимов Р.С. По следам «tataru» (информация о поездке в префектуру Симанэ, Япония) // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2015. №8. С.9–12.
50. Храпачевский Р.П. «Татары», «монголы» и «монголо-татары» IX–XII вв. по китайским источникам. М.: Изд-во «Перо», 2015. 334 с.
51. Худуд ал-алам. Рукопись Туманского с введением и указателем В.Бартольда. Л., 1930. 123 с.
52. Щербак А.М. Тюрко-монгольские языковые связи (К вопросу взаимодействия и смешения языков) // Вопросы языкознания. 1986. №4. С.47–59.

§ 2. Иноконфессиональное население Улуса Джучи

Русские

Юрий Селезнёв

После завоевательных походов Батые на русские княжества в 1237–1241 гг. перед русскими князьями встал вопрос: признать власть захватчиков или отстоять независимость с оружием в руках. Пережившие страшное нашествие князья один за другим потянулись в ставку грозного полководца, и русские земли вошли в состав Монгольской империи как часть Джучиева Улуса. Этот факт привел к тому, что в составе империи появился значительный по территории и числу жителей анклав с православным русским населением.

Политическая культура созданного Чингиз-ханом и его потомками государства подразумевала посещение ставки хана при смене правителя: главы соответствующей административной единицы (княжества) либо верховного правителя. Мы не можем полностью исключать необходимость пребывания князя или его представителя в ставке хана во время ежегодного собрания элиты Орды – курултая [30, с. 78, 89] или вероятности службы ближайших родственников князя в гвардии хана [19, с. 104; 22, с. 70–75]. Данные политические мероприятия требовали участия значительного количества приближенных князя и его слуг, других сопровождающих лиц, в том числе священнослужителей Русской Православной церкви [16, с. 22–28; 17, с. 31–36; 19, с. 267–272]. Кроме того, русским князьям и их двору приходилось проводить в ставке хана длительное время, нередко растягивавшееся на годы.

Именно этот факт – необходимость частого и долгого пребывания православных христиан в ставке ордынского правителя и его столице – городе Сарай – привел к учреждению в 1261 г. Сарайской епархии. Составитель Лавретьевской летописи кратко отметил: «Того же лета постави митрополит епископа Митрофана Сараю» [11, стб. 476]. В задачи новой епархии входило попечение о православном населении, находившимся в степях между Днепром и Волгой, а также в самой столице государства [8, с. 56]. Несомненно, что такому положению дел значительно способствовало веротерпимость ордынского государства.

Другим фактором, требовавшим учреждения особенной епархии на территории степных владений Орды, было присутствие непосредственно на землях кочевых улусов значительного числа русского православного населения, выведенного сюда в качестве пленников после завоевательных походов. Их число и состав пополнялся после различных вторжений на территорию русских княжеств, которых за период 1223–1505 гг. фиксируется более 100 [20] (всего же русско-ордынских конфликтов известно 152 [18]).

О практике выведения населения с завоеванных русских земель упоминает Гийом де Рубрук: «Когда Русские не могут дать больше золота или серебра, Татары уводят их и их малюток, как стада, в пустыню, чтобы караулить их животных». В его же записках отмечается о том, что «Бату и Сартах приказали устроить на восточном берегу (на левом берегу Дона – *Авт.*) поселок (*casale*) Русских, которые перевозят на лодках послов и купцов». Кроме того, Гийом де Рубрук оставил описание внешности русских женщин, которые по его словам «убирают головы так же, как наши, а платья свои с лицевой стороны украшают беличьими или горностаевыми мехами от ног до колен» [14, с. 109, 110]. Таким образом, выведенное русское население размещалось на территории степных улусов Орды и выполняло различные задачи по обслуживанию инфраструктуры жизнедеятельности ордынского государства.

Показательным примером, на основе которого в какой-то мере можно судить о различных процессах в среде русского православного населения на территории непосредственно ордынского государства может служить описание функционирования своеобразной административной единицы, известной в источниках под названием Червлёный Яр.

Червлёный Яр – название территории, определяемой в исторической науке как междуречье Дона и Хопра [3, с. 88; 7, с. 234–235]. В середине XIII века данные земли оказались под властью монголо-татар в составе Джучиева улуса.

В историографии проблеме Червлёного Яра посвящена обширная литература. Наиболее дискуссионной является проблема политико-административного статуса данной территории. Еще в начале XX в. С.Н. Введенский опубликовал очерк о данной исторической территории [5, с. 347–380]. Автор, основываясь на принадлежности междуречья Дона и Хопра к Рязанской епархии, отнес Червлёный Яр к владениям рязанских князей. Большую работу, посвященную истории данной территории в XIV–XVI вв., написал А.А. Шенников [29]. Применительно к середине XIV столетия он определил Червлёный Яр, как «достаточно значительный объект». «Он должен был быть даже настолько значительным, что золотоордынские ханы в зените их могущества (Узбек, Джанибек), имевшие, казалось бы, полную возможность просто смести Червлёный Яр с лица земли, отнюдь не делали этого...» [29, с. 15]. В обобщающем труде В.Л. Егорова по исторической географии Золотой Орды территория среднего и верхнего Подонья определяется, как «буферная зона» между русскими и ордынскими землями [6, с. 27–47]. Большой материал по истории данных территорий дают археологические раскопки, проводимые кафедрой археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета под руководством М.В. Цыбина [27, с. 121–124; 28, с. 142–144]. Их результатом является выявление на территории междуречья Дона и Хопра древнерусских поселений, а также погребений половцев (татар), то есть достаточно обширного по численности населения. М.В. Цыбин также допускает возможность существования на территории Червлёного Яра одного из периферийных улусов «просуществовавшего, вероятно, до периода «великой замятни»» [26, с. 194].

Таким образом, в историографии различные аспекты существования и развития данного региона в интересующий период рассматривались как в общих трудах, так и в специально посвященных проблеме Червлёного Яра работах. При этом вопрос о государственной принадлежности данной территории и ее административный статус в XIV в. остается открытым.

В то же время сам характер спора между епархиями (Рязанской и Сарайской), отразившегося в грамотах митрополитов Феогноста и Алексия, позволяет определить статус данных земель. Спорная ситуация возникает при попытке Сарайского епископа, отвечающего за православное население всей Орды, осуществить свои права и на территории Червлёного Яра. Однако это вызывает противодействие Рязанского епископа,

которому в конце XIII в. были отданы эти земли. Он отправляет к митрополиту жалобу, в результате рассмотрения которой Рязанской епархии возвращаются права на данные территории. Таким образом, Червлёный Яр необходимо рассматривать как составную часть Ордынских земель, получившую особый статус в системе русской православной церкви. По каким-то соображениям данные земли были исключены из ведения Сарайского епископа и переданы Рязанской епархии.

Как известно, принципом административно-территориального деления золотоордынского государства была улусная система. В соответствии с ней все государство (Великий улус) делилось на более мелкие владения, которые также назывались улусами. По своей структуре они повторяли военную организацию монголов, а их размеры зависели от ранга владельца (темник, тысячник, сотник, десятник). Наиболее крупными владениями являлись улусы – тумены (число жителей) и размер территорий, способный мобилизовать или содержать десятитысячный корпус).

Границы между крупными улусами проводились по естественным рубежам, чаще всего крупным рекам. Их территория, как правило, оставалась неизменной на протяжении существования Золотой Орды. Это объясняется тем, что основным богатством кочевников считались люди. Земля же являлась родовой собственностью Чингизидов. Поэтому при отторжении более мелких улусов (тысяч) нойон перекочевывал со своими людьми на новую территорию, тогда как его земля оставалась под властью прежнего владельца. При этом откочевка «тысяч» от одного улуса к другому воспрещалась нормами монгольского законодательства (Ясы).

О существовании улуса в междуречье Дона и Хопра свидетельствуют сведения, сохранившиеся в грамотах русских митрополитов XIV в. По их данным, территория междуречья Дона и Хопра является «пределом» [1, с. 3] с «перделом» [1, с. 3; 2, с. 340]. Перед нами определенная территория с четкими границами, то есть административно-территориальная единица. Ссылки митрополитов Феоноста и Алексия на своих предшественников (Максима (1283–1305 гг.) и Петра (1305–1326 гг.)) позволяют отнести возможность существования здесь улуса к концу XIII в., а его появление – к 1240–1250-м гг., то есть ко времени образования Золотой Орды и учреждения других улусов.

Более сложным вопросом является определение размеров (улус-«тумен» или улус-«тысяча») данной административно-территориальной единицы. По сведениям летописей, в конце XIV в. здесь кочевал царевич Мамат-салтан (Мухаммед-султан), в подчинении у которого находились князья [12, с. 194]. По Ордынской социально-политической иерархии, «царевич» являлся темником, а «князь» – тысячником [4, с. 12–22; 21, с. 124–128]. Таким образом, территория Червлёного Яра в конце XIV в. представляла собой улус-«тумен». Как уже отмечалось выше, территория и размер улусов на протяжении существования Золотой Орды, как правило, оставались неизменными. Следовательно, уже в момент появления в 1240–1250-е гг. Червлёный Яр являлся улусом-«туменом».

М.В. Цыбин допускает возможность существования на территории Червлёного Яра в XIV в. одного из периферийных улусов, «просуществовавшего, вероятно, до периода «великой замятни»». Однако царевич Мамат-салтан (Мухаммед-султан) кочевал в междуречье Дона и Хопра в конце XIV в., то есть после потрясений 1360–1370 гг. в Орде. В то же время, летописные источники отмечают необычную активность ордынских правителей разного ранга на окраинных территориях в период «великой замятни». Например, в 1361 г. князь (эмир) Тагай захватил мордовский улус («приде в Наручады (Наровчат – *Авт.*) и тамо сам о себе княжаше» [12, с. 232–234; 13, с. 70–71]); князь (эмир) Секиз «Запание все пограбил и, обрывся рвом, ту сяде» [13, с. 71–72]; князь (эмир) Булат-Темир захватил Булгарский улус [12, с. 232–234; 13, с. 73]. Тогда же в 1361 г., по мнению М.Г. Сафаргалиева, в Крыму и Причерноморье образовалась «Ма-

маева Орда» [15, с. 125]. То есть, вероятнее всего, в этот период происходило не запустение территории Червленого Яра, а наоборот, приток населения в данный улус.

По данным археологических исследований М.В. Цыбина, в XIII–XIV вв. территорию Червленого Яра осваивали как русские, так и татары (половцы). «Причем разноплановая направленность хозяйственной деятельности древнерусского населения и половцев позволяла им сосуществовать в одном районе» [27, с. 123–124]. Таким образом, улус состоял из представителей как оседлого (русского), так и кочевого (татарского (половецкого)) населения. При этом ордынская администрация среднего звена (баскаки и сотники), по данным грамот митрополитов, была представлена православными, видимо, русскими людьми. В то же время, высшие командные и административные должности (темники и тысячники), вероятно, занимали татары (половцы), которые являлись мусульманами (о них нет упоминаний в грамотах). Такое положение дел подтверждается наличием на территории междуречья Дона и Хопра памятников с мусульманским погребальным обрядом [9].

На территории Червленого Яра, как на административной единице, должны были присутствовать и другие должностные лица ордынского государства. К таковым относятся: писцы, таможенники, побережники, сокольники, «пардусники», «буралыжники», заставщики или караульщики (караулы по Хопру упоминаются в грамоте митрополита Алексия) и др. [23, с. 528; 31, с. 465–569]. Население улуса должно было выплачивать установленные налоги: всеобщий налог (дань), поземельная или подушная подать, пошлина с купли-продажи, транспортная повинность (ям, подводы), обеспечивать провиант и фураж (корм, питье), запрашиваемые дары (запрос, дар) и др. [25, с. 240; 31, с. 465, 465].

Немаловажное значение для уяснения внутривосточной ситуации в Орде, а также для событий в пограничных территориях имеет установление владельца Червленого Яра как улуса в конце XIV в. По данным русских летописей, в 1400 г. на данной территории кочевал царевич-чингизид Мамат-Салтан. Упоминание его имени связано с походом летом 1400 г. объединенного войска князей Олега Рязанского, Ивана Пронского, Тита Козельского и муромской рати на кочевья «в пределах Червленого яру и в караулах возле Хопорь до Дону». Русские войска, пройдя, видимо, по Ногайской сакме, «избиша множество татар, и царевича Мамат-салтана яша, и иных князей ордынских поимаша» [12, с. 194].

В родословных списках Джучидов сохранилось три имени, которые могли быть переданы в русской письменной традиции как Мамат-Салтан. Это – Махмуд (Мам'уд) – второй сын Ак-Суфи, старшего сына Сунджек-оглана, второго сына Тунки (Туки), второго сына Бадакула, старшего сына Джучи-Буки, второго сына Бахадура, второго сына Шейбана, пятого сына Джучи-хана [10, с. 36]. Махмудек-хан (Махмуд-султан, Махдум-султан) – шестой сын Тимур-бека, второго сына Кутлук-Тимура, сына Нумкана (Томгана), второго сына Абая, второго сына Кин-Тимура (Уз-Тимура), четвертого сына Тука-Тимура, тринадцатого сына Джучи-хана, старшего сына Чингиз-хана [10, с. 40; 24, с. 63]. Махмудек-хан (Махмуд-султан) – четвертый сын Мухаммед-хана, второго сына Хасана, второго сына Джанса (Джине), сына Дервиш-хана, сына Тулек-Тимура, второго сына Куичека (Кунчека), сына Сарича, четвертого сына Урунка, третьего сына Тука-Тимура, тринадцатого сына Джучи-хана, старшего сына Чингиз-хана [10, с. 40; 24, с. 61].

На период конца XIV – начала XV в. выпадает активная политическая, военная и экономическая деятельность седьмого (например великий хан Токтамыш) или восьмого (дети Токтамыша) поколений Джучидов. Из перечисленных выше представителей золотоордынского правящего рода Махмудек-хан (Махмуд-султан) принадлежит к десятому поколению. Известно также, что его двоюродный дядя Худайдад (Куидат) (старший сын младшего брата Хасана Алия), то есть представитель девятого поколения, активно участвовал в политической жизни Джучиева Улуса в 1420-х гг. [12, с. 238; 15,

с. 199]. Именно к 1420–1440 гг. (а не к 1400-м гг.) относится деятельность Джучидов, принадлежащих к десятому поколению.

Махмудек-хан (Махмуд-султан, Махдум-султан) принадлежит к седьмому поколению. Его старший брат, великий хан Тимур-Кутлук умер в июне–июле 1400 г. [15, с. 214].

Махмуд (Мам`уд) относится к восьмому поколению. Его двоюродный брат Юмадук-оглан (сын Суфи младшего брата его отца) по данным Муизза: «в настоящее время, несмотря на то, что отец его еще в живых, группа лиц (посадила) его на царство». Данная запись относится к 829 г. хиджры, т.е. к периоду с 13 сентября 1425 по 1 сентября 1426 г. То есть время активной деятельности Махмуда (Мам`уда) может приходиться на конец XIV – начало XV в.

Следовательно, в 1400 г. на территории Червленого Яра могли кочевать Махмуд (Мам`уд) второй сын Ак-Суфи, потомок Шейбана (Шибана), пятого сына Джучи или Махмудек-хан (Махмуд-султан, Махдум-султан) шестой сын Тимур-бека, потомок Тука-Тимура, тринадцатого сына Джучи. При этом, в Никоновском летописном своде сообщение о походе объединенного рязанского войска на ордынские кочевья в междуречье Дона и Хопра расположено ниже сообщения о смерти хана Тимур-Кутлука [12, с. 193, 194]. Вероятно, указанные события происходили в той же последовательности: смерть хана – поход на Чевленый Яр. Возможно, воспользовавшись смертью Тимур-Кутлука, Олег Иванович Рязанский решил совершить военное вторжение на владения брата умершего хана и даже захватил его в плен. В то же время представляется маловероятным, что родной брат главы Джучиева Улуса занимал кочевья, хотя и относительно не далеко от столицы, но все же на периферии государства. Данное обстоятельство говорит в пользу Махмуда (Мам`уда), как владельца Червленого Яра в 1400 г.

Таким образом, историческая территория, получившая название Червленый Яр, представляла собой в XIII–XIV вв. административно-территориальную единицу Золотой Орды. В XIV в. это был улус-«тумен», который составляло как русское, так и татарское население. В XV в. данные земли запустели.

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссеею. Т.1. Спб., 1841.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. Т.3. М., 1964.
3. Амелькин А.О. Границы государств в Подонье в последней четверти XIV в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. М., 1999.
4. Амелькин А.О., Селезнёв Ю.В. Нашествие Батгя и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII вв. Воронеж, 2000.
5. Введенский С.Н. Черлёный Яр // Воронежская старина. Воронеж, 1905. Вып. 5. С. 347–380.
6. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
7. Загорский В.П. Воронежская историческая энциклопедия. Воронеж, 1992. С. 234–235.
8. Иеромонах Леонид (Кавелин). История церкви в пределах нынешней Калужской губернии и калужские иерархи. Калуга, 1876.
9. Левашова В.П. Золотоордынские памятники в Воронежской области // Труды Государственного исторического музея. Вып. 37. М., 1960.
10. Материалы по истории по истории Казахских ханств в XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.
11. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. I. М., 1997.
12. ПСРЛ. Т. XI. М., 1965.

13. ПСРЛ. Т. XV. М., 1965.
14. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
15. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
16. Селезнёв Ю.В. Без правды боярской царь Бога прогневит // Родина. 2014. № 5. С. 22–28.
17. Селезнёв Ю.В. О времени, затрачиваемом русскими князьями для поездки в Орду // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 31–36.
18. Селезнёв Ю.В. Ответный удар // Родина. 2003. № 11. С. 95–97.
19. Селезнёв Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV вв. Воронеж, 2013.
20. Селезнёв Ю.В. Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков. М.: Квадрига, 2010. 224 с.
21. Селезнёв Ю.В. Титулатура русских князей в XIII–XIV вв. и социально-политическая иерархия Золотой Орды // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. М., 1998. С. 124–128.
22. Селезнёв Ю.В. К вопросу о пребывании при дворе Ногая сербских и болгарских князей // Регелевский сборник: материалы Вторых Регелевских чтений 19 ноября 2013 г. Воронеж, 2014. С. 70–75.
23. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадат-Гирея // Русские летописи. Т. 3. Воскресенская летопись. Рязань, 1998. С. 521–532.
24. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л., 1941.
25. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса. Казань, 1979. С. 240.
26. Цыбин М.В. [Рецензия] // История СССР. 1990. № 2. С. 194. Рец. на кн.: Шенников А.А. Червлёный Яр. Исследования по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. 286 с.
27. Цыбин М.В. Древнерусско-половецкое пограничье 2-й половины XII – XIV вв. в Подонье // Археология и история юго-востока Древней Руси. Воронеж, 1993. С. 121–124.
28. Цыбин М.В. Юго-восток русских земель после монгольского завоевания // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. М., 1998. С. 142–144.
29. Шенников А.А. Червлёный Яр. Л., 1987.
30. Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников // ТҮҮХИЙН СУДЛАЛ (Studia historica). Улаанбаатар, 2004. Т. XXXV.
31. Ярлыки татарских ханов московским митрополитам // Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955. С. 465–469.

Народы Волго-Уральского региона

Владимир Иванов

Монгольское завоевание Восточной Европы и включение большей части ее территории в состав Улуса Джучи сыграли решающую роль в окончательном оформлении этнической карты народов, оказавшихся в непосредственной близости от административных границ и центров Золотой Орды. По определению Р.Г. Кузеева, именно в период золотоордынского господства «в основном завершилось формирование современных очертаний этнических территорий всех волго-уральских народов, в том числе и тюркских» [29, с. 88]. И этот вывод находит свое подтверждение в археологическом материале. Так, по данным Н.И. Шутовой, исследовавшей удмуртские могильники XVI–XIX вв., начиная с XVI в., «фиксируется сеть новых погребальных памятников на не освоенных прежде землях... Как правило, они расположены в верховьях мелких рек или ручейков, в районах, где в X–XIV вв. практически не наблюдалось проживание

людей» [36, с. 101]. В системе географических координат – это междуречье Чепцы, Кильмези и Ижа, где автором выявлены удмуртские дохристианские могильники, нижняя дата которых – XVI век [36, рис. 1]. То есть по сравнению с предшествующим периодом происходит сокращение древнеудмуртской этнической территории, что, по мнению Р.Г. Кузеева, происходило вследствие продвижения марийцев на север и русских на восток [29, с. 88]. Аналогичные процессы происходили и в Среднем Поволжье, где с приходом монголо-татар «Основная масса марийского населения в XIV в. покидает обжитые ранее места (Сурско-Цнинский бассейн), спасаясь на луговой стороне, недоступной конникам монголо-татар» [32, с. 206].

Во-вторых, в исторической науке прочно утвердилось мнение о господстве Золотой Орды над народами региона, емко выраженное И.В. Антоновым: «бесспорно, что под властью Золотой Орды на протяжении...относительно стабильного периода ее истории, т.е. с середины XIII и до середины XIV в. находились башкиры, булгары, марийцы, чуваша и мордва-мокша. В отношении же мордвы-эрзи, южных удмуртов (арских людей, а также носителей чумойтлинской культуры) и коми-пермяков нет достаточных оснований для столь однозначного вывода, но, тем не менее, **их земли тоже находились в сфере военно-политического влияния монголов**» (выделено мною – *Авт.*) [1, с. 178]. И не менее выразительно и наглядно это мнение представлено на карте расцвета Белой Орды при Узбек-хане, составленной А.А. Астайкиным, на которой Среднее Поволжье (до устья Ветлуги), Нижнее и Среднее Прикамье (до устья Чусовой), Южный Урал целиком показаны как часть административных территорий улуса Джучи [4, с. 296–297].

Однако география археологических памятников периода Золотой Орды в Волго-Уральском регионе рисует несколько иную ситуацию. От города Булгара до крайних восточных мордовских городищ – Федоровского, Понетаевского, Ичалковского – в верховьях Алатыря и Иссы [11, с. 129] по прямой – более 300 км, что составляет не менее недели сухопутного пути. От крепости Казань до самых ближних к ней марийских поселений между устьями Илети и Малой Кокшаги [32, с. 169] – более 50 км или полтора-два дня пути (по реке, наверное, и побольше). От самого северного золотоордынского города Алабуга до самых южных удмуртских (чепецких) поселений [20, с. 213] – не менее 270 км (и не менее недели пути). То есть путнику того времени, чтобы добраться до территорий, заселенных собственно золотоордынским населением – носителями «имперской культуры», – понадобилось бы потратить на это несколько дней.

Исключение составляют башкирские племена лесостепного Приуралья, чья этническая территория простиралась к северу от р. Урал в его среднем течении [28, с. 149–151; 1, рис. 2]. Степи между верхним течением р. Урал и Иртышом в XIII–XIV вв., вероятно, были заселены тюрко-монгольскими племенами найманов, карлуков, кушчи, буйрак, составлявшими этническое ядро улуса младшего Чингизида – Шибана [26, с. 131–132].

То, что территория Приуральской степи к северу от среднего течения р. Урал в рассматриваемое время принадлежала башкирам-паскатирам, сомнению не подлежит. На это, в частности, указывают нарративы, появившиеся задолго до монгольского нашествия. Здесь имеется в виду хорошо изученная источниковедами карта Мухаммеда ал-Идриси (середина XII в.). При всей ее запутанности (Волга-Атил течет с востока на запад, Кама-Джульман (на карте – безымянный приток) впадает в Атил справа, печенеги («bilad bag'nak min al atrak») помещены в верховья этого безымянного притока и т.д.) приведенная на ней локализация «баджигаков» к северу от р. Урал («nahg šaūgān»), между Волгой-Атилем и Уральскими горами («ǧebel āškāskā») вполне соответствует историческим реалиям того времени и может быть подтверждена памятниками чияликской археологической культуры XII–XIV вв.

Памятники чияликской культуры расположены (хотя и довольно редко) на обширной территории от р. Ик на западе до низовий р. Тобол на востоке [24, с. 81]. На территории современного Башкортостана памятники чияликской культуры выявлены в виде компактных локальных групп, расположенных по берегам наиболее крупных рек вокруг Бугульминско-Белебеевской возвышенности: икская, сюнская, усть-бельская, чермасанская, демская, токская, айская, среднебельская, верхнебельская и уральская [12, с. 9]. Судя по исследованным археологическим памятникам, племена чияликской культуры вели полукочевой образ жизни, поскольку их поселения имеют отчетливо выраженный сезонный характер – летники и зимники. Первые – это стойбища со следами разборных переносных жилищ – юрт, чумов, шалашей. Вторые – стационарные поселения, состоящие из отапливаемых печами-сувалами полуземлянок и бесфундаментных бревенчатых построек.

Ни один из авторов IX–XII вв. ничего не сообщает об образе жизни башджиртов-паскатир и их поселениях. Кроме ал-Идриси, чье сообщение о «башджиртских городах» с точки зрения его достоверности весьма сомнительно [2; 3]. А с точки зрения хронологии и исторической географии «страна башджирт» («ard basgirt») на карте ал-Идриси¹¹ территориально совпадает с ареалом памятников чияликской культуры. Отсюда следует вполне естественный вывод исследователей, считающих угров-«чияликцев» основным этническим ядром средневековых башкир [24, с. 82; 13, с. 13, 24].

Буквально с самого начала выделения чияликской культуры этнокультурная принадлежность ее носителей определяется как угорская [23, с. 99; 22, с. 85; 21, с. 42–44; 9, с. 141]. Никакого внятного опровержения подобной идентификации до сих пор нет.

И хотя автор этих строк не ставит своей задачей реанимировать выдвинутую в конце XIX – начале XX в. концепцию башкиро-мадьярского (читай башкиро-угорского) этногенетического родства, однако угорско-самодийский этнокультурный пласт в этнографической культуре башкир присутствует отчетливо. Так, до начала XX в. включительно башкиры практиковали как традиционную для кочевников облавно-загонную охоту и охоту с помощью ловчих птиц, так и лесную охоту с помощью капканов, ловушек, перевесов, охоту на медведя у берлоги с рогатиной и т.п. Последние «...были издревле известны русским, народам волжско-камского бассейна (татарам, чувашам, удмуртам, мари и коми-пермякам), а также средней Оби (манси и ханты)» [33, с. 86]. Бортническое пчеловодство – исконный вид занятия башкир – по определению С.И. Руденко, «ничем существенным не отличалось от пчеловодства, издревле бытовавшего среди народностей всего среднего и нижнего Прикамья (удмуртов, мари, чувашей, татар и др.)». Так же, как скотоводство – в начале XX в. преобладающая отрасль хозяйствования зауральских и юго-западных башкир – по своему характеру (тебеневка) ничем не отличалось от скотоводства соседящих с ними степных кочевников казахов и калмыков [33, с. 111; 10, с. 46–60]. Типы жилищ на *йэйлэу* и *кышлау*: на первых – типично кочевнические юрты-*тирмэ*, каркасные постройки – *алачык*, шалаша-чумы (*куыш*), легкий сруб-*бурама*; на вторых – те же самые бесфундаментные *бурама*¹², конструктивно восходящие к удмуртской *куа*, *куала*, известной уже на древнеудмуртских поселениях XI–XIII вв. [35, с. 140–154]. Сильное влияние финно-угорской, а позже и русской культуры прослеживают исследователи в традиционных для башкир средства передвижения: лыжи, волокуши, сани, лодки-долбленки.

Таким образом, совершенно очевидно, что материальная культура башкир, во всяком случае в тех ее категориях, которые обеспечивали жизнедеятельность этноса, формировалась как результат их адаптации к отличающимся от степных природным условиям лесостепной и лесной зон Волго-Уралья. А это подразумевает тесное этнокуль-

¹¹ Других для рассматриваемого периода просто нет.

¹² В начале XX в. это были уже жилища бедняков.

турное взаимодействие с племенами и народами региона, уже обладавшими соответствующими навыками и традициями хозяйственной жизни в лесу¹³.

Восточные авторы домонгольского периода ничего не сообщают ни о хозяйстве и образе жизни «башкир», ни о их религиозной принадлежности. С одной стороны, это удивительно, с другой складывается впечатление, что для них, вне всякого сомнения, истинных приверженцев Пророка, башкиры представлялись не более чем язычниками. Надо полагать, что, несмотря на близость Волжской Булгарии, уже к началу XI в. ставшей «страной классического ислама», процесс исламизации еще не дошел до «Баскардии», и в ближайшие (XII–XIII) века она оставалась глубоко языческой страной. Не в последнюю очередь на столь позднее (в сравнении с Булгарией) распространение ислама могла повлиять относительная отдаленность, гористость и лесистость ее территории. Но важным фактором, по всей видимости, была и слабая консолидация чияликских племен, которые жили каждый своим углом (уделом). Немаловажно и отсутствие общенационального лидера, способного «толкнуть» своих соплеменников в объятия мировой религии или под знамена «развитого» раннего средневековья. Вспомним о том, что ни для русского князя Владимира, ни для норвежского конунга Олава – некогда закоренелых язычников, ставших затем Святыми – ни леса, ни болота, моря или горы не стали преградой для утверждения в их государствах христианства, как элемента и механизма достижения геополитических целей.

Во всяком случае, о том, что в 1230-х годах заволжские мадьяры придерживались языческих верований, совершенно четко засвидетельствовал в своем докладе Папе Римскому Григорию IX венгерский монах Юлиан¹⁴. Причем, следует иметь в виду, что путешествие Юлиана в Волго-Камье и на Южный Урал (событие само по себе неординарное) преследовало вполне конкретную цель – поиск и обращение «в истинную веру» далеких соплеменников.

Вообще характерной особенностью средневековых нарративов является то, что степень достоверности содержащихся в них сведений «снижалась по мере удаления от центров тогдашней исламской цивилизации и местожительства создателей средневековых трактатов» [31, с. 64]. И то, что в средневековых источниках «башкиры» трактуются как тюрки, абсолютно не означает, что в рассматриваемое время «башкирская орда» состояла исключительно из тюрков.

Отсюда же следует, что авторы XII–XIII вв., говоря о башкирах, фактически писали о носителях чияликской культуры в Приуралье, памятники которой, как уже было сказано выше, распространялись по обе стороны Уральского хребта. Других археологических памятников этого времени на данной территории просто нет. Итак, археологические «чияликцы» – это «башкиры» письменных источников XII–XIII вв. Что означает ничто иное, как вхождение в состав «башкирской орды» какой-то части угорского населения Прикамья и Предуралья, позже окончательно ассимилированного, прежде всего в языковом отношении. В контексте своей религиозной принадлежности башкиры-«чияликцы», по всей видимости, кто-то оставался в язычестве, кто-то уже принимал ислам «булгарского мусульманского канона» [12, с. 21]. О первом свидетельствуют материалы Такталачукского, Азметьевского I, Кушулевского, Ново-Сасыкульского могильников. О втором – материалы могильников типа Горновского, Казакларовского, тех же Кушулевского и Азметьевского I, Кара-Яр и др. [12].

Попытка выявить археологические следы влияния «имперской культуры» Золотой Орды на носителей чияликской культуры, мордву, мари, удмуртов и соседние с ними племена лесного Прикамья положительных результатов не дали: основные компоненты этой

¹³ В данном случае речь должна идти об ассимиляции башкирами местных приуральских угров.

¹⁴ Доклад Юлиана был записан братом Рихардом в начале 1236 г.

культуры – оружие, конская сбруя, украшения и детали костюма – на археологических памятниках этих народов практически не представлены [17]. Отсюда следуют выводы:

- Монгольское завоевание региона и образование Золотой Орды во многом обусловило и ускорило процесс формирования тех этнических территорий волго-камских и приуральских народов – мари, мордвы, удмуртов, башкир – которые мы, фактически, имеем и в настоящее время. В этом ареалообразующая роль Золотой Орды бесспорна.

- Завоевание, следствием которого и явился этот процесс, и последующее за ним установление военно-политического господства монголо-татар над регионом, в отличие от предшествующего болгарского периода, едва ли способствовало толерантному восприятию подвластным населением культуры завоевателей. Что и нашло свое отражение в ассортименте материальной культуры волго-камского населения рассматриваемого периода.

- Отсутствие прямых территориальных контактов¹⁵ волго-камских финнов и прикамских финно-пермяков с полиэтничным и поликонфессиональным населением Золотой Орды способствовало сохранению в духовной культуре местного населения традиционного языческого мировоззрения, выразившегося как в реминисценциях погребального обряда, так и в украшениях. Исключением являются приуральские башкиры, одним из этнических компонентов которых были носители чияликской культуры, которые в течение XIII–XIV вв. воспринимают ислам «болгарского мусульманского» канона.

Мы не можем сказать ничего определенного о том, в каком качестве и числе и при каких обстоятельствах носители «золотоордынской имперской культуры» могли проникать (и проникали ли?) в леса Волго-Камского региона. А.М. Белавин, например, считает, что «болгары в составе Орды, а затем казанцы сохраняли устойчивые экономические и политические связи с Предуральем и Зауральем вплоть до XV столетия», продолжая использовать для этого Камский торговый путь [7, с. 12]. Вполне вероятно, что так оно и могло быть. Однако отсутствие массовости в распространении компонентов «золотоордынской имперской культуры» среди населения Волго-Уральского региона больше наводит на мысль о том, что, в отличие от Волжской Булгарии домонгольского периода, в отношениях Золотой Орды с населением территорий, прилегающих к ней с севера, превалировал, очевидно, политический контекст, археологически никак не фиксируемый.

1. Антонов И.В. Этническая история Волго-Уральского региона в XIII – начале XV вв. (историко-археологическое исследование). Уфа, 2006.

2. Антонов И.В., Иванов В.А. «Город Башкорт» и другие «города башкир» на средневековых и археологических картах // Проблемы поиска и изучения древних и средневековых городов на Южном Урале и сопредельных территориях. Уфа: БГПУ, 2013 С.64–79.

3. Антонов И.В., Иванов В.А. В попытке укрепить идентичность: «город Башкорт» и другие «города башкир» на средневековых и археологических картах // Этническая идентичность в Башкортостане в зеркале Всероссийской переписи населения 2010 г.: материалы Круглого стола, состоявшегося 25 октября 2013 г. Уфа: ФГБУН Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН, 2013. С.32–51.

4. Атлас Tartarica. Казань-М.-СПб., 2005.

5. Башкиры-гайнинцы Пермского края: История, этнография, антропология, этногенетика. Уфа: Гилем, 2008.334 с.

6. Белавин А.М. Внешние и внутренние этнокультурные и экономические контакты средневекового населения Предуралья (по керамическому комплексу) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск-Глазов, 1999.

¹⁵ Под которыми следует подразумевать наличие территорий совместного проживания.

7. Белавин А.М. Камский торговый путь в системе торговых путей средневековья // Пути средневековых торговцев. Пермь, 2004.
8. Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000.
9. Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: БГПУ, 2009. 285 с.
10. Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа: Научное изд-во «Башкирская энциклопедия», 2002. 248 с.
11. Вихляев В.И., Петербургский И.М. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
12. Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1998. 27 с.
14. Гарустович Г.Н. Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников Западной и Центральной Башкирии // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа: БНЦ УрО АН ССР, 1988. С.130–139.
15. Годдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
16. Зеленева Ю.А. Этнокультурные традиции золотоордынского города // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань, 2005.
17. Иванов В.А. Проблема формирования «имперской культуры» Золотой Орды и ее роли как ареалообразующего фактора для народов Урало-Поволжья // Поволжская археология. 2013. №2. С.179–188.
18. Иванова М.Г. Городище Иднакар IX–XIII вв.: материалы исследований территории между валами (1989–1992). Ижевск, 1995.
19. Иванова М.Г. Иднакар – древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск, 1998.
20. Иванова М.Г. Удмурты // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
21. Казаков Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир // Finno-Ugrica. 1997. №1. С.33–53.
22. Казаков Е.П. О некоторых элементах языческой культуры угров Урало-Поволжья // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988. С.79–87.
23. Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 128 с.
24. Казаков Е.П. Чияликская культура: территория, время, истоки // Угры. Материалы VI-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003. С.79–81.
25. Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. Казань, 2002.
26. Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань, 2010. 200 с.
27. Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А. Материальная культура средневекового Предуралья. Часть I. Культура жизнеобеспечения. Пермь, 2008.
28. Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978.
29. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.
30. Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V–XVI веках и проблема происхождения чувашского этноса // Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984.
31. Кучумов И.В. Раннесредневековые сведения о башкирах и проблемы этнической идентичности // Проблемы этногенеза и этнической истории башкирского народа. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию С.Н.Шитовой. Уфа: Гилем, 2006. С.63–67.

32. Никитина Т.Б. Мари // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
33. Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа: «Китап», 2006.
34. Святкин С.В. Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. н.э. Саранск, 2001.
35. Черных Е.М. У истоков уральского домостроительства: древнее и средневековое жилище Прикамья. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. 160 с.
36. Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в. Ижевск, 1992.

Армяне

Александр Осипян

Возникновение армянских колоний в городах Золотой Орды связано с изменением торговых путей в результате монгольских завоеваний 1220–1250-х годов в Передней Азии и Восточной Европе. Создание Монгольской империи (делившейся на четыре улуса) с хорошо налаженной почтовой службой (ямы), строгой дисциплиной и суровыми наказаниями, исключавшими разбой на дорогах, отсутствие многочисленных внутренних пошлин и уважительное отношение к купцам и их собственности – все это способствовало процветанию торговли [19, с. 84]. На протяжении столетия 1250–1350 гг. (так называемый Рах Mongolica) на огромных просторах империи от Дуная и Армении до Китая купцы могли беспрепятственно заниматься коммерцией [18].

Еще до монгольского завоевания армянские купцы бывали в половецких степях (Дешт-и Кипчак) [4; 12]. Их повторное проникновение в Поволжье может быть связано с многочисленными поездками армянских князей из Грузии, Великой Армении и Киликийского королевства ко двору Бату-хана в 1240-х – 1250-х годах. В частности, в 1240 г. – правитель (атабек) Грузии князь князей Аваг (†1250), сын Иванэ Долгорукого; в 1246 г. – князя Шахиншах и Аваг, Закарэ, сын Шахиншаха, Агбуга, сын Вахрама Гагели, и Саргис Тмогвели; в 1250–1251 и 1256–1257 гг. (при дворе Сартаха) – князь Хасан Джалал, владетель области Хачен; в конце 1253 г. или в 1254 г. ставки Сартаха и Бату-хана на Волге посетил армянский король Киликии Гетум I (1226–1270) [23; 24; 33].

Рассказывая о событиях 1249–1251 гг. – периоде борьбы за власть после смерти великого хана Гуюка (1248) и до воцарения Мангу (1251–1259) – армянский летописец Киракос Гандзакети пишет, что после казни монгольского полководца Эльчигада (наместника Армении и Персии) по приказу Бату, именно к последнему стали обращаться все те, кто ранее пребывал под властью Эльчигада: «Затем начали являться к нему цари и царевичи, князья и купцы – все огорченные тем, что были лишены вотчин своих. И судил по справедливости и возвращал каждому, кто просил его, все области, вотчины и владения и снабжал специальными грамотами, и никто не смел противиться приказам его» [2, с. 218]. В средние века купцы часто путешествовали под защитой посольства или в свите правителя. Кроме того, именно князья могли попросить у Бату-хана и Сартаха охранные грамоты для купцов – своих подданных [3; 35, с. 118].

Точно известно, что в ставке Бату бывал богатейший армянский купец («мецатун»), известный в источниках как Шадин/Шахабадин/Шнорхавор, сын Саравана. Монголы не доверяли грузинскому царю Улу Давиду (1249–1270). Поэтому в 1259–1265 гг. фактическим правителем Тбилиси и Восточной Грузии был Шнорхавор. Как писал армянский богослов и историк Вардан Великий (ок. 1198–1271) «в 1264 г. великий ильхан Хулаву пригласил нас к себе через одного мужа Шнорхавора, пользовавшегося большим уважением у всех, особенно у Бату, властителя северных стран, к которому он прежде ездил и был принят с большим почетом, и у Хулаву» [8, с. 66]. Можно предпо-

ложить, что уже в 1250-х годах Шнорхавор и иные армянские купцы занимались торговлей с Сараем.

Со временем армянские купцы оседали в городах Золотой Орды, на что указывают сведения о наличии там приходов Армянской церкви. В 1320-х гг. в источниках упоминаются армянские епископы в Сарае, Солхате (Старый Крым) и Каффе (Феодосия) (*episcopus Armenorum in imperio Tartarorum Iusbect*) [39, с. 92, 159–160]. Францисканец Паскаль из Виттории в 1336–1337 гг. проживал в Сарае и, выучив кипчакский язык, отправился далее на восток для проповеди среди иноверцев. Из Сарая он в 1338 г. отплыл вниз по Волге до Сарайчика, расположенного в устье Яика/Урала, а оттуда с караваном добрался в Ургенч. «Погрузившись на корабль с какими-то армянами, я отплыл оттуда по реке называемой Тигрис, а затем вдоль берега моря именуемого Ватук, пока через 12 дней не добрался до Сарайчика. Оттуда я ехал в повозке, влекомой верблюдами, и на пятидесятый день достиг Урганча» [29, с. 83–85]. Таким образом, армянские купцы не только бывали в Сарае, но и добирались до Ургенча. К сожалению, письменные источники об армянах в Поволжье немногочисленны, поэтому остается надеяться, что археологические раскопки прольют больше света на их пребывание в этом важнейшем регионе Золотой Орды.

Наибольшее число армян поселилось в юго-восточном Крыму, а именно в итальянских торговых колониях Каффе и Судаке (Солдайя), в административном центре Крымского улуса – городе Кырым/Солхат/Сурхат (Эски Кырым), и во многих селах этого региона. Судя по косвенным данным, Северное Причерноморье было известно армянским купцам и до монгольских завоеваний. Именно через этот регион шла торговля с Киевом, где армянская община существовала уже во второй половине XI в. [26].

В так называемом Сурожском синаксаре (четьи-минеи) на протяжении XII–XV вв. делались памятные записи, в которых упоминаются жители Судака, в том числе и те, кого на основании их антропонимов можно идентифицировать как армян. В 1242 г. упоминается смерть Давида, сына Сумбата, в 1283 г. – убийство Самата, сына Ефрема, в 1306 г. – смерть Ерничу, жены Самата. Наконец, в 1292 г. сделана запись о споре между греками и армянами относительно празднования Пасхи (поскольку Греко-Православная и Армянская церкви пользуются разными календарными системами) [5, с. 593, 603, 609].

Актовые записи генуэзских нотариусов Каффы 1289–1290 гг. зафиксировали самое активное участие армянских купцов и ремесленников в экономической жизни Причерноморья. Так, с апреля 1289 по июнь 1290 г. упомянуты 3 случая фрахта армянскими купцами (объединения в 2, 3 и 10 компаньонов) генуэзских кораблей в Каффе для доставки больших партий пшеницы, проса, соли (из Чиприко на Керченском полуострове) и прочих товаров из Крыма в Трапезунд [20, с. 68, 109, 233–234]. 27 апреля 1290 г. в Каффе нескольким армянским и греческим купцам были возвращены товары, ранее захваченные у них пиратом Джурзучи (*Jurzuchi*) во время плавания на галере [20, с. 181–182; 25, с. 271–272].

Крымские армяне не только арендовали корабли у итальянцев, но и заключали с ними разнообразные сделки. 16 июля 1290 г. каффские мясники Георгий и Савва, совместно с Фланкусом Армянином, жителем Каффы, приобрели партию вина у Оддина Банката де Чева и пообещали уплатить за него перед Пасхой (1291 г.) [20, с. 304]. 14 августа 1290 г. армянин Якоб Фрегулиа приобрел товары у Гийома де Персио, за которые пообещал заплатить 347 аспров через месяц [20, с. 375]. Итальянские купцы Петр де Бобио и Якоб де Бобио в это же время закупали у армянских дубильщиков большие партии бычьих кож (5, 14, 18 и 21 кантар), выдавая авансовые суммы и получая гарантии поставки товара через год или на Пасху 1291 г. В качестве залога семья армянских дубильщиков дает свой дом, а армянин Таркокша и его супруга Мина – сво-

его сына (возможно, дом был уже заложен) [20, с. 160, 301, 309, 337]. Работорговля была в Каффе обычным делом. В актах зафиксированы отдельные случаи продажи некоторыми армянами рабов (вероятно, слуг или полученных в качестве неустойки от торговых партнеров). Так, 1 июня 1290 г. каффский армянин, свечник Савва, продал рабыню (10-летняя Аркона родом из Венгрии) Мартину де Предоно [20, с. 215]. Целе-направленно работорговлей армяне не занимались, она была сосредоточена в руках итальянских купцов, поставлявших рабов в Египет и Италию [27, с. 222; 31; 38]. В это же время на рынке Каффы действовал и переводчик (*drogumano*) – армянин Стефан, также неоднократно фигурировавший в качестве свидетеля при заключении сделок между армянами и итальянцами [20, с. 220, 233–234].

В результате активных деловых отношений с итальянцами, крымские армяне были вовлечены в торговлю Восточного Средиземноморья. Так, 23 июня 1289 г. армянин Петр продал свои товары генуэзцу, который обещает через 8 дней отдать ему 29 иперперов, как только придет его корабль из Перы [20, с. 105]. Армянин Килакос (Киракос?) из Казарета (*Chilacos erminio de Cazarese*) 18 июля 1289 г. дал в долг итальянцу Рафаэлу Эбриаку, который обязуется отдать 2000 аспров через 15 дней, когда к нему придет корабль из Сирии, из Арзуфа (*in Siria loco ubi dicitur Sur*) [20, с. 120].

Можно предположить, что и некоторые армянские купцы из Киликии также в это время бывали с торговыми целями в Крыму и даже поселялись здесь. На это может указывать сделка, заключенная в Каффе 24 июня 1290 г.: сириец Иоанн (*Johannes Sorianus*) признает получение ссуды от армянина Христофана, жителя Каффы, или Сорхата из Лаяццо (*Christofano erminius, habitator de Caffa, sive de Sorchati de Laizo*), суммы в 1800 аспров барикатс, которые обещает вернуть через полтора года. В качестве залога он отдал Христофану свой дом, расположенный в Каффе [20, с. 220]. Вероятно, армянин Христофан, был уроженцем портового города Лаяццо/Аяса в Киликии, а на момент сделки уже проживал в Каффе или Сорхате (соседний с Каффой Сорхат / Солхат – важный торговый центр с многочисленной армянской общиной) и продолжал поддерживать торговые связи с Восточным Средиземноморьем. Сириец Иоанн, также имевший дом в Каффе, очевидно, за полтора года должен был успеть совершить плавание в Сирию и вернуть взятую в долг сумму.

Согласно генуэзскому Уставу Каффы (*Impositio officii Ghazarie*) в 1316 г. в городе было уже три армянские церкви [17, с. 827]. Со временем крымские армяне (из Каффы и Сорхата/Казарата) начинают более активно осваивать Северное Причерноморье и Приазовье. Так, в сохранившихся источниках середины XIV в. отражена их деятельность в устье Дуная (Килия и Ликостомо), Днестра (Аккерман/Монкастро) и Дона (Тана/Азак). Именно по этим крупным рекам купцы из Причерноморья отправлялись вглубь Восточной Европы для закупки зерна, воска и мехов, или же непосредственно в этих итальянских факториях заключали сделки с восточноевропейскими купцами, привозившими сюда свои товары.

В памятных записях книг проповедей, переписанных священником Тертером Ереванци в Азахе/Тане в 1339 и 1341 г., упоминается местная армянская церковь Св. Григория Просветителя [13, с. 329–330]. Следовательно, армянская община в Тане существовала уже довольно давно и была достаточно состоятельной, чтобы возвести церковь. Тертер также описывает свое путешествие из родного Еревана через Грузию и далее морем в Каффу и оттуда в Азах. В нотариальных актах 19 сентября 1359 г. упоминается армянская судебная курия в Тане [6, с. 190]. По подсчетам С.П. Карпова, среди 443 свободных лиц, фигурирующих в актах Таны 1359–1360 гг., было 7 армян [28, с. 79]. Тана была известна как центр торговли рыбой, икрой, кожами и рабами. Поэтому город притягивал к себе не только крымских армян, но и армянских купцов из более отдаленных регионов, которые зачастую оседали в Тане. Так, 28 июля 1360 г. в сделке о купле-

продаже рабов фигурирует армянин Астлан, сын покойного Сирима (Ширина/Сурена?) из Арзерона (Эрзерума), житель Таны (*Astlan condam Sirim de Arzeron armenus habitator in Tana*) [6, с. 190].

Крымские армяне, посещавшие Килию и Аккерман с торговыми целями, зафиксированы в генуэзских актах 1340-х и 1360-х годов. Так, 17 апреля 1344 г. в Килии Андреоло де Вендури продал армянскому купцу ходже Амиру из Тифлиса, горожанину Каффы (*Coia Amir de Tefelix, burgensi de Caffa*), русскую рабыню и ее двухлетнего сына за 4150 аспров [22, с. 102–103]. Таким образом, Амир из Тифлиса перебрался в Каффу и уже получил городское гражданство (он назван «burgensi», а не «habitor», как в случае, если бы был просто «жителем»). В старинной армянской церкви Успения Богородицы в Аккермане (Белгород-Днестровский) в стены вделаны мраморные плиты в память об умерших (возможно, некоторые плиты более раннего происхождения были позже вделаны в стены церкви). Одна из надписей, датированная 1351 г., упоминает господина Кутчсена, оплакивающего свою мать [7, с. 66]. 14 сентября 1360 г. армянин Григо(рий), сын покойного Арабеца, житель и горожанин Килии (*Grigo Erminius, quondam Arabec, habitator et burgensis Chili*), продал 20-летнюю рабыню-монголку Тойдани за 5 соммов Иоанну де Монтероссо, жителю и горожанину Перы [21, с. 107–108]. Как видим, если каффинец Амир из Тифлиса только бывал в Килии по делам, то Григорий жил здесь постоянно и уже получил гражданство Килии. Дунай и его притоки связывали Килию с Венгрией, Молдавией и Червонной Русью (Западной Украиной), откуда на черноморский рынок поставлялись зерно и воск. 30 октября 1360 г. каффинский армянин Саркис, сын Константина (*Sarchis Erminio de Caffa, filio Constantini*), заключил в Килии договор с Ягопом из Венгрии, сыном покойного Бартоломея, жителем Килии (*Yagop de Ungaria, quondam Bartholomei, habitator Chili*), согласно которому Ягоп обязался доставить Саркису в Килию крупную партию воска (5 кантаров) на Пасху 1361 г. В залог Ягоп оставил Саркису 13-летнюю рабыню Алекесу. Одним из свидетелей заключения сделки выступил местный армянин Сабадим/Шабадин (?) (*Sabadim Erminio, habitatore Chili*) [21, с. 193, 194]. Упомянутый Саркис из Каффы также ранее фигурировал в качестве свидетеля в сделках 25 августа и 14 сентября 1360 г. («*Sachis de Caffa, habitatore Chili*» и «*Sarchis Erminio de Caffa*») [21, с. 58, 111]. Причем в первом случае, он назван «жителем Килии», следовательно, подолгу жил здесь, или окончательно перебрался из Каффы. В сделках, заключенных в Ликостомо (Вилково в дельте Дуная) 13 сентября 1373 г., фигурируют: 17-летний армянин Мхитар и двое его советников/поручителей (?) – Абрам и Георгий, армяне из Каффы (*Machitar maiorem esse annis XVII, cum consilio Abram Erminii de Caffa et Georgii Erminii de Caffa*) [22, с. 197]; и армянин Спинула, уже гражданин Генуи (*Erminium Spinulam civem Ianue*) [22, с. 200–201].

Вероятно, во второй половине XIII в. армяне начинают оседать во Львове, через который шла торговля со странами Центральной и Западной Европы. Когда польский король Казимир III в 1349 г. завоевал Львов, там уже была армянская община, которой он в 1356 г. позволил сохранить собственный суд [15, с. 27–28]. Во Львове продолжали селиться армянские купцы из Крыма, которые в 1363 г. возвели в городе церковь Успения Богородицы [30, с. 41–42]. С этого времени Львов становится центром армянской епархии, включавшей приходы не только в Галичине, Подолии и на Волыни, но и в Молдавском княжестве [10; 11; 32; 34].

Армянские купцы Львова и Каменца-Подольского поддерживали торговые связи с Крымом, а начавшаяся в 1359 г. в Золотой Орде междоусобица, привела к притоку новых переселенцев из Крыма. Памятные записи (колофоны) армянских рукописей, переписанных в Крыму в 1363–1371 гг., описывают бедствия местных армян и тревожные ожидания еще больших несчастий, толкавшие многих к эмиграции [40, с. 93–98].

С политикой могущественного эмира Мамаю, фактического правителя западной части Золотой Орды, тесным образом переплелась судьба армянского купца Некомата Суружанина [9]. Из русских летописей известно, что в 1375–1383 гг. Некомат неоднократно совершал поездки в Москву и Тверь, в ходе которых не только осуществлял коммерческую деятельность, но и выполнял дипломатические поручения Мамаю (преимущественно секретного характера). Некомат был посредником в отношениях Мамаю с тверским князем Михаилом Александровичем и Иваном Васильевичем, опальным сыном московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова. Поражение на Куликовом поле и убийство Мамаю в Солхате или Каффе привели к гибели и его доверенного лица Некомата. В 1383 г. «убиень бысть на Москвѣ нѣкии брехъ именемъ Некоматъ за нѣкую крамолу» [14, с. 85]. В наиболее ранней книге актовых записей магистрата города Львова 1382–1389 гг. в записи о сделке от 14 ноября 1386 г. упомянут некий «Авахав, сын покойного Некомата» (*Awachaw filius quondam Necomath*) [36, с. 69]. Мы считаем возможным отождествить этого Некомата с Некоматом Суружанином русских летописей. Некомат Суружанин был казнен в 1383 г., что согласуется с записью во львовских актах 1386 г. о сделке Авахавы, сына *покойного* Некомата. «Авакбарун, сын Некаматы» (*Awackbarun filius Nekamaty*) упомянут в реестре сбора налога с армян домовладельцев Львова от 5 сентября 1407 г. [37, с. 40–41]. Случай Некомата и его сына Авакбаруна является, по нашему мнению, удачным примером создания торговых сетей на основании родственных связей. Судя по всему, Некомат осуществлял коммерческие операции на направлении Крым – Тверь и Москва, а его сын Авак торговал между Крымом и Львовом. Вероятно, Авак (Авахав, Авакбарун) окончательно перебрался во Львов после поражения и гибели Мамаю, покровителя его отца, и казни самого Некомата в Москве. Крымские купцы-суружане совершали регулярные поездки в Москву в правление князя Дмитрия Ивановича. Нескольких из них он взял с собой из Москвы в 1380 г. во время похода навстречу войску Мамаю. Л.С. Хачикян идентифицирует большинство этих купцов-суружан как армян и греков [16]. Вероятно, в это же время армянские купцы бывали и в Новгороде [1].

Таким образом, благодаря веротерпимости и поощрению торговли монгольскими правителями значительное число армянских купцов и ремесленников поселилось в городах Золотой Орды, главным образом в Сарае и портовых городах Северного Причерноморья и Приазовья. Эпоха нестабильности в Золотой Орде в 1360-е и 1390-е годы способствовала оттоку части армян из Северного Причерноморья в Молдавское княжество, Галицкую Русь и Подолье, поскольку ранее армянские купцы неоднократно бывали в этих регионах с коммерческими поездками.

1. Айвазян К.В. Культ Григория Арменского, «арменская вера» и «арменская ересь» в Новгороде (XIII–XVI вв.) // Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982. С.255–332.

2. Гандзакеци Киракос. История Армении. М.: Наука, 1976. 357 с.

3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Изд. С.Н.Валк. М.: АН СССР, 1949. 407 с.

4. Еремян С.Т. Юрий Боголюбский в армянских и грузинских источниках // Научные труды Ереванского гос. ун-та. 1946. №23. С.389–421.

5. Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), написанные на греческом синаксаре // Записки Одесского общества истории и древностей. Т.5. Одесса, 1863.

6. Карпов С.П. Латинская Романия. СПб.: Алетейя, 2000. 256 с.

7. Кучук-Иоаннесов Хр. Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-Западной Руси и в Крыму // Древности восточные. Труды Восточной Комиссии Императорского Московского Археологического общества. Т.2. Вып.3. М., 1903. С.33–75.

8. Маргарян А.Г. К вопросу о личности и деятельности «некоего Шадина» // Кавказ и Византия. Т.3. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1982. С.64–72.
9. Осипян А.Л. Был ли предателем Некомат Суружанин: сюжет из истории отношений московского князя Дмитрия Ивановича и ордынского эмира Мамаю // Мамай. Опыт историографической антологии. Сборник научных трудов / Под ред. В.В.Трепавлова, И.М.Миргалеева. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С.239–247.
10. Осипян А. Возникновение армянских торговых колоний во Львове и Каменце-Подольском и их роль в торговле со странами Причерноморья и Восточного Средиземноморья во второй половине XIII – первой половине XV в. // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 5. Мн., РИВШ, 2012. С. 54–84.
11. Осипян А. Этническая и конфессиональная идентичности в формировании городских «наций» Львова во второй половине XIV – первой половине XV вв. (на примере «армянской нации») // Альманах по истории средних веков и раннего нового времени. 2012–2013. Вып.3–4. С.22–41.
12. Осипян О. Поширення християнства серед половців в XI–XIV ст. // *Київська старовина*. 2005. №1. С.3–28; №2. С.3–22.
13. Памятные записи армянских рукописей XIV в. / Сост. Л.С.Хачикян. Ереван, 1950. XXXIII+759с. (на арм. языке)
14. Полное собрание русских летописей. Т.28. М.: Наука, 1963.
15. Привілеї міста Львова XIV–XVIII ст. / Упор. М.Капраль. Львів, 1998. 640 с.
16. Хачикян Л.С. «Гости-суружане» в русских летописях и Сказании о Мамаевом побоище. (К вопросу об их национальной принадлежности) // *Русская и армянская средневековые литературы*. Л., 1982. С.333–357.
17. Юргевич В. Устав для генуэзских колоний в Черном море изданный в Генуе в 1449 году // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Т.5. Одесса, 1863. С.627–837.
18. Abu-Lughod J.L. Before European Hegemony: the World System A.D. 1250–1350. New York: Oxford University Press, 1989. 443 p.
19. Allsen Thomas T. Mongolian Princes and Their Merchant Partners, 1200–1260 // *Asia Major*, third series. 1989. Vol.2. No.2. P.83–126.
20. Balard M. Gênes et l'Outre-Mer. T.1: Actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto. 1289–1290. Paris, La Haye: Mouton & Co, 1973. 420 p.
21. Balard M. Gênes et l'Outre-Mer. T.2: Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzo. 1360. Paris, La Haye, 1980. 211 p.
22. Balbi G., Raiteri S. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV). Genova, 1973.
23. Bedrosian R. The Turko-Mongol Invasions and the Lords of Armenia in the 13th–14th Centuries. New York, 1979 [<http://rbedrosian.com>]
24. Boyle J.A. The Journey of Het'um I, King of Little Armenia, to the Court of the Great Khan Mongke // *Central Asiatic Journal*. 1964. Vol.9. P.175–189.
25. Brătianu G.I. Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du treizième siècle (1281–1290). Bucarest, 1927. 389 p.
26. Dachkevych Ya. Les Arméniennes à Kiev (jusqu'à 1240) // *Revue des études arméniennes*. Paris, 1973–1974. Vol.10. P.114–131; 1975–1976. T.11. P.323–375.
27. Hayton. La flor des estoires de la terre d'Orient // *Recueil des historiens des croisades. Documents Arméniens*. T.2. Documents latins et français relatifs à l'Arménie. Paris, 1906.
28. Karpov S.P. Tana – Une grand zone réceptrice de l'émigration au Moyen Âge // *Migrations et diasporas méditerranéennes: Xe – XVIe siècles: actes du colloque de Conques, octobre 1999/ réunis par Michel Balard et Alain Ducellier*. Paris: Publications de la Sorbonne, 2002. P.77–89.
29. Letter from Pascal of Vittoria, a Missionary Franciscan in Tartary, to his Brethren of the Convent of Vittoria, 1338 // *Cathay and the Way Thither Vol. 3* / Ed. H.Yule; rev. edn. by H.Cordier. London, 1914. P.81–88.

30. Obertyński S. Die Florentiner Union der Polnischer Armenier und ihr Bischoffskatalog // *Orientalia Christiana*. 1934. Vol.36. No.1. S.5–68.
31. Origo I. Domestic Enemy: The Eastern Slaves in Tuscany in the Fourteenth and Fifteenth Centuries // *Speculum*. 1955. Vol.30. №3. P.321–366.
32. Osipian A. Trans-Cultural Trade in the Black Sea Region, 1250–1700: Integration of Armenian Trading Diaspora in Moldavian Principality // *New Europe College Black Sea Link Yearbook*. 2012–2013. P.113–158.
33. Osipian A. Armenian Involvement in the Latin-Mongol Crusade: Uses of the Magi and Prester John in Constable Smbat's Letter and Hayton of Corycus's «Flos historiarum terre orientis,» 1248–1307, *Medieval Encounters* 20, no.1 (2014): 66–100.
34. Osipian A. Practices of Integration and Segregation: Armenian Trading Diasporas and Their Interaction with the Genoese and Venetian Colonies in the Eastern Mediterranean and the Black Sea, 1289–1484, Georg Christ et al. *Union in Separation. Diasporic Groups and Identities in the Eastern Mediterranean (1100–1800)*. Roma: Viella, 2015. P.349–361.
35. Ostrowski, Donald. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influence on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 329 p.
36. Pomniki dziejowe Lwowa z archiwum miasta. T.1: Najstarsza księga miejska. 1382–1389/ Wyd. A.Czołowski. Lwów, 1892.
37. Pomniki dziejów Lwowa z archiwum miasta. T.2: Księga przychodów i rozhodów miasta. 1404–1414/ Wyd. A.Czołowski. Lwów, 1896. 184 s.
38. Quirini-Popławska D. Włoski handel czarnomorskimi niewolnikami w późnim średniowieczu. Kraków, 2002. 321 s.
39. Richard J. La papauté et les missions d'Orient au Moyen Âge (XIIIe – XVe siècles). Rome, 1998. 331 p.
40. Sanjian A.K. Colophons of Armenian Manuscripts, 1301–1480. A Source for Middle Eastern History. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1969. 459 p.

§ 3. Католические миссионеры в Золотой Орде

Роман Хаутала

Как указывал Дж. Малдун, центральной задачей католических миссионеров в средневековье было исполнение заповеди Христа проповедовать Евангелие всем людям для того, чтобы способствовать спасению всего человечества. Поэтому миссионеры должны были посвящать свою деятельность: укреплению тех христиан, чья твердость в вере оказалась под угрозой; противостоянию ложным учениям и еретикам; и, что важнее для настоящей статьи, приложению всех усилий для возвращения «неверных» в лоно церкви [18, с. 37–38]. Важность последней из упомянутых задач неизменно подчеркивалась цитатами из Священного писания, интерпретация которых в XIII столетии приобрела отчетливо эсхатологический характер: как сам Христос, так и апостол Павел указывали на необходимость тотального обращения «неверных» в преддверии назревающего пришествия Антихриста, как на обязательное условие для грядущего искупления всего человечества [см. От Матфея: 24: 14, 28: 19–20; От Марка: 13: 10; К римлянам: 11: 25–26; а также: 24, с. 1–2; 21, с. 271; 20, с. 2; 10, с. 12–13]. Таким образом, с точки зрения теоретиков католического миссионерства, будущее спасение христиан зависело не только от морального преобразования их образа жизни, но и от эффективности прозелитической деятельности новых апостолов Римской церкви за пределами Европы.

В свою очередь, Святой престол проявлял ясное осознание новых задач, стоявших перед Римской церковью, и поручал их выполнение новым орденам францисканцев и доминиканцев, основанным в начале XIII века для достижения насущных целей. В сво-

ей специальной булле «Cum hora undecima» 1235 года, воспроизводившейся последующими понтификами в неизменном виде в течение XIII–XV столетий, папа Григорий IX поручал новым апостолам Римской церкви отправиться к «народам и племенам, и языкам и царям многим», поскольку, переименовав апостола Павла, «весь Израиль не спасется до тех пор, пока не войдет полное число язычников» [см. Откровение 10: 11; К римлянам 11: 25–26; а также: 3, по. 210, с. 286–287; 22, с. 222; 18, с. 36–37]. В перечислении народов, к которым должны были направиться миссионеры для проповедования Евангелия, упоминание «тартар» встречается впервые в одноименной булле папы Иннокентия IV от 23 июля 1253 года [8, по. 211, с. 237] и продолжает фигурировать в последующих буллах Римских понтификов вплоть до XV века.

С момента появления татар в Восточной Европе, они представлялись образцовыми объектами христианского прозелитизма, от обращения которых зависело грядущее искупление христианства. Апостолат францисканцев и доминиканцев среди татар полностью отвечал идеалам католического миссионерства. К тому же эта деятельность могла оказаться чрезвычайно полезной и для достижения геополитических целей: «язычники-тартары», обращенные в христианство, могли оказать значительную военную поддержку Латинскому миру в его многовековой борьбе с исламом. В частности, Раймунд Луллий указывал в своем миссионерском проекте, представленном французскому королю Филиппу IV, на внешнеполитические выгоды, которые могли бы последовать за тотальным крещением татар [11, с. 64]; тогда как францисканцы Каффы, проповедовавшие Евангелие среди кочевников Золотой Орды и адресовавшие в 1323 году отчет о своей деятельности администрации Ордена, уверяли своих западных собратьев в том, что «после совершенного обращения этой империи не было бы более никакой силы у власти сарацин, запертых и окруженных, с одной стороны, этой империей; а с другой – греками и италийцами, то есть латинянами, и другими христианскими королевствами»¹⁶.

В то же время латинские авторы выказывали крайнюю озабоченность по поводу возможного успеха мусульманского прозелитизма среди татар. Тот же Луллий настаивал в ряде своих трактатов конца XIII столетия на необходимости интенсификации христианского прозелитизма на Востоке и описывал те угрозы для христианства, которые таились в потенциальном обращении татар в ислам [19, с. 119; 11, с. 66; 13, с. 151; 12, I, с. 374]. В начале XIV века Луллий уже сетовал на то, что хан Токта окружил себя мусульманскими секретарями, и выражал опасения, что благодаря своему положению высшие мусульманские чиновники получают возможность распространять мусульманскую веру в Улусе Джучи [12, I, с. 381–384, III, с. 374]. В свою очередь, доминиканец Гийом де Адам писал в своем трактате «Как победить сарацин» 1317 года, что хан Узбек «принимает в свои владения, поощряет и защищает сарацинских факиров, то есть монахов, и всех других, посредством которых, в конце концов, сам он вместе со многими другими тартарами стал наихудшим сарацином, врагом и гонителем христиан»¹⁷. А венецианец Марино Санудо Торселло указывал, что обращение кочевников улуса Джучи в ислам «может стать чрезвычайной угрозой и великой опасностью для христианской веры, так как лицами, внушающими доверие, утверждается, что у упомянутого Узбека есть бесчисленное количество всадников»¹⁸.

¹⁶ «cum, illo inperio perfecte conuerso, nullius momenti foret potentia saracenicā, que inter illud ex vna parte et gregum ac ytalicum siue latinum ex alia et regna alia xristiana interclusa est et vallata» [17, p. 109].

¹⁷ «Saracenos etiam facarios, id est monachos, et alios quoscumque in suo dominio recipit, promouet et tuetur, per quos tandem ipsemet cum multis aliis Tartaris Sarracenus pessimus et Christianorum inimicus et persecutor est effectus» [25, p. 46–48].

¹⁸ «Hoc enim foret in praeiudicium nimium et periculum maximum fidei Christianae. Nam a nonnullis dignis fide asseritur quod dictus Husbecho, habet equitum multitudinem» [7, p. 33; 16, p. 66].

По упомянутым выше причинам католические миссионеры приложили множество усилий для организации проповедования Евангелия в Золотой Орде. Однако для развертывания прозелитической деятельности на Востоке им нужно было преодолеть ряд препятствий, в чем неоценимую услугу им оказали западные купцы. Итальянская коммерческая экспансия совпала с развитием восточного апостолата и налаживанием морских сообщений между Европой и Азией позволило христианским миссионерам относительно легко достигать регионов, в которых они развернули прозелитическую деятельность. Так, упомянутое выше письмо францисканцев из Каффы содержало следующую инструкцию для тех миссионеров, которые решили бы посвятить себя восточному апостолату: «знайте, что сюда безопасней и легче прибыть по морю в компании с венецианскими торговцами, чем по суше через те края, которые являются крайне труднопроходимыми и опасными»¹⁹. В свою очередь, послание иберийского минорита Пасхалия из Виттории содержит описание его путешествия из Испании в Сарай в 1335 году с перечислением всех промежуточных этапов следования католического миссионера через Венецию, Галату и Тану [23, с. 501–506].

Этот же вклад в развитие восточного апостолата подчеркивал и германский аноним из Мюнстера, указывая одновременно и на не менее важную материальную поддержку купцов из Северной Италии: «ибо торговцы из Ломбардии и других богатых земель, пребывающие в тех краях и часто туда прибывающие, влекут за собой эти Орды в те края и основывают для них обители при поддержке других торговцев и правоверных, щедро поставляя им все необходимое согласно тому, какому из этих Орден каждый из них отдает предпочтение».²⁰ Западные купцы, очевидно, были склонны финансировать постройку католических церквей во всех крупных городских центрах Золотой Орды, которые они посещали; способствуя тем самым основанию францисканских и доминиканских конвентов в Каффе, Солдае, Солхате, Тане и Сарае [19, с. 89, 94, 138].

Таким образом, католические миссионеры продвигались на Восток бок о бок с западными купцами, и, по всей видимости, они появились на территории Золотой Орды параллельно с основанием генуэзской фактории в Каффе. Во всяком случае, латинский перевод ярлыка хана Узбека, выданного францисканцам в 1314 году, указывал на тот факт, что впервые этот ярлык был пожалован миноритам ханом Менгу-Тимуром (1266/67–1280) и, по-видимому, в начале его правления [6, с. 65; 2, с. 33–34].

Содержание этого ханского ярлыка выявляло еще более важное обстоятельство, обусловившее благополучное развертывание апостолата в границах Золотой Орды, а именно, благосклонность джучидских правителей к католическим миссионерам. Ярлык предоставлял миноритам право на беспрепятственное проповедование Евангелия на всей территории Золотой Орды и гарантировал им покровительство хана в случае конфликта с представителями альтернативных конфессий. Джучидская протекция оказывала неоценимую услугу миссионерам в ходе их нередких столкновений с мусульманскими резидентами золотоордынских городских центров, о чем ценнейшие сведения предоставляет послание брата Ладислава, францисканского кустодия Газарии (т.е. Северного Причерноморья). В своем письме Ладислав описывал обстоятельства конфликта, возникшего летом 1286 года между францисканцами Солхата и местными мусульманскими жителями, возмущенными обыкновением католиков звонить в колокол на своей церкви. В ходе конфликта солхатские мусульмане сорвали этот колокол и разру-

¹⁹ «vt sciatis ad partes quas per terram, quod difficilimum esset et periculosissimum, vel quod securius et leuius per mare et in societate mercatorum Venecorum extra veniendum» [17, p. 110–111].

²⁰ «Nam mercatores de Lombardia et aliis terris ditissimi, qui in illis partibus degunt, et frequenter perveniunt, trahunt hos ordines ad illas partes, et eis cum auxilio aliorum mercatorum et fidelium claustra fundant et omnia necessaria largiter eis ministrant, secundum quod quivis aliquem Ordinem diligit» [12, II, p. 153].

шили католическую церковь, вызвав своими действиями подачу жалобы со стороны францисканцев, обращенную к хану Тула-Буге и Ногаю. В ответ на петицию миноритов джучидские правители направили в Солхат своих представителей, которые, несмотря на личную приверженность к мусульманской вере, сурово наказали обидчиков францисканцев, позволив тем восстановить свою церковь и повесить на ней три колокола на месте одного разрушенного [12, II, с. 444–445].

Очевидно, что правители Золотой Орды следовали предписаниям Ясы о терпимом отношении ко всем мировым религиям и продолжали это делать и в XIV столетии, несмотря на возросшее влияние ислама на джучидскую элиту. Как послание, написанное в 1320 году братом Иоганкой на территории современной Башкирии, так и письмо францисканцев Крыма, отправленное на Запад тремя годами позже, не скрывали восхищения миноритов в отношении склонности джучидской администрации предоставлять всем общинам полную свободу в религиозных вопросах до тех пор, пока их конфессиональная автономия не нарушала интересов светского законодательства Золотой Орды [6, с. 66; 1, с. 90–91, 108–109; 17, с. 111]. Наиболее красноречивое описание религиозной толерантности татар приводил умбрийский францисканец Джованни Элемозина в своем «Хрониконе» 1336 года: «И после того, как эти тартары подчинили многие царства ... Божьим провидением, под влиянием некоего естественного милосердия, они были настолько преображены от своего неистовства и свирепости и обращены к доброте, что начали с любовью и заботой управлять и лелеять народы, которые они подчинили. И они позволили народам беспрепятственно следовать своим законам и продвигать свою культуру согласно своим древним ритуалам, и владеть в мире своей землей, лишь бы повиновались властителю тартар и выплачивали ему налог с имущества»²¹.

Пользуясь покровительством ханов, францисканцы развернули чрезвычайно активную миссионерскую деятельность в центральных регионах Золотой Орды. Согласно упомянутому выше письму кустодия Ладислава, к 1286 году минориты основали свои местопребывания в Каффе, Солхате, Кырк-Ере (Чуфут-Кале), Сарая и Вичине (в дельте Дуная) [12, II, с. 444–445]. Более поздний список опорных пунктов францисканцев в Улусе Джучи, составленный до 1319 года и сохранившийся в копии манускрипта из коллекции Британского музея (Него А. IX), уже указывает на существование 17 конвентов, располагавшихся, помимо упомянутых Ладиславом городов, также в Солдае, Херсоне (совр. Херсонес), Чембало (совр. Балаклава), Барасоне (совр. Карасу-Базар), Маврокастро (совр. Белгород-Днестровский), Тане, Маджаре, Укеке и в пункте Святой Иоанн в трех милях от Сарая [12, III, с. 72]. Францисканский автор Паолоино Венето прибавляет к этому списку упоминание конвента в Булгаре, а Бартоломей Пизанский – в Аксарая (Сарай ал-Джедид), Агитаркане (Астрахань) и Иличе (Ени-Кале) [12, II, 268; 4, с. 557].

Доминиканцы появились в Золотой Орде значительно позже францисканцев и обосновались в Каффе только в конце XIII века [9, с. 186, nota 174; 14, с. 257; 19, с. 94, nota 108, с. 132; 15, с. 92]. Однако братья-проповедники внесли посильный вклад в развитие апостолата, обратив в католичество в 1333 году некоего Милленуса, аланского правителя Воспоро (Керчь). Со своей стороны, папа Иоанн XXII был столь обрадован известием об обращении крымских аланов, что посчитал уместным основать архиепархию Воспоро в главе с доминиканцем Франческо ди Камерино [5, а. 1333, § 36–37, с. 524–525].

Однако католическая миссионерская деятельность не ограничивалась городскими центрами Улуса Джучи. Письмо францисканцев Каффы 1323 года ясно указывает на то,

²¹ «Et postquam ipsi Tartari regna plura ... subiugaverunt, Deo providente, quadam naturali mansuetudine eis infusa, adeo commutati fuerunt a furia sua et feritate, et in bonitatem conversi, gentes quas submiserant, caritate et curialitate regere et fovere ceperunt. Et libere concesserunt nationibus leges suas servare, et culturam suam agere secundum ritum antiquorum suorum, et terras suas possidere in pace, solum quod domino Tartarorum obedirent et censum ei persolverent» [12, II, p. 125].

что крымские минориты развили повседневную прозелитическую деятельность в степи: «но ежечасно следуя за кочующими лагерями и всецело предаваясь столь многим нашим занятиям, у нас часто нет времени отведать еды до сияния звезд на небе. И не удивительно, что в ходе одной такой поездки некий немецкий брат вырвал из рук язычников 93 их идола, крестил все их семьи и наставил их в вере по мере возможностей»²². Данное сообщение в значительной степени перекликается с содержанием отчета минорита Иоганки о его шестилетнем апостолате на территории современной Башкирии [1, с. 90, 108; 6, с. 66]. По всей видимости, усилия Иоганки не оказались напрасными, поскольку более поздний францисканский документ из упомянутого выше манускрипта коллекции Британского музея (Nero A. IX) свидетельствует о крещении «сына некоего великого тысячника по имени Тармагар, а также Эстокиса, господина всей Баскардии, с женой и детьми, и многочисленным родом»²³.

Но наиболее детальное описание апостолата в степи содержится в «Хрониконе» Джованни Элемозина, сообщавшем, среди прочего, что «пастухи скота, меньшие братья Святого Франциска, имеют среди этих тартар пять подвижных местопребываний в шатрах, покрытых войлоком. И вместе с тартарами передвигаются с места на место, перевоза на повозках местопребывания, книги и утварь. Они проповедают тартарам, крестят их и исполняют правочинные таинства. И поскольку с самого начала эти братья стали благословлять жениха, невесту и свадьбы и, по примеру нашего Господа, есть с ними; то по этой причине настолько стала расти набожность среди тартар, что братьям часто нужно благословлять свадьбы и есть с ними. И тартары так любят братьев потому, что они не хотят воевать и носить оружие, и поскольку они не хотят владеть землями и виноградниками, но только ничтожными местопребываниями, где они могли бы временно останавливаться»²⁴.

По всей видимости, католические миссионеры чувствовали себя в большей безопасности в степи, а не в джучидских городах, где у них неоднократно возникали разногласия с местными мусульманами. Очевидно, поэтому автор францисканского письма из Каффы 1323 года приводил следующую характеристику отношения кочевников к миссионерам, явно контрастировавшую с констатацией серии мученичеств, принятых католическими проповедниками в восточных городах: «Знайте, что мы часто находим проявление большей набожности у самих язычников, чем у христиан. И они охотно дают нам еду и пригодную одежду, которая у них имеется»²⁵.

²² «set crebro castra sequentes ob diligenciam meram tante occupacionis gustare victum non vacat usque ad lucentes stellas. Nec mirum, cum exitu vno frater quidam almannus 93 paganorum ydola de eorum manibus surripuit et omnes familias baptizavit et in fide quo potuit plenius instruxit» [17, p. 107].

²³ «Sed iam per proximo baptizatus est per fratrem Henricum Alemanum filius cuiusdam magni millenarii vocatus Tharmagar. Item Estokis dominus totius Baschardie, cum uxore et filiis et familia multa» [12, II, p. 73].

²⁴ «Inter istos Tartaros pastores gregum, fratres Minores Sancti Francisci habent quinque loca mobilia in papilonibus filtro coopertis, et cum Tartaris moventur de loco ad locum, in curribus portantes loca et libros et utensilia, qui Tartaris predicant et baptizant et administrant credentibus sacramenta. Et quia ipsi fratres a principio sponsum et sponsam et nuptias benedicere ceperunt, et exemplo Salvatoris nostri cum eis manducare, ideo tantum inolevit ista devotio inter Tartaros, ut fratres oporteat sepius nuptias benedicere et cum eis manducare. Et diligunt tantum fratres, quia bellare nolunt, nec arma portare, et quia terras et vineas nolunt possidere, sed solum loca humilia, ubi possint hospitari» [12, II, p. 125].

²⁵ «sciatis quod maioris sepe deuocionis reperimus apparenciam in ipsis paganis quam nos in multis xristianis cum et victualia nobis libenter conferunt et indumenta nobis apta qualia ipsi possident» [17, p. 108; cp. c. 17, p. 104–106].

1. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и восточной Европе // Исторический архив. № 3. М.-Л., 1940. С. 71–112.
2. Хаутала Р. Ярлык Узбека францисканцам Золотой Орды 1314 года: латинский текст, русский перевод и комментарии // Золотоордынское обозрение. 2014. № 3. С. 31–48.
3. Acta Honorii III (1216–1227) et Gregorii IX (1227–1241) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt / Täutu A.L. (ed.). Romae, 1950.
4. Analecta Franciscana: sive chronica aliaque varia documenta ad historiam Fratrum minorum spectantia. Vol. IV. Quaracchi, 1906.
5. Annales ecclesiastici Caesaris Baronii. Vol. XXIV. 1313–1333 / Raynaldus O., Theiner A. (eds.). Barri-Ducis, 1880.
6. Bihl M., Moule A.C. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322 // Archivum Franciscanum Historicum. № 17. Quaracchi, 1924. P. 55–71.
7. Bongars J. Gesta Dei per Francos, sive Orientalium expeditionum, et regni Francorum Hierosolomitani historia. Vol. II. Hanoviae, 1611.
8. Bullarium Ordinis FF. Praedicatorum. Vol. I. Ab Anno 1215 ad 1280 / Ripoll Th., Brémond A. (eds.). Romae, 1729.
9. Ciociltan V. The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries / Willcocks S. (tr.). Leiden, Boston, 2012.
10. Daniel E.R. The Franciscan Concept of Mission in the High Middle Ages. Lexington, 1975.
11. DeWeese D.A. The Influence of the Mongols on the Religious Consciousness of Thirteenth Century Europe // Mongolian Studies. № 5. Bloomington, 1978–1979. P. 41–78.
12. Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. 5 vols. Quaracchi, 1906–1927.
13. Hillgarth J.N. Ramon Lull and Lullism in Fourteenth-Century France. Oxford, 1971.
14. Jackson P. The Mongols and the West, 1221–1410. Harlow, 2005.
15. Loenertz R.J. La Société des Frères Pèrègrinants. Étude sur l'Orient Dominicain. Vol. I. Étude sur l'Orient dominicain. Roma, 1937.
16. Marino Sanudo Torsello. Book of the Secrets of the Faithful of the Cross = Liber secretorum fidelium crucis / Lock P. (tr.). Burlington, 2011.
17. Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323 // Archivum Franciscanum Historicum. № 16/1–2. Quaracchi, 1923. P. 104–112.
18. Muldoon J. Popes, Lawyers, and Infidels. Liverpool, 1979.
19. Richard J. La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles). Rome, 1998.
20. Schmieder F. Nota sectam maometicam atterendam a tartaris et christianis: The Mongols as Non-Believing Apocalyptic Friends around the Year 1260 // Journal of Millennial Studies. № I/1. Boston, 1998. P. 1–11.
21. Schmieder F. Tartarus valde sapiens et eruditus in philosophia. La langue des missionnaires en Asie // L'étranger au Moyen Âge: XXXe Congrès de la SHMES, (Göttingen, juin 1999). Paris, 2000. P. 271–281.
22. Tolan J.V. Saracens. Islam in the Medieval European Imagination. New York, 2002.
23. Van den Wyngaert A. Sinica Franciscana. Vol. I. Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV. Quaracchi, 1929.
24. Whalen B.E. Dominion of God: Christendom and Apocalypse in the Middle Ages. Cambridge, 2009.
25. William of Adam (Guillelmus Ade). How to Defeat the Saracens = Tractatus quomodo Sarraceni sunt expugnandi / Constable G., Chakravarti R., Constable O.R., Kolbaba T. (eds.). Washington, 2012.

Глава VI. Золотая Орда и ее соседи

§ 1. Золотая Орда и мамлюки¹

Мари Фаверо

С середины XIII до середины XV веков Джучиды и мамлюкские султаны Египта и Сирии регулярно обменивались посланиями, подарками и материальными ценностями, и люди имели обыкновение путешествовать с одной территории на другую. Рабы, гражданские чиновники, воины, торговцы, женщины, поэты и ученые прибывали из Золотой Орды в султанат [29, с. 304–319]; мусульманские интеллектуалы, юристы и купцы отправлялись из султаната к ханскому двору. Дипломатические миссии были важным каналом перемещения предметов роскоши – в частности, посредством круговорота «подарков», на которые рассчитывали правители и представители элиты и которые были даже объектом их требований, – а также технических навыков, знаний и придворной моды [21, с. 28, 32, 61–65]. Вероятнее всего, соглашения, заключенные Джучидами и мамлюками, подтверждались письменными формулировками. Сами дипломатические послания иногда рассматривались как свидетельство заключения соглашения. Эти соглашения были действительными в определенный период, обычно – в течение жизни правителя. Новый правитель возобновлял переговоры по поводу условий альянса, руководствуясь своими интересами и новой политической ситуацией. Дипломатические конфликты между мамлюками и Джучидами и периоды прекращения сношений, в которые установленные связи разрывались, имели место несколько раз. Как мы увидим далее, отношения между мамлюками и Джучидами не могут рассматриваться как длительный и продолжительный альянс, но как чередование безмолвных периодов и возобновления активных взаимодействий. Очевидно, что их сложные отношения не исчерпывались простыми сердечными связями, и трения между обоими дворами были весьма ощутимыми.

Причины, по которым две эти державы поддерживали связи и обмены в течение длительного времени, были многогранными и менялись со временем. Историческая реконструкция всего этого периода вызывает много вопросов, и подробности мамлюкско-джучидской дипломатии остаются все еще нераскрытыми или оспариваемыми². Был ли тот факт, что мамлюки и Джучиды имели общие интересы, – например общих врагов, – тем основным краеугольным камнем для их дипломатических связей? Пытались ли они также добиться чего-нибудь еще? Какова была степень взаимного формального и организованного контакта? Каков был уровень формализации их обменов? Другими словами, можем ли мы говорить о «внешней политике», не исчерпывавшейся персональным вкладом одного отдельного правителя?

Эта статья содержит обзор длительных отношений Золотой Орды и мамлюкского султаната и предлагает некоторые ответы на эти вопросы. Дипломатическая взаимосвязь возникла в 660 г.х. (между ноябрем 1261 г. и октябрем 1262 г.), в год отправления первого письма из Каира, и прервалась в середине XV века. К тому времени Османы уже конт-

¹ Перевод с английского Роман Хаутала.

² Среди многочисленных исследований, касавшихся мамлюкско-джучидского альянса, наиболее важный вклад внесли работы С. Закирова, А. Брудбридж и В. Чокилтана [1; 24; 26].

ролировали Черное море, Константинополь и Босфорский пролив. Ханы потеряли контроль над торговыми путями, и средства сообщения между Золотой Ордой и мамлюками через Крымский полуостров были перерезаны. Гирей, базировавшийся в Крыму и окруженный Великим княжеством Литовским и Османами, оказался неспособным самостоятельно поддержать политический и экономический альянс с мамлюками.

Оставив в стороне сомнительные или двусмысленные упоминания, мы можем установить около 80 миссий в течение почти двух столетий (ок. 1260 – ок. 1440). В период интенсивной дипломатической активности наблюдается непрерывный взаимный поток сообщений: мамлюкские послы, отправленные к хану, возвращались обратно к султану в сопровождении джучидских вестников, которые везли ответ от своего правителя, и то же самое происходило в обратном направлении. Реконструкция хронологии этих обменов и тщательное рассмотрение их ключевых моментов могут позволить нам выяснить движущую силу последующих альянсов, заключенных Джучидами и мамлюками. Эта глава через рассмотрение трех наиболее важных периодов контактов проясняет, насколько значимыми эти альянсы были для обеих сторон:

I. Начальная стадия (1261–1267): первый альянс, заключенный ханом Берке и султаном Бейбарсом.

II. *Pax Mongolica* (ок. 1300 – ок. 1350): период, ставший свидетелем запрещения работоторговли при хане Токте и затем, когда Узбек и ал-Малик ан-Насир Мухаммед б. Калавун были у власти, падения Ильханата, заклятого врага как Золотой Орды, так и султаната.

III. Последний альянс (1382–1399): последняя попытка хана Токтамыша и султана аз-Захир Баркука утвердить дипломатические и экономические связи между их империями.

Источники.

Большинство исторических исследований по Золотой Орде и мамлюкскому султанату склонны фокусироваться на точке зрения мамлюков. Ханская политика почти всегда представляется вторичной. Этот дисбаланс порожден самими источниками: даже если оригиналы писем не сохранились, некоторые из них были записаны секретарями мамлюкской канцелярии и включены в летописи, канцелярские руководства и сочинения литературы-*инша* (*inṣāʿ*). Научная литература основывается на этих арабских версиях резюмированных писем. Факт того, что мы не обладаем оригинальными джучидскими версиями, вызывает вопросы в отношении содержания их копий в том виде, в котором они были записаны мамлюкскими секретарями. Джучидские послания могли быть написаны на тюркском, персидском, арабском или монгольском языках [30, с. 76–80]. Они резюмировались на арабском языке и включались в официальные сочинения. Откуда мы можем знать, что эти копии действительно отражали содержание джучидских посланий? Как мы можем преодолеть ясную предвзятость точки зрения, фокусировавшейся на Каире? [24, с. 4] Можем ли мы, несмотря на это, полагаться на эти источники? Мы склонны так думать.

Мамлюкские источники по Золотой Орде представляют ценность. Они являются почти единственными известными нам «про-джучидскими источниками». Поскольку первой задачей дипломатической миссии было собрать и записать такую информацию, секретари и мамлюкские историки действительно стремились отобразить конкретные и достоверные подробности среды обитания ханов: о правителях, династической истории, политических достижениях и планах, языке, на котором говорили при дворе, географические описания и т.д. Таким образом, мамлюкские источники предоставляют конкретную информацию по политическим и военным вопросам. Тщательное прочтение этих текстов, в которых часто упоминаются имена посланников, перечень взаимных подарков и передача устного отчета, представленного послами; позволяет

нам проникнуть дальше формальных условностей и понять практическую сторону мамлюкско-джучидских контактов.

Этот материал особенно полезен для реконструкции хронологии обменов между Бейбарсом и Берке: кто был инициатором дружественной дипломатии? Какие причины были официально для этого названы? Когда это произошло? В противовес тому факту, что с джучидской стороны не сохранилось источников, нам следует принять во внимание сами «события»: обмен происходил и миссии отправлялись. Простой факт того, что Джучиды отправляли послов к мамлюкам, отражает их заинтересованность.

Для второй половины XIII века главным источником является Ибн 'Абд аз-Захир (620/1223 – 692/1292), пользовавшийся привилегированным положением, будучи личным секретарем и биографом Бейбарса. Основные сведения в отношении фактов и хронологии приводятся в его официальной биографии султана «ал-Рауд аз-захир фи сират ал-малик аз-Захир», которая может быть дополнена повествованиями Ибн ад-Давадари, Шафи б. 'Али, Бейбарса ад-Давадара, ал-Юнини, ан-Нувейри, ад-Дахаби, Муфаддала Ибн Аби-л-Фада'ила, Ибн Касира, Ибн ал-Фурата, ал-Макризи и ал-Айни. Спорные даты и беспорядочность нередко встречаются в мамлюкских источниках, и поэтому следует сверять все доступные нам версии.

По периоду *Pax Mongolica*, в добавление к главным мамлюкским историкам, мы можем положиться на важные персидские источники – Рашид ад-Дина, Вассафа, Кашани; помня о том, что они находились под покровительством ильханов и нередко выказывали предубеждения, когда дело касалось Джучидов. В дополнение к исламским источникам очень полезными являются итальянские и латинские источники. Венецианцы и генуэзцы сыграли центральную роль в мамлюкско-джучидских обменах и были хорошо информированными очевидцами событий [8; 26].

По времени Токтамышя и султана аз-Захира Баркука большую пользу нам приносит перекрестная мамлюкская и генуэзская информация. Тимуридские источники также очень важны, но к ним следует относиться критически, поскольку их авторы нередко придерживались крайне негативного мнения о Джучидах [25; 3]. Касательно последних лет мамлюкско-джучидских отношений, которые постепенно шли на убыль в первой половине XV века, мы в основном полагаемся на арабские источники³.

I. Начальная стадия.

Между ноябрем 1261 года и октябрем 1262 года (660 г.х.) султан Бейбарс поручил аланским купцам отвезти свое письмо хану Берке. Султан поздравлял хана с его недавним обращением в ислам и призывал его бороться с Хулагу во имя джихада⁴. Война против общего врага и защита ислама были двумя причинами, представленными в качестве обоснования альянса [37, с. 88–89]. Все же, если взглянуть на центральные события 1261–1262 годов, доминирующим был военный конфликт между Берке и Хулагу, а не обращение хана⁵.

Общий враг.

На самом деле решение Бейбарса не имело никакого отношения к недавнему обращению Берке – широко известного как мусульманина на протяжении более чем десяти лет до этого, – но было связано с тем фактом, что хан предпринял первое нападение на позиции Хулагу зимой 1261–1262 года. За несколько недель армия Берке выступила

³ Помимо редакции Тизенгаузена, мы можем найти упоминания мамлюкско-джучидских обменов в нескольких дополнительных источниках, в таких как «Кахват аль-инша'» [44, letters 30–31].

⁴ Хулагу (ум. 1265) был братом великих ханов Мунке (1251–1259) и Хубилая (1260–1294). В 1251 году ему было поручено возглавить новые чингизидские завоевания на западе.

⁵ Содержание первой части данного исследования, в основном, взято из [31].

от Дербенда на юг и взяла город Ширван внутри домена Хулагу (их общая граница располагалась по реке Терек, на север от Ширвана). В августе 1262 года Хулагу покинул город Ала-таг, к северо-востоку от озера Ван, чтобы направиться к Ширвану и нанести ответный удар.

13 октября 1262 года группа из 200 джучидских воинов прибыла в Дамаск. Эта группа, которую арабские источники называют *вафидун* (*wāfidūn*), или *вафидийя* (*wāfidīyya*), т.е. «беженцы, беглецы», бежала от войск Хулагу. Они представили письменный приказ хана Берке (о перемещении в Сирию) и обратились с просьбой о защите к мамлюкскому султану. Бейбарс радушно принял их в Каире 10 ноября 1262 года [37, с. 137–139; 9, с. 220; 39, VIII, с. 90–91; 56, с. 442–443; 67, I, с. 487, 496–497]. Первый джучидско-мамлюкский альянс был заключен.

Как раз в то же самое время Хулагу изгнал Джучидов из Ширвана (14 ноября 1262 года). 8 декабря 1262 года он подошел к Дербенду, оккупированному авангардом хана. Он взял город обратно, форсировал Терек и разогнал джучидские войска, разграбив их стоянки. Берке нанес ответный удар. 13 января 1263 года его армия вытеснила войска Хулагу за Шабран. Хан остановился на достигнутом и вернулся назад в долину Волги. Военные действия прекратились почти на целый год [61, с. 392–399]. Однако конфликт еще находился на начальной стадии, и обе стороны готовились возобновить сражения. Именно во время этого «перемирия» Берке отправил свою первую дипломатическую миссию к Бейбарсу. Его посланники прибыли в Каир 21 мая 1263 года вместе с сельджукскими, византийскими и генуэзскими послами [56, с. 452–453; 67, I, с. 533–534, II, с. 194–195; 45, XIII, с. 238; 27, с. 97, 167; 58, с. 87–88]⁶. Для чего эти пять сторон собрались вместе?

Внутренняя легитимность.

То, что Джучиды приняли решение примкнуть к мамлюкам против других монголов, предполагало, что заключение альянса не было вызвано только военными соображениями. В то время мамлюкский султанат и Золотая Орда были недавними политическими образованиями. Сами их правители совсем недавно взошли на трон: Берке пришел к власти в 1258 году, а Бейбарс – в 1260 году. В этом контексте войны против Хулагу хан и султан должны были решить проблемы внутренней легитимности и нуждались во взаимной поддержке. Следует принять во внимание положение обоих правителей для понимания того, чего они стремились добиться.

Положение Бейбарса.

Битва при 'Айн Джалуте (на севере от Иерусалима) имела место 3 сентября 1260 года. Мамлюки во главе с султаном Кутузом выступили против монголов во главе с военачальником Хулагу, Китбугой. Чингизиды понесли поражение, что ознаменовало решающее изменение в расстановке сил в регионе, благоприятствовавшей до этого момента монголам. Их наступление на запад был сдержано в первый раз после падения главных исламских оплотов в Центральной Азии, в Иране и на Среднем Востоке⁷. Это была крайне необходимая исламская победа, одержанная под флагом мамлюков.

Большинство из мамлюков были выходцами из тюркских кочевнических родов, обитавших в западной части евразийских степей, в регионе между Волгой и Черным морем под названием Дешт-и Кипчак. Военное рабство имело отличительные особенности, позволявшие удачливым кандидатам занять высоко статусные должности. На пике своей карьеры мамлюк становился представителем элиты, будучи освобожденным из рабства и имевшим значительно более высокий статус по сравнению с воином-рабом. Мамлюки, пришедшие к власти в Египте и Сирии, были, в основном, выходцами

⁶ С. Закиров [1, с. 50] дает неправильную дату, основываясь на Бейбарсе ад-Давадаре и ал-Макризи.

⁷ Хорезмшах, Аббасиды и низариты-исмаилиты к тому времени уже были разбиты.

из дома последнего великого айюбидского султана ас-Салиха Айюба (правил 1240–1249). Незадолго до этого Бейбарс пополнил ряды мамлюков Бахрийя (Baḥriyya) и был лишь одним из мамлюкских эмиров, наряду с другими, сражавшимися при 'Айн Джалуте. После битвы султан Кутуз был убит на обратном пути в Каир. Бейбарс, утверждавший, что он возглавлял заговор, занял место героя 'Айн Джалута, взойдя на его трон [34, с. 127–135; 32, с. 31–48]. Он должен был показать себя не только победоносным борцом с крестоносцами, проявившим себя до этого в битве при эль-Мансуре, но и соперником Чингизидов.

В своих письмах новый султан призывал хана к джихаду против Хулагу и монголов-немусульман [37, с. 88–89, 139–140]. Однако для этой цели ему было нужно больше мамлюков. В свое время его предшественники, последние Айюбиды, обычно использовали для этого пути, проходившие через султанат Рума. Там находились такие рыночные центры, как Сивас, и туркменские и сельджукские купцы заключали сделки с кипчакскими торговцами, обитавшими на другой стороне Черного моря – в Крыму [38, с. 113 (602/1205–1206); 54, с. 404–405; 36, II, с. 93, 112–122]. Однако, когда Бейбарс в 1260 году стал султаном, анатолийская ветвь товарооборота, через которую военные рабы поступали из Кипчакской степи в Сирию и Египет, оказалась в руках Хулагу. Бейбарс должен был найти способ обойти сельджукские пути и обойтись без туркменских посредников. Он должен был создать новый маршрут и обеспечить ему безопасность военными и дипломатическими средствами.

Положение Берке.

Когда в 1255 году или в начале 1256 года умер Бату, великий хан Мунке хотел, чтобы Сартак, старший сын Бату, наследовал ему согласно правилам преемственности власти, превалировавшим среди Чингизидов [48, с. 266–268]. После смерти Сартака, через несколько месяцев после его избрания, Мунке повелел, чтобы сын Сартака Улагчи стал ханом. Улагчи умер в конце 1257 года или в начале 1258 года. Только после этого Берке смог взойти на трон. Он был *ака*, то есть старшим Джучидом. Но его мать, дочь хорезмшаха, была лишь второстепенной женой Джучи, и, таким образом, его происхождение не пользовалось тем престижем, как у Бату, Сартака и Улагчи⁸. Соответственно, Мунке, похоже, противодействовал тому, чтобы Берке стал ханом Джучидского улуса. Тот факт, что он был мусульманином, также мог сыграть свою роль. Берке был связан с членами хорезмийской династии, которую монголы считали вероломной; он также поддерживал связи с правителями Делийского султаната, которые отказались заверить свою преданность Чингизидам⁹.

Взойдя на трон, Берке, тем не менее, должен был подчиняться приказаниям великого хана и следовать имперской программе действий на Среднем Востоке [10, с. 61–63, 104]. Соответственно, джучидские войска приняли участие в монгольском завоевании Ирака и Сирии-Палестины и оказали помощь во взятии Багдада. Вследствие этого у них было право на завоеванные земли, и они могли требовать себе часть добычи. Однако Хулагу, возглавивший чингизидские завоевания на западе, начал оспаривать джучидское влияние в Западной и Средней Азии. Он изгнал Джучидов из Герата, Тебриза и Багдада и даже казнил некоторых джучидских принцев [35, с. 260–276]¹⁰. Кроме того, он сместил сельджукского султана 'Изз ад-Дина, оставив при этом его брата Кылыч Арслана IV на сельджукском троне [24, с. 31–32, 54, 55]. 'Изз ад-Дин был протее

⁸ См. о происхождении Берке у Жана Ришара: [63; а также: 30, с. 63]; см. о старшинстве матери у Джувейни: [48, с. 40].

⁹ См. о попытке Берке заключить альянс с негудерами (или кара'унами), врагами Хулагу, в: [47, с. 239–244].

¹⁰ Я хотела бы выразить мою благодарность док. Yihao Qiu, обратившему мое внимание на эту информацию.

Берке, и его изгнание означало окончательную потерю Джучидами их контроля над восточной Анатолией. Это послужило решающим поводом для враждебных действий, предпринятых ханом. Зимой 1261–1262 года Берке объявил войну Хулагу [59, с. 327–332; 61, с. 358–361, 390–401, 404–415]¹¹. Скрытая напряженность среди Чингизидов при дворе великого хана уже переросла в открытый конфликт, и два кандидата вступили в борьбу за верховенство в империи: Кубилай, поддержанный Хулагу, и Ариг-Бука, получивший поддержку Берке.

Что хотел Берке в обмен на кипчакских рабов.

Почему Берке был бы готов позволить Бейбарсу покупать молодых людей, в которых он потенциально нуждался для своей собственной армии? Ожидаемое вознаграждение должно было быть значительным. В первом письме, отправленном Бейбарсу в 1263 году, он утверждал, что Хулагу не соблюдал чингизидских законов: «[Он] нарушил [ясу] Чингиз-хана и шариат своего народа; он лишь стремился к убийству людей в своей ненависти». Для Берке защита и распространение ислама также оказались под угрозой: «[...] Я стоял с моими четырьмя братьями и сражался с ним со всех сторон ради восстановления света ислама и возвращения обитателей истинной веры в прежнее состояние процветания, и за упоминание имени Бога, призыв к молитве, чтение Корана, молитву и в отпущение за имамов и мусульманскую общину» [7, с. 101–113; 14, с. 167–172; 11, с. 82–83; 24, с. 53–54].

Берке предложил Бейбарсу послать войска к Евфрату, чтобы остановить военные действия Хулагу и зажать его между двумя их армиями¹². В то время на кону стояли наследия Аббасидов и Сельджукидов, величайших династий мира ислама. Переговоры шли о распределении сельджукской территории. Хан просил султана поддержать 'Изз ад-Дина, который находился в изгнании в Константинополе. Согласно Ибн 'Абд аз-Захиру, 'Изз ад-Дин также пообещал Бейбарсу половину своего султаната в случае победы¹³. Однако Джучиды стали открыто претендовать на сельджукский домен, как и на все территории, завоеванные монгольским военачальником Байджу в то время, когда тот был на службе у Бату в 1242–1243 годах [47, с. 216–219; 10, с. 49, 177]¹⁴. Общей идеей было то, что регион Рума был завоеван Джучидами [15, с. 476]. Все же непосредственных трений между Джучидами и мамлюками по поводу сельджукского султаната никогда не возникло, поскольку Хулагу и затем Ильханиды держали эти земли под своим контролем.

Так как Багдад находился в руках Хулагу, Каир стал новым центром халифата, и халиф был под контролем Бейбарса. Ибн 'Абд аз-Захир намекал, что хан просил Бейбарса о том, чтобы халиф признал его в статусе султана. Действительно, Берке стремился упрочить свое положение в качестве мусульманского правителя. Выказывание территориальных претензий не означало, что хан располагал средствами для борьбы со

¹¹ Это наиболее вероятная дата, несмотря на многочисленные споры в историографии по этому поводу [47, с. 233–234; 11, с. 79; 30, с. 64–67].

¹² См. о первой миссии, отправленной Берке: [37, с. 171; 58, с. 87]. См. отличающуюся версию, возможно, основывающуюся на Ибн Шаддаде: [56, с. 452–453; 67, I, с. 534, II, с. 195; 39, VIII, с. 97]. Что касается Бейбарса ад-Давадара [20, с. 83], то он совместил содержание двух первых писем, посланных Берке.

¹³ Едва ли вероятно, что Джучиды были готовы столь легко признать притязания мамлюков на Аббасидский халифат, и, возможно, предметом переговоров были также условия разделения этого ключевого наследия. Разумеется, мамлюкские источники молчат о возможных претензиях Берке на то, чтобы оказаться связанным с халифатом. Однако указанием на эту связь может быть то, что имя Берке произносилось во время пятничной молитвы в Медине, Мекке и Иерусалиме [37, с. 174]; а до этого – в регионах 'Аджама, Мавераннахра и Хорасана [49, II, с. 1285, 1292–1293].

¹⁴ Байджу, назначенный главнокомандующим чингизидских войск в Западной Азии в 1242 году, подчинялся тогда власти Бату. Позже он оказался в подчинении Мунке.

своим врагом, и в сравнении с Хулагу Берке был слаб с военной и политической точки зрения. Хулагу был лояльным представителем великих ханов Мунке и Хубилая и мог нанести ответный удар на законных основаниях; кроме того, у него было больше войск, чем у хана¹⁵. Без внешней поддержки Джучиды не могли надеяться на победу над Хулагу. Альянс Берке с Бейбарсом был направлен на усиление позиции Джучидов в недавно завоеванных регионах, как и в обширном Исламском мире.

Хан создавал альянс с кипчакскими султанами Каира и Дели (главными мятежниками, бросившими вызов чингизидской идеологии). При его дворе радушно принимались многие бежавшие чиновники и секретари, бывшие ранее при дворе хорезмшаха (Берке предпочитал полагаться на верных тюрок вместо уйгурских секретарей, которых посылал Хубилай). Поскольку Золотая Орда становилась главной исламской державой в этой зоне, для Джучидов было крайне важно иметь доступ к Мекке и Медине. Их дружба с мамлюками могла бы позволить им посылать своих людей в хадж в Хиджаз и быть признанными частью мусульманской элиты и важными членами дар ал-ислама¹⁶.

Соглашение.

В 1262–1263 году хан Берке заключил формальное соглашение с султаном Бейбарсом и византийским императором Михаилом VIII, отвоевавшим незадолго до этого Константинополь у латинян. В то время мамлюки сражались с монголами Хулагу в Сирии и восточной Анатолии. У них был тот же враг, что и у Золотой Орды, как и одна и та же проблема: им нужно было обойти анатолийские рынки, куда поступали рабы из Крыма. Вследствие этого они договорились с Михаилом VIII, что купцам и послам, направленным султаном или ханом, будет позволено пересекать Византию, минуя Босфорский пролив. Установление прямого пути между Александрией и Нижним Поволжьем через Константинополь и Крым, продолжительностью в два или два с половиной месяца пути, было главным результатом переговоров, проходивших в Каире между Бейбарсом и представителями Берке, Михаила VIII, султана 'Изз ад-Дина, а также генуэзцами¹⁷.

Установление жизнеспособной альтернативы анатолийскому сухопутному пути и контроля над рынком воинов-рабов были крупными достижениями для всех заинтересованных сторон. В 1262 году требовалось, по крайней мере, 50 дней для путешествия из Каира в Саксин [37, с. 215; 39, VIII, s. 99; 67, I, с. 540; 58, с. 105; 56, с. 456–458]. По существу, длительность путешествия оставалась такой же до 60-х годов XIV столетия, как и пути следования из Каира в ханскую орду в Нижнем Поволжье. Согласно отчету Ибн Баттуты (ок. 1334), путешествие между Судаком и Сараем, действительно, длилось 20 дней; по утверждению Пеголотти (ок. 1340), расстояние между Таной, началом степного пути, и Сараем можно было преодолеть за 26 дней на повозках, запряженных волами, включая один день плавания по Волге, или от десяти до двенадцати дней того же пути верхом на лошади. Рассмотрение этого маршрута ясно указывает на то, что центром взаимных обменов было Черное море. Всякий, кто контролировал Босфорский пролив или юг Крыма, господствовал над двумя ключевыми доступами к «мамлюкско-

¹⁵ Согласно Марко Поло [59, с. 329–330], у Хулагу было 300 тысяч воинов против 350 тысяч джучидского хана. Т. Оллсен обоснованно подверг сомнению правдоподобность этих величин. Трудно поверить, что у Берке было больше воинов, чем у Хулагу, назначенного во главе завоеваний [10, с. 203–207].

¹⁶ Например, при хане Туда-Менгу (правил 1280–1287) два факиха прибыли к мамлюкскому султану с посланием, написанном монгольским письмом, с просьбой позволить им совершить хадж. Хан также хотел получить два боевых знамени, или штандарта – одно с именем султана, другое с именем халифа [42, с. 354].

¹⁷ Согласно Нимфейскому договору, подписанному 13 марта 1261 года, генуэзцы обязывались предоставить флот византийцам взамен получения торговых привилегий в Черном море. См. о подробностях содержания этого соглашения в: [28, с. 36–38 (no. 1890); 17, с. 42–45].

джучидскому пути». Борьба за контроль над этими пунктами доступа и попытки открыть альтернативные пути были одними из главных проблем первоочередной важности в данном регионе вплоть до конца XIV века.

Поэтому, в краткосрочной перспективе результаты первого мамлюкско-джучидского альянса были существенными. Правда, альянс оказался успешным только частично. План, обозначенный в общих чертах в посланиях и направленный на отвоевание сельджукского домена в пользу Бейбарса или Берке, провалился, как это случилось и с постановлением убить Хулагу, умершего естественной смертью. Тем не менее, Бейбарс и Берке преуспели в объединении своих военных (людских) ресурсов путем поставки рабов. Альянс положил конец завоеваниям Хулагу в западных исламских землях. Это было главным фактором стабильности в течение правления Бейбарса, позволившим ему набирать мамлюков для своей армии и предотвратить от распада свой султанат, находившийся в стадии становления. Последствия были равным образом положительными и для Золотой Орды. Культурные связи между двумя дворами способствовали оформлению первичного синтеза исламской и чингизидской традиций. Путем заключения союза с Бейбарсом Берке стал принимать независимые и личные политические решения, что способствовало конструированию основ Золотой Орды. Как Джучиды, так и мамлюки стремились найти законную подоплеку обоснования своих экспансионистских планов. Соглашение между ними отображало совпадение их интересов. Это была выгодная сделка между двумя державами, одинаково нуждавшимися друг в друге.

II. Pax Mongolica.

По завершению монгольских завоеваний коммерческий бум преобразовал Евразийский континент, соединив Средиземноморье с Индией и Китаем. Экономические обмены усилили интеграцию Азии, Среднего Востока и Европы – глобальное явление, которое историки называют *Pax Mongolica* (монгольский мир), так как это был феномен, преобразовавший мир в той же степени, что и *Pax Romana*. В основе этого коммерческого бума лежали стабильность в монгольских владениях, установившаяся после завоеваний, и относительно мирные взаимоотношения между потомками Чингиз-хана. Пути, которыми монголы стимулировали взаимообмены, способствовали возникновению новой формы торговли между удаленными коммерческими партнерами; соглашения же, заключенные между Золотой Ордой, мамлюками, Византией, итальянцами и другими, привели к трансформации торговых сетей. Появился новый экономический порядок, который не должен восприниматься как простое возрождение античного континентального Шелкового пути.

Золотая Орда была не транзитной зоной, которая попросту пересекалась купцами, но пунктом слияния, где сходились важнейшие маршруты товарооборота. Когда путь из Венеции в Китай был открытым, и товары обменивались и продавались на всем его протяжении, редкие купцы, как Марко Поло, преодолевали его весь. Обычно они останавливались на полпути – в золотоордынских землях. Из региона Нижнего Поволжья, центральной области Золотой Орды, открывались два главных маршрута: восточный вел через Среднюю Азию по направлению к северной Индии и Китаю, западный шел через черноморские степи и Крымский полуостров к мамлюкскому султанату и Средиземноморскому миру.

В этом экономическом контексте мамлюкско-джучидские связи приняли другую форму. В начале XIV века их взаимообмены оказались подвержены межрегиональному соперничеству, и напряженность ясно отразилась в дипломатической переписке. Конфликты между двумя дворами происходили несколько раз. Они ни разу не привели к открытым военным конфликтам, потому что у Золотой Орды и султаната не было общих границ; но, как мы увидим, их последствия были значительными как для лиц, передвигавшихся между обоими державами, так и для посредников.

Токта и ал-Малик ан-Насир Мухаммед б. Калавун: запрещение работорговли (ок. 1300–1312).

Начало XIV века было периодом альянсов на уровне всей Монгольской империи. В конце 1304 года было заключено мирное соглашение между Юань, Чагатаидами, Джучидами и Ильханидами – и формальное единство Чингизидской империи было, как будто, восстановлено. [Императоры] Юань сохранили верховный титул «великого хана» и пользовались номинальным первенством по отношению к трем другим участникам соглашения.

Тем не менее, в том же году хан Токта отправил свое первое посольство к султану ан-Насиру Мухаммеду. В своем письме хан говорил, что он потребовал от ильхана уступить ему земли от Хорасана до Тебриза, угрожая ему в противном случае войной. Также он послал 200 девочек-рабынь и 400 мамлюков (большинство из которых умерли во время путешествия). Взамен хан просил ан-Насира Мухаммеда оказать ему поддержку против своего ильханидского врага¹⁸.

В то время хан Токта находился на вершине своего могущества. Он уничтожил до этого Ногаю (убит в 1299 г.), могущественного беклербека, правившего в Крыму и на юго-востоке Европы. Он умиротворил внутреннюю напряженность в зонах Днепра и Днестра и на Крымском полуострове и хотел установить свой контроль над Южным Кавказом. В мае 1301 года он отправил своих послов к ильхану Газану [62, с. 79]. Мы не знаем в точности, каково было поручение этому посольству, как и содержания письма, привезенного джучидскими посланниками; но через несколько месяцев некоторые джучидские войска напали на империю Ильханидов на реке Терек. Военные действия не смогли изменить расстановку сил в пользу Золотой Орды. Они закончились соглашением о восстановлении довоенных условий, заключенным между ханом и ильханом, и южно-кавказский путь был снова открыт [26, с. 168–169].

Единственным способом сломить мощь ильхана на деле было открыть несколько военных фронтов одновременно и напасть на Ильханат не только со стороны Северного Кавказа, но и из Сирии. Мамлюки поэтому были важнейшими союзниками для Джучидов. Но когда Токта направил своих послов к ан-Насиру Мухаммеду, султан отказал в соглашении, обосновав это тем, что «Аллах призвал Газана к себе, и что его брат Харбендэ (Олджейту) уже просил мира» [26, с. 169–170]¹⁹. В действительности, ильханидское посольство уже информировало султана о том, что Олджейту допустил мамлюкских купцов в Персию. Мир с ильханом предоставлял султану огромные экономические выгоды и позволил ему обеспечить перевозку воинов-рабов через Тебриз. В 1306–1307 году Токта снова послал аналогичное письмо ан-Насиру Мухаммеду, который снова отказался поддержать любую военную операцию против ильхана. Через несколько месяцев хан приказал изгнать гемузцев из Золотой Орды и конфисковать их товары. Каффа подверглась восьмимесячной осаде, и гемузцы в мае 1308 года вынуждены были покинуть свое укрепленное поселение.

Со времени создания Золотой Орды, Джучиды прервали торговую деятельность только один раз²⁰. Политика ханов комбинировала государственный контроль (договоры,

¹⁸ В 704 /1304–1305 году: [57, с. 144; 52, с. 424; 20, с. 381; 39, IX, с. 128; 16, IV, с. 345]; в 706/1306–1307 году: [19, с. 180; 20, с. 388; 16, IV, с. 421–422; 52, с. 424]; в 710/1310–1311 году: [19, с. 220]; в 711/1311–1312 году: [57, с. 144]; в 714/1314–1315 году: [52, с. 424].

¹⁹ Мы должны помнить о том, что в это время ан-Насир Мухаммед был лишь марионеткой. От его имени правили эмиры (Салар, Бейбарс ал-Джашнакир и другие). Я хотела бы поблагодарить профессора Амитаю за это важное замечание.

²⁰ В конце XIII века, когда Ногай вел борьбу с гемузцами, это никак не касалось мамлюков: тогда важнейшее значение имели вопросы налогообложения и внутренние столкновения в Орде [26, с. 161–162; 55, с. 184].

вопросы денежного обращения, налоги, надзор за дорогами) с либеральным режимом торговли (гибкость в сотрудничестве, альянсы, основывавшиеся на общих интересах, а не этнической или религиозной принадлежности, режим низкого налогообложения). Они прерывали товарообмен только в военной обстановке. Только очень веские причины могли привести к этому решению Токты. Историки часто представляли эти действия хана как жестокие и неожиданные и с трудом пытались найти убедительное объяснение тому, что случилось²¹. Нам следует рассмотреть объяснения, предоставляемые источниками о том времени, когда возник первый мамлюкско-джучидский кризис.

Согласно как мамлюкским, так и христианским источникам, Токта мстил за то, что генуэзцы «похищали» татарских и кипчакских детей для того, чтобы продавать их на работоторговых рынках. Вдобавок к этому, францисканцы утверждали, что генуэзцы позволяли себе слишком независимую деятельность, не выказывая почтения к имперским законам [26, с. 165–167]. Действительно, похищение было незаконным действием, а купцы должны были платить налоги при продаже и покупке. Тем не менее, эти налоги были очень низкими, и нам известны случаи простого грабежа с участием генуэзцев или других лиц, которые не понесли наказания смертью. Наконец, если Токта был против работоторговли или против продажи местных детей, почему это произошло в 1307 году, а не ранее? Мы должны помнить о том, что в 1304 году он послал султану 200 девочек-рабынь и 400 мамлюков. Вследствие этого, продажа местных детей не может рассматриваться в качестве причины напряженности между генуэзцами и Золотой Ордой.

Некоторые историки приводили в качестве довода утверждение, что Токта был «шаманистом», а не мусульманином: это могло бы объяснить непонимание и разногласия, которые у него имелись с мамлюкским султаном [24, с. 131]. Мы можем парировать этот аргумент тем, что мамлюки были в хороших дипломатических отношениях с Менгу-Тимуром, который не был мусульманином. Кроме того, в зависимости от утверждений разнородных источников, Токта был почитателем Неба, христианином (крещеным францисканцами под именем Джованни (Иоанн) и похороненным во францисканском монастыре рядом с Сараем) и мусульманином, носившим имя Гияс ад-Дин, которое можно увидеть на серии монет, чеканенных от его имени в Сарае и Укеке. Поэтому трудно поверить в то, что религия имела бы какое-либо отношение к кризису между ханом и купцами.

Очевидно, что генуэзцы заплатили за отказ ан-Насира Мухаммеда организовать совместное нападение на Ильханидов. Выбор момента для решения хана является показательным: Токта изгнал генуэзцев (ноябрь 1307 г.) сразу же после третьего отказа султана. Генуэзцы были не только ключевыми посредниками между султанатом и Золотой Ордой, они также отвечали за наиболее приоритетные рынки работоторговли, в особенности в Каффе. Накануне изгнания генуэзцев хан прекратил все дипломатические обмены с мамлюками, несмотря на попытку примирения со стороны султана, который писал Токте в сентябре–октябре 1308 года, что «услышав о военных столкновениях на Кавказе между Ильханидами и Джучидами, он приготовил военное подразделение, чтобы помочь хану; но поскольку он услышал, что бои прекратились, он распустил это подразделение» [18, с. 96]. Токта не обманулся рассказом султана и прекратил дальнейшие дипломатические переговоры [26, с. 171–173].

У мамлюков и Джучидов не было общей границы; они не могли сражаться на поле боя, но они могли бороться в рыночной зоне. Удар по работоторговцам был ударом по султанату. В первый раз Джучиды пытались прекратить работоторговлю; но эта торговля не могла быть прекращена, поскольку существовали другие работоторговцы (византий-

---

²¹ В. Чокилтан представляет обзор современных исследований и их ограниченности [26, с. 163–173 и особенно с. 166, note 93].

цы, греки, местные купцы, аланы, тюрки и т.д.) и альтернативные торговые сети²². Как отмечал византийский историк Никифор Григора (ок. 1292 – ок. 1360), каждый год один или два корабля пересекали Черное море, чтобы привезти воинов-рабов на службу в мамлюкской армии, и ничего нельзя было сделать для того, чтобы прекратить эту торговлю, ставшую столь значительной [13, с. 364–366; 33, с. 101–102].

Даже самые могущественные империи не способны контролировать окружающий их мир. В данном конкретном случае применение эмбарго имело два последствия. С одной стороны, генуэзцы и венецианцы стали стремиться к созданию новой юридической и институциональной структуры, которая обеспечила бы более эффективную защиту их торговой деятельности [8]. С другой стороны, мамлюки стали выискивать альтернативные решения для обеспечения поставки военных рабов, что означало последующую кооперацию с Ильханидами, хозяевами тебризского пути. Но несмотря на короткий период ослабления напряженности, война не закончилась: Ильханиды все еще оставались врагами мамлюков и Джучидов. В 1310–1311 году Токта снова отправил своих послов в Каир вместе с мамлюкским посланцем, прибывшим для того, чтобы известить хана о третьей интронизации ан-Насира Мухаммеда [18, с. 98]. Мамлюки и Джучиды все еще нуждались в обменах и коммуникации.

Узбек и ал-Малик ан-Насир Мухаммед б. Калавун: утрата совместного врага (1312–1341).

Узбек и ан-Насир Мухаммед установили взаимные отношения вскоре после избрания хана. Первое посольство Узбека прибыло в Каир в марте–апреле 1314 года. Его послание информировало султана о его восхождении на трон и обращении в ислам. Ан-Насир Мухаммед послал свои поздравления в связи с его восхождением на трон и длинный перечень подарков. В декабре 1315 года он обратился с особой просьбой к послам хана: он просил джучидскую невесту. После трех лет переговоров Тулунбай-хатун (племянница хана) была приготовлена для того, чтобы быть выданной замуж за султана. Взамен хан заставил мамлюкского посла взять в долг у его купцов 27 тысяч динаров, чтобы выплатить приданое и финансировать свадебные празднества. Тулунбай и ее огромная свита (до 3000 человек, с разными данными в источниках) отправились из Нижнего Поволжья в 1319 году и прибыли в Египет в начале мая 1320 года [24, с. 132–133].

Среди наиболее важных лиц из сопровождения принцессы нам следует упомянуть шейха Ну‘мана Хорезми, генуэзца Сегурано Салваико по прозвищу Сакран и Кусуна, будущего мамлюкского эмира²³. Тулунбай-хатун была пышно принята султаном, и в мае был подготовлен брачный договор с приданым в 30 тысяч динаров. Это не было расточительным выкупом за невесту, если мы примем во внимание то, что годом позже султан послал комплект подарков стоимостью в 40 тысяч динаров, чтобы отблагодарить ильхана Абу Саида за серию даров стоимостью 25 тысяч динаров [21, с. 67].

Для Узбека этот брачный альянс означал возобновление мамлюкско-джучидского союза, и он предполагал военную поддержку против Ильханидов. Вследствие этого уже в 1320–1321 году хан просил ан-Насира Мухаммеда присоединиться к нему на поле боя с их общим врагом. Тем не менее, султан отказался дать согласие и даже предупредил ильхана о планах Узбека. В то время мирные переговоры между мамлюками и Ильханидами были в полном разгаре, и, с точки зрения ан-Насира Мухаммеда, они заслуживали того, чтобы не побояться дипломатического конфликта с ханом [24, с. 134].

В 1322 году, когда мамлюкский посланник, отвезший этот отрицательный ответ, вернулся обратно из Золотой Орды, он жаловался на плохое обращение с ним со сторо-

²² Насколько я знаю, в источниках нет указаний на то, что торговля рабами из кипчакских степей пришла в упадок в это время.

²³ См. о Сегурано Салваико в: [50]; о Кусуне в: [66].

ны Узбека. Хан принял его только один раз. Во время встречи он не осведомился о здоровье ан-Насира Мухаммеда. Кроме того, послу султана не было позволено купить рабов и девушек-рабынь [24, с. 134–135].

У хана имелось два главных повода для недовольства, как это было выражено в его письме к султану: во-первых, ан-Насир Мухаммед не послал армию в Ирак, в то время как он, Узбек, противостоял врагу в течение месяца и вплоть до того момента не получил никаких известий о наступлении с мамлюкской стороны. Во-вторых, султан и его окружение плохо обращались с шейхом Ну‘маном, имевшим очень высокий статус в Золотой Орде. Шейх хотел посетить Иерусалим и Хеврон (ал-Халиль, al-Khalīl) и учредить в Иерусалиме благочестивый вакф. Султан не позволил ему это сделать. Хан выражал особое недовольство в связи с этим вопросом, поскольку он предоставил для этого шейху необходимые денежные средства [24, с. 135]. Это означало отказ в почтении к его приближенному, которого в Золотой Орде почитали как святого. Кроме того, хан всегда позволял султану и лицам из его окружения покровительствовать в постройке религиозных зданий в Поволжье и в Крыму. Например, дары, посланные Калавуном в Орду в 1287 году, содержали ценности стоимостью в две тысячи динаров для постройки мечети в Солхате, и были посланы каменщики со своим материалом и краской для того, чтобы высечь имя и титул султана Калавуна на этой мечети [42, с. 356]. От султанов равного статусного положения ожидалась обоюдность в обмене любезностями. Ан-Насир Мухаммед поступал так, будто он гнушался ханом, или как будто они не находились в одинаковом статусе.

В отместку хан убил Сегурано Салваиго, богатого генуэзского купца, близкого к султану и имевшего обыкновение покупать рабов в Золотой Орде. На выражение султаном недовольства хан ответил, что этот купец был убит одним из царей ал-Джаза’ира (островов), открыто солгав послам султана [50, с. 86]. Несколькими годами позже ан-Насир Мухаммед оплатил тем, что водил за нос посланников хана. В 1327–1328 году ан-Насир Мухаммед развелся с Тулунбай и отдал ее замуж за одного из своих монгольских военачальников (Сейф ад-Дин Манкали-Буга, Sayf ad-dīn Mankalī Bughā) [64, с. 482]. Когда хан потребовал, чтобы ее отправили назад в Золотую Орду, султан ответил посланникам, что она умерла, и потребовал от одного судьи предъявить юридическое доказательство этому [24, с. 136].

Развод, плохое обращение с шейхом и отсутствие военной поддержки были главными причинами, лежавшими в основе напряженности между Золотой Ордой и султанатом. Межрегиональный контекст видоизменился со времен Бейбарса и Берке. Ан-Насир Мухаммед имел прочные позиции для переговоров с ханом: босфорский маршрут уже не был единственным путем проникновения работоторговцев в султанат; анатольский и сирийский сухопутные пути также стали тогда доступными. В 1321 году мамлюкские войска оккупировали Айас (Лайаццо) в Киликийской Армении – один из самых крупных коммерческих центров в этой зоне. Султан также заключил мирный договор с ильханом, который предоставил очень выгодные условия для торговли в Ильханате [12]. Тем не менее, поскольку главным источником мамлюков все еще оставались центральные области Золотой Орды, хан Узбек и ан-Насир Мухаммед продолжили обмена посольствами и подарками даже во время этой «холодной войны».

Между правлениями Токты и Узбека произошло явное изменение статуса генуэзцев. При Токте конфликт с мамлюками привел к масштабному изгнанию генуэзских торговцев. Вина за этот конфликт была возложена на все генуэзское сообщество, проживавшее в Золотой Орде. При Узбеке генуэзцы, будучи группой посредников между Джучидами и мамлюками, не могли более рассматриваться виновниками дипломатических конфликтов с мамлюками. И в самом деле, после того как Узбек вззошел на трон, он согласился с восстановлением Каффы, начавшемся в 1316 году на основе нового

соглашения: «Anno domini MCCCXVI redificata fuit civitas Caffa per dominum Antoniun gallum et dominum Nicolaum de pagana syndicos comunis Janue per gratiam sibi concessam per Usbech imperatorem tartarorum» [60, с. 500–501].

Подробности этого соглашения не сохранились²⁴, но для этого же периода мы можем опереться на договор, заключенный между ханом Узбеком и венецианцами. Датированный 1333 годом, он касается ключевых вопросов обязанностей (коллективных и индивидуальных) и охраняемого статуса торгового сообщества [8]. Весьма вероятно, что эти же права были пожалованы генуэзцам и их наиболее важному поселению в Каффе.

То, что Сегурано Салваиго заплатил жизнью за дипломатический конфликт между ханом и султаном, произошло не потому, что он был генуэзцем. В действительности, итальянская община была оставлена в покое, и хан не конфисковал ее товаров. Его смерть не была следствием ни развода с Тулунбай, о котором Узбек узнал позже, ни военного отступничества мамлюков в борьбе с Ильханидами. Сегурано Салваиго, близкий друг султана, поплатился за плохое обращение с шейхом Ну'маном. Султан поглотился над образом хана, представлявшего себя могущественным исламским правителем, который имел влияние за пределами Золотой Орды. Хан должен был ответить, потому что на кону стояла его внутренняя и внешняя легитимность. Подобно посланиям, дипломатические дары предполагали, что действия по отношению к представителям правителей (послам или приближенным лицам) требовали надлежащей реакции. Для правителей этого времени речь здесь шла об их репутации.

III. Хан Токтамыш и аз-Захир Баркук: последний альянс.

Правления хана Токтамыша (ок. 1377 – ок. 1397) и аз-Захира Баркука (1382–1390)²⁵ тоже демонстрируют любопытное сходство. Оба они правили приблизительно два десятилетия; Баркук умер в 1399 году, совпавшем с годом политической смерти Токтамыша после поражения на Ворскле. Правления обоих ознаменовали окончание одной эпохи и начало нового периода. В Египте связь с кипчакским миром стала слабеть вместе с влиянием кочевнической культуры при дворе и в политической жизни. Аз-Захир Баркук начал интегрировать в мамлюкскую элиту растущее число черкесов. Любопытно отметить, что он был последним султаном, исполнявшим придворные ритуалы, связанные с кумысом [51, с. 173]. Он также был последним султаном, поддерживавшим широкие обмены с Джучидами. В последней четверти XIV века мамлюкско-джучидский альянс оставался важным для обеих сторон.

Известные исследования фокусировались на связи мамлюков с Тимуридами [24, с. 168–197]; тем не менее, они редко подчеркивали ту роль, которую хан и его окружение – в особенности его представители в Крыму, – играли в геополитической игре в этой зоне. В данной завершающей части мы увидим, что конкретно было положено на чаши весов мамлюкского султаната и Золотой Орды в конце XIV века, и почему этот период был поворотным моментом во взаимоотношениях между обеими сторонами.

Тимур – новый общий враг.

Хронологию обмена миссиями между аз-Захиром Баркуком и Токтамышем довольно легко восстановить (в особенности, в сравнении с установлением предыдущих дипломатических обменов между ханами и султанами). Нам известно о двух миссиях: первой в 1384–1386 годах и второй в 1394–1395 году. Обе представляются иницированными Токтамышем.

²⁴ В случае генуэзцев, если мы исключим хроники, самые ранние из сохранившихся соглашений с Золотой Ордой относятся к 80-м годам XIV века, которые, к счастью, включают более древние договоры.

²⁵ Правление султана было прервано почти на целый год из-за мятежа 1389–1390 года.

Согласно Ибн Дукмаку, в 786 г.х. (между февралем 1384 г. и февралем 1385 г.) в Каир прибыли послы хана. Ал-Макризи дает более точную дату: 11 зуль-хиджа 786 / 24 января 1385 года. Ибн Хаджар ал-Аскалани добавляет, что во главе посольства находился Хасан, сын прежнего правителя Крыма, Рамадана. Само посольство было отправлено *ал-хакимом би-л-Крим (al-ḥāqim bi-l-Qrim)*, или *Сахибом ал-Крим*, от имени хана. Послы привезли с собой дары: семь соколов и семь видов текстиля, сделанного из хлопка различного происхождения, а также рабов [40, с. 322; 52, с. 427–428; 43, с. 450].

Следующее посольство, отправленное на этот раз непосредственно Токтамышем, прибыло в мухарраме 787 / 12 февраля – 14 марта 1385 года. В мамлюкских источниках не сохранилось содержания письма, и мы знаем лишь то, что Токтамыш просил аз-Захира Баркука восстановить отношения, как в старые времена [24, с. 172]²⁶. Вероятной причиной этой дипломатической встречи была война с Тимуром. Действительно, первая кампания, предпринятая Токтамышем на Южном Кавказе, была начата вскоре после этого. В 1384–1386 годах Тимур организовал военный набег вплоть до Азербайджана, где он оставил своего наместника править в Султании и Тебризе. В 1386 году войска хана напали на Дербенд и Тебриз. Тимур ответил посылкой войск во главе с одним из своих сыновей. Борьба закончилась на довоенных условиях. На этой стадии военная стратегия Токтамыша, очевидно, стала сводиться к увеличению числа военных фронтов, чтобы ослабить положение Тимура [2, с. 99]. Если бы султан напал на войска Тимура, располагавшиеся между Дербендом и Тебризом, они оказались бы зажатыми между Джучидской и мамлюкской армиями.

В 1388 году Токтамыш предпринял свою первую кампанию в сторону Востока. Его войска достигли берегов реки Амударьи, но потерпели неудачу в завоевании Бухары. Снова обе стороны остановились на довоенных условиях. На этот раз Тимур решил отомстить. В январе 1391 года, после трех месяцев приготовлений, он предпринял поход вглубь центральных районов Золотой Орды. К моменту встречи джучидской и тимуридской армий на поле боя войска Тимура были изнурены шестимесячным передвижением через степи. Тем не менее Токтамыш потерпел поражение. Проиграв битву, он скрылся на Средней Волге [2, с. 124–125, 138], откуда ему удалось заключить альянс с Польско-Литовским государством после того, как он направил послов к своему союзнику Владиславу II Ягелло (1377–1434), возглавлявшему Великое княжество вместе со своим двоюродным братом Витовтом (1392–1430). Токтамыш был разбит, но набеги, предпринимавшиеся тимуридскими войсками по горячим следам этой кампании, имели ограниченный характер. И действительно, всего лишь через три года после этого, весной 1394 года, Токтамыш был готов возобновить борьбу.

Прежде чем предпринять новую военную экспедицию, хан наладил интенсивные коммуникации с Польско-Литовским государством и мамлюками. 23 джумада аль-уля 796 / 26 марта 1394 года его послы прибыли в Дамаск, чтобы обсудить условия действительного альянса против Тимура [42, с. 356; 52, с. 428]. Вскоре после этого, в 797/1394–1395 году, войска хана проникли на Кавказ. В то время этот регион по-прежнему находился под контролем одного из сыновей Тимура. В апреле 1395 года Тимур нанес ответный удар, и Токтамыш проиграл решающее сражение на берегу реки Терек. По версии Тулумана Али Шаха, мамлюкского посла, который вернулся в Египет в сентябре 1395 года, Токтамыш проиграл сражение, поскольку один из наиболее влиятельных эмиров Золотой Орды предал его и примкнул к лагерю Тимура [42, с. 356–357]. Мы знаем из других источников, что этим эмиром был Актау [4, с. 180]²⁷.

²⁶ Согласно ал-Аскалани, в сафаре 787 г.х. (14 марта – 11 апреля 1385 г.) снова прибыли послы Токтамыша. Вероятно, они явились с тем же поручением: убедить султана напасть на Тимура [43, с. 450].

²⁷ Выражаю мою глубокую признательность Ильнуру Миргалееву за предоставление этой информации, как и, в общем, за его важные замечания, касающиеся конфликта между Токтамышем и Тимуром.

После своего поражения хан ушел в лесистую местность, в Булар [6, с. 178; 2, с. 138]. Нижнее Поволжье и область между Доном и Волгой были разграблены войсками Тимура. Мамлюкский посол Тулуман Али Шах покинул этот регион как раз перед появлением воинов Тимура. Вместе со своими спутниками он отправился в Крым – сначала в Солхат и потом в Каффу, – где они искали судно, чтобы пересечь Черное море и вернуться в Египет. Но генуэзцы взяли его в заложники, и он должен был заплатить 50 тысяч дирхемов, чтобы уехать и в сохранности достичь Самсуна. По словам ал-Макризи, генуэзцы были на стороне Тимура [52, с. 428].

И действительно, генуэзцы, как и византийцы, выступали то на одной, то на другой стороне и меняли один альянс на противоположный. Нам известно, например, что в это же самое время они выступали на стороне Османов против Тимура и наоборот. Военное вмешательство Тимура потрясло политическую систему полуострова, и генуэзцы стали наращивать свою автономию.

Были ли генуэзцы за или против хана?

Первое соглашение между Токтамышем и генуэзцами датируется 1381 годом. Оно признавало за генуэзцами власть над восемнадцатью местностями и поселками в южном Крыму. Взамен генуэзцы должны были бы поддержать хана и не принимать его врагов в своих городах. В то время хан нуждался в заключении прочного альянса с генуэзцами, чтобы высвободить силы для установления своего господства в землях Руси. Если мы сравним содержание этого соглашения с ярлыками, пожалованными Узбеком, Джанибеком и Бердибеком венецианцам, мы увидим, что хан сделал поразительные уступки генуэзцам: не только 18 поселений, но и право передвигаться по Золотой Орде где бы они ни захотели [26, с. 225–229].

Сразу же после заключения этого соглашения генуэзцы предприняли полномасштабную реконструкцию оборонительных стен и цитадели Каффы. Они также увеличили запасы продовольствия и приобрели оружие и военное снаряжение из Генуи и Перы. В 1385 году началось то, что мы называем Солхатской войной (продлившейся до 1387 года) между местным крымским населением, Джучидами в Солхате и генуэзцами [22].

Как мы видели, менее чем за десять лет Токтамыш дважды предпринял военные экспедиции на Кавказ. Его целью были Дербенд и далее – Ширван и Тебриз; но еще более важным в стратегическом смысле было то, что это было единственным средством открыть охраняемый сухопутный путь в Сирию. Хану нужно было поддерживать взаимоотношения с мамлюкским миром по военным и экономическим причинам. Этот прямой доступ к султанату мог бы позволить хану оказаться в более выгодной ситуации для пересмотра условий соглашения с генуэзцами, которые стремились к доминирующему контролю над средствами сообщения Джучидов с миром Средиземноморья, как это показывают злоключения мамлюкского посла Тулумана Али Шаха. Но хан так никогда и не смог овладеть закавказским путем между Золотой Ордой и сирийско-палестинским побережьем.

Крым: последний мост между Египтом и Золотой Ордой.

Цепь событий, приведшая к прибытию джучидских посольств в Каир в 1384–1386 и 1394–1395 годах, довольно хорошо документирована. Однако понять политические планы Токтамышя и аз-Захира Баркука по-прежнему сложно. Мы должны пустить в ход все средства, чтобы понять, чего добивались обе стороны. Роль Тимура и его влияние не следует преувеличивать. Война против него не была единственной целью обмена между мамлюкским султанатом и Золотой Ордой. Как мы видели, Токтамыш не только отвечал на нападения Тимура, но он должен был решать и другие проблемы.

Представление традиционной дружбы между мамлюками и Джучидами, выраженное в мамлюкских источниках и копиях писем, является элементом дипломатического языка. Лексика, использовавшаяся в дипломатических посланиях, как и их формат, были

очень консервативными, в частности, по той причине, что секретари имели обыкновение брать старые письма в качестве образцов [30, с. 89–91]. Тем не менее, геополитическая ситуация не была такой же, как во времена Берке и Бейбарса. Традиция не была действительным стимулом для Джучидов и мамлюков и движущей силой для их обменов; они не посылали миссии каждый год, но только тогда, когда это было им нужно.

Когда Токтамыш отправил свое первое посольство к мамлюкскому султану, уже прошло десять лет с последнего дипломатического контакта²⁸; но это не означало того, что коммерческие обмены между Золотой Ордой и султанатом были прерваны. Хотя их маршруты были теми же самыми, мы должны принимать во внимание различную динамику торговли и дипломатии, которые иногда совпадали, но не всегда. Как мы уже отмечали, посольство января 1385 года возглавлял Хасан б. Рамадан, сын прежнего бея Солхата. Во время дипломатического приема он вручил в дар соколов, одежду и военных рабов, и их письмо султану было зачитано вслух. Однако во время чтения его главной канцелярии обнаружилась ошибка, поскольку это посольство не было непосредственно от Токтамыша, но от правителя Крыма. Это вызвало некоторый испуг, так как регламент приема зависел от статуса отправителя [23, с. 114–115]. Эта сцена была запечатлена ал-Калкашанди как пример тех ошибок, которые могли допустить секретари, отвечавшие за дипломатический регламент. Однако факт того, что *ал-хаким би-л-Крим* (*al-ḥāqim bī-l-Qrim*) отправил письмо и послов к мамлюкскому султану, вовсе не был нововведением. Мы знаем, что *диван ал-иншиа'* получал и хранил письма от высших джучидских чиновников и гражданских руководителей. Ибн Фазлаллах ал-Омари и Ибн Назир ал-Джаиш зарегистрировали их переписку с *ал-хакимом би-л-Крим* (*al-ḥāqim bī-l-Qrim*), с *ал-хакимом би-Азак* (*al-ḥāqim bī-Azāq*), с *умара' ал-улус* (*umarā' al-ulus*), с *на'ибом ал-кан* (*nā'ib al-qān* или беклерибек) и с *вазиром* (*wazīr*, глава *дивана*) [41, с. 44–48; 46, с. 339–340].

Интересным моментом здесь является не столько то, что дипломатический прием был нарушен после того, как главы канцелярии обнаружили недоразумение; но факт того, что дипломатические обмены между представителями хана в Крыму и мамлюками осуществлялись, начиная, по крайней мере, с первой половины XIV века – не из-за того, что беи Солхата действовали независимо от хана, а потому что полуостров представлял собой крайне важное стратегическое место, мост между Египтом и Золотой Ордой.

В последней четверти XIV века мамлюки стремились поддерживать свою коммерческую сеть и связь с черноморской зоной. Крым был центром сети работоторговли; здесь находились рынок рабов и средства морской перевозки на Босфор и в Средиземноморье. Джучиды нуждались в деньгах от морских перевозок, а мамлюкские султаны – в молодых воинах-рабах. Дипломатические дары, привезенные первым посольством в правление хана Токтамыша, являлись метафорой рыночной экономики и взаимовыгодной торговли: сокола и рабы были символическими предметами роскоши из Золотой Орды. Джучидская элита приобретала текстиль из хлопка, шелка и льна с анатолийского рынка и Среднего Востока. На Крымском полуострове одежда обменивалась на рабов, начиная с сельджукского времени.

Для султаната импорт будущих мамлюков оставался ключевым вопросом. Аз-Захир Баркук лично приобрел около пяти тысяч мамлюков в течение своего 16-летнего правления. Он и сам когда-то был рабом. Когда в 1363 году его купил эмир Ялбуга ал-Омари, ему было приблизительно 22 года, и он жил в Крыму, будучи рабом уже несколько лет [51, с. 64, 69]. Крым и особенно Каффа оставались наиболее крупным рынком рабов наравне с Тебризом. И более выгодным было контролировать сам рынок,

²⁸ Последнее посольство было отправлено в 776/1374–1375 году, когда египетский секретарь Ибн Назир ал-Джаиш написал для султана послание, адресованное хану «Мухаммеду» (вероятно, Урусю); это посольство также привезло подарки хану [1, с. 94].

куда свозились рабы отовсюду, чем их область рождения (Дешт-и Кипчак и Кавказ, откуда привозились черкесы).

В первой половине XV века Османы постепенно увеличивали свой контроль над Черным морем, пока, наконец, не взяли в свои руки Босфорский пролив и Константинополь. Тогда связь между Золотой Ордой и мамлюками была прервана окончательно.

Заключительные замечания.

Долгосрочные взаимоотношения мамлюкского султаната и Золотой Орды имели сильное влияние не только на обе империи, но и на всю межрегиональную расстановку сил. Золотая Орда и султанат были лишь частью более обширного мира. Поэтому, чтобы понять их обоюдные устремления, нам следует взглянуть на более широкий контекст, включающий Монгольскую империю, генуэзцев, венецианцев, папство и султаны дар ал-ислама.

В отношении общепринятых дипломатических норм мы можем сказать, что основные модели были выработаны в течение основополагающего периода Берке и Бейбарса. Выражения и образы, использовавшиеся в последующих письмах, показывают, насколько важен был этот первый альянс. Секретари в обеих канцеляриях основывались в своей риторике на текстах посланий, зафиксированных в литературе-*инша*, руководствах и хрониках, и часто обращались к предыдущим альянсам. Этот прецедент определил условия рождения дипломатической традиции и ее «языка». Однако мы не должны забывать того, что у мамлюков и Джучидов имелись конкретные и контекстуальные причины для завязывания взаимобменов, и что альянс потерял свой смысл существования только в связи с ослаблением экономической и политической мотивации.

Бейбарс и Берке, как и их приближенные, были инициаторами внешней политики, которую продолжили и которую приспособляли к новым условиям их преемники. Джучиды и мамлюки имели схожие политические и экономические цели; они формализовали и охраняли взаимобмены, основываясь на договорах и поддерживая прежние торговые пути, и стремились к координации своих стратегий для того, чтобы адаптировать их к меняющейся политической обстановке. Они развили формы коммуникации между обществами с разными языками и традициями. Они действительно верили, что дипломатия способна изменить обстоятельства, и они использовали ее с этой целью.

Не существует настоящего альянса без трений. В этой главе я попыталась выявить причины, из-за которых у мамлюков и Джучидов возникали в свое время столкновения, несмотря на то, что они были официальными союзниками. *Pax Mongolica* был периодом интенсивной экономической конкуренции. Эволюция статусов купцов и слов из Венеции и Генуи была важным следствием подобной конкуренции. Кроме того, несмотря на их «дружбу», как султанат, так и Золотая Орда были империями в стадии экспансии со своими внутренними проблемами.

1. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966.

2. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003. 164 с.

3. Миргалеев И.М. Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. Казань, 2007. 107 с.

4. Миргалеев И.М. Битвы Токтамыш-хана с Аксак Тимуром // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума. Казань, 29–30 марта 2011 г. / Отв. ред. и составитель И.М.Миргалеев. Казань, 2011. С. 170–182.

5. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1: Извлечения из сочинений арабских. Спб., 1884. 564 с.
6. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.2: Извлечения из персидских сочинений. М.-Л., 1941. 308 с.
7. *Фаверо М.* Первое письмо хана Берке султану Бейбарсу по мамлюкским источникам (661/1263 г.) // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. Казань, 2011. С. 101–113.
8. *Фаверо М.* Венецианские источники по истории Золотой Орды: новые перспективы изучения // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 39–54.
9. *Abū Šāmah.* Tarājim rijāl al-qarnayn al-sādis wa-l-sābi‘ al-ma‘rūf bi-l-dayl ‘alā al-Rawḍatayn / Muḥammad Zāhid b. al-Ḥasan al-Kawṭarī (ed.). Cairo, 1947.
10. *Allsen Th.* Mongol Imperialism. The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley, 1987.
11. *Amitai-Preiss R.* Mongols and Mamluks. The Mamluk-Īlkhānid War 1260–1281. Cambridge, 1995.
12. *Amitai R.* Resolution of the Mamluk-Mongol War // Mongols, Turks and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World / Amitai R., Biran M. (eds.). Leiden–Boston, 2005. P. 359–390.
13. *Amitai R.* Diplomacy and the Slave Trade in the Eastern Mediterranean: A Re-examination of the Mamluk-Byzantine-Genoese Triangle in the Late Thirteenth Century in Light of the Existing Early Correspondance // Oriente Moderno. Vol. LXXXVIII/1. Roma, 2008. P. 349–368.
14. *Ayalon D.* The Great Yāsa of Chingiz Khān. A Re-examination // Studia Islamica. Vol. 34. Paris, 1971. P. 151–180.
15. *Al-‘Aynī.* ‘Iqd al-jumān fī tawārīḥ ahl al-zamān // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1 / Тизенгаузен В.Г. Санктпетербургъ, 1884. С. 475–477.
16. *Al-‘Aynī.* ‘Iqd al-jumān fī tawārīḥ ahl al-zamān / Muḥammad Muḥammad Amīn (ed.). Cairo, 1987–1992.
17. *Balard M.* La Romanie génoise (XIIe – début du XVe siècle). 2 Vols. Roma, 1978. 1008 p.
18. *Baybars al-Dawādār* // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1 / Тизенгаузен В.Г. Санкт-Петербург, 1884. С. 76–123.
19. *Baybars al-Dawādār.* Kitāb al-Tuḥfat al-mulūkīya fī-l-dawlat al-turkīya (638–711) / ‘Abd al-Ḥamīd Šālīḥ Ḥamadān (ed.). Cairo, 1987.
20. *Baybars al-Dawādār.* Zubdat al-fikra fī ta’rīḥ al-ḥijra / Richards D.S. (ed.). Beyrouth–Berlin, 1998.
21. *Behrens-Abouseif D.* Practising Diplomacy in the Mamluk Sultanate: Gifts and Material Culture in the Medieval Islamic World. London, 2014.
22. *Bocharov S., Sitdikov A.* The Solkhat’s War and Its Reflection in the Fortification of Caffa // Classica et Christiana. Vol. 9/2. Iași, 2014. P. 413–426.
23. *Broadbridge A.* Diplomatic Conventions in the Mamluk Sultanate // Annales Islamologiques. Vol. 41. Le Caire, 2007. P. 97–118.
24. *Broadbridge A.* Kingship and Ideology in the Islamic and Mongol Worlds. Cambridge, 2008.
25. *Charmoy F.B.* Expédition de Timoûr-i-lènk contre Toqtamiche, Khān de l’Ouloûs de Djoûtchy en 793 H., 1391 de J.C: textes arabes, persans et turks / publiés et traduits avec des notes et éclaircissements [par] François-Bernard Charmoy // Mémoires de l’Académie impériale des sciences de St-Pétersbourg. 6e série, Sciences politiques, histoire et philologie. T. 3, 5 (1836, 1835) [Reprint. Amsterdam, 1975].
26. *Ciociltan V.* The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. Leiden–Boston, 2012. 321 p.
27. *Al-Dahabī.* Kitāb duwal al-islām. Vol. 1 / ‘Abdallah b. Ibrāhīm al-Anšārī (ed.). Qatar, 1977.

28. *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453. Vol. 3: (1204–1282). München, 1932.
29. *Eckmann J.* The Mamluk Qipchaq Literature // *Central Asiatic Journal*. Vol. 8. Wiesbaden, 1963. P. 304–319.
30. *Favereau M.* Comment le sultan mamlouk s'adressait au khan de la Horde d'Or. Formulaire des lettres et règles d'usage d'après trois manuels de chancellerie (1262 – v.1430) // *Annales Islamologiques*. Vol. 41. Le Caire, 2007. P. 64–67.
31. *Favereau M.* The Golden Horde and the Mamluks: The Birth of a Diplomatic Set-up (1261–67) // *Mamluk Cairo, a Crossroad for Embassies* / Bauden F., Dekkiche M. (eds.). Leiden–Boston, 2017. P. 282–301.
32. *Flinterman W.* Killing and Kinging: Altaic Notions of Kingship and the Legitimation of al-Zāhir Baybars' Usurpation of the Mamluk Sultanate, 1249–1260 // *Leidschrift*. Vol. 27/1. Leiden, 2012. P. 31–48.
33. *Gregoras N.* Nicephori Gregorae Byzantina historia graece et latine. Vol. I / L. Schopen (ed.). Bonn, 1829.
34. *Haarmann U.* Regicide and 'The Law of the Turks' // *Intellectual Studies on Islam: Essays Written in Honor of Martin B. Dickson* / Mazzaoui M., Moreen V. (eds.). Salt Lake City, 1990. P. 127–135.
35. *Haravī, Sayf Ibn Muḥammad.* Tārīkh Nāmah-i Harāt / Ghulām Rizā Ṭabāṭabā'ī Majd (ed.). Tehrān, 2004.
36. *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au moyen-âge. Leipzig, 1885–1886 [reprint. 2 vols. Amsterdam, 1967].
37. *Ibn 'Abd al-Zāhir.* al-Rawḍ al-zāhir fī sirāt al-malik al-Zāhir / 'Abd al-'Azīz al-Ḥuwayṭir (ed.). al-Riyād, 1976.
38. *Ibn al-Aṭīr.* The Chronicle of Ibn al-Athīr for the Crusading Period from al-Kāmil fī'l-ta'rīkh. Part 3: The years 589–629/1193–1231: the Ayyūbids after Saladin and the Mongol Menace / Transl. D.S. Richards. Aldershot–Burlington, 2008.
39. *Ibn al-Dawādārī.* Kanz al-Durar wa-jāmi' al-Ġurar. Vol. 8: al-Durra al-Dakiyya fī aḥbār al-dawlat al-turkiyya / Haarmann U. (ed.). Cairo–Wiesbaden, 1971. Vol. 9 / Roemer H.R. (ed.). Cairo, 1960.
40. *Ibn Duqmāq* // Сборник матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды. Т. 1 / Тизенгаузен В.Г. Спб., 1884. С. 315–330.
41. *Ibn Faḍl Allāh al-'Umarī.* al-Ta'rīf fī al-muṣṭalaḥ al-šarīf. Cairo, 1312/ 1894–1895.
42. *Ibn al-Furāt.* Ta'rīḥ al-duwal wa-l-mulūk // Сборник матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды. Т. 1 / Тизенгаузен В.Г. Спб., 1884. С. 351–357.
43. *Ibn Ḥajar al-'Asqalānī* // Сборник матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды. Т. 1 / Тизенгаузен В.Г. Спб., 1884. С. 449–454.
44. *Ibn Hiḡga.* Qahwat al-inšā' / Vesely R. (ed.). Beyrouth, 2005.
45. *Ibn Kaṭīr.* al-Bidāya wa-l-nihāya fī ta'rīḥ. Vol. 13. Cairo, 1932.
46. *Ibn Nāzīr al-Ġayš.* Kitāb taṭqīf al-ta'rīf bī-l-muṣṭalaḥ al-šarīf // Сборник матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды. Т. 1 / Тизенгаузен В.Г. Спб., 1884. С. 331–350.
47. *Jackson P.* The Dissolution of the Mongol Empire // *Central Asiatic Journal*. Vol. 32. Wiesbaden, 1978. P. 186–244.
48. *Juvaynī, 'Alā' al-Dīn 'Aṭā Malik.* Genghis Khan: The History of the World Conqueror / Transl. J.A. Boyle. New introduction and bibliography D.O. Morgan. Manchester–Paris, 1997.
49. *Jūzjānī, Minhāj-i Sirāj.* Ṭabaqāt-i Nāširī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, including Hindustan. Vol. 2 / Transl. Major H.G. Raverty. London, 1881 [reprint. New Delhi, 1970].
50. *Kedar B.* Segurano-Sakrān Salvaygo: un mercante Genovese al servizio dei Sultani Mamalucchi, c. 1303–1322 // *Fatti e idee di storia economica nei secoli XII–XX. Studi dedicati a Franco Borlandi*. Bologna, 1976. P. 75–91. [Reprint. in: *The Franks in the Levant, 11th to 14th Centuries*. Aldershot, 1993. Art. XXI].

51. *Loiseau J.* Les Mamelouks (XIIIe–XVIe siècle). Une expérience du pouvoir dans l’islam medieval. Paris, 2014.
52. *Al-Maqrīzī* // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1 / Тизенгаузен В.Г. Спб., 1884. С. 417–442.
53. *Al-Maqrīzī*. Kitāb al-sulūk li-ma’rifat duwal al-mulūk / Muḥammad Muṣṭafā Ziyāda (ed.). Vol. 1/2. Cairo, 1936.
54. *Martin J.* The Land of Darkness and the Golden Horde // Cahiers du Monde russe et soviétique. Vol. 19. Paris, 1978. P. 401–421.
55. *Mufaḍḍal Ibn Abī-l-Faḍā’il* // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1 / Тизенгаузен В.Г. Спб., 1884. С. 176–199.
56. *Mufaḍḍal Ibn Abī-l-Faḍā’il*. Al-Nahj al-saḍīd wa-l-durr al-farīd fīmā ba’d Ta’rīḥ Ibn al-‘Amīd // Histoire des sultans Mamlouks / Blochet E. (ed. & transl.) // Patrologia Orientalis 12. Paris, 1919. P. 343–550.
57. *Al-Nuwayrī* // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1 / Тизенгаузен В.Г. Спб., 1884. С. 128–171.
58. *Al-Nuwayrī*. Nihāyat al-Arab fi funūn al-adab. Vol. 30 / Muḥammad ‘Abd al-Hādī Ša’īra (ed.). Cairo, 1990.
59. *Polo, Marco*. La description du monde / Hambis L. (ed.). Paris, 1955.
60. *Promis V.* Continuazione della Cronaca di Jacopo da Varagine dal 1297 al 1332 // Atti della Società ligure di storia patria. T. X. Genova, 1874. P. 493–512.
61. *Raschid-Eldin [Rašīd al-Dīn]*. Histoire des Mongols de la Perse / Quatremère É. (ed. & transl.). Vol.1. Paris, 1836.
62. *Rašīd al-Dīn* // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2 / Тизенгаузен В.Г. М.-Л., 1941. С. 27–79.
63. *Richard J.* La conversion de Berke et les débuts de l’islamisation de la Horde d’Or // Revue des études islamiques. Vol. 35. Paris, 1967. P. 173–184.
64. *Al-Šafādī*. A’yān al-‘Aṣr wa-a’wān al-naṣr. Vol. 1 / ‘A. Abū Zayd (ed.). Beyrouth–Damascus, 1998.
65. *Šāfi’ b. ‘Alī*. Ḥuṣn al-manāqīb al-sirriyya al-Muntaza’a mīn al-sīrat al-Zāhiriyya / ‘Abd al-‘Azīz b. ‘Abd Allāh al-Ḥuwayṭir (ed.). 2nd ed. Al-Riyāḍ, 1989.
66. *Van Steenbergen J.* The Amir Qawṣūn, Statesman or Courtier? (720–741 AH/1320–1341 AD) // Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras / Vermeulen U., Van Steenbergen J. (eds.). Leuven, 2001. P. 449–466.
67. *Al-Yūnīnī*. Ḍayl Mir’āt al-Zamān. Vol. 1–2. Ḥaydar’ābād al-Dakn, 1954–1955.

§ 2. Золотая Орда и Анатолия

Ильнур Миргалеев

Анатолию и Дешт-и Кипчак издревле связывали тесные культурные, религиозные и политические связи. Так было и в ордынский период. Джучиды считали, что по завещанию Чингиз-хана все земли на западе от Центральной Азии должны были принадлежать Улусу Джучи. Конечно же, среди этих земель они рассматривали и Анатолию. В период соправительства Бату и Менгу-хагана именно Бату управлял ею и установил тесные связи с Сельджуками. Его брат Берке, один из первых мусульман из семьи Чингиз-хана, был женат на сельджукской принцессе [13, с. 33].

Примечательно, что правитель Крыма Тоглук-Тимур был турком-сельджуком, т.е. родом из Анатолии, одним из сторонников Узбек-хана и активным участником исламизации Золотой Орды. Об этом сообщается в «Каландар-наме»: «Тот амир руководящий по корням был сельджуком» [1, с. 361]. То есть уже ранние Джучиды привлекали выходцев из Анатолии, связанных с сельджукской элитой, к административной работе, а в

период ханствования Узбека и Джанибека они стали опорой власти. Безусловно, такое явление было связано с установившимися родственными связями между Джучидами и Сельджуками, а также с политикой укрепления центральной власти в Золотой Орде и распространением ислама. Данные «Каландар-наме» отчетливо показывают, что среди активных распространителей ислама в Золотой Орде были выходцы из Анатолии. Представители анатолийского тариката каландаров находились рядом с ханами Узбеком и Джанибеком. Возможно, их предшественники состояли уже при Берке. Анатолийские шейхи находились среди последних сельджукских принцев, которые были спасены из византийского плена Берке-ханом [6, с. 52]. В Золотую Орду из Анатолии переселились ученые и религиозные деятели. Также часть жителей новопостроенных золотоордынских городов были выходцами из Анатолии. Известно, что при Берке мусульманские миссионеры из Анатолии активизировались в Крыму и Причерноморье, включая Добруджу, современную территорию Молдовы и Румынии [10, с. 33–34].

Введение в научный оборот обширного богословского сочинения «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми Аксарайи позволило по-новому взглянуть на многие аспекты религиозной жизни в Золотой Орде и неожиданно раскрыло перед исследователями то, насколько тесными были связи с Анатолией [1; 12].

Золотая Орда установила прочные взаимоотношения с сельджукскими бейликами, в том числе с постепенно начавшим набирать силу бейликом Осман, правящий род которых как в османских исторических сочинениях считался татарским. Эти отношения не прекращались и после того, как Хулагу создал новое государство, в состав которого, несмотря на противостояние Джучидов, вошла и Анатолия. Как известно, с Хулагуидами Золотая Орда часто воевала. Поэтому контакты происходили в непростых военно-политических обстоятельствах.

Связи, которые были заложены во времена Бату и Берке, безусловно, продолжились и в последующем, но с образованием отдельного Улуса Хулагу из политической они перешли в культурно-религиозную плоскость.

«Анатолийский след» в Золотой Орде прослеживается достаточно четко в архитектуре, где влияние сельджукской школы можно увидеть среди сохранившихся памятников золотоордынского периода не только в Крыму, но и в Среднем Поволжье, в золотоордынском Болгаре. Судя по ним, золотоордынские города, особенно правого крыла (западной части Улуса Джучи), возводились под сильным влиянием сельджукского стиля. Без мастеров из Анатолии он не мог распространяться так далеко на север. Кроме архитектуры анатолийское влияние достаточно сильно проявляется в тюркской и в искусстве; по этой тематике известным археологом из Государственного Эрмитажа М.Г. Крамаровским написаны десятки работ [7; 8; 9], в которых подробно рассматриваются эти влияния.

Если в XIII веке Джучиды установили тесные контакты с поздними Сельджуками на высоком политическом уровне, что давало возможность привлечь возможности Анатолии, богатой традициями в архитектуре, управлении и искусстве, для устройства новых золотоордынских городов; то в дальнейшем, в XIV веке, особенно во времена исламизации Золотой Орды, потребовавшей в большом количестве ученых, проповедников и богословов, на первый план вышли контакты по религиозной линии. Исламизация также должна была усилить влияние Анатолии в архитектуре культовых сооружений, организации научной жизни, упорядочении исламских тарикатов и их взаимосвязей с правящей элитой Золотой Орды.

Начиная с середины XIV века в Золотой Орде происходили политические смуты, сокращение сфер влияния. Она постепенно начала ослабевать. В то же время Османы, один из бейликов в западной Анатолии, расширяли свою территорию в Анатолии и на Балканах и добились создания мощного государства, которое очень быстро оказало

военное сопротивление власти ильханов и вышло из подчинения им. У Османов была своя идеология, заключавшаяся в газавате – священной войне против европейских государств, которые, в свою очередь, руководствовались идеологией «освобождения» ближневосточных земель от мусульман. По письмам золотоордынских ханов султанам Османской империи мы видим, что татарские ханы к Османам относились уважительно и состояли с ними в хороших отношениях [22, с. 609–610]. Причина этого, безусловно, кроется именно в идеологии газавата, которую формировали суфийские круги, тесно связанные между собой. Например, дети приближенных хана становились учениками анатолийских шейхов, шейх каландаров Абу Бакр из Анатолии преподавал в Крыму [12]. Поэтому идеологически уважение к газавату Османов в Золотой Орде вполне объяснимо. Начиная с хана Джанибека, ханские отпрыски были воспитаны аталыками-пирами, имеющими отношение к суфиям.

Несомненно, мусульманская элита обоих регионов тоже была связана между собой: среди османских газиев было много выходцев из Дешт-и Кипчака. В конце XIV века, когда Османы уже превратились в ведущую силу в Анатолии, у этих государств появился общий враг в лице эмира Тимура. Золотая Орда и Османы решили противостоять общей угрозе совместно [11, с. 139; 20, с. 51–57]. Была создана антитимуровская коалиция, в которую вошли татарский хан Токтамыш, правитель Османов Баязид, мамлюкский султан Баркук, эмир Сиваса Ахмед Бурхан ад-Дин, правитель Кара-Коюнлу Кара Юсуф, Джелаириды, правители Мардина и Туркменского эмирата [11, с. 128–129]. Переговоры о союзе начались в 1394 году. Тимур, чтобы не допустить образования этого альянса, напал на Золотую Орду и разбил татарскую армию, так как инициатором противостояния с Тимуром был Токтамыш. Как известно, благодаря этому разрушительному походу 1395–1396 годов татары были вытеснены из активной международной политики.

Поражение, нанесенное Тимуром Токтамышу в 1395 году и Баязиту в 1402 году, стало судьбоносным для обоих государств. Поэтому в период, когда после поражения оба государства столкнулись с внутренними проблемами, говорить о каких-то взаимоотношениях Золотой Орды с Анатолией не приходится. Вместе с тем, как сообщает придворный историк Тимура Низам ад-Дин Шами, разбитая Тимуром золотоордынская группировка войск под управлением эмира Актау отступила к низовьям Днепра [23, с. 196], а затем переселилась на территорию Османской империи, в низовья Дуная. В итоге переселившиеся люди Актау были расквартированы к югу от Дуная и на Балканах. Однако спустя некоторое время султан Баязит изменил свое мнение и расправился с татарскими эмирами, а народ расселил вокруг Эдирне [18]. Также арабские авторы сообщают, что в конце XIV века на территорию Анатолии «к румийцам» татары переселились в огромном количестве, которое «не поддается ни счету ни исчислению» [17, с. 470]. Безусловно, среди покинувших беспокойную страну были, прежде всего, жители городов.

Последний хан единой Золотой Орды Улуг-Мухаммед в 1428 году отправил посольство к султану Мураду II с посланием [4, с. 6–7; 19, с. 109–112]. В этом письме он остановился и на прежних взаимоотношениях Золотой Орды с Османской империей: «Наши прежние братья-ханы и ваши отцы, султаны вилайета Рум и старшие братья неоднократно посылали друг другу послов, обменивались подарками и приветствиями, вели торг через купцов-уртаков и находились в хороших отношениях. Затем наш брат-хан Токтамыш-хан и ваш дед газии Баязид-бек в соответствии с добрым старым обычаем обменивались послами, подарками, приветствиями и, пребывая в дружбе и согласии, удостоились милости господней».

Золотая Орда имела торговые отношения с Ближним Востоком, Египтом и средиземноморскими странами при посредничестве геновцев и венецианцев. Эти связи шли через проливы, которые в XV веке перешли в руки Османов, и путь итальянцам был зак-

рыт. Ханы пытались решить данную проблему, но политическая нестабильность мешала выработать стратегию по выходу из этой ситуации, а Османы шли все дальше и захватывали Балканы, окончательно разрушив торговые связи Золотой Орды с итальянцами и тем самым усугубив ее экономическое положение. Поэтому когда венгерский король предложил хану Джелал ад-Дину выступить в союзе с Византией против Османов, то тот встретил это предложение положительно [13, с. 91]. Если бы в Золотой Орде смута была бы прекращена, то, несомненно, татарские ханы имели бы более четкую позицию в восточноевропейской политике, и все изменения происходили бы с учетом их интересов.

Известно, что и после Улуг-Мухаммеда золотоордынские ханы переписывались с османскими султанами. Нам известно два таких письма знаменитому султану Мехмеду Фатиху. Это письмо Махмуд-хана 1466 года [19, с. 37–45] и письмо Ахмед-хана 1477 года [19, с. 46–53].

Из содержания письма Махмуд-хана мы узнаем о том, что Золотая Орда хотела продолжить дипломатические и торговые отношения с Османской империей: «послы-посланники наших давних ханов – предков наших и послы-посланники из лучших прежних людей Ваших друг к другу приходили, купеческие караваны друг к другу ходили, подарками, приветами обменивались, взаимно справлялись о благополучии и здравии; дружбою, братскими отношениями достигли милости всевышнего бога. Благодарение милости Аллаха, когда великое место прежних ханов – предков наших – было милостиво даровано нам и в то время, когда мы, по обычаю наших прежних лучших людей, полагали обмениваться послами-посланниками, купеческими караванами, взаимно справляться о благополучии и здравии, случилось много важных дел; так что наши люди не могли прибыть [к Вам] по той причине. Теперь милостью единого и сущего всевышнего бога, если с этого дня, увеличивая дружбу наших давних добрых людей, умножатся добрые между нами отношения, укрепляя еще более в будущем дружбу между нами, наши добрые люди станут ходить друг к другу, дальний [государь] услышит [об этом], ближний – увидит [это]» [19, с. 42; 26, с. 140].

В письме Ахмед-хана отмечается, что Золотая Орда является безоговорочным союзником Османской империи: «Отправленный посол Карадж Бахатур прибыл; он сообщил нам, что Вы здоровы и благополучны; он привез нам также сведения о завоеванных [Вами] городах. Мы же, услышав эти речи, чрезвычайно и бесконечно обрадовались. Хвала богу всевышнему за благополучное окончание дел. Братские отношения между Вами и нами обнаружили на пути любви. От сих дней и во веки веков пусть не будет недостатка [в дружбе и любви] и послы-посланники наши с дорогими приветами и дешевыми подарками пусть друг к другу ходят. Для того чтобы дружба-братство наше развивалась изо дня в день, к Вам послом я отправил сына брата моего по имени Азиз Ходжа. Одним сыном (потомком) Чингиз-хана являюсь я, другим его сыном (потомком) является Азиз Ходжа. Впредь милостью бога между Вами и нами [установившаяся] дружба этим путем пусть умножится, так что, если угодно будет богу всевышнему, в последующие времена среди друзей [и] врагов имя этой [дружбы] пусть останется. Далее, в какую сторону Вы направитесь и походом пойдете, мы также с этой стороны готовы усилить Вас» [19, с. 52–53; 21, с. 247–250; 26, с. 141–142].

Ситуация более прояснится, если учесть время написания этого письма, так как именно в то время Золотая Орда доживала свои последние дни существования, а Османы завладели Крымским полуостровом и землями вокруг Азовского моря. Летом 1454 года османский флот под командованием Демир-Кяхьи совершил рейд вдоль берегов Черного моря и встретился с Хаджи-Гиреем, который поддержал Османов. Хаджи-Гирей заключил с ними договор, по которому султан получал помощь татар при покорении Каффы и других генуэзских крепостей, а татары – Каффу и все побережье Тавриды.

Активность татарско-османских посольств во второй половине 70-х годов XV века показывает, что отношения на культурном уровне между Анатолией и Дешт-и Кипчаком были на высоком уровне. Теперь же, когда происходили большие политические перемены, золотоордынские ханы, все еще достаточно влиятельные в Восточной Европе, пытались выработать стратегию в своих взаимоотношениях с Османами. Нельзя не заметить, что отношение татарских ханов к османским султанам было более чем положительным. Но нужно было соблюсти интересы и Золотой Орды, особенно это касалось новых реалий на Балканах, где район Добруджи, населенный татарами, в дальнейшем всегда будет в центре внимания Османской империи. Также следовало позаботиться о стабилизации торговли на Черном море. Однако в поздней Золотой Орде политическая стабильность оказалась недостижимой: хан Ахмед был убит [14, с. 202; 15, с. 346; 16, с. 95]. При поддержке литовских князей и Польши Крым превращался в независимый юрт с притязаниями на Тахт эли, но при этом очень скоро подпал под сильное политическое влияние Османской империи. Это также показывает, что население поздней Золотой Орды оказалось под сильным воздействием османской идеологии газавата, что вполне могло бы привести к тесному союзу этих держав.

Золотая Орда распалась на несколько татарских ханств [подробнее см.: 5], с которыми у Османов были уже в основном периодические связи. Крымское ханство признало сюзеренитет Османской империи и в дальнейшем действовало в фарватере османской политики. Татарские ханства имели непосредственные отношения с Османами теперь уже только через правителей Крыма Гиреев.

1. Абу Бакр Каландар Руми. «Каландар-наме». Факсимиле. Подготовка к изданию И.М.Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 800 с.
2. Григорьев А.П. Время написания «ярлыка» Ахмата // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. Вып. X. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. С. 28–89.
3. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.). М., 2004. 216 с.
4. Зайцев И.В. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда османскому султану Мураду II // *Османская империя, Золотая Орда и государства Восточной Европы в конце XIV – первой трети XV века*. Бюллетени Hungaro-Rossica. М., 2002.
5. История татар с древнейших времен. В семи томах. Том IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. 1080 с.
6. Камалов И.Х. Отношения Золотой Орды с хулагуидами. Пер. с турец. яз. и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007.
7. Крамаровский М.Г. Мангупская находка. Сельджукские отражения в Крыму и на Северном Кавказе. Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып.15. Симферополь, 2009. С.457–478.
8. Крамаровский М.Г. О влиянии Анатолии на Золотую Орду: Крым и Дашт-и Кипчак в XIII–XIV веках // «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Баттуты. Каталог выставки. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2015. С. 299–309.
9. Крамаровский М.Г. Чаша со сценой пира из Солхата // *Древние памятники и культуры на территории СССР*. Л., 1991. С. 69–91.
10. Миргалеев И.М. «Джами ад-Дувэль» Мунеджимбаши Ахмеда Деде: к вопросу об изучении турецких источников по истории Золотой Орды // *Золотоордынская цивилизация. Сборник статей*. Вып. 3. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2010. С. 31–35.
11. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003.
12. Миргалеев И.М. Сочинение «Каландар-наме» Абу Бакр Каландара как источник по истории Золотой Орды // *Золотоордынская цивилизация*. № 9. Казань, 2016.

13. Миргалеев И.М., Камалов И.Х. К вопросу о взаимоотношениях Золотой Орды с Османской империей // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. С. 87–94.
14. ПСРЛ. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки славянских культур, 2000. 272 с.
15. ПСРЛ. Т. XX. Львовская летопись. М.: Языки славянских культур, 2005. 704 с.
16. ПСРЛ. Т. XXXVII. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.
17. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Том I. Спб.: тип-я ИАН, 1884. 564 с.
18. Decei A. «Etablissement de Aktav de la Horde d’Or dans l’Empire Ottoman, au temps de Yıldırım Bayezid», 60. Doğum Yılı Münasebetiyle Z.V. Toğan’a Armağan, İstanbul 1950, s. 77–92.
19. Kurat A.N. Topkapı Sarayı Müzeyi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına Ait Yarlık ve Bitikler. İstanbul: Burhaneddin Matbaası, 1940.
20. Kurat A.N. IV–XVIII yüzyıllarında karadeniz kuzeyindeki turk kavimleri ve devletleri. Ankara: Murat kitabevi yayınları, 1992.
21. Kurtoğlu F. Belleten, II (1938), V/VI, s. 247–250.
22. Kun T.H. Philologica III. Kazan turkcesine ait dil yadigarları. Ankara: TTKB, 1949.
23. Mirgaleyev İlnur. Altın Orda, Osmanlı ve Memlüklerin Aksak Timur’a Karşı Birlik Kurma Meselesine Dair // Karadeniz Araştırmaları Dergisi. 25. Sayı, Bahar 2010. S. 51–57.
24. Nizamüddin Şâmî, Zafernâme, Farsçadan çev. N. Lugal, TTK, Ankara 1987.
25. Osmanlı belgelerinde Kazan, Ankara, 2005.
26. Özyetgin Melek A. Altın Ordu, Kırım ve Kazan Sahasına Ait Yarlık ve Bitiklerin Dil ve Üslûp İncelemesi, TDK Yayınları, Ankara, 1996.

§ 3. Золотая Орда и Юаньская династия

Чжао Чжу-Чэн

Об отношениях между Золотой Ордой и Юаньской династией в области международных связей, которые, несомненно, имеют важное значение в истории Золотой Орды, известно не так много. Это связано со следующими факторами.

Во-первых, ханы Улуса Джучи находились на далеком северо-западе от Ханбалыка, столицы Юаньской империи, которая была основана великим ханом Хубилаем. Сарай и Ханбалык были расположены друг от друга на расстоянии 5000 км, что создавало определенные препятствия в транспортном сообщении, несмотря на то, что в Монгольской империи была известная система коммуникации – *ямы*.

Во-вторых, как известно, во время правления Чингиз-хана возникли междоусобные распри между его потомками (между домами Джучидов и Чагатаидов) из-за наследования престола великого хана. 1260 год ознаменовался тем, что непрекращающиеся вооруженные конфликты между Ариг-Бугой и Хубилаем привели к гражданской войне между монгольскими ханствами, в результате чего Улус Джучи стал *de-facto* независимым от империи государством.

В-третьих, в 1269 году на берегу реки Таллас на курултай собрались представители Улуса Джучи, Чагатайского улуса и Улуса Угэдэя и приняли соглашение о разграничении территорий трех государств вплоть до Аму-Дарьи. Долговременные военные конфликты и политические смуты прервали сообщение между Сараем и Ханбалыком.

В-четвертых, и Улус Джучи, и Юаньская династия проводили собственную внешнюю политику. Юаньская династия поддерживала внешние отношения с южным Китаем, Юго-Восточной Азией, Кореей и Японией; Улус Джучи – с Европой и Ближним Востоком.

Что касается вопросов взаимоотношений Юаньской династии и золотоордынских правителей, то они изучены еще недостаточно полно. В западноевропейских и исламских источниках почти нет сведений, отражающих эти взаимоотношения: там преобладают сведения о связях Золотой Орды с Византией, Литвой, мамлюками и другими странами. Поэтому для показа отношений Золотой Орды и Юань обратимся к китайским оригинальным источникам.

Одним из важных и фундаментальных источников, относящихся к монгольской истории, является «Юань ши» («История династии Юань»). Этот памятник содержит некоторые материалы (впрочем, отрывочные) по данной проблеме. «Юань ши» включает в себя 210 глав и состоит из четырех больших частей:

- 1-я часть – Бэнци («Основные анналы императоров»);
- 2-я часть – Чжи («Описания»);
- 3-я часть – Бяо («Генеалогические таблицы»);
- 4-я часть – Лечжуань («Биографии»).

На основе анализа этих частей нами была составлена таблица взаимоотношений юаньских и золотоордынских правителей.

Здесь нашей задачей является реконструкция по данным этого китайского источника основных аспектов дипломатических связей Золотой Орды с правителями Юаньской империи. Основные сведения представлены ниже в виде таблицы 1.

Таблица 1

**Сведения о связях между Золотой Ордой и империей Юань
по сведениям «Юань ши»**

Источник	Год	Сведения	Примечание
Основные анналы императоров – Угэдэй (Тайцзун Бэнци)	1235	Приказал начать поход на запад под руководством Бату	
Основные анналы императоров – Угэдэй (Тайцзун Бэнци)	1236	Наградил Бату феодальным поместьем в Пиняньфу	
Основные анналы императоров – Мунке (Сяньцзун Бэнци)	1251	Бату, Берке, Тукай-Тимур поддержали кандидатуру Мунке на престол великого хана	
Основные анналы императоров – Мунке (Сяньцзун Бэнци)	1252	По приказу Мунке Берке был переселен на территорию Цюйэрцзы	Цюйэрцзы – Грузия
Основные анналы императоров – Мунке (Сяньцзун Бэнци)	1253	1. Берке назначен секретарем (<i>бичиччи</i> , <i>битикчи</i>) и отправлен на Русь для переписи населения 2. Бату отправил посла к Мунке с просьбой получения драгоценностей	1. Берке здесь – не правитель Улуса Джучи, а его тезка, каракорумский чиновник. 2. Мунке подарил Бату 1000 слитков серебра в качестве годовой награды императора
Основные анналы императоров – Хайсан/Кулуг-каган (Уцзун)	1308 (1. год Чжида)	Под руководством Юелу император отправил делегацию к Токта	
Основные анналы императоров – Аюрбаригада/Буянту-хаган (Жэньцзу Бэнци)	1314 (1. год Янь)	После смерти Токта император назначил Узбека ханом Улуса Джучи	

Основные анналы императоров – Есун-Тэмур (Тайдинди Бэнцзи)	1324 (1. год Тайдин)	Узбек отправил посла Керя к императору	Император наградил Узбека золотом и серебром
Основные анналы императоров – Есун-Тэмур (Тайдинди Бэнцзи)	1326 (3. год Тайдин)	1. Отправлен посол Хуаньчи к Узбеку 2. Узбек преподнес императору цветного барса	Император наградил Узбека золотом, серебром и другими драгоценностями
Основные анналы императоров – Тогон-Тэмур/Ухагату-хаган (Шуньди Бэнцзи)	1353 (13. год Чжичжэн)	Джанибек преподнес императору сабли, луки, кольчуги из Ташкента (Шаш) и Египта (Миср), а также двух темно-коричневых и двух белых коней	За это император наградил Джанибека банкнотами на сумму 20 тысяч
Географическое описание (Диличжи)		Административные деления территории Узбека	В составе территории Узбека – Киргизия, Алания, Кипчакская земля, Русь, Дженд, Булгария, Хорезм
Экономическое описание (Шихуочжи)		Потомкам Джучи дали годовую награду из феодальных поместий в Пиньянфу, Цзинчжо и Енчжо	
Генеалогические таблицы императорских семей (Цзунншишиси Бяо)		Потомки Джучи	Сыновья Джучи: Бату, Сартак, Мунке-Тимур, Токта-Мунке, Токта-Нинсуван (князь Нинсу) и его сын Куаньче-Суван (князь Су), Берке, Узбек и его сын Джанибек
Генеалогические таблицы князей (Цзунван Бяо)		1. В 1308 году Токта пожалован званием князя Нинсу. 2. В 1329 году Куаньче пожалован званием князя Су	
Биография Джучи (Джучи лечжуань)		Генеалогия Джучидов: Джучи – Бату (сын Джучи), – Сартак (младший брат Бату) – Мунке-Тимур (младший брат Сартаки) – Токта (младший брат Мунке-Тимура) – Берке (младший брат Токта) – Узбек (младший брат Берке)	

		– Джанибек (сын Узбека) ²⁹	
Биография Субедея (Субедей лечжуань)		В 1251 году после смерти Угэдэя Субедей уговорил Бату принять участие в собрании для выборов великого хана	
Биография Телен (Телен) лечжуань)		Тюркоязычный народ. В течении 14 лет этот найман как посол императора Хубилая 4 раза отправлялся в Улус Джучи	

Проанализируем материалы, представленные в китайском источнике, и прокомментируем отношения между двумя государствами в политико-экономических и военных областях. Что касается политико-экономических отношений, то, во-первых, в состав Улуса Джучи входили Киргизия³⁰, Хорезм, Алания, Дженд, Кипчакская земля, Болгария и Русь. Информация о территории Золотой Орды в целом совпадает с некими источниками.

Во-вторых, развитие дипломатических отношений между Золотой Ордой и Юаньской династией полностью зависело от политической ситуации и позиций Чингизидских домов. Вооруженные конфликты между Ариг-Бугой и Хубилаем привели к гражданской войне между домами Джучи, Чагатая, Угэдэя и Тулуя, которая продолжалась с начала правления Хубилая (1260 год) и длилась до конца правления Тэмюра (Олджэйтүхагана, внука Хубилая) (1307 год). В результате этого были разорваны отношения между потомками Тулуя и Джучи. Только во время управления Тэмюра были восстановлены отношения между Золотой Ордой и Юаньской династией.

Как известно, после Джанибека и Тогона-Тэмюра (Ухагату-хагана) дипломатические отношения были приостановлены из-за сложившейся неблагоприятной политической ситуации: после Джанибека Золотая Орда постепенно входит в политический кризис, а в 1368 году династия Мин свергла Юаней.

В-третьих, отметим политический статус Юаньской империи и Золотой Орды. Как известно, у той и у другой были свои исторические пути развития. Поэтому у них не было общих политических интересов, потому что Золотая Орда была политически независимой по отношению к великому хану в Ханбалыке. Обмен послами между Золотой Ордой и Юань отражен в источнике, где встречаются выражения, которые показывают отношения юаньского императора к правителям Золотой Орды. Например: «после смерти Токта император назначил (кит. мин) Узбека ханом Улуса Джучи»; «Узбек преподнес (кит. сянь или гун) императору цветного барса»; «император наградил (кит. ци) Джанибека банкнотами на сумму 20 тысяч» и т.д.

Дело в том, что великие ханы Юань всегда считали правителей Золотой Орды своими заместителями (вассалами). В «Генеалогических таблицах князей» («Цзунван Бяо»)

²⁹ Следует отметить, что в биографию Джучи (Джучи лечжуань) вкрались существенные ошибки, связанные с генеалогией династии. По нашему мнению, эти ошибки являются результатом как нестабильных политических контактов, так и сравнительно позднего происхождения «Юань ши». Как показывают наши наблюдения, в некоторых западноевропейских источниках содержатся аналогичные генеалогические ошибки.

³⁰ По-китайски: Чжи ли чжи сы (吉利吉思). В китайских источниках с VIII в. до монгольской эпохи Киргизия помещалась в районах современных Хакасии и Республики Алтай. Здесь «Киргизия» означает самые восточные территории Золотой Орды.

правители Золотой Орды называются *сибэ чжуван*'ами (северо-западными князьями). Поэтому на территории Китая они имели свои *хуби*, т.е. уделы или феодальные поместья. Действительно, каждый член рода Чингиз-хана имел право требовать для себя хуби на новых завоеванных землях. По данным китайского источника, уделы Чингизидов из других улусов существовали в Китае вплоть до упадка Юаньской династии в 1368 году.

Кроме того, различного рода награждения и подношения, существовавшие при контактах между двумя государствами, имели экономическое значение в истории Золотой Орды и Юаньской империи. Обмен императорскими драгоценностями и продукцией экономики страны «наместников» имел как политическое, так и экономическое значение для обеих сторон. Обмен подарками утверждал политический статус правителей и в центре, и на местах. Торговля тоже как вид хозяйственной деятельности способствовала поддержанию двусторонних экономических связей и укрепляла политические отношения.

Как известно, в Юаньской империи были войска специального назначения, среди которых особо выделяются асы и кипчаки. Их удельный вес был значителен как в командном составе, так и среди простых воинов.

Интересным является тот факт, что в Китае были и русские воины, которые составляли целый тумен, т.е. корпус из 10000 человек. На каких условиях и какими маршрутами прибывали эти выходцы из русских княжеств в Китай, сказать трудно. Но бесспорным является то, что они были направлены на Дальний Восток из Улуса Джучи в период наивысшего могущества этого государства во времена правления хана Узбека.

1. 新校本元史并附編二種一 / (明)宋濂等撰 ; 楊家駱主編.台北:鼎文書局, Синь цзяо бэн «Юань ши» бин фу бянь эр цзон. И. Мин [«Юань ши» нового исправленного издания с дополнениями. 2 варианта. Том I] / Ян Цзя-Ло (глав. ред.), Сон-Лянь (отв. автор). Тайбэй: Издательство «Дин-Вэн», 1981.

2. 新校本元史并附編二種二 / (明)宋濂等撰 ; 楊家駱主編.台北:鼎文書局, Синь цзяо бэн «Юань ши» бин фу бянь эр цзон. Эр. Мин [«Юань ши» нового исправленного издания с дополнениями. 2 варианта. Том II] / Ян Цзя-Ло (глав. ред.), Сон-Лянь (отв. автор). Тайбэй: Издательство «Дин-Вэн», 1981.

3. 新校本元史并附編二種三 / (明)宋濂等撰 ; 楊家駱主編.台北:鼎文書局, Синь цзяо бэн «Юань ши» бин фу бянь эр цзон. Сань.Мин [«Юань ши» нового исправленного издания с дополнениями. 2 варианта. Том III] / Ян Цзя-Ло (глав. ред.), Сон-Лянь (отв. автор). Тайбэй: Издательство «Дин-Вэн», 1981.

4. 新校本元史并附編二種四 / (明)宋濂等撰 ; 楊家駱主編.台北:鼎文書局, Синь цзяо бэн «Юань ши» бин фу бянь эр цзон. Си.Мин [«Юань ши» нового исправленного издания с дополнениями. 2 варианта. Том IV] / Ян Цзя-Ло (глав. ред.), Сон-Лянь (отв. автор). Тайбэй: Издательство «Дин-Вэн», 1981.

5. 新校本元史并附編二種五 / (明)宋濂等撰 ; 楊家駱主編.台北:鼎文書局, Синь цзяо бэн «Юань ши» бин фу бянь эр цзон. Ву.Мин [«Юань ши» нового исправленного издания с дополнениями. 2 варианта. Том V] / Ян Цзя-Ло (глав. ред.), Сон-Лянь (отв. автор). Тайбэй: Издательство «Дин-Вэн», 1981.

6. Чхао Чху-ченг. Китайские источники по истории Золотой Орды (на материале перевода книги «Синь Юань ши») // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2. 2009. С. 209–213.

§ 4. Между степными ханствами: взаимоотношения Чагатаидов и Золотой Орды (1260–1370)³¹

Михаль Биран

Отношения между монгольскими степными ханствами гораздо менее задокументированы, чем отношения между Ильханатом и Юаньским Китаем, и их культурные взаимообмены совсем не так внушительны. Тем не менее, отношения между Чагатаидами и Золотой Ордой включали в себя целый спектр политических, экономических и культурных контактов. Эти контакты будут коротко рассмотрены в данной статье, в основном ограничивающейся периодом единства Чагатайского ханства до подъема Тамерлана и расцвета Золотой Орды до Смутного времени 60-х годов XIV века.

Политические отношения.

Напряженность в отношениях между Джучи, старшим сыном Чингиз-хана, и Чагатаем, следующим по старшинству и первым из его сыновей, чье происхождение по отцовской линии не подвергалось сомнению, была явной еще при жизни Чингиз-хана и, вполне возможно, стояла Чагатаю великоханского престола. В течение периода единства империи (1206–1260) Джучиды увеличили свою территорию и укрепили власть, в то время как Чагатаиды частично потеряли то и другое. Отчасти это произошло потому, что владения Чагатаидов в Центральной Азии, простиравшиеся от земли уйгуров (совр. Синьцзян) до Амударьи (совр. западная граница Узбекистана), были одними из первых регионов, завоеванных Чингидами, и их ресурсы – как человеческие, так и материальные, – использовались постоянно расширявшейся империей, часто в ущерб местным нуждам. В противоположность этому, джучидская территория, простиравшаяся от Иртыша «настолько далеко на запад, насколько далеко ступало копыто татарской лошади» [10, I, с. 31, (пер.) 42], значительно расширилась во время Угэдэя, и ее чрезвычайная удаленность на западе обусловила ее более широкую автономию.

Чагатаидско-джучидская вражда была унаследована следующим поколением, поскольку Бату, сын Джучи, поссорился с Бури, сыном Чагатая, и Гуюком, сыном Угэдэя, во время Великого Западного похода (1236–1242). В дальнейшем Бату был ключевой фигурой в интронизации Тулуида Мунке в качестве великого хана и в ущерб Угэдэидам. За приходом к власти Мунке (пр. 1251–1259) последовала чистка среди Угэдэидов и союзных им Чагатаидов. Многие принцы и чиновники были осуждены, сосланы или даже уничтожены; некоторые из них (как Бури) были казнены даже при дворе Бату. Джучиды воспользовались слабостью Чагатаидов и расширили свое присутствие в Трансоксании. Вместе с тем Мунке передал некоторые из их дальних восточных территорий, как, например, Каялык и бассейн Иртыша (в Казахстане), младшим Угэдэидам, оказавшим ему поддержку [1, с. 18–63; 5, с. 46–49].

Борьба Тулуидов за преемственность власти после смерти Мунке и последующий распад империи породили новый политический порядок. В первые десятилетия после распада империи (в 60–80-е годы XIII века) Золотая Орда сыграла значительную роль в центральноазиатской политике, оказав поддержку Хайду (пр. 1271–1301), угэдэидскому принцу, бывшему сначала противником Чагатаидов и позже их союзником и сюзереном.

---

³¹ Данное исследование выполнено при поддержке Научного Фонда Израиля (грант 602/12) с использованием базы данных, собранной при финансировании Европейского исследовательского совета в соответствии с седьмой Рамочной программой (FP/2007–2013) / Соглашение Европейского исследовательского совета о предоставлении гранта № 312397. *Текст статьи переведен с английского языка Исаяя Ланда.*

Чагатаидский хан Алгу (пр. 1260–1266) умело воспользовался борьбой за преемственность власти в Монголии и занятостью Золотой Орды конфликтом с Хулагу в Азербайджане для возвращения территорий своего улуса, ранее присвоенных Джучидами, а также для расширения своих владений на бывших землях Угэдэидов. В этих условиях Золотая Орда согласилась поддержать Хайду, пытавшегося восстановить угэдэидские владения, и бросила вызов как Алгу, так и великому хану Хубилаю (пр. 1260–1294). Ханы Золотой Орды Берке (пр. 1257–1267) и Менгу-Тимур (пр. 1267–1280) предоставили Хайду военную помощь в решающие моменты его борьбы за власть и помогли ему победить Алгу и его преемника Барака (пр. 1266–1271). Золотая Орда сыграла важную роль на курултае в Таласе в 1269 году, на котором были урегулированы отношения между центральноазиатскими Чингизидами. Несмотря на то, что права Менгу-Тимура в Трансоксании, сформулированные в Таласе, не были соблюдены, Хайду и Менгу-Тимур, в основном, остались в хороших отношениях; и последний даже предлагал мамлюкскому султану Бейбарсу (пр. 1260–1277) установить дипломатические отношения с Хайду по причине наличия у обоих общего врага в лице Ильханата. Эти контакты были установлены, самое позднее, в 80-х годах XIII века. Более того, верховенство Золотой Орды по отношению к Хайду в этот период признавалось и другими ветвями Чингизидов: когда тулуидские принцы, посланные Хубилаем против Хайду, подняли восстание в 1266/1267 году, они отослали главу войск, сына Хубилая, Номугана, к Менгу-Тимуру, а ведущего генерала Номугана, Антонга, – к Хайду. Оба были возвращены в Китай только в 1284 году [2, с. 19–37; 7].

Участие Золотой Орды в центральноазиатских событиях ослабло в 80-х годах XIII века как из-за внутреннего конфликта в Золотой Орде, спровоцированного вызовом, который принц Ногай (ум. 1299) бросил правящим ханам, так и в связи с успешным закреплением верховенства Хайду над Чагатаидами после интронизации сына Барака, Дувы (пр. 1282–1307), в качестве чагатаидского хана, оставшегося лояльным союзником Хайду вплоть до смерти последнего.

Золотая Орда вновь стала действующим лицом на центральноазиатской арене в самом конце XIII века, после того как хан Золотой Орды Токта (пр. 1291–1312), улучшивший отношения с Юаньским Китаем, смог победить Ногаю в 1299 году. В это время Токта и центральноазиатские Чингизиды поддерживали соперничавших претендентов на трон Синей Орды, потомков первородного сына Джучи, Орды-ичена, бывших в подчинении Золотой Орды и правивших в ее юго-восточных владениях, на границе с Чагатаидским государством. Протеже Токты, Баян, предложил сформировать коалицию против центральноазиатских монголов, которая должна была объединить Юань, Ильханат, Золотую Орду и некоторых локальных правителей. Хотя такая коалиция никогда не была сформирована, сама эта угроза вынудила Хайду и Дуву разместить свои гарнизоны на всех своих границах, что ограничило их боевые возможности.

Возобновление этой угрозы в 1302/1303 году, после смерти Хайду, было одной из причин, подтолкнувших Дуву к подчинению Юань и способствовавших заключению общемонгольского мира в 1304 году. Хотя этот мир не прекратил внутренние центральноазиатские конфликты (они закончились только в начале 20-х годов XIV века), после его заключения Джучидское государство обратило свое внимание к Восточной Европе и Азербайджану, ограничив свое участие в центральноазиатской политике. Золотая Орда приняла нескольких угэдэидских беглецов, когда после заключения мира Чагатаиды обратились против своих бывших угэдэидских союзников. Чагатаидский хан Есен Бука (пр. 1310–1319) все еще был вовлечен в политические события в Синей Орде. Позже, опасаясь юаньско-ильханидской коалиции, он попытался заключить союз с новым ханом Золотой Орды Узбеком (пр. 1313–1341), но тот предпочел занять сторону великого хана.

В 1322 году Узбек примкнул к преемнику Есен Буки, Кебеку (пр. 1319–1327), для вторжения в ильханидский Хорасан, и позже он выразил одобрение исламизации чагатаидского хана Тармаширина (пр. 1331–1334). Тем не менее, когда после правления Тармаширина Чагатаидское ханство низверглось в хаос, Золотая Орда, переживавшая в то время расцвет при Узбеке и его наследнике, Джанибеке (пр. 1342–1357), подверглась соблазну вторгнуться в Центральную Азию, надеясь вернуть некоторые территории, что, однако, не привело в итоге к прочным приобретениям [5, с. 54–59].

Сразу же после этого в Золотой Орде началась анархия – период, известный как «Великая замятня» (1359–1380). Тогда же Чагатаидское ханство разделилось на две части: чагатаидский хан продолжил править восточными территориями улуса, тогда как Трансоксания была захвачена Тамерланом (пр. 1370–1405), бывшим чагатаидским военачальником. Спасаясь от беспорядков в Улусе Джучи, Токтамыш (годы деятельности 1375–1405), принц из Синей Орды и потомок Тука-Тимура, нашел убежище при дворе Тамерлана. С его помощью Токтамыш восстановил джучидское правление в прежнем Золотоордынском государстве, став в результате угрозой своему бывшему покровителю. Вследствие этого Тамерлан дважды вторгся в Золотую Орду в 1391 и 1395 годах. Его последнее вторжение, в ходе которого он сжег города Золотой Орды, включая ее столицу Сарай, нанесло решающий удар Джучидскому государству. В конечном счете кочевнические группы, отколовшиеся от Золотой Орды и позже известные как узбеки и казахи, мигрировали на юг и постепенно завоевали Центральную Азию как у Тимуридов (пр. 1370–1501), так и у восточных Чагатаидов (пр. 1347–1678) [8, с. 76–85, 182–237].

Экономические связи.

Два ханства были взаимосвязаны экономически посредством дипломатических подарков и через наличие своих уделов на территориях друг друга: Чагатаиды получали доходы с Кята и Хивы со времен Чингиз-хана вплоть до Тамерлана, а Джучиды пользовались некоторыми привилегиями в Трансоксании [2, с. 178]. По большей части, однако, эти взаимосвязи осуществлялись посредством торговли.

Благодаря своему центральному расположению, Чагатаиды соединяли Золотую Орду с Юаньским Китаем, с которым Золотая Орда также имела общую границу, и с Делийским султанатом. Вместе с тем непрекращающиеся войны в Центральной Азии во второй половине XIII века привели к упадку восточно-западной континентальной торговли, повысив значение северо-южной торговли с Индией. Политическая ориентация монголов Центральной Азии также подразумевала, что чагатаидская торговля с мамлюками или с Европой осуществлялась через Золотую Орду: центральноазиатские товары, в первую очередь рабы, перевозились по суше в Золотую Орду и оттуда по морю через Византию в Египет или в западном направлении [6; 7].

С установлением мира в Центральной Азии в начале 20-х годов XIV века объем восточно-западной континентальной торговли значительно вырос, способствуя тем самым интенсификации связей между двумя ханствами (и между Европой и Китаем). К тому времени, однако, Чагатаиды могли конкурировать с Золотой Ордой в торговле восточными и северными товарами и торговать с Ираном и Египтом по сухопутным путям без посредничества Джучидов. Распад Ильханата в 1335 году повысил значение северного маршрута в восточном направлении – из Сарая в Ургенч и Отрар, – который обходил стороной Трансоксанию и шел только через восточные владения Чагатаидов, в особенности через Алмалык; и внутренние политические потрясения Чагатаидов, в особенности начиная с 40-х годов XIV века, снова нанесли ущерб континентальной азиатской торговле. В самом деле, одной из причин нападения Тамерлана на поволжские города было стремление изменить направление торговых путей, снова направив их в Трансоксанию в ущерб экономике Золотой Орды [6].

Научные связи.

Тесные научные связи домонгольского периода между Трансоксанией и Хорезмом поддерживались и в эпоху чингизидского правления, несмотря на опустошения, причиненные монголами в этих землях. Уже к 40-м годам XIII века, если не ранее, Бухара восстановилась в своем положении исламского научного центра, привлекая ученых и суфиев из золотоордынского государства (как, например, Хасана Булгари). И в самом деле, именно бухарский шейх Сейф ад-Дин ал-Бахарзи (ум. 1261) был тем, кто обратил в ислам хана Золотой Орды Берке – первого монгольского принца, ставшего мусульманином. Вместе с тем потрясения в Чагатайском ханстве, в особенности сожжение ильханом Абагой Бухары в 1273 году, привели к значительной эмиграции ученых из Чагатайского государства. Хотя в то время немногие иммигранты избрали Золотую Орду конечным пунктом своего переселения, более поздние волны миграции способствовали переселению большого количества трансоксанских ученых в Золотую Орду, главным образом после принятия ханом Узбеком в ислама. Крупным научным центром стал Хорезм, многие школы которого были укомплектованы трансоксанскими учителями. Странствующие суфии также соединяли два государства, как это делали и европейские путешественники и миссионеры, хотя мы не располагаем подробными сведениями о полноценных культурных контактах вне поля ислама. При Тамерлане и его наследниках, чьи достижения позже унаследовали узбеки, научный центр снова переместился в Трансоксанию [7; 9, с. 58–94].

В заключение: Золотая Орда и Чагатайское ханство не были близкими друзьями, но их конфликты с тулуидскими соседями были часто хуже, чем их двусторонние отношения, делая из них тем самым своего рода союзников. В исследуемый период Золотая Орда оказала наиболее заметное влияние на Чагатайский улус посредством поддержки, оказанной Хайду, благодаря которой тот стал сюзереном Чагатаидов. Тем не менее участь обоих улусов оставалась тесно сплетенной и в течение последующих веков, спустя много времени после того, как их тулуидские враги перестали существовать. Золотая Орда и Чагатаиды сотрудничали и соперничали в сфере торговли и исламской учености, поддерживая определенный уровень космополитизма. Тем не менее, они никогда не смогли достичь блеска их тулуидских соседей.

1. Allsen T.T. *Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Khan Mongke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259*. Berkeley, 1987. 278 p.
2. Allsen T.T. *Sharing out the Empire: Apportioned Lands under the Mongols // Nomads in the Sedentary World / Khazanov A.M., Wink A. (eds.)*. Richmond, Surrey, 2001. P. 172–190.
3. Biran M. *Qaidu and the Rise of the Independent Mongol State in Central Asia*. Richmond, Surrey, 1997. x + 198 p.
4. Biran M. *Culture and Cross-Cultural Contacts in the Chaghadaid Realm (1220–1370) – Some Preliminary Notes // Chronika. Vol. 7–8. Szeged, 2007–2008*. P. 26–43.
5. Biran M. *Central Asia from the Conquest of Chinggis Khan to the Rise of Tamerlane: The Ögödeid and Chaghadaid Realms // The Cambridge History of Inner Asia. Vol. 2: The Chinggisid Age / Di Cosmo N., Golden P.B., Frank A. (eds.)*. Cambridge, 2009. P. 46–66.
6. Biran M. *Commerce and Trade Networks in Mongol Eurasia // Paper read at the 2nd Eurasia Trajeco Conference, Connected Histories – Trading Networks Across the Eurasian Continent: Structures, Practices, and Socio-economic Impact», Paris, November 28–29, 2014*.
7. Biran M. *The Mamluks and Mongol Central Asia: Diplomatic, Economic and Scientific Relations // Paper read at the Conference «The Mamluk Sultanate and the World», Bonn, December 16–18, 2015*.
8. Di Cosmo N., Golden P.B., Frank A. (eds.). *The Cambridge History of Inner Asia. Vol 2: The Chinggisid Age*. Cambridge, 2009. 488 p.

9. DeWeese D. *Baba Kamal Jandi and the Kubravi Tradition among the Turks of Central Asia* // *Der Islam*. Vol. 71. Hamburg, 1994. P. 58–94.

10. al-Juwaynī `Aṭā-Malik. *Ta'rikh-i Jahāngushā* / Ed. M.M. Qazwīnī. London, 1912–1937. 3 vols. Trans. J.A. Boyle // *Genghis Khan: The History of the World Conqueror*. Manchester, 1997. 763 p.

§ 5. Взаимоотношения с Ильханами

Ильнур Миргалеев

Государство Хулагуидов, возникшее в ходе завоевания Среднего Востока потомками Чингиз-хана, было создано в результате противоречий между самими Чингизидами. Изначально эти территории не были завоеваны самим Чингиз-ханом, и их принадлежность одному из домов Чингизовичей так и не была определена. После событий, связанных с противостоянием потомков Джучи с домами Чагатай и Угэдэя и разгрома последних, к власти в Монгольской империи при помощи Джучидов пришли потомки младшего сына Чингиз-хана, Тулуя. Бату отказался от всемонгольского трона [9, с. 16], но стал соправителем Монгольской империи [10, с. 77] и земли к западу от Монголии считал своей территорией, ссылаясь на завещание Чингиз-хана [8, с. 244]. Также было известно, что младшему сыну Чингиз-хана Тулюю (значит и его потомкам) должны были принадлежать только коренные территории монголов [9, с. 80].

В итоге при распаде Монгольской империи, после смерти Менгу-хагана, его братья Хубилай и Хулагу, возглавлявшие действующие армии, решили укрепиться на новозавоеванных территориях и создать свои государства. При такой ситуации интересы других чингизидских домов и центральной власти не учитывались. Эти противоречия и привели к будущему противостоянию между разными домами Чингизидов.

Ярким примером служат взаимоотношения Золотой Орды с государством Хулагуидов. Весь комплекс причин этих непростых отношений кроется в неурегулированности как территориальных претензий, так и в несоблюдении интересов Джучидов при организации нового чингизидского государства.

Хулагу пришлось действовать осторожно, учитывая интересы и властей Каракорума, и Хубилая, и Джучидов, и практически до конца своей жизни он оставался полководцем. Впоследствии, когда империя развалилась, и Хулагу остался на завоеванных землях, он стал править от имени Хубилая. Поэтому Хулагуиды именовали себя ильханами, т.е. всего лишь – "ханами эля"; поэтому по статусу трона они были ниже Джучидов и остальных Чингизидов. Верховным правителем Хулагуиды признавали хаганов Юаньской империи, потомков Хубилая. Хотя с принятием ислама и титула *султан* их сюзеренитет начал выглядеть более явным, да и Китай был далек; но все же в чингизидском мире они до конца своего существования оставались "ханами эля".

Как известно, всемонгольский курултай 1251 года наметил завершить завоевание Багдадского халифата. Для похода было решено выделить войска от всех улусов, собранные из расчета по два воина из каждых десяти [9, с. 67]. Во главе войска был назначен младший брат Менгу-хагана Хулагу, но армия смогла выступить только в 1256 году, после смерти Бату, так как тот, как соправитель Монгольской империи, запретил поход из-за резкого возражения Джучидов против завоевания халифата [8, с. 246]. Судя по всему, между соправителями шли переговоры о будущем новозавоеванных территорий. И до урегулирования этого вопроса поход был отложен.

П. Джексон, основываясь на письме хана Узбека, адресованного ильхану Олджейту в октябре 1312 года, где золотоордынский правитель, ссылаясь на ярлык хагана

Менгу, требовал уступки закавказских территорий, делает вывод, что будущее этих территорий было предметом переговоров между Менгу и Бату [12, с. 208]. Безусловно, Бату свои притязания на эти территории обосновывал, ссылаясь на завещание Чингизхана. Вполне возможно, что договоренности были достигнуты.

Политическое влияние Джучидов в Иране, Закавказье и Анатолии признавалось и в Каракоруме, так как считалось, что весь запад – это удел Джучидов. Конечно, вассальная зависимость государств Закавказья от Монгольской империи еще не была окончательно определена, так как она, хотя и была разделена на улусы, но все еще представляла собой более или менее единый организм. По сути, вариантов непосредственного управления могло быть только два: или центральная власть в Каракоруме, или Улус Джучи. Тем более что Бату как соправитель империи властвовал над западными землями и выдавал жалованные грамоты и ярлыки султанам Рума, Сирии и других стран Малой Азии [9, с. 22]. В 40-е годы XIII века в зависимость попали и грузинские правители. Эти территории теперь также вошли в состав государства Хулагуидов, что было рассмотрено Джучидами как явное нарушение их прав. Кроме того, у Джучидов были свои планы насчет Багдадского халифата, с которым они установили союзнические отношения. Однако после смерти Бату вопрос о кандидатуре нового правителя Улуса Джучи не был решен быстро. Хаган и его окружение отсрочили больше чем на два года приход к власти в Золотой Орде Берке, так как тот был бы против ликвидации халифата [12, с. 224]. Менгу-хаган пытался утвердить на джучидском троне сына Бату Сартака, который по договоренности с Менгу осенью 1256 года отправил золотоордыские воинские подразделения на помощь Хулагу [4, с. 53–54].

Пока в Улусе Джучи окончательно правителем не был утвержден Берке, Хулагу приступил к завоеванию Багдадского халифата. Безусловно, Джучиды в то время не могли выдвинуть своих условий. В 1258 году монгольскими войсками был взят Багдад и казнен халиф [8, с. 205; 9, с. 74], который был союзником Джучидов.

Территория Персии была утверждена как третья имперская провинция в качестве субъекта центральной власти Каракорума [2, с. 172]. После смерти Менгу в 1259 году Хубилай и Хулагу остались на завоеванных территориях и во главе действующих войск. Потомки Хулагу правили в Иране до 1335 года. После смерти ильхана Абу Саида линия потомков Хулагу пресеклась, и ханы после него были подставными, иногда представляя другие линии Чингизидов. В начале 50-х годов XIV века история этого государства закончилась полным развалом. К этому времени отделились и уже успели оформиться в отдельные государства Джелаириды, Музаффариды, Сербедары и др.

За это недолгое время – немногим более 70 лет существования государства Хулагуидов – его отношения с Золотой Ордой практически всегда были напряженными. Если анализировать их противостояние, то можно заметить одну деталь: практически всегда инициаторами конфликтов были Джучиды. В последующем, когда Джанибекхан взял под свой контроль закавказские территории, государства Хулагуидов уже не существовало.

Безусловно, после неудачных войн обе стороны отправляли друг другу посольства, и восстанавливали статус-кво. Однако полноценными эти отношения никогда не были. Именно благодаря этому противостоянию Золотая Орда все больше сближалась с мусульманским миром и в итоге превратилась в мусульманское государство. Основным союзником Золотой Орды в борьбе с Хулагуидами стал мамлюкский Египет, что также коренным образом обусловило геополитические предпочтения постимперской Золотой Орды.

Курултай 1251 года определил всего лишь завершение завоевания территории халифата, а не создание государства. До образования Хулагуидской державы Джучиды свободно распоряжались торговыми путями Закавказья и восточной части Малой Азии. Кроме того, ввозимые купцами из Улуса Джучи товары не облагались налогами [7,

с. 73]. Когда правителем Золотой Орды окончательно стал Берке, многие моменты уже нуждались в пересмотре. Джучиды должны были предъявить достаточно большой перечень требований к новым правителям в землях бывшего Халифата, безусловно, со ссылкой на договоренности Бату с хаганом Менгу.

«Из каждой страны Персии, которые находились под юрисдикцией Мугалов, он [Бату] получал установленные ассигнования, и его агенты были назначены на те должности, которые ему отводились» [13, с. 519]. Однако после смерти Бату выплаты прекратились. Как только Берке вступил на трон, он стал требовать эти доходы [2, с. 176]. Уровень накала был настолько серьезным, что в итоге договориться не удалось, и стороны перешли к открытому противостоянию. Создание нового улуса было некоторым образом легитимизировано только на курултае 1269 года.

Как известно, после смерти в 1259 году хагана Менгу по решению курултая хаганом был объявлен Ариг-Буга. Однако его брат Хубилай выразил неповиновение и объявил себя хаганом. Эта борьба отразилась и на развитии отношений между Берке и Хулагу, так как Хулагу поддержал Хубилая, а Берке стал на сторону Ариг-Буги [8, с. 188] и в начале 1261 года отозвал свои вспомогательные воинские подразделения из армии Хулагу. Тем самым Джучиды потеряли надежду на мирное удовлетворение своих претензий.

В благодарность за поддержку Хубилай в 1263 г. выдал Хулагу ярлык на земли от Амударьи до Сирии и Египта [9, с. 75], тем самым признав новое государство в одностороннем порядке. Такая ситуация была явно направлена против Улуса Джучи. Монгольская империя разрушалась, отсылки к «завещанию Чингиз-хана» или на договоренности Бату с Менгу уже не давали результатов. Политико-экономические интересы Золотой Орды в этих направлениях не соблюдались. Поэтому когда в 1263 году Хулагу объявил себя государем, Джучиды не признали его и начали против него войну. То было первое столкновение между Берке и Хулагу, и произошло оно на реке Куре. В этом противостоянии вначале золотоордынцы понесли поражение и были вынуждены спешно отступить на свою территорию, где собрав большую армию смогли остановить ответное наступление Хулагуидов в кровопролитной битве на Тереке.

После поражения Хулагу приказал уничтожить в Иране золотоордынских купцов. Это делалось по согласованию с Хубилаем, который также уничтожил золотоордынских купцов в Средней Азии [6, с. 207], чтобы, кроме прочего, прекратить торговлю Золотой Орды с Южным Кавказом и Ираном и тем самым разрушить установившиеся во времена Бату отношения Джучидов с Южным Кавказом и с Багдадским халифатом. Борьба между Хубилаем и Ариг-Бугой продлилась до 1264 года [11, с. 37] и закончилась поражением последнего.

После смерти Берке, когда уже окончательно оформились оба улуса, а разногласия между Чингизидами из-за создания империи Юань и государства ильханов были в некоторой степени урегулированы на курултае 1269 года, Джучиды уже не интересовались судьбой Каракорума и открыто его не поддерживали. Во взаимоотношениях с Хулагуидами у них также меняются приоритеты, и главное требование стало сводиться к территориальным претензиям.

В противостоянии с Хулагуидами Джучиды начали использовать и исламскую идеологию. Берке был мусульманином и в своем Улусе опирался на мусульманское духовенство и купечество. Выдвигать претензии, ссылаясь на завещание Чингиз-хана и на джучидско-тулуидские договоренности, становилось бессмысленным, так как Монгольская империя практически распалась. Поэтому в идеологическом плане на первое место начал выступать религиозный фактор. Уничтожение Багдадского халифата и казнь халифа стали ставиться в укор Хулагу. Сближение на этой основе с мусульман-

ским Египтом, возрождение Аббасидского халифата в Египте – все эти события были элементами противостояния Джучидов и Хулагуидов.

В 1260 году мамлюки смогли восстановить халифат, который признал и Берке, взяв его к тому же и под свое покровительство [5, с. 29]. Тем самым Джучиды стали ведущей силой в исламском мире. Естественно, это должно было стать результатом договоренностей и продиктовывалась международными реалиями. Такие серьезные политические акты не могли быть результатом простого волеизъявления, а вытекали из той политической конъюнктуры, которая возникла после создания Улуса Хулагу.

Показательно, что когда взаимоотношения между Берке и Хулагу ухудшились, часть войск Хулагу, которые прибыли к нему из Улуса Джучи, ушла к мамлюкам. С этого времени мамлюкские султаны и превратились в главных союзников золотоордынцев во внешней политике вплоть до конца XIV века. Джучиды начали проводить свою политику уже без учета имперской власти, так как она стала для них бесполезна. Последующее поддержание иллюзии о существовании единой Монгольской империи нужно рассматривать только как часть внешней политики Улуса Джучи.

В Египте правили султаны из военного сословия мамлюков – выходцев из Кипчакских земель, – что также стало причиной сближения обоих государств как родственных. Впоследствии из Золотой Орды к мамлюкам отправлялись тюркские юноши, которые становились мамлюками. Золотоордынские полки на Ближнем Востоке, как отмечалось выше, также ушли к мамлюкам.

Взаимоотношения между двумя улусами в эпоху золотоордынских ханов Менгу-Тимура и Туда Менгу проистекали в рамках четырехугольника, состоявшего из отношений Золотой Орды с Египтом, и ильханов с Византией [1, с. 62]. Византия, не смевшая выступать против Золотой Орды, проводила политику лавирования между Джучидами и Хулагуидами. Золотоордынцам пришлось несколько раз использовать свою военную мощь в решении межгосударственных проблем. В это время Золотая Орда, по сути, формировала собственную внешнюю политику.

Ордынский хан Тула-Буга с 1288 года возобновил борьбу с ильханами и отправил войско для захвата Азербайджана. Но его войско, не добившись своей цели, отступило. Во время внутривосточных осложнений в Золотой Орде, вызванных противостоянием Ногай с центральной властью, Джучиды упустили южное направление, и это привело к окончательному оформлению Хулагуидского государства и укреплению его власти на Закавказье.

После решения внутривосточных проблем Токта-хан возобновил притязания на земли Закавказья. В 1303 году его послы потребовали от ильхана Газана оставить весь Кавказ. Хотя Токта и не добился желаемого, но в области торговли были достигнуты определенные договоренности [1, с. 71].

В 1294 году Токта и ильхан Гейхату заключили мирный договор. А в 1304 году Токта и ильхан Олджейту вновь заключили торговое соглашение. После Токты Узбек-хан также выразил свои притязания на Кавказ, хотя в торгово-экономическом отношении стороны предприняли шаги к оживлению взаимной торговли.

Безусловно, после оформления государства Хулагуидов продолжение его противостояния с Золотой Ордой было связано с борьбой за территорию Закавказья, выгодную в экономическом и стратегическом отношении. Одним из основных источников доходов чингизидских государств была транзитная торговля между государствами Востока и Запада. Два главных мировых торговых пути проходили через Иран и Дешт-и Кипчак. После образования государства ильханов торговые связи между Дешт-и Кипчаком и Ираном были нарушены, а южная трасса вышла из под контроля Джучидов. Поэтому военные действия между этими государствами были неизбежны.

1. Камалов И.Х. Отношения Золотой Орды с хулагуидами. Перевод с турец. яз. и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007.
2. Колбас Дж. Финансовое взаимодействие между монгольскими улусами Джучи и Персии: конфликт и кооперация // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 169–187.
3. Миргалеев И.М. Политика Золотой Орды по отношению к государству хулагуидов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Вып. 3. 2009. С. 346–352.
4. Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2003.
5. Поляк А.Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о восточной и центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Под ред. А.С. Тверитиновой. М.: Наука, 1964. С. 29–66.
6. Порсин А.А. Причины и ход войны между Золотой Ордой и хулагуидским Ираном (1262–1265 годы) // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Изд. «Фэн» АН РТ, 2009. С. 200–210.
7. Сейфеддини М.А. Монетное и денежное обращение в Азербайджане XII–XV вв. Кн. 2. Баку, 1981.
8. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб.: тип. ИАН, 1884.
9. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
10. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М.: Наука. Изд-я фирма «Восточная литература», 1993.
11. Чулууны Далай. Монголия в XIII–XIV веках. М.: Наука, 1983.
12. Jackson P. The dissolution of the Mongol Empire // Central Asiatic journal. Vol. 22 (1978), pp 186–244.
13. Juvaini 'Ata Malik. Genghis Khan, the History of the World Conqueror / Translated and edited by J.A. Boyle. Manchester University Press, Manchester, 1997. 763 p.

§ 6. Противостояние между Улусом Джучи и католической Европой с середины XIII до середины XIV века

Роман Хаутала

В своей «Истории тартар» 1247 года польский минорит Ц. де Бридиа противопоставлял точно определенным границам Европы, охарактеризованной доминированием католической религии, Монгольскую империю, подчинившую основную часть Евразийского континента и отныне непосредственно граничившую с Латинским миром [24, с. 4]. Кочевническая империя представлялась незыблемым государственным объединением, и католическая Европа была поставлена перед необходимостью урегулирования новых политических взаимоотношений, где главная роль отводилась главе Римской церкви.

Достижению актуальных внешнеполитических целей была посвящена миссия Иоанна де Плано Карпини, отправившегося на Восток по распоряжению папы Иннокентия IV в апреле 1245 года. Главной целью дипломатической миссии Иоанна де Плано Карпини было доставить монгольскому правителю послания Иннокентия IV, в которых понтифик выказывал геополитические амбиции, схожие с чингизидскими претензиями на мировое владычество, и требовал отчета за недавнее нападение на католические территории для выяснения ближайших намерений главы кочевнической империи.

В частности, письмо папы «Cum non solum» (от 13 марта 1245 года) содержало порицание правителя монголов за недавнее нападение на Венгрию и Польшу, как и побуждение исполнить акт покаяния [44, с. 147–148].

В свою очередь, в ответном письме великий хан Гуюк выражал раздражение в отношении идеологических амбиций папы только на основе его верховенства в среде католического мира. По мнению великого хана, недавние военные успехи монгольской армии являлись более весомым аргументом в доказательстве особой симпатии Всевышнего. Вследствие этого Гуюк требовал от папы лично посетить ставку хана для изъявления покорности и соответственного установления мирных взаимоотношений [21, с. 142–143]. Согласно Иоанну де Плано Карпини, отказ от подчинения великому хану имел неизбежным следствием начало войны с татарами [36, с. 264]. Более того, брат Иоанн утверждал, что Гуюк уже вынес решение о начале войны против Европы после своей интронизации на всеимперском курултае, и прибавлял к сказанному, что на том же курултае уже были назначены войска и их военачальники для последующего вторжения в Венгрию и Польшу [36, с. 294–295, 323]. Таким образом, Иоанн де Плано Карпини привез в Европу известие о намерении Гуюка возобновить экспансию на западе (не подтверждающееся ни одним восточным источником [42, с. 200]). Однако отдельное указание брата Ц. де Бридиа на разгоревшийся конфликт между великим ханом Гуюком и джучидским правителем Бату объясняло причину, помешавшую осуществлению этих планов [24, с. 21].

Защита Европы от потенциального татарского вторжения.

Не дожидаясь окончания миссии Иоанна де Плано Карпини, папа Иннокентий IV принял определенные предохранительные меры для отражения возможной монгольской агрессии против Европы. Первый Лионский собор католической церкви, начавшийся через два месяца после отправления брата Иоанна на Восток, уделял некоторое внимание татарской угрозе. После завершения собора понтифик сообщал в своей циркулярной булле ряду европейских правителей сущность шестнадцатого канона собора, содержавшего перечень мер, которые должны были обезопасить восточные границы Латинского мира: правители земель, находившихся под непосредственной угрозой татарского вторжения, получили призыв возвести оборонительные сооружения на всех дорогах и проходах, ведущих в их владения, для отражения авангарда татар и получения последующей помощи с запада [16, с. 55]. Таким образом, своим постановлением собор целиком и полностью препоручал защиту от первого натиска агрессоров тем странам, которые граничили с Монгольской империей, откладывая на будущее рассмотрение вопроса об оказании военной помощи.

По замыслу участников собора и самого папы, защитные укрепления на восточных границах Европы должны были временно сдерживать натиск неприятеля; однако ни король Венгрии, ни польские правители не получили ясных гарантий предоставления своевременной военной помощи с запада. Так, в своем послании от 30 января 1247 года Иннокентий IV обещал венгерскому королю Беле IV предоставить помощь крестоносцев, задействованных в военных действиях в Палестине или против Никейской империи [55, I, с. 203–204]. Однако Иннокентий IV не рассматривал той возможности, что за время переброски крестоносцев с Ближнего Востока или даже из Константинополя основная часть королевства могла быть опустошена татарами. В свою очередь, под влиянием слухов о предполагаемом наступлении татар во главе с Гуюком, полученных, как от Иоанна де Плано Карпини, посетившего венгерского короля в августе или сентябре 1247 года, так и от собственных послов, вернувшихся от татар [53, с. 203]; Бела IV указывал в своем ответном письме Иннокентию IV на тот факт, что оборона Венгрии должна была стать общеевропейским делом, и упрекал понтифика в том, что тот уделял намного больше внимания проведению крестовых походов в странах Леванта,

чем усилению обороноспособности Венгрии, от целостности которой зависела безопасность всей Европы [55, I, с. 231–232].

К чести Иннокентия IV, следует отметить, что в качестве компенсации своему пренебрежению безопасностью Венгерского королевства понтифик попытался создать коалицию рутенских княжеств и Тевтонского ордена для организации «своего рода сигнальной системы на восточных границах христианства», заимствуя выражение В.И. Матузовой [9, с. 360]. Однако здесь будет уместно подчеркнуть тот факт, что эта деятельность была направлена на достижение конкретных целей Апостольского престола, заключавшихся в стремлении заключить унию с Православной церковью. В частности, еще по дороге из Польши в ставку Бату Иоанн де Пано Карпини попытался вступить в контакт с галицким князем Даниилом. Но во время своего первого визита к галицкому княжескому двору брат Иоанн не смог встретиться с Даниилом Романовичем, поскольку тот отправился в ставку Бату, чтобы признать формальную зависимость от главы Джучидского улуса при условии сохранения значительной автономии Галицко-Волынского княжества. Тем не менее, Иоанн де Пано Карпини имел возможность встретиться в Галиче с местными православными иерархами, чтобы представить им и брату Даниила, Василько, содержание папского послания «Cum simus super» с призывом воссоединения восточной и западной церквей. По словам брата Иоанна, призыв понтифика был принят чрезвычайно доброжелательно, но ратификации унии помешало отсутствие Даниила [36, с. 304]. Однако при повторном посещении галицкого княжеского двора, после своего возвращения из Монголии (9 июня 1247 года), брат Иоанн уже смог встретиться с князем, Василько Волынским, и местными иерархами, которые, по словам брата Иоанна, выразили ясное желание признать примат папы и заключить церковную унию [36, с. 330].

Радушный прием, оказанный Иоанну де Пано Карпини в Галиче, был очевидным следствием беспокойства галицкого и волынского князей в связи с угрозой татарского вторжения: в 1246 году брат Иоанн посетил княжеский двор Галиции в тот момент, когда никто в Галиче еще не мог предсказать исхода путешествия Даниила Галицкого в ставку Бату. В то же время беспокойство по поводу потенциальной агрессии татар подогревалось и повышенной активностью оглана Куремсы (Курумьши), основавшего свой улус на правобережной Украине [11, с. 94, 97]. В свою очередь, летом 1247 года прибытие папского легата ко княжескому двору совпало с распространением в Восточной Европе слухов о назревающем наступлении на Запад великого хана Гуюка.

К тому же, Иннокентий IV предоставил галицкому и волынскому князьям ряд привилегий, чтобы стимулировать их сближение с папской курией. Уже буллой от 3 мая 1246 года папа принимал под покровительство владения Даниила Романовича [16, с. 69–70], что имело немаловажное значение в связи с недавней агрессией Венгерского королевства в Галиции. Посланием от 27 августа 1247 года понтифик подтверждал за Даниилом и Василько право на возвращение неких наследственных владений, незаконно удерживаемых неопределенными правителями [16, с. 85]. По всей видимости, под этими владениями имелись в виду территории в Штирии и Австрии, на которые галицкий и волынский князья претендовали во время их участия в войне за австрийское наследство [8, с. 688]. В синхронных буллах понтифик предоставлял князьям абсолютное право препятствовать представителям военных орденов приобретать в их владениях земли без их ведома и позволял местным священникам сохранить особенности православной литургии, которые не противоречили бы каноническому праву Римской церкви [16, с. 86–87].

Здесь следует снова подчеркнуть, что для Иннокентия IV главной целью и условием сближения галицкого и волынского князей с папской курией было заключение церковной унии. Главным представителем папы в переговорах выступал его легат Альберт фон Зуербеер, получивший 7 сентября 1247 года предписание удостовериться в проведении религиозных реформ в связи с подготовкой Альберта посетить Галицко-Волын-

ское княжество [16, с. 89–90]. Папа ясно давал понять своему легату, что он не довольствуется персональной унией князей с Римской церковью, но хотел получить от Даниила Романовича свидетельства начала постепенной латинизации местной православной церкви. Взамен, 22 января 1248 года Иннокентий IV посылал Даниилу буллу, в которой призывал князя заранее оповестить тевтонских рыцарей о готовящемся татарском настулении, чтобы они могли, соответственно, своевременно передать эти новости папской курии. Таким образом, в обмен на согласие заключить церковную унию и оповестить папскую курию об агрессивных намерениях татар, галицкий князь получил довольно ненадежное обещание военной поддержки с запада [16, с. 108].

Посредничество папы, очевидно, способствовало сближению Даниила Галицкого с тевтонскими рыцарями в Ливонии, с которыми князь вскоре заключил договор о военном сотрудничестве [7, с. 27]. Однако Даниил, который должен был принимать во внимание и мнение местного православного духовенства, мог позволить себе продолжать переговоры о церковной унии только в обмен на обещания военной поддержки в тот период, когда угроза татарского вторжения рассматривалась вполне достоверной. После же получения известия о смерти Гуюка в апреле 1248 года Даниил, очевидно, разуверился в обоснованности слухов о планируемой экспансии Монгольской империи на западе и прервал переговоры с Апостольским престолом.

Однако четыремя годами позже отношения Даниила Галицкого с соседствующим огланом Куремсой резко обострились. По всей видимости, вдохновленный общеимперской фискальной реформой великого хана Мунке, в 1252 году Куремса направил своего баскака в Бакоту с явным намерением провести перепись населения в Болоховских землях для последующего сбора с них причитающейся дани. Даниил, считавший, в свою очередь, что Болоховские земли находились в сфере его влияния, изгнал баскака Куремсы из Бакоты, что привело к открытому конфликту между Галицким княжеством и соседним татарским правителем. Несколько последующих неудачных вторжений Куремсы на территорию Галицкого и Волынского княжеств показали, что в начавшейся войне Куремса имел в своем распоряжении незначительные силы. Даниил успешно сопротивлялся нападениям Куремсы и мог позволить себе в промежутке напасть на пограничные с Волынью земли ятвагов [5, стб. 828–831, 838, 840–843; 11, с. 96–100].

Тем не менее, в самом начале конфликта Даниил не мог быть уверен в том, что Бату не предоставит Куремсе подмоги, отчего спешно обратился за помощью к папе. В ответ на призыв о помощи со стороны галицкого князя Иннокентий IV адресовал 14 мая 1253 года свое циркулярное письмо всем христианам Богемии, Моравии, Сербии и Померании с указанием на необходимость организации сопротивления назревающему татарскому вторжению. Папа ясно указывал адресатам своего послания, что отпор агрессорам должен был быть организован в рамках антитатарского крестового похода [16, с. 152–153].

Очевидно, что папа рассматривал проповедование крестового похода как наиболее эффективное средство для мобилизации массивных военных и материальных ресурсов. С другой стороны, использование сакрализованных военных действий включало ряд недостатков. В первую очередь организация крестового похода занимала чрезвычайно много времени, не позволяя своевременно ответить на внешнюю угрозу. Кроме того, начиная с IV Крестового похода, всякая военная кампания, санкционированная Апостольским престолом, могла неожиданно отклониться от первоначальной цели. Упомянутая выше папская булла предполагала, что планируемая военная кампания могла быть направлена не только «против тартар», но и против «других язычников».

Результатом проповеди крестового похода была мобилизация 60-тысячной армии во главе с богемским королем Пржемыслом Отакаром II в декабре 1254 года, то есть через полтора года после провозглашения антитатарского крестового похода. Войско

крестоносцев, включавшее в свои ряды добровольцев из Богемии, Моравии, Австрии, Бранденбурга, Саксонии, Тюрингии, Мейсена и других германских земель, по всей видимости, было одной из самых крупных армий, пересекавших территории Польши в средневековье [37, с. 304–305]. Однако, получив в дальнейшем сведения о незначительности татарской угрозы, армия крестоносцев проследовала в Пруссию, чтобы осуществить зимой 1254–1255 годов молниеносную кампанию против местных язычников, закончившуюся полным разгромом самбов [7, с. 31–32].

Вполне возможно, что проведение этого крестового похода принесло определенную пользу Даниилу, получившему возможность напасть на земли ятвагов [7, с. 35–38]. С другой стороны, галицкий князь смог убедиться на практике, что в случае возможного татарского вторжения он не успел бы получить своевременной поддержки от папы в связи с тем, что мобилизация сил крестоносцев требовала слишком много времени, и эти силы могли быть направлены на достижение альтернативных политических целей. Следствием осознания неактуальности помощи понтифика было постепенное ухудшение в отношениях между галицким князем и Апостольским престолом, усугубившееся временным сближением папской курии с Великим княжеством Литовским. В письме, адресованном литовскому князю Миндовгу 5 марта 1255 года, папа Александр IV призывал того способствовать борьбе со схизмой и закреплял за ним право на новые территориальные приобретения в Волыни [56, I, с. 61]. Решение папы не могло не сказаться на отношениях папской курии с галицким князем, отвергнувшим, в конце концов, союз с Римской церковью. В частности, в своем письме Даниилу от 13 февраля 1257 года Александр IV уже угрожал князю крестовым походом, поскольку галицкий князь явно препятствовал воплощению условий унии [14, с. 66]. Таким образом, к моменту возобновления татарского натиска на западе, Галицко-Волынское княжество оказалось вне сферы влияния Латинского мира, что незамедлительно сказалось на безопасности его восточных пределов.

Второе вторжение татар в Польшу.

С приходом к власти Берке в 1257 году приоритеты во внешней политике Улуса Джучи резко изменились. В этом же году Берке принял решение передать управление улусом Куремсы на правобережной Украине темнику Бурундаю [5, стб. 846; 12, с. 30]. Постановление нового джучидского правителя отражало ясное намерение Берке приступить к экспансии в северо-западном направлении. Бурундай был одним из самых выдающихся татарских полководцев, отличившимся во время предыдущих военных кампаний в Волжской Булгарии, Северо-Восточной Руси и, что важнее, в ходе вторжения Бату в Венгрию в 1241–1242 годах. Таким образом, он обладал опытом военных действий против европейцев, и от него ожидалось применение этих навыков в ходе будущей территориальной экспансии [6, с. 48–49, 73]. Кроме того, в распоряжение Бурундая были предоставлены намного более крупные военные силы по сравнению с прежним потенциалом Куремсы [5, стб. 846].

В 1259 году Бурундай вошел со своей армией в Галицию и в знак покорности явившихся ему на поклон Василько Волынского и сыновей Даниила Галицкого (сам Даниил бежал к полякам и далее – в Венгрию [5, стб. 850]) повелел им снести крепостные стены в Данилове, Стожке, Львове, Кременце, Луцке и Владимире [12, с. 32]. Несмотря на то, что гарнизон Холма, новой столицы Галиции, отказался это сделать и даже оказал успешное сопротивление войскам Бурундая, в целом можно сказать, что с этого момента правители Галицко-Волынского княжества вынуждены были признать свое непосредственное подчинение Улусу Джучи [41, с. 109, п. 88]. В первую очередь признание их покорности выразилось в исполнении воинской повинности в ходе последовавшего далее вторжения в Польшу, в котором, согласно «Великопольской хронике», их военные подразделения приняли самое активное участие [47, VIII, с. 113–114].

Обеспечив себе надежный тыл, армия Бурундая, включавшая в свой состав галицко-волынские подразделения, в ноябре 1259 года вторглась на территорию Малой Польши [47, VIII, с. 113]. Спешно миновав Люблин и Завихост, татары пересекли Вислу и вторглись в Сандомирскую область [5, стб. 852]. Далее, согласно описанию синхронного «Рочника Краковского капитула», татары взяли штурмом Сандомир, уничтожив или уведя в плен основную часть его жителей, и вторглись в Краковскую землю [47, V, с. 87–88, II, с. 585–586; 5, стб. 852–855]. Этот же польский источник сообщает, что армия Бурундая нанесла значительно больший урон Польше, чем войска Ордаичена, воевавшие на ее территории в 1241 году. Татары не встретили существенного сопротивления (хотя и не решились штурмовать Краков) и, по утверждению нескольких польских источников, вернулись на восток (в апреле 1260 года) с большим числом пленников [49, с. 626; 46, II, с. 839, III, с. 73, 170; 47, V, с. 242; 20, с. 528].

В свою очередь, королевство Венгрии осталось в стороне от конфликта, избежав татарского вторжения. В 1259 году Берке обратился к венгерскому королю Беле IV с требованием заключить военный союз в преддверии нападения татар на Малую Польшу, о чем становится известно из ответа папы Александра IV венгерскому монарху от 14 октября того же года [55, I, с. 240]. Бела IV прибег к своему рода шантажу, угрожая папе уступить требованиям Берке в случае, если он будет лишен конкретной поддержки Апостольского престола. Понтифик, со своей стороны, подчеркивал, что принятие татарского ультиматума поставило бы под сомнение доброе имя любого христианского правителя, и указывал на ненадежный характер всякого политического договора, заключенного с татарами. Кроме того, Александр IV ясно давал понять венгерскому суверену, что его попытка политического шантажа оказалась безуспешной, и отказывал ему в какой-либо конкретной помощи [55, I, с. 240–241].

Письмо папы Урбана IV, адресованное венгерскому правителю 28 января 1264 года, указывало на то, что притязания Берке оставались в силе и через четыре года [55, I, с. 264]. Венгерский монарх, со своей стороны, смог отклонить требования Берке, но, по всей видимости, сделал это наиболее тактичным образом. Бела IV, вероятно, признал формальную зависимость от татарского правителя и выплачивал ему нерегулярную дань всякий раз, когда татарские послы прибывали к королевскому двору с официальной угрозой военного вторжения [10, с. 135]. Прибытие первого татарского посольства в Венгрию документально засвидетельствовано в 1263 году [в копии 1271 года; см. ссылку в: 41, с. 222, п. 31]. Но наиболее подробно дипломатические обмены между татарами и венграми освещает дарственная грамота короля Иштвана V от 10 декабря 1270 года, описывающая два предыдущих венгерских посольства к хану Менгу-Тимуру, способствовавшие умиротворению золотоордынского правителя [32, с. 347–348]. Вероятно, оба этих посольства сопровождалось предоставлением обильных подарков «императору» татар. Выплата дани татарам должна была продолжаться и позже, и в 1288 году архиепископ Эстергома открыто обвинял короля Ласло IV в признании своего подчинения хану Тула-Буге [см. ссылку в: 41, с. 222, п. 32]. Хотя возмущение эстергомского прелата было, скорее, связано с ухудшением отношений между венгерским монархом и местным духовенством. Ласло IV последовательно продолжал дипломатическую политику, которой придерживались до этого его дед и отец [41, с. 201].

Вторжения Ногая и Тула-Буги в Венгрию и Польшу.

Упомянутые выше свидетельства о посольствах, направленных Белой IV для умиротворения джучидских правителей, указывают на то, что Венгерское королевство находилось под постоянной угрозой татарского вторжения. Так, в 1265 году венгерский монарх информировал папскую курию о возобновлении угрозы нашествия и обратился к папе Клименту IV с очередной просьбой о помощи. В ответном послании, адресованном архиепископам Эстергома и Калочи в июне 1265 года, понтифик санкционировал проповедо-

вание антитатарского крестового похода на территории Венгрии, Богемии, Польши, Штирии, Австрии, Каринтии и марки Бранденбурга [55, I, с. 280]. Таким образом, Климент IV всерьез рассматривал угрозу татарского нападения на Центрально-Восточную Европу и впервые откликнулся на многочисленные призывы венгерского монарха о предоставлении помощи. В 1270 году татары напали на Венгерское королевство, воспользовавшись, согласно продолжателю хроники минорита из Эрфурта, периодом междуцарствия после смерти Бельи IV [27, с. 213]. Согласно одной дарственной грамоте короля Андраша III 1291 года, татары нападали на Венгрию и после смерти Иштвана V (1272), воспользовавшись несовершеннолетием его сына, короля Ласло IV [33, VII/2, с. 141].

В свою очередь, к моменту совершеннолетия Ласло IV королевство Венгрии оказалось подвержено внутренним волнениям куманов, недовольных внедрением программы насильственной христианизации венгерских кочевников и одновременными посягательствами венгерского монарха на их политическую автономию. Восстание куманов началось в 1280 году, но двумя годами позже Ласло IV удалось нанести крупное поражение мятежникам в битве при озере Худ [22, с. 146–147]. После разгрома значительная часть куманов бежала к татарам, и, согласно своду венгерских хроник XIV века, вследствие происков именно этих беженцев, Ногай и Тула-Буга приняли решение о нападении на Венгрию, масштабы которого уступали только нашествию Бату 1241 года [54, I, с. 472].

Согласно малым анналам Аугсбурга, татары вторглись в Венгрию 2 февраля 1285 года и пребывали там в течение последующего Великого поста [18, с. 10]. Венгрия подверглась одновременному нападению армии Ногая с юга и войск Тула-Буги с востока. В отношении действий Ногая синхронное послание эстергомского пресвитера Бенедикта указывает на то, что военные операции имели исключительно карательный характер и были направлены против сельских жителей, поскольку татары не пытались брать штурмом каких-либо укрепленных городских центров [45, II, с. 419]. Королева Елизавета, жена Ласло IV, имела возможность обозревать со стен Буды авангард обоих татарских армий, соединившихся под Пештом, о чем свидетельствует ее дарственная грамота [33, VII/2, с. 110–111].

Разграбив окрестности Пешта, татары стали возвращаться обратно, и обе армии направились назад порознь, следуя по тому же пути, которым они вторглись в королевство. В ходе возвращения, армия Ногая понесла определенные потери от войск следовавшего за ним по пятам Ласло IV [10, с. 153]. Однако наиболее серьезный урон Ногай понес от трансильванских секеев, валахов и немецких колонистов [41, с. 205], показавших насколько небезопасно было оставлять у себя в тылу нетронутыми крепости противника. В частности, уже упомянутый пресвитер Бенедикт сообщал в своем послании, что секеи, валахи и саксонцы значительно затрудняли возвращение татар, соорудив на трансильванских дорогах засеки и другие заграждения [45, II, с. 419]; а «Рочник Траски» описывал существенные потери, понесенные войсками Ногая при попытке атаковать христианские укрепления на обратном пути [46, II, с. 850, III, с. 183].

Но несмотря на все эти упоминания, урон Ногая, вероятно, был незначительным; и утверждение пресвитера Бенедикта о том, что потери татар исчислялись 26 тысячами, кажется преувеличением [45, II, с. 419]. Более достоверными, однако, могут оказаться сведения об отступлении войск Тула-Буги, понесших большие потери по причине крайне неблагоприятных климатических условий. Так, «Нидеральтайхские анналы» сообщают, что возвращавшиеся татары сильно пострадали от града, снега и ливней, как и от следовавших за ними венгерских войск [31, с. 414; 39, I, с. 257, 297–298; 18, с. 10]. «Ипатьевская летопись», в свою очередь, дополняет эти сведения указанием на голод, свирепствовавший среди армии Тула-Буги; хотя ее утверждение о том, что из всей сво-

ей армии Верецкий перевал смог пересечь только сам Тула-Буга «с женой и кобылой», следует признать неправдоподобным преувеличением [5, стб. 891].

В отношении причин татарского вторжения в Малую Польшу, последовавшего за нападением на Венгрию, было высказано предположение, что оно было следствием неудачного исхода предыдущей кампании 1280 года [10, с. 154]. Данная кампания, в свою очередь, была начата по инициативе галицкого князя Льва Даниловича, попытавшегося завладеть малопольским княжеством после смерти Болеслава V Стыдливого в 1279 году. В преддверии вторжения в Малую Польшу Лев Данилович обратился за военной поддержкой к Ногаю, полностью поддержавшему предложение галицкого князя. Ногай выслал ему на помощь довольно ограниченные военные подкрепления во главе с татарскими военачальниками Кончаком, Козеем и Кубатаном [5, стб. 881]. Важнее, однако, было повеление Ногаю принять участие в планируемой кампании, адресованное литовскому и волынским князьям. В феврале 1280 года [46, II, с. 847, nota 1] объединенные галицко-волынские войска вторглись в Малую Польшу при поддержке татарских и литовских подкреплений и, миновав Завихост, приблизились к Сандомиру. Здесь они разделились. Волынские отряды остались у Сандомира, не предприняв серьезных попыток его завоевания за все время своего пребывания на малопольских территориях. Лев Данилович вместе со своими татарскими и литовскими союзниками вторгся в Краковскую землю, где пребывал до сентября того же года, не достигнув каких-либо существенных успехов. Вновь избранный малопольский князь Лешек Черный принял решение перейти в успешное контрнаступление, сигналом к которому послужила неожиданная победа малопольских войск под Госличем над подразделениями татар, литовцев и рутенов [46, II, с. 847, III, с. 364; 19, с. 429; 5, стб. 881–882].

Естественно, Ногаю не могли не раздражать как потери среди личного состава татарских подразделений, так и общая неудача военной кампании. Однако татарская реакция заставила себя ждать более семи лет. Поэтому более вероятным поводом для татарского вторжения послужило нападение Лешека Черного на галицкие территории во время последующего татарского похода в Венгрию в 1285 году, помешавшее Льву Даниловичу принять участие во вторжении в венгерское королевство в составе армии Тула-Буги [5, стб. 888].

Согласно «Житию Святой Кунигунды», татарские войска вторглись в Малую Польшу 6 декабря 1287 года и пребывали на ее территории до 11 февраля следующего года [46, IV, с. 715]. Как и во время венгерской кампании, армии Ногаю и Тула-Буги двигались порознь, не встречая открытого сопротивления на пути своего следования. Тула-Буга пересек с определенными трудностями замерзшую Вислу и приблизился к Сандомиру. Попытка взять Сандомир штурмом оказалась неудачной, и, отказавшись от осады, хан принял решение двинуться в сторону Кракова. Однако на полдороге он узнал, что Краков уже осажден войсками Ногаю, прибывшего туда другой дорогой через Перемышль примерно к Рождеству, согласно датировке «Познаньского рочника» [47, VI, с. 130]. Получив эти известия, Тула-Буга быстро вернулся в Сандомирию и проследовал далее в Галицию, основательно разорив как оккупированные польские территории, так и союзнические земли князя Льва Даниловича [5, стб. 893–895]. Ногаю также пришлось ограничиться опустошением окрестностей Кракова, поскольку попытки штурма малопольской столицы встретили энергичное сопротивление ее жителей. Позже в благодарность за отпор, оказанный татарам, Лешек Черный вознаграждал краковчан дарственной грамотой, освобождавшей их от сбора налогов [43, с. 4].

В общих чертах рассмотрение этой кампании оставляет впечатление, что ее главной целью был карательный набег на польские территории. С другой стороны, отдельного замечания заслуживает несогласованность в проведении военных операций обоими татарскими армиями, следствием чего была неудача при осаде Сандомира и в осо-

бенности Кракова. Столица Малой Польши, очевидно, должна была стать ключевым пунктом военных операций, где должны были сойтись обе армии, двигавшиеся к этой цели по-отдельности. Однако «великая нелюбовь», определявшая, согласно «Ипатьевской летописи» [5, стб. 892], в это время отношения между Ногаем и Тула-Бугой, помешала наладить совместные действия двух армий. Венгерский король Ласло IV, напротив, поспешил предоставить полякам своевременную помощь и направил против татар войска под командованием Дьордя, сына Шимона, которые нанесли поражение одному из подразделений Ногаю, согласно дарственной грамоте венгерского монарха 1288 года [33, V/3, с. 395].

От хана Токты до войны за Галицкое наследство.

Внутренний конфликт между Тула-Бугой и Ногаем, последовавший за кампанией 1287–1288 гг., привел к резкому снижению татарской активности на границах католического мира [41, с. 205]. В дальнейшем, в связи с консолидацией внутренней ситуации в Улусе Джучи в период правления Токты, татары произвели относительно крупный набег на Сандомирскую землю в 1293 году, воспользовавшись конфликтом Владислава Локетек с богемским королем Вацлавом II [40, VII, с. 277; 46, II, с. 852, III, с. 184]. Любопытно отметить, что в преддверии этого нападения татары направили свое посольство к богемскому монарху [38, с. 718], по всей видимости, стремясь заручиться его нейтралитетом в будущем конфликте или даже пытаясь наладить военное сотрудничество [41, с. 200].

Татары, очевидно, уже стали рассматриваться как потенциальные союзники в междоусобных конфликтах христианских правителей. В частности, согласно «Малопольскому рочнику», в 1302 году Владислав Локетек воспользовался помощью рутенов и татар для нападения на Малую Польшу [46, III, с. 186]. Это нападение, однако, оказалось безуспешным для союзников; и в ходе последовавшего контрнаступления малопольских войск, галицкий князь Юрий I Львович потерял Люблин [46, II, с. 853; 4, с. 128].

В ходе обоих набегов татары располагали значительно меньшими военными силами по сравнению с предыдущим вторжением Тула-Буги и Ногаю, и данное наблюдение предполагает заметное снижение интереса золотоордынских правителей к разворачиванию военных действий на территории Польши и Венгрии. В частности, в правление Токты татары совершили единственный значительный набег на владения королевства Венгрии, напав в 1293 году на юго-западный регион Мачва, согласно тексту дарственной грамоты Андраша III от 10 ноября того же года [51, с. 125]. Другое татарское нападение на словацкую область Лелес в 1305 году, вероятно, не имело существенных последствий [41, с. 206, 226, nota 75].

Татары не подвергали Венгрию серьезным нападениям и в течение правления Узбека, что позволило венгерскому монарху Шароберу активизировать свою внешнюю политику в юго-восточном направлении. В частности, в 1323 году во время своего пребывания в Трансильвании Шаробер направил военные силы на некие татарские территории во главе со своим приближенным, Финтой Мендийским, о чем свидетельствует королевская грамота от 12 августа 1324 года [57, I, с. 388–389]. Вылазки на татарские владения имели место и позже, что следует из благодарности, выраженной в 1325 году папой Иоанном XXII венгерскому королю за посылку в Авиньон двух пленных татарских юношей [55, I, с. 501–502]. Татарское вторжение 1326 года, отображенное прусским анналистом Петром из Дуйсбурга в крайне преувеличенном масштабе, очевидно, было ответом на эти нападения [52, I, с. 213]. Тем не менее, венгерские войска продолжили нападения на татар, и в 1331 году их лично возглавил Шаробер, согласно поздравлениям, выраженным понтификом венгерскому королю в августе 1331 года [32, с. 617].

В свою очередь, отношения Польши с Золотой Ордой временно обострились вследствие внезапной смерти в 1323 году галицкого князя Андрея Юрьевича и его бра-

та, волынского князя Льва II. Как следует из послания, адресованного Владиславом Локетекком папе Иоанну XXII 21 мая 1323 года, польский король рассматривал обоих рутенских князей в качестве надежной защиты восточных пределов собственного королевства. Однако после их скорострительной смерти, положившей конец правлению династии Романовичей в Галиции и на Волыни, Владислав Локетек выражал папе опасения по поводу выбора их наследников и просил Иоанна XXII санкционировать проведение крестового похода в связи с потенциальной возможностью столкновения Польши и Золотой Орды [1, с. 152].

Понтифик, занятый борьбой с императором Людвигом IV, дал согласие на антитатарский крестовый поход только в 1325 году [17, с. 162]. Однако к тому времени внешнеполитический кризис был уже преодолен утверждением во главе Галиции мазовецкого принца Юрия II Болеслава [41, с. 209]. Вокняжение Юрия-Болеслава было следствием компромисса между Владиславом Локетекком и литовским князем Гедимином [13, с. 34]. Важнее, однако, что выбор нового галицкого князя был одобрен и ханом Узбеком, пытавшимся учесть литовские и польские интересы в Рутении при обязательном условии продолжения получения дани с Галицко-Волынского княжества [50, с. 307–308; 2, с. 94].

Узбек, таким образом, придерживался довольно пассивной позиции по отношению к королевству Польши, не посягая на автономное правление Юрия-Болеслава в Галиции и довольствуясь взиманием ежегодной дани с рутенских земель. Однако в конце своего правления он стал проявлять определенное беспокойство в отношении экспансионистских претензий польского и венгерского правителей и принял решение прибегнуть к посредничеству папы для разрешения приграничных конфликтов. Весной 1340 года Узбек направил в Авиньон францисканца Элиаша из Венгрии, приближенного своего старшего сына Тинибека, с письмом, в котором призывал понтифика оказать давление на католических правителей для стабилизации их отношений с Улусом Джучи. В ответном послании от 17 августа 1340 года Бенедикт XII уверял хана, что приложит все усилия для удовлетворения его просьбы [23, с. 78]. Этот ответ, однако, не отличался чистосердечием, поскольку за полмесяца до того Бенедикт XII провозгласил проповедование антитатарского крестового похода в Польше, Венгрии и Богемии [15, с. 102–104].

Поводом для беспокойства Узбека была неожиданная смерть князя Юрия-Болеслава, отравленного около 7 апреля 1340 года [46, II, с. 860] местными боярами за попытку латинизации галицкой церкви, если принять на веру утверждение Иоанна Винтертурского [26, с. 184]. Согласно рочнику Траски, польский король Казимир III немедленно воспользовался смертью галицкого князя и с небольшим войском захватил Львов, чтобы повторить нападение в июне того же года со значительно большими силами, результатом которого было, по всей видимости, завоевание Перемышля [46, II, с. 860–861, III, с. 199–200]. Предвидя реакцию Узбека, Казимир поспешил обратиться за помощью к папе Бендикту XII, о чем свидетельствует ответное послание понтифика от 1 августа 1340 года, одобрявшего проповедование анти-атарского крестового похода [15, с. 103–104].

По словам Яна из Чарнкова, главным поводом для последовавшего татарского вторжения было рутенское посольство к Узбеку во главе с боярским ставленником в Галиции Дмитрием Дедько и волынским служебным князем Даниилом Острожским, уверившим хана в том, что в намерения Казимира входили не только оккупация Рутении, но и отказ от выплаты ежегодной дани джучидскому правителю. Вследствие этого татарская армия вторглась на территорию Малой Польши в начале 1341 года [26, с. 181], но была оставлена польскими войсками на Висле [46, II, с. 620–622, 860–861, III, с. 200; 47, VI, с. 130; 15, с. 112; 26, с. 184; 39, II, с. 218]. Согласно «Свентокшискому рочнику» (с неправильной датой), на обратном пути татары тщетно пытались взять Люблин, но его осада была неожиданно прервана в связи с гибелью их военачальника [46, III, с. 78]. Однако больше доверия внушает указание Франтишека из Праги на то,

что татары были вынуждены отступить из-за голода и морозов [34, с. 429]. В данном контексте особого внимания заслуживает предположение Иоанна Винтертурского о том, что татарское вторжение не было вызвано политическими причинами, но было следствием жесточайшего голода, свирепствовавшего внутри Золотой Орды, и соответственного стремления кочевников найти пропитание в соседних землях [26, с. 181].

По завершению этого набега, хан Узбек сконцентрировался на военных походах против Византии и Чагатайского улуса, и вследствие последующей смерти хана, татары не смогли помешать усилению влияния польского короля в Галиции [41, с. 210]. Фактическим правителем Галиции оставался посадник Дмитр Дедько, вынужденный, однако, вскоре признать формальное подчинение Казимиру при условии сохранения православно-обряда [13, с. 38–39].

Период правления Джанибека.

Тем не менее, война за Галицию не утихла, и Казимир был вынужден повторно обратиться за помощью к Авиньонской курии. В 1343 году папа Климент VI предоставил польскому королю на четыре года десятину от доходов архиепископа Гнезно и его суффраганов, обосновывая свое решение непрекращающимися набегами татар, рутенов и литовцев на новые территориальные приобретения Казимира [56, I, с. 468–469]. Однако позже Казимир, по-видимому, согласился на начало непосредственных дипломатических сношений с золотоордынским ханом. Так, согласно «Меховскому рочнику», в 1349 году Казимир вел переговоры с татарскими послами, результатом которых было польское завоевание «Руссии», т.е. всей Галиции и основной части Волыни [46, II, с. 885]. Условия этого дипломатического пакта между Казимиром и Джанибеком остаются неясными. По всей видимости, польский король заручился нейтралитетом татар во время его военной кампании против литовцев, осуществленной в этом же году. В свою очередь, Джанибек, вероятно, получил гарантии выплаты традиционной дани с рутенских территорий, несмотря на то, что они перешли под протекторат польского монарха. Во всяком случае, в своем более позднем письме, адресованном Казимиру 24 января 1357 года, папа Иннокентий VI упрекал польского государя за то, что тот выплачивал Джанибеку ежегодный налог с имущества в своих новых территориальных приобретениях и стал данником золотоордынского хана [56, I, с. 581].

Вероятно, Казимир не строго придерживался условий заключенного пакта, поскольку двумя годами позже татары заключили военный союз с литовцами, согласно содержанию послания папы Климента VI, адресованного польским прелатам 14 марта 1351 года с повелением предоставить польскому королю десятину еще на четыре года. Любопытно отметить упоминание в булле понтифика об обращении в католичество некоего «могущественного князя» в рутенских землях, под которым Климент VI, по всей видимости, имел в виду одного из сыновей литовского князя Кориата [3, с. 145]; свидетельствуя, тем самым, о разногласиях среди литовцев [56, I, с. 531–532].

По словам Генриха Таубе из Зельбаха, в марте следующего года татары вторглись в Малую Польшу и завоевали некий польский город [25, с. 102–103; 28, с. 4]. В свою очередь, сведения «Меховского рочника» позволяют предположить, что этим завоеванным городом был Люблин [46, II, с. 885]; а продолжатель хроники Матиаса из Нойенбурга указывает на то, что основная часть войск, вторгнувшихся в Польшу, состояла из литовцев [35, IV, с. 284]. Вследствие этого нападения папа Климент VI санкционировал проповедование крестового похода в поддержку Польши буллой, адресованной 4 ноября 1354 года прелатам Гнезно, Кракова и Братиславы [55, II, с. 10–11], текст которой воспроизводил почти дословно предыдущую буллу Бенедикта XII от 1 августа 1340 года [15, с. 102–104], но с упоминанием литовцев наравне с татарами в качестве объектов организуемой военной кампании.

Однако к моменту издания этой буллы Казимир уже заключил перемирие с литовцами, заручившись их нейтралитетом в случае повторного нападения татар на Польшу [3,

с. 145]. Польский король, очевидно, сделал все возможное для того, чтобы расстроить военный союз между литовцами и татарами. Так, в 1353 году он отправил в качестве посла к «татарским народам» своего приближенного, Яна Пакослава, согласно содержанию королевской грамоты от 19 января 1354 года [29, с. 209–210]. Более того, более позднее послание Казимира, адресованное 2 января 1363 года папе Урбану V, упоминало многократное посещение Пакославом «цезаря неверных татар» для заключения перемирий [48, с. 400; 3, с. 145]. К 1356 году Казимир уже мог похвастаться военным союзом с «семью татарскими князьями» в своем призыве принять участие в планируемой военной кампании против Литвы, обращенном к хохмейстеру тевтонских рыцарей [30, с. 107]. В свою очередь, тевтонские рыцари, сблизившиеся к этому времени с литовцами, послали в Авиньон обвинения Казимира в заключении союза с татарами и выплате им ежегодной дани в обмен на владение рутенскими землями [41, с. 211]. Иннокентий VI, соответственно, обратился с упреком к польскому королю, содержащимся в послании от 24 января 1357 года, в котором понтифик не скрывал своего возмущения тем фактом, что Казимир стал руководствоваться исключительно прагматичными интересами для удержания своих недавних территориальных приобретений [56, I, с. 581].

1. Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907. 334 с.
2. Войтович Л.В. Король Данило Романович // Доба Короля Данила в науці, мистецтві, літературі. Львів, 2008. С. 22–97.
3. Гулевич В. Тука-Тимуриди і західні землі улусу Джучі // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики / Відп. ред. Г. В. Боряк. Число 22–23. Київ, 2013. С. 138–178.
4. Густынская летопись // Полное собрание русских летописей. Том 40. СПб., 2003. 201 с.
5. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Том 2. М., 1962. 638 с.
6. Костюков В.П. «Железные псы» Батуидов // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. № 1. Уральск, 2008. С. 43–96.
7. Майоров А.В. Даниил Галицкий и крестовый поход в Пруссию // Русин. № 4/26. Кишинев, 2011. С. 26–43.
8. Майоров А.В. Русь, Византия и Западная Европа. СПб., 2011. 800 с.
9. Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. М., 2002. 488 с.
10. Узелац А. Под сенком пса. Београд, 2015. 324 с.
11. Черкас Б. Західні володіння Улусу Джучи. Київ, 2014. 387 с.
12. Черкас Б. Синьоводська битва 1362 року. Київ, 2012. 127 с.
13. Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. 183 с.
14. Acta Alexandri P.P. IV (1254–1261) / Haluscynskij Th.T., Wojnar M.M. (eds.). Romae, 1960–1966. xxviii + 162 p.
15. Acta Benedicti P.P. XII (1334–1342) / Täutu A.L. (ed.). Romae, 1958. xvi + 260 p.
16. Acta Innocentii P.P. IV (1243–54) / Haluscynskij Th.T., Wojnar M.M. (eds.). Romae, 1962. xlv + 226 p.
17. Acta Ioannis P.P. XXII (1317–1334) / Täutu A.L. (ed.). Romae, 1966. xix + 302 p.
18. Annales Augustani minores // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Vol. X. Stuttgart, 1852. P. 8–11.
19. Annales Sandivogii // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Vol. XXIX. Hannover, München, 1892. P. 424–430.
20. Annales Wratislavienses antiqui et annales magistratus Wratislaviensis // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Vol. XIX. Hannover, München, 1866. P. 526–531.
21. Benedictus Polonus. Relatio / Van den Wyngaert A. (ed.) // Sinica Franciscana. Vol. I. Quaracchi, 1929. P. 135–143.
22. Berend N. At the Gate of Christendom. Cambridge, New York, 2001. xvii + 340 p.

23. Bullarium Franciscanum. Vol. 6 / Eubel C. (ed.). Romae, 1902. liv + 687.
24. C. de Bridia. Hystoria Tartarorum / Önnersfors A. (ed.). Berlin, 1967. x + 44 p.
25. Chronica Heinrici Surdi de Selbach / Bresslau H. (ed.). Berlin, 1922. lxxvii + 167 p.
26. Chronica Iohannis Vitodurani / Baethgen F., Brun C. (eds.). Berlin, 1924. xxxvii + 332 p.
27. Chronica minor auctore minorita Erphordiensi // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Vol. XXIV. Hannover, München, 1879. P. 178–213.
28. Chronicon Moguntinum / Hegel K. (ed.). Hannoverae, 1885. xxi + 103 p.
29. Codex diplomaticus Poloniae. Vol. I / Helcel A.Z. et al. (eds.). Varsaviae, 1847. xxiii + 367 p.
30. Codex diplomaticus Prussicus. Vol. 3 / Voight J. (ed.). Königsberg, 1848. xxiv + 200 p.
31. Continuatio Altahensis // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Vol. XVII. Hannover, München, 1861. P. 408–416.
32. Documente privitoare la istoria Românilor. Vol. I. / Hurmuzaki E., Densușianu N. (eds.). București, 1887. xxx + 701 p.
33. Fejér Gy. Dissertationes in res Hungariae. 11 Vols. Budaë, 1829–1844.
34. Fontes rerum Bohemicarum. Vol. 4 / Emler J. (ed.). Praha, 1884. xxviii + 571 p.
35. Fontes rerum Germanicarum. 4 Vols. / Böhmer J.F., Huber A. (eds.). Stuttgart, 1843–1868.
36. Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli / Daffinà P. et al. (eds.). Spoleto, 1989. viii + 522 p.
37. Gładysz M. Forgotten Crusaders: Poland and the Crusader Movement in the Twelfth and Thirteenth Centuries. Leiden, 2012. xxv + 433 p.
38. Heinrici de Heimburg annales // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Vol. XVII. Hannover, München, 1861. P. 711–718.
39. Iohannis abbatis Victoriensis Liber certarum historiarum. 2 Vols. Hannoverae, Lipsiae, 1909–1910.
40. Ioannis Dlugossii Annales. Vol. VII–VIII. Varsaviae, 1975. 431 s.
41. Jackson P. The Mongols and the West. Harlow, 2005. xxxiv + 414 p.
42. Jackson P. The Dissolution of the Mongol Empire // Central Asiatic Journal. № 22. Wiesbaden, 1978. P. 186–244.
43. Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa. Vol. I. Krakowie, 1879. lxxx + 370 s.
44. Lupprian K.-E. Die Beziehungen der Päpste zu islamischen und mongolischen Herrschern. Città del Vaticano, 1981. 328 s.
45. Monumenta ecclesiae Strigoniensis. 4 Vols. Strigonii, Budapestini, 1874–1999.
46. Monumenta Poloniae historica. 6 Vols. Warszawa, 1960–1961.
47. Monumenta Poloniae historica, Series nova. Kraków, 1946.
48. Monumenta Poloniae Vaticana. Vol. 3 / Ptaśnik J. (ed.). Cracoviae, 1914. lvi + 572 p.
49. Neues Archiv der Gesellschaft für Ältere Deutsche Geschichtskunde. Band 2. Berlin, 1877.
50. Pelensky J. The Contest between Lithuania and the Golden Horde // Archivum Eurasiae Medii Aevi. № 2. Wiesbaden, 1982. P. 303–320.
51. Regesta regum stirpis Arpadianae critico-diplomatica. Vol. II/4. / Szentpétery I., Borsa I. (eds.). Budapest, 1987. 336 p.
52. Scriptorum rerum Prussicarum. 5 Vols. / Hirsch Th. et al. (eds.). Leipzig, 1861–1874.
53. Sinor D. John of Plano Carpini's Return from the Mongols // Journal of the Royal Asiatic Society. № 3–4. Cambridge, 1957. P. 193–206.
54. Szentpétery I. Scriptorum rerum hungaricarum. 2 Vols. Budapestini, 1937–1938.
55. Theiner A. Vetera Monumenta Historica Hungariam Sacram Illustrantia. 2 Vols. Romae, 1859–1860.
56. Theiner A. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. 4 Vols. Romae, 1860–1864.
57. Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen. 2 Vols. / Zimmermann F., Warner C. (eds.). Hildesheim, Zürich, New York, 2007.

§ 7. Золотая Орда и Балканы (XIII–XIV века)³²

Александар Узелац

Монгольское вторжение.

Известия о приближающемся монгольском нашествии достигли Балканского региона уже в 1239 году. В то время большая группа куманов, бежавших от монголов, пересекла Дунай, предаваясь разбою на пути своего следования. Беженцы в конце концов обосновались в различных частях Балканского полуострова, но большинство их остановилось в Болгарии. Несмотря на то, что прибытие куманов оказало позитивное влияние в ближайшие годы, их умиротворение представляло собой сложную задачу для государств юго-восточной Европы, находившихся во враждебных отношениях друг с другом. Единственная мера для организации сопротивления монголам была предпринята слишком поздно. Летом 1241 года умер Иван Асен II, великий болгарский правитель и наиболее влиятельный деятель в балканской политике; после чего между тремя взаимно враждующими империями – Болгарией, Никейской империей и Латинской империей Константинополя – было заключено двухлетнее перемирие [54, с. 950]. Однако больше ничего не было сделано для создания общего фронта против кочевнической военной машины во главе с Бату.

Еще до заключения перемирия Болгария испытала на себе силу монголов. Ранней весной 1241 года армия во главе с принцем Бучеком пересекла южную Молдавию и Валахию (последняя находилась в то время под болгарским политическим владычеством) и вторглась в южную Трансильванию [44, с. 45; 69, с. 103, 118; 112, с. 431]. Не случайно ряд западных синхронных источников констатируют монгольское нападение на Болгарию еще до их вторжения в Венгрию [56, с. 299; 101, с. 310; 110, с. 283]. Это было зловещее предвестие событий, которые произошли в следующем году, когда другая армия во главе с принцем Каданом, сыном великого хана Угэдэя, пустилась в погоню за венгерским королем Белой IV и основательно опустошила Балканы от побережья Далмации до окрестностей Константинополя.

В самом начале 1242 года монголы Кадана опустошили Славонию и Хорватию, что было описано двумя авторами, очевидцами событий – Рогерием из Варада и Фомой Сплитским [59, с. 288–291; 102, с. 584–585]. Недавние археологические исследования предоставляют более полную картину. В восточной Славонии были найдены следы фортификаций, возведенных для того, чтобы удержать монгольское наступление; в то время как временное прекращение использования местных кладбищ предполагает заметное уменьшение населения. На кладбище рядом с городом Копривница был найден погребальный сосуд, содержащий голову собаки и указывающий на присутствие монголов в регионе [105; 109]. После этого монголы спустились к побережью Адриатики, и Кадан сначала безуспешно атаковал крепость Клисса (совр. Клис) рядом со Спалато (Сплит). Только после этого он осадил Трау (Трогир), где Бела IV действительно нашел прибежище; но Кадан оказался неспособен атаковать этот город из-за его неприступной естественной защиты. Кадан и его воины опустошили Далмацию, но они столкнулись с серьезной проблемой – недостатком пастбищ для своих лошадей. В конце концов, в марте 1242 года они покинули свой лагерь рядом с Трау и ушли далее на юго-восток [59, с. 294–300; 108]. В течение следующего месяца монголы опустошили южную часть Боснии и обрушились на область Зета (современная Черногория), в то время – часть средневекового государства Сербии; где они разрушили ряд городов. Среди этих городов Фома Сплитский упоминает Каттаро (Котор), Суакиум (Свач) и Дривастум (Дри-

³² Перевод с английского Романа Хаутала.

васть) вблизи Скутари (Скадар) [59, с. 300–303]. Оттуда Кадан вторгся во внутренние районы Сербии, вероятно, следуя по так называемой «Зетской дороге» (*via de Zenta*), т.е. по дороге, идущей вдоль реки Дрим из Скутари в регион Косово и далее в Ниш, бывший в то время приграничным городом Болгарии [50, с. 19, 56].

Судя по скудной информации письменных источников и более содержательным сведениям археологических находок, многие крупные городские центры в северной Болгарии стали жертвой их нападения, включая Ловеч, Преслав и Силистру [3, с. 680–683; 4, с. 17–18; 5, с. 3–10; 35; 38; 104]. Вполне вероятно, что болгарская столица Тырново тоже оказалась в руках монголов. Примечательно, что персидский автор Рашид ад-Дин упоминает город «Киркин/Тирнин в стране влахов» среди городов, завоеванных монгольским военачальником [44, с. 45; 69, с. 104, 120; 112, с. 445]. Опустошение Болгарии не было заключительным достижением Кадана, поскольку и Латинская империя Константинополя подверглась его нападению. Согласно сведениям, сохранившимся в нескольких австрийских хрониках, франкский «король Константинополя» вместе с его рыцарями смог победить монгольских агрессоров при первом столкновении, но во втором сражении они понесли поражение [67, с. 85; 74, с. 131–132; 117, с. 70]. На Западе распространились слухи о смерти Латинского императора Балдуина II [74, с. 132–133]; в то время как сирийский хронист Григорий Абу-л-Фарадж зафиксировал разные слухи о том, что франки смогли разбить монголов, пытавшихся захватить Константинополь, и заставили их отступить [64, с. 398]. В действительности некоторые историки полагают, что, аналогично монгольскому вторжению в Венгрию, военные действия Кадана против Сербии, Болгарии и Латинской империи не были направлены на непосредственное завоевание, а были вызваны тем, что бежавшие от монголов куманы нашли прибежище во всех этих балканских странах [4, с. 17; 50, с. 42; 82, в действительности 65].

Формирование татарской сферы влияния.

Как правило, считается, что в 1242 году Болгария была вынуждена признать монгольское владычество вследствие опустошения, причиненного военными силами Кадана. Наиболее раннее упоминание ее зависимого статуса сохранилось в письме венгерского короля 1247 года [106; 118, с. 231]; в то время как Иоанн де Плано Карпини и братья-минориты, пересекшие понтийские степи двумя годами ранее, однозначно опускали упоминание болгар среди народов, подчиненных монголам [75, с. 289–291, 305; 79, с. 22–23; 107, с. 135]. Поэтому более вероятным представляется, что Болгария была включена в сферу влияния Джучидов между 1245 и 1247 годами, одновременно с расширением их власти на княжества Западной Руси [36, с. 89; 50, с. 73–74]. В 1255 году Гийом де Рубрук, другой знаменитый францисканский путешественник, детально описал пределы монгольских владений в Причерноморье. Согласно его отчету, Болгария не только выплачивала ординарную дань, но и была подвержена попеременным экстраординарным поборам, взимаемым в виде металлической продукции. Болгарские посланцы посещали Бату и Сартака, чтобы привезти им ежегодную дань и дары, и, согласно Гийому де Рубрук, император Михаил Асен (1246–1255) был крайне подавлен служением татарам [107, с. 167–168, 209, 331].

Роль улуса Бату как главного политического фактора в Юго-Восточной Европе была признана еще до путешествия Гийома де Рубрук на Восток. В 1249 или 1250 году, под воздействием успешной торговой инициативы итальянских купцов в Северном Причерноморье, в Константинополе было принято решение послать к татарам посольство во главе с имперским аристократом, Балдуином де Эно [100; 115]. Гийом де Рубрук свидетельствовал, что Балдуин вел переговоры с Сартаком, сыном Бату, и посетил Монголию [107, с. 201, 268]. Следствием его миссии было установление дипломатических отношений между Латинской империей и Джучидами. Следует отметить, что Гийом де Рубрук вез с собой рекомендацию, подписанную латинским императором, которая, по всей ви-

димости, послужила ему в качестве охранной грамоты во время передвижения через джучидские территории, из Крыма до бассейна Волги [107, с. 188, 190–191].

Несмотря на попытку франков заключить альянс с монголами, Балканы почти полностью оставались за пределами джучидских интересов во время правления Бату и Сартака. Эти условия радикально изменились в правление Берке в связи с событиями экуменического значения – Никейским завоеванием Константинополя в 1261 году и началом войны между Джучидами и ильханами, приведшей, соответственно, к созданию союза между Золотой Ордой и Мамлюками.

Первым наладить контакт между Никеей и монголами попытался император Иоанн III Ватац (1222–1254). Он отправил посольство в Каракорум, где его посланники встретились с Гийомом де Рубрук в 1254 году [89, с. 180–185; 107, с. 247, 255–256]. Его наследник и возродитель Византии, Михаил VIII Палеолог (1258–1282), осознал выгоды от заключения альянса с ответвлением Чингизидов в Персии, и около 1260 года обратился к Хулагу с предложением союза. Как ни странно, Хулагу одобрил предложение императора, и его военные силы усмирили банды туркмен, водворив крайне необходимое спокойствие на восточных границах Никее [72, с. 184–187; 89, с. 24–25]. После завоевания Константинополя Михаил VIII также наладил контакты с мамлюкским султаном Бейбарсом и с Берке [15, с. 44–46; 47, с. 57; 72, с. 236–237]. Вероятно, вследствие этой дипломатической деятельности в том же году в Сарае была основана православная епархия [52]. Существовала особая причина, из-за которой византийское предложение было благосклонно принято в Сарае и Каире. Свободный проезд эмиссаров, товаров и рабов, пополнявших ряды мамлюкских войск, через Константинополь и Босфорский и Геллеспонтский проливы имел первоочередное значение для сторон, вовлеченных в дипломатическую деятельность. Этот факт был должным образом отмечен византийскими авторами Георгием Пахимером и Никифором Григорой [10, с. 75–77; 72, с. 236–237; 95, с. 101–102].

Энергичной дипломатической деятельности Михаила, включавшей попытку найти одновременную поддержку у трех сил, не суждено было продлиться долго. Когда в 1262 году началась война между Хулагуидами с одной стороны, и Джучидами и Мамлюками с другой, он был вынужден сделать выбор. Михаил сделал выбор в пользу монголов Хулагу, которые были ближе всего к византийским границам. Он арестовал претендента на сельджукский трон, Изз ад-Дина Кайкавуса, который считался противником монгольских интересов в Анатолии [47, с. 203; 72, с. 180–187; 95, с. 81–83; 117, с. 73–74]; и, вероятно, под давлением эмиссаров Хулагу, присутствовавших в Константинополе, он решил задержать представителей Бейбарса, направлявшихся на север в 1263 году [15, с. 49–52; 47, с. 59–61, 99–100, 189–190; 89, с. 192–193]. Султан представил официальный протест [47, с. 62, 126, 432–433; 89, с. 193], не разубедивший, однако, Михаила, который пошел настолько далеко, что предложил свою внебрачную дочь Марию в жены Хулагу.

Но планы императора находились под более зловещей угрозой, связанной с арестованным сельджукским принцем Изз ад-Дином. Несмотря на то, что принц находился в заключении, он смог связаться либо с одним из своих двоюродных братьев, проживавшим в Северном Причерноморье, как пишет Пахимер, либо с болгарским императором Константином Тихом (1257–1277), как утверждает менее надежный отчет Григоры, чтобы попросить помощи у татар для своего освобождения [72, с. 300–301; 95, с. 100; 117, с. 74]. Берке был заинтересован в освобождении Изз да-Дина, но еще более он был заинтересован в возобновлении сообщения с Египтом. Болгарский правитель, бывший его вассалом, также выказывал недовольство по отношению к Михаилу VIII, давшему ему в жены свою племянницу в 1263 году, но воздержавшемуся от предоставления обещанного приданого – черноморских портов Анхиало (совр. Поморие) и Месемврии (Несебыр), бывших причиной раздора между двумя государствами в течение длительного времени [7, с. 510–511; 72, с. 276–279; 95, с. 99].

Рис. 1. Изображение хана Джанибека на Каталонском атласе (ок. 1375 г.)

Текст справа: «... l'imperi comença en la provincia de Burgaria et fineix en la ciutat de Organcio. Lo senyor es appellat Iambech senyor del Sarra» / «... эта империя начинается в провинции Болгария и завершается в городе Ургенч. Ее владыку зовут Ямбех. [Он] владыка Сарая».

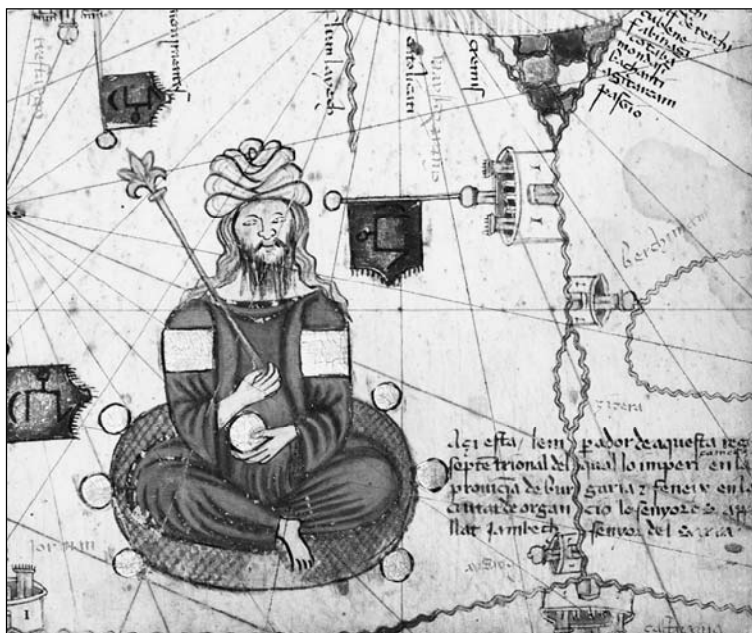

Рис. 2. Костяные украшения для колчанов, найденные на холме Трапезица, Велико-Тырново [42, с. 54]. Фотография Деяна Рабовянова

Совместные болгаро-татарские военные действия против Византии были предприняты зимой 1264–65 года. Официальным главой кампании выступал Константин Тих, но вспомогательный татарский отряд во главе с Кутлуг-Маликом, военачальником Берке [24, с. 33–34], сыграл в ней очень важную роль. Как раз во время вражеской атаки Михаил VIII возвращался из Фессалии со своим сельджукским пленником. Ему удалось найти убежище внутри стен Константинополя, тогда как его свита заперлась внутри крепости Айнос (совр. Энез) на побережье Эгейского моря. Осажденные болгарами и татарами, защитники крепости в конце концов согласились выдать Изз ад-Дина, после чего было заключено перемирие. Агрессоры удалились, но татары основательно разграбили сельскую местность на обратном пути [28, с. 6–10; 72, с. 302–311; 95, с. 100–101; 117, с. 75–77]. Вследствие этого Михаил VIII не только потерял своего ценного заложника, но также был вынужден открыть проливы для проезда представителей Джучидов и Мамлюков. Согласно мамлюкским источникам, он даже согласился посылать Берке ежегодную дань шелком [15, с. 53–54; 47, с. 191; 89, с. 196]. Однако он не в полной мере отказался от ориентации на сближение с ильханами, и в 1265 году его дочь Мария, узнав о смерти Хулагу, вышла замуж за его сына и наследника Абагу [45, с. 65; 72, с. 234–235].

Колебания во внешней политике византийского правительства вызвали другое военное вмешательство в 1271 или 1272 году. Пахимер указывает на еще одну причину этой кампании: согласно его утверждению, татар позвал Андроник Тарханиот, византийский ренегат, восставший против Михаила VIII и объединивший свои силы с другим противником Палеолога – севастократором Иоанном Фессалийским. Татары, под вероятным главенством Ногая, двоюродного брата хана Менгу-Тимура, снова основательно разорили Фракию. Их второе нападение было настолько жестоким, что, согласно Пахимеру, «рассказать о нем можно было бы только в отдельной книге, написанной не буквами, а слезами» [40, с. 162–163; 50, с. 136–138; 72, с. 418–419]. По словам самого императора Михаила VIII, содержащимся в его короткой автобиографии, неблагодарные болгары в этот раз снова предоставили татарам свободный проход и оказали им поддержку в нападении [36, с. 98; 77, с. 457; 92, с. 296]. Судя по обстоятельствам, сопутствовавшим их двум кампаниям против Византии, можно сделать заключение, что болгаро-татарские отношения заметно улучшились по сравнению с предыдущим десятилетием.

Византийско-татарский альянс

Татарское давление с севера в совокупности с враждебностью болгар стало предметом растущего беспокойства императора Михаила VIII. Вскоре после второго нападения, в 1273 или 1274 году, он решил нейтрализовать угрозу, предложив Ногаю альянс и руку другой своей незаконной дочери, Ефросинии. Пахимер живо описывает подробности переговоров между византийскими представителями и татарским предводителем. Когда византийцы принесли в дар среди прочих подарков ценную калиптру, то Ногай, будучи родом из другой культурной среды, спросил с иронией: «хороша ли она тем, что предохраняет от головной боли, или тем, что рассеянные по ней жемчужины могут предохранить их носителя от грозы и молний!?!». Но несмотря на его якобы презрительное отношение, Ногай завершил переговоры согласием принять руку принцессы и предложение альянса [33, с. 124; 72, с. 442–447; 92, с. 300].

Вследствие соглашения между Михаилом VIII и Ногаем, вероятно, улучшились и отношения между Византией и ханом Менгу-Тимуром. В течение 70-х годов XIII столетия контакты между Поволжьем и Константинополем осуществлялись под непосредственным руководством епископа Сарая Феогноста. Он неоднократно посещал византийскую столицу для разрешения как церковных, так и политических вопросов. Об этих вопросах не сохранилось детальных сведений; однако насколько сложными они были, можно судить по тому факту, что Феогност привозил письма хана и киевского

митрополита константинопольскому патриарху и императору [40, с. 164–165; 41, с. 336–337; 89, с. 206–207].

Проигравшей стороной в этой большой политической игре оказалась Болгарская империя. Фактически она оказалась отрезана от центральной власти Золотой Орды и ее протектората. Непосредственным следствием соглашения было исчезновение болгарского политического присутствия в дельте Дуная и внедрения там совместного правления Византии и татар в середине 70-х годов XIII века. Центром византийской власти в этом регионе стал город Вичина, где около 1280 года была учреждена резиденция митрополита, тогда как Ногай взял под свой контроль город Сакчи, расположенный недалеко от современной Тулчи, в месте наиболее удобной переправы через устье Дуная [2, с. 29–31; 86, с. 188–189, 193; 99, с. 36–37]. В последующие годы Сакчи стал неофициальной столицей Ногай, где чеканились многочисленные серии монет с его именем, как и с именем его сына Джеки. Эти нумизматические находки с инскрипциями на греческом и арабском языках были найдены в различных населенных пунктах дельты Дуная и бассейна Днестра, как и в Болгарии [88; 96; 97].

В середине 70-х годов XIII века татары Ногай стали совершать набеги на северо-восточную Болгарию. Яркое свидетельство их жестокости сохранилось в надписи, найденной в крепости Шумен: «азь Георги погледа долоу и горѣ и рекохъ Боже на има твое избави ньи от wt татаръ» [97, с. 131]. Константин Тих не был способен остановить захватчиков, вследствие чего его власть ослабла, и он потерял уважение среди своих подданных. Наконец, в 1277 году в Болгарии вспыхнуло восстание во главе с неким Кордокубасом, видимо, куманского происхождения, которого византийские источники также называют по имени Лаханас (т.е. «ботвинник», *Λαχανάς*, от греч. *λάχανα*, «лиственные овощи», подчеркивая, что он был простолюдином) [72, с. 548–549; 90, с. 251; 95, с. 131]. Его часто сопоставляют с загадочным «императором Ивайло», упоминаемым в 1279 году синхронным фрагментарным примечанием в так называемом Сврлигском евангелистари (тем не менее, существует большая вероятность того, что Ивайло был не кем иным, как византийским претендентом на трон Тырново, т.е. Иоанном Асеном III, о котором более подробно говорится ниже) [11; 14, с. 65–66; 46, с. 12]. Сначала лидер повстанцев предпринял военные действия против татар и нанес поражение некоторым из их мародерствующих отрядов, что подтолкнуло многих людей объединиться под его знаменами. Став достаточно сильным, он обратился против императора Тырново. Повстанцы разбили Константина Тиха рядом с болгарской столицей и убили его, «как ритуальное животное» [72, с. 550–553]. С этого момента Болгария подверглась трехлетнему периоду анархии и гражданской войны, в которой татары сыграли одну из ключевых ролей.

Узнав о смерти болгарского правителя, Михаил VIII решил использовать благоприятную возможность для того, чтобы выдвинуть на пустующий болгарский трон своего кандидата – византийского ставленника Иоанна Асена III, внука одноименного болгарского правителя [6, с. 249]. Мария, вдова Константина Тиха, приняла решение встретить его притязания неожиданным ходом: она открыла Кордокубасу ворота Тырново и предложила ему жениться на ней. Тогда Михаил VIII обратился за помощью к Ногаю, и татары ворвались в Болгарию. Повстанческая армия направилась со своим лидером на север, чтобы остановить вторжение, но оказалась осажденной в дунайской крепости Силистра объединенной греко-татарской армией во главе с молодым и одаренным генералом Михаилом Тарханиотом Глабасом. Тем временем, меньшее подразделение, состоявшее из византийских полков и татарской кавалерии, внезапно обрушилось на Тырново и захватило болгарскую столицу в 1278 году. Татарский военачальник Чавуш-бакши был наделен Михаилом VIII почетным титулом протостратора в благодарность за его заслуги в войне [72, с. 588–591; 93, с. 261; 119, с. 264–266]. Это был

единственный случай официального включения представителя татарской элиты в верховную иерархию византийского двора.

Захват Тырново не означал окончания войны, поскольку Кордокубас смог бежать из Силистры и собрать своих последователей. Осознавая, что татары представляли главную военную силу, он попытался, добившись в конце концов успеха, переманить их и их военачальника на свою сторону. В 1279 году объединенные силы болгар и татар столкнулись с наспех собранными византийскими войсками и одержали две значительных победы – рядом с крепостью Диавена (совр. Девина) в области Сливен и на склонах Средна-Горы. Отчаявшийся Иоанн Асен III решил оставить Тырново, и в начале 1280 года короной завладел новый император: это был выдающийся представитель местной аристократии – Георгий I Тертер, «весьма уважаемый и почитаемый болгарами», несмотря на свое куманское происхождение [72, с. 566–567].

Избрание Тертера не было неожиданным поворотом событий, принимая во внимание то, что для основной части болгарской политической элиты ни кандидатура повстанцев, ни марионетка Византии не представляли собой приемлемого выбора. Но для Кордокубаса это был очень сильный удар. Вдохновленный успехом предыдущего взаимодействия с локальной татарской армией, он решил просить помощи непосредственно у Ногая. Оказалось, что в это же самое время Михаил VIII послал своего ставленника к своему татарскому союзнику. Как сообщает Пахимер, Ногай гостеприимно встретил обоих претендентов на болгарский трон, но вскоре ему стали надоедать козни, которые они строили друг против друга. Наконец, во время пира он внезапно приказал казнить Кордокубаса и вероломного военачальника Чавуша-бакши. Согласно описанию византийского автора, он собирался убить и Иоанна Асена III, но в итоге сохранил ему жизнь по просьбе своей греческой жены, Ефросинии [33, с. 124; 36, с. 104–105; 72, с. 588–591]. Однако более вероятно, что сценарий трагедии был целиком подготовлен заблаговременно, и что Ногай поступил в соответствии с желанием своего тестя Михаила VIII.

Один факт остается несомненным – несмотря на провал болгарской авантюры, доверие к Ногаю осталось непоколебимым, и в Константинополе его продолжали считать наиболее надежным союзником. Не прошло много времени, как к нему опять обратились за помощью. В 1282 году Михаил VIII принял решение разрешить вопрос о не признававшем его легитимность греческом государстве Фессалии и подчинить его независимого и энергичного правителя Иоанна Ангела. С этой целью он попросил Ногая послать ему на помощь его воинов. Осенью того же года четыре тысячи татарских всадников прибыли, вероятно, через территорию Болгарии. Михаил VIII встретил их на Галлипольском полуострове, где он собрал армию для предстоящей кампании и выразил желание возглавить их на пути к славной победе. Однако император был болен, и 11 декабря умер, так и не начав кампанию. Его смерть была трагической потерей как для греков, так и для татар, которые в равной степени оплакивали его кончину [72, с. 658–667; 95, с. 149–154].

Сын и наследник Михаила, Андроник II (1282–1328), отложил исполнение грандиозного плана отца, но не мог распустить татарские войска. Вместо этого он решил использовать их в импровизированной кампании против союзника Фессалии – сербского короля Стефана Уроша II Милутина (1282–1321), захватившего осенью 1282 года северную Македонию. Татары были подчинены командованию Михаила Глабаса. В начале 1283 года татары, усиленные византийскими пограничными подразделениями, быстро опустошили вражеские территории и, не встречая какого-либо сопротивления, проникли далее на север, вплоть до региона Косово. Однако сербы организовали оборону на берегах реки Дрим. Часть татарских сил потерпела сокрушительное поражение при попытке форсировать реку, разлившуюся от весенних паводков. Их командующий, упоминаемый в сербских источниках под именем «Черноглав» (что, вероятно, не является ничем другим, как славянским переводом тюркского имени «Карабаш»), был взят

в плен и обезглавлен [1, с. 110–112; 51, с. 102–103; 117, с. 102]. Битва на Дриме ознаменовала окончание неудачной кампании, а вскоре распался и византийский альянс с Ногаем, который Михаил VIII пытался столь заботливо поддерживать в течение предыдущих десятилетий.

Под тенью Ногая.

Параллельно с ростом своего влияния в Золотой Орде и возобновившейся татарской экспансией, направленной против Венгрии, Ногай более не довольствовался ролью защитника византийских интересов на Балканах. Внезапное изменение в византийско-татарских отношениях стало очевидным, когда осенью 1285 года татарская армия, предположительно насчитывавшая десять тысяч воинов, пересекла Болгарию и стремительно ворвалась в северную Фракию. Убертопулос, византийский стратег Месемврии, отважно столкнулся с агрессорами и нанес им поражение [73, с. 92–93]; но последствия этого нападения было трудно оставить без внимания. Византийские владения были опустошены, и многие пленники попали в руки татар [110, с. 298–301; 114, с. 625]. Церковные источники сообщают, что митрополит Вичины добрался в 1285 году до Константинополя благодаря божественному провидению, что, вероятно, являлось отражением татарской угрозы [5, с. 13–14; 94, с. 37–38]. Два года спустя этот порт, несомненно, был в руках Ногая, и синхронный францисканский отчет упоминает некоего татарского чиновника по имени Аргун в качестве правителя Вичины [63, с. 58–59, 119; 76, с. 444–445].

Болгария вышла из гражданской войны с новым правителем и династией, но оказалась ослабленной политически и экономически. Георгий I Тертер (1280–1292) вынужден был восстанавливать централизованную власть с нуля. Он столкнулся с серьезной оппозицией региональных властителей: Смилца – повелителя южного региона Средна-Горы и Шишмана – правителя северо-западной Болгарии с центром в Видине. Шишман, бывший, как и Тертер, болгарским аристократом куманского происхождения, признал протекторат Ногая с самого начала своего правления, в середине 80-х годов XIII столетия [27, с. 47–48; 50, с. 117; 58, с. 39–40]. Георгий I Тертер был вынужден последовать его примеру. В 1284 году он заключил союз с сербским королем Милутином [6, с. 257–258; 26, с. 334–335], но после татарского набега на Фракию в следующем году также признал господство Ногая и выдал свою дочь замуж за сына Ногая, Джеку [73, с. 290–291].

Таким образом, в течение правления Георгия I Тертера болгарские земли, фактически распавшиеся на три отдельные политические образования, снова оказались в сфере татарского влияния; однако историки были слишком часто склонны высказывать резкие суждения о характере болгаро-татарских отношений. Брак между Джекой и дочерью Тертера был несомненным признаком зависимого положения империи Тырново. Но в то же время он предполагал, что болгарский правитель пользовался благосклонностью Ногая. Кроме того, убеждение в том, что Георгий I был вынужден послать к Ногаю в качестве заложника своего сына, Феодора Светослава, является совершенно необоснованным, несмотря на то, что оно существует и по сегодняшний день [50, с. 199–202]. Как раз наоборот, Феодор Светослав находился в татарских землях в конце XIII века как политический беженец, где он женился на дворянке по имени Ефросиния, чьей крестной матерью была ее тезка, жена Ногая [34; 70; 73, с. 290–291]. Согласно Рукн ад-Дину Бейбарсу, жена болгарского принца приходилась родственницей Ногаю и Джеке [47, с. 117]. Принимая во внимание, что Ефросиния происходила из широкого круга родни Ногая, не подлежит сомнению, что болгарский принц пользовался поддержкой могущественного татарского предводителя, несмотря на то, что его отец потерял ее именно в это же время.

Внешнеполитическая ориентация Георгия I Тертера и поддержка сербов и татар, на которую он доверительно полагался, были возможными и уместными только тогда, когда все вовлеченные стороны объединяла вражда с Византией. Однако в начале пос-

ледного десятилетия XIII века произошли важные изменения, связанные с тем, что два болгарских союзника – татары и сербы – оказались вовлеченными во взаимный конфликт. В конце 80-х годов XIII столетия старший брат Милутина, Стефан Драгутин, управлявший в качестве венгерского вассала территориями к югу от реки Сава, начал войну против независимых властителей региона Браничево (в совр. восточной Сербии), единоутробных братьев Дормана и Куделина, также бывших видными болгарскими аристократами куманского происхождения. Властители Браничево обратились за помощью к Ногаю, который позволил им набрать татарские войска в равнинах Валахии для борьбы за их дело, надеясь тем самым расширить свое влияние вглубь Балкан. Усиленные татарскими подразделениями, Дорман и Куделин завоевали владения Драгутина в 1290 году. Драгутин бежал под защиту своего младшего брата и попросил у него помощи для отвоевания потерянных территорий [1, с. 114–115; 25, с. 335; 116, с. 10–13]. К этому моменту Дорман и Куделин чрезмерно расширили свою власть, и Венгрия также вступила в открытую войну против них. Зимой 1291–92 года венгерские войска смогли нанести сокрушительное поражение татарским подразделениям из их армии на берегах реки Савы [60, с. 617–618; 61, с. 125; 82, с. 202–203]. В течение одного года Милутин и Драгутин объединили свои силы и завоевали Браничево. Дорман и Куделин были вынуждены бежать к Ногаю [1, с. 115–116; 116, с. 13–14].

Татарские интересы на Балканах были нарушены, но Ногай быстро отреагировал. Болгария представляла собой первичную задачу, чей правитель, Георгий I Тертер, находился в подчинении Ногая, но одновременно был верным союзником сербского короля. В 1292 году Ногай заставил болгарского правителя отказаться от трона, и, согласно его пожеланию, новым императором стал Смилец [28, с. 22–23; 50, с. 213–214; 73, с. 121–122, 292–293]. Тертер бежал в Византию, преследуемый татарскими войсками, и поэтому северная Фракия подверглась еще одному разорению [13, с. 97–100; 73, с. 290–293]. Для того, чтобы предотвратить новые татарские нападения, Андроник II должен был усилить оборону приграничной с Болгарией зоны и переселить местное влахское население в Малую Азию. Это была суровая, но вынужденная мера, поскольку существовали опасения, что влахи могли объединить свои силы с татарами [73, с. 120–123; 117, с. 87–88].

Следующей задачей Ногая было разобраться с сербами. В этот раз он сделал выбор в пользу косвенных действий. Ногай призвал принца Видина, Шишмана, своего подчиненного и союзника властителей Браничево, организовать кампанию против Милутина, предоставив, по словам сербского архиепископа Данило II, в его распоряжение «трижды проклятых татар». В 1293 году объединенная болгаро-татарская армия Шишмана проникла вглубь сербской территории, вплоть до области Хвосно в регионе Косово. Однако она потерпела поражение рядом с деревней Ждрело в Руговском ущелье. Сербские источники приписывали это поражение божественному вмешательству, но, несомненно, оно было следствием тщательной подготовки крепкой обороны или, может быть, даже засады, устроенной сербами [1, с. 117; 16, с. 57–58; 50, с. 215–217]. Милутин быстро воспользовался победой и в том же год напал на княжество Видина. Результатом этого нападения было полное поражение болгар. Сербские войска оккупировали земли своего противника, включая его столицу. Как и властители Браничево, Шишман был вынужден бежать на барке через Дунай. Победоносный сербский король был теперь в состоянии диктовать условия, но, согласно утверждению его биографа, Данило II, он выказал великодушие: было заключено перемирие и восстановлены довоенные границы. Для гарантии мира был устроен брак между Шишманом и сербской дворянкой [1, с. 118–119].

В действительности, подоплекой мягкой политики Милутина послужила другая причина – татарская угроза [18, с. 219–220; 116, с. 14]. Согласно архиепископу Данило II, после поражения Шишмана «беззаконный и нечестивый царь татарский по имени Ногай ... поднял все силы татарские, чтобы пойти на этого праведного короля». Услы-

шав об этом, Милутин решил отправить к Ногаю своих вестников с «приятными словами» и подарками, чтобы умиловить его гнев [1, с. 120–121; 25, с. 347]. Его делегация успешно убедила татарского предводителя приостановить нападение, но милость Ногая была достигнута дорогой ценой. Условия сербо-татарского соглашения, достигнутого в конце 1293 или в 1294 году, включали официальное признание со стороны Милутина господства Ногая и другое условие: старший сын короля, Стефан, был послан к Ногаю, чтобы «служить ему», и ему было позволено вернуться через три года [1, с. 121–122; 25, с. 336; 50, с. 219–221]. Подчинение Милутина ознаменовало собой окончание длительного конфликта в Дунайском регионе и кульминацию татарского влияния в Юго-Восточной Европе. Вся территория между Карпатскими склонами и Фракийской равниной находилась теперь под властью Ногая.

Кажется, что прежние противники стали в определенной степени взаимодействовать друг с другом во время последующих событий. А именно, после заключения соглашения с Ногаем сербы возобновили конфликт с Византией и одновременно с этим последовали татарские набеги на Фракию. Византийские источники упоминают одновременные сербское и татарское нападения на византийские владения, которые обычно датируются 1297 годом [28, с. 30–31; 73, с. 282–283; 90, с. 413–414]. Однако вскоре влияние Ногая на Балканах заметно ослабло вследствие войны, которая разгорелась между ним и его двоюродным братом, ханом Токтой. В конце 1299 или начале 1300 года Ногай был убит, и, причудливым оборотом судьбы, многие из его последователей вынуждены были бежать в Болгарию и соседние страны, которые татары подвергали частым нападениям в течение двух предыдущих десятилетий.

Татары на службе у Балканских государств.

В конце 1300 или начале 1301 года сын Ногая Джека принял решение покинуть причерноморские степи в сопровождении верной ему части некогда могущественной армии своего отца и отступил на юг от Дуная. С ним были его болгарская жена и ее брат Феодор Светослав со своей татарской супругой. Джека стал сотрудничать с болгарским принцем. Как утверждает Пахимер, Феодор Светослав «хотел подчинить болгар» и для этого нуждался в поддержке татар [73, с. 290–291; 117, с. 94]. После смерти в 1298 году ставленника Ногая, императора Смилеца [28, с. 41–44], Болгария оказалась лишена какого-либо эффективного централизованного управления, и, несмотря на то, что в распоряжении Джеки была лишь небольшая армия, этих сил оказались достаточно для восстановления порядка в стране. Таким образом, сын Ногая и Феодор Светослав взяли под свой контроль Тырново и восточную Болгарию, не встретив сопротивления.

Длительное время бытовало мнение, что после этого Джека провозгласил себя болгарским императором; но это мнение следует отвергнуть [30]. В действительности, он никогда не был венчан императорской короной и не домогался ее и не нуждался в ней. С формальной точки зрения Болгария была страной под его господством. Для Джеки Болгария была важна в первую очередь как база для реорганизации его сил и продолжения войны против Токты. Но если это и были его действительные планы, им не суждено было осуществиться. Согласно Пахимеру, Феодор Светослав внезапно арестовал своего шурина, заключил в темницу и, наконец, приказал придворным иудейским палачам убить его [73, с. 292–293]. Рукн ад-Дин Бейбарс прибавляет, что болгарский принц заточил Джеку по призыву его последователей, испытывавших страх перед Токтой [29; 47, с. 117]. В качестве свидетельства голова Джеки была послана после этого к хану в Крым [21, с. 111–112; 53, с. 176–177]. Таким образом Феодор Светослав добился поддержки Токты и мог свободно заниматься своими внутренними противниками. Среди них наиболее заметную роль играл болгарский патриарх Иоахим III, казненный под предлогом того, что он оказывал поддержку про-Ногаидской политической фракции в Болгарии [32; 73, с. 292–293].

Другим членом рода Ногая, нашедшим убежище в болгарских землях, был его внук и сын Джеки, Каракисек. Согласно Рукн ад-Дину Бейбарсу, в 1302 году Каракисек пришел в страну Шишмана вместе с двумя своими двоюродными братьями – Джерик-Тимуром и Йол-Кутлу – и в сопровождении трех тысяч всадников. Он и его люди были поселены там и служили в качестве наемников [31, с. 114–116; 47, с. 121; 65, с. 1101–1102]. Внук Ногая не выказывал намерений настаивать на прежних амбициях своего рода и не рассматривался угрозой для власти Токты, но Шишману не хотелось рисковать. Он также принял решение прийти к соглашению с Токтой и признать его господство. Зависимое положение княжества Видина, включая выплату регулярной дани, упоминается около 1310 года анонимным синхронным западным источником – так называемым «Описанием Восточной Европы» [50, с. 218; 58, с. 40].

Многие подданные Ногая и Джеки – татары, как и аланы с территории современной Молдавии, – также бежали в земли на юг от Дуная. Ко времени кончины Джеки, большая группа аланов, насчитывавшая от десяти до шестнадцати тысяч человек и в значительной степени состоявшая из женщин и детей, попросила у правительства Константинополя предоставить им убежище во Фракии [55, с. 214–215; 73, с. 336–353; 95, с. 204]. Аланы были радушно приняты и посланы в Малую Азию, где они приняли участие в неудачной войне против турок-османов. Позже они вступили в конфликт с другой группой наемников на службе у Византии – со знаменитой Каталонской компанией. В 1305 году уставшие и разочарованные аланы попали в засаду, устроенную им каталонцами во Фракии, рядом с крепостью Апрос, и потерпели от них сокрушительное поражение. Большая часть аланов была убита, но некоторым из них удалось бежать в Болгарию, где они были приняты Феодором Светославом [55, с. 215–218; 62, с. 61–62, 81–82]. Эти аланские иммигранты упоминаются снова в 1323 году во время болгаро-византийской войны. Аланские предводители, носившие татарские имена Итил и Тимур, приняли вместе со своими людьми участие в столкновениях рядом с городом Пловдив на болгарской стороне [80, с. 172–175; 117, с. 123–125]. Еще раз мы узнаем об аланах на службе у болгар примерно через четыре десятилетия. В 1365 году они упоминаются защищающими Видин от войск венгерского короля [31, с. 119; 113, с. 359–360].

Помимо аланов, были и другие беженцы из причерноморских степей, искавшие убежища в Византии после кончины Ногая. Некий Кучи-бакши, или Коджа-бакши, «главный чародей» Ногая (вероятно, буддист), также поступил на византийскую службу. Он был крещен и получил высокий пост в местной администрации Малой Азии, но в какой-то момент он впал в немилость и оказался заключенным в тюрьму. Однако ему удалось бежать и присоединиться к аланским отступникам. Его дальнейшая судьба остается неизвестной [73, с. 378–379, 602–603, 626–629; 91, с. 114–117; 119, с. 262]. В Болгарии была найдена печать меченосца Тагчи (Мечоноша Тагчи), приблизительно датированная концом XII – XIV веками. Вероятно, он был татаринном, имевшим видное положение на болгарской службе [17, с. 142; 49]. Анонимный продолжатель архиепископа Данило II пишет о группе татар и аланов, пришедших в Сербию в 1310 году и поступивших на службу к королю Милутину. Они приняли участие в войне, которая разгорелась в то время между Милутином и его братом Драгутином; и, согласно сербскому автору, они внесли решающий вклад в победу короля над своими противниками [1, с. 358–359; 117, с. 108–109]. В течение короткого времени они составляли элитное подразделение телохранителей Милутина, но в 1312 году были переданы Византии по прошению Андроника II [50, с. 253–255; 62, с. 83; 83, с. 232–233; 95, с. 262–263, 266–267]. Византийский император и историк Иоанн VI Кантакузин (1347–1354), называвший их «куманами», сообщает, что в 1320 году Милутин просил, чтобы их вернули, но безрезультатно, так как византийское правительство не желало лишать себя этой военной силы. В то время они пребывали во Фракии, но семью годами позже их переселили на эгейские острова Лемнос, Та-

сос и Митилена из-за опасений, что они могли бы присоединиться к татарам хана Узбека, ставшего серьезной угрозой для Византии [80, с. 35, 259].

Татарские иммигранты на Балканах принесли с собой некоторые аспекты военной технологии кочевников. В ходе археологических изысканий на холме Трапезица в Тырново и других раскопках в Болгарии было найдено девять характерных костяных украшений для колчанов, выказывающих очевидное влияние кочевников. Кроме того, составные луки, имеющие сходство с характерным татарским типом этого оружия, изображены на фресках XIV века, сохранившихся в нескольких монастырях Македонии [8, с. 72–77; 42]. Многие топонимы косвенно свидетельствуют о присутствии татарских поселений в сербских и болгарских землях, и некоторые из них, как поселок Ногаевци в долине реки Вардар, сохранились до сегодняшнего дня [50, с. 257].

Восстановление татарской «гегемонии».

Византия была первым из балканских государств, признавшим потенциального победителя в борьбе между Токтой и Ногаем. Уже в 1297 году Андроник II предложил в жены хану свою внебрачную дочь Марию – так же, как Ефросиния была предложена в жены Ногаю четвертью столетия ранее. Токта с радостью принял предложение, но невеста осталась в Константинополе на время ведения войны и прибыла в Сарай только после окончательной победы хана [73, с. 294–295; 89, с. 208–209; 117, с. 87–88]. Вероятно, Мария идентична Байалун, греческой жене хана Узбека, на которой он женился после смерти ее первого джучидского мужа, как сообщает арабский автор Ибн Дукмак [47, с. 323–324; 66, с. 265]. Знаменитый путешественник Ибн Баттута встретился с ней лично и сопровождал ее в путешествии в Константинополь в 1334 году [47, с. 294–295, 302].

Для поддержания дружественных отношений с Золотой Ордой Андроник II не считал зазорным периодически посылать Токте подарки. Синхронные западные путешественники рассматривали эти подарки в качестве дани [58, с. 7], что, вероятно, делал и сам хан. В Болгарии, Феодор Светослав, ставший императором в 1301 году, также признал господство Токты. Таким образом, Токте удалось восстановить политическое влияние Золотой Орды южнее Дуная почти на том же протяжении, что и при жизни Ногая (за исключением отдаленного Сербского королевства). Как отмечали арабские авторы, в начале XIV века все земли от Дербенда на Кавказе и Хорезма до Константинополя находились под властью Токты [47, с. 197, 206, 447].

О болгаро-татарских отношениях в течение правления Токты известно немного. Существует устоявшееся мнение, что в благодарность за убийство Джеки хан передал своему болгарскому вассалу порт Маврокастро (Белгород-Днестровский); но оно является необоснованным [19; 111, с. 123–124]. Однако несомненным фактом было то, что империя Тырново прочно придерживалась политической орбиты Золотой Орды в начале правления Узбека. Анонимный тосканский автор географического труда, написанного между 1313 и 1315 годами, сообщает, что Болгария повиновалась татарам [71, с. 176]. Другие западные источники усиливают это впечатление и предоставляют больше подробностей в отношении западной протяженности владений Золотой Орды. В одной своей булле 1318 года папа Иоанн XXII заявляет, что границы епархии Каффы в татарских землях простирались от Сарая до Варны в Болгарии [57, с. 549; 111, с. 124–125]. Пятью годами позже один францисканский документ со списком монастырей миноритов в «землях северных татар», включал в этот список конвенты в Маврокастро и Вичине [22]. На многих европейских картах и портоланах как Маврокастро, так и Вичина изображены с татарской тамгой на их флагах, и арабский географ ал-Омари ясно причислял Дунай к тем рекам, которые протекали через ханство кипчаков [47, с. 236–237].

В течение правления Узбека татарское присутствие на юге от Дуная заметно усилилось, и Византия снова стала их главным объектом нападения. В 1321 и 1322 годах имели место два набега татар. Нападающие не причинили большого ущерба, и их военные дей-

ствия ограничились окрестностями Адрианополя и болгаро-византийской границей [80, с. 188–189; 84, с. 281; 117, с. 123]. Однако это было зловещим предвестием тех бедствий, которые выпали на долю Византии в ближайшие годы. Новый татарский набег на Фракию, значительно превышавший масштабы предыдущих нападений, пришелся на осень 1323 года. Согласно Кантакузину, армия татар находилась под командованием двух военачальников по имени Тайтак и Тоглу-Торган и насчитывала целых 120 тысяч человек. Татары грабили сельскую местность в течение четырех дней. Молодой император Андроник III, внук Андроника II, напал на отдельные татарские отряды, но у него не было достаточно большой армии для открытого столкновения с захватчиками, которые отступили только после того, как собрали достаточно добычи [80, с. 189–193; 117, с. 126–128]. Флорентийский хронист Джованни Виллани утверждает, что татары произвели невиданное разорение и убили или увели в полон более 150 тысяч человек [68, с. 275; 84, с. 291]. Количество агрессоров, представленное Кантакузином, как и число уведенных в полон, отмеченное флорентийским хронистом, являются сильно преувеличенными; но жители Фракии, несомненно, испытывали страх перед будущими набегам, в чем смог убедиться Никифор Григора во время своего путешествия из Константинополя к сербскому двору пару лет спустя [83, с. 164; 95, с. 374–375].

Татарское вторжение, упомянутое выше, было вызвано болгаро-византийской враждой, и кажется бесспорным, что хан Узбек действовал в интересах недавно избранного болгарского императора, преемника Феодора Светослава. Михаил, сын Шишмана, был тем правителем, который смог объединить в 1323 году земли Тырново и Видина под властью одного монарха после их сосуществования, длившегося десятилетиями. Михаил рассчитывал на мощную поддержку татарских подразделений, располагавшихся к северу от Дуная, когда он вмешался в византийскую гражданскую войну между Андроником II и Андроником III в 1328 году [80, с. 294–297, 323–324; 95, с. 430–431; 117, с. 128–129]; как и в войне, которая разгорелась между Болгарией и Сербией в 1330 году. В решающей битве последнего конфликта, которая произошла рядом с городом Велбужд (современный Кюстендил в западной Болгарии), болгарские силы насчитывали около 15 тысяч человек, из которых три тысячи составляли «скифские», т.е. татарские войска [36, с. 121–122; 95, с. 455]. Сербские источники подтверждают присутствие в армии Михаила «соседних черных татар» [43, с. 84; 51, с. 108–109].

В битве при Велбужде болгарская армия была наголову разбита, оказавшись неспособной устоять под внезапной атакой сербской кавалерии, усиленной подразделениями каталонских наемников. Михаил Шишман погиб в ходе битвы, и Болгария оказалась оставленной после этого на милость сербам. Одна политическая группировка во главе со сводным братом Михаила, Белауром, рожденным в браке Шишмана с его сербской женой, была готова предложить императорскую корону Стефану; но король твердо отверг это предложение. Он довольствовался возведением на престол Ивана Стефана, сына Михаила от его первого брака, который также был наполовину сербом по материнской линии [1, с. 191–195]. Сербская мягкая политика по отношению к побежденному противнику была несомненно связана с тем фактом, что Болгария относилась к сфере влияния Золотой Орды. Описывая болгарское посольство, посетившее Каир в 1331 году, ал-Омари передавал отголосок этих событий, отмечая, что сербы и болгары враждовали друг с другом, но, тем не менее, «ухаживали за султаном Кипчацким вследствие его великой власти над ними и (опасения) взыскания за вражду их по случаю близости их от него» [20, с. 621, 627–630; 47, с. 235–236; 51, с. 109].

Сербский ставленник на болгарском троне недолго продержался у власти. Он был свергнут менее чем через год, и болгарская знать избрала Ивана Александра (1331–1370), сына сестры Михаила. Иван Александр без труда нашел взаимопонимание с сербами, но внутренняя оппозиция, сплотившаяся вокруг Белаура из Видина, оказалась гораздо менее

сговорчивой. Однако Иван Александр все так же имел очевидное преимущество, поскольку мог рассчитывать на татарскую поддержку. Белаур потерпел поражение [14, с. 69–72], в основном, благодаря военным действиям татар вокруг Видина осенью 1331 года. Эти действия были сжато описаны рагузским торговцем, бывшим очевидцем их набегов на северо-западную Болгарию [39, с. 51–52]. В следующем году Иван Александр смог беспрепятственно выступить против Византии, которая воспользовалась кризисом в Болгарии для того, чтобы добиться некоторых территориальных приобретений в приграничном регионе. В этой болгаро-византийской войне, исход которой решился в битве при Россокастро, в районе Бургаса, две тысячи татар приняли участие на стороне болгар, одержавших победу [7, с. 583–584; 80, с. 458–470; 95, с. 483–488].

В течение правления Андроника III отношения Золотой Орды и Византии сложились самым наихудшим образом. Ал-Омари отмечал, что византийский император чрезвычайно боялся «притеснения и злобы царя Кипчацкого» [47, с. 236]. Этот страх был оправдан, поскольку в 1337 году татары совершили яростное нападение на Фракию. Согласно Никифору Григоре, оно было вызвано тем, что Византия прекратила посылать регулярные дары татарским правителю и знати. Татары казались неуправляемыми. Они опустошили весь регион до окрестностей Константинополя и захватили большое количество пленных жителей. Также они нанесли сокрушительное поражение и полностью уничтожили отряд османских мародеров, которые к тому времени стали регулярно проникать в Европу в поисках добычи [95, с. 535–536; 117, с. 132].

В 1341 году возник еще один серьезный кризис в византийско-татарских отношениях. Византийские власти необдуманно предоставили свободный проход через проливы своим турецким союзникам – корсарам Айдына, которые разграбили не только болгарские города на Черноморском побережье, но и порт Килию в дельте Дуная, находившуюся под контролем татар. Узбек обещал отомстить за это и, как утверждалось, объявил, что его целью войны было завоевание Константинополя. Дипломатическая миссия, обремененная ценными подарками, была послана в отчаянной попытке умиловить гнев хана [87; 89, с. 217]. В том же году Узбек умер, и эта новость должна была быть воспринята в Константинополе с большой радостью. Небольшая татарская армия еще раз напала на Византию в 1342 году, но со скромным успехом, поскольку, как признает Кантакузин, татарам уже нечего было грабить [36, с. 124–125; 81, с. 303; 83, с. 170].

Между Золотой Ордой и Османами.

Последним татарским предводителем в дунайской дельте, наделенным властью центральным правительством Сарая, был Атламыш, муж сестры хана Джанибека. Он потерпел поражение от венгров в 1345 году, после чего был взят в плен и убит [9, с. 23–26; 66, с. 278–279]. Кажется маловероятным, что он пользовался каким-либо влиянием на Балканах. В ходе последовавшей эпохи «Великой замятни» Золотая Орда совершенно утратила политическое господство над Юго-Восточной Европой. Но несмотря на это, в течение второй половины XIV века независимые татарские группы на северной болгарской границе продолжали представлять собой внушительную силу, с которой нужно было считаться. Три татарских князя, которые были разбиты литовцами в битве на Синих Водах (1362), – Дмитрий, Хаджи-бей и Кутлубуга – сохранили свою независимость в регионе севернее Дуная. Согласно турецкому автору Нешри, писавшему в начале XVI века, двое из них – Янджи-бей (Хаджи-бей?) и Кутлубуга – получили от Османов предложение примкнуть к ним во время их кампании против империи Тырново в предпоследнем десятилетии XIV века [12, с. 80; 23, с. 93]. На основе нумизматических данных было выдвинуто предположение, что князь Кутлубуга выступал в качестве сюзерена краткосрочного Добруджанского деспотства или, по крайней мере, его северной части со столицей в Силистре. Если это предположение соответствует действительности, оно могло бы послужить правдоподобным объяснением нежеланию татар оказать помощь туркам [2, с. 199;

5, с. 23–27]. Другой османский автор, поэт Энвери, упоминает, что татары оказали помощь сербам во время знаменитой битвы на Косовом поле в 1389 году [13, с. 147; 78, с. 38]. Его замечания нужно принимать с осторожностью, но не следует исключать возможность того, что некоторые татарские подразделения действительно пришли на помощь к сербам через союзные страны Болгарии и Валахии [36, с. 128–129].

Татары Золотой Орды появились в последний раз на балканской сцене в самом конце XIV века, в тот момент, когда Османы уже крепко держали этот регион в своих руках. Спасаясь от волны разрушений, принесенной ордами Тамерлана, и последствий поражения, понесенного в битве на Тереке (1395), татары Актау (это, скорее, племенное наименование, а не личное имя) бежали на запад и обосновались в землях военачальника Хурмадая, который был независимым предводителем татар, вероятно, пребывавших в Пруто-Днестровском междуречье [48, с. 179]. Татары Актау не были довольны своей новой родиной и через короткое время приняли решение двинуться на юг от дунайской дельты. В 1399 году они пересекли Болгарию, наподобие шторма, и захватили Варну на Черноморском побережье, стерев тем самым последние следы независимого болгарского деспотства Добруджи [2, с. 199; 12, с. 80–83; 37, с. 111–112; 103, с. 60]. Затем они обрушились на Фракию, где получили приглашение поступить на службу к Османам. Вскоре между иммигрантами и местными властями возникли противоречия. С целью предотвращения их восстания османский султан Баязид (1389–1402) вероломно приказал казнить их предводителей. Лишившись своих предводителей, татары Актау подчинились и были окончательно поселены на территории Фракии и южной Болгарии [37, с. 113; 85, с. 93–94]. В конце концов, они потеряли свою идентичность и слились с мусульманским населением Румелийского эялета Османов.

1. Архиепископ Данило и други. Животи краљева и архиепископа српских, издао Ђ. Даничић. Загреб, 1866. 386. с.

2. Атанасов Г. Добруджанското деспотство (към политическата, църковната, стопанската и културната история на Добруджа през XIV в.). Велико Търново, 2009. 496 с.

3. Атанасов Г. Дръстърската митрополия през Второто Българско царство // Тангра – Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев. София, 2006. С. 659–683.

4. Атанасов Г. Етнодемографски и етнокултурни процеси по Добруджанско черноморие през средновековието // Исторически преглед. Вып. 2. София, 1996. С. 3–30.

5. Атанасов Г., Павлов П. Tataro-Bulgaria – Три этюда о болгарско-татарских контактах на Нижнем Дунае в XIII–XIV вв. // Форум «Идель – Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (7–11 декабря 2009 г., Казань). Серия «Археология Евразийских Степей». Вып. 13. Казань, 2011. С. 3–32.

6. Божилев И. Фамилията на Асеновци (1186–1460), Генеалогия и просопография. София, 1994. 507 с.

7. Божилев И., Гюзелев В. История на Средновековна България. Том 1: VII–XIV века. София, 1999. 704 с.

8. Божиноски Г. Ръчно метателно оръжие от XIII и XIV век на територията на Република Македония. София, 2013. 222 с.

9. Вашари И. Татарские походы венгерского короля Лайоша Великого // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань, 2010. С. 22–30.

10. Вернадский Г. В. Золотая Орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях в царствование Михаила Палеолога // *Seminarium Kondakovianum*. Вып. 1. Praha, 1927. С. 73–84.

11. Господинов К. Свърлижката приписка като исторически извор. Исторически преглед. Вып. 3–4. София, 2005. С. 151–175.

12. Гюзелев В. Очерци върху историята на българския Североизток и Черноморието (краят на XII – началото на XV в.). София, 1995. 143 с.

13. Гюзелев В. Самият Търновград ще разтърби победите (Средновековни поети за България). София, 1981. 260 с.
14. Дуйчев И. Из старата българска книжнина. Том 2: Книжовни и исторически паметници от Второто българско царство. София, 1944. 436 с.
15. Закиров С. Дипломатическите отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966. 159 с.
16. Илиев Н. Шишмановият поход срещу Сърбия през 1292. г. // Исторически преглед. Вып. 11. София, 1988. С. 50–59.
17. Йорданов И. Корпус на печатите на средновековна България. София, 2001. 202 с.
18. Коларов Х. Българо-сръбски отношения при Тертеровци // България в света от древността до наши дни. Том 1. София, 1979. С. 213–221.
19. Кузев А. Владял ли е цар Тодор Светослав над Маврокастро? // Годишник на Софийския Университет – Научен Център за Славяно-византийски проучвания «Иван Дуйчев». Вып. 1. София, 1987. С. 101–106.
20. Кръстев К. Дипломатически отношения между Българското царство и Египет през XIV в. // *Bulgaria Mediaevalis*. Вып. 2. Пловдив, 2011. С. 619–630.
21. Кръстев К. Българското царство при династията на Тертеревци (1280–1323). Пловдив, 2011. 451 с.
22. Малышев А.Б. Сообщение анонимного минорита о миссионерских пунктах францисканцев в Золотой орде в XIV в. // Археология восточно-европейской степи. Вып. 4. Саратов, 2007. С. 183–189.
23. Мехмед Нешри. Огледало на света. История на османския двор / пер. М. Калицин. София, 1984. 420 с.
24. Миргалеев И.М. «Джами ад-Дувэль» Мунеджимбаши Ахмеда Деде: к вопросу об изучении турецких источников по истории Золотой Орды // Золотордынская цивилизация. Вып. 3. Казань, 2010. С. 31–35.
25. Мишић С. Српско-бугарски односи на крају 13. века // Зборник радова Византолошког института. Вып. 46. Београд, 2009. С. 333–340.
26. Мошин В. Крал Милутин според неговата биографија од Данило II, неговото «Житие по свиток» и неговата автобиографија // Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија. Том 2. Скопје, 1977. С. 309–414.
27. Ников П. История на Видинското княжество до 1323. година // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. Вып. 18. София, 1922. С. 1–124.
28. Ников П. Татаробългарски отношения през средните векове съ оглед към царуването на Смилеца // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. Вып. 15–16. София, 1919–1920. С. 1–95.
29. Павлов П. Бележки към събитията в България и в средновековната столица Търново в края на XIII – началото на XIV в. // Търновска книжовна школа. Вып. 5. Велико Търново, 1994. С. 527–534.
30. Павлов П. Бил ли е татаринът Чака български цар? // Историческо бъдеще. Вып. 1–2. София, 1999. С. 71–75.
31. Павлов П. Монголотатари на българска военна служба в началото на XIV век // Военноисторически сборник. Вып. 2. София, 1987. С. 112–120.
32. Павлов П. Патриарх Йоаким III, татарският хан Чака и цар Теодор Светослав // Духовна култура. Вып. 6. Велико Търново, 1992. С. 27–33.
33. Павлов П. Татарите на Ногай, България и Византия (около 1270–1302 г.) // Българите в Северното Причерноморие. Т. 4. Велико Търново, 1995. С. 121–130.
34. Павлов П. Теодор Светослав, Ногай и търговецът Пандолеон // Историко-археологически изследвания в памет на проф. др. Станчо Ваклинов. Велико Търново, 1994. С. 177–185.
35. Павлов П., Атанасов Г. Преминаването на татарската армия през България (1241–1242 г.) // Военноисторически сборник. Вып. 1. София, 1994. С. 5–20.
36. Павлов П., Владимиров Г. Златната орда и българите. София, 2009. 176. с.

37. Павлов П., Тютюнджиев И. Българите и османското завоевание (края на XIII – средата на XV в.). Велико Търново, 1995. 151 с.
38. Пенчев В. Още две колективни монетни находки од XIII в., намерени при археологическите разкопки в Силистра и свързани с опожаряването на града от татарите през 1242 г. Минало. Вып. 1. София, 2005. С. 14–19.
39. Петров П. Нови данни за търговските връзки между България и Дубровник през XIV век // Известия на българското историческо дружество. Вып. 28. София, 1972. С. 45–53.
40. Порсин А. Политика Золотой Орды в Восточной и Южной Европе в 50-х – 70-х годах XIII века // Золотордынская цивилизация. Вып. 3. Казань, 2010. С. 155–166.
41. Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста / Под ред. и с предисл. К.Н. Сербиной. М.; Л., 1950. 514 с.
42. Рабовянов Д. Средновековни костени апликации за колчан от хълма Трапезица, Велико Търново // Археология. Вып. 2. София, 2011. С. 53–72.
43. Радожич Н. Законик цара Стефана Душана 1349 и 1354. Београд, 1960. 176 с.
44. Рашид ад-Дин Фазлаллах. Сборник летописей. Т. 2 / пер. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова. М.; Л., 1960. 253 с.
45. Рашид ад-Дин Фазлаллах. Сборник летописей. Т. 3 / пер. А.К. Арендса. М.; Л., 1946. 316 с.
46. Стојановић Љ. Стари српски записи и натписи. Том I. Београд, 1902. 480 с.
47. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 588 с.
48. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Вольним. М.; Л., 1941. 306 с.
49. Тотев К. За датировката на златния пръстен-печат на мечоносеца Тагчи // «България, земя на блажени!» In *memoriam Professoris Iordani Andreevi*. Велико Търново, 2010. С. 450–458.
50. Узелац А. Под сенком пса. Татари и јужнословенске земље у другој половини XIII века. Београд, 2015. 321 с.
51. Узелац А. Сербские письменные источники о татарах и Золотой Орде (первая половина XIV в.) // Золотоордынское обозрение. Вып. 1[3]. Казань, 2014. С. 101–118.
52. фон Шелиха В. Основание православного епископства в Сарае в 1261 году // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. Казань, 2012. С. 83–90.
53. *Abulfedae Annales Muslemici Arabice et Latine* / ed. J. Reiske, T.V. Hafniae, 1794. 574 p.
54. *Albrici monachi Triumphontium Chronicon* / ed. P. Scheffer-Boichorst // *Monumenta Germaniae Historica: Scriptorum*. Vol. XXIII. Hannoverae, 1874. P. 631–950.
55. *Alemany A. Sources on the Alans: A Critical Compilation*. Leiden, Boston, 2000. 461 p.
56. *Andreae Danduli Chronica per extensum descripta* / ed. E. Pastorello // *Rerum Italicarum Scriptorum*. Nuova Edizione. Vol. XII/1. Bologna, 1938. cxi + 405 p.
57. *Annales minorum seu trium ordinum a S. Francisco institutorum*, VI / ed. L. Waddingus. Romae, 1783. 622 p.
58. *Anonymi Descriptio Europae Orientalis: «Imperium Constantinopolitanum, Albania, Serbia, Bulgaria, Ruthenia, Ungaria, Polonia, Bohemia» anno MCCCVIII exarata* / Ed. O. Górka. Kraków, 1916. xlix + 70 p.
59. *Archdeacon Thomas of Split. History of the Bishops of Salona and Split* / edd. O. Perić et al. Budapest, New York, 2006. 404 p.
60. *Árpádkori új okmánytár. Codex diplomaticus Arpadianus continuatus*. Т. XII / ed. G. Wenzel. Budapest, 1874. 737 p.
61. *Az Árpád-házi királyok okleveleinek kritikai jegyzéke. Regesta regum stirpis Arpadianae critico diplomatica*. Vol. II/4 / edd. I. Szentpétery, I. Borsa. Budapest, 1987. 336 p.
62. *Bartusis M. The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453*. Philadelphia, 1992. 438 p.

63. Brătianu Gh. *Recherches sur Vicina et Cetatea Albă*. Bucharest, 1935. 196 p.
64. Budge E.A.W. (ed. & trans.). *The Chronography of Gregory Abu'l-Faraj 1225–1286, the son of Aaron, the Hebrew physician commonly known as Bar Hebraeus*. Vol. I. London, 1932. 582 p.
65. Ciocîltan V. *Hegemonia Hoardei de Aur la Dunărea de Jos (1301–1341)* // *Revista Istorică: Serie nouă*. No. 5/11–12. Bucureşti, 1994. P. 1099–1118.
66. Ciocîltan V. *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. Leiden, Boston, 2012. 344 p.
67. *Chronicon Claustroneuburgense* / ed. A. Rauch // *Scriptores Rerum Austriacarum*. Vol. I. Vindobonae, 1793. P. 1–126.
68. *Croniche di Giovanni, Matteo e Fillippo Villani* / ed. A. Rachelli. Trieste, 1857. 486 p.
69. Decei A. *L'invasion des Tatars de 1241/1242 dans nos régions de selon la Djamiot Tevarikh de Fazl ol-lah Rashid od-Din* // *Revue Roumaine d'Histoire*. No. 12. Bucureşti, 1973. P. 101–121.
70. Failler A. *Euphrosyne l'épouse du tsar Théodore Svetoslav* // *Byzantinische Zeitschrift*. No. 78. Munich, 1985. P. 92–93.
71. Gautier Dalché P. *Une géographie provenant du milieu des marchands toscans (début du XIVe siècle)* // P. Gautier Dalché. *L'espace géographique au Moyen Âge*. Firenze, 2013. P. 171–179.
72. Georges Pachymeres. *Relations historiques*. Vol. 1–2: Livres I–VI / eds. A. Failler – V. Laurent. Paris, 1984. 667 p.
73. Georges Pachymeres. *Relations historiques*. Vol. 3–4: Livres VII–XIII / ed. A. Failler. Paris, 1999. 727 p.
74. Giebfried J. *The Mongol Invasions and the Aegean World* // *Mediterranean Historical Review*. No. 28/2. Tel Aviv, 2013. P. 129–139.
75. Giovanni di Pian di Carpine. *Storia dei Mongoli* / eds. E. Menestò et al. Spoleto, 1989. 522 p.
76. Golubovich G. *Biblioteca Bio-Bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente francescano*. Vol. 2. Quaracchi, Firenze, 1913. 520 p.
77. Gregoire H. *Imperatoris Michaelis Paleologi de vita sua* // *Byzantion*. No. 29–30. Bruxelles, 1959–1960. P. 447–476.
78. Guboglu M., Mehmet M. *Cronici turcesti despre Tarile Romane*. Vol. 1: sec. XV – mijlocul sec. XVII. Bucuresti, 1966. 563 p.
79. *Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi* / ed. A. Önnersfors. Berlin, 1967. x + 44 p.
80. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV, T. I* / ed. L. Schopen. Bonnae, 1828. xxxvi + 560 p.
81. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV, T. II* / ed. L. Schopen. Bonnae, 1831. 615 p.
82. Jackson P. *The Mongols and the West (1221–1410)*. Harlow, 2005. 448 p.
83. Kyriakidis S. *Warfare in Late Byzantium 1204–1453*. Leiden, Boston, 2011. 254 p.
84. Laiou A. *Constantinople and the Latins: The Foreign Policy of Andronicus II 1282–1328*. Cambridge, Mass., 1972. 400 p.
85. *Laonici Chalkocandylae Historiarum demonstrationes. T.1* / ed. E. Darkó. Budapestini, 1922. 206 p.
86. Laurent V. *La domination byzantine aux bouches du Danube sous Michel VIII Paléologue* // *Revue historique du Sud-Est européen*. No. 22. Bucarest, 1945. P. 184–198.
87. Laurent V. *L'assaut avorté de la Horde d'Or contre l'Empire Byzantin (Printemps-été 1341)* // *Revue des études byzantines*. No. 18. Paris, 1960. P. 145–162.
88. Lazarov L. *Sur un type de monnaies en cuivre avec la tamgha de Nogaj* // *Bulgarian Historical Review*. No. 4. Sofia, 1997. P. 3–12.
89. Lippard B. *The Mongols and Byzantium 1243–1341* (Ph.D. Diss). Indiana Uni., 1984. 253 p.

90. Manuelis Philae Carmina ex codicibus Escorialensis, Florentinis, Parisinis et Vaticanis, T. II / ed. E. Miller. Paris, 1857. 496 p.
91. Maffry Talbot A.M. The Correspondence of Athanasius I, Patriarch of Constantinople. Washington DC, 1975. 467 p.
92. Margos A. Deux sources arméniennes du XIIIe siècle concernant certains événements historiques du Second Empire bulgare // *Études balkaniques*. Vol. 1, no. 2–3. Sofia, 1965. P. 295–300.
93. Moravesik Gy. Byzantinoturcica. T. II: Sprachreste Der Turkvolker in Den Byzantinischen Quellen. Leiden, 1983. xxv + 376 s.
94. Năsturel P. Les fastes episcopaux de la metropole de Vicina // *Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher*. No. 21. Berlin, 1976. P. 33–42.
95. Nicephori Gregorae Byzantina Historia, T. I / ed. L. Schopen. Bonnae, 1829. ci + 568 p.
96. Oberländer-Târnoveau E. Byzantino-tartarica; Le monnayage dans la zone des bouches du Danube à la fin du XIIIe et au commencement du XIVe siècle // *Il Mar Nero: Annali di archeologia e storia*. Vol. 2. Roma, 1996. P. 191–214.
97. Oberländer-Târnoveau E. Numismatological Contributions to the History of South-Eastern Europe at the end of the 13th Century // *Revue Roumaine d'Histoire*. No. 26. Bucarest, 1987. P. 245–258.
98. Popkonstantinov K., Kronsteiner O. Altbulgarische Inschriften, T. II. Salzburg, 1997. 266 p.
99. Previale L. Un panegirico inedito per Michele VIII Paleologo // *Byzantinische Zeitschrift*. No. 42. Munich, 1943. P. 1–49.
100. Richard J. À propos de la mission de Baudouin de Hainaut: l'empire latin de Constantinople et les mongols // *Journal des Savants*. No. 1. Paris, 1992. P. 115–121.
101. Richeri Gesta Senoniensis Ecclesiae / ed. G. Waitz // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*, T. XXV. Hannoverae, 1880. P. 249–345.
102. Rogerii Carmen Miserabile / ed. L. Juhász // *Scriptores Rerum Hungaricarum*. T. II. Budapest, 1938. P. 543–588.
103. Schreiner P. Die Byzantinischen Kleinchroniken. 3. Teil. Wien, 1979. 254 p.
104. Schreiner P. Die Tataren und Bulgarien. Bemerkungen zu einer Notiz im Vaticanus Reginensis gr. 18 // *Études balkaniques*. No. 21/4. Sofia, 1985. P. 25–29.
105. Sekelj Ivančan T. et al. Slučajni nalaz lubanje Canis Familiaris položene u srednjovjekovnu keramičku posudu s lokaliteta Torčec – Cirkvišće kraj Koprivnice // *Prilozi Instituta za arheologiju u Zagrebu*. No. 15–16. Zagreb, 1999. S. 61–79.
106. Senga T. IV. Béla külpolitikája és IV. Ince pápához intézett 'tatár- levele // *Szazadok*. No. 121. Budapest, 1987. O. 583–612.
107. Sinica Franciscana, vol. I: Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV / Ed. A. Van den Wyngaert. Quaracchi, Firenze, 1929. 637 p.
108. Soldo J. Provala Tatara u Hrvatsku // *Historijski zbornik*. No. 21–22. Zagreb, 1969. S. 371–388.
109. Sophoulis P. The Mongol invasion in the Lands of Croatia and Serbia // *Fragmenta Hellenoslavica*. No. 2, 2015 (in print).
110. Spinei V. Les Mongols dans Historia Ecclesiastica Nova de Tholomeus de Lucca // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. No. 18. Wiesbaden, 2011. P. 271–333.
111. Spinei V. Moldavia in the 11th–14th Centuries. Bucharest, 1986. 276 p.
112. Spinei V. The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century. Cluj-Napoca, 2003. 546 p.
113. Thalloczy L. Oklevelek a magyar-bolgár összeköttetések történetéhez 1360–1369 // *Magyar Történelmi Tár*. No. 2. Budapest, 1898. P. 357–367.
114. Tholomeus von Lucca. Historia ecclesiastica nova: nebst Fortsetzungen bis 1329 / ed. O. Clavuo. Hannover, 2009. 784 p.
115. Uzelac A. Latin Empire of Constantinople, the Jochids and Crimea in the Mid-Thirteenth Century // *Золотоордынское обозрение*. №. 3. Казань, 2015. С. 62–76.

116. Uzelac A. *Tatars and Serbs at the End of the Thirteenth Century* // *Revista de Istorie Militară*. No. 5–6. București, 2011. P. 9–20.

117. Vasary I. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge, 2005. 230 p.

118. *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia*. Vol. I / Ed. A. Theiner. Osnabrück, 1968. 837 p.

119. Zachariadou E. *Observations on Some Turcica of Pachymeres* // *Revue des études byzantines*. No. 36. Paris, 1978. P. 261–267.

§ 8. Господство Золотой Орды в Валахии и Молдавии³³

Виктор Спиной

Монгольское нашествие 1241–1242 годов произвело особенно серьезное воздействие на Карпато-Дунайский регион, вызвав тяжелую экономическую и политическую дестабилизацию, которая была следствием, среди прочего, включения обширных территорий за пределами Карпатской дуги в состав Золотоордынского государства более чем на столетие. Череда этих событий привлекла закономерный и повышенный интерес в историографии, став объектом изучения в многочисленных исследованиях и монографиях [93, с. 33–66; 48, с. 101–121; 54, с. 42–67, 79–132; 82, с. 64, 94–97; 100, II, с. 628–656; 91, с. 236–272; 34, с. 243–253]. Причем, монографии и различные исследования, комплексно рассматривавшие события, связанные с монгольскими завоеваниями в Восточной и Центральной Европе, также освещали и аспекты, относящиеся к Карпато-Дунайским землям [103, с. 20–21; 107, с. 66–67, 74–76; 63, с. 63–64, 68–70; 47, с. 410–414; 30, с. 95–104; 112, с. 343–346]. Еще несколько десятилетий назад заключения, к которым приходили исследователи, занимавшиеся этой темой, по большей части основывались на сведениях западных и восточных нарративных и дипломатических источников. Количество этих источников невелико, и их содержание довольно скудно в отношении предоставляемой информации; вследствие чего они только частично отражают демографические и политические реалии Нижнедунайских регионов, поднимая тем самым ряд вопросов. В определенный момент появилась иллюзия, что информативная составляющая этих источников уже была полностью исчерпана. Тем не менее, некоторые убедительные исследования, избежавшие влияния этой пессимистичной точки зрения, выявили те источники, которые либо не были проанализированы к тому времени, либо изучены лишь частично. В течение периода, следовавшего за Второй мировой войной и ставшего свидетелем прогресса в области средневековой археологии, были выявлены многочисленные находки, датируемые периодом монгольской экспансии и, таким образом, существенно обогатившие изучение контактов между автохтонным населением и агрессорами. Среди сделанных тогда находок было и большое количество монет, анализ которых привел к чрезвычайно интересным заключениям. При современном состоянии исследований исчерпывающие изыскания в области истории валахов и монголов XIII–XIV веков не могут быть предприняты без основательного параллельного изучения письменных и археологических источников.

Когда монголы начали свою кампанию в Европе, Карпато-Дунайский регион переживал длительный переломный период, бывший следствием как того факта, что племена печенегов, узов и куманов поочередно поселились на равнинах к северу от Дуная – в Буджаке и Барагане, так и включения Трансильвании в состав Венгерского королевства в тот же период. Грабительские набеги кочевников и их стычки с соседними госу-

³³ Перевод с английского Романа Хаутала.

дарствами привнесли нестабильность в эту зону, ослабив демографический рост, воспрепятствовав экономическому благополучию и замедлив процесс образования сильных государственных образований [101, с. 47–305; 52, с. 32–55]. В этих условиях Карпато-Дунайские земли, с одной стороны, не представлялись азиатским всадникам привлекательными объектами грабительских нападений и, с другой стороны, не являлись значительным препятствием для действий монгольских войск. Вот почему эти земли оставались незаметным объектом как для политических властелинов того времени, так и для современных историографических кругов.

Уже до вторжения монголов в Карпато-Дунайские регионы определенные отголоски их военных кампаний в Восточной Европе были засвидетельствованы на большом расстоянии от эпицентра военных столкновений. Так, многие исследователи считают, что просьба, адресованная в 1227 году куманскими группами церковным властям Венгрии, об оказании покровительства в их обращении в христианство (которая имела в скорости своим следствием создание Куманской епархии в юго-восточной Трансильвании, северо-восточной Валахии (Мунтении) и юго-западной Молдавии) была обусловлена потрясением, причиненным тюркским племенам в ходе поражения, нанесенного подразделениями Джебе и Субедея на Северном Кавказе в 1222 году и на Калке в 1223 году. Согласно этому предположению, при помощи этой конфессиональной инициативы новообращенные пытались добиться благосклонности и защиты Венгерского королевства, предугадывая повторное нападение монгольских сил [82, с. 66–67; 61, с. 131; 47, с. 406; 67, с. 260; 80, с. 97–98]. Действительно, наступление возобновилось, начавшись в 1236 году, и с гораздо большим размахом. Серьезные поражения, понесенные племенными конфедерациями куманов в Волжском бассейне и черноморско-каспийских степях, принудили их искать убежища на западе, на Паннонской равнине и на Балканском полуострове. Отдельная группа под командованием хана Котьяна достигла Венгрии после пересечения северных Карпат через Верецкий перевал – традиционный маршрут миграции из Северного Причерноморья в Паннонию, – отклонившись, таким образом, от территории Молдавии. С другой стороны, группа, проникшая на юг от Дуная, где она столкнулась с враждебностью болгарского царя, не могла попасть туда без того, чтобы пересечь южную часть Молдавии и восточную часть Валахии.

Монгольская армия продвинулась к территориям, соседствовавшим с теми, которые уже были заселены валахами в 1239 или 1240 году. В 635 г.х. (1237–1238 гг. н.э.) монголы проникли в Дешт-и Кипчак (Кипчакская степь / степь куманов), и в ходе жестких боев они нанесли поражение армиям под командованием Котьяна, который обратился к королю Беле IV с просьбой принять его в Венгерском королевстве в 1239 году. Также вполне возможно, что войска победителей завладели покинутым ареалом почти моментально, и эта возможность позволяет предположить, что монгольские подразделения могли продвинуться вплоть до устьев Дуная. Согласно вечным законам войны, победители овладевали всеми территориями побежденных в военном столкновении, даже если решающее столкновение происходило в ограниченном пространстве.

Если у нас нет сведений о проникновении монголов на территории нижнего течения Дуная, то их продвижение к северо-восточным пределам территорий, заселенных валахами, напротив, подтверждается синхронными источниками. После захвата Киева 6 декабря 1240 года (некоторые другие фрагментарные сведения, внушающие меньше доверия, указывают на дату 19 ноября) монгольские подразделения проникли на западную сторону Киевского княжества, как и в Галицко-Волынское княжество, где местные предводители, павшие духом и посчитавшие бесполезным любое сопротивление, подчинились монголам. Не позволив себе отдохнуть после длительных военных операций на Руси и в Дешт-и Кипчак, они самым оперативным образом приготовились напасть на Центральную и Восточную Европу, вторжение в которые они запланировали задолго до этого.

На этой стадии кампании Бату, верховный военачальник монголов, уже не располагал теми воинскими ресурсами, на которые он мог рассчитывать в самом начале Великого Западного похода. Естественно, часть его воинов погибла во время столкновения с противником, но, по всей вероятности, личный состав был пополнен путем включения в состав войск подразделений, которые были укомплектованы из подчиненного населения, согласно обычной практике степных всадников. Некоторые же части монгольской армии, принявшие ранее участие в сражениях с руссами, куманами и другими народами Восточной Европы, напротив, вернулись в Азию после капитуляции Киева. Поэтому среди действующих военачальников на венгерском и польском театрах военных операций более не встречаются имена некоторых выдающихся членов рода Чингиз-хана, таких как Гуюка, сына Угэдэя, и Мунке, сына Тулуя, – будущих императоров Монгольской империи. Совершенно очевидно, что они не удалились в одиночестве, но в сопровождении подчиненных им войск. Верховное руководство империи вероятно посчитало, что наиболее важные цели кампании были достигнуты, то есть завоевание равнинной зоны на север от Каспийского моря, Кавказских гор и Черного моря, включая установление господства над руссами и другими народами Восточной Европы. Но, хотя продолжение экспансии по направлению к Центральной и Восточной Европе играло менее важную роль в завоевательных планах монголов, это военное предприятие не оказалось ни в коем случае недооцененным.

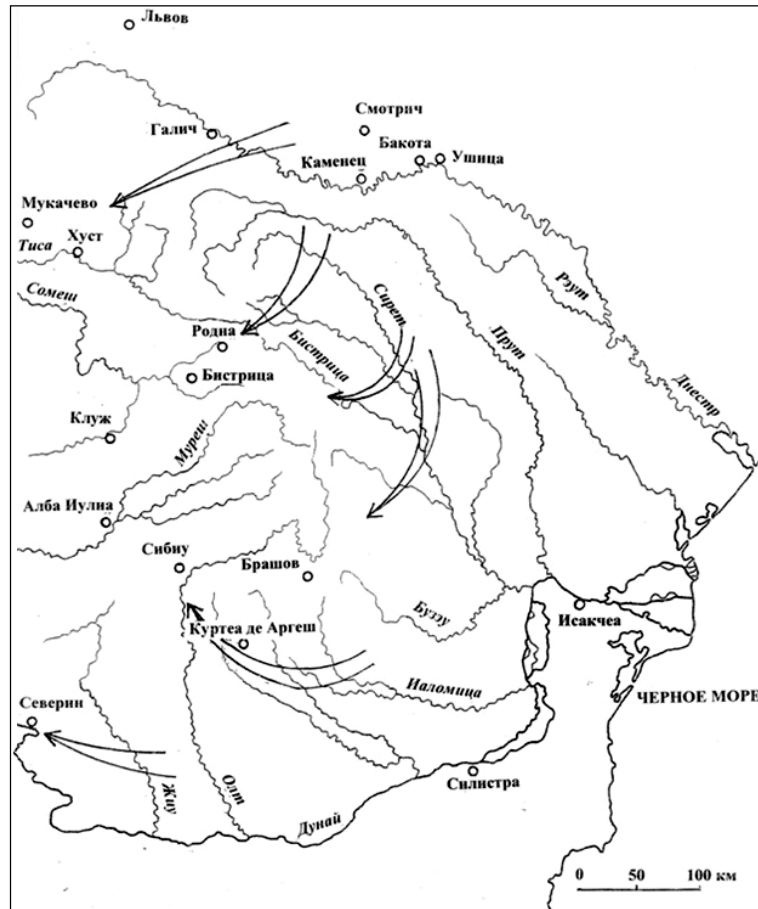
Экспедиционный корпус во главе с Бату был укомплектован с учетом высокого военного потенциала государств Центральной и Восточной Европы, среди которых выделялось королевство Арпадов, воспринимавшееся в качестве грозного противника. Еще до начала столкновений с княжествами Руси завоевание Венгерского королевства входило в приоритетные стратегические планы монголов. Знаменательным в этом отношении является свидетельство доминиканца Юлиана, отправленного в миссию в Восточную Европу во время вторжения на Русь армий хана Бату: «уже давно известным фактом было то, что князь Суздаль передал через меня на словах королю венгров, что татары днем и ночью совещались, как разбить и захватить королевство христианских венгров» (*Fertur a pluribus re certa et dux de Su[z]dal mandavit per me regi Hungariorum viva voce quod nocte dieque consilium habent Tartari, qualiter vincant et obtineant regnum Hungariorum christianorum*) [51, с. 38, 42; 38, с. 177–178]. Более того, монголы, видимо, также предусматривали вторжение в Германию (*Alemania*) [49, с. 25, 29, 33; 39, с. 158]. В целях подготовки военных операций, зимой 1240–1241 года монгольские войска сконцентрировались на западных территориях Галицко-Волынского княжества и, вероятно, на северной половине Молдавии. Для того, чтобы помешать возникновению предположений о готовящемся вторжении в Венгрию, между местом их дислокации и границами королевства была сохранена нетронутой грабежами территория, которую можно было пересечь за 4–5 дней [89, с. 32, 71; 90, с. 164–165], и ее протяженность, по всей видимости, равнялась 150–200 км. Протекция этой буферной зоны также служила цели обеспечения продовольственных ресурсов для воинов и подножного корма для животных на начальном этапе нападения. Для поддержания материального обеспечения войск, подчиненные общины были обязаны предоставлять продовольствие армиям, ведущим военные действия. Такие обязанности были засвидетельствованы за Болоховскими жителями, чьи земли располагались в среднем течении Южного Буга. В 1241 году они получили приказ отдать монголам пшеницу и просо [12, стб. 792]. Вполне вероятно, что и другие общины руссов и валахов могли быть принуждены предоставлять подобные продукты, несмотря на отсутствие упоминания этого факта в синхронных летописях. В праздник Рождества 1240 года в Венгрии распространились известия о том, что монголы начали грабить территории рядом с границей

Руси: «circa natiuitatem Domini fama fuit, quod confinia Hungarie Ruscie contigua [continua], Tartari deuastabant» [89, с. 29, 68; 90, с. 156–157].

Зимой 1240–1241 года монгольские армии собрались рядом с северо-восточными склонами восточных Карпат и начали общее наступление по направлению к западным регионам в марте 1241 года. Польша и Венгрия были атакованы одновременно несколькими подразделениями: такая тактика препятствовала предоставлению помощи тем, кто был подвержен нападению, и, с другой стороны, облегчала обеспечение продовольствием нападавших. Главное крыло монгольских войск, двинувшееся по направлению к Венгерскому королевству под командованием Бату, форсировало северные Карпаты через так называемые «ворота Руси» (ad dictam portam Ruscie) [89, с. 32, 71; 90, с. 164–165] – термин, которым было принято называть Верецкий перевал (совр. Нижние Верецки). Укрепленные поселения к северу от Буковины, которые, согласно археологическим изысканиям, предпринятым после II Мировой войны, прекратили свое существование в середине XIII века, были, по всей вероятности, уничтожены войсками в подчинении Бату в то время, когда они направлялись в сторону границ Венгрии [22, с. 89 и сл.; 5, с. 266–270, 275].

Одна из самых мощных армий – несомненно, вторая по значению среди монгольских сил во главе с Каданом, сыном великого хана Угэдэя, – двинулась на запад по дороге, пролежавшей «между Русью и Куманией», т.е. через северную часть Молдавии. За три дня Кадан пересек всю лесную область Восточных Карпат, прежде чем достигнуть в марте 1241 года восточной стороны Трансильвании в долине Сомешул-Маре. Первыми противниками, которые попытались помешать его продвижению, были саксонские общины Родны, поселенные там венгерскими королями для развития горного промысла. Удостоверившись в их непреклонной решимости защищаться и стремясь избежать возможных потерь, Кадан имитировал отступление, и жители Родны, знакомые с тактическими уловками кочевников, оказались настолько наивными, что поверили, будто их военная инициатива могла бы испугать монголов. При внезапном возвращении монголов, саксонцы оказались совершенно неподготовленными, и таким образом они были легко разбиты. Шесть сотен из тех, кому была сохранена жизнь, были принуждены следовать во главе с «комесом Аристалдом» за Каданом, когда он пересек Трансильванию по пути своего следования в сторону Венгрии [89, с. 33, 72; 90, с. 164–167]. Эпизод, имевший место в Родне, иллюстрирует методы, при помощи которых монголы пополняли свои армии во время военных кампаний. Явные упоминания таких случаев встречаются очень редко, в особенности, в отношении европейского театра военных действий, однако это не означает, что подобная практика не была распространённой. Без таких пополнений в рядах воинов, их экспансионистская энергия резко бы ослабла на протяжении длинных кампаний; в особенности, принимая во внимание то, что демографический потенциал исконных тюрко-монгольских областей никогда не был достаточным. Кадан подошел к Ораде в сопровождении 600 саксонцев и вошел в город без особых препятствий, но он встретил более стойкое сопротивление при осаде крепости, которую удалось взять только после разрушения ее стены при помощи семи камнемётных машин. Наказание сопротивлявшихся было чрезвычайно жестоким, включая убийство не только граждан, но и церковных служителей и женщин, вместе с одновременным разорением, профанацией и поджогом кафедрала и других церквей [89, с. 45–46, 85–86; 90, с. 198–201]. Среди других наиболее важных городов центральной Трансильвании, завоеванных монголами, заслуживает упоминания Клуж [46, с. 65], который, вероятно, также стал жертвой экспедиционного корпуса во главе с Каданом во время его передвижения из Родны в Ораду.

Рис. 1. Предположительный маршрут монгольских подразделений при пересечении Карпат на их пути в Трансильванию и Венгрию весной 1241 г.

Одно войсковое объединение, название которого не уточняется в письменных источниках, продвинулось из центральной Молдавии по направлению к Трансильвании через долину Бистрицы, на что указывают археологические раскопки, предпринятые в укрепленном поселении Пятра-Нямц – Батца Доамнеи, датированном концом XII и первой половиной XIII века. В ходе археологических изысканий внутри него было идентифицировано большое количество оружия, орудий труда, предметов одежды и металлической амуниции [95, с. 441–454], что указывает на внезапный уход его жителей из-за появления большой опасности, несомненно, вызванной вторжением монголов. Продвинувшись на северо-запад, вдоль реки Бистрица, это подразделение могло соединиться с войсками под командованием Кадана.

Другое крыло монголов действовало на юге Молдавии, где после форсирования реки Сирет оно проникло в «страну Куманского епископа», разбив войска, посланные ему навстречу. Мы не знаем, двинулось ли это крыло из Галиции и северной Молдавии, или же оно пришло прямо из Дешт-и Кипчака. Этим крылом командовал некий Бочетор [89, с. 33, 72; 90, с. 166–167], чье имя было передано в деформированном виде Рогерием из Торре Маджоре, описывавшим эти события. Также возможно, что под этим именем понимался Бучек, сын Толуя, или Беркечар, сын Джучи и брат Бату. После уничтожения Куманской епархии монголы двинулись в Трансильванию через Ойтузский перевал, бывший наиболее простым путем проникновения из Молдавии в земли внутри Карпатской дуги. Согласно Птолемею из Лукки (1236? – 1326/1327) и другим итальянским хронистам, защита горного перевала была возложена на румын и секеев (Ollaci et

Siculi), но они не смогли остановить продвижение захватчиков [104, с. 539; 99, с. 7–15; 102, с. 23–38, 119–134]. Также не добились желанного успеха и военные силы во главе с воеводой Трансильвании, попытавшиеся оказать сопротивление монголам в земле Бырса (Цара-Бырсей). Монголы продолжили свое продвижение на запад по долине реки Олт, разграбив цистерцианский монастырь Керца. Кампания в южной Трансильвании привела, среди прочего, к завоеванию городов Сибиу и Альба Юлия [46, с. 65].

Король Бела IV сообщал в своем письме, адресованном папе Иннокентию IV 11 ноября 1250 года, что во время проведения кампании против Венгрии армия монголов пересекла регион, расположенный «на границе с куманами за Дунаем и с болгарами» (in confinio Cumanorum ultra Danubium et Bulgarorum) [57, с. 261, где письмо ошибочно датируется 1254 годом]. Данное утверждение может указывать на то, что и территория Валахии также оказалась подвержена нападению. Вполне возможно, что, как и при охвате восточной части Венгерского королевства, в рамках стратегической системы координат этого вторжения монголы могли начать нападение, как через перевал Турну Рошу по направлению к трансильванской долине Олта, так и через дунайские ущелья (Clisura Dunării, Banatska Klisura) по направлению к Банату.

Военное столкновение между монголами и валахами косвенно упоминается знаменитым персидским летописцем Рашид ад-Дином, имевшим доступ к богатой документации при дворе ильханов. Валахи обозначаются двумя различными этнонимами – Улаг и Кара-Улаг (Черные валахи), – отображая, тем самым, тот факт, что они занимали отдельные территории и не имели идентичного политического статуса. Против них действовало подразделение во главе с Бучеком, которое, «пройдя по дороге Черных валахов через горы и спустившись туда, захватило народ валахов», и позже выиграло еще одно сражение с неким Мишлавом [86, с. 70; см. также: 87, II, с. 332], бывшим, вероятно, местным вождем. Кара-Улаг (Черные валахи) могли жить за пределами Карпатской дуги, тогда как также возможно, что Улаг (валахи), упомянутые в тексте Рашид ад-Дина, могли быть родом из Валахии или Трансильвании. Инвазия на территории валахов (Власси) также упоминается в послании флорентинца Рикколдо да Монте Кроче (ок. 1243–1320) [88, с. 106–107]. Кроме того, другой автор родом из Тосканы, Джованни Виллани (ок. 1275–1348), пишет в своей хронике о завоевании Валахии (Vraschia) монголами [109, с. 71; 110, с. 255–256].

Спеша достичь Паннонской равнины как можно быстрее для того, чтобы соединиться с основной частью войск во главе с Бату, ожидавшего энергичный отпор со стороны короля Бела IV, подразделения во главе с Каданом, Бури, Бучеком и другими чингизидскими военачальниками не имели достаточно времени для осуществления обширных разрушений и грабежа. Тем не менее, при получении сигнала об отступлении после прибытия сообщения о смерти Великого хана Угэдэя, монгольские отряды предалися захвату рабов и разбою. У нас нет сведений о пути возвращения главной части армии во главе с Бату, но можно предположить, что он предпочел вернуться через тот же Верецкий перевал. Многочисленные подразделения монголов вернулись в свои родные земли, пройдя через Трансильванию, которой они причинили значительный урон. Поскольку монголы не оставили оккупационных войск в этом регионе, который они пересекли в 1241 году, местные трансильванцы воспользовались этим для того, чтобы укрепить крепости в этой зоне. К несчастью для них, эти крепости не были достаточно оснащены для того, чтобы выдержать атаки монголов [89, с. 55–56; 90, с. 220–225]. Другая группа монголов во главе с Каданом провела зиму 1241–1242 года рядом с побережьем Далмации и направилась в сторону евразийских территорий через северные регионы Болгарского царства. Путь, по которому следовали монголы, отмечен следами разрушений, выявленных в отдельных крепостях, как и в монетныхкладах в Добрудже, спрятанных местными жителями от врагов [78, с. 97–98; 1, с. 4–9].

Великий Западный поход монголов 1236–1242 годов был, вероятно, самой молниеносной военной кампанией за все средневековье, вызвавшей серию длительных этно-демографических, экономических, политических, культурных и конфессиональных последствий в судьбе народов западной части Евразии. Последствия военных столкновений были не везде однородными. По нашему мнению, среди стран, которые подверглись инвазии, можно выявить три главные обособленные категории. В определенных странах – в Польше, Моравии, Венгрии – в течение кампании имели место убийства, разрушения и грабеж, но монголы не навязали им впоследствии каких-либо принудительных обязанностей. Некоторые другие страны – Русь, Дунайская Болгария и Сербия – претерпели те же бедствия и были подчинены разорительным данническим требованиям на долгое время. Третья категория регионов – Волжская Булгария, Кумания, Северо-Кавказская область и Крым – потеряли свою политическую автономию, будучи оккупированными непосредственно монголами и напрямую подчиненными их управлению. Предложенная классификация не оставалась неизменной, и определенные категории подвергались изменениям с течением времени.

В общих чертах, все три категории встречаются также и в зоне, заселенной валахами, состав которой в значительной степени находился в зависимости от прежних политических объединений. Так, Трансильвания, где процентное соотношение валахов в демографическом составе было значительным, осталась внутри границ Венгерского королевства, будучи защищенной на востоке от нападений соседей Карпатской цепью и также крепостями, возведенными властями рядом с наиболее доступными перевалами. В регионах за пределами Карпатской дуги не было столь грандиозных ландшафтных барьеров, однако несмотря на это, монголы не захотели аннексировать их полностью, но только частично. Предсказуемым образом они завладели территориями, принадлежавшими ранее куманам, прежним обладателям понтийско-каспийских равнин. Наподобие других тюркских степных племен кочевников – печенегов и узов, – куманы располагали свои зимние стоянки в равнинной полосе на север от Нижнего Дуная и в зоне приморских озер между устьями Дуная и Днестра, то есть в Буджаке и Барагане, откуда они отправлялись на север со своими семьями и стадами во время теплых периодов. В поисках равнин, благоприятных для их отар и стад, они следовали течению главных рек с целью продвигаться в сторону северных частей Молдавии и Валахии. Обычно они избегали холмистых земель с густыми лесами и поэтому не продвинулись в зону Прикарпатья западнее течения реки Сирет в Молдавии и Олт в Валахии. Заселение тюркскими кочевниками Буджака и Барагана вынудило местное земледельческое население мигрировать на северные и западные территории, лучше защищенные от грабительских набегов [97, с. 84–104; 101, с. 307–360; 85, с. 89–93, 139–145, 230–232]. Эти территории остались за пределами владений Золотой Орды, но они не смогли избежать статуса данников мощного государства, созданного на западе от Сибири и в южной части Восточной Европы.

Трудно точно определить контур территорий, оккупированных непосредственно монгольскими общностями и подчиненными им тюркскими группами. Несколько более точные данные предоставили археологические изыскания, предпринятые в последние десятилетия, уделяя первоочередное внимание керамическим и монетным находкам. В этой связи мы имеем в виду красновато-желтоватые образцы керамики, изготовленные ремесленниками восточных городских центров Золотой Орды, перенявшими более ранние технологические традиции. Уникальное качество этой керамики определило ее высокий спрос и широкое распространение во многих европейских регионах Золотой Орды, часто вытесняющее другие типы керамической продукции. Ее находки в поселениях в Молдавии и Добрудже указывают на то, что эти поселки находились внутри сферы экономического влияния центров красновато-желтоватого гончарного производства, пользовавшегося протекцией властей. Именно эти центры обеспечивали продажу

произведенной продукции в основном в зоне, контролируемой монгольской администрацией, и в гораздо более ограниченной степени, за пределами этой зоны, где красновато-желтоватая керамическая посуда выявлена наряду с гончарной продукцией, произведенной местными ремесленниками. Картография поселений, где превалировала красновато-желтоватая гончарная продукция, показывает, что зона ее распространения не простиралась западнее течения реки Сирет. Между Сиретом и Прутом артефакты этой керамики были найдены до настоящего времени только в южной половине этого междуречья, тогда как в междуречье Прута и Днестра границы ее распространения простираются на север, покрывая примерно две трети пространства Бессарабии [21]. Отдельные черепки красновато-желтоватой керамики были выявлены в слоях, датированных серединой XIV века, в Байе, Миховене, Сучаве (жудец Сучавы) и т.д., но ее процентное соотношение является незначительным в составе гончарной продукции, найденной в ходе произведенных археологических раскопок [37, с. 243–253]. По этой причине находки, сделанные на северо-западе Молдавии, имеют значение, отличающееся от находок, которые упоминались выше. По имеющейся информации, образцы красновато-желтоватой керамики не были найдены в восточной части Валахии, по крайней мере, до настоящего времени. Они были выявлены, напротив, в Добрудже [96, с. 231–238]. Различные монеты, чеканенные ханами Золотой Орды, были найдены в южной Молдавии [18, с. 135, 138–140, 143–144, 146–150; 19, с. 96–113] и в Добрудже [78, с. 115–124]. Эти находки подтверждают идею, что зона распространения красновато-желтоватой гончарной продукции на запад от Днестра определяет территории, находившиеся под монгольским управлением. Следует упомянуть, что согласно настоящему состоянию исследований, производство и использование образцов этой керамики в Молдавии и Добрудже засвидетельствовано только, начиная с XIV века. Что касается предыдущего периода, у нас нет данных, касающихся пределов непосредственных владений Золотой Орды в регионах на запад от Днестра. Тем не менее, можно предположить, что в общих чертах зона монгольского владычества во второй половине XIII столетия была той же, что и в первой половине следующего века.

Участие монгольского этнического элемента в завоевании и управлении регионами Нижнего Подунавья и нижнего бассейна Днестра не отражается должным образом в доступных источниках. Как известно, ограниченные демографические возможности монголов позволили им предпринять только поверхностную колонизацию громадных территорий, которые они завоевали в Евразии. Только ханы оставили за собой исключительное право гегемонов, то есть они строго надзирали за стабильностью в своих доменах, которые они завоевали путем военного принуждения, и с выгодой для себя извлекали прибыль путем получения дани, наложенной на местные сообщества. Для повышения эффективности управления они прибегали к широкому использованию сотрудничества с различными представителями поработанных народов, обладавшими опытом в решении административных проблем, а также имевшими навыки в ремеслах или коммерческой деятельности. В свое время подчинившиеся завоевателям и лишённые военной силы во избежание восстаний или требований автономии народы, включенные в состав Монгольской империи, воспользовались предоставлением определенного покровительства их собственным нормам повседневной жизни в духе предписаний, определяемых как *рах Mongolica*, которые предполагали безоговорочное признание верховенства Чингизидов.

Среди племен, вынужденных признать свой вассальный статус, были и куманы. Они твердо и непоколебимо встали против захватчиков и впоследствии заплатили за свое упорство десятками тысяч жизней. Несмотря на массовую гибель, как и массивное переселение в другие географические долготы, число переживших катаклизм инвазии оставалось значительным; так, что на протяжении последующих десятилетий длительное совместное обитание монголов с куманами и другими тюркскими группами в За-

падной Азии и Восточной Европе привело к лингвистической ассимиляции монголов [10, с. 65–67; 13, с. 242–244]. В ходе этого процесса группа, обладавшая политическим верховенством, потеряла свою этническую идентичность и оказалась поглощенной тюркскими общностями, находившимися в подчинении, но преобладавшими численно. Эта ситуация могла бы показаться неправдоподобной, если бы она не была повторением того, что случилось с болгарами и южными славянами, руссами/скандинавами и восточными славянами, франкофонными норманнами и англосаксами, лангобардами и итальянцами и т.д. Сохранение куманов и, возможно, других тюркских групп на территории Золотой Орды было засвидетельствовано не только в понтийско-каспийских степях, но также и в юго-восточной Молдавии. Археологические исследования содержания курганов привели к идентификации нескольких могил, характерных для тюркских кочевников и датированных второй половиной XIII века и первой половиной XIV столетия [8, с. 28–39; 9, с. 65–79]. Сложно установить, принадлежали ли они тюркским сообществам, жившим в этой зоне еще до прибытия монголов, или же они принадлежали кочевникам, которые переселились из Дешт-и Кипчака по велению ханов на место тех кочевников, которые мигрировали в Паннонию и на Балканы. Предположение, согласно которому курганы кочевников, которые были найдены на обоих берегах нижнего течения Днестра, принадлежали анклавам Черных клобуков, перемещенных из бассейна реки Рос [8, с. 32, 39], не кажется вполне убедительным.

Действительное завоевание равнин Молдавии и Валахии имело место либо одновременно с осуществлением кампании 1241–1242 годов или же непосредственно по ее завершению. Существует несколько образцов синхронных письменных свидетельств, указывающих на установление монгольского владычества в Нижнем Подунавье в течение первых десятилетий после великой инвазии. Статус этого региона отображается, среди прочего, в упомянутом выше письме Белы IV от 11 ноября 1250 года, где говорится, что такие регионы, как Руския, Кумания, Бродник и Болгария, ранее «по большей части ... подчиненные» (*in magna parte ... subiacebant*) Венгерскому королевству, недавно стали владениями монголов [57, с. 260]. В понимании канцелярской службы Арпадов под Куманией и Бродник имелись в виду округа, располагавшиеся на восток от королевства и соответствовавшие территории Молдавии. Наглядное представление о протяженности владений Золотой Орды предоставляет сообщение, содержащееся в отчете Гийома де Рубрук о его путешествии в Монгольскую империю в 1253–1255 годах. Согласно фламандскому францисканцу, «от устья Танаиса [Дона] на запад, вплоть до Дуная, все принадлежит им [татарам], и даже за Дунаем в сторону Константинополя; Блакия, которая является страной Ассана, и малая Болгария вплоть до Склавонии, все платят им дань» (*Ab orificio Tanais versus occidentem usque ad Danubium totum est eorum, etiam ultra Danubium versus Constantinopolim, Blakia que est terra Assani et minor Bulgaria usque in Sclavoniam omnes salvunt eis tributum*) [92, с. 167–168]. Поскольку Балканские государства согласились платить дань монголам, само собой разумеется, что валахи, проживавшие на севере от Дуная, не могли избежать этой обязанности. И действительно, посланец короля Франции ко двору Великого хана упоминает, что послы валахов (*Blaci*) принесли дары хану Золотой Орды вместе с представителями других европейских народов [92, с. 209].

Включение валашских регионов в состав империи Орды также свидетельствуется несколькими мусульманскими источниками. Среди этих работ заслуживает упоминания энциклопедическое сочинение ан-Нувеири (1279–1333), средневекового автора из мамлюкского Египта. Он приписывает грандиозное наступление старшему сыну Чингиз-хана, хану Джучи, который, по его утверждению, «разгромил тюркские племена кипчакского народа и другие народности, как то: алан, асов, влахов, черкесов, руссов и других обитателей Северных стран». В дальнейшем все эти народы, подчиненные ранее Джучи, стали управляться ханом Бату, Сартаком и сыновьями и братьями Бату [27,

с. 149, прим. 1]. Вероятно, он был введен в заблуждение тем фактом, что территории под властью хана Бату обозначались в восточном мире под названием «Улуса Джучи». С другой стороны, перечисление народов, подчиненных господству хана, является совершенно верным, что вовсе не представляется удивительным, принимая во внимание устойчивые и дружественные контакты между Мамлюкским государством и Золотой Ордой, способствовавшие передаче в Египет точной информации о политических и демографических реалиях в понтийско-каспийском пространстве. Ал-Айни (1361–1451), еще один летописец Мамлюкского султаната, заимствовавший сведения из сочинений своих предшественников, перечислял среди монгольских завоеваний те же народы, которые упоминал ан-Нувейри, но указывал – на этот раз правильно – на хана Бату и его родственников как на руководителей военных операций [25, с. 503]. Имея в своем распоряжении другие источники информации, нежели его соотечественники из султаната Мамлюков, Ахмед ал-Калкашанди (1355/1356–1418) причислял к владениям монголов «Хорезм, Дешт-и Кипчак, земли хазарские, крымских татар, азакские, черкесские, болгарские, влахские, асские и русские» [26, с. 404, прим. 3].

Монгольские войска неоднократно использовали Молдавию в качестве транзитной территории во время их многочисленных кампаний против соседних регионов. Среди них большую известность приобрели кампании, организованные Ногаем, одним из наиболее амбициозных и энергичных полководцев Золотой Орды. Помимо участия в военных действиях против русских княжеств и Ильханата Персии, он чрезвычайно амбициозно вмешался в династические и межгосударственные распри на Балканах, возобновившиеся после отвоевания Константинополя Византией. В 1265 году он предпринял карательную экспедицию во Фракию по просьбе болгарского царя и сельджукского султана Изз ад-Дина Кайкавуса, находившихся во враждебных отношениях с императором Михаилом VIII Палеологом [27, с. 154; 81, I, с. 229–240; 56, I, с. 99–101]. Вражда Золотой Орды с Византией была также следствием того, что последняя поддерживала дружественные отношения с Ильханатом Персии, заклятым врагом ханов Сарая. Для того, чтобы расторгнуть военный союз монголов с болгарскими царями, Константинополь прибег к дипломатии для достижения благосклонности Ногаю. С этой целью Ногаю была предложена в жены одна из внебрачных дочерей Михаила VIII Палеолога [81, I, с. 231, 265; 56, I, с. 149]. Для повышения эффективности своих военных операций в северной части Балкан, Ногай основал одну из своих резиденций в Добрудже, в Исакче, где располагалась наиболее удобная переправа в дельте Дуная, что, в свою очередь, способствовало установлению более прочной связи между Бессарабией и Добруджей. Благополучные отношения между Византией и монголами резко ухудшились после смерти Михаила VIII, вследствие чего, в первые годы правления Андроника II (1281–1328) армия «скифов Паристрии» – архаичное наименование, несомненно, обозначающее монголов, – проникла в восточную Фракию, но была разбита рядом с Месемврией [81, II, с. 80–81].

Несколько лет спустя, точнее в 1285 году, правитель Орды предпринял новую значительную инвазию в страны Центрально-Восточной Европы. Командование операциями в Венгерском королевстве было поручено Тула-Буге, племяннику хана Туда-Менгу, и Ногаю [58, с. 221–223; 94, с. 271–282]. Тула-Буга, вероятно, направил свои войска по направлению к Верецкому перевалу, в то время как Ногай намеревался пересечь Ойтузский перевал для нападения на Брашов (Нога[и] поиде на Брашевъ) [12, стб. 890]. Выбрав этот маршрут, он, несомненно, должен был пересечь южную часть Молдавии. Как и в 1241–1242 годах, охрана горных перевалов, ведущих в Трансильванию, была поручена секеям и румынам, к которым, в зависимости от обстоятельств, могли присоединиться саксонцы. У карпатских перевалов были возведены массивные засеки (лат. *indagine*, рум. *prisăci*, венг. *гуерү*) для предотвращения вражеских набегов с востока: «*Tartari [...] venientes fere a VII Castris [Семиградье = Трансильвания]. A VII*

Castris incipiendo fere [?] usque ad Danubium totam terram devastarunt. [...] Nunc autem ipsi Tartari presidio fuge manus evadere cupientes Vngarorum, usque ad VII Castra pervenerunt, sed Siculi, Olachi et Saxones omnes vias ipsorum [Tartarorum] cum indagibus stipaverunt sive giraverunt et sic de vita ipsorum omnino sunt de necessitate cogente ibidem castra eorum sunt metati» [70, II, с. 419–420; 45, с. 263–264]. Ряд укреплений с каменными стенами и твердые ответные действия местных военных сил в совокупности с недостаточной организацией взаимодействия среди монголов привели к большим потерям среди нападавших [94, с. 277–280].

В последние десятилетия XIII века Ногай усилил свое положение в северо-восточной зоне Причерноморья и в Нижнем Подунавье. Не случайно Рашид ад-Дин писал в своей летописи, что он распространил свое владычество на территории «орусов (руссов), улагов/улаков (валахов), и кхрт/кхрб (не идентифицированный народ), которых он завоевал и установил там свой юрт». Эти события имели место во время правления хана Тула-Буги (1287–1290) [86, с. 125; 87, II, с. 363]. Персидский летописец, конечно, ошибался, приписывая Ногаю подчинение руссов и валахов, в действительности произошедшее за полстолетия до этого, в правление хана Бату, но он был прав в своей оценке по достоинству того факта, что Ногай усилил свое влияние над ними. Амбиции Ногая были настолько честолюбивыми, что он не преминул покуситься на политические прерогативы легитимных ханов Сарая, узурпировав гегемонию в западной части Золотой Орды, признанную таковой также за ее пределами. Существенным действием для его претензий была эмиссия определенных типов монет в Исакче (Сакчи) с его личными геральдическими символами [77, с. 291–304; 78, с. 93–128; 69, с. 3–9; 24, с. 129–145]. Эти действия привели к закономерной конфронтации с ханом Токтой, занявшим трон Сарая в 1291 году. Первые конфликты между ними закончились победой Ногая, но решающее столкновение имело место в 699 год Хиджры (= 28.09.1299 – 15.09.1300) [2, с. 114; 27, с. 159; 87, II, с. 364–365], вероятно, рядом с Днепром, где Ногай понес поражение, потеряв жизнь на поле сражения. Несмотря на этот успех, хан Сарая оказался неспособен оперативно восстановить свою власть в регионе Нижнего Подунавья, где прежние сторонники Ногая смогли удержать прочные позиции. Проявив недостаток политического реализма, его сыновья вступили в непримиримую борьбу за власть в «странах руссов и влахов» и в «стране алан» [2, с. 115–117; 27, с. 160–161; 11, с. 383–384], вместо того чтобы объединить и мобилизовать свои силы в борьбе с их сокровниками, угрожавшими им с Востока. Эти «страны», указанные мусульманскими источниками, вероятно, располагались на восток от Восточных Карпат. Если бы «страна влахов» была упомянута по отдельности, то было бы приемлемо идентифицировать ее с Балканской Блакией, то есть Вторым Болгарским царством; но близость со «страной руссов» указывает на ее расположение в Молдавии. В результате серьезной конфронтации со своими братьями, Джеке (Чака), старшему сыну Ногая, удалось утвердить свою власть в землях по обоим берегам Дуная рядом с его устьем. Как и Ногай, Джека чеканил свои собственные монеты в своей резиденции в Исакче в 700 году Хиджры (= 16.09.1300 – 7.08.1301) [77, с. 296–298; 78, с. 133–135; 73, с. 139–143] для подтверждения своих претензий на владычество. Для усиления своей власти в регионе он женился на принцессе из семьи болгарского царя, но этот стратегический ход оказался неэффективным. Получив предложение вмешаться в борьбу за власть между потомками Ногая, хан Токта направил против Джеки армию во главе со своим братом, Бурлуком [2, с. 116–117; 27, с. 160–161; 11, с. 383–384]. Джека, не способный оказать какое-либо сопротивление, нашел убежище, согласно восточным хроникам, в «стране влахов» (выражение, обозначающее в данном случае Второе Болгарское царство). Прагматично оценив изменившуюся ситуацию в ходе борьбы между обоими монгольскими лагерями, царь Феодор Светослав пренебрег родственной связью и арестовал и казнил Джеку [81, II, с. 264–265; 2, с. 117; 27, с. 161; 11, с. 384]. После того, как Токта восстановил свою власть над западными

ми территориями государства, он поручил местное управление своему сыну, Тукал-Буке, расположившему свою ставку в Исакче [2, с. 117; 27, с. 161].

Предположение, что он мог бы уступить атрибуты власти в Нижнем Подунавье болгарскому царю, не находит подтверждения ни документально, ни логически. Огромные военные усилия центрального правительства Орды вернуть важные стратегические и экономические пункты были бы совершенно нелогичны, если бы его намерением было передать их болгарам, которые были данниками монголов. Для подтверждения указанного выше утверждения было приведено несколько свидетельств [40, с. 104–119; 108, с. 122, 161–162; 1, с. 18–23], большая часть из которых является нерелевантной [см. аргументы, представленные в: 62, с. 699–716]. Однако среди них нельзя оставить без внимания один документ, составленный в Генуе 22 марта 1316 года и провозглашавший запрещение вступать в контакт с болгарами вследствие отказа последних предоставить компенсацию ущерба, причиненного генуэзцам в «странах», подчиненных Фидексклауусу (= Феодору Светославу) «как в Маврокастро (= Cetatea Albă), так и в других местах» (*in terris subditis dicto domino imperatori tam in Mauocastro quam alibi*) [60, col. 382]. Как указывает письмо, написанное в Каффе, за два года до этого, в 1314 году, францисканский брат Анджеоло да Сполето принял мученичество от болгар в этом же городе (*Mauro Castro*) [72, с. 106]. Из этого текста может следовать, что в особом поселении в этом порту существовала болгарская община, что кажется вполне правдоподобным. С другой стороны, предположению о применении болгарским царем своей политической власти в устье Днестра противоречат многочисленные источники, показывающие, что монголы сохраняли свое господство в зоне Нижнего Подунавья в течение нескольких десятилетий. Так, эмир Рукн ад-дин Бейбарс ал-Мансури (ум. в 1325 г.), придворный хронист мамлюкских султанов, уточняет, что после подавления Джеки «Северные области (так называлась Золотая Орда на Ближнем Востоке) перешли вполне к царю Токте» [2, с. 117], что также подтверждается и сирийским автором Абу'л Фидой (1273–1331), указывавшим, что «царство Ногая было оставлено Токте» [29, с. 39], и что практически указывает на то, что в ханстве произошло простое замещение на уровне верховного правящего класса. Более того, монетный двор Исакчи продолжил функционировать даже после подавления Джеки, заменив на абверсе татарских монет тамгу Ногая тамгой дома хана Бату [77, с. 298–299; 20, с. 41–44; 16, с. 371–372]. В середине XIV века коптский хронист Муффалал ибн Абил Фада'ил отмечал следующее о событиях, произошедших в 706 год Хиджры (= 13.07.1306 – 2.07.1307): «от Железных Ворот до страны кипчаков, Судака, Хорезма и границ империи Константинополя верховная власть принадлежит царю Токте» [71, III, с. 127–128]. Принимая во внимание тесные связи, установленные между Золотой Ордой и Мамлюкским султанатом, Египтом и Сирией, могли достигать весьма точные сведения обо всех военных и административных реалиях понтийско-каспийского и дунайского регионов. В двух следующих подразделах своего сочинения, соответствующих 720 (= 1320–1321) и 724 годам Хиджры (= 1323–1324), Муффалал ибн Абил Фада'ил определял территории, находившиеся в подчинении преемников Токты: «от Железных Ворот (*Bab al-Nadid*) [отождествляемых с перевалом в горах Байсунтау в Мавераннахре] до Хорезма и Судака, и от Булгара до границ [империи] Константинополя правит султан Юзбак [Узбек]» [66, с. 65, 91]. Это утверждение было вставлено с несколькими изменениями в описание событий 737 (= 1336–1337) и 741 годов Хиджры (= 1340–1341): «от Железных Ворот до [страны] руссов и [страны] кипчаков, и от Хорезма и Судака до границ [империи] Константинополя простиралась империя царя Бараки [Берке], где правил султан Юзбак [Узбек]» [66, с. 178, 233–234]. Как можно заметить, этот автор не знал о существовании Второго Болгарского царства, поскольку, по всей видимости, доступные источники не давали понять, что это государство пользовалось автономным статусом. И действительно, в

своем описании Восточной Европы 1308 года анонимный автор, видимо бывший французским католическим прелатом, уточнял, что Болгария на тот момент выплачивала дань татарам (*nunc [Bulgaria] seruit tartaris sub tributo*) [35, с. 40].

Сохранение атрибутов политической власти монголов в южной Молдавии и северной Добрудже засвидетельствовано несколькими картографическими источниками. Так, на карте, сделанной в 1320 году Пьетро Весконте из Генуи (подпись на карте – *Petrus Vesconte de Jenua*), на месте Маврокастро находится флаг с тамгой [7, карт. LIV], наиболее известным геральдическим знаком монголов. Идентичный флаг также присутствует на морской карте, приложенной к хронике венецианца Марино Санудо Старшего, предположительно созданной его соотечественником Пьетро Весконте около 1320/1321 года [76, с. 33, pl. 13; 32, с. 17–19; 7, карт. LV]. Аналогичные элементы находятся на карте Перрино Весконте 1327 года [76, pl. VII, 1]. Несколько лет спустя на портолане Ангелино Дулцера 1339 года на месте Маврокастро располагается изображение полумесяца и тамги. Вполне возможно, что прибавление полумесяца – символа ислама – было следствием официального принятия мусульманской религии в Золотой Орде в течение правления хана Узбека (1313–1342). Изображение флага с полумесяцем и тамгой также присутствует на портовом городе Вичина в Добрудже [76, с. 58, pl. IX]. Два важных города – Вичина и Маврокастро – упоминаются в списке францисканских местопребываний, основанных около 1320 года и включенных в состав викарита Северной Тартарии [53, II, с. 72, 266–267; 111, с. 256], созданного, как указывает на это его название, на территориях, подчиненных Золотой Орде. В этот же период, вернее в 1318 году, одна булла папы Иоанна XXII уточняла, что к канонической юрисдикции епископа Каффы относились «земли тартар», которые простирались от города Вария [= Варна] в Болгарии до Сарая и от берегов Понтийского моря [= Черное море] до страны рутенов [= Русь] [31, с. 12–14]. Поскольку зоны конфессиональных образований в средневековье очерчивались государственными границами, очевидным является то, что юрисдикция этой епархии с резиденцией в Крыму была применима внутри территорий, контролируемых монголами. «Скифы Паристрии», то есть монголы Паристрона, подвергшие опасности около 1320/1321 года европейские границы Византийской империи [56, I, с. 302], располагали свои стоянки в Добрудже. Безусловно, они были подчинены де юре ханам Золотой Орды. Оттуда они оказались вовлеченными в военные конфликты в соседних регионах, действуя сами по себе или в альянсе с различными балканскими правителями. Они встречаются, среди прочего, сражающимися под именем «татар» (Татаръ), вместе с болгарским царем и Басарабом против сербов в знаменитой битве при Велбужде 1330 года [79, с. 53; 64, с. 83; 6, с. 114], которая обусловила значительные изменения на переднем плане балканской политической сцены, где сербы сменили болгар в исполнении главной роли. Когда в 1326 году армия турок из Анатолии предприняла грабительский набег на Балканский полуостров и достигла Дуная, татары, располагавшиеся на его левобережье, оказали им энергичный отпор и нанесли сокрушительное поражение [68, с. 31–32].

Татары на юге от Дуная сохранили военную силу и в последующие годы. Византия заключила с ними мирный договор и выплачивала им дань для того, чтобы избежать их нападений в начальные годы правления Андроника III (1328–1341). Дружественные отношения были также скреплены женитьбой Узбека на дочери императора [59, II, с. 393]. Согласно указанию, содержащемуся на карте братьев Пицигани, составленной в Венеции в 1367 году, именно в правление Узбека эта империя «начиналась от провинции Бургарии [Болгарии] и города Вечина [Вичина]» [55, с. 447]. Знаменитый путешественник Ибн Баттута, встречавшийся с ханом Сарая, утверждал, что южные пределы владений тюрок достигали Баба-Салтука [59, II, с. 417], который отождествляется с Баба-Дагом в северной половине Добруджи. Его свидетельство заслуживает доверия, принимая во внимание то, что в 1334 году он дважды пересекал пространство между Сараем и Константинополем и лично был знаком с землями на северо-запад от Черного моря.

А

В

Рис. 2. Укрепления Монкастро / Cetatea Albă / Белгород-Днестровского. А – внешняя; В – внутренняя стена между двумя башнями (Photo I. Căndea, 2011)

Все эти многочисленные данные несомненно указывают на то, что после того, как в Исакче была установлена резиденция сына хана Сарая, власть Золотой Орды стала непрерывно применяться в северо-восточном регионе Балканского полуострова вплоть до середины XIV века. Разумеется, что распространение господства Болгарского царства на север от устья Дуная не могло иметь место в течение правления Феодора Светослава. Болгары имели возможность выступать там только в качестве субъектов Золотой Орды, которая в определенных случаях могла уступить различные военные атрибуты тем народам, которые были подчинены ее владычеству. В равной степени верно и то, что, как и в случае русских княжеств, Болгарское царство могло использовать в своих интересах те моменты, когда

руководство Золотой Орды оказывалось вовлеченным в конфликты, разгоревшиеся в других географических зонах, для решения собственных первостепенных задач.

Очевидно, что для поддержания своего господства в Добрудже, татары должны были держать под контролем и южную часть Молдавии – пространство, в отношении которого мы не располагаем одинаково многочисленной информацией. Как мы уже упоминали, на равнине между Прутом и Днестром, обозначаемой в средневековье тюркским термином Буджак, было найдено несколько опознанных курганов, датированных второй половиной XIII и первой половиной XIV века и приписываемых куманам и, возможно, другим тюркским сообществам.

Также в юго-восточной части Буджака, в месте изливания Днестра в одноименное русло, в последние десятилетия XIII века было построено важное портовое поселение на руинах античной крепости Тира, возведенной греками и позже захваченной римлянами. Его развитие связано с коммерческой экспансией генуэзцев, которые, согласно Нимфейскому договору, заключенному 13 марта 1261 года,

Рис. 3. Укрепления Монкастро / Cetatea Albă / Белгород-Днестровского (Photo I. Căndea, 2011)

получили от византийцев существенные льготы для своей торговой деятельности в бассейне Черного моря [65, I, с. 488–495], подтвержденные позже ханами Золотой Орды. Используя благоприятную политическую обстановку и свой экономический потенциал, начиная с последнего десятилетия XIII века, генуэзцы основали ряд торговых пунктов вдоль понтийского побережья, некоторые из которых превратились в укрепленные городские центры, заселенные этнически и конфессионально смешанным населением. Среди них заслуживает упоминания Маврокастрон (Moncastro, Akkerman, Cetatea Albă, Белгород-Днестровский), упоминаемый в первый раз письменными источниками 8 мая 1290 года под названием Малвокастро (Malvocastro) [36, с. 203].

В течение XIV–XV веков это поселение многократно упоминается как растущее в геометрической прогрессии в разных формах, параллельно с ростом его экономического и военного значения. Важно отметить тот факт, что на морских картах, представлявших бассейн Черного моря и составленных итальянскими и каталонскими картографами, название этого порта в устье Днестра обозначалось красным цветом наряду с главными городами вдоль побережья, в отличие от большинства других поселений, обозначавшихся черным цветом. Мамлюкский автор ал-Омари (1301–1349), бывший родом из Дамаска, упоминал в своем обширном описании Монгольского государства только название Аккермана среди всех городских центров западной части Золотой Орды и указывал среди всех крупных рек, протекавших по Монгольской империи, на Turlu (= Днестр) и Дунай [33, с. 142]. В основном, процветание этого города было следствием активной торговли зерном, рабами, солью, как, вероятно, и другими товарами. В подробном торговом трактате, написанном около середины XIV века флорентинцем Франческо Балдуччи Пеголотти, пшеница Маврокастро (grano da Maocastro) упоминается вместе с пшеницей Каффы, Анхиалоса, Варны в Болгарии, как и Вичины и Созополя [83, с. 42]. Перевозка зерновых предназначалась в первую очередь для Константинополя и Перы. Рынки рабов в портах Северного Причерноморья снабжались собственно татарами посредством осуществления набегов на соседние страны. Как показали археологические раскопки, в обмен на товары, вывозимые из Маврокастро, обратно привозились металлические, стеклянные и керамические изделия из Византии и различных стран Азии. Многочисленные монеты и два монетных клада, содержащих в основном монеты Золотой Орды и обнаруженных рядом с городской стеной, указывают на важную роль, которую играло денежное обращение в ходе товарообмена. Аналогично большинству портов, расположенных на побережье Северного Причерноморья, население Маврокастро отличалось этнической разнородностью, отображенной несколькими средневековыми текстами и обнаруженными следами, указывающими на присутствие общностей восточно-европейского, византийского, средиземноморского и восточного происхождения [40; 15; 3, с. 757–790].

Предоставляя протекцию коммерческой деятельности итальянских колонистов, монголы, естественно, получали взамен существенные экономические выгоды. В ходе сосуществования с разнородным оседлым населением, ментальность кочевнической аристократии стала меняться в связи с осознанием того факта, что потворство по отношению к определенным экономическим группам может принести намного большие материальные выгоды, чем военная добыча, полученная в грабительских набегах. Придерживаясь этих принципов, они выказали покровительство основанию урбанных поселений Старого Орхья (Орхейский район) на реке Реут и Костешты (Яловенский район) на реке Ботна (республика Молдова).

После уничтожения свободных протоурбанных поселений даков и последующего разрушения римских поселений в поздней античности, городская жизнь в Молдавии прервалась примерно на тысячу лет вследствие непрерывной серии следовавших друг за другом крупных инвазий с Востока. В этих условиях традиции городской

жизни местного населения постепенно исчезли, и по этой причине вклад татарских властей в возобновление там городской жизни оказался действительно чрезвычайно полезным. Будучи степным кочевническим народом, монголы не обладали опытом проектирования зданий и уличных сетей или управления определенными экономическими секторами, но они с успехом использовали в этих целях городские общины, покоренные в ходе их военных кампаний. Чтобы стимулировать основание городов, имперская власть часто прибегала к принудительным мерам депортации и колонизации, трагичным для судьбы отдельных индивидуумов, но благотворным для развития определенных территориальных объединений. Эти практики имели отношение и к основанию Старого Орхея и Костешты. Ни один из этих двух городов не упоминается в письменных источниках, но они были обнаружены благодаря археологическим изысканиям, предпринятым в течение десятилетий после Второй Мировой войны. Археологические останки, обнаруженные во время раскопок, отображают характеристики, не присущие местной среде, но более близкие тем характеристикам, которые были выявлены в городских центрах Золотой Орды в бассейне Волги, в западной части Средней Азии и в понтийско-каспийских регионах. Внутри центрального периметра обоих городищ находилось скопление массивных каменных строений для публичного и частного пользования, тогда как на периферии превалировали простые здания из дерева и прутьев, часть из которых использовалась в качестве ремесленных мастерских. В Старом Орхее были обнаружены: одна мечеть, два караван-сарая и три бани в восточном стиле, обогреваемые при помощи труб, проложенных под полом. Как в Старом Орхее, так и в Костешты снабжение питьевой водой в определенных жилищах достигалось при помощи использования глиняных труб. Оба города являлись действующими ремесленными центрами, где производились обработка металлов и различные сорта керамической продукции. Именно в Старом Орхее был обнаружен самый старый для Европы XIV века склад сельскохозяйственных орудий, содержащий 68 борозделателей, 42 плуга и другие предметы, несомненно, изготовленные не только для пользования жителей этого города, но и для продажи соседствующим сельским общинам [98, с. 242–258; 14, с. 70–107].

Особенно важным является то, что, по всей вероятности, на этом городище чеканились свои собственные монеты. Их легенда на арабском уточняла, что они были выпущены в Шехр ал-Джедид или Янги-шехр, то есть в Новом городе. Без сомнения, это было урбанное поселение, где производилась чеканка монет [28, с. 193–213; 23, с. 39–66; 74, с. 167–179; 75, с. 1367–1373]. Как и в случае Маврокастроны, городские центры на реках Реут и Ботна находились в интенсивной торговой взаимосвязи с восточными регионами Золотой Орды, откуда поступала металлическая и керамическая продукция высокого качества. Довольно большое количество эмалированной керамической посуды, изготовленной в Кашане в Ильханате Персии, в одном из наиболее известных центров гончарного производства, указывает на присутствие социальных слоев с тонким вкусом и значительными материальными ресурсами, позволявшими покупать столь дорогие товары. Кладбища в обоих городах содержали тела (ныне эксгумированные), расположенные в могилах в различных положениях, характерных как для христианских, так и для мусульманских общин. Фактически не только погребальный обряд, но и здания вместе с имуществом указывают на этнокультурную разнородность местных жителей. В то время как основная часть городского населения была родом из восточных регионов Золотой Орды с тюркским преобладанием, сельские общины, соседствовавшие с городами и снабжавшие городских жителей сельскохозяйственными продуктами, состояли в основном из исконного местного населения [98, с. 242–258; 14, с. 70–107].

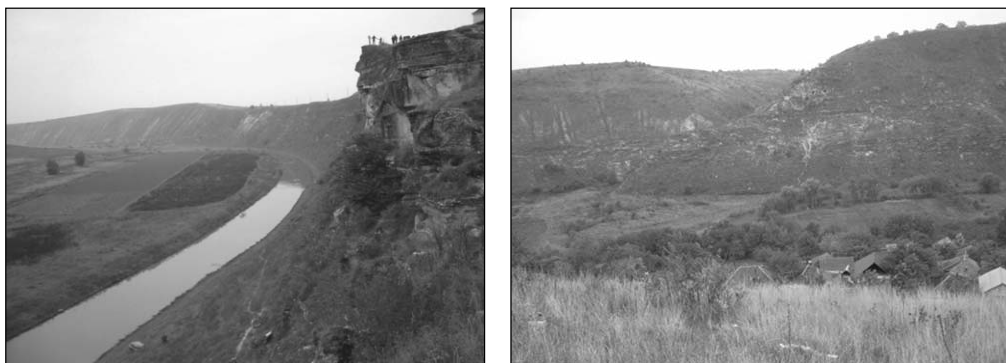
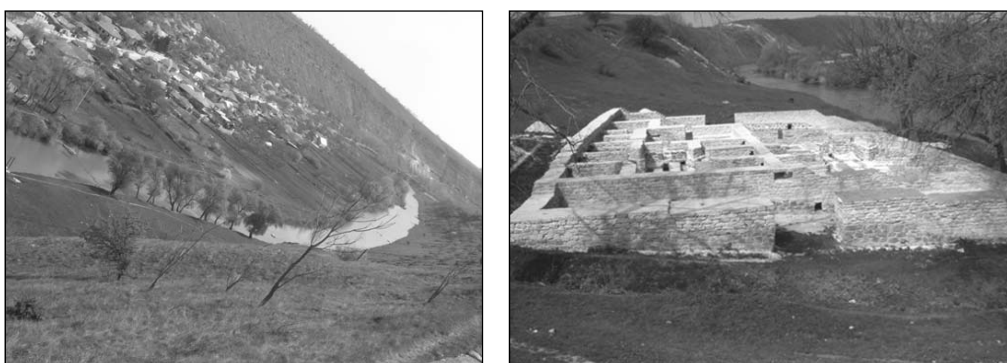

Рис. 4. Городское поселение Старого Орхоя (XIV век) (Photo V. Spinei, 2014)

А

В

Рис. 5. Городское поселение Старого Орхоя (XIV в.). А – Зона поселения рядом с берегами реки Реут; В – Руины восточной бани (Photo V. Spinei, 2014)

Рис. 6. Железные стремена XIV в., обнаруженные в поселении Старый Орхей (Photo V. Spinei, 2014)

Рис. 7. Железные стремена XIV в., обнаруженные в поселении Старый Орхей (Photo V. Spinei, 2014)

См. рис. 8–11 к статье на цветной вклейке.

Как уточнялось выше, в отличие от территорий, находившихся под прямым управлением татарских властей, некоторые области Молдавии и Валахии были оставлены за пределами владений Орды. У нас нет точной документальной информации об их политическом статусе, но некоторые предположения можно сделать на основе косвенных сведений нескольких категорий источников. Из содержания так называемой грамоты Иоаннитов 1247 года следует, что в центральной и западной частях Валахии существовало несколько румынских государственных образований, некоторые из которых находились в определенной зависимости от Венгерского королевства [106, с. 73–76; 50, с. 21–28. См. также: 82, с. 138–141; 105, с. 233–242; 30, с. 131–135; 84, с. 225–242]. Сложно утверждать, должны ли были в определенный момент эти образования или те, которые их сменили в дальнейшем, признать верховную власть ханов. В любом случае, когда Басараб взшел на трон Валахии в третьем десятилетии XIV века, его государство не находилось под владычеством татар. Если бы он находился в подчиненном положении, то во время переломных моментов экспедиции Карла Роберта Анжуйского в 1330 году, он, несомненно, прибег бы к помощи своих соседей в степях Северного Причерноморья, но он не сделал этого.

С другой стороны, в течение этого же периода и даже несколько десятилетий позже, примерно половина территории Молдавии, то есть ее юго-восточная часть, находилась под прямым управлением татар. Ее северная и западная части имели другой статус, но сложно установить, была ли система управления одинаковой на этих территориях. Топонимы средневековья и раннего нового времени предоставляют определенные указания на политические отношения в северной части рассматриваемой зоны. В этой связи мы имеем в виду несколько средневековых документов, составленных в канцелярии воеводы в XV–XVII веках, упоминающих деревни *Bascocuți*, *Băscăciani* и *Băscăceni* в северной части Молдавии. Эти наименования происходят от названия подразделений баскаков, получавших предписание от ханов собирать дань и налагать другие повинности на население, подчиненное татарам на территориях, находившихся под их владычеством, но где управление было передано местным правителям [97, с. 165–166].

Вследствие консолидации власти Анжуйской династии на всей территории Венгерского королевства к середине первой половины XIV века, его экспансионистские тенденции оживились, в особенности за пределами южных и восточных границ этого государства. Несколько источников указывают на напряженное положение или даже военные столкновения между венграми и татарами с расположением театров военных действий на землях, заселенных валахами. В 1324 году имела место экспедиция во главе с Финтой Мендийским в «страну тартар» с целью предотвращения их нападения [106, с. 387–388]. В этот же период Святой Престол послал Карлу Роберту финансовую помощь для организации крестового похода против татар, схизматиков и язычников и предоставил духовное благословение воинам, вовлеченным в сражения [57, с. 574–575, 630, 631]. С восхождением на престол Людовика I Анжуйского (1342–1382) Венгерское королевство расширило радиус военных предприятий за пределами своих северо-восточных и восточных границ. В ответ на нападение на Трансильванию, Андрашу Лацкфи, комесу секеев, была поручена экспедиция в «страну тартар» [42, с. 276–277; 43, с. 167]. Но, несмотря на ее успех, татары не были прогнаны на левобережье Днестра, как это предполагают некоторые историки. Также и поражение, понесенное от Великого литовского князя Ольгерда (Альгирдас) на Синих Водах в 1362/1363 году [17, с. 66], не означало, что они должны были покинуть территории на севере от устья Дуная. В качестве доказательства этого утверждения следует обратиться к долголетнему существованию городских поселений Старого Орхея и Костешты вплоть до конца седьмого десятилетия XIV века. Именно тогда они прекратили свое существование, как

на то указывает прекращение циркуляции татарских монет внутри городских стен, аналогично Маврокастроу [97, с. 252–254].

К сожалению, письменные источники не отображают в ясном виде обстоятельства и момент прекращения господства Золотой Орды в валашских регионах Прикарпатья. Возможно, что изгнанию татар на восток от Днестра способствовало объединение христианских сил, воспользовавшихся беспорядками, которые происходили внутри Золотой Орды, серьезно пострадавшей от гражданских войн, начавшихся в 1359 году и продолжавшихся около двух последующих десятилетий [10, с. 261–298; 103, с. 109–121; 4, с. 58–108; 44, с. 219–225]. Сведения, предоставляемые нарративными источниками, также не позволяют сделать окончательный вывод о моменте присоединения юго-западной части Молдавии к валашским княжествам на востоке от Карпат. После завоевания Маврокастро и Килии в 1485 году, Османские турки призвали татар вернуться в Буджак для формирования препятствия против молдаван в случае их попытки отвоевать оба важных портовых города. Татары оставались в Буджаке и после распада Золотой Орды в 1502 году, и они были выселены из Восточной Европы царской армией только в начале русско-турецкой войны 1806–1812 годов [41, с. 162–171].

Аналогично всем странам, подверженным нападению монголов, монгольское вторжение в регионы проживания румын причинило крупный демографический, экономический и политический урон. Ряд сообществ были полностью уничтожены, поработаны или вынуждены покинуть родные земли. Значительные материальные ценности были уничтожены или разграблены, вызвав нарушения в экономической жизни, особенно в секторе товарообмена. Захват обширных территорий местных жителей воспрепятствовал объединению и консолидации политических образований. С другой стороны, монгольское присутствие в регионах Нижнего Подунавья препятствовало расширению господства Венгерского королевства за Карпатским горным хребтом и Болгарского царства на севере от Дуная. Рах Mongolica, внедренный в течение нескольких десятилетий в Нижнем Подунавье, создал условия для активизации торговых путей континентального значения, развития определенных отраслей ремесленного производства и появления нескольких центров урбанного характера. Поэтому, вместо постулатов, навязанных старой историографией, следует признать правомочность идеи, что монгольское господство в валашских регионах имело и позитивные последствия.

1. Атанасов Г. Г., Павлов П. Хр. *Tataro-Bulgarica – Три этюда о болгарско-татарских контактах на Нижнем Дунае в XIII–XIV вв.* // Форум «Идель-Алтай». Казань, 2011. С. 3–32.

2. Бейбарс. Из летописи Рукнеддина Бейбарса // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, Извлечения из сочинений арабских / Тизенгаузен В. (ред.). СПб., 1884. С. 76–123.

3. Богуславский Г. С. Белгород – Акджа Керман – Аспрокастро (очерк истории и археологии средневекового города) // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2013. С. 757–790.

4. Варваровский Ю. Е. Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. Казань, 2008.

5. Возний І. Історико-культурний розвиток населення межиріччя Верхнього Сірету та Середнього Дністра в X–XIV ст. I, Поселення. Київ-Чернівці, 2009.

6. Вукасовић В. В. Стари студенички зборник // Споменик (Српска Краљевска Академија) XXXVIII, 34, 1900. С. 109–121.

7. Джурова А., Димитров Б. Славянски ръкописи, документи и карти за Българската история от Ватиканската Апостолическа Библиотека и Секретния архив на Ватикана (IX–XVII век). София, 1978.

8. Добролюбский А.О. Этнический состав кочевого населения Северо-Западного Причерноморья в золотоордынское время // Памятники римского и средневекового времени Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 28–39.
9. Добролюбский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев, 1986.
10. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950.
11. Ибнхальдун. Из истории Ибнхальдуна // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, Извлечения из сочинений арабских / Тизенгаузен В. (ред.) СПб., 1884. С. 365–394.
12. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей, II, втор. изд. СПб., 1908.
13. Кляшторный С.Г., Султанов, Т.И. Государства и народы Евразийских степей Древность и средневековье, втор. изд. СПб., 2004.
14. Коновалова И.Г., Руссев Н.Д. Золотая Орда и жизни городов Днестровско-Дунайского региона (По сведениям письменных источников) // *Evul mediu timpuriu în Moldova (Probleme de istoriografie și istorie urbană)* / Dragnev D. (ed.). Chișinău, 1994. P. 70–107.
15. Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII – XIV в.). Киев, 1986.
16. Лазаров Л. Няколко монети на Златната Орда от фонда на Археологически музей-Варна // Нумизматични и сфрагистични приноси към историята на Западното Черноморие (*Acta Musei Varnensis*, II). Варна, 2004. С. 369–378.
17. Летописец великих князей литовских, in Супрасльская летопись // Полное собрание русских летописей, 35, Летописи белорусско-литовские / Рыбаков Б.А. (отв. ред.), Буганов В.И. (замес. ред.), Улащик Н.Н. (ред.). М., 1980. С. 61–67.
18. Нудельман А.А. Топография кладов и находок единичных монет (Археологическая карта Молдавской ССР, 8). Кишинев, 1976.
19. Нудельман А.А. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе (с древнейших времен до образования феодального Молдавского государства). Кишинев, 1985.
20. Оберлендер-Тырновеану Э. *Byzantino-Tartarica – Монетная чеканка в зоне устьев Дуная в конце XIII – начале XIV века* // Нумизматика Золотой Орды / под ред. Миргалеева И.М. Казань, 2012. № 2. С. 38–53.
21. Полевой Л.Л., Бырня П.П. Средневековые памятники XIV–XVII вв. (Археологическая карта Молдавской ССР, 7). Кишинев, 1974.
22. Русанова И.П., Тимощук Б.А. Древнерусское Поднестровье. Ужгород, 1981.
23. Руссев Н.Д. Городские центры Днестровско-Дунайских земель и Золотая Орда (моменты и ареалы эволюции) // Молдавский феодализм. Общее и особенное (История и культура). Кишинев, 1991. С. 39–66.
24. Хейвуд К. (Heuwood C.). Некоторые проблемы нумизматического доказательства правлений хана Ногая и Джеки // *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды) от Калки до Астрахани 1223–1556* / Усманов М. А. (отв. ред.). Казань, 2002. С. 129–145.
25. Элайни. Из летописи... // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, Извлечения из сочинений арабских / Тизенгаузен В. (ред.). СПб., 1884. С. 475–534.
26. Элькалькашанди. Из сочинения... // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, Извлечения из сочинений арабских / Тизенгаузен В. (ред.). СПб., 1884. С. 395–416.
27. Эннувейри. Из энциклопедии... // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, Извлечения из сочинений арабских / Тизенгаузен В. (ред.). СПб., 1884. С. 128–171.
28. Янина С.А. «Новый город» (=Янги-Шехр = Шехр ал-Джедид) – монетный двор Золотой Орды и его местоположение // Труды Государственного Ордена Ленина Исторического Музея 49, Нумизматический сборник V, 1 / Давидович Е.А. (ред.). М., 1977. С. 193–213.

29. Abu'l-Fidā', Sultan of Hamāh (672–732 / 1273–1331). *The Memoirs of a Syrian Prince* / Holt P. M. (ed. and trans.). Wiesbaden, 1983.
30. Achim V. *Politica sud-estică a regatului ungar sub ultimii Arpadieni*. București, 2008.
31. *Acta Ioannis XXII (1317–1334) e registris Vaticanis aliisque fontibus collegit A.L. Tăutu // Pontificia commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis, Fontes, Series III, VII, 2. Città del Vaticano, 1952.*
32. Almagià R. *Planisferi, carte nautiche e affini dal secolo XIV al XVII esistenti nella Biblioteca Apostolica Vaticana // Monumenta Cartographica Vaticana, I. Città del Vaticano, 1944.*
33. Al-'Umarī. *Das mongolische Weltreich. Al-'Umarī's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al-abṣār fī mamālik al-amṣār* / Lech K. (ed.). Wiesbaden, 1968.
34. Andronic M. *Istoria Bucovinei, II, În epoca marilor migrații și până la încheierea formării Moldovei medievale*. Suceava, 2014.
35. *Anonymi Descriptio Europae Orientalis «Imperium Constantinopolitanum, Albania, Serbia, Bulgaria, Ruthenia, Ungaria, Polonia, Bohemia» Anno MCCCVIII exarata* / Górká O. (ed.). Cracoviae, 1916.
36. Balard M. *Gênes et l'Outre-Mer, I, Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289–1290*. Paris–La Haye, 1973.
37. Batariuc P.-V. *Din nou despre ceramica „Hoardei de Aur» din teritoriul dintre Carpați și Prut // Arheologia Moldovei. 2010. № XXXIII. P. 243–253.*
38. *Der Bericht des fr. Iulianus // Dörrie H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Philologisch-historische Klasse 1956, 1. S. 162–182.*
39. *Der Bericht des fr. Riccardus // Dörrie H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Philologisch-historische Klasse 1956, 1. S. 147–162.*
40. Brătianu G.I. *Recherches sur Vicina et Cetatea Albă. Contributions à l'histoire de la domination byzantine et tatar et du commerce génois sur le littoral roumain de la mer Noire*. București, 1935.
41. Chirtoagă I. *Apariția tătarilor (nogailor) pe teritoriul Moldovei și semnificația noțiunii Bugeac // Originea tătarilor. Locul lor în România și în lumea turcă / Gemil T. (ed.). București, 1997. P. 162–171.*
42. *Chronicon Budense / Podhradczky I. (ed.). Buda, 1838.*
43. *Chronicon Dubnicense // Historiae Hungaricae fontes domestici, Scriptorum III / Florianus M. (ed.). Quinqueecclesiis (=Pécs), 1884.*
44. Ciocîltan V. *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. Leiden-Boston, 2012.
45. *Codex diplomaticus Transsylvaniae. Diplomata, epistolae et alia instrumenta litteraria res Transsylvanas illustrantia, I, 1023–1300 = Erdélyi okmánytár. Oklevelek, levelek és más írásos emlékek Erdély történetéhez, I, 1023–1300 / Jakó S. (ed.). Budapestini, 1997.*
46. *Codex Parisiensis, Suppl. Lat. Nr. 1675, olim Epternac, fol. 101', in Annales Frisacenses / Weiland L. (ed.) // Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum XXIV. Hannoverae, 1879. P. 65.*
47. Curta F. *Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250*. Cambridge, 2006.
48. Decei A. *L'invasion des Tatars de 1241/1242 dans nos régions selon la Djami ot-Tevarikh de Fāzl ol-lah Rāšid od-Din // Revue Roumaine d'Histoire. № XII, 1973, 1. P. 101–121.*
49. *Descriptio itineris prioris fr. Iuliani a fr. Richardo // Bendefy L. Fontes authentici itinera (1235–1238) fr. Iuliani illustrates. Archivum Europae Centro-Orientalis III, 1937, 1–4. P. 21–34.*
50. *Documenta Romaniae Historica, B, Țara Românească I / P.P. Panaitescu și D. Mioc (eds.). București, 1966.*
51. *Epistola fr. Iuliani de bello Mongolorum // Bendefy L. Fontes authentici itinera (1235–1238) fr. Iuliani illustrates. Archivum Europae Centro-Orientalis III, 1937, 1–4. P. 35–44.*
52. Gemil T. *Osmanlı Öncesi Romanya Topraklarında Türk Varlığı // Moștenirea istorică a tătarilor II / Gemil T., Pienaru N. (eds.). București, 2012. P. 32–55.*

53. Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente francescano, II (Addenda al sec. XIII, e fonti pel sec. XIV). Quaracchi presso Firenze, 1913.
54. Gonța A.I. Români și Hoarda de Aur, 1241–1502. München, 1983.
55. Grămadă N. Vicina. Izvoare cartografice. Originea numelui. Identificarea orașului // Codrul Cosminului I, 1924. P. 437–459.
56. Gregoras. Nicephori Gregorae Byzantina historia, I / Schopen L. (ed.). Bonn, 1829.
57. Hurmuzaki E. de. Documente privitoare la istoria românilor, I, 1199–1345 / Densușianu N. (ed.). București, 1887.
58. Iambor P. Atacurile cumano-tătare asupra Transilvaniei în a doua jumătate a veacului al XIII-lea // Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie Cluj-Napoca XVII, 1974. P. 211–223.
59. Ibn Batoutah. Voyages II // Defrémery C. et Sanguinetti B.R. (eds. et trad.). Paris, 1854.
60. Imposicio Officii Gazarie // Monumenta historiae patriae, Leges municipales. Auguste Taurinorum (=Torino), 1838.
61. Iorgulescu V. Le sud-est européen entre Byzance et Occident aux Xe–XIVe siècles. Le cas des Roumains. Iași, 2005.
62. Iosipescu S. Bulgarii la Cetatea Albă în anii 1314, 1316 // Români în Europa medievală (între Orientul bizantin și Occidentul latin). Studii în onoarea profesorului Victor Spinei / Țeicu D., Cădea I (eds.). Brăila, 2008. P. 699–716.
63. Jackson P. The Mongols and the West, 1221–1410. Harlow, 2005.
64. Jagić V. Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung // Archiv für slavische Philologie II, 1877. S. 1–109.
65. Jus Graecoromanorum, I, Novellae et aureae bullae imperatorum post Justinianum / Zepos J. et Zepos P. (eds.). Athena, 1931.
66. Kortantamer / Omar S. Ägypten und Syrien zwischen 1317 und 1341 in der Chronik des Mufaddal b. Abī l-Fadā'il. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Albert-Ludwigs-Universität zu Freiburg im Breisgau. Freiburg i. Br., 1973.
67. Kovács Sz. Bortz, a Cuman chief in the 13th century // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. № 58, 2005, 3. P. 255–266.
68. Laonic Chalcocondil. Expuneri istorice / Grecu V. (ed.). București, 1958.
69. Lazarov L. Sur un type de monnaies en cuivre avec la tamgha de Nogaj // Bulgarian Historical Review. № XXV, 1997, 4. P. 3–9.
70. Monumenta Ecclesiae Strigoniensis, II, Ab a. 1273. ad a. 1321 / Knauz F. (ed.). Strigonii, 1882.
71. Moufazzal ibn Abil-Faza'il. Histoire des sultans mamlouks III / Blochet E. (ed. et trad.) // Graffin R.-Nau F. Patrologia Orientalis XX, 1, Paris, 1929. P. 3–267.
72. Moule A.C. Textus duarum epistolarum fr. minorum Tartariae Aquilonaris an. 1323 // Archivum franciscanum historicum. 1923. № XVI. P. 104–112.
73. Nicolae E. O monedă emisă de Çaka fiul lui Nogaj // Simpozion de numismatică organizat în memoria martirilor căzuți la Valea Albă, la împlinirea a 525 de ani (1476–2001), Chișinău, 13–15 mai 2001 / Nicolae E. (ed.) București, 2002. P. 139–143.
74. Nicolae E. Monedele de cupru bătute în Orașul Nou (Şehr al-Cedid) // Simpozion de numismatică dedicat împlinirii a 125 de ani de la proclamarea Independenței României, Chișinău, 24–26 septembrie 2002 / Nicolae E. (ed.). București, 2003. P. 167–179.
75. Nicolae E. Le monnayage en Bessarabie dans la deuxième moitié du XIVe siècle // XIII Congreso Internacional de Numismática, Madrid – 2003. Actas – Proceedings – Actes / Alfaro C., Marcos C. and Otero P. (eds.). Madrid, 2005. P. 1367–1373.
76. Nordenskiöld A.E. Periplus, an Essay on the Early History of Charts and Sailing-Direction. New York, 1897.
77. Oberländer-Târnoveanu E. Un atelier monétaire inconnu de la Horde d'Or sur le Danube: Săqçy-Isacceca (XIIIe–XIVe siècles). Actes du XIe Congrès International de Numismatique / Proceedings of the XIth International Numismatic Congress III, Monnaies byzantines, monnaies médiévales et orientales / Hackens T., Moucharte G. (eds.). Leuvain-la-Neuve, 1993. P. 291–304.

78. Oberländer-Târnoveanu E. Începuturile prezenței tătarilor în zona Gurilor Dunării în lumina documentelor numismatice // *Originea tătarilor. Locul lor în România și în lumea turcă* / Gemil T. (ed.). București, 1997. P. 93–128.
79. Okázky občanského pisemnictví / Šafařík P.J. (ed.). Prague, 1870.
80. Osman S. Prezența cumană în spațiul nord-dunărean // *Moștenirea istorică a tătarilor I* / Gemil T., Pienaru N. (eds.). București, 2010. P. 79–106.
81. Pachymeres. Georgii Pachymeris De Michaelae et Andronico Paleologis. I, II / Bekker Im. (ed.). Bonn, 1835.
82. Papacostea Ș. *Românii în secolul al XIII-lea între cruciată și Imperiul mongol*. București, 1993.
83. Pegolotti, Francesco Balducci. *La pratica della mercatura* / Evans A. (ed.). Cambridge, Mass., 1936.
84. Pop I.-A. Noi comentarii asupra Diplomei Cavalerilor Ioaniți (1247) și a contextului emiterii sale // *Românii în Europa medievală (între Orientul bizantin și Occidentul latin)*. Studii în onoarea profesorului Victor Spinei / Țeicu D., Câdea I. (eds.). Brăila, 2008. P. 225–242.
85. Postică Gh. *Civilizația medievală timpurie din spațiul Pruto-Nistrean (secolele V–XIII)*. București, 2007.
86. Rashīd al-Dīn. *The Successors of Genghis Khan* / Boyle J. A. (ed. and trans.). New York–London, 1971.
87. Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-tawarikh: Compendium of Chronicles. A History of the Mongols II / Thackston W.M. (ed. and trans.). Harvard, Cambridge, Mass., 1999.
88. Riccold de Monte Croce. *Pérégrination en Terre Sainte et au Proche Orient. Lettres sur la chute de Saint-Jean d'Acre* / Kappler R. (ed.). Paris, 1997.
89. Rogerius. *Rogerii Carmen miserabile = Rogerius, Cântecul de jale* / Popa-Lisseanu G. (ed.) // *Izvoarele istoriei românilor*, V. București, 1935.
90. Rogerius. *Magistri Rogerii Epistola in miserabile carmen super destructione regni Hungarie per Tartaros facta = Master Roger's Epistle to the sorrowful lament upon the destruction of the kingdom of Hungary by the Tatars* / Bak J.M. and Rady M. (trans. and annot.) // *Anonymus and Master Roger*. Budapest–New York, 2010. P. 132–227.
91. Roman G. *Consecințele mării invazii tătare asupra creștinismului românesc, în a doua jumătate a secolului al XIII-lea* // *Istorie bisericească, misiune creștină și viață culturală*, II, *Creștinismul românesc și organizarea bisericească în secolele XIII–XIV. Știri și interpretări noi*. Galați, 2010. P. 236–272.
92. Rubruck. *Guillelmus de Rubruc, Itinerarium* // *Sinica Franciscana I, Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV* / Wyngaert A. van den (ed.). Ad Claras Aquas (Quaracchi-Firenze), 1929. P. 147–332.
93. Sacerdoțeanu A. *Marea invazie tătară și sud-estul European*. București, 1933.
94. Sălăgean T. *Transilvania și invazia mongolă din 1285* // *Românii în Europa medievală (între Orientul bizantin și Occidentul latin)*. Studii în onoarea profesorului Victor Spinei / Țeicu D., Câdea I. (eds.). Brăila, 2008. P. 271–282.
95. Scorpan C. *L'ensemble archéologique féodal de Bîtca Doamnei* // *Dacia*, NS, IX, 1965. P. 441–454.
96. Simion G. *O locuință cu ceramică de factură tătărească descoperită în nordul Dobrogei* // *Arheologia Moldovei*. № XXI, 1998. P. 231–238.
97. Spinei V. *Moldavia in the 11th–14th Centuries*. București, 1986.
98. Spinei V. *La genèse des villes du sud-est de la Moldavie et les rapports commerciaux des XIIIe–XIVe siècles* // *Balkan Studies*. № 35, 2, 1994. P. 197–269.
99. Spinei V. *Les répercussions de la grande invasion mongole de 1241–1242 sur l'espace carpatodanubien reflétées surtout dans les œuvres des chroniqueurs italiens* // *Südost-Forschungen*. 2002/2003. № 61/62. P. 1–47.
100. Spinei V. *The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century*, II, *Cumans and Mongols*. 2nd ed. Amsterdam, 2006.

101. Spinei V. *The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century*. Leiden-Boston, 2009.
102. Spinei V. *Mongolii și românii în sinteza de istorie ecleziastică a lui Tholomeus din Lucca = Les Mongols et les Roumains dans la synthèse d'histoire ecclesiastique de Tholomeus de Lucca*. Iași, 2012.
103. Spuler B. *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland, 1223–1502*. 2nd ed. Wiesbaden, 1965.
104. Tholomeus von Lucca. *Historia ecclesiastica nova nebst Fortsetzung bis 1329* / Clavuot O. (ed.) // *Vorarbeiten von L. Schmutge. Monumenta Germaniae Historica, Scriptores XXXIX*, Hannover, 2009.
105. Turcuș Ș. *Sfântul Scaun și românii în secolul al XIII-lea*. București, 2001.
106. *Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen, I, 1191 bis 1342* / Zimmermann F. und Werner C. (eds.) Hermannstadt (= Sibiu), 1892.
107. Vásáry I. *Az Arany Horda*. Budapest, 1986.
108. Vásáry I. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge, 2005.
109. Villani, Giovanni. *Cronica* // *Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani I* / Racheli A. (ed.). Trieste, 1857.
110. Villani, Giovanni. *Nuova cronica, I (Libri I–VIII)* / Porta G. (ed.) Parma, 1990.
111. Waddingus Hibernus L. *Annales Minorum seu trium ordinum a S. Francisco institutorum VI (1301–1322)*. Ad Claras Aquas (Quaracchi) prope Florentiam, 1931.
112. Zimonyi I. *The Mongol campaigns against Eastern Europe* // *Medieval Nomads in Eastern Europe* / Spinei V. (ed.). București–Brăila, 2014. P. 325–352.

Глава VII.

Золотоордынская цивилизация

§ 1. Золотая Орда как цивилизация (по материалам археологии)

Марк Крамаровский

Как ни парадоксально, но государства с именем «Золотая Орда» никогда не было. Как никогда не было государства с именем «Византия». Греки называли свое государство «Империей ромеев». Отсюда в латинском мире – «Романия», а в тюркском – «Рум». Термин «Византия» для обозначения государства ромеев возникает после падения империи и введен учеными-гуманистами. Такова же примерно история и с названием Золотой Орды, называвшей себя по-тюркски «Улуг улус» – «Великое государство». Новое наименование возникло после исчезновения джучидской империи, но не по воле ученых, а монастырских книжников 2-ой пол. XVI в., взявших за основу название ставки золотоордынского хана.

Уже после распада единой империи Чингиз-хана Джучиды, несмотря на порой враждебные отношения с родственными монгольскими династиями – Улусом Чагатай, включавшем Мавераннахр, Семиречье и Кашгарию, ильханами Ирана и монголами в Китае (до 1368 г., когда на смену Юань пришла династия Мин), – не теряли связей до их полного исчезновения с политической сцены. Это дает основание для постановки вопроса о взаимодействии культур в широких рамках *Rex Mongolica* и его естественного пограничья, включая азиатскую зону степной и лесостепной Евразии. Поскольку западная часть монгольского мира представлена в основном Золотой Ордой, а сама она к концу XIII столетия оформилась в виде степной империи с целым рядом особенностей – этнических, хозяйственных, культурных, политических, идеологических, – ее целесообразно описывать с позиций *собственной* цивилизационной модели.

Очерк состоит из двух неравных частей. В *первой* будут рассмотрены три тезиса, связанных с обоснованием подходов к описанию Золотой Орды как цивилизации. Во *второй части* целесообразно остановиться на вопросе об основных этапах самоидентификации Джучидов в период между 1207 и 1502 гг.

Одна из важнейших предпосылок в определении всякой цивилизации, в том числе и золотоордынской, является *единство истоков, судьбы и наследия Джучидского улуса*, поскольку именно эти феномены определяют Золотую Орду как культурно-историческую общность с характерным мироощущением, делающую ее узнаваемой в масштабах Евразии. В подходах к определению понятия золотоордынской цивилизации есть смысл опереться на опыт русских «евразийцев» от Трубецкого до Вернадского, пусть не во всем однозначный [73, с. 58 и др.; 24, с. 158–186]. Полезны также и некоторые наблюдения П.М. Бицилли (1922) [5, с. 67–73], рассматривавшего евразийский континент как сложную структуру, состоящую из ряда самобытных локальных цивилизаций [74, с. 198].

Цивилизации, по Фернану Броделю, «<...> реальности большой, неисчерпаемой длительности <...> без конца приспособляющейся к своей судьбе» [анализ концепции Броделя – см.: 13, с. 178–186; 17, с. 169–187]. Тезис большого исторического времени [83, с. 46], в котором живет цивилизация, нельзя воспринимать упрощенно как линейное (это противоречило бы его теории многослойной структуры реальности, каждая из которых обладает собственным ритмом) и бесконечное. «Линейное» время жи-

вет в судьбе и опыте каждого отдельного человека. Но в историческом смысле только поколение – главная единица измерения, поскольку именно в родовой генеалогии находит отражение «близкое», «далекое» и «сверхдальнее» время. Живую цепочку судеб с момента выделения улуса Джучи в 1207 г. и до 1502 г. образовало примерно пятнадцать поколений ордынцев. К этому следует добавить еще несколько поколений ветеранов – основателей Монгольского государства, начиная с Темучжина – Чингиз-хана, в том числе поколение его старших сыновей. Много это или мало с точки зрения периода складывания и развития цивилизации *династии* Джучидов? Между тем, ни народ, ни представители династии не исчезли и после 1502 г., продолжив свои исторические судьбы в политических образованиях отдельных ханств, выросших на обломках Золотой Орды и *продолживших* ее культурные традиции вплоть до эпохи Нового времени. Примечательно, что только с XV по XVII вв. в письменных источниках сохранилась память о 189 потомках «золотого рода» (*Алтан уруг*, тюрк.) [4], что, несомненно, является показателем длительности представления о праве легитимного наследования ханского титула в Дешт-и Кипчак.

В общем виде всякую цивилизацию (в том числе и золотоордынскую) мы вправе рассматривать как совокупность традиционных связей факторов истории материальной и духовной культуры, власти, социально-правовых норм (в нашем случае – ясы и исламского суда в городах) и экономики, образующих устойчивые и протяженные во времени векторы в развитии общества. В нашем случае само общество, неоднородное по этносу, традициям и религиям, оказалось способно функционировать только в определенном культурном и физико-географическом ареале – вмещающем ландшафте, удовлетворяющем условиям совмещения требований кочевое скотоводства с жизнью степных городов. Географический центр «вмещающего пространства» пришелся на просторы Дешт-и Кипчака. Джучидская (Золотоордынская) цивилизация на разных исторических этапах своего развития, таким образом, обладала собственным ядром, периферией и границами.

Мы рассмотрим это явление *сквозь призму основных этапов самоидентификации Джучидов*.

Джучидский улус складывался как часть могущественного централизованного государства Чингиз-хана и несколько десятилетий существовал в рамках его военно-административной системы. Центр империи с 1220 г. находился на восточном берегу реки Орхон, где у небольшой речки Каракорум расположилась ставка Великого хана. В 1235 г. здесь уже при Угэдэе началось строительство города. В течение четверти века Каракорум (до 1260 г.) являлся общемонгольской столицей. Ко времени переноса Хубилаем (1260–1294) столицы в Пекин, в дельте Волги на левом берегу Ахтубы была основана первая столица Золотой Орды – *Сарай* (Дворец). Строительство джучидской столицы относится к началу 50-х гг. XIII в. и в 1254 г. здесь по пути из Каракорума в ставку Бату побывал монах-минорит Гийом де Рубрук [54, с. 184–186].

Джучидский улус выделился из состава Великого монгольского государства по мере распада державы Чингиз-хана, но первоначальное «Сибирское держание» Джучи было образовано по личному решению основателя империи. Это – первый наследный улус в семействе Чингизовичей. Для Джучидов (наследников дома старшего сына Чингиз-хана) процесс политической автономизации ясно обозначился лишь в 40-х гг. XIII в. после завершения в 1242 г. семилетнего европейского похода войск Бату (1227–1257), в результате которого монгольская конница, вышедшая к берегам Адриатики, вернулась в Дешт-и Кипчак. Новое государственное образование состояло из двух основных военно-политических единиц – правого и левого крыла, именуемых в восточных источниках «Кок-Ордой» и «Ак-Ордой» [58, с. 94–96; 69, с. 55–63; 50, с. 79–95; 66, с. 360–378]. И хотя география различных улусов изменялась во времени, Восточный Дешт-и Кипчак,

т.е. основная территория современного Казахстана, оставалась в составе Улуса Джучи. Вместе с тем степные территории, составившие ядро государства после завершения Западного похода, в силу ряда причин оказались на окраине культурных миров. *Преодоление цивилизационной маргинальности Золотой Орды (Улуса Джучи) началось с укоренения в зоне степей городского образа жизни*, что было отмечено Э.С. Кульпиным [44, с. 127–157]. Несмотря на постоянное преобладание кочевников, на местах старых степных зимовий уже в первой половине XIV в. вырастают десятки городов. В них постепенно складываются новые культурные силы, среди которых заметное место занимает население ремесленных кварталов. Факты свидетельствуют о формировании в Золотой Орде уже в 1-ой пол. XIV в. новой, отличной от раннеджучидской, культурной среды с весьма разнообразными интересами и культурными векторами, далеко выходящими за пределы избранной нами темы [упоминание о библиотеках в Сарае – см.: 27, с. 203; о языке и письменности и литературе – см: 67, с. 658–667; 51, с. 668–675; 49, с. 676–681].

Взаимодействие кочевнического и оседлого (в значительной мере, городского) укладов в рамках единого государства позволяет обозначить три крупных периода в развитии культуры Золотой Орды.

Раннеджучидский (первая половина, условно, 1207–1250-е гг.) – характеризуется номинальным выделением Улуса Джучи из числа территорий, принадлежащих Чингизхану, при сохранении единства нарождающейся империи. Значение раннеджучидского этапа для становления культуры будущей Золотой Орды трудно переоценить, поскольку строительство нового начиналось в системе связей государства Чингиз-хана, получившего официальное название *Yeke Mongyol ulus* – «Великое монгольское государство» (1211–1264). В этот период в степи идет активное перераспределение традиционных родоплеменных образований в пользу чингизидской монгольской элиты, сопровождаемое переделом пастбищ, водоемов и маршрутов сезонных перекочевков. Бурные инновационные процессы в материальной культуре опираются главным образом на традиции Центральной Азии и Северного Китая. В эти десятилетия как никогда ощущается разрыв между степным и городским сегментами культуры (последний, преимущественно за пределами степного ядра формирующегося государства). Естественно, что основное содержание культурной парадигмы определялось борьбой монголов за Восточный, а потом и Западный Дешт-и Кипчак. Заметим, что полемические заметки авторов, акцентирующие драматические последствия монголо-кипчакского противостояния в сфере этнических процессов в масштабах всего Дешт-и Кипчака, любопытны, но не слишком убедительны [42, с. 199–234].

Среднеордынский период (середина – 2-я пол. XIII – первые две трети XIV в.). Главное достижение этапа – стабилизация экономики и становление культуры новых степных городов Джучидов, где еще при Берке оседает значительная часть нойонской элиты. В конце 50-х – начале 60-х гг. XIII в. Джучиды вводят собственную монетную систему, и начинается один из важнейших этапов государственного и культурного строительства, сопровождавшийся возобновлением северной ветви Великого Шелкового пути. На отрезок времени 2-ой пол. XIII в. и до реформы Токты 1310/1311 гг. приходится первый период денежной чеканки [71, с. 45, 46]. Характерной чертой этого этапа является преобладание регионального монетного оборота внутри отдельных нумизматических провинций в пределах бывшей Волжской Булгарии, Среднего Поволжья, Нижнего Поволжья, Крыма и северо-западного Причерноморья, Подунавья и Поднепровья [71, с. 46]¹. Наиболее яркие события периода связаны с восстановлением старых, разрушен-

¹ Примечательно, что в Крыму в этот период анонимный серебряный *ярмак* с надписью «*амир Крыма*» сменяют монеты с именем эмитента – *Темир Бука (Тука)*. Таким образом, ранние крымские эмиссии свидетельствуют о наместнической чеканке монет [75, с. 15–17]. В последнее время в Крыму обнаружены пулы с именем Гияс ад-Дина Мас'уда II начала 1280-х годов

ных в период вторжения городов, и началом строительства новых. Г.А. Федоров-Давыдов и В.Л. Егоров описывают Золотую Орду как государство с двумя столицами на Селитренном (Сарай, Сарай ал-Махруса) и Царевском (Сарай ал-Джедид) городищах [70; 17, с. 112–117]. Согласно письменным и картографическим источникам золотоордынская столица локализуется на Селитренном городище, расположенном на высокой террасе левого берега Ахтубы в 115 км к северу от современной Астрахани. Селитренное городище отождествлено с городом Сараем, впервые упомянутым Гийомом де Рубрук под 1253 г. Современные данные археологии и нумизматики ставят под сомнение существование города XIII в. на Селитренном городище [52; 8, с. 345–349]. Позже, в 30-х гг. XIV века, уже при Узбек-хане (1312–1342) на Царевском городище (левый берег старого русла Ахтубы, у с. Царев в Волгоградской области) основывается город Гюлистан-Сарай [дискуссию о Гюлистан-Сарае реанимировал И.В. Евстратов – см.: 16, с. 88–118]. В среднеордынский период степная и городская ветви в культуре активно взаимодействуют, и первая испытывает известное давление со стороны исламизированных городских общин ханского домена и региональных центров Приазовья, Северного Кавказа и Крыма [всего в реестр золотоордынских городов В.Л. Егоров внес 140 объектов – см.: 17, с. 139]. В сущности, именно в этот период в материальной культуре степей становится осязаемым, хотя бы и опосредованно, городским вектор; сама же ремесленная культура получает узнаваемый золотоордынский облик.

Позднеордынский период (40-е – 60-е гг. XIV – нач. XV в.) – характеризуется расцветом городской жизни на первом этапе (до 1395 г.) при заметном лидерстве исламских общин. Последнее не вызвало особого перенапряжения в межконфессиональных отношениях. В степи центрально-азиатские элементы культуры постепенно отмирают и вытесняются исламскими инновациями, вливающимися в золотоордынское общество со стороны Хорезма, Прикаспия, Египта и Малой Азии (через Крым). Джучидская элита стремительно теряет связи с Трехречьем, а вместе со «старой» родиной и монгольский язык. Уже при Токтамыше (1376–1395) тюркский становится официальным языком Золотой Орды. Культурная доминанта в этот период окончательно определяется городским ремеслом, сформировавшим собственные производственные центры.

При Токте, Узбеке, Джанибеке и ханах 1360-х гг. активно работают монетные дворы Сарая, Сарая ал-Джедид и Гюлистана; дирхемами этих эмиссий заполняются рынки Поволжья, Мордовских земель, Северного Кавказа, Поднестровья и Крыма [71, с. 46, 47]. На период смут и междоусобной борьбы 1360-х гг. огромное количество монет выпадает в клады и уже в 1370-е гг. в денежном деле резко усиливаются центробежные тенденции. Со 2-ой пол. 1360-х гг. в большей части кладов появляются монеты с надчеканками, и большое место среди них занимает серебро Узбека, чеканенное монетным двором Крым ал-Махруса 720 г.х. С 1380/81 гг. все дирхемы с именем Токтамыша, выпущенные монетными дворами европейской части Золотой Орды, чеканятся по единой весовой норме [71, с. 48].

Потрясения 1395 г., вызванные воинскими победами Тимура (1370–1405), приводят к медленному угасанию большой международной торговли и городской жизни в центральных районах страны (второй этап позднеордынского периода). Денежная реформа 802 г.х., связанная с уменьшением веса дирхема, не привела к унификации де-

---

[76, с. 328–331; 9, с. 83–85], но, вопреки мнению нумизматов, едва ли местной чеканки. Масуд был сыном султана Изз ад-Дина Кейкавуса, утратившего трон в Иконийском султанате в 1261 г. и отправленного Михаилом VIII Палеологом в заточение в крепость Энос на берегу Эгейского моря. Пленный иконийский султан был освобожден по приказу Берке в 1265 г. и получил в *икта* Солхат и Судак в Крыму [25, с. 66, 67]. Восемнадцать лет правления экс-султана Изз ад-Дина Кейкавуса (его монеты неизвестны) в Восточном Крыму оставили заметный след в материальной культуре Солхата [39, с. 5–17].

нежного дела [71, с. 54], и монетное обращение получает едва ли не повсеместную тенденцию к упадку. После 1395 г. начинается почти вековой период распада золотоордынской государственности и в целом культурной стагнации. Однако в этот период, преимущественно в Восточном Крыму, все еще работали и весьма интересно местные ремесленные центры. В 1502 г. крымский хан Менгли Гирей наносит решающий удар по Большой Орде. Этим заканчивается военно-политическая история Золотой Орды, но не история династии. И, конечно, не золотоордынская культурная традиция. Сложившиеся в XIV в. векторы в сфере политической жизни, хозяйства, ремесла и идеологии продолжают жить в постордынский период; главным образом они очевидны в центрах сосредоточения власти новых династий-чингизидов в государствах-преемниках, будь то степи Казахстана, лесостепи Западной Сибири, Среднего Поволжья, Рязани, и уж тем более в Крыму. В XV–XVI вв. эта линия находит проявление и в культуре Москвы. Наиболее ярко ордынские акценты нашли отражение в миниатюрах Летописного свода, создававшегося в 3-ей четв. XVI в.² В период подчинения Казани Золотая Орда – все еще исторически легитимный носитель власти для времени XIII–XV вв., а в дипломатической переписке с восточными соседями московские государи именуют себя «белыми царями» (*ак падишах*) [65].

Изучение начального этапа в развитии ремесла и культуры Чингизидов затруднено недостатком достоверных источников. Это явление в значительной мере связано с тем, что «темные века» монгольской истории пришлось на время консолидации монгольских племен в XI–XII вв. в рамках государства, во главе которого стояли предки Чингиз-хана (около середины XII в.)³. Сведения письменных источников о контактах части татаро-монголов с киданями Ляо (916–1125) и чжурчжэнями Цзинь (1115–1234) все еще мало подкреплены археологически, и мы почти ничего не знаем о материальной культуре монголов времени Хабул-хана и его политических наследников. Отсюда размытость представлений о генезисе и начальной фазе складывания материальной культуры времени монгольского единства. А поскольку всю первую половину XIII века Улус Джучи развивался в составе многоэтничной империи, скудность источниковедческой базы ранних джучидов, отражая общее состояние вопроса, не несет ничего специфического. Лишь материалы торевтики – произведений художественного серебра и золота, обладавших тем преимуществом, что наиболее точно отвечали уровню требований, предъявляемых их владельцами – монгольскими элитами – к собственной аутентичности, дают возможность хоть как-то восполнить лагуну. В реальной жизни стремление к *имперской самоидентификации* находило отражение в выборе каганом, его *кешиктенами*, улусными ханами и их тарханами, нойонами всех рангов и приравненных к ним представителям местных аристократий соответствующих регалий. Помимо узкого перечня символов ханской власти [34, с. 73–79; 79, с. 131–190], костюма [11, с. 16–79; 12], унифицированной прически, головных уборов [40, с. 413–419], отдельных типов мужских и женских украшений в этот список вошли детали конского убора [38,

² Лицевой летописный включает более 17 000 миниатюр, из которых около 10 000 относятся к истории Руси [48, с. 61–70; см. еще: 90, с. 157–179].

³ Согласно наблюдениям Ж. Гэрэлбадраха, государство, во главе которого стояли ханы Хабул, Амбагай и Хотула, назывались «*Monlgyol ulus*» – «Монгольским государством» [15, с. 25–32], а не «*Qamuu Monguol ulus*» – «*Хамаг монгол улус*». Первое государство монголов, в котором некоторые историки видели большой племенной союз части монголов и тайчиутов, проживавших в районе устья рек Онон и Керулен, просуществовало недолго и распалось около 1160 г. Для нас важно, что в годы мирных отношений монголы Хабул-хана и его преемников взаимодействовали с соседями. Например, взамен поставки чжурчжэням табунов скота они получали зерновые и шелк (300 000 кусков тонкого и столько же грубого шелка) [46, с. 285]. Сам факт нормальных обменов с чжурчжэнями, как и в свое время с киданями, дает основание предположить знакомство монголо-татар с культурными достижениями соседей в самых разных проявлениях повседневности.

с. 122–129], воинского пояса и парадная утварь. Именно три последние категории предметов с наибольшей выразительностью способны дать представление о характере всаднической культуры раннеджучидской элиты.

В этом контексте для нас важны находки из золота и серебра, связанные с первыми поколениями Чингизидов как из районов Центральной Азии, так и Южной Сибири или европейской зоны степей за Уралом. Совсем недавно, в полевом сезоне 2005 г., на юго-востоке Монголии в местности Таван Толгой (аймак Сухебаатара) экспедицией Монгольского Национального университета (рук. проф. Д. Наваан) обнаружено неграбленное женское захоронение с конем, в котором были обнаружены золотые обкладки седла с изображением четырехпалых (?) драконов [96, # 44, с. 18–27; 99, vol. 4/1, с. 55–60, fig. 6, 7]. Погребение принадлежало незамужней молодой женщине (до 20 лет), о высоком статусе которой свидетельствуют богатые золотые украшения – серьги, филигранное украшение прически⁴, пектораль и ваджра, но, главное, золотые обкладки седла с изображением драконов. Несомненно, что могила № 5 из Таван Толгоя относится к раннемонгольской эпохе, вероятно, к первым десятилетиям XIII в. Примечательно, что молодую даму без *бокки* (т.е. незамужнюю), сопровождало в могилу *парадное золотое седло с изображением драконов*. Это третье из известных мне женских седел раннемонгольской эпохи после находок из Хайлин Геле и близ Мелитополя [34, с. 21, 22]. Теперь мы уже знаем серию золотых и серебряных седел этой эпохи, к которой следует присоединить и золотые обкладки седла из коллекции Нассера Д. Халили (конец XII – нач. XIII в.) [81, с. 42–46; 34, с. 21]. Три принадлежат женским захоронениям. Более яркого свидетельства гендерного равноправия для раннемонгольской среды трудно себе представить. Тема дракона на обкладках седла из Таван Толгоя характерна для *первого ряда* нойонских регалий, включая воинские пояса и поясные чаши.

Напомню, что эмблематика великого хана и его «гвардии» с использованием изображения дракона сформировалась в узком промежутке времени между 1204/06 гг. и 1217 г. В 1221 г. ее наблюдал Чжао Хун, прибывший в Яньзин, недавнюю столицу чжурчженей. Возможно, что этот промежуток времени может быть несколько сокращен. К настоящему времени находки воинских («гвардейских») поясов с изображениями драконов известны только в археологических материалах из европейской зоны степей, куда они попадают вместе с первым поколением джучидских всадников уже в период 20-х – 40-х гг. XIII в. География находок очерчивается районами Поднепровья, Среднего Подонья и степного Предкавказья, Среднего Поволжья [34, с. 35–45, рис. 14, 1–16, 17–19]. Из находок в Нижнем Поволжье выделим поясной набор из разрушенного погребения на городище Красный Яр [34, с. 35–45, рис. 18]. Сохранился фрагмент ремня. Гарнитура – серебро с позолотой – состоит из пряжки⁵, наконечника, скользящей обоймицы, двух сабельных обойм с петлями для подвешивания ножен и 25 лунниц [60, с. 69, кат. № 19]. При полной сохранности ремня длиной 125–150 см, расчетное число в 65–70 единиц поясной гарнитуры кажется оптимальным⁶.

⁴ Украшение из филигранны аналогично находке из женского погребения в трехкамерном мавзолее середины XII в, открытом в 1990 г. китайскими археологами в провинции Хэбэй [104, n. 12, с. 37–51; 95, с. 36; 34, с. 171, 172, рис. 88].

⁵ Пряжка в древности была восстановлена русским мастером [34, с. 44];

⁶ Композиция декора лицевой пластины представлена двумя обращенными друг к другу драконами с рыбьими хвостами. Тыльная пластина наконечника с оборота покрыта чешуйчатым узором. Сабельные обоймы – полые, прямоугольной формы с крупными петлями. Лицевые пластины обойм выполнены в технике ажурного литья. Большую часть пространства занимает изображение трехпалого дракона. Нижнее поле занято фигурой птицы в полете; крупный клюв и мощное оперение говорят, возможно, о соколе. Тип сабельной обоймы с выделенной петлей и рельефным изображением трехпалого дракона на лицевой стороне пластины известен по сунскому нефриту.

К этой группе воинских поясов тесно примыкает группа поясных наборов с «охотничьей» тематикой: серебряный поясной набор из могильника Таш-Башат в Таласской долине Киргизии, золотой поясной набор из Урочища Гашун-Уста на Северном Кавказе, группа из трех золотых пластин из частной коллекции Нассера Д. Халили в Лондоне и три бронзовые пластины с изображениями ланей из музея П.В.Алабина в Самаре [34, с. 45–49, рис. 20, 21; 1, с. 24–29]. Напомню, что в урочище Гашун-Уста на Ставрополье вместе с поясом найден ковш с ручкой в форме протомы дракона. Сосуды этого типа найдены в Сибири, на Волге, близ Воронежа, на Днепре [60, с. 56–58, 163, рис. 13; кат. № 12, 13, 14, 21]. Близкая к этой группе сосудов двуручная чаша для вина найдена при раскопках Царевского городища [60, с. 59; кат. № 15]. Вся группа сосудов датируется в пределах XIII – рубежа XIV в. [34, с. 61–72] и отличается от юаньских сосудов этого типа [60, с. 159, рис. 11].

Седла и пояса с драконовидной геральдикой появляются в *монгольской среде* как бы в одночасье. По-видимому, они были вызваны к жизни резко изменившимся уровнем государственного строительства после реформ 1206 г., когда при выделении и бурном количественном росте новых ветвей родовой знати потребовались новые объединительные символы. Итак, обе группы поясов принадлежат старшему поколению командного корпуса Джучидов, пришедшего в европейскую зону степей около середины XIII в. Типы и стилистика этих поясов сложились в Центральной Азии еще до образования Улуса Джучи. В них и можно видеть ту часть «чингизидского наследства», которая попала в Дешт-и Кипчак с первым поколением завоевателей и здесь, на новой почве, дала импульс к развитию феномена всаднической культуры тех поколений Джучидов, которые, вернувшись из Западного похода около 1240-х гг., положили начало Золотой Орде. Этот комплекс изделий центрально азиатского художественного ремесла впервые дает возможность обратиться к памятникам до середины XIII в., не обнаруживающих себя до настоящего времени, за исключением нескольких находок в метрополии. Существенно, что в этой важнейшей для ранних Джучидов группе вещей еще нет инновационных черт, связанных с западными заимствованиями времени разгрома государства хорезмшаха. Исламские черты становятся заметны в формах и декоре парадной утвари, предназначенной для ранних Джучидов, по мере продвижения монголов на запад от Иртыша. Выделяется группа памятников, насчитывающая около десятка сосудов, из которых пять (среди них четыре целых) удивительно схожи между собой по форме. По этому же признаку группа сосудов на высокой ножке тесно связана с чашей малоазийского происхождения из частной коллекции в Лондоне, датированной около середины XIII в. Вся группа находок, кроме лондонской чаши с именем Улуг Хумаюна, чье место обнаружения неизвестно, происходит из Приуралья и тобольского Прииртышья [34, с. 93–108], и сургутского Приобья [80, с. 144–147]. Сосуды принадлежат одной или нескольким родственным мастерским, работавших в узком промежутке времени XIII – рубежа XIV века. География находок свидетельствует, что восточнее Ишима существовал некий локальный центр, обслуживающий северо-восточные районы Золотой Орды [34, с. 106, 107]. Продолжают оставаться актуальными вопросы о месте производства этих сосудов, их оригинальности, генезисе стиля, проблемах хронологии некоторых из них.

Приведем сведения об основных памятниках группы в форме таблицы:

№ п/п	Сведения о месте находки или их хранения	Материал и размеры	Сохранность	Публикация
№1	Вероятно, Приуралье. Частная коллекция в Перми до 1909 г.	Серебро, размеры неизвестны	Без утрат	57, № 221
№2	В составе клада на севере Свердловской обл., пос. Понил, и Ивдельский р-н	Серебро, диаметр – 27,0 см; выс. – 12,5 см	Утрачено ? ложек	7; 34, рис. 45. кат. №54
№3	Из Сургутского Приобья, могильник «Сайгатинский 3», погребение 31	Серебро, диаметр – 12 см; выс. – 6 см	Повреждено тулово чаши	34, рис. 47, кат. №55
№4	Из Сургутского Приобья, Святилище Сайгатинское 1	Серебро, диам. – 14 см	Утрачена ножка	34, рис. 48
№5	Из Сургутского Приобья. Случайная находка на городище Каревское	Серебро, диам. – 19,5; выс. – 12,1 см	Без утрат	80, с. 144–1147

Все вещи объединяют признаки морфологии, техники исполнения и декора. С точки зрения формы (признаки морфологии) обращает внимание сочетание глубокой ложчатой чаши (№1, 2, 4, 5) с подчеркнуто выделенным венчиком и поддона в форме высокой конусовидной ножки с утолщением у плавно отогнутого основания. Несколько предметов (чаши №2 и №4) объединяет редкий тип лотосовидного цветка с двумя отогнутыми к низу лепестками. Этот же признак – в декоре серебряного кубка из тобольского Прииртышья [34, рис. 52, кат. № 56]. Примечательно, что и гибкий стебель с характерными узкими трилистниками в бордюрах этого кубка в высшей степени близок стеблю, украшающему венчик нового сосуда из сургутского Приобья (чаша №5). Между тем, рисунок гибкого стебля с широкими сочными пальметтами в бордюре венчика ивдельской находки из Приуралья (чаша №2) тождественен гибкому стеблю в декоре венчика серебряной кружки, найденной на святилище «Сайгатинское 1» в сургутском Приобье [34, рис. 51]. Отметим еще одну деталь, сближающую кубок из тобольского Прииртышья с находками из сургутского Приобья (чаша №5 и кружка из святилища «Сайгатинское 1») – характерную прорисовку узкомордого животного (медведь?) с обратным поворотом головы. В некоторых случаях совпадения в рисунке позволяют опознать «почерк» одного мастера. Остается добавить, что мотив подтреугольных фигур с двойной линией обводки и веерообразными скоплениями ретушных штрихов в декоре ножки чаши с Караевского городища (чаша №5) имеет довольно близкую аналогию в близком геометрическом узоре на фрагменте серебряной чаши (часть донца?) из саратовского Поволжья [34, рис. 54]. В то же время узор в виде веерообразного скопления ретушных штрихов как самостоятельный мотив (чаши №1, №3, №4, №5) повторяется не только в декоре фрагмента сосуда из саратовского Поволжья, но и вставной мишени серебряного блюда из святилища «Сайгатинское 1» [34, рис. 44]. Таким образом, в круг вещей *одной или нескольких родственных мастерских*, выделенный на основе системы признаков сходства, входят *девять* серебряных сосудов из Западной Сибири и Приуралья. Пять из них отличает совпадение по форме. Десятая чаша в форме поясного ковша, но с изображением лотосовидного цветка, характерного для чаш №2, 4 и кубка из тобольского Прииртышья, найдена на Северном Кавказе [34, № 136]. Таким образом, иртышская группа художественного серебра принадлежит одной или нескольким тесно связанным мастерским, работавшим в относительно короткий промежуток времени первой трети XIII – начале XIV в. Нет сомнения, что новый ремесленный

центр, формируется в одно время с юртом (уделом) Джучи в местах перекочевок ставки улусного хана и его жен на Иртыше, но не в верховьях реки, где располагался центр Угэдэвичей⁷. География ремесленного центра косвенно подтверждается ареалом находок, ограниченным на востоке бассейном сургутского Приобья [32], а на западе – Средним Уралом и Пермским краем. Степень оригинальности и в конечном счете узнаваемости рассмотренной группы сосудов определяется слиянием художественных традиций народов Северного Китая и Запада, где выделяются признаки ремесла исламского Среднего и Ближнего Востока и отраженно Византии или Малой Азии.

На основе оригинальных археологических находок из погребальных комплексов ранних Джучидов, из слоев отдельных поселений и селищ мы, таким образом, получили возможность впервые ознакомиться с некоторыми редкими материалами Великого Монгольского государства. Многие из этих памятников были перенесены из районов Иртыша и Западной Сибири в бассейны Посурья, Волго-Камья и степную зону Подонья всадниками сибирских корпусов Бату – основного костяка европейской кампании 1237–42 годов. Но все-таки одна из групп материала – «иртышская» – дает некоторое представление о новом векторе развития культуры, сформировавшемся в период ранних кампаний, направленных на западную часть Дешт-и Кипчака. Эти две группы материалов, прежде всего детали поясных наборов и конского убора с изображениями драконов, отражают содержательный компонент всаднической культуры первого этапа самоидентификации тюрко-монгольского населения Золотой Орды.

Утрата норм тюрко-монгольской всаднической культуры времени ранних Чингизидов дает о себе знать в материалах тюркетики уже с начала XIV столетия в период активной исламизации Золотой Орды. В Симферопольском кладе, одном из наиболее репрезентативных комплексов 1-ой пол. XIV в., принадлежавшем ордынскому правителю Крыма [34, с. 114–120], из трех поясных наборов только один – золотоордынский. В деталях этого парадного стрелкового пояса полностью отсутствуют черты раннеджучидской традиции, сформированной в период единства Чингизидской империи [60, с. 83; кат. № 527–564]. Этот поясной набор входит в одну из обширных групп находок, выполненных в среднеордынский период, вероятно, в Крыму. Стилистика его исполнения мало отличима от приемов, использованных мастером золотого поясного набора из казахского Прииртышья [60, с. 85, кат. 143–155]. Кроме Крыма подобные вещи могли быть изготовлены в городских мастерских Поволжья, включая Булгары [34, с. 130–140], откуда они получили распространение по территории всего пояса европейской зоны степей. И все-таки традиции великоханского периода не исчезают бесследно. Они могут быть прослежены на примере других вещей Симферопольского клада – характерных наверхий головных уборов. Для нашей темы любопытно, что один из интереснейших памятников клада – украшения женской шапочки [60, с. 82; кат. 307–330], где в пережитках (речь идет о трактовке миниатюрных многолепестковых цветов с жемчужиной в центре на высоком стержне из золотой проволоки) все еще обнаруживают традицию ремесла более характерную для Центральной Азии и восходящую к китайской династии Суй (581–617) – ср. украшение женского головного убора из золота и серебра из могилы Ли Цзинсюнь (Li Jingxun) в пров. Шаньси, КНР [103, с. 112, № 274]. В украшениях бляхи-наверхий и двадцати фигурных накладок головного убора из золотоордынского клада кроме жемчуга использованы аметисты, шпинели, изумруды, хризопраз, яшма, сапфир и бирюза, а в одном случае и горный хрусталь [60, № 307–332; с. 82], свидетельствующие о насыщенности рынков западной ветви Шелкового

⁷ Источники глухо сообщают о существовании в районе Иртыша в домонгольское время городов. По ал-Идриси (XII в.), в стране кимаков было 16 городов, восемь из которых находилось в долине р. Гармаш, отождествляемой с Иртышем. В настоящее время не установлены связи между городами кимаков и следами оседлости в монгольскую эпоху.

пути еще в сер. XIV ст. По-видимому, в сохранении традиции оформления девичьей (?) шапочки сказался феномен консервативности женского костюма. Необходимо заметить, что все предметы украшения головных уборов и некоторые пояса Симферопольского клада выполнены в Восточном Крыму, скорее всего, в одной из ювелирных мастерских Солхата, обслуживавшей правителя города и области Крым. Таким образом, можно констатировать, что изделия, близко связанные с запросами всаднической элиты, наиболее полно отражают оба этапа самоидентификации Джучидов, начиная с *постимерского* и вплоть до *среднеджучидского*, совпадающего по времени с расцветом городской жизни. При этом исламская поведенческая модель в XIV ст. начинает активно осваиваться верхними слоями ордынского общества, не без труда преодолевающей традицию времени империи Чингиз-хана.

В Золотой Орде не сложилась и не могла сложиться единая градостроительная система в силу огромности территории. Здесь в градостроительстве выделяются несколько локальных вариантов: степное Поволжье со столичным Сараем, Гюлистан-Сараем, Укеком и Бельджаменом – лишь один из них. Поднестровье, Крым, Приазовье и Северный Кавказ представлены селищами и городами, во многих чертах отличными от городов и поселений ханского домена.

В отличие от других городов Поволжья и других регионов Золотой Орды Сарай не был полностью уничтожен войсками Тимура в 1395 г. Дата его окончательного запустения неизвестна, но в 1438 г. он еще заметен как центр международной торговли [22, с. 166, 167]. Золотоордынская столица – крупный ремесленный центр, где известны кварталы ремесленников-металлистов, гончаров, где раскопаны мастерские ювелиров и косторезов.

Для золотоордынских степных городов, где как на Царевском городище выделяются лишь самые общие черты топографии [105, с. 21–23], видимо, еще не время говорить об индивидуализированных чертах планировочных структур. Тем не менее, некоторые важные детали все-таки выяснены. Площадь города только в границах рвов и вала, возникшего в 1360-е гг. для защиты центральных кварталов в годы феодальных усобиц, составляет около 2 кв. км, но общая площадь Гюлистан-Сарая значительно больше [17, с. 113]. На плане А.В. Терещенко (1840-е гг.) только внутри вала 1360-х гг. насчитывается до 1550 отдельных строений. Вне вала прослеживаются отдельные усадьбы, становящиеся, по наблюдению Г.А.Федорова-Давыдова, все крупнее по мере удаления от центра города к востоку и к югу. Большие усадьбы площадью до 26 тысяч кв. м прослежены на дальних подступах к городу с востока; к западу от пригорода располагался поселок городского типа, представляющий собой комплекс из семи усадеб, соединенных общими стенами. Представляется, что подобно застройке большого радиуса Селитренного городища, Царевское можно рассматривать как агломерацию, где чересполосно городские строения, крупные усадьбы или их скопления чередовались с аграрными зонами и выпасами. К западу от города располагалось большое озеро, на берегах которого в середине XIV в. существовала жилая застройка, а в конце века вырос могильник. В центре Гюлистана была большая площадь, окруженная с юга и с востока зданиями, выделявшимися своей величиной. От центра к окраинам вели улицы, снабженные арыками, вдоль которых в некоторых случаях прослежены пешеходные дорожки. В Восточной части города по микрорельефу прослежена еще одна подквадратная площадь; в этом секторе городища, видимо, располагались и четыре искусственных водоема. Царевское городище расположено в пойме Ахтубы, скорее всего на самом берегу реки. Археологическими исследованиями установлено не только существование городского водопровода, но и сложных гидротехнических сооружений, регулирующих уровень воды в водоемах. Первоначальное ядро города составляли несколько крупных аристократических усадеб [69, с. 85–87; 17, с. 114]. В отличие от Сарая и Сарайчика на р. Урал, Гюлистан-Сарай был разрушен Тимуром.

Помимо Селитренного и Царевского городищ в Поволжье кроме болгарского района открыто более тридцати городищ и поселений, представляющих собой средние и малые городки, но среди них есть и такие известные как Мохши, Укек, Бельджамен, Хаджи-Гархан [17, с. 106–120]. Г.А. Федоров-Давыдов справедливо предостерегал против автоматизма в расширении списка золотоордынских городов [70, с. 41], но в действительности количество только заметных городищ поразительно. В реальной жизни подобные центры были вызваны требованиями организации структуры государства и торговых обменов (см. выше). Даже по необходимости беглое перечисление городищ дает панораму резкого подъема городского образа жизни в XIV в. Вот некоторые из городов и крупных поселений только в пределах правого крыла. В Пруто-Днестровье – Аккерман, Килия, городище Костешты, Старый Орхей (Шехр ал-Джедид/Янги-Шехр); в Предкавказье – Маджар, Малые Маджары, Верхние Маджары; в Дагестане – Дербенд; в Северной Осетии – Верхний Джулат; в Караваево-Черкессии – Нижне-Архызское городище, поселения Терско-Сулакского междуречья; в Кабардино-Балкарии – городище Терское и Нижний Джулат. В Приазовье – Азовское городище (г. Азак), ряд поселений. На Тамани – Матрега. Из новых золотоордынских городов в Крыму известен лишь Солхат (Крым).

В этом очерке трудно говорить об общем и особенном в жизни золотоордынских городов. Приведу лишь два примера, свидетельствующие о коммуникативных особенностях городской жизни в разных точках огромного государства в XIV веке. На четырех разных городищах – Царевском (г. Гюлистан-Сарай), Сарепты (вероятно, из средневекового Укека), Водянском городище и городище средневекового Сарайчика найдены тарные сосуды – *хумы* – высотой до 1,07 м и диаметром венчика 0,6 м со штемпелем одного мастера или хозяина мастерской. Арабская трехстрочная надпись печати сообщает нам его имя – «Ананд (?) сын Саркиса» [37, с. 119, № 164, 575, 576]. Нет сомнения, что продукция армянского мастера, работавшего в Поволжье, пользовалась широкой известностью и в период расцвета городской жизни достигла берегов р. Урал (тюрк. – Яик) [64, с. 240]. Другой пример – одно из высших проявлений гончарного искусства – винный кубок из полуфаянса (*кашина*) с полихромной росписью, найденный в золотоордынском Азаке. Кубок, скорее всего, изготовлен в одной из мастерских столичного Сарая [36, с. 182–189]. Сосуд с изображением исламского рая предназначался, видимо, для дворца или пиршественного стола богатой усадьбы. Он декорирован подглазурной росписью кобальтом и трехцветной надглазурной росписью красным, зеленым, черным по белому фону опаковой поливы с добавлением на отдельных участках накладного золота. Наиболее близкие параллели азакской находке дают фрагменты полихромной посуды, обнаруженные на городище Сарайчика [64, с. 39, 112, 137, 247] и Булгар (сосуд не опубликован). Персидская надпись на одном из фрагментов из Сарайчика говорит о времени работы мастерской – 764 г.х. = 1362/63 гг. Альтернативное мнение об импорте этой группы керамики из Ирана [30, с. 144] остается недоказанным ввиду отсутствия находок подобного рода на Ближнем Востоке.

Временем 1-ой пол. – 60-м гг. XIV в. датируется большинство медресе, мечетей и других общественных сооружений в городах Золотой Орды [102, с. 41–56; 23, с. 9–58; 35, с. 112–116]. Исламскую ветвь городской культуры, как представляется, можно считать археологическим *индикатором второго этапа* самоидентификации Джучидов⁸. Эта линия в развитии духовной и материальной культуры оказалась унаследована государствами-преемниками после гибели Золотой Орды. Уместно отметить, что цивилизационная эстафета передавалась во время затухания мировой торговли на Великом Шелковом пути

⁸ В масштабах Булгарского улуса Золотой Орды исламская традиция опиралась на завоевания домонгольского периода. Однако работа по выделению преемственности этих признаков затруднена незавершенностью дискуссии по типологии и датировке ряда категорий массовых находок из Биляра, введенных А.Х. Халиковым [см., например: 68].

в связи с крушением династии Юань (1279–1368) и периодом общего упадка городской жизни в самой Кипчакской степи. Кризис денежного обращения, наметившийся в 1370-е гг., нашел выражение в сокращении или полном прекращении чеканки монетными дворами Сарая, Сарая ал-Джедид и Гюлистана. Это было связано с общей деградацией городской жизни в центральных районах страны после смут 60-х гг. В период 1399–1400 гг. денежное обращение Поволжья клонилось к упадку [71, с. 49, 55].

Среди политических факторов, определяющих жизнь Золотой Орды этого периода, отметим возросшую активность Великого княжества Литовского на юго-западных границах Золотой Орды и Москвы на северо-западе.

На этапе 2-ой пол. XIV ст. в Дешт-и Кипчаке наблюдается заметный возврат к почти забытым ценностям первого поколения. Я имею в виду возрождение традиций поясных наборов с изображением драконов. Известна серия поясных накладок в форме килевидного медальона с фестончатым краем, отлитых из бронзового сплава в жесткую форму. На лицевой стороне в два плана в технике плоского рельефа изображено полиморфное существо (влево) с туловом, крыльями и трехпальными ногами птицы, змееподобным хвостом и головой химеры с раскрытой пастью, из которой выпущен раздвоенный язык. Над головой химеры – двучастный выступ – рога (?). Оперение распахнутых крыльев не проработано резцом, но хорошо различимо. Вытянутая влево от зрителя правая лапа вместе с упругими кольцами хвоста, разинутой пастью с раздвоенным «змеиным» языком создают иллюзию устрашающего движения. Две такие накладки из коллекции Эрмитажа найдены у дер. Зубовка в бывшем Царевском уезде⁹; по одной – в Биляре [72, №17] и в Болгаре – накладка из собрания Национального Музея РТ; и одна найдена при исследовании Кокпомьягского могильника (погребение 131) в Перми вычегодской на Выми [55, с. 138, табл. 36–23]. Вымская находка датирована XIII–XIV вв., но допустимо, что бронзовые поясные накладки, предшествующие казанскому Зиланту, вошли в серию во 2-ой пол. XIV в. На распространение этого необычного для золотоордынской иконографии дракона указывает находка нашивной пластинки из резной кости с аналогичным изображением. Пластинка несомненно выполнена русским мастером по золотоордынскому образцу¹⁰ и найдена в слое сельского поселения сер. XIII – посл. трети XIV в. неподалеку от Нижнего Новгорода. По-видимому, в Золотую Орду образ змеедракона такого типа попадает из Италии, где он известен по вышивке на льняном полотенце из Перуджи (?) (XIII–XIV вв.; не издано, Эрмитаж, Инв. № Т–650)¹¹. Змеедраконов перуджийского полотенца отличают от золотоордынских главным образом перепончатые крылья. Этот же признак – в облике двуногих драконов с птичьими лапами на донце серебряной балканской чаши XV в. (?) из Константинополя (собрание Фр. Мартина) [57, табл. CXVIII, 274]. Крылья «летучей мыши» – характерный, но не обязательный признак драконов европейской иконографии – см., например, изображение крылатого дракона из «Книги сокровищ» Брунетто Латини (XIII в.) [78, с. 80]. На печатях русских великих князей Иоанна III (1497 г.), Василия Иоанновича (1514 г.) или Иоанна IV Васильевича (1539 г.) св. Георгий поражает двуногого змеедракона, изображенного в западной стилистике. Можно согласиться, что иконография змеедракона золотоордынских поясных наборов послужила основой для утверждения гераль-

⁹ Дер. Зубовка Солодовской волости Царевского уезда Астраханской губернии; случайная находка 1882 г. Эрмитаж, Инв. № Оп. 758, 759.

¹⁰ Не издана. Найдена в 2006 г. экспедицией Н.Н. Грибова при раскопках селища Бешенцево 3 близ Нижнего Новгорода (раскоп 1, яма 2). Ближайшие аналогии в русской резной кости, выполненной по ордынским образцам – см.: [31, № 155, 158]. Благодарю Н.Н. Грибова за информацию.

¹¹ Дата указана в этикетаже. Общую характеристику «перуджийских полотенец» см.: [41, с. 55].

дического символа Казанского ханства [72, с. 132–135]. Нельзя все же исключить и подмену этого освоенного тюркской традицией образа вариантом коронованного василиска из латинского бестиария [93, с. 85], близкого по иконографии к змеедраконам наших бронзовых поясных накладок. Одну из последних по времени исполнения геральдических эмблем Казанского ханства (1-я пол. XIX в.) можно видеть в системе декора трона Георгиевского зала Зимнего дворца в Петербурге.

На рубеже XIV и XV вв. поясные наборы с драконами характерны не только для Среднего Поволжья, но и для юго-западных областей Золотой Орды. Одна из самых выдающихся находок связана с монетно-вещевым кладом у дер. Литва на территории современной Беларуси. Монетная часть клада насчитывает не менее 6191 серебряной монеты – пражских грошей, из которых 6186 экземпляров попали в музей Национального банка Беларуси. По наблюдениям проф. В.Н. Рябцевича, это лишь часть клада. Еще пять таких же монет и три мелких ювелирных изделия из серебра с золочением попали в Национальный музей истории и культуры Беларуси (последние обнаружены Рябцевичем на месте находки с применением шурфовки и использованием магнитометра). Все известные к настоящему времени монеты клада чеканены в диапазоне 1378–1419 гг. на монетном дворе Кутна Гора в Чехии (определение В.Н. Рябцевича¹²).

Вещевую часть клада составляют два поясных набора (серебро с позолотой и чернью). Один из них был осмотрен мною в Национальном музее в 1997 г., а детали второго (находились в начале 2000-х гг. в частном собрании в Париже) стали известны спустя несколько лет по фотографии. Поясные наборы клада у дер. Литва уникальны и принадлежат мастерской, работавшей в эпоху Хаджи Гирея в Восточном Крыму. По своему невоинскому характеру и особенностям декора (один из поясов, возможно, охотничий) они могут быть отнесены к разряду парадных, принадлежащих, очевидно, сокровищнице богатого купца или князя. Все детали гарнитуры выполнены из серебра, и большинство – украшены чернью и позолотой. Поясная гарнитура *первого* пояса состоит из 15 предметов: пряжки, наконечника, двух (из четырех найденных) прямоугольных бляшек, двух больших блях с фестончатым краем с диаметром до 8,3 см и девяти круглых блях с диаметром до 6,5 см¹³. Двучастная (общая длина 6,6 см) пряжка с прямоугольным преемником (3,2 x 3,0 см) повторяет форму пряжки позднеготического серебряного поясного набора конца XV в. из собрания Венгерского Национального музея в Будапеште [106, с. 208, 209, 322, 323. Кат. №г. 46]. Изображения драконов введены в структуру декора блях 7 и 8. На обеих (диаметр 6,4–6,5 см) по краю лицевых пластин изображены по два кольцевидно изгибающихся зубастых дракона-змеев, хватающих друг друга за конец хвоста. У змеев «рыбьи» головы с загнутой сверху верхней губой, миндалевидным глазом и короткой «гривой». Их тела частично покрыты насечками. Мотив двух змеев, охватывающих округлую плоскость или, в отдельных случаях, сферу, в исламской традиции встречается в связи с астральными сюжетами, как, например, в миниатюре с изображением лунного божества в *Kitab al-Diryaq*, датированной 1199 г. и отнесенной Меликьяном Ширвани к сельджукскому Ирану [91, с. 4–16]. По-видимому, основным в этих случаях является охранительный контекст [84, с. 50,

¹² Из письма В.Н. Рябцевича к автору статьи.

¹³ Число предметов условно. При осмотре находок в конце 1994 г. в Национальном музее Беларуси (Минск) мне было предъявлено 15 предметов, которые до информации о вещах из парижского собрания воспринимались как единый поясной набор. В шурфе на месте захоронения клада у дер. Литва В.Н. Рябцевичем обнаружены еще две прямоугольные накладки, аналогичные по форме тем, что я видел в Минске, но отличающиеся по размерам. Поэтому кажется уместным не включать их в число гарнитуры первого пояса. Учитывая, что количество и состав находок парижской части клада установить не удалось, нет уверенности и в безусловности распределения отдельных вещей по гарнитурам поясных наборов.

fig. 41]. Исламский бестиарий унаследовал этот мотив из древности [3, с. 16–27]. Но в тюркском мире Ближнего Востока, в отличие от традиции народов Китая, дракон – всегда чудовище нижнего мира, чье место под землей или в море, последнее, вероятно, – под давлением античного наследия [85, с. 275–284]. В таком случае его неразвитые крылья, как заметил В.Я. Пропп – реликт небесного образа змея [53, с. 303].

Сопоставления по признакам ремесленной традиции позволяют отнести поясной набор к мастерской Восточного Крыма¹⁴.

О составе гарнитуры *второго* пояса известно немного. По дошедшим до нас произведениям можно сказать, что в основном он состоял из того же набора блях двух типов, что и первый. Об этом свидетельствуют большая бляха с фестончатым краем и частью ажурной подвески на шарнире. Декор лицевой пластины этой бляхи аналогичен декору бляхи 2 первого поясного набора. Две малые – аналогичны бляхам № 7 и № 8 первого набора. Совпадают не только орнаментально-декоративная структура лицевых блях, но и изображения змееподобных рептилий по краю пластин. Но главное отличие связано с пряжкой. Пряжка состоит из двух частей, соединяющихся захватом. До нас дошло изображение ее половины, которую можно охарактеризовать как приемник. Лицевая пластина пряжки богато украшена. Смысловую доминанту составляют фигуры четырех геральдических драконов-змеев, направленных к центру в виде шестичастной розетки с медальоном. Поле медальона целиком заполнено стилизованным растительным узором с характерной полупальметтой; тот же мотив, но уже в виде гибкого стебля – в декоре розетки.

В изображениях парных змеедраконов поясной пряжки превалирует сельджукская стилистика, близкая к изображению парных драконов Алеппских ворот Дийарбакра, где крылатые монстры, опирающиеся на одну лапу, вписаны в вытянутые картуши подтреугольной формы. Драконы обращены друг к другу и разделены надписью с именем султана Махмуда, сына Кара Арслана; надпись содержит дату – 579 г.х. = 1183/84 гг. [82, с. 82]. Пара крылатых змеедраконов высечена на воротах Багдада; под фризом – надпись

¹⁴ Узкие ободки (до 0,5 см) обеих блях украшены черным мотивом лозы и группами (до семи) мелких зубчатых листиков, выделенных чернью; на бляхе № 7 листики вызолочены. Мотив листиков повторяется на ободках еще ряда блях (№ 9, 10, 12). Поскольку изображение отдельных лепестков не несет сколько-нибудь значимой семантики, на этот мотив стоит обратить особое внимание с точки зрения ремесленной традиции. Именно такой элемент декора часто повторяется на золотых украшениях с чернью из состава Симферопольского клада [см.: 34, рис. 61, Кат. № 307; рис. 62, Кат. № 334–356, № 308–332] или в сочетании с полупальметтой с характерным завитком – в декоре серебряного футляра расчески из погребения в кургане № 1 Белореченского могильника, а также в декоре щитков золотого браслета из Джукетау [34, с. 110, рис. 55, с. 131, рис. 71, Кат. № 81, 111]. Появление золотоордынских памятников на территории Великого княжества Литовского, где в XIV в. проживали и татары – выходцы из Орды – обусловлено историей взаимосвязей этих двух средневековых государств [подробнее см.: 14, с. 203 и др.]. В археологии Литвы это явление нашло отражение в целом ряде отдельных находок и в их числе украшений в виде серег в форме знака вопроса, незамкнутых кольцевидных серег с головкой дракона, пластинчатых браслетов с львиными личинами и пр. [см., например: 100, с. 167, fig. 7; 97, с. 205–224]). Велика вероятность, что ретранслятором распространения золотоордынских украшений в направлении Великого княжества Литовского и европейского северо-востока служил Новгород, где одних только серег в виде знака вопроса в слоях XIV–нач. XV в. найдено не менее полутора десятка [56, с. 16]. Серьги в виде знака вопроса и несомкнутые с головой дракона из погребального инвентаря Лоемского могильника, что на правом берегу р. Лузы [см.: 55, рис. 4–1, 2, 4]; из раскопок в Белоозере – [см.: 21, рис. 51–4; рис. 264–12]; здесь же – и фрагмент золотоордынского пластинчатого браслета [рис. 264–8]. Из золотоордынских находок отметим серьги с головой дракона, найденные в Поднепровье, из комплекса Василицкого клада вблизи Черкас с 52 золотоордынскими монетами, младшая из которых относится к 1370-м годам [62, ил. 5–1], из числа находок в районе Полтавы [64, с. 92, рис. 87] и инвентаря могильника Мамай-Сурка близ Запорожья [18, рис. 32–5].

с именем халифа ан-Насира и дата 618 г.х. = 1221/1222 гг. [84, fig. 39]. Артукиды Дийарбакра уже к 1232 г. уступили Хисн Кайфу и Амид Айюбидам. Но в первой трети XIII в. они успели испытать вассалитет Сельджукидов Рума и после завоевания Мавераннахра монголами в 617 г.х. = 1220 г. – Джалал ад-дина Манкбурны (1220–1231), мардинская ветвь Артукидов доживает до начала XV. Другую линию аналогий можно видеть в изображениях *геральдических крылатых змеедраконов* на серебряных пряжках поясов XIII–XIV вв. из крепости в Долище и ее округи в Северо-Восточной Болгарии, несомненно, предназначенных для тюркского пользователя [36, пояс 1, с. 131, 132, табл. III–1; с. 136, 138]. Геральдическая пряжка пояса 1 выполнена, скорее всего, византийским мастером или пришла из Византии, где тюркская знать в лице едва ли не трех десятков родов укореняется в составе высших социальных слоев государства с середины XI по середину XIV в. [26; 20, с. 163–175]. Со 2-ой пол. XII в. тюркской воинской аристократии уже принадлежит заметное место в землях между Дунаем и Стара Планина¹⁵.

Тип сельджукских крылатых рептилий, как показывает находка седла из кочевнического погребения XIV в. у села Филия в районе Екатеринославля на Украине [34, с. 126, 127, рис. 37], был хорошо известен и в европейской части Золотой Орды. В.Н. Шалобудов считает, что декор седельных обкладок выполнен в золотоордынской мастерской мастером, сформировавшимся под влиянием русской косторезной школы [77, с. 110–119]. Подтреугольные накладки из Филии со змеедраконами свидетельствуют, как мы видим, о знакомстве резчика с сельджукскими прототипами. Едва ли можно сомневаться, что облик крылатых рептилий пряжки из клада у дер. Литва сложился не под влиянием сельджукской традиции.

Тема хтонического мира с образами змееподобных драконовидных существ неизбежно приводит нас на почву тюркской мифологии. Эта линия характерна как для востока, так и для запада тюрко-монгольского мира. У *кимаков*, к примеру, проживавших к западу от киданей и связанных единой судьбой с киданями еще в период Уйгурского эля (744–840 гг.), змеи были тотемными существами [2, с. 115]. Существует свидетельство китайского посла Ван Янь-дэ, посетившего Уйгурское турфанское княжество в последней четверти X в., который при описании своего маршрута в западной части Маньчжурии и восточной Монголии упоминает земли племени *дачун тайцзы* у границ государства киданей [47, с. 5; 2, с. 115; 10, с. 465]. Слово «*дачун*» в переводе означает «великие змеи» [94, с. 175]. В 1-ой пол. XI в. в районе Балхаша восточными соседями «желтых» *тюргешей* были тюрки-язычники *каи* и *ябаку*; коалицию возглавлял князь *ябаку Будрач Бёке*, т.е. Будрач «*большой змей*» [28, с. 11, 12]. Несмотря на то, что связь со змеиным тотемом прослеживается и у западных кипчаков в генеалогии рода Шаруканидов (XII в.), чье имя происходит от тюркского названия дракона, какой-либо развитой иконографии у кипчаков домонгольского времени мы не знаем. Как отмечает П. Голден, русская традиция помнит предводителя половцев – Тугарина Змеевича («змеевич», «сын змея») – и отождествляет половцев с их тотемом – змеем [10, с. 465]. В Золотой Орде эта иконография зафиксирована в декоре колчанов и воинских поясов, но восходит преимущественно к киданьским и джурчженьским прототипам. В нашем случае характерная иконография драконовидных рептилий – индикатор художественной традиции сельджукской Малой Азии и Северной Месопотамии. На исламском западе этот образ получил широкое распространение в XII–XIII вв. [см.: 87, с. 10–17]. Судя по сходству мотивов с рептилиями в материалах сельджукской Анатолии и на поясных пластинах из Крыма, знакомство мастера или мастеров с образчиками ремесла Румского султаната со столицей в Иконие–Конье (с 1134 г.) кажется очевидным.

¹⁵ Об этом свидетельствуют как исторические топонимы на территории Болгарии, так и династическая история куманов; характеристику основных этапов проникновения половцев в Днестровско-Карпатские и Карпато-Дунайские земли см.: [29, с. 90–142].

Детали поясных наборов с геральдическими драконами из Среднего Поволжья и Крыма времени становления династии Гиреев документируют благополучное сохранение у поздних Джучидов периода 2-ой пол. XIV – нач. XV *неисламских верований не как скрытых пережитков, а как гражданской нормы, принятой институтами власти.*

Поступательное развитие Золотой Орды как мировой державы было остановлено фатальным наложением во времени нескольких кризисов. Назову среди них системный кризис власти, начавшийся в 1360-х гг., и глобальный экологический кризис, нанесший вместе с чумной пандемией непоправимый урон скотоводческому хозяйству и городам Дешт-и Кипчака. Военно-политическая катастрофа конца XIV ст. разрушила единую сеть рынков степных городов Джучидов. После 1395 г. Золотая Орда как империя закончила свое существование. Тем не менее, цивилизационная эстафета, сложившаяся в XIII – нач. XV в., оказалась сохранена тюркскими государствами Восточной Европы XV–XVI вв.

Подводя итоги, можно констатировать, что в территориальных рамках Улуса Джучи (Золотой Орды) за относительно короткое время сложились узнаваемые кочевническая (всадническая) и поселенческая / городская культуры, каждая из которых обладала собственной спецификой, динамикой развития и локальными особенностями. В социально-культурном контексте единой империи они существовали как взаимно дополняющие системы. Ослабление всаднической ветви единой системы повлекло за собой стагнацию и в конечном счете крушение городской культуры.

Узнаваемость культуры Золотой Орды, иногда оспариваемая коллегами, рост седентаризации в XIV ст. и удельного веса городской жизни на степных пространствах западнее Волги, включая Крым и вплоть до Дуная, позволяют предложить в описании наследия этого государства подход, основанный на анализе ордынской цивилизации в контексте истории всего континента Евразии. Последнее представляется актуальным в связи с особым положением Золотой Орды между Западом и Востоком, принимая во внимание многоэтничность и сохранения принципов поликонфессиональности населения этого государства.

1. Археологические памятники на территории города Самары. Самара, 2005. 31 с.
2. Ахинжанов С.М. Кипчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989. 287 с.
3. Беленицкий А.М., Мешкерис В. Змеи-драконы в древнем искусстве Средней Азии // Советская археология. 1986. №3. 305 с.
4. Беляков А.В. Чингизиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мир», 2011. 512 с.
5. Бицилли П.М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // Метаморфозы Европы. М.: Наука, 1993. 256 с.
6. Боталов С.Г. Аскызский курган монгольского времени // Российская археология. 1992. № 2. 304 с.
7. Генинг В.Ф., Крамаровский М.Г. Ивдельская находка. Л.: Аврора, 1978. 29 с.
8. Гончаров Е.Ю. Старый и Новый Сарай – столица Золотой Орды (новый взгляд на известные источники) // Труды по археологии. Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Сборник статей. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2000. 400 с.
9. Гончаров Е.Ю. Новое имя в нумизматике Крыма XIII в. // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 2007.
10. Голден П.Б. Формирование куман-кипчаков и их мира // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. Симферополь, 2003.
11. Горелик М.В. Введение в историю раннего монгольского костюма // Батыр: Традиционная военная культура народов Евразии. 2010. №1. М., 2011. 160 с.

12. Горелик М.В. Комплекс монгольского женского костюма в XIII–XV вв. в погребениях // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2012.
13. Грабски А.Ф. Фернан Бродель: вопросы методологии истории цивилизаций // Цивилизации. Вып. 1. М.: Наука, 1992. 230 с.
14. Гудавичюс Эдвардас. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М.: Фонд им. И.Д. Сытина: Baltus 2005.
15. Гэрэлбадрах Ж. Было ли «Хамаг Монгол» названием государства? // Altaica X. Сборник статей и материалов. М.: Институт востоковедения, 2005. 278 с.
16. Евстратов И.В. О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевских городищ (опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Ч.2. Саратов, 1997.
17. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 243 с.
18. Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка. Т.1. По материалам исследований 1989–1992 гг. Запорожье, 2001. 275 с.
19. Ерасов Б.С. Цивилизация: смысл слова и определение термина // Цивилизации. Вып.4. М., 1997.
20. Жаворонков П.И. Тюрки в Византии (XIII – середина XIV в.). Часть первая: тюркская аристократия // Византийский временник. М.: Наука, 2006. № 69 (90). 353 с.
21. Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.
22. Заходер Б.Н. Ширазский купец на Поволжье в 1438 г. (К вопросу о русских экономических связях с Сибирью, Средней Азией и Передним Востоком) // Краткие сообщения института Востоковедения, 1955, № 15. С. 14–19.
23. Зиливинская Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань: Астраханский университет, 2011. 252 с.
24. Ионов И.Н. Пути развития цивилизационного сознания в Евразии и проблема евразийства // Цивилизации. Вып.6. Россия в цивилизационной структуре евразийского континента. М.: Наука, 2004. 243 с.
25. История Казахстана в персидских источниках. Т.IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.А. Волиным. Дополненное и переработанное издание. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 620 с.
26. Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII веков. М.: Наука, 1974. 294 с.
27. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 383 с.
28. Кляшторный С.Г. Кипчаки, команы, половцы // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. Материалы международной научно-практической конференции 11 апреля 2003 г.
29. Князький И.О. Византия и кочевники Южнорусских степей. СПб.: Алетейя 2003. 181 с.
30. Коваль В.Ю. О керамике «минаи» // Средневековая археология Поволжья. Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып 4. Йошкар-Ола, 2009.
31. Колчин Б., Янин В., Ямщиков С. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М., 1985. 158 с.
32. Крамаровский М.Г. Новые находки золотоордынского серебра из Приобья: северокавказские и исламские черты в тюркитике XIII–XIV вв. // Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. Каталог выставки, Л., 1991. 27 с.
33. Крамаровский М.Г. Серебряный ковш периода Юань (1279–1368) из коллекции Халили // Эрмитажные чтения 1986–1994 гг. памяти В.Г.Луконина. СПб., 1995. 258 с.
34. Крамаровский М. Золото Чингизидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 363 с.

35. Крамаровский М.Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура. СПб.: Славия, 2005. 264 с.
36. Крамаровский М.Г. Кубок из Азака. О полихромии в керамике Золотой Орды // Средневековая археология евразийских степей. Т.1. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 251 с.
37. Крамаровский М.Г. Куманские пояса в Дешт-и Кипчаке и на Балканах в XIII–XIV вв. // Тюркологический сборник 2003–2004. (Тюркские народы в древности и средневековье). М.: Восточная литература, 2005. 375 с.
38. Крамаровский М.Г. Хынг-оглан – конь удачи. Верховая лошадь Чингизидов (XIII–XV вв.) // «Полцарства за коня...». Лошадь в мировой культуре. Произведения из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2006. С. 122–130.
39. Крамаровский М.Г. Крым и Румский султанат во 2-ой пол. XIII – XIV вв. // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма», посвященной 700-летию мечети хана Узбека (г. Старый Крым). Симферополь, 2014. С. 5–12.
40. Крамаровский М.Г. Бокка в «портрете» дамы на фрагменте росписи из Турфанского оазиса (храм «Т» в Кочо) // Государственный Эрмитаж. «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Баттуты. Каталог выставки. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2015. 512 с.
41. Крыжановская М.Я. «Фрайбургский» крест и его мир. Западноевропейское прикладное искусство средних веков из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2004.
42. Костюков В.П. Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // Тюркологический сборник 2005. (Тюркские народы России и Великой степи). М.: Восточная литература, 2006. 382 с.
43. Кулланда М.В. Образ дракона и змеи в турецком художественном ремесле османского времени // Научные сообщения Государственного музея Востока. Вып. XXVI. М., 2006.
44. Кульпин Э.С. Золотая Орда: феномен степной городской цивилизации // Цивилизации. Вып.6. Россия в цивилизационной структуре евразийского континента. М.: Наука, 2004. 243 с.
45. Кызласов И.Л. Аскызка культура Южной Сибири X–XIV вв. М., 1983. 128 с.
46. Кычанов Е.И. Властители Азии. М.: Восточная литература, 2004. 631 с.
47. Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров IX–XII вв. Новосибирск, 1974. 210 с.
48. Мартынюк А.В. Русь и Золотая Орда в миниатюрах Лицевого летописного свода // Российские и славянские исследования. Сборник научных статей. Вып.1. Минск, 2004. 252 с.
49. Миннегулов Х. Золотоордынская цивилизация. Литература // История татар с древнейших времен. В семи томах. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С.676–681.
50. Мингулов Н.Н. К некоторым вопросам изучения истории Ак-Орды // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981.
51. Нуриева Ф. Золотоордынская цивилизация. Золотоордынский литературный язык // История татар с древнейших времен. В семи томах. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С.668–675.
52. Пачкалов А.В. К вопросу об интерпретации эпитета ал-Джедид (по материалам городов Улуса Джучи) // Поволжье в средние века. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931–2000). Н.Новгород, 2001. С. 60–62.
53. Пропп В.Я. Змееборство Георгия в свете фольклора // РАН. Избранные статьи. Т.1. СПб., 1995.

54. Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. Ред., вступит. ст. и примеч. Н.П.Шастиной. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. 291 с.
55. Савельева Э.А. Лоемский могильник. Этнокультурная принадлежность // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып.13. Сыктывкар, 1995. С. 92–138.
56. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
57. Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб.: Издание Императорской археологической комиссии, 1909.
58. Султанов Т.И. К вопросу о терминах «Ак-Орда», «Кок-Орда», «Йуз-Орда» // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1970.
59. Сокровища Приобья. Ред. Б.Маршак, М.Крамаровский. СПб.: «Формика», 1996. 228 с.
60. Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки. СПб., 2000. 346 с.
61. Спицын А.А. Некоторые новые приобретения Саратовского музея // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 53. СПб., 1914.
62. Строкова Л. Золотоординський скарб з Васильців // Пам'ятки України: історія та культура. Спецвипуск, 2006.
63. Супруненко О.Б. На землі Полтавській. Полтава: Археологія, 1998.
64. Тасмагамбетов И., Самашев З. Сарайчик. Алматы: ОФ «Берел», 2001. 320 с.
65. Трепавлов В.В. Статус «белого царя»: Москва и татарские ханства в XV–XVI вв. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч.1. М., 1993.
66. Ускенбай К. Улусы первых Джучидов. Проблема терминов Ак-Орда и Кок-Орда // Тюркологический сборник 2005. (Тюркские народы России и Великой степи). М.: Восточная литература, 2006. 382 с.
67. Золотоордынская цивилизация. Делопроизводство и канцелярская культура // История татар с древнейших времен. В семи томах. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 658–667.
68. Фахрутдинов Р.Г. О столице домонгольской Булгарии // Советская археология. 1974. №2. 328 с.
69. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Московский университет, 1973. 181 с.
70. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Издательство Московского университета, 1994. 232 с.
71. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 344 с.
72. Хафизов Д. Крылья Зиланта. Прошлое и будущее казанского герба // Казань. На стыке цивилизаций и тысячелетий. 1999. №5–6.
73. Хачатурян В.М. Евразия: между Западом и Востоком // Метаморфозы Европы. М.: Наука, 1993. 256 с.
74. Хачатурян В.М. Истоки и рождение евразийской идеи // Цивилизации. Вып.6. Россия в цивилизационной структуре евразийского континента. М., 2004. 243 с.
75. Хромов К.К. Новые данные о серебряном монетном чекане Крыма раннего золотоордынского периода // Нумизматика. Научно-информационный журнал, 2004. Июль (5).
76. Хромов К.К. Краткая характеристика и вопросы монетной чеканки Крыма 2-ой пол. XIII в. (по нумизматическим данным) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы Судакской международной конференции (18–21 сентября 2006 г.). Т. II. Судак, 2006.
77. Шалобудов В.Н. Парадное седло из коченического погребения у села Филия // Проблемы археологии Поднепровья. Днепрпетровск, 1991.
78. Юрченко А.Г. Взгляд василиска: вариации на тему Горгоны // Восточная коллекция. 2002. № 2 (9).

79. Юрченко А.Г. Хан Узбек: между империей и исламом. Структуры повседневности. СПб.: Евразия, 2012. 392 с.
80. Яковлев Я.А. Новая находка [памятника] золотоордынской торевтики из Сургутского Приобья // Российская археология, 2006. №2.
81. Alexander D. The Arts of War, Arms of the 7th to 19th Centuries. The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. XXI. London.
82. Berhem Max van. Materiaux pour l'épigraphie et l'histoire musulmanes du Diyar-Bekr. Paris, 1910.
83. Braudel F. Historia i trwnie. Poln. übers. B.Geremek. Mit Vorrede von B. Geremek und W. Kula. Warszawa, 1971.
84. Curatola Giovanni. Draghi. La tradizione artistica orientale e i segni del tesoro del Topkapi.
85. Çal H. Osmanli kapi halkalari ve kapi tokmaklan // Osmanli. V.11. Ankara, 1999.
86. Dongfang Qi. The «Golden Horde» find Mongol Yuan Gold and Silver Ware // Silk Road and Mongol-Yuan Art. Paper Collection of the International Symposium. China National Silk Museum, 2005.11.1–2.
87. Gierlich Joachim. Drache, Phönix, Doppeladler. Fabelwesen in der islamischen Kunst. Staatliche Museen zu Berlin, 1993.
88. Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Heraus gegeben von Renate Rolle, Michael Müller-Wille und Kurt Schietzel. hleswig, 1991.
89. Komaroff Linda. Islamic Art at the Los Angeles County Museum of Art. Los Angeles, 2005.
90. Martyniuk Aleksey. Die Mongolen im Bild. Orientalische, westeuropäische und russische Bildquellen zur Geschichte des Mongolischen Weltreiches und seiner Nachfolgestaaten im 13.–16. Jahrhundert. Verlag Dr. Kovač. Hamburg, 2002.
91. Melikian-Chirvani A.S. Trois manuscrits de l'Iran seldjoukide // Arts Asiatiques, XVI. 1967.
92. Navaan D. Tavan tolgoi site, Ongon sum, Sukhbaatar aimag // Relics Excavation State and Meaning by the Jinghiz Khan Age. Korea and Eastern Asia (III). The 6th International Conference. Korea University, # 44, 2005.
93. Payne Ann. Medieval Beasts. New York, 1990.
94. Ögel B. Ein Tor nach China in 10 Shdt. Central Asiatic Journal, V.6, #3, 1961.
95. Rawson Jessica. Changes in the Representation of Life and the Afterlife as Illustrated by the Contents of Tombs of the T'ang and Sung Periods // Arts of the Sung and Yüan. New York, 1996.
96. Relics Excavation 2005 – см.: Navaan, 2005 (см. ссылку 92 выше).
97. Tautavičius A., Urbanavičius V. Archeologiniai turimai // Vinius Žemutinės Pilies Rūmai, Vilniaus, 1995.
98. Empires Beyond the Great Wall The Heritage of Genghis Khan. By Adam T. Kessler. Natural History Museum of Los Angeles County, 1993.
99. Tombs of Chingisids Are Still Being Found... An Interview with Senior Archaeologist, Professor Dorjpagma Navaan // The Silk Road. Vol 4, Number 1, Summer 2006.
100. Vélins, Gintatas. Kernavė in the context of towns of the Grand Duchy of Lithuania // Archaeologia Lituana, 4.
101. Vickers M., Impey O. and Allan J. From Silver to Ceramic. The Potter's Debt to Metalwork in the Graeco-Roman, Oriental and Islamic Worlds, Oxford, 1986.
102. Zilivinskaya E. The Golden Horde Mosques // Toward an Archaeology of Buildings. Contexts and concepts. Ed. by Gunilla Malm. BAR International Series 1186. 2003.
103. Wei Han., Deydier Cristian. L'or de la Chine Ancienne. Paris, 2001.
104. Wen-wu (Cultural Relics), #12, 1992.
105. Fedorov-Davydov G.A. The Culture of the Golden Horde Cites. BAR International Series 198, 1984.
106. Fingerlin Ilse. Gürtel des hohen und späten Mittelalters. München-Berlin. 1971.

§ 2. Экологические и экономические критерии цивилизованности Золотой Орды

Эдуард Кульпин-Губайдуллин

Экологические критерии.

По данным археологии мы знаем, что в ряде областей государства при жизни шестого поколения с начала монгольского нашествия (1325–1343) возникли полосы непрерывных¹⁶ поселений. Особый интерес представляет центральная городская агломерация на Нижней Волге от Старого до Нового Сарая. Возникновение такой агломерации было возможно только при условии, что были решены одновременно экологические и экономические проблемы поселения. Для развития поселения в городскую агломерацию нужна была также способность сельского хозяйства страны производить избыток продовольствия и технических культур. Однако природа степей не благоприятствовала развитию пашенного земледелия. Возможность преодолеть негативные факторы позволили усилия элиты и жителей центральной части Золотой Орды, сумевших реализовать цивилизационный и экологический арсенал мер. Ни одна из известных нам ни в прошлом, ни в наши дни городских агломераций не стояла перед необходимостью решать столь сложную проблему.

Считается, что цивилизация в самом общем виде – синоним культуры, поскольку она демонстрирует уровень материального и духовного общественного развития. Эти показатели фиксируют способность общества поддерживать достойное (с точки зрения представителей данной цивилизации) качество жизни людей даже в малоблагоприятных природных условиях.

Закономерно, что все древнейшие цивилизации возникли в субтропиках: там, в городах сосредотачивались все известные тогда материальные и духовные блага. Труднее, хотя и возможно, было создать аналогичные блага в сельской местности, к примеру, в римских виллах, даже в благоприятных природных условиях Южной и Юго-Западной Европы. Не случайно северная граница Римской республики, а затем и империи долго совпадала с нулевой изотермой января, а потом только незначительно «перешагнула» за эту невидимую грань.

Но такие цивилизационные блага невозможно было создать в землянках, юртах, ярангах на севере и востоке Евразии. Потому считалось, что в нулевой зимней температуре могут жить только варвары, которые (с точки зрения цивилизованных народов) были тем больше варварами, чем в более суровых природных условиях выживали. На землях между нулевой изотермой января и -5°C оседло жили германцы, за ними – славяне, дальше – угры, финны и, наконец, на тех же широтах, но в степях – кочевые народы. Создать достойную жизнь в зоне степей европейской цивилизации удалось только с конца XVIII века. Именно в это время стала возникать городская инфраструктура в прериях Северной Америки (не случайно именовавшихся Диким Западом), в аргентинской пампе и южнорусских степях, но это были отдельные города.

И лишь однажды в истории человечества, а именно в Золотой Орде удалось создать *систему* городов. Археологические раскопки свидетельствуют, что в этих городах были и привычные и невиданные в западноевропейской цивилизации блага для того времени. Варвары – кочевники евразийских степей, опередили общий ход исторического развития и создали, с точки зрения представителей великих цивилизаций Старого света, необыкновенное явление.

¹⁶ «Отдельные районы государства превращаются в многокилометровые поселения сплошной оседлости, состоящие из небольших городков, поселков и замков аристократии, окруженных возделанными полями» [5, с. 13].

Сегодня, благодаря работам археологов, мы имеем представление о богатстве степных городов. Археологи традиционно рассматривали только социальные и политические процессы, это многое дало для понимания феномена Золотой Орды, но не позволяло полностью оценить значимость, грандиозность ее цивилизационного уровня. Совместив традиционные исторические исследования с работами биологов, географов и климатологов, мы можем понять процесс формирования сложного социального организма, этапы развития и причины гибели.

Сейчас антропогенный ландшафт изменил облик природы и во многом – микроклимата Европейской степи, располагавшейся в полосе между 52 и 48° северной широты. Былой степи уже нет, но, если города Золотой Орды исчезли, притом не только с лица земли, но почти безвозвратно из памяти людей, то ценоз степи до своего исчезновения был детально изучен биологами.

До Золотой Орды Великая степь не была страной городов, и это было не случайно. Климат степей Евразии суров и плохо приспособлен не только для земледелия, но и для жизни людей. Степь отличается сезонной и суточной контрастностью температур с сильным перегревом земли летом и резким остыванием зимой, большим суточным перепадом дневных и ночных температур. Практически вся выпадающая атмосферная влага (80%) в степи приходится на летние месяцы, причем крайне неравномерно: в июне-июле от Молдавии до Дона – засуха. С третьей декады сентября все евразийские степи погружаются в зимнюю спячку либо из-за нехватки тепла, либо воды, либо того и другого. Иногда вся влага может выпасть одним большим летним ливнем и быстро испариться из-за жары, а во все остальное время – сушь, из-за которой в степи не растут деревья, мало сочного разнотравья, и у людей пересыхает язык во рту. Растения способны использовать не более одной пятой выпадающей в степи влаги. Через каждые 3–4 года в степи повторяются сильные засухи. Неслучайно земледелие кочевников сводилось к весеннему посеву и уходу от поля, с возвращением к нему лишь осенью, сбору скудного урожая, если он был.

Степной климат нашего материка определяется областью высокого давления, которая тянется узким языком на запад от Сибирского антициклона, проходя по условной линии, соединяющей города Кызыл – Уральск – Саратов – Харьков – Кишинев – Секешфехервар. Эта условная линия названа Большой климатической осью Евразии. Ось служит ветроразделом на материке. Зимой к северу от нее, там, где располагается зона лесостепи и леса, где в средневековье жили земледельцы, дуют теплые ветры с запада и юго-запада, несущие осадки. К югу, там, где находятся степи, полупустыни и пустыни, где преобладают сухие и холодные северо-восточные и восточные ветры, в средневековье жили только кочевники.

Направление ветров продиктовано движением воздушных потоков в антициклонах по часовой стрелке – из центра, где атмосферное давление высокое, к окраинам, где оно ниже. В январе сильный перепад давления между Атлантикой и Сибирью создает мощную воздушную тягу от центра Азии к Атлантическому океану. Этот морозный «сквозняк» выбирает свой путь по ровным низким пространствам между возвышенностями и горами.

Территории к северу от Большой климатической оси Евразии получают зимой больше осадков, чем к югу от нее. Здесь на севере глубокий снежный покров предохраняет почву от чрезмерного промерзания. Весной здесь воды не только много: особенность паводка здесь в том, что вода не сбегает сразу в реки, а постепенно просачивается в почву, увлажняя ее. К югу же от Большой климатической оси Евразии вода весной быстро испаряется, не успев просочиться в мерзлую почву. Степи получают воду весной при таянии снега, а летом от ливневых дождей воды меньше, чем лесные экосистемы. Однако период обильного увлажнения в степях быстро сменяется засухой. Потому неслучайно степные города Золотой Орды выросли на реках, поскольку жизнь в степи зависит от воды.

Чтобы максимально сохранить влагу и фитомассу в засушливые периоды, биоценоз выработал особый прием – непрерывные кочевки, как необходимое условие выживания крупного животного в степи. Если бы копытные при огромной стадной плотности оказались бы равномерно распределены по всему пространству степи или прерии, они съели бы всю надземную массу растений за несколько дней, не давая ей возможности отрастать [12, с. 43, 75–76, 87–88, 90]. Но в естественных условиях равномерному распределению копытных по пространству степи мешают хищники, они же осуществляют естественный отбор, регулируя численность млекопитающих. Но в таком устойчивом гомеостазе степь находилась до появления человека. Как образно пишет Сергей Баландин: «Степь, как хороший туркменский ковер, нуждается, чтобы ее потоптали» [12, с. 76]. Чем больше копытные топчут степь, тем больше на ней травы. Но топтать степь можно не беспредельно, хотя рекреационные возможности степного биотопа паразитально велики: «поверхность степи, утрамбованная скотом до состояния, напоминающего асфальтовое покрытие, уже через три года после снятия пастбищной нагрузки восстанавливает исходную форму...» [12, с. 134]. И все же рекреационные возможности степного биотопа не безграничны. Экологическая уязвимость степи подспудно была «ахиллесовой пятой» золотоордынской цивилизации.

Освоение степей и в Средние века и в Новое время сделало степной гомеостазис менее устойчивым. Природную нестабильность степи ощутили и люди, создававшие на пустом месте золотоордынские степные города. Люди, их заселившие, не знали, как вести себя в степи, не знали, что навыки, выработанные предками в других природных условиях, могут оказать на новом месте плохую услугу, однако быстро приспособили свою хозяйственную деятельность к новым условиям. Кочевникам степь тоже казалась несравнимо более богатой их прежних родных мест, они не знали границ ее возможностей, за которыми может последовать экологический кризис или локальная экологическая катастрофа. И до 1360-х гг. кризисные явления не ощущались.

Природные возможности степей определяют универсальные закономерности: при антропогенном ландшафте они зависят от физической массы домашнего скота, при условно антропогенном ландшафте суммарная масса домашних и диких животных не может превышать массу диких копытных, которые здесь были до человека. Кроме того, для сохранения экологического равновесия биоценоза степи большое значение имеет не только общее количество животных, но и численное соотношение отдельных видов. Время от времени, как это было в Рын-песках в XIX в. или сегодняшней Монголии, скотоводы попадают в экологический «капкан», когда нарушается соотношение числа овец и коз в общем поголовье. Но это связано и с числом кочевников – чем их больше на одном пространстве, тем больше им требуется для пищи овец. А овцы оказывают самое сильное давление на землю как в прямом, так и в переносном смысле слова. Овца в отличие от крупных копытных двигается медленно и топчет землю основательно. Давление маленьких овечьих копыт на единицу площади в четыре раза превышает давление гусениц среднего танка [12, с. 164]. Если крупные копытные лишь обкусывают траву, то овца, по народному бурятскому выражению, – «стрижет».

Ситуацию в географическом центре государства Золотой Орды, помимо особенностей климата, неразвитости средневековой инфраструктуры, усугубило создание здесь центра административного и экономического управления, соответственно – скопление большого количества скота, промышленности. Все это оказалось дополнительным бременем для биоценоза степи. Однако вплоть до начала гражданской войны в степи – Великой замятни – свидетельств деградации степи не было ни на ее пространствах, ни вблизи городов. И это благодаря только культурным навыкам земледельцев и кочевников, а также в силу выработанной специфической координации – «связке» «полиса и хора».

Это уже из будущего стало видно, что кочевники-тюрки, ведомые уже не монгольской, но тюркизированной элитой общества, смогли так быстро создать города. Необходимость этих городов порождали местные нужды государства, но также и глобальные цели – упрочение великих торговых путей. Это и поставило перед обществом задачу соединить города в единую систему, в идеале – создать городскую агломерацию. Но для этого предстояло решить проблемы производства: «где производить?» и производную от нее – «как производить?».

В результате была создана агломерация поселений. Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов так описывают ее: «Сердцем Улуса Джучи было Нижнее Поволжье. Именно в этой области, которая, по словам арабского историка второй половины XIV в. Ибн Халдуна, была «богато возделанными местами» (то есть населенными пунктами) [13, с. 378]. Здесь же находились два самых настоящих средневековых мегаполиса Улуса Джучи – Сарай и Сарай ал-Джедид [Новый Сарай], а также другие крупные города: Хаджи-Тархан (близ современной Астрахани), Бельджамен (Водянское городище), Укек (близ современного Саратова), Гулистан и Сарайчик (современный пос. Сарайчик, севернее г. Гурьева), которые вместе с десятками городков и поселений, их окаймлявшими, образовывали густонаселенный земледельческий оазис, тянувшийся по обоим берегам вдоль всего нижнего течения рек Волги и Урала. Здесь находился политический, экономический и культурный центр империи – место, где происходило средоточие огромных материальных и людских ресурсов...» [6, с. 67]. Причины возникновения этой крупнейшей в средневековье городской агломерации были многоаспектными – историческими, экологическими, административными, производственными, торговыми, коммуникативными.

«Нижневолжские степи были избраны Джучидами как основная территория их нового государства, как домен ханов Джучидов, вероятно, потому, что здесь в XII – начале XIII в. был своего рода «вакуум» – много свободных пастбищ и очень редкое даже для кочевой степи население. Эти районы были быстро заселены в XIII–XIV вв. кочевниками, стекавшими сюда по принуждению, а отчасти и свободно». К тому же «Нижняя Волга, где строились новые города, представляла собой благоприятное сочетание удобных для земледелия пойменных низин, заросших лесом берегов реки и обширных степей, где можно было пасти огромные стада и вольно кочевать. Расположившись здесь, золотоордынские ханы держали в своих руках важную торговую магистраль всей Восточной Европы – Волгу. Именно здесь пути, ведущие с севера по Волге и далее по Каспийскому морю в Закавказье, Иран и Среднюю Азию, перекрещивались с караванными путями из городов Причерноморья и из Азака на восток, через степи Казахстана в пустыни Приаралья» [15, с. 11].

Экономические критерии.

Грандиозная даже по современным представлениям нижневолжская городская агломерация функционировала в соответствии с закономерностями, близкими современным городским агломерациям [см.: 10, с. 256–275], это и есть одно из проявлений экономических критериев цивилизованности, которые действительно для всего цивилизационного периода мировой истории.

При этом у нижневолжской агломерации были особые издержки, неизбежные при такой протяженности географического пространства. Пространственная компактность – основополагающее условие экономического обоснования роста городов. В этом случае непосредственная близость поставщиков и потребителей снижают затраты на транспорт и связь: производство и сбыт удешевляются. Не случайно наиболее крупные города повсеместно в мире исторически сложились вокруг дешевых естественных или искусственных транспортных узлов: вдоль побережья, на крупных реках, когда используется самый дешевый по сей день вид транспорта – водный, в XX веке его сменили железнодорожные терминалы.

Крупные городские агломерации стимулируют создание фирм и отраслей промышленности, выпускающих продукцию для других фирм и отраслей. Эта растущая специализация производства позволяет достигать существенной экономии на издержках транспорта и связи. Объединяющиеся фирмы, как группа, могут достичь более низкой цены на ресурсы, а, следовательно, и снижения издержек, чего невозможно добиться при их географической разбросанности. А это в свою очередь обуславливает приток в города новых производственных мощностей и населения. В итоге притяжение производства, а следовательно, и населения в города, генерирует *самовоспроизводящийся кумулятивный процесс*. Индикатором процесса можно считать быстрое развитие Новгорода Сарая (или Гюлистана, как считают некоторые исследователи) при Узбек-хане.

То есть городские агломерации стимулируют богатую и разнообразную инфраструктуру, которая сама является мощной интегрирующей силой, что и объясняет рост современных крупнейших городских территорий. В наши дни инфраструктура включает в себя водо- и энергоснабжение, очистные сооружения, транспортные средства, исследовательские и технологические услуги, финансовые учреждения и банки, консультационные службы управления и рекламы, специализированные юридические услуги и т.д. Почти все перечисленное, конечно, не на современном, а на средневековом уровне присутствовало в инфраструктуре золотоордынских городов¹⁷.

Практика показывает, что близость друг к другу производителей готовых и промежуточных товаров предоставляет им непосредственный доступ к услугам и рынкам сбыта своей готовой продукции, возникают предпосылки для роста рынков, а это обеспечивает развитие внутренней экономики до крупномасштабного производства. В итоге – все группы производителей стремятся сосредоточиться в городах.

В города устремляются также потребители товаров и услуг как массового дешевого производства, так и потребители изысканных удобств жизни. Городские агломерации оказываются тем местом, где могут удовлетворять свои потребности представители почти всех слоев общества в соответствии со своими вкусами и возможностями. Данное положение служило еще одной мощной силой, стягивающей население в городские агломерации как в прошлые времена, так и в наши дни.

Городская агломерация Нижнего Поволжья отвечала почти всем перечисленным условиям, кроме одного – сельское хозяйство страны не имело возможности производить избыток продовольствия и технических культур. Природа степей не благоприятствовала развитию пашенного земледелия. И тем более следует оценить заслугу элиты и жителей центральной части Золотой Орды, сумевших решить столь сложную проблему.

Следует признать, что современники вряд ли обдумывали проблемы в том комплексном виде, как мы понимаем их сегодня. Они видели лишь отдельные конкретные задачи, которые и решали. Общая проблематика, описанная выше, была не в сознании отдельных людей, а в коллективном бессознательном (по определению К.Г. Юнга). В конкретной реальной жизни они просто обустроивали свою конкретную жизнь, а все вместе, в совокупности, не ведая того, решали большие комплексные проблемы, вовсе не осознавая грандиозность собственных свершений. Однако они бессознательно чувствовали их размах, зрительно представляя себе удивительный усадебный город-пригород на всем протяжении Нижнего Поволжья с кварталами ремесленников, базарами, площадями. На одном конце этой поселенческой ленты стоял Старый Сарай, на другом – Новый, а где-то в середине, не найденный до сих пор, таинственный сказочный Гюлистан.

---

¹⁷ Конкретный анализ экономической жизни города с позиций современной экономики является предметом небезынского специального рассмотрения, выходящего, однако, за пределы данного исследования.

Социальная ткань общества.

Историки отмечают, что в Золотой Орде шел процесс слияния, срастания монгольской аристократии с городским патрициатом, чиновничеством, это усиливало исламизацию монгольской аристократии и переход ее к городскому оседлому быту [15, с. 16]. Для тюркизированной монгольской элиты характерно было стремление, частично сохраняя традиционный кочевой образ жизни, приобщаться к удобствам оседлой, городской жизни. Это их тяготение к качественно новому, городскому образу жизни совпадало с желанием тюркской массы и остальных народов империи. Административный ресурс государства был направлен на массовое строительство городов. Города создавались по ханскому приказу, но трудом и энергией простых людей. Тюркизированная элита также участвовала в этом процессе. Как писал Г.А. Федоров-Давыдов, «в период правления ханов Токты и Узбека монгольская кочевая феодальная верхушка, чьи предки пришли из Центральной Азии, втягивается в торговлю и управление государством, сближается с мусульманской чиновничье-купеческой верхушкой городов. Некоторые представители старой монгольской кочевой знати становятся вельможами при городском дворе хана, принимают участие в управлении торговлей, ремеслом и общегосударственной политикой» [15, с. 15–16].

И все-таки только государственное стимулирование не могло обеспечить заселение и обустройство жизни в трудных природных условиях большими массами населения. Государственная программа могла быть реализована только усилиями общества на добровольной основе. Монголы построили в степи с редким кочевым населением столицу. Вслед за созданием столицы возникла проблема укрепления ее системой земледельческих и ремесленных поселений, иными словами, понадобилась колонизация степи. Внеэкономическим путем, т.е. административным насилием, переселить сюда окраинных земледельцев или насильно превратить кочевников в земледельцев и городских ремесленников – такое и в наши дни затруднительно [о подобном явлении в Монголии см.: 8], а в средневековье было просто невозможно. Да, правительство Золотой Орды после первого и единственного насильственного акта строительства Старого Сарая и не пыталось сделать это.

Насильно государство не могло осуществить колонизацию степи, но в его силах было создать условия для действующего в этом направлении естественного процесса. Ныне почти забытый Ф. Энгельс писал: «Обратное воздействие государственной власти на экономическое развитие может быть тройкого рода. Она может действовать в том же направлении, что и экономическое развитие. Тогда дело идет быстрее; она может действовать против экономического развития, тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени: или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать вперед в других направлениях. Но ясно, что во втором и в третьем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и породить растрату сил и материалов в массовом количестве» [16, с. 417].

Мы не знаем, существовал ли даже в самых общих чертах план того, что было реально создано в почти безлюдной центральной части государства. Сомнительно существование *программы* хозяйственного освоения степи, создания в ней очагов земледелия, развитого скотоводства, строительства населенных пунктов – центров торговли и ремесленного производства. Но несомненно, что правительство Золотой Орды действовало в том направлении, которое предусматривало демографическое и социальное развитие, и не только не мешало естественным процессам, но способствовало ускорению этих процессов.

По мере того как поселения постепенно превращались в городки, в них все более многолюдными становились *базары – центры информационного обмена и связей тюрок – горюжан и кочевников*. У тех и других – единый язык и культура, привязанная к

данному месту. У одних – постоянное жилье, у других – четко обозначенные маршруты кочевий, проходящих через определенные населенные пункты. Связи горожан и кочевников при этом были не только информационные, но – *кровнородственные*.

Тюркизированная знать в массовом порядке строит в новых растущих поселках свои усадьбы, переходя к полукочевому или полностью оседлому образу жизни. Их тюркская челядь начинает приживаться в этих поселках, сливаясь со старожилами мест. В поселках развиваются кустарно-промышленные производства на основе тюркской рабочей силы с естественным привлечением высококвалифицированных мастеров с окраин империи и из-за рубежа. Государство поддерживало режим наибольшего благоприятствования горожанам: отсутствовала дискриминация по конфессиональным мотивам, поощрялась международная торговля. Это отмечали ведущие исследователи Золотой Орды – Г.С. Губайдуллин, М.Г. Сафаргалиев, Г.А. Федоров-Давыдов [2; 11, с. 280–526; 14]. «В начале и середине XIV в. городской патрициат и купечество, тесно с ним связанное, поддерживали сильную ханскую власть, так как она обеспечивала спокойствие торговли, процветание ремесел, снабжение городов материальными и людскими ресурсами» [15, с. 16].

Для поощрения торговли государство продолжало удерживать низкий уровень таможенных сборов, не превышавшие 5% от стоимости товаров. В Северном Причерноморье – он был 3% на ввоз и вывоз товаров. Лишь при Бердибеке (1357–59), в канун Великой Замятни 1360–80-х гг., торговые пошлины выросли до 5%. Эти меры стимулирования городской жизни были необходимы, но не достаточны.

Примечательно, что в настоящее время выделяют пять основных экономических функций правительства:

- 1) обеспечивать правовую основу и социальный климат, способствующие эффективному функционированию рыночной экономики;
- 2) поддерживать конкуренцию;
- 3) перераспределять доходы и материальные блага;
- 4) регулировать распределение ресурсов для обеспечения общественными товарами и корректировать побочные эффекты;
- 5) стабилизировать экономику [10, с. 200].

Из названных современных правительственных функций власти Золотой Орды выполняли первую и последнюю. Частично – вторую, в значительной степени – четвертую. Что касается своих купцов-уртаков, то правительство не только предоставляло им льготы, но прямо финансово поддерживало их. Выполнение государственных функций даже в таком объеме было большим достижением на фоне тогдашних порядков в Европе.

Однако в конечном счете все зависело от отношения людей к установленным порядкам и их умения реализовать их конкретными действиями. А они действовали так, будто знали фундаментальные положения современного маркетинга, а именно: 1) достижение максимально высокого уровня потребления; 2) достижение максимального удовлетворения потребителя; 3) предоставление потребителю максимальной широты выбора товара; 4) максимальное повышение качества жизни. Люди стремились и добились максимального спроса на свои услуги, связывая свой доход не с увеличением потребления (к примеру, созданием новых постоянных дворов), а с качеством услуг на старых торговых путях. Они привлекали купцов разными вариантами дорог, предоставляя свободу выбора пути, повышали культуру обслуживания, что видно по функциям караван-сараев.

Для жизни общества и в наши дни принципиально важно отсутствие дискриминации по конфессиональным мотивам и безопасность личной жизни, особой проблемы путешествий в эпоху средневековья. В средневековье идеологическая толерантность и безопасность жизни были мало обеспечены. Сейчас много говорят о достоинствах глобализации. В средневековье самым глобализованным государством, ориентированным на внешнюю торговлю и в известной степени сформировавшимся в результате

внешней торговли, была именно Золотая Орда. Это во многом определило внутреннюю жизнь общества. Прежде всего, конфессиональная принадлежность, равно как и этническое происхождение, не влияли на социальный статус и служебную карьеру. Мироззренческая, идеологическая сфера Золотой Орды отличалась, не только веротерпимостью, но и (что характерно для критериев цивилизованности в наши дни) инакомыслием, обеспеченным государственными структурами. *Так, до конца татарского владычества на Руси, до 1480 г. неизвестно ни одного случая посягательства ханов на сложившиеся привилегии русской церкви.*

Купцы и предприниматели – представители самого прогрессивного, как мы знаем сегодня, социального слоя. В Золотой Орде этот социальный слой в соответствии с традициями, заложенными еще Чингиз-ханом, был особо уважаем. Порядки великой империи, защищающие жизнь, честь и имущество купцов, разительно отличались от европейских, где «у путешественников не было недостатка ни в испытаниях, ни препятствиях ... лес с его опасностями и страхами... бандиты, бесчисленные пошлины, взимаемые с купцов, а иногда и просто с путешественников у мостов, на перевалах, на реках, скверное состояние дорог...» [9, с. 128–129].

Был ли свободен человек в Золотой Орде? С современной точки зрения¹⁸ подданный хана был бесправен, поскольку его права не были защищены юридически оформленными законами, обязательными для всеобщего исполнения («закон превыше короля»). Но современный формальный критерий мало соотносим с порядками средневековья. По сравнению с европейцами того времени, подданные хана были максимально свободны. Ибо по средневековым понятиям, «свободный человек – это тот, у кого есть могущественный покровитель» [9, с. 262]. В Золотой Орде покровитель был самый могущественный из всех возможных – государство. Согласно некоторым косвенным свидетельствам можно предположить, что порядок, поддерживаемый государством в период его расцвета, соблюдался в Золотой Орде не на словах, как в большинстве государств того времени, а на деле: был жестким, но вполне цивилизованным. В частности, известно, что представителям власти запрещалось брать заложников, арестовывать вместо преступника родственников или соплеменников [4, с. 96]. Такую ориентацию не на групповую, а на личную ответственность каждого, человечество сформировало не так давно. Теперь считается, что обращение к групповой ответственности свидетельствует о бессилии власти контролировать социальную жизнь общества. Ханская власть до Великой Замятни 1360 г. была сильной настолько, что могла действовать цивилизованными (с точки зрения современного человека) методами. Может быть, в современных критериях демократии, это скорее плохо, чем хорошо, но государство поддерживало порядок и противостояло притеснениям, ограблениям и оскорблениям, своеволию крупных и мелких феодалов, бандитов вплоть до 1360 г.

В результате консолидированных действий власти и общества всего за какие-то 60 лет в степи возникло около ста крупных населенных пунктов – городов по определению историков и археологов. Хотя крупные населенные пункты в степях Восточной Европы возникали по ханским приказам, строились они, конечно, не по единому «типовому проекту». Существовали единые принципы и нормы, которые не столько исходили от государства, сколько слагались из взаимодействия государства и общества.

---

¹⁸ Нельзя не отметить, что вопрос о правах человека обычно ограничивается политическими правами, в то время как Универсальная декларация прав человека учитывает и другие права – экономические и социальные; совокупность прав человека (или отсутствие таковых) в Золотой Орде требует специального анализа, который может встретить главное препятствие – недостаток информации. Лишь одно мы знаем твердо: интеллектуальное инакомыслие, сводимое в средневековье к свободному выбору конфессии, защищалось государством.

Города Золотой Орды обозначили направление двух транспортных торговых путей Евразии: с Запада на Восток – Великий Шелковый путь, и с севера на юг – Северная Европа–Персия–Ближний Восток. В степи действовало 38 факторий торговых республик Италии – Венеции и Генуи. Часть факторий представляли собой небольшие поселки, факториями были и кварталы, обнесенные стенами, в двух золотоордынских столицах. Некоторые были городами, среди которых ныне наиболее известны крымские Судак и Феодосия – средневековые Солдайя и Каффа. Фактории не были независимыми образованиями – государствами в государстве. «На протяжении всей золотоордынской истории Солхат-Крым доминировал на полуострове в постоянном соперничестве с Каффой. И хотя это был спор двух примерно равных по возрасту административных «столиц» – джучидской и «колониального владения Газзари» – реальная власть в Крыму, несмотря на поражения золотоордынцев в локальной войне с генуэзцами в 1385–86 гг., принадлежала Солхату» [7, с. 102].

География городов наглядно показывает, что наибольшая плотность городского населения приходилась на место пересечения торговых путей север-юг и запад-восток. Это место не было «точкой» географического пространства, но соединением двух путей по левобережью Волги от нынешних Волгограда до Астрахани. При этом товары на пути запад-восток шли по суше, на пути север-юг – по воде: Балтике, Волге, Каспию. По суше можно переправлять много меньше товаров по массе и весу, чем по воде. Здесь перевозятся дорогостоящие товары, приносящие доход казне за счет таможенных пошлин и денежное вознаграждение населению городов и поселков за разнообразные услуги по обслуживанию торговых путей. К примеру, товары согдийских купцов включали шелк, коноплю, серебро, золото, нашатырь, лекарственные травы, латунь, стекла изумрудного и красного цвета, некоторые виды тканей и т.д. [1, с. 7]. По суше можно было перевозить не более нескольких тонн груза в одном караване («Товары можно вести в повозках, которые могут брать до 30–40 пудов. В эти повозки обычно запрягают трех верблюдов...» [2, с. 63]), по воде – десятки и сотни тонн в одном судне.

По Волге идут и дорогостоящие легкие, но объемные товары, например меха, и тяжелые – лес, зерно. Из письменных источников известно, что лес и зерно по Волге идут не из Руси, а из Булгарии. Булгария – земля оседлых в течение шести столетий тюрков – народа, построившего великий город – Булгар – и другие города, народа, ранее вступившего в эпоху городских цивилизаций. Возможно, поэтому булгары не мигрировали вниз по Волге, свидетельств о массовых миграциях булгар в низовья, туда, где идет интенсивное городское строительство и развитие кустарной промышленности, нет. Напротив, есть археологические свидетельства об их движении в противоположном направлении. Здесь необходимы дополнительные исследования. Но можно предположить, что высокий культурный и экономический уровень жизни булгар был достигнут при их относительной малочисленности.

Золотой Орде требовалось огромное количество топлива для массового строительства городских поселений, для защиты жителей от холода, для обжига кирпичей, производства утвари из керамики и металлов, оружия. В безводную и потому безлесную степь топливо приходилось доставлять с далекого лесного севера. То есть существование столицы и растущих около нее поселков, городков требовало хозяйственных связей с провинциями. Эти связи государство организовало и контролировало. Основными строительными материалами для фундаментальных сооружений были камень и кирпич. Кирпичи и связующий материал – известь – изготовлялись на месте, а дерево для обжига кирпича и извести приходилось вести в безлесную степь издалека, да и камень редко был рядом. Для первой столицы Золотой Орды – Сарай-Бату – строительные материалы и сами строители государство обеспечивало путем насильственных мер. Но позже необходимость в насилии отпала, последующее развитие поселений происходило есте-

ственным путем, на основе самоорганизации общества и экономических интересов, но все же под приглядом ханской власти.

В пятом и шестом поколении потомков завоевателей Восточно-европейских степей (1308–1343 гг.) произошел массовый переход части тюрок от кочевой к оседлой жизни. Поскольку природные условия не позволяли кочевникам стать пашенными земледельцами, перед кочевыми тюрками была единственная возможность – перепрыгнуть через один исторический этап развития сразу в другой – в эпоху ремесленного городского производства, и они этим воспользовались, создав систему городов. Этот переход, в отличие от всех других прецедентов оседания кочевников на землю, означал не снижение, а повышение и уровня, и качества жизни, а переход из милитаризованной в демилитаризованную зону означал для кочевников (народа-армии) изменения смысла жизни.

Оптимальное этническое соотношение тюркского и представителей других этносов стало предпосылкой процесса интенсивного усвоения достижений других стран и народов, развития этих достижений и создания уникальной цивилизации. Характерной особенностью этой цивилизации был высокий уровень глобализации, что характерно для XXI, но не для XIV века. Индикаторы цивилизованности Золотой Орды – экологические и экономические – позволяют рассматривать их не только как феномен средневековья, но и в современных цивилизационных параметрах.

1. Аскарлов А.А., Буряков Ю.Ф., Гуляев В.И., Сайко Э.В. Дифференцирующее и интегрирующее действие Шелкового пути в культурно-исторических и этнических процессах // Города и караван-сарай на трассах Великого шелкового пути. Тезисы докладов Международного семинара ЮНЕСКО. Ургенч, 1991. 98 с.

2. Газиз Г. История татар. М.: Московский лицей, 1994. 190 с.

3. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Ярлык хана Узбека венецианским купцам Азова. Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Межвузовский сб. Вып. XIII. Л., 1990. 215 с.

4. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды вв. М.: Наука, 1985. 243 с.

5. Егоров В.Л. Золотая Орда. М.: ГМИ, 2005.

6. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар. Казань: Иман, 2000. 136 с.

7. Крамаровский М.Г. Золотоордынский город Солхат-Крым. К проблеме формирования городской культуры (новые материалы) // Татарская археология. 1997. № 1. С. 101–106.

8. Кульпин Э.С. Революционные преобразования и особенности формирования монгольского пролетариата // Народы Азии и Африки. 1987. № 4.

9. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательство Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.

10. Макконелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс. М.: Республика. 1992, т.2. 589 с.

11. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1960. 276 с.

12. Судьба степей / Мордкович В.Г., Гиляров А.М., Тишков А.А., Баландин С.А. Новосибирск: Мангазея, 1997. 208 с.

13. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. СПб., 1884. 588 с.

14. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Московский университет, 1973. 181 с.

15. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: МГУ, 1994. 228 с.

16. Энгельс Ф. Конраду Шмидту 27.X.[1890]. Соч. Т. 37.

§ 3. Исламская культура Золотой Орды

Эльмира Сайфетдинова

Важной характерной чертой формирования государственности Золотой Орды как средневековой империи было то, что она, объединив различные народы, обладавшие своими культурно-историческими традициями, смогла воссоздать особую золотоордынскую цивилизацию, с которой многие народы современной Евразии связывают свое прошлое.

В немалой степени причина успешного развития Золотой Орды состояла в том, что несмотря на то, что на ее обширной территории сосуществовали, взаимодействовали, взаимопроникали и развивались различные народные обычаи и традиции, цивилизационную окраску процессам формирования государственности придал ислам, который смог интегрировать социокультурные и этнополитические элементы в единую общность. Не случайно слово «цивилизация» звучит на арабском языке как «маданийа», что по корневому составу родственно слову «город» (мадина). Как отмечает Ю. Шамильоглу: «Оба эти значения были крепко взаимосвязаны в Золотой Орде, где в новых городах в своеобразных приречных оазисах степной зоны была создана новая высокая культура» [7, с. 589].

На этапе формирования государства религиозная политика ханов Золотой Орды отличалась веротерпимостью, толерантностью. К моменту образования государства здесь сложилась сложная и неустойчивая конфессиональная ситуация. В Хорезме и Средней Азии с VIII в. господствовал ислам, проникший затем в Поволжье, с X в. он стал государственной религией Волжской Булгарии; на Руси уже с конца X в. распространялось православное христианство, кочевые народы были язычниками, однако их культура постоянно испытывала влияние той или иной монотеистической религии.

В результате «встречи» ислама, имеющего в этом регионе более чем трехсотлетнюю историю, с другими религиями и верованиями в Золотой Орде создалась своеобразная ситуация для особого межконфессионального взаимодействия, что и предопределило своеобразие распространения ислама [6, с. 43].

О расширении идеологических границ на территории золотоордынского государства, о распространении различных религий и культовых языческих верований среди местного тюркского населения говорили многие исследователи истории Золотой Орды [4; 19; 22]. Однако нужно признать, что правители Золотой Орды терпимо относились к разнообразию организованных конфессий, об этом свидетельствуют различные источники XIII–XIV вв. и не только восточные. В отношении причин исламизации исследователи истории Золотой Орды уделяют определенное внимание внешнеполитическим стимулам, способствовавшим обращению Джучидов в связи с их дружественными отношениями с египетским султанатом мамлюков. Однако в большинстве своем исследователи подчеркивают значение культурно-экономического влияния мусульманской торговой элиты и исламской городской культуры на конфессиональные симпатии Джучидов, сводя свою аргументацию к традиционному утверждению неизбежного и предопределенного включения кочевников в исламскую цивилизацию [19, с. 18].

При возведении ислама в Золотой Орде в ранг государственной религии мусульманство стало рассматриваться как фактор политической силы и источник культурного вдохновения. Нужно признать, что история расцвета религиозной жизни в Золотой Орде при хане Узбеке в действительности является историей интеграции Улуса Джучи в исламскую религиозную цивилизацию как в смысле богословской мысли, так и на уровне народного ислама. Этот фактор, несомненно, повлиял и на установление правовой школы, которая отличалась терпимостью к инакомыслию, способностью адаптироваться к

местным обычаям. Поэтому принятие ислама как государственной религии повлекло за собой и установление определенной правовой школы, по правилам которой формировалась общественная и духовная жизнь населения. Влияние на народы, населявшие Золотую Орду, оказывали мусульманские ученые из Средней Азии, в частности Бухары, Хорезма. Фактически правители Золотой Орды приняли ислам от исламских проповедников, прибывших из этих мест. В Средней Азии же доминирующее положение занимает ханафитский мазхаб. Доказательством тому служит и богатый библиографический материал, представленный в литературном памятнике золотоордынской эпохи «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. В книге зафиксированы названия девятнадцати книг религиозно-дидактического характера, большинство авторов которых являлись приверженцами ханафитской правовой школы. Это «Масабих ас-сунна» («Святители сунны») Хусейна ал-Багави, «Ат-та'аруф ли мазхаб ахл ат-тасаввуф» («Введение в суфийское учение») Мухаммеда ал-Калабази, «Машарик анвар ан-набавийа мин сихах ал-ахбар ал-мустафавийа» («Восход светочей из достоверных летописей избранных») ас-Сагани, «Нисабул-ахбар» Абу 'Аля ал-Ауши, «Кензул-ахбар» («Сокровища преданий») Мухаммеда б. Башрави, «Шихабул-ахбар» 'Абдуллы ал-Куда'и, «Ал-Мабсут» ас-Сарахси, «Ихйа 'улум ад-дин» («Воскрешение наук о вере») Абу Хамида ал-Газали, «Танбиятул-гафилин» («Пробуждение беспечных») Абу Лейс ас-Самарканди, «Ал-Джами ас-Сахих» («Достоверный сборник») ал-Бухари, «Сахих» («Достоверный сборник») Муслима ан-Нишабури, «Джами ас-Сахих» Абу 'Иса ат-Тирмизи, «Муснад ан-нас» Шабган б. Махди, «Тафсир» Абу-Ма'али б. Ахмед б. Мухаммед ал-Исфахани, «Мужтала» Зайнуллы Имамат Фирдауси, «Кашшаф 'ан хакаи ат-танзил» («Раскрывающий истины откровения») Джаруллы аз-Замахшари, «Кутал-кулуб фи мусалалатул махбуб» («Пища сердец») Абу Талиба ал-Макки, «Магази» («История пророка Мухаммеда после хиджры) Вакийди, «Магази» Мухаммеда Катиба [15, с. 30].

С закреплением мусульманства в Золотой Орде в 70-е годы XIII в. сокращается число языческих курганных могильников в Поволжье и Приуралье, растет появление и распространение мусульманских некрополей [18, с. 248]. Особую роль в укреплении позиций ислама в качестве государственной религии сыграли суфийские практики. Берке, один из первых Чингизидов, ставших мусульманами, принял ислам «из рук» Сейф ад-Дина Бахарзи, ученика Наджм ад-Дина Кубра. Узбек-хан принял ислам под влиянием суфийского шейха Сейид-Ата: «утвердившись на престоле (Узбек), восемь лет проводил жизнь со своим илем и улусом в странах северного (арка) Дашт-и Кипчака... Когда с начала его султанства истекло восемь лет, под руководством святого шейха шейхов и мусульман, полюса мира, святого Зенги-Ата и главнейшего сеида, имеющего высокие титулы, указывающего заблудившимся путь к преданности господу миров, руководителя странствующих и проводника ищущих, святого Сейид-Ата, преемника Зенги-Ата, он (Узбек) в месяцах 720 г.х. (12.11.1320–30.1.1321), соответствующего году курицы, удостоился чести принять ислам» [17, с. 207].

Повсеместно в Золотой Орде сложилась разветвленная система мусульманских учреждений: мечетей, медресе, мектебе, ханака, завие, обители (текие), мавзолеи (дюрбе). Важную информацию об этом дают сведения путешественника Ибн Баттуты, который посетил Золотую Орду во времена правления хана Узбека. В своих воспоминаниях он рассказывал, что видел повсеместно мечети, религиозных судей и суфийские странноприимные дома (завие).

Мечети в городах Золотой Орды являлись центром духовной жизни, продолжали многовековую традицию культовых построек, существовавших ранее в других городах мусульманского Востока. Большинство из них не сохранилось до наших дней. Самыми известными является мечеть города Булгара. Начало ее постройки связывают с 30–40 гг. XIII в. В Крыму сохранились несколько мечетей золотоордынского периода. Наиболее известными памятниками того времени являются мечеть, построенная по

повелению Узбек-хана (1314) и «мечеть Бейбарса» (1288), названная так в честь мамлюкского султана Египта, который пожертвовал средства на построение этой мечети. Если в доказательство первой мечети сохранился портал, на котором даны сведения о времени постройки мечети. То, что касается второй, здесь существуют не состыковки в том, что ко времени постройки этой мечети Бейбарс уже не являлся правителем Египта, последним годом его правления был 1277 г. В сведениях средневекового арабского летописца ал-Макризи написано: «В 686 году (=1287–1288) султан отправил к Берке дорогой подарок и более 2000 динаров, предназначавшихся для постройки мечети в Крыму, на которой должны быть начертаны титулы султана: он послал (также) своего каменотеса, для изсечения их (титулов) и для расписания их красками» [16, с. 435]. До сих пор остается загадкой, как произошла эта подмена, ведь султан ал-Калавун отправил с послами своего мастера для проведения работ.

Медресе представляли собой опору религии, именно оттуда выпускались законоведы, духовные наставники, теологи. Медресе зачастую выполняло функцию развития других наук: в них располагались библиотеки и здесь совершенствовали свое образование ученые. «Строительство медресе и его материальное обеспечение считалось богоугодным делом и свидетельствовало о благочестии основателя. Поэтому эти учреждения часто основывались правителями, высшими чиновниками, представителями знати [5, с. 57]. Ибн Баттута сообщает, что во времена своего путешествия он останавливался в Ургенче в медресе, построенном золотоордынским наместником Кутлуг-Тимуром. В Солхате (Старом Крыму) сохранились развалины медресе, основанном супругой правителя Солхата Инджибек-хатун. «На утраченной в настоящее время надписи имелась дата основания духовной школы – 1332–1333 гг.» [5, с. 61].

Другая часть построек, связанных с мусульманской религией, представляет собой рибаты, ханака, завия и текие. Данные учреждения были предназначены в основном для суфийских орденов, играли роль обителей для суфиев, странствующих в поисках религиозных знаний. Суфийские братства и их идеология сыграли значительную роль в институционализации ислама в Золотой Орде; известны письменные памятники, содержания которых насыщены суфийскими мотивами, где преобладают идеи самоотречения и решительного внутреннего обновления. Рибаты представляют собой «укрепленные сооружения, в которых жили воины-аскеты, посвятившие себя делу защиты и расширения границ ислама. Архитектурный облик этих сооружений отличается военно-религиозным характером [5, с. 59]. По словам Ибн Баттуты, в Маджаре он посетил рибат шейха Мухаммеда ал-Батаихи, где проживали «70 факыров арабских, персидских, тюркских и румских, женатых и холостых» [16, с. 287]. Ханака строились внутри городов, и в отличие от рибатов они не имели оборонительных функций, а представляли собой место для совершения суфийских обрядов. Широкое распространение они получили с развитием суфизма. «В отличие от ортодоксального ислама, для суфизма характерен культ святых могил, поэтому ханака обычно строятся при гробницах, в которых похоронены почитаемые члены суфийского ордена. Часто жилище ханака превращается в гробницу после его смерти» [5, с. 57]. В летописях Ибн Баттуты говорится, что Узбек-хан каждую пятницу посещал ханаку шейха Номан ад-Дина ал-Хорезми в Сарае [16, с. 307].

Завие представлял собой странноприимный дом для странствующих дервишей и паломников, совершающих хадж. Здесь путники могли получить кров и пищу. У Ибн Баттуты упоминается две завие, которые он посетил в Хорезме, одна из них была выстроена на пожертвования супруги Кутлуг-Тимура – Тюрабек Ханум.

При правлении Узбек-хана Золотая Орда достигла пика своего могущества, ко дворцу хана приглашались не только богословы и факихи, но и ученые в области математики, астрономии. Так совсем недавно была обнаружена первая математическая книга «Ат-тухве фи 'илм ал-хисаб», автор которой неизвестен, но в содержании есть строки, посвященные правителю Крымского улуса Золотой Орды Абулмузаффару Гиясадину Тулуктемиру, что является подтверждением того, что сочинение было написано

именно в этот период времени. В летописях ал-Бирзали сохранены сведения о золотоордынском путешественнике Ала ад-Дине ан-Ногмане ал-Хорезми: «Это был человек замечательный, он выехал из своего края 21 года, объехал (разные) страны, сходил со знаменитостями, изучал логику, диалектику и медицину и вернулся в свою землю в 701 году (=6 сент. 1301 – 25 авг. 1302 г.)» [16, с. 175].

Большой вклад в развитие мусульманской культуры на территории Золотой Орды сыграл также сын Узбек-хана – Джанибек (1342–1357), имевший кроме тюркского и мусульманское имя – Джалал-ад-Дин Махмуд. Во времена его правления были созданы значимые произведения для исламского философско-научного знания. Мубарек б. Йусуф ал-Алаи 19 числа месяца Рамазан 735/1334–1335 года написал толкование «Туреруль-муляххас» к краткому произведению «ал-Муляххас фи ильмиль-хейетиль-басита» Шерефаддина Абу-Али Махмуд б. Мухаммед б. Омар ал-Чагмини ал-Хорезми, который является мостом между научным комитетом Ибн Хейсемджи и математико-астрономической школой Мерага, и представил его Джанибек-хану. Примерно в это же время Кемаладдин Мухаммед ат-Туркмани ал-Мардини в месяце Рамазан 755/сентябре 1354 года пишет в Сарае/Гюлистане к этому же произведению комментарии, важные для истории исламской и Османской астрономии [8, с. 63].

О широком распространении мусульманской науки в Золотой Орде, о присутствии во дворцах золотоордынских ханов известных ученых рассказывают многие средневековые арабские летописцы. Так, Ибн Арабшах перечисляет: «маула наш Кутбеддин, ученейший Эррази, шейх Саадеддин Эттефазани, сейд Джелаледдин, толкователь «Хаджибие» и другие знаменитости ханафийские и шафийские, а потом после них маула наш Хафизеддин Элбаззани и маула наш Ахмед Элходжошди» [16, с. 461–463]. Сайиддин ат-Тафтазани в 1352–53 г. в туркестанском городе Гюлистан составил труд по методологии мусульманского права (усул ал-фикх) «ат-Талвих `ала-т-таухид», а другое свое сочинение – «Шарх ат-талхис» – посвятил правителю Золотой Орды Джанибек-хану [12, с. 90].

Нужно отметить, что Хафиз ад-Дина ибн ал-Баззани (1329–1413) сыграл важную роль в становлении средневековой научной элиты Крыма. Под его руководством происходило становление крымского ученого Ахмеда ал-Кырыми (ум. 1474), который во времена правления османского султана Мехмед Фатиха приехал в Стамбул, заслужил особое расположение султана и был наставником его детей.

При этом, отмечая благотворную роль ученых, образованных людей из далеких мусульманских и немусульманских стран в культурной жизни городов Золотой Орды, нужно отметить и большой вклад в ее расцвет выходцев из местного населения. Об этом говорят уже имена многих деятелей науки и культуры золотоордынской эпохи с нисбами Сарай, Хорезми, Булгари, сохранившимися в сочинениях средневековых источников, биографов, в частности в энциклопедии Хаджи Халифы «Кашф аз-зунун ан ал-асами кутуб ва`л-фунун» («Раскрытие мнений относительно названий книг и отраслей наук»). Этот библиографически-энциклопедический труд, касающийся всей литературы мусульманского мира, представляет собой свод информации об ученых, богословах, духовных наставниках, писателях, поэтах. Много информации о золотоордынских ученых из этой энциклопедии почерпнул Мухаммед Мурад ар-Рамзи. В своем известном историческом труде «Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вака-и Казан ва Булгар ва мулук ат-Татар» (Известия и сведения о событиях в Казани, в Булгаре и татарских царях) (1908), он раскрыл имена ученых, зафиксированных в энциклопедии Хаджи Халифы [13, с. 681–723].

Культурный обмен, происходивший в то время между Волгой и Нилом, также оставил нам имена ученых, показавших высокий уровень творческой мысли. Так, Махмуд ибн Фатшах ас-Сарай (ум. 1373/74 г.), Шехаб ад-Дин ас-Сарай (ум. 1388/1389) преподавали в Каире в медресе «Ал-мадраса ас-Сарагатмышийя». Дия ибн Садалах ибн Мухаммед ал-Кырыми (ум. 1376/1377 г.) в Каире управлял школой «Ал-мадраса ал-

Бейбарсийа», через некоторое время получил признание мамлюкского султана ал-Ашрафа Шагбана II (1363–1376), который называл его «шейхом шейхов» [3, с. 38].

На этом общественном и культурном фоне начинается новый этап в развитии литературно-письменной традиции Золотой Орды, поскольку литература как и другие виды искусства очень тонко отражает взаимовлияние, взаимопроникновение культур.

Показателем высокой культуры является создание ряда художественных и религиозных произведений. Основная их масса – это все же компиляция уже известных признанных сочинений персидских и арабских авторов. Отличительная черта их состоит в том, что они адаптировались к тюркской культуре и переводились на родной язык, этим они становились ближе и впоследствии представляли местный фольклорный и литературный канон.

Совсем недавно была обнаружена рукопись сочинения Абу Бакра Каландара Аксарии Руми «Каландар-наме», и текст этого сочинения постепенно вводится в научный оборот [1; 2; 19; 20; 21]. Книга была написана в эпоху правления ханов Узбека и Джанибека (ок. 1320–1340 гг.); книга также носит название «Китаб-э каландария», что дает возможность полагать, она посвящена «каландарам» или рассказывает о них. Упоминание об авторе Абу Бакре Каландаре можно найти в «Описании познавших» Эфляки (XIV в.). Не исключено, что Абу Бакр Каландар – это тот самый духовный наставник, с которым встретился Ибн Баттута (XIV в.) во время своего путешествия по Крыму. «Каландар-наме» написано персидским языком, и в нем содержится много сведений как по истории Золотой Орды, так и для понимания суфийских практик. Произведение представляет собой своеобразный «шарх», написанный в форме ответа на широкоизвестный труд Джалаледдина Руми (1207–1273) под названием «Месневи-и манави». «Месневи-и манави» – сборник притч в суфийских комментариях – является классикой мусульманской литературы.

Особую ценность золотоордынской эпохи составляет дошедшее до наших дней литературное наследие, созданное на письменном тюркском языке (М. ал-Булгари, Рабгузи, Кутб, Хорезми, С. Сарай, Хисам Кятиб).

Некоторые из этих работ являются ясным подтверждением покровительства литературе правящей элитой Золотой Орды. Одним из самых ранних является сочинение «Кыйсас ал-анбия» («История пророков») Рабгузи (1310), составленное для местного бека Насир д-Дина Токбуги. Другим произведением, дошедшим до наших дней, является произведение Кутба «Хосров и Ширин», посвященное хану Тинибеку (1341/1342) и его жене Меликехатун. Поэма Кутба является переработкой знаменитой романтической поэмы «Хосроу-о Ширин» (1180 г.) персидского поэта Низами (ок. 1141–1209). Сам Кутб отмечал, что целью его работы был перевод этого произведения с персидского языка во имя своего хана. Его версия возвела тюркский язык до литературного стандарта, следующего орфографическим традициям, впервые установленным в XI в. «Мухаббат-наме» («Книга любви», 1353) Мухаммеда Хорезми была посвящена конкретному человеку Мухаммеду Ходжабеку. Известный средневековый поэт Саиф Сарай во времена распада Золотой Орды эмигрировал в мамлюкский Египет и там служил в государственной канцелярии на должности писаря (кятиба). Свои знаменитые произведения «Гулистан бит-тюрки» (1391) и «Сухайль и Гульдурсун» (1394) он писал в Египте и получил там признание и известность.

«Нахдж ал-Фарадис» (1357–1358 гг.) Махмуда ал-Булгари можно расценивать как религиозно-дидактическое сочинение, которое было написано в назидание верующим. Поскольку в содержании книги не упоминается кто-либо из правителей Золотой Орды, есть возможность расценивать его как протест автора против деспотизма золотоордынских правителей и расточительного образа жизни, который они вели, что не соответствовало идеалам ранней мусульманской традиции, в основе которой стояли такие понятия как скромность, умеренность, трудолюбие. Принадлежность автора к определенному суфийскому братству не имеет под собой никаких доказательств. Скорее, автор «Нахдж ал-Фарадис» не был связан с каким-либо религиозным течением, а являлся представителем умеренного, аскетического благочестия.

Опираясь на литературные традиции своего времени, Махмуд ал-Булгари создал книгу компилятивного характера. Во введении (мукаддимэ), излагая основную мысль создания книги, он пишет: «Если кто-то из правоверных, верующих в единого бога доведет эти сорок хадисов из моей книги до тех, кто их не слышал, обучит этим хадисам незнающих, то Всевышний зачислит этого человека в лигу всеведущих (ученых) и воскресит вместе с погибшими за веру. Если кто-то с плохими намерениями, зная, что этих хадисов нет, солжет, сказав, что эти хадисы – из моей книги, пусть приготовится жить вечно в аду. Мы из надежных источников выбрали сорок хадисов пророка, да будет над ним мир, и собрали эти хадисы вместе, и сообразно хадисам представили рассказы из жития пророка и четырех наместников пророка (Абу Бакр, ‘Умар, ‘Осман и ‘Али), составили книгу из четырех глав. Каждую главу разделили на десять разделов. Каждая глава начинается с хадисов пророка, их всего сорок. Первая глава посвящена жизни и добродетелям пророка, вторая – четырем наместникам пророка, членам семьи и четырем основателям суннитского мазхаба. Третья глава посвящена богоугодным делам, приближающим к богу, в четвертой – рассказывается о поступках, отдаляющих человека от бога. Еще эту книгу называли «Нахдж ал-Фарадис», что в переводе означает «Открытая дорога в рай...» Надеясь, кто прочтет эту книгу, будет жить сообразно советам из этой книги, она будет для них путеводителем в рай» [10, с. 17–18]. Отметим, что 40 хадисов – это наименьшее количество преданий, знание которых наизусть является священной обязанностью каждого правоверного мусульманина.

Мы можем предположить, что содержание этой работы показывает, что она носит ортодоксальный суннитский характер, просто описывающий основное знание и наставления, необходимые человеку, чтобы стать хорошим мусульманином. Она включает сбалансированную информацию о всех мусульманских юридических школах, отражая состав суннитских ученых в городах Улуса Джучи, как это было описано Ибн Батуттой. В конце концов, ортодоксальный ислам очевидно доминировал в городах Золотой Орды вдоль Волги, в то время как в Хорезме и где-либо еще на юге существовала сильная суфийская традиция, сыгравшая свою роль в обращении Берке в ислам [7, с. 598].

Механизм распада золотоордынского государства нашел свое отражение в «Джумд-жума султан» Хисама Кятиба (1358). «Идейная установка произведения, вытекающая из его образно-символической системы, предвещает скорую гибель общества в случае забвения исламских ценностей» [4, с. 118.] Интересно то, что идеалы религиозно-дидактических сочинений этого периода одни и те же. Х. Кятиб, как и М. Булгари, не посвящает свое произведение возвеличиванию какого-либо суфийского ордена, которое не является посвящением кому-либо из правящей элиты. В их основе – призыв обратиться к традициям раннего суфизма, когда суфии не стремились увеличить сторонников своих учений, а стремились донести простым верующим основные догматы ислама [14, с. 244].

Мусульманская литература, распространившаяся на золотоордынской территории, позволяет раскрыть реалии функционирования ислама в Золотой Орде. Средняя Азия и Египет в этот период считались общепризнанными центрами богословия и славились своими учеными богословами. Многие мыслители из Сарая отправлялись учиться в эти научные центры. Однако в большинстве своем в Золотой Орде распространялись труды мусульманских авторитетов, приверженцев ханафитского и шафиитского толков, что еще раз подчеркивает распространение в Золотой Орде ислама ханафитского мазхаба.

Ислам, ставший официальной религией в Золотой Орде, внес в средневековую тюрко-татарскую культуру свой колорит, свои стилевые особенности. Золотоордынский период был временем взлета тюркской исламской высокой культуры. Все это является доказательством утверждения исламского и тюркского культурного синтеза, достигнутого на территориях Золотой Орды в XIII–XIV вв. (до прихода Черной Смерти), который был очень важен с точки зрения развития как исламской, так и тюркской цивилизаций [7, с. 598].

1. Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме. Факсимиле. Подготовка к изданию к.и.н. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 800 с.
2. Абу Бакр Каландар. Каландар-наме // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2. С. 231–252; 2014. № 3. С. 207–214; 2014. № 4. С. 198–207; 2015. № 1. С. 171–176; 2015. № 2. С. 187–196; 2016. №1. С.193–207; 2016. Т.4, №2. С.443–449.
3. Амин аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. Казань: Иман, 2002. 49 с.
4. Галиахметова Г.Г. Ислам в Золотой Орде: традиции религиозного опыта. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. 132. 66 с.
5. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть 1. Культовое зодчество. Казань: Отечество, 2014. 228 с.
6. Измайлов И. Ислам в Золотой Орде // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Казань, 2002.
7. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XIV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009.
8. Ихсан Фазлыюглу. Первая математическая книга в золотоордынском государстве: шедевр в вычислительной математике («Ат-Тухфе фи илм ал-хисаб») (1) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4(6). С. 57–68.
9. Ихсан Фазлыюглу. Первая математическая книга в золотоордынском государстве: шедевр в вычислительной математике («Ат-Тухфе фи илм ал-хисаб») (1) // Золотоордынское обозрение. 2015. № 1. С. 106–126.
10. Мәһмүд әл-Болғари. Нәһжел-Фәрадис. Казан: Татар. китап нәшрияте, 2002. 384 б.
11. Миргалеев И.М. Сочинение «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми Аксарайи как источник по истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 63–68.
12. Муминов А.К. Золотоордынская историография вклад и потенциал историко-биографической литературы // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1(3). С. 79–100.
13. Рамзи М. Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вака-и Казан ва Булгар ва мулук ат-Татар. Бейруте: «Дар ал-кутуб ал-гильмия», 2002.
14. Сайфетдинова Э.Г. Дифференциация суфизма в Золотой Орде (на примере произведения Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-Фарадис») // Ислам и власть в Золотой Орде. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 240–245.
15. Сайфетдинова Э. История духовного наследия Золотой Орды. Saarbrücken: LAP Lambert, 2011. 119 с.
16. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Том. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1884. 564 с.
17. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений Т.П. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 308 с.
18. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
19. Хаутала Р. Исламизация татар, согласно латинским источникам конца XIII – первой половины XIV века // Ислам и власть в Золотой Орде. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 18–72.
20. Шагавиев Д.А. Источники богословских глав сочинения «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 69–74.
21. Шамсимухаметова М.Р. Сочинение «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми: источниковедческий анализ // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 75–78.
22. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania, 1994. 638 p.

§ 4. Архитектура и искусство в Золотой Орде

Эмма Зиливинская

Золотая Орда возникла как государство в результате завоеваний кочевниками-монголами огромных пространств Европы и Азии, также населенных преимущественно кочевыми и полукочевыми народами. Тем не менее, уже в середине XIII в. на всей ее территории начинают возникать поселения, и в первой половине XIV в. Золотая Орда поистине становится «страной городов». Золотоордынские города, построенные и достигшие небывалого расцвета в кратчайшие сроки, являются своеобразным историческим феноменом и в то же время – ярчайшим отражением различных аспектов золотоордынской цивилизации. Первоначально для возведения своих городов кочевники-монголы использовали подневольный труд завоеванных народов, имевших многовековые строительные навыки. В период расцвета государства строители, ремесленники и торговцы переселялись в Золотую Орду добровольно. Так формировалось полиэтничное население ее городов в отличие от более однородного населения степей. Именно поэтому мультикультурность золотоордынского общества наиболее явно прослеживается в культуре городов.

Выразительным воплощением городской культуры являются монументальные постройки, определяющие внешний вид городов. В различных районах Золотой Орды они отличались друг от друга. В степной зоне строительство велось из сырцового и обожженного кирпича, подобного среднеазиатскому. В качестве декора широко применялись поливные изразцовые кирпичи, глазурированные майолики и мозаики, резные фигурные кирпичики, терракота. В Поднепровье, Крыму и Волжской Болгарии монументальные постройки возводились из камня с добавлением кирпича. Архитектурный декор здесь представлен в основном резьбой по камню. Смешанная техника строительства применялась на Северном Кавказе. В целом же города Золотой Орды, при всем их своеобразии, имели ярко выраженный восточный облик. Во многом это определялось доминированием ислама в среде городского населения. Поэтому основными и наиболее впечатляющими зданиями здесь были мечети, медресе, мавзолеи, восточные бани. Именно эти монументальные постройки, характерные прежде всего для мусульманских стран, и определяли внешний вид городов.

Наиболее значимыми культовыми постройками во всех странах, связанных с мусульманской религией являются мечети. Минареты, встроенные в здания мечетей или стоящие рядом с ними, также являются важнейшим градообразующим элементом мусульманских городов, определяющим их неповторимый силуэт. Ко времени появления в городах Золотой Орды эти виды зданий имели многовековую историю, и в разных частях мусульманского мира существовали различные типы мечетей и минаретов [56].

В Золотой Орде, государстве, расположенном на самом краю мусульманского мира, первые мечети, вероятно, начали строиться при Берке, который был мусульманином и способствовал городскому строительству. Но массовое возведение их, несомненно, относится ко времени Узбека, с именем которого связано принятие мусульманства как государственной религии и расцвет городов. Именно в эти годы магрибский путешественник Ибн Баттута упоминает «тринадцать мечетей для соборной службы и... чрезвычайно много других мечетей» только в Сарае [43, с. 306]. Хотя число мечетей, исследованных на территории всей Золотой Орды, не многим больше упоминаемых Ибн Баттутой, имеющийся материал дает представление о планировке этих зданий [23; 25, с. 9–36; 26, с. 13–42].

Самым известным памятником мусульманского культового зодчества в Золотой Орде является мечеть города Болгара, столицы Волжской Болгарии, известная под названием «Четырехугольник». Здание, построенное в 60-е гг. XIII века, за период своего

существования (до 30-х гг. XIV вв.) претерпело несколько перестроек [1, с. 54]. В первом периоде (рис. 1.1) здание имело форму прямоугольника с небольшим расширением к югу (32,6 м x 28,2 – 29,6 м). Стены толщиной 1,2–1,3 м были сложены из кусков необработанного известняка на известковом растворе и были укреплены прямоугольными контрфорсами. Входной проем в северной стене был обрамлен порталом, к западу от которого находился прямоугольный цоколь минарета. Внутри пространство мечети разделено на пять нефов четырьмя рядами колонн по пять в каждом ряду. Стены мечети оштукатурены внутри и снаружи белой известью. Полы имели деревянный настил.

В начале XIV века мечеть была кардинально перестроена (рис. 1.2). Внешний облик ее изменили многогранные башни, пристроенные к углам. Диаметр двух северных башен составлял около 8 м, а южных – 10 м. Подобное оформление углов не известно ни в одной мечети. В Средней Азии в раннем средневековье строились укрепленные замки подобного плана, в более позднее время башнеобразные выступы по углам были характерны для крепостей, караван-сараяв, ханака. Массивные круглые башни укрепляли стены феодальных замков в Азербайджане [13, с. 74–78]. Небольшие декоративные башенки мечети Калян в Хиве, вероятно, имеют те же истоки, но значительно редуцированы по сравнению с угловыми контрфорсами Четырехугольника.

В последнем периоде болгарская мечеть была перестроена изнутри. В восточной и западной стенах пробиты дверные проемы, а по бокам от них – оконные. С внутренней стороны ко всем трем входам пристроили легкие тамбуры. Заменена была и колоннада мечети: восьмигранные каменные колонны на квадратных базах были поставлены шестью рядами. Базы и капители колонн были украшены резьбой в виде стилизованных пальметок, характерных для азербайджанского архитектурного декора [13, с. 378]. По мнению большинства исследователей, перекрытие Четырехугольника было плоским и опиралось на аркады. Крыша мечети могла быть скатной, что наиболее соответствует климатическим условиям.

К комплексу Четырехугольника относился и Большой минарет (рис. 2), который был известен по рисункам и в настоящее время восстановлен. Кубический цоколь минарета переходил в восьмигранник, на котором стоял ствол в виде сужающегося сверху цилиндра. Наверху была площадка для муэдзина. С двух сторон ствола минарета располагалось по три окна, середину ствола опоясывала арабская надпись. Высота большого минарета достигала 24 м.

Сходное строение имеет Малый минарет, который на 5 м ниже Большого (рис. 3). Малый минарет также состоит из кубического цоколя со скошенными углами, переходящим в восьмигранник и конический ствол. Ствол заканчивается площадкой, на которой стоит надстройка со скатной крышей. Вход в минарет расположен с северной стороны. Верх дверного проема, арка в стволе минарета и скосы кубического цоколя украшены резьбой по камню.

В центральной части Золотой Орды, в Нижнем Поволжье, в настоящее время исследованы две соборные мечети. Одна из них была раскопана на Водянском городище в Волгоградской области [17]. Мечеть представляла собой прямоугольник 26 x 35 м, вытянутый с севера на юг (рис. 4). Стены постройки имели толщину 1,2–1,3 м и были сложены из рваного камня на глиняном растворе. Изнутри и снаружи они были оштукатурены белым известковым раствором. Вход в мечеть в северной стене был смещен к востоку относительно центральной оси здания и обрамлен порталом.

Южная стена по центру снаружи имела прямоугольный выступ, в толще которого была сделана михрабная ниша. Михраб полукруглой формы оштукатурен белым раствором и обрамлен профилированными пилонами. Его украшала прямоугольная доска со штампованной надписью на арабском языке. Доска имела красный бордюр, синий фон и белую выпуклую надпись.

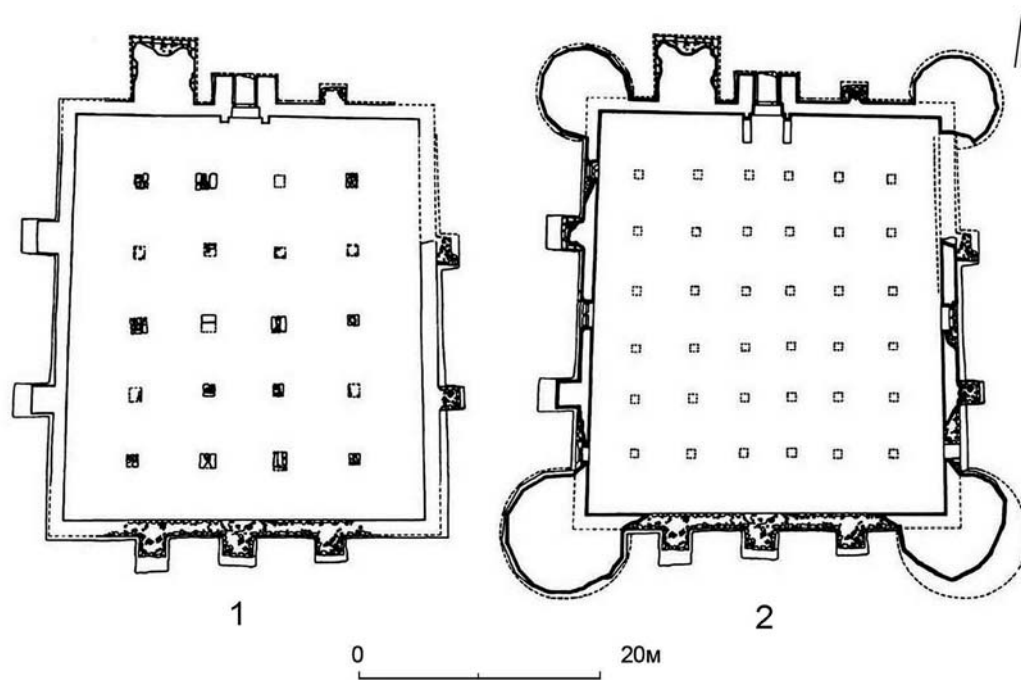

Рис. 1. Большая мечеть Болгара («Четырехугольник»):
1 – в I периоде; 2 – во II–III периодах (по [1])

Рис. 2. Комплекс мечети в Болгаре

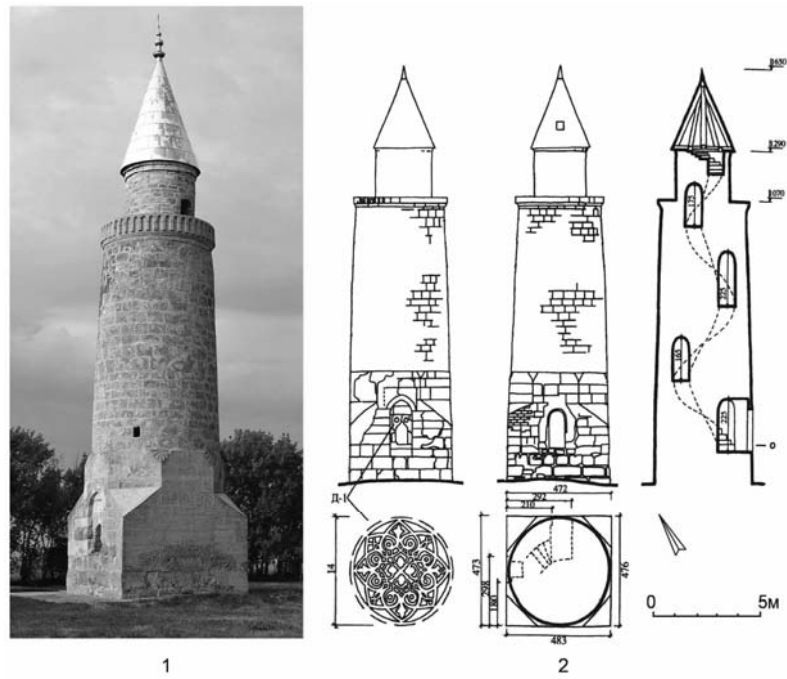

Рис. 3. Малый минарет в Болгаре: 1 – фото; 2 – архитектурные обмеры

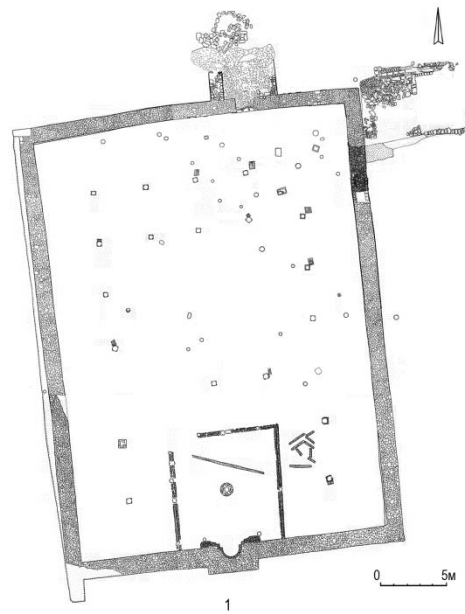

Рис. 4. Мечеть Водянского городища:
1 – общий план; 2 – схема плана
(по В.Л. Егорову и Г.А. Федорову-
Давыдову [17]); 3 – вариант
реконструкции

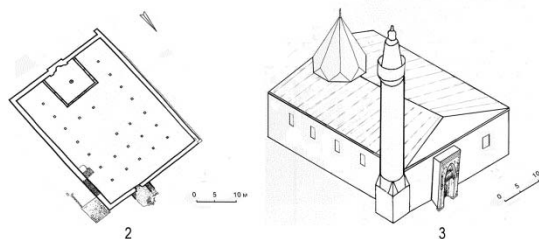

Рис. 5. Мечеть Водянского городища, михраб и подставка под коран

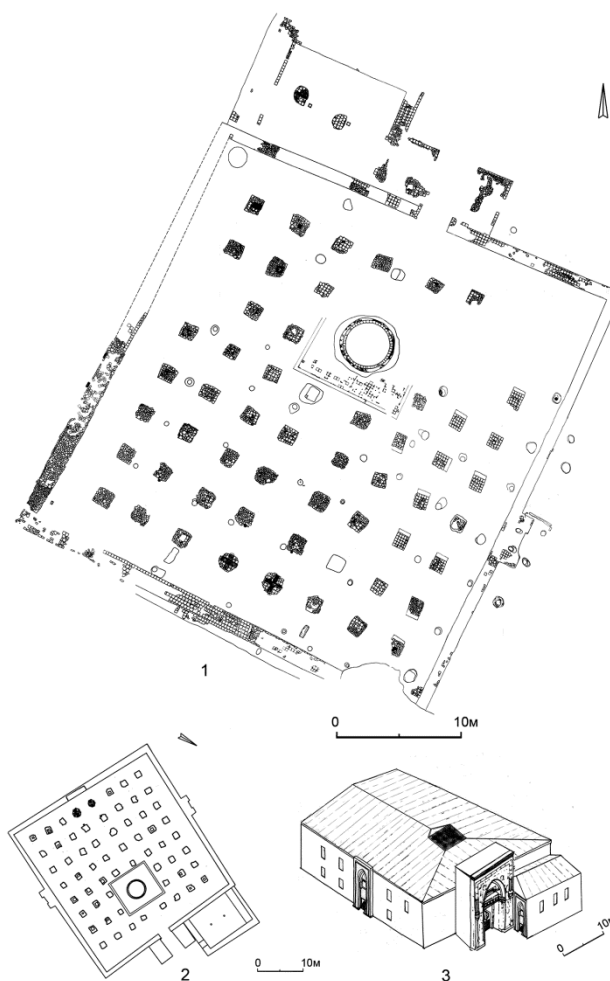

Рис. 6. Джума мечеть Сарая: 1 – общий план (по Г.А. Федорову-Давыдову);
2 – схема плана; 3 – вариант реконструкции

Перед михрабом находилась прямоугольная площадка (8,14 x 8,40 м), которая была ограничена стенками из обломков кирпичей высотой в три слоя. В толще всех трех стенок находились грубо обтесанные в форме квадратов плоские камни, которые служили базами для деревянных колонн. Эти колонны поддерживали крышу над площадкой. В центре площадки была вкопана часть круглой мраморной колонны с канелюрами, которая служила подставкой для ляуха с кораном (рис. 5). Колонна была поставлена расширяющимся концом вверх, а в качестве упора под нее на дне ямы, в которую был вкопан ее нижний конец, была положена мраморная ранневизантийская капитель. Капитель и колонна были привезены, скорее всего, из Крыма.

Остальное пространство мечети было разделено пятью рядами колонн на шесть нефов шириной по 4 м. Базы колонн из серого гранита имели размеры 30 x 30 см и высоту 20 см. Углы их скошены для перехода к восьмиугольнику, а на поверхности многих баз имелась насечка для установки деревянных колонн. Пол мечети, по-видимому, был выстлан досками.

У северо-восточного угла мечети располагался минарет. Каменный цоколь минарета, прямоугольный в плане (5,0 x 4,2 м), вплотную примыкал к восточной стене мечети. Ствол минарета, найденный в виде развала был сложен из обожженных кирпичей полукруглой формы и украшен кирпичами с бирюзовой поливой и ганчевыми вставками с кувфическими арабскими надписями.

Еще одна соборная мечеть исследована в аристократическом районе Сарая (Селитренное городище). Стены ее сложены из обожженного кирпича на глиняном растворе. Мечеть состояла из двух помещений: большого молитвенного зала и пристройки, примыкавшей к его северо-западной части (рис. 6).

Молитвенный зал был квадратным в плане размерами 35,5 x 36,0–36,5 м. Главный вход в мечеть сделан посередине северной стены и оформлен массивным порталом, пилоны которого имели длину около 5 м. Такой же портал, но значительно меньших размеров был сделан посередине восточной стены. Скорее всего, входной проем с порталом имелся и в западной стене.

Внутреннее пространство молитвенного зала было разделено на девять нефов восьмью рядами колонн. Во всех рядах, кроме двух средних, было по восемь колонн. В средних рядах вторые и третьи колонны, считая с севера, отсутствовали, так как на их месте находился внутренний дворик размерами 9,0 x 9,3 м. По периметру его сделан бордюр из поставленных на ребро обожженных кирпичей, скрепленных известковым раствором. Остальная площадь двора выложена обожженными кирпичами, положенными плашмя. В центре двора находился водоем в виде круглой в плане цистерны, стенки которой обложены кирпичом. От колонн, поддерживающих крышу мечети, сохранились только кирпичные фундаменты, заглубленные в материк (рис. 7). На них ставились квадратные в сечении деревянные колонны, отпечатки которых были прослежены на известковой обмазке. Колонны, расположенные перед михрабом, отличались от остальных. Они были поставлены на фундаменты с деревянными конструкциями и были, скорее всего, каменными. Пространство перед михрабом было огорожено ганчевой решеткой.

Селитренская мечеть имела плоское, а именно балочное перекрытие, так как опиралось оно на деревянные столбы. Внутреннее оформление ее было простым: пол был земляным, а стены и колонны оштукатурены белым известковым раствором. Снаружи стены также были оштукатурены, порталы декорированы поливными монохромными изразцами и резными кирпичиками.

С севера к западному отрезку северной стены молитвенного зала было пристроено небольшое (11,9 x 8,2 м) помещение. Внутреннее убранство комнаты было довольно богатым. Пол выложен жженым кирпичом, а стены украшены мозаиками с надглазурной росписью и позолотой. Вдоль западной стены сооружена широкая прямоугольная

суфа. Потолок поддерживали два столба, от которых остались базы из серого песчаника. Это помещение, скорее всего, служило не культовым, а общественным целям, возможно, здесь находилось какое-то учреждение при мечети.

Рис. 7. Джума мечеть Сарая, общий вид

На золотоордынских городищах Северного Кавказа исследовано три мечети. Две из них находились на городище Верхний Джулат в Северной Осетии [38]. Малая мечеть представляла собой небольшое (9,8 x 6,6 м) здание, стены которого были сложены из кирпича и поставлены на каменный фундамент (рис. 8.1). В южной стене мечети сделан михраб в виде квадратной, выступающей наружу ниши. Внутри пространства мечети находились остатки шести квадратных устоев, которые расположены в углах помещения и посередине восточной и западной стен. Снаружи, у северо-восточного угла мечети, вплотную к стене был пристроен кубический фундамент минарета.

Площадь Большой мечети Верхнего Джулата была исследована на две трети (рис. 8.2). Здание было трапециевидным, вытянутым с запада на восток. Ширина постройки – 11,8 м, длина предположительно – 22,8 м. Фундамент стен сложен из речного булыжника на известковом растворе, а сами стены – из подтесанных камней и обожженных кирпичей. Предположительно высота стен достигала 6 м. В южной стене была обнаружена прямоугольная михрабная ниша, которая выступала наружу. Пол михраба, а возможно, и его стенки были украшены изразцами с бирюзовой поливой. Вход в мечеть находился напротив михраба. Дополнительный проем был сделан в западной стене, напротив минарета.

Пол мечети фигурно выложен крупными кирпичными плитами, часть которых покрыта бирюзовой поливой, обычными кирпичами и мелким булыжником. Стены были оштукатурены и, возможно, расписаны. Никаких следов устоев или колонн в мечети обнаружено не было, скорее всего, плоское перекрытие с двускатной крышей поддерживали деревянные столбы, поставленные прямо на плиты пола. Покрытие крыши было черепичным.

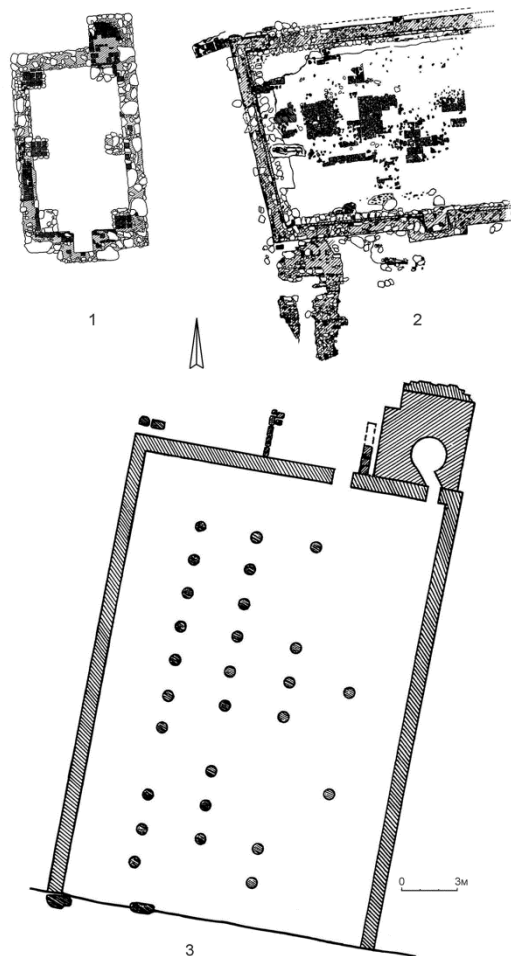

Рис. 8. Мечети Северного Кавказа:
1 – Малая мечеть Верхнего Джулата;
2 – Большая мечеть Верхнего Джулата;
3 – мечеть Нижнего Джулата
(по О.В. Милорадовичу [38],
И.М. Чеченову
и Э.Д. Зиливинской [59])

Рис. 9.
Мечеть
Нижнего
Джулата,
общий вид
с ЮЗ

К Большой мечети относился известный на Кавказе Татартупский минарет (рис. 10), который разрушился только в 1985 году. Высота минарета составляла 20,8 м. Сложенный из кирпича и каменных блоков цоколь был прямоугольным в плане. Кирпичный ствол минарета имел коническую форму и состоял из двух частей, которые расчленил двойной сталактитовый пояс, поддерживавший балкончик для муэдзина. В цокольной части находилась дверь с полукруглым окончанием. Такая же дверь выходила на балкон. Внутри вокруг пятиугольного столба вилась кирпичная лестница. Ствол минарета был украшен несколькими орнаментальными поясами, основным из которых является сталактитовый. Прямо под ним шли две полосы бирюзовых поливных дисков, чередующихся с кирпичными ромбиками. Между ними располагался орнаментальный пояс, подражающий куфической надписи. Верх ствола также украшен фигурной кирпичной кладкой.

Самая большая соборная мечеть на Кавказе раскопана на городище Нижний Джулат в Кабардино-Балкарии. Она представляла собой прямоугольное, вытянутое в меридиональном направлении здание размерами 17,65 x 25,7 м (рис. 8.3). Вход в мечеть с порталом находился в северной стене. Молельный зал разделен на пять нефов четырьмя рядами колонн с каменными базами (рис. 9). В каждом ряду было 12 колонн. Пол зала был вымощен обожженным кирпичом, положенным на известковый раствор.

К восточному отрезку северной стены пристроен минарет, от которого сохранился цоколь. Цоколь имел облицовку в виде больших прямоугольных блоков, между которыми была фигурная кладка из кирпичей. Внутри цоколя находилось круглое в плане помещение со следами деревянной лестницы. Вероятнее всего, минарет мечети Нижнего Джулата был аналогичен Татартупскому минарету.

Наиболее известным памятником монументального зодчества на западе Золотой Орды является мечеть-медресе Солхата. Ей посвящены многочисленные исследования [8; 12; 19; 54, с. 104–118; 32, с. 112–116; 27]. Здание мечети, полностью сохранившейся до наших дней, представляет собой базилику с тремя парами восьмигранных устоев, соединенных стрельчатыми арками (рис. 11.1). Размеры здания 17,9 x 13,5 м. Устои поддерживают стропильное перекрытие и двускатную черепичную крышу (рис. 12). В северо-восточный угол здания встроено цилиндрический ствол минарета. К южной стене примыкает портал со сталактитовой нишей и резными каменными фризами, в которых большинство авторов видят влияние сельджукского искусства. Аналогично оформлена михрабная ниша.

На резном портале мечети сохранилась подпись, которая датирует ее 1314 годом, то есть временем правления Узбека. С юга к мечети примыкает медресе в виде обширной квадратной постройки с открытым двором посередине. Раскопки экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством М.Г. Крамаровского показали, что мечеть и медресе не одновременны: медресе было построено в первой трети XIV в., а мечеть была пристроена к нему на рубеже XV–XVI вв. [32, с. 113–114]. Тем не менее, мечеть Солхата вполне можно рассматривать как произведение золотоордынского зодчества, так как, по мнению М.Г. Крамаровского, в конце XV в. она не была отстроена заново, а только перенесена на новое место у северной стены медресе.

Недалеко от мечети Узбека находились руины еще одной мечети, которая получила название «мечети Бейбарса» (рис. 11.2). По своей планировке она практически тождественна мечети Узбека и представляет собой трехнефную базилику с тремя парами колонн, поставленных на восьмигранные базы. Причем ее аркада имела тот же шаг колоннады, что и в мечети Узбека [32, с. 116]. В южной стене прослеживается полукруглая ниша михраба. Портал с входом находится с северной стороны. По нумизматическому материалу мечеть «Бейбарса» датируется временем Токтамыша.

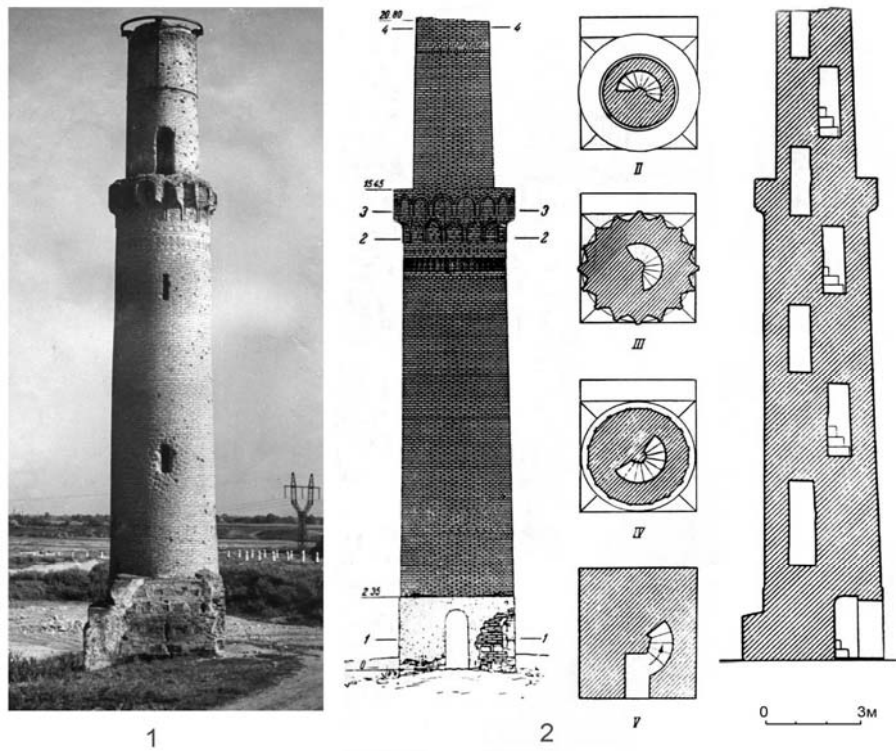
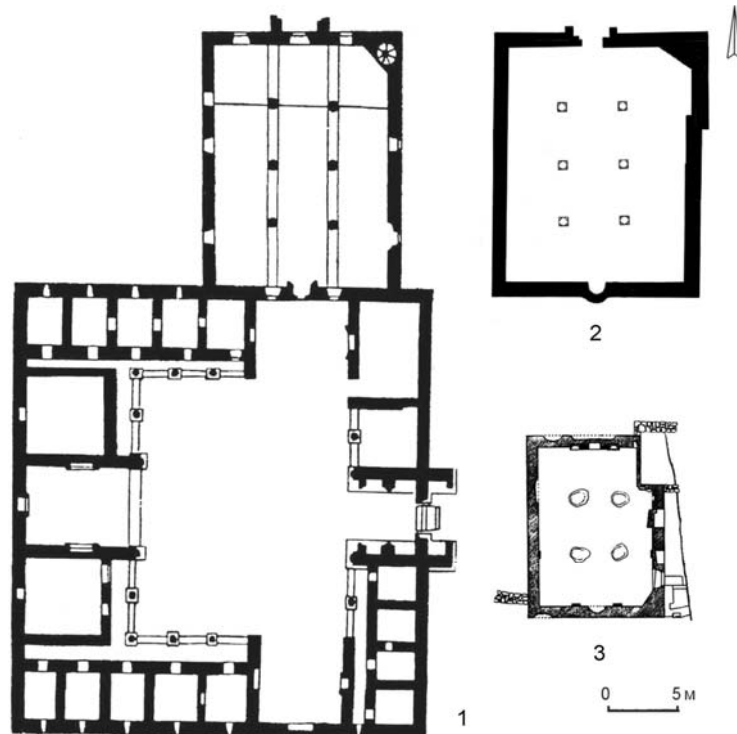

Рис. 10. Татартупский минарет: 1 – фото; 2 – архитектурные обмеры (по [38])

Рис. 11. Мечети
Крыма базиличной
планировки:
1 – комплекс мечети-
медресе «Узбека» в
Солхате; 2 – мечеть
«Бейбарса» в Солхате;
3 – мечеть в Чуфут-
Кале (по М.Г. Кра-
маровскому [32]
и У.А. Боданин-
скому [10])

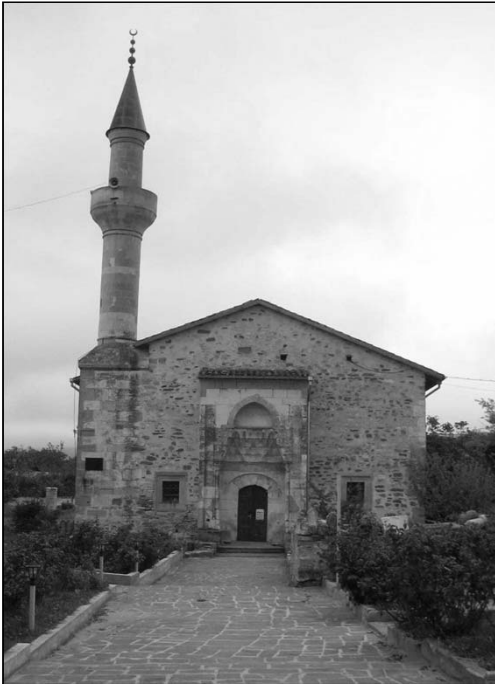

Рис. 12. Мечеть «Узбека» в Солхате

стройки. Основная часть здания имеет прямоугольную форму (рис. 13.2, 14). Два квадратных устоя делят внутренний объем на две части. Квадратный молельный зал с михрабной нишей в южной стене был перекрыт куполом. Прямоугольный тамбур мечети перекрыт тремя сводами. В северо-восточном углу встроен минарет, от которого сохранилось только основание. Вход в мечеть находился в восточной стене, а не в северной. Этот отход от канонов объясняется тем, что здание стоит на косогоре, и с северной стороны уровень пола значительно выше уровня земли. Вдоль восточной стены была сделана галерея, состоящая из трех арок, но впоследствии две арки были заложены. В восточной стене имеются два окна с наличниками, украшенными резьбой в виде сложной плетенки.

Еще одна крымская мечеть базиличного плана была исследована в 1927–29 гг. в Чуфут-Кале [3, с. 166–168; 10, с. 170–178]. Наружные размеры постройки – 13,8 x 10,65 м (рис. 11.3). Северо-западный угол занимал цоколь минарета. При раскопках были найдены четыре основания колонн, которые делили пространство мечети на три нефа шириной около 2,4 м. В южной стене с двух сторон от прямоугольной ниши михраба сделаны две нишки пятиугольной формы. Вход в мечеть находился в северной части западной стены возле минарета. Обилие архитектурных деталей свидетельствует о том, что мечеть имела портал со сталактитовой нишей, обрамленный поясом геометрического орнамента и украшенный надписями и двумя розетками. Вероятно, к порталу относится камень с высеченной датой 746 г.х. (1346 г.), которая точно указывает на время возведения мечети.

Две мечети исследованы в западной части степной зоны Золотой Орды. Мечеть Кучугурского городища (недалеко от Запорожья), сложенная из кирпича, имела прямоугольную форму размерами 26,0 x 17,9 м (рис. 15.1). С севера находился обширный (8,5 x 6,5 м) тамбур, также вытянутый в меридиональном направлении. Внутри помещение мечети было вымощено жженым кирпичем. Три ряда колонн (по 9–11 колонн в

В бывшем имении художника Айвазовского была расположена мечеть, носившая название «Свинцовая» (Куршун-Джами). Прямоугольное здание (12,5 x 17,7 м) было построено из рваного камня на известковом растворе (рис. 13.1). Вход в мечеть обрамляют пилоны портала. Западная и восточная стены усилены парными контрфорсами. Южная стена имеет один контрфорс, который расположен позади прямоугольной михрабной ниши, сильно выдающейся в толщу стены. В северо-восточном углу сохранились остатки основания минарета. Все здание разделено на две неравные части. Квадратное помещение (10,5 x 10,6 м) с михрабом в южной стене было увенчано куполом на парусах. Прямоугольная (10,5 x 4,5 м) северная комната имела перекрытие в виде трех полукруглых в сечении сводов [8, с. 132].

Очень близка к Куршун-Джами по планировке и размерам мечеть в Судак [19, с. 134–139]. Она сохранилась до наших дней, претерпев некоторые пере-

каждом) разделяли молельный зал на четыре нефа. В центре южной стены находилась полукруглая ниша михраба шириной 80 см и глубиной 35 см. Мечеть Кучугурского городища имела минарет, восьмиугольный цоколь которого встроен в западную стену.

Джума мечеть Старого Орхя [14] является самой грандиозной мечетью в Золотой Орде. Размеры ее 57,7 x 51,5 м. От здания сохранился только периметр стен с порталом в северной стене и михрабом – в южной (рис. 15.2). Северо-восточный угол здания был охвачен шестиугольным в плане цоколем минарета.

Таким образом, большая часть мечетей Золотой Орды относится к одному типу – это квадратные или прямоугольные в плане здания, внутреннее пространство которых разделено рядами колонн, поддерживающих плоское перекрытие в виде балок или аркад. Прямоугольные мечети чаще вытянуты в меридиональном направлении, но могут быть – и в широтном, как Большая мечеть Верхнего Джулата. Главный вход в здание расположен в северной стене, напротив михраба и обрамлен порталом. При значительной площади здание может иметь дополнительные боковые входы как, например, в Болгаре, Сарае, на Кучугурском городище. Мечеть Сарая имеет небольшой внутренний дворик, в центре которого находится водоем. В мечети Водянского городища пространство перед михрабом отгорожено, и крыша в этом месте, вероятно, была выше.

Этот основной тип мечетей в Золотой Орде сложился под влиянием Малой Азии. Малоазийские мечети сельджукского периода представляли собой базилики, то есть прямоугольные залы, разделенные на нефы рядами столбов или колонн, соединенных балками или аркадами. Характернейшей чертой сельджукских мечетей является наличие в крыше светового люка, под которым находится сильно редуцированный внутренний дворик с фонтаном. Над предмихрабной частью мог быть возведен небольшой купол. Так, одна из простейших построек сельджукско-анатолийского периода – мечеть Махмуд-бея близ Кастамону – представляет собой трехнефный зал с двумя рядами деревянных колонн, балочным перекрытием и двускатной крышей. Улу-Джами в Шивазе и Афьоне – это большие многонефные залы с трансептом, ведущим к михрабу, и плоским перекрытием на аркадах [55, с. 16–17; 57, с. 100–102; 56, с. 92–100].

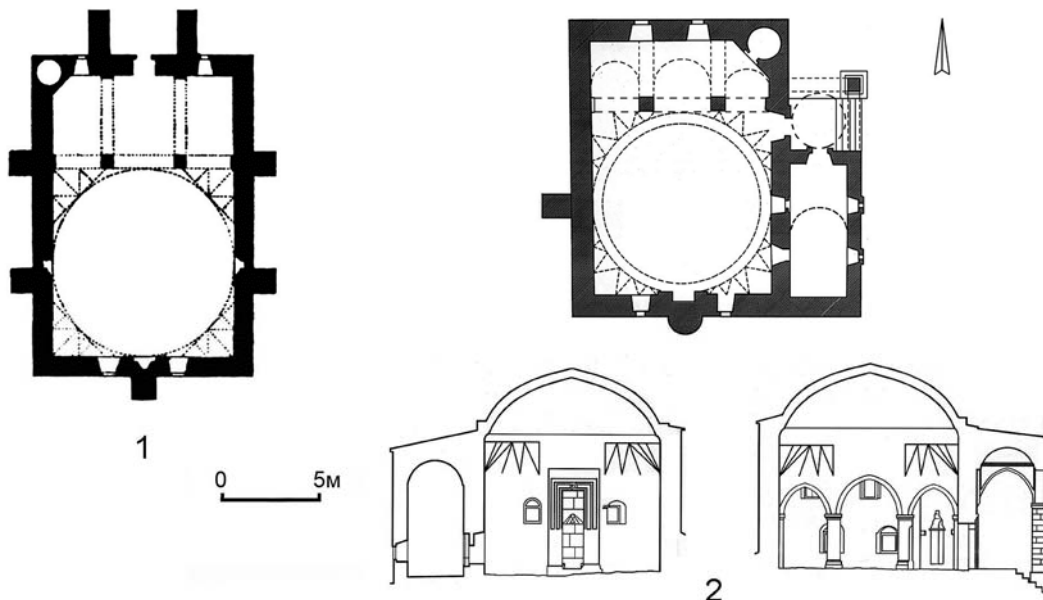

Рис. 13. Купольные мечети Крыма: 1 – Куршун Джамии в Солхате; 2 – мечеть в Судаке (по А.С. Башкирову [8], И.А. Баранову [60] и М.А. Фронжуло [61])

Рис. 14.
Мечеть в
крепости
Судака

Несколько необычна по своим пропорциям Большая мечеть Верхнего Джулата, здание которой вытянуто в широтном направлении. Скорее всего, это связано с местными традициями. Так, например, наиболее древняя на Кавказе Джума-мечеть Дербенда, построенная в VIII в., представляет собой сильно вытянутое в широтном направлении прямоугольное здание с выступом в центральной части южного фасада. На Кавказе известны и другие мечети таких же пропорций [5, с. 141–143; 50; 35, с. 110–112].

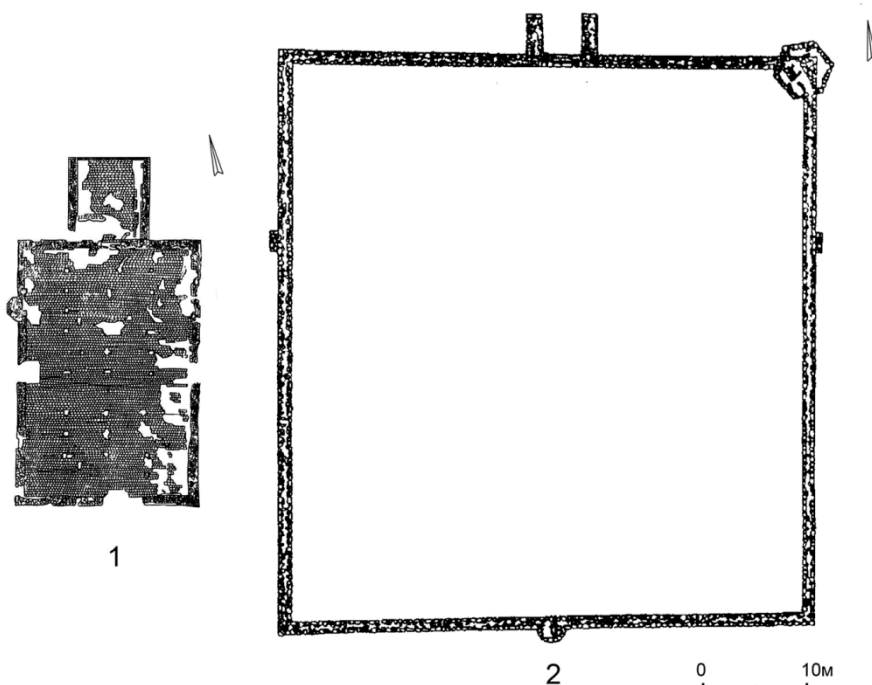

Рис. 15. Мечети западных районов: 1 – на Кучугурском городище; 2 – в Старом Орхее

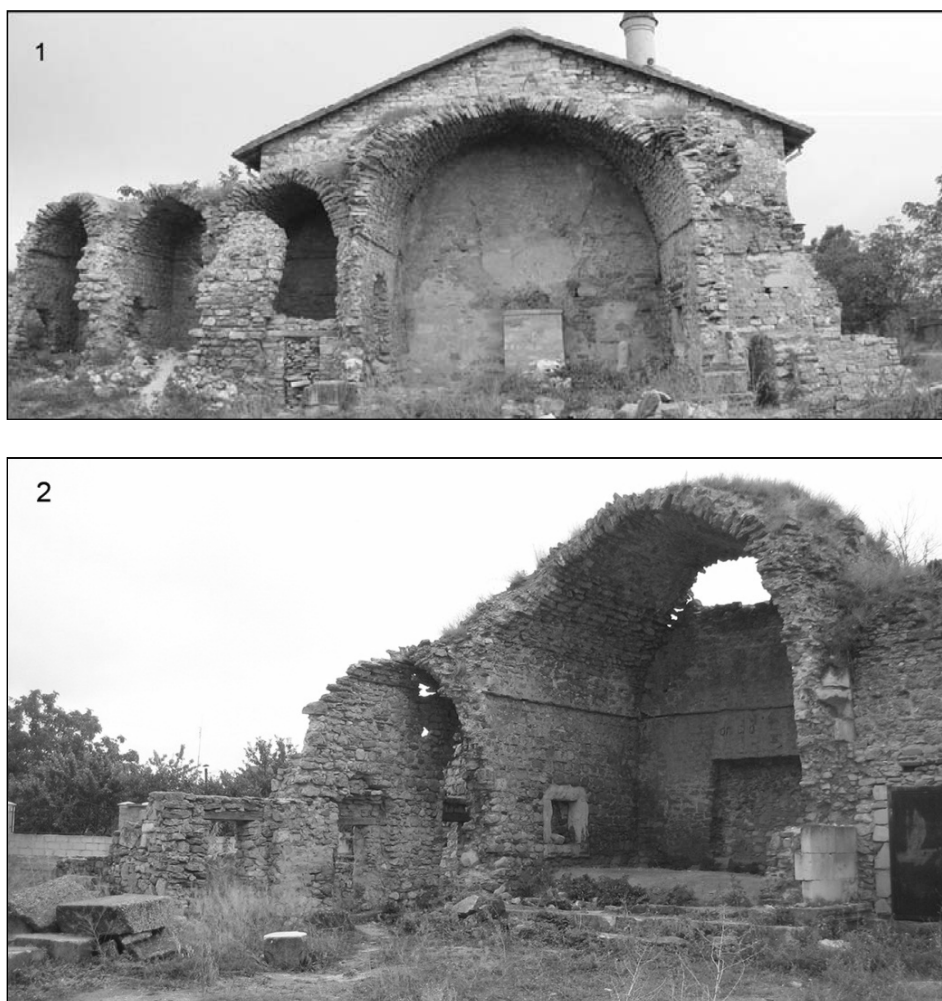

Рис. 16. Медресе Солхата: 1 – северный айван; 2 – южный айван

Кроме больших мечетей базиличного плана в Золотой Орде существовали и другие. Купольные мечети Крыма представляют собой небольшие здания, состоящие из квадратного молельного зала, перекрытого куполом, и прямоугольного тамбура со сводчатым перекрытием. Такую же структуру имеют небольшие малоазийские мечети сельджукского и раннеосманского периодов, такие как мечеть Ала ал-Дина в Бурсе (1335 г.), Орхан Гази в Билесике, Зеленая мечеть в Изнике (1378 г.) [56, с. 494–495; 58, с. 84–92].

Малая мечеть Верхнего Джулата относится к столпно-купольным постройкам. По плану она более всего напоминает небольшие столпные сооружения Средней Азии, такие как мечети при мавзолеях Хаким-ат-Термези (XI в.) и Ходжа Иса (XI в.) [11]. Разница состоит лишь в том, что эти здания вытянуты в широтном направлении, а нижнеджулатская мечеть – в меридиональном.

Таким образом, в планировке и оформлении мечетей в Золотой Орде преобладает влияние Малой Азии. Сельджукская строительная традиция могла распространяться через Закавказье, где сохранились такие ее образцы, как мечеть Мануче в Ани [6], и через Крым. Мечети с залом, разделенным на нефы, были известны в домонгольское время в Волжской Болгарии [49; 2], что тоже могло послужить образцом для подражания. Взяв за основу базиличную планировку с плоским перекрытием, золотоордынские мастера твор-

чески переработали ее, сообразуясь с местными условиями и вкусами заказчиков. Более того, в ряде случаев была воспринята сама идея закрытого зала, с плоским перекрытием, опирающимся на колоннаду, но воплощение ее в разных частях государства было разнообразным и часто оригинальным. В то же время нельзя полностью исключать влияние Средней Азии или местных традиций, как в Волжской Болгарии и на Кавказе.

С мечетями связаны минареты, образующие с ними единый архитектурный ансамбль. По своему положению относительно мечети минареты Золотой Орды делятся на отдельно стоящие, с пристроенным к стене мечети цоколем и с цоколем, встроенным в объем стены. Отдельно стоящие и пристроенные к мечети минареты имеют кубический или призматический цоколь, который при помощи внешних скосов переходит в восьмигранную призму или непосредственно в цилиндрический, слегка сужающийся кверху ствол. В основании встроенных минаретов лежит многогранник. Цоколь минаретов сложен из камня или обожженного кирпича. Ствол обычно кирпичный, но может быть и из камня. Каменные постройки были декорированы резьбой. Ствол кирпичных минаретов украшен орнаментальными поясами из резной терракоты, обточенных кирпичиков, ганчевых вставок и поливных изразцов. Под балкончиком для муэдзина находится сталактитовый пояс. Покрытие минаретов – шатровое. Подобные архитектурные формы характерны только для Малой Азии и стран, находящихся в сфере ее культурного влияния, таких как Азербайджан, Крым, частично Северный Иран. Они возникают там в сельджукское время и, несколько видоизменяясь, существуют в дальнейшем. Таковы, например, минарет Алаеддин Джамии в Нигде постройки 1223 г., Ивли Минар в Анталии 1220 г., минареты Большой мечети и Гек-медресе в Сивасе 1271 г., Зеленой мечети Изника 1378 г. [56, с. 161; 58, с. 26, 43]. Сходное с малоазийскими трехчастное деление имеют и минареты Азербайджана [13, с. 88–96, 156–160].

С религиозным культом в мусульманских странах связаны не только мечети, но и некоторые другие учреждения. Прежде всего, это медресе – высшие учебные заведения ислама. Еще одна категория зданий, связанных с мусульманской религией, это – рибаты, ханака, завия и текия. Все эти учреждения служили нуждам многочисленных дервишских орденов, которые получили в средние века огромное распространение.

В Золотой Орде, как и в других государствах, где значительная часть населения исповедовала ислам, наряду с мечетями строились медресе и ханака. Некоторые сведения о них содержатся в письменных источниках, в частности в сочинениях Джузджани, Ибн Халдуна, «Анониме Искендера», посвященных жизнеописанию ханов-мусульман Берке, Узбека, Джанибека [43; 44]. Отмечал посещаемые им медресе, рибаты и завия в Золотой Орде арабский путешественник Ибн Баттута [43, с. 278–314]. К сожалению, эти сведения пока не нашли материального подтверждения: духовные школы и странноприимные дома в Золотой Орде археологически почти не выявлены. Единственное здание, которое может быть однозначно атрибутировано – это медресе Узбека в Солхате.

Медресе представляет собой почти квадратное здание (рис. 11.1) с большим богато декорированным резным порталом, который известен только по рисункам. Внутри находился обширный внутренний двор, окруженный со всех сторон помещениями различного назначения и колоннадой. С каждой стороны двора был сделан большой айван, а в центре располагался фонтан. Медресе Солхата представляет редкий по своей сохранности комплекс, который дает возможность судить не только о планиметрии здания, но и обо всем его объеме, так как перекрытия части помещений сохранились здесь до наших дней (рис. 16). Все четыре айвана были перекрыты монументальными полуциркульными арками, сводчатое покрытие имели и худжры. Квадратные помещения в западной части здания были увенчаны полусферическими куполами из кирпича [32, с. 112–114].

В Нижнем Поволжье, на Селитренном городище раскопана часть постройки (рис. 17.1), которая, вероятнее всего, имела внутренний двор, по периметру которого

располагались стандартные жилые комнаты (худжры). В одном помещении находилась домовая мечеть (рис. 17.2). Особенности планировки и расположение рядом с Джума мечетью позволяют предположить, что здесь находилось учреждение, связанное с мусульманской религией – медресе или ханака.

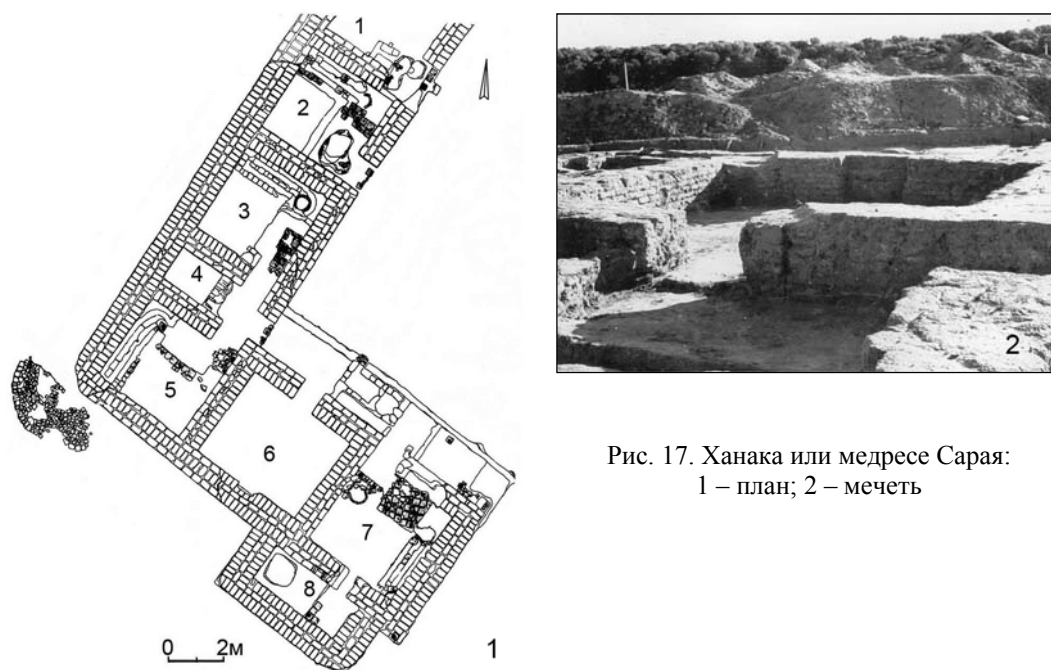

Рис. 17. Ханака или медресе Сарая:
1 – план; 2 – мечеть

По планировке и строительным традициям медресе Узбека в Солхате является характерным образцом малоазиатского зодчества. Открытые айваны с полуциркульными сводами, опоясанные галереей с аркадами на колоннах, фонтан в центре двора – все это напоминает памятники четырехайванной планировки в Малой Азии, такие как Гек-медресе в Сивасе XIII в., Чифте Минаре в Эрзеруме XIII в., Таш-медресе в Акшехире, медресе Бюрюджийе в Сивасе XIII в. и Ибрагим-бея в Аксараяе [55, с. 33–35; 56, с. 515; 58, с. 46]. Здание в Сараяе, которое предположительно можно считать медресе, не дает материала для столь же определенных выводов. По технике кладки стен, строительным материалам, размерам и формату сырцов и кирпичей сооружение относится к среднеазиатской строительной традиции. Определенное сходство постройки Сарая можно наблюдать со зданием медресе, исследованным на городище Сауран в Южном Казахстане [7, с. 84–90].

Широчайшее распространение в мусульманских странах получил такой тип зданий, как мавзолеи. Количество их огромно, и роль в создании архитектурного облика городов и других местностей весьма существенна. Мавзолеи имели и имеют в мусульманских странах большое социальное и религиозное значение. В Золотой Орде, как и в других странах этого времени, где мусульманская религия играла существенную роль, мавзолеи строились повсеместно. Этому способствовал и тот факт, что в золотоордынских городах наибольшим влиянием пользовались проповедники суфизма, которому присущ культ «святых могил». Среди раскопанных археологами объектов монументальной архитектуры мавзолеи составляют наибольшее количество. Отдельные постройки сохранились до наших дней, некоторые известны по рисункам и описаниям исследователей и путешественников предыдущих веков. Обзор мемориальных сооружений Золотой Орды показывает, что среди них прослеживается широкий спектр архитектурных форм и планировочных решений [26, с. 93–165].

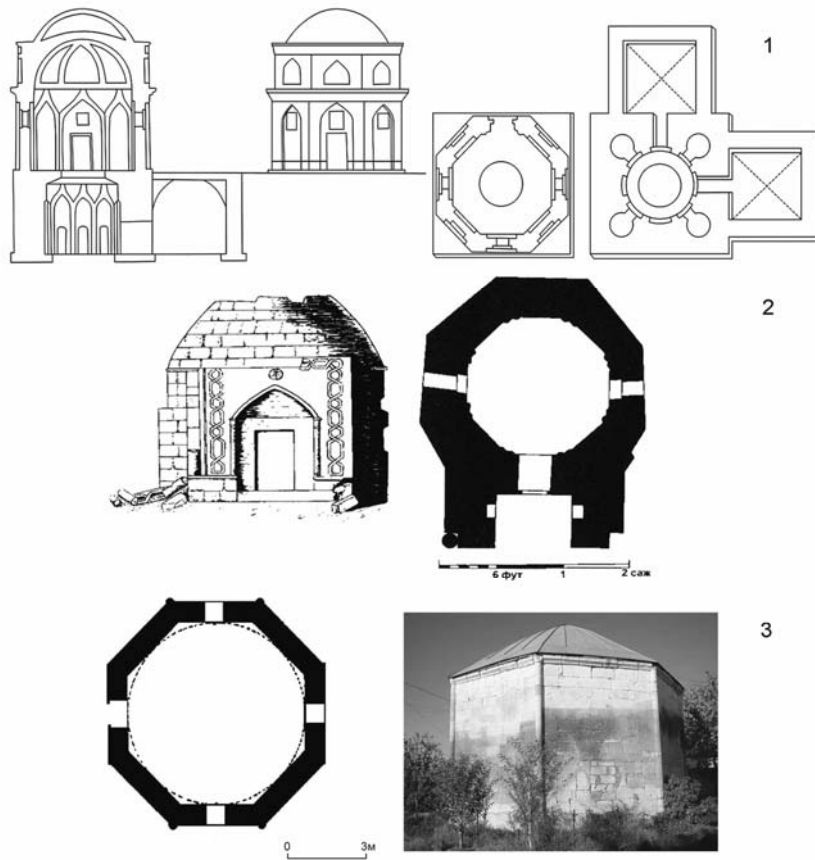

Рис. 18. Башенные мавзолеи: 1 – в селении Маслов Кут у Маджара (рис. XVIII в.); в Конских Водах в Запорожье (рис. XIX в.); в Асизе близ Бахчисарая

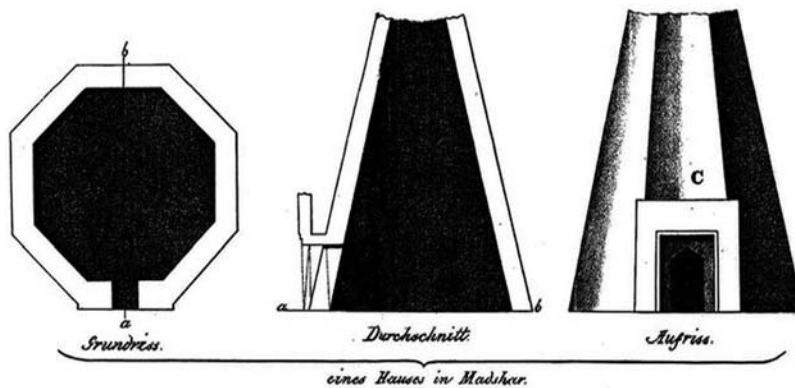

Рис. 19. Пирамидальный мавзолей в Маджаре (рис. XVIII в.)

Прежде всего, все постройки можно разделить на две большие группы – однокамерные и многокамерные мавзолеи. Большая часть золотоордынских мавзолеев представлена однокамерными зданиями. По форме основного помещения они делятся на три отдела: башнеобразные, пирамидальные, кубические (призматические). Отдел башнеобразных мавзолеев состоит из двух подотделов, отличающихся формой плана:

круглые и многоугольные (рис. 18). Пирамидальные мавзолеи также могут быть круглыми и многоугольными в плане (рис. 19), а в основе кубических зданий лежит квадрат или прямоугольник близкий по пропорциям к квадрату. Каждый отдел может быть разделен на два типа: фасадные и порталные. Фасадными являются мавзолеи без явно выраженного портала, но с выделенной стороной, в которой находится вход (рис. 20). К порталным относятся здания с явно выделившимся объемом входного портала (рис. 21). Единственным мавзолеем центрической планировки, у которого все фасады равнозначны является Черная палата в Болгаре (рис. 22).

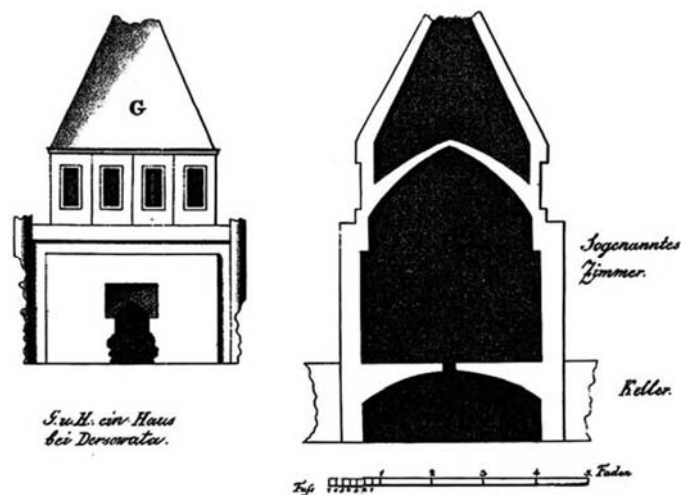

Рис. 20. Кубический фасадный мавзолей у Маджара (рис. XVIII в.).

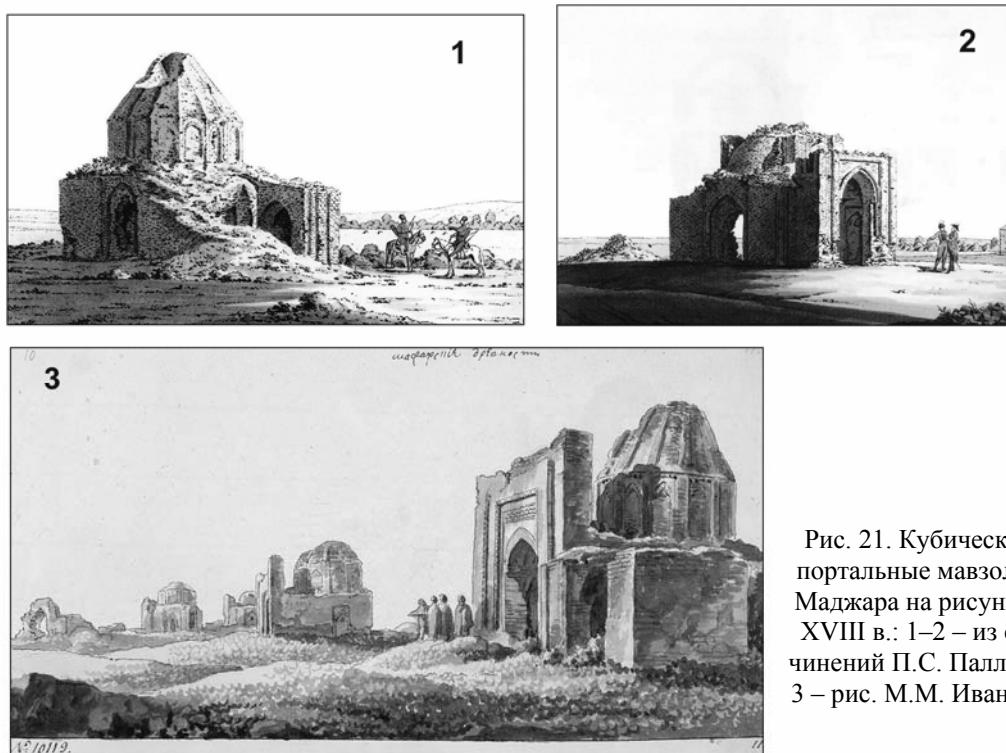

Рис. 21. Кубические порталные мавзолеи Маджара на рисунках XVIII в.: 1–2 – из сочинений П.С. Палласа; 3 – рис. М.М. Иванова

Рис. 22. Черная палата в Болгаре

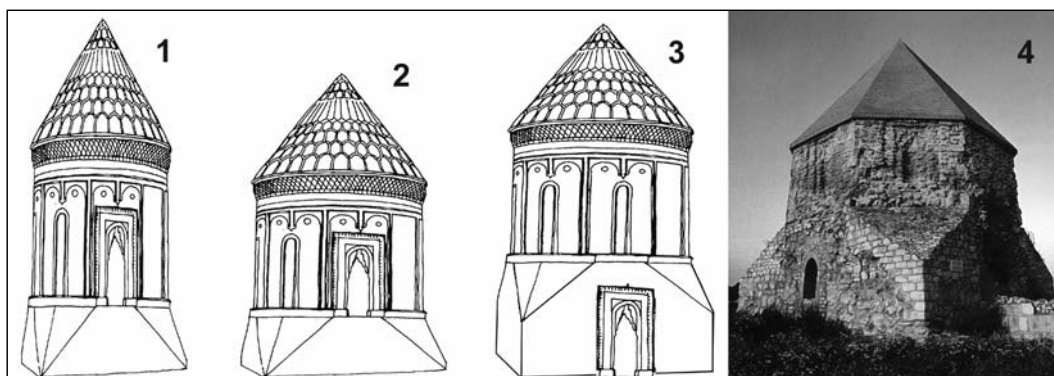

Рис. 23. Схема трансформации малоазийского башенного мавзолея в болгарский:
 1 – малоазийский башенный мавзолей; 2, 3 – изменение пропорций;
 4 – Восточный мавзолей Болгара

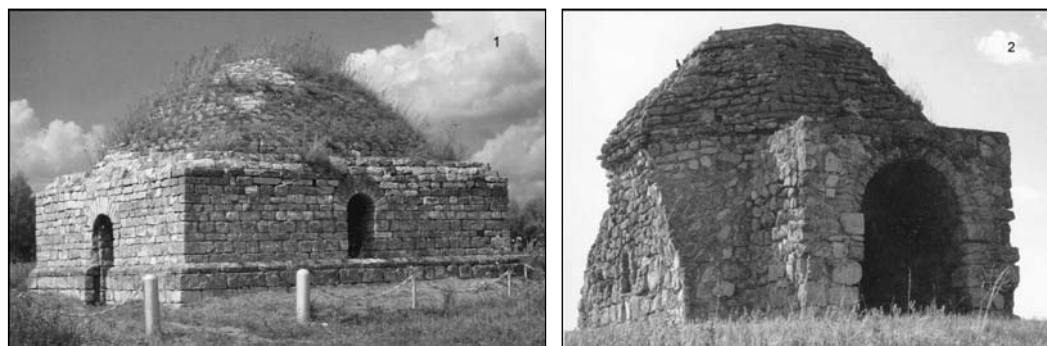

Рис. 24. Мавзолеи Приуралья: 1 – Хусейн-бека; 2 – Тура-хана

По форме портала здания можно разделить на подтипы: с выступающим вперед порталом, с порталом, вписанным в объем здания и опирающимся на массивные пилоны (пештак), и порталом, вписанным в объем здания, но не имеющим массивных пилонов. И, наконец, каждый подтип зданий делится на два вида по форме покрытия: купольное и шатровое. Покрытие в археологических памятниках сохраняется редко, поэтому чаще всего определить вид его сложно, зато он хорошо определяется по рисункам. Башенные и кубические мавзолеи могут иметь крышу обоих видов, все пирамидальные мавзолеи по определению являются шатровыми.

Группа многокамерных мавзолеев разделена на три отдела: призматические продольноосевые, призматические поперечноосевые и многокамерные сложного строения.

Классификация золотоордынских мавзолеев отчетливо показывает, что в Золотой Орде существовала довольно развитая архитектура мемориальных построек. Многообразие типов мавзолеев свидетельствует о том, что они были принесены из разных стран мусульманского мира, причем в различных частях огромного золотоордынского государства могут превалировать те или иные заимствования. Некоторые постройки вполне оригинальны и являются результатом творческой переработки уже известных типов планировки.

В пределах Золотой Орды также можно выделить два направления зодчества – строительство из камня и строительство из кирпича (обожженного и сырцового). Существует также смешанная техника, когда отдельные части здания строятся из различных материалов.

Анализ планировки, строительных приемов, архитектурных деталей мавзолеев и строительной техники позволяет сделать вывод о том, что в сложении золотоордынского мемориального зодчества прослеживается несколько направлений. Это армяно-малоазийское влияние, которое отчетливо присутствует в памятниках, выполненных в технике каменного строительства. Очень существенным было влияние среднеазиатской школы, связанной со строительством из обожженного и сырцового кирпича. И, наконец, в архитектурных формах встречаются пережитки кочевнических (кипчакских) традиций. В настоящее время можно выделить несколько областей, где превалировала та или иная школа. Волжская Болгария и Крым являлись зонами армяно-малоазийского влияния, а Нижнее Поволжье и степные районы Северного Кавказа – среднеазиатского. В то же время в некоторых частях Нижнего Поволжья (Водянское городище) и Северного Кавказа (Пятигорье, Верхний Джулат, Нижний Джулат) отчетливо прослеживаются традиции азербайджанского зодчества, представленного нахичеванской школой, для которой характерно сочетание камня и кирпича, активное применение в качестве декора изразцов. В Волжской Болгарии также фиксируется присутствие азербайджанского элемента, а именно ширвано-апшеронской школы. Редкие формы мавзолеев, которые можно вывести из тюркских поминальных построек, встречаются в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе.

В то же время в городах Золотой Орды происходит не прямое заимствование принятых извне традиций, а их творческая переработка. Так в Волжской Болгарии вырабатывается удивительно единообразный тип усыпальниц (рис. 23), который распространяется и на другие районы, например в Приуралье, где наряду с мавзолеями среднеазиатского облика, строятся здания, почти идентичные болгарским мавзолеям (рис. 24). Возникают и новые типы планировки мемориальных построек, в частности двухкамерные мавзолеи, которые также распространяются в различных частях государства.

Среди гражданских общественных построек в городах Золотой Орды довольно значительный процент составляли бани [20; 25, с. 59–91]. Широкое распространение банных заведений в Золотой Орде является еще одним подтверждением того, что золотоордынские города строились по восточным образцам. С распространением мусульманства, обряды которого предписывали обязательные ритуальные омовения, общественные бани-хаммам, стали непременным атрибутом любого восточного города. Такая

популярность общественных бань объясняется еще и тем, что в средние века они являлись своеобразными клубами, где посетители проводили много времени.

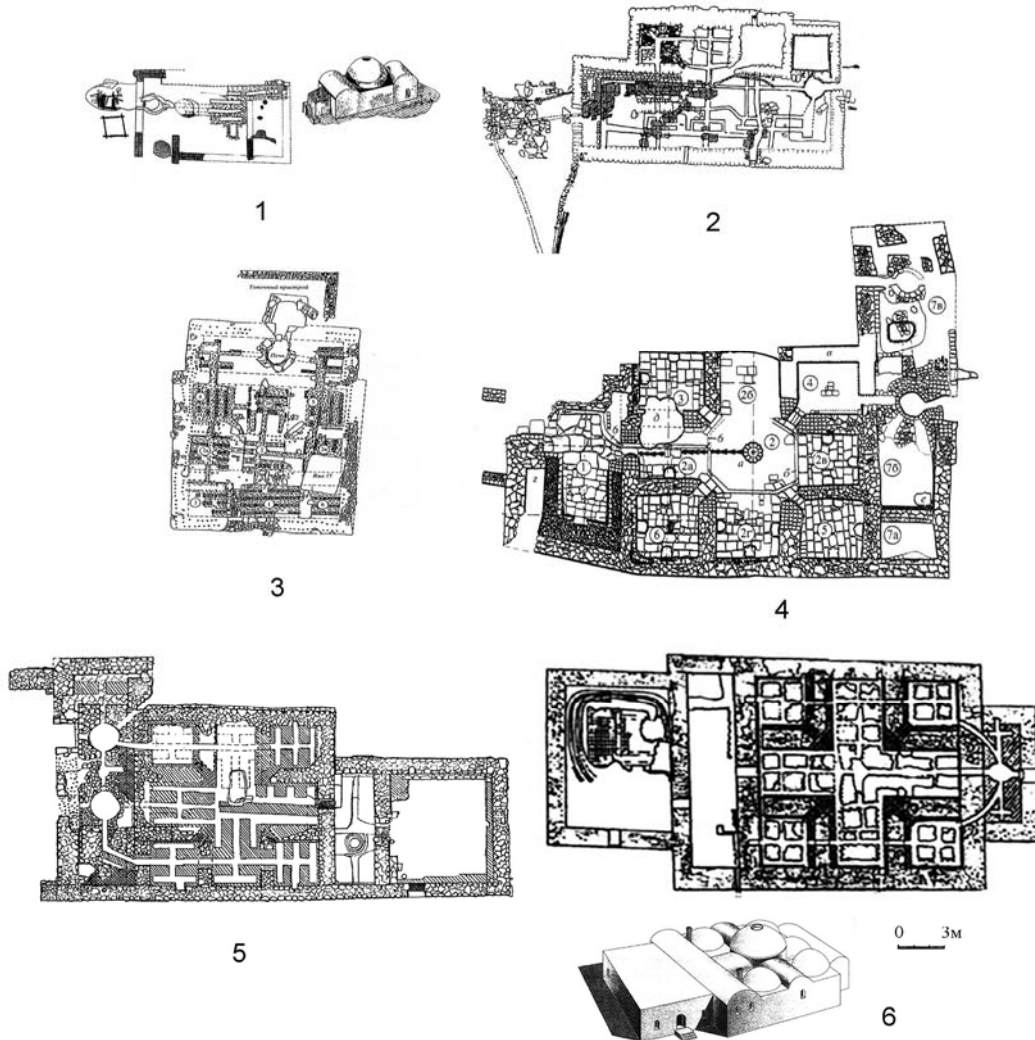

Рис. 25. Бани Болгара: 1 – № 1; 2 – № 2; 3 – № 3; 4 – Красная палата; 5 – Белая палата; 6 – Восточная палата (по О.С. Хованской [51] и Р.Ф. Шарифуллину [53])

Восточные бани, как и античные термы, имели систему отопления, при которой горячий воздух, идущий из топки бани, обогревает всю поверхность пола. Тем не менее, существовали и серьезные отличия, одним из которых являлась общая планировка здания. Планировка восточных бань являлась отражением восточной «идеологии» банного процесса, в котором важнейшим элементом был массаж, приводящий к полному расслаблению организма. Непременной чертой хаммама является наличие центрального зала в виде креста, многоугольника, звезды, представляющего композиционный центр здания.

Бани Золотой Орды также имели систему подпольного отопления, что свидетельствует об их генетической связи с восточными хаммам и банями античной традиции. Планировка золотоордынских бань разнообразна, образцы банных построек известны в большинстве регионов Золотой Орды.

Насколько популярны были общественные бани в Золотой Орде, можно видеть на примере Болгара, в котором в настоящее время исследовано шесть бань [51; 53; 25, с. 64–69]. Баня № 1 представляла собой прямоугольное (14,0 x 9,0 м) здание простой планировки (рис. 25.1). Она состояла из предбанника, мыльного отделения и топочного отделения. Остальные бани имели более развитую планировку (рис. 25.2–6). Они состояли из прямоугольного или квадратного в плане предбанника, центрального зала крестообразной формы с четырьмя квадратными мыльнями по углам и топочного отделения в виде массивной печи с цистернами над ней. Стены болгарских бань были сложены из известняка панцирной кладкой. Фундаменты стен опущены в котлован, на дне которого поставлены массивные устои также из известняковых плит. На эти плиты укладывались плиты пола. Горячий воздух из топки по каналам поступал в подпольное пространство и обогревал всю поверхность пола центрального зала и угловых мылен. Предбанники отапливались частично или вообще не имели системы подпольного отопления. В этом случае в них могли быть сделаны теплые суфы с каналами.

Над топочным отделением находились цистерны для воды. Таких цистерн было несколько, и самая горячая вода была в той, которая располагалась непосредственно над топкой. Внутри бани вода разводилась по трубопроводу, проложенному в специальных нишах вдоль внешних стен здания. Разводка осуществлялась при помощи керамических тройников, а в качестве кранов использовались короткие керамические или медные трубки. Вода поступала в специальные резервуары. В Красной палате в центре крестообразного зала находилась каменная двенадцатилепестковая чаша фонтана, а в угловых мыльнях и лоджиях зала было найдено 15 каменных раковин различной формы и размера. Сточные воды удалялись по открытому водостоку, проложенному в полу, или керамическим трубам, проложенным под полом.

Общественные бани Болгара представляли собой довольно крупные постройки. Самая большая из них – Восточная палата – имела длину 39 м и ширину от 14 до 19 м в разных частях. О внешнем виде болгарских бань можно судить по многочисленным рисункам Белой палаты, стены и перекрытия которой сохранились до первой половины XIX в. Как видно на рисунках братьев Чернецовых [52], предбанник и тамбур здания были покрыты двухскатной кровлей. Из тамбура дверной проем вел в крестообразный зал, который стрельчатыми арками соединялся с горячими и теплыми мыльнями (рис. 26). Центральный зал и угловые помещения перекрывались куполами со световыми отверстиями в зените, у основания большого купола были сделаны еще четыре окна. Стены и внутренние поверхности куполов были оштукатурены, а плиты пола покрыты слоем известкового раствора. В Красной палате штукатурка стен покрашена красной краской, а в бане № 2 стены были покрыты росписью синего, желтого и красного цветов.

Бани с крестообразным залом известны в Мохше, Укеке, Кучугурском городище. Баня аристократического района Сарая (Селитренное городище)

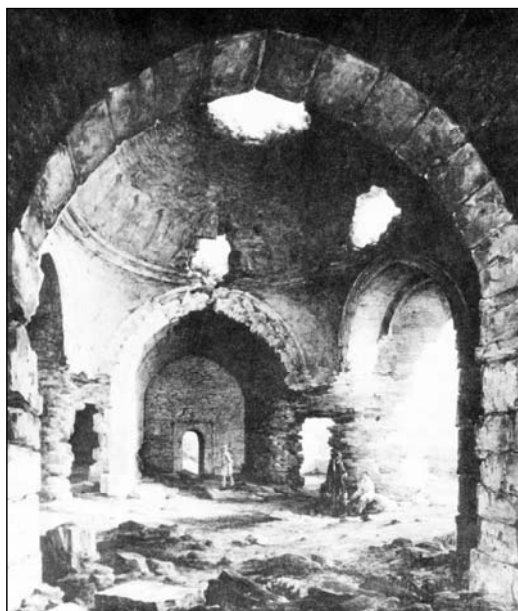

Рис. 26. Белая палата (рисунок Чернецовых)

также имела крестообразный зал, но планировка ее несколько сложнее (рис. 27). Здание имело вытянутую форму и размеры 26 x 13,3 – 15,8 м. Стены его сложены из обожженного кирпича. Баня состояла из девяти помещений, шесть из которых имели подпольное отопление. Вход в здание, обрамленный порталом, вел в небольшой тамбур, из которого по коридору посетители попадали в обширный прямоугольный предбанник, расположенный в южной части здания. Эти комнаты не отапливались. Вдоль трех стен предбанника сооружена суфа, которая обогревалась дымоходами кана. В середине пола находился фонтан. В одной из стен предбанника имелось окно, закрытое ажурной аллюстровой решеткой (панджара) с цветными стеклами.

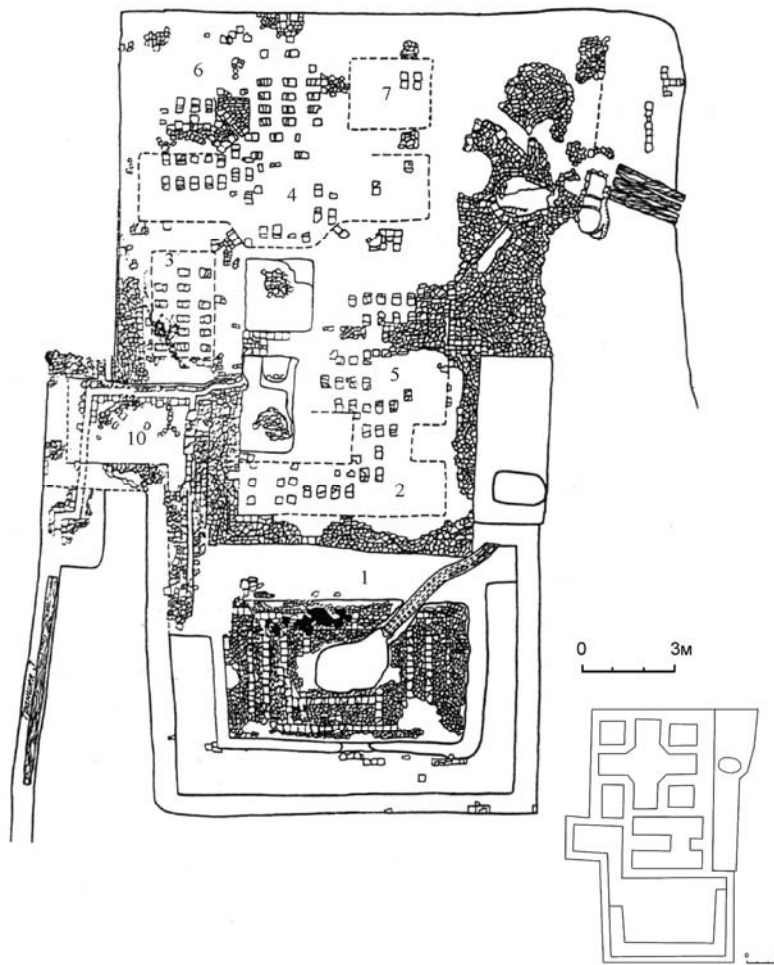

Рис. 27. Общественная баня Селитренного городища

Все остальные помещения бани имели подпольное отопление. Полы в них опирались на столбики, сложенные в один или полтора кирпича. К северо-востоку от предбанника находились два узких вытянутых прямоугольных помещения, скорее всего, раздевални. Стены их были покрыты мозаичными панно из кашинных изразцов белого, желтого, бирюзового и синего цветов, а полы вымощены шестиугольными кирпичами, чередующимися с треугольными изразцами бирюзового цвета. К северу от этих комнат находился крестообразный зал с четырьмя купальнями. Вода в мыльное отделение подавалась по керамическим трубам, а выводилась при помощи прямоугольного в разрезе водостока, участок которого найден в коридоре и входном тамбуре. Топочное

отделение селитренской бани расположено не вдоль длинной оси здания, а сбоку, что объясняется наличием с этой стороны хауса. Нет никаких данных о перекрытиях этой бани, однако по аналогии можно предположить, что середина зала и квадратные купальни были перекрыты куполами. Прямоугольная мыльня и раздевальни могли иметь сводчатые покрытия, а предбанник и тамбур – плоские.

Самой большой и сложно устроенной в Золотой Орде является баня № 2 Старого Орхее. Трапезиевидное здание имело размеры 40,0 – 37,6 x 23,6 м. Баня состояла из двух почти симметричных отделений. Из неотопливаемого предбанника посетители попадали в квадратные отопливаемые помещения, каждое из которых соединяется с двумя небольшими теплыми комнатами (в одном отделении была дополнительная комната). Дальше к востоку оба отделения соединялись с крестообразными залами с угловыми мыльнями.

Существовали в Золотой Орде и бани более простой планировки, состоящие из одного или нескольких рядов прямоугольных помещений. Здания такого плана распаны на Водянском городище, в Маджаре, Старом Орхее [25, с. 50–91]. Кроме общественных, были и частные бани. Небольшие усадебные баньки, состоящие всего из одного горячего помещения и, вероятно, каркасного предбанника, найдены в Мохше и Азаке. Усадебная баня в Сарае (рис. 29) имела предбанник с бассейном.

Для всей территории золотоордынского государства можно выделить четыре типа банных сооружений. Бани I и II типов, состоящие из прямоугольных в плане помещений с постепенно нарастающей температурой, относятся к античной строительной традиции. Бани III и VI типов являются классическими хаммам восточной традиции с массажным отделением в виде крестообразного центрального зала. Бани античной традиции существовали на территории Золотой Орды еще в домонгольское время – в Крыму, Волжской Болгарии, на азиатских территориях. Планировка бань III и IV типов была заимствована, скорее всего, в Малой Азии или Азербайджане, так как в Армении бани такого типа почти не известны, а в Средней Азии настоящие хаммам получают распространение не ранее монгольского времени и имеют несколько иную планировку. То есть бани этих типов являются собой еще один пример сельджукского влияния на архитектуру Золотой Орды.

Основу застройки любого города составляют жилые дома, поэтому нельзя не остановиться на архитектуре жилища в Золотой Орде. Все жилые постройки делятся на три группы по строительной технике. Это здания, состоящие из механически соединенных ячеек, каждая из которых представляет собой однокомнатный монгольский дом, многокомнатные монументальные здания, построенные по единому плану, и многокомнатные монументальные здания – конгломераты, состоящие из нескольких, пристроенных друг к другу частей [21; 24; 25, с. 91–132].

Простейшим типом жилого здания является однокомнатный «монгольский» дом. Он же представляет собой элементарную ячейку всех остальных типов зданий, относящихся к I группе. Такой дом возникает в результате трансформации юрты в стационарное жилище при переходе кочевников к оседлой жизни. Процесс этот хорошо известен и неоднократно описан в этнографических исследованиях. Первоначально стационарные жилища сохраняют привычную круглую в плане форму, но применение твердых строительных материалов приводит к тому, что круг постепенно превращался в правильный многоугольник и затем – в квадрат. Вариант реконструкции такого «дома монгольского типа» в золотоордынских городах был предложен В.Л. Егоровым [16] (рис. 30). Интерьер «монгольского» дома, как, впрочем, и жилых помещений зданий других типов, состоял из Г-образной или П-образной суфы с очагом (тандыром) и каном, проходящим в толще одного из «крыльев» суфы вдоль стены или полукругом в ее толще. Соединение тандыра, кана и П-образной суфы в единый комплекс становится главным и почти обязательным атрибутом «монгольского» дома и вообще большинства жилых помещений в Золотой Орде. Суфа в таких домах занимает значительную часть площади. В небольшом по площади глинобитном или вымощенном жженым кирпичом полу, может быть, сделано водосливное устройство – тошнау.

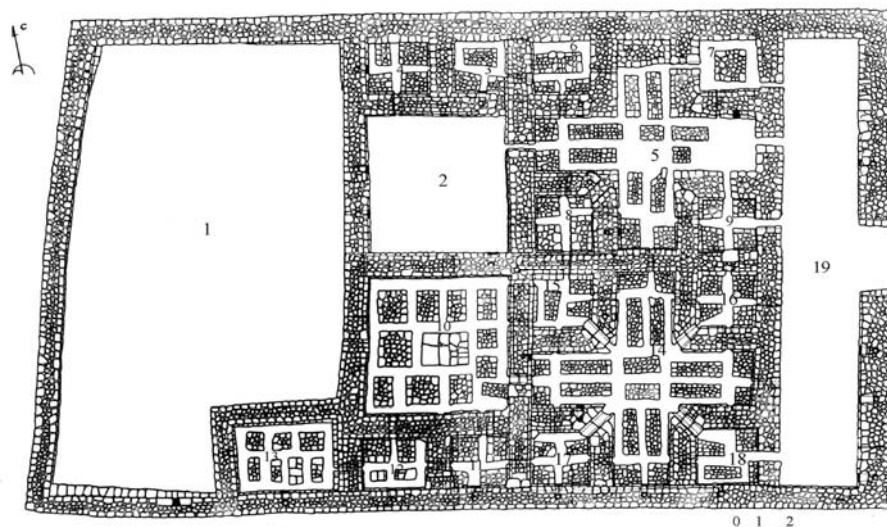

Рис. 28. Баня Старого Орхоя

Рис. 29. Дворцовая баня Селитренного городища

Дома I группы различаются взаимным расположением ячеек, каждая из которых представляет собой «монгольский» дом. Дома, состоящие из цепочки помещений, каждое из которых является отдельным квадратным домом, и здания, состоящие из беспорядочно пристроенных друг к другу «монгольских» домов, также характерны для бывших кочевников. В композиции из двух зеркально симметричных домов, возможно, прослеживается влияние Китая. Дома, соединенные айваном и сгруппированные вокруг внутреннего двора, характерны для большинства стран Востока, и в частности для Средней Азии.

Дома II группы представляют собой достаточно монументальные здания, построенные из сырца или обожженного кирпича, с четкой регулярной планировкой. Наибо-

лее развитую планировку имели дома, в которых выделено репрезентантное ядро, состоящее из парадного зала и соединенных с ним помещений. Можно предположить, что хозяевами их были представители высших слоев населения Золотой Орды. Кроме того, большое количество и сложная дифференциация помещений, их богатое оформление позволяет считать некоторые усадебные дома настоящими дворцами. Такие дома изучены в городах Нижнего Поволжья.

Два усадебных дома на Селитренном городище имели сходную планировку (рис. 31). Это были квадратные в плане здания, разделенные меридиональными стенами на три ряда помещений. Центральный ряд состоит из входного тамбура, расположенного с южной стороны, и зала, который является композиционным центром здания. Полы в этих залах были вымощены обожженным кирпичом на известковом растворе, а в северной части находился подиум, на котором во время торжественных мероприятий стояла тахта хозяина дома. В одном из зданий в подиуме были обнаружены деревянные столбики, поддерживавшие балдахин над тахтой. В центре пола был сделан бассейн, в который вода поступала по каналу, идущему со двора через южный тамбур под вымосткой пола. Такой же канал, протянутый на север, отводил излишки воды из бассейна. С двух сторон от центрального ряда помещений находились жилые и хозяйственные комнаты.

На Селитренном городище было раскопано дворцовое здание, которое является самой крупной усадебной постройкой, известной в Золотой Орде (рис. 32). Оно представляло собой многокомнатный дом, внешние стены которого были сложены из обожженного кирпича. Внутренние стены были фахверковыми. Здание было частично разрушено, поэтому его размеры можно определить лишь приблизительно: длина его составляла 32,5 м, ширина должна превышать 40 м. Центральное положение занимала анфилада парадных, которая начиналась обширным подъездом со ступенями. Дверной проем вел в помещение вестибюля с Г-образными суфами. Далее следовал распределительный тамбур, соединенный двумя проходами с центральным залом.

Помещение зала было прямоугольным в плане, вытянутым по оси С–Ю, и имело размеры 15,8 x 9,4 м. В его южной части находилось возвышение, выложенное кирпичом на известковом растворе (рис. 33). В средней части зала вдоль стен находились узкие суфы. На севере сделано еще одно возвышение большей площади, чем южное. С востока и запада от него находились проходы, ведущие в северные помещения. Суфы с четырех сторон окружали фигурно выложенный пол, в центре которого находилась большая тошна. Пол вымощен плитами двух видов: из крупногабаритных квадратных плит выложен бордюр по краю пола, квадрат, окаймляющий тошну в центре и дорожки, идущие от углов квадрата и образующие крестовидную фигуру. Пространство между дорожками заполнено шестиугольной кирпичной плиткой, пространство вокруг тошны заложено обычными кирпичами. Стены зала украшали большие мозаичные панно, состоящие из фигурных полихромных элементов с позолотой. К северу от зала располагались еще два помещения, вероятно, как и с южной стороны – тамбур и айван.

С западной и восточной сторон к парадной части дворца примыкали комнаты, расположенные рядами по оси север-юг. Всего было исследовано около 35 помещений, имевших жилое и хозяйственное назначение. Кроме обычных комнат с суфой и каном здесь была домашняя пекарня с несколькими тандырами, кладовая с жерновами для перемалывания зерна, ванная комната и детская – комната, на оштукатуренных стенах которой было нацарапано много детских рисунков. Комнаты соединялись между собой при помощи коридоров и распределительных тамбуров.

Дворцовые здания сходной планировки с парадными залами в центре исследованы на Ахтубинском городище [42].

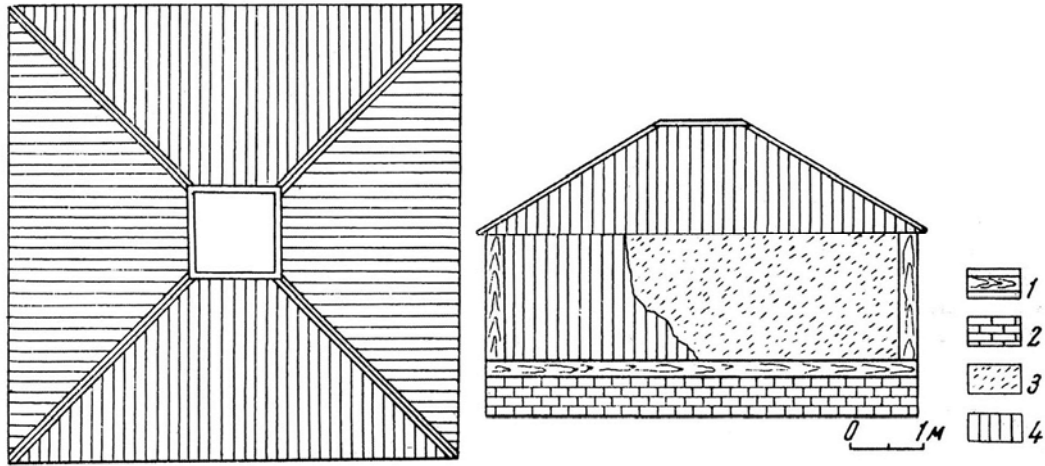

Рис. 30. Золотоордынский однокомнатный дом:
1 – бревно; 2 – кирпич; 3 – глина; 4 – доски (по В.Л. Егорову [16])

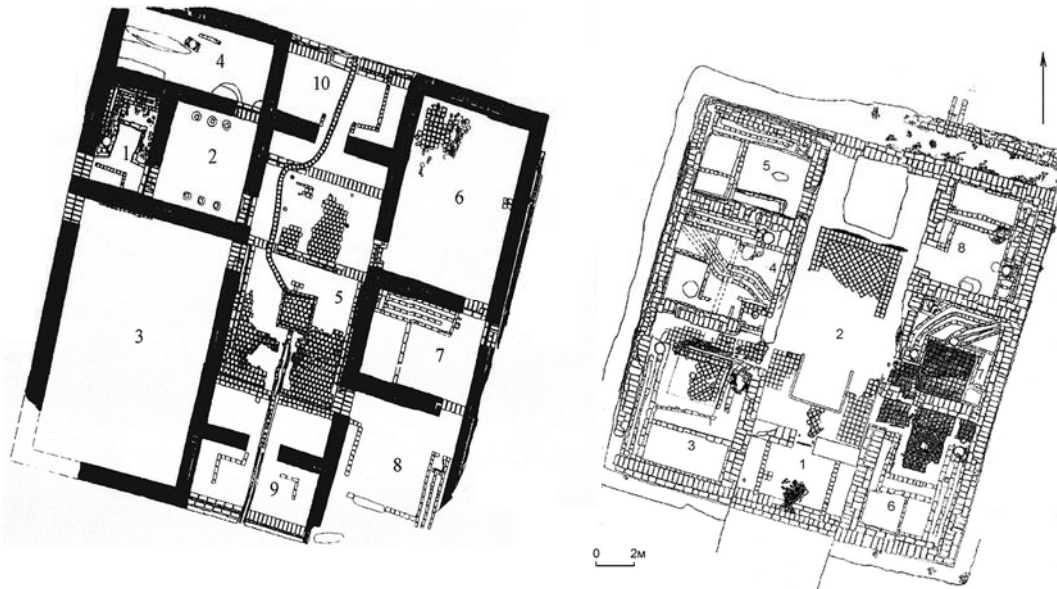

Рис. 31. Усадебные дома «с центральным залом» на Селитренном городище

Трудно предположить, что развитая планировка этих зданий возникла самостоятельно в городах, основанных бывшими кочевниками. Истоки ее нужно искать у народов, обладавших к XIV в. достаточно высокой строительной культурой, причем в качестве возможных аналогов нужно рассматривать не народное жилище, а дворцы, замки и богатые усадебные дома. Сравнение с дворцами Монголии, построенными по китайским образцам, показывает отсутствие какого-либо сходства как в строительной технике, так и в планировке. Тем не менее, описания приемов в монгольских дворцах, сделанные Гийомом де Рубрук и Марко Поло, возможно, проливают свет на характер церемоний, происходивших в главном зале золотоордынских усадебных домов. Вход в них также находится с южной стороны, а возвышение, на котором, восседал владелец дома – в северной части. По сторонам располагаются места для гостей и домочадцев. То есть организация пространства парадного зала в усадебных домах Золотой Орды

соответствует таковой во дворцах Монголии. Такая организация пространства характерна для любого монгольского жилища. Монгольские юрты и поныне ставят дверью на юг, а северная их часть считается наиболее почетной, в то время как юрты тюрок ориентированы входом на юго-восток [18, с. 16].

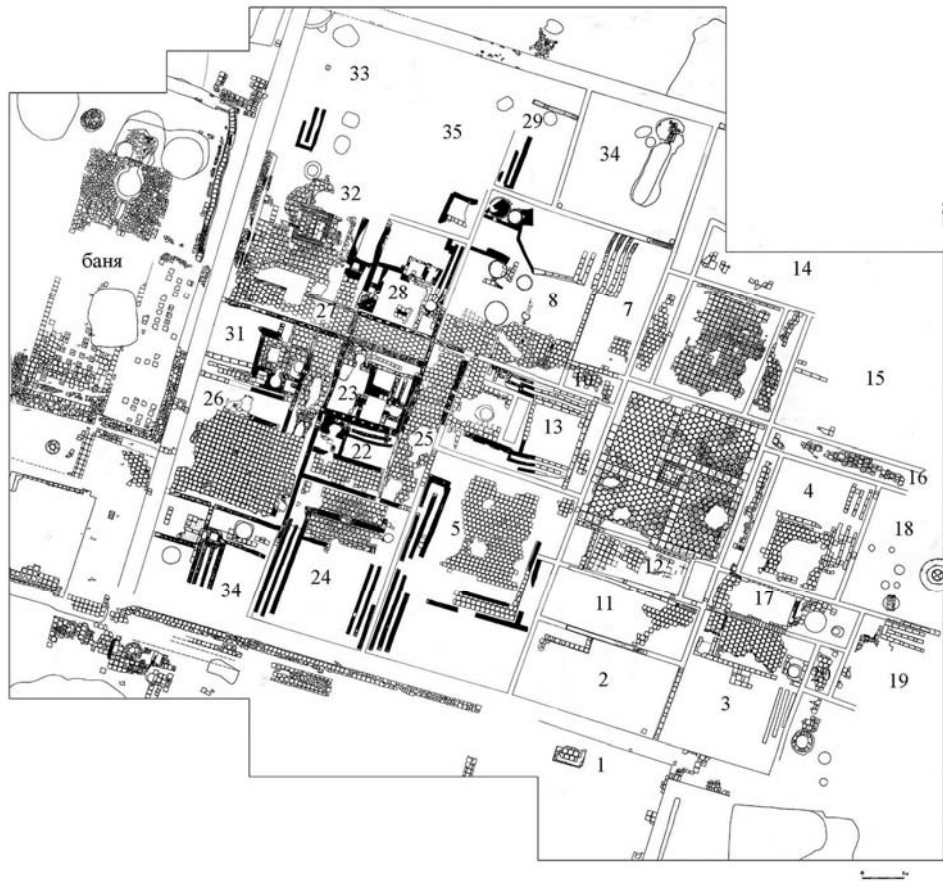

Рис. 32. Дворцовое здание на Селитренном городище

Рис. 33.
Парадный
зал дворцо-
вого здания
на Селит-
ренном
городище

Что касается планировки как таковой, то здания с центральным залом широко представлены в архитектуре всего Среднего Востока. Образцы зданий дворово-айванной и зально-айванной планировки известны и в архитектуре Средней Азии. Истоки усадебных домов с прямоугольными в плане залами можно видеть в зодчестве Хорезма.

III группа представлена домами-конгломератами, которые не имеют четкой планировочной структуры. В этих капитальных, богато украшенных многокомнатных постройках, явно принадлежащих городским верхам, прослеживается тот же примитивизм архитектурных решений, что и в планировке домов небогатых ремесленников.

Таким образом, в планировке усадебных зданий Золотой Орды, так же как и во всей культуре, прослеживается синтез различных компонентов. В основе домов первой группы лежит так называемый «дом монгольского типа», хотя строение его типично для жилищ бывших кочевников различных регионов. Такие дома могли возникнуть в Золотой Орде самостоятельно и представляют «кочевническую» традицию домостроительства в архитектуре этого государства.

Типы домов с айваном и внутренним двором, распространенные на всем Востоке, были принесены, скорее всего, из Средней Азии. Усадебные здания с парадным залом, принадлежавшие социальным верхам золотоордынского общества, имеют наиболее сложную и разработанную планировку, которая также возникла под влиянием Средней Азии и Хорезма. Тем не менее, несмотря на столь сильное среднеазиатское влияние, здесь нельзя видеть прямое заимствование. Дома с внутренним двором и центральным залом имеют выраженную ось симметрии, направленную по линии С–Ю. В случае наличия репрезентантного ядра, вход в него расположен с южной стороны, а почетное место хозяина – с северной. То есть, взяв за основу здания типично среднеазиатской планировки, жители золотоордынских городов применили к ним свои принципы организации пространства, принесенные из Монголии и, возможно, из Китая. В результате возникли постройки, которые можно считать оригинальным вариантом хорошо известных на Среднем Востоке планировочных схем.

С архитектурой непосредственно связан такой вид искусства, как архитектурный декор, который также был неоднороден на всем пространстве золотоордынского государства. В регионах с преобладанием каменного строительства здания украшались деталями из резного камня.

Наиболее яркие и художественные образцы каменной резьбы сохранились в Крыму. По рисункам (акварели М.М. Иванова) известно, что медресе Солхата имело роскошный портал, с треугольной нишей, заполненной сталактитами. В боковых стенках портала были сделаны подобные ниши сходного очертания. К сожалению, из-за неудачного ракурса нельзя рассмотреть все детали, но отдельные элементы портала, найденные при раскопках, покрыты сложными эпиграфическими и растительными орнаментами, выполненными в технике плоской и глубокой трехплановой резьбы [32, с. 113–116]. Гораздо лучше сохранился портал мечети Узбека, созданный, согласно строительной надписи, в 1314 г. Прямоугольный портал обрамлен по внешнему контуру резным фризом, внутренние углы его оформлены полуколоннами с двойными капителями, на которые опирается пята арки подтреугольной ниши, заполненной ганчевыми сталактитами (мукарнас) (рис. 34.1). Тонкой резьбой также покрыт тимпан арки. В ленте над входом сделана арабская надпись, посвященная восхвалению Узбека, повелевшего построить мечеть, а также указаны год и имя строителя – Ибрагима аль Ирбили [32, с. 114–115].

Михраб мечети имеет ту же структуру, что и портал, но украшен еще богаче (рис. 34.2). Сталактитовая ниша, как бы поддерживаемая витыми полуколоннами с двухъярусными капителями и базами в виде ламп, повторяется здесь дважды. Пространство над нишей покрыто сложной резьбой, включающей зоны эпиграфического и растительного орнамента, а также выделенные медальоны. В эпиграфическом фризе

присутствует кораническая надпись. Все это обрамлено широкой полосой резьбы, а на верхней полке рамы размещены три объемных резных медальона. Исследователи считают, что михраб мог быть подвешен с использованием позолоты [32, с. 116]. Несмотря на то, что мечеть Узбека была построена архитектором из Ирака, ее планировка и орнаментальные мотивы резного декора свидетельствуют о влиянии Малой Азии сельджукского периода [32, с. 115, 116].

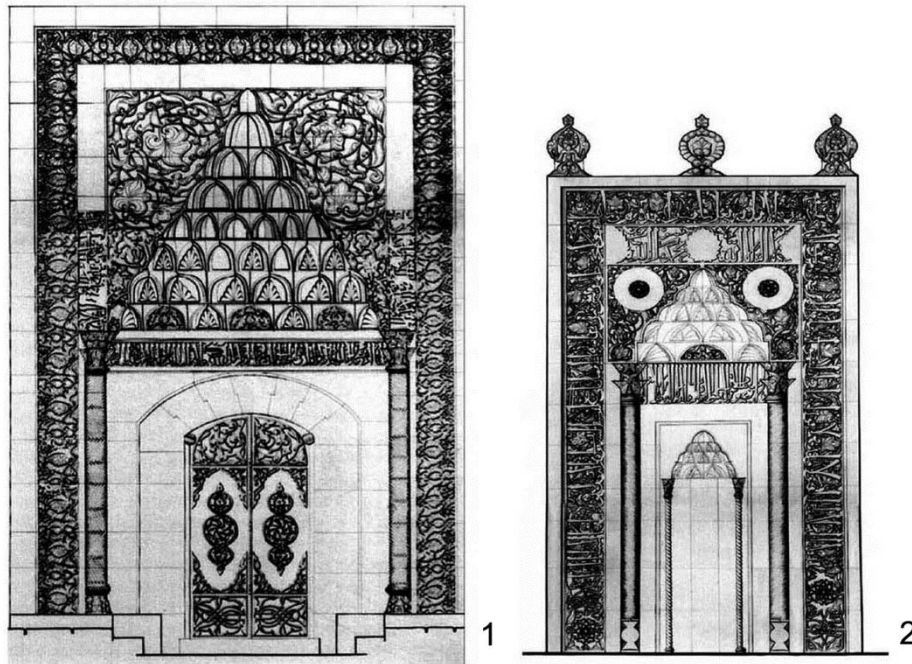

Рис. 34. Резьба по камню в мечети Узбека в Солхате:
1 – портал; 2 – михраб (реконструкция М.Г. Крамаровского)

Архитектурные детали, характерные для сельджукского стиля, такие как подтреугольные ниши порталов, заполненные сталактитами, сталактитовые капители колонн и фриз, встречаются в Крыму повсеместно. Очень популярен был орнамент в виде «сельджукской цепи», чаще всего обрамлявший портал, и украшение тимпанов арки выпуклыми круглыми розетками с эпиграфическим и растительным орнаментом. Эти элементы декора присутствуют в мечети Судакской крепости, мавзолеях, таких как Эски-дюрбе в Бахчисарае, дюрбе № 1 в Асизе, мавзолее Джанике-ханым в Чуфут-Кале (рис. 35*) [26, с. 32–34, 133–135, рис. 34, 169, 172, 174–175]. Примечательно, что такие же декоративные элементы встречаются не только в мусульманских культовых постройках, но и христианских памятниках Крыма. Сельджукская цепь как деталь обрамления портала или ниши присутствует в церквях Иоанна Предтечи, Михаила и Гавриила в Каффе, монастыре Сурб Хач. В церкви Св. Сергия (Саркиса) в Каффе колонны, поддерживающие купол над алтарем, практически идентичны колоннам мечети Узбека, а крещальные ниши имеют треугольное завершение, заполненное сталактитами (рис. 36). В Армянских монастырях Св. Ильи и Сурб Хач входы в церковь оформлены порталами с треугольными сталактитовыми нишами типично сельджукского облика [26, с. 79–88, рис. 86, 88, 96, 97]. В церкви Сурб Хача сталактитовая крещальная ниша

* См. рис. 35–54 к статье на цветной вклейке.

треугольной формы представляет собой сильно упрощенный вариант сельджукского портала или михраба, а сталактитовый фриз основания барабана идентичен пояску сталактитов в караван-сараяе Султан-хан в Кайсери 1232 г. [58, с. 75].

Резьба по камню получила распространение и в Волжской Болгарии. Капитель единственной сохранившейся колонны Болгарской мечети оформлена сталактитами и по стилистике идентична колоннам мечети Узбека. Достаточно хорошо сохранилась резьба на Малом минарете (рис. 37). Внешние треугольные скосы его восьмигранника декорированы шестилепестковыми пальметками. Дверной проем утоплен в нишу с прямоугольным завершением и обрамлен резьбой по камню в виде жгута. Плоскость ниши также была покрыта резьбой, состоящей из широкой полосы стилизованного растительного орнамента и бордюра в виде переплетенных волнистых лент. На западном фасаде на том же уровне находится впадина со стрельчатой аркой, в которой сделана полуциркулярная ниша меньшего размера. Пространство между арками заполнено орнаментированной обводкой с двумя круглыми розетками, заполненными тонким резным орнаментом. Оформление Малого минарета исследователи связывают с традициями Закавказья, а именно с Азербайджаном и с Арменией [1, с. 54]. Мотивы резного декора Болгара также находят множество аналогий и в Малой Азии. Точно такими же жгутами, как входной проем в Малом минарете, оформлены декоративные арки Тюрбе Хатуние в Эрзеруме 1255 г. [58, с. 42]. Весьма характерен орнамент в виде двух переплетенных волнистых лент, который имеет византийские корни [58, с. 62], а украшение тимпана арки розетками является одним из наиболее распространенных приемов, который прослеживается в большинстве построек Малой Азии сельджукского и раннеосманского периодов. К сожалению, исследование орнаментальных мотивов и композиций декоративных элементов построек Болгара еще не стало темой отдельного исследования, поэтому в настоящее время однозначно можно лишь констатировать, что искать их истоки нужно в Малой Азии или в Закавказье.

В степных регионах, где в строительстве применялся в основном сырцовый и обожженный кирпич, здания украшались различными декоративными элементами, покрытыми глазурью. Поливной декор отличался значительным разнообразием [40; 41; 46, с. 147–166].

Простейшими элементами были красноглиняные или кашинные кирпичи, лицевая поверхность которых покрывалась синей или бирюзовой поливой. На Селитренном городище была найдена облицовка цокольной части минарета, которая была декорирована прямоугольными (16 x 10 x 4,5 см) синими и бирюзовыми кирпичами, которые образовывали на поверхности стены ромбические фигуры [22; 26, с. 50]. Встречаются поливные кирпичи с закругленной лицевой поверхностью, применявшиеся для кладки стволов минаретов и куполов.

Для внешнего декора применялись также поливные красноглиняные плитки шестиугольной формы и резные и штампованные терракотовые плитки других форм, которые тоже покрывались поливой белого или бирюзового цвета (рис. 38).

Вне сомнения, самым распространенным видом декора были наборные мозаики, состоящие из элементов белого, бирюзового, синего, желтого и красного цветов. Элементы таких мозаик выпиливались из больших кашинных плит [47, с. 109–112] и далее выкладывались в различных комбинациях. Изразцы могли быть включены в кирпичную кладку стен или полов. Например, в общественной бане Сарая в одном из помещений пол был вымощен шестиугольными кирпичными плитками чередующимися с бирюзовыми треугольниками [20, с. 192; 25, с. 72]. Из множества элементов различных цветов складывались декоративные панно, подобные тондо, найденному на Селитренном городище (рис. 39). Часто мозаики покрывали всю поверхность стен или большую ее часть. При раскопках усадебного здания на Красном бугре Селитренного городища пол большого парадно-

го зала был покрыт толстым слоем изразцов, упавших на него в результате разборки стен (рис. 40) [21, с. 76]. Для придания большей декоративности элементы мозаики могли быть дополнительно орнаментированы золотой фольгой на красном фоне, как в дополнительном помещении Джума мечети Сарая (рис. 41) [26, рис. 21].

Мозаики чаще всего изображают растительные композиции в виде побегов, бутонов и распустившихся цветов. Г.А. Федоров-Давыдов отмечает, что характерной чертой золотоордынских мозаик является отсутствие повторений, в отличие от подчиненных строгой симметрии мозаик Средней Азии [46, с. 153]. Геометрические узоры обычно употребляются на бордюрах и карнизах. Эпиграфические орнаменты также чаще встречаются на бордюрах.

Для декорирования помещений применялись майолики с подглазурной росписью (рис. 42). Плитки покрыты разнообразными растительными орнаментами. Встречаются геометрические узоры в виде ромбов, шестиугольников, арочек, звезд, плетенок, узлов, сочетание которых образует гирихи – орнаменты, характерные для искусства Среднего Востока. Эпиграфические и псевдоэпиграфические орнаменты в виде надписей почерком «наسخ» или «процветшее куфи» обычно выполнены белым цветом по синему фону.

В золотоордынских городах встречаются майолики с надглазурной росписью и золочением (рис. 43). Множество таких изразцов различного цвета и формы было найдено при раскопках дворцового здания на Селитренном городище [46, с. 155–157; 25, с. 103]. Из этих элементов различной формы, расцветки и орнаментации были сложены большие панно [41; 46, с. 156]. В центре располагались десятиконечные звезды, между которыми помещались пятиугольные вставки. Пространство между последними было заполнено ромбами неправильной формы. По краю были пущены вставки в виде двух соединенных треугольников и ромбы. Панно, составленные из таких изразцов, отличались полихромией и перегруженностью позолотой. При всей изысканности каждого элемента, общее впечатление от декора было несколько смазанным из-за мелкого, слишком дробного орнамента.

Декор из резного и штампованного ганча в Золотой Орде был не так распространен, как в Иране и Средней Азии. Тем не менее, достаточно обычны ажурные ганчевые решетки-панджара, которыми закрывали оконные проемы. Часто в них вставляли цветные стекла. Например, остатки таких решеток найдены при раскопках общественной бани и богатого усадебного дома на Селитренном городище [20, с. 190; 21, с. 49]. При раскопках иногда находят ганчевые панели, украшенные резным или штампованным орнаментом. Прямоугольные ганчевые вставки с куфическими надписями и меандровым орнаментом украшали ствол минарета на Водянском городище [17, с. 126]. Абсолютно уникальна ганчевая панель из Сарая, на которой изображены животные в сцене гона, созданная местными мастерами под влиянием закавказских или среднеазиатских образцов [45, с. 125; 4, с. 448]. Однако в целом этот вид декора не получил в Золотой Орде столь широкого распространения, как в Иране и Средней Азии.

Исследуя происхождение архитектурного декора в Золотой Орде, Г.А. Федоров-Давыдов пришел к выводу, что импульс в развитии наборных мозаик и майолик с надглазурной росписью золотоордынская культура получила из Ирана через Закавказье [46, с. 164]. В то же время архитектурный декор Золотой Орды отличается своеобразием. В мозаике – это употребление красного цвета, а в майоликах – обильное применение позолоты. В мотивах майолик с подглазурной росписью явно чувствуется влияние Средней Азии, а многие орнаментальные мотивы всех видов декора сложились под воздействием сельджукской Малой Азии [46, с. 165–166].

Отражением эстетических вкусов населения Золотой Орды является художественная поливная керамика, которую можно рассматривать не только как ремесленную продукцию, но и как произведения искусства. «Поливная керамика ярко выразила об-

ший стиль искусства того времени, те художественные явления, которые были связаны с бурной эпохой образования и развития монгольских государств. В ней хорошо вывился синкретизм и смешанность культуры золотоордынского города. Поливная керамика была самой массовой художественной продукцией, отражавшей социальную психологию и вкусы и мощно влиявшей на них, заполнявшей рынки и дома. Это были изделия развитого ремесла, оснащенного всеми техническими достижениями гончарного дела Среднего Востока» – писал Г.А. Федоров-Давыдов [46, с. 78].

Художественная поливная керамика, встречающаяся в изобилии на всех золотоордынских памятниках, делится на две большие группы – красноглиняная и кашинная. Красноглиняные сосуды представлены в основном открытыми формами – чашами, тарелками, реже кубками; но встречаются и закрытые сосуды – альбарелло, кувшины, бутылки.

Орнамент наносился либо ангобом, либо выполнялся в технике гравировки и резерва (сграффито). Полива могла быть бесцветной, бирюзовой, ультрамариновой, но чаще различных оттенков желтого, зеленого и коричневого цветов [48, с. 199–202]. Орнаменты, нанесенные ангобом, обычно не сложные – растительные или геометрические (рис. 44). Эпиграфический орнамент всюду представлен арабским словом «успех» [46, с. 125]. Орнаменты в технике сграффито более разнообразны. Это пересекающиеся в центре полосы, образующие крест или розетку, расположенные в центре звезды, розетки, трилистники, медальоны с изображением цветка. На чашах этой группы распространены различные плетеные из широких полос фигуры с заполнением фона спиральями. Значительно реже встречаются растительные мотивы, в частности ветви и плоды граната. Отдельную группу образуют чаши с зооморфными изображениями птиц с длинными ногами, рыб, оленя, льва, павлина. Особенно много такой керамики встречается в Крыму. Из Крыма происходит чаша с изображением женской фигуры у дерева [32, с. 144]. Настоящим шедевром является чаша со сценой пира в гранатовом саду, найденная в Солхате. По мнению М.Г. Крамаровского, многофигурная композиция изображает застолье ассоциации молодых мужчин (футтувва), известных на Ближнем Востоке и Малой Азии. В сюжете и его исполнении исследователь видит явственное влияние сельджукской Анатолии [32, с. 142–147; 34, с. 164–198].

Красноглиняная поливная керамика производилась практически во всех золотоордынских городах, где зафиксировано гончарное производство. Фрагменты ее встречаются не только в богатых городских домах, но и в жилищах средних или даже бедных горожан.

Кашинная посуда из белого непластичного теста является высшим достижением гончарного мастерства в Золотой Орде. Она производилась только в Хорезме, Сарайчике и городах Нижнего и Среднего Поволжья. Из кашина делали столовую посуду (преимущественно чаши), чаши для розовой воды, аптекарскую посуду (альбарелло), чернильницы, подставки под каламы, мелкие фигурки. Кашинная посуда делится на две большие группы. К первой относятся сосуды с бессвинцовыми щелочными глазуриями с прозрачной поливой. Полива сосудов этой группы могла быть бесцветной, бирюзовой, ультрамариновой. Окраска поливы достигалась добавлением соединений меди, хрома и кобальта. Вторая группа состоит из керамики с непрозрачной поливой с добавлением окислов олова. Окрашена она в белый, бирюзовый и ультрамариновый цвета. Светло-зеленая полупрозрачная полива применялась для подражания китайскому фаянсу типа «селадон». Для первой группы характерна полихромная или монохромная подглазурная роспись. Вторая группа керамики расписывалась по глазури [48, с. 195–199].

Наиболее живописна кашинная керамика с рельефом и полихромной росписью. Узор обычно нанесен на белый, реже светло-бирюзовый фон и сопровождается легким рельефом черепка, акцентирующим основные элементы декора. Контур рисунка делается темно-зеленым, темно-синим или темно-коричневым красителем. Светлые детали

орнамента расцвечены синими точками и бирюзовыми пятнами. Наружная сторона чаш украшается почти всегда арочным орнаментом, медальонами, треугольниками. На дне помещается звезда, розетка или расцветший цветок лотоса. Цветок могут окружать лепестки или кольца каплевидных фигур (павлиний глаз). На некоторых сосудах вокруг центрального цветка размещается сложный растительный орнамент из толстых побегов или медальоны с цветами лотоса. По краю чаши бывает сделан поясok из косой штриховки или эпиграфического орнамента. Встречаются в этой группе керамики и зооморфные мотивы. В центре чаши могут быть изображены птицы (чаще всего водоплавающие), животные (барсы, лани) и фантастические существа (рис. 45).

Орнаментация керамики с подглазурной росписью без рельефа столь разнообразна, что с трудом поддается классификации [46, с. 88–115]. В ней сохраняется та же цветовая гамма, а орнаментальные мотивы представлены различными растительными и геометрическими композициями. В некоторых чашах этого типа по краю нанесен эпиграфический пояс из персидских стихов. Керамика с бирюзовой поливой расписывалась черным и имела свою собственную манеру орнаментации (рис. 46).

Стилистически выделяется кашинная керамика с монохромной кобальтовой росписью по белому фону (рис. 47). Такая керамика появляется в конце XIV в. и условно называется «тимуридской». Для ее орнаментации характерны различные растительные мотивы: листья, побеги, цветочные розетки, букеты с осевой симметрией. Зооморфные изображения представлены птицами с распластанными крыльями и развеваящимся хвостом. Имеются чаши с птицей феникс, включенной в пышный растительный орнамент, фазана, цапли у куста лотоса. Без сомнения, эти сюжеты, как и сама бело-синяя гамма являются подражанием китайскому фарфору. В то же время на чашах, расписанных кобальтом, встречаются эпиграфические бордюры с персидскими стихотворными надписями [46, с. 120].

В небольших количествах в Золотой Орде производилась керамика с надглазурной росписью и позолотой, подобная иранской керамике «минаи». Кашинные изразцы, выполненные в такой технике, встречаются на многих памятниках, а находки керамики единичны. Впервые этот тип золотоордынской керамики выделил Г.А. Федоров-Давыдов, основываясь на находке бракованной керамики этого типа на раскопе II Селитренного городища возле гончарного горна [45, рис. 100; 48, с. 199; 46, с. 133]. Подобная керамика в виде обломков найдена в Куня-Ургенче, Сарайчике, на Селитренном и Царевском городищах. Уникален по своей сохранности кубок из Азака с изображением фениксов и цветущих пионов (рис. 48). Ряд исследователей настаивают на иранском происхождении данной вещи [9; 15; 28; 37, с. 423–424]. Однако, проанализировав цветовую гамму и стилистику рисунка, М.Г. Крамаровский убедительно доказал, что этот кубок, как и подобная ему керамика, создан золотоордынскими мастерами в Хорезме или столичных городах Поволжья [31; 33; 34, с. 79–93]. Золотоордынская керамика с надглазурной росписью действительно связана с традициями иранской керамики минаи и ладжвардина, но стилистически отличается от нее [34, с. 87].

Таким образом, в поливной керамике отразился весь спектр культурных связей Золотой Орды. В мотивах художественной орнаментации и техники исполнения красноглиняной керамики прослеживается влияние Средней Азии (Отрара, Самарканда, Хорезма), а также Византии, Малой Азии Крыма и Кавказа [46, с. 135–137]. Декор кашинной керамики указывает на тесную связь с Ираном и Средней Азией. Подражанием китайскому фарфору являются керамика с росписью кобальтом и с бледно-зеленой поливой. Но, как отмечает Г.А. Федоров-Давыдов, несмотря на все заимствования, в Золотой Орде возникает свой стиль художественной керамики, характеризующийся особой живописной тенденцией, которая достигается нарушением четкости линий, приданием орнаментальной системе ощущения всепроникающего движения, расцвечи-

ванием орнамента разноцветными точками, создающими на посуде блики, наличием в ряде случаев у узора ориентации «верх-низ» [46, с. 137]. Все это делает золотоордынскую художественную керамику, несомненно, развившуюся в русле традиций Востока, во многом оригинальной и хорошо узнаваемой.

Произведениями высокого искусства являются художественные изделия из металла. В отличие от архитектуры и керамического производства они отражают вкусы и потребности не только городского населения, но и той немалой части золотоордынского общества, которая традиционно проживала в степи. Торевтика Золотой Орды подробно исследована М.Г. Крамаровским, посвятившем этой теме ряд фундаментальных исследований [основные из них: 29; 30; 32]. Исследователь выделил три этапа происхождения и развития художественного металла в Улусе Джучи [29, с. 145–146]. К раннеджучидскому периоду (50-е гг. XIII в.) относятся вещи, связанные с всаднической культурой. Эти изделия пришли в западную часть Великой степи вместе с поколением основателей Золотой Орды. Вещи, представляющие этот период, – парадные пояса, чаши и кубки. Воинские пояса украшались фигурами свернувшихся драконов (рис. 49), которые являлись геральдическими символами чингизидов [29, с. 146–147; 30, с. 37, 52–53]. На лицевых пластинах второй группы поясов изображены лани или оленухи среди цветущих деревьев или просто растительные мотивы (рис. 50). Эти пояса исследователь определяет как парадные охотничьи [29, с. 157; 30, с. 51–52].

Еще одним характерным атрибутом монгольской всаднической культуры были поясные чаши (рис. 51). В массиве раннеджучидского художественного металла выделяются две группы сосудов. Первая и более многочисленная группа представлена чашами с ручкой в виде протомы дракона, чаши второй группы с ручками в виде горизонтальной лопасти богато орнаментированы растительными узорами. Все эти предметы, являющиеся произведениями монгольского джучидского искусства, возникли на основе дальневосточной (китайской и джурчженской) традиции, в то же время в некоторых мотивах и манере исполнения можно видеть влияние Среднего и Переднего Востока.

Среднеордынский период (конец XIII – первые две трети XIV в.) характеризуется стабилизацией экономики и возникновением большого количества степных городов, в которых оседает часть золотоордынской элиты. В это время происходит сближение степной и городской культур. Художественный металл этого периода представлен наряду с поясными чашами пиршественной посудой в виде вместительных чаш и кубков на высоком поддоне (рис. 52). Характерная особенность вещей этого периода заключается в том, что они созданы золотоордынскими мастерами по заказу собственной знати. В изделиях золотоордынских торевтов соединились традиции центральноазиатского ремесла с новыми сюжетами и приемами ремесла Ближнего и Среднего Востока. Так, форма и стилистическое решение ложчатых чаш, наиболее вероятно, заимствованы из Румского султана [29, с. 170; 30, с. 97], а в элементах декора прослеживается передневосточное влияние с ярко выраженной исламской доминантой [29, с. 175; 30, с. 105].

Наиболее многочисленна коллекция вещей позднеордынского периода (последняя треть XIV в. – первая половина XV в.). Этот период характеризуется расцветом городской жизни и заметным влиянием ислама на все ее стороны. Степная часть населения теряет связь с Центральной Азией и воспринимает новые элементы культуры, проникающие в золотоордынское общество из Хорезма, Прикаспия, Закавказья, Малой Азии. К этому времени относятся крупные вещевые и монетно-вещевые клады из Поволжья, Приазовья, Крыма, бассейна Березины, а также комплекс погребального инвентаря из Белореченских курганов. В состав этих комплексов наряду с поясными наборами и чашами входит широкий круг ювелирных украшений, изготовленных как для конкретного заказчика, так и на продажу (рис. 53). В ремесленных приемах и стилистике декора этих вещей, произведенных в золотоордынских городах, заметно влияние ремеслен-

ных традиций мусульманской и христианской Анатолии, Византии, Сирии, Ирана, мамлюкского Египта с одной стороны, и Латинской Романии – с другой.

Говоря о художественных предметах золотоордынского периода, нельзя не упомянуть изделия костяного ремесла. Среди них выделяются накладки на колчаны, находимые преимущественно в курганных погребениях XIII–XIV вв., но иногда и в городах [36]. Накладки представляют собой пластины, разделенные на горизонтальные полосы, которые покрывались резьбой. Наиболее простые орнаменты состояли из треугольничков и зигзагов, более сложные представлены S-видными фигурами с дополнительными завитками и волютами (рис. 54). На пластинах с еще более сложным декором в некоторых зонах вырезаны зооморфные изображения (олени, фантастические чудовища), иногда люди. Фон вокруг них покрывается мелкой штриховкой. На некоторых накладках части орнамента раскрашены в зеленый, белый, красный и оранжевый цвета. Также известны цветные ажурные наклейки, у которых изобразительное поле заполнено рисунками зверей и растительных побегов между ними. Иногда колчаны покрывали золотой фольгой, на которой особенно ярко выделялись окрашенные пластины.

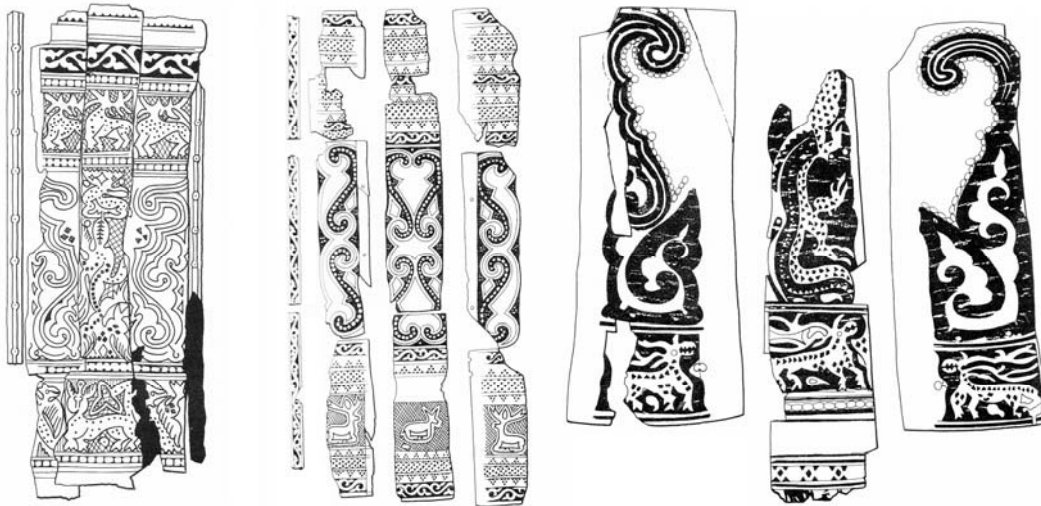

Рис. 54. Костяные колчаные наклейки

Вне всякого сомнения, столь высокохудожественные изделия производились в городах. В то же время по своей стилистике декор костяных обкладок разительно отличается от изобразительного стиля других видов золотоордынского прикладного искусства. Зато в них прослеживаются традиции тюрок Алтая, Сибири, Средней Азии, Монголии [36, с. 169]. Это объясняется тем, что заказчиками их были степняки, в основном кипчаки, и городские мастера старались создавать изделия, соответствующие их вкусам. Кстати говоря, бытовые предметы из кости, находимые в городах не отличаются красотой и сложностью декора. Таким образом, художественная резьба по кости в Золотой Орде является отражением эстетических представлений степной части золотоордынского общества.

Искусство Золотой Орды вобрало в себя традиции многих стран и народов, с которыми монголы пришли в соприкосновение как во время завоевательных походов, так и в процессе мирного сосуществования. Поэтому исследователи часто говорят о синкретичном характере золотоордынской культуры. Тем не менее произведения золотоордынского искусства достаточно яркие, выразительны и хорошо узнаваемы. Все это свидетельствует о синтезе традиций и выработке определенного и во многом единого

стиля. Как отмечал Г.А. Федоров-Давыдов, «разноголосица эклектически соединяемых элементов покрывалась мощным звучанием нового стиля в прикладном искусстве – главном искусстве золотоордынской культуры, стиля в значительной мере «патетического» с сильной тенденцией к «живописности» [46, с. 209].

1. Айдаров С.С. Архитектурное исследование руин соборной мечети в Болгарах // Поволжье в Средние века. М.: Наука, 1970. С. 39–57.
2. Айдаров С.С., Забирова Ф.М. О реконструкции и консервации остатков комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979. С. 46–62.
3. Акчокраклы О. Новое из истории Чуфут-Кале // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. II (59). Симферополь, 1928. С. 159–172.
4. Алпаткина Т.Г. Золотоордынские вещи в фонде архитектурного декора Государственного музея Востока // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Вып. 1. Казань: ФЭН, 2009. С. 445–449.
5. Артамонов М.И. Древний Дербент // Советская археология. 1946. VIII. С. 121–145.
6. Арутюнян В.М., Сафарян С.А. Памятники армянского зодчества. М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1951. 244 с.
7. Байпаков К.М., Смағұлов Е.А. Ортағасырлық Сауран шаһары. Средневековый город Сауран. The medieval town Saugan. Алматы: Credo, 2005. 202 с.
8. Башкиров А.С. Художественные памятники Солхата // Крым. 1927. № 1. С. 123–148.
9. Белинский И.В., Масловский А.Н. Импортная поливная керамика Азака (XIV в.) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005.
10. Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н. Чуфут-Кале // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. III (60). Симферополь, 1929. С. 170–183.
11. Бородина И.Ф. Особенности формирования мемориальных сооружений Средней Азии X–XV вв. // Архитектурное наследие. 1974. № 22. С. 117–128.
12. Бороздин И.Н. Солхат // Новый восток. № 13–14. 1926. С. 271–301.
13. Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего востока. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1966. 560 с.
14. Бырня П.П. Каменное сооружение 1 в Старом Орхее // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, 1985. С. 24–35.
15. Волков И.В. Об определениях керамики и азовском сосуде в технике минаи // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22. Азов, 2006. С. 410–427.
16. Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая // Поволжье в средние века. М.: Наука, 1970. С. 172–194.
17. Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука, 1976. С. 108–167.
18. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры. М.: Наука, 1988. 196 с.
19. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2. С. 113–168.
20. Зиливинская Э.Д. Бани Золотой Орды // Практика и теория археологических исследований. М., 2001. С. 174–226.
21. Зиливинская Э.Д. Усадьбы золотоордынских городов. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2008. 172 с.
22. Зиливинская Э.Д. Раскопки башни на Селитренном городище // Древности юга России. М., 2008. С. 513–525.

23. Зиливинская Э.Д. Золотая Орда как архитектурная провинция ислама: мечети Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Крыма // *Archaeologia Abrahamica. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама*. М.: «Индрик», 2009. С. 349–385.
24. Зиливинская Э.Д. Усадебные и дворцовые здания Золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Планировка, традиции, инновации // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 8. Донецк: Изд-во Донецкого ун-та, 2010. С. 97–164.
25. Зиливинская Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2011. 252 с.
26. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество. М.-Казань: «Отечество», 2014. 448 с.
27. Кирилко В.П. Строительная периодизация т. н. мечети Узбека в Старом Крыму // *Stratum. Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Казань-Симферополь-Кишинев, 2015. С. 509–559.
28. Коваль В.Ю. О керамике «минаи» // *Средневековая археология Поволжья*. Вып. 4. Иошкар-Ола, 2009.
29. Крамаровский М.Г. Золото Чингизидов: джучидская сокровищница // *Сокровища Золотой Орды*. СПб.: Славия, 2001. С. 132–207.
30. Крамаровский М.Г. Золото Чингизидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
31. Крамаровский М.Г. Алые пионы Эдема. О полихромии в керамике Золотой Орды XIII–XIV вв. // *Античная древность и средние века*. Вып. 36. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. С. 229–243.
32. Крамаровский М.Г. Золотая Орда как цивилизация // *Золотая Орда история и культура*. СПб.: Славия, 2005. С. 15–171.
33. Крамаровский М.Г. Кубок из Азака. О полихромии в керамике Золотой Орды // *Средневековая археология евразийских степей*. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Казань, 14–16 февраля 2007 г. Т. I. Казань, 2007. С. 182–190.
34. Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда, Византия, Италия. СПб.: Евразия, 2012. 494 с.
35. Кудрявцев А.А. К изучению архитектуры средневекового Дербента (VIII–XIII вв.) // *Древняя и средневековая архитектура Дагестана*. Махачкала, 1989. С. 98–114.
36. Малиновская Н.В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // *Города Поволжья в средние века*. М.: Наука, 1974. С. 132–176.
37. Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону*. Вып. 21. Азов, 2006. С. 309–473.
38. Милорадович О.В. Средневековые мечети городища Верхний Джулат // *Материалы по истории и археологии СССР (МИА)*. 1963. № 114. С. 66–87.
39. Носкова Л.М. Терракотовый и ганчевый декор в городах Золотой Орды // *Вестник Московского университета*. Серия IX История. № 5. 1972. С. 61–78.
40. Носкова Л.М. Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья // *Средневековые памятники Поволжья*. М.: Наука, 1976. С. 7–37.
41. Носкова Л.М. Декоративное убранство дворцового ткомплекса в Сарае (Селитренное городище) // *Советская археология*. № 4. 1984. С. 295–310.
42. Плахов В.В. Дворцовые здания конца XIV в. у пос. Комсомольский в Астраханской области // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Донецк: Изд-во Донецкого ун-та, 2008. Т. 6. С. 125–141.
43. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Арабские источники. СПб., 1884. 588 с.
44. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Персидские источники. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 308 с.

45. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.
46. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 232 с.
47. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1965 гг. // Поволжье в средние века. М.: Наука, 1970.
48. Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.: Наука, 1989. С. 133–249.
49. Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Исследование комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979. С. 21–46.
50. Хан-Магомедов С.О. Джума-мечеть в Дербенте // Советская археология. 1970. № 1. С. 202–221.
51. Хованская О.С. Бани города Болгара // МИА. 1954. № 42. С. 395–414.
52. Чернецовы Г. и Н. Путешествие по Волге. М., 1970.
53. Шарифуллин Р.Ф. Бани Болгара и их изучение // Город Болгар. Монуменальное строительство, архитектура, благоустройство. М.: Наука, 2001. С. 217–261.
54. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.-Л.: Наука, 1964. 232 с.
55. Benset Ünsal. Turkish Islamik Architecture. Seldjuk to Ottoman. New York, 1973. 238 p.
56. Hillenbrand R. Islamic Architecture. New-York, 1994. 645 p.
57. L'Art en Turquie. Friborg, 1981. 302 p.
58. Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln: Tashen, 1998. 238 p.
59. Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д. Мечеть городища Нижний Джулат // Древности Северного Кавказа. М., 1999.
60. Баранов И.А. Раскопки в Судакской крепости // Археологические открытия 1977 года. М., 1978.
61. Фронжуло М.А. Раскопки в Судаке // Археологические открытия 1972 года. М., 1973.

§ 5. Язык письменных памятников золотоордынского периода

Фануза Нуриева

Золотоордынский этап развития тюркских литературных языков был выдающимся периодом в развитии культуры тюркских народов. К началу XIV века в Поволжье, Приуралье и северном Хорезме сформировалось мощное государство Золотая Орда, в котором процветали центры городской культуры, активно шла культурная и экономическая жизнь. Период наибольшего политического и экономического могущества империи Джучидов приходится на время правления ханов Узбека (1312–1342 гг.) и Джанибека (1342–1357 гг.), когда на гребне подъема хозяйства и торговли произошло резкое усиление центральной власти, сложилась единая система управления империей. При поддержке ханской администрации интенсивно развивались десятки крупных городов, в которых был выработан свой пышный, выразительный, во многом эклектичный стиль. Изучение исторических трудов в совокупности с другими источниками (ярлыки, различные сообщения) приводит нас к мнению значимости городского сословия (торгово-ремесленного, чиновничьего, духовенства) в культурной жизни населения Золотой Орды, что сыграло важную роль в возникновении потребностей всего общества в духовных ценностях.

В начале XIV века было также завершено принятие ислама в качестве государственной религии, что способствовало дальнейшей интеграции народов, формированию единого этноса и наложило глубокий отпечаток на все тюркские народы Евразии [2, с. 61–62; 11, с. 177–185]. Несомненно, религиозный фактор сыграл значительную роль в политике, идеологии, управлении общественными институтами, экономике, торговле, духовной культуре и искусстве.

В этот период были созданы такие известные классические произведения религиозно-дидактического содержания, как «Кысас ал-анбия» (=КР) Рабгузи (1310), «Нахдж ал-Фарадис» (=НФ) Махмуда Булгари (1358), «Джумджума султан» (=Дж) Хисама Кятиба (1369), «Кисекбаш китабы» (=Кб); произведения светского характера: «Мухаббатнаме» (=Мн) Хорезми (1353), «Хосров и Ширин» (=ХШ) Кутба (1383), «Гулистан битюрки» (=Гб) Сейифа Сараи (1391) и др. Следует добавить еще факт существования других функциональных разновидностей литературного языка – язык ярлыков и битиков эпохи Золотой Орды, эпиграфические памятники и др.

По мнению исследователей социально-культурной жизни городов и других культурных центров Золотой Орды, в этих центрах были созданы условия для формирования устно-разговорного койне, языковую основу которого составляли тюрки, носители диалектов кипчакской языковой группы. Государственным языком Золотой Орды был кипчакский [4, с. 31; 11, с. 94–101]. Культурная среда, наличие административных центров и местные правители, а также мусульманская образованность, представленная медресе, библиотеками, грамотными муллами, создали базу для письменной фиксации наддиалектной формы языка и создание на его основе письменных литературных текстов разных жанров и стилей.

Проблемой становления и развития средневековых литературных языков занимались многие ученые: В.В. Радлов, А.Н. Самойлович, Я. Экман, Э.Р. Наджип, Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова, Д.М. Насилов, Ф.С. Хакимзянов, Ф.М. Хисамова, Ф.Ш. Нуриева и др.

Положение о единстве литературного языка тюркоязычных народов и об его изменчивости под влиянием живых диалектов лежали в основе предложенной А.Н. Самойловичем периодизации письменной культуры тюркских народов в рамках исламской цивилизации: первый период – с центром в Кашгаре и с исходным моментом образования караханидского государства; второй – с центрами в бассейне нижнего течения Сыр-Дарьи и Хорезма и с исходным моментом укрепления ислама среди огузов и кипчаков; третий – с рядом центров в оседлой части Чагатайского улуса и с исходным моментом укрепления культурной жизни в тимуридских владениях. А.Н. Самойлович придавал особое значение второму периоду, кипчакско-огузскому, так как именно в этот период, а не в чагатайский, наметилась, благодаря образованию империи Чингизхана, обстановка, благоприятная для выработки единого литературного языка всех мусульманско-тюркских племен монгольского государства; кроме того, именно к этому периоду относится зарождение главных современных мусульманско-тюркских литературных языков. Ученый прямо указывает на преемственность современного татарского языка относительно литературного языка Золотой Орды: «...казанско-татарский литературный язык, переживший несколько периодов развития, старейшие корни свои, корни кипчакские, имеет не в XV в., как принято утверждать, а в еще более ранних литературных произведениях Золотой Орды, в коих преобладают кипчакские языковые элементы. Такова же начальная судьба и крымско-татарского литературного языка» [7, с. 21]. Дальнейшее развитие концепция А.Н. Самойловича о преемственности единой книжной традиции получила развитие в трудах Э.Р. Тенишева [9, с. 67–85; 10, с. 35–38].

Крупнейший специалист в области истории средневековых литературных языков Э.Н. Наджип внес существенный вклад в освещение историко-культурной и языковой ситуации в данный период. Как известно, территория Джучиева улуса была обширной,

и Золотая Орда имела несколько центров. Одним из культурных очагов был Северный Хорезм – низовье Сыр-Дарьи, сохраняющий еще былые традиции тюркской (караханидско-уйгурской) письменной культуры Средней Азии; другим таким же центром уже в XII–XIII веках было низовье Волги – Сарай. А в XIV веке появляется новый центр – мамлюкский Египет [4, с. 16]. Сопоставительное изучение созданных на территории Золотой Орды и Египта памятников, которые основываются прежде всего на выявлении их лексических особенностей, выделение лексем по их диалектным признакам и последующей их статистической обработке, привело Э.Н. Наджиба к следующим выводам: 1) к XIV веку оформляется общий для Золотой Орды и Египта кипчакско-огузский литературный язык й-группы; 2) параллельно с этим качественно новым литературным языком продолжает функционировать более архаичный письменный язык з-группы, который Э.Н. Наджип называет огузско-кипчакским литературным языком Нижнего Поволжья – Хорезма [5, с. 81–82]. Смешанный кипчакско-огузский письменно-литературный язык, по мнению Э.Н. Наджиба, уже в XIV веке окончательно утвердился «как литературный язык Золотой Орды – тюрки Поволжья и Приуралья» [4, с. 31]. Одним из культурных центров было и Среднее Поволжье с городом Болгар. Этот культурный очаг Золотой Орды, в отличие от Нижнего Поволжья или, скажем, от мамлюкского Египта, где сложные этнические процессы (смешение различных тюркских племен, образование наддиалектных койне, создание литературных вариантов языка) происходили уже позже после монгольских завоеваний, имел давнюю культурную, в том числе и письменно-литературную традицию [15, с. 30].

В тюркологической литературе для обозначения литературного языка периода Золотой Орды применяются различные термины: «смешанный кипчакско-огузский литературный язык», «поволжский тюрки», «тюрко-татарский», «хорезмско-тюркский литературный язык», «хорезмско-золотоордынский письменный язык», «восточно-тюркский язык», «золотоордынско-египетский литературный язык». По мнению большинства исследователей, золотоордынский литературный язык по структурным особенностям заметно отличается от предшествовавшего караханидско-уйгурского и функционирует в различных вариантах: в огузизованном и кипчакизованном вариантах. В исследованиях употребляется термин «смешанный язык», однако это понятие остается не достаточно сформулированным. Под термином «смешанный» тюркологи понимают содержание в тексте памятника фонетических, грамматических, лексических элементов, принадлежащих, с их точки зрения, языку другой классификационной группы. При этом обычно эти языковые элементы приписываются определенной группе языков или диалектов (кипчакской, огузской, уйгурской, карлукской). Между тем в современной лингвистике понятие «смешанный язык» имеет конкретное содержание. В частности, его применяют к креольским языкам, которые возникли в специфических социально-культурных условиях. Как правило, в этих случаях обычно говорят о существенных сдвигах в лексико-грамматической системе контактирующих языков или диалектов. В сложившейся тюркологической традиции под смешением имеют в виду не изменение системы языка, а употребление в языке одного памятника диалектизмов, которые в языке иного памятника являются нормой. При этом сюда попадают как синхронные соответствия, так и явления архаичные, свойственные языку иной эпохи. Подобная терминологическая неясность значительно затрудняет сопоставительное изучение языка письменных памятников, поскольку признаки «смешанности» не являются едиными для всех исследователей, что обуславливает потребность в разработке четких и единых критериев для оценки языка памятника.

Учитывая сложившуюся в тюркологии ситуацию с термином «смешанный язык» памятника, широко используемы введенные Г.Ф. Благовой понятия «базисной» и «периферийной» систем [1], которые соотносятся также с понятиями нормы и вариативно-

сти. При квалификации языка памятника идет расслоение текста и вычленение в нем базисных и периферийных элементов. На примере выделенных нами фонетико-графических и морфологических признаков и их статистической обработки показано, что каждый письменный памятник есть конкретное живое отражение языковых ситуаций. Выбранные фонетико-морфологические признаки являются классифицирующими показателями при классификации тюркских языков.

Тексты религиозно-дидактического содержания.

Памятник «**Кысас ал-анбия**» **Рабгузи** (далее КР) написан в 1310 году в северной части Хорезма. Его древняя рукопись, хранящаяся в Британском музее Лондона, относится к 1489 году. Следует подчеркнуть, что данный памятник был чрезвычайно востребован в мусульманском мире, поэтому до наших дней дошло большое количество списков, общее число которых в рукописных хранилищах доходит до 35, не считая рукописей, хранящихся у частных лиц. Обширна и география мест, где выявлены списки памятника: Российская Федерация, Татарстан, Узбекистан, Азербайджан и др. Ясно, что в эти списки переписчиками вносились многие языковые новации, поэтому наше исследование базируется на древнейшем списке. Анализ его языка в конечном итоге позволил выделить следующие нормативные признаки в области фонетики и графики. Сравните: для языка КР характерно одновариантное традиционное написание слов с **ا** (алиф) типа **ادڭو** *ädgü* «праведный», графическое колебание несет определенную семантическую дифференциацию: **ار** *är* «мужчина», **اير** *ir* «воин». Устойчиво сохраняется губная гармония, орфографической нормой являются слова с **δ**-графемой, вариативность появляется в более поздних списках. Устойчиво сохраняется **-q-** в интервокальной позиции: **ساقيندى** *saqyndy* «подумал», сочетания **-ayu-, -uyu-, -uyu-**: **اغيز** *aguz* «рот», **اساربع** *saryu* «желтый».

Среди морфологических признаков базисная система склонения относится к уйгурско-кипчакскому типу. В системе времен отмечается полифункциональность и широкое использование форм прошедшего времени на **-dy**: **aldyтуз** «мы взяли». Из группы абсолютных времен настоящего и будущего представлены частотная форма на **-ar, -ur**: **jaturman** «я лежу», будущее на **-yaj**: **kiçürkäjmin** «я прошу», полной парадигмой спряжения в значении будущего времени. Желательное наклонение имеет формы **-ajyn, -alyñ**: **körküzäjin** «я тебе покажу». В атрибутивной функции соседствуют формы **-yan** и **-myş**. Имя действия представлено единственной формой **-maq**: **oşbu kitmäkidin ölmäkimni tilär irsäñ** «если своим уходом желаешь моей смерти». Указанные признаки отнесены к базисным показателям языка памятника и являются в то же время признаками караханидско-уйгурского литературного языка.

Хронологически близкой к КР является рукопись другого религиозно-дидактического объемного произведения «**Нахдж ал-Фарadis**» **Махмуда ал-Булгари – ас-Сараи** (далее НФ). Несмотря на меньшее количество выявленных списков – всего десять, названный памятник играл значительную роль в культурной жизни татарского народа. Особенно он интересен в плане изучения истории общественной мысли средневекового Поволжья, поскольку его автор опирался на большое количество трудов (зафиксировано всего 20 источников) известных мусульманских богословов. Текст является контаминацией религиозно-этических учений с художественной формой его воплощения. Увлекательные новеллы, мудрые притчи были призваны вырабатывать верность исламу и стойкий иммунитет к соблазнам, подстерегающим мусульманина на пути к райскому блаженству. Именно эта дидактическая направленность текста отличает его от КР. Все это вместе делает язык НФ насыщенным художественно-образительными приемами, синонимами, антонимами, фразеологизмами и др., а в целом характеризует его как приближенный к народно-разговорной форме. Взаимодействие традиционной литературной нормы и народно-разговорного языка подтверждается тем,

что в языке НФ чаще, чем в языке предыдущего памятника, наблюдается вариативность и в фонетико-графическом оформлении лексики, и в наборе грамматических показателей. Однако и здесь прослеживается соблюдение базисной системы, восходящей к устойчивой письменной традиции. К этим базисным признакам в области графо-фонетики относятся: последовательное сохранение губной гармонии в основах слова, в аффиксах родительного падежа, принадлежности, **-luq, -suz:** كوركلوك *körkklük* «красивый», в формах деепричастий. Но в НФ фиксируются отдельные случаи написания этих аффиксов с нарушением губной гармонии (чаще, аффиксы принадлежности, аффиксы прошедшего категорического времени). В основах с колеблющимся гласным анлаутном написании с ^ا (алиф) все чаще заменяется ^{اي} (алиф йай). Однако эта вариативность очень непоследовательна. Возрастает также вариативность при употреблении **d~δ~j** с преобладанием написания **δ**-графемы: قونوغ *quduq* «колодец», ايدي *idi* «хозяин» и др. Расширение функции **-j:** قايغي *qajgi* «горе» и др. свидетельствует об отражении в графике элементов разговорной речи. При доминировании **-q** в интервокальной позиции появляется вариативность типа *jaruqu* «его света». Однако сочетание **-ayu-, -uyu-, -yuy-** устойчиво сохраняется, как и ауслатное **-γ:** بوغون *buqun* «сустав», باغ *baq* «связка» и др. К числу новых явлений относится довольно последовательное отражение звонкости и глухости в аффиксах падежей и аффиксах прошедшего категорического времени. Система склонения продолжает отражать уйгурско-кипчакский тип, а низкочастотные периферийные формы отражают огузский тип склонения. Показатели времени по своему распределению близки данным КР. В лексике доминируют лексемы тюркского происхождения. Сюжет памятника дает простор для широкого использования художественно-изобразительных средств. Интересно отметить, что многие из фразеологических единиц не только по содержанию, но и по форме продолжают жить в современном татарском языке. Сравни: *irgä barmaq* «выходить замуж», *küz qamaşmaq* «ряб в глазах», *til tigürmäk* «наговорить» и др.

Анализ памятника на основе статистической обработки базовых норм и периферийных элементов показывает, что язык НФ отражает устойчивую традицию караханидско-уйгурского литературного языка, причем по сравнению с КР усиливается его вариативность, что, на наш взгляд, связано, с одной стороны, с его содержанием, ориентированным на широкий читательский круг, с другой стороны, с усиливающимся влиянием разговорной стихии – кипчакского койне.

Следующий хронологический срез датируется 1369 годом, и он отражен в языке популярного в Поволжском регионе «Джумджума султан» Хисама Кятиба (далее Дж), произведения религиозно-дидактического содержания. Кятиб был великим поэтом своего времени. Данную поэму он начинает увлекательно, философствуя о бренности всего сущего на земле, о том, что все люди в конце концов превращаются в прах, а на том свете все переживают одни и те же муки за свои поступки, независимо от того, кем были на земле. Поэт, художественными средствами изображая жизнь и действия своего героя, Джумджума султана, через его собственное восприятие, ведя повествование от имени самого героя, сумел убедительно выразить идею гуманизма, мысль о том, что правитель должен заботиться о своих подданных. Поэма завершается также философски, утверждением, что мусульманская религия самая правильная из религий.

В языке этого памятника сохраняется караханидско-уйгурская основа, которая выражается в базисных признаках: в сохранении губной гармонии: كوزوم *küzüm* «мой глаз», глухого **-q** в интервокальной позиции: جيب *çyqub* «выйдя», ауслатного **-γ:** قوروق *ququq* «сухой», традиционных сочетаниях типа **-uyu-, -ayu-:** اعيز *ayuz* «рот» и др. Самое интересное в этом памятнике то, что в нем встречаются случаи нарушения губной гармонии, возрастает написание ^{اي} (алиф йай), которое превращается в фонетически базисный признак ряда слов типа: ايكي *iki* «два», ایر *ir* «мужчина». **d**-признак полностью от-

существует, вариативность **δ-j** сохраняется, где языковой нормой является **-δ**-графема: اداق *adaq* «нога». Примечательно, что при кипчакском базисном типе склонения наблюдается оформление исходного падежа аффиксом **-dyn**: *başdin* «с головы». Прошедшее на **-dy** – одна из наиболее частотных временных форм, создающих общий фон повествования. Характерна структурная единообразность в спряжении по лицам и числам. Из форм прошедшего результативного встречается только форма на **-myş** в 3-ем лице единственного числа. Настоящее на **-a**, **-jur**: *suwlar aqa* «воды текут», *tiläjürmân* «я желаю»; будущее категорическое на **-ysar**: *žan quş uçasar* «улетит душа как птица»; причастие на **-an**, деепричастие **-uban**: *taxtemqa kütärubän mändürdilär* «подняв, усадили на трон», определяются как периферийные. Поскольку текст данного произведения дошел до нас в поздних списках, то возможно предположить, что заметное усиление кипчакских черт в его языке обусловлено особенностями языка его позднейших переписчиков. Однако на общем фоне исследованных нами памятников складывается картина постепенного поступательного внедрения кипчакских языковых черт в традиционную базисную систему караханидско-уйгурского литературного языка.

Тексты светского характера.

Тексты светского характера включают в себя анализ текстов: «Хосров и Ширин» Кутба (1383), «Мухаббат-наме» Хорезми (1353), «Гулистан бит-тюрки» Сейфа Сарай (1391). Как видно из историографического обзора, тексты светского содержания не раз были предметом исследования тюркологов. Учитывая достижения наших предшественников, мы подвергли анализу указанные тексты, используя методику стратификации языка на базисные и периферийные компоненты. Наиболее показательным результатом такого подхода явилась классификация базисной системы языка «Хосров и Ширин» (далее XIII), принадлежащего караханидско-уйгурской традиции, а два других текста по своим базисным формам представляют кипчакскую языковую систему. Объясняется это различие прежде всего тем, что автор произведения Кутб, будучи из Поволжского региона, свою литературную деятельность связал с Сараем, создал в конце жизни по заказу правителя Тинибека данное произведение, причем, как установлено литературоведами, образцом для него послужило произведение Низами, язык которого был классическим литературным фарси. Таким образом, мы должны обратить внимание на несомненное влияние художественной формы поэмы Низами на творчество Кутба. Кроме того, Кутб, преподнося свое произведение правителю Золотой Орды, естественно, придерживался традиционного этикета, предполагающего высокий поэтический стиль, облаченный в поэтическую литературную форму языка, который в тюркской литературе того времени восходил к караханидско-уйгурской традиции. Представляется, что все эти факторы: высокая образованность Кутба, его преклонный возраст, заказной характер произведения со стороны хана и традиционный придворный этикет повлияли на особенности поэмы «Хосров и Ширин» Кутба. В языке «Хосров и Ширин» губная гармония уже не образует единой строгой системы, наблюдается сложное взаимоотношение книжной традиции и живого разговорного языка, о чем свидетельствует вариативное написание большого количества слов и словоформ. Сравни: بولوت *bulut* (17 раз) ~ بولت *bulyt* (8 раз) «облака». Для языка «Хосров и Ширин» характерна эллизия **-γ, -q**, причем с нарушением губной гармонии типа: يازوق لوع *jazuqluy* ~ يازوقلى *jazuqlı* «грешный». В анлауте устойчиво поддерживается написание диаграфа **اي** «алиф + йай»: يل *il* «рука», ير *ir* «мужчина», يو *iw* «дом», хотя частично отмечается вариативность: ايرين *irin* ~ ايرين *äirin* «зубы». Колебания **d~δ~j**. Во многих словах традиционно сохраняется **-δ**-графема, хотя есть и дублетное написание слов: اداق *adaq* (77 слов) ~ اداق *ajaq* (20 слов) «нога». Констатируя относительную устойчивость ауслатного **-γ**, отмечается вариативное написание с пропуском конечного **-γ** с ауслатным **-γ** типа **قوروع** «*quruγ*» употребляется в тексте 14 раз, а с пропуском **-γ** **قورو** *quru* (4 раза). Скло-

нение строится по уйгурско-кипчакскому типу, а структурно упорядоченные периферийные показатели относятся к огузскому типу. В системе прошедших времен доминирует форма на **-dy**: *juraqdyn kälđiniz bir däm tynuñuz* «издалека приехали отдохните немного». Перфект на **-myş** выступает активно: *xasis tuşlarğa ol gäwhär qatylmyş Jusuf teg qadıu qıdıuñğa atylmyş* «этот жемчуг был выброшен к грубым камням, подобно Йусуфу, выброшенному в колодец горя»; редко встречается перфект на **-yp** и на **-yan**: *fäläkni täzgitib julduz jürirkän qamuñu hıkmı birlä häm igitkän bu munça yılm vä hikmätlär jaratyan qaranıu tünni kün birlä jarutyan* «Вращая небо, он передвигал звезды, своими приказами помогал всему расти, создал столько знаний и чудес, темную ночь осветил звездами». Форма настоящего времени на **-a** отмечена в восьми случаях, **-jur** – 58 раз. Примеры: *aj üstünä ol hyrqa ürtä* «луну закрывает она одеждой»; *süçüg til birlä mini aldajursän* «обволакиваешь меня своей сладкой речью».

Что касается «**Гулистан бит-тюрки**» (далее Гб) Сейифа Сарай, то это произведение является переводом знаменитого произведения Саади «Гулистан». Сарай был известен в мире поэтов и ученых Золотой Орды как большой мастер поэтики, и поэтому друзья рекомендовали ему взяться за перевод. Известно, что Сарай родился в 1321 году в Поволжье, учился и занимался литературной деятельностью в Сарае и в 80-е годы эмигрировал в мамлюкский Египет [более подробно см.: 17]. Таким образом, родным языком Сарай был язык кипчакского типа, но благодаря своей образованности, он владел языком тюркской классической литературы того времени. Поэтому, по сравнению с XIII, условия создания Гб были иными; этим объясняется, на наш взгляд, то, что в базисной системе языка этого памятника прослеживается кипчакская языковая основа.

«Гулистан бит-тюрки» в жанровом отношении близок к XIII, однако расходится с ним в своих базисных языковых системах. Значительное внедрение кипчакских элементов в систему Гб доказывают следующие дифференциальные признаки: в тексте превалирует анлаутное **ا** (алиф йай) и **ى** (йай) в закрытом слоге, язык Гб относится к группе с **j**-признаком, все слова здесь пишутся одновариантно с **j**-графемой; на стыке лексем наблюдается ассимиляция ауслатного **-q**: **اياق** ajaq (21 слово) ~ **اياغ** ajağ (11 слов); ауслатное **-y** всегда опускается: **اچى** açu «гневный, злой», **يارلى** jarly «бедный», **سارى** sary «желтый» и др. По формам и основным структурным параметрам базисная система склонения в языке Гб относится к кипчакскому типу. Периферийные формы, варьирующие в тексте: дательный **-a** и винительный **-ynu** в посессивно-именной парадигме 3-го лица относятся к огузскому типу склонения. Характерно, что в системе претеритных форм зафиксированы показатели **-yan**, **-myş**, **-yp**, хотя временная форма на **-myş** встречается редко, а самой универсальной является форма прошедшего времени на **-yp**, представленная двумя моделями: **-yp tur**+личн.окончания; **-yp**+личн.окончания, которые встречаются во всех 3-х лицах. Эта форма имеет значение результата действия, иногда прослеживается модальность неочевидности. Изредка встречается форма на **-a**, которая в соответствующем тексте может передавать семантику будущего времени. Сравните: *süzlämäk tiläbiz niçäkim türk adäb ilä şıñur* «хотим прочесть стихотворение по тюркским правилам». Отглагольные формы представлены аффиксами **-maq**, **-maqluq**, в отдельных случаях отмечен супин **-rğa**: *uç alurğa duşmanynđin waqt bar* «есть время отомстить врагу».

История создания третьего источника – поэмы «**Мухаббат-наме**» Хорезми (далее МН) – точно такая же. Хорезми был известным поэтом своего времени, жившим на территории Золотой Орды, конкретно в Сыгнаке, где по заказу Мухаммеда Ходжабека, просившего создать поэму *bizniñ til birlä* «на нашем языке», т.е. на тюрко-кипчакском языке. Хорезми в качестве образца взял популярное на востоке произведение «Мухаббат-наме», которое представляло собой собрание любовных посланий, облаченных в стихотворную форму. Выполняя конкретный творческий заказ своего патрона, Хорезми

(настоящее имя которого остается неизвестным) создал произведение, язык которого базируется на кипчакской основе. Как и у других авторов, труд Хорезми – не дословный перевод оригинала, а является вольным его изложением. На фоне последних двух памятников, язык XIII, имевший караханидско-уйгурскую основу, в своей вариативной части на уровне периферийных признаков содержит весьма значительный пласт кипчакских элементов. Как показывает наш анализ, кипчакские элементы приобретают в языке этого памятника статус норм.

Изучение языка «Мухаббат-наме» – важно как одного из звеньев большой работы по исследованию становления и формирования литературного языка Золотой Орды, его связей с другими литературными языками тюркских народов и определению влияния его норм на литературные языки более поздних периодов. Как уже говорилось, в этом памятнике начинают доминировать кипчакские языковые элементы. Так, например, в анлауте засвидетельствованы *ا* (алиф йай), свойственные только кипчакским языкам: *ايرين* *irin* «зуба», *اىلى* *illi* «пятьдесят» и др. В группе чередования **d~δ~j** в памятнике представлено только одновариантное написание через **-j**. Интервокальное **-q** в целом сохраняется, в ауслaute употребляется глухое **-q**: *قابوق* *qabıq* «дверь», звонкое **-γ** в аффиксе **-lyγ** всегда отсутствует: *كوركلو* *körklü* «красивый». Базисная система склонения ближе к кипчакскому типу, а периферийные формы – огузскому. В дательном и местном падеже прослеживается низкочастотный карлукский тип. Перфект представлен двумя конкурирующими формами **-γan**, **-yp tur**. Примеры: *çiçäk japraqлары jirgä tüşüptür* «*рассыпались по земле лепестки цветов*»; *iki jaktu gävhar ɣalämga birgän* «*два светлых жемчуга дал он миру*». Атрибутивная функция более активно проявляется кипчакской формой **-γan**, когда огузские формы **-myş**, **-an** зафиксированы в единичных примерах. Среди обстоятельственных форм в языке МН явно доминирует деепричастие на **-yp**, крайне редко встречается форма на **-a**, **-u**, обычно в удвоенной форме (правда, могут выступать при разных основах): *külä ojnaɣı* «*смеясь и играясь*». Имя действия отмечено формой **-maq**, есть единичные примеры на **-maɣa** и **-rɣa**: *seniñ ɣışqıynda sajrarɣa* *Haräzmi* «*чтобы петь твою любовь Хорезми*»; *juraq min baqtaɣa imkän joq äj žan* «*я далек, любоваться тобой нет возможности, о душа*».

Язык поэмы красочен, богат и образен. Автор умело использует разнообразные художественные средства, в частности эпитеты, сравнения и метафоры. Особенно часто Хорезми обращается к сравнениям для создания портрета изумительно красивой девушки: *irür jüzi qujaş tek ɣäläm ara* «*украшит ее лицо как солнце вселенную*», *saçın bir taruna miñ xor ɣitmas* «*тысячи гурий недостойны одного твоего волоска*» и др. Поэма украшена многочисленными художественными метафорами: *ysyrɣañ danasi – zührä, jüzün – äj* «*Венера – лишь камешек в твоей серьге, а луна – это лицо твое*» и др.

Проанализированные выше тексты письменно-литературного языка Золотой Орды не исчерпывают весь состав памятников письменности тюрко-татарского литературного языка этого периода. Важными источниками являются арабско-кипчакские глоссарии, грамматики, а также переводные литературные произведения XIII–XVI веков, созданные в мамлюкском Египте в течение почти 250 лет. Среди источников особое место занимает «**Codex Cumanicus**» (далее СС), который является крупнейшим письменным памятником кипчакского разговорного языка золотоордынского периода, а также замечательным источником для изучения истории становления и развития практически всех современных языков кипчакской группы. Язык «Codex» уже в нем самом назван татарским. Например, «Иисус Христос битик тилинчэ, татарча «куткардачы» татар тилгэ конэлде». Перевод: «Иисус Христос, как написано, был переведен на татарский, как спасающий» [23, с. 48, 83]. Достоинство этого памятника в том, что тюркский язык представлен в латинской графике, который позволяет более точно отразить фонетические особенности. Тексты памятника в своей основе ориентированы не только на

разговорную речь, но, прежде всего, на доступность языка в тюркской среде. Именно поэтому памятник ценен как образец фиксации разговорного стиля в кипчакских диалектах XIII–XIV веков. Об этом свидетельствует, в частности, регулярный **j**-признак: все слова пишутся одновариантно через **j**. Устойчиво наблюдается озвончение интервокального **-q-**, хотя есть и случаи его сохранения: *сууар* «выпусти», *саууз* «печаль», *жоqару баqур* «смотря вверх» и др. Сочетание **-aуу, -uуи** регулярно отражается как дифтонг **-uw**: *awuz* «рот», *buzau* «теленок». Регулярно опускается конечное **-y**: *bitti* «письмо», *jataи* «заплата», *tau* «гора». В склонении родительный падеж подчиняется губной гармонии, винительный падеж имеет формативы **-ny, -ni**, в 3-ем лице почти на равных существуют **-yn** (17 раз) и **-yny** (18 раз), дательный падеж представлен аффиксом **-qa-** и его соответствующими гармоничными вариантами, исходный имеет форму **-dan, -tan**. Широко распространен в системе посессивно-именного склонения инфикс **-n-**. Таким образом, иллюстративный материал словаря демонстрирует чистый кипчакский тип склонения. Высокочастотна временная форма на **-yp tur**, а форма на **-yan** и **-myş** встречается сравнительно редко. Таким образом, подтверждается абсолютно кипчакский базисный тип языка «Codex Cumanicus».

Золотоордынский этап развития тюркских литературных языков был значительным этапом в развитии культуры тюркских народов. Активно развивается официально-деловой стиль – язык ярлыков и битигов. В отношении базисной структуры языка ярлыков Токтамыш Ягайле (1393), Тимур Кутлуга (1398) исследователь Ф.М. Хисамова отмечает свойственные поволжскому ареалу языковые особенности: склонение целиком кипчакское, активно выступает причастие на **-ган**, олтурган «восседавший», тушманлык кылган Бекбулат «враждебный нам Бекбулат», инфинитив на **-ырга**: тута турурга алтын нышанлык ал тамгалык жарлык бәрілді «дан ярлык с золотой печатью и алой тамгой» и др. [15, с. 54–57]. Такая особенность ярлыков, по мнению Ф.М. Хисамовой, объяснима типологической близостью языка деловой письменности к конкретным регионам их возникновения. Эта разновидность литературного языка Золотой Орды, как известно, непосредственно связана с поволжским регионом: в ней в большей степени, чем в других функционально-стилистических разновидностях письменного языка этого периода, отразились языковые особенности местных тюркоязычных племен [15, с. 59]. Анализ текстов свыше двухсот эпитафий волжских булгар с учетом графических особенностей передачи тюркских слов на базе арабского алфавита позволили Ф.С. Хакимзянову полно описать графо-фонетическую структуру, фонетико-грамматические и лексические особенности языка надписей. Как отмечает ученый, лексика данной группы памятников имеет много общих черт с современными кипчакскими языками, главным образом с татарским языком. Вполне различимы лексемы с кипчакскими особенностями на различных уровнях языка: в морфологии – это оформление причастной формы прошедшего времени при помощи афф. – **-yan** (*asraуan* «воспитавший»), оформление направительного падежа при помощи **-ya** (*baqı dunjaуa* «в мир вечный») и др. Вместе с тем в памятниках зафиксированы показатели караханидско-уйгурской литературной традиции, определенное место занимают арабо-персидские заимствования [13, с. 64–65]. Принимая во внимание довольно убедительные факты Ф.С. Хакимзянова о формировании в домонгольский период в Волжской Булгарии наддиалектной формы языка общетюркского (кипчакского) типа, можно допустить, что эта традиция также должна была сыграть свою роль в образовании регионального варианта литературного языка в золотоордынский период.

Наши исследования показывают, что письменно-литературная форма языка периода Золотой Орды в своем развитии в ее литературных центрах в начале ориентируется на фонетико-графические и грамматические нормы литературных языков караханидско-уйгурского ареала. Это вполне объяснимо тем, что указанные ареалы в этот

исторический период оставались центрами распространения мусульманской образованности, включавшей, помимо религиозных основ, также и соответствующие формы письменно-литературного языка, в которые облекалась прежде всего религиозно-дидактическая литература. Культурная жизнь Золотой Орды, начиная со времен становления самостоятельного государства, сопровождалась сильным культурным воздействием знаменитых мусульманских подвижников-богословов, имена которых нам известны из трудов историков Ш. Марджани, М. Усманова, Г. Давлетшина и из самих произведений, в частности таких, как «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда Булгари. Поэтому неудивительно, что в региональных литературных центрах Золотой Орды столь значимые позиции занимал литературно-письменный язык, базирующийся на караханидско-уйгурском варианте тюркского письменного языка, который закрепил свои позиции и в литературных центрах Золотой Орды. В то же время основное население Джучиева Улуса как оседлое, так и кочевое, являлось носителем племенных языков кипчакского типа; хотя среди жителей Золотой Орды были носители языков огузского и карлукского типов (например уйгуры в канцеляриях). Таким образом, упомянутые носители мусульманской цивилизации в силу этнодемографических условий оказались в преобладающей среде кипчакоязычного населения. Данная этническая ситуация способствовала сложению в культурных и торговых центрах наддиалектного койне, базирующегося на кипчакской языковой стихии. Именно этот фактор находит подтверждение в материале нашего исследования, прямо свидетельствующего о воздействии народно-разговорного койне, сложившегося в указанных условиях, на норму письменно-литературного языка изучаемого периода. Это влияние и взаимодействие старой традиции с новыми языковыми процессами по-разному отражено в языке отдельных памятников, в зависимости от жанровой принадлежности памятника (религиозно-дидактическая литература оставалась более устойчивой, а светская литература быстрее принимала новации), от уровня образованности и принадлежности автора к определенной литературно-художественной школе, от заказчика произведения (как, например, «Хосров и Ширин» Кутба, «Мухаббат-наме» Хорезми), от конкретных условий места создания, от переписчика, его племенной принадлежности и владения родным языком. Можно констатировать, что в ранних памятниках Золотой Орды устойчиво сохраняется караханидско-уйгурская традиция, параллельно с которой именно в Поволжье формируется новый вариант регионального литературного языка.

Из фонетико-графических признаков устойчивыми оказываются следующие: губная гармония, интервокальное **-q-** и сочетания типа **-aγu-**. Из фонетических признаков наиболее динамичным, менее устойчивым является [ä], который последовательно уступает позиции узкому нелабиализованному гласному переднего ряда [i], что определяется графически, а также смена **-δ** признаком **-j**, так как язык памятников отражает процесс, когда **j** – графема проникает в язык текстов. Максимум из выделенных фонетических признаков караханидско-уйгурской традиции реализуется в «Кысса ал-анбия» Рабгузи, минимум – в «Codex Cumanicus».

Морфологическая характеристика языка памятников показывает, что они также являются отражением общих закономерностей формирования языка золотоордынского периода. Показательно, что их морфологические параметры корреспондируют с фонетико-графическими явлениями.

Рассмотрение морфологических категорий приводит к следующим выводам. Системное изучение склонения в языке памятников и соотнесение всех данных, полученных из анализа каждого памятника, учет всех совпадений и расхождений позволяют утверждать, что именно в XIV веке начался переход от уйгурско-кипчакского типа склонения к кипчакскому типу. Формы, оставшиеся за пределами базисной системы склонения, во многом совпадают. Например, в именной парадигме к таким формам отно-

сятся дательный падеж на **-a** (в XIII, Гб, МН, Дж), винительный на **-i** (в МН, КБ), исходный падеж на **-dan** (в XIII, МН). Учет их положения в системе склонения каждого памятника позволяет отнести их к склонению огузского типа и считать периферийными по отношению к базисной системе склонения.

Анализ синтетических **видо-временных форм глагола** также продемонстрировал активное взаимодействие письменно-литературной традиции с региональным койне, причем это взаимодействие оказалось неоднородным и варьирующим в языке конкретных золотоордынских памятников.

В сфере **форм прошедшего времени** в языке памятников XIII – нач. XV веков наиболее распространенной и многозначной была форма на **-dy**. Употребление всех трех форм перфекта: **-myş, -yan, -yp tur** – довольно ограничено, и они отражают живой процесс изменения системы перфектов: проникновение в литературный язык новой кипчакской формы **-yan; -myş** как поэтико-выразительного средства престижной книжной традиции, разговорно-диалектной формы **-yp tur**.

Рассмотрение системы времен в языке золотоордынских памятников показывает, что эта система, наряду с устойчивыми базовыми компонентами, восходящими к более ранним этапам развития тюркских языков и отражающими преимущественно караханидско-уйгурскую языковую традицию, в новом, Поволжском ареале, так же, как и система склонения, претерпевает заметные сдвиги в сторону включения в него новых местных региональных форм кипчакского типа: **-a, -a turur, -yan, -yb, -ybtur**. Характерно, что язык отдельных памятников отражает разные этапы этой динамики (сравните язык НФ и МН).

В сфере **неличных субстантивных форм** абсолютно доминирует форма **-maq**, синонимом которого выступает **-maqa**. Сама форма **-maq**, которая известна ряду тюркских языков, в целом характеризует все же тюркские языки восточного ареала, и ее фиксация в литературных памятниках связана, скорее, с посткараханидским периодом, она получает широкое распространение, начиная с языка золотоордынских и чагатайских памятников. Из девяти проанализированных нами памятников только в языке XIII, МН, Гб, СС фиксируется новая субстантивная форма **-rya**. Она функционирует чаще всего как форма супина, т.е. обозначает цель какого-либо действия. Несмотря на низкую частотность, это форма является региональной, свойственной языку Поволжского региона. Таким образом, рассмотренные памятники фиксируют начальный этап распространения этой формы в языках Поволжья.

Проведенный языковой анализ, имеющий важное социолингвистическое содержание, с одной стороны, позволил выявить истоки старотатарского литературного языка, которые питались непрерываемой литературной традицией тюркских народов, уходящей в эпоху тюркских и уйгурских каганатов; с другой – была определена роль регионального койне кипчакского типа, которое, будучи широко распространенным в пределах Золотой Орды, оказало решающее влияние на старый литературный письменный язык, что и привело в конечном итоге к формированию регионального литературного языка раннего периода. В последующем татарский (в историографии донациональный период обозначается как старотатарский) литературный язык активно развивался и функционировал прежде всего в татарских ханствах. Региональный старотатарский язык по своей базисной системе оставался кипчакским, сохранению традиционных архаичных черт способствовали культурно-историческая и языковая ситуация в Казанском, Астраханском и Сибирском ханствах. В Крыму с началом влияния османского языка в литературном языке в базисной системе грамматических форм уже в значительной мере начинают преобладать южно-турецкие традиционные элементы.

В условиях, когда татарские ханства оказались в составе России, из-за активной внешней политики Московии в восточном направлении продолжала активно развиваться

ся функциональная разновидность старотатарского литературного языка – официально-деловой стиль, язык дипломатии. Детальное изучение Ф.М. Хисамовой языка многочисленных официально-деловых документов дипломатической переписки с Востоком, образцов административной переписки внутри России показало, что язык старотатарской деловой письменности в своей базисной системе был весьма близок татарскому разговорному языку. Его диалектная основа была полностью татарской. Именно поэтому в сфере официально делового употребления он всюду назывался в ту пору «татарским письмом», «татарским языком» [15, с. 376–377]. Истоки этого стиля лежали в известных ярлыках и грамотах периода Золотой Орды и Казанского ханства, а также Крымского ханства. И эта традиция устойчиво сохранилась в последующие века, чему способствовала функциональная значимость официально-делового стиля, как одной из форм языка дипломатии и административной переписки. Ф.М. Хисамова в своей работе показала, что деловая письменность XVI–XVIII веков выходила в ту пору далеко за рамки расселения татарской народности. В качестве языка русской дипломатии грамоты и письма на татарском языке посылались в такие страны, как Индия, Китай, Иран, Турция. Широко использовалась эта письменность в административной переписке не только в регионах расселения татарского народа, но по мере расширения восточных границ Российской империи появлялись административные центры (Оренбург, Кизляр), вследствие чего с представителями тюркских, да и нетюркских народов (с кумыками, чеченцами, кабардинцами) административная переписка велась на том же татарском языке. В большинстве случаев писцы и переводчики также отбирались из числа казанских татар. Таким способом шла переписка с ногайцами, казахами, каракалпаками, с узбекскими ханствами [15, с. 377]. Старотатарский литературный язык, выйдя за рамки Поволжского региона, оказывал влияние на формирование региональных письменных традиций в Сибири, на Северном Кавказе, в Казахстане и в других регионах с тюркоязычным населением. Ф.С. Фасеев, говоря о функционировании старотатарского языка в казахских ханских канцеляриях, специально остановился на этой проблеме. «Он, будучи старотатарско-тюркским по основным своим параметрам, уже XVIII в. отражал и осваивал в себе ряд казахских элементов: местные реалии, титулы, термины, личные имена и топонимы. Далее в XIX в., обогащаясь казахскими фонетическо-лексическо-грамматическими элементами, этот служебный старотатарский превращался постепенно в деловое казахское письмо, а затем в применении к другим сферам /периодическая печать, записи казахского фольклора, письменная поэзия, учебники .../ к концу XIX в. стал собственно казахским старописьменным языком. Так сложился новый письменный тюркский язык с помощью другого, более раннего, в данном случае – служебно-татарского языка. Это – общая закономерность отпочкования новых тюркских литературных языков» [8, с. 37].

Таким образом, изучение языка золотоордынских письменных памятников дает основание утверждать, что распространенный на довольно большой территории золотоордынский литературный язык в своей основе является кипчакским, и по структурным особенностям он заметно отличается от предшествовавшего общетюркского караханидско-уйгурского литературного языка. Отпочковавшийся от золотоордынско-кипчакского литературного языка, региональный татарский язык XVI–XVIII веков в своей базисной системе оставался относительно стабильным на протяжении своего функционирования.

Сокращенные обозначения источников, ссылки на которые имеются в тексте:

Гб – A Fourteenth century turkic translation of Sa`dis Culistan (Sayfi Sarayis Culistan biturki). By A.Bodrogligeti. Budapest, 1969. 450 p.

Дж – Исламова А.И. Исследование языка тюркско-татарского памятника XIV в. «Дас-тан -и Джумджума Султан» Хисама Кятиба: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1998. Текст. С.39–62.

Кб – Ахметгалеева Я.С. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы». М.: Наука, 1979. Текст. С.124–143.

СС – Radioff W. Das turkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. StP., 1887. Wörterverzeichnis. S.1–132. Einzelne Sätze. S.1–79. Vorwort. S.80–111.

КР – Мелиоранский П.М. Сказание о пророке Салихе. Сб. ст. СПб., 1897. 281 с.; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М., 1951. С.323–341; Ильминский Н.И. История пророков Рабгузы на джагатайском наречии. Казань, 1859. 555 с.

МН – Хорезми. Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э.Н.Наджиба. М.: Изд. восточной лит-ры, 1961. 223 с.

НФ – Eckmann J. Nehcü`l-Ferâdis. I, Türk Basım. Ankara, 1956. 444 s.

XIII – Zajaczkowski A. Najatarsza wersja turecka Husräv u Širin Qutba. Warszawa, 1958. Tect. 304 s.; Faksimile. 238 s.; Slownik. 207 s.

1. Благова Г.Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении: юго-восточный регион. М.: Наука, 1987. 304 с.

2. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV в. Казань, 2000. 136 с.

3. Наджип Э.Н. Кипчако-огузский литературный язык мамлюкского Египта. XIV века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1965. 94 с.

4. Наджип Э.Н. Тюрко-язычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сараи и его язык. В 2-х книгах. Алма Ата: Наука, 1975. Кн. 1. 210 с.; Кн. 2. 301 с.

5. Наджип Э.Н. Исследование по истории тюркских языков XI–XIV вв. М.: Наука, 1989. 291 с.

6. Нуриева Ф.Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. Казань, 2004. 376 с.

7. Самойлович А.Н. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка // Мир Али Шир. Л., 1928. С. 3–25.

8. Старотатарская деловая письменность XVIII в. Составление сборника текстов, переводы, комментарии и исследование выполнены к.филол.н. Ф.С. Фасеевым. Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КФАН СССР, 1982. 172 с.

9. Тенишев Э.Р. Языки древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте // Вопросы языкознания. 1979. №2. С. 85–93.

10. Тенишев Э.Р. Принципы составления исторических грамматик и истории литературных языков // Советская тюркология. 1988. №3. С. 67–78.

11. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 318 с.

12. Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар. М.: Наука, 1978. 206 с.

13. Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники волжских булгар и их язык. М.: Наука, 1987. 101 с.

14. Хисамова Ф.М. Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности (XVI – нач. XVII вв.): дис. ... д-ра филол. наук; Каз. гос. ун-т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1995. 418 с.

15. Хисамова Ф.М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – нач. XVIII вв.). Казань, 1999. 407 с.

16. Дәүләтшин Г.М. Төрки-татар рухи мәдәнияты тарихы. Казан, 1999. 512 б.

17. Миннегулов Х.Й. Сәйиф Сараи. Тормышы һәм ижаты. Казан, 1976. 180 б.

18. Миннегулов Х.Й. Алтын Урда чоры язма мэдэниате // Мирас. 1993. №6. Б. 14–24.
19. Миннегулов Х.Й. Дөнъяда сүземез бар... Казан: Татар. китап нәшрияты, 1999. 336 б.
20. Нәжип Э.Н. Татар әдәбиятының һәм әдәби теленең кайбер онытылган язма истә-лекләре турында // Совет әдәбияты. 1957. №12. С. 77–88.
21. Сәгъди Г. Татар әдәбияты тарихы. Казан: Татгосиздат. 1926. 300 б.
22. Хаков В.Х. Татар әдәби теле тарихы. Казан, 1993. 323 б.
23. Radioff W. Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. StP, 1887. Wörter-verzeichniss. S.1–132. Einzelne Sätze. S.1–79. Vorwort. S.80–111.

§ 6. Литература Улуса Джучи и постзолотоордынских татарских ханств

Хатип Миннегулов

Тюрко-татарское словесное искусство корнями уходит в древнетюркские письменные памятники, такие как рунические надписи VII–X вв., поэма «Кутадгу билиг» (1069 г.) Юсуфа Баласагуни, знаменитый «Словарь тюркских наречий» («Диване лугат ат-тюрк», 1072–1074 гг.) Махмуда Кашгари, поэтические сочинения Ахмеда Ясави (умер в 1166 г.), Сулеймана Бакыргани (умер в 1186 г.), Кул Гали (1183–1230-е гг.), «Кыйссаи Йусуф» (1233 г.).

За период своего двухсотлетнего существования Золотая Орда добилась значительных успехов не только в политической, экономической, социальной жизни, но и в духовной сфере. Наличие многовековых, богатых тюркских, в том числе болгаро-хазарских традиций, расцвет городов, веротерпимость, тесные взаимосвязи со многими государствами, особенно с мамлюкским Египтом, способствовали развитию литературы в Золотой Орде [4, с. 185–193]. Но, к сожалению, многие памятники письменной культуры этого периода по различным причинам были утрачены.

Дошедшие до нас письменные памятники Золотой Орды представляют собой сочинения различного характера и назначения. Среди них имеются словари, эпитафийные надписи, официальные документы, ханские ярлыки, научные трактаты, религиозные книги, путевые записи, художественные произведения и др. Подавляющее большинство из них написано на тюрко-татарском языке. Есть сочинения, созданные на других языках. В частности, первая часть словаря «Кодекс куманикус» (в копии 1303 г.) составлена на кипчакском (т.е. на тюрко-татарском), персидском и латинском языках. Поэт Хорезми сочинял свои стихотворения и на тюрки, и на фарси. Богословские труды также составлялись и на тюрко-татарском, арабском и персидском. Например, обширный богословский труд «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара, который посвящен ханам Узбеку и Джанибеку, написан на персидском языке [6]. Следует отметить, что известные мыслители, поэты и путешественники мусульманского Востока, такие как Кутбuddin ар-Рази, Са'д ад-дин Тафтазани, Камал Худжанди и другие в течение ряда лет жили и творили в городе Сарай. В путевых записях Ибн Баттуты, Ибн Арабшаха имеются интересные сведения о духовной жизни Золотой Орды, о высоком интеллектуальном уровне сарайских ученых, в частности о состязаниях по сочинению стихотворений типа муламмаг на смешанных языках (на тюркском, персидском и арабском).

Литература Улуса Джучи создавалась и развивалась не только на самой территории Золотой Орды, но и в Мамлюкском Египте, так как здесь с середины XIII в. до начала XVI столетия правили выходцы из Дешт-и Кипчака – мамлюки. Между Нилом и Волгой были тесные политические, научно-культурные взаимосвязи. Многие ученые, педагоги, писатели Золотой Орды (Махмуд Сараи Гулистан, Саиф Сараи, Берке Факих и др.) по тем или иным причинам переехали в Египет и там продолжили свое творчество. В Мам-

люкском Египте немного позднее, т.е. в начале XVI в., создано знаменитое произведение «Тюркское Шахнаме» Татар Али Эфенди, известного и как Шариф Гамиди.

Литература Золотой Орды, с одной стороны, продолжила лучшие традиции древнетюркского, болгарского словесного искусства. Здесь почитались и высоко ценились произведения Юсуфа Баласагуни, Ахмеда Ясави, Сулеймана Бакыргани, Кул Гали и других авторов предшествующей тюркоязычной поэзии. С другой стороны, тюрко-татарская литература периода Золотой Орды развивалась в тесной связи с письменной культурой мусульманского Востока. Произведения Фирдоуси, Газали, Низами, Аттара, Руми, особенно Саади, читались на языке оригинала и в различных переводах и комментариях. Стихами Саади даже были разукрашены стены некоторых зданий Сарая.

Когда речь идет о литературе Средневековья, необходимо иметь в виду, что между произведениями словесного искусства и другими видами письменных памятников нет резких границ, они часто смешиваются. Так, например, сочинение Махмуда Булгари «Нахдж ал-Фарадис» (1358 г.) одновременно выполняет эстетические, познавательные и религиозно-этические функции.

Художественная литература Золотой Орды характеризуется разнообразием жанров, идейно-эстетическим богатством, отточенностью стиля и языка. Она представлена оригинальными и переводными произведениями, прозой и поэзией, назирой (т.е. стихотворными ответами) и др.

Тюрко-татарские писатели сочиняли свои произведения в жанрах хикаят, кыйсса, дастан, поэма, газель, касыда, рубай (четверостишие), ода-мадхия, марсия-элегия, басня и др. Есть и стихотворный роман Кутба «Хосров и Ширин». Объемистые книги Рабгузи, Махмуда Булгари, Саифа Сарая считаются образцом жанра так называемой «ящичной композиции». При реализации художественного замысла авторы свободно оперируют материалами фольклора и мифологии, религиозных и исторических книг, литературой предшествующих эпох, а также фактами действительности. Например, в стихотворении Берке Факиха запечатлена судьба самого автора: его переезд из Дешт-и Кипчака в Мамлюкский Египет, его трудная жизнь. Рабгузи использует сюжеты и образы из Корана, из сочинений арабских авторов.

Поэты и прозаики Золотой Орды обращаются к различным вопросам жизни и человеческого бытия. Их интересуют морально-этические проблемы, смысл жизни, устройство общества, отношение человека к Богу, взаимоотношения правителей и подданных, любовь и др. Светские мотивы часто и естественно переплетаются с религиозно-суфийскими идеями. Нравственность, разум, знание считаются основными компонентами эстетического идеала. Жить и трудиться во благо людей, оставить после себя «доброе имя» – вот смысл жизни.

А теперь кратко охарактеризуем творчество отдельных, наиболее известных авторов литературы периода Золотой Орды.

Бурханеддин Рабгузи жил во второй половине XIII – первой четверти XIV веков в восточной части Улуса Джучи в Хорезме. Он известен своей книгой под названием «Кыйссас ал-анбия» (1310 г., «Сказание о пророках»), которая была очень популярной среди тюрко-татарских читателей. Впервые это объемистое сочинение опубликовано в 1859 году в Казани и далее выдержало более десяти изданий. «Кыйссас ал-анбия» содержит в себе различные легенды и сказания о пророках, об их деяниях, утверждает нормы и критерии религиозной нравственности.

Жизнь и деятельность **Кутба** (дата рождения 1297 г.) связаны с Поволжьем, в первую очередь – с Сараем. Дошедший до нас единственный экземпляр стихотворного романа «Хосров и Ширин» (1342 г.) хранится в Национальной библиотеке Парижа. Во второй половине XX века он был издан в Казани и в Варшаве. «Хосров и Ширин» на-

писан на основе одноименного произведения Низами. В нем поэт воспекает величие любви, утверждает идеалы красоты и гуманизма.

Как для Кутба, так и для **Хорезми** (XIV в.) любовь – основной компонент идеала совершенного человека («каmil инсан»), важнейший критерий испытания его нравственности. Основная идея лирической поэмы Хорезми «Мухаббат-наме» (1353 г., «Послания о любви») заключается в том, что любовь – цель и смысл жизни человека. В касыде поэт подчеркивает значимость полнокровной жизни, бессмертие поэтического слова.

Махмуд Булгари (Махмуд ибн Гали ал-Булгари ас-Сараи ал-Кердари, 1297–1360 гг.) родился в окрестностях города Булгара. Основную часть своей жизни провел в столице Золотой Орды – Сарае. Там же умер. Махмуд Булгари был очень уважаемым человеком своего времени: богословом, педагогом, писателем. Его сочинение «Нахдж ал-Фарадис» (1358 г., «Путь в райские сады») был одним из самых распространенных произведений среди татар. Имеются многочисленные списки этого сочинения. Самый древний из них составлен в 1360 году в городе Сарае.

«Нахдж ал-Фарадис» состоит из четырех глав (баб), каждая из которых содержит десять разделов (фасл). В первых двух главах говорится о жизни и деятельности пророка Мухаммеда, об его окружении и первых халифах. Третья глава посвящена изображению нравственных качеств и поступков, приближающих к Богу. А в последней – речь идет о деяниях, отталкивающих от Всевышнего. В книге приводятся хадисы, комментарии к ним и многочисленные хикаяты (рассказы). «Нахдж ал-Фарадис» можно считать учебником нравственности. Автор утверждает идеи доброты, справедливости, щедрости, скромности, при этом с помощью антитезы резко критикует их противоположности.

Дастан **Хисама Кятиба** «Джумджума султан» (1369 г.) характеризуется пристальным вниманием к времени. С первых же строк он начинается размышлениями о «бренности жизни», недолговечности человеческого существования. Для подтверждения своего тезиса о бренности земной жизни автор перечисляет имена многих легендарных и исторических личностей. По мнению Хисама Кятиба, все они владели «миром», но, в конце концов, вынуждены были оставить все «богатство, власть и жизнь» и перейти в потусторонний мир. Для художественной иллюстрации этой мысли автор приводит рассказ о Джумджуме. Его история типологически напоминает сочинения Данте «Божественная комедия» и Маарри «Послание об ангелах». Хисам Кятиб считает, что каждый человек в ответе за свои дела и поступки, принцип «что посеешь – то и пожнешь» универсален для всех. Как и Махмуд Булгари, Хисам Кятиб сочувственно относится к идеям суфизма. Главное для них – не богатство, не власть, а довольствование малым, духовное самосовершенствование человека, набожность.

Кульминацией тюрко-татарской литературы периода Золотой Орды считается творчество **Саифа Сараи** [5]. Он уже при жизни был признанным, известным поэтом. Вот что пишет о нем его современник (подстрочный перевод):

Где можно видеть в мире такого умного (человека) как Сараи Саиф?!

Не зная, как описать его, сердце обливается кровью,

Если найдется человек, которому не нравятся его стихи –

Тот или глуп или же нет души в его теле.

Саиф Сараи (1321–1396 гг.) родился в татарском селении Камышлы на Нижнем Поволжье, учился и занимался литературной деятельностью в столице Золотой Орды в городе Сарай, в 80-е годы эмигрировал в Мамлюкский Египет.

Творческое наследие Саифа Сараи пока известно нам по двум рукописям: «Китабе Гулистан бит-тюрки» и «Ядгярнаме». Первая из них была составлена в Мамлюкском Египте в конце XIV в. Затем она, через Крым и Турцию попала в Голландию и в настоящее время хранится в библиотеке Лейденского университета (№ 1553).

«Китабе Гулистан бит-тюрки» состоит из 373 страниц. На 3–356-ой страницах помещен «Гулистан бит-тюрки», а на остальных – стихи восьми тюрко-татарских поэтов (Мавля Казый Мухсин, Мавляна Исхак, Мавляна Худжа Мавляви, Габделмаджид, Ахмед Худжа Сарай, Туглы Ходжа, Хорезми и Хасан углы) и после каждого – стихотворные ответы (назиры) на них Саифа Сарай. Кроме того, в начале и в конце рукописи имеются оригинальные стихи, в том числе и газели Сарай и некоторых других авторов.

Другой список произведений Саифа Сарай – «Ядгярнаме» – составлен также в Мамлюкском Египте. Рукопись была привезена в Среднюю Азию в XVIII в. одним из паломников. Она известна науке с 1965 года и в настоящее время хранится в Институте рукописей им. Х. Сулеймана АН Узбекистана (№ 311). В сборнике помещены поэма «Сухайль и Гульдурсун» и несколько стихотворений Саифа Сарай, а также лирические произведения Ахмеда Ургенджи, Мавляна Исхака и Туглы Ходжы. Все доселе известные произведения Саифа Сарай, т.е. все тексты, в том числе и стихотворения других авторов, имеющих в рукописях «Китабе Гулистан бит-тюрки» и «Ядгярнаме», подготовлены Х. Миннегуловым и опубликованы в сборнике, вышедшем в 1999 году в Казани [7].

Дошедшие до нас произведения Саифа Сарай – лишь часть его творческого наследия. Судьба остальных произведений не известна.

Основное сочинение Саифа Сарай – «Гулистан бит-тюрки» (1391 г., «Тюркский Гулистан») по своей жанровой структуре входит в группу произведений так называемой «яичной композиции». В нем нет сквозного сюжета, единой темы. Он состоит из хикаятов (всего 180), насихатов (наставлений 18), хикметов (57) и других композиционных единиц, написанных в стихотворной форме и рифмованной прозой. Такая «яичная композиция» «Гулистан бит-тюрки» вызвана дидактическим характером произведения. Цель автора – дать поучительные наставления и советы по основным вопросам жизни, быта и морали.

Основная часть «Гулистан бит-тюрки» разделена на тематические главы: I глава (баб) – о жизни правителей, II – о нравах дервишей, III – о преимуществах довольствования малым, IV – о преимуществах молчания, V – о любви и молодости, VI – о старости и слабости, VII – о роли воспитания, и VIII – о правилах общения. Несколько страниц книги составляют традиционные вступительную и заключительную части.

«Гулистан бит-тюрки» написан на основе знаменитого «Гулистана» Саади (1258 г.). Сопоставительный анализ произведений персидского и тюрко-татарского авторов показывает, что Саиф Сарай, как и его предшественник Кутб, творчески подходит к оригиналу, проникает в его эмоционально-образный мир. В результате «Гулистан бит-тюрки» стал памятником самостоятельной эстетической значимости, обогатил тюрко-татарское словесное искусство гуманистическими идеями, новыми художественными формами и образами.

Назиры Саифа Сарай – прекрасные образцы лирики периода Золотой Орды. Они служили источником вдохновения и для других авторов. Например, средневековый тюрко-османский поэт Ахмед Дагый создал назиру на одну из газелей Саифа Сарай.

В поэме «Сухайль и Гульдурсун» (1394 г.) утверждаются гуманистические идеалы, разоблачаются несправедливость, деспотизм современного автору общества. Дастан начинается с изображения ужасов войны. Далее повествуется о тяжелой судьбе Сухайля, попавшего в плен. Дочь шаха-победителя Гульдурсун, полюбившая невольника, освобождает Сухайля из темницы и вместе с ним тайком убегает из отчего дома. Но в пути из-за долгих мытарств и жажды девушка погибает. В отчаянии Сухайль вонзает себе в грудь кинжал.

Герои поэмы привлекают читателей своей красотой, верностью в любви, храбростью. Поступок Гульдурсун воспринимается как смелый, благородный.

В одном бейте (двустииши) говорится, что девушка, впервые увидев Сухайля, повернулась в его сторону, словно Земля, вращающаяся вокруг Солнца (Гөнэш гәрдендә йөргән мисле Йир тик»). Это сравнение, помимо своей художественной оригинальности, ценно также и в научном отношении. Оно, задолго до Коперника и Бруно, утверждает идею вращения Земли вокруг Солнца.

Литературное наследие талантливого поэта средневековой тюрко-татарской литературы Саифа Сарай своим гуманистическим содержанием, эстетической ценностью, богатым языком привлекает внимание литературоведов, лингвистов и филологов, представителей мировой ориенталистики. Ему посвящены многочисленные статьи, книги на различных языках.

Как в дастане «Сухайль Гульдурсун», в стихах слепого поэта **Ахмеда Ургенджи** разоблачается агрессивная политика Тимура. Автор считает его «злодеем», «кровопийцей» и напоминает ему о божьей каре.

Лирические стихотворения **Ахмеда Худжы Сарай, Мавляна Исхака, Мавля Казый Мухсина** и других золотоордынских авторов характеризуются богатством мыслей и чувств, совершенством формы, изяществом поэтического слога. Имеются и другие произведения, относящиеся к периоду Улуса Джучи.

Таким образом, судя даже по дошедшей до нас небольшой части, словесное искусство Золотой Орды характеризуется идейно-тематическим и жанровым богатством, художественным совершенством. Литературным и официальным письменным языком Золотой Орды и последующих татарских государств был старотатарский или, по-другому, тюрко-татарский язык. Преемственность традиций Золотой Орды особенно четко прослеживаются в письменном языке, литературе. Необходимо отметить, что язык произведений Кутба, Махмуда Булгари, Хисама Кятиба, Саифа Сарай и некоторых других авторов Золотой Орды мало отличается от языка Мухаммедьяра (XVI в.), Мавля Кулыя (XVII в.), Утыз Имяни (1754–1834 гг.), Габдулжаббара Кандалий (1797–1860 гг.), Габдуллы Тукая (1886–1913 гг.), Дердеменда (1859–1921 гг.).

Литература татарских ханств XV–XVIII вв.

Словесное искусство в татарских ханствах (XV–XVIII вв.), охватывающее более трех столетий, представляет собой очень сложный, противоречивый, трагичный период. После ликвидации татарских ханств в Поволжье (Казань и Астрахань) в относительно едином языковом, культурном и этническом пространстве средневековых татар начинает постепенно обособляться, османизироваться население, проживавшее в Крымском ханстве.

Татарское словесное искусство данного периода, как и в эпоху Золотой Орды, было относительно единым, неделимым. Оно создавалось и распространялось на одном и том же старотатарском языке. Конечно, в литературе, созданной на большой территории Евразии, произведения поволжских, особенно казанских авторов, занимали ведущее положение. Имея в виду Казань, Мухаммедьяр писал, что «этот город полон поэтами».

Другой вопрос заключается в том, что из написанных в XV–XVI веках произведений лишь небольшая часть дошла до наших дней. Особенно мало мы знаем о литературной жизни некоторых других татарских ханств. Поэтому суждения о словесном искусстве периода Казанского ханства носят неполный, иногда даже фрагментарный характер.

Татарское словесное искусство второй половины XV – первой половины XVI в. и по языку, и по идейно-тематическим, и по поэтическим особенностям является прямым наследником и продолжателем традиций литературы Золотой Орды. Оно пропитано мусульманской идеологией, суфийскими мотивами и образами. В нем, как и в литературе предыдущих веков, заметно сильное влияние арабо-персидской и тюркских литератур. Например, Мухаммедьяр творчески использует сюжеты и образы из «1001 но-

чи», «Калилы и Димны», произведений Аттара и Саади. Средневековые татарские читатели в той или иной степени владели арабским, персидским и тюркскими языками. Поэтому в Поволжье и Приуралье широко распространялись произведения восточных авторов, они читались и в оригинале, и в различных переводах и комментариях. В частности, имеется перевод знаменитого сборника «Калила и Димна», относящийся к данному периоду. Литературный, да и письменный татарский язык средневековья богат заимствованиями из восточных языков.

Татарская литература периода Казанского ханства представлена произведениями различного характера: поэзия и проза, поэмы и дастаны, газели и касыды, сатира и юмор. В отдельных памятниках тесно переплетаются мотивы и стили письменной и устной литературы. В частности, в дастане «Идегей» использованы некоторые достижения и опыт многовековой письменной поэзии. Шарифи в «Зафар-нама-и вилаяти Казан» (1550 г.), т.е. в «Книге о победе казанцев», при изображении защитников Казани часто употребляет характерные для фольклора приемы и средства.

В произведениях данного периода нашли отражение различные вопросы человеческого бытия и общества. Особенно преобладает тематика нравственного характера. Просвещенный, нравственно чистый, воспитанный, религиозный человек – вот идеал многих авторов. Кроме того, в литературе отражены социальные, философские проблемы. По мнению Мухаммедьяра, например, счастье человека зависит и от социального устройства общества, и от правителей. Дастан «Идегей» ясно показывает, что эгоистические интересы ведут к разрушению основ государства. Некоторые сочинения могут служить надежным источником при исследовании реальной жизни того времени. В частности, Шарифи в своем «Зафар-нама-и вилаяти Казан» описывает поход Ивана IV на Казань, осаду города и сражение между казанцами и великокняжескими силами. При этом важно то, что автор данного произведения – участник событий. В поэме Мухаммедьяра встречаются образы реальных исторических личностей того времени, таких, например, как Сахиб Гирей и др.

Стихотворениям **Хасана Кайгы**, **Дусмамбета**, **Казтугана**, **Чалгиз Жырау** присущи близость к фольклору, эпическим традициям сказителей, любовь к родной природе, воспевание единства, дружбы людей. Они жили и в Казани, и в Нижнем Поволжье, и на реке Яик.

Казанский хан **Мухаммед-Эмин** (1469–1518 гг.) в стихотворении «Гыйкаб» («Мечь»), как и его предшественники – Саиф Сараи и Ахмед Ургенджи, критикует антигуманную, агрессивную политику среднеазиатского правителя Тимура, который разрушил многие золотоордынские города и принес несчетные беды тюрко-татарам. Среди читателей татарских ханств широко распространяются романтические поэмы среднеазиатского поэта **Маджлиси** (XV–XVI вв.) о возвышенной любви Сейфульмулюка к Бадигульдзамал, **Сайяди** о Тахире и Зухре. Хотя время и место создания этих произведений точно не установлены, но они переписывались и таким образом распространялись и среди тюрко-татар, становясь частью «своей» литературы. Поэтому не удивительно, что поэма «Кыйссаи Сейфульмулюк» Маджлиси была одной из первых татарских светских книг, напечатанных в типографии Казани в 1807 году. Имеются многочисленные фольклорные и письменные варианты сюжетов о любви Сейфульмулюке и Бадигульдзамале, о Тахире и Зухре.

В стихотворениях и поэмах **Умми Камала** (Исмагил) (последняя треть XIV в. – 1475 г.) отображены размышления суфия-аскета о совершенном человеке, смысле человеческой жизни, соотношении жизни и смерти. По его мнению, перед лицом смерти все равны. Смерть одинаково властна над могущественным шахом, и над невольником. Творчество этого талантливого поэта оказало большое влияние на поэтическую деятельность Кулшарифа (XVI в.), Мавля Куल्या (XVII в.), Ш. Заки (1821–1865 гг.), Дер-

деменда (1859–1921 гг.) и других татарских авторов. Его жизнь была связана не только с Поволжьем и Крымом, но и Анатолией, однако рукописи с его произведениями были широко распространены именно среди казанских татар.

Кулшариф был известным поэтом и религиозным деятелем, он геройски погиб 2 октября 1552 года при защите Казани. Его эмоциональные стихи религиозно-философского содержания в течение нескольких веков использовались как учебные хрестоматии. До нас дошло произведение под названием «**Зафар-наме-и вилаяти Казан**» («Сочинение о победе Казанского государства»), написанное осенью 1550 года. Автор этого с вкрапленными в текст поэтическими строками прозаического памятника – **Шарифи** (Шариф Хаджитархани). Некоторые ученые отождествляют его с Кулшарифом.

Автор осуждает захватнические войны, называет Ивана Грозного «чванливым», «смутьяном», «злодеем», с восхищением изображает героизм защитников города Казани. В сочинении Шарифи имеется следующее стихотворение, восхваляющее красоту и историческую роль города Казани:

*Диво! Место увеселенья в мире этот город Казань,
В мире нет больше такого города, дающего кров.
В мире нет нигде такого цветущего города, как Казань,
В Казани еду-питье найдут всегда, таков он город Вселенной!
От пращура-хана осталась нам наша власть,
Это место – на земле есть всегда ханский город,
место ханского сына.*

*Продав свою землю и дом, не оплатит отцовский налог,
Почему же здесь этот злодей, это не город Ивана!
Шарифи, не покидай ее, коль веришь в газават,
Пусть скажут с этого дня, это он хозяин Казани.*

Мухаммедьяр (1497–1549 гг.) – один из последних поэтов периода Казанского ханства. Из солидного творческого наследия Мухаммедьяра известны лишь две поэмы – «Тухфай мардан» («Подарок мужчин», 1540 г.), «Нуры содур» («Светоч души», 1542 г.), и одно стихотворение – «Насихат» («Наставление»). Все они лиро-эпического характера, дидактического содержания. В них отчетливо проявляются сокровенные мысли и переживания самого автора.

Как и его предшественники, Мухаммедьяр мечтал о справедливом, просвещенном правителе, возлагал на него большие надежды. Он считал, что для того чтобы воцарились мир и спокойствие в государстве, жители его должны быть воспитанными. Вот поэтому автор огромное внимание уделяет изображению нравственных качеств и поступков человека, приводит поучительные сюжеты, житейские примеры. Для поэта справедливость, милосердие, щедрость, верность – превыше всего. Он оценивает людей не по богатству, сану, вероисповеданию, а по благородным, гуманным поступкам. Его представления об обществе, роли и месте человека в мире созвучны с воззрениями великих представителей Ренессанса и западноевропейских утопистов Средневековья.

Мухаммедьяр, будучи «толмачем» в составе делегации Казанского ханства в Москве, несмотря на дипломатическую неприкосновенность, по указанию Ивана IV был зверски убит. Еще одного члена посольства **Аднаша Хафиза** сделали невольником [8, с. 141–147]. В такие трудные дни Аднаш Хафиз и написал сочинение «Сираджель-кулюб» («Светоч сердец», 1554 г.), которое широко распространилось среди татар. По утверждению В.В. Бартольда и А. Щербака, книга под таким названием первоначально написана на арабском языке, затем переложена на фарси. Были и ее тюркоязычные версии. Аднаш Хафиз создал это произведение на основе его разноязычных текстов и вариантов [2, с. 100–104]. В «Сираджель-кулюб» использованы материалы из «Корана», «Хадисы пророка» и другие тексты. В книге отражены различные религиозно-

нравственные проблемы. Автор особо подчеркивает громадную роль веры и знаний в сохранении национального менталитета. В изложении своих мыслей Аднаш Хафиз широко использует формы диалога, противопоставлений, приводит различные сюжеты, поучительные примеры.

Произведения тюрко-татарских деятелей, независимо от места их создания, распространялись по всем татарским ханствам. Традиции золотоордынской духовной культуры, языка и литературы продолжалась и в Крымском ханстве. Но в нем, особенно с середины XVI в., усиливается влияние Османской империи. Оно проявляется не только в общественно-политической сфере, но и в языке, литературе, искусстве, в частности – в музыке и танцах. Необходимо подчеркнуть, что со времен Крымского ханства сохранилось значительное количество памятников материальной и духовной культуры.

В Крымском ханстве было около двухсот поэтов, ученых, литераторов [1, с. 37]. К сожалению, большинство созданных ими сочинений до нас не дошло или пока не обнаружено. Значительную часть письменной литературы, относящейся к Крымскому ханству, составляет так называемая «историческая проза», представленная следующими сочинениями: «История хана Сахиб-Гирея» Бадр ад-Дина Мухаммеда б. Мухаммед Кайсунизаде Нидаи-эфенди, известного под именем Реммала-Ходжи (умер в 1569 году); «Летописи Дешт-и Кипчака» Абдуллы б. Ризвана (Абди) (составленные около 30-х годов XVII в.); «Тарихи Ислам-Гирей хан» (завершено в 1651 году) Ходжи Мухаммеда («Сенаи», «Кырымлы»); «История татарских ханов Дагестана, Москвы и народов Дешт-и Кипчака» (середина XVIII в.) Ибрахима б. Али Кефеве (1736–1737 гг.); «Розовый куст ханов» Халим-Гирея и др.

Хотя такие произведения называют историческими, но они в той или иной степени являются и художественными. Их язык, манера изложения часто приближаются к литературному, образному стилю; есть образцы рифмованной, ритмической прозы. В таких сочинениях встречаются поэтические строки. Наряду с изложением реальных событий и деяний, в них находят место и описание вымышленных обстоятельств, легенд. Некоторые истории ханов воспринимаются как панегирические жанры. Поэтому такие произведения с определенной условностью можно называть историко-литературными сочинениями. По структуре и по содержанию они напоминают хорошо известные татарскому читателю книги, созданные в Касимовском ханстве: «Джамиг ат-таварих» (1602 г.) Кадыр Али-бека, «Дэфтэри Чингиз-наме» (около 1679 г.) неизвестного автора Волго-Уральского региона, а также «Таварихе Болгария» Хисамеддина Муслими [9]. Таким сочинениям и крымских, и поволжских авторов присущи интертекстуальность, в определенной степени эклектичность, способ составления своих книг. В них использованы тексты из сочинений предшествовавших авторов, особенно Закарии Казвини (1203–1283 гг.) и Рашид ад-Дина (1247–1318 гг.). Следует отметить, что в Крымском ханстве «сочинительство», «письменное занятие» высоко оценивались, ими занимались даже ханы, чиновники высокого ранга [1, с. 25]. Некоторые авторы вышеупомянутых «исторических» сочинений выступали и как поэты. В частности, у Реммала-ходжи есть даже поэтическое произведение по медицине.

Сохранившаяся часть письменной литературы Крымского государства представлена поэтическими и прозаическими произведениями различного жанра, такими как дастан, газель, рубаи, касыда, мадхия, марсия, наме, мунаджат, хикаят, саяхатнаме (сефернаме), шаджара, ярлыки и др. В ней отображены различные аспекты человеческого бытия, в том числе нравственные, философские, социально-политические, бытовые вопросы, конечно же и тема любви. Как и в других регионах Мусульманского Востока, в духовной жизни Крымского ханства значительную роль сыграл и суфизм, особенно «Месневи» (своего рода «поэтическая энциклопедия суфизма»), автором которого является великий Джалаледдин Руми (1207–1273 гг.). Наряду с классиками арабо-

персидской литературы, в Крыму были очень популярны сочинения османских авторов, таких как «Мухаммедия» (1449 г.) Языджоглу (Челеби), «Искандер-наме» (1390 г.) Ахмеди Гирмияни, «Рождение пророка» («Мавлюден-наби») Сулеймана Челеби (умер в 1422 г.), путевые записи Эвлия Челеби (1611–1670 гг.) и др.

Среди читателей и слушателей Крыма широко распространялись версии и варианты общих тюрко-татарских дастанов, таких как «Идегей», «Тахир-Зухра», «Чура батыр». Наряду с вышеупомянутыми авторами письменной литературы Крымского ханства творили и другие мастера пера, такие как Джанмухаммед (XV в.), Менгли-Гирей (XV в.), Мудами (умер в 1540 г.), Бакайи (умер в 1591 г.), Лейля Бикеч, Ашык Ариф и др. Самым крупным и известным поэтом Крымского ханства является **Ашык Умар** (1621–1707 гг.). Родился и умер он в городе Гезлев (ныне г. Евпатория), но он много путешествовал и побывал во многих уголках Османской империи.

Ашык Умар – ярко одаренный и высокопрофессиональный поэт – оставил после себя богатое творческое наследие. В общих рамках традиционной классической поэзии Востока, а также «ашыкской» лирики, он создавал великолепные образцы словесного искусства. Его стихотворения, созданные в жанрах газели, мураббага, кошмы, касыды, рубаи, характеризуются глубиной и искренностью чувств и переживаний лирического героя, четкостью и стройностью поэтической структуры, изяществом и музыкальностью стиля. Проникновенные стихи Ашык Умара сопровождали войска в походах и сражениях, звучали в кельях суфиев-аскетов и исполнялись влюбленными. Его произведения оказали большое влияние на творчество последующих поэтов всего тюркского мира.

Несмотря на падение татарских ханств, жесточайший колониальный гнет, традиции древней и средневековой литературы в той или иной степени были продолжены последующими авторами.

1. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. М.: «Восточная литература» РАН, 2009. 304 с.
2. Миннегулов Х.Ю. Записи разных лет (Татарская литература: история, поэтика и взаимосвязи). Казань, Идел-Пресс, 2010. 408 с.
3. Миннегулов Х.Ю. Татарская литература и Восточная классика (Вопросы взаимосвязей и поэтики). Казань: Изд.-во Казанского университета, 1993. 384 с.
4. Миннегулов Х.Ю. Этапы развития тюрко-татарской, античной и русской литератур. Казань: Ихлас, 2014. 288 с.
5. Миңнегулов Х.Й. Сәйф Сараи. Тормышы һәм ижаты. Казан университеты нәшр., 1976. 190 б.
6. Миргалеев И.М. Сочинение Абу Бакра Каландара Руми Каландар-наме // Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма: Материалы междунар. науч.-практ. конф, посвященной 700-летию Мечети Хана Узбека. Симферополь, 2014. С. 37–39.
7. Сәйф Сараи. Гөлестан. Лирика. Дастан / Басмага әзерләүче Х. Миңнегулов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. 296 б.
8. Средневековая татарская литература VII–XVIII вв. Казань, Фэн, 1999. 210 с.
9. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Изд-во КГУ, 1971. 222 с.

§ 7. Становление историографической традиции

Эльмира Сайфетдинова

Высокая духовная культура Золотой Орды, зафиксированная в литературных памятниках, написанных на местном наречии, еще раз доказывает постулат о существовании письменной золотоордынской историографической традиции. Еще совсем недавно исторические представления, в которых отрицалось само существование золотоордынской историографии основывались на том, что все произведения золотоордынской эпохи, сохранились в устной традиции и имели фольклорный, изустный характер; а те, в которых рассматривается история Золотой Орды, были написаны уже после ее распада и на сопредельных территориях. При этом необходимо учитывать, что история народа включает в себя не только различные аспекты формирования и развития политических, социально-экономических отношений, но и все многообразие духовной культуры. Изучение традиционных компонентов духовности позволяет представить событийный ход истории в различных его аспектах, дает возможность исследовать единый культурно-исторический процесс.

В этой связи изучение становления золотоордынской историографической традиции значительно возрастает. Несмотря на то, что в большинстве своем источники из самой Золотой Орды практически не сохранились, а архивы, даже если они и существовали, уничтожены, наличие письменной традиции в форме художественных, повествовательных сочинений, созданных в период существования Золотой Орды, уже говорит о развитии по средневековым меркам государстве. Крупницы информации, которые передают нам подобные произведения, хотя и они не дают полной картины развития средневекового государства, тем не менее, отражают многие аспекты общественно-политической жизни, а также духовной культуры. О целесообразности включения историографических источников на тюркских языках в изучение истории Золотой Орды неоднократно были отмечены отечественными исследователями (М.А. Усманов, Д.М. Исхаков, И.М. Миргалеев, Э.Г. Сайфетдинова). В них подчеркивалось, что золотоордынская литература должна использоваться не только как дополнительный или иллюстративный материал, но и как основной источник в научных изысканиях. Тем более что сегодня неоднократно было доказано, что сведения многих иноязычных источников имеют ряд фактологических ошибок, а неудачные переводы их на русский язык зачастую еще больше запутывают современных исследователей. Поэтому сегодня историки все чаще обращаются к тюркоязычным источникам, ставя их в центр своего исследования.

Значимость тюркоязычных сочинений золотоордынского периода состоит прежде всего в том, что они смогли показать путь цивилизационного развития золотоордынского государства, поскольку наличие письменной культуры отрицает представление о Золотой Орде как о союзе кочевых племен. Кочевые цивилизации – бесписьменны. О древних скифах, киммерийцах, гуннах, сарматах и др. кочевых народов стало известно исключительно из трудов представителей так называемых «классических» цивилизаций – греков, римлян, китайцев и т.д. Вместе с тем нужно отметить, что проблема изучения золотоордынской исторической традиции состоит в том, что до сих пор не известно ни одного полного аутентичного сочинения на историческую тему, которую можно было бы трактовать как историософскую теорию истории Золотой Орды.

Сегодня нельзя с точностью определить, когда и кем было положено начало золотоордынской историографии, но определенно понятно, что главной целью ее было «укрепление собственной легитимации в противоборстве с другими коленами Чингизидов и создание аргументов в пользу своей исключительности и природного величия» [2, с. 654].

Особое внимание нужно обратить на сочинения из самой Золотой Орды. Одним из таких является произведение Абу Бакра Каландара ар-Руми «Каландар-наме», написанное в 1320–1340 гг. во времена правления Узбек-хана и Джанибек-хана. Книга только вводится в научный оборот [1], но уже сейчас можно говорить о том, что кроме религиозной составляющей, она содержит и исторические данные.

Написанные непосредственно во времена существования Золотой Орды, именно литературные памятники доказывают, что на территории Золотой Орды существовала развитая письменная культура. Сюжеты большинства известных сегодня художественных произведений той эпохи не располагают историческими данными о Золотой Орде, но в них присутствуют сведения, раскрывающие внутривосточную историю золотоордынского государства. Так, например, в поэме Кутба «Хосров и Ширин», написанной в 1342 году и посвященной золотоордынскому хану Тинибеку и его жене, есть ряд интересных изменений, которые Кутб вводит в историю Низами. «Одно из них – социальная структура общества во главе с ханом. Сначала все беи, затем воины (бахадур), третьи – богатые, четвертые – бедняки, пятые – нуждающиеся, за которыми в конце следовали бесчисленные рабы и другие». По предположению Ю. Шамильоглу, «именно улуг-беки, жены правящей элиты (хатуни) и земельная знать представляются как распространявшие богатство. Эти члены элиты не упоминаются в оригинальной версии Низами, и их появление в данной версии неожиданно» [9, с. 597].

Произведение «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари, написанное в 1357 г. в Золотой Орде, наряду с другими литературными сочинениями, представляет интерес и с точки зрения определения основных источников и идейно-богословских предпосылок различных сторон духовной жизни золотоордынского общества. Их возникновение было закономерно в связи с событиями, происходившими в общественно-политической жизни Золотой Орды. Например, в отношении культа Тенгри в Золотой Орде нашла распространение тюркомодернизированная форма ислама, которая вобрала в себя наряду с элементами многих различных культур и элементы тенгризма, как реликтовую форму исконной религии древних тюрков и монголов. Впоследствии традиция употребления эпитета «Тенгри» глубоко укоренилась в языке литературных памятников. Таким образом, «тюрко-монгольская традиция в исламской парадигме» [2, с. 655] стала априори применяться и в языковой, и литературной традициях Золотой Орды.

Что касается непосредственно текстов, в которых описывается история Золотой Орды, в основном это сочинения XV–XIV вв., которые воссоздавались на базе золотоордынской историографической традиции наполненной исламскими религиозными и политическими элементами, символами. Основным источником для них, скорее, послужило анонимное сочинение «Шаджарат ал-атрак» (Родословие тюрков), которое в свою очередь сочетает сведения о предках Чингиз-хана с сюжетом об истории огузов – «Огуз-наме» [6, с. 80–91]. В интерпретации «Огуз-наме» предки Огуз-хана возводятся к пророку Йафету (Яфесу) и к его отцу, пророку Нуху (Ною). Проблемы становления и развития культов мусульманских святых соотносились с архаическими традиционными культурами населения Центральной Азии. Д. ДеВиз рассматривал процесс исламизации Золотой Орды, подробно проанализировав историческую традицию, фольклорные и литературные источники [10, с. 321–516]. Особенно здесь ярко выражен образ Баба Тукласа, который стал фактически ключевой фигурой при «окончательном» решении Узбек-хана в выборе ислама. Важная роль отводилась адаптации культа Чингиз-хана согласно новой системе понятий, связанных с исламскими ценностями. Очень ярко этот сюжет описан в «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи. Произведение «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи известно многим современным исследователям, как отечественным, так и зарубежным. Оно было написано в середине XVI века на тюркском языке арабским шрифтом в Хивинском ханстве, одном из наследственных ханств Золотой Орды.

Сегодня доказывается, что «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи создано с привлечением письменных источников, в основе которых, скорее всего, лежала официальная монгольская история рода Чингиз-хана – «Алтан дептер» («Золотая тетрадь») – и «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») Рашид ад-Дина. Нужно отметить, что версия о том, что Утемиш-хаджи основывался исключительно на устном историческом знании кочевников, высказанная в свое время В.П. Юдиным, кажется ошибочной, поскольку сам автор упоминает «хроники Дуст-султана» и «запись, находящуюся у хазрат Дуст-султана», и другие источники. Более того, в сочинении Утемиш-хаджи упоминает и имена людей, от которых он получал сведения: Ильбарс-хан из Шибанидов, Шаих Ахмед-хан из Тукайтимуридов, который назван последним правителем Большой Орды, Хаджи Нияза из Хаджи Тархана и Хитай Баба Али, который был большим беком Абд ал-Керим-хана, правителя Астраханского ханства. Таким образом, «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи, являясь цельным историческим памятником, может стать доказательством тому, что в Золотой Орде велась системная историография [3, с. 49–50].

До настоящего времени в исторических исследованиях фигурировала ташкентская рукопись «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи. Однако это неполная рукопись, и в ней утерян большой пласт сведений, посвященных Чингиз-хану и истории его завоеваний, что дало возможность полагать некоторым исследователям (В.П. Юдин, И.Л. Измайлов), что золотоордынская традиция не сохранила историю «золотого рода», и Чингиз-хан предстает только в образе передатчика части своих владений сыну Джучи. Однако недавно был обнаружен еще один список «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи¹⁹, более полный и дающий нам больше сведений о трансформации «золотого рода Чингиз-хана». «Род Саин хана закончился на Бердибеке, отец Бердибека Джанибек хан говорят покойный и помилованный, Аллах послал на него свое откровение и сделал рай местом отдыха для него, милосердный, дорогой, уважаемый и почитаемый у Аллаха и среди народа, Джанибек хан пусть будет на него милосердие и прощение (от Аллаха – *Авт.*), его господин (эфенди) шейх Ал-Актаб и представитель нашей эпохи Сагидет-дин эфенди пусть будут они прощены. Джанибек хан от его отца Узбек хана, его отца Тугрула, его отец Менгу Тимур Кукел хан и его отец Туган, его отец Саин хан, его отец Джучи, его отец Чингиз-хан, его отец Сабуке бахадир, его отец Бербийан бахадир, его отец Кубыл хан, его отец Тумен хан, его отец Байсулляр, его отец Хайду хан, его отец Дурт хан, его отец Баданджу, его отец Кичи Мэркэн, его отец Туган Чулбан, его отец Кара марал, его отец Кук хан, его отец Угуз хан, его отец Кара хан, его отец Эбтэб Бакыр, его отец Йафэт (Йафэс), его отец Нух, пусть будет мир ему» [7]²⁰. При перечислении генеалогического древа золотоордынский хан Джанибек восхваляется восторженными эпитетами, позволяющими полагать, что источником этих сведений, возможно, было сочинение, написанное в Золотой Орде во времена правления Джанибек-хана, поскольку никакой другой хан такого внимания не удостоился. Как пример, можно вспомнить вышеупомянутое литературное произведение золотоордынского поэта Кутба, посвященное брату Джанибека – Тинибеку.

Далее идет достаточно подробное описание истории завоеваний Чингиз-хана и его семьи. Данная рукопись, находившаяся у З.В. Тогана и его учеников, еще не представлена широкому кругу исследователей²¹. Таким образом, одной из особенностей золотоордынской исторической традиции следует считать включение «монгольских» предков Чингиз-хана в мусульманскую картину мира и историографию. В данном списке «Чингиз-наме» автор четко сохраняет хронологию истории Чингиз-хана, подчеркивая благо-

¹⁹ На обложке данного списка отмечено, что рукопись принадлежит Р. Фахретдину и носит название «Кара таварих» («Черная история»). И.М. Миргалеев предположил, что это название связано с понятием «древняя история» или же «неизвестная история» [5, с. 15].

²⁰ Кара-таварих. Личный архив И.М. Миргалеева.

²¹ Подробнее: [5].

родное происхождение, и акцентирует внимание на его избранность: «Всевышний дал ему избавление от корыстных и спасение, поскольку его судьба была ниспослана Всевышним» [7]. В этой версии «Чингиз-наме» много внимания уделяется описанию завоеваний Чингиз-хана, однако очень кратко излагается история Джучи-хана. «Иочи-хан был старшим из его сыновей. Он [Чингиз-хан] дал [ему] большое войско и отправил, назначив в вилайет Дашт-и Кипчака, сказал: «Пусть будет пастбищем для твоих коней». Дал [ему также] вилайет Хорезма. Когда Иочи-хан отправился в вилайет Дашт-и Кипчака, он достиг Улуг-Тага, который известен. Однажды, когда он охотился в горах, ему повстречалось стадо марал-кийиков. Преследуя его и пуская стрелы, он свалился с коня, свернул себе шею и умер» [7]. Акцент больше делается на историю Берке-хана и его потомков, которые поддерживали в свое улусе ислам. В дальнейшем развитие тюркской исторической традиции Улуса Джучи происходит уже в рамках этой повествовательной парадигмы. Основой ее являлась генеалогия определенного потомка Джучи с краткой характеристикой предшествующих поколений и более подробное описание биографии хана (Джанибек, Орду-ичен, Урус, Абу-л Хайр и др.) или знатного карачибека (Мамай, Идегей) [2, с. 657]. Интересна версия о знакомстве Чингиз-хана с шейхом Неджметдином Кубра: якобы перед взятием древнего города Ургенча Чингиз-хан приказал Неджметдину Кубре предстать перед ним и тем самым спасти себя, но шейх отказался и ответил: «Я жил вместе с ними 70 лет. Если я уйду от них, это будет бесчеловечно и трусливо». Тело шейха не нашли среди убитых [7].

Говоря о формировании золотоордынской историографии, нужно подчеркнуть и тот факт, что в списке Р. Фахретдинова, помимо уже известных исследователям ссылок на «хроники Дост-султана», указывается «Истории монголов» («Мағул таварихы») [7], а также сочинение «Зафар-наме» [7]. К сожалению, неизвестно, о каком именно «Зафар-наме» идет речь, поскольку автор не указывает имя интерпретатора.

Становление историографической традиции стало значимым этапом в формировании концепции ментального универсума и консолидирования различных тюркских народов, выстраивания татарской этнополитической идентификации. Став независимой от Монгольской империи, Золотая Орда приобрела необходимую протекцию для формирования и построения самостоятельной государственной исторической традиции, а после избрания ислама в качестве государственной религии, снискала содействие в странах мусульманского мира, обогатившись новыми мотивами и символами. «В отличие от целого ряда других тюркских государств, с расплывчатой социальной структурой и неразвитой государственной традицией, золотоордынская державная идеология (своеобразная «политическая теология») стала мощным всплеском тюрко-татарского самосознания. Ее парадигма этнополитической идеологии оказалась настолько авторитетна, что растворила менее приспособленные и более слабые мифологемы предшествующих эпох или, частично переработав, поглотила их, определив на многие века дальнейшее развитие тюркской историко-политической мысли позднесредневековых государств и народов Евразии. Татарская историческая традиция оказалась настолько сильной, что после распада Золотой Орды вошла составной частью в локальные исторические традиции различных татарских государств XV–XVIII вв». [2, с. 656].

1. Абу Бакр Каландар. Каландар-наме // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2. С. 231–252; 2014. № 3. С. 207–214; 2014. № 4. С. 198–207; 2015. № 1. С. 171–176; 2015. № 2. С. 187–196; 2016. №1. С.193–207; 2016. Т.4, №2. С.443–449.

2. Измайлов И.Л. Становление историографической традиции // История татар с древнейших времен. В семи томах. Том 3. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2009. 1048 с.

3. Кавагучи Т., Нагаминэ Х. Некоторые новые данные о «Чингиз-наме» Утемиша хаджи: в системе историографии в Дашт-и Кипчаке // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 3. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 44–51.
4. Миргалеев И.М. Абу Бакр Каландар Руми. Кто он? // Крымское историческое обозрение. 2014. № 1. С. 41–45.
5. Миргалеев И.М. Чингиз-наме Утемиша хаджи: перспективы изучения // Золотоордынская цивилизация. 2011. № 4. С. 14–19.
6. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1 / Пер. с перс Л.А. Хетагурова. М.-Л.: Академия наук СССР, 1952. 219 с.
7. Утемиш-хаджи. Чингиз наме. Архив И.М.Миргалеева.
8. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., пер., транскр., текстолог. примеч., исслед. В.П. Юдина. Коммент. и указат. М.Х. Абусеитовой. Алма-Ата: Ғылым, 1992.
9. Шамильоглу Ю. Высокая исламская культура Золотой Орды // История татар с древнейших времен. В семи томах. Том 3. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2009. С. 589–598.
10. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, Pennsylvania: The Pennsylvania State Univ. press, 1994. 656 p.

§ 8. Многоязычие и культурные взаимодействия в Золотой Орде

Иштван Вашари

Следствием монгольских завоеваний было образование к середине XIII века крупнейшей из известных в истории евразийских империй. После избрания Чингиза-ханом всего монгольского мира и объединения в 1206 году монгольских племен, с территории Монголии выступила армия, состоявшая из воинов-кочевников и представлявшая собой невиданную по мощи боевую машину, которая всего за два поколения (то есть к 60-м годам XIII столетия), создала огромную империю, простиравшуюся по всему евразийскому континенту от Китая до Карпат. В течение долгого времени исторические исследования сосредотачивались в основном на военных событиях монгольских завоеваний, и в большинстве работ акцент делался на катастрофические разрушения, причиненные нашествием монголов практически во всех странах и обществах Евразии. Однако позднее пришло понимание того, что всякое завоевание после первых разрушений может оказать на общество и положительное влияние и, объединив в один политический организм самые разнообразные народы, языки и культуры, выступить катализатором политического, экономического и культурного обмена между различными цивилизациями. Такие процессы в мировой истории происходили в больших империях и в период эллинизма, и в Римской империи, а в Новое время – в Британской и Российской империях.

В последние десятилетия явления глобализма и мультикультурализма породили новый подход, в рамках которого самые современные события сопоставляются с аналогиями из прошлого, например из средних веков. Естественно, что на этом фоне резко возрос интерес к монгольским завоеваниям и к той эпохе, в которой часто искали и ищут средневековый прообраз современного глобализма. Во втором издании 2007 года своей прекрасной монографии «Монголы» (The Mongols), Дэвид Морган посчитал нужным добавить к содержанию изначального издания 1986 года еще одну главу «Империю монголов после 1985 года» (The Mongol Empire since 1985) [33, с. 181–206], в которой он указывает на скачкообразные изменения в исследованиях Монгольской империи, сопровождая главу подробной библиографией. Не счесть числа монографиям и статьям на эту тему, которые основываются на отличных научных исследованиях, не

говоря уже о более популяризаторских, но также безупречных работах. Книгам о Чингиз-хане обеспечен успех на западном книжном рынке, несмотря на то, что такие книги в последние годы выходят десятками.

Только за последние десять лет мы можем упомянуть следующие названия конференций и книг: «Кросс-культурные контакты и обмены до Нового времени» (1993) [16], «Товары и обмен в Монгольской империи» (1997) [11], «Евразийские кочевники как посредники культурных перемен» (2006)²², «Чингиз-хан, анализ мировой системы и преиндустриальная глобализация» (2013) [29], «Мобильность и трансформации: экономические и культурные обмены в монгольской Евразии» (2014)²³.

Сравнительные исследования, упомянутые в заголовке статьи, будут рассматриваться нами на примере двух западно-монгольских государств: Золотой Орды и государства Ильханов на территории Ирана. Нам кажется целесообразным сразу же определить временные и территориальные рамки нашего исследования. Уже с самого начала единство громадной империи от Китая до Карпатского бассейна было фиктивным, так как сам Чингиз-хан, а затем и его наследники, великие ханы, управлявшие империей из центра в Монголии, лишь сакрально и юридически объединяли ее части, в которых с самого начала функции хана исполняли наследники Чингиза, формально и юридически подчиненные великому хану. Однако после смерти в 1259 году внука Чингиз-хана, хана Мунке (все еще признаваемого в качестве великого хана в каждом отдельном улусе), в ходе борьбы за трон между Ариг-Бугой и Хубилаем, империя фактически раскололась на четыре части. На востоке Монголией и Китаем правил носитель титула великого хана, Хубилай, который вскоре перенес свой трон из Монголии в Китай и стал первым императором Юань, династии монгольского происхождения. Территория нынешней Средней Азии (весь Восточный и Западный Туркестан) попала под владычество другого сына Чингиз-хана, Чагатая. После более ранних монгольских нападений и набегов, историческая территория Ирана (современный Афганистан, Южный Кавказ и территория Багдадского халифата в Месопотамии) оказалась, наконец, под властью монголов только в 1258 году вследствие кровавого завоевания и разорения Багдада и перешла под управление внука Чингиз-хана, Хулагу. И, наконец, в 1241–1242 годах, после западного военного похода (который в Венгрии известен как «Татарское нашествие»), на огромных степных просторах от озера Балхаш до Карпатского бассейна сложилась империя, которая позднее получила название Золотой Орды в русской и европейской специальной литературе.

Первый период существования обоих осколков Монгольской империи продолжался более столетия. В Золотой Орде он длился до смерти в 1359 году последнего хана из рода Батая, Бердибека. После чего, в результате двадцатилетней борьбы за трон и анархии, к власти пришли представители другой ветви Чингизидов, хотя дальнейший распад Золотой Орды на Казанское и Крымское ханства и Большую Орду произошел только в XV веке. В монгольском Иране наследники Хулагу, ильханы, правили до 1335 года. Затем наступил период анархии, длившийся десятилетия, и, наконец, к власти пришла династия Джелаиридов, также монгольского происхождения, которые, однако, не являлись Чингизидами. С указанной выше точки зрения в данной работе рассматриваются оба монгольских государства до середины XIV века.

Естественно, официальным языком на завоеванных территориях Монгольской империи – в Китае, Средней Азии, Иране и в Золотой Орде, – стал *монгольский*. Однако не стоит забывать о том, что в начале XIII века монгольская письменность была еще очень

---

²² Eurasian Nomads as Agents of Cultural Change. Symposium organized by the Institute of Advanced Studies, The Hebrew University of Jerusalem, Givat Ram Campus, 5–8 June 2006.

²³ Mobility and Transformations: Economic and Cultural Exchange in Mongol Eurasia. Conference convoked by the Hebrew University of Jerusalem, June 29th – July 1st, 2014.

молода и возникла для обслуживания административных нужд формирующейся империи. Известно, что только туркестанские уйгуры мирно подчинились Чингиз-хану в 1206 году. Уйгуры в то время были самым культурным народом Внутренней Азии и уже в течение нескольких веков имели собственную письменность на основе тюркского языка. Монголы переняли письменность у уйгуров, и уйгурские книжники помогли адаптировать эту письменность к монгольскому языку. Так называемое уйгурско-монгольское письмо служит монгольской культуре уже восемь столетий до наших дней, несмотря на то, что в советское время оно было почти полностью вытеснено кириллическим. Уже в 40-х годах XIII столетия, практически сразу после внедрения монгольского письма, появилось такое чудесное произведение как «Сокровенное сказание монголов», которое по настоящему было открыто и исследовано только в XX веке и которое до сих пор является уникальным источником сведений об истории монгольских завоеваний.

Хотя монгольский язык и письмо стали официальным средством общения в империи, они никогда не заменяли и, тем более, не вытесняли местные языки, так как империя, образовавшаяся в результате монгольских завоеваний, была мультикультурной, и завоеватели в ней составляли языковое меньшинство. Неслучайно, что через 100–150 лет монгольский язык практически полностью исчез на завоеванных территориях, и его использование ограничилось территорией исторической Монголии (монгольское плато вместе с внутренней Монголией на территории нынешнего Китая). Монголы подходили практично, как к вопросам языка, так и к вопросам идеологии и религии. Хотя превыше всего они ставили свое мировоззрение и свой язык, в отличие от монотеистических мировых религий с их прозелитизмом и современных национальных движений, монголы никогда не пытались ассимилировать чужие культуры. Им было достаточно признания завоеванными народами монгольского политического господства, что, в свою очередь, ставило перед ними практическую задачу организации на захваченных землях административного управления для поддержания своей власти и сбора податей. В этой империи с огромной территорией, объединявшей множество языков и культур, существовала потребность в хорошо подготовленных, владеющих языками чиновниках. Эта потребность создавала исключительные возможности для работы устных и письменных переводчиков. К данной деятельности привлекались люди из самых разных областей: купцы и дипломаты, путешественники и авантюристы, а также – миссионеры различных религий, чиновники и писцы различных канцелярий. По меткому замечанию Томаса Оллсена, «изучение и знание языков в монгольскую эпоху стало статьей политического дохода» [12, с. 35].

Так же, как и с созданием письменности, в организации по всей империи монгольских канцелярий активное участие принимали уйгурские чиновники-писцы, название которых «бахши» было заимствовано в монгольском языке из уйгурского. В то время как нам не известно ни об одном документе на монгольском языке на территории Золотой Орды (к причинам такого явного отсутствия там монгольских документов мы вернемся позднее), до нас дошло большое количество таких документов от монгольских ильханов Персии. Самый ранний документ – от Абага-хана (1267), а самый поздний – также от монголов (но не Чингизидов), Джелаиридов (Шайх Увайс, 1372). Интересными памятниками внешней политики ильханов являются несколько роскошно оформленных монгольских писем, адресованных французскому королю Филиппу Красивому. Одно из этих писем от ильхана Аргуна, датируется 1289, а другое, от ильхана Олджайту – 1305 годом. Особый интерес представляет письмо Олджайту, на обратной стороне которого известный генуэзский авантюрист Бускарелло ди Гизольфи, служивший послом нескольким ильханам, сделал латинский перевод, также скрепленный красной печатью ильхана.

Однако монгольский язык, передаваемый с помощью уйгурского алфавита, использовался не только в дипломатической переписке, но и во внутренних жалованных грамотах. Хороший пример – грамота, выданная ильханом Абу Саидом в 720 г.х/1320 году Шайх Бадр ад-Дину Абу Мухаммед Махмуду в Султании [17; 41].

Здесь следует коротко остановиться на знаках, заверяющих документы в монгольских канцеляриях, а именно на печатях и «табличках-удостоверениях». И те, и другие знаки, использовавшиеся в монгольских канцеляриях, имели явно китайское происхождение, служа хорошим примером культурных влияний в монгольскую эпоху. Использование печатей в Китае уходит корнями в глубокое прошлое (первые сведения о печатях относятся к 554 году до н.э.), и весь Дальний Восток и Южная Азия научились пользоваться печатями у Китая. После завоевания Северного Китая, а затем и всей Срединной империи, монголы также переняли пользование печатями в своих канцеляриях. Эти печати характеризуются прямоугольной формой, большим размером (5–15 см), а также использованием красного цвета. Китайские печати использовались во всей Монгольской империи, на них даже сохранились надписи на китайском языке, например, на печати в письме Газан-хана папе Бонифацию VIII от 1302 года можно видеть китайскую надпись [34].

В первые сто лет существования Золотой Орды на ее территории не осталось ни одной печати (также, как и монгольских документов), однако у ильханов их можно видеть во множестве на всех документах. На каждом документе встречается по пять–шесть печатей, которыми заверяли склеенные края бумаги. До 1316 года использовались только печати с китайскими надписями, затем – с надписями на уйгурице; а после распространения ислама на них встречаются арабские формулы. Однако четырехугольная форма и красный цвет печати сохранялись в неизменной форме. В Золотой Орде печати встречаются только на более поздних документах на тюркском языке, а надписи всегда выполнены на арабском в стиле куфи. Как в монгольском, так и в тюркском языке красная китайская печать называлась *al tamğa* (оба слова в монгольском являются древним заимствованием из тюркского языка) [42].

Другое китайское изобретение, принятое в монгольском государстве – это табличка «пайцза» (на монгольском и турецком – *baysa*, на персидском – *pāyza*). Это продолговатая, прямоугольная, плоская табличка с округленными краями из металла (золото, серебро, медь, бронза, железо), довольно большого размера (25–30 см в длину и 8–10 см в ширину), которую государственные чиновники и их доверенные лица носили на груди или на поясе. На обеих сторонах пайцзы находились надписи, которые, в отличие от надписей на печатях, с самого начала делались на монгольском языке. Эти таблички всегда подписывались от имени хана и обеспечивали их владельцу на всей территории империи свободное передвижение, проживание, питание и снабжение лошадьми и повозками, необходимыми для путешествия. Можно сказать, что «пайцза» одновременно являлась подорожной, доверенностью и привилегией на всей территории империи [35]. Чаще всего, выдача ханской жалованной грамоты сопровождалась получением «пайцзы», которая давала дополнительные привилегии, и этот факт всегда упоминается в подтверждении грамоты; например, «даровали грамоту с красными печатями и пайцзу». В монгольских текстах, изначально китайское слово передавалось как *gerege / gerige* [18], а в турецком его никогда не переводили, но лишь адаптировали китайское слово в форме *baysa*. На территории Золотой Орды сохранилось только несколько табличек пайцза, на всех них монгольский текст, написанный уйгурским алфавитом, имеет следующее содержание:

«Повелением вечного неба имя хана да будет свято. Указ хана ХУ. Кто не поверит – должен быть убит» [42, о. 63].

Так как функция пайцзы оставалась неизменной, а менялись только выдававшие ее ханы, ее текст сохранял этот неизменный стереотип. Этим объясняется тот факт, что турецкий перевод в Золотой Орде не появился и позднее; и, в наибольшей степени, монгольская традиция сохранялась как в Золотой Орде, так и в Иране Хулагуидов в надписях на пайцзе (монгольский язык и уйгурский монгольский алфавит). По-другому складывалась ситуация во времена Юань, династии монгольского происхождения в Китае (1271–1368), где великий хан Хубилай (правил в 1260–1295 годах) приказал создать новое официальное монгольское государственное письмо империи, которое затем и было разработано придворным тибетским монахом Пагба-лама (Пхагспа) (1235–1280). Однако существование этого, так называемого квадратного письма Пагба-ламы оказалось недолговечным: им пользовались всего около ста лет и только в восточных частях империи – в Китае и Средней Азии. Представленная здесь пайцза времени династии Юань хорошо иллюстрирует многоязычие и мультикультурализм эпохи: на ней находятся надписи на двух языках с использованием трех алфавитов. Текст на монгольском языке написан как уйгурицей, так и новым письмом Пагба-ламы, а написанная арабскими буквами персидская фраза указывает на то, что персидский язык использовался в качестве *lingua franca* во всей Азии, и даже в Китае.

В западной части Монгольской империи, то есть в Золотой Орде и в государстве Ильханов, монголоязычные завоеватели с самого начала были в языковом меньшинстве. Несмотря на самый высокий престиж монгольского языка среди правящего класса, в обоих улусах завоевателям приходилось считаться с языками большинства. Это были различные тюркские языки в Золотой Орде и персидский (фарси) в Иране. Однако и в Иране также невозможно было оставить без внимания тюркские языки, на которых говорила значительная часть населения, ведь говорившие на огузском тюркском языке сельджуки, завоевав Иран в XI веке, сделали его центром своей империи, куда в XI–XII веках постоянно прибывали и оседали новые волны тюркских племен (в первую очередь огузы и туркмены).

Если монгольское письмо было создано с помощью тюрков-уйгуров после первых завоеваний во втором десятилетии XIII столетия, то тюркская письменность в то время уже представляла многовековую традицию. Тюркское руническое письмо возникло в VI, а уйгурский алфавит – в VIII веке. Оба они продолжали широко использоваться: известны тюркские рунические тексты VI–X веков, а уйгурская письменность практически пережила монгольский период и в Восточном Туркестане использовалась до XVII века. В то же время с точки зрения нашей темы важнее, что в течение двух веков до монгольского нашествия (1000–1200), в процессе продвижения ислама на восток, на территории Средней Азии, находившейся под властью тюркской династии Караханидов, распространилась исламская тюркская письменность, в которой использовался отчасти арабский, отчасти древнеуйгурский алфавит²⁴.

Монгольские завоевания радикально изменили этнические границы во Внутренней Азии и способствовали возникновению новых центров исламской тюркской письменности. Таким центром стал Хорезм, который на век попал под власть правителей Золотой Орды. Здесь возник и процветал в XIII–XV веках новый исламский тюркский

---

²⁴ Обо всех этих видах тюркской письменности хорошие сведения даются в двухтомном издании *Philologiae Turcicae Fundamenta (I–II)* [37]. О литературе Караханидов писал Р. Данков [19]. В этом исследовании Данков убедительно доказывает, что словарь Махмуда Кашгарского (1072–1074), *Диван Лугат ат-Турк*, и поэтическое произведение Юсуфа Хас-Хаджиба Баласагунского (1069), *Qutadġu Bilig*, имели огромное значение для создания исламской тюркской (арабской) письменности; однако после монгольского периода тюркская письменность пошла по другому пути, и литературный язык Тимуридов и западных тюрков (османов и азеров) не может считаться непосредственным продолжением литературного языка Караханидов.

литературный язык, который в современной тюркологии называют хорезмийско-тюркским языком, в немалой степени, благодаря исследованиям венгерского ученого Яноша Экмана. Хорезмийско-тюркский язык – это не прямое продолжение литературного языка Караханидов, а новая «смесь» среднеазиатских тюркских языков. Особенно отличается от языка Караханидов словарный запас, так как в нем своеобразно смешиваются лексические элементы огузского и кипчакского языков. Следует подчеркнуть, что памятники как письменности Караханидов, так и хорезмийской письменности отображают сложившийся литературный язык и не дают представления о состоянии разговорного языка того времени. В отличие от них, грамматики и лексиконы мамлюков-кипчаков, также составленные на арабском языке в XIII–XIV веках в Египте, а также уникальный памятник *Codex Cumanicus*, хранящийся теперь в Венеции, дают достоверную картину состояния языка северо-западных тюрков, то есть кипчаков. К тому времени на всей территории Восточной Европы уже в течение двух веков говорили на кипчакских или кумано-кипчакских диалектах. А на средней Волге с IX века жили тюрки-булгары, которые в X веке подверглись исламизации, но от их сравнительно нешироко распространенной тюркской письменности остались лишь отдельные памятники.

Итак, в Улусе Джучи, который мы называем Золотой Ордой, во время монгольских завоеваний в 1236–1241 годах большая часть населения говорила на тюркско-кипчакском (в небольшой степени на тюркско-булгарском) диалекте, а находившиеся в меньшинстве татары или монголы всего за два поколения полностью растворились, в языковом смысле, в тюркской среде половецкой степи (*Dašt-i Qırçaq*). Египетский мамлюк ал-Омари (ум. 749 г.х./1348–1349 гг.) ясно пишет, что татары (под которыми он, естественно, подразумевает монгольских завоевателей) полностью слились с народом кипчаков [13]. Мы имеем право предположить, что через два поколения после завоеваний хана Батыея, то есть к 80-м годам XIII столетия (в последние годы правления хана Менгу-Тимура), монгольский язык на территории Золотой Орды полностью вышел из употребления. Позднее мы вернемся к этому интересному вопросу: почему монгольский язык так быстро вышел из употребления там, в то время как в государстве Ильханидов он сохранился гораздо дольше, как в официальном, так и в повседневном употреблении? Таким образом, с территории Золотой Орды, как мы уже упоминали, до нас практически не дошло текстов на монгольском языке, за исключением кратких стереотипных текстов на табличках пайцза²⁵. Здесь возникает вопрос, а использовался ли вообще когда-нибудь монгольский язык в канцеляриях Золотой Орды?

По мнению С. Закирова, А. Григорьева и других – безусловно: в администрации официально принятым и обязательным языком был монгольский, а тюркские переводы появились позднее [8, с. 65, 98, 100, 102; 5]. М.А. Усманов считает, что с самого начала официальным языком Золотой Орды был тюркский, который использовался также в переписке с государством египетских мамлюков [10, с. 94–101]. Этот вопрос не может быть решен на основании сегодняшних знаний, так как из первых 130 лет существования Золотой Орды до нас не дошло ни одного оригинального документа. Первый оригинал – это ярлык хана Токтамыша крымскому Хаджи Бюю, датированный 782 г.х./1381 годом [7, с. 2, 13–15]²⁶. Вместо них, мы располагаем русскими, латинскими и итальянскими переводами, сделанными в XIII–XIV веках, благодаря которым можно сделать достоверные и важные выводы о языковых особенностях утраченных позднее документов. Средневековая Русская церковь сохранила русские переводы ханских жалованных грамот, в которых золотоордынские ханы предоставляли ей налоговые привилегии. Латинские и итальянские переводы относятся к XIV веку и описывают привилегии

²⁵ За одним исключением, об этом см.: [9, с. 81–87].

²⁶ Оригинал хранится в Институте Восточных Рукописей Российской Академии Наук (ИВР РАН), Д-222.

двух итальянских колоний в Крыму – венецианской Таны и генуэзской Каффы. Эти ценные документы хранятся в архивах Венеции и Генуи [20; 21; 6]. Тщательный филологический анализ документов ясно показывает, что переводы сделаны с тюркских оригиналов [3]²⁷, но это означает лишь то, что в XIV веке в канцеляриях Золотой Орды использовался тюркский язык. Существует единственный, более ранний русский перевод 1267 года жалованной грамоты хана Менгу-Тимура митрополиту Кириллу, однако этот короткий перевод не позволяет сделать вывод о языке оригинала. Как бы там ни было, нельзя исключить, что в первые десятилетия существования Золотой Орды в ней использовался документооборот на монгольском языке, однако вскоре он вышел из употребления и был заменен использованием языка тюркского большинства. Во всяком случае, к концу XIII века местные языки появились также в официальном обороте в различных частях монгольской империи (например в Иране)²⁸. В то же время практика применения монгольского языка в документации сохранилась вплоть до 60-х годов XIV столетия, когда монгольская элита, вероятно, уже давно не говорила по-монгольски (в Иране, напр., еще в 1358 году была выпущена грамота на монгольском языке). Все это вновь возвращает нас к уже сформулированному выше вопросу: почему в Золотой Орде так быстро перешли с монгольского на тюркский язык, в то время, как в Иране монгольский так долго сохранялся в употреблении? На этот вопрос не существует однозначного ответа; однако мы не уйдем далеко от истины, если предположим, что в первую очередь роль в этом сыграла близость культуры монголов и тюрков. Завоеванные монголами тюркские народы были частью мира кочевых племен, который определял историю Внутренней Азии еще со времен азиатских гуннов (*xiongnu*). Есть множество примеров перехода тюркских племен на монгольский язык и монгольских племен на тюркский. Смена языка в этих случаях не сопровождалась сменой культуры: ведь экономические, социальные, религиозные и культурные корни тюрков и монголов были очень близки. Тюркизация монгольского этноса в Золотой Орде происходила легко и очень быстро, за полтора–два поколения²⁹. В отличие от этого, в Иране, где монгольская элита столкнулась с тысячелетней иранской культурой и языком, ассимиляция происходила гораздо медленнее. Это ускорило ослабление этнической идентичности монголов в Иране и привело, в конце концов, к ее утере после принятия ислама, которое произошло на рубеже XIII–XIV веков.

Далее мы рассмотрим явление, которому до сих пор не уделялось должного внимания, а именно тот факт, что в Иране в монгольский период было достаточно большое количество тюркского населения, которое могло играть роль посредника между монгольской и иранской культурами. Известно, что после завоеваний сельджуков, начиная с XI века, в Иран постоянно прибывали и оседали здесь тюркские племена. Сельджуки, огузы, туркмены говорили на языках и наречиях, принадлежащих к юго-восточной ветви тюркских языков, из которой затем сложилась тюркская анатолийская, османская и азербайджанская письменности. Среднеазиатские сельджуки завоевали Иран уже будучи мусульманами, и, хотя они захватили политическую власть, в культурном отношении сами они были покорены иранской цивилизацией, все элементы языка и куль-

²⁷ О языковых следах тюркского оригинала в ханских ярлыках, данных русскому духовенству, см.: [4].

²⁸ *Джәми' ал-таварих* Рашид ал-Дина содержит тексты семи персоязычных документов, которые были составлены в канцелярии Газан-хана (1298–1304); см. издание Али-заде: [1, с. 426–432, 434–446, 466–476, 510–517]. См. ярлык, выданный Олджайту-ханом 2 октября 1313 г. (10 джумада II 713 г.х.), в: [39]; два ярлыка, выданные Абу Са'ид ханом в 1331 году, в: [36].

²⁹ Предположение о том, что по языку монголы в Иране были более «чужими», чем монгольские властители в Золотой Орде, большинство подданных которых были тюрками, впервые высказал М.А.Усманов [10, с. 100–101].

туры которой они принимали и поддерживали. Это значит, что до монгольского периода тюркские тексты на территории Ирана не появлялись, несмотря на большое количество тюрок, там живших и игравших определяющую роль в армии. Как мы видели, в монгольский период туда приходит монгольская письменность; и, что интересно, после этого появляется также небольшое количество тюркских текстов. Монгольская письменность и канцелярская практика были созданы уйгурами и вводились с помощью уйгурских чиновников и писцов (*bitikçi* и *baḥşı*). Уйгуры же пользовались восточным тюркским литературным языком, который затем послужил, отчасти, основой для исламской тюркской письменности династии Караханидов, исламизированной в XI веке. Не удивительно, что первые тюркские письменные документы на территории Ирана в период правления ильханов связаны с работой монгольских канцелярий.

Здесь будет уместно представить такой документ, чтобы показать на его примере характер кратких тюркских текстов. Грамота выдана одним из главных эмиров Олджайту-хана, Амир Хусейном, главным наместником на землях правителя (монгольское *inçü*) в 1305 году. Содержание грамоты касается владений в провинциях Тебриз и Ардебил [27, с. 84–89 (таблицы 25–35); 24]. Грамота является ярким примером мультикультурализма, господствовавшего в XIII–XIV веках в постмонгольских государствах. Грамота написана на персидском языке, а на главной печати, в конце, находится монгольская надпись, сделанная уйгурицей (*Üseyin-ü gerige belge*, «Заверение и печать Хусаина»). На четырехугольных печатях правителя, которые ставились в склейках, имеются китайские надписи. Наконец, на обратной стороне грамоты находится краткая надпись в пять строчек, сделанная уйгурицей на восточно-тюркском языке, которая передает краткое содержание персидского документа.

Интересно, что тюркские надписи появлялись не только как следствие работы монгольской канцелярии, но и независимо от нее. Уникальным памятником является, например, тюркская надпись в сирийском католическом монастыре Мар Бехрам, находящемся в 30 километрах на юго-запад от Мосула, вблизи руин Ниневии. До сих пор исследователи не уделяли ей должного внимания. Краткое царствование ильхана Байду в 1295 году пробудило надежды среди христианского населения, которые, однако, были обмануты с приходом к власти Газан-хана, установившего окончательное господство ислама. Байду-хан сделал попытку противостоять распространению ислама, за что заслужил похвалы сирийского историка Бар-Эбрея и дал повод Марко Поло и армянскому историку Хетуму (Гайтону) считать его христианином. Когда хан посетил монастырь Мар Бехрам, он восстановил право собственности монастыря, отнятое ранее монголами, и в честь этого визита была сделана более длинная сирийская и краткая тюркская надпись [40, с. 219; 26]³⁰. Текст краткой тюркской надписи:

Qidir Aliyas-niṅ qut-ı alqış-ı ilqan-qa bāg-lār qatun-lar-qa qon-zun ornaş-zun «Да будет благодать и благословение Хидра Иляса на ильхане, на господах и госпожах».

Чем так интересна эта надпись и упомянутые выше тюркские примечания на грамотах? Во-первых, они показывают, что в канцелярии иранских ильханов были уйгурские писцы, и возможно, что там составлялась и большая часть монгольских грамот. Во-вторых, тюркский язык уйгурских писцов являлся вариантом восточного тюркского литературного языка, а не тюркским языком, на котором говорили жившие в Иране огузы. Последний только после монгольского периода развивается в собственный литературный язык иранских тюрок, который принято называть азербайджанским или иранским тюркским (тюрки аджами).

³⁰ Фотография надписи, сделанной уйгурицей, до сих пор не опубликована ни в статье Гаррак и Ниу [26], ни в других источниках, поэтому мы вскоре опубликуем наши снимки, сделанные на месте весной 2002 года, еще до иракской войны.

Хочется обратить внимание еще на два явления, которые указывают на влияние монгольского периода в Иране и которые наблюдались длительное время и после XIII–XIV веков. Первое явление относится к канцелярским формулам. Формулы монгольских грамот сложились на уйгурской основе, например, хорошо известные вводные слова в ханских ярлыках, которые должны были выражать повеление хана. Формула *üge manı*, «слово мое», на тюркском звучала как *sözüm(üz)*. Если грамота выдавалась не властителем, а чиновником высокого ранга, формула менялась: «X (имя хана) повелел, Y (чиновник высокого ранга) слова». Например, в выданной 13 апреля 1321 года (721 *rabı*^c I 14) грамоте: *Abū Saʿīd Bahādur ḥān yarlıgıñdın, Ğoban sözi*, «Абу Саид повелел, слово Чобана» [27, с. 90]. Эта формула настолько закрепились в практике канцелярии, что формулой *sözüm(üz)* пользовались в грамотах на персидском языке еще долгое время после исчезновения монгольских канцелярий, во время династий Кара-Коюнлу (1375–1468), Ак-Коюнлу (1378–1508) и Тимуридов (1370–1506), вплоть до конца XV века [15, с. 30–31, 148, 151, 154, 162, 171; 25, с. 64, 72].

Другой яркий пример восточно-тюркского влияния – использование двенадцатилетнего животного календаря. Зодиакальный календарь китайского происхождения был известен уйгурам уже в VIII веке. Монголы позаимствовали тюркскую версию этого китайского календаря у уйгуров и вводили его на всех завоеванных территориях [14, с. 209–357, 385–412]. Введение и использование китайско-уйгурского календаря в Иране было признаком монгольского владычества, а также выражением того факта, что новые властители Ирана прибыли не из-за стен исламской учености, а привнесли с собой часть знаний Дальнего Востока. Название 12 лет животного цикла перевели на монгольский, но в ходу были также тюркские названия. Например, в историческом сочинении Рашид ад-Дина названия лет двенадцатилетнего животного календаря встречаются 54 раза, 26 раз на тюркском, 34 раза используются монгольские названия, а в 13 случаях невозможно точно определить, является ли название тюркским или монгольским по происхождению, так как оно звучит одинаково в обоих языках (напр., *lu*, «дракон»). Однако названия месяцев использовались только в тюркской форме. После монгольского периода использование тюркско-монгольских названий животных для календарных лет сохранилось, правда не так широко, и их регулярно фиксировали, наряду с датами хиджры, вплоть до конца династии Каджаров (1781–1925) [31].

Присутствие тюркских элементов в иранских монгольских канцеляриях и введение двенадцатилетнего животного календаря подтверждают тот факт, что монгольское владычество в ряде случаев укрепляло в Иране (куда можно включить Азербайджан и Восточную Анатолию) тюркские культурные позиции. Не случайно, что после принятия ислама большинство иранских монголов в XIV веке не стали персами, а растворились среди тюрков, более близких к ним в культурном плане. Монгольское завоевание не прервало в Иране тюркский период, который начался с владычества сельджуков. Наоборот, после монгольского периода (1257–1335) тюркское влияние продолжало усиливаться вплоть до конца династии Каджаров в 1925 году.

Вследствие начатой Газан-ханом исламизации, монгольский язык был вытеснен не только из канцелярий, но и из повседневного общения, а к XIV веку столь почитаемый когда-то язык завоевателей полностью исчез, оставив после себя большой пласт заимствований в персидском языке, о чем дает исчерпывающее представление первый том монографии Г. Дерфера [23]. Недавно П. Мартинез указал на чрезвычайно интересное лингвистическое явление в статье, в которой он исследовал изменения в языках Ближнего Востока в широком контексте. Мартинез считает, что в персидском жаргоне появилось множество монгольских (и тюркских) слов, что однозначно указывает на снижение социального статуса монгольского языка вместе с ослаблением монгольского владычества, а со временем эти слова стали ассоциироваться с низким стилем речи. Начало этого про-

песса отражается в знаменитом персидском стихотворении Пур-и Баха (ум. ок. 1284), в котором автор с помощью избыточного использования монгольских и тюркских слов создает экзотическую атмосферу уходящего мира завоевателей [32].

Монеты обоих государств и надписи на них также предоставляют хороший материал для исследования культурных и языковых различий. Использование официально-монгольского языка не ограничивалось канцеляриями: как золотоордынские ханы, так и ильханы, а затем династия Джелаиридов, выпускали монеты с надписями, сделанными уйгурицей на монгольском языке. Возьмем *два* примера на территории Золотой Орды. Первый пример – не датированные монеты хана Толе-Бука (686–689 г.х./1287–1290), отчеканенные в Кырыме (*Qırım*), древней столице Крыма, на которых, на одной из сторон, имя хана написано уйгурицей³¹. Второй пример – серебряный дирхем хана Токту, отчеканенный в 710 г.х./1310–1311 годах в столице Золотой Орды Сарае (Сарай ал-Махруса). На одной стороне монеты имя Токту в монгольской форме *Toqtaya* написано уйгурицей³².

На монетах иранских ильханов, от Абака до Газана, присутствует длинный монгольский текст, соответствующий следующей монгольской формуле: *Qayan-u nereber (XU) deletgegülüg-sen*, «от имени кагана отчеканил ХУ»³³. Рассмотрим, для примера, серебряную монету с именем Байду-хана, правившего всего полгода в 1295 году. Монета отчеканена в столице ильханидов Тебризе, и на одной из сторон указано имя хана в следующей формуле: *Qayan-u nereber Baydu-yin deletgegülüg-sen*, «от имени кагана отчеканил Байду»; ниже – имя Байду арабскими буквами; а на обратной стороне – арабский текст мусульманского свидетельства веры Шахады: *lā ilāha illā'llāhu Muḥammad rasūlullāhi*, «нет Бога кроме Аллаха и Мухаммед пророк его»³⁴.

После принятия ислама Газаном и его обширных реформ (1301), монгольская формула на монетах исчезает. Как в Золотой Орде, так и в Иране Ильханидов все большее место на монетах занимают характерные для исламских монет арабские формулы, а в XIV веке, рядом с арабским, уйгурицей на монетах указывалось только имя хана (и то не всегда).

Фоном языковых и культурных явлений, о которых мы говорили до сих пор, являются вопросы религии и права – определяющие элементы мировоззрения и мировосприятия. Таким образом, в заключение мы не можем обойтись хотя бы без краткого обзора этих явлений. Когда монголы появились на исторической сцене, на завоеванных ими территориях Средней Азии и Ближнего Востока господствующей религией был в основном ислам. Более того, в предшествующих XIII веку столетиях исламская цивилизация переживала первый период рассвета. Ислам – это триумфальное мировоззрение, религия, стремящаяся к победе в этом мире. Мусульмане могут испытывать благоденствие и, вообще, представляют свое существование только как государственно образующие и господствующие народы. Хотя христиане и евреи на завоеванных территориях Ближнего Востока и Испании и имели определенную автономию, но рассматривались как поданные второго ранга. Именно поэтому мусульманам было так трудно принять тот факт, что варвары и язычники монголы в 1258 году захватили и разрушили столицу халифата Багдад и подчинили себе практически все мусульманское население. На тех немногих территориях, оставшихся не завоеванными монголами, таких как государство Мамлюков или Индия, мусульманские авторы (Ибн Таймия в Сирии и Джузджани в Индии) резко осуждали варварские завоевания монголов, их религию и

³¹ <http://www.zeno.ru/showgallery.php?cat=8572>

³² <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=10976>

³³ См. подробнее об этих памятниках в книге Омера Дилера: [22]; и в базе данных в интернете: www.zeno.ru.

³⁴ <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=28685>

правовую систему, а кодекс Яса они считали несовместимым с шариатом. Естественно, на завоеванных монголами мусульманских территориях невозможно было игнорировать присутствие новой власти, и в XIII–XIV веках два крупнейших персидских историка, Джувейни и Рашид ад-Дин, были уже апологетами монгольских властителей, пытаясь примирить ислам и монгольское владычество как в своих сердцах, так и в произведениях. Но ждать долго не пришлось: за два–три поколения, к XIII веку закончился хорошо известный процесс, классическое определение которому дал Гораций в связи с отношениями римлян и греков:

Graecia capta ferum victorem cepit et artes / Intulit agresti Latio ... [28, Epist. II.1.156–157].

«Греция, взятая в плен, победителей диких пленила, / В Лаций суровый внеся искусства».

Проще говоря, дом Чингизидов и монгольская знать приняли ислам, и с этого момента они проявляли свои воинские доблести во имя и в защиту ислама. В Иране ислам стал государственной религией в конце XIII века, после обращения Газан-хана; а в Золотой Орде – после попыток Берке (1257–1266) и других ханов он был признан таковой только при Узбек-хане (1313–1341). Такое отставание Золотой Орды от Ирана объясняется тем, что большинство завоеванного там тюркского населения (за исключением территорий волжских булгар) еще не подверглось или лишь поверхностно подверглось исламизации, в то время как в Иране ислам, как благодаря персидскому, так и пришлому огузско-тюркскому населению, уже в течение веков был органической частью исламской цивилизации, поэтому здесь культурная и религиозная ассимиляция находившихся в меньшинстве завоевателей проходила гораздо быстрее. Однако, хотя монголы и стали мусульманами, они еще в течение долгого времени не могли, да и не хотели, отказываться от многих традиций и привычек своих предков. Они сохраняли существенные элементы монгольской религиозной и правовой системы Ясы, освященной основателем Чингиз-ханом. В первую очередь у так называемой «золотой ветви» (*altan uruq*) династии Чингиза сохранились претензии на универсальное мировое владычество, которые долгое время оставались в силе и после падения монгольских государств-наследников в XIV веке. В мусульманской Средней Азии от казахских степей до Бухары, Хивы и Коканда, вплоть до частичного, а затем и полного поглощения этих территорий Россией в XIX веке, основную политическую легитимацию, то есть полученное свыше право на царствование, обеспечивали потомки Чингиз-хана, превратившиеся в тюрок и мусульман.

1. Ализаде А.А. (изд.), Фазлуллах Рашид-ад-Дин: Джамии ат-таварих (Сборник летописей). Том III. Баку, 1957.

2. Березин И.Н. Ханские ярлыки II. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань, 1851.

3. Вашари И. Жалованные грамоты Джучиева Улуса, данные итальянским городам Кафа и Тана // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды) от Калки до Астрахани 1223/1556. Казань, 2002. С. 193–206.

4. Веселовский Н.И. Несколько пояснений касательно ярлыков данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // Записки Русского Географического Общества по отделению этнографии. Сборник в честь семидесятилетия Г.Н. Потанина. № 34. СПб., 1909. С. 527–532.

5. Григорьев А.П. Официальный язык Золотой Орды в XIV–XVI вв. // Тюркологический сборник 1977. М., 1981. С. 81–89.

6. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб., 2002.

7. Григорьев В.В. Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Герая // Записки Одесского Общества истории и древностей. № 1. Одесса, 1844. С. 337–346 (338–339).
8. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом XIII–XIV вв. М., 1966.
9. Поппе Н. Золотоордынская рукопись на бересте // Советское востоковедение. № 2 М., 1941. С. 33.
10. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. 318 с.
11. Allsen Th.T. Commodity and exchange in the Mongol Empire. Cambridge, 1997.
12. Allsen Th.T. The Rasūlid Hexaglot in its Eurasian cultural context // The Rasūlid Hexaglot: Fourteenth century vocabularies in Arabic, Persian, Turkic, Greek, Armenian and Mongol / Edited with notes and commentary by P.B. Golden, translated by T. Halasi-Kun & P.B. Golden & L. Ligeti & Ö. Schütz, with introductory essays by P.B. Golden & Th.T. Allsen. Leiden, Boston, Köln, 2000. P. 25–48.
13. Al-‘Umarī. Das mongolische Weltreich: al-‘Umarī’s Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al-abṣār fī mamālik al-amṣār / kiad. ford. K. Lech. Wiesbaden, 1968.
14. Bazin L. Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancien. Budapest, Paris, 1991.
15. Busse H. Untersuchungen zum islamischen Kanzleiwesen an hand türkmenischer und safawidischer Urkunden. Kairo, 1959.
16. Bentley J.H. Old World Encounters: Cross-Cultural Contacts and Exchanges in Pre-Modern Times. New York, Oxford, 1993.
17. Cleaves F.W. The Mongolian documents in the Musée de Téhéran // Harvard Journal of Asiatic Studies. № 16. Cambridge, Mass., 1953. P. 1–107.
18. Cleaves F.W. Daruga and Gerege // Harvard Journal of Asiatic Studies. № 16. Cambridge, Mass., 1953. P. 237–259.
19. Dankoff R. Qarakhanid Literature and the Beginnings of Turco-Islamic Culture // Central Asian Monuments / Ed. by Hasan B. Paksoy. Istanbul, 1992. P. 73–80.
20. de Mas Latrie L. Privilèges commerciaux accordés à la république de Venise par les princes de Crimée et les empereurs mongols du Kiptchak // Bibliothèque de l’école des chartes. Vol. 29/6. Paris, 1868. P. 581–595.
21. Desimoni C. Trattato dei Genovesi col chan dei Tartari nel 1380–1381 scritto in lingua volgare // Archivio Storico Italiano, quarta serie. Vol. 20. Roma, 1887. P. 161–165.
22. Diler Ö. Ilkhanids. Coinage of the Persian Mongols. Istanbul, 2006.
23. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, I–IV. Wiesbaden, 1963–1975.
24. Doerfer G. Mongolica aus Ardabil // Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn. Bd. 9. Wiesbaden, 1975. S. 221–223.
25. Fekete L. Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente (Aus dem Nachlass des Verfassers herausgegeben von G. Hazai). Budapest, 1977.
26. Harrak A., Niu Ruji. The Uighur Inscription at the Mausoleum of Mar Behnam, Iraq // Journal of the Canadian Society for Syriac Studies. № 4. Piscataway, 2004. P. 66–72.
27. Herrmann G. Persische Urkunden der Mongolenzeit. (Documenta Iranica et Islamica 2). Wiesbaden, 2004.
28. Horatius Restitutus: or the Books of Horace / ed. James Tate. London, 18372.
29. Kradin N.N. Chinggis Khan, world system analysis and preindustrial globalization // Entelequia, revista interdisciplinaria. Núm. 15 (especial 2013). P. 169–188. Available at: <http://www.eumed.net/entelequia>
30. Martinez P. Changes in chancellery languages and language changes in general in the Middle East with particular reference to Iran in the Arab and Mongol periods // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 7. Wiesbaden, 1987–1991. P. 103–152.
31. Melville Ch. The Chinese Uighur animal calendar in Persian historiography of the Mongol Period // Iran. Vol. 32. London, 1994. P. 83–98.

32. Minorsky V. Pūr-i Bahā's 'Mongol' Ode (Mongolica 2.) // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 18. London, 1956. P. 261–278.
33. Morgan D. *The Mongols*. Second edition. Oxford, 2007.
34. Mostaert A., Cleaves F.W. Trois documents mongols des Archives Secrètes Vaticanes // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 15. Cambridge, 1952. P. 419–506.
35. Münküjev N.Ts. A New Mongolian P'ai-tzū from Simferopol // *Acta Orientalia Hungarica*. Vol. 31. Budapest, 1977. P. 185–215.
36. Papazian A.D. Deux nouveaux iarlyks d'ilkhans // *Banber Matanadarani*. № 6. 1962. P. 297–399 (на армянском языке, с французским резюме).
37. *Philologiae Turcicae Fundamenta* (I–II).
38. Poppe N. *The Mongolian Monuments in ḥP'ags-pa Script*. Wiesbaden, 1957 (Göttinger Asiatische Forschungen VIII).
39. Siouffi M. Notice sur le cachet du sultan mogul Oldjaïtou Khodabendèh // *Journal Asiatique*, 9. série. № 8, Paris, 1896. P. 336–337.
40. Spuler B. *Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220–1350*. Leipzig, 1939 (4-ое издание: Berlin, 1985).
41. Sudāvar, Abu'l-'Alā Barrasi-ye farmān-e oyghuri-ye Abu Sa'id Bahādor Ḥān va erṭebāt-e ān bā kašf-e yeki az ja'lhā-ye tāriḥi-ye šafaviyye [Уйгурский указ Абу Саид Бахадур хана и его соотношение с открытием одной исторической фальсификации сафавидского периода] // *Nāme-ye Bahārestān*. Vol. 11/12. Tehran, 1389 [2010]. P. 197–210.
42. Vásáry I. *Az Arany Horda kancelláriája*. Budapest, 1987.
43. <http://www.zeno.ru> (дигитальная база данных по восточной нумизматике).

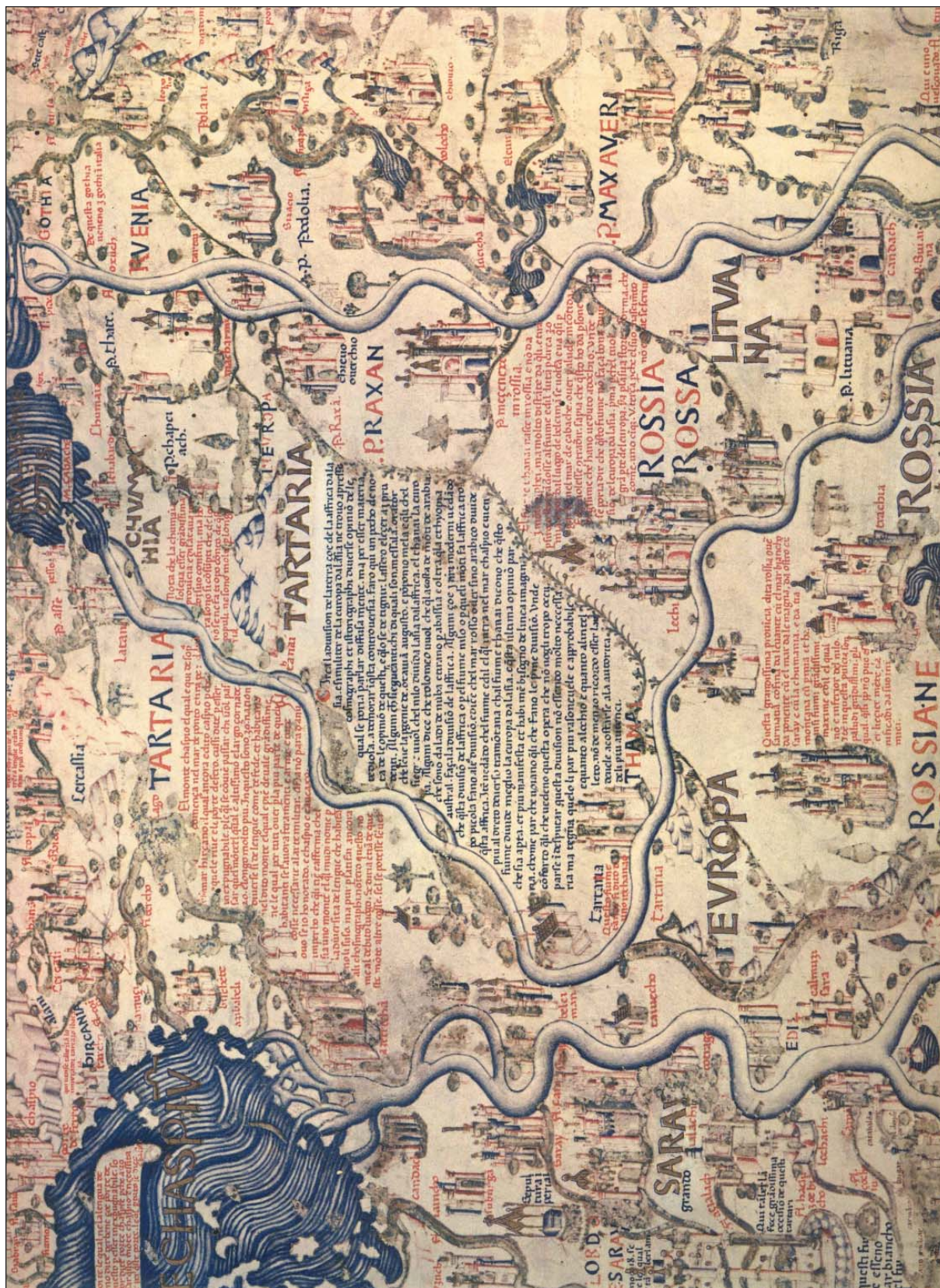

Рис. 2. Фрагмент карты 1459 г. Фра Мауро, где присутствуют различные «Сараи»

ВЕКСИЛЛОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА-РЕКОНСТРУКЦИЯ

Рис. 1. Вексиллографическая карта-реконструкция, основанная на материалах карт-портланов XIV–XVII вв. Автор И.К. Фоменко

Рис.3. Фрагмент карты 1459 г. Фра Мауро, где изображены «Чагатайская Орда», «Ургенчская Орда» и часть «Азиатской Скифии»

Рис. 4. Морская карта 1563 г.
Джакомо Маджоло

Рис. 7. Фрагмент карты 1737 г. (перегравировка с карты 1711 г.) Николая де Фера. В междуречье Волги и Яки, южнее кочевий «Великих Нагаев, или Ногайских Тартар, или Кочевников», на правом берегу Ахтубы европейскому читателю демонстрируется сердце Золотой Орды, отмеченное на карте как «Solitaia Ordes»

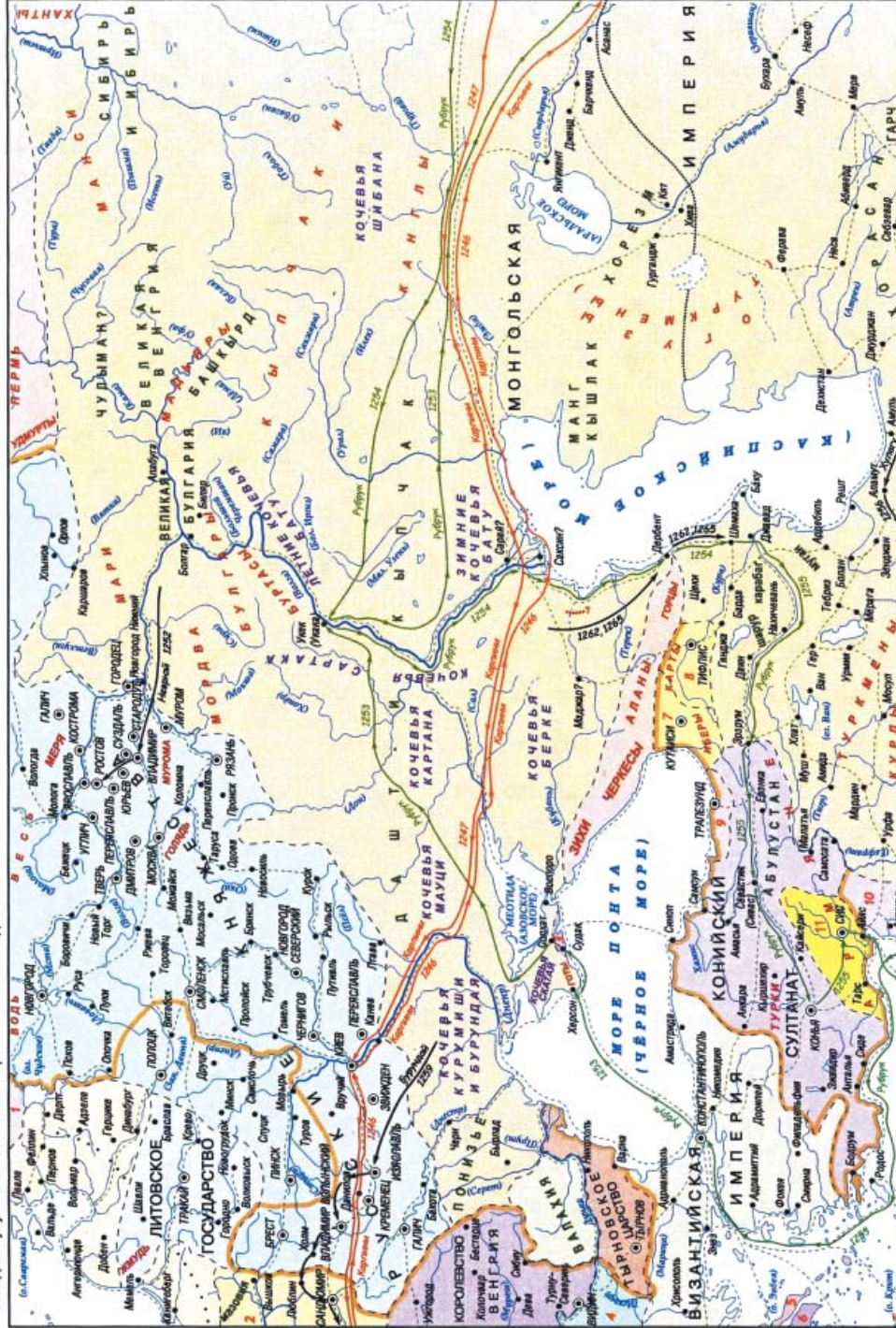

Рис. 5. Карта Московии из сочинения римского епископа и историка Паоло Джовио Новоконского. Баттиста Аньезе. Гравюра. 1525 г. Титул карты: «Карта Московии, основанная на свидетельствах, полученных от самого посла Дмитрия (Герасимова), содержащая в себе, ни больше, ни меньше, все области входящие в Московию, изготовленная в 1525 году, в октябре месяце». Данная «Moscoviae tabula» планировалась в качестве приложения к книге о Московии и Тартарии епископа Павла Иовия, лучшего латиниста своего времени («Paulo Ciovio. Libellus Basilii magni Prinsipis Moscoviae ad Clementem VII»)

Рис. 6. Портолан из Атласа 1553 г. картографа Багиста Аньезе

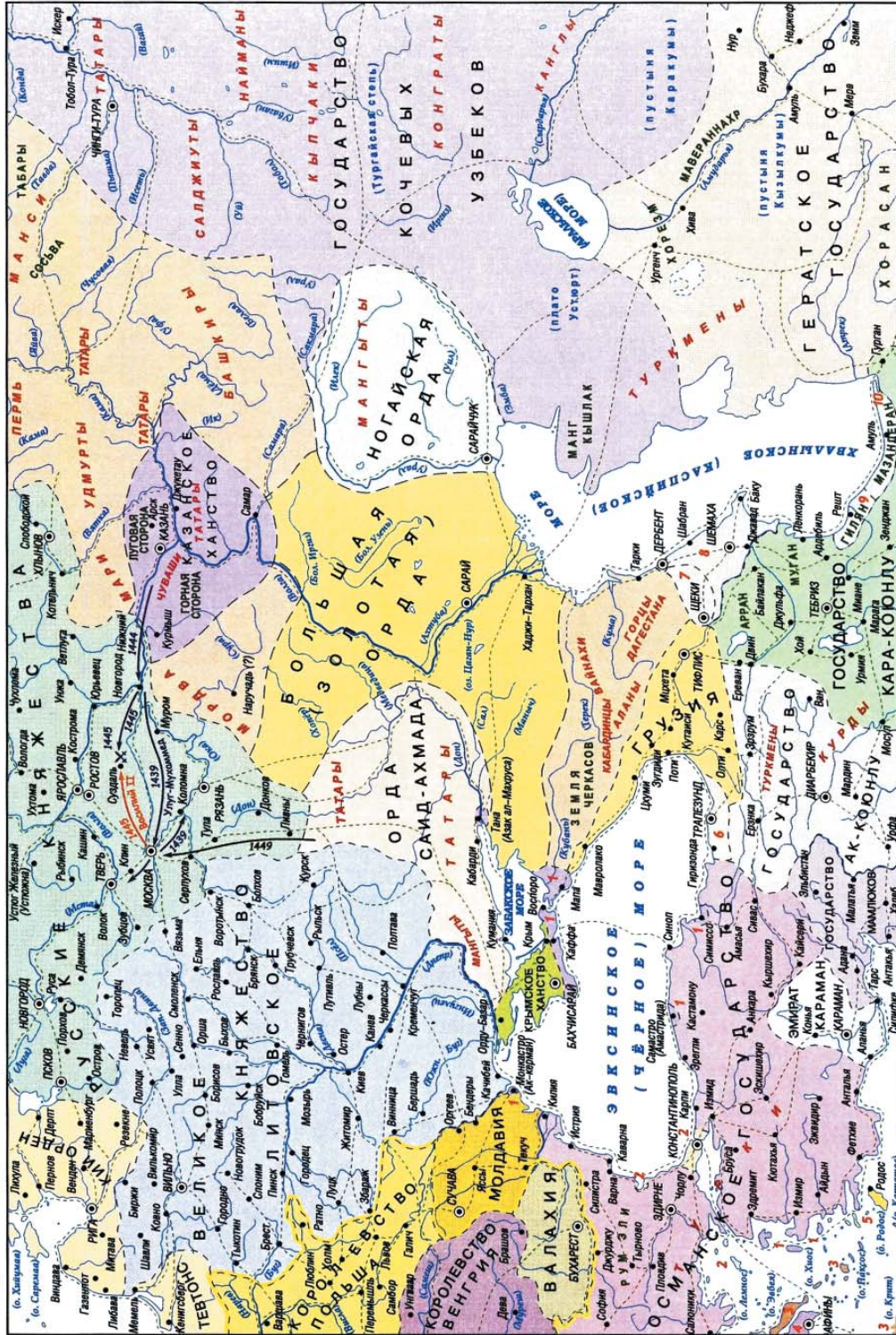
Западные улусы Монгольской империи в 1242-1265 годах

Автор карты - А.А. Аспейкин

- 3 Маршруты погубештей
- 4 Иоанна де Плано-Карпини, 1245-1247 гг.
- 5 Гиома Рубрика, 1253-1256 гг.
- 6 Государства
- 7 владения Дании
- 8 польские княжества
- 9 владения Гелуи
- 10 Видинское княжество
- 11 владения Венеции
- 12 герцогство Афинское
- 13 Западные Грузинские царства
- 14 Восточное Грузинское царство
- 15 Трапезундская империя
- 16 государство мамлюков
- 17 Киприя
- 18 общая граница территорий, подчиненных монголам
- 19 условная граница между монгольскими улусами
- 20 Границы государств нанесены на 1265 г.

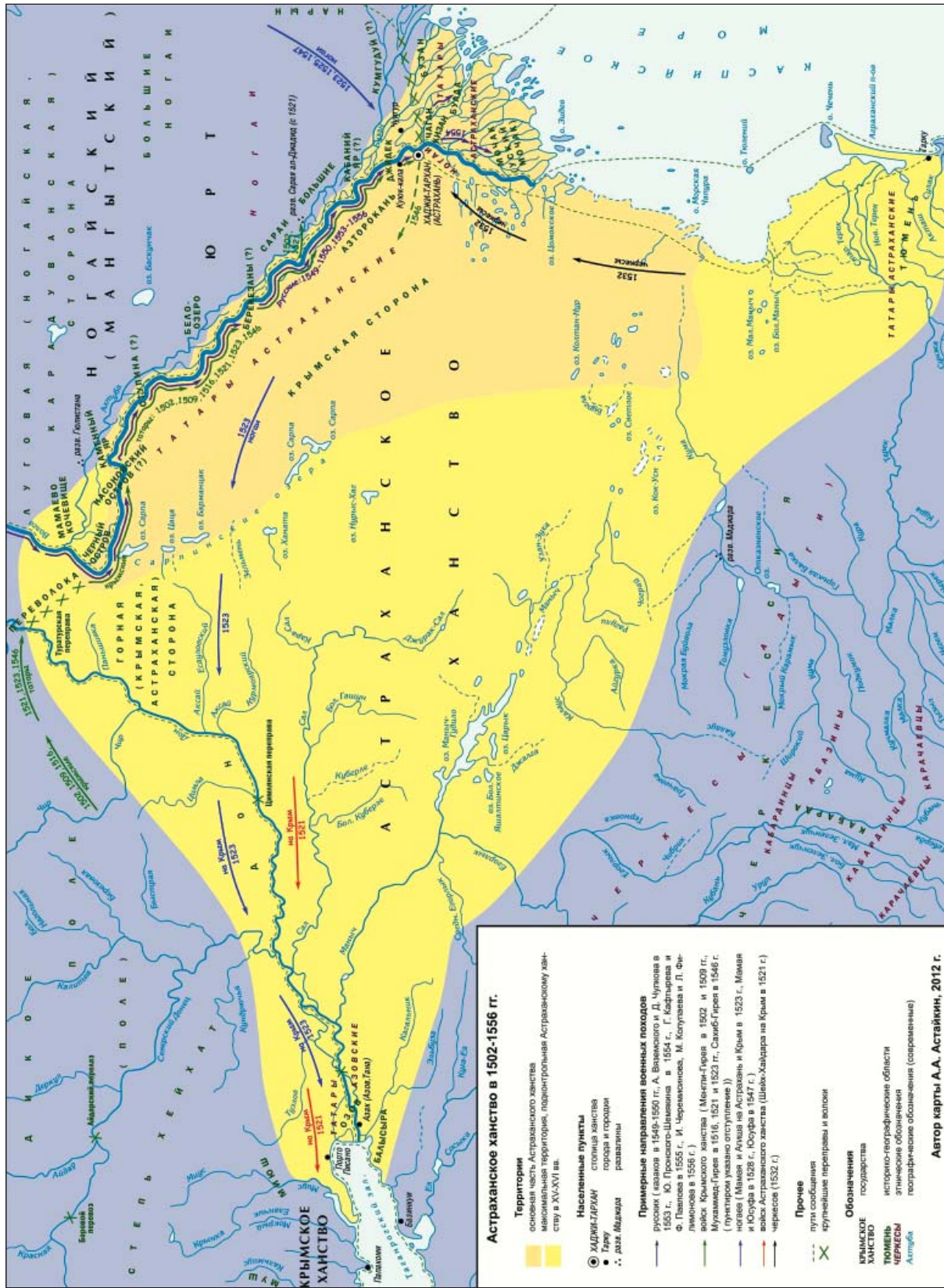
Распад Большой Орды, 1438-1450 годы

Автор карты - А.А. Астайкин

→	Походы войск татар Казанского ханства	8	государство ширваншахов
→	татар Орды Саид-Ахмада	9	Гилан
→	русских Государства владения Генуи	10	Мазандеран
→	1	единая граница государств польско-венгерской унии (1440-1444 гг.)	
→	2	Границы государств нанесены на 1450 г.	

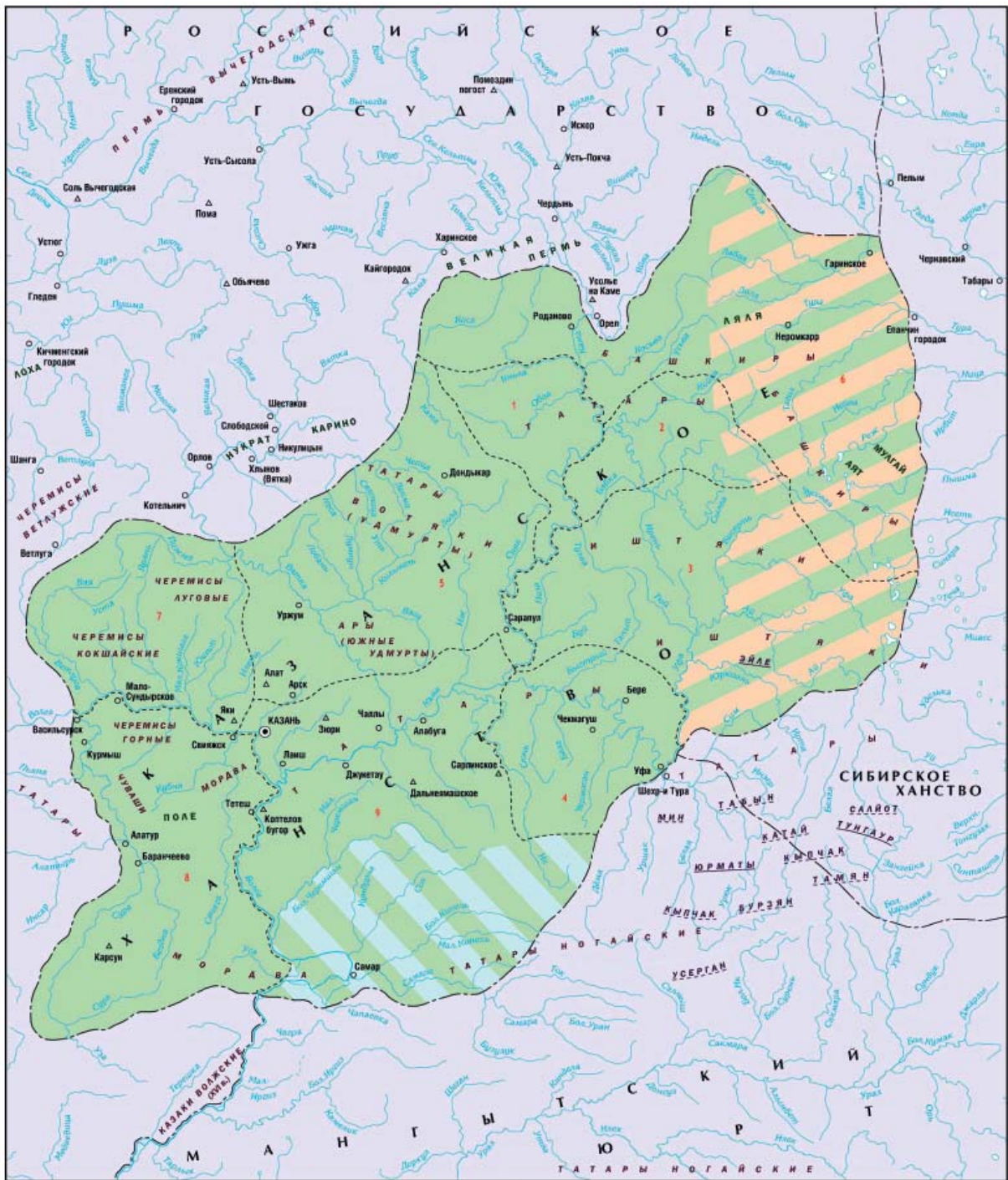
2	Византийская империя
3	владения Венеции
4	герцогство Афинское
5	орден иоаннитов
6	Трапезундская империя
7	княжество Шчеки

Астраханское ханство в 1502-1556 гг.

- Территории**
  - основная часть Астраханского ханства
  - максимальная территория, подконтрольная Астраханскому ханству в XV-XVI вв.
- Населенные пункты**
  - ХАДЖИ-ТАРХАН столица ханства
  - город и городки
  - дача, багача развалины
- Примерные направления военных походов**
  - русские (взаязов в 1448-1450 гг., А. Веневского и Д. Чулкова в 1531 г., Ю. Прокопича-Шамкина в 1554 г., Г. Кабдырова и Ф. Павлова в 1555 г., И. Черемныхова, М. Копулова и Л. Фелимонова в 1556 г.)
  - войско Крымского ханства (Менгли-Гирей в 1502 и 1509 гг., Мухаммед-Гирей в 1516, 1521 и 1523 гг., Саиб-Гирей в 1546 г. (пухлякеры узавало опустошение))
  - Юсуф (1528), Юсуф и Ахмед (1547 г.)
  - войско Астраханского ханства (Шайх-Хайдар на Крым в 1521 г.)
  - черкесы (1532 г.)
- Прочие**
  - пути сообщения
  - крупнейшие переправы и востки
- Обозначения**
  - КРЫМСКОЕ ХАНСТВО государства
  - ТОМЕНЬ историко-географические области
  - ЧЕРКЕСИ этнические обозначения
  - Алтыбаг географические обозначения (современные)

Автор карты А.А. Астайкин, 2012 г.

Казанское ханство в 1445-1552 гг.

<p>Границы</p> <p>--- государств</p> <p>- - - улусов Казанского ханства</p> <p>Территории</p> <p>Мангытский юрт Казанского ханства (с 1535 г.)</p> <p>в составе Сибирского ханства (с нач. 1570-х гг.)</p> <p>Населенные пункты</p> <p>● столицы государств</p> <p>○ города и городища</p> <p>△ села и селища</p>	<p>Современные башкирские племена</p> <p>ЮРМАТЫ БУРЗЯН</p> <p>угорского происхождения</p> <p>тюрко-татарского происхождения</p> <p>Обозначения</p> <p>МАНГЫТСКИЙ ЮРТ</p> <p>государства</p> <p>НУКРАТ</p> <p>историко-географические области</p> <p>ИШТЯКИ</p> <p>этнические обозначения</p> <p>Бурзяны</p> <p>географические обозначения (современные)</p>	<p>Улусы Казанского ханства</p> <ol style="list-style-type: none"> 1 Камская земля 2 Сышленская земля 3 Костяцкая земля 4 Беловолжская земля 5 Вотяцкая (Арская земля) 6 Башкирская земля 7 Луговая сторона 8 Горная сторона 9 Ханский домен
--	---	--

Авторы карты А.В. Аксанов, А.А. Астайкин
Компьютерная обработка М.А. Астайкин, 2016 г.

Касимовское ханство (Мещерский юрт) в 1445 г. - сер. XVII в.

- Территории**
- Касимовское ханство в 1445 - 1510-е гг. (предположительно)
  - Касимовское ханство в 1520 - 1550-е гг. (предположительно)
  - Касимовское ханство в XVII в.

Отдельные владения

- ① личный удел хана ("царев двор")
- ② владения Бекларбека ("сейтов полк")

Населенные пункты

- столица ханства
- крупнейшие населенные пункты (города, крепости, городища)
- ▲ села и слободы
- ▲ монастыри
- развалины

События военной истории

- 07-08.1552 поход войск Ивана IV на Казань в 1552 г. ① - полк. левой руки царской дружины, ② - передний полк, большой полк, полк правой руки

Прочие

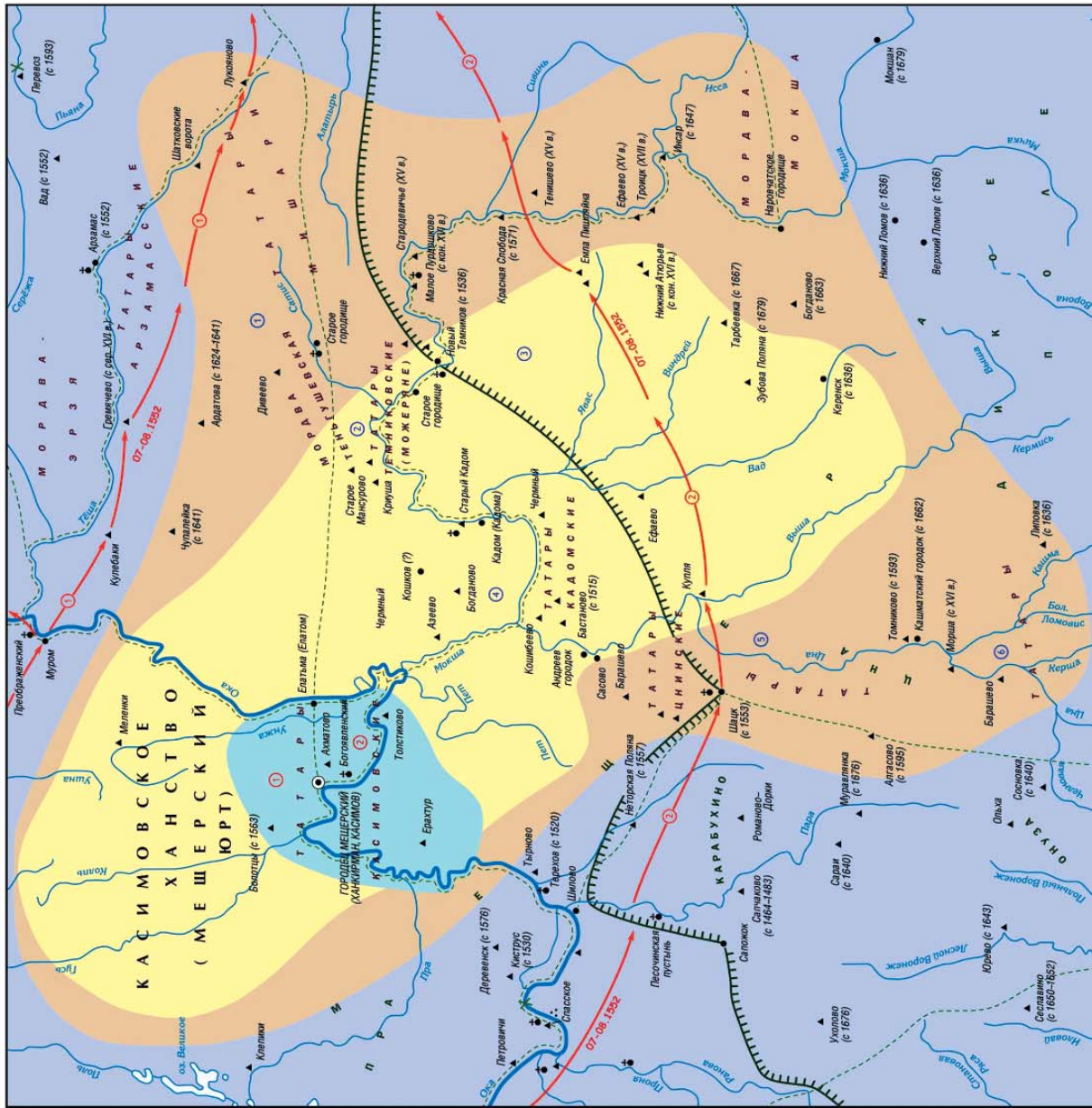
- Большая Засечная черта* (к 1566 г.)
- - - пути сообщения
- ✕ крупнейшие переправы и волоки

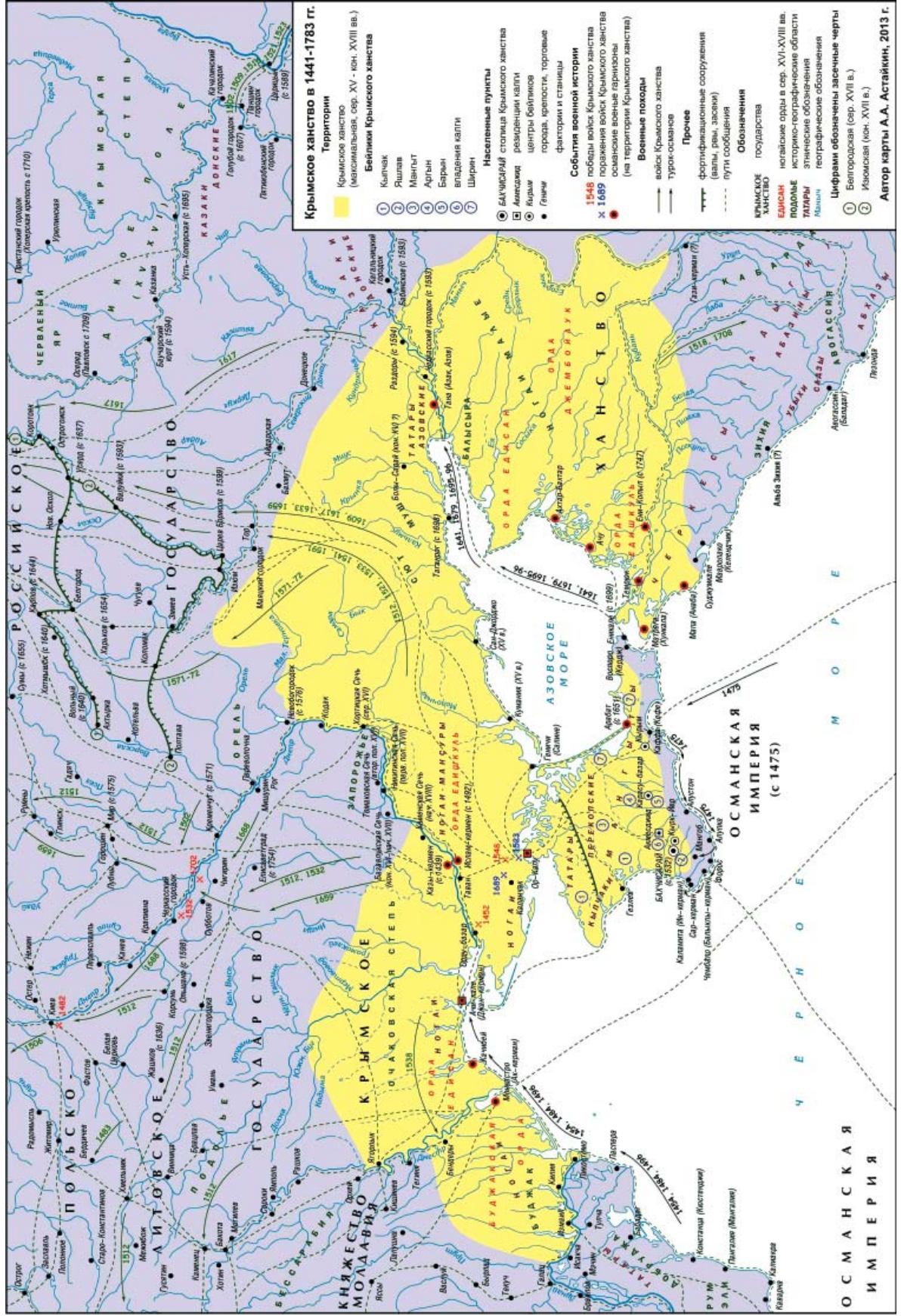
Обозначения

- КАСИМОВСКОЕ ХАНСТВО
- КАРАБУХИНО
- ТАТАРЫ
- Селения

Цифрами обозначены владения татарских удельных князей в нач. XVI в.

- ① Кирдяновский беляк
- ② Ченчерский беляк
- ③ владения Топей мурзы Асбердинова
- ④ Тягдемский беляк
- ⑤ Коряльский беляк
- ⑥ Керешинский беляк

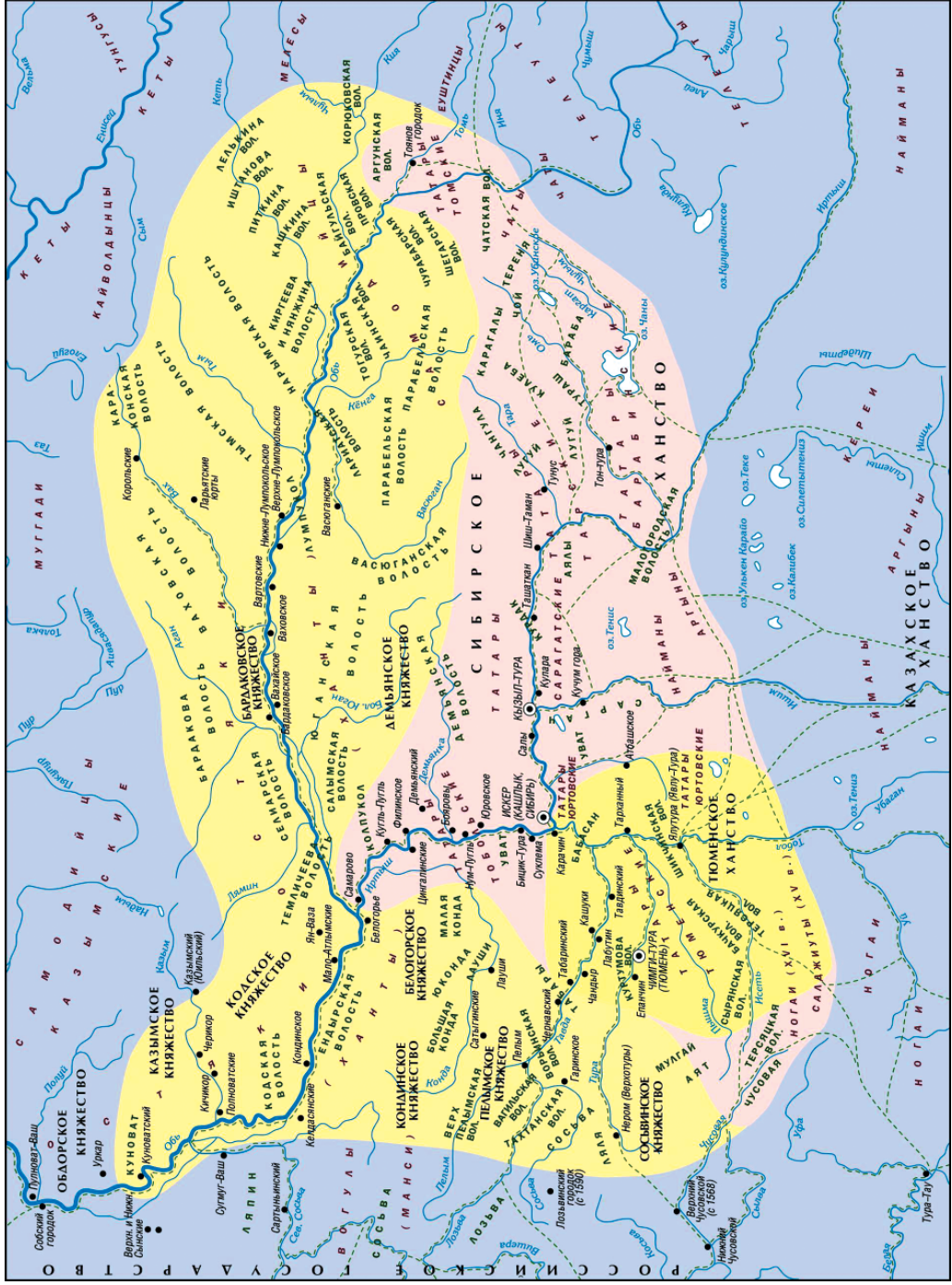

**Тюменское (1468-1495 гг.) и
Сибирское (1495-1582 гг.)
ханства**

- Территории**
- Тюменское ханство
  - Сибирское ханство при Кучуме
  - территории, зависимые от Сибирского ханства (кон. XVI в.)

- Населенные пункты**
- столицы государств
  - города и городища
- Прочее**
- пути сообщения

- Обозначения**
- государства
  - сибирские и уральские волости
  - этнические обозначения
  - географические обозначения (современные)

Татары на территории Великого княжества Литовского, втор. пол. XIII - нач. XVII в.

Максимальная территория ВКЛ (до 1569 г.)	Прочие территории	Населенные пункты	Обозначения
<ul style="list-style-type: none"> основная территория государства примерная территория расселения литовских татар (по данным втор. пол. XVI - перв. пол. XVII в.) территория "Дикого поля" под номинальным контролем ВКЛ 	<ul style="list-style-type: none"> примерная территория "Ягеллаевых тым" (втор. пол. XV в.) примерная территория владений Глинских в перв. пол. XV в. Прочее направления массовых переселений татар в ВКЛ, XIII - XVI вв. 	<ul style="list-style-type: none"> Столица государства центры земель и княжеств города и замки сапа и местечки пункты с татарским населением 	<ul style="list-style-type: none"> государства владения или кочевья татар Золотой (Большой) орды, кон. XIV - нач. XVI в историко-географические области этнические обозначения географические обозначения (современные)

Автор карты А.А. Астайкин, 2013 г.

1

2

Рис. 8. 1 – Глазурованное блюдо, обнаруженное в поселении Старый Орхей; 2 – Красноовато-желтоватый глиняный сосуд с ручкой, обнаруженный в поселении Берлад-«Продана» (XIV век) (Photo V. Spinei, 2014)

Рис. 9. Глазурованные блюда, обнаруженные в поселении Старый Орхей (XIV век) (Photo V. Spinei, 2014)

Рис. 10. Глазурованные блюда, обнаруженные в поселении Старый Орхей (XIV век) (Photo V. Spinei, 2014)

Рис. 11. Кувшин с оттиснутым орнаментом, обнаруженный в поселении Старый Орхей (XIV век) (Photo V. Spinei, 2014)

Рис. 35. Портал мавзолея Джанике-ханым на Чуфут-Кале

2

1

Рис. 36. Резьба по камню в церкви Св. Сергия (Саркиса) в Каффе:
1 – колонна; 2 – крещальная ниша

1

2

3

Рис. 37. Резной декор
Малого минарета в Болгаре:
1, 2 – оформление дверного
проема; 3 – треугольный
скос восьмигранника

Рис. 38. Штампованные тер-
раотовые плитки с поливой

Рис. 39. Тондо мозаичное
(Селитренное городище)

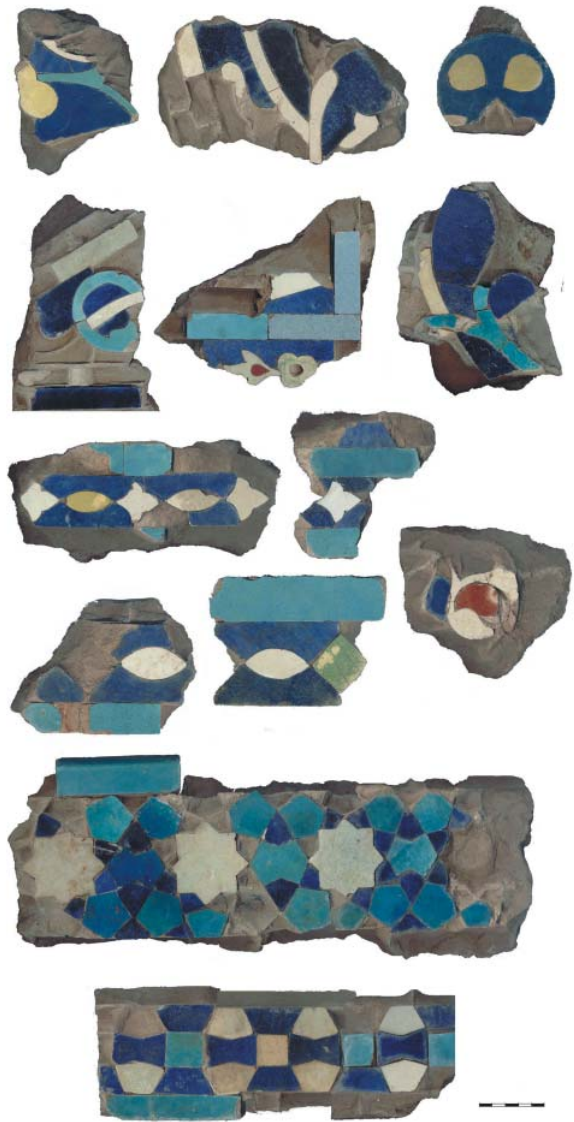

Рис. 40. Части внутренней облицовки
стен дворцового здания
(Селитренное городище)

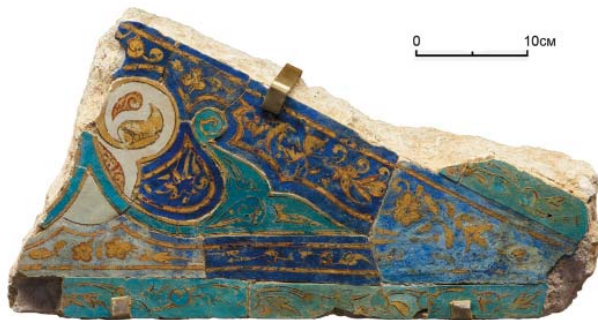

Рис. 41. Мозаики с позолотой
из Джума мечети Сарая

Рис. 42. Майолики с подглазурной росписью

Рис. 43. Мозаики с надглазурной росписью и позолотой

Рис. 44. Красноглиняная поливная керамика «сграффито»

Рис. 45. Кашинная керамика с рельефом и полихромной росписью

Рис. 47. Тимуридская керамика

Рис. 46. Кашинская керамика с подглазурной росписью без рельефа

Рис. 48. Керамика с надглазурной росписью и позолотой

Рис. 50. Накладка поясного набора

Рис. 49. Поясной набор

Рис. 51. Поясные чаши

Рис. 52. Пиршественная посуда

Рис. 53. Украшения из Симферопольского клада

Рис. 54.
Костяные
колчанные
накладки

К статье Недашковского Л.Ф. Земледелие, скотоводство, промыслы и ремесло

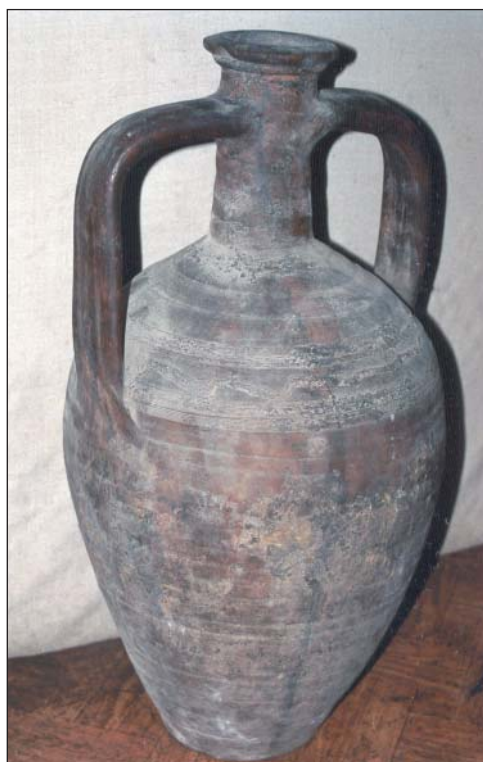

Рис. 4.
Неполивной
двуручный кув-
шин с Увекского
городища, сборки,
дар Веркмейстера
(Государст-
венный истори-
ческий музей
(ГИМ), №26340,
оп. 1507, № 1)

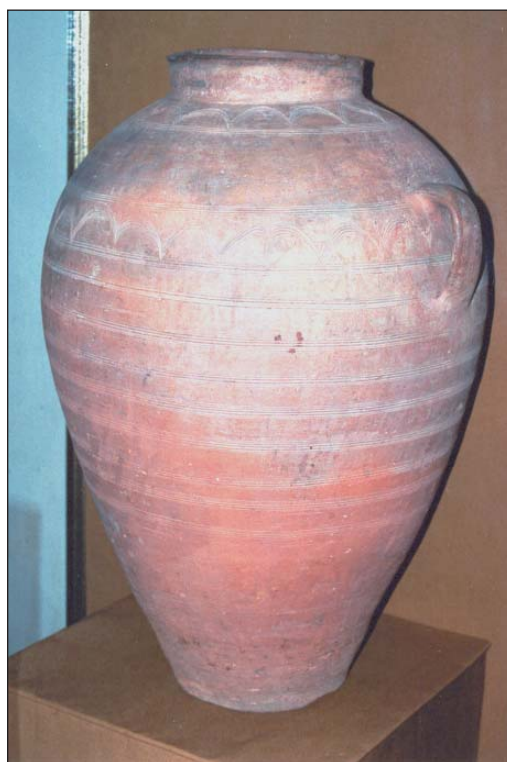

Рис. 7. Непо-
ливная хумча
(корчага) с руч-
ками с Увекского
городища, сборки
XIX в. (Нацио-
нальный музей
Республики
Татарстан (НМ
РТ), №5365-55,
ОАШ)

Рис. 5. Неполивная красноглиняная фляга с Увекского городища (Саратовский областной музей краеведения, № АО 235)

Рис. 6. Неполивная красноглиняная фляга с Увекского городища, вид сбоку (Саратовский областной музей краеведения, № АО 235)

Рис. 10. Неполивные крышки сосудов с Увекского городища, сборы XIX в. (НМ РТ, № 5365–38, ст. №/№ 12770–12770а, 12770е, ОАШ–78)

Рис. 9. Неполивной тувак с Увекского городища, сборы XIX в. (НМ РТ, № 5365–50, ст. № 12774)

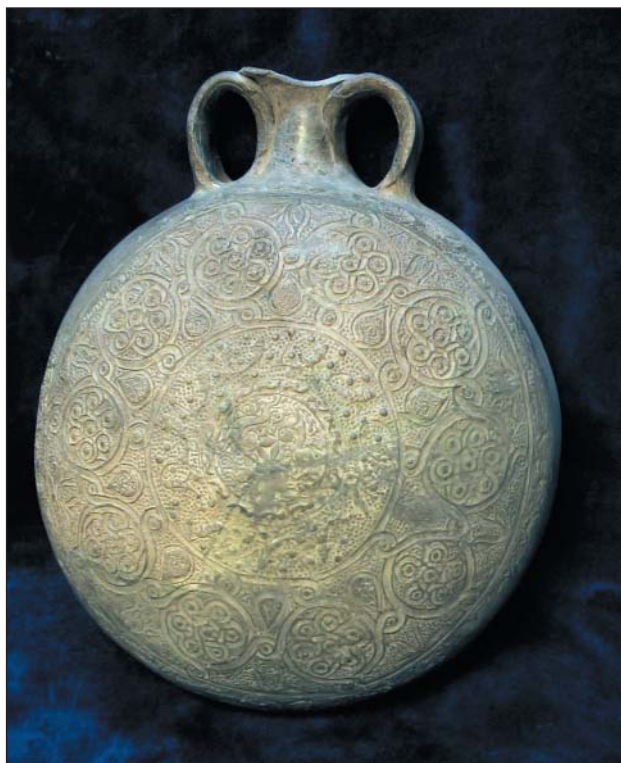

Рис. 11. Сероглиняная штампованная фляга с Увекского городища (Саратовский областной музей краеведения, № СМК 57925/А–2974)

Рис. 13. Стекланные, кашинные и сердоликовые бусы с Увекского городища, сборы Ф.В.Духовникова 1893 г. (ГИМ, № 34162, оп. 952, № 22)

Рис. 23. Бронзовые зеркала с Увекского городища, сборы Ф.В.Духовникова 1893 г. (ГИМ, № 34162, оп. 952, №/№ 35–38, 40)

К статье Недашковского Л.Ф. Международная и внутренняя торговля

Рис. 2. Фрагмент трапезундской амфоры с Багаевского селища, подъемный материал Л.Ф.Недашковского 2003 г.

Рис. 3. Фрагмент трапезундской амфоры с селища Широкий Буерак (раскопки Л.Ф.Недашковского), раскоп I–2001, яма 1

Рис. 5. Фрагменты поливной керамики с подглазурной орнаментацией в технике сграффито с фигурными налепами в виде птичек с Увекского городища (НМ РТ, № 5365–56)

Рис. 4. Фрагменты поливной керамики с подглазурной орнаментацией в технике сграффито с Увекского городища (НМ РТ, № 5365–56)

Глава VIII.

Хозяйство, ремесла и торговля

§ 1. Кочевое население Улуса Джучи

Владимир Иванов

В начале XIII в. этнокультурные процессы в степях Восточной Европы стабилизировались. Степи Южного Приуралья представляли собой восточную периферию Дешт-и Кипчак – Половецкого Поля. Именно периферию, поскольку археологических свидетельств пребывания здесь кипчаков-половцев в это время выявлено очень мало [13]. Севернее находилась Волжская Булгария, которая, в свою очередь, на востоке граничила с кочевыми уграми. Булгары продолжали активно осваивать Камский торговый путь, создавая свои городища-фактории в лесном Прикамье [2, с. 395–407]. Кочевые угры, вытесненные из приуральских степей сары-кипчаками-половцами, адаптировались к лесостепным ландшафтам Западного Приуралья.

В западной от Волги части Дешт-и Кипчак происходили свои «внутренние разборки»: Кончаковичи утверждали свою власть в Половецкой степи борьбой с соперниками Шаруканидами обеспечивая тем самым относительное спокойствие для Руси [25, с. 91–92]. И это было настолько важно и для тех, и для других (рушилась традиционная и понятная русским князьям система «вожества» в Половецкой степи [26, с. 78–89]), что погромный для обеих этнополитических структур поход Субедея-баатура в 1223 г. не заставил их извлечь какие-либо уроки из трагедии на р. Калке в плане объединения сил перед лицом грядущей опасности. Они ее просто не ощутили. Скорее наоборот – половцы оказались во всем и виноваты... [12, с. 164].

Отрезвление, возможно, наступило позже, когда любое время было упущено. Далее предоставим слово основоположнику отечественного «золотоордыноведения» Г.А. Федорову-Давыдову: «Монгольское нашествие застаёт половецкую степь раздираемой внутренней борьбой, соперничеством отдельных князей и предводителей племен...» [28, с. 230]. Завоеванные территории монгольские феодалы рассматривали как свои *юрты* или *нутуги* [29, с. 44], на которых присутствие «лишнего» населения, пусть даже и в лице покоренных половцев («рабов»), было нежелательным, а обитавшее на этих территориях население – как *унаган-богол* – роды, попавшие в зависимость от завоевателей. В этих условиях они должны были жить не там, где хотели, а там, где им было предписано новыми владельцами. В качестве примера Г.А. Федоров-Давыдов приводит курганы кочевников Нижнего Поволжья XIII–XIV вв., по своим морфологическим признакам свидетельствующие о перекочевки части черных клобуков из Поросья в Поволжье [28, с. 237–241].

Археологические памятники кочевников Золотой Орды (1180 учтенных автором погребений) представляют собой захоронения под земляными, реже – каменными курганами, представляющими собой каменно-земляную насыпь, каменную обкладку («панцирь») земляной насыпи, каменную оградку-кольцо вокруг могилы. Насыпь содержит по одному (очень редко – два) погребению, среди которых встречаются впускные в более ранние насыпи, еще реже – захоронения в бескурганых (грунтовых) могильниках; некоторые земляные курганы содержат в насыпи следы костров, отдельные кости животных, фрагменты глиняной посуды (следы тризны?).

Но поскольку, как было сказано выше, основу административной системы Золотой Орды составляли *улусы* – народ, кочевники, данные во владение, кочевавшие по определенной территории – *юрту* или *нутугу*, все исследователи за основу территориально-административного деления Золотой Орды берут сообщение Иоанна де Плано Карпини (1245 г.) о делении Золотой Орды на следующие улусы: на правобережье Нижнего Днепра («со стороны России») – улус Коренцы, очевидно, племянника хана Бату; на левобережье («с другой стороны по тамошним степям») – улус Мауци, одного из сыновей Чагатая [19, с. 128]. В низовьях Дона располагался улус зятя хана Бату, Картана, а в Доно-Волжском междуречье – улус Сартака, сына Бату. Поволжье – ханский улус, а степи Волго-Уральского междуречья – «владение какого-то Джучида, точное имя которого не сохранилось». Хотя у Иоанна де Плано Карпини сказано, что по обоим берегам р. Урал (Яес) кочуют два тысячника. Наконец, «Южное Приуралье и степи Западной Сибири вплоть до Иртыша принадлежали Шибану, сыну Джучи и его ближайшим потомкам» [19, с. 129].

На указанных территориях в настоящее время выявлено и исследовано 1180 кочевнических погребений XIII–XIV вв., которые условно можно разделить на 8 территориально-типологических групп: Приуральскую (234 погребения), Нижневолжскую (207 погр.), Средневолжскую (162 погр.), Волго-Донского междуречья (110 погр.), Северокавказскую (77 погр.), Донскую (91 погр.), Левобережной Украины, включая Крым (95 погр.) и Правобережной Украины (71 погр.). Если их сопоставить с обозначенными Иоанном де Плано Карпини улусами, то наблюдаются следующие совпадения (см. табл. 1), отражающие деление Золотой Орды на зафиксированные средневековым путешественником улусы.

Вместе с тем сейчас уже ни у кого не вызывает сомнения полиэтничность Золотой Орды и, в частности, полиэтничность ее кочевого населения. Среди которого, кроме традиционно воспринимаемых сары-кипчаков/половцев, присутствовали племена найманов, карлуков, кушчи, буйраков. По мнению В.П. Костюкова, именно они составляли этническую доминанту кочевников Улуса Шибана, «в массе которых кипчаки не выделялись ни особой многочисленностью, ни влиятельностью» [20, с. 200–235].

Таблица 1

№	Улус (по Иоанну де Плано Карпини)	Локальная группа
1	Коренцы	Правобережная Украина
2	Мауци	Левобережная Украина
3	Сартака	Волго-Донское междуречье
4	?	Северокавказская
5	Картана	Донская
6	Ханский улус	Средне- и Нижневолжская
7	Улус «Джучида» (или «двух тысячников»)	Приуральская
8	Улус Шибана	Приуральская

У археологов, изучающих кочевнические древности эпохи средневековья в степях Евразии, особым вниманием пользуется проблема выделения и этнокультурной атрибуции памятников, оставленных собственно монголами в процессе их грандиозного похода на запад в 1223–1242 гг. В целом они все едины во мнении о том, что археологическими признаками присутствия кочевников центральноазиатского происхождения в степях Восточной Европы являются надмогильные сооружения с каменными конструкциями – каменные насыпи, каменно-земляные насыпи, оградки, кольца, «панцири», выкладки над

могилами и т.п. – северная ориентировка погребенного и наличие в могиле целого остова коня. Еще со времени Г.А. Федорова-Давыдова эти признаки считались едва ли не собственно монгольскими. Курганы подобного типа составляют в общей сложности около 19% всех учтенных погребений кочевников Золотой Орды и географически встречаются практически во всех локальных группах (улусах)¹, в разных, естественно, пропорциях по отношению к общему количеству погребений в этих группах. Чаще всего погребения, совершенные под каменными конструкциями, встречаются в Южном Приуралье (40,2%), Левобережной Украине (23,2%) и на Северном Кавказе (20,8%). Очень редко – в Среднем Поволжье и Волго-Донском междуречье (2,4% и 2,7% соответственно).

На примере сравнительно-статистического анализа погребального обряда курганов XIII–XIV вв. в степях Волго-Уралья было установлено, что для погребений под каменными конструкциями характерны² такие признаки обряда, как северная ориентировка человека, могила с подбоем и уступом при входе в подбой, захоронение умершего в «раме» из досок, деревянное перекрытие подбоя, расположение костей коня слева от погребенного на ступеньке, что в совокупности с показателями значений других альтернативных признаков обряда показывает невысокие значения коэффициента типологического сходства погребального обряда «каменных» и «земляных» курганов региона (0,47) [17, с. 362–365].

Полученные результаты определенно указывают на то, что «земляные» и «каменные» курганы Волго-Уралья оставлены неидентичными в этнокультурном отношении кочевниками и, следовательно, свидетельствуют в пользу гипотезы В.П. Костюкова. Совершенно очевидно, что последние оставлены кочевниками, не связанными с кипчакско-половецким этнокультурным ареалом Восточной Европы и пришедшими в степи Южного Приуралья в составе монгольского нашествия. Это подтверждается и данными антропологии. Как было установлено Р.М. Юсуповым, погребенные под «каменными курганами» Южного Приуралья³ относятся к южносибирской расе с преобладанием монголоидных признаков, которая, в свою очередь, является одной из «молодых» на Южном Урале [32, с. 44]. Их этническая принадлежность – тема специального исследования. Пока же следует признать правоту В.П. Костюкова и других исследователей, ставящих под сомнение этнокультурную доминанту кипчаков-половцев в Улусе Джучи – Золотой Орде⁴ [21, с. 129; 33, с. 26–27]. Не исключено, что создатели «каменных курганов» могли быть и монголами⁵.

Однако, поскольку пока мы не имеем в достаточном количестве археологического материала, позволяющего выделить памятники найманов, карлуков, буйраков и др. на востоке Великого пояса Евразийских степей, остановимся на предположении о том, что известные сейчас в степях Восточной Европы погребения эпохи Золотой Орды, совершенные под каменными конструкциями, оставлены этими тюрко-монгольскими племенами. Первое их появление к западу от Волги, вероятнее всего, было связано с кипчакско-половецкой экспансией первой половины XI века. Но это были, по-видимому, разрозненные и немногочисленные группы кочевников, не оказавшие, как уже было сказано выше, заметного влияния на кипчакско-половецкую (сары-кипчакскую) составляющую этнической карты степей Восточной Европы в домонгольский период.

¹ Нет их только в степях Нижнего Поволжья.

² То есть обнаруживают повышенную тенденцию встречаемости.

³ На материалах могильников Хабарного, Озерновского, Урта-Буртя.

⁴ Прежде всего – на его приуральских территориях.

⁵ В.П. Костюков, в частности, не отрицал монгольскую принадлежность таких признаков обряда, характерных именно для «каменных курганов», как северная и северо-восточная ориентировка, отсутствие останков коня, включение в состав инвентаря принадлежностей конской бружи [21, с. 229, сноска 38].

Следует также иметь в виду и то обстоятельство, что кипчакско-половецкая экспансия в Восточную Европу была стихийным движением кочевников (хотя и вызванным конкретными этнополитическими коллизиями в Кимакском каганате) в поисках «места под солнцем». Осуществлялось оно в условиях завершающейся стадии аридизации Евразийских степей, когда климат и природные условия степей Восточной Европы, хотя и приближались к современным, но были еще более засушливыми, т.е. более экстремальными для кочевников [9; 10]. Поэтому представляется отнюдь не случайным тот факт, что в степях Заволжья и Южного Приуралья в настоящее время выявлено только 41 погребение кипчаков-половцев XI–XII вв. Это – 9,8% от известных в степях Восточной Европы кипчакско-половецких погребений домонгольского периода. То есть сары-кипчаки/половцы и примкнувшие к ним группы тюрко-монгольских кочевников степи Волго-Уралья прошли, практически не останавливаясь (по С.А. Плетневой – первая стадия кочевания) [27].

Монгольское нашествие на Восточную Европу осуществлялось с сугубо завоевательной целью. Захваченные монголами степные территории не просто эксплуатировались, но и заселялись подвластными им кочевыми племенами. Среди последних, вне всякого сомнения, находились племена, сохранявшие погребальную обрядность, генетически восходящую к тюркам Центральной Азии и кимакам. Именно они составили этническое ядро Улуса Шибана (благо в эпоху Золотой Орды степи Волго-Уралья вступают в стадию гумидизации), а часть из них могла обретаться в Днепро-Донецком междуречье, рельеф которого, кстати, вполне напоминает рельеф Южноприуральских степей (ср. Донецкую и Приазовскую возвышенности и Тургайское плато).

Если исходить из вывода Ю.С. Худякова о том, что у кочевников, входивших в состав кипчакского объединения и обитавших в степях северного и центрального Казахстана, уже в начале II тыс. н.э. исчезает обряд погребения с конем и распространяется обряд одиночной ингумации под округлыми земляными насыпями, в грунтовых ямах или подбоях, в дощатых гробовищах без дна (рамах) или долбленых колодах, перекрытых плахами, с отдельными костями коня в могилах [30], то рассматриваемые группы курганов эпохи Золотой Орды в степях Восточной Европы в принципе соответствуют этому положению и, следовательно, оставившее их население может трактоваться, как составлявшие это объединение племена, пришедшие в регион в составе монгольского нашествия. В известной степени, подобное заключение идет вразрез со ставшей уже традиционной концепцией о насильственно-административном переселении торческо-черноклобуцких и половецко-кипчакских племен с запада на восток в XIII – начале XIV в., положившем начало процессу кипчакизации тюркского населения Волго-Уралья [29, с. 39; 22, с. 455–457]. На это прежде всего указывает слабое распространение в погребальном обряде кочевников Волго-Уралья XIII–XIV вв. таких характерных для половцев признаков погребального обряда, как восточная ориентировка погребенного и захоронение вместе с ним коня. И повышенная (относительно других территорий) частота встречаемости таких погребений в Волго-Донском междуречье (8,2%), на Дону (10,4%) и Правобережной Украине (9,9%) – районах концентрации «половецких веж» в XII – нач. XIII в.

С другой стороны, именно т.н. «всаднические» погребения традиционно рассматриваются как один из наиболее выразительных этнокультурных маркеров средневековых кочевников евразийских степей. Применительно к XII–XIV вв. – как этнокультурный признак сары-кипчаков [31, с. 482–491; 14, с. 496–503]. Среди кочевнических погребений Золотой Орды захоронения с конями составляют в общей сложности 16,2%. Из них 10,2% – погребения со *шкурой коня*, 6% – погребения с *конской тушей*. Особую группу составляют погребения, содержащие принадлежности конской сбруи – седло, стремена, удила, – но без конского захоронения (23,2%). География «всаднических

погребений» XIII–XIV вв. в степях Восточной Европы также свидетельствует в пользу гипотезы о сохранении у кочевого населения Золотой Орды традиции захоронения вместе с человеком конской шкуры (череп и кости ног): частота встречаемости подобных погребений относительно общего числа погребений в локальной группе возрастает с востока на запад: 5,2% – у кочевников Южного Приуралья; 14,8% и 12,1% – на Средней и Нижней Волге соответственно; 11,8% – в Волго-Донском междуречье; 10,4% – на Северном Кавказе; 5,5% – на Дону; 9,6% и 12,7% – на Левобережной и Правобережной Украине. Аналогичным образом распределяются и погребения, содержащие целый остов коня: Южное Приуралье, Средняя и Нижняя Волга – 6,9%, 1,8% и 6,3%; Волго-Донское междуречье, Дон, Северный Кавказ – 3,6%, 12,1% и 9,1%; Левобережная и Правобережная Украина – 9,5% и 19,7%.

Аналогичным образом с востока на запад увеличивается частота встречаемости погребений с восточной или северо-восточной ориентировкой погребенных – еще один признак кипчакского/половецкого погребального обряда.

В целом картина складывается достаточно ясная: в XIII–XIV вв. в степях, простиравшихся к западу от Волги, по-прежнему доминировало кипчакско-половецкое население⁶, часть которого была вынуждена откочевать на восток, в Поволжье, где его до монгольского нашествия было очень мало. Об этом, во-первых, свидетельствуют близкие значения коэффициентов формально-типологического сходства погребальных памятников локальных групп в степях Восточной Европы [15]; во-вторых – вполне высокое значение коэффициента типологической близости между «земляными курганами» Волго-Уралья периода Золотой Орды и половецких курганов степей Восточной Европы домонгольского периода (0,67) [16, с. 348]; в-третьих – совершенно обратное значение коэффициента типологической близости по характерным только для каждой из сравниваемых групп памятников признакам обряда между «каменными и земляными курганами» Волго-Уралья (0,27) – фактически находящимися в одной ландшафтно-климатической зоне [16, с. 343–348, табл. 4 и 5].

География курганов кочевников Золотой Орды позволяет дополнить наши представления о границах этого государства, особенно северных, которые длительное время оставались неопределенными. Сейчас границу можно провести от Дунайского устья на западе, через низовья Днестра, Буга и нижнее течение Днепра (устье р. Самары); затем – через междуречье Северского Донца и Дона в их нижнем течении (район впадения Хопра и Медведицы) и по р. Медведице до верховьев р. Суры и округи поволжских городов – Казани, Сувара, Джукетау, Мохши. А дальше – по р. Самаре (приток Волги до верховьев Урала и Сакмары). То есть фактически – по границе восточноевропейской степи и лесостепи.

Вместе с тем география кочевнических курганов и курганных могильников золотоордынского периода показывает, что их распространение в пространстве определялось некими факторами, среди которых некую роль играли золотоордынские города и их округа.

Совместив рассматриваемые памятники с современной административной картой Западного Казахстана, России и Украины⁷, получаем следующую картину (табл. 2). Из приведенных в таблице данных следует, что явной территориальной связи между золотоордынскими городами и синхронными кочевническими памятниками не прослеживается (во всяком случае, в контексте современного административного деления Восточноевропейских степей).

⁶ Со спорадическим включением действительно пришло для Восточной Европы кочевого населения центрально-азиатских генетических корней (группы погребений под «каменными курганами»).

⁷ Исключительно с целью удобства в географической ориентации.

Таблица 2

№	Область	Количество погребений	% от общего количества	Количество городов ⁸
1	Актюбинская	15	1,4	–
2	Астраханская	24	2,3	5
3	Башкортостан	18	1,75	
4	Волгоградская	203	19,7	2
5	Воронежская	27	2,6	2
6	Гурьевская	–	–	1
7	Днепропетровская	56	5,4	–
8	Донецкая	10	0,97	–
9	Запорожская	18	1,75	1
10	Калмыкия	91	8,8	–
11	Киевская	8	0,77	–
12	Краснодарский край	51	4,9	–
13	Крым	2	0,19	7
14	Луганская	4	0,38	–
15	Молдова	6	0,58	2
16	Одесская	40	3,9	–
17	Оренбургская	128	12,4	–
18	Павлодарская	3	0,3	–
19	Ростовская	42	4,0	–
20	Самарская	24	2,3	–
21	Саратовская	145	14,0	2
22	Ставропольский край	13	1,2	–
23	Татарстан	7	0,68	11
24	Уральская	62	6,0	–
25	Харьковская	7	0,68	–
26	Херсонская	11	1,0	–
27	Челябинская	12	1,1	–
28	Черкасская	2	0,2	–
Всего:		1029	100	35

То есть большинство коллег-археологов на местах «обречены» изучать культуру Золотой Орды или в ее городском, или в степном кочевническом вариантах. Соответственно, трудно рассчитывать и на наличие топографической связи между городами и кочевническими могильниками рассматриваемого периода. И действительно, ближайший к городу Сарайчик район наибольшей концентрации золотоордынских кочевнических погребений – низовья Узеней (Мокринский I, оз. Раим, Джангала (Нов. Казанка), Джангала (Кара-Оба) и др.) – расположен от города на расстоянии 240 км по прямой, что предполагает не менее 5–6 дней конного пути.

Следует отметить, что г. Сарайчик, основанный во второй половине XIII в. [11, с. 124; 4, с. 245], расположен в зоне прикаспийских пустынь, где никаких кочевнических памятников до сих пор не выявлено. С точки зрения современных ландшафтно-климатических характеристик это вполне закономерно и объяснимо: данный район представляет собой безводную зону солончаковых пустынь и полупустынь. Однако, по данным почвоведов, на XIII в. приходится пик гумидизации Волго-Уральских степей, в процессе кото-

⁸ Включая и те неидентифицированные городища, на которых, по данным В.Л. Егорова, присутствуют остатки кирпичных построек.

рой происходил рост увлажненности и сдвиг ландшафтных рубежей к югу. То есть прикаспийские пустыни и полупустыни представляли собой хотя и сухую, но степь [9, с. 62].

Еще более удалены могильники на Узнях от Мавлибердинского городища на р. Уил (320–340 км по прямой), на месте которого отмечены остатки кирпичных стен 30–40 построек и оросительные каналы [11, с. 127 и сл.].

Возле города Хаджи-Тархан (гор. Шареный Бугор), возникшего в XIV в., кочевнических могильников не могло появиться по определению. Во-первых, сам город расположен в дельте Волги, поэтому самый ближайший к нему курганный могильник – Сеитовский (30 км к северо-востоку)⁹ – расположен на левом берегу Ахтубы, в зоне полупустынь¹⁰. Во-вторых, сама эта зона (в рассматриваемое время – сухая степь) едва ли располагала кочевников к ее интенсивному освоению. Поэтому абсолютное большинство известных на территории современной Астраханской области кочевнических погребений XIII–XIV вв. (Никольское, Черный Яр, Кривая Лука, Соленое Займище, Старица и др.) найдены значительно севернее, за пределами Прикаспийских пустынь и полупустынь.

Естественно, мы не можем не упомянуть о 528 бескурганных погребениях золотоордынского времени, открытых и исследованных в окрестностях городища Шареный Бугор [24, с. 137–154]. Но что в данном случае означает «в окрестностях»? Самое крупное скопление бескурганных захоронений золотоордынского времени (более 370 погребений) – могильники Барановка (Калмацкий Бугор), Вакуровский Бугор I и II, Маячный Бугор I–III, Мечетный Бугор I и II находится в 30 км к востоку от городища, на левом берегу протоки Бузан [24, с. 124, рис. 4]. Такая территориальная удаленность очень затрудняет восприятие перечисленных могильников, как элемент социокультурной структуры города Хаджи-Тархан (несмотря на то, что погребения в основном мусульманские).

Город Сарай ал-Махруса (гор. Селитренное) в своей округе кочевнических курганов не имел вообще. Ближайшее (единственное) кочевническое погребение – Енотаевское – находится в 35 км к северо-западу на правом берегу Волги [24, с. 91, рис. 3] и к городскому комплексу отношения явно не имеет.

Здесь не лишне вспомнить о том, что первая столица Золотой Орды была основана ханом Бату в начале 50-х гг. XIII в., когда ислам отнюдь не являлся еще основополагающей религией этого государства. Поэтому с точки зрения конфессиональных «тонкостей» для пребывания в окрестностях города кочевников-язычников препятствий не было.

В ближайших окрестностях г. Бельджамен (Водянское гор.) [11, с. 109 и сл.] кочевнические курганы золотоордынского времени также не выявлены. Шесть погребений из могильника у с. Верхнее Погромное расположены на левом, противоположном от городища берегу Волги. Погребение в кургане у с. Гусевка – в 70 км севернее Водянского городища [7, с. 83].

Аналогичная картина наблюдается и в окрестностях г. Увек (окраина современного г. Саратова). Ближайшие к городу курганные захоронения – Покровск, Зауморие, Скатовка – расположены на левом берегу Волги, а Аткарский грунтовый могильник – в 70 км к северо-западу.

На территории современного Восточного Татарстана, где сосредоточено наибольшее количество городов, существовавших в эпоху Золотой Орды, известны всего четыре кочевнических захоронения из Балымерского могильника, которые могут трактоваться не более как случайное явление на данной территории.

---

⁹ Могильник не исследовался, поэтому его золотоордынская принадлежность определяется только по находкам на памятнике кирпичей [24, с. 154].

¹⁰ Тогда, видимо, еще сухой степи.

В степях к западу от Волги наблюдается аналогичная картина: в ближайших окрестностях золотоордынских городов Маджары, Азак, Шехр ал-Джедид (Старый Орхей), Аккерман, Килия кочевнических курганов не выявлено¹¹.

На этом фоне необычно выглядят окрестности города Сарай ал-Джедид (Царевское городище), возникшего не ранее 40-х годов XIV в. [3, с. 80]. В радиусе 20 км от него вверх и вниз по левому берегу Ахтубы (чуть более часа верховой езды рысью) расположены 18 курганных могильников золотоордынского времени: Заплавное II, Бахтияровка I–III, Ленинск I и II, Маляевка I, V, VI, Солодовка I–III, Царев, Колобовка I–IV, Зубовка. В общей сложности – 158 погребений (85,2% от всех золотоордынских кочевнических погребений Нижнего Поволжья).

Данному «феномену» имеются несколько объяснений. Первое – «некоторая часть некрополей начала функционировать в золотоордынское время еще до образования крупного города на месте Царевского городища. Основным занятием населения на этой территории до возникновения города было, по-видимому, кочевое скотоводство. С возникновением и развитием города совпадает трансформация хозяйства кочевников к полукочевому» [3, с. 97].

Второе – «в округе Царевского городища зафиксировано значительное преобладание количества подкурганных погребений (их в полтора раза больше, чем грунтовых), что является уникальным для округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья: вероятно, в окрестностях Царевского городища доминировали представители кочевого мира...» [24, с. 237].

В принципе оба эти предположения не противоречат друг другу, а никакой другой альтернативы мы предложить не можем.

Л.Ф. Недашковский рисует обоснованную и убедительную схему динамики потенциальных экономических зон поселений округи Царевского городища¹². Из приведенных исследователем данных следует, что на всем протяжении истории этого города (с 1266 по 1395 гг.) очертания границ его экономических зон менялись незначительно и кочевники, представленные большим скоплением погребений в этом районе, стабильно находились рядом с этими зонами. Это и привело автора к совершенно справедливому выводу «о тесных связях золотоордынских городов Нижнего Поволжья с их сельской и кочевой округой» [24, илл. 10–14; с. 246]. Едва ли есть смысл сомневаться в том, что так оно и было, и в том, что связи эти имели выраженный экономический, но не социальный характер. Под последним подразумеваются различия в динамике социального развития золотоордынских городов и «кочевой степи».

В этом плане весьма показательны золотоордынские погребения с монетами, составляющие 10,1% от всех погребений нашей выборки. Главным образом это монеты ханов Узбека (1312–1341), Джанибека (1342–1357) и Бердибека (1357–1359), на время правления которых приходится утверждение ислама как государственной религии Золотой Орды. 8,8% от указанных погребений – языческие, т.е. содержат конские захоронения и вещи, сопутствующие погребенному. Они встречаются в могильниках, расположенных в окрестностях городов (Бахтияровка II, III, Царевский, погребение в Саратове), но преобладают в степи.

Вопрос об утверждении ислама в Улусе Джучи рассматривался неоднократно с привлечением как письменных, так и археологических источников [5; 6; 8; 18]. Основной вывод исследователей сводится к тому, что, во-первых, сам по себе процесс исламизации

¹¹ Самые ближайшие к г. Азаку курганы Русский Колодец и Мануйловка расположены в 50 км от него через Таганрогский залив, а самый близкий к г. Килия Траповский могильник расположен в 60 км к северо-востоку на восточном берегу оз. Сасык (Кундук).

¹² Он ее рисует для всех крупных городов Нижнего Поволжья, но нас в данном случае интересует именно Царевская.

Золотой Орды был не одномоментным и проходил через несколько этапов. Первый – принятие ислама собственно Джучидами и близким к ним кругом придворной знати в правление хана Берке. Массовой исламизации кочевников и их знати в этот период не произошло. Второй – укрепление и расширение ислама в Улусе Джучи в конце XIII в. (правление хана Токты), когда ислам (не без насилия со стороны верховной власти) начинает проникать и в кочевую степь. Третий – превращение ислама в государственную религию в период правления хана Узбека [18, с. 100–108]. Во-вторых, импульс перехода к новой религии исходил из городов и их округа, в т.ч. и кочевой. Хотя и здесь языческие традиции постепенно сдавали свои позиции, и в мусульманских мавзолеях ордынской знати продолжали совершаться захоронения с сопровождающим инвентарем [6, с. 126]. В-третьих, у кочевников степной периферии Золотой Орды язычество (шаманизм, культ предков) сохранялось и в XIV в., и в начале XV в., что, в частности, подтверждается сохранением здесь языческих святилищ типа Акимбетовского кургана, могильников Система I, Анненское–12 в Степном Зауралье и др. [21, гл. II; 8, с. 94].

Наиболее адекватно объясняющим причину «конфессионального запаздывания» золотоордынской кочевой степи по сравнению с золотоордынским городом нам представляется заключение В.П. Костюкова о том, что «кочевой быт вообще не создает подходящей почвы для глубокого укоренения прозелитических религий. Хорошо известно, что там, где степняки оказывались более или менее прочно привязанными к монотеистическим государственным центрам, таким как Хорезм или Византия, процесс утверждения мировых религий совершался значительно скоротечнее и глубже. В иной ситуации каноны новой веры, не напоминаемые регулярным миссионерским наставлением, самым причудливым образом преломлялись в сознании кочевников и либо вовсе не допускались в важнейшие области ритуальной практики, либо присутствовали в них фрагментарно, в парциальном виде» [21, с. 82].

Что касается концентрации кочевнических курганов в округе Царевского городища (город Сарай ал-Джедид), то Д.В. Васильев считает, что это «является свидетельством экономического и политического тяготения кочевников к крупному городскому центру» [6, с. 131]. Однако не следует сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что в предшествующее время, в частности в X–XI вв., на этой территории наблюдалась аналогичная картина – могильники Бахтияровский, Калиновский, Царевский, Солодовка, Ленинск (в общей сложности 20,1% от всех учтенных погребений огузо-печенежского времени). Это дает нам основание предполагать, что данное место издревле являлось местом традиционных зимовок кочевников Волго-Уралья¹³. И не стоит исключать и того обстоятельства, что появление здесь города (и вообще степных городов Нижнего Поволжья) явилось дополнительным (если не основным) диссонансом в отношениях «кочевой степи» с центральной ордынской властью. На наш взгляд, все это исчерпывающе объяснено Э.С. Кульпин-Губайдуллиным: «Появление человека сделало степной гомеостаз менее устойчивым по ряду причин. Степные города создавались на пустом месте. Люди, их заселившие, не знали, как вести себя в степи, **не знали, что навыки, выработанные предками в других природных условиях, могут оказать на новом месте плохую услугу** (выделено – *Авт.*). Зачастую не знали новую степь и кочевники. Она казалась им несравнимо более богатой их прежних родных мест, но они не знали границ ее возможностей, за которыми следует экологический кризис или локальная экологическая катастрофа» [23, с. 71].

Немаловажную роль (если не решающую) в развитие этого диссонанса сыграла и оппозиция, на ментальном уровне, двух составляющих культурного пространства Золотой Орды: степной, базирующейся на биликах Великой Ясы («Когда хотят есть живот-

¹³ Так же, как, впрочем, и вообще все Ахтубинско-Волжское левобережье.

ное, должно связать ему ноги, распороть брюхо и сжать рукой сердце, пока животное умрет, и тогда можно есть мясо его; но если кто зарежет животное, **как режут мусульмане** (выделено мной – *Авт.*), того зарезать самого» – §8; «Он запретил мыть их платье в продолжение ношения, пока совсем не износится» – §15; «Мужчинам разрешается заниматься только войной и охотой» – §53), и городской исламской [16].

В целом же совершенно очевидно, что в географическом и, соответственно, ментально-психологическом отношениях золотоордынские города и «кочевая степь» представляли собой два параллельных явления в социально-политической и этноконфессиональной жизни Золотой Орды. Связь между ними была чисто экономической: материальная культура кочевников регулярно «подпитывалась» продуктами городского ремесла (что и превратило золотоордынскую культуру в имперскую, т.е. надэтническую), тогда как «золотоордынские города Нижнего Поволжья не могли обойтись без притока скота и молочных продуктов из кочевой степи» [24, с. 221]. Что же касается духовной связи между золотоордынским городом и степью, то ее вряд ли стоит преувеличивать. «Великая замятня» 60-х – 80-х гг. XIV в. – наглядный тому пример.

1. Антонов И.В. Этническая история Волго-Уральского региона в XIII – начале XV вв. (историко-археологическое исследование). Уфа, 2006.
2. Белавин А.М. Народы Верхнего Прикамья и Волжская Булгария // История татар с древнейших времен. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006.
3. Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград, 2006.
4. Бурханов А. Сарайчук и поселения Волго-Уральского междуречья // История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. Казань, 2009.
5. Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде: Историко-археологическое исследование. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. 192 с.
6. Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование). Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009. 179 с.
7. Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья. Уфа: Гилем, 1998.
8. Гарустович Г.Н. Религиозная ситуация в Золотой Орде глазами современников // Ислам и власть в Золотой Орде. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ. 2012. С.73–97.
9. Демкин В.А., Борисов А.В., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Золотарева Б.Н., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н., Ельцов М.В. Волго-Донские степи в древности и средневековье. Пушино, 2010.
10. Демкин В.А., Демкина Т.С., Борисов А.В., Якимов А.С., Сергацков И.В. Изменение почв и природных условий полупустынного Заволжья за последние 4000 лет // Почвоведение. 2004. №3.
11. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1982.
12. Злыгостев В.А. Субэдэй. Всадник, покорявший вселенную. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2011. 396 с.
13. Иванов В.А. Этнокультурная карта Южного Урала в предмонгольский период (вторая половина XI – начало XIII вв.) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы II региональной научно-практической конференции. Челябинск, 2004. С.66–70.
14. Иванов В.А. Кипчаки в Восточной Европе // История татар. Т.2: Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006.
15. Иванов В.А. Локальные особенности погребального обряда кочевников евразийских степей периода Золотой Орды // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного Международного конгресса. Т. II. Казань, 2007. С.22–28.

16. Иванов В.А. Химеры и миражи Золотой Орды // ж. Золотоордынское обозрение. 2014. №1 (3). С.190–211.
17. Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 396 с.
18. Измайлов И.Л. Принятие ислама в Улусе Джучи: причины и этапы исламизации // Ислам и власть в Золотой Орде. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ. 2012. С.98–116.
19. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Клановая структура улуса Джучи // История и культура улуса Джучи. 2006. Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и современность. Казань, 2007.
20. Костюков В.П. Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // Тюркологический сборник. 2005. М., 2006.
21. Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань, 2010. 200 с.
22. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974.
23. Кульпин Э. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. М., 2008.
24. Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М., 2010.
25. Пилипчук Я.В. Етнополітичний розвиток Дашт-і Кипчак у IX–XIII ст. Київ, 2012. 288 с.
26. Пилипчук Я.В. Суспільний лад та державна організація кипчаків IX–XIII ст. // Східний світ. №4 2012. С.78–89.
27. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М.: Наука, 1982.
28. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. 272 с.
29. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1973. 178 с.
30. Худяков Ю.С. О происхождении культуры средневековых кыпчаков // Древности Алтая. 2004. №12. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2004/12/17.html>
31. Худяков Ю.С. Кипчакские племена Западной Сибири в XI – первой половине XIII в. // История татар с древнейших времен. Т.II. Казань, 2006.
32. Юсупов Р.М. Антропологический состав башкир и его формирование // Башкиры. Этническая история и традиционная культура. Уфа, 2002. С.21–44.
33. Яминов А.Ф. Южный Урал в XIII–XIV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1995. 30 с.

§ 2. Земледелие, скотоводство, промыслы и ремесло*

Леонард Недашковский

Традиционно Улус Джучи оценивался историками как кочевое государство со слабо развитым земледелием. Но в свете новых археологических данных это мнение представляется неверным.

В состав Золотой Орды наряду с кочевыми степями входили и такие старые земледельческие регионы, как Булгар, Хорезм, Крым и Северный Кавказ.

На Булгарском городище в золотоордынский период были известны мягкая пшеница, пшеница-двузернянка (полба), пшеница карликовая, просо, ячмень (голозерных и пленчатых форм, а также бутылковидный), овес, рожь, горох, вика, чечевица, огурцы, яблоки, лен, конопля [18, с. 218]. На Селитренном городище были найдены при раскопках косточки винограда и семечки арбузов [40, с. 231]. При исследованиях Увекского

---

* См. рис. 4–7, 9–11, 13, 23 к статье на цветной вклейке.

городища зафиксированы рис, нут, инжир, виноград, барбарис, кориандр, грецкий орех, просо, пшеница [19], а также рожь (Национальный музей Республики Татарстан (НМ РТ), сборы Ф.В. Духовникова 1893 г., № 5365–35, ОАП–66, ст. № 12799, 202).

На поселениях Багаевское, Колотов Буерак, Хмелевское I и Широкий Буерак в Саратовском районе Саратовской области в ходе раскопок автора в 2001–2003 гг. впервые на золотоордынских памятниках была проведена флотация культурного слоя и заполнения исследованных сооружений. Из нижнего, нераспаханного горизонта культурного слоя и из заполнения сооружений на поселении Широкий Буерак были взяты 39 образцов, на Багаевском селище – 66 образцов, на поселении Колотов Буерак – 17 образцов, из предматериковых напластований раскопа III на Хмелевском I селище – еще шесть образцов. Анализ был проведен в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН старшим научным сотрудником, кандидатом исторических наук Е.Ю. Лебедевой. На поселении Широкий Буерак было обнаружено 209 определяемых зерен культурных растений, на Багаевском селище – 370 зерен, на поселении Колотов Буерак – 20 зерен, на Хмелевском I селище – 15 зерен. На поселениях Широкий Буерак, Багаевское и Хмелевское I отмечены находки колосовых фрагментов – следов обмолота злаков; таким образом, удалось задокументировать факт возделывания культурных растений на месте населением исследованных памятников, а значит, и исключить версию об импортном характере зерна, так как необмолоченное зерно не транспортировалось на продажу. Нельзя не учитывать культурно-хронологическое и территориальное единство исследованных нами памятников, поэтому корректно говорить о едином палеоэтноботаническом комплексе второй половины XIII–XIV в. Зафиксированное абсолютное преобладание в образцах проса (53,4% из всех остатков культурных растений), превосходящего рожь (20,1%), пшеницу (19,6%), ячмень (5,9%), овес (0,7%) и горох (0,3%), взятые вместе, на наш взгляд, не является случайным. Зернышки проса были зафиксированы нами на Хмелевском I селище в заполнении ямы 2 раскопа I–1999, представлявшей собой хозяйственное сооружение сложной подвосьмеркообразной формы; восточная часть ямы, где были найдены зерна, являлась наиболее глубокой и, видимо, служила колоколовидным в сечении погребом со ступенчатым спуском в него.

О возделывании проса в Золотой Орде сообщают средневековые авторы. Еще Иоанн де Плано Карпини и Гийом де Рубрук в середине XIII в. указывали на употребление в пищу этой культуры в Монгольской империи, упоминая при этом из других злаков только рис и ячмень, служившие для приготовления напитков [8, с. 36, 95, 124, 138, 146, 148, 154; 55, с. 10, 62, 68, 132, 166, 173, 183, 186]. Просо («tari»), овес («ous»), пшеница («soptaluc»), полба («suulu»), ячмень («arpa»), рис («tuturgan», «brinč», «bri[ng]»), горох («brizac», «noghuc») и чечевица («maruimas») упоминаются в половецкой части [47, с. 107, 130–131; 48, с. 96, 109] словаря «Codex Cumanicus» (первоначально написанного в 1303 г. на материалах конца XIII в.), составленного для итальянцев, приезжавших в Улус Джучи. «История Вассафа» повествует о мешке проса, отправленном ханом Токтой хулагуидскому ильхану Газану в 702 г.х. (1302/1303 гг.) как символ многочисленности ордынского войска [35, с. 83]. В географической работе ал-Омари (700–749 г.х. / 1300/1301–1348/1349 гг.) сообщается о земледелии в Золотой Орде: «Посевов у них мало, и меньше всего пшеницы и ячменя, бобов же почти нельзя отыскать. Чаще всего встречаются у них посева проса; им они питаются и по части произведений земли в нем (заключается главная) еда их» [34, с. 230]. По словам того же ал-Омари, пшеница, ячмень, просо двух видов – говорится о просе (дохн) и «джаверсе (род проса), похожем на зерно трилистника» – и чечевица продавались на базарах Сарая [34, с. 242]. Иосафат Барбаро также упоминает об употреблении ордынцами проса в пищу и для жертвоприношений; кроме проса он называет только пшеницу и овес, которыми кормили лошадей [2, с. 142, 146, 149–150]. Амброджо Контарини, проезжавший через

Нижнее Поволжье в 1476 г., упоминает уже только о рисе и сухарях «из довольно хорошей пшеничной муки», а также о луке и чесноке [2, с. 221, см. также с. 224].

Итальянские и византийские купцы закупали в Золотой Орде различные виды зерна: пшеницу, просо и ячмень, в порядке значимости по объемам вывоза [2, с. 52–53, 57, 66; 5, с. 442, 447; 6, с. 39–43; 9, с. 100–101, 103–104, 108–116, 118, 146, 149; 11, с. 27–34; 12, с. 145; 13, с. 191; 14, с. 156, 175–176, 183; 17, с. 122–123, 131–133; 51, с. 250–251, 259–260; 53, с. 24, 42, 54–55]. Франческо Пеголотти сообщает о высоких качествах пшеницы, вывозившейся из Каффы и Монкастро [53, с. 42]. Однако не все регионы Улуса Джучи были в состоянии полностью обеспечивать себя продукцией земледелия: известный арабский путешественник Ибн Баттута приводит сведения о доставке пшеницы и ячменя из Термеза в Хорезм по Амударье на судах [34, с. 309; 56, с. 542].

Гийом де Рубрук упоминает о виноградниках и вине на Северо-Восточном Кавказе [8, с. 186; 55, с. 262]. «Codex Cumanicus» содержит названия апельсина («*painč*», «*пouma*»), лимона («*limon*»), персика («*saftalu*»), граната («*nardan*»), абрикоса («*mismis*»), сливы («*eric*»), инжира («*ingir*»), винограда («*xixun*»), крупноплодного мускатного винограда («*chugu xixun*»), черешни («*chiras*»), финика («*ghorma*»), огурца («*chear*»), дыни («*couu*»), репы («*salghan*», «*samuc*»), капусты («*laghan*»), свеклы («*čagundur*»), тыквы («*sabuc*»), лука («*sorgan*», «*youa*»), чеснока («*sarmisac*»), шпината («*yspanac*»), петрушки («*mangdan*»), салата («*magul*»), укропа («*raxiana*»), груши («*armut*», «*chertme*») и яблока («*alma*») в половецком варианте [47, с. 125–127; 48, с. 106–107]. Ал-Омари приводит любопытные данные о фруктах, орехах, овощах и дыне, повествуя о Золотой Орде: «В ней (растут) разные деревья, разные плоды (как то): виноград, гранаты, айва, яблоки, груши, абрикосы, персики и орехи. В ней (есть) плод, который на языке кипчацком зовется *батенк* (баденджан?) [т.е. баклажан – *Авт.*], похожий на винную ягоду... Что касается дыни, то она потребляется (?) у них чрезвычайно, и более других желтая порода. Она сохраняется и имеется у них в продолжение (целого) года. Она имеет чрезвычайную сладость и приятный вкус, а вместе с тем рассказывается много об изобилии и дешевизне ее. Некоторые из них выжимают сок ее и вываривают из нее халву (сладость). В их городах разводится много овощей, как то: брюква, репа, капуста и другие» [34, с. 233–234]. Ибн Баттута, лично побывавший в Хорезме, восторженно отзывается о хорезмских арбузах: «Подобия хорезмской дыни нет на свете, ни на востоке, ни на западе... Кожа ее зеленая, внутренность красная. Она (дыня) чрезвычайно сладка; при этом она тверда. Удивительные свойства ее (заключаются) в том, что она разрезывается, сушится на солнце, укладывается в корзины... и везется из Хорезма в самые крайние земли Индии и Китая. Между всеми сушеными фруктами нет лучше их (этих дынь)» [34, с. 313]. О виноградниках, садах, мельницах и земледельцах в окрестностях Судака в Крыму, а также об амбарных пошлинах, плате за гумно говорится в тарханном ярлыке Тимур-Кутлука 1398 г. [31, с. 21, 33].

В словаре «Codex Cumanicus» встречается название плуга («*saban*»), а также ряд слов и выражений, связанных с его употреблением и устройством: плугарь («*sabanci*»), пахать плугом («*saban surarmen*», «*saban surdum*», «*saban sur*»), лемех («*saban temir*»), пахотная земля («*tarlov*», «*saban ieri*») [47, с. 8, 90, 180; 48, с. 40, 87, 127]. Египетский историк Рукн-ад-дин Бейбарс (ум. 1325) при описании конфликта Токты с Ногаем упоминает также соху [34, с. 110].

Судя по археологическим данным [18, с. 213–214; 32, с. 8–10], плуг имел железные чересло и тяжелый лемех (симметричный или с правосторонней асимметрией). Соха в золотоордынское время, судя по имеющимся материалам [18, с. 211–213; 32, с. 10–11], была двузубой и снабжалась асимметричными сошниками и полицей (приспособлением для отвала земли). Для обработки почвы применялись также мотыги; при уборке урожая пользовались серпами и косами-горбушами [32, с. 11–12]. Земледельче-

ские орудия в золотоордынском Поволжье найдены на многих памятниках; очевидно, с земледелием связаны также находки в низовьях Волги дигирных сосудов, служивших для водоподъемных колес.

Иосафат Барбаро, живший с 1436 по 1452 г. в Тане, венецианской колонии в устье Дона, приводит в своем «Путешествии в Тану» интересные данные о земледелии в степной части Золотой Орды:

«Около февральского новолуния устраивается клич по всей орде, чтобы каждый, желающий сеять, приготовил себе все необходимое, потому что в мартовское новолуние будет происходить сев в таком-то месте, и что в такой-то день такого-то новолуния все отправятся в путь. После этого те, кто намерен сеять сам или поручить сев другим, готовятся и уговариваются между собой, нагружают телеги семенами, приводят нужных им животных и вместе с женами и детьми – или же с частью семьи – направляются к назначенному месту, обычно расположенному на расстоянии двух дней пути от того места, где в момент клича о севе стояла орда. Там они пашут, сеют и живут до тех пор, пока не выполнят всего, что хотели сделать. Затем они возвращаются в орду.

Хан поступает со своей ордой так же, как мать, пославшая детей на прогулку и не спускающая с них глаз. Поэтому он объезжает эти посева – сегодня здесь, завтра там, не удаляясь [от своих людей] больше чем на четыре дня пути. Так продолжается, пока хлеба не созреют. Когда же они созреют, то он не передвигается туда со всей ордой, но уходят туда лишь те, кто сеял, и те, кто хочет закупить пшеницу. Едут с телегами, волами и верблюдами и со всем необходимым, как при переезде в свои поместья.

Земли там плодородны и приносят урожай пшеницы сам-пятьдесят – причем она высотой равна падуанской пшенице, – а урожай проса сам-сто. Иногда получают урожай настолько обильный, что оставляют его в степи» [2, с. 150].

Судя по приведенной цитате, в степной зоне господствовала переложная система земледелия, в Среднем Поволжье применялись «также в известной степени пестрополье и двуполье, сочетающиеся с перелогом» [18, с. 223].

Наряду с земледелием одной из экономических основ золотоордынского государства являлось скотоводство. Из числа кочевников-скотоводов комплектовалась вся армия Джучидов вплоть до второй половины – конца XIV в.

Скотоводство развивалось не только в кочевом хозяйстве, основой которого оно являлось, но и в среде оседлого населения.

В питании населения Нижнего Поволжья в золотоордынское время, судя по остеологическим данным, преобладали говядина, баранина и конина. Причем в сельской местности потребляли в среднем больше говядины и меньше баранины и конины, чем в городах, куда скот, очевидно, в большей степени поступал от кочевников. Помимо костных остатков коров, быков, волов, овец, коз и лошадей на золотоордынских поселениях Нижней Волги найдены кости верблюдов, свиней, собак, кошек, домашних кур, гусей и уток. Мелкий рогатый скот забивался в возрасте от 2 месяцев до 8 лет; крупный рогатый скот – от 3 месяцев до 6 лет и старше; лошади – 1–12 лет и старше; свиньи – 1–2 лет и старше. Скот разводили с целью получения не только мяса, но и молока, шерсти, кож; значима была и роль навоза – единственного удобрения в земледельческом хозяйстве средневековья. Быки и волы служили для перевозки грузов (для этого также использовались верблюды и лошади) и для пахоты [24, с. 258–259; 42, с. 117, 129].

Иоанн де Плано Карпини повествует о монголах: «Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами и лошадьми. Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет и в целом мире; свиней и иных животных нет вовсе» [8, с. 28]. Иосафат Барбаро замечает относительно количества скота в Улусе Джучи в XV в.: «Что же рассказать о великом, даже бесчисленном множестве животных в этой орде? Поверят ли мне?» [2, с. 149].

Разведение лошадей в степи имело важное военное значение: каждый воин при выступлении в поход обязан был иметь с собой несколько лошадей. Помимо этого из кобыльего молока изготавливали кумыс – традиционный напиток степных кочевников. Скотом и кумысом номады платили налоги [37, с. 39–40]. В летнее время кочевники преимущественно употребляли в пищу различные молочные продукты (запасая на зиму масло, сушеные творог и сыр, вяленое мясо), а в зимнее время – мясные [8, с. 95–96]. Ал-Омари (700–749 гг.х. / 1300/1301–1348/1349 гг.) сообщает о мясной пище и об обычае дарения мяса у кочевников Улуса Джучи: «Питание их составляют животные их: лошади, коровы и овцы. ... У тех из них, которые живут в степи, мясо не продается и не покупается. ... Когда у одного из них начинает хиреть скотина, как то: лошадь или корова или овца, то он закалывает ее и вместе с домочадцами своими съедает часть ее, и (часть) дарит своим соседям, а когда у них (соседей) также портится овца, или корова, или лошадь, то они закалывают ее и дарят (часть ее) тем, кто их одарил. По этой причине в домах их (никогда) не бывает недостатка в мясе. Это (обыкновение) так установилось между ними, как будто дарение мяса обязательное постановление» [34, с. 230–231].

Золотая Орда в огромных количествах экспортировала скот. Так, в Индию в массе вывозились лошади для использования их в хозяйственных целях. Ибн Баттута, повествующий о вывозе лошадей из Улуса Джучи в индийские земли, сообщает о степной зоне золотоордынского государства: «Лошадей в этой земле чрезвычайно много и стоят они безделицу. ... Ими они (тюрки) питаются; в их крае они (столь же обильны), как в нашей земле овцы, пожалуй, и больше. Бывает их у одного тюрка по (несколько) тысяч. Один из обычаев тюрков коневодов, населяющих этот край, (заключается в том), что на арбах, в которых ездят жены их, помещают кусок войлока, длиною в пядь, привязанный к тонкому шесту, длиною в локоть в углу арбы; на каждую тысячу коней полагается один (такой) кусок. Видел я, что у некоторых из них бывает по 10 кусков, а у иных и больше этого» [34, с. 286]. Иосафат Барбаро также подробно повествует о торговле скотом: «Среди этого народа есть торговцы лошадьми; они выводят лошадей из орды и гонят их в различные места. ... Мне случалось встречать в пути купцов, гнавших лошадей в таком количестве, что они покрывали пространство целых степей. ... Второй вид животных, которых имеет этот народ, – прекрасные крупные быки, причем в таком количестве, что их вполне хватает даже на итальянские бойни. Их гонят в Польшу, а некоторую часть направляют через Валахию в Трансильванию; кроме того – в Германию, а оттуда уже ведут в Италию. ... Третий вид животных, которых держит этот народ, – высокие мохнатые двугорбые верблюды. Их гонят в Персию и продают там по двадцать пять дукатов за каждого» [2, с. 149]. Крупный и мелкий рогатый скот в большом количестве поставлялся кочевниками в соседние оседлые регионы, например в Среднее Поволжье [24, с. 258, 260, 271; 25, с. 103–104, 106–107] и на Русь, где скот отличался гораздо меньшими размерами: так, средний рост крупного рогатого скота Золотой Орды почти на 10 см выше, чем скота, разводившегося на территории Руси [1; 42, с. 120].

Система перекочевков в золотоордынское время была строго регламентирована ханской властью. Все пастбища и кочевья в государстве были распределены в соответствии с его военно-административным делением. Каждый вышестоящий начальник указывал территории и маршруты кочевания нижестоящему. Иоанн де Плано Карпини сообщает: «Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники – сотникам, сотники же – десятникам» [8, с. 45]. Господствовала меридиональная система перекочевков – параллельно течению крупных рек на золотоордынской территории. Летом кочевники в поисках оптимальных условий двигались вдоль бассейнов рек к северу, а зимой – к югу. Гийом де Рубрук писал, что «всякий начальник (capitaneus) знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее

или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью. Именно зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север, в более холодные. В местах, удобных для пастбища, но лишенных воды, они пасут стада зимою, когда там бывает снег, так как снег служит им вместо воды» [8, с. 91].

Важной составляющей хозяйства Орды был охотничий промысел. На золотоордынских памятниках были найдены костные остатки диких животных – зайца, перевязки, лисицы, волка, медведя, барсука, кабана, бобра, куницы, суслика, хомяка, лося, благородного оленя, северного оленя, косули, кулана, сайгака, тура (?), нерпы, черепахи, – а также птиц (серый гусь, тетерев, серая куропатка, кряква, серая цапля, дрофа, чайка, грач, сизый голубь, сорока, галка), свидетельствующие, наряду с письменными источниками, о вспомогательной роли охоты в хозяйстве населения. Но доля костей диких млекопитающих на поселениях, если они вообще присутствуют, не является значительной. Судя по количеству мяса, которое может быть получено от одной особи различных животных, в питании населения Нижнего Поволжья в золотоордынское время абсолютно преобладали говядина, баранина и конина. Об охоте в восточной части джучидского государства на горностаев, соболей, белок, черно-бурых лисиц и сурков имеются сведения у Марко Поло [15, с. 225–226; 54, с. 481]. «Они прекрасно умеют охотиться, употребляя преимущественно луки», – сообщает о населении Улуса Джучи Иосафат Барбаро [2, с. 142]. Пушнина (меха соболя, горностаев, куницы, ласки, лисицы, рыси, белки, зайца, бобра, выдры, сурка, белого медведя), поступавшая в основном из северных районов, являлась одной из важнейших статей золотоордынского экспорта [см. 2, с. 51, 57–58, 66, 217; 8, с. 88; 9, с. 23–28, 34, 64, 80, 84, 97, 147, 149; 12, с. 152–154; 13, с. 191; 14, с. 183; 34, с. 297–298; 49, с. 386; 53, с. 24, 150; 55, с. 44].

По традиции, установленной еще Ясой, облавная охота [8, с. 99; 55, с. 71] являлась своеобразной школой военной тренировки, своего рода войсковыми маневрами. Охота была и одним из традиционных развлечений джучидской аристократии. В ярлыках Менгу-Тимура 1267 г., Бирдибека 1357 г., Тюляка 1379 г. и Тимур-Кутлука 1398 г. в перечне золотоордынских чиновников упомянуты сокольники и барсники [7, с. 64, 74, 82–84, 102; 31, с. 21, 25; 45, с. 465, 467, 469]. Ловчие соколы, кречеты и беркуты (?) упоминаются Гийомом де Рубрук [8, с. 98, прим. 59; 55, с. 69]. Русские летописи под 1283 г. сообщают, что ордынские сокольники промыслили лебедей [26, с. 177; 27, с. 154–155; 28, с. 62, 222; 30, с. 340–341]. Послы Токты в 702 г.х. (1302/1303 гг.) поднесли ильхану Газану в числе подарков охотничьих соколов, шкурки «белок киргизских, ласок (фенек) карлукских, горностаев славянских и соболей болгарских» [35, с. 83]. Соколы упоминаются в числе подарков посольства 717 г.х. (1317/1318 гг.) хана Узбека к египетскому султану [34, с. 325–326, 438]. Кречеты посылались Узбеком в Китай великому каану династии Юань [46, с. 238]. Послы Джанибека, прибывшие в Египет в шаабане 758 г.х. (20 июля – 18 августа 1357 г.), передали подарки, среди которых были собольи меха и хищные птицы [34, с. 441]. 30 января 1385 г. посольство Токтамышша к египетскому султану поднесло ему в числе подарков семь соколов [34, с. 441]. Об охоте с соколами и кречетами, а также об охоте на оленей, гусей, щеглов сообщает Иосафат Барбаро [2, с. 147–148].

О развитии рыболовного промысла на крупных и мелких реках говорят находки рыболовных крючков, лодочных скоб, грузил, а также костные остатки и чешуя рыб, найденные на золотоордынских памятниках. Судя по типам грузил и крючков, был известен лов волоковыми (как небольшими, так и крупными) и ставными (как типа неводов, так и многостенными) сетями, снастями-переметами и с помощью удилица (в том числе на «живца»); волоковой сетевой лов был гораздо более популярен, чем ставной [20]. На золотоордынских поселениях были найдены кости осетров, белуг, севрюг, стерлядей,

щук, судаков, сомовых и карповых рыб. На некоторых памятниках доля костей рыб очень значительна (от 0,1% до 54,7% всех костных остатков); можно считать, что рыба играла заметную роль в рационе питания населения. Интересно, что потребление рыбы в городах было в среднем несколько выше, чем на селе. Вяленая и соленая рыба (в том числе осетры и осетровые балыки), а также икра вывозились из Золотой Орды итальянскими купцами [2, с. 50–52, 57–58; 9, с. 79, 100–102, 104, 122–124, 146, 149; 12, с. 149; 13, с. 191, 195, 210; 14, с. 183; 36, с. 803; 44, с. 218; 49, с. 416, 676, 701; 53, с. 24, 102, 380]. Гийом де Рубрук сообщает о закупке купцами из Константинополя (т.е., очевидно, итальянскими, так как речь идет о периоде, когда город был столицей Латинской империи) сушеных осетров, лещей «и других рыб в беспредельном количестве» [8, с. 88] в устье Дона, обитателей берегов которого путешественник описывает как имеющих сушеную рыбу в больших количествах [8, с. 109; 55, с. 97]. Иоганн Шильтбергер характеризует Азак как город «на берегу Дона, изобилующего рыбой, которую вывозят на больших судах и галерах в Венецию, Геную и острова Архипелага» [43, с. 44–45]. Иосафат Барбаро, рассказывая о Волге и Каспийском море, сообщает, что «в реке, как и в море, неисчислимое количество рыбы» [2, с. 157]. Контарини повествует о промысле рыбы (в том числе осетров, белуг) и тюленей на Каспии [2, с. 216, 218].

С заготовкой рыбы тесно связана также добыча соли. Наличие этого промысла в Золотой Орде и экспорт соли на Русь подтверждаются сообщениями Барбаро, Контарини [2, с. 157, 219] и Гийома де Рубрук, повествующего о значительных доходах ханской казны от контроля над солеварением [8, с. 90–91, 107; 55, с. 52, 92]. На карте космографа Фра-Мауро 1459 г. у р. Урал изображена гора с припиской «соляная гора» [50, с. 56, XXXIII].

Имел определенное значение и бортный промысел. Мед и воск экспортировались Улусом Джучи; мед, травы, корни собирались и употреблялись в пищу населением [2, с. 51–52, 57, 66, 142, 153, 220; 8, с. 95; 9, с. 32–33, 79, 84, 95–97, 104, 111, 128–129, 147, 149; 12, с. 131; 13, с. 195, 210; 34, с. 234; 53, с. 24, 43, 150; 55, с. 62]. «Codex Cumanicus» в половецкой части содержит названия ореха («сох»), лесного ореха («ĉatlauc»), миндаля («badam»), фисташки («pistac»), каштана («castana»), руты («sadaf»), мяты («gischic») и шалфея («salg») [47, с. 125–126; 48, с. 106], следовательно, они могли также собираться. Производился сбор трав и для лечебных целей – так, соцветия цитварной полыни вывозились из Причерноморья и Приазовья в Западную Европу и на Ближний Восток [2, с. 147, прим. 69; 9, с. 84, 119; 53, с. 69, 138, 429–430].

Некоторые историки высказывали мнение о недостаточной развитости золотоордынского ремесла [33, с. 76–78]. Однако даже для XV в., когда основные городские центры Улуса Джучи уже пришли в упадок или прекратили свое существование, мы имеем следующее сообщение Иосафата Барбаро о золотоордынской армии: «В их войске есть ремесленники – ткачи, кузнецы, оружейники и другие, и вообще есть все необходимые ремесла» [2, с. 147]. Подробно охарактеризовать ремесло Золотой Орды позволяют данные археологии.

Несмотря на синкретизм материальной культуры (имеющей отдельные параллели практически на всех соседних территориях) и ремесленных традиций в государстве Джучидов, своеобразие продукции золотоордынского ремесла таково, что позволяет отличать ее от изделий производственных центров других средневековых государств. Ремесленники в городах Улуса Джучи жили по кварталам, где было развитым и усадебное ремесло.

Постараемся кратко охарактеризовать основные виды ремесленных производств и их продукцию.

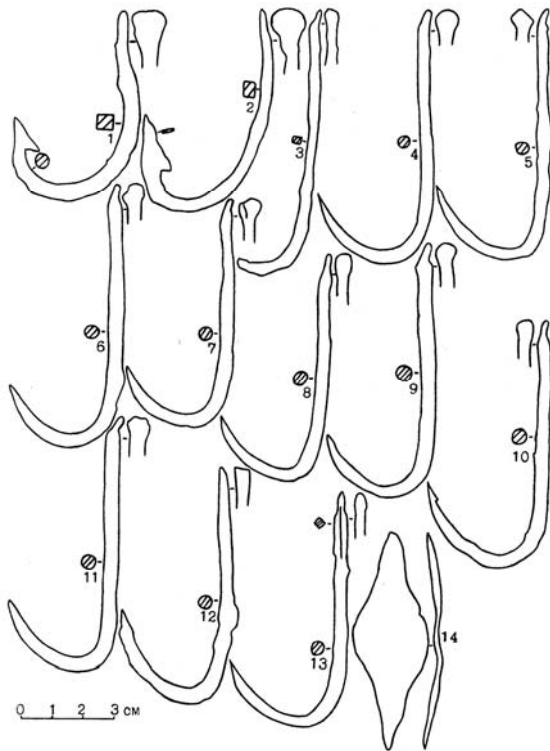

Рис. 1. Железные рыболовные крючки (1–13) и лодочная скоба (14).
1 - селище Подгорное,
2–14 – Увекское городище
[52, Fig. 65]

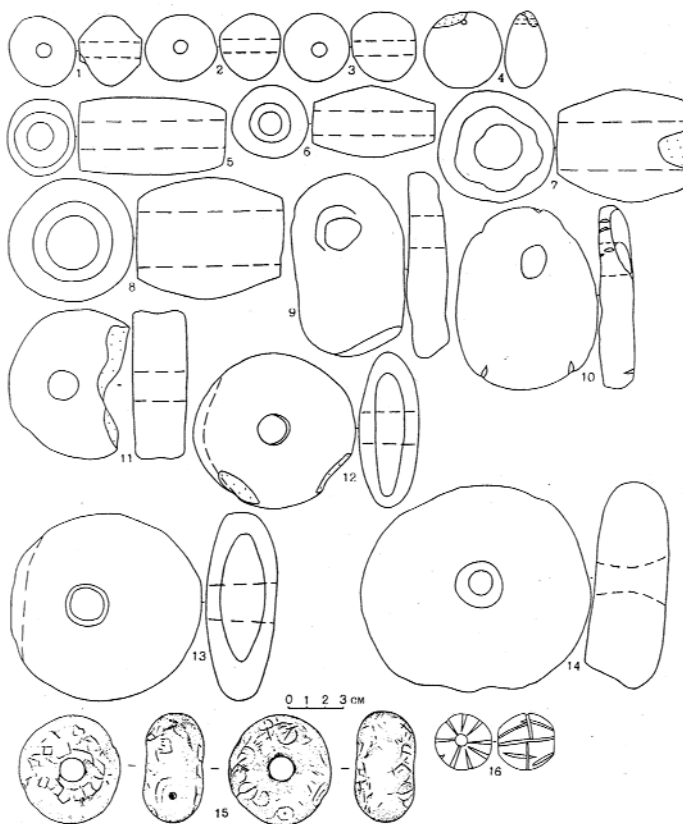

Рис. 2. Керамические (1–13, 16) и каменные (14–15) рыболовные грузила.
1–14, 16 - Увекское городище, 15 - Хмелевское I селище [52, Fig. 66]

Среди всех видов ремесел, развитых в Золотой Орде, в первую очередь следует отметить гончарство. Неполивная красноглиняная гончарная керамика является определяющим материалом для памятников золотоордынского круга. «Для неполивной керамики характерна большая стандартизация, четкость форм и простота орнаментации, сводящейся главным образом к линейно-волнистому орнаменту» [38, с. 235]. Широко применялись керамические изделия самых различных форм и размеров: котлы, горшки, кувшины, миски, чаши, тарелки, тазы, фляги, «ямы» («тагора»), амфоры, хумы, хумчи, сфероконусы, копилки, туваки (сунаки), крышки, светильники, подсвечники, приспособления для установки и переноса ламп, дигири, свистульки, погремушки и другие игрушки, черепица, водопроводные трубы (кубуры), сосуды в виде усеченного конуса, рыболовные грузила, напярсла, шары, «сосуды с сеткой», «пробки», «диски с отверстиями», гончарные круги, кувшины-«непроливайки» [см.: 40, с. 7–199]. Они не имели, как правило, художественного оформления и сложной орнаментации, но отличались высокими техническими характеристиками. Использовалась также штампованная сероглиняная керамика, оттискивавшаяся по частям в сегментовидных керамических формах (кальпах), известных в материалах Царевского и Селитренного городищ.

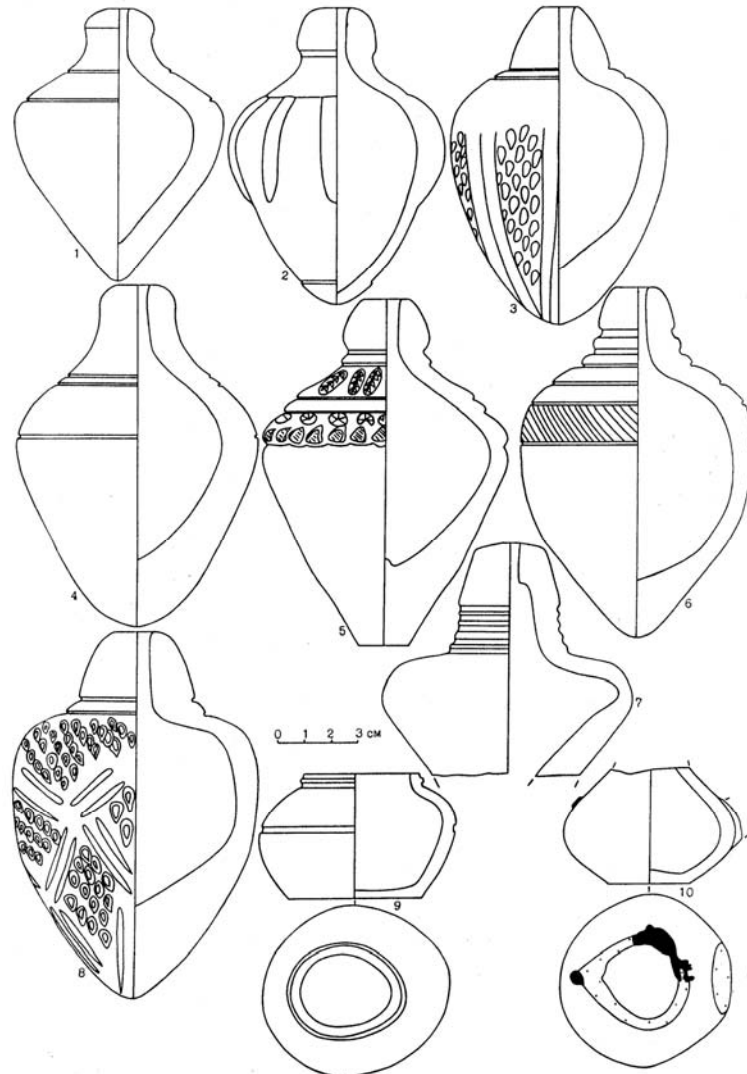

Рис. 3. Неполивная керамика с Увекского городища: кувшинообразные (1–4) и горшковидный (5) сосуды, хум (6) [57, с. 95, рис. 24]

И.В. Волковым была предпринята попытка выделить характерные особенности керамики, производившейся в различных золотоордынских регионах: Азаке, Поволжье, Маджаре, Хорезме, Восточном (Каффе, Судак, Солхате) и Юго-Западном Крыме [4, с. 4–14, 20–21].

Горны различных типов, служившие для обжига неполивной керамики, известны на Водянском, Селитренном, Царевском [40, с. 6–7], Булгарском, Наровчатском и Увекском городищах, а также на других поселениях Поволжья (Большой Шихан, Зубовка, Красный Яр, Лапас, Русский Урмат, Сухореченское, Татарская Башмаковка, Шареный Бугор и т.д.) и периферийных регионов Улуса Джучи. На Селитренном городище комплекс керамических горнов и вспомогательных сооружений «представлял собой большую ремесленную мастерскую типа «кархана», занимавшую целый квартал» [38, с. 232]. Золотоордынское время в целом характеризуется «стремительным прогрессом в освоении высокотехнологичных гончарных горнов» [10, с. 137]. Имеются и многочисленные находки предметов, связанных с керамическим производством, – печной припас (разнообразные формы, в том числе сепай) и ложила.

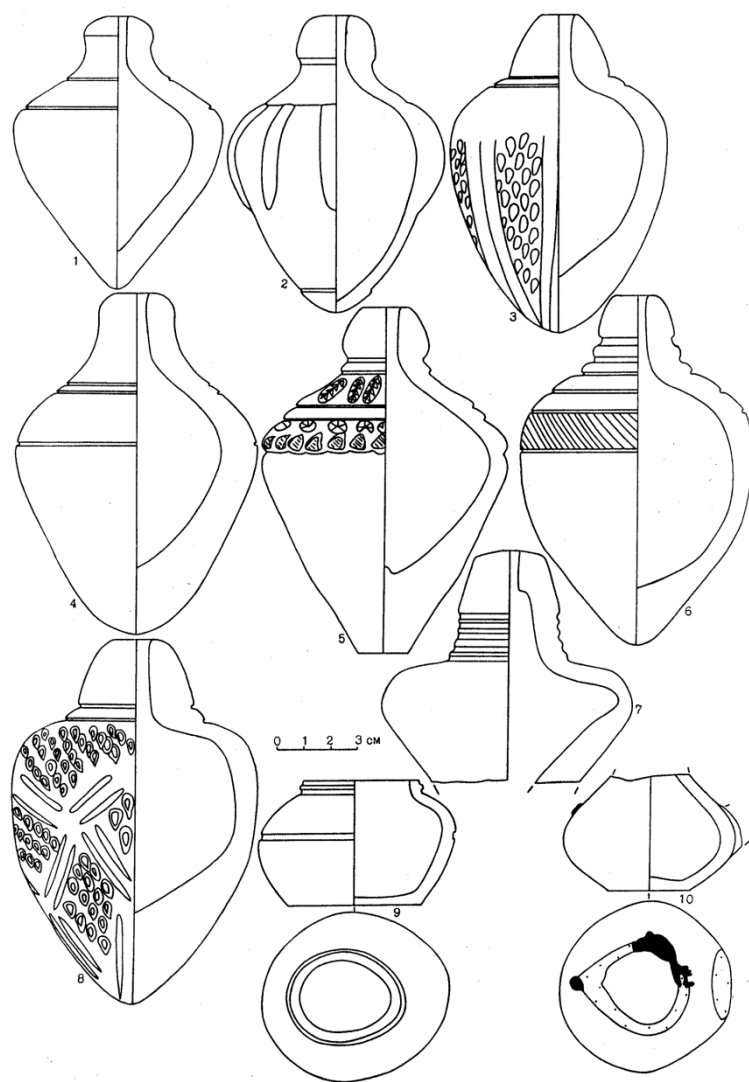

Рис. 8. Неполиваная керамика с Увекского городища: сфероконусы (1–8) и миниатюрные сосуды (9–10) [57, с. 97, рис. 26]

См. рис. 4–7, 9–11, 13, 23 к статье на цветной вклейке.

В Золотой Орде в значительных количествах производилась парадная кашинная (с основой белого или розоватого цвета) и красноглиняная поливная керамика. Номенклатура кашинных изделий представлена чашами, блюдами, альбарелло, сосудами для розовой воды (гулабданами), бутылками, кувшинчиками, приборами для каламов и чернильницами. Производились красноглиняные поливные чаши, альбарелло, сосуды для розовой воды (гулабданы), туваки, светильники, кувшинчики и игрушки. «Сравнительная бедность форм поливной керамики сочетается с невероятной пестротой и многообразием ее орнаментации. ... Поливная керамика предстает перед нами как море красок, ярких, разнообразных, и обилие узоров и композиций» [39, с. 137].

Горны для обжига поливной керамики (как сосудов, так и архитектурного декора) известны в Нижнем Поволжье на Селитренном, Царевском и Увекском городищах.

Помимо прочих изделий керамисты изготавливали кирпичи, а также поливные мозаики и майолики на кашинной и красноглиняной основе, плитки резной терракоты, оконные решетки-рамы, резные и штампованные ганчевые пластины – детали декоративного убранства зданий.

В Золотой Орде существовало развитое стеклоделие. Широко бытовали одноцветные и полихромные бусы, подвески, перстни, браслеты, вставки перстней, сосуды (стаканы, флаконы, кувшины, чаши, лампы и туваки), а также оконные диски. Самыми массовыми находками являются стеклянные украшения, в первую очередь бусы. По химическому составу наибольшее число стеклянных изделий представлено классом натриевых щелочных стекол, из исследованных нами материалов Укека и его окружи к нему относится 77% предметов [3, с. 263, 265]. Стеклоделательные мастерские в Поволжье известны на Булгарском и Селитренном городищах. Фритта (полуфабрикат для выделки стеклянных изделий) была найдена на Царевском городище [10, с. 239], полуфабрикаты обнаружены и на Увекском городище. В мастерской Селитренного городища производились украшения – бусы, подвески, перстни и браслеты, о чем, наряду с химическим составом изделий, свидетельствуют находки шлаков, оплавленного стекла, бракованных бус и стержней для нанесения глазков на бусы.

Хорошо было поставлено кузнечное и железоделательное производство. Появление производства чугуна в Европе связано именно с золотоордынским ремеслом. Сооружения, связанные с обработкой железа, обнаружены не только в городах (Булгарское, Царевское и Водянское городища), но и на сельских поселениях золотоордынского времени; известна даже находка комплекса кузнечного инструментария в насыпи одного из курганов (Маляевка VI, курган 4). Кузнецы Улуса Джучи использовали железные наковальни, молоты, молотки, кузнечные клещи, щипцы, ножницы для резки металла, пробойники (бородки), напильники, гвоздильни и зубила. Codex Cumanicus упоминает в половецком варианте понятия кузница («chura»), кузнец («temirzi»), ювелир («altunči»), мехи («сигус»), уголь («somur»), молот («сасиц»), наковальня («ors»), клещи («cheschač»), напильник («egau»), нож («bičac») и пружина («masa») [47, с. 96–97; 48, с. 90]. В Золотой Орде был известен целый ряд кузнечных технологий – изделия изготавливались не только из кричного железа, но и из сырцового и цельного стали, из пакетного металла, применялись также техники кузнечной сварки, вварки стальной пластины в основу лезвия, торцевой, боковой и V-образной наварки стальной пластины на лезвие, цементации, закалки и пайки медью.

Ассортимент изделий кузнецов был чрезвычайно широким – чересла, лемехи, сошники, полицы, мотыги, кетмени, оковки лопат, кайла, серпы, косы, топоры, тесла, долота, ножи, ножницы, сверла, резцы, пробойники, шилья, иглы, пинцеты, кочедыки, чапельники («сковородники»), приспособления для клеймения скота, рыболовные крючки, удила, стремена, подковы, кольца от сбруи, обкладки седел, ледоходные шипы, кресала, кольчуги, пластинчатые доспехи, шлемы, наконечники стрел, копий и дротиков, втоки, сабли,

булавы, кистени, кинжалы, крючки от колчанов, пряжки, сюльгамы, накладки, нашивки, бляхи, обоймы, наконечники ремней, дужки ведер, подсвечники, светцы, коробочки, цепи, проволока, клинья, гвозди, скобы, пробой, защелки, ручки, дверные накладки, замки и ключи. Из чугуна отливались котлы, чаши, втулки для осей повозок.

Высокоразвитой была и цветная металлургия – найдены многочисленные литейные формы, тигли, льячки, ювелирные наковаленки и молоточки, зубила, слесарные ножницы, матрицы, отходы производства, бракованные изделия. Отходы бронзолитейного производства обнаружены не только в городах (Царевское и Водянское городища), но и на сельских поселениях Золотой Орды. Использовались техники литья, чеканки, тиснения, гравировки, спайки.

Продукция цветной металлообработки представлена большим количеством различных типов изделий – пряжками, накладками, нашивками, поясными кольцами, наконечниками и распределителями ремней, бляхами, обоймами, подвесками, медальонами, бубенчиками, колокольчиками (с Царевского городища известен и большой бронзовый колокол), пуговицами, застежками, наверхиями шапочек, бусинами, цепочками, височными кольцами, серьгами, колтами, перстнями, копоушками, пинцетами, кольцами для натягивания лука, браслетами, шпильками, сюльгамами, зеркалами, «ильтаханами», наверхиями булав, котлами, тазами, ковшами, чашами, кувшинами, крышками, флаконами, ступками, пестиками, ложечками, светильниками, лампами, пеналами, чернильницами, каламами (палочками для письма), застежками от конских пут, колесиками от блоков, напярсами, наперстками, иглами, чашечками весов, гирьками, грузиками-пломбами, перекрестьями сабель, муфтами и обкладками рукоятей ножей, рукоятями кресал, обкладками оселков, дверными ручками, оковками, проволокой, декоративными гвоздиками, замками и ключами.

Химический состав отдельных категорий предметов различается, иногда он помогает установить различные места производства даже морфологически близких изделий. Интересным представляется сопоставление количества исследованных золотоордынских изделий по типам сплавов, выделенным А.А. Коноваловым, с материалами Новгорода XII–XIV вв.: в нижеволжских материалах намного меньше изделий из свинцово-оловянистых бронз (6,7%) и намного больше из оловянистых (46,9%; преобладание этой группы объясняется тем, что к ней принадлежит большинство исследованных бронзовых зеркал, совершенно нехарактерных для Древней Руси); несколько меньше в золотоордынской выборке латунных предметов (2,4%), больше изделий из многокомпонентных сплавов (меди, олова, цинка и свинца – 17,7%) и «чистого» свинца (5,3%), а изделия из «чистого» олова отсутствуют вовсе. В материалах Пскова XIII–XIV вв., по сравнению с нижеволжскими, гораздо меньше изделий из «чистой» меди, а гораздо больше (даже по сравнению с новгородскими материалами) предметов из латуни и многокомпонентных сплавов. Эти данные позволяют допустить возможность ввоза латуни на территорию Золотой Орды, как и на Русь, из Западной Европы через Прибалтику [см. 21; 22; 52, с. 49–54].

На Царевском городище помимо бронзолитейной была исследована и ювелирная мастерская, со временем перешедшая из одной усадьбы в другую и представленная горном, тиглями, льячками, пунсонами, наковаленкой, миниатюрными ложечками, многочисленными каплями золота, обрезками золотых листов и золотой проволоки, образцами готовой продукции (золотые накладка и наконечник ремня); мастерские ювелиров изучены также в Старом Орхее и Чебоксарах. Золотых дел мастер Шахидулла упоминается в тексте надгробия 1317 г., обнаруженного на Булгарском городище. Широко применялись в ювелирном деле техники зерни, скани и филигрانی.

Из серебра и золота золотоордынскими ювелирами изготавливались чаши, кубки, ковши (в том числе поясные), блюда, подносы, шаровидные сосуды, ложки, детали

поясных наборов, наверхия шапочек, амулеты, филактерии, пайцзы, пуговицы, бусины, височные кольца, серьги, перстни, браслеты, шпильки, заколки, цепочки, расчески и их футляры, пластины, гвоздики, фольга, проволока, медальоны, подвески и бляхи. Знаменитая «шапка Мономаха» – московский великокняжеский, а позднее царский парадный головной убор – является произведением торовтов европейской части Улуса Джучи конца XIII – начала XIV в. (крест и меховая оторочка на изделии появились позднее) [см. 16].

Тесно связанным с ювелирным делом было камнерезное ремесло. В золотоордынских городах Поволжья, в частности на Булгарском и Селитренном городищах (там найдено сырье, заготовки и бракованные изделия), осуществлялась обработка поделочных и драгоценных камней [29]. Ассортимент изделий из цветных камней включает в себя бусы, подвески, перстни, вставки перстней, пряжки, накладки, бляшки, вазы и шахматные фигурки. В больших количествах производились каменные жернова, точильные камни, оселки, рыболовные грузила, напярсла и ядра. Камнерезы изготавливали также надгробия и резные архитектурные детали.

На высоком уровне находилось и косторезное дело, располагавшее рядом технологий, в числе которых были обработка изделий на токарном станке, распилка, резание, нанесение циркульной орнаментации, гравировка и полировка. Косторезные мастерские известны на Царевском, Селитренном и Булгарском городищах (там зафиксировано и окрашивание изделий косторезами), причем на последнем изготавливались костяные орнаментированные обкладки колчанов, продававшиеся городскими ремесленниками кочевникам. В двух усадьбах Царевского городища были отмечены заготовки из кости и рога, обрезки кости и рога, полуфабрикаты; изготавливались там рукояти ножей, наверхия и накладки. На Булгарском городище также были найдены отходы производства, заготовки, браки, многочисленная продукция косторезов и их орудия труда (резцы, сверла, специализированные ножи и др.).

Из кости изготавливались пряжки, накладки, нашивки, бляхи, пуговицы, бусины, перстни, амулеты, «писала», шахматы, шашки, альчики для игры в бабки, игральные кубики, проколки, кочедыки, гребни, копоушки, ложечки, весы, игольники, рукояти плетей, шильев, рукояти, муфты и затыльники ножей, обкладки седел, застежки конских пут, кольца для натягивания тетивы лука, «свистящие» насадки на черешки железных наконечников стрел, костяные наконечники стрел для охоты, детали луков и орнаментированные декоративные обкладки колчанов, которые часто раскрашивались разными цветами.

Было развито кожевенное дело. Согласно археологическим данным, из кожи изготавливали сумки, кошель, мешочки, футляры, амулеты, налущья, колчаны, ремни, шаровары, сапоги и другую обувь, головные уборы, чехлы для зеркал, игольники, ею обтягивались седла. На Булгарском городище было найдено более полутора тысяч фрагментов изделий (в том числе обуви с асимметричными подошвами, изготовленными отдельно на правую и левую ноги) и обрезков кожи, а в жилище начала XIV в. найдено сырье (куски кожи размером 40х30 см) и инструменты (ножи для раскроя, медная игла, железное шило и обломки точильного камня), зафиксированы фрагменты сапог и полусапожек, мягкой обуви типа туфель и сандалий [41].

Иоанн де Плано Карпини подробно описывает кожаные панцири и конские доспехи монголов, а также металлические доспехи, скрепленные кожаными ремнями и ремешками; рассказывает Иоанн де Плано Карпини и о лисьих шубах, изнутри подбитых ватой [8, с. 50–51, 80]. Гийом де Рубрук также упоминает кожаные панцири, сапоги, полусапожки, сообщает о кожаных шароварах, меховых штанах, шапках и зимней меховой верхней одежде, представленной двумя видами – нижней, мехом внутрь, и верхней, мехом наружу; существовала, согласно Гийому де Рубрук, и домашняя мехо-

вая одежда [8, с. 98–99, 122, 186, 242]. Женщины у монголов изготавливали одежду (в том числе зимнюю, сшивая шкуры нитками из жил), башмаки, сапоги и все изделия из кожи [8, с. 37, 101]. Codex Cumanicus упоминает в половецком варианте понятия скорняк («yğina topçı»), игла («yğina»), ножницы («büçchi»), наперсток («оутас») и нить («ур»), текстуально взаимосвязанные друг с другом [47, с. 97; 48, с. 90]; в тексте источника подряд упоминаются сапожник («eticçi»), сапожная колодка («kalır»), шило («bix»), нож сапожника («biçac eticçi»), подошва («taban»), союзка (верх туфли) («suruc»), сафьян («sastian»), овчина («çoy suruchi»), сапог («etic»), башмак («basmac») и носок сапога («etic baxı») [47, с. 99; 48, с. 91–92].

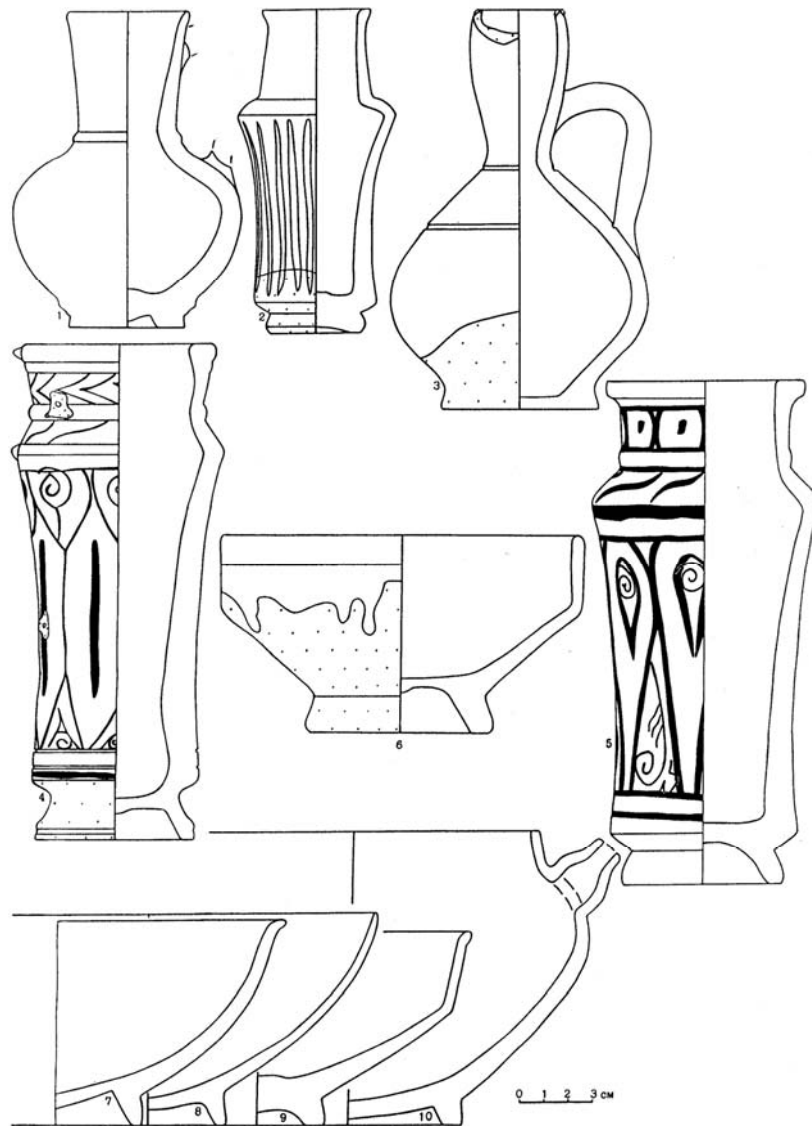

Рис. 12. Кашинная (1, 7–8, 10) и красноглиняная (2–6, 9) поливная керамика с Увекского городища [57, с. 103, рис. 28]

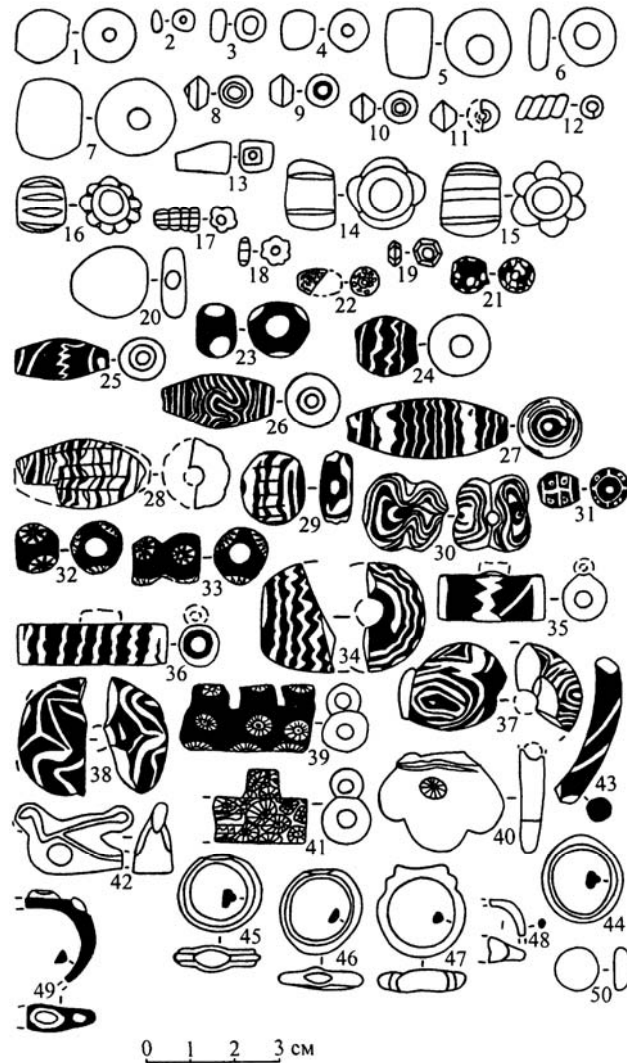

Рис. 14. Стекланные украшения из Уека и с памятников его округи.
 1, 28–29 – Хмелевское I селище, 2 – селище Колотов Буерак, 3–5, 8–9, 12–13, 16–27,
 30–42, 44–47, 49–50 – Увекское городище, 6–7, 14–15 – Хмелевский I могильник,
 10–11 – Багаевское селище, 43 – Алексеевское городище, 48 – селище в урочище
 «Подстепное» [3, рис. 1]

Из ткани шились одежда и головные уборы, изготавливались пояса, кошельки, чехлы для зеркал – остатки всех этих изделий (в том числе головных уборов из парчи и шелка) присутствуют в материалах раскопок золотоордынских памятников. К сожалению, археологический материал пока не позволяет различать ткани, изготовленные в Золотой Орде и привозные, так же как и отличать нити собственного производства от импортных.

Codex Cumanicus упоминает в половецком варианте названия шерсти («yung»), льна («usculi»), шелка («урас»), шелка-сырца («last»), тафты («сйх»), нака («нас»), насика («nasič»), бархата («catifa»), скарлата («yscarlat») [47, с. 106–108; 48, с. 95–96]; содержит Codex Cumanicus и понятия портной («derxi»), портняжные ножницы («bizchi»),

«shorti») [47, с. 98; 48, с. 91]. Ибн Баттута упоминает шатры из полотна и разноцветного шелка, а также полотняную ограду вокруг них, приготовленные эмиром и кади Азака для встречи эмира Хорезма Кутлуг-Тимура, который, прибыв, ступал по разостланным кускам шелковой материи. Арабский путешественник сообщает также о парчовых накидках на лошадях, везших арбы знатных монголоков, одетых, как и сопровождающие их лица, в шелка, усыпанные драгоценными камнями и шитые золотом [34, с. 285, 292]. В числе трофеев, захваченных русскими войсками на Куликовом поле, летописи называют одежду («порты»), а пространная редакция «Задонщины» – камки, насик («носечи», «насычеве»), «узорочье» [23, с. 10, 40, 81, 103, 118, 131]. Иосафат Барбаро сообщает о золотоордынских суконщиках («artesani de drari»), он упоминает шелка, scarлатовое (ярко-красное) сукно и тряпочные изображения божеств [2, с. 140–141, 157, 173, 181–182, 260]. Парчовые и шелковые одеяния носились знатью [8, с. 100; 15, с. 90], бедным же населением использовались полотняные, хлопчатобумажные и шерстяные ткани [8, с. 99]. Сукно применяли для покрытия повозок (упоминается, в частности, синее сукно) [2, с. 144; 34, с. 288] и при изготовлении онгонов [15, с. 90].

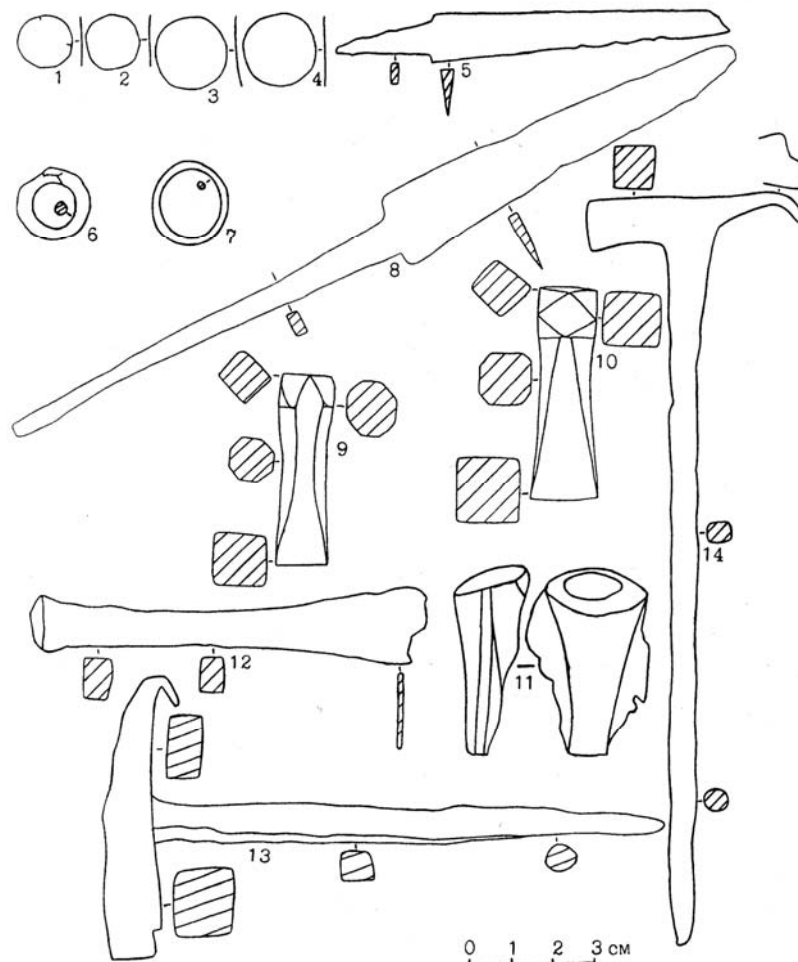

Рис. 15. Пластинки (1–4), ножи (5, 8), кольца (6–7), наковаленки (9–10), заполнение литникового канала (11), зубило (12) и ювелирные молоточки (13–14) с Увекского городища. 1–4 – золото, 5–6, 8, 12–14 – железо, 7, 9–11 – бронза [52, Fig. 60]

Рис. 16. Каменные литейные формы с Увекского городища, сборки Ф.В.Духовникова 1893 г.
(Государственный исторический музей (ГИМ), № 34162, оп. 952, №/№ 10–12)

Рис. 17. Каменная литейная форма с Увекского городища, сборки Ф.В.Духовникова 1893 г.
(Государственный исторический музей, № 34162, оп. 952, № 12)

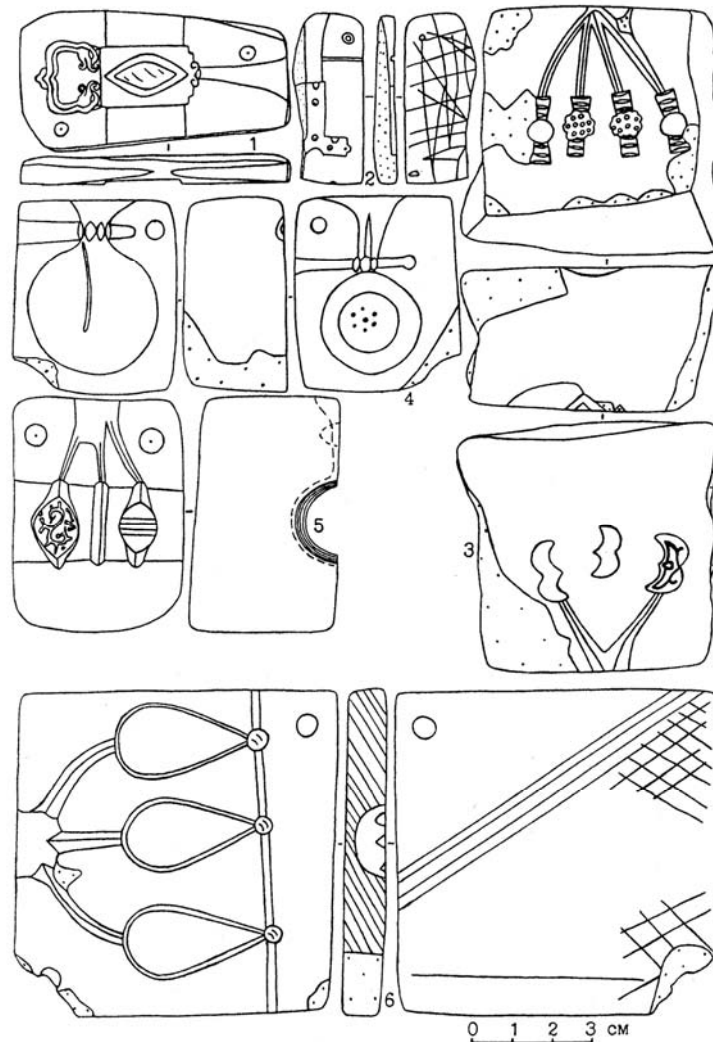

Рис. 18. Бронзовая (1) и каменные (2–6) литейные формы с Увекского городища [52, Fig. 61]

Письменные источники называют только сукна золотоордынского производства и хорезмские шелка, остальные упоминаемые на территории Улуса Джучи материи имеют различное иностранное происхождение. Следует, однако, отметить, что привозились в Золотую Орду именно ткани и сырье для их изготовления (шелк-сырец, лен, хлопок в виде пряжи и клоков), а не готовые одеяния, о чем убедительно свидетельствуют письменные источники и археологические находки одежды только собственного покроя.

Применялся также войлок [2, с. 144, 213, 222; 8, с. 27–29, 32–33, 51, 91–92, 94, 99, 101, 122, 130, 166, 177; 15, с. 90; 34, с. 281, 286], которым обтягивали и оформляли повозки-арбы, сундуки, из войлока изготавливали одеяла, плащи, чепраки, «шапки против дождя», башмаки и изображения божеств (онгоны). По словам Иоанна де Плано Карпини, у монгольских повозок «стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока» [8, с. 27]. Вот как описывает повозку монголов Гийом де Рубрук: «Дом, в котором они спят, они ставят на колесах из плетеных прутьев; бревнами его служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка, наподобие печной трубы; ее они покрывают белым войлоком, чаще же пропитывают

также войлок известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а иногда также берут они черный войлок. Этот войлок около верхней шейки они украшают красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вешают войлок, разнообразный от пестроты тканей. Именно они шивают цветной войлок или другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей» [8, с. 91]. Судя по следующему сообщению Гийома де Рубрук, войлок использовался и при изготовлении сундуков: «они делают четырехугольные ящики из расколотых маленьких прутьев, величиной с большой сундук, а после того, с одного края до другого, устраивают навес из подобных прутьев и на переднем краю делают небольшой вход; после этого покрывают этот ящик, или домик, черным войлоком, пропитанным салом или овечьим молоком, чтобы нельзя было проникнуть дождю, и такой ящик равным образом украшают они пестроткаными или пуховыми материями» [8, с. 91–92]. В гробах кочевников фиксируется иногда присутствие остатков войлочных подстилок под погребенными. Производством войлока и покрытием им повозок у монголов занимались женщины [8, с. 101].

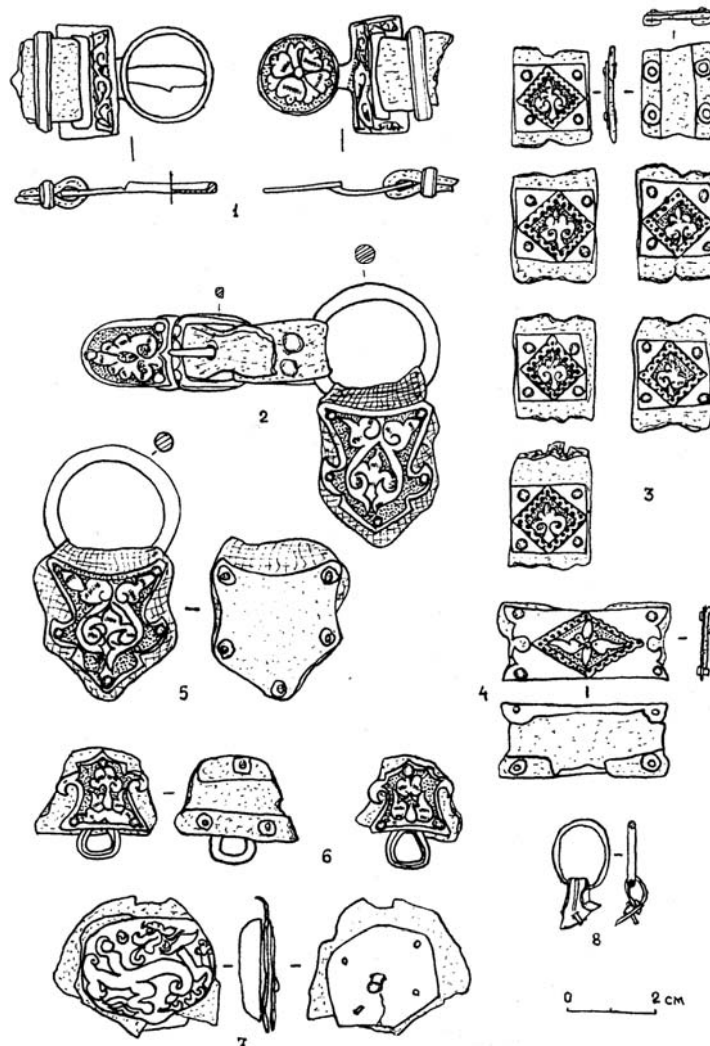

Рис. 19. Детали серебряного поясного набора из погребения 4 мавзолея, раскопанного в 1913 г. на Увекском городище [57, с. 29, рис. 4]

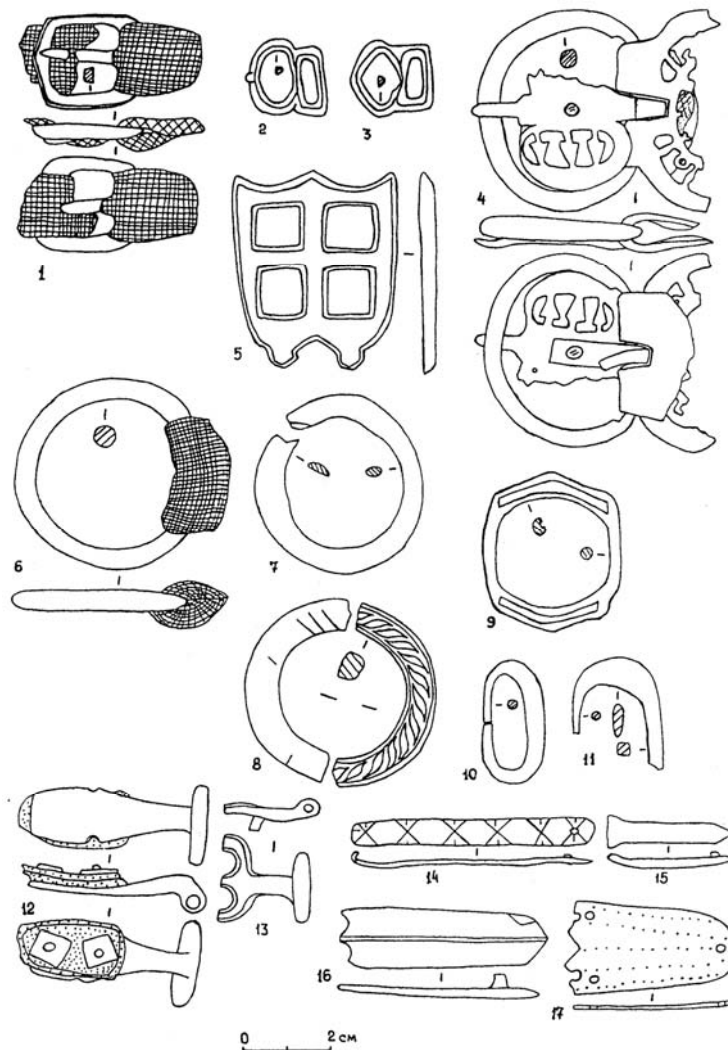

Рис. 20. Пряжки (1–5), поясные кольца (6–11) и наконечники ремней (12–17) с Увекского городища. 16 – железо, остальные – сплавы на медной основе [57, с. 30, рис. 5]

Стоит выделить и деревообрабатывающее ремесло. Из-за плохой сохранности дерева на золотоордынских памятниках до археологов дошли лишь некоторые виды продукции резчиков по дереву, использовавших в своей работе токарные станки, – седла, колчаны, луки, древки стрел, ножны, рукояти плетей, ножей и шильев, основы шапочек-бокк, игольники, амулеты, коробочки, чаши, блюда, миски и тарелочки, кобызы (струнные музыкальные инструменты), гребни и ложки. Деревянная посуда иногда расписывалась цветными красками.

Огромное развитие получило в Золотой Орде строительное дело. Codex Cumanicus упоминает в половецком варианте понятия плотник («cherchi»), топор («balta»), колун («buran»), пила («bičchi»), отвес («ихун ир»), долото («uturgu»), молоток («čachuč»), циркуль («pargal»), рубанок («uscu»), киянка («tocmac») и токарный резец («schinia»), текстуально взаимосвязанные друг с другом [47, с. 99–100; 48, с. 92]. Постройки Нижнего Поволжья представлены мечетями, мавзолеями, банями, дворцами, домами, как правило, снабженными горизонтальными дымоходами-канами, лежанками-суфами и

умывальниками-тошнау, производственными и хозяйственными сооружениями. Наряду с деревянными жилищами, иногда представлявшими собой полуземлянки или землянки, имелись здания из камня, сырцового или обожженного кирпича. Были в городах и ограждения вокруг усадеб (иногда достаточно внушительные стены). Города благоустраивались площадями, водоемами, колодцами, арыками, дренажными сооружениями, керамическими трубопроводами, даже фонтанами и общественными туалетами.

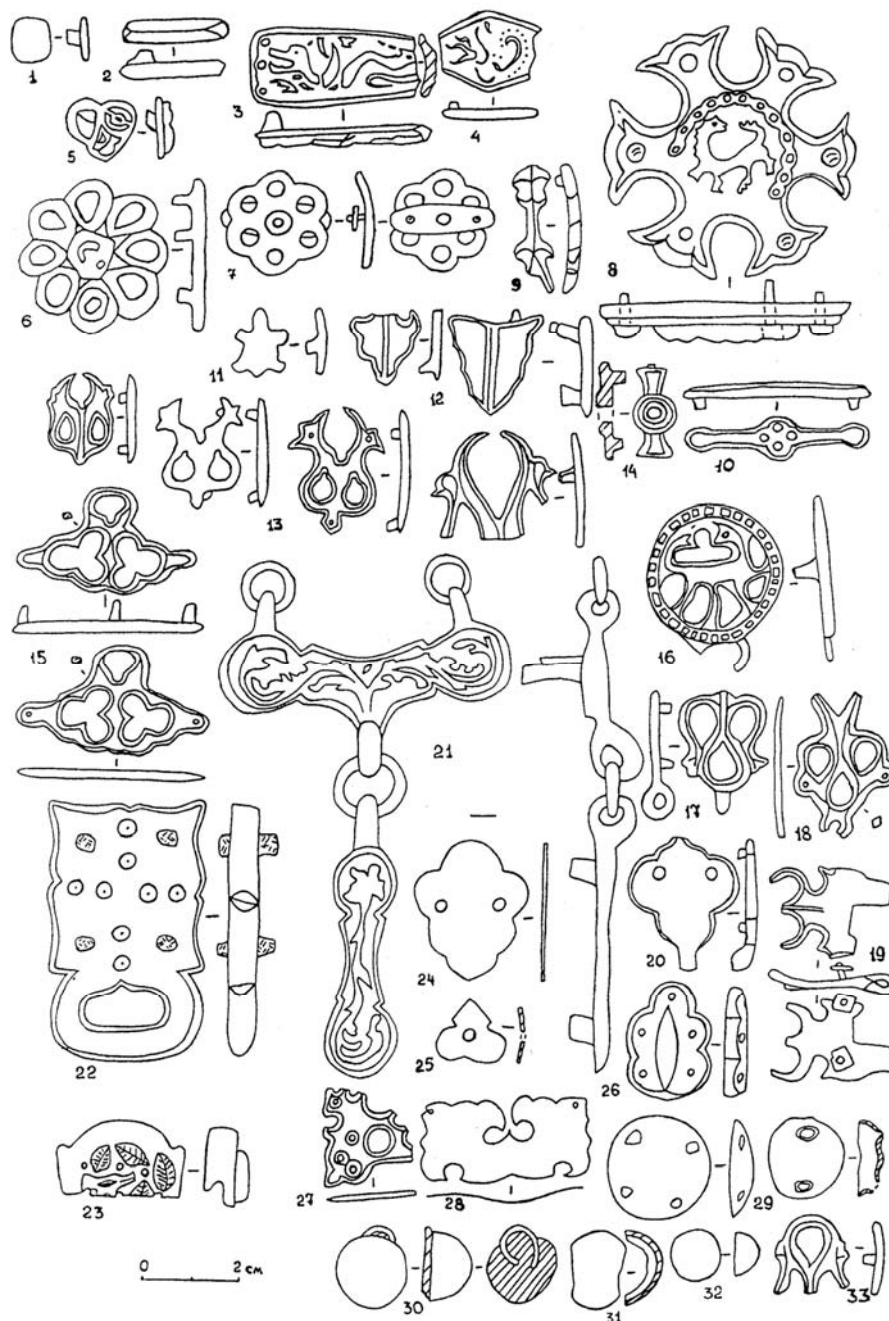

Рис. 21. Накладки (1–23, 33) и нашивки (24–32) с Увекского городища. 1–21, 24, 27–33 - бронза, 22 - кость и железо, 23 - камень, 25 - железо, 26 - кость [57, с. 32, рис. 6]

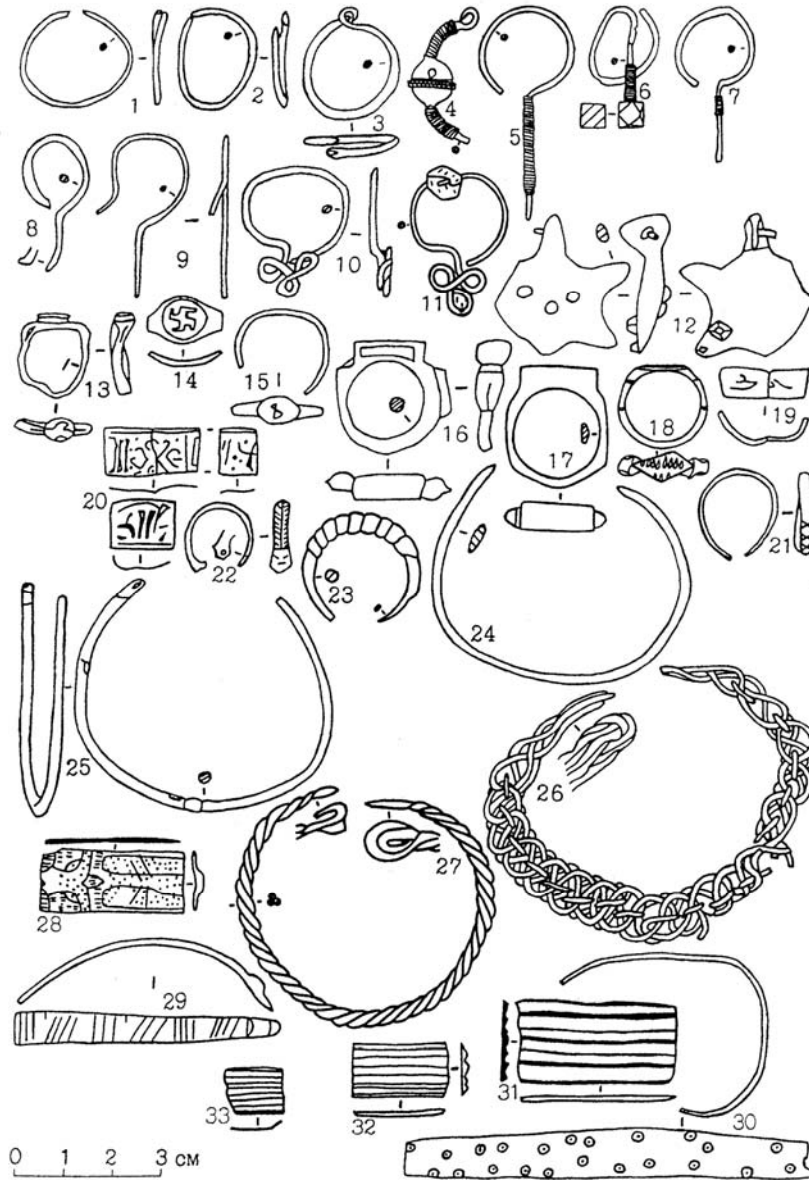

Рис. 22. Височные кольца (1–4), серьги (5–11), колт (12), перстни (13–23) и браслеты (24–33) с Увекского городища. 1–3, 5–33 – бронза, 4 – серебро [52, Fig. 35]

Обобщая вышеизложенное, мы можем заключить, что сельское хозяйство оседлых регионов Золотой Орды было хорошо развитым. Из земледельческих культур преимущественно культивировалось просо, следом за которым в порядке значимости следовали рожь, пшеница, ячмень, овес и горох. Охота, которая велась главным образом с целью получения ценных мехов, имела небольшое значение как источник мяса. Мясная пища населения Нижнего Поволжья в золотоордынское время в основном была представлена продукцией хорошо развитого скотоводства (говядиной, бараниной и кониной), экспортировавшего свою продукцию в Европу и на Средний Восток до Индии.

Рыболовство было также хорошо развито, его продукция экспортировалась вплоть до Италии. Особенно важным в питании населения Нижней Волги было потребление осетров и белуг. Среди промыслов следует отметить солеварение, бортничество, соби- рание орехов, трав и кореньев. Улус Джучи имел хорошо развитое для своего времени ремесло: гончарство, черную и цветную металлургию и металлообработку, ювелирное дело, стеклоделие, ткачество, косторезное, камнерезное, кожевенное и строительное дело, обработку дерева, производство войлока.

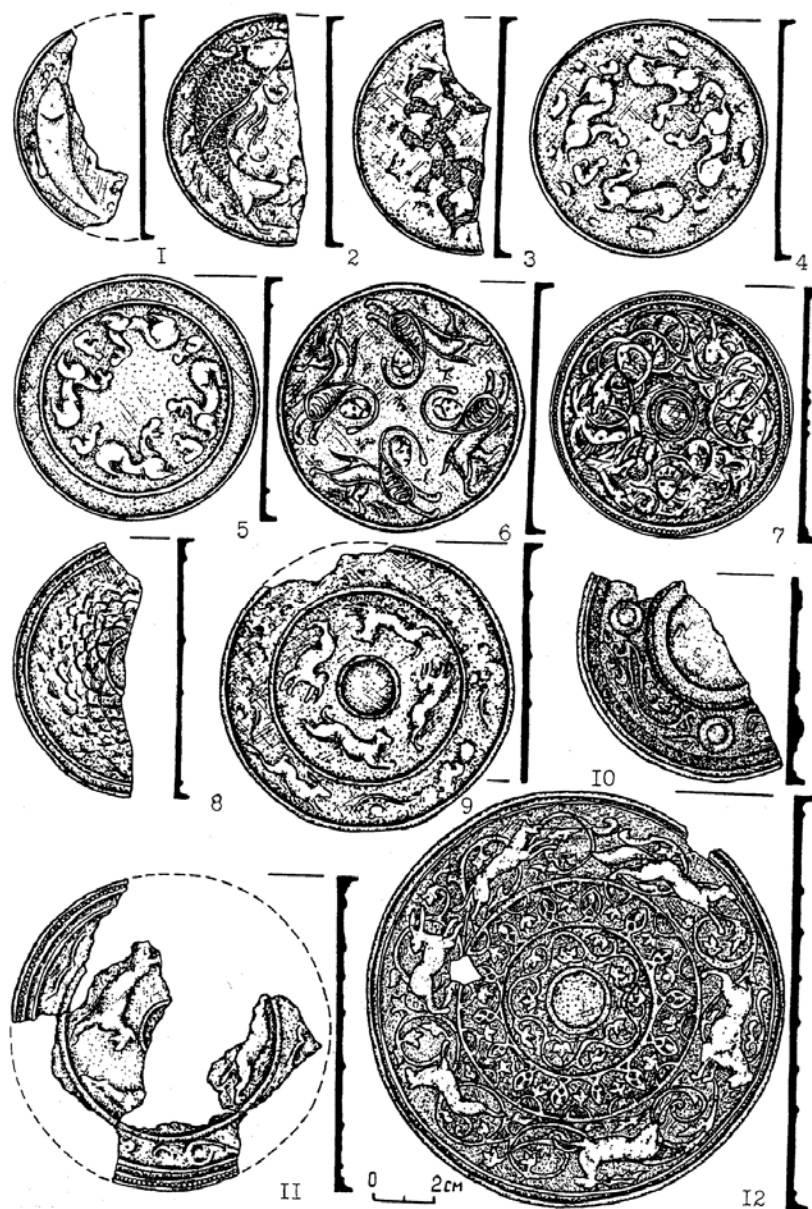

Рис. 24. Бронзовые зеркала с Увекского городища [57, с. 49, рис. 9]

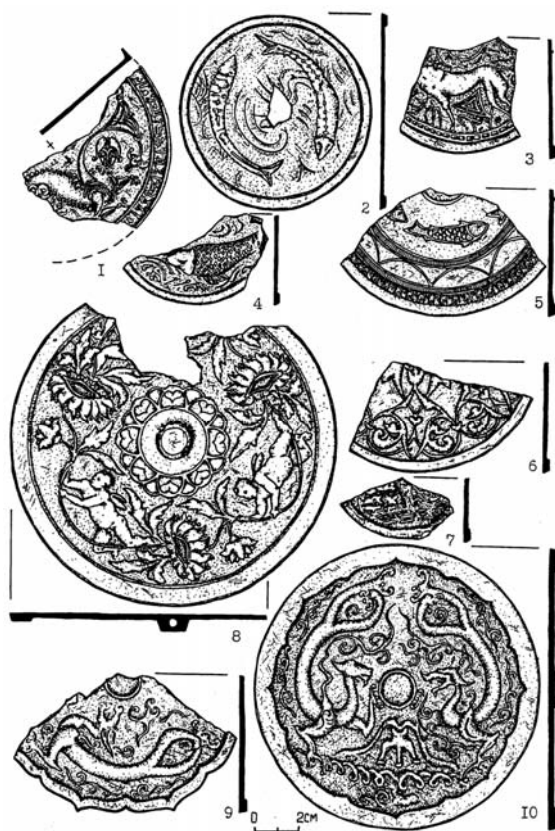

Рис. 25. Бронзовые зеркала
с Увекского городища
[57, с. 55, рис. 10]

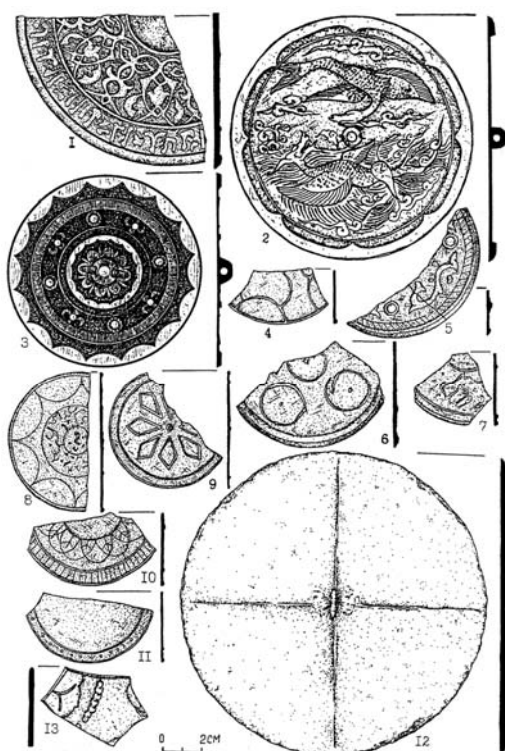

Рис. 26. Бронзовые зеркала
с Увекского городища
[57, с. 58, рис. 11]

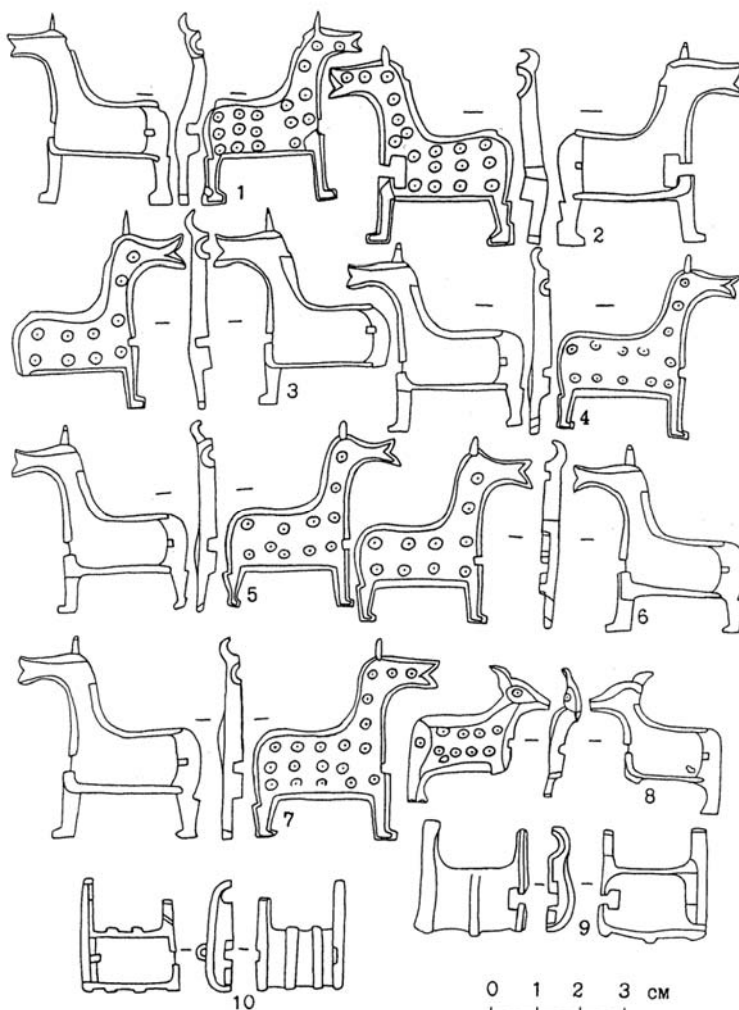

Рис. 27. Половинки
бронзовых замочков
с Увекского
городища
[57, с. 90, рис. 22]

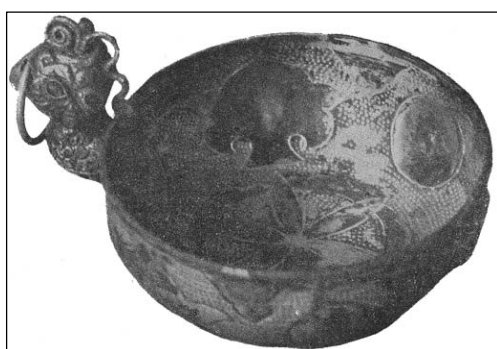

Рис. 28. Серебряный позолоченный
поясной ковш с Увекского городища
из погребения в склепе, вскрытого инженером
Уейским в 1913 г. [58, с. 106, рис. 40]

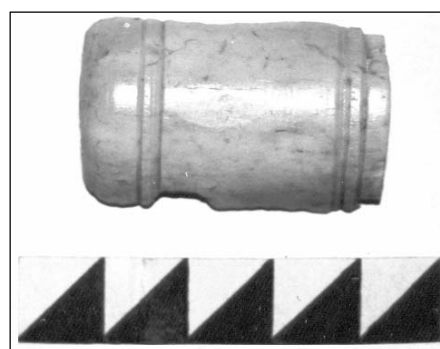

Рис. 29. Обломок костяной орнаментированной
рукоятки ножа с селища Широкий Буерак
в Саратовском районе Саратовской области,
раскопки Л.Ф.Недашковского 2002 г.,
раскоп I-2002, яма 1 (Саратовский
областной музей краеведения)

1. Антипина Е.Е., Яворская Л.В. Реконструкция размеров крупного рогатого скота по остеологическим материалам из средневековых городов и селищ на территории Европейской части России // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 236. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. С. 331–338.
2. Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч.Скржинской. Л.: Наука, 1971. 275 с.
3. Валиулина С.И., Недашковский Л.Ф. Стекланные изделия Укека и его округа // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного ун-та, 2005. С. 257–280.
4. Волков И.В. Керамика Азова XIV–XVIII вв. (Классификация и датировка): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 24 с.
5. Волков И.В. Ранние монеты чеканки Азака // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. Вып. 23. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2008. С. 425–477.
6. Вольский М. Очерк истории хлебной торговли Новороссийского края с древнейших времен до 1852 года. Одесса: В типографии Францова и Нитче, 1854. 158 с.
7. Григорьев А.П. Ярлык Менгу-Тимура: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XII. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. С. 53–102.
8. Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Редакция, вступительная статья и примечания Н.П.Шастиной. М.: Географгиз, 1957. 270 с.
9. Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: На материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень: МИ «Рутра», 1995. 226 с.
10. Золотая Орда. История и культура. СПб.: Славия, 2005. 264 с.
11. Карпов С.П. Торговля зерном в Южном Причерноморье в XIII–XV вв. // Византийский временник. Т. 50. М.: Наука, 1989. С. 26–35.
12. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М.: Изд-во МГУ, 1990. 336 с.
13. Карпов С.П. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // Причерноморье в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 191–216.
14. Карпов С.П. Латинская Романия. СПб.: Алетейя, 2000. 256 с.
15. Книга Марко Поло / Перевод старофранцузского текста И.П.Минаева. Редакция и вступительная статья И.П.Магидовича. М.: Географгиз, 1955. 376 с.
16. Крамаровский М.Г. Золото Чингизидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
17. Крамаровский М.Г. Петрарка о бедах Скифии (Золотой Орды) в 1360-х гг. // История и современность. М.: Учитель, 2007. № 2. С. 122–144.
18. Краснов Ю.А. Некоторые вопросы истории земледелия у жителей города Болгара и его округа // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1987. С. 205–230.
19. Лебедева Е.Ю., Кубанкин Д.А. Уникальные находки редких растений в золотоордынском городе Укеке // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 236. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. С. 339–344.
20. Недашковский Л.Ф. Рыболовный инвентарь из Укека и его округа // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Труды Гос. исторического музея. Вып. 135. М.: Тиссо-Полиграф, 2002. С. 122–128.
21. Недашковский Л.Ф. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений центральной части Саратовской области // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного ун-та, 2002. С. 335–347.

22. Недашковский Л.Ф. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских селищ округа Укека // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. 1. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. С. 147–151.
23. Памятники Куликовского цикла. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1998. 412 с.
24. Петренко А.Г. Osteологические остатки животных из Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С. 254–271.
25. Петренко А.Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам). Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 144 с.
26. Полное собрание русских летописей. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1856. 345 с.
27. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
28. Полное собрание русских летописей. Т. XXVIII. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 411 с.
29. Полубаяринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: Эвтектика, 1991. 112 с.
30. Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 514 с.
31. Радлов В.В. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. III. СПб.: Тип. Имп. АН, 1889. С. 1–40.
32. Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 5–88.
33. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1960. 276 с.
34. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип. имп. АН, 1884. 564 с.
35. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
36. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 году // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса: Тип. С.Х.Алексомати, 1863. С. 629–837.
37. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.
38. Федоров-Давыдов Г.А. Монгольское завоевание и Золотая Орда // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 229–236.
39. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 228 с.
40. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.: Изд-во МГУ, 2001. 256 с.
41. Хлебникова Т.А. Кожевенное дело // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С. 244–253.
42. Цалкин В.И. Домашние животные Золотой Орды // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. Т. LXXII. Вып. 1. М.: Изд-во МГУ, 1967. С. 114–130.
43. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Баку: Изд-во «Элм», 1984. 86 с.
44. Шрайнер П. Купцы и товары Причерноморья: фрагмент византийской конторской книги // Byzantino-Bulgarica. Sofia: Editions de l'Academie Bulgare des Sciences, 1981. P. 215–219.

45. Ярлыки татарских ханов московским митрополитам (краткое собрание) // Памятники русского права. Вып.3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1955. С. 463–491.
46. Cathay and the way thither. Translated and edited by H.Yule. V. I. London: Hakluyt society, 1866. 250 p.
47. Codex Cumanicus / Edited by G.Kuun; with the Prolegomena to the Codex Cumanicus by Louis Ligeti. Budapest: MТАК, 1981. 395 p.
48. Drimba V. Codex Comanicus: Édition diplomatique avec fac-similés. Bucarest: Editura Enciclopedica, 2000. 296 p.
49. Il libro dei conti di Giacomo Badoer (Costantinopoli 1436–1440). Testo a cura di Umberto Dorini e Tommaso Bertelè. Venice: Istituto poligrafico dello Stato, 1956. 857 p.
50. Il mappamondo di Fra Mauro. A cura di Tullia Gasparrini Leporace, presentazione di Roberto Almagia. Venice: Istituto poligrafico dello Stato, 1956. 79 p.
51. Kramarovskiy M.G. The Golden Horde and Levant in the epoch of Fr. Petrarca: trade, culture, handicrafts // Rivista di Bizantinistica. N 3. Bologna: Edizioni CUSL, 1993. P. 249–280.
52. Nedashkovskiy L.F. Ukek: The Golden Horde city and its periphery / BAR. International Series, 1222. Oxford: Archaeopress, 2004. 253 p.
53. Pegolotti F.B. La pratica della mercatura / Edited by A.Evans. Cambridge, Massachusetts: The Medieval Academy of America, 1936. 443 p.
54. The book of Ser Marco Polo the Venetian concerning the kingdoms and marvels of the East. Translated and edited, with notes, by H.Yule. V. II. London: John Murray, 1903. 662 p.
55. The journey of William of Rubruck to the eastern parts of the world 1253–55, as narrated by himself with two accounts of the earlier journey of John of Plan de Carpine / Translated from the Latin and edited with an Introductory Notice, by W.W.Rockhill. London: Hakluyt Society, 1900. 304 p.
56. The travels of Ibn Battuta A.D. 1325–1354. Translated with revisions and notes from the Arabic text edited by C.Defrémery and B.R.Sanguinetti by H.A.R.Gibb. Vol. III. Cambridge: University Press, 1971. P. 539–771.
57. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 224 с.
58. Спицын А.А. Некоторые новые приобретения Саратовского музея // Известия Археологической Комиссии. Вып. 53. 1914. С. 95–106.

§ 3. Татары и торговцы на черноморской границе в XIII и XIV веках: совпадение интересов и конфликты¹⁴

Николо Ди Козмо

В течение нескольких последних лет историки Европы и Азии показали, что периоды доминирования кочевнических нашествий не были просто переломными затмениями, отбросившими цивилизацию к изначальной стадии ее развития, но, скорее, отрезками времени, в течение которых выжженная земля и грабежи, по крайней мере, частично уравновешивались позитивными достижениями. Эта историографическая тенденция подчеркивает необходимость признания в первую очередь определенного вклада кочевников, позволивших установить контакты и связи по всей Евразии и спо-

¹⁴ Оригинальный титул статьи: *Di Cosmo N. Mongols and Merchants on the Black Sea Frontier in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: Convergences and Conflicts // Mongols, Turks, and Others. Eurasian Nomads and the Sedentary World / Amitai R., Biran M (eds.). Leiden, the Netherlands; Boston, MA, Brill Academic Publishers, 2005. P. 391–424. Статья существенно изменена и дополнена. Перевод с английского Романа Хаутала.*

собствовавших их развитию. Это особенно очевидно в течение столетия, последовавшего за монгольскими завоеваниями, когда тюрко-монгольские дворы, армии и административные аппараты диктовали условия, регулировавшие поток людей и товаров из Китая в Средиземноморье. Мир стал более открытым, отдаленные страны стали более доступными, и знания обогатились в результате путешествий и культурного обмена.

В значительной степени открытость также была следствием неотъемлемой потребности кочевнических империй в средствах существования, где торговля являлась очевидным производителем доходов, а от коммерческих сообществ требовалась выплата налогов и дани¹⁵. Правители нуждались в коммерческих доходах (помимо других видов доходов), чтобы компенсировать расходы на крупные дворцовые комплексы, личную охрану, постоянные армии и поддержание привычного для правителей и их обширных семей «стиля жизни». Торговцы также были относительно непритязательными партнерами, с которыми можно было найти общий язык, несмотря на языковые, религиозные или политические барьеры. С другой стороны, отношение монголов к управлению было охарактеризовано отчетливой склонностью к использованию лояльных иностранцев и потока товаров и торговцев¹⁶. В 1370 году, в своей переписке с Великим князем Ярославом Ярославичем, хан Золотой Орды предусматривал свободное прохождение для купцов и гарантировал их защиту [44, с. 114]. Следовательно, существует общее мнение о том, что, по крайней мере в общем и целом, роль монголов была центральной для расцвета торговли, что, в свою очередь, позволило Европе и Азии конца XIII века и всего XIV века сблизиться и узнать друг друга намного ближе, чем в предыдущие периоды.

Но эта сеть обменов и связей не появилась случайно и в результате общего повышения открытости. Скорее, следуя убедительному утверждению, представленному Томасом Оллсеном в его недавнем исследовании китайско-иранских отношений во время монгольского правления, увеличение объема «кросс-культурных обменов» (выражение, заимствованное из исследований всемирной истории) было тесно связано с монгольским фактором [2, с. 189–211]. В двух словах, точка зрения, красноречиво отстаиваемая Оллсеном, заключалась в том, что поток людей, идей и товаров через Азию определялся в значительной степени, тем, что монголам нравилось то, в чем они нуждались и были заинтересованы. Китайские и западно-азиатские ученые собирались при монгольских дворах не из-за спонтанного желания сравнить свои ученые записки, а потому что монголы хотели испытать эффективность, пользу, силу убеждения и относительную ценность различных культурных традиций. Это касалось столь разнообразных сфер как религия, кулинария, астрономия и машиностроение. Следовательно, «кросс-культурные отношения» были подвержены процессу фильтрации и адаптации, в ходе которого монгольские правители занимали самое центральное и критическое место. Они контролировали его постольку, поскольку они создали условия для того, чтобы *определенные* вещи и люди путешествовали по всей Евразии быстрее и в большем количестве, по сравнению с другими.

---

¹⁵ См. по поводу утверждения, что доступ и контроль над «экономическими зонами» наиболее важен для объяснения долговечности и успеха монгольской политики: [14, р. 122–129].

¹⁶ Однако мы должны отметить две противоположные тенденции в отношении монгольских дворов к иностранцам. Одна из них была эксклюзивной и, как правило, пренебрегающей иностранцами; а другая была включительной, космополитической и открытой для использования людей разного культурного, этнического и религиозного происхождения. С Хубилай-ханом (годы правления 1260–1294) и особенно после его смерти, в период с 1295 по 1368 годы, вторая тенденция возобладала и многие иностранцы, особенно тюркского происхождения, служили в Юаньском управлении [см.: 51, р. 281–310].

С этой, аналитически более выгодной точки зрения, даже беглый обзор обширной литературы по Черному морю как важнейшему связующему звену между Европой и Азией, охарактеризованному как «вращающийся столик для кушаний» международной торговли, показывает, что роль, которую в ней сыграли монголы и в особенности Золотая Орда, нуждается в более точном определении¹⁷. У меня сложилось впечатление, что роль монголов иногда недооценивается, а иногда и переоценивается. Степень недооценки обнаруживается в точке зрения, что европейская экспансия, например, в терминах увеличения морской мощи и усложнения организации коммерческой деятельности, побудила итальянские морские державы XIII века к расширению своего влияния на Черном море и за его пределами [50, с. 96–114]¹⁸. Эта конкретная точка зрения прочно фокусируется на европейском театре действий и склонна рассматривать появление Венеции и Генуи в качестве торговых и военных держав, как и их взаимодействие с Византийской империей и многими другими европейскими и ближневосточными протагонистами: с папой, мусульманами, северными европейскими державами и так далее. Однако, как давно указывали видные историки, несмотря на то, что Нимфейский договор (1261) дал Генуе коммерческую монополию к востоку от Босфора, именно татары были теми, кто позволили им «открыть магазины» в Крыму [см., среди прочих: 26, с. 92]. То, чего хотели монголы, как они воспринимали эти отношения и как они позволили им развиваться, представляют собой вопросы, в которые следует вникнуть также и в свете наших знаний о монгольском отношении к управлению, международным связям и коммерческим соглашениям.

То, что порой кажется переоцененным, это негативное влияние конца *Rex Mongolica* на международную торговлю в сочетании с предполагаемым закрытием минского Китая для иностранных торговцев¹⁹. В конце концов, итальянские торговые базы продолжали функционировать вплоть до османского завоевания и итальянские деловые круги не были полностью искоренены даже после этого [63, с. 221–237; см. также: 19, с. 134–141]. Во-вторых, серьезные трудности в отношениях с татарскими правителями испытывались еще до развала единого и эффективного руководства в Золотой Орде. В-третьих, хотя относительная безопасность, обеспечиваемая контролем татар над торговыми путями, сменилась после примерно 1360 года обстановкой возросшей нестабильности и повышенных рисков, торговля на Черном море не прекратилась. В самом деле, можно утверждать, что генуэзцы были более эффективны в навязывании своих условий торговли на Черном море, начиная примерно с 1360 года, именно потому, что с ослаблением власти татарских правителей и междоусобными войнами в Золотой Орде татары были вынуждены уступить им обширные земли и торговые права. И наоборот, в Европе второй половины XIV века множество факторов препятствовали инвестициям в дальнюю торговлю. Среди них можно упомянуть кризис доверия среди генуэзских и венецианских купцов, проявившийся в течение второй половины XIV века и, возможно, связанный с распадом

¹⁷ Литература по черноморской торговле слишком обширна для того, чтобы приводить ее здесь полностью. Однако, изучив основную часть важных и незначительных работ, мне не удалось найти ни одного исследования, которое отводило бы монголам (или «татарам»), более удобному термину, сочетающему в себе тюрк и монголов) центральную роль и уделяло их деятельности то внимание, которое они заслуживают. Это искажение в значительной степени неизбежно, приняв во внимание характер источников, весьма богатых с «латинской» стороны и очень скудных со стороны Золотой Орды.

¹⁸ Филлипс резюмирует эту аргументацию. Книга Филлипса предоставляет уравновешенную картину европейских факторов, способствовавших росту восточной торговли, которые, разумеется, играли очень важную роль и не могут быть приписаны надуманному «европоцентристскому» воображению.

¹⁹ См. по поводу термина *rex mongolica*: [38, с. 480]; см. также: [49, с. 549, 558]. См. об упадке международной торговли в связи с его концом: [43, с. 571].

монгольской Персии и Черной Смертью [31, с. 1]. Войны, которые вели Генуя и Венеция в 1350–1355 годах и позже, как между собой, так и против других врагов, поглотили капиталы, которые могли бы быть инвестированы в коммерческие цели²⁰. Еще одним признаком «кризиса» инвестиций в международную торговлю в конце XIV века были повышенные затруднения в организации мурд (морских торговых конвоев) для Черного моря [см. о мурдах: 33, с. 649–664; 9, с. 172–194]. И, наверное, наиболее важным было то, что торговые практики изменились, а международный бизнес стал опираться больше на местных (и стационарных) заморских агентов и меньше на инициативу путешествующих купцов и капитанов кораблей [37, с. 343–348]. В целом, несмотря на то, что колонии Черного моря по-прежнему рассматривались как столпы итальянских торговых сетей, общее стремление к консолидации снизило способность и готовность итальянских купцов проникать на более отдаленные рынки.

Целью данной работы является рассмотрение некоторых аспектов роли татар в благоприятствовании или сдерживании прибыльного установления и продолжения коммерческих и политических отношений между итальянцами и татарами на Черном море. Существуют множество уровней анализа, которые должны быть рассмотрены в этой связи, а именно официальные отношения между «государствами» и, так сказать, отношения на местах, развивавшиеся между локальными властями и торговцами. Следует также иметь в виду, что венецианские и генуэзские фактории на Черном море и их соответственные позиции по отношению к татарам отличались в плане происхождения, геополитических интересов, коммерческого влияния и правового статуса. Однако, основываясь на предположении, что отношения между торговцами и татарами включали прежде всего преследование взаимных интересов посредством ряда соглашений и поправок, я соотнес эти уровни анализа с двумя всеобъемлющими категориями «совпадения интересов» и «конфликтов», уделяя особое внимание политическим и экономическим отношениям.

Совпадение интересов.

Естественно, главным пунктом совпадения татарских и «латинских» интересов была обоюдная готовность участвовать в деловых отношениях, предполагавших получение прибыли путем обмена товаров. Анализ артикуляции этих отношений с татарской стороны должен учитывать прямые и косвенные выгоды. Среди прямых факторов мы можем упомянуть доходы от торговли, взыскиваемые политической властью, вовлечение татарских купцов в международную торговлю, включая партнерские отношения с европейскими торговцами, и участие «рядовых» подданных Золотой Орды в мелкой торговле. Среди менее непосредственных факторов мы можем отметить доходы с «транзакционных издержек», понесенных купцами, торгующими за рубежом, включая аренду вьючных животных и рабочей силы, оплату за хранение и транзитные сборы. Они могли составлять значительные суммы и, должно быть, внесли свой вклад в местную экономику на протяжении торговых путей в период повышенной интенсивности дальней торговли в первые десятилетия XIV века. Экспансия торговых сетей также способствовала развитию городов в управляемых татарами землях, и такие города, как Сарай, Ургенч и Тебриз стали коммерческими центрами международного импорта, чьи рынки часто посещались купцами различного происхождения и этнической принадлежности [20, с. 140–147].

Коммерческие сборы (*commercium* от греч. *κομμερκιον*), взимаемые Золотой Ордой с итальянских торговых колоний были зафиксированы на низкой ставке в 3% от стоимости товара, но затем подняты для Венеции до 5% [54, с. 8, 13; 58, с. 261]. Земельный налог (*terraticum*) был наложен на венецианское поселение в Тане по договору 1333 года, который предоставил Венеции привилегию основать там коммерческую колонию (или

---

²⁰ Характеристику влияния затяжных войн на способность купцов инвестировать в заморскую торговлю можно найти в: [41, с. 97–101].

«факторию»). Контроль за этими налогами осуществлял татарский правитель в Крыму, пребывавший в Солхате, который отвечал за поддержание упорядоченных отношений с порой непослушными итальянцами, а в некоторых случаях выступал в качестве представителя хана в дипломатических переговорах. Итальянские колонии, особенно Каффа, усовершенствовали комплексную локальную бюрократию, которая содействовала сбору пошлин и регулированию торговли, хотя детали не совсем ясны [есть несколько исследований по этому вопросу; см. о Генуе: 3, с. 87–129; см. также: 52, с. 177–266]. Каффа также платила дань (*capitulum*) хану в знак признания его верховенства [8, с. 273]. Договоры заключались и подписывались непосредственно с ханом Золотой Орды, чьи полномочия главной политической власти в регионе не были по-настоящему оспорены даже, когда Генуе в 80-х годах XIV века удалось добиться полного контроля над значительной частью крымских прибрежных областей. Прочие налоги навязывались произвольно, как мы видим из жалобы, поданной венецианским консулом Таны 4 августа 1333 года, согласно которой должностные лица татарского аристократа «Татамира»²¹ вымогали дополнительные налоги с некоторых торговцев [15, с. 204, п. 161].

Торговля.

В то время как итальянские фактории Черного моря были конечными пунктами как местной (понтийской, южнорусской, анатолийской и кавказской), так и международной торговли с Центральной Азией, Персией, Китаем и даже с Индией, именно местная торговля была наиболее важной в экономическом и стратегическом плане, хотя относительная важность обоих типов торговли широко обсуждалась в течение некоторого времени (см. ниже). Местная торговля состояла в основном из зерна, кочевнических и охотничьих продуктов, таких как шкуры и меха, рыба, икра и рабы. Международная торговля состояла в основном из шелка и специй, жемчуга и драгоценных камней²². Голод в Европе стал основой для поиска Венецией и Генуей альтернативных источников основных продуктов питания, и побережье черноморского региона вместе с приморскими областями Болгарии и территорией к северу от Таны предоставляли продовольствие, которое могло бы удовлетворить европейский спрос при относительно низкой стоимости морской перевозки. Доступ к этому продовольствию не только обогащал тех, кто его контролировал, но также представлял собой мощное стратегическое оружие, которое Генуя и Венеция стремились использовать, хотя они уже установили расширенную средиземноморскую сеть для ввоза пшеницы. Мы можем видеть со слов хрониста Мартина да Канал, что голод 1268 года вызвал у Венеции ощущение своей уязвимости и стимулировал ее искать дополнительные источники зерна на обширных и продуктивных землях вокруг Черного моря [11, с. 324–325; см. также: 9, с. 130, 135–136].

Кожа была важна для средневековой экономики, и не случайно кожевнические мастерские на острове Джудекка в Венеции стали всемирно известны за высокое качество их изготовления в то время, когда кожа импортировалась в большом количестве из Золотой Орды [40, с. 56]. Но сфера, в которой татары, как кажется, были также очень активны, была работорговля. Хорошо известно, что это была одна из самых процветающих коммерческих деятельностей. Люди, которые необязательно были купцами, принимали в ней участие и могли продавать рабов (иногда членов своей семьи) европейским купцам для средиземноморских рынков, а также для использования в домах итальянских резидентов в Крыму. Мамлюкский Египет импортировал юношей мужского пола из территории Золотой Орды для использования их в качестве солдат-рабов, в то время как в Европе их главным образом использовали в качестве домашней прислу-

²¹ Неясно, о ком шла речь, но Таш-Тимур позже выступал в качестве генерала при Токтамыше, и не исключено, что это могло быть одно и то же лицо [см.: 55, с. 270].

²² См. комплексное рассмотрение продуктов черноморской торговли в: [4, II, с. 717–868].

ги, наложниц и, редко, в других целях²³. Большая часть продаж рабов, зарегистрированных в нотариальных документах, относится к молодым особям женского пола в возрасте от 12 до 18 лет. В этой связи, среди итальянцев были профессиональные перекупщики рабов, которые проникали во внутренние районы для закупки своего «товара», чтобы позднее продать их в Каффе, Тане и других колониях либо купцам, которые перевозили их в Италию, либо агентам покупателей итальянского происхождения. Но у нас есть также примеры татар, которые продавали своих рабов непосредственно²⁴. Многие рабы не были татарами, но русскими, черкесами, венграми и представителями других народов, взятыми в плен в ходе набегов. Один пример набега содержится в красочном повествовании Иосафата Барбаро, который присоединился к отряду татар, решивших напасть на проходящий караван черкесов. Несомненно, для того бесстрашного типа татар, с которыми подружился венецианец, было заманчиво продать добычу набега местным перекупщикам рабов [35, с. 81–82]. Ал-Омари, арабский автор из мамлюкского султаната, показывает, что голод на управляемых татарами территориях заставлял людей продавать своих собственных детей в рабство. Другие аналогичные источники – Бейбарс ал-Мансури и ан-Нувейри – сообщают, что женщины и дети продавались в рабство в связи с последствиями гражданской войны среди татар. Даже Узбекхан (1312–41) был не прочь продавать людей, захваченных в ходе войн или грабительских набегов²⁵. Не удивительно, что татары приветствовали присутствие на пороге Золотой Орды покупателей, готовых снабжать рынки Европы и Северной Африки.

Торговля не прекращалась в периоды политической и военной напряженности, как мы видим из обвинений, выдвинутых Венецией Генуе по поводу несоблюдения условий *devetum* (запрета на торговлю), которые оба города согласовали на время войны против Золотой Орды (1343–1347) [42, с. 289–295]. Эти обвинения ясно упоминали татарского военачальника, отвечавшего за некоторые области в Крыму, который допустил торговлю, несмотря на военные действия и взаимное эмбарго, взимая в это время подоходный налог с энергичных генуэзских купцов. Этот документ намекает на существование скрытой экономики подарков и взяток, которая, несомненно, «смазывала колеса» в отношениях между татарскими военными и гражданскими должностными лицами и итальянскими резидентами.

Транзитные пошлины.

Описание сборов и пошлин, которые торговцы должны были платить во время их путешествия в Азии, представлены Пеголотти в его описании ординарных расходов на перевозку груза по суше из Айаса в Тебриз. От пункта вхождения в землю ильхана Абу Саида (1316–1335) до Тебриза взимались ряд сборов на въезд, транзит, ночное хранение и охрану, составляя значительную сумму в 209 аспров (итал. *aspro*) за груз на одном животном [48, с. 28–29, 389–391]. В плане сравнения мы можем отметить, что один дом в Каффе мог стоить всего лишь 400 аспров, хотя большинство домов были значительно дороже [4, I, с. 286, doc. 730].

На маршруте из Таны в Китай Пеголотти указывает на еще один порядок расходов касательно наемных людей (переводчиков, охранников, гидов и других), продовольствия и животных. Учитывая, что он указывает, что маршрут из Таны в Сарай был менее

²³ Генуя играла центральную роль в приобретении мамлюкским султанатом рабов из территории Золотой Орды; см.: [17, с. 335–345].

²⁴ Источники предоставляют много примеров татар, продававших рабов. См., например: [25, с. 119; 64, с. 8; 7, с. 199].

²⁵ См. ал-Омари в: [34, с. 73 (арабский текст), с. 140 (перевод)]; Бейбарса ал-Мансури в: [59, с. 91, 114 (= *Baybars al-Manṣūrī. Zubdat al-fikrah fī tārikh al-hijra* / Richards D.S. (ed.). Beirut, 1998, с. 347)]; ан-Нувейри в: [59, с. 140, 162 (= *ʿAbd al-Wahhāb al-Nuwayrī. Nihāyat al-arab fī funūn al-adab*. Cairo, 1923–1997. Vol. 27, с. 374)].

безопасен, чем в других местах, и рекомендует, что было бы целесообразным формировать там караван из шестидесяти человек для взаимной защиты, мы можем видеть, что доход, извлекаемый чингизидскими государствами с платежей за услуги и сборы, должен был быть значительным [48, с. 15, 21–23].

Другие выгоды.

Мы не должны забывать и того, что итальянские города были центрами не только торговли, но также ремесла и производства, и имели в своем распоряжении ремесленников (солдаты, посланные в Тану, также были ремесленниками) [16, с. 253].

Также могло быть доступным и знание экспертов по вопросам, которые имели важное значение для монгольских правителей. Один пример этого может быть найден в актах Ламберто ди Самбучето. 11 мая 1290 года сокольничий Иоанн де Райна был нанят Пьетро де Браино до августа того же года, чтобы он сопровождал его ко двору императора Аргуна [5, с. 192, no. 513]. Сокольничему уделялось бы 800 аспров, плюс расходы, если бы он достиг двора (орды) императора. Однако документ не уточняет, каковы были обязанности сокольничего. Разумно предположить, что Пьетро планировал использовать навыки сокольничего, чтобы быть принятым Аргуном и, возможно, обеспечить коммерческое соглашение. Однако никакой дополнительной информации не может быть найдено, кроме того, что несколькими днями ранее группа торговцев была частично компенсирована эмиссарами Аргуна за убытки, понесенные при ограблении со стороны Джурзучи. В это время отношения между Аргуном и генуэзцами были хорошими, и компенсация могла представляться сигналом о намерении ильхана защищать иностранных купцов, приглашавшим таким образом купцов в его земли [4, I, с. 181–182, no. 459].

В некоторых случаях латиняне даже служили наемниками в татарских армиях. Генуэзские войска, например, сражались на стороне Мамая, видного золотоордынского темника времен смуты, в его кампании против великого князя Дмитрия Московского и были разгромлены вместе с ним в знаменательном сражении на Куликовом поле 8 сентября 1380 года [31, с. 69].

Мировой рынок?

Резкая критика М.И. Финли идеи «мирового рынка» в древнем мире остается важным предостережением против чрезмерных обобщений. «Для того, чтобы иметь смысл, – заявлял он, – ‘мировой рынок’, ‘единый экономический блок’ должен охватить что-то значительно более обширное, чем обмен некоторыми товарами на больших расстояниях. В противном случае Китай, Индонезия, Малайский полуостров и Индия также были бы частью одного и того же блока и мирового рынка. Надо показать существование взаимосвязанного поведения и ответов на обширных территориях [...] в доминирующих секторах экономики, например в ценах на продукты питания и металлы. Но никто не может это сделать или, по крайней мере, никто не смог» [18, с. 34].

Для экономики Черного моря и Средиземноморья периода после Нимфейского договора (1261), исследователи представили достаточные доказательства существования «взаимосвязанного поведения и ответов». Венецианские и генуэзские купцы разработали сеть агентов и осведомителей, позволявшую им прогнозировать поведение рынка в краткосрочной перспективе на площади, которая охватывала Европу, Средиземноморье, Северную Африку и Черное море²⁶. Но еще предстоит убедительно доказать, что купцы были в состоянии оперировать на том же уровне за пределами этих областей.

Это подводит нас к вопросу, насколько важной, на самом деле, была дальняя торговля с Индией и Китаем (и даже Ираном)? Наиболее выдающимся, убедительным и ревностным пропагандистом важности связи с Дальним Востоком был Роберто Саба-

²⁶ См. о тенденции венецианских купцов основывать свои деловые решения на краткосрочном прогнозировании в: [61, с. 547–557].

тино Лопец. В многочисленных исследованиях он показал, что с середины XIII до начала второй половины XIV века, и, возможно, позже, из Китая поступал бурный, регулярный и хорошо организованный поток товаров. Он вынес на свет имена многих итальянских и особенно генуэзские купцов, которые были активны в этой дальней торговле; имена, которые ранее были похоронены в завещаниях, нотариально заверенных актах продажи или в судебных делах. Дополнительные подтверждения регулярного обмена с Дальним Востоком были найдены в подробной информации, найденной в руководстве Пеголотти: что продавать и покупать, курсы валют, маршруты и много других практических вопросов, содержащихся в его трактате, которые должен был знать торговец. Этот трактат не был уникальным произведением, но конкретным, уточненным и систематическим примером того типа существовавших (возможно, в большом количестве) купеческих руководств, одно из которых, например, было частично опубликовано Робером-Анри Ботье [8, с. 311–331].

С другой стороны, Ботье привел доводы в пользу гораздо более ограниченного, нерегулярного, непостоянного и практически нерелевантного экономического товарообмена с Дальним Востоком. Аргумент Ботье основан главным образом на скудном объеме специй, пребывавших по континентальному маршруту из далеких областей в Тану и другие части Причерноморья [8, с. 278–310]. С западной стороны европейцы могли внести незначительный вклад, так как главная статья европейского экспорта – готовые и сырые ткани – могли быть легко проданы либо в черноморских портах, либо на промежуточных рынках, таких как Сарай и Ургенч в Средней Азии. Кроме того, ряд экспедиций в Индию и Китай, кажется, были «единичными» предприятиями, участники которых пытались получить «подарки» от сказочно богатых восточных правителей в обмен на «дарение» европейских механических чудес, таких как фонтан и часы, привезенные султану Дели группой венецианцев [37, с. 346]²⁷. Также встречались другие ценные и уникальные вещи, например, лошади и стеклянные изделия, вероятно привезенные китайскому императору генуэзцем Андало да Савиньоне. Вопрос заключается в том, может ли довод в пользу значительно более значимой и регулярной дальневосточной торговли базироваться на предположительном обосновании Лопецом существования регулярного и устойчивого трафика обильного импорта дешевого шелка [36, с. 13–33]? Это серьезный довод, основанный главным образом на доводе «из умолчания», то есть на предположении, что шелк, используемый в Италии, был в основном китайского происхождения, хотя такое происхождение не уточнялось.

С накоплением знаний о генуэзских и (в меньшей степени) венецианских коммерческих интересах на Дальнем Востоке, совокупность доказательств привела к предположению, что международная торговля в первые десятилетия XIV века стала более регулярной, и что собственно купцы, а не только искатели приключений, зарабатывали на жизнь, посещая самые отдаленные рынки в Пекине и Цюаньчжоу (Зайтон). Такие имена, как Вивальди, Станконе, Боначча, Спаццапетра, Гизолфи, Бестаньо, Савиньоне, Веджиа, Малраси, Джентиле, Ультрамарино, Адорно, Бассо и многие другие, свидетельствуют об участии отдельных лиц и семей в дальневосточной торговле. Согласно Мишелю Балару, азиатский маршрут в Китай через Перу – Каффу – Тану – Сарай – Ургенч стал стандартным маршрутом после падения ильханов и прекращения итальянской торговли с Персией после 1340 года из-за притеснений и грабежей, которые имели место в Тебризе [6, с. 681–689]. Тебриз был самым важным центром итальянского коммерческого присутствия в континентальной Азии с 1290 до 1340 года. Однако монгольский маршрут через Центральную Азию действовал лишь до тех пор, пока династия

---

²⁷ См. также о татарской поддержке венецианцам, путешествовавшим из Ургенча в Газну в: [27, с. 252–253].

Мин не свергла монгольскую империю в 1368 году и практически закрыла свои границы для международной торговли.

Тем не менее, у нас имеется очень мало информации о типе и объеме трафика, и доказательства, независимо от количества семей, которые на самом деле зарабатывали себе на жизнь (и часто на смерть), торгуя в столь отдаленных районах, недостаточны для утверждения, что здесь идет речь об интегрированном рынке между Средиземным морем и Китаем. То есть, хоть и значительное, проникновение коммерческих интересов в дальнюю Азию не образует структурной модификации международной торговли в соответствии с типом «колонизации», который мы видим на Черном море. Этой колонизации способствовало смешивание частных и государственных интересов, она поддерживалась дипломатическими соглашениями и политическими решениями на правительственном уровне и защищалась вооруженной силой. Вместо этого дальневосточные предприятия оставались прерогативой частных лиц и купцов, и попытка проникнуть на отдаленные рынки не являлась первостепенной целью итальянских морских республик. Доступ к продуктам Индии и Китая оставался в руках мусульманских посредников, и североафриканские порты оставались основными рынками для приобретения специй и других продуктов с юга, юго-востока и востока Азии.

Между прочим, то, что Мин не желали, как уже упоминалось выше, поддерживать деятельность итальянских торговцев, не должно быть истолковано как обязательно полное закрытие для внешней торговли [49, с. 558]. Морская торговля процветала в начальный период Мин, как хорошо известно из навигационных подвигов адмирала Чжэн Хэ. С большей вероятностью можно предположить, что Мин отреагировали на присутствие западных людей, которые пользовались столь многими привилегиями при монголах в ущерб китайцам. Личные связи, которые генуэзские и венецианские купцы смогли наладить с монгольскими правителями в Китае, вероятно, стали в конце концов причиной их краха. Но эта модель отличалась от той, которая имела место на Черном море, где венецианцы и генуэзцы упорствовали в отправке миссий и достижении дипломатических и коммерческих соглашений даже после того, как централизованное правление в кипчакском ханстве рухнуло, и ему на смену пришла хаотичная и нестабильная политическая ситуация. Это означает, на мой взгляд, что дальняя торговля между Средиземным морем и Китаем функционировала только потому, что она была активно поддержана чингизидскими государствами; и это условие было первостепенным фактором, который сделал возможным присутствие итальянских купцов на Дальнем Востоке, наряду, конечно, с их собственной инициативой. Поэтому конец *Pax Mongolica* был особенно значимым в том смысле, что, поскольку монгольская государственная поддержка оказалась недействительной, итальянские купцы оказались не в состоянии продвигать и защищать свои интересы в преемственных державах.

Для процветания международной торговли требовалась активная государственная защита не только для поддержания безопасности дорог, но в первую очередь для гарантирования того, чтобы рыночные условия были справедливыми, собственность умерших купцов не была утеряна, обменные курсы были надежными, и циркуляция денег была достаточной для потребностей транзакций повышенной ценности. Все это не могло бы существовать без формальных соглашений и договоров с местными властями. И Генуя, и Венеция прилагали значительные усилия для благоприятствования установлению этих условий в своих договорах с властями, с которыми они имели дело, в том числе с византийцами, мамлюками, греческими правителями Трапезунда и, конечно же, с Золотой Ордой и Ильханатом. Однако итальянские государства никогда не пытались инициировать официальные отношения с Китаем и прекратили сотрудничество с Персией после того, как попытки преемников ильханов обеспечить защиту торговли оказались неудачными [39, с. 183].

Миссия Андало да Савиньоне в целях содействия дипломатическим контактам между династией Юань и морскими республиками была встречена с сердечной предупредительностью венецианским Сенатом. То, что монгольский хан Китая Тогон-Тэмур хотел от Запада, очень ясно изложено в дипломатической переписке с европейскими державами при посредничестве генуэзского купца Андало да Савиньоне: лошадей и прочих чудесных вещей (*alia mirabilia*). Он намеревался приобрести в Венеции от пяти до десяти лошадей стоимостью в две тысячи флоринов вместе с хрустальными «драгоценностями» (*iocalia*) столь же высокой стоимости от одной до двух тысяч флоринов²⁸. Причем для того, чтобы дипломатический шаг подбодрил венецианский Сенат, он пообещал отправиться на венецианском судне. Мы не знаем, была ли эта просьба удовлетворена, но мы знаем, что Андало отправился на генуэзском судне, сначала причалившем в Неаполе и затем отправившемся в Каффу, откуда караван с подарками продолжил свой путь в Китай. По крайней мере, одна из итальянских лошадей добралась до Пекина, предположительно, с итальянским сопровождением [49, с. 555].

Монгольская просьба, как мне кажется, в полной мере проясняет характер контактов, к которым стремился Юаньский император. Очевидно, что этот тип «подарков», запрошенных у Запада, соответствовал данническим обменам, которые Китай поддерживал с множеством независимых государств. Итальянская делегация, везущая с собой лошадей и чудесные вещи, рассматривалась бы, достигнув Юаньского двора, как данническая миссия от далекого подвластного народа, тем самым увеличивая престиж императорского двора Китая.

Отношения между Тогон-Тэмуром и Западом, безусловно, руководствовались двойной целью, как «получения дани» – в китайской традиции, так и открытия дверей в официальных отношениях с зарубежными странами. Западная сторона, однако, не воспользовалась этой возможностью. Обязанность вручения экзотических подарков предоставлялась частным лицам в то время, как венецианское или генуэзское государства, по-видимому, не были склонны инициировать официальные отношения с далекими дворами, несмотря на то, что они были хорошо знакомы с данническими формами дипломатических обменов и имели в своем распоряжении людей, знакомых с обычаями Юаньского двора, которые могли бы легко выступить в качестве посредников.

Если мы рассмотрим ключевую связь между государственной поддержкой и коммерческим проникновением на отдаленные рынки, мы увидим, что чем больше мы отдаляемся от эпицентра коммерческих интересов (в Средиземном море и на смежных побережьях), тем слабее становится государственное вмешательство²⁹. В этой сфере интересов венецианцы и генуэзцы не ретировались из Черного моря, даже когда они находились под серьезной угрозой, и продолжали искать «точки соприкосновения» с местными властями, отчаянно защищая свои позиции. За пределами этой сферы деятельность итальянских купцов зависела от готовности и способности монгольских правительств содействовать созданию благоприятных условий для торговли.

Крах чингизидских дворов, которые активно поддерживали торговлю, совпал с резким упадком дальней торговли, следовательно, это произошло в основном потому, что правительства итальянских республик по-прежнему не были заинтересованы в завязывании дипломатических отношений на Дальнем Востоке. С другой стороны, они продолжали вести переговоры и бороться за свои позиции на Черном море, даже когда из-за кризиса политического порядка в Золотой Орде эта деятельность стала чрезвычайно трудной и рискованной. Частные интересы, какими обширными и регулярными

²⁸ Флорин был золотой флорентийской монетой, которая стала чеканиться с 1252 года. Он весил 3,54 гр. и весьма широко использовался во всем Средиземноморье.

²⁹ См. по этому вопросу: [47, с. 41–116]. Следует отметить, что в его обзоре «азиатских империй» монголы не упоминаются.

они бы не были, не могли уцелеть в течение длительного времени в среде, в которой они не получали справедливой или, по крайней мере, предсказуемой защиты и правового статуса, которые могли быть гарантированными только официальными дипломатическими соглашениями. Поэтому здесь следует остановиться на кратком рассмотрении того, как договоры между государствами регулировали присутствие купцов, и какие гарантии они, как правило, предоставляли.

Дипломатическая деятельность.

Миссия венецианского посла Якопо Корнаро в Сарай (между 1360 и 1362 годами) во время «гражданской войны» внутри Золотой Орды является ярким свидетельством неустанныго внимания, уделяемого венецианским Сенатом установлению хороших отношений с тем, кто бы не оказался у власти. У Корнаро была возможность изучить политическую ситуацию в степи в качестве венецианского консула в Тане, прежде чем приступить к исполнению своей миссии³⁰. Согласно тщательному исследованию Скржинской, ханом, с которым он встретился, был либо Хызр, либо Мурад; и этот же автор выдвигает гипотезу, что миссия Корнаро имела целью подтвердить права Венеции в Тане и добиться компенсации убытков, понесенных венецианцами от субъектов хана на ханской территории [53, с. 67–96]. Но главным вопросом, как кажется, было уменьшение до 4% коммерческого налога, взимаемого с венецианцев, который был ранее увеличен до 5% [57, I, с. 95, no. 355]. Корнаро, должно быть, добился успеха, потому что согласно резюме другого посольства, направленного к Мамаю в 1369 году, оно было вовлечено в переговоры об уменьшении налога с 4 до 3% [57, I, с. 121, no. 476]. Интенсивная дипломатическая деятельность, предпринятая венецианским правительством, повлекла за собой дополнительные расходы, принимая во внимание то, что жалование консула в Тане было поднято с 70 до 110 золотых лир, а бюджет административных расходов был увеличен в пять раз с целью расширения персонала и охраны.

Миссия Корнаро к татарскому хану указывает на главные проблемы, которые лежали в основе дипломатических соглашений между венецианским и генуэзским государствами и татарскими правителями: территориальные уступки, благоприятный налоговый режим, защита интересов и имущества своих подданных. К этим основным пунктам мы должны добавить другие, связанные с особыми обстоятельствами, такими как переговоры о возобновлении коммерческой деятельности после войны, компенсации ущерба, понесенного их субъектами, или возвращении пленников, удерживаемых ханом. Опять же, грандиозный хаос (замятня русских источников), царивший в Золотой Орде, не представлял никаких препятствий для сохранения коммерческих соглашений.

Аналогичные соглашения уже содержались в тексте договора между Генуей и мамлюкским султаном Калавуном в 1290 году [см. об этом: 22, с. 101–108]. Торговые права и иммунитеты были предоставлены генуэзским купцам на протяжении всех владений султана. Ни один генуэзец не мог быть взят в заложники за преступления или долги другого лица. По смерти купца на территории султана, если бы он умер без завещания, его имущество должно было быть востребовано генуэзским консулом или любым другим генуэзцем на месте в случае отсутствия консула. В случае, если там не было бы генуэзцев, «повелитель земли» должен был бы удерживать его до тех пор, пока оно не было бы официально востребовано Генуей. Более того, продажа и покупка должны были быть свободны от давления или принуждения; а налоги взиматься только с тех товаров, которые были бы фактически проданы. Погрузка и разгрузка, а также другие операции не должны были подвергаться ограничениям или другим сборам. Дру-

---

³⁰ Согласно одному документу венецианского Сената, эта миссия была возложена на консула в Тане, потому что никто в Венеции не хотел быть отправлен в качестве посла к «татарскому императору» [см.: 57, I, с. 96, no. 363].

гие положения предписывали импортные пошлины, которые, например, составляли 10% для шелка и шерсти.

Также были уточнены правовые процедуры в рамках генуэзского поселения. Если один «сарацин» выдвигал иск против генуэзца, этот иск должен был оцениваться консулом. С другой стороны, если один генуэзец имел жалобу на сарацина, эта жалоба должна была быть представлена финансовому служащему. Однако консул имел право обратиться к султану в случае, если какой-либо генуэзец стремился получить возмещение. Договор также включал взаимные условия для мусульманских торговцев на генуэзских территориях, по существу предоставляя им те же права и привилегии, которыми Генуя пользовалась в Египте. Как отмечает Холт, хотя эти условия очень похожи на те, которые были предоставлены венецианцам пожалованием мамлюкского султана ал-Му'изз Айбека (1254), их политический характер отличается: соглашение 1290 года является, скорее, двусторонним договором между двумя равноценными державами, чем уступками.

Другой вопрос, оговоренный в официальных соглашениях, касался защиты имущества купцов, которые умерли на чужбине и, в частности, на пути из Таны в Китай. Поскольку смерть в пути всегда была возможной и поскольку купцы везли с собой деньги или товары, полученные в кредит от инвесторов у себя дома, возможность потребовать и вернуть выручку в случае смерти торговца, очевидно, представляла собой важный вопрос. Согласно Пеголотти, «в случае, если купец, направляющийся или возвращающийся [между Таной и Китаем], умрет по дороге, все, что ему принадлежало, станет собственностью правителя того места, где он умирает, и, следовательно, будет присвоено чиновниками правителя; аналогично, если он умер в Китае. Однако, если у него есть брат или друг, который являлся его братом по утверждению, они могли бы претендовать на товары и, таким образом, сохранить имущество» [48, с. 22]. Это, кажется, противоречит предписанию, приписываемому Ясе – коллекции законов, традиционно приписываемых Чингиз-хану, в соответствии с которым, если человек умер без каких-либо наследников, его имущество не должно быть взято царем, но дано «человеку, который ему служил» [65, с. 107]. Однако применение этого правила к иностранным купцам в местах, в которых завещание не могло быть составлено, и к лицам, жившим по необходимости за пределами установленных социальных или родственных связей, могло бы, вероятно, послужить приглашением к нечистой игре. Поэтому права на наследование могли быть только у попутчиков, которые были родственниками погибшего или могли бы обоснованно утверждать, что они были его родными. В противном случае имущество должно было принадлежать хану, которому венецианские и генуэзские власти обычно адресовали в конце концов требования по возвращению утерянного или отнятого силой товара. Другими словами, мне кажется, что в ситуации, когда, очевидно, было невозможно отследить законных наследников умершего, положение о передаче официальных полномочий на права на не востребовавшее имущество и, следовательно, гарантия того, что посторонние лица не могли бы получить выгоды от смерти иностранца, может рассматриваться как призванное обеспечить безопасность купцов [см. обсуждение этого вопроса в: 39, с. 176].

Это, как кажется, подтверждается одним положением в договоре Калавуна, в соответствии с которым не востребовавшая собственность умершего генуэзца возвращалась местной власти, чтобы быть позже востребованной генуэзцами посредством официального запроса. То, что венецианцы имели право востребовать имущество, потерянное соотечественником, умершим в «татарских краях», подтверждается приказом, данным байулу Константинополя, принять все меры для возвращения товаров Франческо да Канале. Эти товары удерживались местным населением, но, очевидно, существовала надежда вернуть их, отправив посланника с официальным письмом [56, I, с. 172, 304].

Территориальные и коммерческие привилегии также предоставлялись монгольскими ханами на основе договоров или уступок. Первым документальным примером привилегии, предоставленной Венеции монгольским ханом, является письмо, адресованное ханом Персии венецианскому дожу в начале ноября 1306 года [21, II, с. 122–124]. Это письмо, посланное султаном татар (Soldani Tartarorum) по имени Зуки и приписываемое Хейдом ильхану Олджейту (1304–16), содержит ценную информацию о трех аспектах венецианских отношений с монгольским ханом. Написанный на монгольском языке, этот документ был представлен вместе с латинским переводом посланником хана, имя которого не приводится, но, вероятно, он был «латинянином» на службе ильхана, поскольку мы находим ряд итальянцев, выступающих в этом качестве [58, с. 47–48]³¹. Расширяя то, что можно рассматривать скорее как приглашение, а не формальную уступку, ильхан извещает венецианцев, что их купцы могут свободно приезжать и уезжать, не опасаясь быть подвергнутыми преследованиям со стороны местных жителей, ожидающих возвращения им долгов, оставленных другими людьми. В приложении к этому дипломатическому письму также упоминался еще один пункт, который объяснял в качестве подтверждения вступления в силу политики хана, что некий Ходжа Абдулла не стал бы требовать компенсации за убытки, понесенные от некоего венецианца Пьетро Родульфо, и не призывал бы к ответственности за это других граждан Венеции. Наконец, свидетелями этого документа выступали два итальянца: Балдуччо Буффето, чье происхождение не указано, и Томмазо Узи из Сиены, который был нанят на службу ильхана в качестве ильдучи или «меченосца» правителя. Важно отметить, что открытие отношений с Тебризом совпало с установлением мирных отношений между ханом Золотой Орды Токтой и Олджейту в 1304–5 годах, событие, которому содействовало политическое вмешательство юаньского императора Темура. Это соглашение привело к общему возобновлению торговли на протяжении всех управляемых монголами земель, хотя отношения между Токтой и генуэзцами Каффы вскоре ухудшились (см. ниже) [65, с. 82, 191].

Содержание и обстоятельства этого письма показывают, что ильхан стремился привлечь венецианских купцов, применяя правила для индивидуумов, а не коллективную ответственность в случае коммерческих споров. Это также показывает, что местные торговцы были законопослушны этой политике, хотя мы не знаем, были ли они вынуждены ее соблюдать, или эта политика была тем, что они поддержали и что хан подтвердил, возможно, под их влиянием. В-третьих, мы видим, что западные люди на службе хана благоволят мусульманским купцам и выступают, что называется, в качестве гарантов указанного решения о том, что торговцы не будут нести ответственности за убытки, понесенные из-за кого-то другого. Здесь мы видим, во-первых, прямую инициативу Ильханата в применении общепринятых норм международной торговли (как их следует воспринимать, учитывая, что они появляются в различных дипломатических соглашениях), чтобы привлечь иностранных купцов в Персию. Как следствие, генуэзские и венецианские общины в Тебризе процветали в течение трех следующих десятилетий, превратив город в самый важный центр дальней торговли в континентальной Азии до конца существования Ильханата. В Трапезунде венецианские и генуэзские власти сблизились и диктовали местным правителям условия, позволившие наладить регулярное сообщение с Ильханидами. Фактически они настояли на том, чтобы император Трапезунда предоставил налоговые привилегии купцам из Ильханата в целях их привлечения в Трапезунд [30, с. 416].

Соглашение 1333 года, заключенное венецианскими послами Джованни Квирино и Пьетро Джустиниано с ханом Узбеком по поводу основания их фактории в Тане, включало территориальную уступку, благоприятное налогообложение, защиту торговцев, а также

³¹ В архивах сохранился только латинский перевод, в то время как оригинальный монгольский текст был утерян.

положения в случае споров юридического характера. Торговые пошлины были зафиксированы по тем же ставкам, которые были предоставлены генуэзцам Каффы. Интересно отметить, что споры должны были решаться консулом вместе с «господином земли», то есть представителем хана, под которым, вероятно, понимался татарский правитель, пребывавший в Солхате. Это подтверждается тем фактом, что на татарского чиновника, носившего звание тудуна (лат. *titanus*), были возложены в 1374 году судебные обязанности над субъектами хана до тех пор, пока не были возобновлены дружеские отношения между Каффой и правителем Солхата [4, I, с. 286]. Возможно, здесь будет интересно отметить, что правовые споры между людьми разного этнического происхождения рассматривались согласно Юаньскому кодексу посредством проведения совместных совещаний с участием представителей заинтересованных этнических групп [12, с. 83].

Между татарским губернатором Солхата и генуэзским и венецианским правительствами Таны и Каффы поддерживались близкие и постоянные отношения. Другой документ от 14 ноября 1381 года упоминает посольство, отправленное к «владыке Соргата и императору Газарии»³². Это посольство имело три цели: 1. просить все привилегии, которыми пользовались венецианцы; 2. объяснить условия Туринского мира по завершению венецианско-генуэзской войны, согласно которым Венеции был запрещен доступ в Черное море в течение двух лет; 3. добиться возвращения товаров, конфискованных у венецианских купцов [57, I, с. 151, no. 612]. Опять же, мы видим здесь, как дипломатические отношения продолжали играть важную роль в обеспечении того, чтобы политическая среда оставалась благоприятной для торговли. Наконец, мы должны отметить, что эти миссии были дорогостоящими, и подарки, предоставленные хану, могли быть довольно значительными. Государство брало на себя также и экономическое бремя дипломатических обменов, которые часто отмечались в правительственных документах³³.

Как мы увидели, монгольское «совпадение интересов» с итальянскими купцами охватывало многие области, и совместное стремление создать благоприятные условия для торговли подкреплялось взаимной готовностью найти общий язык, установить доверительные отношения и найти взаимное понимание. Но это предприятие не было лишено рисков, и необходимость защищать свои собственные интересы иногда приводила к конфликтам, также как и отдельные инциденты могли перерасти в эскалацию.

Конфликты.

Говоря по справедливости, хотя татары, как кажется, благосклонно относились к торговле, они не были «простофилями». На их территории периодически вспыхивали конфликты между правителями Золотой Орды и итальянскими колониями. В качестве предварительной оценки причин, которые привели к ожесточенным столкновениям, мы должны отметить два основных пункта. Во-первых, конфликты не были вызваны разногласиями по коммерческим вопросам, и мир, как только он восстанавливался, приводил к возобновлению торговых условий, не отличавшихся от тех, которые соблюдались до войны. Во-вторых, военные столкновения, по-видимому, были вызваны прежде всего реальными или мнимыми ущемлениями суверенной власти хана. Мотивы конфликта, связанного с верховенством власти, в основном касались двух сфер: контроль над территорией и правонарушения в отношении татарских подданных.

В 1308 году хан Золотой Орды Токта напал на генуэзцев якобы из-за их сотрудничества с Тебризом (несмотря на общее улучшение отношений между Золотой Ордой и Ильханатом) и поскольку генуэзцы занимались похищением детей татар, чтобы прода-

³² Газария (или Хазария, т.е. земля хазар) был термином, который относились не только к Крыму, но и ко всему ханству Золотой Орды. Эволюция этого термина в венецианском применении объясняется Скржинской в: [53, с. 91–95].

³³ Посольство, отправленное в 1369 году, везло с собой подарки стоимостью в 100 серебряных слитков (*sommi*) [см.: 57, I, с. 121, no. 476].

вать их в рабство. Чтобы наказать генуэзцев, Токта переместил торговцев из Сарая в Солхат и изъял их товар. После этого он направил армию против Каффы. Генуэзцы сопротивлялись в течение нескольких месяцев, но в конце концов подожгли город и скрылись на своих судах. Войска Токты вошли и разграбили беззащитный город 8 мая 1308 года [20, с. 89; 55, с. 84]³⁴. Генуэзцы поддержали ильхана Аргуна во время его борьбы с Золотой Ордой, и победа последней нанесла тяжелый удар по интересам генуэзцев на Черном море. Поэтому вполне возможно, что агрессивное поведение Токты отражало старую вражду. Также возможно, что торговля татарскими детьми была настолько неприкрытой и лишавшей хана столь многих людей, что она спровоцировала вооруженное нападение. Однако также вероятно, как было упомянуто Брэтиану, что движущей силой Токты было, прежде всего, стремление дать почувствовать дерзким генуэзцам «весомость своей власти» [10, с. 283]. То есть, чтобы наказать агрессивное и заносчивое поведение, которое было характерным для генуэзцев в начальный период их деятельности на Черном море и осуждаемым рядом сторон³⁵.

Возможно, самым важным эпизодом конфликта между Золотой Ордой и итальянскими колониями была война, которую хан Джанибек вел против Венеции и Генуи с 1343 по 1347 годы [29, с. 33–51]. Как известно, вскоре после того, как император Джанибек подтвердил в 1342 году [58, I, с. 261–263]³⁶ привилегии, предоставленные Узбеком венецианцам, инцидент в Тана вызвал его вооруженную реакцию, то есть изгнание венецианцев и генуэзцев из Таны и начало войны между Золотой Ордой и итальянцами, которая привела к неудачной осаде Каффы и разрешилась только после нескольких лет острой политической дестабилизации. В сентябре 1343 года венецианский купец Андриоло Кивран убил татарского аристократа, который его ударил или избил. Это было, конечно, незаконным, так как, помимо непропорциональной реакции, жалобы на татар должны были адресоваться по соответствующим каналам и рассматриваться совместной комиссией³⁷. Инцидент вызвал народную реакцию и вооруженное вмешательство правительства, что привело к изгнанию всех итальянцев и смерти нескольких из них, в то время как другие были ранены или захвачены в плен, а их имущество разграблено. Большинству удалось бежать на своих кораблях [28, с. 270–272]. По-видимому, венецианцы получили официальное требование выдать преступника, которое, однако, было проигнорировано [42, с. 285].

Напряжение возрастало в течение некоторого времени, и вполне вероятно, что реальной целью Джанибека была Каффа, а не Тана, то есть самая процветающая и самая независимая из итальянских колоний. Правовой спор о юридической ответственности поэтому отражал более широкую проблему, а именно: в какой степени этим городам было бы позволено сохранить почти суверенные полномочия. Даже если только за десять лет до этого Венеции было предоставлено право на создание своей собственной базы на территории Золотой Орды, и хотя ее отношения с местными правителями были крайне предупредительными, инцидент с Кивраном показал, что Венеция не могла отмежеваться от начавшихся военных действий между Золотой Ордой и генуэзцами. Вместо этого ненадежный союз был заключен между венецианцами и генуэзцами, чтобы защитить свои соответствующие позиции на Черном море. Первичными задачами было возобновить торговлю и удержать свои базы.

³⁴ Вернадский говорит, что Каффа была атакована «из-за непонимания между Токтой и генуэзцами», но не объясняет природу этого непонимания [см.: 65, с. 191; см. также: 10, с. 283].

³⁵ Греческие купцы часто жаловались на генуэзцев за их дерзкое и агрессивное поведение [см.: 32, II, с. 675–686].

³⁶ См. детальное исследование постановления Джанибека в: [1, с. 33–86].

³⁷ В Юаньском кодексе 1283 года ясно говорится, что, если монгол избил китайца, китаец не мог реагировать, но должен был представить свидетелей и подать иск местным властям. Вполне возможно, что подобная процедура соблюдалась в Золотой Орде [см.: 12, с. 85].

Это могло осуществиться только посредством возобновления дипломатических переговоров с ханом вместе с одновременным усилением эмбарго (*devetum*) внутри территории Золотой Орды. Это эмбарго соблюдалось лишь частично, и в действительности венецианцы обвиняли генуэзцев в том, что те продолжали свои коммерческие операции в Каффе и других местах в нарушение соглашения [42, с. 289–295]. Но оно, в конце концов, подействовало, так как обе стороны явно страдали от снижения торговли, а Джанибек не смог разрешить конфликт силой оружия. Также утверждалось, что негативные последствия чумы, которая покосила ряды татарских войск, осаждавших Каффу, сыграли свою роль в восстановлении состояния мира [60, с. 139–152]. Но следует отметить, что венецианцы стремились к миру с упорной решимостью и добились в 1347 году условий, по большому счету, аналогичных тем, которые были установлены до войны, с тем исключением, что торговый налог был увеличен с 3 до 5%. С другой стороны, генуэзцы потеряли доступ к Тане до тех пор, пока Бердибек не сменил Джанибека на престоле Золотой Орды в 1358 году. Но ситуации было суждено оставаться напряженной на протяжении этого периода, и татары несколько раз угрожали Каффе. Согласно венецианским агентурным сведениям, в 1352 году генуэзцы были вынуждены просить незамедлительную помощь из Перы, поскольку татарский хан был враждебно к ним настроен и намеревался атаковать Каффу [13, с. 210].

Другим признаком перетягивания каната между Каффой и татарами является эмиссия валюты. Аспер барикатус (от имени татарского хана Берке, 1257–67) был монетой текущего использования Каффы и всей Золотой Орды для большинства коммерческих сделок. Вместе с ним соммо (серебряный слиток) использовался для более крупных сделок. До 80-х годов XIV столетия аспры, используемые в Каффе, указывали на татарское верховенство посредством имени хана, отчеканенного на монетах. Однако, вероятно, после 1380 года те же монеты появляются с надчеканкой властей Каффы. По некоторым данным, это была необходимая мера по девальвации валюты, поскольку часть монет стали выпускаться с содержанием недоброкачественного серебра. Поэтому хорошие монеты чеканились с изображением генуэзской крепости, чтобы гарантировать их соответствующую ценность [23, с. 25–52; 24, с. 156–171].

Но штемпель Каффы на оборотной от имени и титула хана стороне был также декларацией нового статуса Каффы после договоров между Генуей и Золотой Ордой 1381 и 1387 годов, которые санкционировали территориальную экспансию Генуи вдоль крымского побережья и изгнание из того же района татарских субъектов [46, с. 214. См. о договорах между Генуей и татарами в: 62, с. 177–187]. В начале XV века Каффа выпустила серию монет только от имени Генуи (а затем Милана), свидетельствующие полностью независимый статус. В любом случае, поводом для многократных столкновений между Генуей и Золотой Ордой не могло быть исключительно соперничество Генуи с Венецией, но, точнее, попытки Генуи отнять силой территориальные права и суверенные полномочия у правителей Золотой Орды.

Из сказанного выше мы видим, что конфликты имели место в первую очередь тогда, когда ханы Золотой Орды считали, что их суверенные полномочия были под угрозой или подвержены нападению. Но в этой связи следует отметить, что Венеция и Генуя действовали совершенно по-разному, и это различие лежит в основе нашего понимания «формы» колонизации Черного моря.

Колонии или фактории?

Ответ на вопрос, почему татары в целом имели больше конфликтов с Генуей, чем с Венецией, следует искать не только в различных размерах соответствующих колоний, но и в самой природе их «колонизации» Черного моря. Фундаментальные различия между Венецией и Генуей в соответствующем отношении к заморским владениям хорошо известны. Большинство исследователей подчеркивают более широкую автоно-

мию от правительства метрополии генуэзских колониальных управлений и отдельных органов, созданных для их регулирования (наиболее важные – Оффиция Газарии [Officium Gazarie] и Оффиция Романии [Officium Romanie]), в то время, как заморская венецианская администрация рассматривается как более тесно контролируемая метрополией. Власть центрального правительства была сильнее в венецианских владениях, в то время как генуэзские колонии были в большей степени подвержены влиянию инициативы частных лиц на месте.

Более важными для наших целей являются различия в процессе колонизации. Венеция удовлетворялась приобретением коммерческих баз по всему Черному морю, но наиболее важными были Тана, Трапезунд и Судак, которые предоставляли ей доступ к местным рынкам, будучи в то же время безопасными гаванями для ее судов и торговцев. До тех пор, пока им предоставлялись права на проживание вместе с разрешением на торговлю и ее протекцией, венецианцы не прибегали к применению силы, если только они не были вынуждены защищать себя. Поселение в Танае, столь важное для самого существования Венеции на Черном море, было укреплено в 1424–29 годах только после того, как оно несколько раз претерпело грабежи и разрушения, но только в 1442 году мы находим ссылку на возможно автономный и независимый статус венецианцев в Танае [16, с. 260].

Генуя, с другой стороны, проводила более агрессивную политику территориальной экспансии, следуя траектории, изначально направленной на исключение венецианцев и других конкурентов из Черного моря путем дипломатических договоренностей с местными властями и, когда это им не удалось, силой оружия. Во время войны 1350–55 годов Генуя оказалась в ситуации, в которой она должна была одновременно бороться против византийцев, венецианцев и татар. Столкнувшись с угрозой оказаться лишенной доступа к Черному морю, она остановила свой выбор на установлении полного территориального контроля над стратегическими районами и коммерческими портами не только на Крымском полуострове, но также вдоль румынского побережья [45, с. 939–947]. Этот контроль сохранился вплоть до османского завоевания только благодаря увеличению проблем, связанных со способностью Генуи обеспечить свои колонии (и саму себя!) средствами к существованию. Поэтому не удивительно, что, особенно после 1350 года, конфликты между Генуей и Золотой Ордой были другого порядка, чем те, которые возникали между Венецией и татарами. Различные пути колонизации (если такое слово можно использовать) отображали два различных типа восприятия политического ландшафта. В то время как Генуя уже успела укрепить свои позиции на Черном море, располагалась большим объемом торговли и, следовательно, считала, что ей следует защищать эти достижения, зачастую прибегая к насилию, Венеция была слабее с самого начала и, таким образом, должна была полагаться на сотрудничество с местными властями и их протекцию.

В этом неизбежно беглом рассмотрении многосторонних и широко обсуждаемых взаимоотношений между итальянскими колониями на Черном море и чингизидскими государствами я попытался сосредоточиться на монгольских целях, интересах и активном участии. Несколько аспектов заслуживают быть упомянутыми в заключении.

Во-первых, монголы извлекали значительную выгоду из коммерческих отношений с европейскими государствами. Эти государства открывали обширные рынки для местных продуктов, платили различные сборы, налоги и торговые расходы и вносили свой вклад в личные фонды хана и достижение его интересов посредством как дани и подарков, так и предоставления зарубежных знаний. Всякое восприятие того, что появление итальянцев на берегу Черного моря было тем явлением, которое следует понимать главным образом в европейском контексте – соперничество между Генуей и Венецией, ослабление Византии, поиски купцами коммерческих возможностей на отдаленных рынках и так далее – должно уступить место констатации, как очевидного понимания, выказанного татарски-

ми правителями по отношению к выгодам, извлекаемым из торговли, так и многочисленных позитивных шагов, предпринятых ими в целях ее поощрения и защиты.

Вторым примечательным аспектом является то, что международная торговля пришла в упадок после крушения ильханов и династии Юань не только потому, что с концом *Rex Mongolica* торговые пути стали небезопасными и риски непредсказуемыми, но и из-за того, что государства Венеции и Генуи никогда не стремились к дипломатическому вмешательству для обеспечения надлежащих соглашений. Несмотря на созревание условий для начала дипломатических обменов с Пекином, они не переросли в политику регулярной межгосударственной переписки. Хотя нам следует удержаться от соблазна прибегнуть к контрафактивным аргументам, по-прежнему важно должным образом учитывать то, что конкретные и имеющиеся возможности были упущены. Тебриз обозначал предел государственных интересов, что отчасти определялось воздействием, которое отношения между Ильханатом и Золотой Ордой имели на региональную стабильность. Но как только ильханы пали, и условия стали менее благоприятными, государство ретировалось, заставив частных лиц также отказаться от персидских рынков. Монголы действительно были исключительными в их способности обеспечить инфраструктуру основополагающей торговли даже в условиях отсутствия формальной поддержки европейских государств.

Наконец, следует отметить, что подавляющее большинство конфликтов между татарами и итальянскими колониями определялись не коммерческими вопросами, но проблемами верховенства и политической власти. Войны велись не для того, чтобы лишить итальянцев их торговых привилегий, но чтобы обуздать злоупотребления, которые угрожали формальному и фактическому применению суверенной власти правителей Золотой Орды в районах, которые они рассматривали как свои домены. Споры, конечно, были территориальными, но они также затрагивали правовые и финансовые вопросы. В этом контексте мы также отметили, что Генуя и Венеция выбрали стратегии «колонизации», которые чрезвычайно отличались друг от друга, но также были успешными в сохранении своих позиций вплоть до османского завоевания. Отношение монголов к управлению и международным соглашениям способствовало формированию политической среды, в которой Венеция и Генуя должны были сделать свой выбор и констатировать важность монгольского фактора в непосредственном влиянии на масштабы коммерческого, политического и культурного обмена между Европой и Азией в период «европейской экспансии».

1. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Ярлык Джанибека от 1342 г. венецианским купцам Азова (реконструкция содержания) // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. № 14. Л., 1992. С. 33–86.

2. Allsen T.T. *Culture and Conquest in Mongol Eurasia*. Cambridge, 2001.

3. Astuti G. *Le colonie genovesi del Mar Nero e i loro ordinamenti giuridici* // *Colloquio Romano-Italiano, I Genovesi nel Mar Nero durante i Secoli XIII e XIV – Colocviul Român-Italian, Genovezii la Marea Neagră în Secolele XIII–XIV* / Pascu Ș (ed.). Bucarest, 1977. P. 87–129.

4. Balard M. *La Romanie Génoise*. Roma, Genova, 1978.

5. Balard M. *Gênes et l'Outre-Mer*. Vol. 1: *Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289–1290*. Paris, The Hague, 1973.

6. Balard M. *Les Génois en Asie Centrale et en Extrême-Orient au XIVe siècle: un cas exceptionnel?* // *Économies et sociétés au Moyen Âge. Mélanges offerts à Edouard Perroy* / Balard M. (ed.). Paris, 1973. P. 681–688.

7. Balletto L. *Genova Mediterraneo Mar Nero (secoli XIII–XIV)*. Genova, 1976.

8. Bautier R.-H. *Les relations économiques des occidentaux avec les pays d'Orient, au Moyen Âge, points de vue et documents* // *Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans*

l'Océan Indien. Actes du huitième colloque internationale d'histoire maritime / Mollat M. (ed.). Paris, 1970. P. 263–331.

9. Berindei M., Gilles V. La Tana – Azaq de la présence italienne a l'emprise ottomane // Turcica. № 8/2. Paris, Luovain, 1976. P. 110–201.

10. Bratianu G.I. Recherches sur le commerce Génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929.

11. Canal Martin da. Les Estoires de Venise. Cronaca Veneziana in lingua francese dalle origini al 1275 / Limentani A. (ed.). Firenze, 1972.

12. Ch'en P. Heng-chao. Chinese Legal Traditions under the Mongols. Princeton, 1979.

13. Costa M.-M. «Sulla battaglia del Bosforo.» Studi Veneziani. № 14. Firenze, 1972. P. 197–210.

14. Dardess J.W. From Mongol Empire to Yüan Dynasty: Changing Forms of Imperial Rule in Mongolia and Central Asia // Monumenta Serica. № 30. Los Angeles, 1972–73. P. 117–165.

15. Le Deliberazioni del Consiglio dei Rogati, Serie «Mixtorum». Vol. 2: Libri XV–XVI / Cessi R., Brunetti M. (eds.). Venezia, 1961.

16. Doumerc B. La Tana au XVe siècle: comptoir ou colonie? // État et colonisation au Moyen Age et à la Renaissance / Balard M. (ed.). Lyon, 1989. P. 251–266.

17. Ehrenkreutz A. Strategic Implications of the Slave Trade between Genoa and Mamluk Egypt in the Second Half of the Thirteenth Century // The Islamic Middle East, 700–1900: Studies in Economic and Social History / Udovitch A.L. (ed.). Princeton, 1981. P. 335–345.

18. Finley M.I. The Ancient Economy. London, 1973.

19. Fleet K. European and Early Islamic Trade in the Early Ottoman State: The Merchants of Genoa and Turkey. Cambridge, 1999.

20. Grekov B., Iakoubovski A. La Horde d'Or: La domination tatare au XIIIe et au XIVe siècle de la Mer Jaune a la Mer Noire. Paris, 1939.

21. Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen-Âge. Reprint Amsterdam, 1983 of Leipzig, 1885–1886. Vol. II.

22. Holt P.M. Qalāwūn's Treaty with Genoa in 1290 // Der Islam. № 57. Berlin, 1980. P. 101–108.

23. Iliescu O. Contributions à l'histoire des colonies génoises en Roumanie aux XIIIe – XVe siècles // Revue Roumaine d'Histoire. № 28.1/2. București, 1989. P. 25–52.

24. Iliescu O. La monnaie génois dans les pays roumains aux XIIIe – XVe siècles // Colloquio Romeno-Italiano, I Genovesi nel Mar Nero durante i Secoli XIII e XIV – Colocviul Româno-Italian, Genovezii la Marea Neagră în Secolele XIII–XIV / Pascu Ș (ed.). Bucarest, 1977. P. 156–171.

25. Iliescu O. Nouvelles éditions d'actes notariés instrumentés au XIVe siècle dans les colonies Génoises des bouches du Danube – Actes de Kilia et Licostomo // Revue des Études du Sud-Est européennes. № 15. București, 1977. P. 113–129.

26. Iorga N. Points de vue sur l'histoire du commerce de l'Orient au Moyen Âge. Paris, 1924.

27. Jackson P. The Delhi Sultanate: A Political and Military History. Cambridge, 1999.

28. Karpov S.P. Venezia e Genova: rivalità e collaborazione a Trebisonda e Tana, secoli XIII–XV // Genova, Venezia, il Levante nei secoli XII–XIV / Ortalli Gh., Puncuh D. (eds.). Venezia, 2001. P. 257–272.

29. Karpov S.P. Génois et Byzantins face à la crise de Tana de 1343 d'après les documents d'archives inédits // Byzantinische Forschungen. № 22. Amsterdam, 1996. P. 33–51.

30. Karpov S.P. Grecs et Latins à Trébizonde (XIIIe – XVe siècle). Collaboration économique, rapports politiques // Etat et colonisation au Moyen Âge / Balard M. (ed.). Lyon, 1989. P. 413–424.

31. Kedar B.Z. Merchants in Crisis. Genoese and Venetian Men of Affairs and the Fourteenth-Century Depression. New Haven, London, 1976.

32. Laiou A.E. Monopoly and Privilege: the Byzantine Reaction to the Genoese Presence in the Black Sea // Oriente e Occidente tra Medioevo ed età moderna: studi in onore di Geo Pistarino, Vol. II / Balletto L. (ed.). Genova, 1997. P. 675–686.

33. Lane F.C. *Fleets and Fairs: the Functions of the Venetian Muda* // *Studi in onore di Armando Saponi* / Lane F.C. (ed.). Milano, 1957. P. 649–664.
34. Lech K. *Das mongolische Weltreich: Al-'Umarī's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al-abṣār fī mamālik al-amṣār*. Wiesbaden, 1968.
35. Lockart L., Morozzo della Rocca R., Tiepolo M.F. *I Viaggi in Persia degli ambasciatori Barbaro e Contarini*. Roma, 1973.
36. Lopez R.S. *L'importance de la mer Noire dans l'histoire de Gênes* // *Colloquio Romeno-Italiano, I Genovesi nel Mar Nero durante i Secoli XIII e XIV – Colocviul Româno-Italian, Genovezii la Marea Neagră în Secolele XIII–XIV* / Pascu Ș. (ed.). Bucurest, 1977. P. 13–33.
37. Lopez R.S. *Les méthodes commerciales des marchands occidentaux en Asie du XIe au XIVe siècle* // *Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans l'Océan Indien* / Mollat M. (ed.). Paris, 1970. P. 343–348.
38. Lopez R.S. *L'extrême frontière du commerce de l'Europe Médiévale* // *Le Moyen Age: revue d'histoire et de philologie*. № 69. Bruxelles, 1963. P. 479–490.
39. Lopez R.S. *European Merchants in the Medieval Indies: The Evidence of Commercial Documents* // *Journal of Economic History*. № 3. Wilmington, 1943. P. 164–184.
40. Luzzatto G. *Storia economica di Venezia dall'XI al XVI secolo*. Venezia, 1995.
41. Luzzatto G. *L'Economia* // *La civiltà veneziana del Trecento* / Ortega y Gasset J. et al. (eds.). Firenze, 1956. P. 85–109.
42. Morozzo della Rocca R. *Notizie da Caffa* // *Studi in onore di Amintore Fanfani*. Vol. III. Milano, 1962. P. 266–295.
43. Nystazopoulou Pélékidis M. «Venise et la Mer Noire du XIe au XVe siècle // *Venezia e il Levante fino al secolo XV*. Vol. I / Pertusi A. (ed.). Firenze, 1973. P. 541–582.
44. Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589*. Cambridge, 1998.
45. Papacostea Ș. *Un tournante de la politique génoise en Mer Noire au XIVe siècle: l'ouverture des routes continentals en direction de l'Europe Centrale* // *Oriente e Occidente tra Medioevo ed età moderna: studi in onore di Geo Pistarino*. Vol. II / Balletto L. (ed.). Genova, 1997. P. 939–947.
46. Papacostea Ș. «Quod non iretur ad Tanam». *Un aspect fondamental de la politique génoise dans la Mer Noire au XIVe siècle* // *Revue des Études du Sud-Est Européenne*. № 12. București, 1979. P. 201–217.
47. Pearson M.N. *Merchants and states* // *The Political Economy of Merchant Empires: State Power and World Trade 1350–1370* / Tracy J.D. (ed.). Cambridge, 1991. P. 41–116.
48. Pegolotti Francesco Balducci. *La Pratica della Mercatura* / Evans A. (ed.). Reprint, New York, 1970 of Cambridge, MA, 1936.
49. Petech L. *Les marchands italiens dans l'empire Mongol* // *Journal Asiatique*. № 250. Paris, 1962. P. 549–574.
50. Phillips J.R.S. *The Medieval Expansion of Europe*. 2nd ed. Oxford, 1998.
51. Rachewiltz I. de. *Turks in China under the Mongols: A Preliminary investigation in Turco-Mongol Relations in the 13th and 14th Centuries* // *China among Equals: The Middle Kingdom and Its Neighbors, 10th–14th Centuries* / Rossabi M. (ed.). Berkeley, 1983. P. 281–310.
52. Saraceno P. *L'amministrazione delle colonie genovesi nell'area del Mar Nero dal 1261 al 1453* // *Rivista di storia del diritto italiano*. № 72–73. Roma, 1969–1970. P. 177–266.
53. Skžrinskaja E.Č. *Un Ambasciatore veneziano all'Orda d'Oro* // *Studi Veneziani*. № 16. Firenze, 1974. P. 67–96.
54. Skžrinskaja E.Č. *Storia della Tana* // *Studi Veneziani*. № 10. Firenze, 1968. P. 8–13.
55. Spuler B. *Die Goldene Horde: die Mongolen in Rußland 1223–1502*. Leipzig, 1943.
56. Thiriet F. *Délibérations des Assemblées vénitiennes concernant la Roumanie, 1160–1463*. 2 Vols. Paris, 1966–1971.
57. Thiriet F. *Régestes des deliberations du Sénat de Venise concernant la Roumanie*. 3 Vols. Paris, 1958–1961.

58. Thomas G.M. *Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res venetas graecas atque levantis illustrantia*. Pars I: a. 1300–1350. Venetiis, 1880.
59. Tiesenhausen W. de. *Recueil de matériaux relatifs à l'histoire de la Horde d'Or*. Vol. 1: *Extraits des ouvrages arabes*. Saint Pétersburg, 1884.
60. Tononi A.G. *La Peste dell'Anno 1348*// *Giornale ligustico di archeologia storia e belle arti*. № 11. Genova, 1884. P. 139–152.
61. Tucci U. *Alle origini dello spirito capitalistico a Venezia: la previsione economica* // *Studi in onore di Amintore Fanfani*. Vol. III. Milano, 1962. P. 547–557.
62. Vasiliev A.A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Mass., 1936.
63. Veinstein G. *From the Italians to the Ottomans: The Case of the Northern Black Sea Coast in the Sixteenth Century* // *Mediterranean Historical Review*. № 1. London, 1986. P. 221–237.
64. Verlinden Ch. *Le colonie vénitienne de Tana, centre de la traite des esclaves au XIVe et au début du XVe siècle* // *Studi in onore di Gino Luzzatto*. Vol. II. Milano, 1950. P. 1–21.
65. Vernadsky G. *A History of Russia*. Vol. 3: *The Mongols and Russia*. New Haven, 1953.

§ 4. Генуэзцы и Золотая Орда³⁸

Мишель Балар

В течение всего средневековья Черное море представляло собой пограничную зону между кочевниками-скотоводами, пытавшимися достигнуть его берегов, и оседлыми империями, расположенными южнее и стремившимися основать свои колонии на понтийском побережье. Противопоставление этих двух миров задавало ритм истории Черного моря [37, с. 50–51]. Когда кочевники продвигались к югу от Дуная или Крымских гор, то Византийская империя, владычица Черного моря до 1204 года, оказывалась тотчас ослабленной, и ее продовольственное снабжение находилось под угрозой. Напротив, когда Византия утверждала свои колонии на северном побережье Черного моря, то степные народы отступали, а византийское господство упрочивалось на всем Черном море при сохранении необходимых торговых взаимоотношений с кочевниками. Участь проливов была вторым фактором, имевшим решающее влияние на развитие понтийских регионов. Черное море не стало бы играть важнейшей роли в международной экономике, если бы проливы Босфора и Дарданеллы не оставались бы открытыми для беспрепятственного движения с позволением осуществления товаропотока в двух направлениях: сельскохозяйственных продуктов и товаров, поступавших через степь в сторону Средиземноморья, и средиземноморских мануфактурных товаров – в сторону понтийских регионов. Когда проливы закрывались по воле политической власти, которая их контролировала, тогда Черное море теряло свою роль, его торговля приходила в упадок, и его торговцы исчезали. Для того, чтобы оно оказалось полностью интегрированным в мировую экономику, требовалось выполнение трех необходимых условий: в первую очередь присутствие на юге от Руси стабильных сообществ, ценивших выгоды, получаемые от торговли; затем, поселение в Крыму общин, занимавшихся торговой деятельностью и поддерживавших регулярный контакт с балканскими и средиземноморскими сообществами; и наконец, способность прибрежного населения Средиземноморья к потреблению избыточной продукции, поступавшей через степь, и к снабжению кочевнического населения мануфактурными товарами благодаря контролю наиболее важных торговых маршрутов.

Эти условия реализовались во второй половине XIII века посредством контакта между западными торговцами и татарами Золотой Орды, одного из основополагающих событий в истории отношений между Востоком и Западом. В течение чуть более двух

³⁸ Перевод с французского Романа Хаутала.

столетий Черное море стало «вращающимся столиком для кушаний» международной торговли, заимствуя удачное выражение великого румынского историка Георге Брэтиану [12, с. 204–224]. И генуэзские торговцы были ее главными действующими лицами благодаря своим далеко не всегда мирным связям с Золотой Ордой. В период после заключения Нимфейского договора (март 1261 года) с базилиевсом Михаилом VIII Палеологом, предоставившим им доступ к Черному морю, они, в самом деле, основали на крымском побережье факторию в Каффе и затем, в течение XIV века, расширили свой радиус действий от всего крымского побережья и Азовского моря с их поселением в Тане до устьев Дуная и Днестра с их колониями в Килии, Ликостомо и Монкастро. Естественно, в течение двух столетий существования (ок. 1275–1475) ряд этих передовых торговых центров генуэзцев, расположенных в монгольском мире, был подвержен существенным изменениям, связанным с политической и экономической конъюнктурой, оказывавшей влияние на понтийские регионы, и, в частности, с монгольским маршрутом поставки шелка и специй либо с вмешательством татарских армий, как и завоеваний Тамерлана, угрожавших генуэзским факториям.

Первые контакты генуэзцев с Золотой Ордой окружены тайной, что уже в XVI веке отмечал генуэзский хронист Агостино Джустициани в следующих словах: «У нас нет никакой ясности в отношении того, досталось ли генуэзцам место для этого города [Каффы] в дар, посредством покупки или с помощью оружия ...» [20, с. 136]. Будь то Никифор Григора, приписывавший предоставление генуэзцам территории «великому вождю скифов» [35, II, с. 683–684], Одерико, писавший в XVIII веке, что татары уступили генуэзцам Каффу до 1250 года [38], или же Канале, относивший основание города к началу XII века, спутав его с сирийским городом Каиффа на юге от Акры [13, II, с. 409–412; 14, II, с. 142–144, 152–159]; все историки выдвигали по большей части противоречивые гипотезы в связи с отсутствием точных документов по поводу уступки, сделанной коммуне Генуи со стороны татар Золотой Орды.

Достоверные факты можно констатировать в небольшом количестве. С одной стороны, впервые монеты Каффы, аспры барикати (*aspri baricati*), упоминаются в генуэзских документах в ноябре 1276 года, но до 1280 года они упоминаются там очень редко [4, *Notai, cart. n° 118, f. 48v, Notai ignoti, busta 22, frammento 4, f. 5r (anno 1277)*]. С другой стороны, инвестиции, сделанные генуэзцами на греческом востоке в течение десятилетия между 1270 и 1280 годами посредством договор-заказов или договоров морской компании (*societas maris*), осуществлялись греческими монетами или иперпирами и касались Романии или Константинополя, Каффа в них не упоминалась. В этой связи логично предположить, что генуэзские купцы, привлеченные открытием Черного моря для их деятельности, изначально заинтересовались старым небольшим византийским городком Солдайя, посещаемым итальянцами на протяжении последних десятилетий [36, с. 30–34; 46, с. 392], а затем, в связи с конкуренцией с венецианцами, между 1270 и 1275 годами они добились от хана Золотой Орды права поселиться в бухте Феодосии, древней и практически заброшенной греческой колонии, где несколько генуэзцев, к которым вскоре присоединились их соотечественники, образовали небольшую общину, во главе которой находился консул, начиная с 1281 года³⁹. Акты нотариуса Ламберто ди Самбучето, составленные в Каффе в 1289–1290 годах, указывают на быстрый рост генуэзской фактории, несмотря на конкуренцию венецианцев.

---

³⁹ См. обо всем этом мою работу: [5, I, с. 114–118]. Едва ли можно выказать доверие Жан-Полю Ру, утверждающему, без приведения какой-либо ссылки, в одном месте [42, с. 371], что монголы уступили генуэзцам Каффу в 1266 году в обмен на уплату пошлин; а в другом [42, с. 442] – что эта уступка имела место в 1256 году, что было совершенно невозможным из-за венецианского господства в Константинополе и Латинской империи.

Светлейшая Республика, разумеется, не могла допустить экспансии своего соперника. В то время как генуэзцы поддерживали ильхана Персии, Аргуна, который гостеприимно принял их еще до того же 1280 года, Венеция сблизилась как с татарским ханом Тула-Бугой, с которым она заключила торговый договор в 1291 году, так и с эмиром Ногаем, который, воспользовавшись слабостью ханов Золотой Орды с 1280 года, отделил для себя удел в пределах Орды и предал смерти Тула-Бугу перед тем, как стать, в свою очередь, жертвой его преемника, Токты, в 1299 году [42, с. 412–413]. Соперничество между двумя морскими республиками и комплекс альянсов между византийцами, мамлюками и татарами, направленных против Ильханата, привели к тому, что в 1298 году генуэзцы казнили внука Ногая, прибывшего в Каффу для взимания налогов, но вскоре после нападения армии Ногая, разграбившей факторию, они подверглись новому разорению в следующем году со стороны венецианской флотилии во главе с Джованни Соранцо [28, с. 130–131; 46, с. 75]. Это был один из эпизодов войны Курцолы, возникшей из венецианско-генуэзской вражды в Крыму, перекинувшейся на Айас и затем на Адриатику, прежде чем 25 мая 1299 года мир без победителей был заключен в Милане под эгидой Маттео Висконти.

К этому времени генуэзцы снова заняли Каффу, но ненадолго, потому что в 1307 году они оказались вовлеченными в конфликт с Токтой, ханом Золотой Орды. Предлогом для конфликта стали злоупотребления, допущенные генуэзскими торговцами в их торговой практике, но с согласия татар, как указывает на это ал-Омари, упоминая, что «во времена засухи и голода (татары) продают своих сыновей. В годы изобилия они отдают своих дочерей, но не сыновей. Они избавляются от своих детей мужского пола только в случае крайней необходимости» [фрагмент цитируется в: 42, с. 413]. Продолжающаяся продажа детей истощала ханство, и, несомненно, именно для того, чтобы положить ей конец, после ареста генуэзских купцов, пребывавших в Сарае, хан Токта направил свою армию к Каффе в конце 1307 года. Сообщая об этом событии, продолжатель хроники Джакомо да Вараджине подчеркивает неравенство противостоящих друг другу сил, разумеется, для того, чтобы объяснить решение генуэзцев покинуть осажденный город после восьми месяцев осады и сжечь его перед своим отпавлением [16, с. 500–501; 46, с. 84]. Последствия этого разрушения имели важное значение: в течение нескольких лет генуэзцы прекратили посещение побережья Черного моря, за исключением знаменитого Сегурано-Сакрана Салваиго, пользовавшегося протекцией султана и, возможно, вернувшегося на рынки Золотой Орды после 1308 года [27, с. 82]. Но упоминание Каффы и аспров барикады исчезает из нотариальных документов между 1308 и 1313 годами.

Однако, как Золотая Орда, так и Генуя были значительно заинтересованы в возобновлении взаимных контактов; первая – для сбора налогов с коммерческой деятельности, вторая – для получения доступа к Шелковому пути и сельскохозяйственным ресурсам понтийских земель. Поэтому после смерти Токты 9 августа 1312 года Генуя поспешила направить к его преемнику двух послов – Антонио Грилло и Никколо ди Пагана, получивших от нового хана позволение восстановить дома и укрепления Каффы [16, с. 502]. Метрополия также приняла меры, благоприятствовавшие восстановлению рынка. В том же 1313 году, когда документы снова стали упоминать присутствие генуэзцев в городе, была создана комиссия из восьми советников «по делам мореплавания и Черного моря» (*constituti super factis navigandi et maris maioris*), часто именуемая Оффицией Газарии (*Officium Gazarie*). 18 марта 1316 года эта комиссия приняла ряд мер по восстановлению, улучшению и укреплению генуэзской фактории в соответствии с регламентирующим и чрезвычайно подробным планом [23, II, с. 170–171; 5, I, с. 202–205]. Его текст выказывал стремление способствовать колонизации и экономическому росту фактории, обязывая всех генуэзских судовладельцев останавливаться в ее порту и выплачивать налоги, пропорциональные ценности привезенного груза [31, с. 234–235].

Укрепленная, как возведенной цитаделью, так и стеной, окружавшей нижний город, в течение почти тридцати лет Каффа испытывала быстрый рост до тех пор, пока новые инциденты с Золотой Ордой не положили ему конец.

В 40-х годах XIV века возобновилась напряженность, вызванная конкуренцией между генуэзцами и венецианцами в понтийских регионах. В 1341 году две общины столкнулись в Тане, где присутствие генуэзцев было засвидетельствовано уже в 1289–1290 годах, тогда как венецианцы были вынуждены ждать ноября 1333 года, чтобы получить грамоту, предоставившую им там квартал рядом с кварталом генуэзцев. Инциденты участились, и венецианский Сенат направил посла к хану Узбеку с требованием предоставить квартал вдали от того, который занимали генуэзцы. Новый хан Джанибек дал согласие на это прошение и подтвердил привилегии, предоставленные его отцом [49, III, с. 261–263]. Под неопределенной датой, но предшествовавшей январю 1343 года, венецианская коммуна снова направила к хану двух послов – Федерико Пикамильо и Энрико ди Гваско [51, I, с. 46, n° 120]. Стычки продолжались с не уменьшающейся силой, и кроме того, купцы обоих национальностей стали обманывать налоговую службу татар, стремясь избежать выплаты положенного акцизного налога [51, I, с. 51, n° 151; 44, с. 10–11; 11, с. 110–201]. В 1343 году вследствие убийства венецианцем одного татарина, разгорелось сражение между местным населением и западными резидентами: дома и склады латинян были разграблены, их имущество конфисковано, часть купцов погибла, другие были заключены в тюрьму, а оставшиеся смогли бежать на своих кораблях. Эпизод с «погромом в Тане» детально описан Джованни Виллани, который указывает на экономические последствия этих событий: голод в Константинополе из-за нехватки зерна, соли и рыбы; нехватка зерна в Венеции; резкий рост цен на шелк и специи в Италии [17, кн. XII, гл. XXVII; 48, с. 138; ср. с: 23, II, с. 186–188; 31, с. 256–258; 46, с. 394; 5, I, с. 75–76; 39, с. 182–184; 26, с. 270–271].

Из Таны конфликт перекинулся на Каффу, которую осадила армия Джанибека. Город, который удалось укрепить в течение 30 лет мира, последовавших за его восстановлением, оказал сопротивление, и в феврале 1344 года его защитники разрушили осадные орудия татар, которые упали духом и отступили, потеряв, согласно Джованни Стелла, более пяти тысяч человек [24, III, с. 192; 35, II, с. 685–686; 48, с. 139].

Летом 1344 года дож Генуи, Симоне Бокканегра, предложил венецианцам оборонительный альянс вместе с торговым и морским бойкотированием Золотой Орды [40, с. 201–217]. Но, не желая потерять те выгоды, которые им предоставлял порт Каффы, генуэзцы отказались уступить своим соперникам и союзникам полное освобождение от таможенных сборов в своей фактории, как и юридическую автономию, что венецианцы воспринимали как унижительное подчинение. Получившие поддержку от папы Климента VI, в честь которого впоследствии была названа одна из оборонительных башен, генуэзцы выдержали еще одну атаку войск Джанибека в начале 1345 года. Эпидемия чумы распространилась среди татарских войск, и хан приказал катапультировать через стены трупы, зараженные чумой, надеясь заставить город сдаться – первый пример бактериологической войны в истории. Осажденные сбросили трупы в море, но не смогли воспрепятствовать тому, чтобы некоторые из генуэзцев вернулись зараженными на своих кораблях на Запад и привезли с собой возбудители эпидемии, которая под именем черной чумы стала причиной смерти миллионов жертв, возможно, одной трети всего европейского населения, так, что о ней можно было бы говорить, как о «самом серьезном экологическом кризисе в истории» [21, с. 161; 22].

Как только татарская угроза миновала, возобновился раскол между двумя морскими республиками. Венецианцы вернулись в Тану, где, посредством договора с Джанибеком, они приобрели в конце 1347 года один квартал рядом с Доном, в то время как генуэзцы намеревались усилить свою монополию на торговлю в понтийских регионах,

заставив венецианские корабли делать остановку в Каффе. Различные инциденты привели к крупному конфликту, в ходе которого генуэзцы столкнулись с венецианцами, объединившимися с Арагоном и базилиевсом Иоанном Кантакузином [23, II, с. 195–201]. После битвы на Босфоре (февраль 1352 года), в результате которой генуэзский флот во главе с Паганино Дориа сохранил господство в византийских водах [8, с. 431–469], две республики заключили мирный договор в июне 1355 г. благодаря посредничеству Висконти [30, с. 118–119; 29, col. 617–627]. Они обязались не отправлять своих кораблей в Тану в течение трех лет, по истечению которых обе республики стали действовать в Черном море по своему усмотрению. После пяти лет ожесточенной и дорогостоящей войны, согласно миру без победителей, то есть договору о восстановлении довоенных условий, оба противника сохранили свои кварталы в Танае, а Генуя – свое господство на крымском побережье.

В 1358 году по истечению срока эмбарго (*devetum*), установленного договором в Милане, венецианцы направили двух послов к Джанибеку (в действительности они были приняты его преемником, Бердибеком (1357–1359)) «с требованием прежних привилегий» [51, I, с. 87–88, n°324–325]. Генуэзцы поспешили сделать то же самое: в октябре 1358 года Никколо ди Гоано и Раффо Эрминио вернулись из своей миссии к хану, нагруженные подарками и драгоценностями, подаренными двум легатам [4, *Antico Comune, Magistrorum Rationalium*, n°52, f. 46]. Между двумя республиками была достигнута договоренность, и товарооборот возобновился в объеме, предшествовавшем 1343 году. После смерти Бердибека (1359) Золотая Орда погрузилась в анархию и в течение двадцати лет была свидетельницей правления десятков сменявших друг друга ханов, кратковременных властителей незначительной части населения кипчакской степи [46, с. 107–112; 34, с. 223–224; 42, с. 498]. Братоубийственные войны следовали друг за другом при различных претендентах на власть, поочередно поддерживаемых могущественным эмиром Мамаем, чтобы оказаться потом лишенными его помощи. Также и генуэзцы стремились снискать расположение этого нового «майордома». Он был торжественно принят консулом в октябре 1374 года, который несколько месяцев спустя вручил дорогие одеяния послам Мамаю. Согласно счетам массарии Каффы, генуэзские послы, отправлявшиеся в Золотую Орду, направлялись «к императору татар» и Мамаю, и это указывало на то, что генуэзцы прекрасно отдавали себе отчет, кому принадлежала реальная власть в кипчакской степи [4, *San Giorgio, Caffa Massaria*, 1374, f. 6v, 7r, 14v; ср. с. 25, с. 32–33]. Тем не менее, с тех пор звезда эмира закатилась. Победенный войсками русского князя Дмитрия и затем – Токтамыша, он бежал в Каффу, где был казнен местной властью, стремившейся угодить хану [46, с. 127; 42, с. 498–500; 34, с. 237]. Его гибель можно легко датировать благодаря счетам массарии: в марте 1381 года в Каффе были приняты два посла, наделенные титулом вестников императора и Мамаю. В ноябре 1381 года Коррадо ди Гваско и Кристофоро делла Кроче направились с посольством уже только к императору татар. Мамай должен был погибнуть между мартом и ноябрем 1381 года, и вполне вероятно, что генуэзские послы привезли хану эту отрадную новость. Они были носителями богатых подарков и сопровождались шестнадцатью другими членами посольства и двумя переводчиками для того, чтобы продемонстрировать великолепие коммуны в стремлении угодить властителю Сарая [4, *San Giorgio, Caffa Massaria*, 1381, f. 3r et 242v; ср. с. 25, с. 35].

Власти Каффы воспользовались периодом анархии в кипчакской степи для завершения возведения городских укреплений: внутренний пояс укреплений, начатый около 1340 года, был завершен консулом Готтифредо ди Дзоальи в 1352 году [48, с. 156; 45, с. 33–46; 5, I, с. 208–209]. Скоро эти укрепления оказались недостаточными, поскольку за их пределами сформировались кварталы, оказавшиеся незащищенными, особенно к моменту ухудшения отношений Каффы с властителем Солхата. Между 1383 и 1385

годами три последующих консула – Пьетро Кацано, Якопо Спинола и Бенедетто Грималди – построили внешний пояс укреплений для защиты пригородов Каффы: длинная линия стены протянулась на 5,5 километров в длину [5, I, с. 211–212]. Генуэзцы также смогли расширить свои завоевания. В 40-х годах XIV столетия они основали небольшую общину в Чембало (Балаклава), где в 1344 году один нотариус, Роландо Саличето, составил официальный акт в пользу Паоло ди Подио в одной церкви, посвященной Деве Марии. Консулы, назначенные Генуей для руководства этим городом, построили в нем цитадель между 1357 и 1386 годами [9, с. 112; 5, I, с. 157]. Но самое главное, в 1365 году генуэзцы завладели Солдайей, которую татары отняли у венецианцев в 1343 году, а также соседними поселениями Алушты, Гурзуфа, Ялты и поселками Готии (восемнадцать деревень), которые сформировали генуэзскую Газарию под началом консула Каффы. Инспектора Готии (*vixitatores Gothie*) совершали свои инспекционные туры по этим поселкам, но, вероятно, фискальные требования генуэзцев заставили их обитателей сожалеть о потере прежнего подчинения татарам, поскольку приблизительно в 1375 году эмир Мамай, фактически управлявший западной частью Золотой Орды, восстановил татарское господство в этих деревнях [18, с. 163; 23, II, с. 205; 46, с. 120–121].

Ситуация полностью изменилась, начиная с 1378 года, с приходом к власти Токтамыша. Далекий потомок Джучи, одного из сыновей Чингиз-хана, Токтамыш попытался захватить власть в восточном крыле Орды у одного из своих двоюродных братьев, Урус-хана. Найдя убежище в Мавераннахре у Тамерлана, ему удалось свергнуть Уруса и затем направиться на запад против армии Мамаю. В 1380 году, в ситуации неопределенности, в которой находился Крым, консул Каффы, Джанноне Боско, посчитал полезным вести переговоры с представителем одного из соперников Токтамыша, Конак Бега, и властителем Солхата (Эски-Крым), Ихаркас Зиком, но затем, начиная с момента, когда власть Токтамыша оказалась упрочившейся, он обновил этот договор с Элиасом Беем, преемником Ихаркаса и представителем нового хана [18, с. 161–165; 10, с. 98–99]. Токтамыш, осознававший важность коммерческой деятельности генуэзцев для Золотой Орды, признал по договору от 24 февраля 1381 года занятие генуэзцами Солдаи и поселков Готии и гарантировал безопасность генуэзским купцам в своем государстве в обмен на крайне формальное признание Каффой верховенства хана.

В последующие годы отношения генуэзцев Каффы с Солхатом ухудшились, как кажется, по причине фискальных претензий генуэзских властей, которые намеревались обойтись без посредничества Солхата в своих торговых отношениях с внутренними районами Крыма. Следствием этого в первую очередь было восстание сельского населения Крыма, а затем – конфликт между 1385 и 1386 годами, который генуэзские источники именовали Солхатской войной (*bellum de Sorcati*) [4, San Giorgio, Caffa Massaria 1386, f. 99v]. В течение двух лет недавно созданная в Каффе Военная Оффиция (*Officium Guerre*) выделяла значительные средства для закупки в Генуе или Перу оружия – бомбард, арбалетных стрел, копий и шлемов, с целью постройки бригадин для охраны Черного моря, чтобы способствовать прибытию военных техников и наемников для проведения дорогостоящих дипломатических переговоров с воеводой Молдавии, князем Черкессии и правителем Синопа [4, San Giorgio, Caffa Massaria 1386, f. 40r et 41r, 193r (посольства в Воспоро и Зихию), f. 316r (генуэзское посольство Карло дель Орто и Илларио Дориа в Монкастро), f. 39r (прием одного посольства в Синопе)] в стремлении добиться сохранения их нейтралитета. В этих взаимоотношениях решающую роль сыграл некий Котолбога (Кутлуг Бога), приближенный Токтамыша. Щедро осыпанный подарками консулом Каффы [4, San Giorgio, Caffa Massaria 1386, f. 97v; ср. с. 10, с. 103–106], он способствовал заключению мирного договора 12 августа 1387 года после обмена послами между Каффой и Сараем [4, Archivio Segreto, busta 2729, doc. 27; 43, с. 62–64; ср. с. 52, с. 179–182 (детальный анализ договора 1387 года); 5, I,

с. 458]. Среди статей договора следует отметить обоюдное прощение всех совершенных преступлений и грабежей; компенсацию ущерба, причиненного торговцам во время конфликта⁴⁰; возвращение беглых рабов, торговля которыми являлась главным ресурсом генуэзской колонии; и наконец, обещание татар предоставлять деньги из высокопробного серебра монетного двора Солхата. Коммерческие сделки тотчас же возобновились, и, в частности, в Тане десяток купцов были заявлены как дебиторы массарии (казначейства) Каффы в 1387 году [4, San Giorgio, Caffa Massaria 1386, f. 453v].

Вмешательство Токтамышша в дела Крыма было продиктовано не только естественным желанием нового хана возобновить выгодные торговые связи с генуэзцами, но также и стремлением воспрепятствовать заключению альянса последних с Тамерланом, завоевателем Персии Ильханов, представлявшем новую угрозу для Золотой Орды, которая отстаивала в свою очередь с оружием в руках свои права на Азербайджан. Два раза, в 1391 и 1395 годах, Тамерлан нанес два тяжелых поражения хану, вынужденному искать убежища в Литве и затем – на западе Сибири после нового разгрома в 1399 году [34, с. 224–225]. Золотая Орда оказалась в руках Идегея, протее и затем врага Тамерлана, который тем временем продолжил свои завоевания и разрушения: в 1395 году после того, как он принял с притворной доброжелательностью делегацию латинской колонии Таны, пребывавшую для того, чтобы выразить свои поздравления победителю, Тамерлан предал город огню и резне, увел в рабство тех купцов, которые не смогли бежать, и разрушил процветавшие кварталы генуэзцев и венецианцев [31, с. 304]. Город был полностью разрушен, венецианский консул Джорджо Капелло был убит с многочисленными купцами, и ущерб, причиненный подданным Светлейшей, превышал 100 тысяч дукатов. Генуэзцы подверглись такому же бедствию, так что никто не был способен оценить их потери [19, с. 6]. И те, и другие потребовали от То-Хана (Токтамышша) позволения восстановить их факторию и укрепить ее. Но несмотря на это, кварталы западных резидентов Таны подверглись новым нападениям татар в 1410 и 1418 годах, причинившим больший ущерб венецианцам, чем генуэзцам.

Крымское побережье избежало опустошений Тамерлана. Каффа и другие генуэзские фактории еще смогли насладиться мирным периодом в первые десятилетия XV века, который был прерван в 1433 году восстанием против генуэзского господства греческого населения Чембало, подчинившегося власти греческого князя Алексия, властителя Феодоро-Мангупа. Генуя была вынуждена организовать экспедицию во главе с Карло Ломеллини, который подавил восстание, но был застигнут врасплох в то время, как основная часть его войск направлялась в сторону Солхата, не соблюдая должного порядка. Оставшиеся в живых смогли достигнуть Каффы, которая уже не имела никаких сношений с ханством Золотой Орды, находившимся в полном упадке, но с новым государством, отделившимся от нее – с Крымским ханством, основанным Хаджи Гирем, предводителем татар и дальним потомком Джучи [48, с. 377–378; 23, II, с. 381–382; 3, с. 507–517; 2, с. 23–36]. Несмотря на враждебные отношения с новым властителем Крыма и выплату дани османскому султану с 1454 года, генуэзская Газария, перешедшая в собственность Банка Святого Георгия в 1453 году, смогла просуществовать вплоть до прибытия османской флотилии Гедика Ахмед-паши, овладевшего генуэзскими колониями за пять дней [15, с. 495–538].

Инциденты в отношениях между Каффой и Золотой Ордой не могут скрыть взаимные интересы обоих партнеров. Безусловно, согласно договору 1387 года, жители Каффы провозглашали свою «верность и лояльность» по отношению к хану. Но это выражение было достаточно неопределенным, не предполагая ничего другого, как прос-

---

⁴⁰ В Каффе была учреждена Оффиция по сарацинским делам (*Officium super rebus Saracenorum*), распоряжавшаяся имуществом, конфискованным у татар [4, San Giorgio, Caffa Massaria 1386, f. 190v, 213 r–v, 416v, 425v, 446r, 449v].

тое обещание надежности, поскольку в своей политике Генуя в целом стремилась помешать установлению зависимости ее представителей в Каффе от татарских ханов. Конечно, этот договор не определял автономии фактории в отношениях с Золотой Ордой. Но поскольку он подтверждал предыдущие договоренности, которые подчиняли поселения Готии «воле и власти Коммуны и ее консула, свободными от империи» (*in la voluntay et bayria de lo Comune e de lo consoro, franchi da lo imperio*) [43, с. 57; 18, с. 163; 52, с. 178], очевидно, что де факто также и Каффа была освобождена от действительной власти татар, хотя договоренности с ханом содержали два ограничения. С одной стороны, подданные Орды, проживавшие в фактории, находились в юрисдикции тудуна [titanus на латыни, см.: 23, II, с. 371], своего рода наместника, представлявшего хана. В конце XIV века он обладал всеми юридическими полномочиями в отношении своих соотечественников, тогда как в 1449 году устав Каффы подчинил консулу, а не тудуну, всех татар, проживавших более одного года в фактории или ее предместьях.

В экономическом и финансовом плане символическое и материальное влияние ханства проявлялось в первую очередь в использовании наличных денег. В Каффе были входу монеты Золотой Орды, аспры барикати (от имени хана Берке, 1256–1266) с чеканенной тамгой – клеймом, наносимым на головы скота и позже на ханские монеты до того, как генуэзские власти не решили чеканить контрафакции [46, с. 232–234; 33, с. 31–125]. Так, начиная с 1423 года генуэзцы начали чеканить двуязычные аспры с изображением генуэзских ворот (*ianua*: ворота, согласно оспариваемой этимологии) и имени Каффы с одной стороны, и тамги – с другой стороны вместе с легендой, написанной арабскими буквами и перечисляющей имена и титулы правящего хана [33, с. 38–39]: способ выразить автономию фактории во время напряженности в отношениях с Золотой Ордой и позже с Крымским ханством. С другой стороны, татарский таможенный агент взимал от имени хана коммеркиум «согласно древним обычаям» (*segundo le premere usansse*), как это уточняется в версии договора 1380 года, написанной на лигурийском диалекте. Вероятно, здесь имелся в виду таможенный налог на товары, вывозимые и ввозимые в кипчакскую степь, отличавшийся от коммеркиума, утвержденного коммуной Каффы⁴¹.

Таковы рамки, в которых осуществлялись отношения между генуэзцами и татарами Золотой Орды. Последние получали некоторую символическую дань своему собственному достоинству, отнюдь не равную тем выгодам, которых добились генуэзцы. Генуэзцы были властителями городской земли и обладали ей в своем полном распоряжении: ни один договор купли-продажи недвижимости не соблюдал права хана. Консул постепенно расширял свою юрисдикцию на всех жителей в границах города. В лучшем случае он мог допустить, чтобы особая протекция подданным монгольской империи предоставлялась посредством чиновника, представлявшего хана, чья роль, как кажется, не превосходила роли консулов иностранных держав, учрежденных в современных государствах. Удерживая уже имеющееся, Каффа стала пользоваться намного большей автономией, чем ей было ранее предоставлено, в период почти тотального отсутствия власти, начиная со второй половины XIV века: нестабильные племена, маленькие эфемерные политии разъединили крымское побережье и Сарай, столицу ханов. Подавленная непрекращающимися дворцовыми переворотами, к концу XIV века Золотая Орда уже могла оказывать толь-

---

⁴¹ См. о «генуэзском» коммеркиуме в: [5, I, с. 409]. Можно также предположить, что Коммуна выделяла одну часть от выручки коммеркиума для ее передачи татарским коммеркиариям. Но ни одна выплата подобного типа не упоминается в реестрах массарии Каффы. С другой стороны, забота, с которой власти окружали татарских коммеркиариев, доказывает, что последние взимали налоги непосредственно; сколько бы консул не пытался избежать превратного впечатления от почетного обхождения, оказываемого им агентам, которым была поручена эта задача. Присутствие татарских коммеркиариев засвидетельствовано в Каффе в 1289–1290 годах; ср. с: [7, doc. n°95, 190, 213, 231, 252, 459].

ко эпизодическое влияние на прибрежную полосу кипчакской степи. Отдаление на второй план Орды имело следствием расширение автономии Каффы. Этой автономии угрожали только соседние княжества Феодоро-Мангупа и Зихии, и затем Крымское ханство, которое в конечном итоге смогло воспрепятствовать этим переменам.

В действительности торговый поток лежал в основе отношений Генуи с Золотой Ордой, контролировавшей один из главных трансзиатских путей, который начинался в Тане, следовал в Сарай и уходил вглубь центральной Азии, достигая Ханбалыка. По этому северному ответвлению Шелкового пути, ставшему безопасным во второй половине XIII века благодаря установлению *Rax mongolica* и описанному Пеголотти [41, с. 21–25], проходили многочисленные генуэзские и венецианские купцы вплоть до 1368 года, то есть до даты прихода к власти в Китае династии Мин, прервавшей на столетия прямые обмены между Западом и Восточной Азией [6, с. 149–164; 32, с. 83–186]. Шелк и специи на направлении восток-запад, и серебро, ткани и мелкие изделия в обратном направлении были главными и неоднократно описанными продуктами товарообмена [23, II; 47, с. 121–146; 1, с. 174–178; 5, II, с. 701–868; 50, с. 366–396]. Однако следует упомянуть значительную трансформацию, которой подверглась понтийская торговля в течение двух последних столетий средневековья: почти полное исчезновение в конце XIV века шелка и специй, пребывавших приблизительно до 1360 года по монгольскому пути, было компенсировано ростом перевозки региональных продуктов, свозимых в Каффу перед их отправлением на Запад – зерно, соль, воск, мед, кожа, рыба, меха и цветные металлы, не забывая о рабах, заполнили трюмы генуэзских судов и пополнили татарскую казну таможенными сборами с этих товаров.

Именно в этом смысле мы можем сказать вместе с Георге Брэтиану, что отношения между генуэзцами и Золотой Ордой превратили Черное море во «вращающийся столик для кушаний» международной торговли в последние столетия средневековья.

1. Бадян В.В., Чиперис А.М. Торговля Каффы в XIII–XV вв. // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / Бибииков С.М. (ред.). Киев, 1974. С. 174–189.
2. Agosto A. Nuovi reperti archivistici genovesi dell'Officium Provisionis Romaniae sulla guerra di Cembalo (1434) // Genova, la Liguria e l'Oltremare tra medioevo ed età moderna. Studi e ricerche d'archivio. T. IV. Genova, 1981. P. 23–36.
3. Agosto A. Due lettere inedite sugli eventi di Cembalo e di Sorcati in Crimea nel 1434 // Atti della Società ligure di storia patria. Nuova serie. № 12. Genova, 1977. P. 507–517.
4. Archivio di Stato di Genova.
5. Balard M. La Romanie génoise (XIIe – début du XVe siècle). 2 Vols. Rome, Genova, LA, 1978.
6. Balard M. Precursori di Cristoforo Colombo. I Genovesi in Estremo Oriente nel XIV secolo // Atti del Convegno internazionale di Studi Colombiani: Genova, 13 e 14 ottobre 1973. Genova, 1974. P. 149–164.
7. Balard M. Gênes et l'Outre-mer. T. 1. Les actes de Caffà du notaire Lamberto di Sambuceto 1289–1290. Paris, La Haye, 1973. 420 p.
8. Balard M. A propos de la bataille du Bosphore. L'expédition génoise de Paganino Doria à Constantinople (1351–1352) // Travaux et Mémoires du Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation byzantines. Paris, De Boccard, 1970. № 4. P. 431–469 (republished in: Id. La mer Noire et la Romanie génoise (XIIIe – XVe siècles). London, 1989, n° II).
9. Balbi G., Raiteri S. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffà e a Licostomo (sec. XIV). Genova, 1973. 242 p.
10. Basso E. Caffà e l'Orda d'Oro: una difficile convivenza // Idem. Genova: un impero sul mare. Cagliari, 1994. 343 p.
11. Berindei M., Veinstein G. La Tana-Azaq de la présence italienne à l'emprise ottomane (fin XIIIe – milieu XVIe siècle) // Turcica. T. VIII/2. Paris, Louvain, 1976. P. 110–201.

12. Bratianu G. *La mer Noire. Des origines à la conquête ottomane.* München, 1969. 394 p.
13. Canale M.G. *Nuova istoria della repubblica di Genova, del suo commercio e della sua letteratura dalle origini all'anno 1797: narrata ed illustrata con note ed inediti documenti.* 4 Vols. Firenze, 1858–1864
14. Canale M.G. *Commentari storici della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai di nostri.* 3 Vols. Genova, 1855.
15. Cazacu M., Kevonian K. *Les Ottomans en Crimée. La chute de Caffa en 1475 à la lumière de nouveaux documents // Cahiers du monde russe et soviétique.* № XVII/4. Paris, 1976. P. 495–538.
16. *Continuazione della Cronaca di Jacopo da Varagine dal 1297 al 1332 / Promis V. (ed.) // Atti della Società ligure di storia patria.* T. X. Genova, 1874. P. 493–512.
17. *Croniche storiche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani a miglior lezione ridotte coll'aiuto dei testi a penna.* 7 Vols. / Gherardi Dragomanni F., Moutier I. (eds.). Milano, 1848.
18. Desimoni C. *Trattato dei Genovesi col khan dei Tartari 1380–1381, scritto in lingua volgare // Archivio Storico Italiano. Nuova serie.* № 20. Firenze, 1887. P. 161–165.
19. Doumerc B. *Les Vénitiens à La Tana (Azov) au XVe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique.* № XXVIII/1. Paris, 1987. P. 5–19.
20. Giustiniani A. *Annali della Repubblica di Genova / a cura di Lomellini Sorba.* Genova, 1537. 592 p.
21. Gottfried R.S. *The Black Death. Natural and Human Disaster in Medieval Europe.* New York, London, 1983. xvii + 203 p.
22. Herlihy D. *The Black Death and the Transformation of the West.* Cambridge, Mass., 1997. 117 p.
23. Heyd W. von. *Histoire du commerce du Levant au Moyen-Âge.* 2 Vols. Amsterdam, 1967.
24. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV.* 3 Vols. / Schopen L. (ed.). Bonnae, 1828–1832.
25. Iorga N. *Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XVe siècle // Revue de l'Orient latin.* T. 4. Paris, 1896. P. 25–118, 226–320, 503–622.
26. Karpov S.P. *Venezia e Genova: rivalità e collaborazione a Trebisonda e Tana, secoli XIII–XV // Genova, Venezia, il Levante nei secoli XII–XIV: atti del convegno internazionale di studi, Genova-Venezia, 10–14 marzo 2000 / Ortalli G., Punuch, D. (eds.).* Genova, 2001. P. 257–272.
27. Kedar B.Z. *Segurano Sakran Salvaygo: un mercante genovese al servizio dei sultani mamelucchi, c. 1303–1322 // Fatti e idee di storia economica nei secoli XII–XX. Studi dedicati a Franco Borlandi.* Bologna, 1976. P. 75–91.
28. Lane F.C. *Venise, une république maritime.* Paris, 1985. 660 p.
29. *Liber iurium reipublicae Genuensis / Albert C. (ed.) // Monumenta historiae patriae* T. 7. Torino, 1857.
30. Lisciandrelli P. *Trattati e negoziazioni politiche della Repubblica di Genova (958–1797): registi // Atti della Società ligure di storia patria. Nuova serie.* № 1. Genova, 1960. xvi + 242 p.
31. Lopez R.S. *Storia delle colonie genovesi nel Mediterraneo.* Genova, 1996. xxxvi + 366 p.
32. Lopez R.S. *Su e giù per la storia di Genova.* Genova, 1975. 388 p.
33. Lunardi G. *Le monete delle colonie genovesi // Atti della Società ligure di storia patria. Nuova serie.* № 30. Genova, 1980. P. 31–125.
34. Martin J. *Medieval Russia: 980–1584.* Cambridge, New York, 1995. xxvi + 450 p.
35. *Nicephori Gregorae Byzantina historia.* 3 Vols. / L. Schopen (ed.). Bonnae, 1829–1855.
36. Nystazopoulou M.G. *Hē en tē Taurikē Chersonēsō polis Sougdaia (Dēmosieumata tou Archaiologikou deltiou, ar. 7).* Athenai, 1965. xii + 188 p.
37. Obolensky D. *The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453.* London, 1974. 552 p.
38. Oderico G.L. *Lettere ligustiche ossia osservazioni critiche sullo stato geografico della Liguria fino ai tempi di Ottone il Grande con le memorie storiche di Caffa, ed altri luoghi della*

Crimea posseduti un tempo da Genovesi, e spiegazione de monumenti Liguri quivi esistenti. Bassano, 1792. xxii + 214 p.

39. Papacostea S., Ciociltan V. Marea Neagra. Raspântie a drumurilor intercontinentale: 1204–1253. Constanta, 2007. 360 p.

40. Papacostea S. «Quod non iretur ad Tanam». Un aspect fundamental de la politique génoise dans la mer Noire au XIVe siècle // Revue des études sud-est européennes. № 17/2. București, 1979. P. 201–217.

41. Pegolotti, Francesco Balducci. La Pratica della Mercatura / Evans A. (ed.). Cambridge, Mass., 1936. liv + 443 p.

42. Roux J-P. Histoire de l'Empire Mongol. Paris, 1993. 597 p.

43. Sacy S. de. Pièces diplomatiques tirées des Archives de la République de Gênes // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi. T. XI. Paris, 1827. vi + 333 + 395 p.

44. Skrzinskaja E. Storia della Tana // Studi veneziani. № 10. Venezia, 1969. P. 3–40.

45. Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée // Atti della Società ligure di storia patria. T. LVI. Genova, 1874. P. 33–46.

46. Spuler B. Die Goldene Horde: die Mongolen in Russland 1223–1502. Wiesbaden, 1965. xviii + 638 s.

47. Starokadomskaja M.K. Linee di storia economica di Caffa genovese tra la fine del secolo XIII e la prima metà del XV // Storici sovietici del Levante genovese, Saggi e Documenti. T. V / Prefumo A. (ed.). Genova, 1985. P. 121–146

48. Stella G. Annales Genuenses / Petti Balbi G. (ed.). Bologna, 1975. xxxiii+ 447 p.

49. Tafel G.L., Thomas G.M. Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante vom neunten bis zum Ausgang des fünfzehnten Jahrhunderts. 3 Vols. Wien, 1856–1857.

50. Tangheroni M. Commercio e navigazione nel Medioevo. Roma, 1996. xii + 499 p.

51. Thiriet F. Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Roumanie. 3 Vols. Paris, La Haye, 1958–1961.

52. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936. x + 292 p.

§ 5. Международная и внутренняя торговля*

Леонард Недашковский

В золотоордынский период наблюдается подъем торговых связей Поволжья. Волжский торговый путь был важнейшим в Золотой Орде и в связях Древней Руси с Востоком. Золотоордынские ханы и аристократы покровительствовали торговле, приносившей им большие доходы. Существовали купеческие объединения, организовавшие крупную караванную торговлю. Золотоордынскую державу отличал высокий уровень развития монетного обращения, в том числе мелкого розничного торгова.

Уже в начале XIV в. существовали торговые связи с Индией, что подтверждается сведениями о товарах (мечах, льне и льняном полотне), привозившихся из Руси в Индию, в трудах авторов первой половины XIV в. – Амира Хусрау и ал-Омари [18, с. 17; 30, с. 59]. В торговых связях с Индией огромное значение имел вывоз лошадей из кипчакских степей в индийские земли [50, с. 286–287]. В Индию ввозились из Золотой Орды шкурки соболей и горностаев, в большинстве своем покупавшиеся болгарскими купцами у народов Севера или поступавшие с территории Руси. В бассейне Волги известен ряд находок золотых монет делийских султанов [59, с. 62]. Именно в Поволжье было найдено большинство индийских монет, известных с территории Золотой Орды. Помимо золотых монет из Индии привозили необработанную слоновую кость, встре-

* См. рис. 2–5 к статье на цветной вклейке.

ченную в материалах Селитренного городища; с берегов Индийского океана – раковины каури и кораллы; на Царевском городище была найдена ажурная костяная пластина с изображением слона и обезьяны, вероятно, индийского происхождения [58, с. 215].

В Поволжье привозились из Хорезма талькохлоритовые сосуды (преимущественно котлы) и сероглиняная керамика, достигавшие на западе даже Днестра и Азака; в Хорезме и на Устюрте, в свою очередь, встречается посуда из Поволжья [6, с. 13–14, табл. 2, 17; 20, с. 62–65; 44; 45, с. 54–56, 80, 82, рис. 4, 15,4; 58, с. 210–213, 221, табл. 105–106]. Хорезмийские монеты присутствовали в денежном обращении поволжских городов Золотой Орды, шелка из Хорезма также доставлялись в Поволжье и далее на Запад.

Известны находки в Монголии, в окрестностях Каракорума, золотоордынских серебряных монет нижеволжской чеканки [5, с. 140, 147, рис. 6, 16].

Из Китая в Поволжье поступали шелковые и парчовые ткани, фарфор (встреченный в частности в материалах Булгарского и Царевского городищ), а также китайские бронзовые зеркала, изделия из нефрита. На Селитренном городище известны находки фрагментов китайского фарфора и даже корейского селадона XIV в. [40, с. 108–109; 42; 43; 45, с. 49, 51, 75–79, рис. 11–14, ил. IX; 58, с. 218–219; 60, с. 204].

Из Поволжья вывозили в Причерноморье и далее вплоть до Средиземноморья и Италии рыбу осетровых пород [16, с. 122; 63, с. 380], икру, меха, соль. В Азак, Крым, Северное Причерноморье, на Балканы поступала поволжская кашинная, красноглиняная поливная, неполиванная и штампованная керамика [6, с. 13–14, табл. 2, 18–19; 58, с. 210]. Венецианские и генуэзские купцы торговали во второй половине XIII–XIV в. в Нижнем Поволжье и далее на восток вплоть до Индии и Китая [16, с. 95–96; 19, с. 220, 222, 224; 58, с. 205–206, 213].

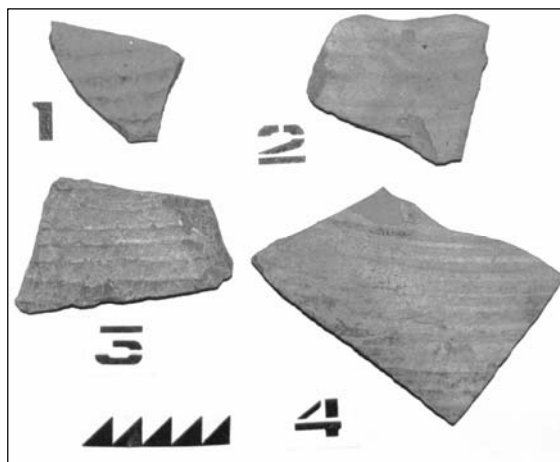

Рис. 1. Фрагменты трапезундских амфор с Хмелевского I селища (раскопки Л.Ф.Недашковского): раскоп I–2000, яма 4 (1), раскоп I–1999, ямы 3 (2) и 1 (3–4)

Рис. 6. Бронзовая крышка сосуда с серебряной инкрустацией с Увекского городища (Фотоархив Института истории материальной культуры РАН, № П 78488)

На памятниках Нижнего и Среднего Поволжья встречаются фрагменты трапезундских, трилийских, крымских, азакских амфор и амфоровидных кувшинов, свидетельствующие об импорте Золотой Ордой вина и масла, а также фрагменты предположительно критских пифосов, причерноморской поливной посуды [2, с. 54, 57–59, рис. 2, 1, 3, 2, 5; 9, с. 20, 22; 26, с. 62, 66, рис. 2, 4; 34, с. 98–99, 102–106, 120–121, рис. 27, 6, 28, 2–6, 9; 45, с. 59–67, 79, рис. 5, 2–4, 6, 6, 1, 7, ил. V, 4–5, VI; 58, с. 208; 62, с. 56, 59–

60, 69–73, 233–234, 238–239, 244, 249–250, fig. 68–69, 74, 75, 6, 81, 2–6, 9, 86, 88]. Привозились в Поволжье западноевропейские сукна и льняные ткани. С Увекского городища происходит западноевропейская костяная статуэтка в виде лежащего льва, а с Водянского городища – бронзовая рамка или ручка сосуда средиземноморского происхождения. Через территорию Поволжья из Западной Европы попали в Сибирь бронзовые водолеи XIII–XV вв., а в Казахстан – бронзовая статуэтка рыцаря французской работы [58, с. 207]. Венецианский дукат XIV в. был найден в районе Астрахани [59, с. 62], а в Болгарах в 1863 г. был найден золотой флорин 1329 г. [48, с. 87–89]. В Каратунском кладе встречены трапезундская монета и пражский грош [59, с. 96–97, № 152г]. На Водянском городище найдена медная монета [29, с. 59–60, рис. 1, 13] трапезундского императора Михаила III (1341–1349).

Связи золотоордынского Поволжья с Византией подтверждает находка на Булгарском городище медной монеты императоров Андроника II и Михаила IX Палеологов (1295–1320 гг.), а на поселении Самосделка в Астраханской области – императора Андроника II (1282–1332 гг.) [13, с. 240; 57, с. 179, 202].

С Ближнего Востока в Среднее и Нижнее Поволжье привозились прозрачные стеклянные лампы с росписью эмалью разных цветов и другие стеклянные сосуды, а также некоторые виды кашинной керамики; возможно, из Египта происходит мраморный подсвечник с арабскими надписями, найденный на Царевском городище [3, с. 85, 90; 4, с. 53–54, рис. 2, табл. VIII; 26, с. 59–60, 67–68, рис. 1, 1, 4, 4; 39, с. 207–211, рис. 91–95; 45, с. 45–47, рис. 2, 1, 3–4, ил. IV, 5–7; 58, с. 209–210; 61, с. 168, табл. VII, 1–4]. Медная монета египетского султана из династии Мамлюков ал-Муизз Изз ад-Дин Айбека (1250–1257) обнаружена в Джукетау [28, с. 43, 45, рис. 4, 44]. В одном из погребений у поселка Комсомольский Красноярского района Астраханской области был найден каирский динар [37, с. 75–76; 58, с. 35; 59, с. 62] мамлюкского султана Египта ал-Мелик аз-Захир Рукн-ад-Дин Бейбарса I ал-Бундукдари (1260–1277). С Селитренного городища известна находка дамасского динара династии Мамлюков 771 г.х. [29, с. 57, 59–61, рис. 1, 2]. С Ближнего и Среднего Востока в Среднее и Нижнее Поволжье поступали художественные латунные сосуды с серебряной и золотой инкрустацией, а также дорогие шелковые и парчовые ткани.

Рис. 7. Фрагмент сосуда типа минаи (слева сверху) и фрагменты люстровой керамики с Увекского городища (Национальный музей Республики Татарстан (НМ РТ), № 5365–56)

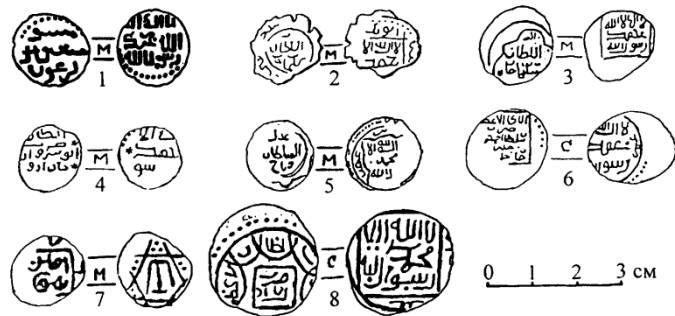

Рис. 8. Монеты южных соседей Золотой Орды из собрания Саратовского областного музея краеведения

Хулагуиды: 1 - фельс Аргуна (1284–1291 гг.), 2–3 – фельсы Сулеймана (1340–1345 гг.), 4 – фельс Ануширвана (1344–1355 гг.). Джелаириды: 5 – фельс второй половины XIV в. (Музаффариды?), 6 – двойной дирхем Ахмеда (1382–1410 гг.) чеканки Халеба. Тимуриды: 7 – фельс Тимура (1370–1405 гг.), 8 – теньга Шахруха (1405–1447 гг.) чеканки Астрабада 820-х гг.х. 1–5, 7 – медь, 6, 8 – серебро. 1 – Хмелевское I селище, 2–4, 6–8 – место находки неизвестно, 5 – Водянское городище [64, рис. 20]

О торговле с Ираном свидетельствуют находки на Булгарском городище иранской кашинной посуды, а в Нижнем Поволжье – фрагментов иранской керамики типа «минаи» и сосудов с люстровой росписью; из Закавказья в Поволжье поступала красноглиняная поливная керамика [8; 26, с. 67–68, рис. 4, 3; 45, с. 58–60, 70–74, рис. 5, 1, 5, 9–10, ил. V, 1–2, VIII; 58, с. 214–216, табл. 107, 3–4]. Привозились из Ирана шелковые и парчовые, а также, вероятно, и хлопчатобумажные ткани.

Монеты Хулагуидов, Джелаиридов, Чагатаидов и Тимуридов известны как с памятников Среднего и Нижнего Поволжья, так и в составе кладов из этих регионов. В основном монеты Хулагуидов, Джелаиридов и Тимуридов встречаются в крупных кладах, которые можно связать с купеческим капиталом [35].

В Закавказье, в свою очередь, известны находки как серебряных, так и медных монет джучидских ханов от Узбека до Кильдибека поволжской чеканки [55, с. 212, №/№ 590–593]. Серебряные монеты золотоордынской чеканки встречаются и в составе закавказских кладов [54, с. 166, №/№ 181–183; 59, с. 103, 111, №/№ 180а, 2576].

Торговля Северо-Восточной Руси с Востоком шла именно по Волжскому пути. Ибн абд-аз-Захир писал о Волге в связи с приездом послов мамлюкского султана к хану Берке в Нижнее Поволжье в 1263 г.: «по ней (ходят) суда русских» [50, с. 63]. На Русь поступали из Золотой Орды хорезмские каменные котлы, перстни из стекла, стеклянные и кашинные бусы, неполированная, поливная и штампованная золотоордынская керамика, встреченная при раскопках многих русских городов вплоть до Новгорода и Белозера [12, с. 168, 186–188, рис. 61, 1–3, 66, 3, 5–6, 13; 15, с. 127; 21, с. 170–171, рис. 1, 1; 23, с. 153–166, рис. 1, 4–5, 12–13, 2, 1–8; 24, с. 107–113, 115–120, рис. 2, 5–10, 5, 4–5; 25, с. 99, 104–107, рис. 2, 1; 26, с. 61, 63; 27, с. 100–101, 103–105, рис. 38–39, 40, 1–2, 6; 31, с. 271–274, 276–286; 32; 33, с. 324–326, рис. 146; 38, с. 48; 41, с. 106–107; 46, с. 50–51; 47, с. 88; 58, с. 220]. Через Среднее и Нижнее Поволжье привозились на Русь сердолик, горный хрусталь, лазурит [46, с. 52; 47, с. 242–244; 58, с. 221], иранская, сирийская, среднеазиатская и закавказская поливная керамика [22, с. 236–239, рис. 1, 1–2, 4–5, 7, 10; 23, с. 156–157, рис. 1, 6–11; 24, с. 107–109, 111, рис. 2, 1–2, 4; 26, с. 59–60; 27, с. 100–101, рис. 40, 3], китайские селадоны [23, с. 158–159, рис. 2, 9; 25, с. 101–102, рис. 3, 9; 27, с. 101–102, рис. 41; 42, с. 157, 163; 58, с. 220], ближневосточная стеклянная посуда [3, с. 85; 27, с. 98–99, рис. 37, 2–3; 49, с. 104–105, рис. 8, 1]. В новгородской берестяной грамоте рубежа XIV–XV вв. названа среднеазиатская хлопчатобумажная ткань «зендень» [1, с. 281]. Встречаются клады золотоордынских монет в московских и

нижегородских землях [11, с. 63; 17; 27, с. 106, 156, 160–161, 179, 210–213, рис. 52, 3, 53–54; 54, с. 150, 185, №/№ 108а, 312; 59, с. 47, 88–89, 106–107, 113, №/№ 95d, 97b, 208b, 214b, 217а, 312а–312b]. Отмечены единичные находки джучидских дирхемов и пулов на территории Московского, Тверского, Суздальско-Нижегородского княжеств [10; 11, с. 64–65; 27, с. 160–161, 210–213; 55, с. 203–204, №/№ 479–480, 488–493]. Из Русских земель в Среднее и Нижнее Поволжье поступали стеклянные браслеты, янтарь. Русские денги часто присутствуют в качестве примеси (от 0,1% до 13,4%) в составе золотоордынских кладов Поволжья; судя по размерам кладов, содержащих в своем составе русские монеты, данные комплексы, вероятно, являются сбережениями купцов, ведших торговые операции на Руси [7; 27, с. 157–159, 184–185, 189–192; 53, с. 76; 54, с. 114–115, 122–123, 157, 169–170, №/№ 141, 198, 200–201, 202а–202б; 55, с. 218, № 201а; 56, с. 180, №/№ 202в–202г; 59, с. 56, 95–99, 105, №/№ 151а, 152г–152д, 202е]. На Селитренном городище найден клад из более 3 тысяч серебряных монет, включавший, помимо древнерусских денег, лишь 5 золотоордынских дирхемов XV в. [51; 52, с. 118]. Встречаются русские монеты и на поселениях Среднего и Нижнего Поволжья [14, с. 95; 29, с. 58–60, рис. 1, 8; 34, с. 106; 53, с. 76–77]; на Рождественском V селище в 2005 г., помимо опубликованных экземпляров, была найдена анонимная денга чеканки Суздаля 1427–1429 гг.

Большой удар по поволжской торговле нанесла междоусобица 60-х – 70-х гг. XIV в. В конце XIV в. важнейшие золотоордынские города приходят в упадок или прекращают существование в результате походов на Золотую Орду Тимура. Основные торговые пути между Востоком и Западом сместились в южном направлении и перестали проходить по территории Улуса Джучи.

Но торговля в Сарае даже в XV в. приносила немалые доходы иноземным купцам. Сохранился отчет ширазского купца Шамс ад-Дина Мухаммеда, продавшего в Сарае в 1438 г. свои товары и закупившего там китайские шелк-сырец, шелковую камку, атлас, европейское сукно и русское полотно [18].

Таким образом, в золотоордынский период наблюдается всплеск развития торговых связей Поволжья. География контактов необычайно широка – Русь, Западная и Центральная Европа, Причерноморье, Средиземноморье, Ближний и Средний Восток, Средняя и Центральная Азия, Индия, Китай, Корея.

В основе внутренней торговли поволжских областей джучидского государства лежали тесные связи крупных городов с малыми городами и сельскими поселениями их округи, торговые связи с другими регионами Золотой Орды, а также контакты оседлого и кочевого населения, обменивавшегося продукцией ремесла и земледелия, с одной стороны, и скотоводства – с другой. Внутренняя торговля была основана на высокоразвитом денежном обращении, отвечающем потребностям и крупной торговли, и мелкого розничного торгова.

В обмен на продукцию земледелия и промыслов, доставляемую в города из сельских поселений, городские центры поставляли в село продукцию высокотехнологичных ремесел (поливную керамику, стеклянные изделия, чугун, многие виды изделий из цветных металлов), существование которых на мелких городских и сельских поселениях не зафиксировано. Примитивные формы обработки цветных металлов, несомненно, существовали и в малых городах, и на селе, это можно подтвердить находками всплесков и обрезков металла на селищах Багаевское, Колотов Буерак, Советское и Хмелевское I в округе Увекского городища, а также на Водянском городище, где зафиксированы и литейные формы (это единственный случай их находки за пределами крупнейшего городища). Поступала из городов в сельскую местность и обычная золотоордынская неполивная гончарная керамика. Основную часть кузнечных изделий с сельских памятников мы также должны признать продукцией городского ремесла.

Именно через города, как крупные центры международной торговли (с памятников городского характера происходят все отдельные находки иностранных монет на Нижней Волге, основная часть импортов и изделий, привезенных из других регионов), в село поступали импортные товары: вино в амфорах, парчовые и шелковые ткани, иногда даже люстровая керамика и стеклянные сосуды с полихромной росписью. Находки фрагментов трапезундских амфор известны с селищ Багаевское (там же найдены фрагменты трилийских амфор), Колотов Буерак, Хмелевское I, Широкий Буерак в округе Укека. Фрагменты люстрового и расписного стеклянного сосудов встречены при наших раскопках Багаевского селища.

Целый ряд ремесел (гончарство, стеклоделие, производство чугуна, развитые формы обработки цветных металлов) не могли существовать в условиях кочевого быта, следовательно, всю их продукцию в погребальных памятниках кочевников следует считать привозной, поступавшей из поселений Нижнего Поволжья. Получая скот и молочные продукты от кочевников, города поставляли им ремесленные изделия. К кочевникам поступали и импортные изделия, в частности, вино в амфорах, парча и шелк.

Экономические связи осуществлялись не только путем прямого обмена продовольствия и сырья на ремесленные изделия, но в большей степени посредством товарно-денежных отношений; это подтверждают многочисленные находки как серебряных, так и разменных медных золотоордынских монет на многих сельских памятниках и в курганах кочевников.

Рассмотренные материалы позволяют понять специфику экономического взаимодействия золотоордынского города с его округой, основанного на обмене продукцией ремесла, земледелия, скотоводства, промыслов и товарами, получаемыми путем дальней международной торговли.

Сельская округа золотоордынских городов Нижнего Поволжья обладала развитым сельским хозяйством и промыслами, способными частично обеспечивать города продуктами питания и ремесленным сырьем. Село снабжалось через города ремесленной продукцией (поливной и неполивной керамикой, стеклянными и чугунными изделиями, предметами из черного и цветного металла) и дорогими привозными товарами (вино, парча, шелк).

Кочевники в обмен на продукцию скотоводства получали большой ассортимент ремесленных изделий, многие из которых (сосуды, костяные орнаментированные обкладки колчанов, некоторые виды зеркал) в городах производились специально, с учетом художественных вкусов и традиций номадов [36, с. 59–60]. Поступали к кочевникам и импорты, достигавшие также сельских поселений.

Представляется, что золотоордынские города Нижнего Поволжья были тесно связаны внутренними торговыми контактами (основанными на товарно-денежных отношениях) с оседлой и кочевой округой.

1. Арциховский А.В. Одежда // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Часть 1. Материальная культура. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 277–296.

2. Булатов Н.М. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах // Вестник МГУ, сер. история. 1969. № 2. С. 46–59.

3. Бусятская Н.Н. Художественное стекло стран Ближнего Востока на территории Восточной Европы (X–XIV вв.) // Вестник МГУ, сер. IX история. 1972. № 2. С. 83–90.

4. Бусятская Н.Н. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука, 1976. С. 38–72.

5. Войтов В.Е. Могильники Каракорума (по материалам работ 1976–1981 гг.) // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. С. 132–149.

6. Волков И.В. Керамика Азова XIV–XVIII вв. (Классификация и датировка): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 24 с.
7. Волков И.В. Русские монеты в кладах Поволжья последней четверти XIV – первой четверти XV в. // Восьмая всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 17–21 апреля 2000 г. Тез. докл. и сообщений. М.: Тип. ООО «Полтекс», 2000. С. 80–82.
8. Волков И.В. Ширванский керамический импорт в золотоордынских городах // Средняя Азия: Археология, история, культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В.Шишкиной. Государственный музей Востока, 14–16 декабря 2000 г. М.: Гос. музей Востока, 2000. С. 45–50.
9. Волков И.В. Золотая Орда и христианский мир (археологические свидетельства исторических явлений) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 4. С.15–25.
10. Волков И.В. Комплекс средневековых монет с поселения у д. Городищи-Юшково Московской области // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11–15 апреля 2005 г. Тез. докл. и сообщений. М.: Альфа-Принт, 2005. С. 108–109.
11. Волков И.В. Об обращении джучидского дирхема в московских землях во второй половине XIV – начале XV вв. // Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Саратов 2001, Муром 2003. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 62–67.
12. Голубева Л.А. Вель и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.: Изд-во «Наука», 1973. 212 с.
13. Гончаров Е.Ю. Анализ монетного материала с двух золотоордынских городищ // Древности. Вып. 36. Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе. М.-Казань: Gumanitayra, 2003. С. 239–242.
14. Гончаров Е.Ю., Тростьянский О.В. Монетный комплекс XV в. из села Рождествено // Двенадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 19–24 апреля 2004 г. Тез. докл. и сообщений. М.: ООО «Тиссо-Полиграф», 2004. С. 94–95.
15. Дубынин А.Ф. Археологические исследования в Зарядье (Москва) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 65. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 119–130.
16. Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: На материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень: МИ «Рутра», 1995. 226 с.
17. Зайцев В.В., Колызин А.М. Два клада золотоордынских монет // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11–15 апреля 2005 г. Тез. докл. и сообщений. М.: Альфа-Принт, 2005. С. 53–54.
18. Заходер Б.Н. Ширазский купец на Поволжье в 1438 г. (К вопросу о русских экономических связях с Сибирью, Средней Азией и Передним Востоком) // Краткие сообщения Института востоковедения. XIV. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 14–19.
19. Карпов С.П. От Таны – в Ургенч: эти трудные дороги средневековья // Средние века. Вып. 61. М.: Наука, 2000. С. 217–224.
20. Кдырниязов М.Ш. Торговые связи средневековых городов Хорезма (XIII–XIV вв.) // Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР. № 3(73). Нукус: Нукусский полиграфкомбинат им. 50-летия «Правды», 1978. С. 60–65.
21. Коваль В.Ю. Люстровая керамика Ближнего и Среднего Востока из раскопок в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород: АО Типография «Новгород», 1995. Вып. 9. С. 169–181.
22. Коваль В.Ю. Иранская люстровая керамика в средневековой Руси // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь, 1996. С. 235–240.
23. Коваль В.Ю. Восточная керамика золотоордынской эпохи в средневековом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11. Новгород: АО Типография «Новгород», 1997. С. 153–166.
24. Коваль В.Ю. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации). Часть I. Фаянсы и полуфаянсы // Российская археология. 1997. № 2. С. 104–122.

25. Коваль В.Ю. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации). Часть II. Полумайолика, фарфор, неполивная посудная, техническая, декоративная и архитектурная керамика // Российская археология. 1997. № 3. С. 94–113.
26. Коваль В.Ю. Глазурованная керамика из окрестностей Увека // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 215. М.: Наука, 2003. С. 58–69.
27. Колызин А.М. Торговля древней Москвы (XII – середина XV в.). М.: ООО «Информполиграф», 2001. 278 с.
28. Лебедев В.П., Бугарчев А.И., Гумаюнов С.В. Монетное обращение Джукетау по нумизматическим данным // Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Болгар 2005, Волгоград 2006. М.: Нумизматическая Литература, 2008. С. 39–49.
29. Лебедев В.П., Клоков В.Б. Иноземные монеты XII–XV вв. на золотоордынских городищах Поволжья // Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Саратов 2001, Муром 2003. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 57–61.
30. Лимонов Ю.А. Из истории восточной торговли Владимиро-Суздальского княжества // Международные связи России до XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 55–63.
31. Медведев А.Ф. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде // Материалы и исследования по археологии СССР. № 117. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 269–286.
32. Монгайт А.Л. Золотоордынская чаша из Новгорода Великого // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. XIX. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 70–73.
33. Монгайт А.Л. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с.
34. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 224 с.
35. Недашковский Л.Ф. Монеты южных соседей Золотой Орды в собрании Саратовского областного музея краеведения // Россия и Иран: Иранистика в Татарстане. М.: ПАЛЕЯ-Мишин, 2001. С. 156–162.
36. Недашковский Л.Ф. Структура и внутренние связи округа золотоордынских городов Нижнего Поволжья // Российская археология. 2014. № 2. С. 48–61.
37. Павленко Ю.А. К вопросу о распространении суфизма в Нижнем Поволжье // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2001. С. 74–76.
38. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 133 с.
39. Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С. 151–219.
40. Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: Эвтектика, 1991. 112 с.
41. Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.
42. Полубояринова М.Д. Китайский селадон из Болгара // Российская археология. 2003. № 2. С. 155–164.
43. Полубояринова М.Д. Китайский фарфор с Болгарского городища // Российская археология. 2003. № 3. С. 136–144.
44. Полубояринова М.Д. Каменные котлы из Болгара // Восточная Европа в средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М.: Наука, 2004. С. 316–323.
45. Полубояринова М.Д. Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля. М.: Наука, 2008. С. 27–107.
46. Рыбина Е.А. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 167 с.
47. Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки. Великий Новгород: Издательско-полиграфический центр Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого, 2001. 390 с.

48. Сингатуллина А.З. О некоторых золотых монетах из собрания Национального музея, найденных на территории Республики Татарстан // Средневековая археология Поволжья: материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 4. Йошкар-Ола: ООП Мар. гос. ун-та, 2009. С. 78–97.
49. Столярова Е.К. Происхождение и хронология стеклянных изделий Москвы XII–XIV вв. // Российская археология. 1997. № 4. С. 93–106.
50. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип. имп. АН, 1884. 564 с.
51. Тростянский О.В. Клад суздальско-нижегородских монет XV века с Селитренного городища // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М.-Нижний Новгород: Нумизматическая литература, 2004. С. 237–268.
52. Тростянский О.В. Монеты нижегородского князя Ивана Васильевича // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11–15 апреля 2005 г. Тез. докл. и сообщений. М.: Альфа-Принт, 2005. С. 117–120.
53. Тростянский О.В. «Военные деньги» князя Юрия Дмитриевича // Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Болгар 2005, Волгоград 2006. М.: Нумизматическая Литература, 2008. С. 76–78.
54. Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. 1960. Т. I. С. 94–192.
55. Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. 1963. Т. IV. С. 165–221.
56. Федоров-Давыдов Г.А. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974. С. 176–182.
57. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М., 1987. С. 158–204.
58. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.: Изд-во МГУ, 2001. 256 с.
59. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: ПАЛЕОГРАФ, 2003. 352 с.
60. Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.: Наука, 1989. С.133–248.
61. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в средние века. М.: Наука, 1970. С. 68–171.
62. Nedashkovsky L.F. Ukek: The Golden Horde city and its periphery / BAR. International Series, 1222. Oxford: Archaeopress, 2004. 253 p.
63. Pegolotti F.B. La pratica della mercatura / Edited by A.Evans. Cambridge, Massachusetts: The Medieval Academy of America, 1936. 443 p.
64. Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2010. 351 с.

§ 6. Деньги и денежная политика Джучидов в XIII–XV вв.

Павел Петров

В средние века изготовление монет организовывалось в тех населенных пунктах, в которых интенсивно развивалась торговля и возникала потребность в средствах платежа и обращения. То есть возникновение монетной чеканки было экономически обусловлено. Активно проводимая властями денежная политика всегда направлена на развития внешней и внутренней торговли в государстве с целью получения максимальной

прибыли в пользу казны. То есть конечная цель носит фискальный характер. Денежная политика не всегда бывала успешной, то есть не всегда достигала поставленных целей. Известно, что объем собираемых налогов с населения никогда не определяется уровнем развития производства, а «Рост податей и пошлин зависел во многих случаях не от подъема производства, а от потребностей внешней политики, увеличения расходов на военные нужды и т.д.» [11, с. 3]. Но поступления в казну не ограничиваются только лишь налогами с населения. Существенную долю среди них играют налоги с торговли, с транзита по территории государства, с многочисленных водных переправ и т.д. Поэтому способствование активизации межрегиональной и международной торговли, ее развитию было в интересах власти. Наименьшую активность властей в формировании денежной политики в государствах средневековья можно наблюдать в периоды экономического кризиса и обострявшейся междоусобной борьбы. Следует иметь в виду, что даже отсутствие видимого воздействия властей на денежное обращение на рынках государства также является денежной политикой – пассивной денежной политикой.

Сейчас хорошо известно, что кроме чеканной монеты и в Европе, и на территории Восточной Европы, в Средней Азии и даже в Китае в качестве денег использовались слитки из драгоценных металлов. Если в Китае использование слитков носило крайне ограниченный характер – в основном для отправки налоговых поступлений из провинций в казну, то на территориях западнее Китая слитки являлись полноценными деньгами, активно использовались и выполняли все функции денег. Это важный момент для оценки характера товарно-денежных отношений в улусе Джучидов, т.е. и тогда, когда улус находился в составе Великой Монгольской империи, и когда выделился из состава империи и оформился в самостоятельное государство.

Монетных дворов в средневековых государствах востока было много, и причина тому – свободная чеканка монеты. Обладая достаточным количеством слиткового серебра или лома серебряных изделий, любой нуждающийся в чеканной монете мог на монетном дворе заказать монету, причем, тех номиналов, которые были ему необходимы и которые мог (имел право) производить монетный двор.

Ввиду различного характера и степени экономического развития тех или иных регионов власти дифференцированно подходили к вопросу о денежной политике в каждом из них. Особенно такая тактика характерна для периода становления и развития регионов и самого государства, а также на заключительном этапе – этапе развала государства и экономики страны. Денежная политика – многогранный термин. Он определяет не только принципы организации монетного дела и особенности монетного обращения в государстве, систему номиналов, качество монетного металла (для монет из драгметаллов), их весовую норму и размер, но и степень переоценки стоимости конкретного количества драгоценного металла при превращении его в монету. Речь идет и о стоимости, которую необходимо заплатить за изготовление самой монеты и о размере налога на изготовление монеты в пользу эмитента. Денежная политика основана на праве *сикка*, то есть на суверенном праве хана чеканить монету и взимать налог за ее изготовление, а также указывать на монетах свое имя или иной дифферент, персонализирующий эмитента – знак собственности – тамгу. Реализуется денежная политика через денежные реформы, законодательные акты, распоряжения администрации, обращенные как к монетным дворам, так и фискальным органам, и населению. Поскольку письменных документальных источников джучидской эпохи до наших дней не дошло, то все представления о денежной политике формируются на основании результатов исследований памятников нумизматики того времени, изучения топографии находок нумизматических объектов на памятниках археологии. Монеты – как следствие, как результат денежной политики – очень информативный, комплексный исторический источник, «говорящий» на своем особом языке [18; 19]. Однако это в определенном

смысле вторичный источник (для решения многих вопросов кроме самих монет необходимы документы – распоряжения монетным дворам, указы властей и пр.), что накладывает некоторые ограничения на исследователя в плане степени конкретизации выводов по результатам изучения. Тем не менее, наблюдение за динамикой денежного обращения и монетного дела в разных регионах джучидского государства на протяжении XIII–XV вв. позволяет составить вполне объективное представление об изменениях денежной политики в государстве, о причинах и целях этих изменений.

Изменения в монетном деле и денежном обращении региона, установленные законодательно, называются реформированием. Реформами следует называть более глобальные изменения в монетном деле и денежном обращении всего государства. Общегосударственная реформа – это изменения стандартов и номенклатуры выпускаемой чеканной продукции (система номиналов) всеми монетными дворами государства. При этом общегосударственная реформа может быть двух типов: 1. с тотальным изъятием всех монет, выпускавшихся ранее и имевших обращение на рынках государства; 2. без изъятия предыдущих выпусков. Через реформирование локального масштаба и общегосударственные реформы власть может влиять на качество и характер денежного обращения и в отдельных регионах страны, и во всем государстве. Но путей воздействия на денежный рынок в условиях обращения полноценной монеты у власти немного, по сути это:

- разрешительно-запретительное законодательство;
- степень переоценки чеканной монеты из драгоценных металлов;
- фискальная политика в части установления денежных средств, которыми принимается платеж налогов от населения.

Узаконивание денег, которыми принимаются налоги, поддерживает статус этих средств платежа на рынке. Конечно, монеты из драгоценных металлов являются полноценными деньгами, покупательную способность которых определяет драгоценный металл (при условии умеренной переоценки металла в монете). Медные же монеты имеют принудительный характер обращения. Надо особо отметить, что медные монеты в уплату налогов не шли, и на монетных дворах, и у *сарафов* (менял) серебряные монеты на медные не обменивались. Медные монеты имели свою сферу обращения, то есть они не были разменной монетой для серебряных или золотых монет, и, обладая низкой покупательной способностью, использовались в розничной торговле для обеспечения сделок по самым дешевым группам товаров или служили довеском при торговле серебром. Основными средствами обращения на рынках Джучидского государства были серебряные монеты и слитки (джучидские сомы, русские гривны), а также в качестве денег использовалось ломаное ювелирное серебро [видимо, не дороже (а может и дешевле), чем по стоимости металла]. Попытки некоторых исследователей считать медные пулы разменной монетой для серебряных джучидских дирхамов глубоко ошибочны, поскольку не учитывают безусловного действия закона монетного обращения Коперника-Грешема. Согласно этому закону, все серебряные монеты должны бы были выпасть в клады, а обращение должно было бы обслуживаться только «плохой» монетой – пулами. Но этого не наблюдается, следовательно, сферы обращения медных и серебряных чеканных денег были разделены.

Особо необходимо отметить, что политический процесс смены статуса юрта и улуса Джучидов с административно-территориальной единицы в составе империи на независимое государство прекрасно прослеживается в монетном деле Джучидов.

Такое краткое введение призвано помочь избежать неоднозначного понимания читателем сути последующего изложения. Далее сделана попытка кратко охарактеризовать этапы денежной политики и монетного дела Джучидов в хронологической последовательности.

XIII век. XIII век может быть разделен на два этапа – первый этап: монетное дело и денежная политика в Улусе Джучи, входящем в состав Великой Монгольской империи; – второй этап: монетное дело и денежная политика в самостоятельном государстве – Золотая Орда.

Первый этап. Первый этап начинается с момента завоевания территорий и начала чеканки здесь собственных монет. Особенность чингизидских завоеваний заключается в том, что монголами были покорены колоссальные по размеру территории с различной степенью экономического развития, и их покорение происходило не одномоментно. Вторая особенность заключается в том, что сами монголы до эпохи завоевания не имели собственного монетного дела и монетного обращения. По традиции всех захватчиков средневековья на присоединенных территориях Чингизиды в случае начала чеканки выпускали монету внешне и по метрологическим параметрам привычную для местного населения, но с измененными легендами. Например: если в г. Мерве при хорезмшахе *Мухаммеде ибн Текеше* чеканились только медные посеребренные дирхамы и золотые динары, то и монголы выпустили такую же продукцию (Рис. 1.) [7]; если в г. Газне чеканили серебряные джиталя до Чингиз-хана, то и с его приходом этот выпуск сохранился (Рис. 2.) [31, № 1967].

Рис. 1. Медный посеребренный дирхам (штемпельная реконструкция). Мерв, 618 г.х., с титулом Чингиз-хан

Рис. 2. Серебро, джигал [Газна], без года, с титулом Чингиз-хан (аукцион St. Album апрель 2011, лот 811)

Причина такой монетной политики проста – местное население должно принять новую монету, поэтому она должна быть похожа на уже привычную. Читать монетные легенды, конечно, могли не все, поэтому завоеватели на первых порах сохраняли не только монетные металлы, из которых изготавливалась местная монета, но и размер, вес и часто сохраняли оформление монет. И лишь со временем, когда состав населения менялся (или его принудительно меняли), власть становилась более крепкой, торговые

обороты росли – проводилась денежная реформа, изменявшая как вид чеканившейся монеты, так и сам характер денежного обращения.

На территории Джучидского улуса в период его формирования оказались регионы как развитые в экономическом отношении с населением, привычным к монетному обращению (земля Булгар, Кавказ, Хорезм, Сырдарьинский регион, Крым, Европейские территории [Валахия, Болгария]), так и просторы Дешт-и Кипчака, где не чеканили и не использовали монеты в торговле. Надо отметить, что завоеванное монголами кочевое население было ранее знакомо с деньгами как таковыми. Видимо, и некоторые сделки между кочевниками осуществлялись также с использованием слиточного серебра и монет, захваченных в результате набегов и грабежей. Но это явно не было процессом повсеместным и регулярным. Монголы тоже были знакомы с китайской монетой, поскольку торговали с китайскими государствами, и тем не менее китайские деньги у монгол не выполняли всех функций денег. Поэтому найти следы регулярного монетного обращения у кочевников и оценить степень подготовленности этого населения к его развитию не удастся. В этих условиях, конечно, денежная политика в Улусе Джучи не могла проявляться в реализации каких-то единых правил для развития монетного дела и монетного обращения на всей подвластной территории. То есть ее суть заключалась в дифференцированном подходе к потребностям, возможностям и экономическому (в первую очередь торговому) потенциалу в каждом регионе. Изменить такой характер денежной политики, проводимой властями, мешали не только различия в уровне экономического развития разных регионов, но и значительная удаленность этих регионов друг от друга. Лишь в конце XIII века сформировались предпосылки для последующего постепенного отхода от столь жесткой модели территориально-дифференцированной денежной политики в государстве Джучидов. *В настоящее время можно однозначно утверждать, что ни один из регионов улуса Джучидов в XIII веке, где чеканилась монета, не может претендовать на роль поставщика монетной продукции для обеспечения всего улуса!* Такой задачи перед властями просто не стояло.

Одним из важных вопросов при освещении характера и особенностей монетного дела и монетного обращения в улусе Джучидов на первом этапе является вопрос о начале собственного монетного производства. К вопросу о начале чеканки монеты в Джучидском улусе обращались разные исследователи [28; 14; 12; 16, с. 121–149]. В работе «Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе» была предпринята первая попытка проанализировать имеющуюся в нашем распоряжении информацию о начале серебряной монетной чеканки в известных эмиссионных центрах в XIII в., поскольку установление хронологической границы начала чеканки монет может осуществляться только на основании рассмотрения и изучения начала функционирования каждого монетного двора в отдельности. В результате анализа был сделан вывод: «... четыре из пяти известных на сегодняшний день самых ранних эмиссионных центра Джучидского улуса [Сарай, Дженд, Хваризм, Крым и Булгар – Авт.] уверенно фиксируют начало своей производственной деятельности в правление Мунга-каана и Берке. Но при этом есть основания предполагать, что активность этих монетных дворов (кроме Крыма) могла быть инициирована раньше, еще в правление Бату. Однако надежных доказательств этому на настоящий момент нет» [16, с. 121–149]. В этой статье предполагалось, что «Со временем результаты, приведенные здесь, будут уточняться и корректироваться по мере обнаружения новых монет и эмиссионных центров». Недавно стала известна продукция еще одного Джучидского монетного двора на Сыр-Дарье – Барчин или Барчанлыг, или Барчанлыгкенд. Обнаружен золотой динар, датированный 64(1, 2 или 4)/124(3–5 или 6–7) годом, и серебряные дирхамы, один из которых датирован, видимо, 659/1261 годом [21, с. 80–81, №1 и 1А]. Таким образом, самые ранние датированные монетные выпуски в улусе Джучидов зафиксированы пока только в Присыр-

дарьинском регионе (640-е/1240-е гг.). Не будет удивительно, если в дальнейшем будут обнаружены джучидские монеты с еще более ранними датами. Поскольку вопрос начала чеканки в каждом из регионов расположения улуса Джучидов пока окончательно не решен, то он еще будет неоднократно подниматься в будущем.

В период вхождения улуса Джучидов в состав Великой монгольской империи денежная политика в улусе определялась не владельцами улуса, а ханской администрацией в Каракоруме. Это положение легко обнаруживается по тому запрету в монетном деле, который налагался на владельцев улуса – Джучидам было запрещено ставить собственную тамгу на монетах. Именно по этой причине серебряные дирхамы Дженда, Баркенда, Хорезма, Крыма не несли тамг Чингизидов – владельцев улуса. Единственная известная монета с тамгой Бату – это медный посеребренный дирхам Термеза 6[1/2?]8 г.х. (1221 или 1231 г.) с надчеканкой, содержащей одновременно и тамгу Угэдэя и тамгу Бату [23, с. 109–110]. Если проанализировать тамги на монетах Великой Монгольской империи до 665 г.х., то легко обнаружить, что их разрешалось ставить в основном представителям дома, глава которого был ханом империи. Крайне редко можно обнаружить на монетах, например, тамгу Чагатая (известна лишь одна монета прижизненного выпуска с его тамгой и тамгой Угэдэя [21, с. 88–89, №24]). При Менгу-каане никаких иных тамг на монетах кроме его тамги не встречено. В то же время существует большое количество монет разных монетных дворов империи, на которых тамги вообще отсутствуют. То есть запрет на использование знака собственности владельца улуса на монетах, битых в его владениях, распространялся не только на Джучидов. В этом просматривается определенная внутренняя денежная и соответственно экономическая политика верховной власти империи. Тамга указывает на эмитента, в отношении которого реализуется право *сикка* (кто эксплуатирует монетную регалию). Сейчас сложно сказать, в пользу кого собирался налог с монетного двора, выпускавшего анонимные монеты без тамг на них, и как он распределялся. Вопрос пока открыт.

Особо следует обратить внимание на монеты Булгара первой половины XIII века. Выпуск монет (медных и серебряных) с именем покойного багдадского халифа *ан-Насир ли-дин Аллаха* и без тамг сначала сменился чеканкой монет с именем Менгу-каана и его тамгой (медных и серебряных), а затем с именем Арыг-Буги и его тамгой (только серебряных). То есть в отличие от выпусков всех остальных монетных дворов улуса Джучидов, на монетах Булгара появились тамги каанов. Подобный «феномен» вполне соответствует практике чеканки монет ханом империи в случае личного владения либо частью улуса и юрта, либо монетным двором. Реализация монетной регалии в этом случае осуществлялась в отношении обозначенного тамгой эмитента [21, с. 41–65].

Известно, что в правление Менгу-каана Отрар и некоторые территории Средней Азии были отданы под контроль Бату. Изучение монетного дела и монетного обращения в Отраре, а также на территории современных Казахстана и северного Узбекистана показало, что в 650-е/1250-е гг. и до 663/1264–1265 г. на подконтрольной Джучидам территории обращались золотые динары и их обломки, а также медные посеребренные дирхамы Отрара. А с 656/1258 г. – еще и фалсы Отрара. Ареал их распространения (области Отрар, Кендже, Сайрам, Тараз и Шаш, а также современный западный Кыргызстан) маркирует территорию экономического контроля и влияния Бату, а затем Берке [21, с. 84, 144]. В этом случае также прослеживается «индивидуальный» подход в проведении денежной политики. Не исключено, что отрарский монетный двор был в откупе у Мас'уд-бека и именно по этой причине однотипные медные посеребренные дирхамы здесь чеканились без изменений 17 лет.

Второй этап. Смена денежной политики в улусе Джучидов произошла резко и наглядно в 665/1266–1267 году. Но начало этого процесса четко фиксируется уже годом раньше – в 664/1265–1266 г., когда отношения между Джучидами и Угэдэидами,

с одной стороны, и ханом Хубилаем, с другой стороны, обострились до предела. Результат возникшего противостояния не замедлил отразиться в монетном деле. Недавно стали известны серебряные монеты, битые в Базар Орду в 664/1265–1266 г. с тамгой Угэдэида Хайду [22, с. 71–72] (Рис. 3).

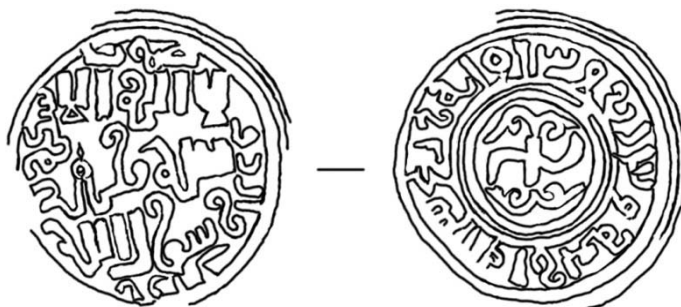

Рис. 3. Серебро, дирхам (штемпельная реконструкция).
Базар Орду, анонимный с тамгой Хайду, 664 г.х.

В то же время мы обнаруживаем на недатированных монетах Дженда [6, с. 196–202] и Крыма [29, с. 8–9] тамгу, которую следует все же отнести именно к Берке [21, с. 51, тамга 11] (Рис. 4).

Рис. 4. Серебряный дирхам.
Крым, анонимный, год не указан, с тамгой Берке

Монеты эти очень редки, то есть объем их выпуска был незначительным, а выпуск кратковременным. Он, скорее всего, осуществлялся в том же 664 г.х., возможно, именно в конце года. Одновременность чеканки монет Хайду и Берке (каждого со своей тамгой) свидетельствует о бунте против хана Хубилая. Только если для Джучидов этот акт неповиновения привел к появлению нового государства – Золотая Орда в 665/1266–1267 г. с приходом к власти первого хана Менгу-Тимура, то Хайду проиграл эту битву Бараку и добился успеха лишь через четыре года [22, с. 71–72]. Новый статус владельца улуса Джучидов – статус *хана* и *каана*⁴² закреплён в монетных легендах различных монетных дворов Золотой Орды. С этого момента меняется денежная политика в государстве. Во-первых, наблюдается резкое увеличение числа работающих монетных дворов; во-вторых, на всех монетах Менгу-Тимура ставится только одна тамга – личная тамга Менгу-Тимура (долгое время эту тамгу называли тамгой «дома Бату», хотя ни

⁴² Вопрос различий этих титулов для правителей Чингизидов до конца не выяснен. Часто исследователи подразумевают, что титул *каан* по смыслу сродни титулу *хан ханов*, однако монетные легенды заставляют иначе взглянуть на смысл этого слова в титулатуре Чингизидов.

один чингизидский дом никогда не имел таковой тамги, в том числе не имел ее и дом Бату [21, с. 50, тамга 10]), что в данном случае является признаком проведения монетной реформы в государстве.

Итак, с приходом к власти хана Менгу-Тимура начался второй этап в монетном деле и денежном обращении в Золотой Орде. Естественно, что территориально-дифференцированный подход к денежной политике сохранился как принцип, поскольку причины появления такого подхода были вызваны объективными обстоятельствами и обусловлены трудностями организации оперативного администрирования на огромной территории государства, а также отсутствием потребности в унификации монетного дела во всем государстве. В монетном обращении в Присырдарьинском регионе и в Хорезме в первой половине правления Менгу-Тимура сохраняется еще присутствие золотых низкопробных динаров. Местные монетные дворы чеканили их сами, и они также поступали в достаточных объемах с других южных и юго-восточных территорий. В центральных регионах Золотой Орды золотой динар не чеканился, и следов его обращения до сих пор обнаружить не удалось. Основной, самой ходовой и востребованной монетой на рынках джучидского государства становится серебряный дирхам. Его массовый выпуск, организованный сразу на нескольких монетных дворах государства, свидетельствует о потребности местных рынков в монетных средствах. Это было обусловлено самой организацией работы монетных дворов – монета чеканилась из давальческого серебра. То есть по необходимости монету чеканили для себя и ханская казна, и любой желающий житель или приезжий человек из своего серебра. Монетные дворы могли принадлежать как хану, так и могли отдаваться в откуп частникам. Такой подход к монетному делу достаточно быстро инициировал начало монетной чеканки именно в тех населенных пунктах, где монеты были востребованы.

Серебряная монета в первую очередь обслуживала местную и межобластную розничную торговлю и была удобна для этих целей благодаря своей невысокой стоимости по сравнению с золотом. Кроме серебряной монеты в ходу были серебряные слитки, массово изготавливавшиеся не только в Европе, русских княжествах, в болгарской земле, но и на рудниках Средней Азии. Они имели разные формы и далеко не всегда изготавливались по каким-либо весовым стандартам (круглые слитки, например). То есть это был товар. Соответственно слиточное серебро не имело какой-либо существенной переоценки, выражающейся в нескольких процентах от стоимости этого металла. Если переоценка и была, то мизерная по сравнению с серебром в монете, исчислявшаяся на востоке в пределах 3–7%.

Кроме серебряной денежной продукции в обращении некоторых регионов выпускалась медная монета, обслуживавшая исключительно местный рынок товаров низкой ценовой стоимости. В Крыму чеканка медной монеты в XIII веке осуществлялась регулярно. В Хорезме в это время медь вообще не чеканилась монетным двором. В Булгаре при Менгу-Тимуре медные пулы начали выпускать, но продолжалось это очень не долго, и их чеканка прекратилась на 50 с лишним лет (до 20-х гг. XIV века). В области Сарай медь в XIII веке не чеканилась. То есть отследить какую-либо единую систему выпуска медных монет в государстве невозможно, поскольку была слишком велика значимость индивидуального подхода к решению этого вопроса в каждом из регионов государства.

Общеизвестно, что серебряная монета не имеет препятствий для обращения в пределах не только территории своего государства, но и в качестве денег может быть принята (пусть даже по стоимости металла) в других государствах. На Востоке это было возможно из-за малой переоценки серебра в монеты. Тем удивительнее наблюдаемый факт ограничения обращения серебряной чеканной продукции монетных дворов Булгарского вилайата Золотой Орды территорией исключительно этого вилайата! Локальность булгарского монетного обращения в XIII веке отмечается всеми учеными, которые сталки-

ваются с изучением монетной продукции Булгарского региона и ареалом его распространения. Изучению этой проблемы было посвящено несколько работ [17; 2]. Было замечено, что на территории Татарстана практически нет находок серебряных монет XIII века, битых в Сарае, Укеке. В то же время в соседних областях (Самарской и Пензенской) подобные монеты составляют основу монетной массы, находившейся некогда в обращении. Но вот монет булгарских монетных дворов в этих соседних областях нет.

Изначальная причина локальности монетного обращения, основанная на удаленности друг от друга центров экономического развития в Золотой Орде понятна, но с течением времени прилегающие к этим центрам зоны ремесленных производств и торговли разрастались в размерах. И это не могло не сказаться на расширении ареала обращения чеканной монеты в государстве. Собственно этот процесс прекрасно виден по топографии находок монетных масс, если его рассматривать в хронологическом аспекте утраты монет в ходе обращения. То есть локальность монетного дела и монетного обращения в Булгарском вилайате в XIII веке и в начале XIV века, фиксируемая исследователями, – результат осмысленной денежной политики, проводимой именно в этом регионе Золотой Орды. Исходя из этого, был предложен возможный механизм реализации такой политики, установлены основные цели и задачи такого подхода к формированию денежного обращения в этом регионе Золотой Орды. Перечислим их вкратце.

Основная цель в организации такого локального монетного обращения кроется в желании извлечь как можно большую выгоду для казны и местной правящей администрации. Для достижения этой цели необходимо было реализовать экономический потенциал данного региона, для чего требовался серебряный слиточный материал. Увеличив переоценку при изготовлении местной серебряной монеты, организовав сбор налогов только монетой местной чеканки или пришлой монетой, но лишь по стоимости серебра, администрация вполне могла сдерживать поступление чеканной продукции неместных монетных дворов в Булгарский регион. А повышенная покупательная способность местной монеты не позволяла выводить ее за пределы Булгарского вилайата в сколь-нибудь значительных количествах, поскольку за пределами региона она теряла определенную часть своей покупательной способности. Для притока и оборота слиточного серебра никаких ограничений не могло существовать, поскольку оно обращалось по стоимости благородного металла. Таким образом, местный рынок, обеспеченный товарами со всех концов света, был наполнен и серебром для обеспечения торговли в необходимых масштабах. А достаточное количество чеканного серебра стимулировало развитие ремесел, производство товаров, развитие животноводства и торговли.

Межрегиональная и международная торговля, видимо, носила сезонный характер, по этой причине излишки серебра, концентрировавшиеся в вилайате в чеканной монете (да и в слитках) превращались в сокровища. И не всегда эти сокровища в последствие были использованы своими владельцами в силу различных обстоятельств. По этой причине в современном Татарстане, наследнике богатейшего Поволжского региона Золотой Орды XIII века, находят так много кладов монет этого времени, как ни в одном другом регионе, входившем в состав этого средневекового государства.

Однако подобный характер монетного обращения со временем не мог не сказаться негативно на развитии торговли в регионе. Состояние экономики постепенно изменялось как внутри вилайата, так и в соседних областях – активно росли города Нижнего Поволжья и прежде всего Сарай с округой. Естественно, что по мере роста столичный центр, оптимально расположенный на перекрестке торговых путей из Крыма на Кавказ, в Хорезм, Индию и Китай, в начале XIV в. все в большей степени начинал реализовывать свой торговый потенциал. Это постепенно ослабляло экономические позиции Булгарского вилайата. Степень наполненности местных рынков товарами в какой-то момент начала заметно снижаться и необходимость в сохранении изолированного монет-

ного обращения отпала. Через какое-то время существование локальной зоны потеряло смысл и даже могло начать угрожать жизнеспособности всего региона. В результате в 731/1331 году была проведена региональная денежная реформа, прекратившая обращение монет прежних выпусков и включившая этот регион в единое пространство монетного обращения с другими Поволжскими регионами Золотой Орды [17, с. 117–123].

Проект с локальным денежным обращением в Булгарском вилайате был уникальным и временным, несмотря на то, что длился практически 50 лет. Власти не имели целью чеканить на всех монетных дворах Золотой Орды однотипную монету одних и тех же метрологических параметров, но старались максимально выгодно использовать потенциальные экономические возможности каждого региона. Чеканное серебро Хорезма в XIII веке практически не поступало в центральные регионы Золотой Орды, а дирхамы Крыма не обслуживали рынки Поволжья и того же Хорезма. Для удобства торговли было логичным подстраивать метрологические параметры серебряной монеты (пробу монетного металла и вес чеканной монеты) к потребностям местных торговцев. То есть каждый местный региональный рынок «сам выбирал», какие метрологические параметры монет (номиналы), из разрешенных властью, в какой момент его функционирования наиболее востребованы. Именно монеты этих номиналов и чеканили на местных монетных дворах по требованию заказчиков.

По мере роста количества оседлого населения в регионах и более равномерного заселения территорий (в основном вдоль рек и по берегам водоемов) начинает наблюдаться формирование монетных потоков из разных эмиссионных центров, приводящих к их смешению. Так, дирхамы Сарая, Укека XIII века регулярно встречаются среди монетных находок в районе Самарской Луки и в Пензенской области. А в начале XIV века этот поток обогатился еще выпусками монетных дворов Маджара и Мохши. Конечно, денежная политика в государстве в XIII веке не имела цели унифицировать монетное обращение на всей территории государства, но и не мешала формированию монетных потоков, возникающих в ходе активизации товарно-денежных отношений между регионами. Однако свой контроль и влияние на монетное обращение центральная власть не ослабляла. Легче всего это отследить по тамгам на серебряных монетах. Так, при ханах Менгу-Тимуре и Тула-Менгу на всей серебряной монетной продукции Золотой Орды ставилась только тамга Менгу-Тимура. При хане Тула-Буге в Булгаре и Крыму ставились тамги, отличные от тамги Менгу-Тимура, то есть эти регионы были отданы ханом в управление двум своим братьям с правом ставить на монетах их личные знаки собственности. То есть Тула-Буга двум братьям выделил улусы с юртами.

Приход к власти хана Токты ознаменовался в монетном деле Золотой Орды изменениями в правилах постановки тамг на монеты.

Во-первых, Булгар и Крым опять стали помещать наследную тамгу Менгу-Тимура.

Во-вторых, улус и юрт, чеканки монеты и размещением на ней своей тамги получил Ногай. Единственные известные датированные монеты времени Ногая, битые в его улусе в г. Исакчи в 690/1291 г. И в настоящий момент у нас нет никаких доказательств того, что Ногай мог чеканить серебряную и медную монету в своем улусе ранее прихода к власти хана Токты.

В третьих, Токта убрал свою тамгу с монет, битых на территории *Улуг кул (Великого центра)*. То есть его тамга (наследная тамга Менгу-Тимура) не ставилась на продукции тех монетных дворов, которые управлялись его ханской администрацией: Хорезм, Сарай⁴³, Маджар⁴⁴ и Укек⁴⁵. В этот перечень монетных дворов необходимо вклю-

⁴³ Прекращение помещения тамг на монеты Хорезма и Сарая отмечено было ранее А.З. Сингатуллиной [26, с. 70].

⁴⁴ Судя по имеющимся на настоящий момент времени данным, монетный двор Маджар начал функционировать лишь в период правления хана Токты [8, с. 123–124].

чить и Мохшу⁴⁶. В то же время тамга ставилась на серебряную продукцию таких монетных дворов, как Булгар, Крым, Азак, Исакчи. То есть по распределению тамг на монетах видны те территории, которые относились к *Улуг кул – Великому центру*⁴⁷, и те, которые имели относительную хозяйственную самостоятельность, но контролировалось ханской властью. Понятно, что в последнее десятилетие XIII века контроль над улусом Ногая Токта не мог осуществляться в полной мере. Тем не менее, на монетах Исакчи фиксируются и тамга Чаки, и Токты порознь. То есть право *сикка* здесь реализовывалось в отношении обоих эмитентов. На серебряных монетах Болгарии также присутствует тамга Токты. Монеты Акча Кермана (в районе современного г. Белгород-Днестровский) помечены лишь тамгой Ногая.

К началу XIV века чеканка серебряной монеты велась в Сарае уже больше 30 лет, и за это время весовые нормы чеканки изменились. Кроме того, постоянная утрата серебра в монете в ходе ее обращения не способствовала поддержанию постоянной весовой нормы чеканки на протяжении длительного времени. На рынках стали появляться низкопробные дирхамы, повторяющие тип Укекских монет с тибетскими письменами⁴⁸. Монеты эти настолько низкопробны, что было заметно присутствие меди в монетном сплаве. После победы Токты над Ногаем начали расти и укрепляться Маджар, Укек и другие населенные пункты Нижнего Поволжья. Для функционирования и развития торгового и транзитного потенциалов Нижнего Поволжья требовался крупный торговый центр на пересечение торговых путей из Европы, Крыма и Кавказа на восток, и в частности в Хорезм. Кроме этого требовалось реформирование монетного обращения в нескольких регионах. Внешнеторговые отношения Хорезма и Крыма требовали изменений в монетном деле и денежном обращении этих центров развития.

XIV век. Третий этап. Третий этап денежной политики в Золотой Орде начался в первом десятилетии XIV века с реформирования монетного обращения в Хорезме в 706/1306–1307 году, в Крыму – в 707/1307–1308 году и в Нижнем Поволжье – в 710/1310–1311 г.х. [15, с. 145–146]. Реформирование монетного дела Булгарского вилайата было осуществлено позднее – в 731/1330–1331 году. Не известно пока, было ли какое-либо денежное реформирование в Присырдарьинских областях. Целью реформирования монетного обращения в различных регионах не являлось унифицирование метрологических параметров выпускавшихся монет или выпуск монет единых типов на всех (или большинстве) монетных дворах, как это практиковалось в государстве Хулагуидов после реформы Газан хана. Цель заключалась в первую очередь в удалении из местного обращения каждого из трех регионов монет прежних выпусков, среди которых было много дирхамов, битых по различным метрологическим стандартам, причем не только весовым, но и пробирным. Подобные местные реформирования без сомнения способствовали улучшению торгового климата в этих регионах.

После 700/1300–1301 г. при Токте появляются новые активно функционирующие монетные дворы: Маджар, Азак, Мохши. Но к 700-му/1301-му году прекращает работу

⁴⁵ [16, с. 131] – здесь имеются ввиду дирхемы Токты с тибетский надписью, не имеющие названия монетного двора, но по ряду причин относимые к продукции монетного двора Укек (см., например, [4, с. 128, №6а]).

⁴⁶ [25, с. 91–93; 5, с. 56–65]. Представляется, что именно по причине принадлежности Мохшанской земли к ханским личным владениям мы не находим на Никольском селище монет Булгара конца XIII – начала XIV в., а не по причине обращения там монет иных весовых норм чеканки, как считают В.А. Винничек и В.П. Лебедев [5, с. 57]. Монеты же Крыма и Хорезма не доходили до Мохши по причине регионального характера монетного обращения на этих территориях – из-за значительной удаленности от центра в Поволжье.

⁴⁷ [10, с. 165]: «В истории Вассафа личные ханские владения носят названия «улуг кул», т.е. «великий центр».

⁴⁸ На монетах благопожелание *кутлуг болсун* написано тибетскими буквами.

монетный двор Сарай, и лишь в 710/1310–1311 г. начинается чеканка серебра двух номиналов на монетном дворе Сарай ал-Махруса. К 709-му/1310-му году прекращает работу монетный двор Укек, а его мастеров переводят на работу в новый эмиссионный центр Мохши. Серебряная монетная система была закрытой, то есть не допускала свободного обращения иноземной государственной монеты на своей территории. Незначительное проникновение иноземной монеты в наши дни обнаруживается по находкам в приграничных золотоордынских населенных пунктах. Однако невозможно установить, могли ли здесь эти иноземные монеты использоваться именно в монетном обращении, или это просто случайные потери приезжих из соседних стран. Не исключено, что местные *сарафы* использовали приток таких монет для своей выгоды.

Стоит отметить, что хан Токта не требовал от всех монетных дворов своего государства размещения одного и того же символа вероисповедания. Так, с 690/1291 года на монетах только Укека размещалась тюркская легенда *кутлуг болсун*, написанная тибетскими буквами. С 700/1300–1301 г. эта легенда исчезает, а с принятием ислама Токтой не позднее чем в 706/1306–1307 году на монетах опять же только Укека появляется калима и мусульманский титул Токты *султан* с лакабом [20, с. 317]. Известно, что в районе Укека располагалась сезонная ставка хана Токты. В то же время на других монетных дворах государства никаких подобных изменений в монетных легендах не происходит.

Реформирование монетного дела и денежного обращения в первое десятилетие XIV века не касалось медного обращения. Медная монета (*пул*) обслуживала свою особую сферу обращения. Покупательная способность медной монеты была очень низка и решение о ее использовании, видимо, в каждой области принималось местными властями в зависимости от необходимости. Так, в правление Токты в Хорезме медные монеты не чеканились вовсе, а в Крыму, куда приходили морем купцы со стран Причерноморья и Средиземноморья, медные монеты чеканились регулярно и в значительных для местного рынка количествах. В Булгарском вилайате в начале XIV века и примерно до 720-х/1320-х гг. медные пулы не чеканились, как, видимо, и какое-то время в Укеке. Именно по этой причине реформирования в монетном деле в отношении серебряной и медной монет почти никогда не совпадают между собой по времени.

Дальнейшее развитие монетное реформирование получило в правление хана Узбека. При Узбеке увеличилось количество названий монетных дворов, встречаемых на монетах. В связи с проводимыми ханом реформами в области административного деления государства и повышения уровня централизации управления государством наблюдаются изменения и в постановке тамг на монетах Золотой Орды. Так, на серебряных дирхамах тамга не ставилась на продукции монетных дворов: Сарая, Сарая ал-Махруса, Хорезма, Азака, Акча-Кермана, Крыма (в 713/1313 г.), Исакчи, Булгара (с 740/1339–1340 г.). Тамга присутствует на монетах: Мохши, Крыма (720х/1320 гг.) и Булгара (до 740/1340 г.). На медных пулах тамга не ставилась на продукции монетных дворов: Сарая (начал чеканить с ~713/1313 г.), Сыгнака, Барчина, Дженда, Йангикента, Хорезма (чеканка началась с 714/1314 года), Азака, Крыма (в 713/1313 г.), Исакчи, Булгара (с 740/1339–1340 г.). Тамга присутствует на пулах: Мохши и Нуричата, Крыма (в 720/1320 гг.), Булгара (до 740/1339–1340 г.). То есть, как это было при Токте, границы *Улуг кул* по присутствию или отсутствию тамг на монетах установить уже не получится, да и не стало его как такового, поскольку почти вся территория Золотой Орды оказалась в непосредственном подчинении хана. Даже восточный присырдарьинский регион демонстрирует свое подчиненное положение. Некоторую хозяйственную самостоятельность сохранила область Мохши. Не сразу, но такая самостоятельность была возвращена с 720 г.х. области Крым. Хочется особо отметить, что чеканка серебряной монеты в Крыму велась с колоссальным временным перерывом. После 720 г.х. сле-

дующий выпуск помечен именем Токтамыша 782 г.х. Причины такого положения пока системно не исследовались.

Также при Узбек-хане произошли серьезные изменения и в Булгарском вилайате. В конце правления этого хана он перестал быть особой экономической зоной в Золотой Орде. В связи с ростом золотоордынских городов в Нижнем Поволжье, расположение которых (особенно столичного Сарая) было более выгодным для транзита товаров на пути из Крыма в Китай и Индию, чем через Булгар, а также в связи с возрастающей ролью самих этих городов в торговле, Булгарский вилайат стал терять свое значение и постепенно к 730/1330 году его экономический потенциал существенно снизился. Поддерживать дальше статус особой экономической зоны стало не просто невыгодно, но и чревато для существования этого региона. Не ранее конца 720-х гг.х. вводится в монетное обращение местная медная монета. Это был первый этап полномасштабного денежного реформирования в вилайате [2, с. 216–231]. Но, судя по всему, эта мера не спасла местный рынок. Поскольку уже существовавшая система локального обращения серебряной чеканной продукции монетных дворов, основанная на завышенной переоценке (по сравнению с переоценкой монет в других регионах), не позволяла одновременно обращаться местной серебряной монете и монете центральных регионов на рынках вилайата (на основании закона Коперника-Грешема), то требовалось провести местную денежную реформу. И такая реформа была проведена в 731/1331 г. Прежние выпуски были запрещены к обращению и изымались местными монетными дворами. Новая монета имела иной, уже не архаичный облик и сохранила ханскую тамгу. С этого года в Булгарский вилайат пошли потоки серебряной монеты с разных регионов Поволжья, а местная монета получила возможность беспрепятственно поступать в другие регионы Золотой Орды [17, с. 117–123]. А в 740/1339–1340 г. с монет Булгара исчезает тамга и хозяйственная самостоятельность вилайата уходит в историю.

Следует отметить, что при Узбек-хане впервые появляются медные однотипные пулы, распространение которых превышает размеры той области (Сарай), которая указана в их выпускной легенде. Они реально обеспечивали потребности многих рынков Золотой Орды в медной монете. Некоторые монетные дворы ставили на однотипные монеты свои названия (вместо названия Сарай на типе «лев и солнце», например, есть и с названием монетного двора Азак). Но, судя по предварительным результатам исследований методом поштемпельного анализа, возникло много монетных производств в разных населенных пунктах государства, которые чеканили такую монету с указанием названия монетного двора Сарай. Не исключено, что основная масса этих производств была откупной, а часть, возможно, могла быть неофициальной (воровской). По крайней мере, качество чеканки этих монет способствовало такому развитию событий. Естественно, никто не производил расчет необходимого и достаточного количества медных пулов данного типа для обеспечения ею рынков. В результате производство пулов достаточно быстро насыщало рынки, а далее указная (декларированная) стоимость монеты начинала падать, и через какое-то время избыток медной монеты становился уже помехой для развития мелкорозничной торговли. В этом случае официально выпускался новый тип пулов, а прежний / прежние типы объявлялись монетами пониженного номинала (в несколько раз). При этом население старалось в первую очередь избавиться от старой монеты. Если не считать раннего недатированного типа, относимого к ~713–720 г.х., то в Сарае при Узбек-хане зафиксирован выпуск четырех типов: 721/1321 г., 726/1326 г., 731/1331 г. и 737/1337 г. То есть с 721 до 740 гг.х. (за 19 лет) – 4 смены типа медных пула, в среднем каждые 5 лет. Но были монетные дворы, которые не чеканили медь сарайских типов, например: Хорезм, Крым, Булгар, Мохши, Сыгнак и т.д. По сути, в эти регионы если и проникали сарайские выпуски пулов Узбек-хана, то эти поступления были эпизодическими, незначительными по объему, и рынок в основном

(а где-то и исключительно, как в Хорезме, например) обслуживался медной монетой местной чеканки. Такое положение дел всегда порождало соблазн использовать принцип преимущества местной медной монеты перед иногородней (другого типа), то есть возникал спекулятивный «курс» иногородней монеты на местных рынках. Это тормозило и приток медных монет извне и отток местных пулов в другие регионы. То есть чеканка однотипных медных монет при Узбеке не была жестко регламентирована для всех монетных производств государства.

С приходом к власти хана Джанибека тамги окончательно «ушли» со всех серебряных и медных монет Золотой Орды. Причем, следует заметить, что те регионы, которые еще при Узбеке продолжали чеканить серебряную монету с тамгой – Крым и Мохши, – при Джанибеке вообще прекращают чеканку серебряной монеты. Политическая централизация власти при Джанибеке достигает апогея. В области Сарай начинает функционировать несколько крупных монетных дворов, в том числе Сарай ал-Джедид. Открывается монетный двор Гюлистан, который не уступает по масштабам чеканки серебра сарайским производствам. До сих пор считалось, что в Булгаре чеканка серебра прекращается при Узбек-хане, однако в последние годы при изучении топографии и статистики находок монет некоторых типов с названием монетного двора Сарай ал-Джедид возникло обоснованное подозрение, что эмиссионный центр по их чеканке находился в Булгарской земле. Этот вопрос в данное время находится в стадии изучения.

К сожалению, рассуждать об унификации серебряного монетного обращения при хане Джанибеке пока не приходится по двум причинам. Во-первых, потому что пока не удастся однозначно и с необходимой точностью установить весовые и пробирные характеристики монет этого хана, выпускавшиеся на монетном дворе Хорезм – одном из наиболее активно работавших монетных производств. Те многочисленные находки монет, которые зафиксированы в исторической области Хорезм, являются единичными, и большинство из них обрезаны вкруг, из-за чего установить изначальный вес их просто невозможно. Кладов времен Джанибека в Хорезме пока не зафиксировано [27]. В какие годы производилась эта обрезка – тоже не установлено с достоверностью. То есть такая область, как Хорезм, просто выпадает из рассмотрения вопроса. Во-вторых, при Джанибеке в обращении находились монеты, которые были выпущены почти на 50 лет ранее, то есть те самые дирхамы Сарая ал-Махруса 710 г.х. с именем хана Токты и все последующие выпуски разных монетных дворов. Походившие монеты уже существенно потеряли в весе, благодаря чему в обращении оказалась масса монет с разными весовыми характеристиками. Кроме того, после похода Джанибека в Иран в конце 1350-х гг. в монетное обращение Золотой Орды (особенно в приграничный кавказский и Поволжский регионы) попало значительное количество монет мелких номиналов неджучидской чеканки, напоминавших по размеру и весу дирхамы Золотой Орды, но битые на Кавказе и в Закавказье. Надо сказать, что далеко не все тайны и особенности денежной политики при Джанибеке в настоящее время раскрыты.

В медном обращении при Джанибеке появляется новый тип пулов с условным названием «орел», затем – более крупные монеты Сарая ал-Джедид 750-х гг.х. – «розетка». Наибольшее распространение получил именно тип «розетка». Он чеканился и в Сарае ал-Джедид, и в Крыму, и на территории современной Молдавии. Эти пулы не являются редкими среди нумизматических находок даже в Присырдарьинских регионах.

Четвертый этап. После ухода с политической арены ханов Джанибека и Бердибека начинается период так называемой замятни. Ханы сменяют друг друга, порой не успевая «просидеть на престоле» и нескольких месяцев. 760-е/1360-е гг. самые сложные в истории Золотой Орды. Несколько жестоких засух, неоднократные волны чумы, резкое сокращение внешней торговли и по Черному морю, и на востоке за это десятилетие никак не способствовали укреплению государства, а уж тем более проведению

единой денежной политики. В результате в Хорезме с 764/1362–1363 года на монетах местные управители перестали указывать имена ханов Золотой Орды, но и свои имена не помещали. А вскоре впервые начали чеканку золотой мелкой монеты [30]. В Сыгнаке Мубарак-Ходжа с 768/1366–1367 года начал чеканить монету со своим именем и титулом *султан* (иногда встречается еще и титул *хан*), то есть стал независимым от Сарая ханом [3]. В 764/1362–1363 году Абдаллах был объявлен ханом и являлся марионеткой темника Мамаю в западных пределах и на юге (Азак и Крым) до 771/1369–1370 г. После него был провозглашен ханом Гийас ад-дин Мухаммед Тулак. Одновременно с Абдаллахом, но в Сарае, правили другие ханы: Хайр-Пулад в 764/1362–1363 г., Азиз-Шейх в 767/1365–1366 г., Улджай-Тимур в 768–769/1366–1368 гг. и т.д. По сути, в это время в Золотой Орде всеми признанного хана не было. На различных территориях государства ханами себя объявили несколько претендентов на высшую власть.

По этой причине на монетах в конце 760-х/1360-х гг. вновь начинают появляться тамги. Борьба не только за сферы влияния и территории, но и за воинский контингент, за поддержку своей власти военными начальниками потребовали особого подхода к внутренней политике вообще и к монетной политике в частности. Речь о том, что на монетах появились тамги, не принадлежащие Чингизидам. Этот вопрос находится в стадии изучения, но факт появления таких тамг уже зафиксирован.

Естественно, что при желании можно проследить регионы обращения Сарайских серебряных монет, а также Крымских, Орду и Йанги-Шехра ал-Джедид, отдельно монет Азака и монет Хорезма. Локальность сферы обращения в этом случае обусловлена политической раздробленностью государства. Что касается медных пулов, то практически каждый эмиссионный центр чеканил продукцию своего типового ряда, и сменяемость типов в каждом эмиссионном центре осуществлялась много быстрее, чем при Узбеке и Джанибеке.

Пятый этап. После завоевания Токтамышу досталась разрушенная междоусобицами, обескровленная чумой и голодом страна. В государстве сформировалась новая политическая и военная сила – эмиры, командующие в разных регионах страны воинскими контингентами. Не считаться с этой реальностью вновь пришедший хан не мог. Именно поэтому в своем исследовании А.Л. Пономарев обнаружил, что при Токтамыше изменился подход к структуре выплат из казны – выплачивать стали большие суммы, и, видимо, именно военным начальникам, от которых зависела поддержка власти хана в том или ином регионе [24, с. 168–169].

Приход к власти в Золотой Орде Токтамыша означал объединение страны под началом Чингизида. Естественно, что первым шагом нового хана в области монетного дела в государстве стало его реформирование. То есть была проведена реформа. Но реформа 782/1380–1381 года, в отличие от реформирований времен Токты, не прекратила обращение серебряных монет прежних выпусков, а лишь наполнила некоторые рынки государства новой монетой пониженного веса, и, возможно, пониженной пробы (пока вопросы, связанные с пробирными манипуляциями не изучены в достаточной степени). Любопытно, но является фактом, что в Булгарском вилайате единичных находок монет Токтамыша практически нет⁴⁹, и монетный двор не функционирует, но есть масса находок монет прежних выпусков, обрезанных в круг. Этот факт, как и в XIII веке, выделяет монетное обращение в Булгарских землях из общей тенденции в монетном обращении Золотой Орды.

Надо отметить, что при Токтамыше функционирует значительное количество монет: Сыгнак (с 781 г.х.), Хваризм, Барчин (только пулы), Сарайчик, Хаджи-Тархан,

⁴⁹ В Татарстане находят крупные клады монет времен Токтамыша, но все они либо сокрыты уже в начале XV века, либо в период нашествия эмира Тимура. А в розничном обращении монеты Токтамыша в Булгарском вилайате не фиксируются.

Маджар, Азак, Крым, Крым ал-Джедид, белед Крым, ал-Джедид, Сарай, Сарай ал-Джедид, Сарай ал-Махруса, белед Сарай, Идил (только пулы), Орду, Орду ал-Джедид, Орду Муаззам и другие. Однако, изучая штемпельные связи монет Токтамыша разных монетных дворов, Л.Б. Добромыслов заметил необычные связи – в штемпельную сетку дангов монетного двора Орду встраиваются и монеты Сарая ал-Джедид, и Хаджи-Тархана, и Маджара, и даже Хорезма [9, с. 27–28]. Это может свидетельствовать о том, что орда Токтамыша, подходя к очередному городу, брала с монетного двора штемпели и использовала на своем походном монетном дворе. Если это действительно так, то оценить относительную активность работы каждого эмиссионного центра становится невозможно. То есть существование большого количества монетных дворов и огромной массы монет, выпущенной на них, в данном случае не может являться критерием активности товарно-денежных отношений в тех районах и областях, где эти монетные дворы функционировали.

Незавидное экономическое положение Золотой Орды предопределило шаги, которые вынужден был предпринять Токтамыш-хан. Сначала он вернул к покорности Московское княжество и его союзников, затем он двинулся на завоевание Кавказа. На Кавказе на разных монетных дворах (таких как Баку, Гуштаспи, Шемаха, Махмудабад) в течение нескольких лет активно чеканилась монета с именем Токтамыша. Поход Токтамыша на Кавказ, конечно, несколько ослабил экономический прессинг на государство, но полностью решить все сложные вопросы явно не мог. В монетное обращение Золотой Орды поступило достаточно большое количество монет Ильханов, Джелаиридов и других южных династий. Причем в обращении оказались мелкие монеты, которые по размеру и весу были близкими джучидским выпускам центральных территорий. Крупные монеты, сильно выделявшиеся из общей массы, достаточно быстро попадали в передел.

Кроме похода на Кавказ Токтамыш в 789/1387–1388 г. совершил нападение на владения эмира Тимура в Мавераннахре. В результате монеты Самарканда попали в обращение Золотой Орды, но «прижились» лишь мелкие *мири*.

Тимур совершил поход на Кавказ, в результате которого Токтамыш потерял дополнительный источник денежных и товарных поступлений. И с 793/1391 по 797/1394–1395 годы эмир Тимур и Токтамыш неоднократно совершали походы в земли друг друга. Это постоянно пополняло монетную массу, обслуживающую рынки Золотой Орды монетой эмира Тимура [1]. В данном случае нам важно, что монетное обращение Золотой Орды уже не было защищено от проникновения иноземной монеты, что является ярким свидетельством существовавшего в государстве экономического кризиса. Уход Токтамыша с политической арены не ознаменовался сменой монетной политики. Многие монетные производства перестали функционировать либо совсем, либо работали эпизодически. Так продолжалось несколько лет.

XV век. Шестой этап. Шестой этап в монетном обращении начался с монетной реформы Шадибек-хана. Надо сказать, что до настоящего времени системно никто еще не занимался вопросами монетного дела и денежного обращения в Золотой Орде XV века. И кроме совершенно очевидной констатации проведения монетной реформы при Шадибеке, проследить дальнейшие этапы денежной политики в государстве пока сложно. Реформа же Шадибека имела целью изменить качественные характеристики монетной массы, обслуживающей рынки в разных районах государства. Она затронула и Булгар, и Хорезм, и Хаджи-Тархан, и Крымский полуостров. Старая серебряная монета не изымалась из обращения принудительно, но с течением времени ее доля в обращении неуклонно сокращалась. Можно констатировать, что в ряде регионов роль медного обращения существенно уменьшилась, и при существенном объеме выпуска серебряных мелких монет, которые правомерно назвать *акче*, количество пулов резко

сократилось. Это прекрасно видно по фиксации количества находок тех и других монет в различных публикациях.

Монетное дело и денежное обращение XV века в Золотой Орде и в последующих тюрко-татарских ханствах еще ждет своего профессионального, дотошного, скрупулезного и системного исследователя. Без сомнения, далеко не все вопросы решены и для двух предыдущих веков.

1. Брагин А.О. Находки монет амира Тимура и Тимуридов на территории Золотой Орды // Нумизматика Золотой Орды. 2015. №5. С. 67–79.
2. Бугарчёв А.И., Петров П.Н. Этапы медного монетного обращения в Булгарском вилайате (вторая половина XIII – первая треть XIV вв.) // Поволжская археология. 2013. №1(3). С. 216–231.
3. Вашари И. Хан Мубарак-Ходжа и начало чеканки в Восточном Дашт-и-Кипчаке // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2. Казань, 2012. С. 106–116.
4. Винничек В.А., Лебедев В.П. Период экономической активности на Никольском селище по нумизматическим данным // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. М.-Нижний Новгород, 2004. С. 119–148.
5. Винничек В.А., Лебелев В.П. Дирхемы рубежа XIII–XIV вв. с Никольского селища // Средневековый город Мохши и Наручатская земля: итоги 95-летнего изучения. Материалы Всероссийской научной конференции 23–24 сентября 2010 года. Пенза, 2010. С. 56–65.
6. Гончаров Е.Ю. «Стремявидная» тамга – тамга Берке? // Юрченко А.Г. Золотая Орда. Между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. СПб.: Евразия. 2012. С. 196–202.
7. Грачев А.И., Петров П.Н. Клад медных посеребренных дирхемов Мерва времени завоеваний Чингиз-хана // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 1. Казань, 2011. С. 124–138, фототабл. 12 и 23.
8. Гумаюнов С.В., Лебедев В.П. Обзор Маджарского чекана хана Токты // Труды международной нумизматической конференции. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Труды V Международной нумизматической конференции (МНК). М., 2008. С. 123–124.
9. Добромислов Л.Б. Штемпельный анализ монет Токтамыша в Орду и Орду ал-Му'аззам в последнем десятилетии XIV века // Нумизматика Золотой Орды. 2014. №4. С. 22–31.
10. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.
11. Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М.: Наука, 1988. 246 с.
12. Лебедев В.П. Новые данные о раннеджучидском чекане Хорезма и Сарая // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000. С. 277–281.
13. Лебедев В.П., Гумаюнов С.В. Обзор Маджарского чекана хана Токты // Труды международной нумизматической конференции. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Труды V МНК. М.: Нумизматическая литература, 2008. С. 123–125.
14. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983.
15. Петров П.Н., Студитский Я.В., Сердюков П.В. Проводилась ли Токтой общегосударственная реформа 710 г.х. Кубанский клад времени Узбек хана // Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. I МНК – Саратов 2001 и II МНК – Муром, 2003. М., 2005. С. 142–147.
16. Петров П.Н. Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань, 2010. С. 121–149.
17. Петров П.Н., Бугарчёв А.И. Особенности денежного обращения в Булгарском вилайате в последней трети XIII – первой трети XIV вв. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. №3. Ч. 1. Казань, 2012. С. 117–123.

18. Петров П.Н. Некоторые аспекты средневековой восточной нумизматики – исторического источника (1) // Золотоордынское обозрение. 2013. №1. С. 177–206.
19. Петров П.Н. Некоторые аспекты средневековой восточной нумизматики – исторического источника (2) // Золотоордынское обозрение. 2013. №2. С. 191–216.
20. Петров П.Н., Ускенбай К.З. «Султан справедливый, величие мира и веры Токтогу хан» (690/1291–712/1312–1313 гг.). (Нумизматический источник о распространении ислама в Улусе Джучидов) // От Онана к Темзе. Чингизиды и их западные соседи: к 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского [сборник]. М.: Изд. дом Марджани, 2013. С. 273–332.
21. Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А. Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов. Казахстан. Алматы: Хикари, 2014. 264 с.
22. Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А., Ересенов Д.С. Средневековый город, обнаруженный в долине реки Или (нумизматический аспект) // Нумизматика Золотой Орды. 2014. №4. С. 61–76.
23. Петров П.Н. Очерки по нумизматике монгольских государств XIII–XIV веков. Нижний Новгород, 2003. 180 с.
24. Пономарев А.Л. Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи. Квантитативная нумизматика и процессы средневековой экономики. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 216 с.
25. Рева Р.Ю. О начале монетной чеканки в Мохши // Тезисы докладов и сообщений XIV–ВНК. СПб., 2007. С. 91–93.
26. Сингагуллина А.З. О тамгах на джучидских монетах Поволжья XIII в. // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 1998. С. 68–70.
27. Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Вып. I. М.: Изд. АН СССР. 1960. С. 94–192.
28. Федоров-Давыдов Г.А. О начале монетной чеканки в Хорезме и Сарае в конце XIII в. // Эпиграфика востока. Т. XIV. М., 1961. С. 79–89.
29. Хромов К.К. Монеты западной части Улуса Джучи. Часть I. Йармаки Крыма // Восточная нумизматика в Украине. Часть II. Киев: Изд-во «Купола», 2007. С. 4–54.
30. Янина С.А. Золотые анонимные монеты Хорезма 60–70-х гг. XIV в. в собрании Государственного исторического музея // Труды ГИМ. Нумизматический сборник. Том 4. Вып. III, часть. 4. М.: ГИМ. 1971. С. 25–76.
31. Album St. A Checklist of Islamic coins. Santa Rosa (CA). 2013. 324 p.

§ 7. Города Золотой Орды

Эмма Зиливинская, Дмитрий Васильев

Возникновение городов.

Поразительно, но факт – большая часть сведений, которые мы знаем о Золотой Орде, которую мы привыкли воспринимать как кочевое государство, получены археологами в результате раскопок развалин золотоордынских городов. Насколько же велико было влияние городской культуры в Улусе Джучи и каковы были причины возникновения городов в степях?

Государство Улус Джучи или Золотая Орда возникло в результате завоеваний монголами огромной территории в Европе и Азии, включавшей в себя регионы с различным культурно-историческим развитием. Прежде всего это были степные и лесостепные пространства Западной Сибири, Западного Казахстана, Волго-Уральского междуречья, Поволжья, Подонья, Приднепровья, населенные кочевниками – кипчаками и половцами. На окраинах этой бескрайней степи, называемой Дешт-и Кипчак, находились районы традиционной оседлости, но и они значительно различались по уровню развития. Южный Казахстан, левобережный Хорезм, Крым и Волжская Булгария являлись зонами дли-

тельной оседлости с развитой городской инфраструктурой. На Северном Кавказе существовало множество крупных аланских поселений, которые еще не превратились в настоящие города. В мордовских землях и Пруто-Днестровском междуречье оседлое население проживало в сельской местности, и городов в домонгольский период там не было. Археологические исследования начала XXI века позволяют отнести к числу оседлых регионов предмонгольской эпохи также дельтовые и пойменные районы Нижней Волги, где располагались город Саксин и сопутствовавшие ему поселения, которые образовывали одноименную область [13]. Таким образом, города стали относительно новым социальным и хозяйственным явлением лишь для степного региона, центром которого являлось Нижнее Поволжье. Именно уровень развития нижеволжских городов Золотой Орды можно считать тем показателем, который отражает уровень развития всего Улуса Джучи на каждом этапе его существования, а жизненный цикл этих городов удивительно точно совпадает с жизненным циклом золотоордынского государства в целом.

Традиционно считалось, что монгольское нашествие, в результате которого многие города были сожжены и разграблены, а их население было частично уничтожено, частично угнано в рабство, привело к запустению и упадку городских центров в оседлых районах чуть ли не на столетия. Эта точка зрения основывается на данных исторических источников, многие из которых рисуют поистине апокалиптические картины. Тем не менее, археологические исследования во многом опровергают эти устоявшиеся представления. Так, например, столица Волжской Булгарии – город Биляр – приходит в упадок, зато возвышается и становится столичным центром Болгар. В золотоордынский период Болгар достигает такого расцвета, который был невозможен ранее. В Нижнем Поволжье, на Самосдельском городище (предположительно город Саксин) в слоях XIII в. присутствуют следы мощного пожара, который можно связать с монгольским завоеванием [11]. Однако через очень краткий период город восстанавливается, и продолжает существовать вплоть до затопления в результате трансгрессии Каспийского моря. На развитие городов Крыма монгольское завоевание вообще не оказало существенного влияния.

Довольно устойчивым является основанное на письменных источниках мнение о катастрофических последствиях вторжения монголов в Среднюю Азию и о том, что в результате его большинство городов пришло в длительный упадок [1, с. 111–113]. Однако ширококомасштабные археологические исследования в ряде городов Южного Казахстана, таких как Отрар, Тараз, Сауран и др., не выявили следов тотальных пожаров и разрушений. Кроме того, они показали, что в золотоордынское время города быстро возрождаются и продолжают развиваться [74, с. 72–79]. Прежде чем штурмовать столицу Хорезма Ургенч, войска Джучи осаждали его семь месяцев и пытались затопить, разрушив плотину на Амударье [63, с. 214–217]. И хотя большая часть населения была перебиты и угнаны в плен, памятники архитектуры существенно не пострадали [89, с. 12–18]. В золотоордынское время Хорезм становится одной из самых богатых и процветающих областей Золотой Орды.

Кроме того, в степной зоне уже в 40-е гг. XIII в. по указу хана Бату начинают строиться новые города. Причины этого строительства неоднократно являлись предметом исследования [24; 25, с. 75–78; 27; 82, с. 7–16]. Наиболее существенной среди них была необходимость создания административных центров для управления завоеванными территориями, заселенными как оседлым населением, так и кочевниками. Первоначально такими центрами были старые города, такие как Болгар и Ургенч. В них находились чиновники и откупщики, ведающие сбором налогов, большая часть которых шла в Каракорум. Местная кочевая аристократия была оторвана от управления городскими центрами и сельскими поселениями, систематическая эксплуатация перешла в руки Чингизидов. Вопрос об организации власти над покоренными народами вызвал в среде Чингизидов острую борьбу. Представители одного направления ратовали за сохранение кочевниче-

ского образа жизни и периодические грабительские набеги; другая партия выступала за ограничение произвола завоевателей и организацию постоянного налогообложения.

Как писал Г.А. Федоров-Давыдов, города монголов основывались по приказам монгольских завоевателей и быстро вырастали трудом подневольного населения как ремесленные и торговые центры [81]. Новые города в странах с развитыми традициями городской жизни возникали в качестве административных центров, которые не были связаны с прежними опорными пунктами власти. В регионах же с преобладанием кочевой культуры основные причины возникновения городов были связаны, по мнению В.Л. Егорова, с изменениями, происходившими в обществе самих кочевников [23, с. 45–49]. Возможно, у монголов в доимперский период существовали какие-то элементы оседлости, поскольку в «Сокровенном сказании» упоминается какое-то население, пользующееся деревянными дверьми, наряду с монголами, живущими за войлочными стенами [45, гл. VIII]. Но здесь еще не было городов с укреплениями и торгово-ремесленными функциями, которые появляются у кочевников лишь после образования государства с бюрократическими функциями, с аппаратом чиновников и прочими атрибутами. Оперативные решения может принимать хан в кочевой ставке. Однако громоздкий и разветвленный чиновничий госаппарат нуждается в постоянном местопребывании. Это первая стадия развития городской жизни. Как пишет В.Л. Егоров, если город возникал как исключительно административный центр, то его жизнь без экономической подпитки была недолгой. Вторая стадия развития – перерастание небольшого административного центра в центр ремесла и торговли, который превращается в многолюдный город [23, с. 45–49].

В качестве примера появления города как административного центра можно рассмотреть ранний Каракорум. Вторую стадию наблюдал Гийом де Рубрук, который побывал в Каракоруме на рубеже 1253 и 1254 гг. [5, с. 20]. Опираясь еще на одно сообщение Гийома де Рубрук, В.Л. Егоров делает предположение, что и столица Улуса Джучи – Сарай – на раннем этапе существования представляла собой небольшой город, скорее напоминающий кочевье [23, с. 44–45]. Он также выделяет два основных типа городов у монголов в степной зоне на ранней стадии развития государства. Тип 1 – город, возникший как административный центр вокруг зимней ставки, когда «на помощь армии, вооруженной луками и саблями, приходит армия, вооруженная перьями и законами» [23, с. 46]. В дальнейшем эти города приобретают функции торговых и ремесленных центров и обрастают бахчами и посевами. Тип 2 – это город-колония. Эти города заселялись ремесленниками и земледельцами из захваченных оседлых земель для обеспечения кочевников своей продукцией. В качестве примера такого города в Золотой Орде В.Л. Егоров приводит Бельджамен (Водянское городище) [23, с. 47].

Г.А. Федоров-Давыдов выделял особенности, которые были присущи городам Золотой Орды. Первая – строительство новых городских центров в сжатые сроки с использованием труда пленников, стимулирование процесса ханской властью. Вторая – развитие рабовладельческого хозяйственного уклада, что особенно ярко проявилось в такой форме организации ремесла, как рабская мануфактура типа иранской мануфактуры – кархана. Третья особенность – дуализм города и кочевой ставки-орды. В городе концентрировалась экономическая мощь государства, в кочевой ставке – политическая [81, с. 215–220]. М.Г. Крамаровский пишет, что с появлением городов и денежного обращения в степи приходят новые формы разделения труда, новые экономические способы концентрации, перераспределения и реализации прибавочного продукта, получаемого из степи, земледельческих зон империи, а также в результате международной торговли. Города становятся центрами трансконтинентальной торговли, духовной жизни, интеллектуальной деятельности и полиэтнической культуры. Однако ресурсы

городов, их жизненный ритм оказались подчинены степной империи. Крушение власти кочевых ханов автоматически приводит к краху степных городов [47, с. 567–568].

В качестве основных причин строительства новых городов в степях Нижнего Поволжья, которое стало центром самостоятельного государства Джучидов, а также неполного использования потенциала старых городских центров оседлых регионов, А.Ю. Якубовский называл благоприятное сочетание здесь природно-климатических условий, позволяющих вести земледельческое и кочевое хозяйство [20, с. 68]. Кроме того, Нижнее Поволжье располагалось на пересечении торговых путей, которые являлись самыми важными на континенте – Волго-Каспийского торгового пути и северного маршрута Великого Шелкового пути. Контроль над этими путями наполнял ханскую казну. Однако до воцарения хана Менгу-Тимура говорить о самостоятельности Улуса Джучи не приходилось, а это значило, что доходы от старых городских центров уходили каракорумским ставленникам [79, с. 78]. Таким образом, развитие Нижнего Поволжья, которое являлось личным доменом ханов из дома Бату и аккумулировало материальные и людские ресурсы [6, с. 24], означало возможность «перехвата» части доходов, которые сулила эксплуатация оседлых регионов.

Итак, основным фактором, определяющим возникновение золотоордынских городов, является фактор административно-политический. В качестве примеров подобного возникновения городов можно привести обе столицы Золотой Орды – Старый и Новый Сарай [6, с. 25–26]. М.Г. Сафаргалиев писал, что большинство городов, возникших при монголах, было построено на месте военных лагерей. Причину их возникновения он искал в переводе названия города. В качестве примеров он приводил Старый Крым, Аккерман (Монкастро), Хан-Керман (Касимов), Керменчук (на реке Вятке), Керменчук (на Днепре) и другие. Слово «керман» в половецком словаре переведено на латинский как «Castrum» – «укрепление», «крепость», «лагерь». Помимо этого, название современного Темникова в Мордовии, сибирской Тюмени, Тюмени на реке Тереке он связывает с местами расположения лагерей ханских темников – начальников десятитысячных гарнизонов [72, с. 79]. В.Л. Егоров связывал возникновение таких городов, как Тула, Калуга, Елец в так называемой «буферной» лесостепной зоне между русскими и собственно ордынскими владениями с существованием на их месте баскаческих слобод и военных застав [26, с. 23–24]. М.Н. Насонов фиксирует многочисленные названия деревень, происхождение которых восходит также к баскаческим поселкам и слободам на территории Руси: Баскаки, Баскаково, Баскачи и т.п [56, с. 18–20].

Другие города Золотой Орды, по словам М.Г. Сафаргалиева, были обязаны своим возникновением караванной торговле. К таковым он относил Солхат, Азак (Тану), Маджар, Сарай, Сарайчик, Хаджи-Тархан, Укек, Бельджамен [72, с. 79–80]. Однако, как справедливо заметил М.Г. Крамаровский, вопрос о том, что новые города Джучидов появляются вне воли ханов и поддержки родовой и воинской аристократии, не стоит даже обсуждать: в Золотой Орде, тем более в XIII веке, не было другой социальной силы, способной изменить стереотип кочевнического хозяйствования в пользу седентеризации [47, с. 572]. Кроме того, тезис М.Г. Сафаргалиева о возникновении городов из укрепленных лагерей не выдержал проверки временем. Археологические исследования, проведенные на многих золотоордынских городищах, дали целый комплекс «фактов, свидетельствующих о том, что в урбанизации коренных областей Улуса Джучи был использован способ принудительной концентрации ремесленников. Но не в форме укрепленных поселений. В степи Джучидам нечего и некого было опасаться» [47, с. 574].

Города в степи возникали по воле ханов без опоры на традиции предшествующего периода. Интересно, что в ходе раскопок на развалинах городов, которые были основаны монголами на новом месте, нигде до сих пор не выявлена стадия «предгорода».

Таким образом, пока не удалось проследить эволюцию золотоордынского города с момента основания до превращения в полноценное городское поселение.

В настоящее время в изучении градостроительства в Золотой Орде существует концепция, предполагающая наличие двух основных путей возникновения городов. Это «степной» путь (в тех районах, где отсутствовала традиция оседлости домонгольского времени) и «автохтонный» (там, где существовали города со своими градостроительными традициями). На деле же в чистом виде эти «пути» нигде не реализуются, поскольку изначально имперская культура монголов была синкретичной и базировалась на смешении оседлого и степного элементов, на взаимопроникновении разнообразных культурных традиций [47, с. 574].

В.Л. Егоров в свое время выделил шесть стадий развития городов в Золотой Орде [25, с. 78], среди которых были периоды восстановления и использования старых городов, существовавших еще до прихода монголов – 40-е годы XIII века; начало градостроительства в степях во время правления Бату – первая половина 50-х годов XIII века; подъем градостроительства при Берке – с середины 50-х до середины 60-х годов XIII века; период замедленного роста городов – с 70-х годов XIII в. до начала второго десятилетия XIV века; расцвет градостроительства при Узбеке и Джанибеке – со второго десятилетия до 60-х годов XIV века; затухание и упадок градостроительства – с 60-х годов XIV в. до 1395 года.

Как показали дальнейшие исследования, в этой общей схеме не учтены оказались локальные особенности городской культуры в Золотой Орде [82, с. 16].

М.Г. Крамаровский, опираясь на нумизматические исследования, выделяет следующие этапы «лидерства наиболее значимых стационарных поселений и градообразующих провинций» [47, с. 576–578]:

Первый период (1240–50-е – до 1290-х гг.). Монетная чеканка сосредоточена в старых городских центрах – Болгаре, Крыму, Хорезме и появляется в новообразованном Сарае.

Второй период (1290–1341 гг.). Начинается он с исчезновения на 30 лет монетной чеканки в Болгаре при сохранении остальных центров чеканки. В это период предпринимается попытка чекана монеты от имени Ногая в Крыму и в Исакче. При хане Токте начинается чеканка монет в Маджаре. При Узбеке монеты выпускаются в центрах улусов – в Крыму, Сарае, Хорезме, Мохши и Болгаре, а также в Азаке и Сыгнаке.

Третий период – от Джанибека до Токтамыша (1341/42–1380/81 гг.). Лидерами монетной эмиссии в этот период выступают монетные дворы Сарая ал-Джедид и Хорезма. В связи с распадом государства начинается независимая монетная чеканка в Гюлистане, Бельджамене, Ак-Сарае, Мохше, Хаджи-Тархане, Сарайчике. Процветают монетные дворы Шехр ал-Джедид в Поднепровье, Орду ал-Муаззам в Поднепровье, Азака в Подонье. На протяжении всего периода независимости Хорезма здесь выпускаются даже золотые динары.

Четвертый период приходится на время правления от Токтамыша до Джалал ад-Дина (1380–1412 гг.). В этот период все региональные центры становятся городами-эмитентами. Вместе с ними работает монетный двор кочевой Орды [18].

Из этой периодизации отчетливо видно, что новые центры эмиссии, которые активизируются в годы политической раздробленности, не являются признаком упадка урбанизации: они маркируют начало выравнивания уровней экономического развития регионов, которое стало возможным в годы обретения политической независимости. Эти процессы запускаются всегда и везде в ситуации феодальной раздробленности некогда единой страны.

Л.Ф. Недашковский выделяет основные этапы развития округа золотоордынских городов Нижней Волги, основываясь на закономерностях денежного обращения в регио-

не. Всего он насчитывает шесть этапов: 1) 1266–1310 (с начала правления Менгу-Тимура до реформы Токты); 2) с 1310 по 1365 (с реформы Токты до начал массового обрезывания старых дирхемов и снижения веса новых монет); 3) с 1365 по 1380 гг. (период разгара междоусобицы в Улусе Джучи); 4) с 1380 по 1395 (правление Токтамыша); 5) с 1395 по 1420 (эпоха Идегея); 6) с 1420 по 1459 гг. (период распада Золотой Орды) [58, с. 225].

В.Г. Блохин пришел в своем исследовании к похожим результатам, используя обобщенные нумизматические данные. Критикуя В.Л. Егорова, он пишет, что выделение им второго и третьего периодов развития градостроительства кажется не обоснованным и не подтверждается ни археологическими, ни письменными источниками. К настоящему времени известно только одно монументальное здание, которое могло быть построено при Берке – мечеть в Болгаре. Каких-либо четко выраженных культурных слоев, датированных XIII веком, на нижеволжских памятниках до настоящего времени не выявлено [6, с. 40]. На основании анализа монетного материала кладов с территории Нижнего Поволжья можно сказать, что в период с 1240-х по 1310 г. в градостроительной политике золотоордынских ханов на Нижней Волге какие-либо кардинальные изменения, чередования периодов подъема и замедленного развития уловить сложно [6, с. 41]. Монетная активность начинается в 671 г.х. в Сарае, и в течение всей второй половины XIII века происходит медленное поступательное развитие городов. Постепенная концентрация ресурсов способствует подъему градостроительства в конце правления Токты, когда с 710 г.х. начинает функционировать монетный двор «Сарай ал-Махруса», который обеспечил чеканку монеты для всего государства. Резко увеличивается объем денежного обращения в годы правления ханов Узбека и Джанибека. Политическая дестабилизация, связанная с «великой замаятней» 1359–1380 гг. привела к стагнации в градостроительстве и к сокращению в несколько раз объемов денежного обращения. Следующий подъем денежного обращения вызван кратковременным объединением страны под властью Токтамыша в 1380–1395 гг. Окончательный же подрыв хозяйственно-экономических основ государства обусловлен походом Тимура на Золотую Орду в 1395–1396 гг. Большая часть золотоордынских городов погибла, однако наиболее крупные центры, связанные с международной транзитной торговлей, возродились и существовали еще долгое время. К их числу относятся, например, Сарай, Хаджи-Тархан и Сарайчик, ставшие политическими центрами постордынских государств [6, с. 42–44].

Таким образом, согласно В.Г. Блохину, историю развития городов нужно делить на следующие отрезки:

1. Период медленного поступательного развития урбанизационной структуры – с 1240-х годов по начало XIV века.
2. Стремительный подъем градостроительства – с начала XIV века до начала 60-х гг. XIV века.
3. Период упадка городской культуры, связанный с Великой замаятней – начало 60-х гг. – начало 80-х гг. XIV века.
4. Временный незначительный подъем, связанный с восстановительной деятельностью Токтамыша – начало 80-х гг. XIV века – 1395 г.
5. Полная деградация городской культуры в Золотой Орде – 1395 – первая половина XV века.

Таким образом, налицо стремление большинства исследователей, касавшихся данного вопроса, найти опору для аргументации выделения периодов развития и существования золотоордынских городов в монетном обращении на территории Улуса Джучи. Тем самым признается чрезвычайная важность торговли, ремесла и уровня развития рынка в целом для существования городов в Золотой Орде. Отметим также общую особенность данных периодизаций – основной исторический рубеж, на котором был

дан старт урбанизации, в целом связан с обретением Улусом Джучи реальной независимости от Монгольской империи.

Фактическое отделение улуса Джучи происходит к концу XIII в. Сбор налогов в русских землях переходит к князьям, надзор за ними – к ханам, и все меньше средств уходит в Монголию. С этого времени начинается интенсивный рост городов. Возникают новые «ханские» города, где не было власти чиновников из Каракорума. Центр государства перемещается в Нижнее Поволжье, где уже в 40-е гг. закладывается столица – город Сарай (Сарай ал-Махруса). Этот регион был выбран прежде всего из-за благоприятного сочетания природных условий. Здесь были пойменные низины, пригодные для земледелия, заросшие лесом берега реки, бескрайние степи, необходимые для кочевий. Кроме того, Волга являлась важнейшей торговой магистралью для всей Восточной Европы. Здесь пролегли торговые пути, ведущие в Закавказье, Приаралье, Казахстан, Среднюю Азию, Иран на востоке и Крым, Причерноморье, Поднестровье на западе.

В XIII в. города в Золотой Орде еще немногочисленны, но в первой половине XIV в. города и более мелкие поселения возникают во всех ее частях, а пустынное в домонгольский период Нижнее Поволжье становится зоной сплошной оседлости. Это связано с градостроительной политикой хана Узбека, а затем и его сына Джанибека, а также с тем, что во время правления этих ханов Золотая Орда достигла наибольшего могущества. В этот период экономическое и политическое положение государства характеризуется стабильностью, почти не ведутся войны, зато процветают ремесла, торговля и культурная жизнь. Несомненно, рост городов связан и с принятием мусульманства в качестве государственной религии. Этот шаг, во многом инициированный влиятельными слоями хорезмийского купечества [9, с. 20–23], способствовал дальнейшему притоку в Золотую Орду городского населения из различных мусульманских стран Востока.

Первоначально новые «ханские» города строятся руками рабов-ремесленников, насильственно согнанных из различных стран. Об этом весьма красочно писал Иоанн де Плано Карпини: «Они забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам. Другие же ремесленники платят им дань со своего занятия. Все посеяны они убирают в житницы своих господ; однако те отпускают им семян, а также столько хлеба, сколько им вполне достаточно для продовольствия; другим же каждому они дают на день хлеба на вес, но очень немного, а также не уделяют им ничего другого как небольшую порцию мяса трижды в неделю. И они делают это только для тех ремесленников, которые пребывают в городах... И говоря кратко, они мало что едят, мало пьют и очень скверно одеваются, если только они не могут что-нибудь заработать в качестве золотых дел мастера и других хороших ремесленников. Но некоторые имеют таких плохих господ, что те им ничего не отпускают, и у них нет времени от множества господских дел, чтобы заработать себе что-нибудь, если они не украдут для себя времени, когда, может быть, должны были бы отдыхать или спать, но это могут делать те, кому дозволено иметь жен или собственную ставку. Другие же, которых держат дома в качестве рабов, достойны всяческой жалости» [65, с. 58]. В первой половине XIV в. при Узбеке и Джанибеке, когда Золотая Орда достигла расцвета и благополучия, строители и ремесленники сопредельных стран сами переселялись в золотоордынские города, где всегда была работа, и существовал спрос на их продукцию.

В настоящее время известно более 110 городов и поселений [25], но разведочные работы последних десятилетий продолжают выявлять все новые и новые поселенческие памятники (рис. 1). Таким образом, государство, основанное кочевниками, основу населения которого составляли также кочевники, в считанные десятилетия становится «страной городов».

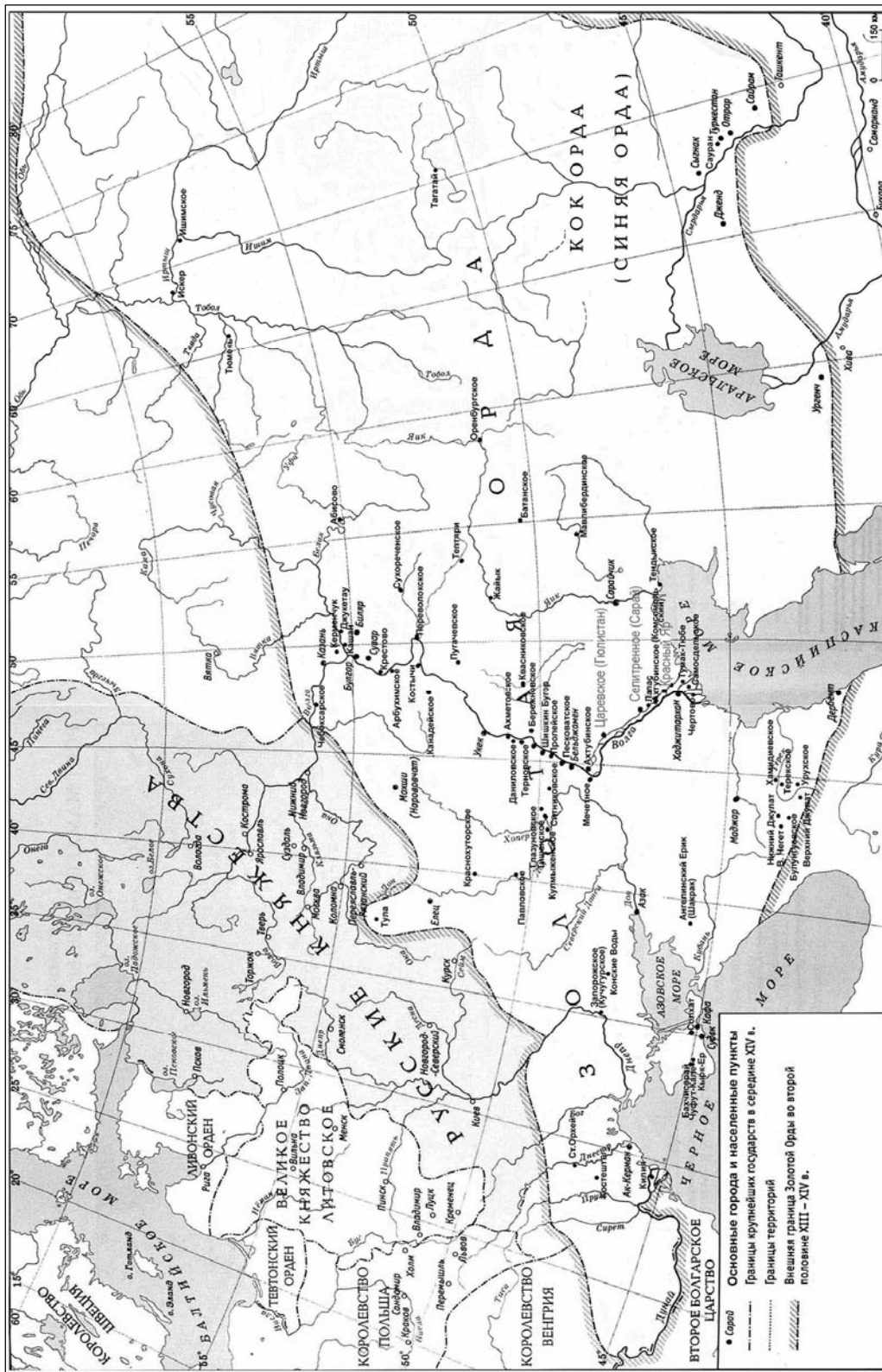

Рис. 1. Золотая Орда в XIV в. (по В.Л. Егорову [25] с коррективами)

Географический обзор золотоордынских городов.

Самый подробный обзор известных науке золотоордынских городищ по регионам мы можем найти в монографии В.Л. Егорова [25]. Приведем его здесь в сильно сокращенном виде и постараемся дополнить данными, которые появились в науке с момента выхода из печати «Исторической географии Золотой Орды».

Начинается обзор с Пруто-Днестровского междуречья, где В.Л. Егоров насчитывает четыре городища – Аккерман, Килия, Костешты и Старый Орхей. Два первых города являлись крупными центрами международной торговли и существовали в окружении кочевой степи, в отрыве от оседлой округи. Городища Костешты и Старый Орхей располагались в земледельческих регионах и были окружены многочисленными деревнями. Среди этих городищ выделяется Старый Орхей – один из самых крупных городов Золотой Орды, административный, ремесленный и торговый центр Пруто-Днестровья. Раскопками здесь выявлен ряд монументальных каменных построек общественного и религиозного характера – мечеть, церковь, три бани, остатки дворцового здания [62]. Из жилых построек следует отметить как обычные золотоордынские дома с системой отопления в виде канов и тандыров, так и остатки юрт, что свидетельствует о переплетении кочевых и оседлых традиций [25, с. 79–182].

В Днестровско-Днепровском междуречье В.Л. Егоровым учтено семь золотоордынских городищ – Маяки, Великая Мечетня, Безымянное городище, Солоное городище, Аргмаклы-Сарай, Ак-Мечеть, Балыклей. Возможно, эти городища возникли и существовали в XIV веке на торговых путях, связывавших Львов с Крымом и западные улусы государства с центральными районами [25, с. 82–84].

Левобережный бассейн Днепра в археологическом отношении недостаточно исследован. Здесь отмечены Кучугурское городище южнее Запорожья, городище Тавань севернее Херсона, Конское городище на берегу р. Конки. Кроме того, на Харьковщине, Полтавщине, а также в Донбассе располагается ряд городищ, которые не выявлены до сих пор археологически, но известны лишь по письменным источникам [25, с. 84–87].

Одним из наиболее урбанизированных регионов является Крым – традиции оседлости здесь появились задолго до прихода монголов. Однако его территория делится на степные районы, заселенные кочевниками, и горный Крым с черноморским побережьем, где была распространена оседлость. Здесь известны в золотоордынское время города Крым (Старый Крым) и Кырк-Ер (Чуфут-Кале). Генуэзцы называли город Крым Солхатом. Благодаря бурному расцвету генуэзской торговли и находившейся рядом Каффы, Солхат быстро превращается в крупный торговый и ремесленный центр. Ибн Баттута, посетивший его в 30-е годы XIV в., сообщает, что это большой и красивый город, от которого вглубь государства ведет дорога с расположенными на ней через определенные промежутки станциями для смены лошадей [75, с. 280, 284]. Со времени основания и до конца XV в. Крым являлся административным центром всего полуострова. Археологические исследования подтвердили развитие и высокую культуру города в XIII–XIV вв. До нашего времени здесь сохранился уникальный комплекс мечети-медресе Узбека, а также развалины еще двух мечетей и христианского храма. Другие города полуострова юридически к Золотой Орде не относились, однако находились в полной зависимости от монгольских властей. Это города Воспоро (Керчь), Каффа (Феодосия), Солдайя (Судак), Чембало (Балаклава), Феодоро (Мангуп). Эти города были окружены многочисленными сельскими поселениями и являлись перевалочными базами в международной торговле, играя очень важную роль в качестве посредников в торговых операциях на Шелковом пути. Именно здесь оканчивались все сухопутные караванные торговые пути и начинался морской путь в страны Ближнего Востока, Египет и Западную Европу. Сюда же стекались товары из северных областей – с Руси и Приуралья [25, с. 87–90].

Бассейн Дона – один из центральных районов Улуса Джучи. Южное Подонье – район степной, Северное – относится к лесостепи. В Южном Подонье до недавнего времени был известен лишь один крупный золотоордынский город – Азак (на месте нынешнего города Азова). Однако на средневековых картах в нижнем течении Дона отмечено еще несколько небольших поселений. Азак являлся крупным торговым центром в связи с существованием здесь генуэзской и венецианской колоний, которые носили название Тана. Именно сюда поступали все товары, поставлявшиеся караванами с Востока и с Руси. Встречный поток товаров поступал в Азак из стран Средиземноморья. В верхнем и среднем течении Дона известны следующие городища: Краснохуторское, Павловское, Тишанское, Дурновское, Глазуновское, Кумылженское, Ситниково, а также имеются сведения о городищах у г. Задонска Липецкой области и у пос. Елань-Колено Воронежской области. Разумеется, это далеко не все золотоордынские памятники, которые здесь существовали. В.Л. Егоров считает междуречье Волги и Дона в пределах современной Волгоградской области районом сплошного распространения оседлости на протяжении всего XIV века [25, с. 91–94].

В Поволжье в состав Золотой Орды вошел регион с давними традициями оседлой культуры – Волжская Булгария. Наряду с многочисленными сельскими поселениями и небольшими городами здесь в золотоордынское время отмечены города Джукетау, Биляр (домонгольская столица государства [76, с. 93–97], размеры которого в золотоордынский период сильно сократились), Сувар (также переживавший упадок в золотоордынское время), Кашан, Кременчук, Казань. Кроме того, археологически зафиксированы поселения Иски-Казань (городище, состоящее из Урматского селища и Камаевского городища), Барскоенарусинское селище и городище, Кокрятьское городище (возможно, остатки города Тухчин), Большеатряское поселение (предполагаемое место локализации города Шунгат), Чебоксарское городище [25, с. 94–106]. Наиболее важным и крупным городом региона в XIII–XIV вв. являлся Болгар – столица Волжской Булгарии золотоордынского периода (город Ибрахим, Брахимов или Брягов русских летописей [76, с. 60–62]), остатки которого находятся у современного с. Болгары на территории Татарстана. В ходе раскопок на территории городища были изучены целые районы жилой застройки в центральной части с остатками усадебной застройки. Кроме того, на городище либо сохранились на поверхности, либо раскопаны и музеефицированы крупные сооружения – Соборная мечеть, Большой и Малый минареты, ряд мавзолеев (Северный, Восточный, Черная палата, Ханская усыпальница), шесть общественных бань (самые известные из них – Белая палата и Красная палата) и ряд других монументальных объектов, которые свидетельствуют о значительном развитии городской культуры в золотоордынский период.

Земли бывшей Волжской Булгарии в XIII–XIV вв. являлись районом сплошной оседлости с многочисленными деревнями и мелкими городами, множество которых выявлено археологически. Помимо этого, здесь пересекались традиционные торговые пути, по которым везли пушнину из Приуралья, бассейна Вятки и северной Волги. Сюда же стекались многочисленные и разнообразные русские товары, где их ждали восточные купцы.

С Волжской Булгарией была тесно связана территория нынешнего Башкортостана. Однако эта территория располагалась вдали от крупных торговых путей и представляла собой сырьевую базу для поставок пушнины, меда, воска, кожи и других продуктов. Здесь известно Абисово городище – единственное, относящееся к эпохе Золотой Орды [25, с. 106].

Междуречье Суры и Мокши – один из самых северных улусов Золотой Орды. Здесь известен лишь один, но очень важный крупный город – Мохши около с. Наровчат Пензенской области. Город существовал в XIV–XV вв. и являлся весьма значительным по площади населенным пунктом. Здесь исследованы остатки мечети, бани, мав-

золеи, жилые дома. Город являлся административно-политическим центром большого района, населенного мордовскими племенами [25, с. 106–107].

Поволжский регион играл особую роль в жизни государства, поскольку являлся центральным в географическом и политическом отношении. Именно здесь располагалось наибольшее число населенных пунктов, именно здесь возникли первые города, основанные монголами в степи. Самый общий обзор позволяет насчитать в Поволжье от Татарстана до Каспийского моря 30–40 поселений, на которых обнаружены остатки строений из обожженного кирпича (то есть таких, которые могут считаться крупными городами). Начиная разговор о золотоордынских городах Поволжья, имеет смысл подробно остановиться лишь на самых крупных и значительных из них.

Городище Увек (золотоордынский город Увек) – один из самых ранних городов Золотой Орды, основанных самими монголами в 50-е годы XIII в. Его остатки расположены на правом берегу Волги на окраине современного города Саратова. Город Увек имел укрепления в виде вала и рва, протянувшихся от горы Каланча к берегу Волги. На городище еще в начале XX в. отчетливо выявлялись следы каменных построек золотоордынской эпохи, но из-за практически полной застройки планировка его в целом остается неясной. Археологические исследования показали, что древний город был вытянут вдоль Волги на расстояние более 2 км. Численность населения города может быть оценена в 9–10 тыс. человек. Раскопками выявлены разнообразные постройки из обожженного и сырцового кирпича, остатки водопровода, горны для обжига архитектурной керамики. В последние годы в Увек были найдены и исследованы остатки христианского храма [49; 50]. Указание на Увек содержится в «Книге» Марко Поло, отец и дядя которого побывали в этом городе в 1262 г. Гибель города связана с походом Тимура 1395 г. [57, с. 72–81].

Городище Водянское (возможное местоположение города Бельджамена – Бездежа русских летописей) находится на правом берегу Волги, севернее г. Дубовка Волгоградской области. Площадь его превышает 500 тыс. кв. м. Возведение золотоордынского города именно на этом месте было связано с удобным географическим положением. Дон здесь сближается с Волгой на минимальное расстояние. Это позволяло купцам переправлять товары и суда сухим путем из одной реки в другую с наименьшей затратой сил. Отсюда начинался путь в обе золотоордынские столицы и далее в Хорезм, Монголию и Китай. Существование переволоки в этом месте подтверждается надежными историческими источниками. Археологические исследования Водянского городища позволяют характеризовать Бельджамен как один из развитых и благоустроенных городов Золотой Орды. Кроме разнообразных жилых домов, здесь исследованы остатки каменной и кирпичной мечетей, три мавзолея, баня с водопроводом и различные ремесленные комплексы. Особо надо отметить обнаруженный здесь русский квартал, заселенный пленными, превращенными в рабов. Стратиграфия археологических напластований говорит о том, что начало городу положили пригнанные сюда русские пленники, которые жили в землянках [25, с. 109–110].

Крупнейшими городищами на территории Золотой Орды являются Царевское в Ленинском районе Волгоградской области и Селитренное в Харабалинском районе Астраханской области. Эти два археологических памятника по своему местоположению, площади и богатству находок могут претендовать на роль столицы Золотой Орды.

Площадь Царевского городища в пределах укрепленной части составляет 160 га, с учетом неукрепленной части превышает 400 га. На городище прослеживаются улицы, отдельные усадьбы и арыки; исследовалась система искусственных бассейнов. Царевское городище интересно по своей планиграфии. Достаточно хорошо сохранился микрорельеф памятника: на планах середины XIX в. четко видны все улицы и дома, число которых доходит до 1550 (рис. 2). В центре города имелась большая площадь с крупными зданиями, от которой расходились к окраинам улицы; от них, в свою очередь, отходили боко-

вые улицы, образующие прямоугольные кварталы. На южной окраине укрепленной части городища были исследованы три усадьбы знати, окруженные четырехугольными оградями и снабженные, помимо домов владельцев, бассейнами, домами слуг и охраны. На памятнике были исследованы наземные и углубленные в землю жилища, обнаружены также следы юрт, монументальные здания и различные ремесленные мастерские (зафиксированы косторезное, гончарное, железоделательное, стеклодельное, бронзолитейное и ювелирное производства). В развалинах домов иногда встречались человеческие скелеты, в том числе с застрявшими в них железными наконечниками стрел – это говорит о катастрофической гибели города [57, с. 74–75]. Царевское городище традиционно в отечественных исторических исследованиях связывается с местоположением города Сарая ал-Джедид, второй столицы Золотой Орды [82, с. 22–23, 27].

Рис. 2. План Царевского городища 1842 г., снятый топографом Волоховым под руководством Н.К. Тетеревникова (по Н.И. Савельеву)

Селитренное городище расположено на левом берегу Ахтубы (главной протоки Волги в XIV веке) у села Селитренное Харабалинского района Астраханской области. Оно вытянуто вдоль реки более чем на 7 км, вглубь степи уходит на расстояние до 2 км. На городище имеются слабые укрепления в виде вала и рва, сооруженные в 60-е годы XIV в. Здесь археологически были исследованы наземные (в том числе юрты) и углубленные в землю жилища, усадебные комплексы, мечеть, остатки минарета, бани, медресе, мавзолеи, мастерские (гончарные, стеклодельная, косторезная, по обработке полудрагоценных камней). Мощност культурного слоя памятника достигает местами 2 м.

Для Селитренного городища характерна сплошная застройка с улицами и арыками, в западной части города господствовала богатая усадебная застройка, там за глинобитными стенами располагались дома владельцев усадеб, жилища ремесленников и слуг, хозяйственные постройки, водоемы. На памятнике была исследована большая мануфактура типа кархана и самые крупные золотоордынские дома дворцового типа. Также здесь был раскопан центр аристократического района, состоящий из Джума мечети, медресе и общественной бани-хаммам. С 70-х годов XIV в. по XV в. включительно значительную часть площади городища занимают могильники. В целом Селитренное городище датируется по нумизматическим материалам последней трети XIII – серединой XV в., причем период наиболее активной экономической жизни памятника приходится на 1330–1390-е годы [57, с. 75–76].

В археологической и исторической литературе общепринятой точкой зрения считается отождествление Селитренного городища с остатками первой столицы Золотой Орды – города Сарая [25, с. 114–117; 82, с. 22–23, 27]. Помимо этих двух крупных городов в Нижнем Поволжье известен по письменным источникам и монетному материалу город Гюлистан, который долгое время оставался не локализованным [25, с. 114].

Традиционная точка зрения о расположении первой столицы Золотой Орды на Селитренном городище, а второй – на Царевском, была подвергнута критике на рубеже XX и XXI вв. В ходе анализа нумизматического материала с данных городищ стало видно несоответствие количества и типов монет, найденных там с теми населенными пунктами, с которыми они отождествлялись. Возникла обоснованная гипотеза, согласно которой на Царевском городище в настоящее время исследователями локализуется город Гюлистан, а на Селитренном – город Сарай ал-Джедид [7; 17; 22; 66; 67; 69]. Начавшаяся научная дискуссия помогла уточнить местоположение первой и второй столиц Золотой Орды. Первоначальная гипотеза В.Г. Рудакова и Е.Ю. Гончарова о местоположении двух столиц Золотой Орды – Нового и Старого Сараев – на Селитренном городище была подвергнута серьезной критике со стороны И.В. Волкова, указавшего на многочисленные письменные и картографические свидетельства существования именно двух столиц в государстве [15; 16], а также критике А.В. Пачкалова [59].

А.В. Пачкалов выдвинул предположение, согласно которому в настоящее время в качестве возможного местонахождения города, основанного Бату в XIII веке, рассматривается крупное Красноярское городище, располагающееся примерно в 40 км к северо-востоку от Астрахани, на северо-восточной границе дельты Волги [61]. Основаниями для такого предположения являются, во-первых, результаты анализа монетного материала, происходящего как с поверхности и культурных слоев городища, так и из захоронений могильника Маячный бугор, который соотносится с Красноярским городищем как его городской некрополь. Могильник был оставлен представителями высшей золотоордынской знати. Здесь зафиксировано наибольшее на всей золотоордынской территории скопление захоронений с монетами и наибольшее в процентном отношении количество богатых захоронений (с золотыми и серебряными предметами). Ряд черт погребального обряда позволяют связать данные захоронения с выходцами с Дальнего Востока – чжурчжэнями, уйгурами или китайцами, исповедовавшими буд-

дизм [9, с. 146–147; 10, с. 436–435]. Имеющаяся информация о Красноярском городище и его округе позволяет считать, что золотоордынский город здесь существовал уже во второй половине XIII в. Здесь найдены сарайские монеты XIII века, которые практически не обращались после правления хана Токты, а также монеты Укека, которые редко встречаются к югу от Саратовского Поволжья. Некоторые особенности монетного обращения Красноярского городища позволяют характеризовать его как крупный город. С.Ю. Скисов выделяет следующие особенности монетного обращения Красноярского городища: начало денежного обращения относится к началу 70-х г. XIII в. и достигает наивысшей активности в конце правления хана Токты – в начале правления хана Узбека. В 30-х гг. XIV в. денежное обращение резко сокращается, а затем практически прерывается в 40-х гг., возобновляясь лишь через 10 лет, но уже в другом качестве [73].

Археологические исследования начала XXI века и гипотеза о местонахождении города Сарая на Красноярском городище позволили уточнить местоположение некоторых городов, известных по письменным источникам, а также сделать предположение по поводу времени основания еще одного крупного города Нижнего Поволжья – Хаджи-Тархана.

Остатками Хаджи-Тархана является городище Шареный бугор, находящееся на правом берегу Волги, в 12 км выше центра современной Астрахани. Проведенные здесь археологические раскопки показали, что уцелевший участок городища представляет одну из окраин Хаджи-Тархана, застроенную по большей части землянками. Время основания города неизвестно, можно лишь с уверенностью сказать, что в XIII в. он уже существовал. Побывавший здесь в 30-х годах XIV в. Ибн-Баттута сообщает, что это «один из лучших городов, с большими базарами» [75, с. 301]. Зимой 1396 г. войска Тимура разграбили и сожгли город.

Гийом де Рубрук пишет, что Бату кочует по одной стороне реки Волги, а сын его Сартак по другой. Из контекста рассказа Гийома де Рубрук становится ясно, что на зиму Бату ставит лагерь в городе Сарае, а Сартак на противоположном берегу, и ниже они не спускаются. Между этими городами в дельте Волги располагается город Суммеркент, возникший еще до монгольского нашествия, поскольку монголам пришлось брать его штурмом. Путь от Сарая до ставки Сартака лежит именно через Суммеркент и многочисленные протоки Волги, которые приходится пересекать на лодках. Сартак к моменту путешествия Гийома де Рубрук (1254 год) велел начать строить в своей ставке поселок и христианскую церковь [65, с. 180–182]. Если предположить, что «Сарай и дворец Бату», как пишет Гийом де Рубрук, находились на месте Красноярского городища, и искать ставку Сартака напротив, на западном берегу Волги, то она обнаружится на месте города Хаджи-Тархана. Несмотря на то, что название города Гийомом де Рубрук не упоминается, однако у нас есть возможность связать основание этого города со временем начала строительства поселка и церкви царевичем Сартаком [12, с. 181].

В таком случае, у нас есть возможность локализовать город Суммеркент на городище Мошаик, которое находится на восточной окраине Астрахани, на берегу реки Болда, как раз на полпути между Сараем и Хаджи-Тарханом. Единственные сведения, которые до сих пор были известны о Суммеркенте, это сообщение Гийома де Рубрук: «При среднем рукаве [Волги] находится город, по имени Суммеркент, не имеющий стен; но когда река разливается, город окружается водой. Раньше чем взять его, татары стояли под ним восемь лет. А жили в нем Аланы и Саррацины» [65, с. 181].

В связи с возможностью локализации ставки Сартака на месте Хаджи-Тархана становится понятным, почему до сих пор не найдено Енотаевское городище, локализованное В.Л. Егоровым на правом берегу Волги, напротив Селитренного городища [25, с. 117]. Его просто не существует [12, с. 64–72].

Наличие в дельте Волги города Суммеркента, который был основан в домонгольские времена, заставляет нас обратиться к вопросу о существовании оседлости в Нижнем По-

волжье до прихода сюда монголов. Археологические раскопки в дельте, на Самосдельском городище, показали наличие на нем мощных культурных отложений IX–XIV веков, которые можно связать с остатками города Саксина – столицы одноименной области [14, с. 24–36]. В 30-х годах XIII века Саксин был взят монголами штурмом и сожжен, но в начале XIV века возродился и был отстроен заново. Если до прихода монголов он выполнял функции основного перевалочного пункта на Волго-Каспийском торговом пути, то в эпоху Золотой Орды он уже не мог конкурировать с новыми городами, построенными монголами. Тем не менее в золотоордынскую эпоху в дельте сохранялось население и многочисленные городки и села, входившие до монгольского завоевания в состав области Саксин. Одним из них и является городище Мошаик, упомянутое выше [13].

Уникальным памятником для Золотой Орды является городище Лапас, которое находится на левом берегу Ахтубы в Астраханской области между Селитренным и Красноярским городищами. В.Л. Егоров описывал рядом с городищем остатки четырех крупных золотоордынских мавзолеев, которые он предположительно связывал с захоронениями ханов Золотой Орды – Берке, Узбека, Джанибека и Бердибека, не исключая возможности захоронения основателя государства, Бату, в этой же местности [25, с. 117–118]. Проведенные на городище раскопки и разведки позволили обнаружить еще свыше десяти мавзолеев, датировать время начала строительства комплекса 1342 годом и предположительно связать возникновение самого большого мавзолея со смертью хана Узбека, которая последовала именно в этом году [8].

Огромный интерес вызывает также крупное городище, расположенное на левом берегу Ахтубы в 70 км к северу от Астрахани около поселка Комсомольский, к северу от современного Аксарайска. Здесь раскопками выявлено несколько крупных сооружений – дворцов и мавзолеев, ряд жилищ, большое число захоронений. А.В. Пачкалов предполагает, что здесь можно локализовать золотоордынский город Ак-Сарай [60].

Особое значение Волги в развитии экономики того времени состояло в том, что она была не только внутригосударственным путем, объединявшим отдельные улусы Золотой Орды. По ней осуществлялись крупные и постоянные международные перевозки товаров. Нижнее Поволжье в конце XIII–XIV вв. представляло собой важнейший узел международной транзитной торговли, где сливались два потока самых разнообразных товаров. Один из них шел с севера, второй – с востока. Русские, золотоордынские, восточные и западноевропейские купцы постоянно встречались здесь, развивая взаимовыгодные отношения и во многом способствуя процветанию поволжских городов [25, с. 120].

Весьма пестрым в этническом и хозяйственном отношении был Северокавказский регион в составе Золотой Орды. В золотоордынскую эпоху небольшие, но многочисленные населенные пункты сменяются несколькими быстро развивающимися крупными городами, которые в короткий срок становятся видными ремесленными и торговыми центрами.

Наиболее древним городом региона являлся Дербенд. Город возник задолго до монгольского нашествия. В XIII–XIV вв. он являлся пограничной крепостью, отделявшей владения Джучидов от территорий, находившихся под контролем Хулагуидов. При Бату через Дербенд велась торговля со странами Закавказья. При его потомках начавшаяся длительная война за Азербайджан снизила уровень регулярности этих отношений, сведя роль Дербенда к передовому пограничному форпосту, имевшему первостепенную стратегическую важность. Это единственная сохранившаяся крепость со значительными фортификационными сооружениями в Золотой Орде [25, с. 120].

Наиболее крупным и важным городом на Северном Кавказе являлся Маджар, остатки которого находятся на территории и в окрестностях современного г. Буденновска Ставропольского края. В настоящее время часть древнего городища застроена и распланирована, поэтому определить его площадь довольно затруднительно. По данным Э.В. Ртве-

ладзе, площадь города составляла 8 кв. км [64, с. 156–158], что свидетельствует не только о его обширности, но и о значительности той роли, которую он играл в политической и экономической жизни региона. Первейшее тому подтверждение – обладание правом чеканки монет, выпускавшихся здесь в XIV в. На Маджарском городище еще в конце XVIII в. сохранялось довольно много монументальных кирпичных зданий, что хорошо иллюстрирует рассказ Ибн-Баттуты («город большой, один из лучших тюркских городов, на большой реке, с садами и обильными плодами») [75, с. 278]. Маджар известен прежде всего по сохранившимся вплоть до конца XVIII века мавзолеям, которые были неоднократно зарисованы и описаны исследователями и путешественниками. Археологические обследования выявили здесь остатки жилищ, следы различных ремесленных производств, сложный по устройству городской водопровод, остатки общественной бани [41]. К округе Маджара относятся городища Малые Маджары и Верхние Маджары соответственно ниже и выше по течению р. Кумы. Этот археологический комплекс, видимо, представлял собой сплошную зону оседлости.

К числу остатков крупных и важных городов Северного Кавказа следует отнести городища Нижний Джулат у пос. Майский в Кабардино-Балкарии и Верхний Джулат (Татартуп) у с. Эльхотово в Северной Осетии. Первое городище предположительно идентифицируется в качестве средневекового города Джулата, второе – как летописный ясский город Демяков. Археологические раскопки на городищах выявили остатки монументальных сооружений – мечетей и минаретов. Минарет на городище Верхний Джулат сохранялся в течение долгого времени и разрушился только в 1981 году [40, с. 121]. Уникальность этого городища заключается еще и в том, что там исследованы остатки четырех христианских церквей [51, с. 131–157].

Помимо этих городищ В.Л. Егоров перечисляет на Северном Кавказе еще город Тарки около Махачкалы, Урухское и Терекское селища, а также Хамидиевское, Булунгуевское и Верхне-Чегемское городища в Кабардино-Балкарии.

На Таманском полуострове в золотоордынское время известны города Матрега на месте нынешней Тамани и Копа в устье р. Кубани. Кроме того, вдоль восточного побережья Азовского и Черного морей в XIV в. существовало 39 итальянских колоний. Недостаточная археологическая исследованность этого района не позволяет точно локализовать большинство из них, известны же они по средневековым картам. Сами колонии были небольшими поселками, но столь значительное число их свидетельствует об оживленной торговле, ведшейся итальянцами с местным населением. В целом Северный Кавказ и Прикубанье представляли один из важных экономических районов Золотой Орды, о чем свидетельствуют масштабы участия его в международной торговле [25, с. 123].

Волго-Уральское междуречье представляет собой обширные полупустынные и степные пространства. Города в золотоордынскую эпоху здесь располагались исключительно вдоль рек. Наиболее важным в политическом и экономическом отношении городом региона являлся Сарайчик, остатки которого находятся в Казахстане, на правом берегу р. Урала, у пос. Сарайчик (в 60 км выше города Атырау). Название города хорошо известно по письменным источникам и чеканившимся здесь в XIV в. монетам. Основание его относится ко второй половине XIII в., окончательное разрушение связано с нападением яицких казаков в 1580 г. Согласно сведениям В.Н. Татищева, купцы из Сарайчика (Зарайчина) в середине XVI в. приезжали торговать в Астрахань «со всякими товарами». К настоящему моменту остатки Сарайчика почти полностью разрушены в результате изменения русла р. Урала.

Помимо Сарайчика, в регионе известны городища на р. Большой Иргиз в Саратовской области, Сухореченское городище в Самарской области, Оренбургское городище на месте современного города Оренбурга, Тендыкское городище у пос. Тендык в Казахстане. Не так давно было выявлено городище Жалпактал в Западно-Казахстанской

области, где раскопано несколько сырцовых мавзолеев, остатки мечети и жилых построек. Инструментальная съемка городища показала, что его площадь достигает 68 га [52]. В 2001 году было открыто городище Жайык неподалеку от современного Уральска. Здесь были раскопаны многочисленные сооружения из сырцового и обожженного кирпича – жилые усадьбы, баня, мавзолеи, производственные комплексы [2; 3, с. 97–112]. Не вызывает сомнений, что все эти населенные пункты возникали вдоль торговых путей из Хорезма в Поволжье. По всей трассе этой караванной дороги, пролежавшей по пустынным безводным районам, на расстояниях, примерно соответствующих одному дневному переходу (около 30 км), были вырыты колодцы и построены караван-сарай. Некоторые из них исследованы археологами. На пути от Сарайчика до Ургенча на настоящий момент известно около 15 караван-сараяев [25, с. 125].

Улус Хорезм являлся приграничным юго-восточным районом государства. Видную роль в экономике региона играли торговля и орошаемое земледелие. Наиболее крупным городом и столицей региона являлся Ургенч (Гургандж, Орнач). Остатки его находятся у современного населенного пункта Куны-Ургенч в Туркменистане. Городище занимает площадь около 400 га. В результате монгольского нашествия Хорезм подвергся хозяйственному и демографическому разорению. Этому способствовал угон большого числа хорезмских ремесленников в Монголию и в Поволжье. Экономическое восстановление Хорезма происходит лишь в начале XIV в. В это же время возрождаются различные по величине населенные пункты типа хуторов, деревень и значительных по площади поселков. Разведки, проведенные далеко не на всей территории земель древнего орошения к настоящему времени выявили около 15 таких поселений. Площадь их различна, например, поселение Куны-Уаз II состояло всего из 12–15 домов, а поселение Акча-Гелин I растянулось вдоль русла ирригационного канала на 5 км, хотя и состояло из 40 построек. Подобные населенные пункты всегда располагались вдоль оросительных магистралей, вытягиваясь узкими полосами, достигавшими в длину до 10 км. В золотоордынское время в Хорезме существовало значительное число поселений сельского характера [25, с. 127].

На огромной территории степей Северного Казахстана, помимо развалин многочисленных мавзолеев золотоордынского времени известно несколько городищ – Мавлибердинское на реке Уил, Байтакское на реке Большой Хобде и Тагатай на реке Нура. На этих городищах зафиксированы остатки кирпичных стен и следы оросительных каналов. В целом, однако, в этом степном регионе оседлость была развита слабо [25, с. 127–128].

На территории Западной Сибири в бассейнах Тобола и Иртыша известно довольно много средневековых городищ, большая часть которых относится ко времени Сибирского ханства. Достоверно золотоордынскими являются города Тюмень (политический центр улуса в XIV веке) на реке Туре, Искер (Себур, Сибирь) на реке Иртыше около города Тобольска. Известно также городище Тонтур в Барабинской степи на р. Оми. Города эти, значительно удаленные от современных им центров развитого градостроительства, имели все же фундаментальные постройки, возведенные квалифицированными архитекторами [25, с. 128].

В XIII–XIV вв. Южный Казахстан входил в состав Кок-Орды, юго-восточной части Улуса Джучи. В ходе монгольского нашествия многочисленные города в бассейнах рек Сыр-Дарья, Таласа и Чу были разрушены, а население частично истреблено, частично угнано в плен. Проезжавший здесь в середине XIII в. Иоанн де Плано Карпини видел множество опустошенных городов и селений без каких-либо признаков жизни. В конце XIII – начале XIV в. происходит активное возрождение городской жизни в бассейне Сыр-Дарья. Центром Кок-Орды стал город Сауран в 30 км к северо-западу от современного Туркестана. Около города Яныкурган Кзыл-Ордынской области Казах-

стана располагаются остатки города Сыгнака. Около станции Тимур находятся остатки крупного города Отрара, где работал монетный двор в XIV веке. На правом берегу р. Жаны-Дарьи, в 115 км к западу от современной Кзыл-Орды располагаются остатки города Дженда – видного торгового и ремесленного центра низовий Сыр-Дарьи. Городище Яссы (Туркестан), где располагается культовый комплекс, посвященный суфийскому проповеднику Хаджи-Ахмеду Ясеви, частично застроено современным городом Туркестаном. Практически все эти города известны по письменным источникам IX–XI веков и значительно переживают золотоордынское время, запустевая лишь к XVIII веку, а Туркестан продолжает жить и поныне [25, с. 129–130].

В.Л. Егоров насчитывает на территории бывшей Золотой Орды остатки 110 населенных пунктов, которые на настоящий момент по большей части археологизированы и представляют собой городища и селища. 30 городов, известных в средневековье до сих пор не локализованы [25, с. 139]. Археологические наблюдения близки к сведениям о 170 городах в степи, которые приводит Эвлия Челеби [85, с. 143]. Однако являются ли все городища и селища в степях от Днестра до Урала и Западной Сибири остатками городов? Очевидно, что нет.

Сам В.Л. Егоров считал наиболее важными золотоордынскими городами Сарай, Сарай ал-Джедид, Хорезм (Ургенч), Гюлистан, Болгар, Биляр, Азак, Крым, Каффу, Хаджи-Тархан, Орда-Базар, Бек-Базар, Укек, Сарайчик, Мохши, Шехр ал-Джедид, Маджар. Эти города выделены по наличию у них права монетной чеканки. Кроме того, к важнейшим относятся города Бельджамен, Тюмень, Трестаго, Аккерман, помеченные флажками на карте братьев Пицигани. Все они были не только центрами ремесла и торговли, но и важными административными центрами [25, с. 139].

Так, В.Г. Блохин высказал сомнение в завышенном, на его взгляд, уровне урбанизированности Золотой Орды. Он считает, что большинство памятников, исследованных лишь разведочно, не дают возможности отнести их к категории городов. Даже раскопанные площади на остатках крупных поселений незначительны по сравнению с размерами самих поселений. Естественно, что в подобных условиях данные о структуре, функциональной нагрузке, времени и условиях возникновения тех или иных поселений будут достаточно условны. Из всего списка городищ, который приведен у В.Л. Егорова, В.Г. Блохин причисляет к остаткам городов лишь Увек, Хаджи-Тархан, а также Водянское, Селитренное и Царевское городища. Статус еще нескольких крупных поселений – Мечетного, Комсомольского, Красноярского, Самосдельского – автор предлагает определить после проведения широкомасштабных раскопок [5].

Естественно, что подобная постановка вопроса абсурдна. Археолог и историк, приняв эти правила, лишаются возможности не просто рассуждать о золотоордынских городах в общем, но даже судить об интерпретации того или иного отдельно взятого объекта «до проведения широкомасштабных исследований». К сожалению, для многих памятников археологии такое время не наступит никогда – это совершенно очевидно. Таким образом, мы сталкиваемся с проблемой археологической и исторической идентификации памятника, и рискуем превратить любой поселенческий памятник в непознаваемый объект. Ясно также, что проблема состоит в степени допущения, с которой мы готовы смириться в ходе исторической интерпретации.

Известным фактом является отсутствие у большинства золотоордынских городов укреплений – во всяком случае, у тех, которые существовали в степях. Исходя из общепринятой археологической терминологии, мы должны назвать остатки этих городов «селищами» (даже те, которые В.Г. Блохин определяет в качестве остатков городов). Тем не менее, по сложившейся традиции они именуется городищами, поскольку являются остатками крупных городов, то есть поселений, которые современниками назывались городами. Теоретические основы отнесения того или иного поселения к городам

Золотой Орды еще не выделены и не разработаны. Можно предложить в качестве таковых следующие:

1. Исключительно большие размеры памятника (размеры золотоордынских городищ варьируются в пределах от 15 га до 36 кв. км). Этот критерий субъективен, но учесть все местные особенности невозможно. Л.Ф. Недашковский, например, предлагает остатками крупных городов считать памятники с площадью 205–3385 га (таких в Нижнем Поволжье всего четыре – Увек, Царевское, Селитренное городища и Шареный бугор, что несколько расходится с точкой зрения В.Г. Блохина). К группе малых городов он относит памятники с площадью 10–100 га, к остаткам сельских поселений – селища с площадью 1–7 га, а к группе деревень – селища с площадью менее 1 га [58, с. 15].

2. Наличие богатого подъемного материала, включающего остатки столовой и тарной посуды, в том числе поливной.

3. Наличие богатого нумизматического материала – медных и серебряных монет.

4. Наличие на памятнике остатков строений из обожженного кирпича, а также поливных изразцов, мозаики и майолики.

5. Наличие мощного культурного слоя, датирующегося как минимум XIV веком.

6. Наличие среди находок большого числа фрагментов ремесленных изделий (не только керамики) – костяных, железных, медных, стеклянных, а также, возможно, следов производств.

7. Наличие на памятнике свидетельств транзитной торговли – значительное число предметов импорта, свинцовых грузиков-пломб, медных гирек, бронзовых и костяных весов и пр.

8. Возможность соотнесения памятника с упоминающимся в письменных источниках или с отмеченным на средневековых картах золотоордынским городом по особенностям топографии или по монетному материалу.

9. Одним из критериев отнесения памятника археологии к категории городов может явиться свидетельство чеканки на нем монеты в свое время, пусть даже в краткий период. Это будет означать, что поселение являлось административным и экономическим центром большой или малой округи, а значит – выполняло функции города (конечно, при этом следует также учитывать факт наличия обильной монетной чеканки в кочевой ставке – Орде, которая городом не являлась, по крайней мере, стационарным).

Кроме того, нужно иметь в виду, что средневековые критерии города не всегда совпадали с современными. Если населенный пункт считался городом в средние века и это зафиксировано в письменных источниках, у нас нет оснований считать его остатками сельского поселения.

Особенности городов в Золотой Орде.

Широкомасштабные исследования золотоордынских городов, проведенные Поволжской археологической экспедицией в 60–70-е гг. XX в. показали, что они отличались от современных им городов Востока и Запада. Анализу своеобразия городов Золотой Орды посвящен ряд ставших классическими работ Г.А. Федорова-Давыдова и В.Л. Егорова [23; 24; 27; 82, с. 12–16]. Основными их признаками являются возникновения «на пустом месте» по воле ханов, усадебная планировка, отсутствие крепостных стен и в результате этого – огромные размеры.

Одной из характерных особенностей золотоордынских городов степной зоны является усадебно-уличный характер их застройки. Уже первые исследования Царевского городища показали, что юго-восточная часть его была занята крупными усадьбами, которые представляли собой целые кварталы, в то время как в остальных частях города дома стояли вдоль улиц [77, с. 251; 78; 54; 55; 80; 27]. Дальнейшие раскопки Селитренного и других золотоордынских городищ доказали, что и там сохранялись те же принципы застройки [82, с. 12–16].

К сожалению, никаких конкретных сведений о начале строительства городов в Золотой Орде в письменных источниках не содержится, поэтому Г.А. Федоров-Давыдов предположил, что этот процесс проистекал примерно так же, как в Монголии. О строительстве Каракорума сообщает Рашид-ад-Дин: «Так как он [Угэдэй] еще раньше привез с собой из Китая разных ремесленников и мастеров всяких ремесел и искусств, то приказал построить в [своем] юрте Каракоруме, где он по большей части в благополучии пребывал, дворец с очень высоким основанием и колоннами, как и приличествует высоким помыслам такого государя. Каждая сторона того дворца была длиной в полет стрелы. Посредине воздвигли величественный и высокий кушк и украсили то строение наилучшим образом и разрисовали живописью и изображениями и назвали его «карши» [дворец]. [Каан] сделал [его] своим благословенным престольным местом. Последовал указ, чтобы каждый из [его] братьев, сыновей и прочих царевичей, состоящих при нем, построил в окрестностях дворца по прекрасному дому. Все повиновались приказу. Тогда те здания были окончены и стали прилегать одно к другому, то [их] оказалось целое множество [63, с. 40].

Следует отметить, что слои XIII в. в настоящее время на золотоордынских городищах почти не исследованы, поэтому все рассуждения о первоначальной структуре золотоордынского города во многом гипотетичны. Однако усадебная планировка сохраняется на протяжении всего периода существования Золотой Орды, и в настоящее время мы имеем достаточно сведений об усадьбах XIV в. Усадьбы феодальной знати и зажиточных горожан занимали значительную площадь – 5000–10000 кв. м [27, с. 268], вероятно, в связи с этим все исследованные на данный момент усадьбы раскопаны лишь частично. Тем не менее, структура их в общем и целом достаточно изучена. Крупные усадьбы состояли из дома владельца, жилищ прислуги, хозяйственных построек. Каждая усадьба имела свой водоем (хаус) и была обнесена забором (дувалом). Часто на ее территории располагались ремесленные мастерские, продукция которых использовалась внутри усадьбы и при избытке могла поступать на рынок. Г.А. Федоров-Давыдов подчеркивал сходство структуры усадеб Царевского городища с усадьбами Каракорума [55, с. 89; 21, с. 128, рис. 80].

Еще одним важным признаком новых городов является отсутствие укреплений и, соответственно, трехчастной структуры, характерной для средневековых городов Востока и Запада, в которых выделялись цитадель (кремль, арк), часть, ограниченная городской стеной (посад, шахристан), и пригород (селище, рабат). Некоторые города, пришедшие на смену поселениям более раннего времени, сохранили их первоначальный план. Таков, например, Нижний Джулат на Северном Кавказе [86, с. 47; 44]. Примечательно, что наиболее значимые общественные здания (например Джума мечеть) находились внутри цитадели. Но «ханские» города, построенные на «пустом месте», четкой структуры не имели: плотная застройка центральной части плавно перетекала в более разреженную окраину и пригород.

В смутные времена «великой замятни» 60–80-х гг. XIV в. в некоторых золотоордынских городах начинают возводиться небольшие земляные валы, огораживающие лишь часть города. Такие валы известны на Селитренном, Водянском и Царевском городищах. То, что эти укрепления построены в то время, когда города уже существовали, хорошо видно на примере Царевского городища, где ров и вал прошли прямо по территории аристократической усадьбы, разрезав ее ограду и разрушив хозяйственные постройки [55]. Последние исследования показали, что прекрасно сохранившийся вал Булгарского городища тоже относится к этому времени⁵⁰.

Если в городах Нижнего Поволжья валы не могли играть роль серьезных фортификационных сооружений, то в Солхате в 70-е гг. строится настоящая крепостная стена из

⁵⁰ Раскопки А.М. Губайдуллина 2015 г.

местного известняка. История возведения этих укреплений чрезвычайно интересна [48, с. 219–228]. Первые укрепления в виде рва возникают в Солхате в 1362–65 гг., и связаны они с угрозой литовского вторжения. С 1375 по 1380 гг. по приказу беклярибека Мамая в Солхате возводится каменная крепость. Крепостная стена длиной более 6 км была усилена башнями, число которых, по мнению М.Г. Крамаровского, достигало 65 [48, с. 225]. По замыслу Мамая каменные стены Солхата должны были уравновесить оборонительный потенциал Каффы и сдержать генуэзскую экспансию. Однако осуществление столь грандиозного проекта подорвало экономику Крыма, вызвало недовольство большей части населения и в конечном счете послужило существенной причиной поражения всеильного Мамая, утратившего какую-либо поддержку [48, с. 227–228].

Ничем не стесненные города Золотой Орды достигали огромных размеров. Вот что писал о Сарае магрибский путешественник Ибн Баттута: «Однажды мы выехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объем его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня. Совершили там молитву полуденную, поели и добрались до нашего жилища не раньше, как при закате. Однажды мы прошли его в ширину, пошли и вернулись через пол дня, и все это сплошной ряд домов, где нет ни пустопорожних мест, ни садов» [75, с. 306]. Размеры Сарая (Селитренное городище) исследователи оценивали по данным археологии от 10 кв. км. до 36 кв. км [25, с. 115]. Современные исследования показали, что площадь собственно города составляет около 15 кв. км, а далеко в степь от него тянутся некрополи с мавзолеями из сырцового и обожженного кирпича [68, с. 289–295].

Численность жителей Сарая оценивалась в 75000 человек. Ибн Арабшах приводит интересный эпизод, который подтверждает сведения о величине и плотности населения в Сарае: «Это был один из величайших городов по положению своему и населеннейший по количеству народа. Рассказывают, что у одного из вельмож его сбежал невольник и, поселившись в месте, отдаленном от большой дороги, открыл там лавочку и торговал в ней, снискивая себе пропитание. Так прожил этот негодяй около 10 лет, и господин его ни разу не встречал его там, не сходил с ним и не видел его, вследствие величины его (города) и многочисленности жителей его» [75, с. 463].

Огромные размеры новых городов в Золотой Орде и отсутствие в них четко выделенных частей привело некоторых исследователей к мысли, что они не являются настоящими городами. Так, М.Г. Крамаровский называет их «агломерациями», в которых жилые кварталы перемежаются с садами, пастбищами и сельскохозяйственными угодьями [46, с. 110]. Настоящим городом, по его мнению, был Солхат, площадь которого составляла всего 2 кв. км. С этим мнением трудно согласиться. Прежде всего, автор не последователен. Буквально на следующей странице он пишет, что в истинном городе, Солхате не было плотной застройки, и между домами было много садов и огородов [46, с. 112]. Если же мы посмотрим на план Царевского городища (рис. 2), снятый в середине XIX в., когда рельеф еще хорошо прослеживался, то на нем видно, что вся центральная часть этой «агломерации» (в пределах вала) чрезвычайно плотно застроена [71, рис. 4]. Кстати, площадь этой центральной части также составляет 2 кв. км. За валом застройка менее плотная, но здесь много больших усадеб, примыкающих друг к другу. Конечно, здесь могли быть сады и даже огороды, но никакие крупные поля и пастбища в пределы города просто не вместились бы. Такая же ситуация, вероятно, была и на Селитренном городище, но на этом памятнике рельеф прослеживается гораздо хуже, и о застройке можно судить в основном по материалам раскопок. И, наконец, Ибн Баттута, видевший Сарай воочию, говорит о сплошном ряде домов, «где нет ни пустопорожних мест, ни садов» [75, с. 306].

Сложение городской структуры.

Несмотря на значительную степень исследованности золотоордынских городов XIV в., до сих пор невозможно сделать исчерпывающие выводы об их структуре. Это связано, прежде всего, с огромными размерами городских центров. Так, например, широкомасштабные раскопки Селитренного городища, площадь которых составляет в настоящее время около 30000 кв. м, затронули лишь небольшую часть памятника, общая площадь которого не менее 15 кв. км [68]. Можно констатировать лишь, что города Золотой Орды имели усадебно-уличный характер застройки, и там отсутствовали кварталы сплошной застройки, характерные для большинства городов Востока.

Тем не менее, раскопки аристократического района Сарая (Селитренное городище) содержат данные, которые позволяют предположить, каким именно образом происходило сложение городской структуры во времена хана Узбека. Район этот, расположенный между буграми Кучугуры и Красный, возник в 30-е гг. XIV в. Здесь был

исследован общественный центр, состоящий из Джума мечети, здания медресе или ханака, а также общественной бани-хаммам [43; 90]. Общественные постройки окружали дома рядового населения. Также в этом районе были исследованы четыре большие аристократические усадьбы.

Самым значительным зданием в этом комплексе (рис. 3) была большая мечеть [32, с. 354–357; 40, с. 24–27]. Она состояла из двух помещений – молитвенного зала (1) и пристройки (2) в северо-западной части здания. Молитвенный зал мечети был квадратным в плане размерами 36,5 x 35,5 м. Главный вход в него оформлен массивным порталом, который обращен к площади. Еще два входа с порталами меньшей величины были сделаны в западной и восточной стенах (подробно о мечети Сарая в главе «Архитектура и искусство»).

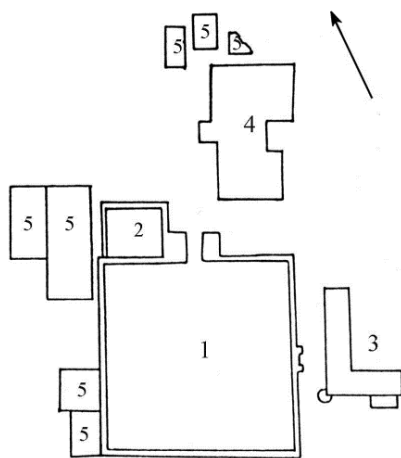

Рис. 3. Схема плана общественного центра:
1 – мечеть; 2 – пристройка к мечети;
3 – здание медресе; 4 – общественная баня;
5 – жилые дома

К южной стороне мечети находился некрополь, состоявший из нескольких мавзолеев, склепов и могил с кирпичными надгробиями (мастаба) [83]. Некрополь возник, когда мечеть уже существовала. Возможно, это даже произошло, когда она перестала функционировать, а весь район пришел в запустение.

К востоку от мечети располагалось большое многокомнатное здание (3), которое по ряду признаков также можно считать общественной постройкой, связанной с мусульманской религией – медресе или ханака [36, с. 129–151; 39, с. 82–98; 40, с. 64–65]. Здание, исследованное частично, скорее всего, имело прямоугольную форму и состояло из ряда помещений, окружающих внутренний двор. Раскопками были вскрыты два взаимно перпендикулярных крыла здания. Западная стена его была направлена парал-

лельно восточной стене мечети и находилась в 6,0 м от нее. Стены постройки были сложены из сырцового кирпича, а внешний, юго-западный угол укреплен круглой в плане башней-контрфорсом из обожженного кирпича. По линии С-Ю длина здания составляла около 20 м, по линии З-В – 15,1 м. Все помещения, кроме одного, пристроенного позднее, располагались в ряд по двум перпендикулярным осям. Северо-западное крыло здания занимали пять помещений, четыре из которых представляли собой жилые комнаты почти одинакового размера и сходной планировки, а пятое являлось небольшой кладовкой. Незначительное количество следов хозяйственной деятельности и бытовых предметов, а также полное отсутствие внутренних перепланировок, столь характерных для золотоордынских жилых домов, позволяет предположить, что у этих комнат не было постоянных владельцев.

В центре юго-восточного крыла здания располагалось квадратное в плане помещение домового мечети с михрабной нишей в южной стене. К востоку от молельной комнаты находились еще две жилые комнаты. По всей видимости, это здание является учреждением, связанным с мусульманской религией, таким как медресе или ханака. В одном крыле его находились стандартные комнаты для студентов или паломников, а в другом – домовая мечеть и жилище духовного наставника или содержателя странно-приимного дома.

К югу от большой мечети располагалась общественная баня-хаммам (4), предназначенная для зажиточных слоев населения [29, с. 174–226; 37, с. 71–72]. Фасад ее находился напротив главного портала мечети и восточного отрезка ее северной стены. Баню и мечеть разделяла площадь или улица шириной 11 м. Здание бани было вытянуто вдоль меридиональной оси и имело размеры 26 x 13,3–15,8 м. Внутри бани было девять помещений различного назначения, среди которых можно упомянуть обширный предбанник с теплыми суфами вдоль трех стен, чашей фонтана в центре, узорно выложенным кирпичами полом и решетками-панджара с цветными стеклами в окнах. Стены раздевалки были украшены поливными изразцами, а пол узорно выложен шестиугольными кирпичными плитками и изразцами бирюзового цвета. Отделение для мытья состояло из крестообразного зала и четырех небольших комнат по его углам.

К северу от бани находились жилые кварталы [28]. Здесь раскопано несколько домов с деревянными и сырцовыми стенами. Рядом с одним из домов обнаружены основания трех юрт. Наличие их свидетельствует о присутствии в городах кочевников или о сохранении кочевых традиций в среде городского населения.

Отдельные общественные здания, такие как мечети [32], общественные бани [29; 84; 87], медресе [36; 88, с. 106–108; 46, с. 113–116] исследованы во многих городах Золотой Орды, однако на Селитренном городище раскопан целый комплекс этих зданий, образующий общественный центр большого района города и единый архитектурный ансамбль. Все здания группируются вокруг большой мечети. К ней примыкает помещение суда или другого присутственного места. Благодаря наличию мечети, на этом участке было размещено здание духовной семинарии или гостиницы для паломников. И, наконец, рядом с мечетью находилась общественная баня. Следует отметить, что бани в мусульманских странах, как и в Древнем Риме, служили не только гигиеническим целям. Они являлись своеобразными клубами, местами отдыха, развлечения и общения, то есть выполняли функции общественных учреждений. Более того, баня, расположенная рядом с мечетью, могла являться ее вакуфным владением, как это часто бывало в странах Востока. Комплекс общественных зданий окружали жилые кварталы.

Стратиграфические исследования показали, что первой на этом участке была построена мечеть. Стены ее ориентированы по сторонам света с отклонением от меридиана к востоку на 30 градусов. По канонам мусульманской религии мечеть должна быть сориентирована по кыбле, то есть быть направлена михрабом на Мекку. Неиз-

вестно, каким образом делались вычисления при постройке Селитренской мечети, но в них была допущена ошибка. Несложные расчеты показывают, что на самом деле отклонение от оси север-юг должно составлять 16,7 градусов. Баня, медресе и жилые дома были построены позднее.

В этом же районе исследованы четыре крупные аристократические усадьбы. То, что хозяевами этих усадеб являлись именно верхи золотоордынского общества, свидетельствует наличие в домах больших парадных залов, предназначенных для приемов, аналогичных описанным Гийомом де Рубрук и Марко Поло пирам во дворцах великого каана в Монголии [33, с. 340–377; 34, с. 117–1264; 35, с. 102–112]. Крупные усадьбы, окруженные дувалом, составляли целые кварталы города. Они состояли из центрального дома, жилищ прислуги, хозяйственных построек, различных мастерских, других построек, таких как садовые павильоны и усадебные бани. Тем не менее они также были вписаны в городскую планировку. Свидетельством этого является тот факт, что стены их имеют такое же направление, как стены мечети и окружающих ее построек. Это доказывает, что в XIV в. город строился по единому плану. Вероятно, при разбивке каждого нового района сначала возводилась мечеть, ориентированная по кыбле, а к ней привязывались остальные здания.

Таким образом, в XIV в. золотоордынские города, хотя и сохранили усадебную планировку, отнюдь не являлись беспорядочным скоплением усадеб. Они строились по четкому плану, имели широкие улицы и были хорошо благоустроены.

Благоустройство золотоордынских городов.

Известная исследовательница Северного Кавказа Т.М. Минаева в своем очерке о Маджаре писала: «улицы были тесные, узкие, грязные» [53, с. 131–161]. Здесь явно сказался стереотип восприятия средневекового города. Действительно, в сжатых крепостными стенами городах Западной Европы, Ближнего и Среднего Востока улицы вынужденно делались узкими. Но в ничем не стесненных золотоордынских поселениях, как было показано выше, они могли иметь ширину 10–15 м. В том же Маджаре В.А. Городцов раскопал участок улицы, разделяющей усадьбы [19, с. 197–198]. Улица представляла собой «долину», по обеим сторонам которой располагались остатки построек. Разрез улицы показал, что она имела ширину чуть более 3,5 м и была с двух сторон ограничена глинобитными валами, которые являлись дувалами усадеб.

В степной зоне, где выпадает относительно мало осадков, улицы не мостились, только в отдельных местах встречаются вымостки из обломков обожженных кирпичей. Иная ситуация наблюдается в Болгаре, стоящем на черноземе, который при значительной влажности климата большую часть года представляет собой вязкую жирную грязь. Здесь на многих улицах были сделаны деревянные мостовые шириной около 2 м [4, с. 317–319].

Перед социально значимыми объектами, такими как Джума мечеть, большие мавзолеи, общественные бани, были сделаны площади, вымощенные каменными плитами [4, с. 313–316]. На площадях часто находились уличные водоемы, сложенные из камня. В центре площади мог быть устроен фонтан. Основания такие фонтанов найдены в Болгаре перед несколькими общественными банями. Площадь перед медресе «Узбека» в Солхате изображена на рисунке М.М. Иванова. Пространство перед порталом вымощено каменными плитами, а с левой стороны находится источник с водоемом (рис. 4).

Большое значение для любого города имеет система водоснабжения. Поэтому золотоордынские города обычно строились по берегам рек. Вода из рек и других естественных водоемов черпалась при помощи чигирных устройств. Сами чигирные колеса не были найдены, так как они делались из дерева, но чигирные сосуды – одна из наиболее массовых категорий керамики, находимых при раскопках золотоордынских городов и поселений. Вода поступала в систему арыков, которые плотной сетью покрывали все пространство города. Для накопления воды служили водоемы-хаузы. Хаузы находились

как на улицах, так и внутри крупных усадеб. В общественные здания, такие как бани, а также в уличные водоемы и фонтаны вода поступала по водопроводу, сложенному из керамических труб-кубуров (рис. 5). Значительные по протяженности линии водопровода были найдены на Селитренном и Царевском городищах, а также в Болгаре [4, с. 333–334]. Интересное строение имел водопровод в Маджаре, описанный землемером А.П. Архиповым. Он состоял из высокого сводчатого коридора, сложенного из кирпича. Архипов нанес водопровод на план, общая длина его составила около 650 м [19, с. 166–167].

Рис. 4. Площадь перед медресе «Узбека» в Солхате. Акварель М.М. Иванова

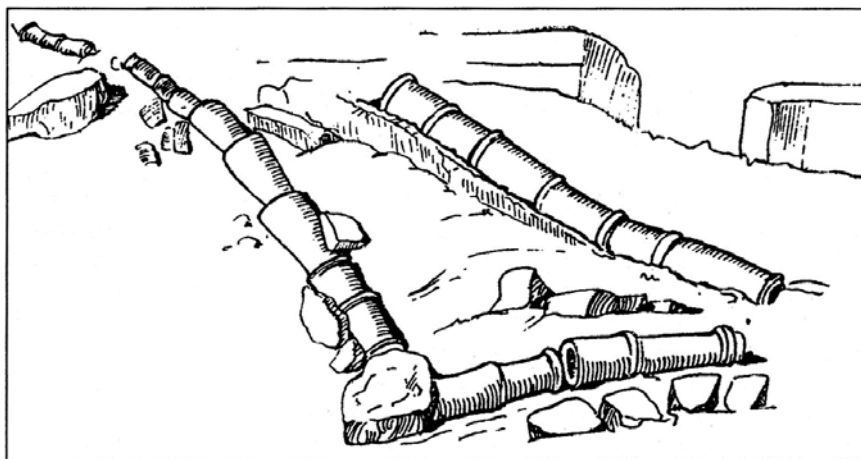

Рис. 5. Водопровод в Болгаре (по В.С. Баранову [4])

Вода в арыках и хаузах использовалась для различных нужд, но чистой питьевой водой жителей городов снабжали многочисленные колодцы. В Волжской Булгарии стенки колодцев укрепляли деревянными срубам [4, с. 322–329]. В Нижнем Поволжье колодцы выкладывали кирпичом, лекальным кирпичом, камнем [70, с. 288–289].

Все звенья сложной системы водоснабжения города были исследованы на Царевском городище [70]. Источниками воды здесь служили три крупных водоема: водохранилище на реке Кальгута, водохранилище на реке Царевка, и каскад озер на севере

города у подножия сырта. С помощью систем плотин, шлюзов и дамб эта вода направлялась в город. Водяными магистралями служили выкопанные каналы – арыки. Из Кальгуты каналы отводили воду на запад от города, в пригороды и орошаемые поля, а также в обводной канал в центре города. Из Царевки вода по каналам шла в город с востока, образуя единую систему с Солодовскими ериками. Из каскада водохранилищ вода поступала в обводной канал центра города, откуда распределялась по северным районам сетью более мелких арыков. Излишки воды, с помощью системы шлюзов в восточной части канала, могли отводиться в Солодовские ерики, где с помощью плотин также были устроены искусственные водохранилища. Вероятно, был возможен и обратный процесс. В случае нужды вода могла поступать из Солодовских водохранилищ в южную часть обводного канала, излишки ее уходили в Сахарное озеро. Бассейны-хаузы южной части города наполнялись самотеком, с помощью неглубоко залегающих грунтовых вод. Река Кальгута также снабжала водой и западные районы города: местность между Солончатым озером и рекой была покрыта сетью каналов. Южная и юго-восточная части города не имели развитой сети каналов, источниками воды являлись водоемы-хаузы, наполняемые близко залегающими грунтовыми водами. Для обеспечения жителей питьевой водой служили колодцы различного устройства. В некоторых из них обнаруживались глиняные трубы, которые могли служить водопроводами из колодца, или быть деталями фонтанов [70, с. 288–289].

В тех городах, где существовало избыточное увлажнение, грунтовые воды удалялись при помощи дренажных систем. Дренажная система (рис. 6), состоящая из отводных каналов, обложенных деревом и водоразборных и поглощающих колодцев, укрепленных деревянными срубами, была раскопана в Болгаре [4, с. 337–340].

Для отвода сточных вод в городах была сделана канализация. Участок канализационной системы вскрыт на Селитренном городище под площадью между мечетью и общественной баней (рис. 7). В нее по сливному лотку поступала вода из моечных помещений бани. Для сооружения канализации была выкопана траншея, в которую уложены деревянные трубы, сделанные из выдолбленных в средней части бревен. Вода по этим трубам поступала в квадратный в плане колодец-отстойник (рис. 8), стенки которого обложены обожженным кирпичом. Излишки воды стекали дальше по другой ветке канализационного канала [38, с. 165].

Следует упомянуть и уникальное для городов XIV в. гигиеническое сооружение – общественный туалет на Селитренном городище. Он находился прямо на улице, за общественной баней. Туалет представлял собой небольшое здание со стенами фахверковой конструкции. Он был разделен на два отдельных помещения, что также указывает на его общественный характер [28, с. 165]. Такое гигиеническое сооружение является элементом развитого урбанизма.

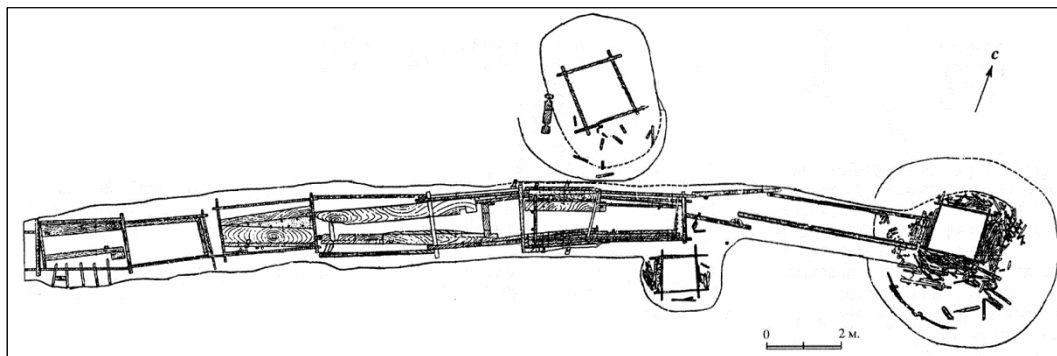

Рис. 6. Дренажная система в Болгаре (по В.С. Баранову [4])

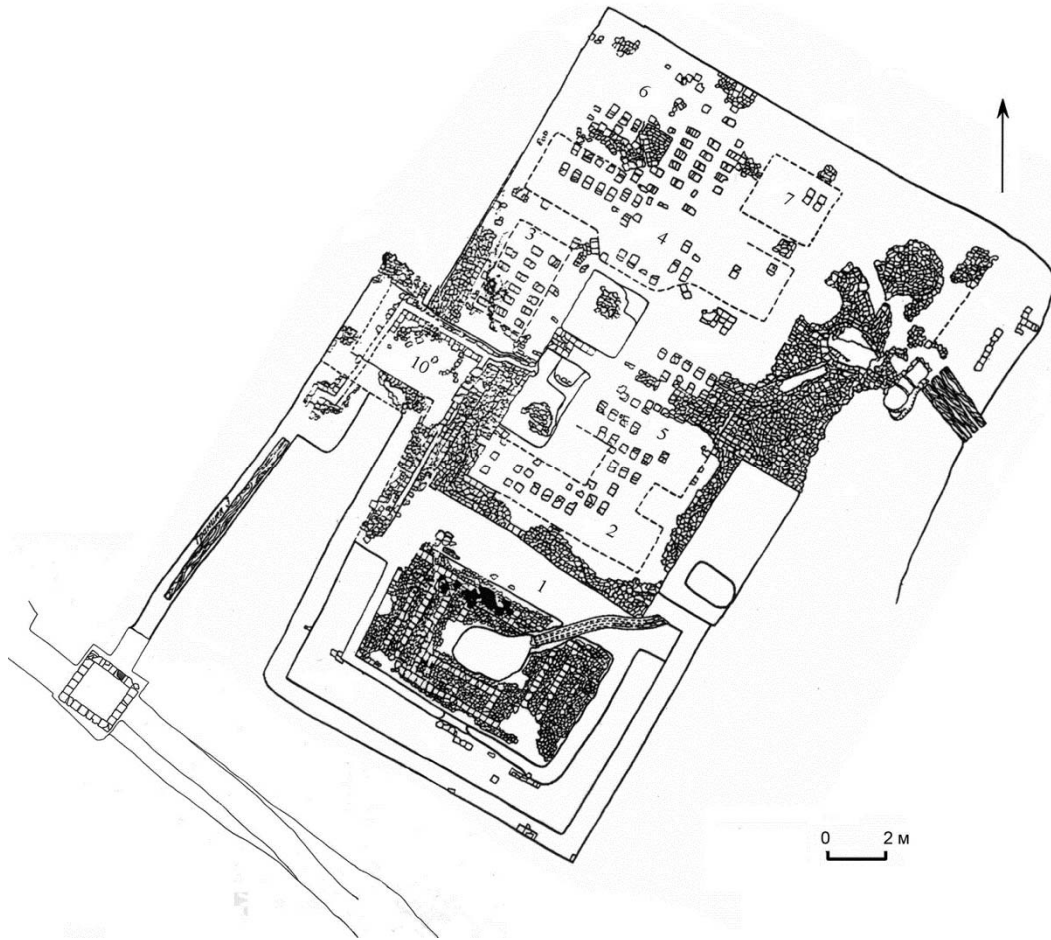

Рис. 7. Общественная баня с канализационной системой в Сарае

Золотоордынские города возникли не в результате длительного исторического развития, а в короткие сроки по повелению ханов. В считанные десятилетия они достигли небывалого расцвета, поражая своей красотой, размерами и благоустройством. Впитав в себя градостроительные традиции многих народов, они не стали калькой современных им урбанистических центров, а приобрели своеобразный, ни с чем не сравнимый облик. Просуществовав чуть более столетия, они сошли с исторической арены почти не оставив следа; сохранились лишь те города, которые были построены в традиционно оседлых районах. Степные города Золотой Орды можно сравнить с растениями-эфемерами. Ранней весной в голой унылой степи вдруг

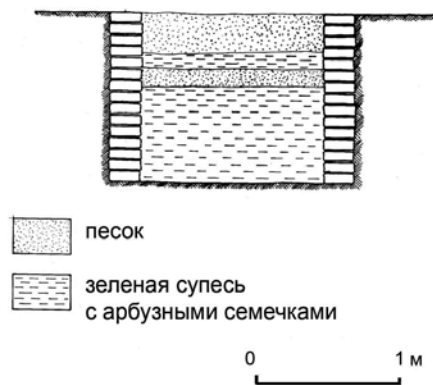

Рис. 8. Колодец-отстойник канализационной системы в Сарае, разрез

появляются отдельные звездочки тюльпанов, и вскоре вся степь полыхает алым цветом. Проходит короткое время, и цветы исчезают, как будто их и не было. И только семена, брошенные в землю, остаются в ней до следующей весны.

1. Абусейтова М.Х. Джувайни об «Отрарской катастрофе» // Вопросы истории (КазГУ). Вып. 7. Алматы, 1975. С. 108–123.
2. Байпаков К.М., Смағұлов Е.А. Ортағасырлық Сауран шаһары. Средневековый город Сауран. The medieval town Sauran. Алматы: Credo, 2005. 202 с.
3. Байпаков К.М., Ерофеева И.В., Иночкин В.А., Кривобокова С.С., Сдыков М.Н. Уральск: древний и современный. Очерки истории. Уральск, 2012. 384 с.
4. Баранов В.С. Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М.: «Наука», 2001. С. 311–351.
5. Блохин В.Г. Золотоордынские города Нижнего Поволжья: проблема социокультурной идентификации археологических бытовых памятников // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференция. Тезисы докладов. Волгоград: ВолГУ, 2007. С. 164–171.
6. Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград: ВолГУ, 2006. 268 с.
7. Варваровский Ю.Е. К вопросу о «теории двух Сараев» и локализации города Гюлистана // Археологические вести. №7. СПб., 2000. С. 251–265.
8. Васильев Д.В. Городище Ак-Сарай // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Астрахань: Изд-во АГПУ, 2001 г. С. 68–71.
9. Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. 192 с.
10. Васильев Д.В. К вопросу о местонахождении первой столицы Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XIV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Изд. «Фэн АН РТ, 2009. С. 436–445.
11. Васильев Д.В. Некоторые результаты исследований на раскопе №2 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Астрахань: Изд. Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 36–48.
12. Васильев Д.В. О пути Гильома Рубрука через дельту Волги и о населённых пунктах, которые он посетил // Золотоордынское наследие. Выпуск 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвящённой памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011 С. 64–72.
13. Васильев Д.В. Город и область Саксин в свете новых данных археологии // Поволжская археология. №2 (12), 2015 г. С. 189–267.
14. Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг. // Российская археология, 2006. № 4. С. 24–36.
15. Волков И.В. Золотоордынская принцесса, современные «историки-новаторы» и город Сарай ал-Джедид, не связанные между собой // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 8. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. С. 302–312.
16. Волков И.В. Источники о двух столицах Золотой Орды // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. III Международная научная конференция, посвящённая 75-летию со дня рождения Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931–2000). Тезисы докладов. Москва: «Нумизматическая литература», 2006. С. 119–120.
17. Гончаров Е.Ю. Старый и Новый Сарай – столица Золотой Орды (новый взгляд на известные источники) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2000. С. 345–351.

18. Гончаров Е.Ю. Монетные дворы Улуса Джучи // Труды II МНК «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах в XIII–XIV вв.» Муром, 6–12 сентября 2003 г. М.: «Нумизматическая литература», 2005. С. 97–102.
19. Городцов В.А. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджара в 1907 // Труды XIV археологического съезда. М., 1911. С. 162–208.
20. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 505 с.
21. Древнемонгольские города. М.: «Наука», 1965. 371 с.
22. Евстратов И.В. О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царёвского городищ (опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племён южнорусских степей. Ч. 2. Саратов, 1997. С. 88–118.
23. Егоров В.Л. Причины возникновения городов у монголов в XIII–XIV вв. // История СССР. 1969. № 4. С. 39–49.
24. Егоров В.Л. Золотоордынский город (причины возникновения, историческая география, домостроительство): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. 24 с.
25. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М.: «Наука», 1985. 245 с.
26. Егоров В.Л. Золотая Орда: мифы и реальность. М.: «Знание», 1990. 64 с.
27. Егоров В.Л. Города Руси и Золотой Орды в XIII–XIV вв. – общее и особенное // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. М.: Изд-во ГИМ, 2000. С. 263–272.
28. Зиливинская Э.Д. Жилые постройки Сарая по материалам раскопок 1984 года // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 114–120.
29. Зиливинская Э.Д. Бани Золотой Орды // Практика и теория археологических исследований. М.: Институт археологии РАН, 2001. С. 174–226.
30. Зиливинская Э.Д. Усадьбы золотоордынских городов. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2008. 172 с.
31. Зиливинская Э.Д. Раскопки усадьбы на Красном бугре Селитренного городища // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2008. С. 17–93.
32. Зиливинская Э.Д. Золотая Орда, как архитектурная провинция ислама: мечети Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Крыма // *Archeologia abrahamica*. М.: «Индрик», 2009. С. 349–385.
33. Зиливинская Э.Д. Влияние архитектуры Средней Азии на формирование усадебных зданий в Золотой Орде. // Отзвуки Великого Хорезма. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 340–377.
34. Зиливинская Э.Д. Усадебные и дворцовые здания Золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Планировка, традиции, инновации // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2010. С. 97–164.
35. Зиливинская Э.Д. Традиции архитектуры Среднего Востока в усадебном домостроительстве Золотой Орды // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2. С. 102–112.
36. Зиливинская Э.Д. Медресе и ханака в Золотой Орде (по письменным источникам и археологическим данным). // Проблемы истории, филологии и культуры. 2011. № 2. С. 129–151.
37. Зиливинская Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2011. 252 с.
38. Зиливинская Э.Д. Структура золотоордынских городов во времена хана Узбека // Ислам и власть в Золотой Орде. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 154–178.
39. Зиливинская Э.Д. Культовые постройки времени Узбека в Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация. № 6. Казань, 2013. С. 82–98.
40. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть 1. Культовое зодчество. М.-Казань: «Отечество», 2014. 228 с. + 220 с. илл.

41. Зиливинская Э.Д. Маджар // Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. С. 7–109.
42. Зиливинская Э.Д., Алексейчук С.Н. Усадебное здание на XV раскопе Селитренного городища // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2003. С. 295–345.
43. Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. Раскопки общественного центра в аристократическом районе Сарая // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 1. С. 204–213.
44. Зиливинская Э.Д., Чеченов И.М. Нижний Джулат // Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. С. 109–177.
45. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Monggol-un Nigusa tobciyan*. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный изборник. М.-Л.: Издательство Академии наук АН СССР, 1941. 611 с.
46. Крамаровский М.Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура. СПб., 2005. С. 13–173.
47. Крамаровский М.Г. Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар с древнейших времён. В семи томах. Том. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 567–589.
48. Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда, Византия, Италия. СПб.: «Евразия», 2012. 494 с.
49. Кубанкин Д.А. Христианское население золотоордынского города Укек // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А.Федорова-Давыдова. Казань, Астрахань, 2011. С. 211–216.
50. Кубанкин Д.А. Русская община золотоордынского города Укека // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 172–190.
51. Кузнецов В.А. Эльхотовские ворота в X–XV веках. Владикавказ: ФГУП «Издательство «Кавказская здравница», 2003. 194 с.
52. Марыксин Д.В., Алпаткина Т.Г. Первые результаты работ на городище Жалпактал // Маргулановские чтения – 2011. Материалы международной археологической конференции. Астана, 20–22 апреля 2011 г. Астана: ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, 2011. С. 312–316.
53. Минаева Т.М. Золотоордынский город Маджар // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 5. Ставрополь, 1953. С. 131–161.
54. Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарая // Советская археология. 1970. № 3. С. 149–171.
55. Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки усадьбы на Царевском городище // Вестник МГУ. 1978. № 3. С. 88–102.
56. Насонов А.Н. Монголы и Русь: (история татарской политики на Руси). М.-Л., 1940. 123 с.
57. Недашковский Л.Ф. Социальный облик крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья и поселений их округи // Учёные записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Том 151. Кн. 2, часть 1. 2009. С. 72–81.
58. Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: «Восточная литература», 2010. 351 с.
59. Пачкалов А.В. К вопросу об интерпретации эпитета «ал-Джедид» (по материалам городов улуса Джучи) // Поволжье в средние века. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Фёдорова-Давыдова (1931–2000). Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 2001. С. 60–62.
60. Пачкалов А.В. Сведения о золотоордынском городе, располагавшемся в селе Комсомольский (Аксарайский) Астраханской области // Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. С. 136–139.

61. Пачкалов А.В., Скисов С. Ю. Нумизматические находки на Красноярском городище в Астраханской области // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщ. М., 2009.
62. Полевой Л.Л., Бырня П.П. Средневековые памятники XIV–XVII вв.: Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 7. Кишинев, 1974.
63. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1, кн.2. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1952. 315 с.
64. Ртвеладзе Э.В. К истории города Маджар // Советская археология. 1972. № 3. С. 172–190.
65. Рубрук, Гильом де. Путешествие в Восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето Благости 1253 // Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. С. 85–194.
66. Рудаков В.Г. Вопрос о существовании двух Сараев и проблема локализации Гюлистана // Учёные записки. Татарский государственный гуманитарный университет. Вып. 7. Казань: Изд-во ТГГУ, 1999.
67. Рудаков В.Г. К вопросу о двух столицах в Золотой Орде и местоположении города Гюлистана // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.: Изд-во ГИМ, 2000. С. 305–323.
68. Рудаков В.Г. О границах Селитренного городища (по итогам археологических разведок 2002–2003 гг.) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья (I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Г. Волгоград, 1–5 ноября 2004). Тез. докл. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. С. 289–296.
69. Рудаков В.Г. Город Сарай в системе международной торговли // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. III Международная научная конференция, посвящённая 75-летию со дня рождения Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931–2000). Тезисы докладов. М.: «Нумизматическая литература», 2006. С. 182–183.
70. Савельев Н.И. Водоснабжение Царевского городища // Золотоордынская цивилизация. № 5. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 288–289.
71. Савельев Н.И. «План Сарайских развалин...» // Золотоордынская цивилизация. № 6. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 35–49.
72. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 279 с.
73. Скисов С.Ю. Вопросы датировки и хронологии Красноярского городища в золотоордынский период // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 18–21 октября 2010 г.). Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2010. С. 375–384.
74. Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2011. 434 с.
75. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Арабские источники. СПб., 1884. 580 с.
76. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Болгарии. М.: «Наука», 1984. 216 с.
77. Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Сарая в 1959–1962 гг. // Советская археология. 1964. №1. С. 248–271.
78. Федоров-Давыдов Г.А. Новый Сарай по раскопкам 1963–1964 гг. // Советская археология. 1966. № 2. С. 233–248.
79. Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.
80. Федоров-Давыдов Г.А. Исследование большой аристократической усадьбы на Царевском городище // Вестник МГУ. 1981. № 1. С. 64–84.
81. Фёдоров-Давыдов Г.А. Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII–XIV вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983. С. 215–220.

82. Фёдоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Московского ун-та, 1994. 232 с.
83. Фёдоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л. Отчёт о раскопках на Селитренном городище в 1986 г. // Архив Ин-та археологии РАН. Р.-1. №№ 11755, 11755а-в.
84. Хованская О.С. Бани города Болгара // Материалы и исследования по археологии СССР. № 42. М.-Л., 1954. С.392–425.
85. Челеби Эвлия. Книга путешествия. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1979. 288 с.
86. Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. (Материалы к археологической карте). Нальчик: «Эльбрус», 1969. 151 с.
87. Шарифуллин Р.Ф. Бани Болгара и их изучение // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М.: «Наука», 2001. С. 217–261.
88. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.-Л.: «Наука», 1964. 232 с.
89. Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Т.6, вып. 2. Л., 1930. 70 с.
90. Zilivinskaya E. The Golden Horde city pattern: evidence from excavations // Urbanism in Medieval Europe. Papers of the «Medieval Europe Brugge 1997» Conference. Zellik, 1997. Vol. 1. P. 29–36.

Глава IX.

Природный и социально-экономический кризисы

§ 1. Изменение климата в Центральной Евразии и Золотой Орде¹

Юлай Шамильоглу

Данная работа рассматривает вопрос климата и его изменения в Центральной Евразии в течение золотоордынского периода (XIII–XIV века). Однако фокусирование исключительно на двух веках не может в действительности позволить осмысленно понять историю климата Центральной Евразии в этот период. В целях контекстуализации этого периода в истории климата было бы больше смысла рассмотреть его на фоне более обширного периода времени. По этой причине в данной статье я попытаюсь рассмотреть XIII и XIV столетия на фоне общей картины изменения климата с IX по XIX века. Причина выбора столь длительного периода времени заключается в том, что время существования Золотой Орды совпадает с периодом перехода от эпохи, известной как «средневековый теплый период», к более поздней тенденции охлаждения, известной как «малый ледниковый период».

Экологические зоны золотоордынских территорий.

Как известно, территория Золотой Орды, которая простиралась от Зайсанского прохода на востоке до различных земель в Восточной Европе на западе и от Хорезма и понтийских и казахских степей на юге до Сибири на севере, может быть примерно разделена на три экологические зоны. Самая южная растительная зона пустыни с оазисами [37, с. 95–96] – это хорошо известный пример варьирования в пределах одной зоны в результате резкого разделения между обитаемыми местностями и непригодными для жилья областями. В настоящее время в одной части этой зоны, которая находилась под господством Золотой Орды, а именно в Хорезме, выпадает 30 см среднегодового количества осадков или менее (с большими потерями из-за десикации), и максимум этого количества достигается только вдоль юго-восточных предгорий Центральной Азии (бывших в XIII–XIV веках частью Чагатайского улуса) [37, с. 77–78]. В тех частях этой зоны, бывших частью Золотой Орды, оседлый образ жизни человеческого обитания мог быть возможен только в орошаемых оазисах Хорезма.

Следующая зона на севере – это степная зона [37, с. 94–95], пастбища, известные средневековым путешественникам как «пустыня» [46, с. 112], и родина кочевого населения Золотой Орды и так называемых «империй степи» на протяжении всей истории. Степь начинается на востоке в Манчжурии и простирается полосой шириной приблизительно в 300–1100 км на запад через Монголию вплоть до Румынии, за которой Дунай впадает в Черное море, и до Альфельда или Великой Венгерской равнины. Эта зона простирается на запад от Монголии только в двух местах: возвышенная южная степь проходит через Джунгарские ворота [37, с. 50] и окружает озеро Иссык-Куль (эта область являлась частью Чагатайского улуса), а северная степь выходит через Алтайские горы вдоль реки Черный Иртыш к озеру Зайсан и продолжается на северо-запад, вдоль реки Иртыш. К этому нужно также добавить очертания прилегающей смешанной лесостепи к северу от степной зоны, поскольку эта переходная зона лугов и лесов прибли-

¹ Перевод с английского Романа Хаутала.

зительно в 200–500 км в ширину [37, с. 93–94], часто представлялась легкодоступной для кочевников, хотя и оседлые жители также обитали в этой зоне.

За лесостепью находится смешанная лесная зона – конус, расширяющийся от востока Уральских гор на северо-запад до Балтийского моря и продолжающийся на севере. Этот смешанный лиственный-хвойный лес в конечном итоге превращается в хвойный лес в тех регионах, где климат является достаточно влажным и прохладным. Лесостепь и смешанный лес составляют одну из самых важных зон средневекового сельского хозяйства, даже несмотря на то, что лесостепь делилась вместе с кочевниками. На востоке лесостепь быстро превращается из смешанного леса или болот в таежную зону хвойных лесов, в то время как к западу от Волги лесостепь и лесная зона тянутся к юго-западу.

Существуют четыре характерные субзоны, простирающиеся через зоны, по которым перемещались скотоводы-кочевники, кочевавшие в широтном направлении из южной окраины степной зоны в лесостепь на севере. В южной окраине степной зоны помещается первая субзона полупустыни (которая иногда рассматривается частью зоны пустыни с оазисами), чья растительность чередуется сезонно между пустынной (летом) и степной (в зимнее время) растительностями [32, с. 175]. Это субзона колеблется между северным берегом Каспийского моря с продолжением по руслу реки Волги в течение двух-третьей пути до Волгограда, где линия 30 см среднегодового количества осадков пересекает Волгу, и самим Волгоградом. Вторая субзона сухой степи (иногда рассматриваемая частью отдельной зоны полупустыни) [37, с. 95] простирается от большой излучины Волги недалеко от Волгограда, где линия 40 см среднегодового количества осадков пересекает Волгу, на юг от Саратова. Возделывание земли в субзонах полупустыни, как правило, невозможно без орошения.

Третья субзона, то есть настоящие степи, простирается на север вдоль Волги с юга от Саратова к Самаре (Куйбышев), где находится еще один изгиб Волги. Наиболее широкая область этой степи представляет собой конус, расширяющийся в северо-восточном направлении от Черноморского побережья и западной прибрежной полосы Северного Кавказа в сторону Самары. В этой зоне выпадает больше осадков, чем в субзоне сухой степи (или полупустыни) на юге. Даже если она все еще является слишком сухой и подверженной засухам, препятствующим росту деревьев, выращивание в ней зерновых, таких как пшеница, возможно без орошения². Количество осадков продолжает увеличиваться при продолжении пути на север к окончанию субзоны настоящей степи в Самаре, где линия 50 см среднегодового количества осадков пересекает Волгу. Это начало субзоны лесостепи (часто рассматриваемой отдельной зоной), простирающейся вдоль реки Волги от Самары до южной стороны слияния Волги и Камы. Эта зона предоставляет наилучшие сельскохозяйственные земли с точки зрения тепла, осадков и плодородия. Зона лесостепи заканчивается, а зона смешанного леса начинается там, где линия 60 см среднегодового количества осадков пересекает Волгу. Лесные субзоны, продолжающиеся на севере, соответствуют не только районам повышения среднегодовых осадков, но также и все более коротким сезонам вегетации.

Дополнительные факторы, которые следует учитывать для степной и лесостепной зон, включают длительность и глубину зимнего снежного покрова, которые являются критическими факторами для пастухов-кочевников и их скота [41, с. 22 ff.]. К востоку от Уральских гор трава северной степи может находиться под снегом до 180 дней в зимнее время, и далее на восток она может быть покрыта снегом в течение 120 дней в зимнее время даже в южной степи Золотой Орды (за исключением возвышенных южных степей, относившихся к Чагатайскому улусу). С другой стороны, трава плодородной северной части степной зоны к западу от Урала покрыта снегом более 140 дней в зим-

² Смит предоставляет более подробный отчет, включающий превосходное описание растительности степной зоны [41, с. 22–24].

нее время, в то время как вдоль побережья Черного моря, на южном краю степи эта цифра снижается до всего лишь 40 дней. Вокруг Азербайджана и в Крыму продолжительность зимнего снежного покрова может быть даже меньше [37, с. 85; 25, с. 117]. Равносильным фактором является глубина зимнего снежного покрова. Хотя местные лошади этой области приспособились к снегу глубиной около 40 см, крупный рогатый скот, овцы и козы могут выжить на покрытых снегом пастбищах лишь при наличии высокой травы, покрытой снегом не более, чем на приблизительно 20 см³. По этой причине следует также рассмотреть данные о глубине зимнего снежного покрова: линия 20 см средней максимальной глубины снежного покрова пересекает Волгу к югу от большой излучины Волги, включая таким образом в себя большую часть самой южной субзоны степи и всю сухую степь. С другой стороны, ситуация далее на восток гораздо хуже: линия 20 см средней максимальной глубины снежного покрова опускается несколько к юго-востоку, огибая Аральское море и следуя параллельно с Сыр-Дарьей [37, с. 83], что может означать только то, что все субзоны степи восточнее Уральских гор располагаются на север от этой критической линии.

Представленные выше современные данные о вариации внутри степной зоны полезны (постольку, поскольку они могут быть применены для средневекового периода) для пересмотра основного вопроса, по поводу которого безрезультатно дискутировали историки, изучающие *Völkerwanderungen* или великие евразийские миграции: а именно, в связи с какими причинами происходила устойчивая череда исторических миграций кочевников с востока на запад? Я бы сказал, что существует, по крайней мере, одно существенное соображение, не представленное, как кажется, в традиционных исследованиях: ранние кочевнические народы к востоку от Уральских гор должны были хорошо знать, что зимы были менее суровыми на южных зимних пастбищах к северу от Черного моря и Кавказских гор, и что пастбища к западу от Уральских гор были гораздо богаче. Они, несомненно, понимали, что та же площадь пастбищ могла прокормить гораздо большую популяцию животных и, следовательно, человеческое население к западу от Уральских гор, чем на востоке от них. Скотовод-кочевник, занятый выращиванием своих стад в зимний период, также понимал, что южное зимнее пастбище с продолжительностью снежного покрова всего в 20–40 дней на западе давало большие преимущества по сравнению с южным зимним пастбищем на востоке с продолжительностью снежного покрова в 140 или более дней, в течение большинства из которых, вероятно, снежный покров пребывал на протяжении длительного периода времени глубиной в 20 см или больше. Также средневековые путешественники отмечали, что степь к востоку от Каспийского моря была заселена гораздо менее плотно, и подтверждали неспособность восточной степной зоны прокормить свое население столь же результативно, как это делала степная зона на западе [31, с. 58]. Поэтому более обильные водные и продовольственные ресурсы и более умеренные зимы на западе следует рассматривать как один из существенных факторов, привлекавших скотоводов-кочевников на запад из различных регионов на востоке на протяжении всего исторического времени. Однако необходимо учесть один дополнительный фактор: климат не был постоянной величиной и менялся с течением времени. Это означает, что он также мог повлиять на только что описанные условия.

Изменение климата на территориях Золотой Орды.

Описание экологических зон, представленных выше, основывается на данных современного периода. Однако в настоящее время исследователи ряда дисциплин при-

---

³ «Киргизские» (казахские?) жеребята не могут пробить копытом снег, чтобы добыть себе пропитание, находящееся на глубине более 25 см, в то время как взрослые лошади с трудом пробивают снег глубиной 30–40 см, что является максимумом для взрослых животных [41, с. 22].

знают, что климат не оставался постоянным на протяжении исторического времени и что современные климатические условия не обязательно соответствуют ранним периодам даже в течение последнего тысячелетия. Поэтому любое исследование окружающей среды этих территорий в период средневековья должно, по крайней мере, попытаться рассмотреть проблему климатических изменений в течение длительных и более коротких периодов времени так, как это делается в литературе естественных наук.

Климатические изменения могут быть изучены с точки зрения долгосрочных и краткосрочных вариаций. Свидетельства изменений в глобальном климате в течение длительных периодов времени (более тысячелетия и даже более длительных ледниковых периодов) предоставляют изменения в наступление и отступление ледников, изменения в структуре растительности, покрывающей землю, и многие другие категории так называемых «посреднических» свидетельств⁴. Ученые связывали климатические изменения на Земле в течение длительных периодов с колебаниями орбиты Земли, проявляющихся в отклонениях выше и ниже 43 градусов северной и южной широты. Совсем недавно ученые пришли к выводу, что изменение климата можно считать в настоящее время результатом изменений глобальных погодных условий, которые являются результатом изменений в световой мощи Солнца и других явлений⁵. Порой следует также рассматривать такие факторы, повлиявшие на глобальные погодные условия, как пепел, исторгнутый крупными извержениями вулканов. Свидетельства более поздних краткосрочных климатических изменений (в течение веков, десятилетий и отдельных лет) предоставляют менее масштабные наступления и отступления ледников; вариации в годичных кольцах деревьев; изменения в показаниях изотопов из различных источников, таких как датированные слои образцов ледяного ядра или годичные кольца деревьев; письменные источники и некоторые другие категории «посреднических» свидетельств.

Полезно напомнить, что кратковременное изменение климата на территориях Золотой Орды можно рассматривать на фоне долгосрочных тенденций в климате территорий, ранее известных как «европейская часть СССР». Анализ пыльцы из последовательных слоев торфяников (которые не могут быть точно датированы) показывает, что центр этой территории к северу от Москвы испытал существенную тенденцию к потеплению, начиная примерно с 6500 г. до н.э., который достиг максимума примерно в 4000–3000 гг. до н.э., и что в настоящее время продолжается фаза более холодного и влажного климата, которая затем последовала [8, с. 87; 39, с. 122]. Данные для Среднего Поволжья также выявляют тенденцию потепления, заканчивающуюся прохладной фазой, наблюдающейся на сегодняшний день⁶. Это также подтверждается данными из бассейна Малого Черемшана (к востоку от Волжско-Камского слияния), которые также показывают, что ранее климат этой территории был теплее и суше, чем сейчас, после чего последовал период повышенной температуры и осадков, что привело в конце концов к прохладному и влажному климату современной эпохи [19, с. 255–258]⁷.

⁴ Первая попытка изучения истории глобального изменения климата сделана Бруком [24].

⁵ См. статьи в книге под редакцией Вигли и др. [45]. См. также статьи в томе под редакцией Пеккера и Ранкорна [15] из важного сборника статей по проблеме изменения климата и Солнца; обзор некоторых из этих моментов можно найти в статье Вигли и Келли в том же томе [44, с. 547–549].

⁶ Торфяные болота возрастом в 4000–7000 лет в Среднем Поволжье выявляют сосново-березовую фазу, за которой последовала теплая ольхово-широколиственная (или хвойно-широколиственная) фаза, закончившаяся современной прохладной сосново-широколиственной фазой. Области далее к юго-западу выказывают былое присутствие таких деревьев, как граб и бук, которые предпочитают более теплые условия [39, с. 107–110].

⁷ В данной статье я не принимаю во внимание современную озабоченность по поводу глобального потепления.

Важно знать, какие выводы можно сделать из этих данных о климате второго тысячелетия н.э., и особенно в период XIII–XIV веков. Если судить по серии карт растительности Нейштадта, наглядно иллюстрирующих эти долгосрочные изменения за последние 12000 лет, можно видеть только то, что граница между степью и лесостепью продвинулась в некоторой степени на север за последние 2500 лет на территории к западу от реки Волги [13]. Это может быть признано как указание на то, что, в то время как конкретный состав растительности в различных экологических зонах изменился с течением времени, граница между различными зонами подверглась лишь незначительным изменениям в течение прошлого тысячелетия⁸. В отношении южных регионов видно, что в течение прошлого тысячелетия наблюдается прирост березы или сосны за счет растений, предпочитающих более теплые погодные условия, таких как широколиственные деревья в северной части Кавказских гор [13]. В Среднем Поволжье заключительный этап, продолжающийся до наших дней и представленный только 50–75 см верхнего слоя торфяных болот этой области, характеризуется увеличением сосны и березы с соответствующим уменьшением широколиственных деревьев. Некоторые из этих изменений могли быть вызваны вмешательством человека, но они также согласуются с наблюдающимся периодом охлаждения, который продолжался в течение прошлого тысячелетия [39, с. 107–110]⁹. Следует отметить, что верхние слои данных пыльцы из бассейна Малого Черемшана, соответствующих новейшему времени, выявляют увеличение ели, хотя к XIX–XX векам это дерево больше не произрастало в бассейне Малого Черемшана. Эти же самые верхние слои также указывают на уменьшение широколиственных деревьев [19, с. 259]¹⁰. Таким образом, эти данные свидетельствуют о том, что климат, возможно, был несколько теплее в прошлом тысячелетии, с определенными изменениями в данных даже за несколько последних столетий. К сожалению, такие данные не позволяют сделать более точные хронологические выводы о XIII–XIV веках.

Для более точной информации относительно периода Золотой Орды необходимо рассмотреть данные, которые могут быть точно датированы XIII–XIV веками. Для территорий Золотой Орды существует гораздо меньше доступных данных по краткосрочному изменению климата, чем для Западной Европы. Аналогично невозможно сделать выводы о климате Золотой Орды, базируясь на данных по остальной Европе того же периода¹¹. Тем не менее некоторые категории «посреднических» данных предоставляют важные сведения в отношении климатической истории территорий Золотой Орды в XIII–XIV веках. Эти данные включают в себя прямые ссылки на температуру, осадки и голод в таких источниках, как русские летописи, письменные и вещественные свидетельства об изменении уровня Каспийского моря, физические данные ежегодных донных отложений в озере Саки в Крыму, анализ пыльцы из поддающихся датировке археологических памятников и некоторые другие источники¹². Несмотря на это, я должен

⁸ Однако см. разногласия Бучинского с выводами Гричука в 1946 году: [4, с. 49–50].

⁹ Данные по Эстонии также показывают, что это долгосрочная тенденция охлаждения продолжалась в течение последнего тысячелетия [13, с. 42].

¹⁰ Шаландина приписывает это изменение образцов деревьев вмешательству человека.

¹¹ Считается, что колебания дождевых осадков и сточной воды в Крыму и большей части юго-восточной Европе, как правило, обратны колебаниям в северной, западной и центральной Европе [33, с. 84]. Тем не менее, детальные исследования изменения климата в Западной Европе в течение этого периода не могут рассматриваться применительно к территориям Золотой Орды. Кроме того, Золотая Орда покрывала настолько обширную территорию Евразии, что среди ее территорий наблюдались значительные вариации.

¹² Дополнительные сведения по климатической истории России предоставляет дендрохронология (изучение образцов годовых колец деревьев), но внезапные снижения роста колец для этого региона не имеют отношения к долгосрочным тенденциям выпадения осадков, здесь рассматриваемых. Они, скорее, могут служить индикаторами периодов холода или засухи [10].

предупредить, что не существует единого мнения относительно всех основных фактов, относящихся к климатической истории этой территории, и что я предлагаю в этой работе оригинальный синтез, который, несомненно, будет требовать обширного пересмотра по мере развития научных исследований¹³.

Изменение температуры и климата на территориях Золотой Орды.

Начиная с температуры, следует отметить, что хотя точные региональные и местные различия в температуре на территориях Золотой Орды могут остаться навсегда неизвестными, применение *глобальных* тенденций является очень привлекательной рабочей гипотезой, для которой могут быть также установлены некоторые другие корреляции. Одно исследование собрало данные для того, чтобы предположить, что равномерное наступление и отступление ледников по всему миру свидетельствует о краткосрочных глобальных тенденциях охлаждения и потепления, включая следующие холодные интервалы в течение последних двух тысячелетий¹⁴ [44, с. 550–551]:

Холодные периоды	(Предполагаемая минимальная дата)
570–660 гг. н.э.	(640 гг. н.э.)
850–1040 гг. н.э.	(930 гг. н.э.)
1280–1400 гг. н.э.	(1330 гг. н.э.)

Наоборот, максимальные температуры в течение *глобальных* периодов теплого климата могут приходиться на интервалы между этими холодными периодами (то есть между 660–850 гг. н.э. и 1040–1280 гг. н.э.). Основываясь на этих данных, кажется, что в большей или меньшей степени первые восемь десятилетий XIII века пришлось на завершающий период *глобальной* тенденции потепления. 1280 год обозначает начало периода *глобальной* тенденции охлаждения, длившегося до конца XIV века с кульминацией около 1330 г. н.э. Многие ученые и исследователи считают, что этот год на самом деле является началом периода охлаждения, известного как «малый ледниковый период» (с 1650, 1770 и 1850 гг. н.э. обозначающими начало трех отдельных холодных интервалов) [36].

Однако этой периодизации должны быть противопоставлены исследования, которые предполагают несколько иной ряд пессимумов (периодов охлаждения), чередующихся с оптимумами (периодами потепления) в Западной Европе в течение последних двух тысячелетий¹⁵. Эти противоречия во мнениях обусловлены не только внедрением новых данных, но также и тем, что изменение климата не было равномерным на всем европейском континенте, не говоря уже о всей планете¹⁶. Например, Фаган утверждает,

¹³ Я не буду пытаться подробно рассматривать эту литературу, поскольку это означало бы вступление в те области, где я оказался бы сугубо любителем. Я хотел бы отметить, однако, что большая часть данных, на которых основывается это исследование, взяты из русских летописей. Поскольку интерпретация этих данных остается открытой для обсуждения (см. пронциательные комментарии Ляхова: [12, с. 69]), историки должны подходить с большой осторожностью к реконструкции климата европейской части СССР (и согласованию, применяемому к этим данным в некоторых из этих публикаций).

¹⁴ Следует помнить, что эти данные могут не отражать другие незамеченные тенденции охлаждения, также как и то, что предложенные минимумы не следует рассматривать как отличающиеся высокой точностью.

¹⁵ См. Ле Руа Ладюри и Ламба по поводу различий в ранних периодизациях: [34, с. 245–246; 33, с. 117–271]. Другие исследователи используют термины средневековая теплая эпоха (1000–1400) и малый ледниковый период (1400–1800) [29, с. 16–17].

¹⁶ Климатические и краткосрочные изменения в погодных условиях не происходят равномерно (или предсказуемо, если уж об этом зашла речь) во всем мире [29, с. 16–17; 33, с. 21–66, особен-

что средневековый период потепления с 800 г. н.э. примерно до 1200 г. н.э. был обусловлен необычно мягкими и стабильными погодными условиями в Северной Европе, создавшими благоприятные безледные условия для плавания в северных морях. Это позволило викингам переплыть через Атлантический океан в Исландию, Гренландию и Лабрадор, а также отважиться на плавание до евразийских территорий в гораздо более широком диапазоне, чем они когда-либо предпринимали [26, с. 3–21]. Я хотел бы добавить, что теплые условия в регионе Среднего Поволжья, вероятно, были тем фактором, который способствовал миграции булгар на север, результатом которого было создание государства Волжской Булгарии.

Предлагаемая минимальная дата 1330 г. н.э. для холодного периода 1280–1400 гг. н.э. совпадает с началом распространения Черной смерти, подчеркивая взаимосвязь между изменением климата и болезнью, которая только сейчас становится очевидной для исследователей. Как известно, в отношении Европы и Северной Америки малый ледниковый период имел драматическое воздействие на повседневную жизнь и экономику местного населения, покинувшего многие населенные пункты в тех экологических зонах, которые были мало приспособлены для жизнедеятельности. Тем не менее, последствия самых суровых периодов малого ледникового периода для таких оседлых регионов, как Среднее Поволжье, или для кочевников евразийских степей еще ждет привлечения серьезного внимания исследователей. Как я уже отмечал в другом месте, Среднее Поволжье подвержено отравлению ржи во времена неблагоприятных условий ее выращивания, и экстремальные погодные условия связаны с изменением климата [22, с. 16]. Особого внимания также требует проблема кочевников Центральной Евразии, переживавших продовольственный кризис в период малого ледникового периода¹⁷.

Изменение выпадения осадков и климата на территориях Золотой Орды.

В отличие от вопроса о температуре, существуют обильные точные сведения для изучения атмосферных осадков на территории Золотой Орды в XIII–XIV веках. Для южных территорий превосходные данные о климатической истории в течение последних четырех тысячелетий можно найти в слоях донных отложений озера Саки в Крыму. Хотя эти данные известны среди историков климата, они до сих пор не рассматривались историками Золотой Орды. Согласно Шостаковичу, который впервые изучил эти отложения, 250–790 гг. пришлось на сухой период, а 1090–1280 гг. были периодом довольно обильных отложений [40, с. 179 и граф., с. 177]. Ламб считает, что необычно изобильные слои 805 г. н.э. и ряд очень тонких слоев 80-х годов XIII столетия обозначают начало и конец периода средневекового влажного климата в Крыму [33, с. 83–84 и изображение 34, «Плотность годовых слоев ила (varves) на дне озера Саки в Крыму с

но, с. 34–36]. Например, периоды теплой погоды в Антарктике 1250–1450 и 1670–1840 соответствуют пессимумах или периодам прохладной погоды в Западной Европе [33, с. 36–37]. Большие различия возникают между влажными и сухими или теплыми и холодными погодными условиями в течение длительных периодов времени в разных частях одной и той же широтной зоны по всей планете [33, с. 35]. Одним из объяснений феномена инверсной климатической флуктуации, уже упомянутой выше, является организация летних погодных систем в серии холодных ложбин. Система четырех холодных ложбин (поверх Берингова пролива, Атлантического побережья Северной Америки, Финляндии до Адриатики и Байкала) считается типичным образцом оптимума или теплого периода в Западной Европе, например в течение XI или XX веков, в то время как система пяти холодных ложбин (две над Северной Америкой и по одной над Англией, Аральским морем и Маньчжурией) считается образцом пессимума, например в течение XVI–XVII веков или в золотоордынский период. См. дополнительные сведения в кратком изложении Ле Руа Ладюри работ Ламба и ряда других исследователей: [34, с. 297–304, особенно, с. 299]. (Специалист отметил бы, что я значительно упростил описание этих сложных явлений).

¹⁷ Вайт предоставляет всестороннее исследование проблемы изменения климата и продовольственного снабжения в этот период для Османской империи [43].

указанием изменений осадков в этом районе с 2300 г. до н.э.]]¹⁸. Ламб далее отмечает, что периоды теплого климата в Западной и Северо-Западной Европе (в данном случае то, что он считает было оптимумом в VIII–XII веках) соответствуют периодам более влажного климата в Средиземном море, в Крыму, в регионе Каспийского моря и Центральной Азии [33, с. 173]¹⁹.

Значение этого количества осадков можно лучше понять, если учесть, что в течение этого периода в понтийский степях (к северу от Черного моря) выпадало количество осадков, эквивалентное осадкам, выпадающим сейчас в южной части лесной зоны [15, с. 15]. Дополнительным подтверждающим доказательством такого сценария на юге в этот период видится снижение верхнего предела пищевой линии в горах Кавказа, который соответствовал бы падению температуры на 0,7–0,8 градусов по Цельсию или повышению количества осадков на 250 мм [7, с. 32]. Конечно, остается неясным, насколько большую территорию можно подвергнуть обобщению на основании данных озера Саки, но можно предположить, что столь крупное увеличение осадков привело бы к увеличению роста трав в засушливых южных зонах полупустыни и сухой степи. И наоборот, окончание этого влажного периода привело бы к снижению роста трав в этих зонах.

Уровень Каспийского моря является еще одним косвенным источником для климатической истории Золотой Орды. Л.Н. Гумилев – один из многих исследователей, изучавших этот вопрос (но единственный с интересом к евразийской истории) – придерживается мнения, что уровень Каспийского моря менялся на целых 8 м выше или ниже современного уровня²⁰. С другой стороны, консервативные оценки таких уважаемых ученых, как Л.С. Берг, предполагают, что он варьировался не более, чем на 4 м выше или ниже нынешнего уровня [1; 2]. Какая бы точка зрения не была верна, становится ясным то, что в начале XIV века уровень Каспийского моря поднялся до исторического максимума (то есть, на 4 или 8 м над нынешним уровнем от минимума 4 или 8 м ниже нынешнего уровня в III–IV веках до н.э.). В последние годы Каспий достиг рекордно низкого уровня в 1977 году, после чего он быстро поднялся снова. Внимательное изучение этого резкого изменения позволило подтвердить, что уровень Каспийского моря напрямую связан с осадками и другими климатическими факторами водосборного бассейна Волги (в ее верхнем и среднем течении), поскольку эта река приносит 81% притока в Каспийское море [16; 37, с. 114]. По этой причине, сам уровень Каспийского может рассматриваться «посредническим» свидетельством количества осадков на севере (возможно, включая Волжско-Камское слияние), но не как свидетельство количества осадков в районе Каспийского моря. Таким образом, уровень Каспийского моря может восприниматься показателем того, что в водосборном бассейне Волги было очень мало осадков вплоть до III–IV веков до н.э., и что их было необычно много в начале XIV века. Это увеличение осадков, вероятно, способствовало появлению богатой растительности в степной зоне.

¹⁸ Согласно Ламбу, после необычно толстого слоя 805 г. (или 800 г.) был еще один пик в 1130 г. Ср. со Смитом: [41, р. 27]. Золоторыкин и др. считают, что данные из озера Саки в сопоставлении с фактическими показателями для XIX века показывают, что они пригодны только для рассмотрения тенденций, длящихся в течение 10–30 лет, а не для рассмотрения фактического уровня атмосферных осадков за более короткие периоды времени [7, с. 30–31].

¹⁹ Ламб также связывает засуху в Средиземноморье, Северной Африке и Азии, охарактеризованную двумя максимумами 300–400 и 800 гг. н.э., с понижением Каспийского моря до низких уровней в то же время [33, р. 159]. Обширная ссылка на Центральную Азию, однако, должна быть более локализованной для подтверждения какой-либо достоверности. Ср. Дженкинс: [30].

²⁰ Гумилев связывает повышение уровня Каспийского моря с усыханием степи в общей зоне озера Балхаш и Аральского моря [28; 6; 5; 27, р. 20–24]. См. также статьи в книге, посвященной этой теме: [9].

Не следует забывать, что одним из возможных источников дополнительного притока в Каспийское море является река Узбой, которая приносила значительную часть вод Амударьи в Каспийское море в XIII–XVI веках (но с наибольшим объемом в XIII–XIV веках). Хотя это может и не быть результатом климатических условий, изменения в жизни Узбоя должны были иметь разрушительные последствия для окружающей среды прилегающих территорий. Нет сомнений в том, что его воды способствовали повышению уровня Каспийского моря в этот период, но его вклад не считается самым важным фактором, влияющим на повышение уровня Каспийского моря. В таком случае вклад Амударьи не ослабляет аргумент увеличения осадков в бассейне водосбора Волги, питающей Каспий [35, с. 455–458].

Некоторые дополнительные свидетельства в отношении осадков предоставляет обследование данных пыльцы из археологических раскопок. Хотя это предполагает ту же методологию анализа пыльцы, как и при ее использовании для изучения долгосрочных климатических явлений; изучаемая пыльца происходит из конкретных слоев, раскопанных на городище, идентифицируемом советскими учеными с Биляром, который в дальнейшем они признали в качестве столицы Волжской Булгарии. Выводом является то, что во время своего существования (X–XIII века) это городище на восток от Булгара было суше, чем оно является в настоящее время [23, с. 250]. Эта оценка подтверждает представление о сухих условиях, предшествовавших обильным осадкам начала XIV века по среднему и северному течению Волги.

В отношении остальных территорий Золотой Орды считается, что в Западной Сибири и Центральной Азии также выпадало большое количество осадков в XIV–XV веках [4, с. 100–101]. Кроме подобной характеристики, было бы преждевременно выдвигать детальные утверждения о Хорезме или других восточных территориях Золотой Орды (владений Орды) в течение этого периода. Хотя уровень Аральского моря также значительно варьировался в течение исторического времени, эти изменения были скорее следствием изменений в течении его источников (например вышеупомянутого Узбоя), чем воздействия климатических факторов.

На основе этих важных данных мы можем с уверенностью предложить рабочую гипотезу о существовании долгосрочных тенденций большого количества осадков на южных территориях Золотой Орды до 1280 года, за которым последовал спад. Был еще один небольшой пик в 1310 году, за которым последовало еще одно более сильное падение количества осадков в 1320 году. Только после 1360 года произошло восстановление повышенного уровня осадков с пиком в 1370 году и нижним пределом в 1420 году. На севере, возможно, имело место резкое увеличение осадков вдоль верхнего и среднего течения Волги в начале XIV века. (Можно предположить, что это началось в 80-х годах XIII столетия). Однако остается неясным, можем ли мы связать крайние пределы осадков в этот период с экстремальными температурами, даже если известно, что оптимумы в Западной Европе сопровождалась теплой погодой и пессимумы сопровождалась холодными, влажными температурами. В конце концов было замечено различие в зависимости между температурой и осадками к северу и югу от 50 градуса северной широты на территории, ранее известной как «европейская часть СССР» [7, с. 34]²¹.

Дендрохронология и изменение климата на территориях Золотой Орды.

Преыдушие дискуссии об отношении между климатом и историей в бывшей «европейской части СССР» основывались исключительно на климатических данных в письменных источниках по средневековой России. Эти данные, включающие отчеты о засухах, наводнениях, холодных зимах и других явлениях, были собраны и изучены современными исследователями [4, с. 65–72; 14, с. 87–94]. Однако письменные данные по

²¹ Даже в Украине существуют значительные вариации в характере осадков [3, с. 256–263].

средневековой России представляют неполную картину, поскольку большинство отчетов содержит лакуны многих лет. Например, на основе этих источников очень трудно задокументировать какое-либо общее ухудшение условий, которое могло быть следствием начала установления пессимума около 1280 года²². Некоторые дополнительные категории косвенных данных, таких как данные годовых колец деревьев, имеются в распоряжении и для средневековой России [10], но эти данные столь же проблематичны, как и письменные источники. На основании письменных источников невозможно констатировать, было ли уменьшение ширины годовых колец деревьев в Новгородской области в определенные годы следствием экстремальных температур или количества осадков. Упадок в определенные годы, кажется, соответствует годам, в которые было зарегистрировано появление саранчи (1008, 1094, 1103 гг.) [10, с. 80 и в других местах], что может быть принято в качестве индикатора высокого уровня осадков²³. Другие годы упадка соответствуют годам, в которые упоминается чрезмерное количество осадков (1155, 1162, 1176, 1186, 1219, 1351 гг.). Тем не менее, трудно установить какую-либо твердую корреляцию между данными годовых колец деревьев и письменными данными об осадках только в одном Новгороде²⁴. Нет уверенности, что дополнительные данные о наводнениях и голодах могли бы уточнить эту взаимосвязь, тем более, что часто невозможно установить точные причины голода, имевшего место в одном конкретном году.

Еще менее вероятна возможность установить корреляцию между свидетельствами Новгорода и озера Саки в Крыму. Ближайшая возможная корреляция для XIII–XIV веков располагается между длительным периодом необычно низкого количества осадков в озере Саки в период 1281–1285 гг. и снижения роста годовых колец деревьев в Новгороде и других городах в той же области в течение аналогичного периода (примерно в 1282–1284 или 1283–1285 гг.) [10, с. 43, 44, 57, 59, 60, 62, 72, и обсуждение и сравнительные диаграммы на с. 85–87]. Более ранний длительный период необычно низкого количества осадков в озере Саки (902–907 гг.) также может соответствовать снижению роста древесных колец в 902–904 гг. [10, с. 45]. Источники не упоминают экстремумов осадков или температур для Новгорода в это время. Контрпример предоставляет снижение роста древесных колец в 1279 году, так как он соответствует году избыточного дождя в озере Саки. (Хотя источник упоминает голод в этом году, неясным остается, что могло быть его причиной). Следует заключить, что ранние дендрохронологические данные недостаточны для какой-либо точной формулировки соотношения между климатической информацией о внутренних русских территориях и территориях Золотой Орды [30]. Поскольку это расцветающее поле исследований, может быть, в будущем мы будем иметь больше данных, которые способствуют более эффективному анализу.

Предварительные выводы по изменению климата на территориях Золотой Орды.

При рассмотрении изменения климата напрашивается вопрос о том, как изменение климата могло повлиять на описанные выше экологические зоны? Возможное воздействие на людей изменения климата в различные периоды является предметом дискуссий в постоянно увеличивающейся литературе²⁵. Итоги дискуссии о последствиях кли-

²² Однако см. Бучинского: [4, с. 101–102].

²³ Внезапные бедствия саранчи могут служить указанием на необычно влажные условия в сочетании с определенным температурным диапазоном [33, с. 304; 42].

²⁴ Слои древесных колец изучались в этой области из-за их значения для датировки археологических памятников. Но для того, чтобы оказаться полезными для изучения климатических изменений, деревья должны находиться в какой-то маргинальной области для того, чтобы испытать изменения в одном конкретном переменном состоянии.

²⁵ В то время как некоторые ученые и в первую очередь Ле Руа Ладюри, поставили под сомнение влияние снижения средней температуры всего на 1 градус Цельсия, другие исследователи теперь указывают, что такие маленькие цифры могут скрывать большую частотность экстремальных условий [29, с. 32–33].

матических изменений в Западной Европе и в других регионах могут послужить в качестве руководства для нашей собственной попытки описания климатических условий в Центральной Евразии во время Золотой Орды. Исследователи расходятся во мнениях относительно всего диапазона эффектов в период потепления в Западной Европе, но они могут рассматриваться включающими в себя расширение земледелия в маргинальных районах, которые не могли быть возделываемыми ранее из-за чрезмерного холода, серьезных изменений в сортах выращиваемых сельскохозяйственных культур в других областях и нередко низкого количества осадков. Некоторые исследователи даже сопоставляют достижения западноевропейской цивилизации в течение этого периода с благоприятными климатическими условиями, которые также могли способствовать росту населения в Западной Европе в течение этого времени. Наступление тенденции похолодания, однако, имело противоположные эффекты: увеличение количества бурь; холодные и влажные сезоны возделывания земли, часто приводящие к неурожаю и голоду; болезни от плесневелого зерна; покидание маргинальных сельскохозяйственных земель; эпидемии и повышенное оледенение²⁶. В Западной Европе нередко общины были вынуждены покинуть свои прежние области обитания из-за ухудшения условий. С другой стороны, ухудшение аграрных условий в Италии после 1280 года, по всей видимости, способствовало экономическому буму в Золотой Орде из-за повышенного спроса на экспорт зерна в итальянских морских республиках²⁷.

Трудно дать полное описание того, насколько изменения климатических условий затронули Золотую Орду, поскольку большая часть предыдущих исследований все еще придерживается идеи неизменного характера климата²⁸. В широком смысле, кажется, что сами границы экологических зон могли смещаться лишь в незначительной степени или вообще оставались неизменными в прошлом тысячелетии. Однако растительность в этих зонах, возможно, менялась. В связи с предыдущими теориями о восточной части степной зоны Хадсон давно предположил, что десикация на юге могла привести к появлению новых пастбищ на севере в лесных районах, которые ранее зависели от высокого количества осадков [30, с. 219, п. 12]. Также не исключено, что повышенная влажность IX–XIII веков, возможно, способствовала расширению обильных пастбищ к западу от Уральских гор (и, наоборот, сухие условия 250–790 гг., возможно, имели противоположный эффект). Аналогичные уровни количества осадков также могли стимулировать сельскохозяйственное производство на землях, которые в противном случае не были бы заселены кочевниками.

Изменения климатических условий должны были иметь значительные последствия для оседлого населения на традиционно сельскохозяйственных территориях Золотой Орды, поскольку изменение уровня осадков могло и должно было нанести урон производству зерна, как мы знаем из истории Западной Европы. Ожидаемые эффекты экстремальных условий для оседлых общин на территориях Золотой Орды могли только усилиться, поскольку столь значительная часть Золотой Орды состояла из маргинальных земель. В месте слияния Волги и Камы чечевица, вика и горох культивировались больше в Булгаре, чем восточнее, в Биляре, где овес, рожь и лен были более распространенными [17, с. 243]²⁹. Хотя различные почвенные условия также могли сыграть определенную роль, это также может служить в качестве указания на то, что Бул-

---

²⁶ По поводу этих примеров в период потепления в Западной Европе (произошедший, согласно Ламбу, в 750 – 1150/1200) см. Ламба: [33, с. 162–200, 272–309]. Поучительно сравнить работу Ламба с оценкой его выводов, сделанной Ле Руа Ладюри [34, с. 309–319].

²⁷ См. по поводу золотоордынского экспорта зерна мою статью о торговле Золотой Орды: [20].

²⁸ Такое мнение, например, основывается на идее об отсутствии какого-либо серьезного перераспределения в растительном покрове Западной Евразии в течение последних 5000 лет [41, с. 15].

²⁹ См. также у Туганаева общее описание этой проблемы для Волжской Болгарии: [18].

гар был близок к северной границе производства этих культур. Такие условия, которые также наблюдаются и сегодня, должны рассматриваться как еще один факт, указывающий на маргинальный или почти маргинальный характер сельскохозяйственных условий здесь, далеко на севере, включая опасность отравления продовольствия плесневением ржи³⁰. Волго-Камский регион был уязвим в случае недостаточности тепла и, особенно, большого количества осадков также, как оседлые районы к северу от Черного моря были чувствительны к слишком малому количеству осадков. И в самом деле, средневековый арабский географ ал-Бакри утверждает совершенно ясно, что во всех землях к северу голод не является результатом отсутствия дождей, но их чрезмерности и сырости [11, с. 39/54; 4, с. 48].

Наконец, очевидное завершение влажного периода в южных регионах Золотой Орды в 80-х годах XIII столетия, видимо, привело к снижению производства зерна на юге и вероятному перемещению производства зерна в районы с большим количеством осадков, необходимым для производства, в отличие от полупустыни или сухой степи, не способных его предоставить. В этом случае, можно вообразить, что начало производства зерна в 80-х годах XIII века могло переместиться (или расшириться) дальше на север, в район вокруг Саратова (городища золотоордынского города Укек), который в настоящем является важным центром производства зерна. Как отмечалось выше, есть основания полагать, что после 80-х годов XIII столетия на севере имело место увеличение количества осадков, но неясно, насколько температура могла упасть в течение XIV века. Однако, принимая во внимание глобальные тенденции, эти изменения были все еще очень далеки от значительного спада температуры, связанного с малым ледниковым периодом, наблюдавшимся в середине XVII века и позже.

Целью этой статьи было внедрить тему изменения климата в историографию Золотой Орды. Существует возможность изучения этой темы на основе источников и методов, используемых для изучения других регионов мира. Даже если данные могут быть гораздо менее многочисленными, чем для Западной Европы, их более чем достаточно, чтобы начать объединять науку изменения климата с изучением истории Золотой Орды. Существует доказуемое основание для того, чтобы принять всерьез идею, что, начиная с 80-х годов XIII века, на территории Золотой Орды произошли определенные изменения климата. Вполне вероятно, что эти изменения оказали влияние как на кочевническое, так и оседлое население. Они также могли иметь важное отношение к экономической истории Золотой Орды, особенно в связи с возможным сдвигом в регионах, поставлявших зерно на экспорт в итальянские морские государства. Вполне вероятно, что климатический кризис, начинавшийся в 80-х годах XIII столетия, сыграл также некоторую роль в распространении бубонной чумы в середине XIV века³¹. Появление Казанского, Крымского и других ханств позднезолотоордынского периода в середине XV века произошло во время климатического похолодания, которое, вероятно, было сопряжено с кризисом только в более поздний период. Мы не можем сказать с уверенностью, когда кочевники и оседлые жители Центральной Евразии, особенно те, которые жили в северных регионах, начали испытывать кризис, но вполне вероятно, что они оказались подвержены серьезному кризису в середине XVII века.

1. Берг Л.С. Первые русские карты Каспийского моря в связи с вопросом о колебании уровня этого моря // Избранные труды. Том III. М., 1960. С. 332–354.

2. Берг Л.С. Уровень Каспийского моря за историческое время // Избранные труды. Том III. М., 1960. С. 332–354.

³⁰ См. мою статью, рассматривающую эту тему: [22, с. 16].

³¹ См. мою статью, рассматривающую Черную Смерть: [21].

3. Бучинский И.Е. Климат Украины в прошлом, настоящем и будущем. Киев, 1963. 308 с.
4. Бучинский И.Е. О климате прошлого русской равнины. Л., 1957. 142 с.
5. Гумилев Л.Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. № 1. М., 1967. С. 53–66.
6. Гумилев Л.Н. Истоки ритма кочевой культуры Средней Азии // Народы Азии и Африки. № 4. М., 1966. С. 85–94.
7. Золотокрылин А.Н., Кренке А.Н., Ляхов М.Е., Попова В.В., Чернавская М.М. Колебания климата Европейской части СССР в историческом прошлом // Известия Академии Наук СССР. Серия географическая. № 1. М., 1986. С. 26–36.
8. Кац Н.Я. К послеледниковой истории широколиственных пород в Европейской части СССР // Доклады Академии Наук СССР. № 81:1. М., 1951. С. 85–88.
9. Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.
10. Колчин Б.А., Черных Н.Б. Дендрохронология Восточной Европы: Абсолютные дендрохронологические шкалы с 788 г. по 1970 г. М., 1977. 125 с.
11. Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878. 201 с.
12. Ляхов М.Е. Климатические экстремумы в центральной части Европейской территории СССР в XIII–XX вв. // Известия Академии Наук СССР. Серия географическая. № 6. М., 1984. С. 68–74.
13. Нейштадт М.И. Палеогеография природных зон Европейской территории СССР в послеледниковое время // Известия Академии Наук СССР. Серия географическая. № 1. М., 1953. С. 32–48.
14. Пашуто В.Т. Голодные годы в Древней Руси // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1962 г. Минск, 1964. С. 61–94.
15. Раунер Ю.Л. Динамика экстремумов увлажнения за исторический период // Известия Академии Наук СССР. Серия географическая. № 6. М., 1981. С. 5–22.
16. Родионов С.Н. Климатологический анализ необычного подъема уровня Каспийского моря в последние годы // Известия Академии Наук СССР. Серия географическая. № 2. М., 1989. С. 73–81.
17. Туганаев В.В. Состав и характеристика культурных и сорных растений Билярских полей // Исследования Великого города. Москва, 1976. С. 240–245.
18. Туганаев В.В. Материалы по истории культурных и сорных растений Среднего Поволжья // Ботанический журнал. № 57:5. Л., 1972. С. 505–508.
19. Шаландина В.Т. История растительности бассейна реки Малый Черемшан в голоцене // Исследования Великого города. М., 1976. С. 252–259.
20. Шамильоглу Ю. Торговля Улуса Джучи со странами Средиземноморья // История татар с древнейших времен в семи томах: Том III. Улус Джучи (Золотая Орда), XIII – середина XV вв. Казань, 2009. С. 287–294.
21. Шамильоглу Ю. Черная смерть и ее последствия // История татар с древнейших времен в семи томах: Том III. Улус Джучи (Золотая Орда), XIII – середина XV вв. Казань, 2009. С. 686–690.
22. Шамильоглу Ю. Направления в исследовании Золотой Орды // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани, 1223–1556 / Усманов М.А. и др. (ред.). Казань, 2002. С. 15–29.
23. Ятайкин Л.М., Шаландина В.Т. Растительный покров в районе Билярского городища // Исследования Великого города. М., 1976. С. 246–251.
24. Brooke J.L. Climate Change and the Course of Global History. A Rough Journey. Studies in Environment and History. New York, 2014. xxi + 631 p.
25. Chew A.F. An Atlas of Russian History. Eleven Centuries of Changing Borders. Second Edition. New Haven, 1970. xi + 127 p.
26. Fagan B. The Little Ice Age. How Climate Made History. 1300–1850. New York, 2000. xxi + 246 p.

27. Gumilev L.N. Searches for an Imaginary Kingdom. The Legend of the Kingdom of Prester John. Past and Present Publications / Smith R.E.F. (tr.). New York, 1987. xix + 403 p.
28. Gumilev L.N. Les Fluctuations du niveau de la mer Caspienne // Cahiers du monde Russe et Soviétique. № 6. Paris, 1965. P. 331–366.
29. Ingram M.J., Farmer G., Wigley T.M.L. Past Climates and their Impact on Man: A Review // Wigley T.M.L., Ingram M.J., Farmer G. (eds.). Climate and History: Studies in Past Climates and Their Impact on Man. New York, 1981. P. 3–50.
30. Jenkins G. A Note on Climatic Cycles and the Rise of Chinggis Khan // Central Asiatic Journal. № 18. Wiesbaden, 1974. P. 217–226.
31. John of Plano Carpini. History of the Mongols // Mission to Asia. Trans. A Nun of Stanbrook Abbey. Ed. C. Dawson. Medieval Academy Reprints for Teaching 8. Toronto, 1980. P.1–76.
32. Knystautas A. The Natural History of the USSR. New York, 1987. 224 p.
33. Lamb H.H. Climate History and the Modern World. London, New York, 1982. xix + 387 p.
34. Le Roy Ladurie E. Times of Feast. Times of Famine. A History of Climate since the Year 1000. Second Edition / Bray B. (tr.). New York, 1988. xviii + 438 p.
35. Le Strange G. Lands of the Eastern Caliphate. Cambridge, 1905.
36. Little Ice Age. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Little_Ice_Age. Accessed: November 28, 2015.
37. Lydolph P.E. Geography of the U.S.S.R. Fifth Edition. Elkhart Lake, 1990. viii + 447 p.
38. Pecker J.C., Runcorn S.K. (eds.). The Earth's Climate and Variability of the Sun over Recent Millennia: Geophysical. Astronomical and Archaeological Aspects. Proceedings of a Royal Society and Académie des sciences Discussion Meeting Held on 15 and 16 February 1989. London, 1990. ix + 289 p.
39. P'yavchenko N.I. Peat Bogs of the Russian Forest / Gourevitch A. (tr.). Jerusalem, 1964. 156 p.
40. Schostakowitsch W.B. Geschichtete Bodenablagerungen der Seen als Kilma-Annalen (Niederschläge von Europa seit 2880 v. Chr.) // Meteorologische Zeitschrift. Mai 1936. S. 176–182.
41. Smith R.E.F. The Origins of Farming in Russia // Études sur l'économie et la sociologie des Pays Slaves. № 2. Paris, The Hague, 1959. 198 p.
42. Tian H. et al. Reconstruction of a 1.910-y-long locust series reveals consistent associations with climate fluctuations in China // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America 108: 35. August 30, 2011: 1451–1452. Available at: <http://www.pnas.org/content/108/35/14521>
43. White S. The Climate of Rebellion in the Early Modern Ottoman Empire. Studies in Environment and History. New York, 2011. xvii + 352 p.
44. Wigley T.M.L., Kelly P.M. Holocene climatic change. 14C wiggles and variations in solar irradiance // Pecker J.C., Runcorn S.K. (eds.). The Earth's Climate and Variability of the Sun over Recent Millennia: Geophysical. Astronomical and Archaeological Aspects. Proceedings of a Royal Society and Académie des sciences Discussion Meeting Held on 15 and 16 February 1989. London, 1990. P. 547–560.
45. Wigley T.M.L., Ingram M.J., Farmer G. (eds.). Climate and History: Studies in Past Climates and Their Impact on Man. New York, 1981. xii + 530 p.
46. William of Rubruck. The Journey of William of Rubruck // Mission to Asia. Trans. A Nun of Stanbrook Abbey. Ed. C. Dawson. Medieval Academy Reprints for Teaching 8. Toronto, 1980. P. 87–220.

§ 2. Влияние Черной смерти на Золотую Орду: политика, экономика, общество, цивилизация³²

Юлай Шамильоглу

Данное исследование рассматривает вопрос политических, социальных, экономических и культурных трансформаций в Центральной Евразии, вызванных Черной Смертью в золотоордынский период (XIII–XIV века). Черная Смерть была второй из трех главных волн смертельной пандемии, порожденной бактерией *Yersinia pestis*. Первой волной была чума времен Юстиниана, продлившаяся с середины VI по середину VIII веков [см. мою статью: 46]. Третьей волной была современная чума, начавшаяся в конце XIX века [см. об исследованиях современной чумы в: 32]. В настоящее время предполагается, что географическим местом возникновения чумы было Цинхай-Тибетское нагорье. Чума, переносимая грызунами и блохами, питающимися кровью как грызунов, так и человека, достигла озера Иссык-Куль в 1338–1339 годах. Арабские авторы со Среднего Востока сообщают нам, что эпидемия началась в Средней Азии и свирепствовала там в течение 15 лет. Русские источники указывают на то, что она поразила города Золотой Орды, включая Сарай и Астрахань. После этого болезнь появилась в Крыму в 1346 году [см. источники в моих статьях: 52; 3, с. 686–690; 50]. Оттуда эпидемия достигла Константинополя, и затем – Александрии в Египте и Сицилии в Италии [см. мою статью о Черной Смерти в Константинополе: 51]. Болезнь широко распространилась по Среднему Востоку, Европе и далее. Она опустошала эти мировые регионы многочисленными волнами в течение многих лет, тогда как на территориях Золотой Орды волны Черной Смерти продолжались, по всей видимости, до XV века. В данном исследовании я возьму за отправную точку некоторые темы, рассмотренные Дэвидом Херлихи и другими исследователями средневековой Европы и Среднего Востока [см.: 27; 15; 22; 18]³³, и разберу дополнительные темы, основываясь на моих собственных изысканиях Золотой Орды, с целью представить некоторые соображения и предоставить общий обзор политических, экономических, социальных и культурных последствий Черной Смерти на территориях Золотой Орды и ее государств-наследников.

Предшествующий рост населения, противопоставленный депопуляции периода Черной Смерти.

Считается, что население Западной Европы находилось в стадии роста до прибытия Черной Смерти в середине XIV века. Согласно Херлихи, к 1300 году многие сообщества средневековой Европы достигли больших размеров: например, население Тосканы достигало двух миллионов жителей. Исследователи также считают, что высокие цены на зерно и возникновение голодов также предоставляют косвенные свидетельства перенаселенности. В Лангедоке засвидетельствованы 27 лет удовлетворительного продовольственного снабжения, но 20 лет его нехватки в течение 1302–1348 годов. В Северной Европе 1314–1317 годы были периодом неурожаев, традиционно называемым «Великим Голодом». Голод был засвидетельствован и во Флоренции в 1346–1347 годах, накануне прибытия Черной Смерти: только 20% получали хлеб, остальные искали пропитание в сельской местности. И действительно, как указывал Херлихи, некоторые исследователи рассматривали то, что обнаружилось с прибытием Черной Смерти, как «Мальтузианский кризис» перенаселенности [см.: 27, с. 31–33. По поводу кризиса в начале XIV века см. также очерки в: 19].

³² Перевод с английского Романа Хаутала.

³³ Я не могу процитировать здесь в полном объеме несомненно намного более многочисленные исторические и интердисциплинарные исследования по Черной Смерти.

Можем ли мы описать параллельную ситуацию для территории Золотой Орды, а именно то, что и она была подвержена перенаселенности в период перед прибытием Черной Смерти? Сложно сделать это обобщающее заявление. Действительно кажется, что там присутствовало значительное кочевническое население, прибывшее в западные части Центральной Евразии из отдаленных восточных областей вместе с монгольскими завоеваниями первой половины XIII века. Учитывая присутствие изобильных пастбищ вдоль нижнего течения Волги и других речных систем, возможно, более качественное питание способствовало росту местного населения. Мы также знаем о росте урбанных центров, вероятно, также отражающем увеличение населения.

В связи с прибытием Черной Смерти на золотоордынские территории в 40-х годах XIV столетия, точная хронология которой, как и маршрут ее передвижения, возможно, никогда не будут выяснены, нам следует допустить высокую степень смертности в этих регионах. Рассмотрение ее последствий в Западной Европе можем помочь нам представить, каковым могло быть ее влияние в Центральной Евразии. Как указывалось выше, накануне прибытия Черной Смерти население Тосканы достигло приблизительно двух миллионов жителей. После Черной Смерти и всего того, что случилось после ее прибытия, Тоскана смогла достичь того уровня населения, который наблюдался в начале XIV века, только после 1850 года. В некоторой степени демографическое воздействие Черной Смерти представляется противоречивым, поскольку в некоторых областях смертность могла превышать 90%, тогда как другие области по соседству могли совершенно избежать ее разрушительного воздействия [см. о дискуссии в: 15, с. 245 ff.]. Многие исследователи считают, что население Европы уменьшилось на одну треть в начальный период примерно в 1346–1350 годах [35, с. 149–150]. Наиболее высокую оценку предложил Бенедиктов, согласно которому смертность от чумы достигла 60% повсюду в Европе, и целые сообщества были совершенно уничтожены [см.: 15, с. 380–384].

Невозможным окажется найти вслед за этим схожие прямые свидетельства для территорий Золотой Орды, но мы можем прибегнуть к дополнительным косвенным свидетельствам для составления более полной картины. Несколько арабских источников, которые я цитировал в другом месте, предоставляют некоторые из немногих оценок, которые можно найти в источниках по населению, погибшему во время вспышки Черной Смерти на территории Золотой Орды. Отчет Макризи упоминает уменьшение населения в степном регионе до прибытия Черной Смерти на Средний Восток [33, ii/3, с. 773–774; 22, с. 40–41]. Ибн ал-Варди пишет, что поселки и города обезлюдели, когда эпидемия достигла «земли Узбека» (*bilād Uzbek*) в раджаб 747 / октябрь–ноябрь 1346 года. Он также ссылается на отчет одного кади в Крыму о 85 тысячах умерших [23, особенно с. 448]³⁴. Дополнительные подкрепляющие свидетельства исходят из соседних русских территорий на севере, благодаря русским летописям, сообщающим о многочисленных случаях чумы в городах по всей Руси, сопровождавшихся высоким уровнем смертности [см. о Черной Смерти на Руси в: 1; 11; 31, особенно с. 55–61; 30; 12, с. 12–15]. Косвенное свидетельство предоставляется также резким приростом числа могильных плит с несторианскими тюркскими надписями, написанными сирийским письмом, около озера Иссык-Куль и параллельным приростом количества надгробных плит в Среднем Поволжье с мусульманскими тюркскими надписями на волжско-булгарском языке, написанными арабским письмом (см. ниже).

Исходя из всего того, что мы знаем о Европе и Среднем Востоке в этот период, потери населения должны были быть существенными, – если даже не экстремальными, – и в общих чертах восстановление населения становится заметно только в середине или конце XV века. Тем не менее, не ясным остается вопрос, был ли популяционный

³⁴ См. ссылку на оригинал текста «Рисалы» (*Risāla*) в «Диване» (*Dīwān*) Ибн ал-Варди в: [23, с. 446 n. 16]; и рассмотрение работ Ибн ал-Варди в моей статье: [52, с. 455 n. 17].

кризис XIV–XV веков строго связан со смертностью, или же он также касался факторов, повлиявших на снижение репродуктивной способности [см.: 27, с. 2].

Демоупуляция и политическая дестабилизация.

Наиболее заметным и трагичным следствием резкого снижения населения, связанного с Черной Смертью, была дезинтеграция политической системы Золотой Орды. Политическая система Золотой Орды основывалась на политических и брачных союзах между ханом, потомком Чингиз-хана, и лидерами четырех высоко статусных племен. Лидеры этих четырех «правлящих племен» – четыре улусбека (известные как четыре карачибя во время поздних золотоордынских ханств XV–XVIII веков) – составляли государственный совет, решавший избрание и иногда смещение чингизидского хана, как и другие государственные дела [см. мои работы по поводу этой системы: 55; 54; 48]. Изначально модель преемственности власти основывалась на принципе «наследования по боковой линии» с условием того, что сыновья первого поколения потомков Чингиз-хана могли править по порядку убывания, основывавшемуся на их возрасте. Очевидно, что у последующих поколений этот принцип (или культурная предпосылка) основывался на генеалогии и сохранялся в той или иной степени, но в Золотой Орде столь же очевидным стало то, что племенная элита стала со временем избирать хана без строгого соблюдения изначально принципа преемственности власти. Вследствие этого выбор преемственной линии представляется неоднократно смещавшимся взад и вперед между разными наследственными линиями. В самих племенах также существовало наследственное управление, которое представляется переходившим от отца к сыну (хотя нет уверенности в том, основывалось ли оно аналогично на том же принципе наследования по боковой линии).

Каковы были результаты волн чумы на территории Золотой Орды, начавшиеся с 40-х годов XIV столетия? Надо сказать, что самым поразительным аспектом политической системы Золотой Орды в 40–50-х годах XIV столетия была невероятная степень ее фактической политической стабильности. Я ожидал бы более раннего крушения политической системы в течение 40–50-х годов XIV столетия. У меня вызывает удивление то, что только после смерти Бердибека политический строй Золотой Орды кажется не только рухнувшим, но и совершенно обрушившимся. При каких обстоятельствах действительно умерли как Джанибек (1357), так и Бердибек (1359)? Могли ли они стать жертвами Черной Смерти, как это случилось с Великим князем Симеоном несколькими годами ранее? Трудно установить это с полной достоверностью, но то, что последовало за смертью Бердибека, было абсолютным и полным крушением политической стабильности на территориях Золотой Орды.

До 1359 года на территориях Золотой Орды, по-видимому, функционировала организованная, стабильная и отлаженная политическая система. После 1359 года, в связи с падением централизованной власти, «анархия» является единственным словом, которым можно описать то, что происходило на золотоордынских территориях. Мы встречаем в источниках череду десятков имен претендентов, соперничавших между собой, такие как: Кульна, Навруз, Хызр, Тимур Ходжа, Орду Мелик, Кильдибек, Мурад, Пулад, Азиз, Абдулла, Хасан и многие, многие другие. Хотя в современных исследованиях нет ясности по этому поводу, очевидным является то, что в то время, как некоторые из них были Чингизидами, другие были племенными предводителями, боровшимися за контроль над Золотой Ордой на западе, то есть над Улусом Джучи, известным также как Белая Орда (как хорошо известно, термин «Золотая Орда» появился позже и вероятно был использован в первый раз в XVI веке, став наиболее распространенным названием этого государства в современных исследованиях). В то же время авторитетные лица из восточной Синей Орды также могли бороться за контроль над Белой Ордой.

Как мы можем объяснить действие механизма, при помощи которого Черная Смерть оказала такое влияние на Золотую Орду? Объяснение этого кроется в системе упорядоченной преемственности власти, формировавшей основу политической организации Золотой Орды. Как указывалось выше, система наследования по боковой линии формировала изначальную основу метода, определявшего преемственность власти среди первого поколения Чингизидов после смерти Чингиз-хана (лежала ли система четырех улусбеков также и в основе первых курилтаев, избиравших преемников Чингиз-хана, мы никогда не узнаем). В следующие десятилетия, очевидно, та же система хана вместе с четырьмя племенными предводителями применялась при избрании и устранении чингизидских ханов Золотой Орды. Наиболее известным среди этих племенных лидеров был эмир Ногай (ум. 1299), хотя он несомненно был не единственным племенным предводителем, о котором нам известно из источников. Когда волна бубонной чумы пронеслась по золотоордынским территориям, в особенности начиная с 1359 года, политическая система Золотой Орды обрушилась. Судя по всему, со смертью Бердибека, совпавшей с периодом нескольких лет активности Черной Смерти в Золотой Орде в конце 50-х – начале 60-х годов XIV столетия, упорядоченное наследование власти стало невозможным. Попытка извлечь объективную синхронную информацию о правильном генеалогическом порядке наследования власти среди Чингизидов была, вероятно, безнадежной задачей, поскольку если кто-либо умирал, не став ханом, его наследники теряли право стать ханами в будущем. Но кто знал, кто был еще жив или кто уже умер? Каждое племя также имело внутреннее управление и должно было столкнуться с тем же кризисом верховной власти, что и Чингизиды. Вследствие этого, с развалом политического строя, одно лицо за другим избиралось и возводилось в ханы, чтобы погибнуть или быть свергнутым. Возможно, что четыре главных племени не могли более собираться и функционировать в качестве государственного совета. Если действительная власть хана опиралась на брачные связи между ханом и его потомками с одной стороны, и племенными предводителями и их потомками с другой, то эта система также оказалась подорванной на длительное время.

Вследствие этого западный Улус Джучи (Белая Орда) впадал все глубже и глубже в анархию. По какой-то причине восточный Улус Орды (Синяя Орда) представляется подвергнувшимся меньшему влиянию Черной Смерти (возможно, поскольку он был более кочевническим), или же он просто имел счастье избежать худших последствий последующих волн бубонной чумы. Другой возможностью могло быть то, что он испытал бубонную чуму ранее и уже начал восстанавливаться демографически. Мы можем увидеть то, что он был в состоянии доминировать над западными территориями до тех пор, пока они сами не стали восстанавливаться в середине XV века.

Напротив, несмотря на то, что Великий князь Симеон и другие представители правящей элиты умерли от Черной Смерти в Москве в 1353 году, мы не можем сказать, что Московия и другие русские княжества вверглись бы в анархию. Совсем наоборот, поскольку основой государства были имения, а не генеалогия, фундамент русских княжеств не был подорван. Ответом на масштабы депопуляции, характерной для русских княжеств со второй половины XIV века до конца XV столетия, была концентрация политической власти в руках немногих индивидуумов с окончательной кульминацией «собираения русских земель» Иваном III (пр. 1462–1505) [см., в особенности, дискуссию в: 11, с. 37–38]. Это означало, что русское государство со своей растущей силой выступило против ряда ханств XV–XVI веков, которые были намного меньше и слабее, чем ранняя Золотая Орда перед ее распадом в 1359 году.

Бубонная чума как биологическое средство ведения войны.

Один эпизод, связанный с приходом Черной Смерти в Каффу, часто упоминается в качестве первого примера использования биологического оружия в боевых действиях

людей³⁵. После того, как *Yersinia pestis* достигла земли Узбека и поразила золотоордынские города, она наконец прибыла в Крым, откуда итальянские торговые центры в Крыму стали пунктами передачи Черной Смерти на Средний Восток и в Европу. Итальянские купцы были изгнаны из Таны (Азак) в 1343 году и оказались осажденными в укрепленном городе Каффа в 1343 и снова в 1345–1346 годах. Согласно одному из наиболее известных источников о Черной Смерти в Каффе – «Истории болезни» (*Historia de Morbo*) Габриеле де' Муссис [см.: 26, с. 45–57; и пересмотренный перевод в: 16, особенно с. 17–18, 20], бесчисленное количество татар («тартар») и сарацин были поражены болезнью в 1346 году, которая приводила к внезапной смерти. Большая часть этих провинций, царств, городов и поселений оказались лишены своих жителей. Болезнь распространилась среди татар, когда они осаждали генуэзскую колонию Каффы (совр. Феодосия) в Крыму. В это время Каффа включала тех итальянских торговцев, которые бежали из Таны, итальянской колонии в устье Дона. Неожиданно тысячи татарских воинов стали умирать от внезапной опухоли подмышкой или в пахе и от следовавшей за этим лихорадки. Хотя татарские воины сняли осаду, они стали помещать на катапульты тела своих товарищей, павших жертвами болезни, и бросать их в генуэзскую крепость Каффы. Итальянцы пытались сбросить в Черное море как можно больше тел, но гниющие трупы наполнили воздух смрадом и отравили водные запасы. Вследствие их стойкого сопротивления, и, возможно, благодаря ослабленному положению осаждающей армии, генуэзцам удалось снять осаду. Многие генуэзцы бежали после этого в Константинополь, принеся с собой инфекцию. Я изложил в другом месте в равной степени катастрофическое воздействие Черной Смерти на Анатолию и предположил, что подъем Османской империи может быть объяснен последствием Черной Смерти [см. мою статью: 51]. К 1347 году чума достигла Италии и Египта из Константинополя. Вскоре Черная Смерть стала свирепствовать по всей Европе и Среднему Востоку.

Экономический кризис.

Внезапный демографический кризис, которому подверглось средневековое европейское общество, имел глубокие экономические последствия [см. обзор этих последствий, например, в: 14; 22, с. 255–280; 27, с. 39–57; 18]. Дэвид Херлихи различает кратковременные и длительные последствия Черной Смерти. Он видит кратковременное влияние в потрясении, вызвавшем чрезвычайные нарушения в регулярной экономической жизни и прервавшем нормальный режим работы и предоставления услуг³⁶. Широкий спектр рабочих мест и профессий умерших оказались незанятыми не только из-за смерти тех, кто их занимал, но и потому, что другие бежали из города, ища спасения в сельской местности, как в «Декамероне» Бокаччо, поскольку люди не видели другой возможности для собственного спасения. Это привело к запустению многих городов либо из-за гибели их населения, либо из-за его бегства. Те, кто остались, иногда отказывались исполнять свою работу, предпочтя вместо этого насладиться всем, чем можно, от жизни, прежде чем придет их очередь умереть. Как описывал Гийом де Машо в 1349 году, по причине огромных потерь населения (согласно ему, девяносто девять из ста) в сельской местности не хватало оставшихся людей для содержания крупных ферм, и нельзя было найти достаточно работников даже за зарплату, превышавшую в несколько раз уровень до чумы. Поля были невспаханными, урожаи оставались несобранными, и стада одичали, оставшись без присмотра.

³⁵ См. о программе СССР по разработке биологического оружия с использованием оспы и других биологических средств (включая *Yersinia pestis*) в: [10].

³⁶ Я отсылаю читателя к более полному рассмотрению вопроса и ссылкам на источники в: [27, с. 40 ff.].

Высокий уровень смертности привел к внезапному росту спроса на определенные профессии. Могильщики стали пользоваться большим спросом. Возможно, что до появления Черной Смерти могильщики во Флоренции не получали вознаграждения, тогда как с прибытием Черной Смерти эта работа стала оплачиваемой и пользовалась высоким спросом. Врачи также пользовались высоким спросом для лечения больных, как и священники для исполнения похоронных ритуалов для умерших. Поскольку эти профессии также теряли своих высококвалифицированных представителей из-за эпидемии, их ряды пополнялись теми, кто имел низкую квалификацию или не имел ее вовсе. Болезнь аналогично оборвала карьеру многих ремесленников и умельцев, чьи ряды нуждались в пополнении. В более долгосрочной перспективе квалифицированные профессии нуждались в пополнении новыми членами в повышенном темпе в сравнении с периодом до Черной Смерти, с приходом которой средняя длительность их карьеры стала короче. Рост зарплат был частью общего периода инфляции в связи с ростом цен на зерно, которые наконец стали снижаться в 1375 или 1395 году. В то время как зарплаты росли, аграрные арендные платы снизились. Херлихи предполагает, что дешевизна земли вытеснила дорогую рабочую силу, приведя, например, к расширению пастбищ в ущерб возделываемым полям.

Как мы могли бы использовать эту поучительную информацию об экономическом влиянии Черной Смерти на средневековую Европу для истории Золотой Орды? Мы можем смело предположить, что оседлые регионы Золотой Орды также испытали подобную участь. Отчет с оценкой о 85 тысячах погибших в Крыму предполагает, что и другие города Золотой Орды оказались подвержены высокому уровню смертности. Мы располагаем непосредственными сообщениями о том, что и другие города оказались под ударом, как, например, отчет о волне 1364 года, возникшей в Сарае [31, с. 57]. Однако по Золотой Орде мы просто не располагаем той избыточной подробностями информацией, имеющейся в распоряжении по средневековой Европе. Тем не менее, существуют любопытные фрагменты косвенных свидетельств, вписывающихся в общую со средневековой Европой схему.

Я отметил, что бегство из городов было распространенным ответом на вспышку чумы в Европе. Хотя мы не располагаем прямыми свидетельствами бегства в Золотой Орде, любопытный случай Гюлистана может представить косвенное свидетельство потрясения, причиненному Черной Смертью. Меллингер считает, что два типа монет, из которых первые чеканились в Сарае в 746/1345–1346 году (их чеканка продолжилась с 752/1351–1352 по 754/1353 годы), а вторые чеканились в 749/1348–1349 году, отражают хаос, причиненный Черной Смертью в Золотой Орде. Он также предполагает, что основание монетного двора в Гюлистане в 752/1351–1352 могло быть реакцией на чуму (Меллингер и я пришли к этому заключению независимо друг от друга) [см.: 36, особенно с. 178–180]. В этом случае Гюлистан, название которого буквально значит «сад роз» (как и название популярного романтического эпоса, возможно, впервые переведенного на тюркский в Золотой Орде)³⁷, может рассматриваться как прибежище, сравнимое с пристанищем Бокаччо в сельской местности вдаль от Флоренции.

Потрясение от волн Черной Смерти в разные годы могло привести к тому, что, как и повсюду в Европе, возделывание полей, сбор урожая и уход за стадами могли быть заброшены. Это могло повлиять на продовольственное снабжение городского населения, как и, возможно, кочевников. Поэтому не должно вызывать удивления то, что русские источники по этому периоду содержат много сообщений о голоде [см. таблицу в: 31, с. 58–61]. Мы также можем ожидать того, что в городах появилась нужда в большем числе могильщиков, как и повышенная необходимость в лекарях и мусульманских ду-

³⁷ Эта работа известна по переводу Сейф Сараи (уроженца Сарая), сделанному в Египте в 1391 году; см.: [56].

ховных лицах. Также и число умельцев и ремесленников могло сильно уменьшиться. Хотя мы не располагаем прямыми свидетельствами этому, факт того, что письменный язык Волжской Булгарии перестал использоваться в качестве литературного языка после 1358 года (см. ниже), предполагает, что люди, знавшие этот язык, или ученые и духовные лица, которые могли писать на нем тексты на надгробиях, на которых эти надписи были написаны, или, возможно, резчики по камню, которые физически высекали надписи на надгробьях, не могли более удовлетворить спрос в достаточном объеме. Возможно, что помимо повышенного спроса на работу, которая не могла его удовлетворить, имелись еще и другие неотложные задачи, которые имели тенденцию к вытеснению других; или, может быть, зарплаты выросли настолько высоко, что люди не могли позволить себе надгробных надписей.

В то же время не ясно, является ли сравнение Золотой Орды со средневековой Европой более уместным, или же сравнение со средневековым Египтом могло бы быть более закономерным. В Европе повышение зарплат привело к удешевлению земли и увеличению капиталовложений для предоставления земледельцам волов и семян с целью сделать возделывание земли более привлекательным для работников. Напротив, в средневековом Египте была централизованная система землевладения с отсутствовавшими землевладельцами, жившими в городах. Египетская система не могла приспособиться к массивной депопуляции и продолжала пребывать в кризисе, в то время как в Англии система местного сельского землевладения восстановилась полностью к 1500 году [см.: 18]. Была ли система Золотой Орды скорее централизованной системой землевладения с отсутствовавшими землевладельцами или же системой местного землевладения? Это вопрос, требующий дальнейшего изучения.

Хотя мы должны предполагать наличие инфляции, мы не располагаем по ней большим объемом непосредственной информации. Будущие исследователи, возможно, будут способны реконструировать историю цен на золотоордынскую территорию в течение XIII–XV веков с перспективой понимания влияния Черной Смерти на цены. Однако это будет крайне сложно сделать, поскольку наиболее изобильную информацию предоставляют итальянские колонии в Крыму, чьи рынки, находившиеся под влиянием всего Средиземноморья, проявляли огромные сезонные колебания. Согласно Балару, о торговле зерном более всего известно после 1350 года, что делает более сложной оценку цены на этот товар до и после вспышки Черной Смерти [о торговле пшеницей в черноморском и других регионах см.: 13, ii, с. 749–768]. Однако предположение о наличии инфляции подкрепляется нумизматическими свидетельствами. При содействии моего коллеги, Леонарда Недашковского, я предположил, что введение более легкого образца серебряного дирхема в рамках денежной реформы Токтамыша в 782/1380–1381 году (что впервые было осуществлено в Нижнем Поволжье) может рассматриваться прямым свидетельством инфляции в этот период [см.: 45].

Мы не должны забывать о том, что одним из значительных отличий между государствами Западной Европы и Золотой Ордой было то, что, несмотря на ее существенный объем аграрного экспорта в итальянские морские республики, золотоордынская территория была местом обитания огромных табунов лошадей и стад овец, и другого домашнего скота, выращиваемых кочевниками-скотоводами. Именно по несомненной причине того, что кочевники менее подвержены эпидемическим заболеваниям (хотя и не обладают иммунитетом против них), нас не должно удивлять то, что крупные кочевнические конфедерации все еще сохранились, несмотря на коллапс городских центров Золотой Орды (см. ниже). В то же время, если использовать пример Западной Европы как руководство, уменьшение сельского аграрного населения могло привести к сокращению площади возделываемой земли. Это могло привести к более обширному использованию возделываемых ранее сельскохозяйственных земель для выращивания

стад животных кочевниками-скотоводами или местными оседлыми жителями, для которых уход за скотом требовал менее интенсивного труда, чем возделывание больших полей, оставшихся после этого невспаханными (см. ниже).

Социальный кризис.

Нет сомнений в том, что Черная Смерть породила в средневековой Европе крупнейший социальный кризис, невиданный с VI–VIII веков³⁸. Поскольку Черная Смерть не переставала свирепствовать, люди перестали обращаться с больными и умершими как с человеческими существами. С больными обращались «не лучше собаки» или отсылали их в чумные бараки. Существовали опасения передачи болезни от трупов, и местная администрация наказывала утаивавших больных. Умершие стали представлять непреодолимую проблему, поскольку у городов и общин возникли трудности с тем, что делать с большим число умерших или даже с расходами на копанье для них могил. Сократившееся число духовных лиц привело к тому, что для умерших стало сложнее организовать приличествующие похороны. С многочисленными трупами, в конце концов, обращались не лучше, чем с тушами коз. В долгосрочной перспективе, факт того, что в некоторых регионах Европы демографическая структура изменилась, привел к тому, что в живых осталось необычное число молодых и старых людей. Это означало, что пропорция лиц, находившихся на иждивении, увеличилась по отношению к числу производительных сил, дополнительно увеличив бремя кормильцев семьи. Очевидно, что некоторые дети должны были осиротеть, тогда как некоторые пожилые люди остались без родственников, которые могли бы за ними ухаживать.

Практически невозможно подтвердить документально этот комплекс проблем для золотоордынских территорий. На основании отчета по Крыму становится ясным, что там было большое количество умерших. Использование монголами умерших в качестве оружия (см. выше) соответствует описанию обращения с трупами как с тушами коз, но, конечно, это может больше отражать монгольскую военную тактику, нежели то, что они свыклись со смертью гражданских лиц вокруг них. Как было показано выше в разделе по экономике, исчезновение надгробий с надписями на волжско-булгарском языке могло быть связано с неспособностью мусульманского населения в Среднем Поволжье хоронить своих умерших должным образом, как было принято ранее. На более высоком уровне, а именно на уровне элиты, анархия, которой оказалась подвержена традиционная политическая система Золотой Орды, означала то, что генеалогические линии правящих родов и предводителей племен были прерваны, как мы видели в источниках (см. выше).

Урбанизация и деурбанизация.

Хотя средневековая Европа испытала существенное сокращение своего населения из-за Черной Смерти, мы не говорим о деурбанизации средневековой Европы, даже если оказалось, что многие поселки были покинуты вследствие Черной Смерти [см.: 58, с. 52; и https://en.wikipedia.org/wiki/Abandoned_village]. Очевидно, что поселки, города и урбанные центры были отличительной чертой европейской экономики, основанной на оседлом образе жизни и сельском хозяйстве. Однако в ареале евразийских степей очевидным было то, что до Нового времени эта зона не характеризовалась поселками, городами и урбанными центрами, скорее, отличительной чертой этой зоны было кочевническое пастбищное животноводство. Урбанные центры были характерны для Крыма, Хорезма и Среднего Поволжья, но степные пастбища, на которых доминировали кочевнические конфедерации, вероятно, не могли предоставить достаточных условий безопасности для основания сельскохозяйственных поселений. Только с экспансией Российской империи в Новое время мы можем увидеть всеобъемлющую аграрную колонизацию этой зоны.

³⁸ Я отсылаю читателя к более полному рассмотрению вопроса и ссылкам на источники в: [27, с. 59 ff.].

Я утверждал в другом месте, что основание Монгольской мировой империи создало условия безопасности для путешествия купцов через Евразию. Это становится весьма очевидным из, например, отчета Гийома де Рубрук [37]. Также и Золотая Орда обеспечивала безопасность торговой сети, широко известной в нынешние времена под названием «Шелковый путь». Коммуникационная сеть Монгольской мировой империи (ям) нуждалась в регулярной сети станций с обслуживающим персоналом для смены лошадей [см.: 38, с. 103–107]. Также и купцы нуждались в регулярных станциях и караван-сараях. Это, вероятно, привело к развитию ряда городов на протяжении путей перевозки и торговли. В связи с постоянно растущим объемом торговли золотоордынская элита, начиная с хана Бату, стала основывать постоянные города на южной и северной оконечностях пути ежегодной миграции их стад – соответственно, Сарай-Бату и, вероятно, Укек [см. мою статью: 38]. Сарай-Бату и позднее Сарай-Берке стали важными политическими, торговыми и культурными центрами. Важное описание урбанных центров в Золотой Орде предоставлено в 30-х годах XIV столетия Ибн Баттутой, меньше чем за одно десятилетие до первой вспышки бубонной чумы на золотоордынских территориях в начале 40-х годов XIV века. С увеличением экспорта зерна в итальянские торговые республики произошло расширение сельскохозяйственного производства, вероятно, включавшего степные зоны вокруг Укека, благодаря безопасности, обеспеченной Золотой Ордой. Это неизбежно привело к росту числа аграрных поселений в этой зоне. Недашковский также изучает города, основанные в регионе вокруг Укека (пригород современного Саратова) [6; 39; 5]. Это также видно из карты поселений, основанных в XIII–XIV веках, предложенной Егоровым [2, с. 232–233 (карты находятся между этими страницами)].

Принимая во внимание скудность источников по Золотой Орде после вспышки Черной Смерти, мы можем лишь констатировать существование прямых и косвенных свидетельств Черной Смерти при ознакомлении с Хорезмом, Крымом, Сараем, Волжской Булгарией и, более обобщенно, небольшими и крупными городами Золотой Орды, как указывалось в другом месте. Трудно быть более определенным, поскольку наши источники не дают никакой дополнительной информации о большом числе поселений и маленьких и крупных городов в степной зоне. Очевидно, что поселения и маленькие и крупные города продолжали существовать в традиционной области оседлого проживания. Однако в Среднем Поволжье мы видим, что после очевидного упадка или гибели Волжской Булгарии ок. 1358 года (судя по исчезновению надписей на волжско-булгарском языке, см. ниже), Казанское ханство было основано почти в 100 км севернее от расположения города, который теперь известен как Булгар. Вполне возможно, что это случай, когда место волжско-булгарского города, бывшего прежде политическим центром региона, было покинуто. Не следует исключать того, что причиной этому могло быть то, что он был тем или иным образом «помечен» как место смерти. В этом случае он был бы сравним с селениями, заброшенными в средневековой Европе.

В самой степной зоне мы, вероятно, также можем говорить о разрушении и деурбанизации. Великий османский путешественник XVII века Эвлия Челеби предоставляет нам обзор тех городов, которые он посетил в 1664 году, во время одного из своих визитов бывших золотоордынских территорий [25, vii, с. 473 ff.; 24, vii, с. 368 ff.]. При описании каждого города он неоднократно повторяется, что Токтамыш сравнял с землей всякий из этих городов [25, vii, с. 479, 485, 488, 490, 492, 522, 566; 24, vii, с. 371, 376, 378, 380, 402, viii, 23]. В его отчете Сарай (вероятно, Сарай-Бату, принимая во внимание его близость с Каспийским морем) все еще малоразвит (*hâlâ o kadar imar degildir*) и представляется маленьким городом с девятью тысячами злополучных домов из дерева с крышами, покрытыми камышом и тростником (*hepsi dokuz bin tahta, saz ve kamış ile örtülü uğursuz evlerden ibarettir*). Кроме того, его жители говорят на столь многих разнообразных языках, что должны общаться при помощи переводчиков, и это также пред-

полагает, что многие из них прибыли туда только недавно [25, vii, с. 479–480; 24, vii, с. 372]. Мы также узнаем из его описания, что значительное число кочевников и полукочевников живет среди того, что Эвлия Челеби называет «руинами» (*harabeler*) этого региона. Принимая во внимание, что в этот период население уже значительно восстановилось, общим впечатлением, которое может сложиться у каждого, представляется то, что это не полноценное урбанное население. Даже если мы можем порой поставить под сомнение надежность описания Эвлии Челеби, степень упадка городской традиции в сравнении со временем визита Ибн Баттуты в 30-х годах XIV столетия, или ее фактическое прерывание безусловно представляют собой тематику, заслуживающую дальнейшего исследования, основывающегося на поздних источниках.

Перенаселенность и миграция.

В связи с существенной депопуляцией повсюду на золотоордынских территориях (которая, конечно, не обязательно была единообразной), мы можем увидеть несколько феноменов, связанных с передвижением людей в те области, которые неожиданно обезлюдели или, по крайней мере, оказались ослаблены с политической и военной точки зрения. Первым примером может послужить экспансия Литвы на юг, вплоть до Черного моря. Как показал Пеленски (хотя и не упоминая бубонной чумы), Литва резко расширила свои территории во второй трети XIV века. Она расширилась в Белоруссии и в пяти Украинских землях (завоевание Чернигова в три стадии, начиная с 1345 года; Сиверия; завоевание Киева и Киевщины к 1361–1363 годам; Переяславль после Киева; и основная часть Подолии в первой половине 60-х годов XIV столетия) [41, особенно с. 308]. Литва одержала крупную победу над войсками Золотой Орды в битве на Синей Воде в 1362 году [41, с. 309–311] и даже установила контроль над северным побережьем Черного моря при Витольде (пр. 1392–1430) [41, с. 318]. Эта территориальная экспансия совпадает со временем свирепствования бубонной чумы, приведшей к существенной депопуляции и политической дестабилизации в период, называемый Пеленски «Смутным временем» в Золотой Орде, который последовал за смертью хана Джанибека. Возможно, что Черная Смерть могла не затронуть Литвы настолько глубоко, как она сделала это с территориями Руси и Золотой Орды³⁹. Это тема, заслуживающая дальнейшего рассмотрения.

Также возможно, что территории восточной половины Золотой Орды (то есть Синей Орды) оказались затронутыми не так глубоко, как это случилось с западными территориями (то есть с Белой Ордой), или, возможно, восточные территории стали восстанавливаться быстрее. Теперь уже ослабленная Золотая Орда начинает испытывать серию нападений с востока, когда Урус-хан и позже Токтамыш возглавляют кампании против территорий западной половины Золотой Орды [см. рассмотрение источников по этому разделу в моих работах: 54, с. 179–204; 3, с. 690; 50, с. 113–114; 48, с. 16–17]. На данный момент мы оставим в стороне вопрос о происхождении Токтамыша. Как я утверждал в другом месте, мы можем видеть из одного позднего источника, что, когда Токтамыш исполнял роль правителя западных территорий *де факто* или *де юре* в 80-х и части 90-х годов XIV столетия, он получил поддержку четырех «правлящих племен», состоявших из ширинов, аргынов, баринов и кипчаков. Важно, что эти четыре племени мигрировали на эту территорию в конце XIV века вместе с Токтамышем. Эти же четыре племени сформируют позже основу для Крымского и Казанского ханств и части Касимовского ханства. Для оценки важности этой информации следует учесть, что, согласно одному источнику, четырьмя племенами «Великой Орды» кочевников XV века были кияты, мангыты, сикивуты и конграты. Если позволить себе рассматривать кочевническую Великую Орду как последний остаток ранней Золотой Орды (точнее западной Белой Орды) и ее непосред-

³⁹ Бенедиктов предполагает, что Черная Смерть могла распространяться медленнее в Прибалтике; см: [15, с. 209–210].

венным продолжением, то эти четыре племени (кияты, мангыты, сикивуты и конграты) должны были быть четырьмя ранними племенами западных территорий Золотой Орды (то есть Белой Орды). Это предоставляет нам второй пример передвижения населения в область, опустошенную бубонной чумой [ср.: 35, с. 170–171].

Третьим и последним примером, который я бы предложил, могло бы быть передвижение кипчакского тюркоязычного населения в Среднее Поволжье. Если мы можем взять волжско-булгарские надписи в какой-либо мере в качестве показателя, превалирующее население Волжской Булгарии говорило на волжско-булгарском языке, относящемся к западной или болгарской ветви тюркских языков, единственным современным родственником которого является чувашский язык. Я отмечал в другом месте и возможность того, что волжско-булгарский язык использовался в качестве «религиозного» языка носителями кипчакских тюркских языков и, возможно, даже носителями тех тюркских языков, которые относились к другим ветвям тюркских языков [53] (что мы никогда не будем знать наверняка). Факт того, что на протяжении XV–XVI веков мы видим сильный подъем кипчакского тюркоязычного населения, основываясь на кипчакском тюркском языке (староказанском татарском языке), использовавшемся на надгробных плитах этого периода и в официальной корреспонденции Казанского ханства, указывает нам на переселение туда кипчакского тюркского населения, вероятно, включавшего кочевников-ногаев. Это не только может быть третьим примером переселения населения в регион, опустошенный бубонной чумой, но и послужить примером феномена, описанного Херлихи, расширения пастбищ в ущерб возделываемым полям. Конечно, всякое кочевническое население, переселявшееся в Среднее Поволжье в конце концов становилось оседлым.

Культурный и технологический упадок.

Как я утверждал в другом месте, я уверен, что мы видим исчезновение нескольких тюркских литературных языков в середине XIV века вследствие Черной Смерти. В дальнем восточном крае золотоордынских территорий, вокруг озера Иссык-Куль, существовала община тюрок-христиан, использовавших сирийский алфавит в своих погребальных надписях. Надгробные плиты несторианских захоронений вокруг этого места свидетельствуют, что вспышка чумы здесь случилась в 1338–1339 годах [см. полное описание этих надписей и дополнительную библиографию в: 57]. На протяжении этих двух лет здесь появляется необычно большое число надгробных плит, и некоторые из надгробных плит указывают на то, что лицо, захороненное здесь, умерло от чумы [см.: 9, особенно с. 305–305; 21; 11, с. 31–38]. Второй подъем числа надгробных плит приходится на 1341 год, вероятно, отображая вторую волну чумы, хотя этот факт не упоминается в надгробных надписях [на это было указано в: 20, с. 39–40]. Я предположил, что факт того, что сирийские тюркские надписи в основном исчезли после этого периода, был следствием чумы [см. мою статью: 53, особенно с. 161–162]. Корпус, описанный Хвольсоном за период 1226–1373 годов, включал 37 надписей за период 1338–1339 годов, тогда как за период 1342–1373 годов там была только одна надпись 1347 года, после чего следующая и последняя надпись появляется через 26 лет [см.: 9, с.306]⁴⁰. Согласно Текеру, самая ранняя из этих надписей датируется 1186 годом, а последняя – 1345 годом [57, с. 99]. Принимая во внимание более поздние находки, Клейн констатирует, что надгробные плиты датируются 1250–1342 годами, за исключением Алмалыка (у казахско-китайской границы в регионе Талды-Кургана), где последние надписи датируются 70-ми годами XIV столетия [29, особенно с. 214].

Вторым языком, исчезнувшим вследствие Черной Смерти, был волжско-булгарский – западный тюркский язык, чьим единственным сохранившимся родственником

⁴⁰ Значительная часть корпуса является недатированной.

языком является чувашский. Волжско-булгарский язык известен по надписям на надгробных плитах Среднего Поволжья, начиная с XIII века [см. об этих надписях в: 44; 8. О связи волжско-булгарского языка с чувашским см. также: 43, о. 13–123; 42]. Самая ранняя надпись на волжско-булгарском языке в самом городе Булгаре датируется 1271 годом, тогда как самая последняя датируется 1356 годом [4, с. 120]. Вдобавок к надписям на волжско-булгарском там также были погребальные надписи на стандартном тюркском диалекте, который может рассматриваться в качестве предшественника современного татарского языка в Среднем Поволжье [см.: 7, с. 5–15]⁴¹. Аналогично ситуации около озера Иссык-Куль несколькими годами ранее, увеличение числа надгробных плит с надписями на волжско-булгарском языке и стандартном тюркском диалекте приходится на 1358 и 1359 годы⁴². После 1358 года там нет новых надписей или других текстов на волжско-булгарском языке, и есть только ограниченное число надписей на стандартном тюркском диалекте в годы, следовавшие за этой датой [см., например, две надписи, датирующиеся 1382 и 1399 годами, в: 7, nos. 18, 19]. Кроме того, в этом регионе свидетельствуется общее уменьшение числа и разнообразия надгробных плит после 1358 года [см. рассмотрение этой темы в: 4, с. 120–126].

Я представлю один завершающий пример, а именно прерывание использования литературного языка в Золотой Орде после 1358 года. Последним литературным трудом в Золотой Орде был «Нахдж ал-Фарадис» (Nehcü'l-Feradis). Уже в XIX веке Шигабутдин Марджани описал один манускрипт «Нахдж ал-Фарадис» (ныне потерянный), скопированный в Сарае в 749/1358 году. Этот манускрипт приписывал работу некоему Махмуду, уроженцу Булгара, нашедшему убежище в Сарае, чье родовое имя (нисба), Кердери связывало его с городом Кердер в Хорезме. Другой манускрипт сообщает, что он умер тремя годами позже, 25 марта 1360 года. Манускрипт под редакцией Экманна (и др.), заверченный 6 джумады I, 761 / 25 марта 1360 года, указывает на различные источники, из которых он черпал информацию, и в конце указывает автора – Мухаммед б. Мухаммед б. Хасрев ал-Харезми [17, с. 95; 40, с. 309. См. также: 34, с. 8]. После смерти этого автора в 1360 году мы больше не видим других литературных или религиозных работ, написанных на золотоордынском языке, а только погребальные надписи. Вместо этого, мы встречаем новые литературные или религиозные работы, написанные на чагатайском языке в Средней Азии, только в начале XV века.

Все это можно использовать в качестве доказательства предположения о том, что, как и в случае латинского литературного языка в Европе, бубонная чума привела к технологической регрессии, прервав развитие многочисленных тюркских литературных языков на золотоордынских территориях [я утверждал это в: 49, i, с. 501–507].

Рост религиозности.

Следующим следствием Черной Смерти, которое я рассмотрю здесь, является повышенная религиозность. Люди, жившие во время чумы, были напуганы ее прибытием и рассматривали ее как знак недовольства Бога по отношению к ним. Они пришли к заключению, что были плохими мусульманами, и стремились искупить свои грехи. Некоторые люди отказались от своей собственности или совершали благочестивые деяния. Это в равной степени относилось и к тюркам-мусульманам Золотой Орды. Как указывалось (выше), в 1358 году (в год чумы) в Золотой Орде было создано исламское тюркское литературное произведение с арабским титулом «Нахдж ал-Фарадис» и тюркским подзаголовком *Uştaxlarnıñ aşıq yolı*, означавшим «Чистый путь в небеса».

⁴¹ См. карту распространения обоих видов надписей в: [8, с. 21].

⁴² Этими восьмью надписями являются: [44, 1357: nos. 24, 25, 52; 8, 1357: no. 23, 1358: nos. 24, 25; 7, 1357: nos. 16, 17]. Ср. [8], где no. 26 прочитан как «1361?», тогда как та же надпись прочитана как «1353–1354?» в: [44, no. 26].

Эта работа представляет собой руководство по исламской религии, и ее титул предполагал, что всякий ее читающий (и, возможно, мы можем прибавить, что всякий написавший подобную работу) получал гарантию попасть на небеса. Отчего еще набожный мусульманин имел был повод для беспокойства, если только не из-за ясного указания на неминуемое Божественное наказание? [см. параллельные свидетельства из Анатолии в: 51, с. 268]. Также выясняется, что эта работа была скопирована прямо перед смертью самого автора. Я бы утверждал, что создание такой религиозной литературы и ее копирование были благочестивыми актами, совершенными для того, чтобы вернуть себе благосклонность Бога и с целью отогнать от себя болезнь. Это подтверждается подзаголовком работы: почему еще они были обеспокоены тем, попадут ли они на небеса? Этому также есть, по крайней мере, один параллельный пример из Анатолии – религиозная поэма начала XV века Сулеймана Челеби в честь рождения Пророка Мухаммеда (mawlid) под названием «Vesilet ün-necat» или «Путь к спасению»⁴³.

Существовало еще одно последствие Черной Смерти для религии и религиозности, а именно разительное усиление связи между правителем и религиозным классом. Конечно, этот тот случай, когда и более ранние правители, как хан Узбек, уже находились в тесной связи с религиозной элитой [28, ii, 482 ff.]. Позже, с развалом золотоордынского государства, прервались и ясные линии наследования династического и племенного верховенства, как и система четырех беев. Многие личности соперничали в праве быть возведенными в ханы. С этого времени происхождение от Чингиз-хана не было более достаточным для гарантии политической легитимности. Лидеры суфийских орденов, активных на протяжении XIII–XIV веков, оказались теперь в положении, позволившем им предложить ислам в качестве второго источника политической легитимности. Черная Смерть открыла новую эру, в которую чингизидские политические лидеры оказались намного более сплочены с исламскими религиозными лидерами. Отдельный суфийский шейх предоставлял кандидату в ханы исламскую легитимность, дополнявшую его чингизидское происхождение. Взамен, кандидат в ханы, достигнув успеха, мог наделить поддержавшего его суфийского шейха и его орден громадным авторитетом и, как в случае Средней Азии, богатыми поместьями. В данном отношении Черная Смерть была одним несомненным фактором, способствовавшим разительному росту влияния суфийских орденов после второй половины XIV века.

Рост населения после Черной Смерти.

Несмотря на то, что Черная Смерть привела к очевидной и полномасштабной депопуляции, в конце концов, население стало расти снова. В Европе это восстановление стало ясно наблюдаться во второй половине XV века. Кон, например, отмечает, резкое увеличение числа сохранившихся публикаций (incunabula) в Европе в 70-х годах XV века, что мы можем воспринять как возможное отражение роста населения в этот период [см.: 27, с. 11]. Возможно, мы можем увидеть в основании Казанского ханства в конце 30-х годов XV столетия, Крымского ханства в 40-х годах XV столетия, Касимовского ханства в 50-х годах XV столетия и Сибирского ханства в Тюмени в конце XV века косвенное свидетельство восстановления населения, достаточного для организации управления изолированными регионами тех западных территорий, которые когда-то входили в состав обширнейшего из всех возможных государств. Ведь когда Улуг-Мухаммед направился на север в Казань, он должен был взять с собой определенное число военных сил, что было бы возможно только при приросте населения. Нам следует искать больше свидетельств росту населения в середине XV века на территориях поздней Золотой Орды. Кипчакизацию Среднего Поволжья также следует рассматри-

---

⁴³ См. мои грядущие статьи по турецкой традиции мевледа и ее поздней истории среди тюрок-мусульман Российской империи.

вать как следствие миграции носителей кипчакского тюркского языка в этот регион в связи с тенденцией, обратной прежнему уменьшению населения (см. выше), хотя мы можем с уверенностью предположить, что сокращение кочевнического населения было менее серьезным в сравнении с уменьшением оседлого населения.

Заключение.

Очевидно, что первичные источники по золотоордынским территориям XIV–XV веков не предоставляют столько подробностей о Черной Смерти и ее политических, экономических, социальных и культурных последствиях, сколько мы находим в избыточном количестве для Европы. Даже по Среднему Востоку имеется намного более детальная информация в сравнении с тем, что мы находим для территорий Золотой Орды. Тем не менее, я надеюсь, что я оказался способен показать, что политические, экономические, социальные и культурные изменения с середины XIV по середину XV века соответствуют тому, что мы могли бы ожидать найти на территории и среди населения, переживших следующие друг за другом волны бубонной чумы. Разумеется, в отношении некоторых последствий я больше доверяюсь предположениям, чем достоверным данным. Однако по моему твердому убеждению, знакомство со сведениями о Черной Смерти и ее хорошо задокументированных последствиях в Европе и на Среднем Востоке в этот же самый период позволяет найти прямые и существенное количество косвенных свидетельств для изучения тени Черной Смерти, покрывшей это государство и его население. Если мы примем эти и другие теоретизированные последствия в качестве назревших вопросов для исследования, я уверен, что будущие исследователи окажутся способны собрать намного больше свидетельств в подтверждение последствий, кратко изложенных здесь.

1. Дербек Ф.А. История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени // Серия докторских диссертаций, допущенных к защите в Императорской военно-медицинской академии в 1904–1905 учебном году. № 14. СПб., 1905. С. 14–25.
2. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. 245 с.
3. История татар с древнейших времен в семи томах: III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. 1056 с.
4. Мухаметшин Д.Г., Хахимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань, 1987. 128 с.
5. Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М., 2010. 351 с.
6. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000. 224 с.
7. Хахимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М., 1987. 191 с.
8. Хахимзянов Ф.С. Язык эпитафий Волжских Булгар. М., 1978. 205 с.
9. Хвольсон Д. Предварительные заметки о найденных в Семиреченской области сирийских надгробных надписях // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. № 1. СПб., 1886. С. 84–109, таблица (после 160), 217–221, 303–308.
10. Alibek K., Handelman S. Biohazard: The Chilling True Story of the Largest Covert Biological Weapons Program in the World – Told from Inside by the Man Who Ran It. New York, 1999. xi + 319 p.
11. Alef G. The Crisis of the Muscovite Aristocracy: A Factor in the Growth of Monarchical Power // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 15. Wiesbaden, 1970. P. 15–58 [reprinted in Rulers and Nobles in Fifteenth-Century Muscovy (London, 1983), V].
12. Alexander J.T. Bubonic Plague in Early Modern Russia. Public Health & Urban Disaster. Baltimore, 1980. xvii + 385 p.

13. Balard M. *La Romanie génoise (XIIe – début du XVe siècle)*, i–ii. Rome, 1978.
14. Bean J.M.W. *The Black Death: The Crisis and its Social and Economic Consequences // The Black Death: The impact of the 14th-century plague. Papers of the 11th annual conference of the Center for Medieval & Early Renaissance Studies / ed. Daniel Williman. Binghamton, 1982. P. 23–38.*
15. Benedictow O.J. *The Black Death, 1346–1353: The Complete History*. Woodbridge, Suffolk, 2004. xvi + 433 p.
16. *The Black Death / ed.–trans. Rosemary Horrox // Manchester Medieval Sources Series. Manchester–New York, 1994. P. 14–26.*
17. Bombaci A. *Histoire de la littérature turque / trans. I. Mélikoff. Paris, 1968. viii + 437 p.*
18. Borsch S.J. *The Black Death in Egypt and England: A Comparative Study*. Austin, 2005. xii + 195 p.
19. Campbell B.M.S. *Before the Black Death: Studies in the 'Crisis' of the Early Fourteenth Century*. Manchester, 1992. viii + 232 p.
20. Chwolson D. *Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie. Neue Folge. St.-Petersbourg, 1897. 62 s.*
21. Chwolson D. *Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie // Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. T. VII, 37:8. St.-Petersbourg, 1890. P. 129–130.*
22. Dols M. *The Black Death in the Middle East*. Princeton, 1977. xvii + 390 p.
23. Dols M. *Ibn al-Wardī's Risālah al-naba' can al-waba', A Translation of a Major Source for the History of the Black Death in the Middle East // Near Eastern Numismatics, Iconography, Epigraphy and History. Studies in Honor of George C. Miles / ed. D.K. Kouymjian. Beirut, 1974. P. 443–455.*
24. Evliya Çelebi. *Günümüz Türkçesiyle Evliya Çelebi Seyahatnamesi / trans. Seyit Ali Kahraman and Yücel Dağlı. Istanbul, 2011.*
25. Evliya Çelebi *Seyahatnamesi, i–x / ed. Mehmed Zillioğlu. Istanbul, 1985.*
26. Henschel A.W. *Document zur Geschichte des schwarzen Todes. Repertorium für die gesammte Medicin, ii / ed. Heinrich Haeser. Jena, 1841.*
27. Herlihy D., Cohn S.K. Jr. *The Black Death and the Transformation of the West*. Cambridge, MA, 1997. 117 p.
28. Ibn Baṭṭūṭa. *Riḥla / trans. H.A.R. Gibb // The Travels of Ibn Baṭṭūṭa, A.D. 1325–1354, i–iii. Works Issued by the Hakluyt Society. Cambridge, 1958–1971.*
29. Klein W. *Syriac Writings and Turkic Language According to Central Asian Tombstone Inscriptions // Hugoye: Journal of Syriac Studies. Vol. 5:2. Washington, 2002. P. 213–223.*
30. Langer L.N. *Plague and the Russian Countryside: Monastic Estates in the Late Fourteenth and Fifteenth Centuries // Canadian-American Slavic studies. Vol. 10. Pittsburgh, 1976. P. 351–368.*
31. Langer L.N. *The Black Death in Russia: Its Effects Upon Urban Labor // Russian History. Vol. 2. Leiden, 1975. P. 53–67.*
32. Little L.K. *Plague Historians in Lab Coats // Past and Present. Vol. 213. Oxford, 2011. P. 267–290.*
33. Maqrīzī. *As-sulūk li-macrifat duwal al-mulūk / ed. M.M. Ziada. Cairo, 1958.*
34. Mäxmüd äl-Bolğari. *Nähcel-fāradis / ed. Fänüzä Nurieva. Kazan, 2002.*
35. McNeill W.H. *Plagues and Peoples*. Garden City, 1976. viii + 369 p.
36. Mellinger G. *The Silver Coins of the Golden Horde: 1310–1358 // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 7. Wiesbaden, 1987–1991. P. 153–211.*
37. *Mission to Asia / trans. A Nun of Stanbrook Abbey, ed. C. Dawson. London, 1955/Toronto, 1980. xxxix + 246 p.*
38. Morgan D. *The Mongols*. New York, 1987. xviii + 238 p.
39. Nedashkovsky L.F. *Ukek: The Golden Horde city and its periphery. An analysis of the written, numismatic and artefactual evidence for the city of Ukek and the Jochid state on the Volga, 12th to 15th centuries // British Archaeological Reports S1222. Oxford, 2004. i + 253 p.*

40. Nehcü'l-ferādīs. Uştmaqların açuq yolu (Cennetlerin açık yolu) / ed. János Eckmann et alia, ii: Metin, Türk Dil Kurumu Yayınları 518. Ankara, 1995. x + 312, 444 + xiv p.
41. Pelenski J. The Contest between Lithuania-Rus' and the Golden Horde in the Fourteenth Century for Supremacy over Eastern Europe // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 2. Wiesbaden, 1982. P. 303–320.
42. Róna-Tas A. The Periodization and Sources of Chuvash Linguistic History // *Chuvash Studies* / ed. A. Róna-Tas. Budapest, 1982. P. 113–169.
43. Róna-Tas A. Bevezetés a csuvas nyelv ismeretébe. Budapest, 1978. 480 o.
44. Róna-Tas A., Fodor S. Epigraphica Bulgarica: a volgai bolgár-török feliratok // *Studia Uralo-Altaica*. T. 1. Szeged, 1973. 189 o.
45. Schamiloglu U., Nedashkovsky L.F. Coins Tell Their Own Story: Numismatic Evidence for the History of the Golden Horde and the Later Golden Horde // *The Golden Horde & its Successors. Second International Conference in Memory of Ayaz Ishaki, Saadet Chagatay, and Tahir Chagatay. Conference Pamphlet, April 22–24, 2005*. Istanbul: Ayaz-Tahir Turkistan Idil-Ural Foundation, 2005. P.60–61.
46. Schamiloglu U. The Plague in the Time of Justinian and Central Eurasian History: An Agenda for Research // *Central Eurasia in the Middle Ages. Studies in Honour of Peter B. Golden* / ed. Osman Karatay and István Zimonyi // *Turcologica* 104. Wiesbaden, 2016. P. 293–311.
47. Schamiloglu U. The Rise of Urban Centers in the Golden Horde and the City of Ükek // *Proceedings of the conference on the Historical and Archeological Heritage of the Golden Horde on the Territory of Saratov's Volga Region: Uvek – Past, Present and Future*. Saratov, Russia, June 2015.
48. Schamiloglu U. The Origins of Kazakh Statehood: From the Golden Horde to the Kazakh Khanate // *Qazaq xandıǵının qurılınıń 550 jıldıǵına oray uyımdastırılǵan «Qazaq xandıǵı: tarix, teoriya jáne bügingi kün» atlı xalıqaralıq ǵılmi-teoriyalıq konferentsiya Materialdarı. 5–6 mausım 2015 jıl, Almatı qalası*. Almatı, 2015. P. 15–18.
49. Schamiloglu U. Ortaçağ Dillerinden Modern Dillere: Avrupa ve Türk Dünyasında Yeni Edebi Dillerin Varlığına Gelmesi // *IV. Dünya Dili Türkçe Sempozyumu Bildirileri. 22–24 Aralık 2011, Muğla, i–ii* / ed. Mehmet Naci Önal. Ankara, 2012.
50. Schamiloglu U. The Black Death in the Golden Horde and the Later Golden Horde and its Consequences // *Национальная история татар: Теоретико-методологические проблемы. Выпуск 2, Bibliotheca Tatarica. Казань*, 2011. P. 98–117.
51. Schamiloglu U. The Rise of the Ottoman Empire: The Black Death in Medieval Anatolia and its Impact on Turkish Civilization // *Views From the Edge: Essays in Honor of Richard W. Bulliet* / ed. Nequın Yavari, Lawrence G. Potter, and Jean-Marc Oppenheim. New York, 2004. P. 255–279.
52. Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde // *Central Asian Survey*. Vol. 12:4. Oxford, 1993. P. 447–457.
53. Schamiloglu U. The End of Volga Bulgarian // *Varia Eurasistica. Festschrift für Professor András Róna Tas*. Szeged, 1991. P. 157–163.
54. Schamiloglu U. Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde. Ph.D. dissertation. Columbia University, 1986. 286 p.
55. Schamiloglu U. The Qaraçı Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 4. Wiesbaden, 1984. P. 283–297.
56. Seyf-i Sarayı. A Fourteenth Century Turkic Translation of Sa'dī's Gulistān (Sayf-i Sarāyī's Gulistān bi't-turkī) / ed.-trans. A. Bodrogligeti. Budapest, 1969.
57. Thacker T.W. A Nestorian Gravestone from Central Asia in the Gulbenkian Museum, Durham University // *The Durham University Journal*. Vol. 59. Durham, 1967. P. 94–107.
58. Wunderli R. Peasant Fire: The Drummer of Niklashausen. Bloomington, 1992. xii + 156 p.

Глава X. Распад Улуса Джучи

§ 1. Смута 60–70-х годов XIV века

Ильнур Миргалеев

Смута 60–70-х годов XIV века была одной из самых продолжительных, но в этот период претенденты в отличие от XV века боролись между собой не за свой юрт, а за контроль над столицей. Этот период в истории Золотой Орды является одним из самых дискуссионных тем для историков и продолжает интересовать специалистов.

К середине XIV века чингизидские государства вступили в полосу политической и экономической нестабильности. Борьба между многочисленными отпрысками золотого рода за власть только усиливалась. Вокруг претендентов на высшую власть начали возникать сильные группировки из влиятельных эмиров. Чингизиды в борьбе за власть уничтожали своих братьев семьями. Уже внуки Чингиз-хана начали истреблять друг друга – чего стоят только разгром семей Угэдэя и Чагатая Джучидско-Тулуйидским союзом. К укоренившимся политическим вызовам добавлялись и экономические проблемы, эпидемии и климатологические изменения. Практически за несколько десятилетий политические границы срединной Евразии сильно изменились. Происходил упадок и ликвидация старых экономических и политических центров. Все эти политические изменения негативно влияли на трансасиатскую и на трансконтинентальную торговлю, связывающую крайний Восток Азии с Западной Европой и Северной Африкой. А кризис трансконтинентальной торговли отрицательно сказывается и на внутренней торговле, принося тем самым нестабильность и в среду всего населения.

Маршрут трансконтинентальной торговли проходил через территорию многих государств. Поэтому понятно, что неустойчивая политическая обстановка в одном государстве отрицательно влияла на всю мировую торговлю. А это, в свою очередь, порождало и социально углубляло политический кризис и в других государствах. Потому что от торговли зависели не только ремесленники и купцы, но и все слои населения. А если учесть тот факт, что население Золотой Орды, особенно центральных районов, было глубоко вовлечено в товарно-денежные отношения, то легко представить, как проблемы с перебоями движения товаров могли повлиять на всю страну.

Все же нестабильность в государствах XIV века, где правили Чингизиды, была вызвана политическими мотивами. Это и борьба отдельных линий правящей династии за престол, вмешательство двора и отдельных эмиров в дела страны и избрание главы государства, усиление областных правителей и сепаратизм среди них; это, наконец, борьба коренных жителей против завоевателей (например в империи Юань) и войны между этими государственными образованиями.

В Золотой Орде население было более однородным, основная часть населения разговаривала на тюрко-татарском языке и исповедовало ислам. Однако в Золотой Орде в отличие от остальных чингизидских государств было много представителей золотого рода – потомков многочисленных сыновей Джучи (источники говорят о 40 сыновьях, но достоверно известно о 15 сыновьях Джучи [более подробно см.: 5, с. 60]). В итоге остались представители двух линий: Тукайтимуриды и Шибаниды (остальные линии

если и остались, например Ордуиды, то их было мало, да и вопрос о наличии других ветвей Джучидов дискуссионный).

Также в Золотой Орде двор при хане все больше усиливался, и эмиры (особенно аталыки-воспитатели [более подробно см.: 16, с. 93]), приближенные к хану, имели влияние как на самого хана, так и на принятие различных решений государственной важности. Естественно, при такой обстановке для нормального функционирования власти во главе государства должен был находиться сильный правитель. Как показала смута 60–70-х годов XIV века, в Золотой Орде хан для удержания своей власти должен был еще опираться и на сильных эмиров, которые при удобном случае могли прибрать к рукам фактическую власть, что произошло в случае с Мамаем и Идегеем.

К середине XIV века Чагатайский улус в Средней Азии окончательно распался на самостоятельные владения: Моголистан и Мавераннахр [11, с. 217]. В державе Хулагуидов практически прекратился правящий род Хулагу, в итоге она распалась на несколько частей, враждующих между собой [10, с. 245]. На протяжении середины XIV века в Китае происходили крупные антимонольские восстания, приведшие в 1368 году к падению Юаньской династии [15, с. 129–132]. В Делийском султанате эмиры вели войны между собой и с султаном [1, с. 71–74]. Вся эта ситуация, сложившаяся в вышеперечисленных государствах, которые активно участвовали в мировой торговле, неблагоприятно отразилась на караванной торговле, северный маршрут которой проходил по всей территории Улуса Джучи. Конечно же, начавшийся упадок в караванной торговле сильно ударил по государственной казне.

Однако большим толчком к смуте было прекращение правящего рода Батуидов; как известно, прямые потомки были ликвидированы ханом Бердибеком [13, с. 129, 211, 214]: «убивал он своих родственников и огланов своих в страхе, что оспорят они ханство у него» [14, с. 108] – так историческая память нижевожских татар, зафиксированная в середине XVI века, передает этот поворотный момент в судьбе золотоордынского государства. Но центральная власть была все еще сильна; то, что и при такой ситуации она продолжала функционировать, конечно, было плодом политических реформ Мухаммед Узбек-хана. Но постепенно претендентов на сарайский трон становилось все больше и больше. Хань, которые правили после Бердибека, пытались ликвидировать своих конкурентов, прекратить смуту и распад государства, что и было сделано в последующем Токтамышем.

За время смуты претендентов было много, по данным источников, мы знаем о 23 ханах [12, с. 390–391, 406; 13, с. 106, 130, 146, 207]. По нумизматическим данным, возможно, их было немного больше, но нумизматические источники еще ждут более серьезных исследований, а высказанные версии нумизматов требуют более детальных проработок, включая и поштемпельные анализы, и корреляцию с другими видами источников.

Согласно данным русских хроник, «Великая замятня» – так русские назвали эту смуту – началась после хана Темир-ходжи, во время которого поднял мятеж эмир Мамай: «Темирхожа сяд на царство на 4 день, а на 7 день царства его темник Мамай замыте всем царством его, и бысть велик мятеж въ Орде» [6, с. 11]; и на политическую сцену вышло сразу несколько претендентов – таких как Абдуллах, Кильдибек и Мурат [8, с. 327].

Эмиры Сарая после выступления Мамаю уже потеряли контроль над страной, в дела избрания хана вмешались и другие, не менее сильные эмиры областей. В последующем татарские эмиры разделились условно на два лагеря – на сторонников «хана Мамаю» и правителей Левого крыла (Кок Орды). В борьбе также активно участвовали Шибаниды и сарайские эмиры.

После хана Бердибека недолго правили Кульна, Науруз, Хызр, Темир-ходжа, Орду-мелик, Кильдибек, Мурат, Абдуллах, а дальше уже появились одновременно несколько претендентов [более подробно см.: 3, с. 22–43]. С начала 60-х годов вплоть до

появления Токтамышша главную роль начал играть эмир Мамай, при этом левое крыло до Урус-хана в дела столицы не вмешивалось: только царевичи из Левого крыла были среди активных претендентов на высшую власть.

Мамай не принадлежал к роду Чингизидов, но при хане Бердибеке занимал должность беклярибека и был женат на дочери хана [12, с. 389]. Он признал первых ханов вплоть до Кильдибека и, по сути, согласился, что последний – «сын Джанибека». Он выступил против хана Мурата [7, с. 233] и изгнал его из столицы, так как последний был настроен против эмиров Ак Орды. Мамай объявил ханом некоего Абдуллаха, скорее всего, из рода Бату, но не по линии хана Узбека.

Между многочисленными претендентами за овладение Сараем развернулась ожесточенная противостояние. Абдуллах также долго не смог удержаться в столице. В Сарае поочередно ханствовали Мир-Булат, Азиз-шейх, Тулунбек-ханум, Урус, Каганбек. Мамай несколько раз захватывал столицу, но ненадолго. По сути дела, столица превратилась в своего рода буферную зону, и объявление хана в Сарае еще ничего не означало. В 1370 году Мамай заменил Абдуллаха на Мухаммед-Булака [9, с. 86]. После Мухаммед-Булака Мамай правил от имени своей жены Тулунбек-ханум [2, с. 476], которая была дочерью хана Бердибека [12, с. 389]¹.

Среди претендентов, которые смогли заявить о себе, например, захватом столицы, чеканкой монет, были еще такие, как Хаджи-Черкес, Каганбек, Урус, Арабшах. Как известно, смута прекратилась с воцарением хана Токтамышша, который к 1380 году восстановил политическую стабильность на всей территории Улуса Джучи.

Начиная с середины 70-х годов XIV века в среде татарских эмиров обновилась сама идеология объединения Улуса Джучи – возвышения Золотой Орды как во времена хана Узбека. Более того, эта идеология привела к тому, что за населением Левого крыла укрепилось наименование узбеки. Прежние ханы дома Бату, как бы ни были популярны и авторитетны, не оставили прямых потомков. В Ак Орде (в основной части Улуса Джучи) не было сильных джучидских родов. Во всяком случае, они не известны по источникам.

Кок-ордынские царевичи и Шибаниды имели полное право стать во главе Улуса Джучи, и поэтому сарайские эмиры и эмиры других городов Поволжья готовы были поддержать потомков других сыновей Джучи. Такая идеология начала отбивать сторонников у Мамаю.

И Мамай, и сарайские эмиры, и правители Левого крыла и улуса Шибанидов хотели объединения страны. Правитель Кок Орды Урус-хан также «хотел соединить оба улуса» [13, с. 211]. Идеологию возвращения Золотой Орды к «золотым временам» периода Узбек-хана последовательно распространял и будущий Токтамыш-хан, подняв «знамя возвышения» [13, с. 191]. В «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи говорится, что, так как «по милости божьей замечен был в особе Токтамыш-оглана царственный фараон, то нукеры Урус-хана и другие люди невольно склонялись к этому названному оглану» [14, с. 113–114]. В 70-х годах он был среди претендентов на власть, но пока неудачно. После одного из поражений зимой 1378 года он скрывался у Аксак Тимура [более подробно см.: 3, с. 54–55], который помог ему вернуться в Дешт-и Кипчак. Но союзниками они никогда не были.

---

¹ Возможно в конце 1370-х годов в Сарае были и другие ханы (например, Теляк в русских источниках и Кунакбей по латинским источникам). К большому сожалению, доклад известного ученого А.Л. Пономарева, посвященный этому хану «Позабитый договор хана Кунакбея и Генуи (28 ноября 1380 г. / 29 Шабана 782 г.х.)», который он заявил на Международную конференцию «Документы по истории и культуре татар в зарубежных архивах», которая прошла 1–2 октября 2014 года в Казани, так и не был прочитан в связи с его внезапной кончиной как раз перед конференцией. Андрей Леонидович до этого при встрече показал мне латинскую рукопись договора, место, где отчетливо было написано имя «Император татар Кунакбей». Надеемся, что в будущем этот договор будет опубликован.

Как только Токтамыш пришел к власти, золотоордынские эмиры «явились сами и покорно стали нукерами ... В городе Сарае не было ни хана, ни султана ... Токтамыш, прочитав хутбу на свое имя, стал ханом» [14, с. 118]. Ал-Аскалани сообщает, что «в 782 г.х. овладел землями Дешта Чингизид Токтамышхан и был убит хан, процарствовавший (там) 20 лет» [12, с. 452]. Токтамыш на востоке страны победил Урус-хана и его сыновей, на западе было покончено и с Мамаем [4, с. 191]. Так прекратилась политическая смута 60–70-х годов XIV века. Но она стала и предвестником будущих больших потрясений.

1. Ашрафян К.З. Делийский султанат: К истории экономического строя и общественных отношений / XIII–XIV вв. / М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. 256 с.

2. Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. Спб.: типолитография Н.Зейферт, 1896. 880 с.

3. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.

4. Миргалеев И.М. «Черный человек» Мамай // Мамай. Опыт историографической антологии. Сборник научных трудов / Под ред. В.В.Трепавлова, И.М.Миргалеева. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 183–197.

5. Миргалеев И.М. «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина: перспективы изучения // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 57–64.

6. ПСРЛ. Том 8. Продолжение летописи по воскресенскому списку. Спб.: тип. Э. Праца, 1859. 303 с.

7. ПСРЛ. Том 9–10. Летописный сборник, именуемый патриаршею или никоновскую летописью. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1965. 500 с.

8. ПСРЛ. Том 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 419 с.

9. ПСРЛ. Том 33. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л.: Наука, 1977. 252 с.

10. Петрушевский И.П. Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов /1256–1353/ // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1970. С. 222–254.

11. Строева Л.В. Борьба кочевой и оседлой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV в. // Памяти академика И.Ю. Крачковского. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. С. 206–220.

12. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Том I. Спб.: тип-я Имп. Акад. наук, 1884. 564 с.

13. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том II. Извлечения из персидских сочинений собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.

14. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Пер. В.П.Юдина. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.

15. Чулууны Далай. Монголия в XIII–XIV вв. / Пер. П.Нихлая. М.: Наука, 1983. 232 с.

16. Mirgaleev I.M. The Islamization of the Golden Horde: New Data // Золотоордынское обозрение. 2016. №1. P. 89–101.

§ 2. Попытки возрождения Золотой Орды в конце XIV – начале XV в.

Ильнур Миргалеев

В 1380 году Токтамыш-хан сумел взять под свой контроль весь Улус Джучи и сразу же запустил реформы [более подробно см.: 7, с. 63–84], прежде всего экономические. По ходу его борьбы за власть попутно решался вопрос будущего престолонаследия: теперь власть должна была принадлежать Тукайтимуридам. Была объявлена политическая доктрина – величия Золотой Орды и джучидской династии. Объединение страны Токтамыш-ханом надо рассматривать как политику джучидской аристократии вернуть

Золотую Орду к благополучным временам Узбека и Джанибека. Популярность Токтамыша показывает, что он имел такую государственную идеологию, которая отвечала интересам золотоордынского общества.

Во времена смуты территория, политические институты и армия были разделены между улусными эмирами. Прежде всего, власть была сконцентрирована в руках Мамай, правителей Левого крыла (Жоки Орды) и улуса Шибанидов. Теперь Токтамыш объединил всю страну и немедленно приступил к установлению порядка в стране. Токтамыш смог предложить всему обществу Улуса Джучи идеологию единства и величия страны. Судя по проведенным реформам и по ведению внешней и внутренней политики, Токтамыш и его сторонники имели хорошо разработанную программу восстановления порядка в стране. Токтамыш после того, как подчинил себе правителей пограничных областей, «тех из них, кого он нашел пригодным оставить при себе, удержал, тех, которых нашел пригодным для охраны этих границ, вернул обратно, а тех, которые не соответствовали его пользе, уничтожил» [30, с. 132–133]. У Токтамыша «был замечен царственный фарр» [31, с. 113–114] и то, что был он способным, храбрым и справедливым правителем [30, с. 132, 135]. Народ устал от смуты, поэтому призыв восстановить политическую стабильность и вернуть страну к благополучным временам Узбека и Джанибека нашел живой отклик, и в итоге оказалось, что «весь улус Джучиев требует Токтамыш хана» [30, с. 150].

Еще в 70-х годах во время смуты Токтамыш, обращаясь к Каганбеку, говорит, «что черный человек, Мамай, незаконно захватил власть в Ак Орде» [31, с. 117]. Одной из главных программ Токтамыша было восстановление власти джучидской династии на всей территории Улуса Джучи. Как в свое время и Узбек-хан завещал, чтобы человек черной кости не стал во главе государства, так и Токтамыш апеллировал к своему великому предшественнику и своему кумиру. Поэтому его стали поддерживать все больше и больше эмиров, огланов, к нему «стали направляться непрерывно отряд за отрядом и в непродолжительное время к нему присоединилась масса людей» [30, с. 131–132]. После победы над своими противниками «блеск царства и владычества Токтамыш хана с каждым днем усиливался» [30, с. 152], и «он поднял знамя возвышения» [30, с. 191].

Большая часть элиты и народа активно поддерживала политику Токтамыш-хана и хотела централизовать управление страной, так как улусная система управления во время смуты показала свою опасность для целостности государства. При слабости центральной власти улусам открывалась возможность к сепаратизму, что и было продемонстрировано улусными эмирами во время смуты.

Противники власти Токтамыша выступили против этой политики и хотели сохранить прежнюю улусную систему. Основные представители этой группы названы в письме Токтамыш-хана к Ягайлу [3, с. 16, 21, 37].

Среди сторонников и противников Токтамыша были представители одних и тех же родов. Например, брат Идегея – Иса-бек – был одним из видных сторонников Токтамыша, а Идегей – противником. Все это показывает, что идеология Токтамыша была принята не всеми. Судя по всему, причиной этому была именно его внутренняя политика по ограничению власти улусных эмиров и правящих родов.

Кроме упорядочения внутренней жизни государства Токтамыш вел и активную внешнюю политику. Во внешней политике Токтамыш преследовал цель вернуть Золотую Орду в международную жизнь. На западе Литва и Молдавское княжество стали сателлитами Золотой Орды, также были установлены дружественные отношения с мамлюками [1, с. 15] и с государством османов в западной Анатолии [34, с. 610]. Токтамыш установил дружественные отношения со всеми соседними государствами, в том числе и с закавказскими государствами и с Моголистаном. С разрушением чингизидских государств нужно было упорядочить торговые пути. Для бесперебойного функ-

позиционирования северного маршрута Шелкового пути, который проходил через территорию Золотой Орды, необходимо было восстановить присутствие татарской власти и на границе, и в соседних странах. Однако на границах образовались новые силы. Прежде всего была серьезная попытка усилить южный маршрут Шелкового пути. Создавалось мощное государство Тимуридов, которое выходило за рамки границ бывшего Чагатайского улуса, так как Тимур претендовал на золотоордынский Хорезм, в итоге ставший причиной его вражды с Токтамышем [29, с. 456]. Также Тимур начал претендовать на земли дома Хулагу, что привело к открытому противостоянию с Токтамышем. В 1385 году сталкиваются интересы Токтамыша и Тимура на северо-западе Ирана.

Активная завоевательная экспансия Аксак Тимура, естественно, заставила Токтамыша принять меры по защите интересов своего государства. Он избрал активную оборону, заключающуюся в создании военных блоков и в завоевании буферных государств с целью не дать Тимуру взять «в клещи» территорию Золотой Орды. Хотя в противостоянии Токтамыша с Тимуром какое-то место занимает и психологический вопрос, заключающийся в личном, отрицательном отношении, но главная причина антогонизма была обусловлена политическими и экономическими аспектами.

Контроль Тимура над Средней Азией и Ираном приводил к тому, что южный маршрут стал более выгодным для трансконтинентальной торговли. Расширение империи Тимура в западном и в северном направлениях также разрушало баланс сил, которые исторически сложились не в пользу появления нового государства, типа империи Хорезмшахов до чингизовской эпохи. Поэтому Токтамыш во внешней политике обращался также и к идеологии объединения «чингизидского мира» под его управлением. А себя он в отличие от своих предшественников позиционировал больше потомком Чингиз-хана, нежели джучидом. Это было также и противостояние идеологическое, как во времена борьбы со смутой внутри Золотой Орды: теперь на международной арене Токтамыш боролся с представителем «черной кости» – с эмиром Тимуром, который незаконно претендовал на чингизидское наследие, на дома Чагатая и Хулагу. Такая политика приносила свои результаты, и во время его войны с Тимуром целые области Ирана объявляли своим правителем именно Токтамыша и читали хутбу на его имя, как законного правителя-Чингизида. Также и правители Могулистана и иранских областей откликнулись на его политику.

В 1385 году Токтамыш и правитель Тебриза Ахмед Джелаири заключили договор о дружбе [28, с. 360]; однако не успели они заключить договор, как Ахмед Джелаири был разгромлен Тимуром. Токтамыш решил действовать и взять под свой контроль Закавказские территории государства Джелаиридов [9, л. 357]. В подчинение к Золотой Орде попал и Ширван [11, с. 60]. Золотой Орде подчинялись такие города, как Шемаха, Шаберань, Махмудабад, Гуштаспи, Баку [4, с. 484–487; 10, с. 59; 11, с. 45, 74; 27, с. 319, 322–326; 32, с. 157, 163, 165, 166, 173; 33, с. 337–338].

Татарское войско взяло под свой контроль северные области Джелаиридского государства и город Тебриз [2, с. 88; 28, с. 360; 30, с. 97, 109, 151] Токтамыш «ограничил многие земли, разрушил города и земли, но и частично восстановил их для себя ... закончив весь этот грабеж, особенно в землях, принадлежащих Тамурбеку (Тотамих) (Токтамыш – *Авт.*), возвратился в Тарталию» [28, с. 340].

Токтамыш взял под свой контроль ту территорию государства Джелаиридов, которая не была еще завоевана Тимуром. А ту территорию, которую уже успел захватить среднеазиатский эмир, он опустошил. Все это показывает, что поход татарского войска в Закавказье был направлен на недопущение Тимура к собственно границам Золотой Орды. А специальный грабеж земель, подконтрольных эмиру Тимуру, показывает, что Токтамыш уже действовал как противник экспансионистской политики Тамерлана.

Однако после того, как татарская армия ушла, Тимур напал на Тебриз и Нахичевань [2, с. 88; 29, с. 392]. Безусловно, нападение Тимура на Тебриз не осталось без внимания Токтамыша. Немедленно было отправлено войско, которое дошло до реки Самур, но было разбито войсками Тимура [30, с. 110]. Но Тимур не хотел усугублять свое отношение с Золотой Ордой и отпустил пленных. Он все же отвоевал у Токтамыша территорию Джелаиридов и дошел вплоть до границ Ширвана.

Эмир Тимур вел двойную политику и заявил через послов, что между ним и Токтамышем существует договоренность и что не надо «будить смуту» «из-за нескольких дураков» [30, с. 110, 152–153], под которыми подразумевался Ахмед Джелаири; эмир Тимур показывал этим, что он якобы воюет только с Джелаиридами. После этого Тимур продолжил войну с Ахмедом Джелаири, а также захватил Грузию, которая была в дружественных отношениях с Золотой Ордой.

Токтамыш решил не оставлять без внимания такую наглость Тимура. Судя по всему, была выработана программа действий против экспансионистской политики Тимура и не допущения его армии на собственную территорию Золотой Орды. Для этого он начал расширять своих союзников и сколачивать антитимуровскую коалицию с другими государствами [29, с. 457].

Токтамыш решил открыть еще один фронт – уже в Средней Азии, ближе к сердцу империи Тимура. Для этого он заключил договор с эмиром Могулистана Камараддином. В 1387 году в этом направлении стороны перешли к открытому противостоянию [30, с. 98]. Войско Токтамыша, взяв Ташкент, Карши и ряд других городов, начало осаду Бухары и столицы Тимура – Самарканды [30, с. 154]. Однако Тимур смог собрать большие силы и дать отпор, войско союзников было вынуждено отступить. Тимур преследовал их до золотоордынского Хорезма и разрушил Ургенч (современный Куня-Ургенч в Туркменистане), а всех жителей увел в рабство [30, с. 155]. Токтамыш попытался спасти Хорезм и осенью 1388 года организовал новый поход [8, с. 55; 30, с. 156; 15, с. 60; 16, с. 121; 21, с. 218; 26, с. 141], но татарское войско «пережило такие сильные снега и грозы, что память людей никогда не видела подобного» [8, с. 56]; несмотря на это, Токтамыш «градь его (Тимура – *Аем.*) дальнии повоева, а самого не изможе дати и возвратися паки на свои улусь» [16, с. 121; 18, с. 139; 26, с. 141].

Тимур оказался в сложной ситуации и не смог разбить Токтамыша, перед ним стала угроза потери всего и разгрома его новой державы. Видя вторжение чингизида Токтамыша в Среднюю Азию, в Хорасане восстали Мулук-сарбадар и Хаджи-бек и перешли на сторону Токтамыша [5, с. 106; 6, с. 523]. Они стали чеканить монеты и читать хутбу с именем Токтамыша [6, с. 523]. Также и Инга-тюря поддержал Токтамыша [5, с. 125].

Но Тимуру удалось удержать свои позиции и, более того, перейти в наступление, он смог освободить Среднюю Азию и восстановить свою власть на иранских территориях, и захватить Ширван [30, с. 124, 187] и кок-ордынские города Золотой Орды. Тимур сразу же после этого организовал поход вглубь татарской территории, который закончился крупным сражением на реке Кондурче летом 1391 года, где Токтамыш проиграл Тимуру «вследствие склонности его великих эмиров к Тимуру-гургану» [3, с. 37; 30, с. 209].

После победы Тимур повернул обратно, армия которого двигалась врассыпную, грабя, сжигая и увозя золотоордынское население в плен. Токтамыш же скрылся на Средней Волге, на северных окраинах Булгарского улуса, и, когда «спокойствие его водворилось, собрал войско свое и призвал на помощь народ свой, который помог ему» [30, с. 470]. К лету 1392 года Токтамыш-хан полностью восстановил свою власть в Золотой Орде. Токтамыш желал реванша и приступил к созданию антитимуровского военного блока. По сообщению Ибн Тагрибирди, в этот блок входили татарский хан Токтамыш, правитель османов Баязид, мамлюкский султан Баркук, эмир Сиваса Ахмед

Бурханеддин, правитель Каракоюнлу Кара Юсуф, Джелаириды, правитель Мардина и Туркменский эмират [35, с. 382–290].

В 1394 году Токтамыш вновь столкнулся с Тимуром. На этот раз – на кавказской границе. Тимур собрал большое войско [15, с. 65; 20, с. 160–161; 21, с. 222] и вторгся на территорию Золотой Орды. В апреле 1395 года на реке Терек противники вновь скрепили оружие, сражение длилось три дня [16, с. 159; 29, с. 442, 448, 454, 466; 30, с. 207]. Первые два дня инициатива была в руках Токтамыш-хана, и первый день сражения чуть было не закончился пленением Тимура. Однако перед третьим днем сражения Токтамыш покинул военачальник правого крыла [29, с. 465–466], что и привело к разгрому татарского войска. Разбитый Токтамыш «ушел в сторону Булгара в лесистую местность» [30, с. 178].

Тимур приступил к систематическому уничтожению золотоордынских городов. Русские летописи отмечают, что Тимур «проиде всю землю Татарскую» [13, с. 247–248]. Были разрушены такие города, как Сарай ал-Джедид, Маджар, Хаджи-Тархан, Азак, Укек и много других городов. Больше года армия Тимура разрушала города Золотой Орды, а жителей истребляла. Но сопротивление так и не было прекращено, это привело к тому, что «войско Тимура ослабело и пало духом» [30, с. 185]. Поэтому весной 1396 года Тимур в спешном порядке ушел через Кавказ в Иран. При этом ханом Золотой Орды он объявил уже давно находившегося у него на службе сына Урус-хана – Коирчак-оглана, – дав ему «отряд узбекских храбрецов» и ханские принадлежности, он «передал ему ханство над Улусом Джучи» [30, с. 178]. Однако Коирчак-оглан долго не удержался и был убит [30, с. 212, 214]. Также неизвестны и его монеты, что показывает кратковременность его «ханствования».

Кроме гибели населения от войск Тимура к концу 1395 года начался страшный голод, охвативший основную территорию страны. Также появились различные болезни, особенно страшной была чума, которая завершилась только в 1405 году. Многие в поисках спасения покидали страну [29, с. 470].

Антитоктамышская группировка все проигрыши приписала Токтамыш-хану. Его противников возглавил эмир Идегей, как раз в свое время отправленный противниками Токтамыша к Тимур и ставший его проводником. Формальным ханом этой группировки стал Тимур-Кутлук, однако фактическая власть принадлежала эмиру Идегею. К связи Идегея и Тимур-Кутлука с Аксак Тимуром отношение у золотоордынцев всегда было сложным. Появление дастана об Идегее как раз было направлено на оправдание его поступков. Однако Идегей разорвал свои отношения с Тимуром и объявил о реванше. Они прогнали Токтамыша [14, с. 130; 16, с. 167; 19, с. 219], который отступил к границам Литвы и призвал на помощь своего вассала Витовта [14, с. 130; 15, с. 71; 17, с. 457; 23, с. 88; 26, с. 149]. Сражение 12 августа 1399 года на реке Ворскле Витовт и Токтамыш проиграли [12, с. 352; 17, с. 458; 22, с. 166–167; 24, с. 129; 25, с. 93]. Токтамыш потерял всякую власть в Золотой Орде и скрылся в Западной Сибири, на северных окраинах улуса Шибанидов, где продержался до 1406 года.

Тимур-Кутлук скончался сразу же после битвы на Ворскле. Ханом Золотой Орды стал Шадибек. Именно он покончил с Токтамышем, вернул потерянные территории на Кавказе и, по сути, продолжал ту же политику, которую претворял в жизнь Токтамыш. Однако он был смещен с трона Идегеем, который не допускал усиления ханской власти. Идегей пытался править через подставных ханов, которые через некоторое время выступили против него [30, с. 133–134, 193]. После гибели Токтамыша противников Идегея возглавили сыновья Токтамыша, которые практически все погибли в этой борьбе. Из сыновей Токтамыша на троне побывали Джелаледдин, Керим-Берди, Кепек, Кадыр-Берди и Джаббар-Берди. Все второе десятилетие XV века прошло в борьбе Иде-

гея с сыновьями Токтамыша. В 822 г.х. (18.II.1419 – 16.I.1420) Идегей был убит сыном Токтамыша Кадыр-Бердием [29, с. 533].

Попытки возрождения Золотой Орды предпринимались еще не одним ханом. Однако наличие нескольких политических группировок, борющихся за власть, показывает, что внутриэлитные противоречия были сильными и глубокими. Идеология величия страны и возвращения ко временам хана Узбека так и осталась мечтой для многих ханов беспокойного XV века.

1. Амин аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. Сокр. пер. с араб. М., Изд-во вост. лит-ры, 1962. 40 с.
2. Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. Перевод, предисловие и примечание А.Г.Галстяна. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962.
3. Березин И.Н. Ханские ярлыки. I. Ярлык Тохтамыш-хана к Ягайлу. Издание Кн. М.А.Оболенского. Казань: тип. Н.Кокевина, 1850. 72 с.
4. Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. Спб.: типолитография Н.Зейферть, 1896. 880 с.
5. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1978. 280 с.
6. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники. Под ред. С.Л.Волина, А.А.Ромаскевича и А.Ю.Якубовского. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.
7. Миргалеев И.М. Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 108 с.
8. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
9. Мирхонд. «Раузат ас-сафа фи сират аль анбия вал-мулук вал-хулафа». Перевод В.Г.Тизенгаузена. /Рукопись/. СФ ИВ РАН. Фонд 52. Описание 1. Дело 14. ЛЛ. 332–397.
10. Пахомов Е.А. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Вып.2. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1938. 102 с. + 1 карта.
11. Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып.6. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1954. 92 с.
12. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. Спб.: тип. Э. Праца, 1843. 381 с.
13. ПСРЛ. Т. 5. Псковская и софийская летописи. Спб.: тип. Э.Праца, 1851. 279 с.
14. ПСРЛ. Т. 6. Софийская летопись. Спб.: тип. Э.Праца, 1853. 360 с.
15. ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по воскресенскому списку. Спб.: тип. Э. Праца, 1859. 303 с.
16. ПСРЛ. Т. 11–12. Патриаршая или никоновская летопись. М.: Наука. 1965. 520 с.
17. ПСРЛ. Т. 15. Летописный сборник, именуемый тверскою летописью. Спб.: тип. Л.Демиса, 1863. – 504 с.
18. ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. Спб.: тип. М.А. Александрова, 1913. 316 с.
19. ПСРЛ. Т. 20. Ч.1. Львовская летопись. Спб.: тип. М.А.Александрова, 1910. 418 с.
20. ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Петроградъ: 2-я Гос-я тип-я, 1921. 272 с.
21. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
22. ПСРЛ. Т. 26. Волгоградско-пермская летопись. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 415 с.
23. ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 412 с.
24. ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (архивская) летопись. М.: Наука, 1965. 240 с.
25. ПСРЛ. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л.: Наука, 1977. 252 с.

26. ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, пискаревский, московский и бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 304 с.

27. Савельев П.С. Монеты Джучидовъ, Джелаиридовъ и другия, обращавшия въ Золотой Орде въ эпоху Тохтамышша // Труды восточного отделения Императорского археологического общества. Ч.3. Спб.: тип. экспедиции заготовления гос-х бумаг, 1858. С. 203–528. + табл. и рис.

28. Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния / Сост., обр. и подг. текста Р.Рахманалиева. М.: Изд-во «Гураш», 1992. 544 с.

29. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся къ истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабскихъ. Т. I. Спб.: тип-я Имп. Акад. наук, 1884. 564 с.

30. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся къ истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.

31. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Пер. В.П.Юдина. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.

32. Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет. Основные периоды развития денежного обращения в Золотой Орде // Нумизматика и эпиграфика. Том 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 94–192.

33. Franeli Ch.M. Resensio numorum muhammedanorum. Academiae imp. Scient. Petropolitanae inter Prima Academiae imp. Saecularia Edita. Petropoli: MDCCCXXVI, Litteris Academicis, 1826. 743 p.

34. Halasi Kun T. Philologica III. Kazan türkçesine ait dil yadigarlari. Ankara: TTKB, 1949. S. 603–644.

35. Таккуш Мухаммед Сахиль. Тарих ал-мэмлик фиһи Миср вэ бэл мэк эш-Шэм. 1250–1517. Бейрут: Дар Аннафаис, 1998. 599 с. + VII карт и схем. (на араб. яз.).

§ 3. Борьба за власть в первой половине XV в.²

Роман Рева

После того как войска эмира Тимура в 1396 году ушли из Золотой Орды, против власти Токтамышша выступили его противники, главным из которых был Идегей. Тимур-Кутлук и Идегей изгнали из Тюменского улуса шибанида Джанту, который объявил себя ханом, добавив к контролируемым ими территориям Южную Сибирь. Уже в 797 г.х. Тимур-Кутлук и Идегей свергли Куйурчака, овладев Сараем, намереваясь утвердиться и на оставшейся части Улуса Джучи. Токтамыш сопротивлялся, пытаясь вернуть себе верховенство в государстве, в 798 г.х. сразился с Тимур-Кутлуком, но потерпев поражение, вынужден был бежать в Литву. В следующем 799 г.х. Токтамыш при помощи Витовта снова предпринял попытку отвоевать часть своих бывших владений, захватив Крым и осадив Каффу. После этого объединенные войска Витовта и Токтамышша перешли Дон, воевали в Поволжье. В 1398 году (800 г.х.) Токтамышу удалось овладеть Сараем, откуда он начал рассылать послания во все свои бывшие улусы, требуя денег и войска, но снова потерпел поражение от Тимур-Кутлука и Идегея и снова вынужден был укрыться в Литве.

В 1399 году Тимур-Кутлук отправил к Витовту послов с просьбой выдать ему Токтамышша. Витовт отказал и пошел войной на Тимур-Кутлука, намереваясь снова возвести своего союзника на престол в Орде. Соперники встретились на реке Ворскле и затеяли переговоры, которые Тимур-Кутлук затягивал, ожидая подхода Идегея с боль-

² Прежде всего, хотелось бы выразить огромную благодарность моим друзьям-единомышленникам – И.М. Миргалееву, В.П. Гулевичу, Ж.М. Сабитову, А.А. Казарову, А.О. Брагину, Ф.В. Ермолову, Л.Б. Добромислову – за ценные консультации при написании этой работы.

шим войском. После прибытия последнего началась знаменитая битва (12 августа 1399 г. = 10 Дзуль-Хиджа 801 г.х.), в результате которой вверх одержали силы Тимур-Кутлука. Его войска, преследуя отступающих, дошли до Киева, опустошили большую часть Великого княжества Литовского, взяв с Киева откуп в 3 тысячи рублей, и вернулись домой.

После сражения на Ворскле Тимур-Кутлук и Идегей взяли под контроль практически всю территорию Золотой Орды. Однако вскоре Тимур-Кутлук загадочным образом умирает. На освободившееся место Идегей сажает его двоюродного брата Шадибека³. Сначала новый хан во всем следовал советам своего беклярбека, который, по сути, и являлся реальным правителем государства. Нумизматические данные свидетельствуют о том, что во время правления Шадибека практически все территории Орды (кроме Руси) контролировались Идегеем и его ставленником, экономическая жизнь там нормализуется.

Между тем Токтамыш не оставлял попыток вернуть себе власть в государстве. После одной из битв он ушел в восточную часть Золотой Орды, в то время как один из его сыновей, надеясь на поддержку местных эмиров, бежал в Крым. Вскоре Идегей снова захватывает Крым, сын Токтамыша скрывается в Каффе, но в 806 г.х. Идегей с Шадибеком овладевают и Каффой.

Токтамыш не ослабляет дипломатическую активность с целью получить военную поддержку против Идегея. Так, в Реджебе 807 г.х. (= 3/1/1405 – 1/2/1405) ко двору Тимура, который находился в это время в Отраре, «от Токтамыш-хана, который уже некоторое время скитался по степям в плохом положении и растерянный, прибыл один из старинных его нукеров». Токтамыш просил прощения за предыдущие проступки, уверял, что навсегда останется верным слугой Железного Хромца⁴. К этому времени Идегей сделался одним из самых опасных соперников и для Тамерлана. Аксак-Тимур понимал, что будущий военный конфликт между ним и Идегеем, стремительно набиравшим силу, неизбежен. В этом случае интересы Токтамыша и Тимура совпали: у них был общий враг, которого необходимо было низвергнуть. Аксак Тимур «простил» Токтамыша и даже «обещал» ему, что после похода против неверных⁵, в который он должен был выступить вскоре: «я, с божьей помощью, опять покорю улус Джучиев и передам ему (Токтамышу – *Авт.*)». Заключив пакт с Токтамышем, Тамерлан попытался перехитрить Идегея, «послал сказать ему, что ... он его любит и прощает, если в чем-нибудь против него погрешил, и что хочет быть его другом; а чтобы между ними было родство, он предлагает женить своего внука на одной из его дочерей. Говорят, что этот Едугей ответил ему, что он прожил с ним двадцать лет и был тем, кому он более всех доверял, и что знает его слишком хорошо и все его хитрости и что такими уловками его не провести, что он понимает, что все эти доводы только для того, чтобы обмануть. И если они действительно станут друзьями, так только на поле [брани] с оружием в руках...» [49, с. 144].

Борьба за Хорезм в 808–810 г.х.

Хорезм и Сыгнак, одни из важнейших улусов джучидского государства, в конце XIV века были потеряны и перешли под власть Тимуридов в результате нескольких походов Железного Хромца на эти области. Наместником Хорезма Тимур назначил тогда эмира Мусике.

³ Шадибек, сын Кутлубека, внук Кутлук-Тимура, двоюродный брат Тимур-Кутлука.

⁴ Показательно, что во время этого приема в свите Тимура «сидели Тайзи-оглан, один из потомков Угэдэй-хагана, Баш-Тимур-оглан и Чекре-оглан из рода Джучи» [143, с. 189]. Потомок Угэдэя необходим был Тимуру для предстоящих военных действий против Китая. Наличие джучидов, на наш взгляд, говорит о его следующих намерениях.

⁵ Тамерлан в это время готовил поход в Китай.

17 Ша'абана (8/12) 807 г.х. (=18 февраля 1405 г.) Тимур умирает. В государстве Тимуридов началась борьба за власть между его многочисленными наследниками, что не преминули использовать различные вожди, жаждавшие собственного возвышения. В борьбе за Хорезм Тимуридам противостояли три соперника: кара-татары, Джучиды и Джочикасариды. Сначала в одной из частей Хорезма власть захватили кара-татары. Тимуридский эмир Мусике предпочел вернуться в тимуридскую державу. Кара-татары недолго распоряжались в Хорезме, решив вернуться в Рум, откуда ранее их в Мавераннахр переселил Тамерлан.

Неразберихой в Хорезме решил воспользоваться Идегей, который в реджебе 808 г.х. (23/12/1405 – 21/1/1406) сначала захватил Ургенч, после двинулся к Бухаре и, опустошив ее окрестности, снова вернулся в Хорезм. Там он назначил правителем эмира Анка, а после снова ушел в Дешт.

После ухода Идегея его ставленники продолжали контролировать Ургенч, другую часть Хорезмской территории захватили сторонники Джочикасаридов. В день праздника рамазана (1/9/808 г.х. = 18/2/1406 г.) они провозгласили царем Пир-Мухаммеда, сына Лукмана, внука Тагай-Тимура⁶, который прибыл туда после поражения от Шахруха. В 810 г.х. Пир-Мухаммед вернулся в Мазендаран, чтобы попытаться возратить себе отцовское наследство [109, с. 85–93]. Его сторонники чеканили монеты в Хорезме (в Хиваке?) с 808 по 811 г.х.

Смерть Токтамыша.

Воспользовавшись уходом Идегея в Хорезм, Токтамыш разбил армию последнего, оставленную для защиты Дешта, но по прошествии полугода Токтамыш был вынужден уйти в Сибирь. Вернувшийся Идегей отправил против него армию под руководством Шадибека и своего сына Нур ад-Дина. Во время битвы, состоявшейся в январе 1407 года (VII–VIII/ 809 г.х.) близ реки Тобол Токтамыш погибает.

Бегство Шадибека.

Экономическая жизнь на территориях, контролируемых Идегеем, постепенно нормализовалась. Мы видим большие монетные эмиссии от имени хана Шадибека на монетных дворах: Булгар⁷, Крым, Каффа, Азак, Орду, Сарай ал-Джедид, Хаджи Тархан, Хорезм⁸. Нумизматический материал показывает, что для чеканки монет на некоторые монетные дворы были привлечены высококлассные специалисты, на других же монетных дворах чекан осуществлялся силами, имеющимися на местах, но массовое возобновление чекана разного качества говорит о том, что рынок требовал наполнения средством обращения⁹.

Идегей проводил политику массовой исламизации еще не обращенной в Ислам части своих подданных. В качестве одной из причин массового прозелитизма Идегея

⁶ Тагай-Тимур – ильханский правитель в 1336–1353 гг.

⁷ Булгарские монеты Шадибека 805–806 г.х. изготовлены с большим каллиграфическим мастерством. Однако после 807 г.х. исполнительское мастерство резчиков булгарских монет заметно снижается, монеты этого монетного двора последних лет правления Шадибека не несут на себе дат, выполнены в подражательной манере. Это наталкивает на мысль о том, что, возможно, Булгар ушел из рук Идегея в 807 г.х., а возобновившийся впоследствии чекан уже проводился другими мастерами.

⁸ Хорезмский чекан Шадибека не отличается изяществом, характерным для этого монетного двора в XIV веке. Здесь мы должны вспомнить, что Хорезм подвергся нескольким нашествиям Тимура, опустошившими этот регион. Несмотря на то, что в 790-х – начале 800 гг.х. в Хорезме sporadически чеканились монеты от имени Тимура и его ставленника Махмуда, только в конце жизни Тимура, усилиями его эмира Мусике часть городской жизни там была восстановлена.

⁹ Сторонники Токтамыша также осуществляли чекан монет, но, похоже, этот чекан производился либо старыми, либо анахроничными, либо подражательно вырезанными штемпелями.

В.В. Трепавлов называет то, что он «столкнулся с необходимостью узаконивания своей власти в державе Джучидов, своего господства над Джучидами. Не принадлежа к династической аристократии, беклербек вынужден был искать доводы в пользу своих преимуществ перед ней, а доказывать происхождение от халифа тысячелетней давности легче, чем претендовать на родство с Чингиз-ханом» [144, с. 87]. Напомним, что Идегей возводил свою родословную к святому проповеднику Ходже-Ахмету Баба-Туклесу, который был потомком первого халифа Абу Бакра.

Между тем, после того, как с политической арены сошел столь грозный соперник, каким был Токтамыш, хан Шадибек решил отодвинуть от власти Идегея. Идегей жестко восстанавливал верикаль власти, требовал всемерного исполнения как исламских законов, так и ясы. Шадибек, который привык проводить свою жизнь «в удовольствиях и наслаждениях», считавший себя законным правителем государства, тяготился тем, что был вынужден подчиняться Идегею. В конце 809 г.х., он решился тайным образом уничтожить Идегея. Последнему мгновенно донесли о намерениях хана, он решил действовать на опережение, собираясь захватить Шадибека. Но хан был вовремя предупрежден об этом. Ему ничего не оставалось делать, как спастись бегством в Ширван, который также раньше принадлежал джучидской короне. Тогдашний правитель Ширвана – эмир Шейх-Ибрахим, который, как мы видели выше, признавал сюзеренитет Тамерлана, в годы последовавшие после его смерти не примкнул ни к одной из партий потомков Тимура, боровшихся друг с другом за наследство последнего, и даже сам захватил Тебриз в 808 г.х. Теперь, когда в государстве ширваншаха оказался столь ценный человек, как сам правитель Золотой Орды, пусть даже беглый, Шейх-Ибрахим решил, что это можно использовать для достижения собственных целей. Чтобы удержать Шадибека, Шейх-Ибрахим провозглашает того правителем и уже с 809 г.х. начинает в Дербенде чеканку монет с именем хана Шадибека, которая продолжилась до 813 г.х. Монеты от имени Шадибека чеканились в Дербенде, Баку, Шемахе и Кизил-Агаче. Идегей присылал в Ширван послов, требуя выдачи Шадибека, однако Шейх-Ибрахим отказал ему в этом.

После бегства Шадибека, в самом конце 809 г.х., Идегей на место сбежавшего возвел на престол Пулада, сына Тимур-Кутлука, который приходился Идегею внучатым племянником. Скорее всего, это произошло где-то в Крыму, так как Пулад начал выпускать свои монеты в Каффе в этом году. На монетах этой эмиссии – следующая легенда: «Правосудный Пулад. Да продлится его правление!». Нет ни титула «хан», ни «султан»¹⁰.

Взаимоотношения с русскими улусами.

Уничтожив Токтамыша, поставив во всем послушного себе нового хана Пулада, а перед этим вернув в подчинение «своей» империи многие улусы, Идегей, продолжая восстановление некогда монолитного государства, так или иначе вынужден был обратить свой взор на русские княжества – «царевы улусы» – и на русских князей, которые достаточно сильно различались по степени вовлеченности в ордынские дела. Приведем здесь несколько примеров от полного служивого положения русских князей до тихого неподчинения и сопротивления Идегею.

Примером служивого положения является судьба суздальско-нижегородского князя Семена Дмитриевича. Будучи выдавленным московскими князьями из своей вотчины, он несколько лет укрывался в Орде, где, служа сильному, он старался вернуть свои земли. 25 октября 1399¹¹ года Семен Дмитриевич с ордынским царевичем Ентяком (Джантах ?) захватил Нижний Новгород. Вскоре им пришлось покинуть город, опасаясь приближения московских войск. Эти войска возглавлял брат Василия, Юрий Дмит-

¹⁰ Возможно, в этом году Пулад еще не прошел процедуру интронизации.

¹¹ По сведениям Новгородской 4-й летописи, захват Семеном и Ентяком Нижнего Новгорода состоялся в 1395 году [81, с. 379–380].

риевич, который совершил трехмесячный поход на Среднюю Волгу, в ходе которого были взяты города Булгар, Жукотин, Казань, Кременчук [17, с. 125–126].

Мы видели, что Джантах был выдавлен Тимур-Кутлуком из Токмакского (Тюменского) улуса в промежутке между первым и вторым походом Тамерлана на Орду. Судя по тому, что русские летописи указывают на то, что Семен Дмитриевич служил Тимур-Кутлуку, возможно, что и Джантах признал верховную власть уже этого хана, а вот Шадибеку он служил точно. В 1403 г. Ентяк был послом в Москву от Шадибека и Идегея [91, с. 232]. А.А. Горский считает, что, вероятно, и в 1399 г. Ентяк действовал с санкции Идегея¹² [17, с. 125–126].

В 1402 году Семен Дмитриевич Суздальский приехал в Москву и помирился с Василием Дмитриевичем. 21 декабря Семен Дмитриевич умер. «Сей же князь в животе своем многы напасти подъят и многы истомы претерпел в Орде и на Руси, и добываясь свое отчины осмь лет по ряду в Орде служи четьрем царем, первому Тахтамышу, другому Аксак Темирю, третьему Темирь Кутлуку, четвертому Шадибеку, а все то поднимая рать на великого князя Московского, како бы найти свою отчину Новгородское княжение» [91, с. 232]. Это был пример судьбы князя оставшегося без вотчины. А как повели себя в это время другие правители русских улусов?

При смене Верховного правителя Улуса Джучи русские князья должны были получать ярлык из рук нового Великого хана на свои владения. Но во время развернувшейся борьбы за власть между Токтамышем и Идегеем большинство князей заняли выжидательную позицию, предпочитая дожидаться момента, когда определится победитель. Совсем в другой ситуации оказались князья, которые хотели получить право на княжение, оказавшееся «свободным» после смерти утвержденного Ордой владетеля. В этом случае наследники спешили в Орду, стремясь опередить возможных конкурентов, чтобы из рук Сарайского правителя получить право на «свою» вотчину. Так, рязанский князь Федор Ольгович поехал к Шадибеку после смерти отца Олега Ивановича, произошедшей 5 июля 1402 года. «И пожалова его царь, даде ему отчину его и дедину, великое княжение Рязанское, улус свой» [83, с. 188].

Летом 1407 года к Пуладу в борьбе за Великое княжество Тверское прибыли князья Иван Михайлович и Юрий Всеволодич¹³. Ярлык на княжение получил Иван Михайлович, а Юрий Всеволодич был оставлен в Орде. В сентябре этого же года ярлык на Пронское княжество получает от Пулада князь Иван Владимирович.

Понимая, что привести к покорности русские земли можно только поодиночке, Идегей начинает игру, направленную на разобщение русских сил, а также срамливание между собой русских и литовских князей. В ход пускаются различные методы дезинформации. Идегей собирает войско и каждой из сторон сообщает, что пойдет он «на их общего неприятеля». Логика и присланные письма подсказывают русским князьям, что удар должен последовать на Литву, как многолетнего союзника Токтамыша.

В декабре 1408 г. (VII/811 г.х.) Идегей, обманув Великого князя московского Василия Дмитриевича¹⁴, пришел на его владения. В походе на Москву Идегея сопровож-

¹² Если поход на Нижний Новгород в 1399 году был действительно санкционирован Идегеем, то становится понятным столь упорное нежелание Василия Дмитриевича признавать его ставленников.

¹³ Юрий Всеволодович был тогда союзником Москвы.

¹⁴ В 1408 г. Василий Дмитриевич просил у Пулада войска для похода на Литву, не дожидаясь 1 сентября выступил против Витовта, встретил его на реке Угре, где они простояли «много дней» без военных действий, «и взяша мир по старине, и разыдошася каждо восвоися» [ПСРЛ, 11, с. 205]. Василий Дмитриевич был предупрежден, что Идегей собирает на него войско, но сам он получил от Идегея заверения, что тот собирается войной на Витовта. Впрочем, Идегей и Витовту отправил послание, в котором сообщил, что собирается воевать не с ним, а с Великим Князем Мос-

дают царевици Тимур, сын Тимур-Кутлука, Бугурчак, Тенгри-Бирди, Пулад – все трое – дети Токтакии, сына Урусхана, а также могущественные эмиры из разных частей государства. Василий Дмитриевич, не успев собрать войско, сам отъехал в Кострому, оставив в Москве своего дядю Владимира Андреевича и братьев Андрея и Петра. Идегей встал в Коломенском, не видя соперников, распустил свое воинство грабить близлежащие земли. Вдогонку за Василием Дмитриевичем Идегей послал царевица Тенгри-Берди, своего сына Якшибея и князя Сайит-Али-бея с тридцатью четырьмя тысячами татар. В Тверь к своему недавнему ставленнику, Ивану Михайловичу, Идегей послал царевица Пулада и князя Ерикли-Бирди, приказывая тому «быти на Москву с пушками, и с тюфяки, и с пищальми, и с самострелы» [83, с. 209]. Но из Орды приходит весть, что некий царевиц, узнав об отсутствии Идегея и его войска, попытался захватить хана Пулада и провозгласить себя правителем государства.

Идегей планировал долгую осаду Москвы, даже собирался зимовать там. Но теперь, простояв только месяц под Москвой, он вынужден был снять осаду, и, получив откуп в 3000 рублей, спешно отправился в Орду на выручку Пулада-царя.

В 1409 году Идегей прислал Василию грамоту, а также, по всей видимости, «царев ярлык» от Пулада Василию на Московское княжение: «От Едигея поклон к Василью, да много поклонов. Как тии поклоны придут и царев ярлык...» [95, с. 167]. В грамоте Идегей излагает причины своего похода на Москву:

1. «Слышание нам учинилося таково, что Тахтамышевы дети у тебя, и того ради пришли есмя ратию».

2. Плохое отношение к царевым (читай: Идеевым) послам и купцам: «торговцы, послы царевы приезят, и вы самех царевых послов во смех поднимаете, а торговцев такоже на смех поднимаете, да велика им истома чинится у тебе»

3. Неприсялка выхода к ставленникам Идегея: Тимур Кутлуку, Шадибеку («осмь лет царствовал»¹⁵), Пуладу («уже третьей год царствует»¹⁶).

4. Неприезд за ярлыком на княжение: «Также сам не бывал, ни сына, ни брата, ни старейшаго боярина не присылывал».

Этот эпизод показывает отношение Великого князя Московского к Идегею и его ставленнику: получив еще в 1389 году ярлык на великое княжение от Токтамыша, Василий не испытывал потребности подтверждения своей легитимности от Идегея и его «царей». Во время борьбы за власть Токтамыша с креатурами Идегея он предпочитал не ввязываться во внутриордынские разборки. Но, скорее всего, его предпочтения были отданы стороне Токтамыша¹⁷. Слова Идегея о том, что Василий столько лет не платит выход, показывают лишь то, что выход не платился его ставленникам, но отнюдь не говорит о том, что выход или какую-то иную поддержку или средства не получал Токтамыш.

Последний год Пулада.

Тем временем в Тимуридской державе закончился период междоусобиц. Победив всех своих основных соперников, Шахрух, сын Тимура, стал ее единоличным правителем. 16 шабана (VIII) 812 г.х. (= 22.12.1409 г.) он возвратился из Мавераннахра в Герат, куда «прибыли в качестве послов нукеры Пулад-хана, эмира Идигу-бахадур и эмира

ковским. В своих посланиях он натравливал одного Великого Князя на другого: «егда имут сии меж собою раговатися, тогда умалятся воинства их, аще ли не избиются в смерть, и они утомятся, и мне будет время поспешно, кого хошу, воевати и не будет мне противящихся» [83, с. 206–207].

¹⁵ 802–809 г.х.

¹⁶ Письмо написано в 811 г.х., что подтверждает то, что Пулад воцарился в 809 г.х.

¹⁷ Красноречивый эпизод с попыткой захвата в 1399 году людьми, служащими Идегею, управляемого Москвой Нижнего Новгорода очередной раз убеждал Василия Дмитриевича, к каким последствиям приведет полная победа Идегея.

Айсе¹⁸, которые были обладателями власти в Дешт-и Кипчаке». Вручив подарки, они просили, «чтобы отныне достигнуты были улучшение взаимных отношений и обоюдное согласие» [143, с. 192]. Идегей понимал, что захват Хорезма не пройдет ему даром и, стараясь предупредить неизбежные военные действия против себя сплоченной теперь державы тимуридов, поспешил заключить мир с победителем в только что закончившейся схватке за власть, которая продолжалась около пяти лет. Для закрепления союза с Шахрухом он прислал свою дочь для того, чтобы выдать ее замуж за сына Шахруха Мухаммеда-Джуки-бахадур¹⁹. Союз был заключен, что позволило большей части Хорезма еще около трех лет продержаться в составе Джучидского государства.

В 1410 году Идегей с Пуладом воевали «поморские города», т.е. страны Азак и Крым. В Азаке-Тане войско Идегея и Пулада разрушило массу строений, убило многих венецианцев и захватило самого консула. Генуэзская Каффа откупила огромной суммой денег. Был назначен новый наместник Солхата [27, с. 172–190].

Токтамышевичи.

Дети Токтамышша разделились после смерти отца в 1407 году. Старший среди них, Джелал ад-Дин, с братьями и частью войска ушли на Русь, по всей видимости, в Москву к Василию Дмитриевичу, а в 1408 году перебежали в Литву к Витовту. Кибек и другие сыновья Токтамышша предпочли отправиться в Сыгнал, который находился тогда под управлением эмиров, поставленных Тимуридами. Токтамышевичи, бывшие в Литве (говорится о трех сыновьях Токтамышша), расположились с войском на поле недалеко от Киева. В 1409 году перед Пасхой в Троках один из братьев (по всей видимости, Керим-Бирди) подвергся какому-то суду или наказанию по настоянию литовских властей. Джелал ад-Дин же с другим младшим братом отправился в Гродно, чтобы просить у Витовта помощи для захвата власти в Орде. 15 июля 1410 года Джелал ад-Дин в войске Витовта участвовал в Грюнвальдской битве (Битва при Танненберге), закончившейся победой войск Ягайло и Витовта над Тевтонским орденом. После этой победы Джелал ад-Дину было предоставлено войско, которое ему было необходимо для достижения цели, к которой он стремился все эти годы.

Хан Тимур.

Зимой 1410 года (VII–X/813 г.х.) Пулад-хан умирает. На престол восходит его брат Тимур²⁰, которому Идегей отдал в жены свою дочь. Но Тимур не собирался быть пассивной марионеткой в руках всеильного Идегея²¹. Подстрекаемый множеством противников Идегея, Тимур отказался отдать звание беклярбека знаменитому эмиру. Практически все бывшие соратники – огланы и эмиры – мгновенно покинули опального вельможу и перебежали к новому хану. Идегей впервые за долгие годы оказался в положении, когда он был отлучен от верховной власти в стране, которую с таким трудом собирал по кусочкам. Уже в конце 813 г.х. он возобновил переписку с Шахрухом, которому писал: «Я раб и слуга его величества, готовый исполнить все, что он изволит приказать. Надежда моя на милости его величества заключается в том, чтобы он держался того же пути для снятия покрывала недоразумений и раскрытия врат дружбы, соизволил открыть и проложить путь взаимных сношений и переписки, при котором (лишь) может существовать образ действия искренне преданных людей, и не обращал

¹⁸ Исы, брата Идегея?

¹⁹ Фасих Хавафи: 812 г.х.: «Привод дочери эмира Идку по имени Ханум из племени мангыт для женитьбы махдумзаде Гийас ад-Дин Мухаммеда Джуки бахадира, пусть будет вечной его жизнь» [154, с. 154].

²⁰ Тимур, как и Пулад, приходился Идегею внучатым племянником.

²¹ Известны монеты Тимура, чеканенные в Орду и датированные 812 г.х., но, возможно, они также чеканены старыми штемпелями.

внимание на слова людей, преследующих корыстные цели» [143, с. 192–193]. Столь самоуничижительные даже для хитрого Идегея слова, а также упоминание «людей, преследующих корыстные цели» – все это говорит о том, что позиции Идегея в Улусе Джучи пошатнулись. У него к этому времени уже произошел открытый конфликт с ханом Тимуром, он потерял должность беклярбека, большинство его бывших подчиненных переметнулись к хану. Возможно, бывший всеильный беклярбек осторожно прощупывал почву для возможного укрытия. У Идегея был в управлении улус с лично ему преданными людьми в районе Яика и Эмбы, но в случае нападения большого войска удержаться бы он не сумел. Наиболее подходящим местом в этот момент являлись окраины Дешта, прилегающие к владениям Шахруха, ближайшее из них – Хорезм, куда он в начале 814 г.х. и направился. Очевидно, что именно в этот момент ему понадобился очередной потомок Джучи, чтобы провозгласить его ханом в противовес Тимуру²². Не исключено, что именно с этим посольством Идегей запросил у Тимуридов находившегося там Чекре, сына Акмыла. Когда Идегей возвращался к своему улусу, он был атакован эмирами Аджак-бахадуром и Газаном, посланными ханом Тимуром на его поимку. Проиграв сражение, он был вынужден отступить в Хорезм, в котором выдерживает осаду со стороны военачальников Тимура.

По прошествии шести месяцев осаждающим пришло известие, что Джалал ад-Дин, разбив Тимур-хана, разграбил орду его, и что Тимур-хан подходит к Хорезму. Гонец Джалал ад-Дина привез предложение осаждавшим Идегея эмирам перейти на его сторону. Не получив ответа, Джалал ад-Дин понимает, что борьбу ему предстоит вести и с Тимуром, и с Идегеем. Чтобы вывести из игры последнего, а также максимально ослабить войско Тимура, к эмирам отправляется новый гонец с указанием, что если Идегей отпустит сестру Джалал ад-Дина – жену Идегея (Джанике) – и их сына Султан-Махмуда, а также признает Джалал ад-Дина своим ханом (начнет чеканить монету и читать хутбу с именем последнего), то осаду можно снять и отправляться по домам. Эмир Газан, который был женат на другой сестре Джалал ад-Дина, был готов перейти на сторону родственника. Эмир Декне (Тегене – глава ширинов?), женатый на сестре Тимура был против. В это время хан Тимур появился в лагере осаждавших. Газан, заняв Декне пьянством, подстраивает смерть Тимура и уговаривает эмиров перейти на сторону Джалал ад-Дина. Узнав это, Джалал ад-Дин предоставляет Газану право действовать от его имени. После этого Идегею пересылают предложения, ранее полученные от Джалал ад-Дина, которые тот беспрекословно выполняет. Газан от имени Джалал ад-Дина заключает мир с Идегеем. Эмиры, сняв осаду с Ургенча, отправляются к Джалал ад-Дину, но на пути их встречает Каджулай-бахадур, посланный на помощь осаждающим. Вероятно, узнав о смерти Тимура и переходе его войска на свою сторону, Джалал ад-Дин все же решил добить Идегея. Узнав, что осада снята, Каджулай заявляет, что сам сможет одолеть Идегея, тем более войска у него больше, чем у бывшего беклярбека. Но Идегей, применив военную хитрость, разбил войско Каджулая и взял в плен около тысячи человек, отправив последних в Ургенч и заставив жителей стеречь и содержать пленников. Данное указание не было удачным решением Идегея, явившись одной из причин будущей потери Хорезма.

---

²² Похоже, что от Идегея в этот момент отступились все многочисленные огланы, которые ранее были в его свите, и ожидали своей очереди на престол. Некоторых мы уже называли – это дети Токтакии, сына Урусхана: Тенгри Берди, Бугурчак и Пулад. Не стоит сомневаться, что были и другие. Идегей запомнил предательство. В будущем, в моменты своего успеха, он предпочтет им других принцев крови, из менее знатных ветвей генеалогического древа потомков Джучи, обязанных своему возвышению лично ему, а не своему происхождению от царствовавшего родителя или брата. Правда, будет одно исключение, когда Идегей на короткий промежуток станет беклярбеком у внука Токтамышша.

События в Булгаре.

Булгарские князья (судя по археологическим и нумизматическим находкам, центрами власти в улусе тогда были Булгар, Джукетау – Жукотин русских летописей – и, позднее, Казань) признали сюзеренитет Идегея.

В 805 г.х. (1402–1403 гг.) в улусе Булгар началась чеканка монет с именем Шадибека. Среднее Поволжье в это время был частой мишенью для грабежа различного рода искателей легкой наживы. Булгарский улус испытывал постоянный натиск не только со стороны русских земель, но также периодически захватывался сибирскими правителями. Так, в 812 г.х. (1409–1410 гг.) булгарский чекан от имени Пулада сменился чеканом некоего хана Махмуда и продолжался до 813 г.х.²³ Нам представляется, что эмитентом этих монет был шибанид Махмуд-Ходжа, сын Каганбека, внук Ильбака [164, с. 374–375, ##9, 10; 16, с. 39–42; 104, с. 56–58].

Джалал ад-дин, сын Токтамыша.

Свое возвращение в Улус Джучи Джалал ад-Дин начал с Крыма, завоевав его в 1411 году. К зиме 1411–1412 гг. был захвачен столичный улус. В течение этого года все улусы Правого Крыла признали верховенство Джалал ад-Дина.

Идегей, выйдя в 1412 году из Хорезма, в условиях, когда большая часть золотоордынской элиты продемонстрировала свое нежелание находиться под его властью и предпочла иметь во главе государства «природного чингизида», решил пока соблюдать условия мирного соглашения с Джалал ад-Дином. Встретив Чекре, за которым он ранее посылал в тимуридскую державу «для занятия престола» в Улусе Джучи, он предпочел отложить интронизацию Чекре.

Джалал ад-Дин рассылал гонцов во все части государства, требуя изъявления покорности к себе. Хуже всего пришлось правителям, открыто поддержавшим власть Идегея. Великий князь тверской принял ярлык на великое княжество из рук ставленников Идегея – узурпатора, с точки зрения Джалал ад-Дина – и даже оказывал тому военную помощь во время его похода на Москву. И вот теперь в 1412 году в Тверь пришел «посол лют», требуя Ивана Михайловича в Орду. Поездка в Орду к сыну Токтамыша не предвещала тверскому правителю ничего хорошего. Иван Михайлович начал предпринимать меры самозащиты. Первое, что он сделал, это попытался захватить своего брата Василия Михайловича Кашинского – возможного кандидата на Великое княжество Тверское. Кашин он захватил, но Василий Михайлович убежал в Москву. После Иван Михайлович обратился к Витовту, благодетелю Джалал ад-Дина, и заключил с ним союз. Таким способом Иван постарался обезопасить себя от неминуемой царской расправы.

Совсем другое положение было у русских князей, в открытую не присягнувших Идегею и его ставленникам; они все устремились в Орду к «законному» царю. Из рук Джалал ад-Дина получили ярлыки на свое княжение Даниил и Иван Борисовичи Нижегородские, Василий Михайлович Кашинский, Иван Васильевич Ярославский, а также приехавший с большими богатствами и многими вельможами, верный сторонник Токтамышевичей, Василий Дмитриевич Московский.

Исчерпав все возможности для отсрочки, Иван Михайлович Тверской тоже был вынужден отправиться к Джалал ад-Дину. 15 августа 1412 года на судах по Волге он отправился в Орду, провожаемый епископом и множеством народа, прощавшимися со своим князем, идущим, как все полагали, на казнь. Иван Михайлович не торопился, от Твери до Орды по Волге он добирался более 72 дней и, к своему счастью, попал уже к новому хану.

²³ Возможно, все монеты чеканены в 813 г.х., в том числе с использованием старых оборотных штемпелей Пулада.

Керим-Бирди и Кибак.

Разлад среди Токтамышевичей наступил, по всей видимости, еще при жизни отца. Отсюда – их разделение после его смерти. В октябре 1412 года Кибак убил своего брата Джалал ад-Дина. На трон взошел другой брат – Керим-Бирди. Воцарившийся Керим-Бирди, будучи в обиде на Витовта за нанесенное унижение в момент, когда он в 811 г.х. с Джелал ад-Дином и другим младшим братом (Джаббар-Бирди?) скрывались в Литве от войск Идегея, предпочел избрать себе в качестве союзника Москву, а также вел переговоры с Идегеем. Поэтому Идегей не интронизировал Чекре вплоть до бегства Керим-Бирди. Керим-Бирди не претендовал на Булгар, находившийся тогда под Идегеем и Чекре²⁴, и начал наступление на земли Великого княжества Литовского. В ответ Витовт интронизировал Кибак (варианты его имен: Мухаммед, Токтамыш-Бедзабул = «(Ки)Бек-огул» [124, с. 71]) и натравил его на брата. Правление Керим-Бирди в Престольном Улусе продолжалось недолго. Согласно монетным выпускам, его власть распространялась на Сарай, Хаджи-Тархан и Азак. В марте–апреле 1413 года Кибак при поддержке Литвы смог победить и прогнать хана Керим-Бирди [97, с. 91–93].

Итак, мы видим, как в самом начале XV века в Золотой Орде существуют четыре силы внутри властных элит, растягивающие некогда единое государство в разные стороны. Обозначим их так: Русские улусы (княжества), которые существуют как квазисамостоятельные единицы и уже далеко продвинулись по пути выделения из империи в отдельные государства; Шибанидская (антитукатимуридская) часть, действовавшая в основном в Левом Крыле государства; протоктамышевская часть; и, наконец, антитоктамышевская, возглавляемая Идегеем. Помимо этого особая реальность – русские земли Орды, попавшие под власть Литвы: и татарские, и литовские правители считали их своими, при этом последние выплачивали с них выход в пользу «своих» ханов. Существовали также иные силы, искавшие своего счастья в борьбе за власть в разных частях джучидской империи. Однако они были либо разгромлены или поглощены вышеназванными частями и не стали в будущем центрами силы. Если первые две части уже достаточно легко обрисовать как с точки зрения людских ресурсов, так и в географически определенных ареалах существования этих сил, то последние две части выделились сначала только в смысле разделения элит, географически же они претендовали на осуществление своей власти на всей территории государства. Антитоктамышевская часть вплоть до 1410 года была более-менее монолитной, включала в себя не только родственников Тимур-Кутлука, но и большую часть потомков Урус-хана и других. Но после воцарения Тимура внутри этой части элит произошел раскол, разделив ее в свою очередь на антиидегеевскую и проидегеевскую части. Часть антиидегеевской элиты после перетекла в состав протоктамышевской части (сюда же неизбежно должно было примкнуть кочевое население, исповедовавшее христианство и противостоявшее политике массовой исламизации, проводимой Идегеем), другая так и осталась и антитоктамышевской, и антиидегеевской. К 1413 году уже протоктамышевская часть разделилась на две партии: антилитовскую под руководством Керим-Бирди и пролитовскую под властью Кибак. Русские улусы также не были монолитны: часть их находилась под властью Литвы, другие все сильнее втягивались в орбиту Великого княжества Московского, превратившись в будущем в Русь Московскую.

Потеря Хорезма.

Воспользовавшись неразберихой в Улусе Джучи, связанной с борьбой за престол, а также недовольством жителей Ургенча политикой, проводимой Мубарекшахом, сыном Идегея, оставленным отцом для управления Хорезмом, Тимуриды смогли в результате нескольких сражений и переговоров овладеть Хорезмом в самом конце

²⁴ Вот почему не известны булгарские монеты Керим-Бирди.

815 г.х. (13.04.1412–02.04.1413 гг.) Мубарекшах бежал к отцу. Тимуридским правителем Хорезма в начале 816 г.х. был назначен эмир Шахмалик²⁵.

Кибак²⁶, сын Токтамыша.

Как уже было сказано выше, в интронизации Кибака принимал самое непосредственное участие Витовт, заинтересованный в нейтрализации антилитовских сил в Орде. Уже в 816 г.х. власть Кибака была утверждена в Азаке, Орду, Сарае, Хаджи-Тархане, Булгаре. Летом 1413 г.х. (II–VI / 816 г.х.) Кибак воевал Крым, держал в осаде Каффу, но на праздник Пятидесятницы (12 июня 1413 = 12/3/816 г.х.) отступил. До 817 г.х. произошло несколько битв между Кибакком и Керим-Бирди, в результате чего Кибак был убит.

Чекре²⁷, сын Акмыла, сына Менгасира, сына Абая, сына Уз-Тимура, сына Тукай-тимура.

Царевич Чекре находился в свите Аксак Тимура еще в 1404 г. После смерти последнего он некоторое время находился при эмире Худайдате²⁸, сыне Хусейна; потом – под покровительством Шейх-Нур-ад-Дина²⁹, сына Сары-Буки. Примерно с 810 г.х. (08.06.1407–26.05.1408 гг.) Чекре был при Аба-Бакре, сыне Мираншаха, внуке Тимура. В 814 г.х. (25.06.1411–12.04.1412 гг.) Аба-Бакр позволил ему в составе свиты из шестиста всадников возвратиться на родину для занятия там престола³⁰. Пройдя из персидских земель через Грузию, Азербайджан, Северный Кавказ, «он перешел в Великую Татарию к вельможе, именем Едигей, который послал ему предложение для занятия там престола» [161, с. 33]. Чекре, попав к Идегею, вынужден был сопровождать последнего в его походе на Сибирь, продолжавшемся больше года. Вернувшись оттуда в 1413 году они овладели Булгаром, а после отправились в земли Идегея на Яике. Узнав о неразберихе, происходившей между Керим-Бирди и Кибакком, Идегей посчитал, что сейчас самое время для интронизации Чекре, и в 816 г.х. объявил его ханом. В первой стычке против Кибака Чекре потерпел поражение, но после ему все же удалось прогнать своего противника.

Чекре осуществлял свою власть над частью территорий государства в 816–818 г.х., побеждая и терпя поражения от соперников, часто перемещаясь по стране. Красноречивее всего данное положение иллюстрируют монетные выпуски с именем Чекре: Азак – 816 г.х. и 817 или 818 гг.х., а также без указания года [131, с. 22–38]; Орду Муаззам – 816 и 817 гг.х.; Сарай – без указания года; Булгар – «717» (ошибочно написанная дата: 817 или 818 гг.х.) и без указания года; Хаджи-Тархан – 817, 818 гг.х. и без указания года; Бик-Базари – 818 г.х. [105, с. 88]. Вероятнее всего, в 818 г.х. происходит разрыв в отношениях между Чекре и Идегеем: у последнего в этом году появляются новые фавориты.

²⁵ Шахмалик, бывший до этого эмиром Самарканда, оставался эмиром Хорезма вплоть до своей смерти в 829 г.х., после которой правителем Хорезма был назначен его сын Насир ад-Дин Ибрахим.

²⁶ Написание имени этого правителя на монетах известно в следующих вариантах: «К-б-к», «К-и-б-к», «К-б-а-к», «К-и-б-а-к». Исходя из этого, можно утверждать, что произносилось оно примерно как «КибЭк», с гласной «и» в первом слоге и ударной длинной гласной (средней между русскими «А» и «Э») в последнем слоге. Сохраняя традицию, будем писать это имя как «Кибак», имея в виду вышесказанное.

²⁷ Имя этого правителя обозначено на монетах как «Ч-к-р», «Ч-к-р-х», «Ч-к-и-р»; в источниках как «Чакире», «Чака», «Чингиз-оглан» и др.

²⁸ Убит в 812 г.х. [5, с. 90].

²⁹ Убит в 814 г.х. [154, с. 161].

³⁰ Чекре находился при Аба-Бакре 4 года после смерти Мираншаха, которая произошла 24/11/810 г.х. (21/04/1408 г.), т.е. до 814 г.х.

Джаббар-Бирди, сын Токтамыша.

Узнав, что его союзник Кибак погиб, Витовт не мог допустить, чтобы власть в Орде оставалась в руках его недругов. Он решил возвести на престол следующего сына Токтамыша – Джаббар-Бирди. Этот царевич находился в войске Кибак во время роковой для того битвы с Керим-Бирди, а теперь прибежал в Литву. Джаббар-Бирди был коронован в Вильне, ему были приданы войска литовских татар, а также самих литовцев под командованием маршала Радзивила. С их помощью Джаббар-Бирди уже в 817 г.х. овладел Сарайским престолом³¹. Однако ему пришлось бороться и с Чекре, и со своим братом Керим-Бирди. Чекре с Идегеем уже в этом 817 г.х. захватывают Хаджи-Тархан, Сарай и другие части страны. Джаббар-Бирди тем временем удалось победить брата Керим-Бирди, и убить его. В конце 818 г.х. Джаббар-Бирди одолел и Чекре, который сумел спастись бегством. Таким образом, к началу 819 г.х. Джаббар-Бирди сумел взять под свой контроль большую часть Золотой Орды.

Гийас ад-Дин I и Сайид-Ахмед I.

Оставшиеся без лидера после смерти Керим-Бирди приверженцы антилитовской коалиции в 1416 году (819 г.х.) возвели на престол его сына, Сайид-Ахмеда I [106, с. 48–60]. В этом же году Джаббар-Бирди таинственным образом исчезает с исторической сцены. Возможно, он был убит³². Витовт, оставшись без своей креатуры, в 819 г.х. интронизирует Гийас ад-Дина I³³, сына Таш-Тимура, но его убивает Сайид-Ахмед I. Сайид-Ахмед, продолжая дело отца, в союзе с Идегеем продолжает борьбу с Витовтом. В 819 г.х. он устраивает поход на литовские земли, захватывает Киев и 13 июля 1416 г. (17/5/819 г.х.) разоряет его³⁴. Но вскоре Сайид-Ахмед исчезает с арены истории.

Дервиш, сын Алты-Куртка, сына Мамки, сына Менгасира, сына Абая, сына Уз-Тимура, сына Тукай-Тимура.

Этого хана [98, с. 159–164] интронизировал Идегей, которому Дервиш до конца жизни сохранил преданность, полностью находясь в его воле. Первые монеты Дервиша чеканены в Сарае с датой 818 г.х. В 820 – начале 822 гг.х. Дервиш и Идегей контролировали большую часть Золотой Орды, в том числе и Крым³⁵. Однако в 822 г.х. (18.02.1419–16.01.1420 гг.) Дервиш умирает. Интересно, Идегей пишет письмо Витов-

³¹ Монеты Джаббар-Бирди чеканены в Хаджи Тархане в 817 г.х. и в Сарае без обозначения даты.

³² Вильно 14/12/1417 (5/11/820): «Ok so wetet, dat de Tatarsche keiser, de sinen broder der iare dotsloch, de bi Wytovten was, de is nu wedder dot geslagen van sinen vianden» [162, р. 397–398]. «Знайте, что татарский царь, который убил своего брата в этом году (1417 г. = 819–820 гг.х. – Авт.), который был у Витовта, он теперь был убит своими врагами».

³³ Известен мимолетный чекан от имени хана Гийас ад-Дина в Орду Му'аззам 819 г.х., который штемпельно связан со сменившим его чеканом хана Сайид-Ахмада I.

³⁴ Иоганн фон Посильге описывает разорение Киева под 13 июля 1416 г. (17/V/819 г.х.): «Великий хан татар объявил войну князю Витовту из-за того, что он возвел [на престол] другого хана против него, ибо он десятком лет ранее причинил сильный ущерб Прусской земле с тем же ханом и вел его с собой в своем войске; и из-за объявления войны они ничего не предприняли, ибо великий хан татар после этого отправился [в поход] на князя Витовта с большой силой, и [они] причинили большой ущерб в Киеве в его земле и вокруг [него], так что полякам пришлось прискакать на помощь литовцам» [166, с. 364] (перевод С.В. Полехова, г. Москва).

³⁵ Монетные выпуски с именем Дервиша: Сарай 818 г.х. и без обозначения года чеканки; Сарай ал-Джедид без обозначения года чеканки; Орду-Му'аззам 820 г.х. и без обозначения года чеканки; Орду без обозначения года чеканки; Хаджи-Тархан 820 и 822 гг.х. и без обозначения года чеканки; Бик-Базари 820 г.х. и без обозначения года чеканки; Сарайчик 820 г.х. и без обозначения года чеканки; Азак 821 г.х. и без обозначения года чеканки; множественный чекан Булгара без обозначения года чеканки; Крым с именем эмира Идегея 822 г.х. и без обозначения года чеканки [98, с. 159–164].

ту, в котором предлагает уйти от политики постоянной конфронтации. Витовт, стараясь продолжить свое влияние на внутриордынские дела, помогает прийти к власти Бек-Суфи, чему не противоборствует Идегей. Находясь в состоянии «замирения» между Витовтом и Идегеем, Бек-Суфи признает последнего своим беклербеком.

Кадыр-Бирди, сын Токтамышша.

Такое положение дел не устраивало другие группы, особенно сына Токтамышша Кадыр-Бирди, и эмиров, противоборствовавших все эти годы Идегею. Они провозглашают Кадыр-Бирди ханом и вступают с Идегеем в вооруженное противостояние, закончившееся в том же 822 г.х. смертью обоих лидеров. Кратковременность правления Кадыр-Бирди подтверждают достаточно редкие экземпляры монет с его именем, чеканенные в Булгаре – на единственно известном на сегодня для этого эмитента монетном дворе [68, с. 122].

Бек-Суфи, сын Бектута, сын Данишманда, сын Байана, сын Тукай-Тимура.

Бек-Суфи, старейший представитель крымской ветви Тукайтимуридов, вероятно, был компромиссным вариантом для Идегея и Витовта³⁶ в качестве правителя прилитовских территорий. Подобно его отцу и дяде, бывшими в свое время верными сподвижниками Токтамышша [126, с. 63–74], Бек-Суфи также преданно служил Джалал ад-Дину, который, захватив Крым, отдал под управление Бек-Суфи часть территорий полуострова. В 822 г.х. он был объявлен ханом. Не имея ни амбиций, ни возможностей на занятие Верховного Престола, этот государь правил только в крымской части Улуса Джучи с 822 по 824 гг.х. Европейские путешественники называют его «императором Солхата» в отличие от «Императора Татар» – правителя остальной части государства [52, с. 442]. Смерть Бек-Суфи наступила примерно в сентябре 1421 (IX/ 824 г.х.), после чего развернулась ожесточенная борьба за власть в Крыму.

Фактически Бек-Суфи являлся предтечей выделения Крыма в отдельное квазигосударство внутри Империи. Являясь продуктом соглашения между Витовтом и Идегеем³⁷, он предпочитал сохранить то, что имел, нежели безрассудно испытывать судьбу в борьбе за большее.

Мухаммед.

В 822 г.х. году происходят большие события, сходят с политической арены хан Дервиш, Кадыр-Бирди и Идегей. В Крыму начинает править Бек Суфи³⁸. В центральном улусе эмиры возводят на престол хана Мухаммеда. В настоящее время окончательно не ясно, кто был тем «ханом Мухаммедом», что осуществлял власть над большей частью государства в период 822–826 гг.х. Перечислим здесь возможные кандидатуры³⁹:

³⁶ Длугош сообщает под 1418 годом о том, что Витовт говорит о Бек-Суфи как об одном из кандидатов на ханский трон [156, с. 194, ссылка 63].

³⁷ Все три действующих лица – Витовт, Идегей и Бек-Суфи – были уже в преклонном возрасте. После столь бурной деятельности в прошедшие годы они были больше склонны к компромиссам, стремясь удержать то, что было в руках, тем более перед лицом новых, молодых и активных конкурентов.

³⁸ Бек-Суфи появляется на исторической арене намного раньше. Сначала мы видим его в 813 г.х. в свите Джалал ад-Дина в Массарии Каффы. 9.01.1411 г. (14/9/813 г.х.): выдача ексения правящему султану, сыну Токтамышша (Джалал ад-Дину), захватившему Солхат. 13.01.1411 г. (18/9/813 г.х.): выдача ексения Бексуффу оглану... Сумма 2170 аспров [77, с. 165]. Затем в 821 г.х. – у Яна Длугоша [77, с. 162] под 1418 г. (821 г.х.) «Бексуб улана Великий князь литовский Витовт сделал императором татар». Чекан Бек Суфи под 822 г.х. в Крыму с именем Идегея можно объяснить кратким периодом примирения Идегея с Витовтом. «В 1419 г. Едыгей направил к Витовту посольство с предложением о мире и заключил с ним союз» [10, с. 276]. См. также письмо Идегея Витовту [80, с. 226].

³⁹ Более подробный разбор событий в Улусе Джучи, произошедших в первое десятилетие после смерти Идегея, см.: [108, с. 80–104].

1. (Улуг-)Мухаммед, сын Хасана, сына Джине, сына Тулек-Тимура, сына Кончака, сына Саричи, сына Уз-Тимура, сына Тукай-Тимура.

2. (Хаджи-)Мухаммед, сын Али, сына Бек-Хванди, сына Минг-Тимура, сына Бадакула, сына Джучи-буги, сына Бахадура, сына Шибана.

3. (Кучук-)Мухаммед⁴⁰, сын Токтамыша.

4. (Кичи-)Мухаммед, сын Тимура, сына Тимур-Кутлука.

5. В настоящее время мы не знаем мусульманского имени хана Худайдата, сына Али, внука Джине, приходившегося Улуг-Мухаммеду, Гийас ад-Дину I и Девлет-Бирди двоюродным братом. Если предположить, что его мусульманское имя также было «Мухаммед», то он тоже является кандидатом на эту позицию.

Самым вероятным является то, что одновременно в разных частях государства воцарились несколько ханов с именем Мухаммед. Как мы видели, к этому моменту сложились несколько лагерей непримиримых соперников, которые ни при каких обстоятельствах не поддержали бы воцарение ханов, принадлежащих другой группировке, и попытались бы интронизировать собственных ставленников. Вероятнее всего, Идегеевичи (в частности его сын Мансур) провозгласили ханом Хаджи-Мухаммеда [125, с. 53] или Мухаммеда, сына Тимура, а в войске противников ханом стал или Кучук-Мухаммед, сын Токтамыша [108, с. 89], или Улуг-Мухаммед. Кто из них является «Мухаммед-ханом» 822–826 гг.х. (1419–1423 гг.), и не слились ли под одним именем сведения о деятельности двух персонажей, еще предстоит выяснять исследователям⁴¹. Как бы то ни было, но нумизматические и летописные данные свидетельствуют о том, что с 822 по 826 гг.х. Золотой Ордой правит Мухаммед-хан. С 822 г.х. монеты с именем «Мухаммед-хан» чеканятся в Хаджи-Тархане и на других монетных дворах Улуса Джучи. В первый день Раби II 823 г.х. (15 апреля 1420 г.), когда его ставка находилась в Крыму, хан Мухаммед выдал ярлык Туглубаю и Хызру.

Мухаммед-Барак, сын Куйурчака, сына Урус-хана, сына Бадика, сына Тимур-Ходжи, сына Уз-Тимура, сына Тукай-Тимура.

Мухаммед-Барак-оглан бежал в 822 г.х. к Тимуридам в Самарканд ко двору мирзы Улугбека, сына Шахруха. Пробыв там некоторое время и получив помощь и людей, Барак уже в этом же году отправляется на завоевание Улуса Джучи. Надо заметить, что Барак принадлежал к той линии Уруханидов, что еще со времени войн между Токтамышем и эмиром Тимуром была на стороне последнего. Как известно, в 797 г.х. Тамерлан возвел отца Барака, Куйурчака, на ханский престол, однако тот продержался недолго, будучи вытесненным Тимур Кутлуком и Идегеем. Таким образом, сын Тамерлана Шахрух и его внук Улугбек, правивший в Самарканде, желая усилить свое влияние на соседнее государство, были естественными союзниками Барака в его борьбе за верховенство в Улусе Джучи. Фактически Барак возглавлял клан «неприсоединившихся», «казаковавших».

В 824 г.х. за власть борются сначала Мухаммед, Бек-Суфи и Барак. Но Бек-Суфи умер и власть продолжают оспаривать Мухаммед, Барак и воцарившийся в конце года в Крыму Девлет-Бирди. Борьба закончилась в 826 г.х. победой Барака.

Девлет-Бирди, сын Таи-Тимура.

Этот правитель был возведен на престол теми же силами, что поддерживали ранее Бек-Суфи. Фактически – пролитовской партией. В 824–826 гг.х. он находился в Крыму

⁴⁰ «Кучук-Мухаммед» (Малый-Мухаммед), в отличие от Кибак, который также носил имя «Мухаммед».

⁴¹ Судя по тому, что этот Мухаммед борется со сторонниками Витовта, а после смерти этого Мухаммеда в 826 г.х., Мансур, сын Идегея, переходит к хану Гийас ад-Дину, сыну Шадибека; версия того, что «Мухаммед-ханом» в 822–826 гг.х. был именно Шибанид, выглядит предпочтительней.

и был вынужден сражаться как с Мухаммедом, правителем Престольного Улуса, так и с Бараком. К тому же Девлет-Бирди испортил отношения и с Витовтом. В 826 г.х., узнав о победе Барака над Мухаммедом, Девлет-Бирди отправился в Дешт попытать свое счастье в борьбе за «Саинский Престол». 827 г.х. проходит в борьбе между Девлет-Бирди и Бараком.

Худайдат, сын Али, сына Джаная, сына Тулек-Тимура, сына Кончака, сына Сарича, сына Уз-Тимура, сына Тукай-Тимура.

Этот царевич (двоюродный брат Улуг-Мухаммеда и Девлет Бирди) был интронизирован своими сторонниками, скорее всего, после смерти Бек-Суфи. В 825 г.х. он потерпел поражение от Мухаммеда-Барака. На протяжении всего своего «царствования» Худайдат так и не добился каких-либо значительных достижений. В 1424 г. он попытался взять Одоев, но потерпел поражение и бежал. Его жен взяли в плен, одну отослали Витовту, другую – в Москву к Василию Дмитриевичу. Последний раз имя этого царя упоминается в связи с вышеописанными событиями в письме от 1 января 1425 г. (11/2/ 828 г.х.), после чего его имя окончательно исчезает со страниц источников.

Гийас ад-Дин II, сын Шадибека.

Он был лидером проидегеевской партии. В качестве хана этот Джучид отмечен уже в 1421 году (824–825 гг.х.), когда прибыл в Тану вместе со своим визирем Базарогланом. В 826 г.х. после смерти хана Хаджи-Мухаммеда, убитого Бараком, к нему приходит Мансур, сын Идегея. Гийас ад-Дин овладел Булгаром, а позже и другими частями государства. В 828 г.х. он сумел уже захватить Сарай, откуда был выбит в 829 г.х. войсками Улуг-Мухаммеда [108, с. 94].

Улуг-Мухаммед, сын Хасана, сына Джаная, сына Тулек-Тимура, сына Кончака, сына Саричи, сына Уз-Тимура, сына Тукай-Тимура.

Как уже было указано выше, этот хан является одной из возможных кандидатур на личность «Мухаммед-хана», управлявшего Дештом в 822–826 гг.х. В 826 г.х. мы видим его в ставке Витовта, собирающимся отправиться на завоевание власти. В 827 г.х. он захватил Крым, воспользовавшись отсутствием там Девлет-Бирди. На начало 828 г.х., согласно письму Витовта Паулю фон Русдорф, в государстве – шесть правителей⁴². Один из них Худайдат быстро сходит с политической сцены. Мухаммед-Барак одерживает победы и над Девлет-Бирди и над Улуг-Мухаммедом, однако сталкивается в этом году с Гийас ад-Дином.

В 829 г.х. Улуг-Мухаммед выступает из Крыма в Дешт, побеждает Барака и Гийас ад-Дина, который вскоре умирает. Улуг-Мухаммед берет под свой контроль центральные части государства. Однако в Крым возвращается Девлет-Бирди, и ищет примирения с Витовтом. Барак правит в восточной части государства, а также частью Хорезма и Сыгнаком. К нему приходит служить Мансур, сын Идегея. В 830 г.х. правителем центральной части Улуса Джучи продолжает оставаться Улуг-Мухаммед. Помимо него еще четыре правителя в разных частях государства. В Крыму утвердился Девлет-Бирди. Мухаммед Барак, стараясь закрепить за собой восточные улусы государства, в Сыгнакской области нападает на выдвинувшееся против него объединенное тимуридское войско, одерживает победу, грабит Мавераннахр и Туркестан, однако в конце года отступает. В 831 г.х. Девлет-Бирди захватывает центральный улус, чеканит монеты в Хаджи-Тархане и Сарае, однако в этом году и он умирает. Практически все государство достается Улуг-Мухаммеду. Мухаммед-Барак по какой-то причине убивает Мансура.

⁴² В письме названы Худайдат и Улуг-Мухаммед. Еще трое вычисляются довольно просто: Девлет-Бирди, Мухаммед-Барак, Гийас ад-Дин. Кого Витовт имел в виду под шестым правителем, еще предстоит выяснить: либо тукайтимурида Мухаммеда ибн Тимура, либо одного из шибанидов – Махмуд-Ходжа ибн Каганбека, Махмуд ибн Хаджи-Мухаммеда, Джумадук ибн Суфи.

Братья последнего, Гази и Навруз узнав об убийстве Мансура, бегут к Мухаммеду сыну Тимура (Кучук-Мухаммеду⁴³), который был провозглашен ханом после смерти Гийас ад-Дина. В конце этого года и сам Барак убит в битве с Кучук-Мухаммедом⁴⁴.

В 832 г.х. Улуг-Мухаммед – правитель большей части государства, «Крыма и прилегающих к ним земель» [142, с. 534]; но у него появился грозный соперник – **Мухаммед, сын Тимура**, который правит восточной частью Дешт-и Кипчака.

В октябре 1430 года (II/ 834 г.х.) умирает правитель Великого княжества Литовского – Витовт, – надежный союзник Улуг-Мухаммеда. Великим князем становится Свидригайло Ольгердович⁴⁵.

Узнав о смерти Витовта, в октябре 1430 года глава кунгратов Айдар, служивший тогда Улуг-Мухаммеду, совершил набег на Литву: стояв под Мценском, он обманом захватил воеводу Григория Протасьева. Но Улуг-Мухаммед, будучи в союзных отношениях с Литвой, «поругая Айдару и не похвалив его о том, почтив Григория, отпустил его с честью и з дары» [85, с. 9]. Улуг-Мухаммеда посетил посол нового Великого князя Литовского. Был заключен договор о союзе между новым правителем Литвы и Улуг-Мухаммедом. Улуг-Мухаммед выдал ярлык на Подолию Свидригайло. В 1431 году началась война между Польшей и Литвой, которую поддерживали Тевтонский Орден и войска Улуг-Мухаммеда [156, с. 176–181].

Сайид-Ахмед II, сын Бек-Суфи.

На наш взгляд, этот Джучид был поднят теми же силами из эмиров Золотой Орды, что ранее поддерживали умершего в 831 г.х. Девлет-Бирди, а до этого – его отца. Летом 1432 года Улуг-Мухаммед пошел на нового претендента и победил его. «14 августа 1432 г. один из чиновников Тевтонского ордена сообщал своим властям, что, одержав победу над врагом и захватив его в плен, хан (Улуг-Мухаммед – *Авт.*) отправил его (Сайид-Ахмеда – *Авт.*) к Свидригайло» [156, с. 182].

В ночь на 1 сентября 1432 года в Литве произошла попытка государственного переворота. Свидригайло Ольгердович, лидер православной партии, был смещен, и на трон взошел Сигизмунд Кейстутевич, сторонник союза с Польшей. В письме от 3 сентября 1432 года (8/I/ 836 г.х.) было сказано о том, что во время этого переворота вместе со Свидригайло убежали, помимо его бояр, еще и «господин Саид-Ахмат Бексубович» (*dominus Sydachmath Bexubowitz*).

Улуг-Мухаммед продолжал поддерживать Свидригайло всю зиму–весну 1432–1433 годов, вплоть до начала лета 1433 года. Он отправил сына Махмутека и своих зятьев Айдара и Ельбердея с войском для поддержки Свидригайло и даже выражал готовность, в случае необходимости, лично прийти на помощь Великому князю [156, с. 177]. Но пришедшие летом «на помощь» Свидригайло татарские войска «вместо того, чтобы принимать участие в сражениях, разорили Киевщину и Северскую землю» [156, с. 180]. В ответ на это Свидригайло поссорился с Улуг-Мухаммедом и помог Сайид-Ахмеду II вернуться к власти⁴⁶.

⁴³ «Мухаммеду-меньшому».

⁴⁴ Возможно, Султан-Махмудом, сыном Идегея, братом убитого Бараком Мансура [125, с. 56].

⁴⁵ Свергнут с трона Сигизмундом Кейстутевичем.

⁴⁶ Как мы видели ранее, и Девлет-Бирди, и Улуг-Мухаммед – представители пролитовских сил в Орде, но постепенно Девлет-Бирди начал проводить самостоятельную политику и поссорился с Витовтом. Улуг-Мухаммед понадобился последнему для усиления своих позиций в Орде, так как полностью довериться ненадежному Девлет-Бирди было опасно для Литовской державы. Улуг-Мухаммед полностью оправдал надежды Витовта, оставаясь надежным союзником для него и для его приемника Свидригайло первые два года правления последнего. Но после дворцового переворота в Литве в сентябре Улуг-Мухаммед встал перед выбором: кого поддер-

В апреле 1434 года Свидригайло писал, что войско Сайид-Ахмеда двигалось ему на помощь. Военная поддержка Сайид-Ахмедом Свидригайло продолжалась на протяжении всей войны до 1438 года. Его войска регулярно наносили полякам чувствительные поражения. «В ноябре 1436 года Свидригайло сообщал Великому Магистру, что Сеид-Ахмед наконец одержал победу над Улуг-Мухаммедом и подчинил своей власти Орду» [156, с. 182].

К концу 1437 года Улуг-Мухаммед пришел зимовать в город Белев, «ис Поля согнан, з Болшиа Орды от брата своего Кичи-Ахметя (вариант в летописи: Кичи-Махметя)» [85, с. 63]. Василий Васильевич отправил против него войска под руководством Дмитрия Юрьевича Шемяки и Дмитрия Юрьевича Красного, в результате завязавшейся битвы победу одержали войска Улуг-Мухаммеда.

По сведениям Иосафата Барбаро, до 1438 года в степях Татарии правил Улуг-Мухаммед, когда он находился в степях, лежащих в сторону Руси, а военачальником у него был Навруз, сын Идегея; между ним и Улуг-Мухаммедом произошло разногласие. Навруз отправился к Кучук-Мухаммеду. Они объединили силы, чтобы воевать против Улуг-Мухаммеда. Пройдя около Астрахани, они, обогнув Черкесию, отправились по пути к реке Дону [138, с. 140–142]. Улуг-Мухаммед, побежденный Сайид-Ахмедом, а теперь выдавливаемый Кучук-Мухаммедом, вынужден был искать себе новое место.

Улуг-Мухаммед и его потомки в последующем укрепились на Средней Волге, вначале Улуг-Мухаммед и его сын Махмудек продолжали считать себя ханами Золотой Орды, татарскими царями, однако постепенно они превратились в ханов казанского вилаета.

«Сейдахматова Орда».

Когда Улуг-Мухаммед ушел в северные части государства, реальными соперниками в борьбе за оставшиеся земли на запад от Волги остались два Джучида: Кучук-Мухаммед, правитель Большой Орды⁴⁷, и Сайид-Ахмед II. Орда Сайид-Ахмеда II занимала территорию от Днепра до Южного Приазовья и Дона. От Крыма до степей Казахстана протянулась Большая Орда. Василий Васильевич Московский в начале 1440-х годов посылал кичичиев, выходы и проторы ордынские к Кучук-Мухаммеду и Сайид-Ахмеду [156, с. 184]. Литовские правители с русских земель платили Сайид-Ахмеду, а после – сменившим его Гиреям.

В последние годы своего существования эта орда терпела постоянные поражения. Удача явно отвернулась от Сайид-Ахмеда, и многие бывшие его подданные потянулись на службу к иным правителям. Сам Сайид-Ахмед попал в плен и провел остаток дней узником в Ковно. Парадоксально, но в основе Сайидахматовой Орды лежала та часть золотоордынского общества, которую мы называли выше пролитовским кланом. По

живать дальше – Свидригайло или Сигизмунда? Союзнический договор ранее был заключен со Свидригайло, и следовало бы помогать ему, но в случае победы Сигизмунда Улуг-Мухаммед неизбежно получил бы нового сильного соперника, возведенного на престол победителем. К этому новому сопернику неизбежно отъехала бы большая часть его подданных, всегда, как показала жизнь, принимавшая сторону сильного. Поэтому Улуг-Мухаммед предпочел выждать некоторое время. Помощь, которую он обещал Свидригайло, по «непреодолимым» причинам начала задерживаться. Улуг-Мухаммед имел переписку с обеими сторонами конфликта. И вот, когда, наконец, пришедшие войска Улуг-Мухаммеда во всей красе показали, что не собираются исполнять далее союзнические обязательства, Свидригайло решил сделать ставку на другое крыло пролитовских сил в Орде, тем более что их лидер Сайид-Ахмад-Кучук так удачно оказался поблизости. То, чего Улуг-Мухаммед опасался от Сигизмунда, он получил от Свидригайло. Сайид-Ахмад Второй начал усиливаться, оттягивая людские ресурсы от Улуг-Мухаммеда.

⁴⁷ Заполучив к себе Навруза, Кучук-Мухаммед фактически консолидировал под собой клан, который мы называли раньше антилитовским-проидегеевским; в дальнейшем мы будем называть его Большой (Большей) Ордой.

ходу событий Сайид-Ахмед поддерживал ту часть литовской элиты, которая стремительно теряла власть, в результате чего Сайидахматова Орда превратилась в злейшего врага собственно Польско-Литовского государства, и последнему пришлось предпринимать огромные усилия, вступать в союзы с соседями, чтобы любой ценой уничтожить ту силу, которую оно само когда-то породило. Сайид-Ахмед поддерживал православную партию в Литве. В результате многочисленных совместных боевых действий православное литовское войско фактически объединилось с татарским войском⁴⁸ и вошло в состав Сайидахматовой орды, после разгрома которой некоторая часть этой орды не присоединилась ни к одной из победившей сторон и стала казаковать, сохранив при этом основные свои базы в районах Днепра и Дона. По мнению В.В. Трепавлова, именно остатки Сайидахматовой орды явились той основой, на которой впоследствии сформировалось Запорожское и Донское казачество [146, с. 55–56].

(Кучук-)Мухаммед, сын Тимура, сына Тимур-Кутлука.

Этот правитель был провозглашен ханом после смерти Гийас ад-Дина II в промежутке 829–831 гг.х. Его беклярбеком был сын Идегея, Гази. После убийства Барака Кучук-Мухаммед стал единоличным правителем восточной части государства, выдавив Уруханидов в сторону Моголистана. Гази предпринял давление на шибанидскую часть Улуса Джучи, но был убит местными эмирами.

В 834 г.х. Кучук-Мухаммед «послал из Дешта войско на Хорезм, и оно произвело большое опустошение» [143, с. 212], вынудив тимуридского эмира Ибрахима, сына Шахмалика скрываться в Кяте и Хиваке. Шахрух отправил туда несколько эмиров, которым удалось изгнать войско противников.

Кучук-Мухаммед переключил свое внимание на левое крыло государства, предпринимая попытки осилить Улуг-Мухаммеда. Старейший среди потомков Идегея – Навруз, – посорившись со своим ханом, присоединяется к Кучук-Мухаммеду. Фактически под Кучук-Мухаммедом консолидировались все силы, которые мы называли ранее проидегеевской партией.

К концу 1437 года Кучук-Мухаммед с Наврузом победили Улуг-Мухаммеда, выдавив того в Северную часть государства. Кучук-Мухаммед контролирует теперь земли от Заяицких ногаев до Дона. В 1438 году он пришел к Тане-Азаку. Власти города поднесли новены Кучук-Мухаммеду, его матери и Наврузу. По сообщению Иосафата Барбаро, царевичу было тогда 22 года⁴⁹, а Наврузу – лет 25. Вскоре Кучук-Мухаммед овладел и Крымом.

Итак, в 40-е годы XV столетия запад страны оказывается полностью в руках бывших «пролитовских» сил, другую же часть государства контролирует партия «антиоктамышевичей» с мангытами во главе, но к этому времени кардинально поменялась обстановка вокруг этих двух частей. «Пролитовские» силы фактически воюют с большей частью Литовско-Польского государства, что вынуждает Казимира создать новую татарскую силу с Хаджи-Гиреем во главе для борьбы с Сайид-Ахмедом. На востоке страны Абу-л-Хайр консолидировал под собой весь Улус Шибана. В болгарском улусе правят потомки Улуг-Мухаммеда.

⁴⁸ Как уже было отмечено выше, в состав пролитовской-антиидегеевской партии влилось тюркоязычное население христианского, преимущественно православного, вероисповедания. В начале 30-х годов XV столетия эту партию возглавил Сайид-Ахмад II. Во время гражданской войны в Литве Сайид-Ахмад поддерживал православную прорусскую партию, в результате чего количество христиан в его войсках только увеличилось. К концу своего существования Сайидахматова Орда представляла из себя тюрко-татарско-русский коктейль, воевавший в Литве против польской партии, в том числе под флагами православия.

⁴⁹ Тимур погиб в конце 814 г.х., если предположить, что его жена, дочь Идегея, в этот момент была беременной и родила только в 815 году, то в начале 1438 года (вторая половина 841 г.х.) Мухаммеду, сыну Тимура должно было быть не меньше 26 лет.

В непрерывной борьбе за власть между разными кланами в первой половине XV века устанавливаются новые политические центры и Золотая Орда распадается на отдельные ханства.

1. Абуль-Гази-Багадур-хан. Родословное древо тюрков. М.-Ташкент-Бишкек: издательство «Туркестан», 1996. 544 с.
2. Алексеев А.К. Политическая история Тукай-Тимуридов. СПб., 2006. 230 с.
3. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965. 194 с.
4. Барбашев А.И. Витовт. Последние двадцать лет княжения (1410–1430). СПб., 1891.
5. Бартольд В.В. Улугбек и его время. // В.В. Бартольд. Сочинения. Т.2. Ч. 2. М.: Изд-во: «Наука», 1964. С. 23–196.
6. Беляев В.А., Рева Р.Ю. Две серебряные золотоордынские пайцзы с уйгуро-монгольскими надписями. В печати.
7. Березин И.Н. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша къ польскому королю Ягайлу 1392–1393 года. Казань, 1850.
8. Беспалов Р.А. Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белева до Казани (1437–1445 гг.) // Золотоордынская цивилизация. Выпуск 5. Казань: «Фолиант». С. 53–70.
9. Беспалов Р.А. Литовско-Ордынские отношения 1419–1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства. // Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Крыма. Выпуск V. Севастополь-Тюмень, 2013. С. 30–52.
10. Беспалов Р.А. Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных отношений в Восточной Европе XIV – начала XVI века. // Средневековая Русь. Выпуск 11. М.: издательство «Индрик», 2014. С. 257–326.
11. Беспалов Р. А., Казаров А.А. Клады и денежные комплексы первой трети XV века, обнаруженные в верховьях Оки, Дона и Десны в 2008–2011 годах (по результатам предварительного исследования). // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Материалы IV Всероссийского семинара. Ноябрь 2011 г., Тула, 2013. С. 72–86. <http://gostunsky.blogspot.ru/2013/12/xv.html>.
12. Бурковский С.А. Трехногая тамга в эпоху Идегея. Часть I. Материалы по исследованию медного чекана золотоордынского Булгара. Часть II. Донецк, 2013. 200 с.
13. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Часть первая. СПб., 1863. 558 с.
14. Гаев А.Г. Генеалогия и хронология джучидов. // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нижний Новгород: Историко-археологический центр «Регион», 2002. С. 9–55.
15. Гайворонский О. Повелители двух материков. Том. I. Киев-Бахчисарай: Изд-во «Оранта», 2007. 368 с.
16. Гончаров Е.Ю., Тростянский О.В. Хан Махмуд, Булгар, 812–813 г.х. // Нумизматика. Март 2004. С. 39–42.
17. Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. 214 с.
18. Горский А.А. О названии «Большая Орда». // Золотоордынское обозрение. 2014. №1(3). С. 123–127.
19. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. 480 с.
20. Григорьев А.П. Жалованная грамота Улуг-Мухаммеда // Вопросы филологии стран Азии и Африки. Вып. 1. Л., 1971. С. 170–177.
21. Григорьев А.П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник. 2005. М.: «Восточная литература», 2006. С.74–142.
22. Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Кашкашанди // Тюркологический сборник 2001. М., 2002. С.261–302.
23. Гулевич В.П. Северное Причерноморье в 1440–1442 гг. и возникновение Крымского ханства // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 110–146.

24. Гулевич В.П. «Київська трагедія» 1482 р.: міфи й факти // Український історичний журнал. К., 2013. № 5. С. 89–101.
25. Гулевич В.П. Тука-Тимуриди і західні землі улусу Джучі в кінці XIII–XIV ст. // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Збірка наукових праць / Число 22–23. Київ: НАН України, Ін-т історії України, 2013. С. 138–178.
26. Гулевич В.П. Казимир Ягайлович і Менглі Гірей: від "друзів" до ворогів // Український історичний журнал. К., 2013. № 1. С. 40–66.
27. Гулевич В.П. О хронологии правлений и личностях правителей Крымского ханства в 1475–1478 гг. // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 172–190.
28. Гулевич В.П. Крым и «императоры Солхата» в 1400–1430 гг. // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4 (6). С. 166–197.
29. Гулевич В.П. Кримське ханство й Північне Причорномор'я в період правління Хаджи Гірея (1442–1466) // Український історичний журнал. К., 2014. № 6. С. 4–28.
30. Добромислов Л.Б., Сизганов А.А. Серебряный чекан Азака 793 г.х.: опыт поштемпельного анализа // Расмир: Восточная нумизматика. 3-я Международная научная конференция. Одесса (в печати).
31. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 448.
32. Евстратов И.В. Гийас ад-Дин Сар(?) хан – новый золотоордынский эмитент XV в. // Тезисы 11 Всероссийской нумизматической конференции. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. С. 91–93.
33. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 2009. 248 с.
34. Зайончковский Ю.В. Позднеджучидские монеты с именем эмира Дин-Суфи бен Мансура / Гілея. Науковий вісник. Збірник наукових праць. Випуск 66 (№11). Київ, 2012. С. 300–304.
35. Зайончковский Ю.В. Данги хана Тимура б. Тимур-Кутлуга датированные 812 г.х. / Государственный Исторический музей. Нумизматические чтения 2013 года. М., 2013. С. 67–70.
36. Зайончковский Ю.В., Казаров А.А. Новые данные о позднеджучидских двуименных монетах хана Махмуда и его беклербек (в печати).
37. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004. 304 с.
38. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М., 2004. 216 с.
39. Злобин Г.В. Монеты Ширваншахов династии Дербенди. М., 2010. 432 с.
40. Идегей. Татарский народный эпос. Казань, 1990. 256 с.
41. Исхаков Д.М., И. Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. Очерки. Казань, 2005. 116 с.
42. История Татар с древнейших времен. В семи томах. Том IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. 1080 с.
43. Кадыр Али-бек. Сборник летописей. (Библиотека восточных историков, издаваемая И.Н. Березиным. Т.2., Ч.1. Казань, 1854.
44. Казаров А.А., Студицкий Я.В., Рева Р.Ю. Монеты хана Муртазы, сына Ахмеда (80–90-е годы XV в.) // От Онона к Темзе. Чингизиды и их западные соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. М., 2013. С. 340–377.
45. Казаров А.А., Студицкий Я.В., Рева Р.Ю. Монеты Муртазы, сына Ахмеда – финальный этап денежного дела Золотой Орды // Расмир: Восточная нумизматика. 1-я Международная научная конференция. Одесса, 29–31 июля 2011. Киев, 2013. С. 53–58, 148–149.
46. Казаров А.А. Новый тип серебряных монет хана Улу-Мухаммеда (в печати).
47. Камбарбекова Г.А., Сабитов Ж.М. Сведения Хондемира об истории восточной части Улуса Джучи в 1460-х годах // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 135–143.
48. Карпов С.П. Путиями средневековых мореходов. М., 1994. 160 с.
49. Клавихо. Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). М., 1990. 216 с.

50. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Изд. «Рауан», 1992. 378 с.
51. Курат А.Н. Собрание сочинений. Книга 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы. Казань: Институт истории АН РТ, 2014. 256 с.
52. Ланнуа Г. Путешествия и посольства господина Гилльбера де Ланнуа, кавалера Золотого руна, владельца Санта, Виллерваля, Троншиена, Бомона, Вагени, в 1399–1450 годах. Перевод Ф. Бруна // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. 1853.
53. Лебедев В.П., Клоков В.Б. Денежное обращение Сарая и его округа после 1395 г. // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. М.; Н.Новгород, 2004. С. 23–75.
54. Лебедев В.П., Рева Р.Ю., Воробьев Б.С. Клад джучидских монет первой четверти XV в. из села Лебяжье (Ульяновская область). // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 1. Казань, 2011. С. 89–93, илл. с. 172–178.
55. Лебедев В.П., Ситник В.Г. Комплекс серебряных джучидских монет из Нижнего Джулата (Кабардино-Балкария) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 13. Армавир-Краснодар, 2012. С. 192–210.
56. Лен-Пуль С. Мусульманские династии. Перевод с английского с примечаниями и дополнениями В.В. Бартольда. М.: «Восточная литература», 2004. 312 с.
57. Майко В.В. Кырк-Ерский клад городища Чуфут-кале в юго-западном Крыму. Киев: «София Киевская», 2007. 190 с.
58. Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896.
59. Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. Дополнение четвертое. СПб., 1906.
60. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков. Алма-Ата: Изд-во «Наука», 1969. 548 с.
61. Материалы по истории Туркмен и Туркмении. Том I. VII–XV вв. М.; Л., 1939. 612 с.
62. Маслюженко Д.Н. Политическая история становления ханства Абу-л-Хайра на юге Западной Сибири // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 4. Казань, 2012. С. 76–88.
63. Миргалеев И.М. Войны Токтамыш-хана с Аксак Тимуром. Казань, 2003. 88 с.
64. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003. 166 с.
65. Му‘изз ал-ансаб (Прославляющее генеалогии) // История Казахстана в персидских источниках. Том III. Алматы: «Дайк-Пресс», 2006. 672 с.
66. Мустакимов И.А. Термин «Золотой Престол» в Поволжье по данным арабографичных источников. // Гасырлар авазы – Эхо веков. Казань, 2008. № 1. С. 153–155.
67. Мухамадиев А.Г. Два клада татарских монет XV века. // Советская археология. 1966. Вып. 2. С. 259–273.
68. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. 188 с.
69. Парунин А.В. Политическая биография Барак-хана. <http://siberian-khanate.narod.ru/index/0-25>
70. Парунин А.В. Смерть Барак-хана: опыт реконструкции // Проблемы этнической истории тюркского населения Западной Сибири: сборник научных трудов. Астана: Изд-во «Мастер ПО», 2012. С. 225–236. <http://siberian-khanate.narod.ru/index/0-17>
71. Парунин А.В. Политическая биография Чекре – хана Золотой Орды начала XV века // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи Средневековья и Нового времени. Астана, 2013. С. 114–119.
72. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Том I. // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Том сорок первый. СПб., 1884. 632 с.

73. Персидско-Русский словарь. В двух томах. Под редакцией Ю.А. Рубинчика. Том II. М., 1970. 848 с.
74. Петров П.Н., Рева Р.Ю. Очерк о развитии джучидской нумизматики XV века // История татар. Том IV. Казань, 2014. С. 41–45.
75. Полехов С.В. «Русины опять провозгласили его своим господином». Князь Свидригайло – оппозиционер номер один в Великом княжестве Литовском // Родина. 2011. № 10. С. 83.
76. Пономарев А.Л. «Солхатская война» и «император» Бек Булат // Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социальная история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. Казань, 2011. С. 18–21.
77. Пономарев А.Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах Генуэзского казначейства Каффы // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 158–190.
78. Пономарев А.Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (1) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1(3). С. 128–162.
79. Пономарев А.Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (2) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2(4). С. 191–225.
80. Почекаев Р.Ю. Цари Ордынские. М.: Изд-во «Евразия», 2012. 464 с.
81. Полное собрание русских летописей. Т.4. Часть первая. Новгородская Четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 690 с.
82. Полное собрание русских летописей. Т.6. Вып.2. Софийская Вторая летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 240 с.
83. Полное собрание русских летописей. Т.8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. Спб., 1859; М.: Языки русской культуры, 2001. 312 с.
84. Полное собрание русских летописей. Т.11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Спб., 1897; М.: Языки русской культуры, 2000. 256 с.
85. Полное собрание русских летописей. Том двенадцатый. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Спб., 1901. 266 с.
86. Полное собрание русских летописей. Том пятнадцатый. Рогожский летописец. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. Петроград, 1922; М.: Языки русской культуры, 2000. 540 с.
87. Полное собрание русских летописей. Т.18. Симеоновская летопись. Спб., 1913; М.: Знак, 2007. 328 с.
88. Полное собрание русских летописей. Т.19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). М.: Языки русской культуры, 2000. 532 с.
89. Полное собрание русских летописей. Т.23. Ермолинская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2004. 242 с.
90. Полное собрание русских летописей. Т.24. Типографская летопись. Петроград, 1921; М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с.
91. Полное собрание русских летописей. Т.25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949; М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.
92. Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959; М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006. 416 с.
93. Полное собрание русских летописей. Том двадцать седьмой. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.; Л., 1962.
94. Полное собрание русских летописей. Т. 35. Летописи Белорусско-Литовские. М.: Наука, 1980. 308 с.
95. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. 228 с.
96. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
97. Рева Р.Ю., Шарфеев Н.М. Монеты Керим-Берди (по материалам Рыбнослободского клада) // Тезисы 12 Всероссийской нумизматической конференции. М., 2004. С. 91–93. <http://info.charm.ru/library/KerimBerdiCoins.htm>

98. Рева Р.Ю. Монеты хана Дервиша // Труды Международной нумизматической конференции (МНК) Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XV веков. I МНК – Саратов 2001, II МНК – Муром 2003. М., 2005. С. 159–164, илл. с. 207–209.
99. Рева Р.Ю., Шарафеев Н.М. Неизвестный Сайид-Ахмед // Тезисы 13 Всероссийской нумизматической конференции. М., 2005. С. 57–59.
100. Рева Р.Ю. Булгарский чекан хана Кибак // Труды Международной нумизматической конференции (МНК) Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XV веков. IV МНК – Болгар 2005, V МНК – Волгоград 2006. М., 2008. С. 126–127.
101. Рева Р.Ю., Казаров А.А., Клоков В.Б. Новые нумизматические данные для реконструкции истории Золотой Орды в 817–819 гг.х. // Тезисы 15 Всероссийской нумизматической конференции. М., 2009. С. 78–80.
102. Рева Р.Ю., Казаров А.А. Улус Джучи в 817–819 гг.х. Реконструкция событий с учетом новых нумизматических данных // Восточная нумизматика в Украине. Ч.III. Киев, 2013. С. 60–75.
103. Рева Р.Ю., Тростьянский О.В. О чекане Сарая ал-Джедид в 70-е гг. XIV века // Тезисы 17 Всероссийской нумизматической конференции. М., 2013. С. 51–53.
104. Рева Р.Ю. Монеты Шибанидов XV века // Тезисы 17 Всероссийской нумизматической конференции. М.: «Триумф принт», 2013. С. 56–58.
105. Рева Р.Ю., Казаров А.А. О чекане Сайид Ахмеда I // Гос. исторический музей. Нумизматические чтения 2013 года. М., 2013. С. 85–90.
106. Рева Р.Ю. Сайид Ахмед I и Гийас ад-Дин I. (Историография открытия, генеалогия, новообнаруженные монетные выпуски). // Нумизматика Золотой Орды. № 4. Казань, 2014. С. 48–60, 201.
107. Рева Р.Ю. Монеты Мухаммеда Барака (1419–1429) // Тезисы 18 Всероссийской нумизматической конференции. М., 2015. С. 85–89.
108. Рева Р.Ю. Мухаммед-Барак и его время. Обзор нумизматических и письменных источников // Нумизматика Золотой Орды. № 5. Казань, 2015. С. 80–104, 153–155.
109. Рева Р.Ю. Джочикасариды. Монетный чекан потомков брата Чингиз-хана // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015 г. М., 2015. С. 85–93.
110. Рева Р.Ю., Казаров А.А., Зайончковский Ю.В. Монеты хана Ибрахима // Доклад на конференции в Государственном Эрмитаже «Два века мусульманской нумизматики в России. Итоги и перспективы». 24.09.2012–28.09.2012. Санкт-Петербург (в печати).
111. Рева Р.Ю. Поштемпельный анализ болгарских монет Шадибека. (Новый взгляд). (Прочитано на VII Международной нумизматической конференции (МНК) Бахчисарай – 2008. Материалы VII МНК – не публиковались.) Текст 2008 г. (в печати).
112. Рева Р.Ю. Поштемпельная раскладка болгарского чекана XV века (в работе).
113. Ретовский О.Ф. Генуэзско-татарские монеты // Известия Императорской Археологической комиссии. Выпуск 18. 1906. С. 1–72.
114. Ретовский О.Ф. Новые генуэзско-татарские монеты // Известия Императорской Археологической комиссии. Выпуск 51. 1914. С. 1–16.
115. Сабитов Ж.М. Таварих-и гузида-йи нусрат-нама как источник по генеалогии джучидов // Золотоордынская цивилизация. Выпуск 2. Казань: «Фэн», 2009. С. 108–116.
116. Сабитов Ж.М. Тарихи Абулхаир-хани как источник по истории ханства Абулхаир-хана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Астана, 2009. №2. С.166–180.
117. Сабитов Ж.М. Ханы Ногайской Орды // Средневековые тюрко-татарские государства. № 1. Казань, 2009. С. 138–141.
118. Сабитов Ж.М. Ахматовы дети: вопросы генеалогии и хронологии правления // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Астана, 2010. №2. С. 97–103.
119. Сабитов Ж.М. Хызр-хан: хронология правления // Научный Вестник Столицы. №4–6. Астана, 2011. С. 109–112.
120. Сабитов Ж.М. О хронологии правления ханов в восточном Дешти-Кипчаке в 60–90-ые годы 15 века // История, Экономика и Культура Средневековых Тюрко-Татарских

государств Западной Сибири. Материалы Международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган, 2011. С. 58–62.

121. Сабитов Ж.М. Чекре-хан и «Мухаммед-хан» // Зертеуші. 2011. №3–4. С. 98–104.
122. Сабитов Ж.М. Восточный Дешти-Кипчак в 20-ые годы 15 века // Иран-наме. 2012. № (1) 21. С. 266–275.
123. Сабитов Ж.М. Муизз ал-Ансаб: восстановительная критика // Средневековые тюрко-татарские государства. Выпуск 5. Казань, 2013. С. 64–67.
124. Сабитов Ж.М. К вопросу о генеалогии золотоордынского хана Бек-Суфи // Крим від античності до сьогодення: Історичні студії. НАН України. Інститут історії України. Київ: Інститут історії України, 2014. С. 63–74.
125. Сабитов Ж.М. Мангытский юрт от Мансура до Ваккаса // Научный Татарстан. Казань, 2013. № 2. С. 53–62.
126. Сабитов Ж.М. К вопросу о генеалогии золотоордынского хана Бек-Суфи // Крим від античності до сьогодення: Історичні студії. НАН України. Інститут історії України. Київ: Інститут історії України, 2014. С. 63–74.
127. Сабитов Ж.М. Политическая деятельность Абулхаир-хана в Восточном Дешт-и Кипчаке в 20–60-е годы XV века // Сибирский сборник: сборник статей. Вып. 3. Курган, 2015. С. 135–145.
128. Сабитов Ж.М. Ханы Золотой Орды в эпоху Великой Замятни (1359–1380) // Вопросы конституционального строительства и роль лидера нации. III конгресс историков Казахстана. Астана, 2015. С. 379–384.
129. Сабитов Ж.М., Рева Р.Ю. Сравнение сведений «Муизз Ал-Ансаб» и «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» о ханах Улуса Джучи с данными нумизматики // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 102–114.
130. Савельев П.С. Монеты джучидские, джагатайские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Токтамыша // Записки Императорского Археологического общества. Том двенадцатый. Спб., 1865. 326 с. X таблиц.
131. Савоста Р.Ю., Зайончковский Ю.В. Неизвестные страницы нумизматики Золотой Орды: Азакские данги 814–820-х годов хиджры. Харьков, 2015. 56 с.
132. Саргсян Т. Э. Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.) Симферополь, 2010. 312 с.
133. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960; переиздание в кн.: На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996. С. 276–526.
134. Северова М.Б. Об имени золотоордынского хана на монетах Крыма 822 и 823 гг. хиджры (1419, 1420 гг. н.э.) // Тезисы докладов. 1-я Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 1994. С. 98–100.
135. Селезнев Ю.В. Деятельность хана Джелаль-ад-Дина в контексте международных отношений эпохи Грюнвальдской битвы / Studia Slavica et Balcanica. Петербургские славянские и балканские исследования. 2010. № 2. С. 46–52.
136. Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань, 2009. 232 с.
137. Селезнев Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках. Воронеж, 2013. 472 с.
138. Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. Л.: «Наука», 1971. 276 с.
139. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. Том 1. М.: «Рубежи XXI», 2005. (Переиздание работы 1887 г.) 504 с.
140. Султанов Т.И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник 1973. М., 1975. С. 53–62.
141. Таварих-и Гузида-йи Нусрат-наме // Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков. Алма-Ата: Изд-во «Наука», 1969. С. 9–43.
142. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. Спб., 1884. 566 с.
143. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том II. М.-Л., 1941. 308 с.

144. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: «Восточная литература», 2001. 752 с.
145. Трепавлов В.В. Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии) // Тюркологический сборник 2007–2008. М., 2009. С. 370–395.
146. Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула: «Гриф и К», 2010. 110 с.
147. Трепавлов В.В. Сибирский Юрт после Ермака. М., 2012. 231 с.
148. Тулибаева Ж.М. Тарих-и арба' улус Мирза Улугбека // *Shygys*. №1. Алматы, 2004. С. 154–167.
149. Тулибаева Ж.М. «Муджамал-и Фасихи как источник по изучению истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. Казань: ООО «Фолиант», 2012. С. 45–52.
150. Ускенбай К.З. Арало-Каспий в первой трети XV века: упадок Ак-Орды и начало возвышения мангытов // Материалы международной научной конференции «Арал-Каспийский регион в истории и культуре Евразии». 25–27 мая 2006 г. Ч.2. Актобе, 2006. С.18–26.
151. Усманов М.А. Татарские исторические источники. Казань: Издательство Казанского университета, 1972. 224 с.
152. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Издательство Казанского университета, 1979. 320 с.
153. Утемиш-Хаджи ибн маулана Мухаммед Дост. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. 296 с.
154. Фасих Хавафи. Муджмал-и Фасихи. Ташкент, 1980. 348 с.
155. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Московского университета, 1973. 180 с.
156. Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып.10. Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 172–196.
157. Халим Гирай-султан. Розовый куст ханов или история Крыма (Гюльбюн-и ханан яхуд Кырым тарихи). Симферополь: РИА «Аян», 2008. 192 с.
158. Хромов К.К. Правление ханов в Крымском улусе Золотой Орды в 1419–1422 гг. по нумизматическим данным // Историко-географічні дослідження в Україні. Збірка наукових праць. Число 9. Київ, 2006. С. 367–371.
159. Хромов К.К. Серебряные монеты с именем Бек-Пулада // Восточная нумизматика в Украине. Часть III. Киев, 2013. С. 38–44.
160. Хромов К.К. О хронологии правления Давлат Берди хана в Крымском улусе по нумизматическим данным // От Онона к Темзе. Чингизиды и их западные соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. М., 2013. С. 378–416.
161. Шильтбергер Иоганн. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Баку, 1984. 88 с.
162. *Codex Epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376–1430. Collectus opera Antonii Prochaska. Cracoviae, 1882. 1114 p.* <http://polona.pl/item/723390/2/>
163. *Jana Długosza kanonika krakowskiego Diejów polskich / Perzeklad Karoła Mecherzyńskiego. T. III. Kraków, 1868.*
164. *Fraehni Ch. M. Recensio numorum muhammedonorum Academiae Imp. Scientiarum Petropolitanae, Petropoli, 1826. 655 p.*
165. *Kurat A.N. Altin Ordu Kirim ve Turkistan hanlarina ait yarlik ve bitikler. Stambul, 1940.*
166. *Johann von Posilge // Scriptorum Rerum Prussicarum / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Bd. 3. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1866. P. 364.*
167. *Retowski O. Die Münzen der Girei. Moskau, 1905. 306 p. XXX Taf.*
168. *Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen Preussischen Vorzeit bis zum untergange der Ordensherrschaft. Bd. 3. Leipzig, 1866.*
169. *Spuler B. Die Goldene Horde: die Mongolen in Russland. 1223–1502. Wiesbaden, 1965. XIII.*

170. Vásáry I. A contract of the Crimean khan Mängli Giräy and the inhabitants of Qirq-Yer from 1478/79 // *CentralAsiatic Journal* (Wiesbaden). 1982. P. 289–300.

§ 4. Предпосылки и особенности дезинтеграции Улуса Джучи

Вадим Трепавлов

В первой половине XV в. Улус Джучи вступил в стадию необратимого распада и образования на его месте новых государств. Причины этих процессов коренились в особенностях политического и социально-политического развития государства на протяжении предыдущего столетия. В пору своего расцвета Улус Джучи представлял собой средневековую империю с жесткой иерархической структурой управления провинциями и покоренными народами, слаженной машиной подавления любого недовольства. Все это требовало содержания огромного штата чиновников, а частые войны на границах, междоусобицы и мятежи аристократии – наличия огромной и боеспособной армии, что тяжким грузом ложилось на население страны. Однако во второй половине XIV в. перед Улусом Джучи встали сложные проблемы, и он должен был претерпеть изменения, чтобы соответствовать требованиям времени.

Каковы были основные черты этого «вызова»? В советской историографии наиболее распространенным объяснением распада Золотой Орды был рост сепаратизма отдельных феодалов, чье стремление к власти разорвало страну на враждующие области. Механизм этого процесса вполне ясно описан историками. Главный конфликт, по их мнению, протекал между владельцами экономически и политически самодостаточных улусов и группировками знати, которые выдвигали своих претендентов на ханский трон, стремясь овладеть центральным административным аппаратом и оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику Орды. Все это ослабляло центральную власть и вело к сокращению внешнеполитической активности, что в свою очередь усиливало сепаратизм кочевой знати, видевшей в военных походах основной источник своего обогащения [3, с. 297–299; 5; 6, с. 172, 173; 22, гл. VI, VII].

Данный подход получил развитие в позднейших исследовательских разработках исторической роли кочевой элиты на завершающей стадии развития Улуса Джучи [см.: 10, с. 140–168; 20, с. 346–348].

Представляется однако, что социальными факторами не исчерпывались причины кризиса. Преувеличение их значения ведет к парадоксальному выводу: центральная власть слабела от сепаратизма феодалов, в то время как главным их стремлением был захват сарайского престола! Вряд ли только одним сепаратизмом можно объяснить ослабление империи Джучидов и усиление в ней центробежных тенденций.

Прежде всего следует указать на природные факторы, самый важный из которых – резкое усыхание западной зоны евразийских степей в XIV–XV вв., исследованное геологами, географами и историками [см., например: 12, с. 77–105; 19]. Аридизация климата в Дешт-и Кипчаке вела к уменьшению количества осадков и установлению мало-снежных зим, что приводило к постепенному наступлению песков на некогда благоприятные пастбища.

Одновременно началась трансгрессия (повышение уровня) Каспийского моря, волны которого затопили значительную часть дельты Волги и многие поселения в ней, вплотную подступив к нижневолжским городам. По словам итальянского географа Марино Сануто (1320 г.), «море каждый год прибывает на одну ладонь, и уже многие хорошие города уничтожены». Все это нанесло сильнейший удар не столько по коче-

вым областям Улуса Джучи, сколько по районам земледелия, что способствовало подрыву ордынской экономики.

В то же время всю Европу – как Западную, так и Восточную – постиг тяжелый демографический удар. Благоприятные климатические условия и улучшение жизни вызвали рост народонаселения. На территории Золотой Орды он стимулировался политической стабильностью, появлением крупных городов и множества поселений. Ухудшение же природных условий все чаще приводило к периодическим продовольственным кризисам. Голод гнал людей в города, где они вынуждены были даже продавать детей [18, с. 231, 235]. Скопление людей в городах Поволжья, Крыма и Хорезма оказалось благоприятно почвой для болезней.

Наиболее страшной оказалась эпидемия бубонной чумы, которая к середине XIV в. несколько раз кругами возвращалась в Дешт-и Кипчак, буквально выкашивая население, особенно в перенаселенных городах. Русский летописец писал об этом «великом море» под 1346 г.: «Бысть от Бога на люди под восточную страну, на город Орначь и на Хозторокань и на Сарай и на Бездеж и и на прочие грады в странах их, бысть мор силен на Бесермены и на Татарове и на Ормены и на Обезы и на Жиды и на Фрязы и на Черкассы и на всех тамо живущих, яко не бе кому их погребати» [16, т. 5, с. 225; т. 15, с. 76–77]. Не исключено, что именно с последствиями «черной смерти» (как назвали эту эпидемию в Западной Европе) связано исчезновение городской болгарской знати, которая сохраняла древний огурский язык, употреблявшийся, в частности, как сакральный язык эпитафий в XIV в., поскольку после 1360-х гг. данная традиция исчезает [25].

Для Улуса Джучи этот удар оказался особенно ощутимым. По словам современника, арабского историка и географа Ибн ал-Варди, «в землях Узбековых» произошла эпидемия чумы, от которой «обезлюдели деревни и города». Он же пишет, что ежедневно в Крыму умирало до тысячи человек, а всего там умерло более 85 тысяч жителей [18, с. 530]. Последствия шестивия «черной смерти» по Золотой Орде, судя по этим данным, были просто катастрофическими. Можно сказать, что именно с этого времени начался закат городской жизни в Нижнем Поволжье.

Упадку хозяйства в Улусе Джучи во многом способствовал также кризис трансазиатской торговли. По знаменитому торговому пути, начинавшемуся в Китае и проходившему частично через Золотую Орду, поступали многие необходимые для Западной Европы товары: пряности, шелк, хлопок, драгоценные камни, хлеб и рабы [15, с. 60–91]. Этот поток ценных товаров обогащал посредников и служил одной из основ благосостояния городов Дешт-и Кипчака. С торговлей были связаны не только поступления в казну от торговых пошлин, но и благополучие многочисленной obsługi: караванщиков, проводников, охранников, владельцев караван-сараев, ремесленников и т.д. Кроме того, многие мастерские занимались изготовлением продукции на продажу и переработкой полуфабрикатов. Все они очень чутко реагировали на любые изменения торговой активности.

Спад в международной торговле начался еще в 40-х гг. XIV в. и достиг пика во второй его половине. Вызван он был рядом причин, среди которых: освободительное движение против монгольской династии Юань в Китае, нестабильное положение в Средней Азии и Моголистане, эпидемия чумы, смута в Анатолии после распада государства Ильханов, а также вспышка войны между основными средиземноморскими торговыми державами – Генуей и Венецией. Все это вызвало ограничение товарооборота между Востоком и Западом, резко подорвав положение золотоордынских городов. Только в конце XIV в. наметился медленный выход из кризиса, ожививший мировую торговлю [11, с. 60–63, 300–303].

Нельзя сбрасывать со счетов, конечно, и социально-политические процессы. За сто лет своего существования Улус Джучи не только пережил становление, но и достиг вы-

сокого уровня развития общества. Многие, особенно процветающие области (Крым, Хорезм, Мохша), не нуждались в едином государстве, тяготея к обособлению. Стремление к децентрализации находило поддержку и в полунезависимых вассальных владениях, где всегда была сильна тенденция к отделению от Орды. Наиболее ярко это прослеживается на Руси и в Булгарии. Долгое время тенденция к дезинтеграции сдерживалась сильной центральной властью, и государственная система была достаточно стабильной. Но в неблагоприятных условиях она стала быстро трансформироваться и распадаться.

По письменным источникам явно заметен рост могущества как улусбеков, так и владельцев более мелких ленных владений – икта и суюргалов. Их экономическая мощь базировалась на развитом скотоводстве и земледелии, а также на дележе государственных налогов и других доходов. Сильная судебная и административная власть в пределах подчиненных им областей давала им для этого важные политические рычаги. Кроме того, многие крупные феодалы становились во второй половине XIV в. тарханами, т.е. владельцами безусловных держаний, освобожденных от налогов и повинностей [23, с. 124–134]. Городская столичная знать и чиновничество также имели солидные доходы от сбора податей и пошлин, чему способствовала развитая внутренняя и международная транзитная торговля и ремесленное производство.

В XIV в. все чаще бывали случаи превращения беками (эмирами) своих улусов, включавших города и кочевья, в полунезависимые владения. С одной стороны, мелкие феодалы и города, бывшие опорой ханской власти, стали подпадать под власть крупных беков и улусбеков, видя в этом единственную возможность ослабить влияние неблагоприятных природных и социальных факторов. С другой – эти объединения стали претендовать на прерогативы центральной власти, дабы поставить на службу себе ордынскую казну и вооруженные силы.

При этом большинство эмиров боролось между собой за овладение сарайским престолом. Это ярко демонстрирует, что сила инерции к централизации государства была еще очень велика. Однако в окраинных регионах – в Булгарии, Крыму, Сибири, Кок-Орде – уже возникли и укрепились группы, стремившиеся сохранить власть в пределах своих владений, но получить перевес они смогли только в начале XV в.

С начала предыдущего столетия эта категория подданных становилась с каждым десятилетием все более заметной. Здесь сказались несколько факторов.

К тому времени в основном закончилась этническая консолидация тюркских кочевников Золотой Орды. Сумятица, внесенная монгольским завоеванием и отстранением от власти прежней кипчакской знати, уступила место мирной и стабильной жизни в могущественной и богатой империи. На просторах бывшего половецкого «Дикого поля» установилась жесткая и стройная улусная система с десятичным делением населения. Ордынское правительство не допускало самовольных переходов из одного улуса в другой, чтобы не нарушать стройной организации налогообложения и военной мобилизации. Относительно мирная и сытая жизнь на протяжении десятилетий имела благоприятные демографические последствия. Степные эли множились, делились и ветвились, и их беки обретали все больше подданных. В кочевом мире это означало повышение социальной значимости и политического влияния нединастической знати.

Первые признаки этого проявились при хане Токте (1291–1312), когда неродовитые сановники были допущены на высшие административные посты. То же продолжилось при Узбеке и Джанибеке. А уже после Джанибека предводители элей (племен) выступили как самостоятельные субъекты государственной политики, которым было по силам соперничать с ханской властью.

Несомненными стимулами выхода беков на политическую арену были особенности экономического развития Золотой Орды, формирование замкнутых экономических провинций. Это явление давно отмечено историками, но обычно интерпретируется как

основа для сепаратизма и неповиновения центральному правительству. Однако при определенных условиях опора на ресурсы провинциальных улусов могла способствовать не только отделению от Сарая, но и давлению на правительство или даже манипулированию им.

Вхождению беков во власть парадоксальным образом помогла, очевидно, и «черная смерть». Она поразила прежде всего места массового скопления оседлого населения. В условиях ослабления и уменьшения высших городских сословий, которые до того доминировали в государственном управлении, их место частично заняли представители другого социального сегмента – аристократии кочевых степей.

Дополнительным подспорьем в получении доступа беков-нечингизидов к государственным делам были кризисы в доме Джучи, когда происходили массовые казни принцев крови. Окруженные враждебной и интригующей родней, ханы зачастую предпочитали опираться на сторонников, не имевших с ними кровных династических уз.

До тех пор, пока сохранялись единая политическая власть (хан и его администрация) и экономические связи, Улус Джучи оставался единым. Поводом для взрыва центробежных сил послужила борьба за ханский престол сразу нескольких Чингизидов, каждый из которых имел право на царствование и опирался на многочисленные отряды сторонников. Не исключено, что эта борьба была вызвана нарушением принципов престолонаследия в условиях массовой гибели населения, в том числе и знати. Ухудшение природных условий, упадок земледелия и скотоводства, затухание торговли и ремесла, уменьшение притока дани и военной добычи в Поволжье, разлад денежного обращения, ослабление влияния центральных органов управления, служившие фоном для усиления отдельных владельцев улусов и стремления их к рычагам центральной власти – все это стало чертами нарастающего кризиса. Именно эти причины неумолимо поставили вопрос о существовании империи.

В 60-е гг. XIV в. в Улусе Джучи началась внутренняя война. Ханский престол, ставший объектом борьбы между различными группировками аристократии Сарая, Ак-Орды и Кок-Орды, много раз переходил из рук в руки. За период с 1359 по 1380 г. в Сарае сменилось по меньшей мере 17 ханов (некоторые занимали трон по несколько раз), причем о многих из них историки не знают практически ничего, кроме имен на чеканенных ими монетах, и до сих пор спорят об их историчности и последовательности правлений [см., например: 4; 5, с. 190–192; 14, с. 88–99].

Наступил длительный период упадка, начался распад единого государства. Развернувшаяся междоусобица несла с собой ухудшение финансового положения и углубление спада в торговле и ремесленном производстве. Из-за опасности нападений прекратилось регулярное функционирование караванных путей и, следовательно, нарушился ввоз сырья и вывоз продукции ремесла. Происходил постепенный упадок земледелия и запустение оседлых поселений в Поволжье. Столичные города стали обносить стенами. На волне ослабления центральной власти укрепляли свою самостоятельность правители Руси, Булгарии, Хорезма и других улусов. В условиях междоусобицы именно стабильно развивавшиеся области стали объектами борьбы ханов за выплату дани и карательных походов. Все эти явления разрушали привычный порядок и вызывали у местного населения желание отстоять свои земли от посягательств самозванных ордынских правителей. Наиболее яркими свидетельствами этого стали появление собственной правящей династии Суфи в Хорезме, фактическая независимость Болгара при Булат-Тимуре (1360–1366), Хасане и Мухаммед-Султане (1370–1376), а также война московского князя Дмитрия Ивановича против Мамай [2, гл. 6; 13; 14, с. 88–99; 21, с. 119–123; 22, с. 183–184].

Между тем стремление к объединению страны и возрождению ее великодержавия не потеряло своей исторической инерции. Выразителем этих интересов стал хан Токтамыш (1380–1396), опиравшийся на аристократию Кок-Орды и Сарая. Он не только за-

воевал ханский престол, одолев своих врагов, в том числе грозного Мамаю, но и укрепил власть Центра над улусами, подавив сепаратизм Руси и других регионов (разорение Москвы и Булгарии в 1382 г.). Однако спустя некоторое время все реформы вылились в гонения на клановую аристократию, отстранение ее от управления государством и подавление непокорных провинций, что вновь привело к возникновению недовольства и открытым выступлениям против усиления централизации. Кроме того, иллюзорные желания Токтамыша вернуть дряхлеющей Золотой Орде былую военную славу привели к военным катастрофам в его войнах с Тимуром (1391 и 1396 гг.).

Вполне возможно, что распад Улуса Джучи был закономерным процессом его развития, но некоторые политические деятели не желали с этим мириться. Небольшой шанс сохранить целостность державы еще существовал. Новые попытки вернуть стабильность Улусу путем успешных государственных, идеологических и экономических реформ (укрепление централизации, денежная реформа, распространение ислама), предпринятые талантливым военачальником и дипломатом, беклербеком Идегеем [1, с. 797–804; 8; 9; 17, с. 178–195, 227–229; 24], на некоторое время действительно укрепили Золотую Орду и сняли внутреннее напряжение. Его правление при номинальных ханах ознаменовалось и рядом внешнеполитических успехов (особенно яркими были разгром великого князя литовского Витовта на реке Ворскле в 1399 г. и осада Москвы в 1408 г.).

Однако эти усилия оказались напрасны. Развязка наступила в 1419 г., когда Идегей потерпел поражение и погиб в борьбе с мятежными Джучидами. Падение Улуса Джучи стало неизбежным. Об этой эпохе образно и красноречиво повествуется в татарском дастане «Идегей»:

... Темный день на землю пришел.
Сотворенный Чингизом престол
Стал престолом, где кровь лилась.
Ханский дворец исчез из глаз.
Край разоренный стал пустым.
Самостоятельными илями стали
Аждаркан, Казань и Крым,
Золотая распалась Орда [7, с. 240].

Но даже после распада Улуса Джучи его историческая судьба не прекратилась, поскольку остался переживший этот период татарский народ, сохранились лучшие образцы его богатой культуры, а на территории Улуса возникли постзолотоордынские ханства, продолжавшие его этнополитические и культурно-цивилизационные традиции.

1. Бартольд В.В. Отец Едигея // Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 797–804.
2. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.
3. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.: Богородский печатник, 1998. 368 с.
4. Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х гг. XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. VII. Л., 1983. С. 9–54.
5. Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Отв. ред. Л.Г.Бескровный. М.: Наука, 1980. С. 174–213.
6. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
7. Идегей. Татарский народный эпос. Пер. С.Липкина. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 256 с.

8. Измайлов И.Л. Идегей: жизнь, ставшая легендой // Татарстан. 1992. № 1. С. 51–59; №2. С. 63–71.
9. Измайлов И.Л. Битва на Ворскле. 1399. Звездный час эмира Идегея // Цейхгауз. 1994. № 1(3). С. 80–83.
10. Исаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.
11. Карпов С.П. Итальянские морские республики и южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М.: Изд-во МГУ, 1990. 336 с.
12. Кульпин Э.С. Золотая Орда (проблема генезиса Российского государства). М.: Московский лицей, 1998. 240 с.
13. Кучкин В.А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Отв. ред. Л.Г.Бескровный. М.: Наука, 1980. С. 26–112.
14. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 164 с.
15. Петров А.М. Великий шелковый путь (о самом простом, но мало известном). М.: Восточная литература, 1995. 127 с.
16. Полное собрание русских летописей. Т. 5. Псковские и Софийские летописи. СПб.: Тип. Э.Праца, 1851. 288 с.; т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб.: Тип. Л.Демиса, 1865. 266 с.
17. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960. 275 с.
18. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Пер. В.Г.Тизенгаузена. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 579 с.
19. Судьба степей / В.Г.Мордкович, А.М.Гиляров, А.А.Тишков, С.А.Баландин. Новосибирск: Мангазея, 1997. 208 с.
20. Трепавлов В.В. Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» // Тюркологический сборник 2006. Отв. ред. С.Г.Кляшторный. М., 2007. С. 319–352.
21. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 216 с.
22. Федоров-Давыдов Г.А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // Нумизматика и эпиграфика. [Вып.] V. М., 1965. С. 179–224.
23. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.
24. Якубовский А.Ю. Из истории падения Золотой Орды // Вопросы истории. 1947. № 2. С. 30–45.
25. Shamiloglu U. The End of Volga Bulgarian // *Varia Eurasistica*. Festschrift für Professor Andras Rona-Tas. Szeged: Department of Altaic Studies, 1991. С. 157–163.

Глава XI. Поздnezолотоордынский мир

§ 1. Джучиев улус в XV–XVI вв.: инерция единства

Вадим Трепавлов

В истории многих народов Евразии период XV–XVII вв. отмечен распадом Улуса Джучи и образованием на его месте новых государств. Представляется, что институциональные связи между частями бывшей Золотой Орды в то время были выстроены в некую систему. Эта система основывалась, во-первых, на инерции прежнего единства распавшегося Джучиева улуса; во-вторых, на царственных прерогативах фамилии Джучи, не ограниченных конкретными постордынскими юртами и стольными резиденциями; в-третьих, на относительной этнической однородности населения на громадном пространстве Дешт-и Кипчака и некоторых сопредельных регионов¹.

Историки уже высказывали сходные суждения. Так, М.А. Усманов писал о единстве правящего дома Джучи для всего бывшего золотоордынского пространства, отчего крымские ханы приглашались в Казань, казанские принцессы выходили замуж за Гиреев, а ногайские княжны – за правителей Казани [19, с. 43].

Д.М. Исхаков предполагает относительно однотипное устройство ханств, где существовали юрты правящих племен и представители этих племен могли свободно перемещаться из одного ханства в другое, оседая на территории соответствующих родовых владений [6, с. 7–9].

А. Гайворонский видит попытки восстановления единства Ордынского государства в активной политике крымского хана Менгли-Гирея по отношению к его татарским соседям и соперникам. Самым главным успехом его на этом поприще был разгром Большой Орды в 1502 г., присоединение части ее территории и увод населения в Крым [1, ч. II]. Правда, развить эту политику в дальнейшем его сыну Мухаммед-Гирею не удалось, т.к. вскоре после взятия Астрахани в 1523 г. он был убит ногаями, и претензии Крыма на главенство в бывшей Золотой Орде впоследствии уже были чисто номинальными.

И.В. Зайцев убедительно продемонстрировал тесные культурные связи между поволжскими ханствами, Крымом, Ногайской Ордой и Средней Азией, показал, что, «несмотря на политический развал, постзолотоордынские государства представляли собой единое культурное пространство, связанное общностью традиций, языка, науки, литературы и образованности» [4, с. 33].

Следует подчеркнуть, что речь должна идти об инерции, пережитках единой государственности, т.к. в действительности никаких центростремительных процессов в государствах-наследниках Золотой Орды не было заметно. Хотя и возможно, что ностальгия по ордынским временам существовала. По ряду источников можно судить, что «золотым веком» считался апогей стабильности великой державы – ханствования Узбека и Джанибека.

---

¹ Возможно, в данную межгосударственную (и надгосударственную) парадигму отношений каким-то образом оказался встроен и бывший чагатайский Мавераннахр – после оттеснения Тимуром от власти улусных ханов-Чагатаидов и последующей реставрации владычества потомков Чингиз-хана Мухаммедом Шейбани.

Вероятно, современные историки излишне абсолютизируют (или модернизируют) межгосударственные отношения, в том числе границы между юртами XV–XVI вв. В историографии утвердилось мнение о четком делении Джучиева улуса на два крыла с загадочными, «плавающими», трудно атрибутируемыми цветовыми обозначениями. Из источников, повествующих о событиях XIII в. (Гийом де Рубрук, Рашид ад-Дин), можно вывести существование там двух автономных ханств и ханов. Однако относительно следующего столетия такой же ясной картины уже нет. То есть продолжают действовать беки правого и левого крыльев, но насколько эта принадлежность соотносится с реальным разделением государства, непонятно.

В трудах тюркских хронистов XVI–XVII вв. (Абу-л-Гази, Кадыр Али-бека, Утемиш-хаджи, анонимных авторов «Дафтар-и Чингиз-наме») крыльевая территориальная структура практически не отразилась. Разве что у Утемиш-хаджи говорится о выделении Чингиз-ханом Саину-Бату правого крыла по Итилю, а Иджану-Орду – левого крыла по Сыр-Дарье, да приводится похожая на легенду история о распределении юрт разного цвета между его внуками – сыновьями Джучи [20, с. 92, 93]. Однако у того же Утемиш-хаджи отношения между правителями и жителями крыльев вовсе не напоминают сосуществование двух соседних государств.

Представляется, что в истории Улуса Джучи однажды наступило время, когда деление его на крылья превратилось в номинальную абстракцию, обозначение ранга племен и их предводителей. Возможно, такую перемену следует связывать с чрезвычайным усилением правого крыла государства в первой половине XIV в. Начало данному процессу было положено, очевидно, при хане Токте, который выдал Баяну ярлык на царствование в левом крыле в 701 (1301–1302) г. [12, с. 68]. Затем последовали попытка совместных действий Узбека и Баяна против Хулагуидов, свержение войсками Узбека сыгнакского хана Мубарака (который попытался выйти из повиновения Сараю), правление Тинибек б. Узбека в Сыгнаке, ярлык Джанибека Чимтаю и военная поддержка последнего в борьбе за Сыгнак... [подробно см.: 18, с. 147–158]. В той ситуации были проигнорированы номинальные принципы старшинства левой стороны над правой и первенства потомков Орду-эджена перед потомками Бату. Произошло фактическое объединение территории государства под верховенством сарайских правителей. Это иллюстрируется борьбой восточной аристократии именно за столицу на Нижней Волге во второй половине XIV в. Впоследствии, в XVI в., когда на фоне полного распада ханства правого крыла довольно сильными стали выглядеть восточно-джучидские монархи, у иноземных наблюдателей (Иран) сложилось впечатление, что главный трон Джучидов находится на востоке Дешт-и Кипчака: «Касим-хан (казахский – *Аем.*)... стал царем Дешта... Хакк-Назар-хан, сын Касим-хана, после отца его сел на царство и теперь является повелителем Дешта» [17, с. 212].

Более близкие к татарским владениям и, несомненно, более компетентные русские современники не распространяли единство Орды на столь долгий срок. В летописных списках «царей ардинских», составленных во второй половине XV в., последним из ханов назван «Зеди-салтан» [8, т. 23, с. 168], т.е. Джелал ад-Дин б. Токтамыш, или «Зеди-салтан Булхартан» [8, т. 28, с. 143]².

Крымцы смотрели на преемственность власти, естественно, с собственных позиций и выстраивали свою цепь правителей. В 1506 г. на пиру у короля польского и великого князя литовского Александра Ягеллона послы крымского хана вспоминали о традиционных связях между татарами и литовцами, приводя имена предшественников своего государя Менгли-Гирея: «Тактамыш, Чжелегдиня, Перберди, Кебек, Керемьберди, Кадер-

² В более ранних русских текстах Джелал ад-Дин, который погиб в 1413 г., упоминается как Зелени-салтан. Возможно, «Бултархан» – это искаженное имя восточно-джучидского хана Абу-л-Хайра, умершего в 1468 г.

берди (все это – искаженные имена сыновей Токтамышша – *Авт.*), Магметъ Силехмат (т.е. Улуг-Мухаммед³ и Сеид-Ахмед – *Авт.*), Ажи Кгиреи, Мордовлат (Нурдевлет – *Авт.*), Менди Кгиреи» [24, с. 53]. Таким образом, к легитимным монархам не причислялись ни ставленники Идегея 1400–1410-х гг., ни ханы Большой Орды – потомки Кучук-Мухаммеда, ни тем более правители отколовшихся от Орды областей в Среднем Поволжье и за Волгой. В представлении бахчисарайских политиков законная ордынская власть находилась с середины XV в. в руках Хаджи-Гирея («Ажи Кгирея») и его потомков.

Самостоятельные государства, которые образовались на территории Улуса Джучи, обычно обозначались в тюркских языках как «юрты», в московских и литовских источниках это – «орды». В историографии замечен хронологический рубеж, после которого русское обозначение Джучиева Улуса как Орды сменяется Ордами во множественном числе. Это договорная грамота Ивана III с его братом, волоцким князем Борисом Васильевичем от 13 февраля 1473 г.: «А Орды (вместо прежнего «Орда» – *Авт.*), брате, ведати и знати нам, великим князем. А тебе Орды не знати... А коли яз в Орды не дам, и мне у тебя не взяти» [3, с. 226]. Подобные обороты встречаются в межкняжеских dokonчаниях 70–80-х гг. XV в., причем в этих документах множественность татарских юртов уже не оставляет сомнения («Орды ведати», «Орд не знати», «в Орды не дам»), т.к. не совпадает с формой родительного падежа единственного числа «Орды не знати» (как в цитированной выше грамоте 1473 г.).

Правда, в отдельных документах того же периода встречаются и фразы с одной «Ордой»: «А Орда знати и ведати нам, великим князем, а тебе Орды не знати... а коли яз князь велики выхода в Орду не дам, и мне и у тебя не взяти» [3, с. 279 – договор между Иваном III и князем Михаилом Андреевичем Верейским и Белозерским 1482 г.; почти то же см.: с. 333 – договор между великим князем рязанским Иваном Васильевичем и его братом Федором 1496 г.]; «А коли ти будет к Орде послати, и тебе послати по думе с нами... а без нашии ти думы в Орду не слати» [3, с. 297 – московско-тверской договор 1484–85 г.]. Но это представляется механическим повтором клишированных оборотов, выработавшихся в течение прошлых десятилетий, до 1473 г., или же (что менее вероятно) выделением Большой Орды среди прочих юртов в качестве получателя выхода.

В соглашении между сыновьями Ивана III, заключенном по его требованию в 1504 г., перечислены те татарские государства, которые считались на Руси самостоятельными: «выходы в ординские, и в Крым, и в Асторохань, и в Казань, и во Царевичев городок...» [3, с. 366; то же см. в духовной грамоте Ивана III того же года: с. 362]. Следовательно, к тому времени оформились Крымское, Казанское, Астраханское и Касимовское ханства; Ногайская Орда тогда считалась «казачьим» образованием без определенного статуса; с Сибирским (Тюменским) юртом и Казахским ханством Москва в то время почти не поддерживала отношений [подробнее см.: 2, с. 165–167; 23, с. 212, 223].

Однако межгосударственное разграничение постордынского пространства являлось в определенной степени условным. Одним из показателей такой условности служит статус правящих династий. Ни один хан в Казани, Хаджи-Тархане, Чинги-Туре, Сыгнаке, узбекских и казахских кочевых ставках не обозначал свое географическое местонахождение. В глазах подданных и в исходящих официальных документах это был просто «хан» – не казанский, не тюменский и т.п. Исключение составляют Гиреи. Их пышная титулатура с перечислением подвластных территорий и народов, с одной

---

³ Из двух тезоименных ханов соответствующего периода – Улуг-Мухаммеда и Кучук-Мухаммеда – здесь, скорее всего, ведется речь о первом. В грамотах крымского царевича Ахмед-Гирея польскому королю Сигизмунду I 1511 и 1514 гг. содержатся ссылки на времена «великого князя Витовта и... царя Такътамышша и... великого царя Магометя», упоминаются «першии отцы и деды наши Тохмамыш (так – *Авт.*) царь и велики Магмет царь» [13, л. 371, 538]. «Великий Магометь-Магмет» – явный перевод имени-прозвища Улуг-Мухаммеда.

стороны, обнаруживает явное подражание османам, но с другой, демонстрирует притязания и нереализованные амбиции этой периферийной ветви Джучидского дома. Прочие правители на бывших землях Улуса Джучи считали свою принадлежность к «золотому роду» Чингизидов достаточным основанием для декларирования своих монархических прерогатив без привязки к конкретному стольному городу и тем более к общности подвластных подданных («узбекский», «казахский»).

Деграция золотоордынской государственности при всех ностальгических реминисценциях сопровождалась постепенным и неизбежным угасанием харизмы правящего рода. Чингизиды повторили судьбу многих царских домов: как только династия теряет престол, ее монополия на власть перестает признаваться. Период конца XIV – первой половины XV в. был, очевидно, переходным, когда государственная власть начала Чингизидами утрачиваться, и в реальной политике происхождение от Чингизхана уже переставало играть решающую роль.

Такой переход проявлялся по-разному. Во-первых, появились «гурганские» династии, когда для доступа к трону оказывалось достаточным породнение с «золотым родом» по женской линии.

Во-вторых, дорогу к власти проложила себе нединастическая аристократия – беки тюркских племен, которые до середины XIV в. были почти не заметны в политике (см. выше). В течение XV в. феномен возрастающего социального авторитета племенных предводителей оформился в виде постоянного института карачи-беков – лидеров ведущих элей, которые составляли неперменный совещательный орган при правящем хане в поздней Золотой Орде, Крымском ханстве и Касимовском царстве.

В-третьих, правление осуществлялось от лица безвластных марионеток-Чингизидов. Многие из них не известны историкам – настолько они были незаметны и ничтожны. Предназначение их заключалось только в том, чтобы своей сакральной персоной и молчаливым присутствием освящать, оправдывать всевластие действительного правителя.

Институт таких подставных ханов практиковался в 1360–70-х гг. в западной части правого крыла Улуса Джучи («Мамаевой Орде»). В 1390–1410-х гг. Золотой Ордой от имени безвластных монархов управлял беклербек Идегей. В середине XIV – начале XV в. это явление получило распространение в Чагатайском улусе и в государстве Тимуридов, где марионеточных Чингизидов возводили на трон местные эмиры. Аналогичное явление возродилось впоследствии в Хивинском ханстве, где оно получило характерное название «ханбази» (игра в ханы).

Однако при этом повсюду сохранялось признание высокородности, иерархического старшинства «золотого рода» – даже после отхода его от верховной власти. Общеизвестны торе у казахов. Дом Османов тоже признавал свой номинально младший статус по отношению к Чингизидам (в частности, к своим вассалам крымским ханам); правда, в реальной, повседневной политической практике это никак не проявлялось. Память о царственных правах Чингизова рода проявилась во время башкирских восстаний второй половины XVII – первой половины XVIII в. Предложения принять башкир под свою власть получали тогда, наряду с турецкими султанами и калмыцкими тайшами, крымские и казахские ханы, «казачествующие» царевичи-Кучумовичи.

Воспоминание о единстве и родстве всех Джучидов поддерживалось некоторое время на постордынском пространстве, иногда проявляясь в неожиданных ситуациях. Так, Менгли-Гирей официально называл братом, т.е. равноправным монархом, не только казанского хана Мухаммед-Эмина, живущего, по выражению крымского правителя (в русском переводе), «на своем государстве», но и своего злейшего врага, большеордынского Ахмеда – правда, уже после его смерти, в общении с польским королем [14, с. 29; 15, с. 108]. Впрочем, сам Джучи остался в исторической памяти скорее лишь как

генеалогическое звено между его отцом и сыновьями. Указания на общность Джучидов в источниках чрезвычайно редки (см., например, ссылку на традиционные посольские связи с Москвой «Ечуевых детей», т.е. потомков Джучи, в грамоте шибанидского хана Абд ал-Фатха Ивану III [11, с. 33]; или отзыв крымского хана Саадет-Гирея об астраханском монархе Хусейне: «С тым мы есмо от [о]дного отца дети» [13, л. 895(896)] – общим «отцом» (предком) для этих представителей разных ответвлений огромного клана мог быть, очевидно, только старший сын Чингизов).

В сознании жителей тюркских юртов сохранялось представление о былом центре единого государства, освященном сакральным образом второго Джучиева сына – Бату (Саин-хана). Захват ставки большеордынского хана расценивался его соперниками-победителями как обретение священного Саинова трона. Именно таким образом в XV – начале XVI в. Джучиды трактовали свои успехи в борьбе с Большой Ордой: «Ино мне счастье дал Бог, Тимер Кутлуева сына убивши, Саинской есми стул взял» (тюменский хан Ибрахим – Ивану III, 1494 г., по поводу разгрома хана Ахмеда в 1481 г.); «Отца (предка – *Авт.*) нашего Саина царя золотой столец в руках в нас» (царевич Ахмед-Гирей, сын победителя Большой Орды Менгли-Гирея – королю Сигизмунду, 1514 г.) [10, с. 46; 13, л. 539]. Главной заслугой мангытского бека Ваккаса (вторая четверть XV в.) восточные хронисты считали то, что для своего патрона, хана Абу-л-Хайра, он «дважды завоевал трон Саин-хана», после чего с именем Абу-л-Хайра начала читаться хутба, чеканиться монета, и его персоной «украсился трон Саин-хана» [7, с. 67, 155]. Причем все упомянутые троны~столы~стольцы (ханские резиденции) находились в разных местах, что указывает на условность и символичность данного понятия в идеологических конструктах позднесредневекового Дешт-и Кипчака.

Возможно, общеджучидскую символическую ценность сохранял и династический некрополь (курук) в районе города Сарайчика на Яике.

Однако при всех реликтах единства Золотой Орды нельзя не видеть все более нарастающую тенденцию к отдалению постордынских государств друг от друга. Процесс дезинтеграции оказался сильнее. В различных юртах образовались местные ханские династии, которые рассматривали свои владения только как собственное достояние, вне связи с рухнувшей общеджучидской державой. Так, Гирей заявляли свои династические права на Касимов после воцарения там выходцев из Большой Орды: раньше-де «наш род был на Мещере», а ныне «не наш род на Мещере государь» [16, с. 378]. Подобные ожидавшиеся претензии крымцев относительно Казани русскому послу предписывалось парировать утверждением, будто «изначала Казань юрт не их, а были на Казани опришные (т.е. особые, отдельные – *Авт.*) цари» [16, с. 696].

В посланиях тюркских аристократов XVI в. неоднократно встречаются наименования юртов посредством эпонимов – как правило, государей, положивших начало правящей в данном юрте династии. Если в XIII–XIV вв. в качестве эпонимов использовались исторические персонажи относительно недавнего прошлого (Джучи, Берке, Узбек) и при этом одинаково значимые для всех частей империи, то впоследствии таковыми становились лица, которые, во-первых, давным-давно отошли в мир иной и, во-вторых, действовавшие в довольно локальных пространственных пределах.

Так, Крымское ханство неоднократно предстает в источниках как «Тохтамышев царев юрт», т.е. владение потомков, наследников и династических преемников хана Токтамыша⁴; Астраханское ханство – «Темир-Кутлуев царев юрт», т.е. от хана Тимур-Кутлука; Казахское ханство – «Урусов царев юрт» и «Бараков царев Казатцкой юрт», т.е. от золотоордынских и кок-ордынских ханов Уруса и Барака.

⁴ Происхождение клана Гиреев от Токтамыша считается спорным.

В отношении Казанского ханства подобная номинация встречается в виде «Алибаев и Алтыбаев юрт» (по именам беков-правителей первой половины XV в. [см.: 9, с. 47, 82]) и «Магмет Киреев царев юрт». Контекст последнего обозначения следующий. В 1552 г. «вся земля Казанская» без консультаций с Москвой призвала к себе на престол жившего у ногаев астраханского царевича Ядгар-Мухаммеда. Ногайский мирза Исмаил в послании к своему патрону и союзнику, царю Ивану IV, указывал, в частности, что такое приглашение в принципе нелегитимно, и казанцы не вправе распоряжаться своим тронem, поскольку «юрт не их – Магметкиреев царев юрт был» [10, с. 105].

Здесь явно фигурирует крымский хан Мухаммед-Гирей I, царствовавший в 1515–1521 гг. Вероятно, из-за родства с местной династией через свою мать, ханшу Нур-Султан, именно он считал Казанский юрт своим наследственным достоянием. Во всяком случае это следует из его письма к астраханскому хану: «Казань была юрт наш, а теперь он (великий князь московский Василий III – *Авт.*) посадил там султана из своей руки (речь о хане Шах-Али – *Авт.*)» [22, с. 85]. Примечательно, что казанская знать разделяла такую трактовку. После смерти хана Мухаммед-Эмина (конец 1518 г.) в Бахчисарай прибыло посольство «ото всех казанцовъ» с обращением к Мухаммед-Гирею: «...Отчина ваша Казань, и вы съ своихъ детии або з братьи которого одного обравши и до нас пришлите, нехай в нас царемъ будетъ» [13, л. 796]⁵.

Подобное обращение к Мухаммед-Гирею в начале 1520-х гг. поступило даже от казахских беков, погрязших в распрях и раздорах: «...Тыи князи вси козацкии зо всим войском своим за меня ся закладывают и мне хотят служити, и с тым до мене человека своего прислали» [13, л. 865(866)]. Впрочем, в отношениях Крыма с восточными юртами это был единичный эпизод.

Все это отражало процесс оформления и закрепления за отдельными аристократическими группировками (в том числе семьями, позднее династиями) нового типа земельных держаний – процесса, начавшегося в Золотой Орде в XIV в. [см.: 21, с. 111, 112, 135–138].

Завоевание соседнего юрта теперь расценивалось уже не как восстановление некоего единства, а как объединение самостоятельных владений. «С вашим юртом (Крымом – *Авт.*) наш юрт как бы один учинил... святой Ахмат царь», – писал в 1487 г. крымскому царевичу Нурдевлеу хан Большой Орды Муртаза б. Ахмед [15, с. 108], вспоминая, очевидно, большеордынские завоевания Крыма в 1471 и 1476 гг. В начале XVI в. Гирей, хотя и ввели в свой титул формулу «Великой Орды великий хан», впоследствии, наряду с «Великой Ордой», стали упоминать в титуле и Крым. Следовательно, здесь имела место не только претензия на управление всем Улусом Джучи («Великой Ордой»), но и напоминание о завоевании Большой (resp. Великой) Орды в 1502 г. О восприятии этих двух владений как отдельных уже после 1502 г. свидетельствует присяга крымского посла, данная Александру Ягеллону в 1506 г. от лица хана Менгли-Гирея «со всеми солтаны, братьею и с(ы)ны своими, и со всеми вланы и кн(я)зи, и со всеми мурзы, и со всеми людьми *обеюх* (так – *Авт.*) *ордъ, Заволское и Перекопское, которые подьданы ему* (курсив наш – *Авт.*)» [24, с. 53].

Правда, разгромив Большую Орду, Менгли-Гирей все-таки включил ее в состав своих владений. Но в других подобных случаях в завоеванном юрте назначался младший и зависимый от победителя государь (Джанибек – ставленник большеордынского Ахмеда в Крыму в 1476 г.; Бахадур-Гирей – ставленник крымского Мухаммед-Гирея в Астрахани в 1523 г.; в определенном отношении в этом же ряду находился Мухаммед-

⁵ Послы прельщали хана значительным пополнением его подданных и воинов: «А мы маем отецких детии двадцать тысяч, а с черемши а зь мордовою и числа нет». Как известно, Мухаммед-Гирей отправил царствовать в Казань своего младшего брата Сахиб Гирея. С аналогичной просьбой казанцы обратились в Крым после смерти своего хана Сафа Гирея в 1549 г.

Эмин, посаженный на казанский престол Иваном III после взятия Казани московскими воеводами в 1487 г.).

Распад Улуса Джучи сопровождался и соответствующими этнокультурными процессами. Этническая консолидация, формирование золотоордынской татарской народности явно наблюдалась в правом крыле Улуса, где существовали развитая городская цивилизация и мощные очаги старой оседлой культуры (Булгария, Крым, Молдавия), действовали оживленные межрегиональные связи. Однако сначала эпидемия чумы, а затем войны и миграции кочевников с востока прервали этот процесс. Носители архаичных социальных и культурных норм, «узбеки» левого крыла свято соблюдали племенной строй в своей среде и стимулировали ретрибализацию на западе Джучиева улуса. В наследовавших ему государствах (Казанском, Крымском, Сибирском и, возможно, Астраханском ханствах) стали формироваться локальные этнические общности на основе золотоордынского, ранее относительно единого татарского этноса.

Среди важнейших консолидирующих факторов было сохранение прежних социально-политических структур, клановой системы, объединявшей военно-служилую знать, а также общая религия – ислам. Мусульмане Золотой Орды (видимо, в особенности аристократия и кочевники) были объединены не только самим фактом принятия ислама, но и через особый институт сеидов. Далеко не случайно, что в ряде постзолотоордынских ханств сеиды – главы местного мусульманского духовенства – возводили свои генеалогии к общим предкам, жившим в эпоху Улуса Джучи [5, с. 21]. Однако в реальной политике XV–XVII вв. ислам не играл заметной роли, оставаясь на уровне официальных идеологов и не препятствуя междоусобным конфликтам.

1. Гайворонский А. Повелители двух материков. Т. I. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев; Бахчисарай: Мастерня книги, 2007. 368 с.
2. Горский А.А. Москва и Орда. М. Наука, 2000. 214 с.
3. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. Подг. к печ. Л.В.Черепнин. Под ред. С.В.Бахрушина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 585 с.
4. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература, 2009. 304 с.
5. Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань: Мастер-Лайн, 1997. 248 с.
6. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 142 с.
7. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII в. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Сост. С.К.Ибрагимов и др. Алма-Ата: Наука, 1969. 654 с.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб.: Тип. М.А.Александрова, 1910. 253 с.; т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 413 с.
9. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М.: Институт российской истории РАН, 2003. 96 с.
10. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549. Сост. Б.А.Кельдасов и др. Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1995. 360 с.
11. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Сост. Д.А.Мустафина, В.В.Трепавлов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. 391 с.
12. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 2. Пер. с перс. Ю.П.Верховского. Ред. И.П.Петрушевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.
13. Российский государственный архив древних актов. Ф. 389 «Литовская метрика», оп. 1, д. 7.
14. Сборник Муханова. СПб.: Тип. Э.Праца, 1866. 545 с.

15. Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих Князей Иоанна III и Василия Иоанновича. Ч. 1 (годы с 1474 по 1505). Напеч. под наблюд. Г.Ф.Карпова. СПб.: Тип. Ф.Елеонского и К^о, 1884. 674 с.
16. Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 95. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией. Ч. 2 (годы с 1508 по 1521). Под ред. Г.Ф.Карпова, Г.Ф.Штендмана. СПб.: Печатня С.П.Яковлева, 1895. 804 с.
17. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Пер. В.Г.Тизенгаузена. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
18. Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кипчак в XIII – начале XIV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань: Фэн, 2013. 288 с.
19. Усманов М.А. Соседи называли их «татарами» // Родина. 1997. № 3–4. С. 40–44.
20. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, пер., транскрипция, текстол. примеч., иссл. В.П.Юдина. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.
21. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.
22. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: Инсан, 1991. 320 с.
23. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 472 с.
24. Lietuvos Metrika. Knyga Nr 8 (1499–1514). Parengė E.Baliulis, A.Firkovičius, D.Antanavičius. Vilnius: Mokslo ir enciklopediju leidykla, 1995. 710 s.

§ 2. Большая Орда

Вадим Трепавлов

Большой Ордой в историографии принято называть часть Улуса Джучи XV в. на юге Восточной Европы. Фактически это была южная область правого крыла Золотой Орды, оставшаяся под контролем «центрального» (сарайского) правительства после отпадения вновь образовавшихся ханств. Точную дату начала существования Большой Орды определить затруднительно. Можно обозначить ее событием, которое представляется наиболее удобным для исследования, – это воцарение в степях Восточной Европы Кучук-Мухаммеда в 1438 г. Династический цикл ханствования его самого и его потомков и составил историю Большой Орды 1438–1502 гг.

Русское выражение «Большая Орда» – это калька тюркского словосочетания *Улуг Орду*, которое являлось «исконно татарским названием Золотой Орды» – Улуса Джучи [20, с. 193].

Тюркскими названиями, принятыми как в самой Орде, так и в окрестных тюркских владениях, были словосочетания, включавшие термин *тахт* (трон, престол) и неоднократно встречающиеся в хрониках и дипломатической переписке: *Тахт эли*, *Тахт мемлекети*, *Тахт вилайети*. Все они переводятся приблизительно как «Тронное владение», «Престольная область», «Столичная область».

В источниках польско-литовского происхождения русская «Большая Орда» неукоснительно именовалась Заволжской Ордой. Однако в действительности заволжские кочевья были утрачены большеордынцами. Основная их масса приблизительно в третьей четверти XV в. из-за конфликта с усилившимися племенами Мангытского юрта, располагавшегося в Яицко-Эмбинском междуречье (будущими ногаями), была вынуж-

дена переместиться на правый волжский берег, пасти стада и выращивать хлеб на просторах Предкавказья, Приазовья и Северного Причерноморья.

Административная структура Большой Орды в целом была унаследована от управленческой системы единого Джучиева Улуса и во многом повторяла ее. Но исторические обстоятельства XV в. привели к упрощению, свертыванию некогда разветвленного государственного механизма.

Во главе Орды стоял монарх, носивший титул хана. В конце XV в. их в ней было несколько. Ханы предпочитали жить не в городах, а в своих кочевых ставках, и только там их застают источники. На рубеже столетий в Орде появился заранее объявленный наследник престола – *калга*. Следом за калгой в иерархии власти стоял *беклербек* (*улугбек*). Эта должность в Большой Орде была монополизирована мангытами, потомками золотоордынского беклербека Идегея (Эдигея). Хан, калга и беклербек составляли триаду верховных правителей юрта.

Состав большеордынской правящей элиты чаще всего обозначается в источниках выражением «уланы князи», т.е. огланы и беки. Огланы в то время – это представители дома Джучи, не принадлежащие к семье правящего хана (мужчины-члены этой семьи титуловались султанами). На собрании огланов и беков решались важнейшие государственные вопросы. В дипломатической переписке имеются сведения о том, что то или иное решение хан принял после совета («рады») со своими знатными соотечественниками: «...мы вси вланы и кн(я)зи к собе собрали и межи собою радили», «...мы со князми, уланы порадивъ и к тому есмо делу прыступили», «...нашы уланы и кн(я)зи отцу нашему молвили...» и т.п. [22, с. 125, 138; 25, с. 84, 88].

Информация о чиновниках в Большой Орде мизерна. Ханом Шейх-Ахмедом был отправлен послом в Крым «Молзозода болшой молна базарской Ахматовых детей», который собственноручно писал грамоты от лица хана [16, с. 354]. Этот «молна» (*маулана* – ученый богослов) был, очевидно, еще и начальником-смотрителем ханской ставки (*ордобазара*). В списке литовских пожалований приближенным Шейх-Ахмеда предусмотрены выплаты «Объдуле, марьшалку ц(а)ря Шиг Ахматову» [23, с. 430]⁶.

Такой обязательный элемент ордынского чиновничьего аппарата, как *даруга* (наместник города или области – как правило, с оседлым населением), упомянут единственный раз. В 1470 г. хана Ахмеда настраивали против Ивана III во время переговоров с поляками «князь Темир, дорога Рязанской, и прочии» [15, т. 18, с. 224]. Видимо, этот чиновник отвечал за дела, связанные с Великим княжеством Рязанским, так же, как при дворе Улуг-Мухаммеда состоял московский даруга [см.: 15, т. 12, с. 15].

Мусульмане Золотой Орды (видимо, в особенности аристократия и кочевники) были объединены как самим фактом принятия ислама, так и через особый институт *сеидов*. Далеко не случайно, что в ряде постзолотоордынских ханств сеиды – главы местного мусульманского духовенства – возводили свои генеалогии к общим предкам, жившим в эпоху Улуса Джучи [9, с. 105–107; 10; 11, с. 205, 206]. В источниках о Большой Орде фиксируются сеиды и хаджи как главы посольских миссий в соседние государства [22, с. 138, 178, 179; 25, с. 88]. В числе «добрых людей»-ордынцев, оказавшихся в разное время в московском плену, как сказано в одном послании хана Шейх-Ахмеда, «и Сеит есть, и попы ордыньский» [22, с. 181].

Большая Орда, очевидно, не имела стройного административно-территориального деления. По аналогии с другими кочевыми владениями мы можем предполагать, что в ханстве находились районы, закрепленные за определенными племенами (*элями*). Достоверно это известно лишь о мангытах, юрт которых располагался на территории Ор-

⁶ Маршалок в Польско-Литовском государстве – придворный чин, исполнявший церемониймейстерские и судейские обязанности.

ды. При хане Ахмеди, т.е. в 1460–70-х годах, им управлял беклербек Тимур, там же находилась его постоянная ставка.

Летние пастбища татар Большой Орды находились в районе Дона, зимние – в Волго-Донском междуречье. Состав стада был обычным для евразийских номадов. О нем известно из описания И. Барбаро прихода подданных хана Кучук-Мухаммеда к Тани в 1438 г.: «Сначала шли табуны лошадей по шестьдесят, сто, двести и более голов в табуне; потом появились верблюды и волю, а позади них стада мелкого скота». Причем итальянец удостаивает татарских домашних животных лестными эпитетами – «прекрасные крупные быки», «высокие мохнатые двугорбые верблюды», «огромнейшие бараны на высоких ногах, с длинной шерстью и такими хвостами, что некоторые весят до 12 фунтов каждый» [1, с. 142–143, 149].

Земледелие в этом кочевом обществе отмечено многими источниками, несмотря на его второстепенную и вспомогательную роль в экономике. Пашни Большой Орды находились на берегах левых днепровских притоков Орела (Орели) и Самары, а также на реке Куме – в степях, примыкавших к области Пятигорье [см.: 16, с. 113, 119, 149]. Неурожай или срыв пахоты из-за вражеских набегов ставили татар в очень тяжелое положение, вызывая социальную напряженность и конфликты по поводу путей миграций.

Помимо скотоводства и земледелия, татары занимались изготовлением ремесленных изделий («В их войске есть ремесленники – ткачи, кузнецы, оружейники и другие, и вообще есть все необходимые ремесла» [1, с. 147]). Важным подспорьем в пропитании служила охота («Татары прекрасные охотники с соколами и у них много кречетов... ходят на оленей и другого крупного зверя» [1, с. 148]).

Как любое кочевническое образование, Большая Орда нуждалась в товарообмене с оседлыми соседями. И как большинство каганатов, ханств и орд, она выставляла на рынок продукцию скотоводческого хозяйства. Значительную статью доходов составляла торговля полоном, захваченным в набегам. До конца ханствования Ахмеда Московская Русь сохраняла даннические отношения с Ордой. Неясно, насколько заметным в экономике последней был приток средств в виде дани (выхода). Во всяком случае его роль сошла на нет, когда Иван III прекратил выплаты [3, с. 160–163].

* * *

Кучук-Мухаммед, сын хана Тимура б. Тимур-Кутлука (1410–1412), начал свой путь к власти в восточных степях. Он был тесно связан с многолюдными и могущественными мангытами-Идегеевичами. Члены этой семьи состояли при нем в должности беклербеков. Известно, что сын Идегея Нур ад-Дин выдал дочь за будущего хана Тимура – отца Кучук-Мухаммеда [14, с. 99]. Возможно, она и была матерью последнего.

Восточные хронисты отмечают молодость Кучук-Мухаммеда во время его воцарения. Когда он подошел к Дону в 1438 г., венецианский консул Таны направил к татарскому принцу И. Барбаро с дарами и изъявлением покорности. Посланец предстал перед Кучук Мухаммедом восседавшим, опираясь на плечо своего беклербека. Барбаро записал: «Царевичу было года 22, Новрузу – лет 25» [1, с. 142].

Получается, что борьбу за власть Кучук-Мухаммед начал, едва выйдя из отроческого возраста. Полагаю, что толчком к активным действиям был переход на его сторону Науруза – беклербека Улуг-Мухаммеда. В соответствии со своим статусом Науруз командовал ордынской армией, значительную часть которой увлек за собой. Барбаро определенно пишет, что он ушел к «царевичу Кезимахмету» «с тем войском, которое захотело за ним следовать» [1, с. 141].

Причины разрыва беклербека с ханом не названы в источниках. Зато есть летописное указание о недовольстве Улуг-Мухаммедом могущественного вельможи – ширинского бека Тегины. В 1432 г. в ставке Улуг-Мухаммеда произошел знаменитый

спор о правах на великокняжеский ярлык между Василием Васильевичем московским и его дядей Юрием Дмитриевичем звенигородским. Уверенный в своем всеохватном влиянии, Тегина твердо обещал Юрию успешное разрешение тяжбы, но хан принял сторону московского князя. Оскорбленный «Ширинь-Тегиня ста о томъ же противу царя и хотѣ отступити отъ него, понеже бо въ то время пришель бѣше на Махметя Кичи-Ахметъ царь» [15, т. 12, с. 16].

14-летний «царь», надо полагать, двинулся на Сарай по наущению перебежчиков во главе с Наурузом. До того он обретался где-то на востоке или в Хаджи-Тархане – юрте своего деда Тимур-Кутлука. Первые столкновения не принесли победы ни одной из сторон. В конце концов «Большой» и «Малый» Мухаммеда пришли к соглашению о разделе подвластных территорий. Первый оставлял за собой Поволжье, второму доставался Крым [17, с. 180]. Очевидно, более вероятно видеть здесь разграничение ханства по крыльям: один получил правое западное крыло от Дона до Дуная, второй – левое восточное от Дона до Каспия [2, с. 17, 33].

Окончательно противостояние разрешилось в 1438 г. Может быть, смена власти произошла бескровно. У Улуг-Мухаммеда не выдержали нервы от нарастающей опасности со стороны младшего родича, который все усиливался. Барбаро наблюдал впечатляющую картину массовой миграции подданных Кучук-Мухаммеда к Дону и об исходе борьбы за трон написал: «Улумахамет... после того, как в пределы его владений пришел Кезимахумет, – видя, что не сможет ему сопротивляться, покинул орду и бежал вместе со своими сыновьями и другими своими людьми» [1, с. 150]. В конце концов ему удалось закрепиться в Казани, и Среднее Поволжье, таким образом, уже не входило в состав Большой Орды.

О ее внутренней истории при Кучук-Мухаммеде нет никаких сведений, за исключением летописного сообщения под 1440 г.: «Тоя же осени царь Махметъ Болшіа Орды убилъ болшаго своего князя Ордыньскаго Мансупа и много татар тогда избіено бысть в Ордѣ» [15, т. 12, с. 30]. Речь ведется явно о каком-то мятеже, возглавлявшемся беклербеком. Мансуп – это, конечно, Мансур б. Эдиге. Но поскольку он был убит ханом Бараком за тринадцать–четырнадцать лет до этого, то можно полагать, что до летописца дошли вести о казни брата Мансура, «большого князя» Науруза, вступившего в конфликт с Кучук-Мухаммедом. Еще недавно этот бек с многочисленной вооруженной силой явился к молодому династу и сопровождал его в борьбе за власть. Возможно, со временем всевластие Науруза стало тяготить хана, и он решил избавиться от мангытского вельможи, а заодно и от «множества татар» – его сторонников.

В целом в 1430–40-х годах в Дешт-и Кипчаке наступила некоторая стабильность. На востоке бывшего Улуса Джучи, за Яиком, ханствовал могущественный Абу-л-Хайр, лояльность которому в целом соблюдали мангыты. Нижнее Поволжье и степное Предкавказье находилось под властью Кучук-Мухаммеда. За Доном кочевала Орда Саид-Ахмеда. Крупных конфликтов между ними не заметно, если не считать притязаний обоих ханов на Крым и степи по Северскому Донцу. В 1434 г. Василий II в договоре с Дмитрием Шемякой напоминал, как «если посылал киличѣев своих ко ц(а)ремъ х Кичим-Агнетю и к Сиди-Ахметю» [5, с. 116]. То есть москвитяне признавали зыбкое равновесие сил в степях и законность двух соседних ханов.

Кучук-Мухаммед умер в 1459 г., оставив сыновьям, Махмуду и Ахмеду, свое ханство если не процветающим, то довольно устойчивым и способным соперничать с соседними юртами за первенство во владениях бывшей Золотой Орды.

От ханов Махмуда и Ахмеда сохранились недатированные монеты. От имени Махмуда они чеканились в Орду-Базаре, Бек-Базаре, Крым ал-Мансуре, Хаджи-Тархане, Укеке и Булгаре; от имени Ахмеда – в Бек-Базаре, а также в Хаджи-Тархане [7, с. 39, 40].

В русских источниках Махмуд известен по единственному поводу. В 1460 г. он попытался приступить к Рязани, но натолкнулся на сопротивление и отступил, понеся большие потери. Некоторые летописи передают имя хана как Ахмут (т.е. можно принять и за Ахмеда~Ахмеда), но в Типографской летописи он – «царь Махмутъ» [15, т. 24, с. 184]. В свите Махмуда во время этого похода поименованы беклербек Тимур и его брат Дин-Суфи (Тенсуфуй) [15, т. 5, с. 272; т. 20, с. 271; т. 23, с. 156]. Позже Тимур станет ближайшим соратником хана Ахмеда, а Дин-Суфи унаследует его высокий ранг.

Отношения между Ахмедом и Махмудом историки характеризуют как борьбу за власть [см., например: 4, с. 544; 6, с. 84]. Фатальным рубежом, после которого Махмуд уже не смог отстаивать свое первенство, было, очевидно, его поражение от крымского хана Хаджи-Гирея. В 1465 г. ордынский хан вознамерился напасть на русские земли и двинулся к Дону. Там на него неожиданно обрушились крымцы и «би его и Орду взя». Планы похода пришлось оставить, силы Большой Орды обратились на отражение нападения: «начаша воеватися промежь себе» [15, т. 24, с. 186]. Хаджи-Гирея удалось отогнать, но после этого Махмуд прекратил активную политическую жизнь. Вскоре он умер. Его сын Махмуд получил от Ахмеда в удел город Хаджи-Тархан и в конце концов полностью подчинился хану (после кратковременного конфликта с ним).

Укрепившаяся Большая Орда начала активные контакты с ближними и дальними монархами. После долгого перерыва ханские посланцы появились в Стамбуле. Известны два послания султану Мухаммеду II (Мехмеду Фатиху), направленные Махмудом (от 10 апреля 1466 г.) и Ахмедом (май–июнь 1477 г.). Приблизительно в 1475–1477 гг. Мехмед Фатих в своем письме оповестил Ахмеда о завоевании Каффы и походе турок на Молдавию. По форме это был типичный *сююнч* (весть о победах), но в подтексте скрывалось предупреждение Большой Орде не враждовать с Менгли-Гирем – османским ставленником в Крыму [18, с. 244].

Соперничество между Большой Ордой и новообразованным Крымским ханством началось, едва первый династ-Гирей утвердился у власти. Ахмед действовал в отношении Крыма достаточно осторожно, дожидаясь стечения обстоятельств, когда внутри ханства оформятся силы, на которые Большая Орда могла бы опереться. Такой случай представился летом 1466 г., когда сыновья скончавшегося Хаджи-Гирея вступили в противоборство за престол. Царевич Нурдевлет попросил у Ахмеда ярлык на Крымский юрт. Очевидно, он пытался придать своему правлению легитимность посредством этой чисто ордынской процедуры. Лестная просьба, означавшая признание большеордынского хана верховным государем, была тут же с радостью удовлетворена Ахмедом. Ярлык превращал Крым в его подвассальное владение. Однако местная знать вовсе не желала подчиняться правителю Тахт эли. В результате долгих интриг и после вспышки вооруженной борьбы в Крыму Нурдевлет лишился трона. Ханом был провозглашен Менгли-Гирей.

Еще одну попытку включить Крым в сферу своего господства Ахмед предпринял через десять лет. В то время среди тамошних беков назрели столь глубокие противоречия, что некоторые из них решили прибегнуть к помощи Большой Орды. Лидеры ширинского эля Аминек и Хаджике оказались в протоборствующих лагерях. Хаджике и глава эля барынов Абдулла привели из Орды царевича Джанибека (б. Ахмеда?), но были отбиты войсками, собранными Аминеком. Дождавшись, когда летом 1476 г. крымское войско во главе с Аминеком по приказу османского падишаха отправится в поход на Молдавию, Джанибек во главе большой рати, данной ему Ахмедом, ворвался на полуостров и занялся грабежами. Спешно вернувшийся Аминек, столкнувшись с большим перевесом сил у противника, укрылся в крепости. Вместо свергнутого Нурдевлета (он в тогданней сумятице смог на короткое время занять престол) ханом стал Джанибек. Фактически произошло кратковременное объединение двух ханств. В

1486 г. Муртаза б. Ахмед писал о тех временах Нурдевлеу, обретавшемуся в Касимове: Ахмед «с вашим юртом наш юрт как бы один учинил» [16, с. 69].

О правлении большеордынского ставленника ничего не известно, но положение его было очень шатким. Джанибек выяснял у Ивана III возможность поселиться в московских владениях на случай, если придется оставить Крым. Уже весной 1478 г. Нурдевлеу, вернувшийся к власти, отправил послов в Польско-Литовское государство.

Отношения Большой Орды с Польско-Литовским государством – покровителем ненавистных Гиреев – складывались поначалу враждебные, но впоследствии между ними наметилось коалиционное партнерство. Противостояние с Московским государством толкало Ахмеда и короля Казимира к военному союзу. В 1470 г. из Кракова в Орду приехал посол Кирей Кривой с предложением совместного удара по Руси. Но от продолжения целенаправленного сколачивания антимосковской коалиции короля отвлек конфликт с Венгрией, и следующий цикл переговоров с Большой Ордой прошел в 1479–1480 гг.

Отношения Большой Орды с Московским государством поначалу складывались традиционно, исходя из двухвековой даннической зависимости (так называемого «ига») русских земель от Улуса Джучи. В XV в. постепенно отошли в прошлое визиты великих князей в Орду, и с 1440-х годов контакты между двумя государствами поддерживались через послов. Московские правители объясняли регулярные взаимные визиты посольств не фактом выплаты выхода или получения ярлыков (что было бесспорным для соседей), а установлением таких порядков «от отцов и от дед и от прадед» или географической близостью владений [см.: 16, с. 4, 10].

Летописи зафиксировали довольно активный обмен посольствами в 1470-х годах. Наиболее показателен приезд в Москву посланца Ахмеда Бочуки в июле 1476 г. с требованием к Ивану III явиться «къ царю въ Орду» [15, т. 8, с. 183; т. 12, с. 108]. Не случайно сообщение об этом посольстве помещено сразу за упоминанием войны Ахмеда с Менгли-Гиреем. Думается, правы те историки, которые увидели связь между этими событиями, а именно: стремление Ахмеда восстановить прежнюю, золотоордынскую государственность – собрать под своей властью отпавшие юрты и заставить русских данников приезжать в Орду с изъявлением покорности и за ярлыками [3, с. 162; 13, с. 34].

Если это так, то Ахмед просчитался. Московское государство набирало силу и все более тяготилось обязанностью собирать для хана выход. При Иване III выплата дани была прекращена. Последние исследования показывают, что к освобождению от исполнения даннических обязанностей Москва шла постепенно. В 1440–1460-х годах выход отправлялся в Орду с большими перерывами, а окончательно перестал выплачиваться в 1471 г. [3, с. 153–162]. Этим и объясняются сравнительно частые наезды Ахмедовых послов к Ивану III: «царь» требовал положенной и завещанной предками дани.

Кульминацией нарастающего конфликта стало «Стояние на Угре» 1480 г. – самый известный и досконально изученный эпизод русско-ордынских отношений XV в. Осень и зиму 1480 г. Ахмед провел в бесплодном и бессильном стоянии на берегу Угры, притока Оки, напротив московской армии Ивана III, не решаясь напасть на русских и тщетно поджидая союзное польское войско. В конце года изможденная и изголодавшаяся ордынская рать была отведена ханом восвояси на юг и распушена по улусам.

Трактовка исхода «Угорщины» среди татар и поляков существенно отличалась от московской версии. Сын Ахмеда, хан Шейх-Ахмед в послании Александру Казимировичу 1497 г. называл причиной отступления ордынских войск настойчивость ханского окружения, которое отговаривало своего повелителя от боевых действий из-за неприбытия поляков: «На Ивана гневаючысе, царь, отецъ нашъ, всел на конь, и вашъ отец, король, на тот рокъ не пошоль. Ино наши уланы и кн(я)зи отцу нашему молвили: Иван и твои холопы, и королевъ есть, ино корол на тот рокъ с тобою не пошол, и ты верни-

се... И взяли отца моего за повод и вернули. А потом на отца нашего Божья ся воля стала» [22, с. 125].

Мацей Стрыйковский в своей хронике объясняет провал кампании алчностью и интригами беклербека. Заволжский царь стал-де на реке Ургае, ожидая вестей от короля Казимира, а тем временем московский князь прислал богатые дары и поминки «гетману царскому князю Тимиру». Тот стал убеждать царя отступить. Хан послушался, и «тогда Тымир гетман его, за подарки князя великого, зарезал» [21, с. 284].

Во всех других источниках гибель Ахмеда описана совсем иначе. В январе 1481 г. сибирско-ногайское войско разгромило ставку Ахмеда, а самого хана убил ногайский мирза Ямгурчи б. Ваккас [8, с. 122; 15, т. 6, с. 232; т. 12, с. 20, 23; т. 18, с. 268; т. 19, с. 39; т. 25, с. 328; т. 39, с. 268]. В некоторых летописях указывается, что Ахмеда убил тюменский хан Ибак, возглавлявший этот поход [15, т. 26, с. 274; т. 28, с. 315; т. 33, с. 124].

Татары Большой Орды, оставшись без правителя, кочевали по степи под пристальным вниманием враждебных соседей. Беклербеку Тимуру удалось уйти невредимым от сибирско-ногайского набега. Прихватив с собой детей Ахмеда, он направился к хану Менгли-Гирею в Крым. Его не остановила принадлежность того к враждебному лагерю (крымцы приняли сторону Москвы против Орды и Польско-Литовского государства). Ордынские беженцы нашли на Таврическом полуострове приют и достаток. Крымский хан решил принять еще недавно могущественного беклербека и окружил его почетом. Но «Ахматовых детей» – царевичей Муртазу и Саид-Махмуда – вовсе не прельщала участь почетных приживалок в Бахчисарае. Через некоторое время (вероятно, через два–три года) Саид-Махмуд вместе с Тимуром вернулся в Большую Орду. Там Тимур занял свой прежний высокий пост. Муртазу успел захватить в заложники Менгли-Гирей, разгадавший реэмигрантские замыслы «гостей». В отместку беглецам отряд хана направился на север и последний «останок Орды розгонял». Собрав по степи большеордынское ополчение, новый хан Саид-Махмуд с главным беком решили идти выручать Муртазу. Первой задачей было узнать, стоят ли в Крыму турецкие войска. Когда выяснилось, что нет, кавалерия Большой Орды двинулась на Менгли-Гирея. Муртаза был освобожден, а сам хан тайком бежал от своей армии и срочно вызвал на подмогу османов. Не дожидаясь подхода воинов султана, ордынцы спешно удалились восвояси [15, т. 8, с. 216; т. 12, с. 217; т. 28, с. 318; 16, с. 53].

Оказавшись в Дешт-и Кипчаке, ордынцы наконец занялись восстановлением своей государственности. На ханский трон были возведены сразу двое – Муртаза и Саид-Махмуд. В текстах московского происхождения они впервые упомянуты в грамоте Ивана III, посланной послу в Бахчисарае В. Ноздреватову в июне 1484 г. [16, с. 43]. В августе того же года Муртаза оповестил короля Казимира: «Первеи Охмать царь, одинь царь былъ, а нине два цари есмо з братомъ моимъ Седихматомъ...». В другом письме он подчеркивал свой легитимный монархический ранг: «...ты, как еси ц(а)ра Ахмата видель, мене по тому же видь...» [24, с. 98, 99]. Но и в этом, и в других его посланиях 1484 г. просматриваются конфликтные отношения в Орде. Муртаза неоднократно заявляет, будто не имеет представления, где находятся сейчас его брат и соправитель, а также главный бек Тимур [24, с. 98, 100].

В конце концов Муртаза полностью рассорился с братьями. Его место на троне занял Шейх-Ахмед; ханом-соправителем оставался Саид-Махмуд. Муртаза вынужден был демонстративно отделиться от родичей («от нихъ отъехал... в поле», как формулировал Казимир) и проситься на жительство в Великое княжество Литовское [24, с. 144].

После смерти опытного политика Тимура (между 1484 и 1486 гг.), сдерживавшего амбиции царевичей, в ханском семействе разгорелись ссоры, и ханы стали меняться с удивительной быстротой. Порой сложно разобраться в соправительственных комбина-

циях, ведь до конца истории Большой Орды единого государя в ней уже не было [см. подробно: 19, гл. 9].

На самом рубеже XV и XVI столетий Большая Орда стала погружаться в хаос. Развал ее и без того примитивной государственности наглядно проявился в увеличении количества одновременно царствующих династов. Причем не заметно, чтобы между ними велись какие-то споры о территориях. Каждый хан управлял доставшимся ему контингентом улусников и уже не претендовал на абсолютное верховенство (что не исключало жестоких конфликтов).

Главной внешнеполитической проблемой для Большой Орды на последнем этапе ее истории были отношения с Крымским ханством. Самостоятельную политику по отношению к Бахчисараю вел беклербек Тимур, дочь которого стала женой Менгли-Гирея. Последний высоко ценил мангытского вельможу и, судя по всему, видел в нем и его соплеменниках противовес могущественным ширинам и барынам, окружившим престол Гиреев.

В середине 1480-х годов накал в ордынско-крымских отношениях несколько снизился, но вскоре вражда разгорелась с новой силой. В сентябре 1490 г. ордынское посольство от лица ханов Шейх-Ахмеда и Саид-Махмуда, а также «мангыта Азики князя в головах, от всех карачеев и от добрых людей» заключило мир с Менгли-Гиреем. Когда крымский хан, поверив в искренность намерений ордынцев, распустил татаро-ополченцев «на пашни и на жито», ордынско-мангытская армия вторглась на полуостров и разграбила улусы барынского эля, одного из наиболее знатных там. После этого нападавшие отошли на север, зазимовав в устье Днепра. Иван III, соблюдая партнерские отношения с Менгли-Гиреем, отверг предложение Хаджике о «братстве» с сопратавителями Большой Орды – на основании их вражды с Крымом [16, с. 108, 160, 161].

При ответном набеге зимой 1490/91 г. крымцы сумели угнать у противника огромное количество лошадей, «у недруга ноги подрезав» [16, с. 105]. Боеспособность Орды резко снизилась. Крымский хан хотел закрепить успех новым походом, для чего выпросил у турецкого султана янычар. Кроме того, с севера ордынцам постоянно угрожала нарастающая сила Москвы. В 1491 г. после переговоров с турецким наместником в Азове Большая Орда прекратила военные действия.

Открытые столкновения уступили место закулисной политике. «Ахматовы дети царевы» не присылали в Бахчисарай официальные посольства, а действовали через вездесущих купцов, которым поручали передавать Менгли-Гирею свои намерения вступить с ним в союз – при условии его разрыва с Москвой; хан расценивал эти заверения как сплошную ложь [16, с. 218]. И был прав: одновременно (в 1495 г.) Шейх-Ахмед в переписке с королем Казимиром раскрывал свое истинное отношение к южному соседу: «Ино вамъ бы звездо было: лише Менъдли Кгерея цара иного неприятеля не маем» [22, с. 97; 25, с. 75]. Примирение между двумя «постордынскими» государствами было уже невозможным. Да Менгли-Гирей и не стремился к этому. В последние годы XV в. был достаточно очевидным надвигающийся коллапс Большой Орды. Крымские отряды стали выходить в степь, как правило, уже не для сражений с ханскими войсками, а для грабежа беззащитных улусов и угона пленных.

Отношения Большой Орды с христианским Польско-Литовским государством (а во время его разделения – особенно с Великим княжеством Литовским) складывались гораздо теснее и теплее, чем с любым из мусульманских владений. Литовско-московские пограничные споры и стычки продолжались, и Казимир IV продолжал рассматривать татар Тахт эли как союзников в борьбе против Ивана III. В 1482 г. великий князь известил Менгли-Гирея, что король «нынеча со мною любви и докончания не хочет, а в Орду послал, да подымает на меня моих недругов» – сыновей Ахмеда [16, с. 29]. Через два года ханы-соправители Муртаза и Саид-Махмуд приняли очередное

посольство из Кракова во главе со Стретом. В своем послании королю Муртаза заверил, что никакого вреда его владениям не причинит [12, стб. 348, 349; 16, с. 43]. Когда Муртаза рассорился с братьями, Казимир приглашал его на жительство в свою землю, «а мы быхмо тебе, брату нашому, хлеба нашего и соли не боронили» [22, с. 144].

Из Москвы и Бахчисарая настороженно следили за этой дипломатией, справедливо чувствуя опасность для себя. Иван III и Менгли-Гирей договаривались ловить в степи польско-литовских и ордынских послов [16, с. 202, 210], чтобы помешать действию враждебной коалиции. Крымский хан раздраженно пенял Александру Ягеллону, сменившему Казимира, на обмен посольствами с врагами Крыма, на что получал ответы с экскурсами в историю, напоминания о традиционности литовско-ордынских отношений, о близости татарских кочевий к Литве и прочее.

На самом деле эти отношения вовсе не были безоблачными. Один из ордынских послов несколько лет удерживался в Литве, за другим не признали надлежащего дипломатического статуса. Все-таки Александр Казимирович вел себя по отношению к большеордынцам более отстраненно и осторожно, чем его покойный отец. Да и обстановка в Орде все менее способствовала тесной коалиции с ней. Непрерывно ссорящиеся между собой и часто меняющиеся соправители угасающего государства являлись в глазах литовских политиков все менее ценными союзниками.

В конце 1501 или в начале 1502 гг. хан Шейх-Ахмед и беклербек Таваккул пришли к мысли, что союз с Литвой не дает им никакой выгоды. Московский посол с удовлетворением доносил из Крыма летом 1502 г., что «с литовским... Ши-Ахмат царь в розни» [16, с. 418]. Правители Орды вознамерились склонить к антикрымскому союзу Москву, при этом обещая «от литовского отстати» [16, с. 384]. Иван III не пожелал ради этого сомнительного приобретения рвать устоявшиеся связи с Менгли-Гиреем и сообщил тому об ордынском посольстве.

В отличие от польско-литовских монархов, московские государи не имели планов по созданию коалиций с Большой Ордой. Наоборот, перемещаясь вдоль южного пограничья, она представляла собой постоянную угрозу московским владениям. Поэтому усилия русской дипломатии были направлены на создание антиордынских альянсов с привлечением Крыма, Казани, ногаев и использованием все увеличивающихся военных сил служилых татар на Руси.

К началу XVI века Большая Орда пребывала в глубоком кризисе. В ходе смут и войн истощились ее табуны, уменьшились стада, расстроилась аграрная система. В кочевьях начался голод. Ханский ордобазар хаотично перемещался по степи. Источники застают ханов-соправителей то под Астраханью, то в Северо-Восточном Прикаспии, то на донских и днепровских берегах и притоках. В 1500–1501 гг. главным устремлением хана Шейх-Ахмеда (не разделявшим его братьями) было перебраться на правый берег Днепра, пускай даже в литовские или османские владения, лишь бы иметь гарантии пропитания и безопасности. Наглядным показателем надвигающегося краха стало массовое переселение кочевников в соседние страны. Разоренные татары оставляли своих неудачливых ханов и устремлялись под защиту более надежных покровителей.

В мае 1502 г. Менгли-Гирей во главе крымской конницы выступил в поход на Большую Орду. Навстречу армии то и дело попадались переселенцы: «люди многие... идут к нему (Менгли-Гирею. – *В.Т.*) в Перекопь», «улус из Болшие Орды, а идет тот улус в Перекопь» [16, с. 419]. Наступающим было известно, что Шейх-Ахмед рассорился со своим беклербеком Таваккулом, и под его началом сейчас осталось около двадцати тысяч татар. Приблизительно 15 июня 1502 г. при впадении реки Сулы в Днепр⁷ состоялось последнее сражение в истории Тахт эли, полностью проигранное Шейх-

⁷ Определение места и расчет времени битвы см.: [2, с. 79, 111, 112].

Ахмедом. Он бежал, его казна и ордобазар достались победителю. В подданство к нему теперь перешли и улусы большеордынских татар, которые Менгли-Гирей планировал переселить южнее, ближе к собственно Крыму.

На этом принято заканчивать историю Большой Орды (хотя впоследствии предпринимались тщетные попытки ее возрождения). Ее бывшие владения к западу от Волги были поделены между Крымским юртом и новообразованным Астраханским юртом; по берегам степных рек селилось все более многочисленное вольное казачество, не желавшее подчиняться каким-либо правителям; восточные области давно были заняты ногаями.

1. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Вступ. ст., подгот. текста, пер., комм. Е.Ч.Скржинской. Л.: Наука, 1971. 275 с.
2. Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. I. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев; Бахчисарай: Мастерня книги, 2007. 368 с.
3. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.
4. Григорьев А.П. Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10. Л., 1987. С. 28–89.
5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. Подгот. к печ. Л.В.Черепнин. Под ред. С.В.Бахрушина. М.; Л., 1950. 585 с.
6. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI в.). М.: Рудомино, 2004. 216 с.
7. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2006. 303 с.
8. Иоасафовская летопись. Под ред. А.А.Зиминой. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 238 с.
9. Исхаков Д.М. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV – сер. XVI вв.) // Панорама-форум. Казань, 1995. № 3. С. 95–107.
10. Исхаков Д.М. Сеиды в позднесолотоордынских татарских государствах. Казань: Иман, 1997. 78 с.
11. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.
12. Литовская метрика. Отдел 1. Ч. 1. Книга записей. Т. 1. СПб.: Сенатская тип., 1910. 660 с. (Русская историческая библиотека, т. 27).
13. Назаров В.Д. Свержение ордынского ига на Руси. М.: Знание, 1983. 64 с.
14. Натанзи Муин ад-Дин. Мунтахаб ат-таварих-и Муини (Extraits du Muntakhab al-tavarikh-i Mu'ini (Anonyme d'Iscandar). Publiés par J.Aubin). Тегеран, 1336/1957. 505 с.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 5. Псковские и Софийские летописи. СПб.: Тип. Э.Праца, 1851. 288 с.; т. 6. Софийские летописи. СПб.: тип. Э.Праца, 1853. 358 с.; т. 8. Продолжение летописи по Вокресенскому списку. СПб.: Тип. Э.Праца, 1859. 317 с.; т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 264 с.; т. 18. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.; т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). М.: Языки русской культуры, 2000. 328 с.; т. 20. Львовская летопись. Ч. 1. СПб.: Тип. М.А.Александрова, 1910. 691 с.; т. 23. Ермолинская летопись. СПб.: Тип. М.А.Александрова, 1910. 253 с.; т. 24. Типографская летопись. Пг.: 2-я Гос. тип., 1921. 275 с.; т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 463 с.; т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 416 с.; т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 413 с.; т. 33. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л.: Наука, 1977. 256 с.; т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.; т. 39. Софийская первая летопись по списку И.Н.Царского. М.: Наука, 1994. 209 с.

16. Сборник Русского имп. исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих Князей Иоанна III и Василия Иоанновича. Ч. 1 (годы с 1474 по 1505). Напеч. под наблюд. Г.Ф.Карпова. СПб.: Тип. Ф.Елеонского и К°, 1884. 674 с.
17. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. М., 2005.
18. Султанов Т.И. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник 1975. Отв. ред. А.Н.Кононов. М.: Наука, 1975. С. 234–251.
19. Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула: Гриф и К°, 2010. 110 с.
20. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 318 с.
21. Kronika polska, litewska, zmódzka i wszytíej Rusi Macieja Strykowskiego. Т. 1. Warszawa: Nakł. G.L. Glucksberga, 1846. 392 s.
22. Lietuvos Metrika. Knyga Nr 5 (1427–1506). Parengé E.Banionis. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993. 583 s.
23. Lietuvos Metrika. Knyga Nr 8 (1499–1514). Parengé E.Baliulis, A.Firkovičius, D.Antanavičius. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. 710 s.
24. Lietuvos Metrika. Knyga Nr 4 (1479–1491). Parengé L.Anyžytė. Vilnius: Žara Publ. House, 2004. 287 s.
25. Lietuvos Metrika. Knyga Nr 6 (1494–1506). Parengé A.Baliulis. Vilnius: LII leidykla, 2007. 518 s.

§ 3. Астраханский юрт

Илья Зайцев

Астраханское ханство – одно из государств, возникших в результате распада Золотой Орды, со столицей в Хаджи-Тархане (рус. Астрахань)⁸.

Согласно традиционной точке зрения, Хаджи-Тархан возник в XIII в. «Город этот, – писал Ибн Баттута, – получил название свое от тюркского хаджи, одного из благочестивцев, поселившегося в этом месте. Султан отдал ему это место беспошлинно (то есть в *тархан* – *Авт.*), и оно стало деревней, потом оно увеличилось и сделалось городом» [16, с. 301; 21, с. 496–497]. Золотоордынский Хаджи-Тархан был разрушен Тимуром зимой 1395–1396 гг. Этот город традиционно отождествляется с поселением на Шаре-ном Бугре – части обширного золотоордынского комплекса на правом берегу Волги несколько выше современной Астрахани (сейчас почти полностью смыт водой или разрушен при современных строительных работах). Вскоре после взятия города Тимуром он пришел в запустение и в XV в. уже существовал как относительно небольшой, но важный в торговом отношении населенный пункт.

Основная часть жителей города сформировалась на основе тюркских племен (кипчакской группы); в этническом и языковом отношении население, вероятно, было весьма разнородным, хотя и немногочисленным (к середине XVI в. в Астрахани насчитывалось около 10 тыс. жителей или чуть более). Наряду с тюркоязычными жителями в городе в разные периоды его истории, наверняка, проживали персы, армяне, русские. Этнической основой позднейших астраханских татар послужили потомки старого тюркского населения и ногаи (а потом и приток тюркского населения со средней Волги)⁹.

⁸ О названиях города см. [28, р. 607–632].

⁹ Не случайно в Астрахани вплоть до XIX в. существовал даже «казанский квартал» [3].

В первой половине XV в. город неоднократно переходил из рук в руки многочисленных ханов-чингизидов, претендовавших на власть в Улусе Джучи. Основателем новой Астрахани взамен города, разрушенного Тимуром, был Тимур-Кутлук (сын Тимур-Мелика, сына Уруса), контролировавший этот район после ухода Тимура в 1396 г. Ногайские мирзы в XVI в. считали, что Астрахань – «Темир-Кутлуев царев юрт». Связь города с Тимур-Кутлуком (потомками Туга (Тукай)-Тимура) подчеркивается не только в сочинениях позднейших татарских историков, но и среднеазиатских авторов [17, с. 373]. Преемник Тимур-Кутлука, Шадибек, при котором в последний раз в истории Золотой Орды произошло объединение всех прежних улусов дома Джучи, с 805 г. хиджры (1402/1403 гг.) чеканит в Астрахани монеты, в которых уже появляется название «Хаджи-Тархан ал-Джедид», то есть «Новый». В последующие несколько лет город переходит из рук в руки: монеты там чеканит сын Токтамышша Джелил ад-Дин; сын Шадибека Пулад; дядя последнего Тимур-хан; другой сын Токтамышша – Кепек; Чекре; Дервиш, Кучук-Мухаммед; Улуг-Мухаммед; Девлет-Берди (сын Таш-Тимура; дядя Хаджи-Гирея) и др. [2].

Астраханское ханство образовалось на основе удела эмира Хаджи-Черкеса, который владел городом во второй половине 60-х – середине 70-х гг. XIV в. О времени основания ханства единого мнения в историографии не сложилось: дату возникновения самостоятельного государства относили то к 1459–1460, то к 1465 или 1466 г. Скорее всего, в 50–70-х гг. XV в. город представлял собой один из центров Большой Орды, то есть был частью «Намаганского юрта» (удела Номагана, в данном случае – это второе имя или прозвище хана Тимура, сына Тимур-Кутлука, а также его деда Тимур-Мелика). О самостоятельном государстве можно говорить лишь начиная с 1502 г. (разгром Большой Орды крымским ханом Менгли-Гиреем). Астрахань в политическом отношении становится наследницей Большой Орды. Не случайно специальная дипломатическая документация (посольские книги), фиксирующая отношения Москвы с вновь возникшим государством, появляется только в начале XVI в. Очевидно, что до правления московского великого князя Василия Ивановича (1505 г.) существовали лишь «ордынские» тетради (книги, в которых отражалось развитие отношений с Большой Ордой). Так, 11 июня 1508 г. из Москвы был отпущен посол ногайского мирзы Джан-Мухаммеда, «а отпустил князь велики того... человека... вместе с астороканскими послы». Если послы были отпущены из Москвы в начале июня, следовательно, прибыли они туда, скорее всего, в конце весны. Это первое зафиксированное источниками астраханское посольство в Москву. Интересно, что пропускная грамота послам через русские города и Казань была записана в канцелярии великого князя в «ордынских татратех» [10, с. 76]. Возможно, это косвенное свидетельство того, что отдельных астраханских тетрадей тогда еще не было. С другой стороны, в архиве Посольского приказа хранились «Книги астороханские с лета 7016-го по лето 7025-го, при великом князе Василье Ивановиче всеа Руси, как был в Асторохани Обдыл-Керим царь» [8, с. 106], то есть начальным их годом был все тот же 1508 г. Таким образом, вполне вероятно, что специальные книги, отражавшие развитие отношений Москвы и Астрахани, появились именно в 1508 г. (возможно, после июня).

Именно в начале XVI в. в Москве Астрахань начинают расценивать как самостоятельное государство. В двух сборниках Софийского собрания Российской национальной библиотеки сохранилась статья, начинающаяся словами «Татарским землям имена...» и являющаяся перечнем различных мусульманских стран. Источником статьи была «Повесть о Темир-Аксаке» (нач. XV в.), где приводится список земель, завоеванных Тимуром. Список «Повести...» был переработан с учетом политических реалий начала XVI в., когда создавалась статья «Татарским землям имена...». Список был дополнен рядом названий «татарских» земель, которые отсутствовали в источнике статьи. В число этих названий наряду с Большой Ордой, Крымом, Азовом, Казанью, калмыками, ногаями, Сараем и «Шибанами» (Сибирью) была включена и «Васьторокан» [4, с. 253–254], то есть Астрахань.

Наконец, еще одно свидетельство в пользу образования ханства именно в начале XVI в., а не ранее, – духовная грамота Ивана III. Иван умер 27 октября 1505 г., оставив завещание, в котором среди ордынского «выхода», оцененного в 1000 рублей, наряду с Крымом, Касимовым и Казанью числилась и Астрахань [1, с. 362]. Духовная Ивана III датируется временем не позднее 16 июня 1504 г. по dokonчанию великого князя Василия Ивановича с князем Юрием Ивановичем, в котором также упоминается о выходе и проторах в Астрахань [1, с. 365, 367, 369]. Как показал С.М. Каштанов, проект завещания был составлен в начале ноября 1503 г. (до смерти князя Ивана Борисовича Рузского), а окончательный вариант появился после смерти последнего, наступившей 28 ноября [5, с. 200]. Безусловно, в это время Хаджи-Тархан был самостоятельным юртом и как наследник Орды имел право на свою долю выхода. Какова была эта доля, сказать трудно. Рядовые поминки начала века могли составлять и меньшую сумму (напр. 500 рублей).

Границы ханства на севере простирались примерно до района современного Волгограда, хотя в какой-то период астраханские земли могли заканчиваться и выше, возле Увека (в черте совр. Саратова); на юге естественным рубежом был Каспий (возможно, по побережью моря до р. Кумы); на западе граница могла доходить до верховьев Дона (возможно, с Крымским юртом какое-то время границей был Миус («Молочная вода»). Скорее же всего, на правой стороне Волги астраханские владения ограничивались узкой прибрежной полосой реки. Восточная (ногайская) граница астраханских владений – в дельте р. Бузан [2, с. 243–248; 26, с. 171–178].

Как и в Казанском и Крымском ханствах, в Астрахани правили представители одного рода – Джучидов (потомков сына Чингиза Джучи). В ханстве сложилась династия потомков золотоордынского хана Тимур-Кутлука. Скудость и фрагментарность источников не позволяют воссоздать исчерпывающую картину правлений ханов. Исходя из имеющегося материала (в основном посольских книг по связям Московского великого княжества с Крымским ханством и Ногайской Ордой), эту последовательность можно представить в виде таблицы [27, с. 110].

Имя хана	Предполагаемые даты правления
‘Абд ал-Керим ибн Махмуд	1502 (1508?) – 1514
Джанибек ибн Махмуд	1514 – лето 1521 (не позднее 15 августа)
Хусейн б. Джанибек	не ранее октября 1521–?
Шайх-Ахмед б. Ахмед	?–? (между 1525 и 1528)
Касим б. Сайид-Ахмед	? – лето 1532 (с перерывом)
Ислам-Гирей б. Мухаммед-Гирей	1531 (не позднее мая) – 1532 (не позднее января)
Аккубек б. Муртаза	лето 1532 – 1533
‘Абд ар-Рахман б. ‘Абд ал-Керим (калга – «Абли-салтан» б. Хусейн)	1533 – не ранее конца октября 1537
Дервиш-Али б. Шейх-Хайдар	октябрь 1537 – лето 1539
‘Абд ар-Рахман б. ‘Абд ал-Керим (вторично)	лето 1539 – 1543 (?)
Аккубек б. Муртаза (вторично) ¹⁰	1545–1546
Ямгурчи б. Бирдибек (с перерывом) (калга – «Такбилди»)	1546–1550 / 1551–1554
Дервиш-Али б. Шейх-Хайдар (вторично) (калга – его сын Джан-Тимур ?; потом Казбулат б. Девлет-Гирей)	1554–1556

¹⁰ Его сын Баки еще до завоевания города московскими войсками искал пристанища в Ногайской Орде.

Астраханское ханство почти на всем протяжении своей истории находилось в зависимом положении. В роли сюзеренов выступали то Ногайская Орда, то северокавказские княжества, то Крымское ханство. Ханы нередко менялись в результате кровопролитных нашествий и переворотов с участием внешних сил. Отрывочные данные позволяют предположить, что ветвь потомков Ахмеда б. Кучук-Мухаммеда поддерживали кабардинцы, а Махмудовичей – ногаи: две ветви династии опирались на разные этнополитические силы и были тесно связаны с ними родственными узами.

Еще при Тимур-Кутлуке в пользу сына Идегея Нур ад-Дина с Астрахани взымалась подать (*караснап*) в размере 40 тыс. алтын: «со всякие избы по алтыну, а с ногайских продажных лошадей с лошади по алтыну, с коровы по три денги, с овцы по денге» [цит. по: 11, с. 47, 80–81].

Наиболее разрушительными были крымские набеги на Астрахань (Мухаммед-Гирея в 1523 г. и Сахиб-Гирея в 1546 г.). По Реммалу-ходже, последний поход был вызван тем, что Ягмурджи (Ямгурчи), занявший астраханский трон, захватил торговый караван на пути из Казани в Крым. Обиженные купцы пожаловались Сахиб-Гирею, и тот, возмущенный вмешательством в торговлю Казани с Крымом (ведь он занимал казанский престол в первой половине 20-х гг., и столь важная для Казани торговля с Крымом была ему хорошо знакома), стал готовить полномасштабный поход на город. Для астраханской экспедиции была объявлена полная мобилизация; в ярлыке, изданном ханом, было сказано, «что никто не может остаться на земле, весь народ, или армия (*халк*) должны привести себя в боевую готовность (*сефер айагын эдюб*), и если есть кто-нибудь, кто не станет рядом с ханом сразу после Ор Агзы (Перекопа), то его собственность должна быть разграблена, а голова сражена». Диван хана был отложен, а во все уголки страны отправлены послания о том, что если какой-либо мужчина от 15 до 70 лет не успел присоединиться к походу, то он столкнется с жестоким смертельным наказанием (*мюхкем сийасет*). Крымские войска в походе насчитывали от 200 до 1000 *тюфенкчи* (воины, вооруженные, по османскому образцу, ружьями – *тюфенк*), силы хана достигали 10 000 (включая подразделения беев), племенное ополчение достигало будто бы 250 000. После того, как крымские войска в течение суток форсировали Дон (единственное крупное препятствие на пути), судьба города была решена. Астрахань была захвачена благодаря полевой артиллерии и отрядам *тюфенкчи*. Ягмурджи бежал, а часть его свиты и окружения взята в плен и доставлена в Крым с обещанием, что им не будет причинен вред [25, с. 97–105; 7, с. 399–405].

В конце 1549 или начале 1550 г. на какое-то время город был захвачен московскими казаками. В 1551 г. московский посол в Ногайской Орде Петр Тургенев писал: «Да присылал, государь, турецкой царь к Исмаил мирзе посла своего, Чевушем зовут, сее весны. А сказывают, государь, с тем присылал: в наших, деи, в бусурманских книгах пишется, что те лета пришли, что русского царя Ивана лета пришли, рука ево над бусурманы высока. Уже, деи, и мне от него обида великая. Поле, деи, все да и реки у меня поотымал, да и Дон у меня отнел, да и Озов город упуст у меня доспел, поотымал всю волю. В Азове казаки ево с Озова оброк емлют и воды из Дону пит[ь] не дадут... Да ево же, деи, казаки Астарахан[ь] взяли и какую грубость учинили. Да царя же, деи, Ивана казаки у вас Волги оба берега отняли и волю у вас отняли, и ваши улусы воюют, да у вас же, деи, пришел городетцкие казаки в улусы ваши, воевали, да Дервиша царя Астараханского полонили. И то, деи, вам не соромоту ли учинили, как, деи, за то стать не умеете» [Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 127, оп. 1, ед.хр. 4, лл. 39–40]. Информация о взятии казаками города подтверждается еще одним источником. Московскому послу в Литву, Никите Семеновичу Сущеву, прибывшему к великому князю литовскому в начале 1553 г. (из Москвы он уехал 15 января), был дан наказ сообщить: «Тому три годы минуло, как Астарахань взяли государя нашего казаки; а царь астраханской Ямгурчей из

Астрахани ушел был в Черкасы, да из Черкас присылал государю нашему бити челом, чтоб ево государь пожаловал посадил опять на Астрахани. И государь его пожаловал, посадил опять на Астрахани, и ныне на Астрахани сидит царь из государя нашего руки и смотрит во всем на государя нашего» [14, с. 375–376].

Отношения Астраханского ханства с Московским великим княжеством до 50-х г. XVI в. носили дружественный характер, обусловленный наличием общего врага – Крыма (конфликт с крымскими ханами Астрахань унаследовала от Большой Орды). До 1551 г. астраханцы, приезжавшие в Москву, появлялись здесь вместе с ногайцами. В 1552–1557 гг. упоминается уже и отдельный Астраханский двор в Москве, но о его местоположении ничего неизвестно. Вероятно, после взятия города он был ликвидирован: доставленный из Астрахани в 1558 г. царевич Ибак «поставлен был» на Рождественской улице «на крестьянском дворе» [20, с. 53].

После завоевания в 1552 г. Казани в Москве созрел план овладения всем Волжским торговым путем. Иван IV борьбу с Астраханским ханством в 1554 г. мотивировал нарушением ханом Ямгурчи достигнутых договоренностей и обидой московского посла. Подспорьем в оправдательной идее служила «Тмутараканская» легенда (фантастическое отождествление Астрахани с Тмутараканью, которая во времена кн. Владимира была дана им в удел сыну Мстиславу). В апреле 1554 г. из Москвы в Астрахань была послана военная экспедиция (воевода князь Ю.И. Пронский Шемякин «с товарищи» – около 30 000 человек). Хаджи-Тархан был взят без боя 2 июля, «в городе в то время были люди немногие» [9, с. 242]. Ямгурчи бежал в северокавказскую Тюмень (женой Ямгурчи была дочь кумыкского владетеля в Дагестане). В городе был поставлен хан Дервиш-Али, который до этого долго жил в Москве. При хане («годоватъ», как сказано в источниках) с небольшим гарнизоном был оставлен наместник П.Д. Тургенев. На Астрахань была наложена ежегодная дань. Сведения о ее размерах разнятся. В шерти (род договора-клятвы) астраханцев фигурируют 1000 рублей деньгами¹¹ и 3000 рыб, «а собирать им тое дань меж себя самим и по вся годы присылать к нему великому государю и ево государским детям и наследником их к Москве, докележе благоволит господь Бог вселенней стояти со своими послы и полон российского царствия из кого ни есть купленной или взятой весь отдать безо всякого остатку и ухоронки» [ОР РНБ, Собр. Погодина № 1490, л. 86–86об.; РГАДА, ф. 181, оп. 1, ед.хр. 49, л. 180]. В другом источнике о дани сказано иначе: «по десети тысяч лошадей на год, да по дватцети тысяч овец, да по тритцати тысяч рыб осетров и белуг» [14, с. 450]. Шерть предусматривала в случае смерти Дервиша прямое обращение астраханцев в Москву к великому князю.

Дервиш-Али, однако, вскоре стал склоняться к союзу с Крымом и отослал П. Тургенева из города. Летом 1555 г. посланные из Москвы стрелецкий голова Г. Кафтырев и казачий атаман Ф. Павлов вновь занимают Астрахань, оставленную ханом и жителями. Дервиша удалось вскоре вернуть, причем дань за год была ему прощена, а в качестве московского представителя в городе оставлен Л. Мансуров. В ханстве сложилось фактическое двоевластие, а вскоре Дервиш в союзе с детьми ногайского мирзы Юсуфа осадили Мансурова в его резиденции – небольшой крепостце. Мансурову все же удалось уйти. В марте 1556 г. на Астрахань вновь была отпущена стрелецкая рать под командованием головы И. Черемисинова и казаки во главе с М. Колупаевым. Еще ранее в поход был отпущен казачий атаман Л. Филимонов. Подойдя летом к городу, воеводы снова никого не обнаружили: «царь из Астрахани побежал, а город выжег» [15, с. 37].

Части астраханской аристократии удалось бежать в Крым и Османскую империю. Какого-то астраханского царевича московские войска взяли «жива» 30 июля 1572 г. в ходе Молодинской битвы. Сын Дервиш-Али Мухаммед в начале 1570-х гг. жил в Ос-

¹¹ Или 40 000 алтын (по три копейки), то есть 1200 рублей.

манской империи, получая содержание от султана¹². В реестре № IV так называемых *Реестров важных дел (Mühimme Defterleri)* имеется краткая запись в 3 строки от 23 джумада I 967 г.х. (20 марта 1560 г.) о выплате тридцати акче сыновьям Дервиша-Али, укрывшимся в Турции [см.: 22]. Как сообщал И.П. Новосильцев в 1570 г., «у Турского ж салтана астороханской Дервиш Алеев сын Магмет-царевич, а живет в Урюмском городке за сторожи, а из города его вон не выпускают, а ест Турского олафу, а к себе ему Турской ездити не велит» [12, с. 89 (389)]. В том же источнике упомянуты и некие «астороханский Семен-мурза да Тенимом зовут Теребердеев с товарищи, которые наперед прибежали из Асторохани в Азов» [12, с. 67], а потом принимали активное участие в астраханском походе османских и крымских войск 1569 г.

В Стамбуле оказались и сторонники Ямгурчи. В мухарраме 976 (июнь–июль 1568 г.) был написан ответ Селима II на послание Девлет-Гирея, в котором хан сообщал, что он готов начать военную кампанию для отвоевания Астрахани. В первой части султанского письма речь шла о подготовке астраханского похода. Вторая часть послания посвящена больше вопросу сложных отношений хана Девлет-Гирея с другими ханами из династии Гиреев. Падишах обещает ему, в частности, изгнать в Алжир некоторых особенно ярых сторонников астраханского хана Ямгурчи [см.: 22].

В Крыму очень долго не могли смириться с завоеванием Казани и Астрахани. Москва фактически предложила выкуп за переход волжских ханств под свою юрисдикцию – надбавки к наибольшей ранее имевшей место сумме поминок; и крымская сторона после длительного сопротивления согласилась на это.

Как и в других джучидских государствах вторым лицом в ханстве считался калга (наследник хана, как правило, его сын, или брат, или племянник). Знать состояла из султанов, огланов (уланов), беков и мурз (по русским источникам их в 1554 г. было не менее 500), многие из которых владели уделами. Не вызывает особых сомнений и существование в Астраханском ханстве института беев-карачи. Вероятно, главенствующую клановую группу составляли при астраханских ханах кунграты. Помимо них в ханстве жили представители клана мангыт. Скорее всего, структура властной элиты ханства была организована традиционным для Джучидских государств XV–XVI вв. образом: четыре правящих клана (при различиях в наборе конкретных кланов), к которым позже добавился еще один – мангыты. Мы вправе предположить, что структура деления астраханской ветви мангытов была аналогичной ветвям в других ханствах (имелись калга, нуреддин, а также простые беки и мирзы). Податное, зависимое население составляли так называемые «черные люди». После присоединения «мурзы и черные татары», оставшиеся в городе, были записаны в службу и должны были платить ясак. Они получили название юртовые или домовные. Оставшиеся в степях под управлением покорившихся князей получили название кочевных. Последние очень скоро исчезают с исторической арены. В домашнем хозяйстве, скорее всего, широко использовался труд рабов (вероятно, по большей части пленников славянского и кавказского происхождения). В источниках упоминается и астраханское духовенство – «муллы и ахуны и сеиты и абызы». В 1554 г. их было около 3000 человек.

Астраханское ханство имело тесные культурные связи со Средней Азией, Ираном, Османской империей, землями Дешт-и Кипчака. Эти связи обуславливались не только торговыми интересами, но и религиозным единством: Хаджи-Тархан лежал на одном из традиционных путей среднеазиатских паломников в Мекку. Сами астраханцы также совершали хаджж, и их связи с Меккой не прерывались даже в первые годы после присоединения города к Московскому государству. Мусульмане начинают заселять уже

¹² В историографии часто встречается утверждение, что потомки астраханских ханов бежали в Среднюю Азию, основав там собственную династию – Джанидов (Аштарханидов). О реальной связи потомков Темир-Кутлуга с династией Аштарханидов см. [17].

русский город Астрахань и поступать на русскую службу. В 1561 г. ногайский бий Исмаил просил у Ивана Грозного некоего холопа по имени Табич, который служил в Астрахани: «а он пост держит и намаз правит, а в вере он в нашей», – писал Исмаил.

Видимо, в период независимости мусульманское духовенство города весьма активно вело миссионерскую деятельность в землях к востоку от Астрахани, распространяя и укрепляя ислам и мусульманскую культуру среди казахов. В начале XVI в. улемы из Хаджи-Тархана искореняли язычество у казахов [18, с. 106]. Ханифитский мазхаб, как и везде в городах Золотой Орды, доминировал, но были и шафииты и маликиты. Знали в Астрахани и классические труды по мусульманскому законоведению (фикху), в частности Хафиз ад-Дина Несефи (ум. 1310 или 1320 г.). Нет сомнения в том, что основная часть мусульман в Нижнем Поволжье исповедовало ислам суннитского толка, однако, возможно, встречались и шииты (в виду близости сефевидского Ирана). В целом для Астраханского ханства, вероятно, была характерна ситуация, свойственная Золотой Орде в более ранний период: сам город был оплотом ислама в государстве, а степь и вообще окрестности города были исламизированы очень слабо. Знакомы были в Хаджи-Тархане и с суфизмом. Возможно, что первоначально в Астрахани был весьма распространен тарикат Ясавийа. Позднее наиболее популярен, вероятно, как и в Казани, был тарикат Накшбандийа, но было известно и братство Кубравийа. Так же, как и в Средней Азии, Крыму и Казани, существовали шейхи (или ишаны) – особо почитаемые и уважаемые лица, религиозные авторитеты, руководители духовных братств.

Создавались в городе литературные и исторические сочинения: уроженцем Астрахани, поэтом и писателем Шерифом Хаджитархани было написано сочинение «Зафер наме-и Вилайет-и Казан», посвященное неудачному походу русских войск на Казань в 1550 г. Безусловно, в Астрахани существовала и собственная историографическая традиция. Информаторы Утемиш-хаджи, астраханцы Баба-Али и Хаджи Нияз, были образованными людьми своего времени. Последний, видимо, купец, «знаменитый своим богатством», рассказывал Утемиш-хаджи об эпохе войн между Берке и Хулагу, причем этот рассказ он сопровождал собственными комментариями относительно местностей, в которых происходили эти события. Хаджи Нияз под именем «Хонезуз» упоминается в письме московского дипломата Кубенского (октябрь 1500 г.). Его брат Ак-молла («Ах-молна») также был крупным торговым деятелем: с другими астраханцами он вел торговые операции в Москве, и, вероятно, какое-то время провел там в заключении. Аблезбакши (московский приказной деятель, ведавший в Посольском приказе переводами с татарского и других восточных языков) как будто бы написал «Хонезузу» письмо, в котором предлагал ему, чтобы хан Абд ал-Керим, выдвинувшись к Дону, стерег московского посла и гостей. Захватив дипломата и купцов, Хонезуз мог бы обменять их на Ак-моллу [13, с. 333–334].

Можно предположить, что в ханстве существовали письменные фиксации событий золотоордынской истории; по всей видимости, наличествовала весьма устойчивая устная традиция, связанная с самой Астраханью, как бы включающая ее в общий ход истории. Скорее всего, бытовали в городе и имели известную популярность классические произведения мусульманской историографии (например, труд Рашид ад-Дина). Однако татарские исторические сочинения, специально посвященные истории Хаджи-Тархана, в существовании которых можно не сомневаться, не сохранились. Книга Джиханшаха б. Абд ал-Джаббара ал-Нижгарути ал-Хаджитархани «История Астрахани», к сожалению, не касается ханского периода в истории города [19; см. также: 23]. При дворе астраханских ханов работали писцы (бакши), ведавшие деловой, дипломатической перепиской, а также, вероятно, перепиской книг. Об одном из таких писцов-бакши хана 'Абд ар-Рахмана, входившем в состав посольства в Москву в 1540 г., упо-

минают русские летописи¹³. Знали в Хаджи-Тархане классические произведения арабской и персидской словесности (например «Шах-наме» Фирдоуси), образцы сочинений по точным наукам, например математике, географии, астрономии. Не исчезли с приходом ислама в город и языческие пережитки.

Ни одной достоверной исламской рукописи из Хаджи-Тархана до присоединения города к Русскому государству нам неизвестно. От времени существования русской Астрахани дошло несколько манускриптов. Их можно условно разделить на две группы: рукописи, изготовленные по собственной инициативе членами мусульманской общины города внутри нее, и списки, выполненные астраханскими мусульманами по заказу христиан-миссионеров. Среди книжной продукции астраханских мусульман встречаются как списки сугубо прикладного религиозного содержания (трактат об отменяющих и отмененных сурах Корана), так и рукописи «светского» характера (поэтические диваны и отдельные поэтические тексты, «Юсуф и Зулейха» ‘Али), среди которых преобладает история («Дастан-и насл-и Чингиз-хан», «Шаджара-и турки», «Тарих-и Надири»). Наблюдается классическая картина: коранические науки представлены исключительно на арабском; на фарси выполнены рукописи большей жанровой широты (этика, поэзия, история); тюрки почти полностью вытеснен в «светскую» сферу поэзии и истории [3, с. 206–210].

С XIV в. Хаджи-Тархан – один из важнейших торговых пунктов на Нижней Волге, через который проходил великий караванный путь, соединявший средиземноморскую торговлю с Востоком. Вероятно, особенно интенсивно развивалась торговля Хаджи-Тархана с городами Северного Азербайджана, а также с Азаком и черноморскими портами. Очень тесными были связи Нижнего Поволжья и Хаджи-Тархана, в частности с Хорезмом. Не случайно в начале второй четверти XIV в. на торговом пути с низовьев великой реки в Среднюю Азию – на Устюрте – одновременно возникает целый комплекс караван-сараев, который прекратил действовать в 70-е гг. XIV в. в связи с разрушительными походами Тимура на Хорезм. Походы Тимура 1391 и 1395 г., безусловно, нанесли большой урон и другому направлению торговли Астрахани – азакскому. Этот путь в конечном счете связывал иранские берега Каспия (через Астрахань и Азак) с Кафрой, а затем с внутренними районами Османской империи. Шелк и пряности являлись основным товаром на этом пути. В конце XV в. значение торговли специями через Астрахань с востока (прежде всего из Индии через Шемаху и Баку) было все еще весьма велико. Хаджи-Тархан на всем протяжении своей истории вплоть до русского завоевания был и крупным центром работорговли. Рабы продавались в Крым, Казань, Среднюю Азию и Иран. После присоединения города к Московскому государству русские рабы еще очень долго продолжали возвращаться на родину.

Экономика Астрахани, видимо, складывалась из двух составляющих – транзитной торговли и экспорта местных продуктов [2]. Основными товарами собственно астраханской экономики были рыба и соль, которыми торговали как с волжскими городами, так и, вероятно, в значительно меньшей степени со странами каспийского бассейна. Соль в окрестностях города добывалась из озер (т.н. «самосадочная» соль), ее выгребали лопатами из воды, сушили на солнце и грузили на транспортные средства. В буграх соль могла сохраняться весьма значительное время, лишь уплотняясь со временем, отчего глыбу приходилось потом колоть топорами и ломами.

Рыба добывалась в Хаджи-Тархане издавна. Русская рыболовная терминология низовьев Волги почти вся тюркского происхождения, что указывает на ее заимствование русскими рыбаками в готовом виде от местного населения (татарская лексика очень частотна, например в описании устройства учуга). Рыбы осетровых пород (сев-

¹³ Употребление этого слова косвенно свидетельствует о том, что астраханская канцелярия еще не была до конца исламизирована.

рюги?) (вероятно, символ зодиакального созвездия Рыб) даже изображены на одном из типов хаджитарханских монет XIV в. Лов осетров осуществлялся три месяца в году – с конца мая по конец августа. Рыба солилась на месте, грузилась на суда и вывозилась вверх по Волге. Ассортимент вывозимой рыбы был, видимо, не столь разнообразен: в русских документах упоминаются, в основном, осетры, белуги и севрюги. Терминология засолки рыбы также почти сплошь тюркского происхождения, что позволяет предположить, что и в ханское время рыбу в Хаджи-Тархане солили приблизительно так же. Рыбу также сушили (она употреблялась иногда вместо хлеба). Рыбные учуги, скорее всего, в первой половине XVI в. принадлежали хаджитарханской аристократии. Часть учугов на рукавах волжской дельты и ериков принадлежала лично хану.

Хлеб в Астрахань приходилось ввозить. Вероятно, город должен был постоянно страдать от нехватки зерна, в таких условиях мор и голод среди местного населения должны были быть явлением отнюдь не редким.

В экономике ханства весьма велика была роль скотоводства. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани писал, что «из Хаджи-Тархана доставляют множество благ, жирных овец, коней, верблюдов и другие ценные товары». Не случайно до сего дня сохранилась татарская поговорка «Аѣтарqанда сѣjѣr бѣg аqѣa, kilä-kilä mѣŋ аqѣa» [24, с. 63] («В Астрахани корова [стоит] одну денежку, [а если] отъедешь [уже] тысячу»¹⁴). Возможно, какую-то роль в хозяйстве ханства играли садоводство, огородничество и охота, однако их доля не могла быть очень велика (существование в Астрахани развитого садоводства в ханский период весьма вероятно). В русских поговорках XVII в. арбузы – то, чем Астрахань славна: «Астрахань арбузами, а мы гологузами».

Можно достаточно уверенно полагать существование в ханстве уделов хана и калги (*калгалык*). Последний давался калге только в пользование. Крестьяне, жившие на землях *калгалыка*, как и ханские, работали на них из 1/10 части. Данных о бейликах, подобных крымским и казанским, в Астрахани нет, хотя, скорее всего, они были также и там. Весьма вероятно наличие поземельных владений духовных лиц и учителей (*ходжалык*). Какая-то часть пахотных земель, вероятно, находилась в общинном владении. Скорее всего, существовал в Астрахани и институт сойургала (условного военноренного землевладения, права взимать в течение известного времени в свою пользу ренту–налог, ранее поступавший в пользу хана).

На всем протяжении своей многовековой истории город оставался крупным культурным и торговым центром Нижней Волги.

1. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950.

2. Зайцев И.В. Астраханское ханство. 2-е изд., исправленное. М., 2006.

3. Зайцев И.В. Арабские, персидские и тюркские рукописи в Хаджи-Тархане / Астрахани. Русская Астрахань как центр переписки рукописей // Мир Ислама – Pax Islamica. № 2(3), 2009.

4. Казакова Н.А. «Татарским землям имена» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XXXIV. Л., 1979.

5. Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI века. М., 1967.

6. Комиссаренко А.И., Моисеев М.В. Астраханское ханство по документам ногайской посольской книги за 1551–1556 гг. // Исторический архив. 2004. № 2.

7. Остапчук В. Хроника Реммала Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002.

¹⁴ Приблизительный аналог русского «за морем телушка полушка, да дорог перевоз».

8. Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960.
9. Полное собрание русских летописей. Т. XIII (Патриаршая или Никоновская летопись). СПб., 1904.
10. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. М., 1984.
11. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М., 2003.
12. Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.-Л., 1954.
13. Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.
14. Сборник Русского исторического общества. Т. 59. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским: Т. II (1533–1560). СПб., 1887.
15. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 1. М., 1975.
16. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1 (Извлечения из сочинений арабских). СПб., 1884.
17. Трепавлов В.В. Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (Заметки к предыстории бухарской династии) // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009.
18. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфохани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). М., 1976.
19. Джиханшах б. Абд ал-Джаббар ал-Нижгарути ал-Хаджитархани. Тарих-и Астархан. Астрахань, 1907 (араб. шрифт).
20. Хайретдинов Д.З. Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX века. Нижний Новгород, 2002.
21. The Travels of Ibn Baṭṭūṭa A.D. 1325–1354. Translated by H.A.R. Gibb. Vol. II. Cambridge, 1962.
22. Bennigsen A. L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 // Cahiers du monde russe et soviétique (CMRS), vol. VIII, № 3. Paris, 1967.
23. Frank, Allen J. Muslim Sacred History and the 1905 Revolution in a Sufi History of Astrakhan // Studies on Honor of Yuri Bregel. Ed. By Devin DeWeese. Bloomington, 2001.
24. Cumucica & Nogaica. G.J. Ramstedt's Kumyk materials edited and translated by E. Gürsoy-Naskali & G.J. Ramstedts nogajische Materialien bearbeitet und übersetzt von H. Halén. Helsinki, 1991.
25. Tarih-i Sahib Giray Han. Ankara, 1973.
26. Zaytsev İ. Astarhan Hanlığı'nın Sınırları // Tarih İncelemeleri Dergisi. Cilt/Volume XXIV, Sayı/Number 2. Aralık/ December 2009, İzmir.
27. Zaytsev I. Astrakhan // The Encyclopaedia of Islam Three. Ed. by Gudrun Krämer, Denis Matringe, John Nawas and Everett Rowson. L.-Boston, 2010.
28. Zaytsev İ. Orta Çağ Kaynaklarında Astarhan Şehrinin Adlandırılması Sorununa Dair // Tarih İncelemeleri Dergisi. Cilt/Volume XXVI, Sayı/Number 2. Aralık/ December 2011, İzmir.

§ 4. Улуг Улус (Крымское ханство)

Владислав Гулевич

Крымское государство возникло в первой половине XV в. Его история XVI–XVIII вв. довольно хорошо изучена, но происхождение ханства до сих пор теряется в общей истории Золотой Орды, в составе которой Крымский полуостров пребывал на протяжении двух сотен лет.

Границы Крымского тумена, несмотря на ряд специальных работ [21, с. 436–447; 70; 17; 11, с. 117–168], до сих пор не определены. Из косвенных источников эти границы можно очертить следующим образом. Крымский полуостров делился на три провинции: «Крым», с центром в г. Солхат; «Азак», с одноименным центром, к которому относился еще г. Керчь; и «Ас», с центром в г. Кырк-йер [10, с. 286–287]. То есть

Крымский тумен охватил северную степную часть полуострова и узким клином прошел по центральной части к черноморскому побережью с гг. Каффа и Сугдея. Есть основания считать, что его северные пределы не распространялись далее р. Конка (Конские Воды), поскольку еще в конце XV в. Большая Орда кочевала по Левобережью Днепра «*межи Дону и Крыма*» в бассейне рр. Орель, Самара и Овечьи Воды [50, № 19, с. 64, № 24, с. 88, № 29, с. 113, № 34, с. 140, № 64, с. 301]. Восточные пределы в районе волжского г. Укек [19, с. 131, прим. 4; 44, с. 178] вызывают сомнения. Механизм не связанных общей границей владений мог быть задействован лишь во времена твердой центральной власти. Такая система предвидит контакты между двумя владениями одного тумена, в частности финансовые. Но на территории г. Укек среди находок джучидской чеканки обнаружено всего лишь 0,2% крымских монет [35, с. 16–26]. Таким образом, восточная граница, скорее всего, проходила где-то между современными городами Мариуполь и Азов. Многочисленные литовские и польские источники [39, с. 120, 125; 73, № 3428, с. 329–330; 92, с. 60; 46, № 93, с. 171–172; 2, № 199, с. 362; 3, № 14, с. 84] указывают, что в XV в. огромные просторы Днестровско-Днепровского междуречья были частью Киевского воеводства, то есть западная граница Крымского тумена проходила по Левобережью Днепра.

Становление Крымского ханства произошло не на пустом месте. Завоевав в XIII в. Крым и Северное Причерноморье, татаро-монголы обнаружили природные, социальные, политические, экономические и прочие возможности в регионе, которые позволяли не изменять привычный уклад жизни. Сравнительно мягкий климат, достаточные просторы для кочевий, относительная изолированность от Степи способствовали традиционному кочевому хозяйству и облегчали защиту от врагов. Поскольку кочевое хозяйство не могло наладить производство ремесленной продукции в достаточных количествах даже для собственного потребления, торговля с оседлым населением была для него жизненно необходима [63, с. 228]. Земледелие и порты полуострова позволили завоевателям получать не только дополнительный продукт, но и иметь немалую выгоду от транзитной торговли на крымском участке Шелкового пути. Довольно рано в Крыму начал работу собственный монетный двор [9, с. 61, 63, 64], что указывает на развитость торговых отношений и потребность в монете для их обеспечения.

Недалеко от Крыма располагался еще один регион с похожими условиями – будущий Буджак. Объединение территории Нижнего Дуная, Прута и Днестра с Крымом позволяло контролировать торговые пути на Балканы и Византию. Поэтому талантливый и предприимчивый джучид Ногай (†1300), правитель первого сепаратистского по отношению к Сараю татарского квази-государства с центром на Нижнем Дунае, старался не выпустить Крымский полуостров из своих рук. Он воспользовался его ресурсами для защиты собственных владений, а не завоевания власти в Орде [57, с. 132, 163, 178, 180].

К концу XIV века Золотая Орда была сильно ослаблена внутренней смутой. Авторитет ханской власти упал. Частые смены татарских правителей давали надежду представителям боковых ветвей чингизидов на ханство. Поэтому в 1386 г. некий оглан Бек-Булат совершил попытку провозгласить себя в Крыму ханом. В результате найденного компромисса с Токтамышем он получил собственный улус в среднем течении Дона [42, с. 96] и право выпускать свою монету [30, с. 491]. Предав хана в 1391 г. в Битве на р. Кондурча Бек-Булат захватил Сарай. Но в следующем году Токтамыш овладел Крымом и казнил предателя [32, с. 145–149].

Идея собственного легитимного правителя в Крыму была привлекательной прежде всего для татарской верхушки, перед которой открылась возможность закрепиться на полуострове и воспользоваться всеми его преимуществами. К этому периоду следует отнести укоренение там племени Ширин во главе с Рук-Тимуром, отцом будущего бая Тегене, который сыграет одну из главных ролей в создании Крымского ханства, и Ба-

рын, второго по значению в Крыму рода. В 1392 г. крымским правителем стал еще один ханский родственник – оглан Таш-Тимур, дед будущего основателя Крымского ханства Хаджи Гирея. Он также чеканил свою монету [47, с. 312–315; 25, с. 142; 20, с. 463–464], но правил от имени Токтамыша [31, с. 119, 125].

Таш-Тимур был Чингизидом и происходил из рода Тука-Тимура. Спасаясь от Тамерлана, в 1395 г. Таш-Тимур был вынужден покинуть Крым и перейти на Правобережье Днепра [72, с. 200; 53, с. 121, 179]. Дальнейшая судьба Таш-Тимура точно не известна, но его дети и внуки нашли защиту и приют в Великом княжестве Литовском.

Пережив разгром и будучи вытесненным из центральных владений Золотой Орды, Токтамыш на протяжении пары лет пытался закрепиться хотя бы в Крыму и опереться на его ресурсы в борьбе за власть с марионеточными ханами «нового Мамаю» в лице эмира Идегея. Потерпев очередное поражение в 1397 г., он вынужден был бежать в Киев под защиту великого князя литовского Витовта. В 1399 г. им довелось пережить поражение от Идегея и хана Тимур-Кутлука в Битве на Ворскле, после чего Крым почти на столетия стал частью владений разных ордынских ханов.

Таким образом, отдаленный от центральных владений Золотой Орды в XV в., Крым уже с конца XIV в. имел своих легитимных правителей, признанных ханской властью, и даже становился ресурсной базой для борьбы с нею.

Первое пятилетие XV в. под управлением эмира Идегея и его хана Шадибека принесло Крыму стабильность. Впервые за долгое время заработали все четырнадцать монетных дворов [8, с. 193–194]. Но вскоре Золотая Орда снова погрузилась в смуту. Ее раздирала борьба за власть между сыновьями Токтамыша и ставленниками Идегея. С калейдоскопической скоростью менялись ордынские правители Джелал ад-Дин, Керим-Берди, Кепек, Джаббар-Берди, Дервиш, Кадыр-Берди, каждый из которых правил короткой промежуток времени.

В 1419 г. Идегей осознал, что контролировать стратегически важный, но далекий от центральных ордынских владений Крым напрямую невозможно. Поэтому эмир был вынужден дать согласие на правление в Крыму сына Таш-Тимура, хана Бек-Суфи, которого в документах генуэзских колоний по месту расположения его ставки называли «императором Солхата» [86, р. 25, fol. 76v^o, р. 27, fol. 80v^o; 94, с. 442]. Новый правитель выпускал монету с титулом «*султан сын султана Бек-Суфи хан*» [65, с. 387], как бы подчеркивая свое наследственное право на Крым. При этом он признал власть ордынского хана и чеканил его имя на своих деньгах.

Бек-Суфи умер в начале осени 1421 г. Новым крымским правителем, при поддержке части местной татарской знати [94, с. 442], стал его брат, хан Девлет-Берди, кандидатуру которого одобрил ордынский хан Мухаммед. Компромисс между двумя правителями основывался на следующем: Девлет-Берди признает власть хана Золотой Орды; в Солхате правят два наместника, один из которых назначается крымским ханом, второй – ордынским, функции которого сводились к слежению за поступлением дани в казну «*великого хана*»; Девлет-Берди представляет Золотую Орду во внешних отношениях на полуострове, что отобразилось в многочисленных посольствах между Солхатом и Каффою. Признание за Девлет-Берди права на правление в Крыму вело к усилению тенденции наследования власти представителями одного рода, укреплению их связи с местной татарской верхушкой и фактическому превращению Крымского тумена в наследственный улус.

По неизвестным причинам Улуг-Мухаммед в конце 1432 г. сместил Девлет-Берди с правления. Но в январе 1424 г. с его согласия произошло повторное его возведение на правление. Это был вынужденный шаг со стороны Улуг-Мухаммеда, который нуждался в надежном тыле на западе своих владений в то время, когда с востока его теснил хан Мухаммед Барак. Но в конце зимы 1424 г. Девлет-Берди решил бороться за власть в Орде. Во

время этой борьбы Крым неоднократно переходил из рук Улуг-Мухаммеда в руки Девлет-Берди и наоборот до 1428 г., когда имя последнего перестали упоминать в источниках.

Перемены, возникшие после смерти великого князя литовского Витовта осенью 1430 г., сильно повлияли на ситуацию в Золотой Орде. Правителем Литвы стал князь Свидрыгайло, родной брат польского короля. В вспыхнувшую между ними в 1431 г. войну были втянуты и татары Улуг-Мухаммеда, который поддержал Свидрыгайла. Осенью 1432 г. в Литве произошел переворот, в результате чего новым правителем стал родной брат Витовта, великий князь литовский Сигизмунд [40]. Летом 1433 г. Улуг-Мухаммед не пришел на помощь Свидрыгайлу в войне против Сигизмунда. Разозленный князь оказал помощь находившемуся при его дворе сыну Бек-Суфи, хану Сайид-Ахмету II, который привлек на свою сторону часть ордынской знати, чтобы расколоть Орду Улуг-Мухаммеда и захватить его владения на Правобережье Днестра. Противостояние между ними продолжалось до осени 1436 г., когда Сайид-Ахмет II нанес поражение своему врагу и вынудил его откочевать на север к г. Белев, а позже в г. Казань.

В войне между Свидрыгайлом, с одной стороны, и Сигизмундом, которого поддерживали поляки, Сайид-Ахмет II стал на сторону первого, и в 1438 г. он нанес им тяжелое поражение [79, s. 549–550]. Позже хан наладил связи с Сигизмундом и впоследствии поддерживал его сына в борьбе против Казимира IV [84, s. 145–165]. В начале 40-х гг. XV в. он был признанным ханом наравне с правившим в центральных областях Золотой Орды Кучук Мухаммедом [16, с. 108, 111, 113, 116]. Власть Сайид-Ахмета II распространялась на земли от Левобережья Днестра до Правобережья Дона, включая и Крым, который стал частью его орды. Таким образом, менее чем за столетия в Крыму правил уже четвертый представитель одного рода.

Среди эмиров Сайид-Ахмета II существовала давняя вражда между Айдаром, главой племени Кунграт, и Тегене, главой Ширинов. Зимой 1441–1442 г. Тегене Ширин и представитель Барынов договорились с литовской правящей верхушкой о помощи Хаджи Гирею, который должен был стать правителем в Крыму. Во второй половине весны 1442 г. Хаджи Гирей стал пятым правителем Крыма, представлявшим один род, и основателем Крымского ханства. Хаджи Гирей родился в Литве [33, с. 64], по-видимому, в конце XIV или в начале XV вв. В зрелые годы он был заместителем г. Лида [43, с. 160], где «*хлеб и соль ел*», пока не стал ханом в Крыму [1, № 102, с. 119]. Кроме него в Литве проживала и семья Сайид-Ахмета II, так что литовской правящей верхушке было из кого выбирать на роль хана в Крыму. Первая неудачная попытка, так называемая «*Солхатская война*», была предпринята еще летом 1441 г. [86, с. 35, fol. 45v^o]. Литовская помощь претенденту на власть в Крыму нашла поддержку у нового польского короля Владислава III. Первые крымские монеты Хаджи Гирея датированы 845 г.х. (22 мая 1441 – 12 мая 1442 г.) [91, с. 244–246].

Инспирированный Литвой переворот привел к власти хана, который рассматривал Крымский улус не просто как свое наследственное владение, но как суверенную державу. Генуэзцы называли его «*императором*», в то время как Сайид-Ахмет II, несмотря на поражение от Хаджи Гирея в июле 1442 г., в их глазах все еще оставался «*великим ханом*» [86, с. 36, fol. 103; 93, с. 122, прим. 457]. Внешняя политика Хаджи Гирея базировалась на обороне от посягательств на его власть со стороны Сайид-Ахмета II и Большой Орды, возникшей в конце 30-х гг. и ставшей фактической правопреемницей Улуса Джучи, и тесном союзе с польско-литовским правителем. Во внутренней политике хан исходил из необходимости как минимум ослабить, а как максимум поставить под свой полный контроль центр генуэзских колоний в Крыму в г. Каффа. Для этого он прежде всего развивал альтернативные торговые пути от Северного Кавказа, главного поставщика рабов на рынки Османской империи и Египта, в обход Каффы через Кырк-йер в порт Каламиту [88, р. 135–149], который принадлежал княжеству Феодоро. Через

г. Львов также шла активная торговля предметами татарского ремесла, в основном военного назначения: саблями, луками, стрелами и сагайдаками [74, № *745, s. 94].

Вероятно, в конце 1447 либо в начале 1448 г. при неизвестных обстоятельствах Хаджи Гирей потерял власть и вернул ее лишь в 1449 г. В 1452 г. ему удалось нанести поражение Сайид-Ахмету II. После очередного разгрома в 1455 г. орда Сайид-Ахмета II прекратила существование, а сам он сдался литовцам и умер в плену. Поражение врага не стало поводом к расширению крымских владений. Поддерживая тесные дружественные контакты как с польским королем, так и с литовской правящей верхушкой, Хаджи Гирей сам отдал киевскому князю Семену Олельковичу каких-то данников [71]. Одновременно хан не ослаблял давление на Каффу, занимаясь откровенным вымогательством, принуждая город помимо уплаты дани еще и одаривать своих родственников [77, № 22, p. 88]. Нормализация отношений между ними произошла только в 1456 г. при посредничестве ханского союзника – князя Олобея, правителя Феодоро.

Отношения с Большой Ордой не были исключительно враждебными. Среди находок на селении Каменный Бугор монеты Хаджи Гирея за 1454–1467 гг. составляют 11,3%, а монет правящих там Улуг-Мухаммеда и Кучук-Мухаммеда – соответственно 18,7% и 15,0%, что указывает на интенсивную торговлю [26, с. 29, 37, 70]. В 1456 г. хан Махмуд сумел на короткое время занять Крым и лишить Хаджи Гирея власти [54, № 161, с. 252], но тот не остался в долгу и летом 1465 г. разгромил своего врага у Дона [41, с. 151; 80, с. 398]. Это поражение на долгие десять лет отбило охоту у Большой Орды вмешиваться в дела Крыма. Даже после смерти Хаджи Гирея в августе 1466 г., когда разгорелась борьба за власть между его сыновьями, ордынцы не нашли сил для вторжения.

Смерть Хаджи Гирея была неожиданной. Поскольку хан не назвал наследника, между его сыновьями вспыхнула борьба за власть, в которой сразу три претендента объявили себя правителями. В результате, получив поддержку Мамака Ширина, ханом стал старший из сыновей хана, Нур-Девлет.

Новый хан продолжал политику своего отца, направленную на тесный союз с Казимиром IV, но внутренние противоречия среди крымской знати с его воцарением не были преодолены. Весной 1468 г. часть недовольных беев провозгласила правителем ханского брата Кельдыша. Но победителем в борьбе за власть стал Менгли Гирей, которого на правление выдвинул Мамак Ширин и на чью сторону открыто стала Каффа, поддержав оружием и финансами. В ответ Менгли Гирей подтвердил городу все привилегии и снизил дань, что заложило основы прочного союза между ними. Под охрану геноузцев были отданы ханские братья, а некоторые из непокорной татарской знати попали в их тюрьму.

Менгли Гирей взял курс на союз с Казимиром IV, Феодоро и Каффой. Польский король, занятый борьбой за чешскую и венгерскую корону и считавший Крымское ханство слабым и дезорганизованным, напротив, делал ставку на союз с Большой Ордой, которую он планировал использовать для сдерживания Москвы. Альтернативой союзу с Казимиром IV стал московский правитель Иван III, который в 1472 г. наладил дипломатические отношения с Менгли Гиреем [50, № 1, с. 6–9]. Но главной силой в Черном море с 1453 г. стала Османская империя, которая и станет решающим фактором в судьбе ханства.

Внутренние противоречия между ханом и Эминекком Ширином, сыном Мамака, привели к острой конфронтации с татарской верхушкой. Весной 1475 г. Менгли Гирей вынужден был искать убежище в Каффе. После неудачной попытки захватить город Эминек попросил помощи у турецкого султана Мехмеда II, и в начале июня 1475 г. Каффа сдалась туркам. За нескольких месяцев турки захватили все поселения на Южном побережье Крыма. Менгли Гирей попал в плен к османам, но присягнул на верность султану и был оставлен на правлении в Крымском ханстве.

Хан стал вассалом султана, но эта зависимость была весьма условна. В период 1475–1479 гг. в Крыму несколько раз менялись ханы, на которых турки не имели влияния. Так, в 1476–1477 гг. правил хан Джанибек, предположительно сын Сайид-Ахмета II, приведенный к власти беями Хаджике Ширином и Абдуллою Барыном. В 1477–1479 гг. одновременно в разных частях Крыма правили Нур-Девлет и его брат Айдар [13, с. 172–191]. Оба они искали поддержки у Казимира IV, но старанием Эминика Ширина с помощью турок в конце 1478 либо в начале 1479 гг. ханом вновь стал Менгли Гирей.

С повторным воцарением Менгли Гирея началась новая эпоха в истории Крымского ханства. Уже в апреле 1480 г. был возобновлен крымско-московский союз, направленный против Казимира IV и Большой Орды [50, № 4, с. 16]. В январе 1481 г. был убит хан Большой Орды Ахмет. После того, как Казимир IV не оправдал ожидания, связанные с планом освобождения Крыма от турок [12, с. 54–66], в сентябре 1482 г. Менгли Гирей сжег Киев. Отныне, опираясь на Османскую империю, крымские правители в отношениях с Москвой, Краковом и Вильно будут руководствоваться собственными интересами.

Но главная угроза для династии Гиреев не была ликвидирована. В 1485 г. войско Большой Орды вторглось внутрь Крымского полуострова и разбило Менгли Гирея. С помощью турок и ногайцев нападение было отбито [41, с. 216; 56, с. 123]. Оценив возросшую силу Крымского ханства, хан Большой Орды Муртаза в 1487 г. попробовал переманить на свою сторону Нур-Девлета, который осел в Московском государстве и получил в управление Касимовское княжество [50, № 19, с. 68–69; 45, с. 121]. В очередной раз ордынцы ворвались в Крым осенью 1490 г. [50, № 28, с. 108]. Лишь в 1502 г., после того как Менгли Гирей нанес поражение хану Шиг-Ахмату, Большая Орда была ликвидирована [6, с. 127–136], а с ней снизилась и опасность для Крыма.

На поверку Польское королевство и Великое княжество Литовское оказались слабыми и не готовыми к систематическим набегам крымских татар на свои владения, которые со второй половины 80-х гг. XV в. приобрели характер регулярных [14, с. 83–102]. От них не спасало даже согласие литовского правительства выплачивать дань с русских земель [15]. Организация обороны от набегов не давала желаемого результата [82; 83; 87; 78]. В своих походах татары проникали далеко в глубь не только украинских, но даже этнических белорусских и польских земель.

Между тем, после разгрома Большой Орды с потерей общего врага начал ослабевать и крымско-московский союз. Возросшая мощь и женитьба Менгли Гирея на казанской ханше Нур-Султан [4], сыновья которой Мухаммед-Эмин и Абдул-Латиф неоднократно вступали в противостояние с Москвой [66, с. 55–68], пробудили в Крыму интерес к Казанскому ханству. Этим воспользовался польский король Сигизмунд I Старый и в 1507 г. сумел склонить хана к союзу против Москвы [89, № 85–90, с. 303–315], который еще раз был подтвержден в 1513–1514 гг. [89, № 143, 145–146, с. 416–448, 420–423]. Но он не оградил ни Польшу, ни Литву от крымских нападений, от которых теперь страдала и Москва (в 1512, 1513, 1515 гг.). И Польско-литовское, и Московское государства вынуждены были в основном придерживаться пассивной обороны. Но если в московских владениях с построением «Большой засечной черты» защита была поставлена на государственную основу, то польско-литовские правители возложили всю ее тяжесть на плечи магнатов и пограничного служилого населения, из которого скоро поднялся мощный пласт украинского казачества [28, с. 26–33].

В последние годы жизни Менгли Гирей фактически отошел от активной деятельности. Ханством правил его старший сын Мехмед Гирей, который вззошел на престол в апреле 1515 г. Ему досталась государство, которое сильно раздвинуло свои первоначальные границы на Правобережье Днепра и до Азова.

Мехмед I Гирей ставил перед собой амбициозную задачу возрождения Золотой Орды, но уже с центром в Крыму. Этому способствовали два успешных похода против ногайцев в 1509 и 1510 гг., разгром которых довершило Казахское ханство в 1519 г. Весной 1521 г. Мехмед I Гирею удалось посадить в Казани своего младшего брата Сахиб Гирея, и уже летом того же года братья совместно напали на московские владения. Успех побудил хана к еще более дерзкому походу на Астрахань, которая сдалась без боя весной 1423 г. Но амбициозным планам не суждено было свершиться, поскольку ногайцы, выманив хана и его сына Бахадыр Гирея из города, убили их, после чего ворвались в Крым и опустошили его [55, с. 23–47; 66, с. 77–88; 68, с. 118–150; 90].

Осенью 1523 г. крымские беи избрали правителем старшего ханского сына Гази Гирея, но весной следующего года его сменил дядя Саадет I Гирей, поставленный с помощью султана. Он ориентировался на Османскую империю, замирился с Астраханью и предложил мир Москве. Ситуация была сложной. Крым разрывали распри между ханом и беями, которые не прекращались со времен Мехмед I Гирея, а также борьба за власть с его сыном Ислам Гиреем. Война между ними продолжалась с переменным успехом до 1526 г. и не оставляла сил для внешнеполитической деятельности. Два больших похода весной и осенью 1527 г. на Литву и Москву потерпели поражение [69] и обострили противоречия между дядей и племянником. Борьба за власть вспыхнула вновь в 1528 г. и принудила Саадет Гирея обратиться за помощью к королю Сигизмунду I Старому.

Несмотря на очередное примирение между дядей и племянником, в 1531 г. Саадет Гирей вынужден был подавлять заговор Ширинов и снова воевать с Ислам Гиреем, который тоже просил помощи у польского короля. Весенний поход хана в 1532 г. на сторонников своего врага в район г. Черкассы оказался неудачным [23, с. 76–96]. В мае того же года хан добровольно отказался от трона и выехал в Стамбул [67, с. 107].

Новым ханом провозгласили Ислам Гирея. Но через несколько месяцев с помощью султана власть перешла в руки казанского хана Сахиб Гирея. Крым все так же раздирали интриги беев. Для противовеса всесильным Ширинам и Барынам хан возвышал Мансуров и Седжеутов. Но в ханстве фактически существовало двоевластие. Начиная с 1534 г. Сахиб Гирей несколько раз воевал с Ислам Гиреем. Борьба между ними закончилась в августе 1537 г., после того, как Ислам Гирея убили ногайцы. Фактически во внутреннюю войну Крыма были втянуты все соседние государства. Но если Ислам Гирей ставил на союз с Москвой, то Сахиб Гирей – с Польско-литовским государством и Османской империей.

Несмотря на то, что в Казани с 1435 г. правил ханский родственник Сафа Гирей, великодержавные планы крымских правителей были фактически похоронены. Сахиб Гирей отдавал предпочтение не захвату территорий, а активным грабительским походам. Так, в 1538 г. он участвовал в турецком походе на Молдавию; в 1538 г. – на Северный Кавказ; в 1538–1539 гг. – на Литву, с которой заключил мир в начале 1540 г.; в 1541 – на Москву; в 1542 и 1544 гг. снова на Северный Кавказ; в 1545 г. захватил Астрахань; а в 1548 гг. разгромил ногайцев, которые мстили за астраханский поход и напали на Крым. Лишь в 1551 г. он отказал султану в участии крымского войска в войне против Ирана, что и стало поводом для его смещения [81, с. 450–451]. Пока Сахиб Гирей пребывал за пределами Крыма, на полуострове с турецким войском высадился Девлет Гирей. На его сторону перешла крымская знать, которая вырезала всю семью Сахиб Гирея, а его самого убили в крепости Тамань, к чему новый хан Девлет I Гирей формально оказался не причастным.

Девлет I Гирей правил до 1577 г. Во времена его правления Крымское ханство достигло апогея своего могущества. Это был талантливый и деятельный хан, который смог обуздать крымскую знать и направить ее энергию на войну вне Крыма. Расширение московских владений на восток и юго-восток (завоевание Казани и Астрахани в 1552 и

1556 гг.) беспокоило хана и заставило его проводить твердую антимосковскую политику. Походы крымского войска против Москвы проходили почти ежегодно. Сам хан лично возглавлял семь из них в 1552, 1555, 1562, 1564, 1565, 1571 и 1572 гг. Помимо хана во главе войска в 1558, 1563, 1568, 1570, 1573 гг. становились и крымские царевици. Не осталось в долгу и московское правительство, которое организовало ответные походы летом 1555 и 1559 гг. Особо примечателен был последний, поскольку впервые московское войско совместно с украинскими казаками совершило рейд в глубокий тыл крымских владений и даже высаживалось на крымском побережье Черного моря [27].

Москва пыталась организовать антикрымский союз и дважды в 1556 и 1558 гг. предлагала польскому королю Сигизмунду II Августу присоединиться к нему. Но в Кракове не доверяли Ивану IV и прекрасно понимали, что в случае заключения такого союза за Крым обязательно вступится Османская империя [51, № 35, с. 548, № 37, с. 576–578; 62]. Активность и успехи Москвы в Нижнем Поволжье действительно встревожили Стамбул, поскольку это могло повлиять на расстановку сил в противостоянии с Ираном, угрожало турецкому Азову и крымскому влиянию на Северном Кавказе, а также перекрывало сообщение со Средней Азией. Летом 1569 г. султан Селим II организовал грандиозный по своему замыслу поход на Астрахань, во время которого планировалось прокопать канал между Доном и Волгой. К туркам присоединился и Девлет I Гирей, который понимал всю сложность похода и отказался руководить им. Поход окончился полным провалом, а турецко-татарское войско понесло большие потери [76].

Хан отыгрался за поражение через два года, когда весной 1571 г. захватил и сжег Москву. После этого Девлет I Гирей выдвинул Ивану IV требование восстановить Казанское и Астраханское ханства. Но царь был согласен лишь на Астраханское, что не удовлетворило крымского правителя. Все достижения Девлет I Гирея были перечеркнуты тяжелейшим поражением в битве при Молодах в августе 1572 г., где огромное татарско-турецкое войско было почти целиком уничтожено. Это был последний крупный поход крымского войска в московские пределы [37, с. 175–262]. Разгром был таким тяжелым, что прошло почти двадцать лет, прежде чем крымское войско вновь предприняло попытку сделать набег вглубь московских владений. Но сам Девлет I Гирей больше не возглавлял их. Он умер в июне 1577 г., а его место занял сын Мехмед Гирей по прозвищу «Жирный».

Начало правления Мехмед II Гирея было отмечено двумя походами на Иран в 1578 и 1579 гг. Первый под предводительством ханского брата, калги Адиль Гирея, начался вполне удачно, но закончился тяжелым поражением. Второй возглавлял сам хан, который захватил в Ширване большую добычу. Но Мехмед II Гирей, как и многие крымские ханы до него, также столкнулся с внутренними проблемами. Не сумев добиться должности калги, младший брат хана Алп Гирей жаловался султану и получал поддержку не только от него, но и от могущественных Ширинов. 1580 и 1581 гг. отмечены еще двумя походами на Иран. Но если первый был в целом удачным, то во время второго татары были разбиты, что привело к отказу хана и его беев участвовать в третьем походе в 1582 г. Это вызвало неудовольствие султана, который попытался в 1583 г. сместить Мехмед II Гирея, на что тот в следующем году ответил блокадой Каффы. Беи оставались верными хану, но его судьбу решил крымский муфтий, который не поддержал Мехмед II Гирея. В мае 1584 г. в Крыму с турецких кораблей высадились янычары, а с ними – Ислам Гирей, сын Девлет I Гирея [85, с. 458–459]. Увидев такого претендента, поддерживаемого султанскими пушками, татарская знать перешла на его сторону. Мехмед II Гирей попытался бежать, но был настигнут и задушен.

Начало правления Ислам II Гирея уже традиционно было отмечено борьбой за власть. Получив поддержку ногайцев, старший сын покойного хана Саадат Гирей захватил Бахчисарай и был провозглашен ханом. Ислам II Гирей бежал под защиту турок в

Каффу и запросил помощи у султана. Калга Алп Гирей разгромил ногайцев и выгнал их за пределы Крыма. Ислам II Гирей умер в марте 1588 г., ничем особо не проявив себя.

Начиная с 30-х гг. XV в. неуклонно стала ощущаться военно-техническая слабость Крымского ханства. К 70-м гг. крымское войско больше не могло открыто противостоять вооруженным огнестрельным оружием войскам. Границы Московского царства все ближе приближались к Крыму, и, несмотря на постоянные нападения украинских казаков [29], это стало главной опасностью для Бахчисарая. В Москве вынашивали план завоевания Крыма и рассчитывали на ханского брата Мурад Гирея. Внутренние распри между многочисленным ханским потомством и различными группировками беев только усугубляли ситуацию. Османские правители все более жесткой рукой вмешивались во внутренние дела Крыма. Так, после смерти Ислам II Гирея, не считаясь с крымской ситуацией, султан назначил ханом его младшего брата Гази Гирея, хотя два старших брата Алп Гирей и Мубарек Гирей тоже рассчитывали занять трон [85, р. 471].

Гази II Гирей по прозвищу «Буря» оказался сильным правителем, сумевшим на время сдерживать внутренние беспорядки в ханстве. Он объявил амнистию и пригласил изгнанных братьев вернуться в Крым, чем воспользовался Сафа Гирей. Более опасный Мурад Гирей, пытавшийся выкроить себе владение на Нижней Волге и на Восточном Кавказе, умер в 1591 г. [18, с. 191–192]. Затянувшаяся в Ногайской Орде внутренняя война дала Крыму передышку. Озабоченный продвижением Москвы на Кавказ, Гази II Гирей предпринял в 1591 г. против нее крупный поход, который закончился неудачей. В 1592 г. хан разорил окраины Московского царства. К этому времени в Бахчисарае фактически отказались от идеи восстановления Казанского и Астраханского ханств, и татарские походы на Москву, в Венгрию, Валахию и Молдавию больше служили интересам Османской империи, чем Крымского ханства. В 1594 г. хан заключил мир с Москвой, который, благодаря щедрым выплатам, продержался довольно долго.

Конец XVI – начало XVII вв. отмечены активным участием Крыма в турецких военных кампаниях. В 1594 и 1595 гг. татары ходили на помощь туркам на Балканы. Еще один поход на Венгрию был в 1598 г. Третий состоялся в 1602 г. Не прекращались походы и на украинские земли. Согласно летописям, крупные нападения отмечены в 1550, 1558, 1564, 1567, 1575, 1576, 1577, 1578, 1588, 1589, 1590, 1594, 1595, 1605, 1606 гг. [7], а мелкие вообще не поддаются подсчету.

В 1596 г. Гази II Гирей на короткое время потерял власть в результате переворота из-за интриг визиря. Но после визита в Стамбул он снова занял трон, а его брат Фетих I Гирей, правивший всего несколько месяцев, бежал. В следующем году он попытался силой прийти к власти, но потерпел неудачу и запросил у брата прощения. Но хан казнил Фетих I Гирея вместе с сыновьями и сторонниками. Очередной заговор с участием Ширинов хан подавил в 1601 г. Умер Гази II Гирей от чумы в декабре 1607 г. во время своего похода на Кавказ. Правление перешло к его сыну Токтамыш Гирею, который не нашел поддержки у султана и через нескольких месяцев был убит Мехмедом III Гиреем, сыном Саадет II Гирея. Так, погрузившись в очередную смуту, Крымское ханство вступило в XVII век.

Первая половина XVII в. в истории Крымского ханства насыщена событиями, в которых ханы пытались реформировать державу и добиться независимости от османов. Им приходилось считаться с ногайцами, которые были то врагами, то их главной опорой. Ханская власть оставалась слабой, отличалась нестабильностью и частыми сменами правителей. В частности, назначенный султаном новый хан Селямет I Гирей правил чуть более двух лет (1608–1610) и ничем особо не отличился. Трон наследовал приемный сын хана Джанибек Гирей.

Джанибек Гирей ориентировался на Османскую империю. Его правление отмечено крупными войнами крымцев на ее стороне. Катастрофический поход против кызыл-

башей в 1617–1619 гг., в котором из десяти тысяч войска вернулось лишь две, был компенсирован богатой добычей от разгрома поляков под Цецорой в 1620 г. Но в Хотинской войне с Речью Посполитой 1621 г. фаворитом султана стал ногайский вождь Кантемир, основатель Буджакской Орды [36, с. 99–100; 49], фактически независимый от Крыма и подчиненный напрямую Стамбулу. В 1523 г. хан был смещен с правления. Вместо него трон занял властный Мехмед Гирей, сын Саадат II Гирея.

Мехмед III Гирей вместе со своим деятельным братом Шагин Гиреем задумал большие преобразования. Он не только уменьшил влияние беев, введя принцип единовластия, но и пресекал вмешательства османов во внутренние дела Крыма. Для этого хан заключил союз с запорожцами, установил контакты с Ираном и даже разбил османов под Каффой. Неоднократный отказ участвовать в походе на Иран еще более разгневал султана. Турки предприняли попытку его свержения, вернув в Крым Джанибек Гирея. На помощь хану в 1628 г. пришли запорожцы во главе с гетманом Михаилом Дорошенко. Но в бою гетман погиб, и Мехмед III Гирей вынужден был бежать [75; 61]. В 1629 г. при попытке отвоевать Крым он был убит. На трон вернулся Джанибек Гирей, который правил до 1635 г., когда по приказу султана был смещен в очередной раз.

Частая смена правителей не давала ханам возможности укрепить свою власть и делала их все более зависимыми от капризов Стамбула. Новый хан Инает Гирей, сын Гази II Гирея, который правил в 1635–1637 гг., так же отказался от участия в походе на Иран, заключил в 1637 г. союз с запорожцами и попытался выступить против османов, но был низложен и убит. Таким же коротким было правление Бахадир I Гирея, который сумел спровадить ногайцев за пределы Крыма, но вскоре умер в 1641 г. Первое правление следующего хана Мехмед IV Гирея по прозвищу «Суфий» продолжалось с 1641 по 1644 гг. Побуждаемые голодом из-за засухи и неурожаяев, крымские беи требовали от хана походов на Москву, но тот отказывался, поскольку в Стамбуле пока не хотели портить с ней отношения. В начале 1644 г. нападение было совершено на Польшу, но оно потерпело сокрушительное поражение. В том же году Мехмед IV Гирей был отстранен султаном от власти. Его место занял Ислам Гирей.

С воцарением Ислам III Гирея энергия крымских беев нашла внешний выход. Уже в 1644 и 1645 гг. состоялись набеги на владения Московского царства. Польский король Владислав IV хотел войны с османами и строил планы хотя бы оборонительного антикрымского союза с Москвой, который был заключен в 1647 г. [36, с. 326–357]. Но его разрушило восстание Б. Хмельницкого и война с Польшей, в которой крымские татары активно участвовали. В начале 1654 г. украинские земли перешли в подданство московскому царю, что изменило всю геополитическую ситуацию в Восточной Европе и вызвало в Крыму шок. Московские силы, которые прежде угрожали ханству только в Приазовье и на Кавказе, пододвинулись к Крыму практически вплотную. Ислам III Гирей умер в июне 1654 г., и на трон вновь второй раз взошел Мехмед IV Гирей.

Второе правление Мехмед IV Гирея продолжалось двенадцать лет и было отмечено конфронтацией с Москвой из-за нападений на Крым донских казаков [22, с. 291–311]. Хан заключил союз с Речью Посполитой, но крымские татары и украинские казаки старались избегать прямых боевых столкновений между собой [60, с. 5]. Успехом стала поддержка гетмана Выговского, который вышел из-под подчинения царя и разгромил московское войско в Битве под Конотопом в июле 1659 г. [5]. Но из-за отказа помогать османам в войне с Австрией хан бы смещен султаном в 1666 г., и на трон вошел Адиль Гирей.

Назначение Адиль Гирея продемонстрировало бесцеремонное игнорирование османами крымских обычаев и законов. Его отец считался сыном Фетих I Гирея, хотя это не было доказано. Непопулярность хана и его конфронтация с беями вызвали бунт Ширинов, для подавления которого привлекли османов. Вместе с гетманом П. Дорошенко

хан воевал против поляков и в 1670 г. подписал мирный договор с Московским царством, чем перечеркивал претензии Стамбула на Правобережную Украину. До окончания войны с Венецией в 1669 г. османы вынуждены были терпеть хана, но в 1671 г. он был смещен, а вместо него турки посадили Селим I Гирея.

Селим I Гирей правил четыре раза: 1671–1678, 1684–1691, 1692–1699, 1702–1704 гг. Он был верным союзником турок, но его сместили из-за неудачи Чигиринских походов 1677–1678 гг. Мирный договор с Москвой в Бахчисарае в 1681 г. подписывали уже при хане Мурад Гирее, который правил в 1678–1683 гг. После подписания Вечного мира в 1686 г., по которому Московское царство получило право на Запорожье, перед Крымским ханством стала открытая угроза столкновения с ней не на далеких рубежах, а непосредственно у своих границ. Уже в 1687 и 1689 гг. состоялись два Крымских похода. И хотя оба они закончились для Москвы неудачей, крымское войско Селим I Гирея побоялось даже выйти им навстречу, ожидая врага за Перекопом. Еще один тревожный сигнал для Крыма прозвучал в 1695 г. во время похода царя Петра I на Азов. Хотя крепость и не была взята, но на Днепре воевода Шереметьев захватил городки Кызы-Кермень, Эски-Тавань и Аслан-Кермень [38, с. 28–52]. Этот успех был развит в 1696 г., когда войска царя Петра I взяли Азов, и был основан г. Таганрог. Еще одним достижением было упразднение Константинопольским договором 1700 г. [38, с. 375] так называемых «поминок», которые Москва платила Крымскому ханству в течении 1474–1685 гг. [64, с. 116–123, 137–139, 240–258]. По мнению С.Ф. Фаизова, эти «поминки» можно охарактеризовать *«как дань – откуп»* [58; 59, с. 54–55].

Так, потеряв часть территорий и денежные доходы, находясь под угрозой постоянного вторжения московских войск непосредственно вглубь Крымского полуострова, Крымское ханство вступило в XVIII в. Первая четверть века продемонстрировала неспособность ханства к самоорганизации перед лицом надвигающейся опасности потери государственности. Власть ханов по-прежнему оставалась слабой и в полной зависимости от деградирующей Османской империи. В течении 1699–1724 гг. в Бахчисарае сменилось восемь правителей, из которых Каплан Гирей правил три раза в 1707–1708, 1713–1715 и 1730–1736 гг. Но теперь личности крымских ханов практически не имели значения, поскольку они уже не влияли на судьбу своего государства, превратившегося в разменную монету в политике Османской и Российской империй.

По договору 1700 г. крымским татарам было запрещено совершать набеги. Турки были заинтересованы в сохранении мира и сдерживали татар от нападений, но это привело лишь к мятежу в 1702–1703 гг. [48]. Надежды Крыма на поражение Петра I в войне с Карлом XII не оправдались, и в 1710 г. Стамбул решил объявить царю войну. По условиям Прутского мира 1711 г. Россия обязалась вернуть османам Азов. По условиям Адрианопольского мира 1713 г. Россия должна была передать Османской империи еще и Запорожье.

Но это была лишь временная уступка. Русско-турецкая война 1735–1739 гг. показала полную несостоятельность Крымского ханства в защите своих владений. Российские войска взяли Кинбурн, Очаков, Азов, Таганрог, Перекоп и Бахчисарай. Хан Каплан Гирей бросил своих подданных и скрывался в горах. Но в целом удачная война для Российской империи закончилась невыгодным Белградским миром 1739 г., что несколько оттянуло ставший уже очевидным конец Крымского ханства.

В 1742 г. была закончена новая система укреплений на южной границе Российской империи – Украинская линия, состоявшая из 18 крепостей, связанных 140 редутами. Петля вокруг Крыма сжималась. В мае 1759 г. в Санкт-Петербурге было принято решение о необходимости отторжения Крыма от Османской империи и объявлении его независимости *«навсегда»*. Реализация этого решения стала возможной с началом новой русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Формальным поводом для ее объявления

было нападение хана Крым Гирея на украинские земли, которое стало последним и к тому же неудачным набегом в истории ханства. Хан был разбит и вскоре умер. Российская армия в 1771 г. вновь заняла Крым.

Ханом был избран Сахиб Гирей, которого на этот раз утвердил не султан, а командующий армией В.М. Долгоруков. Императрица Екатерина II признала его и даже назначила своего поверенного при дворе хана. 1 ноября 1772 г. между Крымским ханством и Российской империей был подписан договор о дружбе и союзе, провозгласивший о независимости ханства. Заполучив Керчь, Кинбург и Еникале Россия получила полный контроль над Крымом. Это положение было закреплено подписанием 10 июля 1774 г. Кучук-Кайнарджийского мира, по которому Стамбул признал независимость Крымского ханства, ставшего «буферной зоной» между двумя империями. Турки попытались спровоцировать татар на восстание и высадили в Крыму свой десант. Но в результате борьбы за власть с помощью российских войск новым крымским правителем был объявлен ханский брат Шахин Гирей.

Шахин Гирей подолгу жил в Европе и получил хорошее образование. Он был умным и энергичным человеком, знал несколько языков. Хан решил на кардинальную ломку государственного устройства и в своих намерениях был последователен и жесток. Его задачей было укрепление ханской власти и государства, в первую очередь упорядочив финансы и создав регулярную армию. Для этого была проведена перепись населения, введен единый размер налога на всех жителей и рекрутская повинность по российскому образцу, проведена конфискация земли у духовенства. Это была весьма смелая и даже революционная попытка изменить государство по новому образцу.

Но в крымской среде Шахин Гирея воспринимали как российскую марионетку. Его кардинальные реформы вызвали сопротивление духовенства и беев, которые вынуждены были терпеть с оглядкой на присутствие в Крыму российских войск. Но когда в декабре 1774 г. на побережье высадился назначенный в Стамбуле «хан» Селим III Гирей, в Крыму вспыхнуло восстание, которое подавили русскими войсками. После этого из Крыма в Приазовье было выведено на поселение несколько десятков тысяч греков и армян. Это самым пагубным образом сказалось на обеспечении Крыма продовольствием, что привело к новому восстанию. Хан вынужден был бежать под защиту русских войск в Керчь [24]. Очередное восстание в 1781 г. поднял брат хана Бахадыр Гирей. Летом 1782 г. оно охватило весь Крымский полуостров, и Шахин Гирей снова был вынужден бежать под защиту русских войск. Бахадыр II Гирей был объявлен ханом и обратился за признанием в Стамбул и Санкт-Петербург, но получил отказ. Кроме того, Россия выслала на помощь Шахин Гирею армию.

Постоянные проблемы в Крыму изменили настроение в российской столице, где первоначально не планировали аннексию Крыма, поскольку не видели в этом пользу. Но череда восстаний и большие издержки на поддержание власти Шахин Гирея привели к тому, что Екатерина II приказала *«помышлять о присоединении сего полуострова»*. 14 декабря 1782 г. был издан приказ об аннексии. В феврале Шахин Гирей отрекся от престола. 8 апреля 1783 г. императрица опубликовала манифест о присоединении Крымского ханства к Российской империи. Через два месяца 10 июня 1783 г. Османская империя признала его, и Крымское ханство прекратило свое существование. Не желавшие жить под российской властью крымские татары получили возможность выехать в Турцию. Шахин Гирей еще некоторое время жил в разных городах России, но в 1787 г. также выехал в Турцию, откуда был сослан на о. Родос и там задушен по приказу султана [34].

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1: 1340–1506. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1848. III, 375, 24, 15 с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2: 1506–1544. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1848. 405 с.
3. Архив Юго-Западной России. Ч. VII. Т. 1: Акты о заселении Юго-Западной России. К., 1886. II, 85, 647, XII с.
4. Бережков М. Нур-Салтан царица крымская // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Год 11. № 27. Симферополь: Типография Спиро, 1897. С. 1–17.
5. Бульвінський А.Г. Конотопська битва 1659 р. // Український історичний журнал. К., 1998. № 3. С. 76–83; № 4. С. 33–43.
6. Варонін В.А. З гісторії взаємадносін Вялікага Княства Літоўскага з татарамі ў канцы XV – першай трэці XVI стст.: Хан Шыг-Ахмат // Studia historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. Вып. 4. Минск : РИВШ, 2011. С. 127–149.
7. Ворончук І. Українські літописи про втрати українського населення в результаті татаро-турецької агресії протягом XVI – першої половини XVII ст. // Житомирщина на зламі тисячоліть. Науковий збірник «Велика Волинь». Т. 21. Житомир, 2000. С. 86–94.
8. Гончаров Е.Ю. Поход Тимура на Золотую Орду (нумизматический аспект) // Восточное историческое востоковедение и специальные исторические дисциплины / Рекол.: Е.А. Давидович (отв. ред.) и др. Ин-т востоковедения. Вып. 6. М.: «Восточная литература» РАН, 2004. С. 187–195.
9. Гончаров Е.Ю. «Стремявидная» тамга – тамга Берке? (Джендский вклад в нумизматику Крыма) // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Зб. наук. пр. / Відп. Г.В. Борjak. Число 18: Актуальні проблеми нумизматики у системі спеціальних галузей історичної науки. Мат. Міжнарод. наук.-практ. конф. Перші (міжнародні) Ястребовські читання (Кіровоград 20–22 жовтня 2011 р.). К.: НАН України, Ін-т іст. України, 2011. С. 58–65.
10. Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник 2001. М.: Восточная литература, 2002. С. 261–302.
11. Григорьев А.П. Историческая география Золотой Орды: местоположение городов и их наименования // Тюркологический сборник 2006. М.: Восточная литература, 2007. С. 117–168.
12. Гулевич В.П. Казимир Ягайлович і Менглі Гірей: від «друзів» до ворогів // Український історичний журнал. № 1. К., 2013. С. 40–66.
13. Гулевич В.П. О хронологии правлений и личностях правителей Крымского ханства в 1475–1478 гг. // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 172–191.
14. Дзира Я.І. Татаро-турецькі напади на Україну XIII – XIV ст. за хроніками Бельських та Стрийковського // Український історико-географічний збірник. К.: Наукова думка, 1971. С. 83–102.
15. Довнар-Запольский М. Литовские упоминки татарским ордам. Скарбовая книга. Симферополь, 1898. 91 с.
16. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. / Подг. к печ. Л.В. Черепнин. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 586.: таб.
17. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. / Отв. ред. В.И. Буганов. Изд. 3-е. М.: КРАСАНД, 2010. 248 с.
18. Зайцев И.В. Астраханское ханство. 2-е изд., испр. М.: Вост. лит., 2006. 303 с.
19. Зайцев И. Образование Крымского ханства // История татар с древнейших времен. В семи томах. Том IV: Татарские государства XV–XVIII веков. Казань, 2014. С. 131–146.
20. Иванов Н.Н. Клад джучидских монет, найденный в Крыму в 1964 г. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VIII. Симферополь, 2001. С. 454–484.

21. Крамаровский М.Г. Крым в составе административного устройства Золотой Орды // История татар с древнейших времен. В 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 436–447.
22. Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2009. 456 с.
23. Ластовський В. Облога черкаського замку у 1532 р. (із історії міжнародних відносин у Східній Європі в 30-х рр. XVI-го ст.) // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Т. 3. К., 1999. С. 76–96.
24. Лашков Ф.Ф. Шагин-Гирей, последний крымский хан // Киевская старина. № 9. К., 1886. С. 37–80.
25. Лебедев В.П. К нумизматике Крыма золотоордынского периода. 5. «Да сохранится Крым от бедствий» (монеты конца XIV – начала XV в.) // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. Вып. 9. М., 2002. С. 137–149.
26. Лебедев В.П., Клоков В.Б. Денежное обращение Сарая и его округи после 1395 г. // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Том 4: Сборник статей по нумизматике. Посвящается 80-летию Елены Абрамовны Давыдович. М.-Нижний Новгород, 2004. С. 23–75.
27. Лемерсье-Кельеже Ш. Литовский кондотьер XVI в. – князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным оттоманских архивов // Франко-русские экономические связи. М.-Париж: Наука, 1970. С. 38–64.
28. Лепявко С. Великий Кордон Європи як фактор становлення козацтва // Україна на порозі XXI століття. Актуальні питання історії: збірник наукових праць. К.: ІНЕСД НАНУ, 1999. С. 26–33.
29. Лепявко С.А. Козацькі походи на татар у 1570–1580-х рр. // Південна Україна XVIII – XIX ст.: Записки НДІ історії Південної України ЗДУ. Вип. 5. Запоріжжя, 1999. С. 191–199.
30. Марков А. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896. 872 с.
31. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
32. Миргалеев И.М. К вопросу о Бек Булате – Бек Пуладе // Научный Татарстан. № 1/2. Казань, 2004. С. 145–149.
33. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / Пер. В.И. Матузовой. Отв. ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Изд. МГУ, 1994. 151 с.
34. Мурзакевич Н. Выезд последнего крымского хана Шагин-Гирея из России в Турцию в 1787 году // Записки одесского общества истории и древностей. Т. 13. Одесса, 1883. С. 132–155.
35. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература РАН, 2000. 224 с.: ил.
36. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1948. 447 с., табл.
37. Пенской В.В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. М.: Вече, 2012. 230 с. (От Руси к империи).
38. Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1: 1688–1701. СПб.: Государственная типография, 1887. 1000 с.
39. Полехов С.В. «Список городов Свидрыгайла». Датировка и публикация // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (58), декабрь. М., 2014. С. 111–125.
40. Полехов С.В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М.: «Индрик», 2015. 712 с., ил.
41. Полное собрание русских летописей. Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. 303 с.

42. Полное собрание русских летописей. Т. 11: VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1897. 254 с.
43. Полное собрание русских летописей. Т. 32: Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М.: Наука, 1975. 235 с.
44. Почекаев Р.Ю. К вопросу об административном устройстве Золотой Орды и постордынских государств: особенности управления оседлым и кочевым населением // Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. СПб., 2011. С. 176–186.
45. Рахимзянов Б. Касимовское ханство (1445–1452). Очерки истории. Казань: Татарское книжное издательство, 2009. 207 с.
46. Розов В. Українські грамоти. Т. 1: XIV і перша половина XV в. К.: Українська Академія Наук, 1928. 75, IX с.
47. Савельев П. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. Выпуск второй. Отдел третий: Неизданные джучидские монеты из разных собраний. СПб.: В типографии Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1858. С. 279–340, таб. VI–X.
48. Санин О.Г. Антисултанская борьба в Крыму в начале XVIII в. и ее влияние на русско-крымские отношения // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии: сборник / Ред.-сост. А.И. Айбабин, Ред. А.Г. Герцен, Ред. И.Н. Храпунов. Вып. 3. Симферополь: Таврия, 1993. С. 275–279.
49. Сас П., Кіркене Г. Хотинська битва 1621 – битва за Центральну Європу. К.: Балтія-Друк, 2011. 216 с.
50. Сборник императорского русского исторического общества. Т. 41: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Т. 1: С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России. СПб.: Типография Ф. Елеонского и К, 1884. XXII, 558 с., 82 стб.
51. Сборник императорского русского исторического общества. Т. 59: Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. II: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. СПб.: Типография Ф. Елеонского и К, 1887. XV, 629 с., 98 стб.
52. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды В.[Г]. Тизенгаузена. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Типография Санкт-Петербургской Академии наук, 1884. 564 с.
53. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды Т. II: Извлечения из сочинений персидских, собранные В.Г. Тизенгаузенем. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
54. Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.) / Сост., рус. пер., введ. и примеч. Т.Э. Саргсян. Симферополь: СОНАТ, 2010. № 161. 312 с.
55. Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. Т. 27. М., 1948. С. 18–66.
56. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература РАН, 2002. 752 с.
57. Узелац А. Под сенком пса. Татари и јужнословенске земље у другој половини XIII века. Београд: Утопија, 2015. 321 с.
58. Фаизов С.Ф. Эволюция дани-откупа во взаимоотношениях Русского государства и Крымского ханства в последней четверти XV–XVII вв. (Терминологический, юридический и функциональный аспекты) // Славяне и их соседи. Тезисы XI конференции. М., 1992. С. 64–67
59. Фаизов С.Ф. Поминки-«гыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом (К вопросу о типологии связей) // Отечественные архивы. № 3. М., 1994. С. 49–55.

60. Фаизов С.Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру, 1654–1658: Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте постперелазовского времени. М.: Гуманитарий, 2003. 168 с.
61. Фаизов С. Первый крымско-запорожский военный союз в статейном списке русских посланников Осипа Прончищева и Рахманина Болдырева (1625 год) // Украина в Центрально-Східній Європі: Зб. наук. пр. Вип. 5. К.: Інститут історії України НАН України, 2005. С. 197–209.
62. Флоря Б.Н. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 71–86.
63. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. 4-е изд., доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 512 с.
64. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 336 с.
65. Хромов К.К. О хронологии правления Давлат Берди хана в Крымском улусе по нумизматическим данным (последние джучидские серебряные монеты Крыма) // От Онона к Темзе. Чингизиды и их западные соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. М.: Издательский дом Марджани, 2013. С. 378–416.
66. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Изд. 3-е, дополненное. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Казань, Комбинат изд-ва и печати, 1923). М.: ИИ-САН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, СФК, 1991. 320 с.: карт.
67. Черкас Б.В. Політична криза в Кримському ханстві і боротьба Іслам-Гирея за владу в 20–30-х роках XVI ст. // Україна в Центрально-Східній Європі: Студії з історії XI–XVIII століть. К., 2000. С. 97–118.
68. Черкас Б. Україна в політичних відносинах Великого князівства Литовського з Кримським ханатом (1515–1540). К., 2006. 244 с.
69. Черкас Б. Ольшаницька битва 1527 р. // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). Випуск 8. Київ: Інститут історії України НАН України, 2008. С. 53–59.
70. Черкас Б.В. Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста. (XIII – XIV ст.). К., 2014. 386 с.
71. Шабульдо Ф. «Семеновы люди»: их территория и роль в политических отношениях между Крымом и Литвой на исходе XV века // *Ruthenica*. Вип. 9. К., 2010. С. 57–73.
72. Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме / АН Республики Узбекистан. Ташкент: Изд-во журнала «SAN'AT», 2008. 486 с.
73. Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardynskiego we Lwowie. T. XII. Lwów: Główny skład w księgarni Seyfartha i Czajkowskiego, 1887. XIV, 408 s.
74. Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardynskiego we Lwowie. T. XIV. Lwów: Z I związkowej drukarni we Lwowie, 1889. XVII, 634 s.
75. Baranowski B. Polska a Tatarszczyzna w latach 1624–1629. Łódź: Wydawnictwo Łódzkiego Towarzystwa Naukowego, 1948. 134 s.
76. Bennigsen A. L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1967. Vol. 8. № 3. P. 427–446.
77. Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII–MCCCCLXXV). Tomo primo / Ordinato et illustrato dal socio P. Amedeo Vigna // *Atti della società Ligure di storia Patria*. Vol. VI. Fasc. I. Genova: Tipografia del r. I. De' sordo-muti, 1868. XV, 402 p.
78. Gliwa A. Najazdy tatarskie i tureckie na Polskę i Litwę na przełomie XV i XVI w. (1497–1503) // *Nasze Historiae*. 1995. № 2. S. 113–123.
79. Jana Długosza *Dziejów Polskich ksiąg dwanaście*. T. IV. Ks. XI–XII / Przekł. K. Mecherzyńskiego. Kraków, 1869. 678, XXIII s.

80. Jana Długosza *Dziejów Polskich ksiąg dwanaście*. T. V. Ks. XII / Przekł. K. Mecherzyńskiego Kraków, 1870. 662, XXIV s.
81. Inalcik H. *The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray* // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. III/IV. Part 1. Cambridge, Massachusetts, 1979–1980. P. 445–466.
82. Kolankowski L. *Obrona Rusi za Jagiellonów na przełomie XV i XVI wieku* // *Księga Pamiętkowa ku czci Bolesława Orzechowicza*. T. 1. Lwów, 1916. S. 466–480.
83. Kolankowski L. *Roty Koronne na Rusi i Podolu 1492–1572* // *Ziemia Czerwińska*. Rocz. 1. Lwów, 1935. S. 141–174.
84. Kopysiański A. *Książę Michał Zygmuntowicz* // *Kwartalnik Historyczny*. Rocz. XX. Lwów, 1906. S. 145–165.
85. Lemerrier-Quelquejay Ch., Bennigsen A. *La Moscovie, l'Empire ottoman et la crise successorale de 1577–1588 dans le khanat de Crimée* [La tradition nomade contre le modèle des monarchies sédentaires] // *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. 14. № 4, Octobre-décembre 1973. P. 453–487.
86. *Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle* / Publiés par N. Jorga. T. I. Paris: Ernest Leroux, 1899. 581 p.
87. Ochmanski I. *Organizacja obrony w Wielkim Księstwie Litewskim przed napadami Tatarów Krymskich w XV–XVI w.* // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. T. V. Warszawa, 1960. S. 161–398.
88. Pienaru N. *Hacı Giray (1438 – 1466). Han și negustor* // *Moștenirea istorică a tătarilor*. II. București: Editura Academiei Române, 2012. P. 135–149.
89. Pułaski K. *Stosunki z Mendli-Girejem chanem Tatarów Perekopskich (1469–1515)*. Kraków: G. Gebethner i spółka. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1881. 449 s.
90. Pułaski K. *Machmet-Girej chan Tatarów perekopskich i stosunki jego s Polską (1515–1523)* // Pułaski K. *Szkice i poszukiwania historyczne*. Serja druga. Petersburg, 1898. S. 283–351.
91. Retowski O. *Die Münzen der Girei* // *Труды Московского Нумизматического общества*. Т. 2. Вып. 3. М., 1901. С. 241–308, VI taf.
92. Skorupa D. *Stosunki polsko-tatarskie, 1595–1623*. Warszawa: Neriton, Inst. historii PAN, 2004. 294, 3 s.
93. Stello A. *Grenzerfahrung Interaktion und Kooperation im spätmittelalterlichen Schwarzmeerraum*. Trier, 2011. 251 s.
94. *Voyages et ambassades de messire Guillebert de Lannoy, 1390–1450* / Пер. Ф. Брун // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Т. 3. Одесса, 1853. С. 345–365.
95. *Źródła dziejowe*. Т. 18. Cz. 1: *Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym*. Warszawa: Warszawska Drukarnia Estetyczna, 1902. Т. 7. Cz. 1: *Ziemia Ruske. Ruś Czerwona*. 252, XLVII, XVIII, 72 s.

§ 5. Виляте Казан (Казанское ханство)

Анвар Аксанов

В середине XV столетия центробежные политические процессы, поразившие Золотую Орду, привели к автономизации ее улусов и образованию самостоятельных ханств. Исторические источники и историки не дают однозначного ответа на вопросы: кто, когда и при каких обстоятельствах основал Казанское ханство? По одной версии это сделал свергнутый с сарайского престола Улуг-Мухаммед в 1437–1438 гг., по другой – его сын, Махмуд, в 1445 году. Причем в последние годы ученые чаще склонялись ко второй версии, так как это представление находит отражение в большем числе источников. Однако все эти сведения имеют позднее (начиная с XVI в.) происхождение и исходят из официальных московских кругов, то есть не верифицируются независимыми источниками.

А версия о том, что Улуг-Мухаммед основал ханство, известна исследователям в основном по данным «Казанской истории», автора которой критиковали за недостоверность изложения. Но в своих суждениях казанский летописец был не одинок. Представления о том, что именно Улуг-Мухаммед был первым казанским ханом, фиксируется и в татарской исторической традиции [23, с. 96; 24, с. 45; 48, с. 207]. Вдобавок к этому летописцы-современники событий начиная с конца 1430-х гг. повествуют о походах Улуг-Мухаммеда на восточные и юго-восточные окраины Московского государства, что косвенно указывает на присутствие хана в Среднем Поволжье [5, с. 139–142].

При анализе проблемы становления казанской государственности необходимо учитывать и политические традиции Улуса Джучи, заложенные его основателями и отвечавшие социально-экономическому укладу кочевого государства. В зимнее время ставка хана располагалась на юге, в Нижнем Поволжье, где основным городом был Сарай, а летом она откочевывала на север, в район Булгара. То есть со времен хана Бату Булгар являлся сезонной столицей Золотой Орды [15, с. 450].

Вместе с тем в 1420-е гг. Новым Булгаром (Булгар ал-Джедид) начинают именовать Казань [15, с. 468; 26, с. 900]. Данное обстоятельство указывает на то, что в руках Улуг-Мухаммеда и его потомков Казань могла выступать равнозначным по отношению к Сараю центром Улуса Джучи, а при успешной политике – даже центром объединения всей Золотой Орды. Этим объясняется и позиция летописцев XV в., которые, в отличие от более поздних авторов, умалчивали о возникновении Казанского ханства в конце 1430-х гг. в силу того, что приход Улуг-Мухаммеда в Среднее Поволжье не осмыслился современниками событий как основание нового государства. Это виделось возвращением хана в свои северные владения в условиях очередной «замятни». Причем, как показывают дальнейшие события, Улуг-Мухаммед не отказался от борьбы за южные улусы и в первой половине 1440-х гг. восстановил свою власть в Деште и в Крыму, а в 1445 г. подчинил Великое княжество Московское [12, с. 63; 41, с. 146; 46, с. 179]. Таким образом, в памяти современников Улуг-Мухаммед оставался золотоордынским ханом. Его потомки не сумели удержать юг, но сохранили власть в северных улусах Золотой Орды, самым значительным из которых был Казанский юрт, доставшийся старшему сыну Улуг-Мухаммеда, Махмуду. При этом Махмуд унаследовал от отца своеобразный суверенитет – титул «вольного татарского царя», служивший достаточным обоснованием для контроля казанцев над землями, лежавшими далеко за пределами Булгарского улуса. Так на территории Среднего Поволжья и Западного Приуралья началась история Казанского ханства, которое по статусу было наследницей и частью Золотой Орды, а территориально – новым политическим образованием.

Поэтому допустимо, что политические цели первых казанских ханов не отличались от амбиций крымских, большеордынских и шибанских Чингизидов, стремившихся к верховенству в поздней Золотой Орде. Об этом свидетельствуют и грамоты митрополита Ионы, составленные между 15 декабря 1448 г. и 31 марта 1461 года. Обращает на себя внимание, что ни в заглавиях, ни в основных текстах грамот хан Махмуд и его князь Шаптяк не названы казанскими, хотя само послание направлено именно в Казань, где находились адресаты. Вместо этого в заглавии первой грамоты Махмуд назван «царем татарским», а в заглавии второй грамоты Шаптяк – князем «цесаревым», или царевым. И лишь помета на полях уточняет, что речь идет о казанском царе. Далее, обращаясь к Махмуду, Иов несколько раз использует эпитет «великий»: «твое великое имя и дръжаву», «великое твое господство», «великом господстве», «твоим великим государством и жалованием» [45, с. 154–155]. В контексте существовавшей политической культуры этот эпитет указывал на превосходство хана по отношению к другим носителям данного титула, его часто использовали поздnezолотоордынские Джучиды, претендовавшие на верховенство в Орде. К примеру, великим (العظيم, аль-азым) называл се-

бя Сахиб-Гирей [51, с. 919–920]. Великими (улуг) значились ханы Большой Орды [21, с. 826]. Как видим, хана Махмуда принимали именно за золотоордынского хана-царя.

Кроме того, в текстах грамот Махмуд четырежды назван «вольным царем». На первый взгляд может показаться, что это характеризует его только лишь как самостоятельного правителя. Но необходимо учесть, что в данных документах это слово употребляется в контексте эпитетов «великий» и «татарский». Поэтому в нашем случае фраза «вольный царь» могла означать еще более лестную оценку положения Махмуда, связанную с его превосходством по отношению к другим «царям» Золотой Орды. Учитывая особенности средневековой политической системы, тотального, хоть зачастую и номинального, соподчинения всех правителей, «вольным» мог быть только верховный «царь», то есть законный властитель всего Улуса Джучи (куда мы включаем и русский улус). Так, во время поездки за ярлыком в Орду боярин И.Д. Всеволожский обращался к Улуг-Мухаммеду, называя его «вольным царем» [28, с. 96].

Не случайно и в тексте заглавия митрополичьей грамоты вместо словосочетания «казанскому царю» написано «татарскому царю». Вероятнее всего, такая значимая терминологическая рокировка произошла с учетом политических амбиций хана Махмуда, который подобно своему отцу стремился быть «царем» всех татар Золотой Орды. Впрочем, возможно, Иов понимал, что на верховенство в Орде претендуют и другие ханы (отсюда помета на полях «царю казанскому»), но в данном послании для благополучного решения своих торговых дел в Казани признавал превосходство Махмуда над остальными Джучидами. Тем более что это соответствовало политике Великого княжества Московского, выплачивавшего «выход» в Казань, признавая золотоордынские наследственные права ее ханов.

Впрочем, такая оценка соответствовала и реальной государственной практике: за годы своего правления Махмуд не только установил политическую стабильность, обусловившую безопасную торговлю для купцов из разных стран, но и распространил свою власть на новые территории. В орбиту влияния ханства были включены Вятская земля и Великая Пермь [11, с. 292]. В то же время, после победы над Великим Новгородом в 1456 г., существенно расширилась и приблизилась к Вятке и Великой Перми сфера интересов Москвы. В условиях борьбы за «объединение» «русских» земель великокняжеская власть так нуждалась в серебре, поступавшем в казну в основном за счет торговли пушминой, что пошла на конфликт с могущественным на тот момент Казанским ханством.

В 1458–1459 гг. московские войска совершили два похода на Вятскую землю и добились заключения выгодного соглашения. В 1461 г. Василий II возглавил поход на Казань, но казанские послы, придя во Владимир, «взяли мир» [35, с. 275–277]. Однако в 1462 г. новоявленный великий князь Иван III отправил воевод на земли Казанского ханства, причем они прошли не только по черемисским землям ханства, но и, спустившись по р. Вятке, поднялись вверх по р. Каме до Великой Перми [39, с. 46, 90]. Эта конкуренция стала одной из важнейших причин казанско-московской войны 1467–1469 гг., в ходе которой Москве так и не удалось склонить на свою сторону Вятку и Великую Пермь [35, с. 280; 13].

Важное известие, помогающее наметить географические и этнические очертания восточных улусов Казанского ханства, сохранилось в составе Московского летописного свода конца XV века. В пространной статье «О первой Казани», то есть «О войне с Казанью» 1467–1469 гг., находим описание войск хана Ибрахима: «До полна собрался на них царь Казанской Обреим со всею землею своею, с Камскою с Циплиньскою и с Костяцькою, и с Беловоложскою и Вотятъцкою и з Башкирьскою...» [35, с. 282]. Здесь приведены лишь наиболее отдаленные, восточные улусы Казанского ханства. Упоминание Сылвенской (Циплиньской), Остяцкой (Костяцкой), Беловолжской (бассейн р. Белой) и Башкирской земель говорит о том, что к 1469 г. территория Казанского хан-

ства простиралась до Урала. То есть к этому времени под властью потомков Улуг-Мухаммеда оказалась значительная часть северных улусов Золотой Орды.

Лапидарность исторических сведений не позволяет подробно описать начальный этап истории Казанского ханства. В историографии зачастую не учитывается и другая важная проблема – наличие серьезных разногласий в источниках, освещающих эту тему. Так, летописи весьма противоречиво представляют войны с Казанским ханством 1467–1469, 1478 и 1487 годов. Официальные московские летописи придают «Первой казанской войне» победоносный, религиозный и общерусский характер. Согласно им, в этой войне приняли участие жители всех русских земель, она была направлена на защиту православной веры и закончилась победой великокняжеских сил. Неофициальные летописи представляют события 1467–1469 гг. в качестве неоправданной войны, инициированной лично Иваном III и завершившейся разгромом его войск [1, с. 4–8].

Столь же противоречиво представлен конфликт 1478 года. Правда, на этот раз диаметрально противоположные взгляды на одно и то же событие находим в рамках официального летописания. Летописцы-современники событий описали успешный поход Ибрахима на Вятку. Согласно им, казанский хан подчинил Вятскую землю. При этом они умалчивали о результатах ответной экспедиции великокняжеских войск на Казань. Тогда как более поздние официальные книжники говорили о том, что хан Ибрахим ни одного города не взял, а ответный поход московских сил закончился успешно [2, с. 25–27].

С.М. Соловьев указал на расхождения в источниках относительно вятского похода казанцев, но не обратил внимания на различия в трактовках ответной экспедиции москвичей. Поэтому ученый не сделал однозначных выводов по первому эпизоду, но, характеризуя поход на Казань, принял более позднюю версию официального летописания и посчитал, что «Ибрагим послал с челобитьем к великому князю и заключил мир на всей его воле» [50, с. 67–68]. Необходимо заметить, что многие историки следующих поколений, вовсе проигнорировав разночтения в летописях, представляли события, целиком положившись на поздние официальные известия [52, с. 43–44; 9, с. 124; 8, с. 36–37; 10, с. 121; 11, с. 297–298; 19, с. 138–139; 7, с. 213–214].

Схожая историографическая ситуация сложилась относительно следующего эпизода истории Казанского ханства. Среди историков доминирует мнение, сформировавшееся под влиянием известий официального летописания, согласно которому в результате войны 1487 г. Казань попала в зависимость от Москвы и вынуждена была участвовать в русско-крымской коалиции. Причем дискуссионным оставался только вопрос о степени зависимости казанского хана Мухаммед-Эмина от Ивана III: одни историки утверждали, что Казань вошла лишь во внешнеполитический фарватер московской политики [14, с. 71; 8, с. 43], другие говорили об установлении московского протектората [52, с. 47–51; 9, с. 205; 10, с. 197; 17, с. 76].

Однако необходимо обратить внимание на то, что даже в официальном летописании существуют серьезные расхождения при освещении событий 1487 года. Основная часть книжников исходит из того, что Казанское ханство, будучи частью великокняжеских владений, в ходе мятежа отошло от Москвы, а затем, в результате похода русских воевод, вернулось в лоно власти Ивана III. Согласно другим официальным летописцам, в 1487 г. состоялось «казанское взятие», впоследствии которого Иван III завладел Казанью [6, с. 90–98].

При этом исследователи не уделили должного внимания сведениям, сохранившимся в дипломатических документах. Еще накануне похода на Казань, 4 марта 1487 г. в грамоте к крымскому хану Менгли-Гирею Иван III писал, что, следуя своему слову, то есть обещанию данному Менгли-Гирею, оказывает помощь Мухаммед-Эмину [47, с. 59]. После успешного казанского похода из Москвы в Крым отправилось посольство, сообщавшее о действиях против Большой Орды и о «посаждении» Мухаммед-Эмина на

казанский престол. Отдельное послание было адресовано царице Нур-Султан, вышедшей замуж за Менгли-Гирея после смерти казанского хана Ибрахима. Великий князь велел донести до Нур-Султан вести о пленении Ильхама и возведении на казанский престол ее сына, Мухаммед-Эмина [47, с. 59].

С.Х. Алишев заметил, что Иван III писал Менгли-Гирею и Нур-Султан, «склоняя их к более близкому сотрудничеству против Польши и ахматовых детей» [8, с. 42]. Вместе с тем первая грамота указывает на то, что великий князь действовал по просьбе крымской четы, а второе послание представляет собой «отчет» об успешном выполнении «дружеской просьбы». Таким образом, дипломатические памятники представляют казанский поход как акт военной помощи, направленный на укрепление союзнических отношений. Аналогичные оценки сохранились в неофициальных летописях и других посольских документах [40, с. 210; 16, с. 275–277; 42, с. 50–51; 25, с. 33; 47, с. 199; 44, л. 492 об.].

Дипломатическая трактовка не согласуется ни с картиной усмирения мятежников, ни тем более с концепцией покорения царства («Казанского взятия»). Исследователи представили события 1487 г., не обратив внимания на то, что источники несут разное видение ситуации [52, с. 47–49; 9, с. 203; 8, с. 41–42; 19, с. 141–142].

Для понимания источников необходимо учитывать, что важным фактором межгосударственных отношений того периода являлась борьба за «ордынское наследство». После смерти хана Ахмеда в 1481 г. помимо его наследников на роль верховного хана претендовали крымский хан Менгли-Гирей и шибанский хан Ибрахим (Ибак/Айбак). Русский государь, умело использовавший противоречия между различными татарскими правителями для того, чтобы обезопасить себя, ориентировался на Крым, который подобно Москве был заинтересован в борьбе с Польско-Литовским государством и с Большой Ордой. А казанский хан Ильхам, вероятнее всего, склонялся к союзу с шибанским ханом Ибрахимом.

Вместе с тем у крымского хана после женитьбы на вдове казанского хана, Нур-Султан, появилась возможность упрочить свои позиции в Среднем Поволжье. Менгли-Гирей ходатайствовал о московской военной помощи для своего пасынка, Мухаммед-Эмина, боровшегося за казанский престол со сводным братом, Ильхамом. В сложившейся обстановке в 1482 г. Иван III при поддержке Менгли-Гирея развернул борьбу против Ильхама. В результате длительной войны в 1487 г. Ильхам был выдан казанцами, и ханство присоединилось к русско-крымскому альянсу.

При этом нельзя согласиться с мнением о том, что в 1487 г. Казань была захвачена московскими войсками, так как в посланиях крымского хана Сахиб-Гирея Ивану IV открытым текстом утверждается обратное [44]. К тому же почти во всех русских летописях и других источниках отсутствуют какие-либо описания штурма или военного захвата города, что указывает на правоту Сахиб-Гирея. Лишь Устюжская летопись уточняет, что «по вся дни (осады Казани – *Авт.*) татарове из града выхотя бились», а «князь тотарский именем Ольгаза силе великого князя много дурно учинил», но, в конце концов, «прииде на царя и на татар изнеможение, и царь сам выеде из города неволею, и в руки воеводам великого князя впаде» [39, с. 50, 96]. То есть осада города закончилась не успешным штурмом, а выдачей Ильхама и признанием власти Мухаммед-Эмина, для поддержки которого и был организован военный поход.

Не согласуются слова официальных летописцев о «взятии» Казани и казни «кормольных князей и оуланов Казанских» [37, с. 153; 36, с. 278; 28, с. 217] и с посольскими документами того периода, согласно которым «кормольные» предводители казанской аристократии не подверглись казни, а покинули столицу ханства и продолжили борьбу против Мухаммед-Эмина и русско-крымского влияния [47, с. 84; 42, с. 21]. Следовательно, представление о том, что осада Казани 1487 г. закончилась военным захватом (взятием) города, казнью противников великого князя и подчинением ханства, является

неким идеологическим концептом, возникшим в официальных московских кругах. Тогда как, учитывая данные независимых источников и особенности политической обстановки, сложившейся в поздней Золотой Орде в этот период, можно лишь говорить о подписании мирного договора, по условиям которого казанцы приняли Мухаммед-Эмина и изменили внешнеполитический вектор.

Таким образом, продолжительное противостояние наследников Ибрахима в условиях передела сфер влияния на постордынском пространстве ослабило Казанское ханство. Правительство Мухаммед-Эмина было вынуждено не только отказаться от притязаний на Вятку, но и в 1489 г. оказать Москве военную помощь в подчинении этой земли. Усилились позиции Ивана III в Северном Приуралье. К середине 1480-х годов он подчинил часть вогульских князей, а к 1505 г. установил наместническое правление над Великой Пермью [39, с. 99]. С другой стороны, восточные и южные улусы Казанского ханства оказались в зоне противостояния с усилившейся Ногайской Ордой. Шибанские и ногайские правители, пытаясь вывести Казанский юрт из московско-крымского блока, в конце XV в. организовали ряд масштабных вторжений в пределы ханства [16, с. 277; 47, с. 146; 42, с. 50–52; 37, с. 321–339; 27, стб. 330–372; 34, с. 208–215; 28, с. 223–246; 29, с. 259–268; 32, с. 356–375].

Но в начале XVI в. ситуация стала меняться. В 1502 г. под натиском Крымского ханства и его союзников пала Большая Орда [22, с. 120]. В 1503 г. Московское государство, победив Литву, завершило присоединение Черниговских, Смоленских и Новгород-Северских земель. Так, недавние союзники настолько преуспели в этой борьбе, что превратились в соседние государства и начали конкурировать между собой. К тому же Иван III продолжал укреплять свои позиции в Северном Приуралье, что вызывало опасения не только в Казанском ханстве, но и в других татарских ханствах.

В 1505 г. вслед за утверждением наместника Ивана III в Великой Перми состоялся поход тюменского султана в эти земли. Симптоматично, что после летописной статьи о нападении татар на Великую Пермь сразу следует рассказ о погроме русских купцов в Казани и нападении Мухаммед-Эмина на Нижний Новгород [39, с. 99]. Как видим, действия Сибирских Шибанидов и казанцев были согласованы. Причем важную роль в этом сыграли ногайцы, поддерживавшие Шибанидов и участвовавшие в походе казанского хана на Нижний Новгород [37, с. 338; 27, стб. 372–373; 28, с. 244–245; 31, с. 259; 32, с. 375]. Так в 1505 г. Мухаммед-Эмин развернул корабль казанской внешней политики на 180 градусов.

Ответом Москвы стал большой поход на Казань, организованный новоявленным государем Василием III в 1506 году. По единодушному заверению летописцев, великокняжеские войска потерпели под Казанью сокрушительное поражение, после чего начались сложные переговоры, затянувшиеся на многие годы [37, с. 339; 27, стб. 375; 32, с. 376; 34, с. 215–216; 33, с. 566; 346, с. 297–299].

После смерти Мухаммед-Эмина в 1518 г. казанцы вновь склонились к союзу с Москвой и возвели на ханское место великокняжеского ставленника Шах-Али. Однако правительство Василия III, пользуясь этим, попыталось юридически закрепить неравноправные отношения с ханством, что, вероятнее всего, явилось одной из важнейших причин непопулярности режима Шах-Али и разрыва мирных отношений в 1521 году [2, с. 21–22].

Хотя важную роль в этом сыграли и крымские ханы, претендовавшие на Казанский юрт с момента смерти Мухаммед-Эмина. В 1521 г. хан Мухаммед-Гирей не только отправил на казанский престол своего младшего брата Сахиб-Гирея, но и прикрыл этот переворот масштабным вторжением в пределы Русского государства. Установление власти крымской династии в Казани привело к открытой военно-политической конфронтации с Москвой, продолжавшейся с незначительными перерывами вплоть до завоевания Казанского ханства.

Лишь однажды, после крупномасштабной войны, правительству Василия III удалось навязать казанцам своего ставленника Джан-Али, которого поддержали в 1532 г. и свергли в 1535 г. одни и те же представители казанской аристократии. Поэтому Джан-Али скорее был свергнут по причине ослабления московского влияния, произошедшего после смерти Василия III, а не в результате борьбы за власть между различными группировками казанской элиты, как об этом писали наши предшественники [52, с. 95; 49, с. 65; 19, с. 109; 10, с. 188; 20, с. 73–74]. В ходе мирных переговоров, происходивших между военными столкновениями 1520–1540-х гг., московская сторона добивалась установления патронатных отношений, а Гирей настаивали на необходимости соблюдения «братских» отношений. В этом ключевом вопросе стороны не могли прийти к компромиссу [44, Л. 416–425, 487 об.–493 об.].

Таким образом, все перемирия, возникавшие в эти годы, только оттягивали время для очередной войны. Обычно русские летописи приписывали инициативу мирных переговоров казанцам, но это скорее продиктовано особенностями средневековой репрезентации. С точки зрения древнерусских книжников, первыми на мир идут виновники конфликта, не соблюдающие «правду». Однако, вполне вероятно, что и москвичи, особенно после неудачных походов, нуждались во времени для восстановления сил, к тому же нам известно о внутривосточных проблемах и военных конфликтах на западных и южных границах Руси, отвлекавших внимание от Казани.

Во второй половине 1530-х – начале 1540-х гг., после восстановления власти Сафа Гирея, казанцы, воспользовавшись политической нестабильностью в Москве и русско-литовской войной, осуществили ряд набегов на окраины Русского государства [28, с. 291–292; 30, с. 106–107; 32, с. 436, 440; 38, с. 24, 27; 18, с. 338]. В союзе с казанцами в этих набеге участвовали ногайские и астраханские татары [25, с. 35]. Как результат сотрудничества с ногайцами на территории Казанского ханства возник «Мангытский юрт», доходы с которого частично шли в Ногайскую Орду [17, с. 26, 145–148, 163]. Впрочем, не стоит преувеличивать значение грабительских набегов в пределы Руси, говоря об их структурообразующей функции для экономики ханства, так как даже по русским летописям можно обозначить территориальную и хронологическую ограниченность казанских набегов. К тому же Казанское ханство было государством с развитым ремесленным производством и земледелием, а работоторговля здесь не играла большой роли. Симптоматично, что в 1551 г., после подписания договора об освобождении русских пленников, многие из них отказались возвращаться на Русь, так как уже стали полноправными членами общества и приняли ислам [18, с. 382].

С 1545 г. Москва активизирует военно-дипломатические действия на востоке. Официальные хроники говорят о начале «новой победоносной войны» под предводительством Ивана IV [30, с. 146; 32, с. 464; 38, с. 46]. Однако важно понимать, что перед нами мнение летописцев, знавших об исходе противостояния, а потому связавших походы 1545–1552 гг. в одну войну за покорение «Казанского царства». Курс на завоевание Казани и окончательную ликвидацию ханства был взят в 1547 г., когда Иван IV, венчавшись на царство, получил благословение митрополита на покорение «варварских языков» и впервые возглавил поход на Казань [30, с. 150; 32, с. 469; 38, с. 50]. Принятие Иваном IV царского титула было важным идеологическим шагом на пути завоевания Казанского ханства: это в глазах русского общества уравнивало статус московского государя с ханами Казани и Астрахани и обосновывало притязания на восточные земли. Принятие царского титула означало утверждение внешнеполитической программы по борьбе за «ордынское наследство», то есть за объединение Улуса Джучи под властью Москвы. Именно с 1547 г. Иван IV начал лично возглавлять походы против Казани. Поэтому утверждение завоевательных планов необходимо рассматривать в контексте венчания Ивана IV на царство.

Традиционно вслед за летописцами историки больше внимания уделяют третьему походу Ивана IV на Казань, недооценивая масштабы и значение предшествующих двух военных экспедиций под предводительством царя. При этом важно понимать, что характер освещения событий 1552 г. обусловлен их судьбоносностью. Рассказы о взятии Казани более содержательны, в них много места отведено идейным пассажам и описанию деталей произошедшего. Однако если отбросить все уточнения и сравнить кампанию 1552 г. с военными экспедициями 1547–1550 гг., то становится ясно, что масштабы предшествующих походов незначительно уступали выступлению московских сил в 1552 году.

В походе 1549–1550 гг. участвовало примерно столько же воевод, сколько при взятии 1552 г., немного меньше имен приведено в разрядных записях за 1547–1548 гг.; впрочем, в двух первых походах царя на Казань, помимо Шах-Али, участвовал и астраханский царевич Едигер. В состав всех этих экспедиций входил полк с артиллерией и стенобитными орудиями [43, с. 112–115, 120–124, 133–138].

Многие историки, описывая поход царских войск на Казань в 1549–1550 гг., вслед за официальными книжниками умалчивали об ожесточенных боевых действиях и причиной неудачи выставляли неблагоприятные погодные условия. Однако ряд текстуально независимых известий (сообщения Х. Шерифи, А.М. Курбского, составителя Хронографа и автора «Казанской истории») говорят об отступлении великокняжеских войск в результате масштабных столкновений, приведших к серьезным потерям с обеих сторон [3, с. 114–118]. Мы считаем, что походы 1547–1552 гг. имели одну цель – завоевание Казани, то есть решение о военном подчинении ханства было принято не позднее 1547 года.

Две первые экспедиции под предводительством Ивана IV потерпели неудачу, вследствие чего они не получили столь широкого освещения в летописании. Залогом победы в 1552 г. была реализация плана по строительству Свияжска, на базе которого московские силы непрерывно проводили военные операции в регионе. Это привело к подчинению Горной стороны и разорению прочих улусов. Вероятнее всего, немаловажным фактором стала и деятельность Шах-Али по подрыву военного потенциала ханства. За время своего третьего правления в Казани (август 1551 – март 1552 гг.) он успел ликвидировать многих противников московской власти, а в марте 1552 г., покидая престол, испортил крепостные пушки, вывез из города пищаля и порох [38, с. 70]. Вдобавок ко всему напоследок Шах-Али пленил и угнал в Свияжск 84 человека из числа казанских князей и мурз, оставив ханство не только без важных политических фигур, но и без крупных военачальников [30, с. 175; 31, с. 474; 32, с. 491; 38, с. 70–71, 169–170]. Безусловно, причиной падения Казани были и внутренние распри, подогреваемые военно-дипломатическим и финансовым влиянием Москвы.

Используя различные литературные приемы повествования, летописцы сопоставили казанский поход 1552 г. с военными победами ветхозаветных пророков над язычниками, с Куликовской битвой и стоянием на Угре. Завоевание Казани сравнивалось с важнейшими событиями всемирной истории: с вавилонским покорением Иерусалима и падением Константинополя в 1453 году. То есть взятие Казани в сознании русских книжников знаменовало избавление от многовековой татарской угрозы, торжество православия и обретение царства – начало нового этапа русской государственности [4, с. 5–10].

Несмотря на то, что официальные идеологи связывали войну с Казанью прежде всего с защитой христиан от «басурманского» гнета и необходимостью распространения православия, в источниках проскальзывает мысль и об экономических выгодах подчинения ханства. Причем, на основании дошедших до нашего времени сведений, весьма проблематично выявить всю совокупность факторов, обусловивших развитие событий, так как сохранились в основном данные русских авторов, из-за чего наблюдается односторонность в описании.

На заре московской государственности, во второй половине XV в., интенсивно развивалось независимое летописание, с помощью которого можно верифицировать некоторые официальные сообщения. Тогда как события первой половины XVI в. хорошо представлены лишь официальными летописями. В этот период по мере укрепления единого Русского государства независимое летописание вытесняется, поэтому исследователи при оценке московско-казанских отношений руководствовались, в большей степени, данными кремлевской канцелярии, зачастую не учитывая их подчиненность политико-религиозной идеологии, обоснованной с помощью различных средств нарративной иносказательности. Причем даже в тех немногих случаях, когда сохранились независимые сведения, выявляется недостоверность официальных сообщений. Ярким примером тому служит репрезентация второго похода Ивана IV на Казань.

Как бы то ни было, в ходе этой войны московское правительство увеличило налоги и провело военные, административные и церковные преобразования. Только благодаря мобилизации колоссальных по тем временам ресурсов ему удалось захватить Казань, с падением которой был открыт путь к присоединению других татарских юртов. В течение пяти лет после взятия Казани центральная часть бывшей Золотой Орды оказалась под властью Ивана IV – это Среднее и Нижнее Поволжье и некоторые прилегающие территории. То есть в данном контексте борьбу за верховенство в Орде выиграла Москва, а «казанская война» явилась кульминационным этапом этого противостояния.

1. Аксанов А.В. Русские летописи конца XV века о московско-казанской войне 1467–1469 годов // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 4–8.
2. Аксанов А.В. Московско-казанские отношения в 1478 году // Вестник Нижневолговского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4. С. 25–27.
3. Аксанов А.В. Казанский поход 1549–1550 гг. глазами современников и историков XVIII–XXI веков // Вестник Удмуртского университета. 2012. Сер. 5: История и филология. Вып. 1. С. 114–118.
4. Аксанов А.В. Покорение Казани глазами русских летописцев: герменевтический анализ известий // Средневековые тюрко-татарские государства: Сборник статей. Выпуск 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 5–10.
5. Аксанов А.В. Образование Казанского ханства глазами современников и потомков // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 135–147.
6. Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 290 с.
7. Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 464 с.
8. Алишев С.Х. Казань и Москва: Межгосударственные отношения XV–XVI вв. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 160 с.
9. Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства во второй половине XV века. М.: Изд-во МГУ, 1950. 543 с.
10. Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI веках: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 567 с.
11. Бахтин А., Хамидуллин Б. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 289–358.
12. Беспалов Р.А. Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белева до Казани (1437–1445) // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Выпуск 5. Казань, 2012. С. 53–70.

13. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Выпуск 4. С. 257–271.
14. Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М.: Мысль, 1982. 327 с.
15. Измайлов И. Булгарский улус: Булгар и другие эмираты // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 448–470.
16. Историческое и дипломатическое собрание дел происходивших между Российскими великими князьями и бывшими в Крыме Татарскими царями, с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса: В городской типографии С.Х. Алексома, 1863. С. 178–419.
17. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.
18. Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб.: Наука, 2001. С. 252–509.
19. Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2005. 314 с.
20. Кузнецов А.Б. Казанский вопрос во внешней политике Елены Глинской (1533–1538 гг.) // Волжские земли в истории и культуре России. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 10-летию создания Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (г. Саранск, 8–11 июня 2004 г.). Ч. I. Саранск: Типография «Красный октябрь», 2004. С. 73–78.
21. Меховский М. «Трактат о двух Сарматиях» // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. С. 823–831.
22. Миргалеев И.М. Поздnezолотоордынские ханства: к определению верхней даты золотоордынского государства // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С. 118–121.
23. Миргалеев И.М. Сведения Абдулгaffара Кырыми о Казанском ханстве // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 96–98.
24. Миргалеев И.М., Пашаоглу Д.Д. Обзор сочинения «Умдет ал-ахбар» Абдулгaffара Кырыми // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2(4). С. 35–60.
25. Мустафина Д. Послание царя казанского // Гасырлар авызы – Эхо веков. 1997. № 1/2. С. 26–38.
26. Перевод фрагмента хроники «Хикайат» об истории возникновения Казани // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 900.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийская вторая летопись. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. VIII + 446 стб.
28. Полное собрание русских летописей. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. X + 302 с.
29. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 267 с.
30. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
31. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 2. Дополнение к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906. 532 с.
32. Полное собрание русских летописей. Т. 20. Львовская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2005. IV + 704 с.
33. Полное собрание русских летописей. Т. 21. Ч. 2. Книга степенная царского родословия. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. 675 с.

34. Полное собрание русских летописей. Т. 24. Типографская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. XII + IV + 272 с.
35. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
36. Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 412 с.
37. Полное собрание русских летописей. Т. 28. Летописный свод 1497 г., Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.: Наука, 1963. 411 с.
38. Полное собрание русских летописей. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 390 с.
39. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.
40. Полное собрание русских летописей. Т. 43. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М.: Языки русской культуры, 2004. 368 с.
41. Пономарев А.Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (1) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1(3). С. 128–162.
42. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 гг. М.: Институт истории СССР, 1984. 100 с.
43. Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 614 с.
44. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123. Оп.1. Кн. 8.
45. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. Т. 1. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1986. 221 с.
46. Сабитов Ж., Якушечкин А. Кто был ханом в Крыму в 1456 году? // Крымское историческое обозрение. 2015. № 2. С. 175–185.
47. Сборник русского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою Нагайскою ордой и с Турциею. Т. I. С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России. СПб.: Типография Ф. Елионского и К^о, 1884. 558 с.
48. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. 768 с.
49. Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. Т. 27. М., 1948. С. 18–66.
50. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 3. Т. 5–6. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1989. 783 с.
51. Тарханный подтвердительный ярлык, выданный казанским ханом Сахиб-Гиреем группе лиц (929 г., сафар 13 = 1523, января 1) // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 919–920.
52. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, 1991. 320 с.

§ 6. «Мещерский юрт» (Касимовское ханство)

Булат Рахимзянов

Одним из субъективных результатов гражданской войны на территории будущего Русского государства второй четверти XV века оказалось образование в 1445 году на смежных землях Рязанского и Московского княжеств Касимовского ханства. Оно могло появиться лишь в обстановке вражды и непримиримости в Московском великокняжеском доме, достаточно частой смены великих князей. Анализ данных договорных и духовных грамот великих и удельных князей за период 1481–1553 гг., экстраполированных на вторую четверть – середину XV века [6, с. 284, с. 275, с. 367, с. 362, с. 417, с. 419; 44,

с. 461; подробнее см.: 41, с. 57–61], позволяет сделать вывод о том, что Касимовское ханство возникло в силу условий выкупа, который был обещан московским великим князем Василием II хану Улуг-Мухаммеду в 1445 году после поражения русских войск под Суздаlem. Тексты грамот недвусмысленно говорят о том, что в Касимов, так же как и в Казанское, Крымское, Астраханское ханства и Большую Орду, платился «выход» (дань) как с земель Московского, так и Рязанского великого княжества. Следовательно, Касимовское ханство являлось весьма существенной финансовой «обузой» для подданных русских княжеств. Его образование не было добровольной мерой со стороны Московского княжества. В первые годы своего существования оно было свидетельством поражения Москвы, кусочком татарской территории на русской земле. Распад Золотой Орды выразился не только в отрыве от нее наиболее культурных областей и образования из них самостоятельных ханств, но и в появлении на территории формирующегося Русского государства специальных татарских образований [подробнее см.: 41, с. 47–65].

В историческом развитии Касимовского ханства достаточно четко выделяются два периода. Первый, от образования ханства в 1445 году и до падения Казанского «юрта» в 1552 году, отличается тем, что Касимовскому ханству придавалось большое значение как династическому противовесу Казани и Крыму. Поэтому московское правительство было крайне заинтересовано в существовании этого «питомника ханов», в особенности для казанского престола. Второй период, от падения Казани до фактической ликвидации Касимовского «царства» в середине XVII века, характеризуется тем, что это политическое образование постепенно становится анахронизмом и российское руководство предпринимает планомерные шаги по «растворению» Касимовского «удела» в России. Особый научный интерес вызывает первый период. На этом этапе существования Касимовское ханство отличалось большей автономией в своих внутренних делах. Изменение геополитической ситуации в Восточной Европе в связи с завоеванием Московским государством Казанского и Астраханского ханств приводит к резкому изменению положения Касимовского ханства. Оно приближается к положению удельного княжества, быстро теряет свою территорию и остатки суверенитета. После Смуты Касимов окончательно превратился в глухое провинциальное захолустье и уже почти не попадал на страницы летописей и разрядов.

Первый владелец Мещерского городка (будущий г. Касимов) султан Касим (1445–1469 гг. – годы правления в Касимовском ханстве) после 1462 года всего один раз появляется в источниках, а именно в 1467 году [28, с. 118; 26, с. 187; 27, с. 152; 24, с. 132, 149; 25, с. 274]. В этом году в Казани скончался хан Халил, и неразбериха с вопросами престолонаследия в Казанском ханстве привела к тому, что часть знати выдвинула претендентом на ханский престол царевича Касима, проживавшего в Мещере. Этим предложением решил воспользоваться Иван III, предоставивший Касиму мощную военную поддержку. Через верного ему касимовского царевича великий князь надеялся достигнуть благоприятного для себя влияния на дела соседнего государства. Однако поход окончился неудачно, и Касиму пришлось вернуться в Мещерский городок, где он и провел последние годы жизни.

Сын Касима султан Данияр (1469–1486 гг.) также активно используется Москвой, но уже в военных операциях: он находится вместе с великим князем в походе на Новгород в 1471 году и активно доказывает ему свою преданность [26, с. 192; 27, с. 162; 28, с. 130], вместе с другими русскими войсками держит оборону границы по Оке от нападения хана Большой Орды Ахмеда в 1472 году [24, с. 151; 26, с. 31–32, 195; 27, с. 174–175; 28, с. 149–150], в 1477 году участвует в окончательном падении Новгородской республики [38, с. 18–19; 9, с. 13; 24, с. 259–260; 26, с. 207, 213; 27, с. 185, 191; 28, с. 172, 179]. Москва ограничила его помощь военной службой касимовских татар. Вероятно, что Данияр умер в 1486 году [6, с. 318, 321, 325, 328].

Касим и его сын Данияр, первые два правителя Касимовского ханства, были потомками Улуг-Мухаммеда. Со смертью в 1486 году Данияра эта династия прекращается на касимовском престоле. Следующий правитель Касимова, Нур-Даулет, хотя и имел с ними родственные связи (все они были Джучидами, к тому же из одной ветви этой династии – Тукай-Тимура), но все же их прямым потомком не являлся. Московское правительство назначало касимовских правителей произвольно, по своему усмотрению, не заботясь о поддержании единой династии касимовских ханов и султанов. Лишь иногда (довольно редко) правители имели близкие родственные связи друг с другом (обычно – отец–сын, иногда – братья). Это случалось, видимо, когда у скончавшегося владельца имелись прямые наследники. Во всех остальных случаях (а их много больше) касимовские правители назначались исходя из планов московского правительства. Даже условно говорить о единой династии касимовских правителей нельзя. Ее попросту не существовало.

Крымская династия, то есть потомки первого крымского хана Хаджи-Гирея, в Касимове была представлена ханом Нур-Даулетом (1486–1490 гг.) и его сыновьями султанами Сатылганом (1490–1506 гг. с перерывом) и Джанаем (1506–1512 гг.) [подробнее о правлении Гиреев в Касимове см.: 41, с. 118–138].

Нур-Даулет, бывший сыном Хаджи-Гирея и родным братом правящего в то время в Крыму хана Менгли-Гирея, являлся грозным оружием московской внешней политики по отношению к Крымскому ханству. Он мог предъявлять на ханский престол династические претензии, и это позволяло оказывать давление на политику Крымского ханства, заставляя Менгли-Гирея корректировать свои действия в связи с линией московского великого князя. Причем реально пытаться посадить Нур-Даулета на крымский престол было совершенно не обязательно. При этом интересно, что, несмотря на «оппозиционность» Нур-Даулета правившему на тот момент в Крыму хану Менгли-Гирею, сам факт принадлежности Мещерского юрта крымской династии воспринимался положительно, хотя это и создавало проблемы крымскому хану.

Военное значение Касимовского ханства для Русского государства в период правления крымской династии также трудно недооценивать. Располагаясь на границе, прекрасная боевая конница касимовских татар являлась ударной силой в борьбе как против Большой Орды, так и против Казанского ханства. В 1486–1512 гг. основные силы Касимовского ханства были брошены на помощь Менгли-Гирею в разгроме Большой Орды. В ее падении в 1502 году Касимовское ханство сыграло не последнюю роль. Зачастую касимовские правители вместе с руководящей высшей прослойкой государства длительное время находились не на территории подвластного им «удела», а на границе с ордой «Ахматовых детей» и с Казанским ханством.

Некоторые факты говорят нам об элементах независимости крымских выходцев в Касимове, о неоднозначности статуса Мещеры в системе позднесолотоордынских государств. По всей видимости, ханы и султаны получали за каждое участие в военных походах и действиях и одноразовые компенсации [46, с. 300]. Так, возможно, следует трактовать «запись», сделанную, скорее всего, Федором Карповым в 1492 г.: «Да колкижды князь велики царя Нурдоулата посылывал на Поле царева для дела Менгли-Гиреева, и колко Саталгана царевича, Нурдоулатова царева сына, посылывал да и русскую рать *и колко татар и русь жалует, того дея и гибели им полские платит* (выделено мной. – Б.Р.), ино колко того разойдетя» [43, т. 41, с. 370]. Возмещая протеры и убытки, связанные с выходом в Поле в августе 1492 г., великий князь поручал данную миссию не специальным лицам, а послу в Крым (что очень показательно), который одновременно со своими дипломатическими функциями должен был выполнять обязанности финансового агента государя внутри страны.

Дипломатическая переписка содержит интересные данные о статусе Мещерского юрта. Сторонними тюркскими правителями (теми, кто никогда не правил ни в Мещере,

ни в Казани) конца XV – начала XVI вв. Мещера (Касимовское ханство) и Казань (Казанское ханство) зачастую воспринимались как равнозначные «места», что говорит нам о некоем сходстве в статусе этих образований [43, т. 95, с. 11–15]. Как равнозначные «места» пыталось представить Казань и Касимов и московское руководство [43, т. 35, с. 530–531; подробнее см.: 41, с. 134–135].

Правление Гиреев оставило существенный след в истории Мещерского юрта. Даже через пять лет после окончания пребывания этой династии в Мещере, в 1517 году крымский хан Мухаммед-Гирей воспринимал ее как свой «юрт» – «а из старины тот юрт наш» [43, т. 95, с. 377], заявлял хан заменявшему посла подъячему Мите Иванову (так же Гирей смотрели и на Казань [43, т. 95, с. 679, 696]). Так же воспринималось Касимовское ханство и крымской знатью (в 1516 г. крымский мирза Бахтияр писал Василию III: «...сам гораздо знаешь, что *Мещерской юрт государя моего царев* (выделено нами – *Авт.*)» [43, т. 95, с. 251]).

Клан Ширин, занимавший в Мещере по знатности и по влиянию первое место среди других четырех кланов, имел к ней особо «ревнивое» отношение. По преданию, когда-то именно Ширинами была покорена Мещера. В родословной князей Мещерских содержится информация о том, что «князь Ширинской Бахмет Усеинов сын пришел из Большие Орды в Мещеру и Мещеру воевал и засел ее» [4, с. 75]. В связи со сменой династии Ширины начали по сути настоящую локальную войну против Москвы, двинувшись в поход на Мещеру [43, т. 95, с. 377, 520].

Общий настрой Крыма в отношении Касимовского ханства в первой четверти XVI в. Мухаммед-Гирей выразил так: «...а будет на Мещере не нашему роду быти, *и но у нас на то миру нет*» [43, т. 95, с. 380]. При всем этом бесспорным являлся факт принадлежности Мещеры Москве как «вотчины» московского великого князя (в договоре великого князя московского Ивана Васильевича (Ивана III) с великим князем литовским Александром Казимировичем от 1494 г. последний признавал, что Мещера является вотчиной Ивана Васильевича [6, с. 330]; см. также: [43, т. 35, с. 127, 130]).

Политическая элита Крыма смотрела на юрт в Мещере как на еще одно татарское владение, на которое определенные линии Джучидов имели потомственные права. Юрт был расположен на территории Московского государства, и великий князь имел власть над ним, однако в то же время он рассматривался как татарский юрт. А в крымских глазах он являлся потомственным владением Ширинов и их сюзерена – крымского хана. Действительно, этот московский юрт превратился для крымских феодалов в дом-вне-дома, в некую колонию, куда они приезжали на «опочив» и на более постоянное проживание и получали материальную поддержку и возможности военной службы со стороны Москвы. Этот татарский анклав, как и другие подобные «места», становился интегральной частью степной системы «юртов-уделов», точкой взаимосвязи татарского политического мира и Москвы.

Разгром Большой Орды в 1502 г. крымским ханом Менгли-Гиреем привел к образованию в степи «вакуума», что вызвало конфликт прежних союзников – Москвы и Крыма [49, р. 554]. Союз Москва – Крым – Казань распался. Казанское ханство, как более слабое звено этого треугольника, стало очагом интриг и борьбы между промосковской и прокрымской фракциями местной аристократии.

После смерти последнего представителя крымской династии в Касимове – султана Джаная – выбор Москвы в назначении на касимовский престол пал на Шейх-Аулияра, сына султана Бахтияра, большеордынского Джучида. Он был племянником хана Большой Орды Ахмеда и соответственно одним из потомков Чингиз-хана [5, с. 39] (подробнее о происхождении Шейх-Аулияра см.: [3, ч. 1, с. 224–244]). Крым враждебно воспринял назначение потомка Ахмеда на касимовский престол: «...Ахматовы и Махмутовы царевы дети наши недрузи, а и ты брат наш (Василий III – *Авт.*) зовешь их себе

недрузи и в грамотах в своих завсе к нам о них пишешь, и ты от их же детей нашего недруга Шиг-Овляяру царевичу Мещерской юрт дал еси и гораздо ему честь чинишь» [43, т. 95, с. 296].

На внешнеполитической сцене Касимовский юрт имел как символическую, так и практическую ценность: назначение и выбор хана на его престол часто становились предметом дипломатических переговоров и однозначно влияли на отношения между Москвой и ее татарскими партнерами. Одним из важнейших вопросов для Москвы во второй половине XV – первой половине XVI в. было создание благоприятного баланса сил с татарскими государствами, образовавшимися после распада Золотой Орды. Москва умело манипулировала касимовским престолом как средством достижения своих собственных внешнеполитических целей.

Предположительно, Шейх-Аулияр скончался в 1516 году [8, с. 42]. Годы его правления в Касимовском ханстве – 1512–1516. Шейх-Аулияр запомнился и современникам, и историкам прежде всего тем, что являлся отцом двух ханов, оставивших заметный след в истории как Мещеры, так и Казанского ханства. Это были ханы Шах-Али и Джан-Али.

В 1505 году у Шейх-Аулияра родился сын Шах-Али. В 1516 году в этой семье родился второй сын, Джан-Али. В этом же году Шейх-Аулияр скончался, и управление Касимовским ханством перешло к его старшему сыну Шах-Али.

Смена династии в Касимовском ханстве являлась немаловажным и очень чувствительным фактором международных отношений Восточной Европы XVI в. Американский исследователь О. Прицак полагает, что «только теперь касимовские Чингизиды стали марионетками в руках московских правителей, передавая им харизму династии, необходимую для создания нового государственного организма» [51, с. 580]. По сути, это был открытый вызов Крымскому ханству, которое после разгрома Большой Орды считало себя «Тахтамышевым царевым юртом», то есть прямым наследником былого могущества золотоордынского государства. В рамках тех правовых норм, которые господствовали на территории поздnezолотоордынского Дешт-и Кипчака, это выглядело вполне легитимным. Однако по своему экономическому и военному потенциалу в XVI в. уже и Московия близится к статусу сильнейшего члена этой системы. Но в то же время ее фактическое положение резко контрастировало с формальным статусом в рамках поздnezолотоордынских «юридических норм», так как московский государь не принадлежал к династии Чингиз-хана.

В декабре 1518 года умирает казанский хан Мухаммед-Эмин [26, с. 263; 27, с. 266]. Это событие имело много последствий. С Мухаммед-Эмином прекратилась династия Улуг-Мухаммеда на казанском престоле, то есть династия, которой казанский престол принадлежал по праву завоевания.

Обязательства, взятые с Казани в 1516 г. («без великого князя ведома на Казань царя и царевича никакова не взяти»), давали правительству Василия III «юридические» основания для вмешательства в казанские дела. Была выдвинута кандидатура касимовского царевича Шах-Али, который фактически никаких прав на казанский престол не имел (если не считать того факта, применительно к этой ситуации больше формально-го, что Шах-Али являлся Джучидом-Чингизидом).

Шах-Али было всего 13 лет, он родился и воспитывался в Московской Руси. Московское правительство рассчитывало через него воздействовать на внутреннюю политику Казанского ханства и подчинить его своему влиянию.

Крым заявил решительный протест против данного назначения. Крымский посол в Москве, князь Аппак, на приеме его Василием III так сформулировал позицию Крымского ханства: «изстари недруг ордынские цари государю нашему, а ты ныне того юрта послал на Казань царя» [43, т. 95, с. 661].

Отношения между великим князем и Шах-Али в его первое правление в Казани регулировались шертными грамотами [27, с. 266; 28, с. 32]. Основным обязательством как с его стороны, так и со стороны казанского правительства было охранение интересов московских подданных, проживавших в Казани. Отдельным обязательством со стороны казанского правительства был отказ от права самостоятельно выбирать себе хана.

Касимовские татары в указанный временной отрезок занимались теми же делами, что и обычно – охраной восточных границ Московского государства [43, т. 95, с. 376, 379].

Кроме промосковски ориентированных феодалов, в Казани была и крымская группировка, недовольная российским присутствием. Прокрымская группировка установила связь с крымским двором и составила заговор против Шах-Али. Весной 1521 года Сахиб Гирей со своим отрядом в 300 человек [43, т. 95, с. 678] подошел к Казани. Город сдался без сопротивления.

10 июля 1530 года московские войска: пехота, конница, судовая рать, артиллерия – объединились и обложили Казань со всех сторон. В битве российские войска одержали победу. В результате активных действий московских послов в Казани начались выступления против Сафа Гирея, и в конце концов он бежал.

Ханский престол в Казани освободился. По грамотам нового правительства Казани явствовало, что оно согласно быть послушным воле великого князя, только бы он дал им в правители не Шах-Али, а его младшего брата Джан-Али [27, с. 277; 28, с. 57]. Фактически над Казанским ханством был вновь восстановлен протекторат Русского государства. Однако продолжался он недолго: 5 сентября 1536 года в Казани вновь произошел внутренний переворот. «Ковгоршад царевна и Булат-князь и вся земля Казанская великому князю Ивану Васильевичу изменили, Аналея царя убили, которого им князь велики Василий Иванович дал им царем на Казань» [27, с. 291; 28, с. 88] – так кратко сообщают об этом перевороте Воскресенская и Никоновская летописи. Люди московской ориентации, не разделявшие крутого поворота в политике, были недовольны и эмигрировали из Казани. Правление Джан-Али закончилось трагически. Он правил в Казани с 29 июня 1532 года по 25 сентября 1535 года. До этого он правил в Касимове с 1519 года по июнь 1532 года.

Касимовское ханство в период с июня 1532 года по начало 1536 года оставалось без хана. Сведения о нем стандартны: «...А из Асторокани шли послы казанские, которые были в Крыме, а иные из Крыма у короля были; и государя нашего казаки Городетцкие тех людей подстерегли, да их побили, а иных многих живых переимали и ко государю нашему привели человек с пятьдесят» (1536 г.) [43, т. 59, с. 54, 117]. Более всего касимовские татары в это время беспокоили ногаев, отбивая у них скот, перехватывая ногайские посольства в Казань, брали в плен ногайских подданных, которые зачастую содержались затем в Касимове [11, ч. 7, с. 240, 249, 250, 320, 321, 308, 314, 229, 340, 341]. Не исключено, что некоторые пленные могли в дальнейшем испомещаться в Касимовском ханстве, становясь подданными касимовского хана и великого князя [43, т. 95, с. 640]. Некоторые касимовцы сами попадали в плен к ногаям и долго содержались в заточении [11, ч. 7, с. 243]. Кроме военных акций, касимовские татары участвовали и в деле российской дипломатии: их командировали проводниками к послам, ездившим в восточные страны, а иногда и их одних посылали туда с грамотами и для переговоров [11, ч. 7, с. 233, 279, 290, 291, 298, 254, 307, 257, 259].

Статус вассального государства в отношении Касимовского ханства в вышеописанной ситуации проявлялся явно: само ханство оставалось без владельца, что не мешало московскому правительству использовать его жителей в своих целях. Однако ханство без хана – нонсенс. Фактически российскому руководству было нужно не Касимовское ханство, а звание касимовского хана (султана), чтобы выдвигать его на казанский престол.

По мнению некоторых историков, с 1530-х гг. великие князья московские начинают постепенно вмешиваться во внутренние дела Касимовского ханства, вводя элементы подчиняющейся Москве администрации. Постоянный представитель в ранге окольничего известен в Касимове с ноября 1542 г.

В марте 1546 года на казанский престол вновь был избран хан Шах-Али, но на престоле продержался всего 1 месяц [28, с. 149].

В мае 1551 года предпринимается большой поход против Казани. 24 мая при устье Свяги, на территории Казанского ханства, была заложена крепость Свяжск, которая фактически становится форпостом продвижения русских на Восток. В дальнейшем московское правительство блокировало водные пути вокруг Казани, практически парализовав жизнь в городе. В Казани произошел политический переворот, и власть перешла к сторонникам мира с Россией. В Свяжск была отправлена делегация приглашать Шах-Али на престол. Он вновь (в третий раз) становится казанским ханом.

6 марта 1552 года Шах-Али вывел московский гарнизон из Казани и вместе с ним уехал в Свяжск [28, с. 174; т. 13 (2 пол.), с. 474]. В дальнейшем Шах-Али участвует в завоевании Казани, находясь в войсках великого князя [подробнее см.: 47, с. 143–173; 1, с. 112–142]. С ним находились его касимовские татары. После падения Казанского ханства Шах-Али поселился в Касимове.

Представители большеордынской династии в Касимове, братья Джан-Али и Шах-Али неоднократно сидели в Казани в качестве ханов. Джан-Али правил в Казани в 1532–1535 гг., Шах-Али трижды (в 1519–1521 гг., 1546 г., 1551 г.) сидел в Казани «государевым жалованием», как указывают русские летописи. Степень влияния Москвы на Казань в эти четыре правления была разной, поэтому колебалась и политика московских ставленников: в каких-то случаях они действовали довольно жестко, в других – приходилось балансировать между различными политическими силами. В целом оба хана являлись послушными марионетками Москвы, и ни в одно правление в Казани с их стороны не было «ослушания» великого князя.

Для самих ханов казанский престол был значительно престижнее, чем управление Касимовским ханством, и к его обладанию стремились, несмотря на то, что зачастую это было связано со смертельной опасностью. Однако привести Казань к той степени зависимости, к которой стремилась Москва, – «как Городок», – с их помощью оказалось невозможным: Джан-Али был убит в Казани, а Шах-Али трижды изгонялся оттуда. Казанское ханство было завоевано силой российского оружия, и свою лепту в его падение внесло и Касимовское ханство [подробнее о большеордынской династии в Казани и Мещере см.: 41, с. 138–167].

Московские правители активно использовали Касимовское ханство как «кнут и пряник» для своих татарских союзников и оппонентов. Касимов успешно совмещал в себе две функции: он был как военным щитом южной границы Московского государства, так и средством дипломатического давления на «недругов» великого князя [50, р. 179].

После завоевания Казани Касимовское ханство, существуя юридически, фактически стало обычной административной частью Русского государства, состоящей из нескольких уездов. Его специфика стремительно исчезала. Фактически оно не являлось более ханством, и изучать его в этот период (середина XVI в. – 1626 г. – середина XVII в.) (о датировке см.: [2, с. 274, 277–278, 396–398]) как Касимовское ханство представляется неверным. Реальный политический статус этого образования менялся со временем. Теперь этот этнополитический организм, скорее всего, был ближе к удельному княжеству, к тому же быстро теряющему свою территорию и остатки суверенитета [7, с. 198].

С завоеванием Русским государством татарских ханств – наследников Золотой Орды – геополитическая ситуация на территории постзолотоордынского Дешт-и Кип-

чака, да и в целом в Восточной Европе, кардинально меняется (подробнее о геополитической ситуации в Дешт-и Кипчаке в XIII–XVI вв. см.: [40]). В руках русских властей оказались бывшие ханские домены, включая «царево место» – руины Сарая. После завоевания Казани и Астрахани Иван IV стал титуловаться «царем Казанским» и «царем Астраханским» и использовать это обстоятельство для признания за собой титула царя при дипломатических переговорах. Московский правитель встал в один ряд с полновластными крымскими ханами – Гиреями.

В этой сложной международной ситуации хорошим козырем Москвы во внешней политике становится Касимовское ханство, существование которого используется в дипломатической игре с Крымом и особенно с Османской империей. Касимовское ханство как бы занимает вакуум всех покоренных Россией мусульманских государств. На все обвинения своих внешнеполитических оппонентов о притеснении мусульман, разрушении их устоев, обычаев, веры, Москва смело указывает на присутствие прямо в православной России мусульманского «государства», жители которого свободно придерживаются своей веры и установленных временем порядков. К тому же, после взятия Казани и Астрахани перед Москвой возникли новые проблемы – проблемы завоевания Урала, Сибири, далее – взаимоотношений с казахскими ханствами. Доказательство тому – «царствования» в Касимове в дальнейшем султанов и ханов из Сибири и казахских степей.

Шах-Али скончался 20 апреля 1567 года. Со смертью Шах-Али перед Московским правительством вновь встал вопрос, кого же поставить касимовским владельцем (Шах-Али умер в 61 год бездетным). Выбор пал на родственника Шах-Али султана Саин-Булата. К сожалению, не ясен точный год назначения Саин-Булата касимовским владельцем. По всей видимости, это произошло либо сразу после смерти Шах-Али (то есть в 1567 году), либо чуть позже (но до 1570 г.). В 1570 году Саин-Булат уже являлся касимовским ханом.

Летом 1573 г. Саин-Булат принял христианство и был наречен Симеоном. После этого Саин-Булат был лишен города Касимова и Касимовского «царства».

У Саин-Булата был брат (либо двоюродный, либо троюродный) Мустафа-Али, сын султана Абдуллы. Он и становится следующим касимовским владельцем. Когда произошла смена царствования, точно сказать трудно. Это произошло либо сразу же в 1573 г., либо, как предполагает Вельяминов-Зернов, в 1577 г. [3, ч. 2, с. 27], либо в 1584 г. – в этом году московский посланник в Константинополе Борис Благов должен был объявить султану Амурату, что в Касимове «мечети владеет там магометанин Мустафалей» [45, т. 7–8, с. 262]. Он владел Касимовом примерно до 1590 г. [2, с. 274]. В середине 1570-х гг. представителей в ранге окольных в Касимове сменили осадные головы, что говорит о падении значения города.

После смерти Мустафа-Али московское правительство назначает касимовским «царем» Ураз-Мухаммеда, сына киргиз-кайсацкого (казахского) султана Ондана и племянника киргиз-кайсацкого хана Тевкаля. Борис Годунов пожаловал Ураз-Мухаммеду Касимов 20 марта 1600 года [28, с. 28]. Вновь назначенному касимовскому «царю» было всего 28 лет [3, ч. 2, с. 451]. Он «процарствовал» до декабря 1610 г.

После смерти Ураз-Мухаммеда в Касимовском «царстве» наступило время междоусобицы, которое продолжалось с 1611 по 1614 гг. Ураз-Мухаммед был единственным представителем «казахской» династии, сидевшим на касимовском престоле. Следующая, сибирская династия, стала последней в истории Касимовского политического образования. Первым ее представителем был Арслан, сын сибирского хана Али, внук хана Кучума. Касимовским владельцем Арслан стал 6 июля 1614 года. Правил до 2 апреля 1626 г. [2, с. 274].

Арслан был женат на Фатиме, дочери сеида Ак-Мухаммеда, внучке сеида Буляка. Она значительно пережила своего мужа. Хан Арслан скончался в 1626 году [2, с. 274].

После смерти Арслана б. Али можно говорить об окончательной ликвидации «царства», хотя фактически, как татарского «юрта», его не было уже давно. С этого момента татарские цари и царевичи в своем подавляющем большинстве стали кормовыми и поместными; при этом первые явно находились в большинстве [2, с. 396]. Сын Арслана Сеид-Бурхан остался только царевичем касимовским, но не был провозглашен «царем». Невладетельных же «царевичей» в Московской Руси того времени было немало, достаточно вспомнить хотя бы сибирских Шибанидов.

Итак, в XVII столетии Российское государство заметно усилило свои позиции во внешней политике. Функция Касимовского «царства» как козыря в дипломатической борьбе с Османской империей становится в связи с усилением Москвы не столь важной. Само существование «царства» становится анахронизмом, и вопрос его окончательного упразднения становится лишь вопросом времени. Компетенция касимовского «царя» постепенно сужается, основной властной фигурой в Касимове становится назначаемый туда Москвой воевода. Он полностью контролирует деятельность касимовского владельца, которому были запрещены любые контакты с иноземцами-мусульманами. В середине века касимовский царевич был крещен, сохранив за собой звание владетельного «правителя» Касимова. Все это входило в планомерную политику Москвы по окончательному устранению последних признаков самостоятельности Касимовского «царства» (подробнее о втором этапе развития Касимовского ханства см.: [3, ч. 1–3; 48; 39; 2; 42].

Касимовское ханство безусловно являлось одним из продуктов распада Золотой Орды. Образовавшись как ордынский улус на территории формирующейся Московской Руси, оно достаточно быстро превратилось в вассальное московскому великому князю образование. Его владельцы фактически являлись вассалами московского великого князя и царя и самостоятельной политической роли практически не играли.

Однако не стоит преувеличивать степень зависимости этого ханства от Русского государства. В XV – начале XVI вв. для государств-наследников Золотой Орды, русских княжеств, а также для сложившейся на их основе Московской Руси была характерна сложная система взаимосвязей, в которой доминирующей чертой их отношений была взаимозависимость. Именно поэтому Касимовское ханство, будучи частью «вотчины» московского великого князя, даже в 1517 году могло одновременно восприниматься крымским ханом Мухаммед-Гиреем как свой «юрт». Некоторые данные говорят нам о равнозначности статусов Касимовского и Казанского ханств. При этом никем не ставится под сомнение важная роль Казани в системе поздnezолотоордынских государств.

Не исключено, что в татарском мире наименование правителя Касимова, до занятия этого трона не правившего ни в одном из независимых татарских ханств, звучало как «хан». Однако русские источники всегда именовали таковых только «царевичами» («султанами»), подчеркивая «неполноценность» юрта в Мещере, находящегося в вассальной зависимости от Москвы.

В целом Касимовское ханство можно признать одним из государственных образований волго-уральских татар, в рамках которого сформировались такие существующие до сих пор этнические общности, как касимовские татары и мишаре.

1. Алишев С.Х. Казань и Москва: Межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995. 150 с.

2. Беляков А.В. Чингизиды в России XV–XVII вв.: Просопографическое исследование. Рязань, 2011. 512 с.

3. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1–4. СПб., 1863–1887.

4. Временник Императорскаго Московскаго общества истории и древностей Российских. Кн. 10. М., 1851. Б.с.
5. Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. Т. 1–3 / Подг. текста и коммент. А.А. Зимина; под ред. и предисл. Л.В. Черепнина. М., 1978.
6. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. к печ. Л.В. Черепнин; отв. ред. С.В. Бахрушин. М.; Л., 1950. 589 с.
7. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998. 276 с.
8. Карамзин Н.М. История государства Российскаго. Кн.3. Т.7.–9. Ростов н/Д, 1994.
9. Милуков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. 314 с.
10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. 642 с.
11. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. 7–11. СПб., 1791–1801.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1–3. Новгородская четвертая летопись. Л., 1915–1929. 688 с.
13. Полное собрание русских летописей. Т.4. Ч. 2. Вып. 1. Новгородская пятая летопись. Л., 1917. 264 с.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XV–XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 22. Русский хронограф. М., 2005. 894 с.
16. Полное собрание русских летописей. Т. 29. Летописец начала царства царя и великаго князя Ивана Васильевича; Александро-Невская летопись; Лебедевская летопись. М., 1965. 389 с.
17. Полное собрание русских летописей. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (архивная) летопись. М.: Наука, 1965. 240 с.
18. Полное собрание русских летописей. Т. 24. Типографская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.
19. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 404 с.
20. Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 416 с.
21. Полное собрание русских летописей. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 419 с.
22. Полное собрание русских летописей. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 411 с.
23. Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородские летописи. СПб., 1841. 309 с.
24. Полное собрание русских летописей. Т.4. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848. 363 с.
25. Полное собрание русских летописей. Т.5. Псковские и софийские летописи. СПб., 1851. 275 с.
26. Полное собрание русских летописей. Т.6. Софийские летописи. СПб., 1853. 360 с.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 7–8. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856–1859.
28. Полное собрание русских летописей. Т. 9–13 (1 пол.). Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1862–1904.
29. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1863. 504 стб.
30. Полное собрание русских летописей. Т. 16. Летописный сборник именуемый Летописью Авраамки. СПб., 1889. 320 стб., 70 с.
31. Полное собрание русских летописей. Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903. 530 с.

32. Полное собрание русских летописей. Т. 14 (1 пол.) Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси. Новый летописец. СПб., 1910. 154 с.
33. Полное собрание русских летописей. Т. 20 (1 пол.). Львовская летопись. Ч. 1. СПб., 1910. 418 с.
34. Полное собрание русских летописей. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910. 243 с.
35. Полное собрание русских летописей. Т. 13 (2 пол.). Дополнения к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. СПб., 1906. С. 303–533.
36. Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. 316 с.
37. Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941.
38. Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подг. текста и ред. В.И. Буганова; отв. ред. М.Н. Тихомиров. М., 1966. 615 с.
39. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство в Смутное время // Точка зрения: Сборник научно-исследовательских статей. Вып. 3. Казань, 2000. С. 89–97.
40. Rahimzjanov Vulat R. Наследие Золотой Орды в формировании Российского государства // Cahiers du monde russe et soviétique. № 46/1–2. Janvier-juin. 2005. P. 29–38.
41. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. 207 с.
42. Рахимзянов Б.Р. Политическое развитие Касимовского ханства // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. 4. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 359–376.
43. Сборник императорского Русского исторического общества. Т.35. СПб., 1882; Т.41. СПб., 1884; Т. 59. СПб., 1887; Т.95. СПб., 1895.
44. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1–5. М., 1813–1894.
45. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч.: В 18 кн. Кн. 2–7 (Т. 3–14). М., 1988–1991.
46. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV в. – начало XVI в. М., 2001. 336 с.
47. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. 320 с.
48. Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. Рязань, 1891. 206 с.
49. Keenan E. Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // Slavic Review. 1967. Vol.26. N 4. P. 548–558.
50. Martin J. Muscovite Frontier Policy: the Case of the Khanate of Kasimov // Russian History/Histoire Russe. 1992. Vol. 19. Nos. 1–4. P. 169–179.
51. Pritsak O. Moscow, the Golden Horde, and the Kazan Khanate from a Polycultural Point of View // Slavic Review. 1967. Vol. 26. N 4. P. 577–583.

§ 7. Тюменский и Сибирский юрты

Денис Маслюженко

Название, периодизация, политические тенденции.

Татарские государства на юге Западной Сибири были наследниками ранее существовавших здесь владений Шибанидов, входивших в состав Золотой Орды. Они формировались по указу Бату для его младшего брата Шибана после окончания западного монгольского похода около 1242–1243 года. Их северная часть именовалась «страной Сибирь (Сир)» или «областью Сибирь и Ибирь», ограниченной, вероятно, западным берегом Иртыша и находившейся под управлением ордынских судей, которое, видимо, было установлено при хане Узбеке [3, с. 91; 7, с. 281; 9, с. 106–107]. Указания источни-

ков на «Сибирскую землю» и реальное размещение ханств на юге Западной Сибири в совокупности предопределили выбор исследователями для позднесредневековых государств Шибанидов общего наименования «Сибирский юрт (ханство)». Это название удобно с позиций анализа единой линии развития местной государственности, хотя и не учитывает реальные, в том числе географические, изменения в этой системе. Кроме того, наименования типа «Сибирское царство» или «Сибирский юрт» характерны лишь для русских источников, к тому же впервые титулом «царя Сибирского» именуется в 1505–1506 гг. сын Ибрахима (Ибак) Кутлук [5, с. 264].

К сожалению, источники не сохранили для нас самоназвания позднесредневековых сибирских тюрко-татарских государств. При наличии лишь косвенных данных резонно называть расположенные приблизительно на одной территории наследственные владения Сибирских Шибанидов по их крупнейшим городским центрам, выполнявшим функции временных столиц на самом севере этих земель. В период Великой Замятни с 1370-х гг. на первое место здесь выходит Чимги-Тура (Singui западной картографии, Тура восточных и Тюмень русских источников). Этот город был формальным центром Сибирской земли, как это видно из летописной информации об убийстве Токтамышша («в Сибирской земли близ Тюмени») [27, с. 236]. О значении этого города говорит и его (под названием «Шехр-и Тура») захват ханом Хаджи-Мухаммедом Шибанидом в 1420-х гг. [21, с. 65]. Летом–осенью 1430 г. другой Шибанид, хан Абу-л-Хайр, сделал Чимги-Туру местопребыванием «трона государства и средоточия божьей помощи» [19, с. 143–144]. На этом основании можно говорить о формировании Туранского (Тюменского) ханства, находившегося на «крайнем пределе Дешт-и Кипчака», который в Московии называли Тюменью, а в восточных источниках – Турой [2, с. 102; 34, с. 259, 261]. Близко к этому и употребление «туранские ханы» по отношению к Шибанидам Западной Сибири у А.З. Валиди Тогана. При этом летописцы под «Турой» или «Тюменью» понимали как название города, так и «земли», то есть отдельное государство [например: 34, с. 261], которое на карте Антония Вида 1537 указано как «Тюмень Великая».

В имеющейся дипломатической переписке титул местных правителей также практически неизвестен, хотя хан Ибрахим, при котором Тюменское ханство достигло своего расцвета, часто именуется «Ногайским царем» или «Шибанским царем» [24, с. 203; 33, с. 29], последний титул используется и в отношении его брата и наследника Мамука [24, с. 242–243]. Русский перечень «Татарским землям имена» использует для владений Шибанидов в Сибири также понятие «Шибаны» [14, с. 253], аналоги которого известны и в более позднее время в форме «сибирской салтан Ишибаны» [8, с. 170]. Сейфи Челеби в отношении ханов Туры также использует понятие «шубан» [34, с. 259], то есть искаженное «шибан». Таким образом, на первом этапе существования позднесредневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири необходимо говорить о Тюменском (Туранском) ханстве (риску предположить, что упоминания Туранского вилайета или вилайета Чимги-Тура указывает на название ханства в целом, а не отдельную административно-территориальную единицу в его составе).

Тюменское ханство с центром в Чимги-Туре существовало в период с 1420-х гг. по середину XV века. Для Шибанидов этого времени собственно тюменские земли были северной периферией более обширных степных владений, приоритетом для них была борьба за присырдарьинский и поволжский регионы, выражавшая стремление к власти на значительной территории бывшего Улуса Джучи как инерции общеордынского единства. Тем более, что она была подкреплена занятием сарайского престола в период Великой Замятни отдельными Шибанидами. Эти тенденции характерны для политики ханов Хаджи-Мухаммеда и Махмуд-Ходжы в 1420-е годы, в годы правления которых Чимги-Тура находилась под управлением хакимов из буркутов [19, с. 143–144], которые могли наследовать власть судей ордынского времени. А.-З. Валиди-

Тоган, по данным Утемиша-хаджи, указывает, что Махмуд-Ходжа совместно с родами Туранского вилайета воевал с туменами кунгратов и салджиутов [4, с. 40]. Эта борьба могла вестись только в период 1429–1430 года, когда во главе этих родов и находились буркуты. После победы хан «объединил вокруг себя всю страну», то есть, скорее всего, северную периферию улуса Шибана, что привело к его дальнейшему столкновению с новым претендентом – ханом Абу-л-Хайром. После воцарения в Чимги-Туре и победы над Махмуд-Ходжей в 1431 г. он объединил под своей властью все владения Шибанидов в единый Узбекский улус в Восточном Дешт-и Кипчаке. При этом он сменил и администраторов в вилайете Чимги-Тура, где даругами, то есть ханскими наместниками, стали представители тарханов, дурманов и найманов [19, с. 16].

Однозначно с тюменским престолом можно связывать деятельность следующих ханов: Абу-л-Хайр (1429–1446 гг., затем – до 1457 г. в составе Узбекского ханства в качестве Тюменского юрта под управлением сыновей Хаджи-Мухаммеда Махмудека и Саййидека), Махмудек и Саййидек (1457–1468 гг., даты восстанавливаются лишь по косвенным источникам), Ибрахим (Ибак) (1468(9)–1494(5) гг.), его братья Мамук (1494(5)–1497 гг.) и Агалак (1497–1505(7) гг.), сын Ибака Кутлук (1505(7)–1510-е гг.). Во многих случаях новые правители начинали свою карьеру при своих родственниках, как правило, выполняя военные обязанности, в частности, это было характерно для Абу-л-Хайра при хане Джумадуке или Мамука при Ибрахиме. В любом случае ханы пользовались помощью родственников в военной сфере. Однако реализация внешней политики была невозможна без поддержки местных кланов и племен, элита которых в лице беков, биев и бахадуров входила в состав курултая или совета карачи-беков при ханском дворе. При проведении военных советов и построения армии фиксируется сохранение крыльевой системы, которая, видимо, переживала период стагнации, поскольку крыльевое положение кланов могло изменяться, и представители одного и того же клана оказывались на разных крыльях, что связано и с утратой политического статуса. В условиях распада общего ордынского пространства при Абу-л-Хайре ритуалы и формы поведения в значительной степени были ориентированы именно на подобных лидеров [39, р. 26], чья роль постоянно увеличивалась. Основным выразителем интересов этой степной элиты мог быть находившийся при хане беклярибек, который при Абу-л-Хайре поочередно выдвигался из кыйатов, буркутов и мангытов. При последующих тюменских ханах все известные беклярибеки были только из мангытов (ногаев), что и позволяло, например, Ибрахиму именоваться «ногайским царем». Помимо этого, сохранял свое существование и такой орган управления, как диван, которым в период правления того же хана руководили представители уйгуров и кушчи [19, с. 97–98].

При трех последних правителях с 1495 г. значительное место в системе управления Тюменского ханства занимают представители династии беков Тайбугидов, которые, скорее всего, были из буркутов. При них происходит присоединение к Тюмени Сибирской земли, князя которой после русского похода 1483 г. платили дань в Москву. Тайбугиды стали управлять Сибирским юртом из Искера (Сибири, Кашлыка) от лица шибанидских ханов Тюмени. Сибирские летописи позволяют предположить, что их уход мог быть связан с убийством ими хана Ибрахима [29, с. 118]. Однако отсутствие упоминаний о дальнейших конфликтах между тюменским Шибанидами и искерскими Тайбугидами заставляет более осторожно относиться к этой версии. При этом беки или князья не могли выступать самостоятельными правителями в силу своего политического статуса в чингизидском мире, что позволяет считать их беклярибеками при тюменских ханах. По всей видимости, с учетом этой оговорки нет резона выделять «Искерское княжество Тайбугидов» как отдельный этап в истории сибирской государственности [23, с. 17–23]. Тем более на данный момент нет оснований говорить о Ишимском ханстве Тайбугидов или отдельном Ишимском юрте [38, с. 110–112], исто-

рия которого реконструируется лишь по косвенным упоминаниям в поздних Сибирских летописях. Еще одним аргументом в пользу этого может быть использование титула «сибирского царя» в 1505–1506 г. (7014 г.) в отношении Кутлука, для которого при этом указывается, что он «пришел из Тюмени» [5, с. 264]: то есть сюзерен Тайбугидов с соответствующим титулом находился в Тюмени. Это время совпадает с нахождением Тайбугидов в Искере, но при этом титул сибирского царя был закреплен за наследственным тюменским династам из Шибанидов. В 1563/4 г. (7072) этот титул принадлежал еще одному сыну тюменского хана Ибрахима, Муртазе [11, с. 63].

Около 1505 г. возник конфликт между ханом Агалаком и его племянником Кутлуком, что привело к уходу хана вместе с частью родственников во главе с его двоюродным братом Ак-Куртом к ногаям и попыткам последнего получить Казань или Мещерский городок при помощи дипломатической переписки с московскими князьями [17, с. 62–68]. В 1510-х гг. начинается период «смутного» времени, когда многие «шибанцы» уходят по неизвестным причинам в степи, что приводит к исчезновению тюменских ханов с внешнеполитической арены. Хотя еще в 1525 г. Павел Иовий писал: «Далее на Север от Казани живут Шибанские Татары (Sciabani), сильные по своему многолюдству и обширным стадам» [10, с. 28–31], что свидетельствует в пользу сохранения здесь шибанидских владений. Лишь в 1530-х гг. они оказываются под контролем мангытского бия Шейх-Мамаю, внука хана Ибрахима по линии дочери. При нем мог находиться и брат Кутлука Муртаза, который во второй четверти XVI века, видимо, выступал в качестве тюменского династа [6, с. 164, 181; 30, с. 130–131]. По всей видимости, для него старший сын Шейх-Мамаю, Хан-мурза, пытался в 1536 г. вернуть Туру, оказавшуюся под властью угорских князей [6, с. 157; 30, с. 155]. В условиях ухода Тюменских Шибанидов в Среднюю Азию и ногайские степи Тайбугиды оказались оторваны от своих сюзеренов, которые, видимо, фактически перестали вмешиваться в вопросы местной политики. Это и позволило беку Едигеру и его брату Бекбулату в 1554 г. вступить в сепаратную переписку с московским царем Иваном IV, который взял Сибирь «под свою руку». В это же время в Искере могла сформироваться «Тайбугидская легенда» в качестве идеологического обоснования власти не-чингизидов в Сибири [16, с. 9–21]. В целом в этой легенде и преувеличении реальной власти сибирских князей в значительной степени были заинтересованы не только сами Тайбугиды, но и московские власти, для которых вассалитет этих правителей был важным фактором в дальнейшем присоединении Сибири. Появление московского даруги привело к ответному набегу на Сибирь в 1556 г. шибанского царевича [26, с. 276]. Скорее всего, им был один из сыновей Муртазы (Ахмед-Гирей или Кучум), которые воспитывались при дворе Шейх-Мамаю и пользовались затем поддержкой его сыновей.

В результате начались длительные переговоры с 1557 по 1563 гг., в которых участвовали московские власти, тюменские Шибаниды, лидеры Ногайской орды и сибирские князья. В 1563 г. Едигер скончался, его сын оказался в Москве, а «сибирские люди... взяли к себе на Сибирь царевича» [25, с. 370]. В историографии под ним принято видеть Кучума, однако в письме от 22 сентября 1563 г. от Ивана IV бию Исмаилу указывается: «А ныне на том юрте Ахмет Кирей царевич» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 118–188 об.]*; то есть престол был занят по праву старшинства. Вскоре после этого сын другого сибирского бека Бекбулата оказался в Бухаре у местного сейида, чем и ограничилось в период становления Сибирского ханства влияние этого политического центра среднеазиатских Шейбанидов. В результате с 1563 по 1582 г. в определенной очередности шибанские ханы Муртаза и его сыновья Ахмед-Гирей и Кучум занимали

---

* Автор выражает благодарность В.В.Трепавлову (г. Москва) за предоставление копии этого документа, открывающего ранее неизвестный момент в сибирской истории.

как тюменский, так и сибирский престол. Зависимость Сибирского ханства от среднеазиатских Шейбанидов, правивших в Бухаре, фактически не прослеживается в источниках [37, с. 44–45]. Роль бухарского хана Абдуллы II, а также его торгового и исламского окружения, ограничивалась отправлением двух исламских миссий, решения отдельных торговых вопросов, попытками хана выступать третейским судьей в спорах Кучума с ногайскими мурзами и небольшими подарками в 1590-е гг.

С воцарением на искерском престоле около 1563 года Муртазы б. Ибрахима и его сыновей Кучума и Ахмед-Гирея при поддержке ногаев за государством в русских летописях и дипломатических источниках окончательно закрепляется название «Сибирское царство» («Сибирская земля»). Это было связано с переносом формального столичного центра из Чимги-Туры в Искер (Сибирь) и значительным расширением территории государства. В русской дипломатической переписке по отношению к Муртазе, Кучуму и его сыну Али использовался титул «сибирского царя». Хотя в письме в Москву от Ханмирзы, сына Уруса, в 1578 году сохранилось титулование Кучума «тюменским и сибирским» ханом, что, видимо, отражает двухсоставной характер владений [31, с. 268–269]. При этом «Тюмень» ставилась на первое место, что подчеркивало и ее особый статус, а сам Кучум именовался ханом Турана или владельцем области Тура. Кстати, и на европейских чертежах и картах Московии и Татарии XVI века в качестве города и отдельной земли отмечены чаще «Tumen» и несколько реже «Sibe(y)g», что также отражает представление о наличии здесь двух земель. При этом Д.М. Исхаков в контексте этого вопроса верно обратил внимание на то, что в письме 1597 г. русского царя Федора Ивановича хану Кучуму говорится: «... после деда твоего Ибака царя были на Сибирском государстве князи Тайбугина роду...» [12, с. 190]. Исходя из этого, Тюменское и Сибирское ханство уже в конце XVI века дьяками Посольского приказа рассматривались как единое государство, хотя в понимании самих местных династов и их восточных родственников значительных изменений не произошло, лишь сменился клан искерских беклярибеков.

Таким образом, для второго этапа существования местной государственности допустимо говорить о закреплении названия в форме «Сибирское ханство». При этом данное наименование, скорее, отражало именно русское представление о местной государственности, в то время как для восточных авторов продолжало существовать Туранское ханство (Туран). Как и в предыдущие годы, ханская власть во многом зависела от поддержки не только приведенных ногайских и среднеазиатских войск, но и местных мурз и князей, управлявших различными по размерам юртами внутри ханства. Они в составе группы «лучших людей» подписывали вместе с правителем внешнеполитические соглашения.

Причины поражения Кучума и постепенного отступления к югу в период 1582–1598 гг. скрываются во многих факторах. Среди них выделяют и опору на традиционную степную конную тактику боя, которая оказалась неприспособленной к отражению русских речных отрядов казаков, и быстрый переход на русскую сторону многих местных угорских и сибирских тюрко-татарских лидеров, и специфику внешнеполитической ситуации. В последнем случае в условиях калмыцкого нашествия в казахские степи и одновременных войн между среднеазиатским Шейбанидами Кучуму не удалось получить поддержки возможных союзников из Бухары или Алтыулов. Сохранение ханского титула Кучумом при потере столицы может быть связано с тем, что Шибаниды, как и значительная часть их подданных, вели кочевой или полукочевой образ жизни, а столица выступала лишь временным административным и налоговым центром, обеспечивающим прежде всего контроль над северными землями и пушной торговлей. Собственно ханская ставка (орда-базар во главе с базарским князем при Ибрахиме) подкочевывала к ней лишь на время летовки, что схоже с образом жизни золотоордынских ханов.

С общеордынскими традициями могли быть связаны и символы ханской власти, которыми у первого тюменского хана Абу-л-Хайра были трон, царская юрта и халат, а так-

же, возможно, переносной (походный трон) и знамена. Тюменский трон выступал относительно новым атрибутом местных правителей. По этой причине особое значение для тюменских династов имел трон правителей Улуса Джучи, который в источниках именуется как «престол (трон, стул) Саин-хана», то есть Бату [19, с. 143–147, 155, 163; 30, с. 46]. Обладание им давало ханам Абу-л-Хайру и Ибрахиму возможности для более активного влияния на постордынский мир и закрепляло претензии на восстановление единства его значительной части под управлением тюменских ханов. Для Сибирского ханства периода правления Муртазы, Кучума и Ахмед-Гирея в качестве таких предметов выступают государственные печати различной формы и статуса, их аналог в форме тамги ханского рода при Кучумовичах, в отдельных ритуалах мог использоваться барабан; кроме того, русские источники в качестве такого символа рассматривали т.н. «Сибирскую корону» (боевой шлем хана Кучуму восточного производства) [12, с. 195–196; 35, с. 196–197].

Историю Сибирского ханства (юрта русских источников) не следует заканчивать потерей Искера в 1582 г. или даже смертью хана Кучума около 1601 г. В это время можно говорить лишь о начале третьего этапа в истории местной государственности, которая развивалась в условиях включения земель Сибирского ханства в состав Московского царства. Длительность этого периода пока вызывает вопросы. Еще сыновья Кучума Али, плененный русскими около 1608 г. и сохранявший титул «сибирского царя» до своей смерти в 1649 г., и Ишим (Иш-Мухаммед), за которым этот титул, видимо, признавался русскими властями в 1616 г. [37, с. 62–83], однозначно рассматривались как независимые властители. Как Али, так и Ишим признавались ханами и отдельными восточными авторами, при этом, если Абул-Гази последним ханом Турана считает Кучума, то в иных источниках последним хаканом Сибири именуется Ишим [1, с. 276]. Необходимо учитывать, что Кучумовичи вплоть до 1660-х годов продолжали контролировать часть земель Сибирского ханства в Притоболье. Власть над этой территорией признавалась за внуком Ишима Кучуком в 1660-е годы даже на чертеже всей Сибири, подготовленном по приказу тобольского воеводы П.И. Годунова. По всей видимости, они могли избираться ханами местными тюрко-татарскими племенами. Отсутствие упоминаний этого титула в русских источниках и использование по отношению к Кучумовичам лишь понятия «царевич» отражает только русскую дипломатическую точку зрения, в рамках которой сибирскими правителями были уже именно московские цари. Лишь после провала восстаний 1660-х гг., разочарования представителей местных племен в Кучумовичах и окончательного ухода последних в степи Сибирское ханство прекращает свое существование даже в качестве политической иллюзии.

Территория, границы, население.

Определение территорий и границ кочевых политических образований вызывает значительные трудности, особенно в условиях позднего средневековья. Сложность усугубляется претензиями тюменских и сибирских ханов на значительные степные территории и тесными политическими и родственными связями с лидерами Ногайской Орды, что приводило к неопределенности внутренних границ между этими политиями. В зависимости от конкретной ситуации в Тюменском или Сибирском ханстве границы оказывались легко проницаемы для кочевых групп соседних государств.

Наиболее точно источники определяют собственно владения основателя династии Шибана, которые в значительной степени были закреплены и за его потомками. Их подробное описание было сделано в начале XVII века ханом из этой династии Абу-л-Гази: «Юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичена. Летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-сувук, Орь, Илек до гор Урала; а во время зимы живи в Ара-куме, Кара-куме и по берегам реки Сыр – при устьях рек Чуй-су и Сари-су»; кроме того, Шибану была отдана область Корел [2, с. 104]. Исходя из этого, основные кочевья династии располагались широкой

полосой в Южном Приуралье и Западном Казахстане, а также частично в степных районах Северного и более урбанизированных районах Центрального Казахстана, хотя, вполне возможно, что это описание отражает поздние реалии. И.А. Мустакимов обратил внимание на то, что, согласно «Таварих-и гузида – нусрат-наме», во владения Шибана Бату были отданы следующие тумены (земли и народы): Джулат Черкес на Кавказе (Северная Осетия), Кара Улак (Молдавия, Валахия или Болгария), Кырк-йер (Крым), Янгикент (город в низовьях Сыр-Дарья), Кюйдей (Западная Сибирь или Северный Казахстан) [22, с. 242]. Первые три владения однозначно были утеряны потомками Шибана еще в ордынский период, тем более, что в это время кочевья Шибанидов могли неоднократно перераспределяться сарайскими ханами. По этим причинам по вопросу о территориальных изменениях вполне справедливо мнение В.П. Костюкова: «...обстоятельства заставляют с большой долей осторожности и лишь в самом общем виде обозначать географические пределы владений Шибанидов» [15, с. 216; здесь же анализ историографии по вопросу]. В описании Абу-л-Гази резонно видеть ситуацию, сложившуюся к концу периода Замятни и сохранявшуюся на всем протяжении позднего средневековья, когда именно присырдарьинские и западносибирские земли стали основой для власти шибанидских ханов. Таким образом, тюменские и сибирские земли были лишь северными (летними) кочевьями представителей этой династии. Большинство из них, даже будучи местными ханами, стремились сохранить за собой зимовки на более комфортном юге, необходимом еще и с точки зрения сбыта сибирской пушнины и обеспечения хана и его окружения ремесленными изделиями.

Вопрос о том, насколько далеко к северу и востоку от этих степных владений распространялась власть Шибанидов, не имеет однозначного ответа в источниках. Понятно, что приграничные районы юга Западной Сибири должны были уже в ордынский период использоваться как удобная рекреационная (по выражению В.П. Костюкова) зона для накопления сил и как укрытие в случае неудачи. Для этого могли быть использованы и земли Южного Зауралья, и лесостепного Притоболья, где имеются археологические памятники этого времени. Для периода правления Абу-л-Хайра и Ибрахима в XV веке наиболее северной точкой была Чимги-Тура.

В 1483 году состоялся поход русских воевод на Пелымское княжество, в ходе которого «воиводы великого князя оттоле пошли по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирь» [28, с. 49]. Летописец имел в виду, что русские войска прошли мимо Тюменского ханства, т.е. за пределами его северо-восточной границы, которая, видимо, располагалась именно по Тавде, а далее к востоку располагалась уже «Сибирская земля». Это позволяет нам установить условную, согласно взглядам русских летописцев, границу владений хана Ибрахима. При этом в 1480-е гг. тюменский хан Ибрахим контролировал и земли на самом юге бывших владений Шибанидов в Приуралье, то есть действительно являлся «Шибанским царем». Это подтверждается тем, что «и с устья Сыра пришло много людей, ради него [Мухаммед Шейбани-хана] отделившись от Ибак-хана» [19, с. 26]. То есть весьма условно Тюменское ханство можно локализовать как расположенное между реками Урал, Сыр-Дарья (в ее низовьях), Тура и Тавда, хотя восточные границы остаются неустановленными. Лишь после 1495 года в его состав была включена Сибирская земля, что расширило границы до среднего течения Иртыша и Ишима. Абсолютно нерешенным остается вопрос о степени влияния тюменских ханов на таежные угорские княжества, которые в условиях распада ордынского пространства проявляли независимость, что и позволило вмешаться в сибирские дела русским воеводам.

Территория Сибирского ханства периода правления внуков Ибрахима Кучума и Ахмед-Гирея локализуется С.Ф. Татауровым и А.В. Матвеевым по данным археологии. Для этого были выявлены пограничные крепости, в культурном слое которых имеется специфическая для населения ханства второй половины XVI века керамика. Очевидно,

что политика была в значительной степени ориентирована на строительство крепостей с небольшими гарнизонами, которые могли способствовать как защите от внешнего вторжения калмыков, так и контролю над местным населением. Благодаря этому, границы ханства были значительно раздвинуты в сравнении с периодом Тюменского ханства. Во многом это связано с большим вниманием братьев Ахмед-Гирея и Кучума к вопросам внутренней политики, в том числе исламизации населения, которая должна была способствовать созданию единой государственной идеологии и культуры. К этому времени ислам под влиянием деятельности представителей суфийских тарикатов Средней Азии уже почти четыре столетия был известен в Сибири, но даже активная исламизация золотоордынского времени, скорее всего, затронула лишь слой политической элиты местных государств. В результате ханской политики на севере границы Сибирского ханства вышли к впадению Иртыша в Обь, среднему течению Туры и Тавды, на востоке – к низовьям реки Томи, притока Оби, на юге – до Чановских озер в Барабинской лесостепи, низовьев Иртыша, Ишимо-Иртышского и Ишимо-Тобольского междуречий, на западе – до верховьев р. Исеть [18, с. 74–76].

При этом западные части этих владений однозначно включали земли Тюменского ханства. За пределами этих границ в северной таежной зоне располагались хантыйские и мансийские княжества, большинство из которых находились в экономической или политической зависимости от Сибирского ханства. Наиболее сложно установить его юго-западные границы, где оно граничило с Ногайской Ордой и Казахским ханством, поскольку здесь проживали родственные племена, с которыми за редкими исключениями были союзные отношения. Г.Х. Самигулов аргументированно доказал, что фактически все земли по Тоболу, Миассу и притокам этих рек находились под властью сибирских ханов [32, с. 126–130], что не мешало ногаям в период ослабления Сибирского ханства кочевать даже по Исети. При этом по Тоболу на границе степи и лесостепи располагались т.н. «Царевы кочевья» Кучума. При этом Продолжатель Утемишахаджи сообщает, что Кучум поддерживал своего отца Муртазу в борьбе за Мавераннахр, а их владения располагались в районе Отрара на Сыр-Дарье [21, с. 65]. Это отчасти подтверждается и преданием сибирских татар, где Муртаза упоминается как хан Большой Бухары [20, с. 192]. В результате поражений Кучума в 1580-х гг. был утрачен контроль не над всеми землями: западные и особенно южные земли Сибирского ханства продолжали оставаться под контролем как самого хана, так и его потомков, что не позволяет считаться последних «бродячими царевичами» или «казаками».

Таким образом, правители Тюменского и Сибирского ханства стремились к сохранению контроля над степными владениями по Сыр-Дарье и одновременно расширяли земли на юге Западной Сибири как за счет включения в состав ханства, например, Сибирской земли, так и усиления власти над таежными угорским княжествами.

Ситуация с территорией и границами изрядно осложняется и активной внешней политикой тюменских ханов. Абу-л-Хайр и Ибрахим совершали походы на поволжские земли Большой Орды, участвуя в борьбе за «Саин стул». Первый из них получал налоги из Булгар и в конечном итоге подчинил значительную часть Средней Азии, расширив здесь владения Шибанидов, а при втором находилась группа казанских аристократов, что позволяло ему именоваться казанским ханом. Хан Мамук почти все годы своего недолгого правления в Тюмени находился также на казанском престоле, а Агалак и Аккурт, находясь у ногаев, пытались получить казанский престол уже при помощи дипломатических переговоров с Москвой. В Приуралье совершали походы ханы Кутлук и Муртаза, а уже в 1570-е гг. несколько раз на эти же земли ходили походами сибирские войска во главе с сыном Кучума Али и главным полководцем, племянником хана Маметкулом Алтыуловичем. Уже после потери столицы Кучум продолжал претендовать на сбор ясака

с территории Приуралья. Очевидно, что вопрос о поволжских и приуральских владениях тюменских и сибирских ханов на данный момент еще не имеет однозначного решения.

В силу значительного размера Тюменского и Сибирского ханств, включавших степные, лесостепные и лесные территории, варьировались и группы населения и специфика хозяйства, которое включало в себя как различные виды скотоводства и земледелия, так и ремесла, охоту, в частности на пушных зверей, а также внутреннюю и внешнюю торговлю. Специфика происхождения, занятий и образа жизни свидетельствовала о выделении как «лучших людей», так и ясачного населения. Необходимо понимать, что использовать для населения этих ханств современные этнические названия не совсем верно и чревато модернизацией исторической ситуации. Если не учитывать находящееся в зависимости население хантыйских и мансийских княжеств, то для тюркоязычных групп населения Тюменского и Сибирского ханств характерны были два уровня идентификации, нашедшие отражение в письменных источниках. На первом из них они соотносили себя с конкретным племенем или кланом. Наиболее хорошо перечень этих политических единиц виден по окружению Абу-л-Хайра, в которое входили представители кланов буркут, дурман, карлук, конграт, курлаут, кушчи, кыйат, кытай, мангыт, найман (с подразделением на украш-найман), тубай, тюмень, уйгур, уйшин, утарчи, чат и ряда других [19, с. 16–17]. Часть из них однозначно связывается с сибирскими территориями и владениями Шибанидов [22, с. 235–244; 13, с. 52–58]. Для Сибирского ханства этот перечень может быть восстановлен лишь по племенам, упоминающимся в контексте русского присоединения сибирских территорий как в составе войск Кучума и Кучумовичей, так и перешедших на русскую сторону: аялы, мякотин (бикотин), сынрян, табын, терсяк, чат и другие. Некоторые из них состояли из тюркизированных угров (терсяк, бикотин). При этом не решен вопрос о связи кланов XV века с подобными структурами более позднего времени (например, табын были явно родственны уйшинам). Кроме того, как в Тюменском, так и в Сибирском ханстве значительным было число лиц из Казани, Ногайской Орды и Средней Азии. На втором уровне идентификации с позиции внешнего наблюдателя местные группы однозначно соотносились в XV веке – с «узбеками», а в XVI в. – с этносословной группой татар, представители которой образовывали слой аристократии. При этом, среди них выделялись и «шибанские татары» («шибанцы») и «тюменские татары». Очевидно, что связь с конкретными правителями местных государств была важным моментом оценки этнополитической картины региона. Еще в XVII веке часть групп, проживавших на территории бывшего Тюменского ханства, именовались туралинцами или туранскими татарами [36, с.19], что также свидетельствует о сохранении в исторической памяти представлений о Туранском ханстве.

1. Абд ал-Кадир ибн Мухаммед-Амин Маджма ал-ансаб ва-л-ашджар // История Казахстана в персидских источниках Т.П. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 692 с.

2. Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г.С. Саблукова // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингизова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Ташкент; Баку, 1996. С. 3–186.

3. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 71–112.

4. Валиди Тоған А. История башкир. Уфа: Китап, 2010. 352 с.

5. Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып.4. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958. С. 241–270.

6. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Издательство Московского университета, 1998. 420 с.

7. Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М.: Вост. лит., 2002. С. 261–302.
8. Дополнения к актам историческим. Т.1. СПб., 1846. 400 с.
9. Золотая Орда в источниках. Т.1. Арабские и персидские сочинения / Сост. Р.П. Храпачевский. М.: ППП «Типография «Наука», 2003. 448 с.
10. Иовий П. Посольство от Василия Иоанновича, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. Т.1. СПб., 1836. С. 12–55.
11. Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. 196 с.
12. Исхаков Д.М. О культуре государственной жизни в Сибирском юрте в XV–XVI вв. // Сибирский сборник. Казань: Изд-во «Язь», 2011. С. 190–196.
13. Исхаков Д.М. Поздnezолотоордынская государственность тюрко-татар Сибирского региона: в поисках социально-политических основ // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы Международной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2011. С. 52–58.
14. Казакова Н.А. «Татарским землям имена» // Куликовская битва и подъем национального самосознания. Л.: Наука, 1979. С. 253–256.
15. Костюков В.П. Улус Шибана в XIII–XIV вв. (по письменным данным) // Проблемы истории, филологии, культуры. 1998. Вып. VI. С. 210–224.
16. Маслюженко Д.Н. Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизация генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.2. Казань: Ихлас, 2010. С. 9–21.
17. Маслюженко Д.Н. Политическая деятельность Сибирских Шибанидов в первой четверти XVI века (по переписке Ак-Курта с Москвой) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы международной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2011. С. 62–68.
18. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Границы Сибирского ханства Кучума // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы Международной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2011. С. 70–78.
19. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. 652 с.
20. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М.: Вост.лит., 2005. 630 с.
21. Миргалеев И.М. Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2014. С. 64–66.
22. Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида-Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Вост.лит., 2011. С. 228–248.
23. Нестеров А.Г. Искерское княжество Тайбугидов (XV–XVI вв.) // Сибирские татары. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. С. 17–23.
24. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1901. 266 с.
25. Полное собрание русских летописей. Т.13. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Типография Н.Ю.Скороходова, 1904. 303 с.
26. Полное собрание русских летописей. Т.13. Вторая половина. Дополнения к Никоновской летописи. СПб.: Типография Н.Ю.Скороходова, 1906. 234 с.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л.: Наука, 1949. 464 с.
28. Полное собрание русских летописей. Т.37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. / Сост. Н.А. Казакова, К.Н. Сербина. Л.: Наука, 1982. 228 с.

29. Полное собрание русских летописей. Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 255 с.
30. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1995. 356 с.
31. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. XI. СПб., 1801. 315 с.
32. Самигулов Г.Х. К вопросу о границе Ногайской Орды и Сибирского Зауралья // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2012. С.126–130.
33. Сборник Муханова (Документы по русской истории). Второе изд., доп. СПб.: Типография Э.Праца, 1866. 799 с.
34. Султанов Т.И. Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // Тюркологический сборник 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М.: Вост.лит., 2005. С. 254–272.
35. Татауров С.Ф. Маркеры государственности для Сибирского ханства в археологических материалах // Присоединение Сибири к России: новые данные. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2014. С. 193–200.
36. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. 275 с.
37. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост. лит., 2012. 231 с.
38. Файзрахманов Г. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань: Фэн, 2002. 488 с.
39. Allworth A.E. The Modern Uzbeks. From the Fourteenth Century to the Present. A Cultural History. Stanford: Hoover Institution Press, 1990. 410 p.

§ 8. Татарские политические образования на территории Великого княжества Литовского: Яголдаева «тьма»

Илья Зайцев

Название Яголдаева «тьма» появляется в ярлыке крымского Менгли-Гирея королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду (2 июля 1507 г.), где сказано: «Дали ... Курскую тьму з выходы и даньми, и з землями, и водами; Сараева сына Егалтаеву тьму, Милолюб, з выходы и даньми, и з землями, и водами; Мужеч, Оскол; Стародуб и Брянск со всеми их выходы и данми, и з землями, и водами...» [2, с. 5; 12, с. 150; 14, с. 557]. В схожем контексте «Сараева сына Егалтева тма» упоминается в ярлыке Менгли-Гирея 1513 г. [14, с. 595]. Слово «тьма», как известно, является русской адаптацией монгольского термина «тумен». Туменами назывались военно-административные округа, способные выставить десять тысяч боеспособных мужчин. Именно на такие «тумены» монгольские власти делили подвластное кочевое, а часто и оседлое население. Тумены подразделялись в свою очередь на тысячи, сотни и десятки. Десятичная система была введена монголами и на завоеванных землях оседлого населения, в частности, на Руси после общеимперской переписи второй половины 50-х годов XIII в. Однако там деление на «тьмы», скорее всего, было не военным, а фискальным институтом, т.е. было основой для налогообложения, а не для мобилизации. Со временем, в позднеордынскую эпоху термин тьма стал синонимом территориальной едини-

цы, а также получаемых с нее доходов; и, видимо, именно в этом последнем смысле его и следует понимать применительно к Яголдаевой «тьме»¹⁵.

Время образования ее точно не выяснено. По мнению Ст. Кучиньского (которое впоследствии разделил Б. Шпулер, а также Б. Греков и А. Якубовский) [5, с. 418], образование Яголдаевой «тьмы» относится к периоду времени после 1438 г., когда часть сопровождавших Улуг-Мухаммеда татар под предводительством некоего Яголдая Сараявича покинула хана и осела на территории Великого княжества Литовского, получив около 1440 г. на его юго-восточной окраине своего рода феод. В обмен на пожалованные земли Яголдай должен был защищать литовские границы от набегов татар. Таким образом, по мнению Ст. Кучиньского, Яголдаева «тьма» стала своего рода аналогом образовавшегося почти одновременно Касимовского «ханства» [16, с. 184–185]. Ф. Петрунь (а за ним и современные украинские историки) усматривал в Яголдаевщине татарский феод, который со временем был включен в состав Литовского великого княжества, правители которого постепенно переводили татарскую знать на положение обычных землевладельцев [9, с. 177; 13, с. 171–172]. А. Насонов не видел оснований «предполагать образования местных феодалов землевладельцев из татар по порубежью Литвы и Московского государства помимо политики этих государств» и не считал возможным «оседание землевладельцев-феодалов из татар по порубежью не в порядке правительственной деятельности» литовских князей, а применительно к Касимову – московских великих князей [8, с. 28–29, прим. 2]. Современные польские историки (например Дариуш Колодзейчик) также считают, что эта территория была пожалована Витовтом самому Улуг-Мухаммеду, когда он искал убежища в Литве, а после того, как последний вернулся к борьбе за трон, перешла к его приближенному Яголдаю [14, с. 562].

Однако ярлык Менгли-Гирея, содержащий упоминание о «тьме», восходит, как показали исследования Ф. Петруня, к протографу конца XIV в. – ярлыку, выданному Токтамышем Витовту в канун битвы на Ворскле (1399 г.), причем само упоминание содержалось как раз в протографе документа [9, с. 177]. Из этого следует, что сама «Яголдаева тьма» должна была к этому времени существовать. Тогда Яголдай Сараявич – эпоним «тьмы» – мог быть дедом Яголдая, имя которого дважды упомянуто в Литовской метрике между 1440 и 1486 годами (хотя и эти упоминания, строго говоря, могут относиться не к одному человеку). С. Кричинский отождествлял этого Яголдаю-деда с беком Ягалтаем, находившимся при золотоордынском дворе при заключении договоров с Венецией в 1347 и 1358 гг. Он впоследствии мог оказаться на Северщине либо вместе с предком Глинских *кыятом* Мансуром в 1380 г., либо в 1397 г. с Токтамышем [10, с. 147, 150, прим. 26]. Действительно, некий Ягалтай упоминается в двух

¹⁵ Ср. упомянутый ярлык Менгли-Гирея 1513 г. [14, с. 595]. Ср. в ярлыке Менгли-Гирея 1514 г.: «Што ж явно чиним, тым то нашим листом, иж здавна предков наших царей и отца нашего Ачжикгирея, царя, кони коли потны были, тогды к великому князю Витовту, к королю и великому князю Казимеру, в Литовскую землю гостем приходили и честь великую и доброту видевши, подле стародавнего обычая земли Рускии з города и месты, и волости со **тмами**, и з землями, и з водами, и з доходы записали, ничего не вменьшивая от тых ярлыков, которые ж с початку от первых царей выписаны к Великому князьству». Ср. в ярлыке Сахиб-Гирея (1535 г.): «Штож наши предки цари и отец мой Магъмитгирей, царь, коли кони потны были до великого князя Витовта и до короля и великого князя Казимира, до паньства Великого князьства Литовьского в гостину приезждчали и велики чти видали, такеж подлуг первого обычая рускии земли з городами з местами, з волостями, **тьмами** и со вьсами доходы записали» [цит. по: 12, с. 106, 108–109]. Правда, существует несколько иное понимание термина тьма, которое предложил К.А. Аверьянов на основании упоминания пяти нижегородских «тем»: «под термином «тьма» следует понимать мелкую административно-территориальную единицу, аналогичную волости, на землях, населенных по преимуществу нерусским населением, и сохранявшую определенную самостоятельность во внутреннем управлении» [1, с. 39].

ярлыках венецианским купцам Азова – Джанибека (1347 г.) и Бердибека (1358 г.) – в качестве одного из ходатаев [6, с. 115–118, 121]. А.П. и В.П. Григорьевы считали его везиром при дворе Джанибека [6, с. 163].

Таким образом, происхождение самого Яголдая также с точностью нам не известно. Ст. Кучинский, исходя из времени образования «тьмы», считал его братом приближенного Улуг-Мухаммеда Усейна Сараева¹⁶, а их отцом – упомянутого под 1408 г. в московском летописном своде конца XV в. некоего Сарая Урусахова сына [7, с. 260]. А.Н. Насонов писал прямо: «К сожалению, мы не знаем, существовал ли Еголдай в эпоху литовского владычества и был ли он выходцем из Золотой Орды, посаженным Литвою на землю; неизвестно, равным образом, отражает ли данное название отношения древнего (долитовского) времени, являясь следом деятельности какого-то лица, деятельности военно-административного характера или финансового» [8, с. 28–29, прим. 2].

Территория Яголдаевой тьмы, видимо, охватывала верховья рек Оскол, Северский Донец и южную часть бассейна Десны с городами Мужеч (на Псле между совр. Суджей и Обоянью), Милолюбль (волость в пределах совр. Белгородского, Яковлевского и Прохоровского районов Белгородской области) и Оскол (совр. Старый Оскол Белгородской области) [10, с. 148]. Ф. Петрунь, анализируя ярлык Менгли-Гирея, считал Яголтаеву тьму «синонимом» Курской «тьмы», ибо Курск был в 1278 г. разрушен, а значит, его более поздние упоминания «мемориальны» [9, с. 176–177, 186].

На правах вассального владения (о сути которого мы, правда, ничего не знаем) Яголдаевщина просуществовала до 1497 г., когда была расчленена. Потомок первого владельца феода, князь Роман Яголдаевич¹⁷ «одну дочку в себе мел, и тая его дочка была за князем Юрьем Борисовичом Вяземским, и князь Роман записал был той дочке своей именья свои отчинные» (РГАДА, ф.389, оп.1, д.6, л.138об.–139) [цит. по: 3, с. 150; 10, с. 145]. После перехода Вяземского около 1494 г. на службу к великому князю московскому Ивану его земельные имения были конфискованы и перешли к великому князю литовскому Александру. После 1497 г. территория бывшего татарского феода была разделена между киевскими боярами – родственниками Романа Яголдаевича по женской линии, а вскоре (1503 г.) отошла Москве. Как замечает А.Г. Бахтин, «о политическом статусе Яголдаевского княжества или «тьмы» можно спорить, источники не дают возможности решить этот вопрос точнее, но несомненно, что это было татарское государственное образование» [4, с. 153].

1. Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. М., 2001.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. II. СПб., 1848.
3. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т.1 (6). Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика 1494–1506 гг. Шестая книга записей Литовской метрики. М.-СПб., 2012.
4. Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола, 2008.
5. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950.
6. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. Источниковедческое исследование. СПб., 2002.
7. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л., 1949.
8. Насонов А.Н. Монголы и Русь: (история татарской политики на Руси). М.; Л., 1940.

¹⁶ Сохранились формулярные изводы тарханно-проезжих грамот митрополита Ионы казанскому хану Махмуду и казанскому князю Шаптяку Сараевичу о торговле митрополичьей рухлядью, т.е. мехами. Возможно, этот Шаптяк был братом Усейна (Хусейна) и Яголдая [11, с. 154–155].

¹⁷ Был и другой потомок Яголдая, брат Романа по имени Зиновий [10, с.145, 148].

9. Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі: (До питання про татарську Україну) // Східний світ. Харків, 1928. № 2.
10. Русина Е.Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «тьма» // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию акад. Г.Г. Литаврина. М., 2001.
11. Русский феодальный архив XIV первой трети XVI в. Подготовка текста А.И. Плигузова, Г.В. Семенченко, Л.Ф. Кузьминой. Под ред. В.И. Буганова. Вып. I. М., 1986.
12. Шабульдо Ф. Чи існував ярлик Мамаю на українські землі (до постановки проблеми) // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. Київ, 2005.
13. Яковенко Н.М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993.
14. Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden-Boston, 2011.
15. Kuczyński S. Jaholdaj i Jaholdajewicze, lenni książęta Litwy // Kuczyński S.M. Studia z dziejów Europy Wschodniej X–XVII w. Warszawa, 1965.
16. Kuczyński S. Ziemie Czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936.

§ 9. Татары на Балканах

Тасин Джемиль

Добруджа (юго-восток современной Румынии) и Буджак (юго-запад современной Украины) географически являются продолжением широких равнин, которые раньше называли Кипчакскими степями. На этих территориях татары продолжали господствовать до конца XIV в. В составленном на основе достоверных источников труде «История сельджуков» (1424 г.) Али Языджидаде писал о северной Добрудже, со второй половине XIII в. находившейся под властью Золотой Орды, следующее: «Большую часть времени в иле Добруджа было 2–3 мусульманских города и 30–40 тюркских кочевий». Тот же автор сообщил очень интересную информацию, касающуюся Буджака и более восточных земель в период правления Берке (1257–1266 гг.): «Долгое время земли от Крыма и Черной Богдании до вилайета были территорией ислама. В Черной Богдании стоит мечеть <Берке Хана>, которую позже неверные превратили в хлев для свиней» [51, с. 234–235].

Территория между реками Прут и Днестр, включая Буджак, примерно в 1370 г. была захвачена Молдавским государством (Черная Богдания). Посетивший Добруджу в 1330 г. знаменитый арабский путешественник Ибн Баттута писал следующее: «Наконец добрались до небольшого города, известного по имени Баба Салтука, где заканчивалась земля тюрков... Между Баба Салтуком и первым византийским вилайетом простирается совершенно пустая степь, преодоление которой занимает 18 дней пешего пути» [22, с. 331]. Городок Баба Салтук сегодня известен как село Баба-Даг, располагающееся на севере Добруджи. В XIII–XIV веках, в эпоху Золотой Орды, Добруджа в действительности не была пустыющей землей [13, с. 191; 25, с. 610]. В конце XIII века эмир Ногай поселился в Добрудже, в городе Исакчы [35, с. 49–63]. В середине XIV в. в Добрудже, в крепости Ени-Сала располагался центр татарского улуса. 22 июня 1368 года король Венгрии Людовик I предоставил документ татарскому купцу, где написано: «dominus Demetrius princeps Tartarorum» [14]. Румынский историк Н. Йорга перевел ее как «Хан татар Те<й>мур» [26, с. 264]. Другие румынские историки этот татарский улус размещали в Буджаке [40, с. 274–278].

С 80-х годов XIII века в европейских источниках упоминаются «дунайские скифы» – «paristrion skydon». Татарское войско успешно защищало границы Золотой Орды

от любых вторжений с Балкан [40, с. 176–177]. В середине XIII в., во времена правления Берке-хана, миссионеры из Средней Азии принесли на территорию Добруджи ислам. Имена этих мусульманских миссионеров сохранились до наших дней в названиях некоторых городов Добруджи: Баба-Даг (Баба Салтук/Мухаммед ал-Бухари), Мачин (Баба Мачин), Исакача (Баба Исхак), Тулча (Баба Тулчи/Кулчи).

В конце XIV в., когда османы впервые посетили Добруджу, они обнаружили здесь мусульманскую общину татар. После разрушительного нашествия Тимура в Поволжье в 1395 г. многие татары также бежали в Добруджу и Румелию [20, с. 342–344]. Актау, один из бывших главных эмиров Токтамыш-хана, после того как покинул Токтамыш, участвовал в сражениях на стороне Османского государства. Судя по сведениям османских и византийских источников XV в., численность этих татар составляла 35 000 человек. В битве при Никополе (1396 г.) они пополнили османский фронт, чем сильно повлияли на исход сражения [9, с. 40, 50; 6, с. 75; 19, с. 158]. В XVI в. «Татары Актава» снова фигурируют в официальных документах в качестве воинов на службе Османского государства [18, с. 87]. Во времена правления султана Мехмеда I (1413–1421 гг.) татары из Анатолии были перевезены в Румелию [36, с. 110]. Часть из них расположилась в Добрудже. В 1417 г. на долгий 460-летний период Добруджа полностью перешла под власть осман.

Область, называемая Буджак, в XV в. находилась в пределах границ Молдавского государства, однако там численность татар была незначительной. В XV в. в собственности Молдавского государства находились «татарские рабы» [2, с. 7–14]. В конце того же века это выражение стали убирать из официальных документов. Примерно в 1370 г. при поддержке Польши и Литвы Молдова положила конец господству Золотой Орды на территории между Прутом и Днестром. В ходе этих войн город современной республики Молдова, Оргеев, деревня Костешти и два близлежащих развитых татарских города были разрушены, а жители уничтожены или взяты в рабство [34, с. 197–200; 38]. Выражение «татарские рабы» осталось с тех времен.

С конца XV в. татары снова начали переселяться на территорию Буджака. Хотя они и не были многочисленными, тем не менее оставили след в европейских источниках как храбрые воины на службе польского короля и молдавского воеводы [27, с. 73]. В 1484 г., благодаря совместным усилиям османского султана Баязида II и крымского хана Менгли Гирея I, Буджак перешел под власть османского и крымского государств. Османский султан захватил крепости Килия и Аккерман с прилежащими территориями, а крымскому хану отошли города Каушаны, Дубоссары и их окрестности [23, с. 1253; 43, с. 225–238]. Здесь расселились татары. На земле между крепостями Килия и Аккерман проживало много татар [36, с. 132]. Поселившиеся в Буджаке татары были подчинены крымскому хану. То есть в отличие от Добруджи Буджак стал совместным осmano-крымским владением (кондоминиумом). Как сообщается в польском источнике 1502 г., османский султан позвал волжских татар в Буджак и пообещал крымскому хану вместе с пошлиной крепости Аккерман и пошлины от работорговли. Этот факт можно расценивать как показатель роста стратегической значимости Буджака. По мере ослабления и после окончательного исчезновения Золотой Орды часть татар была вовлечена в миграционные потоки. Буджак и Добруджа стали привлекательными территориями также и для ногайских татар, кочующих между Яиком (Урал) и Доном, ввиду того, что эти территории были давно населены татарами. С 1512–1514 гг. в европейских источниках, в первую очередь в источниках польского происхождения, с тревогой отмечается постоянный рост численности татар в Добрудже. В 1521 г. 20 000 войско добруджинских татар под командованием ханзаде Саадет и Химмет Гиреев было отправлено в помощь османскому войску, собранное недалеко от Эдирне [41, с. 175].

В 1538 г. снова в результате сотрудничества османского султана и крымского хана совместное осmano-крымское владение в Буджаке расширилось (были взяты Тигин-

ская/Бендерская крепость и окрестность)¹⁸. Судя по официальным османским документам, находившиеся в XVI–XVIII вв. под османской властью Буджак и Добруджа вместе с Дунайским районом относились к санджаку Силистра, который с конца XVI в. упоминается как санджак Силистра-Очаков. В Буджаке в течение долгого времени существовали следующие области: Аккерман (затем стал санджаком), Бендер, Килия, Переправа Исмаиля, Сарата/Татарбунары; в XVIII в. возникли Томарова или Тимурабад (Рени), Дубоссары, район Картал; со временем названия и границы некоторых районов были изменены. Известные районы Добруджи: Силистра, Добрич, Хаджиоглу Назарджик) Балчик, Мангалия, Карасу/Сакарья, Баба-Даг, Хырсово, Мэчин, Исакча, Тулча [46; 54; 39].

Крымский хан Сахиб Гирей начиная с 1546 г. переселил в Буджак и частично в Добруджу многие ногайские племена [50, с. 72]. В то же время, по мере постоянного расширения границ Московии, ногайцы вытеснялись со своих прежних территорий [31, с. 280–289], и вплоть до второй половины XVIII в. их племена были вынуждены постоянно переселяться все западнее, в особенности на территорию Буджака и Добруджи. Основными этими племенами были следующие: Мансур, Орак, Кассай, Мамай, Ор-Мамбет (Мехмет), Джембойлык, Джемдесан, Джетишкул, Кунграт и другие [24, с. 1287; 15, с. 326–327; 7, с. 7].

Переселяя татарские племена в Буджак и Добруджу, османское правительство преследовало свои политические и экономические цели. Буджак и Добруджа были окраинными территориями империи и должны были экономически укрепить ввиду переселения сюда новых кочевников. В то же время размещенные здесь татарские войска могли быть использованы как политическое и военное орудие против валахских княжеств, Польши и даже Крымского ханства. Крымский хан также считал полезным переселение многочисленных ногайских племен с полуострова на более удаленные территории.

Имевший татарские корни молдавский князь и ученый Дмитрий Кантемир сообщает, что в 1568 г. в Буджаке проживало 30 000 татар [5, с. 326]. В указе султана Ахмеда I от 1608 г. написано следующее: «Вот уже несколько лет как крымские и ногайские татары, перейдя Очаков и Днестр, пять–десять тысяч татар Аккермана, Бендера и Килии в своих степях обрели Родину». В дипломатическом отчете 1618 г., отправленном из Стамбула в Париж, сообщалось, что на западном берегу Днестра с недавних пор проживает 15 000 татар [27, с. 220]. Итальянский путешественник Марко Бандини в середине XVII в. нашел здесь 60 татарских деревень [27, с. 260], а побывавший в те же годы и в той же области османский путешественник Эвлия Челеби сообщает о 200 процветающих татарских деревнях [24, с. 1287]. В 1691 г. известный инженер-генерал и шпион Л.Ф. Марсигли насчитал в Буджаке 300 татарских деревень. В середине XVIII в. консул Ч. де Пейссонел, отправленный французским королем в Бахчисарай, на той же территории обнаружил уже 500 татарских сел [11, с. 258].

Судя по рузنامه, написанному во время похода Сулеймана Кануни на Кара-Богданию в 1538 г., в этот период татарские деревни и небольшие города заполнили Добруджу и Буджак [12, с. 636]. Находившийся в Добрудже в конце XVI в. венецианец Марко Вениер сообщил, что ханзаде с 40 000 татар недавно обосновался в Добрудже [3, с. 392]. В середине XVII в., будучи в Добрудже, Халепли Пауль писал, что здесь «народ целиком состоит из татар-мусульман» [4, с. 22–23]. В XVI–XVIII вв. Добруджу и Буджак называли «Тартария», «Татарская равнина», «Татарская земля/местность» и т.д. [1, с. 98–99; 47, с. 21].

Начиная с XVII в. Буджак становится тесным для постоянно прибывающих татар, тогда буджакцы начали пасти скот на окрестных территориях, особенно на молдавских

---

¹⁸ Название «Переправа Тигиния» известно в молдавских документах XIV–XV вв. На наш взгляд, это название осталось от золотоордынских татар. Валахи эту крепость называли Тигиния (Tighina) [8, с. 630–631].

землях. В связи с этим в османском архиве обнаруживается большое количество жалоб. Однако до второй половины XVII в. и крымский хан, и османский падишах игнорировали такого рода жалобы. В этот период османский султан использовал буджакских татар как противовес запорожским казакам, находившимся в руках Польши в качестве политического и военного орудия. Даже мирза Кантемир, предводитель племени Мансур, сначала был санджакбеем Силистры, а затем в 1620 г. назначен на должность бейлербея Очакова. Армия Кантемира Паши, состоявшая в своем большинстве из добруджанских и буджакских татар, была настолько сильной, что смогла победить крымскую армию в 1624 г., и до того, как он был казнен в Стамбуле в 1624 г., держала в страхе Польшу, Валахию и Молдову [49, с. 50–99].

Во второй половине XVII в. Буджак был перенаселен до предела. В ответ на настоячивые жалобы беев Молдавии и Валахии крымский хан Мехмед Гирей-Софу IV (1641–1644 гг.; 1654–1666 гг.) в 1665 г. решил переселить часть ногайских татар из Буджака на восточный берег Днестра. Но ногайцы оказали сопротивление и попросили помощи у османского султана. В сентябре 1666 г. присланный из Стамбула Ал-Хадж халил ага официально предложил буджакским татарам перейти в османское подданство (стать райа) и расселиться по территории Аккермана, Килии, Измаила, Бендер и Сарата. Другими словами, татары Буджака выводились из-под власти крымского хана и становились подданными Османской империи. Еще точнее, буджакские татары переходили под власть бейлербея Очакова. Возражения крымского хана завершились его отдалением от трона. Проблема, получившая название «родина Халиля паши», очень занимала Молдавию и Крымское ханство. Для перехода под покровительство осман у ногайских татар была очень значимая причина: перенаселение Буджака. Буджакские татары стали даже одной из тем обсуждения в Карловице. Шестой пункт Осmano-польского договора, подписанного 24 ноября 1698 г., требовал возвращения на прежние земли татар, перешедших границу «родины Халиля паши».

Воспользовавшись войной 1710–1711 гг., ногайцы перешли границы Буджака и официально расположились на новой местности на молдавских землях. Но вскоре и этой территории стало не хватать. После середины XVIII в. некоторые из ногайцев Буджака под влиянием русской пропаганды во время и после войны 1768–1774 гг. мигрировали на восточный берег Днестра, в Россию, некоторые из них – на юг Дуная, в Добруджу [27, с. 251]. Но Буджак так и остался густонаселен татарами. Уклад жизни в XVIII в. сильно изменился: по сравнению с XVI в. татары приняли оседлый образ жизни.

Миграция, начавшаяся после присоединения в 1783 г. Крыма России, несомненно, отразилась на Буджаке и особенно на Добрудже. Татары уходили в глубь османских территорий. Судя по цифрам, в этот год в Османской империи нашли убежище от 30 000 до 100 000 крымских переселенцев [16, с. 78]. Согласно подписанному в Бухаресте 28 мая 1812 г. осmano-русскому договору Буджак отходил к России, а населявшими его татарам давалось 18 месяцев, чтобы покинуть Буджак: на их место должны были переселиться христиане, находившиеся в подданстве Османской империи [32, с. 363–364].

1. Andreescu G., Oberlander-Târnoveanu E., Adam V. Tartars in Romania. Problems of identity. Bucharest, 2005.

2. Beldiceanu N., Beldiceanu-Steinherr I. Notes sur le «bir», les esclaves tatars et quelques charges dans les Pays Roumains. Journal of Turkish Studies, 10, Harvard University, 1986.

3. Călători străini despre țările române. Vol. III. București, 1971.

4. Călători străini despre țările române. Vol. VI. București, 1976.

5. Cantemir D. Istoria Imperiului otoman..., ed. I.Hodosiu. București, 1876.

6. Chalcocondil L. Expuneri istorice..., ed. Vasile Grecu, Editura Academiei, 1958.

7. Cossuto G. Storia dei Turchi di Dobrugia. Istanbul, 2001.

8. Costăchescu N. Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare II. Iași, 1932.
9. Cronici turcești privind țările române. Extrase. Sec. XV – mijlocul sec. XVII, ed. Mihail Guboglu și Mustafa A. Mehmet, Editura Academiei. București, 1966.
10. De Jong Fr. The Turks and Tatars in Romania, Turcica, 18, 1986.
11. De Peyssonel Ch.. Traité sur le commerce de la Mer Noire. Vol. 2. Paris, 1787.
12. Decei A. Dobruca. İslam Ansiklopedisi. Cilt 3. İstanbul, 1945.
13. Decei A. Problema colonizării turcilor selgiucizi în Dobrogea secolului al XIII-lea. Relații româno-orientale. Culegere de studii. București, 1978.
14. Documenta Romaniae Historica, D, I, nr. 49. București, 1977.
15. Enver M. Nogaii dobrogeni și dialectul lor. Analele Universității București. Seria Științe Sociale. Filologie, an.XIII, 1964.
16. Fisher A.W. The Crimean Tatars. Stanford, 1987.
17. Fontes Historiae Daco-Romanae. III. București, 1975.
18. Gökbilgin M.T., De Yürükler R. Tatarlar ve Evlâd-i Fâtihân. İstanbul, 1957.
19. Gonța A. Români și Hoarda de Aur. 1241–1502. München, 1983.
20. Grecov B.D., Iacubovschi A.I. Hoarda de Aur și decăderea ei. București, 1953.
21. Haidarî D.I. Relațiile Moldovei cu Hanatul din Crimeea și nogaii în anii 1699–1783 (Rebeliunea nogailor din Bugeac în anii 1727–1728). Tătarii în istorie și în lume, ed. Tahsin Gemil, București, 2003.
22. İbn Battuta Seyahatnamesi, çeviri ve kısa notlar A.Sait Aykut, YKY. İstanbul, 2005.
23. İnalcık H. Boghdan. The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. I. E.J.Brill, Leiden, 1960.
24. İnalcık H. Budjak. The Encyclopaedia of Islam. New Edition, I, E.J.Brill, Leiden, 1986.
25. İnalcık H. Dobrudja. The Encyclopaedia of Islam. New Edition, II, E.J.Brill, Leiden, 1986.
26. Iorga N. Histoire des Roumains et de la romanité orientale, III. București, 1937.
27. Iorga N. Studii istorice privind Chilia și Cetatea Albă. București, 1899.
28. Iorga N. Studii și documente cu privire la istoria românilor, VI–2. București, 1904.
29. Kalmykov I.Kh., Kereitov R.Kh., Sikaliiev A.I.-M. Nogai. Historical and ethnographic essay. Cherkessk, 1988 (in Russian).
30. Karpát K.H. Urbanismul otoman: Emigrația din Crimeea spre Dobrogea și întemeierea orașului Medgidia (1856–1878). Tătarii în istorie și în lume, ed. Tahsin Gemil. București, 2003.
31. Kurat A.N. IV–XVIII yüzyıllarda Karadeniz kuzeyindeki Türk kavimleri ve devletleri. Ankara, 1972.
32. Mehmet M.A. Documente turcești privind istoria României. Vol. III, Editura Academiei. București, 1986.
33. Mihordea V. Raporturile Moldovei și Țării Românești cu Tătarii în secolele XVI–XVIII. Revista de istorie, tom. 32, 1979, nr.6.
34. Nicolae E. Quelques considérations sur les monnaies tatars de «la Ville Neuve» (Yangı-şehr/Şehr al-cedid). Studii și Cercetări de Numismatică. Vol.XI (1995).
35. Oberlander-Târnoveanu E. Inceputurile prezenței tătarilor în zona gurilor Dunării în lumina documentelor numismatice. Originea Tătarilor. Locul lor în România și în lumea turcă, ed. Ta(h)sin Gemil, Editura Kriterion. București, 1997.
36. Orudj bin Adil. Tevarih-i al-i Osman, ed. Franz Babinger. Hannover, 1925.
37. Pariado C.D. Dobrogea și dobrogenii. Constanța, 1905.
38. Postică G. Orheiul Vechi. Cercetări arheologice 1996–2001. Iași, 2006.
39. Sereda A. Silistrensko-Ochakovskijat ejalet prez XVIII – nach.na XIX v. Sofia, 2009.
40. Spinei V. Moldova în secolele XI–XIV. București, 1982.
41. Sroeckovsky V.E. Muhammed Geray Han ve vasalları. Kırım Tarihi, terc. Kemal Ortaylı. İstanbul, 1979.
42. Tahsin Gemil. L'évolution des limites de l'habitat des Tatars Nogai au sud-est de la Moldavie. Revue Roumaine d'Histoire, t.XXXV, nr. 3–4, 1996, s. 149–152.

43. Tahsin Gemil. Quelques observations concernant la conclusion de paix entre la Moldavie et l'Empire Ottoman (1486) et la délimitation de leur frontier. *Revue Roumaine d'Histoire*, nr.3, 1983.
44. Tahsin Gemil. Regimul timariot și aplicarea lui în ținuturile românești administrate de Poarta otomană. Constanța, Ovidius University Press 2004.
45. Tahsin Gemil. Relațiile româno-otomano-tătare și problema «Hotarului lui Halil Pașa». Politică, diplomatie și război. Profesorului Gheorghe Buzatu la 70 de ani, coord. S.Damean, M.Cîrstea, Craiova, 2009.
46. Tahsin Gemil. Relațiile Țărilor Române cu Poarta otomană în documente turcești (1601–1712). București, 1984.
47. Tasin Gemil. Peste un mileniu de existență a populației turco-tătare pe teritoriul României. Moștenirea istorică a tătarilor, vol.I, ed. Tasin Gemil -Nagy Pienaru. București, 2010.
48. Tasin Gemil. Relații comerciale moldo-tătare în secolul al XVIII-lea», României în Europa medievală (Intre Orientul bizantin și Occidentul latin). Studii în onoarea profesorului Victor Spinei, ed. D.Țicu, I. Cîndea, Brăila, 2008, pp. 677–685.
49. Tasin Gemil. Țările Române în contextul politic internațional (1621–1672). Editura Academiei, București, 1979.
50. Tevarih-i Sahib Giray Han, ed.Özalp Gökbilgin. Ankara, 1973.
51. Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi. Istanbul, R–1390/91, y. 234.
52. Ülküsal M. Dobruca ve Türkler. Ankara, 1966.
53. Uzunçarşılı I.H. Osmanlı Tarihi, III–2. Ankara, 1954.
54. Veliman V. Relațiile româno-otomane (1711–1821). Documente turcești. București, 1984.

§ 10. Татары в Московском государстве

Андрей Беляков

Прежде чем говорить о месте татар в Московском государстве XV–XVII веков, следует отметить, что в большинстве случаев в рассматриваемый нами период термин «татарин» скорее имел конфессиональный, а не этнический характер. К татарам причисляли практически всех мусульман. Так, в 1602 г. принца Ганса Датского, жениха царевны Ксении Годуновой, в Новгороде встречали «нововыезжие новокрещены и тотарове крымские, и нагайские, и турецкие, и кизылбашские, и арипские земли» [72, с. 308]. В ряде случаев к татарам причисляли также черкесов, сартов (оседлое население Средней Азии). Исповедовавшая ислам служивая мордва также постепенно на протяжении конца XVI–XVII вв. сливалась со служилыми татарами [6, оп. 1, д. 1443; оп. 2, д. 1; 7, оп. 1, д. 471]. Таким образом, мы видим, что под названием «татары» зачастую скрывались представители целого ряда народов, к тюркским не имеющие ни какого отношения. В данном случае мы будем говорить только о тюркских народах, проживавших на территории Московского государства.

В целом их всех можно разделить на пять категорий. В первую попадают татарские цари и царевичи, потомки Чингиз-хана от его старшего сына Джучи. Мы будем называть их Чингизиды, хотя вполне уместно и иное именование – Джучиды. Ко второй категории отнесены представители владетельных родов, не относящихся к Чингизидам и поэтому не имеющих прав на царский титул (ногаи, Тайбугиды), а также верхушку элевой системы Дешт-и Кипчака (Мангыты, Яшлавские (Сулешевы), Кулюковы). В третью попадают представители региональных элит, представленные князьями и мирзами. В четвертую, наиболее многочисленную группу, попали рядовые служилые

татары (казаки в русских источниках XV–XVII в.). И, наконец, последняя, пятая категория – это тюркское зависимое население.

Чингизиды.

В настоящее время наиболее исследованной является первая группа – Чингизиды [28; 30; 31; 32; 33; 77]. Следует отметить, что стремление тех или иных государей окружать свой трон знатью из подвластных ему государств не является русским изобретением. В истории можно найти множество подобных примеров. Российская традиция, по-видимому, возникла благодаря Ордынскому влиянию. На курултаях русские князья далеко не одни создавали «массовку» из правителей подвластных хану народов [45, с. 131]. В более поздний период московские послы наблюдали подобные явления при дворе персидских шахов [62]. На данный момент нам удалось выявить 215 представителей золотого рода («алтан уруг» – еще одно наименование Чингизидов) в Московском государстве XV–XVII веков. Это выходцы из Большой Орды (4 человека), Казанского (18), Астраханского (44), Крымского (20), Сибирского (89), Казахского (7) и Ургенчского ханств (4), Шарманшанские (2) (по мнению А.В. Зайцева, они не относятся к Чингизидам [43]) и огланы (уланы русских источников) (25). Происхождение двоих не установлено. Всего у нас получилось 157 мужчин и 58 женщины. При этом выехало (попало в плен) 118 человек (95 мужчин и 23 женщины), родилось уже в России – 97 (62 мужчин и 35 женщины). Следует отметить, что из родившихся в русских землях много умерших в младенчестве или в совсем еще юном возрасте, не успевших попасть на страницы летописей и иных официальных документов.

Первоначально статус Чингизидов был изначально значительно выше любого Рюриковича. Каждый из царевичей, как коллективный сюзерен, по своему положению находился выше великого князя. Ситуация меняется, когда в Москве начали осознавать свою силу и стали стремиться к одностороннему разрыву даннических отношений со слабеющей Ордой. Москва начинает приглашать казакующих Чингизидов со своими отрядами в Москву для участия в конкретной военной операции. Получив оговоренную сумму за службу, царевич покидал пределы русских княжеств. Таким образом, в ряде случаев царевичи могли восприниматься как знатные наемники. Это поднимало авторитет великого князя Московского в собственных глазах, глазах подданных и глав сопредельных государств. Вполне возможно, что на приглашение царевичей определенное влияние оказал и польско-литовский опыт, где Чингизидов начали успешно использовать в своих целях несколько раньше [16, с. 149–153].

Процесс «приглашения» царевичей активизировался, когда ускорился распад Золотой Орды на ряд независимых государств, правящие династии которых враждовали между собой. Проигравшие в схватке за престол могли найти прибежище только в Ногайской Орде, Литве, Москве или удалиться в Среднюю Азию. Частый выбор Москвы обуславливался, в том числе, и разразившимся в степи экономическим кризисом, вызванным сменой основных торговых путей в первой половине XVI в. [46, с. 117–120]. Разумеется, это значительно поколебало статус Чингизидов. Теперь можно было говорить о неизменно высоком положении только отдельных представителей данного рода, тех, кто смог получить реальную царскую власть. Статус остальных держался только на традиции. За ними признавалось исключительное право на ханский (царский) титул в Дешт-и Кипчаке, но при этом зачастую их использовали как фиктивных правителей или же превращали царевичей в инструмент политического давления (как некий дестабилизирующий фактор) по отношению к соседям.

В Московской Руси окончательно перестали рассматривать Чингизидов как своих сюзеренов. С этого момента выезжающие царевичи превращаются в разновидность служилых князей, но с очень высоким статусом.

Остается невыясненным, когда окончательно все Калитичи стали восприниматься по своему статусу выше любого служилого Чингизида. Определенно об этом можно говорить только начиная с 1557 г. (старшинство распределения Чингизидов и Калитичей по полкам). Хотя, возможно, это случилось раньше. Не исключено, что формированию данных представлений способствовало крещение в начале XVI в. ряда казанских царевичей и включение их в великокняжескую семью путем брака (Петр Ибрагимович Федор Долголядский) с женщинами из рода Ивана Калиты [19; 21].

Постепенно складывается внутренняя иерархия служилых Чингизидов. Первоначально она зависела от наличия или отсутствия царского титула, старшинства в роде, а также от территории, с которой царь или царевич получал доход. Наиболее престижными были города, которые также можно выстроить по иерархии (Касимов – Кашира – Звенигород – Юрьев Польский – Андреев Городок Каменный – Серпухов), следом шли дворцовые волости (Сурожик, Хотунь), ранжирование которых затруднено. Можно предположить наличие еще одного критерия, который первоначально имел большое значение и оказывал влияние на принятие решения о пожаловании городом или волостью – наличие и размеры военного отряда конкретного татарского царя или царевича. Нельзя сбрасывать со счетов и такой немаловажный фактор, как политическая целесообразность, которая могла вносить определенные коррективы в общую расстановку [28].

Опираясь на собственные представления о старшинстве, в Москве разработали иерархию служилых татарских царей и царевичей. Как мы уже отмечали, начиная с 1557/58 г., Чингизиды стали регулярно назначаться номинальными воеводами полков в действующей армии [68, с. 72; 70], что и позволяло их ранжировать. За основу взят обычный счет полков в последовательном порядке старшинства. Но в предложенную градацию встраивается только верхушка Чингизидов в России. Всех их можно разделить на несколько категорий: 1) служилые, владельцы собственных военных отрядов; 2) служилые, не имеющие собственных военных подразделений; 3) дети первых и вторых, умерших до участия в военных действиях или по каким-либо причинам не использовавшиеся на полковой службе; 4) почетные пленники; 5) находящиеся в ссылке; 6) политические «пенсионеры»; 7) огланы (улары).

Во второй половине XVI в. статус служилых Чингизидов приблизительно сравнился со статусом знатных выходцев из Западной Европы. Таких, например, как бывший магистр Ливонского ордена В. Фюрстенберг, юрьевский епископ Гартман, датский принц Магнус. Даже если они брались в плен, то считались не внешними врагами, а своими «служебниками», временно находящимися в «опале». К ним применялась такая модель отношений, будто они были «отъездчиками», добровольно поступившими на службу к Ивану IV. Формы их содержания также были схожими [79, с. 57–58]. Их сближало с представителями «золотого рода» то, что они в свое время обладали реальной верховной властью в своем государстве или могли претендовать на нее по праву рождения. Выезжие русско-литовские князья, а также ногайские и крымские мирзы, калмыцкие тайши и кабардинские князья по своему статусному положению стояли неизмеримо ниже. Хотя в ряде случаев их материальное содержание могло быть значительно лучше.

В «любви» к Чингизидам определенную роль сыграло представление об «истинном государе», сформированное в «Государеве родословце», по которому таковым можно считать того, к кому выезжают представители сопредельных правящих родов [65, с. 103, 572, 591, 650, 655]. Поэтому для каждого московского царя (великого князя) наибольшее значение имели именно те Чингизиды, что выехали именно на его имя. В связи с этим и интерес властей к Чингизидам не был постоянным. О них, как правило, вспоминали на переломных этапах. Чаще всего при смене великих князей (царей).

В середине XVI в. окончательно складывается система использования служилых Чингизидов для поднятия престижа православного царя. Татарские цари и царевичи

присутствуют на приемах посольств иностранных держав, участвуют в военных кампаниях. Использование их в качестве номинальных полковых воевод стало наиболее ярким проявлением этого. Рельефнее всего мы видим это в полоцком походе 1563 г. [15, с. 119–154; 47]. Крестившиеся царевичи принимают участие в придворных церемониях, в ряде случаев занимают высшие государственные должности (Михаил Куйбулович, возможно стоявший одно время во главе Земской Боярской думы [71, с. 206, 215, 216, 219, 221, 224–226, 228], Симеон Бекбулатович, номинально являвшийся московским государем). Однако уровень самостоятельности представителей «золотого рода» в принятии тех или иных решений в данное время полностью сходит на нет.

Нельзя не отметить и тот факт, что именно образ татарского царя Шах-Али б. Шейх-Аулиара рассматривался автором «Казанской истории» как образ эталонного вассала. Перед читателем предстает преданнейший слуга московских правителей, герой-вассал, мудрый, прозорливый, выносливый, в гораздо большей степени соблюдающий интересы Московского государства, чем русские воеводы, льстецы и изменники, легко подкупаемые казанцами [34, с. 27–38].

Но все же к концу правления Ивана IV представители «золотого рода» уже исчерпали свой функциональный ресурс и несколько тяготили царя. Как следствие – «ликвидация» «Касимовского царства» и, возможно, сворачивание практики пожалования городами. Теперь за них выдают только представительниц знатных московских фамилий. Исключением является брак Симеона Бекбулатовича. Но в данном случае царь выдал за своего свойственника свою же свойственницу.

В XVII в. происходит дальнейшее развитие статуса Чингизидов. Хотя они генетически связаны с событиями XVI в. Так, на взаимоотношения Михаила Федоровича и Чингизидов, возможно, продолжали оказывать определенное влияние их родственные связи. Ведь он находился в дальнем свойстве с касимовским царевичем Арсланом б. Али. Через Ивана Грозного они являлись троюродными братьями. Сыну Арслана царевичу Сеит-Бурхану неоднократно предлагали принять православие, обещая за это дочь царя Михаила в жены [81, с. 106], но этому не суждено было сбыться. Но произошло другое знаковое событие, которое достаточно трудно объяснить: родная тетка и мамка царя, Ирина Никитична Годунова завещала царевичу свою вотчину в Московском уезде.

Нужно отметить, что в XVII в. положение служилых Чингизидов и ногайских мирз, потомков Идегея, еще больше сближается. Их имена с указанием поденного корма, поместного и годового денежного оклада, а также с дачами по случаю принятия православия постоянно встречаются в одних и тех же справках Посольского приказа. При этом если максимальные размеры поместных и денежных окладов у царей и царевичей были выше, чем у мирз (2000 четей и 200 рублей, против 1300 четей и 200 рублей), то дачи за крещение и поденный корм некоторые знатные ногайцы получали более существенные. С принятием православия и первые, и вторые зачислялись в список крещеных иноземцев и получали княжеское достоинство. Но вчерашние мирзы имели серьезное преимущество. Ведь смена веры открывала для них возможность сделать значительную, в первую очередь придворную карьеру. Некоторые из них со временем получали боярство и становились обладателями крупнейших земельных владений – здесь следует упомянуть князей Урусовых и Юсуповых. Царевичам же не нужно было ни за что бороться, они получали высокое социальное и материальное положение благодаря своему происхождению. Однако в скором будущем это сыграет с ними злую шутку. Когда при Петре I они наконец сольются в единое целое с остальным дворянством, то не смогут по-настоящему бороться за свое благополучие; единственное, на что у них хватало энергии, так это на заключение браков с родственниками жен московских царей. Но данные браки могли как помочь им укрепить свои позиции при дворе, так и низвергнуть их с высоты своего положения в случае неправильного выбора. Именно

это и произошло в 1718 г., когда сибирский царевич Василий Алексеевич оказался замешанным в деле царевича Алексея Петровича, сына Петра I, и серьезно поплатился за это [51, с. 80; 52, с. 70–71].

По своему статусу Чингизиды-мусульмане продолжают сливаться со служилыми иноземцами западноевропейского происхождения. И у тех, и у других мы видим одинаковый правовой статус, одни и те же формы материального содержания, идентичные поощрения за выезд и смену веры. Но имеются и отличия. В первую очередь это некоторые специфические формы пожалования Чингизидам, вызванные большей степенью их экономической зависимости от московского государя, а также статусом служилых царевичей. Но, несмотря на неизмеримо более высокое положение представителей «золотого рода» по отношению к служилым иноземцам, последние подчас получали значительно более высокое материальное содержание. Можно предположить, что здесь в расчет бралась экономическая и иная целесообразность [60].

Г.К. Котошихин писал: «Да в царском же чину царевичи сибирские, касимовские, крещены в христианскую веру. Честию они бояр выше; а в думе ни в какой не бывают и не сидят, потому что государства их и они сами учинились в подданстве после военного времени, недавно, да и не обычаем тому есть; так же и опасение имеют от них всякое. А служба их такова: как на праздники идет царь к церкви, и они его ведут под руки, да на всякой день бывают перед царем на поклонении. И даны им поместья и вотчины немалые, так же поженились на боярских дочерех, а имали их за себя с великими пожитками и с поместьями и с вотчинами; а за которым поместья мало, и ему в прибавку идет царский корм денежной, помесечно» [49, с. 27].

В целом это соответствует истине. Чингизиды «честию» действительно стояли выше любого представителя московской знати. Летом 1679 г. зафиксирован единственный случай местничества с участием царевичей. Боярин князь Михаил Алексеевич Голицын неудачно местничал с сибирским царевичем Григорием Алексеевичем. Тогда князь отказался участвовать в крестном ходе из-за сибирского царевича, и был найден в кирпичных сараях на берегу Москвы-реки спрятавшимся «меж кирпичю». По мнению исследователей, данное дело стало «последней каплей», предрешившей отмену института местничества [82, №1687, с. 207; 83, с. 188].

Надо сказать, что в царствование Алексея Михайловича в положении служилых Чингизидов наступил определенный ренессанс. К данному времени военное значение их дворов полностью сошло на нет. В этом плане они заняли положение, идентичное русскому дворянству. Во второй половине века они, в ряде случаев, не давали даточных людей со своих поместий. В определенный момент их содержание потеряло какой-либо смысл. Они все проживали в Касимове или Ярославле и почти не появлялись в столице. Но здесь произошла очередная метаморфоза. Московский царь стремился возродить традиции прошлого, в первую очередь времен Ивана Грозного, так как он их понимал или же мог представить по специально подготовленным для него выпискам из летописей, разрядных и посольских книг. Но полностью воссоздать ситуацию вековой давности было невозможно. К тому же у Алексея Михайловича имелся свой взгляд на данную проблему. Поэтому приняли решение подтолкнуть всех наличных царевичей-мусульман к смене веры. К тому же это должно было показать всем мусульманам серьезность экспансии идей православия на территории России.

После этого они стали завсегдатаями дворцовых дипломатических, религиозных и придворных церемоний. Помимо этого, Чингизидов вновь стали назначать номинальными полковыми воеводами. Однако это была всего лишь имитация прошлого, которая никого не могла обмануть [55, с. 129]. Но Алексей Михайлович, скорее всего, не обращал на это внимания. Для него было важно ощущение себя царем царей, подлинным наследником Константина Великого и Соломона, единственным истинным правителем

единственного истинно христианского государства, в чьи руки Господь отдал судьбы неверных народов. Таким образом, можно говорить о том, что религиозный аспект занимал во всей этой истории далеко не последнее место. Именно тогда складывается практика использования Чингизидов, описанная Г.К. Котошихиным [49, с. 27]. Данное сообщение достаточно точно рисует их положение, ведь автор был подьячим Посольского приказа, в котором ведались Чингизиды.

Дворцовые разряды содержат значительное количество упоминаний о крещеных татарских царевичах [38; 39; 40; 41; 42]. Они поистине стали обязательным антуражем для практически ежедневных дворцовых церемоний. Достаточно регулярно они участвовали и в приемах иностранных послов. Но в большей или меньшей степени мы видим это и в предшествующие эпохи. А вот их участие в церемонии венчания на царство, скорее всего, было изобретением второй половины XVII в.

Отмена местничества в 1682 г. не оказала какого-либо заметного влияния на положение царевичей: они по-прежнему продолжали выполнять свои придворные функции. Известен только один случай, когда Чингизид ставился во главе крупного ведомства. Касимовскому царевичу Ивану Васильевичу было поручено с 1705 по март 1713 г. возглавить Рудокопный приказ (он же Рудокопная канцелярия) [61, с. 100–101]. Все изменилось после дела царевича Алексея. В нем оказался замешан сибирский царевич Василий Алексеевич. После пытки в 1718 г. его сослали в Архангельск, где он вскоре и умер. Поместья и вотчины царевича были отписаны в казну. В этом же году его детям было велено именоваться князьями, а не царевичами. Единственный внук касимовского царевича Василия Араслановича, Василий Иванович, умер бездетным, до конца своих дней сохранив право на титул [33; 52, с. 74–75]. С этого момента Чингизиды полностью слились с остальным российским дворянством. Путь, продолжавшийся 300 лет, завершился.

Владельческие роды, не относящиеся к Чингизидам, и верхушка элевой системы.

Говоря о второй группе татарской знати, мы должны отметить, что в выявлении их особенностей проживания в Московском царстве сделано значительно меньше [76]. Однако и здесь мы можем подвести определенные итоги. Как и в случае с Чингизидами фиксируются две основные формы материального существования – выделение обширных поместий из дворцовых волостей или же пожалование поденным кормом. При крещении они жаловались наследственным княжеским достоинством, что наряду с остатками прежнего имени (отчество или же родовое прозвище) является главным маркирующим признаком. Достаточно часто, в особенности на раннем этапе, подобные новокрещенные упоминаются как полковые воеводы. Но эта категория знати требует дальнейшего исследования по группам, где главным критерием является место выезда.

Ногаи. Представители сильно разросшегося рода Идегея регулярно фиксируются в русской документации с середины XVI в. Одни приезжали в русские земли на непродолжительное время для участия в конкретных военных акциях. Другие выезжали насовсем. В первую очередь нас интересует вторая категория.

Сразу же следует отметить тот факт, что ногаи всегда значительно уступали по своему положению как Чингизидам, так и выходцам из Крыма и Сибири (в том числе и выходцам ногайского происхождения). Возможно, главная причина этого кроется в слишком большом количестве представителей рода. Хотя и здесь имеются свои исключения. Наиболее яркое из них – романовские мирзы.

В результате поражения в борьбе за власть в Ногайской Орде 24 октября 1564 г. вместе с послом Михаилом Колупаевым в Москву приехали мирзы Ибрагим и Эль, дети бия Юсуфа б. Муссы. Между октябрём 1564 и июлем 1565 гг. их испостили в Романовском уезде. В результате ссоры с опричником Романом Пивовым Ибрагим в 1570 г. бежит в Польшу, потом в Крым, а затем оказывается в Малой Ногайской Орде. В это же время или чуть раньше в Россию выехали братья Айдар и Али, дети мирзы Кутума б.

Шейх-Мухаммеда. Их также испоместили под Романовым [76, с. 333–334, 342–345]. Помимо поместий ногайские мирзы получали фиксированное денежное жалование из романовских доходов, в 1584 г. оно составляло 380 р., а также 500 р. на содержание татарского отряда в 225 человек [13, № 307, с. 298–299.]. Позднее оно несколько увеличилось [57]. Ногаи изначально ведались в Посольском приказе, в том числе и судом. Судебный иммунитет у романовских мирз, скорее всего, отсутствовал изначально. В 1616–1617 гг. из ведения романовских мирз изъяли их служилых татар. В 1621 г. этот военный отряд оказался восстановлен, но у мирз Юсуповых и Кучумовых отняли доходы с посада г. Романо́ва и передали в Посольский приказ [73, с. 89–90]. По-видимому, речь шла не об изъятии доходов, а о степени участия мирз в их сборе. После этого начался постепенный упадок романовских татар, мирзы стали отказываться от поместий и переходить на кормовое содержание. Юсуповы стали делать придворную карьеру, а Кучумовы к концу XVII в. сошли с исторической сцены [36; 37]. Что касается рядовых татар, то они постепенно начинают принимать крещение [3, оп. 1, 1668 г., д. 22, ч. 1].

Наиболее высокого положения в Москве XVI в. удалось добиться князьям Шейдяковым. В настоящее время мы не знаем точного времени и обстоятельств их выезда и крещения. Однако с 1571 по 1580 гг. кн. Петр Гутаевич Шейдяков, участник практически всех походов в Ливонской войне, возглавлял Большой и Передовой полки. Несколько лет упоминается как псковский наместник [66, с. 240, 251, 277, 306 и др.]. Вслед за Н.М. Карамзиным, В.В. Трепавлов пишет о том, что кн. Петр входил в походную думу Ивана Грозного [76, с. 328]. Однако это, скорее всего, не так. Шейдяковы в этот период отмечены как служилые князья. Василия Шейдякова В.В. Трепавлов предположительно отождествляет с Дурс (Турсун?)-Мухаммедом б. Саид-Ахмедом, который приехал в 1564 г. проситься на государеву службу. Афанасий регулярно упоминается с 1574 по 1598 гг. как полковой воевода, а в 1577–1580 гг. – как наместник г. Юрьева-Ливонского [76, с. 329]. Предположительно ногайским выходцем является и кн. Келмамаев Иван Келмаевич, упоминается среди опричников с 1571 г. Супруг одной из дочерей Малюты Скуратова. Умер 15 июля 1573 г. [48, с. 44–45]. Его отцом или же дедом, скорее всего, являлся Кель-Мухаммед б. Алчигар б. Муса. В XVII в. карьеру удалось сделать князьям Урусовым, выбившимся в думу и ставшими боярами и царскими свойственниками. При этом непременно условием карьеры было принятие православия. Но, по-видимому, одного крещения было недостаточно, большое значение имели правильная матримониальная политика и личные качества.

Тайбугиды. Нам известен только один пример. Это пленение и вывоз в Россию Сеид-Ахмеда (Сейдяк, Сеитяк) б. Бекбулата [31, с. 386–399; 56, с. 466–467], сибирского князя из рода Тайбугитов, соперника Кучума за главенство над Сибирью. На новом месте он занял положение близкое Чингизидам. Был испомещен в Новгородском уезде. Назначается полковым воеводой [69, с. 932]. Ему предоставляются обширные поместья. Но мужского потомства он не оставил, и род пресекается.

Крымские мирзы.

На рубеже XV–XVI вв. в Москве проживал со своим военным отрядом шурин крымского хана и касимовского царя Нур-Даулета, Сивиндюк мирза князь Мадьков (Юмадьков) сын [12, с. 156, 170, 191]. Показательно, что после возвращения своей сестры, царицы Куратаи, в Крым, он остался в России. Нам известно, что в 1514 г. он попал в литовский плен в битве под Орше. Умер в плену (Торки) в 1538 г. Его происхождение на данный момент не установлено.

Канбар Мамалаев выехал в Россию в самом начале XVI в. Мы видим его впервые в июле 1507 г. в передовом полку в литовском походе. В сентябре 1507 г. Канбар мирза упоминается в передовом полку в походе на «литовские места» с царевичем Шейх-Аулиаром б. Бахтияром [66, с. 38]. В последующем в России известны его сын Магмет

(Ак-Мухаммед) и внук Уразлы (Ураз-Али), принявший православие и ставший кн. Иваном Канбаровым (Камбаровым). Они также занимали видное положение в Московском государстве. Кн. Иван Магметев сын Канбаров, умерший по дороге в Польшу во время посольства 1570 г. и, по видимому, не оставил наследников [66, с. 209, 211, 220, 221, 226, 229, 231; 59, с. 94; 35, с. 266–267.]. В.В. Трепавлов предполагает следующую их родословную: Ураз-Али б. Ак-Мухаммед б. Канбар б. Мамай б. Мансур б. Эдиге. [76, с. 323–324].

Самыми заметными среди всех крымских мирз в России следует признать представителей рода Яшлавских (князя Сулешевы), одной из многочисленных ветвей эля Кипчак. Сулешевы на протяжении XVI–XVII в. являлись одним из наиболее влиятельных крымских родов и постоянными русскими амиятами (доверенные лица среди крымской знати по связям с Москвой). Во время крымского династического кризиса 1584–1588 гг. один из представителей рода, мирза Янша (Янша-паша) оказался в Москве. В Крыму начался очередной династический кризис и мирза, посол в России, решил не рисковать своей жизнью, оставшись на новой родине. Его родословная выглядит следующим образом: Янша-паша – Сулеш (Сулейман-ишан) – Магмедша (Мухаммед-ишан). Осенью 1591 г. мирзу послали в Новгород для участия в шведской компании. Замечателен тот факт, что его имя стоит сразу же за служилыми царевичами. Как и им Янше полагался пристав [66, с. 460]. Известны два его сына Юрий и Василий.

Юрий Яншеевич Сулешов, по-видимому, крестился еще в XVI в. Тогда же его женой стала кабардинская княжна Мария Мамстрюковна Черкасская. После принятия православия вчерашний мирза стал князем и, судя по всему, получил чин стольника. Однако первое упоминание о его службах относится только к январю 1605 г. [75]. В Смуту князь вначале поддерживал Василия Шуйского, затем входил в состав I и II ополчений, принимал непосредственное участие в ликвидации последствий Смутного времени. Его происхождение, родственные связи и факт принятия православия позволили ему сделать успешную карьеру и удачно местничать с представителями московского боярства [82, № 995, 996, 1117, 1140–1142, 1326]. В феврале 1615 г. Ю.Я. Сулешов был пожалован из чашников в бояре. В 1618/19–1622/23, 1625/26, 1627/28–1629/30 гг. он возглавлял Сыскной; в 1627/28–1629/30, 1632/33–1633/36 гг. – Разбойный; в 1632/33–1633/34 гг. – Сбора даточных людей приказы. В 1623–1625 гг. выполнял обязанности Тобольского воеводы. Неоднократно становился участником многочисленных дворцовых церемоний. Так, в 1634 г. во время поставления патриарха Иосафа Сулешов «водил осляти» под новопоставленным владыкой [75].

Василий Яншеевич Сулешов принял православие уже в правление Михаила Романа. До этого он, по-видимому, носил имя Маметша (Мухаммед-ишан), как и его прадед. После этого он стал князем и комнатным стольником. В 1625/26 г. он становится кравчим. С этого момента мы видим Василия, в отличие от брата, имевшего богатый военный и административный опыт, исключительно на придворных должностях. От брака с дочерью Ивана Федоровича Басманова, Фетиньей, у Василия Сулешова известно двое сыновей, Иван и Илья Васильевичи, умершие в младенчестве, – на этом род пресекается [75].

Другим знатным татарским выходцем, попавшим в Россию в 1585 г., стал представитель еще одного влиятельного крымского рода – Кулюковых – Пашай мирза Куликов. В России известен его сын Аблай мирза, рожденный от дочери астраханского служилого царевича Абдулы б. Ак-Кобека. В 1619/20 г. Аблай добровольно принял крещение. Теперь он стал стольником, князем Борисом Пашаевичем (Пашаймурзин) Куликовым [1, оп. 1, 1619 г., д. 4, 7; 1621 г., д. 12; 2, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 92]. О его жизни нам почти ничего не известно. Помимо сведений о браке князя и размере его земельных владений в Дворцовых разрядах, он встречается только один раз. 17 мая

1624 г. он участвует в приеме послов кизылбашского (персидского) шаха Аббаса Ру-сан-бека (Урусан-бек) с товарищами. Находился среди государевых стольников в «белом» платье в малой Золотой палате. Позднее, на пиру, данном в честь послов в Грановитой палате, князь подавал еду на царский стол [21; 38, с. 685, 691.]. Это дает нам право предположить, что если бы не ранняя смерть, то Бориса Куликова ждала бы приблизительно такая же карьера, как и братьев Сулешовых.

Скорее всего, это далеко не все крымские выходцы. В разрядных книгах отмечены еще два загадочных князя: Мавкин Михаил Умар [66, с. 91, 97, 98, 102, 105, 115, 116] и Теукечев Иван Мовкошевич [66, с. 176, 193]. Однако здесь требуются дополнительные исследования. Они могут оказаться и представителями региональной (казанской) знати.

Региональная знать. В настоящее время мы можем говорить о русской региональной татарской знати на территории Восточной Мещеры, а также завоеванных Казанском, Астраханском и Сибирском ханств. По данной проблеме к настоящему времени накоплен определенный материал. Обобщая его, мы можем однозначно утверждать, что Москва долгое время прагматично подходила к вопросу о положении неправославного населения, проживавшего на присоединенных/завоеванных территориях, если оно было лояльно новым властям. При таком развитии событий местные элиты могли на длительное время сохранять свои привилегии, в том числе и в управлении коренным населением [29; 58; 78]. В противном случае региональная элита либо физически устранялась, или же насильственно вывозилась в отдаленные регионы государства. Часто в роли подобных территорий выступали Новгородские земли.

При крещении в XVI в. данная категория татар получала княжеское достоинство и включалась в состав государева двора. Так, в списке опричников Ивана Грозного 1573 г. отмечен «князь Иван Сеитов Городетцкого» со значительным окладом в 200 рублей [74, с. 55]. По-видимому – из рода касимовских сеидов Шакуловых.

В Списке опричников Ивана Грозного можно найти и иные «татарские» имена: кн. Иван Аликеев, кн. Иван Янчюрин [74, с. 56]. Об их происхождении на данный момент абсолютно ничего неизвестно. Кн. Иван Тевкелевич (Тевкелевич, Тевкелев) известен с 1558/59 по 1574 гг. и имел назначения вплоть до первого воеводы Передового полка. Имеются упоминания, что он получил чин оружничего. Впоследствии попал в опалу и был казнен [48, с. 80]. Это, вполне возможно, сын казанского кн. Тевкеля Муртазамирза или же его внук, взятые в плен в 1545 г. [64, с. 146].

Со временем данный список может быть значительно расширен. Но исследований по данному направлению по настоящее время не проводилось.

На данный момент наиболее исследованной является региональная элита Мещеры XVI–XVII в. [9; 10; 23; 24; 25; 29] Однако мы вынуждены подробнее рассмотреть их в следующем разделе.

Служилые татары (казаки).

Говоря об институте служилых татар в Русском государстве XV–XVII веков, мы должны признать, что нам по-прежнему мало что о нем известно. Так, мы более чем приблизительно можем говорить об их численности [27; 17]. Несколько определеннее можно говорить о кампаниях, в которых они принимали самое активное участие, а также о том, как их они использовались на поле боя [25, с. 160–195; 28, с. 165–258]. Что касается их внутренней организации, то исследований на данную тему практически не проводилось.

В рассматриваемый нами период служилые татары фиксируются практически во всех уездах европейской России, где имелось поместное землевладение. Другой вопрос, что по абсолютным показателям присутствие данной группы служилых людей в каждом регионе сильно разнилось. Наибольшее их количество фиксируется в Мещере (Касимовский, Шацкий, Кадомский, Темниковский, Алаторский, Арзамасский и некото-

рые иные уезды). Значительно количество татар проживало в Романовском, Ярославском, Новгородском уездах. Имелись они в Казанском и Свияжском уездах. Однако из-за гибели архивов их подсчеты более чем затруднительны. На настоящий момент наиболее информативными для нас являются сведения по Мещере, Романову и отчасти Новгороду. Мы оставляем в стороне организацию служилых татар Западной Сибири. Здесь имелись свои региональные особенности, объясняемые, в том числе, и относительно поздним появлением этого института в Сибири, когда в Европейской России уже наметился кризис мусульманской конницы [78].

Всех служилых татар в России можно условно разделить на несколько групп. В первую очередь это военные отряды знатных татарских выходцев. Речь идет о служилых Чингизидах [28, с. 165–258], ногайских мирзах, проживавших в Романове [36; 57; 76], а также некоторых иных мусульманах, вокруг которых сформировались относительно крупные военные отряды, состоящие, как правило, из соплеменников. В настоящее время мы, по-видимому, можем говорить о сибирском князе Сеитяке (Сеит-Ахмед б. Бекбулат) [26, с. 32] икрымском (?) выходце Сивиндюке мирза Мадькове (Юмадыкове) (шурин крымского и касимовского хана Нур-Даулета) [12]. Скорее всего, в XVI в. имелись и иные отряды. Но в настоящее время мы не можем их вычленивать из общей массы служилых татар. Ко второй группе относятся татары, проживавшие на территориях, присоединенных к Москве (Мещера, Казань, Астрахань, Сибирь). Третью группу составляли татары, испомещенные относительно небольшими анклавами на коренных русских территориях [8; 72].

С первой категорией на настоящий момент менее всего вопросов. Первоначально подобные отряды пользовались полной автономией. Однако при них находились приставы великого князя. Впервые они фиксируются в 1477 г. [66, с. 19; 67, с. 23]. А.Л. Хоррошкевич относит появление института приставов только к 1533 г. [80, с. 306]. Д.М. Исхаков передвигает эту дату еще дальше, к 1555 г. [44, с. 197]. Их функции на настоящий момент не совсем понятны. Логично предположить, что они осуществляли общий надзор, отвечали за координацию действий с великокняжеской ратью, а также являлись своеобразными посредниками в общении татар с русским населением. В начале XVI в. степень автономности понижается. Постепенно они включаются в состав того или иного полка, хотя и не окончательно [30, с. 36–37; 66, с. 36–37; 67, с. 87, 90–91]. В августе 1508 г. у татар впервые фиксируются русские головы – представители младшего командного звена из городских детей боярских [50, с. 214]. К середине XVI в. отработывается практика назначения Чингизидов номинальными воеводами в действующую армию. С этого момента отряд того или иного татарского царя или царевича зачислялся в тот полк, которым он «командовал». При этом система приставов и голов сохранялась. Данные изменения, скорее всего, не были связаны исключительно с необходимостью встроить служилых татар в русскую армию, а отображали эволюцию вооруженных сил Московского государства, в ходе которой происходило постепенное изживание прежних, удельных ее форм.

Изначально все татарские отряды делятся на две составные части по принципу происхождения – на мирз и казаков. Мирзы являлись потомками родовой знати; казаки – представители рядовых татар. Сразу следует отметить, что подобное деление маркировало исключительно происхождение того или иного человека, а не его военную пригодность или же имущественное положение. В последнем вопросе все было несколько сложнее. Но данная проблема выходит за рамки данной работы.

Подобная система сохранилась до рубежа XVI–XVII вв. К этому моменту отряды Чингизидов мельчают. В их состав начинают попадать русские люди. С этого момента мы вправе говорить о предоставлении ими даточных людей со своих поместий, однако имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют предположить, что все было не-

сколько сложнее, и о даточных людях у Чингизидов следует говорить уже в конце XV в. [22] Татарские цари и царевичи перестают назначаться номинальными полковыми воеводами, а порой и участвовать в самих походах. В это же время начинает испытывать определенные трудности и институт романовских мирз. Об этом мы уже писали выше.

Что касается территорий с преобладающим татарским населением в разное время вошедших в состав Московского государства, то здесь главным фактором являлась степень лояльности местного населения столичным властям. В случае мирного или же относительно мирного перехода под власть нового сюзерена служилые татары, и в первую очередь их формальные лидеры, как мы уже говорили, на долгое время сохраняли свои прежние привилегии [58; 78]. Оказывало это определенное влияние и на их внутреннюю организацию. На настоящий момент наиболее исследованной является группа служилых татар Темниковского уезда. Во главе татар уезда стояли князья Еникеевы. Проживавшие в регионе мирзы в своем большинстве являлись дальними родственниками Еникеевых. Отдельные мирзы, жаловавшиеся доходами с мордовских беляков (податные единицы и, по-видимому, основная родоплеменная единица, схожая с башкирскими племенами/родами, территория расселения которых, как правило, совпадала с более поздними волостями), становились «личными» князьями. В данном случае князь это не титул, а должность близкая по статусу волостелям, но только имеющая пожизненный характер с правом передачи ее после смерти старшему в роде [29].

О статусе Еникеевых в регионе нам известно из книги полоцкого похода 1563 г.: «Темниковские люди Еникей князь с товарищи и с их людми» [47, л. 27 об. с. 40]. Таким образом, мы видим очень интересную ситуацию. Князь Еникей признается безусловным лидером темниковских татар. Но при этом другие мирзы содержат свои собственные военные отряды, напрямую не подчиненные Еникею. Данная модель еще более усложняется из-за мордвы. Мордва время от времени выставляла для участия в войнах из своей среды даточных людей. Однако некоторые представители этноса становились профессиональными воинами (служилая мордва), за что их пашня переводилась в поместья и освобождалась от государственных податей. Благодаря этому их часто называли тарханами. Они отправлялись на службу вместе с татарами, и достаточно быстро сливались с ними в единое целое под названием служилые татары [7, оп. 1, кн. 471; 63].

Отсутствие подобной формулы по отношению к служилым татарам иных уездов вовсе не означает, что там не прослеживается подобная их организация. По крайней мере, у кадомских татар их боевые холопы отмечены еще в начале XVII в. По царскому указу они были «роspущены на волю» [4, оп. 9, №1084, столбец 1, л. 4, 76]. Можно предположить, что появление упоминаемого указа было обусловлено заботой о служилых татарах. Постоянное дробление поместий между всеми наследниками привело к тому, что подавляющее число мирз с трудом могли содержать на свой счет боевых холопов. Мы вправе сделать предположение о том, что данный указ распространялся на все регионы России. Мы уже говорили, что в это же время (около 1617 г.) из под управления романовских мирз вывели их татар. По этому же документу мы отчасти можем судить и о возможной численности подобных отрядов (норме по выставлению боевых холопов). С 164 чети с 13 крестьянами и 9 бобылями можно было выставить служилого человека на коне в саадаке, и еще одного человека на коне с саадаком [4, оп. 9, №1084, столбец 1, л. 4]. Однако с поместья в 30 чети с двумя крестьянами и бобылем выставлялся один служилый человек на коне в саадаке [4, оп. 9, №1084, столбец 1, л. 5]. А вот особенностью глав рода Еникеевых за активное участие в событиях Смутного времени [18; 10] было то, что они «по государеву указу ходит на службу по особным грамотам со своим двором, а не з городом вместе, и бывает у воевод в полку» [4, оп. 9, № 184, столбец 5, л. 139].

Но нам все же следует вернуться в XVI в. Мы можем утверждать, что на протяжении всего XVI и, по крайней мере, в начале XVII в. главы рода Еникеевых являлись своеобразными наследственными и бессменными «вторыми» воеводами в городе и уезде. О первом или втором воеводском месте можно спорить. Однако очевидно, что человек, назначаемый из Москвы, осуществлял общий контроль, ему же подчинялось местное православное население. Татар и, в той или иной степени, мордву, безусловно, ведали Еникеевы. У последних было одно важное преимущество над присылаемыми воеводами: они постоянно проживали в регионе и поэтому лучше разбирались во всех местных вопросах [29, с. 66]. Следует подчеркнуть, что составляющие материального содержания Еникеевых сильно напоминают формы содержания служилых Чингизидов и романовских мирз. Следует также остановиться на доходах рода и особенностях наследования княжения. Из документов нам известно, что князьям Кугушу, Тенишу Кугушеву и Еникею Тенишеву «изстари» принадлежали доходы с темниковского кабака. Однако около 1553 г. они были переданы касимовскому царю, бывшему казанскому хану Шах-Али б. Шейх-Аулеару. Судя по всему, после его смерти их передали новому касимовскому царю Саин-Булату б. Бекбулату. Однако в 1570 г. по челобитью князя Еникея Тенишева кабак передали ему и его сыну Саббаку [11, с. 225–226]. Можно предположить, что доходы с кабака принадлежали представителям семьи или же давались им на откуп еще и в XVII в. [6, оп. 1, д. 1130].

Принадлежали роду и доходы с темниковской таможни. Они фиксируются вплоть до конца XVII в. [6, оп. 1, д. 4, 6, 16, 111, 1143, л. 9; д. 1577, л. 2; 14, № 193, с. 161]. При этом в их распределении заметна одна интересная тенденция. Первоначально они делились между всеми представителями рода. Но с определенного момента список претендентов был ограничен строго определенным кругом лиц и их наследниками [6, оп. 1, д. 111.]. Для сбора таможенных пошлин (документы отмечают один вид пошлин, но очень важный для данного региона – пятно) на таможне имелись представители получателей денежных средств [6, оп. 1, д. 1443, л. 9]. Данный факт указывает на то, что Еникеевы получали всю сумму таможенных пошлин, как и Чингизиды в Касимове. В Романове ногайским мирзам полагалась только строго фиксированная сумма из городских доходов [57; 13, № 307, с. 298–299]. Принадлежало Еникеевым и полавочное с темниковского торгового [14, №193, с. 161].

Темниковский уезд несколько отличался от соседних. В Кадомском уезде мы не фиксируем наличие регионального лидера. Не подчиняются кадомские татары и темниковским князьям. Хотя состав мирзинских родов в обоих уездах фактически идентичен. Особенностью Алаторского и Арзамасского уездов является то, что их заселение служилыми татарами происходило дважды. Первый раз – в конце XVI в. Однако в Смутное время регион сильно обезлюдел, и в первой трети XVII в. происходит вторая волна его освоения. При этом в обоих случаях переселялись на эти территории бежавшие от малоземелья (скорее от малолесья, так как бортничество долгое время являлось основой экономики региона, а размеры пашни были зачастую более чем незначительны [29, с. 67–68; 7, оп. 1, кн. 471]) выходцы из Кадомского и Темниковского уездов [63].

Отличительной особенностью касимовских татар являлось то, что они делились на два полка – Царев (Шигалеев) двор и Сеитов полк. При этом Царев двор, если можно так выразиться, был более аристократичным. Здесь мы видим значительно больше князей и имелдешей (в данном случае – молочные братья служилых Чингизидов) [24; 25]. Данные полки возникли благодаря традиции, по которой дворы пресекшихся династий касимовских Чингизидов сохраняли свою целостность и не передавались очередному татарскому царю или царевичу, пожалованному доходами с города, а становились самостоятельными служилыми корпорациями. Основу Царева двора составили потомки служилых татар принадлежавших казанскому и касимовскому царю Шах-Али б. Шейх-

Аулеару; Сеитов полк – служилые татары появившиеся в городе до прихода Астраханской династии (1516 г.) (Большая Орда и Крым).

Следует обратить внимание на еще один немаловажный факт. До падения Казанского ханства не зафиксировано ни одного случая использования в военных действиях мещерских татар (за исключением татар касимовских Чингизидов). Исключением являются дворы касимовских татарских царей и царевичей. Это, скорее всего, объясняется тем, что татарам приходилось нести пограничную службу по преимуществу. Это был своеобразный гарант благополучия в регионе [29, с. 63, 65; 9; 6, оп. 2, д. 1; 7, оп. 1, кн. 471]. Вновь присоединенные территории требовалось освоить. К тому же они давно были заселены мордвой, где каждый мужчина по необходимости мог стать воином. С середины XVI в. регион откатывается далеко в тыл. Из-за сложности управления огромным по площади, хоть и относительно малонаселенным уездом, его начинают дробить путем выделения самостоятельных уездов (Инсарский, Саранский, Керенский и др.). Теперь мещерские служилые татары участвуют практически во всех войнах, которые вело Русское государство в XVI–XVII вв.

Обратимся к изменениям, фиксируемым в организации мещерских служилых татар в первой половине XVII в. Основная информация содержится в десятнях Темниковского, Кадомского, Касимовского, Арзамаского и Алаторского уездов [4, оп. 9, стб. 184, столпик 5]. На первый взгляд все остается по-старому. Татары делятся на мирз и казаков. Корпорация, как правило, несет службу по половинам. При этом набор половин по количеству мирз и казаков, а также по размерам поместных окладов и годовых денежных дач, приблизительно одинаков. Но произошло и нечто новое. Ранее по разным причинам принявшие православие служилые татары покидали ряды своей служилой корпорации. Теперь ситуация меняется. Возможно, старая практика и сохранилась, но все же в каждой половине теперь мы видим по одному новокрещену (иногда по одному на уездную корпорацию) [4, оп. 9, стб. 184, столпик 5, л. 39, 48, 75, 164, 177, 197, 200]. Подобная картина позволяет сделать предположение о том, что эти люди выполняли какие-то особые функции. В чем они заключались, на настоящий момент мы можем только догадываться. Но нужно особо отметить, что подобные новокрещеные всегда были из казаков, никогда из мирз. При этом имели относительно высокие поместные оклады (200–350 четей), но не всегда самые большие среди казаков. Возможно, в их функции входило быть глазами и ушами православного командования. Назовем их условно «комиссарами».

В этот же период встречается еще одна должность среди татар не встречаемая ранее – есаул. Ими также назначали только казаков. В настоящее время они известны в Касимове и Кадоме [4, оп. 9, стб. 184, столпик 5, л. 72, 182; стб. 184, столпик 1, л. 23]. Но это не значит, что их не было в иных уездах. Бросается в глаза значительный разрыв в поместных окладах (150 и 300 четей). Они явно не могли быть «старшими» среди казаков или же помощниками (заместителями) главы корпорации. Однако они вполне могли выполнять какие-то функции при русских головах. Но в любом случае эта должность, по-видимому, не воспринималась почетной и желанной для татар и в первую очередь мирз.

Нельзя не отметить и тот факт, что татарская конница в первой половине XVII в. постепенно начинает терять свое прежнее значение. Уже в 30-е гг. XVII в. мещерские татары начинают постепенно переходить в рейтары и даже солдаты [4, кн. 44, л. 44об.–45, 89об.–90, 184, 205, 230, 534]. Массовый переход начнется несколько позднее, в середине века. В 1658/59 г. в рейтары перевели значительную часть кадомских татар. Но это не привело к росту их благосостояния. В сказках, поданных ими в июне 1673 г., многие из них отмечали, что на протяжении многих лет оставались не верстанными поместным окладом и денежным жалованием. Доходы с крошечных поместий и более чем нерегулярные денежные жалование и военная добыча являлись источником суще-

ствования их и их семей [5, Оп. 2, д. 1673, 2100, 2137]. Интересны следующие наблюдения. В 30-е гг. XVII в. в рейтары перешли по преимуществу князья и мирзы. Во второй половине века среди рейтар мы видим больше рядовых татар. Можно предположить, что взгляд на престижность службы в полках иноземного строя среди служилых татар за несколько десятилетий претерпел серьезные изменения. Есть все основания считать, что тогда же в рейтары перевели и иных мещерских татар. В результате потребностей русско-польской войны 1654–1667 гг. с конца 1656 г. правительство стало переводить большую часть поместной конницы в полки нового строя [54, с. 22].

Таким образом, мы должны констатировать, что организационная структура служилых татар в Русском государстве XV–XVII веков нам во многом еще не понятна. Даже известные факты, подчас, более чем трудно интерпретировать. Однако уже сейчас мы можем говорить о том, что татарская конница не была чужеродным элементом в русской армии и вполне успешно в нее встраивалась. Все изменения, протекавшие в ней, в той или иной степени отражались и на служилых татарах. Поэтому изучение института служилых татар невозможно в отрыве от исследования русской армии в целом.

Говоря о служилых татарах, следует особо остановиться на конфессиональной политике Москвы по отношению к тюркским народам. В этом вопросе долгое время господствовал прагматичный подход. Главное, чтобы неправославное население хорошо исполняло возложенные на него обязанности. Однако с 20-х годов XVII в. наметилась тенденция по насильственному решению «татарского вопроса». Сразу же следует оговориться, что подобные идеи родились в церковной среде. Светские власти всячески стремились нивелировать эти стремления, при этом далеко не всегда успешно. Только в 70–80-е гг. XVII в. в этот процесс подключилось и государство. Но и тогда решить проблему не удалось [20].

Тюркское зависимое население.

На настоящий момент мы должны признать, что данная категория полностью не исследована. Мы можем только констатировать только ее существование. Оно было небольшим. Мы знаем, что в случае попадания к русским помещикам их быстро крестили. С другой стороны пленные европейцы, попадавшие к татарам, также могли принимать ислам. Таким образом исследователь, взявшийся за данную тему, столкнется со множеством проблем. В первую очередь это отрывочность сведений и их большая распыленность по архивохранилищам и фондам.

* * *

Мы рассмотрели все известные на настоящий момент категории тюркского населения в Московском государстве XV–XVII в. При этом установили, что его представители фиксируются абсолютно во всех слоях общества. Степень влияния тюркского компонента на те или иные стороны государства еще изучена очень слабо. Но оно, безусловно, имелось. Конечно же, подобное влияние не было одинаковым и постоянным во всех стратах общества и всех сферах деятельности. Однако для того, чтобы установить подобное влияние, в первую очередь требуется дальнейшее всестороннее исследование тюркских народов России. А сделано в этом еще очень немного.

1. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 131 (Татарские дела).

2. РГАДА. Ф. 134 (Сношения России с Хивой).

3. РГАДА. Ф. 150 (Дела о выездах иностранцев в Россию).

4. РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ).

5. РГАДА. Ф. 1122 (Кадомская приказная изба).

6. РГАДА. Ф. 1167 (Темниковская приказная изба).

7. РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ).
8. Азовцев А.В. Личные имена Рязанского уезда конца XVI в. (По материалам писцовых книг) // Рязанская старина: 2002. Вып. 1. М.: Интеграл-Информ, 2003. С. 14–48.
9. Акчурин М.М., Абдрахманов Т.А. Челобитная вдовы мурзы Тляша Кутыева // Национальная история татар: историко-методологические проблемы. Вып. II. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2011. С. 176–195.
10. Акчурин М., Ишеев М. Татары Верхнего и Среднего Поволжья – участники Смуты начала XVII века // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. IV. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2010. С. 42–64.
11. Антонов А.В. Акты служилых татар 1525–1609 годов // Русский дипломатарий. Вып. 7. № 9. М.: Древлехранилище, 2001. С. 225–226.
12. Антонов А.В.; Кром М.М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. Вып. 7. М.: Древлехранилище, 2002. С. 149–196.
13. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 1. М.: Археографический центр, 1997. 432 с.
14. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 3. М.: Древлехранилище, 2002. 680 с.
15. Баранов К.В. Записная книга полоцкого похода, 1562/63 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М.: Древлехранилище, 2004. С. 119–154.
16. Бахтин А.Г. Образование Казанского и касимовского ханств. Йошкар-Ола, 2008 252 с.
17. Беляков А.В. «Невидимки» русской армии XVI века // История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Статьи. Вып. II. С. 159–178. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/2013/03/12/belyakov> (12.03.2013).
18. Беляков А.В. Документы Темниковской и Кадомской приказных изб эпохи Смуты // Мининские чтения 2012. Н.Новгород: Кварц, 2012. С. 233–241.
19. Беляков А.В. Крещение Чингизидов // Российская история. 2011. № 1. С. 107–115.
20. Беляков А.В., Морохин А.В. Отношение центральной власти к насильственным крещениям на местах в первой половине XVII в. // Очерки Феодальной России. Вып. 18. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. С. 168–188.
21. Беляков А.В. Политика Москвы по заключению браков служилых Чингизидов // Тюркологический сборник 2007–2008. М.: Восточная литература, 2009. С. 35–55.
22. Беляков А.В. Правила пожалования поместьями окладами и годовым денежным жалованием Чингизидов в России XVI–XVII вв. // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. №4. Часть 3. С. 113–116.
23. Беляков А.В. Служилые татары Мещерского края XV–XVII вв. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М.: Квадрига, 2009. С. 160–195.
24. Беляков А.В. Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1623 г. // Рязанская старина. 2004–2005. Рязань: Край, 2006. Вып. 2–3. С. 358–380.
25. Беляков А.В. Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1649 г. // Рязанская старина. 2004–2005. Рязань: Край, 2006. Вып. 2–3. С. 381–405.
26. Беляков А.В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан // Мининские чтения 2006. Н.Новгород: Изд-во. ННГУ, 2007. С. 29–60.
27. Беляков А.В. Форум: «... и бе их столько, еже нет числа»: сколько воинов воевало в русской армии в XVI в? [Форум] // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1–2. С. 126–128.
28. Беляков А.В. Чингизиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.
29. Беляков А.В., Енгальчева Г.А. «Темниковское княжество» по источникам XVI–XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 6. Казань, 2014. С. 67–68.

30. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Типография Императорской академии Наук, 1863. Ч. 1. XIII, 558 с.
31. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Типография Императорской академии Наук, 1864. Ч. 2. 498 с.
32. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Типография Императорской академии Наук, 1866. Ч. 3. 525 с.
33. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Типография Императорской академии Наук, 1887. Ч. 4. 183 с.
34. Волкова Т.Ф. К вопросу об источниках «Казанской истории». (Образ царя Шигаля: факты и вымысел) // Источниковедение и историографические вопросы отечественной истории XVI–XVIII веков. Ярославль, 1992. С. 27–38.
35. «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1547–1572 гг. // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава: Археологический центр, 1997. 330 с.
36. Гурлянд И.Я. Романовские мурзы и их служилые татары // Труды 2-го областного Тверского археологического съезда. Отд. 2. Тверь, 1906.
37. Демкин А.В. Феодалное землевладение Романовского уезда в конце XVI в. // Аграрный строй феодальной России: XV – начало XVIII вв. М., 1986.
38. Дворцовые разряды. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1850. Т. I. 656 с.
39. Дворцовые разряды СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1851. Т. II. 496 с.
40. Дворцовые разряды СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1852. Т. III. 841 с.
41. Дворцовые разряды. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1855. Т. IV. 586 с.
42. Дополнения к Т. III. Дворцовых разрядов. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1854. 246 с.
43. Зайцев А.В. Потомки Чингиз-хана в Москве и Стамбуле: сравнительный анализ / Чингизиды в России: «золотой род» после падения Золотой Орды // Российская история. 2013. № 3. С. 21–26.
44. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени. Казань: Мастер Лайн, 1998. 267 с.
45. Карпини П. История Монголов // Путешествия в Золотую Орду. М.: ЭКСМО, 2014. С. 49–148.
46. Каррер д'Анкос. Торговые пути Центральной Азии и попытки отвоевания Астрахани // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: сб. ст. Казань, 2009. С. 117–120.
47. Книга полоцкого похода, 1563 г. (Исследование и текст). СПб.: Российская национальная библиотека, 2004. 107 с.
48. Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избр. труды. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2008. 369 с.
49. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1906. 215 с.
50. Курбатов О.А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: идейные источники и цель реформы царского войска // Единорогъ: Материалы по военной истории Вост. Европы. Вып. 1. М.: Квадрига, 2009. С. 196–225.
51. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. 570 с.
52. Любимов С.В. Опыт исторических родословий. Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг.: тип. Андерсона и Лойцянского, 1915. 108 с.
53. Магилина И.В. Россия и проект антиосманской лиги в конце XVI – начале XVII вв. Волгоград: МИРИА, 2012. 372 с.

54. Малов А. В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Древлехранилище, 2006. 624 с.
55. Мейерберг А. Путешествие в Московию // Утверждение династии. М., 1997.
56. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. М., 1999. С. 466–467.
57. Моисеев М.В. К истории землевладения рода Юсуповых в начале XVII в. // Русский дипломатический архив. Вып. 10. М.: Древлехранилище, 2004. С. 197–202.
58. Моисеев М.В. Представители политических элит покоренных татарских ханств в России второй половины XVI в.: Хосров-бек // Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы. СПб., 2013. С. 43–47.
59. Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.). М., 1990. 240 с.
60. Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI – XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.
61. Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М.: Изд-во. АН СССР, 1953.
62. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб.: Товарищество паровой скоропечатни Яблонский и Перотт, 1890. Т. I. 455 с.
63. Писцовая книга татарским поместным землям Алатырского уезда 1624–1626 годов. М.; Новгород: Медина, 2012. 204 с.
64. Полное собрание русских летописей. Т. XIII: Никоновская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.
65. Полное собрание русских летописей. Т. XXI: Книга Степенная царского родства. Ч. 1. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. 342 с.
66. Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 612 с.
67. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. 1. М., 1977. 188 с.
68. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. I. М., 1975. 332 с.
69. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. III. Ч. 3. М., 1989. 228 с.
70. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. 3. М., 1982.
71. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 129. СПб.: Печать С.П. Яковлева, 1910. 585 с.
72. Селин А.А. Приезд принца Ганса Датского в Московское государство и Новгородский служилый город в 1602 г. // Единорогъ. Вып. 3. М.: Русские витязи, 2014. С. 278–349.
73. Смирнов П.П. Города московского государства в первой половине XVII в. Т. I. Вып. I. Киев: Типография Университета Св. Владимира, 1917. 144 с.
74. Список опричников Ивана Грозного. СПб.: Российская национальная библиотека, 2003. 152 с.
75. Таценко С.Н, Шокорев С.Ю. Князя Сулешовы: крымские мурзы на службе у московского государя // Москва-Крым. Историко-публицистический альманах. Вып. 4. М., 2002. С. 39–49.
76. Трепавлов В.В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник 2002: Россия и тюркский мир. М.: Восточная литература, 2003. С. 320–353.
77. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература, 2012. 231 с.
78. Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань: ФЭН, 2010. 288 с.
79. Филлошкин А.И. Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб.: Изд-во. СПб. университета, 2007. 624 с.
80. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. М. Эдиатор УРСС, 2001. 336 с.
81. Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. Рязань: Благовест, 1999. 217 с.

82. Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М.: Археографический центр, 1994. 266 с.

83. Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI–XVI вв. М.: Квадрига, 2009. 512 с.

§ 11. Мангытский юрт (Ногайская Орда)

Вадим Трепавлов

Ногайская Орда была самым обширным из государств, образовавшихся при распаде Золотой Орды. В период наивысшего могущества, в первой половине XVI в., ее граница на востоке и юге подходила к верховьям рек Тобола и Нуры, шла по реке Сарысу и затем по Сырдарье к Аральскому морю. Западным рубежом долго служила Волга. Но со временем жители Ногайской Орды стали осваивать и правобережные волжские пастбища. В XVII в. ногайцы расселялись по Причерноморью и Северному Кавказу, покидая родные заволжские степи. Северные пределы Орды можно определить очень условно. До середины XVI в. в ее состав входила большая часть нынешней Башкирии.

Распространенным эпитетом средневековых ногайцев было слово *сансыз* (бесчисленные). На Руси и в Европе сложилось устойчивое мнение об огромном количестве жителей Ногайской Орды, наиболее многолюдной среди окрестных государств: «их же число подобно морскому песку было». «Подобен морю был наш народ», – утверждали ли сами ногайцы устами поэта Шал-Кийиза Тиленши-улы [3, с. 87; 5, с. 238; 10, с. 48]. Численность населения Орды можно примерно подсчитать по распространенной методике: известная по источникам численность войска умножается на 4 или на 5. Считается, что у кочевников при общей мобилизации ополчения оставались дома женщины, дети, немощные старики и безлошадные бедняки – всего около 3/4 или 4/5 всего населения. Исходя из этой пропорции, можно определить, что в середине XVI в. ногайцев было от 900 тысяч до 1 миллиона человек. Позднее их число неуклонно уменьшалось [подробно см.: 11, с. 493–499].

В конце XIV в. в междуречье Яика и Эмбы образовался Мангытский юрт – район кочевания тюркского племени мангытов, во главе которого стоял могущественный *беклербек* (главный военачальник) Идегей. Он управлял в то время всеми делами Золотой Орды от имени безвластных, во всем покорных ему ханов. Традиция влияния Идегея была столь сильна, что после его гибели в 1419 г. должность беклербека закрепилась за его семьей. В восточно-кипчакских наречиях эта должность передавалась как *ллубий* (чаще просто *бий*).

Мангытский юрт достался в управление сыну Идегея Гази. Он «по примеру своего отца стал предводителем народа и племени и привел под десницу своего господства аймак и племена». Это вызвало недовольство кочевой аристократии, уже отвыкшей к тому времени от жесткой единоличной власти. Бий «удлинил руки притеснения», «протянул руку угнетения и насилия, ступил из круга справедливости и сошел с широкой дороги милосердия» [6, с. 141, 390]. В 1428 г. он был убит мятежниками.

Самым сильным правителем в Восточном Дешт-и Кипчаке с 1428 г. стал хан т.н. кочевых узбеков Абу-л-Хайр. Своим беклербеком он сделал внука Идегея, Ваккаса. Тот по должности возглавлял вооруженные силы ханства и участвовал во всех крупнейших военных кампаниях 1430 – начала 1440-х гг. Мангыты принадлежали к правому крылу Узбекского ханства. При этом Мангытский юрт не растворился среди подчиненных Абу-л-Хайру улусов. Автономия мангытских владений эпохи Ваккаса проявилась в их противостоянии с Большой Ордой, в котором Абу-л-Хайр не принимал заметного участия. Занятый войнами с Тимуридами, правитель кочевых узбеков не вмешивался в

дела своих западных подданных и не препятствовал самостоятельному существованию и постепенному усилению юрта мангытов.

Польский хронист Матвей Меховский записал, что «Оккас, выдающийся воин и слуга великого хана... был убит». После этого «сыновья его отделились от главной заволжской орды и поселились около замка Сарай (т.е. Сарайчик. – *В.Т.*), примерно лет за семьдесят до нынешнего 1517 года. Вскоре они до чрезвычайности разрослись, так что в наше время стали уже наиболее многочисленной и самой крупной ордой». Примерная датировка этого события по данному источнику – 1447 г. «или немного меньше», как оговаривает автор [7, с. 92, 93, 171].

В политике мангытских предводителей второй половины XV в. проявилась политика, истоки которой были заложены еще Идегеем: хан был необходим мангытам только для того, чтобы освятить их растущее политическое влияние. Кроме того, получив однажды от покорного Чингизида пост беклербека-бия, мангытский мирза становился его обладателем пожизненно, вне зависимости от того, был ли жив государь, даровавший эту должность. Правда, при этом пока сохранялось обязательное условие: беклербек все равно должен был «числиться» при каком-нибудь монархе.

Личность и власть Абу-л-Хайра, умершего в 1468/69 г., в течение сорока лет скрепляли узбекскую державу. Его наследникам не захотел подчиняться никто. Для свержения династии объединились лидеры с разных концов Дешт-и Кипчака: хан Ибак (Ибрахим) из Тюменского юрта; давний антагонист Абу-л-Хайра и один из основателей Казахского ханства Джанибек; мангытские бии Аббас и Мусса (вместе со своим неразлучным братом Ямгурчи). Сын Абу-л-Хайра Шейх-Хайдар был свергнут и убит. Дешт-и Кипчак остался без государя. Но беклербек-бий мог находиться только при хане, и следовало ожидать от Мусы (именно он выдвинулся на первый план, оттеснив своего дядю Аббаса) партнерства с каким-нибудь правителем-Чингизидом.

По скудной информации можно полагать, что сначала таким правителем оказался «узбек-казакский» хан Джанибек. Когда в конце 1460 – начале 1470-х гг. главным правителем казахов стал его двоюродный брат Гирей, Джанибек считался соправителем последнего, но, видимо, не имел большой власти. По традиционной схеме, младший соправитель получал в управление правое, т.е. западное крыло. На западе бывшего Узбекского, а теперь Казахского ханства располагались кочевья мангытов с центром в Сарайчике. Сарайчик также стал одной из резиденций Джанибека. Можно видеть в этом факте формальную подчиненность Мангытского юрта новому хану.

Джанибек умер около 1473 г. Не желая усиления очередной династии, которая могла бы угрожать крепнувшей автономии Мангытского юрта, его предводители не выказали покорности следующему тандему казахских ханов – сыну Гирея Бурундуку и сыну Джанибека Касиму. В источниках, повествующих о том времени, Муса назван «властителем Кипчакской степи» и «главнейшим из эмиров» Дешта-и Кипчака [6, с. 103; 12, с. 274].

С конца XV в. на страницах хроник появляются понятия «ногаи» (как народ) и «Ногаи» (как территория). В восточных текстах владения Мусы обозначались, как правило, *омак* мангытов, *эль* и *улус* мангытов. Некогда, после нашествий Тимура на Улус Джучи в 1391 и 1395 гг., Идегей воспользовался кризисом ханской власти и сумел собрать у себя за Волгой огромные массы золотоордынского населения. Стабильная и безопасная жизнь в заволжских степях, надо полагать, привлекала кочевников и позже, в первых десятилетиях XV в. Постепенно в кочевьях, подвластных мангытским биям, собрались семьи и целые общины из множества племен. Эти кочевники вместе боролись с детьми Токтамышша, ходили на Тимуридов с Абу-л-Хайром, воевали против Шейх-Хайдара и казахских ханов. Крупные войны и стихийные бедствия почти не задевали Мангытский юрт. К концу XV в. в степях между Волгой и Эмбой обитало уже

третье или четвертое поколение его жителей. Общие историческая судьба и политические интересы породили у них осознание единой общности.

Показателем этого стало слово *ногай*. Так стали называть всех подчинявшихся мангытскому бию кочевников, независимо от их племенной принадлежности. Ногаями отныне были и сами мангыты, и найманы, и керей, и десятки прочих племен. А Мангытский юрт получает в источниках второе название – Ногайская Орда.

До сих пор нет единого мнения о происхождении этонима. Еще в XVIII в. было высказано предположение, что в его основе – имя могущественного правителя Золотой Орды конца XIII в. Ногай. Этот талантливый политик и военачальник прибрал к рукам всю власть в государстве и даже назначал ханов. Историки предположили, что впоследствии потомки подданных Ногай образовали Ногайскую Орду. Эта догадка, основанная только на сходстве имен, была поддержана Н.М. Карамзиным. Огромный авторитет «отца русской историографии» превратил ее в непреложную истину. С тех пор Ногай и ногайцы оказались прочно связаны в исторических трудах.

На самом деле такое объяснение очень сомнительно. Ведь Ногай погиб в 1300 г., а название народа «ногай» появляется в документах только с конца XV века. Владение (*юрт*) Ногай располагалось в Причерноморье – в нынешних южной Украине, Крыму и Молдавии – далеко от будущего ядра Ногайской Орды на Яике, на западе Казахстана. Сами средневековые ногайцы и их потомки в своих исторических преданиях не упоминали о Ногае, считая своими предками и первыми правителями других исторических персонажей.

Существуют и другие этимологии. Собственно, само имя «Ногай» представляет собой тюркизированное монгольское *нохой* (собака, пес). Это имя носил не только вышеупомянутый ордынский царевич, но и другие люди, среди которых встречались и царственные особы. Возможно, один из них и послужил так называемым эпонимом целого народа и всего ногайского государства. Наиболее вероятным «претендентом» представляется Кара-Ногай – хан восточной части (левого крыла) Улуса Джучи во второй половине XIV в.

Есть еще несколько версий происхождения слова «ногай»: от монгольского *наган* (зелень, трава – как указание на скотоводческий, кочевой образ жизни); непосредственно от *нохой* (собака) – то ли как обидного прозвища, то ли как символа дружбы и преданности, то ли как легендарного животного предка. Сами ногайцы в XIX в. выводили название своего народа от выражения *неунгай* («будьте прокляты!») – так якобы в старину назвали новообращенных в ислам их соплеменники, оставшиеся язычниками.

К началу XVI в. Муса стал уже полностью самостоятельным правителем, хотя и номинально низшим по сравнению с окрестными ханами. Постепенно увеличивался престиж управляемых им владений. Если в документах третьей четверти XV в. «Ногаи» предстают как некое абстрактное пространство за Волгой, то в конце правления Мусы Орда ногайцев становится в один ряд с прочими тюркскими владениями. В тот период на Руси была создана «статья» (перечень) под названием «Татарским землям имена», в которой «Ногаи» названы наравне с Большой Ордой, Казанским и Астраханским ханствами и Сибирским юртом («Шибаны») [4, с. 253].

Тем не менее номинальный ранг подвластных Мусе территорий был неизмеримо ниже даже самых слабых и ничтожных владений, во главе которых стояли Чингизиды. Жители Мангытского юрта расценивались в соседних государствах как «казаки», т.е. изгои, оторвавшиеся от родных улусных общин, как объединение, не вписывавшееся в традиционную схему организации государственной власти. Поэтому первоначально перед Мусой, его родичами и сподвижниками по-прежнему стояла задача поисков удобного, покорного государя. Мангытская знать остановила было свой выбор на узбекском царевиче Мухаммеде Шейбани (внуке Абу-л-Хайра), который успешно воевал с Тимури-

дами и казахами и впоследствии основал собственное узбекское ханство, но обстоятельства не позволили воплотить этот замысел. Следующим и более удачливым кандидатом на трон стал Ибак, хан Тюмени. В русских источниках он зовется «царем ногайским». Этот титул обозначал не этническую или племенную принадлежность хана, а основной состав его войска и подданных. На самом деле Ибак мог распоряжаться по своему усмотрению лишь немногочисленным населением и небогатыми ресурсами собственного Сибирского юрта. Ногайцы же входили в его ханство лишь номинально, хотя и диктовали ему политическую стратегию. В январе 1481 г. сибирско-ногайское войско разгромило ставку хана Большой Орды Ахмеда, а его самого убил брат мирза Ямгурчи.

Муса умер около 1502 г. Его многочисленные сыновья вступили в борьбу за власть. Ногайская Орда ослабла и оказалась на грани раскола. Поэтому ногайцы полностью проиграли разразившуюся войну с казахами.

В конце XV – начале XVI в. основные силы казахов были отвлечены сначала на походы в Мавераннахр, завоеванный Мухаммедом Шейбани, а потом на отражение узбекских вторжений из Мавераннахра. В 1510 г. Шейбани был разгромлен и убит шахом Исмаилом Сефеви. Опасность с юга исчезла, и правители казахов, Бурундук и Касим, получили возможность заняться проблемами западных рубежей. Они не желали лишаться своего правого крыла с многочисленным Мангытским юртом.

Инициатива войны с Ногайской Ордой принадлежала хану Касиму. После смерти своих отца и дяди, Джанибека и Гирея, он сначала подчинялся хану Бурундуку. Но постепенно прибрал к рукам влияние и власть и стал ханствовать без соправителей. Соответственно потенциальными правами на Мангытский юрт обладал отныне тоже он.

Ногайцы избегали ссориться с Казахским ханством, которое теперь стало монолитным и могущественным. Восточные хронисты сообщают, что мангыты вместе с казахами участвовали в походе Касима на Ташкент и Туркестан. Привлечение многочисленной ногайской кавалерии к военным предприятиям резко увеличило престиж хана в глазах соседей. Но редкое участие в войнах с узбеками вовсе не означало намерения ногайских лидеров отказаться от независимости, достигнутой ими после десятилетий интриг и сражений. В 1519 г. Касим решил окончательно и прочно утвердить свою власть над ногайцами. Это было тем более актуально, что в ташкентском походе казахский хан потерпел поражение. Чтобы продолжать борьбу за туркестанские пастбища и города, требовалось собрать под свою руку всех подданных – ближних и дальних, настоящих и мнимых, как ногайцы.

Ход военных действий неизвестен, но очевидно, что ногайцы потерпели полное поражение. Территория Ногайской Орды оказалась в подчинении у Касима. О его политике там информации почти нет. Собственно, ногайцев на левой стороне Волги оставалось, видимо, немало, но большинство мангытской знати перебралось на запад, в крымские владения. Утратив власть над своим юртом, она оказалась деморализованной и окончательно раздробленной. В таком состоянии ей не оставалось ничего другого, как переживать лихолетье под покровительством хана Мухаммед-Гирея I или же пытаться сблизиться с казахским монархом. Наверное, и Касим не стремился озлоблять разгромленных ногайцев и старался держаться с ними дружелюбно. Предания рассказывают, что хан выдал дочь за одного из самых высокородных мангытов – сына Мусы Шейх-Мамай. Одной из ставок Касим-хана стала столица Ногайской Орды Сарайчик. Он занял город, как бы переняв эстафету от своего покойного отца Джанибека и дяди Бурундука, некогда проживавших там. В Сарайчике же Касим скончался и был там погребен в 1521 г.

Новым государем казахов стал племянник Касима Тахир. Едва он вззошел на престол, как все достигнутое и завоеванное его великим дядей стало рушиться. Узнав о смерти могущественного хана, ногайцы воспрянули духом. Дети и племянники Мусы (Мамай, Саид-Ахмед, Шейх-Мамай, Юсуф и др.) сумели собрать разбросанных по пра-

вобережным пастбищам кочевников и вдохновить их на реванш. Тахир показал себя абсолютно неспособным к сопротивлению. Пришлое казахское население под ударами ногайцев начало быстро откатываться на юго-восток, а сам хан бежал в Моголистан. В источниках ясно объяснена откочевка туда Тахира с двумястами тысячами подданных: «В связи с восстанием мангытов узбек-казаки не могли более оставаться в Дешт-и Кипчаке» [13, с. 134–135]. Теперь растерянность и раздробленность охватили уже казахов. Ногайцы регулярно врываются в их кочевья и мстили за недавние поражения. В сражениях с ними полегло несколько казахских султанов, сын Касима Хакк-Назар оказался (в качестве пленника?) в стойбище одного из мирз.

После отступления Тахира в Семиречье бескрайние пространства Восточного Дешт-и Кипчака оказались беззащитными перед ногайскими отрядами. Сыновья и племянники Мусы восстановили свое господство над заволжскими и заяицкими степями. В 1520–1540-х гг. Ногайская Орда уже столь явно и бесспорно доминировала в восточно-дештских степях, что у ее противников не находилось ни сил, ни решимости долго конфликтовать с ней.

Одним из результатов военных побед стала для ногайцев возможность распоряжаться казахским престолом. На него был посажен Хакк-Назар – как еще и формальный сюзерен Ногайской Орды, во всем покорный своим мангытским покровителям.

* * *

Ногайцы являлись типичными кочевыми скотоводами, не знавшими и не любившими городской жизни. Единственным достоверно известным городом у них был Сарайчик на Яике, оставшийся от золотоордынских времен. Подати, регулярно выплачивавшиеся кочевниками в пользу биев и мирз, были натуральными: скот и продукты животноводства, пушнина, мед и др. Земледелие находилось в зачаточном состоянии и сводилось к небольшим посевам проса в долине Яика. Ремесло носило домашний характер, обеспечивая лишь потребности кочевого скотоводства. Для приобретения хлеба, металлических изделий и тканей ногайцы вели оживленную торговлю с соседними странами. Активному обмену товарами способствовало расположение Ногайской Орды на старых караванных путях из Средней Азии и Персии в Восточную Европу.

Во второй четверти XVI в., при биях Саид-Ахмеде, Шейх-Мамае и Юсуфе, Ногайская Орда играла значительную роль в международных отношениях Восточной Европы и Дешт-и Кипчака, активно вмешивалась в политику поволжских и Сибирского ханств, нередко конфликтовала с Крымом, который стремился подчинить ее своему влиянию.

К середине 1550-х гг. обострилась борьба различных группировок ногайской знати. Многие мирзы были обеспокоены продвижением Московского государства на восток, завоеванием царем Иваном IV Казанского ханства (1552) и установления им контроля над Астраханским ханством (1554). Во главе противников пророссийской ориентации стоял бий Юсуф. В 1554 он был свергнут и убит своим братом, пророссийски настроенным Исмаилом. Несколько лет продолжались междоусобицы. Вооруженные конфликты сопровождались нарушением налаженной системы перекочевков, что приводило к массовой гибели скота и, как следствие, к массовому голоду среди населения. Во время этих событий большое количество ногайцев умерло от лишений и эпидемии чумы или переселилось в окрестные государства.

В Москве расценивали Исмаила как союзника и неоднократно оказывали ему помощь, посылая продовольствие и направляя стрелецкие отряды для защиты от врагов. К концу 1560-х гг. Исмаил утвердился у власти, а разгромленные им соперники бежали в соседние страны. Оказавшись во внешнеполитической изоляции, Исмаил полагался лишь на поддержку Ивана IV. В заключенных между ними договорах (*шертях*) бий признавал иерархическое старшинство царя над собой и обязался быть его верным союзником. Однако, вопреки распространенному в историографии мнению, он не пере-

шел в русское подданство, как не произошло и присоединения Ногайской Орды к Московскому государству.

Преемники Исмаила то признавали старшинство русского царя, то начинали конфликтовать с ним. Но ослабленные раздорами и экономической разрухой, раздробленные ногайцы уже не представляли собой значительной силы. Сын Исмаила бий Дин-Ахмед видел свою задачу в восстановлении Орды после смуты, поэтому старался ужиться мирно и с Московским государством, и с крымцами. Но страх перед Россией, которая укрепляла свои позиции в Поволжье и далее на востоке, иногда заставлял Дин-Ахмеда действовать против нее. Его отряды принимали участие в нашествиях крымского хана Девлет-Гирея I на Русь в 1571 и 1572 гг., нападали на «украины», разорили пограничные поселения и угоняли их жителей в плен. Сменивший Дин-Ахмеда его брат Урус занял резко антироссийскую позицию.

Для противостояния кочевникам московское правительство предприняло строительство крепостей на главных ногайских переправах через Волгу – Самары (1586), Царицына (1589), Саратова (1590). Возмущенный Урус задерживал у себя в заложниках московских послов и требовал снести новые города (вместе с только что построенной Уфой). Но ни решимости, ни сил настаивать на этом у него не нашлось. В 1590 г. он погиб в очередной распри. Ногайскую Орду в 1590-х гг. опять охватила смута. В борьбу за власть над кочевьями и подданными вступили семьи биев Дин-Ахмеда и Уруса.

* * *

Особенности кочевой экономики и политического устройства привели к обособлению отдельных улусов. В течение XVI в. сформировалось сильное сословие мирз – ногайской знати. Под влиянием меняющейся политической конъюнктуры, опираясь на замкнутое хозяйство собственных кочевий, мирзы оказывались подверженными сепаратистским настроениям. На раскол знати повлияли и династические распри. Часть населения Орды во главе с мирзой Казыем в середине столетия откочевала в степи северо-западного Предкавказья, где со временем образовалось самостоятельное владение – Казыев улус, или Малая Ногайская Орда. Потомки улубия Шейх-Мамая (т.н. Алтыулы), кочевавшие на территории Центрального Казахстана, тоже фактически отделились от главной («Большой») Ногайской Орды.

В последней четверти XVI – начале XVII в. на внутренние дезинтеграционные процессы наложилось сразу несколько неблагоприятных внешних факторов.

В это время началась миграция части ойратских племен (калмыков) на запад. По пути из Западной Сибири на Волгу калмыки прошли сквозь основную территорию ногайцев и частью вытеснили, частью подчинили их себе.

Участились набеги казаков. В 1581 г. волжские казаки разрушили ногайскую столицу Сарайчик, а затем стали обосновываться в центре ногайских кочевий – по берегам Яика.

Усилилось Казахское ханство. По мере ослабления верховной власти биев некоторые племена Ногайской Орды переходили в подданство казахским ханам, которые, таким образом, расширяли подвластную территорию на запад. В течение XVII в. бывший район главных ногайских кочевий оказался поделенным между яицкими казаками, прикочевавшими с востока калмыками и новообразованным Младшим жузом казахов.

В результате падения Казанского и Астраханского ханств и резкого усиления Российского государства нарушился баланс сил, сложившийся в Восточной Европе в течение XV – первой половины XVI в. после распада Золотой Орды. Ногайцы столкнулись с необходимостью выбора ориентации на одного из двух противостоящих гегемонов региона – Крым или Россию. Знать Ногайской Орды раскололась на прокрымскую и пророссийскую партии. Этому расколу способствовали также интриги Москвы и Бахчисарая, их борьба друг с другом. Данное обстоятельство тоже мешало правительству

Орды контролировать всю территорию распадавшегося государства. Были неоднократные попытки реванша (об этом свидетельствовали перекочевки обратно на левобережье Волги, переговоры с властями Бухары о восстановлении Сарайчика). Но в результате внешних ударов ногайцы в конце концов утратили прежние кочевья и превратились в кочующих скитальцев.

В середине – второй половине XVII в. они постепенно закреплялись в пределах нового Калмыцкого ханства, княжеств Северного Кавказа, а также во владениях Гиреев – по всей степной полосе между Крымом и Россией. Лишившись единого центра, кочевники образовали несколько улусных структур-Орд. Крупнейшими и наиболее долговечными из них оказались Едисан, Едишкуль и объединение в Буджаке (Северо-Западном Причерноморье).

* * *

Титулом ногайского правителя, как указывалось выше, служило понятие *бий* (*улубий*). Это поздняя восточно-кипчакская форма общетюркского *бек*. В тюркских политических образованиях XIV–XVI вв. бек (бий) служил синонимом арабо-персидского *эмир* и монгольского *нойон*. Все эти термины обозначали принадлежность к знати, стоящей рангом ниже династической правящей аристократии. В разных регионах и в разные эпохи бий мог означать и родового старейшину (у башкир и казахов), и главу племени, номинально представляющего это племя при хане (Крымское и Касимовские ханства), и высшее должностное лицо после хана (Золотая Орда, Узбекское ханство), и просто «начальство» в широком смысле.

Все племена Ногайской Орды первоначально возглавлялись биями, а над всеми ними стоял бий мангытов. Кроме того, существовали «служилые» бии при дворе верховного правителя. В этой парадоксальной ситуации, когда сюзерен имеет одинаковый титул с нижестоящими подданными, требовалось искать способы выделить мангытского лидера.

Ногайская знать обращалась к главе Орды, используя выражение *бий-хазрат*, т.е. «княжое величество», в средневековом русском переводе. «Великий князь» (улубий) сопровождает, как правило, в русских текстах имя беклербека Идегея (Эдиге), предка мангыто-ногайских биев. «Великим князем» в переводах ногайских документов назывался также Саид-Ахмед, а сам пост бия – «большое княженье». Ногайские послания к соседним государям наиболее наглядно демонстрируют отличие верховного бийства (хотя почти все подобные адресаты сохранились не в оригинале, а в переводах). Достаточно скромная формула «болшово в князях Сид Ахматово княжое слово» в 1535 г. обнаруживает лишь первенство Саид-Ахмеда в ряду прочих биев. Более развернуто рекомендовался Урус, заступивший в должность главного бия в 1578 г.: «Мангытцкого государя от Уруса князя» (1578, 1581 гг.). В данном случае титулатура уже очерчивает территориальный и этнический пределы властвования. «Мангытцкий» здесь является синонимом «ногайского», т.к. тот же Урус в 1579 г. заявил русскому послу: «Яз в нагайской земле князь и государь всеи земле нагайской». Гораздо претенциознее оказался словесный антураж бия Исмаила в письме Ивану IV 1560 г.: «Всем татаром государя от Исмаила князя» [9, д. 5, л. 4 об., 190об.; д. 8, л. 230об.; д. 9, л. 152об.; д. 10, л. 86об.].

Однако ни у самих биев, ни у их русских партнеров не было иллюзий насчет реального объема власти «в Ногаях». Самые пышные звания бии присваивали себе в те времена, когда их Орда находилась в относительно стабильном состоянии, была сильна и влиятельна. Апогеем могущества можно считать период «княжения» Саид-Ахмеда и Шейх-Мамаю, т.е. 30–40-е гг. XVI в. Шейх-Мамай даже заимствовал обозначение своего престола (*баб-и али*) у османского султана. В русском переводе его грамоты 1548 г. значится: «Высочайшего порога государя и повелителя, от воина от благочестнаго Ших Мамаю князя» [8, с. 245].

Близкие родственные отношения в недрах правящего клана Эдиге придавали связям между его членами видимость патриархальности. Несмотря на самые разные степени кровного родства с бием, мирзы расценивали его как своего «отца и дядю». То есть формально он занимал место старшего в роде, родового старейшины, патриарха ногайцев. В глазах же соседей он стремился предстать как абсолютный суверен: выше цитировались слова Уруса о том, что он государь всей земле Ногайской; в той же тираде он характеризует мирз как «холопей моих». Но в действительности в распоряжении бия практически не оказывалось каких-либо средств, чтобы заставить родичей-мирз подчиниться своей воле. В 1611 г. в ответ на предложение русского правительства послать ногайские войска на помощь против поляков, причем мобилизовать «не все охотников, иное и невольников» (т.е. обязать силой), бий Иштерек откровенно отвечал, что «у них Орда самовольная... что захочет, тот и едет, а силою никою послать нелзе». Единственное, чем мог пригрозить Иштерек в ту пору непокорным мирзам, – это своей откочевкой «казаком с улусом своим» и призывом на помощь Бога и русский рати. Мирзы же признавали его властные полномочия «за старость (т.е. старшинство в роде – *Авт.*) и «покаместа он... силен улусными людьми» [1, с. 21; 9, 1647 г., д. 1, л. 48]. Как только мирза обзаводился собственным сильным и многочисленным улусом, он начинал проводить независимую политику. Это явление существовало как тенденция в XVI в. и в полной мере обнаружилось в начале следующего столетия, в период распада Ногайской Орды.

Важнейшие политические вопросы решались бием не единолично, а в совете с самыми могущественными аристократами. К числу таких проблем относились, в частности, общеордынские военные действия, отношения с иностранными монархами, международные союзы и коалиции.

Все прочие государства, возникшие на месте Улуса Джучи, управлялись монархами из разветвленного клана Чингизидов/Джучидов. Однако элита Ногайской Орды не принадлежала к этому клану, и главы ногайцев не смели претендовать на ханское звание. В принципе был еще один путь к утверждению монархического статуса – создание сильной державы, удачные войны, которые заставили бы соседей признать за ногайскими правителями любой угодный им ранг. Судя по некоторым отголоскам в источниках, такая попытка была предпринята в Ногайской Орде в конце 30-х гг. XVI в. Разгромив или запугав соседей, ногайцы сочли себя вправе сформировать у себя пирамиду власти, аналогичную структурам управления в независимых ханствах. Бий Саид-Ахмед в грамоте Ивану IV объявил о своем намерении заступить на место хана; тут же были названы наследник престола-*калга* и главный военачальник-беклербек. Однако никто в сопредельных государствах этих притязаний не признал: глава Орды так и остался «великим князем», а не ханом. Бии были вынуждены смириться с этим.

Ногайцам пришлось изобрести собственные названия должностей. Ведь они не образовали легитимного ханства и официально не имели права учреждать администрацию, присущую ханству. В 1537 г. в ходе оформления системы управления, у них был учреждена должность, аналогичная беклербеку, – *нурадин*, глава правого крыла. Во главе левого (восточного) крыла встал *кековат*. Эти титулы произошли от имен сыновей Идегея. В 1580-х гг. в Ногайской Орде появилась еще и наместническая должность *тайбуги* (по имени родоначальника династии сибирских беков) – для управления переселенцами из Сибирского ханства, разгромленного Ермаком.

В целях обоснования законности правления мангытских предводителей в их придворном окружении была составлена фантастическая версия происхождения рода Идегея от халифа Абу Бакра, тестя и преемника Пророка, через святого проповедника Ходжа-Ахмеда Баба-Туклеса, жившего в XIV в. В мусульманском ногайском обществе такая легитимность «княжения» оказалась приемлемой и достаточной.

Эпический ореол основателя мангыто-ногайской бийской династии бросал отсвет и на его потомков. Среди казахов потомки Идегея слыли аристократией – «белой кожей» (*ак суяк*), что объяснялось буквально: предок Идегея Баба-Туклес был рожден-де женщиной, которая забеременела от того, что попробовала белый порошок, приготовленный из волшебного черепа [2, с. 272, 273].

Религиозно-генеалогическая комбинация с древностью предков подняла престиж ногайских династов в глазах собственных подданных, но не добавила веса за рубежом. Выбор и провозглашение «великого князя» происходили в среде самих ногайцев. В источниках не сохранилось описания подробностей такого ритуала. Есть лишь некоторые сведения о принципе «вокняжения»: «А выбирали на нагайское княжение мурзы меж себя по степени и по болшеству, и садились на княжение в Нагаех» [9, 1641 г., д. 5, л. 27]. Претенденты на «вокняжение» в качестве основного довода выдвигали тезис «я старше всех». На самом же деле каждый бий стремился закрепить власть за своими сыновьям.

Однако просто отбросить вековой порядок, по которому законным правом на власть обладал хан-Чингизид, ногайцы не могли. Вымышленное происхождение от первого халифа все равно не давало оснований для занятия ханского трона. Ведь бий официально не представлял собой самостоятельного государя, этот пост должен был дароваться от вышестоящего правителя. Поэтому до Исмаила включительно (т.е. до 1550-х гг.) в Ногайской Орде практиковались приглашение и провозглашение фиктивного, марионеточного хана. Имена таких «правителей» очень редко встречаются в источниках, так как никакого влияния в Орде они не имели. Единственной их задачей было освящать своим молчаливым присутствием реальные полномочия главы мангытов.

Во второй половине XVI в. бии Дин-Ахмед, Урус, Ураз-Мухаммед и Дин-Мухаммед правили, очевидно, уже без подставных монархов. Но в начале XVII в. была восстановлена санкция иноземного государя на «княжение». Теперь русский царь своей грамотой подтверждал избрание нового бия мирзами, а астраханские воеводы разработали торжественный церемониал введения его в должность. В 1600 г. новоизбранному Иштереку вместе со знатнейшими мирзами было предложено приехать в Астрахань для вручения жалованных грамот из Москвы. По прибытии ногайцы узнали, что им предстоит совершить действие самого настоящего воцарения – поднятие на ханство. Воеводы придумали, чтобы мирзы подняли Иштерека на войлоке, подобно тому, как провозглашали ханов-Чингизидов в независимых кочевых державах – Золотой Орде и татарских ханствах. Мирзы задумались: «А того де они не ведали, что ево, Иштерек мурзу, на княжение поднять на епанче... И из давних де лет николи того не было». Однако, посовещавшись целый день, согласились, и улубий впервые в ногайской истории был «поднят на епанче» [9, 1641 г., д. 5, л. 32–33]. Следующий и последний бий Канай в 1622 г. воспринял этот акт уже без всяких возражений.

Тюркские и славянские правители осознавали силу Ногайской Орды и до начала XVII в. не стремились посягнуть на суверенитет ее лидеров. В пределах своих кочевий улубий осуществлял административные функции, присущие любому самостоятельному кочевому правителю. Он после совета со знатью объявлял ежегодные маршруты передвижений стад и населения, указывал места для поселения подвластным улусам, подтверждал наследственные права мирз на подданных, «улусных людей». Традиционно за ним оставалась обязанность верховного военачальника, ведь в прежние времена бий (беклербек) являлся главой вооруженных сил ханства. Правда, в ходе оформления административной системы у ногайцев, как указывалось выше, появился свой аналог военачальника-беклербека – нурадин, глава правого крыла.

На бие, кроме того, лежала обязанность обеспечивать своему народу безбедное существование или хотя бы доступ к обогащению. Кочевники нередко добивались этого набегами на оседлых соседей. Ногайцы же чаще использовали мирные средства –

меновую торговлю и взимание традиционных периодических платежей, «мангытских доходов», которые поступали к ним из Казанского и Астраханского ханств и, возможно, из Сибирского юрта. Попад в зависимость от России, руководители Орды все более полагались на «государево жалованье» – деньги и подарки из Москвы. Умение бия организовать приток подобных доходов служило одним из критериев его компетентности. Не раз бывало, что ногайский лидер просил царя, дьяков и воевод не отправлять дары мирзам в обход его, бия, чтобы «я бы из рук своих то свое царское жалованье братье своеи и племянником, и детем роздал». Поскольку «они все у мене казны просят, а у меня казны нет, и дати им нечево. И в том мне бывает великой сором». Но и при жесткой финансовой зависимости от России существовал предел, за который даже покорный бий XVII века переступать не мог. Функция раздачи внутриордынских привилегий являлась принципиальной. В 1630 г. до улубия Каная дошел слух, будто некий ногаец Атей получил тарханство (освобождение от налогов) из рук русского государя. Канай тут же известил Михаила Федоровича, что подобное положение несовместимо с его, Каная, рангом – «и толко, государь, тот человек (тарханом. – *В.Т.*) станетца, и моему княженью быть нелзе» [9, 1617 г., д. 3, л. 11–12; 1630 г., д. 3, л. 19–20, 59].

Двор правителя Ногайской Орды представлял собой совокупность нескольких чиновных органов с канцеляриями, которые занимались в основном финансовыми вопросами. Но с начала XVII в. улубиям приходилось полагаться уже только на ближайших родственников и нескольких писцов. Все остальные инстанции исчезли в ходе смут. В целом развитие институтов управления у ногайцев происходило крайне противоречиво. Достигнув апогея к середине XVI в., административная конструкция Орды вошла в стадию кризиса, начала уменьшаться и упрощаться. По мере распада Орды объем власти центральных органов все более сужался и к исходу второго десятилетия XVII в. сошел на нет.

1. Акты времени междоусобия (1610 г. 17 июля – 1613 г.). Под ред. С.К. Богоявленского, И. С. Рябинина. М.: Имп. Общество истории и древностей российских, 1915. 240 с.

2. Валиханов Ч. Эдигей // Валиханов Ч. Сочинения. СПб., 1904. (Записки Имп. Рус. геогр. общества по отд. этнографии, т. XXIX). С. 265–273.

3. Виженер Б. Извлечение из записок Блеза де Виженер (1573). Пер. К.Мельник // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1 (XVI ст.). Под ред. В.Антоновича. Киев: Тип. Г.Т.Корчак-Новицкого, 1890. С. 59–88.

4. Казакова Н.А. «Татарским землям имена» // Куликовская битва и подъем национального самосознания. Ред. Д.С.Лихачев. (Труды Отдела древнерусской литературы, т. 34). Л., 1979. С. 253–256.

5. Курбский А.М. Сочинения князя Курбского. Т. 1. Сочинения оригинальные. Под ред. Г.З.Кунцевича. (Русская историческая библиотека, т. 21). СПб., 1914. 698 с.

6. Материалы по истории казахских ханств XV–XVII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Сост. С.К.Ибрагимов и др. Алма-Ата: Наука, 1969. 654 с.

7. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Введ., пер. и комм. С.А.Аннинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 288 с.

8. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Сост. Б.А.Кельдасов и др. Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1995. 356 с.

9. Российский государственный архив древних актов. Ф. 127 «Сношения России с ногайскими татарами». Оп. 1.

10. Сикалиев А.И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск: Карачаево-Черкесск. ин-т гуманитарных исследований, 1994. 328 с.

11. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. 752 с.

12. Хондемир Гийас ад-Дин ибн Хумам ад-Дин. Тарих-и хабиб ас-сийар фи ахбар аф-рад ал-башар. Дж. 4. Техран: Интишарат-и китабхана-йи Хаййам, 1333/1954. 796 с.

13. The Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat. A History of the Moghuls of Central Asia. An English version. Ed., commentary, notes by N.Elias; transl. by E.Denison Ross. London: Sampson Low Marston and Co. Ltd., 1895. 687 p.

§ 12. Владения Шибанидов в Центральной Азии

Денис Маслюженко

Наиболее полное описание владений младшего брата Бату Шибана было сделано уже в начале XVII века его потомком ханом Абу-л-Гази: «Юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичена. Летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-сувук, Орь, Илек до гор Урала; а во время зимы живи в Ара-куме, Кара-куме и по берегам реки Сыр – при устьях рек Чуй-су и Сари-су» [1, с. 104]. Исходя из этого, зимовки династии изначально располагались в низовьях Сырдарьи. И.А. Мустакимов обратил внимание на то, что, согласно «Таварих-и гузида – нусрат-наме», во владения Шибана Бату был отдан, среди прочих, тумен Янгикент (город в низовьях Сырдарьи) [17, с. 242]. Т.И. Султанов считал, что при сыне Шибана Бахадуре (то есть не ранее конца 1240-х гг.) области между реками Или и Сырдарьей с городами Отрар, Сыгнак, Дженд и Сайрам перешли к потомкам Орды-Ичена [22, с. 218]. Однако эта точка зрения не подтверждается источниками, как и принадлежность самих городов в среднем течении Сырдарьи к владениям Шибана. Абу-л-Гази указывает на то, что еще сыновья Пулада Ибрахим и Араб-шах (Арапша русских летописей) в 1370-е гг. зиму проводили именно при устье Сыра [1, с. 105]. На данный момент проследить историю этих владений Шибанидов в период Золотой Орды достаточно сложно. В 1380-е гг. эти земли, видимо, были подчинены эмиром Тимуром. Однако в конце 1420-х гг. после гибели Барак-хана, в период борьбы между Шибанидами, земли к северу от Аральского моря, между Эмбой и Сары-су принадлежали Джумадуку б. Суфи, в войсках которого начинал служить будущий узбекский лидер и внук указанного выше Ибрахима Абу-л-Хайр [3, с. 42–44]. Таким образом, несмотря на возможные потери при Тимуридах, в целом Шибаниды сохранили свои владения в Приаралье и нижнем течении Сырдарьи, которые и стали основой для дальнейшего продвижения в Центральную Азию.

Расширение владений по Сырдарье началось в период правления на севере в Тюмени (Туре) узбекского хана Абу-л-Хайра (1429–1468(9) гг.). Узбеки, как называли кочевое население Восточного Дешта, в том числе владений Шибанидов, достаточно часто совершали грабительские набеги на Хорезм, в частности, в 834 г.х. их разгромили эмиры Шахруха [10, с. 378; 30, с. 112]. Согласно Фасиху Хавафи и Самарканди, поход узбеков во главе с Абу-л-Хайром на Хорезм можно датировать 839 г.х. (27.07.1435–15.07.1436) [28, с. 214]. Перечень его участников показывает, что были собраны все основные силы узбекских племен. В результате город был взят, но по таким причинам, как «гнилость воздуха Хорезма» (по Кухистани, возможность «чумы и бедствия жары» [14, с. 149–152]) и приближение многочисленного войска правителя Самарканда и Хорасана Тимурида Шахруха, город вскоре был покинут. В «Таварих-и гузида Нусрат-наме» есть упоминание о том, что в возрасте 24 лет (840 г.х. / 16.07.1436–5.07.1437), то есть на следующий год после похода, узбекский хан получил от Шахруха «в удел Хорезм и создал свое государство в Дашт-и Кипчаке» [23, с. 117].

Мирное сосуществование с соседями устраивало не всех представителей степной элиты, которая получала от активных внешних завоеваний значительную часть военной добычи. Под 844 г.х. (2.06.1440–6.06.1441) Самарканди сообщает о новом нападении узбекского войска, но при этом указывает: «...временами некоторые из войска узбек-

ского, сделавшись казаками...» [10, с. 378–379]. Только после разгрома в сентябре 1446 г. на Атбасаре, притоке Ишима, своего конкурента и родственника хана Мустафы, Абу-л-Хайр «решил отправиться для зимовки на завоевание Сыгнака»; во время этого похода осенью 1446 года беклярибеком стал бий Ваккас [14, с. 159]. В результате Сыгнак, Ак-Курган, Аркук, Сузак и Узгенд подчинились узбекам. При этом Сузак был отдан в управление двоюродному брату хана и руководителю авангарда, султану Бахтийару; Сыгнак – оглану Мане (потомку сына Джучи Тангута); а Узгенд – бию Ваккасу. Сыгнак, видимо, стал формальной столицей Узбекского ханства Абу-л-Хайра, который значительную часть времени проводил в своей кочевой ставке. Огромное по размеру Узбекское ханство при Абу-л-Хайре не только считалось собственностью всей ханской семьи, но и было разделено на отдельные улусы Чингизидов, в том числе Тюменский юрт, что позволяло Абу-л-Хайру носить титул Хан-и Бузург [14, с. 159–160]. В Узбекском ханстве были реставрированы многие политические и повседневные тюрко-монгольские традиции монгольского и золотоордынского времени [13, с. 121–138].

В 1450-х гг. Абу-л-Хайр вмешивается во внутренние усобицы Тимуридов Мавераннахра, совершая походы на Бухару и Самарканд. В 1451 г. он поддержал претензии на власть здесь одного из Тимуридов, Абу-Саида, что привело к поражению мирзы Абдаллаха, племянника Тимура, и женитьбе самого хана на дочери внука Тимура и правителя Мавераннахра Улугбека (умер в 1449 г.). После поражения у Сыгнака от ойратов (калмыков) в 1457 г. и заключения тяжелого мира власть хана несколько ослабла. Отдельные земли в Хорезме с центром в Ургенче отошли к Мустафе, который в битве против калмыков выступал союзником Абу-л-Хайра [3, с. 64–65]. Несмотря на это, присырдарьинские города, как и значительные территории в Дешт-и Кипчаке, оставались под его контролем до самой его смерти в 1468/9 году.

Среднеазиатская политика Абу-л-Хайра стала основой формирования новых владений Шибанидов в Центральной Азии, расцвет которых приходится уже на последующий период существования Узбекского (Бухарского) и Хорезмского (Юргенчского; Хивинского) ханств. История этих государств является неотъемлемой частью борьбы за Центральную Азию нескольких ветвей Шибанидов, эмиров из династии Тимуридов, казахских и могольских ханов, а также иранских шахов из Сефевидов. Неоднократные и часто меняющиеся союзы этих сторон создавали условия постоянной военной угрозы, которая во многом отрицательно влияла на местную экономику. При этом отчасти именно необходимость контроля над городскими ремеслами и торговлей способствовала усилению степных миграций и войн. Дополнительным фактором в этой борьбе был конфликт на религиозной почве между центральноазиатскими суннитами и иранскими шиитами, а также борьба на этнополитической и экономической основе между доминирующими в политической сфере кочевыми узбекскими племенами и поддерживающими их многочисленными чагатаями, под которыми часто понимали и моголов, а также смешанными группами сартов и туркменов. По мере продвижения к югу узбекские Шибаниды постепенно отдалялись от своих степных родственников на постордынском пространстве, что приводило ко все увеличивающемуся разрыву в политических интересах, хотя они сохраняли при этом доминирующий тюркский язык в придворных ритуалах и литературе. В южные урбанизированные регионы Мавераннахра привносились некоторые степные традиции, в частности деление племен и кланов на правое и левое крыло, которое оказывало влияние и на занятие должностей при дворе. В ханствах улусы и юрты выделялись не только султанам из Шибанидов, при которых находились аталыки, но и эмирам наиболее влиятельных племен, которые опирались на свои войска. Все они были как источником поддержки ханской власти, так и потенциальной основой сепаратизма при слабом правителе. Политические традиции трансформировались под сильным исламским влиянием, особенно в сфере законодательства и

экономики, хотя сохранялось и значение Ясы Чингиз-хана [21, с. 82–83; 12, с. 22; 19, с. 200]. Хотя в целом связи с иными постордынскими государствами постепенно ослабевали, основой для их продолжения было единство происхождения правящих династий различных ветвей Чингизидов, их периодические дипломатические отношения, а также единство исламского пространства и торговых интересов купцов. В первом случае это хорошо видно по истории создания Утемишем-хаджой «Чингиз-наме», информаторами которого были как Шибаниды (Ильбарс-хан из Хивы), так и Тукай-Тимуриды (последний хан Большой Орды Шейх-Ахмед-хан, улугбек астраханского хана Абд ал-Керима) [11, с. 48–49]. Его путешествие, скорее всего, облегчалось сохранившимися торговыми путями и связями между отдельными частями бывшей Золотой Орды. Так, при взятии Казани в 1552 г. здесь находилось значительное число бухарских купцов [18, ст. 130]. Мусульманские улемы из различных городских центров (Хаджи-Тархана, Туркестана, Мавераннахра, Хорезма, Хивы) совместно вели миссионерскую деятельность среди казахов. К тому же через Хаджи-Тархан проходил важнейший путь хаджа из Средней Азии в Мекку [8, с. 182–183].

В 1470 г. при поддержке Тимуридов потомкам Абу-л-Хайра удалось удержать земли в Туркестане по Сырдарье с центром в Сыгнаке. Однако наследник Абу-л-Хайра Шайх-Хайдар не сумел сплотить силы всех узбекских племен для борьбы против коалиции тюменских ханов Сайидека и его племянника Ибрахима, казахских ханов Гирея и Джанибека, хана Большой Орды Ахмеда, сына узбекского хана Едигера Берке и ногайских муруз Аббаса, Мусы и Ямгурчи [14, с. 19]. В 1471 г. он погиб, и потомки Абу-л-Хайра утратили контроль над большей частью региона. Земли здесь были поделены между союзниками, в том числе низовья Сыр-Дарьи достались Шибанидам Ибрахиму и Берке.

Новыми лидерами среди потомков Абу-л-Хайра стали дети его первого сына Шах-Будага, Мухаммед Шейбани и Махмуд-султан. Еще при жизни дяди по решению совета карачи-беков они были увезены в Хаджи-Тархан. Во время осады этого города войсками Ибрахима, Ахмеда и ногайского бека Аббаса, Шейбани и его брат с небольшим отрядом совершили нападение на лагерь тюменского хана [14, с. 20, 98–100]. Отряд в основном состоял из представителей клана кушчи, из которых еще при основателе династии Шибане выходили аталыки и кукельташи. С этого события началась длительная борьба хана Шейбани с тюменскими и казахскими правителями за возвращение земель деда. Основное внимание в этой борьбе уделяется именно фигуре Мухаммеда Шейбани, однако он был лидером большого союза Шибанидов, в который входили его брат Махмуд, султаны Алике, Хамза и Махди из рода Бахтийара б. Хизр-хана, а также сыновья самого Абу-л-Хайра от дочери Улугбека Кучкунчи и Суйунч-Ходжа и некоторые другие [14, с. 101]. Их кочевья находились в вилайете Туркестан, которым правил мирза Султан-Ахмед б. Абу-Саид Тимурид. Войска Шибанидов были немногочисленны, что не позволяло им проводить успешную внешнюю политику. Попытка заключить традиционный для Шибанидов союз с ногайским лидером и потенциальным беклярибеком Мусой, закрепленный поднятием Шейбани на ханское место, совместной победой над казахским ханом Бурундуком и свадьбой Суйунч-Ходжой с дочерью Мусы, в результате провалилась. Мухаммед Шейбани с родственниками был вынужден вернуться в ранее отвоеванный у казахов вилайет Сыгнак [14, с. 104], периодически совершая походы на Хорасан. Союз с мангытами был важен для всех последующих узбекских ханов как по причине сложившейся политической традиции, так и зимовок некоторых мангытских биев «под Чегадаи» [24, с. 107], где на них можно было опереться в борьбе против Тимуридов, казахов или во внутренних столкновениях.

В 1480-х гг. правитель Самарканда Султан-Ахмед пригласил Шейбани-хана для борьбы против могольского хана Султан-Махмуда, правившего в Ташкенте, однако в результате придворных интриг Шейбани и его брат заключили договор с моголами [14,

с. 109–110]. После этого они собрали своих людей из дурманов, кушчи, уйгуров, найманов, джуркунов, мингов, чагатаев, баджиров, асов, которые находились в Бухаре, и вернулись в Туркестан. Часть этих племен и кланов известны еще в окружении Абу-л-Хайр-хана периода занятия им престола в Чимги-Туре. При поддержке моголов Шейбани три года удерживал земли по Сырдарье с городами Сыгнаком, Аркуком и Узгендом. Утрата этих владений под ударами казахов Бурундук-хана и Касим-султана в союзе с местными эмирами и беками из мангытов в 1486 г. привела к началу борьбы Шейбани-хана за подчинение земель Тимуридов. В ней Шибаниды продолжали периодически пользоваться помощью Султана-Махмуда, который даже передал хану под управление важный пограничный вилайет Отрар, устроив при этом великий *той* и надев на Шейбани царский халат [14, с. 29, 114, 117]. Уже в 1488 г. Шейбани захватил Туркестан, а затем, воспользовавшись им как военной базой, приступил к длительной борьбе с Тимуридами за Мавераннахр.

После смерти в 1494/5 г. сыновей мирзы Абу-Саида, бывших лидерами Тимуридов, и укрепления власти мирзы Бабура, Мухаммед Шейбани подчинил себе вилайеты Яса и Сабран, после чего снова начал собирать своих родственников, скрывавшихся у моголов и Бабура. В условиях продолжающейся усобицы Тимуридов в 1499–1500 г. Шейбани-хан ограбил вилайеты Карши и Кеш, затем захватил Бухару, где стал править его брат, а в 1501 г. отвоевал совместно с моголами у Бабура Самарканд [14, с. 124–126; 9, с. 78–80], который стал одной из столиц нового шибанидского государства. В течение следующих двух лет были захвачены города и крепости по Сырдарье и Амударье и совершен поход на Хорезм. Уже в 1505–1507 гг. хан завоевал Ургенч, Балх, Герат и некоторые города Хорасана [22, с. 293]. В результате под властью Шейбани как главы Узбекского ханства оказалась огромная территория Центральной Азии от Сыр-Дарьи до Центрального Афганистана и Ирака. Она была разделена на отдельные вилайеты и области под управлением многочисленных ближайших родственников хана из числа потомков Абу-л-Хайра и Бахтийара и лояльных эмиров узбекских племен [14, с. 127].

В мае 1507 г. в соборной мечети Герата впервые была провозглашена хутба на имя нового правителя Шейбани-хан, «тем самым даже формально прекращено существование тимуридской династии» [6, с. 5]. Почти 60 лет назад хутба была провозглашена на имя деда Шейбани Абу-л-Хайра после захвата им «саинского трона», после чего был проведен чекан монет. Однако Шейбани пошел дальше и объявил о проведении денежной реформы, которая предусматривала унификацию типа, видов и курсов денежных единиц. Это должно было способствовать укреплению власти и экономики, свидетельствовать о наступающей стабильности и стать основой расцвета торговли. На монетах был закреплен и новый титул правителя: «Имам своего времени, наместник [Аллаха] всемилостивого» [6, с. 53–57]. Р.Ю. Почекаев считает, что Шейбани, принимая титул хакана, «провозглашал себя верховным правителем всех земель, на которые некогда простиралась власть потомков Чингиз-хана. Соответственно, завоевание им Мавераннахра следует рассматривать не как захват владений Чагатаидов, а как первый шаг на пути к возрождению империи» [19, с. 198–199].

В том же году преемником хана был объявлен его сын Мухаммед-Тимур-бахадур [22, с. 302]. Весной 1508 г. в ходе очередного похода в Хорасан был изгнан последний Тимурид Бади аз-Заман. Одновременно с этим хан объявил казахам газават и проводил против них активные военные действия, в ходе которых в 1509 г. он потерпел сокрушительное поражение от Касим-хана. В это же время хан перераспределил владения (отобрал Туркестан у Кучкунчи, Бухару – у сына Махмуд-султана Убайдаллаха, земли Хисара – у Хамзы и Махди), тем самым обидев своих родственников [14, с. 133–134]. Поражения и роспуск войска, ссора с родственниками и потеря их поддержки подрывали основы государства. Летом 1510 г. Шейбани ограбил округу Кермана, который входил

в состав государства шаха Исмаила I, основателя династии Сефевидов в Иране. Это привело к разрастанию конфликта, отступлению узбекских войск и поражению и гибели в ноябре 1510 г. Шейбани-хана у стен Мерва в Хорасане [30, с. 156–157].

После этого, вопреки воле погибшего, ханом был провозглашен Суйунч-Ходжа б. Абу-л-Хайр, а политика наследника, ориентированная на союз с шахом Исмаилом, вызвала негодование родственников. Провозглашение сына Абу-л-Хайра ханом при этом вполне объяснимо. Во-первых, он и его брат Кучкунчи относились к старейшим представителям правящего рода, а во-вторых, в условиях нахождения на бывшей территории Тимуридов было важным то, что они являлись внуками мирзы Улугбека. Возникшие раздоры позволили Бабуру в союзе с Исмаилом восстановить власть над Мавераннахром [22, с. 302]. Шибаниды были вынуждены отступить в г. Яссы (Туркестан). Однако в 1511–12 гг. Убайдаллах и Джанибек (внук Абу-л-Хайра по линии Ходжа-Мухаммеда) нанесли поражение Бабуру у Бухары и сражались с ним у Герата, а в 1512 г. Суйунч-Ходжа-хан с другими Шибанидами разгромил войска могольского хана Султан Саида [14, с. 212–213; 30, с. 152]. В ходе совместных действий с Убайдаллахом и Джанибеком хан разгромил также Бабура с пришедшими ему на поддержку войсками Исмаила у Самарканда, а затем Убайдаллах, Тимур-Мухаммед и Джанибек продолжили борьбу за Герат [30, с. 157, 160]. В том же году ханом был также провозглашен Кучкунчи, причем его брат оставался в этом звании и проводил активную внешнюю политику, в частности, в 1513 г. разгромил казахов, остановив их дальнейшие нападения [14, с. 132]. Одновременно с ними стал ханом и правитель Бухары Убайдаллах. По предположению Т.И. Султанова, Кучкунчи при этом был старшим ханом [22, с. 303], закрепив тем самым специфическую политическую традицию, которая существовала еще при Абу-л-Хайре.

В этих условиях часть Хорезма оставалась в руках шиитов шаха Исмаила, который назначил здесь своих даруг в Хиваке, Ургенче и Вазире. Кази последнего города вместе с местными сейидами в 1511 г. присягнули хану Ильбарсу б. Берке б. Едигер. Последний был провозглашен ханом частью узбекских родов при активном влиянии уйгуров и найманов и поддержке мангытского бия Мусы еще при жизни Абу-л-Хайра около 862 г.х. / 1457–8 гг. [24, с. 102]. Старший сын Едигера Берке до этого служил в войсках узбекского лидера и даже совершил по его поручению походы на Мавераннахр и чагатайский улус [1, с. 106–109]. В начале 1470-х г. Берке, зимовавший в устье Сырдарьи, был убит Шейбани как один из участников разгрома узбекского хана Шайх-Хайдара, что создало условия для дальнейшей враждебности двух родственных династий. У Берке было три брата (Абулек, Аминек, Абак), первые двое стали ханами при ногайских беклярибеках, а их кочевья, видимо, находились на территории мангытов, в том числе в Приаралье. В 1511 году Ильбарс и его брат Бильбарс с лояльными кланами прибыли в Вазир, а через три месяца захватили Ургенч [14, с. 436–438]. Эти события вызвали значительный отток узбекских племен из степной зоны. К тому же в 1520-х гг. братья привели в Ургенч огланов Абулек-хана и Аминек-хана с оставшимися племенами, в результате сумели изгнать кызылбашей шаха Исмаила из других частей Хорезма [1, с. 113–114]. После смерти самого шаха в 1524 г. Ильбарс подчинил себе северный Хорасан, а также Балкан и Мангышлак, где проживали туркмены.

Таким образом, в 1510–1520-х гг. на территории Центральной Азии было образовано два шибанидских государства узбеков. В первом из них с центрами в Герате, Самарканде и Бухаре правили потомки Абу-л-Хайра (иногда в литературе резонно именующиеся Абулхаириды), а во втором с центрами в Вазире и Ургенче – потомки Едигера. Все они относились к той же династии Шибанидов, представители которой контролировали Тюменское ханство на самом севере Дешта. В связи с наличием нескольких ханов и сложностями в передаче власти, в первом из них более стабильная обстановка сформировалась лишь с началом единоличного ханствования в 1533 г. Убайдал-

лаха, при котором столица государства окончательно была перенесена в Бухару, пребывание в которой, однако, было необязательным для хана. В литературе за этим государством закрепилось название – Бухарское ханство, хотя в источниках оно и называлось Узбекским ханством, Узбекистаном [22, с. 309–310], а в одном из документов – «Шибанской землей Бухарского царя» [20, с. 9]. Причем в результате вражды потомков Едигера в Бухаре еще в середине 1520-х г. оказались огланы Абулек-хана. В это же время столица соседнего государства окончательно была перенесена из Вазира в Ургенч, а само государство стало называться Ургенчским ханством, где все правители с 1525 г. до пресечения ханской власти происходили в основном из потомков Аминек-хана. Они ликвидировали власть оставшихся детей основателей государства Ильбарса и Бильбарса. Хан Аванеш б. Аминек в Вазире убил Султан-Гази б. Ильбарс и шестнадцать его родственников. Спасшиеся дети вазирского правителя были увезены в Бухару, где вскоре к ним присоединились и огланы Бильбарса [14, с. 440–442].

Под их влиянием бухарский хан Убайдаллах в конце 1530-х гг. захватил Ургенч, отдав его под управление сыну Абд ал-Азизу и потомкам Ильбарса, которые, однако, не сумели удержать город [14, с. 439–440]. Развязанные военные действия были лишь одним из эпизодов столкновения между бухарскими и ургенчскими правителями, причем Бухара была оплотом для многих изгнанных потомков Едигера. К началу 1530-х гг. ногаи снова стали зимовать в бывших казахских кочевьях по Сырдарье, что позволило правителям Бухары и Ургенча обратиться к ним за помощью против казахских ханов. По сути, именно ногайские лидеры были основным связующим звеном между центральноазиатскими Шибанидами и постордынским миром. В 1535 г. с ними заключил союз хан «Хоразминьского юрта», то есть Ургенча, а годом позднее бухарский хан и правитель Моголистана Абд ар-Рашид. Союзы были по традиции закреплены браками дочерей ногайских биев с представителями мервских, бухарских и ташкентских Шибанидов [24, с. 204–205]. Подобные брачные союзы оставались важным политическим фактором и в последующие годы. Причем их пытались использовать и ногаи. Так, бий Сейид-Ахмед б. Муса пытался безуспешно заручиться помощью хана Убайдаллаха в борьбе за Астрахань в 1535 г. [8, с. 122].

После смерти Убайдаллаха в 1539 г. единое государство Шибанидов в Мавераннахре распалось. По сути, в 1540–1550-х гг. здесь было одновременно два правителя – Абд ал-Азиз б. Убайдаллах в Бухаре и Абд ал-Латиф б. Кучкунчи в Самарканде [22, с. 306]. Фактически на протяжении всех 1550-х гг. в Бухарском ханстве шла тяжелая междоусобная война Абулхаиридов, в которой также могли принимать участие и представители соседнего Тюменского ханства в лице Муртазы и его сына Кучума [16, с. 65]. Этим объясняется и присутствие «бухарцев» в дальнейших событиях в Сибири при Кучуме. Ситуация осложнялась и продолжающимися конфликтами с казахскими, кашгарскими и могульскими султанами, в борьбе с которыми больше всего в середине 1550-х гг. преуспел сын хана Суйнуч-Ходжи Барак (Науруз Ахмед-хан) [14, с. 394]. Немаловажным фактором было то, что с конца 1540-х гг. на Сырдарье оформляются постоянные ногайские кочевья Шихмамаевичей (Алтыулов), потомков внука тюменского хана Ибрахима по женской линии Шейх-Мамая. Резонно предположить, что именно с их помощью воевали за Отрар внук того же тюменского правителя Муртаза и его сын Кучум, пользовавшиеся значительной поддержкой могущественного клана Шихмамаевичей. Через подконтрольные им степи проходил важный торговый и посольский путь, который соединял Мавераннахр с Поволжьем. При этом, если дочь бия Исмаила была замужем за хорезмским правителем, то дочь Касима б. Шейх-Мамая – за бухарским ханом. Столица Хорезма Ургенч была и приютом для беглых ногайских аристократов, которые отсюда в начале 1550-х гг. готовили нападения на владения бия Юсуфа. В 1563 г. подобную роль сыграл и Ташкент, откуда уже на бия Исмаила совершили нападения Шихмамаевичи при поддержке хана Бабы б. Барака [24, с. 269, 309; 26, с. 81, 83].

В создавшихся условиях в борьбу за бухарский престол вступил Абдаллах (будущий бухарский хан Абдулла II), который был сыном Искандар-хана б. Джанибек б. Ходжа-Мухаммед. Абу-л-Гази считал, что, когда Ходжа-Мухаммед женился на дочери Куджаш-мирзы (Хаджи-Ахмед б. Гази б. Эдиге), бывшей супруги Берке, она уже была беременна и все потомки этого хана были на самом деле представителями дома Едигера [1, с. 110]. В начале 1550-х гг. султан Абдаллах правил только небольшим городом Кермином на юге Узбекистана и имел немногочисленные военные силы. В первой половине 1550-х гг. он вел борьбу за Касбийский и Несефский вилайеты на левом берегу Амударьи, а также совершил поход на Бухару [29, с. 135, 138–145]. По данным В.В. Бартольда, в 963/1555–1556 гг. султан был вынужден бежать из своих наследственных владений. Лишь в 1557 году, спустя год после смерти узбекского хана Науруз-Ахмеда, при прямой поддержке лидера суфийского тариката Накшбандийя Мухаммеда Ислама (Ходжа Джубайри) Абдаллах окончательно захватил Бухару, контроль над которой с помощью суфиев с тех пор не терял. В 1561 году он провозгласил своего отца Искандера верховным ханом всех узбеков. До этого данным титулом обладал правитель Балха Пир-Мухаммед, дядя Абдуллы. Весь период правления бухарского лидера характеризуется постоянными войнами с иными представителями династии, особенно с правителями Ташкента Барак-ханом и его сыном Бабой, за объединение всех узбекских земель, завершившееся лишь в 1582 г. после гибели последнего [4, с. 487–488; 14, с. 394]. Только в 1583 г. после смерти отца Абдаллах сам занимает бухарский престол, на котором остается до 1598 года. По мнению В.В. Бартольда, при провозглашении его ханом «был совершен старый монгольский обряд поднятия хана на куске белого войлока, но за четыре угла этого куска держались не главы кочевых родов, как требовалось кочевыми традициями, а главы бухарских дервишских орденов» [5, с. 184].

Значительное внимание хан уделяет не только подчинению всех своих родственников, особенно ташкентских, но и войнам против казахов и Сефевидов, которые велись на двух границах государства и значительно истощали его ресурсы. Для подготовки ежегодных военных действий в Узбекском ханстве была воссоздана более ранняя традиция куруков, то есть ханских пастбищ или заповедников, выделенных для сбора и смотра войск [7, с. 143–155]. В борьбе против казахского хана Хак-Назара Абдулла II был лидером военного союза, в который входили ногайские бии Дин-Ахмед и Урус и сибирский хан Кучум. В 1586 г. хан даже пытался безуспешно привлечь бия Уруса к войне за Ургенч [24, с. 373, 379]. После гибели Хак-Назара от рук бывшего союзника хана Бабы в 1580 г. новые казахские лидеры Шигай, тесть сибирских ханов Ахмед-Гирея и Кучума, и Таввакул были ставленниками и вассалами Абдуллы II. В 1590-е гг. Кучум, видимо, часто опирался на Шихмамаевичей (Алтыулов), что позволяло хану Абдулле вмешиваться в вопросы ногайско-сибирских отношений. К тому же в связи с поражениями Кучума многие его бывшие союзники уходили в Бухарское ханство [27, с. 23]. Отношения между Бухарой и ногаями продолжали поддерживаться кочеванием Алтыулов на Сырдарье и Эмбе, то есть в бывших владения Шибанидов ордынского времени, многочисленными браками дочерей мангытских аристократов с султанами и ханами из бухарского правящего рода, а также зависимостью ногайской экономики от караванов из Мавераннахра. Эти караваны везли к ногаям не только ткани, но луки, сабли и другое железо [8, с. 124].

Абдулла II трижды в 1590-е гг. пытался поставить под свой контроль и Хорезм, то есть Ургенчское ханство. Он заставил оттуда бежать к Сефевидам Хаджи-Мухаммед-хана (Хаджима). Хотя в целом правление Хаджима с 1558 по 1602 гг. в Ургенчском ханстве характеризовалось окончанием внутренних смут. Именно к этому хивинскому лидеру обращался за помощью османский султан Селим по вопросу отвоевания у русских Астрахани [8, с. 182]. Его сын Араб-Мухаммед в 1590-е гг. вынужден был скрываться у ногайского мирзы Кучука б. Мухаммеда [14, с. 446–448; 1, с. 142–152; 24, с. 376]. В конце

правления у Абдаллаха произошел конфликт по вопросу замирения с Сефевидами с сыном Абд ал-Мумином, который был лидером военной партии и вел военные действия в Хорасане. Это спровоцировало большое вторжение казахских войск во главе с Таваккулом и поражение бухарского правителя [14, с. 394–395]. В 1598 г. в связи со смертью Абдаллаха II новым бухарским правителем стал его сын, убитый через 6 месяцев в июне 1598 г. в результате заговора узбекских эмиров из окружения его отца. Традиционно этим событием заканчивают историю правления Шибанидов в Бухаре, хотя в «Тарих-и Кипчаки» сообщается о правлении в Бухаре Пир-Мухаммед-хана б. Джанибека и его войне против казахского правителя Таваккула [14, с. 395].

Лишь около 1601 г. при поддержке курултая узбекских родов в Бухаре произошла смена династии. Аристократия отдельных городов пыталась получить шибанидских правителей из иных ветвей, в частности в Сауран приглашали править сына сибирского хана Кучума Каная [15, с. 183–184]. Однако в целом у власти оказались представители династии Тукай-Тимуридов, за которыми закрепилось название Аштарханиды [2, с. 88; 22, с. 309]. По всей видимости, они прибыли в Бухарское ханство еще в период узбекских смут 1550-х гг. из Ногайской Орды, где их формальный лидер Яр-Мухаммед был креатурой бия Юсуфа. Его старший сын Джани-Мухаммед был женат на сестре Абдуллы II и вместе с братьями участвовал в бухарских компаниях против кызылбашей в Хорасане [2, с. 88–92; 25, с. 379–383]. В истории становления династии, связанной своими корнями с Хаджи-Тарханом, есть любопытный эпизод, свидетельствующий о стремлении Абдуллы II на пике расцвета его государства в середине 1580–1590-х гг. расширить свои владения до Волги и Яика, отстроить Сарайчик и под влиянием Тукай-Тимуридов освободить Астрахань [25, с. 384–385].

Смерть Абдаллаха II привела к возвращению Хаджи-Мухаммед-хана в Ургенч, города ханства были розданы под управление его сыновьям и ближайшим эмирам. Ханская власть здесь, видимо, была слаба, что связано с многочисленностью ханской семьи и стремлением родственников к независимости, однако с именем хивинского правителя читали хутбу и чеканили монету [22, с. 315]. Несмотря на сохранении значительного влияния Ургенча, формальным политическим центром с начала XVII века была Хива, что привело в литературе к закреплению за ханством названия Хивинское. После смерти Хаджима на престоле был его сын Араб-Мухаммед (1602–1623 гг.). В конце правления он столкнулся с прямым сепаратизмом части сыновей, дважды совершал на них походы, в последнем был взят в плен и ослеплен [14, с. 448–449]. После этого его сын Исфандийар при поддержке иранского шаха Аббаса I захватил Ургенч, где и стал правителем (1623–1642 гг.). Были проведены репрессии против узбеков, особенно из уйгуров и найманов, а на их место приведены туркмены. Оставшиеся узбеки ушли в Мавераннахр, к мангытам и казахам. Несмотря на это, в конце 1620-х гг. Алтыулы, чей лидер внук Шейх-Мамай Шейх-Мухаммед воспитывался при ургенчском дворе, рассматривали возможность подданства хивинскому хану Исфандийару [26, с. 90]. Лидером ургенчских узбеков стал другой сын Араб-Мухаммеда Абу-л-Гази, в будущем известный хронист, который, будучи сторонником отца, был вынужден поочередно скрываться в Бухаре и Самарканде, а также у казахского хана Ишима. В 1643 г. его провозгласили ханом в вилайете Арал при поддержке местных узбеков. В 1645 г. он захватил Ургенч, где и правил до 1663 года, проведя значительные внутренние экономические и политические реформы, призванные укрепить власть узбекских племен и подорвать основы могущества туркмен [14, с. 447–453; 1, с. 167–173]. Укрепление государства позволило хивинским династам проводить более активную внешнюю политику, в том числе впервые совершив нападения на Бухару. В 1663 г. хан по причине нездоровья передал верховную власть своему сыну Анушу, который в 1687 г. после поражений под Бухарой был ослеплен хорезмийскими эмирами. В период с 1687 по 1695 г. у власти

находились сыновья Ануша – Худайдад и Эрнек. По мнению Т.И. Султанова, после смерти последнего династия Шибанидов в Хиве пресеклась [22, с. 315–319]. Однако в сочинении Муниса «Фирдаус ал-икбал» указываются еще шесть ханов из потомков и родственников Хаджи Мухаммеда, последний из которых Йадгар-хан б. Ануш был хивинским ханом до 1714 г. [14, с. 454, 564]. После его смерти хивинский престол занял приглашенный из Бухары потомок Ильбарса Шергази-хан, правивший до 1728 г. Лишь после его смерти влиятельные племенные вожди из мангытов и конгратов стали приглашать ханов из казахских степей и власть Шибанидов в Хиве прекратилась.

1. Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г.С. Саблукова // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакинф. История первых четырех ханов дома Чингизова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Ташкент; Баку, 1996. С. 3–186.
2. Алексеев А.К. Политическая история Тукай-Тимуридов: По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. 229 с.
3. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965. 181 с.
4. Бартольд В.В. Абдулла б. Искендер // Сочинения. Т.2. Ч.II. М.: Наука, 1964. С. 487–488.
5. Бартольд В.В. 12 лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. Т.5. М.: Изд-во восточной литературы, 1968. С.19–194.
6. Давидович Е.А. Денежная реформа 913/1507–914/1509 гг. Мухаммед-Шейбани-хана (опыт комплексного источниковедения) // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М.: Вост. лит., 2004. С. 5–59.
7. Дмитриев С.В. Среднеазиатские куруки в эпоху Шибанидов (по материалам XVI в.) // Тюркологический сборник 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Вост. лит., 2006. С. 143–158.
8. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Вост. лит., 2004. 303 с.
9. Захир ад-Дин Бабур. Бабур-наме. Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1992. 312 с.
10. История Казахстана в персидских источниках. Т. IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Алматы: Дайк-пресс, 2006. 619 с.
11. Кавагучи Т., Нагаминэ Х. Некоторые новые данные о «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи: в системе историографии в Дашт-и Кипчаке // Золотоордынская цивилизация. Вып.3. Казнь: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 44–52.
12. Камолов Х.Ш. История Вторжения кочевых племен Дашт-и Кипчака в Среднюю Азию (XVI в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Душанбе, 2007. 57 с.
13. Маслюженко Д.Н. Тюрко-монгольские традиции в «государстве кочевых узбеков» хана Абу-л-Хайра // Золотоордынское обозрение. 2014. № 3 (5). С. 121–138.
14. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. 652 с.
15. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.II. М.: Восточная литература РАН, 2000. 796 с.
16. Миргалеев И.М. Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2014. С. 64–66.
17. Мустахимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Вост. лит., 2011. С. 228–248.
18. Полное собрание русских летописей. Т. XIX. История о Казанском ханстве (Казанский летописец). СПб.: Типография И.Н.Скорородова, 1903. 303 с.

19. Почекаев Р.Ю. Держава Шайбани-хана – джучидское государство в Чагатаевом улусе? // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 23–24 апреля 2009 г. Алматы: Print-S, 2010. С. 197–203.
20. Семенов А.А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1. Сталинабад: Издательство Академии наук Таджикской ССР, 1954. С. 2–37.
21. Семенов А.А. Шейбани-хан и завоевание им Империи Тимуридов // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1. Сталинабад: Издательство Академии наук Таджикской ССР, 1954. С. 38–83.
22. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2006. 445 с.
23. Таварих-и гузида Нусрат-наме / иссл., критический текст А.М.Акрамова. Ташкент: Фан, 1967. 135 с.
24. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
25. Трепавлов В.В. Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (замечки о предыстории бухарской династии) // Тюркологический сборник 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Восточная литература, 2009. С. 370–395.
26. Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань: ООО «Фолиант», 2011. 252 с.
27. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост. лит., 2012. 231 с.
28. Фасих Ахмед ибн Джалал ад-Дин Мухаммед ал-Хавафи. Фасихов свод. Ташкент: Фан, 1980. 346 с.
29. Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф -наме-йи шахи (Книга шахской славы). Т. 1. М.: Наука, 1983. 155 с.
30. Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме. Т. 2. М.: Наука, 1976. 351 с.

§ 13. Казахское ханство

Александр Нестеров

Казахское ханство занимает особое место среди государств, возникших в ходе распада Джучидской державы; в то же время процесс его возникновения и раннего развития есть неотъемлемая часть процессов этнополитического развития, происходивших в Восточном Дешт-и Кипчаке в XV–XVI вв. и бывших прямым следствием распада Золотой Орды. В то же время необходимо подчеркнуть, что Казахское ханство просуществовало дольше других позднеджучидских государств (до начала XIX века) и стало основой для формирования тюркского казахского этноса. При этом хотелось бы отметить, что говорить о четкой этнической принадлежности населения Казахского ханства (равно как и Государства кочевых узбеков или Сибирского ханства) невозможно – население этих государственных образований представляло собой совокупность тюркских племен и этнических групп, с включением отдельных этносов нетюркского происхождения, объединенных под властью различных ветвей династии Джучидов.

Формирование Казахского ханства непосредственно связано с процессом формирования Узбекского ханства Абу-л-Хайр Убайдаллах хана. Возникновение Казахского ханства связано с деятельностью ханов Джанибека и Гирея. Существует несколько версий происхождения данных ханов, возводящих их родословную к Орда-ичену, старшему сыну Джучи, или к Тукай-Тимуру, тринадцатому сыну Джучи. Большая часть источников свидетельствует о тукай-тимуридском происхождении Джанибека и Гирея. Так, Абу-л-Гази

Мухаммед хан в «Родословной туркмен» пишет: «У Чингиз хана сын Джучи хан, его сын Тукай Тимур, его сын Уз Тимур, его сын Ходжа, его сын Бадакул углан, его сын Урус хан, его сын Коирчак хан, его сын Барак хан, его сын Абу Саид по прозванию Джанибек хан. У этого было девять сынов в таком порядке: Иранджи, Махмуд, Касим, за ним следовали Итик, Джаниш, Канабар, Тениш, Усук, Джуак» [1, с. 157]. Махмуд ибн Вали в сочинении «Бахр ал-асрар» сообщает, что «некоторые из потомков Тукай-Тимура-хана, например Кирей хан и Джанибек хан, имена отцов которых будут подробно упомянуты в перечне имен хаканов [происходящих от] Тукай-Тимура, вышли из круга подчинения и повиновения [Абу-л-Хайр хану и] предпочли покинуть родину» [4, с. 352]. Мухаммед Хайдар дуглат в «Тарих-и Рашиди» пишет: «В то время в Дашт-и-Кипчаке владычествовал Абу-л-Хайр-хан. Он причинял много беспокойства султанам джучидского происхождения. Джанибек-хан и Кирай-хан бежали от него в Могулистан. Исан-Буга-хан охотно принял их и предоставил им округ Чу и Козы-Баши, который составляет западную окраину Могулистана. В то время, как они благоденствовали там, узбекский улус после смерти Абу-л-Хайр-хана пришел в расстройство; [в нем] начались большие неурядицы. Большая часть [его подданных] откочевала к Кирай-хану и Джанибек-хану, так что число [собравшихся] около них [людей] достигло двухсот тысяч человек. За ними утвердилось название узбеки-казахи [узбак-казак]. Начало правления казахских султанов с восьмисот семидесятого года (1465/1466), а Аллах лучше знает». Таким образом, реальное основание Казахского ханства во главе с потомками Тукай-Тимура произошло после крушения государства кочевых узбеков в период, когда в Восточном Дешт-и Кипчаке воцарилась междоусобица среди джучидских султанов и ханов, претендовавших на наследие Абу-л-Хайр хана.

Среди исследователей нет единого мнения о месте и времени формирования раннего Казахского ханства. Можно отметить точку зрения М.Х. Абусеитовой о том, что Казахское ханство как отдельное политическое образование сформировалось только на рубеже XV–XVI вв., а откочевка Джанибека и Гирея и их возвращение из Могулистана были лишь эпизодом борьбы за власть в Восточном Дешт-и Кипчаке и этапом в формировании Казахского ханства [2, с. 40]. Однако по традиции Гирей (Кирей, Кирай) хан считается первым ханом Казахского ханства; в казахстанской историографии датами его правления считаются 1459–1473 гг., а датой создания Казахского ханства принято считать 1465 г. [3, с. 89]; хотя очевидно, что до 1468 г. – года смерти Абу-л-Хайр хана и возвращения Гирея и Джанибека из Могулистана – утверждать, что в Восточном Дешт-и Кипчаке существовало самостоятельное Казахское ханство, представляется преувеличением. Столь же неясной вырисовывается история деятельности Джанибек хана. По установившейся традиции датами его правления считаются 1466–1480 гг., в то же время отмечается, что после 1474 г. его имя в источниках не упоминается. Таким образом, можно с уверенностью утверждать только, что после 1468 г. в восточной части Дешт-и Кипчака – параллельно укреплявшему свою самостоятельность Тюменскому ханству при Саййид Ибрахим хане – формируется Казахское ханство. При этом можно предполагать, что правители Казахского ханства в этот период рассматривали себя исключительно как правопреемников ханов восточной части Джучидского государства, а не как самостоятельных правителей, не связанных с традицией Золотой Орды.

80–90-е гг. XV века стали временем ожесточенной борьбы казахских ханов за присырдарьинские города, бывшие при Абу-л-Хайр хане центрами государства кочевых узбеков – Сыгнак, Сузак и др. Основным противником казахских ханов был наследник Абу-л-Хайра Мухаммед Шейбани хан (который в 1500 году покорил тимуридские владения в Центральной Азии и стал основателем новой Шейбанидской державы – Узбекского ханства с центрами в Самарканде и Бухаре). В ходе военных столкновений преемник Джанибек хана и Гирей хана, сын Гирей хана Бурундук хан (ок. 1480 – ок. 1511) сумел подчинить себе присырдарьинские территории. Таким образом, территория Казахского ханства расширилась и отныне включала в свой состав исторические столицы государства Абу-л-Хайр хана, что повысило престиж казахских ханов.

В 1511 г. Бурундук хан был низложен сыном Джанибек хана Касим ханом, правившим в восточной части Казахского ханства, свергнутый хан удалился в Мавераннахр и умер в Самарканде. Свержение Бурундук хана привело к окончательному отстранению от власти в Казахском ханстве потомков Гирей хана, власть закрепилась за ветвью Джанибек хана.

Время правления Касим хана (1511–1518/1521/1523) стало временем расцвета раннего Казахского ханства. Ему удалось подчинить ряд городов в современном Южном Казахстане, расширить владения в регионах, примыкающих к Каспийскому морю (Касим хан подчинил себе столицу Ногайской Орды, город Сарайчик). Частью владений Казахского ханства стала территория Семиречья, прежде входившая в состав Чагатайского улуса. Держава Касим хана стала одним из сильнейших политических образований в Восточном Дешт-и Кипчаке.

Точная дата смерти Касим хана остается под вопросом. Различные источники указывают на период от 1518 по 1524 г.; по мнению В.В. Трепавлова [6, с. 161], наиболее близкой к реальности датой смерти Касим хана является 1521 год.

Смерть Касим хана привела к междоусобице в Казахском ханстве; в ней погиб сын и преемник Касим хана Мамаш хан (1521–1522/1523). Сменивший его Тахир хан (1523–1533), сын Адик султана, расширил владения Казахского ханства на земли современной Киргизии; основные политические интересы ханства в этот период были связаны с Могулистаном, поскольку присырдарьинские города были потеряны. Годы правления Тахир хана стали временем ослабления ханства; применительно к периоду правления следующего хана – Буйдаш хана (1533 – ок. 1560) источники (Мухаммед Хайдар Дуғлат) говорят о «совершенном исчезновении казахов», что было связано с тем фактом, что ханство разделилось на два десятка улусов, правители не менее пяти из которых носили ханский титул.

Объединителем Казахского ханства стал один из сыновей Касим хана – Хакк Назар хан (ок. 1538 – 1580), чья деятельность была связана с войнами в восточной части ханства; союзником Хакк Назар хана стал Абдаллах хан II Шейбанид, на годы правления которого в Мавераннахре приходится расцвет Шейбанидской державы. Фактически в это время Казахское ханство стало одним из вассальных ханств государства Шейбанидов (наравне с Балхским ханством и Сибирским ханством). Подобная ситуация сохранялась и при Шигаи хане (1580–1582).

Последующая история Казахского ханства показывает, что Казахское ханство окончательно утратило связи с золотоордынским наследием, за исключением династической традиции. В ходе развития в начале XVII века за правителями Казахского ханства окончательно были закреплены присырдарьинские города. При Тауке хане (1680–1715) Казахское ханство было разделено на жузы, в каждом из которых правила своя ветвь потомков Джанибек хана. С 1770-х гг. казахские ханства оказались в зависимости от Российской империи. В 1847 году ханская власть в казахских жузах была упразднена, и территория бывшего Казахского ханства была административно включена в состав Российской империи.

1. Абу-л-Гази. Родословное древо тюрков. Казань, 1906.
2. Абусейтова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата: «Наука» АН КазССР, 1985.
3. История Казахстана / Под ред. К.С. Каражана. Алматы: Nurpress, 2011. 431 с.
4. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: «Наука» АН КазССР, 1969.
5. Нестеров А.Г. Сібір жеріндегі соңғы хан // Mangi El (Казахстан). 2015. № 1(9). С. 26–31.
6. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002.

Глава XII.

Политическое развитие татарских государств в XV–XVIII вв.

§ 1. Правовая культура в татарских государствах XV–XVIII вв.: золотоордынское наследие и исламские институты

Роман Почекаев

В результате распада «степных империй», в том числе и Золотой Орды, разрушилась материальная составляющая, поддерживавшая уровень правовой культуры. Прежде всего это проявилось в том, что в тюрко-татарских государствах, наследовавших Золотой Орде, прежние элементы единой правовой системы превратились в самостоятельные правовые системы, сосуществовавшие в рамках одного государства. Одной из особенностей правового развития наследников Золотой Орды стало то, что они пошли по разному пути. Одни, образовавшиеся в регионах, издавна (еще задолго до монгольского завоевания) имевших мусульманские традиции, превратились в государства с доминирующим положением шариата – это Казанское, Крымское, Астраханское ханства. Другие, представлявшие собой преимущественно кочевые государственные образования, в большей степени стали опираться на нормы обычного права – это государство Шибанидов, Ногайская Орда, Сибирское ханство [24, с. 43]. Существование вышеназванных правовых систем в тюрко-татарских государствах XV–XVIII вв. позволяет считать их полноправными наследниками государственности и права Монгольской империи и Золотой Орды и отнести к тому же уникальному типу тюрко-монгольской кочевой правовой культуры.

Сам факт того, что тюрко-татарские государства являлись политическими преемниками Золотой Орды, а также, что в большинстве их (за исключением Ногайской Орды) правили прямые потомки Чингиз-хана и золотоордынских ханов, обусловил применение в этих государствах источников, принципов и конкретных норм имперского права.

В первую очередь это было связано с сохранением самого института ханской власти, причем монополию на титул во всех тюрко-татарских государствах в течение всего рассматриваемого периода сохраняли потомки Чингиз-хана [см.: 1, с. 27]. Исключение составляли лишь правители Ногайской Орды, потомки Идегея, и сибирские Тайбугиды, однако и они в разное время возводили на трон марионеточных правителей – не случайно в русских летописных источниках неоднократно встречается, в частности, титул «ногайский хан» [см., напр.: 27]. Свою преемственность от Чингиз-хана монархи постордынских государств подчеркивали и в официальных актах. Одним из ярких свидетельств того, что «харизма» рода Чингизидов продолжала оставаться актуальным источником верховной власти, является апеллирование в ярлыках ханов XVI–XVII вв. к Тенгри – древнетюркскому божеству, которое, согласно официальной имперской идеологии, даровало власть Чингиз-хану и его потомкам. Примечательно, что даже крымские ханы середины XVII в. Мухаммед-Гирей IV и Ислам-Гирей III (которые были не только мусульманами, но, по некоторым сведениям, даже претендовали на титул халифа – повелителя всех правоверных) в своих посланиях апеллировали и к Тенгри, и к Аллаху [35, с. 80, 87, 115, 123, 135, 142; см. также: 5, с. 87–88].

Унаследовав харизму Чингиз-хана от своих прямых предшественников – золотоордынских ханов-Джучидов, монархи тюрко-татарских государств унаследовали также

и их прерогативы в самых разных областях. Прежде всего это сказалось на их законодательной деятельности, которая нашла свое отражение преимущественно в издании указов – ханских ярлыков.

Впрочем, некоторые виды ярлыков исчезли вследствие их не востребоваемости. Например, функции ярлыков-законов, существовавших в Золотой Орде и других государствах Чингизидов XIII–XV вв., в Крымском ханстве постепенно перешли к шариатскому законодательству. Так, основу права в Крыму составляли нормы шариата, а судебные решения принимались кадиями и фиксировались в специальных книгах – кадиаскерских саках [2; 3; 4]. Кроме того, ханы тюрко-татарских государств утратили монополию на издание ярлыков. Так, турецкий автор XVII в. Хюсейн Хезарфенн сообщает, что не только крымские ханы, но и их соправители-наследники – калга-султан и нуреддин-султан – имели право издавать ярлыки [20, с. 266]. И в самом деле, до нашего времени сохранился ряд ярлыков, выданных не только ханами, но и лицами, носившими султанский титул, – например указы Мухаммед-Гирей-султана, Адиль-Гирей-султана, Фатх-Гирей-султана и даже одной ханской дочери, Мехри-султан-хани, являющиеся тарханскими и суюргальными ярлыками, т.е. жалованными грамотами [33, с. 21, 36, 43–45, 53, 55]. В.Д. Смирнов сообщает о любопытном с правовой точки зрения документе – грамоте (ярлыке?) Бахт-Гирей-султана, скрепленной печатью его отца, Бахадур-Гирей-хана [29, с. 380]! В русских архивах содержатся сведения о том, что даже ногайские бии, не являвшиеся Чингизидами по происхождению, также выдавали «ерлыки» [см.: 30, с. 523]. В 1549 г. в Казани после смерти хана Сафа Гирей состоялся курултай, на котором был принят документ, подписанный участниками (беклярибеком князем Мамаем, уланами, муллами, хафизами, князьями, сотниками и десятниками), который был направлен крымскому хану Сахиб Гирею; документ назван ярлыком, и это, по нашему мнению, свидетельствует о том, что курултай 1549 г. принял на себя функции временного верховного правительства с правом издания соответствующих актов до вступления на престол нового хана (собственно, этот документ и содержит просьбу о присылке в Казань нового монарха) [см.: 9, с. 140].

Также нельзя не упомянуть о еще одном феномене, связанном с ярлыками в татарских государствах: речь идет о фактах выдачи ярлыков самим ханам-Чингизидам и другим правителям пост-ордынских государств (юртов) иностранными монархами, которые сами потомками Чингиз-хана не являлись и, таким образом, формально не имели права издавать ярлыки. Известны как минимум шесть таких документов: ярлык турецкого султана Мехмеда II крымскому хану Менгли-Гирею 1473 г. [7], ярлык Ивана Грозного сибирскому князю Едигеру 1556 г. и три ярлыка того же Ивана Грозного ногайским мирзам 1557–1561 гг. [23, с. 242–243, 334], а также ярлык Бориса Годунова 1600 г., которым казахский султан Ураз-Мухаммед назначался правителем Касимовского ханства (отметим, что тексты двух ярлыков – Ивана Грозного 1556 г. и Бориса Годунова 1600 г. – не сохранились, факты их выдачи лишь упоминаются в источниках) [31]. Несомненно, издание указанных актов носило экстраординарный характер, отражавший особенности взаимодействия Османской империи и Московского царства с пост-ордынскими государствами Чингизидов.

Другие элементы «чингизидского» права проявлялись в тюрко-татарских государствах эпизодически и имели кратковременное действие. В качестве примера можно привести эпизод с восстановлением «тамгового налога» в Крымском ханстве в середине XVII в. Как известно, тамга (торговый налог) в Монгольской империи и Золотой Орде была одним из самых «прибыльных» государственных сборов и весьма активно применялась. Однако по мере усиления позиций мусульманского права она стала активно вытесняться, поскольку воспринималась ревнителями ислама как одно из самых негативных проявлений «чингизидского» правового наследия, враждебного шариату.

В результате к середине XVII в. тамга в Крыму была отменена. «Тамговый сбор» вновь установил в начале своего правления хан Бахадур-Гирей I (1637–1641) [29, с. 380], что вызвало большое недовольство как его собственных подданных, так и турецкого сюзерена. Вероятно, несмотря на то, что хан, вводя этот налог, преследовал исключительно цели пополнения своей казны, в глазах османских властей этот шаг был воспринят как попытка проявления независимости, возвращения к «чингизидским», имперским устремлениям – тем более, что и другие действия Бахадур-Гирея I давали основания для подобных подозрений [см. подробнее: 6, с. 242–248]. Введение этого налога вызвало и давление со стороны Османов, и волнения среди населения самого Крымского ханства, и спустя около 20 лет Ислам-Гирею III, одному из ближайших преемников Бахадур-Гирея, пришлось отменить тамговый налог [29, с. 386].

В ханствах, не испытавших столь заметного иностранного влияния, традиционная система налогов и сборов, существовавшая со времен Золотой Орды, сохранилась в большей степени. Так, в Казанском ханстве вплоть до его падения существовали традиционные золотоордынские налоги, в частности – «ясак» [36, с. 683]. Аналогичная ситуация была в Тюменском юрте и Сибирском ханстве, где фискальная система также строилась по золотоордынской схеме [12, с. 76, 85]. В Ногайской Орде право взимания тамги принадлежало не только верховным правителям, биям, но и отдельным мурзам [22, с. 55].

Претерпело значительные изменения и имперское правовое регулирование земельных правоотношений. Практически вышли из употребления формы землевладения, действовавшие в чингизидских государствах в имперский период – икта, инджу, суюргал и пр. Их упразднение было обусловлено несколькими факторами. С одной стороны, на смену имперским земельным правоотношениям, имевшим тюрко-монгольское происхождение, пришли нормы шариата, в котором институты землевладения были четко регламентированы; в результате даже тюрко-монгольская землевладельческая терминология была заменена терминологией арабского происхождения: в частности, в Крымском ханстве стали употребляться понятия «мульк», «мевкуфе» и т.д. [14, с. 56–58]. С другой стороны, в пост-ордынских государствах существенно возросла роль родоплеменной знати, которая изначально владела землями на основе инджу или суюргала, являвшихся условными держаниями – земля находилась в распоряжении владельцев, пока они несли ханскую службу. Со временем же эти роды «пустили корни» в своих владениях и превратили их (в некоторых случаях официально, в некоторых – фактически) в свои родовые наследственные уделы. В результате прежние формы землевладения превратились в пост-ордынских государствах в передаваемые по наследству бейлики [15, с. 79–89; 26, с. 83–84; 36, с. 682–683] или же пожалования мурзам, которые сохраняли статус служилых землевладельцев вплоть до падения Крымского ханства, а также и в других тюрко-татарских государствах – например в Касимовском ханстве [15, с. 91–99; 16, с. 48–49; 26, с. 79–82]. Впрочем, порой ханы вспоминали о чингизидской правовой идеологии, согласно которой они являлись верховными собственниками и распорядителями земли в своих государствах, и пытались лишить родоплеменную аристократию даже тех владений, которые та привыкла считать наследственными. Так, например, согласно Воскресенской летописи, казанский хан Сафа Гирей в 1541 г. «у многих князей ясаки поотымалъ да Крымцом подавалъ» [21, с. 295; см. также: 36, с. 683]. Однако подобные решительные действия могли позволить себе только очень властные и могущественные монархи. Те же, у кого реальной власти в руках не было, рисковали вызвать недовольство знати, лишиться трона и даже, возможно, жизни.

Как упоминалось выше, в ряде областей, которые прежде входили в состав Золотой Орды, а потом составили основу тюрко-татарских государств XV–XVIII вв., ислам существовал задолго до того, как был официально установлен в Золотой Орде в качестве официальной государственной религии ханом Узбеком. Соответственно, мусульман-

ское право отнюдь не являлось нововведением для тюрко-татарских государств XV–XVIII вв., а напротив – представляло собой органичную часть их правовой культуры.

Среди особенностей мусульманского права (шариата) в пост-ордынских государствах, прежде всего, следует назвать его более значительную роль среди источников права по сравнению с самой Золотой Ордой. Возрастание роли шариата во многом было связано с упадком центральной власти и упадком системы имперского права, реализацию которого были в состоянии обеспечивать могущественные ханы Золотой Орды в XIV – начале XV вв. Одновременно возрастала роль мусульманского духовенства, которое уже со времен хана Узбека было интегрировано в административную структуру Джучидской державы, а по мере ослабления имперских государственно-властных институтов лишь усиливало свои позиции.

Поэтому не случайно, что уже в церемонии воцарения хана, проводившейся в традиционной форме курултая, в пост-ордынскую эпоху участвовали не только члены ханского рода, знать и военачальники, но и представители мусульманского духовенства. Помимо традиционной степной клятвы вступавший на престол монарх клялся на Коране и получал одобрение главы духовенства – такая практика имела место в Казани, Касимове и других тюрко-татарских ханствах [см., напр.: 11, с. 79, 84–85; 36, с. 676].

В дальнейшем ханы и правители постоянно советовались с сейидами и другими авторитетными представителями духовенства, которые нередко своим авторитетом скрепляли решения государей, обеспечивая эффективность их исполнения. Казанские сейиды в последние годы существования ханства часто являлись первыми советниками ханов, т.е. фактически – главами правительства ханства. В Казанском и Касимовском ханствах роль сейидов была столь велика, что они не только являлись духовными лидерами местного мусульманского населения, но и командовали войсками. Современные исследователи даже предполагают, что касимовский сейид одновременно исполнял и функции беклярибека [26, с. 71, 74–75]. В Крымском ханстве сейиды исполняли роль главных кади, т.е. верховных судей по законам шариата. В ханских грамотах и посланиях их имена зачастую ставились даже перед именами самих султанов из дома Гиреев [11, с. 23, 119–121, 127]. Также известно о судебных функциях сейидов и в Сибирском ханстве эпохи Кучума [10, с. 164; 12, с. 77].

Международные договоры пост-ордынских государств также нередко заключались с учетом догматов ислама и мнения мусульманского духовенства. Так, например, ногайские бии и мурзы XVI–XVII вв. в переговорах с московскими государями нередко апеллировали к своему мусульманскому вероисповеданию (правда, уподобляя, а не противопоставляя его христианству московских князей), а договоры с Москвой непременно скрепляли клятвой на Коране [22, с. 36; 30, с. 565]. Казанские сейиды в конце XV – середине XVI в. лично участвовали в переговорах с московскими властями и выработке условий международных договоров [11, с. 81–83]. Велика была также роль духовенства во внешней политике Крымского ханства: например, хан Мухаммед-Гирей IV в 1659 г. уведомлял царя Алексея Михайловича, что советовался со своими «учеными», которые «сказали, что договор нарушили москвичи» [цит. по: 28, с. 26].

Впрочем, время от времени правители тюрко-татарских ханств пытались ограничить влияние духовенства и вступали в конфликт со своими мусульманскими советниками. Сами факты таких конфликтов свидетельствуют о значительном влиянии, которым обладало мусульманское духовенство, коль скоро его представители могли позволить себе конфронтацию с монархами. А исход таких противостояний бывал различным. Так, например, казанский хан Сафа Гирей за время своего правления даже казнил двух сейидов Казани и одного – его преемник Шах-Али [11, с. 84–87]. А крымский хан Мурад-Гирей, пытавшийся провести судебную реформу и заменить шариатский суд кади судом по обычному тюрко-монгольскому праву торе, напротив, был вынужден

уступить в споре видному представителю духовенства Вани-эфенди и отказаться от своего намерения [25; 29, с. 248].

Формируя свой образ как защитников и распространителей веры, тюрко-татарские правители не только оказывали покровительство религиозным деятелям, строили богоугодные заведения и финансировали их деятельность, но и вели священные войны (газават). При этом «священной» могла быть объявлена война и против других мусульманских государств – лишь бы придворные богословы признали, что враги являются отступниками от ислама и поэтому даже более опасными врагами, чем «неверные». Так, крымские ханы и султаны, обосновывая свои попытки восстановить Улус Джучи в прежних границах, отвоевав у Московского царства Казанское и Астраханское ханства, представляли свои действия как борьбу с врагами веры – равно как и свои боевые действия против персидских кызылбашей. Вассалитет по отношению к османским султанам, являвшимся также и халифами, и выполнение их воли являлись в полной мере достаточным обоснованием для объявления любых боевых действий с врагами турков газаватом [см.: 8, с. 88, 104, 108]. Естественно, подобная политика отнюдь не была изобретением потомков Чингиз-хана и их соперников – правителей тюрко-татарских государств из других династий: ее использовали мусульманские правители, начиная с первых веков исламской эры. Принятие же ее на вооружение Чингизидами лишь свидетельствует об их понимании изменившейся обстановки и практически полной интеграции тюрко-татарских государств в Мир ислама.

Особое место в правовой культуре тюрко-татарских государств занимала судебная деятельность, которая стала прерогативой преимущественно мусульманских правоведов. Как известно, шариатские суды действовали в Золотой Орде параллельно с имперскими судами-дзаргу в качестве официальной судебной инстанции еще с 1320-х гг., т.е. с того времени, как хан Узбек объявил ислам официальной религией в подвластных ему владениях. Теперь же фактическое упразднение дзаргу привело к возрастанию роли судов кади, которые в пост-ордынских государствах не просто сосуществовали с официальными ханскими судами, а просто-напросто вытеснили их, превратившись в основную судебную инстанцию.

Так, например, известно, что в Казанском ханстве практически вся судебная деятельность осуществлялась мусульманскими богословами [см.: 34, с. 182, 185; 36, с. 689]. Косвенные сообщения источников позволяют говорить и о судебных прерогативах сеидов в Каимовском ханстве [11, с. 112].

Наиболее подробные сведения сохранились о шариатских судах в Крымском ханстве – благодаря большому количеству как нарративных источников (хроник и исторических сочинений собственно крымского и османского происхождения), так и официальных актов (ханских ярлыков и кадиаскерских тетрадей – сакков). Анализ этих источников позволяет сделать вывод о весьма широкой компетенции мусульманских судей.

Согласно кадиаскерским сакам XVII в., в ведении шариатских судей находились земельные споры, семейные (брак и развод) и наследственные дела и споры, случаи приобретения и отпуска на волю рабов (крепостные акты), вопросы опеки и попечительства, оформление вакфов [2, с. 48, 50; 4, с. 74, 75–76]. Известно, что уже с XVI в. тексты ханских ярлыков стали вписывать в кадиаскерские саки [17, с. 111–112; 33, с. 270], однако этим изменение ханских судебных и иных властных решений в связи с ростом значимости суда кади не ограничивалось. И если еще в начале XVII в. хан Саламат-Гирей I мог издавать ярлыки, в которых давал рекомендации кадиям (в т.ч. и кади-аскеру) [3, с. 68–69], то параллельно и в особенности позднее можно наблюдать обратную картину: ханские решения зависели от судей, выносивших решения на основе мусульманского права. Так, например, решение того же Саламат-Гирея об освобождении своего слуги нуждалось в официальной записи в кадиаскерском саке; анало-

гичным образом прежние ханские решения по вопросам, находящимся в сфере действия шариата, сохраняли силу лишь после того, как подтверждались и фиксировались кади-аскерами [4, с. 74–75, 77; 18, с. 77].

Стоит отметить, что в тюрко-татарских государствах (в частности в Крымском ханстве) судьи шариатских судов, по-видимому, получали жалование от государства. В связи с этим не допускалось злоупотребление ими своими полномочиями в форме установления произвольной стоимости своих услуг. Так, при хане Джанибек-Гирее кадиаскер Мустафа установил фиксированные тарифы на услуги кадиев и хакимов [5, с. 44, 54]. Таким образом, в тюрко-татарских государствах система шариатского правосудия была более упорядоченной, чем, например, в современных им среднеазиатских ханствах, где кади не получали жалования и компенсировали его отсутствием поборами с участников судебных разбирательств в виде штрафов, специальных сборов и т.п. [см.: 19, с. 102].

Земельно-правовые отношения в тюрко-татарских государствах подверглись весьма значительной трансформации по сравнению с Золотой Ордой. Выше мы уже отмечали, что виды землевладения, характерные для тюрко-монгольских имперских государственных образований, в пост-ордынских государствах оказались вытеснены традиционными мусульманскими земельно-правовыми институтами. Так, например, в Крыму выделялись ханские домены, находящиеся в частной собственности мурки, общинная собственность на землю, а также такие специфические владения, как ходжалыки, т.е. владения ходжей [5, с. 48; 14, с. 56]. Наконец, весьма значительное место в земельно-правовых отношениях во всех тюрко-татарских государствах занимали вакуфные владения [14, с. 55; 25, с. 76; 36, с. 681].

Не менее значительными оказались изменения в налоговом законодательстве тюрко-татарских государств. В результате монгольского завоевания в захваченных мусульманских странах к середине XIII в. был разрушен не только аппарат управления, но и налоговая система: мусульманские фискальные институты были вытеснены и заменены институтами, позаимствованными монгольскими правителями из уйгурского и китайского правового опыта [см., напр.: 32, с. 92]. Однако, по мере возвращения ислама на прежние доминирующие позиции, тюрко-татарские государи смогли найти определенные компромиссы, сохранив прежние налоги, но дав им новые названия в соответствии с их мусульманскими аналогами. Так, например, прежнему ясаку (калану), взимаемому в Золотой Орде, вполне соответствовал взимаемый в соответствии с шариатом харадж, а ушр, т.е. десятина, заменил соответствующий монгольский налог тагар и т.д. [ср.: 13, с. 235–236; 19, с. 90–95]. Безусловно, далеко не по каждому налогу возможны были такие компромиссы. Например, закят, взимаемый в соответствии с законами шариата, аналогов в тюрко-монгольском имперском праве не имел. Аналогичным образом противным законам шариата признавалось взимание тамги, о чем мы уже писали выше. Таким образом, и налоговая система в тюрко-татарских государствах является примером того, что мусульманское право стало в них доминирующей правовой системой, постепенно вытесняя институты как золотоордынского (имперского) права Чингизидов, так и обычного права тюрко-монгольских племен, которое также не прекращало применяться на протяжении всего времени существования татарских государств – наследников Золотой Орды.

1. Бейсембиев Т.К. Чингизово право на Востоке и политико-правовые учения в соседних регионах (на примере сарматизма в Речи Посполитой XVI–XVIII вв.) // Известия АН КазССР. Сер. общественных наук. 1991. № 4. С. 26–32.

2. Биярсланов М. Выписи из кадиаскерского сакка (книги) 1017–1022 (1608/9–1614 хр. лет.), хранящегося в архиве Таврического губернского правления хиджры // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1889. № 8. С. 41–51.

3. Биярсланов М. Выписи из кадиаскерского сакка (книги) 1017–1022 (1608/9–1614 хр. лет.), хранящегося в архиве Таврического губернского правления хиджры // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1890. № 9. С. 68–70
4. Биярсланов М. Выписи из кадиаскерского сакка (книги) 1017–1022 (1608/9–1614 хр. лет.), хранящегося в архиве Таврического губернского правления хиджры // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 10. 1890. С. 74–78.
5. Бойцова Е.Е. Ислам в Крымском ханстве. Севастополь: ЭКОСИ-Гидрофизика, 2004. 160 с.
6. Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. II: Крымские ханы первой половины XVII столетия в борьбе за самостоятельность и единовластие. Киев; Бахчисарай: Оранта, 2009. 272 с.
7. Гузев В.Г. О ярлыке Мехмеда II // Тюркологический сборник 1971. М.: Наука, 1972. С. 227–243.
8. Документы по истории Волго-Уральского региона из древлехранилищ Турции: Сб. документов / Сост. И.А. Мустакимов. Казань: Гасыр, 2008. 464 с.
9. Исаков Д.М. Арские князья и нукратские татары. Казань: Фэн, 2010. 224 с.
10. Исаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2006. 196 с.
11. Исаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и позднезолотоодынских тюрко-татарских государствах. Казань: Фэн, 2011.
12. Исаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татарское книжное изд-во, 2009. 142 с.
13. Керимов Г.М. Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. М.; СПб.: ДИЛЯ, 2007. 512 с.
14. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 22. 1895. С. 35–81.
15. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 23. 1895. С. 71–118.
16. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 24. 1896. С. 35–71.
17. [Лашков Ф.Ф.] Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 22. 1895. С. 82–115.
18. [Лашков Ф.Ф.] Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 24. 1896. С. 72–137.
19. Лунев Ю.Ф. Государство и право узбекских ханств с XVI по XIX века. М.: АСТ, 2004. 216 с.
20. Орешкова О.Ф. Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М.: Наука, 1990. С. 228–289.
21. Полное собрание русских летописей. Т. VIII: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. 312 с.
22. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.) / Подгот. к печати, введ. и коммент. В.В. Трепавлова. М.: ИРИ РАН, 2003. 93 с.
23. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / Под ред. М.А. Усманова; подгот. текста, коммент В.В. Трепавлова, Д.А. Мустафиной. Казань: Татарское книжное изд-во, 2006. 391 с.
24. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009. 260 с.
25. Почекаев Р.Ю. «Судебная реформа» крымского хана Мурад-Гирея // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Восточная литература, 2009. С. 320–326.
26. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татарское книжное изд-во, 2009. 207 с.

27. Сабитов Ж.М. Ханы Ногайской Орды // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 138–141.
28. Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2009. 280 с.
29. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской империи до начала XVIII в. М.: Рубежи XXI, 2005. 542 с.
30. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. 752 с.
31. Трепавлов В.В. Царские ярлыки. Наследие монгольской государственности в Московской Руси // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации: Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 21–23 ноября 2007 г. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. С. 104–113.
32. Туси, Насир ад-Дин. Трактат о государственных финансах // Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. / Пер. С. Хатиби; отв. ред. С.Г. Агаджанов. Ашхабад: Ылым, 1986. С. 86–94.
33. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. 317 с.
34. Усманов М.А. Этапы исламизации Джучиева улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII–XVI веков // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М.: Наука, 1985. С. 177–185.
35. Фаизов С.Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. М.: Гуманитарий, 2003. 168 с.
36. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М.: Инсан, 1996. С. 529–758.

§ 2. Татаро-русские отношения в XV столетии

Антон Горский

К началу XV в. на политической карте Руси место более десятка самостоятельных земель заняла структура, в которой доминировали два крупных государства: Великое княжество Литовское (с территориальным ядром в этнической Литве, но включившее в свой состав несколько русских земель – Киевскую, большую часть Черниговской, Смоленскую, Волынскую, Полоцкую, Пинскую) и Великое княжество Московское, включившее в себя большую часть Северо-Восточной Руси (прежней Суздальской земли). Помимо них продолжали существовать Рязанская, Новгородская и Псковская земли (все – в зависимости от Москвы), а в Северо-Восточной Руси – Тверское и Ярославское княжества. Из трех главных атрибутов зависимости русских земель от Орды (утверждения князей на их столах ханом, выплаты дани и обязанности предоставлять военную помощь) сохранялись к тому времени два – практика выдачи ярлыков на княжение и обязанность платить «выход». С «великого княжения» московские князья были обязаны выплачивать 7000 рублей в год. Русские земли, вошедшие в состав Литовского государства, также продолжали платить дань в Орду [4, с. 273–275, 293; 16, с. 58–61].

В ситуации, когда после разгрома Орды Тимуром ее фактическим правителем стал эмир Идегей, великий князь московский Василий Дмитриевич прекратил выплату «выхода». В Москве нормой признавалось положение, когда хан (по-русски *царь*) обладает реальной властью. При этом прямого конфликта Василий стремился избегать, более того – ордынские войска привлекались в качестве союзников в войнах с Литвой, шедших в 1406–1408 гг. В конце 1408 г. (когда дань не платилась уже 13 лет) Идегей совершил поход на Москву. Взять столицу правителю Орды не удалось, но его войска

совершили разорение значительной части владений Василия I. После этого состояние войны между Московским государством и Ордой сохранялось вплоть до свержения Идегея (1411). Приход к власти сыновей Токтамыша изменил ситуацию, и в 1412 г. Василий Дмитриевич даже совершил поездку в Орду. Но с 1414 г., когда Идегей вернулся к власти, конфликт разгорелся вновь: Идегей поддерживал претензии князей суздальского дома на Нижний Новгород, переданный Токтамышем Василию в 1392 г. С гибелью Идегея (1419) и со стабилизацией положения в Орде ко второй половине 1420-х гг. традиционные (даннические) отношения с ней возобновились. Около 1423 г. Василий I, по-видимому, добился от хана Улуг-Мухаммеда, изгнанного тогда противниками из Орды и находившегося в Литве у великого князя Витовта, ярлыка на великое княжение для своего сына Василия [3, с. 119–140].

В 1431 г. 16-летний великий князь Василий Васильевич и его дядя и соперник Юрий Дмитриевич отправились по собственной инициативе в Орду к хану Улуг-Мухаммеду для разрешения их спора о великом княжении. Таким образом, ордынский «царь» по-прежнему рассматривался как законный сюзерен русских князей. С другой стороны, решение хана, подтвердившего в 1432 г. великокняжеский статус Василия, было фактически проигнорировано Юрием, дважды – в 1433 и 1434 гг. – захватывавшим московский престол [16, с. 249–252].

В конце 1430-х гг. фактический раскол Орды на две части – под властью ханов Кучук-Мухаммеда и Сеид-Ахмета – привел к изменениям в порядке выплаты дани. В Москве признавали «царями» обоих правителей [9, № 38, с. 108, 111, 113, 116]. Позднейший документ – ярлык-послание сына Кучук-Мухаммеда, Ахмеда, Ивану III (1480) указывает размер требуемой ханом от великого князя дани – 120000 алтын, т.е. 3600 рублей (см. издание ярлыка по наиболее раннему списку: [6]). Это составляет фактически половину от 7000-го «выхода», которым были обязаны московские князья до начала 1430-х гг. [9, № 29, с. 74]. Очевидно, Кичи-Мухаммеду и Сеид-Ахмету выплачивали по ½ полного «выхода», причем после распада орды Сеид-Ахмету (1450-е гг.) дань Кучук-Мухаммеду, а позже его сыновьям до прежней, 7000-й не возросла.

Изгнанный из Орды в 1437 г. Улуг-Мухаммед попытался обосноваться на окраинных русских территориях, что привело к его конфликту с Василием II. В конце 1438 г. хан разгромил московское войско под Белевом в верховьях Оки. Летом следующего года Улуг-Мухаммед подходил к стенам Москвы. В 1444 г. он попытался обосноваться уже в низовьях Оки, в Нижнем Новгороде. Летом 1445 г. войска Улуг-Мухаммеда разбили московскую рать под Суздалем, сам великий князь Василий попал в плен, откуда был отпущен под обязательство огромного выкупа. Затем орда Улуг-Мухаммеда ушла в Казань, где его сын Махмутек стал правителем Казанского ханства. Эти события, а также свержение Василия II в начале 1446 г. его двоюродным братом Дмитрием Юрьевичем Шемякой, привели к тому, что даннические отношения между Москвой и ордой Улуг-Мухаммеда и его сыновей не получили развития. В 1447 г. казанский хан Махмутек выступал уже союзником Дмитрия Шемяки против вернувшегося на престол Василия II [3, с. 143–146].

К концу 1440-х гг. в Москве перестали выплачивать дань в орду Сеид-Ахмета; возможно, в 1449 г. был получен ярлык на великое княжение от Кучук-Мухаммеда для сына Василия II Ивана. В результате начались набеги татар Сеид-Ахмета на московские владения (1449, 1451 – в этом году войско во главе с сыном хана подходило к самой Москве, 1455, 1459), прекратившиеся после распада его орды во второй половине 1450-х гг. [3, с. 146–148, 153–154].

В 1450-е гг. в пределах владений московских князей было создано вассальное княжество во главе с перешедшим на службу к Василию II сыном Улуг-Мухаммеда Касимом. Центром его стал Городец Мещерский на Оке; позже по имени Касима за

ним закрепилось название Касимов; соответственно политическое образование, во главе которого московские князья ставили служилых Чингизидов (существовало до конца XVII в.), принято именовать «Касимовским ханством». Существует мнение, что его создание было одним из условий отпуска Василия Васильевича из плена Улуг-Мухаммедом в 1445 г. [17, с. 26–27; 15, с. 54–61]. Первоначальное предоставление Касиму кормления в Московском великом княжестве, возможно, действительно предусматривалось как составная часть выкупа Василия, но в Городце Мещерском он был помещен только в середине 1450-х гг., когда обязательства великого князя перед Улуг-Мухаммедом давно утратили силу [10, с. 171–172].

Через три года после вступления на великое княжение Ивана Васильевича (1462) впервые со времен Токтамыша сам хан Орды отправился в поход на Москву: в 1465 г. такую попытку предпринял Махмуд, сын Кучук-Мухаммеда. Поход сорвался, т.к. на Дону на Махмуда напал крымский хан Хаджи-Гирей и нанес ему поражение [12, с. 186]. Скорее всего, причиной гнева правителя Орды на московского князя было присоединение Иваном III к своим владениям в 1463 г. Ярославского княжества без ханской санкции [3, с. 131–132].

В конце 1460-х гг. Московское великое княжество в течение нескольких лет воевало с Казанским ханством, причем предпринимало наступательные действия. Походы московских войск на Казань поначалу не приносили успеха, но в конце 1469 г. удалось заключить мир на выгодных условиях [2, с. 36–95].

В ситуации фактического распада Орды на несколько политических образований ее «центральная» часть (между Доном и Волгой), чей правитель признавался на Руси сюзереном, с 1470-х гг. определяется в источниках как *Большая Орда* [13, с. 277, 291, 292, 299, 302, 303, 308] (применение этого термина к более ранним временам, начиная с 1430-х гг., отмечается только в позднейшей – 1520-х гг. – Никоновской летописи и являет собой явную ретроспекцию). Традиционно предполагается, что это перевод татарского *улуг орда* – «великая орда» [2, с. 7–8]. Но *улуг орда* на Руси переводили именно как «великая орда» (это определение входило с начала XVI в. в состав титула крымских ханов и встречается в переводах их посланий, дошедших в составе посольских книг по связям с Крымом – [19, с. 19, 21, 27, 29, 70, 75–77, 80]; при этом Орда детей Ахмата в посольских книгах определяется как *большая*: [18, с. 119, 157, 170, 214, 255]). Кроме того, прилагательное *большии* нечасто употреблялось в значении «крупный», для этого использовалось, как правило, именно слово *великьи*. Одним же из распространенных значений лексемы *большии* было прилагательное сравнительной степени – со значением «более высокий по положению», «главный» (в современном русском языке передающееся через слово «большой» с ударением на первом слоге) [21, стб. 147–148; 20, с. 289–290, 384–386]. Скорее всего, название «Большая Орда» возникло на Руси тогда, когда распад Орды стал очевиден и нужно было выделить «главное» из постордынских государств [7, с. 123–125]. Примечательно в связи с этим, что этот термин появляется в летописании одновременно с переходом в актовых источниках (с 1473 г.) к упоминанию «орд» во множественном числе [9, № 69–70, с. 226, 228, 231, 234, 236, 238, 240, 244, 246, 249; 4, с. 165–167] – и то и другое отражало стремление приспособиться к новой политической ситуации в степях Восточной Европы.

Летом 1472 г. хан Большой Орды Ахмед совершил поход на Москву. Войска Ивана III встретили противника на Оке у г. Алексина. Ахмед не решился форсировать реку и возвратился в степь [13, с. 297–298; 2, с. 146–181]. Скорее всего, причиной выступления хана было приведение московским князем в покорность в 1471 г. Новгорода: Ахмед поддержал претензии на верховенство над Новгородской республикой польского короля и великого князя литовского Казимира IV, и поход Ивана III на Новгород в свете этого смотрелся как нарушение воли сюзерена [см.: 3, с. 156–158].

Отражение похода «самого царя» имело серьезные последствия: в Москве возобладало мнение о необходимости прекратить отношения зависимости с Большой Ордой. Это выразилось в первую очередь в прекращении выплаты дани: к 1480 г. она не платилась «девятый год» [14, с. 265], т.е. как раз с 1472 г. Кроме того, Иван III начал переговоры с врагом Ахмеда – крымским ханом Менгли-Гиреем. Отношения с ним изначально строились как отношения «братьев и друзей», выплата каких-либо традиционных податей, восходивших к временам ордынского единства, исключалась. В 1480 г. был заключен московско-крымский договор, в котором были поименованы два «вопчих недруга» договаривающихся сторон – Ахмед и Казимир [18, с. 1–25].

Что касается Большой Орды, то Иван III некоторое время продолжал обмен с ней послами, стремясь не доводить дело до военного столкновения. Но в 1476 г., когда пошел уже пятый год неуплаты дани, посол Ахмеда привез требование хана великому князю явиться к нему в Орду (чего не бывало со времен Токтамышша) [13, с. 308–309]. Иван III не подчинился, после чего конфликт стал неизбежным. Ахмед отправился в новый поход на Москву только в 1480 г., договорившись о союзе с Казимиром IV. Противоборствующие войска два месяца простояли на берегах реки Угры, левого притока Оки (служившей границей между Московским и Литовским государствами). В окружении великого князя звучали голоса людей, склонных согласиться признать власть «царя». Но возобладало мнение сторонников ее отрицания. В ноябре, с наступлением холодов, Ахмед ушел восвояси, и попытка восстановить ордынскую власть над Московским великим княжеством не удалась [11; 1; 2, с. 216–266]. Гибель Ахмеда в январе 1481 г. от рук сибирских татар и ногаев окончательно похоронила подобные планы.

Таким образом, в течение 1472–1480 гг. произошло обретение Московским государством (с конца XV в. начавшим именоваться Россией) независимости от хана Орды. Следствием этого стало нередкое применение к Ивану III титула *царь* (в дипломатическом документе – впервые в январе 1474 г., вскоре после отражения первого похода Ахмеда – [8, № 78. с. 133, 135]), равного титулу правителей Орды и «постордынских» ханств (хотя официального венчания на царство не произошло ни при Иване III, ни при Василии III).

В последующие годы Иван III сохранял союз с Крымским ханством с целью противостояния Большой Орде, где боролись за первенство сыновья Ахмеда. Трижды – в 1487, 1490 и 1491 гг. – великий князь, выполняя союзнические обязательства перед Менгли-Гиреем, посылал войска (в основном состоявшие из касимовских татар) «под Орду», но до серьезных военных действий дело не доходило [3, с. 179].

В отношениях с Казанским ханством в 1480-е гг. Иван III использовал политику вмешательства в шедшую там династическую борьбу. В 1487 г. московские войска взяли Казань, хан Алегам был захвачен в плен, а на казанский престол возведен Мухаммед-Эмин, сын казанской ханши-вдовы Нур-Султан, годом ранее ставшей женой союзника Ивана III, крымского хана Менгли-Гирея [2, с. 280–293]. Казанское ханство на два десятилетия стало зависимым от Московского государства (казанские войска, в частности, участвовали в походе на Большую Орду 1491 г.). Иван III поддерживал дипломатические контакты также с Ногайской Ордой и Сибирским ханством [18].

В первые годы XVI столетия, когда Москва вела войну с Великим княжеством Литовским и одновременно с Ливонским Орденом, отношения с Большой Ордой вновь обострились. В 1501 г. хан Шейх-Ахмет (сында), действуя как союзник Литвы, двинулся на Верхний Дон. Сюда же пришел московский союзник Менгли-Гирей, а в помощь ему двинулись московские войска. Но до битвы дело не дошло, Менгли-Гирей вернулся в Крым, а Шейх-Ахмет разорил города Северщины (только что отвоеванные войсками московского великого князя у Литвы). В этой ситуации Иван III зимой 1501–1502 гг. в качестве дипломатического хода пошел на формальное признание зависимости от

Шейх-Ахмета, московский посол привез хану дань. Целью было расстроить литовско-большеордынский союз. Одновременно Москва активно побуждала Менгли-Гирея к походу для нанесения решающего удара Большой Орде. В мае 1502 г. крымский хан наконец выступил и в начале июня в районе днепровских притоков Самары и Сулы «взял» Орду Шейх-Ахмеда. Бежавший хан отправил в Москву посла с предложением: в обмен на отход от союза с Литвой и нейтральное отношение к Крыму Шейх-Ахмед просил Ивана III «достать» ему престол Астраханского ханства. Результата это обращение не имело, и зимой 1503–1504 гг. Шейх-Ахмед укрылся в Великом княжестве Литовском [3, с. 181–184].

Падение Большой Орды создало новую конфигурацию в отношениях молодого Российского государства с «постордынскими» политическими образованиями. Теперь главным из них стало Крымское ханство. Отношения Москвы с Крымом к этому времени уже устоялись как отношения равных партнеров (при сохранении элементов, связанных с признанием более высокого международного статуса крымского хана как носителя «царского» титула, см.: [23, с. 186–205]). Сложилась ситуация для начала борьбы России с Крымским ханством за влияние на остальные государства, сложившаяся на развалинах Орды.

1. Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1980. 222 с.
2. Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. 464 с.
3. Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. 214 с.
4. Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. 392 с.
5. Горский А.А. От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII – XV в. М., 2010. 176 с.
6. Горский А.А. Ярлык Ахмата Ивану III // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2012. № 2 (48). С. 104–113.
7. Горский А.А. О названии «Большая Орда» // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1 (3). С. 123–127.
8. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. 408 с.
9. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950. 585 с.
10. Зимин А.А. Витязь на распутье. М., 1991. 289 с.
11. Назаров В.Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983. 64 с.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 24. Типографская летопись. Пг., 1921. 272 с.
13. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л., 1949. 464 с.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.-Л., 1959. 415 с.
15. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. 207 с.
16. Русина О. Україна під татарами і Литвою. Київ, 1998. 320 с.
17. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. 276 с.
18. Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884. 645 с.
19. Сборник Русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895. 804 с.
20. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.). Т. 1. М., 1988. 528 с.
21. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893. 1420+49 стб.
22. Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерки истории. Тула, 2010. 112 с.
23. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. 318 с.

§ 3. Татаро-русские отношения (XVI–XVIII вв.)

Илья Зайцев

Русские и татары (а шире – славяне и тюрки), живя бок о бок на протяжении столетий, не могли не зафиксировать в собственном сознании и творчестве противоречивые образы друг друга. Попробуем увидеть эти образы и по возможности проследить динамику изменений этих взаимных представлений. В этом нам могут помочь исторические хроники, летописи, фольклор и особенно пословицы и поговорки, которые едва ли не лучше и ярче всего отражают взаимные симпатии, претензии и неприятия. Совершенно очевидно, что нужно сразу же отказаться от попыток определить некий стабильный и неизменный образ одного народа в сознании другого: конечно, в зависимости от исторических обстоятельств эти конкретные представления колебались в очень большой амплитуде от образа врага до образа друга.

Вопрос об *имени* татар, эсхатологическом смысле их появления был чрезвычайно актуален в контексте концепций русских книжников XIII в. Особенно показателен в этой связи текст, которым открывается повесть о битве на Калке (Лавр. лет. л.153): с одной стороны – «их же [т.е. татар – *Авт.*] никто же добре ясно не весть, кто суть...», с другой стороны – «премудрии мужи ведять я добре, кто книги разумно умееть» [3, с. 89]. В этом отрывке хорошо видно, как, столкнувшись с новым, дотоле неизвестным народом, русский летописец заранее пытается определить его место в знакомой картине мира: для этого нужно было определить предка этого народа среди сыновей Ноя. Именно от этого зависело определение места этого народа в этой картине: «измаильтяне» (т.е. потомки Измаила, в конечном счете народ, вписывающийся в картину библейской истории) или «нечистые человеки».

Проходит каких-то 15 лет и Русь сталкивается с новым народом уже вплотную. И в той же Лаврентьевской летописи появляется эпизод об осаде Владимира войсками Бату. В описании этих событий летописец особо подчеркивает отказ сыновей владимирского князя от борьбы, причем этот отказ не осуждается автором. Если проанализировать это известие и интерпретацию этого события в более поздних летописных произведениях, можно прийти к выводу, что во второй половине XIII в. нашествие воспринималось как «наказание Божие за грехи людские», и в соответствии с этим восприятием книжники моделировали поведение своих персонажей: отказ от сопротивления, вызванный не трусостью, а подлинным христианским смирением перед карой господней. Татары в XIII–XIV вв. для русского сознания это по преимуществу «бич Божий» (можно было бы привести в качестве примера и произведения Серапиона Владимирского – церковного иерарха, писания которого – реакция современника на события). Момент наказания за грехи, в котором татары – инструмент Божьей кары, явно преобладает в оценке и практически снимает собственно восприятие татар как таковых, по крайней мере, враждебность к ним значительно ниже, чем позже. Как мне кажется, важным здесь было то, что русские столкнулись с язычниками (возможно, до XIV в. в среде русского духовенства существовала надежда на успех миссии среди татар, причем не столь уж иллюзорная надежда, вспомним хотя бы сарайскую епископию, покровительство церкви, ярлыки митрополитам, переход татар в православие и складывание целого слоя служилых татар и проч.). Принятие Ордой ислама резко усилило противостояние (хотя крещение выходцев из Орды продолжалось). Теперь вражда распространялась на сферу религии, а примирить ислам с христианством тогда – несомненная утопия, после этого до разрешения конфликта было уже очень далеко. В XV–XVI вв. отказ от борьбы с татарами начал восприниматься как недостойный поступок, и вместе

с этим новым восприятием подверглось «пересмотру и редакции» и поведение исторических лиц – героев летописей [16, с. 193]¹.

Изменение образов татар в русском общественном сознании XV–XVI вв. подробно проследил А.О. Амелькин. Согласно его исследованию, уже в «Повести о Меркурии Смоленском» «образы врага...отличаются от известных ранее по житиям XIII–XIV вв. Это отличие обусловлено отчасти влиянием фольклорных традиций, отчасти же изменением представлений о противнике в сторону усиления его негативной характеристики именно как противостоящего России инога в культурно-историческом отношении сообщества». В русском общественном сознании конца XV – первой половины XVI вв. «используемые в качестве орудия наказания татары оцениваются как неразумная, разрушительная, безликая, некультуренная стихия. Особо подчеркивается их коварство и стремление изменить уклад жизни покоренных народов» [1, с. 7–8].

Вместе с тем, следы русско-татарского синтеза, двойственность восприятия татар и их оценок можно обнаружить еще в памятниках литературы XVI–XVII вв., затем эта линия будет по-разному проявляться вплоть до сегодняшнего дня. Так, в «Казанской истории» – довольно загадочном произведении второй половины XVI в. автор, который в целом разделял «традиционно-православные взгляды своего времени», контрастно изображает казанцев, то сочувствуя им, то признавая их антагонистами Русского государства» [18, с.199]². По мнению Я.Г. Солодкина, автор этого сочинения, «проведя 20 лет в Казани, ...мог проникнуться симпатиями к ее жителям. Он видел положение там изнутри, и этот взгляд побудил его изобразить людей иначе, чем диктовала традиция» [18, с. 206]. Согласно исследованию А.О. Амелькина, в первой половине XVI в. в русской литературе даже Батый «наделяется некоторыми чертами мудрого и грозного царя» [1, с. 9].

«Корни озлобления, которое определяло отношение правящих кругов феодально-дворянской России к казанским татарам, – пишет Г.С. Сабирзянов, – в трех десятилетиях после 1521 г., когда в Казани господствовали ханы крымской династии» [17, с. 21]. Однако и в XVI в. в отношениях двух народов не наблюдается национально-расового противостояния, а только политическое и религиозное³.

Изучая Жития Петра и Иоанна Казанских, А.О. Амелькин приходит к обоснованному выводу: «Для агиографа не имеет значения этническая сторона вопроса. Русский полоняник из Нижнего Новгорода и принявший православие житель Казани, находящийся на службе у великого князя, равнозначны для него» [1, с. 10]. Во взаимоотношениях русских и татар в конце XV – первой половине XVI вв. доминировали не этнические, а религиозно-политические моменты, важен был религиозный и политический аспекты, а не этнос.

Прекрасным источником для нас могли бы служить пословицы того времени, однако записи русских пословиц известны только с 17 века [см.: 19]. И вот в одной из самых ранних записей мы встречаем огромное количество пословиц и поговорок, так или иначе связанных с татарской темой (что само по себе уже свидетельствует о ее значимости и важности в русском сознании). Среди них можно выделить несколько групп. Преобладают, безусловно, оценочные с отрицательным оттенком: «Алай булай крымские песни,

---

¹ Между прочим, схожее представление мы обнаружим и в малороссийских думах XVI–XVII вв. Турки и татары, которые отождествлялись в украинском фольклоре, – недруги Украины, они действуют заодно. Татары, по думам, – Божья кара за неуважение к родителям, к роду, односельчанам, «громале», за несоблюдение постов и обрядов [6, с. 77–78].

² См. также [27].

³ По мнению И. Ерофеева, еще в первой половине XV в. в Крыму не наблюдалось враждебных отношений между русскими и татарами, но все изменилось после 1475 г. [6, с. 85].

там их и тресни» [19, с. 74]⁴, «Гонец из Крыму что таракан из дыму» [19, с. 92]; «Жить в Крыму, что суме в дыму» [19, с. 101]; «Рано Татаром на Русь ити» [19, с. 136]; «Целование татарское назад руки задрав буди» [19, с. 154], «Азов не о сте глазов, а Крым не крив», «Азов был славен, Смоленеск страшен, а Вилня дивна» [19, с. 76]. Довольно большое их число отражает различия в хозяйственно-бытовом укладе двух великих народов с русской точки зрения: «Татарскому мясоеду конца нет» [19, с. 143] – в смысле отсутствия постов в исламе и того, что есть *ураза* с точки зрения православного. Есть достаточно нейтральные, в которых крымская, татарская тема – лишь повод, инструмент для иллюстрации каких-то общечеловеческих тем: «Болшой в дому, что хан в Крыму» [19, с. 82], «Женские умы что татарские сумы» [19, с. 103]. «Тетива порветца и Татарин не бьетца» [19, с. 143] (т.е. подчеркивается роль лучников в татарском войске). С другой стороны совершенно доброжелательные, показывающие относительность этнических, религиозных и государственных ценностей и абсолютов морали: «Жил бы и в Орде, толко бы в добре» [19, с. 104] (вар. «Хотя бы в орде тако бы в добре» [19, с. 148]), «Отнимается дьявол окоянными Турки» [19, с. 152], «Царь турской противник русской» [19, с. 154], «Штаны сняли турецкие, а батоги кладут руские» [19, с. 157], «Ежь медведь Татарина, а ока не надобе» [19, с. 160]; «Мажет Клим телегу, едет в Крым по репу» [19, с. 120].

Эта двойственность в восприятии татар и зависимость образа и оценки от времени бытования пословицы хорошо видна в тех пословицах, которые до сих пор существуют на русском языке. С одной стороны, до сих пор бытующая русская пословица – «Незванный гость хуже татарина» (при том, что в XVII в. был вариант «Не зван гость лутче и званова» [19, с. 127], где, как видим, этнический момент вовсе отсутствует). С другой стороны – сочувственное или даже чрезвычайно теплое, дружественное отношение к татарам авторов некоторых литературных и публицистических сочинений эпохи средневековья.

Религиозная подоплека взаимоотношений хорошо видна в фольклоре. Видимо, очень старым и традиционным следует считать отождествление татарин – «свинья». Это отождествление (от русских детских дразнилок до устойчивых представлений, адаптированных в государственном строительстве и идеологии), безусловно, связано с запретом свинины в исламе. Скорее всего, это представление отличает отношение русских к мусульманам вообще (в империи – к татарам разного рода, за границей чаще всего – к туркам). А.С. Пушкин писал в своем «Путешествии в Арзрум», как встретил по дороге казаков, поддерживавших товарища, раненого в перестрелке у Саган-лу под Карсом: «Много ли турков?» – спросил Семичев. – «Свиньем валит, ваше благородие», – отвечал один из них⁵. Между прочим, напрасно Г.С. Сабирзянов называл «отголосками лживой историографии, лженауки» реплику, например, деревенских ребятишек из «Мужиков и баб» Б.А. Можаяева: «Ты, татарин гололобий, не ходи чужой дорогой» [17, с. 36]. Боюсь, это не имеет к науке никакого отношения, а, скорее, является отголоском устойчивых представлений народов друг о друге (как бы пристрастны они при этом ни были). Это эпитет *гололобий* – вполне прозрачный с точки зрения своего про-

⁴ Интересно сравнить эту пословицу с отзывами османского путешественника Эвлии Челеби при описании Ора (Перекопа), тамошняя буза славилась как будто бы более остальных: «К местным лакомствам относится крепкий напиток из проса, или же отменная татарская буза... Татары приезжают на конях к Ору даже из мест, отдаленных от него на пять дней пути, дабы напиток орской бузы, а выпив ее чрезмерно, упиваются и поют песню «Калалай ве болалай». Последнее бессмысленное сочетание, возможно, искаженный реальный припев татарской песни (напр., болалай – возможно, «болагай», т.е. «озорной»).

⁵ То, что это отношение явно связано с пищевыми запретами (наиболее заметными и бросающимися в глаза в повседневном общении), ясно видно и в отношении русских к евреям. Все у того же Александра Сергеевича («История села Горюхина»): «безумцы глумились над еврейским возницею и восклицали смехотворно: «Жид, жид, ешь свиное ухо !...» [15, с. 65].

исхождения: вероятно, от обычая мусульман брить голову, – неоднократно встречается даже в татарской публицистике конца позапрошлого века – начала прошлого как прозвище татарина среди русских, настолько устойчив был этот эпитет (фельетон Габдуллы Тукая «Духовники возродились», впервые опубликованный в журнале «Ялт-юлт» № 43 за 1912 г.) [20, с. 112].

Еще одно отождествление: Татарин – князь. Можно найти его у В.И. Ленина (в статье «Письмо по национальному вопросу»). Но, между прочим, если отвлечься от этого курьеза, представление отразилось и в русской художественной литературе. В «Очарованном страннике» Н.С. Лескова Иван Северьянович после «перепора» с Савакиреем прячется от полиции за спины татар: «Спасайте, князя: сами видели, все это было на честном бою...» [10, с. 427]. Сошлюсь еще раз на все тот же фельетон Тукая. Габдулла пародирует диалог жандарма с мусульманином: «Князь, иди молиться, мулла кричит. – Ни магу, таргавать надо. – Да иди же, гололобой» [20, с. 112]. А вот отрывок из разговора старого московского букиниста со старьевщиком-татарином (дело происходит в дореволюционной Москве): «– Князь, – говорит он, – вы мне деньги верите?» [7, с. 73].

Откуда это прозвище? Думаю, что достаточно логичным объяснением выглядит устойчивая связь (реальная, или мнимая, отраженная в дворянских родословных по принципу престижности) значительной части российского дворянства с джучидской аристократией.

Н.С. Лесков позволяет нам постепенно перейти к противоположному полюсу оценок. В том же произведении герой рассказывает о татарах: «У них все, если взрослый русский человек – так *Иван*, а женщина – *Наташа*, а мальчиков они *Кольками* кличут, так и моих жен, хоть они и татарки были, но по мне их все уже русскими числили и Наташками звали, а мальчишек Кольками. Однако все это, разумеется, только поверхностно, потому что они были без всех церковных таинств, и я их за своих детей не почитал.

(1) Как же не почитали за своих? почему же это так?

(2) Да что же их считать, когда они некрещеные-с и миром не мазаны» [10, с. 433].

В этом пассаже хорошо видно, насколько в обыденном сознании русского человека (в данном случае – первой половины XIX в.) религиозная принадлежность определяет этническую и, в конечном счете, влияет даже на родственные чувства. У лесковских же татар (это, скорее всего, казахи или туркмены) этническая принадлежность определяется даже не религией, а семейно-родовой принадлежностью: жена русского – русская.

В этом смысле интересна самоидентификация Ивана Северьяновича: «крестятся и водку пьют, – ну, значит, русские» [10, с. 447] (некая комбинация «этнических» признаков – религиозно-обрядового и пищевого). Религия доминирует: без того, чтобы разобраться, какой человек религии, «на степи страшно». У чуваша, встреченного главным героем, еще более концентрированный взгляд на этно-религиозную принадлежность, по его мнению: «это у татарина бока [т.е. бога – *Авт.*] нет, он кобылу ест, а у меня есть бок [...] и солнце бок, и месяц бок, и звезды бок... все бок». Причем бог при этом и Иисус, и богородица, и Николай Угодник тоже Бог [10, с. 446]. Любопытно, что, по данным современных социологических опросов, этническая идентичность поволжских татар реализуется в основном через родной язык, во вторую очередь – через знание культуры и истории, причастности к ней. Религиозный момент в этнической самоидентификации не преобладает [22, с. 196].

Рассмотрим теперь образ русских в татарском фольклоре и литературе. Конечно, сразу оговорюсь, в этом разделе совершенно невозможно исчерпать тему. Поэтому мои наблюдения следует расценивать как первое к ней приближение.

Интересно отметить, что у татар, как и у русских, встречались, конечно, в этнических определениях и дефиниции, составленные по внешним, антропологическим признакам. Так, крымские татары всех русских называли «сары Иван», т.е. рыжий Иван [11,

с. 60]. Между прочим, это *сары* можно встретить очень часто в крымских документах (напр. в одном из *хюджетов*) по отношению к славянским рабам. Называние определенным личным именем социальной или этнической группы очень распространено в языках мира (ср. русское «Фриц» или «Ганс» по отношению к немцам, «Иван» по отношению к русским, или турецкое «Мехметчик» – ласковое прозвище солдата). Московские конские барышники на Конной площади в районе Серпуховской заставы XIX в., цыгане по преимуществу, в лексиконе которых было, однако, множество татарских слов и которые вообще претерпели сильное культурное влияние татар, также использовали этот принцип: «Одно время они каждого мужика звали почему-то «Фролка» [2, с. 127]⁶.

Рассмотрим отражение межнациональных стереотипов в крымской средневековой историографии. Хороший материал для этого дает «История хана Ислам-Гирея III» крымского автора, чиновника ханской канцелярии, а потом кади, ханского историографа Хаджи Мехмеда, известного под поэтическим псевдонимом Сенаи и носившего нисбу Кырымлы. Автор закончил труд, написанный по просьбе Сефер Гази аги, ханского везира, 1 августа 1651 г. (начат он был, вероятно, после 1648 г.) [24]. Сенаи по отношению к неверным употребляет термин «собака» (он вместо распространенных в турецком слов *ит* или *кенек* использует персидское по происхождению слово *сег*, *сеглер* во множественном числе, рифмуя его со словом *беглер*, т.е. князя, как он называет польскую шляхту [24, с. 17]), часто называет противников *кюффар*, т.е. просто неверные, гяуры, или *мелаин*, т.е. проклятые. Вообще, по отношению к другим народам хронисты не стеснялись, рифмуя этнонимы с уничижительными эпитетами. Так, по отношению к казакам употреблялось слово «упрямый, строптивый» (*казак – акк*), к русским – «приносящий несчастье, гибельный» (*рус – менхус*), к калмыкам – «зло сотворенный» (*калмук – бед махлюк*) [24, с. 62].

Посмотрим на поговорки. Среди пословиц и поговорок крымских тюрок (татар) Добруджи (Румыния) имеется несколько и о русских: **Urustan dost bolmaz domuzdan post** (tur. Rustan dost olmaz domuzdan post), т.е. «Из русского друга не бывает, как шубы из свиньи»; **Urusman dos bolsañ baltañ katıñda bolsun** (tur. Rusla dost olursan baltan yanında olsun), т.е. «Дружить с русским – быть на лезвии топора» [25, с. 93].

Весьма показательны такие крымско-татарские пословицы, как **Казакны зафтра-сы битмес**, т.е. «Русское завтра не кончается».

С другой стороны – критичное отношение к собственному народу: **Татарынг акла сонунда келюр** («Татарский ум поздно приходит (в конце)»). Практически полное соответствие этой пословице есть и у русских: «Русский человек задним умом крепок».

Совмещение двух полюсов: русские плохие, но среди татар есть и хуже. Последний крымский хан Шахин-Гирей остался в памяти татар персонажем отрицательным. Сохранилась крымскотатарская пословица **«Камчы боюнда казакка хизмет идерим, Шагин Гирей ханга хизмет итмем»**, т.е. «Буду служить лучше русскому ростом с кнут, чем Шахин Гирей хану» [14, с. 55 (№484)].

У татар мы видим в традиционных оскорблениях русских те же моменты. «Татары ныне живут в большом согласии с Русскими, и уже не слышно от Русских некоторых жестких, на счет Татар, слов, которые часто употреблялись, лет сорок тому назад. Однакож иногда кучера Русские по улицам бранят Татарина, называя его *собакой*, ежели он не скоро своротит с дороги, чтоб дать место проехать. Но Татарин, в таком случае, тихо бормочет себе под нос: *донгус*⁷, а про себя думает: ты *алкафер*⁸».

⁶ Возможно, это как то связано с тем, что Фрол и Лавр считались у русских покровителями скота, в т.ч. лошадей.

⁷ Т.е. свинья.

⁸ Т.е. *аль-кафир*, неверный [21, с. 143–144].

Таким образом, в значительной своей части динамика изменений взаимных представлений русских и татар отражала религиозную преемственность и развитие религиозной политики в евразийских империях – Золотой Орде и ее наследниках. В эпоху Чингиза и долгое время после него среди монголов был распространен шаманизм, а часть монгольских племен (найманы и кирейты) исповедовала несторианское христианство. Между тем, еще в ранний период монгольской экспансии на запад на монгольской службе находилось множество мусульман. Сам Чингиз и первые поколения его потомков, в том числе и Джучиды, были весьма веротерпимы: политическая лояльность правящему роду была много важнее, чем единство вер. Завоевание не сопровождалось религиозными репрессиями: политическая целесообразность диктовала необходимость уравнивания представителей все религий в рамках империи. Приверженность шаманизму представителей Чингизидов на первых порах служила своего рода необходимым атрибутом принадлежности к династии. Религиозная принадлежность правящего Чингизида к тому времени в большей степени еще является его личным, а не государственным выбором: хана-мусульманина может сменить язычник. Значительная масса населения Улуса Джучи, в том числе и элита, продолжает оставаться неисламизированной, а в государственном устройстве, управлении и делопроизводстве господствуют традиционные монгольские нормы. Только в эпоху Узбека ислам стал не делом личного выбора, а религией династии, религией государства. Между тем принятие ислама на государственном уровне не сопровождалось репрессиями по отношению к иноверцам и к церковной организации. Еще в 1257 г. на Руси в рамках общеимперских мероприятий каана Менгу проходит перепись [12, стб. 474–475]. Главной ее целью была фискальная – организованный сбор дани. При этом церковь от ее выплаты была освобождена. Эта политика продолжилась в XIV–XV вв.

В Московском царстве, которое оказалось, как считается, преемником чингизидской империи, это «чингизидское» (resp. имперское) отношение к представителям религиозных меньшинств, т.е. прежде всего к мусульманам, как наиболее многочисленной их группе, существенно не изменилось. Как давно заметили исследователи, несмотря на то, что Русское государство начиная с конца XV в. и особенно в XVI и XVII вв. официально провозглашает себя воплощением православного царства на земле, защитником и хранителем православия как истинного христианства, однако ни само государство, ни его церковь не предпринимают почти никаких попыток обращения в православие мусульман и не ведут планомерной миссионерской деятельности⁹. Историки очень по-разному объясняли это: простым отсутствием источников по теме, по меньшей мере до XVIII в. (Йозеф Глазик¹⁰); спецификой складывания Московского царства, а потом и Российского государства как своего рода до-модерной империи, которая не вписывается в общепринятые каноны колониальных империй (Андреас Каппелер); восприятием мусульман как «иноземцев», а не «иноверцев» (Хайнц-Г. Нольте); особенностями византийско-православного осмысления отношения к иноверцам, т.е. специфической православной моделью религиозно-культурного плюрализма

⁹ См., например, последнюю по времени издания литературу: [23, с. 121–134; 5, с. 114–125] (где указана и литература вопроса). В Москве некоторое время назад под руководством проф. М.В. Дмитриева действовал постоянный семинар под названием «Ислам, восточное христианство и иудаизм на Европейском Востоке в средние века и новое время: особая модель религиозно-культурного плюрализма?».

¹⁰ Й. Глазик делит всю историю православного миссионерства на четыре больших эпохи: «спонтанного» миссионерства (XI–XV вв.) на Русском Севере и среди татар; возглавляемого церковью миссионерства в Сибири и азиатской России (с XVI в.); период миссии, которую контролировало государство с тенденцией к русификации (с эпохи Петра); возвращение к церковной миссионерской практике в азиатской России (со времени правления Екатерины II) [см.: 26, с. 1–3].

(М.В. Дмитриев)¹¹. Мне представляется, что скорее можно говорить об имперской евразийской преемственности религиозно-языковой интеграции, которая наиболее ярко проявилась в ордынский и русский периоды евразийской истории.

Уже в конце XIII–XIV вв. на Руси на службе русских князей по семейным, торговым и иным делам появляются иноверцы (иудеи, представители других ветвей христианства, мусульмане). Их пребывание на Руси в разных статусах очень часто предполагало обращение в православие. Чаще всего такой переход осуществлялся при брачных союзах, а также при выезде на службу. В 1302 г. белозерский князь Федор Михайлович женился на дочери царевича Ильбасмышы, в 1317 г. Юрий Данилович женился на Кончаке (родной сестре хана Узбека), крещеной под именем Агафья [12, стб. 528; 13, стб. 108]. К 1318 г. относится самый ранний зафиксированный случай перехода ордынца на московскую службу, когда из Орды к московскому князю Юрию Даниловичу выехал Телебуга [9, с. 10]. Скорее всего, большинство из этих вновь крещеных к моменту перехода были мусульманами. Естественно, что обращение в православие должно было привести к появлению особых текстов, которые определяли бы процедуру крещения. Действительно, с XIV в. начинают распространяться так называемые Чины принятия в православие, по которым этот переход и осуществлялся: «Чин принятия приходящих от жидов», «Чин обращения крещеных в ереси», «Чин над обращающимся от срачин». В их основе лежали греческие тексты, которые переводились на славянские языки, начиная с XIII в. Чины принятия инославных в славянской традиции впервые появляются в Сербии на рубеже XII–XIII вв., в сербской редакции Кормчей книги, которая попадает на Русь в 1262 г. Чин принятия мусульман по структуре представляет собой перечень проклятий разных элементов исламского вероучения (как реальных, так и мнимых), и лишь упоминание в начале текста о том, что все это происходит в «крестилище» перед купелью, говорит о том, что вслед за проклятиями следует крещение. Этот Чин известен по греческим рукописям с XII в. и в славянской традиции появился в той же сербской редакции Кормчей. Когда в конце XIII в. на основе сербской и древнеславянской редакций составляется первоначальная русская редакция, этот чин в нее не вошел. Однако уже в XIV в. при составлении новых канонических компиляций чин принятия мусульман входит в Кормчую, а затем и в Требник (старший его список датируется концом XIV в.). Причем редактор русского текста Чина в Требнике, как показала М.В. Корогодина, не просто взял за основу ранний сербский перевод с греческого, а параллельно обращался к греческому тексту для прояснения темных мест [8, с. 100].

Самое важное, что русский текст Чина в Требнике в нескольких случаях оказался подробнее оригинала. Так, если в Сербской редакции есть фраза «Проклинаю Алима по дочери зети Моамедова, и Апоупикерта», т.е. Али, действительного зятя пророка, мужа его дочери Фатимы и Абу Бакра ас-Сиддика (первого праведного халифа и тестя Мухаммеда), то в русской версии Требника это проклятие звучит так: «Проклинаю Алима, еже по дщери зятѣ Моамедова, и Хасана, и Хоусена, с(ы)новъ его, и Апоупикера». В русской редакции Кормчей – Чудовской – имя Абу Бакра искажено до почти неузнаваемости: «Апутикер», а в другой статье этой редакции его имя «Апопукрий Садокий-

¹¹ На эту особенность православия (отсутствие общественной деятельности вовне, следовательно, в том числе и миссионерской) по сравнению с западным христианством обращали внимание еще П.Я. Чаадаев, а вслед за ним и В.С. Соловьев. Для П.Я. Чаадаева восточное христианство сохранило византийскую чистоту и аскетичность, однако утратило политическую свободу, было подчинено политической власти и не стало дрожжами социальной жизни. «Сохранение церковной истины было преимущественно задачей православного Востока; организация церковной деятельности под руководством единой и безусловно самостоятельной духовной власти являлась преимущественной задачей католического Запада» (В.С. Соловьев, 1883 г.) [см.: 4, с. 166–169].

ский» (которое есть в греческих и сербских оригиналах) вообще пропущено. Перечисление сыновей Мухаммеда в Сербской редакции и зависящей от нее русской отсутствовало, однако в части греческих списков оно есть [8, с. 101]. В Требнике есть и другие, индивидуальные чтения, не характерные для Сербской и ранних русских редакций Кормчей. Это означает, что русский редактор Чина в Требнике по какой-то причине предпочел расширить Чин, обращенный в своем греческом оригинале в первую очередь к суннитам («Апопукрий Садокийский»), за счет шиитов. Почему это произошло именно на Руси, сказать пока сложно, однако очевидно, что исходный текст в русских условиях подстраивался под обстоятельства.

1. Амелькин А.О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV – первой половины XVI вв. (по материалам агиографических сказаний и памятников фольклора): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
2. Богатырев П.И. Московская старина: Серпуховская застава // Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989.
3. Гарькавый И.В. «Измаильтяне» или «Нечистые человеки»? (Некоторые наблюдения над семантикой русских летописей) // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4–6 февраля 1998 г. М., 1998.
4. Гершензон М.О. П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. СПб., 1908.
5. Дмитриев М.В. Московская Русь и мусульмане в XVII веке: почему не велась миссионерская политика? // Православный собеседник. Выпуск 1(23). Казань: Издательство Казанской духовной академии, 2012.
6. Ерофеев И. Крым в малорусской народной поэзии XVI–XVII вв., преимущественно в думах (Памяти В.Б. Антоновича) // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). №42. Симферополь, 1908.
7. Иванов Е.П. Меткое московское слово. М., 1982.
8. Корогодина М.В. Принятие в православие в XIV–XV в.: письменная традиция и практика // Древняя Русь. № 1(51). Март 2013.
9. Кузьмин А.В. Крещенные татары на службе в Москве: к истории Телебугиных и Мячковых в XIV – первой половине XV века // Древняя Русь. 2002. № 3(9).
10. Лесков Н.С. Собрание сочинений Т.4. М., 1957.
11. Олесницкий А. Песни Крымских турок (Текст, перевод и музыка). Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом Восточных языков. Вып. XXXII. М., 1910.
12. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I. Вып. 3. М., 1997.
13. ПСРЛ. Т. XXIV. М., 2000.
14. Пословицы, поговорки и приметы Крымских татар, собранные г.г. А.А. Боданинским, Мартино и О. Мурасовым / Под ред. А.Н. Самойловича и П.А. Фалева // ИТУАК. Год 28-ой. №52. Симферополь, 1915.
15. Пушкин А.С. Собрание сочинений в шести томах. Т. 5. М., 1969.
16. Рудаков В.Н. Сыновья великого князя во время осады Владимира: к проблеме восприятия борьбы с монголо-татарами в летописании // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4–6 февраля 1998 г. М., 1998.
17. Сабирзянов Г.С. Поволжские татары и русские в зеркале симпатий и антипатий. Казань, 1993.
18. Солодкин Я.Г. Татары в изображении автора «Казанской истории» // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 2001.
19. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. Собрал и приготовил к печати П. Симони. Вып. первый. I–II. Спб., 1899.
20. Тукай Г. Избранное. М., 1975.

21. Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Казань, 1844; репринт, Казань, 1991.
22. Хабенская Е.О. Татары о татарском. М., 2002.
23. Dmitriev M. Vivre la différence dans l'Empire orthodoxe des premiers tsars: musulmans, païens et tolérance à la moscovite, 1550–1700 // Vivre dans la différence, hier et aujourd'hui. Actes du colloque, Nîmes, 24–25 novembre 2006. Publiés par G. Audisio et Fr. Pugnère. Avignon, 2007.
24. Hadzy Mehmed Senai z Krymu Historia Chana Islam Gereja III. Tekst turecki wydał, przełożył i opracował Z. Abrahamowicz. Warszawa, 1971
25. Ülküsal M. Dobruca'daki Kırım Türklerinde Atasözleri ve Deyimler. Ankara, Ankara Üniversitesi Basımevi, 1970. (TDK Yayınları 306).
26. Glazik Jozef. Die Russisch-Orthodoxe Heidenmission seit Peter dem Grossen. Ein missionengeschichtlicher Versuch nach russischen Quellen und Darstellungen von P.Dr.Jozef Glazik. Münster Westfalen, 1954.
27. Keenan E.L. The Paradoxes of the Kazanskaya Istorya // The Annals of the Ukrainian Academy of Science in the US. Vol.XXXI–XXXII. N.-Y., 1967.

§ 4. Татарские юрты и Османская империя

Илья Зайцев

Возникновение османско-золотоордынских дипломатических связей восходит к XIV в. Однако самым ранним дошедшим до нас текстом золотоордынско-османской переписки является подлинник письма хана Улуг-Мухаммеда султану Мураду II (Топкапы № 10202), датированного 14 марта 1428 г. Документ этот написан на чагатайском языке. Письмо было найдено А.Н. Куратом в архиве дворца-музея Топкапы и опубликовано им в 1937 г. [75]¹². Я. Пеленский относил документ к числу казанских текстов. По его справедливому замечанию, поскольку это послание было написано, когда Улуг-Мухаммед был все еще на троне Золотой Орды, то есть до того, как он стал первым правителем нового Казанского ханства, то могут возникнуть возражения против включения письма в число казанских документов. Однако тот факт, что «Казанское ханство было основано «отколовшимися» (dissident) элементами из Золотой Орды и Улуг-Мухаммед стал первым ханом нового татарского государства, позволяет рассматривать этот ярлык по меньшей мере в качестве пограничного случая» [90, с. 14]¹³.

¹² Эта публикация, как отмечал сам издатель, представляла собой «выполненную в течение короткого, едва ли не трехнедельного срока», работу и содержала ошибки. Поправки к этому изданию с указанием разночтений и конъюнктур см. [62, с. 144–145]. Более надежные издания: [76, с. 6–36; 63, с. 609–626; 40, с. 53–61], приложение; поправки к тексту и переводу, а также описание внешнего вида документа см. [41, с. 237–239]. Конъюнктуры к изданию А.Н. Курата см. [30, с. 188]. Русский перевод публикации письма А.Н. Куратом 1940 г. см. [32, с. 28–34]. Практически полное повторение издания 1940 г. (правда, без воспроизведения текста и комментариев) предприняла в 1996 г. А. Мелек Озьетгин, но по сравнению с изданием А.Н. Курата эта публикация ценна гораздо менее [88]. О внешнем виде и особенностях документа см. также [102, с. 214–215]. См. также [14, с. 49–50].

¹³ Употребление Я. Пеленским термина «ярлык» по отношению к письму Улуг-Мухаммеда представляется неверным и является результатом непоследовательности в классификации документов Золотой Орды и постордынского времени А.Н. Куратом. «Когда речь идет о ярлыках, то здесь имеются в виду приказного характера письма (nameleg) золотоордынских, крымских, казанских ханов, адресованные ими правителям иноземных государств; также [ярлыками] называются жалованные грамоты (yazılar), выданные ханами своим подданным или какому-либо лицу вообще» [76, с. 3; 45]. С другой стороны, А.Н. Курат совершенно правильно называл письмами или посла-

Оборотная сторона листа занята текстом, на первый взгляд не имеющим отношения к письму Улуг-Мухаммеда. Это копия *фетх-наме*¹⁴ Мурада II о завоевании крепости Гюверджинлик («Голубятня»)¹⁵, написанного на арабском в 831 г.х. и направленного в Египет некоему беку Акбуге [76, с. 7]¹⁶. 831 г.х. соответствует периоду времени с 22 октября 1427 г. по 10 октября 1428 г. Название *Gügercinlik* – турецкая калька сербского названия Голубац – крепости на правом берегу Дунае к востоку от Белграда [73, с. 106]¹⁷. Османские войска дважды овладевали этой крепостью: первый раз в ноябре 1427 г., когда Голубац, который по договору сербского деспота с королем Сигизмундом¹⁸ должен был быть передан венграм, вместо этого был добровольно сдан туркам комендантом города Иеремией [65, с. 430; 69, с. 163–164; 20, с. 220–221; 11, с. 300–301]. Второй раз, согласно *Тарих-и Абу-л Фатх* Турсун Бега, город был взят войсками Махмуда-паши в июле 1458 г. [67, с. 81а]¹⁹. Окончательное завоевание Голубца сделало город стратегически важной пограничной крепостью, жители которой охраняли османские суда на реке, а также обеспечивали охрану самого города от набегов венгров и гайдуков [18, с. 159]²⁰. С начала 1428 г. по июнь этого же года крепость была осаждена войсками Сигизмунда, вокруг города велись ожесточенные бои, видинский санджак-бей Синан-бей неожиданной вылазкой существенно потрепал венгерские войска [87, с. 151–152]. Ясно, что оригинал *фетх-наме* относится к первому взятию османами Голубца, т.е. написан после ноября 1427 г., когда турки овладели городом.

В Египте в это время – с 1422 по 1438 г. – правил Ашраф Сейф-ад-Дин Барсбай²¹. Мурад II обменивался с ним посольствами и письмами. Сохранилось письмо Мурада Барсбаю от 10 зуль-хиджа 831 г.х. и ответ мамлюкского султана [61, с. 195–198; 58, с. 389]²². Падение Гюверджинлика и поражение венгров в 1428 г., естественно, послужили поводом для продолжения осmano-мамлюкских контактов, и в 1430 г. османский посланец доставил в Египет сообщение о взятии турками Салоник [58, с. 389]²³. Видимо, Акбуга, которому было направлено *фетх-наме* Мурада II, – это эмир Барсбая, «инспектор» Верхнего Египта, полное имя которого – Акбуга Джамали [58, с. 46–47, 149]. В тексте *фетх-наме* он назван «эмиром правоверных» и «опорой государства и веры».

ниями (*bitikler*) ханские документы, адресованные, например, турецким султанам [76, с. 4; 45]. При использовании в дальнейшем терминов «ярлык», «послание», «письмо» и др. я полностью следую определениям, данным М.А. Усмановым, кроме случаев цитирования других авторов.

¹⁴ Об османских *фетх-наме* см. [78, с. 192–196].

¹⁵ Такое же название этой крепости упомянуто и в османском *таквиме* (календаре-летописи), т.н. списке А [98, с. 24], а также в одном османском документе 1487 г. См. [66, с. 180] (*Ve bir dahi Gügercin-lik karşısında Varadın adlı hisârîlik vardır*). Несколько иное написание (*Güğercinlik*) в османском дефтере 1549/1550 гг. см. [85, с. 13г.]. О трансформации *кеф-и фарси* в живом произношении в звук «в» см. [34, с. 34].

¹⁶ Сокращенный текст этого документа см. [61, с. 201–202]. Там же и ответ Мураду.

¹⁷ О средневековом городе см. [10].

¹⁸ Сигизмунд (15.II.1368 г. – 9. XII.1437 г.) – сын Карла IV, король венгерский (1387–1437), немецкий (1410–1437), богемский (1419–1436), германский кайзер (1433–1437). См. о нем [57, с. 122].

¹⁹ У Хюсейна завоевание «Кекюрджинлика» и поражение сербов и венгров под крепостью относится к 831–832 гг.х. (1427/29 гг.) [50, л.169а, 171а]. Этим же годом историк датирует и завоевание Джан-овасы. У Хюсейна упоминается и еще какой-то «Кекюрджинлик», возможно, в Иране [50, л. 143а], хотя, скорее, это город в санджаке Худавендигяр [83, с. 90 б.6].

²⁰ В XVII в. Голубац – рядовой судебно-административный округ (каза) в санджаке Семендре Будинского эйалета [94, с. 227].

²¹ Именно его имя упомянуто в заголовке *фетх-наме*. Заголовок письма называет его (письмо) *наме-и хумаюн* (т.е. августейшее послание).

²² Дата соответствует 21 сентября 1428 г.

²³ Салоники были взяты османскими войсками 13 марта 1430 г. [87, с. 152].

В любом случае, текст *фетх-наме* оказался на оборотной стороне письма Улуг-Мухаммеда, видимо, уже после его получения в Стамбуле, т.е. оригинал послания хана был переиспользован в султанской канцелярии. Зачем понадобилось создавать копию *фетх-наме* на обороте письма Улуг-Мухаммеда, не совсем ясно. Трудно предположить, что сделано это было из-за нехватки писчего материала. Однако прямой связи, кроме года написания (1428), между этими документами как будто бы нет²⁴.

Текст письма Улуг-Мухаммеда сохранился не полностью: отдельные места пострадали от сырости и не поддаются прочтению. В письме Мураду II хан коснулся истории османско-ордынских отношений: «Наши прежние братья-ханы и ваши отцы, султаны вилайета Рум и старшие братья неоднократно посылали друг другу послов, обменивались подарками и приветствиями, вели торг через купцов-уртаков и находились в хороших отношениях. Затем наш брат-хан Токтамыш-хан и ваш великий дед газы Баязид-бек в соответствии с добрым старым обычаем обменивались послами, подарками, приветствиями и, пребывая в дружбе и согласии, удостоились милости господней» [76, с. 8–9, 161–165; 41, с. 54, текст в приложении]. Этот документ свидетельствует «не только об обмене посольствами между сараевскими ханами и турецкими султанами в 20–30-х гг. XIV в., но и сообщает, что подобные контакты имели место во времена султана Баязида и хана Токтамыша, накануне известных походов Тимура в Поволжье и Малую Азию, т.е. еще в ту пору, когда и сарайские ханы, и турецкие султаны были заинтересованы в создании антитимуровского союза. Из письма также ясно, что переписка Джучидов с турецкими султанами имеет еще более раннюю традицию» [46, с. 128]. Действительно, слова Улуг-Мухаммеда о древности османско-ордынских связей, скорее всего, «имеют не просто декларативный, а документальный характер» [46, с. 132, прим.]. Импульсом для продолжения официальных контактов послужили общие внешнеполитические интересы двух государств в конце XIV века. М.Г. Сафаргалиев предположил, что сближение Токтамыша с Баязидом могло произойти в 1394 г., когда Токтамыш активно искал союзников против Тимура. «На этот счет нет прямого указания, но косвенные данные говорят о возможности такого союза» [36, с. 418]. Представляется возможным уточнить это предположение. В 1394 г. в Дамаске египетский султан аз-Захир Баркук принимал послов Токтамыша, Баязида и Бурхан ад-Дина Ахмеда, правителя Сиваса. Рассказ об этом сохранился у мамлюкского историографа Тагри Бирди: «Туда прибыли к султану послы Тохтамыш хана, правителя земли Кипчак (Кыфджак), предлагая союз против Тимурленка, предложение которых султан принял. За ними прибыли послы османского султана Йылдырыма Баязида, правителя Малой Азии, сообщая, что он послал 200000 дирхемов в помощь аз-Захиру и что он будет ждать ответа султана, чтобы поступить соответственно...» [96, с. 148; 16, с. 95–96]²⁵. Баркук с благодарностью воспринял эти предложения. Возможно, что первые официальные контакты представителей Токтамыша и Баязида произошли именно в августе 1394 г. в Дамаске, где представители четырех стран обсуждали перспективы войны с Тимуром²⁶.

²⁴ В принципе, случаи написания на оборотной стороне документа еще одного текста встречаются в дипломатической практике. Так, например, письмо азовского *диздара* в Москву в 1521 г. было написано на обороте грамоты каффинского санджак-бея Мухаммеда (РГАДА, ф. 89, оп. 1, ед. хр. 1, л. 146). Однако здесь оба текста – подлинники. В нашем случае на оборот подлинника нанесли копию другого текста.

²⁵ Посольство Токтамыша, согласно сочинениям Ибн ал-Фората, ал-Макризи и Ибн Шохба ал-Асади, прибыло в Дамаск 26 марта 1394 г. (23 джумада I 796 г.х., в четверг) или, по ал-Аскалани и ал-Айни, 20 джумада I того же года (т.е. 23 марта) [44, с. 356 (363), 428 (442), 445 (448), 450 (453), 531]. Следовательно, переговоры состоялись там до 28 августа, когда султан переехал в Алеппо.

²⁶ Этому событию был посвящен специальный доклад Эзхера Мухаммеда на 13-м конгрессе Турецкого исторического общества. Правда, исследователь называл этот союз «трояственным», т.к. не учитывал правителя Сиваса. См. [82, с. 136]. Между прочим, в диване Кади

Поражение Токтамыша в 1395 г. и катастрофа 28 июля 1402 г. (битва при Анкаре), на какое-то время приостановили развитие отношений двух государств. И Османская империя, и Золотая Орда испытывали тяжелейшие внутренние потрясения, временно снявшие актуальность контактов друг с другом. Однако у двух придворных летописцев Тимура Шараф ад-Дина Йезди и Низам ад-Дина Шами, а также у византийского историка Лаоника Халкокондила сохранились известия, что часть Орды, разгромленной Тимуром на Ворскле, под предводительством эмира Актау в 1397 г. бежала в низовья Днепра, откуда, двинувшись далее на запад, вероятно, в 1398 г. попала в османские владения на Дунае. Актау вынужден был волей или неволей вступить в переговоры с Баязидом, результатом которых стало поселение беженцев на юге Дуная и Балканах. Возможно, именно эта группа разграбила в феврале 1399 г. Варну. Однако вскоре Баязид изменил решение и устроил кровавую бойню татарских вождей, которая не могла не вызвать сопротивления татар. Оставшиеся в живых были поселены вокруг Эдирне²⁷.

К сожалению, мы не имеем сведений о развитии осmano-ордынских дипломатических отношений в самом начале XV в. Т. Халаша-Кун в одной из своих ранних статей относил посольство Улуг-Мухаммеда к Мураду в Адрианополь к 1424 г. [62, с. 143]. Видимо, это ошибка. В феврале 1424 г. Мурад после поездки по малоазийским городам принимал в Эфесе послов сопредельных держав [12, с. 73]. Сведений о посольстве Улуг-Мухаммеда к Мураду в 1424 г. в известных мне источниках нет. Письмо Улуг-Мухаммеда выглядит как первое официальное послание, призванное восстановить дипломатические отношения после длительного перерыва. Причину этого разрыва следует, видимо, искать в возобновлении союза Токтамыша с Тимуром в самом начале XV в.

Из письма Улуг-Мухаммеда становится ясным, что существовало два пути, по которым осуществлялся посольский обмен между двумя странами. Один – сухопутный – проходил через Причерноморские степи и Валахию, второй шел через Черное море: «Мы не снарядили к вам человека, полагая, что, если мы его пошлем, Афлак его не пропустит. Мы знали, что от вас водным путем к нам отправлен человек. Как случилось, что он не прибыл?» [76, с. 8–9, 161–166; 40, с. 54; 41, с. 239]²⁸.

В это время в европейской дипломатии зреет идея антиосманской коалиции с участием азиатских государств. Одно из первых мест в этом возможном союзе отводится ханам Джучиева улуса. Мысль о привлечении «кипчакских» ханов к антиосманскому союзу к началу XV в. уже имела свою историю, т.к. еще в 80–90-х XIV в. европейские государства и, в частности, Византия²⁹ и Венеция предпринимали подобные попытки [92].

Осенью 1411 г., до встречи между Сигизмундом (1387–1437 гг.) и королем Польши, польская делегация в Риме просила (анти)папу Иоанна XXIII объявить крестовый поход против татар. Послы Сигизмунда к папскому престолу, однако, убеждали папу, что организация такого похода будет смертельной ошибкой. Сигизмунд считал, что татары – естественные союзники европейских государств против Османской империи. Владислав был готов разделить взгляды Сигизмунда: в 1412 г., когда в Буду прибыли послы татарского хана и предложили польскому королю заключить союз против всех его врагов, он, как и Сигизмунд, принял это предложение. В начале 1412 г. Сигизмунд посылал послов (Николауса де Геретца) через генуэзскую Каффу к хану Джалал-ад-Дину (сыну Токта-

---

Бурханедина (1345–1398 гг.) сохранились такие строки: İki âlemde Nak'a sığınmışız // Tohtamış ne ola ya ahsah Temur [100, с. 5]. Т.е. «в двух мирах (т.е. на том и на этом свете), уповаем на Истину (т.е. Бога), что (нам) Тохтамыш или Аксак Тимур». Эти строки поэта в свое время вызвали интерес А.Е. Крымского [6, с. 73].

²⁷ Такова реконструкция событий, предложенная на основании сведений Халкокондила, Бадр ад-Дина Айни и хроник Шами и Йезди. См. [59, с. 77–92]. См. также [2, с. 155; 60, с. 13–14].

²⁸ Эфляк/Афлак – Валахия.

²⁹ Особенно активно Византия пытается найти противовес туркам в лице Тимура.

мышья), правившему в 1411–1412 гг., с предложением присоединиться к антиосманской лиге вместе с Византией, на что был получен положительный ответ [95, с. 591].

В списке даров (*litterae donationis*) – пожаловании, выданном Сигизмундом в г. Надьсомбат 6 февраля 1428 г., описана миссия двух венгерских послов (получателей пожалования) к азиатским правителям с целью заключения союза против Турции. Этот документ хранится в Венгерском Национальном Архиве (*Magyar Országos Levéltár, Diplomatikai Levéltár: 100.445*). Имена послов – Miklos Szerecsen (*Nicolaus Sarachenus*) и Jozsa Török (*Iosa Turcus*). Миклош Гереш – *Nicolaus de Geretz* (один из послов Сигизмунда) попал в плен к туркам при Никополе и 12 лет провел в неволе. После того, как он обрел свободу в 1408 г., он поступает на службу к Сигизмунду. «Саракенусом» он назван, возможно, потому, что был в плену у мусульман. На обратном пути при его возвращении в Венгрию из плена к нему присоединяется турок, впоследствии крестившийся (*Jozsa Török*), также поступивший на службу к Сигизмунду и выполнявший с Миклошем Саракенусом дипломатические поручения монарха [54, с. 273].

Помимо прочего в списке сказано: «...Йоза Терек был послан в качестве нашего посла принцу Магомету, господину Татар Орды; принц тоже намеревается против гнусных турок со всей своей мощью, так что, таким образом, он (т.е. посол) привез от этого Магомета ответ, желаемый нами.» [71, с. 10–13]. Магомет, «господин (правитель) Татар Орды», к которому ездили послы Сигизмунда, по предположению Л. Тарди, – Улуг-Мухаммед [97, с. 18–19]. Однако Л. Тарди исходил из датировки упомянутых в списке посольств тем же 1428 г. (т.е. датой написания самого списка). Не так давно Д. Агостон, обратившись к архивному подлиннику документа, показал, что список упоминает миссию Миклоша Гереша не в Караманию в 1428 г.³⁰, а посольство Сигизмунда к Кара-Юлюку Ак-Коюнлу в 1419 г. [54, с. 273–274]. Таким образом, посольство Сигизмунда к «Магомету, Господину Татар Орды» (т.е. к Улуг-Мухаммеду) имело место между 1419 и 1428 гг. Штронер фон Райхенбах относил посольства Терека к Улуг-Мухаммеду к 1419–1423 гг. [95, с. 596]. Поскольку воцарение Мухаммеда относится, согласно вычислениям М.Г. Сафаргалиева, к концу 1421 г., следовательно, время совершения посольства можно сузить. Йоза Терек был у Улуг-Мухаммеда и получил удовлетворительный ответ на предложение Сигизмунда до 1423 г. В связи с вышеизложенным становится более понятным, почему в султанской канцелярии связывали переписку Улуг-Мухаммеда с документами о ведении боевых действий против Сигизмунда, почему на обороте письма хана султану Мураду II появилась копия *фетх-наме* 831 г.х. (кон. 1427–1428 гг.) с сообщением о взятии сербской крепости Голубац (*Güvercinlik*).

Согласно договору в Тати в мае 1426 г., между сербским деспотом Стефаном и Сигизмундом, наследником сербского трона был утвержден Георгий Бранкович, племянник Стефана (сын Вука I, внук Лазаря по материнской линии). Договор предполагал, что в случае смерти Лазаревича без мужского потомства (что, учитывая состояние его здоровья, было совершенно очевидно) Белград и Голубац должны были отойти Сигизмунду. Если бы и Георгий умер без наследников, сербские земли также бы перешли Сигизмунду. Фактически договор означал принятие сербами венгерского диктата в обмен на помощь в обороне от турок. Сербия, которая считалась вассалом султана, как бы вошла в антиосманскую коалицию³¹.

19 июля 1427 г. после соколиной охоты деспот Стефан Лазаревич скончался. На царство, как и предполагалось, был помазан Георгий Бранкович. Он взшел на престол без уведомления султана Мурада II. Бранкович едет в Голубац, и именно воевода Голубаца Иеремия возлагает на помазанного руку и оружие в знак признания прав Георгия.

³⁰ Как считал Н. Йорга [70, с. 406], а за ним и Л. Тарди.

³¹ Подробнее о договоре см. [91].

Между тем османы, недовольные выходом вассала из-под контроля, посылают на Сербию мощный экспедиционный корпус: османская армия под командованием Исабега 3 сентября осадила Ново Брдо. На помощь корпусу Исы двигался сам Мурад. Вскоре был взят Крушевац. В этой критической ситуации Бранкович начал осуществлять обещания Татинского договора, надеясь на венгерскую помощь против турок. Вероятно, уже в сентябре или даже конце октября 1427 г. Сигизмунду был передан Белград. Очередь была за Голубацем. Однако в дело вмешался воевода крепости Иеремия, который потребовал 12 000 дукатов за передачу ее венграм. Скорее всего, именно эту сумму он выплачивал ранее деспоту за право управлять городом³². В доказательство Иеремия приводил документ, но король оспаривал подлинность печати и сумму выплаты. Оказавшись между двух огней (турками и королем Сигизмундом) и видя бесперспективность переговоров с последним, Иеремия обращается с аналогичным предложением к султану и находит у него понимание. Едва наступила зима, Голубац был сдан Иеремией туркам без боя (вероятно, требуемая сумма была выплачена сполна). До мая 1428 г. события вокруг крепости почти не развиваются: Георгий поддерживает мир с султаном и исправно платит *харадж*. Однако ситуация сильно осложнилась вмешательством Сигизмунда, который с 30 000-ым венгерским войском в конце апреля 1428 г. осадил турецкий гарнизон крепости. До июня 1428 г., когда противоборствующие стороны заключили при посредстве Синан-бея перемирие сроком на 3 года, турецкий гарнизон Голубца был осажден венгерскими войсками Сигизмунда со стороны Дуная и с поля и активно подвергался бомбардировкам [69, с. 163–164; 33, с. 54–55; 20, с. 220–221; 11, с. 300–301; 9, с. 338, 106, 108; 39, с. 71, 90–92, 96, 99, 101].

В Стамбуле, возможно, опасались участия Улуг-Мухаммеда в сербско-венгерских событиях или же, наоборот, раздумывали о возможности привлечения хана, зимовавшего, как это следует из его письма Мураду, на Днепре (Озю), к военным действиям на Дунае. К сожалению, определенного ответа на этот вопрос пока дать нельзя.

В европейские планы привлечения исламских государств к антиосманской коалиции входил и мамлюкский Египет. Чтобы предотвратить возобновление дружественных отношений между ним и османами, Венеция посылает египетскому султану двух послов. Улуг-Мухаммед сам вел весьма активную внешнюю политику. По сообщению ал-Айни 21 апреля 1429 г. (т.е. через год после написания письма Мураду II), его послы прибыли в Египет, имея при себе подарок и два письма (на арабском языке и монгольском уйгурским алфавитом) [44, с. 502; 93, с. 158]. Возможно, в составе именно этого посольства к султану ал-Малику ал-Ашрафу Барсбаю находился И. Шильтбергер, который упоминает посольство Улуг-Мухаммеда к мамлюкскому султану по случаю свадьбы дочери последнего [52, с. 36, 46]. К сожалению, результаты и действительные цели этих посольств неизвестны. Неясно, насколько реальна была «антиосманская» позиция Улуг-Мухаммеда. Скудость источников не позволяет ответить на этот вопрос с определенностью. Документы сношений Улуг-Мухаммеда с турецкими султанами в более поздний период неизвестны. Возможно, это объясняется тем, что с основанием Казанского ханства круг внешнеполитических интересов Улуг-Мухаммеда несколько изменился: Османская империя не играла главную роль в его внешней политике. Это место занимали сначала Великое княжество Литовское (ВКЛ), а затем и Московское княжество.

Улуг-Мухаммед еще в первой половине 1420-х гг. активно сносился с великим князем литовским Витовтом. В 1424 г. к Витовту приезжало посольство Улуг-Мухаммеда. 1 января 1425 г. Витовт писал к великому магистру: «... Мы Вам сообщаем,

³² Турецкий историк И.Х. Узунчаршылы природу этих 12 тысяч дукатов объяснял схожим образом (как долг заместника города, или что-то вроде откупной суммы). Сигизмунд даже как будто бы заплатил эти деньги, но крепость досталась османам [99, с. 407], (ср. досадную опечатку – 831 г.х. – 1425 г. !! там же).

что татарское государство раздвоено и разделено, так что теперь там 6 государей, которые и борются за власть. Один из них Махмет, находится при нас, а другие живут в разных местах, так как их земли велики и обширны» [3, с. 189–190].

В последних числах января 1429 г. в Луцке собрались великий князь литовский и русский Витовт, король польский Владислав (Ягелло), король римский и германский Сигизмунд, представители папы, византийского императора, датского короля, великого магистра Тевтонского Ордена в Пруссии и Ливонии, господаря Молдавии, мелкие русские и литовские князья, герцоги Мазовецкие и т.д. Заседания конгресса длились около двух недель. Основным вопросом съезда была общеевропейская борьба с турками [43, с. 139]. По некоторым, впрочем, маловероятным, данным на съезде присутствовал перекопский хан [51, с. 60]. А.Е. Крымский считал, что это был Хаджи-Гирей – «недавно поставленный вассал Витовта и враг Турции» [26, с. 43, 177]. Присутствие на конгрессе Хаджи-Гирея в качестве крымского хана также маловероятно. Ханом Крыма и джучидских земель на западе был тогда Улуг-Мухаммед. Витовт в письме Ливонскому ордену от 9 сентября 1429 г. (незадолго до съезда) писал: «Царь Махмет, наш друг, писал нам, что он владеет теперь всем царством и Ордой и через посла своего предложил нам прочный союз» [36, с. 486]. Вряд ли хан лично присутствовал на конгрессе, но его представители там быть могли³³. Особенно остро на конгрессе обсуждался молдавский вопрос. Сигизмунд, до которого дошли слухи, что господарь Александр сносится с турками, требует от Ягайло приступить к разделу Молдавии или приказать Александру (как своему леннику) отстать от турок и помогать императору в борьбе с ними. Сигизмунд ведет переговоры с послами Ордена об учреждении особой его ветви на Дунае в качестве постоянной военной колонии для борьбы с турками. Этот замысел не осуществился [43, с. 145]. Император просил Ягайло и Витовта оказать ему помощь против турок. Ягайло собрал отряд (в основном из выходцев с русских земель, что вызвало там большое неудовольствие), но отряд, соединившись с господарем, не дождался сил Сигизмунда и вернулся в Литву [3, с. 233]. В августе 1430 г. перекопский хан лично был в Вильне на несостоявшейся коронации Витовта [43, с. 151].

Важным источником по истории восточноевропейской политики Улуг-Мухаммеда являются документы переписки хана с Ливонским орденом. Судьба этих материалов, собранных Геннигом и хранившихся в Кенигсбергском архиве, неизвестна. Скорее всего, они не сохранились (подобно материалам из этого собрания, которые использовал в своей работе над Историей Государства Российского Н.М. Карамзин)³⁴. Среди копий документов Кенигсбергского архива в Российском государственном архиве древних актов (Ф.147) их нет. Единственным источником служат пересказы писем Свидригайло и Улуг-Мухаммеда (напр., очень темного немецкого перевода письма Улуг-Мухаммеда гроссмейстеру Ливонского ордена, датированного 1433 г. (Секретный Архив № LXXVII), в монографии А. Коцебу [25, с. 168–169] и труде Н.М. Карамзина. А. Коцебу, работавший в Кенигсбергском архиве в 1813 г., имел этот документ в своем распоряжении, как и письма Свидригайло гроссмейстеру ордена, в которых содержится уникальная информация об участии Улуг-Мухаммеда в литовских междоусобицах. Н.М. Карамзин пользовался копиями, присланными ему и министру внутренних дел О.П. Козодавлеву Экспедицией прибалтийского дворянства [23, с. 357].

Улуг-Мухаммед вступает в союз со Свидригайло, который вместе с Орденом борется против Ягайло за престол ВКЛ, и, видимо, в начале 1431 г. дает ему шерть. 9 мая 1431 г. Свидригайло пишет из Смоленска ливонскому магистру Павлу, что его посол,

³³ В донесении прусских командоров со съезда в Луцке (15 января 1429) сказано, что на съезде у Витовта искал покровительства бургомистр города Kassa. А. Барбашев считал, что речь идет не о Казани, а о кашинском князе [3, с. 201, прим. 23].

³⁴ О бумагах Кенигсбергского архива, которыми пользовался Карамзин, см. [23, с. 357–358].

«Строгий рыцарь Петр, воевода Новгородекский, возвратился от Татарского хана с уверением, что сей последний желает пребыть с ним в истинной любви и дружбе, как и с предместниками его, и готов вспомоществовать ему не токмо всем войском, но и личным даже присутствием своим, где и когда нужда того потребует; в чем и дал ему от себя письменное обязательство в такой силе, как прежние ханы давали предместникам Свитригайловым; для вящего же подтверждения дружбы своей, прислал к нему четырех знатнейших князей, в том числе и своего тестя, и даровал свободу Григорию Протасию, воеводе Мчаскому, вместе с многими другими взятыми в плен» [25, с. 94]³⁵. По Н.М. Карамзину, текст письма Свидригайло (видимо, более точный) следующий: «...послали есмо Боярина нашего, на имя Михаила Арбанасса, ко Царю Магметю к Орде, а после опять перед Великою ночью послали есмо к Орде жь Пана Ивашка Монивидовича, прося Царя, штобы нам такожь от себя помогл. Тот жо Михайло Арбанас приехал к нам к Смоленску того жь дни, как Кунтуров слуга Климок: приказал с тым Михайлом к нам Царь Магметь Ордыский, молвя, как есми взял братство за-одно стояти с тобою, с своим братом с Великим Князем Швитригайлом, то так держу полно свое слово, свое докончанье. А послал был есмь сее зимы к тебе брату на помочь своих людей дванадцать тысяч, а с ними многих в головах Уланов Князей, и дошодшо до Киева вернулись опять: за снегом не могли далее пойти: снеги были велики; а нынечи шлю к своему брату, к тебе к Великому Князю Швитригайлу, на помочь сына своего большого Мамутяка Царевича³⁶, а правую руку зятя, Князя Айдара, а другого зятя, Князя Елбердея, со многими людми....и на ярлыце псал на своем: будет тых людей моих мало, а будет самого мене надобе со всеми моими людми, готов есим к тебе...» [22, с. 334].

13 декабря 1432 г. Магистр Лифляндский сообщал орденскому гроссмейстеру со слов комнатного (приближенного слуги) Свидригайло Юшки, что хан татарский прислал в помощь Свидригайло «зятя своего с 20000 войска, присоединив к тому 50 000 «волохов» и другие 50 000 под началом воеводы Кивенского (Киевского?). Силы сии должны совокупно действовать против поляков» [25, с. 153; Секретный архив №LXXI]. Численность войск, присланных Улуг-Мухаммедом, Свидригайло явно завышена, но сообщение о присылке какого-то количества «волохов»³⁷ само по себе интересно. Валахия и Молдавия играли важную роль в антиосманских планах европейских монархов. Валахский господарь Мирча (1386–1418) впервые заплатил туркам харадж в 1394 г., а затем в 1415 г., но сохранил независимость. Однако Александру Альдеа (1431–1436) в 1431 г. (т.е. за год до предполагаемой посылки войск ханом) вынужден был начать посылку заложников и ежегодные выплаты дани в Османскую империю, что означало начало валахского вассалитета [68, с. 124]³⁸. Свидригайло через своего посланника С. Рота предлагал римскому императору, чтобы он, Свидригайло, женился на дочери молдавского воеводы, дабы отвлечь его от союза с турками и поляками. Император согласился и выразил благодарность за намерение князя оказать ему помощь против турок [25, с. 203]. Естественно, участие валахов в военных операциях Улуг-Мухаммеда, если таковое имело место, не могло пройти незамеченным османами. Насколько согласованны были действия хана по отношению к вассалу Турции с самой Османской империей, неясно. Письмо Улуг-Мухаммеда Мураду II от 1428 г. свидетельствует о явно дружественных связях двух государств. Из письма следует, что отношения Улуг-Мухаммеда с Валахией были достаточно напряженными: «Вот уже в течение одного–

³⁵ Секретный архив № XXI. Мценский воевода Г. Протасьев был обманом схвачен зятем Улуг-Мухаммеда Айдаром под Мценском в октябре 1430 г. [17, с. 43, 44, 227].

³⁶ Махмудек, преемник Улуг-Мухаммеда в Казани.

³⁷ Об этимологии и соотношении форм *валах-влах-волох* см. [19, с. 61–85; 24, с. 5–17].

³⁸ См. также [79, с. 65–81; 80, с. 81–95].

двух (последних) лет для зимовки мы прикочевываем к Озю³⁹. Мы не снарядили к вам человека, полагая, что если мы его пошлем, Афлак его не пропустит ...Сообщите, как лучше удалить ту часть подвластных Афлаку неверных, которые находятся между нами» [76, с. 8–9; 40, с. 54–55; 41, с. 239]. Возможно, что имела место совместная военная операция османов и Улуг-Мухаммеда против Валахии, в результате чего страна стала вассалом империи, а в 1432 г. хан мог направить Свидригайло какое-то количество валашского войска (вассалов султана, а значит, союзников хана) в виде помощи.

6 января 1433 г. командор Людвик Ланце (посол гроссмейстера к Свидригайло) из Вейтвиска препроводил гроссмейстеру немецкий перевод письма хана Свидригайлу. По словам А. Коцебу, письмо это, «вероятно, по неведению переводчика, совершенно непонятно. Можно только догадываться из онаго, что хан Махмет намерен сам придти на помощь к Свидригайлу, или же прислать к нему многих своих военачальников и союзников. Да благоволит только Великий князь, не медля, объявить ему, какая нужна ему помощь, и Махмет готов со всем войском своим «сесть на коней». И что он Хан повелел также Князю Кивенскому (Киевскому?) Михаилу явиться к нему» [25, с. 168–169; Секретный архив № LXXVII]. Тот же Ланце в письме гроссмейстеру от 11 февраля из Лукелина пишет, что «хан татарский прислал пятерых князей [Улаен⁴⁰], ближайших родственников своих, с 10 000 войска [Bogen]», с которыми Свидригайло в ту же зиму собирался идти на Литву [25, с. 169; Секретный архив № LXXVIII]. 11 апреля 1434 г. Свидригайло сообщал из Вязьмы, что к нему прибыл посол хана с известием, что хан двинулся со всем своим войском в Киевскую область [25, с. 192]. В 1436 г. (24 февраля) Свидригайло пишет Гроссмейстеру из Киева, что сам хан татарский прибыл к нему на помощь и стоит лагерем у Киева [25, с. 220], но уже 29 ноября того же года в письме из Луцка [Секретный архив № CXVI] он говорит, что дела идут хорошо, что татарский хан Седахмет, его друг и союзник, победив хана Махмета, покорил оружием своему Орду и обещал ему скорую помощь [25, с. 223–224]. Разгром Улуг-Мухаммеда Сейид-Ахмедом в 1436 г. и Кючюк-Мухаммедом в 1437 г. привел к тому, что он был вынужден бежать в пределы Руси – к Белеву. Последующие события (Белевская битва, основание Казанского ханства, сражение у Спасо-Евфимьева монастыря и пленение Василия II) выходят за рамки нашей темы (они подробно описаны в русской историографии, что избавляет от их пересказа) [17, с. 81–83, 101–108]⁴¹.

Развал единого золотоордынского государства привел к образованию на его окраинах новых независимых политических организмов – Казанского ханства (1438 или 1445 г.), Крымского ханства (около 1441 г.), так называемого Касимовского царства (1452 г.), а затем и Астраханского ханства (ок. 1502 г.). Главным наследником Золотой Орды стала так называемая Большая (или Бóльшая, т.е. самая большая из всех) Орда (Taht Eli, т.е. Тронное или Престольное владение, как официально именовалось это государство). Вероятнее всего, Османская империя устанавливает дипломатические контакты с некоторыми из них уже в 50-е годы XV в. (за исключением, видимо, Касимова и Казани). Важнейшими из них была Большая Орда и Крымское ханство. Документы дипломатического обмена между ханами Большой Орды и османскими султанами дошли до нас явно в неполном виде. Хронологически первым является письмо хана Махмуда османскому падишаху Мехмеду II от 10 апреля 1466 г. с упоминанием каких-то «важных дел», которые помешали хану прислать султану людей ранее. Этот документ (являвшийся ответом на османское посольство в Орду) выглядит как попытка наладить союз с османами против некой третьей силы, под которой, скорее всего,

³⁹ Днепр.

⁴⁰ Т.е. уланов.

⁴¹ Взаимоотношениям Орды с государствами Восточной Европы в это время посвящена также статья [см.: 48].

имелся в виду независимый Крым [15, с. 84–86]. Ответ на это послание не сохранился. Следующие по хронологии документы ордынско-османского дипломатического обмена датируются уже второй половиной 70-х годов XV в., когда ситуация в регионе существенно изменилась (в 1475 г. османы захватили Южный берег Крымского полуострова и заключили с крымскими Чингизидами некое вассально-протекторатное соглашение). Это – два послания хана Ахмеда Мехмеду II (881/1476–77 гг. и сафар 882/май-июнь 1477 г.) и не датированный текст Мехмеда II, время написания которого можно определить периодом между июлем 1475 и апрелем 1477 г. [15, с. 92].

С этого времени положение Большой Орды определялось не просто конфликтом с растущим могуществом Крымского ханства, но и с Османской империей, стоявшей за спиной хана. Кроме того, союзником Крыма выступало и Московское государство. Возможно, что в 80-х годы XV в., после гибели хана Ахмеда и начавшихся в Орде неурядиц, османы не поддерживали прямых контактов с большеордынскими Чингизидами. Об этом косвенно может свидетельствовать письмо Менгли-Гирея Баязиду (1486 г.), в котором говорилось о кризисе в Престольном владении и о том, что крымский хан намеревался уведомить султана о событиях там [15, с. 93].

Между тем, в отношениях Великого княжества Литовского и Орды «братство и прязнь» царили «от великого царя Батыея». Хан прочно держался за этот союз. Временно потеряв контакты с Литвой, хан Шейх-Ахмед в середине 90-х гг. XV в. просил литовского князя Александра (взошел на престол ВКЛ в 1492 г., а с 1501 г. стал одновременно и польским королем) уведомить его о расстановке сил, противниках и союзниках Литвы. Александр не спешил восстанавливать прерванные смертью Ахмеда (отца Шейх-Ахмеда) контакты с Ордой: на целых 8 лет в Литве был задержан посол Тагир, а брат Шейх-Ахмеда Коджак не был признан литовским князем [49, с. 153]. В 1497 г. Шейх-Ахмед снова выступил инициатором возобновления ордынско-литовских связей. Посольство от него, его брата Коджака, князей Хаджи-Гирея и Аеги выдвинуло предложение помочь Александру в борьбе против крымского хана Менгли-Гирея. Реакция Литвы была достаточно сдержанной и выжидательной: в 1498 г. Шейх-Ахмед упрекал Александра в несоблюдении обещания воевать против Крыма совместно [49, с. 153].

Между тем непростое международное положение Престольного Владения и острая внутридинастийная распря усугублялись не менее острым экологическим кризисом: неурожай и падеж скота ставили государство на край гибели⁴².

Летом 1498 г. московский посланец «в Волохи» Борис Одинцов доносил великому князю: «А нынеча, государь, ко царю к Менли-Гирею пришли вести из Орды из Ши-Ахметевы, а сказывают, государь, Орда та велми голодна и охудела. Да еще, государь, сказывают, приходили Черкасы на Большую Орду, да побили, государь, сказывают, татар Большой Орды добре много» [38, с. 255]. Стремление ханов в плодородные районы Прикубанья наталкивалось на сопротивление «Черкас». Сам Менгли-Гирей в июле 1498 г. писал в Москву, что готовит поход на Орду весной следующего года (время наибольшей бескормицы в степи) и что «Ахматовы дети истомны учинилися» [38, с. 263].

В конце ноября 1500 г. киевский воевода Дмитрий Путятич был направлен из Литвы посольством в Крым. Задачей миссии было отвратить Менгли-Гирея от союза с Москвой, однако привлечь хана на свою сторону литовцам не удалось⁴³.

В переводе устного посольства Менгли-Гирея польскому королю Яну Ольбрахту (22 апреля 1500 г.,) сохранившегося в составе так называемого Загребского кодекса, ситуация в Заволжской Орде (так поляки называли «Большую Орду») в это время описывается как крайне тяжелое: там царили рознь и голод [64, с. 175; 81, с. 97–99, №33].

⁴² О событиях 1500–1502 г. и, в частности, о некоторых причинах крымской победы см. [14, с. 49–51; 15; 101, с. 253–258].

⁴³ Воевода уехал 23 или 27 ноября [49, с. 154, 161].

Летом 1500 г., по сведениям Менгли-Гирея, Орда собиралась пасти скот между Доном и Днепром – т.е. на территории, формально принадлежащей Крымскому хану и далекой от мест собственно ордынских кочевий [38, с. 301]. Орда столкнулась с весьма серьезной проблемой: этот жизненно важный для Орды шаг угрожал столкновением с османами – сюзеренами крымского хана. В отказе Менгли-Гирея от уступок в Орде совершенно справедливо не сомневались. В этой непростой ситуации Шейх-Ахмед, один из сыновей хана Ахмеда, решает обратиться непосредственно к туркам, чтобы получить разрешение из первых рук. В августе 1500 г. в Москву прибывают письма Менгли со следующей информацией: «Да пришел от Ших-Ахмет царя из Орды посол в Кафу к Шахзоде⁴⁴, Куюком зовут, с тем, чтобы еси велел нам покочевати к Непру; а там нам недобро кочевать, многие с нами брани чинят от Нагай и от Черкес. И ты бы нам велел к Непру покочевать; а не велишь нам к Непру кочевать и нам таки кочевать ж. И Шагзода ему отвечал так: то земли и воды не мои, а земли и воды волного человека царя Менли-Гирея; будешь царю Менли-Гирею брат и друг, и ты и мне брат и друг; а яз тебе не велю кочевать к Непру; а то ведает отец мой» [38, с. 321]. По версии И. Кубенского, наследник Баязида отвечал Куюку так: «яз тебе к Непру не велю кочевать, а то ведает отец мой да царь Менли-Гирей, земли и воды ко Непру пришли Менли-Гиреевы» [38, с. 323]. Османы, верные своей ставке на Менгли-Гирея, не пожелали менять ситуацию в пользу врагов крымского хана.

Социально-экологический кризис в «Престольном владении» привел к бегству населения из ордынских улусов в Крым (так было и в 1465 г., когда победа Хаджи-Гирея на Дону привела к оттоку большого количества населения из Орды в Крым). В августе того же 1500 г. Иван Кубенский доносил в Москву: «Да пришел, государь, из Орды к Менли-Гирею ко царю служити Ебага улан с братом, Ченбулат улановы дети, до Кирей Менглишиков сын Китай; а с ними, государь, пришло душ с три тысячи, а голодны и наги добре. А Орду, государь, сказывают в Пяти-Горах под Черкасы, о голодну кажут и безконну добре; а между себя деи царь не мирен с братьею» [38, с. 322–323]. В послании И. Кубенского, которое привезли в Москву в октябре 1500 г., московский наблюдатель повторял эти сведения: «А Орду, государь, кажут в Пяти-Горах под Черкасы, а голодна деи и безконна добре» [38, с. 332–333].

Осенью 1500 г. бегство из Орды в Крым продолжается: по сведениям И. Мамонова, к Менгли-Гирею приходит «Молзозода болшой молна базарской Ахматовых детей», т.е. главный мулла ставки потомков Ахмеда [38, с. 354]. Он сообщил хану, что Шейх-Ахмед готовит грядущей зимой («а ныне на синем леду Дон перейдем», т.е. зиму 1500/1501 гг. Шиг-Ахмет готовился провести на Дону) совместный поход на Крым с литовским великим князем, а также снова пытается обойти Крым в вопросе о кочевьях на Днепре. На этот раз Шейх-Ахмед решил направить посла непосредственно к султану Баязиду. К нему он «посылал о том, чтобы им кочевать за Днепром на том поле от Белгорода». Но «турецкой на том поле Ши-Ахметю кочевать не велел и посла сказывает Ши-Ахметева не чтив отпустил» [38, с. 354]. Отношения ордынского хана с падишахом явно не складывались.

Менгли-Гирей объявляет на полуострове мобилизацию всех воинов старше 15 лет в пятнадцатидневный срок, при этом призванные «доспеху и корму бы есте с собою имали много». Крымский хан спешит заручиться поддержкой Баязида. Согласно информации все того же И. Мамонова, «Менли-Гирей... царь сказывал..., что посылал к турецкому к Баязыт салтану, да и кафинский салтан к отцу своему к Баязыт салтану, сказывает, царь посылал о том, что Ши-Ахмет царь хочет кочевать на их сторону к Непру. И турецкой ко царю грамоту прислал с тем: пойдет Орда, Ши-Ахмет царь, к вам, и ты бы с ним один на бой не поспешил. Да того бы еси отведал, каковы и колко их; да послал бы еси ко мне

⁴⁴ Т.е. к сыну султана Баязида Мехмеду, наместнику Каффы.

весть. А перейдет Орда за Днепр, и яз своих людей от Белгорода на них пошлю, а вы бы в ту пору с своей стороны на них пошли» [38, с. 356–357]. В третьей грамоте И. Мамонова говорилось: «Орда нынеча худа, хотя то ся язали литовскому; а большое сказывают и без воли прикочевали к Дону за тем, что Муртоза ныне в Тюмени⁴⁵, а с Муртозою Азика⁴⁶ князь; а Тюмень и Черкасы Орде недруги, и там ся Орда отвсяля блюдет, затем там и не пахали. А слух, государь, таков, что Ши-Ахмет сюды и не хотел, да улусы не захотели быти под Черкасы, и Ши-Ахмет с ними покочевал к Дону» [38, с. 358].

В августе 1501 г. войска Менгли-Гирея и Шиг-Ахмата встретились на Дону у устья реки Тихая Сосна. Однако столкновения не произошло. Менгли-Гирей, сам испытывав недостаток корма для коней («а конь устал, а корму не стало», нынеча есмя потомилися, да и коне у нас истомлены добре и голодны есмья»), не торопился вступать в битву со все еще сильным, хотя и в значительной мере обескровленным противником. «Ши-Ахмет, недруг наш, охудел... а худы нынеча добре и пеши, и наги», – писал крымский хан в Москву, оценивая обстановку в Орде [38, с. 368].

Между тем, 17 июня 1501 г. умер польский король Ян Альбрехт, а 23 октября в Мельнике великий князь литовский Александр принимает унию с Польшей и подтверждает ее присягой [28, с. 143–145]. Шейх-Ахмед использовал затишье после противостояния в устье Тихой Сосны для продолжения контактов с Литвой. К Александру был направлен посол Довлетек «просити Киева» [49, с. 155].

Осенью 1501 г., после безуспешного «стояния» на Дону, Менгли-Гирей получил сведения, что зимовать Орда будет «на Усть Семи, а около Белгорода». В послании Ивану III крымский хан пишет: «И яз велел пожары пускати, чтобы им негде зимовати; ино рать моя готова вся» [38, с. 377]. Тактика выжженной земли была не нова в степной войне. Еще в начале 80-х гг. XV в. Менгли-Гирей советовал киевскому наместнику Ивану Ходкевичу пустить пожар на Самаре и Орле – местах кочевий Большой Орды («доколь весна не зайдет, около Олера⁴⁷ а около Самара пожар вели пустити») [37, с. 24; 27, с. 327].

В качестве помощи от османского султана крымский хан получает в Каффе пушки, десять пушкарей и 100 человек «на пособ».

После 40-дневного стояния под Каневым Шейх-Ахмед двинулся к Чернигову, где умер его брат Джанай [49, с. 156]. Бегство из Орды усиливается, к Менгли-Гирею бегут даже пешие, семьями, с женами и детьми. По сообщению И. Мамонова, в ордынских улусах господствует голод и страх; вымирает скот: «а хотели, сказывают, добре от них многие люди, чтобы как бежати назад, ино не на чем, безконны добре, а сказывают и охудали и кочюют на рознь» [38, с. 381].

В поисках выхода Шейх-Ахмед пытается заключить с Москвой сепаратный мир, однако это ему не удается. Московско-ордынские переговоры в ходе обмена посольствами декабря 1501 – марта 1502 гг. заканчиваются почти ничем [49, с. 156]. К коалиции Москвы и Крыма, направленной против обескровленной голодом и рознью Большой Орды, готов примкнуть волошский воевода Стефан [38, с. 384, 414].

Зимой 1502 г. Орда стояла у Киева на левом берегу Днепра. Необычно суровая зима окончательно измотала Шиг-Ахмета. Его поражение становилось делом нескольких дней. Приближенный Шейх-Ахмеда тщетно взывал к Литве: «Межы дву воин стоим: любо Менъдли-Кгеря воевати, а любо холопа Ивана... Естли боръзо воиском не приидете, тогды межы дву воин не можем постояти» [49, с. 156].

В начале мая посол крымского хана говорил от лица Менгли-Гирея великому князю в Москве: «Нынешние дни у нас завсе о те поры жнут, жаворонки гнезда вьют, и

⁴⁵ Имеется в виду Тюменское шевкальство в Предкавказье, а не сибирская Тюмень.

⁴⁶ Хаджике.

⁴⁷ Нужно «Орела» (т.е. Орла).

ныне зима пришла необычна; коли Ази-Гирей царь Орду взял, такова ж была зима; а опричь того, яз такой зимы не помню» [38, с. 414]. Любопытно, что Менгли-Гирей сравнивает положение в 1465 г. (победа его отца Хаджи-Гирея над «Престольным владением») с ситуацией зимы–весны 1502 г. Действительно, сын словно действовал по сценарию отца, чем и обеспечил себе победу.

Весной бегство из Орды к Менгли-Гирею продолжается. В мае Шиг-Ахмат стоял на «Турпаче Воде» и на Суле [38, с. 416–417]. Голод в ордынских улусах сопровождается благоприятным положением в лагере Менгли у Кобыльей Воды: «ныне у нас дал Бог корму много, в месяц и другой не чай того, что нам от него [от Шейх-Ахмеда – *Авт.*] воротится», – писал он Ивану III. Оптимизм Менгли вскоре оправдался: Орда рухнула под его ударом.

После разгрома лета 1502 г. крымский хан Менгли-Гирей в ноябре того же года пишет своему союзнику московскому великому князю Ивану: «...отца своего цареву Орду достал еси... А нынеча из Асторокани человек мой приехал, Шиг-Ахмет в Асторокань приехал, Багатырь царевич, да Аблекеримова брат, а вышел, с ним коршешевались; а к Сеит-Махмуту царевичу человека послали. А в нагаи к салтан Ахмат мырзе человека послав, говорили с ними» [38, с. 445]⁴⁸.

Перед Шейх-Ахмедом стояла цель создать коалицию, в которую вошли бы ногаи и представители астраханской династии, зависимой от ногаев [35, с. 39]. Как доносил в Москву русский посол в Крыму Алексей Заболотский, «А про Ши-Ахмата, государь, весть ко царю к Менли-Гирею, что рекши царь Ши-Ахмат содиначился с своею братьею и с дядею с своим со царем с Аблекеримом, да и с Нагаи; а хочет идти на Менли-Гирея» [38, с. 451]. Однако сил для этого у Шейх-Ахмеда было явно мало [38, с. 456–457].

В этих условиях он, видимо, решает прибегнуть к дипломатической поддержке со стороны Османской империи. Свидетельство об этом сохранилось в документах московской дипломатической документации. «А царь, государь, Ши-Ахмат, кажут, послал своего посла во Царьгород к турецкому», – писал Заболотский в Москву [38, с. 451].

Это указание полностью подтверждается османскими источниками. В так называемой Тетради для записи благодеяний, почестей, отправок и проч. (*Defter-i müsevvedât-ı in'âm ve tasaddukat ve teşrifât ve irsâliyât ve 'âdet ve nukeriye Gayruhu vâcib-i Sene Tis'a ve Tis'a Mîe*) за 909 г.х. (т.е. 26 июня 1503 г. – 13 июня 1504 г.) за месяц мухарам аль-харам (26 июня – 25 июля 1503 г.) сохранилась запись расходов послу Шейх-Ахмеда по имени Мухиддин (*Ve-cihet-i Muhiddin, Kaasıd-ı Şeyh Ahmed Han*) [55, с. 300]. Всего учтено было шесть позиций. Он получил: 1) наличными (*nakdiye*) 5000 [акче]; 2) сукно, бархат, позолоченную шелковую материю из Бурсы, а также платье; 3) платье конюшего из алого бархата из Бурсы (*Câme-i mîrahorî, 'an Kadîfe-i alaca-i Bursa, sevâ*)⁴⁹. Кроме того ему было пожаловано: 4) серебряное блюдо; 5) два кубка *лари* (*Kadeh-i Lârî*;

⁴⁸ Необходимо внести поправку в чтение этого отрывка, предложенное публикаторами текста. Вероятно, всю фразу следует читать: «Шиг-Ахмет в Асторокань приехал. Багатырь царевич да Аблекеримова братья вышел, с ним коршешевались...». «Аблекеримова братья» упоминается после в материалах несостоявшегося посольства Ивана III к Менгли-Гирею с И.Н. Беклемишевым (конец февраля 1503 г.): «...а что тебе сказывал про Шиг-Ахметя царя твой человек, – писал великий князь хану, – что будто содиначился с ним Багатырь царевич и *Аблекеримова братья* (курсив мой – *Авт.*) и нагаи, а хотят идти на тебя: и к нам на зиме сей пришли наши люди из Азторокани, Копил с товарищи; и они сказывают, что Шиг-Ахмет царь и Хозяк царевич у Азторокани, тут де им и зимовати; а у них деи их людей мало, толко с пять сот человек; а болшие деи люди у Хозяка у царевича, и Хозяк царевич хочет к нам ехати, а Багатырь деи царевич хочет в Азторокань Сеит Махмута царя, или Шиг-Ахметя царя; а Аблекерима деи не хотят в Азторокани» [38, с. 416–456].

⁴⁹ *Câme* – в широком смысле, любая одежда, одеваемая на спину, накидка [89, с. 255].

луристанских – ?)⁵⁰; 6) тканый бархат из Бурсы (*Kadife-i rişte-i Bursa*); а также 7) два отреза материи *пешавери* (*Peşaverî*)⁵¹. Каждому из его свиты (количество человек осталось неизвестным) было выдано платье из красной материи и платье из материи *пешавери* (*Câme-i peşaverî, sevb*).

Посол Шейх-Ахмеда прибыл в столицу Османского государства, скорее всего, в сопровождении другого ордынского дипломата – посла брата и калги Шейх-Ахмеда, Коджака. Его имя не указано в документе. Выдача послу султана Коджака была скромнее и составила: три тысячи наличными, платье конюшего из крапчатого бархата, произведенного в Бурсе, кубок *лари*, два тканых бархата из Бурсы (*Kadife-i rişte-i Bursa*), два отреза *пешавери*. Его свите было выдано красное платье (*Câme-i kırmızı, sevb*), выплачено казенное содержание (*‘Âdet-i Hazînedârî – 1 982*), а также жалованье, положенное гонцам (*‘Âdet-i Çavuşî – 4040*).

Казалось бы, падение Шейх-Ахмеда должно было негативно сказаться на его отношениях с Баязидом. Султан и ранее, как мы видели из материалов московско-крымского посольского обмена, не благоволил хану. Однако сравнение размеров выдач послам Шейх-Ахмеда и Коджака с выдачей послу хана Менгли-Гирея⁵², по имени Лютфи, который также пребывал в столице империи в этом месяце, показывают, что выдача последнему почти равнялась (несколько уступая) тому, что получил безымянный посол Коджака. Мухиддин получил от двора намного больше. Лютфи было выдано: 3000 наличными, узорную *джаме* из Бурсы (*Câme-i münakkaş-ı Bursa*), а также положенное казенное содержание и выплату для гонца (*‘Âdet-i Hazînedârî ve Çavuşî – всего 4 500*) [55, с. 301].

Скорее всего, разница в выплатах послу Шейх-Ахмеда и Менгли-Гирея (в пользу первого) определялась статусом дипломата. Лютфи наверняка был не послом, а гонцом (он привез письмо хана и невольника – гуляма), именно поэтому его ранг был равен рангу посла Коджак-султана. Наше предположение косвенно подтверждается указанием на размеры пожалований, полученных несколько позднее (в джемази-эль-ахире того же 909 г.х.) слугами (*nukeriye*) Менгли-Гирея: выплата наличными составила всего лишь 1000 [акче], знакомую уже нам узорную *джаме* из Бурсы (*Câme-i münakkaş-ı Bursa*), а также традиционные *‘Âdet-i Hazînedârî ve Çavuşî – всего лишь 250* [55, с. 328].

Разгром Орды летом 1502 г., как видим, не окончательно выбил Шейх-Ахмеда из седла: кое-где с ним еще считались. Иван III, отвечая на просьбу Менгли-Гирея помочь против Шейх-Ахмеда, обещает поддержку, однако этим конфликтом московский великий князь был, по-видимому, озабочен не столь сильно. Гораздо больше его интересовали планы Менгли-Гирея относительно Литвы.

Тем временем астраханцы не стеснялись себя ни в отношении московских послов в Каффу, ни (несмотря на дружественные отношения с османами) в отношении к послам каффинского шахзаде: они были ограблены, а много турков побито насмерть [38, с. 462].

В 1503 г. Шейх-Ахмед, видимо, отчаявшись сплотить вокруг себя антикрымские силы, вновь присылал к Ивану с просьбой «достать» ему Астрахань в обмен на отказ от союза с королем. Первый раз он просит об этом у Ивана еще в 1502 (до октября) [38, с. 435, 482; 23, с. 189, 307–308, прим. 527]. Но дожидаться помощи Москвы Шейх-Ахмед не стал и в начале июля 1503 г. (т.е. как раз, когда его посол находился в Стамбуле) осадил Астрахань вместе с Султан-Ахмед мирзой: «а с Багатырем царевичем и с Аблекеримом царем ратны», – писал Иван III в Крым Менгли-Гирею в августе того же года [38, с. 486]. В сентябре 1503 в наказе московскому послу в Крым И.И. Ощерину предписывалось говорить Менгли-Гирею наедине: «А яз [т.е. Иван III – *Аем.*], аж даст

⁵⁰ Так в тексте. Это вызвало обоснованное недоумение публикатора [55, с. 300].

⁵¹ Скорее всего, это слово обозначает такие понятия, как «ветошь, тряпка, платок, салфетка» [4, с. 307]. Т.е., возможно, здесь имеется в виду просто некий платок.

⁵² Менгли назван «ханом татар» (*Hân-ı Tatarân*).

Бог, хочю ему [Шейх-Ахмеду – *Авт.*] Азторокани доставати болшое твоего для дела, брата моего, чтобы от него тебе и твоему юрту лиха никоторого не было» [38, с. 489].

Перспективе обрести Астрахань с помощью великого князя Шейх-Ахмед вновь предпочел попытку найти понимание у Баязида II. В августе 1504 г. Менгли-Гирей писал Ивану: «Ших-Ахмет царь з братьею своею, с Хозяком⁵³ и с Халеком со царевичи, оное осени вмести приехали из Нагай в Киев, и от Киева к Белугороду поехали, а от Белугорода хотели к Баазит салтану ехать. И Баазит салтан, послышел то, что Ших-Ахмет царь с братиею к нему едут, и он против их пашу послал с тем: коим путем к нам есте пришли, тем путем и назад пойдите, вас мы не знаем, нам друг и брат Менли-Гирей царь; кто Менли-Гирею царю друг, и мы тому друзи, а кто Менли-Гирею царю недруг, и мы тому недрузи; вы Менли-Гирею царю недрузи стоите, в нашу отчину вам пути нет, куды вам въехать. Так молвя. И преведчи его в Белгород салтановы люди, да из Бела города их выбили. И сее зимы, с первозимья, наши дети были в Новомгородке; и они, послышев Шиг-Ахмета, за ним гонялися...И Шиг-Ахмет, и Хозяк, и Халек, и Алчин⁵⁴ Тактамыш, восемь их, в Киев прибегли; и киевский воевода князь Дмитрей поймав, их на Вышгород ввел» [38, с. 509]⁵⁵.

Бегство Шейх-Ахмеда и его братьев в Белгород за помощью султана было чистой авантюрой. Возможно, братья апеллировали к старинной дружбе, связывавшей их отца и Мехмеда II Фатиха. Вряд ли это растрогало османов. Турция никогда бы не пошла на смену хорошо знакомого и удобного Менгли-Гирея кем-либо из Ахмедовых сыновей, поведение которых было трудно прогнозировать⁵⁶. Именно поэтому в Стамбуле решили остаться безучастными к просьбам Шейх-Ахмеда и фактически нейтральными к сложившейся ситуации, не предпринимая резких шагов. Турция предоставила возможность событиям развиваться практически без собственного участия. Распри Чингизидов ее не интересовали. Авантюра сына Ахмеда закончилась плачевно.

По М. Меховскому, история Шейх-Ахмеда выглядит несколько иначе. К началу зимы 1500 г. хан, вызванный королем польским Альбертом и великим князем литовским Александром для борьбы против Менгли-Гирея, пришел к литовским пределам с 60 000 бойцов, «жешин же и детей с ним было свыше ста тысяч». Зима того года выдалась не-

⁵³ Это уже знакомый нам Коджак.

⁵⁴ Это не имя, а клановая принадлежность Токтамыша. Он был из *алчинов* (ср. с «алчиновым местом» в Золотой Орде, аналогичном «Айдарову месту» при крымском хане [42, с. 36]. Если сопоставить эти отрывочные данные с традиций, связывающей Астрахань с беглербегами (*амир аль-умара*) Золотой Орды, происходившими из *кунгратов* (она нашла отражение, например, у Муниса [см.: Bregel 1982, р. 369]), получается, что именно *кунграты* составляли при астраханских ханах главенствующую клановую группу. Помимо них в ханстве жили представители кланов *алчин* и *мангыт*. *Алчином* был астраханский князь Тиниш [21, с. 115–117]. *Алчины* – старый ордынский род, представители которого были беглербеками (например, беглербег Большой Орды Темир б. Мансур так писал Казимиру: «а с прироженья царов слуга есть, от предков царей Альчиново место есть, великий человек есть» [27, стб. 357]).

⁵⁵ Киевский воевода князь Дмитрий Путятич в том же 1503 г., согласно Бартошевичу, умер. Еще один Дмитрий Путятич был послом в Османскую империю в 70-х гг. XV в. и умер во время посольства [55, с. 149–150].

⁵⁶ Хвастливый тон письма Менгли Ивану, в котором он писал, что турки называли его «другом и братом», был не оправдан. Анализ посланий Менгли в Турцию и ответных посланий в Крым показывает, что так называть его султан не мог. Если еще в 1469 г. Менгли-Гирей называл султана братом, не называя его имени и ставя подробную дату на документе, то последующие послания хана демонстрируют полное падение его значения в глазах адресата: исчезает квадратная тамга, подпись хана становится все более уничижительной («Раб Ваш Менгли-Гирей»), дата все менее конкретна, а затем и совсем исчезает [8, с. 130–132]. Тон письма был демонстрацией силы «старшего брата», готового помочь в беде, и одновременно собственного равноправия по отношению к султану. В Москве знали реальное положение вещей и вряд ли обольщались на этот счет.

обычайно суровой: не выдержав холода и бескормицы в степи, жена Шейх-Ахмеда, по предварительному сговору с Менгли-Гиреем, бежала с большей частью ордынского войска в Крым. Убыль воинов, сильнейший холод и наступление Менгли привели к тому, что Шейх-Ахмед «был разбит и с тремястами коней бежал к Баязету, императору турок. Когда он прибыл в Бялыгород у Понтийского моря, что значит белый замок, он узнал, что по приказу императора Баязета его должны взять в плен. Тогда он стремглав бежал назад с пятидесятью конями и вышел на поле близ Киева. Правитель Киевский, узнав о нем через разведчиков, окружил его, захватил и отправил в Вильну к литовцам. Оттуда он несколько раз бежал, его догоняли, схватывали и приводили обратно» [31, с. 65]. Однако вскоре, на сейме в Бресте хан был торжественно принят Александром, «вышедшим навстречу ему на милю из города. Затем в Радоме поляки решили отправить его обратно в Татарию за Волгу с несколькими тысячами легковооруженных, а чтобы возвращение его было удобнее и более приемлемо для его соотечественников, послали вперед Казака Солтана, брата Шиахмета». Хан прибыл за Волгу, однако вскоре, «идя в Литву для отправки воинов, был снова схвачен литовцами, по наущению Мендлигера, императора Перекопского, и заключен в Ковно, крепости близ Балтийского моря» [31, с. 66]. В своем трактате, составленном до 1514 г. и впервые напечатанном в 1517 г., Меховиус писал о хане как пребывающем в заключении в Ковно [31, с. 65]⁵⁷.

Сигизмунд Герберштейн почти полностью повторяет рассказ Меховского. Однако в его описании ряд деталей отсутствует, а ряд – не совпадает с «Трактатом о двух Сарматиях»: Шейх-Ахмед (Scheachmet) прибыл к литовским пределам, чтобы заключить союз с Александром против Менгли-Гирея. Литовцы, «по своему обыкновению», тянут с войною дольше, чем положено, между тем, устав от голода и стужи, супруга хана и его войско просят Шейх-Ахмеда оставить короля и заботится о своих делах. Хан не внял этим убеждениям, и жена с частью войска покидает его, перейдя к крымскому хану Менгли-Гирею. Последний, по наущению жены Шейх-Ахмеда, разбивает его войска. Хан вынужден бежать с примерно 600⁵⁸ всадниками в Альбу на р. Тирас [т.е. в Аккерман – Белгород Днестровский – *Авт.*] «в надежде вымолить помощь у турок. Заметив, что в этом городе на него устроена засада, он изменил маршрут и едва с половиной всадников прибыл в Киев. Здесь он был окружен и захвачен литовцами, а затем [по приказу польского короля] отвезен в Вильну. Там король встретил его, принял с почетом, и повел с собой на польский сейм⁵⁹...; на этом сейме было решено начать войну против Менгли-Гирея». Поляки долее, чем следовало бы, тянули со сбором войска, и хан, «сильно оскорбившись, стал снова помышлять о бегстве, но при этом был пойман и доставлен в крепость Троки, в четырех милях от Вильны». Там Шейх-Ахмед содержался с почетом, но как бы под домашним арестом [7, с. 182–183]. 30 декабря 1517 г. Герберштейн обедал с ханом в Тракайском замке. За обедом, как пишет Герберштейн, «он толковал со мной через толмача о всевозможных делах, именуя цесаря своим братом и говоря, что все государи и цари – братья между собой» [7, с. 183 (344)]⁶⁰.

⁵⁷ Меховский, как известно, путал Шейх-Ахмеда с Сеид-Ахмедом, который несколько десятилетий до этого действительно томился в Ковно [31, с. 91, прим. на с. 240], поэтому здесь название Ковенской крепости, скорее всего, – часть биографии Сеид-Ахмеда.

⁵⁸ Как отмечают комментаторы Герберштейна, в латинском тексте стоит неясное *sexingentis*. У Меховского, как мы видели, число бежавших с ханом коней (т.е. всадников) – 300.

⁵⁹ Сейм в Бресте, где король находился с 8 февраля по 15 марта 1505 г. [7, с. 344]. По Стрыйковскому, на сейме в Бресте Александр торжественно принял Шейх-Ахмеда; сидя с ним в богатом шатре, он возвел в рыцарское достоинство множество поляков, литовцев и татар, причем хан тоже принимал в этом участие [28, с. 454].

⁶⁰ Комментаторы Меховского считали, что это происходило весной 1517 г. [31, с. 240].

Рассказ Меховиуса о Шейх-Ахмеди без существенных изменений был повторен Блезом де Виженером [5, с. 83–84]⁶¹, а также Бернардом Ваповским [74, с. 47–48]⁶².

Вероятно, в 1505 г. отношения Александра с Шейх-Ахмедом были вполне дружественными. Так, в этом году король выдал привилей пану Яну Заберезинскому «маршалку наивыжшому» ВКЛ «на прозьбу Ахматъ цара Завольского, брата нашого» [1, с. 152 (№698)]. Однако вскоре отношения осложнились.

В 1506 г. татарская свита Шейх-Ахмед была частично обращена в невольников, а частично выкуплена литовскими татарами (взята на поруки)⁶³. В этой связи напрашивается предположение: не были ли эти действия своего рода репрессивными мерами за проступки хана, т.е., скорее всего, за попытку бегства или сношений с третьей стороной? Возможно, что поворот в отношении власти к хану определялся и иными обстоятельствами: 19 августа 1506 г. в Вильне умер Александр [28, с. 148]. Смерть покровителя Шейх-Ахмеда могла многое изменить в его положении в Литве.

Великий князь литовский Александр II пытался оказать давление на Менгли-Гирея, используя то, что дети Ахмеда оказались в его руках. Иван успокаивал хана, напоминая ему судьбу Сейид-Ахмеда: «Ино у Литвы того обычаа нет, чтобы кого поймав, да пустили» [38, с. 552]. Шейх-Ахмед на сейме в 1505 г. в Радоме произнес оправдательную речь перед панам и королем Александром и был отпущен из заключения в Заволжскую (Ногайскую Орду) до Каспийского моря искать помощи против Крыма и Москвы [Bielski 1830, p. 79; Strykowski 1978, p. 577–578]. В «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи сказано, что хан вернулся в свой улус – Астрахань («пришел в свой вилайет Хаджи-Тархан») [47, л. 41а].

В 1506 г. в письме литовского посольства в Крым радные паны успокаивали Менгли-Гирея: «Теж што твоя млсть к нам в ярлыках своих пишеш, припоминаючи Шахметя, цара, и брата его Хожак-Солтана, ино, што ся тычет езду Хожак-Солтана, и твоя млсть зрозумееш з ярлыков и с поселства брата своего, гедра нашого; а што ся дотычет цара Шихг-Ахмитя, мы завжды перед тым гедру нашому радили и тепере радим, ажъ бы цар Шихг-Ахметъ на твое лихо николи пусчон был» [29, с. 123–124 (№ XIX)]. Тогда же радные паны Великого княжества Литовского в письме радам рады «коруны Полские» беспокоились о здоровье и дееспособности Шейх-Ахмеда и его окружения: «Теж припомянути их млсти о Шиг-Ахмата, царя Завольского, и о сыновъца, и о люди его, и о Нагайских татар, абы в живности помощни были» [29, с. 128 (№ XXI)].

Хан-невольник был для Литвы прежде всего средством устрашения южного соседа – Крымского ханства. В 1509 г. (28 октября) Сигизмунд⁶⁴ в ответе на посольство прелатов и панов рады ВКЛ, отвечая на вопрос – выдавать или не выдавать Шейх-Ахмеда в Крым, задавался другим вопросом: «Так жо, естли бы не был подан, которою мерою на лето мела бы оборона от царя Менъдли-Кгирея быти?» [29, с. 144 (№ XXVIII)]. Шейх-Ахмед, тем временем, посылал к королю послов с просьбами отправить посольство к матери и братьям, которые находились в Ногайском Орде. В цитированном письме Сигизмунд писал панам: «Тыми часы тым жо Обьдулою, которого

⁶¹ Блез де Виженер – автор компилятивной записки о Польше и ее соседях, написанной и опечатанной в 1573 г. в Париже для Генриха Валуа, избранного польским королем. Рассказ отнесен к 1500 г.

⁶² Рассказ отнесен к 1501 г.

⁶³ [1, с. 172 (№730, Описание татар Завольских, которые на поруку розданы)]. См. также [1, с. 197 (№772, Описание татар, которых по розных дворах роздано)]. Так, некий «Ахмет улан» за сто коп грошей выкупил посла Коджака-султана «Всейна» (т.е. Хусейна) и др.

⁶⁴ Сигизмунд (по-польски *Zygmunt*) I Старый Казимирович (1467–1548 гг.) – с 6 декабря 1506 г. по 1545 г. король польский из династии Ягеллонов, великий князь литовский (с 20 декабря 1506 по 1544 г.).

к нам прислал цар Шиг-Ахъматъ, всказывал к нам, абыхъмо посла нашего и его, к нему прилучивши, послали к матце его и теж к брати его к Нагаем. Ино и то естли бы ся паном их млсти видело за подобно, их млсть нехай бы такова нашли и наменили, который бы там в наших делех ехал. Але иж бы тая речь, с которыми мает ехати, замкнута была в таемницах великих, яко бы царю Менъдли-Кгирею таковой слух не дошел, а бы напотом поледъняя злость не была горши первое. Какъжо и часу панованъя славное памяти Алексанъра короля его млсти и первой, коли его млсть слал Василя старого Глинъского з дрожчаю (?) до нинешънего царя Шиг-Ахъмата, коли онъ еще на своем царстве был, и потом коли Хожакъ Солтана отпустили, вси тые поселства и sprawy царю Менъдли-Кгирею в руки попали; для чого ж видит ся нам, абы и тое дело справовано было после послов перекопъских за нужи Перекопъскому. Яко бачим, не велми бы любо было, абыхъмо з Нагайскими которое звязане приязни вчинили, бо не радъ бы, абы мимо его инъде приязни исканы» [29, с. 145–146]⁶⁵.

Шейх-Ахмед, даже столь долго находясь в Литве, не переставал беспокоить своим существованием Крым. В письме крымского хана Мухаммед-Гирея (сына Менгли-Гирея) османскому падишаху Сулейману Кануни, написанном весной 1521 г., его судьбе было уделено специальное внимание: «Наш старый притеснитель и враг хан Престольного Владения Шейх-Ахмед-хан удерживается Королем⁶⁶». Далее хан сообщал, что опасается того, что в случае враждебных действий король отпустит Шейх-Ахмеда [77, с. 487; 72, с. 113]⁶⁷.

Хан официально считался в Литве не пленником, а «гостем» короля. Этот статус не позволял ему получать какие-либо земельные пожалования в Литве.

Столь долгое пребывание Шейх-Ахмеда в Литве, вероятно, сильно тяготило как литовцев, так и самого царственного пленника. Держать хана в заточении при полном его военном бездействии было довольно бесполезно, ибо многолетние угрозы Крыму со временем утрачивали убедительность (угрозы требуют подтверждения, иначе они остаются пустыми), с другой стороны при условии освобождения Шейх-Ахмеда у Литвы не было почти никаких рычагов давления на него (кроме, пожалуй, родственников – заложников) и гарантий его дружеской позиции к Литве (resp. враждебной Крыму). Как бы то ни было, в первой половине 20-х гг. в Литве смиряются с необходимостью отпустить хана⁶⁸. Хан был отпущен на родину в 1527 г. и вскоре, видимо, скончался⁶⁹.

С падением Престольного Владения и смертью Шейх-Ахмеда спектр османских интересов на постзолотоордынском пространстве значительно сужается. Создав своего рода буферную территорию в виде Крымского ханства между собственными владениями и землями далекого для них севера, османы именно крымским ханам оставили посредническую роль в дипломатических сношениях с золотоордынскими наследниками, сами оставаясь совершенно безучастными к их судьбе.

---

⁶⁵ Таким образом, Сигизмунд особо настаивал на строжайшей секретности посольства, ибо предыдущие (что для нас особенно важно – посольство брата Шейх-Ахмеда Коджака) были перехвачены крымцами.

⁶⁶ Это название польского монарха (а также польских и украинских земель) было довольно распространено в османских, крымских и среднеазиатских источниках (см. напр. [47, с. 41а, с. 96 – перевод], см. также экскурс В.П. Григорьева [8, с. 133]. Страной «Король» называл украинские земли во владении Польши, например Эвлия Челеби [53, с. 197, 214, прим. 80 и 311]. См. также [86, с. 115–162].

⁶⁷ Поправка к переводу и дополнения к описанию см. [84, с. 262, 269].

⁶⁸ Вероятно, косвенным образом это было связано и с изменением положения в Крыму (смерть в астраханском походе крымского хана Мухаммед-Гирея, ногайское вторжение на полуостров, кратковременное занятие трона Гази-Гиреем и османское вмешательство – постановка Саадет-Гирея).

⁶⁹ Подробнее см. [15, с. 110–113].

1. Акты Литовской Метрики. Собраны засл. Проф. Имп. Варшавского ун-та Ф.Леонтовичем. Т. 1. Вып. 2. 1499–1507 гг. Варшава, 1897.
2. Ахмедова А.О., Муртузалиев С.И. Миграции тюркских племен и демографические процессы в Болгарских землях (середина XIII – начало XVII века) // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 2001.
3. Барбашев А. Витовт. Последние двадцать лет княжения (1410–1430). СПб., 1891.
4. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I. СПб., 1869.
5. Виженер Блез де Извлечение из записок // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. I. Киев, 1890.
6. Галенко А.И. Амир Темур в украинской историографии // Сходознавство. № 5. Київ, 1998.
7. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988.
8. Григорьев А.П. Письмо Менгли-Гирея Баязиду II (1486) // Ученые записки Ленингр. гос. университета. № 419. Серия востоковедческих наук. Вып. 29. Востоковедение. Вып. 13. Л., 1987.
9. Динић М. Српске земље у средњем веку: историјско-географске студије. Београд, 1978.
10. Ћирковић С. Голубац у средњем веку. Пожаревац, 1968.
11. Ћоровић В. Историја Срба. Београд, 1993.
12. Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988.
13. Зайцев И.В. Разгром «Большой Орды» в 1502 году // Пусковые механизмы долговременных процессов в природе и обществе. М., 1999.
14. Зайцев И.В. Разгром «Большой Орды» в 1502 году // Поиск истоков (Social-Natural History, XVI). М., 2000.
15. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI в.). Очерки. М., 2004.
16. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966.
17. Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991
18. Зироевич О. Охрана Дуная. К вопросу об использовании османскими властями местного населения для пограничной службы // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990.
19. Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. К вопросу о происхождении этнонима «валахи» // Этническая история восточных романцев. Древность и Средние века. М., 1979.
20. Историја Српског народа. Кн. II. Београд, 1982.
21. Исхаков Д.М. Этнополитические и демографические процессы в XV–XX веках // Татары. М., 2001.
22. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. V. М., 1993.
23. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VI. М., 1998.
24. Королюк В.Д. Термин «Волошская земля» в раннесредневековых письменных источниках // Этническая история восточных романцев. Древность и Средние века. М., 1979.
25. Коцебу А. Свитригайло, Великий князь Литовский. СПб., 1835.
26. Крымский А.Е. История Турции и ее литературы. М., 1916.
27. Литовская Метрика. Отдел 1. Часть 1. Книги записей. Т. 1. СПб., 1910 (Русская историческая библиотека Т. XXVII).
28. Любавский М.К. Литовско-русский сейм. М., 1900.
29. Малиновский И. Сборник материалов, относящихся к истории Панов-Рады Великого Княжества Литовского. Томск, 1901.
30. Малов С.Е. Изучение ярльков и восточных грамот // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятилетию. Сборник статей. М., 1953.
31. Меховский Магвей. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936.
32. Письмо Улуг-Мухаммеда (1428) // Гасырлар авазы – Эхо веков. № 1/2. Казань, 1996.

33. Радонић Ј. Западна Европа и Балкански народи према турцима у првој половини XV века. Нови Сад, 1905.
34. Самойлович А.Н. Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка. Ре-принтное издание 1925 г. с дополнением и исправлениями. М., 2002.
35. Сафаргалиев М.Г. Заметки об Астраханском ханстве // Мордовский государст-венный педагогический институт им. Полежаева. Сборник статей преподавателей институ-та. Саранск, 1952.
36. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996.
37. Сборник Муханова. СПб., 1866.
38. Сборник Русского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сно-шений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. I. СПб., 1884.
39. Спремић М. Деспот Тураћ Бранковић и његово доба. Београд, 1994.
40. Султанов Т.И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда турецкому сул-тану Мураду II // Тюркологический сборник 1973. М., 1975
41. Султанов Т.И. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник 1975. М., 1978.
42. Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Москов-ского гос. университета. Вып.61. История. Т. II. М., 1940.
43. Таубе М.А. Международный конгресс на Волыни в XV столетии // Русский Вест-ник. Т. 255. май, 1898.
44. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
45. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.
46. Усманов М.А. К истории Джучидо-Османской дипломатической документации // Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. М., 1988.
47. Утемиш-хаджи Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992.
48. Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV в. (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып.10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.Г. Литав-рина. М., 2001.
49. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001.
50. Хюсейн Беда’и’ ул-Века’и’. Ч. I. М., 1961.
51. Чешихин Е.В. История Ливонии с древнейших времен. Т. III. Рига, 1887.
52. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Баку, 1984.
53. Эвлия Челеби Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667 гг.). Симферополь, 1996.
54. Agoston G. Karamania, the Anti-Ottoman Christian Diplomacy and the Non-Existing Hungarian-Karamanid Diplomatic Relations of 1428. // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Tomus XLVIII. fasc.3. Budapest, 1995.
55. Barkan Ö.L. Istanbul Saraylarına ait Muhasebe Defterleri // Belgeler. Cilt IX, Sayı 13 (1979). Ankara, 1979.
56. Bartoszewicz J. Pogląd na stosunki Polski z Turcyą i Tatarami. Warszawa, 1860.
57. Biographisches Lexikon zur Geschichte Südosteuropas. Bd.IV. München, 1981.
58. Darrag Ahmad. L’Égypte sous le Règne de Barsbay. 825–841/1422–1438. Damas, 1961.
59. Decei A. Etablissement de Aktav de la Horde d’Or dans l’Empire Ottoman, au temps de Yıldırım Bayezid // 60. Doğum Yılı Münasebetiyle Zeki Velidi Toğan’a Armağan. Symbolae in Honorem Z.V. Togan. Istanbul, 1950–1955.
60. Ditten H. Der Russland-Exkurs des Laonikos Chalkokondyles. Berlin, 1968.

61. Feridun Bey Ahmed. Münşaat-us Selatin. Cilt I. İstanbul, 1275/1858.
62. Halasi Kun T. Monumentes de la langue tatar de Kazan // *Analecta Orientalia memoriae Alexandri Csoma de Kőrös dicata* (Bibliotheca Orientalis Hungarica V). Vol. I. Budapestini, 1942.
63. Halasi Kun T. Philologica III. Kazan Türkçesine ait Dil Yadigarları // *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi* VII. 4. 1949.
64. Hamm J. *Altpolnisches aus kroatischen Archiven* // *Wiener slavistisches Jahrbuch*. Bd.II. Wien, 1952.
65. Hammer J. *von Geschichte des Osmanischen Reiches*. Bd. 1. Pest, 1827.
66. Hazai G. Un document Ottoman de la fin du 15ème siècle: un rapport du commandant Süleyman à la Porte // *Archiv Orientální*. Vol.69. #2. May 2001.
67. *The History of Mehmed the Conqueror by Tursun Beg* (Text published in facsimile with English translation by H. Inalcik and R. Murphey). Minneapolis-Chicago, 1978.
68. Hitchins K. *Ottoman Domination of Moldavia and Wallachia in the Sixteenth Century* // *Asian Studies*. Vol. I. N-Y., 1967.
69. Jireček K. *Geschichte der Serben*. Zweiter Band, Erste Hälfte (1371–1537). Gotha, 1918.
70. Jorga N. *Geschichte des Osmanischen Reiches*. Bd.2 (bis 1538). Gotha, 1909.
71. Katona S. *Historia critica regum Hungariae*. Tomulus V, Ordine XII. Buda, 1790.
72. *Le Khanat de Crimée dans les archives du Musée du palais de Topkapı*. Paris, 1978.
73. Kołodziejczyk D. *Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th–18th Century)*. Leiden-Boston-Köln, 2000.
74. *Kroniki Bernarda Wapowskiego z Radochonic kantora katedr. Krakowskiego*. Część Ostatnia. Czasy podługoszowskie obejmująca (1480–1535). (Scriptores Rerum Polonicarum. Tomus II). Krakow, 1874.
75. Kurat A.N. *Kazan Hanlığını Kuran Uluğ Muhammet Hanın Yarıığı* // *Edirne ve Yöresi Eski Eserleri Sevenler Kurumu Yayınlarından*. Cilt 2. İstanbul, 1937.
76. Kurat A.N. *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına Ait Yarıık ve Bitikler*. İstanbul, 1940.
77. Lemercier-Quelquejay Ch. *Les Khanats de Kazan et de Crimée face a la Moscovie en 1521* // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. Vol. XII, № 4. Paris – La Haye, 1971.
78. Lewis G.L. *The Utility of Ottoman Fethnāmes* // *Historians of the Middle East*. Oxford, 1962.
79. Matei I. *Quelques Problèmes concernant le Régime de la Domination Ottomane dans les Pays Roumains (concernant particulièrement la Valachie)* // *Revue des Études Sud-Est Européennes*. Tome X. 1972. № 1.
80. Matei I. *Quelques Problèmes concernant le Régime de la Domination Ottomane dans les Pays Roumains*. II // *Revue des Études Sud-Est Européennes*. Tome XI. 1973. № 1.
81. *Materiały do dziejow Dyplomacji Polskiej z lat 1486–1516* (Kodeks Zagrebski). Wrocław-Warszawa-Krakow, 1966.
82. Muhammedi E. *Altın Ordu, Osmanlı İmparatorluğu ve Mısır Arasındaki Üçlü İttifak* // XIII. *Türk Tarih Kongresi*. Bildiri Özetleri. Ankara, 1999.
83. *Das Osmanische «Registerbuch der Beschwerden» (Şikāyet Defteri) vom Jahre 1675*. Band I. Wien, 1984.
84. Ostapchuk V. *The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapı Sarayı*. *The Documentary Legacy of Crimean-Ottoman Relations* // *Turcica*. Revue d'études turques 19 (1987).
85. *Ottoman Garrisons on the Middle Danube*. Based on Austrian National Library MS MXT 562 of 956/1549–1550. Transcribed into regular Arabic script and translated by A. Velkov and E. Radushev. Budapest, 1996.
86. *Oeuvres Posthumes de Paul Pelliot*. II. Notes sur l'Histoire de la Horde d'Or. Paris, 1949.
87. Öztuna T.Y. *Türkiye Tarihi*. Cilt 3. [İstanbul, 1964].

88. Özyetgin Melek A. Altın Ordu, Kırım ve Kazan Sahasına ait Yarlık ve Bitiklerin Dil ve Üslûp İncelemesi. Ankara, 1996.
89. Pakalın M.Z. Osmanlı deyimleri ve terimleri sözlüğü. Cilt 1. fasikül III. İstanbul, 1947.
90. Pelenski J. Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). The Hague-Paris, 1974.
91. Prlender I. Sporazum u Tati 1426. godine i Zigmundovi obrambeni sustavi // Historijski zbornik. Godina 44 (1). 1991. Zagreb, 1992.
92. Silberschmidt M. Das orientalische Problem zur Zeit der Entstehung des Türkischen Reiches nach venezianischen Quellen. Ein Beitrag zur Geschichte der Beziehungen Venedigs zu Sultan Bajazid I, zu Byzanz, Ungarn und Genua and zum Reiche von Kiptschak (1391–1400). Leipzig-Berlin, 1923.
93. Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland (1223–1502). Leipzig, 1943.
94. Stojkov R. La division administrative de l'eyalet de Roumélie pendant les années soixante du XVIIe siècle selon un registre turc-ottoman de 1668–1669 // Recherches de Géographie Historique. I. (Studia Balcanica 1). Sofia, 1970.
95. Stromer von Reichenbach W.F. König Siegmunds Gesandte in den Orient // Festschrift für Hermann Heimpel. Zum 70 Geburtstag. Zweiter Band. Göttingen, 1972.
96. [Taghri Birdi] History of Egypt 1382–1469. Part 1. 1382–1399 A.D. Translated from the Arabic Annals of Abu I-Mahasin ibn Taghri Birdi by William Popper. (University of California Publications in Semitic Philology, Vol. 13). Berkley-Los Angeles, 1954.
97. Tardy L. Beyond the Ottoman Empire. 14th–16th century Hungarian Diplomacy in the East. (Studia Uralo-Altaica Vol.13). Szeged, 1978.
98. Turan O. İstanbul'un Fethinden Önce Yazılmış Tarihî Takvimler: 2. Baskı. Ankara, 1984.
99. Uzunçarşılı İ.H. Osmanlı Tarihi. Cilt I. 5 Baskı. Ankara, 1988.
100. Yücel Y. XVII. Yüzyıl Edebî Metinlere Göre Osmanlı Devlet Yapısı ve Toplum Düzenine Ait Görüş ve Bilgiler. Ankara, 1986.
101. Zaitsev I. Osmanlı İmparatorluğu ve Taht Eli: Siyasi Münasebetler (XV–XVI Yüzyıllar) // «OSMANLI». Cilt 1, Bölüm 3. Ankara, 1999.
102. Zajączkowski A. Dyplomatyka Złotej Hordy i Krymu z XV w. // Przegląd Historyczny. T. XXXVII. Warszawa, 1948.

§ 5. Взаимоотношения татарских государств с Польско-литовской унией⁷⁰

Дариуш Колодзейчик

11 апреля 1241 г. монгольская армия под руководством Бату-хана уничтожила венгерских воинов на р. Шайо (Sajó), в результате чего венгерский король Бела IV должен был искать убежища в Хорватии. Несколькими месяцами ранее, опасаясь возможности польско-венгерского военного сотрудничества, монголы решили одновременно ударить на поляков, и вторая монгольская армия вторглась в Польшу. 9 апреля 1241 г., накануне битвы на р. Шайо, польские воины и их немецкие союзники потерпели жестокое поражение в битве при городе Легнице, а польский князь Генрих II Благочестивый нашел смерть от рук монголов [38, с. 83–93]. Неудивительно, что в польской историографической традиции вторжение монголов в Восточную и Центральную Европу в 1236–1242 гг. считалось катастрофой, хотя одновременно монголы возбуждали интерес, являясь возможными союзниками против сарацин. В посольстве римского папы к монголам 1245–

⁷⁰ Исследование проведено при поддержке Министерства науки и высшего образования Польши (Национальная Программа Развития Гуманитарных наук).

1247 г., возглавлявшемся Иоанном де Плано Карпини, принимал участие польский францисканец Бенедикт [36, с. 84–86, 90–91]. Парадоксально, но монгольское вторжение дало правителям Польши также шанс экспансии на юго-восток, развернувшейся в следующем веке. Хотя в XIII в. кочевники еще дважды повторяли грабительские набеги (1259 и 1287 гг.), они в Польше не задержались, а людские и экономические потери скоро восстановились. Зато монгольское нашествие окончательно нарушило политическую структуру Южной Руси, уже раньше ослабленную внутрдинастической борьбой. В XIV в. земли южнорусских княжеств, правители которых стали вассалами ханов, были ареной борьбы между слабеющей (особенно после смерти Джанибек-хана в 1357 г.) Золотой Ордой и экспансивными державами с запада и севера: Польшей и Литвой. Золотоордынские правители не противились захвату польским королем Казимиром III Галицкой Руси и западного Подолья (1340–1366 гг.) и захвату литовским великим князем Ольгердом восточного Подолья и Киевщины (1362 г.). Кажется, что это последнее завоевание произошло по соглашению с беклербеком Мамаем, крупным сановником и фактическим правителем Улуса Джучи с 1361 по 1380 г., который считал Ольгерда союзником против Москвы и против внутренней золотоордынской оппозиции. Об условиях этого будто наиболее раннего литовско-татарского договора, в котором Мамай разрешил Ольгерду править южнорусскими землями в обмен на выплату налогов, свидетельствует тот факт, что еще сорок лет спустя с Подолья платились налоги для Татар (*tributus Thartharorum*), а следующий золотоордынский хан Токтамыш упоминал в ярлыке, направленном в 1393 г. сыну и наследнику Ольгерда, великому литовскому князю и польскому королю Ягайле, что условием сохранения старинной дружбы является «сбор выхода со стран (*уш* людей), которые смотрят на нас (т.е. принадлежат нам)» (*bizge baqar èllerning çiqışların çiqarub*) [32, с. 55–57; 17; 28, с. 5–6; 16, с. 186–203].

Характер взаимоотношений между Золотой Ордой и Литвой (с 1386 г. соединенной с Польшей после избрания Ягайла польским королем) изменился после 1395 г., когда Токтамыш потерял трон из-за нашествия Аксак Тимура и должен был искать убежища в Великом княжестве Литовском. Из пышного монарха, претендующего на сюзеренитет над литовцами, он превратился в беженца, ищущего помощи. Великий князь Витовт, который по договору с королем Ягайлом обладал автономной властью в Литве, решил восстановить Токтамыша на золотоордынском троне, свергнув ставленника Аксак Тимура – Тимур-Кутлука. Грандиозный план Витовта предусматривал, что он станет фактически сюзереном Золотой Орды и самым крупным монархом Восточной Европы. Русский летописец, вспоминая о планах Витовта, вложил в его уста следующую декларацию: «Пойдем пленить землю татарскую, победим царя Темирь Кутлуя, возьмем царство его и разделим богатство и имение его, и посадим в Орде на царстве его царя Тахтамыша, и на Кафе, и на Озове, и на Крыму и на Азтаракани, и на Заяицкой Орде, и на всем Примории, и на Казани; и то будет все наше и царь наш» [12, с. 172; 4, с. 381–382]. 12 августа 1399 г. литовско-татарская армия под руководством Витовта и Токтамыша, в которой также находились польские рыцари, потерпела полный разгром на р. Ворскле (левый приток Днепра) от войск Тимур-Кутлука и его эмира Идегея. Токтамыш уже никогда не вернулся на золотоордынский трон и через несколько лет нашел смерть в Сибири, но его многие родственники и сторонники не потеряли надежды на помощь Витовта и остались при его дворе. Часть их поселилась в Великом княжестве и до сих пор известны как литовские татары, или липки [18, с. 765].

Один из сыновей Токтамыша, Джалал ад-Дин, принимал участие в Грюнвальдской битве между польско-литовским и тевтонскими войсками (1410), а в 1412 г. вступил на золотоордынский трон с помощью Витовта. Через несколько лет сыновья Токтамыша вследствие внутренней борьбы потеряли шанс на консолидацию своей власти в Орде, а в 1420-х гг. сам Витовт оказал поддержку другому чингизидскому претенденту,

Улуг-Мухаммеду, который после длительной борьбы за золотоордынский трон в конце жизни поселился в Казани, заложив фундамент отдельного ханства, просуществовавшего до 1552 г.

Одновременно Витовт оказывал поддержку Хаджи-Гирею, молодому Чингизиду, отец которого прибыл в Литву в числе сторонников Токтамыша и который, вероятно, родился в литовском городе Тракай. Уже после смерти Витовта Хаджи-Гирей добился самостоятельной власти в Крыму и в 845 г.х. (1441–1442) начал чеканить монету, создавая отдельное ханство на части территории Золотой Орды. До своей смерти в 1466 г. Хаджи-Гирей имел дружеские отношения с польским королем и литовским великим князем Казимиром [28, с. 11–16]. Память о помощи, которую Токтамыш и его сыновья, а затем Хаджи-Гирей получили со стороны Витовта, служила еще в XVI в. легитимным мотивом «старинной дружбы» в корреспонденции крымских ханов с литовско-польскими Ягеллонами, где мы часто находим воспоминания о том, что изгнанные Чингизиды, «коли им кони потны были до литовского паньства, до князя великого Витовта [...] гостемъ бывали» [28, с. 595]. В своих ярлыках, присланных Ягеллонам, крымские ханы подтверждали пожалования русских земель в пользу Витовта, сделанные Токтамышем в обмен на гостеприимство, хотя в XVI веке все это было чисто фиктивным, а «пожалованные» земли находились вне контроля крымских ханов. Интересно, что крымские ханы из династии Гиреев считали Токтамыша легитимным предком, хотя их кровные связи были не настолько близкие: в 1454 г. Хаджи-Гирей с помощью Казимира даже победил внука Токтамыша, Сейид-Ахмеда, который до конца жизни остался в литовской неволе [28, с. 13].

В 70-х гг. XV в. борьбу за наследство Улуса Джучи в Восточной Европе вели, с одной стороны, внук Тимур-Кутлука Ахмед, государство которого, называемое в современной историографии Большой Ордой, а в средневековых литовских источниках Заволжской Ордой, имело центр на Нижней Волге; с другой стороны – амбициозный сын Хаджи-Гирея, крымский хан Менгли-Гирей. Сначала казалось, что Менгли-Гирей будет поддерживать дружественные связи с Вильнюсом, но великий князь Казимир рассердил его, вступив в антимосковский союз с соперником Крыма Ахмедом. В ответ в 1474 г. Менгли-Гирей вступил в союз с Иваном III [14; 2]. В результате на протяжении 30 лет крымские татары многократно опустошали земли Литвы и юго-восточной Польши (например в 1498 г.).

Ягеллоны не сумели использовать союз с Большой Ордой. В 1480 г., когда хан Ахмед подошел к р. Угре, чтобы вместе с литовцами ударить на Москву, Казимир не сумел собрать армию, и татарский союзник безуспешно вернулся домой. В 1501 г. этот сценарий повторился, когда сын и наследник Ахмеда, Шейх-Ахмед, не дождался в степи литовского союзника, потому что сын Казимира, великий князь Александр, был занят добыванием для себя польского трона после смерти брата, короля Яна Ольбрахта. Проведя суровую зиму в днепровских степях, в июле 1502 г. армия Шейх-Ахмеда была полностью уничтожена войсками Менгли-Гирея на р. Суле, а уцелевшие воины вместе с семьями подчинились власти крымского хана. После безуспешных стремлений собрать новую армию Шейх-Ахмед приехал в Киев, где был задержан бывшим союзником и сослан в Вильнюс. Только в 1527 г. он был выпущен на волю и последний год своей жизни провел на престоле Астраханского ханства [6; 28, с. 577–578].

Гибель Большой Орды парадоксально ослабила противостояние в отношениях Литвы и Крыма. Менгли-Гирей уже не боялся литовско-большеордынской коалиции, а задержание Шейх-Ахмеда стало сильным аргументом Вильнюса в отношениях с ханом, опасавшимся, чтобы его смертельный враг не вышел на свободу. Но Менгли-Гирей уже не нуждался также и в московском союзнике против Большой Орды, а московские планы подчинения Казанского ханства начали беспокоить хана, считавшего себя законным

наследником правителей Улуса Джучи. Все эти причины привели к переформативанию альянсов и к крымско-литовскому сближению. Через несколько лет Менгли-Гирей еще лавировал между Вильнюсом и Москвой, заключая мир с Сигизмундом в 1507 г. и с Василием III в 1508 г., тогда как крымские всадники не перестали опустошать земли и одного, и другого соседа. В конце концов в 1512 г. Менгли-Гирей согласился выслать своего внука Джалал ад-Дина как почетного заложника в Вильнюс, а польско-литовская сторона согласилась присылать хану ежегодно 15000 золотых (половину из Литвы и половину из Польши), чтобы за это он соблюдал «старинную дружбу» и вел войну против Москвы и других неприятелей Ягеллонов. Обмен мирными договорами между ханом и королем Сигизмундом, отдельно с Литвой и с Польшей, хотя там правил один и тот же монарх, произошел в 1513–1514 гг. [28, с. 37–49]. Хотя Менгли-Гирей умер в следующем году, его сын и наследник Мухаммед-Гирей обновил союз, и в 1515 г. татарско-литовские силы сотрудничали в нападениях на московские окраины. После временного кризиса в крымско-литовских взаимоотношениях в 1518–1519 гг., союз и мир были возобновлены в 1520 г., и король Сигизмунд, который в то время вел войну с Тевтонским орденом, с облегчением наблюдал за татарским походом против Москвы в 1521 г., в котором принимал участие и литовский контингент.

Ежегодные «поминки», которые, хотя и нерегулярно, польско-литовская сторона высылала крымским ханам с 1512 г. почти до конца XVII столетия (последний раз в 1682 г.), считались в Вильнюсе и Кракове добровольной платой за военную помощь против Москвы и других королевских врагов, но в Крыму они расценивались как дань. В ханской корреспонденции они упоминаются как «подарки» (*bölek, hedaya, pişkeş*), «казна» (*hazine*), но иногда как «налог» (*vergü*), «выход» (*harac*) и даже как джизья (*cizya*) – ежегодная дань, которую по Корану должны были платить немусульманские подданные мусульманским монархам. Например, в 1521 г. Мухаммед-Гирей отказался от приглашения султана Сулеймана татарам напасть на Польшу, аргументируя это тем, что «некоторое время назад польский король направил к этому смиренному рабу (т.е. хану) посла и, чтобы эта страна не подвергалась набегам, обязался выплачивать ежегодную дань (*cizya*) в пятнадцать тысяч флоринов (т.е. золотых), на чем мы утвердили клятву (*yemin*) и помирились» [7, с. 55; 28, с. 59, 445–446, 497–499, 504–506].

Как указывает вышеприведенный пример, факт выплаты «поминков» татарам играл большую роль в польско-османских взаимоотношениях. Он облегчил исламским юристам легитимизацию «вечного мира», который с 1533 г. связал польских королей и османских султанов. Хотя и полезный для обеих сторон (имея в виду политическое сотрудничество Ягеллонов и Османов против Габсбургов), такой постоянный мир между мусульманским и христианским монархами был запрещен шариатом, пока христианский монарх не согласится платить дань. Хотя польские короли отказались платить дань султану, они высылали «поминки» крымскому хану, которого с 1475 г. Османы считали своим вассалом. Не случайно статья о ежегодной выплате традиционных подарков (*'adetler*) хану вписывалась как условие соблюдения мира во все договорные грамоты, высланные османскими султанами польским королям с 1553 до 1678 г. Только Карловицкий мир (1699) отменил эту статью и запретил татарские набеги на территорию Польши, даже если король откажется высылать поминки [27].

Гибель амбициозного Мухаммед-Гирея, который в 1521–1523 гг. временно объединил большую часть территории бывшего Улуса Джучи, и внутренняя борьба в Крыму за его наследство побудили польско-литовский двор к смене политики. Посылка подарков в Крым прервалась, в 1523 г. литовские войска сожгли татарский городок Ислам-Кермен на нижнем Днепре, а в 1527 г. Шейх-Ахмед был выпущен на волю и вступил на трон Астраханского ханства, примирясь с ногаями против Крыма. Польско-литовский двор поддерживал также претендентов на крымский престол, прежде всего Ислам-Гирея, ко-

торый с 1524 г. до своей смерти в 1537 г. вел борьбу за трон против Саадет-Гирея и затем Сахиб Гирея. Эти шаги, конечно, вели к дальнейшим татарским набегам, но из-за внутренней борьбы ханы не смогли реагировать достаточно мощно, и даже осада Черкас Саадет-Гирей-ханом (1532 г.) оказалась безуспешной [15, с. 151–198].

На примирение между королем и ханом влияла политика как османской Порты, с которой Сигизмунд с 1533 г. имел «вечный мир», так и шанс нового союза против Москвы, появившийся после смерти Василия III в том же году. Литовско-крымский мир и союз были обновлены в 1535 г., что сказалось на антимосковской кампании того же года: захват Гомля и Стародуба литовцами и восстановление власти Гиреев в Казани. В конце 30-х гг. XVI в. казанский хан Сафа Гирей стремился установить широкий антимосковский союз, включавший Польшу, Литву, Крым и Казань, но эти попытки оказались безуспешными, подобно прежним аналогичным попыткам 1506 и 1514–1516 гг. [9; 3; 13; 11].

Хотя впоследствии король Сигизмунд помирился с Москвой, он также сохранял мир с Крымом, а в 1542 г. туда поехал литовский посол Венцлав Миколаевич, автор известного описания татар, изданного в 1615 г. на латинском языке под псевдонимом Михалона Литвина [5, с. 14–25]. Обмен посольств между Казанью, Вильнюсом и Краковом тоже продолжался, и в польском Скарбовом архиве сохранились сведения о прибытии посольства Сафа Гирея на сейм в Петрокове (1544 г.), о приезде в Краков весной 1551 г., накануне падения Казанского ханства, посольства регентши Сююмбике от имени ее сына Утемиш-Гирея [19, л. 104–105; 20, л. 88об–90об, 94–118; эти сведения впервые обнаружил В. Трепавлов, которому я благодарен за информацию; см.: 13, с. 96].

В середине XVI в. в Северном Причерноморье усилилось присутствие Османской империи. В 1538 г. Османы отняли у крымского хана замок Джан-Керман (Очаков), построенный еще в 1494 г. Менгли-Гиреем, а в 1551 г. сместили с трона Сахиб Гирея, которого подозревали в стремлении добиться большей независимости от Порты. Новый хан Девлет-Гирей начал свое правление с набега на литовские земли, во время которого захватил и сжег Брацлав, но вскоре помирился с королем, имея в виду большую опасность, связанную с походом Ивана IV на Поволжье. Хотя крымско-литовско-польский союз был обновлен, это не остановило подчинения Казани, Астрахани и Ногайской Орды Москве в 1552–1556 гг. Вскоре крымско-литовские отношения снова испортились из-за деятельности черкасского старосты и казацкого вождя Дмитрия Вишневецкого, который постоянно нападал на татарско-турецкие пограничные земли.

Во время Ливонской войны (1558–1583), хотя Крымское ханство и Польско-Литовское государство и находились в состоянии войны с Москвой, сложно говорить о какой-либо координации их военных действий. Среди причин отсутствия военного сотрудничества нужно иметь в виду умелую дипломатию Москвы, которой довелось несколько раз заключить перемирие с Крымом, отсутствие части татарских сил, которые были принуждены принимать участие в османских кампаниях против Габсбургов (1566) и Сефевидов (1578–1583), и разногласия между татарами и турками во время астраханского похода 1569 г., свидетелем которых был польский посол Андрей Тарановский, приглашенный в поход в роли наблюдателя из союзной страны. Сами татары, хотя и беспокоились из-за московской экспансии в Поволжье, не меньше боялись османской гегемонии, угрожавшей автономии Крыма.

В 1569 г., накануне смерти последнего Ягеллона, персональную унию Литвы и Польши заменила уния реальная. Несколько раньше, чтобы сломить литовскую оппозицию, Сигизмунд II Август отделил от Литвы украинские провинции и присоединил их к Польской Короне. Таким образом, Литва потеряла общую границу с Крымом и с этих пор за крымскую политику Речи Посполитой отвечали прежде всего польская канцелярия и польские гетманы.

Правление Гази-Гирея II (1588–1596 и 1597–1607), одного из самых выдающихся крымских ханов, совпало с 15-летней османско-габсбургской войной (1593–1606), в которой татары принимали участие и почти ежегодно переходили через Молдавию по пути на венгерский фронт. Интересы Речи Посполитой, Порты и Крыма скрещивались именно в Молдавии, но когда армии обеих (точнее трех) сторон встретились в 1595 г. под Цецорой, был достигнут компромисс, и на несколько лет установился фактический кондоминиум, когда на молдавском троне находился Иеремия Могила [31, с. 142–146; 28, с. 111–112, 512]. Хотя хан постоянно обвинял польского короля в казацких набегах и опоздании выплаты поминок, а польская сторона обвиняла татар в опустошении Украины, сторонам удалось сохранить относительно мирные взаимоотношения. В этот период в Крым ездили польские послы, которые написали ценные реляции о жителях полуострова и о церемониале ханского двора: Мартин Броневский (поездки в 1578, 1584, 1587 и 1591–1592 гг.) и Лаврын Писочинский (1601–1603) [26; 1; 33]. Стоит подчеркнуть, что хотя во внутренней пропаганде многие польские авторы представляли татар как диких и кровожадных грабителей, а в корреспонденции с римскими папами польские короли представляли себя как защитников христианской Европы от неверных, настоящая крымская политика Речи Посполитой отличалась прагматизмом и хорошим знанием татарского общества и культуры [37, с. 233, 239; 29].

В начале XVII в., в первые годы польской интервенции в Московском государстве, возобновились и татарские набеги на Московию. Хотя А. Новосельский считал эти набеги доказательством существования крымско-польского союза против Москвы [10, с. 50–55], другие авторы подчеркивали, что в то же самое время татары осуществляли набеги на Польшу. Их набеги на Россию не следует объяснять каким-либо политическим союзом, а просто желанием воспользоваться ослаблением московской обороны [35, с. 159–162]. Д. Лисейцев утверждает, что если в это время существовал какой-либо союз, это был союз между ханом и Василием Шуйским [8, с. 265, 269–271, 278]. Не подлежит сомнению, что по мере развития событий Смутного времени татар начало беспокоить возрастание гегемонии Польши в Восточной Европе, и в 1614 г. хан Джанибек-Гирей решил заключить мир с новым российским царем, Михаилом Романовым [10, с. 83–84]. Знаменательно, что стандартная формула о военном сотрудничестве против Москвы, которую мы находим во всех договорах о мире, которыми обменивались крымские ханы и польско-литовские монархи с 1507 до 1609 гг., исчезла из ханских документов, составленных после 1609 г., чтобы снова появиться только в документах польско-крымского союза, заключенного в 1654 г. [28, с. 126, 498–500].

Второе десятилетие XVII в. принесло напряжение не только в польско-крымские, но и в польско-османские отношения. Оно было спровоцировано казацкими набегами в Причерноморье, интервенциями польских магнатов в Молдавии и секретной поддержкой Габсбургов польским королем Сигизмундом III в начале Тридцатилетней войны. Татарские воины поддержали Османов в турецко-польской войне 1620–1621 гг., а хан Джанибек-Гирей принял личное участие в Хотинской кампании султана Османа II (1621).

После окончания Хотинской войны в Крыму начался конфликт за ханский престол между Джанибек-Гиреем и братьями Мухаммедом и Шахин-Гиреями, в котором эти последние временно стремились получить поддержку польского короля, запорожских казаков и даже персидского шаха Аббаса Великого [22, с. 29–31, 36–38; 28, с. 133–135]. Конфликт из-за крымского престола ослабил позиции хана и привел к росту роли Кантемира – мангытского бая, который при поддержке османской Порты укрепил свою автономную власть среди ногаев Буджака. Вторжения буджакской орды Кантемира оборачивались в 20-х гг. XVII в. большими людскими потерями для Речи Посполитой, чем вторжения крымских татар. Только в 1628 г. Джанибек-Гирей заполучил обратно трон при поддержке Порты и изгнал из Крыма Мухаммеда и Шахин-Гиреев, а в 1637 г.

Порта казнила мятежного бея Кантемира. Боясь репрессий со стороны нового крымского хана, буджакские ногаи даже стремились принять польскую протекцию, но этого не произошло из-за взаимного недоверия [28, с. 147–148].

Хотя внутренний кризис ослабил международную позицию Крымского ханства и все более подчинил ханов османским султанам, этот процесс не остановил татарских вторжений в Польшу, а ослабевшие ханы были даже не в состоянии гарантировать мир. В этих условиях, после разгрома под Охматовым (30 января 1644 г.) вторгшегося татарского войска великим гетманом Станиславом Конецпольским, польско-литовский Сенат решил перестать посылать подарки ханам, а гетман вместе с королем Владиславом IV начал планировать союз с Москвой, целью которого было уничтожение Крымского ханства и раздел его земель между Россией и Польшей. С 1645 г. король развил свои планы и хотел, чтобы Речь Посполитая и Россия поддержали Венецию в ее войне с османской Портой, но все эти военные планы рухнули из-за сопротивления Сейма. Весьма иронично, что украинские казаки, которым король ранее обещал венецкие деньги за участие в войне, вместо удара против Крыма соединились в 1648 г. с татарами и начали великое восстание против Польши. По Зборовскому договору, заключенному в 1649 г. между польским королем и ханом Ислам-Гиреем III, который принял роль покровителя казаков, последние получили значительную автономию, а Речь Посполитая должна была возобновить выплату подарков хану [24, с. 131–190; 23; 28, с. 154–161, 954–963; 34]. Стремясь ослабить казацко-татарский союз, в 1653 г. польский двор даже направил посольство к калмыкским кочевникам, предлагая им захватить Крым при поддержке Речи Посполитой [30].

Радикальную смену крымской политики и крымско-польских отношений вызвала Переяславская Рада января 1654 г., когда казаки приняли покровительство российского царя. Опасаясь российской гегемонии в Восточной Европе, Ислам-Гирей III и его брат и наследник Мухаммед-Гирей IV заключили военный союз с королем Яном Казимиром, который продолжался до 1666 г. Союзники имели даже план восстановить Золотую Орду, а крымский хан направил эмиссаров в Поволжье и Сибирь, чтобы вызвать антироссийское восстание среди татар и башкир, хотя эти планы сложно было считать реалистичными. В этот период крымские татары помогали Речи Посполитой не только против России, но также и против Швеции, а их участие во второй Северной войне (1655–1660) привело к активизации дипломатических контактов со Швецией, Бранденбургом и даже с Данией. О польско-татарских культурных связях в эти годы свидетельствует широкое употребление крымской одежды, оружия и конской сбруи польской шляхтой, а также употребление польского языка в дипломатической корреспонденции крымской канцелярии [25; 21; 39; 28, с. 163–174, 237–239].

Раздел Украины между Польшей и Россией, установленный Андрусовском договором (30 января/9 февраля 1667 г.), рассердил не только казаков, но также и татар, опасавшихся союза северных соседей. В 1667 году татары и казаки провели общий поход против Речи Посполитой, окончившийся компромиссным Подгаецким договором (16 октября), но вскоре в конфликт вмешалась османская Порта, освободившаяся от войны с Венецией после завоевания Крита (1669) и решившая активизировать свою политику в Восточной Европе под руководством визирей из семьи Кеprüлю. Османско-польская война началась в 1672 г. завоеванием турками Каменца-Подольского и продолжалась до 1676 г., а затем – после короткого перерыва, в котором турки боролись за Украину с Россией, – началась снова в 1683 г., но на этот раз Речь Посполитая оказалась в широкой антиосманской коалиции, в состав которой входили Империя Габсбургов, Венеция, и – с 1686 г. – Россия. Крымские татары принимали участие в османских военных походах, но ханы не один раз предлагали договориться между сторонами, сначала опасаясь, что укрепление позиции Порты в Восточной Европе ограни-

чит автономию Крыма, а позже, вслед за османскими поражениями в войне с коалицией, опасаясь завоевания Крыма Россией.

Карловицкий договор (январь 1699 г.), в заключении которого татарские дипломаты не принимали участия, принудил хана отказаться от традиционных подарков и запретил татарские набеги на польские земли. Османский султан гарантировал исполнение этих условий со стороны хана, который в договоре не считался суверенным монархом. Ослабление международной позиции Речи Посполитой и Крымского ханства в XVIII в. ограничило возможность непосредственных контактов и ведения независимой активной политики обеих держав, а занятие Запорожья Россией привело и к географическому «отдалению» Польши и Крыма. Опасаясь российской экспансии, татары все более полагались на покровительство Порты, а внешнюю политику Речи Посполитой парализовало присутствие русских войск и постоянная конфронтация сторонников и противников российской ориентации. Несмотря на это, несколько раз поляки и татары предпринимали инициативы сотрудничества против Российской империи, что видно на примерах поддержки ханами Девлет-Гиреем II и Каплан-Гиреем сторонников Станислава Лещинского (1709–1714) или поддержки ханом Крым-Гиреем Барской конфедерации (1768–1769). После турецко-русской войны 1736–1739 гг., во время которой армия фельдмаршала Миниха сожгла Бахчисарай, хан Селямет-Гирей II не только восстановил дворец своих предков, но и стремился воскресить чингизидскую традицию и в 1742 г. выслал польскому королю «ярлык», состоящий из семи статей нового мирного договора [28, с. 202–203, 1001–1008].

Межгосударственные контакты Крыма, Литвы и Польши, начавшиеся с XV в., прервало завоевание Крымского ханства Россией в 1783 г., которое только на несколько лет опередило последний раздел Речи Посполитой.

1. [Броневский, М.] Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского // Записки Одесского общества истории и древностей. 1867. Т. 6. С. 333–367.
2. Ващари И. Крымское ханство и Большая Орда (1440–1500-е годы). Борьба за первенство // Средневековые тюрко-татарские государства. 2013. Вып. 5. С. 11–19.
3. Ващук Д. Епістолярна спадщина царя казанського Сафі-Гірея: листи до польського короля і великого князя литовського Сигізмунда I Старого // Київ: Інститут Історії України НАН України, 2014. С. 120–127.
4. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. 480 с.
5. Дмитриев М.В., Старостина И.П., Хорошкевич А.Л. Михалон Литвин и его трактат // Михалон Литвин. О нравах Татар, Литовцев и Москвитян. М.: Издательство Московского университета, 1994. С. 6–56.
6. Зайцев И.В. Шейх-Ахмед—последний хан Золотой Орды (Орда, Крымское ханство, Османская империя и Польско-Литовское государство в начале XVI в.) // От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А.Ф. Миллера / Ред. М.С. Мейер, С.Ф. Орешкова. М.: Муравей, 2003. С. 31–52.
7. Лемерсье-Келькеже Ш. Казанское и Крымское ханства и Московия в 1521 г. по неопубликованному источнику из архива Музея дворца «Топкапы» // Восточная Европа средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 47–56.
8. Лисейцев Д.В. Русско-крымские дипломатические контакты в начале XVII столетия // Тюркологический сборник 2005. Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2006. С. 238–282.
9. Мустафина Д. Послание царя казанского // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1997. №. 1/2. С. 26–38.

10. Новосельский А. Борьба Московского государства с Татарами в первой половине XVII века. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. 448 с.
11. Пилипчук Я. В. Отношения между Великим Княжеством Литовским и Казанским ханством // *Золотоордынское обозрение*. 2014. № 3(5). С. 80–102.
12. ПСРЛ. Т. XI. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. 254 с.
13. Трепавлов В. «Хочем с тобою быти у братстве и в приязни» (Послания короля Сигизмунда I хану Мухаммед-Амину) // *Гасырлар авазы – Эхо веков*. 2010. № 3/4. С. 92–101.
14. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 334 с.
15. Черкас Б. Україна в політичних відносинах Великого князівства Литовського з Кримським ханатом (1515–1540). Київ: Інститут Історії України НАН України, 2006. 244 с.
16. Черкас Б. Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV ст.). Київ: Інститут Історії України НАН України, 2014. 388 с.
17. Шабульдо Ф. Чи був ярлик Мамаєва на українській землі? (До постановки проблеми) // *Записки Наукового товариства імені Шевченка*. 2002. Т. 243. С. 301–317.
18. Abrahamowicz Z. Lipka // *The Encyclopaedia of Islam*, 2nd edition. Vol. 5. Leiden: Brill, 1986. P. 765–767.
19. Archiwum Główne Akt Dawnych (Warszawa), Archiwum Skarbu Koronnego, Dział 2 (rachunki poselstw), sygn. 1.
20. Archiwum Główne Akt Dawnych, Archiwum Skarbu Koronnego, Dział 2, sygn. 4.
21. Augustiewicz S. Dwa poselstwa Mariusza Stanisława Jaskólskiego na Krym w 1654 roku // *Staropolski ogład świata. Rzeczpospolita między okcydentalizacją a orientalizacją*. Vol. 1: Przestrzeń kontaktów / Red. F.Wolański, R. Kołodziej. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2009. S. 46–60.
22. Baranowski B. Polska a Tatarszczyzna w latach 1624–1629. Łódź: Wydawnictwa Łódzkiego Towarzystwa Naukowego, 1948. 134 s.
23. Baranowski B. Geneza sojuszu kozacko-tatarskiego z 1648 r. // *Przegląd Historyczny*. 1948. T. 37. S. 276–287.
24. Baranowski B. Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632–1648. Łódź: Uniwersytet Łódzki, 1949. 209 s.
25. Baranowski B. Tatarszczyzna wobec wojny polsko-szwedzkiej w latach 1655–1660 // *Polska w okresie drugiej wojny północnej 1655–1660*. Vol. 1: Rozprawy. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957. S. 453–489.
26. [Broniowski] Martini Broniovii de Biezdzfedeia bis in Tartariam nomine Stephani primi Poloniae regis legati Tartariae descriptio. Coloniae Agrippinae: In Officina Birckmannica, 1595. 24 s.
27. Kołodziejczyk D. La Res Publica polono-lituanienne était-elle le vassal de l'Empire ottoman? // *Studies in Oriental Art and Culture in Honour of Professor Tadeusz Majda*. Ed. by A. Parzymies. Warsaw: Dialog, 2006. S. 125–136.
28. Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden: Brill, 2011. 1049 p.
29. Kołodziejczyk D. Lice and locusts or allies and brethren? The ambivalent attitude towards the Crimean Tatars in early modern Poland-Lithuania // *Bordering Early Modern Europe*. Ed. by M. Baramova, G. Boykov and I. Parvev. Wiesbaden: Harrassowitz, 2015. P. 39–44.
30. Kołodziejczyk D. Tibet in the Crimea? Polish embassy to the Kalmyks of 1653 and a project of an anti-Muslim alliance (в печаті).
31. Kortepeter C.M. Ottoman Imperialism during the Reformation. Europe and the Caucasus. New York: New York University Press, 1972. 278 p.
32. Kuczyński S.M. Sine Wody. Warszawa: Liberia Nova, 1935. 61 s.

33. Pułaski K. Trzy poselstwa Piaseczyńskiego do Kazi Gireja, hana Tatarów perekopskich (1601–1603). Szkic historyczny // Przewodnik Naukowy i Literacki. 1911. Vol. 39. S. 135–145, 244–256, 358–366, 467–480, 553–566, 645–660, 756–768, 845–864, 945–960.

34. Senai Hadży Mehmed. Historia chana Islam Gereja III / Wyd. Z. Abrahamowicz. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1971. 273 s.

35. Skorupa D. Stosunki polsko-tatarskie 1595–1623. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2004. 298 s.

36. Strzelczyk J. Mongołowie a Europa. Stolica Apostolska wobec problemu mongolskiego do połowy XIII wieku // Spotkanie dwóch światów. Stolica Apostolska a świat mongolski w połowie XIII wieku. Relacje powstałe w związku z misją Jana di Piano Carpiniego do Mongołów. Red. J. Strzelczyk. Poznań: Wydawnictwo Abos, 1993. S. 7–112.

37. Świeboda W. Innowiercy w opiniach prawnych uczonych polskich w XV wieku. Poganie, żydzi, muzułmanie. Kraków: Societas Vistulana, 2013. 424 s.

38. Tyszkiewicz J. Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII–XVIII w. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. 344 s.

39. Wójcik Z. Some problems of Polish-Tatar relations in the seventeenth century. The financial aspects of the Polish-Tatar alliance in the years 1654–1666 // Acta Poloniae Historica. 1966. Vol. 13. S. 87–102.

§ 6. Наследие державы Чингиз-хана на европейских картах XV–XVIII веков

Игорь Фоменко

Чтобы не утонуть в море графического материала и не сбиться на простое перечисление источников, которое само по себе может занять десятки страниц, уделим внимание лишь знаковым памятникам картографии⁷¹.

Как правило, иностранные авторы, писавшие о России, до XVI в. получали информацию о Московии и различных «Тартарских царствах» из вторых рук, черпая сведения из литературы, летописных свидетельств, документов и устных рассказов. Так работали Матфей Меховский, Павел Иовий Новокомский, Паоло Кампани, Иоганн Фабри и др. «Записки о Московитских делах» Сигизмунда Герберштейна – одно из первых описаний страны очевидцем. Но сколько бы ни посещали Московию различные представители Европы, стереотипы восприятия Тартарии-России оставались в основном неизменными.

XV век. Итак, обратимся к языку графики и посмотрим, какие знания европейцев о далекой и загадочной Тартарии нашли воплощение на средневековых картах. Отметим, что для XV–XVI вв. важным источником являются морские карты-портоланы, наиболее точные картографические материалы (см. рис. 1*).

На морских картах XV в., вышедших из мастерских разных картографических школ Европы, отмечены главные золотоордынские города Причерноморья. Наиболее значимые топонимы сопровождаются миниатюрами флагов с Джучидской тамгой и стилизованными изображениями городов. Территория, над которой реют флаги с Джучидской тамгой, совпадает с границами Золотой Орды, которые прослеживаются по письменным источникам. Крайний западный пункт – город Вичина, крупная гавань в нижнем течении Дуная; на Востоке – Тана (Азак). Золотоордынский город Азак отме-

⁷¹ Информация картографических источников (топонимы, легенды, тексты) приводится в тексте курсивом.

* Рис. 1–7 к статье см. на цветной вклейке.

чен на портоланах наибольшим в Северном Причерноморье количеством флагов с Джучидской тамгой различного дизайна. Это свидетельствует о том, что город являлся крупнейшим центром как региональной, так и международной торговли. По флагам, на которых имеется золотоордынская тамга, можно проследить также, какие государства находились в вассальных отношениях с Джучидами. Все золотоордынские города, над которыми мастера помещают миниатюры флагов, были как минимум административными центрами [10].

Рассмотрим медную круглую карту мира – «Планисферу Стефана Борджа» (1440/1450 гг. – XVII в.) из Ватиканской Апостолической Библиотеки [12, таб. LVII (Borgiano XVI)]. На планисфере, которая являлась в первую очередь настенным украшением, встречается одно из первых, дошедших до наших дней упоминаний этнонима «Тартария». На миниатюре в среднем Поволжье (левобережье) изображен кочевой город, возможно, это резиденция хана Большой Орды. Шатры, чередуясь с повозками, образуют каре, в центре которого бьет источник воды, рядом пасутся распряженные кони, на миниатюрах показан быт кочевников. Близ кочевого стана присутствует текст, который с небольшими изменениями часто встречается и в картографии XVI века на том же, традиционном месте: «Царство Великой Тартарии: когда тартары перемещаются в какое-либо место, они запрягают быков и других вьючных животных и ищут такое место, где хороши пастбища. Город же их состоит из многих шатров, повозок и др.».

На планисфере 1448 г. бенедиктинского монаха из Зальцбурга Андреаса Валшпергера [37, р. 31–32] мы также встречаем одно из ранних названий, связанных с именем «тартары». Государство «Тартарская империя» находится выше *Команского царства*, что в среднем Подонье. На правом берегу Дона (у брата Андрея наблюдается некая путаница с реками) расположен город, а рядом текст: «Сарай – столица тартар, где живет император». В среднем Поволжье в земле *Кумания* – огромная миниатюра города, обнесенного высокой крепостной стеной, рядом находится комментарий: «Этот город (Сарай) джедит татарского Батайа, где великий хан и помер». Надо заметить, что имя хана Золотой Орды, упомянутое на карте 1448 г., встретилось первый и единственный раз в известных мне картографических легендах.

На некоторых портоланах демонстрируются отношения вассалитета внутри самой Золотой Орды. К примеру, на морской карте 1482 г. Хайме Бертрана над Крымом помещена фигура правителя, восседающего на подушках с кривым мечом и круглым щитом, отмеченным тамгой, рядом подпись «Царь Тартарии». Восточнее присутствует изображение правителя гораздо большего размера со скипетром и державой, именуемого «*La Gran chan Amperator de Tartaria*» [36, N. 1–2. Pl. 19.].

На анонимной планисфере середины XV в. из Модены (т.н. «Моденский аноним») [41, N. 358.] в «Великой Тартарии», ближе к Северу близ зеленых холмов покоится огромная царская корона, которая отмечает место избрания Тэмуджина ханом с титулом «Чингиз», прокомментированное следующей легендой: «В 1187 году здесь был коронован Первый Тартарский Король».

Обратимся к карте мира 1459 г., изготовленной Фра Мауро в Венеции (хранится в библиотеке Марчана) (см. рис. 2). Данная карта по широте географического кругозора и реальных представлений о Земле не имеет себе равных в XV в. Впоследствии в течение длительного времени она служила эпигонам важнейшим руководством по составлению географических карт Азии.

Теме источников, которые послужили составлению этой замечательной космографии, Фра Мауро привел основательное объяснение, поместив его в том месте, где традиционно авторитетные географы помещали границу Европы и Азии – в излучине реки Танаис-Дона. Автор, несомненно, использовал материалы Птолемея, сведения восточных купцов, русские источники и записки европейских путешественников и др. Карта

являлась заказом португальского монарха Афонсу V. Надо отметить, что до появления этого шедевра средневековой картографии на европейских картах мы не видим дорог. У Фра Мауро дороги проложены и соединяют регионы и города России, что является еще одним аргументом в пользу того, что он черпал сведения у путешественников, там побывавших. Информаторами, в частности, были «гости–сурожане», русские купцы, торговавшие в итальянских факториях Северного Причерноморья.

На венецианской космографии имеется этноним «Тартария» – в названии регионов, где раньше картографы изображали Аланию и Куманию (южнорусские степи) в междуречье Днепра, Дона и Волги. Имеется на этой карте и город «Тартария» – ниже устья р. Медведицы, которая впадает в Дон. Этот город пока не поддается локализации из-за слабой археологической изученности региона.

Уделено значительное место на карте столице Золотой Орды (на карте она именуется как «*LORDO DE SARAY*»), что дословно получается как «Сарайская Орда») – «Сараю», это к вопросу об ученых спорах, сколько было Сараев, но, судя по карте, их было точно более одного.

Миниатюра первой столицы Золотой Орды города «Сарай» на карте Фра Мауро значительно уступает обнесенному мощной крепостной стеной другому «Сараю», которому художник Андреа Бьянко не зря дал определение «Грандо». Близ «*Saray Grando*» присутствует миниатюра роскошной усыпальницы с сопроводительным текстом-эпитафией, который восходит к событиям 1395 г.

«Тартарская Гробница: в которой находится 18 погребений, сделанных по воле Тамерлана. И подобны они по своему виду, как и на этом рисунке. И распорядился похоронить он тут только татарских предводителей»⁷². А воспроизведение вида мавзолея на карте, каким он был в действительности, лишний раз свидетельствует о качестве данного картографического исторического источника и той информации, которая была использована для создания данной табулы.

В знаменитой Космографии 1459 г. стоит обратить внимание на огромную миниатюру гробницы монгольских императоров – «*SEPULTURA IMPERIAL*». В пояснительном тексте близ усыпальницы помещен комментарий: «*Это роскошная и чудесная гробница сооружена для захоронения знати, и находится она в горах именуемых «алтай». А право захоронения в ней имеют только императоры Китая и их потомки.*»

Ценность карты 1459 г. еще и в том, что автор поместил на ней сразу две столицы Золотой Орды на левом берегу «Эдия» (Волги): «Сарай» на берегу реки «*Кара Сарай*» при впадении ее в Эдиль соответствует городу Сарай-Бату и «Сарай Грандо» (Сарай ал-Джедид). На карте присутствует и третий Сарай – «Сарай Калмуков», который расположен на правом берегу Волги (см. рис. 2).

Не забудем упомянуть еще один город, имеющий в своем названии корень «Сарай», а именно город «Сарайджук», расположенный в нижнем течении «Реки Яик» и окруженный со всех сторон водой (см. рис. 3). Сарай-Джукеб был значительным торговым центром Золотой Орды, местом захоронения ряда золотоордынских правителей, а с 1490-х гг. он стал столицей Ногайской орды. Судя по миниатюре на карте 1459 г. это большой и процветающий город, окруженный высокой оборонительной стеной с многочисленными круглыми крепостными башнями, в «*Sarayzuch*» попадали через реку, которая окружает город, по каменному мосту. Вероятно, ко времени изготовления карты Сарайчик уже возродился после разрушения его в 1395 г. войсками Тамерлана.

Рядом с Сарайчиком находится кочевой стан, отмеченный миниатюрой распряженной двухколесной повозки с юртой наверху; рядом комментарий о народе, который

---

⁷² Здесь, по всей видимости, идет речь о погребальном комплексе, в котором были захоронены «знатные татары» из армии Токтамышя, потерпевшей поражение от Тамерлана в битве при Кондурче.

здесь проживает, сиречь *«атахоби»*⁷³, таким этниконом Фра Мауро маркирует кочевников: *«амаксоби»* – это те, у кого повозки являются также и их домами».

Над городом «Амон» (расположенном отнюдь не на берегах голубого Нила) помещен текст, в котором говорится о землях татар, и упоминаются города «Сараи»: *«От этой реки Яксарт, таким образом можно сказать, начинается (земля) Скифия, а также (регион) Чагатай, Ургенч, Сарай малый, Сарай великий, и за Эдилем, а также Танаисом и за Озю (Днепром – Авт.), и все это, если можно сказать, скифы, или татары».*

Близ роскошной миниатюры города «Отрар», который, судя по легенде, расположен на «границе с пустыней», помещен текст из 8 строк, где говорится о последнем походе Тамерлана в Китай: *«До этого места дошел со своим войском Тамерлан, когда он предпринял поход в Китай. Но жестокая зимняя лихорадка пронзила (его) и нанесла свой смертельный удар, и вынудила повернуть войско с середины пути и вернуться в Отрар, где он (Тамерлан) умер, а его войско было распущено».*

Земли казахского ханства в основном расположены в трех крупных регионах, которые на карте отмечены как «Чагатай» и «Чагатайская Орда» (на Юге); «Ургенч» и «Ургенчская Орда» (на Северо-Западе) и «Скифия в Азии» (на Севере) (см. рис. 3).

Легенда о Чагатае, или «*Lordo de Çagatai*», расположенном южнее города Термичи близ города «*Orgaça*», рассказывает европейскому читателю следующее: *«Это знатнейшее и богатое царство было основано в старину выходцами из Ургенча, которые и основали здесь в прекрасном месте благородный и мощный город, окруженный тучными пастбищами; границы царства на Западе – это Кандак и Сарай, а на Юге – море Баку, или Каспийское; на Севере оно граничит с Россией, а на Востоке соприкасается с пределами Персии; но Тамерлан разгромил названный город и его синьорию, а саму метрополию перенес в другое место, где и был основан уже другой Ургенч, а городские постройки там были возведены мастерами, которые были доставлены из Тавриза».*

Недалеко от эстуария реки «Яксарт» на карте изображен город «Новый Ургенч», о котором уже шла речь в легенде о «Чагатайском царстве». Близ «*Organça nioua*», у его подножия помещена следующая легенда: *«Это новый Ургенч, который был основан Тамерланом, а строили его знатные строители, приведенные туда Тамерланом из Тавриза».*

Но, к сожалению, формат данного исследования не позволяет подробно останавливаться на разборе данной табулы, окунувшись в тот кладезь ценной информации, которая находится на ее графических полях.

XVI век. На планисфере 1505 г. Николо Каверио [27, Map № 26] в центре Золотой Орды, именуемой на карте «*Tartaria*», в красно-синем роскошном шатре, над которым развевается красный двухконечный стяг с золотой джучидской тамгой, на низком троне восседает правитель. Это единственное антропоморфное изображение на карте, что свидетельствует о его особой значимости.

С ослаблением Монгольской империи и государства Золотая Орда изображение Сарайского правителя на картах постепенно уменьшается в размерах, изменяется также и его титулатура – слово «император» редуцируется. Агрессивный образ «*Tartaro*», вооруженного мечом, мы видим в Северном Причерноморье на навигационной карте из морского атласа 1512 г. Весконте Маджоло, а также на портолане другого представителя знаменитого генуэзского клана картографов второй половины XVI в. Джакомо Маджоло [39, p. 88–89; 38] (см. рис. 4).

При описании стран и народов, удаленных от картографических центров Европы, авторы широко использовали сочинения античности (Страбон, Плиний и др.). Поэтому зачастую складывается парадоксальная ситуация – на карте нередко соседствуют ан-

⁷³ «Амаксобиями» античные авторы называли сарматские племена, которые обитали в районе Днепра. В частности, Плиний Старший писал, что Амаксобиями является одно из племен аорсов.

тичное и средневековое названия одной и той же страны. Продолжала расти популярность и «Географии» Клавдия Птолемея; к середине XVI в. столетия в различных типографиях Европы вышло множество изданий этого сочинения.

Рассмотрим несколько значимых картографических приложений к «Географии» Птолемея, уделив внимание «тартарскому» ономастикону.

На карте итальянского монаха Марка Беневентана (Рим, 1507 г.), который взял за основу карту Николая Кузанского [25, р. 18–19], самая западная ветвь «тартарских» народов – «*Перекопская Тартария*» – размещена на восточном берегу реки Днепр. На карте мира Йохана Рюйша (Рим, 1508 г.) [26, tab. XXXII] земли за «полярным кругом» именуется «*Темная Провинция*», а восточнее располагается уже «*Великая Тартария*». Южнее северного полюса разместились Московия, «*Руссия Альба*» (правобережье Днепра), «*Казань*», «*Страхан*», «*земля Тартария*» (между «*Понтом Эвксинским*» и «*Гирканским морями*»). На карте мира 1513 г. (Страсбург) [26, tab. XXXV], озаглавленной «*Гидрографическая, или морская карта*», «*земля Тартария*» помещена в предгорьях Северного Кавказа, в среднем Поволжье и на левобережье «*р.(еки) Ра*» (Волги). Вся Западная Сибирь именуется «*Тартария*». Карта 1515 г. Грегора Рейша, аббата картезианского монастыря из Фрайбурга [26, tab. XXXVIII] очень схематична, но примечательно то, что картограф уделил особое внимание различным «*Тартариям*» в «*Азии*»: «*Тартария перекопская*»; «*Тартария Куманов*» (среднее Поволжье); «*Тартария Воронья*» (западная Сибирь); «*Тартария Туркестанская*» (Юго-Восточный Урал); «*Тартария Изобильнейшая Sitt*» (восточная Сибирь); «*Тартария Тангутская*» (Северо-Восток Евразии).

Картограф Мартин Вальдземюллер изготовил и опубликовал в 1516 г. свою знаменитую «*Морскую карту*» («*Carta Marina...*») на 12 листах [2, с. 119–121], из которой, несмотря на многочисленные архаизмы, европейцы могли получить хоть какие-то сведения о загадочной и неведомой для них Тартарии. Самое примечательное для нашей темы – это 3-й лист ее первого ряда, где изображены «*Руссия Альба*» и значительная часть Азиатской России, простирающаяся до 65° восточной долготы [7, с. 3–5, табл. I]. Сведения о землях, изображенных на карте, Вальдземюллер почерпнул из сочинений Одорико Порденоне, Иоанна де Плано Карпини, Марко Поло и др. путешественников.

За «*Рифейскими горами*» раскинулась безбрежная «*TARTARIA*», состоящая из множества различных «*regiones*». Вдоль восточного склона «*Рифейских гор*» с Севера на Юг размещаются следующие области: «*Mordvani*» с легендой: «*Здесь в этом регионе обитает народ, прозываемый «Билеры», и они находятся в вассальной зависимости от Тартар*»; затем следует регион «*Великая Булгария*»; в нижнем течении Дона (левобережье) раскинулась страна «*Казана*», а севернее – земля «*Нагай*». В земле «*Нагай*» в междуречье «*Танаиса*» и реки «*Ра*» в шатре на низком троне с мечом в руке восседает «*Великий кочующий Правитель над Великими императорами, царь Казаны и Император над многими народами*».

За Волгой, которая протекает через всю Россию по диагонали от Каспийского моря до Балтийского, пересекая озеро Ильмень, и впадает в Финский залив⁷⁴, над Каспием, который именуется «*Море Абак, или Соленое Море*», раскинулась обширная земля «*Кумания*». На Востоке, за рекой «*Яксарт*» простирается «*Сарацинская Тартария*», а выше расположены «*Земля Бисерменов*» и «*Царство Кангитов*». В центре «*Тартарии*», среди разбросанных по графическому полю карты шатров, в рамке приведена традиционная легенда об образе жизни «*тартаров*», где говорится, что они не живут в городах, а кочуют со своими стадами, питаются молоком и мясом.

В XVI в. итальянская картографическая школа занимала ведущее место в мире, в основном благодаря изготовлению морских карт. В 1525 г. картограф Баттиста Аньезе

⁷⁴ Во времена позднего средневековья река Волхов отождествлялась с рекой Ра, как в данном случае на карте 1516 г. Мартина Вальдземюллера.

изготовил карту Московии, опираясь на информацию из первых рук. Это «Карта Московии, основанная на свидетельствах, полученных от самого посла Дмитрия (Герасимова)» [8, с. 213]. Карта составлялась в качестве приложения к книге о Московии и Тартарии епископа Павла Йовия. Информатором являлся толмач (в титуле карты – «посол») Великого князя Василия III (см. рис. 5).

На сравнительно небольшой карте присутствуют семь этниконов «тартария» и одно изображение «*MAGNUS TARTARUS OCCIDENTALIS*». «Великий Правитель Восточной Тартарии» восседает на троне, повернувшись в 3/4 оборота к зрителю. Облачен он в длинные одеяния, на голове высокий головной убор, в правой руке один из инсигниев власти – скипетр. Позади правителя помещен город из шатров, раскинувшихся в «пустыне», пронизанной лишь румбовыми линиями. На карте имеются «тартария перекопская» (расположена между эстуариями Днепра и Дона); топоним «Тартария» без какого-либо определения (между нижним течением Днепра и Дона); «Тартария Азиатская» (по обоим берегам Волги); «Тартария» (расположена над единственным на карте «тартарским» городом – «*casanum tartarum*»); напротив «казани тартаров» за Волгой обитают уже «тартары Шейбаниды». Выше по реке (по всей видимости, Каме) расположена земля «*nogai tartari*», а седьмая «Тартария» находится в Западной Сибири, где и восседает сам «*MAGNUS TARTARUS*».

Обратимся к карте Московии Антона Вида [13, карта № 39–41]. Художник из Данцига изготовил эту карту по материалам, предоставленным беглым московским воеводой и окольным Иваном Васильевичем Ляцким [24, р. 64–68]. В 1542 г. Вид создал манускрипт, а известная гравюра Франца Хогенберга датируется 1555 г. Топонимика на карте двуязычная: латинская транслитерация русских топонимов и их дублиаж кириллицей. Севернее «Козакской Орды», в водоразделе реки «Дейк» (Яик) и «Волги» показаны кочевья «Орды Нагай»; у нагайцев, как может видеть европейский любитель исторической географии, самые многочисленные в Тартарии стада овец и лошадей. «Перекопская орда» находится на своем традиционном месте в Крыму, стада скота же их пасутся севернее, доходя до истоков «Сосны реки». Близ вооруженных фигур перекопских татар помещена легенда: «Тартары эти сильно враждуют с христианами».

Незатухающий русско-литовский конфликт санкционировал посольство в Россию 1526 г. Сигизмунда Герберштейна, снабженного инструкциями австрийского эрцгерцога Фердинанда. Карта «*Moscovia Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein Neiperg et Gutenhag MDXLVI*» (1546 г.) [24, tav. XI], которая должна была стать приложением к его книге, вышла в свет за 3 года до появления «Записок» Герберштейна. Она была изготовлена известным гравером Августином Гиршфогелем, который плодотворно работал с Герберштейном в течение 1546 и 1547 гг. [6, вып. I. с. 6–8]. На эту небольшую карту попали следующие народы: «Нагайские тартары», «народ Черемиса», «народ Мордва», «Чиркасские народы» и «чиркасы Пятигорские».

Одним из наиболее ярких представителей итальянской школы картографии эпохи Возрождения является Джакомо Гастальдо. Современники наградили его даже эпитетом «*excellentissimo cosmografo Piemontese*». В 1548 г. он составил «Новую карту Московии» [6, вып. I, карта № IV]. Восточную и Юго-Восточную части карты составляют: регион «Курианацор» (на Северном Кавказе), область «Тартакосия» к Востоку от Меотиды, выше расположены «Чиркасция» и «Алания». По правобережью «*La Volga fl.*» расположены области: «Кипчак» (над Астраханью), «Паластра» (на Средней Волге), «Кабата» близ города «*Cassan*». На левом берегу Волги находится регион «Чагамай» (близ эстуария), севернее локализуются «Тартары Шамбаниды» (см. рис. 6).

Крупнейшее значение для развития европейской исторической географии имели работы знаменитого фламандского географа и картографа Абрахама Ортелиа. Его «*Theatrum Orbis Terrarum*» имел огромный успех. Работа состояла из 70 карт на 53

листах. От издания к изданию объем увеличивался, став первым систематическим собранием карт. Среди изданных Ортелием карт была и карта Московии 1562 г., которая без изменений переиздавалась до 1612 г., а также карта восточной Азии – «Тартария, или царство Великого Хама» [14, tav. 46–47].

Автором карты Московии, а точнее «*Описания России, Московии и Тартарии*» [22], является, в частности, Энтони (Антоний) Дженкинсон, выдающийся дипломат и купец, который представлял английскую Московскую торговую Компанию при дворе Ивана Грозного. Примечательно, что Казанское ханство включено в Московское государство, а Астраханское показано еще независимым, хотя Дженкинсон знал о покорении Астрахани Москвой, о чем он упоминает в своем сочинении. На Севере от области «Кондора» до земли «Байда» протянулся регион «Самоеда»; среднюю часть карты, до реки «Volga» занимает «Руссия»; на Юге – от региона «Мордва» до области «Boghar» (Бухара) присутствует этноним «TARTARI», а южнее реки «Самар» – «NAGALA». Среди этих областей расставлены шатры, кочевники пасут стада верблюдов. Географическая достоверность показанной на карте территории, по которой проходил Антоний Дженкинсон, возглавивший в 1557 г. экспедицию для отыскания торговых путей в Бухару и Персию [5; 4], достаточно велика, что во многом достигнуто благодаря определению им широт отдельных пунктов. Ниже региона «Байда», справа от большого «Китайского озера», из которого берет свои истоки река Обь, присутствует легенда о чудесах, которые имели место в загадочной «Тартарии». Комментарий к миниатюре оформлен в роскошный картуш, который дополнен соответствующей картиной. Зритель может видеть, как по восточным склонам горы «Имаус»⁷⁵ движется внушительная вооруженная колонна в окружении многочисленных стад овец и верблюдов. Легенда гласит: «Скалы эти имеют человеческое подобие, а также верблюдов и других животных с различной поклажей, а также мелкого скота. Когда-то, в далекие времена, это была орда, представители которой занимались скотоводством, пасли мелкий и крупный скот; но в один момент, по какому-то волшебству, они все обратились в камень и стали скалами, сохранив за собой подобие людей и животных. Это чудесное превращение имело место 300 лет тому назад».

Карта «Тартария или царство Великого Хама» увидела свет в Антверпене в 1570 году [14, tav. 46–47]. Ее предваряет текст историко-этнологического характера. Приведем некоторые выдержки, которые характеризуют устойчивые представления европейцев о «тартарах», а также источники этих знаний. «Тех, кого мы величаем Тартарами, включают в себя множество народов, которые проживают на огромной территории. Так как Тартария в настоящее время простирается от Восточного Океана или Mangico, земли ее раскинулись от Северного Океана до Южных районов Синама, части Индии, а также заходят за реки Ганг, Сакос, Окс [...], море Каспий и Меотидское болото; на Западе граница Тартарии соприкасается с Московией, которая вся когда-то была занята Тартарами, и в ее городах у них были ставки. В древних сочинениях Тартария именовалась «Сарматия Азиатская», а также «Скифия» и «Серика» (которую на сегодняшний день приблизительно занимает Китай). Услышали в Европе впервые это ужасное имя в 1212 г. «Орды», с их языка, означает множество. И несмотря на то, что они обитают в различных Провинциях, на значительных расстояниях друг от друга, тем не менее, в общем, в их нравах и жизненном укладе много общего. Телосложение у них квадратное, наружность приземистая, глаза у них глубоко посажены и узкие, борода ужасная, в остальном же, тело у них мощное, а дух отважный; лошадей, а также других животных они умерщвляют и они служат им пищей, свиней же есть у них не принято... О Тартарах, их нравах и обычаях можно получить информа-

⁷⁵ Гора Имаус со времен Клавдия Птолемея отождествлялась с Уралом; позднее – с Алтаем, Тянь-Шанем и Гималаями.

цию у Сигизмунда Герберштейна. Также смотрите (*nhels*) Антония Бонфиния и его *commentaria Hungarica*; М(арко) Поло Венецианца, который среди них (тартар) постоянно жил. Об их происхождении читайте Матфея из Мехова; (сочинение) Хетума Армянского; Сарацинскую историю Целия Куриона, а также сочинения Иезуита Иакова Наварского. Не помещает также информация о Тартарах, которую можно почерпнуть у Никифора, в кн. 18 гл. 30». Тексты, помещенные на карте, изобилуют сведениями, восходящими традиционно к античным и средневековым авторам и содержат много легендарных и мифологических сюжетов.

Во владения «Великого Хана» на карте Ортелия 1570 г. входят следующие земли и народы: «Астракан», «Казан», «Туркестан», «Царство, где...количество племен достигает цифры 900, Маверанахр, Чагатай, Самарканд», «Чарсиан», «Истигиас», «Таликестан», «Камул», «Тангут», «Chiorsa».

На полуострове Таймыр показано место обитания двух потерянных в незапамятные времена израильских народов – «колена Данова» и «колена Нефталимова», которые в государстве «Императора Тартарии» также именуются «ордами». Помещение в «Скифскую пустыню» иудейских народов – неперемнная дань средневековым представлениям о вассалах Антихриста, народах Гог и Магог, таким образом на Севере в основном помещены «орды».

Соседствуют с иудейскими «ордами» – «Черемисская орда», «Турбонимская орда», «орда Мекритов», а также: *Usezucanorum horda*, «Казанская орда», «Башкирская орда», «Сибирская орда»; «царства Табор»; «земля Chiorsa», «Баргу». Близ каждой «орды» на карте (кроме иудейских и черемисской) присутствуют миниатюры шатров – индикаторы кочевых ствоек.

На так называемом «Вроцлавском Дженкинсоне» [9, с. 12]⁷⁶ в районе «Тартарии», на Юго-Западе от «Китайского озера» в области «Tumen», «Nagaia» и «Cassakia», близ миниатюры кочевого стана, окруженного многочисленными стадами овец, коней и верблюдов, в картуше дана обширная легенда, повествующая об образе жизни народов там обитающих: «Жители региона Тюмень, Казахи и Нагайцы суть Тартары-Магометане, которые живут общинами. И куда бы они ни отправились, они возят с собой своих многочисленных жен, которыми дорожат. Тартары – это народ, который питается кониной, а от некоторых лошадей они получают также и молоко. Они также используют в пищу плоды, растущие на деревьях. Денег у них в обращении никаких нет. Народ этот имеет пристрастие к занятию магией и заклинанию бесов. Если наступит для них вражеская угроза или небеса потемнеют вследствие грозы, то они собирают совет для того, чтобы принять решение по поводу этого знаменья или вражеской угрозы. И тогда кто-либо из них (жрец, шаман), используя заклинания, травы, коренья, а также (специальные) камни, демонстрирует свое искусство в толковании различных знамений».

Для гравированной карты братьев Детекумов «Новое описание Северных Регионов, включая Московию, Рутенов, Тартар, а также Орд тартарских, окружающих эти земли...» (до 1572 г.) [20]⁷⁷ неизвестным составителем были собраны материалы выдающихся путешественников и картографов первой половины XVI в.: Сигизмунда Герберштейна, Ивана Ляцкого, Герарда Меркатора, Антония Дженкинсона, Джакомо Гастальдо, Олауса Магнуса, мастера Каспара Фопеллия.

На Юго-Востоке от «Китайского озера» в области «Югория» и «Cassakia» близ миниатюры кочевого стана читаем легенду с обобщающей характеристикой татарского этноса: «Тартарский народ во все времена отличался воинственностью и вел кочевой

⁷⁶ «Новое Полное Описание России, Московии и Тартарии. Антоний Дженкинсон. Климент Адамс». Гравюра Иллюминированная. Лондон. 1562/1568 г. Университетская библиотека, г. Вроцлав.

⁷⁷ Единственный известный в мире экземпляр.

образ жизни, а разделяется он на Орды». Перечислим наиболее значимые из них: «Орда» в земле «Булгария»; «Орда» в земле «Кассакия» (Юго-Восток Телецкого озера); «Орда» в районе среднего Урала; «Орда» в регионе «Нагай» (между Волгой и Яиком); «Орда» в верховьях «Яика»; «Орда» в «Туркестане».

Между реками Яик и Волга близ изображения кочующей Орды для европейского зрителя присутствует пояснительный комментарий: *««Орда» на Тартарском языке означает объединение людей, которое составляет, таким образом, единую общину. И это сообщество (Орда) постоянно ведет кочевой образ жизни, перемещаясь из одного региона в другой».*

На карте много информации о войнах прошедших лет и современных авторам карты. Приведем легенды, относящиеся к исследуемой теме. В Северном Приазовье в области «Crimea»: *«Крымцы суть Магометане, они совершают набеги на Московитов, с которыми постоянно ведут боевые действия».*

Над городом «Казана»: *«В 1551 году Тартарское Казанское Царство было разгромлено и включено в державу Императора России».*

Близ города «Астрахан»: *«В 1554 г. Астраханское Тартарское царство было подчинено и к империи Русской присоединено».* Как мы видим, картографы опережают реальные события на табуле на 1–2 года.

Близ города «Малый Хорасан»: *«Вот город Хорасан, который находится в Персидском Царстве, в 1558 г. он был захвачен тартарами».*

XVII век. «Сарматия Прима» или «Европейская Тартария» по-прежнему ассоциировалась у европейцев с дикостью и варварством, а также с масштабами территории, описать которую крайне затруднительно. В этот период образ «Царя Тартарии» окончательно утрачивает свои агрессивные черты. На портолане арагонского картографа Плачидо Калоиро-и-Олива начала XVII в. причерноморский «Король Тартарии» является вассалом «Великого Турка» [40, р. 172]. В отличие от других «царей», вооруженных мечами и щитами, тартарский правитель восседает в низовьях Волги на подушках, а вместо кривого меча держит в своих руках чашу.

Обратимся к карте «Тартарии» [18], изготовленной в начале XVII в. Йодокусом Хондиусом, знаменитым фламандским картографом и гравером. Территория «Тартарии» («Московия» – ее органичная западная часть) на этой карте представляет собой остров, отгороженный от остального мира, так картографы отгораживались от опасного соседства. С Севера его омывают «Северное море, Море Ньярен, которое суть Спокойное, Море Русское, Тартарское море, которое покрыто льдами». С Востока «Тартария» ограничена «Морем Пасифик». С южной стороны от древних цивилизаций Востока «Тартария» отгорожена «Великим Китайским Муромом», сиречь стеной, и морями песчаными: «Пустыней Лоп», «Пустыней Мукс», «Черной пустыней», а также поясом различных «орд» – «Тартарами Калмуками», «Тартарами Нагаями», «Заволжскими тартарами», «Перекопскими тартарами».

Карта сопровождается нарративом на французском языке, написанном географом из Амстердама Питером ван ден Бергом (Петр Монтан) специально для этой карты. *«Тартария простирается в сторону Севера по великим степям Скифии. Ее населяют тартары, привыкшие прославляться умеренностью и древностью своего народа. Говорят, что они происходят от Авраама, и никогда и никому не служили, сколько бы на них не шли войной – Александр Великий, Дарий, Кир, Ксеркс и другие могущественные государи и народы. Ранее они служили одному только Хаму, или Господину, но сейчас их царство разделено, и им правят множество князей. Имя страны происходит от названия реки Тартар, у нас называют ее «Магог», а местные жители именуют «Мунгул», по имени страны, граничащей с ней с Севера. Тартария граничит на Восто-*

ке с Китайским царством, на Юге с Индией по рекам Ганг и Окс, на Западе с Каспийским морем и Польшей, а также Московией, а на Севере – с Ледовитым морем.

Первый царь у тартар именовался «Канги, или Хама», Павел Венет называет его «Кинхин». Сына же его звали «Екухам», третьего царя, которого некоторые также называют «Бату», «Зайхам»; четвертого – «Темур Кутлу, или Тамерлан», который взял в плен турецкого императора Баязета, заковал его в золотые цепи и возил его с собой в клетке по всей Азии [...].

Страна (Тартария) по большей части представляет собой пустыню, печальную и невозделанную [...].

Тартария делится на две части, а именно на Европейскую и Азиатскую. Европейская называется «Малой Тартарией», здесь расположено Царство Перекопских тартар. Она занимает ту часть Европейской Скифии, что между реками Борисфен, Псел и Десна, впадающими в Борисфен, малой рекой Танаис, обычно называемой «Донец», и самим Танаисом, а также Меотидском болотом и Понтом Евксинским...

Ранее здесь господствовали Скифы [...], но с тех пор, как из Азии пришли и воцарились здесь тартары, земля стала именоваться «Тартарией», а название «Малая» она получила, чтобы отличаться от «Великой Тартарии», которая находится в Азии [...].

Великая, или Азиатская Тартария делится на пять основных частей, а именно: пустынную Тартарию, Тартарию Чагатай, царство Туркестан, царство Великого Господина Кантена (Императора Китая) и Старую Тартарию».

«Пустынная Тартария» расположена между реками «Танаис», «Волга», «Яксарт» и горами «Тапир», «Себий» и «Имаус». «Она охватывает часть азиатской Сарматии и большую часть Скифии, что между горами Имаус. Она разделена на многочисленные Орды, среди которых важнейшие суть следующие: Заволжская, также называемая «ордой буларских тартар», орды Казанская, Ногайская, Тюменская, Шилбанская, Казацкая, Астраханская, которую также называют «царством», и Башкирская. Все они названы по имени городов. Их жители, ранее бывшие свободными, сейчас подчинены царству Московитов, кроме Тюмени, которая признает власть Великого Хама Катяна [...].

Последняя часть Тартарии – Старая Тартария, расположенная между реками Паропамис и Серик, или Китайским царством и Северным океаном, и проливом Аниан. Старой Тартарией ее называют потому, что именно отсюда пришло само имя «Тартар» [...].

Здесь есть много провинций, или орд, названия которых нам почти неизвестны. Ученые люди считают, что страны Унг и Монгул суть Гог и Магог, о которых говорится в Священном Писании».

Европейский читатель о тартарах мог узнать также, что «это народ жестокий, дикий, и свирепого нрава [...] Тартары всегда верхом, они не пользуются повозками на войне, у них множество сильных лошадей, у них нет никаких городов, на защиту которых они использовали бы свои войска [...].

Жен они всегда прячут. Следуя указанию природы, по примеру древних, о которых говорится в Библии, им разрешается иметь несколько жен. У каждого (тартарина) много детей и наложниц; и чем больше у них жен, тем больше те их любят, и их браки счастливы. Они не стремятся жениться на богатых, или женищинах редкостной красоты, или из знатного дома. Очень часто знатные князья женятся на рабынях, которых они купили [...].»

О боевом облачении татар говорится следующее: «Они носят длинные халаты без складок, приспособленные для боя и езды верхом. Во время боя они надевают большие длинные остроконечные белые клобуки, сверкающие так сильно, что они повергают в ужас их врагов, даже несмотря на то, что они не носят шлем...» В дополнение к

текстам на карте Хондиуса представлена зарисовка «татарского» быта: шатры, крупнорогатый скот, оседланный конь, повозка, а также вооруженные копьями воины.

Карта «*Московии или Белой России*» Гесселя Герарда Герритса 1613 г. базируется в основном на подлинных русских чертежах XVI века [16; 3, 258]⁷⁸. К нашей теме имеет непосредственное отношение часть латинского текста, помещенного на обороте перегра-вировки 1614 года: «*Также под властью Великого Князя Московского в его империи находятся некоторые Азиатские народы, которые обитают в Тартарских степях и кочуют в составе своих орд: Заволочские и Казанские тартары, Ногайцы, Шейбаниды, Козаки, Астраханские тартары, которые некогда имели свое государство, а также Башкиры.*

«*Новейшая карта России в исполнении Исаака Массы*» [21], голландского путешественника и картографа, увидела свет в 1636 г. На ней также присутствует тартарский ономастикон. Земля, простирающаяся от Волги до истоков Оби, называется «*Tartariae Pars*», в эту «*Часть*» входят следующие территории и народы: «*Тунгусы*», «*Самойеда*», «*Байда*», «*Обдора*», «*Сибирия*», «*Лукоморье*», «*Югория*», «*Пегая орда*», «*Казан*», «*Колмаки*», «*Булгария*», «*Нагай орда*», «*Колмаки*», «*Астракан*». На Западе от «*Астраканской земли*» кочуют «*Nagayski*», южнее «*Дикого Поля*», над Меотидой располагается «*Кримеа*, или *Тартария Пржекопская*».

Европейские картографы традиционно отмечали на просторах европейской «*Тартарии*» «тартарскую триаду», осколки Золотой Орды: «*Царство Сибирское*», «*Царство Астраханское*» и «*Царство Казанское*» [32].

«*Генеральная карта Украины, или демонстрация земель, изображенных по новым данным...*» Иоганна ван Кейлен (вторая половина XVII в.) [23, f. 18] дает нам, к примеру, следующий материал по «*Малой Тартарии. Государству Крымчаков, или Тартар Крыма, или Перекопа*», которое ограничено полуостровом «*Таврикой*», на северной границе этого государства находится сторожевое поселение «*Ор, или Перекоп*»; южнее показан внушительный ров («*Fossa*»), соединяющий Каркинитский залив с Сивашем.

На карте реки Волги 1665 г. Адама Олеария [15] на левобережье между городами «*Soratof*» и «*Zariza*» помещена большая миниатюра, на которой показан быт и нравы жителей этих степных земель – ногайцев и калмыков. Художник изобразил, как кочевые народы перевозят на верблюдах свои жилища-юрты; как они одеты; какие плоды произрастают в их земле (миниатюры диковинных для европейцев арбузов и дынь внушительных размеров); как выглядит конструкция юрты снаружи и внутри, и как в ней устроен очаг.

Тартарский ономастикон на карте «*Белая Россия, или Московия*» 1688 г. [30, f. 25] Гийома Сансона составляют: «*Крымские Тартары*» и «*Тартары Ногайские*». Кочевья последних находятся в области «*Малая Тартария*» (северный берег «*Меотидского Болота*»). «*Чиркасские Тартары*» на карте помещены между реками Дон и Кубань. «*Мордовские Тартары*» локализируются между городами «*Морума*» и «*Алатер*». А от Северо-Восточного берега «*Mar Caspio*» до области «*Тингу(т)ы*» начинается уже территория «*Великой Тартарии*».

Карта Николая Витсена, человека близкого к Петру I, является графическим дополнением к его труду «*Северная и Восточная Тартария*», опубликованному в Амстердаме в 1692 г., и в ее основу легли русские картографические материалы. Карта Витсена – первая реальная печатная карта Сибири, по своей информативности она превосходит даже русские чертежи той эпохи [42].

⁷⁸ Считается, что если карта Московии, использованная Герритсом, была вычерчена царевичем Федором Годуновым, который имел доступ к официальным секретным русским картам, в том числе и к «*Большому чертежу*», то карта Герритса – своего рода римейк несохранившейся графики Большого чертежа.

Через всю Сибирь протянулась надпись: «*Все Московское Царство с Великой Тартарией*». «*Черкесские Тартары*» занимают левобережье р. Терек; «*Тартары-Шафкали*» населяют Дагестан; «*Башкирские Тартары*» живут к Востоку от Саратова; «*Нагайские Тартары*» кочуют между Царицыным и Саратовым, на левобережье Волги; «*Уфимские Тартары*» расположились от р. Камы до Саратова; «*Великая Тартария*» простирается от Селенги и Орхона до «*Восточного Океана*» и от Амура до Великой Китайской Стены.

XVIII век. При Петре I Россия далеко шагнула в области картографии. В Сибирском приказе уже к концу предыдущего столетия было накоплено несколько сот листов «чертежей», и в 1696 г. правительство озаботилось составлением новой карты Сибири. Во все сибирские города были отправлены указы, где воеводам предписывалось составление отдельных планов городов и местностей, которые потом должен был свести в один чертеж изограф и исследователь края Семен Ремезов. В 1701 г. он составил первый русский рукописный атлас Сибири (до наших дней дошли 1 экземпляр и 2 рукописные копии), состоящий из 24 карт и именуемый «*Чертежной книгой Сибири*» [11, л. 23]. 23-й лист этой книги представляет собой первую русскую этнографическую карту Сибири. Подробно показаны границы расселения племен, места обитания каждого этноса выделены цветовой маркировкой. В «*Великой Тартарии*» отмечено 87 различных народов! [11, л. 23, с. 143–144]

На европейских же картах и в век Просвещения Россию продолжали именовать, как и триста лет тому назад, – «*Тартарией Московитов*».

«*Новая географическая карта великого Королевства Московии, представляющая южную часть*» Николая Висхера, была изготовлена в Амстердаме в 1706 году [33, f. 5]. Поволжье от Нижнего Новгорода до Астрахани на карте названо «*Московитской Тартарией*», которая состоит из: «*Царства Казанского, или Королевства Казан*», «*Герцогства Булгар*», «*Царства Астраханского, или Королевства Астракан*», которое включает в себя также земли «*Золотой Орды или Horde d' Or*», ограниченные реками Ахтубой и Ерусланом.

В Поволжье отмечены земли «*Народа Мордва*», «*Черемиссы Луговой или Равнинной*», «*Черемиссы Нагорной, или Горной*», «*Калмуков*» (миниатюры кочевий зритель может видеть между реками Иртыш и Самара); «*Орда Orlokouri*», «*земли Великих Нагаев, или Grand Nagay*», в которые инкорпорированы земли «*Метак*» на правобережье р. Еруслан (больше всего кочевых шатров изображено именно в землях Великих Нагаев); в низовьях Волги (правобережье) отмечены «*земли Гребенских казаков*», а южнее находятся уже «*владения Тартаров Астраканских, или Ногаев*».

Уделим немного внимания «*Карте, основанной на научных трудах, демонстрируются страны, населенные такими народами, как Турки, Тартары, Венгры, Поляки, Шведы и Московиты...*» Николя де Фера, увидевшей свет в Париже в 1711 г. [29], и рассмотрим регион, простирающийся вдоль бассейна «*R. Volga*», от «*Реки Кама*» до эстуария «*R. Iaick*» (см. рис. 7)

На карте помещены следующие области: «*Царство Казанское*» с центром метрополии «*Казан*»; «*Булгарское Царство, чья Восточная Часть была захвачена Тартарамы Калмыками*». Историческим центром «*Royume de Bulgar*» является «*Белояр, или Булгар*». Любопытно, как передано название «*Булгар*», явно с подачи русских информаторов. Южнее реки «*Иртыш*» обитает «*Орда Урлюкорская, или Олгаров, которые являются частью Великой Тартарии*». Данное кочевое объединение названо по имени калмыцкого хана Хо Урлюка, который в 1634 г. уничтожил независимое государство Ногайскую орду. Между рекой «*Дунгит*» и рекой «*Руслана*» кочует уже «*Калмыцкая Орда Князя Лапассана*». Регион между реками Волгой и Яиком отмечен точечной линией и цветом как отдельное независимое государственное образование, что свидетель-

ствуется о серьезном статусе земли, именуемой «*Великие Нагаи, или Тартары Ногаи, или Кочевники*», которая же суть и «*Астраханское Царство*», сиречь западная часть Мангытского юрта. Былую метрополию Ногаев, город «*Serachick*» читатель может видеть в устье реки «*Jaick*», он помещен на табуле, приблизительно на 46° Северной широты.

Южнее этникона «*Великие Нагаи*» кочует «*Орда*» с определением «*Отдельная*».

Здесь же зритель может видеть тень, отброшенную на карте начала XVIII века великим государством Средних веков «*Золотой Ордой*», которая и спустя 300 лет после своего распада, пусть даже в графическом виде, занимает свое место там, где некогда было сердце этой могущественной империи.

На «*Генеральной карте России*» Анри Шателена 1714 г. [31] в Сибири к Западу от Енисея расположены «*Самогезия, или страна самоедов*»; «*Кондория*»; «*Ободрия*»; «*Лукоморье*»; «*Пестрая орда*»; «*Тюменские тартары*» и «*Барабинские тартары*».

«*(Карта) Южная часть Московии по материалам Гийома де л'Иля, которая была дополнена Географами Р.(ейнье) и Й.(ошуа) Оттенсами в Амстердаме*» [34] была отпечатана в Амстердаме в 1720 г., и, судя по топонимике, основана на «*московитских*» материалах. Значительное количество русских топонимов на карте даны в латинской транслитерации.

Уделим внимание восточной части карты, которая именуется «*Тартария Московитская*», а также народам, там проживающим, не «*переходя*» на правый берег «*Volga R.*», с Севера на Юг. Итак, тартарская этнология: «*Черемисы Луговые, или Равнинные*»; «*Царство Казанское, или Королевство Казан*», с центром метрополии «*Cazan*»; «*Герцогство Булгар*», центром которого является «*Bulgar ou Belojer*» (в регион «*Duche de Bulgar*» входит «*Стень Уфимская*» и «*Поле de Buchzar*»); «*Тартары Башкиры*»; «*Великие Нагаи, или Le Grand Nagay*». В данном регионе помещена также «*Орда Орлокуры*»; «*Земля Пеновитца Гуркы*»; «*Земля Мамак*». В центре кочевий «*Le Grand Nagay*» находится ханская ставка, именуемая «*Стан Урга*», и миниатюры шести шатров. Скользим взглядом по карте далее на Юг, где видим кочевья «*Калмыков Торгаутов*». В «*Долине Зетир*» в бассейне реки «*Иргыз*» присутствуют четыре значка кочевий: «*Кочевье Аюки Хана. Предводителя Калмуков Торгаутов, народа, находящегося в подданстве России*». Европейские любители исторической географии могли видеть на карте пять шатров, один из которых – самый большой – является ханским.

Южнее раскинулось «*Царство Астраханское, или Королевство Астракан*». На карте, выпущенной на берегах реки Амстель, на землях «*Королевства d' Astracan*» сквозь века до нас доносится эхо от некогда могущественного государства Золотая Орда. У истоков реки «*Руслана, или Рустана и Геруслана*», к Востоку от «*Соленого озера*» присутствует топоним «*Золотая Орда, или Horde d'Or, государство, которое здесь в прошлом было очень могущественным*»; рядом художник поместил пять миниатюр кочевых станов, яркое свидетельство того, что кочевая жизнь на этих землях продолжается, а стало быть золотоордынское наследие живо.

Юго-Восточнее региона «*Золотая Орда*» в районе «*Озер Самарлы*» от реки «*Ахтуба*» до «*реки Бошой*» и «*Песков Нарин*» простирается бескрайнее «*Поле, или Стень Мамай*», где кочуют «*Калмуки Лавассан*». Места их кочевий маркируют одиннадцать изображений шатров, кочевых ставок; самый большой шатер – ханский.

Недалеко от устья реки Ахтубы («*Achtobs ou Achtopska Ustga*») изображен внушительных размеров археологический комплекс, именуемый «*Руины Сарая, или Царевгорода*». Южнее пустыни «*Sables de Narin*», «*Гор Устга*» и «*Долины Чабдерсаб*» находятся кочевья «*Великих Нагаев*». Регион, по которому кочуют «*Grand Nagaia*», окантовывает «*кочевой бахромой*» Северо-Запад и Север «*Каспийского Моря*».

Иоганн Баптист Хоманн, работавший на Петра I и поэтому снабжавшийся русскими материалами для картирования «*Тартарий*», изготовил в Нюрнберге в 1725 г.

«Новейшую генеральную карту всей Российской империи, показывающую великую часть земного шара от Арктического полюса вплоть до Японского моря и северных границ Китая, а также недавнюю дорогу царских Послов из города Москвы через всю Тартарию в великую Китайскую Империю...» [17]. Следует подчеркнуть, что на этой карте впервые, вместо расхожего в Европе наименования «Московское царство», появляется название «Российская империя». Границы России показаны в соответствии с Ништадтским мирным договором.

На Юге Российская империя граничит с «Малой Тартарией»; «Черкесскими Тартарами»; «Аральским герцогством»; многочисленными племенными объединениями «Бродячих Калмыков»; «регионом Найда» и «Китайской Тартарией».

Проанализируем ряд карт, изготовленных в период с 1723 по 1788 гг. из «Универсального Географического Атласа первого географа Гийома Делиля и Филиппа Бюаши (Французской) Академии Наук...», изданного в Париже в 1789 г. [28, ff. 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120] Лист № 116 посвящен «Карте Тартарии... 1766». Титул карты посвящен жизни степняков и декорирован миниатюрами шатров и бытовыми сценами. В «Малой Тартарии» (Северное Причерноморье) преобладает «народ Нагаи»; земли «Малых Нагаев», именуемых также «Черными Нагаями» или «Черными Тартарами», которые входят во «Владения, зависящие от Кана Тартарского» (водораздел Дона и Кубани); отмечены также «Кубанские тартары»; «Азиатская Россия, или Русская Тартария», разделенная на «gouvernet» на Западе и «province» на Востоке.

Границы «Тартарии» протянулись от реки «Дон» до «Камчатского Моря, которое именуется также Море Лама»; «Независимая Тартария» раскинулась от Арала до Гоби, и включает в себя «Калмуков Елюя», центр кочевий которого в виде шатров изображен по обоим берегам «р. Или». В «Независимую Тартарию» входит также владения Среднего жуза – «Казачья Орда» (по берегам р. Сырдарья). Кроме того, на карте отмечены «Тюменские Тартары»; «Татармупы» (северный Кавказ); «Великая Тартария» простирается от «каракалпаков» до народа «гиляков», ниже южной границы России; «Китайская Тартария» – от области Халка до р. Амур; а центр «Tartarie Chinoise» расположен в «Урге, или Поле». Рядом с миниатюрами шатров присутствует легенда: «На этом месте, или поблизости был Карак(ар)ум – Столица Ченгискаана». Север и Северо-Восток «Тартарии Московитов» омывают «Mer de Len», «Mer d'Amour» с правильно изображенной береговой линией, лишний индикатор того, что авторы были знакомы с русскими чертежами Сибири.

На замечательной карте Северного Причерноморья 1772 г. Рицци Дзаннони [35] показана граница между Россией и Турцией, установленная после русско-турецкой войны 1735–1739 гг., снабженная укрепленной линией, построенной в 1740 г. против набегов ногайских и очаковских татар, которая протянулась от крепости Ивановской на правом берегу Днепра до крепости Старой Архангельской (22 укрепления!). На карте показаны многочисленные становища очаковских, буджакских и ногайских татар. На левобережье Днепра в «Земле Ногайских Татар» отмечены: «Орда Югури» (севернее Конских вод); «Орда Ивак» (верховья р. Крынка); «Орда Телиак» (верховья р. Ак Сую); «Орда Кжиджгут» (среднее течение р. Кара Дерези); «Орда Ногайская Ямбудук» (верховья р. Кара Дерези); «Орда Канглы Аргаклы» (западнее озера Куру-Гелю); «Орда Хаджи Керай» (в бассейне р. Хейян Дерези).

На правом берегу Днепра в «Земле Татар Озю-Кала» (очаковских татар) присутствуют: «Орда Мир-Али» (напротив крепости Богузин); «Орда Он-Чадыр» (верховья р. Румили Дерези); «Орда Казай-Мирзы» (близ озера Кук-Куйю); «Орда Ягы Запезаклы Ислам Керай» (в среднем течении р. Тана-Идель); «Орда Кротоякы» (истоки р. Салкан-Дере); «Орда Истра» (напротив крепости Степановской); «Орда Татар-Меджет» (напротив крепости Геремолейской); «Орда Генеviz» (истоки р. Тузлы); «Стан Кеви»

(севернее впадения реки Грамоклейки в Ингул); «*Орда Иркин Канглы*» (напротив крепости Богоюл); «*Орда Алах-Мирзы*» (Северо-Восточнее Очакова); «*Орда Исмаил-Мирзы*» (близ устья р. Олю-Кагальниг); «*Ногайская Орда Йедсаны*» (у истоков р. Урмань-Идель). Близ этой кочевой ставки присутствует самая большая миниатюра кочевого города, в центре которого возвышается ханский шатер в окружении многочисленных шатров поменьше (12 штук), увенчанных аламами, чтобы у западного читателя не возникали вопросы по поводу того, какого вероисповедания придерживаются данные кочевые объединения. Западнее земель очаковских татар, за рекой Олу-Тели Гелю простираются уже земли «*Буджакской орды*».

Рассмотрим уникальную карту Сибири – «*Новое географическое описание Великой Тартарии*» 1730 г. [19], составленную картографом с необычной судьбой. Шведский офицер Филипп Юхан Табберт фон Страленберг (Штраленберг) попал в плен под Полтавой в 1709 г. и находился в Тобольске с 1711-го по 1723 г., получив свободу после Ништадтского мирного договора. В основу его работы легли русские материалы. Русская топонимика дана в латинской транслитерации. В титуле карты выгравировано не стереотипное европейское написание «Тартария», а русский вариант – «*Таттария*»!

Насыщение карты топонимами не имеет прецедентов в западноевропейской картографической традиции. Показаны границы «*Царства Казанского*» и «*Царства Астраханского*». Сибирь именуется «*Сибирским Царством*». Здесь, несомненно, нашла свое отражение официальная титулатура российских правителей.

Средняя и Центральная Азия названы традиционно «*Великая Таттария*», на Западе ее границу составляют низовья Волги и «*Астраханское Царство*», на Востоке – эстуарий Амура. Перечислим земли и народы, населяющие «*Великую Таттарию*»: *Восточная часть Астраханского царства, Племя Кабдер, Яицкие козаки, Каракалпаки, Каракум, Аракум, Козачья Орда, Племя Джелчеклы, Племя Джусс, Племя Кунграт, Туркомания (северная часть), Белые Туркмены, Племя Кардери, Племя Джамакая, Племя Мингастаган, Туркустан, Калмыки Елюя (верховья Иртыша), Джунгарские Калмыки, Дикие Киргизские Дикие Таттары, Племя Караган, Степ, или Иртышская Пустыня, Народы Канкагаи, народы Телеуты, Земля Куманда, Мула Гойа, Степ, или Пустыня Карангузаган, Алтайская Степ Тала, которая также именуется «Белой Долиной», Провинция Камул, Мунгалы, Халка, Мунгалия, Безводная Пустыня Гоби, или как ее еще называют, пустыня «Хамо», Пустыня Тола, Монгольская Пустыня, Нивхия, Нивхи Картзин, Земля Гиляков, Юпи Таффары, Таргузинцы, Мунгалы Захар Найман.* Близ каждого названия кочевого племени художник поместил миниатюры шатров.

В европейской части России и прилегающих к ней южных регионах живут: *Вогуличи дикие, Сираены (Великая Пермь), Пермьки, Вотяки, Черемисы, Таттары Казанские, Мордва, Племя Юканское, Племя Тирса, Племя Сингран, Племя Салгат, Племя Джагатайское, Племя Бучзар, Племя Бигатин, Племя Айюглы, Племя Зелюр, Племя Катайск, Племя Назармамуды, Кипчаки, Великие Ногаи, Мамаева Степ, где находится ставка Племени Кабдерсай (в земле Великих Ногаев между Ахтубой и Яиком), Кубанские Таттары, Нагаи Малые (степи северного Приазовья). Кара Чиркасы* проживают близ *Куликова поля!* Насколько мне известно, это самое раннее упоминание данного топонима в картографии.

На карте приведено известие об основании столицы Золотой Орды: «*Царица, или Царев Город был основан тогда, когда Таттары из Венгрии ушли*». Здесь любознательный швед повествует нам о строительстве столицы Золотой Орды. Как помним, в декабре 1241 г. умер Хан Угэдей, и монголы во главе с ханом Батыем в связи с этим в марте 1242 г. прекратили Западный поход и двинулись обратно на Восток.

Приблизительно в 80 верстах южнее, на левом берегу Ахтубы изображены три небольших квадрата, обозначающие археологический комплекс, руины еще одного Сарая, а рядом присутствует комментарий «*Руины Города Шере Сарай*» («*Shere-Sarai*»).

В 1745 г. Российской Академией наук был издан «*Атлас российский, состоящий из 19 специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями*».

Лист № VII представляет «*Малую Татарию с пограничною Киевскою и Белгородскою Губерниями. Сия карта содержит лежащая около Днепра, Дону и Донца земли, також весь Крым и часть Кубани с Черным морем. Утверждается на вышеереченном треугольнике, сочиненном между Киевом, Очаковым и Азовом, и на достоверных известиях о течении рек Днепра, Донца и Дону*».

Лист № IX демонстрирует «*Царство Казанское с окольными провинциями и частию реки Волги. Содержит большую часть царства Казанского и ближния места по рекам Волге и Каме. Сия карта утверждается на треугольнике исчисленном между Москвою, Казанью, и Астраханью, также и на обретающихся в Географическом Департаменте о реке Волге достоверных известиях*». [1, л. VII, л. IX].

Русскими картами, на которых отразилось историческое наследие одного из великих государств средневековья – Золотой Орды, мне хотелось бы завершить этот краткий картографический обзор. А топонимы «*Великая Тартария*» и «*Малая Тартария*», которые неизменно присутствовали на картах Европы вплоть до начала XIX в., свидетельствуют о том, что память об империи Чингиз-хана и государств – ее наследников – не стерты неумолимым временем.

Свет от потухшего светила, каким было могущественное государство Золотая Орда, пробивается к нам через столетия, отражаясь и искажаясь в картах, покрытых многовековой патиной «*графических зеркалах*», в которых отпечаталось время. Но несмотря ни на что, такой ценный исторический и «*геополитический*» источник, как старинная карта, аккумулирующий в себе различные знания и представления о землях и народах, приправленные политической глазурью мотивированных заказчиков и исполнителей, отражающие их менталитет, знакомит читателя со средневековой историей Евразии. А та информация, которая помещается на ограниченной площади – сравнительно небольшом листе бумаги или пергамента, – является своего рода «*источниковой солью Земли*», значимость которой трудно переоценить.

1. Атлас Российской, состоящей из девятнадцати специальных карт представляющих Всероссийскую Империю с пограничными землями, сочиненной по правилам Географическим и новейшим обсервациям, с приложенною притом Генеральною Картою Великия всея Империи, старанием и трудами Императорской Академии Наук. СПб., 1745. 20 листов карт. Государственный исторический музей (далее – ГИМ); ГО-172.

2. Багров Л. История картографии. М., 2004. 319 с.

3. Багров Л. История русской картографии. М., 2005. 521 с.

4. Готье Ю.В. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937. 308 с.

5. Готье Ю.В. Материалы по исторической географии Московской Руси. М., 1906. 59 с.

6. Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Карты всей России и Южных ее областей до половины XVII века. Вып. I. Киев, 1899. 15 с., 45 табл. карт.

7. Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Карты всей России, Северных ее областей и Сибири. Вторая серия. Вып. I. Киев, 1906. 28 с., 42 табл. карт.

8. Фоменко И.К. Атлас Тартарии. Евразия на старинных картах: Мифы. Образы. Пространства. М.-Казань, 2006. 479 с.

9. Фоменко И.К. Новое описание Северных Регионов, включая Московию... Ян и Лукас Дутекумы (1562–1572). М., 2010. 52 с.
10. Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII – XVII в. Издание второе. М., 2011. 400 с.
11. Чертежная Книга Сибири составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. Исследования. Перевод. Комментарии. Указатели. Авторы текстов: Л.Н. Зинчук, Н.Е. Котельникова, И.В. Левочкин, В.Ф. Молчанов, А.В. Постников, Ж.В. Устименко. Т. 1–2. М., 2003. Т. 1. 48 листов карт. Т. 2. 176 с.
12. Джурова А., Димитров Б. Славянски ръкописи, документи и карти за българската история от Ватиканска библиотека и секретния архив на Ватикана (IX–XVII вв.). София, 1978. 149 с.
13. Кордт В.О. Матеріяли до історії картографії України. Частина перша. Київ, 1931. 34 с., 41 лист карт.
14. Abrahamus Ortelius. Theatrum Orbis Terrarum. Facsimile edition. Antw. 1570. Lausanne, 1964. 53 f. карт.
15. Adam Olearius. Accúrata delineatio Nobilissimi toti Eúropae flúminis Wolgae olim Rhaictae. Sculps Christ Rothiesser. [Шлезвиг], 1665. ГИМ, ГО-6171.
16. Hessel Gerard (Herrits). Tabula Russiae. Amsterdam, 1613. ГИМ, ГО-6523.
17. Iogann Baptist Homann. Generalis Totius Imperii Russorum Novissima Tabula. Norimberg, 1725. ГИМ, ГО-6368.
18. Josse de Hondt. Tartaria. Amsterdam. [Начало XVII в.] ГИМ, ГО-6074.
19. Philipp Johann von Strahlenberg. Nova Descriptio Geographica Tattariae Magnae iam orientalis quam occidentalis in particularibus et generalibus Territoriis una cum Delineatione totius Imperii Russici imprimis. Siberiae accurate ostensa. Stocholm, 1730. ГИМ, ГО-5951.
20. Ioannes, Lucas Duetecum. Regionem Septentrionalium, Moscoviam, Rutenos, Tartaros, Eorumque Hordas Comprehendentium, Ex Antonii Jenkesonii Et Sigismundi Liberi Baronis Ab Herberstein Itinerariis, Nova Descriptio. Ioannes, Lucas Duetecum. (1563–1572 г.). ГИМ, ГО-6350. 3 f. (в общей рамке).
21. Isaac Massa. Novissima Russia Tabula. Amsterdam, 1636. ГИМ, ГО-272.
22. «Theatrum Orbis Terrarum». Антверпен, 1588–1612(7). ГИМ, ГО-5926. Карта происходит из испаноязычного издания атласа Абрахама Ортелиа
23. Gerardus Valk et Petrus Schenk. Typus Generalis Ukrainae sive Palatinatum Podoliae, Kioviensis et Braczlaviensis terras nova delineatione exhibens. Amsterdam. Конец XVII в. ГИМ, ГО-2400/18. 34 f. карт.
24. Bagrow L. A history of cartography of Russia up to 1600. V.I. Ontario, 1975. 139 p.
25. Lithuania on the Map. Comp. Bieliūnienė A., Kulnyté B., Subatniekienė R. National Museum of Lithuania, 2002. 218 p.
26. Nordenskiöld A. E. Facsimile-Atlas to the early history of cartography with reproductions of the most important maps printed in the XV and XVI centuries. Stockholm. MDCCCLXXXIX. 141 p; 51 plates & maps.
27. Wigal D. Historic maritime maps used for historic explorations 1290–1699. N.-Y., 2000. 264 p.
28. Guil. Delisle Phil. Buaché. Atlas Géographique et Universel, par et Guil. Delisle Phil. Buaché Premiers Géographes de l'Académie des Sciences. Et par Dezauche Ingénieur Géographe, et Successeur des S-rs Delisle et Buaché. A Paris chez Dezauche rue des Noyers. Avec Privilège d'Auteur. Paris, 1789. V. II. ГИМ; ГО-2533. 68 f. карт.
29. N. de Fer. Carte pour L'Intelligence des Affaires Presente, des Turcs, des Tartares... Dressée sur de Nouveaux Memoires par N. de Fer... A Paris... 1711. ГИМ; ГО-13304
30. Gulielmo Sanson, Hubertus Jaillot. La Russie Blanche ou Moscovie. Paris, 1692. ГИМ, ГО-5712/25. 196 f. карт.
31. Henry Schatelen. Carte Generale des Etats du Czar, ou Empereur de Moscovie. Amsterdam, 1714. ГИМ, ГО-5944.

32. N. Sanson le fils. *Estats du Czar ou Grand Duc de la Russie Blanche ou Moscovie*. Paris. [Первая половина XVII в.] ГИМ, ГО-6363.
33. Nicolas Visscher. *Nouvelle Carte Geographique Du Grand Royaume De Moscovie Representant La Partie Meridionale...* Amsteldam, 1706. ГИМ, ГО-2400/5.
34. R. & J. Ottens. *Partie Meridionale de Moscovie dresée par G. de L'Isle Rectifié & Augmente par R. & J. Ottens Geographes a Amsterdam* [1720]. ГИМ; ГО-13317.
35. Rizzi Zannoni. *Carte des Frontières de Pologne depuis Balta jusques à la Riviere de Sina-Woda; contenant le Territoire des Kosaks de Human et de Zaporow; kes Deserts des Tatares d'Oczakow, de Bessarabie et du Nogai avec leurs Hordes telles qu'elles furent situies à la fin de 1767, par les ordres du Khan de Krimée...* // *Carte de la Pologne*. London, 1772. ГИМ, ГО-170.
36. Roncière De La C. *La decouverte de l' Afrique au Moyen age. Cartographes et exploreurs*. Le Caire. 1925. Т. I. 175 p.; Т. II. 147 p.; 37 planches.
37. Almagià R. *Monumenta cartographica Vaticana*. Т. I. Città del Vaticano. 1944. Т. I. 157 p.; 56 Tav. Fol.
38. Frabetti P. *Carte nautiche italiane ad XIV al XVII secolo conservate in Emilia*. Firenze, 1978. XXIV p.; 188 p.; 40 tav.
39. Portolani e *Carte Nautiche XIV–XVIII secolo dalle collezioni del Museo Correr Venezia e Museo del Topcapi – Istanbul*. Istanbul, 1994. 170 p.
40. *Cartografia Mallorquina*. Barcelona, 2000. 201 p.
41. Kretschmer K. *Die Katalanische Weltkarte der Bibliotheca Estense zu Modena* // *Acta Cartographica*. Vol. II. Amst., 1968. P. 358–432.
42. Niclaas Witsen. *Lant Kaarte, vant Oost Tartarie*. Amsterdam. [Конец XVII в.] ГИМ, ГО-6068.

Заключение.

Золотая Орда и татарские юрты в мировой истории

Вадим Трепавлов

В XIII веке в результате многолетних завоевательных войн Чингиз-хана и его преемников была создана Монгольская империя. На огромном пространстве Монгольской империи сформировались сходные (по основным параметрам) структуры верховного и местного управления и финансовая система. В этом смысле можно говорить о *Rex Mongolica* – сфере политического господства и влияния монголов, точнее, их имперской государственности. Сложилась полиэтничная мультикультурная система – одна из первых в мировой истории, позволившая привести в действие процесс первичной глобализации (о чем сказано выше, в предисловии М. Фаверо). Однако, в отличие от других известных в истории *Races*, там не сложилось общего культурного пространства. Возможно, это объясняется слишком кратким (в половину столетия) сроком, отведенным на существование единого Еке Монгол Улуса. Сравнительно мало сказалось его воздействие на культуру соседних государств (может быть, за исключением некоторых китайских изобретений, перенесенных с купеческими караванами на другой конец континента).

Традиционные нормы государственного строительства, организации экономики и культурные стандарты, присущие кочевникам и практиковавшиеся у монголов в начальный период создания империи, оказались наиболее жизнеспособными на ее степных территориях – в Коренном юрте (Монголии) и Улусе Джучи (Золотой Орде). Этого нельзя сказать об улусах Чагатая (в его мавераннахрской части) и Хулагу. Оседлые цивилизации, включенные в империю Чингизидов, имели собственную развитую государственность и культуру, поэтому правление завоевателей там осуществлялось руками местных властей (Русь, Уйгурия, страна енисейских кыргызов и др.) или пришельцы-монголы сами перенимали локальные административные системы.

Нужно учитывать, что в первые десятилетия после смерти Чингиз-хана его авторитет как основателя державы и сакрализованного предка регламентировал многие аспекты внутриимперских отношений. Преклонение перед создателем Еке Монгол Улуса обеспечило на первых порах сохранение освященных им политических структур и идеологических конструктов. Однако со временем, по мере развития социальных процессов в улусных ханствах и аккультурации центральноазиатских мигрантов на завоеванных землях, постепенно складывались иные формы политической, хозяйственной и культурной жизни. В улусных ханствах набирали силу мощные традиции, которые существовали в поработанных странах до завоевания. Их правящие элиты вынуждены были приспосабливаться к местным условиям. Джучиды и Хулагуиды приняли ислам и вместе с ним ориентацию на городское мусульманское чиновничество и купечество; юаньские императоры китаизировали двор и все государство, установив налогообложение, провинциальное деление и чиновничий аппарат в традиционно китайских формах.

Джучиев улус существовал в относительно более многомерном цивилизационном пространстве, чем чингизидские ханства в Средней Азии, Иране и Китае. Опора верховной власти не только на квалифицированных бюрократов, но и, в равной степени, на сотни тысяч рядовых степняков – основную массу налогоплательщиков и основу армии, – которые сохраняли привычный и престижный кочевой образ жизни, придавала этому государству своеобразие, порождала сосуществование кочевых и оседлых традиций и институтов. В зависимости от разнообразных политических перипетий, экономических трансформаций и природных катаклизмов, локальный оседло-земледельческий

цивилизационный субстрат (подпитывавшийся в основном из Хорезма и отчасти из Крыма и бывшей Волжской Булгарии) то усиливал свой удельный вес в государстве, то ослабевал, уступая место кочевническим нормам жизни.

Подобно тому, как происходила китаизация управления в империи Юань («Улусе великого хана») и иранизация у Хулагуидов, в Золотой Орде возрождались «матричные», домонгольские формы государственности, присущие данному региону Евразии. В этом отношении дополнительный смысл приобретает известное замечание ал-Омари о том, что «земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кипчаки». Огузо-кипчакское многовековое наследие становилось все более заметным в устройстве Джучиева улуса.

Сумятица, внесенная монгольским завоеванием и отстранением от власти прежней кипчакской элиты, уступила место мирной и стабильной жизни в могущественном и богатом государстве. На просторах бывшего половецкого «Дикого поля» установилась жесткая и стройная улусная система с десятичным делением населения. Ордынское правительство не допускало самовольных переходов из одного улуса в другой, чтобы не нарушать стройной организации налогообложения и военной мобилизации. Относительно мирная и сытая жизнь на протяжении десятилетий имела благоприятные демографические последствия. Степные племена множились, делились и ветвились, и их беки (эмиры) обретали все больше подданных. В кочевом мире это означало повышение социальной значимости и политического влияния нединастической знати. Происходило постепенное усиление беков-предводителей племенных объединений (*элей*). Оно было порождено не только благоприятными экономическими и демографическими условиями развития кочевого населения Улуса Джучи во второй половине XIII – первой половине XIV в., но и кризисами и репрессиями в правящем доме Бату во время правления Токты и в начале правления Узбека, когда Джучиды в борьбе за власть теряли опору среди сородичей, членов династии, и находили ее у кочевых беков. Соответственно происходило внедрение этой категории татарской аристократии в круг высшей правящей элиты.

Временные замирения между традиционно враждовавшими Джучидами и Хулагуидами, а также принятие ордынцами ислама как государственной религии стимулировали проникновение в Золотую Орду персидских и огузо-сельджукских элементов государственного устройства.

Этому сопутствовала тюркизация двора, чиновничества и делопроизводства. Наряду с различными внешними заимствованиями в имперской и ордынской культуре (см. статью И. Вашари в настоящем издании), она усиливала поликультурное разнообразие общества в Джучидской державе.

Золотая Орда прошла путь от отдаленного провинциального удела, переданного в управление одному из Чингизовых сыновей, до независимой могущественной империи, которая вершила судьбы окрестных стран и народов на протяжении двух столетий. Ее воздействие на историю и цивилизацию Евразии оказалось долговременным и многозначным, нуждающемся в подробном и объективном исследовании.

Вопрос о разнообразных формах ордынского исторического и культурного наследия давно поставлен в науке. Впервые мысль о существовании такого наследия была напрямую высказана школой евразийцев – российских историков-эмигрантов. Однако большинство их занималось не скрупулезными историческими штудиями, а общим осмыслением исторического пути России. Поэтому евразийская идея появилась на свет (и, по большей части, продолжает существовать) не как историографическая теория, а как историко-софская концепция, еще ждущая своего наполнения фактическим материалом.

Общая схема евразийской идеи сводится к исторической преемственности великих континентальных держав – Тюркского каганата, Монгольской и Российской империй, которые объективно передавали друг другу функцию «собрания» народов в общих гра-

ницах. При такой трактовке Россия (иногда добавляют: и СССР) выступает в качестве наследницы великой объединительной миссии предыдущих сверхдержав Евразии.

Неоднократно предпринимались попытки определить многообразные проявления цивилизационной связи России с Востоком. Как правило, ярким показателем такой связи считаются заимствования из Золотой Орды XIII–XV вв. и из более ранних тюркских государств. Разумеется, бесспорные примеры существуют – прежде всего, в русской аристократической титулатуре и социальной терминологии (каган, тархан и т.п.), в финансовой системе средневековой Руси, в организации ямской службы и проч. Хотя некоторые авторы абсолютизируют размах восточных заимствований, приписывая татарское происхождение, например, русскому поместью и Земскому собору (Я. Пеленски).

Методика определения восточных заимствований впервые была сформулирована, очевидно, Г.В. Вернадским: если какого-то явления или института не было в домонгольской Руси, но они фиксируются в XIV–XV вв., значит, они возникли в татарский период и могли быть переняты у ордынцев. Рискованность такого способа анализа очевидна, но пользуясь им, Вернадский сумел выделить ряд позиций в экономической, политической и военной сферах жизни Руси, где явно просматривались азиатские прототипы. На основании этой же методики исследовали влияние Золотой Орды на Русь Д. Островски и Ч. Гальперин. Но для полноценного применения такого подхода нужно знать, существовали ли, и если да, то в каком виде, рассматриваемые явления в Золотой Орде. А это пока является труднодостижимым из-за слабой изученности ее истории.

Поставленная евразийцами проблема русско-ордынских отношений и ордынского влияния на средневековую Русь составляет часть более широкого круга вопросов – об историческом, государственном и культурном наследии, общем для народов Евразии.

В пределах бывшей Монгольской империи, уже после ее распада, наследие монгольского владычества, влияние имперских учреждений и установлений сохранялось местами довольно долго. В качестве примеров назовем – по степени убывания интенсивности данного влияния – политические образования Великой Степи и Средней Азии; Иран; Московское государство.

В Степи и Средней Азии этому способствовали неизменность населения и правление кое-где Чингизидских династий; в Средней Азии к названным факторам добавился своеобразный ренессанс имперской государственности при Тимуре, который, как известно, задался целью восстановить Еке Монгол Улус (захватил власть в Улусе Чагатая, завоевал бывший Улус Хулагу, разгромил Улус Джучи и умер в походе на минский Китай – недавнюю империю Юань). В Иране монгольское наследие наложилось на старые традиции издавна обосновавшихся здесь тюркских (огузо-туркменских) племен, которые пользовались на Среднем Востоке огромным политическим влиянием. В Московском государстве стимулом сохранения монгольского (здесь опосредованного золотоордынским) наследия являлась необходимость управления присоединенными к России бывшими ордынскими подданными с помощью татарских административных приемов.

Золотая Орда имела разработанную и разветвленную систему управления. Она формировалась и изменялась на протяжении почти всех трех столетий существования государства. Начав с введения в завоеванном Дешт-и Кипчаке традиционных, принятых для всей Монгольской империи институтов, Джучиды впоследствии сумели также рационально использовать административные традиции покоренных народов и соседних стран. Образовался сложный комплекс управленческих органов и должностей, иерархически организованных центральных и местных ведомств.

Историки традиционно проявляют большой интерес к джучидской системе управления, что вызывается несколькими причинами. Во-первых, она оказалась настолько устойчивой, что надолго пережила государство, в котором была создана, и продолжала функционировать (в основных чертах) в наследных постзолотоордынских ханствах и

ордах. В других бывших улусах Монгольской империи – в Китае и Иране – этого, как известно, не произошло.

Во-вторых, система управления Золотой Орды объективно оказывала значительное воздействие на русские княжества. Поэтому изучение истории Руси XIII–XVI вв. оказывается неполным без учета этого фактора, и в историографии сложилось целое направление, изучающее восточные черты русской государственности и культуры.

В-третьих, государственность Золотой Орды обнаруживает достаточно редкий исторический пример длительного бесконфликтного сосуществования на огромной территории подданных, принадлежащих к разным сферам экономики (кочевые скотоводы и оседлые земледельцы), исповедующих разные религии и говорящих на разных языках.

Чингизиды повторили судьбу многих царских домов: как только династия теряет престол, так ее монополия перестает признаваться. В период конца XIV–XVI вв. государственная власть начала ими утрачиваться, и в реальной политике происхождение от Чингиз-хана уже не играло решающей роли. Такой переход проявлялся по-разному. Появились «гурганские» династии, когда для доступа к трону оказывалось достаточным породнение с «золотым родом» по женской линии. Дорогу к власти проложила, как отмечалось выше, нединастическая аристократия – беки тюркских племен, которые до середины XIV в. были почти не заметны в политике. В течение XV в. феномен возрастающего социального авторитета племенных предводителей оформился в виде института *карачи-беков* – лидеров ведущих элей (как правило, четырех), которые составляли неперменный совещательный орган при правящем хане в поздней Золотой Орде, Крымском ханстве и Касимовском царстве. Правление могло также осуществляться от лица безвластных Чингизидов-марионеток. Многие из них не известны историкам – настолько они были незаметны и ничтожны. Предназначение их заключалось только в том, чтобы своей сакральной персоной и молчаливым присутствием освящать, оправдывать всевластие действительного правителя.

Соответственно утрачивало значение и законодательство Великой Ясы, которая с разной степенью формальности соблюдалась в государствах на территории бывшей Монгольской империи. Новые своды законов пришлось составлять казахам в XVI в. («Касым ханнын каска жолы») и ойратам в XVII в. («Их цааз»).

Особо нужно отметить роль Золотой Орды в формировании этнической карты Евразии. Этногенез многих тюркских народов происходил на основе населения различных провинций этого государства. В послеордынскую эпоху на страницах документов появляются узбеки, казахи, ногайцы, кумыки и др. Происхождение современных этнических сообществ, обозначаемых этнонимом *татары*, тоже берет начало в Джучиевом улусе.

Во второй половине XV в. в источниках начинает фигурировать вольное казачество. Ситуация 1460–1500-х годов, когда Золотая Орда распалась, а вслед за ней неуклонно приближалась к коллапсу и Большая Орда, оказалась благоприятной для формирования в степях юга Восточной Европы казачьих общин. В то время они состояли почти исключительно из татар, прежде всего большеордынских. Казаки того периода – это маргинальные группы степняков, которые, может быть, номинально и продолжали считаться ордынскими подданными, но вели себя все более независимо.

Таким образом, проблема исторической роли Золотой Орды и ее значения в мировой и евразийской цивилизации очень обширна. Однако при изучении этого громадного круга вопросов на пути историков встают труднопреодолимые препятствия. Известно, что практически не сохранилось хроник, актов, документов делопроизводства, созданных непосредственно в Золотой Орде. Почти все известные тексты о ней написаны за ее пределами – нередко за тысячи верст от Орды и людьми, никогда в ней не бывавшими. С учетом этих сложностей возникает необходимость объединения и координа-

ции усилий ученых разных дисциплин: востоковедов, историков-русистов, археологов и др. – как из России, так и из других государств.

Примером международного сотрудничества является эта коллективная монография. Исследователи из разных стран, на основе анализа разнообразных источников, предложили свое видение сложных и дискуссионных аспектов ордынской истории. Надеемся, что читатель получил достаточно связную и объемную информацию о развитии Золотой Орды, ее отношениях с соседними странами и ее роли в глобальной политике XIII–XIV вв.

Во многом этот труд стал возможным благодаря успешной работе по изучению ордынской проблематики учеными Татарстана. В последние годы Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ все более заметно играет роль координатора этого научного направления. Проводимые Центром и Институтом научные мероприятия (конференции и дискуссии), публикуемые ими специальные периодические издания, выпуск в свет монографий и сборников по ордынской тематике привели к плодотворной кооперации коллег из научных центров разных стран.

Именной указатель

- Абага (Абак) – 231, 233, 234, 239, 366, 388, 530, 846
 Абаджи – 164
 Абаоцзи – 22, 23
 Аббас – 823, 833, 844, 849, 900
 Абд ал-Керим – 526, 754, 844
 Абд ал-Мумин – 849
 Абд ар-Рашид – 847
 Абдаллах (Абдулла) II Шейбанид – 801, 843, 848, 849, 853
 Абдаллах (Абдулла), хан при Мамае – 630, 681, 696, 697
 Абд-ар-Рахман – 67, 754
 Абдулгаффар Кырыми – 166, 175, 216
 ‘Абдулла ал-Куда‘и – 458
 Абдулла б. Ак-Кобек – 822
 Абдулла б. Ризван (Абди) – 522
 Абдул-Латиф – 766
 Абдуллах ал-Мустасим – 105
 Абдулразак Самарканди – 308
 Аблай-мирза Куликов – 822
 Абрахам Ортелиус – 909
 Абу ‘Аля ал-Ауши – 458
 Абу ‘Иса ат-Гирмизи – 458
 Абу Бакр – 149, 462, 707, 839
 Абу Бакр ал-Ахари – 247
 Абу Бакр ас-Сиддик – 872
 Абу Бакр Каландар Аксарай Руми – 461, 515, 525
 Абу Лейс ас-Самарканди – 458
 Абу Саид – 247, 344, 531, 534, 536, 583, 852
 Абу Талиба ал-Макки – 458
 Абу Хаййан ал-Андалуси – 30
 Абу Хамид ал-Газали – 458
 Абу’л Фида – 414
 Абу’л Касим ал-Кашани – 212
 Абу-л Хайр (Абулхайр) – 10, 156, 216, 308, 459, 527, 721, 736, 799, 801, 803–805, 832–834, 842–846, 851, 852
 Абу-л-Гази (Абуль-Гази) – 31, 33, 82, 139, 141, 146, 155, 260, 736, 802, 803, 842, 848, 849, 851
 Абулек – 846, 847
 Абулмузаффар – 459
 Абу-Ма’али б. Ахмед б. Мухаммед ал-Исфahanи – 458
 Абусейтова – 852
 Абу-Хамид ал-Гарнати – 36
 Авакбарун, сын Некамата – 326
 Аванеш б. Аминек – 846
 Августин Гиршфогель – 909
 Агаджанов – 80
 Агай-Тимур – 706
 Агалак – 799, 800, 804
 Агостино Джустиниани – 599
 Агостон – 878
 ад-Димашки – 30
 Аджак-бахадур – 711
 Адик – 853
 Адиль Гирей – 855
 Аднаш Хафиз – 521
 Адорно – 585
 Аеги – 883
 аз-Захир Баркук – 876
 аз-Захир Сайф ад-Дин Баркук – 335, 336, 346–349
 Азиз-Шейх (Азиз) – 630, 681, 697
 Айвазовский – 474
 Айдар, зять Улуг-Мухаммеда – 881
 Айдар, ногайский мурза – 820
 Акбуга (Акбуга Джамали) – 169, 874
 Аквилей Бертольд фон Андекс-Мераний – 52
 Аккубек б. Муртаза – 754
 Ак-Кург – 800, 804
 Ак-Мухаммед (Магмет), мурза – 821, 822
 Акран – 27
 Аксак Тимур (см. Тимур) – 697, 700, 701, 702, 705, 713
 Аксанов – 777
 Ак-Суфи – 314
 Ак-тайджи – 187
 Актау – 170, 173, 811, 877
 ал-Ашраф Шагбан II – 461
 Ала ад-Даула – 36
 Ала ад-Дин ан-Ногман ал-Хорезми – 460
 Ала ад-Дин Мухаммед – 27–32, 37, 77–85
 Ала ад-Дин Текиш – 25–27, 29, 37
 Алабин – 433
 ал-Актаб – 526
 Аламут – 28, 81–82
 Алан Лилльский – 130
 Алан-Гоа – 149
 ал-Аскалани – 347
 Алау – 275
 ал-Баззази – 34
 ал-Бирзали – 460
 ал-Бируни – 41
 ал-Булгари – 461, 462
 ал-Бухари – 458
 Алгуй (Алгу) – 237, 364
 Алдиер – 73
 Алегам – 864
 Александр (господарь Молдавии) – 880
 Александр (литовский князь) – 809, 883, 885, 889, 890
 Александр IV – 375, 376

- Александр Альдеа – 881
 Александр Великий – 198
 Александр Невский – 228, 241
 Александр Суздальский – 251
 Александр Тверской – 251
 Алексей Заболотский – 887
 Алексей Михайлович Романов – 819, 820, 857
 Алексей Петрович – 819
 Алексей – 259, 260, 312–314, 604
 ‘Али – 462
 Али, ногайский мурза – 820
 Али, сын Кучума – 801, 802, 804
 ал-Идриси – 36, 318, 435
 Али-заде – 534
 Алике – 844
 Аликеев Иван – 823
 Алишев – 781
 ал-Калавун – 459
 ал-Калкашанди – 267, 349
 ал-Макризи – 347, 348, 459, 876
 ал-Малик Аршаф Сейф-ад-Дин Барсбай – 875, 879
 ал-Мансур – 319
 ал-Марвази – 41
 ал-Мелик аз-Захир Рукн-ад-Дин Бейбарс I ал-Бундукдари, см. *Рукн ад-Дин Бейбарс* – 610
 ал-Муизз Изз ад-Дин Айбек – 589, 610
 ал-Омари – 267, 395–397, 417, 533, 552, 553, 555, 583, 600, 608, 923
 Алп – 301
 Алп Дерек – 34
 Алп Илетвер – 302
 Алп Кара Уран – 27, 31
 Алп Сол – 302
 Алп-Гирей – 768, 769
 Алтан – 73
 Алтыулы – 801, 837, 849
 ал-Хахим – 232
 ал-Хорезми – 459, 460
 Алчедай – 250
 Алып-батыр – 301
 ал-Айни – 159, 219, 249, 257, 412, 879
 ал-Аскалани – 698
 ал-Бакри – 676
 Альберик де Труа-Фонтен – 51
 Альберт (польский король) – 889
 Альберт фон Бехайм – 118
 Альберт фон Зуербеер – 373
 Альбрик – 114
 ал-Бухари, Мухаммед – 811
 Альгирдас – 420
 ал-Малик ан-Насир Мухаммед б. Калавун – 335, 342, 344
 Амброджо Контарини – 552, 557
 Амелькин – 867
 Аминек – 846
 Амин-малик – 29
 Амир Хусейн – 535
 Амир Хусрау – 608
 Анагуй – 19
 Ананд сын Саркиса – 437
 Ангелино Дулцерт – 415
 Андало да Савиньоне – 585, 587
 Андраш III – 377, 379
 Андраш Лацкфи – 420
 Андре – 133
 Андреас Валшпергер – 905
 Андреас Каппелер – 871
 Андрей II – 50–53, 55
 Андрей Мстиславич – 188
 Андрей Тарановский – 899
 Андрей Юрьевич Галицкий – 379
 Андрей Ярославич – 228, 236, 241
 Андреоло Чиврано – 256
 Андриоло Кивран – 592
 Андроник II – 248, 251, 390, 395, 412, 610
 Андроник III – 248, 251, 396, 397, 415
 Андроник Тарханиот – 388, 392, 394
 Анжело да Сполето – 414
 ан-Насави – 27, 29, 31, 33, 73, 79, 80, 82, 84, 86
 ан-Насир – 26, 28, 81, 82, 441
 ан-Насир ли-дин Аллах – 621
 ан-Насир Мухаммед – 341, 342, 344, 345
 ан-Насир султан – 244, 247, 248
 ан-Нувеири – 30, 139, 159, 209, 411, 412, 583
 Анри Шателен – 916
 Ансальдо де Мари – 117
 Ансельм Кремонский – 133
 Антон Вид – 909
 Антонг – 364
 Антоний Бонфиний – 911
 Антонио Грилло – 600
 Антонио Понци – 168
 Антонов – 317
 Ануш – 849
 Ануширван – 611
 Ань-Лушань – 21
 Аппак – 791
 Араб-Мухаммед – 848, 849
 Арабшах – 697, 842
 Аракин – 220
 Аргун – 210, 391, 530, 584, 592, 600, 611
 Ариг-Буга – 158, 164, 209, 230, 369, 529
 Аристалд – 406
 Арпад – 55, 56
 Арпа-хан – 248
 Арслан – 794
 Арслан б. Али – 818
 Архипов – 657
 Арыг-Буги – 621
 ас-Сагани – 458
 ас-Салиха Айюба – 337

- Ассан – 411
ас-Сараи – 460
ас-Сарахси – 458
Астайкин – 317
Атавин – 278
Атламыш – 397
Аттар – 516, 520
ат-Тафтазани, Са'д ад-дин (Саадеддин Эттеф-тазани) – 460, 515
Аттила – 65
Аффонс V – 906
Ахиджук – 259, 260
Ахинжанов – 31, 32, 34, 41, 42, 80
Ахмат (Ахмед) курский баскак – 162, 163, 236, 237
Ахмед (Ахмат) – 152, 155, 611, 702, 835, 843, 862–864, 883, 884, 897
Ахмед ал-Калкашанди – 412
Ахмед ал-Крыми – 460
Ахмед ал-Якуби – 303
Ахмед ат-Туси – 36
Ахмед Дагый – 518
Ахмед Джелаири – 700, 701
Ахмед Ургенджи – 519, 520
Ахмед Худжа Сараи – 518, 519
Ахмед Элходжошди – 460
Ахмед-Гирей – 800, 802–804, 848
Ахмед Ясави – 515, 516
Ахмеди Гирмияни – 523
Ашык Ариф – 523
Ашык Умар – 523
Аюрбарибада – 359
Бааритай-курчи-нойон – 65
Баба б. Барак – 847, 848
Баба Туклас – 525
Баба-Исхак – 811
Баба-Кулчи – 811
Баба-Мачин – 811
Баба-огул – 246
Баба-Салтук – 811
Баба-Тулчи – 811
Бабур – 845, 846
Бадакул – 852
Баданджу – 526
Бади-аз-Заман – 845
Бадр ад-Дина Мухаммед б. Мухаммед Кайсу-низаде Нидаи-эфенди – 522
Бадр ад-Дин ал-Амид – 84
Байалун-хатун – 169, 248, 251, 395
Байдар – 226
Байду – 535, 537
Байсулжар – 526
Бакайи – 523
Бакыргани Сулейман – 515, 516
Баландин – 449
Баласагуни Юсуф – 515, 516
Балдуин – 133
Балдуин II – 385
Балдуин де Эно – 385
Балдуччо Буффето – 590
Бандини Марко – 812
Барак – 216, 233, 364, 582, 622, 721, 847, 848, 852
Баранов – 475, 657, 658
Барбаро – 275, 277
Барбашев – 880
Баркук – 702
Бартоломей Пизанский – 331
Бартольд – 32, 81, 209, 304, 521, 848, 889
Барфилд – 15, 301
Бар-Эбрей – 535
Басараб – 415, 420
Басманов Иван Федорович – 822
Басманова Фетинья – 822
Бассо – 585
Баттиста Аньезе – 908
Бату (Батый, Бату-хан, Саин хан) – 33, 34, 50, 56, 65, 74, 76, 89, 91, 92, 96–99, 101, 113, 115, 133, 140–144, 149–151, 154–161, 167, 170–172, 193, 201, 205, 208–212, 225–230, 234, 240, 246, 260, 265, 302, 303, 311, 312, 322, 338, 339, 359, 360, 363, 367–369, 372–375, 377, 384–386, 405–408, 411–413, 435, 526, 529, 533, 542, 547, 620, 621, 623, 634, 636, 637, 645–647, 687, 697, 735, 797, 802–804, 842, 866, 895, 913, 918, 923
Баха ад-Дин ар-Рази – 78
Бахадур – 314, 842
Бахадур-Гирей I (Бахадыр Гирей) – 772, 855, 856
Бахтийар б. Хизр-хан – 843, 844
Бахтин – 809
Бахтияр – 790
Бачман – 34
Башкиров – 475
Баязид II – 398, 811, 876, 877, 883, 884, 888, 889, 913
Баян – 190, 211, 212, 240, 241, 364, 735
Баят – 27
Бейбарс – 335–341, 345, 349, 350, 364, 386, 391, 393, 394, 414, 459, 461, 472, 473
Бейбарс ал-Джашнакир – 342
Бейбарс ал-Мансури – 583
Бейхаки – 30
Бек-Булат (Бекбулат) – 161, 162, 170, 762, 800
Бек-Суфи – 716, 717, 763
Бектер – 60
Бек-хаджи эмир – 171, 185
Бек-Ярык – 170, 173
Бела IV – 53, 55, 114, 116, 118, 119, 122–124, 127, 140, 372, 376, 377, 384, 404, 408, 411, 895
Белавин – 320

- Белаур – 396, 397
 Белозерский – 737
 Бенедетто Грималди – 603
 Бенедикт XII – 31, 56, 166, 253, 254, 377, 380, 381, 895
 Бенедиктов – 680, 688
 Бербийан бахадир – 526
 Берг – 672, 676
 Бердибек – 161, 185, 190, 213, 254, 257, 259, 260, 272, 348, 453, 526, 529, 548, 556, 593, 602, 629, 647, 681, 682, 696, 697, 809
 Бережков – 100
 Берке – 5, 150, 154, 158, 160, 161, 167, 170, 209, 215, 227, 229–234, 240, 259, 267, 275, 334–340, 345, 349, 350, 359, 364, 366, 368–370, 375, 376, 386, 388, 414, 458, 459, 462, 464, 478, 527, 538, 549, 593, 605, 611, 620–622, 637, 638, 647, 758, 810, 844, 846, 848
 Берке Факих – 515, 516
 Беркечар – 233, 407
 Бернар Ваповский – 890
 Бертольд Андексский – 114
 Бестаньо – 585
 Билге – 21
 Бильбарс – 846, 847
 Бичурин – 304, 305
 Благова – 503, 504
 Блез де Виженер – 890
 Блохин – 638, 650, 651
 Блуш – 44, 45
 Бобров – 271, 279
 Боданинский – 473
 Бокаччо – 683, 684
 Болеслав V Стыдливый – 378
 Боначча – 585
 Бонифаций VIII – 531
 Боняк – 47
 Боорчу – 61
 Боракчин-хатун – 229, 230
 Боралтай Тараклы Кият – 170
 Борис Годунов – 794, 855
 Борис Одинцов – 883
 Борте – 60, 61, 72, 225
 Бортц – 53
 Бору – 168
 Бочетор – 407
 Брук – 668
 Брунетто Латини – 438
 Бруно Джордано – 519
 Бувал – 154, 232
 Бугурчак – 708, 711
 Бужек – 99
 Будрач Бёке – 441
 Буйдаш – 853
 Букра – 73
 Буланин – 90
 Булат-Темир – 313, 733
 Буляк – 794
 Буниятов – 26, 27
 Бури – 92, 99, 170, 363, 408
 Бурлук (Бурлюк) – 161, 162, 239, 413
 Бургас – 301
 Бурундай (Бурундай-Батыр, Бурундай-Багатур) – 158, 166, 375, 376
 Бурундук – 833, 835, 845, 852, 853
 Бурхан ад-Дин Ахмед – 876
 Бурханеддин – 702
 Бурхан-халдун – 60
 Бускареллоди Гизольфи – 530
 Буссай – 247
 Бучек – 170, 384, 407, 408
 Бучин – 65
 Бучинский – 669, 674
 Буянту-хаган см. *Аюрбарибада* – 359
 Вайт – 671
 Ваккас – 156, 832, 843
 Вакыйди – 458
 Ван Янь-дэ – 441
 Вани-эфенди – 858
 Ван-хан – 60, 61, 73
 Василёк князь – 158
 Василий – 707
 Василий Алексеевич, сибирский царевич – 819, 820
 Василий Васильевич Московский (Василий II) – 190, 720, 779, 788, 862, 863
 Василий Дмитриевич Московский (Василий I) – 708, 711, 718, 861, 862
 Василий Иванович Московский (Василий III) – 438, 782, 783, 791, 864, 898, 899, 909
 Василий Шуйский – 900
 Васильев – 549, 633
 Василько Волынский – 373, 375
 Вассаф – 209, 336, 626
 Вацлав I – 118
 Вацлав II – 379
 Введенский – 312
 Веджиа – 585
 Вельяминов-Зернов – 326, 794
 Вениер, Марко – 812
 Венцлав Миколаевич см. *Михалон Литвин* – 899
 Вернадский – 251, 592, 737, 924
 Вивальди – 585
 Вигли – 668
 Видин – 392
 Винничек – 626
 Висконти – 602
 Витовт – 164, 175, 276, 347, 735, 763, 808, 862, 879, 880, 896, 897
 Владимир – 103

- Владимир Юрьевич Мономах – 45, 47, 48, 89, 90, 94, 96, 98, 103
Владислав II Ягелло – 347, 880
Владислав IV – 901
Владислав Локетек – 379, 380
Волков – 560, 645
Волохов – 644
Воронин – 95
Всеволод Юрьевич – 93
Всеволожский – 779
Вук I – 878
Вяземский Юрий Борисович – 809
Габделмаджид – 518
Габдулла Тукай – 519, 869
Габсбурги – 898–900
Газали – 516
Газан – 210–212, 238, 240, 370, 531, 534–538, 552, 556, 626, 711
Гази – 301, 718, 721, 832
Гази II Гирей (Гази-Гирей) – 769, 891, 900
Гайворонский – 735
Галенко – 165
Гальперин – 924
Ганс Датский – 815
Гаррак и Ниу – 535
Гартман, епископ Юрьевский – 817
Гедик Ахмед-паша – 604
Гедимин – 248, 380
Гейхат – 210, 240, 370
Геннинг – 880
Генрих II Благочестивый (польский князь) – 895
Генрих III – 116
Генрих IV Распе – 131
Генрих Валуа – 890
Генрих Таубе – 381
Георге Брэтиану – 599, 606
Георгий I Тергер – 236, 390–392
Георгий Бранкович – 878, 879
Георгий Пахимер – 161, 386, 388, 393
Герард Меркатор – 911
Герберштейн – 272, 273
Герцен – 276
Гессель Герард Герритс – 914
Гизолфи – 585
Гийас ад-Дин II – 721
Гийас ад-дин Мухаммед Тулак – 630
Гийас ад-Дина I – 715, 717, 718
Гийасад-Дин ал-Гури – 26
Гийасад-Дин Балбан – 34
Гийом – 68
Гийом III Овернский – 101
Гийом де Адам – 326
Гийом де Боплан – 266, 272, 274, 275
Гийом де л'Иль – 916, 917
Гийом де Машо – 683
Гийом де Рубрук – 31, 50, 160, 165, 167, 169, 171, 174, 188, 193, 218, 231, 275, 311, 312, 385, 386, 411, 490, 552, 553, 555–557, 563, 568, 569, 635, 646, 656, 687, 736
Гийом Сансон – 914
Гирей (Кирей, Кирай, Керей) – 360, 833, 835, 844, 851, 852, 857, 897
Гирей б. Урус – 216
Гияс ад-Дин – 343
Гияс ад-Дин Курт – 247
Гиясаддин – 459
Глинские – 808
Гнездо – 381
Годунова Ирина Никитична – 818
Годунова Ксения – 815
Голден – 27, 32, 34, 441
Голицын Михаил Алексеевич – 819
Гончаров – 645
Гораций – 538
Горелик – 268, 271, 273, 278, 280
Городцов – 656
Горский – 96, 98, 708
Готтифредо ди Дзоальи – 602
Грегор Рейш – 908
Греков – 808
Грибов – 438
Григорий IX – 51–56, 115, 117, 130–132, 319, 328, 329
Григорий Абу-л-Фарадж – 385, 386
Григорий Алексеевич, сибирский царевич – 819
Григорий Протасьев – 194
Григорьев – 174, 533, 809, 891
Гричук – 669
Грум-Гржимайло – 13
Грушевский – 96
Губайдуллин – 453, 652
Гулевич – 761
Гумилев – 13, 14, 672
Гуюк – 92, 99, 100, 157, 209, 226–228, 230, 322, 363, 372–374, 405
Давид – 323
Давлетшин – 511
Дай-сечен – 60
Даниил Александрович Московский – 241
Даниил Галицкий (Даниил Романович) – 45, 94, 98, 103–105, 158, 159, 165, 166, 172, 174, 193, 373–375
Даниил Острожский – 380
Данило II – 392, 394
Данияр – 788, 789
Данков – 532
Данте – 517
Дашкевич – 219
Де Бридиа Ц. – 371, 372
де Пейсонел – 812

- Дева Мария – 603
 Девин ДеВиз – 215, 525
 Девлет-Бирди – 717, 718, 753, 763
 Девлет-Гирей – 757, 767, 768, 837, 899, 902
 Дервиш-Али – 754, 756
 Дервиш-хан – 314
 Дердеменд – 519–521
 Дерфер – 536
 Детекумы – 911
 Дешт-и Кипчак – 732, 733
 Дж. Э. Бойл – 209
 Джаббар-Берди – 702, 714, 763
 Джакомо Гастальдо – 909, 911
 Джакомо да Вараджине – 600
 Джалаириды – 529, 530, 537
 Джалал ад-Дин – 29, 30, 81, 83–87, 215, 441, 460, 637, 702, 710–713, 735, 753, 763, 877, 896, 898
 Джалаледдин Руми – 461, 516, 522
 Джамал ал-Карши – 76
 Джамуха – 60, 61, 73
 Джанай – 789, 886
 Жан-Али – 783, 791–793
 Джанибек – 164, 167, 189, 213, 241, 252, 254–260, 348, 360, 361, 365, 368, 381, 387, 397, 460, 461, 478, 502, 515, 525–527, 548, 556, 592, 593, 601, 602, 629, 630, 637–639, 647, 681, 688, 697, 699, 731, 735, 809, 833, 835, 844, 846, 851–853, 896
 Джанибек б. Урус – 216
 Джанибек-Гирей – 769, 859, 900, 901
 Джанибек ибн Махмуд – 754
 Джанике-ханым – 493
 Джани-Мухаммед – 849
 Джаниш – 852
 Джанкиши – 26
 Джанмухаммед – 523
 Жанноне Боско – 603
 Жанса (Джине) – 314
 Джарулла аз-Замахшари – 458
 Джебе – 157, 170, 404
 Джеки – 161, 167, 168, 389, 391, 393, 395, 413, 414
 Джексон – 130, 367
 Джелаириды – 530, 537, 611, 631
 Дженкинс – 672
 Джентиле – 585
 Джерик-Тимур – 394
 Джир-Кутлук – 213
 Джованни (Иоанн) – 343
 Джованни Вилани – 396, 408, 601
 Джованни да Монте Корвино – 220
 Джованни Квирино – 590
 Джованни Сорандо – 256, 600
 Джованни Стелла – 601
 Джованни Элемозин – 331
 Джорджо Капелло – 604
 Джуак – 852
 Джувейни – 27, 31–35, 62, 64, 67, 75, 78, 86, 94, 144, 187, 228, 538
 Джузджани – 31–34, 73, 75, 76, 80, 157, 229, 478, 537
 Джуки – 238, 239
 Джумадук б. Суфи – 842
 Джучи (Иочи-хан, Джучи-хан) – 33, 61, 72–76, 79–81, 85, 86, 138–140, 142, 146, 154, 157, 158, 160, 208, 209, 211, 215, 225, 229, 231, 233, 314, 361, 363, 364, 367, 407, 411, 526, 527, 542, 603, 604, 634, 695, 696, 733, 753, 754, 815, 851, 852
 Джучи-Буки – 314
 Джучиды – 11, 70, 76, 140, 144, 148, 270, 272, 345, 348–350, 364–370, 385, 386, 388, 542, 549, 557, 616, 618, 620–622, 636, 647, 815, 854, 876, 905, 922–924
 Джучиев Улус – 311
 Джучи-Хасар – 258
 Джэбэ – 85
 Димник – 96
 Дин-Ахмед – 837, 840, 848
 Дин-Мухаммед – 840
 Дия ибн Садалах ибн Мухаммед ал-Кырыми – 460
 Дмитр Дедько – 380, 381
 Дмитриев – 871, 872
 Дмитрий – 397, 602
 Дмитрий Александрович – 236
 Дмитрий Вишневецкий – 899
 Дмитрий Герасимов – 909
 Дмитрий Грозные Очи – 186
 Дмитрий Иванович Донской (Московский) – 192, 326, 584, 733
 Дмитрий Путятин – 883, 889
 Дмитрий Юрьевич Шемяка – 862
 Добромыслов – 631
 Долголядский Федор – 817
 Домбровский – 104
 Дорман – 392
 Дружинина – 268, 278
 Дува – 211, 240, 364
 Дурт хан – 526
 Дусмамбет – 520
 Духовников – 552, 567
 Дьорд сын Шимона – 379
 Дэвид Морган – 528
 Евфросинья – 235
 Егоров В.Л. – 154, 162, 312, 467, 487, 490, 546, 635–638, 640–642, 646–648, 650, 651, 687
 Еди – 73
 Едигер – 784, 800, 844, 846–848, 855
 Екатерина II – 772, 871
 Елена, дочь Георгия Тертера I – 239

- Елизавета Венгерская – 377
Елю Даши – 23, 32
Елюй Чуцай – 23, 67, 68
Емек – 27
Еминек – 170
Еникеев – 825, 826
Еникей – 825
Еремей Глебович – 93
Ерзен (Ирзан) – 212, 213
Ермак – 839
Ермоленко – 266
Ернич – 322
Есен Бука – 364, 365
Есугай-баатур – 60
Есун-Тэмур (Тайдинди Бэнцзи) – 360
Ефрем – 322
Ефросиния (внебрачная дочь Михаила VIII) – 388, 390, 391, 395
Жан Ришар – 50
Жан-Поль Ру – 599
Зайн ад-Дин – 258
Зайнулла Имамат Фирдауси – 458
Зайцев – 162, 734, 752
Закария Казвини – 522
Заки Шамседдин – 520
Закиров – 337, 533
Засыпкин – 277
Захир ад-дин Мухаммед Бабур – 273
Зенги-Ата – 458
Зигфрид III фон Эппштейн – 123, 130
Зиливинская – 464, 471, 633
Зука – 590
Зу-л-Карнайн – 28
Ибак – 801, 803, 833, 835
Ибн 'Абд аз-Захир – 335, 339, 611
Ибн ал-Асир – 25, 36, 41, 78, 80
Ибн ал-Варди – 680, 730, 735
Ибн ал-Форат – 876
Ибн Арабшах – 220, 460, 515, 653
Ибн Батгута – 62, 169–171, 188, 220, 245, 249, 251, 252, 267, 395, 415, 458, 459, 461, 462, 464, 478, 515, 553, 555, 566, 641, 646, 648, 653, 687, 688, 752, 810
Ибн Вали – 213
Ибн Дукмак – 346, 395
Ибн Кафрадж Богра – 79
Ибн Назир ал-Джаиш – 349
Ибн Тагрибурди – 702
Ибн Таймия – 537
Ибн Хаджар ал-Аскалани – 347
Ибн Халдун – 14, 15, 21, 30, 211, 450, 478
Ибн Хейсемджи – 460
Ибн Хордадбех – 42
Ибн Шаддад – 339
Ибн Шохба ал-Асади – 876
Ибрагим аль Ирбили – 492
Ибрагим мурза – 820
Ибрахим (хан) (Ибак) – 155, 739, 779–781, 797, 800, 801, 802, 803, 804
Ибрахим – 721, 833, 842, 843, 847
Ибрахим б. Али Кефеве – 522
Ивайло – 235, 389
Иван III – 152, 155, 682, 737, 754, 779–782, 788, 809
Иван IV (Иоанн IV, Грозный) – 204, 205, 438, 520, 521, 737, 756, 758, 768, 783–785, 794, 800, 817–819, 821, 823, 836, 838, 839, 855, 899, 910
Иван Александр – 396, 397
Иван Асен II – 384, 389, 390
Иван Асен III – 235
Иван Васильевич – 326
Иван Васильевич Ляцкой – 909, 911
Иван Васильевич Московский (Иван III) – 862, 863, 864, 865, 885, 887, 888, 889, 897
Иван Васильевич, касимовский царевич – 820
Иван Всеволожский – 190
Иван Калита 248, 251, 255, 817
Иван Кубенский – 884
Иван Михайлович – 708, 711, 712
Иван Пронской – 314
Иван Стефан – 396
Иван Ходкевич – 885
Иванов В. – 541
Иванов М.М. – 481, 492, 656, 657
Ивануц – 269
Идегей (Едигей, Эдиге) – 151, 174, 175, 181, 184, 199, 201, 264, 527, 604, 638, 696, 699, 702, 703, 705–708, 711–716, 720, 721, 735, 737, 755, 763, 818, 820, 832, 833, 838–840, 854, 861, 862, 896
Иджан Орда – 736
Иезуит Иаков Наварский – 911
Иеремия – 878, 879, 900
Изай – 48
Изз ад-Дин Кейкавус – 165, 232, 340, 386, 388, 412
Измайлов – 189, 265, 266, 267, 271, 274, 275, 278, 280, 450, 526
Изяслав Мстиславич – 96
Иисус Христос – 509
Ил-Арслан – 25
Илларио Дориа – 603
Ильбарс б. Берке б. Едигер – 846
Ильбарс-хан – 526, 843, 846, 847, 850
Ильбасар – 239, 244
Ильбасбыш – 872
Ильхам – 781
Ильханы (Ильханиды) – 537, 631
Инал-хан (Иналчук) – 29, 34, 73, 78, 79, 84
Инджибек-хатун – 459

- Иннокентий IV – 118, 133, 329, 371, 372, 373, 374
 Иннокентий VI – 381, 382, 408
 Иоанн – 324
 Иоанн III – 438
 Иоанн III Ватац – 133, 386
 Иоанн IV Кантакузин – 394, 396, 397
 Иоанн XXII – 253, 379, 380, 415, 877
 Иоанн Ангел – 390
 Иоанн Асен III – 389
 Иоанн Винтертурский – 380, 381
 Иоанн де Галонифонтибус – 220
 Иоанн де ПIANO Карпини (Джовани дель Пьяно-Карпини, ПIANO Карпини, брат Иоан) – 31, 33, 64, 99, 133, 142, 159, 160, 162, 164–166, 169, 170, 174, 188, 192, 209, 266, 274, 275, 279, 280, 308, 371–373, 385, 386, 542, 552, 554, 555, 563, 568, 639, 649, 895, 908
 Иоанн де Раин – 584
 Иоанн Кантакузин – 602
 Иоанн Фессалийский – 235, 388
 Иоанн Чивиелло – 117
 Иоахим III – 393
 Иоган ван Кейлен – 914
 Иоган Фабри – 904
 Иоганка Венгр – 191, 192
 Иоганн Баптист Хоманн – 916
 Иоганн Шильтбергер – 245, 557
 Иосаф, патриарх – 822
 Иосафат Барбаро – 171, 552, 554–557, 566, 583, 721
 Иосиф Волоцкий – 204
 Иранджи – 852
 Исаак Масс – 914
 Исабег – 879
 Иса-бек – 699
 Иса-гурген – 253
 Исаяя Ланда – 363
 Исан Буга – 852
 Искандар-хан б. Джанибек б. Ходжа-Мухаммед – 848
 Ислам-Гирей III – 856, 870, 901
 Ислам-Гирей V – 854, 898
 Ислам-Гирей б. Мухаммед-Гирей – 754, 767, 768
 Исмаил – 800, 836, 837, 838, 840, 846, 847
 Истеми-каган – 302
 Исфандийар – 849
 Исхаков – 170, 450, 524, 735, 801, 824
 Итик – 852
 Итил – 394
 Ихаркас Зик – 603
 Ичен – 802, 840
 Ишим (Иш-Мухамед) – 802, 849
 Иштван V – 376, 377
 Иштван Вашари – 50, 528, 923
 Иштерек – 839
 Йадгар-хан б. Ануш – 850
 Йасавур – 246, 247
 Йафет (Яфес, Йафас) – 301, 525, 526
 Йодокус Хондиус – 912, 914
 Йоза Терек – 878
 Йозеф Глазик – 871
 Йол-Кутлу – 394
 Йорг Н. – 810
 Йохан Рюйша – 908
 Каблук – 211
 Кабул-хан – 307
 Кавгадый – 250
 Каганбек – 697, 699
 Кадан – 92, 99, 384, 385, 406–408
 Кадыр Али-бек – 216, 522, 736
 Кадыр Буку хан – 31, 32, 34
 Кадыр-Берди – 702, 716
 Кадыр-хан – 32, 34
 Казимир (великий князь) – 897
 Казимир III – 380–382, 896, 897
 Казимир IV – 17, 64, 72, 863, 864
 Казтуган – 520
 Калавун (Калаун султан) – 234, 345, 588, 589
 Калитичи – 817
 Камал Худжанди – 515
 Канабар – 852
 Канай – 840, 849
 Канбаров Иван – 822
 Кандальй Габдулжаббар – 519
 Кантемир – 769, 813, 900, 901
 Кантемир Дмитрий – 812
 Капаган-Каган – 20, 21
 Каплан Гирей – 770, 902
 Кара Алп Уран – 32
 Кара хан – 526
 Карабаш – 390
 Караджа – 164
 Каракисек – 161, 168, 239, 394
 Карамзин – 7, 194, 821, 834, 880, 881
 Кара-Ногай – 213, 834
 Кара-Пулад – 249
 Караханиды – 532, 533, 535
 Кара-Юлюку Ак-Коюнлу – 878
 Карл IV – 875
 Карл Роберт Анжуйский – 420
 Карло дель'Орто – 603
 Карло Ломеллини – 604
 Картан – 154, 160, 162, 542
 Касим – 788, 789, 833, 835, 845, 852, 853, 862, 863
 Касим б. Сайид-Ахмед – 754
 Касим-хан – 736, 845
 Каспар Фопеллий – 911
 Кашани – 336
 Кебек (Кепек) – 247, 365, 702, 753, 763
 Кильдибек – 213, 611, 681, 696, 697

- Келли – 668
Келмамаев – 821
Келог – 168
Кель-Мухаммед б. Алчигар б. Муса – 821
Кемаладдин Мухаммед ат-Туркмани ал-Мар-
дини – 460
Керим-Берди – 702, 712, 713, 763
Кибак – 712, 713
Гетум I – 322
Кин-Тимур (Уз-Тимур) – 314
Киракос Гандзакечи – 322
Кирилл – 534
Кирпичников – 95
Китбуга – 337
Кичи Мәркән – 526
Кичи-Мухаммед – 862
Клавдий Птолемей – 908, 910
Клейн – 689
Клепатский П. – 159
Климент IV – 376
Климент VI – 381, 601
Клод Леви-Строс – 302
Клосон – 32
Кляшторный – 302
Ковгоршад – 792
Когикариоси – 168
Когимай – 168
Коджа-бакши – 394
Коджак – 883, 888
Козей – 378
Козодавлев – 380
Коирчак – 214, 216, 703, 852
Колодзейчик – 808
Колупаев Михаил – 820
Комарович – 89
Кон – 691
Конак Бег – 603
Конакобей – 168
Коновалов – 562
Конрад IV – 115–117, 130
Константин болгарский царь – 235
Константин Великий – 819
Константин Тих – 386, 388, 389
Кончак – 48, 250, 378
Кончак (Агафья) – 872
Кончаковичи – 541
Кончи (Койши, Куинджи, Турук-каан) – 210,
211, 215, 238, 240
Коперник – 519
Кордокубас (Лаханас) – 389, 390
Кореняко – 278
Кориат – 255, 381
Корогодина – 872
Коррадо ди Гваско – 602
Костюков – 542, 543, 549, 803
Котолбога (Кутлуг Бога) – 603
Котошихин – 819, 820
Котян – 404
Коцебу – 880, 882
Кою – 168
Крадин – 306
Крамаровский – 265, 268, 276, 277, 472, 473,
493, 496–498, 635–637, 653
Кранц А. – 273
Кристофоро дела Кроче – 602
Крым-Гирей – 902
Крымский – 877, 880
Куаньче-Суван – 359, 360
Кубачан – 378
Кублука (Куйлук, Купалак) – 211
Кубыл хан – 526
Кугуш – 826
Кугушев Тениш – 826
Куделин – 392
Кудряшов – 35, 163
Кузеев – 41, 43, 317
Куичек (Кунчек) – 314
Куйлюк – 240
Кул Гали – 515, 516
Кулан-баша – 75
Кули – 215
Куликов Борис Пашаевич – 822
Куликов Пашай-мирза – 822
Кулкан – 92–93
Кулуг-каган (Уцзун) см. *Хайсан* – 359
Кулшариф – 520, 521
Кульна – 681, 696
Кульпин (Кульпин-Губайдуллин) – 172, 447,
549
Кулюковы – 822
Кумеков – 42
Кункыран – 209, 210
Кунчек – 237
Курат – 874
Куратая – 821
Курбский – 784
Куремса (Журумьши) – 154, 157–160, 162,
164–169, 373–375
Курцол – 600
Кутб – 220, 461, 503, 507, 511, 516–519, 525,
526
Кутбад-Дин Узлаг-шах – 30
Кутбеддин – 460
Кутбуддин ар-Рази – 515
Кутлубек – 705
Кутлубуга – 278, 397
Кутлуг (Ильтериш-каган) – 20
Кутлуг-Малик – 388
Кутлуг-Тимур – 264, 314, 459, 566, 705
Кутлук – 797, 800, 804
Кутлук-Бука – 214
Кутуз – 338

- Кутука-беки – 65
 Кутум, сын Шейх-Мухаммеда – 820, 821
 Кухистани – 842
 Кучи-бакши – 394
 Кучиньский Ст. – 808
 Кучкунчи – 844–847
 Кучук б. Мухаммед – 848
 Кучук-Мухаммед – 720, 721, 753, 763, 862, 863, 882
 Кучум – 794, 800–805, 821, 847–849, 857
 Кучумовичи (Кучумовы) – 802, 805, 821
 Кушкумбаев – 270, 271, 273, 279
 Кушлу-хан – 80
 Куштай (Кушай, Куш-Темир, Кушной) – 211, 240
 Куюк – 884
 Күк хан – 526
 Кыран – 27, 31
 Кэнтай – 65
 Кюльтегин – 21
 Лаврентий – 89–90
 Лаврын Писончинский – 900
 Ладислав – 330, 331
 Лазарь – 878
 Ламб – 670–672, 675
 Ламберто ди Самбучето – 584, 599
 Ланхас – 389
 Лаоник Халкокондил – 877
 Ласло IV – 236, 376, 377, 379
 Латтимор – 14
 Ле Руа Ладюри – 670, 671, 674
 Лебедев – 626
 Лебедева – 552
 Лев II Вольнский – 380
 Лев IV Мудрый – 274
 Лев Данилович Галицкий – 236, 378
 Лейля Бекич – 523
 Ленин – 869
 Лесков – 869
 Лешек Черный – 378
 Ли Цзинсюнь – 435
 Лигети – 219
 Лисейцев – 900
 Лоренцо Португальский – 133
 Лысенко – 105
 Людвик Ланце – 882
 Людовик I Анжуйский – 420, 810
 Людовик IV Немецкий – 380
 Людовик IX – 34, 193
 Лютов И. – 277
 Лютфи – 888
 Ляхов – 670
 Маари – 517
 Мавкин Михаил Умар – 823
 Мавля Казый Мухсин – 518, 519
 Мавля Кулый – 519, 520
 Мавляна Исхак – 518, 519
 Мавляна Худжа Мавляви – 518
 Магмедша (Мухаммед-Ишан) – 822
 Магметов Иван – 822
 Магнус, датский принц – 817
 Маджи – 169
 Маджлиси – 520
 Маджоло Весконтте – 907
 Маджоло Джакопо – 907
 Майко – 277
 Макризи – 62
 Максим – 313
 Малик Ашраф – 258–260
 Малов – 302, 303
 Малраси – 585
 Мамай – 151, 161, 162, 166, 169, 173–175, 192, 199, 213, 264, 278, 326, 527, 584, 588, 602, 603, 630, 696–699, 736, 855, 896
 Мамалаев Канбар – 821
 Мамат-Салтан (Мухаммед-султан) – 313, 314
 Мамаш – 853
 Маметкул Алтыулович – 804
 Мамонов – 884, 886
 Мамук – 799, 804
 Мана – 843
 Мангутай (Макудай, Мангытай, Мангитай, Мумгкия) – 156, 211, 240
 Маниах – 20
 Мансур – 718, 808
 Марджани – 511, 690
 Мари Фаверо – 4, 334, 922
 Марино Санудо Торселло (Марино Санудо Старший, Марино Сануто) – 329, 415, 729
 Мария (внебрачная дочь Михаила VIII) – 386, 388, 395
 Марк Беневентан – 908
 Маркварт – 31, 33
 Марко Поло – 9, 65, 210, 215, 265, 267, 272, 273, 275, 278, 279, 303, 341, 490, 535, 556, 643, 656, 908, 911
 Марсигли – 812
 Мартин Броневский – 270, 900
 Мартин Вальдземюллер – 908
 Мартин да Канал – 582
 Мартинез П. – 536
 Мартин де Предоно – 324
 Маслюженко – 797
 Мас'уд-бек – 621
 Матвеев – 803
 Матиас из Нойенбурга – 381
 Матео Висконти – 600
 Матузова – 373
 Матфей Меховский (Матфей из Мехова) – 833, 889, 904, 911
 Матфей Парижский – 101, 116–118
 Матфей Эдесский – 44

- Маучи (Мауцы) темник – 154
Махди – 844, 845
Махмуд – 706, 777
Махмуд (сын Кучук-Мухаммеда) – 852, 863, 882
Махмуд – 182
Махмуд ал-Булгари – 458, 461, 462, 503, 505, 511, 516, 517, 519, 525
Махмуд ибн Вали – 852
Махмуд ибн Фатшах ас-Сараи – 460
Махмуд Кашгари – 10, 27, 30, 31, 33, 36, 515, 532
Махмуд Сараи Гулистан – 515
Махмуд сын Кара Арслана – 440
Махмуд-Ходжа – 798, 799
Махмуд Ялавач – 142
Махмуд-бей – 475
Махмудек-хан (Махмуд-султан, Махдум-султан) – 315
Махмуд-паша – 875
Махмуд-султан – 844, 845
Махмутек (Махмудек) – 720, 862, 881
Медведев – 279
Меджибож – 158
Мелек Озьегин – 874
Мелике-хатун – 461
Меликян Ширвани – 439
Мелиоранский – 34, 269
Меллингер – 684
Менглибуга – 168, 249
Менгли-Гирей – 155, 173–175, 523, 736, 753, 765, 766, 780, 781, 789, 807–809, 811, 855, 864, 865, 883–891, 897–899
Менгу-Тимур (Менгу) – 145, 158, 165, 187, 188, 189, 232–234, 236, 237, 240, 330, 364, 370, 376, 388, 526, 533, 534, 556, 621–623, 625, 636, 638, 871
Мехмед I, османский султан – 811
Мехмед II Гирей – 765, 768
Мехмед II Фатих – 460, 855, 882, 883, 889
Мехмед Гирей (Мехмед I Гирей) – 766, 767
Мехмед Гирей-Софу IV – 813
Меховиус – 889, 890
Мехри-султан-хани – 855
Миклош Гереш – 878
Милорадович – 471
Милутин – 391
Минаева – 656
Миндовг – 375
Миних – 902
Миннегулов – 515, 518
Минорский – 32, 33, 102
Мираншах – 272
Мир-Булат – 697
Миргалеев – 6, 347, 524, 526, 695, 698
Мирхонд – 27, 82, 187
Мирча – 881
Митрофан – 311
Михаил – 396
Михаил III – 610
Михаил IX Палеолог – 610
Михаил VIII Палеолог – 235, 340, 386, 388–391, 412, 599
Михаил Александрович – 326
Михаил Асен – 385
Михаил Всеволодович – 96, 103
Михаил Кайбулович – 818
Михаил, митрополит – 184
Михаил Романов – 900
Михаил Тарханиот Глабас – 389, 390
Михаил Тверской – 190, 194, 241, 250
Михаил Федорович – 818, 822, 840
Михаил Черниговский – 96–98, 193
Михалон Литвин см. *Венцлав Миколаевич* – 272, 274, 275, 899
Михей – 192
Мишель Балар – 585, 598
Мишлав – 408
Мовзес Каганкатвац – 302
Могоул-хан – 304
Модэ – 17, 18
Можаева – 868
Мо-хоу (Мухали) – 304
Моюн-чура – 42
Мстислав Глебович – 95, 103
Мстислав Черниговский – 95
Мубарак – 215, 735
Мубарак-Ходжа – 211, 213, 215, 245, 252, 630
Мубарек б. Йусуф ал-Алани – 460
Мубарек Гирей – 769
Мубариз ад-Дин Мухаммед – 260
Мувап (Мауцы) – 159, 160, 163, 167, 169, 170, 172, 174
Мудами – 523
Муджи Яя – 159
Мумкий – 212
Мунис – 850
Мунке (Мунка, Мунгка-каан, Менгу, Мангу-хан, Сяньцзун Бэнцзи) – 66, 92, 96, 97–101, 160, 173, 209, 210, 226–230, 246, 336, 338, 340, 359, 363, 367–369, 374, 405, 529, 620
Мунке-Тимур – 360
Мункуев – 304–308
Мурад – 588, 681
Мурад II – 874–879, 881
Мурад-Гирей – 857
Мурат – 696, 697
Муртаза мирза – 823
Муртаза-хан – 766, 800–802, 804, 843, 847
Муса – 833, 834, 843, 846
Муса-хан – 248
Муслим ан-Нишабури – 458

- Мустакимов – 803, 842
 Мустафа – 843
 Мустафа кадиаскер – 859
 Мустафа-Али – 794
 Мутугэн (Мао-Тукан) – 94, 159
 Муфаддал ибн Абил Фада’ил – 414
 Мухали – 61, 65
 Мухаммед – 182, 349, 716, 717
 Мухаммед II Ала ад-Дин – 74
 Мухаммед ал-Батаихи – 459
 Мухаммед ал-Варрак – 30
 Мухаммед ал-Калабази – 458
 Мухаммед б. Башрави – 458
 Мухаммед б. Мухаммед б. Хасрев ал-Харезми – 690
 Мухаммед Барак – 718, 763
 Мухаммед Гирей – 736, 782, 790, 795
 Мухаммед-Гирей I – 835
 Мухаммед Гирей IV – 857, 890, 901
 Мухаммед ибн Текеш – 619
 Мухаммед Ислам – 848
 Мухаммед Катиб – 458
 Мухаммед Мурад ар-Рамзи – 460
 Мухаммед пророк (с.а.в.) – 458, 517, 537, 872
 Мухаммед Хайдар Дуглат – 852, 853
 Мухаммед хан – 852
 Мухаммед Ходжабек – 461, 508
 Мухаммед Шейбани – 803, 834, 835, 844, 852
 Мухаммед-Булак – 697
 Мухаммед-Гирей V – 854, 855, 898, 900
 Мухаммед-Султан – 272, 733
 Мухаммед-Тимур-бахадур – 845
 Мухаммедьяр – 519–521
 Мухаммед-Эмин – 520, 738, 740, 766, 780–782, 791, 864
 Мухиддин – 887, 888
 Мухйи ад-Дин Абу-л-Фазл Абдаллах ибн Абд аз-Захыр – 218, 219
 Навруз (Науруз) – 681, 696, 718, 721
 Наджиб Хамадани – 36
 Наджип – 503, 504
 Наджм ад-Дин Кубра – 458, 527
 Наримонт – 248
 Нарожный – 278
 Насилов – 503
 Насир ад-Дин Токбуги – 461
 Насонов – 636, 808
 Нассер Д. Халили – 433
 Натанзи – 210, 212–214
 Науруз Ахмед-хан – 847, 848
 Ная-нойон – 65
 Неврюй – 241
 Недашковский – 548, 551, 575, 608, 609, 637, 651, 685, 687
 Некомат Сурожанин – 326
 Низам ад-Дин Шами – 172, 877
 Низами – 461, 507, 516, 517, 525
 Никита Хониат – 275
 Никифор Григора – 344, 386, 396, 397, 599
 Никколо ди Гоано – 602
 Никколо ди Паган – 600
 Николай Висхер – 915
 Николай Витсен – 914
 Николай Кузанский – 908
 Николаус де Геретц – 877
 Николо Каверио – 907
 Николо Ди Козмо – 14, 578
 Николь де Вер – 915
 Новосельский – 900
 Новосильцев – 757
 Ногай – 154, 160–169, 172, 186, 187, 200, 210, 232, 234–239, 256, 264–267, 270, 331, 364, 370, 376–379, 386, 388, 389, 390–395, 412–414, 553, 600, 625, 626, 637, 682, 762, 810
 Номан ад-Дин ал-Хорезми – 459
 Номоган (Номуган, Нумуган) – 210, 236, 238, 364
 Ну’ман – 345, 346
 Нумкан (Томган) – 314
 Нур ад-Дин – 706, 744, 755
 Нур-Девлет (Нурдевлет, Нур-Даулет) – 737, 747, 765, 766, 789, 821, 824
 Нуриева – 502, 503
 Нур-Султан – 740, 766, 781, 864
 Нух (Ной) – 301, 525, 526
 Огуз-хан – 525
 Огул-Гаймиш – 227, 228
 Одорико Порденон – 908
 Оккас – 833
 Олаус Магнус – 911
 Олджайту (Олджэйтү-хаган, Тэмур) – 240, 246, 361, 367, 370, 530, 534, 535, 590
 Олеарий – 914
 Олебекдигин – 73
 Олег Рыльский, князь – 162, 236
 Оллсен – 16, 209, 210, 212, 340, 530, 579
 Ольгерд – 175, 255, 420, 896
 Омар-шейх – 272
 Омер Дилер – 537
 Он-хан – 72
 Орду Мелик – 681, 696
 Орда-ичен (Орду-эджен, Орда, Орду, Иджан) – 33, 92, 99, 140, 153–155, 159, 160, 164, 208, 209, 212, 225–227, 240, 364, 376, 527, 581, 736
 Осипян – 322
 ‘Осман – 462
 Осман II – 900
 Осолук – 47
 Островский – 924
 Отрак – 45
 Оттенсам Йошуа – 916

- Оттенсам Рейнье – 916
Оттон II – 118, 131
Ощерин – 888
Павел – 329
Павел (магистр Ливонского ордена) – 880
Павел апостол – 328
Павел Иовий (Новокомский) – 800, 904, 909
Паганино Дориа – 602
Пагба-лама (Пхагспа) – 532
Паллас – 481
Паолоно Венето – 331
Паоло ди Подио – 603
Паоло Кампани – 904
Пасхалий из Виттории – 220
Пачкалов – 645, 647
Пеголотти – 220, 417, 553, 583, 585, 589, 606
Пеккер – 668
Пеленски – 688, 874, 924
Пельо – 31–33
Перван – 86
Перо Тафур – 277
Перуджи – 91
Петахий Регенбургский – 275
Петр I – 205, 770, 818, 819, 915, 916
Петр Дуйсбургский – 379
Петр Ибрагимович – 817
Петр, митрополит – 252, 313
Петров – 616
Петрунь – 173, 809
Пилипчук – 42, 45
Пимен, митрополит – 163
Пир-Мухаммед – 848, 849
Питер ван ден Берг (Петр Монтан) – 912
Пицигани – 650
Плачидо Калоиро-и-Олив – 912
Плетнева – 44, 48, 172, 544
Плиний – 907
Пономарев – 630, 697
Почекаев – 159, 845
Пржемысл Отакар II – 374
Прицак – 35, 220
Пропш – 440
Протасьев – 881
Прохоров – 90
Пулад – 185, 681, 708, 710, 711, 753, 842
Пур-и Бах – 537
Пушкин – 868
Пьетро Весконте – 415
Пьетро де Браино – 584
Пьетро де Милано – 219
Пьетро Джустиниано – 590
Пьетро Кацано – 603,
Пьетро Родулко – 590
Рабгузи – 461, 503, 505, 511, 516
Рабек – 168
Радлов – 304, 503
Раймунд Луллий – 329
Рамадан – 258
Ранкорн – 668
Рапов – 100
Расовский – 36
Раффо Эрминьо – 602
Рахимзянов – 787
Рашид ад-Дин – 31–35, 41, 62, 65, 72, 73, 75,
76, 91–93, 101–103, 105, 139, 140, 144, 159,
163, 164, 167, 208–211, 265, 267, 303, 306,
307, 336, 385, 408, 413, 522, 526, 534, 536,
538, 652, 736, 758
Рева – 703
Реммал Ходжа – 522, 755
Рикколдо да Монте Кроче – 408
Ринчинбал – 253
Рихард – 319
Рицци Дзаннони – 917
Ричард де Моринс – 55
Робер де Клари – 270, 274
Робер-Анри Ботье – 585
Роберто Сабатино Лопец – 585
Рогерий Апулийский – 118
Рогерий из Варада – 384, 407
Роландо Саличето – 603
Роман Брянский – 236
Роман Игоревич (Ингваревич) – 92, 93
Роман Мстиславич – 105
Роман Ольгович – 186
Роман Пивов – 820
Роман Яголдаевич – 809
Рот – 881
Ргвеладзе – 647
Рудаков – 645
Руденко – 318
Рукн ад-Дин Бейбарс – 30, 159, 163–166, 168,
171, 187, 211, 218, 234, 553
Русан-бек, персидский посол – 823
Русина – 159, 172, 173
Руссев – 167, 168
Рыкин – 306
Рычков – 35
Рябцевич – 439
Саадет I Гирей (Саадат Гирей) – 767, 768, 811,
891, 899
Саади – 508, 516, 518, 520
Сабирзянов – 867, 868
Сабукбахадир – 526
Савельев – 644,
Савиньоне – 585
Сагидетдин эфенди – 526
Садрад-Дин ал-Хусайни – 26
Садри Максуди – 308
Саид-Ахмед – 174, 175, 835, 838, 839
Саин-Булат б. Бекбулат – 794, 826
Саиф Сараи – 461, 503, 507, 508, 515–520, 684

- Сайид-Ахмед II (Сайид-Ахмет II, Саид-Ахмед) – 714, 718, 720, 721, 764–765
 Сайидек – 844
 Сайид Ибрахим – 852
 Сайф ад-Дин Каусун – 249
 Сайфетдинова – 457, 524
 Сайяди – 520
 Салар – 342
 Салджитай-гурген – 237
 Сальвио де Сальви – 91
 Самарканди – 842
 Самигулов – 804
 Самойлович – 503
 Санджар – 25
 Сарай-Буга – 161
 Сарич – 314
 Сартак (Сартах) – 134, 143–145, 154, 160, 161, 210, 227, 229, 231, 312, 322, 338, 360, 385, 386, 411, 646
 Сарыхожа, посол – 192
 Сасы-Буга – 212
 Сатылган – 789
 Сафа Гирей – 740, 767, 783, 792, 855, 856, 857, 899
 Сафаргалиев – 159, 313, 453, 636, 876, 878
 Сахиб Гирей – 520, 740, 767, 772, 779, 781–782, 792, 812, 855, 899
 Свидригайло – 764, 880–882
 Свиперт – 54, 55
 Святой Георгий – 438, 604
 Святослав Липецкий – 162, 236, 237
 Сегурано Салваиго, генуэзский купец – 345, 346, 600
 Сейд-Ахмед (Сейид-Ахмет, Сейдяк, Сейтяк, Сеитяк) б. Бекбулат – 737, 821, 824–862, 882, 890, 897
 Сеит-Бурхан – 818
 Сеитов Иван – 823
 Сейид-Ата – 458
 Сейид-Ахмед б. Муса – 847
 Сейф ад-Дин ал-Бахарзи – 366, 458
 Сейф ад-Дин Манкали-Буга, монгольский военачальник – 345
 Секиз – 313
 Селезнёв – 311
 Селим – 848
 Селямет I Гирей (Саламат-Гирей I) – 769, 858
 Селямет-Гирей II – 902
 Семен Гордый – 255, 257
 Семен Дмитриевич – 707, 708
 Семен Оленькович (Киевский) – 174
 Семен Ремезов – 915
 Семичев – 868
 Сенай Кырымлы см. *Хаджи-Мехмед* – 870
 Серапион Владимирский – 866
 Сефер Гази ага – 870
 Сивиндюк, сын Мадыков – 821, 824
 Сигизмунд Герберштейн – 889, 904, 909, 911
 Сигизмунд (Сигизмунд I Старый) – 764, 767, 807, 875, 877, 878, 879, 880, 890, 891, 898, 899
 Сигизмунд II Август – 899
 Сигизмунд III – 900
 Симеон Бекбулатович – 204, 681, 682, 818
 Симон де Сент-Квентин – 183, 185
 Симоне Бокканегра – 601
 Синан-бей – 879
 Сингатуллина – 625
 Сингкум – 155, 208
 Скатай, темник – 165, 169, 170, 174
 Скисов – 646
 Скржинская – 588, 591
 Скуратов Малюта – 821
 Смилец – 391, 392, 393
 Смирнов – 277, 855
 Сокал – 45
 Соловьев – 7, 780, 872
 Солодкина – 867
 Соломон – 819
 Спаццпетр – 585
 Ставиский – 99–100
 Сталин – 3
 Станислав Конецпольский – 901
 Станислав Лещинский – 902
 Станконе – 585
 Степанос – 276
 Стефан (волошский воевода) – 886
 Стефан III – 248
 Стефан Драгутин – 392–394
 Стефан Лазаревич – 878
 Стефан Урош II Милутин – 390, 392, 393
 Страбон – 907
 Субедей (Субедей-баатур, Субутай, Субэтэй) – 30, 61, 85, 91, 140, 157, 170, 225, 226, 360, 404, 541
 Судун – 169
 Суйунч-Ходжа б. Абу-л-Хайр – 844, 846
 Сулейман – 611, 896
 Сулейман Кануни – 812, 891
 Сулейман Челеби – 523
 Сулейманшах – 272
 Сулеш (Сулейман-ишан) – 822
 Сулешев Василий Яншеевич – 822
 Сулешев Юрий Яншеевич – 822
 Султан аз-Захир Баркук – 335, 345
 Султан Кутуз – 337
 Султан Саид – 846
 Султан-Ахмед б. Абу-Саид Тимурид – 844
 Султан-Ахмед мирза – 888
 Султан-Гази б. Ильбарс – 846
 Султан-Махмуд-хан – 272
 Султанов – 842, 846, 850

- Султан-шах Махмуд – 25, 26
Сумбат – 323
Сунджек-оглан – 314
Сунтай – 267
Сусун – 249
Сьма Цянь – 17
Сюй Тин, посол – 304
Сююмбике – 899
Таваккул – 849
Тагай – 313
Тагир – 883
Тагри Бирди – 876
Тагчи – 394
Таз – 238
Тайдула (Тайдулла) 185, 190, 252, 257–260
Тайта – 169
Тайтак – 396
Тамур – 14
Тангут – 843
Таньшихуай – 19
Тарбу – 236
Тарди – 878
Тарсун Бега – 875
Татар Али Эфенди (Шариф Гамиди) – 516
Татауров – 803
Татищев – 648
Таук – 853
Тахир – 835, 853
Таш-Тимур – 161, 162, 170, 173, 582, 714, 763
Иван Тевкелевич (Тевкелев) – 397
Тегене – 762, 764
Теке – 238
Текер – 689
Текиш – 31, 32
Телебуга – 882
Телен – 361
Теляк – 697
Темир ибн Мансур – 889
Темир князь – 152
Темир-ходжа – 696
Темур – 590
Темучжин – 60, 61
Тенгиз-Бука – 213
Тенгре – 854
Тенгри Берди – 708, 711
Тениш – 852
Тенишев – 503
Тенишев Еникей – 826
Теодорик – 54
Теодорих II фон Вида – 130
Терещенко – 436
Теркен-хатун – 26, 29, 30, 31, 77, 79, 84
Тетеревников – 644
Теукечев Иван Мовкошевич – 823
Тизенгаузен – 163, 336
Тимур (Аксак Тимур, Тамерлан) – 148, 153, 161, 162, 170–173, 175, 181, 186, 198, 199, 201, 205, 214, 215, 258, 271, 346–348, 363, 365, 366, 394, 398, 436, 519, 520, 599, 603, 604, 611, 612, 630, 631, 637, 643, 646, 700–702, 705–708, 711, 717, 721, 736, 752, 753, 763, 811, 833, 842, 843, 861, 876, 877, 896, 906, 907, 913, 924
Тимур Ходжа – 681
Тимур-бек – 314, 315
Тимур-Бука – 211
Тимур-Кутлук (Тимур-Кутлу, Тимур-Кутлуг) – 155, 174, 175, 182, 184, 185, 189, 191, 246, 248, 253, 258, 315, 510, 553, 556, 702, 703, 705, 707, 708, 753, 754, 757, 763, 896, 897
Тимур-Малик – 84, 214, 753
Тимур-Мухаммед – 846
Тимур-хан – 711
Тинибек – 212, 213, 220, 245, 252, 380, 461, 507, 525, 526
Тита Козельский – 314
Тоган – 526, 798, 799
Тогачар – 94
Тоглу-Торган – 396
Тоглый – 48
Тогон-Тимур (Тогон-Тэмур, Шуньди Бэнцзи) – 253, 360, 361, 587
Тогрул – 237, 259
Тогрул III – 26
Тойнби – 13
Токояр – 168
Токта (Токтай, Тохта) – 151, 161–169, 172, 187, 189, 200, 211, 212, 234, 237–241, 245, 246, 249, 250, 256, 275, 329, 334, 341, 343, 345, 359, 360, 364, 370, 379, 393–395, 413, 414, 452, 625–627, 629, 630, 637, 638, 646, 731, 736, 923
Токта-бики – 33
Токтакий – 214
Токтамыш – 153, 161, 163, 164, 169, 171, 174, 175, 185, 186, 189, 201, 214–216, 258, 271, 314, 335, 346–349, 365, 472, 510, 537, 549, 552, 553, 556, 582, 591, 592, 600, 602–604, 628, 630, 631, 637, 638, 685, 687, 688, 696–703, 705, 709, 710, 716, 733, 736, 753, 762, 763, 808, 811, 833, 876, 877, 889, 896, 897, 906
Токтамыш Гирей – 769
Токта-Мунке – 360
Токта-Нинсуван – 360
Толе-Бук хан – 537
Толочко – 269
Толуй – 61, 66, 157, 158
Томенчук – 106
Томмазо Узи – 590
Тоньюкук – 20, 21

- Тоорил– 58
Траски – 380
Трепавлов – 7, 137, 148, 159, 164, 707, 721, 800, 821, 822, 899, 922
Трубецкой – 301
Туганаев – 675
Туган Чулбан – 526
Туга-Тимур – 258
Туглу-бай – 185, 186
Туглы Ходжа – 518
Тугоркан – 47
Тугрул (Тугрул-хан) – 212, 526
Тугта-хан – 80, 148
Туда-Менгу – 162, 210, 232, 234, 237, 340, 370, 412, 625
Тудан – 250
Туй-Ходжа-оглан – 214
Тукай-Тимур (Тука-Тимур) – 140, 154, 155, 165, 173, 208, 213, 227, 258, 314, 315, 359, 365, 581, 582, 763, 789
Тукель-Буга – 167, 244, 331, 414
Тула-Буга – 162, 167, 186, 234, 236, 237, 370, 376–379, 412, 413, 600, 625
Тулак-Тимур – 249
Тулук-Тимур – 314
Тулуй – 210, 227, 361, 367, 405, 407
Тулуктемир – 459
Тулуман Али Шах – 347, 348
Тулунбай – 248, 341, 345, 346
Тулунбек-ханум – 697
Тумелун – 94
Тумен хан – 526
Тунгуз – 238
Тунки (Туки) – 314
Турай – 161
Туракина – 226, 227
Тура-хан – 482
Тури – 234, 238
Турсун-Мухаммед б. Саид-Ахмед – 821
Тутукан – 232
Тэмугэ-отчигин – 227
Тюляк – 184, 190, 556
Тюпеш Алп Сол – 302
Тюрабек ханум – 459
Убайдаллах – 845–847
Убертопулос – 391
Угуз хан – 526
Угэдэй – 23, 61, 62, 65–68, 72–74, 76, 83–85, 99, 139, 141, 157, 182, 209, 210, 225–227, 233, 359, 361, 363, 367, 384, 405, 406, 408, 621, 695, 705, 918
Удур – 155
Уейский – 575
Узбек (Узбек-хан) – 5, 10, 150, 151, 161, 167, 168, 169, 174, 181, 183, 184, 189, 190, 194, 204, 212, 218, 220, 231, 241, 244–250, 252–257, 259, 260, 267, 334, 344–346, 348, 359–362, 365, 367, 370, 379–381, 395–397, 414, 415, 451, 452, 457–461, 464, 472–474, 478, 479, 492–494, 502, 515, 525, 526, 538, 548, 549, 556, 583, 590, 592, 601, 611, 627–630, 637–639, 641, 646, 647, 654, 656, 657, 680, 683, 691, 696, 697, 699, 702, 731, 736, 797, 856–858, 871, 872, 923
Уз-Тимур – 852
Узунчаршылы – 879
Уки-хатун – 225
Улагчи – 161, 229, 230
Улджай-Тимур – 630
Улу Давид – 322
Улуг Хумаюн – 433
Улугбек – 843
Улуг-Мухаммед – 152, 171, 174, 175, 185, 186, 190, 194, 716–718, 720, 721, 737, 763, 764, 777, 778, 780, 788, 789, 791, 808, 809, 862, 863, 874–882, 897
Ультрамарино – 585
Умар – 249, 462
Умми Камал – 520
Ураз-Али (Уразлы) – 822
Ураз-Мухаммед – 794, 840, 855
Урбан IV – 376
Урбан V – 382
Ургудак – 258
Урунка – 314
Урус – 210, 211, 213, 214, 215, 216, 527, 603, 688, 697, 698, 702, 708, 801, 837, 840, 848, 852
Урусоба – 47
Усейн Сараев – 809
Ускенбай – 160
Ускюбола – 183
Усман – 28
Усманов – 218, 220, 511, 524, 533, 534, 736
Усук – 852
Утемиш-Гирей – 899
Утемиш-хаджи – 213, 525, 526, 736, 758, 799, 804, 844, 890
Утрадж – 169
Утыз Имяни – 519
Ухагату-хаган см. *Тогон-Тэмур* – 360, 361
Ушницкий – 275
Фаган – 670
Фаизов – 770
Фанта Мендийский – 420
Фасеев – 513
Фатима – 872
Фатх Гирей – 855
Фахретдин – 526, 527
Фахр-и Мудаббир– 27, 30, 32
Федерико Пиккамилло – 601
Федор Годунов – 914

- Федор Иванович – 801
Федор Ольгович – 708,
Федоров-Давыдов – 41, 279, 280, 436, 437,
452, 453, 467, 468, 495–497, 500, 541, 543,
635, 651, 652
Феннел – 95
Феогност – 312, 313, 388
Феодор Светослав – 239, 391, 393–396, 413, 416
Фердинанд, эрцгерцог – 909
Фидекскавус – 414
Филипп IV – 329
Филипп Бюаш – 917
Филипп Красивый – 530
Филипп Мускэ – 132
Филипп Юхан Табберт фон Стралленберг
(Штралленберг) – 918
Филипс – 580
Финли – 584
Фирдоуси – 516
Фома Сплитский – 106, 384
Фоменко – 174, 904
Фр. Мартин – 438
Фра-Мауро – 557, 905–907
Франк – 15
Франтишек – 380
Франц Хогенберг – 909
Франческо да Канале – 589
Фридрих II – 115–122, 125–128, 130–134
Фронжуло – 475
Фюрстенберг – 817
Хабул-хан – 60
Хаджи Бей – 533
Хаджи Гирей (Хаджи-Гирей I) – 170, 171, 174,
439, 604, 721, 763–765, 789, 863, 880, 883,
884, 887, 897
Хаджи Мухаммед – 717, 798, 850
Хаджи Нияз – 526
Хаджи Халифа – 460
Хаджи-Ахмед б. Гази б. Эдиге – 848
Хаджи-Ахмед Ясеви – 650
Хаджи-бей – 397
Хаджим – 848
Хаджи-Мехмед см. *Сенай Кырымлы* – 870
Хаджи-Черкес – 697, 753
Хайдар военачальник Улуг-Мухаммед хана –
194
Хайду – 210, 211, 233, 240, 363, 364, 366, 526,
622
Хайнц-Г. Нольте – 871
Хайр-Пулад – 630
Хайсан (Уцзун) см. *Кулуг-каган* – 359
Хаким-ат-Термези – 477
Хакимзянов – 503, 510
Хакимов – 3
Хакк-Назар (Хакк-Назар-хан) – 736, 836, 848, 853
Халаши-Кун – 877
Халепли Пауль – 812
Халиков – 437
Халил – 788
Халил-ага – 813
Халим Гирей – 522
Хамза – 844, 845
Хан-Мирза – 801
Хасан – 314, 681, 733
Хасан Булгари – 366
Хасан Джалал – 322
Хасан Кайгы – 520
Хасан, сын Рамадана, правителя Крыма – 347,
349
Хасана Алий – 314
Хасар – 61, 74
Хаутала – 6, 50, 328, 334, 578, 598, 665, 679
Хафиз ад-Дин ибн ал-Баззази (Хафизеддин
Элбаззази) – 460
Хачикян – 326
Хвольсон – 689
Хейд – 590
Херлихи Дэвид – 679, 683, 684, 689
Хетум Армянский – 911
Хидра Иляс – 535
Химмет-Гирей – 811
Хисам Кятиб – 461, 462, 503, 506, 517, 519
Хисамеддин Муслими – 522
Хисамова – 503, 510, 513
Хитай Баба Али – 526
Хованский – 484
Ходжа Абдулла – 590
Ходжа Джубайри – 848
Ходжа Иса – 477
Ходжа Омар – 256
Ходжа-Ахмед Баба-Туклес – 707, 839, 840
Ходжи Мухаммед – 522
Ходкевич воевода – 173
Холт – 589
Хорезми – 461, 503, 507, 508, 509, 511, 515,
517, 518
Хорошихин – 10
Хорошкевич – 824
Храпачевский – 31, 37
Христофан – 324
Христофор Колумб – 9
Хромов – 172
Хуаньчи – 360
Хубилай (Кубилай) – 14, 65, 67, 144–145, 158,
164, 209, 210, 230, 232, 233, 236, 238, 240,
270, 340, 361, 364, 367, 368, 369, 529, 532,
579, 622
Худадад Хусейни – 272
Худайдад – 850
Худайдад (Куидат) – 314
Худуха-беки – 73
Худяков – 271, 273, 544

- Хулагу (Хулаву) – 34, 105, 143, 161, 164, 167, 209, 228, 230–232, 238, 246, 258, 267, 270, 322, 336, 337, 340, 341, 364, 367–369, 386, 388, 529, 696, 700, 701, 758
- Хурмадай – 164, 173, 398
- Хусейн ал-Багави – 458
- Хусейн б. Джанибек – 754
- Хусейн-бек – 482
- Хызр – 186, 588, 681, 696
- Хюсейн Хезарфенн – 855
- Ц. де Бридиа – 209
- Цзинь – 66
- Цинкаловский – 105
- Цыбин – 312, 314
- Чавуш-бакши – 389, 390
- Чагатаиды – 70, 363, 365, 366, 611
- Чагатай – 61, 66, 73–76, 83–85, 139, 141, 157–159, 209, 210, 226, 233, 363, 367, 529, 542, 621, 695, 701
- Чадаев – 872
- Чака – 413, 626
- Чалгиз Жырау – 520
- Чапар – 240
- Чекре – 753
- Челеби С. – 691
- Ченцзун император – 245
- Черкасская – 822
- Черкес-бек – 191
- Чернецов – 485
- Чеченов – 471
- Чжельме – 61
- Чжунхан Юэ – 17
- Чжэн Хэ – 586
- Чильгир – 72
- Чимтай (Джимбай) – 213, 736
- Чингиз-хан – 9, 23, 29, 30, 60, 61, 63–65, 68, 72–77, 79–86, 93–94, 105, 137–139, 141, 142, 149, 150, 157, 158, 170, 179, 180, 189, 198, 205, 208–210, 215, 217, 218, 225, 227, 228, 231, 249, 255, 258, 303–311, 314, 339, 341, 353, 356, 358, 362, 363, 365, 367–369, 405, 411, 436, 454, 525–530, 538, 589, 603, 619, 681, 682, 691, 695, 700, 701, 707, 736, 754, 791, 815, 844, 845, 852, 854, 855, 858, 871, 897, 904, 905, 919, 922, 925
- Чобан – 246, 247, 258
- Чокилтан – 343
- Чрноглав – 390
- Чхаидзе – 268, 278
- Шабган б. Махди – 458
- Шабульдо – 171, 173, 174
- Шадибек – 631, 702, 705–707, 753, 763
- Шаих Ахмед-хан – 526
- Шайх Хасан Кучак – 258, 259
- Шайх Мухаммед Балигджи – 259
- Шайх-Ахмед б. Ахмед – 754
- Шайх Бадр ад-Дин Абу Мухаммед Махмуд – 531
- Шайх Увайс – 530
- Шайх-Хайдар – 846
- Шакран – 249
- Шакуловы – 823
- Шаландина – 669
- Шал-Кийиз Тилениш-улы – 832
- Шалобудов – 441
- Шамильоглу – 457, 525, 665, 679
- Шамс ад-Дин Мухаммед – 612
- Шараф ад-Дин Йезди – 877
- Шарифи (Шариф Хаджитархани) – 520, 521
- Шарифуллин – 484
- Шаробер – 379
- Шарукан – 47
- Шах-Али – 782, 784, 791–794, 818, 826
- Шах-Будаг – 843
- Шахидулла – 562
- Шахин Гирей – 772, 870, 900
- Шахмалик – 721
- Шахматов – 99
- Шахрух – 611, 842
- Шевкал – 250, 251
- Шейбан (Шибан) – 99, 153, 154, 160, 161, 170, 209, 226, 232, 246, 273, 308, 314, 542, 797, 802, 842, 844, 845, 846
- Шейдяков Василий – 821
- Шейдяков Петр Тутаевич – 821
- Шейдяковы – 821
- Шейх-Аулиар – 790, 791, 821, 826
- Шейх-Ахмед – 10, 844, 864, 865, 883–891
- Шейх-Ибрахим – 707
- Шейх-Мамай – 800, 835, 837, 838, 847, 849
- Шейх-Мухаммед – 849
- Шейх-Хайдар – 833
- Шенников – 312
- Шергази-хан – 850
- Шереф ад-Дин Йезди – 172, 271, 272
- Шерефаддин Абу-Али Махмуд б. Мухаммед б. Омар ал-Чагмини ал-Хорезми – 460
- Шериф Хаджитархани – 758
- Шехаб ад-Дин ас-Сараи – 460
- Шигай – 848, 853
- Шиг-Ахмед – 884, 885, 886, 887
- Шиги-Хутуху – 62, 86
- Шильтбергер – 879
- Шингкур – 155, 208
- Шираши – 15
- Ширван – 265
- Ширин – 764
- Шихаб ад-Дина ал-Гури – 27, 28
- Ших-Ахмат (Шейх-Ахмед) – 155, 172
- Шишман – 239, 391, 392, 394, 396
- Школяр – 269
- Шостакович – 671

- Шпулер Б. – 808
Штромаер фон Райхенбах – 878
Шуйский Василий – 822
Шутова – 315
Шэлун – 19
Щербак – 521
Эберхард II – 118
Эбтэб Бакыр – 526
Эвлия Челеби – 277, 523, 650, 687, 688, 812, 868, 891
Эзхер Мухаммеда – 876
Экман – 503, 533
Элетмиш-каган – 302
Элиас Бей – 603
Элиаш – 380
Эльчигадай – 322
Эмир Газан – 711
Энвер – 398
Энгельс – 452
Энрико ди Гваско – 601
Энтони (Антоний) Дженкинсон – 910, 911
Эрнек – 850
Эррази – 460
Эсен-Буга – 241, 246
Эфляки – 461
Юдин – 526
Юелу – 359
Юлиан – 91, 92, 114, 319
Юмадук-оглан – 315
Юнг – 451
Юрий I Львович – 379
Юрий II Болеслав (Юрий-Болеслав) – 380
Юрий Всеволодович – 89–92, 103, 114, 708
Юрий Данилович – 186, 190, 194, 250, 707, 862, 872
Юрий Звенигородский – 190
Юстиниан – 679
Юсупов – 543
Юсуповы – 818, 821
Юсуф – 835, 836, 847, 849
Юсуф б. Муса – 820
Юсуф Хас-Хаджиб Баласагунский – 532
Ягайло – 175, 396, 510, 699
Ягеллон Александр – 736
Ягоддай – 807, 808, 809
Языджиаде Али – 810
Языджоглу (Челеби) – 523
Яйлак-хатун – 238
Якопо Корнаро – 588
Якопо Спинола – 603
Якубовский – 636, 808
Ялбуга ал-Омари – 349
Ямбех – 387
Ямгурчи – 754–757, 833, 835, 843
Ян Заберезинский – 890
Ян из Чарнкова – 380
Ян Казимир – 901
Ян Ольбрахт – 883, 885, 897
Ян Пакослав – 382
Яна Длугош – 106
Янгичар – 211
Янджи – 164
Янджи-бей – 397
Янчюрин Иван – 823
Янша мирза – 822
Яр-Мухаммед – 849
Ярослав Всеволодович – 103
Ярослав Ярославич – 579

Географический указатель

- Аббасидский халифат – 339
 Абескун о. – 85
 Абисово городище – 642
 Авиньон – 379, 380, 382
 Австрия – 373, 375, 377, 770
 ‘Аджам – 339
 Адрианонополь – 248, 396
 Азак (Азов, см. *Тана*) – 44, 163, 171, 183, 185, 191, 249, 255–257, 324, 437, 450, 497, 548, 557, 599, 560, 606, 626–628, 630, 631, 636, 637, 642, 648, 650, 683, 702, 706, 710, 713–715, 721, 749, 753, 755, 757, 759, 761, 762, 765, 766, 768, 771, 809, 868, 904, 919
 Азербайджан – 28, 77, 199, 200, 205, 230, 241, 247, 248, 258–260, 292, 347, 364, 370, 371, 465, 478, 487, 494, 505, 536, 604, 647, 667, 714, 759
 Азия – 13–44, 71, 138, 291, 292, 301, 462, 531, 612, 918
 Азовское городище – 437
 Азовское море – 44, 48, 140, 163, 171, 257, 648
 Айас – 345, 583, 600
 Айдын – 397
 ‘Айн Джалут – 337
 Айнос (совр. Энез) – 388
 Аккерман – 168, 324, 325, 417, 437, 548, 641, 650, 811, 812, 813, 889
 Ак-Курган – 843
 Ак-Мечеть – 641
 Ак-Орда (Белая Орда) – 153–155, 160, 225, 245
 Ак-Сарай (Аксаарайск) – 637, 647
 Аксу – 214, 265
 Актюба – 35
 Актюбинская область – 546
 Акча Керман – 626, 627
 Акча-Гелин – 649
 Акшехир – 479
 Алабуга – 317
 Алакуль – 33
 Алания – 360, 361, 906, 909
 Алаторский уезд – 823, 826
 Алексин – 255, 863
 Алеппо – 876
 Алмалык – 34, 69, 365
 Алматинская область – 33
 Алтай – 66, 138, 145, 213, 499
 Алтайские горы – 74, 665
 Алушта – 603
 Альба Юлия – 408
 Амид – 441
 Амстердам – 912, 915, 916
 Амударья – 143
 Амур – 19, 66, 305, 915, 917, 918
 Анатолия – 4, 5, 339, 340, 353, 354, 441, 496, 499, 521, 536, 631, 639, 683, 730, 811
 Андионополь (Эдрине) – 811, 877
 Андреев Городок Каменный – 817
 Ани – 477
 Анкара – 877
 Анталья – 478
 Антверпен – 910
 Анхиало (совр. Поморие) – 386, 417
 Апрос крепость – 394
 Арагон – 602
 Аракум (Ара-кум) – 155, 802, 842, 918
 Арал – 849
 Аральское море – 80, 667, 671–673, 832, 842, 917
 Аргамаклы-Сарай – 641
 Ардебил – 535
 Арзамасский уезд – 823, 826
 Арзуф – 324
 Аркук – 843, 845
 Армения – 126, 322, 345, 487, 494
 Арран – 247
 Архангельск – 820
 Асиз – 480, 493
 Астраханская губерния – 438
 Астраханская область – 610, 643, 645, 647
 Астраханское ханство – 11, 181, 201, 512, 526, 739, 752, 753, 755–758, 768, 788, 816, 823, 840, 847, 848, 854, 858, 865, 882, 897, 898, 910, 913
 Астраханское царство – 834, 836, 840, 915, 918
 Астрахань – 3, 150, 154, 191, 203, 204, 214, 303, 331, 450, 455, 512, 519, 526, 546, 610, 645–648, 679, 750, 752–760, 767, 783, 824, 840, 847, 887–890, 899, 909, 911–915, 919
 Атбасар – 843
 Атлантика (Атлантический океан) – 448
 Атырау – 648
 Аугсбург – 377
 Афганистан – 5, 75, 77, 529
 Афро-Евразия – 16
 Афон – 475
 Ахтуба – 35, 436, 547, 548, 645, 647, 915, 916, 918, 919
 Ахтубинское городище – 489
 Баба Мачин (Мачин) – 811
 Баба-Даг – 415, 810, 811, 812
 Баба-Салтык (Баба Салтук) – 415, 810, 811
 Бавария – 130
 Багаевское (селище) – 612, 613
 Багдад – 69, 81, 105, 440, 529, 537
 Багдадский халифат – 230, 367–369, 529
 Байкал – 19, 304

- Байсунтау – 414
Байтакское – 649
Бакота – 158, 374
Баку – 631, 701, 707, 759
Балаклава – 641
Баласагун – 35, 42, 69
Балкан – 384, 386, 391–393, 395, 397, 411, 412, 609, 762, 810, 846
Балканские горы – 158, 168, 236, 238, 248
Балканский полуостров (Балканский регион) – 384, 404, 415, 416, 877
Балтийское море (Балтика) – 199, 455, 889
Балх – 28, 105, 845, 848
Балхаш – 33, 214, 441, 529, 672
Балчик – 812
Балыклей – 641
Бамиан – 94
Банат – 408
Барабинская низменность – 214
Бараган – 403, 409
Барасоне (совр. Карасу-Базар) – 331
Барга – 21
Барсконарусинское селище и городище – 642
Баскаково – 636
Баскардия – 191, 319
Баскачи – 636
Батурина – 172
Батца-Доамнеи – 407
Бахмач – 172
Бахтияр, местность – 163
Бахтияровка II, III – 47, 548
Бахчисарай – 308, 480, 493, 768, 771, 812
Башкирия – 42, 141, 146, 331, 332, 832
Башкортостан – 41, 43, 642, 546
Бездеж – 643
Безьянское городище – 641
Бек-Базар – 650
Беларусь – 439
Белая Вода – 165
Белгород (совр. Белгород-Днестровский, в источниках: Маврокастро, Аккерман и др.) – 168, 395, 626, 809, 884, 885, 889
Белград – 875, 879
Белев – 862, 882
Белед Крым – 631
Белед Сарай – 631
Беловеж – 172
Белоозеро – 440
Белуджистан – 28
Бельджамен (Водяное городище) – 436, 437, 450, 547, 635–637, 643, 650
Бенакет – 83
Бендер – 811–813
Берестье – 104, 105
Бессарабия – 410, 412
Бешенцево – 438
Билесик – 477
Биляр – 437, 438, 634, 642, 650
Бистам – 85
Бистрица – 407
Битюг – 48
Бишбалык – 209
Блакья – 411
Ближний Восток – 9, 19, 63, 69, 95, 105, 126, 190, 201, 231, 370, 372, 435, 437, 440, 455, 496, 498, 536, 537, 557, 610, 612, 641
Богемия – 374, 375, 377, 380
Болгария – 154, 162, 167, 168, 205, 235, 239, 384, 385, 387–398, 408, 411, 415–417, 441, 582, 620, 626, 803
Болгарская империя – 389
Болда – 646
Болоховская земля – 165, 374
Большая Орда (Орда) – 155, 201–203, 526, 529, 753, 756, 762, 764, 765, 779–782, 788, 790, 791, 804, 816, 827, 832, 834, 835, 843, 863–865, 882–888, 897
Большешатраевское поселение – 642
Большие Кучугуры (Конские Воды) – 174, 175, 480
Большое Хобде – 649
Большой Иргиз – 648
Босния – 384
Босфорский пролив (Босфор) – 334, 335, 340, 349, 350, 386, 602
Ботна – 417, 418
Бохай – 21, 22
Бранденбург – 375, 377, 901
Браничево – 392
Братислава – 381
Брацлав – 899
Брашов – 412
Брест – 889
Британская империя – 528
Бродник – 411
Брягов – 642
Брянск – 807
Бряхимов – 642
Буг – 545
Буда – 377, 877
Будапешт – 439
Буденновск – 647
Буджак – 167, 168, 403, 409, 416, 421, 810–813, 838, 900
Бузан – 754
Бузулук – 173
Буковина – 406
Булгар (Булгария, Волжская Булгария, страна Булгар) – 11, 25, 36, 37, 48, 66, 91, 140, 141, 152, 154, 225, 302, 319, 360, 361, 375, 409, 414, 415, 435, 437, 438, 551, 455, 457,

- 458, 460, 464, 466, 467, 475, 477, 478, 481–485, 487, 494, 504, 510, 517, 541, 633, 634, 642, 706, 707, 714, 778, 914–916, 922
- Булгарский вилайат – 623–628, 630
- Булгарское городище – 551, 560–563, 609–611, 652
- Булгарский регион – 624
- Булгарский улус – 268, 721, 437
- Булунгуевское городище – 648
- Бургас – 397
- Бурса – 477, 887, 888
- Бурхан-Халдун – 65
- Бухара – 28, 65, 83, 84, 347, 366, 458, 538, 800, 801, 804, 837, 843, 845, 847–849, 852, 910
- Бухарест – 813
- Бырса – 50–53
- Быстрая Сосна – 173
- Вазир – 846, 847
- Валахия – 51, 52, 384, 392, 398, 403, 404, 408–410, 420, 555, 620, 769, 803, 813, 877, 881, 882
- Вардар – 395
- Вария – 415
- Варна – 395, 398, 415, 417, 877
- Варшава – 516
- Ватук – 322
- Вейтвиск – 882
- Велбужд – 396, 415
- Великая Мечетня – 641
- Великая Монгольская империя (Еке Монгол Улус) – 9, 61, 65, 617, 619, 621
- Великая Пермь – 779, 782
- Великий Новгород – 779
- Великий Шелковый путь (Шелковый путь) – 4, 18, 20, 70, 201, 294, 298, 300, 341, 429, 435, 437, 455, 600, 606, 641, 700, 762
- Великобритания – 5
- Великое княжество Литовское см. *Литва*
- Вельбужд – 248
- Венгерское королевство – 52, 91, 113–115, 118, 120, 124, 125, 132, 162, 199, 218, 236, 237, 376–378, 411, 412, 420, 421
- Венгрия – 4, 50, 52–54, 56, 91, 99, 101, 113, 117, 133, 140, 162, 199, 218, 236, 237, 380, 384, 385, 391, 392, 403–409, 529, 769, 810
- Венецианская республика – 191, 257
- Венеция – 330, 350, 455, 533, 534, 557, 580–583, 586–588, 590–595, 600, 601, 730, 808, 877, 879, 901, 905
- Вереский перевал – 378, 406, 408
- Верхне-Чегемское городище – 648
- Верхние Маджары – 437, 648
- Верхний Джулат – 437, 470, 471, 475–477, 483, 648
- Верхняя Ворскла – 172
- Видин – 391, 392, 394, 396
- Византийская империя – 172
- Византия – 5, 16, 19–21, 48, 162, 168, 218, 231, 235, 236, 270, 340, 341, 359, 370, 381, 386, 388, 389, 391–395, 397, 412, 415, 417, 435, 441, 497, 499, 549, 580, 594, 610, 762, 877, 878
- Вильнус (Вильно) – 205, 765, 889, 890, 897, 898, 899
- Висла – 376, 378, 380
- Вичина (Вечина) – 331, 389, 391, 415, 417, 903
- Владимир – 66, 204, 866
- Владимир Волынский – 375
- Владими́ро-Сузда́льская земля (Владими́ро-Сузда́льская Русь) – 90, 94, 102
- Внутренняя Азия – 14, 15, 17, 19, 530, 532, 534
- Внутренняя Монголия – 69
- Водянское городище – 437, 450, 465, 467, 468, 475, 483, 487, 495, 547, 560–562, 610–612, 635, 643, 650
- Волга (Итиль, Волга-Атил, Этиль) – 34, 35, 37, 41, 42, 50, 66, 113, 146, 154, 155, 160–162, 165, 201, 203, 303, 317, 337, 340, 348, 386, 418, 433, 442, 447, 450, 455, 460, 462, 504, 515, 541, 543, 545, 547, 554, 608, 611, 639, 642, 643, 645–647, 729, 752, 754, 759, 760, 832, 833, 834, 837, 849, 863, 889, 906, 908, 909, 912, 914–916, 919
- Волгоград – 35, 455, 754
- Волгоградская область – 465, 642, 643
- Волго-Донское междуречье – 154, 542, 543, 545
- Волго-Камье – 319, 435
- Волго-Уралье – 43, 318, 543–546, 549
- Волго-Уральские степи – 48
- Волго-Уральский регион – 317, 320
- Волго-Уральское междуречье – 542, 633, 648
- Волго-Яицкое междуречье – 154
- Волоколамский монастырь – 204
- Волхов – 908
- Волы́нское кня́жество (Волы́нь, Волы́нская земля) – 104–106, 158, 159, 248, 375, 380, 381, 861
- Воронеж – 433
- Воронежская область – 642
- Ворскла (левый приток Днепра) – 173, 175, 346, 763, 877, 896
- Воспоро – 603, 641
- Восточная Азия – 606
- Восточная Анатолия – 536
- Восточная Грузия – 322
- Восточная Европа – 13, 14, 41–45, 49, 50, 69, 140, 236, 269, 322, 324, 329, 373, 442, 450, 454, 533, 541–545, 617, 639, 730, 770, 788, 794, 882, 895, 896, 900, 901, 925
- Восточная Монголия – 68, 304
- Восточное Подолье – 896

- Восточный Крым – 436, 439, 440
Восточный Татарстан – 547
Восточный Туркестан – 9, 23, 68, 138, 529, 532
Всеволож – 172
Вынь – 438
Вязьма – 882
Вятка – 636, 642, 779, 780, 782
Газария – 591, 594, 600, 603, 604
Газна – 81, 82, 85, 585, 619
Галата – 330
Галицко-Волынское княжество (Галиция, Галицкая земля, Галицко-Волынская земля, Галицко-Волынская Русь) – 104, 158, 197, 199, 248, 270, 326, 373–375, 378, 380, 381, 385, 404, 407, 896
Галич – 95, 104–106, 140, 373
Галлипольский полуостров – 390
Ганьсу – 68
Гармаш, р. – 435
Гезлев (ныне г. Евпатория) – 523
Геллеспонтский пролив – 386
Генуэзская республика – 191, 256, 257
Генуя – 348, 350, 414, 415, 455, 534, 557, 580–583, 586, 588, 589, 592–595, 599–603, 605, 606, 730
Герат – 26, 28, 82, 85, 86, 258, 845, 846
Германия (Германские земли) – 113–115, 123, 130, 132, 375, 405, 555
Гилян – 26, 85
Глазуновское – 642
Гнезно – 378, 381
Гоби – 19
Голландия – 517
Голубац – 875, 878, 879
Гомель – 899
Городец Мещерский – 862, 863
Гослич – 378
Государство Тимуридов – 701
Готия – 603, 605
Греция – 133
Грузия – 45, 47, 160, 230, 247, 322, 324, 359, 701
Грюнвальдская битва – 896
Гулистан (Гюлистан) – 436–438, 450, 451, 460, 629, 637, 645, 650
Гур – 86, 87
Гургандж – 27, 65, 74, 75, 84, 85, 649
Гурзуф – 603
Гурьев – 450
Гурьевская область – 546
Гуштаспи – 631, 701
Гюверджинлинк – 875
Гюлистан-Сарай – 10, 11, 430
Дагестан – 437, 915
Далмация – 133, 384, 408
Дальний Восток – 15, 16, 35, 69, 362, 531, 536, 584–587, 645
Дамаск – 337, 417, 876
Данилов – 375
Дания – 901
Данциг – 909
Девин (Диавен) – 390
Дев-кескен-кала – 620
Деяков – 648
Делийский султанат – 34
Дербенд – 142, 337, 347, 348, 395, 437, 476, 647, 707
Десна – 172, 809
Дешт-и Кипчак (Дашт-и Кипчак, Дашт-и-Кипчак, Дешт-Кипчак) – 10, 11, 45, 51, 70, 74, 75, 140, 145, 148, 212–215, 220, 247, 260, 299, 322, 338, 350, 360, 361, 370, 404, 407, 411, 412, 433, 435, 438, 442, 458, 515, 516, 527, 541, 602, 606, 608, 620, 633, 757, 791, 794, 798, 815, 816, 832, 833, 836, 842, 843, 851, 852, 853, 924
Джангала – 546
Джан-Керман (Очаков) – 899
Дженд – 31, 34, 83, 154, 212, 214, 360, 361, 620–622, 627, 650, 842
Джукетау – 440, 545, 610, 642
Джулат – 648
Джулат Черкес – 803
Джунгария – 68
Джурджан – 25
Дийарбакр – 440, 441
Днепр – 44, 45, 48, 53, 98, 101, 102, 154, 157, 160, 163–166, 168, 169, 172–175, 433, 545, 636, 641, 721, 763, 877, 879, 882, 884, 885, 898, 906–909, 917, 919
Днепро-Донецкое междуречье – 544
Днепропетровск – 166, 546
Днестр – 45, 154, 158, 165–168, 324, 389, 409–411, 413, 416, 417, 421, 545, 609, 650, 810–813
Днестровско-Днепровское междуречье – 641
Добрич – 812
Добруджа – 408–410, 412, 414–416, 810–813, 870
Дон – 35, 44, 140, 146, 151, 152, 154, 155, 157, 161–163, 165, 169, 171, 311, 313, 324, 348, 411, 448, 542, 544, 545, 554, 557, 601, 642, 702, 721, 758, 762, 811, 863, 864, 884, 885, 905, 908, 909, 914, 917, 919
Донбасс – 641
Донец – 47
Донецкая область – 546
Доно-Волжское междуречье – 542
Дривастум – 384
Дрим – 385, 390, 391
Дубовка – 643

- Дубоссары – 811, 812
 Дунай – 42, 45, 52, 101, 115, 118, 125, 151, 154, 158, 160, 161, 165, 167, 238, 301, 302, 322, 324, 331, 384, 388, 389, 392–398, 404, 408, 409, 411–417, 420, 442, 813, 875, 877, 879, 880
 Дунайская Болгария – 409
 Дунайский регион – 393
 Дунайско-Днестровский регион – 167
 Дурновское – 642
 Евразия (Евразийский континент) – 4, 21, 43, 154, 267, 301, 371, 409, 410, 442, 447, 448, 455, 457, 503, 519, 527, 528, 542, 578, 579
 Европа (Западная Европа, католическая Европа) – 3, 5, 6, 19, 50, 64, 66, 69, 70, 95, 113, 115, 117, 118, 130, 132, 133, 141, 183, 256, 257, 324, 328, 330, 341, 365, 371–373, 397, 403, 418, 453, 455, 464, 557, 561, 562, 572, 578–580, 582, 583, 595, 610, 612, 617, 623, 626, 633, 641, 730, 832, 900, 904, 905, 907
 Европейский Восток – 871
 Египет – 4, 202, 219, 231–235, 245, 248, 249, 257, 259, 267, 322, 334, 337, 338, 347–349, 360, 365, 368–370, 386, 411, 414, 459, 461, 462, 499, 504, 508, 509, 515–518, 533, 537, 556, 582, 588, 610, 641, 763, 875, 879
 Египетская тьма – 172, 173
 Эдисан – 838
 Эдишкуль – 838
 Екатеринославль – 441
 Елань-Колено – 642
 Елец – 636
 Еникале – 771
 Ени-Сала – 810
 Енисей – 21
 Енотаевское городище – 646
 Енчжо – 360
 Ереван – 324
 Еруслан – 915
 Есиль – 215
 Жайык – 649
 Жалпактал – 648
 Жаны-Дарья – 650
 Ждрело – 392
 Железные Ворота – 158, 167, 414
 Жетгюсу – 210, 214
 Жужаньский каганат – 19
 Жукотин – 707
 Забайкалье – 23, 58
 Завихост – 376, 378
 Заволжье – 41–43, 45, 49, 544
 Загрос – 77
 Задонск – 642
 Зайсан – 33
 Закавказье – 218, 368, 370, 450, 477, 494, 495, 498, 611, 629, 639, 647
 Зальцбург – 905
 Западная Азия – 65, 339
 Западная Сибирь – 76, 434, 435, 542, 633, 649, 650, 702, 797, 803, 824
 Западное Подолье – 896
 Западное Приуралье – 541
 Западно-Кавказская область – 648
 Западный Казахстан – 42, 43, 545, 633, 803
 Западный Кыргызстан – 621
 Западный Туркестан – 529
 Запорожье – 166, 440, 474, 480, 641, 902
 Зарнук – 83
 Зауралье – 43, 320
 Звенигород – 817
 Звягель – 159
 Зельбах – 381
 Зета – 384
 Зетская дорога – 385
 Зихия – 603, 606
 Золотая Орда см. *Улус Джучи* – 3–11, 43, 50, 69, 70, 134, 139, 141, 142, 145, 148–168, 172–209, 212, 213, 215–241, 244–260, 264–268, 270, 345, 346, 348, 349, 359, 361–371, 373, 375, 379–381, 384, 386, 389, 391, 395, 397, 398, 403, 409–418, 421, 433–439, 441, 442, 447–449, 451–462, 464, 465, 472, 474, 475, 477–479, 483–485, 487, 489, 490, 492, 495–499, 502–504, 507–513, 515–519, 524–534, 537–555, 557, 559, 561, 562, 565, 568, 570, 572, 579–583, 586–588, 590–595, 598–609, 611, 612, 619, 622–650, 721, 722, 729, 730, 752, 753, 758, 761–764, 767, 779–782, 785, 788, 795, 809–832, 837, 838, 842, 843, 851–859, 861–863, 865, 866, 871, 874, 877, 882, 889, 896, 898, 904, 905, 907, 914–916, 918, 919, 922, 923, 925, 926
 Зубовка – 438
 Ибрахим, город (Бряхимов) – 642
 Ивдельский район – 434
 Идил – 631
 Иеремий – 875
 Иерусалим – 337, 339, 345, 784
 Иж – 317
 Измаил – 813, 866
 Изник – 477, 478
 Изюм – 173
 Ик – 318
 Иконий-Конье – 441
 Илек, р. – 802, 842
 Или – 19, 842
 Иличе (Ени-Кале) – 331
 Ильмень – 908
 Империя Юань – 922
 Ингул – 165, 166
 Ингулец, р. – 166
 Инд – 77, 86

- Индийский океан – 609
Индия – 4, 5, 70, 83, 340, 341, 513, 537, 553, 555, 572, 582, 584–586, 608, 609, 612, 624, 628, 759
Индонезия – 584
Инсарский уезд – 827
Иншань – 305
Ирак – 25, 28, 81, 83, 87, 493, 845
Иран (Хулагуидский Иран, Улус Хулагу, Ильханидское государство, Ильханат) – 64, 66, 69, 70, 77, 87, 142, 151–153, 161, 191, 197–199, 209, 210, 227–230, 232–234, 237, 241, 246–249, 254, 258, 270, 337, 365, 367–370, 386, 418, 437, 439, 450, 478, 495, 497, 499, 513, 529, 532–538, 584, 586, 590, 591, 595, 600, 611, 629, 639, 701, 702, 730, 757, 758, 767, 768, 846, 922, 924
Иргиз, р. – 33, 155, 215
Иргиз-сувак – 802, 840
Иртыш – 30, 33, 74, 154, 214, 317, 363, 433, 435, 542, 649, 797, 803, 804, 918
Исакча (Исакчи, Исакчы) – 154, 167, 412–414, 416, 625–627, 637, 810–812
Исеть – 804
Иске-Казань – 642
Искер – 649, 800–802
Испания – 192, 330, 537
Италия – 116, 117, 132, 322, 438, 455, 555, 573, 583, 585, 601, 609
Ичалковское городище – 317
Ишим – 433, 803, 804, 843
Йангикент – 627
Йанги-Шехр ал-Джедид – 630
Кабардино-Балкария – 437, 472, 648
Кавказ – 9, 20, 161, 162, 167, 190, 226, 227, 234, 238, 250, 347, 348, 350, 370, 395, 404, 472, 476, 478, 497, 620, 624, 626, 629, 631, 702, 769, 803, 832, 917
Кавказские горы – 405
Кавказский регион – 629
Кадом – 827
Кадомский уезд – 823, 826, 827
Казанский уезд – 824
Казанское ханство – 11, 181, 201, 268, 439, 512, 513, 519–521, 529, 768, 777, 779–783, 793, 816, 823, 827, 833–836, 840, 854, 856–858, 862–864, 874, 879, 882, 897, 910, 913
Казанское царство – 914–916, 918
Казань – 3, 6, 10, 150, 153, 156, 181, 189, 203–205, 460, 516, 518–521, 545, 642, 707, 753–765, 767, 779–785, 788, 790–792, 795, 800, 804, 805, 816, 824, 844, 851, 853, 855, 857, 862–864, 867, 880, 882, 897, 899, 907, 909, 911, 912, 914, 916, 919
Казахстан – 8, 42, 210, 214, 216, 450, 479, 513, 610, 621, 639, 648, 649, 803, 834, 837
Казыев Улус – 837
Каир – 257, 334, 335, 337, 340, 348, 386, 396, 460
Каиффа – 599
Кайсери – 494
Кайфын – 69
Каланча – 643
Калган – 304
Калка – 3, 103, 198, 404, 541
Калмыкия – 546
Калмыцкое ханство – 838
Калуга – 636
Кама – 35, 42, 155, 909, 915, 919
Камаевское городище – 642
Каменец-Подольский – 901
Камышлы – 517
Канадак – 907
Канев – 166, 886
Кара Улак – 803
Карабалгасун – 21, 22
Караваево-Черкессия – 437
Караевское городище – 434
Каракорум – 33, 68, 140–141, 145, 158, 162, 165, 169, 170, 199, 209, 210, 225, 226, 228, 230, 367–369, 386, 609, 621, 634, 635, 639
Каракум (Кара-кум) – 33, 155, 802, 842, 918
Карамань – 878
Карасу – 812
Каратал р. – 214
Каратау, горы – 214
Каринтия – 377
Карловиц – 813
Карпато-Дунайский регион – 403
Карпатская дуга – 403, 407–409
Карпатские горы (Карпаты) – 53, 141, 158, 167, 168, 393, 406, 407, 409, 413, 528
Карпатский бассейн – 529
Карши – 702, 845
Кары-Сайрам г. – 210
Касбийский вилает – 848
Касимов – 636, 754, 788, 790, 792–795, 808, 817, 819, 826, 827, 857, 863, 882
Касимовское княжество – 765, 787–795
Касимовское ханство (Касимовское царство) – 201, 522, 523, 787, 808, 838, 856, 857, 858, 863, 882, 925
Каспийское море (Каспий) – 5, 31, 85, 200, 203, 405, 450, 455, 634, 643, 729, 853, 890, 907, 908
Кастамону – 475
Каттаро (Котор) – 384
Каушаны – 811
Каффа (Кафа) – 161, 165, 170, 171, 182, 187, 191, 219, 241, 256, 257, 322, 324, 326, 329–332, 342, 345, 348, 395, 414, 415, 417, 455, 493, 534, 553, 582, 583, 585, 587, 590–593,

- 599–606, 641, 650, 702, 705–707, 710, 759, 762–764, 770, 877, 884, 885, 888
- Кашан – 418, 642
- Кашгар – 25, 503
- Кашира – 817
- Каялык – 209, 363
- Квалочи – 376
- Кендже – 621
- Керенский уезд – 827
- Керман – 26, 28, 87, 845
- Керменчук – 636
- Кермин – 848
- Керц – 408
- Керчь – 171, 186, 641, 761, 771
- Кеш – 214, 845
- Кзыл-Ординская область – 649
- Кзыл-Орда – 650
- Киданьская империя – 23
- Киев – 45, 66, 69, 95–99, 101–105, 159, 164, 172, 173, 199, 204, 248, 404, 405, 546, 705, 763, 765, 882, 889, 897
- Киевская область – 882
- Киевская Русь – 44, 201
- Киевское княжество (Киевская земля, Киевщина) – 158, 159, 165, 169, 172, 861, 896
- Кизил-Агач – 707
- Кизляр – 513
- Киликийское королевство – 322
- Килия – 168, 397, 421, 437, 548, 599, 641, 811–813
- Кильмези – 317
- Кимакский каганат – 30, 41, 43, 544
- Киргизия – 360, 361, 433, 853
- Киркин – 385
- Китай (КНР) – 4, 5, 14–21, 23, 29, 65, 66, 68–70, 95, 183, 191, 197–199, 210, 228, 230, 233, 240, 245–247, 254, 269, 270, 301, 304, 305, 322, 340, 341, 362, 364, 365, 367, 435, 440, 488, 492, 513, 528–532, 553, 556, 579, 582–587, 589, 609, 612, 617, 624, 628, 643, 705, 730, 907, 913, 922, 925
- Кишинев – 448
- Клисса (совр. Клис) – 384
- Клуж – 406
- Ковно – 889
- Кодыма, р. – 165–167
- Козы-Баши – 852
- Коканд – 538
- Кок-Ирдыш – 31
- Кок-Орда (Синяя Орда, Левое крыло Улуса Джучи, Восточный Дешт-и Кипчак) – 33, 153, 155, 160, 208, 212–213, 215, 238, 240, 241, 252, 364, 365, 649
- Кокрятское городище – 642
- Колодяжин – 104
- Коломна – 92–94, 103
- Колотов Буерак – 612, 613
- Комсомольский (поселок) – 610, 647, 650
- Кондурча – 702, 762, 906
- Конка – 641, 762
- Конское городище – 641
- Константинополь – 7, 163, 169, 171, 205, 251, 334, 340, 350, 372, 384–386, 388, 390, 391, 394–397, 411, 412, 414, 417, 438, 557, 589, 599, 601, 784, 794, 879, 888, 889
- Коп – 648
- Копривница – 384
- Коре – 22, 65
- Корел – 802
- Коренцы – 542
- Корея – 612,
- Косово – 385, 390, 392
- Косово поле – 398
- Костешти дер. – 811
- Костешты (городище) – 167, 417, 418, 420, 437, 641
- Краков – 376, 378, 379, 381, 765, 898, 899
- Краковская земля – 376, 378
- Краснодарский край – 546
- Краснохуторское – 642
- Красноярский район – 610
- Красноярское городище – 645–647, 650
- Крейцбург – 52
- Кременец – 158, 375
- Кременчуг (Кременчук) – 636, 642, 708
- Крит – 901
- Кронштадт – 52
- Крым – 4, 11, 45, 141, 150, 151, 154, 155, 162, 165, 169–171, 174, 182, 187, 191, 203, 219, 238, 249, 308, 313, 323, 331, 338, 340, 345–349, 386, 409, 415, 435–437, 441, 442, 455, 458–461, 464, 473, 475, 477, 478, 483, 487, 492, 493, 496–498, 512, 517, 521, 523, 534, 537, 542, 546, 551, 553, 560, 580, 582, 583, 591, 598, 600, 603, 604, 609, 620–631, 633, 634, 637, 639, 641, 650, 702, 705, 706, 716, 721, 730, 753–759, 762–772, 780–781, 788–792, 803, 810, 812, 813, 820–822, 827, 834, 836–838, 855, 856, 859, 863, 865, 867, 868, 880, 883, 884, 887–890, 897–902, 914, 919, 922
- Крым ал-Джедид – 631
- Крымский полуостров – 4, 341, 631
- Крымский улус (Солхатская тьма, Перекопская Орда) – 161, 162, 170–173, 181, 201, 203
- Крымское государство – 522
- Крымское побережье – 602, 604, 605
- Крымское ханство – 11, 268, 513, 519, 522, 529, 604–606, 754–755, 761, 763–767, 769–771, 788, 812, 816, 838, 854–859, 864, 865, 882, 883, 891, 925

- Кубань – 45, 648
Куликовское поле – 566
Кулындинская степь – 214
Кума – 754
Кумания – 51–56, 406, 409, 411, 906
Кумы – 648
Кумылженское – 642
Куния-Уаз II – 649
Куния-Ургенч – 497, 649
Кура – 369
Курск – 807, 809
Курская волость – 237
Курское княжество – 236
Кучугурское городище – 474–476, 485, 641
Куяльник – 165
Кызыл – 448
Кырк-Ер (Кырк-йер, Чуфут-Кале) – 331, 641, 761, 764, 803
Кюйдей – 803
Кюстендил – 396
Кят – 365, 721
Лапас – 647
Латинская империя – 133, 384, 385, 557, 599
Латинская Романия – 499
Латинский мир – 371, 375
Лаций – 538
Левант – 372
Левобережная Украина – 173, 542–545
Левобережный Хорезм – 633
Легниц – 895
Лелес – 379
Лемнос – 394
Лепси – 214
Лерики-Локум Иличис городок – 175
Ливен – 173
Ливония – 374, 880
Ликостома – 168, 599
Лион – 133
Липецкая область – 642
Липовец – 265
Литва дер. – 439, 441
Литва (Великое княжество Литовское, Литовское государство) – 10, 159, 162, 164, 171, 172, 174, 175, 199, 236, 237, 248, 250, 251, 254, 270, 335, 359, 375, 382, 438, 440, 604, 702, 705, 713, 718, 719, 721, 748, 749, 763, 764, 766, 767, 807, 808, 809, 811, 816, 861, 864, 865, 879, 880, 882, 883, 888–891, 896–899, 902
Ловеч – 385
Лондон – 205, 433, 505
Лонжюмо – 133
Луганская область – 546
Луза – 440
Луцк – 375, 880, 882
Львов – 324, 326, 375, 380, 641, 765
Любецкий повет – 159
Люблин – 376, 379–381
Ляо – 14
Мавераннахр – 25, 29, 77, 82, 83, 86, 152, 173, 214, 215, 339, 414, 441, 603, 631, 735, 804, 844–848, 853
Мавлибердинское – 649
Маврокастро (совр. Белгород-Днестровский) – 331, 395, 414, 415, 417, 421
Маджар – 154, 331, 437, 459, 480, 481, 487, 548, 560, 625, 626, 631, 636, 637, 647, 648, 650, 702
Мазандаран – 26, 28, 258
Майский – 648
Македония – 390, 395
Малайский полуостров – 584
Малая Азия – 17, 19, 226, 227, 368, 392, 394, 435, 441, 475, 477–479, 487, 493–498, 876
Малая Ногайская Орда – 820, 837
Малая Польша – 376, 378–381
Малые Маджары – 437, 648
Мальник – 885
Мамлюкский султанат – 414, 417
Мангалия – 812
Мангуп – 641
Мангытский юрт – 832–835
Мангышлак – 258, 846
Манкерман – 172, 173
Маныч – 44
Маньчжурия – 15, 19, 22, 69, 138, 441
Марджарское городище – 648
Маслов Кут – 480
Матрег – 437, 648
Махачкала – 648
Махмудабад – 631, 701
Мачва – 235, 379
Мачин – 811, 812
Маяки – 641
Медведица – 45, 906
Медина – 339, 340
Мейсен – 375
Мекка – 339, 340, 757, 844
Мекран – 28
Мераг – 259, 460
Мерв – 85, 619, 846
Мерверуд – 26
Месопотамия – 529
Месемврия (Несебыр) – 386, 391, 412
Мечетное – 650
Мещера – 788–791, 795, 823, 824
Мещерский городок – 800
Миасс – 804
Милан – 593, 600, 602
Милолюбль – 809
Минск – 439
Миролуб – 173

- Митилен – 395
 Миховен – 410
 Моголистан (Монголистан) – 216, 721, 730, 847, 852, 853
 Могоул-Буга – 257
 Моден – 905
 Мозырский повет – 159
 Мокша р. – 642
 Молдавия (Молдова) – 8, 11, 51, 52, 55, 157–160, 168, 175, 384, 403–407, 409–414, 416, 417, 420, 421, 448, 546, 603, 629, 767, 769, 803, 810, 811, 813, 834, 880, 881, 900
 Молдавское княжество – 326
 Молочные Воды – 163
 Монголия (Монгольская империя, Монгольское государство, Монгольская держава) – 5, 14, 23, 58, 61, 65, 66, 68–70, 81, 82, 95, 99, 138, 140, 141, 148, 152, 153, 157, 159, 165, 168, 179, 180, 182, 183, 190, 192, 197–199, 202, 203, 208–210, 217, 218, 225, 226, 228, 229, 232, 304, 305, 364, 367, 369, 372, 373, 385, 405, 411, 435, 441, 449, 452, 490–492, 499, 527–532, 552, 605, 609, 639, 643, 649, 854, 855, 922–924
 Монастро – 416, 553, 599, 603, 636
 Моравия – 374, 375, 409
 Мордовия – 636
 Москва – 3, 69, 94, 102, 103, 192, 200, 201, 326, 438, 521, 708, 714, 753, 756, 758, 765–771, 779–785, 788, 790, 791, 793–795, 799, 801, 804, 809, 816, 821–824, 826, 828, 840, 857, 861–864, 871, 883, 884, 886, 887, 890, 896, 898, 899, 901, 919
 Москва-река – 819
 Московия (Московское великое княжество, Московская Русь, Московское государство, Московское царство) – 69, 190, 197, 203–205, 512, 612, 631, 757, 765, 770, 787–788, 792, 802, 808, 815, 816, 820, 824, 825, 828, 836, 837, 855, 858, 861–864, 871, 879, 883, 900, 904, 908–914, 924
 Московский уезд – 818
 Мосул – 535
 Мохшанская земля – 626
 Мохши – 437, 485, 487, 545, 625–629, 637, 642, 650
 Мошаик – 646, 647
 Мужеч – 173, 807, 809
 Мумочэн – 19
 Мунтения – 404
 Муравская дорога – 173
 Мценск – 881
 Надьсомбат – 878
 Наровчат – 642
 Наровчатское городище – 560
 Насу – 105
 Нахичевань – 259, 701
 Неаполь – 587
 Нежин – 172
 Несефский вилает – 848
 Нигде – 478
 Нижне-Архызское городище – 437
 Нижнее и Среднее Прикамье – 317
 Нижнее Поволжье (Нижняя Волга) – 4, 41, 340, 348, 450, 451, 465, 478, 483, 489, 496, 504, 517, 520, 545, 548–550, 553, 554, 556, 560, 570, 572, 573, 609–613, 624, 626, 628, 634, 636–639, 645–647, 758–760, 768, 778, 784, 897
 Нижнее Подунавье – 413, 421
 Нижний Джулат – 437, 471, 472, 483, 648
 Нижний Днепр – 542
 Нижний Дунай – 762
 Нижний Новгород – 200, 201, 251, 438, 440, 707, 708, 782, 862, 867
 Никейская империя – 372, 384
 Никея – 386
 Никольское селище – 626
 Никополь – 811, 878
 Нил – 460, 515
 Ниневия – 535
 Ницца – 117
 Ниш – 385
 Нишапур – 26, 85, 94
 Новгород – 201, 251, 326, 562, 611, 815, 822, 824, 863
 Новгородский уезд – 821, 824
 Новгородское княжество (Новгородская земля, Новгородская республика) – 861, 863
 Ново Брдо – 879
 Ново-Подкряж – 266
 Новый Сарай – 645
 Ногаевци – 395
 Ногайская Орда – 10, 153, 181, 201, 203, 754, 755, 769, 782, 783, 800, 802, 804, 805, 820, 832, 834–839, 849, 853, 854, 856, 864, 883, 890, 897, 899
 Ногайская сакма – 314
 Нур город – 83
 Нура р. – 215, 649, 832
 Нуричат – 627
 Нюрнберг – 916
 Обоянь, р. – 809
 Обь – 804, 910, 914
 Овечья Вода р. – 172, 173, 175
 Овручский повет – 159
 Одесская область – 546
 Ожерецкое поселение – 172
 Ойтузский перевал – 407, 412
 Ока – 862, 863
 Олт – 408
 Оманский залив – 77

- Омь – 649
Онон – 61
Опонька р. 173
Орада – 406
Оргеев – 811
Орда – 7, 146, 556, 600, 713
Орда-Базар (Базар Орда) – 622, 650
Ордос – 20, 66
Орду – 706
Орду ал-Джедид – 631
Орду Муаззам (ал-Муаззам) – 631, 637
Орель (приток Днепра) – 44, 173, 885
Оренбург – 513, 546, 648
Оренбургское городище – 648
Ормуз – 28
Орнач – 649
Орхейский район – 417
Орхон – 20, 21, 68
Орша – 821
Орь – 155, 802, 842
Осетер р. – 172
Оскол – 163, 173, 807, 809
Османская империя – 192, 522, 523, 756, 757, 759, 764, 765, 769–771, 811, 813, 855, 874, 877, 878, 880–883, 887–889, 899, 900
Отрар – 28, 29, 33, 65, 77, 78, 83, 84, 154, 209, 210, 212, 365, 497, 621, 634, 650, 804, 842, 847
Отрарский оазис – 31
Охматов – 901
Очаков – 812, 813
Павловское – 642
Павлодарская область – 546
Пакистан – 75, 77
Пакослав – 382
Палестина – 372
Памир – 77
Паннония – 411
Паннонская равнина – 404, 408
Париж – 68, 439, 516, 812, 890, 917
Паристрия (Паристрон) – 415
Пекин см. *Ханбалык* – 69, 145, 361, 585, 587, 595
Пельимское княжество – 803
Пензенская область – 624, 625, 642
Пера – 348, 417, 603
Передняя Азия – 16, 322
Перекоп (Ор) – 171, 868
Перемышль – 167, 378, 380
Переяслав – 172
Переяславское княжество – 173
Пермский край – 435
Пермь – 434, 438
Персидский залив – 77
Персия – 5, 365, 368, 369, 386, 412, 455, 530, 555, 582, 585, 586, 590, 600, 604, 907, 910
Перу – 585, 593
Перуджи – 438
Петербург – 439
Петроков – 899
Пешт – 377
Пидеа, город – 174
Пинское княжество (Пинская земля) – 861
Пинянуф – 360
Пловдив – 394
Побужье – 158
Поволжские степи – 17
Поволжский регион – 624, 625, 629
Поволжье – 4, 167, 190, 191, 214–216, 302, 303, 308, 322, 340, 345, 388, 434–438, 457, 458, 497, 498, 502, 504–508, 511–513, 516, 519–521, 541, 542, 545, 554, 560, 563, 608–612, 625, 626, 628, 633, 642, 643, 646, 649, 702, 730, 876, 899, 901, 904, 905, 908, 915
Поднепровье – 167, 170, 197, 436, 440, 464, 637, 639
Подолье – 326, 896
Подольское княжество – 165, 166, 168
Подонье – 435, 633, 637
Подунавье – 51
Половецкое Поле – 541
Полоцк – 201
Полоцкое княжество (Полоцкая земля) – 861
Полтава – 440
Полтавщина – 641
Польско-Литовское государство – 203
Польша – 2, 140, 162, 167, 168, 199, 236, 237, 254, 270, 372–380, 406, 409, 555, 718, 721, 767, 770, 811, 813, 820, 822, 877, 885, 890, 891, 895–902, 913
Померания – 374
Поморие – 386
Понетаевское городище – 317
Понизовье – 165
Понил, пос. – 434
Поросье – 166, 541
Поррох – 54, 55
Порта – 901
Порто-Пизан – 256
Посурье – 435
Правобережная Украина – 172, 173, 175, 542, 544, 545, 770
Прага – 380
Предкавказье – 437
Предуралье – 319
Преслав – 385
Приазовье – 324, 326, 436, 437, 450, 498, 557, 639
Приаралье – 803
Прибалтика – 562
Приднепровье – 633
Приднестровье – 234, 238

- Придонские земли – 160
 Придунайские земли – 45
 Прииртышье – 433–435
 Прикамье – 43, 44, 319, 541
 Прикарпатье – 105
 Прикаспий – 498
 Прикубанье – 648
 Приморье – 66
 Приобье – 433–435
 Присырдарьинский регион (область) – 621, 623, 626, 627, 629
 Притоболье – 803
 Приуралье – 41–45, 49, 433, 434, 458, 482, 483, 502, 504, 520, 641, 642, 804, 805
 Причерноморские степи (Понтийские степи) – 385, 877
 Причерноморье – 17, 20, 182, 200, 256, 301, 302, 308, 313, 385, 386, 413, 417, 420, 450, 453, 557, 585, 609, 612, 627, 639, 832, 834, 900
 Пруссия – 375, 880
 Прут – 410, 416, 762, 810, 811
 Прут, р. – 158, 167, 168
 Пруто-Днестровское междуречье (Пруто-Днестровье) – 437, 634, 641
 Псел – 162, 172, 173, 809
 Псков – 201, 562
 Псковское княжество (Псковская земля) – 861
 Путивль – 172
 Пьятра-Нямц – 407
 Пятигорье – 483
 Радом – 889
 Рей – 26
 Реут – 168, 417–419
 Речь Посполитая – 769, 901, 902
 Рим – 17, 91, 113, 114, 117, 132, 877, 908
 Римская империя – 17, 183, 205, 447, 528
 Родна – 406
 Родос – 772
 Рождественское селище – 612
 Романия – 594, 599
 Романов – 821
 Романовский уезд – 820, 824
 Рос – 411
 Россия (Российское государство, Российская империя, Российская Федерация) – 3, 5, 8, 69, 197, 220, 505, 512, 513, 528, 538, 545, 771, 772, 788, 794, 813, 817, 822, 825, 828, 836, 838, 853, 865, 867, 871, 901, 903, 907, 910, 914, 916, 917, 923, 924
 Россостро – 397
 Ростов – 66, 200
 Ростовская область – 546
 Рось – 166
 Ротмистровка – 265
 Руговское ущелье – 392
 Рум – 368, 705, 706, 876
 Румелийский эялет – 398
 Румелия – 811
 Румский султанат – 498
 Румыния – 810, 870
 Русские земли – 861
 Русский Север – 871
 Русь (Руссия, Древняя Русь, Русское государство) – 5, 7, 16, 45, 47, 48, 63, 66, 69, 91–92, 95, 99, 103–105, 140, 141, 162, 164, 167, 168, 190, 196–204, 218, 226, 228, 230, 233, 236, 248, 254, 259, 269, 270, 348, 360, 361, 381, 385, 404, 406, 409, 415, 454, 455, 457, 541, 555, 557, 562, 598, 608, 611, 612, 636, 641, 642, 783, 787, 792, 793, 795, 807, 832, 837, 861, 863, 866–868, 871–873, 882, 922, 924
 Русь Московская – 713
 Рутения (Рутенские княжества, рутенские земли) – 373, 380, 382
 Рын-пески – 449
 Рязанское княжество (Рязанская земля) – 787, 861
 Рязань – 66, 92, 93, 103, 197, 201
 Сабран – 845
 Сава – 392
 Сайрам – 621, 842
 Сакарья – 812
 Сакмар – 43
 Саксин – 36, 37, 340, 634, 647
 Саксония – 375
 Сакчи – 389
 Самара р. – 44, 48, 171, 173–175, 545, 744, 762, 837, 865, 915
 Самара г. – 433, 666
 Самарканд – 28, 65, 83–85, 214, 227, 497, 631, 702, 717, 842–844, 846, 847, 849, 852, 853
 Самаро-Орельский улус – 174
 Самарская Лука – 45, 48, 625
 Самарская область – 546, 624, 648
 Самосдельское городище (Самосделка) – 610, 634, 647, 650
 Самсун – 348
 Сандомир (Сандомирская область, Сандомирская земля) – 376, 378, 379
 Санкт-Петербург – 771
 Санук – 155
 Сарай – 69, 143, 154, 155, 162, 169, 198, 200, 210, 211, 214, 228, 232, 237–240, 253, 259, 311, 331, 326, 330, 331, 343, 365, 386–388, 395, 397, 413, 415, 416, 436–438, 447, 450, 459, 460, 462, 464, 468–470, 475, 479, 485, 487, 494, 495, 504, 507, 508, 515–517, 537, 552, 581, 583, 585, 588, 592, 600, 602, 603, 605, 606, 612, 620, 623–631, 635–639, 645,

- 646, 650, 702, 713, 714, 753, 762, 778, 794, 905–907, 916, 919
- Сарай ал-Джедид – 430, 438, 447, 450, 451, 548, 549, 627, 629, 631, 637–639, 644, 645, 650, 702, 706, 715, 906
- Сарай ал-Махруса – 430, 537, 547, 627, 629, 631, 638, 639
- Сарай Джукеб – 906
- Сарай Калмуков – 906
- Сарай малый – 907
- Сарай-Бату – 455, 906
- Сарайчик – 154, 156, 260, 322, 436, 437, 450, 496, 497, 546, 630, 636, 637, 638, 648, 649, 650, 714, 715, 739, 833, 835, 836, 837, 849, 853, 906
- Саранский уезд – 827
- Саратов – 448, 450, 548, 643, 754, 837, 915
- Саратовская область – 546, 552, 575, 611, 648
- Сарбия – 374
- Сарепты – 437
- Сари-су (Сарису, Сары-су, Сарысу) – 33, 155, 215, 802, 832, 842
- Саркел – 48
- Сарыарки – 214
- Сауран – 154, 212, 214, 479, 634, 649, 849
- Свердловская область – 434
- Свияжск – 784, 792
- Свияжский уезд – 824
- Себур – 649
- Северная Америка – 447
- Северная Африка – 16, 583, 584
- Северная Добруджа – 158, 167
- Северная Евразия – 14
- Северная Индия – 86, 87
- Северная Италия – 330
- Северная Месопотамия – 441
- Северная Осетия – 437, 470, 648, 803
- Северное Подонье – 642
- Северное Приазовье – 912
- Северное Приуралье – 782
- Северное Причерноморье – 234, 249, 324, 326, 330, 609, 899, 905–907, 917
- Северный Кавказ – 44, 141, 341, 433, 434, 436, 464, 470, 471, 483, 513, 634, 647, 648, 713, 764, 767
- Северный Казахстан – 649
- Северный Китай – 18, 19, 22, 65–68, 435, 531
- Северо-Восточная Русь – 89, 91–94, 200, 203, 241, 375, 611, 861
- Северо-Восточный Кавказ – 553
- Северо-Западная Монголия – 302
- Северо-Кавказская область – 409, 542, 543, 545, 551
- Северокавказские степи – 154
- Северокавказский регион – 647
- Северский Донец, р. – 44, 45, 162, 163, 165, 169, 172, 173, 175, 809
- Северщина – 864
- Сейм, р. – 162, 172, 173
- Секешфехервар – 448
- Селитренное городище – 436, 437, 469, 478, 485, 486, 488–491, 494, 495, 497, 559–561, 563, 609, 610, 612, 643, 645–647, 650
- Сельджукский султанат – 230
- Семиградье – 412
- Семиречье – 20, 21, 44, 836, 853
- Сербедарское государство – 368
- Сербия – 384, 385, 392, 394–396, 409, 872, 878, 879
- Серет, р. – 158, 159, 168
- Серпухов – 817
- Си Ся – 23, 65, 74
- Сибирский юрт – 797, 799, 834, 835
- Сибирское ханство – 4, 150, 181, 201, 204, 305, 409, 512, 649, 800–805, 816, 823, 836, 847, 851, 853, 854, 856, 857, 864
- Сибирь – 191, 204, 433, 448, 499, 513, 604, 610, 799, 800, 802–804, 820, 821, 824, 871, 896, 901, 908, 909, 915, 917, 918
- Сибю – 408
- Сивас – 338, 478, 479, 876
- Сиена – 590
- Силистра – 385, 389, 390, 397, 389, 812, 813
- Синие Воды (Синюха) – 164–166, 168, 397, 420
- Синоп – 256, 603
- Синьцзян – 69, 363
- Сирет – 410
- Сирийско-палестинское побережье – 348
- Сирия – 4, 245, 257, 324, 337, 338, 340, 341, 348, 368, 369, 414, 499, 537
- Систан – 28, 86, 258
- Сити – 91
- Ситниково – 642
- Скифия – 907, 912
- Скутари (Скадар) – 385
- Славония (Склавония) – 384, 411
- Сливен – 390
- Случ р. – 159
- Смоленск – 95, 104, 200, 201, 248, 880
- Смоленское княжество (Смоленская земля) – 861
- Советское, селище – 612
- Созополь – 417
- Солдайя – 330, 331, 455, 603, 641, 599
- Солодовская волость – 438
- Солоное городище – 641
- Солхат (Старый Крым, Эски-Крым) – 171, 322, 326, 330, 331, 345, 348, 349, 436, 437, 455, 459, 472–475, 477–479, 492, 493, 496, 560, 582, 591, 592, 602–604, 636, 641, 761

- Сомещул-Маре – 406
 Соргат – 591
 Спалато (Сплит) – 384
 Средиземное море – 4, 5, 199, 231, 340, 349, 579, 584, 598, 609, 612, 627, 642
 Срединная Азия – 13, 14, 30
 Срединная империя – 531
 Средна-Гора – 390, 391
 Среднее Поволжье – 35, 317, 439, 442, 496, 504, 543, 554, 555, 609–612, 712, 778, 781, 784
 Среднее Подонье – 905
 Среднее Приорелье – 266, 707
 Ставропольский край (Ставрополье) – 433, 546, 647
 Стамбул – 372, 384–386, 460, 767–772, 812, 813, 876, 879, 888, 889
 Стара Планина – 441
 Стародуб – 807, 899
 Старый Орхей – 168, 417–420, 437, 475, 476, 487, 488, 641
 Старый Сарай – 447, 451, 452, 645, 562
 Степное Заволжье – 41
 Степное Предкавказье – 154
 Стожк – 375
 Стокгольм – 205
 Суакиум (Свач) – 384
 Сувар – 35, 642, 545
 Сугдей – 762
 Судак – 165, 171, 249, 322, 414, 455, 474–476, 553, 560, 594, 641, 809, 843, 852
 Суздаль – 405, 612, 862
 Суздальское княжество (Суздальская земля) – 861
 Суздальско-Нижегородское княжество – 612
 Сула (приток Днепра) – 172, 347, 865, 887, 897
 Султания – 220, 347, 531
 Суммеркент – 646
 Сун – 65
 Сура – 642
 Сурожик – 817
 Сурско-Цнинский бассейн – 317
 Сухореченское городище – 648
 Сучава – 410
 США – 5
 Сыгнак – 27, 31, 83, 154, 212–214, 508, 627, 628, 630, 637, 650, 736, 737, 842–845, 852
 Сыр, р. – 842
 Сырдарьинский регион – 620
 Сырдарья (Сыр-Дарья) – 30, 33, 35, 37, 75, 77, 80, 82, 154, 155, 215, 503, 504, 620, 649, 650, 736, 802–804, 832, 842, 844–846, 848
 Сюткельский эль – 171
 Сяньби – 14
 Табаристан – 26
 Тавань (городище) – 641
 Тавда, р. – 803, 804
 Тавризм – 907
 Таганрог – 771
 Таганчи – 265
 Тагагай – 649
 Тайхан – 74
 Талакан – 26
 Таласская долина (Талас) – 31, 233, 364, 433, 649
 Таманский полуостров (Тамань) – 437, 648
 Тан, р. – 163,
 Тана – 330, 331, 340, 534, 554, 581–585, 588–594, 599, 601, 602, 604, 606, 636, 642
 Танаис – 411, 905, 907
 Тараз – 621, 634
 Тарбагагай – 214
 Таримская впадина – 19
 Тарки – 648
 Таргария – 415
 Тасос – 394
 Татарбунары – 812
 Татария – 889
 Татарстан – 3, 5, 302, 505, 546, 552, 624, 630, 642, 643
 Татаргуп – 648
 Тати – 878
 Ташкент – 360, 702, 835, 848
 Тбилиси – 322
 Тверское княжество – 612, 861
 Тверь – 197, 200, 250, 251, 326, 712
 Тебриз – 69, 211, 249, 258, 260, 347, 348, 535, 537, 581, 583, 585, 590, 591, 595, 701, 702, 707
 Тевтонский орден – 373, 880
 Темников – 636
 Темниковский уезд – 823, 825, 826
 Тендыкское городище (Тендык) – 648
 Терек – 341, 347, 369, 398, 636, 915
 Терекское селище – 648
 Термез – 553, 621
 Термичи – 907
 Терское городище – 437
 Терско-Сулакское междуречье – 437
 Тетюш – 302
 Тибет – 69
 Тигинская крепость – 811, 812
 Тимур – 650
 Тимурабад – 812
 Тиниш – 889
 Тир – 416
 Тирнин – 385
 Тихая Сосна – 164, 173, 199
 Тобол – 42, 215, 318, 649, 804, 705, 832
 Тобольск – 649
 Томарова – 812
 Томь – 804

- Тонтур – 649
Торгай – 215
Торческ – 45
Тоскана – 408
Тракай – 897
Трансильвания – 50–53, 55, 56, 379, 384, 403, 404, 406–409, 412, 420, 555
Трансоксания – 363, 365, 366
Трапезица – 395
Трапезунд – 323, 586, 590, 594
Трапезундская империя – 183, 249, 256
Трау (Трогир) – 384
Трестаго – 650
Троки – 889
Тува – 22, 138
Тудан – 241
Тукчи – 389
Тула – 636
Тулча – 389, 811, 812
Тулуйба – 23
Тура – 649, 803, 804
Туран – 801, 802
Туранское ханство – 801
Тургайская равнина – 80, 82
Туркестан – 32, 34, 212, 213, 649, 650, 718, 835, 844–846
Туркменистан – 649, 702
Турну Рошу – 408
Турнэ – 132
Турово-Пинское княжество – 158
Турфанский оазис – 22
Турция – 513, 517, 772, 917
Тухчин – 642
Тырново – 239, 385, 389–391, 393, 395–397
Тюменское ханство (Тюменский юрт) – 797, 799, 801–805, 852, 856
Тюмень – 307, 308, 636, 649, 650, 799–801, 803, 835, 843, 846, 847, 911, 913
Тюмень Кавказская – 885
Тюрингия – 375
Тюркский каганат – 16, 20, 21, 301, 923
Угра, р. – 198, 204, 784, 864, 897
Узбекистан – 8, 10, 363, 505, 518, 621, 846, 848
Узбекское ханство (Государство кочевых узбеков) – 153, 799, 832, 838, 843, 845, 846, 851–854
Узгенд – 843, 845
Узи, р. – 167
Уил – 649
Уйгурия – 922
Уйгурский каганат – 16, 22, 58
Уйгурское княжество – 441
Укек (Увек, Увекское городище) – 154, 172, 173, 331, 343, 436, 437, 450, 485, 547, 551, 558–561, 564–575, 609, 610, 612, 613, 624–627, 636, 643, 646, 650, 702, 754, 762
Украина – 8, 157–160, 162–164, 168, 175, 373, 375, 441, 545, 810, 834, 867, 900, 901, 914
Улуг Улус (Крымское ханство) – 761
Улуг-Таг – 209, 527
Улус Ак-Буги – 163
Улус Бек-Булата – 163
Улус Джучи (Джучиев улус, Джучидское государство) см. *Золотая Орда* – 3, 4, 5, 10, 11, 72, 74, 137, 141, 142, 148, 149, 301, 303, 304, 331, 359, 361–371, 373, 375, 379–381, 384, 386, 389, 412, 433, 435, 442, 450, 457, 462, 498, 503, 511, 515, 516, 519, 527, 533, 541, 543, 548, 549, 551–557, 560, 561, 563, 568, 573, 612, 617–621, 633–636, 638, 639, 642, 649, 721, 722, 729, 730, 732, 733, 736, 737, 752, 764, 778, 779, 783, 802, 834, 839, 851, 852, 854–856, 858, 859, 861–863, 865, 866, 871, 874, 877, 882, 889, 896, 898
Улус Картана – 542
Улус Коренцы – 542
Улус Куремсы – 375
Улус Курумьши – 164, 167, 168
Улус Мауци – 169, 542
Улус Ногая – 164, 165
Улус Орду-ичен – 190, 210, 211, 214
Улус Сарихозин – 163
Улус Сартака – 542
Улус Угэдэя – 233
Улус Чагатая – 153, 198, 230, 246
Улус Шибана – 33, 155, 542, 544, 721
Улутау – 156, 214
Уненеж (Унежи) – 172
Урал – 31, 35, 37, 41, 140, 239, 303, 317, 436, 437, 450, 542, 648, 650, 780, 802, 803, 811, 842, 908
Уральск – 448, 649
Уральская область – 546
Уральские горы – 155
Ургенч (Гурганч, Гургандж, Джурджанийа) – 73, 154, 322, 365, 387, 459, 527, 581, 585, 634, 649, 650, 702, 843, 845–849, 907
Ургенч Новый – 907
Ургенчское ханство – 816
Урматское селище – 642
Урухское селище – 648
Устье Тихой Сосны – 885
Устюрт – 609
Уфа – 837
Фарс – 258, 260
Федоровское городище – 317
Феодоро (княжество) – 641, 764
Феодоро-Мангуп – 604, 606
Феодосия – 455, 599, 641
Фессалия – 388, 390
Филия с. – 441
Финский залив – 908

- Фракия (Фракийская равнина) – 388, 391–394, 396–398, 412
 Франция – 5, 9, 411
 Хаджибей – 168
 Хаджиоглу Назарджик – 812
 Хаджи-Тархан см. *Астрахань* – 437, 450, 526, 630, 631, 636–638, 547, 646, 650, 702, 706, 713–714, 737, 752, 754–760, 765, 844, 849
 Хакасия – 138, 361
 Халеп – 611
 Халха Монголия – 17
 Хамидиевское городище – 648
 Ханбалык – 211, 361, 606
 Хангай (Отюкенская чернь) – 20, 58
 Хан-Керман – 636
 Ханьская империя – 17
 Харабалинский район – 643, 645
 Харьков – 448
 Харьковская область (Харьковщина) – 546, 641
 Хвосно – 392
 Хеврон (ал-Халиль) – 345
 Херсон (совр. Херсонес) – 331, 546, 641
 Хива – 154, 365, 465, 538, 843, 844, 849, 850
 Хивак – 721, 846
 Хивинское ханство – 525
 Хинганский хребт – 304
 Хисар – 845
 Хисн Кайф – 441
 Хмелевское селище – 609, 611–613
 Ходженд – 83, 246
 Хой – 259
 Холм – 375
 Хопер, р. – 45, 48, 173
 Хорасан – 25, 26, 77, 82, 83, 86, 105, 142, 152, 154, 155, 160, 191, 200, 205, 246, 248, 251, 258, 247, 258, 339, 365, 702, 842, 844, 845, 849
 Хорватия – 132, 133, 140, 384
 Хорезм (Хваризм) – 25, 28–31, 34, 37, 42, 73, 74, 77, 79–81, 85, 360, 361, 366, 395, 412, 414, 457–459, 462, 492, 496–498, 502–505, 516, 527, 532, 549, 551, 553, 560, 566, 609, 620–631, 634, 637, 643, 649, 650, 706, 721, 730, 759, 842, 844–848, 922
 Хорезмийское государство (Хорезмийская держава) – 25, 28–30, 37, 81, 82, 84, 85, 87
 Хотунь – 817
 Хуанхэ – 74
 Худ – 377
 Хуннская держава – 17, 18
 Хырсово – 812
 Цайчжоу – 66
 Царевский могильник – 548
 Царевский уезд – 438
 Царевское городище – 433, 436, 437, 497, 548, 549, 559–563, 609, 610, 643–645, 650
 Царицын – 837
 Центральная Азия – 4, 5, 9, 15, 17, 30, 31, 42, 74, 137, 217, 234, 266, 303, 308, 337, 433, 435, 452, 498, 525, 544, 582, 585, 606, 612
 Центральная Европа – 113, 115, 236, 239, 270, 612
 Центрально-Восточная Европа – 377
 Центральный Казахстан – 42
 Цзинчжо – 360
 Цзинь – 14, 225
 Цин – 14
 Цюаньчжоу (Зайтон) – 585
 Чагатаидское государство (Чагатайское ханство, Чагатайский улус) – 363–367, 381, 853
 Чагатай – 907, 911, 913, 922
 Чановские озера – 804
 Чебоксарское городище – 642
 Чебоксары – 562
 Челябинская область – 546
 Чембало (совр. Балаклава) – 256, 331, 603, 604, 641
 Чепцы – 317
 Червлёный Яр – 312, 315, 338
 Черкас – 440
 Черкасская область – 546
 Черкессия (Черкасы) – 756, 885, 899, 603
 Черная Богдания – 810, 812
 Чернигов – 66, 94–96, 173, 886
 Чернигово-Северские княжества – 169
 Черниговское княжество (Черниговская земля) – 861
 Чернобыльский повет – 159
 Черновицкая область – 167
 Черногория – 384
 Черное море – 48, 164, 167, 169, 171, 174, 199, 334, 337, 338, 340, 348, 350, 405, 415, 417, 602, 603, 606, 629, 648, 765, 768, 877, 919
 Черный Иртыш – 33, 35
 Чехия – 125, 439
 Чимги-Тура – 798, 801, 803, 845
 Чингизидская империя – 341
 Чир, р. – 163
 Чичаклея, р. – 166
 Чу – 31, 33, 155, 215, 649, 852
 Чуй-Су – 802, 842
 Чу-Таласские кочевья (степь) – 210
 Чуфут-Кале – 473, 474, 493, 641
 Шаберань – 701
 Шайо – 106, 114, 115, 895
 Шампань – 114
 Шанси (Шаньси) – 20, 435
 Шареный бугор – 646
 Шацкий уезд – 823

- Шаш – 621
Швабия – 129, 130
Швеция – 901
Шемаха – 631, 701, 707
Шехр ал-Джедид – 418, 437, 548, 637, 650
Шиваз – 475
Ширван – 337, 348
Широкий Буерак – 613
Штирия – 373, 377
Шумен – 389
Шумск – 158
Шунгат – 642
Эгейское море – 388
Эльхотово – 648
Эмба, р. – 215, 832, 833, 842, 848
Энез – 388
Эрзерум – 479, 494
Эрфутр – 377
Эстергом – 53, 54, 376
Юань (Юаньский Китай) См. *Китай* – 14, 23, 64, 359, 361–364, 367, 369, 529
Юго-Восточная Европа – 38, 192, 393, 397, 447
Юго-Западная Русь – 106
Южная Азия – 531
Южная Европа – 447
Южная Монголия – 305
Южная Русь – 94, 98, 101, 104, 896
Южная Сибирь – 9, 35, 703
Южная Сун империя – 230
Южное Зауралье – 803
Южное Подонье – 642
Южное Приуралье – 41, 42, 43, 49, 541–545, 803
Южный Буг, р. – 159, 165–167, 238, 405
Южный Кавказ – 29, 87, 347, 369, 529
Южный Казахстан – 633, 634, 649, 853
Южный Урал – 35, 41–43, 49, 146, 317, 319, 543
Юрьев Польский – 817
Юрьев-Ливонский – 821
Ягоддаевское княжество – 809
Яик – 11, 33, 154–156, 160, 214, 215, 322, 520, 711, 802, 811, 832, 834, 836, 842, 849, 909, 912, 915, 918
Яксарт – 907
Яловенский район – 417
Ялта – 603
Янги-шехр – 418
Янгишехр городок – 258
Яникент – 83
Яныкурган (Янгикент) – 649, 803
Япония – 63
Ярославль – 91, 200, 819
Ярославский уезд – 824
Ярославское княжество – 861, 863
Яса, р. – 163
Яссы, город – 650, 846

Сведения об авторах

- Абзалов** Ленар Фиргатович – кандидат исторических наук, преподаватель истории и обществознания, лицей-интернат (школа для одаренных детей) г. Буинска (Буинск, Республика Татарстан, Российская Федерация)
- Аксанов** Анвар Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация)
- Мишель **Балар** (Michel Balard) – эмерит-профессор средневековой истории, Институт исследований Византии, ислама и Средиземноморья в Средневековье, Университет Париж I Пантеон-Сорбонна (Париж, Франция)
- Беляков** Андрей Васильевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)
- Михаль **Биран** (Michal Biran) – Ph.D. (история), кафедра гуманитарных наук фонда Макса и Софи Миданс; директор Центра изучения Восточной Азии им. Луи Фриберга, Институт изучения Азии и Африки, Еврейский Университет в Иерусалиме (Иерусалим, Израиль)
- Васильев** Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, заведующий археологической лабораторией, Астраханский государственный университет (Астрахань, Российская Федерация)
- Иштван **Вашари** (István Vásáry) – Dr.Sci. (история), член-корреспондент Венгерской Академии наук, профессор, отделение тюркских и центрально-азиатских исследований, факультет гуманитарных наук, Университет им. Этвеша Лоранда (Будапешт, Венгрия)
- Чарльз Дж. **Гальперин** (Charles J. Halperin) – Ph.D. (история), внештатный научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы при Индианском университете (Блумингтон, Индиана, США)
- Горский** Антон Анатольевич – доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)
- Гулевич** Владислав Петрович – магистр истории, главный консультант Управления по связям с местными органами власти и органами местного самоуправления Аппарата Верховной Рады Украины (Киев, Украина)
- Тасин **Джемиль** (Tasin Gemil) – Dr.Sci. (история), академик Академии наук Румынии, профессор, Университет Бабеш-Бальяи (Бухарест, Румыния)
- Никола **Ди Козмо** (Nicola di Cosmo) – Ph.D. (история), профессор восточноазиатских исследований фонда Генри Люса, школа исторических исследований, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью-Джерси, США)
- Зайцев** Илья Владимирович – доктор исторических наук, директор Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Российская Федерация)
- Зиливинская** Эмма Давидовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (Москва, Российская Федерация)
- Иванов** Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация)

- Крадин** Николай Николаевич – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующий Центром политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и антропологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Российская Федерация)
- Дариуш Колодзейчик** (Dariusz Kołodziejczyk) – Dr.Sci. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета, профессор Института истории Польской Академии наук (Варшава, Польша)
- Крамаровский** Марк Григорьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа (Санкт Петербург, Российская Федерация)
- Кульпин-Губайдуллин** Эдуард Сальманович – кандидат экономических наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)
- Майоров** Александр Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
- Маслюженко** Денис Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета, Курганский государственный университет (Курган, Российская Федерация)
- Миннегулов** Хатип Юсупович – доктор филологических наук, профессор Казанского федерального университета (Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация)
- Миргалеев** Ильнур Мидхатович – кандидат исторических наук, заведующий Центром исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация)
- Недашковский** Леонард Федорович – доктор исторических наук, доцент Казанского федерального университета (Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация)
- Нестеров** Александр Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения, Институт социальных и политических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Российская Федерация)
- Нуриева** Фануза Шакуровна – доктор филологических наук, профессор Казанского федерального университета (Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация)
- Осипян** Александр Леонидович – кандидат исторических наук, доцент, Краматорский экономико-гуманитарный институт, Киевский национальный университет им. Т. Шевченко (Киев, Украина)
- Петров** Павел Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (Нижний Новгород, Российская Федерация)
- Почекаев** Роман Юлианович – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
- Рахимзянов** Булат Раимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация)
- Рева** Роман Юрьевич – эксперт Министерства культуры РФ (Новосибирск, Российская Федерация)

- Сайфетдинова** Эльмира Гадельзяновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация)
- Сейдалиев** Эмиль Исаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; заведующий кафедрой истории Крымского инженерно-педагогического университета; научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии Крыма (Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация)
- Селезнёв** Юрий Васильевич – доктор исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного университета (Воронеж, Российская Федерация)
- Виктор Спинеи** (Victor Spinei) – Dr.Sci. (история), почетный профессор исторического факультета университета им. А.И. Кузы в городе Яссы; старший научный сотрудник и почетный директор Института археологии в городе Яссы; член Румынской Академии наук; член-корреспондент Германского института истории; почетный доктор Молдавского государственного университета в Кишиневе (Яссы, Румыния)
- Тимохин** Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)
- Тишин** Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)
- Трепавлов** Вадим Винцерович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений (Москва, Российская Федерация)
- Александар Узелац** (Aleksandar Uzelac) – Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)
- Канат Ускенбай** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Алматы, Казахстан)
- Мари Фаверо Думенжу** (Marie Favereau Doumenjou) – Ph.D. (история), научный сотрудник, исторический факультет, Оксфордский университет (Оксфорд, Великобритания); университет Сорбонна-Париж IV (Париж, Франция)
- Фоменко** Игорь Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного исторического музея (Москва, Российская Федерация)
- Хакимов** Рафаэль Сибгатович – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ (Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация)
- Роман Хаутала** (Roman Hautala) – Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, исследователь на историческом отделении гуманитарного факультета Университета Оулу (Оулу, Финляндия)
- Черкас** Борис Владимирович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев, Украина)
- Чжао Чжу-Чэн** (Zhao Zhu-Cheng) – кандидат исторических наук, профессор факультета этнологии Государственного университета Чжэнчжи (Тайбэй, Тайвань)
- Юлай Шамильоглу** (Uli Schamiloglu) – Ph.D. (история), профессор, департамент языков и культур Азии, Висконсинский университет в Мадисоне (Мадисон, США)

Содержание

Предисловие (<i>Рафаэль Хакимов, Мари Фаверо</i>)	3
Введение (<i>Вадим Трепавлов</i>)	7
Глава I. Срединная Азия и Восточная Европа в XII – начале XIII в.	13
§ 1. Кочевые империи Срединной Азии (<i>Николай Крадин</i>)	13
§ 2. Хорезм, восточные кипчаки и Волжская Булгария в конце XII – начале XIII в. (<i>Дмитрий Тимохин, Владимир Тишин</i>)	25
§ 3. Кочевники Восточной Европы в начале XIII в. (<i>Владимир Иванов</i>)	41
§ 4. Королевство Венгрии и куманы в преддверии западного похода монголов (<i>Роман Хаутала</i>)	50
§ 5. Монгольская империя и ее роль в мировой истории (<i>Николай Крадин</i>)	58
Глава II. Становление Улуса Джучи	72
§ 1. Джучи – первый правитель улуса (<i>Ильнур Миргалеев</i>)	72
§ 2. Завоевание Хорезма монгольскими войсками (1219–1221 гг.) (<i>Дмитрий Тимохин</i>)	77
§ 3. Завоевание русских земель в 1237–1240 годах (<i>Александр Майоров</i>)	89
§ 4. Завоевательный поход в Центральную Европу: военная сила и тайная дипломатия (<i>Александр Майоров</i>)	113
§ 5. Образование Улуса Джучи (<i>Вадим Трепавлов</i>)	137
Глава III. Государственный строй Улуса Джучи	148
§ 1. Административное устройство. Организация управления (<i>Вадим Трепавлов</i>)	148
§ 2. Территориальное устройство Улуса Джучи (территория западнее Дона) (<i>Борис Черкас</i>)	157
§ 3. Право Золотой Орды. Налогообложение. Придворный этикет и протокол (<i>Роман Почекаев</i>)	179
§ 4. Взаимоотношения Руси с Джучидским улусом (<i>Чарльз Гальперин</i>)	196
§ 5. Левое крыло Улуса Джучи в XIII – начале XV века (<i>Канат Ускенбай</i>)	208
§ 6. Языки официального делопроизводства и канцелярская культура Золотой Орды (<i>Ленар Абзалов</i>)	217
Глава IV. Улус Джучи в период могущества	225
§ 1. Первые правители Улуса Джучи (<i>Роман Почекаев</i>)	225
§ 2. Расцвет Улуса Джучи: правление Узбека и Джанибека (<i>Роман Почекаев</i>)	244
§ 3. Военное дело Золотой Орды (<i>Эмиль Сейдалиев</i>)	264
Глава V. Население Улуса Джучи и становление средневекового татарского этноса	288
§ 1. Этноним «татар» на ранних этапах истории Евразии (<i>Рафаэль Хакимов</i>)	288
§ 2. Иноконфессиональное население Улуса Джучи	311
Русские (<i>Юрий Селезнёв</i>)	311
Народы Волго-Уральского региона (<i>Владимир Иванов</i>)	316
Армяне (<i>Александр Осипян</i>)	322
§ 3. Католические миссионеры в Золотой Орде (<i>Роман Хаутала</i>)	328

Глава VI. Золотая Орда и ее соседи	334
§ 1. Золотая Орда и мамлюки (<i>Мари Фаверо</i>)	334
§ 2. Золотая Орда и Анатолия (<i>Ильнур Миргалеев</i>)	353
§ 3. Золотая Орда и Юаньская династия (<i>Чжао Чжу-Чэн</i>)	358
§ 4. Между степными ханствами: взаимоотношения Чагатаидов и Золотой Орды (1260–1370) (<i>Михаль Биран</i>)	363
§ 5. Взаимоотношения с Ильханами (<i>Ильнур Миргалеев</i>)	367
§ 6. Противостояние между Улусом Джучи и католической Европой с середины XIII до середины XIV века (<i>Роман Хаутала</i>)	371
§ 7. Золотая Орда и Балканы (XIII–XIV века) (<i>Александр Узелац</i>)	384
§ 8. Господство Золотой Орды в Валахии и Молдавии (<i>Виктор Спинеи</i>)	403
Глава VII. Золотоордынская цивилизация	427
§ 1. Золотая Орда как цивилизация (по материалам археологии) (<i>Марк Крамаровский</i>)	427
§ 2. Экологические и экономические критерии цивизованности Золотой Орды (<i>Эдуард Кульпин-Губайдуллин</i>)	447
§ 3. Исламская культура Золотой Орды (<i>Эльмира Сайфетдинова</i>)	457
§ 4. Архитектура и искусство в Золотой Орде (<i>Эмма Зиливинская</i>)	464
§ 5. Язык письменных памятников золотоордынского периода (<i>Фануза Нуриева</i>)	502
§ 6. Литература Улуса Джучи и постзолотоордынских татарских ханств (<i>Хатип Миннегулов</i>)	515
§ 7. Становление историографической традиции (<i>Эльмира Сайфетдинова</i>)	524
§ 8. Многоязычие и культурные взаимодействия в Золотой Орде (<i>Иштван Вашари</i>)	528
Глава VIII. Хозяйство, ремесла и торговля	541
§ 1. Кочевое население Улуса Джучи (<i>Владимир Иванов</i>)	541
§ 2. Земледелие, скотоводство, промыслы и ремесло (<i>Леонард Недашковский</i>)	551
§ 3. Татары и торговцы на черноморской границе в XIII и XIV веках: совпадение интересов и конфликты (<i>Никола Ди Козмо</i>)	578
§ 4. Генуэзцы и Золотая Орда (<i>Мишель Балар</i>)	598
§ 5. Международная и внутренняя торговля (<i>Леонард Недашковский</i>)	608
§ 6. Деньги и денежная политика Джучидов в XIII–XV вв. (<i>Павел Петров</i>)	616
§ 7. Города Золотой Орды (<i>Эмма Зиливинская, Дмитрий Васильев</i>)	633
Глава IX. Природный и социально-экономический кризисы	665
§ 1. Изменение климата в Центральной Евразии и Золотой Орде (<i>Юлай Шамильоглу</i>)	665
§ 2. Влияние Черной смерти на Золотую Орду: политика, экономика, общество, цивилизация (<i>Юлай Шамильоглу</i>)	679
Глава X. Распад Улуса Джучи	695
§ 1. Смута 60–70-х годов XIV века (<i>Ильнур Миргалеев</i>)	695
§ 2. Попытки возрождения Золотой Орды в конце XIV – начале XV в. (<i>Ильнур Миргалеев</i>)	698
§ 3. Борьба за власть в первой половине XV в. (<i>Роман Рева</i>)	704
§ 4. Предпосылки и особенности дезинтеграции Улуса Джучи (<i>Вадим Трепавлов</i>)	729
Глава XI. Поздnezолотоордынский мир	735
§ 1. Джучиев улус в XV–XVI вв.: инерция единства (<i>Вадим Трепавлов</i>)	735
§ 2. Большая Орда (<i>Вадим Трепавлов</i>)	742
§ 3. Астраханский юрт (<i>Илья Зайцев</i>)	752

§ 4. Улуг Улус (Крымское ханство) (<i>Владислав Гулевич</i>)	761
§ 5. Виляте Казан (Казанское ханство) (<i>Анвар Аксанов</i>)	777
§ 6. «Мещерский юрт» (Касимовское ханство) (<i>Булат Рахимзянов</i>)	787
§ 7. Тюменский и Сибирский юрты (<i>Денис Маслюженко</i>)	797
§ 8. Татарские политические образования на территории Великого княжества Литовского: Яголдаева «тьма» (<i>Илья Зайцев</i>)	807
§ 9. Татары на Балканах (<i>Тасин Джемиль</i>)	810
§ 10. Татары в Московском государстве (<i>Андрей Беляков</i>)	815
§ 11. Мангытский юрт (Ногайская Орда) (<i>Вадим Трепавлов</i>)	832
§ 12. Владения Шибанидов в Центральной Азии (<i>Денис Маслюженко</i>)	842
§ 13. Казахское ханство (<i>Александр Нестеров</i>)	851
Глава XII. Политическое развитие татарских государств в XV–XVIII вв.	854
§ 1. Правовая культура в татарских государствах XV–XVIII вв.: золотоордынское наследие и исламские институты (<i>Роман Почекаев</i>)	854
§ 2. Татаро-русские отношения в XV столетии (<i>Антон Горский</i>)	861
§ 3. Татаро-русские отношения (XVI–XVIII вв.) (<i>Илья Зайцев</i>)	866
§ 4. Татарские юрты и Османская империя (<i>Илья Зайцев</i>)	874
§ 5. Взаимоотношения татарских государств с Польско-литовской унией (<i>Дариуш Колодзейчик</i>)	895
§ 6. Наследие державы Чингиз-хана на европейских картах XV–XVIII веков (<i>Игорь Фоменко</i>)	904
Заключение. Золотая Орда и татарские юрты в мировой истории (<i>Вадим Трепавлов</i>)	922
Именной указатель	927
Географический указатель	946
Сведения об авторах	962

ЗОЛОТАЯ ОРДА В МИРОВОЙ ИСТОРИИ
The Golden Horde in World History

Коллективная монография

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*
Корректор – *Е.Я. Быкова*
Техническое редактирование – *И.М. Миргалеев, Л.С. Гиниятуллина*

Подписано в печать 26.09.2016 г.
Формат 84x108 ¹/₁₆ Бумага ВХИ. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Печатных листов 60,5. Тираж 1000 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
Издательство «Центр инновационных технологий»
420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231–05–46, 231–08–71
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф